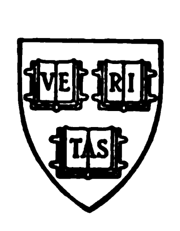
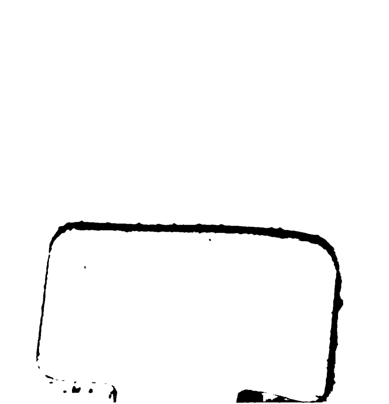

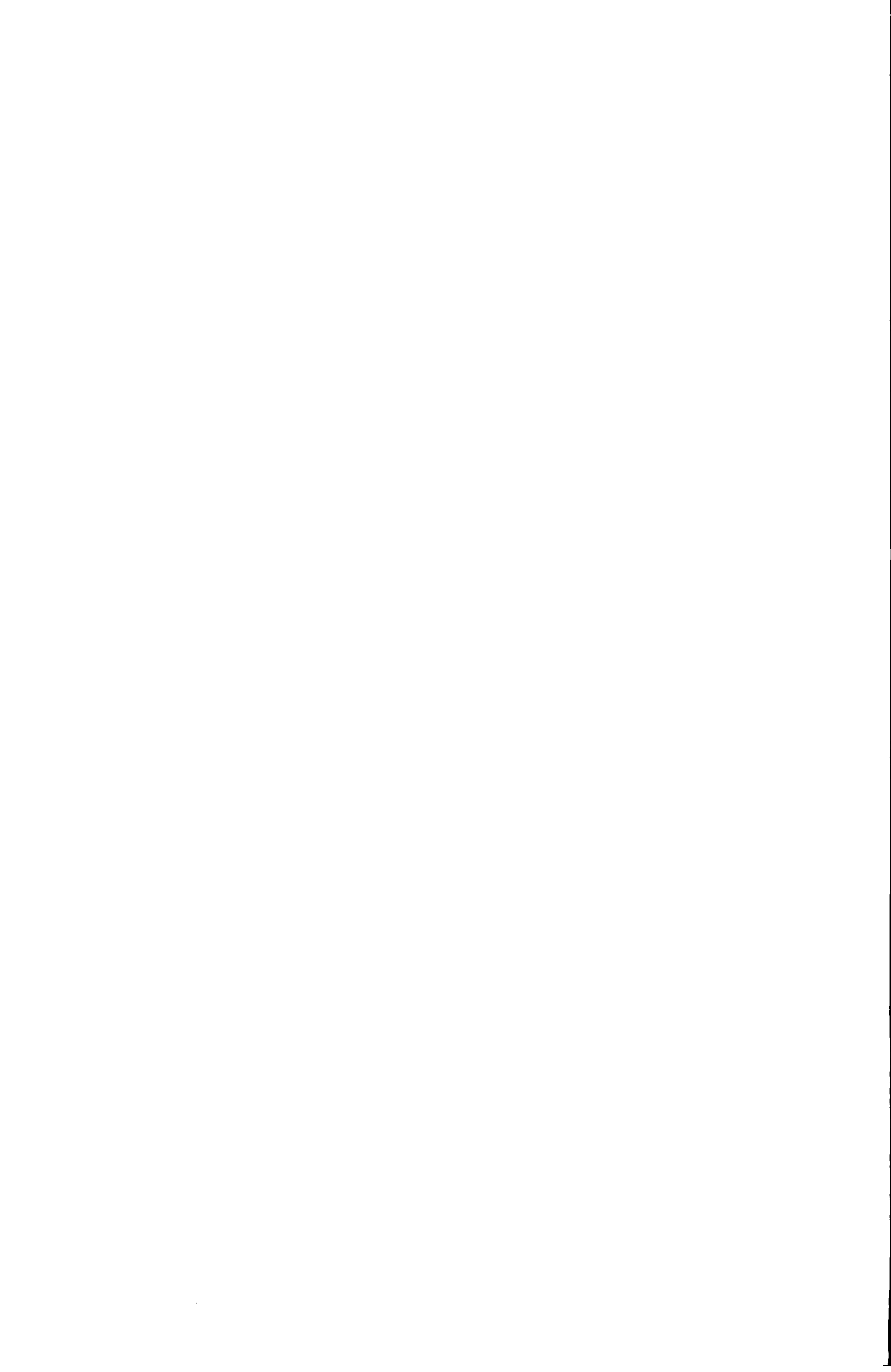

Проф. Д. И. Багалѣй.

ОПЫТЪ ИСТОРІИ ХАРЬКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

(по неизданнымъ матеріаламъ).

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПОРТРЕТОВЪ И ПЛАНОВЪ.

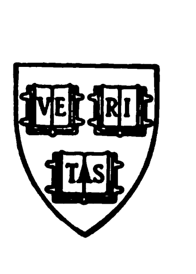
Томъ 2-й

(съ 1815 по 1835 годъ).

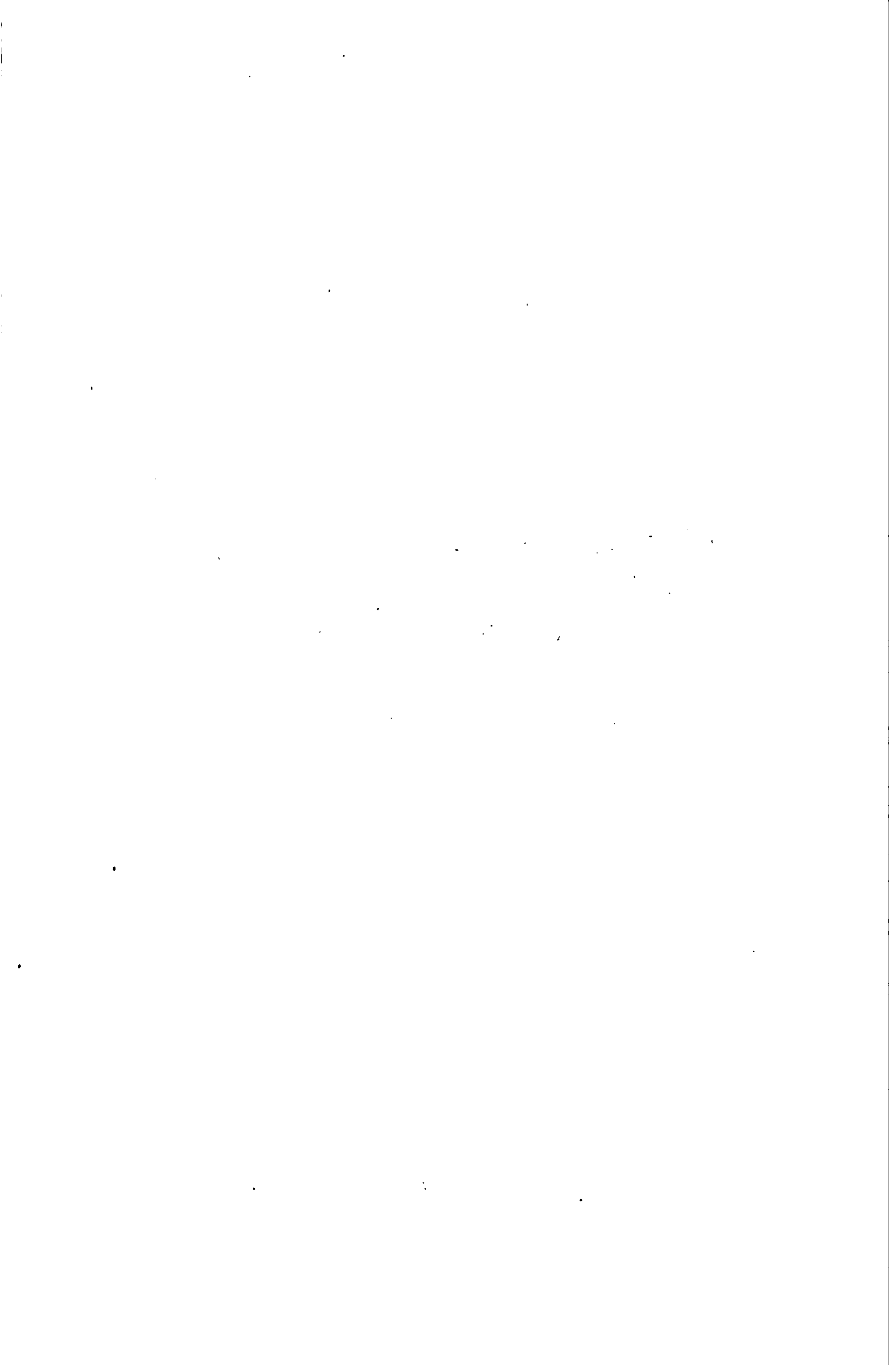

ХАРЬКОВЪ.
Паровая Типографія и Литографія М. Зильберберг и С-вья
1904.

Оглавленіе.

Объясненіе рисунковъ.

Группа попечителей. Портреты двухъ Карнѣевыхъ и Головкина сняты съ портретовъ ихъ, исполненныхъ масляными красками и принадлежащихъ музею изящныхъ искусствъ Харьковскаго университета; портретъ Перовскаго снятъ съ гравюры проф. Матэ, помѣщенной въ „Истор. Вѣстникѣ“ при статьѣ о Перовскомъ проф. Кирпичникова; портретъ Филатьева—съ литографированнаго портрета его, принадлежащаго университетскому музею.

Группа профессоровъ. Портретъ Осиповскаго снятъ съ его портрета, исполненнаго масляными красками и принадлежащаго Харьковскому университету; портретъ Павловскаго — съ масляного портрета его, реставрированнаго художникомъ Уваровымъ; портретъ Тимковскаго— съ фототипіи, помѣщенной въ журналѣ „Кіевская Старина,“ снятой съ масляного портрета его, принадлежащаго Новгородъ-Сѣверской гимназіи; портретъ Артемовскаго-Гулака—съ акварельнаго портрета, принадлежащаго его внуку; портретъ Т. Ѳ. Степанова—съ дагерротипа, принадлежащаго его сыну проф. П. Т. Степанову; портретъ Криницкаго—съ карандашнаго портрета, принадлежащаго минералогическому кабинету, Пауловича—съ современнаго гипсоваго бюста, исполненнаго съ натуры; Венедиктова—съ фототипіи, помѣщенной при біографіи его въ „Запискахъ Харьковскаго университета“, Е. С. Гордѣенка—съ фототипіи, воспроизводящей его фотографическую карточку, Еллинскаго, Черняева—съ ихъ фотографій.

Группа студентовъ. Портретъ Костомарова снятъ съ данной мнѣ имъ карточки начала 80-хъ годовъ; Д. Хрущова—съ карточки, доставленной мнѣ его сыномъ П. Д. Хрущовымъ и снятой съ акварели, сдѣланной, по семейнымъ воспоминаніямъ, нѣсколько лѣтъ спустя по окончаніи имъ курса въ Харьковскомъ университетѣ; портретъ В. И. Григоровича (извѣстнаго слависта) — съ фототипіи, воспроизводящей его фотографическую карточку въ бытность профессоромъ Новороссійскаго университета; портретъ Остроградскаго (знаменитаго математика) —съ фотографической карточки Полтавскаго кружка любителей физико-математическихъ наукъ; портретъ Ѳ. Иноземцева—съ фотографической карточки, доставленной его родственникомъ б. старшимъ нотаріусомъ Харьковскаго окружнаго суда г. Иноземцевымъ; портретъ Гевлича (впослѣдствіи сенатора)—съ его карточки, доставленной пр.-доц. М. А. Масловымъ.

Зданія. Всѣ планы и фасады сняты съ подлинныхъ плановъ и фасадовъ, принадлежащихъ Харьковскому университету, въ сильно уменьшенномъ масштабѣ.

Памятники. Виды памятниковъ надъ могилами ректоровъ Рижскаго и Дудровича сняты, по моимъ указаніямъ, съ натуры фотографомъ Иваницкимъ, который дѣлалъ вообще всѣ фотографическіе снимки.

Часть фотоцинкографій исполнена въ Кіевѣ въ фототипіи Кульженка, другая—въ Москвѣ въ фототипіи Шереръ и Набгольцъ, а остальныя—въ Харьковѣ въ „Photographie Moderne“.

ВВЕДЕНІЕ.

2-й томъ „Опыта исторіи Харьковскаго университета" будетъ обнимать періодъ съ 1815 по 1835 годъ включительно, т. е. будетъ доведенъ до изданія 2-го общаго устава россійскихъ университетовъ; 3-й томъ захватитъ время дѣйствія устава 1835 года и четвертый— 1863 года; весь трудъ, такимъ образомъ, будетъ законченъ 1883-мъ годомъ. Раздѣлить время дѣйствія устава 1804 года на два періода и посвятить имъ 2 тома труда побудили меня съ одной стороны желаніе освѣтить какъ можно ярче первые шаги въ дѣятельности университета, а съ другой рѣзкая разница въ отношеніи къ просвѣтительной дѣятельности университетовъ правительства въ началѣ и во второй половинѣ царствованія императора Александра. Планъ нынѣшней работы тотъ-же, что и въ 1-мъ томѣ; не будутъ только, конечно, повторяться первыя двѣ главы, относящіяся ко всему сочиненію въ его полномъ объемѣ (о культурномъ состояніи Харьковскаго края до открытія университета и объ открытіи его). Не отступаю отъ своего прежняго плана и соотвѣтствующаго ему дѣленія на главы, хотя онъ встрѣтилъ сильныя возраженія со стороны одного изъ рецензентовъ моего труда— г. С., помѣстившаго свой разборъ въ ноябрьской книжкѣ „Журн. Мин. Нар. Просв." за 1899 годъ; меня не убѣдили доводы моего критика,— и я подвергъ ихъ полному и всестороннему разбору въ особой статьѣ, которая должна будетъ появиться въ одномъ изъ нашихъ спеціальныхъ научныхъ журналовъ. Другіе рецензенты не возражали противъ плана сочиненія. Отзывъ, на основаніи котораго Императорская Академія Наукъ присудила мнѣ Уваровскую премію, еще не напечатанъ; онъ принадлежитъ г. Вс. Из. Срезневскому. Имѣю возможность придать и 2-му тому столь же широкія рамки, какъ и 1-му, потому что и для него располагаю весьма обильными источниками. Въ основу его также, какъ и 1-го, будетъ положенъ документальный матеріалъ, извлеченный изъ университетскаго архива и архива Министерства Народнаго Просвѣщенія; въ этомъ послѣднемъ хранилищѣ мною найдено многое такое,

чего я не могъ отыскать въ университетскомъ архивѣ, хотя, вообще говоря, въ послѣднемъ гораздо больше матеріаловъ, чѣмъ въ первомъ; одинъ архивъ восполняетъ пробѣлы другого, а оба въ совокупности даютъ огромную массу положительныхъ данныхъ для исторіи университета. Данныя эти не изданы—и потому приходится, volens-nolens, вносить ихъ въ текстъ сочиненія или его примѣчанія, хотя это можетъ вызвать указаніе критики на обиліе сырого матеріала въ книгѣ. Но спрашивается: можетъ ли быть иначе, когда мнѣ одному нужно создавать въ одно и тоже время и *фактическое содержаніе* „Опыта", и дѣлать оцѣнку явленій, и разрѣшать темные или спорные вопросы, т. е. иными словами, давать впервые и историческое повѣствованіе, и критическое изслѣдованіе? Соединеніе въ одномъ трудѣ цѣлей, такъ сказать, археографическихъ и чисто историческихъ представляетъ несомнѣнно неудобства и для читателей, и для автора; но что же дѣлать, если я не могъ выдѣлить документовъ въ особое приложеніе, если я не могъ отсылать читателя за подробностями къ особымъ печатнымъ сборникамъ сырыхъ матеріаловъ? Впрочемъ нѣкоторые отдѣлы моего труда и по существу не могутъ быть ничѣмъ инымъ, какъ *описаніемъ*, т. е. систематическою сводкою сырого матеріала (напримѣръ, глава объ учебновспомогательныхъ учрежденіяхъ, или біографическія свѣдѣнія о профессорахъ, списки ихъ ученыхъ трудовъ и многое другое). И я могу здѣсь снова повторить то, что высказалъ въ предисловіи къ 1-му тому: „въ большинствѣ случаевъ факты сами будутъ говорить за себя; моя обязанность будетъ заключаться главнымъ образомъ въ группировкѣ и освѣщеніи ихъ; выводы же должны являться, какъ необходимое логическое послѣдствіе этихъ фактическихъ данныхъ". Но при этомъ, гдѣ это окажется возможнымъ и необходимымъ, я не буду уклоняться ни отъ критическаго разбора фактовъ и мнѣній, ни отъ оцѣнки самихъ событій и дѣятелей, ни отъ обобщеній, хотя предвижу, что во 2-мъ томѣ еще въ большей степени, чѣмъ въ 1-мъ, мнѣ придется идти „неготовыми путями". Количество свѣдѣній „частнаго, неоффиціальнаго" происхожденія, столь важныхъ для оцѣнки дѣятелей, для уясненія ихъ характера и побужденій, для даннаго періода времени оказывается менѣе значительнымъ, чѣмъ для предъидущей эпохи: да и въ качественномъ отношеніи эти источники далеко уступаютъ прежнимъ; для этого времени у насъ, напримѣръ, вовсе нѣтъ такого мемуариста, какъ Роммель. Къ сожалѣнію, мое печатное обращеніе къ лицамъ, могущимъ сообщить какіе либо мемуары, замѣтки касательно стараго университетскаго харьковскаго быта, пока не имѣло практическихъ послѣдствій. Тѣмъ съ большею благодарностью я долженъ упомянуть здѣсь о руко-

писныхъ воспоминаніяхъ бывшаго студента Харьковскаго университета Д. П. Хрущова, относящихся къ первой половинѣ тридцатыхъ годовъ и любезно предоставленныхъ въ мое расноряженіе сыномъ автора, извѣстнымъ ученымъ, докторомъ химіи — Павломъ Дмитріевичемъ Хрущовымъ. Тоже самое нужно сказать и относительно пособій; здѣсь вовсе нѣтъ такихъ общихъ работъ, каковыми являлись для исторіи перваго десятилѣтія труды Н. А. Лавровскаго, М. И. Сухомлинова, Рославскаго-Петровскаго; печатная литература нынѣ изображаемаго нами періода исчерпывается только статьями Чирикова и И. П. Щелкова объ Осиповскомъ, З. Карнѣевѣ, г-жи С. Р. и В. И. Срезневскаго—о харьковской журналистикѣ, Фойгта и Чирикова объ учебновспомогательныхъ учрежденіяхъ университета и сочиненіяхъ, печатавшихся въ Харьковѣ, проф. А. С. Лебедева, Г. В. Левицкаго и М. А. Попова—о проф. Могилевскомъ, Затеплинскомъ, Венедиктовѣ. Работы послѣднихъ трехъ авторовъ появились недавно въ „Запискахъ Харьковскаго университета" и представляютъ изъ себя очерки по исторіи каѳедръ богословія, астрономіи и анатоміи. Нельзя не пожелать, чтобы подобные очерки были составлены по *всѣмъ* каѳедрамъ, ибо въ совокупности своей они дадутъ намъ біографическій словарь профессоровъ Харьковскаго университета. „Словарь" можетъ быть составленъ только дружными соединенными усиліями нынѣшнихъ преподавателей университета, и времени на эту работу осталось уже не много: столѣтній юбилей уже не за горами—а двигаются подобные труды очень медленно. Я на 1-й томъ своей исторіи университета употребилъ гораздо больше времени, чѣмъ разсчитывалъ—а именно 6 лѣтъ. Взять на себя составленіе біографическаго словаря я не могу и уже въ 1893 году, въ особой замѣткѣ, помѣщенной во 2-й кн. „Записокъ Харьковскаго университета" предлагалъ осуществить этотъ необходимый трудъ „viribus unitis" [1]). Только при составленіи біографическихъ очерковъ спеціалистами возможна будетъ и правильная всесторонняя оцѣнка преподавательской и научной дѣятельности нынѣ покойныхъ профессоровъ, которымъ мы обязаны воздать этотъ нравственный долгъ, осуществить священное для всѣхъ насъ jus manium. Не имѣя же подобныхъ матеріаловъ, я въ 1-мъ томѣ долженъ былъ обращаться къ товарищамъ—профессорамъ съ просьбою

---

[1]) Въ настоящее время мною внесена въ Совѣтъ Императорскаго Харьковскаго университета подробная мотивированная записка о необходимости трехъ юбилейныхъ изданій: 1) общей исторіи университета, 2) біографическаго словаря и 3) историко-статистической записки объ ученыхъ и учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ университета.

давать свои заключенія о значеніи ученыхъ трудовъ нѣкоторыхъ профессоровъ изъ исторіи перваго десятилѣтія. Думаю, что составленіе „Опыта" и „Словаря" можетъ идти теперь паралельно; въ первомъ томѣ я сообщилъ не мало данныхъ для біографій дѣятелей 1-го десятилѣтія—остается сгруппировать разбросанный въ разныхъ мѣстахъ моей книги матеріалъ, дополнить и провѣрить его новыми источниками—печатными и архивными, а за тѣмъ перейти и ко второму періоду: здѣсь я снова дамъ общую руководящую канву (списокъ преподавателей и данныя объ ихъ дѣятельности и характерѣ)—и въ свою очередь позаимствую критико-библіографическія данныя отъ своихъ уважаемыхъ коллегъ спеціалистовъ. Не могу не вспомнить здѣсь того удовольствія и пользы, какую я получалъ отъ чтенія прекрасныхъ изслѣдованій акад. М. И. Сухомлинова о Рижскомъ или проф. Ѳ. А. Зеленогорскаго о значеніи философскихъ трудовъ Шада и мѣстѣ, занимаемомъ имъ въ исторіи тогдашней философіи, не могу не выразить еще разъ глубокой признательности за разслѣдованія, доставленныя мнѣ моими товарищами — проф. Шимковымъ, Лагермаркомъ, Халанскимъ, Лейкфельдомъ о Стойковичѣ, Гизе, Рижскомъ, Шадѣ. Размѣры перваго тома моего труда далеко превысили первоначально намѣченную норму и разрослись до 1200 страницъ, т. е. до 75 печатныхъ листовъ. Очень желалъ бы, чтобы 2-й томъ оказался значительно меньше перваго и разсчитываю на это хотя бы уже потому, что вмѣсто 8 главъ теперь у меня будетъ только 6 и многаго не придется вовсе касаться въ виду того, что о немъ уже сказано было въ 1-мъ томѣ; хотѣлъ бы ко дню юбилея выпустить въ свѣтъ три тома своего труда. Впрочемъ, если мнѣ не удастся осуществить этого, ибо ars longa—vita brevis,—то я надѣюсь все таки, что найдутся другіе, которые возьмутъ на себя трудъ окончить начатое мною, съ тѣмъ чтобы воздвигнуть Харьковскому университету памятникъ, достойный его столѣтняго служенія просвѣщенію.

1-я ГЛАВА.

Университетское самоуправленіе.

Уставъ 1804 года продолжалъ дѣйствовать и въ изучаемую нами теперь эпоху вплоть до замѣны его новымъ въ 1835 году. Но характеръ университетскаго управленія и самоуправленія въ это время значительно, можно сказать, рѣзко измѣняется въ связи съ измѣненіемъ

правительственныхъ взглядовъ на университеты,—на цѣли, характеръ и средства университетскаго преподаванія и науки. Мы прослѣдимъ это измѣненіе взглядовъ руководящихъ сферъ и отраженіе его въ университетской жизни и средѣ; мы остановимся прежде всего на реакціи, происшедшей въ самомъ Имп. Александрѣ и захватившей окружающую его правящую среду, затѣмъ перейдемъ къ характеристикѣ министровъ народнаго просвѣщенія въ его время, обратимся къ первому десятилѣтію царствованія Имп. Николая Павловича и его министрамъ, остановимся возможно подробнѣе на отношеніи къ университету мѣстнаго учебнаго начальства въ лицѣ попечителей округа и ректоровъ университета и наконецъ въ заключеніе сообщимъ данныя о дѣятельности совѣта, факультетовъ и правленія.

Внутренній переломъ въ самомъ Имп. Александрѣ I, въ его настроеніи и взглядахъ на общественныя явленія произошелъ подъ вліяніемъ отечественной войны 12-го года. Это было такое крупное событіе, которое глубоко затронуло русское національное чувство и захватило въ одно и тоже время и правительство, и всѣ слои общества, начиная отъ высшихъ и кончая самыми низшими—простымъ народомъ. Тяжкія народныя бѣдствія, постигшія тогда Россію, взятіе и пожаръ Москвы, не видавшей въ своихъ стѣнахъ непріятеля послѣ поляковъ, необычайный успѣхъ новаго европейскаго завоевателя Наполеона и „судъ Божій" на снѣжныхъ поляхъ русскихъ — все это въ совокупности вызвало у него глубокій порывъ внутренней религіозности, піэтизма на мистической подкладкѣ. „Александръ I говорилъ, что вслѣдствіе воспитанія, общаго въ то время въ высшихъ кругахъ европейскаго общества, онъ чувствовалъ душевную пустоту, но московскій пожаръ озарилъ его душу, и судъ Божій, совершившійся на поляхъ битвъ, наполнилъ сердце невѣдомою дотолѣ теплотою вѣры; съ тѣхъ поръ онъ сталъ другимъ человѣкомъ: спасенію Европы отъ гибели онъ обязанъ своимъ собственнымъ спасеніемъ". Глубокая религіозность заняла мѣсто прежнихъ просвѣтительныхъ и освободительныхъ тенденцій. Библія отнынѣ сдѣлалась его единственнымъ, такъ сказать, откровеніемъ: съ нею онъ никогда не разлучался, въ ней одной находилъ утѣшеніе въ минуты глубокой, безъисходной тоски, которая посѣщала его теперь все чаще и чаще. Библія же сблизила его и съ такимъ піэтистомъ, какъ г-жа Криденеръ, получившая на него большое вліяніе. Вотъ свидѣтельство объ этомъ самого Александра. Послѣ пышныхъ торжественныхъ пріемовъ нѣмецкихъ дворовъ онъ прибылъ въ Гейльбронъ—„и первымъ моимъ движеніемъ, говорилъ онъ Стурдзѣ, было раскрыть книгу (Библію), которая всегда со мною; но отума-

ненный разсудокъ мой не проникалъ въ смыслъ читаемаго. Мысли мои были безсвязны, сердце стѣснено. Я оставилъ книгу и думалъ, какимъ бы утѣшеніемъ была для меня въ подобную минуту бесѣда съ сочувствующимъ душевно мнѣ человѣкомъ. Эта мысль напомнила мнѣ о васъ и о томъ, что вы говорили мнѣ о г-жѣ Криденеръ, а также о желаніи, высказанномъ мною вамъ, познакомиться съ нею. Гдѣ она теперь находится, спрашивалъ я себя и какъ мнѣ повстрѣчаться съ нею? Никогда! Не успѣлъ я остановиться на этой мысли, какъ услышалъ стукъ въ дверь, это былъ князь Волконскій; съ видомъ нетерпѣнія и досады онъ сказалъ мнѣ, что поневолѣ безпокоитъ меня въ такой часъ только для того, чтобы отдѣлаться отъ женщины, которая настоятельно требуетъ свиданія со мною, и назвалъ г-жу Криденеръ. Вы можете судить о моемъ удивленіи! Мнѣ показалось, что это сновидѣніе. Такой внезапный отвѣтъ на мою мысль представился мнѣ не случайностью. Я принялъ ее тотчасъ же, и она, какъ бы читая въ моей душѣ, обратилась ко мнѣ съ сильными и утѣшительными словами, успокоившими тревожныя мысли, которыми я такъ давно мучился. Ея появленіе оказалось для меня благодѣяніемъ, и я далъ себѣ слово продолжать столь дорогое для меня знакомство". Императоръ съ того времени „исполинскими шагами" пошелъ по пути религіи". Большую часть вечеровъ онъ проводилъ у Криденеръ и открылъ ей всю скорбную повѣсть своей жизни, все сильнѣе и сильнѣе убѣждаясь въ значеніи внутренней молитвы; вотъ что говорилъ онъ одному изъ друзей г-жи Криденеръ: „когда въ совѣщаніяхъ съ министрами, далеко не имѣющими моихъ принциповъ, они оказываются противоположныхъ мнѣній, я вмѣсто того, чтобы спорить, творю внутренно молитву, и мало-по-малу они приближаются къ принципамъ человѣколюбія и справедливости". Такія же мысли и чувства онъ выражалъ и въ бесѣдѣ своей съ квакерами. Императоръ Александръ I былъ несомнѣнно глубокоискрененъ въ своей религіозности: она явилась для него внутреннею потребностью, средствомъ для личнаго нравственнаго самоусовершенствованія, цѣлительнымъ бальзамомъ для его скорбной души, для его смущенной совѣсти, ощутившей необходимость освободиться отъ суетъ грѣха. Но онъ былъ Государемъ, самодержавнымъ владыкою милліоновъ подданныхъ, спасителемъ Европы и вершителемъ ея судебъ, и потому многіе постарались воспользоваться его настроеніемъ; чтобы сдѣлаться ему угодными, чтобы добиться своихъ цѣлей, они показывали себя піэтистами, не будучи таковыми въ дѣйствительности; вмѣсто благочестія стало развиваться лицемѣріе и ханженство, особенно съ того момента, когда піэтизмъ сдѣлался лозунгомъ практической политики, какъ внутри, такъ и внѣ государства, когда

его стали насаждать всяческими, по преимуществу *внѣшними* средствами, между тѣмъ какъ онъ можетъ явиться только результатомъ такого внутренняго психологическаго процесса, какой пережилъ самъ Императоръ Александръ I, или г-жа Криденеръ, изъ свѣтской тщеславной аристократки превратившаяся въ кающуюся женщину, полагавшую въ своей экзальтаціи, что самъ Богъ избралъ ее орудіемъ для религіознаго просвѣтлѣнія русскаго Императора. Чрезвычайно характерно въ этомъ отношеніи сознаніе самого Императора Александра I: „какое прекрасное и великое дѣло быть *истинно* религіознымъ человѣкомъ, а не казаться только имъ и какъ *рѣдко* встрѣтишь такого человѣка“, говорилъ онъ нѣмецкому епископу Ейлерту.... „О, и я не сразу достигъ до великой цѣли! Мой путь къ возрожденію, вѣрьте мнѣ, шелъ черезъ многія сомнѣнія и тяжелую борьбу“; и далѣе онъ говоритъ о томъ, что святая сущность христіанства при дворѣ была для него закрыта, что онъ чувствовалъ душевную пустоту и только пожаръ Москвы и Судъ Божій на ледяныхъ поляхъ помогъ ему познать Бога; съ того момента онъ рѣшилъ посвятить себя и свое *правленіе* прославленію его имени. И это желаніе не осталось мертвою буквой: піэтизмъ Государя выразился въ сферѣ международныхъ отношеній созданіемъ извѣстнаго *священнаго союза*, который „связалъ бы государей и народы братскими узами, освященными религіей и былъ бы для нихъ, какъ Евангеліе, обязателенъ по совѣсти, по чувству и по долгу“; онъ самъ былъ авторомъ этого единственнаго въ лѣтописяхъ дипломатіи акта; государи, подписавшіе его, обязались, какъ въ управленіи собственными подданными, такъ и въ политическихъ отношеніяхъ къ другимъ правительствамъ „руководствоваться заповѣдями Св. Евангелія, которыя, не ограничиваясь приложеніемъ своимъ къ одной частной жизни, должны непосредственно управлять волей царей и ихъ дѣяніями“. „Итакъ, говоритъ Н. К. Шильдеръ, съ 1816 года Россіи предстояло вступить на новый политическій путь — апокалипсическій; отнынѣ въ дипломатическихъ документахъ, относящихся къ этой эпохѣ, вмѣсто ясно преслѣдуемыхъ политическихъ цѣлей, встрѣчаются уже темныя толкованія о геніѣ зла, побѣжденномъ Провидѣніемъ, о Глаголѣ Всевышняго, о словѣ жизни. Идеаломъ же государственныхъ дѣятелей того времени, стоявшихъ у дѣлъ, сдѣлалась какая-то неопредѣленная теологическо-патріархальная монархія. На Европу опускалась темная завѣса сплошной реакціи“. Дѣло въ томъ, что построить международныя отношенія, со всѣмъ разнообразіемъ ихъ интересовъ — политическихъ, промышленно-торговыхъ, умственныхъ, нравственно-религіозныхъ—на евангельской основѣ, которая всегда будетъ только высокимъ идеаломъ, значило создать уто-

нію, прекрасную, гуманную, но далекую отъ современной дѣйствительности. Не достигнувъ своей прямой цѣли, священный союзъ имѣлъ весьма важныя косвенныя послѣдствія: ближайшими результатами его было расширеніе дѣятельности Библейскихъ обществъ въ Россіи и полное преобразованіе системы народнаго просвѣщенія на основѣ религіи. Во главѣ Библейскаго общества въ Петербургѣ стоялъ министръ народнаго просвѣщенія кн. А. Н. Голицынъ, который первый обратилъ Государя на путь религіознаго благочестія. Такимъ же настроеніемъ былъ проникнутъ и будущій преемникъ его по министерству народнаго просвѣщенія Шишковъ. Библейское общество было основано въ концѣ 12-го года и процвѣтало до начала двадцатыхъ годовъ. Въ немъ нашла себѣ, между прочимъ, надежный пріютъ реакція и обскурантизмъ, ибо во имя внутренней піэтистической церкви оно боролось съ наукой и образованіемъ. Но въ концѣ концовъ и оно было заподозрѣно: на приверженцевъ его было поднято гоненіе; одинъ обскурантизмъ пострадалъ отъ другого, менѣе замысловатаго, такъ сказать, русскодоморощеннаго, представителями котораго были Аракчеевъ, архимандритъ Юрьевскаго монастыря Фотій, митрополитъ Серафимъ, Магницкій и, наконецъ, старый консерваторъ Шишковъ. Рядомъ съ Библейскимъ обществомъ получило нѣкоторое значеніе возстановленное теперь масонство. „Въ ложахъ собирались люди самаго различнаго свойства: и дѣятели библейскаго мистицизма, мрачные обскуранты изъ старыхъ масоновъ и ихъ учениковъ, и безобидные филантропы, и представители либерализма, и люди весьма сомнительныхъ профессій, тогдашніе или будущіе доносчики и шпіоны". Преобладало въ нихъ *мистическое* направленіе, какъ нельзя болѣе соотвѣтствовавшее нашей полуобразованности; наиболѣе виднымъ представителемъ его былъ Лабзинъ; сюда же примыкалъ и попечитель Харьковскаго учебнаго округа З. Я. Карнѣевъ, бывшій раньше вице-президентомъ Библейскаго общества. Въ 1822 году и масонскія ложи были запрещены. Изъ фразы или скорѣе намека, помѣщеннаго въ актѣ священнаго союза (что „въ единомъ Спасителѣ находятся всѣ сокровища любви, знанія и безконечной мудрости"), европейскіе и русскіе ревнители реакціи создали, какъ увидимъ далѣе, цѣлое ученіе, сложную систему. Важное вліяніе имѣла здѣсь также европейская реакція, созданная и поддерживавшаяся главнымъ образомъ Меттернихомъ. „Вліяніе Австріи, Меттерниха и его системы съ особенною силою тяготѣло на министерствѣ просвѣщенія вслѣдствіе того печальнаго недоразумѣнія, что университеты заподозрѣны въ революціонныхъ замыслахъ, и меттерниховскія мѣры казались самыми дѣйствительными для истребленія зла въ самомъ его корнѣ. Университетскій вопросъ былъ тогда

въ Германіи предметомъ самыхъ горячихъ споровъ; защитники либеральныхъ учрежденій должны быть замолкнуть, розыскамъ и преслѣдованіямъ не было конца; образовалась цѣлая лига для подавленія университетской жизни и науки. Вартбургскій праздникъ, убійство Коцебу и другія явленія общественной жизни вызвали Карлсбадскія конференціи и рѣшенія Франкфуртскаго сейма, отразившіяся черною полосою и на судьбѣ русскихъ университетовъ". Подъ предлогомъ искорененія революціонныхъ и демагогическихъ идей и мечтательныхъ теорій были приняты теперь чрезвычайныя мѣры по отношенію къ университетамъ; все это нашло отраженіе себѣ и въ Россіи.

Членъ русскаго главнаго правленія училищъ дипломатъ Стурдза издалъ въ Германіи брошюру, гдѣ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ изобразилъ состояніе нѣмецкихъ университетовъ и предложилъ для искорененія зла либерализма такія мѣры, которыя вызвали негодованіе людей самаго умѣреннаго образа мыслей, даже вѣрившихъ въ силу священнаго союза; „они говорили, что отъ подобныхъ мѣръ одинъ шагъ до приказанія проходить науки отъ слова до слова по учебникамъ, навязаннымъ силою, за которыми бы послѣдовало изобрѣтеніе англичанами читательныхъ машинъ вмѣсто профессоровъ, тогда навѣрно уже не было бы ни либеральныхъ лекцій, ни студентскихъ волненій, ни Вартбургскихъ праздниковъ". А между тѣмъ то, что говорилъ Стурдза, было ничто въ сравненіи съ громами, съ которыми обрушивался на университеты знаменитый своею печальной славой Магницкій. „Тотъ самый духъ, говорилъ онъ въ ученомъ комитетѣ, который у Іосифа II подъ личиною филантропіи; у Фридерика, Вольтера, Руссо и энциклопедиковъ подъ скромнымъ плащомъ философизма; въ царствованіе Робеспьера подъ красною шапкою свободы; у Бонапарте подъ трехцвѣтнымъ перомъ консула и, наконецъ, въ коронѣ императорской—искалъ овладѣть вселенною, низвергнуть алтари Господни и престолы законныхъ государей, спустить съ цѣпи всѣ страсти падшаго человѣка и преобразить землю въ адъ; тотъ самый духъ нынѣ, съ трактатами философіи и съ хартіями конституцій въ рукѣ, поставилъ престолъ свой на западѣ и хочетъ быть равенъ Богу. Доколѣ по окровавленной Европѣ, какъ орды дикихъ, устремлялись народы просвѣщенные одинъ на другого; доколѣ лилась кровь рѣками и адская политика прикрывала именемъ мира только отдыхъ свой для новыхъ жесточайшихъ разрушеній, духъ злобы оставался со всѣхъ другихъ сторонъ покойнымъ. Но когда водворился общій миръ, когда миръ сей запечатлѣнъ именемъ Іисуса, когда государи европейскіе сами поставили себя въ невозможность его нарушить, взволновались университеты, явились изступленные безумцы, требующіе смерти,

труповъ, ада!... „Прочь алтари, прочь государи, смерть и адъ надобны"— вопіютъ уже во многихъ странахъ Европы. Какъ не узнать, чей это голосъ. Самъ князь тьмы видимо подступилъ къ намъ; рѣдѣетъ завѣса, его закрывавшая, и, вѣроятно, скоро уже расторгнется. Послѣднее сіе, можетъ быть, его нападеніе на насъ есть ужаснѣйшее, ибо оно духовное. Отъ одного конца міра до другого сообщается оно невидимо и быстро, какъ ударъ электрическій, и неожиданно все приводитъ въ потрясеніе. Слово человѣческое есть проводникъ сей адской силы, книгопечатаніе — орудіе его; профессоры безбожныхъ университетовъ передаютъ тонкій ядъ невѣрія и ненависти къ законнымъ властямъ несчастному юношеству, а тисненіе разливаетъ его по всей Европѣ и кинжалъ Лувеля можетъ заблистать надъ священною главою каждаго помазанника.... Счастлива была бы Россія, ежели бы можно было такъ оградить ее отъ Европы, чтобы и слухъ происходящихъ тамъ неистовствъ не достигалъ до нея... Благоразумная цензура, соединенная съ утвержденіемъ народнаго воспитанія на вѣрѣ, есть единый оплотъ безднѣ, затопляющей Европу невѣріемъ и развратомъ". Здѣсь, какъ мы видимъ, либеральный гуманизмъ императора Іосифа и философствованіе Фридриха Великаго рѣшительнымъ образомъ отожествляются съ самой ярой анархіей и цареубійствомъ; чтобы быть послѣдовательнымъ, Магницкому оставалось одно—помѣстить въ число разрушителей рядомъ съ Фридрихомъ и философствовавшую Екатерину Великую. Спрашивается: можно ли было идти далѣе по пути столь возмутительнаго извращенія истины въ отношеніи къ полезной просвѣтительной дѣятельности университетовъ? И, однако, Магницкій не только говорилъ, но и дѣйствовалъ въ такомъ духѣ! Отожествивъ скромное научное изслѣдованіе съ якобинствомъ, онъ съ энергіей, достойной лучшей участи, принялся искоренять его въ Казанскомъ университетѣ и насаждать просвѣщеніе на новыхъ якобы христіанскихъ началахъ, хотя христіанство служило только прикрытіемъ его собственнаго обскурантизма и жестокости. Русскій министръ иностранныхъ дѣлъ, желая во имя священнаго союза, оказать содѣйствіе Карлсбадскимъ и Франкфуртскимъ постановленіямъ, вошелъ въ комитетъ министровъ съ представленіемъ, въ которомъ предлагалъ мѣры къ прекращенію поступленія остзейскаго юношества въ Гейдельбергскій университетъ, „считающійся, какъ онъ писалъ, въ настоящее время опаснѣйшимъ во всей Германіи, съ одной стороны, по вольнодумству тамошнихъ наставниковъ, поучающихъ всѣмъ мятежнымъ правиламъ и проповѣдующихъ самое невѣріе, а съ другой—по духу буйства и развращенія, поселившагося между питомцами". Комитетъ министровъ, исходя изъ той мысли, что и въ другихъ германскихъ университетахъ

царитъ тайно такой же духъ мятежа и нечестія, постановилъ вытребовать изо всѣхъ нѣмецкихъ университетовъ русскихъ студентовъ. Французскіе католическіе университеты, въ противоположность нѣмецкимъ, вызываютъ теперь сочувствіе главнаго правленія училищъ, ибо въ нихъ царилъ клерикализмъ и самая суровая дисциплина. „Въ 6 час. утра, по первому удару колокола, входилъ въ спальную студентовъ ихъ инспекторъ, привѣтствуя ихъ словами: Слава Отцу и Сыну и Святому Духу; они отвѣчали: аминь. Затѣмъ ударялъ второй звонокъ: прилежнѣйшіе шли въ домашнюю церковь и тамъ въ молчаніи, на колѣняхъ передъ алтаремъ молились. По третьему звонку всѣ студенты входили въ аудиторію по два въ рядъ и читали вслухъ: помилуй мя, Боже! Каждый профессоръ передъ началомъ своей лекціи становился на каѳедрѣ на колѣни и призывалъ на себя и слушателей своихъ небеснаго духа премудрости и разума.... При выборѣ преподавателей предписано руководствоваться ихъ религіозностью и тѣмъ изъ наставниковъ, которыхъ начальство признавало особенно достойными по ихъ педагогическимъ способностямъ и набожности, выдавались золотыя медали". Магницкій, въ своей реформаторско-разрушительной дѣятельности многое позаимствовалъ изъ этой системы и прямо ссылался на нее, какъ на такую, какая должна быть введена въ Россіи вмѣсто господствовавшей дотолѣ нѣмецко-протестантской. Такимъ же идеаломъ для обскурантовъ служила Австрія, гдѣ такъ успѣшно дѣйствовалъ Меттернихъ.

Итакъ, европейская реакція нашла себѣ благопріятную почву въ Россіи второй половины царствованія Императора Александра I; она многими путями дѣйствовала на Государя. Форма „полицейскаго государства", созданная германскими и австрійскими реакціонерами, стала примѣняться и къ намъ, къ нашимъ нравамъ. „Всякая новая мысль объ общественныхъ предметахъ, каждый примѣръ нарождавшихся новыхъ потребностей неизмѣнно приписывались заговору и революціоннымъ внушеніямъ: извѣстно, что, ставши разъ на эту точку, всегда можно разрабатывать ее безъ конца. Въ обществѣ эта наклонность явилась едва ли даже не раньше, чѣмъ въ самомъ правительствѣ". Подъ видомъ подавленія революціи заглушались самыя законныя и естественныя проявленія умственной жизни и научно-литературнаго движенія въ обществѣ. Эксплуатируя реакціонное настроеніе Императора Александра I, представители русскаго обскурантизма подъ видомъ защиты основъ вѣры и монархіи повели свое разрушительное дѣло гораздо далѣе, чѣмъ того хотѣлъ самъ Государь. „Эти мѣры пришлись какъ разъ на руку безсмысленнымъ обскурантамъ и людямъ, которые старались ловить рыбу въ мутной водѣ, и употребляли всѣ средства, чтобы напу-

гать правительство мнимыми опасностями и воспользоваться его легковѣріемъ. Вредъ этой политики продолжался еще далѣе: надо представить себѣ невѣжество огромной массы общества, которая и безъ того была недовѣрчива ко всякому образованію и въ лучшемъ случаѣ считала его роскошью, нужною и возможною для немногихъ, а для большинства скорѣе вредною, чѣмъ полезною. Теперь эту массу увѣряли, съ авторитетомъ правительственнаго заявленія, что современное образованіе дѣйствительно чрезвычайно опасно, что оно ведетъ къ разрушительнымъ ученіямъ, и преслѣдованія только поддерживали старинную ненависть невѣжества ко всякому образованію, какъ вольнодумству и безбожію".

Посмотримъ теперь, каковы были главнѣйшіе факты и черты въ дѣятельности министровъ народнаго просвѣщенія второй половины царствованія Императора Александра I—гр. А. К. Разумовскаго и кн. А. Н. Голицына. Уже гр. А. К. Разумовскій сталъ подвергаться въ послѣдніе годы своей дѣятельности вліянію реакціи, въ лицѣ, напримѣръ, его друга гр. Жозефа-де-Местра, который посвятилъ одно изъ своихъ сочиненій доказательству необходимости ограниченія наукъ въ Россіи (между прочимъ, онъ тамъ рекомендовалъ совсѣмъ упразднить преподаваніе такихъ предметовъ, какъ исторія, географія и т. п.). При графѣ Разумовскомъ началось уже движеніе противъ иностранцевъ, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ онъ покровительствовалъ іезуитамъ. Это покровительство, а также несоотвѣтствіе его духу воззрѣній Государя послужили причиною его удаленія изъ министерства въ 1816 г.: на эту должность былъ призванъ личный другъ Императора Александра I, бывшій дотолѣ оберъ-прокуроромъ святѣйшаго синода, кн. Александръ Николаевичъ Голицынъ. „Человѣкъ отъ природы веселаго нрава (никого не щадившій Растопчинъ называетъ его маленькимъ буффой), свѣтскій въ полномъ смыслѣ слова, воспитанный и выросшій подъ вліяніемъ французскихъ энциклопедистовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ чистосердечно преданный Государю и впослѣдствіи раздѣлявшій его религіозныя стремленія, Голицынъ въ 1803 году назначенъ былъ оберъ-прокуроромъ св. синода и, занявъ такимъ образомъ мѣсто во главѣ управленія духовными дѣлами, приступилъ къ преобразованію училищъ духовнаго вѣдомства (1807 г.). Незабвенный въ исторіи нашей администраціи по своему просвѣщенію, благодушію и незлобію при дворѣ, по снисходительности къ заблужденіямъ въ дѣлахъ религіи, по своей искренней набожности (Голицынъ имѣлъ обыкновеніе каждое утро читать Библію) и по благодѣяніямъ, на совершеніе коихъ онъ единственно употреблялъ оказываемыя ему довѣріе и дружбу двухъ царей, онъ вполнѣ предался мистицизму и

этимъ направленіемъ едва не принесъ больше вреда дѣлу воспитанія, чѣмъ его предмѣстникъ.... Религіозная вѣротерпимость лелѣяла религіозный обскурантизмъ". Какъ далеко простиралось это направленіе, видно изъ слѣдующаго показанія современника (Карамзина): „въ „Инвалидѣ" было сказано, что Евангеліе не совсѣмъ хорошо, а хороша мистическая книга, переведенная Карнѣевымъ — Philosophie divine". Тотъ же консервативный Карамзинъ, не сочувствуя вообще „мистической вздорологіи", назвалъ министерство князя Голицына министерствомъ затмѣнія; чуткій умъ его предвидѣлъ послѣдствія, которыми должно было отозваться въ Россіи учрежденіе новаго министерства: „соединеніе двухъ министерствъ (народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ), писалъ онъ И. И. Дмитріеву, послѣдовало съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы мірское просвѣщеніе сдѣлалось христіанскимъ. Отнынѣ кураторами будутъ люди извѣстнаго благочестія. Клингеръ уволенъ: мнѣ сказывали, что онъ считается вольномыслящимъ. Не мудрено, если въ наше время умножится число лицемѣровъ". Цесаревичъ Константинъ Павловичъ „съ неподражаемымъ юморомъ бичевалъ эти увлеченія и выражалъ въ своей перепискѣ опасенія, чтобы не вышло у насъ, такъ сказать, moyen âge".

Важнѣйшимъ актомъ этого періода было преобразованіе въ 1817 г. министерства народнаго просвѣщенія въ министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія; это было сдѣлано для того, „чтобы христіанское благочестіе было всегда основаніемъ истиннаго просвѣщенія"; такъ было сказано въ Высочайшемъ манифестѣ. При главномъ правленіи училищъ былъ учрежденъ ученый комитетъ, въ составъ котораго входили такія лица, какъ извѣстный намъ Стурдза и Руничъ. Первый составилъ инструкцію, опредѣлявшую ближайшимъ образомъ задачи и дѣятельность комитета. Эта задача заключалась въ томъ, „чтобы народное воспитаніе, основу и залогъ благосостоянія государственнаго и частнаго, посредствомъ лучшихъ учебныхъ книгъ, направить къ истинной, высокой цѣли—къ водворенію въ составѣ общества въ Россіи постояннаго и спасительнаго согласія между вѣрою, вѣдѣніемъ и властію или, другими выраженіями, между христіанскимъ благочестіемъ, просвѣщеніемъ умовъ и существованіемъ гражданскимъ". „Комитетъ, пользуясь широко предоставленными ему полномочіями, поднялъ настоящее гоненіе на самые скромные научные труды и учебники; даже прописи въ это время были приспособлены къ „новому курсу": въ нихъ стали помѣщаться извлеченія изъ Евангелія и книги о подражаніи Христу; нашли „опасныя мѣста" и хотѣли было даже уничтожить оффиціальный органъ министерства народнаго просвѣщенія „Періодическое сочиненіе объ успѣхахъ народнаго образованія", какъ вредное наслѣдіе прежней

эпохи; признали вредной оффиціальный учебникъ, издававшійся главнымъ правленіемъ училищъ,—„*Книгу о должностяхъ человѣка и гражданина*“, составленную знаменитымъ тогдашнимъ педагогомъ Янковичемъ-де-Миріево, а по мнѣнію нѣкоторыхъ, и самой Императрицей Екатериной II“. Особенную подозрительность возбуждали сочиненія по философіи и естественному праву.

Съ наибольшею силою реакція въ отношеніи къ университетамъ проявилась въ дѣятельности попечителей — Магницкаго въ Казани и Рунича въ Петербургѣ. Эти печальнѣйшія страницы въ исторіи русскихъ университетовъ хорошо извѣстны въ литературѣ, но мы напомнимъ наиболѣе характерные эпизоды, чтобы судить о силѣ господствовавшей тогда реакціи и имѣть масштабъ для оцѣнки ея въ Харьковскомъ университетѣ. Будучи назначенъ попечителемъ Казанскаго учебнаго округа (онъ былъ также членомъ главнаго правленія училищъ), Магницкій попытался перестроить въ своемъ округѣ систему народнаго образованія на основахъ священнаго союза съ тѣмъ, чтобы распространить ее потомъ на всю Россію. „Нѣтъ никакого сомнѣнія, говоритъ его біографъ Е. Ѳеоктистовъ, что онъ мечталъ сдѣлаться необходимымъ человѣкомъ для правительства, внушить ему высокое понятіе о предполагаемыхъ имъ преобразованіяхъ и такимъ образомъ открыть себѣ широкій путь къ почестямъ и славѣ. Магницкій не могъ не сознавать, что всѣ люди съ истиннымъ образованіемъ и независимымъ образомъ мыслей будутъ противъ него, но онъ имѣлъ причины не смущаться недоброжелательствомъ; въ рукахъ его было сильное орудіе противъ враговъ—клеветы, доносы, противъ которыхъ не было средствъ оградить себя предосторожностью и добросовѣстнымъ исполненіемъ своего долга. Сначала онъ явился въ Казань въ качествѣ ревизора и нарисовалъ въ своемъ отчетѣ самую мрачную картину состоянія университета во всѣхъ отношеніяхъ; тамъ онъ, между прочимъ, писалъ, обращаясь къ совѣту: „время уже вникнуть въ цѣль правительства, которое хочетъ и хочетъ непреоборимо положить единымъ основаніемъ народнаго просвѣщенія—благочестіе.... Начальство требуетъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ благочестивыхъ, ученость же безъ вѣры въ Бога откровеннаго не токмо не нужна ему, но и почитается имъ вредною“. Въ заключеніе Магницкій предложилъ совсѣмъ упразднить Казанскій университетъ, такъ какъ вмѣсто пользы онъ приносилъ одинъ вредъ. Чрезвычайно характерно, по чувству достоинства, было возраженіе, сдѣланное противъ дикаго предложенія Магницкаго членомъ главнаго правленія училищъ, будущимъ министромъ народнаго просвѣщенія гр. С. С. Уваровымъ; оно начиналось такъ: „доселѣ министерство народнаго просвѣщенія,

руководствуясь духомъ августѣйшаго покровителя наукъ, занималось основаніемъ и усовершенствованіемъ высшихъ училищъ и распространеніемъ всѣхъ способовъ ученія. Нынѣ мы разсуждаемъ объ уничтоженіи одного изъ россійскихъ университетовъ, съ толикимъ трудомъ сооруженныхъ; я надѣюсь, что разсужденіе сіе будетъ первое и послѣднее сего рода. Во всякомъ случаѣ, если правительство съ величайшею осмотрительностью приступаетъ къ изслѣдованію обвиненій, падающихъ на одно лицо, и не прежде произноситъ строгій приговоръ винѣ его, какъ по совершенномъ удостовѣреніи въ ней, то кольми паче оно должно быть осторожно въ рѣшительныхъ мѣрахъ, принимаемыхъ относительно цѣлаго государственнаго сословія, назначаемаго, предъ лицомъ отечества, *къ политической смерти*". Потерпѣвъ неудачу въ своемъ проектѣ закрытія университета, Магницкій рѣшилъ совершенно искоренить въ немъ его прежнія начала и духъ. Ему разрѣшено было уволить всѣхъ профессоровъ, какихъ онъ нашелъ непригодными, или перевести ихъ на другія каѳедры и ввести для нравственнаго перерожденія университета новую должность директора съ полицейскими обязанностями. О духѣ его реформы даетъ наглядное понятіе инструкція, составленная имъ для этого директора. Вотъ наиболѣе характерные ея пункты. „Цѣль правительства въ образованіи студентовъ, говорится въ инструкціи, состоитъ въ воспитаніи вѣрныхъ сыновъ православной церкви; вѣрныхъ подданныхъ Государю, добрыхъ и полезныхъ гражданъ отечеству. Слѣдовательно, нравственному воспитанію предлежитъ объять и воздѣлать волю воспитанниковъ, ихъ совѣсть, нравы и наружное обращеніе. Душа воспитанія и первая добродѣтель гражданина есть покорность; посему послушаніе есть важнѣйшая добродѣтель юности. Въ молодости только упражненіемъ покорности получаетъ воля ту мягкость, которая на всю жизнь остается и для благосостоянія общественнаго столь необходима. Посему обязанность директора непремѣнно наблюдать, чтобы уроки религіи о любви и покорности были исполняемы на самомъ дѣлѣ, чтобы воспитанники университета постоянно видѣли вокругъ себя примѣры строжайшаго чинопочитанія со стороны учителей и надзирателей и чтобы малѣйшее нарушеніе его всегда было наказываемо, не взирая на званіе лицъ. Но такъ какъ одна религія связываетъ обязанности съ волею и, досягая въ совѣсть, покоряетъ страсти, смиряетъ строптивость самолюбія и, между тѣмъ, какъ законы внѣшняго порядка предписываютъ покоряться властямъ, она заставляетъ исполнять ихъ не изъ одного страха, но и любви, то директоръ обязанъ главнѣйше наблюдать подъ строжайшею личною отвѣтственностью и всѣми способами власти ему даруемой, чтобы воспитанникамъ университета внушено было

почтеніе и любовь къ святому евангельскому ученію. Для сего обязанъ онъ наблюдать, чтобы духъ вольнодумства ни открыто, ни скрытно не могъ ослаблять ученія церкви въ преподаваніи наукъ философскихъ, историческихъ или литературы. Директоръ обязанъ имѣть достовѣрнѣйшія свѣдѣнія о духѣ университетскихъ преподавателей, часто присутствовать на ихъ лекціяхъ, по временамъ разсматривать тетради студентовъ, наблюдать, чтобы не прошло что-нибудь вредное въ цензурѣ, и блюсти внимательно, чтобы всѣ чиновники университета, каждый по вѣроисповѣданію своему (разумѣя христіанскія), исполняли свои обязанности въ разсужденіи обычнаго посѣщенія храмовъ и употребленія таинствъ; чтобы ни подъ какимъ видомъ не были распространяемы въ университетѣ вредныя, либо соблазнительныя чтенія или бесѣды; чтобы студенты ежедневно отправляли въ положенное время должныя молитвы всѣ вмѣстѣ и въ присутствіи инспектора, чтобы въ дни воскресные и важнѣйшихъ праздниковъ ходили они съ инспекторомъ къ божественной литургіи и занимались между забавъ и отдохновенія какимъ-либо полезнымъ и приличнымъ празднику чтеніемъ, хотя одинъ часъ безъ принужденія; чтобы студенты, отличающіеся христіанскими добродѣтелями, были предпочитаемы всѣмъ прочимъ. Начальство университета пріемлетъ ихъ подъ особенное покровительство по службѣ и доставитъ имъ всѣ возможныя по оной преимущества.... Само самою разумѣется, что все, сказанное о нравственности студентовъ, относится въ строжайшемъ и обширнѣйшемъ смыслѣ ко всѣмъ наставникамъ и преподавателямъ ихъ; что требуется отъ воспитанниковъ, то предполагается въ воспитателяхъ. Надзоръ директора на всѣхъ ихъ равно по сему предмету простирается.... Ежели бы онъ замѣтилъ въ управленіи, ему ввѣряемомъ, людей съ сей стороны неблагонадежныхъ (т. е. профессоровъ), равно какъ и студентовъ, то можетъ представить объ ихъ удаленіи" (непосредственно попечителю).

Итакъ, образъ жизни профессоровъ и студентовъ былъ до мельчайшихъ подробностей регламентированъ правилами, отличавшимися характеромъ почти монастырскаго устава; и тѣ, и другіе были подчинены полному произволу директора и попечителя; христіанская жизнь и нравы насаждались приказами и обѣщаніемъ служебныхъ наградъ и преимуществъ; осуществлялся порядокъ, господствовавшій во французскихъ католическихъ высшихъ школахъ въ до-революціонную эпоху.

Въ полномъ соотвѣтствіи съ этими дисциплинарными мѣрами стоялъ духъ реформы учебнаго преподаванія. Цѣли собственно научныя упразднялись: правительство, по словамъ инструкціи, желало только, чтобы „профессора видѣли въ себѣ людей, работающихъ во славу Божію, для

спасенія ввѣренныхъ имъ душъ, для пользы отечества и просвѣщенія для славы ихъ сословія и для собственной чести... Въ преподаваніи, всѣхъ наукъ въ университетѣ долженъ быть одинъ духъ Святаго евангелія, ибо одинъ онъ есть начало всѣхъ частныхъ и гражданскихъ добродѣтелей, которыя во всякомъ другомъ духѣ суть токмо притворства гордости и своекорыстія... Профессоръ философіи долженъ былъ для избѣжанія смѣшенія идей „привести ихъ къ одному началу и показать, что условная истина, служащая предметомъ умозрительной философіи, могла замѣнять истину христіанства до пришествія Спасителя міра; нынѣ же въ воспитаніи допускается, какъ полезное токмо упражненіе разума, для изощренія силъ его къ приятію прочихъ наукъ человѣческихъ, на философскихъ началахъ основанныхъ.... Благоразумное преподаваніе политическаго права покажетъ, что правленіе монархическое есть древнѣйшее и установлено самимъ Богомъ.... Профессоръ теоретической и опытной физики обязанъ, во все продолженіе курса своего указывать на премудрость Божію и ограниченность нашихъ чувствъ и орудій для познанія непрестанно окружающихъ насъ чудесъ. Профессоръ естественной исторіи покажетъ, что обширное царство природы, какъ ни представляется оно премудро и въ своемъ цѣломъ для насъ непостижимо, есть только слабый отпечатокъ того вышняго порядка, которому послѣ кратковременной жизни мы предопредѣлены. Профессоръ астрономъ наблюдатель укажетъ на тверди небесной пламенными буквами начертанную премудрость Творца и дивные законы тѣлъ небесныхъ, откровенные роду человѣческому въ отдаленнѣйшей древности. Профессора медицинскаго факультета должны принять всѣ возможныя мѣры, дабы отвратить то ослѣпленіе, которому многіе изъ знатнѣйшихъ медиковъ подверглись, отъ удивленія превосходству органовъ и законовъ животнаго тѣла нашего, впадая въ гибельный матеріализмъ именно отъ того, что наиболѣе премудрость Творца открываетъ. Студенты должны быть предостережены на счетъ сего ужаснаго заблужденія указаніемъ тѣхъ знатнѣйшихъ авторовъ, кои ему не подвержены. Имъ должно внушено быть, что Св. писаніе нераздѣльно полагаетъ искусство врачеванія съ благочестіемъ“.... Профессоръ древнихъ языковъ, „показывая красоты языческихъ писателей, обязанъ въ то же время показать и превосходства тѣхъ святыхъ мужей, коихъ вольнодумство вѣка нашего, не взирая на отличный геній ихъ, исключило изъ образцовыхъ потому только, что они христіане и святые, какъ напримѣръ: Іоанна Златоуста, Григорія Назіанзина, Святыхъ Василія и Аѳанасія“. Профессоръ всеобщей исторіи начнетъ свой курсъ со священной исторіи и покажетъ затѣмъ, что древнѣе основанія Рима нѣтъ ничего по-

ложительно достовѣрнаго; отъ Р. Х. онъ займется преимущественно христіанскими древностями, „дабы показать, что христіане имѣли всѣ добродѣтели язычниковъ въ несравненно высочайшей степени и многія совершенно имъ неизвѣстныя“. Профессоръ русской исторіи покажетъ, что „отечество наше въ истинномъ просвѣщеніи упредило многія современныя государства“... Эта инструкція, какъ мы видимъ, вполнѣ упраздняла независимость наукъ, безъ которой немыслимо существованіе и развитіе ихъ, и указывала имъ не только постороннюю цѣль, но опредѣляла сообразно съ нею и самое содержаніе ихъ: гласила, что до основанія Рима не было ничего достовѣрнаго, т. е. отрицала исторію востока. Наука всегда имѣетъ только одну цѣль—отысканіе истины, между тѣмъ Магницкій сдѣлалъ ее исключительнымъ орудіемъ духовной науки, а всѣхъ профессоровъ какъ бы преподавателями богословія, не обращая вниманія на то, что они, безъ спеціальной подготовки къ нему, могли принести больше вреда, чѣмъ пользы. Прекрасную принципіальную оцѣнку системы Магницкаго даетъ академикъ М. И. Сухомлиновъ. „Съ перваго разу можетъ показаться непонятнымъ, говоритъ онъ, какимъ образомъ система воспитанія, основанная на чистѣйшемъ источникѣ, то есть на религіи, привела къ весьма печальнымъ слѣдствіямъ и представляется во свѣтѣ вовсе не утѣшительномъ. При внимательномъ и вполнѣ безпристрастномъ изслѣдованіи открывается, что религія только выставлена началомъ воспитанія, но въ дѣйствительности имъ руководили другія начала, несовмѣстныя съ чистой искренностью ея ученія и недостойныя ея святаго знамени. Хотя въ потокѣ искусственныхъ фразъ она и называлась единственнымъ источникомъ просвѣщенія, но въ сущности она служила не цѣлью, а средствомъ: подъ ея прикрытіемъ проводились идеи, выработанныя австрійскими реакціонерами. Чтобы понять внутреннюю несостоятельность системы народнаго просвѣщенія, которую хотѣли возвысить именемъ священнаго союза, довольно вспомнить, что чистое жизненное начало христіанства затемнялось въ ней мертвящею іезуитскою моралью и началами Меттерниховской политики; призывъ евангельской любви и правды заглушаемъ былъ крикомъ фанатиковъ, требовавшимъ всевозможныхъ стѣсненій, взаимнаго недовѣрія, преслѣдованій и казни.... О соединеніи „вѣры съ вѣдѣніемъ“ заботились первые распространители научнаго образованія въ русскомъ обществѣ, но они смотрѣли на дѣло совершенно иначе. Проникнутый убѣжденіемъ во внутреннемъ согласіи между вѣрою и наукою, Ломоносовъ говоритъ: „правда и вѣра суть двѣ сестры родныя, дщери одного Всевышняго Родителя, никогда между собою въ распрю придти не могутъ, развѣ кто изъ нѣкотораго тщеславія и показанія своего мудрованія на нихъ

вражду всклеплетъ. Не здраво разсудителенъ математикъ, если онъ хочетъ Божескую волю вымѣрять циркулемъ; таковъ же и богословіи учитель, если онъ думаетъ, что по псалтырѣ научиться можно астрономіи и химіи". Мѣткія слова Ломоносова заключаютъ въ себѣ самое убѣдительное осужденіе системы Магницкаго, Рунича и другихъ. Раздувая вражду между религіею и наукою, авторы программъ и инструкцій произвольно распоряжались наукою, перестраивали ее по собственному образцу и впадали въ противорѣчія съ писателями церковными, которыхъ называли своими руководителями.... Усиливаясь изъ науки сдѣлать орудіе для своихъ цѣлей, реформаторы частью безсознательно, а частью сознательно также поступали и съ религіей.... Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ злоупотребленія религіей были: упадокъ религіознаго чувства и нравственности, застой въ области умственной, лицемѣріе и раболѣпство. По словамъ Министра Нар. Просв. Шишкова, „нравственный развратъ росъ и усиливался; ослѣпленіе подъ самыми священнѣйшими именами благочестія и человѣколюбія умѣло вползать въ сердца и заражать ихъ ядомъ".... Поголовное удаленіе преподавателей, въ которыхъ такъ нуждались наши учебныя заведенія, и назначеніе на каѳедры людей малосвѣдущихъ, но прикинувшихся благонамѣренными, понизило уровень научнаго образованія. Раболѣпство и лицемѣріе, противъ котораго ратовали первые просвѣтители русскаго народа, проникли и въ ученое сословіе.... Умственный застой и нравственное паденіе въ высшихъ училищахъ, призванныхъ служить разсадниками образованности, замѣчено людьми, посланными правительствомъ для узнанія истины, для всесторонняго изслѣдованія дѣла, возбудившаго сильное сомнѣніе. Сомнѣніе кончилось полнымъ разочарованіемъ: стало ясно, что вмѣсто религіозности дѣйствовалъ фанатизмъ, вмѣсто христіанства іезуитскій духъ и вражда къ просвѣщенію. Все зло состояло въ томъ, что чистую и святую идею религіи употребляли во зло, а чѣмъ чище и святѣе идея, тѣмъ поразительнѣе ея злоупотребленіе". Въ этомъ заключается разгадка непрочности и несостоятельности системы, основанной на религіи только повидимому, а не въ дѣйствительности. Система Магницкаго не только не подняла Казанскаго университета изъ состоянія упадка, а наоборотъ едва не привела его къ окончательной гибели; это была не благодѣтельная реформа, а жестокій погромъ, какой-то разрушительный ураганъ, пронесшійся надъ однимъ изъ разсадниковъ высшаго образованія. Общество было терроризовано и деморализовано его „системой". Самъ Магницкій относился презрительно къ общественному мнѣнію и характеризовалъ его съ циничною откровенностью въ слѣдующихъ словахъ: „въ характерѣ шумныхъ мнѣній нашей публики

всегда примѣтить можно два направленія: первое—слухи, разсѣеваемые для впечатлѣнія на мнѣніе высшаго правительства, дабы увлечь его въ свой смыслъ; и потомъ второе — не далѣе какъ на другой день послѣ рѣшительнаго его поступка молчать или думать согласно съ нимъ; сія неискренняя и политическая, такъ сказать, угодливость замѣняетъ у насъ доселѣ, *по счастію* (!!?), то нравственное чувство, которое должно соединять мнѣніе добрыхъ гражданъ съ мнѣніемъ правительства; побужденіе не такъ чисто, но послѣдствія равно полезны". Вѣроятно, онъ зналъ современное ему общество и имѣлъ какія-нибудь основанія выразиться такъ рѣшительно. Однако и тогда находились люди, сознававшіе гибельное вліяніе его „системы" на образованіе и науку. Таковъ былъ, напримѣръ, благородный другъ юности Императора Александра, проректоръ Дерптскаго университета Парротъ, который написалъ ему замѣчательное письмо, содержащее въ себѣ рѣзкую, негодующую критику инструкціи Магницкаго. Какими побужденіями, спрашиваетъ Парротъ, министерство побуждаетъ руководствоваться профессоровъ въ ихъ религіозно-просвѣтительной дѣятельности? Чисто практическими: оно указываетъ на привиллегированное положеніе профессоровъ сравнительно съ другими чиновниками государства! „Итакъ вотъ изъ за чего нужно служить Богу и отечеству! При чтеніи этихъ словъ (въ инструкціи) содрогается сердце всякаго честнаго человѣка. Религія, предвозвѣстникомъ которой является правительство въ каждомъ параграфѣ этой инструкціи, предлагаетъ намъ совершенно иныя побужденія—сознаніе дѣлаемаго добра, спокойствіе совѣсти и блаженство въ будущей жизни.... Второй параграфъ инструкціи предписываетъ изъяснять слушателямъ системы главнѣйшихъ философовъ, которые „могли замѣнять истину христіанства до пришествія Спасителя", доказывая въ то же время, что истины, не основанныя на христіанской религіи и добродѣтели, внушаемыя однимъ разумомъ, суть не что иное, какъ эгоизмъ и скрытная гордость. Но если такъ, если все ученіе о нравственности, господствовавшее до Іисуса Христа, не болѣе какъ ложь, зачѣмъ знакомить съ нимъ юношество? А если уже излагать его, то къ чему представлять въ презрѣнномъ видѣ? Христіанская мораль не имѣетъ нужды въ этихъ фальшивыхъ уловкахъ для обнаруженія превосходства своего надъ моралью языческою. Далѣе инструкція заставляетъ профессора астрономіи, во все продолженіе курса своего, указывать на премудрость Божію и ограниченность нашихъ средствъ и орудій для познанія непрестанно окружающихъ насъ чудесъ. Ничто такъ не вредитъ цѣли, какъ именно рекомендуемыя этими словами разглагольствованія. Они способны только возбудить въ молодежи насмѣшки

надъ преподавателемъ и надъ самыми священными предметами. Если профессоръ физики дѣйствительно исполненъ удивленія къ Творцу, чувство это невольно скажется въ его рѣчахъ и увлечетъ слушателей. Но если частымъ и заказнымъ повтореніемъ мысли, навѣянной со стороны, выраженіе этого удивленія дѣлается пустымъ обрядомъ, то эффектъ его совершенно утратится.... Разсматривая инструкцію ректору Казанскаго университета съ точки зрѣнія литературной, нельзя видѣть въ ней ничего иного, кромѣ безконечной фразеологіи, гдѣ невѣжество облекается мантіей эрудиціи и знаній. Если же допустить, что главная цѣль ея клонится къ утвержденію благочестія и религіи, то слѣдуетъ сказать прямо, что она должна привести къ совершенно противнымъ результатамъ. Юноши, которымъ въ каждой лекціи исторіи, физики, философіи, медицины, древнихъ языковъ и т. д. говорятъ о религіи и только о религіи, кончатъ тѣмъ, что почувствуютъ къ ней холодность. Что же касается до профессоровъ, за которыми постоянно слѣдитъ ректоръ съ цѣлью убѣдиться въ запасѣ ихъ религіознаго чувства, дабы выгнать ихъ, какъ скоро ему покажется, что запасъ этотъ недостаточенъ, то съ какимъ настроеніемъ будутъ говорить они о религіи милосердной, отвергающей всякое лицемѣріе и насиліе и желающей господствовать лишь любовью и истиной?" Не менѣе строго осуждаетъ Парротъ и инструкцію, данную директору университета, наблюдавшему за нравственностью студентовъ. Онъ находитъ, что „молодой человѣкъ, котораго держатъ, такъ сказать, въ пеленкахъ до самаго выхода его изъ высшаго учебнаго заведенія, долженъ сдѣлаться или негодяемъ или автоматомъ, существомъ безъ воли, безъ характера, неспособнымъ ни къ какой самостоятельной дѣятельности. Напротивъ, нужно предоставить юношѣ свободу, подъ надзоромъ, который не стѣснялъ бы и главное не представлялъ бы ничего унизительнаго. Пусть иногда злоупотребляетъ онъ этой свободой, пусть дѣлаетъ шалости и даже проступки—въ такомъ случаѣ должна обрушиться на него законная кара, и онъ самъ придетъ къ убѣжденію, что наказаніе неминуемо слѣдуетъ за виною. Такого рода воспитаніе имѣетъ то преимущество, что рано развиваетъ въ молодомъ человѣкѣ опытность, а, слѣдовательно, онъ не пріобрѣтаетъ ее въ ущербъ себѣ или обществу. Водить же молодаго человѣка отъ 18 до 25 лѣтняго возраста на помочахъ значитъ развивать въ немъ лицемѣріе, плутовство, значитъ приготовлять систематически одного изъ тѣхъ негодяевъ, которые скрываютъ настоящія свои чувства подъ покровомъ скромности, а потомъ вознаграждаютъ себя за это рабство неуваженіемъ къ обществу и открыто ненавидятъ власть, которой приходится клеймить ихъ. Неужели можно надѣяться серьезно, что изъ

такихъ людей выйдутъ ревностные слуги отечества, вѣрные подданные Монарха?" Парротъ правильно предсказалъ результаты воздѣйствія реакціонныхъ мѣропріятій въ отношеніи университета. „По внѣшности университетъ сохранитъ нѣкоторый порядокъ, но внутри это будетъ клоака всякой безнравственности до тѣхъ поръ, пока наконецъ начальство не обратитъ на нее вниманія". Онъ вспоминаетъ слова, нѣкогда сказанныя самимъ государемъ: „я не хочу, чтобы общественное воспитаніе лишало молодежь энергіи, точно также какъ не хочу имѣть слабодушныхъ въ государственной службѣ". Заканчиваетъ онъ свою записку слѣдующими прочувствованными словами по адресу государя: „религія и народное просвѣщеніе — эти вѣчныя основы благополучія народовъ,—требуютъ вашихъ заботъ; успѣхъ будетъ достигнутъ вами, какъ скоро обезпечите вы господство правды, чистосердечія и знанія тамъ, гдѣ царили происки, лицемѣріе и невѣжество. Не страшитесь недостатка въ средствахъ, т. е. въ людяхъ, которые хотятъ и могутъ дѣлать добро — они явятся, какъ только будутъ ободрены къ тому". Парротъ высказываетъ въ заключеніе мысль, что Государь не измѣнился; но онъ ошибся въ этомъ: императоръ Александръ сильно измѣнился; по этой причинѣ и превосходная записка Паррота, представляющая блестящую критику инструкціи Магницкаго и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы программу совершенно иной системы, соотвѣтствовавшей первымъ годамъ царствованія его друга, успѣха не имѣла и только по смерти Императора Александра была передана Николаемъ Павловичемъ новому министру народнаго просвѣщенія А. С. Шишкову. Послѣдующія событія вполнѣ оправдали предсказаніе Паррота: вмѣсто того, чтобы поднять и обновить Казанскій университетъ, Магницкій своими реформами привелъ его въ такой упадокъ, что понадобилось назначить въ 1826 г. ревизора въ лицѣ генерала Желтухина, который на основаніи подробнаго изслѣдованія пришелъ къ убѣжденію, что система Магницкаго породила не благочестіе, а лицемѣріе, что она привела въ полный упадокъ дѣло преподаванія и науки, вызвала оскудѣніе числа учащихся, что онъ допускалъ страшный произволъ и несправедливости какъ въ отношеніи студентовъ, такъ и въ отношеніи профессоровъ, и весьма безцеремонно обращался съ казенными суммами. Министерство Шишкова признало основательными данныя, добытыя ген. Желтухинымъ, и Магницкій вынужденъ былъ оставить должность попечителя и члена главнаго правленія училищъ.

Въ то время какъ Магницкій занимался „реформою" Казанскаго университета, его единомышленникъ Руничъ произвелъ разгромъ Петербургскаго университета, возбудивъ дѣло о вредномъ направленіи

чтеній наиболѣе выдающихся университетскихъ преподавателей — Арсеньева, Галича, Германа и Раупаха. Будучи открытъ въ 1819 году, Петербургскій университетъ уже въ 1821 подвергся погрому отъ Рунича, который былъ назначенъ исправляющимъ должность попечителя, вмѣсто гр. С. С. Уварова, который былъ возмущенъ допущенными въ дѣлѣ профессоровъ закононарушеніями и написалъ по этому поводу страстное письмо Государю. Замѣтимъ кстати, что противъ проекта Магницкаго объ уничтоженіи каѳедры философіи выступилъ также будущій министръ народнаго просвѣщенія гр. Ливенъ и попечители харьковскаго учебнаго округа Е. Карнѣевъ и гр. Перовскій.

Такова была реакція въ министерство кн. А. Н. Голицына; но и она признана была недостаточной — и главою министерства народнаго просвѣщенія сдѣланъ былъ А. С. Шишковъ, выдвинутый на этотъ постъ совмѣстной интригой Аракчеева, Магницкаго и архимандрита Юрьевскаго монастыря Фотія. Вотъ какъ произошелъ этотъ coup d'etat. Аракчееву нужно было низвергнуть кн. А. Н. Голицына, потому что онъ былъ опасенъ для него личною близостью къ Государю. Магницкій подкапывался теперь подъ своего благодѣтеля кн. А. Н. Голицына, какъ нѣкогда выдалъ другого своего покровителя Сперанскаго. Фотій былъ „человѣкъ, въ которомъ суровый аскетизмъ и пламенное религіозное вдохновеніе страннымъ образомъ совмѣщались съ хитростью и особаго рода тщеславіемъ. Постникъ и врагъ всякаго мудрованія въ дѣлахъ вѣры, онъ, будучи еще молодымъ монахомъ и законоучителемъ въ одномъ изъ кадетскихъ корпусовъ, горячо возставалъ противъ направленія Библейскаго общества, противопоставляя ему ученіе и преданія православной церкви. Смѣлость его филиппикъ противъ мнѣній, которымъ слѣдовали вліятельнѣйшіе люди и которымъ завѣдомо покровительствовалъ Государь, внушила къ нему высокое уваженіе графинѣ Орловой-Чесменской, одной изъ вліятельнѣйшихъ и богатѣйшихъ женщинъ того времени. Она поселилась близь Юрьева монастыря, сдѣлала его настоятеля своимъ руководителемъ и наставникомъ, отдала въ его распоряженіе все свое несмѣтное состояніе. Въ ней, а также въ особѣ графа Аракчеева, Грузинская вотчина котораго находилась недалеко отъ Юрьева монастыря, онъ пріобрѣлъ не только почитателей, но и покровителей, которые доставили ему случай играть и политическую роль. Не имѣя обширной учености, онъ обнаруживалъ однако на людей набожныхъ весьма сильное вліяніе твердостью своихъ убѣжденій и тѣмъ рѣзко повелительнымъ тономъ, который невольно озадачиваетъ“. Несомнѣнно, что онъ былъ ханжа, фанатикъ и лукавый обманщикъ; по крайней мѣрѣ, такое лукавство и предательство онъ обнаружилъ въ

своихъ отношеніяхъ къ кн. А. Н. Голицыну: показывая дружбу и любовь къ А. Н. Голицыну, онъ въ то-же самое время велъ тайныя бесѣды съ Государемъ, въ которыхъ оговаривалъ его передъ нимъ. Шишковъ въ своихъ запискахъ сознается, что Фотій два года и даже болѣе того былъ въ дружбѣ съ кн. А. Н. Голицынымъ, но съ тѣмъ, какъ говорятъ, чтобы отвратить его отъ иностранныхъ миссіонеровъ и ересей. Наконецъ, онъ снялъ съ себя маску, которую носилъ такъ долго, и устроилъ театральную сцену анаѳематствованія. Съ этою цѣлью онъ пригласилъ Голицына въ домъ граф. Орловой, поставилъ тамъ аналой, положилъ на немъ евангеліе и крестъ, и когда князь вошелъ въ комнату и хотѣлъ по обычаю подойти подъ его благословеніе, то остановилъ его и сказалъ, что не дастъ ему благословенія, пока онъ не отречется отъ богоотступныхъ дѣлъ своихъ, не перестанетъ покровительствовать иностраннымъ лжеучителямъ, возстающимъ противъ церкви и престола; князь сначала спокойно возражалъ Фотію, но когда тотъ грознымъ голосомъ потребовалъ отъ него, чтобы онъ пошелъ къ царю, сталъ передъ нимъ на колѣни и сказалъ, что и самъ поступалъ худо, и его вводилъ въ заблужденіе, Голицынъ вспыхнулъ отъ гнѣва и выбѣжалъ изъ горницы, крикнувъ: „увидимъ, кто кого одолѣетъ“; Фотій же въ догонку ему громко повторялъ: анаѳема! да будешь ты проклятъ, и тотчасъ описаніе всего происшедшаго отправилъ къ Государю. Государь сначала сдѣлалъ ему гнѣвный выговоръ, находя его поступокъ несогласнымъ съ христіанскою кротостью, но потомъ простилъ. Послѣ этого открытаго разрыва архимандрита съ княземъ, партія Фотія сдѣлала рѣшительную попытку низвергнуть ненавистное ей министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Въ высшей степени характерны собственныя записки Фотія о его бесѣдахъ съ Государемъ. Нарисовавъ Государю мрачную картину приближающейся революціи, Фотій потомъ самъ же въ отвѣтъ на запросъ Александра I-го, какъ помочь бѣдѣ, далъ ему слѣдующій, якобы боговдохновенный совѣтъ: „Рабъ твой, служитель же святыя церкви Божіей, служитъ Богу и Тебѣ, царю, церкви и отечеству вѣрою и правдою, по закону Божію и гражданскому, по совѣсти, по любви евангельской и по присягѣ. А посему на вопросъ твой: какъ пособить, дабы остановить революцію, молился Господу Богу и *вотъ что открыто*, только дѣлать немедленно. Способъ весь планъ уничтожить вдругъ, тихо и счастливо, есть таковъ: 1) министерство духовныхъ дѣлъ уничтожить, а другія два отнять отъ извѣстной особы (т. е. князя Голицына), 2) Библейское общество уничтожить подъ тѣмъ предлогомъ, что уже много напечатано библій и онѣ теперь не нужны; 3) синоду быть по-

прежнему и духовенству надзирать при случаяхъ за просвѣщеніемъ, не бываетъ ли гдѣ чего противнаго власти и вѣрѣ; 4) Кошелева отдалить, Госнера выгнать, Феслера выгнать и методистовъ выгнать, хотя главныхъ. Провидѣніе Божіе теперь ничего болѣе дѣлать не открыло. Повелѣніе Божіе я возвѣстилъ. Исполнить же въ тебѣ состоитъ; съ тобою духъ премудрости и силы, державы и власти. Отъ 1812 года до сего 1824 года прошло ровно 12 лѣтъ. Богъ побѣдилъ видимаго Наполеона, вторгнагося въ Россію: да побѣдитъ Онъ и духовнаго Наполеона лицемъ твоимъ, коего можешь, Господу содѣйствующу, побѣдить въ три минуты одною чертою пера. А вся сила духовнаго Наполеона въ четырехъ пунктахъ заключается". Но Государь все еще колебался и потому послѣдній ударъ А. Н. Голицыну долженъ былъ нанести митрополитъ Серафимъ. „Ему доставленъ былъ экземпляръ Госнеровой [1]) книги въ русскомъ переводѣ, только что отпечатанный, съ настоятельнымъ требованіемъ представить его лично Государю и просить или собственнаго увольненія, или увольненія князя Голицына.

---

[1]) Госнеръ былъ католическій священникъ, которому, благодаря покровительству кн. А. Н. Голицына, разрѣшено было проповѣдывать въ Петербургѣ; теперь онъ издалъ „Толкованія на новый завѣтъ", конечно, не въ духѣ чистаго православія. Книга его была осуждена въ комитетѣ министровъ на основаніи представленія, сдѣланнаго Шишковымъ и министромъ внутреннихъ дѣлъ гр. Ланскимъ; прикосновеннымъ къ этому дѣлу былъ признанъ и бывшій директоръ департамента министерства народнаго просвѣщенія Василій Михайловичъ Поповъ, одинъ изъ ревностнѣйшихъ послѣдователей хлыстовской секты Татариновой: онъ поправлялъ плохой русскій переводъ книги. На основаніи постановленія комитета министровъ, Госнеръ былъ высланъ изъ Россіи. Но Шишковъ на этомъ не успокоился и рѣшилъ привлечь къ суду и Попова, который вслѣдъ за своимъ бывшимъ патрономъ кн. Голицынымъ, назначеннымъ завѣдывать почтою, также перешелъ въ почтовое вѣдомство въ качествѣ члена совѣта. Затѣмъ дѣло Попова разсматривалось въ сенатѣ, гдѣ большинство присоединилось къ мнѣнію сенатора Муравьева-Апостола (Это послѣднее напечатано въ „Чтеніяхъ Моск. Общ." 1859 г. кн. 4-я, смѣсь, стр. 37—41) и вынесло обвиняемому оправдательный вердиктъ. Послѣ этого оно было перенесено въ Государственный Совѣтъ, который опять таки оправдалъ Попова, несмотря на возраженія, представленныя на записку сенатора Муравьева-Апостола Шишковымъ. Въ пользу Попова высказались Голицынъ, Нессельроде, Карцовъ, Татищевъ, Болотниковъ, Салтыковъ, Тутолминъ, Сперанскій, Милорадовичъ, Васильчиковъ, Мордвиновъ. Шишковъ обратился съ особымъ представленіемъ къ Государю, въ которомъ ставилъ въ связь между прочимъ нѣкоторыя кражи и убійства въ Петербургѣ съ дѣломъ Госнера и Попова! Это представленіе успѣха не имѣло, также точно какъ и письмо его по этому дѣлу къ новому Императору Николаю Павловичу: судъ по Госнеровскому дѣлу длился до 1828 года и окончился совершеннымъ оправданіемъ всѣхъ подсудимыхъ; нѣкоторые же изъ нихъ были награждены даже новыми чинами; Поповъ былъ оправданъ и награжденъ; Муравьевъ-Апостолъ по желанію его отпущенъ милостиво въ чужіе края.

Самъ Аракчеевъ былъ у Серафима, нѣсколько второстепенныхъ дѣятелей этой интриги, и въ томъ числѣ Магницкій, находились при немъ неотлучно, чтобы устранять колебанія нерѣшительнаго старца. Фотій тоже не покидалъ его; онъ и другіе присутствовавшіе почти насильно посадили его въ карету, а Магницкій поѣхалъ за нимъ и прогуливался въ виду дворца, чтобы по лицу митрополита первому узнать о послѣдствіяхъ его свиданія съ Государемъ. Серафимъ, снявъ свой клобукъ, положилъ его къ ногамъ Государя и объявилъ, что не надѣнетъ его, пока не получитъ обѣщанія упразднить министерство духовныхъ дѣлъ, возвратить синоду его права, назначить другого министра народнаго просвѣщенія и изъять изъ обращенія вредныя книги, при чемъ іерархъ, развернувъ „Толкованія", указалъ наиболѣе зловредныя въ немъ мѣста. Убѣжденный этими представленіями, Государь сказалъ: „преосвященный, примите вашъ клобукъ, который вы такъ достойно носите; а ваши святыя и патріотическія представленія будутъ исполнены". И точно 15-го мая князь Голицынъ былъ уволенъ отъ должности министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, а 17-го отъ званія президента Библейскаго общества. Въ это званіе назначенъ Серафимъ, а народное просвѣщеніе было поручено вмѣстѣ съ цензурой Шишкову". Шишковъ былъ назначенъ министромъ, когда ему было уже 70 лѣтъ, когда, по его собственному выраженію, онъ стоялъ одной ногой въ гробу и чувствовалъ себя неспособнымъ нести возложенное на него бремя. Это былъ настоящій ревнитель старины, ретроградъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. „Современныя событія сдѣлали его, человѣка по природѣ добродушнаго, борцомъ: въ борьбѣ сначала съ Карамзинымъ, затѣмъ съ галломанами онъ посвятилъ себя, какъ членъ Россійской академіи, изученію отечественнаго языка съ пламеннымъ увлеченіемъ, при немногостороннемъ впрочемъ языкознаніи; благодаря отчасти этой преданности русскому языку, онъ обратилъ на себя вниманіе Государя. Ему поручено было составленіе манифестовъ. Литературная дѣятельность его была очень обширна,—о размѣрахъ ея свидѣтельствуютъ 17 томовъ его сочиненій и переводовъ". С. Аксаковъ, оставившій о Шишковѣ воспоминанія, отзывается о немъ хорошо, какъ о честномъ, твердомъ въ своихъ славянофильскихъ убѣжденіяхъ дѣятелѣ, но объ управленіи министерствомъ народнаго просвѣщенія выражается такъ: „Шишковъ, можетъ быть, слишкомъ односторонне смотрѣлъ не предметы и вездѣ проводилъ свои убѣжденія, благія и честныя въ основаніи, но уже устарѣвшія или лучше сказать потерявшія свою важность. Время шло быстро. Шишковъ не всегда это замѣчалъ и, живя въ прошедшемъ, иногда не видѣлъ потребностей насто-

ящаго. Шишковъ боролся упорно, но наконецъ убѣдившись, что онъ, какъ министръ, не можетъ быть полезенъ, вышелъ въ отставку". Рѣзче выражается современный историкъ. „Шишковъ, по словамъ Щебальскаго, съ личною ненавистью къ новому и современному и съ ожесточеніемъ противъ дѣйствій своего предмѣстника, которое было лозунгомъ лицъ, приведшихъ его ко власти, наконецъ съ самоотверженіемъ, отчасти обезоруживающимъ судъ исторіи, принялся переустраивать цензуру и преслѣдовать книги, выходившія подъ покровительствомъ Библейскаго общества, и людей, пользовавшихся покровительствомъ князя Голицына. Шишковъ дѣйствовалъ безпощадно, но искренно, согласно съ убѣжденіями всей долгой своей жизни—въ этомъ не можетъ быть и тѣни сомнѣнія. Шишковъ желалъ, чтобы Государь обнародовалъ на его имя рескриптъ, въ которомъ уполномочивалъ бы его дѣйствовать въ томъ именно духѣ, какъ желали Аракчеевъ, Серафимъ, Фотій и онъ самъ, Шишковъ; но Государь не рѣшался такъ ясно формулировать мысль, противъ которой возмущалось его нравственное чувство и его либеральные инстикты, а Шишковъ справедливо полагалъ, что только ясно и гласно выраженная Высочайшая воля можетъ вполнѣ развязать ему руки. Послѣ четырехъ мѣсяцевъ напрасныхъ усилій побѣдить колебанія Государя, онъ написалъ Аракчееву: „долгъ мой и присяга требуютъ, чтобъ я не давалъ возобновиться тому, что доселѣ потрясало всю нравственность и благочестіе; но я не разрѣшенъ на то гласною волею Государя.... и долженъ, видя раздуваніе сихъ искръ, молчать и быть только по имени, а не по дѣйствію министромъ просвѣщенія". Шесть недѣль спустя онъ снова настаивалъ въ письмѣ къ Аракчееву на помянутомъ рескриптѣ, заявляя о готовности своей въ противномъ случаѣ оставить должность министра. „Я иду прямою дорогой, говорилъ онъ самому Государю, могу обманываться, но хитростей и уловокъ никакихъ не знаю"... Правдивость—достойная подражанія и—прибавимъ—лучшей цѣли! Мы видѣли, съ какимъ рвеніемъ князь Голицынъ при помощи Руничей, Магницкихъ, Красовскихъ истреблялъ въ Россіи свободу мысли и слова; этого казалось недостаточно патріотамъ, подобнымъ Шишкову и Фотію: они стали истреблять и свободу совѣсти, которой покровительствовалъ князь Голицынъ. „Слѣпо вѣруй и ничего не знай, ничего не понимай, ни о чемъ не разсуждай —не такова ли была программа народнаго просвѣщенія, провозглашенная Шишковымъ и долго провозглашавшаяся его послѣдователями? „Тишина царствуетъ повсюду, говорилъ онъ, что же еще нужно Россіи". Характеристика эта, быть можетъ, нѣсколько рѣзка, кое гдѣ преувеличена (ничего не знай), но въ общемъ вѣрна; едва ли только

можно согласиться съ авторомъ, чтобы въ Императорѣ Александрѣ дѣйствовали еще либеральные инстинкты въ 1824 году, когда онъ не соглашался рѣзко осудить дѣятельность князя А. Н. Голицына; тутъ скорѣе дѣйствовала—нерѣшительность Александра, его прежнее увлеченіе внутреннимъ христіанствомъ, ставившее его въ близкія отношенія по духу съ г-жей Криденеръ, квакерами, и личное глубокое довѣріе и пріязнь къ кн. Голицыну, впервые познакомившему его съ Библіей. Не найдя твердой поддержки въ Государѣ, Шишковъ долженъ былъ въ сущности отказаться отъ послѣдовательнаго проведенія своей системы. Объ охранительныхъ взглядахъ Шишкова могутъ свидѣтельствовать слѣдующія выдержки изъ его писемъ и представленій Государю и Аракчееву (послѣднія также читались Императору Александру). На первомъ представленіи своемъ Государю онъ читалъ ему записку, въ которой просилъ: „поручить ему составить планъ, какіе употребить способы къ тихому и скромному потушенію того зла, которое хотя и не носитъ имени *карбонарства*, но является таковымъ въ дѣйствительности и уже на столько усилилось, что если теперь же не принять противъ него должныхъ мѣръ, то впослѣдствіи его уже ничто не будетъ въ состояніи остановить; для обузданія разврата, разсѣваемаго книгами, необходимо теперь же, не ожидая общаго плана, выработать новый цензурный уставъ, ибо раньше, можно сказать, цензуры не существовало". Въ другой бумагѣ Шишковъ писалъ: нравственный развратъ, подъ названіемъ *духа времени*, долго росъ и усиливался; министерство народнаго просвѣщенія не только допускало, но и покровительствовало ему; нынѣ нужно ему поставить преграду и этою преградою ты, Государь, велишь быть мнѣ, слабому, немощному, ничтожному; въ сихъ обстоятельствахъ питаю надежду на Бога и на Тебя, Государь! Поддержи меня могуществомъ Твоей руки, подкрѣпи меня твердостью Твоей воли, просвѣти меня силою Твоего свѣдѣнія и разума! Если противники мои примѣтятъ, что я не имѣю доступа къ Тебѣ, не могу сообщать Тебѣ своихъ мыслей, то сдѣлаются дерзновеннѣе прежняго и, не взирая на величайшую мою преданность и повиновеніе, я долженъ буду уйти. Въ своемъ проектѣ цензурнаго устава Шишковъ рекомендовалъ, чтобы Святѣйшій Синодъ и цензоры пересмотрѣли всѣ раньше изданныя книги и истребили тѣ изъ нихъ, кои будутъ признаны вредными; комитетъ, по его мысли, долженъ былъ призывать къ себѣ писателей съ вреднымъ образомъ мыслей и рекомендовать имъ отказаться отъ него. Онъ приготовилъ для Государя манифестъ, въ которомъ ясно осуждалось направленіе дѣятельности прежняго министерства народнаго просвѣщенія съ кн. Голицынымъ во главѣ, но онъ

не былъ подписанъ Императоромъ Александромъ. Въ немъ между прочимъ говорилось отъ имени Государя: „къ крайнему сожалѣнію Нашему примѣчаемъ мы, что министерство просвѣщенія отъ самаго начала учрежденія своего не соотвѣтствовало распространенію тѣхъ пользъ, какихъ мы отъ него желали и ожидали. Истинное просвѣщеніе состоитъ въ страхѣ Божіемъ, который есть начало премудрости, въ утвержденіи себя въ православной Нашей вѣрѣ, напояющей душу и сердце человѣческое благоговѣніемъ къ Богу, любовію къ ближнему и всѣми нужными для благоденственнаго общежитія добродѣтелями, и наконецъ въ украшеніи ума своего науками, отверзающими путь къ обширнѣйшимъ познаніямъ, къ полезнымъ искусствамъ и художествамъ. Но всѣ сіи стремленія къ обогащенію себя нужными свѣдѣніями должны быть основаны на кротости и смиренномъ разумѣ, чуждомъ возбуждаемыхъ страстями буйныхъ умствованій, вовлекающихъ въ неистовыя и строптивыя заблужденія. Возносчивый умъ, не сопровождаемый благостію души, мрачнѣе и вреднѣе всякой простоты. Гордымъ противится Богъ, говоритъ Божественное слово; но что иное высокопарныя мнимыхъ мудрецовъ мечтанія, какъ не безумная гордость сердца? Сколько сіи ложныя умствованія, подъ пышнымъ именемъ любомудрія, произвели пагубныхъ для человѣческаго рода послѣдствій! Истинное любомудріе тамъ водворяется и свѣтъ онаго тамъ свѣтитъ, гдѣ люди руководствуются законами Вышняго и правилами вѣры, пріобрѣтая, по словамъ ея, съ мудростію змѣя беззлобіе голубя, а не тамъ, гдѣ ухищряются они ложными толкованіями превращать духъ кротости въ духъ кичения и любовь къ общему благоденствію въ любовь къ одному себѣ. Тамъ всегда тяготѣла надъ ними рука Господня; тамъ съ разрушеніемъ порядка и законовъ поднимало лютую главу свою безначаліе и до тѣхъ поръ ужасами и муками терзало тишину общежитія, доколѣ удрученные до изнеможенія народы, познавъ обманъ и прелесть лжеучителей, не обращались паки къ прежнему благочестію и благоустройству. И хотя русскій народъ свободенъ отъ этихъ заблужденій: онъ вѣренъ церкви, престолу и отечеству — но мы повелѣваемъ вамъ войти въ строгое наблюденіе—не преподаются ли гдѣ въ университетахъ, гимназіяхъ, народныхъ училищахъ и пенсіонахъ подъ видомъ наукъ какія-либо вредныя ученія, не разсѣеваются ли гдѣ въ свѣтской словесности подобныя же мысли и разсужденія, не выдаетъ ли кто себя за проповѣдника и учителя подобныхъ новизнъ. Для сего представьте намъ объ учрежденіи новой цензуры"... По поводу дѣятельности Библейскихъ обществъ и перевода Библіи на русскій языкъ, Шишковъ писалъ Аракчееву: „Библейское общество продаетъ книги, большую часть которыхъ,

яко противныхъ всякой христіанской вѣрѣ и возмутительныхъ по своему содержанію, слѣдовало бы истребить.... Мнѣ поручено министерсто просвѣщенія: но какое просвѣщеніе можетъ быть тамъ, гдѣ колеблется вѣра? Если библейскія общества будутъ по прежнему существовать и, проповѣдуя пользу и распространеніе въ христіанскомъ государствѣ христіанства, въ самомъ дѣлѣ умножать только ереси и расколы, если церковныя книги, для того чтобъ уронить важность ихъ, будутъ съ высокаго языка, сдѣлавшагося для насъ священнымъ, переводиться невѣдомо кѣмъ и какъ на простонародный, какимъ говоримъ мы между собою и на театрѣ; если кромѣ того съ иностранныхъ языковъ вмѣсто нашихъ молитвъ и евангельскихъ нравоученій переводиться будутъ такъ называемыя духовно-философскія, а по настоящему ихъ смыслу карбонарскія и революціонныя книги, то я министромъ просвѣщенія быть не гожусь“. Вслѣдъ затѣмъ Шишковъ обратилъ вниманіе Государя и Аракчеева на „Краткій катехизисъ“ Филарета, въ которомъ молитвы были объяснены по русски—и добился запрещенія выпустить его въ свѣтъ (это изданіе того самаго катехизиса, по которому учатся и теперь; въ 1865 году онъ вышелъ уже 105-мъ изданіемъ). О вредѣ библейскихъ обществъ Шишковъ написалъ рядъ записокъ и здѣсь выступилъ даже противъ своего союзника митрополита Серафима; въ концѣ концовъ ему удалось таки добиться ихъ закрытія. Въ одномъ изъ писемъ къ Аракчееву онъ самъ даетъ разъясненіе своей системы: говорятъ, что я завожу *инквизицію*. Но что же значитъ слово инквизиція? Розыскъ! Но какой?—Не казни, не мученія, ибо сихъ никто не требуетъ; но просто розысканіе или изслѣдованіе актовъ, изъ коихъ можно было бы увидѣть, какое въ нихъ *скрывается намѣреніе*—доброе или худое.... Много разъ онъ заявлялъ, что падетъ подъ тяжестью своего затруднительнаго, неопредѣленнаго положенія и прибавлялъ, что его называли чудакомъ, хотящимъ ладонью своей руки остановить быстрое теченіе потока. Какъ видимъ, это было возрожденіе системы Магницкаго.

Не могъ совершенно остановить потока ручья этотъ „старовѣръ просвѣщенія“, и съ восшествіемъ на престолъ Императора Николая Павловича, хотя оно сопровождалось движеніемъ декабристовъ, долженствовавшимъ вызвать реакцію въ новомъ правительствѣ. Напрасно онъ сдѣлалъ ему новое представленіе въ своемъ духѣ о дѣлѣ Госнера-Попова; напрасно онъ указывалъ на угрожающую Россіи революцію, уже проявившуюся 14 декаяря 1825 года. Въ своемъ манифестѣ новый Императоръ Николай Павловичъ призналъ это революціонное движеніе заразой, занесенной къ намъ извнѣ, но для истребленія ея въ корнѣ рѣшилъ вести воспитаніе юношества въ духѣ серьезнаго обученія. Не

просвѣщенію, писалъ онъ въ манифестѣ о декабристахъ, но праздности ума, болѣе вредной, нежели праздность тѣлесныхъ силъ,—недостатку твердыхъ познаній должно приписать это своевольство мыслей, источникъ буйныхъ страстей, эту пагубную роскошь полузнаній, этотъ порывъ въ мечтательныя крайности, коихъ начало—порча нравовъ, а конецъ—погибель". Далѣе Государь обращался къ дворянству и просилъ его позаботиться о домашнемъ образованіи въ духѣ страха Божьяго, добрыхъ нравовъ и отечественнаго, а не чужеземнаго просвѣщенія. Въ обращеніи къ созданному имъ комитету для устройства учебныхъ заведеній Императоръ Николай Павловичъ прямо высказался въ пользу просвѣщенія, но съ тѣмъ чтобы оно было основано на твердыхъ *единообразныхъ* началахъ. Къ участію въ этомъ комитетѣ были привлечены и такія лица, противъ которыхъ была сильно возбуждена Шишковская партія—гр. Ливенъ, гр. Уваровъ. Въ главномъ правленіи училищъ повѣяло нѣсколько инымъ духомъ: прекращено было возбужденное Магницкимъ дѣло объ изгнаніи философіи изъ русскихъ университетовъ: самъ Магницкій долженъ былъ выйти изъ состава членовъ и оставить должность попечителя; Руничъ также былъ отрѣшенъ отъ должности и даже преданъ суду; Государь въ 1826 г., какъ извѣстно, обратился къ А. С. Пушкину и поручилъ ему составить записку о народномъ просвѣщеніи;—въ ней также говорилось о недостаткѣ серьезнаго образованія въ русскомъ обществѣ времени Императора Александра и о необходимости его расширенія и углубленія для уничтоженія поверхностнаго полузнанія. Но правительство отмѣтило въ запискѣ Пушкина отсутствіе указаній на такіе важные факторы воспитанія, какъ нравственность, усердіе и примѣрное служеніе. Вообще руководящее значеніе въ дѣлѣ образованія при Николаѣ Павловичѣ получили идея государственности, оффиціальная регламентація и стремленіе къ единообразію. Съ цѣлью уравненія уставовъ и курсовъ былъ Высочайше учрежденъ особый комитетъ. Въ концѣ инструкціи ему было прямо сказано: опредѣлить одинаковые курсы и учебники и воспретить произвольное преподаваніе наукъ по произвольнымъ книгамъ и тетрадямъ. Въ Виленскомъ университетѣ были уничтожены выборы ректора, на томъ основаніи, что такой республиканскій обычай будтобы несоотвѣтствовалъ монархической формѣ правленія въ Россіи. Стремясь къ расширенію государственной власти, правительство Николая Павловича изъяло въ 1835 г. училища изъ вѣдѣнія университетовъ и передало ихъ въ непосредственную зависимость попечителей учебныхъ округовъ. Въ томъ же духѣ оно реформировало и самый университетскій уставъ (въ 1835 г.). Исходя изъ существовавшаго тогда соціальнаго строя,

правительство требовало, чтобы высшее образованіе доставлялось только лицамъ свободныхъ состояній, а крѣпостные крестьяне не шли далѣе приходскихъ, уѣздныхъ и низшихъ техническихъ училищъ. Въ 1831 году былъ изданъ Высочайшій указъ, запретившій въ сущности образованіе заграницей: туда можно было отправляться только съ Высочайшаго соизволенія и при томъ по особо уважительнымъ причинамъ. Мотивировалось это прямо вредомъ иноземнаго образованія: „молодые люди, говорилось въ указѣ, возращаются иногда въ Россію съ самыми ложными о ней понятіями. Не зная ея истинныхъ потребностей, законовъ, нравовъ, порядка, а нерѣдко и языка, они являются чуждыми посреди всего отечественнаго". Въ 1828 г. Шишковъ, убѣдившись въ томъ, что Императоръ Николай еще въ большей степени, чѣмъ Александръ, не станетъ поддерживать его крайнихъ мѣръ—въ этомъ году былъ изданъ новый цензурный уставъ, сильно сократившій строгости прежняго, имъ созданнаго,—самъ подалъ въ отставку.

Его мѣсто занялъ генералъ отъ инфантеріи князь Карлъ Андреевичъ Ливенъ, бывшій раньше попечителемъ Дерптскаго учебнаго округа; въ качествѣ члена главнаго правленія училищъ, онъ велъ борьбу съ Магницкимъ и выступалъ на защиту философіи и университетской автономіи. „Человѣкъ, въ теченіи 11 лѣтъ служившій дѣлу народнаго просвѣщенія, пользовавшійся совѣтами безспорно свѣдущихъ и благородныхъ людей, человѣкъ, „крѣпкій какъ булатъ, чистый какъ золото, истинное зеркало благородства для всѣхъ временъ (выраженіе о немъ одного его современника), ничто такъ не ненавидѣвшій, какъ все, что обнаруживало недостатокъ убѣжденій или слабость и подлость", проникнутый религіознымъ чувствомъ и цѣнившій тоже самое въ другихъ (нѣкогда онъ былъ однимъ изъ старшинъ русскаго библейскаго общества), человѣкъ для котораго личина нравственности не имѣла ни малѣйшаго значенія, безъ внутренняго двигающаго начала; наконецъ, человѣкъ неоспоримаго патріотизма былъ поставленъ теперь во главѣ народнаго просвѣщенія". Но при всѣхъ этихъ личныхъ достоинствахъ, кн. Ливенъ не оставилъ замѣтнаго слѣда въ исторіи Министерства Народнаго Просвѣщенія: уставъ среднихъ учебныхъ заведеній 1828 года онъ принялъ отъ своего предшественника, а университетскій уставъ 1835 г. былъ изданъ уже его преемникомъ.

Въ 1833 году онъ оставилъ должность по разстроенному здоровью и его замѣнилъ бывшій его помощникъ, извѣстный намъ гр. С. С. Уваровъ. „Болѣе другихъ способный занять этотъ важный постъ по своему отличному образованію, во всѣхъ отношеніяхъ вполнѣ къ нему приготовленный, Уваровъ, привѣтствованный одою Греффе, воспѣвавшею наступленіе новаго вѣка для русской науки, принялся

за выполненіе своей задачи". Въ обращеніи къ попечителямъ учебныхъ округовъ онъ выставилъ три начала, которыя, въ неразрывной связи другъ съ другомъ, должны были руководить дѣломъ образованія—православіе, самодержавіе и народность. „Духъ русскій, здравый, говорилось въ оффиціальномъ отчетѣ, высокій въ простотѣ своей, смиренный въ доблести, непоколебимый въ покорности закону, обожатель царей, готовый все положить за любезное отечество искони возвышалъ нравственныя силы его: самодержавіе соединило расторженные члены государства, уврачевало язвы его, дало ему единство и упрочило его цѣлость въ такой огромной массѣ, которой не было въ исторіи міра ничего подобнаго; наконецъ, вѣра, торжествующая надъ всѣми земными бѣдствіями, помогла ему устоять противъ всѣхъ бурь и волненій, сохранила бытіе Россіи при напорѣ и полудикихъ ордъ языческаго востока и полупросвѣщенныхъ полчищъ мятежнаго запада; и она же, основанная въ нашемъ отечествѣ на незыблемомъ камени православія, служитъ ему вѣрнѣйшею защитою отъ того развращенія умовъ, которое гибельнѣе всѣхъ золъ и иноплеменныхъ нашествій. На сихъ то спасительныхъ началахъ почиваетъ и настоящее благоденствіе наше, и крѣпкая надежда будущаго"…. Свое направленіе министръ выражаетъ въ слѣдующихъ словахъ: „при оживленіи всѣхъ умственныхъ силъ, охранить ихъ теченіе въ границахъ безопаснаго благоустройства, внушить юношеству, что на всѣхъ степеняхъ общественной жизни умственное совершенствованіе безъ совершенствованія нравственнаго—мечта и мечта пагубная, изгладить противоборство такъ называемаго европейскаго образованія съ потребностями нашими, исцѣлить новѣйшее поколѣніе отъ слѣпаго и необдуманнаго пристрастія къ поверхностному и иноземному, распространяя въ юныхъ умахъ радушное уваженіе къ отечественному и полное убѣжденіе, что только приноровленіе общаго всемірнаго просвѣщенія къ нашему народному быту, къ нашему народному духу, можетъ принести истинные плоды всѣмъ и каждому; потомъ обнять вѣрнымъ взглядомъ огромное поприще, открытое предъ любезнымъ отечествомъ, оцѣнить съ точностію всѣ противоположные элементы нашего гражданскаго образованія, всѣ историческія данныя, которыя стекаются въ обширный составъ имперіи, обратить сіи развивающіеся элементы и пробужденныя силы, по мѣрѣ возможности, къ одному знаменателю; наконецъ, искать этого знаменателя въ тройственномъ понятіи православія, самодержавія и народности"…. И такъ, въ девизѣ православія, самодержавія и народности слились три основные элемента—религіозный, политическій и этическій. Подъ народностью гр. Уваровъ разумѣлъ не столько этнографическую, сколько

нравственную коллективную единицу, извѣстный комплексъ этическо-общественныхъ понятій, составлявшихъ специфическую особенность русскаго народа. Его воззрѣнія, какъ мы видимъ, подходятъ здѣсь къ славянофильскимъ, хотя и не могутъ быть отождествлены съ ними, не смотря на сходство ихъ формулы; идея „народности“ гр. Уварова была оффиціально государственной, въ то время какъ у славянофиловъ она носила на себѣ печать этнографіи. „Общественная мысль, говоритъ современный историкъ русской этнографіи, съ начала Николаевскихъ временъ была въ состояніи крайней подавленности. Катастрофа, обрушившаяся на либеральный кружокъ Александровскаго времени, изгнала изъ обращенія цѣлый разрядъ идей и стремленій, предметомъ которыхъ было исправленіе общественныхъ недостатковъ и возвышеніе общественнаго сознанія, слабые проблески движенія оказывались только въ литературѣ; наибольшая доля ея служила элементарнымъ книжнымъ потребностямъ общества въ духѣ господствовавшаго настроенія: лишь меньшая доля будила общественную мысль, дѣйствуя на сравнительно небольшую часть общества. Рядомъ со слабостью образовательнаго интереса въ обществѣ шла и слабость научныхъ средствъ“. И дѣйствительно, въ наукахъ университетскаго преподаванія, не смотря на провозглашенный принципъ народности, не было мѣста этнографіи! Вмѣсто того чтобы соединить въ гармоническомъ сочетаніи государственный и общественный элементъ, дабы одинъ могъ помогать и содѣйствовать другому, система гр. Уварова пыталась совсѣмъ подорвать второй и распространить на его счетъ первый. „Если выходъ изъ грубой тьмы невѣжества и безпрерывное дальнѣйшее движеніе къ свѣту необходимы для человѣка, заявлялъ онъ, то попечительное въ этомъ дѣлѣ участіе правительствъ необходимо для народовъ. *Только* правительство имѣетъ всѣ средства знать и высоту успѣховъ всемірнаго образованія, и настоящія нужды отечества. Съ одной стороны облегчая каждому способы къ основательному пріобрѣтенію и совершенствованію полезныхъ свѣдѣній, съ другой соображая ходъ новыхъ идей съ вѣрою, учрежденіями, обычаями и иными особенностями государства и, наконецъ, съ общими успѣхами его жителей на поприщѣ гражданственности, оно содѣйствуетъ, сколько можно долѣе для страны своей, тѣмъ надежнѣйшему, мирному и прочному въ ней развитію просвѣщенія; блюдетъ истинныя выгоды народа и предохраняетъ его отъ тѣхъ нравственно политическихъ язвъ, которыя подобно физическимъ, только въ общемъ планѣ провидѣнія могутъ быть не безполезны, но коихъ и любовь къ родинѣ и даже здравый смыслъ велитъ намъ избѣгать, какъ незавидной печальной доли—страдать въ поученіе другимъ“. Въ обращеніи

къ университетамъ гр. Уваровъ прямо говорилъ, что „каждый изъ профессоровъ долженъ употребить всѣ силы, дабы *сдѣлаться достойнымъ орудіемъ правительства*“. Неудивительно, что, при такихъ условіяхъ, лучшія общественныя стремленія замерли и люди, истинно просвѣщенные, любившіе Россію, желавшіе для нея прогресса, нравственно страдали въ это время. „Неужели, въ самомъ дѣлѣ, восклицаетъ въ своемъ дневникѣ подъ 1833 годомъ Никитенко, все честное и просвѣщенное такъ мало уживается съ общественнымъ порядкомъ! Хорошъ же послѣдній! На что же заводить университеты? Непостижимое дѣло! Опять велѣно отправить заграницу для усовершенствованія въ наукахъ двадцать избранныхъ молодыхъ людей—а что они будутъ дѣлать тутъ, возвратясь со своими познаніями, съ благороднымъ стремленіемъ озарить свое поколѣніе свѣтомъ истины“... Далѣе онъ даетъ въ высшей степени мѣткую, хотя и нѣсколько сатирическую характеристику Александровскихъ и Николаевскихъ временъ. „Было время, что нельзя было говорить объ удобреніи земли, не сославшись на тексты изъ священнаго писанія. Тогда Магницкіе и Руничи требовали, чтобы философія преподавалась по программѣ, сочиненной въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія; чтобы, преподавая логику, старались бы въ тоже время увѣрить слушателей, что законы разума не существуютъ, а, преподавая исторію, говорили бы, что Греція и Римъ вовсе не были республиками, а такъ чѣмъ то похожимъ на государства съ неограниченною властью, въ родѣ турецкой или монгольской. Могла ли наука принести какой нибудь плодъ, будучи такъ извращаема? А теперь? О, теперь совсѣмъ другое дѣло. Теперь требуютъ, что бы литература процвѣтала, но никто бы ничего не писалъ ни въ прозѣ, ни въ стихахъ; требуютъ, чтобы учили какъ можно лучше, но чтобы учащіе не размышляли, потому что учащіе—что такое? Офицеры, которые (сурово) управляются съ истиной и заставляютъ ее вертеться во всѣ стороны передъ своими слушателями. Теперь требуютъ отъ юношества, чтобы оно училось много и притомъ не механически—но чтобы оно не читало книгъ и никакъ не смѣло думать, что для государства полезнѣе, если его граждане будутъ имѣть свѣтлую голову вмѣсто свѣтлыхъ пуговицъ на мундирѣ“. Еще болѣе яркую картину общественнаго настроенія лучшихъ людей своего времени даетъ Никитенко въ слѣдующемъ отрывкѣ подъ 1834 годомъ. „Причина нынѣшняго нравственнаго паденія у насъ, по моему наблюденію, пишетъ онъ, въ политическомъ ходѣ вещей. Настоящее поколѣніе людей мыслящихъ не было таково, когда исполненное свѣжей юношеской силы оно впервые вступало на поприще умственной дѣятельности. Оно не было

проникнуто такимъ глубокимъ безвѣріемъ, не относилось такъ цинично ко всему благому и прекрасному. Но власти объявили себя врагами всякаго умственнаго развитія, всякой свободной дѣятельности духа. Не уничтожая ни наукъ, ни учебной администраціи, они однако до того затруднили насъ цензурою, частыми преслѣдованіями и общимъ направленіемъ къ жизни, чуждой всякаго нравственнаго самопознанія, что мы вдругъ увидѣли себя въ глубинѣ души какъ бы запертыми со всѣхъ сторонъ, отторженными отъ той почвы, гдѣ духовныя силы развиваются и совершенствуются. Сначала мы судорожно рвались на свѣтъ. Но когда увидѣли, что съ нами не шутятъ, что отъ насъ требуютъ безмолвія и бездѣйствія, что талантъ и умъ осуждены въ насъ цѣпенѣть и гноиться на днѣ души, обратившейся для нихъ въ тюрьму; что всякая свѣтлая мысль является преступленіемъ противъ общественнаго порядка, когда, однимъ словомъ, намъ объявили, что люди образованные въ нашемъ обществѣ считаются паріями; что оно пріемлетъ въ свои нѣдра одну бездушную покорность, а салдатская дисциплина признается единственнымъ началомъ, на основаніи котораго позволено дѣйствовать—тогда все юное поколѣніе вдругъ нравственно оскудѣло. Всѣ его высокія чувства, всѣ идеи, согрѣвавшія его сердце, воодушевлявшія его къ добру, къ истинѣ, сдѣлались мечтами безъ всякаго практическаго значенія—а мечтать людямъ умнымъ смѣшно. Все было приготовлено, настроено и устроено къ нравственному преуспѣянію— и вдругъ этотъ складъ жизни и дѣятельности оказался несвоевременнымъ, негоднымъ: его пришлось ломать и на развалинахъ строить канцелярскія камеры и салдатскія будки. Но скажутъ, что въ это время открывали новые университеты, увеличили штаты учителямъ и профессорамъ, посылали молодыхъ людей за границу для усовершенствованія въ наукахъ; это значило еще увеличивать массу несчастныхъ, которые не знали, куда дѣться со своимъ развитымъ умомъ, со своими требованіями на высшую умственную жизнь". Сильнѣе всего этотъ гнетъ мысли проявлялся въ подвигахъ тогдашней цензуры. Достаточно вспомнить, что въ это время дѣйствовалъ знаменитѣйшій изъ цензоровъ, Красовскій, по выраженію современника, „цѣликомъ казенный человѣкъ, какъ понимали казеннаго человѣка въ старину... Въ немъ все было напоказъ: тѣло и душа въ мундирѣ; набожность, православіе, человѣческое чувство, служба—все форменнаго покроя. Водотолченое усердіе, принизительное смиреніе, угодливость передъ высшими, разсчитанное ханжество—все это служило ему ходулями впродолженіи всей его дѣятельности". Еще въ 1823 году составленъ былъ проектъ новаго цензурнаго устава, долженствовавшаго замѣнить собою хотя и урѣзан-

ный, но все таки либеральный уставъ 1804 года, не соотвѣтствовавшій духу времени. Редакторомъ его былъ Магницкій. Вообще въ министерство кн. А. Н. Голицына цензура отличалась большою строгостью. При Шишковѣ подвергалось гоненію все, что имѣло связь съ прежнимъ библейскимъ обществомъ; цензура надъ свѣтскими сочиненіями также не была облегчена, а еще болѣе усилилась. Шишкову принадлежитъ также честь составленія новаго цензурнаго устава 1826 г., который былъ прозванъ „*чугуннымъ*“ и о которомъ цензоръ Глинка говоритъ, что, руководствуясь имъ, „можно“ и „Отче нашъ“ истолковать якобинскимъ нарѣчіемъ“. Въ 1828 г. былъ впрочемъ изданъ новый цензурный уставъ болѣе либеральнаго содержанія; вѣдомство цензуры было заключено въ немъ въ предѣлы, болѣе соотвѣтствующіе ея истинному назначенію: нельзя было теперь доискиваться въ рукописяхъ тайнаго смысла, входить въ сужденіе по существу о взглядахъ писателя, поправлять его ошибокъ и т. п. Но съ 1830 г., вслѣдствіе іюльской революціи и польскаго возстанія въ Россіи, снова начались печальные дни; цензоръ Никитенко въ своемъ дневникѣ подъ 1830 годомъ говоритъ: „истекшій годъ принесъ мало утѣшительнаго для просвѣщенія въ Россіи. Надъ нимъ тяготѣлъ унылый духъ притѣсненія. Многія сочиненія въ прозѣ и стихахъ запрещались по самымъ ничтожнымъ причинамъ, можно сказать, даже безъ всякихъ причинъ, подъ вліяніемъ овладѣвшей цензорами паники.... Цензурный уставъ совсѣмъ ниспровержень. Намъ пришлось удостовѣриться въ горькой истинѣ, что на землѣ русской нѣтъ и тѣни законности. Умы болѣе и болѣе развращаются, видя, какъ нарушаются законы тѣми самыми, которые ихъ составляютъ, какъ быстро одни законы смѣняются другими и т. п.“. Новый министръ народнаго просвѣщенія гр. Уваровъ взялъ дѣло цензуры въ свои руки и, пользуясь своимъ широкимъ образованіемъ, знаніемъ современной ему литературы и журналистики, завязалъ надъ ними крѣпкій узелъ своей оффиціальной власти: имъ между прочимъ, какъ извѣстно, были закрыты „Московскій телеграфъ“ Полеваго и „Телескопъ“ Надеждина; при немъ же въ 1834 году состоялось запрещеніе печатать дешевыя книги для народа, ибо „приводить низшіе классы нѣкоторымъ образомъ въ движеніе и поддерживать ихъ какъ бы въ состояніи напряженія не только безполезно, но и вредно“ [1].

---

[1]) Настоящій очеркъ, представляющій какъ бы широкое историческое введеніе въ исторію Харьковскаго университета за 2-й періодъ его существованія, не претендуетъ, конечно, на новизну и самостоятельность, но заключаетъ въ себѣ сводку ог-

Мы должны были выяснить отношеніе къ дѣлу высшаго народнаго образованія центральнаго правительства во вторую половину царствованія Императора Александра I-го и первыя десять лѣтъ царствованія Императора Николая Павловича, ибо безъ этого намъ было бы неясно и направленіе правительственной дѣятельности мѣстныхъ органовъ управленія, т. е. попечителей Харьковскаго учебнаго округа, а также отчасти и самого университета, съ его выборной администраціей, главнымъ образомъ ректурой. Политика министерства отражалась въ большей или меньшей степени и на мѣстѣ, во всѣхъ учебныхъ округахъ, въ томъ числѣ и въ Харьковскомъ;—и теперь намъ нужно обратиться къ обозрѣнію университетской дѣятельности Харьковскихъ попечителей, такъ какъ она съ одной стороны имѣла важное вліяніе на университетъ и на его самоуправленіе по существу, а съ другой—опредѣляетъ намъ степень реакціи, нашедшей себѣ проявленіе именно въ Харьковскомъ университетѣ.

Первымъ попечителемъ Харьковскаго учебнаго округа былъ извѣстный намъ графъ Северинъ Осиповичъ Потоцкій, который много способствовалъ и устроенію университета въ Харьковѣ, и его дальнѣйшему развитію и преуспѣянію. Гр. Потоцкій не жилъ въ Харьковѣ и управлялъ университетомъ, такъ сказать, издалека. При такихъ условіяхъ ему, казалось бы, было трудно и даже невозможно внимательно слѣдить за университетскими дѣлами, вникать во всѣ мелочи университетской жизни, составлять себѣ вѣрное представленіе о профессорахъ, ихъ дѣятельности, мотивахъ этой послѣдней, бытѣ студентовъ и т. п. И однако, ознакомившись внимательно по документамъ съ многолѣтнею дѣятельностью Потоцкаго въ качествѣ попечителя Харьковскаго округа,

---

носящагося сюда матеріала, извлеченнаго изъ главнѣйшихъ пособій и первоисточниковъ. Въ основу его положены слѣдующіе труды и изданія: 1) М. И. Сухомлинова. Изслѣдованія и статьи. СПБ. 1889 г.. т. I-й; 2) А. Н. Пыпина. Общественное движеніе въ Россіи при Императорѣ Александрѣ I-мъ и Исторія русской этнографіи; 3) В. К. Надлера. Императоръ Александръ I и идея священнаго союза; 4) Н. К. Шильдера. Императоръ Александръ I-й, его жизнь и царствованіе; 5) Ѳеоктистова. Магницкій. СПБ., 1865 г.; 6) Скабичевскаго. Очерки исторіи русской цензуры, СПБ., 1892 г. 7) Е. Шмида. Исторія среднихъ учебныхъ заведеній въ Россіи, СПБ, 1878 г.; 8) Щебальскаго. А. С. Шишковъ, его союзники и противники (Рус. Вѣст. 1870 года, томъ 90-й); 9) Записки, мнѣнія и переписка адм. А. С. Шишкова, изд. Кисилева и Ю. Самарина, т. 2-й. Berlin; 10) Семейная хроника и воспоминанія С. Аксакова, изд. 3-е М. 1862-й; 11) Записки и дневникъ Никитенка, т. 1-й, СПБ., 1893 г., 12) Сборникъ постановленій по Министерству Народнаго Просвѣщенія, т. 1-й и 2-й, СПБ., 1864 г.; 13) Сборникъ распоряженій по Министерству Народнаго Просвѣщенія, т. 1-й (1802 - 1834 г.), СПБ., 1866 г.

мы должны высказать заключеніе, что она была очень энергична, разумна, цѣлесообразна и полезна какъ для университета, такъ и для подвѣдомственныхъ ему въ округѣ школъ. Правда, гр. Потоцкій не проживалъ постоянно въ Харьковѣ, но въ этомъ и не было настоятельной надобности при томъ отношеніи его къ университету, какое онъ проводилъ, очевидно, принципіально: онъ только внимательно слѣдилъ за дѣятельностью органовъ его управленія, чтобы они не отступали отъ устава, не нарушали справедливости и пользъ университета, разрѣшалъ возникавшія недоразумѣнія и затрудненія, постановлялъ свои рѣшенія, давалъ разъясненія и благожелательные совѣты, но не старался вмѣшиваться въ мелочи университетской жизни, съуживать широкую автономію, предоставленную совѣту уставомъ 1804 года. Скорѣе можно сказать, что онъ стоялъ за расширеніе выборнаго начала. Такъ, между прочимъ, уже въ 1816 году онъ вошелъ съ представленіемъ къ Министру Народнаго Просвѣщенія гр. А. К. Разумовскому о предоставленіи должности секретаря совѣта, по выборамъ, не ординарнымъ профессорамъ, какъ того требовалъ уставъ, а экстраординарнымъ или адъюнктамъ. Основывался онъ въ своемъ заключеніи на мотивированномъ мнѣніи по этому поводу проф. Книгина [1]). И результаты, по

---

[1]) Вотъ подлинный текстъ любопытнаго мнѣнія Книгина. „Съ самаго вступленія въ университетъ замѣтилъ я, что должность секретаря совѣта почти никѣмъ не была охотно принимаема, что происходитъ по мнѣнію моему отъ слѣдующихъ причинъ: обязанность секретаря совѣта есть записывать въ протоколъ всѣ бумаги, поступающія въ совѣтъ и рѣшенія по онымъ послѣдовавшія, замѣчать мнѣнія профессоровъ о дѣлѣ, представляемомъ на сужденіе, сочинять протоколы и списки оныхъ, чинить справки по дѣламъ, исполнять опредѣленія совѣта, сочинять представленія къ г-ну Министру и г-ну Попечителю, давать выписки въ Правленіе, училищный комитетъ, въ отдѣленія и сочинять письма къ разнымъ лицамъ, содержать порядокъ архива и прочее; изъ чего явствуетъ, что сія должность весьма обширна, и по мнѣнію моему неправильно падаетъ на члена совѣта, ибо каждый членъ онаго, какъ профессоръ ординарный, довольно дѣлъ имѣетъ по должности профессора: при томъ какъ возможно, чтобы одинъ и тотъ же членъ былъ вмѣстѣ и секретарь совѣта. Во всѣхъ государственныхъ коллегіяхъ секретарь замѣчаетъ только мнѣнія членовъ, не имѣя голоса въ рѣшеніяхъ; хотя въ академіи наукъ академикъ и отправляетъ секретарскую должность, но въ ней нѣтъ судныхъ дѣлъ; иначе послѣдовало бы замѣшательство, что доказывается и у насъ самымъ дѣломъ. Профессоръ Рейтъ по сказаннымъ причинамъ отказался отъ должности. Профессоръ Лангъ никогда не имѣлъ бы случая гнѣваться на совѣтъ, ежели бы не былъ секретаремъ онаго, профессоръ Каменскій также много имѣлъ непріятности при исправленіи этой должности. Основываясь на этомъ, полезнѣе было бы поручить эту должность одному изъ экстраординарныхъ профессоровъ или адъюнктовъ, способныхъ къ ней, потому что они въ обыкновенномъ собраніи не будутъ участвовать во мнѣніяхъ, подаваемыхъ въ совѣтъ и отъ нихъ совѣтъ можетъ

крайней мѣрѣ, въ первые годы получались вполнѣ благопріятные: университетская жизнь шла хорошо, по правильному пути. Нужно впрочемъ замѣтить, что, не смотря на дальность разстоянія, отдѣлявшаго Харьковъ отъ мѣстопребыванія попечителя, между нимъ и совѣтомъ университета шла правильная, частая и регулярная корреспонденція и, просматривая протоколы совѣта, видя въ каждомъ изъ нихъ отзывы, заключенія и рѣшенія гр. Потоцкаго, совершенно забываешь объ отсутствіи его изъ Харькова и получаешь впечатлѣніе, что онъ будто бы жилъ здѣсь же на мѣстѣ. Еще болѣе приходится изумляться отзывчивости гр. Потоцкаго на нужды средняго и низшаго народнаго образованія въ предѣлахъ Харьковскаго учебнаго округа. Къ каждому году относится большая книга рукописныхъ „предложеній“ гр. Потоцкаго, касающихся устройства и управленія училищъ; здѣсь онъ вникаетъ уже во всѣ мелочи—и въ учебную, и въ административную, и въ хозяйственную часть. Возможность такого проникновенія въ университетскія и училищныя дѣла объясняется прежде всего, конечно, искреннею преданностью попечителя дѣлу народнаго образованія, затѣмъ его способностями къ нему, умѣньемъ разобраться въ новомъ и запутанномъ дѣлѣ, знаніемъ жизни и людей, и, наконецъ, обиліемъ и полнотою письменныхъ данныхъ, доставлявшихся изъ Харькова и позволявшихъ ему составлять себѣ достаточно ясное представленіе о жизни университета. Но само собою разумѣется, что и всего этого было бы недостаточно, если бы гр. Потоцкій не предпринималъ время отъ времени поѣздокъ въ Харьковъ и Харьковскій учебный округъ. Во время этихъ поѣздокъ онъ личными впечатлѣніями, осмотромъ и изученіемъ пополнялъ то, что для него было не вполнѣ ясно, провѣрялъ письменные отчеты о положеніи дѣлъ, знакомился съ дѣятелями, о которыхъ получалъ письменные отзывы. Мы имѣемъ въ своемъ распоряженіи отчеты гр. Потоцкаго Министру Народнаго Просвѣщенія объ осмотрѣ нѣкоторыхъ подвѣдомственныхъ ему учебныхъ заведеній—и можемъ засвидѣтельствовать, что они носятъ на себѣ печать указанныхъ выше свойствъ, соединенныхъ съ присущею ему наблюдательностью. Въ самые послѣдніе годы, не безъ вліянія измѣненій правительственной политики, измѣняется повидимому и отношеніе гр. Потоцкаго къ Харьковскому универ-

---

требовать болѣе, чѣмъ отъ своего товарища и не нужно будетъ его перемѣнять ежегодно, какъ бываетъ у насъ, о чемъ предлагаю просить его сіятельство попечителя“.

Министръ Народнаго Просвѣщенія, вполнѣ согласившись съ этими доводами, разрѣшилъ выбирать въ секретари совѣта, доколѣ не будетъ полнаго комплекта ординарныхъ профессоровъ, экстраординарныхъ или адъюнктовъ. (Архивъ Министерства Народнаго Просвѣщенія).

ситету; вмѣсто прежняго живого увлеченія мы видимъ какъ бы разочарованіе и равнодушіе. Приспособляться къ „новому курсу“ ему не хотѣлось, да и не было особенной надобности. Въ немъ все таки чувствовался прежде всего просвѣщенный вельможа независимаго и прогрессивнаго образа мыслей, а не бюрократъ, готовый приспособляться къ любой системѣ образованія. Это былъ человѣкъ европейской культуры и привычекъ, высоко ставившій просвѣщенныя страны запада—Германію и Францію. А съ 1812-го года у насъ началось, какъ мы знаемъ, сильное движеніе противъ всего иноземнаго, и эта реакція противъ иностранцевъ нашла себѣ выраженіе и въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, въ лицѣ гр. А. К. Разумовскаго: въ 1815 году было предложено совѣту Харьковскаго университета министромъ возводить въ адъюнкты только однихъ русскихъ учениковъ, но отнюдь не иностранцевъ, чтобы такимъ образомъ всѣ каѳедры перешли къ русскимъ преподавателямъ [1]. Отношенія между русскими и иностранными профессорами, какъ мы знаемъ, обострились и въ Харьковскомъ университетѣ. Тогда же разыгрался у насъ печальный эпизодъ съ ректоромъ Стойковичемъ, который умѣлъ выставить въ благопріятномъ свѣтѣ свою дѣятельность передъ попечителемъ, цѣнившимъ его дѣйствительно выдающуюся энергію, живой умъ, образованіе, житейскій тактъ. Къ сожалѣнію, Потоцкій именно въ это время и не пріѣзжалъ въ Харьковъ: въ теченіе послѣднихъ лѣтъ управленія своего онъ не являлся сюда, между тѣмъ какъ раньше пріѣзжалъ почти ежегодно. Но и съ удаленіемъ Стойковича волненіе все таки еще нѣкоторое время продолжалось: страсти не могли успокоиться такъ быстро. Стойковичъ съ своей стороны, въ отместку за удаленіе, написалъ въ Петербургѣ доносъ на Харьковскій университетъ и требовалъ слѣдствія: новый ректоръ Осиповскій долженъ былъ давать объясненія по поводу этого навѣта. Въ 1816 году возникло новое прискорбное дѣло—доносъ на проф. Шада, окончившійся удаленіемъ его отъ профессуры и административной высылкой изъ Харькова. Этотъ эпизодъ является однимъ изъ проявленій той общей реакціи, которая охарактеризована была нами выше; дѣло Шада началось правда въ министерство гр. Разумовскаго, но получило столь суровый исходъ при кн. А. Н. Голицынѣ: этимъ новый Министръ Народнаго Просвѣщенія началъ свою дѣятельность въ отношеніи къ Харьковскому университету. Мы посвятили этому любопыт-

---

[1] Сборникъ распоряженій по Министерству Народнаго Просвѣщенія т. 1-й, (1802—1834). СПБ., 1866, стр. 259—260.

ному эпизоду отдѣльный очеркъ [1]), такъ какъ обширный матеріалъ, найденный нами въ архивѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, не вмѣстился бы въ рамки настоящаго труда, а между тѣмъ представляетъ во многихъ отношеніяхъ высокій интересъ. Въ виду этого здѣсь мы ограничимся только немногими извлеченіями изъ этой спеціальной монографіи, чтобы дать общее представленіе о ходѣ дѣла. Обстоятельства, предшествовавшія высылкѣ Шада, были таковы. Проф. Дегуровъ, въ засѣданіи совѣта 22 декабря 1815 года, возбудилъ вопросъ о необходимости сличенія докторской диссертаціи кандидата Гриневича съ лекціями проф. Шада, такъ какъ, по его мнѣнію, она списана именно съ нихъ. Въ январѣ 1816 года онъ подалъ такое же заявленіе и о диссертаціи Ковалевскаго, сходной во всемъ съ прежде вышедшимъ въ свѣтъ сочиненіемъ того же проф. Шада. Произведено было тщательное сличеніе рукописей—и фактъ многочисленныхъ заимствованій былъ установленъ. Проф. Шадъ съ своей стороны объяснилъ, что онъ съ разрѣшенія факультета (и такъ оно было въ дѣйствительности) развилъ и расширилъ диссертацію Ковалевскаго по обычаю, господствовавшему въ западныхъ университетахъ: напечатана же была эта диссертація въ двухъ редакціяхъ — краткой Ковалевскаго, и обширной — его Шада. Выдача дипломовъ обоимъ аспирантамъ однако была пріостановлена отчасти совѣтомъ, отчасти министерствомъ, которое вытребовало къ себѣ въ Петербургъ и диссертаціи, и студенческія записки Шада. Вслѣдъ за дѣломъ о промоціяхъ, направленнымъ косвенно противъ Шада, возникло противъ него уже прямое обвиненіе по поводу изданныхъ имъ сочиненій „De viris illustribus urbis Romae“ и Institutiones juris naturae“. Первая книга представляла переработку сочиненія Ломонда и предназначалась въ качествѣ хрестоматіи для учащихся. Ожесточенный врагъ проф. Шада проф. Дегуровъ (Дегуровъ былъ французъ, а Шадъ выступалъ съ рѣзкими нападками на Францію и Наполеона), въ качествѣ члена цензурнаго комитета, вошелъ съ представленіемъ въ совѣтъ о томъ, что книга Шада заключаетъ въ себѣ многія неудобныя мѣста и выраженія, въ особенности для юношества. Нужно впрочемъ замѣтить, что эту книгу Ломонда хотѣлъ перевести самъ Дегуровъ, а Шадъ выступилъ его конкуррентомъ и предложилъ совѣту безъ всякаго вознагражденія приготовить ее къ изданію, дополнить и снабдить своими примѣчаніями. Раздраженъ былъ

[1]) „Въ Запискахъ Императорскаго Харьковскаго университета“ за 1899-й годъ, есть также и отдѣльные оттиски—„Удаленіе профессора И. Е. Шада изъ Харьковскаго университета“. Х. 1899, 147 стр.

Дегуровъ также предисловіемъ Шада къ этой книгѣ, въ которомъ были рѣзкія выходки противъ французовъ. При такомъ возбужденіи противниковъ, арена совѣтскаю зала сдѣлалась уже для нихъ тѣсной и они перенесли дѣло далеко за ея предѣлы—въ Петербургъ въ Министерство Народнаго Просвѣщенія. Одновременно съ указаннымъ выше сочиненіемъ Шада была признана неблагонадежной и другая книга его— „Institutiones juris naturae“, вышедшая въ свѣтъ съ одобренія университетской цензуры. Вредныя мѣста въ ней были отмѣчены какимъ то недоброжелателемъ Шада, жившимъ въ Харьковѣ; этотъ доносъ анонима и послужилъ главнымъ матеріаломъ для осужденія книги—по крайней мѣрѣ бумага министра, присланная въ совѣтъ Харьковскаго университета, содержитъ въ себѣ буквально всѣ обвиненія, указанныя въ этомъ документѣ. Кромѣ этого доноса въ распоряженіи министра было еще два доноса проф. Дегурова, найденныхъ мною въ оригиналахъ въ дѣлѣ Шада, хранящемся въ Петербургѣ въ архивѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Въ доносѣ анонима и въ бумагѣ министра говорилось, что изданная проф. Шадомъ книга о естественномъ правѣ не годится для юношества, благодаря пространному и во многихъ мѣстахъ неясному изложенію; сверхъ того въ ней заключаются вовсе не идущія къ дѣлу разсужденія, напримѣръ, объясненія его собственной системы и опроверженіе мнѣній противниковъ, намеки на новѣйшія политическія событія и на извѣстныхъ лицъ, сильное нападеніе на французовъ въ пользу нѣмцевъ, длинные отрывки не только изъ древнихъ, но и новѣйшихъ авторовъ и даже поэтовъ, много отвлеченныхъ и темныхъ мыслей. Авторъ придерживается новѣйшей германской философіи, въ особенности Шеллинга, а между тѣмъ весьма сомнительно, можно ли прямо допускать ее въ Россіи и вкоренять въ память россійскаго юношества. Кромѣ того есть мѣста, въ которыхъ авторъ разсуждаетъ не съ надлежащею осторожностью и выражаетъ свои мысли не съ тою скромностью, какая нужна въ учебной книгѣ. Встрѣчаются мѣста въ его книгѣ, не сообразныя съ коренными понятіями нашего государства: о государственной власти, о недопущеніи никакихъ особенныхъ истолкованій или ереси между православными христіанами; есть неприличные упреки по поводу существующихъ въ Россіи учрежденій; объясненіе началъ супружескаго союза противно нравамъ. Хотя правила автора и могли бы найти себѣ оправданіе, какъ сами по себѣ не противныя добродѣтели, но въ томъ видѣ, какъ они изложены, они неприличны въ сочиненіи, написанномъ для юношества, ибо могутъ подать поводъ къ соблазнамъ и даже порчѣ нравовъ. Одинъ доносъ проф. Дегурова касается докторскихъ промоцій Гриневича и

Ковалевскаго и отмѣчаетъ вредныя мысли въ тезисахъ къ диссертаціи перваго изъ нихъ и вліяніе на него идей Шеллинга, проводимыхъ Шадомъ. Дегурову было хорошо извѣстно, что Министръ Народнаго Просвѣщенія гр. Разумовскій относился неодобрительно къ Шеллинговой философіи, такъ какъ еще въ 1814 г. онъ писалъ совѣту Харьковскаго университета, что съ видами Министерства несогласно распространеніе въ учебныхъ заведеніяхъ ученія Шеллинга; не мало противниковъ новѣйшей нѣмецкой философіи и метафизическихъ воззрѣній Шада было также и среди членовъ совѣта. Такимъ образомъ, Дегуровъ хорошо расчиталъ свой походъ противъ Шада: онъ могъ найти сочувствіе и въ министерствѣ, и въ совѣтѣ. Другой доносъ Дегурова посвященъ отчасти философскимъ воззрѣніямъ Шада, отчасти его личности. Это, такъ сказать, опытъ обличительной біографіи Шада, составленный на основаніи двухъ его неблагонамѣренныхъ сочиненій—автобіографіи и „Жизни отца Синцера". (Послѣдній трудъ представлялъ сатиру на монашество). Дегуровъ доказываетъ принадлежность его Шаду (онъ вышелъ безъ имени автора) и дѣлаетъ изъ него компрометирующія его выдержки—прямо обвиняетъ Шада въ раціонализмѣ и выходкахъ противъ христіанской религіи и морали. Вмѣстѣ съ замѣчаніями Дегуровъ приложилъ и инкриминируемыя книги, которыя были переданы министерствомъ на разсмотрѣніе еще одному неизвѣстному намъ рецензенту, который подвергъ ихъ довольно внимательному изученію и подтвердилъ выводы и заключенія Дегурова. Этимъ судьба Шада была рѣшена безповоротно, въ особенности когда во главѣ министерства сталъ кн. А. Н. Голицынъ: будучи ярымъ піэтистомъ, онъ не могъ простить Шаду его призыва къ раціонализму, его выходокъ противъ христіанства и монашества. Въ этихъ трудахъ Шадъ дѣйствительно стоялъ на раціоналистической почвѣ: „вся его „Автобіографія", говоритъ проф. Ѳ. А. Зеленогорскій, проникнута духомъ борьбы противъ іезуитовъ, монашества, папства и католичества во имя свободы совѣсти, разума и философіи". Жалобы на Шада по дѣлу о докторскихъ промоціяхъ, а также явныя и тайныя обвиненія его сочиненій въ предосудительномъ направленіи привели къ весьма печальнымъ для него послѣдствіямъ: прежній министръ гр. А. К. Разумовскій ограничился только запрещеніемъ употреблять учебникъ естественнаго права Шада въ училищахъ, новый же министръ народнаго просвѣщенія сдѣлалъ представленіе комитету министровъ объ удаленіи Шада отъ занимаемой имъ каѳедры, хотя ничего не могъ прибавить къ тѣмъ обвиненіямъ, которыя выставлены были противъ харьковскаго профессора при его предшественникѣ. Инициатива въ этомъ увеличеніи

наказанія принадлежитъ исключительно кн. А. Н. Голицыну, и самъ Шадъ напрасно поэтому выставлялъ, не зная истиннаго хода дѣла, однимъ изъ главныхъ виновниковъ своего бѣдствія попечителя округа гр. С. О. Потоцкаго. Впрочемъ, обѣляя и выгораживая остававшагося при своихъ обязанностяхъ министра и обвиняя удалившагося отъ должности попечителя, Шадъ, по всей вѣроятности, руководился отчасти и соображеніями политическаго свойства: не могъ же въ самомъ дѣлѣ онъ жаловаться на Голицына князю же Голицыну. Но что гр. Потоцкій велъ себя въ дѣлѣ Шада очень сдержанно и корректно, видно изъ свидѣтельства самого кн. А. Н. Голицына. Въ своемъ представленіи комитету министровъ онъ говоритъ, что потребовалъ отъ попечителя рѣшительнаго отзыва о Шадѣ и получилъ такой отвѣтъ: „нельзя не признать, что профессоръ этотъ въ разсужденіи представленныхъ Ковалевскимъ и Гриневичемъ диссертацій подвергъ себя нѣкоторому подозрѣнію въ пристрастіи; справедливо и то, что въ сочиненіе его „De viris illustribus urbis Romae“ включены мѣста, которыя, хотя и свойственны латинскому языку и не содержатъ въ себѣ прямой цѣли къ соблазну, но при всемъ томъ не могутъ быть терпимы въ книгахъ, издаваемыхъ для юношества; равнымъ образомъ и въ пространныхъ сочиненіяхъ, какъ, напримѣръ, въ Логикѣ и Jus naturae, встрѣчаются нѣкоторыя странности, свойственныя однако почти всѣмъ нѣмецкимъ философамъ, и онъ въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ оказывается виновнымъ. Но достаточны ли эти причины къ удаленію его отъ должности безъ дальнѣйшаго изслѣдованія и суда, о томъ представляетъ на мое разсмотрѣніе“. Этотъ отвѣтъ, какъ мы видимъ, болѣе чѣмъ сдержанный. Князь же А. Н. Голицынъ въ своемъ представленіи комитету министровъ выставилъ только тѣ обвиненія, о которыхъ шла рѣчь раньше, затѣмъ счелъ излишнимъ производить надъ Шадомъ слѣдствіе и судъ, слѣдовательно, не пожелалъ выслушать и объясненія самого обвиняемаго, и не захотѣлъ предать его суду совѣта и правленія, какъ этого требовалъ 66-й § университетскаго устава. Комитетъ министровъ съ своей стороны еще болѣе усилилъ наказаніе Шаду: постановилъ, удаливъ отъ должности, немедленно выслать за границу и обѣ изданныя имъ книги истребить. Въ дѣйствительности было сожжено экзекуторомъ Анидольскимъ въ присутствіи члена правленія Делявиня только одно сочиненіе Шада—„De viris illustribus urbis Romae“, находившееся на складѣ въ университетской книжной лавкѣ; о книгѣ Шада по естественному праву правленіе донесло, что она находится у автора [1]). И такъ, обвиненія противъ Шада оставались одни

[1]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло правл. 1817 г. № 1316/61.

и тѣже—а градація наказаній все болѣе и болѣе увеличивалась: сначала приняты были только мѣры противъ его сочиненій, потомъ предложено было удалить и его отъ должности, а окончилось дѣло административною высылкой его изъ Харькова. 8-го декабря 1816 года, по предписанію министра полиціи, Шадъ былъ поспѣшно вывезенъ изъ Харькова и препровожденъ за границу. Вотъ какъ самъ онъ описывалъ эту высылку въ письмѣ, опубликованномъ въ „Іенскихъ всеобщихъ литературныхъ извѣстіяхъ“ (№ 58, 1817 года). „Извѣщаю друзей моихъ, принимающихъ во мнѣ участіе, и всѣхъ ученыхъ Германіи, что меня постигла въ Россіи неожиданная, ужасная и вовсе незаслуженная судьба. 5-го декабря прошлаго года получено было Харьковскимъ губернаторомъ приказаніе выслать меня изъ города и чрезъ Бѣлостокъ за границу. Это приказаніе исполнено было съ величайшею строгостью чрезъ 24 часа, въ теченіе которыхъ не имѣлъ я даже времени собрать нужныя путевыя деньги, долженъ былъ оставить любезную жену и дочь, которая подаетъ великую надежду, домъ, дворъ, что пріобрѣлъ неутомимыми трудами, и наконецъ на мой собственный счетъ многими извилинами и посреди самыхъ подлыхъ оскорбленій со стороны полицейскихъ командъ въ Польшѣ полумертвый былъ привезенъ на Прусскую землю, гдѣ немедленно, нашедъ людей и человѣколюбіе, былъ какъ бы пробужденъ отъ смерти къ жизни [1]).

---

[1]) Вотъ оффиціальная переписка по поводу его высылки губернатора и ректора университета. „Милостивый Государь мой, Тимоѳей Федоровичъ, писалъ губернаторъ В. Муратовъ Осиповскому, Петербургскій военный генералъ губернаторъ и управляющій министерствомъ полиціи генералъ отъ инфантеріи Сергѣй Козмичъ Вязмитиновъ въ предписаніи ко мнѣ отъ 20-го минувшаго ноября сообщилъ мнѣ Высочайшее Его Императорскаго Величества повелѣніе удаленнаго отъ должности профессора Харьковскаго университета Шада немедленно отправить за надлежащимъ присмотромъ къ правителю Бѣлостокской области для высылки его отколь за границу, для наблюденія же впредь, дабы сей Шадъ не могъ возвратиться въ Россію, предписано какъ правителю Бѣлостокской области, такъ и всѣмъ начальникамъ пограничныхъ губерній. Приступая нынѣжъ къ выполненію Высочайшаго Его Императорскаго Величества повеленія, я между тѣмъ отношусь къ Вашему Высокородію объ увѣдомленіи меня сколько можно поспѣшнѣе, не имѣетъ ли университетъ какихъ либо отношеній къ нему Шаде сверхъ удаленія отъ должности, которыя должнобы выполнить на мѣстѣ и объ учиненіи зависящаго съ вашей стороны въ семъ послѣднемъ случаѣ распоряженія;—и какъ вчерашній день вы лично мнѣ отозвались, что Шадъ нынѣ по уволненіи университета находится у помѣщика Ковалевскаго, то я отрядилъ особаго чиновника земской полиціи для доставленія его сюда, полиціймейстеру же Харьковскому предписалъ, по прибытіи его сюда, поколь сдѣлано будетъ отправленіе его Шаде въ Бѣлостокъ, учредить надлежащій надзоръ, дабы не могъ куда либо отлучиться изъ города. Кромѣ того я предписалъ ему же, полиціймейстеру, дабы онъ явил-

Еще будучи въ Харьковѣ, Шадъ составилъ оправдательную записку по своему дѣлу и отправилъ ее къ министру кн. А. Н. Голицыну, но эта записка была получена въ Петербургѣ уже тогда, когда состоялось постановленіе комитета министровъ о высылкѣ его изъ Россіи. Въ ней онъ освѣщаетъ съ своей точки зрѣнія дѣло съ диссертаціями Гриневича и Ковалевскаго, доказываетъ, что онъ не допустилъ здѣсь ничего предосудительнаго, выставляетъ виновникомъ происшедшихъ споровъ проф. Дегурова, не раздѣляющаго въ качествѣ француза его философскихъ теорій, проникнутыхъ галлофобствомъ, требуетъ, чтобы его выслушали, и преподноситъ въ заключеніе объясненіе псалмовъ для библейскаго общества и исполненный Гриневичемъ переводъ ихъ на русскій языкъ. Заграницей Шадъ не успокоился: онъ обладалъ громаднымъ запасомъ жизненной энергіи, настойчивостью, граничившей съ упрямствомъ, вѣрою въ правоту своего дѣла; по его глубокому убѣжденію, истина рано или поздно должна была восторжествовать и на его обязанности, думалъ онъ, лежало раскрытіе правды и изобличеніе истинныхъ виновниковъ его несчастія; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ стремился къ тому, чтобы русское правительство во имя справедливости вознаградило его за нанесенный ему

ся у вашего Высокородія для объясненія, не будетъ ли нужно какое либо содѣйствіе его касательно отношеній къ Шаду по университету" (5 декабря 1816 г.). Ректоръ созвалъ по этому поводу экстренное засѣданіе правленія, которое, обсудивъ дѣло, дало губернатору слѣдующій отвѣтъ: „у г. Шаде не имѣется къ университету, кромѣ должности, никакихъ особенныхъ отношеній, но 1) проф. Шадъ имѣетъ у себя подъ роспискою нѣкоторыя книги изъ университетской библіотеки, кои поручено немедленно отъ него отобрать экзекутору университета при секретарѣ правленія; 2) для него, Шада, печатаемы были въ университетской типографіи на его счетъ его сочиненія—а) Логика въ числѣ 1500 экз. b) Естественное право въ 1014 экз., коего публичное преподаваніе запрещено особымъ предложеніемъ Министра Народнаго Просвѣщенія и с) 200 экз. о славныхъ мужахъ Рима, кои всѣ писаны на латинскомъ языкѣ и изъ нихъ о послѣднемъ производится дѣло по найденнымъ въ немъ нѣкоторымъ мѣстамъ, несогласнымъ съ правилами о цензурѣ книгъ; 3) что онъ профессоръ Шадъ имѣетъ семейство, состоящее изъ жены и двухъ дѣтей, изъ коихъ жена—иностраннаго происхожденія, родившаяся въ Россіи, вѣроисповѣданія католическаго, дѣти же его отъ первой жены сынъ Германъ и дочь Тулія лютеранскаго исповѣданія; 4) что онъ имѣетъ домъ въ г. Харьковѣ за Лопанью въ Рождественскомъ приходѣ; при дѣлахъ имѣется заемное письмо на сумму 2000 р., должную ему, профессору Шаду, барономъ де Спинелли, по коему взысканіе предоставилъ онъ гимназіи войска донскаго, жертвуя въ пользу ея процентами и рекамбіо, причитающимися на то заемное письмо" (6 декабря). 7-го декабря губернаторъ увѣдомилъ Осиповскаго о томъ, что Шадъ высылается изъ Харькова. (Харьк. унив. архивъ. Дѣло правленія № 1174/117). Прибавимъ кстати, что правленіе университета отнеслось гуманно къ семьѣ несчастнаго Шада – исполнило просьбу жены его о выдачѣ ей заимообразно на дорогу высылаемому супругу 1000 рублей (Харьк. унив. архивъ. Дѣло правленія 1817 г. 1316/61).

матеріальный вредъ и обезчестило до нѣкоторой степени и его самого на старости лѣтъ, и въ особенности его семью, которая дѣйствительно страдала безъ всякой вины со своей стороны. И вотъ, для того чтобы добиться своей цѣли, Шадъ поднимаетъ шумъ по своему дѣлу въ Германіи: печатаетъ то письмо въ Іенской газетѣ, выдержку изъ котораго мы привели; вслѣдъ за тѣмъ въ Гамбургской газетѣ „Deutscher Beobachter“ была напечатана корреспонденція изъ Берлина, въ которой разсказывалось о злоключеніяхъ Шада и между прочимъ говорилось: „происшествіе, случившееся съ нимъ, возбуждаетъ не только здѣсь, но и во всей Германіи величайшее удивленіе... Къ происшествію этому не можетъ равнодушно отнестись и россійское правительство. Какой нѣмецкій ученый рѣшится впредь поступить на службу въ россійскій университетъ, если въ воздаяніе за труды свои долженъ опасаться подобнаго же поступка. Иванъ Шадъ, уроженецъ Вюрцбургскій, извѣстенъ въ Іенѣ, какъ человѣкъ безпорочныхъ правилъ и при томъ основательно ученый мужъ. Онъ преподавалъ тамъ публичные уроки и во всей Германіи извѣстенъ по своимъ сочиненіямъ. Въ особенности оказалъ онъ великія услуги Харьковскому университету. Тѣмъ больше приводитъ всѣхъ въ удивленіе безчеловѣчный съ нимъ поступокъ. Нынѣ онъ обратился съ просьбою къ Россійскому Императору и нельзя никакъ сомнѣваться, чтобы этотъ истинно христіанскаго духа Государь не оказалъ вспоможенія своему притѣсненному. Ибо когда не отказано было апостолу Павлу видѣть обвинителей своихъ предъ собою, хотя то было и во время свирѣпаго языческаго кесаря Нерона, то колми наче можетъ честный Шадъ надѣяться, что человѣколюбивый Александръ, учредитель христіанскаго союза, окажетъ ему всю справедливость“. Русское правительство, узнавъ отъ своихъ дипломатическихъ агентовъ за границей о невыгодномъ для него впечатлѣніи, произведенномъ газетными статьями о дѣлѣ Шада, напечатало оффиціозное опроверженіе, въ которомъ называло ложными его утвержденія о невинности и заявляло, что онъ удаленъ за вредное направленіе сочиненій, предназначавшихся для русскаго юношества. Въ 1818 году Шадъ отправилъ въ Петербургъ изъ Іены оправдательную записку, въ которой защищалъ отъ обвиненій Дегурова тѣ мѣста своихъ сочиненій, которыя были признаны вредными министерствомъ. Записка эта была написана съ большимъ воодушевленіемъ, силою, сознаніемъ своей правоты и безпощадною рѣзкостью по отношенію къ Дегурову Нельзя не согласиться съ авторомъ, что онъ отнюдь не преслѣдовалъ безнравственныхъ цѣлей въ отмѣченныхъ въ качествѣ вредныхъ страницахъ своей книги. Но нельзя не отмѣтить также и того обстоятель-

ства, что все сочиненіе Шада о естественномъ правѣ было проникнуто идеей разумной свободы, которая, по его мнѣнію, должна управлять людскими отношеніями въ государствахъ. Въ началѣ царствованія Императора Александра, въ расцвѣтъ либерализма, трудъ Шада могъ встрѣтить хорошій пріемъ даже со стороны правящихъ сферъ. Но теперь времена измѣнились—и новое министерство, поднявшее гоненіе на философію и естественное право, никакъ не могло примириться съ общимъ духомъ и направленіемъ Шада и совсѣмъ не вѣрило, чтобы онъ отстаивалъ священныя начала христіанской религіи, нравственности, добродѣтели и существующаго порядка.

10 декабря 1818 года Шадъ отправилъ кн. А. Н. Голицыну другую бумагу, въ которой сообщилъ данныя объ оставшемся въ Харьковѣ своемъ имуществѣ и просилъ содѣйствія къ его возвращенію. Трудно было Шаду начинать свою карьеру заграницей: сначала онъ получилъ только мѣсто привать-доцента въ Берлинскомъ университетѣ, а потомъ покровительствовавшій ему герцогъ Веймарскій опредѣлилъ его профессоромъ (безъ жалованья) въ Іенскій университетъ, гдѣ онъ былъ преподавателемъ до перехода въ Харьковъ. Въ этотъ же послѣдній городъ онъ былъ переведенъ, благодаря рекомендаціи Гете и Шиллера. Въ 1819 г. въ Веймарѣ Шадъ, благодаря герцогу, былъ представленъ прибывшему туда Императору Александру и преподнесъ ему ту самую книгу, за которую былъ высланъ изъ Россіи. Государь далъ ему въ подарокъ 300 червонцевъ. Къ Веймарскому посланнику въ Петербургъ онъ отправилъ въ 1820 году оправдательную записку, гдѣ снова излагалъ свое дѣло. Сдѣлалъ ли по этому поводу отъ себя какое либо представленіе посолъ, мы не знаемъ. 3-го февраля 1820 года Шадъ отправилъ въ Петербургъ на имя Государя новое прошеніе и при немъ обширнѣйшую и въ высшей степени интересную оправдательную записку вмѣстѣ съ образцами своихъ религіозно-поэтическихъ упражненій. Содержаніе оправдательной записки сводится къ слѣдующимъ пунктамъ: сначала Шадъ говоритъ о своихъ матеріальныхъ потеряхъ, затѣмъ о нравственныхъ огорченіяхъ, характеризуетъ роль въ этомъ дѣлѣ своего обвинителя Дегурова и попечителя гр. С. О. Потоцкаго, разбиваетъ обвиненія, направленныя противъ его книги „Institutiones juris naturae", опредѣляетъ свое отношеніе къ философіи Шеллинга, защищаетъ свои сочиненія — De viris illustribus, нѣмецкую хрестоматію и изслѣдованіе о свободѣ человѣческой мысли, характеризуетъ подробно духъ своей собственной христіанской философіи, разсказываетъ интересный эпизодъ со своею актовою рѣчью и заканчиваетъ свое

объясненіе новымъ указаніемъ на виновниковъ своего изгнанія. Записка составлена чрезвычайно вѣско и убѣдительно, написана превосходнымъ краснорѣчивымъ языкомъ, такъ что должна быть признана въ общемъ крупнымъ ораторскимъ произведеніемъ. Шадъ воспитался на выдающихся образцахъ классической литературы и прекрасно владѣлъ стилемъ какъ своего родного нѣмецкаго, такъ равно и латинскаго языка. Къ этимъ внѣшнимъ даннымъ изложенія присоединилась еще несокрушимая логика его яснаго, свѣтлаго ума и страстное воодушевленіе предметомъ изложенія, который былъ ему чрезвычайно дорогъ, составлялъ частицу его собственнаго „я“; дѣло шло для него не только о матеріальной, но и нравственной реабилитаціи; изгнаніе разбило его жизнь, а онъ былъ въ такомъ возрастѣ, когда трудно уже начинать все сызнова. Съ Харьковскимъ университетомъ у него связаны были лучшія впечатлѣнія; монастырское послушаніе, отъ котораго онъ бѣжалъ съ опасностью жизни, оставило одни печальныя воспоминанія; привать-доцентура въ Іенскомъ университетѣ была только началомъ его ученой карьеры; харьковская профессура была періодомъ полнаго расцвѣта его умственныхъ силъ, матеріальнаго благополучія, новой семейной жизни, власти и вліянія: тутъ онъ былъ не только ординарнымъ профессоромъ, но и деканомъ, членомъ училищнаго комитета, правленія, секретаремъ совѣта, авторомъ руководствъ для учащагося юношества... И все это рушилось, какъ онъ думалъ, благодаря клеветѣ! И онъ дѣлаетъ теперь отчаянное усиліе, чтобы разбить козни своихъ враговъ. Онъ представляетъ въ свое оправданіе цѣлую рукописную книгу, возвышается въ ней до истиннаго паѳоса; въ интересахъ самозащиты онъ хочетъ доказать, что у него не мало общаго въ отношеніи христіанскаго піэтизма съ Министромъ Народнаго Просвѣщенія; въ цѣляхъ самооправданія онъ пытается затушевать свой раціонализмъ и какъ можно ярче выставить свое христіанское воззрѣніе и настроеніе. Онъ дѣйствительно старался слить гармонически разумъ съ вѣрою, примирить христіанство съ философіей, дать основы христіанской философіи; но раньше у него преобладало раціоналистическое настроеніе и онъ являлся тогда ярымъ защитникомъ полной свободы разума; да и въ сочиненіи „Institutiones juris naturae“ чувствуется все таки еще старый философъ—раціоналистъ, имѣющій мало общаго съ такими піэтистами, какимъ былъ, напримѣръ, кн. А. Н. Голицынъ. Онъ не зналъ, что его осудили не только за хрестоматію и естественное право, но и за масонскія его сочиненія, исполненныя обличеній противъ монашества, католицизма, іезуитовъ—и продолжалъ стучаться въ дверь, которая закрылась передъ нимъ навсегда. Ни записка, ни религіозная поэ-

нія своей цѣли не достигли: онѣ были оставлены безъ послѣдствій. Прошло еще 7 лѣтъ—и въ 1827 году Шадъ рѣшился снова напомнить о себѣ новому министру Шишкову и попросить для себя пенсію. Пересмотръ его дѣла былъ порученъ кн. Ширинскому—Шахматову. Въ слѣдующемъ году въ Петербургъ пріѣхалъ сынъ Шада и подалъ прошеніе на Высочайшее имя. Попечитель Харьковскаго учебнаго округа Перовскій далъ свое заключеніе въ пользу выдачи Шаду единовременнаго пособія въ 10000 р. и ежегодной пенсіи въ 1000 р. изъ хозяйственныхъ суммъ Харьковскаго университета. Но и на этотъ разъ почему-то послѣдовалъ отказъ.

Дѣлая общее заключеніе о виновности или невинности Шада, мы должны сознаться, что его оправданія могли поколебать силу обвиненій, направленныхъ противъ его хрестоматіи и естественнаго права. Послѣднее сочиненіе дѣйствительно представляетъ попытку примиренія вѣры и разума. Но свободѣ разума онъ все таки отводитъ видное мѣсто. Онъ вполнѣ убѣжденъ въ необходимости свободы мысли, свободы совѣсти и терпимости въ дѣлѣ религіи. Въ вопросѣ о свободѣ слова и печати онъ не держится крайняго взгляда, а идетъ по среднему пути: популярныя сочиненія, разсчитанныя на широкую публику, по его мнѣнію, нуждаются въ нѣкоторыхъ ограниченіяхъ, но университетское преподаваніе и наука должны быть свободны; свобода мысли должна быть ограничиваема только во имя общественной пользы, но въ предѣлахъ благоразумія она является однимъ изъ дѣйствительнѣйшихъ средствъ для прогресса общества и народнаго образованія. Во имя той же свободы Шадъ вооружается противъ рабства и деспотизма въ семейной жизни. Вообще все сочиненіе Шада о естественномъ правѣ представляетъ, по вѣрному замѣчанію пок. акад. Н. А. Лавровскаго, „неумолимый протестъ противъ всякаго вида насилія свободы". Правда Шадъ, какъ мы знаемъ, отводитъ рядомъ съ разумомъ широкое мѣсто вѣрѣ, христіанству, пытается слить разумъ съ вѣрою, философію съ христіанствомъ, но тогдашнее министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія именно рѣшило объявить войну разуму во имя вѣры и только что осудило метафизику Лубкина за то, что онъ „желалъ согласить два рѣшительно противоположныя начала: вѣру, утверждающуюся на откровеніи, и изслѣдованія разума, ищущаго рѣшенія въ самомъ себѣ". Магницкій предалъ суду профессора Казанскаго университета за его курсъ естественнаго права и призналъ особенно разрушительными тѣ мысли, которыя проводилъ Шадъ. Истинная причина безуспѣшности оправдательныхъ попытокъ Шада лежала, слѣдовательно, не въ слабости его доводовъ, а въ той реакціи, которая нависла

тяжелою тучею надъ просвѣщеніемъ и русскими университетами во вторую половину царствованія Императора Александра I-го. Не отрицая нѣкоторыхъ крупныхъ недостатковъ въ характерѣ Шада, мы однако должны сознаться, что это былъ человѣкъ большого и самостоятельнаго ума, широкаго образованія, кипучей энергіи, направленной на дѣло просвѣщенія; и если бы онъ оставался въ Харьковѣ, то могъ бы оказать не мало еще услугъ пріютившему его университету. Что касается нравственной стороны его личности, то можно констатировать только фактъ плагіата его сочиненій Ковалевскимъ и Гриневичемъ, но не доказана его корыстная цѣль въ этомъ дѣлѣ, въ особенности если принять данныя имъ объясненія по этому поводу; maximum, что можно допустить въ этомъ случаѣ, это „оставить его подъ подозрѣніемъ" въ этомъ обвиненіи.

Дѣло Шада долгое время занимало совѣтъ Харьковскаго университета и вызывало въ немъ несогласія и распри, борьбу партій и личностей, а неожиданно суровый исходъ его, въ связи съ доносами, поступавшими изъ Харькова въ Петербургъ, долженъ былъ терроризировать членовъ этой коллегіи. Всѣ почувствовали наступленіе новыхъ ретроградныхъ теченій, піэтизма, проповѣди о вредѣ чистой науки для религіи и нравственности. Профессора иностраннаго происхожденія, которые еще раньше подъ вліяніемъ всеобщаго возбужденія противъ нихъ, вызваннаго Наполеоновскимъ нашествіемъ, стали уходить изъ Харьковскаго университета, теперь должны были почувствовать новую опасность въ лицѣ Магницкихъ, Руничей и другихъ гонителей европейской науки и потому продолжали попрежнему покидать негостепріимный Харьковъ; къ этому времени оставили уже университетъ всѣ болѣе выдающіеся иностранные профессора: Гутъ, Гизе, Швейкартъ, Дегуровъ, Шадъ, Стойковичъ, Роммель, Якобъ, Беленъ де Баллю, и это, конечно, отразилось крайне неблагопріятно на университетѣ—на его ученой и преподавательской дѣятельности. Оставшіеся иностранцы чувствовали себя въ тяжеломъ положеніи и начинали умственно и нравственно опускаться: высылка Шада „до такой степени напугала товарища его, профессора Рейта, человѣка отъ природы робкаго, что, диктуя своимъ слушателямъ на лекціяхъ естественное право, онъ по нѣсколько разъ обдумывалъ и измѣнялъ выраженія самыя невинныя, боясь проговориться" [1]) умолкъ и долженъ былъ смириться Пильгеръ послѣ неудачной борьбы своей за право врачебной практики; Нельдехенъ опустился до такой степени, что былъ удаленъ за постоянное пьян-

[1]) Рус. стар. 1876, Ноябрь, стр. 463.

ство, мѣшавшее даже чтенію лекцій. Но дѣло не ограничилось одними иностранными профессорами: въ 1820 году былъ удаленъ отъ должности ректора и профессора краса и гордость Харьковскаго университета Т. Ѳ. Осиповскій. Духъ вражды, обуявшій членовъ совѣта, вызывалъ ненормальную раздражительность у однихъ и повышенную чувствительность у другихъ; на этой почвѣ разыгрался цѣлый рядъ личныхъ столкновеній дѣятелей университета другъ съ другомъ—и одно изъ нихъ окончилось удаленіемъ отъ должности адъюнкта Болгаревскаго. Такимъ образомъ, удаленіе Шада не является одиноко стоящимъ фактомъ въ исторіи Харьковскаго университета. Были, очевидно, обстоятельства, которыя вызвали массовый—вольный и невольный—выходъ профессоровъ изъ университета. Увольненіе адъюнкта Болгаревскаго было вызвано впрочемъ его собственными поступками, обнаружившими крайнюю степень неуваженія къ правленію и совѣту. Самъ совѣтъ единогласно возбудилъ ходатайство объ отрѣшеніи его отъ должности—и министръ народнаго просвѣщенія гр. А. К. Разумовскій только исполнилъ желаніе коллегіи. Очевидно, Болгаревскій отличался крайне раздражительнымъ характеромъ, не привыкъ себя сдерживать въ столкновеніяхъ; но невольно все-таки приходится удивляться вызывающему образу дѣйствій Болгаревскаго и является предположеніе, что въ этихъ столкновеніяхъ играла важную роль та атмосфера распрей и злобы, которая царила тогда въ Харьковскомъ университетѣ. Мы говорили уже въ 1-мъ томѣ своего „Опыта" о столкновеніи Болгаревскаго съ Хлапонинымъ (стр. 972—980). Частыя столкновенія были у Болгаревскаго также и съ совѣтомъ университета. Вотъ краткій перечень этихъ послѣднихъ. Еще въ 1812 году Болгаревскій самовольно, безъ вѣдома ректора, прибилъ на черной доскѣ въ сѣняхъ университетскаго дома объявленіе, въ которомъ сообщалъ, что „токсикологіи (науки о ядахъ), чтеніе которой ему поручено было совѣтомъ, онъ преподавать не станетъ, а будетъ читать фармацію, согласно предложенію г. министра народнаго просвѣщенія. Совѣтъ, узнавъ объ этомъ, постановилъ сдѣлать ему за это выговоръ, такъ какъ подобнаго предложенія отъ министра еще не было, и сообщить всѣмъ профессорамъ и адъюнктамъ, чтобы они самовольно объявленій не выставляли. Въ 1813 году Болгаревскій безъ приглашенія явился въ засѣданіе совѣта и не хотѣлъ было удалиться оттуда даже послѣ приказанія, переданнаго ему ректоромъ отъ имени совѣта; при этомъ онъ сказалъ, что адъюнкты, согласно университетскому уставу, могутъ присутствовать въ общемъ собраніи профессоровъ и подавать тамъ свой голосъ. Совѣтъ, разсмотрѣвъ этотъ случай, нашелъ, что адъюнкты имѣютъ право при-

сутствовать въ общемъ только собраніи для разсмотрѣнія ученыхъ сообщеній, Болгаревскій же заслуживаетъ выговора, такъ какъ не вышелъ изъ засѣданія совѣта, когда должно было разсматриваться его дѣло. Въ 1815 году Болгаревскій отказался отъ должности секретаря медицинскаго факультета и заявилъ, что онъ не будетъ присутствовать на его засѣданіяхъ, вслѣдствіе крамолъ, существующихъ между его членами и вообще въ университетѣ. Факультетъ избралъ на его мѣсто адъюнкта Колумну-Вигуру, но Болгаревскій не захотѣлъ передавать ему факультетскаго архива. Тщетно деканъ Дрейсигъ убѣждалъ его сдѣлать это —онъ съ крикомъ и дерзостью отвѣчалъ ему, что онъ никогда не сдастъ архива, безъ письменнаго приказа совѣта. Совѣтъ отдалъ письменный приказъ объ этомъ Болгаревскому, но онъ все-таки вернулъ его обратно и написалъ на немъ грубыя слова. Совѣтъ приказалъ Болгаревскому явиться въ засѣданіе правленія и сдать тамъ архивъ Колумнѣ-Вигурѣ. Болгаревскій, войдя стремительно въ правленіе, безъ приглашенія ректора и прочихъ членовъ, сѣлъ на кресло вблизи декана Нельдехена. Ректоръ прервалъ засѣданіе и предложилъ Болгаревскому сдать архивъ Колумнѣ-Вигурѣ; но онъ быстро вскочилъ на ноги, отодвинулъ кресло и, держа въ рукахъ ключъ отъ шкафа, повторилъ порывистымъ и громкимъ голосомъ: „извольте получать, вотъ ключъ!" при чемъ, обращаясь къ членамъ правленія, высовывалъ языкъ, что видѣли смотрѣвшіе на него деканы Дрейсигъ, Дегуровъ и Нельдехенъ. Изумленные такимъ поведеніемъ Болгаревскаго, члены правленія заявляли о необходимости прервать засѣданіе—онъ же снова сѣлъ на прежнее мѣсто и твердилъ на латинскомъ языкѣ фразу: „я не знаю, какъ сдавать дѣла: пусть мнѣ покажутъ примѣръ гг. секретари совѣта—теперешній Лангъ или прежній г. Каменскій. Послѣдній, въ качествѣ непремѣннаго засѣдателя, съ благопристойностью обратился къ Болгаревскому съ призывомъ соблюдать приличія въ присутственномъ мѣстѣ, гдѣ онъ позволилъ себѣ сѣсть безъ приглашенія ректора и членовъ. На это Болгаревскій отвѣтилъ, что онъ имѣлъ право сѣсть, какъ членъ университета. Послѣ этого нѣкоторые члены правленія вторично предложили закрыть засѣданіе. Непремѣнный засѣдатель предложилъ Болгаревскому удалиться изъ залы для того, чтобы правленіе обсудило все происшедшее; но онъ вышелъ только тогда, когда этого потребовалъ ректоръ и остальные члены.

Правленіе уполномочило декана Дрейсига присутствовать при сдачѣ архива Вигурѣ Болгаревскимъ, но этотъ послѣдній уже ушелъ изъ университета. Тогда объ этомъ происшествіи рѣшено было занести въ журналъ и сообщить совѣту, а равно и еще объ одномъ фактѣ

неуваженія Болгаревскаго къ университетскимъ учрежденіямъ: когда ему замѣчено было, что онъ не соблюдаетъ должныхъ формальностей въ письменныхъ обращеніяхъ своихъ къ правленію, называя то записками, то отношеніями, онъ съ усмѣшкою замѣтилъ: „это пустяки; если угодно, я впредь стану писать—„всеподданнѣйшій докладъ“, а когда ему указали всю неумѣстность подобной шутки, то онъ, оставивъ всю благопристойность, сталъ кричать близь стоявшему секретарю: „ну, записывайте въ журналъ“, и съ видомъ неуваженія и ожесточенія вышелъ изъ присутствія. Въ началѣ 1815-го года Болгаревскій снова вошелъ въ столкновеніе съ совѣтомъ университета—именно, продолжалъ посѣщать его засѣданія. Вотъ что говоритъ онъ самъ по этому поводу въ письмѣ къ ректору университета: „въ засѣданіи совѣта 27 января 1815 г. я замѣтилъ, что нѣкоторымъ членамъ непріятно было мое присутствіе. При концѣ засѣданія вы изволили предложить и хотѣли говорить о секретарѣ, но одинъ изъ членовъ отложилъ это до будущей конференціи. Мнѣ кажется, что причиною этой отсрочки было мое присутствіе, почему имѣю честь объяснить, что я, какъ законный членъ совѣта, исполняющій законы устава и предписанія его сіятельства г. министра народнаго просвѣщенія графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго, всегда буду присутствовать въ совѣтѣ, когда позволитъ время и здоровье. Прошу Васъ объявить это всѣмъ профессорамъ и адъюнктамъ, чтобы первые не смогли сказать мнѣ того, что нѣкогда сказано было г. Стойковичемъ, а послѣдніе ходили въ собраніе, гдѣ уже почти два года они не были“. По 47 § университетскаго устава совѣтъ составляли только ординарные и заслуженные профессора и потому Болгаревскій не имѣлъ права участвовать въ совѣтскихъ засѣданіяхъ; онъ могъ присутствовать только на общихъ собраніяхъ, предусмотрѣнныхъ 55 § устава и предназначенныхъ исключительно для обсужденія чисто ученыхъ трудовъ преподавателей и почетныхъ членовъ. Все это переполнило мѣру терпѣнія совѣта—и онъ донесъ о грубостяхъ Болгаревскаго министру. Этотъ послѣдній далъ на это слѣдующій отвѣтъ: „съ удивленіемъ усмотрѣлъ я изъ донесенія совѣта непристойные, грубые и крайне предосудительные поступки адъюнкта Болгаревскаго, оказанные имъ даже во время университетскихъ собраній, при чемъ послѣднія по причинѣ упрямства его и дерзости неоднократно должно было прекращать. Я предписываю совѣту объявить ему отъ моего имени, что если онъ не исправится въ своемъ поведеніи и осмѣлится впредь оказывать неповиновеніе или неуваженіе установленному надъ нимъ начальству, что по первому объ этомъ донесенію университета отрѣшенъ будетъ отъ должности безъ

всякаго атестата". (9 іюля 1815 г.). Въ сентябрѣ того-же года министръ отправилъ слѣдующій отвѣтъ на новыя представленія совѣта о Болгаревскомъ: „хотя поступки адъюнкта Болгаревскаго, указанные въ выпискахъ изъ журнала медицинскаго факультета, явно обнаруживаютъ дерзость и неповиновеніе этого чиновника, однакоже такъ какъ поступки эти учинены имъ еще въ іюнѣ мѣсяцѣ, когда ему не могло быть объявлено содержаніе моего предложенія отъ 9-го іюля, то, оставаясь при прежнемъ моемъ рѣшеніи, нахожу нужнымъ ожидать, какое вліяніе оно будетъ имѣть на поведеніе Болгаревскаго". О вліяніи же этомъ свидѣтельствуетъ слѣдующее письмо Болгаревскаго къ министру: „Совѣтъ Императорскаго Харьковскаго университета объявилъ мнѣ 1-го сентября отъ имени вашего сіятельства бумагу, содержащую строгій выговоръ и опасность впредь быть отрѣшеннымъ отъ должности безъ атестата за дерзкіе поступки, представленные совѣтомъ. Видя, сколь увеличена вина моя, я просилъ совѣтъ, въ надеждѣ оправдать себя, чтобы онъ остановилъ на нѣкоторое время этотъ нечаянный и весьма чувствительный для меня ударъ, но просьба моя была тщетна. Почему я осмѣливаюсь не въ оправданіе, а въ утѣшеніе свое кратко объяснить вашему сіятельству, какъ правосудному начальнику, наказующему и любящему подчиненныхъ своихъ, что я грозный выговоръ принимаю за отеческое наказаніе и постараюсь, сколько можно, избѣгать крамолъ и нескромныхъ поступковъ; если же при всемъ стараніи моемъ дойдетъ до свѣдѣнія вашего сіятельства впредь что либо предосудительное въ поведеніи моемъ, то прошу требовать отъ меня объясненія и потомъ наказать по всей строгости законовъ". Гр. А. К. Разумовскій, получивъ это письмо, сообщилъ его совѣту и поручалъ ему наблюдать за исполненіемъ обѣщанія Болгаревскаго. Болгаревскій повидимому дѣйствительно твердо держался своего обѣщанія и не вступалъ въ споры ни съ совѣтомъ, ни съ правленіемъ; но произошелъ инцидентъ, которымъ воспользовались эти коллегіи, чтобы отдѣлаться окончательно отъ своего безпокойнаго члена. Въ правленіе поступила жалоба на Болгаревскаго со стороны Харьковскаго полиціймейстера Эка, въ которой онъ обвинялся въ томъ, что ввелъ на благородный маскарадъ крестьянина помѣщицы Лещилиной Антона Иванова, замаскировавъ его одѣвъ въ солдатскую шинель и преподсавъ саблей. Правленіе постановило объявить ему въ своемъ присутствіи статью устава благочинія, которая запрещаетъ нарушать тишину въ общественныхъ собраніяхъ. Статья эта однако не совсѣмъ подходила къ данному случаю, ибо Болгаревскій тишины собственно не нарушалъ, а допустилъ неумѣстную, неприличную шутку. Вѣроятно, подъ вліяніемъ

раздраженія за несправедливый, какъ ему казалось, приговоръ, Болгаревскій заявилъ ректору, что онъ въ засѣданіе правленія не пойдетъ, ибо не ручается за себя, что не надѣлаетъ дерзостей, а проситъ, чтобы этотъ приговоръ былъ объявленъ ему письменно. Правленіе же университета, обсудивъ этотъ отвѣтъ, нашло, что ему отказываться отъ своего рѣшенія невозможно, тѣмъ болѣе что Болгаревскій раньше неоднократно оказывалъ ему неповиновеніе; въ виду этого оно рѣшило довести объ этомъ фактѣ до свѣдѣнія совѣта, который въ свою очередь сообщилъ о немъ попечителю и, какъ видно изъ бумаги этого послѣдняго министру, единогласно просилъ объ удаленіи Болгаревскаго отъ должности. Попечитель округа графъ С. О. Потоцкій заявилъ отъ себя, что „хотя учиненный этимъ адъюнктомъ поступокъ самъ по себѣ не столь значителенъ, чтобы подвергнуть его наказанію отрѣшенія отъ должности безъ атестата, но такъ какъ всѣ члены университета, бывающіе въ другихъ случаяхъ рѣдко между собою согласными, единогласно просятъ объ освобожденіи ихъ отъ этого адъюнкта и притомъ извѣстно, что онъ, какъ со стороны поведенія, такъ и по должности своей не соотвѣтствуетъ носимому имъ званію, то я считаю обязанностью представить вашему сіятельству объ удаленіи такого чиновника, отъ котораго университетъ ни чести, ни пользы ожидать не можетъ“. Въ августѣ 1816 года послѣдовало рѣшеніе министра о немедленномъ удаленіи Болгаревскаго отъ должности безъ атестата [1].

Изъ приведенныхъ фактовъ видно, что Болгаревскій отличался въ высшей степени грубымъ нравомъ и несдержаннымъ характеромъ, но невольно получается отъ всего разсказаннаго впечатлѣніе, что борьба обострилась вслѣдствіе той вражды, которая существовала между нимъ и нѣкоторыми членами совѣта и правленія, ибо сами по себѣ проступки Болгаревскаго не были еще серьезными преступленіями, достаточными для удаленія его изъ университета; по крайней мѣрѣ о маскарадномъ инцидентѣ такого мнѣнія былъ и гр. Потоцкій. Для объясненія всеобщаго нерасположенія профессоровъ къ Болгаревскому необходимо вспомнить фактъ, приведенный уже въ 1-мъ томѣ нашего „Опыта“—это его доносъ о лицахъ, посѣщавшихъ Хлапонина (стр. 595); Болгаревскій былъ на сторонѣ Стойковича и поименовалъ въ своемъ извѣтѣ между прочимъ тѣхъ профессоровъ, которымъ теперь принадлежала власть— Осиповскаго и Каменскаго, а также другихъ противниковъ Стойковича. Съ отрѣшеніемъ отъ ректорства Стойковича, Болгаревскій лишился

---

[1]) Архивъ министерства народнаго просвѣщенія. Дѣло 1815 г. № 6258/161; Харьковскій университетскій архивъ. Дѣло совѣта 1815 года, № 49.

сильнаго покровителя и заступника (ср. 972—980 стр. 1-го тома „Опыта").

Проф. Стойковичъ, и удалившись изъ университета, продолжалъ на него злобствовать и старался ему нанести вредъ. Такъ, въ 1815 г. онъ обратился къ министру народнаго просвѣщенія гр. А. К. Разумовскому съ доносомъ, въ которомъ писалъ: „дѣла бывшей службы моей при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ находятся въ столь худомъ положеніи, что я бы согрѣшилъ и противъ семейства своего, если бы пренебрегъ ими и не желалъ, чтобы истина проникла до вашего сіятельства. Дабы вы могли получить полное понятіе о замыслѣ нѣкоторыхъ профессоровъ, и въ особенности о дѣяніяхъ профессора Каменскаго, покорнѣйше прошу ваше сіятельство истребовать изъ университета слѣдующее: 1) чтобы присланы были въ подлинникѣ всѣ бумаги по доносу адъюнкта Васильева противъ меня; 2) чтобы присланъ былъ протоколъ экстраординарнаго засѣданія совѣта, бывшаго въ половинѣ 1814 года, по письменному требованію нѣкоторыхъ профессоровъ, гдѣ о несогласіяхъ университета разсуждали (повѣрять ли, что между актами нѣтъ отчета объ этомъ засѣданіи?); 3) чтобы этико-политическое отдѣленіе донесло о нѣкоторыхъ бумагахъ, относящихся къ выбору въ адъюнкты учителя Дудровича и украденныхъ раньше изъ шкафа, а потомъ спустя долгое время найденныхъ на совѣтскомъ столѣ; 4) чтобы медицинское отдѣленіе донесло, какое представленіе послано къ вамъ относительно постройки зданія для акушерской клиники—полное, съ изложеніемъ всѣхъ мнѣній, или неполное, если неполное, то кто виноватъ въ этомъ; 5) чтобы совѣтъ донесъ, кто управляетъ университетскимъ театромъ, сколько уже разъ и какія пьесы играли и не хотѣлъ ли кто во время одного представленія бить одного ординарнаго профессора; 6) чтобы совѣтъ прислалъ бумагу, поданную г. Каменскимъ въ половинѣ 1813 года о нумизматическомъ кабинетѣ и объясненіе, что по ней сдѣлано, съ тѣмъ чтобы и профессоръ Дегуровъ подалъ отъ себя объясненіе на эту бумагу"[1]. Министръ народнаго просвѣщенія не придалъ значенія большинству этихъ доносительныхъ пунктовъ, но по поводу студенческаго театра потребовалъ разъясненій отъ Осиповскаго. Объ этомъ театрѣ мы скажемъ впослѣдствіи, а теперь мы замѣтимъ только, что Стойковичу удалось обставить себя въ Петербургѣ прекрасно—и онъ игралъ потомъ еще видную роль въ дѣятельности самого министерства народнаго просвѣщенія, также точно какъ и проф. Дегуровъ, вызванный въ 1816 г., по Высочайшему повелѣнію,

---

[1]) Арх. Мин. Нар. Просв. 1815 г. № 6215/161, присоед. къ № 6095/159.

въ Петербургѣ, получившій службу по министерству финансовъ и назначенный также ректоромъ тамошняго университета. У Дегурова также шли пререканія съ Харьковскимъ университетомъ, послѣ отъѣзда его изъ Харькова, пререканія вызванныя его прежними библіотекарскими обязанностями. Министръ народнаго просвѣщенія кн. А. Н. Голицынъ сталъ въ этомъ дѣлѣ на сторону Дегурова.

Попечитель Харьковскаго учебнаго округа гр. С. О. Потоцкій долженъ былъ почувствовать, что онъ не подходитъ къ новому направленію министерства духовныхъ дѣлъ кн. А. Н. Голицына—и подалъ въ отставку. Трудно съ достовѣрностью сказать, на сколько его отставка была добровольная или вынужденная [1],—во всякомъ случаѣ онъ самъ сознавался, что неохотно покидаетъ свой постъ. Вотъ что писалъ онъ ректору университета Т. Ѳ. Осиповскому. „Разныя непредвидѣнныя обстоятельства понудили меня просить Государя Императора объ увольненіи отъ должности попечителя университета и его округа. Жертвуя необходимости пріятнѣйшимъ изъ всѣхъ носимыхъ мною званій по службѣ, я съ тѣмъ большимъ прискорбіемъ оставляю нынѣ университетъ, что при настоящемъ его положеніи чувствую въ полной мѣрѣ необходимость въ усугубленіи усилій къ его поддержанію. Одна только надежда одушевляетъ меня въ этомъ случаѣ, что достойный преемникъ мой, извѣстный ревностію къ общей пользѣ, успѣетъ въ скоромъ времени своими дѣятельными распоряженіями привести университетъ въ прежнее цвѣтущее состояніе и исправить временные недостатки, происшедшіе единственно отъ стеченія неблагопріятствовавшихъ ему обстоятельствъ. Между тѣмъ пріятно мнѣ въ этомъ случаѣ обратиться къ вамъ, какъ начальнику и одному изъ старшихъ сочленовъ его, съ изъявленіемъ совершенной моей признательности за труды и попеченіе, въ коихъ участвовали вы со мною и съ нѣкоторыми изъ отличнѣйшихъ профессоровъ съ самаго основанія университета и учебныхъ заведеній его округа. Не оставьте, прошу васъ, обнаружить таковыя же чувства мои и всѣмъ прочимъ членамъ университета, изъявивъ предъ ними увѣреніе, что заслуги каждаго изъ нихъ и оказанное ими содѣйствіе къ пользѣ и чести университета пребудутъ незабвенны въ моей памяти. Петербургъ апрѣль 1817 года". [2]) При увольненіи гр. С. О. Потоцкій получилъ слѣдующій Высочайшій рескриптъ. „Графъ Северинъ Осиповичъ! удовлетворяя желанію Вашему, по причинамъ, въ просьбѣ

[1]) Въ пользу этого послѣдняго предположенія свидѣтельствуетъ письмо кн. А. Н. Голицына къ З. Я. Карнѣеву, приводимое нами ниже.

[2]) Харьковскій университетскій архивъ. Дѣло совѣта 1817 года, № 25, стр. 4.

вашей изъясненнымъ, я уволилъ васъ отъ должности попечителя Харьковскаго университета и его учебнаго округа. Мнѣ пріятно въ этомъ случаѣ засвидѣтельствовать признательность мою за всѣ труды и старанія ваши, подъятыя въ этомъ званіи, съ самаго учрежденія означеннаго университета, который и открытъ вашимъ попеченіемъ, равно какъ и многія другія учебныя заведенія въ округѣ, коимъ вы управляли, въ ознаменованіе чего дозволяю вамъ носить мундиръ Харьковскаго университета, пребываю вамъ благосклонный. На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано тако— Александръ. Въ Петербургѣ. 25 марта 1817 г.". И такъ, не смотря на личное охлажденіе къ Потоцкому, Императоръ Александръ воздалъ должное его крупнымъ заслугамъ въ дѣлѣ устройства университета и управленія округа. Инымъ характеромъ отличается отвѣтъ кн. А. Н. Голицына на просьбу гр. С. О. Потоцкаго объ оставкѣ. „Письмо вашего сіятельства, читаемъ мы тамъ, я имѣлъ честь получить и не премину представить Государю Императору всеподданнѣйшее прошеніе объ увольненіи отъ должности попечителя Харьковскаго университета. Какое на то послѣдуетъ Высочайшее повелѣніе, не умедлю равнымъ образомъ васъ извѣстить. По засвидѣтельствованію вашему объ отличныхъ чиновникахъ по Харьковскому учебному округу я почту себѣ за особое удовольствіе, если успѣю что сдѣлать въ пользу ихъ въ свое время. Съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть вашего сіятельства покорнѣйшимъ слугою. 24 марта 1817 г. [1]).

Въ преемники Потоцкому былъ избранъ Голицынымъ *Захарій Яковлевичъ Карнѣевъ*, вполнѣ подходившій „къ новому курсу",—одинъ изъ наиболѣе видныхъ представителей піэтизма и вицепрезидентъ Библейскаго общества въ Петербургѣ. З. Я. Карнѣевъ родился въ 1748 году и происходилъ изъ небогатаго слободскоукраинскаго дворянскаго рода: его гнѣздомъ было сельцо Захарьевское въ богодуховскомъ уѣздѣ харьковской губ. Дѣдъ его былъ только подпрапорнымъ въ Ахтырскомъ Слободскомъ казачьемъ полку; отецъ—сотникомъ; одинъ изъ его родныхъ братьевъ также былъ сотникомъ, а потомъ дослужился до чина титулярнаго совѣтника, другой не пошелъ далѣе майорскаго чина. Семья его была очень небогатая и потому Захарій Яковлевичъ долженъ былъ рано (20 лѣтъ) вступить въ военную службу; и едва ли онъ получилъ какое-нибудь систематическое образованіе: „на это не было ни времени, ни средствъ". Въ военной службѣ онъ пробылъ 14 лѣтъ и дослужился до полковничьяго чина. Затѣмъ онъ былъ директоромъ эко-

---

[1]) Архивъ Министерства Народнаго Просвѣщенія № 6374/162.

новіи въ Курской губ. и вицегубернаторомъ въ Орлѣ; тамъ-же онъ является въ роли мастера или главнаго надзирателя въ масонской ложѣ, основанной И. В. Лопухинымъ; послѣдній отзывается о своемъ другѣ Карнѣевѣ съ самой лучшей стороны. При посредствѣ Лопухина, освобожденнаго отъ опалы императоромъ Павломъ, онъ былъ вызванъ въ Петербургъ, а затѣмъ получилъ должность губернатора въ Минскѣ, гдѣ принималъ императора и съумѣлъ заслужить отъ него похвалу. Въ 1808 году онъ былъ назначенъ сенаторомъ, а въ 1810 году членомъ государственнаго совѣта. Въ Петербургѣ онъ сталъ принимать участіе въ возникшемъ тогда Библейскомъ обществѣ, душею котораго былъ кн. А. Н. Голицынъ, занимавшій тогда должность главноуправляющаго иностранными исповѣданіями; въ 1815 году онъ сдѣлался вице-президентомъ этого общества (президентомъ его былъ князь А. Н. Голицынъ), и конечно, это совмѣстное служеніе сблизило его съ Голицынымъ и этотъ послѣдній, сдѣлавшись министромъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, предложилъ въ 1817 году своему бывшему сотруднику по обществу должность попечителя на его родинѣ въ Харьковскомъ учебномъ округѣ. З. Я. Карнѣеву въ это время было 69 лѣтъ отъ роду и, если даже прежде онъ былъ дѣйствительно выдающимся чиновникомъ, то теперь, въ столь преклонномъ возрастѣ, отъ него нельзя было уже ждать большой энергіи на новомъ поприщѣ служенія. З. Я. Карнѣевъ былъ рьянымъ масономъ, а потомъ и піэтистомъ; но нельзя сказать, въ какой мѣрѣ и то, и другое у него было искреннее. Во всякомъ случаѣ участіе въ масонской ложѣ и Библейскомъ обществѣ помогло ему сдѣлать свою служебную карьеру, ибо кн. А. Н. Голицынъ едвали бы назначилъ его въ такомъ возрастѣ на столь трудный отвѣтственный постъ, требовавшій силъ, выдержки, стойкости характера. О Карнѣевѣ же можно предполагать, что онъ врядъ ли отличался подобными свойствами; скорѣе всего онъ, какъ выражается И. П. Щелковъ, принадлежалъ къ тѣмъ дѣятелямъ, которые „плыли по теченію“, намѣчаемому руководящими сферами: будучи Минскимъ губернаторомъ, онъ сначала составилъ чрезвычайно либеральную записку относительно уніатовъ, въ которой предлагалъ предоставить имъ полную свободу вѣроисповѣданія, а затѣмъ выработалъ цѣлый рядъ суровыхъ мѣръ, совершенно стѣснившихъ свободу отправленія богослуженія и требъ. Основываясь на томъ, что императоръ Александръ во время пребыванія своего въ Харьковѣ благодарилъ Карнѣева за его согласіе принять должность попечителя, И. П. Щелковъ устраняетъ предположеніе, чтобы Карнѣевъ добивался мѣста попечителя ради тщеславія или своихъ личныхъ выгодъ; „скорѣе можно думать, говоритъ

онъ, что ему вѣрили управленіе воспитаніемъ и образованіемъ во всей южной части имперіи, какъ лицу надежному, пользовавшемуся полнымъ довѣріемъ и способному дать этому дѣлу желаемое въ высшихъ сферахъ направленіе"[1]). Соглашаясь съ тѣмъ, что кн. А. Н. Голицынъ назначилъ Карнѣева на этотъ постъ по указанной причинѣ, мы не можемъ вмѣстѣ съ тѣмъ устранить изъ числа мотивовъ, которыми руководствовался самъ Карнѣевъ, принимая это званіе, и его соображеній о личныхъ выгодахъ, потому что о нихъ говоритъ онъ самъ въ одномъ изъ писемъ къ министру. Изъ переписки З. Я. Карнѣева съ кн. А. Н. Голицынымъ оказывается, что должность попечителя предложилъ ему министръ еще въ ноябрѣ 1816 года. Въ этомъ можно убѣдиться изъ слѣдующаго его письма: „Милостивый государь мой, Захаръ Яковлевичъ! Предъ отъѣздомъ вашимъ отсюда вы мнѣ обѣщали содѣйствовать по возможности въ дѣлѣ Божіемъ; нынѣ представляется случай вашему превосходительству быть очень полезну, не выѣзжая съ вашего мѣстопребыванія. Намѣреніе есть перемѣнить нынѣшняго попечителя Харьковскаго университета; и кто можетъ быть полезнѣе употребленъ, какъ вы, на истинное просвѣщеніе? Государь императоръ поручилъ мнѣ снестись съ вашимъ превосходительствомъ, согласитесь ли вы быть попечителемъ Харьковскаго университета. Я съ своей стороны счастливымъ сочту имѣть такого сотрудника въ дѣлѣ столь важномъ для блага общаго. Призовемъ въ помощь истинный свѣтъ просвѣщенія всякаго человѣка, грядущаго въ міръ, и да распространится онъ вмѣсто той тьмы, которая взяла верхъ надъ свѣтомъ во всѣхъ училищахъ государства. Я васъ прошу, какъ христіанина, не отказать мнѣ въ моемъ предложеніи; Господь вознаградитъ за все добро, которое вы произвести можете. Въ ожиданіи отвѣта пребуду навсегда съ истиннымъ высокопочитаніемъ и таковою же преданностію вашего превосходительства покорнѣйшій слуга князь Александръ Голицынъ, 6 ноября 1816 г. СПБ. P. S. Прошу оставить сіе письмо въ секретѣ, ибо графъ Потоцкій не долженъ еще о немъ знать".

З. Я. Карнѣевъ далъ на это письмо слѣдующій отвѣтъ: „Почтеннѣйшее вашего сіятельства письмо отъ 6 ноября, которымъ вы призываете меня въ сотрудники вамъ по дѣлу просвѣщенія, сначала поразило меня страхомъ, ибо представилось мнѣ внутреннее мое недостоинство: какъ могу я пуститься въ страшную борьбу тьмы со свѣтомъ въ другихъ, тогда какъ и собственная моя тьма еще совер-

---

[1]) И. П. Щелковъ. Изъ исторіи Харьковскаго университета (Журн. Мин. Нар. Просв. 1890, октябрь, стр. 366.);

женно не побѣждена свѣтомъ истины, для чего единственно искалъ и ищу внутренняго уединенія въ душѣ моей. Но по нѣкоторомъ порученіи дѣла сего Богу, почувствовалъ я въ сердцѣ моемъ, что страхъ сей происходитъ отъ поврежденной природы, которая всегда втирается въ промыслъ Божій объ насъ, примѣшивая остатки воли собственной въ волю Божію, избирающую къ дѣйствованію своему орудія слабыя и презрѣнныя. Въ такомъ положеніи чувствую себя предъ Богомъ и, видя тутъ черты благаго Его о насъ промысла, вдохнувшаго въ сердцѣ ваше сіе желаніе и располагающаго и сердцемъ всемилостивѣйшаго Государя Императора, истинно болящимъ сколько о благоустройствѣ внѣшняго порядка въ благоденствію Россіи, не меньше и о внутреннемъ просвѣщеніи своихъ подданныхъ познаніемъ съ младыхъ лѣтъ источника истины, отъ котораго всякое благо и самый внѣшній порядокъ происходитъ; видя, говорю, такое свыше изволеніе, не смѣю и не могу отказаться, предаваясь совершенно волѣ Божіей и Монаршей, да творитъ со мною, еже ей благоугодно. Мое дѣло, не взирая на слабость здоровья и старость лѣтъ, посвятить всего себя на службу Богу и государю и молить Господа и учителя нашего Іисуса Христа, да просвѣтитъ и научитъ меня, какъ въ толико богоугодномъ дѣлѣ споспѣшествовать Всевысочайшей волѣ Государя Императора, исполняя съ неутомимымъ усердіемъ все то, что отъ верховнаго начальства предначертано будетъ къ славѣ Божіей и къ пользѣ любезнаго отечества. Почтенно любезнѣйшій князь! дѣйствуйте по благоволенію Божію и Государеву; я готовъ всѣмъ сердцемъ повиноваться и распространять далѣ и далѣ свѣтъ истины. Заключаю сіе совершеннымъ высокопочитаніемъ и преданностью, съ коими имѣю честь быть и пр.“ [1]) Послѣ А. Н. Голицынъ замолчалъ и тѣмъ повидимому привелъ въ безпокойство Карнѣева, охотно согласившагося на это предложеніе. Это видно изъ слѣдующаго письма Карнѣева къ Голицыну отъ 17 марта 1817 г. изъ сельца Захарьевскаго: „Милостивый государь мой, князь Александръ Николаевичъ! На почтеннѣйшее вашего сіятельства письмо отъ 6-го ноября прошедшаго года отвѣчалъ я того же года отъ 2-го декабря двумя письмами изъявляя въ одномъ совершенное мое согласіе на предлагаемое мнѣ попечительство Харьковскаго университета, а въ другомъ, представивъ нѣкоторыя подробности, просилъ и объ опредѣленіи секретаремъ находящагося со мною коллежскаго асессора Подвысоцкаго. Не имѣя однако и понынѣ никакого извѣстія, смѣю покорнѣйше просить ваше сіятельство объ увѣдомленіи меня, впрочемъ ни мало

[1]) Русскій архивъ, 1893 года, № 5, стр. 129—130.

не сомнѣваясь въ благорасположеніи вашемъ ко мнѣ, основанномъ на христіанской любви, поручаю дѣло это волѣ Божіей, готовъ будучи на все, что угодно будетъ Господу сотворить со мною. На мѣсто покойнаго харьковскаго епископа Аполлоса назначенъ, говорятъ, новый; смѣю покорнѣйше просить ваше сіятельство познакомить меня съ нимъ. Дай Богъ намъ пастыря добраго. Къ сану сему здѣшніе жители имѣютъ уваженіе, и ежели онъ будетъ хорошъ, то пріобрѣтетъ много добрыхъ овечекъ и на паствѣ слова Божія чрезъ распространеніе его утучнитъ ихъ. Съ душевнымъ почтеніемъ и искреннѣйшей преданностію имѣю честь быть вашего сіятельства покорный слуга Захаръ Карнѣевъ" [1]).

А вотъ текстъ и второго болѣе ранняго отвѣтнаго письма Карнѣева кн. Голицыну отъ 2-го декабря 1816 года, на которое была сдѣлана ссылка въ предъидущемъ: „Милостивый государь мой, князь Александръ Николаевичъ! Изъ отвѣта моего на почтеннѣйшее вашего сіятельства письмо видите вы готовность мою вступить въ предлагаемый мнѣ съ Высочайшей воли многотрудный по существу своему подвигъ службы. Я непрестанно буду молить Отца свѣтовъ о подкрѣпленіи усердія моего и готовности ума и души моей на споспѣшествованіе добрымъ вашимъ расположеніямъ къ славѣ Божіей и къ внутренней пользѣ ближнихъ; но какъ по старости и слабости моей нужны для свободнѣйшаго дѣйствованія сердцемъ и умомъ *необходимыя въ жизни выгоды*, то и смѣю предложить ихъ на благоразсужденіе ваше.

1) По мнѣнію моему, попечительство это должно быть полное, близкое и бдительное во всѣхъ частяхъ надъ учащими и учащимися, а не одно поверхностное надзираніе. Поэтому нужно мнѣ будетъ чаще навѣдываться въ университетъ и проживать тамъ, пока благоустроится по вашимъ добрымъ намѣреніямъ; я же живя въ деревнѣ въ 80 вер. отъ Харькова, не имѣю въ губернскомъ городѣ дома и не могу по моему недостатку имѣть; посему и нужна мнѣ будетъ въ самомъ университетѣ квартира съ дровами, о которой прошу вашего въ свое время предписанія.

2) Я не знаю и не случалось никогда читать основанія университетскаго и должности попечителя, для чего и прошу снабдить меня отъ себя нужными этими свѣдѣніями.

3) По обширности округа университетскаго нужно будетъ не только въ самомъ университетѣ дѣйствовать, но и съ окружными отдѣленіями переписываться, для чего потребенъ мнѣ помощникъ или секретарь или писцовъ хотя два, съ суммою на содержаніе ихъ и на

[1]) Архивъ Мин. Нар. Прос. Дѣло № 6374/162.

протчіе канцелярскіе расходы, о чемъ покорнѣйше прошу благовременно разрѣшить меня. 4) Въ секретари имѣю я готоваго и по всѣмъ частямъ приспособленнаго человѣка, который, находясь не въ службѣ, живетъ при мнѣ и, занимаясь со мною однимъ предметомъ, сколько по наукамъ своимъ, (ибо онъ изъ кіевскихъ студентовъ прошедшій и весь курсъ богословіи), столько и по расположенію сердца ко внутренней жизни совершенно къ сему мѣсту удобенъ, доказавши то и одиннадцатилѣтнимъ своимъ служеніемъ прежде въ Минскѣ при мнѣ, а потомъ по разнымъ должностямъ въ С.-Петербургѣ. Это коллежскій ассесоръ Яковъ Андреевичъ Подвысоцкій, объ опредѣленіи котораго при мнѣ секретаремъ *съ хорошимъ по бѣдности и честности его жалованьемъ* покорнѣйше прошу ваше сіятельство исходатайствовать при опредѣленіи меня въ попечители Высочайшее повелѣніе. 5) Безъ сомнѣнія нужно будетъ попечителю обозрѣвать гимназіи и протчія главныя отдѣленія всего округа Харьковскаго университета, для этого также потребна сумма на подъемъ и путевыя издержки, о назначеніи которой покорно прошу позаботиться. Все это поручая благосклонному вашему ко мнѣ расположенію, съ совершеннымъ высокопочитаніемъ и душевною преданностію имѣю честь быть вашего сіятельства покорнѣйшій слуга Закаръ Карнѣевъ. С. Захарьевское, декабря 2 1819 [1]).

Министръ народнаго просвѣщенія удовлетворилъ всѣ просьбы новаго попечителя и вполнѣ обезпечилъ его въ матеріальномъ отношеніи, оставивъ ему пенсію, прибавивъ столовыя по новой должности, квартиру, разъѣздныя, какъ это видно изъ нижеслѣдующаго письма: „Милостивый государь мой, Захаръ Яковлевичъ! Я уже имѣлъ честь партикулярнымъ письмомъ моимъ увѣдомить ваше превосходительство объ опредѣленіи васъ попечителемъ Харьковскаго университета и его округа; какъ скоро получу объ этомъ изъ Правительственнаго Сената указъ, не премину сообщить вамъ его оффиціально. Вамъ положены столовыя деньги по 3,600 руб. въ годъ и оставленъ пенсіонъ, который получили вы при увольненіи отъ службы, о чемъ я уже сообщилъ г. министру финансовъ. Нынѣ на полученное отъ васъ письмо долгомъ считаю объяснить. 1) Что хотя университетъ и помѣщается тѣсно въ бывшемъ генералъ губернаторскомъ въ Харьковѣ домѣ, но, по вступленіи въ должность попечителя, отъ васъ зависѣть будетъ, смотря по мѣстнымъ обстоятельствамъ, сдѣлать надлежащее представленіе о распространеніи зданія его и вмѣстѣ съ тѣмъ избрать для себя въ университетскомъ домѣ покои, какіе для этого представиться могутъ. 2) По жела-

[1]) Архивъ мин. нар. просвѣщенія. Дѣло 1816 г. № 6874/162.

нію вашему прилагаю при семъ предварительныя правила народнаго просвѣщенія и уставъ университета къ вашему руководству. Дальнѣйшія свѣденія, относящіяся къ должности попечителя, ваше превосходительство можете найти въ университетѣ и въ дѣлахъ предмѣстника вашего, если угодно будетъ вамъ потребовать ихъ къ себѣ. 3) На жалованье письмоводителямъ и вообще на канцелярію попечителя положено по штату двѣ тысячи рублей въ годъ, но я предполагаю сумму эту удвоить, о чемъ сдѣлано отъ меня уже представленіе. 4) Опредѣленіе въ письмоводители къ себѣ, кого заблагоразсудите, зависитъ отъ собственнаго вашего выбора. Нужно только сдѣлать ко мнѣ, съ приложеніемъ формулярнаго списка, формальное отношеніе о томъ, кого изберете, для утвержденія таковаго въ должности. Жалованье письмоводителю назначать можете также по своему произволенію изъ вышеупомянутой положенной на канцелярію вашу суммы. Бывшій при предмѣстникѣ вашемъ письмоводителемъ титулярный совѣтникъ Гартманъ подаетъ прошеніе объ увольненіи его отъ этой должности, такъ какъ вы имѣете для нея въ виду другого чиновника. 5) Когда нужнымъ признаете обозрѣть училища ввѣреннаго вамъ округа, то всякій разъ можете только относиться ко мнѣ, съ назначеніемъ суммы, сколько по предположенію вашему на этотъ предметъ потребнымъ найдете, дабы могъ я сообщить г. министру финансовъ объ отпускѣ тогда вамъ требуемыхъ денегъ". С.-Петербургѣ, апрѣля 3-го 1818 года [1]). Высочайшій указъ сенату о назначеніи попечителемъ Карнѣева состоялся 25 марта 1817 года [2]).

Сдѣлавшись попечителемъ, З. Я. Карнѣевъ немедленно сталъ насаждать въ университетѣ то внѣшнее благочестіе, съ характеромъ котораго мы ознакомились въ началѣ настоящей главы. Въ отвѣтъ на поздравленіе совѣта [3]) съ назначеніемъ на постъ попечителя З. Я. Карнѣевъ обратился къ членамъ его съ такимъ письмомъ. „Получивъ отъ совѣта Императорскаго Харьковскаго университета привѣтственное

---

[1]) Архивъ мин. нар. просв. Дѣло № 6374/162.

[2]) Архивъ Мин. Нар. Просв. Дѣло № 5374/162.

[3]) А совѣтъ поздравилъ попечителя въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „совѣтъ Императорскаго Харьковскаго университета, получивъ отъ управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія его сіятельства кн. А. Н. Голицына отъ 7-го апрѣля сего года пріятное для него извѣщеніе, что ваше превосходительство Высочайше утверждены попечителемъ Харьковскаго университета и его учебнаго округа, долгомъ поставилъ себѣ принести симъ вашему превосходительству свое поздравленіе и рекомендовать себя въ ваше покровительство и благорасположеніе. Ректоръ Тимофей Осиповскій (Харьк. унив. архивъ. Дѣло Поп. № 404/20).

поздравленіе съ Высочайше ввѣреннымъ мнѣ званіемъ попечителя университета и его учебнаго округа, долгомъ считаю изъявить искреннюю мою признательность за вниманіе ко мнѣ почтенныхъ членовъ совѣта. Я надѣюсь, что вызовъ Его Императорскимъ Величествомъ меня изъ уединенія и порученіе послѣ долговременной и многолѣтней службы новой должности, толико по существу своему важной и по цѣли своей полезной, могутъ быть оправданы, общими подвигами гг. членовъ университета на исполненіе Высочайшей воли, въ данномъ университету уставѣ и ясно и подробно изображенной. Моя обязанность будетъ пещись и словомъ, и дѣломъ къ общему и частному каждаго изъ гг. членовъ преуспѣянію, дабы общимъ трудомъ создать цѣлое и Высочайшей волѣ угодное и обще Россіи полезное, испрашивая на всякій подвигъ благословенія свыше отъ Отца свѣтовъ. С. Захарьевское, 29 апрѣля 1818 г. [1]). Въ тотъ же день З. Я. Карнѣевъ написалъ отвѣтное письмо и ректору университета Т. Ѳ. Осиповскому. „Получивъ, говорится тамъ, рапортъ вашего высокородія объ университетскихъ чиновникахъ его и суммѣ, готовъ былъ бы ѣхать къ вамъ, но нездоровье мое удерживаетъ меня; однако 10 мая, когда Богъ благословитъ, буду къ вамъ, и какъ его сіятельство управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія увѣдомляетъ меня о повелѣніи со всѣми представленіями по университету относиться ко мнѣ, то и прошу васъ отложить ихъ до моего пріѣзда, мнѣ же изготовить комнаты, гдѣ бы я могъ на первый случай помѣститься. Впрочемъ я надѣюсь найти благосклонное ваше къ себѣ расположеніе, въ надеждѣ чего съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть. З. Карнѣевъ [2])". Въ Харьковъ новый попечитель пріѣхалъ только 10 мая и прожилъ тамъ 3 недѣли, посвятивъ это время осмотру университета и гимназіи; затѣмъ снова явился на экзамены. 19-го мая онъ написалъ ректору слѣдующее характерное письмо. „По Высочайше ввѣренной мнѣ должности обозрѣвая занимаемое университетомъ строеніе, не нашелъ я храма Божія, куда бы гг. профессора и прочіе учащіе, также и учащіеся кандидаты и студенты собирались по всѣмъ праздничнымъ и воскреснымъ днямъ для принесенія молитвы Господу Богу, отъ него же происходитъ всякое даяніе благо для сердца и всякъ даръ совершенъ для разума, яко отъ отца свѣтовъ. И какъ по объявленію вашему, нѣтъ и не было никогда особливаго наблюденія, чтобы куда либо собирались вмѣстѣ на молитву, а предоставлено на волю каждаго изъ студентовъ ходить въ церковь, кто куда захочетъ,

---

[1]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло сов. 1817 г. № 25, стр. 5.
[2]) Ibidem, стр. 6.

при каковомъ небреженіи за ними; нѣкоторые изъ нихъ по молодости своей не только могли внѣшно уклоняться отъ первой сей священной обязанности, но и, внутренно забывая долгъ христіанства, теряли время въ праздности, то и нахожу нужнымъ на обстоятельство сіе, яко важнѣйшее, обратить все вниманіе и учащихъ и учащихся, первыхъ, яко руководителей къ истинному просвѣщенію ума учащихся и образованію сердца ихъ по правиламъ евангельскимъ, а вторыхъ, яко послѣдователей наставникамъ своимъ въ обученіе ихъ и словомъ истины, и дѣломъ нравственнаго благочестія, ибо начало премудрости есть страхъ Божій, требующій отъ учащихъ и учащихся безпрестаннаго возвышенія сердецъ ихъ къ источнику свѣта—духу Божію и непрерывнаго хожденія въ присутствіи Вездѣсущаго, дабы, ежеминутно озарясь свѣтомъ свыше, могъ и умъ раскрываться къ познанію божественныя истины и сердце воспламеняться любовію Христовой, превосходящею всякъ разумъ человѣческій. Почему и предложите, ваше высокородіе, правленію университета: 1) снесясь съ преосвященнымъ Павломъ, епископомъ слободскоукраинскимъ и харьковскимъ, испросить опредѣленное мѣсто въ соборной церкви для кандидатовъ и студентовъ, а въ церкви св. Николая для учениковъ гимназіи; 2) инспектору съ помощниками, которые по параграфу 188 устава должны при немъ быть изъ магистровъ или кандитатовъ, каждое воскресенье и праздникъ, собирая предъ обѣднею въ 8 час. утра всѣхъ кандидатовъ и студентовъ въ залу, читать по главѣ изъ евангелія и посланій апостольскихъ съ краткимъ объясненіемъ оныхъ, а потомъ предоставить имъ идти въ церковь и наблюдать, чтобы во время обѣдни стояли всѣ съ благоговѣніемъ, внимая слову Божію и священнодѣйствію; 3) въ гимназіи директору и учителямъ, собираясь подобнымъ образомъ по окончаніи священникомъ ученія закону Божію, вести учениковъ къ обѣднѣ въ церковь св. Николая и также прилежно наблюдать, дабы всѣ тихо и благоговѣйно стояли и слушали чтеніе и пѣніе церковное, за всякій же разговоръ и шумъ въ церкви какъ съ первыхъ, такъ и съ сихъ послѣднихъ строго взыскивать; 4) всѣхъ не являющихся въ залу студентовъ и гимназистовъ и не бывающихъ въ церкви безъ причинъ законныхъ записывать на черную доску, яко нерадивыхъ къ священной сей обязанности, а по тремъ и больше упущеніямъ входить въ изысканіе причинъ ихъ отсутствія и подвергать наказанію по мѣрѣ вины, за чѣмъ кто не былъ; 5) въ лѣтнее время въ большіе праздничные дни, когда бываетъ съ вечера всенощное бдѣніе, такимъ же образомъ собираясь въ залѣ какъ студентамъ, такъ и гимназистамъ съ началь-

никами своими ходить въ церковь" [1]). И такъ, *внутреннее* благочестіе среди учащихся З. Я. Карнѣевъ разсчитывалъ насадить дисциплинарными взысканіями. Впрочемъ нужно отдать ему должное; онъ все таки дѣйствовалъ мягче, чѣмъ Магницкій, и по отношенію къ профессорамъ не прибѣгъ къ внѣшнимъ понудительнымъ мѣрамъ. Правленіе, выслушавъ выше приведенное предложеніе попечителя, постановило привести въ исполненіе всѣ его требованія, и пригласить для объясненія евангелія протоіерея Могилевскаго, положивъ ему жалованья по 250 рублей въ годъ. Епископъ Павелъ отнесся съ полнымъ сочувствіемъ къ „благоугодному предположенію" попечителя и далъ указъ консисторіи объ отводѣ особаго мѣста въ соборѣ для кандидатовъ и студентовъ. Онъ же разрѣшилъ Могилевскому объясненіе евангелія, но съ тѣмъ чтобы оно заканчивалось не позже 8-го часа по утру, дабы не отнять у него времени для совершенія богослуженія [2]). Результаты своего изслѣдованія университетской жизни З. Я. Карнѣевъ изложилъ въ слѣдующемъ письмѣ къ министру отъ 3 іюля 1817 года. „Милостивый государь, князь Александръ Николаевичъ! Прибывши въ университетъ 10-го истекшаго мая, прожилъ я въ Харьковѣ три недѣли и, обозрѣвъ прежде всего строеніе университета и гимназіи, гдѣ находятся разные кабинеты, учебныя залы, жилище казенныхъ студентовъ и гимназистовъ, нашелъ помѣщеніе всего въ зданіи университетскомъ крайне стѣсненнымъ, въ великомъ безпорядкѣ и нечистотѣ, такъ что многія вещи по кабинетамъ не разобраны и не описаны, какъ, напримѣръ, въ числѣ первыхъ библіотека довольно обширная, училищны залы запущены и все въ такомъ безобразіи единственно потому, что университетъ, почитая это зданіе временно принадлежащимъ ему, не приступилъ ни къ малѣйшей поправкѣ его внутреннихъ покоевъ.—Въ гимназіи же, такъ какъ она вновь построена, нашелъ все вообще въ сносномъ положеніи, хотя зданіе это, какъ снаружи не оштукатурено, такъ и внутри голыя стѣны. По осмотрѣ строенія обратилъ я вниманіе на образъ мыслей и способы ученія профессоровъ, адъюнктовъ и прочихъ учителей въ университетѣ и гимназіи, равно на успѣхи учениковъ и общій тѣхъ и другихъ духъ въ учебныхъ предметахъ, особенно на главное основаніе просвѣщенія—духъ религіи, коимъ должны начинаться всѣ предметы учености и къ усовершенствованію котораго въ правилахъ чистой вѣры, утверждаемой на позналіи Евангельской истины, должны они

---

[1]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло поп. № 404/20

[2]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло правл. 1817 года № 1241/58.

стремиться, яко къ единственной цѣли блаженства временнаго и вѣчнаго, приготовляя отмѣнныхъ гражданъ для отечества земнаго и вѣрныхъ сыновъ отечеству небесному. Вниманіе къ открытію истины этого предмета требовало и времени, и долгаго обращенія съ профессорами, учителями, со студентами и всѣми учащимися, но при первомъ шагѣ замѣтилъ я, что, кромѣ гимназіи, гдѣ ученіе Закону Божію было преподаваемо, въ университетѣ часть эта совсѣмъ оставлена была въ небреженіи.—Почему студенты, свободно слѣдуя мало образованнымъ въ познаніи вѣры умамъ своимъ, не знали обязанности ни посѣщать храмы Божіи, ни дома учиться Евангельской истинѣ изъ чтенія священнаго писанія. О чемъ много разсуждая съ профессорами и студентами, наконецъ, въ первый пріѣздъ мой рѣшился я, снесясь съ преосвященнымъ здѣшнимъ, испросить для студентовъ въ соборѣ, а для гимназистовъ въ приходской церкви по способности отдѣльныя мѣста, куда бы студенты съ инспекторомъ изъ профессоровъ и его помощниками, а ученики гимназіи съ директоромъ и своими учителями ходили въ праздничные и воскресные дни къ обѣдни, собираясь для этого за часъ предъ обѣднею— студенты въ университетской залѣ, а ученики гимназіи въ своей и слушая Евангеліе, къ изъясненію котораго договоренъ въ университетъ, по дозволенію преосвященнаго, ученый и благочестивый протоіерей съ маленькимъ жалованьемъ, который, начавши съ первой главы Матвѣя, проходитъ со студентами по порядку все Евангеліе, изъясняя имъ истинный смыслъ его; въ гимназіи же отличный священникъ, учащій Закону Божію, толкуетъ имъ ежедневное Евангеліе, послѣ чего идутъ они къ обѣдни. Подвигъ этотъ не только въ профессорахъ и учителяхъ, но и въ самихъ студентахъ и ученикахъ гимназіи возбудилъ желаніе вступить членами въ библейское общество и число ихъ понынѣ простирается до 125 человѣкъ, а сумма, подписанная ими, равна 914 р. Съ такимъ возрѣніемъ, по благости Божіей, въ духѣ учащихъ и учащихся нѣкотораго луча вѣры оставилъ я ихъ, предавъ благому промыслу Божію о насъ далѣе дѣйствовать въ сердцахъ ихъ къ стяжанію твердости въ вѣрѣ, которая растетъ по мѣрѣ упраздненія или очищенія умственныхъ идей, порождаемыхъ ложнымъ мудрствованіемъ.

По прошествіи трехъ недѣль прибылъ я таки въ университетъ къ продолжавшимся экзаменамъ и, посѣщая ихъ, а частью присутствуя 30-го іюня на генеральномъ экзаменѣ, слушая рѣчи и прочія сочиненія въ университетѣ студентовъ, а въ гимназіи учениковъ, гдѣ во все время присутствовалъ и преосвященный Павелъ, нашелъ успѣхи хорошіе, которые равно какъ и самыя сочиненія по отпечатаніи ихъ не

умедлю представить на благоусмотрѣніе вашего сіятельства. Между тѣмъ, не теряя изъ виду подвига о благочестіи и преспѣяніи въ вѣрѣ, къ чему положено начало въ первый мой пріѣздъ, узналъ, къ общему и ихъ, и своему удовольствію отъ священниковъ, изъясняющихъ Евангеліе, что нѣкоторые изъ студентовъ и учениковъ гимназіи, пріобрѣтая и въ собственность библію, охотно поучаются слову Божію, и хотя число ихъ и мало, но и за то слава Богу.—Протчіеже, кромѣ самыхъ нерадивыхъ и развратившихся, но и то не въ большомъ числѣ, приходятъ къ слушанію слова Божія и въ церковь по обязанности, опасаясь взысканія; но я надѣюсь на благодать Божію, что она и ихъ закоснѣвшія сердца, какъ юныя вѣтви, мало по малу направитъ къ истинѣ и возжетъ въ нихъ сладостное влеченіе къ поразительной красотѣ слова Божія. Теперь по окончаніи экзаменовъ распущены и студенты, кромѣ нѣкотораго числа состоящихъ на казенномъ содержаніи, такъ же и въ гимназіи; и я подтвердилъ г. ректору, чтобы слушаніе слова Божія и хожденіе въ церковь по праздничнымъ и воскреснымъ днямъ остающимися студентами и учениками гимназіи продолжалось непремѣнно. Со второй половины августа, по окончаніи вакаціоннаго времени, когда начнутъ собираться учащіеся, явлюсь я паки въ университетъ и наблюдать буду, чтобы заведенный порядокъ въ поученіи слова Божія между всѣми науками по уставу не только не былъ прерываемъ, но и возрасталъ бы болѣе и болѣе; — тогда можно будетъ ожидать благословенія свыше и на всѣ подвиги учащихъ и учащихся. Изъясня такимъ образомъ вашему сіятельству главный пунктъ моего вниманія, много долженъ бы представить вамъ подробностей, какъ въ разсужденіи строенія, требующаго и распространенія, и умноженія, къ чему приготовляются планы и на что достаточная сумма есть въ университетѣ, такъ и въ разсужденіи лицъ учащихъ и поправленія учащихся; но на это потребно долгое время къ точнѣйшему изысканію истины, дабы не погрѣшить, и поврежденное постепенно исправить, для чего и прошу покорнѣйше взять терпѣніе и дать время на обозрѣніе.

Между тѣмъ въ вакаціонное время препоручилъ я университетскому правленію исправить и очистить всю внутренность университета, такъ же привести въ порядокъ кабинеты и протчее, дабы при Высочайшемъ Государя Императора посѣщеніи можно было представить ему, когда благоволитъ воззрѣть на эту часть. Самъ же, отдохнувши въ деревнѣ, поѣду въ Полтаву для обозрѣнія гимназіи, по опредѣленію комитета гг. министровъ переводимой въ зданіе почтамта. Съ совершеннымъ

почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть, милостивый государь, вашего сіятельства покорнѣйшій слуга Захаръ Карнѣевъ“[1]).

И такъ, новый попечитель вѣрно понялъ свою миссію въ духѣ господствовавшаго тогда въ министерствѣ направленія—въ смыслѣ насажденія евангельской вѣры, которая должна была сдѣлаться и началомъ, и цѣлью всѣхъ наукъ, ибо эти послѣднія, сами по себѣ, представляли только ложное умствованіе. Его „система“ получила немедленно одобреніе и отъ министра, и отъ самого Государя. Кн. А. Н. Голицынъ, получивъ приведенное выше отношеніе З. Я. Карнѣева, далъ ему слѣдующій отвѣтъ. „Милостивый государь мой, Захаръ Яковлевичъ! Отношеніе вашего превосходительства отъ 3-го прошедшаго іюля о первоначальныхъ распоряженіяхъ вашихъ по Харьковскому университету и тамошней гимназіи ко введенію тамъ истиннаго познанія правилъ христіанства и евангельскаго ученія, получилъ я съ особеннымъ удовольствіемъ и счелъ необходимымъ прочесть его Государю Императору. Его Императорское Величество весьма былъ доволенъ всѣмъ тѣмъ, что вами сдѣлано по этому предмету. Увѣдомляя васъ, милостивый государь мой, объ этомъ, присовокупляю къ попечительности вашей о томъ существенномъ для истиннаго учебнаго образованія юношества основаніи, съ моей стороны усиленнѣйшую просьбу,—продолжать обращать величайшее на то вниманіе и всячески тому содѣйствовать. Я увѣренъ, что съ помощію Божіею это произведетъ большое вліяніе на нравственную часть между учащимися и свѣтъ животворной истины водворится вмѣсто ложнаго просвѣщенія“.

Попечитель, ободренный сочувствіемъ министра, писалъ ему, что и Государь, въ то время посѣтившій Харьковскій университетъ, одобрилъ его начинанія. „Милостивый государь, князь Александръ Николаевичъ! Почтеннѣйшее вашего сіятельства предписаніе, одобряющее первоначальныя распоряженія мои по Харьковскому университету и здѣшней гимназіи, имѣлъ честь получить за два дня до пріѣзда въ Харьковъ Его Императорскаго Величества. Государь Императоръ, какъ изъ особаго представленія о пребываніи его здѣсь усмотрѣть изволите, весьма милостиво встрѣтилъ меня Высочайшимъ благоволеніемъ за принятіе на себя нынѣшней должности, изъявя ревностное свое желаніе о возбужденіи духа истинной религіи въ учащихъ и учащихся и спрашивая меня, имѣю ль я надежду въ этомъ успѣть. На это я имѣлъ счастье отвѣчать Государю Императору: сколько силъ моихъ достанетъ при помощи Божіей, стараться

---

[1]) Архивъ Мин. Нар. Просвѣщенія. Дѣло 1817 года № 6445/163, присоединенный къ № 6374/163.

буду показывать путь истины и поощрять учащихъ и учащихся къ шествію по оному, но за успѣхъ отвѣчать не могу, ибо онъ зависитъ отъ мѣры духа Господня, сколько кто по прилежному исканію истины возбужденъ и просвѣщенъ имъ будетъ. На что Государь сказалъ, что онъ о моемъ первоначальномъ подвигѣ знаетъ изъ представленій къ вашему сіятельству, имъ читанныхъ; почему и требовалъ, чтобы между учащимися вводить сколько можно въ привычку чтеніе Святого Евангелія, духъ же Божій поидетъ каждому разумѣть по мѣрѣ силъ къ исполненію воли Господней. Будучи возбуждаемъ къ этому и Высочайшею Государя Императора волею, и милостивымъ вашимъ поощреніемъ, найприлежнѣйше молить буду непрестанно во внутренности души моей единственнаго учителя, Господа Нашего Іисуса Христа, да подкрѣпитъ меня на трудномъ семъ подвигѣ и даруетъ крѣпость не ослабѣвать при непріязненныхъ встрѣчахъ противничьяго духа и, какъ доносилъ я Государю Императору, что больше все таки при помощи свыше надѣюсь я успѣха отъ учащихся, нежели учащихъ, изъ которыхъ кромѣ нѣкотораго числа русскихъ, прозрѣвающихъ, такъ сказать, въ путь сей и начинающихъ одобрять оный, прочіе, особливо изъ иностранцевъ, водятся духомъ корысти и тщеславія, и изъ нихъ о нѣкоторыхъ по нерадѣнію ихъ и къ настоящимъ своимъ должностямъ вынужденъ буду представлять вашему сіятельству. Что же относится до студентовъ, то многіе изъ нихъ, со времени введенія первоначальныхъ моихъ распоряженій мало по малу прилѣпляются къ Евангельской истинѣ, начиная читать и прилежно слушать Евангеліе съ помощію объясненія ученымъ и добронравнымъ священникомъ.—Въ этомъ еще болѣе утверждаетъ меня добрая перемѣна въ ихъ поведеніи, которая замѣтна стала всей публикѣ.—Дай Богъ, чтобы сѣмя Слова Божія, сѣемое духомъ его въ сердца сихъ юношей, росло и укрѣпляло молодыя силы ихъ на службу Богу и Отечеству, тогда исполнится богоугодное желаніе вашего сіятельства, что свѣтъ животворной истины водворится вмѣсто ложнаго просвѣщенія и въ кругѣ ученомъ".

Въ другомъ оффиціальномъ отчетѣ З. Я. Карнѣевъ описывалъ пребываніе въ Харьковѣ Императора Александра I-го 18-го сентября 1817 года. „Милостивый государь, князь Александръ Николаевичъ! Его Императорское Величество 17-го сего мѣсяца въ 10-мъ часу по полудни изволилъ прибыть въ Харьковъ прямо въ соборъ, гдѣ встрѣченъ былъ преосвященнымъ епископомъ съ духовенствомъ и всѣмъ военнымъ и гражданскимъ начальствомъ, причемъ и я съ профессорами находился.—По принесеніи Всевышнему благодарственнаго молебствія, поѣхалъ на квартиру, куда явился и я, принятъ былъ

Государемъ Императоромъ милостиво, съ изъявленіемъ Высочайшаго благоволенія за согласіе мое на принятіе на себя званія попечителя и первые подвиги мои, дошедшіе до свѣдѣнія его чрезъ ваше сіятельство. 18-го по утру въ девять часовъ Государь Императоръ изволилъ прибыть въ университетъ, гдѣ представлены были ему профессора и адъюнкты, потомъ осматривалъ онъ библіотеку и кабинеты зоологическій, минцъ кабинетъ, технологическій и минеральный, такъ-же разсматривалъ вновь проэктированный планъ перестройки университета, соображая съ самымъ мѣстоположеніемъ, и повелѣлъ представить его по порядку на Высочайшее утвержденіе, потомъ, снисходя на всеподданнѣйшее мое прошеніе, благоволилъ записать Высочайшее имя свое въ книгу знаменитыхъ посѣтителей, нарочно для сего приготовленную. Изъ университета чрезъ улицу перешелъ въ университетскую залу, гдѣ представлены были ему кандидаты и студенты казеннокоштные и своекоштные, причемъ повелѣлъ мнѣ всѣхъ ихъ имена провозгласить, коихъ было до 200 человѣкъ, и оказалъ Высочайшее свое благоволеніе какъ учащимъ, такъ и учащимся. На послѣдокъ посѣтилъ гимназію и, удостоя Высочайшаго своего возрѣнія всѣхъ учениковъ гимназіи и уѣзднаго училища, собранныхъ въ залѣ всего до двухъ сотъ пятидесяти человѣкъ, изволилъ осмотрѣть всѣ классныя комнаты, потомъ пошелъ черезъ дворъ въ жилыя казенныхъ гимназистовъ комнаты, которыхъ съ пансіонерами было до 60-ти человѣкъ, и осматривалъ какъ ихъ, такъ и столовую и вездѣ изъявилъ Высочайшее свое благоволеніе и сдѣлалъ только замѣчаніе на счетъ старыхъ кроватей гимназистовъ; по поводу ихъ повелѣлъ всемилостивѣйше наблюдать впредь лучшую чистоту и опрятность, кровати же эти хотя и крѣпки, но по краткости времени моего начальствованія не могли быть приведены въ тотъ порядокъ, въ какомъ должны быть и будутъ. Возвратясь на квартиру, повелѣлъ мнѣ быть къ столу, по окончаніи котораго между протчимъ, изъявивъ мнѣ Высочайшее свое благоволеніе за найденный порядокъ въ университетѣ и первыя дѣйствія недавняго моего начальствованія, поручилъ попеченію моему стараться подвигать впередъ всю учебную часть, сколько въ истинномъ ея духѣ, такъ равно въ чистотѣ и опрятности и въ третьемъ часу по полудни изволилъ отбыть изъ Харькова" [1]).

Таковы собственные отчеты о своей дѣятельности З. Я. Карнѣева. Можно предполагать, что они проникнуты нѣкоторымъ оптимизмомъ, хотя, вообще говоря, Карнѣевъ отличался осторожностью въ своихъ

[1]) Архивъ Мин. Нар. Просвѣщенія. Дѣло 1817 года № 6445/163, присоединенный къ № 6374/163.

обѣщаніяхъ относительно возможныхъ результатовъ своей дѣятельности; такую осторожность онъ, какъ мы видѣли, проявилъ въ своей бесѣдѣ съ Государемъ; мы знаемъ также, что въ дѣлѣ благочестія онъ возлагалъ больше надеждъ на учащихся, чѣмъ на учащихъ; среди этихъ послѣднихъ его особенно смущали иностранцы, которыхъ, конечно, трудно было обращать на путь истинной православной религіи. Относительно студентовъ онъ также писалъ, что только очень немногіе искренно ревнуютъ евангелію и богослуженію; большинство же ходитъ въ церковь по обязанности, боясь взысканій. Но спрашивается, можно ли было безошибочно отдѣлить неискреннихъ отъ искреннихъ? Безъ сомнѣнія и нѣкоторые изъ тѣхъ, кого онъ считалъ искренними, только искусно притворялись. Во всякомъ случаѣ едва ли, напримѣръ, сдѣлались внутренними христіанами всѣ тѣ студенты и гимназисты, кои вписались въ члены библейскаго общества и начали дѣлать въ пользу его взносы. Мотивы и поводы для вступленія въ члены этого общества были у разныхъ лицъ разнообразные: тутъ дѣйствовалъ и страхъ, и угодливость передъ высшимъ начальствомъ, и ожиданіе житейскихъ благъ и карьеры, и подражаніе, и мода, и, наконецъ, искренніе порывы чувства; отдѣлить же искреннихъ людей отъ неискреннихъ начальству было чрезвычайно трудно, можно даже сказать, невозможно, ибо приходилось руководствоваться внѣшними обманчивыми признаками.

Что касается сообщенія о пребываніи въ Харьковѣ государя, то здѣсь З. Я. Карнѣевъ впалъ въ явный оптимизмъ. Изъ разсказа другого и при томъ посторонняго очевидца видно, что Императоръ Александръ I вынесъ далеко не отрадное впечатлѣніе изъ своего осмотра Харьковскаго университета. Этотъ очевидецъ, бывшій въ свитѣ государя, Данилевскій говоритъ: „библіотека была малочисленна, а собранія инструментовъ и машинъ не полны, для пріумноженія ихъ требовались еще большія издержки; студенты похожи были на школьниковъ; между профессорами не находилось ни одного человѣка, который бы снискалъ имя въ ученомъ свѣтѣ; Государь пожималъ плечами, и я читалъ на лицѣ его, что онъ былъ не доволенъ. Къ тому же попечитель университета Карнѣевъ началъ по одиночкѣ представлять Его Величеству студентовъ, выкликая каждаго по имени, при чемъ они, выходя изъ толпы, дѣлали государю смѣшные и неловкіе поклоны. Императоръ, увидя меня, стоявшаго поодаль, подошелъ ко мнѣ и спросилъ по французски: „Que pensez vous de l' Université?“ „Il faut avouer, отвѣчалъ я, qu'elle est encore bien arriérée“. „Je suis de votre avis“, сказалъ государь“. Къ довершенію всего В. Н. Каразинъ подалъ въ это время свой проектъ государю и „это, прибавляетъ Данилевскій, было

весьма непріятно, ибо Его Величество не любилъ, что бы ему лично представляли бумаги, которыя должны были идти законнымъ порядкомъ, принятымъ во всѣхъ благоустроенныхъ государствахъ". [1]) Конечно, отзывъ этотъ нѣсколько одностороненъ: Государь во всякомъ случаѣ сочувствовалъ религіозно-нравственному направленію дѣятельности новаго попечителя; проф. Осиповскій пользовался, какъ мы знаемъ, большою извѣстностью въ ученомъ мірѣ; В. Н. Каразинъ, уже давно обратившійся изъ маркиза Повы въ докучливаго и непрошеннаго сочинителя разныхъ записокъ, „былъ виновенъ только въ томъ, что ради общественнаго блага пользовался нѣкогда даннымъ ему разрѣшеніемъ обращаться непосредственно къ Государю". Но при всей односторонности своей, разсказъ Данилевскаго вноситъ всетаки поправку въ сообщеніе З. Я. Карнѣева о посѣщеніи Императоромъ Александромъ Харьковскаго университета и о вынесенныхъ имъ впечатлѣніяхъ: эти послѣднія были не вполнѣ благопріятны.

Прежній попечитель гр. С. О. Потоцкій, какъ мы видѣли, самъ сознавался, что Харьковскій университетъ въ послѣдніе годы сталъ клониться къ упадку и нуждался въ новомъ, энергичномъ начальникѣ; но этой то личной энергіи именно и не было у Карнѣева въ его старческомъ возрастѣ. Въ первое время своего управленія онъ постарался рѣзко проявить свое намѣреніе переформировать университетское преподаваніе на религіозно-нравственномъ началѣ, но для систематическаго проведенія этого плана у него не было ни силъ, ни способностей, ни энергіи; онъ далеко въ этомъ отношеніи уступалъ Руничу и Магницкому и представлялъ только блѣдную копію съ этихъ образцовъ. „Въ послѣдніе годы жизни, говоритъ И. П. Щелковъ, Карнѣевъ увлекся дѣятельностью библейскаго общества въ томъ мистическомъ направленіи, какое оно приняло подъ руководствомъ предсѣдателя кн. А. Н. Голицына въ концѣ царствованія Императора Александра Павловича. Съ такимъ настроеніемъ явился Карнѣевъ въ Харьковъ въ качествѣ попечителя учебнаго округа. Понятно, что отъ него нельзя было ожидать серьезнаго отношенія къ дѣятельности университета; онъ не могъ ни судить о достоинствахъ членовъ ученой карпораціи университета, ни слѣдить за достоинствомъ научнаго преподаванія. Все для него возможное сводилось къ чисто внѣшнему наблюденію за благоустройствомъ университетскихъ помѣщеній и исполненіемъ профессорами ихъ обязанностей, вѣрнѣе, за явкой ихъ въ университетъ. Но кромѣ такого исключительно внѣшняго отношенія къ университет-

[1]) Шильдеръ. Имп. Александръ I, т. IV, стр. 76.

ской дѣятельности, которое могло бы и не принести особаго вреда; Карнѣевъ старался выказать положительную дѣятельность, а она то и оказывалась весьма неблагопріятною для университета. Будучи мало свѣдущъ въ наукахъ, Карнѣевъ вмѣстѣ съ тѣмъ, слѣдуя общему въ то время направленію, особенно сильно проявившемуся въ средѣ библейскаго общества, считалъ науки не безопасными. Онъ не допускалъ возможности предоставить человѣческому разуму свободное поле дѣятельности. Стараясь осуществить свой идеалъ, Карнѣевъ довольствовался однако только внѣшними полицейскими мѣрами, не только не способными содѣйствовать распространенію религіозности въ средѣ университета и гимназій, но дѣйствовавшими скорѣе въ обратномъ направленіи, способными скорѣе развить лицемѣріе и среди преподавателей, и среди учениковъ. Какъ человѣкъ слабохарактерный и къ тому же старчески дряхлый, Карнѣевъ не переносилъ возраженій въ отношеніи къ его мѣрамъ; при его душевномъ настроеніи не соглашающійся съ нимъ долженъ былъ въ его глазахъ явиться не только противникомъ его мнѣній, но лицомъ прямо вреднымъ, оскорбляющимъ религію и не уважающимъ требованій евангельскаго ученія" [1]. И. П. Щелковъ хочетъ здѣсь сказать, что на такой почвѣ произошла и борьба его съ Осиповскимъ. Къ сказанному можно только прибавить, что главное зло заключалось не столько въ томъ, что Карнѣевъ не былъ знакомъ съ науками—едва ли отъ него можно было требовать энциклопедическаго образованія—сколько въ томъ, что онъ не чувствовалъ къ нимъ должнаго уваженія и противопоставлялъ ихъ, вопреки здравому сужденію Ломоносова, религіи. Это ясно сказалось между прочимъ въ эпизодѣ 1819 года о студенческихъ сочиненіяхъ. Въ министерство были препровождены студенческія сочиненія, читанныя на торжественномъ испытаніи 30 іюня 1817 года. Министерство замѣтило въ нихъ „весьма несправедливое понятіе касательно средства къ возстановленію падшаго человѣческаго естества, исправленію нравственности и улучшенію сердца, каковымъ средствомъ представляется вообще философія; хотя въ иныхъ мѣстахъ и говорится, что философія должна быть основана на религіи, но это сказано какъ бы мимоходомъ и однимъ словомъ только о религіи, не упоминая о необходимомъ стредствѣ спасенія, представляемомъ намъ въ евангеліи и вообще въ ученіи христіанскомъ. Все это свидѣтельствуетъ, какими мнѣніями наполняются умы юныхъ воспитанниковъ и сколь много отвлекаются они тѣмъ отъ настоящей цѣли, человѣку предпостав-

---

[1]) Жур. Мин. Нар. Просв. 1890, октябрь, стр. 384.

ленной". „Послѣднія слова министра, говоритъ И. П. Щелковъ, заключали прямое обвиненіе преподавательскаго персонала въ несогласномъ съ видами министерства веденіи преподаванія" [1]). Сообщая объ этомъ совѣту университета, Карнѣевъ предложилъ ему къ непремѣнному исполненію средства, могущія возстановить и поддержать дѣятельность университета въ желаемомъ направленіи. Изложенныя въ этомъ предложеніи мысли чрезвычайно ясно характеризуютъ какъ общее направленіе, господствовавшее въ то время въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, такъ и печальное положеніе, въ какомъ находился тогда Харьковскій университетъ. „Сдѣланное Его Сіятельствомъ замѣчаніе, пишетъ попечитель, должно обратить общее всѣхъ вниманіе, что философія не достаточна въ средствахъ къ возстановленію падшаго человѣческаго естества, исправленію нравственности и улучшенію сердца безъ понятія евангельскаго и вообще христіанскаго ученія. Первое и главное средство къ познанію истины христіанской есть прилежное чтеніе библіи, состоящей въ ветхомъ и новомъ завѣтѣ, яко животворящаго слова Божія; принимая сію священную книгу не за плодъ разума человѣческаго, который въ падшемъ своемъ состояніи, безъ освѣщенія Духомъ Божіимъ, никогда не можетъ воспарить къ превыспренней истинѣ христіанской, но за вдохновенное патріархомъ и апостолами слово вѣчныя жизни, котораго были они достойными по чистому сердцу и покорному вѣрѣ уму и единственными орудіями въ рукѣ вся сотворшаго, вся сохраняющаго Бога слова, такъ что онъ столько же ежеминутно занимается и жребіемъ каждаго частнаго человѣка, какъ и всѣмъ вообще родомъ человѣческимъ, ибо столько возлюби Богъ міръ, яко и сына своего единороднаго, т. е. Бога слово (плотію бывшее) далъ есть, да всякъ вѣруяй въ него не погибнетъ, но имать животъ вѣчный. Священная библія съ первой главы бытія до послѣдней апокалипсиса учитъ не только познанію начала, продолженія и конца вселенной, нами обитаемой, но и паче познанію человѣка, яко верховнаго дѣла рукъ Божіихъ,—первое въ невинномъ его состояніи, въ раю, потомъ въ падшемъ его состояніи, въ которомъ всѣ мы раждаемся на землѣ, и наконецъ въ возстановленіи нашемъ чрезъ

---

[1]) Поводомъ къ этому обвиненію послужило главнымъ образомъ сочиненіе студента Склабовскаго подъ заглавіемъ „De corruptione naturae humanae et de auxilio ad eandem amendendam, quale praestat nobis vera philosophia (объ испорченности человѣческой природы и о способѣ исправленія ея, какой представляетъ намъ истинная философія); въ немъ, по заявленію министерства, заключались „самыя ложныя понятія о средствахъ (философскихъ) возстановленія падшей природы человѣка" (Рус. старина, 1876 года, ноябрь, стр. 476).

искупленіе Бога слова, бывшаго плотію. Въ ней показаны, въ книгахъ Моисеевыхъ и пророческихъ, и бѣдность нашего глубокаго паденія, почему отъ юности всѣ мысли и желанія наши клонятся ко злу, и средства возстановленія — въ патріаршескихъ и пророческихъ писаніяхъ предостерегательныя и наставительныя, а въ евангельскомъ ученіи дѣйствительныя, ибо обѣтованный прежде Спаситель пришествіемъ своимъ во плоти показалъ намъ образъ жизни, когда чрезъ живую вѣру слову Его, вѣчно глаголющему и внѣ насъ, и въ сердцѣ нашемъ, слѣдуемъ божественному Его ученію. Почему и чтеніе слова Божія не должно дѣлаться подобно чтенію обыкновенныхъ книгъ разума человѣческаго, но съ великимъ пріуготовленіемъ сердца и разума, испрашивая прежде во внутренней молитвѣ сердца чистаго и разума праваго, дабы первое оживотворено было любовію къ Богу, а разумъ покоренъ свѣту вѣры, пока раскроется въ немъ духъ истины, котораго Іисусъ Христосъ по вознесеніи одесную отца послалъ апостоламъ и котораго посылаетъ и нынѣ просящимъ его отъ чистаго сердца. Тогда всѣ толки и умствованія философическія, противныя библейскому ученію, сами собою падутъ и уничтожатся. Пока же учащій или учащійся чрезъ *непрестанную молитву* и чистую жизнь можетъ стяжать духа Божія, есть другое вспомогательное средство, а именно— писанія святыхъ отцовъ и Богомъ просвѣщенныхъ мужей, особливо въ прошедшемъ столѣтіи открывавшихся, которые до основанія ниспровергаютъ лжеученіе философское неоспоримыми доказательствами и изъ Слова Божія, и изъ внутренняго познанія поврежденнаго паденіемъ естества человѣческаго. Таковы суть книги — Божественная философія, христіанская философія и прочія сочиненія, изданныя на россійскомъ языкѣ и извѣстныя г. ректору и профессорамъ словесности, соразмѣрныя понятію учащихъ и учащихся, и высокому и посредственному, и которыя, по мѣрѣ успѣха учениковъ, могутъ сообщаемы быть отъ учащихъ учащимся. Сіи два средства, при наблюденіи благочестія, первыхъ познаній Закона Божія, христіанскаго благоговѣнія въ храмахъ Божіихъ и сохраненіи строгой нравственности, могутъ въ умахъ юныхъ воспитанниковъ поселить живую вѣру къ Слову Божію, освѣтить ихъ духомъ Божіимъ, *разогнать мракъ философическаго заблужденія, основаннаго на кичливости разума*, и посѣять въ сердцѣ христіанскія добродѣтели чрезъ проведеніе божественнаго ученія въ исполненіе и чрезъ послѣдованіе Христову образу жизни во время хожденія его на землѣ; ибо по непреложному Слову Его, *не всякій, глаголай ми — Господи, Господи, внидетъ въ царствіе небесное, но творяй волю отца его, иже есть на небесѣхъ, который всѣмъ человѣкамъ хощетъ спастися и въ*

разумъ истинный пріити". „Копіи этого предложенія Карнѣевъ поручилъ совѣту розослать во всѣ гимназіи, внушивъ всѣмъ директорамъ и учителямъ о прилежнѣйшемъ наблюденіи, дабы всѣ науки имѣли основаніемъ первый сей краеугольный камень; ректору и профессорамъ Карнѣевъ объявилъ, что они безъ сомнѣнія обратятъ особенное вниманіе на столь важный предметъ и при наставленіи юношества не упустятъ изъ виду всего того, чего ожидаетъ отъ нихъ верховное начальство" [1]).

И такъ, христіанское благочестіе профессоровъ и студентовъ ставилось въ тѣсную непосредственную связь съ волею „верховнаго начальства"; въ концѣ концовъ предполагалось, что циркуляръ попе-

[1]) Журн. мин. нар. просв. 1890, октябрь, стр. 371—374; тоже см. въ Харьк. унив. архивѣ, дѣло совѣта 1819 года № 12. Имѣло ли какія-нибудь серьезныя послѣдствія это обращеніе въ предѣлахъ учебнаго округа,—сказать трудно. Во всякомъ случаѣ едва ли возможно придавать важное значеніе тѣмъ двумъ, тремъ письмамъ, которыя получилъ З. Я. Карнѣевъ отъ подчиненныхъ ему лицъ. Вотъ что писалъ директоръ училищъ Войска Донскаго Алексѣй Поповъ: „съ сердечною радостію поздравляю ваше превосходительство и отъ всего учебнаго въ Войскѣ Донскомъ сословія, о коемъ особенное попеченіе личнымъ своимъ здѣсь присутствіемъ изъявили, со всемилостивѣйшимъ пожалованіемъ кавалеромъ ордена святаго Александра Невскаго. Да будетъ оный знаменемъ всѣмъ подчиненнымъ вашимъ, великимъ нашимъ Монархомъ изображеннымъ, къ подвигамъ учебнымъ по духу и ученію Христову ко всеобщему благосостоянію и достиженію предположенной спасительной цѣли". 1820 г. Новочеркаскъ. А вотъ письмо почетнаго смотрителя училищъ Павлоградскаго уѣзда, Екатер. губ. Чернявскаго: „ваше превосходительство изволите извѣщать меня о Высочайшемъ, по желанію вашему, увольненію васъ отъ управленія Харьковскимъ учебнымъ округомъ. Прискорбно для меня лишиться милостиваго и благодѣтельнаго начальника, который не заслуги мои, коихъ я по обстоятельствамъ моимъ не могъ оказать службѣ моей, но единое къ тому намѣреніе ободрялъ милостивымъ своимъ вниманіемъ и наградою. Убѣждаясь симъ внутреннимъ чувствомъ моимъ и общимъ мнѣніемъ имѣвшихъ счастье служить подъ благотворнымъ начальствомъ вашимъ, утѣшаюсь увѣренностью, какъ и ваше превосходительство въ ободреніе мое предварять изволите, что по великодушію своему передадите тоже снисходительное къ службѣ моей вниманіе и преемнику своему. Осмѣливаюсь при семъ исполнить священный долгъ мой: приношу вашему превосходительству всенижайшую мою и подвѣдомыхъ мнѣ чиновниковъ благодарность за всѣ милости и попеченія, ко благу нашему и водворенію на евангельскихъ истинахъ основаннаго просвѣщенія, предпринимаемые. Сѣмена, какъ по сему предмету ваше превосходительство столь рачительно сохранивъ посѣяли, еще при жизни вашей принесутъ въ обрадованіе васъ зрѣлые плоды, на которые Августѣйшій монархъ нашъ столь милостиво воззрѣлъ своимъ благоволеніемъ, а юные россіяне края, ввѣреннаго со стороны просвѣщенія попеченію вашему, сохраняя въ сердцахъ своихъ признательность къ вамъ благословлятимуть и передадутъ своему потомству имя вашего превосходительства". Харьк. унив. архивъ Дѣло поп. № 404/20, стр. 22 и 28.

чителя можетъ исправить нравственность „падшаго человѣчества“. Но высшей профанаціей чистаго христіанскаго ученія представляется заявленіе попечителя относительно возбужденнаго профессорами ходатайства о прибавкѣ жалованья. Мы знаемъ, что и раньше (въ 1810 г.), профессора Харьковскаго университета, доведенные до отчаянія страшнымъ паденіемъ курса, отправили ходатайство на Высочайшее имя объ увеличеніи ихъ содержанія. Но тогда удовлетвореніе его было признано несвоевременнымъ въ виду борьбы съ Наполеономъ, борьбы, потребовавшей напряженія всѣхъ силъ государства. Теперь (въ 1819 г.) профессора, подъ вліяніемъ той же недостаточности окладовъ, повторили свое ходатайство—и получили слѣдующій знаменательный отвѣтъ отъ попечителя. „Его сіятельство (министръ народнаго просвѣщенія) съ особенною благосклонностью изъявляетъ готовность свою ходатайствовать у всемилостивѣйшаго Государя Императора объ улучшеніи состоянія чиновниковъ Харьковскаго университета, *но не прежде*, какъ они покажутъ въ *полной мѣрѣ* усердіе свое къ службѣ, *соотвѣтствуя вполнѣ ожиданіямъ верховнаго начальства*, когда *потщатся направлять умы молодыхъ воспитанниковъ къ единой цѣли, указанной мною по волѣ его сіятельства въ предложеніи моемъ отъ 25 прошлаго января* (выше приведено было мною цѣликомъ); *доказательствомъ же таковаго старанія г. чиновниковъ университета будетъ*, если утвердится общее и постоянное между ними согласіе, если учащіеся покажутъ отличные успѣхи въ наукахъ и *чистой нравственности, на христіанскомъ ученіи основанной* и наконецъ и самое производство дѣлъ по университету пойдетъ успѣшнѣе“ [1]). Итакъ, матеріальное обезпеченіе профессоровъ было поставлено въ зависимость отъ насажденія христіанскаго настроенія, благочестія и чистой нравственности среди учащихъ и учащихся — чего требовалъ, какъ мы видѣли, циркуляръ попечителя отъ 25 января 1819 года; мотивомъ для душевнаго усовершенствованія должна была служить матеріальная награда на землѣ въ видѣ прибавки жалованья! Естественно, конечно, что при такихъ обстоятельствахъ вмѣсто истиннаго христіанскаго благочестія стало процвѣтать наружное показное фарисейство и лицемѣріе, вмѣсто искренняго сознательнаго патріотизма— угодливость и искусственная благонамѣренность. „Сохранилось преданіе, говоритъ Чириковъ, что нѣкоторые изъ профессоровъ, желая угодить начальнику, кстати и некстати приводили на лекціяхъ тексты... Понятно, что подобная атмосфера не могла благопріятствовать свобод-

[1]) Жур. Мин. Нар. Просв. 1890, октябрь, стр. 374.

ному росту науки и что отсталость должна была болѣе и болѣе вторгаться въ университетскіе курсы, которые, по словамъ тогдашнихъ студентовъ, читались „по благонадежнымъ руководствамъ", однажды на всегда избраннымъ, или же по тощимъ запискамъ, приправленнымъ въ устномъ разсказѣ блестящей фразеологіей и занимательными, только не въ научномъ отношеніи, анекдотами... По воспоминаніямъ одного старожила, бывшаго профессора А. С. Венедиктова, слышаннымъ отъ него мною, говоритъ Чириковъ, у З. Я. Карнѣева дѣйствительно бывали собранія мистиковъ, на которыхъ онъ самъ читалъ и объяснялъ мистическія сочиненія. Эти мистики въ сущности не были мистиками, по крайней мѣрѣ многіе изъ нихъ, а *притворявшіеся такими, пользы ради.* Молодые адъюнкты и кандидаты университета—Байковъ, Дудровичъ, Артемовскій Гулакъ и многіе другіе участвовали на этихъ собраніяхъ тѣмъ или инымъ образомъ. Напримѣръ, Артемовскій Гулакъ переведетъ главу изъ пророка Исаіи и прочтетъ ее въ собраніи громогласно, съ выраженіемъ. Посѣщая иногда лекціи профессоровъ, Карнѣевъ, по поводу читаннаго ими, дѣлалъ замѣчанія въ своемъ вкусѣ: такъ, напримѣръ, профессору физики Комлишинскому онъ замѣтилъ, что молнія падаетъ, имѣя на своемъ концѣ треугольникъ, который изображаетъ собою святую троицу, и т. п. Захаръ Яковлевичъ былъ очень старъ и слабъ и былъ въ сущности добрый человѣкъ, но имъ руководили пронырливые люди и особенно секретарь его (старшій письмоводитель) Я. Подвысоцкій, который его именемъ и распоряжался, какъ хотѣлъ, учебнымъ округомъ. Самъ Карнѣевъ жилъ часто въ деревнѣ (сельцѣ Захарьевскомъ)" [1]. О такомъ довѣріи къ Подвысоцкому свидѣтельствовалъ, какъ мы видѣли, самъ Карнѣевъ въ своемъ письмѣ къ министру народнаго просвѣщенія; изъ него видно также, что онъ былъ мистикомъ или поддѣлывался подъ мистицизмъ своего патрона.

Столь ясно выраженная воля министерства относительно насажденія христіанскаго благочестія въ университетѣ вызвала, какъ того слѣдовало и ожидать, сочувственныя заявленія (на сколько они были искренни судить не беремся) со стороны совѣта. Послѣ прочтенія приведеннаго выше обращенія попечителя, совѣтъ постановилъ пріобрѣсти нѣсколько экземпляровъ библіи на разныхъ языкахъ для казенныхъ питомцевъ. Попечитель рекомендовалъ особенному вниманію совѣта два сочиненія Дютуа—*Божественная и христіанская философія.* „Дютуа—мистикъ французско-реформатской церкви въ кантонѣ Ваадтъ, гдѣ родился

[1] Чириковъ. Т. Ѳ. Осиповскій (Рус. стар. 1876, ноябрь, стр. 477—489).

въ 1721 году, учился теологіи въ Лозанской академіи, откуда вышелъ кандидатомъ въ 1747 г., но воздержался отъ всякой общественной должности и въ 1759 году оставилъ духовное званіе. Руководимый сочиненіями мистической проповѣдницы, мадамъ Гюйонъ (умерла въ 1717 году), онъ образовалъ свою мистическую систему. Онъ нашелъ себѣ многихъ послѣдователей, которыхъ привлекалъ своею искреннею набожностью. Умеръ въ 1793 г. Главное его сочиненіе, появившееся въ первый разъ въ 1790 году, перепечатано въ 1793 году подъ названіемъ „Philosophie divine, appliquée aux lumières naturelles, magiques, astrales, surnaturelles par Keleph ben Nathan" 3 тома. Другое его сочиненіе, также бывшее въ большомъ ходу—„Philosophie chretienne". 1800 г. 4 тома (собраніе проповѣдей, частію публикованныхъ еще въ 1764 г.). Предпринятый д. ст. сов. Е. В. Карнѣевымъ (племянникомъ Захарія Яковлевича и будущимъ его преемникомъ) и доведенный до 4-й части русскій переводъ первой книги напечатанъ въ Москвѣ, въ 1818 году подъ заглавіемъ „Божественная философія". Н. М. Карамзинъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ И. И. Дмитріеву саркастически говоритъ по поводу успѣха этой книги: многіе сердятся и предсказываютъ бѣды нашему просвѣщенію; а я даже и не смѣюсь. Все идетъ своимъ порядкомъ. СПБ. 28 февраля 1819 г.". „Въ засѣданіи совѣта Харьковскаго университета 10-го марта 1820 года профессоръ Делявинь предложилъ пріобрѣсти два или три экземпляра сочиненія Дютуа „Божественная философія" на французскомъ языкѣ, для того чтобы это сочиненіе могли читать и профессора, незнающіе по русски, что и было принято совѣтомъ" [1].

Что же изъ себя представляла эта книга? Дѣствительно ли она была такъ полезна въ религіозно-нравственномъ отношеніи? Вмѣсто собственнаго отвѣта на этотъ вопросъ, приведемъ отзывъ о ней строжайшаго ревнителя православія министра народнаго просвѣщенія Шишкова, который читалъ о ней Императору Александру I въ 1824 г. слѣдующую докладную записку. „Въ книгѣ, названной Божественною философіею (напечатана въ Москвѣ, въ университетской типографіи въ 1818 году) въ предисловіи говорится о какомъ то *мученикѣ духа святаго*. Можетъ ли быть что безбожнѣе и злочестивѣе сего выраженія? *Мученикъ духа святаго!* Обыкновенно о человѣкѣ, одержимомъ бѣшенствомъ или какими либо иными зловредными страстями, говорится: *дьяволъ мучитъ его;* но чтобъ *Духъ святый* могъ кого *мучить*, такой злочестивой мысли никому въ голову не входило. Мученикъ сей,

---

[1]) Руск. старина, 1876 года, ноябрь, стр. 477—478.

продолжаетъ переводчикъ, сначала оставилъ благодатію (выраженіе не менѣе странное), а потомъ благодать отъ него сокрылась, и онъ въ отчаяніи схватилъ бритву и хотѣлъ себя зарѣзать, но какой то гласъ остановилъ его: тогда озарился онъ свѣтомъ, и свѣтъ сей былъ такъ силенъ, что онъ для разгнанія его нерѣдко долженъ былъ мѣшать карты (стр. 7). Вопрошается: приличенъ ли такой низкій, пустой безумный разсказъ книгѣ, называемой *Божественною философіею?* Неизвѣстный переводчикъ о неизвѣстномъ сочинителѣ сей философіи говоритъ,—ибо, не взирая на всю свою наглость, сочинители и переводчики стыдились при таковыхъ книгахъ ставить свои имена, что онъ *два года провелъ на крестѣ въ ужасныхъ мученіяхъ, среди которыхъ писалъ сію книгу* (какъ провелъ на крестѣ? Неужели распятъ былъ и вися на немъ писалъ? Какія чудеса! Нѣтъ, господинъ лгунъ, мученіе на крестѣ, какое претерпѣлъ Спаситель нашъ, не могло и нѣсколько часовъ продолжаться: стало быть, твое двухлѣтнее, среди котораго ты могъ писать, было не такое!), что онъ и умеръ на крестѣ, сказавъ своимъ друзьямъ: *я имѣлъ нѣкоторое удовольствіе пить шоколадъ, за то я умру задохнувшись* (стр. 10). Можно ли, не насмѣхаясь надъ читателями, начинать какую нибудь книгу такою гилью: два года провелъ на крестѣ въ ужасныхъ мученіяхъ, пилъ шоколадъ, сочинялъ и передъ смертью сказалъ своимъ друзьямъ какой то глупый каламбуръ? И это—боговдохновенный человѣкъ, избранный Богомъ возвѣщать его премудрость! И это переводится на русскій языкъ и печатается въ университетской типографіи!. Послѣ сего помѣщенъ еще третій подобный же разсказъ о нѣкоторой знатной особѣ изъ нашихъ соотечественницъ, которая умерла въ Лозаннѣ, что тѣло ея, прежде нежели землѣ было предано, вынесено было въ церковь... (Вотъ какую новость сказалъ. Да ктожъ не знаетъ этого, что мертвыхъ никогда послѣ преданія землѣ не выносятъ въ церковь?). Тутъ какой то *Дютуа* (это самъ авторъ) *взглянулъ на ея мертвое тѣло и возрыдалъ о томъ состояніи, въ какомъ находилась душа, отъ него отлучившаяся* (стр. 12). Да почему онъ узналъ о состояніи ея души? Развѣ потому, что покойница вмѣстѣ съ нимъ грѣшила? Но посмотримъ еще далѣе, чѣмъ это кончилось: онъ *взялъ на себя ея грѣхи*; Богъ три дня его мучилъ *неизобразимымъ страданіемъ* и потомъ удостовѣрилъ его, что душа покойницы *вкусила райскія сладости* (тамъ же). Можно ли что нибудь придумать богохульнѣе нелѣпѣе сего? Но перейдемъ отъ безумія къ совершенному безвѣрію и развращенію всякой нравственности. Сочинитель подъ видомъ возстанія противъ ересей и ложной философіи, выдаетъ собственную свою философію, безбожную, всякихъ ересей и

безвѣрія совершенно злѣйшую. Онъ говоритъ: *„заблужденіе пріемлетъ за вѣру, въ сей даръ единаго Бога и Духа Его* (слѣдовательно, отвергаетъ Троицу), *простое убѣжденіе въ евангеліи, мало полезное, не сильное исправить страсти и которое есть только плодъ разума, никогда никого христіаниномъ не дѣлающее“* (стр. 19). Вотъ ученіе нынѣшнихъ толкователей о вѣрѣ! У нихъ евангеліе не есть откровеніе, не есть Божественное зерцало чистѣйшаго нравоученія, но только простое убѣжденіе! И какое еще? *Мало полезное, не сильное исправлять страсти!* По мнѣнію ихъ, оно есть *только плодъ разума, никогда никого христіаниномъ не дѣлающее!* Да заградятся уста ваши, злочестивые богоотступники! Если евангеліе не дѣлаетъ человѣка христіаниномъ, то какое же существо разумѣете вы подъ именемъ христіанина? Безъ сомнѣнія злонравное, лютое, адское; ибо если мы представимъ себѣ кого нибудь написаннаго правилами, противными евангельскимъ ученіямъ, то едва ли и въ самомъ діаволѣ можемъ найти больше пороковъ. Изъ сихъ краткихъ выписокъ можно уже почувствовать, какими мыслями наполнена книга сія, отвергающая и вѣру, и евангеліе, слѣдовательно, уничтожающая всякое правительство и законы, и при всемъ томъ называющая себя божественною, по одной только той весьма простой хитрости, чтобъ безвѣріе и самые гнуснѣйшіе пороки предлагать подъ именами вѣры и добродѣтелей. Сколько таковыхъ книгъ переведено, напечатано и распущено! Если бы извлечь изъ нихъ всѣ въ разныхъ видахъ и смыслахъ разсѣянныя лжеученія и привести ихъ въ совокупность, то какой пагубный ядъ, миссіонерами, сектами и разными средствами распространяемый, открылся бы въ нихъ! Надлежитъ отдать справедливость россійскому народу въ твердой вѣрности Богу и Государю, когда столько впущенныхъ иностранцами козней — соблазновъ не могли (о, дай, Боже, да и не возмогутъ!) его поколебать“ [1]. Такъ смотрѣлъ новый глава министерства народнаго просвѣщенія на книгу, которая издана была при его предшественникѣ князѣ А. Н. Голицынѣ, всячески пропагандировалось его довѣреннѣйшимъ лицомъ, попечителемъ Харьковскаго учебнаго округа З. Я. Карнѣевымъ, и была переведена на русскій языкъ племянникомъ послѣдняго, Егоромъ Васильевичемъ Карнѣевымъ, занимавшимъ въ то время постъ попечителя въ Харьковѣ. Конечно, отзывъ Шишкова слишкомъ рѣзокъ и носитъ на себѣ печать того непосредственнаго фанатизма, которымъ проникнуты его заключенія и о другихъ аналогич-

---

[1]) Записки, мнѣнія и переписка адм. А. С. Шишкова, изд. Киселева и Самарина, т. 2-й, Berlin, 1870, стр. 217—220.

ныхъ сочиненіяхъ и какого не избѣжали даже такія вполнѣ благонамѣренныя изданія какъ филаретовскій краткій катехизисъ. Но каково же было положеніе мѣстнаго университетскаго начальства и профессоровъ, которымъ эта книга рекомендовалась первоначально чуть ли не въ качествѣ евангелія, а 5 лѣтъ спустя выставлялась въ докладѣ министра государю сочиненіемъ еретическимъ и потрясающимъ основы государства! Затѣмъ слѣдуетъ сознаться, что приводимые Шишковымъ странныя, курьезныя мѣста изъ „Божественной философіи" въ ней дѣйствительно находятся. Я имѣлъ въ рукахъ это сочиненіе (оно поступило въ числѣ книгъ, пожертвованныхъ въ библіотеку Харьковскаго университета Джунковскимъ)—и, ознакомившись съ нимъ, пришелъ къ убѣжденію, что оно проникнуто въ сильнѣйшей степени мистическимъ характеромъ, а основная идея его вполнѣ соотвѣтствовала духу своего времени. Любопытно бросившееся мнѣ въ глаза сходство философскихъ основъ этого сочиненія съ ученіемъ нашего мѣстнаго украинскаго философа Г. С. Сковороды: и у Дютуа, и у Г. С. Сковороды въ основу всего положены три міра—большой или вселенная, малый или человѣкъ и символическій или библія. Могу прибавить къ этому, что ученикъ и біографъ Г. С. Сковороды М. И. Ковалинскій былъ знакомъ съ 1-мъ изданіемъ этого сочиненія Дютуа и ссылается на него въ жизнеописаніи Сковороды [1]). Интересно было бы сопоставить трудъ Дютуа, изданный впервые въ 1790 г., съ сочиненіями Г. С. Сковороды, *написанными раньше его.* Главнѣйшею цѣлью своего сочиненія Дютуа ставитъ показать недостаточность и несостоятельность разума и основанной на немъ зловредной философіи—необходимо, чтобы надъ нимъ водарилась вѣра, являющаяся единственнымъ надежнымъ проводникомъ христіанскаго философа къ Богу, „въ коего всѣ нравственныя существа должны втекать и въ немъ теряться". Вмѣстѣ съ симъ авторъ хочетъ разсѣять и ложное школьное богословіе и создать религіозность, основанную не только на доводахъ разсудка, но и на влеченіи сердца, на любви. Любопытно враждебное отношеніе къ этой книгѣ—владѣльца того экземпляра ея, которымъ я пользовался въ университетской библіотекѣ—С. Джунковскаго. Этотъ Джунковскій былъ директоромъ хозяйственнаго департамента, получилъ настоящій экземпляръ отъ переводчика Егора Васильевича Карнѣева и сдѣлалъ на немъ цѣлый рядъ помѣтокъ чернилами. Приведемъ нѣкоторыя изъ нихъ. „Я не могу содержанія всей сей книги, ложно названной Божественною философіею, представить въ сильнѣйшемъ и точнѣйшемъ смыслѣ, какъ ска-

[1]) См. изданныя мною „Сочиненія Г. С. Сковороды", стр. 20.

зать, что она есть только многословное распространеніе извѣстной рѣчи первоначальнаго змія къ женѣ: *„вы не умрете отъ ядѣнія плода сего древа: ибо знаетъ Богъ, что въ тотъ день, когда вы поѣдите отъ него, откроются ваши глаза и вы будете какъ Богъ, знающіе доброе и худое“.* Бытія гл. 3-я, ст. 4 и 5. Отмѣченныя Шишковымъ во введеніи мѣста (напримѣръ, о 3-хъ-дневномъ страданіи въ болѣзняхъ адовыхъ изъ за русской, умершей въ грѣхахъ) онъ называетъ богохульствомъ. По поводу подробнаго разсказа Дютуа о возмущеніи люцифера противъ Бога Джунковскій замѣчаетъ: сказка, выдуманная мистиками, древними и новыми; все—вздоръ; толкуетъ самъ свои выдумки. У Дютуа сказано: „ежели бы человѣкъ не палъ, то Слово вселилось бы въ него и въ его потомство, соединилось бы съ нимъ для того, чтобы его облагородить, возвысить, обоготворить невинную его натуру, чтобы, говорю, возвысить его до обоготворенія и до славы прототипа или образуи человѣка, изображеннаго въ человѣко—Богѣ или въ небесномъ Адамѣ“; Джунковскій по этому поводу замѣчаетъ—„это все мечта“. По поводу мистическихъ разсужденій Дютуа о поврежденіи природы Адамовой, Джунковскій пишетъ: „гдѣ это все ты взялъ?—Въ своей головѣ“! Дютуа говоритъ, что могъ бы привести тексты изъ священнаго писанія въ доказательство своей мысли о свободѣ, въ которую впалъ Адамъ послѣ грѣхопаденія—а Джунковскій замѣчаетъ: „не правда; ни одного текста яснаго и къ дѣлу не найдешь“. По поводу темныхъ разсужденій Дютуа о разумѣ и звѣздномъ духѣ Джунковскій пишетъ: не только трудно (различать эти тонкости), но было бы глупо о семъ заботиться; неправда: сказки не доказываются; вздоръ; ключь сей не открываетъ никакихъ глупостей сумашедшихъ и обманщиковъ; не глубокіе философы (открываютъ этотъ звѣздный духъ), а портной Бемъ (извѣстный мистикъ) съ товарищи; въ 1-й главѣ бытія нѣтъ слова еврейскаго Іегова—сочинитель солгалъ. По поводу раздѣленія магіи на 5 видовъ Джунковскій замѣчаетъ—ложь или сумашествіе; о Боже мой, какая ложь! Дютуа выразился, что ему нѣчто „было явлено“; Джунковскій прибавляетъ—„вотъ и пророкъ“! По поводу разсужденія Дютуа о безсмертіи Джунковскій говоритъ: сочинитель только что не хочетъ сказать, что нѣтъ безсмертія, что все есть вздоръ; о горе! о бездѣльничество! Дютуа хочетъ наложить узду на разумъ; Джунковскій по этому поводу говоритъ: „сіи замѣчанія глупы, ибо безъ разума нашего понять и знать не можно и вѣры“. Дютуа пишетъ, что нужно воздерживаться отъ ученія мерзостей, нынѣ печатаемыхъ; Джунковскій прибавляетъ—„и отъ сей“... Далѣе Джунковскій упрекаетъ Дютуа въ позаимствованіяхъ у Свенденборга, обвиняетъ въ атеизмѣ и т. д.

Весьма отрицательно отнесся къ этому сочиненію и В. Н. Каразинъ. Онъ хотѣлъ даже, при посредствѣ министра внутреннихъ дѣлъ В. П. Кочубея, обратить на нее вниманіе государя, какъ на вредное и прискорбное явленіе въ тогдашней литературѣ, не зная того, что она, по признанію кн. А. Н. Голицына, была издана на средства самого Имп. Александра [1]. „Исполняя волю вашего сіятельства, писалъ Василій Назарьевичъ В. П. Кочубею, я вчера хотѣлъ имѣть честь лично вручить предложеніе г-на Карнѣева, къ коему я пріобщилъ и выписку изъ рекомендуемой имъ всѣмъ воспитанникамъ училищъ и вообще всѣмъ упражняющимся въ просвѣщеніи себя и другихъ книги *философіи Божественной*. А такъ какъ, пробѣгая мою записку, ваше сіятельство, можетъ статься, не провѣрили бы строгой сообразности ея съ книгою, то я приносилъ и сію послѣднюю *печатную*, въ подлинникѣ. Выписки сдѣлалъ я не болѣе одного листа умышленно, дабы не отяготить васъ. Но уже сей листъ, сдѣлайте милость, прочтите! Я взялъ только изъ первыхъ двухъ частей, которыя однѣ читалъ я *мѣстами*, ибо на прочтеніе всѣхъ шести потребно желѣзное терпѣніе. Неугодно ли взглянуть еще на двѣ прилагаемыя картинки, заимствованныя изъ другой подобной книжки, также рекомендуемой попечителемъ, подъ заглавіемъ: *Зеркало внутренняго человѣка*, напечатанной здѣсь, въ С.-Петербургѣ, въ прошедшемъ году.

Словомъ, мы переселяемся добровольно и *всѣми силами* въ вѣка самаго мрачнаго суевѣрія и невѣжества. Въ нынѣшнемъ вѣкѣ это *все* не можетъ имѣть другого дѣйствія, какъ сдѣлавъ религію и правительство смѣшными, умножить вольнодумцевъ и развратныхъ людей. Ради Бога войдите въ это!... Если иначе нельзя обратить на столь важный предметъ вниманіе государя, конечно, самаго благомыслящаго, самаго усерднаго любителя отечества и общаго добра, то *не пожалѣйте меня*: представьте мои бумаги, сказавъ только, что онѣ къ вамъ доставлены вслѣдствіе разговоровъ въ разное время, которыхъ вы меня удостоили. Прибавьте къ этому слова два, которыя бы показали Его Величеству, что вы меня дурнымъ человѣкомъ не разумѣете, хотя нѣ-

---

[1] Въ своемъ представленіи о книгѣ Станевича „Бесѣды надъ гробомъ младенца о безсмертіи души“, нападавшей на мистиковъ, кн. А. Н. Голицынъ писалъ: „авторъ опорочиваетъ такія книги, кои гражданская цензура пропустила, какъ, напримѣръ, сочиненія Дютуа и именно *Христіанскую философію* и опасается, чтобы и *Божественная философія* не вышла, которая однако уже выходитъ на русскомъ языкѣ и *напечатана иждивеніемъ Его Величества*“. См. Лащенка. Е. И. Станевичъ. (Сбор. Харьк. ист. фил. общ., т. 9-й, стр. 75).

когда могли почитать вольномысленным, мыллвимъ. За благодѣянія и гнѣвъ я иначе не умѣю и никогда не умѣлъ платить ему, къ которому (со слезами пишу это, графъ!) я душевно привязанъ, какъ жертвуя собою для общаго добра *совершенно*, безъ всякихъ оглядокъ. Простите!... Затѣмъ В. Н. Каразинъ приводитъ нѣсколько выписокъ изъ *Божественной философіи* Дютуа. „Разумъ есть добрый смыслъ человѣка: онъ есть приливъ обыкновенныхъ мыслей въ слѣдствіе того, что передали ему чувства, воспламенившія, возбудившія, приведшія въ движеніе внутреннюю его плодотворность въ отношеніе къ тому, что они ему передали; сія же внутренняя плодотворность есть звѣздная, есть звѣздный духъ или воспламененіе его, то есть свѣтъ, подобный свѣту, освѣщающему звѣзды и дѣлающему ихъ свѣтлыми, свѣтъ, освѣщающій тончайшую точку ума“... Послѣ сего, кто не согласится, что такое изложеніе, *сообразное понятію учащихъ и учащихся*, должно замѣнить обыкновенную философію, которою г. попечитель желалъ вовсе уничтожить, называя ее ложною и недостаточною?... Далѣе на стран. 120-й: „и такъ есть магія божественная, магія ангельская, чистая безъ примѣси магія естественная, магія плотская, и магія единственно діавольская; но во второй и въ послѣдней, а равно и въ естественной и плотской магіи, могутъ быть смѣшенія“. Тоже перваго тома во второй книгѣ, въ главѣ 4-й, на стр. 192-й, говоря о истинной нравственности, прибавляетъ: „христіанину потребно нѣчто совсѣмъ другое, нежели сія низшая нравственность, потребно таинство Іисуса Христа и сила Его, въ Немъ пресуществившаяся, потребенъ Духъ Его, который бы изнозжилъ, распялъ ветхаго человѣка и на развалинахъ его поставилъ бы человѣка новаго, какъ то въ послѣдствіи видно будетъ. Къ достиженію сего что могутъ разсужденія логики, измѣренія математическія или астрономическіе телескопы?..“ Авторъ въ трехъ главахъ говоритъ о злоупотребленіяхъ или опасностяхъ, отъ наукъ происходящихъ. Тѣмъ неменѣе, далѣе, въ главѣ пятой, покушается изъяснить, какъ дѣлаются чудеса по крайней мѣрѣ нынѣшнія (о которыхъ мы не знаемъ) помощію наукъ. Подобное безуміе или лучше сказать бредъ наполняетъ всю книгу, назначенную *преимущественно и предпочтительно* для наставленія юношества (?) [1]...

Даже самъ издатель „Сіонскаго Вѣстника“ мистикъ Лабзинъ не одобрялъ книги Дютуа. Въ письмѣ къ своему пріятелю З. Я. Карнѣеву,

---

[1]) Лащенка. Циркуляръ поп. З. Я. Карнѣева и письмо В. Н. Каразина. (Сбор. Харьк. Ист. Фил. Общ., т. 8-й, стр. 34—37).

онъ писалъ: „я давно во многомъ былъ несогласенъ съ мнѣніями автора de la philosophie divine, такъ же какъ не согласенъ и на титулъ сей книги, данный ей приверженцами автора, когда она не заслуживаетъ иного, какъ прежде даннаго ей самимъ Du Toit: de l'origine, de l'usage et des abus de la foi et de la raison, ибо въ сей книгѣ нѣтъ ничего божественнаго, какъ, напримѣръ, въ Божественной метафизикѣ Пордера, а все извлечено изъ его foi et raison. Но нынѣ, имѣвъ случай самъ видѣть дѣйствіе такъ называемаго magnetisme animal, занявшись чтеніемъ изданныхъ въ разныхъ мѣстахъ описаній о семъ pro и contra, кромѣ улики автора въ невѣжествѣ, я удивляюсь дерзости его, какъ онъ смѣлъ вещь почти святую назвать du domaine du diable! [1]).

Въ заключеніе нельзя не сознаться, что „Божественная философія“ Дютуа уже по одному темному изложенію и мистическимъ толкованіямъ священнаго писанія не заслуживала той рекомендаціи, какую давалъ ей З. Я. Карнѣевъ. И невольно вспоминается, что выдающаяся по своимъ мыслямъ и ясному изложенію христіанская философія Шада, пытавшаяся примирить разумъ съ вѣрой, встрѣтила осужденіе со стороны того же самаго министра духовныхъ дѣлъ, который покровительствовалъ такимъ авторамъ, какъ Дютуа или какъ его вдохновительница г-жа Гюйонъ. З. Я. Карнѣевъ черпалъ свое вдохновеніе отъ кн. А. Н. Голицына, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ ихъ интимная, дружеская переписка. Въ 1821 году З. Я. Карнѣевъ получилъ отъ кн. А. Н. Голицына письмо, служившее отвѣтомъ на его просьбы объ отставкѣ въ близкомъ будущемъ и о назначеніи преемникомъ его племянника Егора Васильевича Карнѣева. „Вы жалуетесь на 74 года и что иногда чувствуете слабость, но надѣетесь съ помощію Господа послужить, сколько вамъ возможно будетъ. Я же намѣреніе ваше доводилъ до свѣдѣнія Государя Императора и Его Величество мнѣ сказалъ, что, бывъ доволенъ вашею службою, онъ желаетъ, чтобъ вы остались столь долго, сколько ваши силы вамъ позволятъ, послѣ вы можете ко мнѣ отнестись. А выборъ вашъ совершенно согласенъ съ моимъ желаніемъ: Егоръ Васильевичъ идетъ мнѣ къ сердцу; онъ христіанинъ, и вотъ что я первое ищу въ моихъ сотрудникахъ. Всѣ познанія и таланты безъ основанія *настоящаго, которое есть Христосъ*; для меня ничтожны. Въ нынѣшнія времена, гдѣ сраженіе тьмы со свѣтомъ удивительно какъ становится явное, безъ сего основанія и путеводителя пропасть можно всякую минуту. Сатана старѣется и чувствуетъ приближеніе

---

[1]) Рус. архивъ 1892 г. № 12, стр. 358.

кончины своего царствованія на земли, то и употребляетъ послѣднія усилія хитрѣйшія и покрывается даже личиною религіозною наружною, но ведетъ на внутренній ходъ. Книги выходятъ въ нѣмецкой землѣ, которыя пасторами протестантскими совѣтуются для чтенія и гдѣ разсѣяно ученіе противъ божественности Спасителя, сомнѣніе на его смерть, воскресеніе и пр. и всѣ сіи черты разбросаны иногда въ 8 томахъ, такъ что одна опытность въ священномъ писаніи можетъ открыть глаза. Въ Петербургскомъ университетѣ Руничъ открылъ ученіе также пагубное. Я ему поручилъ исправленіе должности попечителя по выбытіи Уварова, и не успѣлъ онъ войти, какъ замѣтилъ въ урокахъ нѣкоторыхъ профессоровъ ученіе, вредное противъ религіи и правленія; напримѣръ, въ историческомъ классѣ преподавали матеріализмъ и частію атеизмъ, опровержение достовѣрности священнаго писанія и свою систему творенія міра безъ Бога. Въ статистикѣ россійской—ученіе, потрясающее христіанство и наполненное вольнодумствомъ. Руничъ отобралъ тетради у учениковъ и отъ нѣкоторыхъ профессорскія, представилъ мнѣ и, по разсмотрѣніи ихъ въ главномъ правленіи училищъ, я нашелъ нужнымъ призвать сихъ профессоровъ въ полное собраніе университета, гдѣ возьмутъ съ нихъ отвѣты и представятъ ко мнѣ для внесенія въ главное правленіе училищъ для дальнѣйшаго заключенія, что съ ними дѣлать. Я вамъ признаюсь, что я, при слушаніи выписанныхъ тетрадей истинно страдалъ, слышавъ такое богохульство и что сіе ученіе свободно продолжалось столько времени. Надобно будетъ обратить вниманіе, что теперь и дѣлается, на учебныя книги, также на конспекты профессоровъ. Во Франціи нынѣ столько стали за симъ смотрѣть, что курсъ нравственной философіи пріостановленъ до сочиненія классической книги. Господь началъ обличать науки, потому что онѣ вмѣсто употребленія себя на славу Божію и пользу народовъ ищутъ вознести разумъ выше Бога и тѣмъ губятъ души. Обличеніе таковое есть судъ и оно должно распространиться и на другіе предметы, чтобъ все очистить и приготовить къ царствію Господа. Станемъ просить у Спасителя нашего силъ исполнить его святую волю и сражаться со всѣми его врагами, внутри насъ и внѣ находящимися, да все покорится ему и послужитъ подножіемъ его: тогда обновится все и старцевъ жизнь продолжится: Господу все возможно. Радуюсь, что вы видите плоды трудовъ вашихъ по университету въ отношеніи къ христіанству; имѣя ректора и двухъ профессоровъ въ семъ духѣ, уже можете благодарить Господа, что гнѣздо начинается; даже примѣтна по занятіямъ университетскимъ, присылаемымъ въ департаментъ, разница съ тѣхъ поръ, какъ нынѣшній рек-

торъ вступилъ. За симъ поручая себя молитвамъ вашимъ, пребуду навсегда съ истиннымъ почтеніемъ и душевною преданностью вашего превосходительства покорнѣйшій слуга князь Александръ Голицынъ. СПБ. 9-го ноября 1821 года"[1]. И такъ, самъ попечитель, очевидно, сообщилъ министру, что, благодаря его дѣятельности, образовалась среди профессоровъ сочувствующая его направленію группа *изъ трехъ членовъ*, въ числѣ коихъ былъ и новый ректоръ, поставленный на мѣсто низвергнутаго Осиповскаго В. Джунковскій; кто были другіе два профессора, намъ, къ сожалѣнію, неизвѣстно; можно только догадываться, что въ числѣ ихъ былъ благонамѣренный преемникъ Шада по каѳедрѣ философіи Дудровичъ, принимавшій вмѣстѣ съ Джунковскимъ видное участіе въ организаціи библейскаго сотоварищества среди студентовъ. Другимъ членомъ этого „тройственнаго союза" могъ быть Пауловичъ. Во всякомъ случаѣ изъ этого видно, что среди профессоровъ университета особеннаго успѣха проповѣдь З. Я. Карнѣева не имѣла. Да и съ *качественной* стороны Джунковскій и Дудровичъ не были цѣннымъ пріобрѣтеніемъ: первый примкнулъ къ новому направленію не безъ вліянія соображеній служебнаго характера, разсчитывая такимъ образомъ добиться ректорской должности, но и ректоромъ онъ оказался очень неважнымъ, какъ это выяснилось впослѣдствіи и какъ это повидимому чувствовалъ самъ попечитель[2]; второй, очевидно, былъ запуганъ судьбою его учителя Шада и вообще тяжелымъ положеніемъ, въ которое былъ поставленъ его предметъ (философія): да и о характерѣ его собственныхъ философскихъ воззрѣній собирались министерствомъ справки; къ этому присоединилось строгое замѣчаніе, сдѣланное министромъ по поводу философской статьи студента Склабовскаго, помѣщенной въ Харьковскомъ студенческомъ сборникѣ: она, какъ мы знаемъ, найдена была несоотвѣтствующей духу истинно христіанскаго образованія; и учитель—Дудровичъ, и его ученикъ—Склабовскій рѣшили для поправленія своей пошатнувшейся репутаціи зарекомендовать себя энергическою дѣятельностью въ новомъ истинно христіанскомъ направленіи, настойчиво проводимомъ министромъ и попечителемъ. Наиболѣе виднымъ проявленіемъ этой дѣятельности съ ихъ стороны явилась организація студенческаго сотоварищества библейскаго общества.

---

[1] Русск. Архивъ 1893 г. № 5, стр. 131—132.

[2] Въ этомъ можно убѣдиться изъ письма его къ министру, гдѣ онъ говоритъ, что хозяйственная и правительственная часть въ университетѣ была сильно запущена; письмо это приведено ниже.

Еще проживая въ Петербургѣ и состоя вицепрезидентомъ библейскаго общества, З. Я. Карнѣевъ заботился объ открытіи въ Харьковѣ отдѣленія общества. Въ 1815 году Харьковскій губернаторъ Василій Муратовъ получилъ отъ него циркуляръ, въ которомъ заключался призывъ къ пожертвованіямъ и открытію отдѣленія общества въ Харьковѣ [1]). Получивъ этотъ циркуляръ, губернаторъ съ своей стороны

[1]) Вотъ подлинный текстъ этого любопытнаго документа. „Признательность къ мѣсту нашего рожденія и къ сословію, гдѣ при воспитаніи въ юности посѣяны въ умъ и сердце добрыя сѣмена вѣры и добродѣтели, обязываетъ насъ на весь вѣкъ пламеннѣйшими къ нему чувствованіями благодарности и требуетъ, дабы, по мѣрѣ преуспѣянія нашего въ теченіе жизни въ сихъ главныхъ основаніяхъ благоденствія человѣческаго, безпрестанно обращали все вниманіе на свою отчизну и на мѣсто перваго нашего воспитанія, къ дальнѣйшему просвѣщенію въ истинѣ ближнихъ нашихъ и къ доставленію имъ вѣрныхъ средствъ дѣлаться не на время токмо, но и на вѣчность благополучными. Сей предметъ, магнетически привлекая меня всегда къ Слободско-Украинской губерніи, гдѣ я родился, и къ городу Харькову, гдѣ первое получилъ воспитаніе въ вѣрѣ Христіанской, до нынѣ не представлялъ мнѣ столь вѣрнаго средства быть полезнымъ моимъ соотчичамъ, какъ теперь по вступленіи въ члены россійскаго библейскаго общества и по избраніи онымъ меня въ вице-президенты. Милостивый государь мой! Вамъ, какъ начальнику губерніи, и, сколько я имѣлъ честь васъ знать, сердечно приверженному къ вѣрѣ, безъ сомнѣнія извѣстны и цѣли россійскаго библейскаго общества, какими старается оно достигать въ распространеніи слова Божія не токмо между вѣрующими во Іисуса, но и между всѣми племенами и языками, дабы чрезъ безмолвное вниманіе сему вѣщанію Божественнаго гласа собрать всѣхъ во едино стадо подъ руководство единаго пастыря Іисуса; къ благодѣтельному и, можно сказать, Апостольскому сему званію приглашаетъ оно всѣхъ и каждаго изъ вѣрующихъ, дабы каждаго временный талантъ обратить на преображеніе вѣчнаго плодоносія. Симъ движимъ будучи и я къ истинной пользѣ и безсмертной славѣ моихъ соотчичей, препровождаю при семъ отчетъ россійскаго библейскаго общества за 1813 годъ, нѣсколько книжекъ объ успѣхахъ и цѣли онаго, и исторіи великобританскаго и иностраннаго библейскаго общества, покорнѣйше прося ваше превосходительство сообщить оныя дворянскому и прочимъ сословіямъ, для прочтенія и открытія въ оныхъ существенной пользы распространенія слова Божія, которое въ короткое время какіе удивительные успѣхи произвело во всѣхъ частяхъ обитаемаго міра, сего безъ сердечнаго почувствованія и благоговѣйнаго прославленія промысла Божія о насъ ни одинъ вѣрующій читать не можетъ.—Какія же легкія къ сему средства употребляются, въ томъ каждый и самобѣднѣйшій по имуществу человѣкъ, но въ вѣрѣ Іисуса богатый участвовать можетъ. Если вы, милостивый государь мой, войдя въ разсмотрѣніе сего богоугоднаго и для рода человѣческаго многополезнѣйшаго дѣла, откроете сколько чрезъ распространеніе прилагаемыхъ книжекъ, столько и чрезъ сношеніе съ благонамѣренными и вѣрѣ христіанской преданными людьми, каковыми губернія, вамъ ввѣренная, изобилуетъ, откроете, говорю, много охотниковъ, то смѣю просить о заведеніи отдѣленія библейскаго сотоварищества или и общества, и приготовясь къ оному отнестись ко мнѣ; тогда, по представленію моему, комитетъ россійскаго библейскаго общества не оставитъ васъ снабдить всѣми нужными прави-

пригласилъ къ содѣйствію въ образованіи харьковскаго отдѣленія ректора университета Т. Ѳ. Осиповскаго. Вступилъ ли Осиповскій и другіе профессора университета въ члены отдѣленія, изъ дѣла не видно [1]). Во всякомъ случаѣ это послѣднее образовалось, а затѣмъ, когда попечителемъ сдѣлался З. Я. Карнѣевъ, образовалось библейское сотоварищество изъ студентовъ университета [2]). Творцами его были про-

лами и другими пособіями; что и весьма желательно бъ было, дабы не отстать отъ другихъ губерній и открыть благорасположеніе слободско-украинскаго дворянства и всѣхъ сословій готовность на обнаруженіе тѣхъ чувствованій христіанской религіи, которыми всегда они въ сердцѣ своемъ горятъ къ Богу.—Къ сему сообществу и нужно, и должно приглашать людей всякаго состоянія, духовныхъ и свѣтскихъ, ибо вѣра во Іисуса есть всѣмъ общая и слово Божіе есть для всѣхъ единственная духовная пища, безъ вкушенія которой никто не можетъ наслаждаться жизнію вѣчною. Пока же приуготовитесь, милостивый государь мой, къ сему важному, истинно славному и богоугодному дѣлу, а между тѣмъ откроются охотники ко вступленію въ члены россійскаго библейскаго общества и обяжутся ко взносу ежегодному каждый отъ своихъ избытковъ, то покорнѣйше прошу имена ихъ сообщить и деньги собранныя препроводить ко мнѣ; я же, взнеся оныя въ общую казну, не умедлю доставить вамъ квитанціи о полученіи денегъ, равно увѣдомлю и о полученіи и отдачѣ въ общую казну и единовременныхъ взносовъ, когда оные случатся. Впрочемъ доколѣ въ одномъ или другомъ получите ваше превосходительство успѣхъ, соотвѣтственный не усыпному вашему попеченію, усерднѣйше прошу продолжать по сей матеріи со мною переписку по крайней мѣрѣ разъ въ мѣсяцъ. Съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть милостивый государь мой вашего превосходительства покорнѣйшій слуга.—Подлинное подписалъ: Захаръ Карнѣевъ". (Харьк. унив. архивъ. Дѣло сов. 1815 г. № 18).

[1]) Ibidem; вотъ текстъ 2-го письма: „я уже имѣлъ честь отнестись къ вамъ съ приглашеніемъ ко вступленію въ члены россійскаго библейскаго общества и къ пожертвованію въ пользу онаго, а какъ теперь получилъ я разрѣшеніе и правила для учрежденія въ Харьковѣ отдѣленія сего общества, то будучи увѣренъ, милостивый государь мой, что вы не откажетесь принять ревностнаго участія въ семъ богоугодномъ и общеполезномъ дѣлѣ, препровождаю при семъ для сообщенія господамъ иностраннымъ профессорамъ и другимъ чиновникамъ Императорскаго Харьковскаго университета изъ числа присланныхъ ко мнѣ отъ комитета россійскаго библейскаго общества книжекъ на нѣмецкомъ языкѣ о цѣли и о успѣхахъ сего общества первыхъ десять, а послѣднихъ три экземпляра и покорно прошу васъ, милостивый государь мой, употребить содѣйствіе ваше къ приглашенію, не пожелаетъ ли кто изъ нихъ вступить въ члены слободско-украинскаго отдѣленія россійскаго библейскаго общества, обязуясь взносить ежегодно, ежемѣсячно или еженедѣльно какую угодно кому будетъ сумму, или быть благотворителемъ онаго, сдѣлавъ единовременное пожертвованіе по мѣрѣ усердія своего, о тѣхъ же, которые изъявятъ желаніе свое на то или другое, пожаловать не оставить меня вашимъ увѣдомленіемъ. Впрочемъ съ истиннымъ почтеніемъ и таковою же преданностію честь имѣю быть, милостивый государь мой, вашего высокородія, покорнѣйшій слуга, Василій Муратовъ".

[2]) При немъ же и не безъ его вліянія образовались отдѣленія библейскаго общества въ гг. Курскѣ и Полтавѣ—въ первомъ по инціативѣ И. Кологривова, а во

ректоръ Джунковскій и инспекторъ казеннокоштныхъ студентовъ профессоръ философіи Дудровичъ; Осиповскій, очевидно, держался въ сторонѣ, и здѣсь кроется истинная причина вражды противъ него попечителя: это были люди двухъ крайнихъ полюсовъ. Къ возрѣніямъ же попечителя приспособились Джунковскій и Дудровичъ, принявшіе на себя роль организаторовъ новаго студенческаго библейско-христіанскаго кружка и бывшіе, конечно, и его вдохновителями. Вотъ любопытныя оффиціальныя данныя объ этомъ дѣлѣ. Студенты обратились къ проректору университета проф. В. Я. Джунковскому съ ходатайствомъ слѣдующаго содержанія. „Еще въ первыхъ годахъ по открытіи слободско-украинскаго отдѣленія россійскаго библейскаго общества студенты Императорскаго Харьковскаго университета, движимые живѣйшимъ усердіемъ къ распространенію Слова Божія и одушевленные высокимъ примѣромъ его превосходительства г. попечителя Харьковскаго университета Захара Яковлевича Карнѣева, участвовали по мѣрѣ силъ своихъ въ распространеніи Слова Божія, слабыми, но отъ горячаго сердца приносимыми пожертвованіями. Радовались, видя, что и мы не отринуты въ семъ великомъ спасительномъ дѣлѣ; и чѣмъ болѣе удивлялись быстрымъ успѣхамъ распространенія священнаго писанія, чѣмъ болѣе чувствовали благотворное вліяніе на умы и сердца наши; тѣмъ большимъ воспламенялись жаромъ усугубить и силы наши и дѣятельность въ семъ дѣлѣ, коего польза столь открывалась предъ нашими очами и столь благотворно обнаруживалась надъ сердцами нашими. Вы проникли наши чувствованія и, съ началомъ наступившаго года, собравъ насъ и открывъ мысли свои въ пользу сего священнаго дѣла, представили чрезъ то самое счастливый случай совершить лучшія желанія нашихъ сердецъ. Преисполненные живѣйшею за то къ вамъ благодарностію, мы приступили немедленно къ исполненію предложенія вашего, столь согласнаго съ нашими чувствованіями, дабы образовать изъ среды себя библейское студентское сотоварищество, которое бы составляло часть слободско-украинскаго отдѣленія и по мѣрѣ силъ и способовъ своихъ могло хотя нѣсколько способствовать къ достиженію его цѣли, взносомъ жертвуемыхъ суммъ; но само, составляя нѣчто цѣлое, одушевляло бы духомъ любви къ слову Божію всѣхъ сочленовъ своихъ, сохраняя и утверждая въ сердцахъ ихъ навсегда сіи чувствованія, плѣненные пользою и превосходствомъ сего священнаго дѣла;

второмъ князя Н. Г. Репнина; въ университетскомъ архивѣ сохранилась любопытная переписка З. Я. Карнѣева съ этими лицами; см. Дѣло поп. № 479/24, стр. 4—18 и Дѣло поп. № 397/19, стр. 31—32.

мы съ позволенія вашего открыли торжественно первое собраніе; приступивъ прежде всего къ избранію изъ среды себя лучшихъ для исправленія должностей, необходимо нужныхъ какъ для порядка, такъ и для дѣлъ имѣющихъ случиться. Въ слѣдствіе чего единодушно избраны въ директоры студентскаго библейскаго сотоварищества кандидаты—Александръ Склабовскій и Матвѣй Байковъ, въ секретари студентъ Иванъ Золотаревъ, въ кассиры студентъ Степанъ Сорочинскій, число членовъ при первомъ открытіи оказалось 68, взносу до 128 р. 50 к., какъ то можно усмотрѣть изъ приложеннаго при семъ списка. Чувствуемъ, что приношенія наши не важны и малы; но если живѣйшее усердіе можетъ замѣнить скудость приношенія, если пламенное рвеніе дѣйствовать по возможности силъ своихъ въ семъ спасительномъ дѣлѣ имѣетъ какую ни есть цѣну, то мы не жалѣемъ о сокровищахъ земныхъ, ибо чувствуемъ, что при вашемъ вниманіи и руководствѣ никогда не оскудѣемъ въ драгоцѣннѣйшихъ чувствахъ, живомъ усердіи и любви къ слову Божію. Ревностное участіе, какое вы оказали при первыхъ усиліяхъ нашихъ въ семъ святомъ дѣлѣ, заставляетъ насъ надѣяться, что вы не оставите и впредь насъ вашимъ столь лестнымъ для насъ соучастіемъ и руководствомъ и примите не оскорбляясь живѣйшую благодарность студентовъ, на которую пріобрѣли вы неоспоримое право, открывъ намъ съ новымъ годомъ новое обширное поприще, гдѣ можно свободно удовлетворять всѣмъ благороднымъ и спасительнымъ внушеніямъ сердца. Изъявляя сіи наши мысли и чувствованія, мы покорнѣйше просимъ довесть о томъ до свѣдѣнія, куда слѣдуетъ и, утвердивъ наше сотоварищество по сему предмету, только для насъ вожделѣнному, снабдить насъ надлежащимъ въ семъ случаѣ руководствомъ и на счетъ прилагаемой при семъ суммы исходатайствовать для нашего сотоварищества одинъ экземпляръ греческой; одинъ латинской и одинъ славянской библіи съ россійскимъ переводомъ. Подлинное подписали: директоры — Александръ Склабовскій и Матвѣй Байковъ, кассиръ Степанъ Сорочинскій и секретарь Иванъ Золотаревъ.

Списокъ членовъ сотоварищества слободско-украинскаго отдѣленія россійскаго библейскаго общества: 1) Александръ Склабовскій 5 р. 2) Матвѣй Байковъ 5 р. 3) Николай Петровскій 1 р. 4) Василій Сухаревскій 50 к. 5) Степанъ Сорочинскій 1 р. 6) Александръ Шимановъ 1 р. 7) Николай Бѣляевъ 1 р. 8) Илья Ячной 1 р. 9) Иванъ Медвѣдевъ 25 к. 10) Іосифъ Осмоловскій 50 к. 11) Петръ Черкасовъ 1 р. 12) Алексѣй Самойленковъ 1 р. 13) Федоръ Билевъ 1 р. 14) Николай Бѣлицкій 1 р. 15) Егоръ Шимановъ 1 р. 16) Иванъ Серенковъ 2 р.

17) Викторъ Кириловъ 1 р. 18) Александръ Кульбицкій 2 р. 19) Павелъ Постниковъ 2 р. 20) Владиміръ Перцовъ 1 р. 21) Василій Стаферовъ 2 р. 22) Василій Скоробогачъ 1 р. 23) Назаръ Дружкевичъ 2 р. 24) Викторъ Бараковскій 1 р. 25) Дмитрій Сапфировъ 25 к. 26) Дмитрій Кузьмицкій 1 р. 25 к. 27) Андрей Карасевъ 2 р. 28) Иванъ Саламаха Арѣховскій 2 р. 29) Алексѣй Карасевъ 3 р. 30) Иванъ Буньковъ 1 р. 31) Василій Нѣжинцовъ 1 р. 32) Михаилъ Ситницкій 1 р. 33) Павелъ Юрьевъ 1 р. 34) Василій Карпенковъ 1 р. 50 к. 35) Николай Дмитріевъ 50 к. 36) Филиппъ Вулахъ 1 р. 37) Григорій Поповъ 4 р. 38) Филимонъ Клименко 50 к. 39) Николай Афанасьевъ 1 р. 40) Петръ Рученковъ 1 р. 41) Александръ Пересвѣтовъ 1 р. 42) Семенъ Куницынъ 2 р. 43) Николай Романовъ 2 р. 44) Иванъ Чупихинъ 2 р. 45) Василій Барщевскій 2 р. 46) Иванъ Золотаревъ 2 р. 47) Николай Спасскій 4 р. 48) Николай Оже 2 р. 49) Александръ Поповъ 4 р. 50) Павелъ Федоровичъ 1 р. 51) Иларіонъ Долгій 5 р. 52) Антонъ Дыдаревъ 4 р. 53) Ахиллъ Тардифъ 1 р. 54) Николай Сухомлиновъ 1 р. 55) Сергѣй Лоби 1 р. 56) Иванъ Маскинъ 4 р. 57) Михаилъ Макаровъ 4 р. 58) Михаилъ Литвиновъ 2 р. 59) Афанасій Антоненко 1 р. 60) Шабановъ 2 р. 61) Александръ Станиславскій 5 р. 62) Василій Юшковъ 1 р. 63) Спиридонъ Скребцовъ 2 р. 64) Степанъ Полницкій 2 р. 65) Илья Климовъ 2 р. 66) Михаилъ Шевичъ 5 р. 67) Андрей Шевичъ 5 р. 68) Михаилъ Струковъ 2 р.; итого 128 р. 25 к.

Подлинный подписали директоры—Александръ Склабовскій, Матвѣй Байковъ, кассиръ Степанъ Сорочинскій и секретарь Иванъ Золотаревъ".

Интересно, что документъ этотъ подтверждаетъ извѣстіе проф. Венедиктова о принадлежности къ библейскому обществу молодыхъ адъюнктовъ и кандидатовъ—Дудровича, Байкова, и присоединяетъ къ нимъ еще кандидата Склабовскаго. Очевидно, въ университетѣ среди молодежи образовалась группа лицъ, рѣшившихся слѣдовать примѣру піэтиста — попечителя и осуществлять систему кн. А. Н. Голицына. Попечитель, получивъ вышеприведенную бумагу студентовъ отъ совѣта университета, отправилъ ее министру съ такимъ поясненіемъ. „Совѣтъ Харьковскаго университета въ донесеніи своемъ ко мнѣ изъяснилъ, что студенты сего университета числомъ 68 человѣкъ, движимые живѣйшимъ усердіемъ къ распространенію слова Божія, въ поданномъ г. проректоромъ прошеніи, здѣсь въ копіи включаемомъ, изъявили желаніе составить изъ среды себя сотоварищество библейскаго общества, подъ ближайшимъ руководствомъ инспектора казеннокошт-

ныхъ студентовъ профессора Дудровича. Одобривъ таковое похвальное и спасительное намѣреніе студентовъ, я поручилъ г. профектору сдѣлать надлежащее имъ наставленіе, чтобы сотоварищество сіе испросило отъ слободско-украинскаго отдѣленія россійскаго библейскаго общества для занятій своихъ правила. Донося о семъ вашему сіятельству, я не могу не отдать совершенной справедливости г. профектору Джунковскому, который въ короткое время управленія своего, соотвѣтствуя долговременному моему попеченію о вкорененіи христіанской нравственности, успѣлъ направить давно уже готовые къ дѣлу господню умы молодыхъ людей къ истинной цѣли ихъ воспитанія" [1].

Этимъ давался блестящій атестатъ Джунковскому, какъ человѣку, который прекрасно вошелъ въ виды попечителя о нравственномъ воспитаніи юношества. О дѣятельности студенческаго библейскаго общества И. П. Щелковъ, на основаніи документовъ университетскаго архива, сообщаетъ слѣдующія данныя. „Оно было основано въ 1821 году... Состояло главнымъ образомъ изъ студентовъ, но въ немъ участвовали также кандидаты и даже постороннія лица; такъ въ 1822 году изъявили желаніе быть членами его новый попечитель университета З. Я. Карнѣевъ и ректоръ Харьковскаго коллегіума архимандритъ Тимоѳей. Сотоварищество управлялось особымъ комитетомъ, директорами котораго были въ 1821 году кандидаты Склабовскій и Байковъ, а секретаремъ Золотаревъ; въ 1823 году въ помощь имъ избраны: въ директоры — студентъ Протопоповъ, а въ казначеи — студентъ Дружеевичъ. Въ слѣдующемъ году добавлены еще два директора — кандидатъ Корсунъ и студентъ Шевичъ. Въ началѣ 1822 года сотоварищество имѣло 102 члена, а въ слѣдующемъ 1823 году 159 членовъ. По окончаніи года происходило генеральное собраніе, на которомъ произносились рѣчи и читался годовой отчетъ о дѣятельности сотоварищества; первое генеральное собраніе происходило 20 декабря 1821 года въ присутствіи ректора университета Джунковскаго и инспектора своекоштныхъ и казеннокоштныхъ студентовъ — профессоровъ Дудровича и Павловича. Изъ представленнаго попечителю краткаго отчета о занятіяхъ сотоварищества въ 1821 году видно, что главнымъ предметомъ его было распространеніе книгъ священнаго писанія; съ этою цѣлью сотоварищество знакомило студентовъ съ дѣятельностью библейскаго общества и средствами къ полученію книгъ священнаго писанія; устраивало на своихъ собраніяхъ чтеніе христіанско назидательныхъ упражненій нѣкоторыхъ его членовъ и принимало мѣры къ умно-

[1]) Архивъ Мин. Нар. Просв.

женію какъ членовъ, такъ и благотворителей сотоварищества. Первымъ даромъ, полученнымъ сотовариществомъ, было 100 экземпляровъ посланій апостольскихъ на славянскомъ и россійскомъ языкахъ, пожертвованныхъ извѣстными дѣятелями библейскаго общества—пасторами Патерсономъ и Гендерсономъ. Часть собранныхъ въ 1821 году денегъ была употреблена для пособія пострадавшимъ отъ пожара. Второе генеральное собраніе происходило 2-го февраля 1823 года въ присутствіи бывшаго попечителя З. Я. Карнѣева, его преемника В. В. Карнѣева и ректора Харьковскаго коллегіума архимандрита Тимоѳея. На немъ были произнесены рѣчи: студентомъ Сапфировымъ—о важности библейскихъ собраній, студентомъ Протопоповымъ—о важности евангельскаго ученія и секретаремъ сотоварищества кандидатомъ Золотаревымъ прочитанъ отчетъ за 1822-й годъ. Въ заключеніе было выслушано читаемое въ церкви въ этотъ день евангеліе" [1]. О дальнѣйшей судьбѣ студенческаго сотоварищества мы ничего не знаемъ; можно только предполагать, что оно, по мысли главнаго дѣятеля Склабовскаго, сдѣлавшагося тогда адъюнктомъ, повидимому должно было превратиться въ студенческое же общество любителей наукъ, философскій факультетъ составляющихъ, т. е. потерять исключительно духовно-филантропическій характеръ и превратиться въ научно-литературный кружокъ [2]. Объ уставѣ этого кружка мы скажемъ впослѣдствіи, а теперь сообщимъ еще объ эпилогѣ библейскаго сотоварищества. Въ 1832 году Харьковская духовная консисторія обратилась въ правленіе университета съ бумагой, въ которой сообщалось, что за бывшимъ комитетомъ студенческаго библейскаго сотоварищества числится долгъ въ размѣрѣ 60 рублей за книги священнаго писанія, розданныя, по его объясненію, безвозмездно бѣднѣйшимъ студентамъ Харьковскаго университета и въ городскую тюрьму. По наведеннымъ справкамъ оказалось, что въ составъ комитета тогда входили: директоръ—профессоръ Матвѣй Андреевичъ Байковъ, магистръ Александръ Васильевичъ Склабовскій, кандидатъ Матвѣй Николаевичъ Протопоповъ, казначей Дмитрій Павловичъ Сапфировъ, секретарь кандидатъ Иванъ Яковлевичъ Золотаревъ; изъ нихъ первые три въ это время не состояли уже въ вѣдомствѣ университета, а отъ остальныхъ двухъ, бывшихъ учителями въ гимназіяхъ, получены были объясненія [3].

---

[1]) Журн. мин. нар. просвѣщ. 1890, октябрь, стр. 375—376; ср. также докладъ попеч. З. Карнѣева министру, изъ коего видно, что въ 1822 году было внесено деньгами 266 р., а въ 1823 г.—615 р.

[2]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло пол. №960/52.

[3]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло правл. № 3851/206.

Основныя цѣли библейскаго общества, взятыя сами по себѣ въ ихъ чистомъ видѣ, были очень почтенны: онѣ состояли въ изданіи книгъ священнаго писанія, безъ всякихъ комментарій, на всѣхъ языкахъ и нарѣчіяхъ, на которыхъ говорили разнообразные народы, населявшіе Россію и не исповѣдывавшіе даже христіанской вѣры; а также въ возможно широкомъ распространеніи ихъ путемъ продажи и даровой раздачи; особенное сочувствіе вызываетъ переводъ библіи на разные языки и нарѣчія. Чтобы судить объ успѣшности результатовъ дѣятельности библейскаго общества въ Россіи, достаточно замѣтить, что до открытія его дѣйствій въ Россіи вышло въ свѣтъ, со времени введенія книгопечатанія, всего 22 изданія библіи, иначе говоря, никакъ не больше 60000 экземпляровъ [1]; съ 1813-го же года по 1823-й, въ теченіе 10 лѣтъ, библейскимъ обществомъ напечатано и пріобрѣтено было 704831 экземпляръ, изъ коихъ разошлось 427704 экземпляра на сумму 1833207 руб.; обществомъ собранъ былъ капиталъ въ 2816293 р., въ томъ числѣ пожертвованій 1995168 руб. и 821124 р. за вырученные экземпляры [2]). Но, къ сожалѣнію, къ этимъ чистымъ цѣлямъ примѣшались другія, постороннія, и на основаніи ихъ библейскія общества превратились въ орудіе для проведенія системы народнаго образованія въ духѣ извѣстныхъ намъ воззрѣній кн. А. Н. Голицына. Въ школы такимъ образомъ, вмѣстѣ съ библейскими обществами, вторглась политика, которая выступила довольно рѣшительно противъ ихъ научныхъ задачъ; вѣра объявила войну разуму, который всячески дискредитировался въ мистическихъ сочиненіяхъ, вдохновлявшихъ кн. А. Н. Голицына, З. Я. Карнѣева и другихъ видныхъ дѣятелей библейскаго общества. Не довольствуясь лицами, которыя могли свободно и сознательно отнестись къ проповѣди библейскаго общества — а въ этомъ свободномъ и сознательномъ отношеніи былъ единственный залогъ его *прочнаго* успѣха, — кн. А. Н. Голицынъ и подчиненные ему дѣятели учебнаго вѣдомства перенесли свою пропаганду въ школу — и при томъ не только высшую, но и среднюю, гдѣ уже никакъ нельзя было расчитывать на пониманіе высшихъ запросовъ человѣческаго духа въ сферѣ религіи. Образовалось особое библейское сотоварищество среди воспитанниковъ Харьковской гимназіи. Въ 1823 году вышелъ въ свѣтъ подъ редакціей Склабовскаго сборникъ прозаическихъ и стихотворныхъ упражненій въ словесности питомцевъ благороднаго пан-

---

[1]) Отчетъ комитета Моск. отдѣл. библ. общ. за 1814-й годъ, М. 1815 г., стр. 32, со ссылкою на „Опытъ рос. библіографіи“.

[2]) Извѣстія о дѣйствіяхъ и успѣхахъ библ. общества въ Россіи. 1824 г., Спб. 1824, стр. 15—22.

сіона Коваленкова въ Харьковѣ, носящій на себѣ яркую печать „духа времени“: въ немъ преобладають статьи религіозно-нравственнаго содержанія—о вѣчности, о смерти христіанина, о добродѣтели, о характерѣ истиннаго просвѣщенія, основаннаго на непорочности нравовъ, о превосходствѣ библіи надъ поэмами Гомера, о божественныхъ гимнахъ, о надеждѣ на Бога, о вліяніи христіанства на музыку; таковы и стихотворные сюжеты: вечерняя молитва, Богъ въ веснѣ, Богъ въ бурѣ, хвала Всевышнему, храмъ. Среди стихотвореній два написаны по случаю открытія сотоварищества россійско-библейскаго общества въ слободско-украинской гимназіи. Вотъ первое изъ нихъ, принадлежащее перу Аполлона Чернозубова.

„О коль великъ и мудръ есть Богъ!
Создать однимъ онъ словомъ могъ
Изъ мрачна хаоса нѣмого
Прекрасный міръ и совершенъ!
Въ природѣ Бога нѣтъ другого
И сей отъ вѣка не рожденъ!

Онъ дхнулъ—и вѣтры заревѣли,
Гремящи громы загремѣли,
И съ суши здвигнувшись моря
Въ предѣлахъ стали утвержденны.

Все власть повѣдало царя,
Царя—создателя вселенны.

Онъ надъ землею сводъ небесъ
Простеръ прекрасно для очесъ!
На ней онъ населилъ творенья,
И воцаривъ въ ней тишину,
Дню солнце далъ для освѣщенья,
А ночи кроткую луну.

Все мудро! Умъ не постигаетъ!
Одна пылинка изумляетъ!...
Никто не объяснитъ во вѣкъ
Чудесъ причины сокровенны!
И чтожъ нашъ умъ? Что человѣкъ,
Тобою въ міръ сей сотворенный?

Онъ—прахъ ничтожный предъ Тобой;
Но Ты безсмертною душой,
Неоцѣненными дарами—
Его, Всесильный, наградилъ;

Для управленія страстями
Въ немъ разумъ, совѣсть посадилъ.
Царемъ онъ сдѣлался вселенной;
Черты въ немъ мудрости священной
Сіяютъ неземнымъ огнемъ:
Онъ—чистый образъ Твой, Создатель,
Печать безсмертія на немъ,
Печать Твоя, всѣхъ благъ податель!

Его ты словомъ одарилъ
И садъ прелестный насадилъ
Вокругъ него во услажденье;
И онъ, едва на міръ возэрѣвъ,
Уже въ священномъ изумленьѣ
Тебя прославить захотѣлъ!

Далѣе сообщается о томъ, какъ Моисей, Давидъ и другіе боговдохновенные мужи воспѣли Бога въ библіи. И за тѣмъ въ заключеніе говорится:

О, вы, питомцы музъ, поэты!
Чтобы высокіе предметы
Умѣть достойно воспѣвать,
Читайте библію святую;
Она научитъ, какъ снискать
Себѣ награду неземную.
И нынѣ, юные друзья!
Восторгомъ душу упоя
Начальству за благія мѣры —
Которыя мы ясно зримъ
Въ распространеніи книгъ Вѣры —
Всю благодарность воздадимъ".

Другой піита Ст. Гельфрейхъ начатъ свое стихотвореніе также съ указанія на библію, которая заключаетъ въ себѣ славословіе Бога, и затѣмъ продолжаетъ его такъ:

Читайте вы ее (Библію), о юные поэты!
Внимайте золотымъ струнамъ
Давидовой псалтыри; тамъ
Откроете вы дивное искусство!
Творца природы воспѣвать
И пѣньемъ душу увлекать,
И сильно трогать сердца чувство!

Но что же? Ужель идетъ сей наслажденья мигъ
Сихъ можетъ утолить къ высокому стремленье?
Ахъ, нѣтъ: кто наслаждается одинъ,
Тотъ не вполнѣ вкушаетъ наслажденье.
Законъ божественный — источникъ благъ;
Одни ли мы изъ него не почерпать ихъ будемъ?
Кто сердцемъ лишь себя, хоть Бога, людямъ другъ;
Сей истины мы, други, не забудемъ!
Мы слышимъ мудраго начальства кроткій гласъ!
Оно, писаніе вездѣ распространяя,
Участвовать въ томъ приглашаетъ насъ;
И вмѣстѣ любовь къ добру внушаетъ намъ святая.
Откажемся ль хотя по *лептѣ* прибавлять
На тѣ священныя лампады,
Которыхъ свѣтъ прольетъ вездѣ отрады,
Въ отчаянныхъ надежду поселитъ,
Изречетъ страждущимъ небесныя награды,
И самыхъ дикихъ просвѣтитъ,
Смягчивши имъ сердца суровы?
О нѣтъ! Мы всѣ участвовать готовы.
Подобными готовы ближнимъ быть
Въ прекрасномъ дѣлѣ просвѣщенья!
Готовы все употребить,
Что можно намъ, и тѣмъ начальству изъявить
Долгъ благодарности за тщательно попеченье
О ближнихъ благѣ и спасеньѣ".

Стихотворенія эти, какъ видимъ, не блещутъ художественными достоинствами, они не говорятъ у авторовъ и о сильномъ охватившемъ ихъ чувствѣ; это поэтическія упражненія по заранѣе составленному и предложенному учителемъ плану; очевидно, наставникомъ внушенъ былъ и конецъ стихотвореній, гдѣ выражается признательность начальству за устройство библейскаго сотоварищества въ гимназіи.

Библейскія общества и сотоварищества, какъ видимъ, имѣли внѣшній успѣхъ и въ самомъ Харьковѣ, и въ предѣлахъ Харьковскаго учебнаго округа, но этотъ успѣхъ не сопровождался ихъ внутреннимъ органическимъ ростомъ: они не сумѣли достигнуть своей главной цѣли, не сумѣли на будущее привлечь къ себѣ искреннія и глубокія симпатіи общества; а причина коренилась въ томъ, что данное движеніе, по существу своему общественное, шло сверху, изъ правительственныхъ сферъ и принималось представителями общества формально, какъ нѣчто

внѣшнее *для* нихъ, постороннее и подъ часъ навязываемое. Разъ же въ правящихъ сферахъ началась противъ него реакція, сейчасъ же оказалось, что у него было мало почвы въ той общественной средѣ, гдѣ оно распространялось. Прекраснымъ доказательствомъ этой мысли является фактъ, приводимый въ письмѣ Шишкова къ Аракчееву. Шишковъ выступилъ съ самыми тяжкими обвиненіями противъ библейскихъ обществъ передъ Государемъ Александромъ I-мъ, говорилъ, что явная цѣль ихъ заключается въ истребленіи православія, возмущеніи отечества и производствѣ въ немъ междоусобій и бунтовъ. Конечно, эти обвиненія характеризуютъ только личность самого Шишкова, а не обвиняемыя имъ общества; но можно представить себѣ, въ какое смущеніе должны были прійти члены ихъ (въ особенности тѣ, кои занимали высокія мѣста въ духовной и свѣтской іерархіи), когда имъ сдѣлалось извѣстно, что ихъ теперь тяжко порицаютъ за то, къ чему прежде всячески привлекали во имя высшихъ интересовъ религіи. Объ этомъ колебаніи умовъ свидѣтельствуетъ обращеніе, написанное слободскоукраинскимъ епископомъ Павломъ къ митрополиту Серафиму, приводимое Шишковымъ въ его письмѣ къ Аракчееву. „Изъ письма слободско-украинскаго епископа Павла можно видѣть, читаемъ мы тамъ, какое колебаніе умовъ *происходитъ отъ неизвѣстности, чему слѣдовать и чего держаться.* Онъ спрашиваетъ разрѣшенія: *какъ поступать и дѣйствовать ли по прежнему?* Повидимому, зараженный самъ, не знаю — ложными ли понятіями или инымъ какимъ побужденіемъ, выхваляя сіи общества, признается однакожъ, что *всѣ сословія свѣтскаго состоянія терпѣть ихъ не могутъ и что сборъ денегъ и продажа книгъ производится во всей епархіи, по его распоряженію, посредствомъ одного духовенства, и то по принужденію.* Изъ сихъ краткихъ словъ его довольно уже явствуетъ, какимъ образомъ дѣлается и какую пользу приноситъ такъ называемое ими *распространеніе слова Божія!* благое названіе, данное злому дѣянію, потому и водворяющее, вмѣсто согласія и страха Господня, раздоры и суемудріе... Насильственною продажею книгъ собираютъ деньги и, производя въ народѣ неудовольствіе и ропотъ, безстыднымъ образомъ лгутъ въ газетахъ, что всякій у нихъ съ радостію покупаетъ“.. Здѣсь въ высшей степени важно откровенное сознаніе лица (еп. Павла), стоявшаго во главѣ мѣстнаго Харьковскаго библейскаго общества и относившагося къ нему съ полнымъ сочувствіемъ, что распространеніе книгъ носило принудительный характеръ и что среди свѣтскихъ лицъ противъ него была всеобщая оппозиція. Закрыто было библейское общество, по распоряженію правительства, 15 іюля 1826 г., а имущество его, оцѣненное въ 2000000 рублей, передано св. сѵноду.

Характерно, что при всѣхъ своихъ заботахъ о христіанскомъ просвѣщеніи Э. Я. Карнѣевъ упустилъ изъ виду то, что дѣйствительно представляло странную аномалію — отсутствіе преподаванія богословія. По уставу 1804 года богословіе было пріурочено къ этико-политическому факультету, и для него предполагалось повидимому даже два преподавателя: одинъ долженъ былъ читать догматическое и нравоучительное богословіе, а другой—толкованіе священнаго писанія и церковную исторію. Въ дѣйствительности же въ Харьковскомъ университетѣ эта каѳедра не была вовсе занята до 1819 года—и позаботилось о замѣщеніи ея уже само министерство народнаго просвѣщенія. Въ февралѣ 1819 года оно обратилось къ Э. Я. Карнѣеву съ такимъ предложеніемъ. „По незамѣщенію еще досель вакансій положенныхъ въ уставѣ Московскаго, Казанскаго и Харьковскаго университетовъ каѳедры богословія, главное правленіе училищъ разсуждало, что хотя образованіе богослововъ для духовнаго званія имѣетъ свой надлежащій ходъ и дѣйствіе по учрежденнымъ именно для сего духовнымъ училищамъ и академіямъ, но симъ не отнимается ни право, ни обязанность учебной части гражданской всѣмъ и каждому изъ воспитанниковъ своихъ, къ какому званію и состоянію ни приготовляли бы они себя, открывать путь къ пріобрѣтенію достаточныхъ свѣдѣній въ богопознаніи и христіанскомъ ученіи, только существенныхъ и необходимо нужныхъ для каждаго человѣка вообще. Свѣдѣнія сіи конечно не должны быть въ такой обширной подробности и полнотѣ предметовъ, какія пріобрѣтаются посвящающими себя въ званіе богослововъ и въ духовный санъ, но со всѣмъ тѣмъ нѣтъ никакого другого званія въ обществѣ, ни случая жизни, въ которыхъ христіанину не слѣдовало бы учреждать свой поступокъ сообразно ученію Божія откровенія. Сія наука потому есть общая для каждаго воспитывающагося и конечно не менѣе, но болѣе нужная всѣхъ общихъ вспомогательныхъ наукъ, которыя, какъ напримѣръ, философія и другія подобныя, пріобрѣтаются не для того, чтобы быть профессорами или учителями по нимъ, но для полезнаго употребленія во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. А какъ въ высшихъ училищахъ, каковы суть университеты, не преподается вовсе ничего по предмету христіанскаго ученія, то и малыя свѣдѣнія по оному, въ низшихъ училищахъ пріобрѣтаемыя, должны необходимо изглаживаться въ умахъ учащихся по университетамъ, тогда какъ при зрѣломъ возрастѣ и разсудкѣ ихъ они способны были бы и долженствовали усовершенствовать себя въ богопознаніи и христіанскомъ ученіи, вмѣстѣ съ усовершенствованіемъ въ наукахъ по тѣмъ частямъ, для коихъ ихъ готовятъ на службу. По всѣмъ симъ соображеніямъ правленіе представило ми-

сему распоряженію приводя въ исполненіе предположеніе о введеніи по всѣмъ университетамъ лекцій о богопознаніи и христіанскомъ ученіи. Вслѣдствіе сего покорно прошу ваше превосходительство сообщить мнѣ предварительно ваше мнѣніе, на какомъ основаніи и правилахъ можно учредить при Харьковскомъ университетѣ каѳедру по части богопознанія и откровеннаго христіанскаго ученія для преподаванія по ней лекцій всѣмъ студентамъ разныхъ факультетовъ, такъ чтобы и по расположенію по времени слушанія сихъ лекцій было для того всѣмъ удобство. Что же касается до назначенія способнаго къ тому профессора, то это будетъ зависѣть отъ духовнаго начальства по моему утвержденію". Получивъ это предписаніе, попечитель въ свою очередь обратился къ ректору университета Т. Ѳ. Осиповскому съ такимъ письмомъ. „Изъ прилагаемаго при семъ въ копіи предписанія г. министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія относительно учрежденія въ университетахъ каѳедры богопознанія и христіанскаго ученія увидите вы, какія верховное начальство пріемлетъ благодѣтельныя мѣры къ прочному и надлежащему образованію юношества. Его сіятельство требуетъ моего мнѣнія, на какомъ основаніи и правилахъ можно учредить при Харьковскомъ университетѣ помянутую каѳедру для преподаванія по ней лекцій всѣмъ студентамъ разныхъ факультетовъ. Прежде нежели приступлю къ изложенію таковаго мнѣнія, поручаю вашему высокородію, пригласивъ къ себѣ непремѣннаго засѣдателя и еще одного или двухъ, по усмотрѣнію вашему, господъ профессоровъ, взять на разсужденіе: 1) такъ какъ всѣмъ студентамъ вмѣстѣ невозможно слушать по сей каѳедрѣ лекцій, то какимъ бы образомъ удобнѣе доставить имъ способы оказывать требуемые по сей важнѣйшей части успѣхи; 2) сколько можно назначить для этой каѳедры въ недѣлю часовъ, предположивъ, что она можетъ быть раздѣлена на два курса; но такое отдѣленіе часовъ не должно служить препятствіемъ въ занятіяхъ студентовъ и по другимъ предметамъ. По надлежащемъ разсмотрѣніи непремѣнно доставить мнѣ это свѣдѣніе, дабы и я могъ удовлетворить требованію его сіятельства безъ промедленія. Я не нахожу нужнымъ, чтобы вы вносили предложеніе это въ совѣтъ, такъ какъ предметъ сей не подлежитъ общему сужденію" (22 марта 1819 г.). Ректоръ Осиповскій далъ на это слѣдующій отвѣтъ. „Я приглашалъ въ особенное для этого засѣданіе гг. профессоровъ Джунковскаго, Книгина и Успенскаго и по достаточномъ разсужденіи я и гг. профессора Книгинъ и Успенскій пришли въ мнѣніе, чтобы предполагаемое ученіе богопознанія и христіанскаго ученія присоединить къ числу общихъ наукъ, коихъ курсъ по положеніямъ университета оканчивается въ 2

года, назначивъ для него 3 часа въ недѣлю, такъ чтобы 1 часъ оно было преподаваемо студентамъ перваго, а остальные четыре студентамъ 2-го курса; назначеніе же часовъ для преподаванія имѣетъ быть учинено при общемъ раздѣленіи учебныхъ часовъ по университету. Но чтобы и при этомъ распредѣленіи студенты прошлаго года, въ теченіе учебнаго курса отъ 1819 до 1820 года остались бы безъ слушанія богословскаго ученія, то чтобы и ихъ не лишить этого спасительнаго ученія, признали нужнымъ въ теченіе настоящаго года учредить три курса: 1-й для студентовъ 1-го года, 2-й для студентовъ 2-го года, а 3-й для студентовъ 3-го года по 3 часа на каждый курсъ и ученіе это учредить такъ, чтобы студентамъ 2-го и 3-го года прочесть сокращенно полный курсъ богопознанія въ теченіе одного года, а студентамъ 1-го года было бы читано оно пространнѣе и окончена была бы только половина цѣлаго курса богословскаго ученія, каковое назначено будетъ для составленія полнаго курса. Впослѣдствіи же профессоръ Джунковскій мнѣніемъ полагалъ, что для большаго вкорененія въ учащихся нравственности, преподаваніе богопознанія и христіанскаго ученія расположить должно на 3 года и назначить для этого по 3 часа въ недѣлю во всѣхъ трехъ курсахъ, при чемъ прочіе гг. профессора замѣтили, что таковое распредѣленіе соединено будетъ съ ущербомъ учебныхъ часовъ по предметамъ факультетовъ, которымъ студенты, по роду предполагаемой ими системы, послѣдній годъ себя посвящаютъ и которые они въ теченіе сего времени необходимо должны окончить" (курсъ былъ тогда трехлѣтній). Съ своей стороны Джунковскій вошелъ къ попечителю еще съ частнымъ, конфиденціальнымъ, такъ сказать, заявленіемъ такого содержанія: „Университетъ, получивъ извѣстіе объ учрежденіи въ немъ каѳедры Богопознанія и откровеннаго христіанскаго ученія, долженъ со всей силою чувствовать благотворныя намѣренія непосредственнаго въ немъ верховнаго начальства и не меньше быть обязану благодарностію и вашему превосходительству, конечно, не мало участвовавшему въ доставленіи ему сего недостававшаго истинно существеннаго блага. *Се есть животъ вѣчный да знаютъ Тебе единаго истиннаго Бога и его же послалъ еси Іисуса Христа.* Вслѣдствіе предписанія вашего превосходительства, по сему случаю было составлено особый комитетъ изъ русскихъ профессоровъ, въ которомъ разсуждали, на *какомъ основаніи* должно учредить эту каѳедру и сколько для нея положить часовъ безъ помѣхи для упражненія въ другихъ наукахъ. Три обстоятельства предложены на сужденіе объ этомъ предметѣ: основаніе, время, удобность. Я подъ основаніемъ не иное что разумѣю, какъ силу какого либо положенія, прочную надежную, всегда, вездѣ и всѣмъ

полезную. Прочія два обстоятельства разумѣются сами собою. Симъ то руководствуясь, я и защищалъ свое мнѣніе, что это душеспасительное ученіе, по его превосходству, не должно полагать въ числѣ общихъ или приготовительныхъ наукъ, которыя, сколько мною замѣчено, не весьма уважаются молодыми людьми и въ которыхъ даже, по новому положенію объ экзаменахъ, не столь строгое испытаніе требуется. Я полагаю, что каѳедра эта должна составлять существенную, самостоятельную, по важности своей, высшую науку и, слѣдовательно, причисляемую къ прочимъ высшимъ факультетскимъ наукамъ, которыя посему и должны преподаваемы быть и въ высшемъ, т. е. 3-мъ курсѣ наукъ или въ послѣднемъ для наукъ годѣ. Въ комитетѣ при назначеніи времени не принимали въ разсужденіе, какія по этой части должно преподавать науки, думая, что духовное начальство назначитъ ихъ; но слова въ министерскомъ предписаніи—*по незамѣщенію вакансій и пр.*, кажется мнѣ, относятся именно къ богословскимъ наукамъ, въ уставѣ означеннымъ, ибо безъ этого нельзя было бъ назначить времени, не зная обширности предмета. И такъ, вникая въ силу предписанія, въ благодѣтельное намѣреніе правительства и въ сущность самой науки, я полагаю въ планѣ своемъ, чтобы преподаваніе ея продолжаемо было во все время, для окончанія наукъ въ университетахъ назначенное, на слѣдующемъ основаніи:

1-й годъ.	Исторія церковная	Богословіе нравоучительное.
2-й „	Богословіе догматическое	
3-й „	Толкованіе священнаго писанія	

Слѣдовательно, богословіе нравоучительное будетъ неразлучно съ каждою изъ этихъ наукъ и въ каждомъ курсѣ преподаваться, и профессоръ, не составляя для нея особой системы, при изъясненіи этихъ наукъ, всегда будетъ имѣть случай, неисчерпаемые способы и пособія для ея внушенія. Такимъ образомъ, богословіе нравственное, входя въ естественную связь съ каждой изъ богословскихъ наукъ, не меньше также можетъ и должно само по себѣ составлять существенную часть ихъ. *Тако да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла и прославятъ Отца вашего, иже на небесѣхъ.* Касательно времени, сообразуясь съ тѣмъ, что эти науки не во всей обширности должны быть преподаваемы и не для очищенія духа, но для напоенія младыхъ сердецъ елеемъ благодатнаго ученія, довольно было бы назначить и по 9 часовъ въ недѣлю, безъ обремененія учащихъ и учащихся и, слѣдовательно, по сей части достаточно будетъ имѣть и одного профессора. Мнѣніе это имѣю честь представить на благоусмотрѣніе вашего превосходительства".

Это письмо, какъ мы видимъ, довольно характерно: оно написано совершенно въ духѣ З. Я. Карнѣева, проникнуто уваженіемъ къ религіозно-нравственному просвѣщенію, пересыпано текстами изъ священнаго писанія и заключаетъ похвалу по адресу попечителя, этимъ послѣднимъ, какъ мы видѣли выше, незаслуженную (мысль о замѣщеніи каѳедры богословія принадлежала не ему, а министерству). Но еще характернѣе конецъ письма, который мы приведемъ впослѣдствіи: въ немъ Джунковскій проситъ о предоставленіи ему, кромѣ занимаемой имъ каѳедры греческаго языка, еще и каѳедры сельскаго хозяйства, ссылаясь между прочимъ на то, что этотъ предметъ не можетъ преподаваться иностранцемъ, а требуетъ непремѣнно русскаго патріота.

Попечитель представилъ министру заключенія Осиповскаго и Джунковскаго, а отъ себя сдѣлалъ слѣдующее замѣчаніе. „1) Съ половины текущаго 1819 до экзамена будущаго 1820 г. оставить общее ихъ мнѣніе въ своей силѣ, предоставивъ впрочемъ преподаваніе лекцій Богопознанія и откровеннаго христіанскаго ученія по наставленію, какое дано будетъ профессору сей каѳедры отъ главнаго правленія училищъ, которое безъ сомнѣнія основано будетъ не на правилахъ, приготовляющихъ студентовъ быть профессорами сей науки, каковымъ предметомъ занимаются одни только духовныя академіи, но для усовершенствованія ихъ въ Богопознаніи и христіанскомъ ученіи, чему уже и хорошее начало положено со времени вступленія моего въ должность попечителя чрезъ чтеніе студентамъ Евангелія и объясненіе его протоіереемъ Могилевскимъ вкупѣ съ краткимъ обученіемъ и Богопознанію. 2) Полагаю согласить разныя мнѣнія гг. профессоровъ на предбудущее время слѣдующимъ образомъ: чтобы первые 2 года обученіе Богопознанія и христіанскаго ученія присоединить къ числу общихъ наукъ, коихъ курсъ по положеніямъ университета оканчивается въ 2 года, назначивъ для этого 8 часовъ въ недѣлю, съ тѣмъ чтобы 4 часа преподаваемо оно было студентамъ 1-го, а остальные 4 часа студентамъ 2-го курса; назначеніе же дней послѣдуетъ при общемъ распредѣленіи учебныхъ часовъ по университету. Но такъ какъ г. проф. Джунковскій весьма основательно разсуждаетъ, что и послѣдній годъ для науки сей необходимъ, ибо безъ того прервавши нить этого наиважнѣйшаго для каждаго изъ студентовъ ученія, которое для всякаго христіанина никогда не должно прерываемо быть, дабы ходя въ безпрестанномъ присутствіи Божіемъ чаще и безпристрастнѣе каждому свое званіе проходить, то и считаю я нужнымъ и въ 3-мъ послѣднемъ году ученіе это продолжать съ убавкою часовъ, полагая въ недѣлю только 2 часа, что не нанесетъ ущерба учебнымъ часамъ и по прочимъ факультетамъ. Это тѣмъ болѣе необхо-

дано, что при последнемъ экзаменѣ предъ выпускомъ изъ университета студентовъ, нужно паче всего испытывать ихъ въ Богопознаніи и христіанскомъ ученіи, равно и въ сообразности поведенія ихъ съ этимъ ученіемъ и означать въ аттестатахъ; и наблюдать тоже при производствѣ въ кандидаты. А какъ нынѣ въ университетѣ по всѣмъ факультетамъ вмѣстѣ со слушающими приготовительныя науки считается 159 студентовъ, то и трудно будетъ духовному профессору всѣхъ ихъ обучать одному, слѣдовательно, нуженъ адъюнктъ, сколько для помощи ему, столько въ случаѣ болѣзни или принадлежностей для занятія его мѣста, дабы богоугодное сіе ученіе никогда не прерывалось, и адъюнктъ бы во всякое время имѣлъ надзоръ за хожденіемъ студентовъ въ этотъ классъ и прилежностью ихъ. Основаніе впрочемъ духовнаго профессора должно быть общее съ ординарными профессорами какъ въ разсужденіи жалованья, такъ и квартирныхъ денегъ, если не можетъ помѣщенъ быть въ университетѣ; онъ также долженъ по учебной части и при выборахъ присутствовать въ совѣтѣ, кромѣ судныхъ дѣлъ, и при всѣхъ экзаменахъ, наблюдая чтобы по части его ученія всѣ студенты прилежно были испытуемы. Адъюнктъ его относительно жалованья и квартирныхъ денегъ долженъ пользоваться общимъ положеніемъ съ прочими адъюнктами. Что принадлежитъ до внутренняго основанія сего превыспреннаго ученія о Богопознаніи и откровенномъ христіанскомъ ученіи, на какихъ правилахъ должно оно постепенно быть расположено, дабы юношей ввести въ истинную вѣру и благочестіе, то о семъ должно ожидать изложенія предлежащей методы собственно отъ того самаго профессора, который будетъ къ сему званію назначенъ. Таковая метода предварительно верховнымъ начальствомъ можетъ быть разсмотрѣна. Все это предаю на начальническое благоразсмотрѣніе вашего сіятельства". Изъ министерства на это представленіе пришелъ слѣдующій отвѣтъ: „Согласно общепринятому по отношенію ко всѣмъ университетамъ положенію, уроки Богопознанія должны быть продолжаемы во весь курсъ ученія, такъ чтобы всѣ студенты, доколѣ пребываютъ въ университетѣ, участвовали всегда въ этихъ урокахъ; для тѣхъ-же, кои остаются теперь для окончанія только курса своего, ученіе это должно быть распредѣлено равнымъ образомъ на все время пребыванія ихъ въ университетѣ, смотря по удобству и приличію, какія найдетъ избранный въ профессора по сей части. Объ избраніи таковаго изъ духовныхъ особъ предоставлено вамъ снестись съ мѣстнымъ преосвященнымъ архіереемъ и потомъ объ утвержденіи его представить мнѣ. Число часовъ означенныхъ уроковъ и время ихъ зависѣть будетъ совершенно отъ Васъ, какъ и вообще росписаніе времени на преподаваніе дру-

нихъ учебныхъ предметовъ дѣлается съ утвержденія Вашего. Когда же избранъ и опредѣленъ будетъ профессоръ для уроковъ Богопознанія, тогда по общему съ нимъ соглашенію опредѣлиться можетъ впослѣдствіи, нуженъ ли ему адъюнктъ и на какомъ жалованьѣ. Жалованье же сему профессору должно быть непремѣнно изъ положеннаго на богословскія каѳедры оклада" [1].

Профессоромъ богословія былъ назначенъ соборный протоіерей А. Ѳ. Могилевскій, но объ избраніи его мы скажемъ ниже.

Въ бытность попечителемъ округа З. Я. Карнѣева кромѣ каѳедры богословія была учреждена еще лектура польскаго языка и словесности, не предусмотрѣнная уставомъ. Мотивы для ея учрежденія были выставлены слѣдующіе: 1) Харьковскій учебный округъ смеженъ съ Виленскимъ, гдѣ господствуетъ польскій языкъ, 2) изъ присоединенныхъ отъ Польши губерній пріѣзжаютъ учиться въ Харьковскій университетъ молодые люди, которымъ необходимо совершенствоваться въ своемъ языкѣ; 3) природные россіяне поступаютъ нерѣдко, по окончаніи университета, на службу въ губерніи, отъ Польши присоединенныя, гдѣ знаніе польскаго языка имъ необходимо; 4) часто поступаютъ изъ присутственныхъ мѣстъ и отъ частныхъ лицъ въ университетъ бумаги на польскомъ языкѣ съ просьбами о переводѣ ихъ на русскій языкъ — и университету неприлично отказываться отъ него въ виду отсутствія надлежащаго чиновника. Главное правленіе училищъ согласилось съ этими доводами и предоставило въ 1818 году попечителю право открыть эту лектуру въ качествѣ необязательнаго предмета [2]. Въ томъ же году къ Харьковскому учебному округу были присоединены школы Кіевской губерніи, доселѣ находившіяся въ вѣдомствѣ Виленскаго университета, вслѣдствіе отдаленности отъ послѣдняго и происходящихъ въ силу этого неудобствъ въ ихъ управленіи [3].

Представленные нами факты достаточно обрисовываютъ характеръ дѣятельности попечителя округа З. Я. Карнѣева въ отношеніи къ университету: онъ стремился привить къ нему новый духъ и новое направленіе, какого здѣсь не было. Но университетъ продолжалъ жить и дѣйствовать по прежнему не отмѣненному уставу, предоставлявшему ему значительную свободу и независимость; дѣятели его, въ особенности

---

[1]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло Попеч. № 508/81; где помѣщенное здѣсь предложеніе министерства напечатано также въ „Сборн. распор. по М. Н. Пр.", т. I стр. 347 и 394. ср. также А. С. Лебедева „Каѳедра богословія въ Харьковскомъ университетѣ" (изъ Зап. Харьковскаго Университета).

[2]) Сборникъ распоряженій по Мин. Нар. Просв., т. I, стр. 920—921.

[3]) Сборн. постановленій по М. Н. Пр., т. I, изд. 2-е, стр. 1198.

старые, успѣли уже привыкнуть къ строю и распорядкамъ своего учрежденія; несмотря на то, что университетъ вступилъ только во второе десятилѣтіе своего существованія, явилась уже нѣкоторая академическая традиція, въ созданіи которой участвовали лучшіе элементы профессорской корпораціи—какъ иностранцы, такъ и русскіе. Однимъ изъ наиболѣе видныхъ дѣятелей среди послѣднихъ былъ профессоръ и ректоръ Тимофей Θедоровичъ Осиповскій, представлявшій изъ себя крупную научную и вмѣстѣ съ тѣмъ нравственно общественную силу; это былъ человѣкъ свободнаго и независимаго характера, съ рѣзко-очерченною индивидуальностью; его точный, математическій умъ не выносилъ даже, какъ мы знаемъ, метафизики нѣмецкихъ философовъ и ихъ послѣдователя Шада; даже философію Шеллинга онъ называлъ чистой фантазіей. [1]) Можно представить себѣ послѣ этого, какъ онъ долженъ былъ отнестись къ такому піэтисту, какъ З. Я. Карнѣевъ, и проводимому имъ туманно-мистическому направленію, якобы на чисто христіанской почвѣ! Въ лицѣ ректора попечитель разсчитывалъ и желалъ найти ближайшаго помощника и сотрудника для проведенія въ университетскую среду новаго направленія—между тѣмъ ректоръ этотъ не раздѣлялъ его воззрѣній, имѣлъ свои собственные противоположные взгляды на науку и разумъ, и не желалъ, да по свойству своей натуры и не могъ измѣнить имъ и приспособиться къ совершенно противоположнымъ тенденціямъ новаго начальника университета. Прежній попечитель округа гр. С. О. Потоцкій и самъ высоко ставилъ науку, и относился съ глубокимъ уваженіемъ къ такимъ носителямъ ея, какъ Рижскій или Осиповскій. З. Я. Карнѣевъ наоборотъ выступилъ съ проповѣдью о вредѣ разума и чистой науки. На этой принципіальной почвѣ и произошло столкновеніе З. Я. Карнѣева съ Т. Θ. Осиповскимъ, окончившееся насильственнымъ удаленіемъ послѣдняго отъ ректорской должности.

О причинахъ и поводахъ этого удаленія разные изслѣдователи говорятъ различно. М. И. Сухомлиновъ объясняетъ его такъ: „дорогая для университета дѣятельность Осиповскаго прервана была вмѣшательствомъ попечителя, человѣка съ мистическимъ направленіемъ, не взлюбившаго Осиповскаго за замѣчаніе, сдѣланное имъ на экзаменѣ сту-

[1]) По поводу письменныхъ отвѣтовъ Дудровича, представленныхъ имъ для полученія должности ординарнаго профессора, Осиповскій высказался такъ: въ нихъ изложено только состояніе новой германской философіи, которая со времени Канта отнявъ у духа естественное основаніе пониманія, не оставила разуму ничего кромѣ произведенія однѣхъ фантазій; что же касается предлагаемой имъ въ особенности Шеллинговой философіи, то она является фантазіей по преимуществу“. Жур. Мин. Нар. Просв. 1872, февраль, стр. 208—209.

денту и состоящее въ томъ, что, говоря о Богѣ, умѣстнѣе употребить выраженіе *существуетъ*, нежели *живетъ* [1]). Н. А. Лавровскій не согласенъ съ этимъ и говоритъ: „что же касается до внезапнаго увольненія Осиповскаго отъ всѣхъ должностей при Харьковскомъ университетѣ, то оно, по нашему мнѣнію, произошло не столько отъ того частнаго случая, который разсказанъ г. Сухомлиновымъ на основаніи статьи Рославскаго Петровскаго, сколько было вообще естественнымъ слѣдствіемъ тѣхъ новыхъ порядковъ, которые въ это время стали входить во всѣ университеты и которые внесли въ нихъ столько смутъ и замѣшательствъ. Представителемъ этихъ порядковъ въ Петербургскомъ университетѣ былъ Руничъ, въ Казанскомъ—Магницкій, а въ Харьковскомъ З. Я. Карнѣевъ, вице-президентъ Петербургскаго Библейскаго Общества, проникнутый дѣйствительно мистическимъ направленіемъ. Руничъ и Магницкій достаточно разоблачены въ послѣднее время, между тѣмъ какъ Карнѣевъ вовсе незаслуженно до сихъ поръ остается въ тѣни, хотя онъ съ такимъ же усердіемъ и, можетъ быть, лишь съ большею искренностью, не обладая правда талантами своихъ сослуживцевъ, дѣйствовалъ въ одномъ съ ними направленіи". Приведя выдержку изъ циркуляра Карнѣева, адресованнаго совѣту университета и пропагандировавшаго вмѣсто здравой философіи творенія просвѣщенныхъ отъ Бога людей прошлаго вѣка (Дютуа), Н. А. Лавровскій продолжаетъ: „всѣ эти порядки Карнѣевъ и Магницкій силились водворить въ университетахъ и во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ длиннымъ рядомъ оффиціальныхъ предписаній и внѣшнихъ мѣръ. Мѣры эти вели, какъ извѣстно, къ подрыву самыхъ нравственныхъ убѣжденій. Т. Ѳ. Осиповскій, съ его свѣтлымъ и точнымъ умомъ, съ его твердымъ, прямымъ и рѣшительнымъ характеромъ, очевидно, не могъ ужиться съ заводимыми Карнѣевымъ новыми порядками, будучи при томъ ректоромъ университета, и мы легко можемъ себѣ представить тѣ отношенія, какія не замедлили возникнуть между нимъ и попечителемъ округа... Онъ не любилъ мистиковъ, которые брали на себя (задачу) объяснять необъяснимое, постигать непостижимое, чѣмъ раздражалъ бывшаго въ то время попечителя-старика мистика Захара Яковлевича Карнѣева. 14-го ноября 1820 г. происками Джунковскаго, съ содѣйствіемъ попечительскаго секретаря Подвысоцкаго, по предложенію попечителя З. Я. Карнѣева, совѣтомъ университета избранъ на мѣсто его ректоромъ Джунковскій. Этотъ совѣтъ былъ собранъ поздно вечеромъ, какъ-бы секретно, куда Осиповскаго, какъ ректора, не пригласили. Но Джунковскій—далеко не Осиповскій,

[1]) М. И. Сухомлинова. Изслѣд. и статьи, т. 1-й, стр. 86.

былъ посредственный профессоръ и слабый ректоръ“ [1]) Г. С. Чириковъ подробно излагаетъ дѣло объ отставкѣ Осиповскаго по матеріаламъ университетскаго архива и приводитъ при этомъ любопытную жалобу на Осиповскаго проф. Дудровича, которая, если и не имѣла прямого вліянія на исходъ дѣла, ибо въ это время состоялось постановленіе министерства объ увольненіи Осиповскаго, согласно представленію З. Я. Карнѣева, но все-таки бросаетъ яркій свѣтъ на внутреннія пружины этого увольненія, ясно доказывая, что ректоръ безъ стѣсненія высказывался противъ мистиковъ и вообще по своему образу мыслей совершенно не подходилъ къ попечителю; въ жалобѣ этой также приводятся любопытныя свѣдѣнія о лишеніи кандидатскаго диплома студента Михаила Остроградскаго (впослѣдствіи знаменитаго математика—академика). Вотъ отрывки изъ этой жалобы. „Явная ко мнѣ ненависть г. ректора Харьковскаго университета Осиповскаго, питаемая имъ единственно потому, что я всѣми силами стараюсь защищать благія намѣренія верховнаго начальства, доходитъ уже до крайности“. Затѣмъ Дудровичъ разсказываетъ, что по его предложенію было рѣшено въ совѣтѣ не допускать къ экзамену тѣхъ студентовъ, кои не слушали въ университетѣ относящихся къ ихъ факультету предметовъ; между тѣмъ правленіе выдало аттестаты двумъ такимъ студентамъ математическаго факультета, хотя они не слушали механики, естественной исторіи, философіи и даже богопознанія и христіанскаго ученія, которое по предписанію министра съ прошлаго 1819 года обязаны были слушать студенты всѣхъ факультетовъ. Узнавъ случайно о такомъ „неосмотрительномъ“ поступкѣ правленія, Дудровичъ счелъ своимъ долгомъ предварить о томъ словесно ректора, „который отвѣчалъ, что онъ спрашивалъ помянутыхъ двухъ студентовъ, почему не слушали они философіи и они будто изъяснились: „потому что не понимаютъ изъ оной ничего, а выучивать слова наизусть они не расположены“. Вотъ что начальникъ университета представляетъ въ извиненіе студентовъ въ неисполненіи ими законной обязанности своей! Какіе изъ сего могутъ произойти безпорядки, само собою явствуетъ“. 18-го октября, разсказываетъ далѣе Дудровичъ, я былъ приглашенъ въ засѣданіе математическаго факультета экзаменовать изъ философіи студента Остроградскаго—но отказался это сдѣлать, такъ какъ этотъ послѣдній никогда не бывалъ на моихъ лекціяхъ. На это учтивое заявленіе „г. ректоръ вдругъ разгнѣвавшись въ присутствіи гг. профессоровъ Джунковскаго, Кронеберга, Архангельскаго и адъюнкта Куницкаго самымъ грубымъ образомъ и

---

[1]) Журн. Мин. Нар. Просв. 1872, февраль, стр. 210—211.

весь въ ярости мнѣ отвѣтствовалъ: „что моя обязанность есть экзаменовать всѣхъ, ктобы ни пожелалъ и что такое сужденіе мое есть сербское“. Дабы избѣгнуть дальнѣйшихъ со стороны г. ректора грубостей, я немедленно удалился изъ залы. Но узналъ потомъ на слѣдующій день отъ г. профессора Архангельскаго, что г. ректоръ и въ отсутствіи моемъ еще продолжалъ самымъ непристойнымъ образомъ изливать на меня свою досаду, крича громко и въ ярости въ присутствіи г.г. профессоровъ Джунковскаго, Могилевскаго, Кронеберга и его, Архангельскаго, и въ виду всей почти канцеляріи, что „я сумасшедшій, записался въ мистики, которые сдѣлали заговоръ противъ государя и правительства, противъ религіи и разсудка, на которомъ должна утверждаться религія“. Я увѣренъ что ваше превосходительство изволите совершенно понимать, какихъ разумѣетъ г. ректоръ мистиковъ, въ которые я, по его мнѣнію, записался. Это Вы, безъ сомнѣнія, ваше превосходительство, котораго онъ считаетъ верхомъ сумасшедшихъ мистиковъ и котораго милостію и начальническимъ благорасположеніемъ я пользоваться имѣю счастіе. Это, безъ сомнѣнія, также и его сіятельство, г. министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, котораго онъ публично, въ засѣданіи училищнаго комитета 9-го сего октября, чему очевиднымъ свидѣтелемъ проф. Пауловичъ, называлъ невѣждою, не читавшимъ ничего другого кромѣ библіи, и противъ предписаній котораго, относящихся особливо къ водворенію при воспитаніи юношества благочестія, онъ всегда вооружается съ величайшею пылкостію. Я увѣренъ въ семъ тѣмъ болѣе. что ваше превосходительство изволите знать образъ мыслей г. ректора совершенно противнымъ началамъ вѣры и Св. писанія, образъ мыслей, говорю, по которому онъ, какъ извѣстно вашему превосходительству, при публичномъ испытаніи студентовъ изъ философіи, бывшемъ въ іюнѣ мѣсяцѣ сего 1820 г., въ присутствіи профессора протоіерея Аѳанасія Могилевскаго, адъюнктовъ Куницкаго и Робуша и многихъ постороннихъ посѣтителей, изъ злобы противъ внушаемаго мною юношеству благочестія, не устыдился громко утверждать, что Богъ не живетъ (въ *насъ*, прибавлено въ рукописи карандашомъ), что благочестивѣйшій сочинитель „Божественной и христіанской философіи“ Дютуа и таковой же разныхъ назидательныхъ книгъ Эккартстаузенъ суть люди сумасшедшіе. Вотъ разсудокъ г. ректора, на которомъ утверждается, по его мнѣнію, религія и противъ котораго восстали сумасшедшіе мистики. Отъ подобнаго разсудка и отъ утвержденной на ономъ религіи, признаюсь, ваше превосходительство, что я всегда отвращался и отвращать своихъ слушателей поставлялъ священнѣйшимъ долгомъ званія моего. Сей то разсудокъ г. ректора при-

чиною, что ни одинъ почти изъ обучающихся въ Харьковскомъ университетѣ по части математики студентовъ, коихъ онъ глава, почитающій явно все за вздоръ и сумасшествіе, что не подлежитъ математическимъ его выкладкамъ, не ходитъ ни на богопознаніе и христіанское ученіе, ни на лекціи мои по части философіи... Между тѣмъ, доводя все это до свѣдѣнія вашего превосходительства, покорнѣйше прошу потребовать отъ г. ректора объясненія, какихъ онъ разумѣетъ мистиковъ, въ которые я будто записался и которые сдѣлали заговоръ противъ государя, правительства, религіи и разсудка и потомъ, съ показаніемъ по сему предмету свидѣтелей, представить его сіятельству г. министру о принятіи надлежащихъ мѣръ. Въ противномъ случаѣ, сей злобный поступокъ ректора, сдѣланный имъ въ публичномъ мѣстѣ и начинающій уже дѣлаться извѣстнымъ и внѣ университета, можетъ лишить меня не только должнаго со стороны обучающагося въ университетѣ юношества уваженія, каковымъ я по сіе время всегда пользовался, но и подвергнуть меня величайшей опасности, ранѣе или позже впасть въ подозрѣніе у самаго благонамѣреннаго нашего правительства. Ваше превосходительство изволите знать и способъ публичнаго моего въ университетѣ ученія, и домашній образъ жизни моей, почему и смѣю надѣяться, что не позволите злобѣ безпрепятственно издѣваться надо мною невиннымъ. Въ каковой надеждѣ съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ и совершенною начальническому вашему благорасположенію преданностію пребыть честь имѣю вашего превосходительства, мил. гос., покорнѣйшимъ слугою Андрей Дудровичъ, г. Харьковъ, 24 октября 1820 г.“ [1]. „Настоящія причины этого увольненія, говоритъ Чириковъ, заключаются не въ небрежномъ исправленіи званія ректора, чего нельзя безъ сомнѣнія принимать въ обыкновенномъ смыслѣ, а въ интригѣ противъ Осиповскаго со стороны его недруговъ, которые воспользовались нелюбовью ректора, реалиста и честнаго здравомыслящаго человѣка къ мистикамъ, угождавшимъ высшему университетскому начальству. Паденіе Осиповскаго было только результатомъ тайныхъ усилій этихъ мистиковъ“ [2].

И. П. Щелковъ, приведя объясненія М. И. Сухомлинова и Чирикова, прибавляетъ: „нѣтъ сомнѣнія, что эти объясненія являются отголоскомъ мнѣній современниковъ; однако, знакомясь ближе съ условіями, въ какихъ находился тогда Харьковскій университетъ, легко убѣдиться, что причиною, вызвавшей увольненіе Осиповскаго отъ службы изъ уни-

---

[1] Рус. Старина, 1876 г., ноябрь, стр. 482—487.

[2] Рус. Стар. 1876 г., ноябрь. стр. 481.

верситетъ, былъ не какой-либо отдѣльный случай, не отвѣтъ того или другого лица, а коренное различіе во взглядахъ и во всемъ умственномъ складѣ, оказавшееся между Осиповскимъ, стоявшимъ въ качествѣ ректора во главѣ университета, и назначеннымъ въ 1817 г. попечителемъ Харьковскаго университета З. Я. Карнѣевымъ... Ихъ убѣжденія, весь складъ умственной дѣятельности ихъ представляли такія непримиримыя противорѣчія, что ихъ взаимныя отношенія не могли не повести къ катастрофѣ... Этотъ представитель точнаго знанія и объективнаго направленія былъ вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкомъ многосторонне образованнымъ и безупречно честнымъ. Такъ отзываются о немъ и свидѣтельствуютъ его современники... О томъ же свидѣтельствуетъ и фактъ его непрерывнаго ректорства съ 1813 по 1820 годъ. Однако для полной характеристики Осиповскаго необходимо не ограничиваться одними только его достоинствами; надо указать и на его недостатки, тѣмъ болѣе что они сыграли несомнѣнно не послѣднюю роль въ установленіи тѣхъ отношеній между нимъ и попечителемъ университета, которыя окончились удаленіемъ Осиповскаго изъ университета". Приведя свидѣтельство Селиванова, что Осиповскій въ обращеніи былъ ровенъ и никогда не выходилъ изъ себя, И. П. Щелковъ по этому поводу замѣчаетъ: „не знаемъ, къ какому періоду дѣятельности относится эта характеристика, но къ послѣднимъ годамъ его пребыванія въ университетѣ она не приложима. При пересмотрѣ университетскихъ дѣлъ того времени намъ пришлось встрѣтить не мало фактовъ, выставляющихъ личность Осиповскаго въ иномъ свѣтѣ. Они представляютъ его какъ человѣка самолюбиваго, сознававшаго преимущества своего положенія, какъ ректора университета, и не всегда деликатно пользовавшагося ими въ отношеніи къ сослуживцамъ. Будучи человѣкомъ честнымъ и прямымъ, онъ высказывалъ свои мнѣнія и сужденія въ формѣ нерѣдко весьма рѣзкой, затрогивавшей самолюбіе его товарищей, а иногда и прямо оскорбительной". Въ подтвержденіе этого И. П. Щелковъ приводитъ слѣдующіе факты: столкновеніе его съ проф. Нельдехеномъ, столкновеніе съ проф. Дудровичемъ по поводу экзамена студента Остроградскаго, сатирическую замѣтку его въ „Украинскомъ Вѣстникѣ" и прошеніе его въ совѣтъ университета послѣ выхода въ отставку. Нельдехенъ спросилъ Осиповскаго, почему онъ не представленъ къ чину. Осиповскій отвѣтилъ, что не помнитъ, представленъ ли къ чину или нѣтъ, но кого слѣдовало, всѣ представлены. Нельдехенъ сталъ допрашивать все-таки Осиповскаго—и получилъ отвѣтъ, что, можетъ быть, потому не представленъ, что лѣта не вышли. На новый вопросъ Нельдехена онъ сказалъ: „можетъ быть, потому что онъ, Нельдехенъ, подъ

судомъ. Разсказавъ объ этомъ, И. П. Щелковъ прибавляетъ: „относясь къ дѣлу безпристрастно, едва ли можно оправдать поведеніе Осиповскаго въ этомъ случаѣ, онъ точно смѣялся надъ Нельдехеномъ и желалъ вывести его изъ себя. Нѣкоторымъ оправданіемъ ему можетъ служить только личность самого Нельдехена; это былъ, повидимому, довольно ограниченный человѣкъ, не отличавшійся своими свѣдѣніями и вдобавокъ пьяница, за нерадѣніе и пьянство онъ былъ уволенъ въ 1819 г. и вскорѣ умеръ". У Чирикова этотъ эпизодъ разсказанъ подробно на основаніи подлиннаго дѣла о происшествіи—и изъ него видно, что Нельдехенъ позволилъ себѣ большое неприличіе по адресу ректора. По объясненію Осиповскаго, когда онъ сказалъ, что, быть можетъ, Нельдехену не вышли лѣта службы для производства въ чинъ,—„тотъ началъ кричать, бѣгая и произнося, что 6 лѣтъ службы его вышли еще въ октябрѣ мѣсяцѣ этого года; бѣгая такимъ образомъ, взадъ и впередъ, по залѣ совѣта и канцеляріи правленія и крича, подбѣжалъ опять ко мнѣ и сказалъ съ крикомъ: мои лѣта вышли; такъ почему я не представленъ? Я сказалъ, что можетъ быть, потому, что вы—подъ судомъ. Тутъ онъ началъ бѣгать и кричать больше прежняго, произнося: „я не подъ судомъ, я не былъ никогда и не буду подъ судомъ" и пр. Изъ сего можно усмотрѣть, я ли обидѣлъ Нельдехена, перечисляя ему причины, по коимъ законы не повелѣваютъ представлять къ чинамъ или г. Нельдехенъ меня, крича при перечисленіи сихъ причинъ на меня и бѣгая предо мною. Впрочемъ, я тогда дѣйствительно позабылъ, представленъ ли онъ къ чину или нѣтъ". Правленіе дало Нельдехену копію этого объясненія и потребовало отъ него доказательства его обвиненія, а когда онъ таковаго не представилъ, то оставило его жалобу безъ послѣдствій и постановило взыскать съ него 24 рубля въ пользу Харьковской гимназіи [1]). Не отрицая того, что Осиповскій отнесся къ Нельдехену съ ироніей, подъ которой *таилось* пренебреженіе и презрѣніе, мы должны при этомъ имѣть въ виду, что Осиповскій и не могъ питать къ нему иныхъ чувствъ, такъ какъ это былъ человѣкъ, совершенно опустившійся, горькій пьяница, котораго вскорѣ долженъ былъ удалить отъ должности самъ попечитель округа за то, что онъ пропускалъ лекціи или являлся на нихъ въ невмѣняемомъ состояніи; въ данномъ же случаѣ Нельдехенъ проявилъ излишнюю настойчивость, чтобы не сказать сильнѣе, добиваясь во что бы то ни стало отъ ректора отвѣта, котораго тотъ *не могъ* или не хотѣлъ дать; не могъ, въ томъ случаѣ, если онъ дѣйствительно, какъ самъ заявляетъ, забылъ объ

---

[1]) Рус. Старина, 1876, ноябрь, стр. 471—473.

этомъ; а что онъ могъ забыть объ этомъ, видно изъ того, что представленіе о чинѣ было въ дѣйствительности сдѣлано—и Нельдехенъ напрасно надоѣдалъ своимъ вопросомъ, почему оно не сдѣлано; при этомъ, ректоръ и не обязанъ былъ удовлетворять его любопытству. Во всякомъ случаѣ, Осиповскій проявилъ больше сдержанности, чѣмъ Нельдехенъ, который, сталъ бѣгать по залѣ и выкрикивать по адресу ректора свое неудовольствіе. Въ столкновеніи съ проф. Дудровичемъ, отказавшимся экзаменовать студента Остроградскаго, Осиповскій, по словамъ И. П. Щелкова, употребилъ оскорбительное выраженіе, назвавъ его сужденіе *сербскимъ* и проявивъ здѣсь запальчивость, доходившую до неприличія. Но такъ излагаетъ дѣло самъ Дудровичъ; объясненія же Осиповскаго мы не знаемъ. Можно думать, что его вывелъ изъ себя отказъ Дудровича экзаменовать Остроградскаго, отказъ, который Осиповскій считалъ незаконнымъ. Кромѣ того здѣсь, конечно, имѣло значеніе то обстоятельство, что Дудровичъ одинъ изъ первыхъ примкнулъ къ попечителю и записался въ мистики. Сатирическая замѣтка въ „Украинскомъ Вѣстникѣ" была составлена въ формѣ вопроса и отвѣта. „*Вопросъ*. Что значитъ шапка съ шестью или пятью рогами, которую многіе молодые люди здѣсь носятъ? Не скрывается ли подъ оною какой тайны? *Отвѣтъ*. Никакой! А шапка сія не что иное есть, какъ вывѣска дурака, гоняющагося больше за модою, чѣмъ за ученіемъ, и выпущена, кажется, кѣмъ-нибудь такимъ же дуракомъ". Замѣтка эта была безъ подписи автора, но обратила своею рѣзкостью вниманіе министра. Отъ Осиповскаго попечитель потребовалъ объясненія—и тотъ заявилъ, что замѣтка эта напечатана была имъ въ виду распространенія среди студентовъ новомодныхъ шапокъ, вызвавшихъ подозрѣніе въ публикѣ и администраціи, не составляютъ ли онѣ принадлежности тайныхъ студенческихъ обществъ. Характерное прошеніе Осиповскаго въ совѣтъ, поданное имъ по случаю увольненія отъ службы, мы приведемъ ниже; здѣсь же только замѣтимъ, что оно дѣйствительно проникнуто было желчью и сарказмомъ. Эти факты относятся къ самому послѣднему періоду дѣятельности Осиповскаго въ Харьковѣ, а прошеніе его въ совѣтъ написано было послѣ увольненія отъ должности, и всѣ они свидѣтельствуютъ не столько о *характерѣ* Осиповскаго, сколько о его тогдашнемъ *настроеніи* — о его *возбужденномъ состояніи духа*. Впрочемъ, можетъ быть, это возбужденное состояніе сдѣлалось у него въ это время, подъ вліяніемъ новыхъ условій университетской жизни, *хроническимъ*. Ему трудно было сдерживаться—и онъ проявлялъ свой протестъ противъ новыхъ теченій преимущественно въ формѣ сарказма, который вполнѣ соотвѣтствовалъ складу его ума. Противники же

пускали противъ него совершенно недостойное орудіе — доносъ. Резюмируя свое мнѣніе, И. П. Щелковъ говоритъ: „Карнѣевъ былъ дряхлый старикъ, не получившій въ молодости основательнаго образованія и не имѣвшій въ сущности никакихъ твердыхъ убѣжденій; они измѣнялись у него, смотря по тому, какое настроеніе господствовало въ данное время въ правительственныхъ кругахъ... Какъ человѣкъ слабохарактерный и къ тому же старчески дряхлый, Карнѣевъ не переносилъ возраженій въ отношеніи къ его мѣрамъ; при его душевномъ настроеніи, не соглашающійся съ нимъ долженъ былъ въ его глазахъ явиться не только противникомъ его мнѣній, но лицомъ прямо вреднымъ, оскорбляющимъ религію и не уважающимъ требованій евангельскаго ученія. Если принять во вниманіе все сказанное выше объ Осиповскомъ, то не трудно понять, что именно въ такомъ видѣ онъ долженъ былъ представляться Карнѣеву... Въ особенностяхъ умственнаго склада и характера Карнѣева и Осиповскаго лежитъ, по нашему мнѣнію, главная причина той непріязни, которая заставила Карнѣева выставить Осиповскаго какъ лицо, не способное быть ректоромъ и даже не достойное занимать мѣсто профессора. Возможно, что развитію непріязненнаго отношенія къ Осиповскому способствовали навѣты его непріятелей, образецъ которыхъ сохранился въ письмѣ Дудровича къ Карнѣеву, напечатанномъ Чириковымъ, но существенной роли они, надо думать, не играли. Карнѣевъ, на сколько можно судить о немъ по имѣющимся у насъ даннымъ, не былъ лицомъ, способнымъ погубить человѣка ради личныхъ непріятностей или на основаніи однихъ только сплетенъ или навѣтовъ. Н. А. Лавровскій приравниваетъ З. Я. Карнѣева къ его извѣстнымъ современникамъ, прославившимся своею печальной дѣятельностью — Магницкому и Руничу. Намъ кажется, что въ этомъ случаѣ Н. А. Лавровскій не правъ: З. Я. Карнѣевъ былъ человѣкомъ безъ основательнаго образованія, безъ твердыхъ убѣжденій; онъ мѣнялъ ихъ, смотря по настроенію, господствовавшему въ данную минуту, но это не былъ, подобно Магницкому, холодный интриганъ, ради своей выгоды способный на всякую ложь и клевету; онъ не былъ человѣкъ, съ языка котораго не сходили обличенія противъ враговъ вѣры и отечества и который вмѣстѣ съ тѣмъ не затруднялся присваивать деньги, отпускавшіяся ему на потребности университета. Карнѣевъ могъ ошибаться и ошибался, но и въ своихъ ошибкахъ онъ дѣйствовалъ искренно" [1]).

По поводу высказанныхъ здѣсь мнѣній можно сдѣлать слѣдующія замѣчанія.

---

[1]) Журн. Минист. Народн. Просв. 1890, октябрь.

Основною причиною удаленія Т. Ѳ. Осиповскаго отъ должности ректора нужно признать полное несоотвѣтствіе его умственнаго склада, убѣжденій и характера съ таковыми же попечителя З. Я. Карнѣева; при такихъ условіяхъ попечитель искалъ только повода, чтобы отдѣлаться отъ непріятнаго ему человѣка, который исполнялъ, правда, его начальническія приказанія, но не сочувствовалъ имъ и даже считалъ ихъ крайне вредными для университета, которому онъ былъ преданъ и которому посвятилъ лучшіе годы своей жизни, свои способности и свою изъ ряда вонъ выдающуюся энергію и трудолюбіе. Будучи однимъ изъ наиболѣе видныхъ устроителей Харьковскаго университета въ духѣ либеральныхъ идей первыхъ годовъ царствованія имп. Александра I-го, Т. Ѳ. Осиповскій съ прискорбіемъ долженъ былъ видѣть, что теперь старались разрушить то, что прежде тщательно и бережно культивировали—а именно научное направленіе съ присущей ему свободой изслѣдованія. Въ новой системѣ заключалась огромная опасность для университета, ибо она, объявивъ войну разуму, подкапывалась подъ самыя основы академической жизни. А Т. Ѳ. Осиповскій долженъ былъ оказаться еще чувствительнѣе другихъ къ „новому курсу", въ качествѣ главы и представителя реальнаго направленія въ университетской наукѣ: если онъ считалъ чистой фантазіей научно-метафизическія построенія Канта, Фихте, Шеллинга, то можно себѣ представить, какъ онъ относился къ такимъ авторитетамъ Карнѣева и Голицына, какъ Дютуа и Эккартсгаузенъ съ ихъ мистическими бреднями, сумбуромъ и туманомъ! Мы признаемъ по этому достовѣрнымъ сообщеніе Дудровича (въ его доносѣ на Осиповскаго) о рѣзкихъ отзывахъ его по поводу мистиковъ. До 1817 г., т. е. до назначенія на постъ попечителя З. Я. Карнѣева, хотя и замѣчалось уже новое вѣяніе, проявившееся довольно реально и въ дѣлѣ Шада, и въ запросѣ министерства по поводу студенческихъ спектаклей, но оно сдерживалось еще до извѣстной степени, благодаря попечителю округа гр. С. О. Потоцкому, воспитанному въ старыхъ традиціяхъ и не желавшему примѣнять къ своему „дѣтищу" новыхъ педагогическихъ пріемовъ. Новый же попечитель и назначенъ былъ въ Харьковъ именно для того, чтобы перевоспитать въ своемъ духѣ и профессоровъ, и студентовъ. Для Осиповскаго назначеніе Карнѣева было тѣмъ чувствительнѣе и непріятнѣе, что при С. О. Потоцкомъ, благодаря его извѣстной системѣ управленія университетомъ (изъ Петербурга), ректору принадлежала огромная власть, а Осиповскій—что также имѣетъ значеніе—имѣлъ вкусъ къ этой власти и пользовался ею. Это доказывается и извѣстными намъ данными изъ его ректорства, и отзывами современниковъ. Онъ ревниво оберегалъ свое ректорское достоинство и

въ отношеніи ко вновь назначенному попечителю: въ 1817 году этотъ послѣдній не согласился на передѣлки въ ректорской квартирѣ—и онъ подалъ въ отставку, предложивъ избрать на его мѣсто другое лицо. Однако совѣтъ рѣшилъ не дѣлать выбора до возвращенія въ Харьковъ З. Я. Карнѣева; а этотъ послѣдній поспѣшилъ уладить дѣло съ Осиповскимъ, такъ что онъ взялъ свое прошеніе объ отставкѣ назадъ [1]. Мы не хотимъ сказать, чтобы онъ злоупотреблялъ своею властью, чтобы онъ не былъ коллегіальнымъ ректоромъ, а какимъ-то автократомъ—нѣтъ: коллегія сама его постоянно избирала, и онъ при дѣйствіи выборнаго начала былъ безсмѣннымъ ректоромъ въ теченіе 7-ми лѣтъ—но его умственный и общественно-нравственный авторитетъ былъ столь великъ, что онъ невольно импонировалъ имъ на окружающихъ и такъ какъ при этомъ былъ человѣкомъ прямымъ и откровеннымъ, то подъ часъ его обхожденіе могло показаться обиднымъ. Въ ректорство Стойковича онъ былъ лидеромъ русской партіи въ совѣтѣ и велъ упорную борьбу какъ съ самимъ Стойковичемъ, такъ и съ нѣкоторыми иностранными профессорами, его поддерживавшими; а борьба, какъ извѣстно, не располагаетъ къ мягкости. Быть можетъ, раньше Осиповскій и отличался тою ровностью и спокойствіемъ, о которыхъ говоритъ Селивановъ; но подъ вліяніемъ ожесточенной борьбы, имѣвшей мѣсто въ Харьковскомъ университетѣ послѣ 1812 года, они должны были замѣниться нервнымъ напряженіемъ и подъ часъ раздраженіемъ. Со своими противниками—выдающимися профессорами иностраннаго происхожденія—Осиповскій держалъ себя съ достоинствомъ, авторитетно, но корректно; Н. А. Лавровскій говоритъ, что Осиповскій весьма самостоятельно держалъ себя относительно иностранныхъ профессоровъ: когда велѣно было сжечь сочиненіе Шада „De viris illustribus urbis Romae", то онъ выступилъ съ оффиціальнымъ предложеніемъ не уничтожать его, а только выбросить неудобныя мѣста [2]); но на это не согласился кн. А. Н. Голицынъ. Проф. Венедиктовъ оставилъ намъ любопытное свидѣтельство объ Осиповскомъ слѣдующаго содержанія: „графъ Потоцкій, сухенькій полякъ, наѣзжалъ изрѣдка въ Харьковъ и университетомъ почти не занимался, но и вреда университету не дѣлалъ. *Что ректоръ Осиповскій и совѣтъ хотѣли, то и дѣлали*" [3]). Первая часть его извѣстія, какъ мы видѣли, не точна, но вторая весьма правдоподобна. Переходъ отъ такой почти полной свободы при попечителѣ Потоцкомъ къ новому

---

[1]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло поп. № 444/22.

[2]) Мое „Удаленіе И. Е. Шада", стр. 35.

[3]) Рукописныя замѣтки Чирикова въ библіотекѣ Харьк. Историко-Фил. Общества; запись о Потоцкомъ со словъ проф. Венедиктова.

режиму З. Я. Карнѣева былъ, конечно, для Осиповскаго очень рѣзокъ. Правда, новый попечитель самъ по себѣ былъ дряхлъ, старъ и слабъ, но онъ напрягалъ свои послѣднія старческія силы, чтобы ввести новую систему воспитанія; вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ это всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, явились лица, пожелавшія приспособиться къ новому режиму, съ тѣмъ чтобы извлечь изъ него для себя возможныя выгоды: такую роль стали играть при З. Я. Карнѣевѣ Джунковскій и Дудровичъ, изъ коихъ первый стремился занять должность ректора. Они, конечно, пользовались всякимъ случаемъ, чтобы выставить Осиповскаго врагомъ распоряженій попечителя и побудить нерѣшительнаго Карнѣева къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ противъ Осиповскаго. Жалоба Дудровича имѣла именно такую цѣль; и если бы кн. Голицынъ раньше не уволилъ Осиповскаго, то этотъ послѣдній могъ бы подвергнуться суду по обвиненію въ злобныхъ выходкахъ противъ министра, попечителя, мистиковъ въ родѣ „благочестиваго“ Дютуа, его истинно христіанскихъ, по ихъ мнѣнію, сочиненій; и кто знаетъ: не пришлось ли бы ему оставить своихъ должностей ректора и профессора, по распоряженію министерства, и, подобно Шаду, безъ всякой пенсіи! Во всякомъ случаѣ обвиненіе Дудровича было серьезное: Осиповскій изобличался въ явной оппозиціи министерству и его „благимъ“ начинаніямъ, а съ такими лицами не церемонились... З. Я. Карнѣевъ хотѣлъ дѣлать представленія министру о тѣхъ профессорахъ, которые не соотвѣтствовали своему назначенію—да и сдѣлалъ таковое объ Осиповскомъ еще до подачи на него доноса Дудровичемъ; а если бы его представленія не уважили, то онъ бы, по всей вѣроятности, далъ законный ходъ жалобѣ преслѣдуемаго ректоромъ Дудровича. И. П. Щелковъ не считаетъ возможнымъ сопоставлять З. Я. Карнѣева съ Магницкимъ и Руничемъ. Конечно, между ними нѣтъ сходства въ ихъ характерѣ; но ихъ можно сопоставлять по *ихъ дѣятельности*: эта послѣдняя была сходна у нихъ и по своему духу, и по внѣшнимъ пріемамъ; и З. Я. Карнѣева съ этой точки зрѣнія можно называть Харьковскимъ Магницкимъ или Руничемъ, хотя онъ, конечно, далеко уступалъ своимъ знаменитымъ современникамъ въ энергіи, выдержкѣ, суровости и безпощадности въ проведеніи ихъ общей разрушительной системы; разница здѣсь, однако, количественная, а не качественная; основные принципы у всѣхъ трехъ одинаковы, только Магницкій и Руничъ шли дальше Карнѣева по пути разрушенія, а этотъ послѣдній, по старости и дряхлости, дѣйствовалъ гораздо менѣе энергично, и за это получалъ выговоры отъ своего друга, соратника и единомышленника по мистической дѣятельности, извѣстнаго издателя „Сіонскаго Вѣстника“ Лабзина. Осиповскій долженъ былъ

уйти, какъ человѣкъ, мѣшавшій насажденію въ Харьковскомъ университетѣ того самаго направленія, какое прививали въ Петербургѣ—Руничъ, въ Казани—Магницкій, въ Харьковѣ—Карнѣевъ.

Переходимъ теперь къ подробностямъ этого удаленія. Т. Ѳ. Осиповскій вошелъ въ совѣтъ съ прошеніемъ объ увольненіи его за выслугою лѣтъ, съ полнымъ пансіономъ отъ должности профессора по занимаемой имъ каѳедрѣ чистой математики, съ тѣмъ чтобы поручить ее Павловскому и Байкову,—а ему предоставить чтеніе лекцій по оптикѣ и астрономіи съ окладомъ въ 2000 рублей. Совѣтъ представилъ прошеніе Осиповскаго попечителю. Трудно было ожидать отказа въ этомъ дѣлѣ: Осиповскій выслужилъ пенсію и желалъ пользоваться ею; но при этомъ онъ еще чувствовалъ въ себѣ достаточно силъ для продолженія преподавательской и научной дѣятельности и потому ходатайствовалъ о порученіи ему вакантной каѳедры оптики и астрономіи. Дальнѣйшія событія показали, что онъ не только не потерялъ въ это время своей работоспособности, а наоборотъ она достигла у него высшаго своего развитія. Съ другой стороны, его познанія въ области прикладной математики, каковою являлась оптика и астрономія, были столь значительны, что онъ могъ бы быть вполнѣ достойнымъ представителемъ этой каѳедры, а не только ея временнымъ замѣстителемъ. Наконецъ, онъ имѣлъ не только формальное, но и нравственное право оставить свою каѳедру, потому что поручалъ ее своему любимому ученику, выдающемуся математику и достойнѣйшему преподавателю, которому пора было получить профессуру и вступить на путь вполнѣ самостоятельнаго преподаванія. Но попечитель рѣшилъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы совершенно освободиться отъ непріятнаго ему человѣка: онъ сдѣлалъ министру представленіе въ томъ смыслѣ, что Осиповскаго слѣдуетъ уволить не только отъ должности профессора, *но и ректора* (чего конечно Осиповскій вовсе не имѣлъ въ виду). Вотъ что писалъ онъ министру. „Изъ подносимаго при этомъ въ копіи представленія университетскаго совѣта ваше сіятельство изволите усмотрѣть, что ректоръ Харьковскаго университета ст. сов. Осиповскій, отказываясь отъ занятія собственной своей каѳедры чистой математики, желаетъ быть уволеннымъ отъ должности ординарнаго профессора, съ тѣмъ чтобы получаемое имъ жалованье обращено было въ полную пенсію, какъ заслуженному профессору и съ тѣмъ чтобы поручены были ему двѣ постороннія каѳедры—оптики и астрономіи съ жалованьемъ 2000 р. въ годъ, тогда какъ при каѳедрѣ оптики имѣется особый экстраординарный профессоръ, которому и можетъ она поручена быть, а каѳедра астрономіи съ давняго времени праздна и до опредѣленія совершенно

опытнаго астронома нѣтъ надобности поручать ее Осиповскому, тѣмъ болѣе что изъ предложенія его, противнаго содержанію 18-й статьи утвердительной грамоты университета, весьма ясно открывается, что онъ желаетъ пріобрѣсти тѣ же 2000 рублей, отъ которыхъ, слагая съ себя званіе ординарнаго профессора, повидимому отказывается. Хотя совѣтъ университета и согласился сдѣлать представленіе по таковому предложенію Осиповскаго, но я не нахожу никакой пользы отъ предположеній его и, замѣтивъ, что Осиповскій съ нѣкотораго времени послѣ многихъ моихъ напоминаній весьма небрежно исправляетъ званіе ректора ко вреду этого важнаго заведенія, мнѣніемъ полагаю—согласно желанію его, уволить отъ должности ординарнаго профессора и вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ званія ректора университета съ обращеніемъ ему, какъ заслуженному профессору, въ пенсію получаемаго имъ жалованья по 2000 р. въ годъ. Таковое мнѣніе мое предавъ въ начальничье вашего сіятельства благорасмотрѣніе, покорнѣйше прошу снабдить меня предписаніемъ, до полученія котораго предложилъ университету, чтобы расположеніе преподаванія лекцій по каѳедрамъ физико-математическаго отдѣленія оставалось въ прежнемъ порядкѣ". На это послѣдовало слѣдующее опредѣленіе министра. „Объ увольненіи ректора Осиповскаго отъ должности этой и вовсе отъ службы съ положеннымъ пенсіономъ по званію заслуженнаго профессора поднести докладъ къ Высочайшему утвержденію. А такъ какъ онъ не можетъ отправлять далѣе ректорской должности, то предоставить университету избрать заступающаго его мѣсто къ исправленію ея до опредѣленія другого ректора. Что же касается до изъявляемаго Осиповскимъ желанія занимать другія каѳедры, оставя свою, то какъ предположенія его противны общеустановленному порядку, потому ихъ и исполнить невозможно". Нельзя не отмѣтить въ представленіи попечителя одной странности: онъ подтверждаетъ, что каѳедра астрономіи давно вакантна и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не хочетъ предоставить ее Осиповскому. Между тѣмъ изъ справокъ о преподаваніи на физико-математическомъ факультетѣ оказывается, что Осиповскій много лѣтъ передъ тѣмъ преподавалъ и оптику, и астрономію, по порученію совѣта, утвержденному министерствомъ. Ссылка на 18-ю статью утвердительной грамоты сдѣлана, очевидно, только pro forma, потому что предложеніе Осиповскаго не стояло съ ней въ противорѣчіи, какъ утверждалъ попечитель: она *не запрещала* заслуженному профессору вести преподаваніе по вакантной каѳедрѣ, а практика допускала даже совмѣстительство въ этомъ отношеніи—и вновь избранный ректоръ Джунковскій, занимая каѳедру греческаго языка на словесномъ факультетѣ, въ то же время велъ преподаваніе по сельскому

хозяйству на математическомъ отдѣленіи. Такое совмѣстительство вызывалось недостаткомъ лицъ, имѣющихъ ученыя степени, необходимыя для занятія каѳедръ. Такимъ образомъ, неправо было и министерство, ссылаясь на то, что будто-бы просьба Осиповскаго противорѣчила установленному порядку: она этого порядка не нарушала, а наоборотъ, упорядочивала дѣло преподаванія на физико-математическомъ факультетѣ, на которомъ въ это время было только съ Осиповскимъ и адъюнктами *шесть* преподавателей и который только что лишился профессора астрономіи Литрова. Спрашивается: можно ли было и вообще, и, при такой скудости преподавательскихъ силъ въ частности, удалять „звѣзду" математическихъ наукъ Осиповскаго? Это былъ глубоко несправедливый поступокъ попечителя, нанесшій чувствительнѣйшую рану Харьковскому университету, который въ лицѣ Осиповскаго одновременно лишился и самой крупной научно-преподавательской силы, и самаго честнаго безкорыстнаго труженика, отдавшаго ему всѣ свои силы, и самаго достойнаго и авторитетнаго ректора, о коемъ съ полнымъ основаніемъ можно было сказать, что это былъ rector magnificus. Естественно, что и на Осиповскаго извѣстіе о его подневольномъ удаленіи произвело самое тягостное впечатлѣніе: онъ былъ возмущенъ оказанной ему несправедливостью и выразилъ свои чувства въ обращеніи къ совѣту. „Въ прошломъ мѣсяцѣ подавалъ я, писалъ онъ, прошеніе въ правленіе университета слѣдующаго содержанія: „покорнѣйше прошу правленіе университета выдать мнѣ паспортъ для свободнаго прожитія съ семействомъ моимъ, гдѣ пожелаю. Нужно мнѣ также получить послужной списокъ, но не встрѣтитъ ли правленіе затрудненія, какъ показать въ немъ объ изгнаніи моемъ изъ университета? Ибо надобно показать и причину сего изгнанія, которая, можетъ быть, правленію не совсѣмъ извѣстна. Заключая изъ нѣкоторыхъ бумагъ, мною изъ университета и отъ министра полученныхъ, надлежитъ, кажется, написать вообще: по представленіямъ г. попечителя и послѣдовавшему на нихъ предписанію г. министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія выгнанъ я изъ университета безъ всякаго вида, какъ невѣжда и негодяй, который не могъ быть терпимъ въ немъ, 1-го ноября 1820 г., а потомъ чрезъ $1^1/_2$ года, а именно 16 апрѣля 1822 года, по вынужденному докладу министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, Высочайше уволенъ отъ университета съ названіемъ заслуженнаго профессора и съ полнымъ пенсіономъ. Впрочемъ, можетъ быть, университетское начальство желало бы помѣстить подробно причины, побудившія его къ изгнанію моему, а потому прошу правленіе войти съ представленіемъ къ начальству и, какія будутъ указаны причины, прописать ихъ въ моемъ послужномъ

спискѣ". Это мое прошеніе, яко-бы по причинѣ укорительныхъ словъ на счетъ начальства, возвращено мнѣ съ надписью; я перечитывалъ его, чтобы увидѣть, не написалъ ли я дѣйствительно чего-нибудь укоритель-наго для начальства, но не нашелъ ни одного такого слова; слова—невѣжда, негодяй, нетерпимый ни мало не относятся къ начальству, а принадлежатъ единственно ко мнѣ; кромѣ же этихъ словъ, ко мнѣ только относящихся, я въ прошеніи своемъ не сказалъ ничего такого, что бы показывало мою жалобу на начальство, да и не идетъ жаловаться на начальство правленію. Можетъ быть, не понравилось правленію мое выраженіе—по вынужденному докладу, то хотя оно и справедливо, но можно было бы написать просто: по докладу. А что и я этими словами—невѣжда, негодяй, нетерпимый, ни мало не оскорбляюсь, тому служитъ залогомъ, что я въ послѣдніе годы моего пребыванія въ университетѣ привыкъ къ такимъ обо мнѣ сужденіямъ: напримѣръ, профессоръ Дудровичъ при студенческихъ экзаменахъ—по случаю отзыва моего объ эккартсгаузенскихъ таинствахъ чиселъ, что „я не знаю никакихъ таинствъ въ числахъ", сказалъ мнѣ: „еще математикомъ себя считаешь, а и чиселъ не знаешь!" А проф. Пауловичъ, въ засѣданіи совѣта, при разсужденіи о выдачѣ студентамъ аттестатовъ, назвалъ меня мошенникомъ, но я не обидѣлся ими и не обижаюсь, зная, что такъ говорено было обо мнѣ по мнѣнію другихъ, коимъ предоставлено безусловное право судить о прочихъ. Впрочемъ, я въ этомъ прошеніи не настоялъ, чтобы въ послужномъ моемъ спискѣ такъ было написано, какъ я прописалъ въ прошеніи, но просилъ, буде правленіе усомнится, представить о томъ, какъ написать начальству; но я не знаю, для чего правленіе не вошло объ этомъ съ представленіемъ. Чего не сдѣлало правленіе, о томъ прошу я совѣтъ университета; но покорнѣйше прошу не замедлить выдачею мнѣ паспорта и послужного списка, ибо они мнѣ очень нужны". Прошеніе это было доложено въ засѣданіи совѣта 11-го апрѣля 1823 года [1]). Здѣсь обращаетъ на себя вниманіе одно указаніе Осиповскаго, что онъ былъ удаленъ властію министра и что только $1^1/_2$ года спустя въ 1822 году этотъ послѣдній вынужденъ былъ испросить Высочайшее повелѣніе на его удаленіе. Въ 1824 году, какъ мы знаемъ, князя А. Н. Голицына смѣнилъ Шишковъ—и Осиповскій обратился къ новому министру съ прошеніемъ, въ которомъ разъясняется это обстоятельство: „я, нижеподписавшійся, 18 лѣтъ служилъ въ Харьковскомъ университетѣ профессоромъ, въ томъ числѣ въ теченіе $7^1/_2$ лѣтъ былъ ректоромъ университета, наконецъ, 1-го ноября 1820 г. не знаю

---

[1]) Журн. Мин. Нар. Просв. 1890 г., октябрь, стр. 382—383.

за что былъ выгнанъ изъ университета безъ всякаго вида и безъ давно заслуженной пенсіи, но въ апрѣлѣ 1822 года по всеподданнѣйшей моей просьбѣ къ Государю Императору былъ уволенъ отъ университета съ пенсіею по 2000 руб., которую и получалъ въ Харьковѣ. Теперь переѣхалъ я на житье въ Москву и всепокорнѣйше прошу ваше превосходительство о распоряженіи, чтобы пенсія моя производилась мнѣ здѣсь, въ Москвѣ, изъ кассы университета или другого какого казначейства" (10 августа 1824 г.) [1]. И такъ, Осиповскій, оказывается, долженъ былъ входить со всеподданнѣйшимъ ходатайствомъ о предоставленіи ему давно заслуженной пенсіи. Но этого мало: министръ отстранилъ его своею властью отъ должности ректора и профессора въ 1820 году—а между тѣмъ *законное* увольненіе его по Высочайшему повелѣнію состоялось только въ 1822 г., и съ этого времени ему и назначена была пенсія; за полтора же года, протекшіе между двумя увольненіями, ему не выдавали ни жалованья, ни пенсіона, и только въ 1822 году попечитель, въ видѣ особой милости, предложилъ министерству выдать ему за это время подъ видомъ жалованья заслуженную пенсію. Сказанное подтверждается слѣдующими документальными данными. 1-го ноября 1820 года непремѣнный засѣдатель правленія проф. Джунковскій, по предписанію попечителя, созвалъ экстренное засѣданіе совѣта въ 5 часовъ пополудни (а не утромъ, какъ это дѣлалось обыкновенно), на которомъ присутствовали, кромѣ него, проф. Делявинъ, Книгинъ, Рейтъ, протоіерей проф. богословія Могилевскій, Пауловичъ и Дудровичъ, т. е. всего 7 человѣкъ. Засѣданіе открылось чтеніемъ предложенія попечителя слѣдующаго содержанія: „съ полученія сего поручаю вашему высокородію созвать членовъ совѣта и въ засѣданіи ихъ предложить къ точному исполненію прилагаемое при семъ предложеніе мое университету объ избраніи кого либо на мѣсто *увольняемаго* вовсе отъ службы ректора Осиповскаго къ исправленію ректорской должности; *по окончаніи засѣданія* объявивъ отъ совѣта Осиповскому и о всемъ послѣдующемъ къ немъ мнѣ донести". Въ самомъ же предложеніи сказано было слѣдующее: „представленіе университетскаго совѣта отъ 3-го іюня, въ которомъ говорилось, что ректоръ Осиповскій слагаетъ съ себя должность по каѳедрѣ чистой математики и пр., какъ извѣстно уже совѣту, вносилъ я на разсмотрѣніе министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Его сіятельство, въ разрѣшеніе его, предписаніемъ отъ 6 октября увѣдомилъ меня, что объ увольненіи *вовсе* отъ службы ректора Харьковскаго университета Осиповскаго съ обращеніемъ ему въ пенсіонъ полнаго жалованья

---

[1]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло поп. № 717/18, стр. 76, 136; Арх. Мин. Нар. Просв.

сдѣлано отъ него, куда слѣдуетъ представленіе; а между тѣмъ предоставилъ мнѣ предложить университету объ избраніи на его мѣсто кого-либо къ исправленію ректорской должности до опредѣленія другого ректора; что же касается до изъявляемаго г. Осиповскимъ желанія занимать другую каѳедру, оставя свою, то какъ предположенія его противны общеустановленному порядку, то потому ихъ и исполнить невозможно". И такъ, Осиповскій былъ отстраненъ совсѣмъ отъ службы и долженъ былъ ждать назначенія пенсіи; и ему не оставалось ничего иного, какъ выѣхать изъ Харькова, гдѣ положеніе его было весьма щекотливое. Между тѣмъ попечитель впослѣдствіи представилъ министру дѣло такимъ образомъ, что Осиповскій *самовольно* оставилъ профессуру и уѣхалъ въ Москву. Вотъ его представленіе министру. „По предписанію вашего сіятельства отъ прошлаго 20 апрѣля, при коемъ приложенъ въ копіи Высочайше утвержденный въ 16 день того-же апрѣля всеподданнѣйшій вашъ докладъ объ увольненіи заслуженнаго профессора Харьковскаго университета статскаго совѣтника Осиповскаго вовсе отъ службы съ пенсіономъ полнаго профессорскаго жалованья по двѣ тысячи рублей въ годъ изъ суммы, въ штатѣ Харьковскаго университета назначенной, предложилъ я университету сдѣлать надлежащее исполненіе. Нынѣ университетскій совѣтъ въ донесеніи своемъ ко мнѣ изъясняетъ, что, положивъ означенному профессору Осиповскому производить пенсіонъ съ 16-го числа апрѣля въ 1822 году, встрѣчаетъ затрудненіе въ производствѣ ему жалованья за прежнее время, съ котораго пересталъ онъ преподавать при университетѣ лекціи. По справкѣ съ дѣлами совѣта, открывается: 1) Осиповскій утвержденъ въ званіи ординарнаго профессора чистой математики 1803 г. февраля 7 дня съ жалованьемъ по двѣ тысячи рублей. 2) Поручена ему временно каѳедра прикладной математики въ 1811 году 23 ноября съ половиннымъ за особый трудъ жалованьемъ по 1000 рублей въ годъ. 3) По званію ректора получалъ онъ жалованья по 600 рублей въ годъ. 4) Утвержденъ въ званіи заслуженнаго профессора въ 1819 году марта 15 дня съ тѣмъ, что пенсіономъ по этому званію воспользуется по увольненіи отъ должности ординарнаго профессора. 5) Отказался онъ, Осиповскій, отъ должности ординарнаго профессора чистой математики 3 іюля 1820 года и съ этого времени по данной каѳедрѣ лекцій не читалъ. 6) Продолжалъ преподаваніе лекцій по временно порученной ему каѳедрѣ прикладной математики по 1 число ноября 1820 года, по которое и удовлетворенъ жалованьемъ за обѣ вышеизъясненныя каѳедры и за должность ректора. 7) По объясненіи ему, Осиповскому,

того же 1-го числа ноября 1820 года увольненія отъ должности ректора; онъ вовсе оставилъ преподаваніе лекцій и изъ университета выбылъ. 3) Уволенъ онъ вовсе отъ службы 16 апрѣля настоящаго 1822 г. съ пенсіономъ полнаго профессорскаго жалованья по двѣ тысячи рублей въ годъ. По сему, хотя заслуженному профессору Осиповскому, *оставившему преподаваніе лекцій* съ 1-го ноября 1820 года и *отлучившемуся изъ университета прежде увольненія отъ службы безъ отпуска начальства*, не слѣдовало бы выдать за все то время жалованья, но единственно во уваженіе долговременнаго служенія сего чиновника по учебной части я покорнѣйше прошу ваше сіятельство позволить удовлетворить его съ 1-го ноября 1820 года по 16 апрѣля этого года жалованьемъ только за должность ординарнаго профессора въ родѣ назначеннаго ему нынѣ пенсіона и въ разрѣшеніе снабдить меня предписаніемъ".

На мѣсто Осиповскаго временнымъ ректоромъ или проректоромъ избранъ былъ, какъ того слѣдовало ожидать, Джунковскій; подъ его предсѣдательствомъ происходило и то экстренное засѣданіе совѣта 1-го ноября 1820 г., на которомъ онъ получилъ большинство избирательныхъ шаровъ (5 противъ одного); впрочемъ, слѣдуетъ прибавить, что всѣ остальные кандидаты заранѣе отказались отъ избранія и должны были баллотироваться только въ силу устава; слѣдующее за нимъ большинство голосовъ (четыре противъ двухъ) получилъ Пауловичъ—также преданный попечителю человѣкъ. Донося объ избраніи Джунковскаго министру и ходатайствуя о Высочайшемъ утвержденіи его въ должности ректора, попечитель прибавилъ, что онъ можетъ быть примѣромъ благочестивой жизни и твердыхъ правилъ христіанской нравственности. Но Харьковскій университетъ не только ничего не выигралъ отъ замѣны Осиповскаго Джунковскимъ, а наоборотъ много потерялъ, лишившись въ лицѣ перваго энергичнаго, стойкаго, опытнаго, преданнаго своему дѣлу представителя коллегіи, и пріобрѣлъ въ лицѣ второго слабаго и малоопытнаго въ дѣлахъ администратора. Такимъ именно рисуетъ Джунковскаго, какъ увидимъ далѣе, самъ попечитель округа въ откровенномъ письмѣ къ министру народнаго просвѣщенія, передъ самымъ выходомъ своимъ въ отставку.

Въ 1820 г. З. Я. Карнѣевъ получилъ орденъ Александра Невскаго при Высочайшемъ рескриптѣ, одобрявшемъ его усердную дѣятельность [1]. Но силы З. Я. Карнѣева замѣтно слабѣли, и онъ мечталъ

---

[1] Вотъ его подлинный текстъ: „Божіею Милостію Мы, Александръ I, Императоръ и Самодержецъ всероссійскій и прочая и прочая и прочая. Нашему тайному

объ отставкѣ. Любопытныя данныя объ этомъ періодѣ его управленія заключаетъ въ себѣ письмо къ З. Я. Карнѣеву Лабзина отъ 20 января 1821 г. „Признаюсь, писалъ этотъ послѣдній, я удивляюсь, какъ вы не соскучитесь имѣть дѣло съ людьми безмозглыми. Отказавшись отъ мѣста, гдѣ хотя какіе-нибудь законы служили основаніемъ, довольствуетесь такимъ мѣстомъ, гдѣ однимъ правиломъ служитъ — sic volo, sic jubeo, sit pro ratione voluntas. Противополагаемый вами законъ, *чтобъ не слѣдовать своей волѣ*, едва-ли не есть нѣчто утрированное. Въ духовномъ мірѣ не сонливость и недвижимость, а именно дѣятельность является жизнью; такъ все движется непрестанно и не машинально; а само о себѣ; у разумныхъ духовъ пружиною сей подвижности именно является смыслъ и воля. Отрицательныя добродѣтели не суть еще добродѣтели; запертый воръ, конечно, не крадетъ, но что это? Надобно, чтобы онъ не кралъ на волѣ, и я не знаю, прилично ли подлинно тому, кто назначенъ быть образомъ и подобіемъ Божіимъ, быть только пассивнымъ. Есть-ли это подобіе Божества? На что же Творецъ далъ намъ волю, коли я не долженъ имѣть ея? На что разумъ, коли его не употреблять? Если бы Господь не такъ былъ милосердъ и, усмотря, какъ люди худо цѣнятъ дары его, отнялъ ихъ, напримѣръ, отнялъ-бы разумъ, я думаю, самые ревностные Гюйонисты (послѣдователи г-жи Гюйонъ, выступавшей противъ разума) не обрадовались бы этому и познали бы несчастное состояніе сумасшедшихъ, узнали бы, что нѣтъ откровенія божественнаго и проповѣди слова Его именно предоставлены разумнымъ

совѣтнику и попечителю Харьковскаго учебнаго округа Карнѣеву. Долговременная и усердная служба ваша, и похвальныя дѣянія въ управленіи ввѣреннымъ вамъ учебнымъ округомъ оказываемыя, личный осмотръ его во всѣхъ частяхъ, и попечительность, съ каковою вы тщитесь вводить въ учебныя заведенія, подъ надзоромъ вашимъ состоящія, порядокъ, благоустройство и ученіе, на благочестіи основанное, по засвидѣтельствованію Министра Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія обратили на васъ Наше вниманіе. Во изъявленіе вамъ онаго всемилостивѣйше пожаловали Мы васъ кавалеромъ ордена Святаго Александра Невскаго, знаки коего, при семъ препровождаемые, повелѣваемъ вамъ возложить на себя и носить по установленію. Мы удостовѣрены, что сіе Монаршее благоволеніе Наше послужитъ вамъ ободреніемъ къ вящшимъ подвигамъ на приведеніе всѣхъ частей подвѣдомственнаго вамъ округа въ желаемое благосостояніе, наипаче же на укорененіе правилъ Христова ученія и Духа его въ учебномъ образованіи юношества, которое въ сихъ правилахъ токмо и познаніяхъ найдетъ истинное для себя просвѣщеніе и благополучіе существенное и постоянное. Пребываемъ къ вамъ Императорскою Нашею милостію благосклонны. Дано въ Санктпетербургѣ генваря 11 дня 1820 года. На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано Александръ.

его тварямъ, а не умалишеннымъ. На что-же такъ отвергать дары Божіи—разумъ и волю—какъ будто Творецъ напрасно мнѣ ихъ даровалъ, вмѣсто того, чтобы сообразовать ихъ порядочно съ премудростію и благостію Божіими. Позвольте васъ спросить: избѣгая удовлетворенія своей воли, неужто для васъ пріятнѣе было бы, чтобы вамъ на старости сказали прямо—поди вонъ! Теперь Е(горъ) В(асильевичъ) Карнѣевъ (племянникъ Захарія Яковлевича)—здѣсь. Онъ хотѣлъ поразвѣдать прямо; и такъ ему предоставляю я и увѣдомить васъ искренно, что, кажется, уже хотятъ того, чтобы вы попросились прочь. Вы пишите: пока Богъ подкрѣпитъ изнемогающія ваши силы. Но чтожъ, до упаду чтоль вамъ ждать? Силы ваши явно уже изнемогли, что и тамъ, и здѣсь примѣчаютъ. Да и какъ Е(гору) В(асильевичу) съ Ел—й—Е—ой сдѣлаться для васъ полезными иначе, какъ не такъ, чтобы вы къ нимъ, или они къ вамъ переселиться должны. Какъ не имѣть воли существу, назначенному даже быть причастникомъ Божія естества, когда первый движитель къ тому есть воля. Спаситель не иначе дѣйствовалъ на недужныхъ, какъ по вопросѣ: хощеши-ли, вѣруеши-ли? Хотѣть существо безъ воли и вѣровать существо неразумное не можетъ. Я очень согласенъ съ мнѣніемъ нѣкоторыхъ христіанскихъ писателей, что много вреда христіанству причинили придуманныя людьми строгости и суровости. дѣлающія христіанство ужаснымъ и отвратительнымъ вмѣсто того, чтобы показать его съ пріятной стороны и облегчить путь его, превратить стропотная въ гладкая. Гдѣжъ повѣрка слову сему: иго мое благо и бремя легко есть?“ [1]) Лабзинъ, очевидно, не раздѣлялъ мнѣнія мистиковъ о вредѣ человѣческаго разума и воли и далъ З. Я. Карнѣеву остроумную критику его теоріи „пассивной жизни“, которая не соотвѣтствовала, по мнѣнію Лабзина, духу христіанства. Заслуживаетъ также вниманія взглядъ Лабзина на христіанство, какъ на религію кротости и любви, взглядъ, котораго къ сожалѣнію не хотѣли признавать такіе дѣятели, какъ Магницкій, Руничъ и имъ подобные. Пассивность З. Я. Карнѣева вытекала, впрочемъ, не столько изъ мистической теоріи, сколько изъ его старческой дряхлости. Любопытное свидѣтельство объ этой послѣдней сообщаетъ намъ другой племянникъ его Степанъ Васильевичъ Карнѣевъ, помѣщикъ Богодуховскаго уѣзда Харьковской губ. Въ своей жалобѣ министру (1819 г.) на учителя французскаго языка Коваленкова (того самаго, воспитанники котораго воспѣвали въ стихахъ Библейское общество), содержавшаго пансіонъ, въ которомъ умеръ отъ худого содержанія одинъ изъ его сыновей, онъ пишетъ: „воспитывалъ я ихъ (дѣтей)

---

[1]) Рус. Архивъ. 1892 г., № 12, стр. 363—364.

прежде при Харьковской гимназіи, нанимая достойныхъ инспекторовъ и содержа дѣтей при инспекторахъ на квартирѣ и по задачѣ уроковъ отъ гимназическихъ учителей, дѣти мои всегда учились съ усердіемъ и были здоровы. Но къ величайшему моему несчастію и вѣчной моей печали, дядя мой родной, тайный совѣтникъ и кавалеръ Захаръ Яковлевичъ Карнѣевъ опредѣленъ Высочайше Харьковскаго университета попечителемъ и по его собственному желанію я согласился отдать ихъ въ пансіонъ: увѣрилъ меня дядя мой въ содержаніи и присмотрѣ, что и должно мнѣ безъ сумнѣнія полагаться, и даже не позволилъ мнѣ не брать ни къ какому празднику дѣтей домой". Сказавъ о смерти сына отъ сырости въ подвальномъ помѣщеніи, племянникъ продолжаетъ: „я же полагался на дядю своего Карнѣева, но *дядя мой въ Харьковѣ бывалъ рѣдко, старъ, слабъ, и повидимому его не уважаютъ*, что внуковъ его заперли на цѣлую зиму и даже старшій до сего времени находится въ погребу... И конечно дядюшка Захаръ Яковлевичъ, по старости своихъ лѣтъ и по забывчивости, не вздумалъ посмотрѣть житье дѣтей моихъ, и все это было отъ дяди пропущено"... З. Я. Карнѣевъ препроводилъ копію этой жалобы въ университетъ для производства слѣдствія". [1]) Такимъ образомъ, хотя З. Я. Карнѣевъ и выхлопоталъ себѣ квартиру въ Харьковѣ, но проживалъ по большей части въ своей деревнѣ Захарьевскомъ. Любопытныя свѣдѣнія о жизни его тамъ сообщаетъ современникъ. „Отъ 1815 до 1818 г., говоритъ онъ, я съ семействомъ своимъ прожилъ въ Харьковѣ, славившемся своимъ университетомъ; по лѣтамъ своимъ я правда не могъ еще быть студентомъ, но при средствахъ, какія представлялъ университетскій городъ, могъ очень легко къ тому готовиться. Намѣреніе моихъ родителей было остаться въ Харьковѣ и долѣе, во время всего будущаго моего студенческаго курса, въ концѣ котораго имъ видѣлось уже и докторское званіе, тогда еще такъ скоро достававшееся; но по совѣту одного призваннаго и опытнаго въ этомъ дѣлѣ судьи, они рѣшились въ 1818 году промѣнять для меня Харьковскій университетъ на только что открывавшійся тогда въ Петербургѣ пансіонъ при педагогическомъ институтѣ, переименовавшійся впослѣдствіи въ университетскій пансіонъ. Этотъ въ глазахъ моихъ родителей призванный и опытный судья въ дѣлѣ воспитанія былъ *Захаръ Яковлевичъ Карнѣевъ*, назначенный, при князѣ А. Н. Голицынѣ, попечителемъ Харьковскаго учебнаго округа, старинный другъ нашего дома. Онъ самъ былъ писателемъ и въ моей библіотекѣ хранится до сихъ поръ нѣсколько подаренныхъ имъ брошюръ

---

[1]) Журн. Мин. Нар. Просв. 1872, февраль, стр 210—211.

своего сочиненія, какъ то: „Мысли на досугѣ поучающагося истинамъ вѣры“, „О пользѣ чтенія священнаго писанія“ и проч. [1]). Онъ былъ холостъ, пожилыхъ лѣтъ и всего себя посвятилъ благочестію. Это благочестіе старался онъ возбудить во всѣхъ ему близкихъ и особенно вкоренять въ юношествѣ, ввѣренномъ его начальству. Паче всего требовалъ онъ отъ студентовъ, чтобъ они прилежно ходили въ церковь, чтили праздники, соблюдали посты и непремѣнно говѣли хоть разъ въ годъ. Упомянутыя выше книжки раздавалъ онъ, гдѣ и кому могъ. Я живо помню этого почтеннаго старца, котораго, не смотря на лѣта, можно было еще назвать красавцемъ, высокаго, прямого, стройнаго съ прекраснымъ и выразительнымъ лицомъ. По наружности онъ имѣлъ большое сходство съ покойнымъ И. И. Дмитріевымъ. Особенно не забуду лѣтней поѣздки нашей въ его деревню, лежавшую верстахъ во ста на югъ отъ Харькова. Эта поѣздка составляетъ одно изъ самыхъ пріятныхъ воспоминаній моего дѣтства. Захаръ Яковлевичъ выстроилъ себѣ въ своемъ прекрасномъ помѣстьѣ великолѣпный домъ и окружилъ его огромнымъ англійскимъ садомъ. Такого сада и особенно такихъ чертоговъ я до того времени еще не видывалъ. За исключеніемъ немногихъ казенныхъ зданій въ тогдашнемъ Харьковѣ, почти единственномъ видѣнномъ мною городѣ, не было ни одного частнаго дома, который могъ бы хоть сколько нибудь сравниться какъ по величинѣ и архитектурѣ, такъ и по внутреннему убранству съ „сельской хижиной“ Захара Яковлевича; еще нигдѣ не встрѣчалъ я столько самыхъ затѣйливыхъ столовыхъ часовъ, столько бронзы, картинъ и статуй. О величинѣ дома и говорить нечего; было гдѣ мнѣ побѣгать въ дурную погоду. Впрочемъ на мое счастье погода стояла чудесная почти во все время пребыванія у гостепріимнаго хозяина, мы ею и пользовались. По утру послѣ сытнаго завтрака отправлялись ходить по саду, расположенному по пригоркамъ и содержавшемуся въ отличномъ порядкѣ. Въ одномъ мѣстѣ, въ затишьи, на южномъ склонѣ холма, росъ даже виноградъ. Помню, какъ удивилъ меня видъ рдѣющаго винограда на открытомъ воздухѣ. Рѣдко, но ходили мы и по полямъ, и по деревнѣ. Тутъ также въ первый разъ въ жизни поразилъ меня страннымъ образомъ рѣзкій контрастъ между крестьянскими хатами и великолѣпными хоромами помѣщика. Эти представлялись мнѣ словно тучнымъ быкомъ посреди стада смиренныхъ овецъ. Отдохнувъ послѣ обильнаго и тон-

---

[1]) Ему приписываются также помѣченныя иниціалами К. З. сочиненія: — 1) Мысли изліявшіяся при чтеніи молитвы Господней: Отче нашъ. С.-Пб. 1814 г. и 2) Мои понятія о символѣ вѣры. С.-Пб. 1814 г. (Энциклопед. словарь, Брокгауза и Ефрона. 28-й полутомъ, стр. 569).

наго обѣда, мы опять отправлялись въ садъ, пока смеркалось. Тогда сходились мы, и хозяинъ и гости, то въ его богатый кабинетъ, то въ одну изъ гостиныхъ, гдѣ, за чашкой чая или за вечернимъ десертомъ, благочестивый мудрецъ посвящалъ взрослыхъ въ таинства слова Божія, объяснялъ апокалипсисъ или разсказывалъ про попа Іоанна, будто до сихъ поръ странствующаго по Азіи. Перваго я не понималъ, но разсказы о попѣ Іоаннѣ, о чудесахъ магнетизма и тому подобномъ сильно волновали мое дѣтское воображеніе и глубоко врѣзались въ моей памяти" [1]). И такъ „благочестивый мудрецъ" устроился въ своей „сельской хижинѣ" очень комфортабельно: создалъ себѣ въ огромномъ домѣ пышную роскошную обстановку, любилъ поѣсть и хорошо угостить другихъ, жилъ открыто, раздавалъ свои душеспасительныя брошюры и проповѣдывалъ таинства апокалипсиса и магнетизма; крѣпостные же крестьяне сельца Захарьевскаго изображали смиренныхъ овечекъ, у которыхъ постоянно подстригали шерсть... Создавъ себѣ такую уютную жизненную обстановку и не будучи внутренно связанъ съ тѣмъ дѣломъ, за которое ему пришлось взяться на склонѣ своихъ дней, З. Я. Карнѣевъ, естественно, рѣшилъ отдохнуть и выйти въ отставку. Но и на этотъ разъ, подобно тому какъ и прежде, когда ему предложенъ былъ постъ попечителя, онъ рѣшился предварительно обставить возможно лучше въ матеріальномъ отношеніи какъ себя, такъ и своего вѣрнаго слугу секретаря Медвысоцкаго: для этого послѣдняго онъ хотѣлъ ввести въ Харьковскомъ университетѣ должность *директора*, и преобразовать университетъ по инструкціи Магницкаго. Къ счастію, эта мѣра не была одобрена высшимъ начальствомъ, и З. Я. Карнѣевъ, по обстоятельствамъ отъ него независящимъ, не могъ оказать этой послѣдней „услуги" Харьковскому университету, оставить духовное наслѣдіе послѣ себя въ образѣ любимаго секретаря; но за то онъ самъ выбралъ себѣ преемника и продолжателя въ лицѣ родного племянника Егора Васильевича Карнѣева, переводчика знаменитой „книги Дютуа". Спрашивается: можно ли послѣ этого, говоря о З. Я. Карнѣевѣ, не вспоминать о Магницкомъ? Вотъ послѣднее письмо З. Я. Карнѣева къ министру, заключающее его собственное сознаніе, что университетскія дѣла не были приведены имъ въ блестящее состояніе и что для нихъ нуженъ былъ харьковскій Магницкій.

„Часъ отъ часу съ приближеніемъ глубокой старости чувствуя умноженіе слабости душевныхъ и тѣлесныхъ силъ, а именно: частое

---

[1]) Иванъ Филипповичъ Вернетъ, швейцарскій уроженецъ и русскій писатель. Изъ воспоминаній обыкновеннаго человѣка. Л. (Соврем. 1847 г. т. I, ч. 1-я).

круженіе головы, боль въ груди и совершенное притупленіе зрѣнія, никакъ не въ состояніи съ соотвѣтственною званію моему дѣятельностью управлять обширнымъ округомъ Харьковскаго университета и прочими особливо ввѣренными мнѣ частями и потому, ссылаясь на Всемилостивѣйшее Государя Императора позволеніе, сообщенное вами мнѣ въ письмѣ отъ 9 ноября прошедшаго года, осмѣливаюсь приложить у сего на имя Его Величества всеподданнѣйшее прошеніе объ увольненіи меня отъ сей должности и покорнѣйше прошу поднести его Государю Императору. При исходатайствованіи этого увольненія усерднѣйше просилъ бы я, ваше сіятельство, ходатайствовать и объ опредѣленіи на мое мѣсто племянника моего Егора Васильевича Карнѣева, такъ какъ въ томъ-же письмѣ отъ 9 ноября мнѣ и ему вы то обѣщать изволили. Въ разсужденіи разстроеннаго моего состоянія отъ продолжающагося здѣсь трехлѣтняго неурожая, такъ какъ малую мою деревню, состоящую въ 200 душахъ, долженъ былъ я кормить отъ своего пенсіона, нужно мнѣ на старости подкрѣпленіе, почему и осмѣливался бы просить ваше сіятельство объ исходатайствованіи у Государя Императора, чтобы столовыя 3600 руб. оставлены были мнѣ по смерть въ прибавку къ прежнему пенсіону 6000 руб. Не могу при этомъ случаѣ не отдать справедливости сотруднику моему старшему письмоводителю над. сов. Подвысоцкому, котораго честность, духъ истиннаго христіанства и неусыпности по дѣламъ службы облегчали во все время тяжкіе труды моего званія и который по бѣдности своей, не имѣя ничего кромѣ жалованья, заслуживаетъ вниманіе начальства. Почему и просилъ бы я всепокорнѣйше ваше сіятельство исходатайствовать ему въ пенсіонъ нынѣ получаемое имъ жалованье изъ канцелярской суммы 1500 р., которыми могъ бы онъ пользоваться и впредь сверхъ получаемаго по мѣсту жалованья, сколько въ награду понесенныхъ имъ при мнѣ трудовъ, столько и въ поощреніе къ свободнѣйшему продолженію впередъ службы, къ которой онъ, особливо по ученой части, великую имѣетъ способность и обширное знаніе. Сверхъ того, сколько изъ опыта я узналъ и вашему сіятельству изъ представленій моихъ извѣстно, весьма запутана по университету часть хозяйственная и слаба часть правительственная, ибо хотя г. ректоръ Джунковскій самыхъ христіанскихъ и честныхъ правилъ и неусыпенъ, но и преподавая лекціи, и присутствуя въ совѣтѣ, правленіи, училищномъ и строительномъ комитетахъ, не имѣетъ времени входить поглубже въ хозяйственную и правительственную часть, да и всѣ гг. профессора, присутствующіе съ нимъ, хотя и весьма честные и христіанскихъ правилъ, но, занимаясь прилежно своими частями, не сдѣлали

привычки къ дѣламъ по правленію и потому попадаютъ безъ намѣренія въ ошибки. Почему обязанностью нахожу въ откровенности доложить вашему сіятельству, что для введенія совершеннаго порядка и наблюденія точности по всѣмъ частямъ нужно Харьковскому университету дать директора и преобразить все по инструкціямъ Казанскаго университета, на что, если угодно будетъ вашему сіятельству рѣшиться, то въ званіе сіе нахожу я весьма способнымъ над. сов. Подвысоцкаго, сколько по совершенной извѣстности ему университета и всего учебнаго его округа, столько и по способности его въ дѣламъ и обрабатыванію ихъ, въ какомъ случаѣ прошу покорнѣйше ваше сіятельство обратить на него милостивое ваше вниманіе. Все это предавая благоусмотрѣнію вашего сіятельства и благодѣтельному вашему по просьбамъ моимъ ходатайству, ожидать буду успокоенія, въ которомъ я могъ бы всею душею предаться вожденію Духа Божія и внутренно непрестанно молиться объ отцѣ отечества и о васъ. Съ совершеннымъ почтеніемъ и душевною преданностью имѣю честь быть, милостивый государь, вашего сіятельства покорнѣйшій слуга Захаръ Карнѣевъ. Харьковъ, 1822 мая 31" [1]. Всѣ желанія З. Я. Карнѣева были исполнены, какъ это видно изъ отвѣтнаго письма къ нему кн. А. Н. Голицына [2].

Представивъ богатый фактическій матеріалъ о попечительствѣ З. Я. Карнѣева, мы можемъ на основаніи его высказать заключеніе, что оно не принадлежитъ къ числу свѣтлыхъ страницъ въ исторіи Харьковскаго университета: если даже допустить, что онъ дѣйствовалъ искренно, все-же придется сознаться, что результаты его дѣятельности были болѣе отрицательные, чѣмъ положительные: все свое

---

[1]) Архивъ Мин. Нар. Просв. № 22436/496.

[2]) Вотъ содержаніе его: „согласно съ желаніемъ вашего превосходительства объ увольненіи васъ по слабости здоровья вашего и преклоннымъ лѣтамъ вовсе отъ службы, докладывалъ я Государю Императору. Его Величество, снисходя на просьбу вашу, всемилостивѣйше соизволилъ на таковое увольненіе ваше съ обращеніемъ вамъ въ пенсіонъ столовыхъ денегъ по званію попечителя 3600 руб. въ годъ сверхъ получаемой уже вами пенсіи по 6000 въ годъ. На мѣсто ваше благоугодно было Его Величеству опредѣлить племянника вашего Егора Васильевича Карнѣева... Сколько съ одной стороны прискорбно для меня лишиться пріятныхъ сношеній съ вами по службѣ, столько съ другой радуюсь, что симъ исполнилось желаніе ваше, тѣмъ паче, что и на мѣсто ваше опредѣленъ такой чиновникъ, отъ котораго я ожидаю продолженія столь-же благонамѣреннаго усердія и христіанскихъ побужденій въ управленіи учебнымъ округомъ, каковыя мнѣ пріятно было видѣть и при васъ. Касательно рекомендованнаго вами письмоводителя вашего надворнаго совѣтника Подвысоцкаго, то и о немъ, согласно представленію вашему, послѣдовалъ Высочайшій указъ, съ коего прилагаю также копію для вашего свѣдѣнія. 28 іюля 1822 г. (Рус. архивъ, 1893 г., № 5, стр. 134).

вниманіе и весь остатокъ своихъ слабѣхъ силъ онъ посвятилъ религіозно-нравственному перевоспитанію учащихъ и учащихся, но такъ какъ разсчитывалъ достичь этого внѣшними мѣрами и начальственными распоряженіями, то въ результатѣ явилось не искреннее благочестіе, а лицемѣріе и ханжество; прикрываясь ими, у власти стали теперь худшіе элементы профессорской коллегіи; умственный и нравственный уровень этой послѣдней не только не повысился, а наоборотъ понизился. Особенно печальныя послѣдствія должно было имѣть изгнаніе Т. Ѳ. Осиповскаго, причемъ вина этого изгнанія падаетъ исключительно на попечителя, который не любилъ независимыхъ людей и оказывалъ явное покровительство такимъ лицамъ, которые его не заслуживали, но заискивали въ немъ самомъ. Подтвержденіемъ этого можетъ служить эпизодъ съ адъюнктомъ хирургіи Колумной-Вигурой. Ему покровительствовалъ З. Я. Карнѣевъ и выхлопоталъ должность экстраординарнаго профессора, несмотря на явное противодѣйствіе медицинскаго факультета и совѣта, считавшихъ его недостойнымъ профессуры. Еще въ 1815 г. этотъ адъюнктъ отправился въ отпускъ въ г. Бердичевъ и оставался тамъ долгое время безъ уважительныхъ причинъ, не давая даже себѣ труда сообщить университету о причинахъ своей неявки на службу, такъ что правленіе должно было запрашивать объ этомъ городскую полицію и просить ее представить свидѣтельство о состояніи его здоровья. Самъ министръ народнаго просвѣщенія гр. А. К. Разумовскій вынужденъ былъ въ концѣ концовъ обратиться къ управляющему министерствомъ полиціи съ просьбою, чтобы тотъ приказалъ мѣстной Бердичевской полиціи побудить Вигуру къ немедленному выѣзду въ Харьковъ, такъ какъ онъ былъ изъ казеннокоштныхъ воспитанниковъ и потому обязанъ былъ прослужить извѣстное число лѣтъ на казенной службѣ. Съ него взята была подписка, что нигдѣ по пути изъ Бердичева въ Харьковъ не будетъ останавливаться. Но выѣхавъ изъ Бердичева 21-го мая, Колумна-Вигура ухитрился попасть въ Харьковъ только 5-го октября. Между прочимъ, въ силу сдѣланныхъ полицейскихъ распоряженій, его *открыли* въ Полтавѣ, гдѣ онъ устроилъ себѣ длинную остановку, и взяли новую подписку о немедленномъ выѣздѣ оттуда въ Харьковъ, куда, очевидно, ему очень не хотѣлось ѣхать; впрочемъ онъ представилъ медицинское свидѣтельство о болѣзни, постигшей его въ г. Миргородѣ Полтавской губерніи. Министръ народнаго просвѣщенія, кн. А. Н. Голицынъ, основываясь на существующихъ узаконеніяхъ, отказалъ Вигурѣ въ выдачѣ жалованья за время его отсутствія изъ Харькова. Этотъ отъѣздъ Вигуры изъ Харькова, можетъ быть, находился въ связи съ неутвержденіемъ

его въ должности экстраординарнаго профессора: совѣтъ избралъ его на эту должность въ началѣ 1815 года, но министръ нашелъ, что онъ недавно только изъ студентовъ былъ произведенъ въ адъюнкты и въ этомъ послѣднемъ званіи долженъ еще оставаться нѣкоторое время. Въ 1817 году представитель каѳедры хирургіи проф. Шумлянскій вышелъ въ отставку—и попечитель округа З. Я. Карнѣевъ предложилъ ректору Осиповскому въ устной бесѣдѣ поручить преподаваніе по ней временно до назначенія профессора адъюнкту Вигуру. Ректоръ, однако, на это порученіе не согласился. Тогда З. Я. Карнѣевъ далъ ему въ томъ смыслѣ 16 октября 1817 г. письменное приказаніе. Но еще раньше медицинскій факультетъ, разсмотрѣвъ вопросъ о замѣщеніи вакантной каѳедры хирургіи, постановилъ поручить чтеніе по ней теоретическихъ лекцій проф. Ванноти, а веденіе клиники проф. Книгину, адъюнкта же Вигуру призналъ неспособнымъ къ занятію этой каѳедры и рѣшилъ оставить его въ прежней должности и при прежнихъ обязанностяхъ; совѣтъ утвердилъ это постановленіе и представилъ его 19-го октября попечителю. Попечитель отвѣчалъ, что онъ „поставилъ въ обязанность совѣту" поручить временно каѳедру хирургіи Вигурѣ, который еще въ 1815 г. былъ избранъ совѣтомъ въ экстраординарные профессора: здѣсь, писалъ попечитель, очевидное противорѣчіе, свидѣтельствующее о какомъ-нибудь злоупотребленіи. Въ виду этого попечитель предписывалъ совѣту въ первомъ же засѣданіи его, отнюдь не откладывая на второе, потребовать отъ членовъ медицинскаго факультета объясненія, на какомъ основаніи теперь они считаютъ Калугина-Вигуру неспособнымъ къ отправленію вышеуказанной должности и немедленно донести ему, ибо ни одинъ факультетъ не имѣетъ права высказывать бездоказательныхъ сужденій на счетъ своихъ членовъ и его заключенія подлежатъ еще строгому разсмотрѣнію начальства, которое обязано за всѣмъ имѣть бдительный надзоръ. Медицинскій факультетъ, дабы не задерживать отвѣта попечителю, собрался по случаю болѣзни проф. Дрейсига на его частной квартирѣ и далъ слѣдующее заключеніе: деканъ факультета проф. Книгинъ и директоръ клиники проф. Дрейсигъ свидѣтельствовали о нерадѣніи Калугина-Вигуры въ посѣщеніи хирургической клиники; члены медицинскаго факультета объявили, что онъ небрежно исполнялъ свои обязанности секретаря факультета (рѣдко бывалъ въ засѣданіяхъ его), такъ что деканъ вынужденъ былъ исполнять его обязанности, чтобы не произошло задержки въ дѣлахъ—объ этомъ многократно сообщалось ректору; такую же неаккуратность и незнаніе онъ обнаружилъ въ порученномъ ему медицинскимъ факультетомъ лѣченіи

морского офицера Скарабелли, у котораго была констатирована каменная болѣзнь, а онъ не нашелъ камней, извлеченныхъ впослѣдствіи операторомъ Венедиктовымъ въ Тулѣ. Такимъ образомъ, онъ совершенно не годится для занятія каѳедры хирургіи, требующей лица, обладающаго глубокими познаніями, опытностью, трудолюбіемъ и извѣстностью. Въ отвѣтъ на это попечитель написалъ, что его не удовлетворилъ протоколъ медицинскаго факультета, ибо онъ преимущественно говоритъ о нерадивомъ исполненіи имъ должности секретаря, при чемъ неизвѣстно, обращалъ ли факультетъ на это обстоятельство вниманіе начальства. Во всякомъ случаѣ теперь онъ, попечитель, поручаетъ ректору наблюдать за преподаваніемъ Вигуры и доносить ему объ этомъ каждый мѣсяцъ; съ своей же стороны онъ надѣется, что Колумна-Вигура хорошимъ преподаваніемъ порученныхъ ему лекцій заслужитъ на дѣлѣ довѣріе и отъ членовъ медицинскаго факультета. Вмѣстѣ съ тѣмъ попечитель вошелъ съ представленіемъ въ министерство объ утвержденіи Вигуры временнымъ преподавателемъ по хирургіи—и получилъ такое утвержденіе. Черезъ годъ, въ 1818 г., попечитель сдѣлалъ представленіе о назначеніи Колумны-Вигуры экстраординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ хирургіи, при чемъ сослался на избраніе его въ эту должность совѣтомъ университета въ 1815 г. Министръ согласился съ этимъ представленіемъ, но и въ этой должности Колумна-Вигура оставался недолго — до начала 1821 года, когда самъ попросилъ увольненія отъ службы, ссылаясь на то, что, вслѣдствіе двукратнаго вывиха лѣвой руки, у него часто бываютъ сильныя боли, которыя заставляютъ его не выходить изъ дому и дѣлать упущенія по службѣ. Отставка была ему дана. Таковы оффиціальныя свидѣтельства документовъ. Изъ нихъ видно, что попечитель явно покровительствовалъ Колумнѣ-Вигурѣ и сдѣлалъ его, вопреки желанію медицинскаго факультета и совѣта, экстраординарнымъ профессоромъ. Въ основѣ же этого покровительства лежало личное знакомство его съ Колумной-Вигурой. Современникъ, извѣстія котораго мы приводили раньше, говоритъ слѣдующее. „Съ нами вмѣстѣ пріѣзжалъ въ деревню Захара Яковлевича герой другого романа. Это былъ одинъ молодой врачъ, нашъ домовой лекарь, незадолго передъ тѣмъ переведенный изъ Петербургской Академіи, гдѣ учился, адъюнктомъ медицины въ Харьковскій университетъ. Его португальская фамилія и прекрасное нѣжное лицо придавали ему что-то поэтическое. *Попечитель отличалъ его,* и онъ своими знаніями и *покровительствомъ начальника* легко могъ пріобрѣсти въ Харьковѣ большую практику и видное мѣсто. „Но онъ влюбился въ одну дѣвушку и, получивъ отказъ, „спился съ кругу и за дурное поведеніе переведенъ

былъ изъ университета, гдѣ ожидала его каѳедра ординарнаго профессора, уѣзднымъ лекаремъ въ какой то отдаленный городишко"[1].

Преемникомъ З. Я. Карнѣева на попечительскомъ посту былъ его племянникъ *Егоръ Васильевичъ Карнѣевъ*, управлявшій округомъ съ 26 іюля 1822 по 3-е мая 1825 года. „Егоръ Васильевичъ родился въ 1773 году, учился въ Харьковѣ (въ Коллегіумѣ) и въ Московскомъ университетѣ, служилъ въ военной службѣ подъ начальствомъ Реннина и Ласси, въ 1800 году перешелъ въ гражданскую службу и въ 1809 назначенъ управляющимъ главнымъ управленіемъ мануфактуръ. потомъ директоромъ департамента мануфактуръ и внутренней торговли. Въ 1816 году переведенъ въ Москву предсѣдателемъ комитета для снабженія войскъ сукнами. Съ 1822 по 1825 г. былъ онъ попечителемъ Харьковскаго университета, потомъ назначенъ членомъ совѣта министерства финансовъ и управляющимъ департаментомъ горныхъ и соляныхъ дѣлъ и горнымъ кадетскимъ корпусомъ, а въ 1831 г. переведенъ въ корпусъ горныхъ инженеровъ генералъ лейтенантомъ. Съ 1837 года присутствовалъ въ сенатѣ. Умеръ 17 января 1849 года. Ему принадлежатъ переводы слѣдующихъ трудовъ: 1) Приключенія Вониквеста, сына Целестинова, обитателя счастливыя страны Интры. М. 1800; 2) Духъ законовъ Монтескье, 3 части, С.-Пб. 1839 и 2-е изд. С.-Пб. 1862 г. 3) Творенія Тертулліана. изд. 2-е, 2 части. С.-Пб. 1849—1850. 4) Творенія Лактанція. 2 части. С.-Пб. 1848. 5) Божественная философія (Дютуа) 6 частей. М. 1818—1819 г. 6) Священныя пѣснопѣнія древняго Сіона, переложенныя въ стихи. С.-Пб. 1846 г.[2]).

Изъ этихъ краткихъ данныхъ видно, что Е. В. Карнѣевъ получилъ хорошее образованіе и зналъ основательно французскій и латинскій языки. Но вся его служба (военная и гражданская) до 1822 года мало подготовила его къ обязанностямъ попечителя—и онъ скоро оставилъ эту должность, чтобы снова вернуться къ прежней дѣятельности по министерству финансовъ. Онъ былъ мистикъ и состоялъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ директоромъ департамента министерства народнаго просвѣщенія извѣстнымъ мистикомъ Поповымъ, а также Лабзинымъ и своимъ дядюшкой Захаріемъ Яковлевичемъ. Изданная имъ книга Дютуа достаточно характеризуетъ и его самого съ этой стороны; если же припомнимъ, что она была напечатана на счетъ министерства народнаго просвѣщенія, тогда поймемъ, почему онъ получилъ назна-

---

[1]) Современникъ 1847 г., т. I, ч. 1-я.

[2]) Геннади. Справочный Словарь, т. 2-й, стр. 118, со ссылкою на некрологъ его Элькана въ 198—199 № „Петербург. Вѣд." 1849 г.

ченіе на постъ попечителя въ министерство кн. А. Н. Голицына и долженъ былъ оставить свою должность при Шишковѣ. Очень настойчиво рекомендовалъ его въ свои преемники З. Я. Карнѣевъ — и его просьба, наконецъ, была уважена министромъ. Предполагалось, конечно, что Е. В. Карнѣевъ будетъ дѣйствовать въ духѣ и направленіи З. Я. Карнѣева.

И Егоръ Васильевичъ, подобно Захарію Яковлевичу, старался, при назначеніи своемъ на постъ попечителя, обставить себя возможно лучше въ матеріальномъ отношеніи. Такъ, директору департамента Василію Михайловичу Попову онъ писалъ 13 іюня 1822 года: „На почтенное письмо вашего превосходительства отъ 16 сего іюня честь имѣю отвѣтствовать, что по мѣсту предсѣдателя комитета снабженія войскъ сукнами получаю я одно только жалованье, положенное по штату — 3000 р., да лично мнѣ производится изъ суммъ мануфактурнаго департамента столовыхъ тоже 3000 руб., итого — 6000 руб. Сверхъ того по вновь состоявшимся для комитета правиламъ собирается съ неисправныхъ поставщиковъ извѣстная штрафная сумма, изъ коей часть велѣно выдавать въ награду чиновникамъ, на какомъ основаніи и выдано мнѣ въ прошломъ году 6000 руб.; вотъ все то, чѣмъ я по комитету пользуюсь; кромѣ же этого имѣю еще въ Москвѣ казенную квартиру“. Въ другомъ письмѣ къ тому же лицу онъ пишетъ: „Сейчасъ я видѣлся съ княземъ Александромъ Николаевичемъ и объяснился на счетъ комитетскаго моего содержанія, о которомъ теперь же и пишу особо къ вашему превосходительству, причемъ просилъ и о выдачѣ какой-либо суммы на подъемъ. Его сіятельство объявилъ мнѣ, что Государь Императоръ повелѣлъ перемѣстить меня съ назначеніемъ того оклада, какой я по нынѣшнему мѣсту получаю. Окладъ этотъ, конечно, состоитъ опредѣлительно изъ 6000 р., но по комитету, какъ изъ письма моего увидите, есть еще и неопредѣлительные нѣкоторые доходы изъ штрафной суммы. Безмѣрно бы меня обязать изволили, ежели бы исходатайствовали въ прибавку къ 6000 руб. положенные для попечителя столовые деньги 3500 руб. По истинѣ я нахожусь крайне въ стѣснительномъ положеніи. Я никогда не имѣлъ отъ казны никакого значущаго пособія; много прожилъ изъ женина имѣнія и для меня всякое подкрѣпленіе въ содержаніи весьма важно. Я не смѣлъ безпокоить на этотъ счетъ кн. Александра Николаевича, да признаться вамъ, какъ истинному моему другу, что въ подобныхъ случаяхъ всегда языкъ мой прилипаетъ къ гортани. Ежели можно, окажите мнѣ, почтеннѣйшій Василій Михайловичъ, благодѣтельное ваше по сему предмету пособіе; а ежели нельзя, то да будетъ власть Божія, коей всегда безпрекословно я повинуюсь“.

Е. Карнѣеву назначено было 3000 р. жалованья и 6000 р. столовыхъ. 30 августа 1822 года онъ обратился къ министру народнаго просвѣщенія съ письмомъ, въ которомъ просилъ его исходатайствовать обѣщанную награду отъ министра финансовъ. 2000 руб. онъ вскорѣ получилъ отъ своего министерства на поѣздку по округу. При назначеніи ему была дана министромъ инструкція слѣдующаго содержанія: „Препроводивъ къ вашему превосходительству указъ правительствующаго сената о бытіи вамъ попечителемъ Харьковскаго учебнаго округа и предложивъ о вступленіи въ дѣйствительное отправленіе должности по этому званію, нужнымъ считаю обратить прежде всего вниманіе ваше на слѣдующіе предметы.

Во-1-хъ, нынѣшнее совершенно разстроенное состояніе Ришельевскаго лицея, по которому надлежало перемѣнить директора и, пересмотрѣвъ прежній уставъ, оказавшійся крайне недостаточнымъ, составить новый, требуетъ особаго и скораго попеченія способы вывести его изъ настоящаго бѣдственнаго неустройства. Я полагаю, что вамъ нужно будетъ прежде всего заняться ближайшимъ образомъ этимъ важнымъ учебнымъ заведеніемъ и для того посѣтить его лично, дабы на самомъ мѣстѣ узнать, какъ и чѣмъ поддержать на сей разъ отъ конечнаго упадка, по неимѣнію въ лицеѣ суммъ къ содержанію его, а притомъ и разсмотрѣть всѣ обстоятельства и точныя причины разстройства его. Въ особенности нужно будетъ счесть лицей въ употребленныхъ имъ досель денежныхъ суммахъ и накопленныхъ долгахъ, и для этого можно будетъ учредить особый комитетъ изъ чиновниковъ, довѣрія заслуживающихъ. Для оказанія вамъ въ томъ нужнаго по мѣрѣ надобности пособія, когда вы то сочтете нужнымъ, пишу я къ Одесскому градоначальнику.

Во-2-хъ, такъ какъ для Ришельевскаго лицея, вслѣдствіе исходатайствованнаго мною Высочайшаго повелѣнія, составляется новый уставъ, то, препровождая при этомъ его проэктъ, поручаю вамъ войти въ подробное соображеніе по осмотрѣ самого лицея на мѣстѣ и узнать подробно все то, что для него потребно. При этомъ нужнымъ нахожу препоручить въ особенное вниманіе ваше замѣчанія, какія можетъ вамъ представить нынѣшній директоръ лицея г. надворный совѣтникъ Гейнлетъ, который похвальными качествами своими заслуживаетъ всякаго довѣрія и можетъ преимущественно употребленъ быть вами для содѣйствія къ приведенію лицея въ лучшее состояніе. Когда же составится вами другой проэктъ устава, то при немъ возвратите и прежній съ вашими на все замѣчаніями.

Въ 3-хъ, нужно будетъ вашему превосходительству войти ближайшимъ образомъ въ разсмотрѣніе производящейся постройки зданій для Харьковскаго университета, ибо на это опредѣлена по докладу моему вслѣдствіе представленія предмѣстника вашего весьма значительная сумма и учреждена особая строительная коммиссія для производства дѣла хозяйственнымъ образомъ. Надлежитъ поэтому наблюсти, чтобы не было употреблено издержекъ сверхъ опредѣленной Высочайшимъ повелѣніемъ суммы и чтобы все произведено было въ дѣйствіе съ выгодою для казны и съ надлежащею прочностію.

Въ 4-хъ, разсмотрѣть и удостовѣриться въ точной надобности разныхъ сверхштатныхъ издержекъ по университету, простирающихся въ годъ до 30000 р. и употребляемыхъ изъ остатковъ штатной отъ другихъ статей суммы и въ томъ числѣ на канцелярію университета по 12000 руб. въ годъ, о коихъ мнѣ представлялъ прежній попечитель. Извѣстно, что изъ государственнаго казначейства по вынѣшнимъ обстоятельствамъ весьма затруднительно испрашивать новыхъ пополненій къ штатамъ, а хозяйственная сумма Харьковскаго университета истощена на постройку зданій для него. По этимъ причинамъ нужно будетъ въ силу необходимости умѣрить расходы по университету и для того, препровождая къ вамъ прежнее по этому предмету представленіе, буду ожидать другого по вашимъ соображеніямъ.

Въ 5-хъ, отъ бывшаго попечителя представленъ мнѣ также новый штатъ университету. Такъ какъ онъ не могъ еще быть разсмотрѣнъ, то поручаю вашему превосходительству равнымъ образомъ и по вышесказаннымъ причинамъ сообразить его съ точною во всемъ и неизбѣжною надобностью и потомъ представить мнѣ на усмотрѣніе.

Въ 6-хъ, такъ какъ при поѣздкѣ вашей въ Одессу для обозрѣнія Ришельевскаго лицея можете вы осмотрѣть и другія части ввѣреннаго вамъ округа, то надобно вамъ будетъ дѣлать мнѣ представленія всякій разъ, въ какія именно губерніи округа вашего вы намѣрены ѣхать, дабы соотвѣтственно съ тѣмъ могъ я доставлять вамъ на проѣздъ потребную сумму, что и нынѣ предоставляю вамъ учинить.

По пріѣздѣ вашемъ въ Харьковъ, предоставляю вамъ избрать для жительства вашего съ семействомъ въ университетскомъ домѣ приличные покои, какіе для этого сами по удобству изберете. Объ опредѣленіи васъ попечителемъ Харьковскаго учебнаго округа дано мною знать также и директорамъ Ришельевскаго лицея и гимназіи высшихъ наукъ князя Безбородка, какъ заведеній, университету не подвѣдомыхъ, но состоящихъ въ непосредственной зависимости отъ попечителя Харьковскаго округа. Я предписалъ имъ поэтому, чтобы они представленія свои

дѣлали отнынѣ къ вамъ, вслѣдствіе чего и зависѣть отъ васъ будетъ дать имъ нынѣ же съ своей стороны предписанія о томъ, куда адресовать къ вамъ представленія ихъ" [1]).

И такъ, главное вниманіе по части университетскихъ дѣлъ новый попечитель долженъ былъ обратить на хозяйственную часть—позаботиться о возможныхъ *сокращеніяхъ* издержекъ; едва-ли, однако, это обстоятельство могло благопріятно отразиться на развитіи дѣятельности университета. Е. В. Карнѣевъ осмотрѣлъ университетъ и рисуетъ его положеніе въ оффиціальномъ отчетѣ министру въ мрачныхъ чертахъ. Учебно-вспомогательныя учрежденія его были бѣдны и находились въ безпорядкѣ; учебная часть сильно хромала и требовала многихъ реформъ; дисциплина среди студентовъ также пала. Е. В. Карнѣевъ предложилъ цѣлый рядъ мѣръ, которыя должны были исправить существующіе недостатки. Основная тенденція ихъ заключалась въ желаніи приблизить университетъ, по его строю и порядкамъ, къ типу гимназій: сами профессора должны были слѣдить за посѣщеніемъ студентами лекцій, а надъ ними въ свою очередь устанавливался строжайшій контроль; такой же надзоръ попечитель хотѣлъ установить и за самымъ содержаніемъ и направленіемъ ихъ чтеній. „Имѣю честь, писалъ онъ министру, представить Вашему Сіятельству отчетъ объ осмотрѣнныхъ мною въ теченіи нынѣшняго года разныхъ заведеніяхъ ввѣреннаго мнѣ Харьковскаго учебнаго округа, съ присовокупленіемъ съ моей стороны мѣръ или сдѣланныхъ предположеній къ лучшему образованію ихъ. Я начну съ самого университета и съ учрежденныхъ въ Харьковѣ училищъ, а потомъ обращусь къ иногороднымъ гимназіямъ, какія въ объѣздъ мой по округу мною обревизованы.

1-ое. Въ какомъ положеніи при вступленіи моемъ въ должность найденъ мною университетъ, о томъ донесъ я Вашему сіятельству еще 4-го ноября прошлаго 1822 года. Съ тѣхъ поръ, обращая прилежнѣйшее вниманіе на благоустройство университета, я не упускалъ ни одного случая лично замѣчать и исправлять нѣкоторые недостатки его.

а) Первое и важнѣйшее дѣло состояло въ лучшемъ призрѣ и упроченіи содержанія казенноконштныхъ студентовъ, между коими за извѣстную плату живетъ и нѣсколько своекоштныхъ. Особое представленіе объ этомъ сдѣлано было отъ меня Вашему сіятельству съ самаго начала; но представленіе это встрѣтило затрудненія и такимъ образомъ студенты—питомцы остаются до сихъ поръ почти въ одномъ и томъ же положеніи, исключая нѣкоторыхъ только исправленій, особенно со

---

[1]) Архивъ Мин. Нар. Просв. Дѣло № 22436/496.

стороны надзора за ними, къ усугубленію коего въ помощь инспектору приданы два адъюнкта, обязанные смотрѣть также и за вольноприходящими съ квартиръ студентами.—Объ устройствѣ вообще студентовъ при университетѣ я имѣю теперь другія предположенія, кои и представляются при особомъ моемъ донесеніи.

b) Что касается до библіотеки и кабинетовъ университетскихъ, то за приведеніемъ ихъ въ надлежащій порядокъ имѣлъ я неослабное наблюденіе, и въ слѣдствіе того библіотека, принятая г. ректоромъ Джунковскимъ изъ единаго усердія къ службѣ въ непосредственное его вѣдѣніе, разобрана систематически, вся по предметамъ описана и алфавитный каталогъ ея уже печатается. Изъ кабинетовъ физическій и математическій находятся въ порядкѣ. Минцъ—кабинетъ стараніемъ г.г. профессоровъ Дудровича и Кронеберга, по крайней мѣрѣ вѣсомъ и счетомъ, приведены въ извѣстность, всѣ монеты и медали разобраны по металламъ и въ такомъ порядкѣ подробно описаны. О дальнѣйшемъ устройствѣ этого кабинета предложилъ я вновь университету съ тѣмъ, чтобы назначенъ былъ особый для того профессоръ или адъюнктъ, на рукахъ коего и останется уже онъ навсегда. Технологическій кабинетъ, хотя и не важный, но оставался безъ описи по причинѣ отсутствія еще нужнаго для него помѣщенія. Я предложилъ университету сдѣлать немедленно означенную опись. Объ анатомическомъ кабинетѣ почти и упоминать нечего. Маловажные нѣкоторые препараты, сдѣланные здѣсь, не заслуживаютъ вниманія. Крайне бы нужно было пріобрѣсть гдѣ-либо коллекцію препаратовъ для этого кабинета при Харьковскомъ университетѣ, о чемъ не премину я войти съ особымъ представленіемъ. Остаются еще два кабинета—зоологическій и минералогическій, которые, не взирая на всѣ мои настоянія, не приведены въ систематическій порядокъ, равно какъ и надлежащаго имъ описанія не сдѣлано. Недавно предлагалъ я университету, чтобы онъ возложилъ на кого либо изъ надежнѣйшихъ профессоровъ освидѣтельствовать всѣ кабинеты, дабы узнать, какой успѣхъ имѣло до сихъ поръ данное мною еще въ концѣ прошлаго года на счетъ устройства ихъ предложеніе. По освидѣтельствованію, оказалось, что эти два кабинета находятся почти въ томъ же положеніи, въ какомъ и прежде были. Виновниками же этого являются, повидимому, сами профессора, въ вѣдѣніи коихъ кабинеты находятся, именно г.г. Делавинь и Тауберъ, изъ которыхъ первый по старости, а послѣдній по болѣзненнымъ припадкамъ, вѣроятно, не могли порядочно заняться этимъ дѣломъ. Вслѣдствіе чего я предложилъ нынѣ университету зоологическій кабинетъ передать лекарю Черняеву, который отправленъ въ чужіе края для усовершенствованія

въ ботаникѣ и зоологіи и скоро оттуда долженъ возвратиться, а между тѣмъ подтвердить Делавиню и сверхъ того поручить приспѣшнику Петрѣ сколько можно стараться о лучшемъ устройствѣ этого кабинета; минералогическій же кабинетъ вмѣсто г. Таубера отдать въ вѣдѣніе профессора химіи и металлургіи г. Сухомлинова, на коего возложить и приведеніе его въ должный порядокъ. При университетѣ существуетъ еще одно довольно важное заведеніе, а именно ботаническій садъ, наполненный множествомъ иностранныхъ растеній и находящійся въ хорошемъ положеніи и устройствѣ. При немъ учрежденъ также обширный англійскій садъ. О томъ и о другомъ по недостатку суммы, на содержаніе ихъ ассигнованной, я войду съ особымъ представленіемъ.

е) Одно изъ важнѣйшихъ моихъ занятій состояло въ исправленіи недостатковъ по учебной части въ университетѣ. Недостатки эти замѣчены мною особенно при публичныхъ испытаніяхъ, бывшихъ въ іюнѣ мѣсяцѣ настоящаго года, при которыхъ всегда я присутствовалъ. Курсъ каждой науки былъ раздробленъ на три года, отъ чего студенты должны были всегда учиться вообще всѣмъ предметамъ, коихъ такое множество, что недоставало времени пользоваться лекціями. Начиная съ семи часовъ утра, каждый почти проходилъ по девяти классовъ въ день, и потому, перемѣняя только классъ на классъ, не успѣвалъ выслушать одно, какъ долженъ былъ слушать уже другое. Тутъ никакой памяти уже недоставало, и всякое понятіе притуплялось. Между тѣмъ нѣкоторые главнѣйшіе предметы упущены были изъ виду; особенно изученіе языковъ, въ особенности латинскаго и россійскаго, за недостаткомъ времени, оставалось въ пренебреженіи. Сверхъ того всѣ студенты вообще затруднялись перепискою обширныхъ лекціонныхъ записокъ. При томъ за неправильнымъ хожденіемъ ихъ въ классы не было должнаго надзора и взысканія; да и сами нѣкоторые профессора позволяли себѣ иногда безъ важныхъ причинъ въ классы не ходить, въ каковое время учащіеся привыкали къ праздность любію и проч. Всѣ таковые и подобные имъ недостатки по учебной части вмѣнилъ я себѣ въ обязанность по окончаніи экзаменовъ поставить на видъ совѣту университета и требовалъ отъ него принятія немедленно мѣръ къ должному ихъ исправленію. Въ слѣдствіе чего совѣтъ имѣлъ нѣсколько чрезвычайныхъ засѣданій и въ присутствіи моемъ положилъ привести въ дѣйствіе слѣдующія распоряженія. 1-е) Курсъ ученія по каждой каѳедрѣ расположить насколько возможно на одинъ годъ, исключая нѣкоторыхъ немногихъ предметовъ, требующихъ большаго времени, и въ слѣдствіе того по силѣ § 116 устава производить ежегодно испытанія, такъ что въ случаѣ если кто не окажетъ надлежащихъ въ

какой либо наукѣ успѣховъ, тотъ могъ бы оставляемъ быть и на другой годъ для слушанія того же наставленія. 2-е) Ученіе въ классахъ расположить слѣдующимъ образомъ: профессоръ прежде всего повторяетъ предыдущую лекцію, дѣлая иногда и вопросы на этотъ счетъ студентамъ; потомъ, объяснивъ имъ новую статью, останавливается и распрашиваетъ ихъ, поняли ли ее, и такимъ образомъ продолжаетъ до окончанія класса. 3-е) Введенную нынѣ переписку профессорскихъ тетрадей допустить только на нынѣшній курсъ, впредь кто не имѣетъ книгъ для руководства по своей части, тѣмъ составить краткое энциклопедическое обозрѣніе всей науки, ими преподаваемой, съ достаточнымъ однако жъ объясненіемъ существа всего ученія и техническихъ терминовъ, каковыя обозрѣнія напечатать на счетъ университета съ назначеніемъ умѣренной за экземпляръ платы, которую каждый студентъ при вступленіи въ классъ обязанъ вносить, на что испросить разрѣшеніе высшаго начальства, о чемъ и вхожу я съ особымъ представленіемъ.—4-е) Каждому профессору завести въ своемъ классѣ перекличку студентовъ, которую иногда и самому повѣрять; за нехожденіе же строго взыскивать, представляя даже и къ исключенію изъ университета.—5-е) Профессорамъ и адъюнктамъ, лекціи преподающимъ, ходить въ классы не упустительно; а буде кто иногда не можетъ придти, да и то единственно по болѣзни, тотъ обязанъ предупредить о томъ ректора; иначе же обо всякомъ своевольномъ отсутствіи записывать и записки эти ежемѣсячно доставлять ко мнѣ.—6-е) Дабы въ случаѣ отсутствія профессора студенты не гуляли, постановить за правило, чтобы всегда на сей случай наряжаемъ былъ къ нимъ по выбору г. ректора одинъ изъ кандидатовъ, который бы занималъ ихъ приличными упражненіями, буде можно по тому же предмету, какому учитъ профессоръ; на сей конецъ, по обширности нынѣ университетскихъ зданій, отвести въ нихъ квартиры нѣкоторымъ таковымъ кандидатамъ, хотя бы и своекоштнымъ. — 7-е) Обратить самоважнѣйшее вниманіе на изученіе языковъ и особенно россійскаго и латинскаго, для которыхъ учредить по три класса съ тѣмъ, чтобы въ нихъ во все трехлѣтіе безпрерывно учились всѣ безъ исключенія студенты изо всѣхъ факультетовъ.—Изъ этихъ классовъ первые для первогоднихъ студентовъ поручить лучшимъ по выбору кандидатамъ или магистрамъ, кои хотя и не будутъ получать особаго за этотъ трудъ жалованья, но могутъ надѣяться на вниманіе начальства, вторые классы для второгоднихъ студентовъ возложить на адъюнктовъ, а третьи для третьегоднихъ студентовъ на профессоровъ. Во всѣхъ этихъ классахъ занимать студентовъ болѣе всего практикою, и особенно сочиненіями, такъ чтобы каждый къ экзамену

могъ представить порядочное разсужденіе, писанное ежели можно безъ поправокъ. Что же касается до прочихъ языковъ и особенно новѣйшихъ, то предоставляя на волю студентовъ учиться какому либо изъ нихъ, стараться, чтобы со временемъ и для этихъ языковъ учреждено было при университетѣ по крайней мѣрѣ по два класса. 8-е) Поощрять и возбуждать всѣхъ студентовъ, на сколько позволитъ время, заниматься болѣе прежняго искусствами и преимущественно рисованіемъ, для чего учредить по два постоянныхъ класса, какъ для рисованья, такъ для музыки и танцованья. 9-е) Кромѣ языковъ и искусствъ, кои могутъ почитаться общими для всѣхъ студентовъ науками, во все трехъ годичное пребываніе ихъ въ университетѣ, вмѣнить въ обязанность каждому безъ исключенія, какой бы кто факультетъ для себя не избралъ, пройти непремѣнно одинъ разъ курсъ философіи и ученіе о богопознаніи, какъ важнѣйшіе и въ жизни, и въ службѣ предметы. 10-е) Уравненіе и распредѣленіе предметовъ ученія на каждый годъ для каждаго вступающаго въ университетъ студента производить факультетамъ, въ какой кто поступилъ, которые о таковомъ своемъ назначеніи обязаны сообщить всѣмъ профессорамъ и учителямъ, съ показаніемъ часовъ и классовъ, чему кто учиться будетъ, включая въ то число и языки, и искусства. 11-е) При пріемѣ въ студенты дѣлать имъ испытанія, не смотря на аттестаты, отъ гимназіи полученные, и кто не выдержитъ экзамена, то за выдачу аттестатовъ недостойнымъ дѣлать гимназіямъ выговоры.

d) Постройка университетскихъ зданій также занимала меня въ теченіе всего нынѣшняго года безпрерывно. Она производилась вообще весьма успѣшно и противъ прежняго дешевле. Всѣ почти зданія, исключая обсерваторіи, у которой, какъ извѣстно, обрушилась одна стѣнка, должны кончены быть вчернѣ. Между прочимъ въ первоначальномъ планѣ зданій замѣтилъ я нѣкоторые недостатки по внутреннему расположенію, которое по сему и старался я при отдѣлкѣ нѣкоторыхъ корпусовъ, кои еще кончены не были, исправить. Сверхъ того предполагалось клинику и медицинскій вообще институтъ выстроить въ послѣдствіи особо, для чего купленъ былъ въ полуверстѣ отъ университета деревянный небольшой домъ съ мѣстомъ. Находя съ своей стороны, что таковая особая постройка стоила бы казнѣ по предварительному исчисленію нѣсколько сотъ тысячъ рублей, а при томъ, по причинѣ отдѣленія отъ университета одного этого факультета, она крайне была бы неудобна, я изыскивалъ всѣ возможныя средства, какимъ бы образомъ помѣстить и этотъ факультетъ въ самомъ университетѣ. Изысканія мои остались не тщетны. Я нашелъ, что если мнѣ

уступить назначенную для попечителя съ канцеляріею и со службами квартиру, а кромѣ того выстроенную вдоль по валу на 39 саженяхъ галлерею обратить въ жилые покои, то для всѣхъ вообще университетскихъ заведеній, не исключая и медицинскаго, помѣщеніе будетъ достаточное. Объ этомъ предложено мною на разсужденіе университету и въ слѣдствіе того составлено особое обо всемъ этомъ донесеніе для представленія вашему сіятельству, которое съ одной стороны сбережетъ значительныя отъ казны издержки, а съ другой, соединяя всѣ заведенія въ одно мѣсто, послужитъ къ сугубой вообще пользѣ.

е) Обращая вниманіе на самый составъ университета въ томъ видѣ, въ какомъ онъ нынѣ находится, я замѣтилъ, что управленіе и самое благосостояніе его подвержены премногимъ затрудненіямъ и, такъ сказать не тверды въ самомъ основаніи своемъ. Важнѣйшіе начальники, каковы ректоръ, названный главою университета, и инспекторъ надъ студентами, избираясь попеременно изъ профессоровъ, занятыхъ своими учеными упражненіями, не имѣютъ ни времени, ни способовъ къ порядочному исправленію этихъ возлагаемыхъ на нихъ постороннихъ обязанностей; при томъ же, подвергаясь перемѣнѣ, не пользуются ни тою властію, ни тѣмъ уваженіемъ, какія начальству приличны.—Отсюда общее невниманіе къ ихъ настояніямъ и собственная ихъ уклончивость отъ всякой строгости. Сверхъ того недостатокъ по штату въ исполнительныхъ чиновникахъ и другія разныя неудобства ставятъ университетъ почти въ невозможность хорошо управлять обширными своими заведеніями не только по существу дѣла, но и по внѣшности. Имѣя все это въ виду и при томъ получивъ съ самаго начала предписаніе вашего сіятельства войти въ ближайшее разсмотрѣніе требованныхъ прежде дополнительныхъ къ настоящему штату университета суммъ, я соединилъ то и другое въ общій проектъ о лучшемъ устройствѣ всѣхъ частей университета, который и представляю при особомъ донесеніи на благоуваженіе вашего сіятельства [1]".

Вслѣдъ за своимъ отчетомъ Е. В. Карнѣевъ отправилъ въ министерство особое предложеніе объ изданіи для студентовъ краткихъ конспектовъ профессорскихъ чтеній. Въ своемъ представленіи онъ писалъ. „Между прочими предметами, принадлежащими къ исправленію учебной части въ Харьковскомъ университетѣ, обращая вниманіе на преподаваніе въ немъ лекцій, замѣтилъ я, что студенты слишкомъ много обременяются перепиской обширныхъ профессорскихъ тетрадей или записокъ и на это употребляютъ почти все свое свободное время. Желая

[1]) Архивъ мин. нар. просв. дѣло № 22687/490.

облегчить ихъ въ этомъ излишнемъ трудѣ, и предложилъ университету изыскать средства, не могутъ ли гг. профессора и адъюнкты сочинить краткихъ энциклопедическихъ обозрѣній наукъ, ими преподаваемыхъ, и, напечатавъ таковыя обозрѣнія, выдавать ихъ студентамъ за извѣстную умѣренную плату. Совѣтъ университета на предложеніе это согласился съ тѣмъ, что кто не имѣетъ книгъ для руководства по своей части, тѣ составили бы означенныя энциклопедическія обозрѣнія въ теченіе настоящаго годового курса и къ концу его представили бы въ совѣтъ на разсмотрѣніе; но какъ никто почти изъ нихъ не имѣетъ способовъ къ напечатанію ихъ на свой счетъ, то испросить у высшаго начальства дозволеніе напечатать ихъ отъ казны изъ хозяйственныхъ суммъ университета. Полагая съ своей стороны, что таковыя краткія обозрѣнія наукъ, въ университетѣ преподаваемыхъ, во многихъ отношеніяхъ весьма полезны, ибо, во 1-хъ, облегчать труды студентовъ, и безъ того много озабоченныхъ, во 2-хъ, не составятъ важныхъ для нихъ издержекъ, и особенно, въ 3-хъ, изъяты должны быть отъ всякихъ излишнихъ сужденій, коими писанныя тетради иногда наполняемы быть могутъ, и осмѣливаюсь испрашивать начальническаго разрѣшенія вашего сіятельства на слѣдующія по этому предмету мѣры: 1) подтвердить, чтобы гг. профессора и адъюнкты, не имѣющіе книгъ для руководства по своей части, благоволили къ концу нынѣшняго годового курса непремѣнно сочинить и представить въ университетскій совѣтъ означенныя обозрѣнія или конспекты наукъ, но не иначе какъ съ достаточнымъ объясненіемъ существа всего ученія и техническихъ терминовъ; 2) совѣтъ по разсмотрѣніи и одобреніи ихъ не преминетъ распорядиться, чтобы они немедленно были напечатаны на счетъ казны изъ хозяйственныхъ суммъ университета; 3) всѣмъ таковымъ печатнымъ обозрѣніямъ должна постановлена быть умѣренная цѣна, возвращающая только казенныя издержки съ процентами; 4) по этой цѣнѣ со взысканіемъ денегъ выдавать ихъ студентамъ; 5) каждый студентъ обязанъ оставлять ихъ у себя и повыходѣ изъ университета". (28 декабря 1823 года). Ученый комитетъ минист. народн. просв. высказалъ по этому поводу слѣдующее мнѣніе: „большая часть учебныхъ предметовъ, какъ видно изъ ежегодныхъ росписаній ихъ, преподаются въ университетахъ нашихъ по избраннымъ для этого руководствамъ; малая же часть ихъ по рукописнымъ профессорскимъ запискамъ; записки эти составляются большею частью по самымъ труднымъ наукамъ, требующимъ по своей обширности, многоразличнымъ системамъ преподаванія и оказывающимся въ нихъ новымъ открытіямъ, какъ со стороны учащихъ безпрестаннаго перечиты-

ванія книгъ и новаго соображенія, такъ и отъ учащихся глубокаго вниманія и проницательности. Въ этомъ последнемъ случаѣ для вящаго содѣйствія успѣхамъ студентовъ не только не слѣдуетъ изыскивать для нихъ какихъ-либо облегченій, а напротивъ того имъ нужно открывать способы къ усугубленію ихъ труда и поддержанію вниманія. Таковой способъ представляется въ собственноручномъ письмѣ или переписываніи, посредствомъ котораго не только всѣ идеи тверже печатлѣются въ памяти, но самый разсудокъ нашъ глубже, чѣмъ въ обыкновенномъ чтеніи, проникаетъ въ частную и общую связь соединенныхъ понятій и расположеніе ихъ, такъ что мы не только нечувствительно пріучаемся къ потребнымъ во время чтенія соображеніямъ и обдуманности для достиженія вящшей пользы, но и пріобрѣтаемъ навыкъ къ подобнымъ основаніямъ и расположенію въ собственныхъ сочиненіяхъ нашихъ. Что же касается до энциклопедическаго обозрѣнія наукъ, то оно признается совершенно ненужнымъ и вреднымъ, такъ какъ всякое вообще энциклопедическое преподаваніе, способствуя поверхностнымъ понятіямъ о наукахъ, не доставляетъ государству прямо образованныхъ членовъ, готовыхъ проходить возлагаемыя на нихъ должности со знаніемъ своихъ обязанностей, трудностей всякаго дѣла и способовъ и удовольствія ихъ преодолѣванія; напротивъ того, какъ дознано несчастнымъ опытомъ установленнаго на таковыхъ началахъ воспитанія въ нѣкоторыхъ училищахъ, наводняетъ всякія состоянія людьми не свѣдущими и самонадѣянными, служащими въ тягость каждому обществу и начальству. По этимъ причинамъ ученый комитетъ не можетъ дать согласія на предположеніе г. попечителя Харьковскаго округа касательно составленія и напечатанія для студентовъ Харьковскаго университета энциклопедическихъ обозрѣній наукъ и всякое энциклопедическое познаніе признаетъ язвою умовъ, отъ которой всячески надлежитъ ограждать наши учебныя заведенія". На основаніи этого отзыва главное правленіе училищъ постановило: „возложить на гг. попечителей учебныхъ округовъ сдѣлать зависящее отъ нихъ распоряженіе, чтобы профессора каждаго университета, по составленіи ими подробныхъ конспектовъ полнымъ курсамъ преподаваемыхъ ими наукъ, внесли ихъ въ установленномъ порядкѣ въ университетскій совѣтъ, который, по разсмотрѣніи, одобреніи и напечатаніи ихъ на счетъ хозяйственныхъ университетскихъ суммъ представитъ ихъ чрезъ кого слѣдуетъ г. министру заблаговременно такъ, чтобы присланные конспекты по одобреніи ихъ главнымъ правленіемъ училищъ могли быть возвращены для напечатанія ихъ на счетъ хозяйственныхъ университетскихъ суммъ каждому университету до начала учебныхъ курсовъ, безъ чего не можетъ быть дозволено ни од-

ному профессору и самое преподаваніе. Что же касается до составляемыхъ профессорами учебныхъ книгъ (compendia) и изданія ихъ, то въ отношеніи ихъ также постановлены въ уставахъ правила, коими университетскія начальства и должны руководствоваться“ (16 мая 1824 г.).

Магницкій, которому поручено было разсмотрѣть конспектъ профессоровъ Виленскаго университета, заявилъ: „Дѣло это, не представлявшее въ началѣ никакой значительности, кромѣ той осторожности, чтобы не пропустить чего-либо неправильнаго или вреднаго, приняло по мѣрѣ его ближайшаго разсмотрѣнія видъ весьма важный по моему мнѣнію, и это почитаю долгомъ представить на благоусмотрѣніе ваше, милостивый государь. Всѣ сдѣланные доселѣ распоряженія по Виленскому университету суть однѣ мѣры полицейскія, отсѣкающія только вредный плодъ, а не исторгнувшія самаго корня зла, которымъ является вредный духъ, въ преподаваніи разныхъ наукъ завернутый. Доколѣ корень этотъ останется живымъ, дотолѣ и новые плоды отъ него произрастать будутъ, не смотря на то, что ихъ срываютъ. Изъ конспекта богословія ваше высокопревосходительство удостовѣриться изволите, что эта главнѣйшая изъ наукъ, вокругъ которой всѣ прочія какъ звѣзды около солнца должны имѣть свѣтъ, отъ нея заимствованный, преподается не только не согласно съ римско-католическимъ исповѣданіемъ, но и по руководству такого автора, который и въ лютеранской доброй школѣ не былъ бы терпимъ, ибо въ твореніяхъ своихъ почти не упоминаетъ объ Іисусѣ Христѣ. Чего можно ожидать въ прочихъ наукахъ, ежели таково богословіе? Баконъ говорилъ, что одна религія есть ароматъ, предохраняющій науки человѣческія отъ гніенія. И дѣйствительно, всѣ прочія преподаванія Виленскаго университета одного и весьма дурного духа. Ежели въ конспектахъ, кои каждый профессоръ составляетъ осторожно и совѣтъ Виленскаго университета просмотрѣлъ вѣрно, особливо послѣ бывшихъ тамъ происшествій, внимательно, ежели въ конспектахъ съ перваго взгляда видно нечестіе и начала возмутительныя, то что же въ тетрадяхъ и устныхъ преподаваніяхъ? Хотя нѣкоторые изъ профессоровъ, писавшихъ конспекты, отставлены, но духъ остался, ибо конспекты ихъ присланы на утвержденіе и заключаютъ въ себѣ развязку тѣхъ печальныхъ происшествій, коими Виленскій университетъ сдѣлался извѣстнымъ, ибо отъ юношества, въ сихъ началахъ воспитаннаго и отъ высшаго учебнаго мѣста ихъ проповѣдующаго, ничего и впредь ожидать не можно, кромѣ возобновленія бывшихъ происшествій, коихъ одни примѣры строгости никакъ истребить не могутъ. Мнѣ бы казалось необходимымъ: . . . .

. . . .

1. Конспекты богословія передать на разсмотрѣніе Виленскому епархіальному начальству съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ ихъ утвержденія представило оно законоучителя изъ лицъ духовныхъ и всегда конспекты и и руководство его само разсматривало и утверждало, сообщая только къ свѣдѣнію университетскаго совѣта.

2. Вредное преподаваніе остановить, ибо перемѣнивъ конспекты не можно перемѣнить духа въ преподавателяхъ однимъ приказаніемъ.

3. Отправить ревизора осмотрѣть университетъ особенно въ отношеніи учебно нравственномъ, гдѣ крѣпко утвержденъ весь корень зла. Ново избранный вашимъ высокопревосходительствомъ членъ главнаго правленія училищъ ген. Карбоньеръ находится по порученію своего начальства близъ Вильны и, судя по частнымъ его со мною сношеніямъ, собралъ уже о Виленскомъ университетѣ на мѣстѣ весьма основательныя и важныя свѣдѣнія, почему и могъ бы ревизію эту, по моему мнѣнію, сдѣлать весьма удобно тѣмъ болѣе, что онъ человѣкъ ученый и римско-католикъ. Въ богословскомъ классѣ у Іоанна Скиделя Канцій Шодъ богословъ (не католическій) не упоминаетъ въ твореніяхъ своихъ объ Іисусѣ Христѣ".

Попечитель Виленскаго округа Новосильцовъ сдѣлалъ подробный разборъ замѣчаній Магницкаго. По поводу конспекта богословія выяснилось, что рѣчь идетъ о ксензѣ Іоаннѣ Скиделѣ, который ссылается на сочиненіе Іоанна Кантія Ходани (Ioannes Cantius Chodani), напечатанное на польскомъ языкѣ въ Вильнѣ въ 1823 г. съ дозволенія епархіальной цензуры. Книга эта, какъ и авторъ, пользовалась всеобщимъ уваженіемъ. Въ ней о божественности Христа говорится всюду. Но откуда Магницкій взялъ Канція Шода, это трудно объяснить. Есть богословы Шоды (Schott и Chaud), но ихъ книги не приняты въ руководство Виленскимъ университетомъ и ни одинъ изъ нихъ не именуется Канціемъ. „Послѣ сего долженъ я заключать, говоритъ Новосильцовъ, что попечитель Казанскаго университета, начавъ читать по французскому произношенію имя Ioannes Cantius Chodani и не дочитавъ до конца, по скорости съ какою писалъ замѣчанія на конспекты, составилъ себѣ имя автора Канція Шода, коего конечно нельзя принять въ основаніе при преподаваніи ни въ католическомъ, ниже лютеранскомъ училищѣ, ибо его вовсе не существуетъ. Не излишнимъ считаю при этомъ случаѣ замѣтить, что Cantius не есть имя, а прозваніе Св. Іоанна Кантійскаго, богоугодника Краковскаго, какъ напр. Ioannes Nepomucenus, и никто изъ нареченныхъ въ святомъ крещеніи именемъ сихъ святителей не употребляетъ одного прозванія безъ имени". Заключаетъ свой отвѣтъ Новосильцовъ слѣдующими сильными строками.

„Представляя эти замѣчанія мои вмѣстѣ съ препровожденными при нихъ новыми конспектами на слѣдующій учебный годъ, я въ непремѣнную обязанность поставляю себѣ просить ваше высокопревосходительство, чтобы разсмотрѣніе этихъ конспектовъ и представленіе замѣчаній на нихъ благоволили препоручить не одному, но нѣсколькимъ членамъ правленія училищъ, имѣющимъ твердыя и основательныя познанія какъ въ наукахъ, такъ и въ латинскомъ языкѣ, на коемъ тѣ конспекты писаны. Стараясь всѣми мѣрами вперить и укоренить въ чувствованіяхъ подвѣдомыхъ мнѣ чиновниковъ по ученой части должное почтеніе, уваженіе и благоговѣйное послушаніе къ высшему училищному начальству, я съ прискорбіемъ долженъ объявить, что подобныя замѣчанія, какія сдѣланы были попечителемъ Казанскаго учебнаго округа на университетскіе конспекты, не только не приближаютъ меня къ моей цѣли, но должны часъ отъ часу болѣе отъ нея отдалять. Ничто въ ученыхъ людяхъ не истребляетъ скорѣе того уваженія и довѣрія, которое они для общеполезнаго въ училищныхъ заведеніяхъ порядка должны имѣть къ своему начальству, какъ неосновательные и несправедливые упреки со стороны этого начальства относительно преподаваемыхъ ими наукъ. Сколько съ одной стороны нужно и полезно въ глазахъ ихъ открыть зло въ преподаваніяхъ при самомъ его возрожденіи и строго за то взыскивать, столько съ другой *вредно и противно благимъ намѣреніямъ правительства находить его тамъ, гдѣ оно не существуетъ, и выводить его изъ ложныхъ и превратныхъ толкованій, которыя происходятъ или отъ незнанія науки, о которой производится сужденіе, или отъ незнанія языка, на которомъ преподаваніе тѣхъ наукъ ведется.* Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, раздражающемъ честолюбіе ученаго и притомъ благомыслящаго человѣка, нельзя, чтобы не охладѣло въ немъ его усердіе къ преподаванію со всевозможною осмотрительностью своего предмета и со внушеніемъ всѣхъ тѣхъ правилъ, которыя служатъ къ общему благу, равно какъ нельзя думать, чтобы злонамѣренные не почерпнули изъ того своей пользы къ распространенію вредныхъ своихъ началъ, служащихъ къ низверженію всеобщаго порядка, видя, что развращающій юношество наставникъ и благомыслящій безъ различія одинаковому подвергаются сужденію".

Харьковскій попечитель писалъ, что совѣтъ университета доставилъ ему конспекты, но большая часть ихъ послѣ разсмотрѣнія оказалась чрезвычайно обширными—въ видѣ книгъ (compendia) и даже болѣе, заключая цѣлыя стопы. Поэтому они были отданы для сокращенія. Потомъ они были разсмотрѣны въ ученомъ комитетѣ и возвращены. Возникло затрудненіе, исправлять ли конспекты согласно новымъ открытіямъ въ наукахъ; въ

концѣ концовъ рѣшено было представлять ихъ только совѣтамъ университетовъ [1].

Отчетъ Е. В. Карнѣева объ осмотрѣ университета былъ подвергнутъ разсмотрѣнію въ ученомъ комитетѣ главнаго правленія училищъ и члены его высказали о немъ такое мнѣніе. Графъ Н. С. Лаваль. „Г-нъ попечитель, говоря о порядкѣ, который, какъ кажется, завелъ онъ въ библіотекѣ и кабинетахъ физическомъ и медалей, ничего не упоминаетъ о ежегодномъ приращеніе ихъ; кажется, что кабинетъ, называемый технологическимъ, то есть назначенный для машинъ, вовсе безполезенъ, ибо нѣтъ даже помѣщенія для него; но должно надѣяться, что съ устройствомъ новаго для него помѣщенія, о коемъ говоритъ попечитель, неудобство это отвратится. Гораздо большимъ неудобствомъ является совершенное отсутствіе анатомическаго кабинета при университетѣ, въ коемъ есть медицинскій факультетъ. Попечитель справедливо порицаетъ излишество учебныхъ предметовъ, коими обременяютъ студентовъ и обыкновеніе заставлять ихъ перебѣгать изъ класса въ классъ, такъ что они въ одинъ день слушаютъ до десяти профессорскихъ лекцій, вовсе не имѣя времени на домашнее повтореніе ни одной изъ нихъ; но нельзя полагать, чтобы годичное распредѣленіе курсовъ, которые продолжаются нынѣ три года, могло послужить къ облегченію хода ученія. Ничто не обязываетъ студентовъ слушать въ одно время лекціи всѣхъ професоровъ: достаточно требовать отъ нихъ, чтобы они записывались въ тѣ только классы, кои они съ пользою проходить могутъ, обращая вниманіе на то, чтобы какъ учащіе, такъ и учащіеся съ точностію исполняли свои обязанности, ибо изъ самаго отчета видно, что тѣ и другіе, кажется, исполняютъ ихъ съ большимъ небреженіемъ; какихъ же успѣховъ ожидать можно отъ времени худо употребленнаго, когда оно при всемъ возможномъ прилежаніи недостаточно по множеству учебныхъ предметовъ, кои надобно проходить. Предположеніе попечителя освободить студентовъ отъ списыванія профессорскихъ тетрадей не можетъ подлежать сужденію за состоявшимся уже по этому предмету положеніемъ главнаго правленія училищъ. Средство къ облегченію ученія состоитъ не въ освобожденіи студентовъ отъ всякаго рода трудовъ, къ коимъ напротивъ того надлежитъ ихъ пріучать, но въ томъ, чтобы мѣру ученія уравнять съ мѣрою ихъ способностей, возраста и времени. Попечитель, кажется, чувствуетъ надобность, чтобъ учащіе съ точностію исправляли свои должности, а учащіеся посѣщали бы классы безъ упущенія. Надобно надѣяться, что послѣдствія оправдаютъ мѣры, пред-

---

[1]) Архивъ Мин. Нар. Просв. Дѣло № 22682/499.

принятыя имъ по этому предмету; въ особенности заслуживаютъ одобренія тѣ изъ нихъ, кои относятся до учениковъ гимназій и которыми предписывается подвергать ихъ строгому испытанію, не смотря на ихъ аттестаты, для удостовѣренія въ ихъ способности къ прохожденію университетскихъ курсовъ. Прочія замѣчанія и мѣры, какія попечитель намѣренъ предпринять въ разсужденіи училищъ ввѣреннаго ему округа, членъ почитаетъ весьма удовлетворительными.

Н. И. Фусъ объяснилъ, что сравненіе этого отчета съ прежними показываетъ значительное улучшеніе состоянія учебныхъ заведеній Харьковскаго округа. Донесенія попечителя о нынѣшнемъ состояніи большаго числа гимназій и училищъ удовлетворительны. Тамъ, гдѣ еще примѣтны недостатки по учебной или нравственной части, можно ожидать исправленія ихъ отъ благоразумныхъ мѣръ, принятыхъ попечителемъ и доказывающихъ его усердное попеченіе. Равнымъ образомъ удовлетворительна та часть отчета, гдѣ говорится о частныхъ пансіонахъ, существующихъ въ Харьковѣ, изъ которыхъ по строгомъ испытаніи воспитанники поступаютъ въ университетъ и считаются лучшими и примѣрными студентами. Мѣры, принятыя попечителемъ къ исправленію недостатковъ въ самомъ университетѣ, также соотвѣтствуютъ предположенной цѣли, особенно въ отношеніи къ содержанію студентовъ и надзору надъ ними, равно какъ къ приведенію въ порядокъ и извѣстность учебныхъ пособій университета посредствомъ описей библіотеки, кабинетовъ физическаго, технологическаго, монетнаго, который однако долженъ быть описанъ по народамъ, а не по металламъ, и кабинета анатомическаго, коего умноженіе необходимо нужно. Распоряженія университетскаго совѣта, сдѣланныя для исправленія замѣченныхъ попечителемъ недостатковъ, заслуживаютъ одобренія господина министра; что же касается до предположенія попечителя, дабы каждый профессоръ составилъ для студентовъ энциклопедическое обозрѣніе своей науки, таковую мѣру членъ признаетъ болѣе вредною, нежели полезною. Каждый профессоръ долженъ имѣть для руководства хорошую книгу, содержащую всю системуего науки и соотвѣтствующую требованіямъ университетскаго курса; если-же не находитъ для себя удовлетворительной книги, то долженъ сочинить таковую, изложивъ въ ней точное обозрѣніе всей науки съ достаточнымъ объясненіемъ существа всего ученія. Снабженные таковою книгою студенты не обременяются перепискою профессорскихъ тетрадей и должны будутъ только записывать изустныя примѣчанія, объясненія и дополненія профессора.

Опредѣлено было довести до свѣдѣнія господина министра объ успѣшномъ ходѣ ученія въ учебныхъ заведеніяхъ Харьковскаго округа; что же касается до предполагаемаго попечителемъ составленія энциклопедическихъ обозрѣній, то ученый комитетъ считаетъ излишнимъ входить о томъ въ разсужденіе, такъ какъ объ этомъ предметѣ сдѣлано уже особое постановленіе. Впрочемъ комитетъ полагаетъ, что замѣчанія, сдѣланныя членомъ графомъ И. С. Лавалемъ, слѣдуетъ препроводить въ учрежденный при главномъ правленіи училищъ временный комитетъ для начертанія общаго устава университетовъ и учебныхъ заведеній на его соображеніе [1].

Въ засѣданіи того же ученаго комитета 21 іюня 1824 года былъ заслушанъ проектъ Е. В. Карнѣева о реформированіи Харьковскаго университета. Присутствовало здѣсь только три члена ученаго комитета— гр. Лаваль, Фусъ и Руничъ; кромѣ того былъ приглашенъ и авторъ проекта Харьковскій попечитель. Вотъ подлинный журналъ этого засѣданія. Слушали, во-1-хъ, представленіе попечителя Харьковскаго учебнаго округа отъ 28 декабря 1823 года о новомъ образованіи Харьковскаго университета. Въ немъ предлагаются къ преобразованію университета слѣдующія мѣры: a) ректоръ долженъ зависѣть отъ опредѣленія Верховной власти и быть непремѣннымъ, по примѣру предсѣдателей въ присутственныхъ мѣстахъ и директоровъ въ департаментахъ; b) онъ назначается по усмотрѣнію начальства изъ профессоровъ или другихъ просвѣщенныхъ чиновниковъ, свѣдущихъ въ наукахъ и опытныхъ по службѣ; c) ректоръ не имѣетъ права преподавать лекцій въ университетѣ, хотя бы избранъ былъ изъ числа профессоровъ; d) въ исполненіи обязанностей своихъ руководствуется онъ Высочайше утвержденными въ 17 день генваря 1820 года инструкціями директору и ректору Казанскаго университета; e) въ случаѣ болѣзни и отсутствія попечителя исполняетъ всѣ его обязанности, исключая предметовъ, кои предоставитъ себѣ попечитель; f) на немъ лежитъ полная отвѣтственность за упущеніе по университету, коего чиновники и профессора совершенно ему подчинены. Въ помощь ректору назначается профессоръ, избираемый изъ профессоровъ, утверждаемый министромъ и получающій прибавочное по штату жалованье. Завися отъ ректора въ разсужденіи возлагаемыхъ на него порученій, онъ исполняетъ ихъ съ одинаковою, какъ и ректоръ, властію. Профессоръ не освобождается отъ чтенія лекцій. Дабы деканы факультетовъ не были отвлекаемы отъ ученыхъ своихъ занятій, учредить на мѣсто ихъ для присутствія въ универси-

---

[1]) Архивъ Мин. Нар. Просв. Дѣло № 49799/1571.

тетскомъ правленіи двухъ непремѣнныхъ совѣтниковъ, изъ коихъ одинъ займется письмоводствомъ и счетною частію, а другой будетъ притомъ занимать мѣсто директора педагогическаго и студенческаго института при университетѣ. Чиновники эти, избираемые изъ людей просвѣщенныхъ и утверждаемые министромъ, пользуются правами профессоровъ, но не могутъ читать лекцій. Тѣ, изъ нихъ, кои не имѣютъ аттестатовъ на ученыя степени, производятся въ высшіе чины на правѣ губернскихъ директоровъ училищъ. Они могутъ засѣдать и въ совѣтѣ университета для объясненія дѣлъ и подачи голоса. Кромѣ этихъ членовъ университетское правленіе подъ предсѣдательствомъ ректора будетъ состоять изъ профессора и непремѣннаго засѣдателя, назначаемаго попечителемъ изъ профессоровъ въ качествѣ прокурора. Канцелярія правленія составится по мѣрѣ надобности.—Для лучшаго устройства университета умножить число чиновниковъ при немъ по исполнительной части опредѣленіемъ экзекутора и двухъ педелей и увеличить сумму на содержаніе большаго числа инвалидовъ съ унтеръ-офицерами. Для устройства студентовъ и лучшаго за ними надзора соединить въ одинъ институтъ подъ названіемъ педагогическаго и студенческаго состоящія при университетѣ два заведенія, а именно педагогическій институтъ съ 12 магистрами и такимъ же числомъ кандидатовъ при особомъ директорѣ — и сверхъ того заведеніе, въ коемъ содержится 60 студентовъ съ инспекторомъ. Упомянутый институтъ будетъ заключать въ себѣ 12 магистровъ и столько же кандидатовъ, 60 студентовъ по медицинскому и 40 по прочимъ факультетамъ. Пріемъ въ студенты изъ духовныхъ училищъ прекратить, ограничиваясь одними гимназистами. Всѣхъ означенныхъ магистровъ, кандидатовъ и студентовъ предполагается помѣстить въ особомъ двухъ этажномъ флигелѣ. Такъ какъ директоромъ этого института имѣетъ быть одинъ изъ совѣтниковъ университетскаго правленія, то это заведеніе будетъ состоять подъ вѣдѣніемъ правленія и ректора. Директору предоставляется избирать помощника изъ магистровъ съ прибавкою ему жалованья. Кандидаты займутъ должность комнатныхъ надзирателей. Магистрамъ и кандидатамъ выдается жалованье въ руки, съ вычетомъ за столъ, а студенты содержатся хозяйственнымъ образомъ; какъ тѣ, такъ и другіе пользуются общимъ столомъ. Къ нимъ присоединятся и своекоштные студенты съ платою по пяти сотъ рублей. Изъ 12 магистровъ, 4 отправляютъ должность помощниковъ директора, а остальные могутъ жить и внѣ института, занимаясь частнымъ воспитаніемъ дѣтей въ городѣ или присмотромъ за приходящими въ училища и въ университетъ. По недостатку нынѣ магистровъ и кандидатовъ въ помощники

директора и надзирателя можно принимать и постороннихъ, съ назначеніемъ жалованья по усмотрѣнію высшаго начальства; они пользуются правомъ на классные чины наравнѣ съ учителями, то есть по выслугѣ 4 лѣтъ. Всѣ вообще студенты раздѣляются на 3 разряда. Къ первому принадлежатъ воспитанники института, имѣющіе свой надзоръ; во второмъ заключаются студенты, отданные подъ надзоръ профессорамъ или учителямъ университетскимъ, также состоящіе подъ руководствомъ магистровъ и кандидатовъ, утверждаемыхъ для того ректоромъ. Въ третьемъ остаются студенты, живущіе по квартирамъ, кои обязаны представить университету свидѣтельство о нахожденіи ихъ подъ чьимъ либо надзоромъ въ городѣ. Вольные слушатели подвергаются тѣмъ же правиламъ. Между учащимися нужно стараться учредить литературное общество. Сверхъ того при институтѣ имѣютъ быть собранія, въ которыхъ отличные могутъ показывать свои успѣхи въ краснорѣчіи, поэзіи и музыкѣ; также въ лѣтнее время студентамъ будутъ дозволены удовольствія отдыха въ полѣ или въ университетскомъ саду, для отвлеченія ихъ отъ свѣтскаго разсѣянія. Касательно медицинскихъ студентовъ попечитель представляетъ на утвержденіе слѣдующія предположенія: къ нынѣшнимъ 20 медицинскимъ студентамъ прибавить 40, съ назначеніемъ на содержаніе каждаго, наравнѣ съ прочими казенными студентами, не болѣе 400 рублей въ годъ; въ повивальномъ институтѣ умножить число кроватей, но не болѣе 6-ти, клиники терапевтическую и хирургическую увеличить до 24 кроватей и болѣе, если помѣщеніе дозволитъ, считая въ томъ числѣ и университетскую больницу. Для содержанія всѣхъ больницъ вмѣсто отпускаемыхъ 5000 положить впредь по 10,000 рублей. На обзаведеніе ихъ и покупку инструментовъ отпустить единовременно 5000 рублей: всѣ расходы по больницамъ производить подъ надзоромъ ректора; для достаточнаго снабженія университета нужными при преподаваніи анатоміи и хирургіи трупами, поставить мѣстному гражданскому начальству въ обязанность доставлять ихъ сверхъ получаемыхъ нынѣ изъ одного города, также изъ острога и городскихъ больницъ, когда причина смерти исторіею болѣзни умершаго не можетъ быть объяснена, а всего лучше постановить, чтобы трупы доставлялись изъ цѣлаго Харьковскаго уѣзда, какъ было до 1815 года; сумму, опредѣленную на анатомическій театръ, вмѣсто 800 увеличить до 1200 рублей; снабженіе книгами и инструментами медицинскихъ студентовъ можетъ отнесено быть на счетъ общей суммы 3000 рублей, полагаемой по новому штату на учебныя пособія. За рѣшенія задачъ и на умноженіе библіотеки положены общія по университету суммы. За сочиненія, переводы и другія особен-

ные труды могутъ дѣлаемы быть поощренія изъ экономической суммы съ разрѣшенія начальства всѣмъ вообще студентамъ. Прозекторъ зоотоміи, какъ до нынѣ, избираться долженъ изъ адъюнктовъ или магистровъ, а помощникъ изъ кандидатовъ или студентовъ безъ особаго жалованья; равнымъ образомъ и врачи въ больницѣ.

Для приведенія въ дѣйствіе предполагаемаго содержанія казенныхъ студентовъ съ своекоштными, поступающими въ институтъ, на первое обзаведеніе ихъ всѣмъ нужнымъ отпустить единовременно до 10000 рублей; остатки отъ суммъ, казною отпускаемыхъ и за своекоштныхъ студентовъ взимаемыхъ, считать особою статьей, употребляя часть ихъ на содержаніе института, а прочее обращая на экипировку всѣхъ вообще воспитанниковъ при выпускѣ изъ института; причемъ наблюдать, чтобы, за всѣми расходами, мало по малу составился изъ остатковъ особый капиталъ. Такимъ образомъ, по новому штату университета требуется въ добавокъ къ прежнему 80,000 рублей ежегодно; отпускъ этой суммы распредѣлить такъ, чтобы въ нынѣшнемъ году отпущено было только 20,000 рублей, да единовременно 15,000 рублей, въ слѣдующемъ году выдать 40,000 рублей, въ 1826 г.—60,000, а съ 1827 года отпускать уже по 80,000 рублей. Въ случаѣ недостатковъ въ первые три года, замѣнять ихъ съ высшаго разрѣшенія остатками отъ другихъ статей.

По поводу этого проекта высказаны были слѣдующія соображенія.

Графъ И. С. Лаваль объяснилъ, что попечитель въ первомъ представленіи своемъ предлагаетъ перемѣну, которая по важности своей требуетъ зрѣлаго разсужденія: мѣра эта состоитъ въ освобожденіи профессоровъ отъ исправленія должности ректора и запрещеніи этому чиновнику преподавать лекціи. Попечитель основывается на примѣрахъ здѣшняго, Казанскаго и Московскаго университетовъ, при которыхъ назначенъ директоръ въ помощь ректору по экономической части. Таковой чиновникъ, по мнѣнію члена, необходимо нуженъ для завѣдыванія бухгалтеріею и счетною частію; что же касается до учебной, то не удобно ему участвовать въ ней, какъ человѣку, совершенно чуждому для университета; напротивъ, нужно, чтобы управляющій этою частію имѣлъ основательныя свѣдѣнія о ходѣ наукъ, о преподавателяхъ ихъ и о злоупотребленіяхъ, какія могутъ вкрасться между учащими и учащимися. Впрочемъ невѣроятно, чтобы два часа въ день, употребляемые профессоромъ на преподаваніе лекцій, могли препятствовать ему въ отправленіи ректорской должности, особенно когда будетъ онъ имѣть помощника, по предположенію попечителя. Поэтому данный предметъ требуетъ разсмотрѣнія его со всѣхъ сторонъ; причемъ надлежитъ имѣть

въ виду, что онъ клонится не къ измѣненію какого-либо правила, но къ *уничтоженію одного изъ коренныхъ постановленій, общихъ всѣмъ университетамъ*. Предположеніе попечителя объ улучшеніи содержанія казенныхъ студентовъ, помѣщеніи ихъ въ университетскихъ строеніяхъ и соединеніи съ ними своекоштныхъ заслуживаетъ одобренія; но назначенная на каждаго изъ этихъ послѣднихъ сумма 1000 рублей, кажется, превышаетъ положенную на этотъ предметъ въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ даже по С.-Петербургскому округу.

Мнѣніе Н. И. Фуса заключалось въ слѣдующемъ. 1) Попечитель въ представленіи своемъ для избѣжанія разныхъ неудобствъ, сопряженныхъ съ ежегоднымъ избираніемъ ректора изъ самихъ профессоровъ, предлагаетъ въ статьяхъ a, b, c, d, e и f упомянутаго представленія такія мѣры, которыя хотя выгодны для попечителя, отнимая отъ него часть занятій и его отвѣтственности, но для самого университета, какъ высшаго ученаго и учебнаго заведенія, были бы сопряжены съ гораздо важнѣйшими неудобствами, нежели тѣ, для избѣжанія коихъ онѣ придуманы. Въ университетахъ: *Московскомъ, Дерптскомъ и Виленскомъ* годичное управленіе ректора перемѣнено безъ чувствительнаго уклоненія отъ устава на двухгодичное и трехгодичное и тѣмъ устранены важнѣйшія неудобства, происшедшія отъ годичной перемѣны. Цвѣтущее состояніе этихъ университетовъ доказываетъ, что эта легкая перемѣна достаточна была для прекращенія неудобствъ и что для достиженія этой цѣли не нужно и не должно сдѣлать ректора непремѣннымъ и избирать его изъ чиновниковъ неученыхъ и не свѣдущихъ въ управленіи столь важными учебными заведеніями, совершенно отличнымъ отъ управленія гражданскихъ присутственныхъ мѣстъ. Впрочемъ, перемѣнность ректора не можетъ, какъ попечитель опасается, уменьшить законной власти его, уставомъ опредѣленной и властію попечителя поддерживаемой; незаконное же вліяніе на дѣла университета, могущее произойти изъ уваженія къ непремѣнности мѣста, вовсе нежелательно, равно какъ и совершенное подчиненіе профессоровъ власти ректора. Власть эта опредѣлена уставами, по которымъ *профессора не суть приказные служители, но члены университетскаго совѣта, коего предсѣдатель есть ректоръ*. Въ статьѣ 6 попечитель полагаетъ возможнымъ назначеніе ректора не изъ профессоровъ, но изъ другихъ чиновниковъ, свѣдущихъ въ наукахъ и опытныхъ по службѣ; но кому судить о степени свѣдѣнія такого чиновника въ наукахъ университетскихъ и опытности по ученой службѣ, столь существенно отличной отъ всякой другой службы? Въ твердомъ убѣжденіи, что благосостояніе университетовъ требуетъ, чтобы ректоръ, какъ глава первостепеннаго

ученаго и учебнаго заведенія. былъ самъ изъ ученыхъ и, слѣдовательно, изъ среды профессоровъ того же университета, коего благополучіе ему предъ прочими ближе и объ ученыхъ нуждахъ коего только ученый основательно судить можетъ, г. членъ на эту статью не согласенъ. По статьѣ *с.* ректоръ исключается отъ преподаванія лекцій, хотя бы онъ былъ изъ числа профессоровъ, какъ это уставомъ требуется. Можно позволять ректору не читать лекцій, когда препятствуетъ ему въ томъ занятіе его по этой должности, но не отнимать у него права исполнять и профессорскую должность, если онъ самъ того желаетъ и имѣетъ досугъ. Изъ расписанія публичныхъ лекцій университетовъ нашихъ явствуетъ, что ректорскія занятія не препятствуютъ исполнять должности профессорскія или, по крайней мѣрѣ, часть ихъ. Одинъ только Виленскій университетъ дозволилъ ректору возложить часть своихъ обязанностей на викарія, но подъ его руководствомъ. Всѣ прочіе ректоры сами преподаютъ лекціи, и даже дерптскій, хотя обремененный многочисленными занятіями по комитетамъ, и особенно по училищному, преподаетъ по 10-ти часовъ въ недѣлю. Посему и эта статья представленія попечителя принята быть не можетъ. Далѣе попечитель, несмотря на уменьшеніе занятій ректора, при запрещеніи ему читать лекціи, полагаетъ еще придать ему въ помощь проректора изъ профессоровъ. Но какъ во всѣхъ прочихъ университетахъ, хотя ректоры исправляютъ также и профессорскую должность, дѣла идутъ успѣшно безъ таковаго помощника, то по сему и ректору Харьковскаго университета безъ него обойтись можно. *Вообще надлежитъ примѣчать, что такія частныя отступленія отъ общихъ началъ, служившихъ основою университетскимъ уставамъ, постепенно уничтожаютъ нужное однообразіе, даже въ важнѣйшихъ частяхъ состава сихъ высшихъ учебныхъ заведеній, и притомъ то, что опытомъ дознано было полезнымъ* въ прочихъ университетахъ, и что не можетъ быть вреднымъ для одного Харьковскаго. 2) Что касается до университетскаго правленія, то поелику составъ и дѣйствія его менѣе касаются до ученой части, легче согласиться можно на помѣщеніе въ немъ вмѣсто декановъ, двухъ непремѣнныхъ совѣтниковъ; но не усматривается надобности даровать этимъ послѣднимъ права и преимущества профессорскія. Они наравнѣ съ прочими гражданскими чиновниками, къ коимъ собственно принадлежатъ, должны пользоваться правами этихъ послѣднихъ, подобно совѣтникамъ правленія академіи наукъ. 3) Въ разсужденіи умноженія чиновниковъ по исполнительной части, 4) устройства, присмотра и содержанія студентовъ, въ особенности медицинскихъ, и 5) заведеній и пособій, нужныхъ для образованія этихъ послѣднихъ, г. членъ полагаетъ, что всѣ эти статьи за-

служиваютъ уваженія и одобренія. 6) О новомъ примѣрномъ штатѣ членъ вообще замѣчаетъ, что онъ умѣренъ; объ окладахъ же ректора и непремѣнныхъ совѣтниковъ правленія не умѣренныхъ, и о прибавочномъ жалованьи профессора, который не нуженъ, равно и о нѣкоторыхъ другихъ статьяхъ предоставляетъ себѣ объяснить свое мнѣніе въ послѣдствіи, когда ученый комитетъ займется разсужденіемъ о штатѣ.

Д. П. Руничъ заявилъ, что онъ полагаетъ необходимо нужнымъ пригласить въ засѣданіе ученаго комитета попечителя Харьковскаго учебнаго округа, для совокупнаго соображенія съ членами комитета перемѣнъ, которыя послѣдній предполагаетъ ввести какъ по управленію самого университета. такъ и другихъ учебныхъ заведеній. Г. членъ, находя съ своей стороны главныя предположенія объ устройствѣ университета дѣйствительно полезными, не рѣшается дѣлать на нѣкоторыя менѣе важныя своихъ замѣчаній по тѣмъ соображеніямъ. что мѣстность ни въ какомъ случаѣ не позволяетъ подводить учебныя заведенія. на разныхъ пунктахъ имперіи находящіяся, подъ однѣ и тѣ же формы; почему и слѣдуетъ въ этомъ отношеніи держаться мнѣній мѣстнаго начальства. Довольно, если общія правила вездѣ будутъ одинаковы, а формы и обряды могутъ быть различны. Одни основныя начала не подлежатъ вліянію мѣстности.

По справкѣ оказалось. По Высочайше утвержденному 18 мая 1803 года уставу Виленскаго университета положено избирать ректора на три года. Высочайше утвержденными докладами главнаго правленія училищъ 16 сентября 1809 и бывшаго министра народнаго просвѣщенія графа Разумовскаго 26 мая 1811 года правило это распространено на университеты Московскій, Харьковскій и Казанскій. Въ Санктпетербургскомъ университетѣ избраніе ректора производится на томъ же основаніи. такъ какъ ему Высочайше повелѣно руководствоваться уставомъ Московскаго университета. По Высочайше утвержденному 4 іюня 1820 года уставу Дерптскаго университета избраніе ректора производится въ немъ ежегодно. Директоръ университета положенъ при Казанскомъ университетѣ; при С.-Петербургскомъ назначенъ инспекторъ. Всѣ же прочіе университеты управляются одними ректорами.

Опредѣлено. Представить господину министру, что комитетъ, по зрѣломъ разсужденіи совмѣстно съ попечителемъ о дѣйствительной надобности предполагаемыхъ имъ въ устройствѣ Харьковскаго университета перемѣнъ и улучшеній, полагаетъ принять всѣ прочія предположенія его, исключая статей о ректорѣ, проректорѣ и составѣ университетскаго правленія, кои находитъ нужнымъ измѣнить слѣдующимъ образомъ:

1-е) Избраніе ректора отнынѣ предоставить попечителю, по примѣру прочихъ университетовъ на три года, но не иначе какъ изъ числа профессоровъ, съ предоставленіемъ ему управленія университетомъ на основаніи его устава и не освобождая его отъ исполненія обязанностей, съ званіемъ профессора сопряженныхъ. По истеченіи каждаго трехлѣтія, попечитель, избравъ въ ректоры того же самаго или назначивъ новаго, представляетъ таковаго на утвержденіе установленнымъ порядкомъ. Въ случаѣ болѣзни ректора или по другимъ обстоятельствамъ, требующимъ немедленной перемѣны этого чиновника, предоставляется попечителю право назначать на мѣсто его другого, о чемъ обязанъ онъ немедленно доносить каждый разъ министру. Такъ какъ ректоръ можетъ быть избираемъ только изъ числа профессоровъ и потому долженъ пользоваться профессорскимъ окладомъ, то вмѣсто назначаемаго для него жалованья, положить ему столовыя деньги по тысячѣ двѣсти рублей ежегодно.

2-е) Званіе помощника, согласно съ мнѣніемъ члена Н. И. Фуса, признается вовсе не нужнымъ, а потому и назначаемое для него въ примѣрномъ штатѣ жалованье, изъ него исключить.

3-е) Опредѣленіе двухъ непремѣнныхъ совѣтниковъ для присутствія въ университетскомъ правленіи вмѣсто декановъ можно допустить съ тѣмъ, чтобы чиновники эти наравнѣ съ прочими гражданскими чиновниками пользовались только правами этихъ послѣднихъ, подобно совѣтникамъ правленія Императорской академіи наукъ [1]).

Итакъ, Е. В. Карнѣевъ хотѣлъ исполнить то, что не удалось провести его дядюшкѣ—уничтожить въ Харьковскомъ университетѣ ректорскую должность и замѣнить ее директорской, примѣнивъ къ ней инструкцію Казанскаго университета, т. е. другими словами, ввести тѣ порядки, которые были заведены тамъ знаменитымъ Магницкимъ. Къ счастію, этотъ проектъ встрѣтилъ серьезныя возраженія со стороны двухъ членовъ ученаго комитета—гр. Лаваля и академика Фуса и потому, несмотря на поддержку, оказанную ему Руничемъ, не былъ принятъ въ самомъ существенномъ пунктѣ, хотя другія его положенія, какъ мы видѣли, были признаны полезными. Между прочимъ, ректоръ отнынѣ долженъ былъ не избираться совѣтомъ, а назначаться попечителемъ; въ составъ правленія вмѣсто декановъ допущены были посторонніе чиновники.

Впрочемъ, и въ этой новой редакціи проектъ попечителя, кажется, не получилъ утвержденія со стороны министра; по крайней мѣрѣ, о

---

[1]) Архивъ мин. нар. просв. Дѣло № 36886/467.

такомъ утвержденіи мы не имѣемъ свѣдѣній, равно какъ и о примѣненіи его въ Харьковскомъ университетѣ. Должную оцѣнку этому разрушительному плану дали сами члены ученаго комитета, особенно въ подчеркнутыхъ мною выраженіяхъ. Я же могу только прибавить къ этому, что Е. В. Карнѣеву, очевидно, не давали спать лавры Магницкаго и Рунича и онъ хотѣлъ пріобрѣсти ихъ въ качествѣ реформатора Харьковскаго университета. Но ему повредила перемѣна министерства: составлялъ онъ свой проектъ въ министерство А. Н. Голицына и, если можно такъ выразиться, для кн. А. Н. Голицына и своего друга директора департамента мистика Попова—а разсматривался онъ уже при Шишковѣ, относившемся въ высшей степени враждебно, какъ мы знаемъ, и къ мистицизму, и къ представителямъ его—кн. А. Н. Голицину и Попову. Шишковъ, можетъ быть, и не былъ освѣдомленъ, что переводчикомъ раскритикованной имъ книги Дютуа былъ Е. В. Карнѣевъ, но онъ долженъ былъ знать все-таки, что новый харьковскій попечитель, какъ и его дядюшка, былъ мистикомъ.

Однако, Е. В. Карнѣеву удалось все таки пробить брешь въ университетскомъ самоуправленіи. Въ 1824 году окончился трехлѣтній срокъ службы прежняго ректора Джунковскаго (онъ былъ утвержденъ въ февралѣ 1821 года). Совѣтъ, по уставу, приступилъ къ выборамъ новаго ректора и забаллотировалъ стараго, который получилъ ничтожное число голосовъ. Подвергнуться баллотировкѣ должны были по очереди всѣ ординарные профессора, составлявшіе въ то время совѣтъ университета; но четверо изъ нихъ—Могилевскій, Делявинь, Дудровичъ и Громовъ—отказались по разнымъ причинамъ отъ нея и подверглись ей только 6 профессоровъ—Джунковскій, Книгинъ, Рейтъ, Пауловичъ, Комлишинскій и Кронебергъ. Изъ нихъ большинство голосовъ (8 противъ 6) получилъ Книгинъ, а за нимъ Комлишинскій и Кронебергъ (5 противъ 4); остальные, въ томъ числѣ и Джунковскій, были забаллотированы. Но Книгинъ отказался отъ ректорской должности по многочисленности своихъ занятій и вслѣдствіе обязанностей врача, и потому назначена была перебаллотировка между Комлишинскимъ и Кронебергомъ, причемъ они и вторично получили по равному числу голосовъ. Совѣтъ о результатахъ баллотировки сдѣлалъ представленіе попечителю, а тотъ отъ себя вошелъ съ ходатайствомъ къ министру народнаго просвѣщенія о томъ, чтобы ректоромъ оставленъ былъ Джунковскій. Способъ избранія ректора, установленный уставомъ 1804 года, онъ находилъ неудобнымъ по слѣдующимъ соображеніямъ: 1) въ Харьковскомъ университетѣ было всего 10 ординарныхъ профессоровъ, и изъ нихъ половина отказалась отъ баллотировки, на что едва ли имѣла

право по уставу; 2) изъ остальныхъ 5 двое получило равное число голосовъ; 3) эти два профессора самые младшіе въ совѣтѣ; 4) ректоръ является и предсѣдателемъ строительной коммиссіи—и, смѣнивъ въ этомъ званіи Джунковскаго, можно нанести ущербъ ея отчетности. Въ виду этого попечитель ходатайствовалъ объ оставленіи ректоромъ Джунковскаго, какъ чиновника наиболѣе способнаго къ этой должности, *„впредь до усмотрѣнія“*. Всѣ эти соображенія не настолько убѣдительны, чтобы слѣдовало на основаніи ихъ ломать уставъ 1804 года; единственнымъ серьезнымъ доводомъ являлась малочисленность избирательной коллегіи и предсѣдательство въ строительной коммиссіи—всѣ же остальные доводы слабы и даже наивны. Но этой малочисленности попечитель своимъ проектомъ не устранялъ; мало того: изъ состава членовъ совѣта онъ находилъ только одного Джунковскаго достойнымъ ректорскаго званія. Слѣдовательно, вся сила была въ томъ, что ему хотѣлось *во что бы то ни стало* провести его на эту должность вопреки мнѣнію совѣта, который послѣ трехлѣтняго опыта убѣдился, очевидно, въ его непригодности для дѣла. Министръ народнаго просвѣщенія кн. А. Н. Голицынъ представилъ докладъ Государю въ этомъ же смыслѣ—и получилъ Высочайшій указъ, въ силу котораго Джунковскій оставлялся ректоромъ „впредь до усмотрѣнія“. Въ своемъ представленіи кн. А. Н. Голицынъ привелъ нѣсколько указаній на прежде бывшіе аналогичные случаи: такъ, въ Московскомъ университетѣ проф. Прокоповичъ-Антонскій въ 1819 г. былъ назначенъ ректоромъ на $2\frac{1}{2}$ года не по выбору совѣта, а по представленію министра Государю, по случаю выхода въ отставку раньше срока по болѣзни прежняго ректора проф. Гейма; въ Казанскомъ университетѣ были также назначены, въ видѣ опыта, для испытанія ихъ способностей, на 1 годъ профессора Солнцевъ и Фуксъ (1-й въ 1819 г., а 2-й въ 1823 году) [1]. Примѣры эти однако, какъ мы видѣли, не представляютъ полной аналогіи съ даннымъ случаемъ: Е. В. Карнѣевъ желалъ идти дальше по пути уничтоженія университетскаго самоуправленія, чѣмъ это было сдѣлано въ Москвѣ и Казани. Къ счастію, повторяемъ, его основной проектъ не былъ утвержденъ.

Итакъ, Е. В. Карнѣевъ, по характеру своей дѣятельности, является продолжателемъ Захарія Яковлевича Карнѣева. Онъ, какъ мы знаемъ уже, старался развивать и расширять, пока былъ министромъ кн. А. Н. Голицынъ, дѣятельность студенческаго библейскаго сотоварищества. Но будучи человѣкомъ практическимъ, онъ понималъ, что для проведенія въ университетъ того направленія, которое исходило изъ министерства на-

[1]) Архивъ мин. нар. просв. Дѣло № 22132/493.

роднаго просвѣщенія, необходимо было измѣнить и самый университетскій строй, нанести ударъ выборному началу, введенному уставомъ 1804 года, и прежде всего получить возможность назначать ректора по своему усмотрѣнію; къ этому и были направлены его усилія. Назначенный de facto попечителемъ ректоръ, конечно, могъ быть покорнымъ орудіемъ въ его рукахъ для проведенія всѣхъ желательныхъ ему мѣръ. А. Джунковскій способенъ былъ лучше другихъ исполнять эту роль. Будучи житейски практическимъ человѣкомъ и имѣя еще достаточно силъ для дѣятельности въ роли попечителя, Е. В. Карнѣевъ обратилъ свою энергію на хозяйственную сторону университетской жизни и занялся постройками и перестройками университетскихъ помѣщеній; но объ этомъ мы скажемъ во 2-й главѣ своего труда.

Теперь же перейдемъ къ управленію четвертаго попечителя округа *Алексѣя Алексѣевича Перовскаго*, занимавшаго эту должность съ 1825 по 1830-й годъ. А. А. Перовскій извѣстенъ въ исторіи русской словесности подъ псевдонимомъ Антонія Погорѣльскаго; ему принадлежитъ пользовавшійся въ свое время большою популярностью романъ— Монастырка; онъ былъ близокъ съ А. С. Пушкинымъ, Крыловымъ, кн. Вяземскимъ и по справедливости считается, наравнѣ съ Нарѣжнымъ, однимъ изъ предшественниковъ Н. В. Гоголя. Вотъ что говоритъ о „Монастыркѣ“ новѣйшій изслѣдователь. „Кромѣ совершенно новаго тогда, занимательнаго и естественнаго разсказа и нѣкоторыхъ отмѣченныхъ имъ частностей быта, мы видимъ въ трудѣ его нѣсколько характерныхъ обликовъ того далекаго времени. Въ нихъ нѣтъ, правда, достаточной жизни, они не дышутъ силою созданія, образцы которой вскорѣ далъ великій Гоголь. Но на ряду съ картинами могучей кисти зачѣмъ отворачиваться отъ скромныхъ акварелей, которые писались когда-то съ любовію и трудомъ? Въ старомодныхъ рамкахъ поблекшія и пожелтѣлыя онѣ висятъ передъ нами, напоминая прошедшее. Гдѣ этотъ исчезнувшій міръ, какъ далеки эти люди въ странныхъ нарядахъ, изображенные здѣсь цвѣтущими и молодыми! Мы всматриваемся съ любовью въ ихъ лица, родныя намъ лица, такъ какъ въ этихъ портретахъ мы узнаемъ своихъ дѣдовъ, отцовъ и матерей“. А. А. Перовскій былъ проводникомъ у насъ романтизма, но всетаки въ его „Монастыркѣ“ отразилась до нѣкоторой степени жизнь. Этимъ произведеніемъ онъ пріобрѣлъ себѣ крупную литературную извѣстность, но имъ, можно сказать, главнымъ образомъ и исчерпывается его писательская дѣятельность. На литературное поприще онъ выступилъ въ

[1]) В. П. Горленко. А. А. Перовскій (Кіев. стар. 1888, апрѣль, стр. 110—111).

1825 г. (тогда же какъ и занялъ постъ попечителя), а закончилъ его въ 1833. На развитіе его творческой дѣятельности повліяло пребываніе въ деревнѣ Погорѣльцахъ (отсюда и его псевдонимъ), находившейся въ Черниговской губ., въ сѣверной части Малороссіи. „Мягкая природа и проникнутая тихой поэзіей жизнь малороссійской деревни, говоритъ біографъ Перовскаго пр. А. И. Кирпичниковъ, имѣютъ притягательную силу не для однихъ только уроженцевъ этихъ странъ; часто сѣверянинъ, проживъ нѣкоторое время въ Украйнѣ, привязывается къ ней сильнѣе, чѣмъ къ своей суровой и менѣе поэтичной родинѣ". Такъ было и съ Перовскимъ, который прожилъ въ Погорѣльцахъ 3 года. Нужно, впрочемъ, сознаться, что Антоній Погорѣльскій слишкомъ поздно приступилъ къ литературной дѣятельности и не могъ на ней исключительно сосредоточиться. Въ характерѣ его, очевидно, не было постоянства и увлеченія однимъ какимъ либо дѣломъ; къ тому же онъ былъ нѣсколько лѣнивъ, обезпеченъ и дѣлилъ свое время между службой; хозяйствомъ и литературой. Служба его была крайне разнообразная— онъ служилъ въ различныхъ вѣдомствахъ, былъ сначала въ гражданской, потомъ въ военной, потомъ снова въ гражданской службѣ; проживалъ то заграницей, то въ Петербургѣ, то въ Москвѣ, то въ Харьковѣ, то въ Погорѣльцахъ. Образованіе онъ получилъ хорошее: сначала воспитывался дома, затѣмъ 18 лѣтъ отъ роду поступилъ въ Московскій университетъ, а черезъ два года и два мѣсяца (въ 1807 году) окончилъ его со степенью доктора философіи и словесныхъ наукъ. Для полученія этой степени онъ прочиталъ три пробныя лекціи, которыя издалъ въ 1808 году отдѣльной книжкой. Всѣ онѣ относятся къ ботаникѣ, причемъ первая написана по-нѣмецки, вторая—по-французски и третья по-русски. Конечно, научнаго значенія онѣ и въ свое время не имѣли и свидѣтельствуютъ только о знакомствѣ автора съ однимъ изъ предметовъ университетскаго преподаванія, о хорошемъ знаніи имъ двухъ новыхъ языковъ и о дарѣ литературнаго изложенія. Въ послѣдующее время А. А. Перовскій научныхъ занятій своихъ не продолжалъ. Уставъ 1804 г. требовалъ еще защиты диссертаціи (письменной или печатной—безразлично), но какова была его диссертація, неизвѣстно, и едва ли, конечно, она имѣла научное значеніе. Въ то время докторскія степени людьми богатыми получались, какъ мы знаемъ, сравнительно легко. А Перовскій былъ не только богатый молодой человѣкъ, но принадлежалъ по рожденію къ одной изъ самыхъ знатныхъ фамилій Екатерининскаго времени—гр. Разумовскихъ: онъ былъ незаконнымъ сыномъ извѣстнаго намъ министра народнаго просвѣщенія гр. Ал. Кир. Разумовскаго и дѣвицы Соболевской (впослѣдствіи по мужу генеральши

Денисьевой); всѣмъ дѣтямъ отъ этого неоформленнаго брака Разумовскій выхлопоталъ дворянство и сдѣлалъ ихъ участниками въ своемъ колоссальномъ состояніи, унаслѣдованномъ отъ отца — послѣдняго малороссійскаго гетмана; и братья, и сестры А. А. Перовскаго заняли болѣе или менѣе видное положеніе въ обществѣ. А. А. Перовскій до 1825 г., т. е. до назначенія на постъ харьковскаго попечителя, служилъ въ сенатѣ въ Петербургѣ, потомъ также въ сенатѣ въ Москвѣ, затѣмъ въ 1812 г. снова возвратился въ Петербургъ и поступилъ на должность секретаря министра финансовъ, но въ томъ же году совсѣмъ бросилъ гражданскую службу и перешелъ, захваченный событіями этой эпохи, въ военную: его зачислили штабсъ-ротмистромъ въ украинскій казачій полкъ; съ полкомъ онъ участвовалъ въ сраженіяхъ подъ Дрезденомъ и при Кульмѣ; въ 1813 году онъ былъ назначенъ на видный постъ старшаго адъютанта при генералъ-губернаторѣ Саксонскаго королевства, извѣстномъ кн. Ник. Гр. Репнинѣ. Въ военной службѣ онъ оставался только 3 года и въ 1816 году снова принялъ гражданскую должность чиновника особыхъ порученій по департаменту духовныхъ дѣлъ и иностранныхъ исповѣданій, каковымъ департаментомъ тогда вѣдалъ кн. А. Н. Голицынъ. Здѣсь онъ оставался 5 лѣтъ, въ 1822 году, по смерти отца, вышелъ въ отставку и проживалъ у себя въ деревнѣ Погорѣльцахъ, занимаясь хозяйствомъ и дѣлами по наслѣдству своихъ братьевъ и сестеръ. Въ 1825 г., въ министерство Шишкова, онъ получилъ назначеніе на постъ попечителя Харьковскаго учебнаго округа. Проф. А. И. Кирпичниковъ виновникомъ этого назначенія склоненъ считать министра народнаго просвѣщенія Шишкова, который цѣнилъ въ немъ образованнаго гуманнаго человѣка, ему, Шишкову, единомышленнаго, много учившагося и много видѣвшаго и къ тому же патріота, блистательно доказавшаго свой патріотизмъ въ 1812 г. Мы также не отвергаемъ того, что Шишковъ могъ имѣть въ виду эти данныя при опредѣленіи Перовскаго на новый постъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ должны замѣтить, что добивался этой должности самъ Перовскій и при томъ не у Шишкова, а у Императора, которому сообщилъ только, что Шишковъ вполнѣ согласенъ на это назначеніе. Въ доказательство этого приведемъ въ подлинникѣ письмо А. А. Перовскаго къ Государю отъ 20-го марта 1825 года.

„Sire! Si c'est un devoir pour tout sujet fidèle de servir son Souverain, ce devoir doit être doublement sacré pour moi, — et je n'aurois pas attendu jusqu'à ce moment pour demander du service à Votre Majesté Impériale, si des motifs pressans, dont Vous daignerez sans doute approuver la justice, n'avoient mis des entraves à mes voeux les plus ardens.

Etant l'ainé de ma famille et par consequent tuteur né des deux orphelins, auxquels la générosité de votre Majesté a donné une nouvelle existence—chargé en outre de la regie des biens de mes frères cadets et des embarras d'un procès, dont dépend notre fortune, je me trouve dans l'impossibilité de me fixer dans la capitale ou de remplir un emploi, qui m'éloignerait de l'Ucraine. Jusqu'à present j'ai supporté cette croix avec fermeté quelque pénible qu'il m'ait été de me voir, à l'âge de trente cinq ans, nul pour le service et inutile à ma patrie. Mais il existe un poste, Sire, qui combleroit mes voeux sans me forcer de peridre de vue les intérêts de ma famille — c'est celui de curateur de l'Université de Kharkof. Le ministre de l'instruction publique n'est pas coutraire à ma nommination et m'a même promis de la soumettre à la sanction de votre Majesté Imperiale. Souffrez, Sire, que de mon côté, j'ose mettre à vos pieds l'expression de mon désir ardent d'obtenir cette place—ce n'est pas l'ambition des rangs, qui me porte à la briguer, c'est celle bien plus noble d'être utile et d'avoir le bonheur de justifier un jour les bienfait d'un maitre adoré. Si l'emploi que j'ambitionne demande des connaissances étendues, il se trouvera sans doute un grand nombre de personnes plus dignes que moi de l'occuper; mais si, comme je le crois, le devoir principal d'un curateur est d'inculquer à la jeunesse le respect de la réligion et un dévouement sans bornes pour le Souverain, que Dieu lui a donné, j'ose soutenir hardiment, que dans cette fonction personne ne me surpassera en zèle. Que votre Majesté daigne me pardonner le parti, que je pris de Lui écrire. Votre prochain départ, Sire, et la nécessité où je me trouve de quitter sous peu Pétersbourg m'ont décidé à cette démarche importune. En Vous écrivant, j'ai osé éspérer, que Votre Majesté Imperiale ne prendroit pas en mauvaise part mon impatience de rentrer au service — j'ai encore osé compter, Sire, sur cette indulgence longanime, dont j'ai eu le bonheur d'avoir des preuves multipliées.“ [1])

Такимъ образомъ, А. А. Перовскій просилъ у Государя должности попечителя Харьковскаго учебнаго округа потому, что хотѣлъ своею службой принести пользу отечеству и могъ принять это именно назначеніе, такъ какъ оно не удаляло его изъ Украйны. Главною обязанностью попечителя онъ выставлялъ воспитаніе молодежи въ духѣ вѣры и безпредѣльной преданности Государю—и въ этомъ, говоритъ онъ, едва ли кто его можетъ превзойти. Письмо было написано 20 марта 1825 г., а указъ о назначеніи попечителемъ состоялся 3 мая того же года. Новому попечителю назначено было 3600 рублей столовыхъ, и

---

[1]) Архивъ Мин. Нар. Просвѣщ., № 22937/601.

онъ получилъ слѣдующую инструкцію отъ министра народнаго просвѣщенія.

„Вступленіе Ваше, по волѣ Государя Императора, на новое поприще служенія по министерству народнаго просвѣщенія, писалъ министръ, возлагаетъ на меня обязанность побесѣдовать съ вами, милостивый государь мой, о важности назначенія вашего и о пользѣ, которую вы можете принести отечеству неослабнымъ надзоромъ и строгимъ наблюденіемъ за всѣми частями ввѣреннаго вамъ управленія.

Попеченію вашему ввѣренъ одинъ изъ шести существующихъ въ Россійской Имперіи университетовъ и всѣ подвѣдомыя ему казенныя и частныя учебныя заведенія шестнадцати губерній. Подъ глазами вашими будетъ образовываться не малая часть ученыхъ нашихъ и болѣе тринадцати тысячъ юношей будутъ возрастать подъ руководствомъ вашимъ. Отъ успѣха распоряженій вашихъ зависитъ польза, которой вправѣ ожидать отъ нихъ правительство, родители и общество; подъ благотворнымъ вашимъ, милостивый государь мой, наитіемъ должна созрѣть надежда будущихъ поколѣній въ шестнадцати областяхъ государства. При столь ощутительной важности назначенія вашего и великости предлежащей вамъ цѣли, вы, конечно, милостивый государь мой, почтете не неумѣстнымъ, если я войду въ нѣкоторыя подробности о томъ, на что, по мнѣнію моему, слѣдуетъ обратить вамъ нынѣ по вступленіи въ управленіе Харьковскимъ учебнымъ округомъ преимущественное вниманіе.

I. По части нравственной.

„Науки, изощряющія умъ, не составятъ безъ вѣры и безъ нравственности благоденствія народнаго“. Вотъ истина, которую принялъ я за основаніе всѣхъ моихъ распоряженій по части народнаго просвѣщенія и которую обязуюсь никогда не упускать изъ виду. Безъ сомнѣнія нельзя положить начала болѣе твердаго для прочнаго и полезнаго образованія юношества. А потому я покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь мой, обратить особенное вниманіе свое 1) На нравственное направленіе преподаваній, наблюдая строго, чтобы въ урокахъ профессоровъ и учителей ничего колеблющаго или ослабляющаго ученіе нашей вѣры не укрывалось, чтобы во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ учили закону Божію съ тою внимательностію, какой требуетъ важность сего дѣла, *отнюдь не вдаваясь въ лжемистику и не увлекаясь безсмысленною филантропіею, поставляющею всѣ ереси на ряду съ истинною христіанскою вѣрою,* чтобы учащіеся не устранялись отъ наблю-

денія правилъ церковныхъ; чтобы они посѣщали въ праздничные дни храмъ Божій, а въ будни собирались бы на общественную молитву; чтобы между ними установлено было чтеніе священнаго писанія по славянскому тексту съ толкованіями святыхъ отцевъ и учителей церкви. 2) Чтобы между лицами, принадлежащими каждому учебному заведенію, при надлежащемъ повиновеніи начальству, водворялись миръ и согласіе. Для этого тщательно избѣгать слѣдуетъ всякаго повода къ порожденію между ними взаимной вражды или распри, отклоняя по возможности всѣ постороннія обстоятельства, которыя бы могли этому содѣйствовать. 3) Наблюдать, чтобы въ поведеніи и поступкахъ распорядителей и преподавателей учебныхъ заведеній не было чего либо явно соблазнительнаго; чтобы между ними не были терпимы какіе либо гласные безпорядки, лишающіе ихъ уваженія мѣстныхъ начальствъ и довѣренности родителей, ибо это можетъ имѣть пагубное наитіе на нравы образуемаго ими юношества. 4) Чтобы наблюдались всѣ нужныя мѣры осторожности къ предохраненію воспитанниковъ отъ пороковъ, дурныхъ связей, неприличнаго обращенія и знакомства; *чтобы въ книгохранилищахъ, назначенныхъ для употребленія учениковъ, не было книгъ противныхъ вѣрѣ, правительству и нравственности, и чтобы отнюдь подобныя сочиненія не обращались въ рукахъ ихъ.*

II. По части учебной.

По этой части, милостивый государь мой, особеннаго вниманія заслуживаютъ слѣдующіе предметы: 1) Устройство учебнаго порядка, расположеніе, постепенность и полнота учебныхъ предметовъ, способность учителей, распредѣленіе преподаваній, способъ ученія и направленіе, которое даютъ разнымъ наукамъ. 2) *Наблюденіе, обучается ли юношество съ надлежащимъ тщаніемъ россійскому языку и отечественной словесности? Внушается ли ему при всякомъ удобномъ случаѣ преданность къ престолу и повиновеніе къ властямъ? Внѣдряется ли и укрѣпляется ли въ юныхъ сердцахъ питомцевъ любовь къ родинѣ и ко всему отечественному?* 3) Въ достаточномъ ли количествѣ при учебныхъ заведеніяхъ состоятъ учебныя пособія, какъ-то: книги, глобусы, ландкарты, атласы, библіотеки, собраніе физическихъ и другихъ орудій и проч.

III. По части хозяйственной и полицейской.

1) Надежны ли зданія, употребленныя подъ учебныя заведенія, не требуютъ ли они починокъ, исправленій и передѣлокъ; достаточная ли отпускается на содержаніе ихъ сумма? Произведенныя въ прош-

лыхъ годахъ починки вполнѣ ли удовлетворили потребностямъ зданій? Согласны ли съ утвержденными чертежами и смѣтами, и соблюдена ли при томъ возможная выгода казны? Усматривается ли удобность въ расположеніи этихъ зданій на тотъ конецъ, на какой они предназначены? 2) Въ цѣлости ли и исправности содержится собственность каждаго учебнаго заведенія, законно ли расходуются суммы, и остатки ихъ состоятъ ли въ наличности? Наблюдается ли надлежащій порядокъ въ производствѣ и храненіи дѣлъ, въ веденіи шнуровыхъ книгъ и отчетовъ? Представляются ли эти послѣдніе куда слѣдуетъ въ назначенное время? Ежели учебныя заведенія имѣютъ собственность въ капиталахъ или въ недвижимомъ имѣніи, то приносятъ ли имущества эти соразмѣрный доходъ и обезпечены ли они отъ упадка, разстройства и потери? 3) Добротны ли запасы, пріобрѣтаемые учебными заведеніями изъ частныхъ рукъ? За выгодную ли для казны цѣну они пріобрѣтаются и соблюдается ли благоразумная бережливость въ расходованіи ихъ? 4) Сохраняется ли опрятность и чистота во всемъ, что касается до помѣщенія, одежды и пищи учащихся; освѣжается ли надлежащимъ образомъ воздухъ и принимаются ли другія необходимыя предосторожности къ сохраненію ихъ здоровья? 5) Сдѣланы ли нужныя распоряженія къ предохраненію зданій отъ опасности огня и имѣются ли при нихъ пожарныя орудія и снаряды? — Говоря объ учебныхъ заведеніяхъ вообще, я не могу пройти молчаніемъ частныя заведенія этого рода, въ которыхъ по большей части приготовляются дѣти дворянъ къ поступленію или прямо на службу, или въ казенныя учебныя заведенія. Мнѣ желательно, чтобы, судя по возможности этого дѣла, обращено было на пансіоны должное вниманіе по всѣмъ тѣмъ статьямъ, которыя изъ вышеизложеннаго руководства къ нимъ относиться могутъ. При чемъ въ особенности наблюсти: 1) Получили ли содержатели пансіоновъ законное на то право? 2) Пользуются ли они и избранные ими наставники добрымъ именемъ и не употребляютъ ли во зло довѣренности родителей? 3) Учители пансіоновъ имѣютъ ли свидѣтельства, установленныя Высочайшимъ указомъ 1757 года? 4) *Не упускается ли изъ вида преподаваніе наукъ на русскомъ языкѣ? 5) Не употребляются ли въ качествѣ руководствъ въ обученіи юношества такія учебныя книги, которыя не утверждены учебнымъ начальствомъ?*

Будучи удостовѣренъ, что одно изъ надежнѣйшихъ средствъ содержать всѣ учебныя заведенія, подвѣдомыя министерству народнаго просвѣщенія, во всегдашней дѣятельности, порядкѣ и устройствѣ, есть неупустительные осмотры этихъ заведеній, я долгомъ почитаю сообщить вамъ, милостивый государь мой, что на основаніи 17 и 21 стат

Высочайше утвержденныхъ правилъ народнаго просвѣщенія и § 78 Устава учебныхъ заведеній: таковые осмотры непремѣнно должны быть производимы въ свое время назначенными для того лицами.

Обращаясь въ особенности къ Харьковскому университету, этому новому разсаднику просвѣщенія, въ которомъ для усовершенствованія въ наукахъ постоянно находится болѣе 325 юношей, посвящающихъ себя разнымъ гражданскимъ званіямъ на пользу общественную, я обязанностью почитаю изложить здѣсь къ наблюденію, что заведеніе это требуетъ со стороны вашей непрерывнаго и самаго дѣятельнаго надзора, чтобы, достигнувъ возможнаго совершенства, могло оно пріити въ то цвѣтущее состояніе, въ которомъ долженствуетъ быть, чтобы оправдать Высочайшее о немъ попеченіе и показать на дѣлѣ, что не втунѣ изливались на него въ продолженіе болѣе нежели двадцати лѣтъ щедроты Монарха нашего. Безпристрастное испытаніе студентовъ и другихъ лицъ, желающихъ получить ученыя степени, равно какъ и чиновниковъ, требующихъ назначенныхъ указомъ 6 августа 1809 года аттестатовъ, есть одинъ изъ вѣрнѣйшихъ способовъ къ поощренію ученія. Недостатокъ справедливости въ этомъ дѣлѣ не только не доставитъ чести университету, но и сдѣлаетъ безполезными мудрыя мѣры правительства къ распространенію просвѣщенія въ отечествѣ нашемъ; и потому я покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь мой, имѣть за нимъ самое строгое наблюденіе. Остается сказать мнѣ нѣчто о цензурѣ книгъ, предоставленной университету по всему Харьковскому учебному округу. *Нельзя довольно обращать вниманія на всѣ хитрыя увертки и изворотливость разума, подъ которыми въ наше время развратъ и невѣріе распространяютъ нечестивыя мудрованія, ко вреду религіи, правительства и гражданскаго общества. Одно только неутомимое стараніе благонамѣренныхъ и просвѣщенныхъ людей можетъ служить оплотомъ противъ наводненія такими книгами, которыя, оправившись однажды во всеобщее употребленіе, могутъ угрожать спокойствію всякаго благоустроеннаго государства.* Въ заключеніе всего, въ совершенной надеждѣ, что вы, милостивый государь мой, не оставите употребить всѣ силы свои къ водворенію и распространенію просвѣщенія во ввѣренномъ вамъ округѣ въ томъ смыслѣ, въ какомъ я его вамъ предлагаю, и которое, по моему и всѣхъ благомыслящихъ людей разумѣнію, есть единоистинное и полезное, и что чрезъ то предъ лицомъ государя и отечества вполнѣ оправдаете выборъ мой, я имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ. Шишковъ" [1].

---

[1]) Архивъ Мин. Нар. Просв. Дѣло № 127217/8.

Эта инструкція, какъ мы видимъ, вполнѣ соотвѣтствуетъ, по своему духу и направленію, тѣмъ воззрѣніямъ, какія имѣлъ Шишковъ на образованіе юношества въ Россіи; особенно рельефно выразились они въ подчеркнутыхъ мною мѣстахъ его инструкціи, гдѣ мы видимъ и осужденіе направленія прежняго министерства кн. А. Н. Голицына, стремившагося къ мистицизму, сектантству и филантропіи, и указаніе на новый путь, по которому должно шествовать дѣло образованія юношества—въ духѣ *русской* народности, уваженія къ отечественному языку и строгаго православія со всѣми его обрядами.

А. А. Перовскій не проявилъ особой энергіи на своемъ новомъ посту: очевидно, и новая дѣятельность его не захватила. Объ этомъ свидѣтельствуютъ простыя хронологическія даты, сообщаемыя проф. А. И. Кирпичниковымъ. Въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, очевидно, существовало убѣжденіе, что попечитель не обязанъ проживать постоянно на мѣстѣ своего служенія. Взглядъ этотъ нашелъ себѣ выраженіе и въ письмѣ Шишкова къ А. А. Перовскому. Извѣщая о назначеніи его на постъ попечителя, Шишковъ увѣдомляль также о сдѣланномъ имъ распоряженіи, чтобы всѣ дѣла по Харьковскому учебному округу и по гимназіи высшихъ наукъ князя Безбородко были препровождены бывшимъ попечителемъ *по почтѣ* въ Харьковскій университетъ, который отправитъ ихъ къ нему, равнымъ образомъ и впредь будетъ отправлять ихъ по указанному имъ адресу. Такимъ образомъ предполагалось, что А. А. Перовскій, подобно С. О. Потоцкому, З. Я. и Е. В. Карнѣевымъ, будетъ проживать внѣ Харькова у себя въ деревнѣ. „Перовскій, повидимому, самъ находилъ такой порядокъ на первое время возможнымъ: отвѣчая на письмо Министра 26-го іюня, онъ въ тотъ же день увѣдомляетъ о своемъ вступленіи въ должность совѣтъ Харьковскаго университета и проситъ ректора выслать ему въ Погорѣльцы канцелярію его предшественника (бумаги были ему высланы въ два пріема: одинъ разъ 22 іюля, другой—14-ть); но въ томъ же письмѣ къ ректору онъ справляется о попечительской квартирѣ въ Харьковѣ и о возможности меблировать ее. Проведя около мѣсяца въ Погорѣльцахъ за изученіемъ дѣлъ округа, Перовскій въ началѣ августа отправился въ Харьковъ, гдѣ и познакомился съ чинами университета и студентами; а въ концѣ того же мѣсяца онъ задумалъ предпринять объѣздъ округа. Нѣтъ сомнѣнія, что по своему образованію, жизненному опыту, положенію и по многимъ душевнымъ качествамъ, Перовскій могъ быть очень хорошимъ попечителемъ: прекрасный классикъ (не въ смыслѣ слѣпого поклонника латинской грамматики, а въ смыслѣ человѣка, развившаго свой умъ и вкусъ на изученіи древнихъ) осно-

вательный по тогдашнему психологъ, съ большою наклонностью къ наблюденію, съ независимымъ отъ службы состояніемъ и связями въ Петербургѣ, съ искренней любовью къ молодежи, но безъ преклоненія предъ ея естественными слабостями, видавшій въ ранней молодости на примѣрѣ Кутузова, какъ *не слѣдуетъ* управлять округомъ, узнавшій потомъ лучшую въ то время въ мірѣ школу—сансонскую, онъ могъ бы принести на этомъ посту много пользы, даже не проявляя особенной служебной энергіи (которой, повидимому, не было въ его характерѣ), одною, такъ сказать, энергіей своихъ добрыхъ свойствъ, еслибъ подольше оставался на мѣстѣ и при дѣлѣ. Но обстоятельства не благопріятствовали Харьковскому округу. Прежде чѣмъ заняться осмотромъ учебныхъ заведеній, Перовскому пришлось скакать въ Таганрогъ, чтобы привести по возможности въ порядокъ Таганрогскую коммерческую гимназію къ пріѣзду Императора Александра. Едва вернувшись въ Харьковъ, онъ узнаетъ, что Государь пріѣдетъ въ Таганрогъ раньше, нежели думали прежде, и спѣшитъ его встрѣтить. Государь осмотрѣлъ гимназію только 3 октября, и Перовскому удалось ее представить Его Величеству въ довольно хорошемъ порядкѣ, какъ только по ветхости строенія и скудости училища ожидать было можно. Возвратившись 10-го октября въ Харьковъ, Перовскій пишетъ министру, что онъ считаетъ необходимымъ какъ можно больше заниматься дѣлами университета и поэтому въ округъ уѣзжать будетъ ненадолго, и, осмотрѣвъ одну губернію, будетъ возвращаться снова въ Харьковъ. Въ самомъ началѣ 1826 г., когда тѣло Государя Александра I-го провозили черезъ Харьковъ, между Перовскимъ и губернскимъ предводителемъ дворянства Квиткою произошло довольно курьезное столкновеніе по поводу участія профессоровъ и дворянъ въ процессіи: кому идти впереди. По словамъ современника Шенига, „положили идти рядомъ оба начальника и оба сословія попарно". Очевидно, что Перовскій уже успѣлъ сжиться съ университетомъ и принималъ къ сердцу его интересы. Близко ознакомившись съ положеніемъ университета, Перовскій нашелъ его „столь бѣднымъ во всѣхъ почти отношеніяхъ и столь мало соотвѣтствующимъ самымъ умѣреннымъ ожиданіямъ, что не рѣшился даже представить оффиціальнаго отчета о его состояніи, не переговоривъ предварительно съ министромъ; вслѣдствіе чего и просилъ отпуска въ Петербургъ. Шишковъ не замедлилъ изъявить свое согласіе, и 9-го марта Перовскій двинулся на сѣверъ, поручивъ завѣдываніе своей канцеляріей экстраординарному профессору Байкову. Находясь въ Петербургѣ, Перовскій, по засвидѣтельствованію министра о его рѣвностной и полезной службѣ, былъ произведенъ въ

дѣйствительные статскіе совѣтники и утвержденъ Государемъ въ должности попечителя [1]. Черезъ 2 недѣли послѣ повышенія Перовскій, очевидно, произведшій хорошее впечатлѣніе въ Петербургѣ, былъ назначенъ членомъ комитета по устройству учебныхъ заведеній. Петербургская жизнь въ большихъ чинахъ стоила не дешево, и, повидимому, для поправленія обстоятельствъ Перовскій прибѣгъ къ способу, конечно, далеко не Аристидовскому, но съ русской чиновничьей точки зрѣнія, очевидно, не представлявшему ничего необычнаго, тѣмъ болѣе ничего безнравственнаго. Оффиціальнымъ письмомъ, отъ 11 іюля 1826 г., Перовскій заявляетъ министру, что ему, по дѣламъ службы, нужно ѣхать въ Харьковъ, и испрашиваетъ на путевыя издержки 3000 р.; а между тѣмъ—на самомъ дѣлѣ онъ не имѣлъ намѣренія ѣхать дальше Москвы, какъ видно изъ его заявленія почтамту, котораго онъ проситъ всѣ письма, пакеты и пр. пересылать въ Москву, на Басманную, въ домъ генералъ-маіорши Денисьевой (т. е. его матери). Служба Перовскаго и во время его отсутствія изъ Петербурга шла очень хорошо; въ августѣ 1826 г. онъ получилъ Владиміра 2-й степени, а въ сентябрѣ ему повелѣно быть предсѣдателемъ комитета для разсмотрѣнія учебныхъ пособій. Получивъ объ этомъ извѣщеніе, онъ возвратился въ Петербургъ и оставался тамъ, повидимому, безвыѣздно всю зиму. Отъ октября 1826 г. до февраля 1827 г. комитетъ, въ которомъ онъ предсѣдательствовалъ, рѣшалъ судьбу грамматики Греча и споръ послѣдняго съ академіей. Перовскій, какъ предсѣдатель, внѣшнимъ образомъ руководилъ дѣломъ, но, повидимому, не былъ въ немъ заинтересованъ лично, а хлопоталъ только о томъ, чтобы ученые мужи не совсѣмъ перегрызлись. Весною 1827 г. Перовскій просится на 3 мѣсяца за границу, въ Карлсбадъ. Увѣрившись изъ письма министра, что онъ своевременно получитъ отпускъ, онъ поѣхалъ сперва въ Погорѣльцы, а оттуда въ Харьковъ, гдѣ и далъ предложеніе университету о томъ, что, по Высочайшему повелѣнію, во время его отсутствія всѣ его обязанности будетъ исполнять членъ главнаго училищнаго управленія графъ М. Ю. Віельгорскій. Во второй половинѣ іюня Перовскій поѣхалъ за границу, гдѣ пробылъ не 3 мѣсяца, а почти вдвое болѣе; по

[1]) По этому случаю Перовскій получилъ рядъ поздравительныхъ писемъ отъ подчиненныхъ, которые приложены къ дѣлу о его попечительствѣ. Приводимъ письмо ректора Джунковскаго, какъ прекрасный образецъ... служебной риторики того времени. „Пріятнѣйшимъ долгомъ поставляю для себя принести Вашему превосходительству усерднѣйшее поздравленіе съ Высокомонаршею милостью, которая тѣмъ болѣе обрадовала всѣхъ насъ, что милости, изливаемыя отъ Высочайшаго престола на начальниковъ, ободряютъ духъ и въ самихъ подчиненныхъ, подобно какъ благополучія родителей радуютъ сердца добрыхъ дѣтей“.

возвращеніи, онъ снова поселился въ Петербургѣ и въ Харьковъ, судя по имѣющимся у насъ подъ руками документамъ, болѣе не ѣздилъ. Чтобы покончить со служебной карьерой Перовскаго, скажемъ только, что послѣ перемѣны министерства (въ 1828 г. Шишкова замѣнилъ генералъ-князь Ливенъ) онъ, повидимому, больше числился на службѣ, чѣмъ служилъ, и 20 марта 1830 года былъ уволенъ, по прошенію, въ отставку безъ всякой особой награды" [1].

Изъ приведенныхъ здѣсь фактическихъ данныхъ видно, что и новою должностью своею попечителя округа А. А. Перовскій интересовался не особенно сильно; проживалъ то въ Петербургѣ, то въ Погорѣльцахъ, то заграницей и въ Харьковъ наѣздывался изрѣдка, а съ 1828 года, послѣ выхода въ отставку Шишкова, больше числился на службѣ, чѣмъ служилъ. При такихъ условіяхъ дѣятельность А. А. Перовскаго въ качествѣ попечителя округа не могла оставить замѣтнаго слѣда и въ исторіи Харьковскаго университета. При отсутствіи должной энергіи и самостоятельности, какъ это всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, А. А. Перовскій легко поддался постороннему вліянію. „При А. А. Перовскомъ, говоритъ современникъ проф. А. С. Венедиктовъ, управлялъ округомъ, подъ его именемъ, можно сказать, самовластно проф. математики и инспекторъ студентовъ Байковъ. Была какая-то таинственная связь между Перовскимъ и Байковымъ; говорили и о родствѣ между ними. Байковъ впослѣдствіи поступилъ на службу къ брату Перовскаго, Льву Алексѣевичу, управлявшему удѣльными имѣніями. Байковъ сдѣланъ былъ управляющимъ земледѣльческимъ училищемъ въ Петербургѣ. Перовскій былъ болѣзненный, хромой, худенькій, низенькій человѣкъ" [2]). Но посмотримъ теперь, въ чемъ же все-таки проявлялась его дѣятельность, какого направленія держался новый просвѣщенный начальникъ къ отношенію къ университету и профессорской коллегіи. Здѣсь, къ сожалѣнію, мы должны констатировать фактъ вполнѣ отрицательнаго отношенія А. А. Перовскаго къ университетскому самоуправленію. Конечно, опредѣлить здѣсь долю его личныхъ убѣжденій и вліянія, оказаннаго на него системой Шишкова и инструкціей этого послѣдняго, довольно трудно, даже невозможно; можно только предполагать, что тутъ дѣйствовали оба элемента, такъ какъ

---

[1]) А. И. Кирпичникова. Антоній Погорѣльскій (А. А. Перовскій)—въ Истор. Вѣстн. 1890, октябрь, стр. 68—71; данныя о служебной дѣятельности А. А. Перовскаго позаимствованы изъ Харьковск. универ. архива и сообщены автору проф. А. С. Лебедевымъ. Ср. также Харьк. унив. архивъ. Дѣло канц. попечителя о попечителѣ Перовскомъ № 1105/62; здѣсь любопытн. поздравительн. письмо къ Перовскому извѣстн. Станевича.

[2]) Харьк. Истор. Архивъ, Бумаги Чиркова.

инструкція Шишкова не требовала сокращенія выборнаго начала въ университетѣ, и А. А. Перовскій сдѣлалъ въ этомъ смыслѣ предложеніе по собственной инициативѣ. Въ 1826 году А. А. Перовскій вошелъ въ министерство съ ходатайствомъ слѣдующаго содержанія. „Уставомъ Харьковскаго университета—§§ 51, 57 и 58—право избранія въ профессоры и адъюнкты предоставлено университетскому совѣту, изъ однихъ ординарныхъ профессоровъ состоящему. Судя по ходу дѣлъ этого университета въ прежнія времена и настоящему ихъ положенію, я нахожу, что недостатокъ въ отличныхъ профессорахъ и значительное число, особенно въ послѣдніе годы, праздныхъ каѳедръ въ упомянутомъ университетѣ наиболѣе всего приписать должно таковому праву совѣта. Очевидныя выгоды въ этомъ случаѣ для состоящихъ на лицо профессоровъ какъ по присутственнымъ университетскимъ мѣстамъ, такъ и по занятію непринадлежащихъ имъ каѳедръ заставляютъ ихъ слишкомъ мало заботиться о пріумноженіи своихъ сочленовъ. Желая по возможности исправить таковой ощутительный недостатокъ во ввѣренномъ мнѣ университетѣ, я не нахожу другихъ къ тому средствъ, какъ только покорнѣйше просить ваше высокопревосходительство объ исходатайствованіи у Государя Императора Всемилостивѣйшаго соизволенія, дабы мнѣ до окончательнаго составленія комитетомъ въ 14-й день этого мая Высочайше утвержденнымъ новаго устава для Харьковскаго университета впредь позволено было, по моему усмотрѣнію, приглашать и опредѣлять, съ утвержденія вашего высокопревосходительства, какъ профессоровъ, такъ и адъюнктовъ въ этотъ университетъ. Таковое предположеніе мое честь имѣю предать на лучшее благоусмотрѣніе вашего высокопревосходительства и въ разрѣшеніи ожидать вашего, милостиваго государя, предписанія".

Министръ 9-го іюня положилъ было такую резолюцію: внести на разсужденіе главнаго правленія училищъ, а потомъ поручилъ директору, не исполняя этой резолюціи, приготовить записку для доклада Государю Императору.

Докладъ Государю. Попечитель Харьковскаго учебнаго округа представляетъ мнѣ, что уставомъ этого университета право избранія въ профессоры и адъюнкты предоставлено совѣту университета, состоящему изъ однихъ ординарныхъ профессоровъ. Далѣе приводятся всѣ мотивы изъ записки Перовскаго); затѣмъ идетъ текстъ параграфовъ устава и наконецъ приписано старческою рукою министра на поляхъ: „докладывалъ въ Москвѣ августа въ 1-й день. Государь Императоръ Высочайше на то соизволяетъ". Объ этомъ Высочайшемъ соизволеніи министръ извѣстилъ 18 августа 1826 г. попечителя [1]).

[1]) Архивъ минист. народнаго просвѣщенія. Дѣло № 28431/503.

Такъ нанесенъ былъ ударъ университетскому самоуправленію въ дѣлѣ избранія профессоровъ; а одновременно съ тѣмъ новый попечитель лишилъ университетъ и права избранія ректора. Въ 1826 году онъ вошелъ въ министерство съ такимъ представленіемъ. „Въ декабрѣ мѣсяцѣ прошлаго 1823 г., писалъ онъ министру, совѣтъ Харьковскаго университета въ полномъ засѣданіи своемъ, приступивъ къ баллотированію новаго ректора, избралъ въ эту должность проф. Кронеберга и Комлишинскаго, но причинѣ же равнаго числа полученныхъ ими голосовъ, баллотированіе ихъ въ томъ же засѣданіи было повторено. А такъ какъ и на этотъ разъ число избирательныхъ голосовъ оказалось также равнымъ, то совѣтъ, не представляя никакого съ своей стороны мнѣнія, представилъ о томъ попечителю на усмотрѣніе. Предмѣстникъ мой, находя это баллотированіе недостаточнымъ и сверхъ того предполагая представить проектъ новаго образованія университета со включеніемъ статьи и по предмету избранія ректора, входилъ съ представленіемъ къ г. министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія о томъ, чтобы проф. Джунковскаго, бывшаго до того времени ректоромъ, но не избраннаго въ эту должность на предстоявшее трехлѣтіе, оставить въ ней впредь до усмотрѣнія, на что по всеподданнѣйшему докладу въ 22 день марта 1824 г. послѣдовало Высочайшее въ Бозѣ почившаго Государя Императора утвержденіе. Съ того времени и по нынѣ проф. Джунковскій находится въ званіи ректора при ввѣренномъ мнѣ университетѣ. Отдавая справедливость усердію этого чиновника, я не могу однакожъ умолчать, что состояніе дѣлъ упомянутаго университета, въ какомъ я нашелъ ихъ при вступленіи моемъ въ настоящую должность и въ какомъ они теперь находятся, требуетъ отъ ректора болѣе дѣятельности, вниманія, соображеній и силы характера, нежели сколько г. Джунковскій при слабомъ здоровьѣ своемъ и излишне мягкомъ отъ природы свойствѣ показать можетъ. Посему я вмѣняю себѣ въ непремѣнную обязанность представить вашему высокопревосходительству, не благоугодно ли будетъ, оставивъ г. Джунковскаго при прежнихъ занятіяхъ его по званію профессора, опредѣлить ректоромъ или исправляющимъ его должность до времени вышеупомянутаго проф. надворнаго совѣтника Кронеберга, какъ уже избраннаго совѣтомъ университета въ эту должность и притомъ такого, отъ дѣятельности и познаній котораго я ожидаю—по части управленія университетомъ и подвѣдомственными ему училищными мѣстами болѣе полезнаго, нежели какъ было до сего времени“. Объ этомъ было сдѣлано министромъ представленіе Императору Николаю Павловичу, который положилъ такую резолюцію: „въ виду причинъ,

въ представленіи вашемъ изъясненныхъ, повелѣваю—нынѣшняго ректора Харьковскаго университета проф. статскаго совѣтника Джунковскаго оставить при прежнихъ занятіяхъ его по званію профессора, а вмѣсто его опредѣлить исправляющимъ должность ректора до времени профессора того же университета надворнаго совѣтника Кронеберга" (2 іюля 1826 г.). Не довольствуясь этимъ, А. А. Перовскій вошелъ 19 декабря 1826 г. въ министерство съ новымъ ходатайствомъ о назначеніи Кронеберга ректоромъ и при томъ безъ срока. Вотъ его подлинный текстъ: „Въ силу именнаго Высочайшаго указа г. Кронебергъ тогда же вступилъ въ возложенную на него должность, которую и по настоящее время исправляетъ съ неутомимою дѣятельностью, отличнымъ усердіемъ и ощутительною пользою для университета. Но такъ какъ, не имѣя званія ректора, чиновникъ этотъ не можетъ дѣйствовать съ надлежащею силою и съ желаемымъ успѣхомъ во всѣхъ частяхъ университета, ибо настоящее его званіе исправляющаго должность ректора до времени не внушаетъ членамъ его должной подчиненности и повиновенія, порождая въ нихъ мысль, что занимающій мѣсто начальника *временно* не есть дѣйствительный полный начальникъ, но скорѣе ихъ сотоварищъ и т. п., то для устраненія этого неудобства и затрудненія въ дѣйствіяхъ упоминаемаго г. проф. Кронеберга, ко благу университета клонящихся, а равно и во вниманіе отлично ревностной и усердной службы его въ исправляемой имъ нынѣ должности, я осмѣливаюсь всепокорнѣйше просить ваше высокопревосходительство объ исходатайствованіи ему Высочайшаго утвержденія ректоромъ Харьковскаго университета". Министръ потребовалъ разъясненія. „Такъ какъ по уставу, писалъ онъ, ректоръ избирается совѣтомъ университета на 3 года; упомянутое же представленіе ваше сдѣлано отъ лица вашего, то слѣдуетъ заключить, что положеніе устава встрѣчаетъ въ исполненіи нѣкоторое затрудненіе; посему покорнѣйше прошу объяснить мнѣ его и увѣдомить притомъ, на какой срокъ Кронебергъ назначается ректоромъ и съ котораго времени таковой считать ему".

Перовскій далъ на это слѣдующій отвѣтъ.

„Причины, побудившія меня обратить особенное вниманіе на этого профессора (Кронеберга) въ намѣреніи улучшить сколько возможно ввѣренный мнѣ университетъ, изложены мною въ представленіи моемъ вашему высокопревосходительству отъ 27 мая прошлаго 1826 г. Причины эти въ полной мѣрѣ уважены, и г. Кронебергъ Высочайше утвержденъ въ званіи исправляющаго должность ректора до времени. Полагая, что эти же причины, въ совокупности съ изложенными мною въ представленіи отъ 19 декабря того года, достаточны для утвержде-

нія его дѣйствительнымъ ректоромъ упомянутаго университета, я осмѣливался испрашивать начальническаго вашего, милостивый государь, ходатайства. Что же касается до срока, на какой г. Кронебергъ назначается ректоромъ и съ котораго времени считать ему его, то для блага университета вообще, и особенно для приведенія въ надлежащій порядокъ всѣхъ дѣлъ его и для успѣшнѣйшаго и правильнѣйшаго теченія ихъ, равно для водворенія совершенной и необходимой на службѣ подчиненности и единодушія въ чиновникахъ какъ самаго университета, такъ и подвѣдомственнаго ему округа, большею частью раздѣленныхъ нѣкоторыми частными отношеніями и предположеніями на счетъ срочнаго ректорства, я въ настоящее время считаю вреднымъ назначить таковой срокъ, и потому покорнѣйше прошу ваше высокопревосходительство упоминаемому профессору Кронебергу исходатайствовать всемилостивѣйшее утвержденіе въ званіи ректора на томъ же положеніи относительно срока, на какомъ онъ Высочайше утвержденъ исправляющимъ эту должность, то есть до *времени* или до *усмотрѣнія*, на что имѣю честь ожидать вашего, милостивый государь, въ разрѣшеніе предписанія". Государь Императоръ на сдѣланное въ этомъ смыслѣ представленіе министра, положилъ 22 апрѣля 1827 г. слѣдующую резолюцію: „исправляющему должность ректора Харьковскаго университета проф. Кронебергу повелѣваю быть ректоромъ его впредь до изданія новаго устава для университетовъ" [1].

Также властно держалъ себя А. А. Перовскій и въ дѣлѣ выбора почетныхъ членовъ, офиціально приказывая совѣту избирать желательныхъ ему лицъ. Наконецъ, ни одинъ изъ прежнихъ попечителей не дѣлалъ столь часто и рѣзко замѣчаній совѣту, какъ А. А. Перовскій; на этихъ фактахъ мы остановимся ниже въ общемъ обозрѣніи дѣятельности совѣта. Теперь же, на основаніи всего сказаннаго, сдѣлаемъ только общее заключеніе, что А. А. Перовскій, не трогая устава, можно сказать, фактически упразднилъ въ Харьковскомъ университетѣ выборное начало въ его наиболѣе существенныхъ проявленіяхъ, но далеко не достигъ при этомъ той цѣли, во имя которой совершалъ столь крутую ломку — а именно полноты преподаванія, замѣщенія многихъ каѳедръ, остававшихся долгое время вакантными. Избранный имъ на должность ректора проф. Кронебергъ былъ дѣйствительно выдающимся профессоромъ и администраторомъ; но характерно то, что его выдвинула первоначально сама университетская коллегія: несмотря на его молодые годы, несмотря

[1]) Архивъ Мин. Нар. Просв. Дѣло № 29182/503.

на его кратковременную службу, совѣтъ избралъ его еще въ 1823 году въ ректоры, забаллотировавъ Джунковскаго, т. е. поступилъ такъ, какъ сдѣлалъ впослѣдствіи самъ попечитель. А. А. Перовскій вообще покровительствовалъ Кронебергу и въ 1826 г. исхлопоталъ ему командировку въ Петербургъ для осмотра казенныхъ военно-учебныхъ заведеній (инженернаго, артиллерійскаго училища и школы подпрапорщиковъ) и для изученія ихъ въ отношеніи хозяйственнаго быта, особенно полицейскаго административнаго строя [1]. Командировка эта вызвана была желаніемъ Кронеберга, избраннаго въ 1826 г. ректоромъ (послѣ Джунковскаго), увидѣться съ новымъ попечителемъ А. А. Перовскимъ и переговорить о дѣлахъ университета. А. А. Перовскій, прежде чѣмъ разрѣшить эту поѣздку, запросилъ Кронеберга, кто будетъ исправлять его должность, и получилъ слѣдующій отвѣтъ. „Вслѣдствіе предписанія вашего превосходительства отъ 8-го октября, въ которомъ изволите спрашивать относительно моей отлучки въ С.-Петербургъ: отсутствіе мое изъ университета, при настоящихъ обстоятельствахъ, не помѣшаетъ ли надлежащему теченію дѣлъ его? кто, до возвращенія моего, займетъ мое мѣсто, и какія вообще намѣренъ я сдѣлать въ семъ случаѣ распоряженія? Честь имѣю донести, что на случай таковой отлучки слѣдовало бы совѣту въ силу устава § 21-го избрать кого-либо изъ своей среды; но безъ всякаго сомнѣнія лучше будетъ поручить мою должность тому, кого ваше превосходительство назначить изволите. Если же угодно вашему превосходительству знать мое мнѣніе, то покорнѣйше прошу назначить для этого профессора Могилевскаго. Лекціи по части латинской словесности будетъ продолжать по моимъ запискамъ кандидатъ Сокальскій, а лекціи нѣмецкаго языка поручаю экстраординарному профессору Куницкому. Касательно же студентовъ полагаюсь на усердіе и дѣятельность экстраординарнаго профессора Байкова. Ваше превосходительство! Я имѣю только одно желаніе: усердіемъ и неусыпною дѣятельностью заслужить ту честь, которую ваше превосходительство мнѣ оказать изволили, возлагая на меня должность ректора, и оправдать, сколько могу, ожиданія публики, имѣющей ко мнѣ нѣкоторую довѣренность. Теперешнее состояніе университета походитъ нѣсколько на хаосъ, изъ котораго надлежащій порядокъ вывести могу я только чрезъ личное свиданіе съ вашимъ превосходительствомъ“. Попечитель исполнилъ всѣ желанія ректора. Уѣзжая изъ Харькова, Кронебергъ въ сущности поручилъ исправленіе должности инспектора профессору Байкову, который, какъ мы знаемъ, былъ очень близокъ къ А. А. Перовскому и пользовался его безграничнымъ довѣріемъ;

[1]) Архивъ мин. нар. просв. Дѣло № 127438/VI.

онъ былъ у попечителя также начальникомъ его канцеляріи[1]). Бывшій инспекторъ студентовъ профессоръ Пауловичъ подалъ въ отставку, вслѣдствіе разныхъ непріятностей и огорченій, его постигавшихъ[2]). Кронебергъ предоставилъ временно свою квартиру въ университетѣ помощнику инспектора Байкову и на его же попеченіе (а не Пауловича) оставлялъ студентовъ. Избранный инспекторомъ профессоръ Даниловичъ отъ этой должности отказался, а Пауловичъ отставки еще не получилъ. Обиженный ролью, предоставленной Байкову, онъ написалъ въ совѣтъ слѣдующую жалобу. „На бумагу, полученную отъ исправляющаго

---

[1]) Вотъ его докладъ по этому дѣлу.

„Честь имѣю донести вашему превосходительству, что, согласно предписанію вашему отъ 9-го ноября о позволеніи мнѣ пріѣхать въ С.-Петербургъ, полученному мною 24-го ноября, я на слѣдующій день, созвавши совѣтъ ему о томъ объявилъ, должность ректора сдалъ к-ну профессору Могилевскому, лекціи латинской словесности поручилъ кандидату Сокальскому, нѣмецкой словесности экстраординарному профессору Куницкому. А какъ профессоръ Пауловичъ, по слабости здоровья подалъ прошеніе объ увольненіи его отъ должности инспектора, о чемъ совѣтъ имѣлъ честь представлять вашему превосходительству, при томъ въ самомъ университетѣ не живетъ, а избранный на его мѣсто профессоръ Даниловичъ отъ этой должности отказался, и мнѣ неизвѣстно, какое вашему превосходительству благоугодно будетъ по сему сдѣлать распоряженіе, то я нужнымъ почелъ до того поручить экстраординарному профессору Байкову имѣть ближайшій и неусыпный надзоръ за студентами, особливо казеннокоштными, дабы и въ моемъ отсутствіи соблюденъ былъ между ними порядокъ и благочиніе, чистота и опрятность. На каковой конецъ я ему позволилъ до моего возвращенія занять верхній этажъ въ ректорской квартирѣ. При семъ имѣю честь донести вашему превосходительству, что я, не взирая на неблагопріятнѣйшую погоду, отправляюсь въ дорогу сего ноября 28-го дня".

[2]) Вотъ прошеніе его на имя попечителя объ отставкѣ.

„Всепокорнѣйше прошу ваше превосходительство извинить меня, что я осмѣливаюсь безпокоить васъ всенижайшею моею просьбою. Причины ея крайне невыгодныя мои обстоятельства, окружающія меня теперь. Не проходитъ ни одинъ день, ваше превосходительство, чтобы мнѣ не встрѣчались по инспекторской должности разныя непріятности, которыя со дня на день умножаются. Я по сіе время переносилъ съ великимъ терпѣніемъ всѣ таковыя огорченія и никакъ не думалъ утруждать ваше превосходительство просьбою моею до пріѣзда вашего; но слышу теперь, что ваше превосходительство не скоро изволите возвратиться къ намъ, а между тѣмъ я по причинѣ тягостныхъ неудовольствій, получаемыхъ по инспекторской должности, примѣтно теряю свое здоровье и дѣлаюсь уже не въ состояніи ее такъ отправлять, какъ бы я желалъ. По сему прибѣгаю къ великой милости вашего превосходительства и всепокорнѣйше прошу васъ, позволить мнѣ подать, куда слѣдуетъ, прошеніе объ увольненіи меня отъ инспекторской должности. Отъ этой великой милости вашего превосходительства зависитъ мое спокойствіе и поправленіе моего здоровія, которое я, по счастливомъ возвращеніи вашего превосходительства, священнымъ долгомъ своимъ поставлю употребить на всѣ тѣ труды, какія вашему превосходительству заблагоразсудится возложить на меня".

должность ректора г. Кронеберга послѣ сдачи должности своей профессору протоіерею Могилевскому, содержащую въ себѣ нѣкоторыя распоряженія относящіяся до инспекторской должности, честь имѣю донести совѣту, что я не только не нахожу, но и вообразить себѣ не могу никакой законной причины, кромѣ личности и недоброжелательства, почему исправляющій должность ректора г. Кронебергъ безъ предписанія высшаго начальства, безъ согласія совѣта и безъ всякаго моего вѣдома устранилъ меня въ своей бумагѣ отъ должности инспекторской, отъ которой я высшимъ начальствомъ еще не уволенъ, поручивъ ее другому и вовсе не давши мнѣ о томъ знать. Правда, я просилъ совѣтъ объ увольненіи меня отъ инспекторской должности, по причинѣ слабости моего здоровья, но какъ утвержденія отъ высшаго начальства на представленіе совѣта еще не послѣдовало, то я всѣми силами моими, какъ прежде, такъ и теперь отправляю эту должность, безъ малѣйшаго упущенія, что и самому исправляющему должность ректора г. Кронебергу наилучше извѣстно и ежедневно бываю раза по три и болѣе въ корпусѣ казеннокоштныхъ студентовъ и, имѣя двухъ помощниковъ и одного педеля, институтъ этотъ, ввѣренный мнѣ уставомъ, высшимъ начальствомъ и постановленіями совѣта, содержу до настоящаго времени, благодаря Бога, сколько возможно, прилично, чисто и во всѣхъ отношеніяхъ благополучно; и потому я по этой должности до настоящаго времени и не имѣлъ отъ своего начальства никакого замѣчанія. А что дѣйствительно институтъ этотъ содержится и теперь въ такомъ видѣ и состояніи, то я покорнѣйше прошу совѣтъ назначить членовъ, ежели угодно, для освидѣтельствованія его, и лично въ томъ удостовѣриться, что исправляющій должность ректора г. Кронебергъ дѣйствительно не имѣлъ никакой законной причины, а по одной только личности и по недоброжелательству его ко мнѣ (какъ видно, съ намѣреніемъ очернить мою непорочную службу предъ высшимъ начальствомъ) рѣшился устранить меня самовольно отъ главнаго надзора за казенными студентами и поручилъ этотъ надзоръ, безъ опредѣленія совѣта и безъ моего вѣдома, одному изъ моихъ помощниковъ, о которыхъ въ 11-й статьѣ инструкціи, данной мнѣ изъ совѣта и утвержденной высшимъ начальствомъ, сказано: „что помощникъ инспектора долженъ выполнять всѣ порученія съ точностію, инспекторомъ на него возложенныя". Такъ какъ и исправляющій должность ректора г. Кронебергъ зналъ все это, то ему никакъ не слѣдовало нарушать порядокъ, установленный закономъ, и перепутывать самовольно должности безъ всякой надобности. Да ежели-бы я и дѣйствительно такъ заболѣлъ, чтобы не могъ посѣщать института студентовъ, то у меня есть два по-

мощника, которые въ такомъ случаѣ, по должности своей, исполняли-бы въ точности всѣ порученія мои; или, какъ обыкновенно водится, можно было исправляющему ректорскую должность г. Кронебергу благовиднымъ образомъ представить въ совѣтъ о назначеніи кого ему угодно на мое мѣсто, до утвержденія кого-нибудь высшимъ начальствомъ. Если-же исправляющій должность ректора г. Кронебергъ имѣлъ по этому дѣлу какое-нибудь порученіе или предписаніе отъ его превосходительства г. попечителя, то ему слѣдовало объявить о томъ, хотя-бы и словесно. Но напротивъ того, исправляющій ректорскую должность г. Кронебергъ въ бумагѣ своей ясно самъ изъясняетъ, что, какъ ему неизвѣстно, какое будетъ сдѣлано распоряженіе его превосходительствомъ г. попечителемъ, то онъ нужнымъ почелъ до того поручить профессору Байкову имѣть ближайшій надзоръ за студентами, о чемъ и донесъ съ тою-же почтою его превосходительству г. попечителю, чего онъ безъ показанія какихъ-нибудь выдуманныхъ причинъ въ обиду непорочной и долговременной моей службы сдѣлать не могъ, ибо ежели я какъ инспекторъ главный надзоръ за студентами и теперь отправляю наилучшимъ образомъ и безъ всякаго упущенія, то онъ не имѣлъ никакой надобности прежде времени устранять меня отъ должности, поручая главный надзоръ за студентами другому. Посему я всепокорнѣйше прошу совѣтъ выдать мнѣ копію съ бумаги исправляющаго должность ректора г. Кронеберга, дабы я могъ оправдать себя предъ высшимъ начальствомъ“

Ректоръ Кронебергъ далъ на это слѣдующее объясненіе. „Изъ меморіала дѣлъ, въ совѣтѣ въ прошломъ декабрѣ мѣсяцѣ производившихся, который съ нынѣшнею почтою къ вамъ препровождается, ваше превосходительство усмотрѣть изволите отъ 3-го декабря статью, къ личной моей обидѣ клонящуюся. Дѣло слѣдующее: по полученіи предписанія вашего превосходительства отъ 9-го ноября прошлаго 1826 года о томъ, чтобы мнѣ немедленно отправиться въ С.-Петербургъ, я на другой день созвалъ совѣтъ, объявилъ ему волю вашу, сдалъ по предписанію должность Могилевскому, лекціи же поручилъ профессору Куницкому и кандидату Сокальскому. Заботясь равно и о томъ, чтобы и въ моемъ отсутствіи наблюдаема была между студентами, особливо казеннокоштными, та дисциплина, безъ которой никакое заведеніе въ порядкѣ быть не можетъ и которую я съ толикимъ трудомъ только что началъ укоренять, при существующихъ обстоятельствахъ, которыя и вашему превосходительству извѣстны, я нужнымъ почелъ поручить до моего возвращенія ближайшій надзоръ экстраординарному профессору Байкову и позволить ему на сей конецъ занять ректорскую квартиру. О таковомъ моемъ распоряженіи я имѣлъ честь донести вашему

превосходительству 27-го ноября. Объ этомъ далъ знать какъ словесно, такъ и письменно и заступившему мое мѣсто профессору Могилевскому. Письмо это въ копіи честь имѣю приложить, дабы ваше превосходительство усмотрѣть изволили, что въ немъ заключается тоже самое, что я имѣлъ честь донести вашему превосходительству. Нынѣ, читая меморіалъ дѣлъ, производившихся въ совѣтѣ за декабрь мѣсяцъ, нахожу, что 3-го декабря г. Пауловичъ подалъ въ совѣтъ донесеніе, которымъ требуетъ выдачи ему копіи съ моего письма къ профессору Могилевскому, называя распоряженіе, мною сдѣланное, незаконнымъ. Въ меморіалѣ же донесеніе его помѣщено не вполнѣ, почему и прилагаю здѣсь копію съ его донесенія. Въ этомъ донесеніи г. Пауловичъ 1) называетъ распоряженіе, мною сдѣланное, незаконнымъ, 2) упрекаетъ меня въ личности, недоброжелательствѣ и въ томъ, что я его предъ начальствомъ, т. е. предъ вашимъ превосходительствомъ, чернилъ. На это донесеніе г. Пауловича, въ столь оскорбительныхъ выраженіяхъ написанное, я прошу покорнѣйше ваше превосходительство обратить вниманіе и удостоить меня вашей защиты. Такое распоряженіе сдѣлать я считалъ себя въ правѣ, потому что въ § 16 устава сказано: „въ случаяхъ важныхъ, касающихся до блага всего университета и времени не терпящихъ, ректоръ самъ собою предпринимаетъ нужныя мѣры, о которыхъ однако въ первое обыкновенное или судя по важности въ чрезвычайное засѣданіе увѣдомляетъ членовъ университетскаго правленія, для учиненія дальнѣйшихъ распоряженій“. Да еслибъ это въ уставѣ и не было сказано, то въ силу § 18-го, по которому вся отвѣтственность за благочиніе во всѣхъ частяхъ и за внутренній порядокъ университета лежитъ на ректорѣ, какъ главѣ университета, я имѣлъ на то право. И вообще, распоряженіе дѣлаемое или прямо для блага университета, или для предупрежденія могущихъ произойти безпорядковъ, какъ можно назвать незаконнымъ? Если ректоръ не имѣетъ никакой власти, никакого права и не можетъ дѣлать никакого распоряженія, не подвергая себя оскорбительнымъ нападеніямъ какого либо члена совѣта или правленія, то какой онъ глава университета! Я поступилъ по совѣсти, побуждаемый желаніемъ добра, поступилъ по точному смыслу § 16-го. Кромѣ того, что я имѣлъ честь донести объ этомъ вашему превосходительству, какъ высшему начальнику университета, я увѣдомилъ и заступившаго мое мѣсто. Г. профессоръ Могилевскій предъявилъ мое письмо въ совѣтѣ; совѣтъ положилъ оставить все по прежнему, до полученія утвержденія отъ вашего превосходительства, слѣдовательно, не согласился на мое распоряженіе; и г. Пауловичъ, считавшій себя обиженнымъ, могъ бы остаться до-

вольнымъ. Вмѣсто того онъ 3-го декабря подаетъ донесеніе, въ которомъ считаетъ себя *устраненнымъ* отъ должности инспектора. Мнѣ и на умъ не приходило его устранять, не имѣя на то никакого права. Я поручилъ г. Байкову *ближайшій* надзоръ. Развѣ это значитъ устранить инспектора, имѣющаго *главный* надзоръ? Въ такомъ случаѣ г. Пауловичъ (по его мнѣнію) былъ устраненъ, когда опредѣлили педелей, долженствующихъ имѣть *ближайшій* надзоръ. *Ближайшій* надзоръ необходимо нуженъ; старшій педель Рыбасовъ не имѣетъ довольно авторитета, чтобы содержать студентовъ въ должномъ порядкѣ и благочиніи; г. Пауловичъ живетъ довольно далеко отъ университета и хотя и посѣщалъ по 2 и 3 раза въ день студентовъ, но такія краткія посѣщенія недостаточны. Силы одного человѣка недостаточны, чтобы всюду успѣвать; по сему и введены разныя подчиненныя должности. Но эти должности съ опредѣленною для нихъ властію установлены не для того, чтобы упорно защищать мнимую святость границъ ихъ, а для того, чтобы содѣйствовать общими силами къ достиженію назначенной правительствомъ цѣли. Г. Пауловичъ не могъ того требовать отъ г. Байкова, что тотъ изъ чистаго усердія и уваженія ко мнѣ сдѣлалъ. И по этому г. Пауловичъ, вмѣсто того чтобы считать себя устраненнымъ, долженъ бы меня еще благодарить, еслибы онъ дѣйствительно желалъ порядка на дѣлѣ, а не по одной формѣ, и еслибъ хотѣлъ сознаться, что *главный* надзоръ инспектора, живущаго довольно далеко отъ ввѣренныхъ ему молодыхъ людей, недостаточенъ безъ *ближайшаго* надзора. Но г. Пауловичъ, съ намѣреніемъ или безъ него, смѣшиваетъ въ своемъ донесеніи понятія *ближайшій* и *главный* надзоръ, ибо въ одномъ мѣстѣ пишетъ онъ, что я поручилъ г. Байкову главный надзоръ, въ другомъ—ближайшій. Я много обязанъ г. Байкову, что онъ тогда не отказался отъ порученнаго ему надзора, и дѣятельность его истинно заслуживаетъ отличія. Осмѣливаюсь всепокорнѣйше просить ваше превосходительство изъявить ему на то ваше благоволеніе. Въ самомъ началѣ г. Пауловичъ не только не находитъ, но и вообразить себѣ не можетъ никакой законной причины—кромѣ *личности* и *недоброжелательства*, почему я безъ предписанія высшаго начальства и т. д. его устранилъ отъ должности инспекторской. Потомъ увѣряя, что онъ до сего времени, благодаря Бога, содержитъ корпусъ казеннокоштныхъ студентовъ, сколько возможно, прилично, чисто и во всѣхъ отношеніяхъ благополучно (что совершенно несправедливо ибо возможное приличіе и чистота введены и наблюдаются мною при дѣятельномъ содѣйствіи г. Байкова; лучшее поведеніе, послушаніе, прилежаніе, о чемъ г. Пауловичъ не упоминаетъ, внушены мною), про-

сить совѣтъ освидѣтельствовать таковые *его* труды, дабы онъ могъ удостовѣриться, что *я* дѣйствительно не имѣлъ никакой законной причины, а по одной только *личности и недоброжелательству*, какъ видно, *съ намѣреніемъ очернить его непорочную службу предъ высшимъ начальствомъ* рѣшился устранить его самовольно и т. д. Наконецъ упоминая о томъ, что *я* объ этомъ распоряженіи донесъ вашему превосходительству прибавляетъ, что *я* этого *безъ показанія какихъ нибудь выдуманныхъ причинъ въ обиду непорочной и долговременной его службы сдѣлать не могъ*. На такія тяжкія обвиненія честь имѣю отвѣчать, что *я* личности противъ г. Пауловича никогда не имѣлъ, о недоброжелательствѣ судить — дѣло весьма трудное и щекотливое; изъ чего видно это гнусное намѣреніе чернить непорочную службу и почему *я* не могъ донести вашему превосходительству о коемъ распоряженіи безъ показанія какихъ нибудь выдуманныхъ причинъ въ обиду непорочной службы, *я* понять не могу. Г. Пауловичъ выставляетъ меня клеветникомъ! Ссылаюсь на ваше превосходительство, чернилъ ли *я* когда либо г. Пауловича или кого нибудь другого предъ высшимъ начальствомъ, т. е. предъ вашимъ превосходительствомъ. Если бы г. Пауловичъ воздержался отъ такихъ оскорбительныхъ выраженій, *я*, конечно, не безпокоилъ бы ваше превосходительство жалобою. Теперь же *я* долженъ вступиться за собственную честь мою и за честь того мѣста, которое занимаю. Посему покорнѣйше прошу ваше превосходительство обратить на таковой поступокъ г. Пауловича вниманіе и удостоить меня вашей защиты. Прошу покорнѣйше меня оправдать и предписать, чтобы возвращено было г. Пауловичу его донесеніе, дабы такая для чести моей, какъ чиновника вообще и какъ предсѣдателя университетскаго совѣта въ особенности, предосудительная бумага не находилась при дѣлахъ совѣта“.

Попечитель написалъ совѣту, что признаетъ распоряженія Кроненберга правильными, а Байкову выражаетъ признательность за его труды по инспекціи. Вскорѣ, по (3-го декабря 1826 года) ходатайству А. А. Перовскаго, министерство разрѣшило давать Байкову кромѣ 400 руб. штатнаго содержанія по должности инспектора казеннокоштныхъ студентовъ еще 800 руб. изъ университетскихъ суммъ за исправленіе должности инспектора своекоштныхъ студентовъ. Противъ Кроненберга была сильная оппозиція и въ правленіи, которое постановило не выдавать ему дровъ въ виду того, что онъ не жилъ въ казенной квартирѣ, а частной и получалъ квартирныя деньги. Это его сильно разгнѣвало и онъ написалъ по этому поводу слѣдующее рѣзкое письмо А. А. Перовскому по адресу правленія. „Съ нынѣшнею

почтою члены университетскаго правленія утруждаютъ ваше превосходительство представленіемъ, касающимъ меня, въ которомъ сказано, что я желаю пользоваться казенными дровами и свѣчами, при полученіи положенныхъ квартирныхъ денегъ, о каковомъ желаніи они и представляютъ вашему превосходительству. Я долгомъ своимъ почитаю довести вашему превосходительству, что я подобнаго желанія членамъ правленія никогда не объявлялъ, а со вступленія моего въ настоящую должность пользовался и пользуюсь этими выгодами по примѣру всѣхъ моихъ предмѣстниковъ. Не говорю уже о томъ, что тутъ подъ личиною соблюденія законнаго порядка укрывается одна только личность, и что если бы члены правленія дѣйствительно желали соблюсти законный порядокъ, а не управляемы были другимъ весьма непохвальнымъ чувствомъ, то гораздо приличнѣе и вѣжливѣе было бы съ ихъ стороны предоставить мнѣ самому о своихъ выгодахъ ходатайствовать у вашего превосходительства. Но помѣщеніе неправды въ представленіи къ вашему превосходительству есть поступокъ дерзкій, а для меня обидный, поелику относится ко мнѣ, приписывая мнѣ то, о чемъ я и не помышлялъ. Объявлять свои желанія членамъ правленія съ тѣмъ, чтобы они объ удовлетвореніи ихъ ходатайствовали у начальника—это столь мало соотвѣтствуетъ чувству должнаго почтенія, правиламъ вѣжливости и даже здравому разсудку, что я не лишнимъ считаю еще разъ повторить, что я никакого желанія членамъ правленія не объявлялъ и ихъ не просилъ объ удовлетвореніи представлять вашему превосходительству. Этотъ поступокъ ихъ обнаруживаетъ совершенное пренебреженіе истины, порядка и начальства и ясно доказываетъ, что нѣтъ тутъ никакого чувства приличія, никакой подчиненности, и едва ли найдется по другимъ присутственнымъ мѣстамъ государственнаго правленія подобный примѣръ. Они дѣлаютъ рѣшеніе и помѣщаютъ его въ журналъ безъ согласія на то предсѣдателя.— Они помѣщаютъ въ представленіе свое къ вашему превосходительству неправду.—Они умалчиваютъ въ немъ о протестѣ, написанномъ мною въ журналѣ противъ той статьи, въ которой упоминается объ этомъ дѣлѣ.—Прошу всепокорнѣйше ваше превосходительство обратить на таковой поступокъ членовъ правленія особенное вниманіе ваше. Что же касается до вышеупомянутыхъ выгодъ, то прошу покорнѣйше ваше превосходительство мнѣ позволить пользоваться ими по примѣру всѣхъ моихъ предмѣстниковъ“. Попечитель сталъ на сторону обиженнаго ректора и написалъ въ правленіе слѣдующую бумагу. „Поступившую ко мнѣ отъ имени правленія этого университета бумагу, касательно отпуска исправляющему должность ректора дровъ и свѣчей, я возвращаю при

семъ, какъ несообразную съ обыкновеннымъ порядкомъ дѣлъ и не обстоятельную потому, 1) что она г. предсѣдательствующимъ не подписана; 2) что въ ней не объяснено: когда и какимъ образомъ г. Кронебергъ изъявилъ желаніе пользоваться упомянутыми выгодами? Также, пользовался ли онъ ими со времени утвержденія своего въ настоящей должности? и если пользовался, то почему правленіе университета находитъ нынѣ неудобоисполнимымъ то, въ чемъ въ продолженіе 8 мѣсяцевъ не встрѣчалось никакого затрудненія? 3) что правленію должно быть извѣстно, въ какомъ количествѣ всѣ прежде бывшіе ректоры университета получали отъ него дрова и свѣчи; а потому и не настояло надобности испрашивать новаго назначенія тому, что издавна уже опредѣлено и исполняется безпрепятственно, или по крайней мѣрѣ надлежало показать съ точностію количество означенныхъ вещей, коими предшественники г. Кронеберга пользовались, упомянувъ притомъ, достаточно-ли ихъ или нѣтъ въ настоящее время и сколько предполагается опредѣлительно назначить на будущее; наконецъ, 4) что, представивъ мнѣніе проф. Даниловича, не подписавшаго упомянутой бумаги, какъ такой, въ которой онъ не находитъ основательной причины, правленіе совершенно умалчиваетъ о томъ, почему г. Кронебергъ, какъ предсѣдательствующій, не подписалъ ея, и было-ли съ его стороны по сему случаю какое-либо возраженіе и тому подобное". Такое же столкновеніе, но уже по поводу свѣчей, произошло между правленіемъ и Байковымъ. Очевидно, правленіе было враждебно настроено противъ Кронеберга и Байкова. Отдавая должное выдающемуся уму Кронеберга, его характеру, настойчивости, мы въ тоже время замѣчаемъ у него черты автократизма и самовластія по отношенію къ университетской коллегіи. Въ своей оправдательной запискѣ попечителю онъ ссылается на разные параграфы устава, но не хочетъ привести того, на который самъ указывалъ въ своемъ первомъ обращеніи къ А. А. Перовскому, по которому на случай отсутствія ректора замѣстителя ему избираетъ совѣтъ. Очевидно, и онъ, подобно попечителю и въ тонъ ему, хотѣлъ, какъ о томъ говоритъ въ своей запискѣ твердой ректорской власти, независимой отъ совѣта. Не безъ согласія его и А. А. Перовскій ходатайствовалъ передъ министромъ о назначеніи его ректоромъ безъ выборовъ совѣта и безъ опредѣленія срока. Попечитель видѣлъ въ немъ энергичнаго и вполнѣ подходящаго для новой роли ректора. Но и университетская коллегія, съ своей стороны, конечно, не хотѣла примириться съ новыми порядками, упразднявшими власть и значеніе, предоставленныя ей Высочайше утвержденнымъ и не отмѣненнымъ уставомъ. На этой то почвѣ и происходила глухая борьба и столкновенія въ родѣ описанныхъ выше, при чемъ попечитель

былъ явно на сторонѣ своего любимца Байкова и желавшаго ладить съ нимъ ректора Кронеберга. Но по натурѣ своей Кронебергъ не могъ быть тѣмъ, чѣмъ былъ Байковъ—онъ былъ все-таки настоящій университетскій дѣятель, талантливый ученый профессоръ и благородный человѣкъ, — и потому не былъ въ состояніи долго выносить своего тяжелаго положенія и въ 1829 году самъ подалъ прошеніе объ отставкѣ. Въ этомъ прошеніи ясно чувствуется нота грусти, обиды и разочарованія. Вотъ его текстъ. „Трудное мое положеніе, о которомъ я имѣлъ честь представлять вашему превосходительству въ письмѣ моемъ отъ 25 февраля прошлаго 1828 года, и разныя другія обстоятельства вынуждаютъ меня утруждать ваше превосходительство покорнѣйшею просьбою исходатайствовать мнѣ увольненіе отъ должности ректора, оставивъ меня по прежнему только при должности профессора. Пожертвовавъ усердному исполненію обязанностей по возложенному на меня званію ректора невозвратнымъ временемъ, здоровьемъ и благосостояніемъ своимъ, поручаю себя благосклонному начальническому вниманію вашего превосходительства". Впрочемъ при попечителѣ Головкинѣ онъ снова занялъ ректорскій постъ и оставался на немъ три года—съ 1833 по 1836-й годъ, при чемъ ему снова пришлось вынести упорную борьбу съ инспекторомъ студентовъ проф. Венедиктовымъ. Преемникомъ его въ 1829 году былъ избранъ проф. Дудровичъ, нравственная физіономія котораго намъ уже извѣстна: это былъ дѣятель, воспитавшійся въ тяжелой атмосферѣ Карнѣевыхъ и отличавшійся большою способностью приспособляться къ настроенію правящихъ сферъ, типичный представитель въ этомъ отношеніи профессоровъ славянскаго происхожденія. Выборъ Дудровича свидѣтельствуетъ о томъ, что партія противниковъ Кронеберга, во главѣ которой стоялъ Пауловичъ, одержала верхъ. Впрочемъ самъ онъ писалъ, что принимая эту должность, исполняетъ скорѣе волю начальства, чѣмъ желаніе избравшей его коллегіи. Вотъ его письмо попечителю. „Вслѣдствіе предложенія вашего превосходительства объ избраніи другого ректора на мѣсто господина Кронеберга, по большинству голосовъ, жребій палъ на меня. Усматривая изъ послѣдовавшаго ко мнѣ, по сему случаю, отзыва *Александра Васильевича*, что *вашему превосходительству угодно, дабы я никакъ не отклонялъ отъ себя выбора*, и пріобыкши всегда повиноваться волѣ начальства, я охотно принимаю на себя эту новую для меня должность, ласкаясь пріятнѣйшей надеждой, что ваше превосходительство, если не буду въ состояніи, по всѣмъ отношеніямъ, соотвѣтствовать справедливымъ начальническимъ ожиданіямъ вашимъ, обстоятельства та-

кого не изволите вмѣнить мнѣ въ вину, происходящую отъ нерадѣнія и невнимательности моей въ сей, какъ по устроенію россійскихъ университетовъ вообще, такъ и въ особенности по чрезмѣрной обширности Харьковскаго учебнаго округа, многотрудной должности [1])". Въ 1830 г. Дудровичъ умеръ и его преемникомъ былъ избранъ проф. хирургіи Н. И. Еллинскій, исполнявшій свои обязанности при новомъ попечителѣ В. И. Филатьевѣ.

Въ ректорство Дудровича большую смуту вызвало дѣло проф. Брандейса по обвиненію его въ нарушеніи благопристойности на университетскомъ актѣ; оно имѣло мѣсто въ 1829 г., въ попечительство А. А. Перовскаго. Проф. Брандейсъ вышелъ на актѣ читать рѣчь не въ мундирѣ, а во фракѣ—и изъ-за этого его обвинили чуть ли не въ политической неблагонадежности. Пребывавшій тогда въ Харьковѣ сенаторъ Горголи обратился къ попечителю А. А. Перовскому, на актѣ не присутствовавшему, съ жалобой такого содержанія: „30-го числа минувшаго августа мѣсяца въ здѣшнемъ университетѣ происходило торжественное ученое собраніе, въ коему приглашена была и публика.—Во всемъ соблюдены были надлежащее приличіе и порядокъ; но при открытіи его, когда собрались духовенство и гражданскіе чиновники,—послѣдніе въ полныхъ мундирахъ, какъ равно и всѣ чины университета,—явился на каѳедрѣ, для произнесенія рѣчи на латинскомъ языкѣ, профессоръ Брандейсъ, въ партикулярномъ платьѣ съ распущеннымъ галстукомъ.—На сдѣланное мною объ этомъ неприличіи замѣчаніе г. ректору университета Дудровичу онъ отозвался, что г. Брандейсъ былъ имъ убѣждаемъ находиться въ мундирѣ, съ предвареніемъ, что въ противномъ случаѣ онъ вынужденъ будетъ о томъ довести до моего свѣдѣнія; но Брандейсъ, не внявъ никакимъ резонамъ, оказалъ явное ослушаніе.—Послѣ этого я, по долгу званія моего, призвалъ г. Брандейса къ себѣ, дѣлалъ ему должное внушеніе, но онъ объявилъ, что не имѣетъ мундира, ибо получаетъ жалованья только 200 руб. въ мѣсяцъ и что будто ваше превосходительство дозволили ему не имѣть его.—Не довѣряя таковому отзыву г. Брандейса, и въ виду того, что многіе чиновники, менѣе его получающіе жалованья, имѣютъ надлежащіе мундиры, я призналъ необходимымъ о таковомъ неуваженіи къ торжественному дню и почетному собранію, а такъ же о своевольномъ и неприличномъ поступкѣ г. Брандейса, извѣстить васъ, милостивый государь, съ тѣмъ, что г. гражданскій губернаторъ намѣренъ былъ донести о томъ шефу жандармовъ, г. генералъ-

[1]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло поп. № 523/27 и 350/18.

адъютанту Бенкендорфу. При этомъ не излишнимъ считаю присовокупить, что поведеніе и поступки г. Брандейса по врачебному его искусству еще болѣе предосудительны; алчность и корыстолюбіе его превосходятъ мѣру; при всякомъ случаѣ, когда, въ крайней необходимости, больные обращаются къ его помощи, онъ, не заботясь о скоромъ поданіи ея, предварительно торгуется въ цѣнѣ за визиты, требуя по 50-ти и не менѣе 25-ти руб. за каждое посѣщеніе, а если больной находится внѣ города, то къ означенной суммѣ присовокупляется платежъ по 5 руб. на каждую версту. Недавно же, при пользованіи генералъ-маіора Бедряги,—уже умершаго,—за три часа до его смерти, г. Брандейсъ, увѣряя честію и головою родныхъ, что онъ будетъ живъ и здоровъ, требовалъ сумму денегъ, какая, по обыкновеннымъ его расчетамъ, слѣдовала ему за посѣщенія, т. е. 350 руб. Каковые и подобные имъ многіе поступки г. Брандейса, не касаясь безпокойной его нравственности, извѣстные всей здѣшней публикѣ, будучи совершенно не соотвѣтственны почетному званію, имъ носимому, дѣлаютъ совершенный соблазнъ между жителями и безславятъ почетное ученое сословіе Харьковскаго университета, которое съ негодованіемъ его переноситъ". А. А. Перовскій далъ на это письмо слѣдующій отвѣтъ, исполненный достоинства и смѣлой откровенности. „Почтеннѣйшее отношеніе вашего превосходительства отъ 5 сентября я имѣлъ честь получить и съ крайнимъ прискорбіемъ усмотрѣлъ изъ него, что торжественное собраніе, бывшее въ университетѣ 30 августа, не обошлось безъ неудовольствій. Принося вамъ, милостивый государь, чувствительнѣйшую благодарность за постоянное участіе, принимаемое вами во ввѣренномъ мнѣ университетѣ, я долгомъ поставляю со всею откровенностью объяснить мнѣніе мое о поступкѣ профессора Брандейса, навлекшемъ на него негодованіе вашего превосходительства. Обязанность профессоровъ университета заключается въ преподаваніи наукъ, составляющихъ кругъ университетскаго ученія. Если обязанность эту исполняютъ они успѣшно, если стараніями ихъ студенты пріобрѣтаютъ полезныя познанія, то профессора имѣютъ право на признательность отечества. Въ этомъ отношеніи Брандейсъ, по мнѣнію моему, удовлетворяетъ въ полной мѣрѣ ожиданіямъ правительства, и я священнымъ долгомъ поставляю во всякое время обращать на подобныя заслуги вниманіе высшаго начальства. Вашему превосходительству, конечно, не безъизвѣстно, что университетская клиника, г. Брандейсомъ устроенная, есть одна изъ лучшихъ въ Россіи и, можетъ быть, во всей Европѣ. Къ этому присовокупить еще должно, что ученость этого профессора, методъ его преподаванія, усердіе и всегдашняя исправность собственно по званію наставника и директора клиники, приносятъ честь

университету. Послѣ этого, неимѣніе университетскаго мундира по бѣдности, особенно въ первый годъ службы при университетѣ, я считаю обстоятельствомъ столь маловажнымъ, что если-бы 30 августа мнѣ случилось быть въ Харьковѣ, то я ни мало-бы не усумнился позволить г. Брандейсу читать сочиненную имъ рѣчь во фракѣ. Строгое наблюденіе правилъ носить мундиры (разумѣя здѣсь учебную часть)—полезно относительно студентовъ, ибо они чрезъ то пріучаются къ порядку и повиновенію, составляющимъ какъ бы основу воспитанія; но эту строгость несправедливо было-бы распространять на профессоровъ. Когда блаженной памяти Государь Императоръ Александръ Павловичъ въ 1825 году былъ въ Таганрогѣ и я имѣлъ счастіе представлять ему учителей тамошней гимназіи. въ числѣ которыхъ два было не въ мундирахъ, то Его Величество, на объясненіе мое о недостаточномъ ихъ состояніи, изволилъ сказать мнѣ: „Vous n'avez pas besoin de les excuser; L'éssentiel est qu'ils fassent leur dévoir. Quant à l'uniforme, c'est une chose entièrement indiférente pour in instituteur". Откровенность, съ какою я объясняюсь съ вашимъ превосходительствомъ, основана на личномъ моемъ къ вамъ уваженіи и на дружескомъ вашемъ расположеніи, которымъ съ давняго времени я имѣю честь пользоваться. Тѣмъ непріятнѣе для меня было, что г. Брандейсъ, вслѣдствіе сдѣланнаго ему вами, милостивый государь, выговора, подалъ прошеніе объ отставкѣ. ибо я не могу скрыть отъ васъ, что удаленіе этого профессора я считаю большою потерею для университета. Благорасположеніе вашего превосходительства ко мнѣ подаетъ мнѣ смѣлость покорнѣйше просить васъ о благосклонномъ содѣйствіи вашемъ, чтобы г. Брандейсъ принялъ обратно поданное имъ въ совѣтъ Харьковскаго университета прошеніе. Этимъ вы изволите оказать истинную услугу университету и самого меня обяжете искреннѣйшею къ вамъ благодарностію. Что касается до высокой цѣны, г. Брандейсомъ, при лѣченіи имъ больныхъ, за визиты требуемой, то обстоятельство это, какъ совершенно частное, вовсе ко мнѣ не относится. Оно только можетъ повредить самому г. Брандейсу, лишивъ его постороннихъ доходовъ за практику, если, предположимъ, что больные не станутъ приглашать его къ себѣ по причинѣ дорогой цѣны и т. п. Но при этомъ я никакъ не могу согласиться съ мнѣніемъ вашего превосходительства на счетъ предполагаемаго въ Брандейсѣ корыстолюбія. Мнѣ извѣстно, что онъ съ бѣдныхъ, за пользованіе ихъ, не требуетъ ничего, и студентовъ университета охотно лѣчитъ безъ всякой платы. Устройство же и содержаніе имъ въ отличномъ порядкѣ—при весьма умѣренныхъ издержкахъ, особенно въ сравненіи съ прежними годами—ввѣренной ему университе-

томъ клиники, еще болѣе удостовѣряютъ меня въ его безкорыстіи и вмѣстѣ усердіи относительно изысканія и употребленія способовъ и средствъ къ соблюденію казеннаго интереса, а не своего частнаго". (30 сент. 1829 г., Петербургъ). Харьковскій губернаторъ, а, можетъ быть, начальникъ мѣстнаго жандармскаго управленія дѣйствительно отправилъ шефу жандармовъ графу Бенкендорфу донесеніе на профессора Брандейса, гдѣ писалъ. „Въ 1828 году прибылъ въ Харьковскій университетъ профессоръ медицины Брандейсъ и выказалъ въ короткое время безпокойный нравъ и слишкомъ вольный образъ мыслей. Въ практикѣ онъ несчастливъ и потому всѣми оставленъ; можетъ быть, онъ имѣетъ хорошія познанія, но его правила и вольныя разсужденія могутъ сдѣлаться вредными молодымъ людямъ, ввѣреннымъ ему для обученія. 30 августа, во время торжественнаго собранія университета, куда приглашены были гг. сенаторъ Горголи, гражданскій губернаторъ, всѣ военные и гражданскіе чиновники и почетнѣйшіе помѣщики, всѣ были въ мундирахъ, одинъ только профессоръ Брандейсъ, долженствовавшій говорить рѣчь, явился во фракѣ. Ректоръ университета тщетно убѣждалъ его одѣться приличнѣе; Брандейсъ, ко всеобщему неудовольствію, явился на каѳедрѣ въ своемъ небрежномъ нарядѣ. Г. сенаторъ Горголи замѣтилъ ему это, но онъ отвѣчалъ, что г. попечитель позволилъ ему не носить мундира, и потомъ жаловался попечителю на г. сенатора Горголи". Гр. Бенкендорфъ сообщилъ этотъ доносъ министру народнаго просвѣщенія, а тотъ затребовалъ объясненія отъ попечителя, который и на этотъ разъ далъ такой же смѣлый и благородный отвѣтъ, какъ и прежде сенатору Горголи. „На предписаніе вашей свѣтлости отъ 10 текущаго октября, писалъ онъ тамъ, съ приложеніемъ копіи съ записки, сообщенной вамъ г. генералъ-адъютантомъ Бенкендорфомъ о профессорѣ Харьковскаго университета Брандейсѣ, честь имѣю отвѣтствовать, что образъ мыслей и поведеніе этого профессора мнѣ довольно извѣстны. Это—человѣкъ, совершенно посвятившій себя занятіямъ по учебной части. Главная и единственная цѣль его желаній и дѣйствій есть точное и неуклонное исполненіе своихъ обязанностей по службѣ; и то, что другой можетъ почесть въ немъ за *безпокойный нравъ*, есть только, такъ сказать, избытокъ ревности къ достиженію упомянутой цѣли и нѣкоторая нетерпѣливость, соединенная съ прямотою и откровенностію, при встрѣчѣ какихъ-либо къ тому препятствій. Слишкомъ вольнаго образа мыслей, равно какъ и правилъ и разсужденій, которыя могли-бы сдѣлаться вредными молодымъ людямъ, его лекціи посѣщающимъ, онъ во все время служенія своего при университетѣ никогда еще и ничѣмъ не показалъ. На лекціяхъ онъ кромѣ

предметовъ, непосредственно къ преподаваемой имъ наукѣ относящихся и существенно полезныхъ для слушателей—ни о чемъ постороннемъ не разсуждаетъ; а въ сочиненіяхъ своихъ торжественно обнаруживаетъ чувства искренней преданности престолу и правительству и чистоту нравственныхъ началъ въ образѣ мыслей и сужденій своихъ. Что же касается до одежды, въ которой онъ 30 минувшаго августа, въ торжественномъ собраніи университета, читалъ рѣчь свою, то я имѣлъ уже объ этомъ предварительное свѣдѣніе; но осмѣливаюсь доложить вашей свѣтлости, что въ этомъ поступкѣ г. Брандейса, какъ совершенно невинномъ, никакихъ предосудительныхъ намѣреній со стороны его не предполагающемъ и сдѣланномъ единственно по неимѣнію (по причинѣ недостаточнаго состоянія, особенно въ началѣ службы при университетѣ) мундира, я не нахожу ничего особеннаго, что могло-бы кому-либо показаться оскорбительнымъ, или возбудить, какъ въ упомянутой запискѣ означено, неудовольствіе. Объ этомъ происшествіи писалъ ко мнѣ и г. сенаторъ Горголи, отъ 5 минувшаго сентября. Отвѣтъ мой на его письмо честь имѣю при этомъ въ копіи представить вашей свѣтлости".

А. А. Перовскаго смѣнилъ въ должности попечителя д. ст. сов. *Владиміръ Ивановичъ Филатьевъ*, назначенный на этотъ постъ 28 апрѣля 1830 г. Изъ формуляра его не видно, чтобы онъ получилъ образованіе въ какомъ нибудь училищѣ. Родился онъ въ 1782 году, а въ 1790 году, т. е. 8 лѣтъ отъ роду былъ зачисленъ уже на службу вахмистромъ въ конный лейбъ-гвардейскій полкъ, въ 1799 г. произведенъ въ эстандартъ—юнкера и корнеты, въ 1801 году—въ поручики, въ 1802 году—въ штабъ-ротмистры, въ 1803 году—въ ротмистры, въ 1804 году уволенъ по прошенію отъ службы въ чинѣ полковника, въ 1806 году по выбору ростовскаго дворянства сдѣланъ былъ начальникомъ уѣздной милиціи, по сформированіи батальоновъ Ярославскаго земскаго ополченія, въ 1807 году опредѣленъ бригаднымъ командиромъ, по окончаніи службы въ земскомъ ополченіи получилъ золотую медаль и право ношенія мундира. Затѣмъ состоялъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства въ Ростовскомъ уѣздѣ Ярославской губ. съ 1812 по 1815 годъ; въ этомъ же году избранъ былъ въ губернскіе предводители дворянства и служилъ 4 трехлѣтія—до 1827 года—и въ это время получилъ ордена: Анны 2-й степени съ алмазами, Владиміра 3-й ст. и чины статскаго и дѣйствительнаго статскаго совѣтника; въ 1827 году назначенъ былъ членомъ совѣта министра внутреннихъ дѣлъ, въ 1828 году членомъ комитета по устройству казенныхъ крестьянъ и членомъ главнаго управленія цензуры отъ министерства внутреннихъ дѣлъ, сверхъ жалованья по этой послѣдней должности повелѣно выдавать

ему по 3000 р., пока будетъ состоять членомъ совѣта министра внутреннихъ дѣлъ; имѣлъ знакъ безпорочной службы за XX лѣтъ. Въ Ростовскомъ уѣздѣ у него была д. Чанниково съ 294 душами крѣпостныхъ; за 2-ю женою его числилось въ Мышкинскомъ уѣздѣ Ярославской губ. въ с. Ивановѣ 99; да за дѣтьми отъ 1-го брака 130 душъ въ Ярославской и Калужской губ. Въ моментъ назначенія попечителемъ ему было 50 лѣтъ; онъ былъ женатъ и имѣлъ 3-хъ сыновей, воспитывавшихся въ корпусѣ инженеровъ путей сообщенія (19, 18 и 17 лѣтъ отъ роду) и 2-хъ дочерей (12 и 8 лѣтъ) [1]. Жалованья ему по должности попечителя было назначено 3000 р. и 3600 р. столовыхъ. Получилъ назначеніе онъ 28 апрѣля 1830 года, но въ Харьковъ повидимому пріѣхалъ только въ январѣ 1831 года. А. А. Перовскій, какъ мы видѣли, уничтожилъ выборное начало въ Харьковскомъ университетѣ для того, чтобы имѣть возможность самому замѣщать вакантныя каѳедры—а между тѣмъ послѣ выхода его въ оставку въ университетѣ оказалась масса вакантныхъ каѳедръ—едва ли не больше, чѣмъ при назначеніи его на должность,—и новый попечитель главное вниманіе свое обратилъ на это больное мѣсто университетской жизни. Къ сожалѣнію, у него не было ни должнаго образованія и развитія, ни достаточнаго житейскаго опыта и знанія людей для успѣшнаго исполненія новой должности. Къ тому же онъ впалъ въ ошибку своихъ предшественниковъ З. Я. и Е. В. Карнѣевыхъ—и старался замѣщать профессорскія каѳедры людьми, удовлетворявшими требованіямъ благонамѣренности, а не научнаго ценза; но притвориться благонамѣреннымъ было, конечно, не трудно, и потому теперь появились въ университетской коллегіи такіе преподаватели, которые только компрометировали университетъ. Вотъ подлинный отчетъ В. Филатьева о его первоначальныхъ распоряженіяхъ по университету, представленный имъ министру народнаго просвѣщенія князю Ливену 10 іюля 1831 года. „По волѣ и желанію вашей свѣтлости, принявъ на себя обязанность попечителя Императорскаго Харьковскаго университета и зависящаго отъ него округа, я считаю себя обязаннымъ, по мѣрѣ силъ моихъ, быть полезнымъ въ этой службѣ моей, имѣя постояннымъ правиломъ: не увлекаться блескомъ и суетностію, а стремиться къ истинно полезной цѣли общаго блага, основаннаго на религіи, нравственности, любви къ отечеству, преданности законамъ государства и въ особенности къ Монарху, всѣмъ намъ благодѣющему. На этихъ-то началахъ стараюсь основывать образованіе юношества, учащагося въ учебныхъ заведеніяхъ, мнѣ подвѣдомыхъ; стремясь распро-

---

[1]) Архивъ Мин. Нар. Просв. Дѣло № 34256/722.

странять кругъ познаній, вмѣстѣ съ тѣмъ озабочиваюсь дать истинное, прямое и полезное направленіе познаніямъ, и, развертывая понятія, образуя умы, указать истинную пользу прямаго ученія, для блага собственнаго и общаго. Но для конечнаго успѣха въ этомъ необходимо начальническое вашей свѣтлости одобреніе и содѣйствіе, продолженіе той довѣренности, которою до настоящаго времени имѣю счастіе пользоваться. Для большей ясности моихъ намѣреній, клонящихся къ лучшему устройству учебной части, первоначально по университету, я долженъ обременить вашу свѣтлость нѣкоторыми подробностями и начать донесеніе мое отъ начала личнаго моего присутствія въ Харьковѣ. По пріѣздѣ моемъ въ Харьковъ, въ январѣ мѣсяцѣ этого года, я усмотрѣлъ, что въ университетѣ недостаетъ для многихъ предметовъ профессоровъ и преподавателей, а потому многіе предметы вовсе не преподавались или преподавались недостаточно, ибо, кромѣ значительнаго недостатка въ преподавателяхъ, профессоръ Даниловичъ откомандированъ въ Петербургъ, профессора Блюменталь и Венедиктовъ находились въ отсутствіи, по случаю холеры (послѣдній изъ нихъ и по настоящее время въ Петербургѣ при центральной комиссіи), адъюнктъ Золотаревъ переведенъ по Высочайшему повелѣнію въ Новочеркасскую гимназію, кандидатъ Спасскій былъ боленъ и впослѣдствіи умеръ, каѳедра покойнаго ректора Дудровича не была ни кѣмъ занята, и такимъ образомъ, не только философія въ университетѣ, но даже и логика—наука столь необходимая для каждаго мыслящаго существа, одареннаго разумомъ и волею, не была никѣмъ преподаваема. Въ русскомъ университетѣ не преподавалась россійская словесность, за откомандировкою адъюнкта Золотарева, не читали русскаго права за болѣзнію и смертію кандидата Спасскаго. Въ такомъ положеніи университета я обязанъ былъ безъотлагательно заняться пополненіемъ столь существенныхъ недостатковъ и сдѣлалъ слѣдующее.

а) По этико-политическому факультету, въ которомъ я нашелъ, по пріѣздѣ моемъ, только двухъ профессоровъ на-лицо—протоіерея Могилевскаго и профессора Пауловича,—третій Даниловичъ былъ въ Петербургѣ, а кандидатъ Спасскій уже боленъ—и болѣе на этомъ факультетѣ никого не было.

1. Преподаваніе философіи въ нынѣшнее время сдѣлалось весьма затруднительнымъ отъ ложнаго, худаго направленія умовъ и особенно новыхъ писателей философіи, но преподаваніе ея въ университетѣ необходимо, а потому надобно было избрать для этого предмета человѣка, коего образъ мыслей, религіозное и нравственное направленіе было бы мнѣ извѣстно, и притомъ, имѣющаго не только достаточныя, но хо-

ронія познанія въ философіи и соприкосновенныхъ наукахъ, и наконецъ, который бы согласился и съ моимъ направленіемъ по этому предмету, ибо преимущественно эту часть наукъ я смѣю принять на свою отвѣтственность, зная важность послѣдствій, могущихъ произойти отъ способа преподаванія этой науки. Таковаго истинно достойнаго во всѣхъ отношенія наставника нашелъ я въ директорѣ Слободско-Украинской гимназіи Чановѣ, давно мнѣ извѣстномъ по образу мыслей, твердости въ законѣ Божіемъ, чистой нравственности и по обширнымъ его познаніямъ. Я поручилъ ему составить конспектъ, при этомъ прилагаемый, и внимательно разсмотрѣлъ его первоначально самъ, а потомъ въ особомъ комитетѣ, въ который приглашены были мною гг. профессора— ректоръ университета Еллинскій, съ весьма хорошими познаніями и прямымъ образомъ мыслей, деканъ этико-политическаго факультета профессоръ протоіерей Могилевскій, весьма умный священникъ, этого же факультета профессоръ Пауловичъ, чистѣйшей нравственности, съ большими познаніями, ни мало же увлекаемый ни духомъ времени, ни новизнами, твердой и основательной учености человѣкъ, профессоръ Кронебергъ, извѣстный ученостію своею и занимающійся спеціально философскими науками. Разсмотрѣвъ тщательно этотъ конспектъ, они его одобрили, и я предписалъ директору Чанову начать преподаваніе философіи по этому конспекту, перечитывая предварительно самъ главнѣйшія лекціи, мнѣ представляемыя; такимъ образомъ преподавалась философія съ 10-го марта до закрытія лекцій, по случаю экзаменовъ. При семъ случаѣ имѣю честь препроводить вашей свѣтлости вступительную лекцію директора Чанова; я напечаталъ ее, полагая, что удобнѣе будетъ вашей свѣтлости прочесть ее въ такомъ видѣ, нежели писанную.

2. Поручивъ директору Чанову преподаваніе теоретической и нравственной философіи и исторіи философіи, мнѣ нужно было избрать другаго преподавателя для приготовительныхъ къ ней наукъ, какъ-то: антропологіи и логики—преподавателя, который бы читалъ по одному и тому же направленію, подъ руководствомъ директора Чанова и моимъ наблюденіемъ. Я нашелъ въ здѣшнемъ университетѣ, въ лекторѣ нѣмецкаго языка Гренбергѣ, весьма къ тому способнаго и знающаго человѣка; онъ обучался въ Абовскомъ и Дерптскомъ университетахъ, былъ такъ же въ нѣмецкихъ университетахъ, преимущественно занимался науками богословскими и философскими, съ хорошимъ образомъ мыслей и большими познаніями, знающій достаточно и основателвно русскій языкъ, коему я, съ согласія факультета, и поручилъ въ то-же время читать антропологію и логику, по конспекту Чанова, подъ непосредственнымъ моимъ наблюденіемъ; и до сего времени онъ выполнялъ обя-

занность свою съ похвалою, и съ направленіемъ истиннымъ и благонамѣреннымъ и отъ гг. профессоровъ заслужилъ одобреніе. Относительно психологіи мы еще несовершенно приготовились къ ея преподаванію, но въ будущемъ году и она будетъ преподаваема, со всею осмотрительностью и сообразно тому, чему учитъ насъ св. Евангеліе и наша Церковь, ибо на этомъ незыблемомъ основаніи основываю я философское ученіе, иначе оно произведетъ горькіе плоды. Самонадѣянность ума человѣческаго безъ свѣтила вѣры не что иное, какъ лжемудріе. Эстетику будетъ читать студентамъ 3-го курса политическаго и словеснаго отдѣленій профессоръ Кронебергъ; это—его спеціальность, которою онъ давно занимается.

3. Съ одобренія факультета, адъюнкту Бабичеву поручилъ я преподаваніе россійскаго уголовнаго права и состоящему при университетѣ кандидату Гордѣенкѣ россійское гражданское право. Сверхъ того кандидатъ Криворотовъ давалъ въ политическомъ факультетѣ нѣкоторое понятіе о естественномъ правѣ, весьма примѣрованное къ видамъ правительства; мы признали нужнымъ преподаваніе естественнаго права, ибо безъ него связь ученія правъ вовсе прерывается и не имѣетъ той полноты и цѣлости, которая нужна въ системѣ наукъ. На наступающій же академическій годъ кандидатъ Криворотовъ будетъ преподавать два раза въ недѣлю студентамъ 2-го курса естественное право, по своимъ запискамъ, подъ наблюденіемъ ординарнаго профессора Паулович[а], а студентамъ 1-го курса исторію римскаго права два же раза въ недѣлю. Такимъ образомъ на политическомъ факультетѣ, послѣ увеличенія числа преподавателей, самое преподаваніе предметовъ соотвѣтствовало его назначенію.

4. Въ словесномъ факультетѣ преподаваніе россійской словесности, по избранію совѣта, поручено состоящему при университетѣ кандидату Якимову, весьма образованному по этой части и знающему новѣйшіе языки, какъ-то: нѣмецкій, французскій, англійскій, италіанскій, гишпанскій, также латинскій основательно и порядочно персидскій, коему, по своей охотѣ къ знанію языковъ, обучался у профессора восточныхъ языковъ Дорна.

5. По большому количеству студентовъ и такъ какъ россійская словесность необходима и кромѣ словеснаго для всякаго факультета и въ особенности для этико-политическаго (которые по уставу, якобы не обязаны ее слушать), я совмѣстно съ совѣтомъ университета признаю не только нужнымъ, но и полезнымъ имѣть еще другаго преподавателя ея для политическаго факультета, и таковымъ признали мы учителя здѣшней Харьковской гимназіи Кулжинскаго, человѣка, имѣющаго

весьма основательныя знанія въ россійскомъ языкѣ и словесности (нѣкоторыя изъ его сочиненій напечатаны), и онъ вполнѣ достоинъ быть преподавателемъ въ университетѣ, въ гимназіи же есть двое преподавателей этого предмета. Кужминскій еще въ 1825 г. подавалъ просьбу въ университетъ о назначеніи его адъюнктомъ по каѳедрѣ россійской словесности и признанъ достойнымъ этой каѳедры наравнѣ съ кандидатомъ Якимовымъ, а потому положено: имѣть его въ виду. Совѣтъ преподаваніе россійской словесности предоставилъ кандидату Якимову болѣе потому, что онъ не имѣлъ еще назначенія, а Кужминскій имѣлъ и имѣетъ мѣсто старшаго учителя въ здѣшней гимназіи.

6. Еще при жизни Филомафитскаго, профессора всеобщей исторіи, географіи и статистики, поручено было мною, по избранію факультета, преподаваніе политической исторіи на этико-политическомъ факультетѣ кандидату сего же университета Цыху, весьма достойному и хорошо знающему исторію, котораго всѣ члены университета мнѣ рекомендовали; выгодный для него отзывъ на опытѣ онъ подтвердилъ, преподавая послѣ смерти Филомафитскаго. На слѣдующій академическій годъ онъ будетъ читать всеобщую исторію въ обоихъ факультетахъ (въ словесномъ и политическомъ), а профессоръ Артемовскій-Гулакъ, который преподаетъ статистику россійскаго государства, будетъ излагать и всеобщую статистику, ибо я отмѣнилъ польскую словесность, которая до этого времени здѣсь читалась въ университетѣ, и онъ же профессоръ Артемовскій-Гулакъ будетъ преподавать россійскую исторію обоимъ факультетамъ.

7. Здѣшній университетъ не имѣетъ особаго профессора для каѳедры политической экономіи, науки столь необходимой для всякаго гражданина въ благоустроенномъ государствѣ, особенно для служащихъ, и я осмѣливаюсь просить вашу свѣтлость объ опредѣленіи на эту каѳедру экстраординарнымъ профессоромъ коллежскаго ассесора магистра Т. Степанова, находящагося нынѣ въ Петербургѣ на службѣ въ коммиссіи погашенія долговъ подъ начальствомъ Меендорфа и извѣстнаго лично его превосходительству Шторху, по своимъ сочиненіямъ. Онъ изъ здѣшняго университета, но видя, что на него не обращаютъ вниманія, во время попечительства предмѣстника моего, оставилъ Харьковъ, а нынѣ я имѣю отъ него письма, въ которыхъ онъ изъявляетъ желаніе служить и быть полезнымъ университету, а я съ своей стороны, имѣвъ случай лично его узнать, въ бытность мою въ Петербургѣ, считалъ бы большимъ пріобрѣтеніемъ имѣть его здѣсь въ званіи экстраординарнаго профессора, по части политической экономіи и убѣдительно прошу вашу свѣтлость оказать этимъ истинное благодѣяніе университету.

Отзывы здѣшнихъ гг. профессоровъ о познаніяхъ и нравственности магистра Степанова самые лучшіе; я счелъ нужнымъ узнать ихъ мнѣніе о немъ и довести это до свѣдѣнія вашей свѣтлости. Изложивъ вашей свѣтлости эти распоряженія мои по учебной части, осмѣливаюсь присовокупить представленія мои о нѣкоторыхъ поименованныхъ лицахъ, испрашивая покорнѣйше принять ихъ въ ваше начальническое вниманіе, ибо руководствуюсь въ данномъ случаѣ истинною пользою университета" [1].

Назначеніе профессоромъ философіи Чанова вызвало, повидимому, сильное неудовольствіе въ Харьковѣ, и это неудовольствіе нашло себѣ выраженіе въ доносѣ на новаго попечителя, полученномъ знаменитымъ Бенкендорфомъ. Этотъ послѣдній сообщилъ его кн. Ливену, а князь Ливенъ—Филатьеву, который далъ по поводу его свои объясненія. Изъ нихъ мы узнаемъ, что Филатьевъ былъ обязанъ своимъ назначеніемъ на постъ попечителя исключительно кн. Ливену, который былъ предсѣдателемъ въ томъ самомъ цензурномъ комитетѣ, членомъ котораго состоялъ Филатьевъ. Тамъ же мы находимъ нѣсколько наивную просьбу Филатьева къ министру о сообщеніи ему подъ секретомъ имени тайнаго доносчика, дабы онъ могъ принять мѣры противъ его козней; неубѣдительнымъ намъ представляется то мѣсто объясненія Филатьева, гдѣ онъ говоритъ, что можетъ цѣнить о достоинствахъ научныхъ трудовъ по всѣмъ предметамъ. кромѣ математики и медицины. Вотъ доносъ на Филатьева, присланный гр. Бенкендорфомъ кн. Ливену, и объясненія на него Филатьева. „Почтеннѣйшее письмо вашей свѣтлости отъ 29-го прошлаго іюня съ прискорбіемъ имѣлъ честь получить. Представленія мои, къ вашей свѣтлости этой же почтой отправляемыя, изготовлены были мною до полученія письма вашего и прежде не отправлены были единственно потому, что я двукратно занемогалъ холерою, а по минованіи этой жестокой болѣзни дней десять былъ въ совершенномъ разслабленіи, отъ котораго еще не совсѣмъ оправился. Не знаю, кого долженъ благодарить за клевету и доносъ на меня, справедливость коего ваша свѣтлость изволите усмотрѣть какъ изъ бумагъ, теперь же отправляемыхъ, такъ и изъ настоящаго моего объясненія.

Подлинныя слова доноса.	Объясненіе.
Попечитель Харьковскаго университета Филатьевъ назначилъ профессоромъ философіи	Назначать профессоровъ не имѣю права, а я поручилъ преподаваніе философіи г. Чанову

[1]) Архивъ Мин. Нар. Просв. Дѣло № 40620/1166.

определённаго имъ же директоромъ Харьковскихъ училищъ г. Чанова.

Г. Чановъ, который хотя и былъ нѣкогда учителемъ въ Демидовскомъ училищѣ, поступивъ туда изъ учениковъ Педагогическаго института, но не имѣетъ никакой ученой степени и никакихъ познаній по части философіи.

для испытанія его способностей и познаній по части философіи. Г. Чановъ опредѣленъ г. Перовскимъ, а за годъ до того я просилъ вашу свѣтлость о доставленіи мѣста директора г. Чанову въ полуденныхъ губерніяхъ, тогда я еще не думалъ быть попечителемъ, какъ извѣстно и вашей свѣтлости.

Несправедливость изъясненнаго доносчикомъ о прохожденіи службы, какъ по части учебной, такъ и гражданской г. Чановымъ, доказываетъ ясно - формулярный его списокъ, а по заключенію будто-бы г. Чановъ не имѣетъ никакихъ познаній по части философіи, ясно видно, что доносчикъ не знаетъ хорошо г. Чанова и самъ не имѣетъ никакихъ познаній. Мнѣ весьма жаль, что г. Одесскаго попечителя Покровскаго нѣтъ теперь въ С.-Петербургѣ, тогда я просилъ бы вашу свѣтлость сослаться на него относительно степени познаній г. Чанова, что совершенно извѣстно г. Покровскому, и я увѣренъ, что онъ подтвердилъ бы мое мнѣніе, что г. Чановъ можетъ быть профессоромъ философіи, профессоромъ россійской словесности и латинской и профессоромъ правъ, притомъ же я имѣлъ честь представить вмѣстѣ съ этимъ вашей свѣтлости конспектъ и вступительную лекцію г. Чанова, по которымъ ваша свѣтлость благоволите сами сдѣлать ваше заключеніе.

При этомъ осмѣливаюсь замѣтить, что иностранцы, коихъ прямо принимаютъ профессорами, развѣ болѣе русскихъ имѣютъ право на то; напримѣръ, здѣсь въ Харьковѣ *проф. Брандейсъ*, о которомъ нѣтъ никакой видимости въ дѣлахъ университета, кто онъ таковъ, хотя г. Перовскій назвалъ его въ своихъ бумагахъ докторомъ; *профессоръ Мауреръ* не имѣетъ ученой степени, какъ видно изъ формулярнаго его списка, также и *проф. Паки-де-Совиньи*, не имѣя прежде никакой ученой степени, получилъ степень доктора, будучи уже экстраординарнымъ профессоромъ.

Онъ служилъ квартальнымъ надзирателемъ, частнымъ приставомъ.

Въ то время, въ Ярославлѣ былъ гражданскимъ губернаторомъ князь Голицынъ; онъ покровительствовалъ г. Чанову, и чтобы, до опредѣленія его на службу по учебной части, не терялось время служенія, князь Голицынъ опредѣлилъ его квартальнымъ надзирателемъ; въ этой должности г. Чановъ пробылъ только 3 мѣсяца и 10 дней, а частнымъ приставомъ г. Чановъ никогда не былъ, но если бы и былъ, то я не вмѣняю ему этого въ порокъ.

Наконецъ совѣтникомъ Ярославскаго и С.-Петербургскаго губернскихъ правленій. Въ первыхъ изъ этихъ мѣстъ онъ имѣлъ случай оказать нѣкоторыя услуги г. Филатьеву, бывшему во время его тамъ служенія предводителемъ дворянства. По этому по-

Формулярный списокъ показываетъ, что г. Чановъ не былъ совѣтникомъ въ Ярославлѣ, слѣдовательно, и не могъ имѣть случая оказать мнѣ, по званію своему, услугу, да и не могу представить себѣ, чтобы губернскому предводителю совѣтникъ правле-

воду г. Филатьевъ доставилъ ему мѣсто директора училищъ, а такъ какъ оно даетъ малое жалованье, то, въ прибавку къ нему, предоставилъ ему и каѳедру философіи, дабы онъ могъ пользоваться принадлежащими званію этому выгодами.

Адъюнктомъ къ сему профессору Чанову г. попечитель назначилъ учителя нѣмецкаго языка Гренберга, также никогда къ этому званію не готовившагося и никакихъ знаній не имѣющаго.

нія могъ что либо сдѣлать; я никогда не искалъ и не ищу кривыми стезями ничьего себѣ одолженія, 52 года живу на свѣтѣ, иду прямою дорогою, имѣя упованіе единственно на Бога, притомъ же смѣю надѣяться, что и ваша свѣтлость могли замѣтить откровенный и прямой характеръ мой и образъ мыслей, во время служенія моего подъ предсѣдательствомъ вашей свѣтлости по главному цензурному правленію; то имѣетъ ли какое нибудь сходство съ моимъ образомъ мыслей, чтобы я по лицепріятію сталъ дѣйствовать въ такомъ важномъ предметѣ, каковой составляетъ преподаваніе философіи.

Г. Чановъ съ 10 марта текущаго года до начала экзаменовъ преподавалъ философію безъ жалованья, котораго не проситъ, и я не испрашивалъ его у вашей свѣтлости въ моемъ представленіи, а потому въ этомъ случаѣ сочинитель доноса ошибся и ошибается.

Въ этомъ случаѣ доноситель выставляетъ меня совершеннымъ дуракомъ въ глазахъ вашей свѣтлости. На это я не могу отвѣчать. О Гренбергѣ ваша свѣтлость изволите усмотрѣть изъ донесенія моего и изъ формулярнаго его списка. И если бы я былъ такъ глухъ и такой невѣжда, то смѣю увѣрить васъ, что гг. профессора остановили бы меня въ порученіи Гренбергу преподаванія антропо-

логіи и логики, а первую лекцію онъ Грейбергъ читалъ въ полномъ собраніи всѣхъ профессоровъ университета и многія его лекціи также читаны профессорами, отъ которыхъ онъ заслужилъ одобреніе. Притомъ же, ваша свѣтлость, я могу судить и самъ о достоинствѣ и званіи преподавателей *по всѣмъ каѳедрамъ, кромѣ медицинскихъ и математическихъ;* въ этихъ послѣднихъ наукахъ сознаюсь въ слабыхъ моихъ познаніяхъ.

Кандидатъ Криворотовъ учился отлично и готовилъ себя по части римскаго права, но г. попечитель приказалъ ему читать лекціи права естественнаго, къ коему Криворотовъ совсѣмъ и не готовился, не взирая на сдѣланныя имъ представленія. Слѣдовательно, цѣль ученія Криворотова осталась невыполненною, теперешнее занятіе его безполезно для слушателей, а студенты ропщутъ, теряютъ уваженіе и довѣріе къ его особѣ и надежду на успѣхи въ ученіи.

Кандидатъ Криворотовъ доселѣ не былъ преподавателемъ, а поступилъ при мнѣ, на основаніи поданной имъ просьбы въ факультетъ, и по одобренію факультета, который назначилъ ему читать естественноое право, а я только изъявилъ на то свое согласіе, признавая это нужнымъ, и отъ Криворотова не было никакихъ представленій противъ этого ни мнѣ, ни факультету. Заключеніе доносителя о цѣли ученія Криворотова, о ропотѣ студентовъ и прочее, доказываетъ только злобное намѣреніе его очернить дѣйствія мои предъ вашею свѣтлостію; первое заключеніе о цѣли ученія Криворотова—вздоръ, а второе о ропотѣ студентовъ—наглая ложь.

Таковыя распоряженія г. Филатьева произвели величайшее неудовольствіе во всѣхъ факультетахъ Харьковскаго университета, и обозначаютъ явное пре-

Не знаю, откуда доносчикъ почерпнулъ мысль о неудовольствіи всѣхъ факультетовъ на мои распоряженія, тогда какъ я ничего не дѣлаю по учебной части,

небреженіе къ существенной цѣли возложеннаго на него попечительства или сомнительную образованность.

не совѣтуясь предварительно съ профессорами, особенно того факультета, до котораго болѣе что либо относится. Цѣль возложеннаго на меня попечительства, полагаю, мнѣ болѣе извѣстна, нежели доносителю; я употребляю всѣ мѣры улучшить университетское преподаваніе и направить его къ истинной цѣли, а будущій курсъ годичнаго преподаванія на опытѣ докажетъ, исполнилъ ли я обязанность свою или нѣтъ, и болѣе ли студенты успѣваютъ въ наукахъ. Сомнительную мою образованность обнаружить я предоставляю вполнѣ г. доносителю и ему подобнымъ; не этихъ людей ищу заслужить одобреніе, но моей совѣсти и того начальника моего, который избралъ меня въ это званіе.

Мнѣ весьма прискорбно, что есть столь злонамѣренные люди которые ужасаются, если увидятъ человѣка, стремящагося исполнить свою обязанность съ прямою и полезною цѣлью, человѣка, который на нравственности, основанной на религіи, основываетъ самое образованіе юношества. Я имѣю твердое намѣреніе возвысить Харьковскій университетъ, а не унизить его, и пока не буду имѣть случая узнать извѣстныхъ ученыхъ и призвать ихъ въ здѣшній университетъ, дотолѣ, при содѣйствіи нѣкоторыхъ достойнѣйшихъ гг. профессоровъ здѣшняго университета и подъ ихъ руководствомъ, буду употреблять молодыхъ преподавателей, къ тому способныхъ, подъ непосредственнымъ моимъ наблюденіемъ, дабы дѣйствительно преподаваемы были всѣ предметы, въ университетѣ положенные, приличнымъ и надлежащимъ образомъ, въ чемъ надѣюсь успѣть, если ваша свѣтлость благоволите принять во уваженіе мои представленія о преподавателяхъ, ваша свѣтлость! Я, еще не имѣя чести служить подъ начальствомъ вашимъ, почиталъ и уважалъ васъ душевно, безъ всякихъ видовъ, нынѣ, когда я вами облагодѣтельствованъ избраніемъ меня въ то достопочтенное званіе, которое

я имѣю счастіе носить, позвольте просить васъ покорнѣйше, какъ самой величайшей милости, каковую когда либо кто можетъ для меня сдѣлать, если имѣете малѣйшее сомнѣніе въ способностяхъ моихъ быть попечителемъ университета и его округа, то откровенно извольте сказать, и я предоставлю это мѣсто болѣе достойному меня. Если бы мнѣніе ваше обо мнѣ не измѣнилось, то позвольте просить васъ покорнѣйше, въ знакъ довѣрія вашего ко мнѣ, назовите мнѣ, ваша свѣтлость, того честнаго и благонамѣреннаго человѣка, который писалъ вамъ обо мнѣ такія нелѣпости; я сохраню это въ тайнѣ, даю въ томъ вашей свѣтлости честное слово мое; узнавши, по крайней мѣрѣ буду оберегаться его, успокоюсь самъ на счетъ вашего обо мнѣ заключенія, въ противномъ случаѣ я буду впредь связанъ въ своихъ дѣйствіяхъ для пользы университета и невольно впаду въ бездѣйствіе, увидя, что все мое усердное стараніе превращается въ худое обо мнѣ заключеніе. Кажется, просьба моя—узнать имя этого человѣка есть просьба основательная, узнать его я считаю для себя вознагражденіемъ за тѣ горькія минуты, которыя провелъ я, читая эту клевету и даже ругательство и оправдываясь противъ нихъ. Отъ Харькова до С.-Петербурга разстояніе велико, почта ходитъ медленно, въ мѣсяцъ получается отвѣтъ, подобныя письма, каковое обо мнѣ изволили получить, безпокоятъ вашу свѣтлость и невольно разстраиваютъ довѣріе ваше ко мнѣ и вмѣстѣ охлаждаютъ мнѣніе мое къ пользѣ университета, особенно по учебной части, тѣмъ болѣе, если не буду знать имени писавшаго, ибо могу подозрѣвать каждаго; а не имѣть довѣрія ни къ кому—самое ужасное положеніе въ жизни, вредное по роду службы моей, обширности занятій и обязанностей, на мнѣ лежащихъ. Простите мнѣ, ваша свѣтлость, что я переписать мое письмо съ этими объясненіями довѣрилъ г. Корсуну, старшему моему письмоводителю, благородному и честнѣйшему человѣку, четыре года мнѣ извѣстному, на скромность котораго вполнѣ надѣюсь; онъ преданъ мнѣ совершенно; черновое же написалъ я самъ, не имѣя достаточныхъ силъ переписать четкою рукою, по слабости моего здоровья. На слѣдующей почтѣ буду имѣть честь представить о лекторѣ Гренбергѣ и его формулярный списокъ, изъ коего усмотрите, что онъ въ Дерптскомъ университетѣ получилъ достоинство кандидата философіи. Съ истиннымъ и усерднѣйшимъ моимъ высокопочитаніемъ и совершенною преданностью навсегда пребывать честь имѣю" [1].

Не даромъ Филатьевъ извинялся за то, что не самъ переписалъ министру это конфиденціальное письмо: писалъ онъ нераз-

[1]) Архивъ мин. нар. просв. Дѣло № 130330/137.

борчиво и что самое главное — съ большимъ количествомъ орѳографическихъ ошибокъ. Нельзя не признать страннымъ и того мѣста въ его объясненіи, гдѣ онъ говоритъ, что если не будетъ знать имени доносчика, то охладѣетъ къ пользѣ университета. Очевидно, онъ не чувствовалъ себя органически связаннымъ съ этимъ послѣднимъ, если первыя же препятствія могли повліять на него столь сильно. Повидимому, онъ явился въ Харьковъ съ хорошими намѣреніями, но, не имѣя достаточно образованія, развитія, природнаго ума и энергіи, не могъ вселить къ себѣ чувства уваженія въ профессорской коллегіи, хотя относился къ ней, повидимому, не такъ деспотически, какъ его предмѣстникъ. В. И. Филатьевъ былъ старъ, подверженъ болѣзнямъ и находился въ затруднительныхъ денежныхъ обстоятельствахъ, которыя ставили его въ нѣсколько ложное положеніе въ отношеніи къ министру. 12-го мая 1832 года В. И. Филатьевъ представилъ министру народнаго просвѣщенія ходатайство слѣдующаго содержанія. „Ваша свѣтлость, при опредѣленіи моемъ въ званіе попечителя Харьковскаго учебнаго округа, назначили мнѣ для разъѣздовъ по округу 4000 р. въ годъ, которые мною здѣсь и были получены. Не безъизвѣстно вашей свѣтлости, что я не просилъ ничего на подъемъ отсюда, ибо эта сумма помогла мнѣ въ данномъ случаѣ. По миновании года я не требовалъ за 2-й годъ, но при повелѣніи ѣхать въ Кіевскую, Подольскую и Волынскую губ. ваша свѣтлость назначили мнѣ 3000 р., кои и получилъ тогда же изъ Харьковской казенной палаты, по ассигновкѣ министерства финансовъ. Отправляясь въ округъ для обозрѣнія училищъ, мнѣ необходимо нужно забирать съ собою довольно большое количество бумагъ, относящихся къ тѣмъ училищамъ, кои преднамѣренъ обозрѣть, брать съ собою для производства дѣлъ старшаго письмоводителя и одного писца, ибо текущія дѣла по университету и округу также ко мнѣ пересылаются въ назначенные пункты по моему тракту: притомъ же, по обширности округа, таковой вояжъ мой продолжается мѣсяца по три; главныя учрежденія для осмотра—губернскія гимназіи; во время поѣздокъ по главнымъ трактамъ, платить долженъ по 8 коп. прогоновъ на версту на каждую лошадь, а менѣе какъ на 8 лошадяхъ, т. е. въ 2-хъ экипажахъ ѣхать мнѣ невозможно. Въ прошломъ году осенью по Подольской губ. отъ грязи я долженъ былъ брать подъ каждый экипажъ по 7-ми лошадей, всего 14 лошадей и платить по 8 коп. прогоновъ, что составляло на каждую версту 1 р. 12 к. Намѣреваюсь нынѣшнимъ годомъ осмотрѣть училища: 1) Херсонской дирекціи, 2) Таврической, 3) въ Таганрогѣ коммерческую гимназію, 4) училища Черноморскія, 5) Новочеркасскую гимназію, 6) Воронежскую и возвратиться въ Харьковъ; сверхъ того, если

обстоятельства позволять, то заѣхать въ Кавказскую область изъ Таганрога и потомъ въ настоящемъ же году осмотрѣть училища Черниговской губерніи, гимназіи: Новгородъ—Сѣверскую и Нѣжинскую и думаю, что мнѣ необходимо нужно будетъ побывать опять въ Кіевѣ по поводу перевода туда лицея. Изъ всего вышесказаннаго ваша свѣтлость усмотрѣть изволите, что 4000 р. мнѣ даже не станетъ на разъѣзды нынѣшняго года, отлагать же обозрѣніе округа до другого года или теперь уменьшить районъ объѣзда я считаю невозможнымъ, ибо и нынѣ при представленіи моемъ Государю Императору Его Императорское Величество изволилъ спрашивать: обозрѣлъ ли я свой округъ; я долженъ былъ отвѣчать, что по обширности округа не могъ еще этого сдѣлать, и назвалъ Государю тѣ губерніи, гдѣ я уже былъ. А потому прошу вашу свѣтлость объ ассигновкѣ мнѣ нужныхъ для объѣзда денегъ снестись съ г. министромъ финансовъ, дабы предписано было Харьковской казенной палатѣ по моему требованію деньги мнѣ отпустить, и какъ дѣйствительно 4000 рублей на нынѣшній годъ будетъ недостаточно, то прошу вашу свѣтлость о назначеніи на одинъ этотъ годъ не 4000, а 6000 р., ибо въ слѣдующемъ году не предвидится уже столь большой поѣздки. Сверхъ того, ваша свѣтлость, я на проѣздъ сюда съ Высочайшаго соизволенія употребилъ 1000 р., взятыхъ мною заимообразно изъ университета и 1000 р. нужно мнѣ для возвращенія моего въ Харьковъ, поэтому прошу вашу свѣтлость снестись съ г. министромъ финансовъ объ отпускѣ мнѣ этихъ 2000 р. здѣсь въ Петербургѣ, ибо 1000 я долженъ отдать университету, а, не получивъ другой тысячи, я долженъ буду занимать на обратный путь, ибо хотя по ходатайству вашей свѣтлости и прибавлено мнѣ по 6000 р. жалованья, но его я буду получать только съ 1-го сентября, притомъ же и 4-хъ-мѣсячное мое пребываніе здѣсь вовлекло меня въ необходимыя значительныя издержки".

Министръ отвѣтилъ на это, что не назначалъ ему по 4000 р. на разъѣзды, ибо на всѣ 6 округовъ ассигнуется только 10000 руб. и попечителямъ дѣлаются назначенія изъ этой суммы не ежегодно, а по мѣрѣ дѣйствительнаго обозрѣнія округа, вмѣсто прогоновъ. „Вашему превосходительству, писалъ далѣе министръ, было отпущено 4000 р. только потому, что вы намѣрены были, пробывъ 6 недѣль въ Харьковѣ, ѣхать по округу, чего однако, сколько мнѣ извѣстно, въ 1-й годъ не дѣлали, исключая развѣ только тѣ учебныя заведенія, кои лежали на вашемъ пути въ Харьковъ, почему тѣ 4000 р. должны были бы поступить обратно въ государственное казначейство; но такъ какъ вы ихъ не возвратили, надлежало бы довольствоваться тою же суммою въ прошломъ

году при командированіи васъ въ губерніи—Кіевскую, Подольскую и Волынскую—за всѣмъ тѣмъ вы получили еще 3000 р., чего не получалъ ни одинъ попечитель. Что касается до нынѣшняго вашего пріѣзда въ Петербургъ, то на это я испросилъ Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе по вашему прошенію, на что денегъ изъ казны нельзя было бы отпустить и тогда, когда бы не получили уже столь значительной суммы на объѣзды; а потому я весьма сожалѣю, что ваше превосходительство заимообразно взяли изъ университета 1000 р., чего начальникъ никогда ни себѣ, ни подчиненнымъ позволять не долженъ. На счетъ же предлагаемаго вашимъ превосходительствомъ въ нынѣшнемъ году обозрѣнія нѣкоторыхъ училищъ ввѣреннаго вамъ округа ничего рѣшительнаго еще сказать нельзя, доколѣ не устроятся училища 3-хъ вышеозначенныхъ западныхъ губерній".

На это В. И. Филатьевъ далъ слѣдующее разъясненіе. „Ваша свѣтлость! На представленіе мое отъ 12 прошлаго мѣсяца объ отпускѣ мнѣ 2000 р. на проѣздъ сюда и обратно въ Харьковъ вашей свѣтлости угодно было предписать мнѣ отъ 17 того же мѣсяца, что касательно моего сюда пріѣзда ваша свѣтлость испросили Высочайшее на то соизволеніе по моему прошенію, на что денегъ изъ казны нельзя отпускать; но позвольте мнѣ на это имѣть честь объяснить, что я просилъ позволенія быть въ Петербургѣ не по собственнымъ дѣламъ, а по дѣламъ службы, относящимися до преобразованія польскихъ училищъ и дабы ускорить окончаніе этого дѣла личнымъ объясненіемъ моимъ. Нужно ли было личное мое по этому предмету присутствіе, вашей свѣтлости извѣстно, равно какъ и то, что по собственному ли желанію я нахожусь здѣсь пять мѣсяцевъ или отъ того, что не имѣю еще разрѣшенія и распоряженія объ училищахъ польскихъ; проживая здѣсь столь долгое время, я неминуемо вовлекался въ значительныя и безполезныя относительно себя издержки, для меня весьма тягостныя, такъ что милость Монарха, по ходатайству вашей свѣтлости мнѣ оказанная прибавкою 6000 р. жалованья въ этомъ году, такъ какъ только я 1 сентября буду еще его получать, не покроетъ тѣхъ издержекъ, кои здѣсь дѣлаю, проживая не по своей волѣ или прихоти, а по службѣ и если еще и прогоны долженъ буду употребить свои, то и изъ будущаго 1833 года одна треть на то пойдетъ. Войдите, сіятельнѣйшій князь, въ стѣсненное мое положеніе,—вамъ оно извѣстно,—и позвольте мнѣ симъ вторично просить объ отпускѣ мнѣ 2000 р. на проѣздъ сюда и обратно и если я уже столь несчастливъ, что службою только разстраиваю себя, тогда какъ другіе вознаграждаются и не угодно будетъ вашей свѣтлости оказать мнѣ ми-

лости, которую не могу не признавать справедливою, то по крайней мѣрѣ прикажите, ваша свѣтлость, изъ суммъ департамента выдать мнѣ впередъ жалованье за сентябрьскую треть по окладу моему 3000 р., каковая сумма возвратится изъ Харьковской казенной палаты при отпускѣ третнаго жалованья. За симъ съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностью навсегда пребыть честь имѣю вашей свѣтлости покорнѣйшій слуга Владимиръ Филатьевъ. С.-Петербургъ. 25 іюня 1832. Вашей свѣтлости должно показаться страннымъ, что, бывъ два дня у васъ, не доложилъ о своей крайней нуждѣ, а письмомъ беру смѣлость безпокоить, но право не смѣлъ, чтобы не сѣтовали на меня; сдѣлайте милость, князь, войдите въ стѣсненное мое положеніе, право у меня теперь только 100 р.; что было, отправилъ дѣтямъ". 2000 руб. ему были выданы [1]), а еще раньше онъ получилъ прибавку къ жалованью въ 6000 р. ассигнаціями, какъ видно изъ нижеслѣдующаго ходатайства кн. Ливена.

„Попечитель Харьковскаго учебнаго округа д. ст. сов. Филатьевъ, при отлично ревностномъ служеніи, исполнилъ съ совершеннымъ успѣхомъ возложенное на него въ прошедшемъ году порученіе обозрѣть училища Кіевской, Подольской и Волынской губ. и представить соображенія свои къ желаемому устройству ихъ. Въ продолженіе почти 2-хъ лѣтняго управленія обширнѣйшимъ учебнымъ округомъ отличается онъ дѣятельностью и стараніемъ совершать образованіе юношества на незыблемомъ основаніи вѣры, преданности къ престолу и любви къ отечеству. 12-лѣтнее служеніе его предводителемъ дворянства Ярославской губерніи и потомъ нахожденіе въ Петербургѣ сначала безъ жалованья крайне разстроило и безъ того ограниченное и обремененное долгами состояніе его и повергло его съ семействомъ въ самое затруднительное положеніе. Осмѣливаюсь всеподданнѣйше ходатайствовать о Всемилостивѣйшемъ награжденіи этого отличнаго и усерднаго чиновника пожалованіемъ аренды въ 2000 р. сер. Таковая милость усугубитъ рвеніе его къ службѣ Вашего Императорскаго Величества и исторгнетъ изъ крайности, въ коей онъ нынѣ находится. Настоящимъ чиномъ награжденъ 16 сентября 1826 г.; жалованья получаетъ 3000 р., столовыхъ 3600 р." На это послѣдовала такая резолюція: „аренды дать нельзя, а можно дать прибавку къ жалованью по усмотрѣнію кн. Ливена". Министръ прибавилъ 6000 р. ассигнаціями [2]).

---

[1]) Архивъ Мин. Нар. Просв. Дѣло № 34256/722.

[2]) Архивъ Мин. Нар. Просв. Дѣло № 34256/722.

Въ 1832 году Харьковскій университетъ посѣтилъ Императоръ Николай Павловичъ, и результатомъ этого посѣщенія было удаленіе отъ должности извѣстнаго намъ профессора архитектуры Васильева; попечитель вольно или невольно оказался виновникомъ несчастія, постигшаго этого стараго университетскаго дѣятеля. Вотъ какъ описывалъ это посѣщеніе попечитель въ письмѣ къ министру. „12-го сего сентября утромъ въ 6 часовъ Государь Императоръ изволилъ прибыть въ Харьковъ и того же дня въ 1-мъ часу пополудни осчастливилъ университетъ своимъ Высочайшимъ посѣщеніемъ. — Спѣшу доложить вашей свѣтлости, что Государь Императоръ былъ весьма милостивъ и доволенъ нами и видѣннымъ имъ. Я показывалъ Государю: 1) церковь, 2) торжественную залу. Государь хвалилъ очень и то и другое. Въ торжественной залѣ я имѣлъ счастіе представлять Государю гг. профессоровъ и преподавателей, равно студентовъ казеннокоштныхъ и своекоштныхъ. Государь удостоилъ нѣкоторыхъ профессоровъ нѣсколькими вопросами и къ студентамъ былъ милостивъ, сдѣлалъ имъ истинно царскія и отеческія наставленія. Да благословитъ Господь Богъ благія его намѣренія для счастія его подданныхъ. Потомъ я показывалъ Государю Императору клинику; въ ней Государь сказалъ, что не только хорошо, но даже пышно и роскошно, все осмотрѣлъ и разспрашивалъ обо всемъ подробно, приказывая и бывшему съ нимъ доктору Аренду обращать свое вниманіе на все въ клиникѣ, какъ болѣе въ семъ опытному. За симъ показывалъ я Государю кабинеты: 1) минералогическій, 2) зоологическій, 3) физическій, астрономическій и нумизматическій (они всѣ три въ одной залѣ помѣщены,) 4) технологическій; въ кабинетахъ Государь нашелъ у насъ все въ должномъ порядкѣ и устройствѣ, но замѣтилъ, что мы не богаты кабинетами и что это хорошее начало кабинетовъ для университета. Изъ кабинетовъ сихъ провелъ я Государя въ институтъ казеннокоштныхъ студентовъ. Государь весьма былъ доволенъ всѣмъ устройствомъ въ немъ и изволилъ хвалить устройство, порядокъ и чистоту и изволилъ замѣтить, что все безъ прихоти и роскоши и все хорошо и что онъ такъ изволитъ любить. Въ столовой изволилъ спрашивать меня, какую пищу они получаютъ; я отвѣчалъ: не прихотливую, а хорошую—горячее, кусокъ мяса и кашу, и Государь изволилъ сказать: это хорошо; такъ и надобно. За симъ показывалъ Государю библіотеку во временномъ ея теперешнемъ помѣщеніи и при этомъ доложилъ Государю, что она весьма недостаточна, по малости суммы на нее назначенной. Государь и самъ изволилъ признать недостатокъ, но былъ доволенъ. Потомъ чрезъ дворъ университета подлѣ устроеннаго вновь небольшого сада на дворѣ Государь изволилъ

пройти въ противоположный флигель, тотъ самый, который не конченъ строеніемъ, въ немъ изволилъ осматривать ботаническій кабинетъ и нашелъ въ порядкѣ его и залы лекціонныя; тутъ Государь спрашивалъ меня, видя неудобность внутренняго расположенія, кто это все такъ настроилъ. Я отвѣчалъ, что это было при попечителяхъ Каразиныхъ и что при Перовскомъ постройки были вовсе пріостановлены; Государь изволилъ спросить, какъ же ты хочешь теперь это устроить. Я показалъ тутъ же на мѣстѣ предполагаемыя внутреннія перестройки и Государь сказалъ: хорошо. Въ этомъ же зданіи показывалъ и химическую лабораторію и Государь остался доволенъ ея устройствомъ. Государь Императоръ былъ весьма веселъ и все время удостоивалъ меня своими разговорами и выслушивалъ весьма милостиво то, что я считалъ нужнымъ Его Императорскому Величеству докладывать и объяснять. Изъ университета Государь Императоръ изволилъ посѣтить гимназію, гдѣ такъ же былъ милостивъ и доволенъ видимымъ, хотя гимназія наша въ Харьковѣ не имѣетъ наружнаго блеска, но истинно хороша внутренностію. Я показывалъ Государю новую библіотечную залу и объяснилъ, отчего она по настоящее время не въ употребленіи (потому что стѣна отстала). Государь спросилъ, какой архитекторъ строилъ; я доложилъ, что профессоръ архитектуры Васильевъ. Государь Императоръ повелѣлъ его, Васильева, отставить отъ службы, о чемъ для исполненія воли Его Императорскаго Величества честь имѣю представить и ожидаю предписанія объ этомъ вашей свѣтлости. Государь Императоръ Высочайше мнѣ повелѣть соизволилъ объявить вашей свѣтлости волю Его Императорскаго Величества: 1) уничтожить преподаваніе военныхъ наукъ въ университетахъ и гимназіяхъ повсемѣстно; 2) вольноприходящихъ учениковъ въ гимназіи, уѣздныя и прочія училища не допускать, если не представятъ свидѣтельства, что имѣли привитую оспу или должны привить оспу для допущенія приходить въ училища. 3) о дарованіи правъ студенческихъ ученикамъ Волынскаго лицея въ Кіевѣ Государь Императоръ повелѣлъ мнѣ войти къ вашей свѣтлости съ представленіемъ для доклада Его Императорскому Величеству, что съ слѣдующею почтою будетъ мною исполнено; 4) о заведеніи военныхъ школъ у казаковъ вмѣсто гимназій и уѣздныхъ нашихъ училищъ; объ этомъ такъ-же съ слѣдующею почтою буду имѣть честь подробнѣе донести вашей свѣтлости; 5) Государь Императоръ изволилъ находить, что по медицинскому факультету лучше бы было, чтобы студенты раздѣлены были по предметамъ хирургіи, медицины и ветеринарнаго искусства, а не такъ какъ доселѣ они вообще всему обучаются и изволилъ мнѣ сказать: „*устрой это*“. Составя объ этомъ предположеніе

вмѣстѣ съ медицинскимъ факультетомъ, буду имѣть честь представить его на благоусмотрѣніе вашей свѣтлости; при этомъ случаѣ я Государю доложилъ, что повсемѣстно студенты медицины обучаются предметамъ нераздѣльно и Государь изволилъ мнѣ сказать: *„и выходитъ, что будутъ знать всего понемногу“*, что впрочемъ, ваша свѣтлость, весьма справедливо. Государь Императоръ съ великою похвалою изволилъ отзываться о Полтавской гимназіи и о директорѣ князѣ Цертелевѣ и спрашивалъ меня: какимъ образомъ у меня одна гимназія по новому уставу, а прочія всѣ по старому; я объяснилъ Государю, какъ все это сдѣлалось, и Государь изволилъ сказать: *„это хорошо, твоя гимназія и намъ будетъ полезна при открытіи въ Полтавѣ кадетскаго корпуса“*. Государь Императоръ въ бытность свою въ Харьковской гимназіи изволилъ мнѣ сказать: *„надобно-бы учебную часть приводить по новому уставу“*. Я докладывалъ, что новый уставъ введенъ въ Петербургскомъ округѣ и на будущій годъ будетъ въ Московскомъ, а тамъ уже и у насъ, но я полагаю, что и до устава можно-бы точно преобразовывать учебную часть и тѣмъ исполнить волю Государя, на что и ожидаю разрѣшенія вашей свѣтлости. Государь Императоръ за Полтавскій женскій институтъ профессору нашему Артемовскому много милостиваго и лестнаго для него изволилъ говорить при представленіи въ числѣ членовъ института здѣшняго и въ самомъ институтѣ. Государь Императоръ ко мнѣ особенно былъ весьма милостивъ, и я имѣлъ счастіе быть приглашеннымъ къ обѣденному столу, гдѣ Государь такъ-же со мною много разговаривать изволилъ, по выходѣ изъ гимназіи благодарилъ меня за все имъ видѣнное и за столомъ такъ-же Государь изволилъ мнѣ повторить свое благоволеніе. Благодарю Господа Бога и моего Государя, не пощажу трудовъ быть достойнымъ милости Его Императорскаго Величества. Узнавъ, что Государь изволитъ быть въ Кіевѣ прежде Харькова, я ѣздилъ въ Кіевъ, и чтобы успѣть быть въ Харьковѣ прежде Государя, я проскакалъ 500 верстъ безъ остановки, не спавши 3 ночи и такъ какъ я въ Кіевъ поѣхалъ нездоровымъ, то, простудясь еще болѣе, я совершенно утомившись, я теперь черезъ силу написалъ это донесеніе и весьма слабымъ себя чувствую. Государь Императоръ при отъѣздѣ изволилъ сказать губернатору: *„я помирился съ Харьковскимъ университетомъ“*. Смѣю увѣрить вашу свѣтлость, что Государь получилъ о насъ хорошее мнѣніе, два раза Государь изволилъ отзываться, что наши студенты имѣютъ хорошій видъ и въ гимназіи также дѣтьми любовался. На другой день послѣ отъѣзда Государя мы всѣ въ полныхъ мундирахъ отслужили обѣдню въ университетской церкви и благодарственный молебенъ съ многолѣтіемъ о здравіи и долгоденствіи обожаемаго нами нашего Государя Императора и Отца“.

Вѣроятно, директоръ департамента резюмировалъ для князя Ливена представленіе Филатьева въ 3-хъ положеніяхъ:

1. Отставить отъ службы профессора архитектуры Васильева. Г. попечитель ожидаетъ по сему предписанія вашей свѣтлости.

2. Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ объявить вашей свѣтлости, чтобы преподаваніе военныхъ наукъ въ университетахъ и гимназіяхъ было уничтожено повсемѣстно.

3. Надобно бы учебную часть приводить по новому уставу. Ожидаю приказанія вашей свѣтлости.

По поводу этого послѣдняго пункта министръ съ досадою сдѣлалъ слѣдующее замѣчаніе: „нечего приказывать, пока министръ финансовъ денегъ не даетъ".

Во исполненіе предписанія министра, совѣтъ 11-го октября 1832 г. уволилъ отъ службы по Высочайшему повелѣнію Васильева. Вслѣдъ за тѣмъ министръ народнаго просвѣщенія сдѣлалъ запросъ строительному комитету Харьковскаго университета о томъ, кто производилъ постройку библіотеки, и получилъ слѣдующій отвѣтъ.

„Во исполненіе предписанія вашей свѣтлости на имя попечителя отъ 9-го прошедшаго октября, съ требованіемъ свѣдѣнія касательно библіотечнаго зданія университета, строительный комитетъ честь имѣетъ донести вашей свѣтлости, 1-е) что планъ и смѣта на постройку корпуса, въ которомъ заключается церковь, залъ торжественныхъ собраній и библіотека, въ числѣ плановъ и смѣтъ на прочія университетскія зданія, Высочайше утвержденныхъ въ 5 день января 1819-го года, были составлены бывшимъ профессоромъ архитектуры статскимъ совѣтникомъ Васильевымъ; 2-е) постройка означеннаго корпуса, бывъ начата въ 1823-мъ году, производилась въ теченіи того же и 1824-го года подъ надзоромъ члена строительнаго комитета вышеупомянутаго профессора Васильева, а по совершенномъ окончаніи свидѣтельствована въ 1825-мъ году; 3) составленіе плановъ и смѣтъ на постройки университетскихъ зданій происходило при попечителѣ Харьковскаго учебнаго округа г. тайномъ совѣтникѣ Захаріѣ Яковлевичѣ Карнѣевѣ, а самая постройка упомянутаго корпуса производилась во время бытности попечителемъ г. дѣйствительнаго статскаго совѣтника Егора Васильевича Карнѣева".

Ректоръ Николай Еллинскій, профессоръ Василій Комлишинскій.

Изъ дѣлъ же департамента народнаго просвѣщенія оказалось, что по представленію бывшаго попечителя Харьковскаго учебнаго округа утверждены были бывшимъ г. министромъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія (15 марта 1829 г.) предсѣдателемъ строительнаго

при Харьковскомъ университетѣ комитета ректоръ его *Осиповскій*, а членами комитета — ординарные профессоры *Джунковскій, Книгинъ, Дрейсинъ и Успенскій*, экстраординарные профессоры *Васильевъ, Коммлишинскій и Дудровичъ*. Кто-же свидѣтельствовалъ постройку библіотечнаго зданія, о томъ свѣдѣнія не найдено.

Самъ Васильевъ сдѣлалъ по своему дѣлу на имя министра слѣдующее разъясненіе. „12-го октября минувшаго 1832 года, во время болѣзни моей и до днесь продолжающейся, получилъ я выписку изъ журнала совѣта Императорскаго Харьковскаго университета. отъ 11-го числа того же мѣсяца, въ которой написано. „По представленію попечителя Харьковскаго учебнаго округа, ваша свѣтлость въ отношеніи къ нему изъяснить изволили, что какъ Государю Императору благоугодно было Высочайше повелѣть профессора архитектуры Харьковскаго университета Васильева отставить отъ службы, то сію Высочайшую волю надлежитъ немедленно привести въ исполненіе“. Не бывъ за болѣзнію моею при встрѣчѣ Государя Императора, во время посѣщенія его и осмотра Харьковскаго университета, не зная причины, по коей бы я, въ преклонныхъ лѣтахъ моихъ, могъ обратить на себя гнѣвъ Всеавгустѣйшаго и Возлюбленнѣйшаго Монарха моего и не видя изъ выданнаго мнѣ о службѣ формулярнаго списка ни малѣйшаго пятна, ни укоризны, противныхъ какъ званію моему, такъ чести и совѣсти, входилъ я въ совѣтъ университета съ прошеніемъ объ учиненіи законнаго постановленія на производство заслуженнаго мною пенсіона и на представленіе мнѣ права званія заслуженнаго профессора. По этому прошенію совѣтъ университета присланною ко мнѣ 8-го числа прошлаго ноября мѣсяца выпискою изъ журнала своего далъ знать: „такъ какъ совѣту неизвѣстны причины, по которымъ я вслѣдствіе Высочайшаго повелѣнія, сообщеннаго въ предложеніи г. попечителя отъ 10-го октября, отставленъ отъ службы, то онъ и не можетъ ходатайствовать о назначеніи мнѣ пенсіи и титла заслуженнаго профессора; а предоставляетъ мнѣ просить о томъ высшее начальство“.

При таковыхъ темныхъ и непонятныхъ для меня обстоятельствахъ, лишающихъ меня, послѣ долговременно-безпрерывной и безпорочной службы и въ старости лѣтъ всѣхъ способовъ къ пропитанію и содержанію себя съ большимъ семействомъ, я осмѣливаюсь принять въ соображеніе случившееся со мною и думать: не произошло ли оно отъ ошибки, ибо изъ словъ журнала совѣта видно, что Высочайшее повелѣніе объ отставкѣ меня отъ службы объявлено и доведено до свѣдѣнія вашей свѣтлости отъ г. попечителя Харьковскаго университета дѣйствительнаго статскаго совѣтника Филатьева, на объявленіе

коего не имѣлъ онъ права потому, что законоположеніями, изображенными въ именныхъ Высочайшихъ указахъ 1721-го іюля 10-го, 1726-го августа 10-го, 1733-го іюня 10-го, 1762-го іюля 3-го и ноября 7-го, 1763-го февраля 3-го и 1797-го годовъ января 4-го числъ, предоставлено право объявлять Высочайшія повелѣнія или указы однимъ только членамъ Государственнаго совѣта, министрамъ, сенаторамъ и дежурнымъ генералъ-адъютантамъ, кои объявляемыя ими Высочайшія Его Императорскаго Величества повелѣнія, въ видѣ извѣстной формы, вносятъ въ правительствующій сенатъ, а изъ него уже дѣлается распоряженіе объ исполненіи; въ настоящемъ же со мною случаѣ Высочайшаго повелѣнія бывшій съ Государемъ Императоромъ г. генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ никому не объявлялъ, и совѣтъ университета, въ виду таковаго, кромѣ предложенія г. попечителя не имѣетъ. Подносся у сего на благоусмотрѣніе вашей свѣтлости выданный мнѣ формулярный списокъ и краткую записку о посѣщеніи Государемъ Императоромъ зданій Харьковскаго университета, составленную мною изъ полученныхъ мною свѣдѣній отъ г. Слободско-Украинскаго гражданскаго губернатора и маіора Бедряги, я поручаю себя, какъ старца, обремененаго большимъ семействомъ, справедливому и милостивому покровительству вашей свѣтлости. Ежели же почему либо попечителю желательно отставить меня отъ службы, то прикажите, свѣтлѣйшій князь, во уваженіе 20-ти лѣтней безпорочной службы и безпрерывнаго исполненія въ теченіи 45-ти лѣтъ разныхъ должностей, сверхъ настоящей по званію обязанности, уволить меня отъ ней со слѣдуемымъ мнѣ пенсіономъ и званіемъ заслуженнаго профессора".

Къ этому прошенію была приложена нижеслѣдующая записка. „Въ проѣздъ Государя Императора чрезъ городъ Харьковъ Его Величеству угодно было обозрѣть Харьковскій университетъ, постройкою котораго, а наче устройствомъ зала торжественныхъ собраній и церкви (каковыя всѣ постройки произведены мною) былъ Его Величество чрезвычайно доволенъ. Осматривая же библіотеку, болѣе пяти уже лѣтъ совершенно отдѣланную, Его Величество изволилъ спросить господина попечителя: зачѣмъ она пустая? тогда господинъ попечитель указалъ на небольшую и ничтожную трещину, находящуюся надъ большимъ окномъ библіотеки, сказавъ притомъ, что онъ находитъ трещину эту опасною и потому библіотеку помѣстить въ это зданіе не рѣшается; на это замѣчаніе Государь Императоръ ничего не сказалъ, а изволилъ продолжать обозрѣніе другихъ корпусовъ. Всё это пересказалъ мнѣ господинъ гражданскій губернаторъ Михаилъ Ивановичъ Каховскій, который во время осмотра университета ни на минуту отъ Государя

Императора не отлучался. По обозрѣніи всѣхъ построекъ господинъ попечитель показалъ послѣдній корпусъ, называемый въ университетѣ студентскимъ; здѣсь, какъ и вездѣ, Государь Императоръ изволилъ похвалить отдѣлку; но господинъ попечитель доложилъ, что корпусъ этотъ худо построенъ; на это замѣчаніе Государь Императоръ тотчасъ спросилъ: какъ худо? на этотъ вопросъ господинъ попечитель, не умѣя отвѣчать, замолчалъ. Тогда Государь Императоръ спросилъ: кто этотъ корпусъ строилъ? господинъ попечитель отвѣчалъ, что профессоръ Васильевъ. На сей отвѣтъ Государь Императоръ изволилъ сдѣлать замѣчаніе: „профессора всегда худые практики; итакъ отставить его". Это послѣднее происшествіе пересказалъ мнѣ маіоръ Бедряга, а такъ ли точно оно происходило, я не могу утвердительно донести вашей свѣтлости, ибо я тогда былъ боленъ и по сіе время одержимъ тою же жестокою болѣзнію. Вѣроятно, что точно въ такомъ видѣ все это событіе представилъ вашей свѣтлости и господинъ попечитель и прописалъ точныя слова Государя Императора. Ежели же онъ представилъ вашей свѣтлости въ превратномъ видѣ, то это есть явная несправедливость. Но въ какомъ бы онъ не представилъ видѣ слова Государя Императора вашей свѣтлости, я не могу быть обвиненъ ни въ сдѣлавшейся въ библіотекѣ трещинѣ, ни въ передѣлкѣ корпуса студентовъ, потому что корпусъ библіотеки конченъ постройкою въ 1825 году и въ 1827 году на законномъ основаніи освидѣтельствованъ сторонними чиновниками и сданъ въ вѣдѣніе правленія университета. Въ томъ же 1827 году въ зимнее время правленіе университета заготовило большое количество дровъ, такъ что всѣ стороны библіотеки и церкви были ими установлены; дрова же эти, прикасаясь къ стѣнѣ и возвышаясь на бугрѣ двора, образовали ложбину, наполнившуюся потомъ дождевою съ крышъ водою, которая, не бывъ никуда спускаема, стоя на одномъ мѣстѣ, составила лужу и, проникнувъ до фундамента, размочила его и произвела трещину. И если бы правленіе хотѣло исправить повреждение въ то же время, то стоило только откопать землю, что сдѣлать было очень удобно, и подлѣ стѣны набить кирпичемъ съ известкой; тогда бы это препятствовало водѣ проникать до глубины фундамента, а слѣдовательно осадка стѣны не произошла бы. Да и въ настоящее время, если бы господинъ попечитель призналъ это нужнымъ, то давно бы можно было исправить; напротивъ, онъ не только не обнаруживалъ безпокойства объ этой трещинѣ, но даже не спросилъ меня, отъ чего она произошла и какъ ее можно поправить. Что же касается до корпуса казенныхъ студентовъ, то онъ сдѣланъ чрезвычайно прочно и не имѣетъ ни малѣйшаго нигдѣ поврожденія;

а что господинъ попечитель докладывалъ Государю Императору, будто онъ худо построенъ, это означаетъ, только то, что бывшій попечитель Егоръ Васильевичъ Карнѣевъ, желая въ немъ устроить университетскій пансіонъ, сдѣлалъ нѣкоторыя перестройки. Эти-то перестройки и не нравятся господину попечителю Филатьеву; желая ихъ передѣлать, онъ доложилъ такъ странно Государю Императору, т. е. что корпусъ худо построенъ. Въ формулярномъ моемъ спискѣ, кромѣ 29-ти лѣтней службы, числится посторонней службы, ничѣмъ отъ университета не вознагражденной: 1-е) четыре года читалъ я математику въ приготовительномъ классѣ; 2-е) съ 1803 года по 1812 годъ т. е. десять лѣтъ исполнялъ должность архитектора при университетѣ; 3-е) съ 1820-го по 1827 г. въ теченіи 7 лѣтъ исправлялъ архитекторскую должность въ строительномъ комитетѣ, и 4-е) состоялъ членомъ строительнаго комитета съ 1819-го по 1832 г., т. е. 13 лѣтъ; 5-е) съ 1820 по 1832 годъ въ теченіи 12 лѣтъ порученъ былъ мнѣ присмотръ за лѣсами. Въ 1820 г. строительный комитетъ входилъ съ представленіемъ къ господину попечителю о награжденіи трудовъ моихъ въ пользу университета съ 1817 по 1818 и 1819 годы при сочиненіи плана и смѣтъ Харьковскаго университета, при осмотрѣ, покупкѣ и обмежеваніи лѣсовъ и проч. къ наградѣ орденомъ святаго Владиміра 4-й степени, а помощника моего кассира Войтенка къ награжденію орденомъ Анны 3-й степени, но онъ, Войтенковъ получилъ по этому представленію должное награжденіе, а я никакого награжденія не получилъ по сіе время". Министръ народнаго просвѣщенія сдѣлалъ Государю слѣдующій докладъ.

„Ваше Императорское Величество, во время Высочайшаго присутствія въ Харьковѣ, изволили увидѣть, что стѣна зданія университетской библіотеки отстала и повелѣть соизволили строившаго это зданіе профессора архитектуры Васильева отставить отъ службы, что и приведено мною въ исполненіе. По возвращеніи въ С.-Петербургъ, Ваше Величество Высочайше повелѣть мнѣ соизволили издержки, каковыя потребуются на исправленіе сказаннаго зданія, взыскать съ виновныхъ. Во исполненіе сего я собиралъ и получилъ слѣдующія свѣдѣнія. Строеніе сказаннаго зданія по плану, составленному Васильевымъ, началось въ 1823 году и производилось какъ въ этомъ, такъ и въ 1824 году подъ надзоромъ того же Васильева, и по совершенномъ окончаніи было освидѣтельствовано въ 1825 году назначенными, по сношенію съ гражданскимъ губернаторомъ, чиновниками — ассессоромъ губернскаго правленія Алещенковымъ и губернскимъ архитекторомъ Чернышовымъ.

Во время постройки были въ строительномъ комитетѣ Харьковскаго университета:—предсѣдателемъ ректоръ Джунковскій, уже умершій; а членами профессора: Книгинъ, Дудровичъ, уже умершій, Пауловичъ, Комлишинскій, вышеупомянутый Васильевъ и покойный директоръ училищъ Слободской-Украинской гимназіи Лосевъ. Составленіе плановъ и смѣты происходило при покойномъ попечителѣ Харьковскаго учебнаго округа тайномъ совѣтникѣ Карнѣевѣ, а самая постройка—при бывшемъ попечителѣ, нынѣ управляющемъ департаментомъ горныхъ и соляныхъ дѣлъ, тайномъ совѣтникѣ Карнѣевѣ, который въ 1823 году находился въ Харьковѣ, а въ слѣдующемъ 1824 въ С.-Петербургѣ. На исправленіе зданія требуется по смѣтѣ 15,311 р. 85 коп.

Изъ вышесказаннаго оказывается, что виновными въ худомъ строеніи зданія можно считать главнымъ—производителя его, бывшаго профессора архитектуры Васильева, который за это подвергся уже отставкѣ отъ службы, и послѣ него свидѣтельствовавшаго строеніе губернскаго архитектора Чернышова; члены же строительнаго комитета, изъ коихъ многіе уже умерли, какъ не разумѣющіе архитектуры, а занимавшіеся только хозяйственною и распорядительною частію, и всѣ прочіе не могутъ, какъ я полагаю, быть обвиненными въ этомъ дѣлѣ. Всеподданнѣйше донося объ этомъ, ожидаю Вашего Императорскаго Величества повелѣнія.

„Въ это время Васильевъ умеръ и жена его вошла 2-го февраля 1833 года въ министерство съ прошеніемъ такого содержанія:"

„Свѣтлѣйшій князь, милостивый государь! Неожиданно сраженный величайшимъ несчастіемъ мужъ мой, бывшій профессоръ архитектуры при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ статскій совѣтникъ Евгеній Алексѣевичъ Васильевъ, послѣ жестокой и мучительной болѣзни, переселился наконецъ въ вѣчное, блаженное жилище января 28-го дня. Онъ завѣщалъ мнѣ и двумъ малолѣтнимъ сиротамъ одно только въ наслѣдство: упованіе на правосудіе и милосердіе Творца всеблагаго и увѣренность, что и у престола правосуднѣйшаго Государя обрѣту ихъ. И въ эти горестнѣйшіи дни я испытываю начало исполненія этого послѣдняго завѣщанія: жители города Харькова принимаютъ въ насъ живѣйшее участіе; супругъ мой погребенъ, съ заслуженною имъ честію, помощію общественнаго пожертвованія; и я симъ же самымъ средствомъ имѣю еще возможность существовать съ семействомъ моимъ нѣсколько дней. Свѣтлѣйшій князь! Вы, облеченный довѣренностію правосуднѣйшаго изъ Царей, имѣете счастіе, удѣленное весьма немногимъ, творить

судъ нелицепріятный, благотворить невинно страждающимъ и заставлять благословлять имя чадолюбивѣйшаго Отца отечества. Гласъ народа, гласъ Божій, увѣряетъ меня, что Вы, свѣтлѣйшій князь, не презрите вопля вдовы и сиротъ, которыхъ воздыханія и слезы никогда не остаются безъ вознагражденія у престола всевышняго. На смертномъ одрѣ дрожащею рукою супругъ мой подписалъ 12-го января прошеніе къ вамъ, свѣтлѣйшій князь, при коемъ приложенъ послужной списокъ его и записка о злострастномъ и непонятномъ съ нимъ приключеніи. Свѣтлѣйшій князь! Могу ли умолчать о томъ, что каждое мгновеніе томительнаго ожиданія усугубляетъ невыразимую скорбь мою, что каждый взглядъ на несчастныхъ дѣтей моихъ, отецъ которыхъ 29 лѣтъ служилъ съ пользою, честію и похвалою при семъ университетѣ, терзаетъ материнское сердце".

Новый министръ народнаго просвѣщенія С. С. Уваровъ передалъ дѣло о виновныхъ въ неудовлетворительной постройкѣ библіотечнаго зала на заключеніе главнаго правленія училищъ и за тѣмъ утвердилъ его мнѣніе, о чемъ и сообщилъ попечителю въ слѣдующей бумагѣ. „Вслѣдствіе представленія вашего превосходительства отъ 6-го іюля сего года, дѣло о взысканіи, по Высочайшему повелѣнію, съ виновныхъ въ непрочной постройкѣ зданія библіотеки Харьковскаго университета я предлагалъ на заключеніе главнаго правленія училищъ, которое, по разсмотрѣніи этого дѣла, нашло, что ко взысканію за неисправную постройку стѣны библіотечнаго зданія Харьковскаго университета должна подлежать сумма, исчисленная собственно на перестройку ея 3,436 руб. 15 коп. и на забученіе пустоты подъ сводомъ 424 руб. 31¼ коп., всего 3.860 руб. 46¼ коп., и что виновнымъ въ такой неисправности оказывается одинъ только умершій архитекторъ университета Васильевъ, какъ производитель строенія; свидѣтельствовавшіе же зданіе, по окончаніи его, не могли видѣть упущенія въ фундаментѣ стѣны, а потому и не должны раздѣлять съ архитекторомъ отвѣтственности за него. Члены строительнаго комитета, обязанные надзоромъ за хозяйственною только частію строенія, и бывшій попечитель, имѣвшій главный надзоръ и завѣдывавшій распорядительною частію, также не могутъ быть признаны виновными въ такомъ дѣлѣ, которое относилось собственно къ искусственной части и потому не могло обращать на себя вниманія ихъ. На этомъ основаніи, хотя сказанное взысканіе слѣдовало бы произвести съ наслѣдниковъ Васильева, но какъ по совершенной бѣдности ихъ не оказывается къ тому никакой возможности, то исчисленный на постройку стѣны, съ забученіемъ подъ

сводомъ для нея, расходъ подлежитъ по необходимости позаимствовать изъ общей строительной университетской суммы, и наконецъ, что прочное возведеніе этой постройки должно отнести на отвѣтственность вашего превосходительства, такъ какъ вы разрѣшили ее по соображеніи на мѣстѣ всѣхъ относившихся къ тому обстоятельствъ, и на университетскаго архитектора, имѣющаго всѣ способы къ принятію для этого потребныхъ мѣръ. Согласясь съ своей стороны съ заключеніемъ главнаго правленія училищъ, я доводилъ о немъ до свѣдѣнія комитета гг. министровъ, для исходатайствованія Высочайшаго Его Императорскаго Величества повелѣнія—слѣдующее съ умершаго профессора Васильева за непрочную постройку имъ зданія библіотеки Харьковскаго университета взысканіе, составляющее по исчисленію нужной на исправленіе его суммы 3860 руб. 46¼ коп., сложить съ его наслѣдниковъ, въ уваженіе совершенной ихъ бѣдности. По положенію о семъ комитета гг. министровъ Государь Императоръ въ 14 день текущаго ноября сказанное представленіе мое Высочайше утвердить соизволилъ. О таковомъ Высочайшемъ повелѣніи, равно и о заключеніи главнаго правленія училищъ, имѣю честь сообщить вашему превосходительству, для надлежащаго съ вашей стороны исполненія и наблюденія".

Итакъ, по Высочайшему повелѣнію, вдова и сироты Васильева были освобождены отъ уплаты 3860 руб. 46¼ коп., потребныхъ на исправленіе трещины. Но они все-таки не получили пенсіи, заслуженной ихъ отцомъ и являвшейся единственнымъ возможнымъ источникомъ для ихъ существованія. И вотъ вдова подаетъ на имя Государя слѣдующую просьбу.

„Всемилостивѣйшій Государь! Несчастная, въ истинномъ значеніи сего слова, вдова, подобно Евангельскому страдальцу, вопіявшему къ источнику спасенія на земли: „Господи! человѣка не имамъ"—и отъ его единаго получившему исцѣленіе, дерзаетъ съ глубочайшимъ благоговѣніемъ повергнуть непосредственно къ подножію престола Вашего Императорскаго Величества, какъ источника милосердія, всеподданнѣйшее прошеніе.

Умершій мужъ мой, статскій совѣтникъ Васильевъ, кромѣ службы гражданской съ 1796-го по 1803 годъ, 29 лѣтъ безпрерывно служилъ при Харьковскомъ университетѣ въ должности адъюнкта и потомъ экстраординарнаго профессора архитектуры, исполнялъ при томъ въ разныя времена и другія, возлагавшіяся на него важныя обязанности, какъ то: лектора математическихъ наукъ, архитектора, члена строительнаго комитета, синдика и визитатора подвѣдомыхъ университету училищъ. Послужной его списокъ, при семъ въ засвидѣтельствованной

копіи подносимый, свидѣтельствуетъ, что всѣ эти обязанности онъ исполнялъ усердно и безпорочно съ сохраненіемъ по части строительной значительной суммы въ пользу казны. 12-го октября прошедшаго 1832 года онъ, одержимый болѣзнію, получилъ отъ совѣта Харьковскаго университета извѣщеніе о предписаніи г. бывшаго министра народнаго просвѣщенія, послѣдовавшемъ на представленіе попечителя университета, что „какъ Вашему Императорскому Величеству благоугодно было Высочайше повелѣть отставить его (мужа моего) отъ службы, то сію Высочашую волю немедлено должно исполнить“. Сраженный этимъ извѣстіемъ и не зная причины, по коей въ преклонныхъ лѣтахъ могъ онъ имѣть несчастіе обратить на себя гнѣвъ Вашего Императорскаго Величества, онъ просилъ въ совѣтѣ Харьковскаго университета объ исходатайствованіи ему званія заслуженннаго профессора и пенсіи, установленной Высочайше дарованною университету грамотою; на это объявлено ему: такъ какъ совѣту не извѣстны причины, по которымъ онъ отставленъ вслѣдствіе Высочайшаго повелѣнія отъ службы, то совѣтъ не можетъ ходатайствовать о назначеніи ему пенсіи и титула заслуженнаго профессора. Послѣ чего частно освѣдомился онъ, что Высочайшая воля Вашего Императорскаго Величества послѣдовала по случаю какихъ-то поврежденій или недостатковъ въ выстроенныхъ имъ зданіяхъ университета, усмотрѣнныхъ во время Высочайшаго путешествія въ сентябрѣ мѣсяцѣ прошедшаго 1832 года чрезъ Харьковъ и при обозрѣніи университета, при коемъ мужъ мой, по своей болѣзни, не могъ имѣть счастія находиться и всеподаннѣйше представить свои оправданія. Изъ найденныхъ мною по смерти его бумагъ видно, что таковыя оправданія въ запискѣ его, при прошеніи на имя бывшаго министра народнаго просвѣщенія, были имъ представлены, но прежде нежели онъ могъ получить на то разрѣшеніе, при усилившейся жесточайшей болѣзни, 28-го января сего года пораженъ смертію, завѣщавъ мнѣ предъ кончиною одно упованіе на милосердіе Вашего Величества, Отца всѣхъ несчастныхъ, и оставивъ меня съ малолѣтними дѣтьми въ совершенной бѣдности и нищетѣ, до того простирающейся, что послѣ его найдено только 4 р. 40 к., и самое погребеніе по обряду вѣры совершено подаяніемъ благотворительныхъ особъ. Къ довершенію горести моей, онъ оставилъ еще долгъ частному лицу съ залогомъ дома, по коему я вскорѣ должна лишиться и этого послѣдняго уже пріюта. Въ такомъ бѣдственномъ и въ отчаяніе меня приводящемъ положеніи я утруждала прошеніемъ управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія объ исходатайствованіи мнѣ пенсіи по службѣ мужа моего; но мнѣ объявлено чрезъ правленіе Харьковскаго универ-

ситета, что какъ мужъ мой уволенъ отъ службы по Высочайшему Вашего Императорскаго Величества повелѣнію за непрочную постройку зданія библіотеки университета, то онъ, управляющій министерствомъ, и не можетъ ходатайствовать о назначеніи мнѣ пенсіи. Въ вышеупомянутыхъ запискахъ, по смерти мужа моего оставшихся, я нахожу объясненіе его, что оказавшаяся въ зданіи университетской библіотеки трещина произошла не отъ его вины, но отъ причины посторонней въ 1827 году, именно отъ складки близъ нея въ большомъ количествѣ дровъ, которыя, будучи приложены къ стѣнѣ и возвышаясь на бугоръ двора, образовали ложбину, наполнившуюся потомъ дождевою водою, которая, стоя на одномъ мѣстѣ, составила лужу и, постепенно проникнувъ до фундамента, размочила его и произвела трещину; но какъ женщина, не могущая и не умѣющая въ дѣлахъ подобнаго рода имѣть сужденіе, я не осмѣливаюсь утруждать Высочайшую Особу Вашего Императорскаго Величества какими-либо оправданіями за мужа моего, и взываю только къ милосердію монаршему: воззрите, всемилостивѣйшій Государь, на злосчастнѣйшее положеніе бѣдной вдовы и малолѣтняго сына (другой сынъ послѣ кончины мужа моего умеръ), остающихся безъ куска насущнаго хлѣба и угрожаемыхъ лишеніемъ и послѣдняго убѣжища по залогу дома за частный долгъ; и если-бы упомянутое поврежденіе въ стѣнѣ зданія университетской библіотеки могло быть и отъ ошибки мужа моего (чего онъ въ жизни своей не относилъ къ себѣ и къ оправданію своему свидѣтельствовался множествомъ устроенныхъ имъ публичныхъ и частныхъ зданій, за которыя всегда была изъявляема ему признательность и похвала) то умоляю Ваше Императорское Величество эту вину его, которая во всякомъ случаѣ не могла быть умышлена, покрывъ отеческою благостію, въ уваженіе всей прочей долговременной безпорочной и усердной его службы, въ томъ числѣ по одному университету 29-лѣтней, осчастливить меня всемилостивѣйшимъ пожалованіемъ пенсіи, положенной по уставу университета. Всемилостивѣйшій Государь! Царь Царствующихъ, милуяй грѣшниковъ, прощаетъ и величайшихъ изъ нихъ. Ваше Величество, подражая образу сего Небеснаго Царя, творите причастниками милосердія своего и злѣйшихъ преступниковъ; осмѣливаюсь по сему вѣровать, что и я, несчастная вдова съ сыномъ чиновника, большую часть жизни своей вѣрно служившаго и до гроба преданнаго Монарху, обрѣту милость у престола вашего и въ семъ то уповапіи пріемлю дерзновеніе повергнуть къ священнымъ стопамъ Вашего Величества сіе всеподданнѣйшее прошеніе, а съ нимъ вмѣстѣ участь свою и малолѣтняго сына. . . . .

Не отриньте сего моленія, Августѣйшій Монархъ"!

Пенсію она въ концѣ концовъ получила. Разсказанный здѣсь эпизодъ производитъ крайне грустное впечатлѣніе, хотя я не только не сгущалъ красокъ, а, наоборотъ, ограничился исключительно сообщеніемъ оффиціальныхъ данныхъ. Слишкомъ жестокая кара обрушилась на человѣка, вина котораго не была точно установлена въ этомъ дѣлѣ; эта кара обрушилась на него раньше, чѣмъ выслушаны были его объясненія; а между тѣмъ эти послѣднія представляли дѣло въ совершенно иномъ видѣ и указывали иную причину трещины, въ которой Васильевъ былъ уже неповиненъ. Изъ объясненія Васильева видно, что Филатьевъ дѣйствовалъ здѣсь пристрастно, прямо во вредъ ему: но если бы у него и не было такой преднамѣренности, то во всякомъ случаѣ онъ, хотя и невольно, но вергъ въ тяжкое бѣдствіе почтеннаго дѣятеля, у котораго были огромныя заслуги именно по строительной части передъ университетомъ, городомъ и всѣмъ краемъ. Императоръ Николай Павловичъ былъ правъ, высказывая общее положеніе, что теоретики бываютъ плохими практиками—онъ и Васильева считалъ такимъ именно теоретикомъ; но Филатьевъ прекрасно зналъ, что Васильевъ былъ не только теоретикъ, но и практикъ, даже болѣе практикъ, чѣмъ тоеретикъ—а между тѣмъ онъ умолчалъ объ этомъ, а выдалъ, такъ сказать, головою Васильева, забывъ о всемъ томъ, что тотъ сдѣлалъ для Харьковскаго университета, и воспользовавшись отсутствіемъ пригвожденнаго къ постели Васильева для того, чтобы выгородить себя за неисправность, усмотрѣнную Государемъ. Во всякомъ случаѣ, если допустить, что онъ помимо желанія своего нанесъ тяжелый ударъ одному изъ своихъ подчиненныхъ, то на его нравственной обязанности, какъ попечителя, было смягчить своими ходатайствами роковыя послѣдствія его, но онъ и этого не сдѣлалъ: ничего не сдѣлалъ даже для невинно страдавшей семьи Васильева. Усердно заботясь о своихъ матеріальныхъ интересахъ, постоянно возбуждая ходатайства объ увеличеніи своихъ окладовъ, онъ оказался равнодушенъ къ участи семьи, лишившейся своего работника и кормильца. Зная характеръ Васильева, мы можемъ съ полнымъ довѣріемъ отнестись къ свидѣтельству его жены, сообщавшей, что послѣ его смерти осталось 4 р. 40 к. денегъ и похороны его приняли на себя частные благотворители (не университетъ, а именно частные благотворители [1]).

Въ 1833 году послѣдовалъ на университетъ доносъ, которому придано было чрезвычайно важное значеніе благодаря личности доносчика—

[1]) Архивъ мин. нар. просв. Дѣло № 40924/1202.

инспектора студентовъ и профессора анатоміи Венедиктова. Доносъ этотъ представляетъ на столько характерный эпизодъ въ исторіи Харьковскаго университета, что мы должны изложить его подробно, и намъ возможно сдѣлать это, благодаря обильнымъ оффиціальнымъ даннымъ, открытымъ нами въ архивѣ министерства народнаго просвѣщенія. Вотъ подлинный текстъ перваго донощенія проф. Венедиктова на имя министра народнаго просвѣщенія князя Ливена.

„Изволеніе открыть предъ вашей свѣтлостію прискорбную мою душу, пріемлемое мною за милостивое снисхожденіе и драгоцѣннѣйшее вниманіе, есть вмѣстѣ для меня причина новыхъ, неминуемыхъ страданій: желая исполнить долгъ присяги и предупредить могущее случиться важное несчастіе, я дѣлаюсь доносителемъ на мое непосредственное начальство, которое всегда привыкъ уважать и дѣйствій коего никогда и никакъ не долженъ бы былъ охуждать. Но предчувствуя пагубныя слѣдствія для доброй славы университета, я долженъ жертвовать собою. Не смѣю, свѣтлѣйшій князь, утруждать васъ подробнымъ изложеніемъ происшествій, случившихся во время исполненія мною должности инспектора своекоштныхъ студентовъ Харьковскаго университета, происшествій, которыхъ вліяніе и послѣдствія продолжаются и по настоящее время; но долгомъ считаю объяснить кратко существенное. Нравственность и поведеніе наибольшей части студентовъ нашего университета находятся теперь въ такомъ состояніи, что ежечасно должно опасаться происшествій весьма неблагопріятныхъ. Главнѣйшія причины этого суть слѣдующія. Значительное количество молодыхъ людей, совершенно недостойныхъ этого званія, какъ по свѣдѣніямъ, такъ и по нравственности вновь принято въ студенты. Изъ 124 человѣкъ имѣется 52 такихъ, кои приняты съ обязательствомъ слушать въ университетѣ нѣкоторые существенные учебные предметы, изъ которыхъ они или вовсе не выдержали испытанія, или аттестованы худо испытательнымъ комитетомъ университета; 9 человѣкъ поступило изъ Московскаго университета, и большая часть изъ нихъ была, вѣроятно, принуждена оставить этотъ университетъ; 4 человѣка находятся подъ особеннымъ надзоромъ, какъ извѣстные уже съ невыгодной стороны прежнимъ своимъ поведеніемъ; сверхъ того есть нѣсколько человѣкъ изъ поляковъ. Вторая причина—негодность педелей, которые не только не стараются наблюдать за поведеніемъ студентовъ, но напротивъ тщательно скрываютъ отъ меня худое поведеніе и развратные поступки этихъ молодыхъ людей, требующихъ блительнѣйшаго надзора. Представленіе на сырной недѣлѣ театральныхъ піесъ студентами въ новой залѣ библіотеки имѣетъ невыгодное

вліяніе на ихъ нравственность и успѣхи. Самая же важнѣйшая причина—это ненаказанность явныхъ и притомъ важныхъ проступковъ, имѣющая видъ тайнаго покровительства разврата. Буйство, пьянство и запрещенная игра, не взирая на то, что виновные въ ней мною открыты, остаются безъ должнаго наказанія, отъ чего развратъ распространился и дошелъ до высшей степени. Возбудителями буйнаго поступка нѣкоторыхъ студентовъ 28-го октября прошлаго года были нѣкоторые изъ профессоровъ, кои употребили всѣ возможныя средства открыть секретно мною произведенное тѣлесное наказаніе надъ двумя отъявленными негодяями съ согласія ректора, и притомъ не властію начальства, а правомъ родительскимъ; что все извѣстно его превосходительству господину попечителю, котораго строгое предписаніе, данное 7-го декабря прошлаго года правленію университета, приведшее меня въ ненавистное положеніе по отношенію къ моимъ товарищамъ, налагаетъ на инспектора великую отвѣтственность, но средства къ исполненію обязанностей уничтожаются сущностью самаго предписанія и словесными приказаніями. Не взирая на подписку, которой одинъ экземпляръ осмѣливаюсь представить у сего вашей свѣтлости, карточная игра и развратъ продолжаются безнаказанно. Повергая себя безусловно волѣ и покровительству вашей свѣтлости, осмѣливаюсь убѣдительнѣйше просить не считать сего формальнымъ доносомъ. Имѣвъ дерзость написать истину, я виновенъ предъ непосредственнымъ моимъ начальствомъ, коему, впрочемъ, извѣстенъ образъ моихъ мыслей; умолчавъ же объ этомъ болѣе предъ вашей свѣтлостью, я могу сдѣлаться преступнымъ противъ совѣсти, присяги, Государя и Отечества. Съ глубочайшимъ, благоговѣющимъ почтеніемъ имѣю счастіе именоваться, свѣтлѣйшій князь, милостивый государь, вашей свѣтлости всепокорнѣйшимъ слугою Александръ Венедиктовъ". Къ этому приложено было обращеніе попечителя къ казеннокоштнымъ студентамъ слѣдующаго содержанія.

„Симъ объявляется студентамъ, что его превосходительство г. попечитель весьма недоволенъ поведеніемъ и поступками нѣкоторыхъ студентовъ, особенно занимавшихся карточною игрою, и преимущественно тѣхъ, кои позволили дѣлать себѣ толки о распоряженіяхъ начальства по этому случаю. Найдя такіе поступки съ одной стороны безнравственными, а съ другой дерзкими и несообразными съ обязанностями студентовъ, отъ коихъ требуется прилежное изученіе наукъ и безусловное повиновеніе начальству, его превосходительство, единственно изъ снисхожденія къ родителямъ виновныхъ студентовъ, отмѣнилъ строгое, но по справедливости заслуженное наказаніе и предо-

ставилъ себѣ исправить виновныхъ мѣрою кроткою, не дѣлая ихъ навсегда несчастными. Студенты эти суть: I. *Участвовавшіе въ карточной игрѣ* — Клевенскій Федоръ, Высочинъ Прохоръ, Вольфингеръ Дмитрій, Куликовъ Иванъ, Гудимъ-Левковичъ Аркадій, Столецкій Яковъ, Сочавецъ-Федоровичъ. II. *Виновные въ дерзости* — Кронебергъ Иванъ, Стояновъ Иванъ, Димитрашковъ Иванъ, Дьяченко Аммосъ, Субботинъ Викторъ. Объявляя объ этомъ всѣмъ студентамъ, нужнымъ считаю присовокупить, что его превосходительство въ послѣдній разъ оказываетъ снисхожденіе; а потому да будетъ извѣстно каждому, что засимъ всякое отступленіе студентовъ, наипаче казеннокоштныхъ, отъ предписанныхъ въ матрикулѣ правилъ будетъ наказано примѣрно. Всѣмъ вамъ извѣстно, какъ милостиво отзывался о васъ его превосходительство предъ лицемъ Государя Императора. Но нѣкоторые изъ васъ оказываются недостойными того мнѣнія, какое получилъ Его Величество о студентахъ Харьковскаго университета; а потому его превосходительство приказалъ мнѣ объявить вамъ, что засимъ онъ употребитъ самыя строгія мѣры къ очищенію заведенія отъ непокорныхъ, служащихъ соблазномъ для другихъ и могущихъ возбудить общее нареканіе, дабы заведеніе это вполнѣ оправдало Высочайшее мнѣніе. Каждый изъ васъ долженъ заниматься единственно своимъ дѣломъ и ни подъ какимъ видомъ не смѣть вдаваться ни въ какія толки и сужденія о дѣйствіяхъ начальства. Студентъ, дерзнувшій приглашать къ чему-либо товарищей своихъ или предлагать какія-либо подписки, будетъ солдатомъ, какъ нарушитель порядка и спокойствія; тѣ же, кои будутъ участвовать въ этомъ, хотя бы по легкомыслію были завлечены, исключатся изъ университета безъ всякой пощады, ибо попечитель съ величайшею горестію замѣчаетъ, что на нѣкоторыхъ студентовъ кроткія мѣры не дѣйствуютъ. Изъ поименованныхъ выше студентовъ Клевенскому приказано оставить университетъ; а Вольфингеръ и Куликовъ также должны выйти изъ заведенія, ибо, несмотря на сдѣланное имъ наказаніе за карточную игру, они вновь оказались виновными въ подобномъ проступкѣ.

Ректоръ Николай Еллинскій“.

Получивъ этотъ доносъ, министръ затребовалъ объясненія отъ попечителя въ слѣдующей бумагѣ.

„До свѣдѣнія моего дошло, что нѣкоторые изъ своекоштныхъ студентовъ Харьковскаго университета ведутъ себя неприличнымъ образомъ, предаются разнымъ безпорядкамъ, могущимъ вовлечь университетъ въ отвѣтственность, и я обязываюсь предложить вашему превосходительству обратить на этотъ существенный и важный предметъ

особенное ваше вниманіе, ввести строжайшую дисциплину и подчиненность студентовъ, какъ къ ректору и инспекторамъ, такъ и вообще ко всѣмъ профессорамъ и преподавателямъ. Если кроткія мѣры и исправительныя наказанія окажутся для этого недѣйствительными, то представлять мнѣ о проступившихся студентахъ, какъ казеннокоштныхъ такъ и своекоштныхъ, для отсылки таковыхъ въ военную команду. Извѣстнымъ вашему превосходительству Высочайшимъ указомъ 9-го ноября 1831 года, послѣдовавшимъ на имя бывшаго министра народнаго просвѣщенія, Его Императорское Величество Высочайше повелѣть соизволилъ принимать только тѣхъ молодыхъ людей въ студенты и допускать къ слушанію университетскихъ лекцій, кои съ успѣхомъ окончатъ полный гимназическій курсъ ученія и предъявятъ одобрительные аттестаты, или въ самомъ университетѣ выдержатъ строгое испытаніе во всѣхъ предметахъ гимназическаго ученія. Къ сожалѣнію, дошли до меня слухи, что это Высочайшее повелѣніе не во всей строгости наблюдается по Харьковскому университету и изъ 124 человѣкъ, принятыхъ въ студенты, 52 человѣка допущены съ обязательствомъ слушать въ университетѣ нѣкоторые существенные учебные предметы, изъ коихъ они или вовсе не выдержали испытанія, или худо аттестованы испытательнымъ комитетомъ университета. Сверхъ сего, 9-ть человѣкъ поступили изъ Московскаго университета, и, можетъ быть, иные изъ нихъ не добровольно этотъ университетъ оставили. Покорнѣйше прошу ваше превосходительство доставить мнѣ слѣдующія свѣдѣнія: 1) именной списокъ ихъ, съ объясненіемъ, на какомъ основаніи каждый изъ 124-хъ человѣкъ принятъ въ студенты и 2) какія о каждомъ изъ нихъ были отмѣтки испытательнаго комитета. Въ заключеніе долженъ еще я присовокупить, что безъ точнаго исполненія всѣхъ вышесказанныхъ мѣръ и безъ строгой разборчивости столько же при вступленіи студентовъ, сколько и при ихъ выпускѣ, цѣль правительства въ отношеніи къ университетамъ никогда не можетъ быть достигнута, и я считаю обязанностію обратить на всѣ эти предметы особое и неусыпное наблюденіе вашего превосходительства, ректора и всѣхъ участвующихъ въ управленіи университетскомъ".

Копію этой бумаги Уваровъ отправилъ и вновь назначенному помощникомъ попечителя гр. Панину, который далъ на это слѣдующій отвѣтъ.

„Милостивый государь, Сергѣй Семеновичъ. Почтеннѣйшее письмо вашего превосходительства и приложенную къ нему копію предписанія вашего господину попечителю Харьковскаго учебнаго округа о безпорядкахъ харьковскихъ студентовъ удостоился я получить 25-го

сего мѣсяца. Не смѣя долѣе пользоваться милостивымъ снисхожденіемъ вашего превосходительства, я рѣшаюсь поспѣшить отъѣздомъ къ мѣсту назначенія моего, чтобъ узнать означенное дѣло во всей подробности и получить скорѣе возможность успокоить ваше превосходительство по этому предмету".

Попечитель Филатьевъ далъ отъ себя слѣдующее объясненіе.

„Получивъ предписаніе вашего высокопревосходительства отъ 11-го минувшаго апрѣля о неприличномъ поведеніи нѣкоторыхъ изъ своекоштныхъ студентовъ, предающихся разнымъ безпорядкамъ, могущимъ вовлечь университетъ въ отвѣтственность, я обратился къ розысканію этихъ безпорядковъ, тѣмъ болѣе, что ваше высокопревосходительство предписываете мнѣ ввести строжайшую дисциплину и подчиненность студентовъ какъ къ ректору и инспекторамъ, такъ и вообще ко всѣмъ профессорамъ и преподавателямъ. Смѣю увѣрить ваше высокопревосходительство, что у насъ въ университетѣ духъ неповиновенія и безначалія не существуетъ; съ начала моего вступленія въ должность и понынѣ я неослабно за симъ наблюдаю, что доказывается моими письменными распоряженіями въ университетѣ, которыя, когда осчастливите университетъ личнымъ посѣщеніемъ, буду имѣть честь представить. Не отвергаю того, чтобы въ числѣ студентовъ разныхъ званій, разныхъ образованій съ дѣтства, ибо между ними есть мѣщане, семинаристы, не было такихъ, коихъ бы поведеніе могло быть одобрено, но таковыхъ обуздываемъ мѣрами власти, предоставленной университетамъ, и не исправляющихся исключаемъ по уставу, что и случилось со студентомъ Русановымъ, который за хожденіе въ позорные дома 27-го марта сего года исключенъ изъ университета, по журналу правленія университета, съ моего утвержденія; на сихъ дняхъ исключается студентъ Гуровъ за то, что совершенно не оказываетъ успѣховъ въ ученіи, ничѣмъ не занимается и при экзаменѣ получилъ худо во всѣхъ предметахъ. Проступковъ же такихъ, по которымъ бы слѣдовало студента отослать въ военную команду, благодаря Бога, по сіе время не случалось. При этомъ случаѣ позвольте, ваше высокопревосходительство, изъяснить мнѣніе мое. По правиламъ университетовъ студента за неприличное поведеніе слѣдуетъ исключать и во всѣ учебныя заведенія публиковать, слѣдовательно, молодой человѣкъ, впадшій, иногда по неопытности или по слабости, въ проступокъ, навсегда опороченъ и обезславленъ, и отнятъ путь къ образованію; родители, пораженные несчастіемъ сына, могу сказать, убиты тогда, какъ онъ, сдѣлавъ разъ, по безразсудности своей, проступокъ, могъ бы исправиться и, можетъ быть, могъ бы быть полезнымъ гражданиномъ; долженъ откро-

венно, что мѣру эту признаю слишкомъ строгою, ибо она сопряжена съ безчестіемъ. Ведущихъ себя неприлично исправлять въ университетѣ нѣтъ никакой возможности, да и существенною обязанностью университета я не могу сего, по чувству, признавать,—дѣло университета преподавать науки.—Какіе способы университетъ имѣетъ наблюдать за поведеніемъ и нравственностью студентовъ, разселенныхъ по цѣлому городу на своихъ квартирахъ? Инспекторъ изъ профессоровъ и педели не есть достаточное ручательство; первому нѣтъ времени для точнаго и неослабнаго надзора, на педелей нельзя положиться рѣшительно: они люди необразованные и часто низкаго происхожденія. Сообразивъ все это, осмѣливаюсь изложить мнѣніе мое предъ вашимъ высокопревосходительствомъ, какъ начальникомъ, пекущимся о благѣ общемъ.

1. Студентовъ, оказавшихся въ неприличномъ поведеніи, не исключать съ опубликованіемъ и не давать никакого свидѣтельства отъ университета, что онъ былъ въ немъ и слушалъ такіе-то предметы, а просто, возвратя ему документы его, съ какими онъ вступилъ, исключать изъ списка студентовъ, оставивъ только въ журналѣ правленія случай, по которому онъ этому подвергся, съ утвержденія попечителя. Ему не закрытъ путь къ образованію, только уже не въ томъ университетѣ или училищѣ, и этотъ урокъ можетъ его исправить, ибо время, которое онъ находился въ томъ университетѣ, откуда исключенъ, имъ потеряно.—Не поставьте мнѣ въ вину, ваше высокопревосходительство, откровенное мое изложеніе, но извѣстно повсюду, что чѣмъ строже законъ, тѣмъ болѣе уклоняются отъ исполненія его, ибо человѣчество и состраданіе къ ближнимъ невольно увлекаетъ человѣка и заставляетъ его самого подвергаться преступленію неисполненіемъ въ точности закона. Цѣлью правительства является не наказаніе, а отвращеніе преступленія. Если студентъ подвергнется проступку такого рода, за что каждый долженъ быть подвергнутъ сужденію по законамъ, то онъ долженъ подлежать обыкновенному сужденію учрежденныхъ для того судебныхъ мѣстъ; въ таковыхъ важныхъ случаяхъ университетъ, исключивъ его, съ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія, отдаетъ его гражданскому вѣдомству для поступленія по закону. Университетъ не есть судебная инстанція, обязанности его другія.—Обыкновенныя преступленія студентовъ въ отношеніи къ университету суть: a) упущеніе лекцій, b) куреніе табака, ибо это запрещено; c) позднія отлучки изъ квартиры; d) пьянство и хожденіе въ непотребные дома; e) карточная игра; f) неисполненіе каковаго-либо распоряженія университетскаго; g) ссора между собою или съ какимъ-нибудь мас-

теровымъ; 4) грубость передъ педелемъ; вотъ единственные случаи, какіе были въ трехлѣтнее прохожденіе мое настоящей должности. За пьянство и карточную игру рѣшительно выгонялись изъ университета, и таковые не могутъ и не должны быть терпимы.

2) Опытъ доказалъ мнѣ, что весьма много неудобствъ отъ того, что инспекторъ своекоштныхъ студентовъ есть профессоръ, и потому признаю весьма полезнымъ имѣть инспектора изъ отставныхъ военныхъ штабъ-офицеровъ съ приличнымъ жалованьемъ и квартирными деньгами. Военный для этого способнѣе, и нѣтъ другихъ сношеній у него со студентами, кромѣ начальства. Профессора вообще не имѣютъ тѣхъ способностей, каковыя требуются отъ инспектора, и не имѣютъ того точнаго понятія о подчиненности, которое необходимо для начальника; они большею частію сами были студентами гдѣ-нибудь и не имѣли, по образу жизни и служенія, той опытности, каковая нужна въ инспекторѣ. Относительно инспектора изъ профессоровъ для казеннокоштныхъ студентовъ, по мнѣнію моему, нѣтъ неудобствъ, ибо студенты всѣ въ казенномъ зданіи живутъ и присмотръ легко и удобно имѣть за ними. О принятіи студентовъ съ обязательствомъ слушать въ университетѣ нѣкоторые существенные учебные предметы, изъ коихъ они или вовсе не выдержали испытанія, или худо аттестованы испытательнымъ комитетомъ университета, имѣю честь донести слѣдующее. Дѣйствительно таковые были приняты или удостоены къ принятію испытательнымъ комитетомъ и правленіемъ университета. Изъ находящихся нынѣ на лицо 18 человѣкъ по медицинскому факультету съ обязательствомъ большею частію слушать математику, предметъ, который не читается на медицинскомъ факультетѣ и не находится, по уставу, въ составѣ этого факультета, а нѣкоторые съ обязательствомъ слушать латинскій языкъ. Это обыкновенно дѣлается въ университетѣ и не есть нѣчто новое, но существуетъ съ давняго времени; съ поступленія же моего въ попечители при пріемѣ въ студенты экзаменуются гораздо строже, чѣмъ прежде, и этимъ я отъ многихъ навлекъ на себя большое неудовольствіе и ропотъ. Латинскій языкъ у насъ, къ сожалѣнію, весьма слабъ въ гимназіяхъ, употребляютъ всѣ возможные способы къ усиленію его и вотъ истинная причина снисходительности университета, а не злоупотребленія каковыя-либо.

16 человѣкъ принято также по юридическому факультету, 5 человѣкъ по словесному и 2 по математическому, всего 41 человѣкъ. Копію со списковъ о нихъ испытательнаго комитета имѣю честь представить.—Кромѣ нихъ есть таковые же 8 человѣкъ, но не принятые въ студенты, хотя допущены слушать лекціи, по непредставленію

долженыхъ о званіи документовъ. Нѣкоторые изъ таковыхъ оставили вовсе университетъ въ теченіе перваго же года вступленія въ него. По полученіи предписанія вашего высокопревосходительства, я предложилъ университету о точномъ и строжайшемъ наблюденіи правилъ для пріема студентовъ предписанныхъ, и воспретилъ пріемъ съ обязательствомъ слушать въ университетѣ предметъ, изъ коего недостаточенъ экзаменъ. При годичныхъ экзаменахъ студентъ экзаменуется довольно строго, и не выдержавшій хорошаго экзамена не переводится на слѣдующій курсъ, а остается еще на годъ на томъ же курсѣ. Объ этихъ 41 человѣкѣ ожидаю предписанія вашего высокопревосходительства: оставить ли ихъ всѣхъ на первомъ курсѣ или оказавшихъ успѣхи разрѣшено будетъ переводить на слѣдующій курсъ. Вслѣдъ засимъ буду имѣть честь представить о 9 студентахъ, изъ Московскаго университета сюда поступившихъ. Ожидая прибытія вашего высокопревосходительства, я замедлилъ настоящимъ моимъ донесеніемъ. Многое буду имѣть честь лично объяснить о составѣ Харьковскаго университета, и одно личное присутствіе ваше можетъ возвести его на ту степень, на которой должны быть университеты, и на мѣстѣ усмотрите дѣйствія и распоряженія мои. Съ нетерпѣніемъ ожидаю прибытія моего помощника: по крайней мѣрѣ, будетъ постороннее лицо видѣть дѣйствія мои, которыя здѣсь судятся и принимаются не въ томъ видѣ, какъ они есть. Здѣсь не привыкли къ близкому начальству, и многое вкоренилось, какъ обычай, чего быть не должно".

Министръ далъ на это объясненіе такой отвѣтъ.

„Разсмотрѣвъ донесеніе вашего превосходительства отъ 1-го сего іюля, долгомъ почитаю сообщить вамъ, милостивый государь, слѣдующее. Предположеніе вашего превосходительства, чтобы инспекторъ надъ своекоштными студентами былъ изъ отставныхъ штабъ-офицеровъ, теперь не можетъ приведено быть въ дѣйствіе, а примется въ соображеніе при составленіи новыхъ для университетовъ уставовъ. Хотя я и согласенъ съ вашимъ превосходительствомъ, что преподаваніе латинскаго языка въ гимназіяхъ слабо, но со всѣмъ тѣмъ не надлежало бы принимать въ студенты 41 человѣкъ, списокъ коихъ съ отмѣтками испытательнаго комитета вы мнѣ доставили. Этихъ 41 студента не иначе можно перевесть въ слѣдующій курсъ, какъ по строгомъ испытаніи и съ удостоенія совѣта университета".

На дополнительное представленіе Филатьева Уваровъ отвѣтилъ такъ.

„Изъ донесенія вашего превосходительства отъ 12 іюля о 9-ти студентахъ и 3-хъ вольнослушающихъ, поступившихъ изъ Москов-

скаго университета въ Харьковскій, я усмотрѣлъ, что двое изъ нихъ приняты на второй курсъ, а прочіе 11 человѣкъ даже на 3 или окончательный. Я обязываюсь васъ, милостивый государь, увѣдомить, что въ данномъ случаѣ поступлено несогласно съ Высочайшимъ указомъ, правительствующему сенату даннымъ 4-го августа 1818 года, и съ Высочайше утвержденнымъ положеніемъ комитета министровъ, сообщеннымъ въ выпискѣ изъ журналовъ его отъ 14 августа и 4 сентября 1828 года. На основаніи ихъ для пріобрѣтенія правъ, дѣйствительному студенту присвоенныхъ, необходимо слѣдуетъ пробыть въ одномъ и томъ же университетѣ не менѣе трехъ лѣтъ сряду. Такимъ образомъ ни время, проведенное въ другомъ университетѣ, ни прерванное ученіе въ томъ же заведеніи къ полному трехлѣтнему курсу зачитываемы быть не могутъ. Настоящее допущеніе на 2-й и 3-й курсы упомянутыхъ молодыхъ людей тѣмъ менѣе для правленія университета извинительно, что нѣкоторые изъ нихъ оказались съ недостаточными въ разныхъ предметахъ познаніями, между тѣмъ, какъ и Высочайшимъ повелѣніемъ, и распоряженіями министерства предписано повсюду усилить строгость экзаменовъ. Вслѣдствіе сего предлагаю вашему превосходительству: 1) принятыхъ изъ Московскаго университета студентовъ и вольныхъ слушателей, вопреки существующимъ правиламъ, на 2-й и 3-й курсы Харьковскаго университета продержать непремѣнно три года, буде пожелаютъ воспользоваться правами, не относя этого къ тѣмъ изъ нихъ, коихъ нынѣ же слѣдуетъ исключить за нерадѣніе или неспособность; 2) строжайше предписать совѣту университета о точномъ наблюденіи на будущее время здѣсь изложеннаго. Между тѣмъ и ваше превосходительство обязаны обращать вниманіе, чтобъ существующія по учебной части правила были во ввѣренномъ вамъ университетѣ неослабно наблюдаемы".

Между тѣмъ, проф. Венедиктовъ для подтвержденія и разъясненія своего доноса былъ вытребованъ въ Петербургъ, гдѣ давалъ слѣдующія показанія шефу жандармовъ гр. Бенкендорфу.

„Изъ происшествій, достойныхъ по важности послѣдствій Высочайшаго Его Императорскаго Величества вниманія, случившихся въ 1832-мъ году, послѣ незабвеннаго посѣщенія Государемъ Императоромъ Харьковскаго университета, оказываются слѣдующія обстоятельства, какъ изъявленія духа, въ неизмѣняемомъ направленіи коего предпринято воспитаніе народное вообще и въ частности окончательное образованіе юношества въ университетахъ, а именно: 1) пренебреженіе Высочайшей воли и постановленіе закона незыблемаго основанія трона принятіемъ въ студенты многихъ молодыхъ людей, совершенно недо-

стойныхъ какъ относительно позданій, такъ преимущественно въ нравственномъ отношеніи; 2) злоупотребленіе священнаго имени Его Величества для отставки профессора архитектуры Васильева, совершенно невиннаго; 3) тайное покровительство, оказываемое всякаго рода разврату и возмутительному духу въ молодыхъ людяхъ, воспитывающихся въ университетѣ и въ гимназіяхъ, дабы симъ способомъ приготовить ужасное покол҇ѣніе, способное къ величайшимъ злодѣяніямъ и ненавидящее самодержавную власть; 4) оставленіе безъ надлежащаго изслѣдованія нѣкоторыхъ обстоятельствъ, могущихъ служить ключемъ къ дознанію важныхъ государственныхъ тайнъ. Всѣ эти обстоятельства могу изложить и доказать достаточно, но поелику долгъ присяги, преданность къ престолу и любовь къ отечеству заставляютъ меня говорить истину, обвиняющую моихъ начальниковъ, которымъ обязанъ, какъ подчиненный, почтительнымъ повиновеніемъ, то вторично осмѣливаюсь умолять о допущеніи меня къ стопамъ Его Императорскаго Величества для объявленія истины, чрезъ что только могу быть весьма полезнымъ.

„Графъ Александръ Никитичъ Панинъ, помощникъ попечителя Харьковскаго учебнаго округа, исправляющій теперь должность попечителя, командировалъ, вопреки существующему постановленію о невыѣздѣ ректора университета изъ города безъ разрѣшенія господина министра, статскаго совѣтника Кронеберга, ректора Харьковскаго университета, въ С.-Петербургъ и другіе города съ тайнымъ порученіемъ, мнѣ неизвѣстнымъ. Г-нъ Кронебергъ выѣхалъ изъ Харькова 14-го числа сего января, и я видѣлъ его сани на постояломъ дворѣ, не доѣзжая до Москвы между предпослѣднею и послѣднею станціею. Въ одно почти время выѣхала изъ Харькова въ Москву полковница Надежда Ѳедосеевна Бердяева, изъ фамиліи Раевскихъ, родственница Раевскаго, участвовавшаго въ извѣстномъ заговорѣ 14-го декабря, а генералъ майорша Елизавета Пестель—изъ С.-Петербурга также въ Москву. Такъ какъ мысли, неблагопріятныя для правительства, какъ графа Панина, такъ и Кронеберга мнѣ извѣстны, а г-жи Бердяева и Пестель суть близкія родственницы лицъ, ненавидящихъ Государя Императора, то я имѣю причины подозрѣвать въ такомъ разсчитанномъ соединеніи какой-либо тайный, злой умыселъ, тѣмъ болѣе, что г-жа Бердяева, какъ я слышалъ въ Харьковѣ, сожгла какую-то зеленую книгу въ каминѣ, во время слѣдствія тайной полиціи, при самомъ уже обыскѣ. Для успѣшнѣйшаго изслѣдованія этого обстоятельства, могущаго быть великой важности, осмѣливаюсь предложить чиновника, отлично способнаго для таковаго рода дѣлъ, служащаго теперь въ департаментѣ удѣловъ директоромъ вновь открывающагося земледѣль-

ческаго училища—надворнаго совѣтника Матвѣя Байкова, который можетъ своими талантами способствовать чиновнику тайной полиціи, какого вашему сіятельству угодно будетъ назначить. Догадки мои относительно изложенныхъ обстоятельствъ получатъ гораздо большую степень вѣроятія въ то время, когда, во исполненіе приказанія вашего сіятельства, изложу письменно мнѣ извѣстное. Доказательства справедливости перваго показанія суть слѣдующія.

Въ 18³²/₃₃ академическомъ году утверждены его превосходительствомъ господиномъ попечителемъ Харьковскаго университета Филатьевымъ въ званіи студентовъ, между прочими, 56 человѣкъ съ обязательствомъ слушать нѣкоторыя, существенно необходимыя для предварительныхъ познаній, науки и выдержать изъ нихъ экзаменъ по окончаніи года, хотя эти молодые люди испытательнымъ комитетомъ къ принятію удостоены не были. Въ этомъ можно удостовѣриться изъ журналовъ упомянутаго комитета, которые хотя и вытребованы обратно изъ правленія университета попечителемъ, но точная справка еще возможна. Объ этомъ обстоятельствѣ доводимо было мною до свѣдѣнія его свѣтлости князя Ливена частнымъ письмомъ, а равно извѣстно господину управляющему министерствомъ народнаго просвѣщенія его превосходительству Уварову, что доказываетъ его отношеніе къ г. попечителю по сему предмету и предложеніе г. попечителя правленію университета. Нѣкоторые изъ этихъ вновь принятыхъ студентовъ поручены были особенному надзору инспектора, какъ уже прежде замѣченные въ неблагонадежномъ поведеніи, а именно: Антонъ Тржецескій, Алексѣй Залѣскій, Генрихъ Вроненгаутъ, Николай Скрябинъ и Андрей Курасовскій, не взирая на неоднократныя личныя мои, по долгу инспектора, представленія, что несравненно бы лучше было вовсе не принимать таковыхъ, ибо они распространяютъ заразительный развратъ между прочими студентами; сверхъ того, и усмотрѣть за ними не возможно по негодности нѣкоторыхъ недѣлей, опредѣленныхъ для непосредственнаго наблюденія за поступками и занятіями студентовъ. Но эти представленія мои оставались тщетны. Антонъ Тржецескій былъ утвержденъ въ званіи студента г. попечителемъ, не взирая на то что лично было обѣщано мнѣ самимъ попечителемъ не принимать его Тржецескаго, по причинѣ худой моей о немъ рекомендаціи. Въ числѣ этихъ студентовъ попечителемъ принято нѣсколько поляковъ, молодыхъ людей питающихъ ненависть къ Россіи, и даже оказываемо было имъ особое покровительство; кромѣ того принято нѣсколько человѣкъ, по неволѣ удалившихся изъ Московскаго университета. И объ этомъ обстоятельствѣ было мною доводимо до свѣдѣнія его свѣтлости князя Ливена,

а, слѣдовательно, извѣстно г-ну управляющему министерствомъ народнаго просвѣщенія. Достойно замѣчанія, что г. попечитель по распоряженію высшаго начальства отправлялся вмѣстѣ съ профессорами Кронебергомъ и Архангельскимъ въ Польскія училища для осмотра ихъ и преобразованія и, признавая Польскую революцію благороднымъ дѣломъ патріотизма, оказывалъ всегда особенное покровительство молодымъ людямъ изъ поляковъ. Относительно 2-го пункта честь имѣю донести, что никому лучше не должно быть извѣстно,—произнесены ли были Государемъ Императоромъ, во время посѣщенія Его Величествомъ Харьковскаго университета 12-го сентября 1832 года, дѣйствительно слова объ отрѣшеніи профессора Васильева при томъ случаѣ, когда попечитель показалъ на незначительную трещину стѣны библіотеки, какъ вашему сіятельству. Бывшій Харьковскій губернаторъ Каховскій говорилъ мнѣ и другимъ, что онъ словъ Государя Императора, кои бы можно было принять за Высочайшее повелѣніе объ отрѣшеніи профессова Васильева, не слыхалъ, не взирая на то, что ни на мгновеніе не отлучался отъ лица Его Величества. Впрочемъ, дѣло объ отрѣшеніи умершаго профессора Васильева разсматривается теперь въ комитетѣ гг. министровъ, хотя, къ сожалѣнію, никто не можетъ ходатайствовать, по смерти его, о раскрытіи его невинности. При этомъ долгомъ считаю присовокупить, что упомянутая стѣна была свидѣтельствована въ фундаментѣ на законномъ основаніи, и актъ свидѣтельства, оправдывающій профессора Васильева, подписанный гражданскимъ архитекторомъ и асессоромъ губернскаго Харьковскаго правленія, долженъ находиться при дѣлахъ правленія университета. Тайное намѣреніе г. попечителя въ семъ случаѣ, кромѣ удовлетворенія своего мщенія, было, вѣроятно, то, чтобы показать свое могущество и высокую степень довѣренности къ нему Государя Императора и во вторыхъ, дабы показать, если смѣю такъ выразиться, неосмотрительность Государя Императора и чрезъ то возбудить пагубную мысль въ народѣ на счетъ правосудія и милосердія Отца отечества. Въ возможности таковаго намѣренія могъ я догадаться изъ нѣкоторыхъ словъ Харьковскаго вице-губернатора Пестеля, роднаго брата извѣстнаго государственнаго преступника, произнесенныхъ имъ во время откровеннаго разговора мною съ нимъ въ его кабинетѣ, когда я разсказывалъ происшествіе съ несчастнымъ профессоромъ Васильевымъ, при чемъ онъ, испытывая какъ бы меня, наклонялъ всю вину на Государя Императора. Достойно также вниманія, что безчеловѣчный поступокъ попечителя съ профессоромъ Васильевымъ возбудилъ всеобщее сожалѣніе жителей города Харькова, кои всѣ любили и уважали заслуженнаго старца, похороненнаго усерднымъ по-

жертвованіемъ жителей, и семейство коего теперь существуетъ только подаяніемъ. Доказательства справедливости 3-го пункта находятся въ черновыхъ инспекторскихъ запискахъ. Въ справедливости многихъ важныхъ обстоятельствъ можно удостовѣриться безпристрастно строгимъ изслѣдованіемъ, а справедливость иныхъ не можетъ быть очевидна, ибо они случились при одномъ мнѣ. Но самое главное можетъ быть очевидно доказано, а именно, что студенты вели себя отмѣнно худо, что бывшее 28-го октября 1832 года возмущеніе, въ коемъ дѣятельно участвовалъ теперешній ректоръ Харьковскаго университета профессоръ Кронебергъ, оставлено безъ послѣдствія, и что таковые возмутители не только сокрыты, но, пользуясь противузаконнымъ покровительствомъ, находятся и теперь въ университетѣ; наконецъ, несмотря на то, что эти обстоятельства должны быть извѣстны господину управляющему министерствомъ народнаго просвѣщенія, а равно, по гласности ихъ, вашему сіятельству, но не доведены до свѣденія Государя Императора, преимущественно обращающаго Высочайшее вниманіе на нравственность молодыхъ людей, приготовляемыхъ въ университетахъ для государственной службы, и даже не изслѣдованы законнымъ порядкомъ. Въ отчетѣ Харьковскаго университета, который долженъ быть представленъ Его Величеству къ 1-му января сего года, вышеупомянутыя обстоятельства также скрыты. Изъ всего изложеннаго очевидно покровительство буйства и разврата высшимъ начальствомъ и пагубный духъ, подъ господствомъ коего воспитывается россійское юношество. Что и въ гимназіяхъ водворяется тотъ же самый пагубный для престола и отечества адскій духъ разврата и буйства, можно усмотрѣть изъ безпристрастнаго на мѣстѣ переизслѣдованія дѣла о безпорядкахъ въ Курской гимназіи и внимательнаго разсмотрѣнія почти революціонныхъ правилъ, составленныхъ профессоромъ Архангельскимъ для этой гимназіи. Правила эти съ опровержевіями на нихъ директора Курской гимназіи Станевича, теперь уже отъ этой должности уволеннаго, находятся въ правительствующемъ сенатѣ, ибо они при рапортѣ директора представлены были туда 2-го декабря 1832 года. Но дѣло это предано забвенію по участію помощника попечителя Харьковскаго университета графа Александра Ивановича Панина, его брата товарища министра юстиціи, министра внутреннихъ дѣлъ, сильно покровительствующаго по родственнымъ связямъ, попечителя Филатьева и управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія. Доказательствомъ 4-го пункта служитъ оставленіе безъ изслѣдованія письма, на польскомъ языкѣ написаннаго,

нѣкоего Александра Стаха къ студенту Харьковскаго университета Владиславу Богдановичу, случайно доставшагося мнѣ въ руки, въ бытность мою инспекторомъ своекоштныхъ студентовъ, которое мною было представлено бывшему Харьковскому губернатору Каховскому, попечителю Филатьеву и ректору университета профессору Еллинскому, а равно оставленіе безъ вниманія подозрѣній моихъ относительно пожара, бывшаго въ Харьковѣ 8-го апрѣля 1833 года.

Ваше сіятельство! Вѣрный другъ Великаго Царя! Говорить истину не есть преступленіе тѣмъ болѣе, что я осмѣливаюсь говорить ее, движимый пламенною любовью къ бѣдствующему отечеству, для благоденствія коего и для славы Августѣйшаго Императора почту за счастіе жертвовать моею жизнію. Убѣдительнѣйше прошу ваше сіятельство эту мою записку довести до свѣдѣнія Государя Императора, правосуднаго и милосерднаго отца отечества. Страстная любовь моя къ престолу и отечеству, вселенная въ меня съ дѣтскихъ лѣтъ, побуждала меня безпрестанно изыскивать средства къ излѣченію болѣзней государственнаго организма; для многихъ они покажутся ничтожными, странными, но не таковыми, осмѣливаюсь думать, для того, кому чувствительнѣе каждаго изъ подданныхъ раны отечества".

Гр. Бенкендорфъ поручилъ майору корпуса жандармовъ Панютину произвести негласное слѣдствіе по поводу доноса Венедиктова въ Харьковѣ, и Панютинъ представилъ объ этомъ слѣдующій секретный рапортъ.

„Во исполненіе повелѣнія вашего сіятельства отъ 24 марта минувшаго 1834 года честь имѣю почтительнѣйше донести. Имѣя строгое наблюденіе и тщательный надзоръ за профессоромъ Харьковскаго университета надворнымъ совѣтникомъ Венедиктовымъ, я ничего не узналъ за нимъ предосудительнаго касательно его домашней жизни, поведенія и нравственности. Касательно же поступковъ его и дѣйствій по университету, достовѣрно мною узнаны слѣдующія обстоятельства. При экзаменѣ на степень доктора медицины нѣкотораго иностранца, по фамиліи Машрà, выдававшаго себя за сына министра иностранныхъ дѣлъ короля Баварскаго, содержавшагося подъ строжайшимъ арестомъ во время польскаго мятежа, — онъ, профессоръ Венедиктовъ, и бывшій профессоръ Экебладъ противились сильно удостоенію Машра докторской степени, чего непремѣнно желали бывшій попечитель Харьковскаго университета Филатьевъ и помощникъ попечителя графъ Панинъ. Въ послѣдствіи времени медико-хирургическая С.-Петербургская академія совершенно оправдала мнѣніе профессоровъ Венедик-

това и Экеблада, но вмѣстѣ съ тѣмъ усилила гоненіе на нихъ бывшаго попечителя Филатьева и графа Панина. Кромѣ того, профессоръ Венедиктовъ, состоя членомъ училищнаго комитета, подалъ рѣзко написанное мнѣніе объ удаленіи отъ изслѣдованія по дѣлу нѣкотораго титулярнаго совѣтника Носова тѣхъ членовъ, которые участвовали прежде въ рѣшеніи того же самаго дѣла и были причиною отрѣшенія съ худымъ аттестатомъ упомянутаго Носова, бывшаго директоромъ въ землѣ войска Черноморскаго. Дѣло это проволакивается уже семь лѣтъ и въ немъ замѣшана большая часть профессоровъ университета, а преимущественно Кронебергъ. Мнѣніе профессора Венедиктова, поданное имъ въ январѣ мѣсяцѣ настоящаго года, возбудило сильную ненависть къ нему многихъ профессоровъ, а особенно Кронеберга и помощника попечителя графа Панина. Сверхъ того, профессоръ Венедиктовъ въ этомъ мѣсяцѣ подалъ въ совѣтъ университета рапортъ относительно противузаконнаго принятія на третій курсъ и удостоенія степени дѣйствительнаго студента нѣкотораго Ѳедора Клевенскаго, который въ ноябрѣ 1832 г. былъ удаленъ изъ университета за азартную карточную игру. При этомъ рапортѣ профессоръ Венедиктовъ представилъ документъ, свидѣтельствующій о справедливости его донесенія. Изъ документа этого и изъ общихъ въ городѣ слуховъ узнано мною, что въ октябрѣ 1832 г. было въ университетѣ между студентами противъ бывшаго ректора Еллинскаго и профессора Венедиктова, бывшаго тогда инспекторомъ студентовъ, за произведенное домашнимъ образомъ тѣлесное наказаніе двухъ студентовъ Вольфингера и Куликова возмущеніе, котораго главною причиною былъ родной племянникъ профессора Кронеберга, студентъ Иванъ Кронебергъ, дѣйствовавшій по наставленію своего дяди, желавшаго снискать своимъ покровительствомъ любовь и благорасположеніе студентовъ. Студентъ Иванъ Кронебергъ остался безъ всякаго наказанія и отправленъ въ С.-Петербургскую медико-хирургическую академію своимъ дядею, который потомъ сдѣланъ ректоромъ университета. Эти обстоятельства и какой-то пасквиль, подброшенный профессору Венедиктову, который открылъ по почерку, что онъ писанъ женою профессора Кронеберга, составляютъ главнѣйшую причину ненависти и злонамѣренныхъ дѣйствій профессора Кронеберга противъ профессора Венедиктова. Профессоръ Венедиктовъ, во время исправленія имъ должности инспектора своекоштныхъ студентовъ университета, извѣстенъ былъ своею строгостію, дѣятельностію и благонамѣренностію; теперешній же инспекторъ профессоръ Павловскій, участвовавшій въ возбужденіи противъ профессора Венедиктова, имѣетъ совершенно противуположныя правила и, будучи въ тѣсныхъ

дружескихъ связяхъ съ ректоромъ университета Кронебергомъ, употребляетъ всѣ средства къ сокрытію студентскихъ, часто значительныхъ, шалостей, дабы выставить прежняго инспектора въ ненавистномъ видѣ и заслужить къ себѣ привязанность. Профессоръ Венедиктовъ не принадлежитъ къ партіи профессора Кронеберга, сильно поддерживаемой графомъ Панинымъ, заслужилъ неблаговоленіе попечителя, графа Головкина, за представленіе мнѣнія въ медицинскій факультетъ относительно удостоенія званія профессора бывшаго акушера Харьковской врачебной управы Гана, который избранъ графомъ Головкинымъ домашнимъ докторомъ, по связямъ его съ содержателемъ пансіона Роберти. Сынъ же содержателя пансіона Роберти состоитъ чиновникомъ особыхъ порученій при графѣ Головкинѣ и пользуется его отличнымъ расположеніемъ, въ доказательство чего можно привести то обстоятельство, что графъ Головкинъ хотѣлъ купить домъ содержателя пансіона Роберти за 90000 р. для гимназіи, который не стоитъ и третьей части вышеписанной цѣны".

Всѣ доносы Венедиктова были препровождены къ графу Уварову, который, разсмотрѣвъ ихъ и выслушавъ словесныя его объясненія, сдѣлалъ такой докладъ Государю. „Долгомъ считаю довести до Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества свѣдѣнія о заключеніи моемъ какъ по данному обстоятельству, такъ и вообще о положеніи Харьковскаго университета. Сколько я могъ судить изъ всѣхъ вышеприведенныхъ показаній Венедиктова, этотъ профессоръ, будучи движимъ благонамѣреннымъ, но темнымъ чувствомъ своихъ обязанностей, преувеличивъ въ собственныхъ глазахъ своихъ важность нѣкоторыхъ малозначащихъ обстоятельствъ и предполагая между ними какую то небывалую связь и таинственное политическое значеніе, котораго вовсе доказать не могъ, увлекъ себя до такой степени, что пылкое воображеніе, вмѣстѣ съ свойственною теоретикамъ въ жизни неопытностью, побудило его безпокоить Ваше Величество показаніемъ, въ неосновательности коего, какъ кажется, онъ самъ сознается. Таковой, смѣю сказать, *оптическій обманъ* имѣетъ свое основаніе какъ въ провинціальныхъ предубѣжденіяхъ и обычаѣ принимать умственно мѣсто своего пребыванія за центръ государства, такъ и въ продолжительныхъ безпорядкахъ, почти безпрерывно колебавшихъ существованіе Харьковскаго университета. Обращаясь къ этому послѣднему предмету и сличивъ частные факты, представленные Венедиктовымъ, съ прочими источниками, коими я могъ пользоваться, я открылъ слѣдующее. Не утруждая Ваше Величество продолжительнымъ изложеніемъ всѣхъ предыдущихъ обстоятельствъ въ исторіи этого университета, долженъ я откровенно сказать, что изъ уни-

верситетовъ нашихъ Харьковскій менѣе всѣхъ приблизился къ своей цѣли и даже нынѣ начинаетъ далеко отставать отъ прочихъ въ новомъ ихъ направленіи къ обновленію, болѣе или менѣе замѣтномъ уже въ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Причины этого слѣдующія: *во первыхъ*, неудовлетворительное съ давнихъ лѣтъ положеніе всѣхъ почти гимназій округа, исключая Полтавской; *во вторыхъ*, духъ партій и безпрерывный раздоръ между профессорами и чиновниками во все существованіе университета; *въ третьихъ*, неспособность высшихъ начальниковъ; *въ четвертыхъ*, необращеніе вниманія на приготовленіе людей, способныхъ къ учительскимъ должностямъ; *въ пятыхъ*, несоразмѣрность штатовъ съ постепеннымъ возвышеніемъ всѣхъ цѣнъ на потребности жизни; *въ шестыхъ*, происходящій ото всѣхъ этихъ причинъ духъ унынія, слабости, небреженія къ должностямъ, со всѣми признаками моральнаго упадка. Этотъ рядъ столь важныхъ недостатковъ, изъ коего каждый доказывается и множествомъ фактовъ, и всеобщимъ отголоскомъ, требуетъ, конечно, долговременныхъ усилій къ излѣченію, и хотя, по мѣрѣ возможности, предприняты различныя мѣры къ обновленію университета, долженствовавшаго имѣть благодѣтельное вліяніе на воспитаніе русскаго юношества, но я не смѣю хвалиться доселѣ значительными успѣхами и считаю долгомъ всеподданнѣйше заявить, что, по крайней мѣрѣ, положеніе вещей извѣстно министерству, и что оно не ослѣпляется нѣсколькими признаками болѣе благопріятными, въ теченіе настоящаго года замѣченными. Это самое положеніе объясняетъ, почему, со многихъ сторонъ, доходятъ до министерства показанія разнаго рода и даже отъ самого университета. Узнавши, что на него обращается нынѣ бдительное вниманіе, предстали сюда и попечитель, и ректоръ, и нѣсколько профессоровъ Харьковскаго университета, всѣ съ разными, иногда противоположными свѣдѣніями, коихъ однако же окончательный результатъ состоитъ въ томъ, что университетъ не цвѣтетъ, и что открытіе университета св. Владиміра нанесетъ ему, вѣроятно, тяжкій ударъ, если не будутъ приняты мѣры, дабы онъ могъ выдержать это соперничество, которое потому только опасно для университета Харьковскаго, что самъ онъ не находится на свойственной ему степени. Для достиженія цѣли необходимо нуженъ начальникъ, умѣющій соединять съ твердостію нрава навыкъ обходиться съ людьми, начальникъ, поставленный довольно высоко въ общемъ мнѣніи, чтобы казаться въ глазахъ подчиненныхъ не только справедливымъ исполнителемъ воли высшаго правительства, но и ходатаемъ и заступникомъ предъ нимъ, словомъ, безпристрастнымъ цѣнителемъ и трудовъ, и слабостей своихъ подчиненныхъ. Вашему Императорскому Величеству благоугодно было

даровать Харьковскому учебному округу новые штаты: симъ постановляется, безъ сомнѣнія, одно изъ главнѣйшихъ условій будущаго устройства университета, но и тутъ предстоитъ начальству его обязанность употребить особую дѣятельность въ предварительномъ преобразованіи училищъ и въ послѣдующемъ уже введеніи новыхъ штатовъ, ибо безусловно даровать ихъ училищамъ въ настоящемъ ихъ видѣ не только было бы безполезно, но даже вредно, ибо этимъ умноженіемъ средствъ и выгодъ частныхъ утвердились бы на мѣстахъ своихъ недостойные преподаватели, терпимые доселѣ единственно по невозможности, при скудныхъ окладахъ, замѣнить ихъ надежнѣйшими. Всѣ эти разсужденія, вкратцѣ здѣсь изложенныя, ведутъ къ заключенію, что Харьковскій университетъ требуетъ перемѣны въ начальствѣ, ибо отъ этой перемѣны можно только ожидать новаго направленія и вмѣстѣ съ тѣмъ уничтоженія давно вкоренившихся недостатковъ. Доводя объ этомъ, по долгу моего званія, до Высочайшаго Вашего Величества свѣдѣнія, я ни мало не хочу распространить хотя малѣйшаго сомнѣнія на образъ мыслей или намѣренія нынѣшняго попечителя, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Филатьева. Напротивъ, я нахожу себя обязаннымъ свидѣтельствовать предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ объ усердномъ его желаніи, при видѣ всѣхъ вышеизложенныхъ безпорядковъ, положить имъ конецъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ обязываюсь откровенно сказать, что г. Филатьевъ не въ силахъ исполнить таковаго предпріятія и противоборствовать затрудненіямъ, требующимъ и хладнокровной проницательности, и твердости безпристрастной, и нѣкоторой, такъ сказать, смѣтливости, признака коихъ я не могъ замѣтить въ его управленіи Харьковскимъ учебнымъ округомъ. Къ этому я считаю себя не менѣе обязаннымъ присовокупить, что помощникъ его графъ Панинъ, при всѣхъ его много обѣщающихъ усердіи и дѣятельности, нынѣ, по моему мнѣнію, не можетъ еще съ успѣхомъ управлять округомъ, по недостаточной опытности и по краткости времени и нахожденія его въ настоящемъ званіи; полезные плоды трудовъ графа Панина будутъ несомнѣнно еще ощутительнѣе подъ руководствомъ избраннаго Вашимъ Величествомъ попечителя. Между тѣмъ, весьма было бы желательно, въ таковомъ положеніи вещей, гдѣ всѣ подробности нынѣшняго состоянія Харьковскаго университета не вполнѣ раскрыты предъ министерствомъ, когда эти подробности становятся тѣмъ болѣе необходимы, что надлежитъ начертать планъ для преобразованія и проложить новую, твердую дорогу къ исправленію — отправить въ Харьковъ довѣренное лицо, коего можно бы снабдить отсюда всѣми надлежащими свѣдѣніями, и которое, вникнувъ на мѣстѣ во всѣ подробности, могло

бы представить Вашему Величеству нѣкоторое обозрѣніе учебной части въ тамошнемъ краѣ. Если Вашему Императорскому Величеству угодно будетъ одобрить эту мысль, то я осмѣливаюсь всеподданнѣйше ходатайствовать объ указаніи такого лица. Что касается до профессора Венедиктова, то онъ чувствуетъ самъ затруднительное положеніе, въ которое онъ себя неумышленно поставилъ; но такъ какъ его намѣренія оказываются чистыми и его порывъ не подлежитъ морально никакому нареканію, то можно бы перевести его въ Казанскій университетъ, гдѣ онъ будетъ весьма полезенъ, находясь въ новомъ кругу лицъ и предметовъ, подъ надзоромъ надежнаго попечителя. Впрочемъ, я считаю долгомъ довести до Высочайшаго Вашего Величества свѣдѣнія, что Венедиктовъ имѣетъ въ Харьковѣ жену и шестерыхъ дѣтей, собственный домъ, хорошую практику, какъ врачъ, и что всякое перемѣщеніе было бы для него довольно тягостно; къ сему осмѣливаюсь присовокупить, что и дальнѣйшее его оставленіе при Харьковскомъ университетѣ не сопряжено бы было съ особыми неудобствами, еслибъ на это воспослѣдовало Высочайшее соизволеніе. Весь ходъ моихъ соображеній объ этомъ предметѣ, изложенный, смѣю сказать, столько же откровенно, сколько и безпристрастно, имѣю я счастіе повергнуть всеподданнѣйше на Высочайшее Вашего Императорскаго Величества благоуваженіе".

При отношеніи статсъ-секретаря Танѣева отъ 2 марта 1834 г., возвращена разсмотрѣнная Его Императорскимъ Величествомъ всеподданнѣйшая докладная записка управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія отъ 1 марта 1834 г., съ Высочайшею резолюціею: „*Предоставляю рѣшить самимъ вамъ*".

На основаніи Высочайшей Его Императорскаго Величества резолюціи, послѣдовавшей на всеподданнѣйшую докладную записку о профессорѣ Харьковскаго университета Венедиктовѣ, управляющій министерствомъ разрѣшилъ отправиться ему въ Харьковъ къ прежнему мѣсту его служенія.

Изъ представленныхъ здѣсь данныхъ видно, что доносъ проф. Венедиктова оказался плодомъ его разгоряченной болѣзненной фантазіи и поэтому былъ оставленъ безъ послѣдствій, а самъ онъ, только во вниманіе къ его многочисленному семейству, не былъ переведенъ въ Казань. Да иначе отнестись къ его указаніямъ было и невозможно: очевидно, ему мерещилась вездѣ измѣна и измѣнники, если въ число ихъ онъ не постѣснялся помѣстить, безъ всякихъ основаній, и попечителя Филатьева, и его помощника гр. Панина, и ректора Кронеберга, и вицегубернатора. Къ сожалѣнію, изслѣдуя указанія Венедиктова, не изслѣдовали его самого и такимъ образомъ не могли констатировать

психоза, которымъ страдалъ этотъ человѣкъ. Будучи предрасположенъ къ болѣзненной подозрительности, онъ, очевидно, еще болѣе усилилъ ее въ себѣ, исполняя должность инспектора своекоштныхъ студентовъ. Видя въ студентахъ тайныхъ враговъ, будучи убѣжденъ, что они погрязли въ развратѣ, и считая необходимыми по отношенію къ нимъ самыя суровыя мѣры, онъ, естественно, встрѣчалъ оппозицію своимъ предположеніямъ со стороны товарищей профессоровъ, въ особенности же тогдашняго ректора профес. Кронеберга, обладавшаго и умомъ, и тактомъ, и должнымъ авторитетомъ. Съ нимъ то у него и выходили главнымъ образомъ пререканія. Что же касается студентовъ, то они, какъ онъ самъ разсказываетъ, подняли противъ него открытый бунтъ, послѣ того какъ онъ распорядился *тайно* высѣчь двухъ ихъ товарищей. Эта тайная, запрещенная закономъ, экзекуція также говоритъ въ пользу его ненормальности, равно какъ и его догадки о какомъ то подозрительномъ пожарѣ и студенческомъ письмѣ. Можно думать, что главнымъ пунктомъ его психоза было опасеніе революціонныхъ движеній, вызванное событіями 14 декабря и подогрѣтое польскимъ мятежомъ, въ которомъ, какъ извѣстно, видную роль игралъ также и профессоръ Виленскаго университета Лелевель. Этимъ объясняется его боязнь студентовъ—поляковъ, коихъ всѣхъ поголовно онъ считалъ революціонерами. Любопытно его указаніе на Матвѣя Байкова, который, по его словамъ, обладалъ талантами, необходимыми для тайнаго разслѣдованія политическихъ преступленій; этотъ Байковъ, еще въ бытность кандидатомъ, состоялъ директоромъ студенческаго библейскаго сотоварищества и прошелъ свою школу подъ руководствомъ попечителя Е. В. Карнѣева; при Перовскомъ же онъ былъ уже экстраординарнымъ профессоромъ математики, инспекторомъ студентовъ и въ то же время правителемъ канцеляріи попечителя.

Въ связи съ дѣломъ Венедиктова стоялъ и уходъ попечителя Филатьева. Мы видѣли, что С. С. Уваровъ въ докладѣ Государю прямо указывалъ на необходимость замѣны Филатьева болѣе авторитетнымъ попечителемъ, способнымъ уничтожить безпорядки въ университетѣ и вывести его изъ того упадка, въ какомъ онъ находился. Этимъ и объясняется назначеніе на эту должность гр. Ю. А. Головкина. Филатьевъ пользовался довѣріемъ кн. Ливена, но съ назначеніемъ на постъ министра С. С. Уварова, долженъ былъ почувствовать, что почва подъ его ногами колеблется и что ему нужно обезпечить себѣ почетный переходъ въ другое вѣдомство.

Въ 1833 году кн. Ливена смѣнилъ С. С. Уваровъ, а въ самомъ началѣ 1834 года В. И. Филатьевъ уже подалъ ему прошеніе объ от-

ставкѣ, гдѣ писалъ. „Ваше высокопревосходительство, милостивый государь, Сергѣй Семеновичъ! Сколь ни лестно для меня служить подъ начальствомъ вашего высокопревосходительства, но совершенное разстройство здоровья моего, при всемъ моемъ усердномъ желаніи продолжать службу по мѣсту, мною занимаемому, лишаетъ меня силъ и возможности нести званіе столь многотрудное, каково есть званіе попечителя, и въ точности исполнять обязанности его, и потому беру смѣлость, прибѣгнувъ къ высокому вашему покровительству, покорнѣйше просить объ исходатайствованіи мнѣ званія сенатора, званія, въ которомъ еще надѣюсь быть полезенъ служеніемъ своимъ Государю и отечеству; сохраненіе получаемыхъ мною по званію попечителя округа окладовъ дастъ мнѣ способъ къ приличному себя и семейства содержанію. Предаваясь всегда волѣ Августѣйшаго Монарха, не осмѣливаюсь просить о назначеніи меня въ Московскій сенатъ, гдѣ могъ бы вмѣстѣ съ тѣмъ пользоваться водами минеральными для поправленія здоровья своего, и гдѣ близость небольшого имѣнія облегчитъ мнѣ надзоръ за своимъ хозяйствомъ и тѣмъ обезпечитъ будущность пятерыхъ моихъ дѣтей. Отъ удаленія моего отъ имѣнія по службѣ въ Харьковѣ, состояніе мое годъ отъ году приходитъ въ большее разстройство, такъ что безъ продажи нѣкоторой части имѣнія, не могу избавиться отъ долговъ". Къ этому прошенію Филатьевъ присоединилъ слѣдующій свой собственный отзывъ о своей дѣятельности. „При вступленіи въ должность попечителя я нашелъ университетъ по части учебной въ точномъ и не мнимомъ упадкѣ, что всѣмъ и каждому не только въ Харьковѣ, но и въ округѣ было извѣстно; многія важнѣйшія каѳедры, каковы, напримѣръ, каѳедра философіи, каѳедра россійской словесности, каѳедра россійскаго законодательства были праздны, равно какъ и каѳедра политической экономіи, и потому профессора отозвались мнѣ на это, что никого нѣтъ у нихъ для замѣщенія первыхъ трехъ хотя бы временно; я нашелъ людей и употребилъ ихъ съ пользою для учащихся; люди эти извѣстны вашему высокопревосходительству—Чановъ, Якимовъ, Бабичевъ, что нынѣ директоръ Таганрогской коммерческой гимназіи, Гордѣенковъ и Степановъ; за смертью проф. Филомафитскаго, я поручилъ каѳедру всеобщей исторіи также извѣстному вашему высокопревосходительству Цыху, и такимъ образомъ преподаваніе этихъ столь важныхъ предметовъ продолжалось и продолжается въ университетѣ. Смѣю увѣрить ваше высокопревосходительство, что преподаватели эти достойны званія своего. Съ прискорбіемъ нашелъ я въ университетѣ, что одни студенты политическаго факультета слушали лекціи Закона Божія, прочимъ же въ обязанность это не вмѣнялось; приказавъ всѣмъ факультетамъ слушать лекціи

богословія, вмѣнилъ въ обязанность университета экзамены начинать этимъ важнѣйшимъ предметомъ, тогда какъ этого до меня не было. Узнавъ о злоупотребленіяхъ, дѣланныхъ при годичныхъ экзаменахъ, ввелъ новый порядокъ экзаменовъ въ первый же годъ моего вступленія и тѣмъ если не совершенно истребилъ злоупотребленія, то весьма ихъ затруднилъ, такъ что почти едва они могутъ случаться. Усмотрѣвъ, что нѣкоторые профессоры читаютъ лекціи безъ системы, студенты не имѣютъ никакихъ записокъ, предписалъ профессорамъ держаться конспектовъ своихъ и послѣ каждой лекціи давать студентамъ краткія записки о ней, т. е. существо ея, черезъ что профессоры вынуждены были слѣдовать систематическому порядку, а студентамъ облегчалось изученіе предмета. Студенты обязаны были слушать только предметы, обозначенные въ факультетѣ, для праздности оставалось весьма много времени,—я ввелъ, чтобы студенты всѣхъ факультетовъ слушали необходимые для всякаго образованнаго человѣка предметы на общихъ лекціяхъ. Поправилъ отношенія профессоровъ къ студентамъ и усилилъ надзоръ за сими послѣдними; рѣшительно всѣ жители всѣхъ сословій Харькова скажутъ, что студенты Харьковскаго университета при мнѣ сдѣлались лучшими и по части ученія, и въ отношеніи нравственности. По части хозяйственной, что могъ, исправилъ, и сравненіе годовыхъ отчетовъ можетъ это показать. Въ отношеніи управленія округомъ, умѣрилъ властолюбіе и самовольство училищнаго комитета и далъ дѣламъ его лучшее и безпристрастное направленіе. Сколько могъ, старался очищать округъ отъ людей дурного поведенія и худой нравственности. Все, что смѣлъ здѣсь изложить, доказывается моими университету предписаніями, имѣющимися въ правленіи, въ училищномъ комитетѣ и совѣтѣ. Былъ столь счастливъ, что Государь Императоръ при обозрѣніи университета остался доволенъ. Въ губерніи Волынской и Подольской открылъ 4 гимназіи и 1 уѣздное училище, давъ туда достойныхъ учителей, мною изъ округа выбранныхъ, не говоря уже о томъ, что по части фундушей училищныхъ въ этихъ двухъ и Кіевской губерніи привелъ ихъ въ ясность департаменту народнаго просвѣщенія. Почти всѣ мои предложенія относительно устройства училищъ въ этихъ губерніяхъ приведены въ дѣйствіе самимъ моимъ начальствомъ и правительствомъ, что все видно по дѣламъ министерства, подъ высокимъ управленіемъ вашего высокопревосходительства состоящаго“.

Министръ народнаго просвѣщенія сдѣлалъ докладъ Государю о просьбахъ Филатьева, и послѣ сношенія съ министромъ юстиціи Государь соизволилъ дать должность сенатора Филатьеву въ Москвѣ и оставить ему попечительскій окладъ (6600 + 6000 р. = 12600 р.). Ми-

нистръ юстиціи заявилъ, что онъ былъ доволенъ службою Филатьева по министерству внутреннихъ дѣлъ, и что въ Москвѣ въ сенатѣ нужны люди съ характеромъ и правилами. При отставкѣ Филатьевъ былъ пожалованъ въ тайные совѣтники [1]).

Къ сожалѣнію, трудно и даже невозможно провѣрить нѣкоторыхъ сообщеній В. И. Филатьева о его дѣятельности на пользу Харьковскаго университета — напримѣръ, повышенія умственнаго и нравственнаго уровня студенчества; правда, попечитель ссылается здѣсь на отзывъ рѣшительно всѣхъ жителей г. Харькова, но, къ сожалѣнію, *такого* отзыва не запечатлѣлъ ни одинъ изъ нихъ въ своихъ запискахъ; а двое современниковъ даютъ Филатьеву иную характеристику. С. И. Кованько говоритъ: „дѣйств. статскій совѣтникъ попечитель Харьковскаго учебнаго округа Владиміръ Ивановичъ Филатьевъ (1830—1834 гг.) пріѣхалъ въ 1830 году, удалилъ изъ университетскаго помѣщенія католическую церковь, для которой съ того времени благотворительными особами подарено мѣсто и построенъ домъ, *обѣщалъ* доставить студентамъ всѣ учебныя пособія, насадилъ садикъ во дворѣ и любилъ поправлять диссертаціи" [2]). Проф. А. С. Венедиктовъ отзывается о немъ такъ: „Филатьевъ былъ подъяческаго характера. Мѣстомъ попечителя онъ обязанъ былъ Блудову, своему пріятелю и роднѣ черезъ жену, а Блудовъ былъ тогда товарищемъ министра народнаго просвѣщенія князя Карла Андреевича Ливена. Филатьевъ былъ посылаемъ княземъ Ливеномъ вмѣстѣ съ профессоромъ Архангельскимъ и еще другимъ кѣмъ то въ Польшу, по усмиреніи бывшаго тогда возстанія, для работъ по учрежденію въ краѣ училищъ. По возвращеніи Филатьева въ Харьковъ, появились и поляки студенты въ Харьковскомъ университетѣ, народъ съ горячими головами, „запалёны словы", съ которыми было не мало возни инспекціи университета. Педеля университета — Краль, Орловскій—были шпіонами у Филатьева" [3]). Главною заслугою своею Филатьевъ считаетъ приглашеніе преподавателей на вакантныя каѳедры; имъ, по его словамъ, было приглашено 6 преподавателей, изъ коихъ на первомъ мѣстѣ онъ самъ ставитъ Чанова, но въ дѣйствительности среди нихъ выдающееся мѣсто принадлежало Цыху, къ сожалѣнію, очень скоро покинувшему Харьковъ; Бабичевъ также скоро промѣнялъ профессуру на директорство въ Таганрогской гимназіи; такимъ обра-

---

[1]) Архивъ Мин. Нар. Просв. Дѣло № 52945—1895.

[2]) Прибавленіе къ Харьк. Губ. Вѣд. 1859, № 40.

[3]) Записано Чириковымъ со словъ проф. А. С. Венедиктова; см. бумаги Чирикова среди рукописей Харьк. историко-фил. общества.

зомъ, съ именемъ Филатьева нужно связать приглашеніе Якимова, Гавр. Гордѣенка и Т. Степанова; всѣ эти лица были питомцами Харьковскаго университета, и въ заслугу Филатьеву нужно поставить то, что онъ сознательно стремился къ замѣщенію ими вакантныхъ каѳедръ въ университетѣ, въ виду того, что невозможно было пригласить выдающихся профессоровъ изъ другихъ мѣстъ. Въ дѣлѣ требованія отъ профессоровъ конспекта *каждой лекціи* Филатьевъ, очевидно, впалъ въ излишество и напрасно его поставилъ себѣ въ заслугу; въ связи съ этимъ стояло и его вмѣшательство въ область чисто научную; какъ мы видѣли, онъ выставлялъ себя компетентнымъ въ сферѣ юридическихъ и словесныхъ наукъ, хотя никакой спеціальной подготовки въ нихъ не получилъ; вѣроятно, на этомъ основаніи онъ любилъ поправлять диссертаціи, какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ С. И. Ковалько, и принималъ участіе въ разсмотрѣніи конспектовъ по философіи, какъ сознается самъ. Въ заслугу ему нужно поставить однако его разумный взглядъ на проступки студентовъ.

Ректоромъ при Филатьевѣ былъ профессоръ хирургіи Н. И. Еллинскій (съ 1830 по 1833 годъ). Это былъ питомецъ Харьковскаго университета, превосходный профессоръ и клиницистъ, преданный наукѣ, ученый и усердный, хотя болѣзненный, разстроившій себѣ непосильными трудами здоровье ректоръ. Разстройство здоровья побудило его сравнительно въ раннихъ лѣтахъ, послѣ 13 лѣтъ профессорской службы, проситься въ отставку и хлопотать о полномъ пансіонѣ. По болѣзни онъ долженъ былъ отказаться также отъ сдѣланнаго ему предложенія принять должность ректора въ университетѣ св. Владиміра въ Кіевѣ. Вотъ что писалъ онъ самъ по этому поводу въ докладной запискѣ министру народнаго просвѣщенія. „Въ 1830 году совѣтъ университета избралъ меня ректоромъ. Къ многотруднымъ ученымъ занятіямъ присоединились тогда новыя заботы. Мнѣ надобно было управлять огромнымъ заведеніемъ и огромнымъ учебнымъ округомъ, состоявшимъ въ то время изъ 16 губерній. Вскорѣ послѣ этого открылась холера, по причинѣ коей два медицинскихъ профессора посланы были правительствомъ въ мѣста, ею зараженныя. Изъ оставшихся членовъ факультета никто не хотѣлъ взять на себя преподаванія наукъ отсутствовавшихъ профессоровъ; но я, несмотря на другія обременительныя обязанности, не отказался принести новую жертву заведенію, меня воспитавшему, и принялъ каѳедру анатоміи и акушерства. Такое напряженіе силъ, не смотря на мою молодость, не могло не потрясти моего здоровья. Къ прискорбію моему, ежедневные припадки развивавшейся болѣзни болѣе и болѣе убѣждали меня, что усердіе къ службѣ

завлекло меня слишкомъ далеко, а потому въ сентябрѣ прошлаго 1832 года рѣшился я подать просьбу объ отставкѣ его превосходительству Владиміру Ивановичу Филатьеву. Ожидая рѣшенія на эту просьбу, я продолжалъ однако по прежнему исправлять свою должность и тѣмъ еще болѣе разстроилъ себя". Н. И. Еллинскій ѣздилъ на Кавказскія минеральныя воды, но и тамъ получилъ только временное облегченіе отъ своей болѣзни. Въ это время ему предложили должность ректора во вновь открываемомъ университетѣ св. Владиміра. Онъ сначала было согласился, но потомъ, въ виду обострившейся болѣзни, отказался и наконецъ получилъ отставку по болѣзни и полный пенсіонъ [1]). Попечитель округа В. И. Филатьевъ далъ объ Еллинскомъ весьма благопріятный отзывъ министерству. „При большихъ и глубокихъ его позналіяхъ, писалъ В. И. Филатьевъ, онъ всегда отличался усердіемъ своимъ къ пользамъ университета и неутомимою дѣятельностью, своимъ благонравіемъ, безпримѣрною честностью и совершеннымъ безпристрастіемъ, благоразумными поступками и дѣйствіями, какъ и въ кругу служебныхъ обязанностей, такъ и въ гражданской частной жизни, былъ лучшимъ примѣромъ для всего образующагося въ университетѣ юношества. Университетъ теряетъ въ немъ незамѣнимаго профессора во всѣхъ отношеніяхъ; всѣ усилія мои убѣдить Еллинскаго не оставлять университета остались тщетными; разстроенное его здоровье и домашнія обстоятельства къ тому его понуждали. Я взялъ смѣлость исходатайствовать ему годовой отпускъ, но и этимъ не успѣлъ его убѣдить. Въ управленіе мое Харьковскимъ университетомъ я имѣлъ не ректора въ немъ, но сотрудника, самаго благонамѣреннаго человѣка, съ чистѣйшими и благороднѣйшими видами, чуждаго всякаго рода своекорыстія и пристрастій. На основаніи § 18 утвердительной грамоты, присовокупляю и мое ходатайство о полной пенсіи Еллинскому, тѣмъ болѣе, что онъ и нынѣ не перестаетъ быть полезенъ наукамъ изданіемъ своей диссертаціи, и мнѣ извѣстно, что онъ не прерываетъ ученыхъ своихъ занятій и готовитъ полезныя медицинскія сочиненія, равно какъ и замѣчанія свои о Кавказскихъ минеральныхъ водахъ. По мнѣнію моему, г. Еллинскій заслуживаетъ, сверхъ пенсіи, награжденія слѣдующимъ чиномъ. В. И. Филатьевъ, очевидно, былъ склоненъ къ крайностямъ: въ дѣлѣ Врандейса (о которомъ скажемъ ниже) онъ выставлялъ Еллинскаго въ очень отрицательномъ видѣ, не хотѣлъ видѣть его въ должности ректора; теперь, наоборотъ, называлъ его идеальнымъ ректоромъ и, между прочимъ, отмѣчалъ его полное безпристрастіе, которое

[1]) Архивъ Мин. Нар. Просв. Дѣло 52908/1894.

опровергалъ въ изложеніи столкновенія его съ проф. Брандейсомъ. Нужно предполагать, что и въ порицаніяхъ, и въ похвалахъ В. И. Филатьевъ впалъ въ нѣкоторую крайность; противорѣчіе въ его отзывахъ объ Еллинскомъ было замѣчено въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, когда попечитель Кіевскаго учебнаго округа въ 1834 году представилъ Еллинскаго на должность ректора университета св. Владиміра.

Въ ректорство Еллинскаго возникло новое дѣло о проф. Брандейсѣ, окончившееся выходомъ его въ отставку. Въ 1830 году вспыхнула въ Харьковѣ холера. Университетское начальство должно было принять мѣры къ охранѣ отъ заразы студентовъ. Своекоштные студенты по большей части разъѣхались по домамъ. Но остались казеннокоштные, среди которыхъ, несмотря на всѣ принятыя мѣры предосторожности, и открылась эта болѣзнь. Между тѣмъ врачъ этихъ казеннокоштныхъ студентовъ проф. Брандейсъ, по словамъ инспектора Байкова и ректора Еллинскаго, не захотѣлъ немедленно, по первому зову, явиться къ заболѣвшимъ, хотя на другой день его видѣли разъѣзжавшимъ по городу, такъ что лѣченіе ихъ вынужденъ былъ принять на себя ректоръ Еллинскій. Такъ было дѣло по докладу ректора. Но проф. Брандейсъ энергически отрицалъ это и хотѣлъ отстранить отъ слѣдствія, порученнаго правленію, своего обвинителя и врага Еллинскаго, бывшаго предсѣдателемъ этого учрежденія. Вотъ его рапортъ въ совѣтъ. „Совѣтъ университета, по предложенію ректора, имѣющаго со мною личныя неудовольствія и нанесшаго мнѣ обиды, предписалъ сдѣлать о моихъ поступкахъ слѣдствіе правленію университета, гдѣ ректоръ предсѣдательствуетъ и гдѣ самое слѣдствіе подъ главнѣйшимъ вліяніемъ обвинителя моего. Знаменитые мужи! Предъ судъ вашъ предстоитъ невинно гонимый, безпомощный, и власть первенствующая, рѣшающая судьбу каждого изъ васъ отдѣльно. Законъ Имперіи Россійской даетъ гласъ обиженному; законъ даетъ всѣ способы къ оправданію невинно обвиняемому; законъ уполномачиваетъ обвиняемаго указать смѣло на неправо судящихъ и отдаляетъ отъ суда ихъ. Въ лицѣ ректора представляется нынѣ притѣснитель мой. Я вотъ, предъ вами,—знаменитые мужи, и прежде нежели изреку истину, единственную защиту правоты моей, осмѣливаюсь, на основаніи законовъ Имперіи, просить васъ объ удаленіи всякаго участія въ этомъ дѣлѣ неправаго обвинителя моего ректора Еллинскаго и всѣхъ тѣхъ, кои по преданности не могутъ быть почтены непреклонными къ нему. Сила законовъ да хранитъ правоту мою отъ всякаго даже свѣдѣнія ихъ объ этомъ дѣлѣ. Прошу васъ, знаменитѣйшее сословіе ученыхъ мужей, въ этомъ трибуналѣ положить опредѣленіе объ удаленіи отъ присутствованія по дѣлу моему лицъ,

мнѣ не благосклонныхъ; о нихъ поданъ будетъ мною особый отзывъ и тогда я принесу оправданіе противъ возводимой на меня клеветы. По случаю же ожиданія скораго пріѣзда г. попечителя университета, я всепокорнѣйше прошу всякое производство по дѣлу этому отложить до его пріѣзда. Предъ нимъ, какъ предъ справедливѣйшимъ главнымъ начальникомъ, не сокроются личныя неудовольствія, которыя являются причиною всѣхъ затѣянныхъ противъ меня несправедливостей, и онъ узритъ лично ревностное и безпорочное исполненіе моего долга, чего и вы, знаменитые мужи, отринуть не можете". Совѣтъ постановилъ: хотя за употребленныя въ этомъ прошеніи проф. Брандейсомъ выраженія, показывающія неуваженіе къ лицу ректора и даже для него обидныя, и слѣдовало бы сдѣлать ему строгое замѣчаніе, но какъ попечитель приказать изволилъ производство дѣла о буйственныхъ поступкахъ проф. Брандейса остановить до его пріѣзда въ Харьковъ, съ тѣмъ однако, какъ объясняется попечитель въ письмѣ къ ректору, чтобы совѣтъ имѣлъ наблюденіе за поступками этого профессора, и попріѣздѣ его въ Харьковъ, донесъ бы объ этомъ его превосходительству, то настоящее прошеніе пріобщается также къ дѣлу [1]). Вскорѣ Брандейсъ возбудилъ ходатайство передъ правленіемъ объ отстраненіи отъ слѣдствія и члена его Кронеберга. „Обязываюсь врожденнымъ долгомъ самозащищенія всепокорнѣйше испрашивать симъ подлежащаго распоряженія правленія относительно устраненія на всегда члена его, г-на профессора Кронеберга отъ прямаго и косвеннаго участія въ сужденіи дѣлъ, производящихся обо мнѣ въ семъ правленіи. Давнишняя, сильная, нескрываемая вражда ко мнѣ г. Кронеберга (который,—мню,—самъ не отречется подтвердить таковой образъ своихъ ко мнѣ отношеній), не можетъ не быть извѣстна ни г-дамъ членамъ правленія, ни большей части сословія г-дъ профессоровъ здѣшняго университета. Заключаю о томъ и потому, между прочимъ, что это не избѣжало отъ прозорливости внимательнаго г. попечителя сего университета, который, не далѣе какъ на сихъ дняхъ, воодушевляясь столь отличающею его превосходительство высокою справедливостію, съ прямо рыцарскимъ радушіемъ, изволилъ изъявить мнѣ не двусмысленное свое удивленіе, свѣдавъ, что и г. Кронебергъ состоитъ въ числѣ судей въ дѣлѣ, отъ рѣшенія коего зависитъ гражданская моя честь. Въ бывшее, въ 12-й день текущаго мѣсяца, чрезвычайное засѣданіе правленія, въ которое и я былъ, для очной ставки, призванъ, открытый и несомнѣнный явилъ г. Кронебергъ знакъ своей ко мнѣ непріязни (коей столько уже горь-

---

[1]) Харьк. унив. архивъ. Журн. сов. 1830 г., стр. 256, 332.

кихъ опытовъ имѣю), сказавъ, на замѣчаніе мое, что не слѣдуетъ ему на меня кричать: „*Die Zeiten sind forbei*“, т. е., что (моя) пора уже прошла, что уже и потому не долженъ бы былъ онъ говорить, что всякія не принадлежащія къ дѣлу рѣчи, въ засѣданіе коллегіи мѣста имѣть не могутъ, по силѣ нижеслѣдующихъ уставовъ [1].

Съ симъ вмѣстѣ о уваженіи вышеизложенной просьбы моей буду я утруждать и особу г. попечителя.

Въ заключеніе сего прошу правленіе благоволить принять, по содержанію сей просьбы, въ соображеніе нижеслѣдующія узаконенія [2]).

Слѣдствіе объ этомъ дѣлѣ было поручено министерствомъ вновь назначенному попечителю В. И. Филатьеву, который, собравъ необходимыя справки, далъ на первыхъ порахъ очень неблагопріятное заключеніе о проф. Брандейсѣ. Вотъ его подлинный текстъ. „Со времени пріѣзда моего въ Харьковъ, вслѣдствіе предписанія вашей свѣтлости, я старался узнать, безъ огласки, о поступкахъ и дѣйствіяхъ проф. Брандейса, относительно неприбытія его въ свое время къ страдавшему холерою студенту, въ прошломъ году, объ уклоненіи его отъ пользованія вообще студентовъ, и о дерзкихъ поступкахъ его противъ ректора. Дабы лучше узнать Брандейса и покороче, я старался обласкать его, бывъ предубѣжденъ въ пользу его тѣмъ, что онъ ученый и искусный медикъ, отличный профессоръ по своей части, и не желая потерять его, для пользы университета, рѣшился помедлить моимъ донесеніемъ о немъ вашей свѣтлости, полагая, что можно склонить и убѣдить его, какъ умнаго человѣка, оставить дерзкій и сварливый свой характеръ, обращаться кротко и вѣжливо съ профессорами и симъ водворить тишину и спокойствіе въ университетѣ, безпрестанно, при всякомъ случаѣ, имъ, Брандейсомъ, нарушаемую. Но онъ видѣвъ себя когда будто покровительствуемымъ мною, еще болѣе оказывалъ дер-

---

[1]) Уст. морск., кн. 1, гл. 1, отд. 1.

Генеральн. реглам., гл. XXI, въ коей, между прочимъ, изображено: „никому „не позволено въ коллегіи о другихъ дѣлахъ разговоры имѣть, токмо о тѣхъ, кото„рыя къ Его Императорскаго Величества службѣ касаются, наименьшемъ непотреб„ныя и праздныя слова... имѣть“;

Ук. 1743, октяб. 20. О недопусканіи въ судахъ говорить посторонняго, и

Ук. 1766, мар. 31, ст. 8, въ коей, между прочимъ, изложено: „никакихъ... „озлобленій никому не чинить. А буде кто въ противность вышеписаннаго поступитъ, „слѣдуя по воинскому процессу, наказывать въ силу указовъ“.

[2]) Соборнаго уложенія, гл. X, ст. 3 и гл. XXI, ст. 7, установлен. 7171, янв. 4. Ук. 1720, мая 4 и 1743, окт. 31. Нак., дан. коммис. о сочинен. проэк. нов. уложен. ст. 126 и 182, Учрежден. для управлен. губерн., ст. 406, 409 и 468, да пунк. 11. Докл. кн. Репн. по Смоленск. губерн.“.

зость и ненависть, клеветалъ на всѣхъ и поносилъ каждаго честь и званіе, однимъ словомъ, злоба его превзошла всякую мѣру вѣроятія: онъ одинъ, по его словамъ, знающій профессоръ, всѣ прочіе невѣжды, онъ одинъ честный человѣкъ, прочіе—воры и плуты, онъ—истинно въ душѣ благороденъ, прочіе—подлецы, вотъ что я долженъ былъ имѣть терпѣніе отъ него слушать и никакими благонамѣренными убѣжденіями не могъ успѣть обратить его на истинный путь исправленія.

Не довольствуясь этимъ, Брандейсъ сдѣлался дерзкимъ и невѣжливымъ противъ меня; но я, будучи все еще убѣжденъ, что преподаваніе его студентамъ казалось хорошимъ и основательнымъ, что клиника содержится имъ въ порядкѣ, расходы ея не велики, пренебрегалъ поступками его противъ меня до тѣхъ поръ, пока не увѣрился 1) въ томъ, что онъ при студентахъ публично поносилъ нѣкоторыхъ профессоровъ, преимущественно медицинскаго отдѣленія, и инспектора студентовъ Байкова, что чрезъ это можетъ произойти между студентами весьма дурное, по своимъ послѣдствіямъ, направленіе, и кажется, самые доносы на инспектора Байкова имѣютъ свое начало изъ этого источника, ибо въ этомъ случаѣ студенты медицинскаго отдѣленія замѣшаны болѣе другихъ; 2) наконецъ я узналъ достовѣрно, что Брандейсъ дѣлаетъ злоупотребленіе по клиникѣ; о чемъ имѣю честь приложить особенное донесеніе по произведенномъ объ этомъ обстоятельствѣ слѣдствіи. Еще въ мартѣ мѣсяцѣ текущаго года, когда безпрестанно возникали разные замыслы студентовъ противъ инспектора, и когда Мерцаловъ былъ исключенъ, Брандейсъ вдругъ неожиданно подалъ прошеніе объ отставкѣ. Это прошеніе его, совѣтомъ мнѣ представленное, я удержалъ по двумъ причинамъ: 1) чтобы онъ, Брандейсъ, кончилъ годичное преподаваніе свое, не прерывая его, и 2) желалъ болѣе удостовѣриться, заслуживаетъ-ли онъ ходатайства у вашей свѣтлости объ отставкѣ, по желанію его. Но теперь, представя все, до него относящееся, я рѣшился донести вашей свѣтлости, что онъ недостоинъ вовсе по характеру и поступкамъ своимъ хорошаго аттестата. Я увѣренъ, что онъ обнаружитъ себя предъ вашею свѣтлостью необыкновенною злою клеветою и презрѣніемъ ко всѣмъ членамъ университета. Происходя изъ жидовъ, онъ питаетъ ненависть ко всему христіанскому племени (что Брандейсъ происходитъ изъ жидовъ, объ этомъ я узналъ отъ попечителя Ришельевскаго лицея Покровскаго, который узналъ объ этомъ въ Петербургѣ отъ одного иностранца, бывшаго въ одномъ нѣмецкомъ университетѣ вмѣстѣ съ Брандейсомъ-студентомъ). На счетъ прошлогоднихъ поступковъ Брандейса имѣю честь донести вашей свѣтлости слѣдующее: 1) Брандейсъ точно, по двукратному призыву, къ страдавшему холерою

студенту не явился. Онъ оправдывается въ семъ случаѣ предо мною тѣмъ, что ѣздилъ цѣлый день по городу къ больнымъ, усталъ, вспотѣлъ и принялъ лѣкарство, а потому ночью не могъ ѣхать къ больному; что пересталъ лѣчить студентовъ послѣ этого потому, что самъ ректоръ принялъ на себя эту обязанность; что на другой день въ больницѣ студентской онъ былъ, но не говорилъ студентамъ: „васъ всѣхъ уморятъ", но я потерялъ довѣріе къ словамъ Брандейса.

2) Ректоръ Еллинскій, не видя никакого средства спасти отъ смерти страдавшаго студента, ибо нельзя отвергнуть, чтобы потеря времени 2-хъ часовъ не могла быть пагубною для больного, и какъ тогда еще медики не знали ни болѣзни, ни средствъ противъ нея, Еллинскій прибѣгнулъ къ гальванизму, но безуспѣшно. Въ то время Брандейсъ печаталъ уже свое разсужденіе о холерѣ и, узнавши о таковомъ способѣ лѣченія, прибавилъ о немъ въ печатаемомъ уже манускриптѣ своемъ весьма обидное замѣчаніе для Еллинскаго, хотя имени его и не упомянулъ, но всѣ въ университетѣ и студенты не могли бы не знать, что таковое обидное замѣчаніе сдѣлано прямо насчетъ Еллинскаго, ибо онъ употребилъ гальванизмъ безуспѣшно. Манускриптъ Брандейса, отпечатанный, по случаю этого прибавленія въ немъ послѣ даннаго уже позволенія на напечатаніе, былъ удержанъ въ типографіи, по распоряженію ректора. Брандейсъ самовольно и насильно унесъ изъ типографіи нѣсколько экземпляровъ, но прибилъ ли онъ при этомъ случаѣ солдата или нѣтъ, безъ формальнаго изслѣдованія удостовѣриться не возможно; однако, зная буйный характеръ Брандейса, можно признать это обстоятельство весьма правдоподобнымъ. Чувствуя себя обиженнымъ замѣчаніемъ Брандейса, Еллинскій изложилъ поясненіе причинъ, почему онъ употребилъ гальванизмъ, и просилъ Брандейса, прочтя его, напечатать вмѣстѣ съ своимъ замѣчаніемъ. Брандейсъ, бросивъ поясненіе это на столъ, не хотѣлъ читать и при этомъ случаѣ обыкновеннымъ своимъ дерзкимъ тономъ совершенно вывелъ изъ терпѣнія ректора Еллинскаго, который и сказалъ ему: „поди вонъ" — что весьма натурально; но самъ Брандейсъ сказалъ мнѣ, что онъ, выходя изъ кабинета, съ крикомъ ему отвѣчалъ: „misérable". Изъ этого, Ваша Свѣтлость, изволите усмотрѣть, кто изъ нихъ правъ и кто виноватъ. Когда же кто нуженъ Брандейсу или кого онъ боится, или ищетъ обмануть, въ такомъ случаѣ онъ легко принимаетъ на себя видъ кротости и добродушія; но въ обыкновенномъ своемъ положеніи онъ имѣетъ что-то звѣрское и характеръ злобный.

По полученіи мною въ Ярославской губерніи предписанія Вашей Свѣтлости о личномъ моемъ изслѣдованіи поступковъ Брандейса, было пріостановлено мною въ правленіи университета производство этого дѣла, и оно теперь находится въ такомъ же положеніи. Не излишнимъ считаю представить Вашей Свѣтлости на усмотрѣніе засвидѣтельствованную копію этого дѣла, истребованнаго мною по пріѣздѣ въ Харьковъ. При этомъ имѣю честь приложить копію съ прошенія Брандейса, поданнаго имъ въ Совѣтъ университета, о пріостановленіи этого дѣла и объ удаленіи ректора отъ присутствія, но какъ тогда уже извѣстно было Совѣту, что, по предписанію моему, это дѣло пріостановлено, то по этому прошенію Брандейса никакого исполненія не послѣдовало, и оно принято къ свѣдѣнію, а, по истребованіи мною всего дѣла, мнѣ предъявлено.

Подлинное прошеніе Брандейса въ Совѣтъ объ отставкѣ имѣю честь представить Вашей Свѣтлости на разрѣшеніе. При подачѣ этого прошенія въ Совѣтъ, Брандейсъ сказалъ ректору: „вотъ первая бумага отъ меня, которая васъ обрадуетъ“. Поступокъ этотъ нельзя одобрить и назвать приличнымъ, и самъ Брандейсъ не можетъ въ томъ не сознаться. Копію съ предписанія моего ректору отъ 30 мая о злоупотребленіяхъ Брандейса по клиникѣ и таковую же копію со слѣдствія по этому дѣлу, произведеннаго проф. Артемовскимъ-Гулакомъ, деканомъ правленія, и копію съ донесенія ректора, при которомъ помянутое слѣдствіе представлено, при семъ также имѣю честь приложить на усмотрѣніе вашего сіятельства. Брандейсъ просилъ меня объ увольненіи его въ отпускъ на 28 дней въ Москву и С.-Петербургъ; я предложилъ университету дать требуемый имъ отпускъ, дабы Брандейсъ не подумалъ, что ему затрудняютъ умышленно путь оправдаться предъ Вашею Свѣтлостію, о чемъ онъ и началъ уже распускать слухи здѣсь въ городѣ. Представляя это вашей свѣтлости, ожидаю дальнѣйшихъ распоряженій и предписаній. При этомъ имѣю честь донести, что завѣдываніе клиникою поручено будетъ проф. Блументалю, а преподаваніе всеобщей патологіи и терапіи или экстраординарному профессору Рейпольскому, или экстраординарному профессору Екебладу, по распоряженію медицинскаго отдѣленія, о чемъ въ свое время буду имѣть честь донести вашей свѣтлости, равно какъ и о замѣщеніи профессора Брандейса опытнымъ и свѣдущимъ профессоромъ“.

Вскорѣ однако попечитель самъ долженъ былъ совершенно отказаться отъ обвиненія Брандейса въ злоупотребленіяхъ по клиникѣ и смягчить свои суровые отзывы о его личности и характерѣ. Въ своемъ заключительномъ донесеніи министру онъ писалъ: „правленіе Харьков-

скаго университета, вслѣдствіе предписанія вашей свѣтлости, послѣдовавшаго на представленіе мое о просьбѣ профессора Брандейса въ отставку, изслѣдовавъ обстоятельства этого дѣла на основаніи указа 1831 года и не опредѣляя степени виновности профессора Брандейса, представило на мое усмотрѣніе. Вникнувъ въ ходъ дѣла и узнавъ на мѣстѣ всѣ побочныя обстоятельства, имѣющія на него сильное вліяніе, я мнѣніемъ полагаю предать это дѣло забвенію, какъ совершенно ничего важнаго и законопротивнаго въ себѣ не заключающее, основанное на личности и обоюдной враждѣ и, согласно съ прошеніемъ профессора Брандейса, дать ему просимую отставку, выдавъ надлежащій о службѣ его аттестатъ. Мнѣніе это основываю и на нижеслѣдующихъ причинахъ.

1. Нельзя не отдать справедливости, что профессоръ Брандейсъ устроилъ клинику въ такомъ видѣ и порядкѣ, что заведеніе это дѣлаетъ честь университету и едва ли гдѣ у насъ есть подобная, что не безъизвѣстно и вашей свѣтлости. До него клиника была въ самомъ дурномъ видѣ и внѣ всякаго порядка.

2. Профессоръ Брандейсъ, улучшивъ клинику во всѣхъ отношеніяхъ, сократилъ значительно расходъ ея, такъ что менѣе штата на нее расходуется, тогда какъ до него ея содержаніе стоило гораздо болѣе; даже и въ суммѣ, платимой въ вольную аптеку за медикаменты, онъ сдѣлалъ значительное уменьшеніе. Вообще Брандейсъ привелъ хозяйственную часть клиники въ такое устройство, что остается только продолжать и слѣдовать его примѣру; трудно теперь выйти изъ точной умѣренности имъ заведенной, ибо достаточность расходовъ, имъ дѣлаемыхъ нѣсколько годовъ, на опытѣ доказана.

3. Не отвергаю, что Брандейсъ характера крутого, вспыльчиваго и гордаго, но знаю теперь характеръ ректора и не могу его хвалить: скрытность и фальшивость — его отличительнѣйшія черты, а самолюбіемъ и высокомѣріемъ онъ не уступитъ противнику своему. Онъ винитъ Брандейса въ неуваженіи къ начальству потому, что въ этомъ случаѣ начальство онъ, ректоръ, но самъ ежечасно поступками своими относительно начальства надъ нимъ не можетъ заслуживать одобренія, хотя самъ весьма высокомѣренъ противъ низшихъ себя и подчиненныхъ. Долженъ откровенно сказать Вашей Свѣтлости, что я въ ректорѣ не имѣю себѣ сотрудника, какъ бы то должно быть; онъ часто руководимъ пристрастіемъ и личностію и управляется иногда не своимъ мнѣніемъ, а нѣкоторыми изъ гг. профессоровъ, но и въ этомъ выборѣ онъ несчастливъ, ибо попалъ на нѣкоторыхъ изъ нихъ не весьма того достойныхъ и благонамѣренныхъ людей. Впрочемъ, ректоръ по своей

части—отличный профессоръ, хотя немного охотникъ до новѣйшей нѣмецкой философіи, но ректоромъ быть онъ не можетъ съ пользою для университета по его характеру.

4. Обвиненія Брандейса и его оправданія ясно изложены въ бумагѣ Брандейса, въ правленіе представленной, и изъ записки и возраженія на нихъ, сдѣланныхъ ректоромъ, хотя отъ лица правленія записка составлена и мнѣ представлена. Недостаточность обвиненія, ясность оправданія и слабость возраженія вполнѣ удостовѣряютъ Вашу Свѣтлость, что дѣло это все основано на личности и враждѣ, и нѣтъ причинъ предавать его дальнѣйшему суду и продолжать его для соблазна университета и усиленія обоюдной злобы противниковъ. Брандейсъ довольно претерпѣлъ убытка и разстройства отъ этого дѣла, не говоря о моральномъ огорченіи: у него посѣдѣли волосы; жена его больная живетъ въ Курскѣ, а онъ безпрестанно долженъ былъ являться въ Харьковъ и жить тамъ, ибо, подавъ въ отставку, имѣлъ отпускъ по дѣламъ своимъ въ Москву, но болѣзнь жены остановила его въ Курскѣ. Поставивъ на видъ эти обстоятельства и прилагая въ подлинникѣ представленное университетомъ оправданіе Брандейса, имъ въ правленіе поданное, и вышеупомянутую записку на усмотрѣніе вашей свѣтлости, ожидаю разрѣшенія, какъ мнѣ поступить въ этомъ случаѣ“.

Между этими двумя отзывами попечителя нельзя не отмѣтить внутренняго противорѣчія, но во всякомъ случаѣ второй изъ нихъ, несомнѣнно, отличается большимъ безпристрастіемъ, чѣмъ первый, хотя въ немъ Филатьевъ для того, чтобы оправдать Брандейса, кажется, безъ должнаго основанія сталъ обвинять ректора Н. И. Еллинскаго. Такъ часто поступаютъ люди, недостаточно проницательные, не могущіе разобраться въ сложныхъ запутанныхъ вопросахъ и находить въ нихъ истинные мотивы поступковъ дѣйствующихъ лицъ. Только въ своемъ послѣднемъ донесеніи В. И. Филатьевъ догадался, что подкладкою этого, по существу, неважнаго дѣла была личная вражда между Брандейсомъ, съ одной стороны, и ректоромъ Еллинскимъ, а также проф. Кронебергомъ—съ другой. Благодаря этой враждѣ, пустой случай былъ раздутъ до громкаго дѣла—и въ результатѣ обострившихся отношеній было удаленіе изъ университета превосходнаго клинициста, какимъ былъ, по мнѣнію самаго начальства, Брандейсъ, и масса нравственныхъ огорченій, этимъ послѣднимъ испытанныхъ. Виновникомъ же такого исхода былъ отчасти попечитель, который сталъ рѣшительно на сторону обвинителей Брандейса, не замѣтивъ здѣсь слишкомъ яркихъ личныхъ мотивовъ ихъ въ этомъ дѣлѣ; онъ пытался даже оправдать ректора за то выраженіе, которое тотъ позволилъ себѣ по адресу Брандейса и

котораго онъ не долженъ былъ произносить („поди вонъ"). Причина вражды ректора Еллинскаго къ проф. Брандейсу намъ неизвѣстна, но самый фактъ явно враждебныхъ отношеній между ними не подлежитъ никакому сомнѣнію. Министерство также, повидимому, было убѣждено въ этомъ; по крайней мѣрѣ, такое впечатлѣніе производитъ отвѣтная бумага министра попечителю. „Изъ приложенныхъ при отношеніи ко мнѣ вашего превосходительства отъ 1-го августа 1831 года бумагъ, писалъ министръ, оказывалось, что ректоръ Еллинскій и профессоръ Брандейсъ причинили другъ другу обиды и что сверхъ того Брандейсъ обвинялся въ злоупотребленіяхъ по клиникѣ. Первое, какъ касающееся до дисциплины, могло бы быть разсмотрѣно въ совѣтѣ университета и кончено по усмотрѣнію вашего превосходительства; но послѣднее заставило меня предложить вамъ, милостивый государь мой, дать вообще этому дѣлу ходъ, предписанный § 147 устава университета. Нынѣ въ приложенномъ къ отношенію вашего превосходительства донесеніи вамъ правленія университета, къ удивленію моему, говорится только о личностяхъ между ректоромъ и профессоромъ Брандейсомъ, а о злоупотреленіяхъ послѣдняго нѣтъ ни слова. Между тѣмъ, ваше превосходительство отдаете полную справедливость Брандейсу за приведеніе клиники въ отличное устройство, на содержаніе которой онъ издерживалъ несравненно менѣе, нежели сколько расходовалось прежде, когда была она въ неисправномъ состояніи. О примѣрномъ устройствѣ клиники, во время завѣдыванія ею Брандейсомъ, слышалъ я и прежде отъ лицъ, коимъ эта часть совершенно извѣстна. Все это заставляетъ полагать, что замѣченныя неисправности скорѣе могутъ быть приписаны незнанію Брандейса, какъ иностранца, въ первый разъ на службу въ Россіи поступившаго, нѣкоторыхъ у насъ формъ и правилъ, нежели злоупотребленію; притомъ, если и есть съ его стороны какія упущенія, то ректоръ и правленіе университета раздѣляютъ вину съ нимъ потому, что несвоевременно свидѣтельствовали веденныя Брандейсомъ расходныя книги, ибо въ донесеніи ректора къ Вашему Превосходительству отъ 17 іюля 1831 года упоминается о безпорядкахъ, сдѣланныхъ еще въ 1829 году, между тѣмъ какъ по истеченіи перваго же года они долженствовали быть обнаружены и исправлены. Согласно мнѣнію вашего превосходительства, предлагаю вамъ уволить Брандейса, по собственному его прошенію, отъ службы въ университетѣ, съ выдачею ему надлежащаго аттестата, но предварительно надлежитъ удостовѣриться, не произведены ли имъ были по клиникѣ дѣйствительно какіе незаконные расходы, и буде таковые окажутся, взыскать съ него ихъ".

Вражда между Брандейсомъ и университетскимъ учебнымъ начальствомъ была столь упорна, что проявлялась даже и послѣ выхода его въ отставку и назначенія на должность врачебнаго инспектора въ Орлѣ. Такъ, правленіе университета не хотѣло выдавать проф. Брандейсу жалованья — и оно было выдано ему по распоряженію попечителя. Съ своей стороны и Брандейсъ, какъ бы въ отместку своимъ врагамъ, безъ всякой нужды, выступилъ съ обвиненіемъ на проф. Комлишинскаго въ пропускѣ имъ многихъ лекцій, и по этому поводу назначено было новое слѣдствіе [1]).

При Филатьевѣ впервые былъ назначенъ помощникъ попечителя округа; должность эта была учреждена Высочайшимъ указомъ, и первымъ ее занялъ гр. *Александръ Никитичъ Панинъ*, остававшійся на этомъ посту съ 27 апрѣля 1833 до 1838 г., когда онъ былъ назначенъ членомъ главнаго правленія училищъ. Это былъ очень богатый человѣкъ: у отца его въ Смоленской губ. было 5713 душъ, въ Тверской—2684, Калужской—615 и домъ въ Москвѣ. Въ 1809 г. онъ поступилъ актуаріусомъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ въ Московскомъ архивѣ, представивъ аттестатъ отъ Московскаго университета въ знаніи наукъ; затѣмъ былъ произведенъ въ переводчики и уволился въ 1812 г. для опредѣленія въ военную службу, поступивъ прапорщикомъ въ Московское ополченіе; за отличіе въ сраженіяхъ противъ французовъ при Бородино былъ произведенъ въ поручики, а при Малоярославцѣ — награжденъ орденомъ Анны 3-й ст., затѣмъ перевелся въ Псковской кирасирскій полкъ; за отличную храбрость въ сраженіи подъ Лейпцигомъ былъ награжденъ въ 1813 году орденомъ Владиміра 4-й ст., съ бантомъ; за отличіе въ ночныхъ экспедиціяхъ противъ непріятеля около Гамбурга въ 1814 г. произведенъ въ штабъ-ротмистры. За кампанію 1812 года получилъ серебряную медаль на голубой лентѣ, за кампаніи 1812, 1813 и 1814 гг.— королевско-прусскій орденъ; въ 1816 г. перевелся въ Екатеринославскій кирасирскій полкъ, въ 1817 г.—въ Кавалергардскій, въ 1819 году произведенъ въ ротмистры, въ 1820 г.—въ подполковники Глуховскаго кирасирскаго полка, въ 1825 г. уволился по домашнимъ обстоятельствамъ отъ службы съ чиномъ полковника и мундиромъ; въ 1830 году повелѣно быть ему чиновникомъ особыхъ порученій при Московскомъ попечителѣ съ переименованіемъ въ коллежскіе совѣтники, причемъ ему порученъ былъ надзоръ надъ университетомъ, типографіей и частными пансіонами г. Москвы. Въ этой должности онъ также обозрѣвалъ гимназіи Тверской губ. и представилъ отчетъ о своей командировкѣ.

[1]) Харьк. Универс. Архивъ. Дѣло подъ № 1407, 80.

въ 1831 г. За охрану отъ холеры учебныхъ заведеній получилъ благоволеніе Его Императорскаго Величества, затѣмъ два раза осматривалъ учебныя заведенія Калужской губ. и давалъ руководящія наставленія новому директору Калужской гимназіи Унковскому; имѣлъ знакъ безпорочной XV-ти лѣтней службы. Былъ женатъ и имѣлъ одну дочь 11 лѣтъ. Такимъ образомъ и по образованію, и по служебной дѣятельности графъ Панинъ былъ болѣе другихъ подготовленъ къ его новой должности.

Эта должность была ему предоставлена по желанію самого Государя, какъ это видно изъ нижеслѣдующаго письма его къ Уварову. „Я имѣлъ честь получить письмо вашего превосходительства отъ 15-го числа, коимъ Вы мнѣ предложить изволили по Высочайшему повелѣнію званіе помощника попечителя Харьковскаго университета. Одно только уваженіе несоразмѣрности силъ моихъ съ пламеннымъ усердіемъ къ службѣ могло бы меня удержать отъ принятія столь лестной должности, но благосклонное увѣреніе помощи Вашей подаетъ мнѣ надежду снисходительнаго воззрѣнія на усилія мои къ оправданію Монаршей довѣренности. Я готовъ исполнить волю Его Императорскаго Величества и за счастіе поставляю служить подъ просвѣщеннымъ руководствомъ вашего превосходительства, питая съ давняго времени въ душѣ моей чувствованія истиннаго глубокопочитанія и совершенной преданности“. Въ другомъ письмѣ къ Уварову гр. А. Н. Панинъ писалъ. „Вслѣдствіе предписанія вашего превосходительства, принялъ я вчерашній день присягу по вновь возложенной на меня должности въ присутствіи помощника попечителя Московскаго округа. Теперь, въ ожиданіи дальнѣйшихъ вашихъ повелѣній, я стараюсь пріобрѣсти какъ можно болѣе свѣдѣній о Харьковскомъ университетѣ. Вступая въ чуждое для меня поприще, я надѣюсь единственно на наставленіе и совѣты вашего Превосходительства. Надежду мою на содѣйствіе знаменитаго руководителя могу я только сравнить съ чувствами истиннаго глубокопочитанія и совершенной преданности“.

Министръ распорядился о скорѣйшемъ отъѣздѣ его на мѣсто службы, которую онъ долженъ былъ начать съ обозрѣнія Курской гимназіи, въ которой профессоръ-визитаторъ Архангельскій нашелъ безпорядки. По пріѣздѣ его въ Харьковъ попечитель Филатьевъ показалъ ему весь университетъ, составъ его, ходъ и теченіе дѣлъ и то направленіе, которымъ онъ (Филатьевъ) руководился, дабы все было ему извѣстно на случай исправленія должности попечителя.

При назначеніи на должность графъ А. Н. Панинъ получилъ отъ министра слѣдующую инструкцію.

1) Помощникъ попечителя Харьковскаго учебнаго округа опредѣляется для облегченія попечителя въ занятіяхъ его, для способствованія безостановочному ходу дѣлъ и для управленія учебнымъ округомъ въ случаѣ болѣзни или во время отсутствія попечителя.

2) Помощникъ попечителя въ присутствіи его никакой распорядительной власти не имѣетъ и никакихъ предписаній не даетъ отъ своего имени, но можетъ сообщать ихъ по порученію попечителя.

3) Помощникъ попечителя имѣетъ право получать свѣдѣнія о всѣхъ дѣлахъ, въ университетѣ и канцеляріи попечителя производящихся, дабы въ случаѣ, объясненномъ въ 1-й статьѣ, могъ всегда съ полнымъ знаніемъ вступить въ отправленіе обязанностей попечителя.

4) Помощнику попечителя могутъ быть предоставлены отъ попечителя временное управленіе и надзоръ за какою либо дирекціей училищъ или отдѣльно за нѣкоторыми учебными заведеніями округа для приведенія ихъ въ лучшій порядокъ или по другимъ уважительнымъ причинамъ. При таковомъ распоряженіи, теченіе училищныхъ дѣлъ остается на прежнемъ основаніи, восходя установленнымъ порядкомъ до попечителя, которому помощникъ его представляетъ въ нужныхъ случаяхъ свои по тѣмъ дѣламъ мнѣнія.

5) Помощникъ попечителя обязанъ обозрѣвать всѣ учебныя заведенія округа, по крайней мѣрѣ, одинъ разъ въ 2 года, съ представленіемъ донесеній своихъ по сему предмету министру народнаго просвѣщенія чрезъ попечителя, который, на основаніи предшествовавшей статьи, имѣетъ право присовокуплять къ нимъ свое мнѣніе" [1]). Эта инструкція была временно допущена комитетомъ министровъ до изданія общаго устава университетовъ.

Повидимому, зависимое положеніе стѣсняло графа А. Н. Панина, и онъ рѣшился частію черезъ попечителя, а частію отъ собственнаго своего имени представить проекты реформъ Харьковскаго университета въ министерство. Министру народнаго просвѣщенія онъ написалъ слѣдующее письмо: „Увѣреніе, данное мнѣ княземъ Трубецкимъ, что ваше высокопревосходительство желаете удостоить Харьковскій университетъ своимъ посѣщеніемъ, можетъ быть, до возвращенія ближайшаго моего начальника, заставляетъ меня поручить ректору лично представить вашему превосходительству нужды наши и умолять васъ подать намъ способъ удостоиться вашей похвалы. Ближайшими средствами къ оживленію этого нѣкогда знаменитаго разсадника наукъ должны быть, по моему мнѣ-

---

[1]) Архивъ Мин. Нар. Просв. Дѣло № 51445/1637.

нію: 1) рѣшеніе участи Московскихъ и иныхъ опальныхъ студентовъ, коей неизвѣстность влечетъ за собою ропотъ родныхъ и родственниковъ, и введеніе правилъ, установленныхъ Его Величествомъ для принятія и выхода студентовъ въ Александровскомъ университетѣ; 2) разрѣшеніе представленія моего объ учебныхъ пособіяхъ; 3) позволеніе профессору Кронебергу приспособить къ Харьковскому университету устройство С.-Петербурскаго педагогическаго института для пополненія учительскихъ вакансій по округу собственными средствами; 4) увеличеніе библіотеки и кабинетовъ университета; 5) введеніе предположенія профессора Перевощикова о расширеніи физико-математическаго факультета и подраздѣленіе этого факультета на отдѣленіе собственно физико-математическое и отдѣленіе наукъ естественныхъ; 6) устройство отдѣльной мѣстной цензуры, расширеніе типографіи, устройство аптеки и литографическаго заведенія; 7) введеніе новаго устава, по крайней мѣрѣ, для Харьковской дирекціи; 8) замѣщеніе профессорскихъ вакансій достойными преподавателями, отчасти изъ корпуса путей сообщенія, отчасти изъ Виленскаго университета и другихъ мѣстъ; 9) общее поощреніе отличнѣйшимъ, ибо безъ этого университетъ Св. Владиміра подавитъ насъ, какъ новый Геркулесъ, выходя только изъ колыбели. Умоляю Ваше Высокопревосходительство сжалиться надъ нашею судьбою и принять въ соображеніе мою убѣдительную просьбу, да не обратится мнѣ царская милость и ваша похвала въ позоръ и поношеніе. Я смѣю надѣяться, что ваше высокопревосходительство увѣритесь еще болѣе въ пламенномъ моемъ желаніи оправдать вашъ выборъ и сами убѣдитесь въ необходимости этого рѣшенія моего и неотступной моей просьбы".

Филатьеву, находившемуся въ Петербургѣ, онъ передалъ два слѣдующія письма.

„Худые успѣхи въ воспитаніи въ отечествѣ нашемъ, несмотря на благодѣтельное попеченіе правительства, заставили меня думать о средствахъ отдѣлить истинную любовь къ просвѣщенію отъ любви къ преимуществамъ, дарованнымъ правительствомъ. Я нахожу по зрѣломъ соображеніи сего важнаго предмета, что лучшій и легчайшій способъ учебнаго начальства къ возвышенію достоинства науки и къ оправданію общаго довѣрія состоитъ въ томъ, чтобы вмѣнить въ строгую и необходимую обязанность каждому изъ учащихся имѣть до вступленія въ учебное заведеніе всѣ книги и иныя пособія, которыя изберутся университетомъ за три мѣсяца до начала курса. Итакъ, осмѣливаюсь предложить вашему превосходительству обнародовать по округу таб-

лицу ихъ, чтобы учащіеся слѣдовали имъ въ продолженіе академическаго года. Но такъ какъ средства къ покупкѣ учебныхъ пособій весьма ограничены, чему служатъ доказательствомъ многіе прошлые годы, то мнѣ бы казалось необходимымъ напередъ испросить у г. управляющаго министерствомъ разрѣшеніе университету, — пополнять своими трудами то, чего департаментъ просвѣщенія не успѣлъ обнародовать. Въ такомъ случаѣ легко было бы устроить въ каждой дирекціи подный магазинъ всего нужнаго, гдѣ бы учащійся могъ получать безъ замедленія всякаго рода учебныя пособія; казенные воспитанники получали бы ихъ на счетъ казны, а своекоштные за умѣренную плату. Ряды учащихся хотя значительно и очистятся въ такомъ случаѣ отъ невѣждъ и тунеядцевъ, но за то всякій благомыслящій юноша приметъ съ благодарностію эту спасительную мѣру; вниманіе въ аудиторіяхъ усугубится, рвеніе самихъ преподавателей увеличится, и въ продолженіе даже перваго года всѣ учебныя заведенія оживятся новымъ духомъ. Горе тому университету, который не переймотъ этого полезнаго примѣра. Книги, доставляемыя изъ департамента просвѣщенія, до сего времени доставляются съ чрезвычайною медленностію, продолжавшеюся иногда цѣлые годы, и почти всегда не въ такомъ количествѣ, сколько требуется дирекціями училищъ (что замѣчено мною при обозрѣніи нѣкоторыхъ учебныхъ заведеній). Но такъ какъ нѣтъ сомнѣнія, что г. управляющій министерствомъ, по чрезвычайной дѣятельности своей, обратитъ и на этотъ предметъ свое благосклонное вниманіе, то дирекціямъ можно будетъ продолжать выписывать книги въ надеждѣ лучшей исправности со стороны департамента народнаго просвѣщенія. Остальные въ гораздо превосходнѣйшемъ числѣ могутъ быть въ скорѣйшемъ времени доставляемы имъ изъ университетской типографіи; инструменты математическіе могутъ быть выписываемы изъ Тульскаго оружейнаго и Ижорскихъ заводовъ; физическіе инструменты — отъ Нейгебауера, отъ оптика Московскаго университета; глобусы — отъ Присле изъ Москвы; ландкарты — изъ депо картъ; рисовальная бумага — изъ Александровской мануфактуры; грифели, карандаши и доски аспидныя — изъ Москвы и Бахмута. Постепенная плата, взимаемая съ учащихся во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, употребленная на заведеніе при нихъ помянутаго магазина, принесетъ также не малую помощь; но эта послѣдняя мѣра, по причинѣ неурожая въ нынѣшнемъ году, долженствуетъ быть оставлена до болѣе благопріятнаго времени. При неоднократныхъ посѣщеніяхъ мною Слободско-Украинской гимназіи, замѣчено, что едва ли 20-й изъ учащихся въ ней и уѣздномъ училищѣ имѣетъ нужныя по предметамъ

своего ученія книги и другія пособія. Это, безъ сомнѣнія, происходитъ отъ того, что родители, не постигая важности предмета ученія, почитаютъ достаточнымъ одно пребываніе въ классахъ, или отъ равнодушія къ умственному развитію, почитая достаточнымъ, если онъ выучится грамотѣ, или отъ неумѣстной скупости. Благодѣтельное учрежденіе помянутаго магазина при всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ усугубитъ охоту и потребность къ ученію въ учащихся и откроетъ завѣсу заблужденія тѣмъ изъ родителей, кои такъ много ошибаются въ своихъ расчетахъ. Прилагая при этомъ подъ литерою А, подробное изложеніе способовъ къ доставленію учебныхъ пособій, а подъ литерами В и С,—расчетъ нужныхъ суммъ по этому предмету, имѣю честь присовокупить, что если сумма, потребная для снабженія необходимыми пособіями казенныхъ питомцевъ, не вознаградится въ денежномъ отношеніи ничѣмъ, за то пожертвованіе, сдѣланное въ пользу своекоштныхъ, пополнится въ продолженіе скораго времени ихъ родителями. Я положилъ въ пользу учреждаемаго магазина шесть процентовъ, изъ коихъ назначаю примѣрно 500 руб. на жалованье расходчику".

Въ другомъ письмѣ онъ писалъ ему.

„Убѣдительнѣйше прошу васъ всѣми мѣрами стараться склонить его высокопревосходительство господина управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія рѣшительно не ожидать никакихъ важныхъ по здѣшнему университету перемѣнъ безъ сильнаго съ его стороны содѣйствія. Умственный параличъ, коимъ мы страдаемъ, долженъ быть, по моему мнѣнію, исцѣляемъ поощреніемъ преподавателей и учащихся; къ тому ближайшія средства: отдѣльная цензура, введеніе новаго устава и окладовъ. разрѣшеніе представленія вашего превосходительства объ учебныхъ пособіяхъ, расширеніе математическаго факультета, согласно съ предположеніемъ профессора Перевощикова, подраздѣленіе его на отдѣленія собственно математическое и естественное, избавленіе отъ указной и обычной, болѣе нежели полугодовой, праздности, и наконецъ назначеніе 50.000 руб. единовременно и 10.000 руб. ежегодно, для пополненія библіотеки и кабинетовъ. О педагогическомъ институтѣ не упомянулъ я здѣсь потому, что его высокопревосходительство господинъ управляющій министерствомъ давно усматриваетъ необходимость этого разсадника, безъ коего не будетъ никогда въ надлежащемъ количествѣ достойныхъ преподавателей для пополненія въ свое время учебныхъ мѣстъ. Теперь мнѣ остается только изъявить желаніе, чтобъ инспектору своекоштныхъ студентовъ поручено было собирать отъ 10 до 15 рублей съ каждаго изъ нихъ за годовой курсъ; тогда можно бы было ожидать какъ отъ профессоровъ, такъ и студентовъ, болѣе при-

желанія, а не введеніи новыхъ окладовъ и сочинительскихъ премій, запретить сборъ весьма вредный, но нынѣ необходимо терпимый—квартирныхъ денегъ съ учащихся. Да благословитъ васъ Богъ, если вы успѣете возратить къ новой жизни окаменѣлое святилище науки; еще умоляю васъ не оставьте промолвить слово въ пользу опальныхъ Московскихъ студентовъ безъ вины обвиненныхъ и подверженныхъ обратному дѣйствію закона, не объявленнаго заблаговременно. Отъ вашего успѣха будутъ зависѣть мои будущія дѣйствія; нельзя предсказать указать человѣческій или машинный ходъ. Ваше превосходительство, конечно, не захотите, чтобъ наши труды остановились при первомъ дѣйствіи, и пожелаете довершить столь благо начатое въ труднѣйшія времена“.

Управляющій министерствомъ на представленіе помощника попечителя Харьковскаго учебнаго округа отъ 13 января этого года и на два отношенія его къ попечителю отъ 6 ноября и 12 декабря 1833 приказалъ дать слѣдующій отвѣтъ.

„1) дѣло о принятыхъ въ прошломъ году студентахъ, въ томъ числѣ о нѣкоторыхъ изъ Московскаго университета, рѣшено предложеніями отъ 22 и 26 іюля того же года, которыя и должны быть исполнены съ точностію. Вводить же въ Харьковскій университетъ правила принятія и выпуска студентовъ, существующія въ университетѣ Александровскомъ, онъ не усматриваетъ достаточнаго основанія, особенно если испытанія будутъ строгія и безпристрастныя, какъ о томъ неоднократно было подтверждаемо;

2) существующія нынѣ правила относительно учебныхъ пособій должны остаться въ своей силѣ, съ наблюденіемъ только со стороны помощника попечителя, чтобы они были неупустительно исполняемы;

3) педагогическій институтъ, при возможныхъ улучшеніяхъ отъ личнаго его надзора, долженъ до времени остаться въ границахъ устава;

4) ходатайство о назначеніи 50 т. руб. единовременно и 10 т. ежегодно на библіотеку и кабинеты университета не представляется нынѣ удобнымъ, тѣмъ болѣе, что о возвышеніи всѣхъ вообще статей штата производится дѣло въ комитетѣ устройства учебныхъ заведеній. Существенный въ этомъ отношеніи недостатокъ можетъ быть пополненъ обращеніемъ на этотъ предметъ хозяйственныхъ суммъ;

5) о расширеніи физикоматематическаго факультета дано уже разрѣшеніе;

6) распространеніе типографіи и учрежденіе при ней литографическаго заведенія требуетъ подробнаго изложенія предполагаемыхъ для

этого мѣръ съ условіемъ, если собственные отъ нея доходы могутъ пополнить хотя со временемъ требуемыя на устройство ея издержки;

7) о введеніи въ учебныя заведенія новаго устава дано уже особое предложеніе;

8) для замѣщенія профессорскихъ вакансій можетъ быть открытъ конкурсъ;

9) объ отличныхъ чиновникахъ Харьковскаго округа входить съ представленіемъ слѣдуетъ въ установленное для сего время.

Уменьшеніе праздничныхъ и вакаціонныхъ дней, также сборъ съ своекоштныхъ студентовъ нѣкоторой суммы войдутъ въ общія соображенія при новомъ устройствѣ нашихъ университетовъ, а о сборѣ квартирныхъ денегъ съ учащихся потребовать теперь же обстоятельное свѣдѣніе".

Министръ передалъ графу А. Н. Панину проектъ устава Кіевскаго университета, съ тѣмъ чтобы нѣкоторые параграфы его могли быть примѣнены и къ Харьковскому университету, и получилъ отъ него слѣдующій отвѣтъ.

„Вслѣдствіе предложенія вашего высокопревосходительства, отъ 16 прошлаго января, я передалъ проектъ устава университета св. Владиміра совѣту ввѣреннаго мнѣ университета для соображенія и представленія заключенія о тѣхъ статьяхъ его, которыхъ дѣйствіе и сила съ очевидною пользою могутъ быть приложены временно къ Харьковскому университету, до изданія общаго университетскаго устава.

Во исполненіе чего нынѣ совѣтъ университета доноситъ мнѣ, что, по мнѣнію его, нижеслѣдующіе §§ помянутаго проекта устава можно бы примѣнить съ пользою къ нашему университету:

1) къ присутствію въ совѣтѣ допустить и экстраординарныхъ профессоровъ (§ 10);

2) чтобы въ ординарные и экстраординарные профессоры избираемы были только имѣющіе степень доктора или, по крайней мѣрѣ, магистра того факультета, къ которому принадлежитъ каѳедра (§ 17);

3) кромѣ представляемыхъ министру народнаго просвѣщенія ежемѣсячно меморій по § 71 устава Харьковскаго университета, секретарю вмѣнено въ обязанность, по истеченіи каждаго мѣсяца, представлять попечителю копіи съ журналовъ засѣданій совѣта. Весьма сократилась бы переписка, если бы вмѣсто вышесказанныхъ копій съ журналовъ, сообразно съ § 22 проекта устава университета св. Владиміра, представляемы были въ 2-хъ экземплярахъ одни меморіи, изъ коихъ одинъ для министра народнаго просвѣщенія, а другой для попечителя;

4) чтобы ежегодно изъ членовъ совѣта избираемъ былъ проректоръ, дабы, въ случаѣ болѣзни или отлучки ректора, могъ онъ тотъ часъ заступить его мѣсто (§ 27);

5) по причинѣ множества весьма трудныхъ и обширныхъ наукъ, составляющихъ физико-математическое отдѣленіе, полезно было бы изъ предметовъ преподаванія, къ нему принадлежащихъ, исключить философію, сообразно съ § 38 проекта университета св. Владиміра; также для каждой части естественной исторіи имѣть особую каѳедру и ввести преподаваніе гражданской архитектуры, не вмѣняя, однако, профессору ея въ обязанность исправлять сверхъ того должность архитектора въ университетѣ и его округѣ; впрочемъ возложить на него можно разсматриваніе проектовъ важнѣйшихъ построекъ, какъ въ университетѣ, такъ и по округу;

6) предоставить факультетамъ право цензуры сочиненій и переводовъ, издаваемыхъ профессорами и адъюнктами (§ 42);

7) для завѣдыванія хозяйственной частію казенныхъ студентовъ необходимо назначить особеннаго эконома (§ 76), поручивъ ему же завѣдываніе хозяйственными предметами по университету вообще;

8) равнымъ образомъ, полезно бы имѣть библіотекаря изъ постороннихъ чиновниковъ, равно какъ его помощника и секретаря (§ 79).

Сверхъ того, польза общая и достоинство университета требовали бы распространить и на Харьковскій университетъ § 31 проекта устава университета св. Владиміра, возлагающій на профессоровъ обязанность ежегодно представлять совѣту отчеты о сдѣланныхъ, по части каждаго, въ теченіе года опытахъ, наблюденіяхъ, открытіяхъ и усовершенствованіяхъ, съ краткимъ означеніемъ достойныхъ примѣчанія изъ вышедшихъ въ это время по ихъ предметамъ сочиненій; но по крайней ограниченности суммъ, положенныхъ по штату на пріумноженіе библіотеки и на выписку журналовъ, члены нашего университета не имѣютъ совершенно возможности исполнить это надлежащимъ образомъ. Соглашаясь съ таковымъ мнѣніемъ совѣта университета, честь имѣю присовокупить, что я сказалъ бы нѣсколько словъ о синдикѣ, если бы должность его была означена ясно и опредѣленно. О должности профессоровъ доложу вашему высокопревосходительству, что прямая обязанность каждаго изъ нихъ означена въ точномъ смыслѣ, и я бы, по долгу своему, требовалъ исполненія этого, но чтобы профессоръ могъ постоянно трудиться по своей части и дѣлать надлежащія наблюденія за успѣхами наукъ въ ученомъ свѣтѣ и, такъ сказать, слѣдить свою науку, для чего нужно дать средства, а именно должно имѣть при университетѣ библіотеку, въ которой бы находились лучшія и извѣст-

нѣйшія ученыя сочиненія по каждой отрасли наукъ, чего при нашемъ университетѣ нѣтъ; отпускать достаточную сумму для ежегоднаго пріобрѣтенія сочиненій и для выписки лучшихъ періодическихъ изданій и, наконецъ, не обременять свободныхъ часовъ профессора засѣданіями въ совѣтѣ, факультетскихъ собраніяхъ, правленіи и училищномъ комитетѣ, безъ чего мы не можемъ требовать отъ профессора точнаго исполненія прямой его обязанности. Читая въ уставѣ о казенныхъ студентахъ, предназначенныхъ къ званію учителей, и о надзорѣ за своекоштными студентами, я не могу не повторить въ обоихъ случаяхъ того, о чемъ имѣлъ уже честь представлять вашему высокопревосходительству, а именно: чтобы имѣть хорошихъ учителей, для того надобно учредить при Харьковскомъ университетѣ педагогическій институтъ; чтобы имѣть хорошій надзоръ за своекоштными студентами, для того надобно имѣть инспектора изъ военныхъ, удостовѣрясь, разумѣется, въ его нравственности и поведеніи и давъ ему хорошее жалованье. Если ваше высокопревосходительство изволите разрѣшить взыскать съ каждаго своекоштнаго студента по 25 руб. (отчего никто изъ нихъ не откажется), то изъ накопившейся суммы можно дать хорошее жалованье инспектору и ежегодно употреблять на пріобрѣтеніе нѣкоторыхъ нужнѣйшихъ сочиненій для студенческой библіотеки. Относительно пріема въ студенты, перехода ихъ изъ курса въ курсъ, честь имѣю доложить вашему высокопревосходительству, что хотя оно и лучше настоящаго положенія, но совершенно превосходнымъ какъ въ разсужденіи пріема, такъ равно и выхода студентовъ, я нахожу положеніе Финляндскаго университета, начертанное самимъ Государемъ Императоромъ, когда Его Величество изволилъ быть канцлеромъ этого университета. Для должности синдика не благоугодно ли будетъ вашему высокопревосходительству избрать достойнѣйшаго; я же съ своей стороны осмѣливаюсь представить извѣстную лично вашему высокопревосходительству особу на это мѣсто: Александра Алексѣевича Муханова или Владиміра Андреевича Норова, извѣстнаго брату вашего высокопревосходительства Өедору Семеновичу".

Г. управляющій министерствомъ приказалъ отвѣчать, что вообще предположенія эти будутъ приняты въ соображеніе при составленіи проекта устава Харьковскаго университета; о педагогическомъ институтѣ, сборѣ съ своекоштныхъ студентовъ и переходѣ студентовъ изъ курса въ курсъ по положенію Финляндскаго университета былъ отвѣтъ 17 февраля; на опредѣленіе же нынѣ новаго синдика, по существующему уставу, согласиться не можно. 31 августа 1834 г., т. е. уже

послѣ назначенія на постъ попечителя гр. Головкина, гр. А. Н. Панинъ сдѣлалъ къ своему прежнему представленію еще слѣдующую прибавку.

„Разсматривая я представленіе мое отъ 24 февраля настоящаго года на имя Вашего высокопревосходительства относительно устава университета св. Владиміра я нашелъ нужнымъ прибавить слѣдующіе параграфы:

1) § 46 и 47 — о раздѣленіи университетскаго преподаванія на полугодичные курсы;

2) § 59 — о допущеніи къ экзаменамъ на степень кандидата, магистра и доктора;

3) § 76 — о приготовленіи нѣкоторыхъ изъ числа казеннокоштныхъ студентовъ въ гражданскіе чиновники по части правовѣдѣнія; но для этого нужно умножить число казеннокоштныхъ студентовъ;

4) § 74 — объ избраніи инспектора студентовъ изъ стороннихъ чиновниковъ. Каковыя предположенія мои честь имѣю предать благоусмотрѣнію Вашего высокопревосходительства" [1].

Но при Ю. А. Головкинѣ, въ 1835 году, гр. А. Н. Панину было запрещено дѣлать свои представленія помимо попечителя непосредственно министру: уже самый указъ объ этомъ свидѣтельствуетъ, что при Филатьевѣ А. Н. Панинъ это дѣлалъ.

Преемникомъ Филатьева на попечительскомъ посту былъ знатный вельможа и заслуженный государственный дѣятель *гр. Юрій Александровичъ Головкинъ*, занимавшій эту должность съ 4 марта 1834 по 1846 годъ включительно. Родился Ю. А. Головкинъ въ 1771 году, въ службу вступилъ прапорщикомъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка въ 1782 году (т. е. 11 лѣтъ отъ роду), въ 1784 году пожалованъ въ камеръ-юнкеры, въ 1792 г. — въ дѣйствительные камергеры и тайные совѣтники, въ въ 1797 г. — въ сенаторы, въ 1799 г. — въ оберъ-церемоніймейстеры, въ 1800 г. — въ президенты коммерцъ-коллегіи, въ 1804 г. — въ дѣйствительные тайные совѣтники, въ 1805 году былъ назначенъ чрезвычайнымъ и полномочнымъ посломъ въ Китай, въ 1807 г. уволенъ отъ должности президента и велѣно было ему находиться при коллегіи иностранныхъ дѣлъ до назначенія на должность и отправиться для излѣченія болѣзни заграницу; въ 1813 году давались ему особыя Высочайшія порученія, въ 1814 году былъ назначенъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ при Виртембергскомъ дворѣ, въ 1818 — исправляющимъ должность, а затѣмъ посломъ и полномочнымъ

---

[1]) Архивъ Мин. Нар. Просв. Дѣло № 52918/1804.

министромъ при Вѣнскомъ дворѣ, въ 1820 г.—по Высочайшему указу уволенъ отъ должности оберъ-церемоніймейстера съ оставленіемъ орденскихъ знаковъ, этому званію присвоенныхъ, въ 1822 г. уволенъ отъ должности посланника при Вѣнскомъ дворѣ, въ 1831 г. получилъ званіе оберъ-камергера Высочайшаго двора, въ 1832 году — должность члена государственнаго совѣта по департаменту законовъ; въ моментъ назначенія на должность попечителя ему было 63 года; онъ былъ вдовъ, имѣлъ дочь въ замужествѣ за гр. А. Н. Салтыковымъ и былъ очень богатъ; у него были ордена Анны 1-й ст., Александра Невскаго, знакъ за безпорочную XXXV-ти лѣтнюю службу; въ 1834 г. онъ получилъ орденъ Андрея Первозваннаго.

Какъ мы видимъ, Ю. А. Головкину не было никакой надобности ѣхать на службу въ Харьковъ; ему было даже невыгодно мѣнять свое блестящее положеніе на роль попечителя въ провинціальномъ городѣ: онъ занималъ высшую придворную должность оберъ-камергера, высшую должность по государственной дѣятельности — члена государственнаго совѣта, имѣлъ высшій чинъ — д. тайнаго совѣтника и высшіе ордена, былъ страшно богатъ и одинокъ, наконецъ привыкъ вести роскошную и открытую жизнь высокопоставленнаго россійскаго посланника за границей. Представляется даже страннымъ и малопонятнымъ, почему онъ рѣшился поѣхать въ Харьковъ на такой постъ, который послѣ его предшествовавшей службы не былъ для него достаточно высокъ. Ю. А. Головкинъ сдѣлалъ это изъ самыхъ чистыхъ побужденій—изъ патріотическаго чувства, которое побуждало его закатъ своей жизни посвятить столь полезному для государства дѣлу, какъ народное просвѣщеніе, тому учрежденію (Харьковскому университету), которое хотѣлъ поднять Имп. Николай Павловичъ; принимая эту должность, Ю. А. Головкинъ дѣлалъ угодное и пріятное государю, который былъ къ нему дружески расположенъ и очень его любилъ. Увѣдомляя помощника попечителя гр. Александра Никитича Панина о назначеніи своемъ на новый постъ въ Харьковѣ, Ю. А. Головкинъ писалъ ему. „Предполагаю, что опредѣленіе мое попечителемъ Харьковскаго учебнаго округа уже извѣстно вашему сіятельству, но несмотря на то, считаю пріятною обязанностью сообщить вамъ объ этомъ, присовокупивъ, сколь мнѣ лестно имѣть васъ, милостивый государь, товарищемъ на этомъ новомъ для меня поприщѣ службы. Испрашивая у Его Императорскаго Величества о назначеніи меня попечителемъ, моя цѣль и единственное желаніе были посвятить всѣ силы и стараніе мое къ способствованію въ образованіи и приготовленіи сыновъ отечества, способныхъ жертвовать денія, который я предполагаю сдѣлать въ теченіе будущаго мая мѣсяца.

всѣми дарованіями своими въ пользу престола и отечества. Нынѣ съ таковыми намѣреніями вступая въ новую должность мою, надѣюсь найти такое же соревнованіе и подобное чувство во всѣхъ сословіяхъ общества Харьковскаго университета. Для достиженія предназначенной мною цѣли я охотно жертвую всѣмъ, дабы возвести это учебное заведеніе на высшую степень совершенства и отличія. Предметы же до сего касающіеся оставляю я для соображенія до личнаго моего осмотра учебнаго заве-До того же времени покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь мой, продолжать управленіе университетомъ на томъ же основаніи, какъ ввѣрено вамъ предмѣстникомъ моимъ, ограничиваясь при этомъ въ сношеніяхъ со мною только предметами, требующими моего разрѣшенія или посредства для представленія ихъ высшему начальству".

Тогда же онъ обратился къ ректору университета проф. В. Я. Кронебергу съ нижеслѣдующимъ характернымъ письмомъ. „Оканчивая поприще, предназначенное мнѣ Провидѣніемъ, я желалъ быть еще полезнымъ моему Государю и отечеству и для того испросилъ себѣ званіе попечителя Харьковскаго университета, дабы, съ помощію мужей просвѣщенныхъ и ученыхъ, сей университетъ составляющихъ, могъ я оставить по себѣ воспоминаніе грядущему потомству. Производившійся публичный экзаменъ меня совершенно убѣдилъ, что мои желанія и надежды современемъ сбудутся. Не давъ вамъ довольно времени приготовить студентовъ къ экзамену, мое намѣреніе было узнать ихъ настоящія познанія, кои, къ крайнему удовольствію моему, превзошли мои ожиданія, и труды гг. профессоровъ вполнѣ награждены успѣхами гг. студентовъ, за что, съ своей стороны, милостивый государь мой, покорнѣйше прошу васъ изъявить мою признательность тѣмъ гг. профессорамъ, по предметамъ коихъ я имѣлъ случай удостовѣриться въ успѣхахъ ихъ слушателей, присовокупивъ при томъ, что вмѣняю себѣ въ непремѣнную и пріятную обязанность отличать всегда заслуги и труды, а достойныхъ представить къ приличнымъ наградамъ. Что же касается до гг. студентовъ, окончившихъ курсъ, то отличные изъ нихъ, оставаясь всегда въ памяти моей, могутъ надѣяться и на новомъ ихъ поприщѣ службы *на продолженіе моего отеческаго о нихъ попеченія*. Пользуясь симъ случаемъ, милостивый государь мой, я и васъ прошу принять мою признательность за отличныя заслуги ваши и чувства истинной благодарности, съ коими имѣю честь пребыть покорнѣйшій слуга гр. Головкинъ".

Гр. Ю. А. Головкинъ на первыхъ порахъ очень серьезно занялся университетскими дѣлами и проявилъ тутъ и заботливость о нуждахъ университета, и истинное уваженіе къ профессорамъ, какъ дѣятелямъ науки, и чисто отеческое попеченіе объ учащихся; во всѣхъ его дѣй-

ствіяхъ и отношеніяхъ мы видимъ настоящій аристократизмъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова, выражавшійся въ благородствѣ мыслей, чувствъ, намѣреній и поступковъ, въ одинаково ровномъ, привѣтливо гуманномъ обращеніи со всѣми безъ исключенія подчиненными, ничѣмъ не отличавшемся отъ обращенія съ высшими представителями мѣстнаго общества; объ этомъ свидѣтельствуютъ современники. Ю. А. Головкинъ выступилъ передъ министерствомъ съ обширнымъ проектомъ, который былъ выработанъ имъ *сообща* со всѣми членами факультетовъ; — въ этомъ его существенное отличіе отъ реформъ, попытокъ и затѣй прежнихъ попечителей; быть можетъ, многое и въ немъ было не совсѣмъ удачно или спорно, но во всякомъ случаѣ Ю. А. Головкинъ избралъ единственно вѣрный путь для достиженія намѣченной цѣли — улучшенія университета во всѣхъ отношеніяхъ: привлеченіе къ обсужденію этихъ вопросовъ наиболѣе свѣдущихъ и заинтересованныхъ въ нихъ лицъ — профессоровъ университета; общеніе между попечителемъ и университетскими дѣятелями, облеченное въ правильную форму, было полезно для дѣла, потому что уничтожало возможность частныхъ инспирацій и вліяній, которыя представляли столь обычное явленіе при Карнѣевыхъ, Перовскомъ и Филатьевѣ и которыя никогда не могутъ служить прочною гарантіей общественнаго блага хотя бы уже потому, что не подвергаются гласному обсужденію и всесторонней критикѣ, и авторы ихъ не принимаютъ на себя никакой нравственной отвѣтственности за ихъ послѣдствія.

Вотъ записка Ю. А. Головкина, рисующая состояніе, въ которомъ онъ нашелъ Харьковскій университетъ, и мѣры для его усовершенствованія. „Шести-недѣльное пребываніе мое въ Харьковѣ подаетъ мнѣ возможность представить Вашему Превосходительству нынѣшнее положеніе университета, ввѣреннаго попеченію моему. Сначала я покажу настоящее состояніе сего заведенія, а потомъ его нужды и вмѣстѣ съ тѣмъ и способы, необходимые къ его улучшенію. Дабы короче ознакомиться съ настоящимъ состояніемъ образованія въ этомъ университетѣ и удобнѣе узнать разныя надобности его, я предпринялъ два способа, доселѣ не бывшіе въ употребленіи въ этомъ университетѣ, а именно: предписалъ сдѣлать публичное испытаніе студентамъ и завелъ у себя частныя засѣданія каждаго факультета отдѣльно. Хотя я знаю, что публичныя испытанія суть не что иное, какъ дѣйствіе памяти по заданнымъ предметамъ, но они имѣютъ большую выгоду тѣмъ, что удовлетворяютъ родителей, поселяютъ въ нихъ болѣе довѣренности къ заведенію, занимаютъ публику, а особливо развиваютъ способности молодыхъ людей и даютъ нѣкоторую прилич-

ную смѣлость въ изъясненіи своихъ знаній. При семъ честь имѣю присовокупить (подъ лит. А) предложеніе, данное г. ректору по окончаніи экзаменовъ, изъ котораго Ваше Превосходительство изволите увидѣть всю искренность моихъ чувствъ и намѣреній. Частныя же засѣданія факультетовъ имѣли самыя благодѣтельныя послѣдствія, ибо посредствомъ ихъ я получилъ полныя и подробныя свѣдѣнія: а) какія науки входятъ въ составъ каждаго изъ 4-хъ отдѣленій университета; b) раздѣленіе наукъ по факультетамъ на главныя и вспомогательныя, что весьма полезно для учащагося, который чрезъ то будетъ обращать болѣе вниманія на главные предметы своего отдѣленія и ими въ особенности заниматься, не обременяя себя вспомогательными предметами, коихъ чрезвычайно много. Всѣхъ предметовъ вообще преподается по этико-политическому отдѣленію 16-ть, по физико-математическому — 16-ть, по медицинскому — 29-ть, по словесному — 20-ть. Изъ этого слѣдуетъ, что каждый изъ студентовъ долженъ пройти отъ 16 до 29 курсовъ разныхъ наукъ, а на то имѣетъ ежегодно времени, за исключеніемъ вакацій и праздниковъ, менѣе 200 дней; с) точныя свѣдѣнія о числѣ каѳедръ вообще, о каѳедрахъ вакантныхъ, изъ коихъ одни надлежитъ замѣстить, а другія вовсе уничтожить и вмѣсто нихъ учредить другія. По сему предмету (подъ лит. Б.) прилагается особенная записка.

Эти же засѣданія равномѣрно доставили мнѣ случай лично познакомиться съ дарованіями, способностями и ученостію каждаго изъ господъ профессоровъ. Разсужденія господъ профессоровъ во время этихъ засѣданій были весьма занимательны и разнообразны; но окончились общимъ согласіемъ, и вслѣдствіе того прилагаются при этомъ таблицы (подъ лит. В) — однѣ, какъ на текущій годъ будутъ распредѣлены курсы, а другія, какъ расположить надлежитъ на будущее время.

Вообще экзаменъ и эти засѣданія доставляютъ мнѣ пріятный случай отдать полную справедливость гг. профессорамъ, изъ коихъ большая часть какъ по своимъ познаніямъ, такъ и трудамъ и способностямъ, въ исполненіи въ точности своихъ обязанностей заслуживаютъ особенную похвалу, признательность и поощреніе. Между ординарными профессорами многіе пользуются отличнымъ уваженіемъ; адъюнкты же, кои почти всѣ воспитанники этого университета, подаютъ блистательнѣйшія надежды, и я совершенно увѣренъ, что это ученое сословіе ни мало не уступаетъ во всѣхъ частяхъ никому другому изъ нашихъ россійскихъ университетовъ. Совершенному же развитію учености на-

шихъ профессоровъ препятствуютъ постороннія должности по управленію и экономіи университета, кои совершенно отрываютъ отъ настоящей ихъ цѣли и заставляютъ терять драгоцѣнное время, которое они должны бы употреблять единственно для своихъ ученыхъ трудовъ и обученія юношества.

Во время пребыванія моего въ Харьковѣ университетъ лишился трехъ преподавателей — гг. Чанова, Экеблата и Гренберга, но потеря эта не заслуживаетъ особеннаго вниманія. По собраннымъ мною свѣдѣніямъ о студентахъ этого университета, а равно и по личному наблюденію, мнѣ пріятно засвидѣтельствовать, что они ведутъ себя скромно, похвально и прилично ихъ званію, и что никогда не появлялся между ними ни малѣйшій признакъ непослушанія или дурныхъ правилъ. Новѣйшія броженія умовъ, оскверняющія въ другихъ мѣстахъ большею частію учебныя заведенія, совершенно неизвѣстны воспитанникамъ этого университета и даже не сообразны съ ихъ правилами. Желательно было бы видѣть въ нихъ болѣе дѣятельности, но это качество не составляетъ отличительнаго признака полуденныхъ жителей; впрочемъ, ежели бы они и болѣе имѣли дѣятельности, то система нынѣшняго обученія ее пріостановляла бы.

Нѣтъ сомнѣнія, что университетъ имѣетъ средства къ образованію; но они нынѣ не совершенно достаточны и, дабы возвратить ему прежнее его цвѣтущее состояніе, необходимо нужно сдѣлать многія измѣненія, распространенія и слѣдующія учрежденія, какъ по университету, такъ и вообще по всему учебному округу.

1. Совершенно отдѣлить часть ученую отъ хозяйственной и правительной такимъ образомъ, чтобы профессора занимались только науками, а хозяйственную часть и управленіе университетомъ поручить стороннимъ чиновникамъ. 2. Измѣнить порядокъ годичныхъ курсовъ, назначивъ преподаваніе по семестрамъ или полугодичнымъ курсамъ. 3. Завести педагогическій институтъ, уставомъ 1804 года положенный и 30 лѣтъ въ исполненіе не приведенный, потребность коего однако чрезвычайно ощутительна въ округѣ, управленію моему ввѣренномъ, ибо нынѣ 92 учительскихъ вакансій. Проектъ этому заведенію при семъ прилагаю (подъ лит. Г). 4. Умножить университетскую библіотеку, ибо она отстала отъ современныхъ двадцатью пятью годами; а въ теченіе этого времени явились отличнѣйшія сочиненія по всѣмъ частямъ человѣческихъ познаній. Что касается до Виленской и Варшавской библіотекъ, то, вѣроятно, онѣ перейдутъ въ Кіевъ; ибо, основываясь на точномъ смыслѣ предписанія, одни дубликаты должны поступить въ Харьковскую библіотеку и потому весьма немногихъ сочи-

ненiй ожидать должно для нея; для чего прилагаю списокъ книгъ (подъ лит. Д), необходимыхъ для библiотеки, на покупку коихъ, по мнѣнiю совѣта Харьковскаго университета, употребить можно до 3000 руб. изъ суммъ, пожертвованныхъ на университетъ какъ дворянствомъ, такъ городами и купечествомъ Слободско-Украинской губернiи, кои никакого опредѣленнаго назначенiя не имѣютъ (этой суммы въ настоящее время имѣется 257850 руб. 55³/₄ коп.). 5. Увеличить клинику — заведенiе, необходимое какъ для учащихся, такъ и для страждущаго человѣчества, коей проектъ, планъ и смѣту буду имѣть честь въ скоромъ времени представить особо. 6. Ввести обученiе гимнастическими упражненiями, на каковой конецъ я избралъ двухъ гимназистовъ, по ихъ собственному желанiю, для обученiя ихъ здѣсь въ столицѣ гимнастикѣ у профессора Паули, на что и прошу разрѣшенiя вашего превосходительства и опредѣленiя на то по прилагаемому при семъ условiю (подъ лит. Е) суммы на содержанiе и обученiе сказанныхъ двухъ гимназистовъ. 7. Завести литографiю, которая необходима при университетѣ, для чего и прошу изъ экономической суммы дозволить употребить до 1200 р. по прилагаемой при семъ (подъ лит. Ж) смѣтѣ на это заведенiе, положивъ ежегоднаго жалованья литографу по 800 руб. въ годъ. 8. Употребить всевозможное старанiе къ заведенiю гимназическихъ пансiоновъ, польза коихъ будетъ весьма ощутительна, ибо нынѣ не охотно помѣщаютъ родители своихъ дѣтей въ гимназiи по той причинѣ, что они получаютъ тамъ только одно умственное образованiе, но, не живя въ гимназiяхъ, не могутъ пользоваться религiознымъ, моральнымъ и политическимъ образованiемъ.—Строенiе Харьковской гимназiи весьма ветхое и негодное; а потому по этому предмету будетъ мною сдѣлано представленiе совершенно отдѣльно. 9. На основанiи § 18 устава гимназiй и училищъ уѣздныхъ и приходскихъ 8 декабря 1828 года, нужно стараться вводить въ приходскихъ училищахъ способъ взаимнаго обученiя, или Ланкастера. Признавая его весьма полезнымъ, я предъ отъѣздомъ моимъ изъ Харькова предложилъ почетнымъ смотрителямъ изыскать мѣры къ приведенiю въ дѣйствiе означеннаго параграфа устава, и, къ крайнему удовольствiю моему, получилъ уже нынѣ отъ нѣкоторыхъ почетныхъ смотрителей согласiе на заведенiе класса взаимнаго обученiя на собственный свой счетъ. Именной списокъ этимъ почетнымъ смотрителямъ (подъ лит. З) честь имѣю представить. 10. Со введенiемъ въ уѣздныхъ училищахъ устава 1828 г., въ нихъ прекращено преподаванiе языковъ—латинскаго и нѣмецкаго, между тѣмъ какъ по тому же уставу преподаванiе этихъ языковъ въ гимназiи начинается съ 1-го класса, а поэтому дѣти, съ отличнымъ

успѣхомъ окончившіе ученіе въ уѣздныхъ училищахъ, при опредѣленіи ихъ въ гимназію, могутъ быть приняты не иначе какъ въ 1 классъ, невзирая на то, что по свѣдѣніямъ въ тѣхъ наукахъ, коимъ учились въ уѣздныхъ училищахъ, могли бы поступать по крайней мѣрѣ въ 3 классъ. Вслѣдствіе этого дѣти эти перестали поступать въ гимназіи, а такъ какъ чрезъ это съ одной стороны гимназія лишается учениковъ, которые впослѣдствіи могли бы сдѣлаться украшеніемъ ея, а съ другой—гражданская и военная служба наполняется молодыми людьми, не пріобрѣтшими даже самыхъ необходимыхъ свѣдѣній, то по всѣмъ этимъ причинамъ я полагаю, что полезно было бы въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ училищахъ, въ которыхъ обучаются болѣе дѣти однихъ дворянъ и служащихъ чиновниковъ, преподаваніе языковъ: латинскаго и нѣмецкаго, назвавъ это заведеніе дворянскими уѣздными училищами, подобно тому, какъ названы нѣкоторыя училища Бѣлорусскаго округа; что же касается до пріисканія учителей, то въ этомъ, вѣроятно, не встрѣтится затрудненія, ибо во всякой дирекціи можно между чиновниками уѣздныхъ училищъ найти такихъ, которые достаточно знаютъ упомянутые языки, для преподаванія ихъ въ уѣздныхъ училищахъ.

Представивъ, такимъ образомъ, вашему превосходительству учебную часть Императорскаго Харьковскаго университета, я обращаюсь къ экономической и строительной. Причемъ честь имѣю представить краткую вѣдомость (подъ лит. И) о состояніи этого университета и его учебнаго округа съ присовокупленіемъ сравнительной таблицы числа учащихся съ народонаселеніемъ губерній, въ составъ Харьковскаго учебнаго округа входящихъ. Сверхъ того честь имѣю довести до свѣдѣнія вашего превосходительства: 1) что вслѣдствіе отношенія вашего, милостивый государь, отъ 4 апрѣля настоящаго года о перестройкѣ оранжерей Харьковскаго университета (на что смѣта сдѣлана въ 14083 руб. 20 коп.), я по личному осмотру нашелъ дѣло это еще терпящимъ отлагательство. 2) Вслѣдствіе отношенія вашего превосходительства отъ 7 апрѣля, о передѣлкѣ галлереи на типографію (по смѣтѣ въ 7591 руб. 57 коп.) и предположенной предмѣстникомъ моимъ типографіи въ домѣ близъ университетскаго сада на квартиру профессора ботаники, по представленію помощника моего, я также по личному осмотру нашелъ неудобнымъ. 3. Равномѣрно считаю излишнимъ постройку новаго дома для садовниковъ по предположенію предмѣстника моего (по смѣтѣ въ 4058 руб. 18 коп.). 4) Также и построеніе кирпичной рѣшетки около ботаническаго сада (по смѣтѣ въ 3370 руб. 90 коп.) по непрочности такой работы считаю безполезнымъ. 5) Полагаю даже повреме-

вить самою постройкою обсерваторіи (по смѣтѣ въ 14597 руб. 29 к.). Вмѣсто же этихъ построекъ полагаю приступить первоначально:

1. Къ передѣлкѣ нижняго этажа главнаго корпуса (гдѣ находятся присутствія и канцеляріи университета и прежняя библіотека), внутри весьма обветшалаго и испорченнаго, на присутствія же и канцеляріи университета въ новомъ видѣ — чему смѣта въ 2489 руб. 6¼ коп. и планъ при семъ прилагается (подъ лит. К). 2. Устроить канцелярію мою, завести шкапы и приличную мебель въ ней: смѣту въ 645 руб. честь имѣю представить при семъ (подъ лит. Л). 3. Поставить печи, сдѣлать зимнія рамы и смазать потолокъ въ новой библіотечной залѣ. Смѣта въ 2068 руб. 50 коп. при семъ прилагается (подъ лит. М.). 4. Построить деревянный заборъ около ботаническаго сада; ибо прежній обветшалъ и обрушился. Смѣта въ 1834 руб. 90 коп. при семъ прилагается (подъ лит. Н.)). 5. Выстроенный за университескимъ садомъ каменный домъ, по предположенію предмѣстника моего, для типографіи, какъ неудобный, по мнѣнію моему, для нея, по отдаленности его отъ университета, употребить для жилья директора сада, садовниковъ и квартиры астронома-наблюдателя, ибо въ томъ же мѣстѣ со временемъ можно устроить обсерваторію. 6. Типографію оставить въ томъ же мѣстѣ, гдѣ она нынѣ находится, ибо, по перемѣнѣ клиники по предположенію моему, типографію можно распространить въ томъ же домѣ, такъ какъ она нынѣ занимаетъ одно съ клиникою строеніе. 7. Собранныя мною свѣдѣнія касательно нуждъ всѣхъ училищъ Харьковскаго округа, какъ въ отношеніи училищныхъ строеній, такъ и учебныхъ пособій, вмѣстѣ со свѣдѣніями о суммахъ, имѣющихся для исправленія ихъ, честь имѣю при семъ (подъ лит. О.) представить въ общей таблицѣ.

Засимъ для скорѣйшаго исполненія означенныхъ предположеній моихъ остается мнѣ ожидать на то разрѣшеній вашего превосходительства, а между тѣмъ, въ заключеніе сего отчета, я долженъ отдать полную справедливость трудамъ и стараніямъ помощника моего графа Панина, который, съ особенною ревностію и успѣхомъ, посвятивъ себя учебной части, стремится со всѣми пожертвованіями съ своей стороны къ улучшенію и приведенію учебныхъ заведеній въ порядокъ и благоустройство, дабы посредствомъ ихъ доставить вѣрныхъ слугъ престолу и отечеству". [1]).

---

[1]) Архивъ Мин. Нар. Просв. Дѣло 53141/1898; ср. также Харьк. унив. архивъ. Дѣло Поп. № 2095/137.

Предлагавшіяся попечителемъ мѣры основывались на отзывахъ и заключеніяхъ факультетовъ, какъ въ этомъ можно убѣдиться изъ другой его записки, которую приводимъ цѣликомъ. „Изъ засѣданій факультетовъ открылось: 1) *по политическому отдѣленію* совершенный недостатокъ въ преподавателяхъ, а именно: изъ 7-ми ординарныхъ профессоровъ, по уставу положенныхъ, находится только одинъ профессоръ богословія, а всѣ прочія каѳедры или вакантны, или занимаются только двумя адъюнктами и однимъ экстраординарнымъ профессоромъ; 2) *по математическому факультету* многочисленность преподаваемыхъ предметовъ слишкомъ обременительна для учащихся, а потому многіе изъ нихъ не рѣшаются избирать этого факультета, а сверхъ того весьма ощутителенъ недостатокъ въ преподавателяхъ— a) начертательной геометріи, b) архитектуры, c) сельскаго домоводства и d) технологіи; 3) *по медицинскому факультету*: каѳедра анатоміи, физіологіи и судебной врачебной науки оказалась, по нынѣшнему состоянію медицины, столь обширною, что одинъ профессоръ съ адъюнктомъ никакъ не можетъ преподавать этихъ предметовъ съ надлежащею полнотою и успѣхомъ въ назначенный срокъ, а каѳедра скотолѣченія оказалась почти излишнею по той причинѣ, что по этой части имѣется въ государствѣ и вновь учреждаются особыя заведенія для ветеринаровъ; необходимое же человѣческому врачу изъ этой науки можетъ излагаться въ другихъ частяхъ медицины; 4) *по отдѣленію словесныхъ наукъ* недостатокъ профессоровъ: a) краснорѣчія, стихотворства и русскаго языка, b) всемірной исторіи, статистики и географіи и c) лектуры нѣмецкаго языка.

Слѣдовательно, изъ положенныхъ по уставу 28-ми ординарныхъ профессоровъ недостаетъ двѣнадцати и одного лектора, а по этой причинѣ полагать должно, что остальные, будучи слишкомъ обременяемы занятіями по части экономической и другими должностями по университету, не могутъ посвятить себя съ надлежащимъ успѣхомъ своимъ ученымъ трудамъ.

По внимательномъ разсмотрѣніи журналовъ вышеизложенныхъ засѣданій факультетовъ, я нахожу за необходимое исправить означенные въ нихъ недостатки въ непродолжительномъ времени, ибо отъ нихъ увеличиваются безпорядки, вкореняются злоупотребленія и постепенно труднѣе будетъ ввести благоустроенный порядокъ; а потому надлежитъ: 1) по политическому отдѣленію замѣстить вакантныя каѳедры хорошими и достойными ординарными профессорами — a) правъ гражданскаго и уголовнаго судопроизводства въ Россійской имперіи; b) правъ знатнѣйшихъ, какъ древнихъ, такъ и нынѣшнихъ народовъ и c) фило-

софіи, уничтоживъ вовсе каѳедры толкованія священнаго писанія и церковной исторіи, ибо достаточно одной каѳедры богословія догматическаго и нравоучительнаго, преподаватель котораго вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ толковать священное писаніе и церковную исторію. При томъ эта каѳедра не должна принадлежать спеціально этому отдѣленію, а быть общею для всѣхъ отдѣленій и 2) упразднивъ каѳедру правъ—естественнаго, политическаго и народнаго, вмѣсто того назначить особаго преподавателя для этого отдѣленія по исторіи послѣднихъ трехъ столѣтій. Сверхъ сего, факультетомъ признано за полезное студентамъ этого отдѣленія преподавать сельское домоводство, технологію и науки, относящіяся къ торговлѣ и фабрикамъ, ибо студенты нерѣдко поступаютъ на службу по министерству финансовъ, гдѣ знаніе этихъ предметовъ чрезвычайно полезно. Въ особенности признаю полезнымъ занимать студентовъ этого отдѣленія упражненіями въ судопроизводствѣ, для чего необходимо имѣть дозволеніе гражданскаго начальства брать изъ архивовъ присутственныхъ мѣстъ рѣшенныя дѣла для практическаго упражненія въ судопроизводствѣ и сверхъ того просить правительствующій сенатъ о присылкѣ имъ въ университетъ частныхъ записокъ по дѣламъ и всѣхъ вновь выходящихъ указовъ и постановленій. Для этого назначить каѳедру практическаго упражненія въ судопроизводствѣ вмѣсто каѳедры толкованія священнаго писанія. Отсюда слѣдуетъ, что надлежитъ упразднить двѣ каѳедры, по уставу назначенныя, и замѣнить ихъ каѳедрами практическаго судопроизводства и исторіи послѣднихъ трехъ столѣтій. Если сдѣлано будетъ это преобразованіе (никакого впрочемъ денежнаго вспомоществованія не требующее), то въ короткое время данное отдѣленіе достигнетъ совершенно цвѣтущаго состоянія и, молодые люди, кончающіе его курсъ, окажутся отличными чиновниками по всѣмъ министерствамъ.

2) Что касается до *математическаго факультета*, то мною уже сдѣлано изъ Харькова представленіе вашему превосходительству о раздѣленіи его на два отдѣленія: на чистое математическое и естественное;—сверхъ сего, слѣдуетъ замѣстить двѣ каѳедры хорошими преподавателями — а) сельскаго домоводства и b) технологіи, ибо онѣ должны принадлежать двумъ отдѣленіямъ — естественному и политическому; сверхъ того, необходимо назначить для начертательной геометріи и архитектуры двухъ адъюнктовъ.

3, *По медицинскому факультету*. Наука врачебная нынѣ столь распространилась и усовершенствовалась и число учащихся медицинѣ столь увеличилось и ежегодно увеличивается, что его непремѣнно слѣдуетъ распространить, а число преподавателей умножить. Въ концѣ

этой записки я представляю мнѣніе факультета и сверхъ того особое замѣчаніе декана его, доктора Блюменталя, съ коимъ я вполнѣ согласенъ, ибо, по замѣчанію его, достаточно и 4-хъ лѣтъ для полнаго курса медицины и прибавки двухъ преподавателей, а по мнѣнію факультета потребны 6 лѣтъ, 4 ординарныхъ профессора, 2 адъюнкта и 1 ветеринарный прозекторъ. По мнѣнію Блюменталя, надлежитъ только каѳедру анатоміи, физіологіи и судебной врачебной науки раздѣлить по обширности ея на 3 каѳедры, а именно — на каѳедры: a) общей анатоміи, патологической, сравнительной и описательной; b) физіологіи, психіатріи, гигіены и c) судебной медицинской полиціи и исторіи медицины, оставя прочія, какъ онѣ теперь находятся; они даже считаютъ излишнею каѳедру скотолѣченія. На прибавленіе же этихъ двухъ каѳедръ не нужно особой суммы и тѣмъ легче сдѣлать это преобразованіе, что каѳедра военныхъ наукъ упразднена, а каѳедру скотолѣченія можно упразднить и вмѣсто нихъ учредить каѳедры физіологіи и судебной медицины.

4. *По отдѣленію словесныхъ наукъ.* Назначить хорошихъ и достойныхъ профессоровъ: a) краснорѣчія, стихотворства и русскаго языка, b) всемірной исторіи, статистики и географіи и c) лектора нѣмецкаго языка.

5. По уставу положено три учителя пріятныхъ искусствъ и гимнастическихъ упражненій, считая въ томъ числѣ учителей рисованія и музыки; я же признаю нужнымъ прибавить еще двухъ учителей, а именно — фехтованія и верховой ѣзды, съ жалованьемъ каждому по 800 руб. въ годъ изъ суммы 2,500 руб., назначенной по уставу для каѳедры естественнаго права“ [1]).

---

[1]) А вотъ подлинныя мнѣнія факультетовъ. Медицинскій факультетъ составилъ слѣдующую записку. „Его Величество Государь Императоръ, во время пребыванія своего въ Харьковѣ 12 сентября 1832 года, соизволилъ изъявить желаніе, чтобы обучающіеся врачебной наукѣ были раздѣлены на ветеринаровъ, хирурговъ и медиковъ и чтобы хирурги оканчивали свое ученіе въ три года. Это Высочайшее намѣреніе было объявлено словесно бывшимъ попечителемъ Филатьевымъ ректору университета съ тѣмъ, чтобы медицинскій факультетъ этого университета составилъ проэктъ объ ученіи хирурговъ и медиковъ. Вслѣдствіе чего составленный медицинскимъ факультетомъ проектъ и былъ представленъ ему, господину Филатьеву. Проектъ этотъ состоитъ въ томъ, что для пріобрѣтенія нужныхъ познаній врачу, при постепенномъ и послѣдованномъ улучшеніи и распространеніи медицины, какъ науки и искусства, потребно значительное время, которое сократить безъ существеннаго вреда невозможно. Ибо чѣмъ обширнѣе и основательнѣе свѣдѣнія врача, чѣмъ дороже для него вручаемая его попеченіямъ и искусству жизнь и тѣмъ лично полезнѣе онъ для государства. А потому медицинскій факультетъ считаетъ необходимымъ продлить курсъ уче-

Мы не будемъ входить здѣсь въ спеціальное разсмотрѣніе и обсужденіе этихъ мѣръ, имѣвшихъ своею задачей упорядочить и улучшить дѣло преподаванія. Отмѣтимъ только одно важное обстоятельство—факультеты оказались на столько независимы, что высказали взглядъ, діаметрально расходившійся съ предложеніемъ учебнаго начальства: въ то время, какъ бывшій попечитель округа Филатьевъ, послѣ посѣщенія университета Государемъ, поставилъ вопросъ о сокращеніи универси-

---

нія медицины до 6-ти лѣтъ. При этомъ прилагается росписаніе предметовъ, какіе въ продолженіе 6 лѣтъ факультетъ предназначаетъ для прослушанія студентамъ медицины, дабы они могли, получивъ званіе врача, быть дѣйствительно полезны отечеству. Но при таковомъ распоряженіи необходимо увеличить число преподавателей. Хотя, по уставу Харьковскаго университета, въ медицинскомъ факультетѣ положено только шесть ординарныхъ профессоровъ, но такъ какъ послѣдующими постановленіями медицинскіе факультеты при университетахъ относительно учебной части уравнены съ медико-хирургическою академіею—заведеніемъ, предназначеннымъ единственно для образованія медицинскихъ чиновниковъ, а между тѣмъ молодые люди, вступающіе въ этотъ университетъ, оказываютъ особенную склонность къ медицинѣ, что доказывается сравнительно большимъ числомъ студентовъ въ здѣшнемъ медицинскомъ факультетѣ, то факультетъ полагаетъ необходимымъ умножить и средства для удобнѣйшаго достиженія благотворной цѣли—образованія лучшихъ, а слѣдовательно и полезнѣйшихъ медицинскихъ чиновниковъ. Однимъ изъ главнѣйшихъ и вѣрнѣйшихъ средствъ къ достиженію упомянутой цѣли медицинскій факультетъ считаетъ умноженіе числа достойныхъ публичныхъ наставниковъ, дабы каждый изъ нихъ могъ не только вполнѣ и безъ обремененія изложить свой предметъ въ теченіе назначеннаго срока, но имѣлъ бы достаточное время для возможнаго совершенствованія въ наукѣ, которой изученію и преподаванію посвятилъ себя. При существующемъ нынѣ по уставу числѣ профессоровъ медицинскаго факультета, нѣкоторые изъ нихъ находятся въ совершенной невозможности изложить своимъ слушателямъ, въ продолженіе года, назначенные для преподаванія предметы, соотвѣтственно нынѣшнему состоянію медицины. По мнѣнію медицинскаго факультета, достаточно будетъ къ шести ординарнымъ профессорамъ, по уставу назначеннымъ, прибавить еще четырехъ ординарныхъ профессоровъ, двухъ адъюнктовъ и одного ветеринарнаго прозектора, какъ то видно изъ нижеписаннаго росписанія. Такое умноженіе числа преподавателей факультетъ находитъ весьма нужнымъ, а при томъ и возможнымъ по силѣ § 23 университетскаго устава. Медицинскій факультетъ считаетъ нужнымъ распространить медицинскій курсъ на шесть лѣтъ и распредѣлить предметы такимъ образомъ:

1-й годъ: богословіе, логика, психологія, ботаника, зоологія.

2-й годъ: физика, химія, медицинская пропедевтика, описательная анатомія (1-я часть).

3-й годъ: описательная анатомія (2-я часть), общая анатомія, патологическая анатомія, органическая система, общая и частная физіологія, гигіена, общая патологія, практическая анатомія, фармація.

Слѣдуетъ полулѣкарскій экзаменъ.

4-й годъ: общая терапія и частная патологія (1-я часть), фармакологія и рецептура, патологія, частная анатомія, клиническая медицина, хирургія (1-я часть), практическая анатомія.

тетскаго курса, факультеты наоборотъ предложили его расширить и превратить трехлѣтній въ четырехлѣтній, а на медицинскомъ факультетѣ даже въ шестилѣтній. Необходимость такого расширенія вызывалась ростомъ и дифференціаціей наукъ и самое расширеніе (правда въ нѣсколько меньшемъ размѣрѣ) было введено впослѣдствіи, существуетъ и въ настоящее время. Такимъ образомъ, факультеты въ данномъ случаѣ, говоря вообще, исходили изъ правильныхъ соображеній. Инымъ харак-

---

5-й годъ: частная патологія (2-я часть) и психическія болѣзни—клиника, хирургія (2-я часть)—клиника, акушерство съ женскими и дѣтскими болѣзнями—клиника, медицинская полиція, токсикологія и медицинскій статутъ, судебная медицина съ практикою, практическая анатомія.

6-й годъ: исторія медицины, оперативная хирургія, клиническая практика, сравнительная медицина, анатомико-физіологико-патологическія демонстраціи.

Изъ вышеописанныхъ предметовъ составить слѣдующія каѳедры:

1-я каѳедра—анатоміи; предметы этой каѳедры—описательная и общая анатомія вполнѣ и общая патологическая анатомія.

2-я каѳедра—физіологіи; предметы этой каѳедры—физіологія общая и частная и гигіена.

3-я каѳедра—патологіи и терапіи; предметы этой каѳедры—общая и частная патологія; общая и частная терапія и клиника.

4-я каѳедра—фармакологіи; предметы этой каѳедры—фармакологія, фармація и рецептура.

5-я каѳедра—исторіи; предметы этой каѳедры—исторія медицины, пропедевтика и литература.

6-я каѳедра—патологической анатоміи; предметы этой каѳедры—патологическая анатомія, частная и судебная медицина съ практикою.

7-я каѳедра—хирургіи; предметы этой каѳедры—хирургія, теоретическая и практическая.

8-я каѳедра—акушерства; предметы этой каѳедры—акушерство, женскія и дѣтскія болѣзни и клиника.

9-я каѳедра—медицинской полиціи; предметы этой каѳедры—медицинская полиція, токсикологія и медицинскій статутъ.

10-я каѳедра—сравнительной медицины; предметы этой каѳедры—сравнительная анатомія, физіологія, патологія и терапія.

Преподаватели:

По каѳедрѣ 1-й нужны—ординарный профессоръ, адъюнктъ и прозекторъ.
„ 2-й нуженъ одинъ ординарный профессоръ.
„ 3-й нужны—ординарный профессоръ и адъюнктъ.
„ 4-й нужны—ординарный профессоръ и адъюнктъ.
„ 5-й нуженъ одинъ ординарный профессоръ.
„ 6-й нуженъ одинъ ординарный профессоръ.
„ 7-й нужны—ординарный профессоръ и адъюнктъ.
„ 8-й нуженъ одинъ ординарный профессоръ.
„ 9-й нуженъ одинъ ординарный профессоръ.
„ 10-й нужны—ординарный профессоръ, адъюнктъ и прозекторъ.

теромъ отличаются соображенія попечителя объ уничтоженіи нѣкоторыхъ предметовъ факультетскаго преподаванія и замѣнѣ ихъ новыми чисто утилитарными — съ ними едва-ли можно согласиться, ибо они идутъ въ разрѣзъ съ тѣми общеобразовательными задачами, которыя ставятъ себѣ университеты и которыя ихъ отличаютъ отъ другихъ высшихъ спеціальныхъ школъ. Во всякомъ случаѣ, съ назначеніемъ новаго попечителя, въ Харьковскомъ университетѣ начинается пробуж-

---

Всего нужно имѣть:

Ординарныхъ профессоровъ 10
Адъюнктовъ 5
Прозекторовъ 2

А такъ какъ имѣется на лицо профессоровъ 3, адъюнктовъ 2, лекторовъ 2, прозекторъ 1, то слѣдуетъ прибавить:

Ординарныхъ профессоровъ 7

Въ виду имѣются гг. Бутковскій и Ганъ; — слѣдовательно, прибавить нужно только 5, а именно:

для каѳедры физіологіи 1
„ исторіи медицины 1
„ патологической анатоміи 1
„ медицинской полиціи и токсикологіи 1
„ сравнительной медицины 1

Относительно адъюнктовъ можно предложить:

для каѳедры фармакологіи . . . . Гордѣенка.
„ хирургіи . . . . Кригера.
„ сравнительной медицины . . . . Калениниченка.

Уже имѣются:

„ патологіи и терапіи . . . . . . Рейпольскій.
„ анатоміи . . . . Леоновъ.

По мнѣнію же декана сего факультета, достаточно прибавить двухъ только преподавателей.

II. Распредѣленіе лекцій, выработанное на будущее время этико-политическимъ отдѣленіемъ.

Предметы.	Потребности.
Науки главныя.	
Права знатнѣйшихъ древнихъ и новѣйшихъ народовъ, особенно же римскаго.	По этой каѳедрѣ нужны профессоръ и адъюнктъ.
Русскія права, съ правами частными губерній, состоящихъ на особомъ положеніи.	По этой каѳедрѣ есть только адъюнктъ; нужно опредѣлить еще профессора.
Политическая экономія и дипломатія.	По этой каѳедрѣ есть экстраординарный профессоръ.

деніе, начинаетъ чувствоваться пульсъ общественной жизни и самодѣятельности, совсѣмъ было замершій при прежнихъ попечителяхъ, съ ихъ исключительно бюрократическимъ и автократическимъ направленіемъ. Солидарно съ попечителемъ дѣйствовалъ также и его помощникъ гр. Александръ Никитичъ Панинъ, представившій министерству проектъ касательно измѣненія преподаванія на математическомъ фа-

---

Науки вспомогательныя.

Богословіе.

Логика и психологія. — Такъ какъ философія преподается не только на этомъ, но и на словесномъ и физико-математическомъ факультетахъ, то по предмету философіи нужны профессоръ и адъюнктъ.

Сельское домоводство, съ присоединеніемъ технологіи и коммерція. — Эта каѳедра состоитъ, по уставу, на физико-математическомъ факультетѣ; [illegible]-политическое отдѣленіе считаетъ полезнымъ имѣть особаго для своихъ студентовъ адъюнкта.

Исторія и статистика. — Потребенъ особый адъюнктъ.

Исторія римскаго права. — По этой части есть адъюнктъ.

III. По словесному факультету.

По *каѳедрѣ россійской словесности* — грамматика, реторика, піитика и исторія русской литературы.

По *каѳедрѣ греческаго языка и словесности* — грамматика, изъясненіе авторовъ, миѳологія, исторія греческой литературы, археологія искусствъ.

По *каѳедрѣ древностей и латинскаго языка* — древности знатнѣйшихъ древнихъ народовъ, исторія латинской литературы, изъясненіе авторовъ латинскихъ и филологическая энциклопедія.

По *каѳедрѣ всемірной исторіи, статистики и географіи всеобщей* — всемірная исторія, всеобщая географія и всеобщая статистика.

По *каѳедрѣ исторіи, статистики и географіи россійскаго государства* — древности русскія.

По *каѳедрѣ восточныхъ языковъ* — грамматика, чтеніе авторовъ восточныхъ и исторія ихъ литературы.

По *каѳедрѣ философіи* — логика, психологія, нравственная философія и исторія философіи.

Каѳедра энциклопедіи наукъ и всеобщей литературы.

Каѳедра эстетики и исторія изящныхъ искусствъ.

По *части французскаго языка* — грамматика, исторія словесности французской и практическія упражненія.

По *части нѣмецкаго языка* — грамматика и переводы.

По *части англійскаго языка* — грамматика и переводы.

Пріятныя искусства — музыка, рисованіе и танцованіе.

Гимнастическія упражненія — фехтованіе и верховая ѣзда.

культетѣ по плану профессора Перевощикова съ измѣненіями его, сдѣланными совѣтомъ университета.

„При младенческомъ состояніи, въ какомъ находятся нынѣ у насъ филологическія свѣдѣнія во всѣхъ почти учебныхъ заведеніяхъ, писалъ онъ, тамъ нельзя ожидать отъ учащихся значительныхъ успѣховъ въ языкахъ въ продолженіи нѣкотораго еще времени до прочнаго, по-

Какіе необходимы преподаватели.

По каѳедрѣ россійской словесности—ординарный профессоръ и адъюнктъ; древностей и латинскаго языка—ординарный профессоръ и адъюнктъ; всемірной исторіи и прочее - ординарный профессоръ и адъюнктъ; исторіи россійской и прочее—ординарный профессоръ и адъюнктъ; восточныхъ языковъ—ординарный профессоръ; философіи—ординарный профессоръ и адъюнктъ; энциклопедіи наукъ и прочее—ординарный профессоръ; эстетики и прочее—ординарный профессоръ.

По части французскаго языка—лекторъ; нѣмецкаго языка—лекторъ; англійскаго языка—лекторъ; пріятныхъ искусствъ — 3 учителя; гимнастическихъ упражненій — учитель.

Какіе преподаватели имѣются на лицо.

По предмету богословія—ординарный профессоръ; россійской словесности—адъюнктъ; греческаго языка и словесности—ординарный профессоръ; древностей и латинскаго языка—ординарный профессоръ; исторіи государства Россійскаго и проч.—ординарный профессоръ; восточныхъ языковъ—ординарный профессоръ; французскаго языка—лекторъ.

По какой части нужно прибавить преподавателей.

По каѳедрѣ россійской словесности—ординарнаго профессора; греческаго языка—адъюнкта; всеобщей исторіи и прочее—ординарнаго профессора и адъюнкта; исторіи Россійской и проч.—адъюнкта; философіи—ординарнаго профессора и адъюнкта; энциклопедіи наукъ и проч.—ординарнаго профессора; эстетики и проч.—ординарнаго профессора; нѣмецкаго языка—лектора; англійскаго языка—лектора.

По части гимнастическихъ упражненій—учителя.

Словесный факультетъ, сообразно предположенію, что курсъ наукъ для студентовъ Харьковскаго университета со временемъ будетъ четырехлѣтній, составилъ на будущее время раздѣленіе предметовъ, а именно.

Для студентовъ 1-го года: богословіе, грамматика россійскаго языка, греческая грамматика и изъясненіе авторовъ, исторія латинской литературы и изъясненіе авторовъ, всеобщая древняя исторія, исторія Россійскаго государства, логика и психологія, французскій языкъ, нѣмецкій языкъ.

Для студентовъ 2-го года: реторика, миѳологія и изъясненіе авторовъ, древности знатнѣйшихъ древнихъ народовъ съ изъясненіемъ авторовъ, всеобщая средняя исторія статистика и географія Россійскаго государства, нравственная философія, энциклопедія наукъ и всеобщей литературы, французскій языкъ, нѣмецкій языкъ.

Для студентовъ 3-го года: піитика, исторія греческой литературы и изъясненіе авторовъ, филологическая энциклопедія съ изъясненіемъ авторовъ, географія всеобщая,

деніе, начинаетъ чувствоваться пульсъ общественной жизни и самодѣятельности, совсѣмъ было замершій при прежнихъ попечителяхъ, съ ихъ исключительно бюрократическимъ и автократическимъ направленіемъ. Солидарно съ попечителемъ дѣйствовалъ также и его помощникъ гр. Александръ Никитичъ Панинъ, представившій министерству проектъ касательно измѣненія преподаванія на математическомъ фа-

---

Науки вспомогательныя.

Богословіе.

Логика и психологія.

Такъ какъ философія преподается не только на этомъ, но и на словесномъ и физико-математическомъ факультетахъ, то по предмету философіи нужны профессоръ и адъюнктъ.

Сельское домоводство, съ присоединеніемъ технологіи и коммерціи.

Эта каѳедра состоитъ, по уставу, на физико-математическомъ факультетѣ; физико-политическое отдѣленіе считаетъ полезнымъ имѣть особаго для своихъ студентовъ адъюнкта.

Исторія и статистика.

Потребенъ особый адъюнктъ.

Исторія римскаго права.

По этой части есть адъюнктъ.

III. По словесному факультету.

По *каѳедрѣ россійской словесности*—грамматика, реторика, піитика и исторія русской литературы.

По *каѳедрѣ греческаго языка и словесности*—грамматика, изъясненіе авторовъ, миѳологія, исторія греческой литературы, археологія искусствъ.

По *каѳедрѣ древностей и латинскаго языка*—древности знатнѣйшихъ древнихъ народовъ, исторія латинской литературы, изъясненіе авторовъ латинскихъ и филологическая энциклопедія.

По *каѳедрѣ всемірной исторіи, статистики и географіи всеобщей*—всемірная исторія, всеобщая географія и всеобщая статистика.

По *каѳедрѣ исторіи, статистики и географіи россійскаго государства*—древности русскія.

По *каѳедрѣ восточныхъ языковъ*—грамматика, чтеніе авторовъ восточныхъ и исторія ихъ литературы.

По *каѳедрѣ философіи*—логика, психологія, нравственная философія и исторія философіи.

Каѳедра энциклопедіи наукъ и всеобщей литературы.

Каѳедра эстетики и исторія изящныхъ искусствъ.

По *части французскаго языка*—грамматика, исторія словесности французской и практическія упражненія.

По *части нѣмецкаго языка*—грамматика и переводы.

По *части англійскаго языка*—грамматика и переводы.

Пріятныя искусства—музыка, рисованіе и танцованіе.

Гимнастическія упражненія—фехтованіе и верховая ѣзда.

корпуса путей сообщенія, по плану профессора Перевощикова, который при этомъ прилагаю. Нужды Россіи растутъ съ невѣроятною быстротою, и такъ при всѣхъ стараніяхъ правительства образовать механиковъ, землемѣровъ и надежныхъ архитекторовъ, мнѣ бы казалось небезполезнымъ приготовить таковыхъ и при здѣшнемъ университетѣ. Если ваше высокопревосходительство одобрите эту мысль мою, то я постараюсь ее представить въ полномъ развитіи на благоусмотрѣніе ваше; а между тѣмъ считаю достаточнымъ присовокупить къ моему донесенію краткій очеркъ соображенія Перевощикова по этому предмету.

I. Къ наукамъ физико-математическимъ принадлежатъ: a) чистая математика, b) механика тѣлъ твердыхъ, c) оптика, d) астрономія, e) физика, f) геодезія.

II. Студенты, вступающіе въ отдѣленіе математическое, должны знать: a) ариѳметику, b) геометрію, c) алгебру до уравненій 2-й степени включительно, d) тригонометрію прямолинейную, e) коническія сѣченія.

III. Ученіе должно быть расположено въ такомъ порядкѣ.

Первый годъ: a) теорія высшихъ уравненій, дифференціальное и интегральное исчисленіе, b) физика, c) сферическая тригонометрія и сферическая астрономія.

Второй годъ: a) высшая геометрія, теорія вѣроятностей и варіаціонное исчисленіе, b) продолженіе физики, c) статика и гидростатика, d) теорія планетъ и затменій, составленіе каталога звѣздъ, упражненія въ практическихъ вычисленіяхъ, геодезія.

Третій годъ: a) динамика и гидродинамика, оптика, b) важнѣйшія статьи изъ небесной механики, теорія кометъ.

IV. Каждый профессоръ долженъ учить три раза въ недѣлю по 2 часа, или по крайней мѣрѣ $1^1/_2$ часа.

V. Весьма полезно имѣть профессора гражданской архитектуры, которому должно поручить и преподаваніе начертательной геометріи.

VI. Для руководства въ преподаваніяхъ должны быть приняты сочиненія *Ейлера* и *Лагранжа* для высшихъ уравненій; *Коши* для дифференціальнаго и интегральнаго исчисленія и для высшей геометріи; *Лагранжа* для механики; руководство къ астрономіи изд. въ Москвѣ для астрономіи; руководство къ физикѣ, изд. въ Москвѣ для физики; *Понте-Кулона* для небесной механики; *Малюса* и *Гершеля* для оптики; *Пюиссана* для геодезіи; *Бурдона* для алгебры".

Совѣтъ университета далъ объ этомъ проектѣ Перевощикова такое заключеніе.

„По надлежащемъ разсмотрѣніи предположенія профессора Московскаго университета Перевощикова, также по соображеніи предметовъ преподаванія въ корпусѣ путей сообщенія и постановленій, касательно распредѣленія предметовъ преподаванія въ гимназіяхъ, находитъ онъ въ сказанномъ предположеніи Перевощикова слѣдующія неудобства:

I. По уставу учебныхъ заведеній, Высочайше утвержденному 8 декабря 1828 года, естественная исторія исключена изъ числа предметовъ гимназическаго ученія, отчего поступающіе изъ гимназій въ университетъ не въ состояніи будутъ вполнѣ понимать физической географіи, а потому совѣтъ считаетъ нужнымъ къ наукамъ собственно физикоматематическаго отдѣленія прибавить изъ естественной исторіи минералогію. Еще болѣе необходимо для всякаго студента физикоматематическаго отдѣленія знаніе химіи, безъ которой познанія ихъ въ физикѣ будутъ весьма неполны. Въ планѣ Перевощикова не помѣщены эти двѣ науки, равно какъ и рисовальное искусство.

II. Перевощиковъ предполагаетъ, чтобы каждый изъ поступающихъ въ студенты физикоматематическаго отдѣленія зналъ между прочимъ прямолинейную тригонометрію и коническія сѣченія. Но ученики тѣхъ гимназій, въ коихъ преподается греческій языкъ, не обучаются этимъ частямъ геометріи. Сверхъ того въ этихъ гимназіяхъ для преподаванія алгебры назначается только одинъ годъ по 6 часовъ въ недѣлю, въ продолженіе коего самый ревностный учитель не въ состояніи пройти всего того, что Перевощиковъ предполагаетъ требовать изъ алгебры отъ поступающихъ въ университетъ. По сему необходимо нужно сдѣлать нѣкоторыя измѣненія въ порядкѣ преподаванія предметовъ по плану Перевощикова, а именно: прямолинейную тригонометрію, коническія сѣченія и труднѣйшую часть алгебры должно проходить въ университетѣ.

III. Каждая наука теперь такъ обширна, что всего пройти невозможно; а потому при преподаваніи надобно преимущественно заботиться о томъ, чтобы окончившій ученіе въ университетѣ могъ читать и понимать все то, что въ училищахъ ему преподавать не могли за недостаткомъ времени. Основываясь на этомъ, можно оставить на произволъ преподавателя теорію вѣроятностей и выборъ статей изъ небесной механики, кромѣ тѣхъ, кои необходимо должны быть изложены въ теоретической астрономіи.

IV. Совѣтъ университета полагаетъ и легче и удобнѣе, какъ для преподающихъ, такъ и для слушателей, чтобы лекціи продолжались только по одному часу.

V. Совѣтъ университета, признавая весьма полезнымъ преподаваніе архитектуры и начертательной геометріи, считаетъ весьма затруднительнымъ соединить преподавателей этихъ двухъ наукъ въ одномъ лицѣ, а потому находитъ нужнымъ имѣть особаго преподавателя для начертательной геометріи, который бы показалъ ея приложеніе къ проэкціи картъ, къ обтескѣ и складкѣ камней, къ перспективѣ, теоріи тѣней, къ устройству сводовъ и мостовъ, къ черченію машинъ и проч.

VI. Совѣтъ признаетъ достоинство руководствъ, предполагаемыхъ Перевощиковымъ, и преподающіе при здѣшнемъ университетѣ имѣютъ въ виду нѣкоторыя изъ нихъ при своихъ лекціяхъ; но съ другой стороны считаетъ неудобнымъ требовать отъ профессоровъ, чтобы они вполнѣ и во всѣхъ частяхъ имъ слѣдовали, какъ потому, что науки ежедневно усовершаются, такъ и потому, что иныя изъ тѣхъ руководствъ отлично обработаны только въ нѣкоторыхъ частяхъ, но не въ цѣлой системѣ, а другіе, наоборотъ, при хорошей системѣ неудовлетворительны по способу изложенія отдѣльныхъ частей.

По мнѣнію совѣта университета, для улучшенія, расширенія и практическаго изученія математическихъ и естественныхъ наукъ, входящихъ нынѣ въ составъ физикоматематическаго отдѣленія, его весьма полезно было бы раздѣлить на два: *на собственно физикоматематическое* и *на отдѣленіе естественныхъ наукъ*, съ представленіемъ каждому права производить въ ученыя степени.

Дабы воспитанники университета, *по собственно физикоматематическому отдѣленію*, могли быть лучше приготовлены къ практическому, впослѣдствіи, употребленію пріобрѣтаемыхъ ими познаній и чрезъ то сдѣлаться болѣе полезными себѣ и другимъ, должны быть для нихъ преподаваемы слѣдующія науки:

1) начертательная геометрія съ приложеніемъ ея къ черченію картъ и частей машинъ; 2) архитектура, съ показаніемъ какъ строить мосты и проводить дороги и каналы; 3) чистая математика; 4) прикладная математика — оптика и механика; 5) астрономія; 6) физика; 7) химія съ приложеніемъ ея къ искусствамъ и ремесламъ; 8) минералогія; 9) рисовальное искусство.

Способъ преподаванія долженъ быть принятъ такой, какъ въ корпусѣ путей сообщенія, т. е. воспитанники должны сами чертить и дѣлать физическіе и химическіе опыты подъ надзоромъ преподающихъ; они должны пріучиться къ употребленію всѣхъ инструментовъ, служащихъ къ измѣренію.

Если предположить трехгодичный курсъ, то вышепомянутые учебные предметы могутъ быть распредѣлены слѣдующимъ образомъ.

Первый годъ: 1) начертательная геометрія; 2) возвышеніе двучленныхъ количествъ въ каждую степень вообще, теорія логариѳмовъ, теорія опредѣленныхъ и неопредѣленныхъ уравненій; плоская тригонометрія; введеніе въ теорію функцій и приложеніе алгебры къ геометріи; 3) минералогія; 4) физика; 5) рисованье.

Второй годъ: 1) начертательная геометрія, приложенная къ теоріи тѣней, перспективѣ, къ обтесыванію камней и къ устройству садовъ; 2) дифференціальное, интегральное и варіаціонное исчисленіе и высшая геометрія; 3) химія, приложенная къ искуствамъ; 4) архитектура; 5) сферическая тригонометрія и астрономія; 6) рисованье.

Третій годъ: 1) архитектура; 2) механика и оптика; 3) астрономія съ наблюденіями; 4) химія, приложенная къ искусствамъ; 5) рисованье.

Это раздѣленіе можетъ измѣниться, ибо одинъ только опытъ можетъ показать нужныя во всемъ усовершенствованія. Распредѣленіе времени преподаванія должно предоставить самимъ преподающимъ, ибо оно можетъ измѣняться и отъ числа преподающихъ, и отъ постороннихъ ихъ занятій, и отъ другихъ непредвидимыхъ обстоятельствъ.

Для успѣшнаго преподаванія сказанныхъ предметовъ къ находящимся нынѣ преподавателямъ надобно прибавить:

1) Профессора начертательной геометріи, профессора архитектуры, профессора прикладной химіи; кромѣ того, по крайней мѣрѣ еще трехъ адъюнктовъ. Сверхъ того, надобно имѣть нѣсколько репетиторовъ, то есть студентовъ, съ похвалою окончившихъ курсъ, дабы они могли занимать студентовъ, въ случаѣ законнаго отсутствія преподавателя.

I. По мнѣнію совѣта университета, *отдѣленіе естественныхъ наукъ* должно заключать въ себѣ слѣдующія науки:

1) химію; 2) физику; 3) зоологію; 4) ботанику; 5) минералогію, 6) химію, приложенную къ искусствамъ и ремесламъ; 7) агрономію; 8) прикладную естественную исторію; 9) архитектуру; 10) начертательную геометрію; 11) рисованіе. Хотя нельзя отвергнуть надобности и прикладной механики, но можно не преподавать ее особо, а главнѣйшее изъ нея должно быть изложено при преподаваніи начертательной геометріи.

На 1-мъ курсѣ: 1) химія; 2) общая физика; 3) зоологія; 4) ботаника; 5) начертательная геометрія; 6) рисованіе.

На 2-мъ курсѣ: 1) зоологія; 1) ботаника; 3) минералогія, ориктогнозія; 4) архитектура; 5) начертательная геометрія; 6) рисованіе.

На 3-мъ курсѣ: 1) химія, приложенная къ искусствамъ и ремесламъ; 2) сельское хозяйство; 3) геогнозія; 4) прикладная естественная исторія; 5) архитектура; 6) рисованіе.

Цѣль ученія въ каждомъ факультетѣ университета должна быть двоякая: одна должна состоять въ образованіи самого себя, а другая въ пріобрѣтеніи свѣдѣній, особенно по практическимъ предметамъ, въ такой степени, чтобы пріобрѣтающій ихъ могъ быть со временемъ полезнымъ ими для другихъ и обезпечить вмѣстѣ свое состояніе. Само собою разумѣется, что таковыя свѣдѣнія не могутъ быть пріобрѣтены съ помощью одного только теоретическаго преподаванія и что по сему необходимо имѣть для познанія практики, сколько возможно, вспомогательныя заведенія, а именно: для сельскаго хозяйства образцовую, хотя небольшую, ферму для показанія работъ и орудій на практикѣ и для опытовъ, а для практической механики—собраніе моделей.

Для успѣшнаго преподаванія нужно имѣть особыхъ профессоровъ для каждой части естественной исторіи, то-есть: для ботаники, для зоологіи и минералогіи и при нихъ одного адъюнкта. При теперешнемъ же состояніи университета нужно къ находящимся при немъ преподавателямъ прибавить двухъ адъюнктовъ. Ежели же принять 4-годичный курсъ ученія, то въ отдѣленіи естественныхъ наукъ можно распредѣлить предметы слѣдующимъ образомъ.

1-й годъ: 1) общая физика; 2) зоологія; 3) ботаника; 4) начертательная геометрія; 5) рисованіе.

2-й годъ: 1) прикладная физика; 2) химія; 3) зоологія; 4) ботаника; 5) начертательная геометрія; 6) рисованіе.

3-й годъ: 1) минералогія; 2) сельское хозяйство; 3) архитектура; 4) приложеніе химіи къ искусствамъ; 5) рисованіе.

4-й годъ: 1) геогнозія; 2) сельское хозяйство; 3) прикладная естественная исторія; 4) архитектура; 5) рисованіе.

Въ 3 и 4 году студенты должны быть упражняемы практически въ ботаникѣ и зоологіи.

II. Предметы собственно физикоматематическаго отдѣленія при предположеніи четырехгодичнаго курса можно распредѣлить такъ.

1-й годъ: 1) начертательная геометрія; 2) чистая математика; 3) физика общая; 4) минералогія; 5) рисованіе.

2-й годъ: 1) начертательная геометрія; 2) чистая математика; 3) физика прикладная; 4) оптика; 5) рисованіе.

3-й годъ: 1) архитектура; 2) механика; 3) химія; 4) астрономія; 5) рисованіе.

4-й годъ: 1) архитектура; 2) механика; 3) приложеніе химіи къ искусствамъ; 4) астрономія; 5) рисованіе.

Что касается до того, сколько разъ въ недѣлю долженъ быть преподаваемъ тотъ или другой предметъ и по сколько часовъ сряду, это зависитъ отъ свойства самого предмета, отъ числа преподающихъ, отъ здоровья ихъ, отъ имѣнія или неимѣнія помощника или репетитора, отъ занятія преподающихъ по правленію, училищному и другимъ комитетамъ и исправленія другихъ университетскихъ должностей и, слѣдовательно, постоянно одинъ разъ навсегда нельзя его опредѣлить.

Подробное изложеніе частей науки, какія въ годъ можно пройти, надобно предоставить опыту.

III. Касательно сочиненій, кои надлежитъ взять въ руководство при преподаваніи, трудно постановить что-либо постоянное, какъ по причинѣ измѣненій въ той или другой наукѣ, такъ и потому, что другой не одобряетъ того, что одному нравится. По мнѣнію совѣта университета, лучшія сочиненія, по части начертательной геометріи, суть Монора, Ашета и Вилле; по части архитектуры—Дюранда, Ронделе и Вибекинга; прямолинейную тригонометрію, коническія сѣченія и алгебру можно преподавать по курсу математики Осиповскаго, сдѣлавъ только очень небольшое дополненіе къ теоріи высшихъ уравненій изъ Лагранжа. Въ отношеніи къ дифференціальному, интегральному и варіаціонному исчисленіямъ почти все собрано г. Лакруа въ его сочиненіи „Traité du calcul differentiel et integral“; только надобно дополнить статью объ опредѣленныхъ интегралахъ изъ сочиненій Коши и другихъ; приложеніе анализа къ геометріи объяснено Ейлеромъ, Монжемъ и Лагранжомъ и также большею частью собрано Лакруа въ упомянутомъ его сочиненіи, хотя есть и такое, что должно прибавить изъ другихъ сочиненій, но этого очень немного. Оптика Малю есть блестящее приложеніе геометріи къ этой наукѣ, но она имъ не кончена, при томъ выкладки въ ней и можно, и должно, сократить, и умѣть сдѣлать приложеніе ея къ теоріи оптическихъ инструментовъ. Хорошей и полной математической оптики еще нѣтъ. Матеріалы для нея есть, но разбросаны и надобно собрать. Оптика Гершеля членамъ факультета еще неизвѣстна. Аналитическая механика Лагранжа лучше всѣхъ механикъ; но для руководства при преподаваніи обыкновенно одобряютъ механики Паусона и Франкера. Астрономія, сочиненная Даламбромъ, самая полная; преподающему остается только сдѣлать изъ нея хорошее извлеченіе и присоединить теоріи движенія небесныхъ тѣлъ изъ сочиненія Понтекулана.

Одобряя вышеизложенныя предположенія физикоматематическаго факультета касательно расширенія преподаванія математическихъ наукъ, честь имѣю представить ихъ на благоусмотрѣніе вашего высокопревосходительства, вслѣдствіе предложенія вашего, отъ 8 прошедшаго февраля, присовокупляя къ тому, что нужные по этому предположенію три ординарныхъ профессора для каѳедръ начертательной геометріи, архитектуры и прикладной химіи, не могутъ требовать никакой вновь прибавки къ положенной по штату суммѣ, ибо они замѣнятъ упраздненную каѳедру военныхъ наукъ, также каѳедры технологіи съ коммерческими науками и толкованія священнаго писанія и церковной исторіи".

Министръ народнаго просвѣщенія постановилъ отправить всѣ эти бумаги на разсмотрѣніе попечителя Ю. А. Головкина, который далъ о нихъ слѣдующій отзывъ.

„Ваше превосходительство, препроводивъ 4-го мая сего года въ копіяхъ на разсмотрѣніе мое два представленія помощника моего, графа Панина, о расширеніи преподаванія математики въ Харьковскомъ университетѣ, по плану профессора Перевощикова, изволили просить меня о доставленіи по этому предмету заключенія моего. Вслѣдствіе сего, по пріѣздѣ моемъ, обративъ все стараніе на улучшеніе ввѣреннаго мнѣ университета, по всѣмъ частямъ, я между прочимъ созывалъ физикоматематическій факультетъ и вмѣстѣ съ гг. профессорами разсматривали пользы и потребности его. При этомъ открылось, что еще въ 1822 году физикоматематическій факультетъ входилъ въ совѣтъ университета съ представленіемъ о раздѣленіи его на два отдѣленія—на отдѣленіе математическихъ и на отдѣленіе естественныхъ наукъ; совѣтъ же, одобривъ такое предположеніе факультета, входилъ съ представленіями о томъ къ высшему начальству въ 1823 году генваря 27, вторично въ 1825 году августа 20 и въ третій разъ въ 1834 году марта 24, но до сихъ поръ никакого разрѣшенія не получено.

Нынѣ внимательно разсмотрѣвъ таковое предположеніе, я нашелъ причины къ тому возбуждающія основательными и уважительными и раздѣленіе факультета на два отдѣленія—на отдѣленіе математическихъ и на отдѣленіе естественныхъ наукъ—весьма полезнымъ и необходимымъ, какъ для облегченія учащихся, такъ и для лучшаго изученія предметовъ того и другого отдѣленій; съ этимъ раздѣленіемъ неразрывно связано и то, чтобы каждому изъ этихъ двухъ отдѣленій, долженствующихъ имѣть одного общаго декана по прежнему, дозволено было производство въ дѣйствительные студенты, съ выдачею полныхъ аттестатовъ и вообще въ ученыя степени. Предметы же по симъ двумъ отдѣленіямъ распредѣлены такъ.

По отдѣленію собственно физикоматематическому: 1) начертательная геометрія, 2) архитектура, 3) чистая математика, 4) прикладная математика: механика и оптика, 5) астрономія; 6) физика, 7) химія, съ приложеніемъ ея къ искусствамъ, 8) минералогія, 9) рисованіе.

По отдѣленію естественныхъ наукъ: 1) химія, 2) физика, 3) зоологія, 4) ботаника, 5) минералогія, 6) приложеніе химіи къ искусствамъ, 7) агрономія, 8) прикладная естественная исторія, 9) архитектура, 10) начертательная геометрія и 11) рисованіе.

Желая, чтобы этотъ новый порядокъ введенъ былъ съ начала наступающаго курса, т. е. съ 1 сентября сего года, я покорнѣйше прошу ваше превосходительство почтить настоящее мое представленіе скорымъ разрѣшеніемъ вашимъ".

На это послѣдовала такая резолюція министра. „Министръ считаетъ себя невправѣ разрѣшить предполагаемое отступленіе отъ Высочайше утвержденнаго устава, а потому и приказалъ дать знать о томъ попечителю, вмѣстѣ съ тѣмъ проектъ этотъ внести въ комитетъ по устройству учебныхъ заведеній" [1]). Какъ мы видѣли, графъ Головкинъ вскорѣ вошелъ въ министерство съ новымъ предложеніемъ по этому же предмету [2]).

---

[1]) Архивъ Мин. Нар. Просв. Дѣло № 52914/1894.

[2]) Отъ министра былъ полученъ на этотъ проектъ попечителя слѣдующій отвѣтъ. „Во исполненіе извѣстнаго вашему сіятельству Высочайшаго Его Императорскаго Величества повелѣнія, состоявшагося въ 9 день декабря 1834 г., разсмотрѣнъ въ комитетѣ устройства учебныхъ заведеній краткій отчетъ вашъ о личномъ обозрѣніи вашемъ Харьковскаго университета, заключающій въ себѣ слѣдующія предположенія объ улучшеніи какъ сего заведенія, такъ и подвѣдомыхъ оному училищъ: 1) совершенно отдѣлить часть ученую отъ хозяйственной и управительной, такимъ образомъ, чтобы профессоры занимались только науками, а хозяйственную часть и управленіе университетомъ поручить особеннымъ чиновникамъ, на сей конецъ опредѣленнымъ; 2) измѣнить порядокъ годичныхъ курсовъ, назначивъ преподаваніе по семестрамъ, или полугодичнымъ курсамъ; 3) завести педагогическій институтъ; 4) умножить университетскую библіотеку; 5) увеличить клинику; 6) завести при университетѣ литографію; 7) употребить стараніе къ заведенію гимназическихъ пансіоновъ; 8) ввести обученіе гимнастикѣ; 9) вводить въ приходскія училища методу Ланкастера.

Комитетъ, отдавая должную справедливость заботливости вашего сіятельства объ улучшеніи состоянія ввѣреннаго управленію вашему заведенія, но имѣя въ виду, что ему въ непродолжительномъ времени подлежитъ разсмотрѣніе новаго проекта устава университета, призналъ удобнѣйшимъ статьи предположеній вашихъ: 1) объ отдѣленіи ученой части отъ административной и хозяйственной; 2) объ измѣненіи порядка годичныхъ курсовъ; 3) объ устройствѣ педагогическаго при университетѣ института; 4) о распространеніи клиникъ,--принять въ ближайшее соображеніе при чтеніи новаго проекта, имѣть въ виду эти предположенія при редакціи проекта устава университетовъ.

Управляя округомъ, до прiѣзда вновь назначеннаго попечителемъ гр. Головкина, гр. А. Н. Панинъ вошелъ въ министерство еще съ новымъ ходатайствомъ о разрѣшенiи университету издавать свой журналъ „Ученыя Записки", но и оно, повидимому, успѣха не имѣло.

„Желая пробудить дѣятельность здѣшнихъ профессоровъ и заставить ихъ участвовать въ общихъ ученыхъ трудахъ, я осмѣливаюсь

За тѣмъ прочiя статьи предположенiй вашихъ, именно: 1) объ умноженiи университетской библiотеки единовременнымъ прiобрѣтенiемъ новѣйшихъ книгъ; 2) о заведенiи при университетѣ литографiи; 3) о заведенiи при гимназiяхъ пансiоновъ; 4) о введенiи обученiя гимнастикѣ и 5) о преобразованiи приходскихъ училищъ по методѣ Ланкастера,—какъ предметы частiю административные, частiю зависящiе отъ мѣстности и способовъ учебныхъ заведенiй, вообще же не входящiе въ кругъ дѣйствiй комитета устройства учебныхъ заведенiй, предоставлены имъ собственному усмотрѣнiю министерства народнаго просвѣщенiя.

О таковомъ положенiи комитета, о коемъ было доводимо до свѣдѣнiя Государя Императора, имѣя честь увѣдомить ваше сiятельство, долгомъ считаю изложить заключенiе мое по послѣднимъ пяти статьямъ, отнесеннымъ на усмотрѣнiе министерства: 1) соглашаясь съ своей стороны на умноженiе университетской библiотеки, я нахожу однакоже, что къ этому не прежде приступить можно, какъ по прiемѣ изъ упраздненнаго Виленскаго университета книгъ, назначенныхъ Харьковскому извѣстнымъ вамъ Высочайшимъ повелѣнiемъ, и по составленiи реестра оказывающихся за симъ нужными для университета книгъ, съ назначенiемъ имъ цѣны, по предварительному отобранiю о томъ свѣдѣнiя отъ книгопродавцевъ и объясненiю способа ихъ прiобрѣтенiя, о чемъ и буду ожидать дальнѣйшаго отношенiя вашего сiятельства; 2) касательно заведенiя литографiи полагаю я, что такъ какъ при университетѣ состоитъ рѣзчикъ на мѣди, положенный по штату, то учрежденiе литографiи можетъ быть отложено до прiобрѣтенiя новыхъ средствъ посредствомъ утвержденiя новыхъ штатовъ; 3) на обученiе въ университетѣ гимнастикѣ, я согласенъ въ такомъ однакоже случаѣ, если издержку на содержанiе вольнонаемнаго учителя примутъ на себя желающiе обучаться гимнастикѣ, ибо предметъ этотъ не положенъ по уставу.

Что же касается до образованiя административной части независимо отъ учебной и ученой, вашему сiятельству извѣстно, что я въ полной мѣрѣ раздѣляю убѣжденiе въ необходимости этой мѣры, принятой уже въ руководство при составленiи проекта устава университета св. Владимiра. Комитетъ устройства учебныхъ заведенiй имѣетъ въ виду принять эту мысль въ основанiе для всѣхъ вообще высшихъ заведенiй въ составляемомъ нынѣ проектѣ университетскаго устава. Доколѣ этотъ уставъ не будетъ Высочайше утвержденъ и доколѣ не будутъ соразмѣрно съ нимъ возвышены штаты университетовъ, — остается намъ только ожидать съ довѣренностiю къ Августѣйшему Покровителю наукъ, этой благопрiятной эпохи, столь необходимой для высшихъ заведенiй нашихъ. Между тѣмъ если во время личнаго пребыванiя вашего сiятельства въ Харьковѣ, вы найдете возможнымъ принять къ этому нѣсколько приготовительныхъ мѣръ, не выходя изъ предѣловъ собственныхъ средствъ университета и руководствуясь общими распоряженiями университета св. Владимiра, то я съ своей стороны совершенно согласенъ на таковой опытъ, готовъ будучи въ случаяхъ, превышающихъ мою власть, представлять соображенiя ваши на усмотрѣнiе и разрѣшенiе Его Императорскаго Величества" (Харьк. унив. арх. Дѣло № 2095/191).

испрашивать у вашего высокопревосходительства позволенія издавать при Харьковскомъ университетѣ журналъ подъ названіемъ „Ученыхъ Записокъ“. Въ журналѣ этомъ могутъ участвовать слѣдующіе профессора: по части латинской словесности и древностей римскихъ—профессоръ Кронебергъ, по части россійской исторіи и статистики—профессоръ Артемовскій-Гулакъ, по части россійской словесности—адъюнктъ Якимовъ, по части политической экономіи и всеобщей исторіи—экстраординарный профессоръ Степановъ, по части естественныхъ наукъ—профессоръ Черняевъ и Криницкій и проч.“.

По докладу объ этомъ Государю Императору 6 іюля 1834 года послѣдовала Высочайшая резолюція: *„повременить“*.

2 октября 1834 г. возобновлено было представленіе объ этомъ попечителемъ, которое, за вышеизложенной резолюціею, приказано пріобщить къ дѣлу [1]).

Любопытная записка была представлена министру ректоромъ Кронебергомъ, хотя его подписи подъ ней и не имѣется. Вотъ ея текстъ.

„1. Харьковскій университетъ не имѣетъ внѣшней полноты. По уставу положено 28 ординарныхъ профессоровъ, нынѣ только 17, изъ коихъ профессоръ Даниловичъ находится въ С.-Петербургѣ, слѣдовательно, настоящее число 16; затѣмъ остается вакантныхъ каѳедръ 12, а именно: 1) каѳедра толкованія св. писанія и церковной исторіи вовсе не занята; 2) каѳедра права естественнаго, политическаго и народнаго вовсе не занята; 3) каѳедра права гражданскаго и уголовнаго судопроизводства въ Россійской Имперіи; по нахожденіи профессора Даниловича въ С.-Петербургѣ, предметъ этотъ читаетъ магистръ Гордѣенковъ; 4) каѳедра дипломатики и политической экономіи, читаетъ экстраординарный профессоръ Степановъ; 5) каѳедра сельскаго домоводства не занята; 6) каѳедра технологіи и наукъ, относящихся къ торговлѣ и фабрикамъ; технологію преподаетъ временно профессоръ Сухомлиновъ; 7) каѳедра военныхъ наукъ не занята; 8) каѳедра патологіи, терапіи и клиники; эту каѳедру занималъ профессоръ Брандейсъ; по выбытіи его каѳедра осталась праздною; нынѣ клиникою завѣдываетъ Блументаль; 9) каѳедра хирургіи; профессоръ Еллинскій подалъ прошеніе объ увольненіи, и хотя еще не уволенъ, однако лекцій не читаетъ; каѳедра эта раздѣлена нынѣ между экстраординарнымъ профессоромъ Экебладомъ, который читаетъ теоретическую хирургію, и ординаторомъ Кригеромъ, которому поручено заниматься оперативною хирургіею; 10) каѳедра скотолѣченія; читаетъ экстраординарный профессоръ Экебладъ;

[1]) Архивъ Мин. Нар. Просв. Дѣло № 52960/1896.

11) каѳедра всемірной исторіи, статистики и географіи; читаетъ адъюнктъ Цыхъ; 12) каѳедра краснорѣчія, стихотворства и языка россійскаго; читаетъ адъюнктъ Якимовъ.

Если каѳедры, занятыя экстраординарными профессорами и адъюнктами, не считать праздными, то вовсе вакантныя только 1, 2, 5, 6, 7, 8, 9.

2. Нынѣ слушателей въ медицинскомъ отдѣленіи 148, въ этико-политическомъ 59, въ словесномъ 46, въ физико-математическомъ 18. Этотъ послѣдній факультетъ всегда имѣлъ и будетъ имѣть весьма малое число студентовъ, потому что онъ въ настоящемъ своемъ видѣ объемлетъ слишкомъ много предметовъ и къ тому еще весьма трудныхъ; нужно его раздѣлить на 2 отдѣленія, по примѣру Дерптскаго университета.

Отдѣленіе словесныхъ наукъ нужно пополнить. Отмѣнивъ піитику и риторику, не соотвѣтствующія нынѣшнему состоянію наукъ, и приличныя болѣе классному ученію, нужнымъ считаю прибавить 2 каѳедры: 1) каѳедру эстетики и исторіи изящныхъ искусствъ; 2) каѳедру энциклопедіи наукъ и всеобщей исторіи литературы.

3. Препятствія къ успѣшному и прочному прохожденію наукъ. 1) Неосновательное приготовительное ученіе въ гимназіяхъ и частныхъ пансіонахъ. Слабѣйшая часть ученія въ гимназіяхъ—языки, какъ древніе, такъ и новѣйшіе. Метода ученія—механическая. Способность мыслить не упражняется. Ученіе въ частныхъ пансіонахъ самое поверхностное. Преимущественно обращаютъ въ нихъ вниманіе на изученіе французскаго языка и математики. Латинскій и нѣмецкій языки и историческія науки занимаютъ послѣднее мѣсто. Думаю, что не слѣдовало бы изъ частныхъ пансіоновъ принимать въ студенты. *Если бъ это было запрещено, тогда скорѣе поднялись бы пансіоны, заводимые при гимназіяхъ.* 2) Кратковременность трехгодичнаго курса въ университетѣ. Полный курсъ продолжается 3 года; но это трехлѣтіе, за исключеніемъ всѣхъ праздниковъ, составляетъ не болѣе 20 мѣсяцевъ. Отъ этого происходитъ то, что студентовъ обременяютъ множествомъ предметовъ. Такъ, напр., студенты словеснаго отдѣленія 1-го года должны слушать 9 предметовъ, студенты медицинскаго отдѣленія 8 и т. д.; они не въ состояніи по надлежащему обрабатывать столько предметовъ; и естественное послѣдствіе то, что они стараются удовлетворить на экзаменахъ буквальностью отвѣтовъ. По этой причинѣ нужно распространить весь курсъ университетскаго ученія на 4 года и ввести семестры и вмѣстѣ съ тѣмъ большее число лекцій для профессоровъ и меньшее число предметовъ для студентовъ. 3) Младость поступающихъ въ студенты. Не рѣдко принимаются 15-лѣтніе юноши, т. е. въ томъ возрастѣ, когда, не говоря уже

о недостаточности предварительнаго ученія, даже и разсудокъ ихъ недовольно зрѣлъ для университетскихъ лекцій. Это одна изъ тѣхъ причинъ, по коимъ Харьковскій университетъ во многихъ отношеніяхъ похожъ на школу. Ибо часто профессоръ долженъ въ этомъ отношеніи равняться съ простымъ учителемъ, дабы его слушатели могли его понимать.

4. Экзамены при пріемѣ въ своекоштные студенты чрезвычайно обременительны по многочисленности поступающихъ въ университетъ, и не могутъ быть производимы съ надлежащею подробностью, точностью и отчетностью. При послѣднемъ пріемѣ явилось 118 человѣкъ. Экзамены продолжались съ 1 іюля по 1 октября и отнимали почти все время. Отмѣнить эти экзамены нельзя, но нужно положить для нихъ большій срокъ и публиковать о томъ по округу.

5. Что касается до годовыхъ экзаменовъ, то они, за исключеніемъ экзаменовъ казеннокоштныхъ студентовъ, совершенно безполезны, также и экзамены кончившихъ полный курсъ. Годовые экзамены продолжающихъ ученіе безполезны, потому что, по причинѣ множества экзаменующихся и множества предметовъ, нѣтъ никакой возможности оцѣнить степень познанія и, слѣдовательно, цѣль испытаній не достигается. Что же касается до кончившихъ полный курсъ, то напрасно требуютъ отъ нихъ, чтобы они немедленно подвергались экзамену. Въ положеніи о производствѣ въ ученыя степени, первою положена степень дѣйствительнаго студента. *Для чего же не предоставить каждому, по окончаніи курса, явиться къ экзамену въ факультетъ*, когда захочетъ, не стѣсняя его и во время его ученія принужденіемъ слушать въ такомъ-то году такія-то лекціи, и требованіемъ выслушать всѣ въ факультетѣ положенныя науки непремѣнно въ три года? Для чего не предоставить въ этомъ отношеніи болѣе свободы? Иной имѣетъ слабыя способности и ему нужно болѣе времени; другой желаетъ подробнѣе вникнуть въ предметы своего ученія и т. д. Наблюдать только, чтобы желающій оставить университетъ предъявлялъ правленію университета свидѣтельства отъ тѣхъ профессоровъ, у которыхъ онъ слушалъ лекціи, и если онъ выслушалъ всѣ въ факультету принадлежащія науки и еще не желаетъ подвергнуться испытанію, то таковому выдавать не аттестатъ, а только свидѣтельство о его бытности въ университетѣ, которое онъ впослѣдствіи имѣетъ предъявить декану, когда пожелаетъ выдержать экзаменъ на степень дѣйствительнаго студента. Осмѣливаюсь думать, что эта мѣра была бы весьма полезна. Тѣ, кои пожелаютъ получить эту степень, будутъ приступать къ экзамену хорошо приготовившись; другіе не рѣшатся, и университетъ избавится отъ нареканія, что производитъ въ студенты не заслуживающихъ этой степени. Мож-

ве бы по крайней мѣрѣ сдѣлать опытъ. Іюнь мѣсяцъ, который весь проходитъ въ этихъ экзаменахъ, можно бы было тогда присовокупить къ учебному времени, которое и безъ того столь кратко.

6. Для пробужденія сціентифической жизни и соревнованія, нужно обратить дѣятельность профессоровъ и другихъ чиновниковъ университетскихъ на предметы, ближайшіе къ ихъ званію. А для этого, кажется мнѣ, нужнымъ: 1) освободить ихъ отъ безпрерывныхъ засѣданій въ правленіи, совѣтѣ и училищномъ комитетѣ, предоставивъ ректору право одному отправлять дѣла и вмѣнивъ ему въ обязанность созывать совѣтъ, правленіе и училищный комитетъ только для тѣхъ дѣлъ, кои требуютъ общаго совѣщанія; 2) совершенно отдѣлить судебную часть, оставивъ только учебную и экономическую.

Если такимъ образомъ для профессора будетъ менѣе развлеченія и менѣе хлопотъ, не соотвѣтствующихъ его званію, то онъ будетъ имѣть и болѣе досужнаго времени и охоты заниматься науками. Но этихъ двухъ средствъ не достаточно. Для пробужденія большей дѣятельности нужно умноженіе и усовершенствованіе принадлежностей университета. Сюда я отношу: 1) распространеніе библіотеки, которая отстала лѣтъ на 20, ибо то, что въ теченіе года, за 1000 р. пріобрѣсти можно, незначительно; 2) распространеніе кабинетовъ: они очень не богаты; 3) распространеніе клиники; не безполезно было бы имѣть при ней и свою аптеку; 4) цензуру и вмѣстѣ съ тѣмъ улучшеніе типографіи; Московскій и Дерптскій университеты, имѣя надлежащія средства, могутъ показать свою дѣятельность въ литературномъ мірѣ; одинъ Харьковскій университетъ лишенъ этого преимущества, и при всемъ желаніи, соревновать съ другими университетами, не имѣетъ къ тому возможности; 5) педагогическій институтъ, въ которомъ настоитъ крайняя необходимость, ибо небольшое число казеннокоштныхъ студентовъ не достаточно для снабженія Харьковскаго округа учителями; нынѣ въ гимназіи Новочеркаской вакантныхъ мѣстъ 4, по уѣздамъ праздныхъ мѣстъ по предмету историческихъ наукъ 18, по предмету математическихъ наукъ 13, по предмету русскаго языка 11, по предмету рисованія 42, штатныхъ смотрителей 2 вакансіи; всѣхъ вакантныхъ мѣстъ 90. Если педагогическій институтъ оказывается нужнымъ для замѣщенія вакантныхъ мѣстъ, то онъ еще нужнѣе въ учебномъ отношеніи. Если бъ въ университетъ поступали и 17-лѣтніе юноши, то они по окончаніи трехлѣтняго курса все еще молоды для поступленія въ званіе учителя и немедленно по окончаніи курса не способны для него и въ интеллектуальномъ отношеніи. Нынѣшнее ученіе въ гимназіяхъ недовольно основательно; къ этому присовокупляется быстрое

слушаніе университетскихъ лекцій. Молодой человѣкъ не успѣлъ еще оглянуться въ царствѣ наукъ, не успѣлъ самъ себѣ дать отчета въ своихъ познаніяхъ,—и отправляется на должность быть наставникомъ въ наукѣ, за которую не умѣетъ приняться, быть наставникомъ нравственности, когда онъ еще самъ не утвердился въ правилахъ жизни! Какихъ должно отъ этого ожидать плодовъ! Необходимость педагогическаго института очевидна. Осмѣливаюсь думать, что учрежденіе его можетъ быть независимо отъ будущаго устава университетскаго; совершенно увѣренъ, что ваше высокопревосходительство изволили бы оказать отличное благодѣяніе тамошнему краю милостивымъ соизволеніемъ вашимъ на открытіе педагогическаго института; 6) Возвышеніе окладовъ и поощреніе отличнѣйшихъ.—То время, когда жалованье, опредѣленное уставомъ, дѣйствительно было достаточно, уже давно прошло. Теперь чиновнику семейному не возможно прожить этимъ жалованьемъ. Живя въ настоящемъ, въ весьма стѣсненныхъ обстоятельствахъ, не видя ничего въ будущемъ для улучшенія своего состоянія, не удостоиваемые поощренія знаками отличія, большая часть изъ нихъ, предаваясь чувству скорби, упали духомъ и охладѣли къ своему званію и пользамъ университетскимъ; особенно же нынѣшняя дороговизна тягостна. Увѣренъ будучи, что ваше высокопревосходительство, по чувству справедливости, при первой возможности, обратите благосклонное и дѣятельное вниманіе на улучшеніе состоянія чиновниковъ Харьковковскаго университета, я не смѣю о томъ утруждать ваше высокопревосходительство просьбами, но если бъ благоугодно было исходатайствовать всѣмъ чиновникамъ хотя единовременную выдачу годовыхъ окладовъ въ облегченіе тяжкаго времени и двухъ или трехъ наградить знаками отличія, таковое великодушное дѣйствіе вашего высокопревосходительства имѣло бы во многихъ отношеніяхъ благодѣтельныя послѣдствія.

7. Гимназіи нуждаются въ хорошихъ учителяхъ и учебныхъ пособіяхъ,—слабѣйшая часть ученія—языки древніе и новѣйшіе. Неуспѣшность учащихся вообще зависитъ частью отъ дурной методы, частью отъ недостатка учебныхъ пособій, память и вытверживаніе на-изусть—другихъ средствъ почти не знаютъ. Способность мышленія не упражняется, не развивается. Объ учебныхъ пособіяхъ, если я не ошибаюсь, графъ Алек. Николаевичъ Панинъ представлялъ вашему высокопревосходительству.—Введеніе новаго устава нужно; но истинное преобразованіе гимназій относится не къ внѣшней формѣ ихъ; существенное преобразованіе соединено съ удаленіемъ неспособныхъ учителей. Но оставить ихъ безъ мѣста и пропитанія было бы не справедливо; а кѣмъ

ихъ замѣнить? Введенію новаго устава препятствуетъ въ гимназіяхъ и самая мѣстность. Харьковская гимназія помѣщается въ домѣ вѣтхомъ, не стоющемъ, по моему мнѣнію, никакого исправленія. Нужно или построить новое зданіе, или пріобрѣсти покупкою въ смежности съ гимназіей находящійся большой домъ, о чемъ, если не ошибаюсь, г. попечитель имѣлъ честь представлять вашему высокопревосходительству. Послѣднее было бы выгоднѣе для казны и для самой гимназіи. Равно и уѣздныя училища нуждаются въ хорошихъ смотрителяхъ, способныхъ учителяхъ и учебныхъ пособіяхъ. Директоръ въ гимназіи, штатный смотритель въ уѣздномъ училищѣ, есть душа заведенія. Онъ можетъ все привести въ надлежащій порядокъ, все оживить; онъ можетъ все испортить. А для этого нужно бы имѣть нѣкоторыя правила для руководства при опредѣленіи ихъ. Отъ способа опредѣленія какъ преподавателей въ самомъ университетѣ, такъ директоровъ, штатныхъ и почетныхъ смотрителей въ округѣ чрезвычайно многое зависитъ. Теченіе дѣлъ замедляется множествомъ инстанцій, въ противность уставу, коимъ въ § 159 предписывается, чтобы дѣлопроизводство въ университетѣ было кратко" [1]).

Кронебергу принадлежитъ также подробный проектъ учрежденія при Харьковскомъ университетѣ педагогическаго института [2]), составленный имъ по порученію гр. Ю. А. Головкина. Необходимость его вызывалась недостаткомъ учителей для гимназій и уѣздныхъ училищъ. Въ 1834 году, напримѣръ, въ университетѣ было 46 казеннокоштныхъ студентовъ, изъ коихъ только 8 на словесномъ и 5 на математическомъ факультетѣ, т. е. всего 13 человѣкъ, которые могли сдѣлаться учителями; но въ дѣйствительности окончили курсъ изъ нихъ только 5; между тѣмъ въ Харьковскомъ учебномъ округѣ было 7 гимназій и 81 уѣздное училище, для коихъ потребно было 306 учителей. Петербургскій педагогическій институтъ не въ состояніи былъ доставлять необходимое число преподавателей и потому въ Харьковскомъ округѣ множество не занятыхъ вакантныхъ мѣстъ. Въ институтъ должны были приниматься на казенное содержаніе окончившіе словесный и математическій факультетъ и заниматься тамъ въ теченіе двухъ лѣтъ частью ближайшимъ изученіемъ избираемой ими спеціальности, частью методикой и практикой обученія и вообще педагогіей. По окончаніи курса они обязаны были занимать учительскія мѣста въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ. Преподавателями института должны были быть профессора университета, а во главѣ его

[1]) Харьк. Унив. Архивъ. Дѣло № 2095/131.
[2]) Харьк. Унив. Архивъ. Дѣло 1834 г. № 2095/131.

стоять директоръ. За проступки питомцамъ института („кандидатамъ"), назначались такія же наказанія, какъ и казеннокоштнымъ студентамъ—выговоръ, карцеръ, занесеніе въ черную книгу. Число учащихся должно было равняться 30. Успѣшно окончившіе институтъ могли имѣть въ будущемъ преимущество при назначеніи на должность директоровъ и инспекторовъ; тѣ же, кто отличался благонравіемъ и поведеніемъ, имѣли преимущества передъ другими при назначеніи на должность штатныхъ смотрителей. Въ общемъ проектъ составленъ былъ практично, не требовалъ большихъ матеріальныхъ затратъ для своего осуществленія и возстановлялъ педагогическій институтъ, предусмотрѣнный уставомъ 1804 года и существовавшій нѣкогда при Харьковскомъ университетѣ. Недостатокъ же его заключался въ томъ, что онъ не разрѣшалъ того затрудненія, ради котораго создавался. Оканчивать его могли ежегодно 10—15 человѣкъ,—а это была капля въ морѣ сравнительно съ выяснившеюся потребностью въ учителяхъ. При страшномъ недостаткѣ въ учителяхъ, нужно было думать не столько о спеціальной подготовкѣ къ учительскому званію лицъ, окончившихъ университетъ, сколько о привлеченіи на словесный и математическій факультетъ большаго числа студентовъ.

Къ сожалѣнію въ началѣ своего управленія Харьковскимъ учебнымъ округомъ Головкину пришлось распутывать новый инцидентъ съ профессоромъ Венедиктовымъ, инцидентъ, который едва не привелъ къ выходу его самого въ отставку и потребовалъ вмѣшательства Государя. Возвращаясь изъ Петербурга въ университетъ, Венедиктовъ чувствовалъ всю затруднительность своего положенія и просилъ Уварова уволить его въ отставку, но министръ не согласился на это, надѣясь, что все уладится къ общему благополучію. Венедиктовъ дѣйствительно оставался нѣкоторое время спокойнымъ; но произошелъ случай, который нарушилъ это вынужденное спокойствіе его и произвелъ большую смуту въ Харьковскомъ университетѣ. Разскажемъ объ этомъ случаѣ словами самихъ документовъ. Вотъ какъ описывалъ дѣло министру гр. Ю. А. Головкинъ.

„Небезъизвѣстенъ вашему превосходительству прежній предосудительный поступокъ профессора Венедиктова, по коему онъ былъ вытребованъ правительствомъ въ С.-Петербургъ и особеннымъ снисхожденіемъ вашимъ возвращенъ къ должности своей публичнаго наставника. Но таковая милость ваша къ нему не измѣнила его безпокойнаго характера и препровождаемая при этомъ записка по дѣлу казеннокоштнаго вольнослушателя медицинскаго факультета Коробки покажетъ вашему превосходительству, какъ его злобное намѣреніе сдѣлать несчастнымъ молодаго человѣка, который всегда былъ скромнаго поведенія и

оказывалъ хорошіе успѣхи, такъ и дерзость его выраженій противъ своего начальства, почему я, передавая дѣло это на благоусмотрѣніе ваше, покорнѣйше прошу ваше превосходительство избавить Харьковскій университетъ отъ этого профессора, поселяющаго безпрестанно раздоръ и несогласіе между своими товарищами, и назначить достойнаго профессора для занятія каѳедры анатоміи въ университетѣ, самое же дѣло по минованіи надобности приказать возвратить въ канцелярію.

Ректоръ Харьковскаго университета отъ 23 іюня этого года донесъ помощнику моему графу Панину, что казеннокоштный вольнослушатель медицинскаго отдѣленія 4-го курса Гавріилъ Коробка, явясь къ профессору Венедиктову, предлагалъ ему въ знакъ благодарности за лѣченіе небольшую золотую табакерку. Вскорѣ послѣ того онъ занемогъ ревматическою лихорадкою, отъ которой его пользовалъ профессоръ Блументаль, а потомъ, почувствовавъ облегченіе, онъ послалъ эту табакерку, іюня 22 дня къ проф. Венедиктову, при письмѣ слѣдующаго содержанія.

„Послѣ послѣдняго моего у васъ визита, я пришелъ въ совершенное разстройство, горесть наполнила всю мою душу и я доходилъ до отчаянія; наконецъ, слабая моя натура уступила такимъ вліяніямъ, и я занемогъ; сильно желалъ я смерти, но искусство возвратило меня къ жизни, т. е. самымъ ужаснымъ мученіямъ—я самъ не знаю, отъ чего это такъ сильно на меня подѣйствовало.—Теперь я еще очень слабъ и тѣломъ и душою и только подкрѣпляетъ меня надежда на ваше благосклонное вниманіе—еще осмѣливаюсь всепокорнѣйше просить васъ принять эту золотую табакерку, какъ знакъ моей искреннѣйшей къ вамъ благодарности.—Смѣло могу увѣрить васъ, что я никогда не сконфужу васъ моимъ отвѣтомъ, и увѣренъ, что никогда не буду отвѣчать хуже Ольховскаго, а надѣюсь всегда лучше, но только непонятный страхъ меня гонитъ и заставляетъ искать вашего покровительства.—Прошу васъ, умоляю! Не доведите меня до послѣдняго отчаянія; если вы откажете, то скоро услышите самую печальную исторію, которой причиною будете вы.—Еще умоляю васъ—ежели вы чадолюбивый отецъ, то пощадите меня ради моего семейства, ради моей молодости, прошу васъ, умоляю! Боже мой! Боже! неужели люди такъ неумолимы! Съ глубочайшимъ почтеніемъ имѣю честь быть.

Проф. Венедиктовъ, принявъ письмо это и табакерку, немедленно передалъ проф. Блументалю, какъ декану, а этотъ послѣдній ректору. Письмо и табакерка находятся у ректора. Объ этомъ обстоятельствѣ графъ Панинъ доводитъ до свѣдѣнія моего. Вслѣдствіе чего я предписалъ оставить дѣло это до моего пріѣзда въ Харьковъ, ибо въ

немъ кромѣ страха къ экзаменамъ и отчасти благодарности за пользованіе студента Коробки, объясненнымъ имъ въ письмѣ своемъ къ Венедиктову, неумѣстными отчаянными выраженіями другаго преступленія не видно. А потому я приказалъ имѣть неослабный надзоръ за поведеніемъ студента Коробки, о чемъ и объявлено было ректору Харьковскаго университета 23 іюля. Нынѣ ректоръ представилъ мнѣ въ подлинникѣ оффиціальное отношеніе профессора Венедиктова къ декану медицинскаго факультета Блументалю, въ которомъ онъ, профессоръ Венедиктовъ, называя поступокъ студента Коробки сумашествіемъ или преступленіемъ, требующимъ законнаго преслѣдованія и не позволяющимъ ему допустить студента Коробку къ экзамену, проситъ декана Блументаля сообщить ему на бумагѣ приказаніе высшаго начальства о допущеніи Коробки къ лекарскому испытанію.—Получивъ это, я предписалъ ректору университета объ освидѣтельствованіи студента Коробки двумя членами медицинскаго факультета вмѣстѣ съ деканомъ и если онъ, Коробка, окажется въ здравомъ состояніи, то допустить его къ лѣкарскому экзамену, который и поручить произвести вмѣсто профессора Венедиктова декану Блументалю. Во исполненіе таковаго предписанія моего ректоръ Харьковскаго университета отъ 30 прошлаго сентября представилъ въ подлинникѣ освидѣтельствованіе вольнослушателя Гавріила Коробки, по коему найдено, что онъ кромѣ давней слабости груди, не препятствующей впрочемъ учебнымъ занятіямъ его, никакой тѣлесной и душевной болѣзни не подверженъ и, слѣдовательно, долженъ быть признанъ здоровымъ и въ состояніи продолжать начатый имъ лѣкарскій экзаменъ, и въ подлинникѣ оффиціальное отношеніе профессора Венедиктова отъ 28 сентября, въ которомъ онъ позволяетъ себѣ сказать, что допущеніе Коробки къ экзамену вообще и испытаніе его деканомъ должно необходимо почесться начальническимъ поощреніемъ къ подобнаго рода гнуснымъ и законопреступнымъ поступкамъ. Вслѣдствіе чего, я предложилъ совѣту университета въ полномъ присутствіи сдѣлать профессору Венедиктову строжайшій выговоръ со внесеніемъ его въ журналъ засѣданія, и, возвративъ сказанную дерзкую бумагу съ надписью, на основаніи указа Правительствующаго Сената 28 сентября 1834 года, подтвердить ему впредь на всегда воздерживаться какъ отъ подобныхъ въ этомъ дѣлѣ неблагонамѣреныхъ дѣйствій его, такъ и отъ дерзкихъ выраженій подъ опасеніемъ быть преданнымъ законному осужденію“.

Министръ народнаго просвѣщенія далъ на это представленіе слѣдующій отвѣтъ.

„Въ отвѣтъ на отношеніе вашего сіятельства отъ 10 сего октября имѣю честь сообщить, что я всегда готовъ, всѣми возможными мѣрами, содѣйствовать къ поддержанію въ Харьковскомъ университетѣ порядка и добраго согласія между лицами, къ нему принадлежащими, и что профессоръ Венедиктовъ извѣстенъ и мнѣ, какъ человѣкъ характера безпокойнаго и строптиваго.—Впрочемъ, въ настоящемъ случаѣ нельзя обвинить его за данную имъ гласность поступку студента Коробки, приславшаго ему подарокъ при столь странномъ письмѣ. Вникая въ дальнѣйшій ходъ этого дѣла, я нахожу, что ректоръ, на основаніи университетскаго устава, обязанъ былъ предварительно всѣ обстоятельства этого дѣла привести въ надлежащую извѣстность и потомъ, по мѣрѣ вины студента, или подвергнуть его должному взысканію, или, въ случаѣ, превышающемъ ректорскую власть, передать дѣло изслѣдованію и сужденію университетскаго правленія, которое съ заключеніемъ своимъ представило бы о немъ вашему сіятельству; но все это было опущено, а между тѣмъ профессоръ Венедиктовъ дозволилъ себѣ въ оффиціальной бумагѣ къ декану Блументалю употребить дерзкія противъ начальства выраженія, ни въ какомъ случаѣ не терпимыя, и за кои могъ подлежать удаленію отъ должности, еслибъ ваше сіятельство не употребили уже взысканія снисходительнѣйшаго. Вслѣдствіе этого, я покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь, приказать внушить профессору Венедиктову, что ему сдѣлано теперь въ послѣдній разъ снисхожденіе, въ надеждѣ, что впредь удержится отъ всякаго предосудительнаго дѣйствія. Что же касается до весьма непохвальнаго поступка студента Коробки, то предложить правленію университета, по изслѣдованіи его, постановить заключеніе свое о томъ, какому взысканію подвергнуть этого студента и представить о томъ вашему сіятельству на утвержденіе. Присланное по этому предмету дѣло при этомъ возвращается“.

Попечитель между тѣмъ отправилъ министру слѣдующее дополнительное письмо.

„Въ дополненіе къ отношенію моему отъ 10 сего мѣсяца честь имѣю сообщить вашему превосходительству, что Венедиктовъ подаетъ дурной примѣръ какъ сослуживцамъ своимъ, такъ еще болѣе учащимся, своевольными своими дѣйствіями и ослушаніемъ противъ начальства, отказываясь даже отъ своихъ обязанностей профессора, члена совѣта и училищнаго комитета, и притомъ ссылаясь на какія то будто бы мнѣ и совѣту извѣстныя причины, по коимъ онъ не почитаетъ себя вправѣ присутствовать при экзаменѣ и вообще исполнять свою должность. Послѣ этого хотя совѣтомъ университета выпискою изъ журнала

его объявлено было, что до совершеннаго увольненія отъ службы никто не вправѣ самовольно отказываться отъ исполненія своихъ обязанностей, однако и за тѣмъ Венедиктовъ продолжалъ уклоняться отъ своихъ должностей. Между тѣмъ я съ своей стороны, не желая употреблять никакихъ мѣръ строгости, предписалъ ректору 16 октября потребовать письменное объясненіе отъ проф. Венедиктова, какія могутъ быть причины неисполненія имъ обязанностей своихъ, о коихъ онъ упоминаетъ, что онѣ должны быть извѣстны мнѣ и совѣту. Въ отвѣтъ на это предписаніе ректоръ отъ 25 октября донесъ мнѣ, что требуемаго объясненія проф. Венедиктовъ не доставляетъ, а между тѣмъ лекціи его остаются не читанными и происходитъ остановка въ учебныхъ занятіяхъ студентовъ. Вслѣдствіе чего нынѣ, отправляясь въ С.-Петербургъ, вмѣстѣ съ симъ я предписалъ продолжать чтеніе лекцій адъюнкту Венедиктова Леонову, а Венедиктову повторить, чтобы онъ немедленно доставилъ требуемое отъ него письменное объясненіе. Затѣмъ, принимая такой поступокъ за ослушаніе начальству, я представляю обстоятельство это на благоусмотрѣніе вашего превосходительства и покорнѣйше прошу васъ не оставить его безнаказаннымъ.

Въ дополненіе къ этому, честь имѣю сообщить вашему превосходительству, что по прибытіи моемъ въ С.-Петербургъ, я получилъ отъ ректора Харьковскаго университета донесеніе съ подлиннымъ объясненіемъ профессора Венедиктова о причинахъ, по коимъ онъ уклоняется отъ должности, объясняя, что онѣ указаны: 1) въ двухъ отношеніяхъ къ декану медицинскаго факультета (копіи ихъ находятся при дѣлѣ, препровожденномъ къ вашему превосходительству при отношеніи моемъ, отъ 10 октября), въ коихъ, между прочимъ, объясняетъ, что я поручилъ декану медицинскаго факультета проэкзаменовать изъ его предметовъ студента Коробку, тогда какъ проф. Венедиктовъ отказывался экзаменовать его; каковое распоряженіе мое и почитаетъ до крайности унизительнымъ для профессорскаго его званія и тѣмъ чувствуетъ себя публично оскорбленнымъ; 2) въ числѣ причинъ, побуждавшихъ его къ опущенію обязанностей, также ставитъ то, что онъ, находясь въ С.-Петербургѣ по дѣлу государственной важности, при представленіи своемъ вашему превосходительству въ послѣдній разъ 14 марта 1834 года, предчувствовалъ и предвидѣлъ непремѣнно долженствующія случиться съ нимъ бѣдствія и убѣдительнѣйше лично просилъ ваше превосходительство объ отставкѣ вовсе отъ занимаемой имъ при университетѣ должности профессора; но ваше превосходительство, обнадеживая его моимъ покровительствомъ, отзываясь о его службѣ и достоинствахъ, объявили ему, что не можете уволить его безъ особеннаго на то соиз-

воленія Его Императорскаго Величества. Что касается до перваго пункта, то надѣюсь, ваше превосходительство, что я имѣлъ право въ университетѣ, попеченію моему ввѣренному, экзаменъ въ наукахъ, преподаваемыхъ какимъ бы то ни было профессоромъ, поручить по усмотрѣнію моему декану того же факультета, особенно въ такомъ случаѣ, каковъ настоящій, гдѣ студентъ явно могъ ожидать притѣсненія отъ профессора, а потому и не знаю, чему приписать нескромныя его выраженія, что я унизилъ профессорское его званіе и публично оскорбилъ его. Во второмъ пунктѣ онъ совершенно ничего не объясняетъ, слѣдовательно, причины, представленныя проф. Венедиктовымъ, вовсе неумѣстны и рѣшительно не даютъ ему никакого права отказываться отъ исполненія своихъ обязанностей.—Почему, повторяя прежнее мое заключеніе о профессорѣ Венедиктовѣ, я покорнѣйше прошу ваше превосходительство довести объ этомъ до Высочайшаго свѣдѣнія Его Императорскаго Величества".

Между тѣмъ попечитель поѣхалъ въ Петербургъ, чтобы тамъ добиться удаленія Венедиктова и, когда убѣдился, что министръ не хочетъ этого сдѣлать, написалъ ему 24 ноября письмо съ просьбою объ отставкѣ и просилъ довести содержаніе его до свѣдѣнія Государя. Вотъ это характерное письмо.

„Monsieur le ministre! Le rapport en date du 10 octobre avec ses annexes, que j'ai eu l'honneur d'adresser à Votre Excellence, lui aura fait suffisamment connaître les actes d'insubordination inouis dans le service et les expressions injurieuses et outrageantes que le prof. Venedictoff s'est permi contre mon autorité et ma personne. Par ce même office Votre Excellence aura sans doute vu que je demandais l'eloignement du dit professeur de l'université comme mesure indispensable pour la tranquillité de ce corps et pour le maintien de mon autorité légale et morale. Cette demande aussi moderée que nécessaire n'a non seulement pas obtenu l'approbation de Votre Excellence, mais à mon arrivée ici j'ai reçu avec une pénible surprise son office du 24 octobre, qui par les dispositions est un acte de protection en faveur du prof. Venedictoff et un déni de justice et de satisfaction pour moi. Si vous voulez accorder votre attention, M. le ministre, aux pièces ci jointes, vous vous convaincrez que par mes devoirs de curateur, comme par des sentiments d'équité et de compassion, je devais proteger et défendre l'étudiant Korobka, jeune, timide et abandonné contre l'acharnement on peut dire infernal du m. Venedictoff connu déjà à V. Excellence et au gouvernement par ces dénonciations calomnieuses, qui l'ont ameué ici l'année passée sous l'escorte de la gendarmerie et qui n'a obtenu son pardon que par l'intercession de Votre Excellence. L'innocence

allait succomber sous la persécution et la mechancété et je l'ai défendu parceque c'etait mon devoir d'homme et de supérieur. Le m. Venedictoff dans un rapport officiel a outragé mon autorité et ma personne en osant dire que je donnais l'exemple de la corruption et de la violation des lois (должно необходимо почесться начальническимъ поощренiемъ къ подобнаго рода гнуснымъ и законопреступнымъ поступкамъ). Je me suis borné à réprimer cet outrage par un ordre sévère mais moderé. Le m. Venedictoff malgré mes ordres réiterés de paraitre au conseil et de continuer ses fonctions, non seulement n'y a pas obtemperé, mais les a renvoyé sans les décacheter. Je l'ai abandonné à son insubordination sans faire usage des moyens de coercition, qui etaient lu mon pouvoir.

D'après toutes ces considérations appuieés sur les actes, j'etais en droit d'obtenir la satisfaction que j'ai sollicité du pouvoir ministériel de votre Excellence. Son office du 24 octobre est bien loin de répondre à cette juste attente. D'après sa teneur le recteur devait donner un cours légal à la dénonciation du m. Venedictoff contre l'étudiant Korobka. Mais votre Excellence voudra bien observer, qu'il ne pouvait le faire que d'après mon autorisation, qui etait inutile du moment, que je me saisissais moi même de toute l'affaire. Votre Excellence non seulement ne relève pas dans son office la désobéissance du m. Venedictoff contre l'autorité légale et les paroles outrageantes et injurieuses, qu'il se permet contre ma personne (начальническое поощренie гнуснымъ и законопреступнымъ поступкамъ), mais en ordonnant la revision de cette affaire dans le tribunal de l'université, dont je suis le président, elle me fait descendre de mon siège pour me placer sur la sellette à coté du m. Venedictoff, car enfin le même tribunal saisi de l'affaire devient juge de tous les actes de mon autorité et par une singulière anomalie de tout ordre légal, d'accusateur je deviens prévenu, je dois me soumetre à la decision d'un tribunal, dont je suis le chef et dans cette position devenir juge et partie en même temps. Je veux m'oublier moi même pour un moment afin de faire remarquer à votre Excellence que par son ordre elle replace derechef l'etudiant Korobka sous le poids de l'accusation criminelle de tentative de corruption. L'exposé succeint et fidèle de cette affaire, M. le ministre, suffira pour vous convaincre, je crois, que privé de la satisfaction que j'avais esperé de votre justice, mon influence morale à l'université est dégradée et anéantie que désormais mon zèle et mon dévouement pour cet établissement seront menacés sans cesse par de nouvelles insultes ou de nouvelles dénonciations. Enfin vous reconnaitrez, je l'espere, que mon honneur intact après 53 ans de service me commande impérieusement de résigner mes fonctions actuelles. Je pris en conséquences Votre Excellence de porter cette lettre à la connaissance de

l'Empereur, afin de soumettre à Sa Majesté Impériale les motifs qui m'engagent à solliciter respectueusement ma démission de curateur de l'université de Charkoff.

Уваровъ черезъ два дня далъ на него слѣдующій отвѣтъ графу Головкину.

Monsieur le comte! J'ai lu avec une grande attention la lettre que votre Excellence m'a fait l'honneur de me remettre et qu'elle me charge de porter à la connaissance de l'Empereur. Cette lettre contient une série d'inculpations graves contre les dispositions, que j'ai du prendre dans l'affaire du pr. Venedictoff. Permettez moi d'en relever une dont l'importance ne peut manquer d'être appréciée par Sa Majesté et sur laquelle il est de mon droit de m'expliquer au préalable. Votre Excellence assure „qu'en donnant ma protection au m. Venedictoff", j'ai en de quelque façon favorisé le principe d'unsubordination et à l'appui vous ajoutez ce qui suit: „Le m. Venedictoff malgré mes ordres réiterés de paraître au Conseil et de continuer ses fonctions non seulement n'y a pas obtempéré, mais les a renvoyés sans les décacheter. Je l'ai abandonné à son insubordination sans faire usage des moyens de coercition qui étaient en mon pouvoir". Je n'ai qu'un mot à objecter à cet égard: „aucune de ces circonstances ne se trouve ni dans l'office de Votre Excellence du 10 octobre, ni au dossier, qui m'a été communiqué; ces circonstances que Votre Excellence aurait du me signaler étaient de nature à donner un aspect tout nouveau à l'affaire et je n'aurais pas manqué de les prendre, en sérieuse considération, ainsi qu'il eut été de mon devoir le plus précis et ainsi que, j'ose le dire, je l'a fait dans les rares circonstances de mon administration où de semblables infractions à l'ordre et à la subordination ont pu avoir lieu.

Je crois encore de mon droit de communiquer à Votre Excellence que lorsque le prof. Venedictoff fut mandé ici par odre exprès de Sa Majesté, il ne dut rien à mon intercession. Chargé de l'investigation de cette affaire secrète conjointement avec le C. Benckendorf nous nous sommes bornés à porter à l'Empereur un exposé fidèle et impartial de l'affaire; ce fut de Sa Majesté qu'émana directement la résolution finale.

Je crois superflu de répéter que dès le reçu de votre office, j'ai partagé le désir d'éloigner de l'université de Kharkof le pr. Venedictoff dont le caractère remuant et l'esprit inquiet sont reconnus dans mon office du 24 octobre; mais je dois faire observer à Votre Excellenceque pour parvenir à ce but il n'est que deux voyes—celle de remplir à l'égard de Venedictoff les formes légales en le livrant aux tribunaux—ou celle de l'éliminer de l'université lors de la nouvelle répartition des chaires qui va avoir lieu. Votre Excellence voudra bien convenir qu'au dela de ces deux voyes, il n'en

existe par d'autre si ce n'est un ordre immédiat de l'Empereur en supposant que Sa Majesté eut consenti à happer l'inculpé sans l'entendre et sans que les motifs de la conduite de l'étudiant qui a adressé à V. une tabatière en or et une lettre; conduite que jusques là, jè ne puis que regarder comme blamable, eussent été examinés de plus près. Veuillez croire, M. le comte, que je partage entièrement votre opinion a l'égard des expressions très répréhensibles, dont V. s'est servi dans son rapport au Doyen, même sans leur donner toute l'extension que Votre Excellence semble admettre; je prendrai la liberté d'observer que leur application à la personne de Votre Excellence ne se trouve pas même indiquée dans votre office du 10 octobre et que la sévère mercuriale que vous lui avez fait adresser en plein conseil ne m' a paru que comme une mesure provisoire mais complète préférée par vous même; après quoi l'élimination de V. au moment de la réorganisation de l'université, semble satisfaire au bût même que Votre Excellence a désiré atteindre.

Ces considérations que j'ai l'honneur de vous communiquer par écrit, après les avoir en partie exposé de vive voix, seront sans doute, accueillies par Votre Excellence avec ce sentiment de justice qui n'a pu que présider à toutes nos relations de service. Veuillez—vous rapeller d'ailleurs, M. le comte, que j'ai été et suis encore mû par le vif instinct de déférence et d'attachement personnel, qui m'a toujours fait sentir combien délicate était ma position à l'égard de Votre Excellence, qui par son titre, son âge, ses lumières, avait tout droit à la première place et qui n'avez, M. le comte, accepté la seconde que dans le désir de contribuer, au bien être d'un des principaux établissemens d'instruction publique, sur le quel vous avez déjà attiré le haut intérêt de notre Auguste Maître. C'est donc au nom de cet intérêt public que je vous ai exprimé sur le champ et d'abondance de coeur, la proposition franche et loyale de retirer mon office du 24 dont au reste aucune ligne, aucun mot ne porte l'empreinte de l'egalité et qui m'a été dicté par le désir de concilier vos vues avec les exigences impérieuses de l'ordre du service dont je ne puis m' affranchir et d'éliminer ensuite le prof. Venedictoff lors de la réorganisation de l'université; j'ai été, je vous l'avoue, douloureusement surpris de vous voir repousser la main que je tendais avec confiance autant dans l'intérêt du service, que dans le désir franchement avoué d'épargner à l'Empereur le jugement d'une affaire, dans la quelle par une association étrange, votre nom et le mien se trouvent melés aux noms du pr. Venedictoff et de l'étudiant Korobka.

Ce ne sera que sur un refus exprimé pour la seconde fois que je me trouverai dans la pénible nécessité de mettre notre correspondance sous les yeux de l'Empereur.

Veuillez agréer, M. le comte, l'hommage de la haute considération avec la quelle j'ai l'honneur d'être.

Графъ Головкинъ остался при своемъ рѣшеніи и написалъ Уварову 28 ноября такое отвѣтное письмо.

Monsieur! Votre Excellence dans la lettre, qu'elle m'a fait l'honneur de m'adresser en date du 26 novembre regrette que je n'ai pas porté à Sa Connaissance les nouvaux actes de l'audacieuse insubordination du pr. Venedictoff et qui suppose, qu'il doit à votre intervention son pardon pour les dénonciations calomnieuses, qu'il avait osé adresser à Sa Majesté l'Empereur l'année dernière. Les nouveaux actes d'insubordination du m. Venedictoff n'ayant eu lieu qu'après mon rapport à Votre Excellence du 10 octobre et bien qu'averés n'etant pas corroborés par aucun document officiel, je me suis borné à en faire l'objet de mon entretien.

Je ne cite l'intercession que Votre Excellence a accordée à m. Venedictoff pour le soustraire au juste chatiment attaché à tout faux calomniateur que pour prouver combien peu cet individu était digne de votre généreuse indulgence.

Maintenant pour en revenir à l'objet principal de notre correspondence, je dois avant tout témoigner à Votre Excellence reconnaissance pour la mesure comprise de son office du 24 octobre, cause première de cette malheureuse affaire. Soyez persuadé, M. le ministre, qu'autant que vous, j'en regrette l'origine et la marche; mais la proposition que vous me faites ne m'offre aucune des garanties que je me crois en droit d'exiger. L'innocence de l'étudiant Korobka n'y est pas reconnue et j'y crois tellement en âme et conscience que je suis fermement décidé à la défendre contre son persécuteur par tous les moyens qui sont à ma disposition, dussais je y succomber avec lui.

Dans notre entretien, Votre Excellence m'a temoigné le doute que les expressions injurieuses de V. contre l'autorité (comme si elle donnait l'exemple de la corruption et de la violation des lois) ne pouvaient s'entendre que dans un sens collectif. Vous avouerez, M. le ministre, qu'en adoptant cette interprétation, je dois avoir, en qualité de curateur, la plus grosse part dans cette inculpation. Mais veuillez remarquer que dans toute cette affaire mon autorité personelle est la seule qui ordonne et qui règle, donc je n'éxagère pas en avançant que j'ai été offensé dans ma qualité de supérieur et injurié dans ma personne et dans mon honneur. La proposition de Votre Excellence d'élimener le dit professeur lors de l'introduction des nouveaux statuts universitaires est bien loin de me donner la réparation et la satisfaction que je suis en droit d'éxiger, légitimement. Le m. Venedictoff sera tout simplement soumis à la reforme qui comprendra également

d'autres professeurs que l'âge ou les infirmités éliminent de la carrière; ainsi l'insubordination, les dénonciations calomnieuses et le mépris de toutes les règles du service partageront avec d'honorables serviteurs les avantages d'une retraite honorable. Vous me permettrez, M. le ministre, de vous ouvrir ici ma pensée toute entière. Certes, je considère la reprise de votre office comme la preuve d'égards personnels que vous voulez avoir la bonté de me témoigner, mais non comme une conviction de la justice de mes réclamations. Cette pièce porte le caractère de votre opinion particulière sur le sujet et la chaleur avec la quelle vous l'avez défendue dans notre entretien m'a suffisamment prouvé, que bien même que la pièce serait détruite, votre opinion devait subsister. La lettre serait morte, mais l'esprit vivrait. Après avoir examiné l'insuffisance de la mesure d'élimination du m. Venedictoff, Votre Excellence enoncez que pour me procurer la satisfaction que je demande les limites de son pouvoir ne lui ouvrent que deux voies: celle de faire juger le m. Venedictoff par les tribunaux ou d'avoir recours à Sa Majesté Empereur. Il est clair, que la première voie me conduirait à comparaitre et à répondre aux interrogations de la chambre criminelle de Karkoff. Je suis loin de récuser mon égalité devant la loi, mais je pense que cet exemple serait nuisible à la discipline du service et surtout à une université où l'autorité morale du curateur est d'une haute importance.

Ainsi que vous, M. le ministre, je regrette vivement d'avoir à importuner Sa Majesté Impériale avec l'exposé de ce malheureux incident. Mais l'Empereur est le protecteur suprême de l'ordre légal. Il est un juge infaillible en fait d'honneur et j'espère que Sa Majesté reconnaîtra dans sa justice que je ne puis désormais Lui être d'aucune utilité dans mes fonctions de curateur de l'université de Karkoff; je prie en conséquence Votre Excellence de Lui présenter ma lettre de démission en date du 24 ainsi que la présente plus explicative des motifs de ma démarche.

Je prie Votre Excellence de vouloir bien me faire restituer toutes les pièces de cette affaire qui constituent toutes les preuves justificatives".

Уварову, такимъ образомъ, болѣе ничего не оставалось, какъ представить возникшій между нимъ и Головкинымъ споръ на благоусмотрѣніе Государя и онъ это сдѣлалъ въ особомъ всеподданнѣйшемъ докладѣ, къ которому приложилъ и свою переписку съ попечителемъ. Вотъ что писалъ онъ въ этомъ докладѣ.

„Въ недавнемъ времени, когда я имѣлъ счастіе слышать изъ устъ Вашего Императорскаго Величества милостивый отзывъ о Харьковскомъ университетѣ, я былъ далекъ отъ предположенія, что немедленно за этимъ буду къ крайнему прискорбію и совершенно неожиданно для

себя обязанъ утруждать Ваше Величество обстоятельствами дѣла недостойнаго, смѣю сказать, Высочайшаго воззрѣнія. 10 октября попечитель графъ Головкинъ вошелъ съ представленіемъ, въ копіи къ этому прилагаемымъ, въ коемъ требуетъ избавить Харьковскій университетъ отъ профессора анатоміи *Бенедиктова* (извѣстнаго Вашему Величеству по доносу, сдѣланному имъ въ 1834 году, по коему онъ впослѣдствіи Всемилостивѣйше возвращенъ въ Харьковъ). Это заключеніе основано на дѣлѣ Венедиктова съ однимъ казеннокоштнымъ студентомъ, приславшимъ ему предъ экзаменомъ, при письмѣ, въ подарокъ золотую табакерку, и на томъ, что Венедиктовъ въ донесеніи къ декану Блументалю употребилъ нѣсколько дерзкихъ выраженій, какъ это изложено въ запискѣ, извлеченной изъ самихъ актовъ настоящаго дѣла, попечителемъ сообщенныхъ. Власть министра не простирается до того, чтобы отрѣшать чиновниковъ безъ суда или безъ Высочайшаго повелѣнія. По долгу моего званія, я не могъ осмѣлиться утруждать вниманія Вашего Величества въ дѣлѣ, недостаточно по моему разумѣнію изслѣдованномъ. Сверхъ того, имѣя въ виду, что при предстоящемъ преобразованіи Харьковскаго университета откроется удобный случай, въ удовлетвореніи желанія попечителя, удалить безъ огласки профессора Венедиктова, я въ отношеніи къ графу Головкину отъ 24 октября, соображаясь съ правилами службы, съ содержаніемъ представленія попечителя, осуждая Венедиктова, но не оправдывая студента, счелъ нужнымъ обратить предварительно дѣло къ законному теченію по инстанціямъ университетскимъ, предоставляя попечителю постановить окончательно свое собственное рѣшеніе.

Таковое распоряженіе мое (о коемъ графъ Головкинъ получилъ отношеніе мое по возвращеніи сюда), принято попечителемъ въ иномъ видѣ и хотя при личномъ и даже дружескомъ объясненіи, я излагалъ ему подробно всѣ мои побужденія, всю невозможность отступить мнѣ отъ законнаго порядка, всю несоразмѣрность его гнѣва съ предметомъ его, что Венедиктовъ (о которомъ, впрочемъ, попечитель никогда досель не упоминалъ), могъ бы, для сохраненія тишины и согласія въ университетѣ, быть удаленъ изъ него, но съ соблюденіемъ по крайней мѣрѣ нѣкоторой законности, нѣкотораго сострадалія къ его семейству: но я не успѣлъ уговорить графа взять обратно врученное письмо, въ коемъ онъ ходатайствуетъ объ увольненіи его отъ управленія Харьковскимъ округомъ. При этомъ свиданіи я не только предлагалъ графу взять назадъ мое отношеніе отъ 24 октября (въ чемъ я виню себя предъ Вашимъ Величествомъ, какъ въ отступленіи отъ порядка службы), но изъявлялъ ему какъ и во все время нашихъ сношеній, почти-

тельное, такъ сказать, ласковое уваженіе, которое соблюдалъ я со всею осторожностію, со всею разборчивостію съ самаго того дня, какъ графъ Головкинъ принялъ на себя управленіе Харьковскимъ учебнымъ округомъ, въ чемъ осмѣливаюсь призывать Ваше Величество въ свидѣтели, въ чемъ, наконецъ, сознается и самъ графъ, какъ изволите усмотрѣть въ послѣднемъ его письмѣ. Попечитель съ своей стороны, выражаясь съ благосклонностію, остался при своемъ желаніи, чтобы письмо его повергнуто было на Высочайшее Вашего Императорскаго Величества благоусмотрѣніе. Замѣтивъ, что въ этомъ письмѣ графа обстоятельства дѣла не изложены съ полною справедливостію и даже не согласно съ оффиціальнымъ его представленіемъ, я счелъ нужнымъ отнестись къ къ нему съ письмомъ, съ коего копію считаю долгомъ поднести на Высочайшее Ваше усмотрѣніе и воспользоваться этимъ случаемъ, дабы возобновить прежнее предложеніе прекратить его неудовольствіе на счетъ распоряженія министерства, а дѣло Венедиктова или предать законному теченію, или удалить этого профессора безъ огласки изъ университета. Это письмо, коего каждое выраженіе дышетъ желаніемъ отклонить отъ Вашего Велитества настоящее донесеніе мое, не перемѣнило рѣшенія попечителя. Отвѣтъ его (№ 6) сверхъ исправленія нѣсколькихъ прежнихъ утвержденій на счетъ моихъ мѣръ, наполненный неограниченными и непонятными требованіями, оканчивается вторичною просьбою довести до свѣдѣнія Вашего Императорскаго Величества объ увольненіи его отъ должности попечителя. Я смѣю употребить выраженіе *требованій непонятныхъ*, ибо ни законнымъ сужденіемъ профессора Венедиктова, ни административнымъ удаленіемъ его изъ Харьковскаго университета попечитель не довольствуясь, ожидаетъ отъ меня, по его словамъ, какихъ-то *ручательствъ* (garanties), въ порядкѣ нашей службы неизвѣстныхъ. Впрочемъ, соблюдая до конца умѣренность, отъ коей я не отступалъ ни на шагъ, ни на минуту, я не дозволю себѣ никакого замѣчанія на этотъ отзывъ. Содержаніе его смѣю думать, оправдаетъ меня въ томъ, что я называю его *непонятнымъ*. Осмѣливаюсь прибавить одно: попечитель въ первомъ своемъ письмѣ упоминаетъ о *доносахъ*, на него сдѣланныхъ; это не можетъ относиться ко мнѣ, ибо доносовъ я не получалъ и не получаю; если же это выраженіе касается нѣкоторыхъ свѣдѣній, сообщаемыхъ мнѣ секретно изъ III отдѣленія Собственной Канцеляріи Вашего Величества, именно записки, препровожденной мнѣ статсъ-секретаремъ Мордвиновымъ 6 сентября этого года, съ коей копію при этомъ всеподданнѣйше прилагаю (№ 7), то я считаю долгомъ объяснить, что, принявъ къ свѣдѣнію эту записку, я оставилъ ее временно безъ производства.

Вполнѣ чувствую я, Всемилостивѣйшій Государь, сколь обременительно для Вашего Величества читать эти бумаги и эту переписку; что отъ меня зависѣло, дабы прекратить это дѣло, давъ ему законное теченіе, было сдѣлано, смѣю сказать, съ самоотверженіемъ съ моей стороны, но тщетно. Остается мнѣ съ полною откровенностію всеподданнѣйше просить Ваше Императорское Величество изслѣдовать не одну правильность моихъ оффиціальныхъ дѣйствій, но еще разрѣшить: могъ ли я прибавить что-либо къ мѣрамъ соглашенія, предлагаемымъ мною попечителю и словесно и письменно, внушаемымъ мнѣ уваженіемъ къ его лѣтамъ и званію, но еще гораздо болѣе, обязанностію приносить все, даже чувство личной правоты, на жертву для охраненія Вашего Императорскаго Величества отъ подобныхъ непріятныхъ явленій".

Императоръ Николай Павловичъ положилъ по этому дѣлу въ высшей степени характерную собственноручную резолюцію, которую привожу буквально.

„Прочитавъ съ должнымъ вниманіемъ все дѣло, нахожу, что вы во всемъ правильно поступили. Не понимаю графа Головкина; дѣло, сколько теченіе его видно изъ приложенныхъ бумагъ, весьма просто и ясно. Студентъ, *освидѣтельствованный въ здравомъ разсудкѣ*, осмѣлился прислать подарокъ не *въ благодарность за лѣченіе*, а дабы снискать снисходительность при экзаменѣ, къ своему профессору. Сей послѣдній исполнилъ въ строгомъ смыслѣ долгъ свой, представивъ начальству письмо и подарокъ,—въ строгомъ порядкѣ службы должно было начальству университета строго взыскать со студента и симъ удовлетворить обиженнаго профессора. Но сіе не исполнено, поступокъ студента извиняется, а обиженному профессору не оказывается удовлетворенія. За симъ вмѣсто жалобы въ приличныхъ выраженіяхъ профессоръ осмѣлился написать дерзкую бумагу, за которую подлежитъ суду; но графъ Головкинъ изъ сострадательности довольствовался выговоромъ, который однако не состоялся, ибо профессоръ ослушался и не явился въ совѣтъ, за что вторично, *какъ ослушникъ, подлежитъ суду*. Изъ сего простого изложенія всего дѣла ясно, что ежели бы съ начала дѣло было ведено все въ должномъ строгомъ порядкѣ, не было бы и поводу къ непріятнымъ послѣдствіямъ. Студентъ за дерзость былъ бы наказанъ; профессоръ удовлетворенъ; и за симъ оставалось бы графу Головкину, ежели находилъ профессора вреднымъ для университета, просить его удаленія, не смѣшивая одного съ другимъ. Но все это не исполнено и предметы смѣшаны. Нынѣ слѣдуетъ привесть все къ законному теченію. Студентъ, какъ первый нарушитель порядка, долженъ быть наказанъ,

какъ по уставу слѣдуетъ. Профессоръ *за ослушаніе* отданъ подъ судъ и вмѣстѣ съ симъ отрѣшенъ отъ должности. Графу Головкину вы прочтите сію записку и изъясните, что мнѣ прискорбно было читать его два письма и что въ нихъ не узналъ я стараго моего друга Головкина; ибо я его доселѣ *всегда понималъ*, а теперь признаюсь въ противномъ. Ежели онъ не желалъ болѣе продолжать мнѣ столь пріятную его службу при университетѣ, то въ правилахъ имѣю никого нигдѣ противъ воли не держать; но мнѣ сіе будетъ крайне жаль и что зная его по мнѣ дружбу, я все надѣюсь, что онъ раздумаетъ и останется тамъ, гдѣ онъ дѣйствительно мнѣ полезенъ и гдѣ всѣми любимъ, какъ заслуживаетъ".

Николай Павловичъ, очевидно, хорошо зналъ психологію своего друга Головкина,—милостивыя слова по его адресу тронули стараго вельможу и онъ взялъ назадъ свое прошеніе объ отставкѣ и помирился съ Уваровымъ, какъ это видно изъ доклада этого послѣдняго Государю.

„По выслушаніи собственноручной записки Вашего Императорскаго Величества графъ Головкинъ просилъ меня довести всеподданнѣйше до Высочайшаго Вашего свѣдѣнія, что онъ тронутъ до глубины серца благосклонными выраженіями Вашего Величества и милостивымъ объясненіемъ, коимъ Вы изволили его удостоить вчера; что онъ не только готовъ оставаться попечителемъ Харьковскаго университета, но что постарается вновь трудами и усердіемъ содѣйствовать дальнѣйшему усовершенствованію его. посвящая остатокъ жизни на службу Вашего Величества, гдѣ и какъ Вамъ благоугодно будетъ. Прочія распоряженія Вашего Величества по дѣлу проф. Венедиктова и студента Коробки будутъ исполнены съ надлежащей точностью и о нихъ донесено Вашему Императорскому Величеству".

Что касается проф. Венедиктова, то о немъ на основаніи резолюціи Государя, послѣдовалъ такой приказъ министра.

„Государь Императоръ послѣ разсмотрѣнія дѣла о профессорѣ Венедиктовѣ и студентѣ Коробкѣ, Высочайше повелѣть соизволилъ: 1) профессора Венедиктова за дерзкія выраженія, противъ начальства употребленныя имъ въ оффиціальномъ донесеніи къ декану Блюменталю, за ослушаніе приказаній начальства, касательно отправленія своей должности, неявку въ совѣтъ университета и прочіе законопротивные поступки, отрѣшить отъ должности и предать суду; 2) со студентомъ Коробкою, какъ съ первымъ нарушителемъ порядка, поступить на основаніи университетскаго устава, предавъ его, согласно съ моимъ предложеніемъ вашему сіятельству отъ 24 октября, предварительно обсужденію правленія. Въ исполненіе Высочайшаго повелѣнія касательно профессора Венедиктова отнесся я вмѣстѣ съ симъ къ министру юстиціи

о надлежащихъ съ его стороны распоряженіяхъ и предписаніи Слободско-Украинской уголовной палатѣ о производствѣ надъ Венедиктовымъ *слѣдствія* и *суда* согласно св. угол. зак. т. XV ст. 1287; почему и прошу покорнѣйше ваше сіятельство дать какъ ректору, такъ и правленію университета надлежащее предписаніе, чтобы всѣ акты и свѣдѣнія по дѣлу профессора Венедиктова были сообщены въ палату, равно чтобъ всѣ требованія ея по законному порядку были со стороны правленія и ректора удовлетворяемы неукоснительно. Что же касается до студента Коробки, то я покорнѣйше прошу ваше сіятельство о заключеніи правленія, долженствующемъ опредѣлить степень его вины и мѣру наказанія, представить впослѣдствіи съ мнѣніемъ вашего сіятельства на мое разсмотрѣніе. За симъ, всѣ прочія мѣры. какія ваше сіятельство найдете нужными предписать университету для точнѣйшаго исполненія Высочайшей воли, будутъ зависѣть отъ собственнаго усмотрѣнія вашего".

Попечитель вскорѣ представилъ министру опредѣленіе правленія о мѣрѣ наказанія, опредѣленнаго имъ студенту Коробкѣ.

„При отношеніи отъ 16 сего февраля ваше сіятельство препроводили ко мнѣ: 1) записку изъ дѣла о вольнослушающемъ Гаврилѣ Коробкѣ, преданномъ по Высочайшему повелѣнію суду правленія Харьковскаго университета за нарушеніе порядка и 2) копію съ протокола состоявшагося въ 29 день прошедшаго генваря, содержащаго въ себѣ заключеніе этого правленія о степени виновности Коробки и о присужденіи его къ трехдневному аресту. Ваше сіятельство съ своей стороны находите, что слѣдовало бы увеличить наказаніе Коробки выдержаніемъ его въ карцерѣ на недѣлю. Соглашаясь съ этимъ мнѣніемъ, я покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь, о распоряженіи къ приведенію сего въ исполненіе".

По рѣшенію Харьковской уголовной палаты и сената Венедиктовъ былъ присужденъ къ слѣдующему наказанію: ему вмѣнено было отрѣшеніе отъ должности и нахожденіе подъ судомъ, сверхъ того за упорство и дерзкія выраженія велѣно было выдержать его 4 недѣли подъ арестомъ при полиціи, со внесеніемъ того и другого въ формуляръ. Но рѣшеніе это не было приведено въ исполненіе, потому *что Венедиктовъ сошелъ съ ума*. Нужно думать, что предрасположеніе къ душевному разстройству у него было уже и раньше, а теперь оно наступило вслѣдствіе тяжкихъ нравственныхъ страданій, выпавшихъ на его долю въ послѣдніе годы. Эта болѣзнь освободила его отъ наказанія; она же должна снять съ него и нравственную вину за его поступки въ глазахъ потомства.

Мы занимались до сихъ поръ изложеніемъ данныхъ, относящихся къ университетскому *управленію*, а не *самоуправленію*. И это не случайно. Хотя въ изучаемый нами періодъ времени университетскій уставъ 1804 года и не былъ отмѣненъ, а дѣйствовалъ попрежнему, но ему нанесенъ былъ рядъ такихъ жестокихъ ударовъ, что отъ него осталась, можно сказать, блѣдная тѣнь. Либеральная эпоха первыхъ годовъ царствованія Императора Александра I-го, вызвавшая его къ жизни, миновала безвозвратно и замѣнилась тяжелой реакціей временъ Аракчеева, Голицына, Шишкова, а затѣмъ, въ царствованіе Императора Николая Павловича, болѣе спокойнымъ, но тяжелымъ для университетовъ режимомъ министра народнаго просвѣщенія С. С. Уварова. Уставъ 1804 г. во вторую половину своего существованія уже не соотвѣтствовалъ духу времени и представлялся какимъ то анахронизмомъ среди новыхъ учрежденій, проникнутыхъ діаметрально противоположнымъ характеромъ. Для успѣха дѣла было необходимо, чтобы уставу соотвѣтствовали дѣятели; но этого именно и не было: новые дѣятели старались нанести ему возможно болѣе чувствительные удары. Каждый изъ попечителей Харьковскаго учебнаго округа, какъ мы видѣли, старался внести свою лепту въ это дѣло разрушенія и проявлялъ здѣсь энергію, достойную лучшаго примѣненія. Мы подробно разсмотрѣли ихъ дѣятельность по отношенію къ университету и могли убѣдиться въ томъ, что нетолько Карнѣевы, но и Перовскій были вѣрными поборниками и проводниками того направленія, какого держались министры народнаго просвѣщенія. И характерно то, что дальше всѣхъ пошелъ по этому пути наиболѣе просвѣщенный и образованный изъ нихъ— литераторъ Погорѣльскій.

Отрицательные, клонившіеся къ уничтоженію университетскаго самоуправленія проэкты А. А. Перовскаго можно поставить въ связь съ тѣмъ руководящимъ наставленіемъ, которое преподалъ совѣту Харьковскаго университета въ 1825 г. министръ народнаго просвѣщенія Шишковъ. Вотъ это замѣчательное наставленіе.

„Вступивъ въ управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія, усмотрѣлъ я изъ хода дѣлъ, что министерство это отъ самаго начала своего не имѣло постояннаго плана, которымъ всегда руководствуясь, могло бы оно въ продолженіи времени всѣ части его привести въ желаемое устройство. Съ распространеніемъ училищъ не приготовлены были учебныя книги для единообразнаго преподаванія наукъ, учители, въ общемъ наставленіи юношей, слѣдовали каждый своему произволу и понятіямъ. Отселѣ одна и та же наука преподавалась разнообразно, иногда съ недостаткомъ, иногда съ примѣсью многихъ излишествъ и

часто съ упущеніемъ изъ виду главнѣйшихъ въ просвѣщеніи оснований христіанской вѣры и доброй нравственности. Неопредѣленность въ правилахъ народнаго воспитанія должна была произвести разстройство управленія по частнымъ и различнымъ мнѣніямъ. Еще въ 1815 году имѣлъ я честь представлять Государственному Совѣту мнѣніе мое о цензурѣ, въ которомъ изложивъ выписки изъ книгъ, изданныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія для университетовъ, гимназій и училищъ. Изъ этихъ выписокъ явствовало, какими странностями и неразумительностями, вмѣсто простыхъ и ясныхъ началъ, наполнены были эти книги, удобныя скорѣе затмить умъ и развратить сердце ученика, скорѣе возбудить въ немъ огонь страстей и самолюбія, нежели просвѣтить нужными познаніями, украсить благонравіемъ и наставить на истинный путь. Министерство просвѣщенія не обратило тогда своего на то вниманія и оставило прежній образъ ученія. Послѣ того появились еще худшія сочиненія и переводы, также и произвольныя, вѣрѣ нашей и монархическому правленію противныя преподаванія правилъ по рукописнымъ тетрадямъ, за которыя правительство, открывая иногда ихъ, предавало наставниковъ суду. Многіе въ разныхъ училищахъ возникавшіе отъ этого безпорядки и продерзости, строгостію и наказаніемъ обузданныя, показывали произраставшіе отъ этихъ худыхъ началъ таковые-же и плоды. Принявъ все сіе въ разсужденіе, почелъ я необходимо нужнымъ взять надлежащія мѣры: 1) къ приведенію въ извѣстность всѣхъ дѣйствій и распоряженій по части народнаго воспитанія, до нынѣ производимыхъ; 2) изъ худыхъ или не нужныхъ наставленій, вкравшихся въ преподаваніе наукъ, остановить, искоренить и обратить къ началамъ, основаннымъ на чистотѣ вѣры, на вѣрности и долгѣ къ государю и отечеству, на спокойствіи, пользѣ и пріятностяхъ общежитія. Въ слѣдствіе этого учредилъ я изъ трехъ членовъ главнаго правленія училищъ комитетъ для составленія проекта общаго устава для университетовъ и училищъ, къ которому прилагатся особо, въ видѣ дополненій, тѣ частныя отъ этого устава отступленія, кои, по мѣстнымъ обстоятельствамъ и другимъ уважительнымъ причинамъ, въ нѣкоторыхъ изъ учебныхъ заведеній признаются необходимыми. Министерство народнаго просвѣщенія должно имѣть постоянный планъ для народнаго воспитанія. Къ составленію этого плана пригласилъ я всѣхъ членовъ главнаго правленія училищъ. Имѣя твердую довѣренность къ ихъ познаніямъ и опытности, а потому увѣренный въ совершенной ихъ благонамѣренности, указалъ я имъ только кратко тѣ основныя начала, на коихъ важное произведеніе это долженствуетъ единообразно утвердиться, а именно: 1) воспитаніе народное во всей Имперіи нашей, не

смотря на разность вѣръ, ниже языковъ, должно быть русское; 2) греко-католикъ, римско-католикъ и лютеранинъ должны быть воспитаны, первый въ твердомъ и незыблемомъ православіи, а второй и третій во всей точности положительнаго исповѣданія своей вѣры; 3) все иновѣрное русское юношество должно учиться нашему языку и знать его. Оно должно преимущественно изучать нашу исторію и законы; 4) всѣ науки должны быть очищены отъ всякихъ не принадлежащихъ къ нимъ и вредныхъ умствованій; излишнее множество и великое разнообразіе учебныхъ предметовъ должно быть благоразумно ограничено и сосредоточено, во-первыхъ, въ тѣхъ познаніяхъ, кои самымъ учрежденіемъ разныхъ учебныхъ заведеній постановлены, и во-вторыхъ, сообразно съ званіями, къ коимъ учащіеся предназначаются; 6) языкъ славянскій, т. е. высокій, и классическая русская словесность повсемѣстно должны быть вводимы и ободряемы; 7) языкъ греческій долженъ вездѣ, кромѣ училищъ иновѣрныхъ, имѣть преимущество передъ латинскимъ; 8) не должно терять изъ вида особенно того, что одно обученіе не есть воспитаніе и даже вредно безъ воздѣланія нравственности, которой христіанину внѣ церкви нигдѣ найти не можно, что Государь и польза Отечества требуютъ отъ воспитанія юношества вѣрныхъ сыновъ Церкви и вѣрныхъ подданныхъ, людей преданныхъ Богу и Царю, и что въ этомъ только смыслѣ человѣкъ просвѣщенный долженъ быть почтенъ благовоспитаннымъ. Вышесказанный комитетъ приступя къ исполненію возложеннаго на него порученія, представилъ мнѣ, что для опредѣленія вполнѣ того, въ чемъ каждый университетъ въ особенности и всѣ вообще нуждаются, нужно снестись съ самими университетами, коимъ болѣе всего должны быть извѣстны недостатки прежнихъ постановленій и средства къ усовершенствованію ихъ.

Находя мѣру эту весьма полезною для предлежащаго дѣла такой важности, покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь мой, предложить ее на разсужденіе совѣта Харьковскаго университета; по надлежащемъ же соображеніи представить мнѣніе его, какія именно и по какимъ причинамъ нужны перемѣны въ существующемъ нынѣ уставѣ этого университета или какія требуются дополненія къ нему во всѣхъ отношеніяхъ устава, т. е. учебномъ, ученомъ, хозяйскомъ и полицейскомъ. Буде же кто-либо изъ профессоровъ не согласится съ мнѣніемъ прочихъ членовъ университетскаго совѣта, то и его мнѣніе присовокупить и доставить ко мнѣ. Но дабы мѣра эта не остановила занятій комитета, то покорнѣйше прошу васъ распорядиться такъ, чтобы мнѣніе совѣта съ примѣрными штатами доставлены были ко мнѣ непремѣнно въ теченіи шести недѣль съ полученія этого моего предложенія.

При этомъ прошу предписать обо всемъ этомъ къ надлежащему исполненію и начальству гимназій высшихъ наукъ князя Безбородко и о послѣдующемъ мнѣ донести!" [1])

Справедливую оцѣнку разрушительныхъ проэктовъ Е. В. Карнѣева далъ, какъ мы видѣли, академикъ Фусъ, заявивъ, что профессора— не приказные и что частныя отступленія отъ устава только нарушаютъ должное единообразіе, ибо не можетъ быть вреднымъ для Харьковскаго университета то, что на основаніи опыта признано полезнымъ для остальныхъ. А. А. Перовскій приписывалъ оскудѣніе профессорской коллегіи въ Харьковскомъ университетѣ существованію выборнаго начала, а когда дѣйствіе этого послѣдняго во исполненіе его ходатайства было пріостановлено и ему была предоставлена полная возможность пополнить ея составъ, оказалось, что хотя онъ при назначеніи на профессорскія мѣста своихъ кандидатовъ мало справлялся съ ихъ ученымъ цензомъ, однако въ концѣ его управленія число вакантныхъ каѳедръ было весьма значительно. Новый попечитель Филатьевъ также поставилъ своею главною цѣлью увеличить наличный составъ профессорской коллегіи въ Харьковскомъ университетѣ, но не достигъ своей цѣли и дѣйствовалъ въ этомъ направленіи, какъ мы видѣли, крайне неудачно. Только Ю. А. Головкинъ и его помощникъ гр. Панинъ, будучи воодушевлены искреннимъ желаніемъ способствовать возрожденію мѣстной университетской жизни, пытались достичь этого не отстраненіемъ профессоровъ отъ дѣятельности, а привлеченіемъ ихъ къ обсужденію вопросовъ, касавшихся университета, и стремленіемъ стряхнуть съ нихъ апатію къ общественной коллегіальной дѣятельности. Къ сожалѣнію система прежняго 18-ти лѣтняго управленія принесла уже свои плоды — привела къ ослабленію научной дѣятельности, ко всеобщему равнодушію въ сферѣ общественныхъ идеаловъ и господству узкихъ эгоистическихъ интересовъ. И тщетны были усилія гр. Панина пробудить профессоровъ отъ этой спячки, вывести Харьковскій университетъ изъ его тогдашняго упадка. Не могли остаться безъ вліянія факты изгнанія цѣлаго ряда профессоровъ, въ особенности Шада и Осиповскаго. Дѣло перваго произвело тяжелое впечатлѣніе на профессоровъ иностраннаго происхожденія; въ связь съ нимъ была поставлена вообще реакція противъ иностранцевъ, вызванная Наполеоновскимъ нашествіемъ и нашедшая себѣ яркое выраженіе въ извѣстномъ намъ циркулярѣ министра гр. А. К. Разумовскаго о предпочтеніи, которое слѣдовало оказывать русскимъ кандидатамъ передъ иностранными. Къ

---

[1]) Харьк. унив. архивъ. Предлож. поп. 1825 г., стр. 159—162.

сожалѣнію, циркуляръ этотъ былъ истолкованъ не въ смыслѣ предпочтенія, совершенно естественнаго и законнаго, а въ смыслѣ полнаго исключенія того вызова профессоровъ изъ заграницы, который практиковался такъ широко въ первые годы существованія русскихъ университетовъ и былъ вызванъ несомнѣнно обнаружившимися недостатками въ русскихъ ученыхъ силахъ. Само собою разумѣется, что русскіе университеты должны были эмансипироваться современемъ отъ этихъ иностранныхъ руководителей русскаго юношества, но сдѣлать это можно и должно было не сразу, а постепенно, по мѣрѣ подготовки профессоровъ русскаго происхожденія. Между тѣмъ новый министръ народнаго просвѣщенія кн. А. Н. Голицынъ, исходя не изъ существа дѣла, не изъ интересовъ университетскаго преподаванія и науки, а изъ предположеній чисто политическаго характера, рѣшилъ совсѣмъ прекратить связи русскихъ университетовъ съ германскими, въ виду того, что эти послѣдніе скомпрометировали себя въ его глазахъ либеральнымъ духомъ. И вотъ съ 1815 г. Харьковскій университетъ лишился большинства своихъ выдающихся профессоровъ нѣмецкаго происхожденія—они буквально разбѣжались изъ него въ разныя стороны подъ вліяніемъ реакціи противъ иностранцевъ—и вмѣстѣ съ тѣмъ на ихъ мѣсто и вообще на вакантныя каѳедры не поступилъ ни одинъ ученый изъ Германіи или Франціи. Оставалась только небольшая группа иностранцевъ, разрозненная, напуганная, оторопѣвшая и, нужно прибавить, совсѣмъ опустившаяся: энергичный боецъ Пильгеръ теперь, по болѣзни, считался даже неспособнымъ къ занятію университетскихъ должностей; Нельдехенъ былъ удаленъ за пьянство; Делявинь приспособлялся къ новому режиму, но тщетно силился отвоевать себѣ у Джунковскаго дополнительный предметъ — сельское хозяйство; Паки-де-Совиньи безуспѣшно стремился получить каѳедру латинскаго языка; только Рейтъ да Лангъ проявляли еще нѣкоторую энергію, но ихъ выставляли въ глазахъ попечителя, какъ безпокойныхъ иноземцевъ, вносящихъ только смуту въ университетскую жизнь. Они потеряли теперь свое прежнее значеніе и въ силу пригнетеннаго состоянія не могли отстаивать на почвѣ закона и устава университетскаго самоуправленія, тѣмъ болѣе что, по старой памяти, продолжали еще выступать иногда противъ своихъ русскихъ товарищей. Изъ иностранцевъ одни только славяне чувствовали себя повидимому хорошо, потому что обладали въ большой степени завиднымъ свойствомъ приспособляться ко всякому режиму; впрочемъ ихъ было въ это время послѣ удаленія Стойковича всего двое—Дудровичъ и Пауловичъ; первый былъ даже ректоромъ, второй—инспекторомъ, заслуженнымъ профессоромъ, и т. п. Русская прогрессивная партія, во

главѣ которой стоялъ наиболѣе авторитетный профессоръ, ученый и безсмѣнный ректоръ Т. Ѳ. Осиповскій, была въ силѣ при попечителѣ С. О. Потоцкомъ; а его преемникомъ З. Я. Карнѣевымъ и ей нанесенъ былъ сильнѣйшій ударъ, благодаря остракизму, постигшему ея вождя и руководителя. Ничѣмъ не вызванное устраненіе Осиповскаго отъ должности ректора и профессора еще въ большей степени терроризировало русскихъ профессоровъ, чѣмъ высылка Шада иностранныхъ. Мѣсто его занялъ Джунковскій, бывшій покорнымъ орудіемъ З. Я. Карнѣева. Изъ другихъ ректоровъ Дудровичъ былъ такимъ-же покорнымъ орудіемъ Перовскаго; Еллинскій не задавался общими идеями и принципами, а Кронебергъ хотѣлъ подражать попечителю Перовскому и выставилъ на знамени своемъ принципъ — „власть идетъ". Неудивительно, что при такихъ условіяхъ духъ университетской автономіи среди профессоровъ все болѣе и болѣе ослабѣвалъ и новый уставъ 1835 года, облегчившій университетамъ бремя ихъ общественнаго служенія, находился въ нѣкоторомъ соотвѣтствіи съ настроеніемъ преподавательской коллегіи. Посмотримъ, однако, въ чемъ выражалось теперь университетское *самоуправленіе* и въ какой мѣрѣ оно было ослаблено новыми распоряженіями вѣяніями. Остановимся прежде всего на дѣйствіи *выборнаго начала*. Оно выражалось въ правѣ совѣта избирать всѣхъ преподавателей. Посмотримъ, какъ оно осуществлялось въ періодъ времени съ 1815 по 1835 г. Какія лица избраны были въ преподаватели Харьковскаго университета совѣтомъ, сколько было ихъ, на основаніи какихъ данныхъ они избирались и въ какой мѣрѣ выборы эти были удачны? Вотъ вопросы, на которые намъ необходимо дать отвѣтъ.

Въ 1816 году совѣтъ избралъ въ лекторы химіи И. Сухомлинова, получившаго степень доктора этой науки въ Дерптскомъ университетѣ и работавшаго тамъ подъ руководствомъ проф. Гизе. Тогда же избранъ былъ въ лекторы греческаго языка П. Куницкій. Въ 1816 году совѣтъ избралъ въ ординарные профессора по химіи барона Гроотгуса, который поставилъ условіе, чтобы ему дана была годичная командировка съ сохраненіемъ жалованья и чтобы затѣмъ разрѣшено было ему чтеніе лекцій по нѣмецки, по французски или по-итальянски. Профессора иностранцы рекомендовали согласиться на второе условіе, съ тѣмъ однако ограниченіемъ, чтобы впослѣдствіи лекторъ читалъ по латыни; профессора русскаго происхожденія не желали исполнять ни 2-го, ни 1-го требованій. Министръ гр. Разумовскій отказалъ въ утвержденіи барона Гроотгуса, въ виду его требованій и въ виду того, что на эту каѳедру былъ уже подготовленъ Сухомлиновъ. Въ 1819 году избранъ былъ по предложенію ректора Осиповскаго въ преподаватели естествен-

ной исторіи лекарь Вас. Матв. Черняевъ. Въ 1821 г. совѣтъ избралъ въ адъюнкты по русскому праву Михайловскаго, которому исходатайствовалъ въ 1823 году жалованье экстраординарнаго, но въ этомъ же году онъ и умеръ. Въ 1822 году совѣтъ избралъ въ адъюнкты штабълекаря Рейпольскаго, за разсужденіе на латинскомъ языкѣ о водянкѣ и печатныя сочиненія. Въ 1823 г. избранъ былъ прямо въ ординарные профессора по каѳедрѣ акушерства докторъ медицины и акушеръ Московскаго воспитательнаго дома Анисимъ Богородицкій, а въ 1826 г. онъ умеръ 39 лѣтъ отъ роду. Въ 1824 г. совѣтъ избралъ въ адъюнкты по астрономіи возвратившагося изъ заграницы и получившаго тамъ степень доктора Затеплинскаго и въ адъюнкты по ветеринаріи лекаря Христ. Ад. Экеблада. Въ 1826 г. совѣтъ избралъ кандидата Золотарева преподавателемъ поэзіи на мѣсто адъюнкта Склабовскаго, П. Сокальскаго—преподавателемъ латинскаго языка, Правицкаго преподавателемъ физики для медиковъ, магистра Байкова въ адъюнкты, а Криницкому сверхъ минералогіи поручилъ преподаваніе зоологіи. Совѣтъ же избралъ въ лекторы англійскаго языка отставного гвардейскаго подпоручика Эльцнера, удостовѣрившись посредствомъ особаго экзамена въ знаніи имъ англійскаго, французскаго и нѣмецкаго языка. Но попечитель не удовлетворился этимъ, въ виду того, что Эльцнеръ не окончилъ нигдѣ курса. Въ 1830 году совѣтъ, по представленію медицинскаго факультета, ходатайствовалъ о порученіи чтенія лекцій по анатоміи въ помощь проф. Венедиктову, лекарю Леонову.

Совѣтъ также принималъ мѣры къ подготовкѣ будущихъ преподавателей изъ своихъ питомцевъ. Адъюнктъ естественной исторіи Громовъ отправленъ былъ въ 1816 г. въ Петербургскую медикохирургическую академію для подготовки по медицинѣ, получилъ тамъ степень лекаря и вслѣдъ затѣмъ назначенъ, по выбору совѣта, исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора по фармакологіи. Совѣтъ согласился на заграничную командировку В. М. Черняева. Въ 1817 году былъ командированъ въ Петербургскую медикохирургическую академію окончившій медицинскій факультетъ Харьковскаго университета Ник. Еллинскій; тамъ онъ пробылъ 2 года и былъ избранъ въ 1820 г. въ адъюнкты по хирургіи.

Затѣмъ слѣдуетъ еще отмѣтить рядъ случаевъ, когда совѣтъ отказывалъ разнымъ кандидатамъ, желавшимъ попасть въ преподаватели Харьковскаго университета.

Въ 1816 г. обратился къ попечителю съ просьбою объ опредѣленіи его профессоромъ латинскаго языка докторъ философіи Гессъ-де-Кальве; попечитель передалъ его прошеніе совѣту, который не счелъ

возможнымъ удовлетворить его желаніе, потому что Кальве держалъ экзаменъ по латинскому языку, въ качествѣ вспомогательнаго предмета, плохо читалъ пробныя лекціи и теперь на плохой латыни написалъ свое прошеніе [1]).

Интересенъ эпизодъ съ Переяславскимъ архимандритомъ Сильвестромъ, желавшимъ въ 1817 г. сдѣлаться профессоромъ латинскаго языка въ Харьковскомъ университетѣ и читать сверхъ того еще и богословіе. Въ доказательство своихъ познаній онъ представилъ сочиненіе на латинскомъ языкѣ „О вліяніи латинской словесности на успѣхи всеобщаго просвѣщенія". Искалъ онъ этой должности черезъ попечителя Карнѣева и министра кн. Голицына. Совѣтъ университета оказался здѣсь на высотѣ своего призванія: разсмотрѣвъ сочиненіе архимандрита Сильвестра, онъ убѣдился, что оно списано преимущественно съ книги Heineccii „Fundamenta stili cultioris"; проф. Успенскій доказалъ, что выписки на 13 страницахъ сдѣланы дословно; изъ этого можно заключить, что и остальная ея часть откуда нибудь списана; на этомъ основаніи въ просьбѣ кандидата рѣшено было отказать [2]).

Въ 1816 году обратился къ попечителю съ просьбою о назначеніи его профессоромъ въ Харьковскій университетъ докторъ римскихъ правъ Кривелли; но совѣтъ объяснилъ, что, во 1-хъ, не имѣетъ для него вакансіи, а, во 2-хъ, ему нужно было бы представить сочиненія [3]).

Въ 1822 году обратился къ министру народнаго просвѣщенія кн. А. Н. Голицыну инспекторъ Оренбургской врачебной управы докторъ Шпоръ о назначеніи его профессоромъ акушерства въ Харьковскій университетъ. Совѣтъ, ссылаясь на требованіе устава и министра, потребовалъ отъ аспиранта представленія докторскаго диплома и ученыхъ трудовъ. Ни перваго, ни вторыхъ у него однако не оказалось—и дѣло окончилось ничѣмъ [4]).

Выборы въ адъюнкты Кронеберга хотя совершались въ совѣтѣ, но подъ сильнымъ давленіемъ попечителя округа З. Я. Карнѣева. 8 іюля 1818 г. Кронебергъ обратился къ попечителю съ такимъ просительнымъ письмомъ. „Узнавъ, что въ Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ открылась профессорская вакансія латинской словесности для высшихъ классовъ, пріемлю смѣлость просить всепокорнѣйше ваше превосходительство удостоить меня вашимъ покровительствомъ и опредѣленіемъ къ этому мѣсту. Оставивъ нынѣ мѣсто директора Московскаго коммер-

[1]) Харьк. Унив. Архивъ. Дѣло поп. № 309/16.
[2]) Харьк. Унив. Архивъ. Дѣло поп. № 471/23.
[3]) Харьк. Унив. Архивъ. Дѣло поп. № 304/16.
[4]) Харьк. Унив. Архивъ. Дѣло поп. № 861/49.

ческаго училища и не имѣя другого желанія, какъ вступить для пользы юныхъ моихъ соотчичей на поприще ученыхъ упражненій, за особенную вашего превосходительства милость почту, ежели удостоенъ буду счастія посвятить дни свои наукамъ подъ благотворнымъ вашего превосходительства начальствомъ. Прошу всепокорнѣйше ваше превосходительство обратить на это мое прошеніе милостивѣйшее ваше вниманіе". Попечитель прислалъ въ совѣтъ ученые рукописные труды Кронеберга, отозвался съ похвалою о его хорошемъ поведеніи и познаніяхъ и предложилъ избрать его, если онъ окажется того достойнымъ, въ преподаватели латинскаго языка съ жалованьемъ экстраординарнаго профессора. Не получая однако въ теченіе почти трехъ мѣсяцевъ отвѣта на свое предложеніе, З. Я. Карнѣевъ напомнилъ о немъ совѣту и высказалъ надежду, что вопросъ этотъ будетъ рѣшенъ совѣтомъ съ полнымъ безпристрастіемъ, въ особенности въ виду того, что знаніе латинскаго языка среди студентовъ, какъ это всѣ знаютъ, понизилось. Совѣтъ отвѣтилъ, что въ этотъ промежутокъ времени подвергался баллотированію въ ординарные профессора по этой каѳедрѣ экстраординарный профессоръ Паки-де-Совиньи, не получившій однако большинства голосовъ, послѣ чего постановлено было подвергнуть баллотировкѣ въ адъюнкты одновременно Кронеберга и лектора нѣмецкаго языка въ университетѣ Пробста, преподававшаго въ гимназіи 7 лѣтъ латинскій языкъ; двухъ экстраординарныхъ профессоровъ имѣть было неудобно и притомъ Кронебергъ могъ претендовать только на мѣсто адъюнкта. Попечитель, повидимому, обидѣлся такимъ исходомъ дѣла и выразилъ это въ новой бумагѣ въ совѣтъ, гдѣ указалъ, что къ дѣлу Кронеберга не слѣдуетъ припутывать дѣла Пробста, который имѣлъ достаточно времени, чтобы представить доказательства своихъ познаній. Послѣ этого Кронебергъ былъ избранъ въ адъюнкты большинствомъ 7 противъ 4 и утвержденъ въ этой должности министромъ (22 января 1819 г.). Нужно къ этому прибавить, что проф. Дрейсигъ и Лангъ еще раньше, до выбора Кронеберга, предложили на должность ординарнаго профессора по этой каѳедрѣ бывшаго профессора Петербургской духовной академіи, проживавшаго тогда въ Сарентѣ *Феслера* и совѣтъ просилъ попечителя получить отъ министра народнаго просвѣщенія свѣдѣнія о его образѣ жизни, но попечитель счелъ неприличнымъ обращаться съ такимъ вопросомъ къ министру кн. А. Н. Голицыну. Къ этому извѣстію нужно сдѣлать нѣкоторыя комментаріи. *Феслеръ* былъ въ то время очень извѣстный дѣятель. Родомъ изъ Венгріи, по происхожденію нѣмецъ католикъ, первоначально монахъ, а потомъ обличитель католическаго монашества, былъ профессоромъ восточныхъ языковъ и ветхозавѣтной

герминевтики во Львовѣ, затѣмъ принялъ протестанство, прекрасно изучилъ философію, пріобрѣлъ извѣстность въ качествѣ ученаго и былъ однимъ изъ видныхъ дѣятелей и реформаторовъ массонства. Пріѣхавши въ Россію, онъ получилъ мѣсто профессора въ Петербургской духовной академіи и пользовался огромной популярностью среди учащейся молодежи и въ тогдашнемъ русскомъ интеллигентномъ кружкѣ (имѣлъ вліяніе и на Сперанскаго). Но старорусская партія, выдвинувшая впослѣдствіи Фотія, Аракчеева, Шишкова, ненавидѣла его отъ всей души. Будучи вынужденъ оставить академію, онъ былъ одѣланъ предсѣдателемъ лютеранской консисторіи приволжскихъ колоній, а потомъ и суперъинтендентомъ" [1]. Профессорамъ нѣмецкаго происхожденія, очевидно, очень хотѣлось имѣть Феслера въ своей средѣ, но они предварительно желали заручиться согласіемъ на его перемѣщеніе министра народнаго просвѣщенія, тѣмъ болѣе, что онъ былъ удаленъ изъ академіи за опасное вольнодумство; они надѣялись, что и министръ, и попечитель, покровительствовавшіе мистицизму и массонству, отнесутся сочувственно къ ихъ кандидату. Но попечитель, какъ мы видѣли, отклонилъ отъ себя щекотливое порученіе совѣта и выступилъ со своимъ кандидатомъ на каѳедру латинскаго языка [2]). Нужно впрочемъ замѣтить, что эта кандидатура оказалась одною изъ наиболѣе удачныхъ.

Любопытна была борьба въ совѣтѣ изъ-за каѳедры латинскаго языка между Паки де Совиньи и Кронебергомъ, окончившаяся полною побѣдою послѣдняго. Еще въ 1817 году экстраординарный профессоръ по латинскому языку Паки де Совиньи обратился къ попечителю съ просьбой поручить ему эту каѳедру; попечитель передалъ это прошеніе въ совѣтъ, который постановилъ предоставить временное преподаваніе по этой каѳедрѣ Паки де Совиньи съ окладомъ въ 600 р. въ годъ и вмѣстѣ съ тѣмъ объявить на нее конкурсъ. Паки де Совиньи обращался съ ходатайствомъ и къ попечителю и къ министру. Попечитель въ отвѣтъ на вопросъ министра объяснилъ, что де Совиньи не можетъ занять каѳедры [3]). Результатомъ же конкурса была кандидатура Кронеберга. Въ августѣ 1818 г. Паки де Совиньи вошелъ въ совѣтъ съ ходатайствомъ о производствѣ его въ ординарные профессора, но по баллотировкѣ получилъ 7 отрицательныхъ и 5 положительныхъ голосовъ. Словесный факультетъ, которому поручено было распредѣлить преподаваніе латинскаго языка между Паки де Совиньи и Кронебергомъ, постановилъ пре-

---

[1]) Пыпина. Общественное движеніе въ Россіи при Импер. Александрѣ I. СПБ., 1885 стр. 303—306.

[2]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло попеч. № 523/27, стр. 1—26.

[3]) Харьк. Унив. Архивъ. Дѣло поп. № 406/20.

доставить первому старшій, а второму младшій 1-й курсъ. Въ апрѣлѣ 1819 г. Паки де Совиньи вошелъ въ совѣтъ съ новымъ ходатайствомъ, въ которомъ снова просилъ о предоставленіи ему каѳедры латинскаго языка и о не позволеніи другому кому-либо похитить плодъ его трудовъ и ученыхъ занятій; доказательства своихъ правъ онъ изложилъ въ особой запискѣ или меморіалѣ. Эта обширная записка на французскомъ языкѣ заключаетъ въ себѣ обильныя свѣдѣнія о служебной и научнолитературной дѣятельности автора, о его заслугахъ передъ университетомъ; въ ней также подвергнуто критическому разсмотрѣнію постановленіе совѣта объ отказѣ ему въ званіи ординарнаго профессора. Въ доказательство своихъ правъ онъ ссылается на свою 15-ти лѣтнюю службу (съ 1803 года), на избраніе въ экстраординарные профессора въ 1812 г., на единогласный выборъ въ доктора, на чтеніе имъ кромѣ курсовъ французскаго языка и литературы латинскаго языка и притомъ не только въ младшемъ, но и въ старшемъ отдѣленіи, на большее число учебныхъ часовъ (до 12 и даже 16 въ недѣлю) и на рядъ своихъ печатныхъ и рукописныхъ трудовъ и рѣчей и, наконецъ, на многихъ своихъ слушателей и учениковъ. Члены совѣта, ознакомившись съ этой бумагой, высказались различно: проф. Срезневскій поддерживалъ то мнѣніе, съ которымъ онъ выступилъ еще въ факультетѣ—что предпочтеніе слѣдуетъ отдавать старшему даже и тогда, когда младшій талантливѣе его; Лангъ заявилъ, что Паки де Совиньи такъ хорошо учитъ латинскому языку, что слушатели его могутъ потомъ свободно понимать лекціи по другимъ предметамъ, читаемыя по латыни, чего въ другихъ университетахъ не замѣчается, и что университетъ нуждается и долго еще будетъ нуждаться именно въ такомъ преподавателѣ, а не въ глубокомъ филологѣ, который бы открывалъ студентамъ глубочайшія сокровища латинской словесности. Профессора Делявинь, Пильгеръ и Каменскій присоединились къ этому отзыву. Проф. Джунковскій, Рейтъ, Дрейсичъ, Книгинъ и ректоръ Осиповскій не соглашались на предоставленіе Паки де Совиньи должности ординарнаго профессора, но предлагали ходатайствовать для него о денежномъ вознагражденіи въ размѣрѣ до 1000 рублей. Потерпѣвъ неудачу со своей меморіей въ совѣтѣ, Паки де Совиньи препроводилъ ее попечителю, при особомъ письмѣ, въ которомъ напоминалъ ему о его обѣщаніи представить его въ ординарные профессора, указавъ, что это для него не денежный вопросъ, а вопросъ чести и общей пользы, и просилъ представить протоколъ совѣта, въ засѣданіи котораго обсуждалась его меморія, министру народнаго просвѣщенія. Независимо отъ этого Паки де Совиньи отправилъ повидимому свою меморію министру, который прислалъ ее попечителю

и потребовалъ отъ него его заключенія. З. Я. Карвѣевъ отвѣтилъ, что Паки де Совиньи никоимъ образомъ не можетъ быть произведенъ въ экстраординарные профессора, потому что съ трудомъ ведетъ преподаваніе латинскаго языка на старшемъ курсѣ. Доказательствомъ слабости познаній его по этому предмету является и то, что совѣтъ университета объявилъ конкурсъ по этой каѳедрѣ, на который откликнулся докторъ философіи Кронебергъ, съ большимъ успѣхомъ преподающій этотъ предметъ въ университетѣ. При Совиньи же знаніе латинскаго языка принизилось среди студентовъ, такъ что проф. Дудровичъ долженъ былъ начать преподаваніе философіи по русски, а между тѣмъ оно должно вестись по латыни. Паки де Совиньи такъ слабо знаетъ латинскій языкъ, что не рискнулъ написать ни одной просьбы своей въ совѣтъ на этомъ языкѣ, а между тѣмъ этого требовалъ отъ него его долгъ — писалъ же онъ ихъ на своемъ родномъ французскомъ языкѣ. Въ виду этого его не только не слѣдуетъ повышать въ должности, а наоборотъ нужно замѣнить другимъ болѣе знающимъ преподавателемъ, а ему поручить преподаваніе по такому предмету, гдѣ бы онъ могъ приносить какую-либо пользу. Министръ на основаніи этого отзыва отказалъ Паки де Совиньи въ его ходатайствѣ. Въ августѣ 1819 года 5 членовъ совѣта — Джунковскій, Осиповскій, Успенскій, Книгинъ и Рейтъ, въ виду явнаго превосходства въ преподаваніи Кронеберга, обнаруженнаго на экзаменѣ, возбудили ходатайство о возведеніи его въ экстраординарные профессора по латинскому языку и оставленіи за Паки де Совиньи одной только французской словесности, но съ жалованьемъ ординарнаго профессора за его долговременную службу и хорошую нравственность. Проф. Лангъ не согласился съ этимъ опредѣленіемъ, въ виду краткости времени преподаванія Кронеберга и невыясненности вопроса, сможетъ ли онъ также успѣшно, какъ Паки де Совиньи, обучать студентовъ пониманію латинскаго разговорнаго языка. Попечитель согласился съ мнѣніемъ большинства членовъ совѣта, но только съ тою оговоркою, чтобы не давать Совиньи должности ординарнаго профессора, а просто прибавить ему жалованье. Министръ отвѣтилъ, что дать Паки де Совиньи жалованье ординарнаго профессора за преподаваніе французскаго языка, за которое положенъ лекторскій окладъ, было бы противно уставу и штатамъ; избраніе же кандидата на каѳедру латинскаго языка зависитъ отъ совѣта. Совѣтъ единогласно избралъ Кронеберга въ экстраординарные профессора и ходатайствовалъ о назначеніи Паки де Совиньи его помощникомъ съ жалованьемъ экстраординарнаго профессора и съ прибавкою 600 р. въ годъ за лектуру французскаго языка. Но попечитель отклонилъ ходатайство со-

вѣта о Паки де Совиньи, такъ какъ онъ былъ признанъ самимъ же совѣтомъ неспособнымъ къ преподаванію латинскаго языка. Съ своей стороны министерство запрашивало—на какомъ положеніи останется Паки де Совиньи, такъ какъ двухъ экстраординарныхъ по одной каѳедрѣ быть не можетъ. Дѣло запутывалось. Въ совѣтѣ высказаны были разнообразныя мнѣнія. Проф. Дудровичъ предложилъ ходатайствовать о возведеніи Кронеберга прямо въ ординарные профессора, а Паки де Совиньи оставить въ прежней должности; къ его мнѣнію присоединились проф. Рейтъ и Пильгеръ. Проф. Книгинъ предлагалъ ходатайствовать объ утвержденіи Кронеберга экстраординарнымъ профессоромъ, исполняющимъ должность ординарнаго. Проф. Джунковскій полагалъ, что Кронебергу слѣдуетъ дать должность экстраординарнаго профессора, а Паки де Совиньи оставить въ его положеніи. Проф. Делявинь хотѣлъ, чтобы Паки де Совиньи остался въ прежнемъ положеніи относительно каѳедры латинскаго языка и получилъ прибавку въ 600 руб. за французскій языкъ. Осиповскій указывалъ, что Паки де Совиньи можетъ остаться экстраординарнымъ въ должности адъюнкта, а Кронебергъ тоже экстраординарнымъ, но въ должности ординарнаго; слѣдовательно, въ сущности здѣсь не будетъ двухъ экстраординарныхъ профессоровъ по одной каѳедрѣ. Попечитель далъ отъ себя заключеніе, что онъ согласенъ на производство Кронеберга прямо въ ординарные профессора, а Паки де Совиньи оставить въ нынѣшней его должности на основаніи 36 § университетскаго устава; если же это будетъ признано невозможнымъ, то назначить Кронеберга экстраординарнымъ, а Паки де Совиньи оставить при одной французской словесности съ нынѣшнимъ жалованьемъ изъ хозяйственныхъ суммъ университета. Министръ утвердилъ Кронеберга экстраординарнымъ на вакансіи ординарнаго и съ жалованьемъ послѣдняго; а Паки де Совиньи его помощникомъ въ званіи экстраординарнаго, при чемъ совѣтъ могъ возбудить особое ходатайство о предоставленіи ему и лектуры французскаго языка[1]). Вскорѣ Кронебергъ, за выходомъ Каменскаго, былъ избранъ въ секретари совѣта. Въ іюнѣ 1821 г. Кронебергъ единогласно избранъ былъ въ ординарные профессора. Попечитель аттестовалъ его министру, какъ профессора, обладающаго глубокими познаніями и истинно христіанскими качествами [2]). Изъ всего изложеннаго видно, что совѣтъ въ данномъ случаѣ стоялъ на высотѣ своего призванія, дѣйствовалъ безпристрастно, во имя общеуниверситетскихъ интересовъ и достоинства фа-

---

[1]) Харьк. Унив. Архивъ. Дѣло поп. № 523/27.

[2]) Ibidem.

культетскаго преподаванія. Между Кронебергомъ и Паки де Совиньи была цѣлая пропасть: первый представлялъ изъ себя восходящую крупную звѣзду, а второй общее посмѣшище.

Въ 1820 г. изъ за каѳедры технологіи велась борьба между русскими и иностранными членами совѣта: кандидатомъ первыхъ выступилъ учитель Смоленской гимназіи Дьячковъ, вторыхъ—экстраординарный профессоръ Тауберъ. Дьячковъ представилъ два сочиненія — одно разсужденіе о технологіи и другое—историческое обозрѣніе о торговлѣ; первое было признано факультетомъ хорошимъ, хотя и краткимъ сочиненіемъ, а второе весьма хорошимъ трудомъ. Тауберъ представилъ сочиненіе на нѣмецкомъ языкѣ о красильномъ искусствѣ; оно адъюнктомъ химіи Сухомлиновымъ было признано неудовлетворительнымъ. Въ совѣтѣ Дудровичъ, Рейтъ, Пильгеръ высказались въ пользу Таубера; Пауловичъ призналъ обѣ диссертаціи удовлетворительными, но желалъ предварительно разрѣшить вопросъ, на какомъ языкѣ долженъ читаться этотъ предметъ; проф. Книгинъ, какъ и ректоръ Осиповскій, присоединился къ мнѣнію факультета въ пользу Дьячкова (въ факультетѣ за него высказались Сухомлиновъ, Комлишинскій, Джунковскій и Осиповскій). Ректоръ поставилъ вопросъ о языкѣ, на которомъ долженъ читаться этотъ предметъ и всѣ, исключая удалившихся изъ залы Рейта и Пильгера, отвѣтили, что на русскомъ. Тауберъ представилъ было еще одно сочиненіе, но попечитель не обратилъ на это вниманія и сдѣлалъ представленіе о Дьячковѣ. Въ 1831 г. совѣтъ ходатайствовалъ о возведеніи Дьячкова въ экстраординарные профессора, но въ томъ-же году онъ умеръ [1]).

Сильная борьба въ совѣтѣ происходила изъ за каѳедры всеобщей исторіи, географіи и статистики, оставленной Дегуровымъ. Словесный факультетъ предложилъ совѣту раздѣлить эту каѳедру между лекторомъ Адамовичемъ и двумя достойнѣйшими кандидатами—Филомафитскимъ и Гонорскимъ такимъ образомъ, чтобы одинъ изъ нихъ преподавалъ древнюю исторію и географію, другой — новую исторію, а третій — новую статистику и географію; по истеченіи уже года видно будетъ, кто изъ нихъ окажется наиболѣе достойнымъ для производства въ профессора; при такомъ рѣшеніи вопроса, казнѣ пришлось-бы затрачивать меньше, чѣмъ прежде. Противъ этого рѣшенія выступилъ проф. Рейтъ, выставившій свои притязанія на эту каѳедру помимо имъ занимаемой. Онъ прежде всего сослался на предложеніе попечителя о порученіи этой каѳедры кому-либо изъ профессоровъ или адъюнктовъ; слѣдовательно, по его мнѣнію, и нужно было начать съ профессоровъ, а не съ кандидатовъ,

[1]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло попеч. № 749/40.

изъ коихъ Гонорскій занимался языками, а не исторіей, а Филомафитскій подготовленъ еще менѣе его; оба же они совершенно неопытны въ исторіи и имъ никакъ нельзя поручить преподаванія по ней. Какую пользу могутъ получить студенты отъ тѣхъ, которые еще сами учатся? Профессоръ-же Рейтъ въ званіи адъюнкта съ открытія университета съ величайшею ревностью читалъ лекціи и историческія, и статистическія и первый въ этомъ университетѣ открылъ курсъ россійской исторіи на латинскомъ языкѣ; читалъ онъ также всеобщую статистику и теорію ея, заимствованную изъ политико-экономическихъ началъ и совершенно непохожую на Шлецерову. Хотя эта наука возникла въ Германіи, но она представляла тамъ простой аггрегатъ многихъ наукъ, какъ это видно изъ сочиненій Майзеля и другихъ. Рейтъ-же первый далъ ей надлежащіе предѣлы и опредѣлилъ ее почти также, какъ ее опредѣляютъ нынѣ въ Германіи и Франціи; читалъ онъ на латинскомъ языкѣ. Будучи экстраординарнымъ профессоромъ, Рейтъ преподавалъ всеобщую исторію съ географіей. Въ трудахъ знаменитѣйшихъ профессоровъ Эйхгорна, Мейзеля и Ремера находятся ссылки на его сочиненія, изданныя 25 лѣтъ тому назадъ. Проф. Лангъ, ссылаясь на разрѣшеніе министра народнаго просвѣщенія читать одному профессору по нѣсколькимъ каѳедрамъ, предлагалъ поручить временно преподаваніе исторіи Рейту; къ его мнѣнію присоединились Делявинь, Дрейсигъ и Нельдехенъ. Проф. Книгинъ находилъ неудобнымъ то обстоятельстто, что проф. Рейтъ предполагалъ читать исторію 3 года и притомъ на латинскомъ языкѣ, въ которомъ студенты очень слабы. Проф. Лангъ высказалъ желаніе, чтобы кандидаты Филомафитскій и Гонорскій представили въ доказательство своихъ занятій исторіей сочиненія, которыя слѣдуетъ отправить для рецензіи въ одинъ изъ русскихъ университетовъ. Представилъ возраженія противъ предложенія совѣта и Рейтъ, утверждавшій вопреки заявленію словеснаго факультета, что Филомафитскій и Гонорскій въ историческихъ наукахъ совершенно не свѣдущи и первый если извѣстенъ чѣмъ факультету, то только жалкимъ своимъ сочиненіемъ на латинскомъ языкѣ, не одобреннымъ совѣтомъ; сверхъ того онъ обращалъ вниманіе на то, что голоса членовъ совѣта раздѣлились поровну и ректоръ не могъ своимъ голосомъ дать перевѣса противоположному мнѣнію, потому что не представилъ для этого никакихъ данныхъ. Попечитель далъ по этому поводу такое заключеніе министру. Возраженія проф. Рейта не опровергаютъ полезнаго предложенія его противниковъ. Самъ Рейтъ по множеству занятій не можетъ съ успѣхомъ вести преподаваніе по другой каѳедрѣ, тѣмъ болѣе что намѣренъ читать лекціи на латинскомъ языкѣ: при томъ, въ такомъ случаѣ придется снова выписывать профессора исто-

ріи изъ заграницы и Харьковскій университетъ долго еще не будетъ обходиться своими собственными питомцами, чего требуетъ предписаніе министра народнаго просвѣщенія гр. А. К. Разумовскаго (1815 года). Министерство согласилось съ представленіемъ совѣта и попечителя съ тѣмъ, чтобы всѣ три кандидата не именовались лекторами (ибо лекторовъ по наукамъ не полагалось), а только кандидатами. Черезъ годъ совѣтъ сдѣлалъ представленіе о производствѣ Филомафитскаго и Гонорскаго въ адъюнкты, хотя и на этотъ разъ проф. Лангъ и Рейтъ возражали противъ одновременнаго представленія обоихъ кандидатовъ. Но попечитель высказался въ пользу заключенія совѣта, указавъ при этомъ, что Лангъ и Рейтъ не усердствуютъ и по собственнымъ каѳедрамъ и только препираются постоянно съ русскими профессорами въ совѣтѣ. Въ 1819 году Гонорскій умеръ и его лекціи были поручены временно адъюнкту Куницкому [1]). Въ 1825 г. Филомафитскій былъ избранъ въ экстраординарные профессора.

Наконецъ, упорная борьба велась изъ за вакантной каѳедры сельскаго хозяйства между членами совѣта—профессорами Джунковскимъ и Делявинемъ.

Послѣ удаленія Нельдехена предложилъ совѣту свои услуги читать лекціи по ней профессоръ греческой словесности Джунковскій, сославшійся на 10 лѣтнее практическое занятіе этимъ предметомъ при Императорскомъ вольномъ экономическомъ обществѣ, а также на свои сочиненія и дипломы, медали. Но противъ него выступилъ профессоръ ботаники Делявинъ, также изъявившій притязаніе на этотъ предметъ. Тогда Джунковскій представилъ въ совѣтъ слѣдующую въ высшей степени характерную бумагу.

„Не безъ удивленія могъ я слушать въ предыдущемъ собраніи совѣта, съ какимъ усиліемъ старался профессоръ Делявинъ въ поданномъ имъ письменномъ представленіи доказывать право свое на занятіе каѳедры сельскаго хозяйства. Я оставляю многія оскорбительныя несправедливости, въ горячности имъ безъ всякаго основанія произнесенныя, что будто бы я нигдѣ не учился ни сельскому хозяйству, ни натуральной исторіи, ни химіи; оставляю излишнія похвалы на счетъ собственныхъ его знаній, имъ выставленныя; скажу только, что онъ, вычисляя вспомогательныя науки, для сельскаго домоводства полезныя, нимало не коснулся самой сущности сельскаго хозяйства и не представилъ никакихъ сочиненій по этой части на практическихъ опытахъ основанныхъ. Разводить сады не есть еще доказательство глу-

[1]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло попеч. № 462/23.

бокихъ познаній въ агрономіи; возращать спаржу, садить капусту, не означаетъ также способности давать уроки въ сельскомъ хозяйствѣ; собирать и сушить травы и приготовлять гербаріи почитается также не важнымъ дѣломъ. Почтенный мой сочленъ Делявинь позабылъ или, можетъ быть, и съ намѣреніемъ умолчалъ, что сущность сельскаго хозяйства, какъ въ Россіи, такъ и вездѣ, состоитъ собственно въ земледѣліи и скотоводствѣ, и что для этого кромѣ натуральной исторіи и химіи преимущественно требуется статистическое познаніе Россіи; притомъ нужно знать нравы и обычаи многоразличныхъ въ ней обитающихъ народовъ, образъ жизни ихъ, полезныя заведенія и недостатки въ сельскомъ быту, государственныя постановленія по части земледѣлія и скотоводства, преимущества, дарованныя разнымъ родамъ крестьянъ и притомъ русскій языкъ. Но этими знаніями едва ли онъ осмѣлится похвалиться, между тѣмъ какъ безъ нихъ не могутъ пособить намъ въ изъясненіи въ Россіи сельскаго хозяйства ни Варроны, ни Колумеллы, ни Катоны, ни Палладіи, ни Вегеціи, ни Розьеры; безъ этихъ знаній мы будетъ умѣть разводить спаржу, а овесъ и пеньку оставимъ безъ вниманія; безъ этихъ знаній мы будемъ пахать землю сохою тамъ, гдѣ должны употреблять плугъ; безъ этихъ знаній величавшіеся высокими теоріями въ агрономіи ввели многихъ хозяевъ въ заблужденіе и огромные хозяйственные капиталы безразсудно предали на жертву нерасчетливой и самолюбивой кичливости. Я не безъ основанія выше упомянулъ о необходимости знанія отечественнаго языка, ибо всякую другую науку гораздо удобнѣе и легче для профессора и учащихся преподавать на латинскомъ или другомъ иностранномъ языкѣ, нежели сельское хозяйство. Я ссылаюсь въ этомъ на самого профессора Делявиня. Пусть онъ у Варрона, или у единоземца своего Розье поищетъ описанія нашихъ полей, нашихъ земледѣльческихъ орудій, нашего домашняго скота, нашихъ упряжей, нашихъ хозяйственныхъ промысловъ и проч. и проч., что однакожъ для профессора необходимо будетъ нужно пояснить учащимся въ Россіи сельскому хозяйству. Натуральная исторія и химія у всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ преподается одинакимъ образомъ, ибо волкъ, заяцъ, оселъ во Франціи, Англіи, Германіи и въ Россіи имѣютъ одинаковые родовые признаки, одинаковый образъ жизни. Но въ сельскомъ хозяйствѣ находится величайшая разность. Иное хозяйство—французское, или англійское, иное швейцарское, а иное русское. Послѣднее и по своему разнообразію, и по своей обширности весьма много различествуетъ отъ первыхъ и на это то преимущественно должно обращать вниманіе въ преподаваніи сельскаго домоводства въ нашихъ университетахъ, не упуская между

тѣмъ случая съ пользою приспособлять къ нему, гдѣ нужно и прилично, первыя. Не знаю, почему проф. Делявинъ воображаетъ, что онъ имѣетъ какое-то право на эту каѳедру, и въ доказательство этого приводитъ, что онъ учитъ натуральной исторіи, что онъ всегда любилъ правду, порядокъ и миръ, что онъ по медицинской практикѣ не получаетъ никакихъ доходовъ, что онъ не чаетъ воспользоваться пенсіономъ, для заслуженныхъ профессоровъ положеннымъ, что въ службѣ состоитъ уже 16 лѣтъ, что исправлялъ должность садовника, и что съ земли, не много побольше десятины, продалъ фруктовъ и огородныхъ овощей въ 4 года на 2000 р., а по этому и проситъ дать ему эту каѳедру. Я представляю всѣ эти обстоятельства на безпристрастный судъ почтеннѣйшихъ моихъ сочленовъ. Между тѣмъ считаю долгомъ донести совѣту, что я изъ одной ревности къ пользѣ университета изъявилъ желаніе къ преподаванію лекцій сельского домоводства, представилъ для этого достаточныя доказательства, не преграждая впрочемъ идти достойнѣйшему къ занятію этой каѳедры, а по этому предоставляя изложенныя мною мысли на сужденіе совѣта и въ особенности § 59 устава Императорскаго Харьковскаго университета на уваженіе, покорнѣйше прошу уволить меня отъ баллотированія съ моимъ впрочемъ почтеннымъ совмѣстникомъ, въ представленіи котораго я не нахожу достаточныхъ доказательствъ, коими бы могъ быть убѣжденъ въ знаніяхъ потребныхъ по части сельскаго домоводства въ Россіи" [1]).

Совѣтъ Харьковскаго университета самъ сознавалъ недостаточность своего состава и въ 1820 году выступилъ съ ходатайствомъ о разрѣшеніи вызывать на вакантныя профессорскія каѳедры ученыхъ изъ заграницы, и въ особенности изъ славянскихъ земель, ибо не предвидится возможности замѣстить вакантныя каѳедры природными россіянами, чего требовалъ циркуляръ бывшаго министра народнаго просвѣщенія гр. А. К. Разумовскаго. Князю А. Н. Голицыну понравилась идея вызова профессоровъ изъ Австріи, потому что въ тамошнихъ университетахъ, по его словамъ, царилъ лучшій духъ, чѣмъ въ Германіи и онъ просилъ императора Александра возбудить этотъ вопросъ при его личномъ свиданіи съ Австрійскимъ императоромъ.

Въ 1830 году совѣтъ университета созналъ свое безсиліе въ дѣлѣ замѣщенія вакантныхъ каѳедръ и обратился за „начальническимъ" содѣйствіемъ къ попечителю округа, сдѣлавъ такимъ образомъ какъ бы testimonium paupertatis. И дѣйствительно, этико-политическій факультетъ въ сущности былъ представленъ только однимъ ординарнымъ про-

---

[1]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло сов. 1819 г., № 33.

фессоромъ Пауловичемъ, ибо Даниловичъ былъ командированъ въ Петербургъ, и каѳедра философіи и естественнаго права, политической экономіи съ дипломатикой были вакантны. Съ своей стороны совѣтъ сдѣлалъ представленіе о П. Сокальскомъ, читавшемъ греческій языкъ, учителѣ Дьячковѣ, преподававшемъ технологію и кандидатѣ Правицкомъ, преподававшемъ физику, и ходатайствовалъ о возведеніи первыхъ двухъ въ экстраординарные профессора, а третьяго въ адъюнкты. Кромѣ того въ томъ же году совѣтъ возбудилъ ходатайство о возведеніи Якимова въ адъюнкты по русской словесности и кандидата Криворотова въ лекторы безъ жалованья по предмету правъ древнихъ и новыхъ народовъ [1]).

Нормальною функціей дѣятельности совѣта было производство адъюнктовъ въ экстраординарные профессора, а экстраординарныхъ въ ординарные. Иногда эти производства шли обычнымъ порядкомъ, иногда же они вызывали борьбу и неудовольствія. Въ декабрѣ 1817 г. совѣтъ избралъ на основаніи полезной преподавательской дѣятельности и совокупности ученыхъ трудовъ адъюнктовъ—доктора Комлишинскаго и магистра Архангельскаго въ экстраординарные профессора [2]). Въ 1821 г. Комлишинскій въ виду представленныхъ имъ по физикѣ сочиненій былъ избранъ въ ординарные профессора [3]). Въ 1817 г. совѣтъ единогласно произвелъ по греческому языку изъ лекторовъ въ адъюнкты кандидата Московскаго университета Куницкаго, который выдержалъ тамъ спеціальный экзаменъ по своему предмету и прочелъ пробную лекцію, въ коей объяснилъ XXII Ѳеокритову идиллію—Касторъ и Поллуксъ; за это онъ былъ избранъ въ лекторы, хорошо исполнялъ лекторскую должность и потому былъ произведенъ въ адъюнкты [4]).

Въ 1826 г. избранъ былъ въ экстраординарные профессора Байковъ, а въ 1828 г. утвержденъ орд. проф. сельскаго хозяйства и за нимъ оставлена была также математика, которую онъ взялся читать безъ дополнительнаго вознагражденія [5]). Въ 1817 году адъюнктъ Васильевъ былъ произведенъ въ экстраординарные профессора [6]). Въ 1819 г. адъюнктъ Павловскій, по предложенію ректора Осиповскаго, за отличное преподаваніе, сочиненія и переводъ логариѳмовъ, былъ

---

[1]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло поп. $^{1498}/_{86}$.
[2]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло поп. № $^{498}/_{23}$.
[3]) Ibidem.
[4]) Ibidem.
[5]) Ib. Дѣло поп. № $^{841}/_{45}$.
[6]) Ibidem.

произведенъ въ экстра-ординарные профессора [1]. Въ 1816 г. адъюнктъ Громовъ, согласно его желанію, былъ командированъ въ медико-хирургическую академію, которую окончилъ со званіемъ лѣкаря и въ 1819 г. (по смерти Ваннoти) ему было поручено чтеніе лекцій по фармакологіи въ должности адъюнкта съ жалованьемъ экстраординарнаго профессора. Въ томъ же 1819 году онъ былъ утвержденъ экстраординарнымъ, а въ 1820 году ординарнымъ, по представленіи сочиненія на латинскомъ языкѣ (обозрѣніе фармакологіи и фармаціи); сверхъ того онъ былъ докторомъ естественной исторіи [2]. Въ 1816 году совѣтъ избралъ въ адъюнкты кандидата и лектора военныхъ наукъ Робуша, а въ 1832 г. онъ въ качествѣ ординарнаго профессора вышелъ въ отставку. Въ 1825 г. совѣтъ уважилъ ходатайство адъюнкта Экеблада о прибавкѣ жалованья до суммы, получаемой экстраординарными профессорами, во вниманіе къ его усердію, работѣ по созданію зоотомическаго кабинета, недостаточности состоянія. Министръ однако не утвердилъ этого ходатайства, а предложилъ совѣту, буде тотъ пожелаетъ, избрать его въ экстраординарные профессора. Экебладъ въ 1828 г. получилъ отпускъ по болѣзни — и никто изъ наличныхъ профессоровъ медицинскаго факультета не захотѣлъ читать ветеринаріи. Въ 1829 г. совѣтъ за сочиненіе Экеблада на латинскомъ языкѣ о скотскихъ падежахъ, избралъ его въ экстраординарные профессора. Въ 1819 г. адъюнктъ Борзенковъ, по смерти орд. проф. Срезневскаго, былъ избранъ въ экстраординарные профессора за сочиненія, переводы и преподаваніе [3]. Въ 1823 г. адъюнктъ Н. Еллинскій былъ избранъ экстраординарнымъ профессоромъ за диссертацію „Tractatus de Laesionibus capitis mechanicis“ и краткое описаніе сдѣланныхъ имъ въ клиникѣ операцій, затѣмъ получилъ должность ординарнаго профессора и въ 1833 году вышелъ въ отставку [4].

Въ 1832 г. совѣтъ ходатайствовалъ о производствѣ адъюнкта П. Сокальскаго въ экстраординарные профессора (онъ былъ адъюнктомъ съ 1827 г., а служилъ въ университетѣ съ 1823 г.) и на это послѣдовалъ отказъ по неимѣнію вакансіи.

Еще въ 1831 г. совѣтъ избралъ въ адъюнкты кандидатовъ Алексѣя Криворотова и Гавріила Гордѣенка, но послѣдовалъ отвѣтъ, что раньше они должны получить степени магистровъ. Это они исполнили и въ 1833 г. совѣтъ снова о нихъ сдѣлалъ представленіе, уваженное

---

[1] Ib. Дѣло правл. № 1212/57.

[2] Харьк. унив. архивъ. Дѣло поп. № 339/18.

[3] Ib. Дѣло поп. 663/34.

[4] Харьк. унив. архивъ. Дѣло поп. № 465/28.

министерствомъ [1]) и въ томъ-же году совѣтъ избралъ въ адъюнкты анатоміи Леонова, но министерство сначала не утвердило его по неимѣнію вакансіи, а, по выходѣ Цыха, утвердило.

Всѣ эти производства, какъ и нѣкоторыя другія, о которыхъ мы здѣсь не говорили, проходили гладко, безъ возраженій. Сильныя-же возраженія въ совѣтѣ вызвали производства Пауловича и Дудровича.

Вотъ каково было служебное движеніе Пауловича. Въ 1816 году для производства изъ адъюнктовъ въ экстраординарные профессора онъ представилъ въ факультетъ и совѣтъ рукописное сочиненіе свое „Jus romanum in ordinem systematicum", одобренное факультетомъ и совѣтомъ; послѣдній сдѣлалъ о немъ представленіе попечителю, а тотъ министру. Утвержденіе послѣдовало въ 1817 году. Затѣмъ въ 1818 году Пауловичъ представилъ совѣту три свои рукописныя сочиненія, относящіяся къ энциклопедіи права и содержавшія общую часть объ источникахъ правъ древнихъ и новыхъ народовъ, особое отдѣленіе энциклопедіи о началахъ политическихъ правъ и изъ той-же энциклопедіи о началахъ русскаго права; изъ нихъ первыя два на латинскомъ, а третье на русскомъ языкѣ. На основаніи этихъ сочиненій онъ просилъ о производствѣ въ ординарные профессора. Сочиненія были предоставлены для ознакомленія всѣмъ членамъ совѣта, но проф. Ванноти считалъ болѣе правильнымъ отдать ихъ на предварительное разсмотрѣніе этико-политическому факультету. Факультетъ далъ отзывъ, что второе и третье сочиненія не могутъ служить основаніемъ для производства Пауловича, ибо относятся къ другимъ каѳедрамъ, а первое не удовлетворяетъ требованіямъ 60 § устава. Совѣтъ согласился съ этимъ мнѣніемъ и постановилъ сочиненія Пауловича передать на храненіе въ архивъ, а ему сообщить, чтобы онъ постарался удовлетворить требованію 60 § устава. Пауловичъ представилъ длинное объясненіе съ возраженіями на этотъ отзывъ, гдѣ доказывалъ, что его работы имѣютъ прямое отношеніе къ предмету и что требованія 60 § устава не могутъ относиться къ нему, какъ лицу, хорошо извѣстному факультету и совѣту, по своей преподавательской дѣятельности, и что онъ проситъ даровать ему должность ординарнаго профессора по совокупности его трудовъ. По этому поводу въ совѣтѣ высказаны были слѣдующія мнѣнія. Профессоръ Рейтъ (деканъ факультета) заявилъ, что представленныя Пауловичемъ сочиненія — это „грубое сборище матеріала"; большинство однако постановило рѣшить это дѣло по совокупности ученыхъ трудовъ и службы Пауловича. Въ слѣдующемъ засѣданіи совѣта проф. Рейтъ снова высказалъ взглядъ, что сочиненія Пауловича не доказываютъ познаній его

[1]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло попеч. № 1502/86.

ни въ наукѣ, ни въ логикѣ, ни въ языкѣ и что факультетъ только изъ милости согласился нѣкогда на избраніе его въ экстраординарные профессора; изъ того, что онъ, Пауловичъ, занимаетъ каѳедру экстраординарнаго профессора, не слѣдуетъ, чтобы онъ заслуживалъ и должности ординарнаго. Лангъ предлагалъ препроводить сочиненія Пауловича въ Петербургъ на разсмотрѣніе министра народнаго просвѣщенія. Ректоръ Осиповскій рекомендовалъ все это дѣло представить на усмотрѣніе высшаго начальства. Такъ совѣтъ и поступилъ. Узнавъ объ этомъ, Пауловичъ написалъ попечителю слѣдующее письмо. „Прибѣгаю подъ защиту вашего превосходительства и всепокорнѣйше прошу благоволить предписать совѣту, дабы онъ представленное мною сочиненіе, содержащее въ себѣ ни что иное, какъ мой курсъ, возвратилъ мнѣ, дабы я могъ по немъ читать лекціи и его усовершенствовать. Кромѣ того, такъ какъ я въ качествѣ экстраординарнаго профессора, выполнилъ все, что надобно было для полученія должности ординарнаго профессора при нашемъ университетѣ да и профессоромъ экстраординарнымъ пробылъ долѣе, чѣмъ другіе мнѣ равные, то въ виду этого покорнѣйше прошу *о внушеніи* совѣту, дабы онъ въ моемъ дѣлѣ поступилъ такъ, какъ и съ другими. Наконецъ, не могу упустить изъ виду и того, что такъ какъ профессоръ Рейтъ мой явный соперникъ и недоброжелатель, какъ то ясно видно и изъ самыхъ протоколовъ, то и осмѣливаюсь всепокорнѣйше просить ваше превосходительство о томъ, чтобы проф. Рейтъ не могъ впредь имѣть никакого вліянія на мое дѣло. Да при томъ такъ какъ изъ протоколовъ видно, что проф. Рейтъ нанесъ мнѣ тяжкую обиду, то всепокорнѣйше прошу, чтобы за это поступлено было съ нимъ по формѣ суда“. Дѣло окончилось тѣмъ, что Пауловичъ представилъ въ совѣтъ новое сочиненіе подъ заглавіемъ—„Breve Syntagma jurium cum veterum tum recentiorum populorum“, которое было одобрено факультетомъ, и тогда совѣтъ избралъ его большинствомъ 7 противъ одного голоса въ ординарные профессора. Любопытенъ отзывъ объ этомъ сочиненіи проф. Осиповскаго. Заявивъ вначалѣ, что онъ не можетъ судить о его содержаніи, Осиповскій прибавилъ, что писано оно было, очевидно, Пауловичемъ съ большою мукою, ибо онъ не перечиталъ его даже послѣ написанія и не поправилъ многочисленныхъ грамматическихъ ошибокъ. Министръ утвердилъ Пауловича въ новой должности. Въ 1820 г., послѣ смерти Успенскаго, ему была поручена временно и каѳедра россійскаго права [1]). Очевидно, движеніе противъ Пауловича улеглось—и онъ послѣ того былъ и деканомъ, и инспекторомъ казеннокоштныхъ студентовъ.

[1]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло попеч. № 350/18.

Производство Дудровича и Пауловича въ ординарные профессора вызвало также особое мнѣніе проф. Г. П. Успенскаго. „Я весьма далекъ отъ того, писалъ Успенскій, чтобы противорѣчить повышенію Дудровича и Пауловича. Но при настоящихъ обстоятельствахъ надобно обращать бдительное вниманіе и на будущее время, ибо бывшіе примѣры, законны-ли они или нѣтъ, принимаются иногда въ подобныхъ обстоятельствахъ въ нѣкоторомъ видѣ законовъ, какъ то недавно и у насъ случилось“. Затѣмъ Г. П. Успенскій приводитъ изъ университетскаго устава узаконенія, относящіяся къ выборамъ въ должность адъюнктовъ и профессоровъ и доказываетъ, что они рѣдко исполнялись въ Харьковскомъ университетѣ. Нужно впрочемъ замѣтить, что они отличались нѣкоторой неопредѣленностью. Вѣроятно, вслѣдствіе этого Г. П. Успенскій ссылается потомъ также на уставъ педагогическаго института, уставъ, который однако для университетовъ не могъ имѣть обязательной силы, на уставъ Дерптскаго университета, требовавшій для производства въ экстраординарные профессора докторской степени и на Высочайше утвержденное положеніе о производствѣ въ ученыя степени. Послѣ этихъ ссылокъ Г. П. Успенскій продолжаетъ. „Неужели желаніе правительства заключается въ томъ, чтобы молодые люди, обучавшіеся для того только, чтобы, по окончаніи своего ученія и полученія въ награду трудовъ своихъ ученой степени, поступить и съ пользою продолжать какую либо въ государствѣ службу, должны подвергаемы быть болѣе строгому испытанію, нежели тѣ, кои всю свою жизнь посвящаютъ воспитанію юношества, которому обязаны подавать собою примѣръ и трудолюбія, и пользы отъ пріобрѣтенныхъ ими познаній? Какія послѣдствія отъ таковаго послабленія могутъ произойти, всякому извѣстно. Нѣтъ надобности представлять здѣсь вниманію достопочтеннѣйшихъ членовъ совѣта, что университетскіе чиновники, составляя какъ-бы одно семейство, имѣютъ взаимныя связи. Отъ этого можетъ произойти, что университетскій или сторонній чиновникъ, добившись званія преподавателя въ университетѣ, не имѣя иногда никакой ученой степени, надѣясь на свои связи или искательства, совершенно обезпечивается въ дальнѣйшемъ производствѣ. Много-ли будетъ изъ нихъ такихъ, чтобы старались о дальнѣйшемъ усовершенствованіи своемъ въ наукахъ, когда напередъ будутъ увѣрены, что они безъ излишняго изнуренія себя учеными трудами могутъ достигнуть всего по своему желанію. Какъ это ни откровенно сказано, но въ справедливости на васъ, гг. члены совѣта, ссылаюсь“. Въ виду всего изложеннаго Г. П. Успенскій предлагалъ: 1) представить настоящія сочиненія Дудровича и Пауловича въ министерство и только тогда, когда они будутъ признаны удовлетворительными, подвергнуть

кандидатовъ баллотировкѣ, потому что докторскія степени они получили до изданія новыхъ правилъ объ ученыхъ степеняхъ и 2) требовать докторской степени и отъ адъюнктовъ, и отъ экстраординарныхъ профессоровъ. „Ни пристрастіе, ни другіе какіе-либо съ моей стороны интересные виды, но единственно честь и польза университета побудили меня представить совѣту это мнѣніе. Притомъ я дѣлаю это и на тотъ случай, чтобы, если теперешнія наши производства, по изданіи многихъ новѣйшихъ по этому предмету узаконеній, на прежнемъ обыкновеніи основанныя и дѣлаемыя притомъ безъ разрѣшенія высшаго начальства, подвергнутся той участи, какой подверглись уже и по другимъ россійскимъ университетамъ, то чтобы не подвергся и я участи тѣхъ лицъ, кои это допускаютъ" [1]). Это заявленіе носило принципіальный характеръ, хотя и не соотвѣтствовало уровню тогдашнихъ требованій и вызвало цѣлую бурю неудовольствій и обвиненіе въ личныхъ мотивахъ; въ виду этого Успенскій взялъ назадъ свое предложеніе объ отсылкѣ сочиненій Дудровича и Пауловича въ Петербургъ. И дѣйствительно, зачѣмъ нужна была эта посылка, когда и на мѣстѣ были спеціалисты, могшіе судить объ ихъ достоинствахъ и недостаткахъ? [2])

Обратимся теперь къ тѣмъ назначеніямъ на каѳедры и производствамъ, которыя совершались помимо совѣта, по непосредственному назначенію министра или представленію попечителей.

Въ 1816 г. министръ народнаго просвѣщенія гр. А. К. Разумовскій, по собственной инициативѣ, безъ представленія совѣта, произвелъ магистра Павловскаго, состоявшаго уже 5 лѣтъ лекторомъ, въ адъюнкты „во уваженіе его знанія и способностей", принявъ во вниманіе, что еще въ 1814 г. совѣтъ хотѣлъ избрать его на эту должность, но не оказалось вакансіи. Университетъ, писалъ министръ, можетъ не стѣсняться количествомъ свободныхъ вакансій и долженъ стремиться къ тому, чтобы всѣ каѳедры въ немъ были заняты природными россіянами. Въ 1819 году совѣтъ, по предложенію Осиповскаго, избралъ его экстраординарнымъ профессоромъ за отличное преподаваніе, нѣкоторыя сочиненія и переводъ Коллетовыхъ логариѳмическихъ таблицъ [3]). Въ 1819 г. первымъ профессоромъ богословія былъ назначенъ, по рекомендаціи Харьковскаго архіерея Павла и представленію З. Я. Карнѣева, протоіерей Могилевскій.

---

[1]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло сов. 1819 г. № 21.

[2]) Дудровичъ представилъ историко-критическій очеркъ современнаго состоянія философіи; онъ имѣется при дѣлѣ. Ibidem.

[3]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло попеч. № 602/34.

Чувствуя, что университетскому самоуправленію нанесенъ серьезный ударъ, разныя лица обращались со своими искательствами непосредственно къ попечителю округа. Такъ, напримѣръ, извѣстный намъ по дѣятельности въ студенческомъ Библейскомъ обществѣ, секретарь его, Ив. Золотаревъ обратился въ 1824 году къ Е. В. Карнѣеву, минуя факультетъ и совѣтъ, съ просьбою о назначеніи его лекторомъ или исправляющимъ должность адъюнкта по русской словесноси [1]), хотя

---

[1]) Вотъ текстъ этого прошенія. „Благодѣянія, оказанныя вашимъ превосходительствомъ многимъ изъ служащихъ подъ вашимъ начальствомъ, пребудутъ навсегда незабвенны. Подчиненные вашему превосходительству имѣли счастіе найти въ васъ не только великодушнаго начальника, но, что рѣдко, покровителя и благодѣтельнаго отца. Эти причины родили во мнѣ смѣлость обратиться къ вашему превосходительству съ покорнѣйшею просьбою. Въ 1823 г. присутствовавъ на экзаменахъ въ университетѣ, ваше превосходительство дали предложеніе на имя ректора, въ которомъ между прочими средствами къ усовершенствованію учебной части, предписали, дабы усилить особенно россійскую словесность; и потому вмѣсто одного (экстраординарнаго профессора Борзенкова), дотолѣ читавшаго всѣ науки, относящіяся къ россійской словесности, поручить преподаваніе ея тремъ, изъ коихъ одинъ бы читалъ для 1-го курса, другой для 2-го, а третій для 3-го. Вслѣдствіе чего избраны были совѣтомъ кромѣ профессора Д. С. Борзенкова еще для поэзіи магистръ А. В. Склабовскій, а для реторики нижеподписавшійся кандидатъ Золотаревъ. Не смѣю самъ говорить объ успѣхахъ моихъ слушателей, по крайней мѣрѣ могу сказать, что употребилъ всѣ труды и усилія для этого и отказался отъ всѣхъ почти кондицій въ пансіонахъ, желая съ честію исполнить возложенную на меня обязанность. Я и прочіе мои товарищи, опредѣленные совѣтомъ университета *по предложенію вашего превосходительства* (для латинскаго языка кандидатъ П. И. Сокальскій, для философіи кандидатъ М. Н. Протопоповъ) трудились ревностно въ возложенномъ на насъ званіи. Но ни одинъ изъ насъ не только не видѣлъ награды, но даже не пользовался правами, присвоенными занимаемому мѣсту, ибо никто изъ насъ не былъ даже приглашаемъ въ собраніе факультета, гдѣ каждый читающій какую ни есть науку въ университетѣ, имѣетъ неоспоримое право присутствовать. Не смотря на то, съ наступавшимъ академическимъ годомъ, призываютъ насъ вновь къ трудамъ, поручивъ читать тѣ же науки. Такимъ образомъ, не видя въ настоящемъ ничего кромѣ трудовъ, намъ остается одно только утѣшеніе и награда, что не будемъ оставлены въ этомъ случаѣ вашимъ превосходительсвомъ. Эти то причины побудили меня просить всепокорнѣйше ваше превосходительство исходатайствовать, если возможно, у министра народнаго просвѣщенія, дабы университетъ считалъ насъ лекторами или (ибо по уставу не положены они въ нашемъ университетѣ) исправляющими должность адъюнктовъ съ какимъ ни есть жалованьемъ, дабы служба наша чрезъ то была дѣйствительною. Исполнявъ 3 года должность субъинспектора надъ казенными студентами, помогая въ трудахъ по библіотекѣ проф. Борзенкову, не видя никакой награды, я не терялъ рвенія быть полезнымъ университету и кромѣ того еще принялъ на себя обязанность преподавать науку краснорѣчія. Какихъ же трудовъ, какихъ усилій не употреблю, если ваше превосходительство въ этомъ важномъ для меня случаѣ явите ваше благодѣтельное покровительство. Съ живѣйшимъ чувствомъ благодарности буду всегда *благословлять* имя вашего превосходительства, какъ перваго моего благодѣтеля, подъ начальствомъ коего

этой послѣдней должности и не было положено по уставу. Характерно, что здѣсь же онъ проситъ и за двухъ своихъ товарищей, которые на это не дали ему законнаго уполномочія. Мимоходомъ онъ жалуется на несправедливость факультета, который такимъ образомъ даже не зналъ, что противъ него возбуждено обвиненіе въ пристрастіи.

Съ жалобою на совѣтъ попечителю выступилъ также экстраординарный профессоръ Архангельскій за непроизводство его въ ординарные профессора. Совѣтъ же не счелъ возможнымъ этого сдѣлать въ виду того, что Архангельскій не имѣлъ докторской степени. Въ своемъ прошеніи Архангельскій указываетъ на свою долговременную преподавательскую дѣятельность (съ 1808 г.), на цѣлый рядъ своихъ сочиненій и переводовъ, частію изданныхъ, частію неизданныхъ и, наконецъ, на то, что правила о докторскихъ степеняхъ касаются только постороннихъ лицъ, да и то не всегда соблюдаются (и Харьковскій университетъ избралъ въ ординарные профессора Даниловича, не имѣющаго этой степени); при томъ ихъ нѣтъ въ уставѣ [1]).

я сдѣлалъ первый шагъ моей службы, обязанный и мѣстомъ, и всѣми выгодами его *благодѣтельной душѣ* вашего превосходительства съ чувствами глубочайшаго уваженія, благодарности и совершенной преданности пребуду навсегда всепокорнѣйшій и преданнѣйшій слуга Иванъ Золотаревъ" (Хар. Унив. Арх. Дѣло поп. № 1075/59, стр. 58—59).

[1]) Харьк. Унив. Архивъ. Дѣло поп. 1107/63. Арх. М. Н. П. № 22626/498,

Вотъ прошеніе Архангельскаго министру въ 1823 году.

„Пятнадцать лѣтъ преподаю я математическія науки въ семъ университетѣ и, десять лѣтъ занимая каѳедру прикладной математики, обучаю за ординарнаго профессора этой наукѣ. За успѣшное преподаваніе и сочиненія, на основаніи § 36-го университетскаго устава, удостоенъ я въ 1818 году званія экстраординарнаго профессора. Въ 1821 г. мая 4 дня просилъ я совѣтъ университета сравнять меня съ моими сверстниками возведеніемъ на степень ординарнаго профессора или въ случаѣ какого затрудненія представить мое прошеніе на благоусмотрѣніе высшаго начальства. Совѣтъ нашелъ затрудненіе въ томъ, что я не докторъ и, распространяя постановленіе вашего сіятельства о принятіи въ университеты профессоровъ и адъюнктовъ и на производства на преподающихъ уже въ университетѣ, требовалъ отъ меня докторскаго экзамена. Усматривая ясно, 1-е, что это постановленіе, напечатанное въ журналѣ Департамента Народнаго Просвѣщенія 1821 года въ № V, за мѣсяцъ май, названо именно правиломъ принятія въ университеты, а не производствъ въ нихъ; 2-е, что докторское званіе этимъ правиломъ требуется отъ тѣхъ, которые просятъ объ опредѣленіи ихъ на мѣста профессоровъ и адъюнктовъ безъ достаточныхъ доказательствъ о способности для занятія ихъ, а не отъ тѣхъ, которые многолѣтнимъ преподаваніемъ несомнѣнно доказали таковую способность; 3-е, что это правило постановлено для отвращенія легкости, съ какою получались прежде профессорскія мѣста и для поддержанія цѣны знаній, и, слѣдовательно, не для тѣхъ, которые учеными трудами въ самомъ университетѣ заслужили справедливое одобреніе; 4-е, что за это правило принятъ § 79 устава Дерптскаго университета, которымъ докторское достоинство требуется при избраніи въ экстраординарные профессора и, слѣдовательно, которые уже

Право выбора профессоровъ принадлежало совѣту, и мы видѣли, въ какой мѣрѣ онъ пользовался имъ; попечители же округа полагали, что совѣтъ пользуется имъ въ крайне недостаточной степени и потому старались достичь того, чтобы оно перешло къ нимъ—и это удалось, какъ мы знаемъ, А. А. Перовскому.

Въ 1825 году попечитель А. А. Перовскій обратилъ вниманіе на малочисленность членовъ совѣта и представилъ министру докладную записку, въ которой доказывалъ, что совѣтъ, благодаря оскудѣнію числа членовъ его, превратился въ фикцію и нуждался въ обновленіи. „По Высочайше утвержденному уставу Харьковскаго университета, писалъ онъ министру, одни ординарные профессора могутъ быть членами прав-

имѣютъ это званіе, тѣхъ этотъ законъ некасается, ибо сила закона назадъ не простирается—такъ университетскій аттестатъ требуется для чина коллежскаго асессора, но въ слѣдующій за симъ чинъ производятся и безъ этого аттестата; 5-е, что если по этому правилу и одни теоретическія знанія принимаются во вниманіе, на основаніи, такъ сказать, предполагаемой пользы отъ нихъ, то тѣмъ болѣе знанія, приносящія уже пользу практическимъ ихъ употребленіемъ, что многолѣтнее преподаваніе наукъ стóитъ докторскаго экзамена, и разныя сочиненія и переводы могутъ замѣнить одну диссертацію,—убѣждаяся всѣмъ, что это постановленіе ни почему не относится ко мнѣ, входилъ я, въ этомъ году, апрѣля 1-го числа, къ г. попечителю Харьковскаго университета съ прошеніемъ, которымъ, прописывая объ отказѣ, сдѣланномъ мнѣ совѣтомъ университета и прилагая два письменныя сочиненія: 1) о теченіи воды въ открытыхъ каналахъ; 2) изложеніе устройства міра, просилъ, въ награду ученыхъ трудовъ моихъ исходатайствовать мнѣ у вашего сіятельства званіе ординарнаго профессора, на каковое прошеніе имѣлъ честь получить отъ его превосходительства отвѣтъ въ снисходительномъ ко мнѣ письмѣ, которое при этомъ осмѣливаюсь приложить въ подлинникѣ. Такъ какъ, по засвидѣтельствованію его превосходительства г. попечителя, совѣтъ университета признаетъ меня достойнымъ званія ординарнаго профессора, то я, на основаніи этого одобренія, прилагая копію справки о службѣ моей, выданную мнѣ изъ совѣта университета, принимаю смѣлость просить ваше сіятельство, снисходя милостиво къ усерднымъ моимъ трудамъ, какъ при многолѣтнемъ преподаваніи наукъ, такъ при сочиненіяхъ и переводахъ, какіе обстоятельства и способы позволяли мнѣ сдѣлать, и при разныхъ порученіяхъ начальства, мною для блага общаго понесенныхъ, утвердить меня въ званіи ординарнаго профессора прикладной математики".

Отвѣтъ Архангельскому попечителя Е. Карнѣева былъ таковъ.

„Поданное вами мнѣ прошеніе отъ 1-го прошедшаго апрѣля, коимъ просили вы, чтобы во уваженіе пятнадцатилѣтнихъ вашихъ занятій и понесенныхъ трудовъ на ученыя сочиненія, сдѣлано было мною верховному начальству представленіе о награжденіи васъ званіемъ ординарнаго профессора, предлагалъ я университету разсмотрѣть и доставить ко мнѣ свое мнѣніе. Нынѣ совѣтъ Харьковскаго университета въ донесеніи своемъ ко мнѣ объяснилъ, что приведенные вами примѣры о произведенныхъ въ другихъ россійскихъ университетахъ въ ординарные профессора, ему не извѣстны и правиломъ служить не могутъ, и что въ предписаніи г. министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія исключаются только тѣ изъ россіянъ и иностранцевъ, кото-

ленія и училищнаго комитета, а дѣла изъ этихъ присутственныхъ мѣстъ должны поступать на окончательное разсмотрѣніе и рѣшеніе университетскаго совѣта. Очевидно, что таковое постановленіе сдѣлано для того, чтобы совѣтъ, состоя изъ положенныхъ по штату 28 ординарныхъ профессоровъ, могъ не только разбирать дѣла, изъ правленія и комитета въ него поступающія, но въ иныхъ случаяхъ отвергать или отмѣнять большинствомъ голосовъ рѣшенія этихъ низшихъ присутственныхъ мѣстъ и вообще имѣть за ними надлежащее наблюденіе. Но по существующему нынѣ въ Харьковскомъ университетѣ порядку, цѣль, кото-

---

рые опредѣляются по особенной извѣстности въ ученомъ свѣтѣ, а потому и не имѣетъ права приступить къ выбору васъ въ ординарные профессора, хотя, во уваженіе пятнадцатилѣтней вашей службы и сочиненій вашихъ, находитъ васъ таковаго званія достойнымъ. По таковому университетскаго совѣта засвидѣтельствованію о вашихъ познаніяхъ я предполагаю, что вамъ не будетъ составлять великаго труда подвергнуться испытанію для полученія докторскаго званія, послѣ чего безпрепятственно вы будете представлены о награжденіи васъ званіемъ ординарнаго профессора. Надѣясь, что вы охотно это исполните, возвращаю при этомъ доставленныя вами ко мнѣ ваши сочиненія".

А вотъ отвѣтъ попечителя министру.

„На предписаніе вашего сіятельства отъ 11-го прошедшаго января, при коемъ препровождено къ разсмотрѣнію моему прошеніе экстраординарнаго профессора Харьковскаго университета Архангельскаго, о производствѣ его въ ординарные профессора, честь имѣю донести, что чиновникъ этотъ входилъ и ко мнѣ съ таковымъ же прошеніемъ, которое предлагалъ я университету на разсмотрѣніе и требовалъ отъ него по изложеннымъ г. Архангельскимъ причинамъ мнѣнія. Университетскій совѣтъ донесъ мнѣ, что такъ какъ экстраординарный профессоръ Архангельскій не имѣетъ званія доктора, то по существующему постановленію не имѣетъ права на производство въ ординарные профессора, и потому совѣтъ не могъ приступить къ баллотированію его на эту должность, хотя впрочемъ, во уваженіе пятнадцатилѣтняго его при университетѣ нахожденія и заслуживаетъ онъ таковаго повышенія. Противъ такого удостоенія университетскаго совѣта я съ моей стороны ничего сказать не могу. Но долгомъ поставляю къ тому присовокупить, что при Харьковскомъ университетѣ находятся и другіе чиновники, неимѣющіе докторскаго званія, которые не менѣе г. Архангельскаго достойны подобнаго повышенія, а именно экстраординарные профессора: *Павловскій*, занимающій каѳедру чистой математики, *Борзенковъ*, занимающій каѳедру россійской словесности, адъюнкты: *Робушъ*, занимающій каѳедру военныхъ наукъ, *Куницкій*, читающій первый курсъ греческой словесности и преподающій всеобщую географію и статистику, *Филомафитскій*, преподающій всеобщую исторію. Посему, если благоугодно будетъ вашему сіятельству произвести въ ординарные профессора г. Архангельскаго, то вмѣстѣ съ нимъ покорнѣйше прошу утвердить въ званіи ординарныхъ профессоровъ Павловскаго и Борзенкова по занимаемымъ ими каѳедрамъ и съ положеннымъ по нимъ штатнымъ жалованьемъ и квартирными деньгами, равнымъ образомъ утвердить въ званіи экстраординарныхъ профессоровъ, адъюнктовъ: Робуша, Куницкаго и Филомафитскаго, съ положеннымъ по этимъ мѣстамъ жалованьемъ и квартирными деньгами".

рую имѣло правительство при учрежденіи совѣта, совершенно потеряна изъ виду. Въ Харьковскомъ университетѣ теперь всего 12 ординарныхъ профессоровъ, изъ которыхъ нельзя считать постоянными членами совѣта: 1) ректора, какъ предсѣдателя, 2) профессора богословія Могилевскаго, обязанностями священническаго сана иногда отвлекаемаго отъ засѣданій и 3) профессора ботаники Делявиня, за дряхлостію лѣтъ и по незнанію русскаго языка никогда въ совѣтѣ не присутствующаго. Итакъ, для засѣданій совѣта остается только 9 членовъ, изъ которыхъ 7, въ томъ числѣ и ректоръ, составляютъ училищный комитетъ, а 6 правленіе. Такимъ образомъ совѣтъ университета въ дѣйствительности не существуетъ и переносъ дѣлъ въ него изъ правленія и комитета одинъ только пустой и безполезный обрядъ, ибо тѣ же самые профессора, которые за минуту передъ этимъ составляли правленіе или комитетъ, не вставая со своихъ мѣстъ, по единому, такъ сказать, мановенію ректора, дѣлаются членами совѣта и утверждаютъ собственныя свои рѣшенія. Университетскій же совѣтъ не прилагаетъ особаго попеченія о пріобрѣтеніи новыхъ ординарныхъ профессоровъ, потому что большее ихъ число уничтожало бы монополію, которая нынѣ въ рукахъ немногихъ лицъ удерживаетъ управленіе всѣмъ учебнымъ округомъ. Для установленія надлежащаго порядка въ упомянутомъ управленіи и для совершеннаго превращенія легко могшихъ донынѣ вкрадываться въ него злоупотребленій, полезно было бы, между прочимъ, избраніе въ члены правленія и училищнаго комитета, не ограничиваясь одними ординарными профессорами, а допускать къ нему и экстраординарныхъ. Но какъ таковое постановленіе не соотвѣтствовало бы Высочайше утвержденному уставу, то я предоставляю себѣ честь представить объ этомъ на благоусмотрѣніе вашего превосходительства вмѣстѣ съ прочими перемѣнами, которыя, по мнѣнію моему, нужно было бы сдѣлать въ университетскомъ уставѣ. А между тѣмъ, чтобы нѣкоторымъ образомъ доставить университетскимъ присутственнымъ мѣстамъ ту власть и силу, которыя каждому изъ нихъ по уставу принадлежатъ и дѣйствіямъ ихъ, особенно нынѣшняго университетскаго совѣта, посредствомъ умноженія числа членовъ его положить болѣе опредѣленныя приличнѣйшія границы, осмѣливаюсь просить ваше превосходительство о повышеніи въ означенныя мною ученыя степени слѣдующихъ чиновниковъ, по справедливости заслуживающихъ милостиваго вашего вниманія: a) въ ординарные профессоры экстраординарныхъ профессоровъ Архангельскаго, Борзенкова, Павловскаго и Еллинскаго; b) въ экстраординарные профессора адъюнктовъ — Робуша, Куницкаго, Филомафитскаго, Байкова, Артемовскаго-Гулака и Венедиктова; c) въ адъюнкты доктора философіи

Затеплинскаго (по астрономіи) и Черняева (по ботаникѣ)". Министръ народнаго просвѣщенія отмѣнилъ распоряженіе главнаго управленія училищъ о необходимости докторской степени и разрѣшилъ университету баллотировать всѣхъ лицъ, указанныхъ въ представленіи попечителя, съ присоединеніемъ къ нимъ адъюнкта Рейпольскаго [1]) въ совѣтѣ. Попечитель, основываясь на *предписаніи* министра (въ сущности было не предписаніе, а разрѣшеніе) предложилъ совѣту немедленно приступить къ баллотировкѣ. Совѣтъ избралъ всѣхъ этихъ лицъ и они были утверждены министромъ [2]). Мы знаемъ, что еще предшественникъ Перовскаго входилъ къ министру съ ходатайствомъ о производствѣ безъ докторской степени нѣкоторыхъ изъ этихъ лицъ въ ординарные и экстраординарные профессора.

Въ 1826 г., въ попечительство Перовскаго, ходатайствовалъ лично передъ нимъ о назначеніи на должность адъюнкта греческаго языка бывшій преподаватель Виленскаго университета Ежовскій. Самъ Перовскій ходатайствовалъ передъ министромъ о предоставленіи должности ординарнаго профессора восточныхъ языковъ преподавателю Лейпцигскаго университета доктору философіи Дорну, рекомендованному академикомъ Френомъ. Ходатайство это было уважено въ 1827 г. Но Дорнъ не явился въ Харьковъ до 1829 г., когда попечитель исхлопоталъ ему еще 200 червонцевъ на путевые расходы. Перовскій же возбудилъ ходатайство о возведеніи въ адъюнкты Сокальскаго (по латинскому языку) и Гренберга—въ лекторы нѣмецкаго языка,

Въ 1826 г. попечитель А. А. Перовскій ходатайствовалъ передъ министромъ о переводѣ въ Харьковскій университетъ изъ Московскаго на каѳедру русскаго практическаго судопроизводства тамошняго профессора Сандунова. Министръ находилъ препятствіе въ томъ, что такой

---

[1]) О Рейпольскомъ было сдѣлано попечителемъ слѣдующее представленіе министру. „Адъюнктъ по каѳедрѣ паталогіи и терапіи И. Рейпольскій опредѣленъ для преподаванія этой науки въ Харьковскомъ университетѣ въ 1823 году. При изрядныхъ познаніяхъ по части медицины, похвальномъ поведеніи, онъ рачительно занимается возложенною на него должностью. Обучавшись медицинѣ въ медико-хирургической академіи онъ съ усердіемъ продолжалъ службу штабъ-лѣкаремъ по военному вѣдомству, изъ котораго поступилъ въ этотъ университетъ; по природной склонности къ естественной исторіи, онъ имѣетъ болѣе способности къ преподаванію этой послѣдней науки, нежели паталогіи и терапіи, требующихъ, какъ основныя части медицины, особенныхъ и отличныхъ познаній. Эти причины побуждаютъ меня покорнѣйше просить ваше высокопревосходительство перевести адъюнкта Рейпольскаго изъ медицинскаго отдѣленія въ отдѣленіе физическихъ наукъ и, поручивъ ему каѳедру зоологіи, утвердить его въ званіи экстраординарнаго профессора. Таковое повышеніе адъюнктъ Рейпольскій заслуживаетъ усердіемъ своимъ къ службѣ и трудолюбіемъ".

[2]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло поп. № 1107/63; архивъ мин. нар. пр. № 22626/498.

каѳедры въ Харьковскомъ университетѣ по уставу не полагалось, а каѳедру россійскаго законодательства занималъ проф. Даниловичъ. Попечитель предлагалъ давать новому профессору содержаніе изъ хозяйственныхъ суммъ университета, но изъ этого ничего не вышло. Въ томъ-же году А. А. Перовскій помимо совѣта просилъ о назначеніи доктора медицины Блументаля ординарнымъ профессоромъ акушерства — и его просьба была уважена.

Попечитель А. А. Перовскій въ 1828 г., помимо совѣта, на основаніи дарованнаго ему, по Высочайшему повелѣнію, права, сдѣлалъ цѣлый рядъ представленій о назначеніяхъ и производствахъ профессоровъ Харьковскаго университета. Такъ, основываясь на рекомендаціи генералъ-штабъ-доктора Ремана и просьбѣ самого кандидата, А. А. Перовскій сдѣлалъ представленіе о назначеніи на каѳедру патологіи, терапіи и клиники въ качествѣ ординарнаго профессора доктора медицины Брандейса; основываясь на ходатайствѣ академиковъ Шторха и Греффе, управляющаго министерствомъ иностранныхъ дѣлъ графа Нессельроде, школьнаго товарища кандидата, А. А. Перовскій ходатайствовалъ о назначеніи ординарнымъ профессоромъ по греческому языку доктора философіи и магистра изящныхъ искусствъ Маурера; экстраординарный профессоръ по всеобщей исторіи Евграфъ Филомафитскій просилъ А. А. Перовскаго о прибавкѣ жалованья,—а тотъ испросилъ ему должность ординарнаго профессора [1]); экстраординарный профессоръ математики Байковъ, по представленію А. А. Перовскаго, получилъ ординатуру по каѳедрѣ сельскаго хозяйства за свои способности, усердіе, ревность и успѣхи въ прохожденіи профессорской должности, любовь къ наукамъ, особенно физическимъ и познанія въ нихъ; ординарными профессорами были сдѣланы Гулакъ-Артемовскій и Робушъ „за отличное трудолюбіе, усердіе къ исполненію обязанностей и познанія", первый по русской исторіи, второй по военнымъ наукамъ; Черняевъ и Затеплинскій произведены изъ адъюнктовъ прямо въ ординарные профессора, первый „за обширныя свѣдѣнія, ревность, усердіе къ службѣ и отличную прав-

---

[1]) Филомафитскій, узнавъ объ этомъ, написалъ попечителю слѣдующее благодарственное письмо. „Сколь велико достоуваженіе и благодарность моя къ особѣ вашей—это выразить, конечно, не въ силахъ я, но не могу этихъ чувствъ и скрыть во глубинѣ сердца моего: невольно стремятся они къ виновнику новаго моего счастія. Знаю и то, что изъявленіе благодарности—какъ-бы краснорѣчиво ни было оно мало вознаграждаетъ благодѣяніе и утѣшаю себя тою мыслію, что наиусерднѣйшимъ своимъ служеніемъ престолу и отечеству, точнѣйшимъ выполненіемъ благополезной воли начальства потщусь всемѣрно доказать и оправдать, что милость, вашимъ превосходительствомъ оказанная мнѣ, пала не на безплодный камень".

ственность", а второй „за познанія, усердіе и нравственность"; Криницкій — въ экстраординарные „за приведеніе въ порядокъ кабинета, обширныя свѣдѣнія, обнаруженныя въ преподаваніи"; Золотаревъ — въ адъюнкты [1]). По случаю вызова проф. Даниловича въ Петербургъ, каѳедра россійскаго законодательства была поручена кандидату Спасскому по настоянію попечителя, хотя онъ и не выдержалъ магистерскаго испытанія въ Москвѣ, куда былъ командированъ для подготовки.

Проф. Виленскаго университета Игнатій Даниловичъ въ 1824 г. былъ переведенъ въ Харьковскій университетъ не по выбору совѣта, а по назначенію министра народнаго просвѣщенія Шишкова. Онъ вмѣстѣ съ Лелевелемъ и Бобровскимъ былъ удаленъ изъ Виленскаго университета и Вильны, а затѣмъ, съ Высочайшаго соизволенія, получивъ право поселиться внѣ Петербурга, избралъ Харьковъ и занялъ тамъ вакантную каѳедру ординарнаго профессора дипломатики въ 1825 году. Впрочемъ въ томъ-же году совѣтъ ходатайствовалъ о переводѣ профессора Даниловича на каѳедру русскаго права, которое онъ читалъ въ Вильнѣ 10 лѣтъ, тѣмъ болѣе, что онъ хотѣлъ еще открыть курсъ и мѣстнаго права присоединенныхъ польскихъ областей, знаніе коего требовалось уставомъ объ ученыхъ степеняхъ. Министръ удовлетворилъ это ходатайство. Въ 1830 г. Даниловичъ, по Высочайшему повелѣнію, былъ вызванъ въ Петербургъ во 2-е отдѣленіе собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи. За описаніе минцъ-кабинета ему было выдано 2000 руб. по ходатайству совѣта [2]).

Криницкій тогда же былъ назначенъ преподавателемъ минералогіи по указанію попечителя Е. В. Карнѣева, а этотъ послѣдній исполнилъ распоряженіе министра. Дѣло въ томъ, что и Криницкій, подобно Даниловичу, принадлежалъ къ обществу филаретовъ и былъ высланъ изъ Вильны съ правомъ поступить на службу въ центральныхъ областяхъ Россіи. Онъ пожелалъ устроиться въ Харьковскомъ университетѣ и ему тамъ было предоставлено мѣсто преподавателя минералогіи, хотя былъ уже для естественной исторіи предназначенъ Черняевъ [3]).

Ѳ. Чановъ былъ предложенъ въ преподаватели философіи попечителемъ Филатьевымъ, который черезъ нѣкоторое время вошелъ съ ходатайствомъ къ министру народнаго просвѣщенія о назначеніи его ординарнымъ профессоромъ, хотя тотъ не имѣлъ никакой ученой сте-

---

[1]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло попеч. № 1311/75.
[2]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло попеч. № 1076/59.
[3]) Харьк. унив. архивъ. Предложенія попечителя 1825 г., стр. 9—10.

пени. Чанову Филатьевъ писалъ: „университетъ по этико-политическому отдѣленію не имѣетъ нынѣ профессора умозрительной и практической философіи. Гг. профессора здѣшняго университета, будучи заняты по своимъ каѳедрамъ, не имѣютъ достаточно времени, чтобы принять на себя преподаваніе этого важнаго предмета. Ваши познанія и образъ мыслей по этому предмету мнѣ извѣстны, почему не сомнѣваюсь въ пользѣ, какую могли бы вы принести, согласившись на преподаваніе по этой каѳедрѣ съ начала наступающаго поста до окончанія курса. По неимѣнію профессора философіи и по разстройству вообще въ ученіи. отъ холеры происшедшему, студенты не слушали философскихъ лекцій и хотя время до окончанія курса весьма кратко, но лучше же пріобрѣсти понятіе объ этомъ предметѣ, хотя въ бѣгломъ обзорѣ, нежели оставить его вовсе непройденнымъ. А потому предлагаю, прошу васъ на это предложеніе мое согласиться. Если же вы признаете нужнымъ имѣть адъюнкта, которому бы поручить отдѣльно нѣкоторые предметы полнѣе развернуть въ понятіи слушателей, то сообщите мнѣ объ этомъ ваше мнѣніе—я имѣю въ виду человѣка, къ тому способнаго". Чановъ далъ на это слѣдующій отвѣтъ. „Начальническое вниманіе вашего превосходительства, на меня обращенное и изъявленное въ предписаніи отъ 20-го февраля считаю отличною честію. Назначая меня преподавать теоретическую и практическую философію студентамъ Высочайше ввѣреннаго управленію вашему университета, ваше превосходительство открываете мнѣ и случай, и способы показать усердную готовность быть полезнымъ и по этой части служенія, раздѣляя труды съ мужами, облеченными правительствомъ въ достопочтенное званіе просвѣщенныхъ государственныхъ наставниковъ юношества. Одушевляясь этою мыслію, я пріемлю со всею душевною благодарностью столь лестное порученіе, коимъ ваше превосходительство меня удостоиваете. Вступая на каѳедру Шада, точнаго мыслителя, и достойнаго преемника его Дудровича, можетъ быть, единственнаго словомъ и дѣломъ нравоучителя, мужей, исполненныхъ совѣта и разума мужей, превосходящихъ меня и обширностію знаній, и опытностію, и извѣстностію ихъ въ ученомъ свѣтѣ, я буду руководствоваться умозрѣніями перваго, а нравоученіемъ второго, и по мѣрѣ старанія моего сколь возможно точнѣе передавать ученіе ихъ, мало-по-мало привлеку вниманіе слушателей и возобновлю память сихъ незабвенныхъ наставниковъ. Но ваше превосходительство предписываете мнѣ приступить къ чтенію лекцій съ первой недѣли великаго поста, объясняя, что по краткости остающагося времени до окончанія курса лучше пріобрѣсти студентамъ понятія о философіи, хотя въ бѣгломъ обзорѣ, нежели оставить ее всю непройденною, а потому я

признаете полезнымъ для того поручить адъюнкту отдѣльно нѣкоторые предметы, дабы полнѣе развернуть ихъ въ понятіи слушателей. Убѣждаясь въ справедливости заключенія вашего превосходительства и представляя при этомъ обозрѣніе предполагаемаго мною на этотъ годъ курса философіи, весьма нужнымъ считаю поручить адъюнкту преподаваніе антропологіи съ ея частями и логики, входящихъ въ составъ этого обозрѣнія, дабы я имѣлъ возможность пройти прочія части философіи". (27 февраля 1831 г.). Въ совѣтъ попечитель обратился съ такимъ предложеніемъ. „Такъ какъ нынѣ не преподается въ университетѣ опредѣленная уставомъ въ факультетѣ нравственныхъ и политическихъ наукъ умозрительная и практическая философія, по неимѣнію для этой каѳедры особаго профессора, то, зная способности директора здѣшней гимназіи, его свѣдѣнія и самый образъ мыслей, я предлагалъ ему временно занять эту каѳедру безъ всякаго денежнаго вознагражденія, на что онъ какъ по любви своей къ наукѣ, такъ и желая оказать услугу и по мѣрѣ силъ своихъ быть полезнымъ университету, изъявилъ совершенную готовность. Составленный имъ конспектъ мною съ членами факультета г. ректоромъ и приглашеннымъ мною профессоромъ Кронебергомъ разсмотрѣнъ и одобренъ, почему и предлагаю допустить г. директора къ преподаванію философіи студентамъ политическаго факультета; необходимымъ признаю также, чтобы студенты словеснаго отдѣленія и физико-математическаго обратились къ слушанію этого предмета, столь нужнаго для всякаго. Въ особенности логика необходима для правильнаго мышленія, а нравственная и практическая философія для бо́льшаго усовершенствованія человѣка какъ въ отношеніи къ Богу и религіи, такъ и въ отношеніи обязанностей человѣка, какъ гражданина и вѣрноподданнаго. При этомъ признаю нужнымъ дать въ помощь г-ну директору въ видѣ адъюнкта лектора нѣмецкаго языка Гренберга, который будетъ преподавать антропологію и логику подъ руководствомъ его, директора, сообразно представленному имъ курсу философіи. Самъ г-нъ директоръ будетъ преподавать курсъ нравственной философіи со включеніемъ теоріи эстетики и исторіи философіи. Г. Гренбергъ извѣстенъ мнѣ самому по своимъ способностямъ. О вознагражденіи Гренберга за этотъ посторонній трудъ будетъ сдѣлано мною особое распоряженіе". Это предложеніе было отправлено въ совѣтъ въ мартѣ 1831 г., а уже въ началѣ іюля того же года попечитель вошелъ въ министерство съ ходатайствомъ о назначеніи Чанова ординарнымъ профессоромъ. „Въ дополненіе къ донесенію моему осмѣливаюсь представить вашей свѣтлости и покорнѣйше просить объ удостоеніи директора училищъ Слободско-Украинской губерніи надворнаго совѣтника Чанова званія ординарнаго

профессора по части умозрительной и практической философіи въ здѣшнемъ Харьковскомъ университетѣ. Каѳедра философіи вакантна, а г. Чановъ испытанъ уже въ познаніяхъ по этой наукѣ, преподавая ее съ 10-го марта текущаго года до окончанія академическаго года. Преподаваніе философіи поручено было Чанову съ тою цѣлью, чтобы точнѣе удостовѣриться въ самомъ способѣ преподаванія имъ этой науки и г. Чановъ своими способностями и познаніями вполнѣ оправдалъ довѣріе университета, члены коего съ нетерпѣніемъ ожидаютъ минуты видѣть въ немъ достойнаго ихъ сотрудника, обратившаго уже на себя общее ихъ вниманіе и одобреніе обширными познаніями своими по части философіи, къ постоянному преподаванію которой онъ представляется нынѣ. Ваша свѣтлость, можетъ быть, изволите замѣтить, что г-нъ Чановъ не имѣетъ степени доктора, но большая часть профессоровъ здѣшняго университета не имѣетъ также этой степени и я полагаю, что и въ другихъ университетахъ мало есть имѣющихъ эту степень. Трудность имѣть профессора философіи ясно доказываетъ Московскій университетъ, ибо каѳедра, которую занималъ проф. Давыдовъ, кажется и до настоящаго времеми остается вакантною. Казанскій университетъ вызываетъ нѣсколько профессоровъ по разнымъ предметамъ. Московскій, древнѣйшій изъ русскихъ университетовъ, не имѣетъ способнаго (лица) къ замѣщенію каѳедры Мерзлякова; таковъ еще у насъ недостатокъ въ достойныхъ профессорахъ. А потому осмѣливаюсь просить вашу свѣтлость принять во вниманіе надобность университета и удостоить представленіе мое о г. Чановѣ вашимъ на то согласіемъ. Не могу умолчать при этомъ, что теряю въ г-нѣ Чановѣ отличнаго директора, но въ случаѣ утвержденія его вашею свѣтлостью въ званіи ординарнаго профессора буду имѣть честь представить на его мѣсто директора училищъ Полтавской губ.— князя Цертелева, а въ Полтаву директора Новочеркасской гимназіи г. Селиванова, въ Новочеркасскую же гимназію адъюнкта Золотарева, по Высочайшему повелѣнію тамъ находящагося, о которомъ ходатайствуетъ и Донское начальство — впрочемъ, мѣсто это по праву ему слѣдуетъ. Формулярный списокъ директора Чанова при этомъ имѣю честь приложить, изъ коего ваше сіятельство усмотрѣть изволите, что онъ уже преподавалъ философію въ гимназіи" [1]). Министръ уважилъ это ходатайство—и Чановъ былъ назначенъ ординарнымъ профессоромъ. Этотъ выборъ, какъ увидимъ далѣе, не былъ удаченъ, а между тѣмъ для Чанова Филатьевъ нарушалъ уставъ, ибо тотъ не имѣлъ не только докторской, но и магистерской степени. Иниціатива приглашенія его

---

[1]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло пои. № 1585/91.

въ преподаватели и затѣмъ возведенія его въ ординарные профессора принадлежала попечителю—совѣтъ тутъ былъ ни причемъ—а онъ ссылался на профессоровъ, которые будто бы считали минуты, пока, наконецъ, Чановъ будетъ возведенъ въ это высшее профессорское званіе и о которыхъ въ дѣйствительности можно было сказать, что они по меньшей мѣрѣ ничего не знали объ этомъ; слѣдовательно, имя профессоровъ товарищей было употреблено попечителемъ напрасно. Характерно, что Чановъ принялъ предложеніе, просьбу попечителя какъ *приказъ*; характерно и высказанное имъ желаніе слѣдовать одновременно Шаду и Дудровичу; характерно и его *скромное* признаніе, что онъ не пользуется такою извѣстностью, какъ эти послѣдніе „мужи совѣта и разума". Что же касается оскудѣнія университетскихъ преподавателей, то здѣсь оказали большое вліяніе „обстоятельства, отъ университета независящія", а въ частности по отношеніямъ къ каѳедрамъ философіи, гоненіе, поднятое на эту науку Магницкимъ и Руничемъ; Шадъ былъ удаленъ изъ Харьковскаго университета за свое „умозрѣніе", а Чановъ хотѣлъ теперь слѣдовать Шаду именно въ его умозрѣніи; нѣтъ сомнѣнія, что если бы Шадъ остался въ Харьковѣ, то онъ создалъ бы цѣлую школу спеціалистовъ въ области философіи. Любопытно также, что когда Чановъ отказался отъ должности директора, то открылись затрудненія для выдачи ему аттестата, въ виду запутанности денежныхъ счетовъ по гимназіи; но здѣсь снова попечитель пришелъ на помощь своему любимцу и рѣзко обрушился на училищный комитетъ, который однако съ своей стороны представилъ серьезныя доказательства законности своихъ требованій" [1]).

И о дарованіи должности адъюнкта магистру Цыху ходатайствовалъ въ 1833 году попечитель Филатьевъ, аттестуя его прекрасно и по познаніямъ, и по чистой нравственности, и по благонамѣренному образу мыслей [2]). По его же ходатайству магистръ Якимовъ былъ произведенъ въ экстраординарные профессора, но министерство утвердило его только адъюнктомъ [3]).

Попечитель Филатьевъ ходатайствовалъ предъ министромъ народнаго просвѣщенія С. С. Уваровымъ о производствѣ въ ординарные профессора Степанова, аттестуя его, какъ ревностнаго и усерднаго высокополезнаго преподавателя, человѣка примѣрной нравственности, лично извѣстнаго министру, но получилъ отвѣтъ, что еще рано [4]).

---

[1]) Ibidem.

[2]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло поп. 1502/86.

[3]) Ibidem.

[4]) Ibidem.

Тогда же попечитель предложилъ на должность экстраординарнаго профессора по греческому языку бывшаго профессора гимназіи высшихъ наукъ въ Нѣжинѣ Іеропеса, рекомендованнаго Кіевскимъ попечителемъ фонъ-Брадке. Министръ отвѣтилъ, что такъ какъ наличное число экстраординарныхъ профессоровъ превышаетъ норму, то Іеропесъ можетъ быть избранъ совѣтомъ только въ адъюнкты [1]).

Но несмотря на то, что на помощь совѣту въ дѣлѣ избранія новыхъ преподавателей пришли попечители округа, получившіе право назначенія профессоровъ, составъ совѣта, состоявшаго изъ однихъ ординарныхъ профессоровъ, всегда былъ крайне незначительный и недостаточный и это отражалось весьма неблагопріятно на его дѣятельности.

Избраніе декановъ и другихъ должностныхъ лицъ затруднялось крайне незначительнымъ составомъ членовъ совѣта. Вотъ тому одинъ рѣзкій примѣръ. Въ 1820 г. совѣтъ сообщалъ попечителю о выборѣ въ деканы этико-политическаго отдѣленія проф. Пауловича и при этомъ прибавлялъ, что деканы остальныхъ факультетовъ остались тѣ же, потому что кромѣ ихъ другихъ ординарныхъ профессоровъ на этихъ факультетахъ не было (а деканы избирались только изъ состава ординарныхъ профессоровъ). Училищный комитетъ долженъ былъ состоять кромѣ ректора изъ 6-ти ординарныхъ профессоровъ, а въ совѣтѣ было тогда только 6 человѣкъ.—кромѣ прозектора Джунковскаго,—профессоръ Делявинъ, Могилевскій, Книгинъ, Рейтъ, Пауловичъ и Дудровичъ (здѣсь не помѣщенъ только проф. Пильгеръ, но онъ по слабости здоровья отъ всѣхъ этихъ должностей отказался); поэтому новыхъ выборовъ произвести было невозможно—и по необходимости остались старые члены, такъ же точно какъ должны были остаться и прежніе члены испытательнаго комитета, за исключеніемъ того, что мѣсто Рейта занялъ Пауловичъ [2]). Идти дальше по пути оскудѣнія было невозможно, и такой составъ совѣта былъ въ попечительство З. Я. Карнѣева и совпалъ съ изгнаніемъ ректора Осиповскаго! Неудивительно поэтому, что и Пауловичъ былъ избранъ тогда въ ординарные профессора—разборчивымъ и строгимъ совѣту оставаться было невозможно. Въ 1819 году было такое же положеніе дѣла: деканы должны были остаться тѣ же, что и раньше, потому что было только по одному ординарному профессору на факультетъ, исключая ректора и непремѣннаго засѣдателя; третьимъ членомъ испытательнаго комитета назначенъ былъ Джунковскій, опять таки потому что больше избрать было некого [3]).

[1]) Ibidem.

[2]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло поп. № 350/18.

[3]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло поп. № 673/35.

Въ 1821 году самъ министръ народнаго просвѣщенія кн. А. Н. Голицынъ сдѣлалъ запросъ попечителю округа З. Я. Карнѣеву—не сочтетъ ли онъ удобнымъ, въ виду недостатка ординарныхъ профессоровъ, допустить въ нѣкоторыя собранія адъюнктовъ. Попечитель въ свою очередь обратился по этому поводу съ запросомъ къ проректору Джунковскому и далъ отвѣтъ, основанный на представленіи этого послѣдняго. По мнѣнію его, экстраординарныхъ профессоровъ и адъюнктовъ можно было бы допустить въ члены училищнаго комитета, на должность визитаторовъ по училищамъ, непремѣннаго засѣдателя въ правленіи, инспектора студентовъ, но предоставить выборъ этихъ лицъ не совѣту, а высшему начальству; о допущеніи экстраординарныхъ профессоровъ въ совѣтъ, что было бы наиболѣе существенно и цѣлесообразно не говорится ни слова [1]).

Благодаря энергическимъ мѣрамъ, принятымъ А. А. Перовскимъ, составъ профессорской коллегіи Харьковскаго университета нѣсколько увеличился, но далеко не доходилъ всетаки до требуемой штатами нормы и былъ меньше состава ея въ первое десятилѣтіе университетской жизни. Послѣ Перовскаго въ періодъ времени съ 1830 по 1835 г. онъ сталъ уменьшаться: въ 1830 году былъ 21 ординарный профессоръ, 6 экстраординарныхъ, 3 адъюнкта, 2 лектора, 5 преподавателей; въ 1831 году—21 ординарный профессоръ, 5 экстраординарныхъ, 3 адъюнкта, 2 лектора, 4 преподавателя: въ 1833 году—1 заслуженный, 17 ординарныхъ профессоровъ, 5 экстраординарныхъ, 4 адъюнкта, 3 лектора, 2 магистра; въ 1834 году — 17 ординарныхъ, 4 экстраординарныхъ, 7 адъюнктовъ, 2 магистра; въ 1835 году—15 ординарныхъ, 4 экстраординарныхъ, 6 адъюнктовъ.

Выборными ректорами въ изучаемый нами періодъ времени были— Осиповскій (въ 1815—1820 г.), Джунковскій (въ 1821—1824 г.), Дудровичъ (въ 1829—1830 г.), Еллинскій (въ 1830—1833 г.) и Кронебергъ (въ 1833 — 1835 г.); *назначенными* безъ выбора совѣта — Кронебергъ (въ 1826 — 1829 г.) и Джунковскій; послѣдній въ 1824 году былъ забаллотированъ на должность ректора (избранъ былъ Книгинъ, а за его отказомъ Комлишинскій и Кронебергъ), но попечитель исходатайствовалъ назначеніе Джунковскаго „впредь до усмотрѣнія“. Удачными нужно признать выборы Осиповскаго, Еллинскаго и Кронеберга; неудачными— Джунковскаго и Дудровича.

Выборъ декановъ и членовъ училищнаго и испытательнаго комитетовъ сильно затруднялся недостаточностью состава профессорской кол-

---

[1]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло поп. № 771/41.

легіи. Выборы этихъ должностныхъ лицъ должны были происходить ежегодно и предполагалось, что коллегія эти будутъ часто обновляться; а между тѣмъ, иногда выборы *фактически* упразднялись, потому что не изъ-кого было выбирать новыхъ членовъ этихъ комитетовъ. Благодаря этому, всѣ члены совѣта волей-неволей, независимо отъ своихъ способностей, вкусовъ и желаній, принуждены были занимать должности деканов и членовъ вышеназванныхъ комитетовъ и, конечно, результаты подобнаго порядка вещей были печальные для интересовъ дѣла. Приведемъ для примѣра нѣсколько справокъ о лицахъ, состоявшихъ деканами въ разные годы. Въ 1816 г. деканами были—П. М. Шумлянскій (на медицинскомъ факультетѣ), Ф. А. Деллвинь (на физико-математическомъ), Г. П. Успенскій (на словесномъ), Б. О. Рейтъ (на этико-политическомъ); въ 1817 г. — Книгинъ (на медицинскомъ), Деллвинь, Успенскій и Рейтъ; въ 1818 г.—тѣ же; въ 1819 г.—тѣ же; въ 1822 г. деканами были утверждены—Пауловичъ (на этико-политическомъ), Комлишинскій (на математическомъ), Книгинъ и Кронебергъ; послѣдніе два не баллотировались, потому что на медицинскомъ факультетѣ кромѣ Книгина было только два ординарныхъ профессора, изъ коихъ Громовъ состоялъ непремѣннымъ засѣдателемъ, а Пильгеръ по болѣзни не могъ исправлять никакой должности, на словесномъ же факультетѣ другимъ ординарнымъ профессоромъ былъ Джунковскій, состоявшій ректоромъ; въ 1823 г. деканами были избраны Могилевскій, Комлишинскій, Книгинъ и Кронебергъ; на 1824 г. были утверждены деканами тѣ же лица; на 1825 г. — Пауловичъ, остальныя — тѣ же; на 1826 г.—тѣ же, а съ назначеніемъ Кронеберга ректоромъ Джунковскій; Пауловича, какъ юриста, попечитель просилъ назначить непремѣннымъ засѣдателемъ на мѣсто Громова, а на мѣсто Пауловича деканомъ—Даниловича (безъ выбора совѣта, въ 1828 г.—Даниловичъ (на этико-политическомъ), Комлишинскій, Книгинъ и Борзенковъ (на словесномъ). Любопытно, что на этико-политическомъ отдѣленіи некого было избрать въ секретари и таковымъ состоялъ профессоръ словеснаго факультета Куницкій, на мѣсто котораго совѣтъ избралъ потомъ кандидата Спасскаго, не утвержденнаго однако попечителемъ и потому замѣненнаго Дьячковымъ въ 1829 г.— Даниловичъ, Архангельскій, Книгинъ и Дудровичъ; въ 1830 г.—Могилевскій, Сухомлиновъ, Гулакъ-Артемовскій; въ 1831 г.—проф. Могилевскій, Сухомлиновъ, Громовъ, Гулакъ-Артемовскій; въ 1832 г.—Могилевскій, Сухомлиновъ, Блюменталь (на медицинскомъ) и Кронебергъ (на словесномъ); въ 1833 г.—Могилевскій, Сухомлиновъ, Блюменталь и Гулакъ-Артемовскій (на словесномъ).

Одной изъ функцій совѣта было избраніе почетныхъ членовъ университета. И здѣсь также мы должны констатировать факты упадка и регресса. Въ почетные члены избранъ былъ цѣлый рядъ лицъ не за ученую дѣятельность, и не услуги, оказанныя университету, а только за вниманіе къ ихъ высокому рангу и предложенію попечителя: Перовскій же прямо отдавалъ въ этомъ смыслѣ приказы совѣту. Вотъ нѣкоторые относящіеся сюда факты. Въ 1815 г. избранъ былъ въ почетные члены Курскій гражд. губернаторъ Нелидовъ; въ 1816 г.—Лонгиновъ, президентъ медико-хирургической академіи Вилье, попечитель Московскаго округа Голенищевъ-Кутузовъ [1]; въ 1817 г.—гр. Ал. Ланжеронъ за содѣйствіе школьному дѣлу въ Новороссіи и извѣстный архіепископъ Псковскій Евгеній; въ 1818 г.—гр. А. А. Аракчеевъ „въ знакъ уваженія къ отличнымъ познаніямъ и заслугамъ, оказаннымъ имъ отечеству", б. министръ народнаго просвѣщенія гр. А. К. Разумовскій, б. попечитель гр. С. О. Потоцкій [2]; въ 1819 г.—начальникъ штаба князь Волконскій, генералъ отъ инфантеріи гр. Каменскій, Малороссійскій военный губернаторъ князь Репнинъ, митрополитъ Петербургскій Михаилъ и Кіевскій Серапіонъ, вице-адмиралъ Сарычевъ [3]; въ 1820 г.—штабъ-лѣкарь Шабановъ и проф. Лейпцигскаго университета Кларусъ (послѣдній для корреспонденціи съ жалованьемъ); въ 1821 г.—Петербургскій митрополитъ Серафимъ, епископъ Слободско-Украинскій Павелъ, Егоръ Васильевичъ Карнѣевъ, исправляющій должность Таганрогскаго градоначальника Шауфусъ, академикъ Загорскій, т. с. Григорій Ивановичъ Вилламовъ, д. ст. сов. Василій Михайловичъ Поповъ (директоръ департамента министерства народнаго просвѣщенія), кол. сов. Ст. Ан. Исаковъ. Отвѣчая на благодарственное письмо В. М. Попова, попечитель (З. Я. Карнѣевъ) писалъ. „Избраніе васъ въ это званіе сопровождалось совершеннымъ безпристрастіемъ. Совѣтъ Харьковскаго университета въ этомъ случаѣ весьма справедливо принялъ во вниманіе вашу извѣстную любовь къ наукѣ и стремленіе къ чистому евангельскому просвѣщенію. Сердечно желаю, чтобы Господь, распространяя свѣтъ свой въ сословіи ученыхъ Харьковскаго университета, присоединялъ къ нему большее число подобныхъ членовъ, а потому усерднѣйше поздравляю ваше превосходительство съ новымъ титуломъ, по уму и сердцу вашему совершенно вамъ приличнымъ" [4]; въ 1823 г.—ген.-лейт. графъ Воронцовъ, тайн. сов. графъ Лаваль, Орловскій гражданскій губернаторъ Шредеръ,

---

[1]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло прав. № 1112/52.

[2]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло поп. № 526/27.

[3]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло сов. 1819 г. № 47.

[4]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло поп. № 829/45.

Руничъ и Магницкій. Въ 1823 г. извѣстный Магницкій прислалъ попечителю Е. В. Карнѣеву рѣчь профессора Баженова, сказанную имъ 17 января, въ день обновленія Казанскаго университета. Попечитель, прочитавъ эту рѣчь и найдя въ ней „рѣдкія и назидательныя изъясненія, могущія служить къ истинному образованію юношества и къ утвержденію его въ благочестіи", просилъ о высылкѣ за деньги 15 экземпляровъ ея для подвѣдомственныхъ ему высшихъ учебныхъ заведеній [1]). Въ томъ же году Магницкій былъ избранъ въ почетные члены Харьковскаго университета. Благодаря за это избраніе, онъ писалъ попечителю. „Покорнѣйше прошу ваше превосходительство препроводить къ г-ну ректору ввѣреннаго вамъ университета прилагаемый при этомъ отвѣтъ мой на отношеніе, при коемъ доставилъ онъ ко мнѣ дипломъ на званіе почетнаго члена Харьковскаго университета. Изъяснивъ почтенному сословію его должную благодарность за честь. мнѣ оказанную, прошу и ваше превосходительство въ знакъ той чести, которая въ этомъ случаѣ принадлежитъ вамъ, принять увѣреніе мое, что не можетъ быть для меня пріятнѣе сопричтенія къ такому университету, въ которомъ трудами почтеннаго предмѣстника вашего и неусыпнымъ вашимъ попеченіемъ утвержденъ духъ благочестія и освящаетъ на пользу общую тѣ самыя науки, кои врагъ Божій стремился повсемѣстно обратить къ своимъ видамъ" (28 января 1824 года). Е. В. Карнѣевъ далъ на это слѣдующій отвѣтъ. „Поставляю себѣ въ пріятный долгъ принести вамъ, милостивый государь мой, искреннюю благодарность за лестное ваше къ подвѣдомому университету вниманіе. Я присовокуплю къ мысли вашей усердное мое желаніе, чтобы заведенный предмѣстникомъ моимъ въ кругу ученыхъ и мною поддерживаемый духъ благочестія самъ Господь благословилъ и утвердилъ для принесенія ожидаемыхъ благодѣтельнымъ правительствомъ плодовъ, несмотря на сѣемыя противникомъ Божіимъ плевелы" [2]). Тогда же избранъ былъ въ почетные члены Харьковскаго университета не менѣе извѣстный сотрудникъ Магницкаго Д. Руничъ, отъ котораго также была получена благодарность совѣтомъ. А попечитель, отвѣчая ему, писалъ между прочимъ: „Поставляю себѣ въ пріятный долгъ искренно благодарить васъ за благосклонное ваше вниманіе къ Харьковскому университету, который избраніемъ васъ въ почетные члены выразилъ общій голосъ и уваженіе къ заслугамъ вашимъ и любви къ истинному просвѣщенію, на духѣ Евангелія основанному" [3]). Но трудно, конечно, повѣрить тому, чтобы

---

[1]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло поп. № 1040/57, стр 48—49.

[2]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло поп. № 1026/56, стр. 6—9.

[3]) Ibidem.

Магницкій и Руничъ были избраны въ почетные члены университета по общему голосу всѣхъ членовъ совѣта; здѣсь несомнѣнно дѣйствовала инниціатива попечителя и бывшаго его покорнымъ орудіемъ ректора Джунковскаго; въ 1824 г. были избраны—генералъ отъ инфантеріи Балашовъ и профессора Варшавскаго университета Линде и Швейковскій, гр. Ливенъ, кн. Оболенскій, д. ст. сов. Булгаковъ [1]); въ 1826 г. Перовскій предложилъ совѣту избрать въ почетные члены: тайн. сов. М. М. Сперанскаго, т. сов. сенатора гр. Григ. Влад. Орлова, ст. сов. кн. Плат. Александр. Ширинскаго-Шихматова, директора департамента мин. народн. просв. Языкова, изготовить для нихъ дипломы, прислать къ нему и впредь поступать такимъ же образомъ; въ 1828 г. были избраны и утверждены—министръ финансовъ Е. Ф. Канкринъ, сенаторъ В. И. Брозинъ, Харьковскій губернаторъ Мих. Кир. Грабовскій, генералъ-адъютантъ А. Хр. Бенкендорфъ. гр. М. Ю. Віельгорскій (послѣдній по прямому письменному предложенію попечителя А. А. Перовскаго); были избраны также совѣтомъ въ почетные члены еще въ 1827 г., но не представлены къ утвержденію по случаю пребыванія попечителя заграницею слѣдующія лица—ректоръ Австрійскаго университета въ Прагѣ докторъ Гельдъ, профессоръ анатоміи въ томъ же университетѣ Кромбгольцъ, Бетигеръ, Гете, министръ Веймарскій Швейцеръ, Александръ и Вильгельмъ Гумбольдты, совѣтникъ посольства Ансильонъ, докторъ фонъ-Гунъ, директоръ Бременскаго коммерческаго училища Мартенсъ; въ 1830 г.—бывшій попечитель Перовскій, статсъ-секретарь Балугіанскій, контръ-адмиралъ Рикордъ, генералъ-маіоръ Головнинъ, Слободско-Украинскій губернаторъ Мих. Ив. Каховскій и епископъ Виталій; въ 1831 г.—знаменитый Берлинскій профессоръ ген. штабъ-медикъ докторъ Карлъ фонъ-Грефе, оказавшій услуги и Харьковскому университету, Курскій губернаторъ П. Н. Демидовъ, Харьковскій губернскій предводитель дворянства Андрей Өедоровичъ Квитка (утвержденъ былъ только въ 1834 г.), директоръ департамента министерства юстиціи Пав. Ив. Дегай (утвержденъ былъ въ 1833 г.); въ 1834 г.—Воронежскій губернаторъ Бѣгичевъ, почетный попечитель Орловской гимназіи Милюковъ, Орловскій предводитель дворянства Шереметевъ, временный военный Слободско-Украинскій губернаторъ Никитинъ, товарищъ министра юстиціи д. ст. сов. графъ Панинъ, Слободско-Украинскій гражданскій губернаторъ ген.-м. князь Трубецкой, Новочеркасскій архіепископъ Аөанасій, Слободско-Украинскій епископъ Инокентій, наказный атаманъ войска Донскаго Кутейниковъ 1-й [2]).

---

[1]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло правл. № 2072/109.

[2]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло № 2169/134.

Болѣе или менѣе плодотворная дѣятельность коллегіи находится въ зависимости отъ преданности общественному дѣлу ея членовъ, отъ ихъ способностей. Среди дѣятелей изучаемаго нами періода въ исторіи университета рѣзко выдѣляется положительная личность одного только Осиповскаго, который однако является, такъ сказать, наслѣдіемъ перваго десятилѣтія. Такихъ же лицъ, какъ Рижскій, Тимковскій, мы теперь не видимъ. Среди новыхъ дѣятелей выдѣляются правда фигуры добросовѣстнаго труженника ректора Еллинскаго и умнаго, ученаго, энергичнаго ректора Кронеберга, но этому послѣднему пришлось на первыхъ порахъ дѣйствовать въ качествѣ назначеннаго, а не выборнаго ректора, и потому его отношенія къ товарищамъ профессорамъ отличались до нѣкоторой степени двойственнымъ характеромъ. Кронебергъ составилъ положеніе и штаты для проектированнаго имъ института казеннокоштныхъ студентовъ, а также инструкцію для инспектора. Инструкція составлена умно, но въ ней чувствуется человѣкъ, слишкомъ вѣрившій въ силу бумажнаго указа. Исполнять вполнѣ добросовѣстно свои обязанности по требованію этой инструкціи никакой инспекторъ конечно не могъ бы, при всемъ своемъ усердіи и стараніи, хотя авторомъ проекта въ его требованіяхъ руководили самыя лучшія побужденія. Съ другой стороны и жизнь студентовъ была уже слишкомъ стѣснена этой инструкціей; инспекторъ долженъ былъ слѣдить за тѣмъ, чтобы они всегда готовились къ лекціямъ и повторяли ихъ, чтобы сидѣли въ аудиторіяхъ чинно, чтобы не перемѣняли своихъ квартиръ безъ его разрѣшенія и т. п. Вообще въ основу инструкціи положена идея самаго строгаго повиновенія и субординаціи. Исходя изъ той же идеи, Кронебергъ проектировалъ, чтобы вопреки университетскому уставу, инспекторъ назначался на неопредѣленный срокъ ректоромъ, а не избирался совѣтомъ [1]).

Новыя вѣянія естественно измѣнили и тѣ требованія, которымъ должны были удовлетворять университетскіе дѣятели. Осиповскій долженъ былъ преждевременно сойти со сцены, потому что не хотѣлъ быть слѣпымъ орудіемъ попечителя З. Я. Карнѣева—и его мѣсто занялъ Джунковскій — человѣкъ совершенно противоположнаго склада убѣжденій и характера. Да и впослѣдствіи былъ спросъ на такихъ дѣятелей, какъ Дудровичъ, Байковъ, Пауловичъ, Венедиктовъ. Инспекторомъ казеннокоштныхъ студентовъ былъ до 1822 г. Дудровичъ (въ теченіе 2 лѣтъ), а затѣмъ его смѣнилъ Пауловичъ, бывшій раньше инспекторомъ своекоштныхъ студентовъ. Попечитель Карнѣевъ рекомендовалъ его, какъ чело-

---

[1]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло поп. № 350/18.

вѣка съ христіанскими правилами, могущаго принести университет у великую пользу. Но въ 1826 г. онъ вышелъ въ отставку, повидимому не безъ вліянія столкновенія съ ректоромъ Кронебергомъ, создавшимъ въ это время особую инструкцію для инспекторской должности. Въ преемники ему совѣтъ избралъ проф. Даниловича, но тотъ рѣшительно отказался отъ этой обязанности, мотивируя свой отказъ отсутствіемъ должныхъ способностей къ ней, недостаточнымъ знаніемъ русскаго языка, другими занятіями и, наконецъ, неимѣніемъ собственнаго экипажа, столь необходимаго въ Харьковѣ для посѣщенія студентовъ. Тогда попечитель Перовскій собственною властью, безъ законнаго выбора совѣта, назначилъ на эту должность экстраординарнаго профессора (по уставу совѣтъ долженъ былъ избирать инспектора изъ ординарныхъ профессоровъ) Байкова, который дотолѣ занималъ должность субъ-инспектора. Ходатайствуя объ утвержденіи его въ должности, А. А. Перовскій въ тоже ремя просилъ прибавить ему 800 руб. жалованья изъ хозяйственныхъ суммъ университета за исполненіе обязанностей инспектора своекоштныхъ студентовъ. Министръ народнаго просвѣщенія Шишковъ вносилъ это ходатайство на разрѣшеніе комитета министровъ, который уважилъ его, и оно было Высочайше одобрено. Характеристику Байкова, какъ инспектора, мы представимъ впослѣдствіи [1]).

Пауловичъ представлялся *идеальнымъ* общественнымъ университетскимъ дѣятелемъ попечителю Филатьеву и вотъ въ какихъ чертахъ рисуетъ онъ его заслуги. Въ 1831 году самъ Пауловичъ ходатайствовалъ передъ совѣтомъ о предоставленіи ему званія заслуженнаго профессора и попечитель далъ о немъ самый благопріятный отзывъ, говоря, что онъ проходилъ свою службу съ отличнымъ усердіемъ, безкорыстіемъ, примѣрною нравственностью, обширными познаніями и благонамѣреннымъ образомъ мыслей. Сообщая совѣту объ утвержденіи его въ этомъ званіи, попечитель счелъ нужнымъ предъ всѣми изъявить уваженіе свое къ заслугамъ почтеннаго профессора, достойнаго носителя своего званія и указать на усердіе его и непрерывное стремленіе къ исполненію возложенныхъ на него обязанностей, примѣрный образъ мыслей и дѣйствій, кротость характера, *уваженіе къ властямъ и начальству;* не могу не замѣтить, продолжалъ Филатьевъ, какъ пагубно для юношества, когда наставники ихъ между собою ссорятся, другъ друга поносятъ, разными происками ищутъ вредить одинъ другому, порицаютъ дѣйствія властей и начальства — все это имѣетъ вредныя послѣдствія какъ для университета. такъ и для самихъ таковыхъ членовъ его [2]).

---

[1]) Ibidem.

[2]) Ibidem.

Для характеристики дѣятельности совѣта, какъ коллегіи, мы имѣемъ еще любопытный матеріалъ — это замѣчанія и выговоры, высказанные по адресу его попечителями округа.

Въ 1819 году попечитель З. Я. Карнѣевъ сдѣлалъ выговоръ совѣту за то, что въ теченіе двухъ лѣтъ не приведена была въ извѣстность потеря книгъ университетской библіотеки въ бытность библіотекаремъ проф. Дегурова [1]).

Попечитель А. А. Перовскій еще въ 1825 году указалъ совѣту, что меморіалы дѣлъ, отсылаемые къ министру, грѣшатъ неясностью, растянутостью и неопредѣленностью; на то же обстоятельство указывалъ онъ и въ 1826, и въ 1827 году. Свое неудовольствіе попечитель выразилъ также по поводу слишкомъ поздняго увольненія изъ университета студентовъ, за нерадѣніе, безуспѣшность и неблагонадежность поведенія [2]). Онъ же сдѣлалъ совѣту и университетскому начальству цѣлый рядъ замѣчаній за медленность и неаккуратность въ канцелярскомъ дѣлопроизводствѣ. Въ январѣ 1827 г. Перовскій писалъ ректору Кронебергу, что университетъ, получивъ запросъ отъ попечителя или высшаго начальства, вмѣсто того, чтобы самому найти эту справку въ архивѣ, разсылаетъ запросы къ директорамъ училищъ, отъ которыхъ приходится ждать отвѣта по цѣлымъ мѣсяцамъ. Въ апрѣлѣ попечитель снова ставилъ на видъ университету, что онъ запаздываетъ съ отвѣтами даже на вопросы, возбуждаемые по Высочайшему повелѣнію, причемъ Харьковская дирекція, которая могла бы отвѣтить черезъ нѣсколько часовъ, отвѣчаетъ позже другихъ, даже Кавказской. Въ іюлѣ попечитель отмѣчалъ, что совѣтъ въ своихъ отвѣтахъ упускалъ изъ виду важныя обстоятельства дѣла, что умножало переписку, и давалъ неясные отвѣты [3]).

Въ 1828 году попечитель А. А. Перовскій сдѣлалъ цѣлый рядъ серьезныхъ замѣчаній совѣту. Онъ предписывалъ ему давать отдѣльные отвѣты на каждое его предложеніе. Онъ ставилъ ему на видъ крайне равнодушное отношеніе къ замѣщенію каѳедръ русскими питомцами университетовъ согласно объявленной Высочайшей волѣ; здѣсь онъ между прочимъ писалъ. „Университетъ обращаетъ вниманіе на одни только затрудненія и неудобства въ исполненіи по этому предмету, а не на средства къ отвращенію ихъ, между тѣмъ какъ мною предложено не ограничиваться моими распоряженіями и присовокупить со своей стороны, что признаетъ онъ, сообразно мѣстнымъ и другимъ

[1]) Харьк. унив. архивъ. Предл. поп. 1819 г.

[2]) Харьк. унив. архивъ. Предл. поп. 1827 г.

[3]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло поп. 1224/69.

обстоятельствамъ, нужнымъ и полезнымъ для успѣшнаго и вѣрнѣйшаго достиженія предположенной правительствомъ цѣли, донося мнѣ о всякомъ таковомъ распоряженіи безъ малѣйшаго промедленія времени. Но университетъ доселѣ еще въ сущности ничего не сдѣлалъ, кромѣ того, что одного изъ студентовъ нашелъ неспособнымъ, другого постановлено только освидѣтельствовать въ отношеніи здоровья, а о прочихъ не знаетъ, согласятся ли родители ихъ. Но приняты ли со стороны университета какія-либо мѣры къ отобранію таковаго согласія, объ этомъ не говорится ни слова. При этомъ развѣ не слѣдовало бы прежде всего проэкзаменовать ихъ и потомъ уже, убѣдившись въ ихъ способностяхъ, снестись съ ихъ родителями и въ тоже время неупустительно заняться ихъ подготовкою. Не мало удивляетъ меня также и то, что совѣтъ понынѣ не нашелъ возможности получить рѣшительнаго отзыва отъ находящихся *при университетѣ* кандидатовъ, имѣя на то Высочайшее повелѣніе. Необходимыя для изученія иностранныхъ языковъ книги слѣдуетъ доставить кандидатамъ да и вообще при единодушномъ стремленіи къ общей пользѣ всякія препятствія легко устранить. А для облегченія проф. Куницкаго я его освобождаю отъ преподаванія всеобщей исторіи".

Въ вѣдомостяхъ и счетахъ, представленныхъ университетомъ черезъ попечителя министру, оказались ошибки—за это А. А. Перовскій сдѣлалъ университету формальный выговоръ и прибавилъ, что за все это будетъ неукоснительно взыскивать съ виновныхъ.

Въ училищномъ комитетѣ обнаружились безпорядки и совѣтъ ходатайствовалъ о назначеніи секретаремъ комитета не адъюнкта, какъ того требовалъ уставъ, а посторонняго чиновника. Попечитель заявилъ, что онъ не можетъ согласиться на это, во 1-хъ, потому что должность секретаря требуетъ не только „опытнаго и дѣятельнаго чиновника", но сверхъ того и образованнаго, имѣющаго по ученой части надлежащія свѣдѣнія и могущаго понимать сущность и важность училищныхъ дѣлъ; во 2-хъ, ни одинъ изъ преподавателей университета не бываетъ занятъ лекціями болѣе 4-хъ часовъ въ недѣлю; засѣданія же училищнаго комитета происходятъ по 2 раза въ недѣлю; слѣдовательно, при надлежащемъ усердіи, дѣятельности и вниманіи всякій преподаватель, не развлеченный другими посторонними обязанностями, легко можетъ успѣть въ томъ и другомъ занятіи, особенно имѣя такихъ помощниковъ, какъ повытчики, протоколисты; въ 3-хъ, при производствѣ дѣлъ по комитету обнять ихъ, уразумѣть должнымъ образомъ и управлять ими несравненно удобнѣе и легче можетъ адъюнктъ или магистръ, нежели кто-либо изъ простыхъ недоучившихся канцелярскихъ чиновниковъ и это

особенное значеніе имѣетъ въ отношеніи училищнаго комитета, члены котораго перемѣняются ежегодно. Причемъ не могу также не замѣтить университету, писалъ попечитель, что перемѣщеніе канцелярій, о чемъ упоминается въ донесеніяхъ профессоровъ Комлишинскаго и Дудровича, ни въ коемъ случаѣ не можетъ служить извиненіемъ въ безпорядкахъ и упущеніяхъ по нимъ, ибо такое перемѣщеніе случалось не всякій годъ (не говорю уже мѣсяцъ и день), и было достаточно времени для приведенія всего въ надлежащій порядокъ, если бы беспечность и невниманіе къ должности, по свидѣтельству тѣхъ же профессоровъ, не распространялись на тѣхъ же канцелярскихъ служителей комитета".

Попечитель по Высочайшему повелѣнію затребовалъ отъ университета вѣдомостей объ остаточныхъ суммахъ за 1827 и прежніе годы съ указаніемъ мѣста храненія ихъ. Университетъ заявилъ, что нѣкоторыхъ свѣдѣній невозможно доставить и сослался при этомъ на бухгалтера своего Прокофьева. А. А. Перовскій призналъ, что причины, не позволяющія доставить требуемыхъ свѣдѣній, недостаточны и наоборотъ даютъ поводъ заключать о безпорядкахъ по счетной части въ университетѣ, тѣмъ болѣе, что другіе университеты ихъ представили. Такимъ образомъ отсутствіе ихъ нужно приписать исключительно недостатку вниманія членовъ совѣта къ требованіямъ высшаго начальства, а также нерадѣнію или неразумѣнію своего дѣла со стороны чиновниковъ, непосредственно завѣдующихъ этимъ дѣломъ. Вслѣдствіе всего изложеннаго попечитель призналъ необходимымъ отправить эстафету на счетъ членовъ совѣта и строжайше предписалъ исполнить въ точности его приказаніе.

Скоро А. А. Перовскій опять долженъ былъ напоминать университету о промедленіяхъ въ полученіи свѣдѣній отъ дирекцій училищъ, при чемъ особенно запаздывали отвѣты отъ Харьковской. Новое замѣчаніе было сдѣлано совѣту А. А. Перовскимъ по поводу того, что онъ заслушалъ его предложеніе и не сообщилъ своего рѣшенія по этому вопросу. „Приписывая таковое молчаніе неисправности и недостатку вниманія членовъ совѣта къ предписаніямъ начальства, я считаю долгомъ обратить на это вниманіе университета и вмѣстѣ съ тѣмъ подтверждаю, чтобы отвѣтныя донесенія университетскихъ присутственныхъ мѣстъ были ясны, точны и въ полной мѣрѣ удовлетворительны, дабы не было надобности повторять объ одномъ и томъ же предметѣ по нѣсколько разъ, какъ то доселѣ нерѣдко случалось". Вскорѣ послѣ этого было поставлено совѣту на видъ, а секретарю его Павловскому сдѣлано замѣчаніе за противорѣчивое представленіе начальству. Адъюнктъ Сокальскій отказался принять должность секретаря училищнаго коми-

тета по недостатку навыка и обширности дѣлъ въ немъ. Попечитель не принялъ во вниманіе этой отговорки. „Человѣку съ умомъ, возражалъ онъ на это, и достаточнымъ образованіемъ навыкъ легко пріобрѣсти упражненіемъ и вниманіемъ къ своимъ обязанностямъ; дѣятельность же и обширность занятій не должны устрашать никого изъ служащихъ чиновниковъ, а тѣмъ болѣе молодого человѣка, коему этимъ самымъ открывается случай оправдать снисходительное вниманіе къ нему высшаго начальства дѣйствительными трудами и заслугами, которыхъ оно вправѣ ожидать и требовать отъ него. Что же касается до объясненія совѣта, будто не только три чиновника (отказавшіеся Филомаѳитскій, Гулакъ-Артемовскій и Сокальскій), но и вообще изъ всѣхъ служащихъ при университетѣ по учебной части никто къ занятію должности секретаря училищнаго комитета не способенъ и не можетъ избѣжать того, чтобы не дѣлать важныхъ упущеній, то неосновательность этого уже показана мною раньше. При этомъ изъ дѣлъ канцеляріи видно, что профессоръ Комлишинскій, будучи адъюнктомъ, исполнялъ обязанности секретаря безъ упущеній. Къ этому не могу не прибавить, сколь подобныя неправильныя мнѣнія на счетъ исполненія обязанностей службы могутъ быть вредны для подвѣдомственныхъ университету лицъ, особенно склонныхъ къ бездѣйствію, ибо весьма естественно, что таковые чиновники, вмѣсто опасенія законнаго взысканія за всякую неисправность и упущеніе по должности, будутъ искать оправданій въ мнѣніи своего начальства на счетъ мнимой трудности и невозможности быть исправнымъ, какъ того требуютъ отъ всякаго долгъ службы и обязанность подчиненнаго. А какъ при томъ вообще замѣчено мною, что нѣкоторые изъ членовъ университета какъ бы тяготятся обязанностями, на нихъ лежащими, и потому заботятся повидимому не объ исполненіи ихъ, какъ надлежитъ, но болѣе объ изысканіи предлоговъ къ уклоненію отъ нихъ, то я на будущее время приму должныя мѣры къ снятію съ нихъ этого бремени. А между тѣмъ подтверждаю университету имѣть неослабное наблюденіе, чтобы какъ чиновники его, каждый по своей части, такъ и всѣ подвѣдомственныя ему лица и мѣста исправляли свои должности неупустительно, со всею надлежащею точностію и усердіемъ“. Недоволенъ остался попечитель и присланнымъ ему изъ совѣта каталогомъ дублетныхъ книгъ, а затѣмъ и меморіаломъ совѣтскихъ дѣлъ; изъ этого послѣдняго онъ усмотрѣлъ явный безпорядокъ въ дѣлопроизводствѣ, ибо члены совѣта, не присутствуя въ его засѣданіяхъ, подписываютъ протоколы, не читая ихъ. Попрежнему, по его словамъ, отъ совѣта поступили къ нему представленія, не отличавшіяся ясностью, опредѣленностью и точностью. Недоволенъ былъ А. А.

Перовскій и тѣмъ, что совѣтъ, дѣлая ему свои представленія, часто не излагалъ при нихъ своихъ мнѣній. Строгое замѣчаніе правленію было сдѣлано попечителемъ по дѣлу о принятіи въ студенты исключеннаго изъ Харьковскаго коллегіума воспитанника Чугуева, а секретарь правленія Цыганенковъ былъ имъ за это уволенъ отъ должности [1]).

Въ 1829 г. А. А. Перовскій продолжалъ дѣлать замѣчанія совѣту по поводу его неясныхъ и недостаточныхъ представленій. Профессоръ Брандейсъ не съ должнымъ приличіемъ требовалъ, чтобы ему перевели по нѣмецки или по латыни выписку, данную изъ правленія. Попечитель сдѣлалъ ему за это замѣчаніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ внушалъ совѣту, что университетъ не могъ считать этого перевода дѣломъ его не касающимся, ибо для этого имѣется особый переводчикъ, да и членамъ совѣта было бы не трудно это сдѣлать, ибо они не могутъ не сознавать, что должны помогать другъ другу и облегчать, а не затруднять одинъ другого какими-либо личными распрями, отъ коихъ не можетъ произойти для нихъ ни пользы, ни славы [2]).

Дѣлая общую оцѣнку этимъ замѣчаніямъ, слѣдуетъ замѣтить, что они касаются не столько самой сущности дѣятельности совѣта, сколько его канцелярскаго дѣлопроизводства. Затѣмъ мы должны привести отзывъ о дѣятельности членовъ разныхъ университетскихъ комитетовъ, принадлежащій чрезвычайно усердному и добросовѣстному предсѣдателю совѣта ректору Еллинскому. Въ 1831 г. ректоръ Еллинскій въ слѣдующихъ выраженіяхъ свидѣтельствовалъ объ усердной службѣ профессоровъ въ разныхъ коллегіяхъ. „Въ правленіи непремѣнный засѣдатель попрежнему содержалъ въ наилучшемъ порядкѣ теченіе канцелярскихъ дѣлъ, а деканъ Сухомлиновъ былъ наипаче мною употребляемъ для разбора дѣлъ, требовавшихъ особеннаго вниманія и запутанныхъ, что и исполнялъ съ усердіемъ и къ совершенному удовлетворенію всѣхъ. Въ совѣтѣ секретарь Комлишинскій преимущественно отличался усердіемъ своимъ: канцелярія совѣтская, бывшая до него наименѣе исправною, поставлена имъ на желанную степень совершенства. Въ училищномъ комитетѣ занимались передъ прочими наиболѣе г. Архангельскій, коему поручались для разбора многія бумаги, требовавшія особенныхъ соображеній, и г. Комлишинскій, надзиравшій за теченіемъ дѣлъ. Не могу также умолчать передъ вашимъ превосходительствомъ о примѣрной дѣятельности инспектора студентовъ въ исправленіи его многотрудной и заботной должности. Ваше превосходительство! Повергая это мнѣніе мое на ваше благоусмотрѣніе, руководствуюсь всегдашнимъ

[1]) Харьк. унив. архивъ. Предл. поп. 1828 г.

[2]) Харьк. унив. архивъ. Предл. поп. 1829 г.

моимъ правиломъ воздавать каждому свое и сердечнымъ желаніемъ изъявить передъ высшимъ начальствомъ совершенную свою благодарность какъ всѣмъ товарищамъ моимъ по распорядительной части занятій университетскихъ, такъ преимущественно поименованнымъ выше лицамъ за ту помощь, которою пользовался я отъ нихъ и которая столь много способствовала къ надлежащему теченію дѣлъ въ университетѣ. Несказанно счастливымъ почту я себя, если ваше превосходительство, увѣрившись въ точности моихъ показаній, обратите благосклонное вниманіе на труды профессоровъ и изъявите его отъ вашего лица, какъ будетъ благоугодно вашему превосходительству. Этимъ подкрѣпите усердіе въ чиновникахъ университета и возбудите соревнованіе, коего послѣдствія могутъ быть блистательны для заведенія, ввѣреннаго вашему превосходительству" [1]).

Духъ времени замѣтно сказался и на дѣятельности университетскаго цензурнаго комитета. Еще въ 1815 г. запрещено было печатать въ періодическихъ изданіяхъ политическія статьи, не опубликованныя въ оффиціальныхъ органахъ. Кн. А. Н. Голицынъ, сдѣлавшись министромъ народнаго просвѣщенія, обратился въ 1818 г. съ такимъ циркуляромъ въ цензурный комитетъ Харьковскаго университета. „По соображеніямъ моимъ нахожу, что какъ до изданія устава о цензурѣ, такъ и послѣ этого вообще выходили и могли выходить у насъ книги, коихъ содержаніе въ отношеніи къ духу правительства и религіи могло по тогдашнимъ обстоятельствамъ и времени весьма противно быть принятымъ нынѣ твердымъ правиламъ, кои правительство, по точной волѣ Государя Императора, вводить и укоренять старается. Вслѣдствіе того по долгу званія моего обязываюсь я употребить всѣ зависящія отъ меня мѣры къ недопущенію во вновь печатаемыхъ книгахъ никакихъ мыслей и правилъ, нетерпимыхъ нынѣ правительствомъ. Почему, обращая на на этотъ предметъ вниманіе вашего превосходительства, прошу предписать Харьковскому цензурному комитету, чтобы онъ, при разсмотрѣніи сочиненій и переводовъ, предполагаемыхъ къ напечатанію вторымъ, третьимъ и вообще возобновляющимся тисненіемъ, наблюдалъ строжайше, дабы подобныя мѣста въ книгахъ, содержащія въ себѣ мысли и духъ, противныя религіи христіанской, обнаруживающія или вольнодумство безбожничества, невѣрія и неблагочестія, или своевольство революціонной необузданности, мечтательнаго философствованія или же опорочиваніе догматовъ православной нашей церкви и тому подобное, были непремѣнно запрещаемы къ печатанію, хотя бы въ напечатанныхъ прежде книгахъ и находились. Я желаю, чтобы такія мѣста, когда встрѣтятся

[1]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло поп. № 1502/96.

въ книгахъ, были представляемы мнѣ для свѣдѣнія. Равнымъ образомъ и цѣлыя такія книги, буде бы оказались, были бы удерживаемы и представляемы мнѣ съ мнѣніемъ о нихъ цензурнаго комитета и вашимъ. Я увѣренъ, что вы, войдя сами въ точную цѣль благотворныхъ намѣреній правительства, не оставите употребить всего, отъ васъ зависящаго попеченія, дабы они приводились въ точное исполненіе и во всякомъ случаѣ ничего противнаго правиламъ христіанства и нашей православной церкви не было допускаемо" [1]). Разрѣшая въ 1818 году университету изданіе „Харьковскихъ Извѣстій", кн. А. Н. Голицынъ распорядился, чтобы политическія извѣстія черпались не изъ Варшавскихъ, а изъ Петербургскихъ газетъ. Въ томъ же году запрещено было печатать тяжебныя дѣла и переданы были въ медицинскую цензуру сочиненія, касающіяся пищи и питья. Въ 1819 году были внушенія комитету за изданіе ректора коллегіума Прокоповича—нѣчто въ родѣ календаря— „Подарокъ молодымъ хозяйкамъ", такъ какъ изданіе календарей было монополіей Академіи наукъ. Тогда-же велѣно было цензурнымъ комитетамъ внимательно просматривать и прописи, въ виду обнаруженной въ одной изъ нихъ безсмыслицы. Въ томъ же году цензура медицинскихъ книгъ была изъята изъ вѣдѣнія университетовъ и передана исключительно въ распоряженіе медико-хирургической Академіи [2]). О томъ, какія цензурныя затрудненія приходилось въ это время испытывать журналу „Украинскій Вѣстникъ", мы скажемъ впослѣдствіи. Въ 1821 году министръ народнаго просвѣщенія князь А. Н. Голицынъ издалъ указъ, запрещавшій говорить о современномъ политическомъ положеніи крестьянъ въ Россіи, такъ какъ выяснилось, что напечатанная въ „Историческомъ, статистическомъ и географическомъ журналѣ" за 1820 годъ статья вызвала неповиновеніе крестьянъ, продававшихся Полтавскимъ помѣщикомъ Кочубеемъ Свѣчиной и Новикову. Статья же эта говорила, что Государь Императоръ позволилъ крестьянамъ покупать свою свободу и что главное средство къ возведенію русскаго государства на высшую степень благосостоянія состоитъ въ томъ, чтобы доставить крестьянамъ большую гражданскую свободу и даровать въ полной мѣрѣ права и преимущества, приличныя имъ какъ существамъ разумнымъ [3]). Въ 1825 году запрещено было разъ навсегда печатать въ журналахъ статьи о военныхъ поселеніяхъ кромѣ тѣхъ, которыя могли быть сообщены самимъ графомъ Аракчеевымъ [4]). Тогда же запрещено было сообщать

[1]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло поп. № 399/19.
[2]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло поп. № 574/29.
[3]) Харьк. унив. архивъ Дѣло поп. № 797/43.
[4]) Харьк. унив. архивъ. Предложенія попечителя 1825 г., стр. 198.

въ газеты, безъ разрѣшенія начальства, статьи о торжествахъ въ учебныхъ заведеніяхъ. Въ 1826 году было сдѣлано распоряженіе о присылкѣ въ министерство внутреннихъ дѣлъ по 3 экземпляра всѣхъ журналовъ и альманаховъ и запрещено было кому бы то ни было публиковать бумаги покойнаго генерала Палена. Въ университетъ доставлялись списки заграничныхъ изданій, запрещенныхъ русскою цензурою. На основаніи цензурнаго устава 1828 года въ Харьковѣ долженъ былъ открыться цензурный комитетъ, но министръ по малочисленности изданій, изъ экономіи, распорядился не открывать его, а прибавить въ Московскомъ одного лишняго цензора. Въ 1831 году попечитель ходатайствовалъ объ открытіи при Харьковскомъ университетѣ цензурнаго комитета, ссылаясь на то, что многіе профессора стѣсняются посылать свои рукописи въ Москву, а университетъ могъ бы издавать журналъ и учебныя книги; но получилъ отказъ на томъ основаніи, что число книгъ, издаваемыхъ въ Харьковскомъ округѣ значительно не возрасло; журналъ же можетъ университетъ издавать подъ своею цензурою [1]. Въ томъ же 1831 году велѣно было доставлять въ 3-е отдѣленіе собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи по 1 экземпляру всѣхъ журналовъ и альманаховъ. Ежемѣсячно цензурнымъ комитетомъ Харьковскаго университета представлялись въ 3 экземплярахъ попечителю вѣдомости объ одобренныхъ къ изданію рукописяхъ, съ обозначеніемъ ихъ заглавія, имени автора или издателя, цензора и типографіи. Изъ этихъ вѣдомостей можно убѣдиться, что число изданій въ это время было меньше, чѣмъ въ первое десятилѣтіе.

Всѣ эти распоряженія, конечно, тяжело отражались на состояніи мѣстной научно-литературной дѣятельности и приводили не къ росту, а къ ослабленію и къ упадку ея, на который жаловался помощникъ попечителя графъ Панинъ въ 1835 году, тщетно старавшійся стряхнуть духъ унынія, равнодушія и апатіи съ профессоровъ. Но тѣ мѣры, которыя примѣняли къ Харьковскому университету З. Я. Карнѣевъ, Е. В. Карнѣевъ, А. А. Перовскій и В. И. Филатьевъ принесли свои плоды—расшатали этотъ фундаментъ, на которомъ прочно держался университетскій бытъ въ первое десятилѣтіе существованія университета—уставъ 1804 года—и явилась необходимость въ реформѣ, которая бы соотвѣтствовала духу и вѣяніямъ времени, настроенію правящихъ сферъ, Такою реформою оказался уставъ 1835 года.

---

[1]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло поп. № 1875/92.

2-я ГЛАВА.

Матеріальныя средства, строительная дѣятельность и учебновспомогательныя учрежденія университета.

Нужды и потребности университета постоянно возрастали, въ связи съ развитіемъ его дѣятельности, а между тѣмъ штаты его оставались безъ измѣненія въ теченіе 30 лѣтъ, до введенія новаго университетскаго устава. Нѣсколько разъ подымался вопросъ объ увеличеніи этихъ штатовъ и въ частности о прибавкѣ жалованья профессорамъ, вслѣдствіе паденія денежнаго курса и связаннаго съ нимъ всеобщаго вздорожанія товаровъ; но эти попытки ни привели ни къ чему. Само собою разумѣется, что это обстоятельство неблагопріятно отражалось на всей дѣятельности университета, не только хозяйственной, финансовой, но и учебной, потому что одна находится въ тѣсной зависимости отъ другой. По штату на содержаніе университета, какъ мы знаемъ, положено было 130000 руб. Въ первое десятилѣтіе существованія университета отъ этой суммы бывали постоянные и притомъ довольно значительные остатки. Въ изучаемый нами періодъ времени были также остатки отъ содержанія личнаго состава преподавателей, потому что дѣйствительное число ихъ было всегда значительно ниже штатнаго; были остатки и по другимъ статьямъ, но по нѣкоторымъ изъ нихъ назначенныя по штату суммы оказывались недостаточными и въ 1822 г. Харьковскій университетъ возбудилъ черезъ попечителя ходатайство объ увеличеніи штатовъ на счетъ хозяйственныхъ суммъ. На библіотеку полагалось по штату 1000 руб., а нужно было добавить по дѣйствительнымъ расходамъ до 3000 руб., на содержаніе клиникъ и университетской больницы полагалось 5000 руб., слѣдовало прибавить еще 5000 руб., на вознагражденіе чиновниковъ университета полагалось 4400 руб., а нужно было прибавить 10600 руб., на журналы и газеты къ 500 руб. прибавить 1000 руб., на жалованье сторожамъ къ 3261 р.— 6738 руб., на содержаніе строеній къ 8800 р.— 11200 руб.; всего требовалось прибавки 64500 руб. Эта прибавка вызывалась главнымъ образомъ вздорожаніемъ жизни въ Харьковѣ и развитіемъ дѣятельности университета. Въ 1804 году стопа бумаги стоила 2 руб. 50 коп., фунтъ лучшаго сургуча—1 р. 75 к.—2 р., сторожа получали жалованья по 4, 5 и

6 р. мѣсяцъ, сажень дровъ стоилъ 5 р. 35 к., пудъ сальныхъ свѣчей—5 р.—5 руб. 50 к., четверть ржаной муки—отъ 1 р. 80 к. до 2 р. 60 к.; въ 1819 году стопа бумаги стоила не менѣе 7 руб., фунтъ сургуча—5 р. 50 к.—6 р. 70 к., четверть ржаной муки—11 р. сажень дровъ—отъ 15 до 20 р., пудъ сальныхъ свѣчей—15 р. 50 к., служителя получали по 12 руб. въ мѣсяцъ, т. е. иными словами, цѣны удвоились и даже утроились. Замѣтимъ кстати, что на нѣкоторыя учебновспомогательныя учрежденія вовсе не полагалось штатныхъ суммъ, напримѣръ, на нумизматическій и минералогическій кабинеты. Министръ отвѣтилъ, что онъ не можетъ удовлетворить этого ходатайства, тѣмъ болѣе, что не знаетъ размѣра хозяйственныхъ суммъ университета, но вмѣстѣ съ тѣмъ находитъ, что испрашиваемая прибавка чрезмѣрна; самовольное перерасходованіе штатныхъ суммъ было поэтому строжайше воспрещено и повелѣно путемъ сокращеній войти въ штатную норму [1]).

Нужно сознаться впрочемъ, что формально финансовое положеніе университета, *въ предѣлахъ* его штатныхъ и экономическихъ суммъ, несмотря на паденіе курса, было довольно удовлетворительное. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только взять нѣсколько его годичныхъ отчетовъ. Въ 1816 году прихода было 209446 руб., а расхода—152603 р., остатка—56843 р. (въ томъ числѣ остатка штатной суммы 29132 р.) [2]). Въ 1817 г. всего въ приходѣ было 199669 р., а въ расходѣ—194034 р., въ остаткѣ 5634 р. [3]). Въ 1819 г. всего прихода было 296377 р., а за расходомъ осталось—18092 р. (въ томъ числѣ штатной—9305 р.); сверхъ того университету принадлежалъ капиталъ въ 602640 р. [4]). Этотъ капиталъ составился главнымъ образомъ изъ пожертвованій, сдѣланныхъ дворянствомъ и другими сословіями при основаніи университета. Уплата пожертвованій, затянувшись на долгій срокъ, продолжалась и въ изучаемый нами періодъ. Въ 1822 г. университетъ владѣлъ капиталомъ въ 492745 р., изъ коего нужно было отчислить на постройку университетскихъ зданій 103701 р. (прежде на этотъ предметъ изъ того же капитала было израсходовано 307897 р.). Сверхъ того университету нужно было получить 70312 р. изъ государственнаго казначейства за полицейскій домъ и 202564 р. недоимокъ—со слободскоукраинскаго дворянства—103859 руб., съ екатеринославскаго—33910, херсонскаго—24488, харьковскаго купечества—13640 р., съ г. Ахтырки—13000 р., съ г. Валокъ—6000 р., съ г. Богодухова—

[1]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло поп. № 852/46.
[2]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло поп. № 318/60.
[3]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло попеч. № 1858/113.
[4]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло прав. № 1865/112.

4290 р., съ г. Харькова—2000 р., съ г. Сумъ—374 р. [1]). Такимъ образомъ, только благодаря „патріотическому приношенію" сословій, Харьковскій университетъ могъ осуществить необходимыя для него постройки: казна для этого не отпустила ему почти ничего; изъ этихъ же суммъ были произведены уплаты за дома, уступленныя университету другими вѣдомствами. Капиталъ „патріотическаго приношенія" постоянно возрасталъ благодаря новымъ поступленіямъ, приращенію процентами и прибавленію къ нему остатковъ отъ штатной и хозяйственной суммъ. Въ 1826 г. прихода было 291317 р., а расхода—257793 р., остатка—33524 р. (въ томъ числѣ остатка отъ штатной суммы—21222 р.) да банковыми билетами съ процентами—636807 р. Такимъ образомъ несмотря на то, что огромныя затраты хозяйственныхъ суммъ были сдѣланы на постройку новыхъ университетскихъ зданій и передѣлку старыхъ, университетъ всетаки владѣлъ спеціальнымъ капиталомъ болѣе чѣмъ 600000 р. Штатной суммы въ 1829 г. было получено 124000 р., хозяйственной—87417 р.; всѣхъ суммъ въ приходѣ было 247825 р.; осталось за расходами штатной, причисленной къ хозяйственной,—14092 р., хозяйственной—7436 р.; всего въ остаткѣ было 31261 руб. Кромѣ того университетъ владѣлъ капиталомъ въ 303620 р., на который наросло 34771 р. процентовъ [2]). Изъ этого видно, что спеціальный капиталъ университета въ это время значительно уменьшился — ровно вдвое. Къ 1-му ноября 1830 года было въ наличности 387486 р.; въ теченіе года поступило 299175 р., всего въ приходѣ было 686662 р.; израсходовано—258145 р., въ остаткѣ—428517 р. [3]). Такимъ образомъ, и въ началѣ, и въ концѣ изучаемаго нами періода финансовыя средства университета были сравнительно въ хорошемъ состояніи, хотя, конечно, упадокъ курса давалъ себя постоянно чувствовать и отражался на существѣ дѣла: университетское начальство сводило концы съ концами, получались даже остатки, но это потому что старались не выходить изъ смѣты, и, слѣдовательно, сокращали дѣйствительные расходы сравнительно съ потребностями, которыя между тѣмъ постоянно возрастали и расширялись. Замѣтнѣе всего это должно было сказаться на строительной дѣятельности университета. Осуществить проектъ построекъ на землѣ Харьковскаго университета по Сумскому шоссе оказалось невозможнымъ вслѣдствіе все болѣе и болѣе усиливавшейся дороговизны и потому пришлось отказаться ото него и остановиться на постройкахъ и перестройкахъ временныхъ помѣщеній.

---

[1]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло попеч. № 903/50.

[2]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло поп. № 1450/83.

[3]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло поп. № 1617/94.

Обратимся теперь къ строительной дѣятельности университета, имѣвшей въ виду преимущественно помѣщенія для его учебновспомогательныхъ учрежденій. Мы видѣли, что въ первое десятилѣтіе существованія университета только вели переписку о постройкѣ грандіозныхъ университетскихъ зданій на томъ мѣстѣ, гдѣ въ настоящее время воздвигнуты клиники, т. е. по Сумскому шоссе, частью на купленной, частью на пожертвованной войсковыми обывателями землѣ. Планъ этихъ построекъ, составленный Васильевымъ, найденъ мною и прилагается къ настоящему сочиненію. Въ дѣйствительности же университетъ долженъ былъ ютиться во временныхъ помѣщеніяхъ, совершенно не приспособленныхъ къ его нуждамъ и потребностямъ, ни по своему топографическому положенію, ни по своей площади, ни по своему распредѣленію. Въ бывшемъ генералъ-губернаторскомъ домѣ (гдѣ теперь канцелярія совѣта и квартира г. попечителя), съ двумя одноэтажными флигелями, на небольшомъ дворовомъ мѣстѣ, нужно было размѣстить всѣ канцеляріи, всѣ кабинеты и лабораторіи, всѣ учрежденія медицинскаго факультета съ ихъ принадлежностями, библіотеку, типографію съ квартирою для ея фактора, лекціонные залы, квартиры для ректора и попечителя. Для помѣщенія же института казеннокоштныхъ студентовъ съ инспекторомъ, педелемъ, службами, кухнями, съ квартирами для экзекутора и служителей съ ихъ семьями предназначенъ былъ другой домъ, расположенный на противоположной сторонѣ той же улицы и раньше занимавшійся вице-губернаторомъ, а потомъ вслѣдствіе ветхости и неисправностей совсѣмъ уничтоженный.

Попечитель округа гр. С. О. Потоцкій въ 1816 г. писалъ министру народнаго просвѣщенія графу А. К. Разумовскому по поводу этихъ помѣщеній слѣдующее. „При послѣднемъ обозрѣніи Харьковскаго университета я удостовѣрился, что онъ, въ нынѣшнемъ своемъ состояніи, не можетъ никоимъ образомъ безъ очевиднаго разстройства долѣе находиться въ занимаемомъ имъ помѣщеніи. Всѣ учрежденія медицинскаго факультета — анатомическій театръ, клиническій институтъ съ квартирами 20 студентовъ и больницею, по недостатку мѣста, ютятся въ тѣсныхъ и вредныхъ для здоровья помѣщеніяхъ; химическая лабораторія, библіотека, физическій и естественно-историческій кабинеты, въ коихъ послѣдовали значительныя приращенія, а также квартиры для 40 казеннокоштныхъ студентовъ столь тѣсны, что нѣтъ ни малѣйшей возможности соблюдать въ нихъ должную чистоту и порядокъ въ расположеніи инструментовъ, книгъ и другихъ коллекцій. Для устраненія всѣхъ этихъ неудобствъ и постройки новаго зданія, которое бы соотвѣтствовало всѣмъ потребностямъ, университетъ однако не имѣетъ средствъ.

такъ какъ хотя пожертвованная на этотъ предметъ Харьковскимъ дворянствомъ сумма, благодаря бережливости, и возросла нынѣ съ процентами до 850000 рублей, но это приращеніе, вслѣдствіе упадка курса и вздорожанія всѣхъ строительныхъ матеріаловъ, не сдѣлало постройку болѣе удобной, чѣмъ прежде. Въ доказательство можно привести тотъ фактъ, что если бы предпринять въ настоящій моментъ постройку университетскаго зданія по прежнему плану и смѣтѣ, равнявшейся 500000 р., то она бы обошлась въ 2000000 руб. Кирпичъ прежде продавался по 7 р. за тысячу, а теперь по 25 руб., цѣны на лѣсной матеріалъ поднялись еще въ большей пропорціи. Эта несоразмѣрность цѣнъ и основательное опасеніе, что ихъ еще болѣе поднимутъ при первомъ извѣстіи о предпринятой постройкѣ, особенно на лѣсъ, доставка котораго, по отсутствію судоходной рѣки, была всегда сопряжена съ большими затрудненіями, побудили меня отказаться отъ мысли о постройкѣ новаго зданія, которое, находясь въ концѣ города, хотя и составляло бы въ своемъ родѣ единственный и совершенно отдѣльный, такъ сказать, ученый городокъ, но при всемъ томъ было бы не совсѣмъ удобно для профессоровъ, студентовъ и посѣтителей его, по причинѣ отдаленности отъ города (оно находится въ одной верстѣ отъ него) и постоянно почти бывающей тамъ грязи. Однако необходимость болѣе просторнаго помѣщенія побудила меня къ настоятельному изысканію такихъ способовъ, кои, во всемъ соотвѣтствуя казенному интересу, могли бы также въ скоромъ времени и съ несравненно меньшими издержками доставить университету тѣ же удобства, столь необходимыя для его благоустройства и усовершенствованія. Въ виду этого я совѣтовался съ нѣкоторыми изъ почетнѣйшихъ чиновниковъ города и, взвѣсивъ мѣстныя обстоятельства съ имѣющимися въ распоряженіи университета способами къ приведенію въ дѣйствіе своего предположенія, считаю своимъ долгомъ представить послѣднее вашему сіятельству съ просьбою довести его немедленно до свѣдѣнія Его Императорскаго Величества. Такъ какъ по вышеуказаннымъ обстоятельствамъ не представляется теперь возможности начать назначенную по Высочайше одобренному плану постройку университетскаго зданія, то не благоугодно ли будетъ ее, какъ не соотвѣтствующую настоящимъ обстоятельствамъ времени и средствамъ университета, вовсе отмѣнить, а вмѣсто нея предоставить навсегда въ собственность университета занимаемый имъ нынѣ каменный домъ, который въ качествѣ дворца теперь не нуженъ для постояннаго употребленія; если же назначить его для военнаго или гражданскаго губернатора, то онъ, требуя чрезвычайныхъ издержекъ на отапливаніе многихъ излишнихъ комнатъ, обратился бы въ тягостное для нихъ пребываніе.

Впрочемъ, университетъ въ случаѣ необходимости можетъ замѣнить недостатокъ такого дома покупкою изъ собственныхъ суммъ другого, болѣе выгоднаго для губернатора строенія. Желательно, чтобы одинъ изъ домовъ присутственныхъ мѣстъ или полиціи, изъ коихъ первый стоитъ въ одномъ ряду съ университетомъ, а послѣдній противъ него, также отданы были въ собственность университета, съ платою за уступку того или другого изъ суммъ его денегъ, сколько по мѣстной оцѣнкѣ причитаться будетъ. Относительно дома полиціи должно замѣтить, что хотя онъ самъ по себѣ весьма не великъ и невыгоденъ къ помѣщенію, но по смежности принадлежащаго къ нему пространнаго мѣста съ ветхимъ и въ упадокъ приходящимъ домомъ казенныхъ студентовъ представляетъ удобный способъ къ постройкѣ достаточнаго и выгоднаго для университета отдѣленія. Наконецъ, такъ какъ предложенные мною въ этомъ представленіи способы не могутъ быть достаточны для полнаго согласованія всѣхъ обстоятельствъ, то необходимо, на случай Высочайшаго соизволенія, предоставить кому слѣдуетъ вступить въ предварительное сношеніе по этому предмету съ тамошнимъ губернскимъ начальствомъ, чтобы дать этому дѣлу какъ можно скорѣе ходъ. Изъ всѣхъ изложенныхъ мною обстоятельствъ ваше сіятельство усмотрѣть изволите, что пріобрѣтеніемъ занимаемаго нынѣ университетомъ казеннаго дома и прикупкою къ нему одного изъ домовъ присутственныхъ мѣстъ или полиціи, не только сохранится совершенно казенный интересъ, но даже произойдетъ не маловажная для казны польза отъ того, что не будетъ уже настоятельной надобности предпринимать постройку новаго дома, которая какъ выше показано, обошлась бы въ четверо или пятеро дороже, нежели покупка одного готоваго изъ упомянутыхъ домовъ и особеннаго дома для губернатора. Что же касается до университета, то онъ при сбереженіи значительнѣйшей части своей капитальной суммы, могъ бы пользоваться въ непродолжительномъ времени всѣми выгодами достаточнаго помѣщенія". Министръ согласился съ этимъ представленіемъ и внесъ его на разсмотрѣніе комитета министровъ, который предоставилъ ему войти предварительно въ сношеніе съ министромъ полиціи, нѣтъ ли препятствія къ уступкѣ означенныхъ домовъ въ собственность университета.

Харьковскій университетъ, занимая съ самаго своего открытія казенный домъ, назначенный для губернатора, отпускалъ доселѣ на наемъ помѣщенія для канцеляріи Слободско-Украинскаго гражданскаго губернатора 400 руб. изъ принадлежавшихъ ему суммъ. Теперь же губернаторъ просилъ объ увеличеніи этой суммы до 800 руб., заявляя, что другого дома для квартиры его канцеляріи и за болѣе дешевую цѣну

представляетъ никакой выгоды ни для гражданскаго начальства, ни для университета, ибо первое, обременяясь постройкою новаго зданія, понесло бы чрезъ это несравненно большія противъ оцѣнки издержки, а университетъ сверхъ уплаты за уступку этого корпуса 400000 руб., нашелся бы вынужденнымъ употребить весьма большую сумму на поправки и перестройку многихъ частей его, безъ чего никакъ обойтись невозможно. Относительно домовъ, нынѣ занимаемыхъ университетомъ, нахожу несообразнымъ требовать отъ университета какого-либо за нихъ вознагражденія, тѣмъ болѣе что университетъ ни въ какомъ случаѣ безъ помѣщенія существовать не можетъ; слѣдовательно, все равно, оставить ли его въ настоящихъ домахъ или перевести въ другіе. Что же касается до строеній, въ которыхъ помѣщается магистратъ съ полиціею и врачебная управа, изъ коихъ одно въ два, а другое въ одинъ этажъ, то стоитъ только взглянуть на представляемые мною планы, чтобы удостовѣриться въ чрезмѣрной оцѣнкѣ ихъ; по крайней мѣрѣ я увѣренъ. что за показанную цѣну можно такіе дома купить въ самой столицѣ, не включая сюда и мѣсто, ими занимаемое. Впрочемъ, такъ какъ въ одномъ изъ университетскихъ домовъ была прежде квартира вице-губернатора, который также не можетъ оставаться безъ опредѣленнаго помѣщенія, то въ вознагражденіе за это и въ облегченіе градскому обществу способовъ въ пріобрѣтеніи другого вице-губернаторскаго дома можно, по моему мнѣнію, согласиться на покупку этихъ двухъ строеній за требуемую по оцѣнкѣ сумму 97000 рублей".

Харьковскій губернаторъ сдѣлалъ министру полиціи слѣдующія сообщенія. „Изъ зданій, состоящихъ противъ дома, занимаемаго нынѣ университетомъ, смежныхъ съ домомъ казенныхъ студентовъ, что прежде былъ вице-губернаторскій, въ одномъ каменномъ флигелѣ помѣщается полиція и съѣзжая, а близъ него находится каменный двухъэтажный домъ, въ которомъ помѣщается городская дума, магистратъ, врачебная управа и архивъ присутственныхъ мѣстъ. Эти зданія безпрепятственно могутъ быть уступлены университету, когда отдадутся въ собственность его зданія, нынѣ имъ занимаемыя, съ уплатою суммы по оцѣнкѣ, сдѣланной по моему распоряженію архитекторомъ и губернскимъ землемѣромъ вмѣстѣ съ полиціймейстеромъ и членами городской думы, въ присутствіи университетскаго архитектора, ибо зданія эти безъ дальнѣйшаго затрудненія могутъ быть замѣнены покупкою частныхъ или постройкою новыхъ; что же касается присутственныхъ мѣстъ, то въ отдачѣ ихъ въ собственность университету не малое встрѣчается препятствіе съ той стороны, что частныхъ домовъ, удобныхъ для помѣщенія ихъ по своей обширности вовсе въ здѣшнемъ городѣ нѣтъ; постройка же ихъ по-

требуетъ весьма значительной суммы; хотя они нынѣ и оцѣнены въ 400000 руб., но въ этой оцѣнкѣ принимались въ соображеніе среднія цѣны теперь существующія на матеріалы; но такъ какъ онѣ время отъ времени возвышаются, то на означенную сумму выстроить эти зданія будетъ невозможно; впрочемъ, если бы рѣшено было заплатить за нихъ ту сумму, какая бы исчислена была по смѣтѣ на устройство присутственныхъ мѣстъ, то нынѣшнія не прежде можно бы отдать университету, какъ по окончаніи новыхъ зданій, такъ какъ въ городѣ нѣтъ другихъ зданій, гдѣ бы можно помѣстить присутственныя мѣста. Что же касается до бывшаго генералъ-губернаторскаго, а потомъ губернаторскаго дома, то я съ своей стороны согласенъ съ тѣмъ, что онъ по обширности своей дѣйствительно не удобенъ къ приличному содержанію для пребыванія въ немъ губернатора; и относительно уступки его университету нынѣ я съ своей стороны препятствія не вижу съ тѣмъ однако, чтобы на счетъ суммъ университета вмѣсто его былъ построенъ или пріобрѣтенъ для губернатора приличный домъ покупкою изъ частныхъ, равно какъ и для вице-губернатора, вмѣсто занимаемаго нынѣ казенными студентами. Занимаемые теперь мною и вице-губернаторомъ деревянные дома принадлежатъ городу и крайне неудобны для жительства вслѣдствіе совершенной своей обветшалости и тѣсноты; другихъ же городскихъ зданій не имѣется. Послѣ уступки университету этихъ домовъ имѣется въ виду пріобрѣсти покупкою взамѣнъ ихъ дома частныхъ лицъ и сдѣлать въ нихъ необходимыя передѣлки, если только университетъ заплатитъ деньги, какихъ покупаемыя зданія по оцѣнкѣ въ дѣйствительности стоятъ, именно—бывшій генералъ-губернаторскій, оцѣненный въ 238000 руб., замѣнить можно покупкою у помѣщицы Зарудной дома, стоющаго примѣрно 40000 руб. и съ употребленіемъ на передѣлки его 60000 руб.; бывшій вице-губернаторскій домъ, оцѣненный въ 65000 р., можно замѣнить покупкою у генералъ-лейтенантши графини Подгоричаниной, или коллежскаго совѣтника Минстера, или городскаго секретаря Сердюкова, или купца Тамбовцева, причемъ первый пришлось бы передѣлать, а послѣдніе могутъ остаться и безъ передѣлокъ. На это необходимо по крайней мѣрѣ 50000 р.; въ случаѣ же если бы хозяева помянутыхъ домовъ стали запрашивать излишнюю цѣну, то тогда можно пріобрѣсти покупкою городскіе дома и мѣста, въ которыхъ помѣщаются нынѣ губернаторъ и вице-губернаторъ, можно выстроить тамъ каменные дома, употребивъ на это, равно какъ и на покупку мѣстъ отъ городской думы—на губернаторскій 100000 руб., а на вице-губернаторскій 62000 руб. Зданія, занимаемыя нынѣ городскою думою, магистратомъ, полиціею, врачебною управою и архивомъ присут-

ственныхъ мѣстъ, можно замѣнить покупкою дома у капитана Черкесова, который съ нужными передѣлками можетъ обойтись примѣрно въ 140000 руб. По уступкѣ университету помянутыхъ зданій, покуда купленные частные дома приведены будутъ въ надлежащую исправность или выстроятся вновь, можно бы было на это время нанять квартиры, положивъ примѣрно въ годъ для губернаторской квартиры 5000 руб., для вице-губернаторской—3000 руб., на помѣщеніе полиціи и прочихъ поименованныхъ присутственныхъ мѣстъ—6000 руб. и взять деньги эти изъ той же суммы, за которую будутъ уступлены зданія университету. Впрочемъ, таковой наемъ, разумѣется, понадобится только на время передѣлки или постройки домовъ, а на болѣе длинный срокъ пріискать здѣсь домовъ никакъ невозможно. Въ виду всѣхъ этихъ соображеній на замѣнъ зданій, предположенныхъ къ уступкѣ университету, слѣдовала бы та самая сумма, въ которую они оцѣнены, т. е. 400000 руб., а по меньшей мѣрѣ.— 300000 руб., принимая во вниманіе возвышеніе время отъ времени цѣнъ на матеріалы, а чрезъ то и на самыя строенія. Бывшій генералъ - губернаторскій каменный домъ, занимаемый нынѣ Императорскимъ Харьковскимъ университетомъ со всѣми принадлежащими къ нему каменными флигелями стоитъ 208000 р.; за землю подъ дворомъ всѣхъ описанныхъ строеній полагается 30000 руб.; бывшій вице-губернаторскій деревянный обложенный кирпичемъ домъ, занимаемый нынѣ Императорскимъ Харьковскимъ университетомъ, со всѣми принадлежащими къ нему каменными и деревянными строеніями—30000 р.; за землю подъ дворомъ вышеназванныхъ строеній—15000 руб.; а всего генералъ-губернаторскій и вице-губернаторскій дома оцѣнены въ 303000р. Каменный двухъэтажный домъ, въ которомъ помѣщаются теперь городская дума, магистратъ, врачебная управа и архивъ присутственныхъ мѣстъ, оцѣненъ въ 40000 руб.; каменный флигель, въ которомъ помѣщается полиція и съѣзжая со всѣми находящимися при немъ деревянными строеніями, каменною гаубвахтою и колонадою—32000 руб.; за землю подъ дворомъ вышеназванныхъ строеній—25000 р.; а всего дома, занимаемые городскою думою, магистратомъ, врачебною управою и полиціею, оцѣнены въ 97000 р. Каменный корпусъ, занимаемый губернскими присутственными мѣстами, оцѣненъ въ 400000 р. Всѣ эти строенія оцѣнены, принимая матеріалы по среднимъ нынѣ существующимъ на нихъ цѣнамъ, почему каменный корпусъ губернскихъ присутственныхъ мѣстъ съ возвышеніемъ каждогодно на матеріалы цѣнъ, за означенную сумму 400000 р. выстроить вновь невозможно; прочія же строенія, съ уменьшеніемъ пространства ихъ, могутъ быть замѣнены покупкою домовъ у частныхъ людей или постройкою на вышеозначенныя суммы".

Препровождая эти 2 донесенія министру народнаго просвѣщенія, министръ полиціи съ своей стороны прибавлялъ, что согласно съ отзывомъ гражданскаго губернатора и онъ не находитъ препятствія къ уступкѣ университету помянутыхъ зданій, если только напередъ заключено будетъ за нихъ 300000 руб., дабы губернское начальство, получивъ эту сумму, могло сдѣлать тотчасъ распоряженіе къ покупкѣ или постройкѣ другихъ домовъ, нужныхъ для помѣщенія присутственныхъ мѣстъ.

Препроводивъ эти донесенія новому попечителю З. Я. Карнѣеву, князь А. Н. Голицынъ просилъ его разсмотрѣть ихъ и, войдя въ подробности этого дѣла, увѣдомить его, какимъ образомъ предполагается удобнѣе всего размѣстить Харьковскій университетъ въ занимаемыхъ имъ казенныхъ домахъ, съ тѣмъ, чтобы въ нихъ не было уже больше никакихъ другихъ казенныхъ мѣстъ, а помѣщались исключительно всѣ принадлежащія къ университету заведенія, какое наиболѣе удобное помѣщеніе нужно пріискать подъ присутственныя мѣста, кого нужно будетъ вывести изъ домовъ, занимаемыхъ университетомъ, и что могло бы примѣрно стоить пріобрѣтеніе для нихъ приличныхъ домовъ или постройка новыхъ; словомъ сказать, доставить обстоятельное свѣдѣніе о размѣщеніи университета съ его заведеніями отдѣльно отъ присутственныхъ мѣстъ, кои съ своей стороны должны также имѣть пристойное и удобное помѣщеніе. И такъ какъ вѣроятно, что пріобрѣтеніе домовъ для присутственныхъ мѣстъ, когда генералъ-губернаторскій и вице-губернаторскій дома останутся подъ университетомъ, обратятся на счетъ этого послѣдняго, то и нужно имѣть достаточное и точное заключеніе о томъ, чего эти пріобрѣтаемые дома для присутственныхъ мѣстъ могутъ стоить.

Попечитель написалъ директору департамента, что зданія, необходимыя для университета, суть: 1) бывшій генералъ-губернаторскій домъ, занимаемый нынѣ университетомъ, съ весьма небольшими службами, гдѣ на одной сторонѣ помѣщаются минералогическій кабинетъ, типографія и двѣ квартиры адъюнкта и типографщика, а на другой—клиника, анатомическій театръ и классъ медицинскихъ наукъ; 2) бывшій вице-губернаторскій домъ, деревянный, обложенный кирпичемъ, весьма ветхій, съ нѣкоторыми пристройками, при всегдашнихъ починкахъ, занятъ казеннокоштными студентами и залою собранія, но по новому проекту назначается онъ къ сломкѣ; 3) домикъ каменный, одноэтажный, бывшій кухнею вице-губернатора, послѣ нѣкоторой передѣлки занятъ классами, но

за совершенною непрочностью фундамента пойдетъ также въ сломку; 4) деревянный домикъ, обложенный кирпичемъ, занятый нынѣ квартирою ректора, по ветхости назначенъ въ сломку; 5) каменный домикъ въ одинъ этажъ занятъ теперь полиціею со съѣзжею; 6) небольшой каменный въ два этажа домъ; въ немъ помѣщается городская дума, магистратъ, архивъ и врачебная управа. Вотъ всѣ тѣ зданія, которыя пріобрѣтаются университетомъ, но въ нихъ въ настоящемъ видѣ нельзя размѣстить всѣхъ принадлежащихъ университету заведеній и для того по вновь проектированному плану, кромѣ генералъ-губернаторскаго дома, въ которомъ нужны только нѣкоторыя внутреннія передѣлки, должны быть выстроены частью другіе этажи, а большею частью новыя строенія, что стоить будетъ болѣе 500000 руб. Вице-губернаторскій же домъ и всѣ надворныя его строенія, какъ выше сказано, подвергающіяся совершенному разрушенію, должны быть уничтожены, слѣдовательно, не нужны ни университету, ни гражданскому начальству, а одно только мѣсто нужно для будущихъ новыхъ строеній. Что же касается зданій, уступаемыхъ гражданскимъ начальствомъ университету, какъ-то — полиціи и дома, гдѣ помѣщается городская дума, магистратъ, архивъ присутственныхъ мѣстъ и врачебная управа, то университетъ до начала новыхъ построекъ и окончанія на вице-губернаторскомъ дворѣ залы, библіотеки и церкви, въ занятіи ихъ не будетъ имѣть нужды, а можетъ оставить ихъ въ нынѣшнемъ мѣстѣ пока для нихъ новые дома не будутъ выстроены или пріобрѣтены покупкою; изъ нихъ надъ полиціею будетъ надстроенъ другой этажъ, а корпусъ магистрата съ починкою, передѣлкою внутри и пристройкой останется въ такомъ видѣ, какъ теперь находится. Въ такомъ, хотя и весьма стѣсненномъ, невыгодномъ и разбросанномъ положеніи, особенно въ отношеніи классныхъ залъ и кабинетовъ, долженъ оставаться университетъ до тѣхъ поръ, пока новый проектъ строенія, который имѣлъ я счастіе представлять Государю Императору во время Высочайшаго Его Величества въ университетѣ пребыванія и который скоро буду имѣть честь представить вашему превосходительству, не будетъ приведенъ въ исполненіе. Правда, что для осуществленія его понадобится и довольно времени, и немалая сумма, которой по смѣтѣ исчислено болѣе полумилліона, но всетаки нѣтъ другого мѣста, более приличнаго и удобнаго для помѣщенія университета, такъ какъ онъ будетъ въ центрѣ города и для прихода учащимъ и учащимся весьма удобенъ, а потому и пріобрѣтеніе помянутыхъ казенныхъ строеній необходимо нужно. Изъ приведенныхъ данныхъ явствуетъ, что университетъ нынѣ занимаетъ только генералъ-

губернаторскій домъ съ принадлежащими къ нему службами и таковой же вице-губернаторскій, полиція же со съѣзжею, магистратъ, городская дума, архивъ присутственныхъ мѣстъ и врачебная управа помѣщаются въ двухъ весьма небольшихъ домахъ, въ которыхъ будутъ и оставаться и по пріобрѣтеніи ихъ университетомъ, пока не будутъ выстроены по сосѣдству съ ними двѣ залы съ церковью, чего, при хозяйственномъ распоряженіи, прежде пяти лѣтъ нельзя окончить. Остается такимъ образомъ прежде разрѣшить вопросъ о домахъ губернаторскомъ и вице-губернаторскомъ, такъ какъ чиновники эти, помѣщаясь въ городскихъ домахъ, ветхихъ и неудобныхъ, крайне стѣснены этимъ,—но при всемъ томъ, если бы нынѣшнія зданія и не были заняты университетомъ, не могли бы обойтись безъ значительнаго отъ казны пособія, ибо генералъ-губернаторскій домъ, по чрезвычайной своей обширности, какъ и самъ губернаторъ признаетъ, для пребыванія его неудобенъ, вице-губернаторскій же домъ, угрожая паденіемъ, требуетъ новой постройки. Съ другой стороны не могу не согласиться съ мнѣніемъ губернатора, который, какъ видно изъ копіи представленій его къ министру полиціи, избралъ лучшіе и удобнѣйшіе для помѣщенія этихъ чиновниковъ дома въ городѣ, надѣясь пріобрѣсти ихъ за показанную имъ сумму, и до исправленія ихъ нужно будетъ губернатору и вице-губернатору отпускать квартирныя деньги на наемъ домовъ, какія правительство заблагоразсудитъ, обращая вниманіе свое на объясненную въ представленіи губернатора дороговизну здѣсь квартиръ. Что касается до того, чего бы стоила постройка вновь такихъ домовъ, то хотя по неизвѣстности всѣхъ обстоятельствъ, сюда относящихся, не могу безошибочно опредѣлить, однако полагаю, что при хозяйственномъ наблюденіи, кажется, для губернаторскаго можно положить сумму въ 80000 руб., для вице-губернаторскаго въ 50000 руб., а для полиціи съ магистратомъ и прочими въ 70000 р., во что и настоящій домъ полиціи съ магистратомъ оцѣнены, кромѣ мѣста, которое въ качествѣ казеннаго и въ оцѣнку полагать не должно. Для постройки этихъ зданій, если правительству угодно, есть новая пространная площадь, гдѣ теперь острогъ, который положено оттуда снести. Площадь эта менѣе версты разстояніемъ отъ губернскихъ присутственныхъ мѣстъ и на ровномъ мѣстѣ, весьма удобна и не отдалена отъ центра города. О цѣнѣ имѣющихся въ виду для пріобрѣтенія домовъ спорить нельзя, но если не пріобрѣтать ихъ, а построить новые на вышеупомянутой казенной площади, то, кажется, съ выгодою можно всѣ ихъ не свыше какъ за 200000 р. хозяйственнымъ образомъ построить и если на счетъ университета эта сумма отнесена будетъ, то здѣшнее начальство можетъ ее требовать отъ университета

не всю вдругъ, а по мѣрѣ хода постройки, и университетъ сообразно такимъ требованіямъ, самъ будетъ брать ее изъ банка и доставлять, а прочая остающаяся сумма будетъ увеличиваться приращеніемъ процентовъ. Такимъ образомъ, и гражданское начальство за уступаемыя строенія удовлетворится, и университетъ не заплатитъ лишняго. Всей университетской суммы имѣется въ банкѣ съ процентами по 1-е мая настоящаго года восемьсотъ тысячъ. Отдѣливъ по новому проекту на постройку всѣхъ университетскихъ зданій, необходимыхъ для надлежащаго размѣщенія, болѣе пятисотъ тысячъ и предположивъ заплатить губернскому начальству за помянутыя строенія двѣсти тысячъ, остается только около ста тысячъ рублей, на которыя надобно будетъ еще пріобрѣсти мѣсто и построить приличное зданіе для анатомическаго театра и клиники, которыя не вошли въ ново-проэктируемый планъ по совершенной невозможности помѣщенія ихъ. Послѣ этого университетъ не будетъ имѣть капитала, весьма нужнаго для дальнѣйшаго поддержанія столь важнаго учебнаго заведенія, а потому покорнѣйше прошу ваше превосходительство войти въ положеніе университета и въ пользѣ его употребить милостивое начальничье ваше ходатайство.

Самому министру З. Я. Карнѣевъ писалъ. „Изъ прилагаемой при этомъ копіи съ плана и представленія моего Осипу Петровичу изволите усмотрѣть причины, по коимъ я считаю, что все пріобрѣтаемое подъ университетъ строеніе стоитъ не свыше 200000 руб. и что въ немъ безъ новой и самой важной пристройки никакъ невозможно порядочно размѣститься университету со всѣми его учрежденіями. Новое строеніе по обширности и огромности своей оцѣнено по смѣтѣ въ полмилліона слишкомъ рублей и иначе производиться не можетъ, какъ хозяйственнымъ способомъ, начавъ съ производства кирпича, для котораго университетъ имѣетъ близь города собственную удобную землю, и съ заготовленія путемъ покупки лѣса. Иначе всѣ матеріалы по первому вызову плотниковъ къ подряду чрезвычайно вздорожаютъ, ибо и теперь 1000 кирпича продается по 25 р. Денежная же университетская сумма состоитъ всего изъ 810000 р., изъ коихъ, если падетъ на счетъ университета пріобрѣтеніе занимаемаго строенія, должно будетъ заплатить 200000 руб. и останется 610000 р., въ томъ числѣ должно употребить на новое строеніе полмилліона слишкомъ, а остатокъ будетъ столь незначителенъ, что его недостанетъ уже на пріобрѣтеніе покупкой мѣста для постройки на немъ нужныхъ зданій для помѣщенія анатомическаго театра и клиники, которыхъ въ настоящемъ зданіи съ новою его перестройкою помѣстить съ удобствомъ никакъ невозможно. Хотя же и имѣется сумма, пожертвованная изъ разныхъ губерній отъ дворянъ и

городовъ здѣшняго учебнаго округа въ недоимкѣ до 200000 р., но оно по многократнымъ требованіямъ университета отъ мѣстныхъ начальствъ весьма медленно поступаетъ и нѣтъ надежды на скорый взносъ. Всѣ эти обстоятельства заставили меня прибѣгнуть къ покровительству вашего сіятельства и убѣдительнѣйше просить, чтобы при разсужденіи въ комитетѣ министровъ пощадили университетъ уменьшеніемъ суммы вознагражденія гражданскаго правительства за пріобрѣтаемыя отъ него подъ университетъ зданія по причинамъ, объясненнымъ мною въ письмѣ къ Осипу Петровичу. Только такимъ образомъ университетъ будетъ облегченъ и сможетъ смѣло приступить къ постройкѣ новыхъ зданій въ надеждѣ закончить ихъ хозяйственнымъ образомъ изъ своихъ суммъ Планы и большая часть фасадовъ новыхъ строеній готовы, теперь дѣлаются фасады прибавочнаго зданія на занимаемомъ университетомъ губернаторскомъ дворѣ. Но я не смѣлъ ихъ отправлять, ожидая прежде разрѣшенія отъ комитета министровъ вопроса о пріобрѣтеніи занимаемаго уже университетомъ строенія въ его собственность" [1]).

Комитетъ министровъ, выслушавъ записку министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія о домахъ, пріобрѣтаемыхъ для Харьковскаго университета, разсуждая 1) что просимыя университетомъ зданія казенныя, слѣдовательно, правительство безпрепятственно можетъ употребить ихъ на то, къ чему они болѣе удобны,—и платежъ за нихъ отъ университета губернскому начальству былъ бы ничѣмъ инымъ, какъ перемѣщеніемъ казенныхъ суммъ изъ одного мѣста въ другое и 2) что изъ числа тѣхъ зданій генералъ-губернаторскій и вице-губернаторскій дома заняты уже университетомъ и оба ни для губернатора, ни для вице-губернатора неудобны, — первый по чрезмѣрной обширности, въ чемъ и самъ губернаторъ удостовѣряетъ, а послѣдній по ветхости, положилъ: 1) генералъ-губернаторскій и вице-губернаторскій дома, какъ не нужные для губернскаго начальства, утвердить *въ собственность* университету безъ всякаго платежа; 2) домъ и флигель, занимаемые городскою думою, полиціею и еще нѣкоторыми мѣстами, отдать университету же, но взамѣнъ того для упомянутыхъ присутственныхъ мѣстъ построить на счетъ университета особый домъ, предписавъ университету, дабы онъ, составивъ планъ и смѣту, представилъ ихъ сюда; до постройки же новаго дома присутственныя мѣста оставить въ прежнихъ зданіяхъ; 3) дабы не истощить вовсе капитала Харьковскаго университета, необходимаго для поддержанія его, сумму, какая употреблена будетъ на постройку новаго для присутственныхъ мѣстъ дома, *возвратить универ-*

[1]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло поп. 443/22; въ этомъ дѣлѣ находится подробнѣйшія свѣдѣнія о постройкахъ.

ситету въ теченіе пяти лѣтъ изъ государственнаго казначейства, если средства казначейства то позволятъ и, наконецъ, 4) что касается до квартирныхъ денегъ Слободско-Украинскому гражданскому губернатору и вице-губернатору, то комитетъ, имѣя въ виду, что и въ прочихъ губерніяхъ, гдѣ нѣтъ казенныхъ домовъ для этихъ чиновниковъ, не производится имъ квартирныхъ денегъ, не находитъ достаточнаго основанія назначить ихъ исключительно по одной Слободско-Украинской губерніи, о чемъ для исполненія и сообщить выписками изъ сего журнала С.-Петербургскому военному генералъ-губернатору, министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія и министру финансовъ".

И такъ, дѣло о постройкахъ университетскихъ зданій въ послѣдній годъ попечительства С. О. Потоцкаго приняло новое и, нужно сказать, крайне неблагопріятное направленіе—вмѣсто того, чтобы строить „ученый городокъ" по Сумскому шоссе, на обширномъ участкѣ, принадлежавшемъ университету, рѣшили остаться въ его прежнемъ, временномъ помѣщеніи, въ центрѣ города, гдѣ было тѣсно и неудобно, гдѣ и недостаточное расширеніе было сопряжено съ огромными неудобствами, а полнаго простора для устройства зданія, вполнѣ приспособленнаго къ потребностямъ университета, не могло быть совершенно. Вмѣсто того, чтобы приняться за постройку новыхъ зданій, общая идея плана которыхъ заслужила Высочайшее одобреніе, рѣшили ограничиться починками, перестройками и пристройками. Попечитель мотивировалъ свое отступленіе отъ прежняго мнѣнія возвышеніемъ цѣнъ на строительные матеріалы и недостаточностью суммы, бывшей въ распоряженіе университета. Но поднятіе цѣнъ на матеріалы должно было одинаково отразиться и на перестройкахъ, увеличить ихъ стоимость, а что касается недостаточности суммы, то едва ли было справедливо всѣ расходы по постройкѣ зданій для университета возлагать исключительно на его собственныя хозяйственныя средства, составившіяся изъ патріотическаго дара дворянства и другихъ сословій; нужно было войти съ ходатайствомъ въ министерство объ отпускѣ добавочной суммы—и эта послѣдняя могла бы быть отпущена изъ средствъ казны, если и комитетъ министровъ находилъ нужнымъ пополнить хозяйственную сумму университета, предназначенную на постройки, ежегодной ассигновкой изъ средствъ государственнаго казначейства. Наконецъ, при переходѣ университета на новыя мѣста, освободились бы зданія, имъ занимаемыя,—и цѣнность ихъ покрыла бы во всякомъ случаѣ значительную часть недостающей суммы. Съ другой стороны, постоянныя починки, перестройки и пристройки нисколько не подвигая впередъ благоустройства университета, оставляя его всегда въ состояніи какого

то хроническаго недомоганія, не давая возможности правильно развиваться и расширяться его учебно-вспомогательнымъ учрежденіямъ, также требовали не малыхъ матеріальныхъ затратъ, которыя однако оказывались безплодными. Мало того: только господствомъ этихъ паліативныхъ средствъ объясняется тотъ ненормальный фактъ, что всякій новый попечитель начиналъ свою дѣятельность съ отрицанія строительныхъ плановъ своего предшественника и предлагалъ измѣненія и отступленія, которыя въ свою очередь его преемникомъ признавались нецѣлесообразными и прямо вредными. Въ самомъ дѣлѣ, С. О. Потоцкій въ концѣ своей дѣятельности отказался отъ плана, настойчиво проводимаго въ началѣ ея, а его преемникъ З. Я. Карнѣевъ составилъ свой планъ перестроекъ и предложилъ его, какъ мы видѣли, министру. Войдя въ сношенія по этому поводу съ совѣтомъ университета, онъ составилъ проектъ, который потомъ 8-го января 1819 года вмѣстѣ съ планами, фасадами и смѣтою былъ удостоенъ Высочайшей конфирмаціи. Онъ прилагается нами къ настоящему труду. Стоимость построекъ исчислена была въ 523282 руб., которые должны были быть взяты изъ университетской 800 тысячной суммы. Во главѣ строительной коммиссіи поставленъ ректоръ. Въ то-же время постановлено было по причинѣ малаго пространства, отведеннаго подъ постройки, и другихъ неудобствъ, отдѣлить всѣ учрежденія медицинскаго факультета отъ прочихъ его частей и, съ Высочайшаго соизволенія 19-го октября 1819 года, разрѣшено было купить для устройства клиники и другихъ медицинскихъ учрежденій дворовое мѣсто съ небольшимъ, ветхимъ, деревяннымъ домомъ и такими же пристройками за рѣкою Лопанью (гдѣ былъ потомъ манежъ), у помѣщицы Хорватъ за 30000 рублей. Въ 1820 году попечитель сообщалъ, что тамъ будутъ помѣщены медицинскія аудиторіи, кабинеты, больница, анатомическій театръ, фармацевтическая лабораторія, кандидаты и студенты-медики. Распредѣленіе помѣщеній, по Высочайше одобренному плану 1819 года, было таково. Въ главномъ корпусѣ — бывшемъ генералъ-губернаторскомъ домѣ (гдѣ теперь квартира попечителя и канцеляріи совѣта и правленія) весь верхній этажъ былъ назначенъ подъ квартиру попечителя и его канцелярію, а нижній, какъ и теперь, былъ отведенъ для совѣта и правленія, съ прибавленіемъ только училищнаго комитета, съ ихъ архивами. Въ корпусѣ педагогическаго института (гдѣ теперь кабинеты) помѣщались: въ верхнемъ этажѣ физическій кабинетъ съ небольшою лабораторіей для физическихъ опытовъ, аудиторія для физическихъ лекцій, камера обскура, кабинетъ математическихъ инструментовъ, аудиторія для математическихъ лекцій, залъ для педагогическихъ лекцій и 9 комнатъ, раздѣ-

ленныхъ корридоромъ для магистровъ, а въ нижнемъ этажѣ—залъ для минералогическаго кабинета, комната для минералогическихъ, зоологическихъ и ботаническихъ лекцій, большая галлерея изъ 4 отдѣленій для зоологическаго кабинета и 12 комнатъ, раздѣленныхъ корридоромъ для 12 кандидатовъ. По смѣтѣ 1820 г. на постройку корпуса педагогическаго института требовалось 161081 руб. (45½ саж. длины, 28 арш. ширины, въ 2 этажа), корпуса казенныхъ студентовъ (45½ саж. длины, 23 арш. ширины, 2 этажа)—156593 р., службъ института и казенныхъ студентовъ съ оградами и галлереей—58670 р., корпуса для церкви, библіотеки и зала торжественныхъ собраній—224040 руб., на ограду вокругъ церкви и прилегающихъ къ ней дворовъ съ галлереями при домахъ для профессоровъ—27840 р., новаго 3-хъ этажнаго флигеля для помѣщенія директора педагогическаго института, инспектора казеннокоштныхъ студентовъ и въ нижнемъ этажѣ университетскихъ салдатъ—61280 р., службъ на обоихъ профессорскихъ дворахъ—49978 р., надстройки полиціи и части типографіи—28669 руб.; на все по цѣнамъ 1817 года назначено было 523282 руб., а 1820 года—754647 руб. [1]). Отпущено было въ 1819 году на производство работъ изъ экономической суммы Харьковскаго университета 523282 р.: на постройку педагогическаго института и корпуса казеннокоштныхъ студентовъ—112380 р.; 2-хъ флигелей и надстройку 2-го этажа на галлереяхъ—99133 р., на постройку церкви, зала и библіотеки—144699 руб., новаго флигеля въ 3 этажа—41934 р., на поправки главнаго корпуса—15000 р., на службы при институтѣ—15386 р., галлерею на бульварѣ—14060 р., службъ на 2-хъ профессорскихъ дворахъ—32670 р., ограды—10160 р. Постройки производились въ 1820—1823 годахъ [2]).

При вступленіи въ должность новаго попечителя Е. В. Карнѣева въ 1822 году, онъ лично обозрѣлъ всѣ смѣты и счета, убѣдился въ недостаточности исчисленной раньше суммы и испросилъ отпуска изъ хозяйственныхъ средствъ университета еще 102701 руб. съ копѣйками, которые Высочайшимъ рескриптомъ отъ 1-го сентября 1823 г. и были ассигнованы для этой цѣли. Между тѣмъ лицевая стѣна строившейся тогда обсерваторіи обрушилась и виновниками этого происшествія были признаны—подрядчикъ по кирпичнымъ работамъ Добрынинъ, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ коего происходила каменная кладка, и членъ строительнаго комитета профессоръ архитектуры Васильевъ, имѣвшій наблюденіе вообще за всѣми работами; съ нихъ было взыскано 3066 руб., затраченныхъ на исправленіе стѣны. Строительный комитетъ

[1]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло поп. № 738/40.

[2]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло правл. № 2337/139.

долженъ былъ взять на себя отвѣтственность за дальнѣйшій способъ постройки. Слѣдуетъ отмѣтить также, что въ 1823 г., по случаю передержекъ строительнаго комитета, была учреждена, по Высочайшему повелѣнію, особая слѣдственная коммиссія, подъ предсѣдательствомъ попечителя Е. В. Карнѣева, въ составѣ ординарнаго профессора Громова, директора Слободско-Украинской гимназіи Лосева, губернскаго архитектора Чернышева и правителя канцеляріи попечителя Подвысоцкаго. Слѣдственная коммиссія, проработавъ 2 мѣсяца, пришла къ заключенію, что никакихъ упущеній, неисправностей, а тѣмъ болѣе злоупотребленій не было, а оказалась только передержка въ 20 слишкомъ тысячъ рублей, оправдываемая увеличеніемъ цѣнъ на матеріалы [1]). 30 мая 1824 г. былъ Высочайше утвержденъ планъ новыхъ перестроекъ, предложенныхъ попечителемъ Е. В. Карнѣевымъ. На основаніи его верхній этажъ главнаго корпуса предполагалось занять медицинскими кабинетами и канцеляріей совѣта, правленія и училищнаго комитета съ ихъ архивами, а нижній — квартирою ректора, аудиторіей, комнатой съ кухней для повивальной бабки и акушерскою клиникою. Въ верхнемъ этажѣ другого корпуса (педагогическаго института) предполагалось оставить всѣ учрежденія въ прежнемъ видѣ, кромѣ 9 комнатъ для магистровъ, въ которыхъ нужно было выломать всѣ простѣнки и образовать изъ нихъ одну большую залу для зоологическаго кабинета, а въ нижнемъ оставить минералогическій кабинетъ на прежнемъ мѣстѣ, но открытую галлерею задѣлать окнами; три отдѣленія зоологическаго кабинета обратить въ три аудиторіи, проломавъ въ нихъ двери изъ наружной галлереи, а въ четвертомъ помѣстить книжнаго-кабинетъ; кандидатскія же комнаты оставить въ прежнемъ видѣ, но превратить въ квартиры для университетскихъ чиновниковъ и кандидатовъ. Квартира попечителя и его канцелярія должны были быть переведены въ купленный деревянный домъ, а на устройство особаго помѣщенія для учрежденій медицинскаго факультета въ отдѣлывавшихся тогда главныхъ зданіяхъ, съ присоединеніемъ къ нимъ бывшаго генералъ-губернаторскаго дома попечителю была Высочайше отпущена 30 мая 1824 г. дополнительная сумма въ 89697 руб. съ копѣйками. Всего же на постройки ассигновано было: на покупку мѣстъ по Сумскому шоссе—5965 руб.; за домъ Хорвата заплочено 30600 руб.; на починку его издержано 7472 руб. съ копѣйками; отпущено на постройку городскихъ присутственныхъ мѣстъ—70312 руб. съ копѣйками; на постройку университетскихъ зданій—523292 руб.; въ 1823 г. прибавлено 102401 руб. съ копѣйками; въ 1824 г. на постройку зданій для медицинскаго факультета—89697 руб.

[1]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло коп. № 738/40.

съ копѣйками; всего—829430 руб. съ копѣйками. Въ 1825 г. Слободско-Украинскій губернаторъ донесъ министру, что мѣстная врачебная управа жаловалась на предполагавшійся переводъ клиники и анатомическаго театра во вновь выстроенныя зданія противъ собора (гдѣ помѣщалась до послѣдняго времени хирургическая клиника), потому что онъ былъ сопряженъ съ опасностью для народнаго здравія: зданія эти были со всѣхъ сторонъ окружены высокими постройками и тамъ постоянно скоплялось много народа; испаренія же больныхъ и покойниковъ могли внести заразу; по мнѣнію губернатора клиники должны были оставаться или на прежнемъ мѣстѣ (за Лопанью), или быть устроены возлѣ ботаническаго сада. Но попечитель, возражая на это, замѣтилъ, что его предположеніе о переводѣ клиники утверждено Высочайшимъ рескриптомъ 30 мая 1824 года и университетъ давно уже приступилъ къ перестройкамъ, перемѣна коихъ нанесетъ значительный ущербъ казнѣ. Казалось бы, что теперь оставалось только закончить постройки по послѣднему Высочайше одобренному плану. Однако этого не случилось; новый попечитель А. А. Перовскій, смѣнившій Е. В. Карнѣева, въ свою очередь подвергъ критикѣ планъ своего предмѣстника и предложилъ перевести университетъ изъ Харькова въ Новгородъ-Сѣверскъ Черниговской губ.

А. А. Перовскій нашелъ въ устройствѣ и размѣщеніи всѣхъ частей университета вообще слѣдующія неудобства: 1) Клиника съ ея принадлежностями помѣщена была за рѣкою Лопанью въ домѣ Хорватовой—ветхомъ, худо расположенномъ и тѣсномъ одноэтажномъ строеніи, находящемся на низкомъ, подверженномъ наводненію мѣстѣ, и въ принадлежащихъ къ нему сараяхъ и амбарахъ. Въ этомъ же домѣ одна комната обращена была въ аудиторію для нѣкоторыхъ медицинскихъ лекцій, между тѣмъ, какъ для преподаванія другихъ предметовъ, къ тому же факультету относящихся, назначены залы во вновь выстроенныхъ корпусахъ на другой сторонѣ рѣки, гдѣ живутъ и самые студенты этого факультета. Такое распредѣленіе сильно затрудняло ихъ при переходѣ съ одной лекціи на другую, особенно весною и осенью, во время грязи, около моста чрезъ рѣку, почти непроходимой, и гдѣ сверхъ того—по причинѣ устроенныхъ у самаго моста, въ сторонѣ университета, питейныхъ домовъ, обжорнаго ряда и рынка—ежедневно толпится народъ самаго низкаго званія и въ разныхъ видахъ. 2) Нѣкоторыя изъ комнатъ, предназначенныхъ для жительства казенныхъ воспитанниковъ, во вновь выстроенныхъ корпусахъ, окнами обращены на задніе черные дворы, отчего, особенно въ нижнихъ этажахъ, ни въ какое время года невозможно ихъ открывать,—а это дѣлаетъ

воздухъ въ этихъ комнатахъ тяжелымъ и нездоровымъ. Въ другихъ же комнатахъ къ сторонѣ губернскихъ присутственныхъ мѣстъ, устроенныхъ и предмѣстникомъ его въ спальныя залы обращенныхъ, окна въ нижнемъ этажѣ такъ низки, что основаніе ихъ почти равно съ землею. А такъ какъ между этимъ корпусомъ и упомянутыми присутственными мѣстами находится здѣсь родъ весьма узкаго переулка, съ Лопанскаго моста въ центръ города ведущаго и во всякое время дня и большую часть ночи наполненнаго проходящими обоего пола и всякаго возраста и состоянія, то отъ этого весьма часто происходятъ разныя непріятныя и для нравственности студентовъ вредныя сцены, отъ которыхъ предохранить ихъ, при такомъ устройствѣ ихъ жилищъ, почти невозможно. 3) Открытая галлерея при колоннадѣ, между кухнями этихъ корпусовъ во всю длину главнаго двора протянутая, дѣлаетъ этотъ дворъ открытымъ со стороны того же моста и входъ для всякаго и во всякое время свободнымъ, что представляетъ новый поводъ къ разнымъ неблаговиднымъ и соблазнительнымъ встрѣчамъ и происшествіямъ. 4) Обсерваторія — уже однажды, вскорѣ послѣ постройки ея обрушившаяся и на будущее время относительно прочности весьма ненадежная — построена между церковью, залою собранія и библіотекою, на большой проѣзжей улицѣ, отъ чего подвержена безпрестанному сотрясенію; притомъ почти вся сѣверная половина неба отъ нея закрыта соборною церковью съ ея колокольнею и другими зданіями и потому обсерваторія эта совершенно ни къ чему не пригодна. 5) Ботаническій садъ, при отдаленности своей отъ главныхъ университетскихъ зданій, столь неудобный для профессора ботаники и воспитанниковъ, имѣетъ еще и тѣ недостатки, что песчаный грунтъ его вовсе не годится для питанія многихъ растеній, что нѣтъ колодязей для поливки ихъ въ жаркое время и водохранилищъ для содержанія водяныхъ растеній; нѣтъ надлежащаго канала и стѣны для воспрепятствованія съ нагорной части, занимаемой Англійскимъ садомъ, стоку воды, во время дождей (особенно весною при таяніи снѣга); вода каждый разъ размываетъ грядки; нѣтъ строенія для квартиры профессора ботаники, какъ директора сада, коего всегдашнее присутствіе въ немъ во многихъ отношеніяхъ необходимо.

Въ планѣ перемѣнъ 1824 года, предмѣстникомъ его предначертанномъ и доселѣ еще невыполненномъ, найдены имъ слѣдующія важныя неудобства. 1) Назначеніе въ верхнемъ этажѣ главнаго корпуса, бывшаго генералъ-губернаторскаго дома, двухъ залъ для медицинскаго кабинета съ принадлежностями, а въ нижнемъ (вмѣстѣ съ квартирою ректора) акушерской клиники и жилища для повивальной бабки, съ ея

кухнею и проч., и потому уже неудобоисполнимо, что помѣстить клинику, по предположенію предмѣстника его, во вновь устроенныхъ зданіяхъ университета нѣтъ никакой возможности, какъ то ниже показано будетъ подробнѣе. При томъ такъ какъ корпусъ этотъ есть, можно сказать, лучшее изъ всѣхъ зданій по устройству и положенію своему и занимаетъ самую средину между ними и въ продолженіе цѣлаго дня окружено многолюдною толпою, то помѣщеніе въ немъ акушерской клиники нужно признать совершенно неприличнымъ и неудобнымъ. Что касается до перемѣщенія присутственныхъ мѣстъ университета, съ ихъ канцеляріями и архивами, въ верхній этажъ этого корпуса, то совѣтъ университета въ представленіи своемъ предмѣстнику его отъ 17-го генваря 1826 года, объясняя неудобства таковаго перемѣщенія, просилъ оставить ихъ на прежнемъ мѣстѣ, — и онъ съ своей стороны находитъ, что, въ случаѣ надобности, этотъ этажъ можно занять учрежденіями, болѣе существенными въ отношеніи университета, который является собственно учебнымъ, а не судебнымъ заведеніемъ. 2) Въ корпусѣ педагогическаго института, въ нижнемъ этажѣ, зала минералогическаго кабинета по устройству своему и незначительному пространству не соотвѣтствуетъ назначенію, ибо при разборѣ и систематическомъ размѣщеніи въ прошломъ 1826 году имѣющихся на лицо минераловъ, оказалось, что и теперь уже значительная часть ихъ въ ней не помѣщается. Тоже можно сказать и о минцъ-кабинетѣ, котораго нахожденіе здѣсь, между аудиторіями, тѣмъ болѣе неумѣстно, что для технологической и зоологической лабораторій и запаснаго зоологическаго магазина вовсе не назначено мѣста. Наконецъ, если въ 12-ти комнатахъ этого этажа устроить квартиры для университетскихъ чиновниковъ, кухни же, къ нему принадлежащія обратить въ химическую лабораторію, а остальное пустое мѣсто на дворѣ въ углу застроить прачешною — какъ все это предполагалъ предмѣстникъ мой, то уже не остается здѣсь никакого помѣщенія для прислуги означенныхъ чиновниковъ, для ихъ кухонь, кладовыхъ и т. п. 3) Въ студенческомъ корпусѣ устройство обширныхъ залъ вмѣсто комнатъ, для жительства воспитанниковъ университета, можно бы допустить въ такомъ только случаѣ, когда бы эти послѣдніе поступали въ университетъ гораздо въ меньшемъ возрастѣ, т. е. не старше по крайней мѣрѣ 15 лѣтъ и при томъ всѣ изъ пансіоновъ, гдѣ они съ дѣтства привыкали къ многолюдству и занятіямъ, такъ сказать, *общимъ*; но для молодыхъ людей отъ 17 до 25 лѣтъ и болѣе, при занятіи предметами, часто требующими большаго вниманія, размышленія и соображеній, зрѣлому возрасту свойственныхъ, помѣщеніе въ одной комнатѣ не только 30 или 40 человѣкъ, но и гораздо

меньшаго числа совершенно неудобно и для успѣховъ въ наукахъ затруднительно. Что касается до другихъ передѣлокъ въ этомъ корпусѣ, для предположеннаго предмѣстникомъ моимъ здѣсь пансіона, то онѣ безполезны и совершенно излишни уже по тому одному, что проектъ этого пансіона не удостоенъ одобренія, какъ видно изъ предписанія бывшаго министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія отъ 23 іюля 1828 года. 4) Неудобство открытой галлереи со стороны Лопанскаго моста показано выше; но передѣлка одной части ея въ столовую залу, а другой въ фармацевтическую лабораторію и другія медицинскія учрежденія, столь же, хотя и въ иномъ отношеніи, неудобна и безполезна. Какъ ни близко находилась бы эта столовая отъ жилища студентовъ, но такъ какъ между нимъ и галлереей нѣтъ никакого сообщенія, то въ эту столовую нужно было бы проходить—днемъ и ночью—по открытому мѣсту, чрезъ черный дворъ, что, при измѣняющейся такъ часто погодѣ въ Харьковѣ, особенно во время осени, зимы и весны, имѣло бы весьма вредное вліяніе на здоровье воспитанниковъ; брать же имъ съ собою всякій разъ, для того, чтобы укрыться отъ непогоды, шинели и т. п. одѣяніе, за столомъ не нужное и неприличное, представлялось бы новымъ затрудненіемъ. Относительно фармацевтической лабораторіи и проч. довольно сказать, что эта часть медицинскаго отдѣленія должна находиться въ совокупности съ нимъ — тамъ, гдѣ оно будетъ устроено. 5) Помѣщеніе клиники съ ея принадлежностями въ домѣ, построенномъ для квартиры ректора и профессора химіи, какъ по внутреннему его расположенію, такъ преимущественно по мѣстнымъ обстоятельствамъ, совершенно невозможно. Съ одной стороны звонъ колоколовъ съ находящейся близь самаго дома соборной колокольни и въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ него барабанный бой по зарямъ на гаубвахтѣ, а ночью крики часовыхъ, чрезвычайная пыль лѣтомъ, особенно въ этомъ мѣстѣ отъ множества проѣзжающихъ, пыль, даже и сквозь затворенныя окна проникающая; съ другой стороны недостатокъ двороваго мѣста, открытаго и чистаго — все это такія препятствія, которыхъ отвратить ничѣмъ невозможно. Они между прочимъ не скрылись и отъ вниманія Слободско-Украинской врачебной управы, которая въ началѣ 1825 года—какъ видно изъ дѣлъ попечительской канцеляріи—входила о томъ съ представленіемъ къ тамошнему гражданскому губернатору, а онъ къ министру народнаго просвѣщенія, и хотя представленіе это, вслѣдствіе донесенія предмѣстника моего отъ 13 апрѣля того же года, не измѣнило предположеній относительно этого предмета, при всемъ томъ строгая справедливость и самая обязанность требуютъ мнѣ замѣтить: а) что обращеніе конюшенъ и сараевъ, принадлежа-

щихъ вышеозначенному дому, въ анатомическій театръ неминуемо послужитъ къ большей испорченности воздуха; b) что пространство между университетскою церковью и предполагаемымъ театромъ, ледниками, сараемъ, конюшнею, банею для студентовъ, стѣною непринадлежащихъ университету зданій, столь мало, что объ устройствѣ здѣсь какого бы ни было сада и думать нельзя; с) что больные въ прогулкахъ своихъ вокругъ упомянутой церкви необходимо должны будутъ проходить въ виду и даже вблизи самаго анатомическаго театра, слѣдовательно, нѣтъ возможности предохранить ихъ отъ впечатлѣній непріятныхъ и для возстановленія здоровья вредныхъ; d) что дворъ здѣсь весьма тѣсенъ и неровенъ; предполагаемая же къ постройкѣ со стороны церкви каменная стѣна еще болѣе стѣснитъ его; наконецъ, е) что перестройки по планамъ 1824 года въ этой части университетскихъ зданій понынѣ еще не начаты и, слѣдовательно, отмѣною ихъ никакого убытка для казны послѣдовать не можетъ. 6) Перемѣщеніе типографіи за городъ— въ домъ, находящійся на принадлежащемъ университетскому саду мѣстѣ, въ открытомъ со всѣхъ сторонъ полѣ—не представляетъ никакого удобства по отдаленности его какъ отъ университета, такъ и отъ самаго города. Сдѣлавъ такое перемѣщеніе, надобно будетъ устроить тамъ же квартиры не только для фактора типографіи, но и для всѣхъ служащихъ при ней, какъ-то: наборщиковъ, батырщиковъ и проч.,—а такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ, будучи людьми семейными, имѣютъ собственныя свои жилища въ городѣ, въ 5 и болѣе верстахъ отъ этого мѣста, и эти дома, за невозможностью ходить изъ нихъ въ новую типографію во время грязи, по нѣсколько мѣсяцевъ въ году продолжающейся, должны будутъ продать за безцѣнокъ, или бросить безъ всякаго призора, то справедливость требуетъ вознаградить ихъ за такую потерю и разстройство въ хозяйствѣ, по скудному состоянію ихъ весьма для нихъ чувствительное. Слѣдовательно, казнѣ предстоятъ двойныя издержки: на устройство новыхъ жилищъ для всѣхъ служащихъ при типографіи и на удовлетвореніе ихъ за старыя,—выгоды же совершенно никакой нѣтъ, ибо и клиника, для которой предполагалось помѣстить аптеку въ занимаемомъ нынѣ типографіею домѣ, никакимъ образомъ не можетъ быть здѣсь устроена, какъ явствуетъ изъ сказаннаго о томъ выше.

Обо всѣхъ этихъ неудобствахъ въ планѣ 1824 года, я имѣлъ счастье лично докладывать въ Бозѣ почивающему Государю Императору, во время присутствія Его Величества въ Таганрогѣ и въ отношеніи перемѣнъ, какія по усмотрѣнію моему могли быть признаны наиболѣе нужными во всѣхъ университетскихъ зданіяхъ, получивъ изустное

Всемилостивѣйшее соизволеніе войти съ представленіемъ къ начальству; почему, возвратясь въ Харьковъ, немедленно пригласилъ всѣхъ членовъ совѣта университета въ общее собраніе и предложилъ имъ обсудить вопросъ о приличнѣйшемъ и наиболѣе выгодномъ распредѣленіи построекъ и перестроекъ и размѣщеніи всѣхъ частей университета.

Вслѣдствіе этого, совѣтъ представилъ между прочимъ мнѣніе медицинскаго факультета относительно наиболѣе выгоднаго устройства клиническихъ институтовъ — терапевтическаго, хирургическаго и акушерскаго, а также и анатомическаго театра, присовокупивъ къ тому; что по разсмотрѣніи изложенныхъ факультетомъ мотивовъ, онъ нашелъ ихъ основательными и потому съ мнѣніемъ его совершенно согласенъ. Въ мнѣніи же своемъ факультетъ перечисляетъ тѣ условія, которыя необходимо должны быть приняты во вниманіе при постройкѣ больницъ вообще и въ особенности клиническихъ институтовъ университета, а именно. „Мѣсто для постройки больницъ, — говорится тамъ, — должно быть открыто, сухо, на вѣтру и, если можно, возвышенно; должно находиться недалеко отъ проточной воды и въ отдаленіи отъ стоячихъ водъ, болотъ, кладбищъ. боенъ, кожевенъ, большихъ проѣзжихъ улицъ, рынковъ и многолюдныхъ площадей. Эти условія также необходимы и для устройства клиническихъ институтовъ университета. Кромѣ того, производство хирургическихъ и акушерскихъ операцій, по извѣстнымъ причинамъ требуетъ отдаленности отъ центра города, дабы женщины для полученія нужнаго пособія могли приходить туда, не будучи никѣмъ замѣчены. Наконецъ, анатомическій театръ долженъ имѣть отдѣльный дворъ, чтобы при производствѣ операцій удалить худой запахъ, присутствія котораго трудно избѣжать даже и при соблюденіи возможной чистоты; а кромѣ того, вслѣдствіе отдѣленія особымъ дворомъ, это учрежденіе будетъ скрыто отъ взоровъ простолюдиновъ и больныхъ, на воображеніе которыхъ нехорошо дѣйствуетъ взглядъ на анатомическія операціи. Въ виду изложенныхъ обстоятельствъ. медицинскій факультетъ приходитъ къ заключенію, что клиническіе институты и анатомическій театръ не могутъ быть помѣщены въ ново-выстроенныхъ университетскихъ зданіяхъ, какъ не удовлетворяющихъ вышеозначеннымъ требованіямъ, тѣмъ болѣе, что и внутреннее расположеніе комнатъ, въ больницахъ столь важное, нимало не соотвѣтствуетъ данной цѣли, ибо онѣ не имѣли ее въ виду“.

По полученіи этого отзыва, вполнѣ раздѣляемаго и одобреннаго совѣтомъ университета. изыскиваемы были имъ, попечителемъ. сообща съ совѣтомъ, всѣ возможныя средства къ исправленію вышеуказанныхъ недостатковъ и неудобствъ въ размѣщеніи и устройствѣ не только кли-

ники, но и всѣхъ вообще частей университета, и вслѣдствіе того составлены новыя предположенія и планы, по которымъ кромѣ разныхъ другихъ перемѣнъ, всѣ медицинскія учрежденія должны быть устроены на иномъ мѣстѣ, возможно болѣе удовлетворяющемъ изложеннымъ въ вышеприведенномъ мнѣніи медицинскаго факультета условіямъ.

Представляя при этомъ на благоусмотрѣніе министра эти новые планы, составленные имъ, для перестройки университета по вышеизложеннымъ соображеніямъ, онъ рѣшился бы просить объ исходатайствованіи имъ Высочайшаго утвержденія, если бы не считалъ обязанностью предварительно замѣтить, что приведеніемъ въ дѣйствіе его предположеній нельзя въ полной мѣрѣ преодолѣть важныхъ неудобствъ, препятствующихъ усовершенствованію всѣхъ частей университета. Неудобства эти проистекаютъ отъ того, что городъ Харьковъ самъ по себѣ совершенно неудобенъ для подобнаго заведенія, а мѣсто, на которомъ находятся уже оконченныя зданія университета, и того менѣе, что усмотрѣть можно изъ слѣдующаго. 1) Городъ этотъ имѣетъ ощутительный недостатокъ въ одной изъ главнѣйшихъ потребностей, именно въ водѣ. Двѣ рѣчки, Харьковъ и Лопань, чрезъ него протекающія, не могутъ удовлетворить этой потребности какъ по мелководію ихъ, такъ въ особенности по мутности и гнилости, ибо вода въ нихъ, будучи заперта двумя мельничными плотинами (изъ коихъ одна на рѣкѣ Харьковѣ въ самомъ городѣ, а другая на рѣкѣ Лопани ниже города), почти никакого не имѣетъ теченія. Поглощаемая ею, при вскрытіи весны, нечистота всякаго рода вмѣстѣ со льдомъ (по причинѣ ранняго спуска воды на Лопанской плотинѣ) — осѣдаетъ на дно, и годъ отъ году все болѣе и болѣе его засариваетъ. При наступленіи лѣта рѣчки эти, особенно Лопань, кипятъ, такъ сказать, насѣкомыми, отъ теплоты и гнилости въ нихъ расплодившимися, и покрываются зеленою корою. Колодязей же, и то съ посредственною водой, въ цѣломъ городѣ не болѣе двухъ или трехъ. Кто желаетъ пользоваться хорошею водою, тотъ долженъ посылать за нею верстъ за 5 или за 6 отъ города. Но для университета, въ которомъ, кромѣ чиновниковъ и слушателей, живетъ около 100 студентовъ, дѣлать это невозможно, и потому онъ принужденъ довольствоваться частью изъ колодязей, а большею частью рѣчною—какая есть и, слѣдовательно, весьма вредною для здоровья водою. 2) Городъ этотъ за недостаткомъ по близости его камней, не вымощенъ; нѣкоторыя улицы и частью площади насыпныя, отъ чего въ извѣстныя времена года, какъ-то — весною и преимущественно осенью, бываетъ такая грязь, что по причинѣ невозможности безопаснаго хожденія, особенно вблизи мостовъ, черезъ улицы и площади, и большихъ за-

трудненій для ѣзды, университетъ принужденъ бываетъ на нѣсколько времени прекращать лекціи. При всемъ томъ не проходитъ ни одного почти года безъ того. чтобы университетъ не лишился двухъ или трехъ профессоровъ и адъюнктовъ, умирающихъ не отъ старости лѣтъ, а отъ вліянія тамошняго климата, располагающаго къ простудамъ и нервнымъ горячкамъ. 3) Самое уже существованіе университета въ провинціальномъ городѣ, въ которомъ бываетъ въ продолженіе каждаго года нѣсколько большихъ ярмарокъ, устраиваемыхъ около самаго университета (Крещенская, Успенская и Покровская), представляетъ неудобства и затрудненія, почти непреодолимыя для доведенія университета до желаемаго совершенства, ибо едва ли есть возможность, особенно во время ярмарокъ, имѣть надлежащій присмотръ за нравственностью и поведеніемъ нѣсколькихъ сотъ молодыхъ людей, квартиры которыхъ по всему городу разсѣяны. 4) Университетъ, за исключеніемъ клиники, помѣщается теперь въ центрѣ города, въ бывшемъ генералъ-губернаторскомъ домѣ и во вновь построенныхъ при немъ корпусахъ, на весьма тѣсномъ мѣстѣ. Съ сѣвера и востока окружаютъ его присутственныя губернскія мѣста, соборная церковь и каменныя купеческія лавки; съ юга и запада — обрывъ горы, и кромѣ нѣсколькихъ такихъ же лавокъ и лавочекъ съ разными мелочными вещами, цирульни, трактиры, шинки или питейные дома и прочее; тутъ же вновь выстроенный обжорный рядъ, толкучій рынокъ, мѣста для торговокъ съ разными съѣстными припасами, овощами и т. п., и въ дополненіе ко всему тому — лобное мѣсто съ каменнымъ столбомъ, близь котораго, въ извѣстные дни недѣли, совершаются приговоры надъ преступниками, въ виду университета, такъ что изъ аудиторій, во время преподаваній лекцій, слышны иногда бываютъ вопли наказуемыхъ и дѣйствіе самаго наказанія. Наконецъ, университетскія зданія при всей ихъ тѣснотѣ и столь невыгодномъ размѣщеніи, раздѣлены одною изъ главныхъ улицъ, между ними проходящею и всегда наполненною народомъ; улица эта ведетъ изъ двухъ наиболѣе обширныхъ и населенныхъ частей города къ разнымъ общественнымъ зданіямъ — къ соборной церкви, къ гражданскимъ присутственнымъ мѣстамъ, къ монастырю, къ гостинному двору, къ трактирамъ, виннымъ погребамъ и къ полиціи. 5) Число студентовъ въ этомъ университетѣ ежегодно возрастаетъ, почему и не подлежитъ сомнѣнію, что чрезъ нѣсколько лѣтъ даже помѣщеніе ихъ въ аудиторіяхъ сдѣлается затруднительнымъ, тѣмъ болѣе что — какъ выше объяснено — распространить университетскія зданія, окруженныя и стѣсненныя другими, университету не принадлежащими строеніями и обрывомъ горы къ рѣкѣ Лопани, вовсе невозможно. 6) Столь же невозможно избѣгнуть

всякаго рода соблазновъ, проистекающихъ отъ близости къ университету шинковъ вмѣстѣ съ рынкомъ, обжорнымъ рядомъ и т. п.

По внимательномъ разсмотрѣніи всѣхъ вышеизложенныхъ обстоятельствъ нельзя не прійти къ заключенію, что при существованіи университета на нынѣшнемъ его мѣстѣ, нѣтъ никакой возможности изыскать достаточныхъ средствъ къ его прочному улучшенію и усовершенствованію и потому я считалъ бы болѣе пристойнымъ и необходимымъ перевести его въ другое, болѣе удобное для этого мѣсто. Таковымъ по многимъ соображеніямъ, нахожу я Новгородъ-Сѣверскій Спасскій монастырь. Обширность его строеній, большею частью каменныхъ, на ровномъ возвышенномъ мѣстѣ, окруженномъ съ одной стороны открытымъ пространнымъ лугомъ, съ другой—чистою, свѣтлою рѣкою Десной, почти подъ самыми стѣнами монастыря протекающею, а съ третьей—монастырскимъ садомъ, весьма удобнымъ для всѣхъ ботаническихъ учрежденій, всегда чистый здоровый воздухъ, удаленіе отъ шума городского и всѣхъ его соблазновъ, все это въ совокупности представляетъ такія выгоды и удобства для устройства здѣсь университета, какія въ другихъ мѣстахъ ввѣреннаго мнѣ учебнаго округа едва ли найти можно. Малое число монаховъ (которыхъ въ этомъ монастырѣ, при всей огромности его строеній, имѣется не болѣе 8 и которые поэтому легко могутъ быть перемѣщены въ иное какое-либо мѣсто)—еще болѣе утверждаетъ меня въ этой мысли.

Главное затрудненіе, представляющееся при переводѣ сюда изъ Харькова университета, состоитъ безъ сомнѣнія въ издержкахъ, которыхъ онъ будетъ стоить казнѣ; но и это затрудненіе почти исчезнетъ, если принять во вниманіе слѣдующія соображенія. 1) Университетъ въ настоящемъ видѣ и положеніи своемъ оставаться не можетъ. 2) Новыя постройки и перестройки его на прежнемъ мѣстѣ также должны стоить нѣсколькихъ сотъ тысячъ рублей, при всемъ томъ далеко не удовлетворятъ всѣмъ его потребностямъ, и главная цѣль учрежденія университета, какъ-то: прочность его, богатство во всѣхъ учебныхъ пособіяхъ, при полной возможности пользоваться ими, и существенная отъ того польза государству — эта цѣль, по недостатку средствъ, долженствующихъ поддерживать, утверждать и возвышать его, никогда не можетъ быть достигнута. 3) Правительство и безъ того будетъ вынуждено помышлять о перемѣщеніи университета, когда число учащихся значительно умножится; слѣдовательно, всѣ суммы, которыя до настоящаго времени на него истрачены, и какія еще на возможно лучшее устройство его необходимо употребить, будутъ тогда совершенно потеряны. 4) Перемѣщеніе университета въ Новгородъ-Сѣверскій монастырь, ко-

торое въ полной мѣрѣ удовлетворитъ всѣмъ ожиданіямъ правительства, потребуетъ едва ли не меньшихъ издержекъ, чѣмъ постройка вновь необходимыхъ зданій въ Харьковѣ и перестройка старыхъ. 5) Наконецъ, строенія, нынѣ университетомъ занимаемыя, могутъ съ пользою употреблены быть для предположеннаго въ Харьковѣ кадетскаго корпуса; слѣдовательно, и убытки казны — если бы такіе, паче чаянія, и оказались при перемѣщеніи университета въ упоминаемый монастырь — легко могутъ быть вознаграждены сбереженіемъ суммъ, на постройку означеннаго корпуса опредѣленныхъ".

Нельзя не согласиться съ этими замѣчаніями А. А. Перовскаго; можно даже сказать, что и каждое, взятое въ отдѣльности, и всѣ они въ совокупности своей имѣли подъ собою серьезную фактическую подкладку. Университету дѣйствительно не слѣдовало обрекать себя на заключеніе въ тѣсномъ центральномъ участкѣ города Харькова и превращать свое *временное* жилище въ постоянное. Попечитель гр. С. О. Потоцкій, слѣдовавшій впрочемъ здѣсь за ректоромъ Осиновскимъ, представивъ планъ перестроекъ и пристроекъ, впалъ въ ошибку—и плачевныя послѣдствія этой ошибки чувствовались многія десятки лѣтъ, продолжаютъ чувствоваться и до сихъ поръ. Но на сколько сильна отрицательная критика попечителя, на столько проблематиченъ его планъ перевода университета въ Новгородъ-Сѣверскій монастырь. Естественныя, санитарно-гигіеническія условія новой мѣстности были, конечно, несравненно лучше Харьковскихъ, уже по одному тому, что вмѣсто Лопани, Харькова и Нетечи тамъ протекала Десна. Архіепископъ Филаретъ даетъ такое описаніе монастыря. „Новгородъ-Сѣверскій Спасскій монастырь есть обширное и великолѣпное зданіе, расположенное въ четверти версты отъ города, на поверхности высокой горы, подошва которой омывается р.-Десною. Мѣстоположеніе его соотвѣтствуетъ красотѣ самого зданія. Окруженный вѣковыми липами сей монастырь издали представляетъ величественный видъ, особенно изъ за рѣки Десны. Изъ монастыря видны лучшая часть города, прибрежныя горы, усѣянныя деревьями и рощами, обширный лугъ Десны, богатый озерами и рѣчками, и дремучій сосновый лѣсъ, находящійся на необозримой равнинѣ ея лѣваго берега". Но природа была здѣсь величественна и роскошна между прочимъ потому, что ее не успѣла коснуться и испортить рука человѣка; а еслибы здѣсь образовался многолюдный ученый городокъ, то многое тутъ измѣнилось бы къ худшему—порѣдѣли бы быстро лѣса, обмелѣла бы даже рѣка, а главное измѣнились бы къ худшему санитарно-гигіеническія условія жизни, давали бы себя чувствовать, какъ и на прежнемъ мѣстѣ, грязь и пыль. Монастырь стоялъ

въ сторонѣ отъ города — это было бы удобно для закрытаго учебнаго заведенія, но не для университета, въ которомъ только незначительная часть студентовъ казеннокоштнаго содержанія жила въ интернатѣ. Спрашивается: какъ они должны были бы добираться изъ города до монастыря? не пришлось ли бы имъ еще болѣе продолжить feriae luti, т. е. грязные каникулы? Харьковъ, при всемъ его неблагоустройствѣ, все таки представлялъ извѣстныя матеріальныя удобства для жизни и былъ обязанъ имъ своей торговлѣ и въ частности тѣмъ ярмаркамъ, которыя порицалъ А. А. Перовскій. Новгородъ-Сѣверскъ въ этомъ отношеніи стоялъ несравненоо ниже Харькова: первый жилъ своимъ прошлымъ, второй не имѣлъ этого прошлаго и жилъ настоящимъ и надеждою на лучшее будущее. которое въ значительной степени однако зависѣло отъ того же университета. А. А. Перовскій не принялъ во вниманіе, что лишить Харьковъ университета значило бы отнять у него одинъ изъ двухъ основныхъ источниковъ его благосостоянія и прогрессивнаго развитія и обречь на хроническое культурное прозябаніе. Пребываніе университета сдѣлало Харьковъ образовательнымъ центромъ огромнаго района, обнимавшаго всю Малороссію, Новороссію, Крымъ, Кавказъ и значительную часть Великороссіи; съ переводомъ его въ Новгородъ-Сѣверскъ, Харьковъ долженъ былъ бы утратить эти огромныя преимущества. Но трудно было сказать, могъ ли бы Новгородъ-Сѣверскій монастырь замѣнить въ этомъ отношеніи Харьковъ. Этотъ послѣдній занималъ болѣе центральное положеніе среди своего учебнаго округа, чѣмъ первый, который находился слишкомъ далеко на сѣверѣ. И Сумы должны были уступить Харькову, потому что лежали сѣвернѣе его, а Новгородъ-Сѣверскъ былъ еще дальше ихъ. Современемъ, благодаря университету, и Новгородъ-Сѣверскъ несомнѣнно бы возвысился, но этого момента нужно было еще долго ждать и преодолѣть на пути къ его осуществленію не меньше препятствій, чѣмъ и Харькову. Мы знаемъ, съ какими трудностями было сопряжено первоначальное устройство университета въ Харьковѣ и какъ медленны были его первые успѣхи, какъ туго, напримѣръ, увеличивалось въ немъ число студентовъ—теперь бы все это пришлось повторять съ начала и едвали къ пользѣ и успѣхамъ просвѣщенія. Правда въ Новгородъ-Сѣверскомъ монастырѣ было много строеній, но они не были совершенно приспособлены къ нуждамъ университета и добиться этого приспособленія было бы чрезвычайно трудно. Не говоримъ уже о томъ, что духовное вѣдомство, которому принадлежалъ монастырь, по всей вѣроятности, не согласилось бы добровольно уступить его, а принудительное отчужденіе противорѣчило бы справедливости, также точно

какъ и величайшею несправедливостью было бы удаленіе университета изъ того города и края, которые, въ лицѣ своихъ сословій, принесли столь щедрые жертвы на его устройство. Во всякомъ случаѣ, пришлось бы отказаться тогда отъ 8 сотъ тысячной суммы, пожертвованной дворянствомъ и горожанами.

При такихъ условіяхъ, гораздо проще и естественнѣе было подумать не о переводѣ университета въ другой городъ, а о перенесеніи его изъ центра на окраину по Сумскому шоссе. Важнѣйшимъ препятствіемъ для этого было отсутствіе въ этой нагорной части воды и трудность, благодаря грязи, сообщенія съ центромъ города. Но отъ недостатка воды страдали и въ центрѣ, а если бы весь университетъ былъ перенесенъ на Сумское шоссе, то отыскали бы и средства добывать тамъ воду, изъ колодезей; грязь же была тогда неизбѣжнымъ и непреодолимымъ зломъ. Но зато на этихъ привольныхъ мѣстахъ можно было дѣйствительно устроить зданія, вполнѣ приспособленныя къ потребностямъ университета, съ переспективою безпрепятственнаго расширенія ихъ не только въ ближайшемъ, но и отдаленномъ будущемъ. Тяжело было бы на первыхъ порахъ, но чѣмъ дальше, тѣмъ положеніе все болѣе и болѣе бы улучшалось: Харьковъ сталъ бы рости въ ту сторону, гдѣ построены были бы новыя зданія, университета, а вмѣстѣ съ тѣмъ исчезла бы пустынность этого превосходнаго и самаго здороваго въ городѣ мѣста; уменьшилась бы скоро дальность разстоянія и улучшилось сообщеніе этой части города съ центромъ; профессора и студенты, конечно, стали бы селиться на этихъ новыхъ мѣстахъ, а не по всему городу. Многіе обыватели и преподаватели стали бы здѣсь строить себѣ дома. А старые постройки университета могли бы быть проданы за хорошую сумму или уступлены подъ какое нибудь общественное учрежденіе.

Къ сожалѣнію, университетъ и въ настоящее время, на 98-мъ году своего существованія, остается въ прежнемъ *временномъ* своемъ помѣщеніи, испытывая отъ этого массу неудобствъ.

Новый попечитель округа В. И. Филатьевъ, смѣнившій А. А. Перовскаго, въ 1832 году сдѣлалъ министру народнаго просвѣщеніе представленіе, въ которомъ указывалъ на неудобства, проистекавшія отъ постоянныхъ перемѣнъ, производимыхъ смѣнявшими другъ друга попечителями, но самъ же предлагалъ въ свою очередь новыя измѣненія въ планѣ и просилъ для нихъ Высочайшаго утвержденія [1]). Министръ

[1]) Вотъ что писалъ онъ министру. „Такъ какъ строенія Харьковскаго университета еще не кончены и достройка ихъ остановлена при попечителѣ Перовскомъ, а между тѣмъ, независимо отъ безобразія, университетъ терпитъ стѣсненіе въ своемъ

согласился со всѣми предположеніями попечителя и поручилъ ему приступить немедленно къ ихъ исполненію и представить въ возможно скоромъ времени проектъ, планъ и смѣту клиникъ. Но крупныхъ пристроекъ и перестроекъ до 1835 г. не было; только въ 1831 и 1835 гг. происходили наружныя поправки нѣкоторыхъ корпусовъ, да въ 1834 г. перестроена была въ ботаническомъ саду каменная оранжерея, 2, 3, 4 и 5-й корпусы были отстроены до 1823 года, а 6-й въ 1825 году.

Вотъ подробное размѣщеніе учрежденій университета въ 1834 г. Главныя университетскія зданія состояли изъ 6 каменныхъ корпусовъ, изъ коихъ 4 было въ 2 этажа, 1 въ 3 и 1 въ 1 этажъ. 5 комнатъ въ 1-мъ изъ нихъ были временно заняты библіотекой. Во 2-мъ корпусѣ въ нижнемъ этажѣ 1 комната занята была минералогическимъ кабинетомъ, галлерея—зоологическимъ кабинетомъ (она состояла изъ 4-хъ отдѣленій); въ верхнемъ этажѣ 3 комнаты—физическимъ, технологическимъ, нумизматическимъ и астрономическимъ кабинетами, а остальныя 29 комнатъ нижняго и верхняго этажа—казеннокоштными студентами. Въ 3-мъ корпусѣ въ 11 комнатахъ верхняго и нижняго этажа помѣщалась клиника, а въ 4-хъ нижняго—типографія. 4-й—трехъ-этажный корпусъ. Въ 5-мъ корпусѣ было 11 комнатъ для анатомическаго театра и кабинета, 2 комнаты для приготовленія зоологическихъ препаратовъ, 3 — для химической лабораторіи; въ верхнемъ этажѣ его же помѣщалось 8 лекціонныхъ залъ, 2 комнаты для рисовальнаго класса, 1 залъ для

размѣщенія, то я признаю весьма нужнымъ строеніе окончить и тѣмъ упрочить распредѣленіе помѣщенія разъ навсегда, ибо если каждый попечитель будетъ измѣнять планы и предположенія, единожды утвержденныя, и предположенія размѣщенія, то кромѣ неизбѣжныхъ и излишнихъ расходовъ, университетъ никогда имѣть не будетъ окончательнаго устройства. Изъ прилагаемой при этомъ записки о зданіяхъ и трехъ утвержденныхъ планахъ, ваша свѣтлость усмотрите разныя отступленія и перемѣны, въ нихъ произведенныя, такъ же и мои предположенія, клонящіяся, во 1-хъ, къ меньшимъ расходамъ, а во 2-хъ, использованію сдѣланнымъ уже помѣщеніемъ, только съ лучшимъ удобствомъ; я хотѣлъ не ломать того, что уже отдѣлкою кончено, и вмѣстѣ съ тѣмъ избѣжать новой постройки для клиники и дома попечителя, какъ вовсе ненужнаго предположенія, требующаго при томъ значительной суммы расходовъ. Какъ скоро ваша свѣтлость изволите одобрить мое мнѣніе, то я прикажу составить смѣты и планы и представлю въ нынѣшнее же лѣто, дабы можно было приступить къ торгамъ и въ будущемъ 1833 году строеніе и подѣлки произвести и кончить. Суммы же на эти постройки можно употребить тѣ, которыя остались отъ ассигнованныхъ на новыя постройки въ 1824 году, въ случаѣ же недостатка ихъ, сдѣлать позаимствованіе изъ хозяйственныхъ средствъ. Считаю нужнымъ просить о позволеніи быть лично при докладѣ по этому представленію вашей свѣтлости, для необходимыхъ поясненій и объясненій, на что и ожидаю разрѣшенія вашей свѣтлости". (Архивъ мин. народ. просв. № 40829/1201).

архива. Въ 6-мъ корпусѣ были—церковь, залъ торжественныхъ собраній, залъ для библіотеки и при немъ 3 комнаты кабинета для чтенія. При 2, 3 и 4-мъ корпусахъ были особые одноэтажные флигеля, въ коихъ помѣщались службы. Кромѣ того университету принадлежалъ еще деревянный домъ съ такимъ же флигелемъ за рѣкой Лопанью; въ немъ была прежде клиника, а теперь вслѣдствіе ветхости только нѣсколько комнатъ его было занято прислужникомъ физическаго кабинета и военно-служителями. Въ ботаническомъ университетскомъ саду, кромѣ теплицъ и каменной оранжереи, былъ небольшой домъ, верхній деревянный этажъ котораго былъ занятъ квартирою садовника, а каменный нижній — службами (построенъ былъ въ 1824 году); тамъ же былъ деревянный флигелекъ о трехъ комнатахъ. На другой сторонѣ ботаническаго сада былъ домъ, отстроенный вчернѣ въ 1825, а оконченный въ 1834 году; назначался для типографіи, которая въ него однако переведена не была [1]).

Въ 1835 году 10 комнатъ нижняго этажа въ 1-мъ корпусѣ были заняты совѣтомъ, правленіемъ и училищнымъ комитетомъ, 5—кухнею, людскою и швейцарскою; верхній же этажъ предназначенъ для квартиры попечителя и его канцеляріи. Во 2-мъ корпусѣ 2 комнаты нижняго этажа заняты были минералогическимъ и зоологическимъ кабинетами, 1 зала—аудиторіей, въ верхнемъ этажѣ 4 комнаты—физическимъ, астрономическимъ и механическимъ кабинетами, а остальныя 29 комнатъ—казеннокоштными студентами и пансіонерами. Въ 3-мъ корпусѣ 24 комнаты верхняго и нижняго этажа заняты были клиниками, а остальныя 7 — службами. Въ 4-мъ жили факторъ типографіи, занимая 2 комнаты нижняго этажа; 3 комнаты заняты были кухнями; 7 комнатъ во 2-мъ этажѣ занималъ профессоръ Блюменталь, 5 комнатъ 3-го— архитекторъ и 4 — ординаторъ. Въ 5-мъ корпусѣ 7 комнатъ было отведено для анатомическаго кабинета, залы и лабораторіи, 9 для типографіи и словолитни, 3 для химическихъ препаратовъ и 1 залъ для лекцій; во 2 этажѣ 7 для аудиторій, 2 для рисовальнаго класса, 3 для временной коммиссіи и 1 для архива. Въ 6-мъ корпусѣ помѣщались церковь, залъ торжественныхъ собраній и библіотека съ 3 комнатами для читальни. Въ домѣ, предназначавшемся для типографіи, жили учитель гимнастики, помощникъ садовника и словолитчикъ [2]).

Основываясь на генеральномъ планѣ зданій Харьковскаго университета, прилагаемомъ къ настоящему труду, можно заключить, что 1-й

[1]) Харьк. унив. архивъ. Отчетъ за 1834 годъ, № 2351/139.

[2]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло поп. № 2533/146.

корпусъ соотвѣтствовалъ тому, гдѣ и теперь находится квартира попечителя. совѣтъ и правленіе, 2-й тому, гдѣ и теперь кабинеты физико-математическаго факультета, 3-й тому, гдѣ до недавняго времени находилась хирургическая клиника, 4-й тому, гдѣ была раньше терапевтическая клиника, а нынѣ квартиры университетскихъ чиновниковъ, 5-й тому, гдѣ теперь аудиторія, 6-й наконецъ тому, гдѣ и теперь библіотека и актовый залъ. Изъ предыдущаго изложенія видно, что постройка 5 главнѣйшихъ корпусовъ происходила въ бытность попечителями З. Я. и Е. В. Карнѣевыхъ, при ректорѣ В. Я. Джунковскомъ и архитекторѣ Васильевѣ. Послѣдній, на долю котораго выпало наиболѣе труда, какъ мы знаемъ уже, незаслуженно пострадалъ при попечителѣ Филатьевѣ, при посѣщеніи Харькова Императоромъ Николаемъ Павловичемъ. Строительное дѣло въ Харьковѣ было сопряжено тогда съ большими затрудненіями; кирпичныхъ заводовъ, могущихъ доставить нужное количество кирпича, не было и университету приходилось самому покупать дрова и нанимать подрядчиковъ для заготовки кирпича изъ глины, въ изобиліи бывшей на университетской землѣ по Сумскому шоссе; лѣсъ такъ вздорожалъ, что правленіе пріобрѣтало на срубъ цѣлые лѣсные участки у помѣщиковъ и на купленныхъ имъ для перевозки волахъ отвозило въ Харьковъ. Прежде за тысячу кирпича подрядчики просили менѣе 5 руб., а впослѣдствіи приходилось платить болѣе 11 руб.; за десятину лѣса раньше уплачивали по 125 руб., а потомъ по 500 руб.

Характерно, что всѣ постройки Харьковскій университетъ произвелъ изъ своихъ спеціальныхъ средствъ и не получилъ никакой субсидіи изъ государственнаго казначейства. Здѣсь огромную услугу оказалъ ему фондъ „патріотическаго приношенія“ сословій, вполнѣ оправдавшій выборъ Харькова для устройства въ немъ университета. Понятно, почему такое противодѣйствіе встрѣчала всегда мысль о переводѣ университета въ другой городъ.

Познакомившись съ финансовыми средствами и строительной дѣятельностью университета, переходимъ теперь къ обозрѣнію его учебно-вспомогательныхъ учрежденій и разсмотримъ ихъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ это было сдѣлано нами въ 1-мъ томѣ настоящаго труда. Но прежде чѣмъ говорить объ учебновспомогательныхъ учрежденіяхъ, скажемъ объ университетской церкви, которая была основана въ изучаемый нами періодъ. У Фойгта объ университетской церкви мы находимъ только слѣдующія краткія свѣдѣнія. „Университетская церковь заложена въ 1823 году генваря въ 17 день, какъ день открытія университета, во имя преподобнаго Антонія Великаго и освящена 1831 года

апрѣля 25-го, въ субботу Пасхальной седмицы, преосвященнымъ Виталіемъ, епископомъ Харьковскимъ. Иконостасъ устроенъ мѣщаниномъ Лебедевымъ; двѣ мѣстныя иконы — Спасителя и Пресвятыя Богородицы писаны, по заказу б. попечителя Харьковскаго учебнаго округа Е. В. Карнѣева, академиками Боровиковскимъ и Венеціановымъ въ 1826 году за 2500 руб. асс., т. е. по нынѣшнему (въ 1859 г.) курсу за 714 руб. 28 коп. сер. Храмовая икона преп. Антонія Великаго писана бывшимъ учителемъ рисованія въ университетѣ Рѣпнинымъ, а прочія—помощникомъ учителя рисованія въ 1-й Харьковской гимназіи Куликовскимъ или подъ его наблюденіемъ; вмѣстѣ съ тѣмъ церковь снабжена довольно богатою церковною утварью". Старостою со времени основанія церкви до 1836 года былъ проф. Протопоповъ, помощникомъ его до 1841 года тит. сов. Розановъ.

Пополнимъ эти свѣдѣнія новыми данными. Двѣ вышеупомянутыя иконы были заказаны Боровиковскому, но онъ умеръ, не успѣвъ закончить ихъ, и потому окончаніе ихъ было поручено Венеціанову. Съ разрѣшенія министра было куплено для церкви у Московскаго купца Губкина паникадило за сумму около 3000 руб. Въ 1829 г. попечитель увѣдомилъ преосв. Харьковскаго Виталія, что заложенная въ 1823 г. по Высочайше конфирмованному плану университетская церковь окончена постройкою и снабжена всѣмъ необходимымъ и теперь ей нужно назначить только священно- и церковно-служителей, для коихъ правленіе будетъ отпускать по 800 р. Преосвященный постановилъ причислить университетскую церковь къ каѳедральному *Покровскому* собору (т. е. монастырскому), съ тѣмъ что бы священно-служители его съ причтомъ попеременно или когда кому назначено будетъ, отправляли священно-служеніе въ воскресные, праздничные и высокоторжественные дни и вели по приходу этой церкви метрическія книги и вѣроисповѣдныя росписи, представляли ихъ въ консисторію по примѣру другихъ приходскихъ церквей и получали назначенное правленіемъ жалованье, благочиніе же этого храма поручено каѳедральному протоіерею и профессору богословія Аѳанасію Могилевскому. Расписывалъ стѣны церкви (а также, залы и библіотеки) на свой счетъ учитель рисованія Астраханской гимназіи Шамшевъ, за что и просилъ себѣ Монаршей награды. По экспертизѣ архитектора Тона и живописца Куликовскаго, вся эта работа стоила по самой умѣренной цѣнѣ до 3000 р., а именно живопись въ церкви до 1500 р., въ залѣ торжественныхъ собраній до 1300 р. и въ библіотекѣ до 200 р. Шамшевъ былъ изъ мѣщанъ и „партикулярно" занимался въ академіи художествъ. Первымъ старостою университетской церкви былъ не проф. Протопоповъ,

а проф. Архангельскій, который въ декабрѣ 1830 года обратился въ правленіе университета съ такимъ ходатайствомъ. „Къ совершенному устройству и благолѣпію церкви не достаетъ еще многаго, какъ-то: иконъ всѣхъ господскихъ праздниковъ, которыя должны лежать на аналоѣ у правыхъ дверей въ олтарь, самого аналоя, столика, который ставится посреди церкви при отправленіи всенощныхъ, хоругвей, также нужно устроить кіоты позади клиросовъ". На это онъ просилъ употребить штатную сумму въ количествѣ 1000 р., не израсходованныхъ вслѣдствіе того, что церковь еще не была открыта. Изъ справки, сообщенной правленіемъ, видно, что на постройку церкви было ассигновано въ 1824 г. изъ хозяйственныхъ средствъ университета 12000 р., которые къ этому времени были всѣ уже издержаны. 17 апрѣля 1831 г. священникомъ университетской церкви до усмотрѣнія былъ назначенъ соборный протоіерей духовникъ Тимофей Печерскій, а псаломщикомъ Капустянскій. церковь была освящена 25 апрѣля 1831 г. епископомъ Виталіемъ, въ присутствіи почетнѣйшихъ чиновниковъ губерніи, гражданъ города, профессоровъ, адъюнктовъ и студентовъ и на это торжество издержано 600 руб. [1]).

Говоря объ устройствѣ православнаго храма, не можемъ обойти молчаніемъ одного характернаго эпизода относительно католической церкви. Ректоръ университета Дудровичъ донесъ министру кн. Ливену, что Харьковское евангелическо-лютеранское общество нѣсколько лѣтъ сряду занимало, съ позволенія бывшихъ попечителей, для своего богослуженія одну изъ университетскихъ залъ, въ которой болѣе теперь не нуждается, такъ какъ выстроило свой собственный каменный храмъ. Между тѣмъ въ 1829 году, съ Божіей помощью, писалъ ректоръ, съ разрѣшенія и благословенія высокопреосвященнаго митрополита Луцкаго составилось въ Харьковѣ и римско-католическое общество, состоящее изъ значительнаго количества лицъ, въ числѣ коихъ находится до шестидесяти человѣкъ, принадлежащихъ собственно къ учебной части, частью учашихъ, частью учащихся. Не имѣя еще возможности приступить къ построенію особаго храма Божія, это общество поручило ему, ректору, какъ предсѣдателю, просить министра о разрѣшеніи временно воспользоваться для богослуженія означенною залою, пока университетъ не будетъ имѣть въ ней надобности. Министръ передалъ этотъ вопросъ на заключеніе попечителя В. И. Филатьева—и тотъ далъ на это слѣдующій отвѣтъ. „*Находя неприличнымъ* имѣть при университетѣ католическую церковь, которая здѣсь помѣщалась въ одной изъ залъ университетскаго корпуса, я сдѣлалъ распоряженіе вывести оную изъ зданія

[1]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло коп. № 1183/64.

университета, что и послѣдовало 22 прошлаго апрѣля. До сего времени я не приступалъ къ сему потому, чтобы въ продолженіе поста и Свѣтлаго Воскресенія не препятствовать живущимъ здѣсь католикамъ совершать обычные ихъ обряды богослуженія“ [1]). Изъ этого видно, что попечитель принципіально былъ противъ отправленія римско-католическаго богослуженія въ стѣнахъ университета и считалъ это даже *неприличнымъ* (?!), хотя таковое же иновѣрное лютеранское богослуженіе совершалось при прежнихъ попечителяхъ, въ томъ числѣ даже такихъ, какъ Карнѣевы. Очевидно, онъ отличался полною нетерпимостью и исключительностью. Было бы понятно, если бы В. И. Филатьевъ отказалъ въ просьбѣ, потому что учащіе и учащіеся составляли ничтожную часть всей католической общины или потому, что университетъ не имѣлъ свободнаго помѣщенія; но онъ единственнымъ мотивомъ выставилъ „неприличіе“ и этимъ выдалъ свои внутреннія побужденія. Характеренъ его образъ дѣйствій и въ другомъ отношеніи: министръ спрашивалъ его мнѣнія по этому вопросу, а онъ собственною властью распорядился лишить католиковъ ихъ помѣщенія.

Важнѣйшимъ учебно вспомогательнымъ учрежденіемъ всѣхъ факультетовъ была университетская библіотека. У Фойгта о библіотекѣ за этотъ періодъ мы находимъ только слѣдующія данныя. „Въ началѣ 1812 г. въ ней было 14271 книга, въ 1824 г.— 16781, не включая диссертацій, а въ 1835 г.—около 30000. Увеличеніе библіотеки производилось какъ посредствомъ покупокъ, такъ и пожертвованіями. Блаженные памяти Имп. Александръ I и Императрица Елисавета Алексѣевна соизволили подарить библіотекѣ нѣсколько дорогихъ сочиненій, этому примѣру послѣдовали многіе вельможи и почетныя лица, какъ-то: графы Потоцкіе, Румянцевъ, Кочубей, Воронцовъ и Хвостовъ, архіеп. Екатеринославскій Платонъ, епископы слободскіе украинскіе Христофоръ и Аполлосъ, академики—Аделунгъ, Кеппенъ, проф. Каменскій и мн. др. Замѣчательно также пріобрѣтеніе, сдѣланное въ 1821 году отъ наслѣдниковъ протоіерея Чаліевскаго, именно 21 названіе въ 32 томахъ, большею частью библіографическія рѣдкости на церковно-славянскомъ, латинскомъ и еврейскомъ языкахъ. Болѣе быстрое приращеніе библіотеки начинается съ 1835 года. Въ этомъ году передано изъ упраздненнаго Виленскаго университета 1353 названія (до 3000 томовъ) книгъ, собраніе весьма богатое рѣдкими и дорогими изданіями по части богословія, древностей, исторіи и правовѣдѣнія“. Пополнимъ эти данныя новыми свѣдѣніями. Штатная сумма, въ 1000 р. асс., предназначенная на пополненіе библіотеки, была крайне недостаточна: въ дѣйствитель-

[1]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло поп. № 1500/86.

ности, какъ мы видѣли, ее нужно было учетверить. И это понятно: если мы обратимъ вниманіе на тогдашнія цѣны книгъ, то онѣ насъ поразятъ своей чрезмѣрностью, которая объясняется общею дороговизною и огромною разницею между ассигнаціоннымъ и серебрянымъ рублемъ. [1]. Важное значеніе имѣло также то обстоятельство, что библіотека пріобрѣтала капитальныя изданія и при томъ, преимущественно на иностранныхъ языкахъ. Неудивительно поэтому, что ежегодное приращеніе книжныхъ богатствъ библіотеки было сравнительно весьма не велико.

Въ одномъ изъ отчетовъ мы читаемъ. Библіотека Харьковскаго университета и по маловначительности опредѣленной на ея приращеніе денежной суммы, и по безпорядку, существовавшему въ ней, не могла удовлетворять самымъ необходимымъ потребностямъ университета. Въ 1815 г. въ библіотекѣ было 15216 томовъ, изъ коихъ 115 дуплетовъ были отправлены въ Московскій университетъ. До половины 1825 года она состояла изъ 16780 томовъ; съ этого времени и до 1827 года она пріумножилась 519 томами, частію купленными, а частію присланными въ даръ. 1827-й годъ былъ самый изобильный для ея приращенія: тогда по ходатайству попечителя пріобрѣтено покупкою у наслѣдниковъ гр. Разумовскаго 1000 томовъ за 9000 руб. изъ хозяйственной университетской суммы. Благодаря этому библіотека теперь гордится многими великолѣпными и драгоцѣнными сочиненіями, составляющими ея украшеніе и привлекающими посѣтителей, находящихъ полное удовлетвореніе своему любопытству. Кромѣ того выписаны были новѣйшія сочиненія по зоологіи и минерологіи въ 63 томахъ и и подарено разными лицами 38 томовъ. Въ 1828 году библіотека пріумножилась 112 томами новѣйшихъ юридическихъ и филологическихъ книгъ и 244 томами, пожертвованными частными лицами Въ 1829 г. библіотека пріобрѣла 173 тома, такъ что число книгъ въ ней возрасло до 18989 томовъ, изъ коихъ по Высочайшему повелѣнію было отправлено 1012 томовъ (на 6626 р.) для Александровскаго Финляндскаго университета. [2]. Въ 1831 году въ библіотеку поступило 398 сочиненія

---

[1]) 8 томовъ „Исторіи государства Россійскаго“ Карамзина стоили 55 р. ассигнаціями. Періодическія изданія стоили также очень дорого; вотъ ихъ цѣны: 1) „Сѣверная Пчела“—50 р., 2) „Библіотека для чтенія“—55 р., 3) „Русскій Инвалидъ“—45 руб., 4) „Журналъ министерства народнаго просвѣщенія“—40 р., 5) „Annalen der Physik“—75 руб., „Hufeland's Journal der practischen Heilkunde“—90 руб., „Berliner Jahrbücher der Kritik“—100 руб., „Morgenblatt“—125 руб., „Revue de deux mondes“—100 руб., „Revue Britannique“—120 руб., „Journal des Savans“—140 руб.; сверхъ того за пересылку каждаго иностраннаго журнала прибавлялось еще по 7 руб. (Харьк. унив. арх. Дѣло правл. № 2087/131).

[2]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло поп. № 1284/72.

въ 749 томахъ, въ томъ числѣ куплено 320 и подарено 429 томовъ. [1]). Къ 1-му ноября 1833 года библіотека содержала 7205 названій въ 16316 томахъ книгъ 274 названія въ 4432 томахъ періодическихъ названій, 2496 названій въ 2918 томахъ брошюръ, 58 названій въ 73 томахъ рукописей, 144 названія въ 150 томахъ картъ, 97 названій въ 130 экземплярахъ чертежей, 2302 эстампа; все это стоило 158962 руб. Съ 1-го ноября 1833 по 1-е января 1835 г. пріобрѣтено покупкою книгъ 273 названія въ 262 томахъ на 2998 руб., періодическихъ изданій 10 названій въ 161 томѣ, пожертвовано книгъ 29 названій въ 75 томахъ книгъ, періодическихъ изданій 4 названія въ 52 томахъ, брошюръ 135 названій въ 191 экземпл., и 1 чертежъ. Наиболѣе замѣчательными новыми пріобрѣтеніями библіотеки были—полное собраніе законовъ Россійской Имперіи (52 тома), техническій и санскритскій словари. Къ 1-му января 1835 года въ библіотекѣ было 16647 томовъ книгъ, 4645 томовъ періодическихъ изданій, 2918 экземпляровъ брошюръ, 73 тома рукописей, 150 экземпляровъ картъ, 130 экземпляровъ чертежей, 2302 эстампа, всего 26735 томовъ на 163153 рубля. Въ теченіе 14 мѣсяцевъ преподавателями и чиновниками было взято для чтенія 748 книги. Въ 1818 году университетъ выписывалъ слѣдующія періодическія изданія на иностранныхъ языкахъ: 1) „Гамбургскій корреспондентъ“, 2) „Зальцбургскую медико-хирургическую газету“, 3) „Гальскую литературную газету“, 4) „Геттингенскія ученыя показанія“, 5) „Гуфеландовъ журналъ практическаго врачеванія“, 6) „Химико физическій журналъ Швейгера,“ 7) „Гильбертовы анналы“, 8) „Петербургскія вѣдомости“, (стоимостью въ 123 руб. серебромъ и 492 руб. ассигнаціями),—на русскомъ языкѣ: 9) „Московскія вѣдомости“, 10) „Вѣстникъ Европы“, 11) „Русскій вѣстникъ“, 12) „Историческій, статистическій и географическій журналъ“, 13) „Сенатскія вѣдомости“, 14) „Сынъ отечества“ (стоимостью въ 122 руб. ассигн.) [2]). Въ 1834 г. библіотека выписывала слѣдующія періодическія изданія на русскомъ языкѣ: 1) „Московскій телеграфъ“, 2) Педагогическій журналъ“, 3) „Учебный математическій журналъ“, 4) Библіотека для чтенія“, 5) „Журналъ министерства народнаго просвѣщенія“, 6) „Сѣверная пчела“, 7) „Русскій инвалидъ“; — на французскомъ языкѣ: 1) „Revue de deux mondes“, 2) „Revue Britannique“, 3) „Revue de Paris“, 4) „Journal des pharmacie et des sciences accessoires; на нѣмецкомъ языкѣ 1) Neues Jahrbuch der Chemie und Physik“, 2) „Journal der practischen Chemie“, 3) „Annalen der Physik und Chemie“, 4) „Journal der practischen Heilkunde“, 5) „Bib-

[1]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло поп. № 1617/94.

[2]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло правл. № 1213/57.

liotek der practischen Heilkunde", 6) „Neue Jahrbücher der Philologie und Pedagogik oder kritische Bibliotek für das Schul und Unterrichtswesen", 7) „Augsburger allgemeine Zeitung". На выписку этихъ журналовъ употреблено 1218 руб. Безплатно получались: 1) „Московскія вѣдомости", 2) „Земледѣльческій журналъ", 3) „Ученыя записки Императорскаго Московскаго университета", 4) Ученыя записки Императорскаго Казанскаго университета", 5) „Горный журналъ." Всего получалось библіотекою въ 1834 году 23 повременныхъ изданія, т. е. на 6 *меньше*, чѣмъ въ 1810 году. [1]). Въ слѣдующемъ 1835 году ихъ стали получать еще меньше, чѣмъ въ 1834. Любопытно при этомъ, что одни журналы замѣнялись другими и благодаря этому не оказывалось полныхъ коллекцій за все время ихъ существованія.

Говоря о выпискѣ книгъ, необходимо отмѣтить частую рекомендацію тѣхъ или иныхъ изданій со стороны министерства народнаго просвѣщенія. Въ проникнутое мистицизмомъ министерство кн. А. Н. Голицына было выписано такимъ образомъ множество мистическихъ сочиненій по рекомендаціи министра и попечителя З. Я. Карнѣева. По указанію послѣдняго были пріобрѣтены — 1) „Христіанская философія" въ 5 част. (цѣна 30 р.), 2) „Путь ко Христу" Я. Бема (цѣна 20 р.), 3) „Таинство Креста" (цѣна 20 р.), 4) „Начертаніе церковной библейской исторіи", 5) „Записка на книгу Бытія", 6) „Путеводитель къ совершенству жизни христіанской" (цѣна 10 р.), 7) Эккарстгаузена—„Ночи" (цѣна 5 р.), 8) Его-же. „Наставленіе мудраго испытанному другу" (цѣна 3 р.), 9) Его-же. „Облако надъ святилищемъ", 10) Юнга Штиллинга. „Угроэъ Свѣтовостоковъ" въ 30 кн. (цѣна 80 р.), 11) „Побѣдная повѣсть или толкованіе на Апокалипсисъ" [2]). Другой разъ попечитель предписывалъ выписать въ 2-хъ экземплярахъ (какъ и прежнія) сочиненіе Лабзина „Торжество Евангелія" цѣною въ 30 рублей [3]). Въ 1828 году попечитель А. А. Перовскій, минуя совѣтъ университета, вошелъ съ непосредственнымъ представленіемъ къ министру народнаго просвѣщенія о пользѣ пріобрѣтенія для университета библіотеки его знакомаго доктора Ремана. Въ ней было болѣе 2000 медицинскихъ книгъ и журналовъ, а просилъ за нее владѣлецъ 20000 рублей (номинальная стоимость ея по каталогамъ равнялась 22060 руб.). Но министръ кн. Ливенъ потребовалъ по этому поводу заключенія университетскаго совѣта, который на основаніи отзыва библіотекаря и медицинскаго факультета заявилъ, что въ этой библіотекѣ имѣется на 4660 р. такихъ

---

[1]) См. 1-й томъ моего „Опыта", стр. 424—425.

[2]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло прав. № 1182/56.

[3]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло поп. № 842/45.

же книгъ, какими располагаетъ университетская библіотека, что тамъ мало важныхъ сочиненій по медицинѣ да и тѣмъ выставлены очень дорогія цѣны. Съ этимъ согласился и попечитель—и министерство въ покупкѣ книгъ Ремана отказало [1]). Еще ранѣе—въ 1818 году—главное правленіе училищъ нашло чрезмѣрной цѣну за библіотеку проф. Стойковича, которую этотъ послѣдній предлагалъ пріобрѣсти Харьковскому университету (за 71 книгу онъ хотѣлъ получить 763 руб.) [2]).

„Управленіе библіотекой до 1837 года, говоритъ Фойгтъ, вѣрялось профессорамъ университета, по избранію совѣта. Первымъ библіотекаремъ въ 1805 году былъ назначенъ проф. Беленъ-де-Баллю. За нимъ слѣдовали: въ 1812 г.—Дегуровъ, въ 1817 г.—Рейтъ, въ 1820 г.—Джунковскій. Послѣднему принадлежитъ честь составленія каталога, напечатаннаго въ 1824 году. Въ 1831 году въ должность библіотекаря вступилъ проф. Павловскій, приступившій къ составленію подвижнаго систематическаго каталога". Изъ данныхъ университетскаго архива мы узнаемъ, что въ 1809 г. библіотека поручена была адъюнкту Рейнишу, который, вѣроятно, былъ сдѣланъ помощникомъ Беленъ-де-Баллю [3]).

Университетъ постоянно заботился о сохранности библіотечнаго имущества и производилъ съ этой цѣлью, какъ мы знаемъ изъ 1-го тома настоящаго труда, время отъ времени ревизіи; прежній библіотекарь, уступая свое мѣсто новому, долженъ былъ сдать книги по правленскимъ каталогамъ, и проф. Беленъ-де-Баллю, сдавая библіотеку Дегурову, далъ обязательство пополнить на свой счетъ недостающее число экземпляровъ (стр. 426). Съ переходомъ проф. Дегурова въ Петербургъ, возникъ вопросъ о сдачѣ имъ библіотеки. Правленіе университета наложило свое veto на часть суммы, вырученной отъ продажи недвижимаго имущества его, находившагося въ Харьковѣ [4]). Дѣло затянулось и только въ 1821 году комитетъ, назначенный совѣтомъ для изслѣдованія этого обстоятельства, состоявшій изъ проф. Рейта, Громова и Кронеберга, донесъ, что при Дегуровѣ утеряно было всего 7 книгъ на сумму до 100 р. Вмѣстѣ съ тѣмъ комитетъ представилъ рядъ любопытныхъ замѣчаній о состояніи библіотеки и мѣрахъ къ ея упорядоченію. До сихъ поръ ни одинъ библіотекарь, писалъ комитетъ, не имѣлъ инструкціи, которой бы могъ руководствоваться въ храненіи и распоряженіи библіотекой; въ правленіи университета не оказалось свѣдѣній, въ какомъ состояніи принята библіотека нынѣшнимъ библіотекаремъ послѣ проф. Дегурова;

---

[1]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло поп. № 466/23.

[2]) Ibidem.

[3]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло попеч. № 1125/63.

[4]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло сов. 1817 г. № 46.

liotek der practischen Heilkunde", 6) „Neue Jahrbüch
und Pedagogik oder kritische Bibliotek für das Schul und
7) „Augsburger allgemeine Zeitung". На выписку
треблено 1218 руб. Безплатно получались: 1) „
2) „Земледѣльческій журналъ", 3) „Ученыя
Московскаго университета", 4) Ученыя запис
скаго университета", 5) „Горный журналъ.
отеку въ 1834 году 23 повременныхъ
чѣмъ въ 1810 году. [1]). Въ слѣдующемъ
еще меньше, чѣмъ въ 1834. Любопыт
замѣнялись другими и благодаря э
лекцій за все время ихъ существо

Говоря о выпискѣ книгъ, … дацію тѣхъ или иныхъ изд … просвѣщенія. Въ проникнут … Голицына было выписано т … чиненій по рекомендаціи … указанію послѣдняго бы … ѣнннаго … въ 5 част. (цѣна 30 р … библіотекаря, … 3) „Таинство Креста … ронъ; для лучшей … ской исторіи", 5) … іотекаря надлежащей … вершенству жизни … ревизіи библіотеки соста- … (цѣна 5 р.), 8 … одинъ для библіотеки, другой … (цѣна 3 р.), 9 … матическій каталогъ для библіотеки, … лигга. „Угр … нія плана его совѣтомъ, напечатать его; … ная повѣст … хъ списковъ слѣдуетъ приступить немедленно, … тель пр … послѣ постройки для библіотеки новаго болѣе об- … сочинен … нія. Совѣтъ постановилъ — возложить составленіе ин- … 1828 … лиотекарю на ректора, библіотекаря профессора Делавиння, … вош … га и Борзенкова, составленіе алфавитныхъ списковъ—на пис- … нг … правленія, плана систематическаго каталога—на библіотекаря [1]).

Новый попечитель округа Е. В. Карнѣевъ, получивъ подробное донесеніе совѣта о положеніи дѣлъ въ библіотекѣ, вошелъ по этому поводу съ такимъ докладомъ къ министру народнаго просвѣщенія кн. А. Н. Голицыну (въ декабрѣ 1822 года). Изъ представленія совѣта, писалъ онъ, можно усмотрѣть, что университетская библіотека находится въ совершенномъ безпорядкѣ; если въ ней и имѣются списки нѣкоторыхъ книгъ, то они составлены дурно и неисправно и вообще съ начала 1817 года по это время ни совѣтъ, ни правленіе, ни библіотекарь

[1]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло поп. № 849/46.

с съ этимъ дѣломъ. Нынѣшнимъ библіотекаремъ
трачениыхъ при бывшемъ библіотекарѣ проф.
лагавшейся стоимости пропавшихъ книгъ въ
4 100 руб. Столь несообразныя показанія
тъ ли дѣйствительно въ библіотекѣ по-
язанностью кромѣ даннаго уже мною
ченіи описей библіотеки въ теченіе
ія мѣры: 1) такъ какъ цѣлость
университета, то обязанность
тенно ее освидѣтельствовать,
въ, свѣривъ наличность съ
анія и выданныя книги;
приступить къ описи
тетъ съ своей сто-
предоставить ему въ
юту помѣщенія библіотеки
ширную комнату изъ той квар-
ль и которая теперь очищена. Съ
если библіотека къ 1 января 1824 года
рядокъ, то не только библіотекарь, но и всѣ
совѣта подвергнутся законному взысканію. Когда
но было отношеніе попечителя, профессоръ Рейтъ объ-
рется привести библіотеку въ надлежащій порядокъ, если
етъ предоставлено 4 писца и отведена лишняя комната. Совѣтъ
ручилъ освидѣтельствовать библіотеку ректору Джунковскому съ проф.
Могилевскимъ и Комлишинскимъ. Онъ же донесъ, что списки книгъ
дѣйствительно крайне неисправны и перепутаны, что помѣщеніе биб-
ліотеки очень тѣсное, разставлены книги неправильно, и многіе изъ
нихъ не возвращены (книги, взятыя В. Н. Каразинымъ въ 1817 году,
не возвращены доселѣ). Ректоръ повторилъ свое предложеніе, что изъ
единаго усердія къ общей пользѣ онъ беретъ на себя трудъ привести
библіотеку въ теченіе будущаго года въ порядокъ и составить алфавит-
ный и систематическій каталогъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы ему было
предоставлено въ этомъ многотрудномъ дѣлѣ въ помощь 2 адъюнкта
и нѣсколько казеннокоштныхъ студентовъ. Попечитель въ отвѣтъ на
это сдѣлалъ слѣдующія замѣчанія. Совѣтъ не принялъ во вниманіе
многихъ обстоятельствъ дѣла. Нынѣшній библіотекарь профессоръ
Рейтъ, находящійся въ этой должности болѣе 5 лѣтъ, не обращалъ ни
малѣйшаго вниманія на исполненіе своей обязанности: онъ не только
не приступилъ въ теченіе столь долгаго времени къ приведенію въ

правленіе, поручивъ нынѣшнему библіотекарю обревизованіе библіотеки, не показало и не могло показать, въ чемъ именно состоятъ потери библіотеки; нынѣшній библіотекарь, составивъ новые списки книгамъ и провѣривъ ихъ по спискамъ прежнихъ библютекарей, представилъ въ правленіе каталогъ тѣхъ книгъ, которыя по его мнѣнію во время профессора Дегурова утрачены, предлагая при томъ правленію, чтобы оно поручило помощнику его проф. Борзенкову навести справки, не найдутся ли утраченныя книги у лицъ, пользующихся библіотекою; изъ донесенія Борзенкова дѣйствительно оказалось, что нѣкоторыя изъ нихъ были выданы подъ росписки изъ библіотеки и, слѣдовательно, ихъ нельзя было требовать съ проф. Дегурова. Но комитету правленіе поручило сверхъ того сопоставить правленскія списки книгъ съ библіотечными. При этомъ оказалось, что средства, предложенныя бывшимъ непремѣннымъ засѣдателемъ для точнаго изслѣдованія состоянія библіотеки, были очень надежны, но не могли быть примѣнены, потому что требовали очень продолжительнаго труда и болѣе просторнаго помѣщенія; самые списки оказались неполные; даже книги, полученныя въ 1808—1811 гг., не были внесены въ правленскій реестръ. Въ виду всего изложеннаго комитетъ полагалъ: основываясь на спискѣ нынѣшняго библіотекаря, донести совѣту о книгахъ, утраченныхъ при Дегуровѣ; для лучшей охраны книгъ на будущее время снабдить библіотекаря надлежащей инструкціей; для болѣе быстрой и успѣшной ревизіи библіотеки составить два алфавитныхъ списка книгъ — одинъ для библіотеки, другой для правленія и сверхъ того систематическій каталогъ для библіотеки, съ тѣмъ, чтобы послѣ одобренія плана его совѣтомъ, напечатать его; къ составленію алфавитныхъ списковъ слѣдуетъ приступить немедленно, а каталога только послѣ постройки для библіотеки новаго болѣе обширнаго помѣщенія. Совѣтъ постановилъ — возложить составленіе инструкціи библіотекарю на ректора, библіотекаря профессора Делавиня, Кронеберга и Борзенкова, составленіе алфавитныхъ списковъ—на писцовъ правленія, плана систематическаго каталога—на библіотекаря [1]).

Новый попечитель округа Е. В. Карнѣевъ, получивъ подробное донесеніе совѣта о положеніи дѣлъ въ библіотекѣ, вошелъ по этому поводу съ такимъ докладомъ къ министру народнаго просвѣщенія кн. А. Н. Голицыну (въ декабрѣ 1822 года). Изъ представленія совѣта, писалъ онъ, можно усмотрѣть, что университетская библіотека находится въ совершенномъ безпорядкѣ; если въ ней и имѣются списки нѣкоторыхъ книгъ, то они составлены дурно и неисправно и вообще съ начала 1817 года по это время ни совѣтъ, ни правленіе, ни библіотекарь

[1]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло поп. № 849/46.

не могли управляться съ этимъ дѣломъ. Нынѣшнимъ библіотекаремъ сочтена цѣна книгъ, утраченныхъ при бывшемъ библіотекарѣ проф. Дегуровѣ и вмѣсто предполагавшейся стоимости пропавшихъ книгъ въ 4000 р. она оказалась равной 100 руб. Столь несообразныя показанія привели меня въ сомнѣніе, нѣтъ ли дѣйствительно въ библіотекѣ потерь, а потому я счелъ своею обязанностью кромѣ даннаго уже мною предложенія университету о составленіи описей библіотеки въ теченіе 1823 года, предписать еще слѣдующія мѣры: 1) такъ какъ цѣлость библіотеки лежитъ на отвѣтственности университета, то обязанность его, въ виду сбивчивыхъ показаній, немедленно ее освидѣтельствовать, избравъ для этого надежнѣйшихъ чиновниковъ, свѣривъ наличность съ документами и потребовавъ для освидѣтельствованія и выданныя книги; 2) если нынѣшній библіотекарь затруднится одинъ приступить къ описи библіотеки и окончить ее въ 1823 году и университетъ съ своей стороны найдетъ причины этого уважительными, то предоставить ему въ помощь, кого совѣтъ заблагоразсудитъ: тѣсноту помѣщенія библіотеки легко устранить, прибавивъ еще одну обширную комнату изъ той квартиры, которую занималъ попечитель и которая теперь очищена. Съ своей стороны я объявилъ, что если библіотека къ 1 января 1824 года не будетъ приведена въ порядокъ, то не только библіотекарь, но и всѣ члены университетскаго совѣта подвергнутся законному взысканію. Когда въ совѣтѣ прочитано было отношеніе попечителя, профессоръ Рейтъ объявилъ, что берется привести библіотеку въ надлежащій порядокъ, если ему будетъ предоставлено 4 писца и отведена лишняя комната. Совѣтъ поручилъ освидѣтельствовать библіотеку ректору Джунковскому съ проф. Могилевскимъ и Комлишинскимъ. Онъ же донесъ, что списки книгъ дѣйствительно крайне неисправны и перепутаны, что помѣщеніе библіотеки очень тѣсное, разставлены книги неправильно, и многіе изъ нихъ не возвращены (книги, взятыя В. Н. Каразинымъ въ 1817 году, не возвращены доселѣ). Ректоръ повторилъ свое предложеніе, что изъ единаго усердія къ общей пользѣ онъ беретъ на себя трудъ привести библіотеку въ теченіе будущаго года въ порядокъ и составить алфавитный и систематическій каталогъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы ему было предоставлено въ этомъ многотрудномъ дѣлѣ въ помощь 2 адъюнкта и нѣсколько казеннокоштныхъ студентовъ. Попечитель въ отвѣтъ на это сдѣлалъ слѣдующія замѣчанія. Совѣтъ не принялъ во вниманіе многихъ обстоятельствъ дѣла. Нынѣшній библіотекарь профессоръ Рейтъ, находящійся въ этой должности болѣе 5 лѣтъ, не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на исполненіе своей обязанности: онъ не только не приступилъ въ теченіе столь долгаго времени къ приведенію въ

порядокъ библіотеки, но даже съ августа 1824 года не внесъ поступившихъ книгъ въ общій каталогъ да и другія упущенія по этому предмету дѣлалъ; наконецъ, какъ видно изъ донесеній совѣта, не исполняя порученій университета, повидимому только наугадъ показалъ и самую утрату книгъ, происшедшую за время управленія библіотекою проф. Дегурова, оцѣнивъ ее только въ 100 р., между тѣмъ какъ при настоящемъ освидѣтельствованіи открылось, что при сличеніи каталоговъ бывшихъ библютекарей Беленъ де Баллю и Дегурова оказались несообразности въ числѣ и названіяхъ книгъ, при томъ же многія дорогія книги съ 1817 года отъ г. Каразина, а вѣроятно и отъ другихъ доселѣ не возвращены. Изъ всего этого оказывается, что мое сомнѣніе въ цѣлости библіотеки основательно, ибо когда не только прежнія, но и новыя книги не записываются въ приходъ и даже не ведется имъ счета, то здѣсь всякое злоупотребленіе подозрѣвать можно. Между тѣмъ совѣтъ, видя столь явныя и неизвинительныя, упущенія по своей должности настоящаго библіотекаря Рейта, не только не принялъ должныхъ мѣръ къ немедленному пресѣченію по крайней мѣрѣ на будущее время этого зла, но оставилъ Рейта спокойно исправлять по прежнему должность библіотекаря и слѣдовательно подвергъ библіотеку новымъ опасностямъ въ растратѣ казеннаго имущества. Всѣ эти соображенія побуждаютъ меня предложить университету: 1) немедленно отобрать у Рейта ключи отъ библіотеки и вручить ихъ ректору Джунковскому, пользующемуся общимъ довѣріемъ и вызвавшемуся изъ одного только усердія привести въ порядокъ библіотеку; 2) такъ какъ ректоръ Джунковскій, объясняясь со мною по этому предмету, изъявилъ желаніе одинъ окончить это дѣло безъ соучастія Рейта, какъ полагалъ совѣтъ, при чемъ проф. Рейтъ, по доказанной имъ на опытѣ неспособности и пебрежности могъ бы только мѣшать Джунковскому, то его проф. Рейта отъ такого соучастія освободить, предоставивъ ему однакоже въ случаѣ надобности доступъ въ библіотеку и разрѣшить давать ректору всѣ нужныя справки и объясненія; 3) получаемое пр. Рейтомъ по должности биліотекаря добавочное жалованье нынѣ же пріостановить, а о формальномъ увольненіи его отъ должности представлено мною будетъ вмѣстѣ съ этимъ министру народнаго просвѣщенія; 4) находящіяся у г. Каразина, а равно и у всѣхъ другихъ книги истребовать обратно въ самомъ скоромъ времени, если иначе нельзя, то чрезъ сношеніе съ мѣстнымъ начальствомъ, и впредь до приведенія въ порядокъ библіотеки и до избранія новаго библіотекаря отнюдь изъ нея книгъ ни кому на домъ не выдавать; 5) для дознанія истины, сколько какихъ книгъ и при комъ изъ библіотекарей утрачено, пору-

чить ректору Джунковскому, чтобы онъ, по составленіи алфавитнаго каталога, свѣрилъ съ нимъ имѣющіеся въ правленіи списки поступившихъ за все время существованія университета книгъ и, не взирая на то, что списки правленія не вѣрны и ошибочны, сдѣлать означенную провѣрку хотя по *догадкамъ* и представить опись утраченныхъ книгъ съ показаніемъ, при комъ должны были онѣ поступить въ приходъ и чего стоили при покупкѣ казнѣ".

Въ такомъ же духѣ Е. В. Карнѣевъ сдѣлалъ представленіе и министру. Этотъ послѣдній потребовалъ съ Дегурова 100 р. за утраченныя въ его библіотекарство книги, но Дегуровъ представилъ объясненіе, въ коемъ доказывалъ, что ни онъ не принималъ по описи библіотеки отъ своего предшественника, ни его преемникъ не принималъ ее отъ него и потому нельзя доказать, когда эти книги утеряны. Совѣтъ призналъ основательнымъ этотъ отводъ и на этомъ основаніи Дегуровъ былъ освобожденъ отъ уплаты 100 руб., а утерянныя книги, за смертію и выходомъ изъ университета тогдашнихъ членовъ правленія, по винѣ которыхъ не произошло форменной передачи книгъ отъ одного библіотекаря другому, были списаны со счетовъ [1]). По смерти библіотекаря проф. Рейта, за нимъ осталось 25 книгъ, на сумму болѣе 400 рублей, а имущества всего на 139 руб. Такимъ образомъ, только часть книжнаго долга его была пополнена, остальной же пришлось списать по безнадежности [2])

Въ 1829 г. было Высочайше разрѣшено допускать на должность помощниковъ библіотекаря постороннихъ лицъ, а не адъюнктовъ и магистровъ, какъ того требовалъ уставъ 1804 года [3]). Важныя услуги библіотекѣ несомнѣнно оказалъ Джунковскій, составившій систематическій печатный ея каталогъ, и проф. А. Павловскій, составившій до января 1835 года рукописный подвижной каталогъ по богословію, философіи, правовѣдѣнію, политикѣ, статистикѣ, географіи и рукописямъ; онъ же началъ составлять полный каталогъ и прекрасно велъ списки книгъ.

Коммиссіонерами библіотеки въ 1834 г. состояли въ Петербургѣ книгопродавецъ Брифъ, въ Москвѣ—коммерціи совѣтникъ Ширяевъ [4]), раньше таковыми были Гартманъ и Майеръ. Изъ жертвователей за періодъ времени съ 1815 по 1835 года отмѣтимъ — проф. Фишера, Аделунга, Якоба, гр. Хвостова, акад. Шторха, епископа Аполлоса, Го-

[1]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло попеч. № 819/46.

[2]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло поп. № 417/20.

[3]) Харьк. унив. архивъ Дѣло поп. № 1388/79.

[4]) Харьк. унив. архивъ. Отчетъ за 1834 годъ.

сударыню Императрицу Елисавету Алексѣевну, Кленхе, проф. Рихтера, гр. Уварова. Биберштейна, Востокова, проф. Мухина, Кеппена, попечителя З. Я. Карнѣева, студ. Склабовскаго, Лонгинова, Орлая и цѣлый рядъ учрежденій—Виленскій, Московскій, Казанскій и Дерптскій университеты, Московское Общество любителей россійской словесности и мн. др. Но все это были очень мелкія пожертвованія [1]); изъ крупныхъ слѣдуетъ отмѣтить только проф. Блументаля. пожертвовавшаго книгъ на 868 руб. Итакъ, съ 1815 по 1835 годъ включительно (за 20 лѣтъ) число книгъ въ библіотекѣ Харьковскаго университета возрасло съ 15000 до 27000 томовъ (съ эстампами); ежегодный приростъ въ первое десятилѣтіе равнялся 1500 томовъ, а въ изучаемый нами періодъ опустился до 600 томовъ. За 2 мѣсяца 1833 и 1834 года взято было для чтенія изъ библіотеки 743 книги. Но для того, чтобы составить себѣ понятіе о размѣрахъ просвѣтительной дѣятельности университетской библіотеки, нужно обратить вниманіе, что ею пользовались не одни профессора, университетскіе чиновники и студенты, а и посторонніе лица. Вѣроятно, число такихъ лицъ не было велико, но важно было то, что библіотека не была совершенно закрыта для харьковской интеллигенціи, лишенной до 1831 г. такого могучаго образовательнаго средства, какъ библіотека (въ этомъ году была открыта публичная библіотека въ домѣ дворянскаго депутатскаго собранія). Къ самому концу изучаемаго нами періода, когда расширено было помѣщеніе для библіотеки, рѣшено было также открыть при ней читальню для постороннихъ.

Кромѣ фундаментальной библіотеки въ изучаемый нами періодъ времени возникла еще *студенческая*. „Студенческая библіотека, говоритъ Фойгтъ, учреждена въ концѣ 1828 года съ разрѣшенія бывшаго министра народнаго просвѣщенія (кн. Ливена). Основаніемъ ей послужили студенческія пожертвованія. Затѣмъ въ 1829 году она получила приращеніе чрезъ передачу изъ университетской библіотеки сочиненій, имѣвшихся тамъ втройнѣ, а въ послѣдующее затѣмъ время она ежегодно болѣе или менѣе увеличивалась и донынѣ увеличивается чрезъ покупку правленіемъ университета преимущественно такихъ книгъ, кои, по засвидѣтельствованію преподавателей, должны служить студентамъ необходимѣйшими учебными пособіями“.

Къ этому прибавимъ, что инціатива въ дѣлѣ учрежденія студенческой библіотеки принадлежала исправляющему должность ректора проф. Кронебергу, который составилъ также и положеніе объ этой библіотекѣ, подлинный текстъ котораго гласитъ слѣдующее.

---

[1]) Ibidem.

A. Цѣль учрежденія студенческой библіотеки.

Учрежденіе при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ студенческой библіотеки имѣетъ цѣлью слѣдующее: 1) доставленіе студентамъ средства къ чтенію полезныхъ книгъ, необходимому для усовершенствованія и распространенія ихъ познаній: поелику въ настоящее время студенты, не имѣя позволенія и даже возможности пользоваться книгами изъ университетской библіотеки, должны довольствоваться одними только лекціями, по выученіи коихъ, не имѣя способовъ для дальнѣйшаго занятія, нерѣдко предаются праздности; 2) доставленіе казеннокоштнымъ студентамъ учебныхъ пособій, къ чему до сихъ поръ вовсе не имѣется никакихъ средствъ; 3) поддержаніе и еще большее возбужденіе въ студентахъ той охоты къ чтенію, которая съ недавняго времени примѣтно въ нихъ начала оказываться; 4) отчасти занятіе студентовъ во время промежуточныхъ часовъ между лекціями; 5) направленіе нравственности и образа мыслей студентовъ, сообразно пользѣ и благу отечества.

B. Способы для учрежденія студенческой библіотеки.

1) Своекоштные студенты, желающіе пользоваться библіотекою, вносятъ ежегодно по 10 рублей; 2) отъ всѣхъ лицъ принимать добровольныя пожертвованія деньгами, рисунками, ландкартами, книгами, рукописями и проч. Книги и рукописи первоначально принимаются всѣ безъ исключенія, какого бы они рода и содержанія не были, но поступаютъ въ библіотеку не прежде, какъ по предварительномъ разсматриваніи тѣми лицами, кои имѣютъ надзоръ надъ библіотекою; тѣ книги, кои они найдутъ несоотвѣтствующими благонамѣренной цѣли, передаются въ университетскую библіотеку; 3) книги и учебныя пособія, поступающія въ студенческую библіотеку, должны относиться къ какому-либо классу наукъ, въ составъ факультетовъ входящихъ; 4) изъ студенческой библіотеки исключаются всѣ сочиненія, по § 3 устава о цензурѣ запрещенныя; 5) библіотека помѣщается въ одной или двухъ комнатахъ, назначенныхъ въ университетскомъ зданіи и на счетъ университета отапливаемыхъ. Для смотрѣнія за комнатами дается особый солдатъ.

C. О надзорѣ и управленіи студенческой библіотекой.

1) Студенческая библіотека состоитъ подъ главнымъ надзоромъ инспектора студентовъ. Онъ имѣетъ отвѣтственность за всѣ могущія здѣсь вкрасться какія-либо злоупотребленія. Водвореніе порядка и благо-

чинія въ студенческой библіотекѣ составляетъ непремѣнный долгъ инспектора: для сего предоставляется ему, съ одобренія г. ректора, сдѣлать свои распоряженія и предпринять надежныя мѣры; 2) инспекторъ приглашаетъ одного изъ чиновниковъ университета къ принятію званія управляющаго библіотекою и представляетъ г. ректору на утвержденіе; 3) съ одобренія инспектора управляющій избираетъ трехъ студентовъ себѣ въ помощники; 4) инспекторъ и управляющій библіотекою стараются возбудить въ студентахъ охоту и желаніе пользоваться способами, предоставляемыми имъ библіотекою; для входа въ библіотеку инспекторъ выдаетъ билеты всѣмъ казеннокоштнымъ студентамъ и тѣмъ изъ своекоштныхъ, кои ежегодно вносятъ по 10 руб. въ пользу библіотеки; 5) управляющій принимаетъ приносимыя въ даръ книги всѣ безъ исключенія, потомъ предварительно разсматриваетъ ихъ съ инспекторомъ и помѣщаетъ тѣ только въ каталогъ студенческой библіотеки, кои по мнѣнію инспектора окажутся сообразными съ цѣлью библіотеки: 6) каталоговъ имѣются два: одинъ у инспектора, другой у управляющаго; инспекторъ ихъ нерѣдко свѣряетъ, равно какъ и ревизуетъ самыя книги въ шкафахъ библіотеки, дабы не могли вкрасться несоотвѣтственныя цѣли книги; 7) для каталога, находящагося у управляющаго, имѣется прошнурная книга за печатью инспектора; 8) управляющій библіотекою хранитъ ключи библіотеки; сумма не свыше 100 р. хранится въ библіотекѣ, болѣе же сего въ кассирскомъ сундукѣ университета; 9) библіотека студенческая открывается три раза въ недѣлю, въ дни и часы, назначенные инспекторомъ: въ это время студенты занимаются чтеніемъ журналовъ и получаютъ или отдаютъ книги; 10) во время открытія студенческой библіотеки инспекторъ присутствуетъ по возможности, управляющій же съ помощниками долженъ быть тамъ безотлучно; 11) управляющій наблюдаетъ, дабы студенты, во время пребыванія въ библіотекѣ, вели себя чинно, безъ шуму, съ должнымъ приличіемъ и учтивостью, и не позволяетъ студентамъ что-либо писать въ библіотекѣ; 12) управляющій имѣетъ книгу, въ которой отмѣчаетъ выдаваемыя и возвращаемыя книги; наблюдаетъ, дабы онѣ возвращаемы были въ такомъ видѣ, въ какомъ получены; 13) въ случаѣ утраты студентами какой-либо книги, взятой изъ студенческой библіотеки, и неготовности вознаградить за нее, управляющій доводитъ до свѣдѣнія инспектора, который относится въ правленіе университета о взысканіи съ таковаго студента; 14) управляющій выписываетъ журналы, различныя сочиненія и дѣлаетъ необходимыя для библіотеки издержки, съ одобренія инспектора, имѣетъ прошнурную книгу, въ которой записываетъ приходъ и расходъ; по окончаніи года составляетъ годовой отчетъ и

за подписаніемъ инспектора и собственноручнымъ представляетъ ректору; 15) ежегодно 1-го октября управляющій въ присутствіи ректора, прочихъ членовъ университета и всѣхъ студентовъ читаетъ годичный отчетъ объ успѣхахъ библіотеки, причемъ дозволяетъ студентамъ читать рѣчи и сочиненія, кои предварительно должны быть разсмотрѣны и одобрены инспекторомъ и управляющимъ; 16) посторонніе лица, вовсе къ университету не принадлежащія, хотя бы и сдѣлали какое пожертвованіе, не пользуются библіотекою. Ежели кто изъ студентовъ, не имѣющій на то права, войдетъ въ библіотеку съ чужимъ билетомъ, то долженъ заплатить штрафъ 5 руб. и о взысканіи съ него таковыхъ денегъ управляющій библіотекою относится къ инспектору, а инспекторъ въ правленіе.

Въ этомъ положеніи главное управленіе училищъ предложило только измѣнить статью объ открытіи библіотеки 3 раза въ недѣлю въ томъ смыслѣ, что это предоставляется правленію университета, и рекомендовало уничтожить запрещеніе писать въ помѣщеніи библіотеки, находя, что студенты могли имѣть нужду въ извлеченіяхъ изъ своихъ библіотечныхъ книгъ [1]). Нельзя не вспомнить съ благодарностью Кронеберга, задумавшаго столь симпатичное просвѣтительное учрежденіе при Харьковскомъ университетѣ. Къ сожалѣнію, пополненіе его шло очень туго, потому что на него не назначено было никакихъ опредѣленныхъ средствъ хотя бы изъ хозяйственныхъ суммъ университета, въ то время, какъ мы знаемъ, довольно значительныхъ, и оно должно было содержаться на счетъ своихъ подписчиковъ—своекоштныхъ студентовъ, вносившихъ по 10 р. въ годъ, и пожертвованій книгъ изъ фундаментальной библіотеки. Это было тѣмъ болѣе несправедливо, что библіотекой пользовались главнымъ образомъ казеннокоштные студенты. Помѣщалась она въ корпусѣ казеннокоштныхъ студентовъ. Въ 1834 году въ ней было 723 названія въ 1241 томѣ книгъ и 611 томовъ журналовъ [2]). Управляющимъ библіотекой и помощникомъ инспектора по этой части (а инспекторами были тогда исключительно профессора) со-

---

[1]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло пол. № 1241/71.

[2]) Въ теченіе 1834 г. и 2 мѣсяцевъ 1833 г. въ нее поступило 69 томовъ книгъ и 87 журналовъ. Изъ нея казеннокоштные студенты взяли 185 книгъ; періодическихъ изданій не выписывалось. Каталогъ ея былъ составленъ. Книги ея относились къ слѣдующимъ отдѣламъ: богословію—70 томовъ, философіи—352, правовѣдѣнію—28, всеобщей исторіи—91, русской исторіи—40, статистикѣ—6, географіи—44, математикѣ—74, естественной исторіи—157, медицинѣ—98, домоводству—38, свободнымъ художествамъ—39, языкознанію—172, словесности—32, періодическимъ изданіямъ и брошюрамъ—611. (Харьк. унив. архивъ. Отчетъ за 1834 годъ).

стоялъ съ 1833 по 1835 г. профессоръ Криницкій; кто былъ раньше управляющимъ, не знаемъ.

Въ изучаемый нами періодъ времени существовалъ еще при университетѣ *книжный магазинъ*, судьба котораго была такова. Онъ былъ учрежденъ еще въ 1805 году попечителемъ гр. С. О. Потоцкимъ въ виду затрудненій для полученія училищами округа учебниковъ. Книги получались отъ главнаго правленія училищъ и отъ университета (его изданія). Сперва этими изданіями вѣдалъ кассиръ Дзюбинъ, потомъ въ 1807 году магазинъ былъ переданъ въ управленіе его помощнику Анадольскому, съ назначеніемъ ему прибавки къ прежнему жалованью (120 р.) еще 30 руб.; въ 1811 году, правленіе, въ виду того, что Анадольскій состоялъ еще и экзекуторомъ, освободило его отъ должности завѣдующаго магазиномъ и назначило на это мѣсто повытчика училищнаго комитета Ив. Гладкаго, который въ 1812 г. принялъ магазинъ отъ своего предшественника въ исправности, но въ томъ же году самъ попросилъ увольненія отъ этой должности. Правленіе поручило до пріисканія новаго лица магазинъ бухгалтеру Хвостову, который тогда же принялъ по описи имущество отъ Гладкаго. Хвостовъ, исправлявшій и должность кассира, растратилъ казенныя деньги; правленіе въ 1816 г. удалило его отъ должности и, провѣривъ имущество книжнаго магазина, убѣдилось, что книгъ не оказалось на 5663 руб. Дѣло о взысканіи съ виновнаго денегъ тянулось до 1826 г., но безуспѣшно. Преемникомъ Хвостова былъ чиновникъ училищнаго комитета Н. Теохаріевъ, который однако завѣдывалъ имъ только до 1817 года, потому что снова открылась растрата книжнаго имущества на 1061 рубль. За смертью Теохаріева и отсутствіемъ у него какого бы то нибыло имущества, эти деньги были взысканы съ профессоровъ, бывшихъ тогда членами правленія, и ихъ наслѣдниковъ, по равной долѣ съ каждаго—по 151 руб. (съ бывшаго ректора Осиповскаго, непремѣннаго засѣдателя проф. Каменскаго, декановъ Шумлянскаго, Успенскаго, Рейта, Делявиня и Книгина). Мѣсто же Теохаріева вызвался занять бухгалтеръ университета Прокофьевъ, остававшійся на немъ съ 1817 по 1827 годъ безъ жалованья, а изъ 6% отъ выручки. Правленіе ежегодно провѣряло магазинъ и находило все въ порядкѣ и только въ 1820 году назначенный ревизоромъ деканъ Пауловичъ открылъ нѣкоторыя неисправности въ счетахъ. Тогда правленіе поручило ему произвести болѣе полную ревизію счетовъ — и онъ нашелъ въ 1821 г. ихъ въ страшномъ безпорядкѣ. Совѣтъ назначилъ тогда для разслѣдованія особую коммиссію, которая нашла несовмѣстимыми завѣдываніе магазиномъ и бухгалтерскія занятія по университету и постановила пригласить для этого осо-

бое лицо съ тѣмъ, чтобы оно обезпечило залогомъ сохранность казеннаго имущества. Между проф. Пауловичемъ и Прокофьевымъ были такіе нелады, что первый рѣшилъ выйти изъ состава коммиссіи и совѣтъ принялъ его прошеніе объ увольненіи. Но попечитель Е. В. Карнѣевъ, получивъ объ этомъ въ 1823 г. выписку изъ совѣта, донесъ Министру Народнаго Просвѣщенія, что въ книжномъ магазинѣ открылись безпорядки, угрожающіе нарушеніемъ интересовъ казны, что коммиссія за 2 года имѣла 3 засѣданія и ничего не сдѣлала для разъясненія дѣла и что университетъ съ своей стороны не принялъ никакихъ мѣръ для устраненія безпорядковъ. Въ виду этого попечитель предписалъ университету немедленно принять слѣдующіе мѣры: 1) Прокофьева удалить отъ завѣдыванія магазиномъ, ибо ни съ чѣмъ не сообразно быть собственнымъ контролеромъ; 2) вызвать публикаціями желающихъ занять эту должность и могущихъ внести необходимый залогъ; 3) а если никто не найдется, поручить кому-либо другому изъ чиновниковъ университета, но не бухгалтеру и не контролеру; 4) составить вѣдомость книгъ и свѣрить ее съ документами.

Члены правленія освидѣтельствовали магазинъ, нашли его въ прекрасномъ порядкѣ и чистотѣ и признали счета правильными; желающихъ взять магазинъ не оказалось. Затѣмъ правленіе сдѣлало провѣрку счетовъ со времени перехода магазина къ Прокофьеву отъ Теохаріева и нашло все въ наилучшемъ порядкѣ и въ виду этого просило попечителя объ оставленіи магазина по прежнему за Прокофьевымъ, взявъ съ него только залогъ; попечитель изъявилъ свое согласіе на это. Прокофьевъ представилъ въ видѣ залога купчую крѣпость на свой домъ и дворовое мѣсто, нигдѣ не заложенные, и остался въ прежней должности. Правленіе ревизовало магазинъ и въ 1824 году и нашло все въ порядкѣ; одинъ только деканъ Пауловичъ остался при прежнемъ мнѣніи о неудобствѣ совмѣстительства должностей, занимаемыхъ Прокофьевымъ. Происходили ревизіи въ 1825, 1826 гг. Но въ 1828 году ректоръ Кронебергъ вошелъ къ попечителю А. А. Перовскому съ донесеніемъ, въ которомъ высказывалъ свои сомнѣнія въ правильности счетовъ—они оказались подчищенными, исправленными, недостаточными и неясными,—на сомнѣнія навелъ проф. Пауловичъ. Затѣмъ такое же представленіе сдѣлало попечителю и правленіе. Прокофьевъ былъ немедленно отстраненъ, а на его мѣсто назначенъ смотритель уѣзднаго училища Сафонъ Романовскій. На Прокофьева правленіе сдѣлало въ 1828 году начетъ въ 4504 руб., наложило арестъ на его имущество и отдало его самого подъ надзоръ полиціи. Прокофьевъ подалъ попечителю обстоятельное объясненіе, въ коемъ доказывалъ, что онъ не только

ничего не долженъ, а наоборотъ, ему еще правленіе должно 2617 руб. Дѣло затянулось на нѣсколько лѣтъ. Правленіе утверждало въ 1829 г., что съ Прокофьева слѣдуетъ получить 2693 руб., не дополученныхъ за 1827 годъ. Проф. Филомафитскій представилъ въ совѣтъ письменное мнѣніе, въ которомъ доказывалъ, что начетъ на Прокофьева сдѣланъ неправильно. Чѣмъ въ концѣ концовъ разрѣшилось дѣло, мы къ сожалѣнію не знаемъ [1]). Можно предполагать, кажется, что со стороны Прокофьева не было злоупотребленій, а если было что, то нѣкоторая запутанность счетоводства. Во всякомъ случаѣ, Прокофьевъ широко развилъ обороты университетскаго книжнаго магазина—довелъ ихъ съ 5 до 16 тысячъ, т. е. утроилъ. Неакуратность же счетовъ объясняется сложностью и запутанностью самого дѣла: ему приходилось вести счета съ нѣсколькими директорами училищъ Харьковскаго учебнаго округа—и одинъ изъ нихъ, Донской области—Поповъ въ теченіе 6 мѣсяцевъ долженъ былъ распутывать свои запутанные счета съ магазиномъ. Затѣмъ несомнѣнно въ его дѣлѣ съиграли важную роль личныя отношенія къ нему проф. Пауловича: этимъ объясняются слишкомъ суровыя мѣры, принятыя противъ него правленіемъ, которое сверхъ того было очевидно напугано денежными взысканіями съ прежнихъ членовъ своей коллегіи за растрату Теохаріева; оно и ректоръ Кронебергъ и правленіе старались оградить себя отъ матеріальныхъ потерь, столь возможныхъ при веденіи университетскаго хозяйства, не допускавшаго ни малѣйшаго даже непроизвольнаго нарушенія казеннаго интереса. Всѣ изложенные непорядки въ книжномъ магазинѣ объясняются въ значительной степени тѣмъ, что онъ представлялъ изъ себя какъ-бы коммерческое предпріятіе, сопряженное съ рискомъ,—а этого риска не хотѣла знать казна.

Не слѣдуетъ упускать также изъ виду того обстоятельства, что университетскій книжный магазинъ за 30 лѣтъ своего существованія принесъ огромную пользу многочисленнымъ училищамъ Харьковскаго учебнаго округа, снабжая ихъ учебниками по номинальной цѣнѣ и подчасъ въ кредитъ. Если въ самомъ Харьковѣ книжная торговля находилась тогда въ младенческомъ состояніи и пріобрѣтеніе книгъ для университетской библіотеки было сопряжено съ большими затрудненіями, то другіе города, въ особенности уѣздные, были совершенно лишены возможности пріобрѣтать на мѣстѣ нужныя имъ книги, а выписка ихъ изъ Петербурга для отдѣльныхъ лицъ была бы въ высшей степени неудобна и дорога. Такимъ образомъ, университетская книжная лавка являлась однимъ изъ видныхъ средствъ для распространенія

---

[1]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло поп. № 131/8; дѣло прав. 1317/61, 1180/55, 1257/49. Архивъ мин. нар. просв. 1823 г. № 22606/498.

образованія въ обширномъ Харьковскомъ учебномъ округѣ и заслуги университета въ этомъ отношеніи передъ обществомъ должны быть помянуты съ благодарностью.

Другимъ просвѣтительнымъ учрежденіемъ, имѣвшимъ крупное значеніе не только для самого университета, но и для общества, была *типографія*. Помѣщалась она первоначально въ главномъ корпусѣ (бывшемъ ген.-губ. дворцѣ), а потомъ съ 1818 до 1835 года во флигелѣ, поступившемъ во владѣніе университета и обращенномъ къ каѳедральному собору (гдѣ до послѣдняго времени была хирургическая клиника). Она имѣла словолитню и сама выливала различные шрифты—русскій и латинскій; съ другой стороны она выписывала шрифты (русскій, латинскій, греческій, еврейскій) изъ Лейпцига, затрачивая на это крупныя суммы изъ хозяйственныхъ средствъ. Этими матеріалами типографія обходилась до 1828 года, когда снова выписала изъ Петербурга 214 н. матрицы, 24 н. литеръ и 4 стальныя словолитныя формы за 2800 р. ас. „Въ 1835 г., говоритъ Фойгтъ, она была перенесена изъ занимаемаго ею флигеля въ особое одноэтажное каменное зданіе, построенное на мѣстѣ арки, отдѣлявшей университетскій дворъ отъ бульвара, обращеннаго къ Екатеринославской улицѣ“, т. е. туда, гдѣ она находится и нынѣ. Планъ его мы прилагаемъ къ настоящему труду.

Благодаря тому, что типографія была хорошо обставлена, она продолжала печатать и университетскія, и посторопнія изданія. Вотъ статистическія данныя о числѣ сочиненій, отпечатанныхъ въ ней съ 1815 по 1835 году [1]. Въ 1815 г. въ ней напечатано было 27 сочиненій,

[1]) А вотъ и перечень этихъ изданій по годамъ. *Въ 1815 году* было напечатано 27 трудовъ: 1) Географическіе уроки, читанные въ институтѣ благородныхъ дѣвицъ учителемъ Павломъ *Андреевскимъ*. Х., 1815, въ унив. тип., 61 страница; 2) *Нахимовъ* Акимъ. Сочиненія въ стихахъ и прозѣ, по смерти его напечатанныя. Х., 1815, въ унив. тип., 136, VI и на 3-хъ страницахъ списокъ особъ, подписавшихся на это сочиненіе; 3) Подарокъ для дѣтей или новая россійская азбука для обученія малолѣтнихъ дѣтей чтенію, содержащая въ себѣ нравоучительныя правила, касающіяся до обхожденія, избранныя повѣсти и басни, изд. 5-е. Х., 1816, въ унив. тип.; 4) Всеобщая химія для учащихъ и учащихся, соч. Ферд. *Гизе*, пер. Вас. Комлишинскій, часть 3-я, Х., 1815, въ унив. тип.; 5) *Любовскій* Петръ. Краткое руководство къ опытному душесловію. Х., 1815, 140 стр., въ унив. тип.; 6) О подражательной гармоніи слова, соч. *Гонорскаго*. Х., 1815, въ унив. тип.; 7) Краткое начертаніе терапіи, въ основаніе своихъ лекцій въ Берлинѣ 1807 г. издалъ *Августъ фонъ-Геккеръ*. Пер. съ нѣм. Х., 1815, въ унив. тип.; 8) Подарокъ сельскимъ жителямъ относительно сохраненія жизни и здоровья. Часть 1-я, заключающая средства для спасенія жизни и оживленія людей въ крайнихъ, внезапныхъ и несчастныхъ случаяхъ. Собралъ *Исаковъ*. Х., 1815, въ унив. тип.; 9) Подарокъ городскимъ и сельскимъ экономамъ на новый 1816 годъ. Издалъ *В.....ій*

въ 1816 г.—28, въ 1817 г.—18, въ 1818 г.—17, въ 1819 г.—17, въ 1820 г.—8, въ 1821 г.—7, въ 1822 г.—8, въ 1823 г.—14, въ 1824 г. —15, въ 1825 г.—14, въ 1826 г.—9, въ 1827 г.—2, въ 1828 г. —4, въ 1829 г.—7, въ 1830 г.—9, въ 1831 г.—9, въ 1832 г.—12.

(Андрей Вербицкій). Х., 1815, въ унив. тип.; 10) Рѣчи, произнесенныя въ торжественномъ собраніи Имп. Харьковскаго университета 25 декабря 1814 года на память избавленія отечества отъ лютаго и сильнаго врага, къ коимъ присоединяются сочиненныя для сего торжества ораторія и разсужденіе. Х., 1815, въ унив. тип. Здѣсь помѣщены слѣдующія статьи: а) Слово о благодѣяніяхъ Промысла Божія, говоренное орд. проф. Ив. *Срезневскимъ*; b) Ораторія на случай того же торжества, соч. проф. Ив. *Срезневскимъ*; с) De libertate Europae vindicata; переводъ этой рѣчи—О возвращеніи Европѣ свободы; d) Der Orient. *Reith*'a; e) Was ist das Geld? Joseph *Lang*; 11) Рѣчи, произнесенныя въ торжественномъ собраніи Имп. Харьк. университета 30 августа 1815 г. Х., 1815, въ унив. тип. Здѣсь помѣщены слѣдующія статьи: а) Объ общихъ органическихъ силахъ и постепенномъ отношеніи ихъ между собою. Адъюнктъ Як. *Громовъ*; b) De studii academici natura. Andr. *Dudrowits*; c) Landwirthschaft und die mit ihr zusammenhängenden Gewerbe sind die Grundlagen des Staatsreichthums. Karl von *Noeldechen*; 12) *Schad* J. De viris illustribus urbis Romae a Romulo usque ad Augustum. Charkov, 1815; 13) Ода на миръ Европы, превращенная въ басню. Х., 1815, въ унив. тип.; 14) Conspectus lectionum. Ch., typis acad., MDCCCXV; 15) Грамматика латинскаго языка, изд. Харьк. унив. 2-е изд. Х., 1815, 220 стр.; 16) Сокращеніе дѣтской энциклопедіи. Х., въ ун. тип., 58 стр.; 17) Грамматика латинскаго языка. Х., въ универ. тип., 2-е изд., 220 стр. У Фойгта мы находимъ еще слѣдующія сочиненія, впрочемъ безъ точнаго обозначенія ихъ заглавія: 18) Пр. *Филомаѳитскаго*. Ода; 19) Маг. *Титарева*. О существѣ уголовныхъ законовъ (диссертація на лат. яз.); 20) Магистра *Гевлича*. Диссертація на русскомъ языкѣ; 21) Магистра *Ковалевскаго*. Диссертація на русскомъ языкѣ; 22) Проф. *Шада*. Латинская хрестоматія; 23) Краткая священная исторія по вопросамъ и отвѣтамъ; 24) Уч. *Левицкаго*. Краткія правила россійскаго правописанія; 25) Латинская грамматика; 26) Риторика (на лат. яз.); 27) *Зиновьева*. Ариѳметика. ч. 1-я. *1816 году* было отпечатано 27 сочиненій: 1) *Gribowsky*. Dissertatio inauguralis de servorum herilium in Rossia statu vetere (на степень доктора). Charc., typis acad., 27 p.; 2) то же и на русскомъ; 3) *Поповъ* Ал. (директоръ училищъ Войска Донскаго). Исторія о Донскомъ войскѣ, т. 2-й. Х., 1816, въ унив. тип., 291 стр.; 4) Письма изъ Малороссіи, писанныя Алексѣемъ *Левшинымъ*. Х., 1816, 206 стр., въ унив. тип.; 5) *Каменскій* Иванъ. Латинскій словарь. Х., 1816, въ унив. тип., 360 стр. 6) *Масловичъ*. О баснѣ и баснописцахъ у разныхъ народовъ. Х., 1816, въ унив. тип., VI, 140 стр.; 7) *Франкеръ*. Основанія механики. ч. 1—2. Съ французскаго перев. и дополнилъ Ник. Архангельскій. Х., 1816, въ унив. тип., 547 стр.; 8) Украинскій Вѣстникъ, издаваемый Е. Филомаѳитскимъ, Раз. Гонорскимъ и Григ. Квиткою. Х., 1816, въ универс. типогр.; 9) Харьковскій Демокритъ, изд. Вас. Масловичемъ, ч. 1—3, 120+IV, 124+IV, 126+II. Х., 1816, въ унив. тип.; 10) Ода Е. И. В. Гос. и Вел. Кн. Николаю Павловичу отъ Харьковскаго коллегіума усерднѣйшее приношеніе въ день прибытія въ Харьковъ

въ 1833 г.—11, въ 1834 г.—5, въ 1835 г.—13. Всего за 21 годъ въ ней было отпечатано 254 книгъ и брошюръ, т. е. въ среднемъ по 12 сочиненій въ годъ. Между тѣмъ, въ теченіе перваго десятилѣтія существованія университета въ ней было отпечатано 207 книгъ и бро-

---

1816 года. X., 1816, 8 стр., въ унив. тип.; 11) Правила, на коихъ отпущаются благородныя дѣвицы изъ института Общества благотворенія въ домы помѣщиковъ. X., 1816, 15 стр., въ унив. тип.; 12) *Philomathitsky* E. Dissertatio de genuina scriptorum Romanorum elegantia, deque usu et utilitate linguam addiscendi latinam (магист. дисс.). Kharkoviae, typis acad. 40 p., 1816; 13) Всеобщая химія для учащихъ и учащихся, соч. Ферд. *Гизе*, пер. съ нѣм. Вас. Комлишинскій, ч. 4-я. X., 1816. въ унив. тип.; 14) *Schuman*. Dissertatio chemica de acidi muriatici oxygenati natura (докт. дисс.). Ch., typis acad. 36 p.; 15) Сочиненія Акима *Нахимова* въ стихахъ и прозѣ. Изд. 2-е. исправленное и дополненное. X., 1816, 154, V, въ унив. тип.; 16) Рѣчи, произнесенныя въ торжественномъ собраніи Имп. Харьк. университета 30 августа 1816 г., въ унив. тип. Онѣ заключаютъ въ себѣ слѣдующія статьи: a) Ueber politische Arithmetik. Prof. *Lang;* b) De jure controverso legum criminalium. Adj. *Paulovits*. Переводъ этой рѣчи: О состязательныхъ истинахъ уголовныхъ законовъ: c) О точныхъ наукахъ. Адъюнктъ Ник. *Архангельскій*; 17) De la civilisation des Tatars nogais dans le midi de la Russie Européenne. Par le pr. *de Gouroff*, Kh., 1816, 122; 18) Conspectus lectionum. Ch., typis acad., MDCCCXVI, 17 стр.; 19) *Вербицкаго*. Краткая россійская грамматика, 108 стр. Фойгтъ упоминаетъ еще о слѣдующихъ изданіяхъ: 20) *Шнауберта*. О происхожденіи нашего земнаго шара и перемѣнахъ на немъ (рѣчь на нѣм. яз.); 21) Ал. *Комлишинскаго*. Объ осадкахъ атмосферы (рѣчь); 22) Проф. *Срезневскаго*. О любви къ отечеству (рѣчь); 23) *Срезневскаго*. Стихотворческая забава; 24) *Срезневскаго*. Ода на пріѣздъ Вел. Кн. Николая Павловича; 25) *Мизко* (директоръ Екатер. гимн.). О вліяніи закона Божія на нравственное образованіе человѣка (рѣчь); 26) Пастора *Зедерюльма*. Собраніе священныхъ пѣсенъ (на нѣмецкомъ языкѣ); 27) *Вербицкаго*. Подарокъ городскимъ и сельскимъ жителямъ на 1817 годъ; 28) Прот. *Прокоповича*. Стѣнной мѣсяцесловъ на 1817 годъ. *Въ 1817 году:* 1) Ив. *Каменскій*. Россійскій словарь. X., 1817, въ ун. тип., 60 стр.; 2) *Зеновьевъ* Алексѣй. Первоначальная часть чистой математики ариѳметика. X., 1817, въ ун. тип., 153 стр.; 3) Украинскій Вѣстникъ, ч. 5—8. X., 1817; 4) *Кричевская* Любовь. Мои свободные минуты или собраніе сочиненій въ прозѣ и стихахъ. X., 1817, 2 части, 160 и 111 стр. (въ концѣ списокъ подписчиковъ); 5) *Кравчуновскаго*. Новый и полный толкователь словъ славянскихъ, греческихъ, латинскихъ, нѣмецкихъ, итальянскихъ, французскихъ, жидовскихъ, турецкихъ и другихъ, употребляемыхъ въ россійскомъ языкѣ. Посвящено Харьков. гражданскому губернатору Вас. Гавр. Муратову. X., 1817, 121 стр.; 6) Бесѣды Цицероновы о естествѣ боговъ. Пер. Илья *Гриневичъ*, т. 1-й. X.. 1817, въ унив. тип., XX, 6, 136; 7) Цицеронъ. Первая рѣчь противъ Катилины. Пер. И. *Гриневичемъ*. X., 1817, въ унив. тип., 172 стр.; 8) Начертаніе правилъ россійскаго правописанія. X., 1817, въ унив. тип.; 9) Труды Общества наукъ, состоящаго при Имп. Харьков. университетѣ, томъ 1-й, часть 1—2. X., 1817, въ унив. тип., 206, 200; 10) Всеобщая химія для учащихъ и учащихся, соч.

шюръ, т. е. въ среднемъ по 20 въ годъ, слѣдовательно, почти въ 2 раза болѣе, чѣмъ въ изучаемый нами періодъ. Такимъ образомъ, реакція и цензурныя стѣсненія отразились крайне неблагопріятно на количествѣ сочиненій, печатавшихся въ это время въ университетской

Ф. *Гизе*, пер. съ нѣм. Вас. Комлишинскій, ч. 5-я. Х., 1817; 11) *Снядецкій* Ив. Географія или математическое и физическое описаніе земли. Пер. съ польскаго П. Каниведкій. Х., 1817, въ унив. тип.; 12) Латинскій (и россійскій) словарь, изд. Ив. *Кименскій*, ч. 2-я. Х., 1817, въ унив. тип.; 13) Логика или умоученіе, соч. доктора философіи Ив. *Любачинскаго*. Х., 1817, въ универ. тип.; 14) Сочиненія студентовъ и вольнослушающихъ Имп. Харьковскаго университета, читанныя съ одобренія словеснаго отдѣленія 30 іюня 1817 г., какъ продолженіе экзамена въ семъ отдѣленіи. Х., 1817, въ унив. тип. (содержится здѣсь 8 статей); 15) Ода Е. И. В. Императору Александру Павловичу на прибытіе Его въ Харьковъ 18-го сентября 1817 года, всеподданнѣйшее приношеніе отъ Харьковскаго духовнаго коллегіума. Х., 1817, 16 стр., въ универ. тип. (содержитъ 4 статьи); 16) Россійская риторика А. Могилевскаго. Х., 1817, въ унив. тип., 265 стр. Фойгтъ присоединяетъ къ этому еще слѣдующія изданія: 17) Украинскій домоводъ, кн. 1-я, изд. проф. *Пильгеромъ*; 18) *Вербицкаго*. Подарокъ городскимъ и сельскимъ жителямъ на 1818 годъ. *Въ 1818 году*: 1) *Дюбовскій*. Опытъ логики. Х., 1818, въ универ. тип., 115 стр.; 2) *Гессъ де Кальве* Густавъ. Теорія музыки. Перев. съ нѣм. рукописи Разумникъ Гонорскій, въ унив. тип., ч. 1-я, 304 стр.; 3) *Успенскій* Гавріилъ. Опытъ повѣствованія о древностяхъ русскихъ, 2-е изданіе исправл. и умноженное. Х., 1818, въ унив. тип., 818 стр.; 4) *Гонорскій-Разумникъ*. Опыты въ прозѣ съ присовокупленіемъ двухъ сонетовъ, двухъ романсовъ и одной фантазіи. Х., 1818, въ унив. тип., 124 стр.; 5) Украинскій Вѣстникъ, изд. Е. Филомафитскимъ и Раз. Гонорскимъ; 6) *Гриневичъ* Илья. Рѣчь М. Т. Цицерона за Архія. Х., 1818, въ унив. тип.; 7) Подарокъ въ новый 1819 годъ. Х., 1818, въ унив. тип.; 8) *Левицкій* Ник. Разсужденіе о развитіи нравственнаго чувства, сочиненное и читанное при окончаніи годичныхъ испытаній въ Имп. Харьк. университетѣ 30 іюня 1818 года. Х., 1818, въ унив. тип.; 9) Краткія правила россійскаго правописанія, 2-е изд. Х., въ унив. тип., 44 стр.; 10) Подарокъ для дѣтей или новая россійская азбука, изд. 6-е. Х., 1818, въ универ. тип.; 11) Рѣчи, произнесенныя въ торжественномъ собраніи Имп. Хар. университета 25 декабря 1815 и 1818 гг. Х., 1818, въ унив. тип. (здѣсь рѣчи Каменскаго и Комлишинскаго); 12) Рѣчи, произнесенныя въ торжественномъ собраніи Имп. Харьк. университета 30-го августа 1818 года. Х., 1818, въ унив. тип. (здѣсь рѣчи Борзенкова, Ваннюти); 14) P. Virgilii Maronis opera. Ex auctoritate Universitatis Charcoviensis ad usum Gymnasiorum aliarumque Scholarum, quae subsunt ei, curavit Eugraphus *Philomathitsky*. Ch., 1818, typis et impensis Universitatis, XXX, 480, 4; 15) Сочиненія и переводы студентовъ Имп. Харьк. университета, читанныя по окончаніи экзаменовъ ихъ. Х., 1818, въ универ. тип., 124 стр. (здѣсь статьи Пафнутьева, Склабовскаго, Назарьева, Левицкаго, Бѣлоусова, стихотворенія Склабовскаго, Шкляревича, Дыздарева, Петрова, Бѣлозерскаго; въ концѣ рѣчь Кир. Росинскаго; были и отдѣльные оттиски нѣкоторыхъ изъ нихъ); 16) Conspectus lectionum. Charc., typis acad., MDCCCXVIII, 17 стр. У

типографіи на литературно-научной производительности профессоровъ, университета и другихъ мѣстныхъ дѣятелей. Относительно приведенныхъ статистическихъ данныхъ сдѣлаемъ еще нѣсколько пояснительныхъ замѣчаній. Самыя крупныя цифры падаютъ на 1815 и 1816 гг.—

Фойгта кромѣ этого находимъ: 17) Пастора *Зедергольма*. Kleiner Katechismus. *Въ 1819 году*: 1) *Склабовскій* Александръ. Опыты въ стихахъ. Х., 1819, въ унив. тип., 179 стр.; 2) Украинскій Вѣстникъ; 3) *Bieberstein*. Flora Taurico-Caucasica, т. 3-й, Supplementum; 4) Труды студентовъ любителей отечественной словесности въ Имп. Харьк. университетѣ. Х., 1819, въ унив. тип.; 5) Филотехническому Обществу правителя дѣлъ его *В. Н. Каразина* отчетъ за послѣдніе четыре мѣсяца 1818 года. Х., 1819, въ универ. тип.; 6) Начальныя основанія латинскаго языка, изд. Имп. Хар. университетомъ для училищъ его округа. Изд. 4-е. Х., 1819, въ унив. тип.; 7) Хрестоматія, изд. Имп. Харьк. университетомъ по руководству Гедике. Изд. 2-е. Х., 1819, въ универ. тип.; 8) Вечернія бесѣды въ хижинѣ, соч. *Дюкре-Дюмениля*. Перев. съ французск., ч. 1—2. Х., 1819, въ унив. тип.; 9) Рѣчи, произнесенныя въ торжественномъ собраніи Имп. Харьк. университета 30 августа 1819 г. Х., 1819, въ универ. тип. (здѣсь рѣчи *Джунковскаго* и *Кронеберга*); 10) Эфиказъ индѣецъ. Повѣсть, ч. 1-я, соч. К. *Пардура*. Х., 1819, 40 стр., въ унив. тип. 11) *Есикорскаго*. Всемірная исторія, часть 1-я. Х., 1819, въ унив. тип., 120 стр. У Фойгта мы еще находимъ: 12) *Есикорскаго*. Новый легчайшій способъ учить дѣтей письму; 13) *Есикорскаго*. Новѣйшая географія, ч. 1 и 2-я; 14) *Грабовскаго*. Таблица спряженій россійскихъ глаголовъ; 15) *Ольденборгера*. Нѣмецкая хрестоматія; 16) *Гальдинскаго*. Баллада — Алисъ и Амина; 17) *Коршунова*. Таблицы для военно-сиротскаго отдѣленія. *Въ 1820 году*: 1) *Кронебергъ*. Латинская грамматика. Х., въ ун. тип., 326 стр., 1820; 2) *Павловскій* Андрей. Таблицы логариѳмовъ, по изданію Каллета. Х., 1820, въ универ. тип.; 3) О грамматическомъ разборѣ. Изданіе 2-е. Х., 1820, въ универс. тип.; 4) Грамматика латинскаго языка съ присовокупленіемъ правилъ латинскаго стихосложенія, издан. Имп. Харьк. универс. Изданіе 3-е. Х., 1820, въ унив. тип.; 5) Вечернія бесѣды въ хижинѣ, соч. *Дюкре-Дюмениля*. Перев. съ нѣм., ч. 3—4. Х., 1820, въ унив. тип.; 6) Рѣчи, произнесенныя въ торжественномъ собраніи Имп. Харьк. унив. 30 августа 1820 года. Х., 1820, въ универ. тип. (здѣсь рѣчи *Могилевскаго*, *Куницкаго* и стихотвореніе *Алекс. Склабовскаго*); 7) Conspectus lectionum. Ch., typis un., MDCCCXX, 17 стр. У Фойгта находимъ еще: 8) Молитвы при божественной литургіи. *Въ 1821 году*: 1) Энциклопедическій и экономическій календарь, соч. А. *Некрасовымъ*. Изд. Ин. Кузнецова. Х., 1821, въ унив. тип.; 2) Рѣчи, произнесенныя въ торжественномъ собраніи Имп. Харьк. унив. 30 августа 1821 г. Х., 1821, въ унив. тип. (здѣсь рѣчи *Павловскаго*, *Филомаѳитскаго*, диѳирамбъ *Склабовскаго*); 3) Сочиненія и переводы студентовъ Имп. Харьк. унив., читанныя 30 іюня 1821 г. Х., 1821, въ универ. тип., 157 стр. (здѣсь статьи и стихотворенія *Дружкевича*, *Альтпорцева*, *Самостьянова*, *Протопопова*, *Золотирева*, *Караева*, *Петровскаго* и рѣчь *Россинскаго*); 4) Ручная книжка или украинскія записки, изд. на новый 1821 годъ. *А. В—мъ* (Вербицкимъ). Х., 1821, въ унив. тип.; 5) Conspectus lectionum, 17 p. У Фойгта находимъ сверхъ того: 6) *Кронеберга*. Compendium

это послѣдніе моменты того оживленія издательской дѣятельности, которое характеризуетъ первое десятилѣтіе существованія университета: въ 1814 г. отпечатано было 25 сочиненій, въ 1815 г.—27, въ 1816 г.—28. Въ это время попечителемъ былъ еще просвѣщенный С. О. Потоцкій.

---

antiquitatum romanarum; 7) *Заставскаго.* Французская грамматика по руководству Ломонда. *Въ 1822 году:* 1) *Вербицкій* Андрей. Избранныя мѣста изъ русскихъ сочиненій и переводовъ въ стихахъ и прозѣ. Часть 1-я. Х., 1822, въ универ. тип., 220 стр.; 2) Теорія ариѳметики, изд. М. *Робушъ.* Х., 1822, въ унив. тип.; 3) Опытъ риторики, соч. Ив. *Рижскаго.* Изд. 4-е. Х., 1822, въ унив. тип.; 4) Опытъ исторической очевидности Промысла Божія у всѣхъ народовъ и во всѣхъ вѣкахъ. Рѣчь Ст. *Есикорскаго.* Х., 1822, въ унив. тип.; 5) Рѣчь и стихи, произнесенныя въ торжественномъ собраніи Императ. Харьковскаго университета 30-го августа 1822 года. Х., 1822, въ универс. тип. (здѣсь рѣчь *Робуша* и поэма *Склабовскаго*). 6) Conspectus lectionum. Charc., typis ac., MDCCCXXII, 16 стр. У Фойгта еще находимъ: 7) Рѣчь пр. *Рейта.* Ueber den Ursprung des russischen Volks; 8) *Рижскаго.* Введеніе въ кругъ словесности. *Въ 1823 году:* 1) *Рейпольскій* Ив. Новѣйшее начертаніе естественной исторіи. Х., 1823, въ унив. тип., 204 стр.; 2) *Вербицкій* Андр. Избранныя мѣста изъ русскихъ сочиненій, ч. 2-я. Х., 1823, въ унив. тип., 208 стр.; 3) Начертаніе правилъ россійскаго правописанія. Х., 1823, въ универ. тип.; 4) Опыты въ словесности воспитанниковъ благородн. пансіона Коваленкова въ Харьковѣ, изд. А. *Склабовскій.* Х., 1823; 5) Таблицы для измѣренія бочекъ. Х., 1823, въ унив. тип.; 6) Всеобщая и философическая грамматика языковъ, соч. Н. *Паки-де-Совиньи,* ч. 1 — 2. Х., 1823, въ унив. тип., 153 стр. (на французскомъ и русскомъ яз.); 7) Его-же. 3-я таблица грамматики или метода французская. Х., 1823, томъ 2-й, 364 стр.; 8) Собраніе примѣровъ для наставленія юношества въ начальномъ позпаніи латинскаго языка. Изд. Императ. Харьк. унив. Х., 1823, въ унив. тип.; 9) Index plantarum horti botanici Universitatis Charcoviensis. Ch., 1823, typis universitatis, 80 p.; 10) Рѣчи, произнесенныя въ торжественномъ собраніи Имп. Харьк. унив. 30 августа, 1823 г., Х., 1823, въ унив. тип. (здѣсь рѣчи *Сухомлинова, Михайловскаго* и стихотвореніе *Склабовскаго*). 11) Conspectus lectionum. Ch., typis ac., MDCCCXXIII, 13 стр. У Фойгта кромѣ того отмѣчены: 12) Horatii Fl. epistola ad Augustum, ed. prof. *Kroneberg*; 13) Taciti Annalium liber I, ed. prof. *Kroneberg*; 14) Украинскій Журналъ, издаваемый А. Склабовскимъ на 1823 г.; 15) *Балетъ.* Зефиръ и Флора. *Въ 1824 году:* 1) *Корсунъ* Н. Разсужденіе о томъ, въ чемъ состоитъ сущность исторіи, 30 стр. Х., 1824; 2) Украинскій Журналъ. Х., 1824; 3) *Селецкій* Мих. О перемѣнахъ въ управленіи народа римскаго. Х., 1824, въ универ. тип., 42 стр.; 4) *Паки де Совиньи.* Курсъ словесности (на франц. языкѣ), т. I. Х., 1824, 63 стр. (то же заглавіе по французски); 5) Разсужденіе о давности, соч. П. *Андреевскимъ.* Х., 1824, въ унив. тип.; 6) *Могилевскій* Аѳ. Россійская риторика. Изд. 2-е. Х., 1824, въ унив. тип.; 7) О Харьковскомъ институтѣ благ. дѣвицъ, соч. *А. С.* Х., 1824, въ универ. тип.; 8) Философическая грамматика языковъ, соч. Н. *Паки де Совиньи,* ч. 3. Х., 1824, въ унив. тип.; 9) Грамматика латинскаго языка, изд. Имп. Харьк. унив. Изд. 4-е. Х., 1824, въ унив. тип.; 10) Начальныя основанія латинскаго

Затѣмъ послѣ вступленія въ должность новаго попечителя З. Я. Карнѣева, при которомъ совершился крутой и рѣзкій поворотъ въ сторону реакціи, цифры сразу начинаютъ падать и спускаются съ 17 до 7; при попечителѣ Е. В. Карнѣевѣ онѣ колеблются между 15 и 9, при попе-

---

языка, изд. Имп. Харьк. унив. для училищъ его округа. Изд. 5-е. Х., 1824, въ унив. тип.; 11) Рѣчи, произнесенныя въ торжествен. собраніи Имп. Харьк. унив 30 августа 1824 года. Х., 1824, въ унив. тип. (здѣсь рѣчи *Громова* и *Байкова*); 12) Catalogus Bibliohtecae univ. Charcoviensis, cura Bas. *Dzunkowsky*. Ch., 1824, typis acad., IV, 511 p.; 13) Conspectus lectionum. Ch., typis acad., MDCCCXXIV, 13 стр.; 14) *Паки-де-Совиньи*. Грамматическое словосочиненіе. Х., 1824, 195 стр. У Фойгта еще находимъ: 15) *Кронеберга*. О завоеваніяхъ римлянъ; 16) *Бочарова*. Наставленіе о конскомъ заводѣ; 17) *Ольденборгера*. Нѣмецкая хрестоматія. *Въ 1825 году*: 1) *Савицкій* Зах. Изложеніе главнѣйшихъ системъ нравственныхъ, 59 стр. Х., 1825; 2) *Корсунъ* Александръ. Разсужденіе объ основаніи опеки и попечительства вообще. Х., 1825, въ универ. тип., 37 стр.; 3) *Ерофеевъ* Сем. Разсужденіе о доказательствахъ уголовныхъ преступленій. Х., 1825, 78 стр.; 4) *Кронебергъ* Ив. Амалтея или собраніе сочиненій и переводовъ, относящихся къ изящнымъ искусствамъ и древней классической словесности. Часть 1-я. Х., 1825, въ унив. тип., 246 стр.; 5) Украинскій Журналъ; 6) *Могилевскій* Аѳ. Бесѣды о важнѣйшихъ истинахъ христ. ученія. Х.. 1825, въ унив. тип.; 7) Іліодометръ для провѣрки часовъ. Издалъ Василій *Каразинъ*. 2 части. Х., 1825, въ унив. тип.; 8) Правила для благородныхъ общественныхъ танцевъ, издалъ Людовикъ *Петровскій*. Х., 1825, въ унив. тип.; 9) Латинская грамматика, соч. И. *Кронеберга*, изд. Имп. Хар. унив. Изд. 2-е. Х., 1825, въ унив. тип.; 10) Басни въ стихахъ Вас. *Масловича*. Изд. 2-е исправл. и умнож. Х., 1825, въ унив. тип.; 10) Рѣчи, произнесенныя въ торжественномъ собраніи Имп. Харьк. унив. 30 августа 1825 г. Х, 1825, въ унив. тип. (здѣсь рѣчи *Богородицкаго* и *Дьячкова*) 12) Conspectus lectionum. Ch., typis ac., MDCCCXXV, 13 стр. У Фойгта еще находимъ: 13) *Дембаха*. Нѣмецкая хрестоматія; 14) *Зайченковскаго*. Словарь. *Въ 1826 году*: 1) *Кронебергъ* Ив. Амалтея. Часть 2-я. Х., 1826, въ унив. тип., 142, 125, IV; 2) *Кричевская* Люб. Историческіе анекдоты. Х., 1826, въ универс. тип.; 3) *Кричевская* Люб. Нѣтъ добра безъ награды, драма въ 3-хъ д. Х.; 4) Всемірная исторія Ст. *Есикорскаю*. Изд. 2-е. Х., 1826, въ ун. тип.; 5) *Робушъ* Мих. Теорія ариѳметики. Изд. 2-е. Х., 1826, въ ун. тип.; 6) Грамматика латинскаго языка, изд. Харьк. универс. 5-е изд., 1826, 223 стр.; 8) Conspectus lectionum. Charc., typis acad., MDCCCXXVI, 13 стр. У Фойгта еще упомянуты: 8) *Пауловича*. Письма; 9) Рѣчь *Еллинскаго* (De inflammationis causa proxima) и *Затеплинскаго* (Объ успѣхахъ ума въ астрономіи). *Въ 1827 году*: 1) Рѣчи, произнесенныя въ торж. собр. Имп. Харьк. унив. 30 августа 1827 года. Х., 1827, въ унив. тип. (здѣсь рѣчи *Книгина* и *Артемовскаго-Гулака*); 2) Lectiones publicae. Ch., typis ac., MDCCCXXVII, 13 стр. *Въ 1828 году*: 1) *Пауловичъ* К. Конспектъ римскаго правовѣдѣнія. Х., 1828, 77 стран.; 2) Рѣчи, произнесенныя въ торжеств. собр. Имп. Харьк. унив. 30 августа 1828 года. Х., 1828, въ унив. тип., 35 стр. (здѣсь рѣчи *Блументаля* De cranii perforatione и *Черняева* О пользѣ отечественныхъ злаковъ); 3) Рѣчи, произнесен-

чителѣ-литераторѣ А. А. Перовскомъ достигаютъ своего минимума (колеблются между 12 и 2; за 5 лѣтъ съ 1825 по 1830 годъ было напечатано всего 34 сочиненія, т. е. менѣе 7 сочиненій въ годъ); въ попечительство Филатьева и Головкина онѣ колеблются между 13 и 5;

ныя въ залѣ торж. собр. Имп. Харьк. унив. въ 1-й день сентября 1828 г., при начатіи новаго курса ученія. X., 1828, въ ун. тип. (здѣсь рѣчи *Артемовскаго-Гулака, Маурера* и *Брандейса*); 4) Lectiones publicae. Ch., typis ac., MDCCCXXVIII, 21 стр. *Въ 1829 году*: 1) К. *Пауловичъ*. Конспектъ или краткое обозрѣніе дипломатики вообще. X., въ ун. тип., 93 стр., 1829; 2) *Туранскій* Адріанъ. Любовникъ лѣкарь, ком. въ 2-хъ д., перев. изъ Мольера. X., 1829, въ ун. тип., 40 стр.; 3) *Павловъ* А. Два арестанта, ком. въ 1 д, X., 1829, въ ун. тип., 26 стр.; 4) Слово на выборъ судей, произнесенное Виталіемъ, Харьк. еп. X., 1829, 17 стр.; 5) Рѣчи, произнесенныя въ торж. собраніи Имп. Харьк. унив. 30 августа 1829 года. X., 1829, въ унив. тип. (здѣсь рѣчи *Брандейса* *Ἡ μεταψυχρικὴ θεράπεια* и *Золотарева* О важности и необходимости занятій въ отеч. языкѣ); 6) Lectiones publicae. Ch., typis acad., MDCCCXXIX, 24 стр. У Фойгта прибавлена: 7) *Ганмау*—диссертація. *Въ 1830 году*: 1) Брошюрки, изд. Ив. *Кронебергомъ*. №№ 1, 36 стр., 2, 3. X., 1830, въ ун. тип.; 2) Нѣмецкая хрестоматія, собранная и изданная *Ольдемборгеромъ*. X., 1830, въ ун. тип.; 3) Рѣчи, произнесенныя въ торж. собр. Имп. Харьк. унив. 30 августа 1830 г. X., 1830, въ унив. тип. (здѣсь рѣчи *Маурера* De pronuntiatione linguae graecae и *Венедиктова* О динамическомъ способѣ изъясненій образ. явленій орган. природы); 4) Наставленіе о лѣченіи болѣзни, наз. холера, изд. Мед. Сов. X., 1830, въ ун. тип., 16 стр. У Фойгта находимъ еще: 5) *Кронеберга*. Compendium antiquitatum romanarum; 6) Cr. Sallustius, ed. prof. *Kroneberg*; 7) *Маурера*. Таблица о склоненіи и спряженіи лат. и греческ. яз.; 8) Начальныя основанія латинскаго языка; 9) Lectiones publicae. Ch., typis ac., MDCCCXXX, 24 стр. *Въ 1831 году*: 1) Украинскій альманахъ. X., 1831, въ унив. тип., 136 стр.; 2) Брошюрки, изд. Ив. *Кронебергомъ*. №№ 4—6. X., 1831, въ ун. тип.; 3) Щельменко. Ком. въ 3 д. X., 1831, въ унив. тип.; 4) Краткое руководство къ познанію ариѳметики, Мих. *Робуша*. Новое изд. X., 1831, въ ун. тип.; 5) Таблица латинскаго синтаксиса, сост. И. *Кулжинскимъ*. X., 1831, въ ун. тип.; 6) Поясненіе на способъ Свободскаго дѣлать вычисленія на счетахъ. X., 1831, въ унив. тип., 31 стр.; 7) Рѣчи, произнесенныя въ торжеств. собр. Имп. Харьк. унив. 30 августа 1831, въ унив. тип. (здѣсь рѣчи *Пауловича* De origine artis diplomaticae, *Рейпольскаго* О холерѣ и стих. *Якимова* Даръ слова); 8) Собраніе примѣровъ для наставленія юношества въ начальномъ познаніи лат. языка. X., 1831, въ унив. тип., 119 стр.; 9) Lectiones publicae univ. Carcov. Ch., typis univ. MDCCCXXXI, 24 стр. *Въ 1832 году*: 1) Гимны Святит. Митрофану. Соч. Н. *Севастьянова*. X., 1832, въ унив. тип.; 2) Обозрѣніе десмургіи, Ник. *Еллинскаго*, т. 1—2. X., 1832, въ унив. тип., т. 2-й, 521 стр.; 3) Краткая грамматика рус. языка, изд. И. *Кулжинскимъ*. X., 1832, въ универс. тип. 103 стр.; 4) Рѣчь объ основныхъ формахъ, произнесенная въ торжественномъ собраніи Императ. Харьк. университета 30 августа 1832 года Ѳ. *Чановымъ*. X., 1832, въ унив. тип., 128 стр.; 5) Объявленіе публ. препод. наукъ въ Императ. Харьк. университетѣ. X., 1832, въ унив. тип. (то-же и

очевидно, попытки графа Головкина и Панина возродить угасавшую научно-литературную дѣятельность университета еще не привели къ виднымъ практическимъ послѣдствіямъ, хотя все-таки теперь замѣчается нѣкоторый прогрессъ сравнительно съ эпохой А. А. Перовскаго. Слѣ-

---

на латин. языкѣ); 6) Гребная служительница (повѣсть). X., 1832, въ унив. тип.; 7) Словацкія пѣсни. X., 1832, въ унив. тип.; 8) Брошюрки, изд. Ив. *Кронебергомъ*, № 7—9. X., 1832, въ унив. тип.; 9) Luciani libellus de somnio, ed. *E. Maurer*. Ch., 1832, typis un.; 10) Conspectus rei obstetriciae — *Blumental*, 1832, typis univ., 215 p. У Фойгта еще упоминается: 11—12) диссертаціи *Криворотова* и *Гордѣенка* 1-го. *Въ 1833 году*: 1) *Гренбергъ*. Разсужденіе объ отношеніи, въ которомъ находится общее право къ положительному праву, къ философіи положительнаго права, къ политикѣ и этикѣ. X., 1833, въ унив. тип., 59 стр.; 2) Утренняя звѣзда. Кн. 1—2, 170, 100 стр. X., 1833; 3) Брошюрки, изд. Ив. *Кронебергомъ*, № 10. X., 1833, въ унив. тип.; 4) *Степановъ* Тихонъ. Рѣчь о сущности, важности и назначеніи полит. наукъ, произнесенная въ торж. собр. Имп. Харьк. унив. 30 августа 1833 г. X., 1833, 64 стр.; 5) *Срезневскій* Измаилъ. Запорожская старина. Часть 1-я. X., 1833, въ унив. тип.; 6) Краткое руководство къ познанію алгебры, изд. пр. *Робушемъ*. X., 1833, въ унив. тип.; 7) Обозрѣніе публ. препод. наукъ. X., 1833, въ унив. тип.; 8) Ссыльный (русская повѣсть), соч. Ив. *Иноземцева*. X., 1833, въ ун. тип.; 9) De affinitate linguae slavicae et sanscritae, B. *Dorn*. X., 1833, въ университ. тип. 154 р.; 10) Lectiones publicae. Ch., typis acad., MDCCCXXXIII, 19 стр. У Фойгта еще говорится: 11) о рѣчи *Комлишинскаго* (Ueber den Hagel und Hagelableiter). *Въ 1834 году*: 1) Малороссійскія пословицы и поговорки. Собр. *В. И. Н. С.* X., 1834, въ унив. тип., 34 стр., 2) Обозрѣніе публ. преподаванія наукъ въ Имп. Харьк. унив. X., 1834, въ унив. тип.; 3) Рѣчи, произнесенныя въ торж. собр. 30 августа 1834 года. X., 1834, въ универс. тип. (здѣсь рѣчи *Громова* Divisio medicamentorum, 24 стр. и *Якимова* О краснорѣчіи, 16 стр.); 4) Ciceronis oratio pro lege Manilia, ed. *Kroneberg*; 5) *Блументаля*. Pyretologia systematica. Ch., 1834, 187 p. *Въ 1835 году*: 1) *Кронебергъ* Иванъ. Минерва. Часть 1—4. X., 1835, въ унив. тип., 1-я часть—283 стр., 2-я часть—291 стр. и часть 3-я болѣе 304 стр.; 2) Никита *Дьяченко*. Разсужденіе объ успѣхахъ послѣ Эйлера сдѣланныхъ въ нахожденіи интеграловъ. X., 1835, 46 стр.; 3) *Срезневскій* И. Украинская лѣтопись 1640—1657. X., 1835, 183 стр.; 4) Сочиненія и переводы въ стихахъ. *С. Г.* X., 1835, въ унив. тип.; 5) Космографія, соч. Семенкура. Перев. съ франц. С. *Ковалько*. X. 1835; 6) Наука, излагающая правила рецептнаго искусства для врачей, соч. *Фохта*. Пер. съ нѣм. X., 1835; 7) Рѣчи, произнесенныя въ торж. собраніи Имп. Харьк. унив. 30 августа 1835 г. X., 1835, въ уп. тип. (здѣсь рѣчи *Бутковскаго* Diatribe isagogica de statu medicinae и Гавр. *Гордѣенка* О законодательномъ достоинствѣ свода законовъ, 30 стр.). У Фойгта мы еще находимъ: 8) *Маурера*. Три таблицы словъ склоняемыхъ и неизмѣняемыхъ; 9) *Блументаля* Therapia generalis; 10) *Гримберга*. Theorie der Cholera; 11) Selectae e profanis scriptoribus historiae; 12) *Востокова*. Русская грамматика; 13) *Буссе*. Ариѳметика.

дуетъ отмѣтить впрочемъ, что въ изучаемую нами эпоху получили значительное развитіе журналы и труды студентовъ; но это относится уже къ содержанію сочиненій, а на немъ мы здѣсь останавливаться не можемъ. Наконецъ, въ заключеніе замѣтимъ, что представленныя нами свѣдѣнія мы сами не считаемъ совершенно полными и точными — по причинамъ, указаннымъ нами уже въ 1-мъ томѣ этого труда (стр. 431—437). Настоящій перечень составленъ мною на основаніи библіографическаго указателя Чирикова и книги Фойгта, въ которой помѣщенъ по годамъ списокъ сочиненій, изданныхъ въ университетской типографіи. Изъ сопоставленія книги Фойгта съ работой Чирикова, оказывается, что въ 1-й очень много пропусковъ, но зато есть и такія указанія, какихъ нѣтъ у Чирикова. Пришлось такимъ образомъ объединить данныя обоихъ источниковъ. Но Чириковъ приводитъ *подлинныя* и подробныя заглавія сочиненій, а Фойгтъ дѣлаетъ въ этомъ смыслѣ весьма неопредѣленныя указанія; посему въ тѣхъ случаяхъ, когда его данныя не подтверждались Чириковымъ, я ихъ вносилъ особо, въ прибавленіи къ годичному перечню. Изъ сопоставленія тѣхъ и другихъ свѣдѣній обнаружилось, что указанія Фойгта иногда грѣшатъ въ хронологическомъ отношеніи, но это легко объясняется тѣмъ, что сообщенія о печатаніи не всегда совпадали съ данными о выходѣ въ свѣтъ сочиненія. Вообще же данныя Фойгта повидимому позаимствованы изъ оффиціальныхъ источниковъ и потому могутъ быть признаны достовѣрными. Съ другой стороны и трудъ Чирикова имѣетъ одинъ существенный недостатокъ: онъ составленъ главнымъ образомъ по указателямъ и росписямъ книгъ (Смирдина, Ольхина), а не по первоисточникамъ, и потому въ немъ могутъ оказаться неточности. Я по мѣрѣ возможности старался провѣрять его данныя, такъ сказать, по натурѣ, но къ сожалѣнію библіотека Императорскаго Харьковскаго университета довольно бѣдна именно харьковскими изданіями, въ частности изданіями университетской типографіи и потому эта провѣрка была неполна. Думаю впрочемъ, что возможныя неточности не измѣнятъ общихъ выводовъ. Не повліяетъ на ихъ измѣненіе и, такъ сказать, разнокачественность изданнаго матеріала — рядомъ съ толстою книгою или журналомъ въ видѣ статистической единицы у насъ фигурируетъ и тощая брошюрка— потому что эта разнокачественность относится ко всѣмъ годамъ и, слѣдовательно, распредѣляется въ общемъ, по всей вѣроятности, довольно равномѣрно; во всякомъ случаѣ она была и въ цифрахъ перваго десятилѣтія, слѣдовательно, оказала одинаковое вліяніе и на теперешнія, и на прежнія цифры о дѣятельности типографіи.

Обратимся теперь къ учебновспомогательнымъ учрежденіямъ отдѣльныхъ факультетовъ.

Въ вѣдѣніи *словеснаго* факультета былъ *минцъ-кабинетъ*, судьба котораго до 1815 г. была изложена мною въ 1-мъ томѣ „Опыта исторіи Харьковскаго университета". Сообщимъ теперь свѣдѣнія о немъ за время съ 1815 по 1836 годъ.

О нумизматическомъ кабинетѣ съ 1815 по 1836 годъ у Фойгта сказано очень мало. „Послѣ 1813 г. число монетъ и медалей минцъ-кабинета постоянно увеличивалось какъ Высочайшими дарами Августѣйшихъ особъ и пожертвованіями частныхъ лицъ, такъ и покупкою и отчасти размѣнами. Въ 1825 году отъ щедротъ Императрицы Елизаветы Алексѣевны въ 2 раза передано 19 золотыхъ, 13 серебряныхъ и 37 бронзовыхъ медалей; сверхъ того въ золотой оправѣ большой сердоликовый медальонъ съ изображеніемъ на одной сторонѣ Имп. Александра I, а на другой—Россіи, торжествующей побѣду надъ Франціей. По Высочайшему повелѣнію Императора Николая Павловича поступило 4 древнихъ серебряныхъ рубля изъ числа 199 штукъ, найденныхъ въ Рязани, 8 золотыхъ и 5 серебряныхъ персидскихъ монетъ, оцѣненныхъ въ 898 р. сер.; одна изъ нихъ, имѣющая четыреугольную форму, вѣсомъ 94 золотника; 49 серебряныхъ русскихъ копѣекъ изъ числа найденныхъ въ Новгородской губ. Отъ частныхъ лицъ: отъ бывшаго Таврическаго вице-губернатора Лонгинова—9 мѣдныхъ очень рѣдкихъ Босфорскихъ и Ольвіопольскихъ монетъ, отъ директора Таганрогскихъ училищъ Монне — 122 мѣдныхъ большею частью Босфорскихъ и Пантикапейскихъ монеты. Куплена у д-ра Шпревица коллекція восточныхъ серебряныхъ и мѣдныхъ монетъ числомъ 1171. Приведеніе монетъ и медалей минцъ-кабинета въ систематическій порядокъ началось съ 1826 года. До тѣхъ поръ имѣлись при кабинетѣ простыя описи, въ которыхъ главное вниманіе было обращено на металлъ и число: хронологическій порядокъ не былъ соблюдаемъ, даже монеты одного и того же государства помѣщались въ разныхъ ящикахъ. Орд. проф. Даниловичъ, принявъ въ 1826 году кабинетъ въ свое вѣдѣніе, приступилъ немедленно къ приведенію его въ порядокъ. Памятникомъ его заботливости о кабинетѣ остался обширный систематическій каталогъ на латинскомъ языкѣ, служившій главнымъ пособіемъ при дальнѣйшихъ занятіяхъ по кабинету. Впрочемъ, проф. Даниловичъ описалъ не всѣ монеты; притомъ кабинетъ постоянно пополнялся новыми экземплярами даже цѣлыми коллекціями. Представилась необходимость въ дополненіяхъ, если не передѣлкѣ каталога вновь" [1]).

[1]) Ист. Ст. Зап., стр. 39—43.

Дополнимъ эти скудныя данныя нѣкоторыми подробностями [1]. Сначала (съ 1804 г.) нумизматическій кабинетъ помѣщался вмѣстѣ съ библіотекою; ключи же отъ ящиковъ его находились у ректора. Съ 1815 года послѣ описи, которую предполагало сдѣлать словесное отдѣленіе, этотъ кабинетъ перешелъ въ завѣдываніе профессора Успенскаго. При немъ монеты и медали помѣщались въ комодахъ и особомъ запертомъ шкафѣ. Успенскій испросилъ у правленія разрѣшеніе сдѣлать еще 6 шкафовъ со стеклами, чтобы придать коллекціи лучшій видъ. Проф. Успенскій по возможности разобралъ минцъ-кабинетъ и расположилъ его въ хронологическомъ порядкѣ по народамъ, кромѣ древнѣйшихъ, греческихъ и римскихъ, для помѣщенія коихъ не было ящиковъ; а когда ящики были приготовлены, ихъ негдѣ было поставить — тогда рѣшено было открыть и вынести шкафъ, запертый еще проф. Дегуровымъ; его открыли и сдали подъ росписку проф. Успенскому. По смерти Успенскаго кабинетъ былъ порученъ проф. Рейту, который вмѣстѣ съ тѣмъ завѣдывалъ и библіотекой. Новый попечитель округа Е. В. Карнѣевъ, осмотрѣвъ учебновспомогательныя учрежденія университета, нашелъ, что нумизматическій кабинетъ находится (вмѣстѣ съ библіотекой) въ наиболѣе запущенномъ состояніи и объяснялъ это тѣмъ, что оба учрежденія находились въ вѣдѣніи одного и того же лица, которое само заявило попечителю, что не имѣетъ времени заниматься и кабинетомъ, и библіотекой. Е. В. Карнѣевъ предложилъ университету избрать для завѣдыванія минцъ-кабинетомъ одного или двухъ профессоровъ и съ своей стороны находилъ для этого наиболѣе способными Дудровича и Кронеберга, съ тѣмъ, чтобы они привели его въ порядокъ и составили ему описаніе, и такъ какъ кабинетъ не имѣлъ даже простой описи, то необходимо было членамъ правленія его освидѣтельствовать и затѣмъ уже передать счетомъ и вѣсомъ порознь вещи золотыя, серебряныя и прочихъ металловъ. Совѣтъ предписалъ правленію освидѣтельствовать кабинетъ и сдать Дудровичу и Кронебергу. Послѣдніе донесли, что назначили для приведенія кабинета въ порядокъ по 2 дня въ недѣлю— послѣобѣденное время и намѣрены на первыхъ порахъ представить только общее описаніе, т. е. названіе каждой монеты съ обозначеніемъ ея даты и народа; подробное же описаніе можетъ быть составлено впослѣдствіе самимъ хранителемъ, затѣмъ они прибавляли, что не могутъ обѣщать закончить описанія къ концу 1828 года, какъ того тре-

[1]) Они позаимствованы изъ данныхъ Харьковскаго университетск. архива: Дѣло прав. № 1333/63 1818 г.; Д. поп. №№ 440/22, 1408/80, 1444/82, 2184/134, 1586/92, 1111/63; Д. сов. 1817 г. № 29; Д. поп. №№ 1125/63, 990/50, 1205/67, Д. правленія № 2627/147; Д. поп. 2351/139.

бовалъ попечитель, просили прежнихъ описей или по крайней мѣрѣ свѣдѣній о поступленіи предметовъ и наконецъ указывали на неточность вѣсовъ, употреблявшихся при взвѣшиваніи. Профессоръ Книгинъ, которому совѣтъ поручилъ осмотрѣть всѣ кабинеты, въ томъ числѣ и нумизматическій, далъ о немъ слѣдующій отзывъ. „Трудами проф. Дудровича и Кронеберга, писалъ Книгинъ, составлена уже общая опись, съ показаніемъ названія каждаго предмета и съ означеніемъ всякаго экземпляра особымъ номеромъ, показаннымъ на тѣхъ бумажкахъ, въ которыхъ они завернуты; эта опись будетъ представлена ими скоро въ совѣтъ; число всѣхъ предметовъ простирается до 12000, и раздѣлены они на 8 отдѣленій (золотые, серебряные, мѣдные, бронзовые, оловянные, свинцовые, каменные и деревянные). Большая часть ихъ распредѣлена на эти отдѣлы и заключается въ 12 шкафахъ; для остальныхъ необходимы новые шкафы". Дудровичъ и Кронебергъ писали въ концѣ 1828 года въ совѣтъ, что монеты и медали, числомъ 12000, приведены въ извѣстность, имъ составлена общая опись и они сложены по металламъ въ 12 ящиковъ; по этой же описи легко будетъ хранителю составить систематическую, подробную; работали они день и ночь и теперь просили принять отъ нихъ кабинетъ и ключи. Хранителемъ кабинета совѣтъ большинствомъ голосовъ избралъ проф. Рейта. Но попечитель потребовалъ, чтобы раньше было опредѣлено, къ какому факультету нужно отнести мюнцъ-кабинетъ, а потомъ уже изъ этого факультета выбрать профессора или адъюнкта. Тогда совѣтъ избралъ въ хранители адъюнкта словеснаго отдѣленія Куницкаго (за отказомъ Джунковскаго и Кронеберга). Попечитель утвердилъ этотъ выборъ и сообщилъ совѣту, что за успѣшное веденіе дѣла готовъ будетъ исходатайствовать приличное вознагражденіе. Но вскорѣ мюнцъ-кабинетъ былъ переданъ новымъ попечителемъ А. А. Перовскимъ въ вѣдѣніе проф. Даниловича, который занимался имъ съ примѣрнымъ усердіемъ и представилъ въ 1826 году на 74 листахъ описаніе 5988 монетъ, въ томъ числѣ древнихъ греческихъ и римскихъ, представившихъ наиболѣе труда для опредѣленія, было 1482. Кромѣ того онъ отдѣлилъ настоящія монеты и медали отъ поддѣльныхъ, рѣдкія отъ обыкновенныхъ, съ наиболѣе знаменитыхъ снялъ палеографическія надписи, объяснилъ наименѣе извѣстныя. Римскія монеты были расположены по металламъ, а греческія и новѣйшія — въ систематическомъ порядкѣ. Изслѣдованія проф. Даниловича открыли, что мюнцъ-кабинетъ Харьковскаго университета занималъ безспорно первое мѣсто между такими же кабинетами другихъ русскихъ университетовъ, особенно же былъ богатъ польскими и литовскими монетами и медалями и содержалъ чрезвычайно рѣдкія мо-

неты и медали—англійскія, германскихъ императоровъ, новгородскія и псковскія, богемскія и польскія, пантикапейскія, ольвійскія, аѳинскія и достаточное число восточныхъ. Изъ 5782 монетъ и медалей древнихъ было 1287 штукъ, русскихъ — 1007, литовско-польскихъ — 3500. Даниловичъ оставался завѣдующимъ до 1829 г., когда его смѣнилъ профессоръ восточныхъ языковъ Дорнъ. Въ 1831 году попечитель Филатьевъ распорядился о переводѣ нумизматическаго кабинета въ тотъ корпусъ, гдѣ помѣщался институтъ казеннокоштныхъ студентовъ. Послѣ Дорна трудно было, очевидно, найти ему преемника въ завѣдываніи мюнцъ-кабинетомъ и онъ былъ порученъ почему то профессору астрономіи Затеплинскому, который страдалъ психическимъ разстройствомъ и послѣ него принимать кабинета никто не хотѣлъ. Тогда совѣтъ въ 1834 году избралъ въ хранители его, вопреки его желанію, профессора политической экономіи Тихона Ѳедоровича Степанова. Этотъ послѣдній, не имѣя возможности освободиться отъ этой тяжелой и отвѣтственной обязанности, написалъ слѣдующее преисполненное отчаянія письмо къ попечителю гр. Головкину. „Вынуждаемый необходимостью обстоятельствъ я осмѣливаюсь утруждать ваше сіятельство моимъ всенижайшимъ прошеніемъ. Совѣтъ Харьковскаго университета поручилъ мнѣ смотрѣніе за минцъ-кабинетомъ, такъ какъ проф. Затеплинскій, исправлявшій эту обязанность, совсѣмъ уволенъ изъ университета. Я, видя совершенную невозможность принять на себя новую обязанность, подалъ прошеніе въ совѣтъ объ увольненіи меня отъ нея и представилъ вѣскія тому причины. Я прописалъ въ прошеніи, что прошло только два года, какъ я занялъ каѳедру политической экономіи и дипломатики и что на обработку своихъ лекцій я долженъ посвящать много времени, а принятіе и первоначальное занятіе мюнцъ-кабинетомъ можетъ лишить меня досуга въ продолженіе многихъ мѣсяцевъ, что совѣтъ уже возложилъ на меня должность синдика, которую я несу болѣе года и которая сопряжена съ различными затрудненіями и часто отклоняетъ меня отъ ученыхъ занятій. Кромѣ того я представилъ совѣту, что для настоящаго наблюденія за минцъ-кабинетомъ нужно особенное знаніе древнихъ и восточныхъ языковъ, по крайней же мѣрѣ надобно хорошо умѣть отличать монеты и самые металлы, изъ которыхъ онѣ состоятъ, а я не только въ надлежащей степени, но и поверхностно не знакомъ съ этимъ. Я полагалъ, что эти причины достаточны для убѣжденія совѣта, чтобы уволить меня отъ этой новой обязанности; но совѣтъ рѣшительно отказалъ въ моей просьбѣ. Ваше сіятельство! Всенижайше прошу васъ обратить ваше милостивое вниманіе на это дѣло. Минцъ-кабинетъ заключаетъ въ себѣ множество разныхъ монетъ и притомъ

дорогихъ — опись имъ была сдѣлана проф. Даниловичемъ. По отъѣздѣ же его въ Петербургъ, совѣтъ возложилъ надзоръ за минцъ-кабинетомъ на проф. Затеплинскаго, который, страдая душевною болѣзнію, не могъ обращать на него должнаго вниманія. Теперь же, по причинѣ усилившейся болѣзни, онъ рѣшительно не въ состояніи сдать всѣ монеты въ надлежащей исправности, о чемъ и подалъ въ совѣтъ прошеніе въ то время, какъ разбиралось и мое прошеніе. Къ удивленію, совѣтъ почти не сдѣлалъ на него никакого замѣчанія и опредѣлилъ, чтобы я принялъ минцъ-кабинетъ въ свое завѣдываніе. Въ совѣтѣ, въ качествѣ экстраординарнаго профессора, я не засѣдаю, защитниковъ же въ свою пользу имѣлъ немногихъ и притомъ тѣхъ, которые завѣдуютъ другими кабинетами, прочіе же члены сами старались избѣжать означеннаго порученія. Вотъ почему палъ на меня этотъ жребій. Между тѣмъ другіе профессора имѣютъ болѣе средствъ къ исправленію этой обязанности, такъ напримѣръ, Маурерь и Дорнъ, преподающіе: первый греческій языкъ, а второй восточные языки и имѣющіе мало занятій по своимъ предметамъ, проф. Артемовскій - Гулакъ, преподающій русскую исторію, проф. Криницкій, преподающій минералогію, хотя онъ уже и завѣдываетъ минералогическимъ кабинетомъ, и нѣкоторые другіе профессора. Есть изъ нихъ такіе, которые не исправляютъ никакихъ должностей и занимаютъ профессорскія мѣста по 10 и болѣе лѣтъ. Осмѣливаюсь представить несчастныя мои отношенія къ Харьковскому университету. Я давно уже страдалъ, терпѣлъ отъ нѣкоторыхъ членовъ его притѣсненія и непріятности. Меня нѣсколько лѣтъ отдаляли отъ занятія каѳедры политической экономіи и дипломатіи. Истощенный безмѣрными трудами и бѣдностію, я доходилъ до самаго жалостнаго состоянія. Провидѣніе меня спасло. Баронъ Мейендорфъ, управлявшій коммиссіей погашенія долговъ чрезъ посредство другихъ обратилъ вниманіе на мои ученые труды, вызвалъ меня въ Петербургъ. Сочиненія мои доставили мнѣ профессорское мѣсто въ Харьковскомъ университетѣ, вопреки желанію разныхъ его членовъ. Ваше сіятельство! Мнѣ уже 40 лѣтъ жизни и только 2 года, какъ я получилъ это мѣсто; нѣкоторые же товарищи мои по ученію уже занимаютъ профессорскія каѳедры по 12 лѣтъ. Ученые труды сильно поколебали мое здоровье и лишили меня всѣхъ постороннихъ выгодъ, такъ что до настоящаго времени я не имѣю рѣшительно никакого состоянія, даже не пользуюсь собственнымъ столомъ и удобной квартирою. Въ случаѣ смерти меня должно было бы погребсти общественнымъ благодѣяніемъ. Можетъ быть, я одинъ только такой между сочленами! Вотъ какое горестное мое положеніе! Не ужасно ли теперь видѣть себя притѣсняемымъ и подвергае-

ымъ не только опасности лишиться куска хлѣба, но, можетъ быть, гораздо большей, и притомъ безвинно? Ректоръ Кроненбергъ не знаю почему, никогда мнѣ не благопріятствуетъ. Онъ безъ сомнѣнія много содѣйствуетъ тому, что на меня безпрерывно возлагаютъ разныя обязанности, такъ, напримѣръ, весь іюль мѣсяцъ я былъ депутатомъ отъ университета при экзаменахъ, происходившихъ въ пансіонахъ; теперь опять исправляю должность экзаменатора по историческимъ наукамъ для поступающихъ въ студенты, но я и не отказываюсь отъ этихъ должностей, коль скоро имѣю возможность исправлять ихъ. Артемовскій-Гулакъ равно дѣйствуетъ противъ меня, можетъ быть, завидуя бѣдной моей ученой извѣстности. По этой причинѣ и ревностная моя и усердная по институту благородныхъ дѣвицъ 9-лѣтняя служба осталась почти безъ всякаго вознагражденія! Умоляю ваше сіятельство принять мою участь подъ непосредственное ваше покровительство — безъ этого меня принудятъ совсѣмъ оставить университетъ. Если не для меня, ибо я уже привыкъ по всевозможнымъ бѣдственнымъ лишеніямъ, то по крайней мѣрѣ для пользы, которую я смѣю надѣяться принести службою царю и отечеству, ваше сіятельство, удостойте меня вашей защиты. Будьте тѣмъ моимъ благодѣтелемъ, котораго избираетъ чистая моя совѣсть. Съ глубочайшимъ почтеніемъ и вѣчною преданностію имѣю счастіе быть вашего сіятельства всенижайшій слуга Тихонъ Степановъ" (22 сентября 1834 г.).

Попечитель гр. Ю. А. Головкинъ освободилъ проф. Степанова отъ возложенной на него совѣтомъ обязанности и назначилъ на его мѣсто проф. Маурера. Письмо проф. Т. Степанова представляетъ большой интересъ не только для характеристики печальнаго состоянія, въ которомъ находился въ это время мюнцъ-кабинетъ, котораго всѣ избѣгали, какъ чумы, но и для характеристики самого проф. Степанова и его отношеній къ членамъ совѣта и попечителю. Дѣйствительно, нельзя не признать страннымъ выбора въ хранители кабинета профессора политической экономіи, не имѣвшаго никакой подготовки къ возложенной на него обязанности. Быть можетъ, руководствовались тѣмъ соображеніемъ, что и прежде эту обязанность несъ профессоръ дипломатики Данилевичъ. Но онъ занимался спеціально литовско-русскимъ и польскимъ правомъ и древностями и область нумизматики, въ особенности западнорусской, не была чужда ему. Проф. же Степановъ читалъ дипломатію и политическую экономію. На печальныя размышленія наводитъ тотъ фактъ, что среди тогдашнихъ профессоровъ Харьковскаго университета не было ни одного человѣка, который по собственной охотѣ взялъ бы въ свое вѣдѣніе такое замѣчательное учебновспомогательное учрежде-

ніе, какимъ былъ мюнцъ-кабинетъ и его приходилось навязывать лицу, къ нему совершенно равнодушному и неподготовленному; здѣсь нельзя не видѣть равнодушія профессоровъ къ учебно-преподавательской и ученой дѣятельности университета. Неудивительно, что при такихъ условіяхъ попечителямъ округа приходилось употреблять энергическія мѣры воздѣйствія на профессоровъ для побужденія ихъ къ заботѣ объ этомъ кабинетѣ. Неудивительно, что одному изъ нихъ принадлежитъ руководящая роль и въ дѣлѣ пополненія нумизматической коллекціи: благодаря А. А. Перовскому, университетъ пріобрѣлъ для мюнцъ-кабинета замѣчательную коллекцію Шпревитца. Онъ возбудилъ это дѣло, онъ велъ сношенія по поводу его съ академикомъ Френомъ и министерствомъ, извѣстилъ университетъ о пріобрѣтеніи коллекціи и распорядился о выдачѣ за нее 10000 рублей изъ его хозяйственныхъ суммъ. Министру народнаго просвѣщенія кн. К. Ливену въ 1828 году А. А. Перовскій писалъ. „Мюнцъ-кабинетъ Харьковскаго университета, по рѣдкости и примѣчательности предметовъ, его составляющихъ, вообще заслуживаетъ особеннаго вниманія, но по неполнотѣ своей въ нѣкоторыхъ частяхъ онъ не имѣетъ, такъ сказать, всей надлежащей цѣнности. Пополненіе этого недостатка, по моему мнѣнію, необходимо для пользы университета. Имѣя нынѣ случай пріобрѣсти отличное — преимущественно рекомендуемое Императорской академіи наукъ академикомъ Френомъ — собраніе восточныхъ монетъ доктора Шпревитца, коего музей столько извѣстенъ въ Европѣ, особенно въ Англіи, я считаю своимъ долгомъ испросить на это соизволенія вашей свѣтлости. Цѣна, за какую, по объясненію акад. Френа, можетъ быть уступлено сказанное собраніе монетъ, въ прилагаемомъ при этомъ каталогѣ обозначенныхъ, десять тысячъ рублей, которые полагалъ бы употребить изъ хозяйственной суммы Харьковскаго университета. И если таковое предположеніе мое удостоится одобренія вашей свѣтлости, то не благоугодно ли будетъ приказать снестись съ упоминаемымъ академикомъ Френомъ, который принимаетъ на себя пріобрѣтеніе означенныхъ монетъ для Харьковскаго университета и сношенія по этому предмету съ докторомъ Шпревитцемъ. Изъ послѣдне-полученной вѣдомости о суммахъ Харьковскаго университета за май мѣсяцъ этого года, видно, что къ 1 іюня оставалось при университетѣ хозяйственной суммы на лицо банковыми билетами 130000 рублей“. Министръ изъявилъ свое согласіе и попечитель увѣдомилъ объ этомъ академика Френа, который написалъ ему слѣдующее письмо. „Вслѣдствіе почтеннѣйшаго отношенія вашего отъ 24 августа увѣдомилъ я доктора Шпревитца въ Москвѣ о томъ, что его свѣтлости г-ну министру угодно было изъявить свое

согласіе на покупку у него восточнаго минцъ-кабинета для Харьковскаго университета, прося вмѣстѣ съ тѣмъ уложить его прочнымъ образомъ и отправить сюда, на чье имя ему угодно. Д-ръ Шпревитцъ прислалъ кабинетъ этотъ ко мнѣ $1^1/_2$ мѣсяца тому назадъ, притомъ съ просьбою, чтобы продолженіе этого дѣла я принялъ на себя. Я бы тотчасъ увѣдомилъ ваше превосходительство о присылкѣ сюда этого кабинета, для принятія дальнѣйшихъ приказаній вашихъ, но счелъ за лучшее напередъ означенное собраніе провѣрить съ каталогомъ и донесеніемъ своимъ повременить, пока въ состояніи буду дать вашему превосходительству не только вѣрное въ разсужденіи его заключеніе, но еще донести и о перепискѣ, какая по случаю означенной провѣрки возникла между мною и хозяиномъ собственности въ пользу Харьковскаго университета. Провѣряя этотъ кабинетъ съ особеннымъ стараніемъ и всевозможною точностію, мнѣ весьма пріятно сказать, что все собраніе его нашелъ я въ наилучшемъ порядкѣ и въ совершенномъ согласіи съ принадлежащими къ нему систематическими каталогами; въ нѣкоторыхъ и то въ маломъ только числѣ номеровъ встрѣтилась небольшая разница. О таковомъ обстоятельствѣ сообщилъ я въ тоже время д-ру Шпревитцу и къ счастію удалось ему большую часть ихъ найти у себя, исключая двухъ. Эти двѣ суть: III № 2, которая по каталогу значится монетой города Куфы лѣта 133, вмѣсто нея однако нашелъ я теперь того же мѣста монету, но только 132 года (слѣдовательно дубликатъ III № 1) и III № 130. За этотъ двойной недостатокъ я требовалъ отъ д-ра Шпревитца соразмѣрнаго вознагражденія. Вслѣдствіе этого онъ прислалъ ко мнѣ недавно доставшіяся ему найденныя монеты съ тѣмъ, чтобы я изъ нихъ выбралъ двѣ равнаго достоинства съ тѣми, которыхъ недостаетъ. При разборѣ новаго собранія этого, нашлось сверхъ того еще тридцать другихъ монетъ, которыя желательно бы пріобрѣсти для Харьковскаго университета. Я изъявилъ желаніе объ этомъ д-ру Шпревитцу — и онъ охотно согласился уступить означенное собраніе университету. Сверхъ того д-ръ Шпревитцъ до отправленія еще своего кабинета, вслѣдствіе сдѣланнаго ему отъ меня предложенія, изъявилъ свое согласіе присоединить къ означенному собранію и относящіяся къ значительному числу Джучидскихъ монетъ дублеты, которые въ то время были еще у него и которые имѣютъ такое важное значеніе для Россіи. Этою то двойною добровольною уступкою пріумножилось число собранія, которое по первому конспекту доходило числомъ до 1075, нынѣ возрасло до 1170; мнѣ весьма пріятно, что могу извѣстить ваше превосходительство о таковомъ приращеніи. Впрочемъ, означенные дублеты изъ числа Джучидскихъ монетъ при-

совокуплены къ собранію, къ которому онѣ собственно принадлежатъ и куда слѣдуетъ внести въ каталогъ; прочія (32) затѣмъ вновь поступившія монеты присовокупилъ я въ особомъ сверткѣ къ собранію, такъ какъ роспись имъ находится на особомъ мѣстѣ при каталогѣ. И если бы потребовалось включить ихъ по принадлежности, то въ этомъ не будетъ никакого затрудненія. Такимъ образомъ кабинетъ находится въ готовности къ отправленію, а такъ какъ д-ръ Шпревитцъ довѣряетъ мнѣ въ письмѣ, при этомъ приложенномъ, принять отъ имени его слѣдуемыя за это десять тысячъ рублей, то осмѣливаюсь покорнѣйше просить ваше превосходительство увѣдомить въ свое время о дальнѣйшихъ распоряженіяхъ, какія его свѣтлости благоугодно будетъ сдѣлать. Вмѣстѣ съ состоящимъ нынѣ изъ 1170 монетъ собраніемъ, слѣдуетъ съ моей стороны доставить: 1) рукописный каталогъ ихъ, составленный мною въ 1827 году; 2) списокъ, сдѣланный д-ромъ Шпревитцемъ первыхъ 3-хъ классовъ каталога, гдѣ содержащіяся въ немъ монеты приводятся по порядку ихъ включенія; 3) составленный мною конспектъ этого собранія; 4) списокъ вновь поступившимъ тридцати двухъ монетъ и 5) изготовленный д-ромъ Шпревитцемъ экземпляръ сочиненія De Musei Sprewitz'a Numis Kuficis. Petr., 1825, in 4°. Въ заключеніе не могу не изъявить предъ вашимъ превосходительствомъ удовольствія, какое нахожу въ томъ, что могъ упрочить и пріобрѣсть это прекрасное собраніе для такой страны, которой оно собственно и принадлежитъ, и потому двоякую должно приносить пользу, — собраніе столь богатое не только по рѣдкостямъ своимъ, но и по историческимъ достопамятностямъ, собраніе, которое въ нѣкоторыхъ древнѣйшихъ частяхъ, можно сказать, занимаетъ первое мѣсто послѣ кабинета нашей академіи. Откровенно сказать я опасался, чтобы оно не ушло въ чужіе края. Описаніе, сдѣланное мною въ вышеозначенномъ сочиненіи, о нѣкоторыхъ монетахъ изъ этого собранія, обратило на себя общее вниманіе. И дѣйствительно узналъ я изъ письма Шпревитца, что нѣкоторые спекулянты хотѣли было спровадить его въ Англію. Извѣстно, какія поистинѣ страшныя назначены тамъ цѣны какъ на прочія древности, такъ и на медали и монеты и въ особенности на арабскія. Въ одномъ Лондонскомъ журналѣ за 1825 годъ написано, что въ Лондонѣ одна куфическая монета оцѣнена была во сто фунтовъ стерлинговъ, — цѣна неслыханная. Я весьма радъ, что д-ръ Шпревитцъ предпочелъ настоящее и вѣрное мечтательному и невѣрному. Харьковскому же университету съ пріобрѣтеніемъ этого кабинета не могу не пожелать счастія, и я увѣренъ, что извѣстный тамошній профессоръ восточныхъ языковъ Дорнъ будетъ почтеннаго своего попечителя искренно благодарить, что

попеченіемъ его сдѣлано столь важное для университета пріобрѣтеніе". Слѣдуетъ къ этому прибавить, что академикъ Френъ описалъ восточныя монеты мюнцъ-кабинета Харьковскаго университета и такимъ образомъ имя его съ благодарностью должно быть помянуто въ этомъ послѣднемъ. Благодаря попечителю А. А. Перовскому мюнцъ-кабинетъ обогатился также коллекціей персидскихъ монетъ, отобранныхъ изъ персидской контрибуціи. По Высочайшему повелѣнію, доставлено было въ Харьковскій университетъ 8 золотыхъ и 5 серебряныхъ монетъ, оцѣненныхъ въ 3143 рублей асс. Это пожертвованіе было вызвано слѣдующимъ ходатайствомъ попечителя къ министру финансовъ Канкрину. „Извѣстная всѣмъ любовь къ наукамъ и отечественному просвѣщенію, столь многократными опытами вашимъ высокопревосходительствомъ доказанная, подаетъ мнѣ смѣлость утруждать васъ покорнѣйшею просьбою. Исполненіемъ ея вы окажете важную и незабвенную услугу Харьковскому университету, имѣющему честь считать васъ въ числѣ своихъ почетныхъ членовъ. По порученію вашего высокопревосходительства академикъ Френъ, какъ я недавно узналъ, составилъ 4 собранія персидскихъ монетъ, уже поступившихъ въ Эрмитажъ, Академію наукъ, Публичную библіотеку и Горный корпусъ. Между тѣмъ, Харьковскій университетъ, имѣющій медальный кабинетъ, который послѣ здѣшняго академическаго, самый богатый и замѣчательный въ Европѣ, не воспользовался этимъ единственнымъ случаемъ обогатить свое собраніе и я къ крайнему сожалѣнію долженъ опасаться, что позднее ходатайство мое предъ вашимъ высокопревосходительствомъ теперь уже не можетъ быть успѣшно. При всемъ томъ, усердствуя къ пользамъ ввѣреннаго мнѣ университета, я рѣшился убѣдительнѣйше просить васъ приказать доставить въ Харьковскій мюнцъ-кабинетъ, буде возможно, хотя остатки отъ тѣхъ богатыхъ коллекцій, которые поступили въ упомянутыя выше четыре заведенія. Смѣю льстить себя надеждою, что, покровительствуя всегда наукамъ, вы не откажетесь и въ настоящемъ случаѣ удостоить вниманія мою просьбу, если есть еще къ тому возможность" (1823 г.). О другихъ пріобрѣтеніяхъ замѣтимъ слѣдующее. 4 серебряныя древне-русскія гривны составляли часть клада, найденнаго въ Рязани, и были присланы въ Харьковскій университетъ по Высочайшему повелѣнію въ 1829 г.; другіе экземпляры отправлены были въ Нѣжинскій лицей и гимназіи. Серебряныя копѣйки Михаила Θеодоровича, полученныя мюнцъ-кабинетомъ въ 1825 году, составляли часть клада, найденнаго въ кубышкѣ близь Москвы. Императрица Елисавета Алексѣевна пожертвовала университету 19 золотыхъ медалей, 22 серебряныхъ и 40 мѣдныхъ (а не 13 серебряныхъ и 37 мѣдныхъ,

какъ сказано у Фойгта). Въ 1825 году всѣхъ предметовъ въ нумизматическомъ кабинетѣ было по одному свѣдѣнію 13000, а по другому—14563 штуки; по отчету 1828 года въ кабинетѣ было до 15000 предметовъ; между восточными, описанными Френомъ, были магометанскія, грузинскія, армянскія, индійскія, японскія и китайскія; между ними Френъ нашелъ 15, еще никѣмъ тогда не описанныхъ. Въ концѣ 1833 года нумизматическій кабинетъ заключалъ въ себѣ 18104 монеты и медали цѣною въ 13545 руб.; въ январѣ 1835 года въ немъ находилось 18417 монетъ и медалей, на ту-же сумму. Число предметовъ возрасло, а цѣнность кабинета не увеличилась, потому что всѣ вновь поступившія монеты были пожертвованы, а таковыя повидимому вообще въ оцѣнку не входили. Мы знаемъ, что за коллекцію Шпревитца было заплочено 10000 р., но Чичаговская коллекція, послужившая основнымъ ядромъ кабинета, была пожертвована и, слѣдовательно, въ оцѣнку не входили. Такимъ образомъ, дѣйствительная стоимость нумизматическаго кабинета была гораздо болѣе указанной выше суммы.

Особымъ обиліемъ кабинетовъ отличался физико-математическій факультетъ. *Физическій кабинетъ* въ первое десятилѣтіе пополнялся довольно усердно и на него затрачены были значительныя суммы—болѣе 12000 руб. асс. Въ изучаемый нами двадцатилѣтній періодъ времени пріобрѣтено было въ него предметовъ, какъ это видно изъ книги Фойгта, менѣе чѣмъ на 2000 руб. асс. Другими словами, кабинетъ въ это время пришелъ въ упадокъ. Очевидно, что смѣнившій проф. Стойковича, проф. Комлишинскій мало заботился объ его преуспѣяніи; помощникомъ при немъ былъ Питра. Въ 1826 году въ физическомъ кабинетѣ было 467 машинъ и инструментовъ, въ 1829 году—450, въ 1834 г.—449 на 13920 руб. 95 коп., въ томъ числѣ къ общей физикѣ относились 24 прибора, теоріи свѣта—78, электричеству—90, гальванизму—28, магнетизму—11, звуку—15, теплотѣ—30, ученію о газахъ—18, механикѣ—135. Въ теченіе всего 1834 года не поступило въ кабинетъ ни одного новаго прибора [1].

Астрономическій кабинетъ и *обсерваторія* имѣли еще болѣе печальную судьбу. Съ выѣздомъ проф. Гута изъ Харькова (въ 1811 г.) не было вовсе и профессора астрономіи до 1824 г., когда эту каѳедру занялъ Затеплинскій. При немъ устроена была вмѣсто 1-й извѣстной намъ Гутовской обсерваторіи новая надъ входомъ въ университетскую церковь; одна стѣна ея при постройкѣ рушилась, а затѣмъ она пови-

[1] Я просмотрѣлъ рядъ архивныхъ дѣлъ, спеціально относящихся къ физическому кабинету, но не нашелъ въ нихъ ничего, особенно важнаго (Д. прав. № 1189/56, 1338/64, 1011/46, 2225/135).

димому, совсѣмъ не функціонировала; ни одинъ изъ большихъ инструментовъ въ ней не могъ быть установленъ и она была уничтожена въ 1833 году. Находилась она на проѣзжей улицѣ и была негодна для наблюденій. Не лучше было и состояніе инструментовъ, составлявшихъ астрономическій кабинетъ. Они не починялись, не устанавливались за все время профессорства Затеплинскаго (по 1834 г.); онъ не производилъ никакихъ наблюденій, не выписывалъ для кабинета ни одной книги и принялъ только выписанныя изъ Англіи 2 большіе инструмента—*полуденную трубу* и *стѣнной кругъ*. Первая была получена въ 1829, а второй въ 1833 году. Когда же правленіе университета потребовало отъ Затеплинскаго описанія его, онъ отвѣтилъ, что сдѣлать этого не можетъ „потому что сей инструментъ астрономическій ему совершенно не извѣстенъ". Въ объясненіе этого нужно сказать, что Затеплинскій чуть ли не со времени назначенія своего профессоромъ страдалъ душевнымъ разстройствомъ. „Такимъ образомъ окончилась, говоритъ проф. Г. В. Левицкій, печальная эпопея пріобрѣтенія Харьковскимъ университетомъ большихъ и дорогихъ инструментовъ (полуденная труба стоила около 15000 р. асс.) для обсерваторіи, которая не существовала и которой не предполагали тогда устраивать. Конечно, въ этомъ менѣе всего можно винить начальство университета. Правленіе университета поспѣшило употребить свободныя денежныя суммы на обезпеченіе какъ преподаванія, такъ и ученыхъ работъ по астрономіи, разсчитывая для занятія каѳедры по этой спеціальности на кандидата, рекомендованнаго выдающимися иностранными учеными. Но роковая случайность сдѣлала безплодными благія и имѣвшія казалось всѣ виды на успѣхъ начинанія Харьковскаго университета. Прекрасные для своего времени инструменты перележали свой вѣкъ въ ящикахъ и постепенно пришли въ негодность, доставивъ неосуществившейся тогда Харьковской университетской обсерваторіи печальную извѣстность между русскими астрономами" [1]) Преемникъ Затеплинскаго по каѳедрѣ проф. Шагинъ принялъ въ свое вѣдѣніе астрономическій кабинетъ въ 1834 г., причемъ оказалось, что у полуденной трубы одни части были утеряны, другія попорчены; тѣ-же недостатки оказались и у недавно полученнаго стѣннаго круга. Шагинъ „хлопоталъ о новомъ помѣщеніи для астрономическаго кабинета, имущество котораго распредѣлено было повидимому до сихъ поръ между предметами кабинета физическаго. Правленіе назначило для этой цѣли аудиторію, что напротивъ физиче-

---

[1]) Астрономы и астрон. обсерваторія Харьк. универс. отъ 1808 по 1842 годъ (Зап. Имп. унив. 1893, III, стр. 30).

скаго кабинета". Часть предметовъ Шагинъ представилъ къ исключенію, часть отдалъ въ починку, нѣкоторые новые выписалъ [1]).

При Шагинѣ же въ 1835 г. происходило характерное дѣло о постройкѣ временной обсерваторіи. „Шагинъ, говоритъ профессоръ Г. В. Левицкій, нашелъ въ Харьковѣ новые и дорогіе астрономическіе инструменты, но не нашелъ никакой обсерваторіи. Естественно было, поэтому, ожидать, что одной изъ первыхъ заботъ новаго профессора будетъ устройство обсерваторіи, на первое время хотя бы достаточной для производства наблюденій переносными инструментами и для практическихъ занятій со студентами. И дѣйствительно, уже съ весны 1835 г. возникаетъ дѣло объ устройствѣ при Харьковскомъ университетѣ астрономической обсерваторіи. Чрезвычайно страннымъ, при этомъ, представляется, однако, то обстоятельство, что, судя, какъ по бумагамъ университетскаго архива, такъ и по сохранившимся бумагамъ Шагина, инициатива этого предпріятія исходила, повидимому, не отъ Шагина, а непосредственно отъ помощника попечителя учебнаго округа графа Панина. Панинъ поручилъ архитектору Тону составить планъ и фасадъ „въ дополненіе смѣты, составленной на постройку временной обсерваторіи". Въ тоже время Шагинъ получилъ отъ графа Панина предписаніе избрать удобнѣйшее мѣсто „для постройки временной деревянной обсерваторіи въ Англійскомъ саду, не теряя впрочемъ изъ вида, *чтобы самое выгоднѣйшее и удобнѣйшее мѣсто было оставлено для постоянной обсерваторіи*". Однако, дѣло это, видно, начато было не въ добрый часъ. Шагинъ весьма быстро нашелъ удобное мѣсто гдѣ-то „черезъ дорогу противу каменнаго дома въ Англійскомъ саду". Назначены были торги „на выстройку" обсерваторіи, но, не смотря на то, что объ этихъ торгахъ сдѣлано было „съ кѣмъ слѣдуетъ сношеніе", на торги никто не явился. Послѣ того дважды еще назначались торги и дважды, „учинялся" вызовъ желающихъ торговаться черезъ полицію, но оба раза одинаково безуспѣшно. Тѣмъ временемъ, архитекторъ, справившись съ планомъ университетской земли, донесъ, что выбранное Шагинымъ для обсерваторіи мѣсто университету вовсе не принадлежитъ. Поэтому правленіе поручило Шагину найти новое мѣсто для обсерваторіи. Кромѣ того, ректоръ заявилъ правленію, что обыватель Половинченко, обязавшійся „на многія въ университетѣ подѣлки", берется построить обсерваторію, но не изъ дерева, котораго у него теперь нѣтъ и вскорѣ достать невозможно, а изъ кирпича. Составленная архитекторомъ новая смѣта показала, что каменная башня съ вращающимся деревяннымъ верхомъ обойдется въ 999 р. 96 к. асс., т. е. всего на 47 коп. дороже

[1]) Ibidem, стр. 49.

деревянной. Вышеупомянутое поручение сдѣлано было Шагину 25 іюня, 30-го же того же мѣсяца онъ представилъ правленію весьма странный рапортъ, въ которомъ просилъ указать ему цѣль, для которой будетъ строиться обсерваторія, т. е. предназначается ли она для опредѣленія географической широты и долготы и для опредѣленія времени и полуденной линіи, или же для того, чтобы „дѣлать вполнѣ астрономическія наблюденія такъ какъ слѣдуетъ на постоянныхъ обсерваторіяхъ“ и т. д. въ такомъ родѣ, какъ будто Шагинъ въ первый разъ услышалъ, что въ Харьковѣ думаютъ строить обсерваторію. Затянулась, понятно, новая переписка. Къ тому же Половинченко, „при всемъ убѣжденіи гг. членовъ правленія“, не согласился производить постройку иначе, какъ съ уплатою ему 999 р. ассигнаціями и мѣдною монетою неноламъ. Правленіе въ виду наступающаго осенняго времени вынуждено было согласиться на эту цѣну. Безконечная канцелярская волокита, очевидно, надоѣла помощнику попечителя, поэтому онъ, 8 августа, предписалъ непосредственно Шагину, вмѣстѣ съ Тономъ, немедленно заняться приготовленіемъ матеріаловъ для постройки временной обсерваторіи на городской землѣ, противъ дома, назначеннаго для типографіи, за университетскимъ садомъ (т. е. повидимому, на прежде избранномъ Шагинымъ мѣстѣ). Шагинъ, однако, съумѣлъ отдѣлаться отъ исполненія распоряженія Панина, доведя объ немъ до свѣдѣнія правленія и прося у послѣдняго „начальническаго распоряженія на счетъ предполагаемой постройки“. Дѣло опять благополучно затянулось, хотя Панинъ требовалъ немедленнаго начала постройки и даже приказалъ окончить ее къ 28 сентября, предписавъ Шагину и Тону слѣдить за постройкой. Только 17 августа Шагинъ, „вникнувъ съ принадлежащимъ вниманіемъ въ препоручаемое мнѣ (Шагину) занятіе и желая съ точностью исполнить намѣренія начальства“, представилъ свой собственный, весьма плохо составленный по руководству Pearson'а, планъ временной обсерваторіи, предназначенной для помѣщенія въ ней полуденной трубы Траутона, повторительнаго круга и двухъ часовъ. Конечно, нечего было и думать начать въ текущемъ году постройку по новому плану, который предстояло еще разработать въ деталяхъ архитектору. Поэтому естественнымъ концомъ безплодной переписки о временной обсерваторіи было предписаніе попечителя „оставить дѣло сіе безъ дальнѣйшаго производства“. Къ сожалѣнію, Шагинъ показалъ себя въ этомъ дѣлѣ ловкимъ канцелярскимъ чиновникомъ, но никакъ не профессоромъ астрономіи“.

Къ 1-му января 1835 года въ астрономическомъ кабинетѣ было 30 инструментовъ на 27037 руб. асс.

Существовалъ еще одно время *математическій кабинетъ* или, точнѣе говоря, собраніе *математическихъ инструментовъ*. Въ 1829 году въ немъ было 28 инструментовъ, къ 1 января 1835 г.—25 на 2457 р. Слѣдовательно, не только не было никакой прибыли, а наоборотъ, пришлось, вѣроятно, исключить нѣкоторые предметы за негодностью. Инструменты эти были переданы въ 1834 г. въ вѣдѣніе адъюнкта Шагина, потому что по характеру своему подходили къ астрономическимъ. Быть можетъ, они составляли часть коллекціи, пріобрѣтенной нѣкогда отъ проф. Гута.

Технологическій кабинетъ былъ очень убогъ. Онъ состоялъ главнымъ образомъ изъ моделей машинъ, относящихся къ промышленности и механикѣ. Съ 1814 по 1833 годъ число предметовъ въ немъ равнялось 103. Въ 1829 г. въ немъ было 89 моделей. Съ 1814 г. имъ завѣдывалъ проф. Архангельскій (послѣ Нельдехена), съ 1826 г.—преподаватель технологіи Дьяченко. Въ 1831 г. проф. Вайковъ просилъ совѣтъ о выпискѣ изъ заграницы для него сельско-хозяйственныхъ машинъ и моделей на 2000 руб. Попечитель высказался въ пользу этого ходатайства, но министръ кн. Ливенъ отклонилъ его [1]). Къ 1 января 1885 г. въ немъ было 103 модели на 1909 руб.

Кабинетъ рѣдкостей, который входитъ въ составъ нынѣшняго музея изящныхъ искусствъ, тогда не существовавшаго, состоялъ при технологическомъ кабинетѣ и составлялъ его особый отдѣлъ. Какъ мы знаемъ, онъ былъ основанъ въ 1807 году и заключалъ ничтожное количество предметовъ древностей и этнографіи. Въ 1829 г. въ немъ было 73 предмета рѣдкостей, къ 1 января 1835 г. — 103 предмета. Всѣ они были пріобрѣтены путемъ пожертвованій. Завѣдывалъ имъ въ 1834 г. кандидатъ Дьяченко.

Химическая лабораторія, основанная въ 1804 году, оставалась, повидимому, безъ перемѣнъ. Послѣ Шпауберта, Гизе и Комлишинскаго во весь изучаемый періодъ завѣдывалъ ею профессоръ Сухомлиновъ. Къ 1 января 1835 года въ ней было снарядовъ и инструментовъ 143 на 2509 р., посуды 545 штукъ на 1910 р., разныхъ вещей и мебели на 726 р. Съ основанія до 1825 года на нее затрачено было 9184 р. Въ 1830 году для нея было получено изъ Петербурга значительное количество разныхъ стеклянныхъ и фарфоровыхъ приборовъ на 700 руб. и сверхъ того, по Высочайшему повелѣнію, согласно ходатайству управляющаго департаментомъ горныхъ дѣлъ Е. В. Карнѣева (бывшаго попечителя), отпущено въ даръ изъ лабораторіи горнаго корпуса нѣсколько платиновыхъ приборовъ на 313 руб. Химическая лабораторія не могла

[1]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло поп. № 1549/89.

похвалиться своимъ помѣщеніемъ, какъ это видно изъ рапорта проф. Сухомлинова 1818 года; онъ писалъ, что въ лабораторіи подлѣ навѣса, подъ которымъ находятся печи, во время дождя всегда бывала течь и съ потолка падала штукатурка, угрожавшая цѣлости стеклянной посуды; въ виду этого онъ просилъ объ исправленіи крыши и штукатурки [1]). Работы въ ней происходили. Проф. И. П. Осиповъ предполагаетъ, что химическая лабораторія искони помѣщалась въ томъ корпусѣ, гдѣ находится и въ настоящее время [2]). „Перенесеніе лабораторіи изъ одного мѣста въ другое, говоритъ проф. И. П. Осиповъ, представило бы настолько крупное событіе, что, вѣроятно, сравнительно легко можно было бы разыскать слѣды этого". Изъ представленныхъ мною ранѣе данныхъ о постройкахъ видно, что въ 1834 году химическая лабораторія дѣйствительно помѣщалась приблизительно въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится и нынѣ, занимая тамъ 3 комнаты. Но корпусъ этотъ былъ выстроенъ только въ 1823 году, слѣдовательно, до 1823 года химическая лабораторія помѣщалась не въ этомъ корпусѣ, но гдѣ, въ точности неизвѣстно—въ одномъ изъ тѣхъ зданій, которыми располагалъ университетъ до постройки новыхъ корпусовъ.

Гораздо лучше обставлены были учебновспомогательныя учрежденія, относящіяся собственно къ естественно-историческому отдѣленію физико-математическаго факультета — зоологическій, минералогическій, ботаническій кабинеты и ботаническій садъ. Они служили предметомъ особыхъ заботъ и вниманія попечителей округа, можетъ быть, потому что должны были быть доступны и для широкой публики и создавали въ нѣкоторомъ родѣ репутацію университету.

Зоологическій кабинетъ находился до 1816 года въ завѣдываніи проф. Делявиня, а съ 1816 года онъ ближайшимъ образомъ былъ порученъ въ наблюденіе казеннокоштному студенту В. М. Черняеву [3]), который, однако, скоро отправился въ продолжительную заграничную командировку, и имъ продолжалъ (чисто формально) завѣдывать тотъ

---

[1]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло правл. № 1343/64; отчеты за 1830 и 1834 годы (рукописные).

[2]) „Изъ прошлаго химической лабораторіи Харьк. университета", стр. 9—10.

[3]) В. М. Черняевъ, будучи казеннокоштнымъ студентомъ, занималъ въ то-же время оффиціально должность *смотрителя* зоологическаго кабинета и получалъ сначала за это 150 руб., а потомъ, когда сталъ самъ приготовлять чучелы для него, 300 руб., т. е. столько же, сколько и его предшественникъ—преподаватель фехтовальнаго искусства Ледюкъ. И дѣйствительно, оказывается, что онъ сдѣлалъ за нѣсколько мѣсяцевъ 20 чучелъ млекопитающихъ и птицъ и собралъ за одну весну и лѣто болѣе 1000 насѣкомыхъ и нѣсколько экземпляровъ земноводныхъ (Харьк. унив. архивъ. Дѣло правл. № 1232/58).

же Делявинъ, интересовавшійся одной ботаникой. Такъ дѣло продолжалось до назначенія на постъ попечителя Е. В. Карнѣева (въ 1822 г.).

Попечитель Е. В. Карнѣевъ, осмотрѣвъ учебновспомогательныя учрежденія университета, нашелъ ихъ въ очень печальномъ положеніи, въ особенности зоологическій, минералогическій, минцъ-кабинетъ и библіотеку. Они не имѣли даже полныхъ описей. Въ виду этого, онъ распорядился о скорѣйшемъ приведеніи ихъ въ надлежащій видъ и составленіи имъ описей. Въ 1823 году все устройство должно было быть закончено; въ противномъ случаѣ профессора, въ вѣдѣніи которыхъ они находились, должны были подлежать отвѣтственности. Проф. Делявинъ, завѣдывавшій зоологическимъ кабинетомъ, на вопросъ попечителя, почему нѣтъ описи, сослался на отсутствіе необходимыхъ для этого книгъ. Поэтому университетъ долженъ былъ, по предписанію попечителя, изслѣдовать, насколько это заявленіе было основательно, и по возможности его удовлетворить. Министру народнаго просвѣщенія Е. В. Карнѣевъ послалъ планъ новыхъ университетскихъ построекъ, изъ коихъ одинъ корпусъ, уже отстроенный, предназначалъ для кабинетовъ и предлагалъ для этого сдѣлать въ немъ нѣкоторыя измѣненія (изъ малыхъ комнатъ сдѣлать залы). Благоустройство кабинетовъ подвигалось медленно, и попечитель обратился съ новымъ предписаніемъ, въ которомъ требовалъ: 1) чтобы совѣтъ университета поручилъ одному изъ своихъ членовъ освидѣтельствовать, что было сдѣлано по части благоустройства въ каждомъ кабинетѣ со времени его перваго предложенія, и увѣдомить объ этомъ попечителя, для донесенія высшему начальству; 2) доставлять впредь ежемѣсячныя свѣдѣнія о ходѣ этого дѣла; 3) строжайше наблюсти, чтобы немедленно всѣ вещи въ кабинетахъ были порядочно разложены, дабы по крайней мѣрѣ ихъ можно было обозрѣвать безъ затрудненія (для этого подѣлать шкафы подъ стекломъ, прибавить столы); 4) повсюду сохранять чистоту и опрятность (стирать пыль и паутину).

Совѣтъ поручилъ произвести осмотръ проф. Книгину, который о зоологическомъ кабинетѣ далъ такой отзывъ. „Животныя находятся въ немъ безъ всякаго систематическаго порядка и имъ нѣтъ никакого каталога. Проф. Делявинъ объяснилъ, что у него онъ дома, но ни у него, ни въ библіотекѣ нѣтъ необходимыхъ для точнаго опредѣленія животныхъ книгъ. Но такъ какъ я замѣтилъ, что въ нѣкоторыхъ шкафахъ стоятъ вмѣсто amphybia, mollusca, insecta, то совѣтовалъ ему по крайней мѣрѣ расположить по классамъ животныхъ, на что онъ отвѣтилъ, что расположитъ весь кабинетъ по системѣ Кювье и приведетъ его въ порядокъ не долѣе какъ черезъ 6—8 мѣсяцевъ; необходимыя же посо-

бія онъ своевременно будетъ просить у правленія. Самые предметы и чистота находятся въ удовлетворительномъ состояніи". Попечитель, получивъ этотъ отчетъ, отозвался о немъ такъ. „Изъ этого донесенія я усматриваю, что кабинеты находятся въ такомъ же состояніи, какъ и прежде, и только чище содержатся. Но не могу я положиться на обѣщаніе проф. Книгина объ упорядоченіи зоологическаго кабинета, ибо, несмотря на многократныя предписанія предмѣстника моего, несмотря на постоянныя мои напоминанія, этотъ кабинетъ до сихъ поръ остается въ прежнемъ видѣ. Посему я считаю себя обязаннымъ вновь строжайше подтвердить профессору Делявиню и независимо отъ того поручить присяжщику Питрѣ—приложить всевозможное стараніе о лучшемъ содержаніи и устройствѣ кабинета, а такъ какъ въ скоромъ времени долженъ возвратиться изъ заграницы лѣкарь Черняевъ, занимающійся ботаникой и зоологіей, то теперь же постановить, въ виду старости проф. Делявиня, чтобы Черняевъ, по прибытіи своемъ, немедленно принялъ его въ полное свое завѣдываніе, вмѣнивъ ему въ обязанность привести его въ порядокъ, сдѣлать всѣмъ предметамъ его въ скорѣйшемъ времени описаніе и содержать въ наилучшемъ видѣ" [1].

Будучи по спеціальности ботаникомъ и заботясь о созданіи ботаническаго кабинета, В. М. Черняевъ, однако, заботился также и о развитіи зоологическаго кабинета. Въ своей запискѣ въ совѣтъ онъ писалъ: „Обращая всевозможное вниманіе и на зоологію, я нахожу, что зоологическій кабинетъ есть первое условіе для доставленія этой наукѣ должнаго хода. Изъ моего проекта объ улучшеніи зоологическаго кабинета ясно усматривается, что собственно для этой одной науки необходимо имѣть профессора съ адъюнктомъ и препаратора съ помощникомъ, образованныхъ заграницей. Какимъ образомъ приготовить къ этому кого-либо изъ своихъ достойнѣйшихъ воспитанниковъ—это самое важное дѣло, отъ котораго будетъ зависѣть счастливый успѣхъ распространенія этой отрасли естественныхъ наукъ, доселѣ оказавшей столь малые успѣхи въ нашемъ отечествѣ. Опытность, пріобрѣтенная мною во время путешествія, даетъ мнѣ право надѣяться, что и по этой части своими совѣтами и, какъ бы сказать, нѣкоторымъ вліяніемъ на зоологическій кабинетъ, я могу быть полезнымъ, особенно же для внушенія вкуса и охоты въ питомцевъ нашего университета и въ руководствѣ при путешествіяхъ, необходимыхъ по этой части въ разныхъ провинціяхъ южной Россіи. А посему изъ предыдущаго явствуетъ, что я долженъ принять зоологическій кабинетъ въ свое вѣдѣніе только на время; когда же окажутся изъ воспитанниковъ университета способные исправ-

[1]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло поп. № 930/50.

лять эту возложенную на меня должность и предварительно образованные для нея, то я долженъ буду просить совѣтъ объ увольненіи меня отъ нея. Худое состояніе нашего кабинета требуетъ теперь того, чтобы безъ дальнѣйшаго отлагательства приступить къ улучшенію его и начать производство нѣкоторыхъ зоологическихъ операцій, особенно наступающею весною, и для этого необходимо опредѣлить въ зданіи университета нѣсколько комнатъ, въ которыхъ бы помѣщалась зоологическая лабораторія съ печью для истребленія въ чучелахъ моли и въ которыхъ я самъ могъ бы жить, дабы тѣмъ удобнѣе возможно было руководствовать студентовъ, желающихъ работать по зоологіи и предаваться таксидермическимъ занятіямъ, а что такія занятія будутъ не безъ пользы для зоологіи — то я уже не одинъ разъ испыталъ на опытѣ ревность моихъ учениковъ, способствующихъ общей пользѣ, до моего заграничнаго путешествія; на нихъ же и теперь я возлагаю всю свою надежду".

Вслѣдъ за этимъ В. М. Черняевъ представилъ совѣту проектъ объ улучшеніи зоологическаго кабинета такого содержанія. „Честь имѣю представить совѣту краткое изложеніе способовъ, какъ улучшить зоологическій кабинетъ нашего университета, находящійся въ столь печальномъ положеніи. Зоологическій кабинетъ можетъ быть улучшенъ слѣдующими способами. 1) Чрезъ покупку въ чужихъ краяхъ важнѣйшихъ иностранныхъ животныхъ. 2) Чрезъ доставленіе пособій учителямъ естественной исторіи въ гимназіяхъ, какъ собирать животныхъ, находящихся особенно въ отдаленныхъ губерніяхъ университетскаго округа, дабы они не только имѣли наставленія, но и извѣстную сумму денегъ, потребную на разныя экскурсіи и зоологическія приготовленія [1]. Учителямъ гимназій должны быть даны списки недостающихъ въ зоологическомъ кабинетѣ животныхъ, которыя въ извѣстныхъ губерніяхъ находятся; за исправное же доставленіе по множеству такихъ интересныхъ предметовъ положить особенное вознагражденіе [2]. 3) Чрезъ путешествія, нарочно совершаемыя въ интереснѣйшихъ частяхъ Россіи, кабинетъ получитъ значительное приращеніе изъ отечественныхъ произведеній, коими преимущественно долженъ быть снабженъ всякій зоологическій

[1] Наставленія, данныя по этой части правительствомъ для веденія записокъ по зоологіи, содержатъ въ себѣ также и правила, какъ собирать животныхъ; къ этимъ наставленіямъ, однако, можно сдѣлать нѣкоторыя прибавленія.

[2] Хотя на настоящихъ учителей гимназій на первый разъ и нельзя много надѣяться, однако не слѣдуетъ лишить себя надежды дѣлать и впредь чрезъ нихъ какія либо приращенія въ зоологическомъ кабинетѣ изъ разныхъ провинцій, особенно же когда имъ, въ послѣдствіи времени, даны будутъ лучшія пособія усовершенствовать себя въ зоологіи.

кабинетъ, какъ потому что познаніе національныхъ предметовъ предпочтительнѣе прочихъ, такъ и потому что чрезъ дуплеты всегда можно взаимно получить множество самыхъ дорогихъ животныхъ изъ чужихъ краевъ, что уже я не одинъ разъ имѣлъ случай узнать на опытѣ. Такія путешествія вообще полезны для университета; ибо они образуютъ его воспитанниковъ для зоологіи и притомъ сопряжены съ меньшими издержками (чѣмъ покупка). Подготовленный такими путешествіями воспитанникъ и имѣющій уже съ собою запасъ интересныхъ отечественныхъ предметовъ, если будетъ отправленъ для дальнѣйшаго усовершенствованія въ зоологическихъ занятіяхъ въ чужіе края, то безъ сомнѣнія окажетъ прочные успѣхи въ наукѣ и получитъ ревность къ описанію національныхъ открытій, что и сдѣлаетъ его русскимъ зоологомъ, каковыхъ еще доселѣ, къ сожалѣнію, въ отечествѣ нашемъ почти не имѣется [1]). Нѣтъ сомнѣнія, что путешествія, ежегодно предпринимаемыя въ полуденныхъ (южныхъ) частяхъ Россіи университетскаго округа, и особенно въ Астрахани и на Кавказѣ, будутъ весьма способствовать обогащенію кабинета, однако же съ гораздо большею надеждою можно предпринять путешествіе въ отдаленныя части Сибири, какъ вслѣдствіе удобства изслѣдованія этихъ краевъ, такъ и по причинѣ большаго пространства областей, всегда изобилующихъ разнородными произведеніями, доказательствомъ чего служатъ успѣшныя путешествія знаменитыхъ натуралистовъ—Палласа, Лепехина и пр. 4) Но всѣ вышеупомянутыя средства дѣлать пріобрѣтенія для зоологическаго кабинета окажутся мало дѣйствительными, если университетъ не сочтетъ нужнымъ отправить изъ способнѣйшихъ воспитанниковъ своихъ имѣющаго ученое званіе для усовершенствованія его въ таксидерміи [2]), такъ чтобы онъ могъ по правиламъ этого искусства приготовлять для кабинета и самыхъ большихъ животныхъ, какъ-то: слоновъ, верблюдовъ, буйволовъ, дикихъ лошадей, оленей и тому подобныхъ, что сопряжено съ немалыми затрудненіями и издержками. Въ университетѣ нашемъ тотъ, кто занимается приготовленіемъ чучелъ, именуется приспѣшникомъ при зоологическомъ кабинетѣ и получаетъ только 300 рублей изъ экономической суммы, что никогда не въ состояніи заохотить студента съ особенными дарованіями вступить въ эту невыгодную должность. Почему и необхо-

---

[1]) Только такія практическія занятія, требующія безпрерывной дѣятельности, могутъ предостеречь молодыхъ русскихъ путешественниковъ отъ развлеченій, столь свойственныхъ всѣмъ столицамъ, кои кажется и причина того, что мы доселѣ имѣемъ мало своихъ естествоиспытателей.

[2]) Taxidermie est l'art de preparer, monter et conserver les animaux; τάξις—ordre, arrangement; δέρμα — peau.

димо это жалованье увеличить и, дабы онъ не имѣлъ нужды искать двухъ должностей, какъ то обыкновенно теперь бываетъ, обезпечить его квартирою и замѣнить даже само названіе прислѣшника другимъ какимъ-либо названіемъ—препараторъ, таксидермистъ или таксидерминкъ или иныкъ приличнымъ, и это болѣе заинтересуетъ молодыхъ людей къ поступленію на данную весьма трудную и требующую много терпѣнія должность [1]. Таковому препаратору, имѣющему ученое званіе и считающемуся въ числѣ чиновниковъ, или адъюнкту необходимо имѣть при себѣ одного или двухъ помощниковъ [2]) на жалованьѣ или по крайней мѣрѣ должно опредѣлить извѣстную сумму для награжденія воспитанниковъ за каждый хорошо ими сдѣланный зоологическій препаратъ, что незамѣтно пріучитъ студентовъ къ трудамъ и произведетъ въ нихъ охоту заводить кабинеты для своего удовольствія. Изъ такихъ то питомцевъ университетъ можетъ надѣяться имѣть самыхъ лучшихъ учителей естественной исторіи для гимназій, которые впослѣдствіи и будутъ весьма много способствовать обогащенію зоологическаго кабинета. 5) Изъ предыдущаго явствуетъ, что обо всемъ вышеизложенномъ дѣятельное попеченіе одного изъ самыхъ опытныхъ и знающихъ профессоровъ совершенно необходимо, какъ для безпрерывныхъ сношеній съ иностранными кабинетами, дабы употреблять въ пользу дуплеты изъ отечественныхъ животныхъ, такъ и для успѣшнѣйшаго распространенія науки во всемъ учебномъ университетскомъ округѣ. Слѣдовательно, эти обширныя и дѣятельности требующія занятія никоимъ образомъ не допускаютъ, чтобы профессоръ зоологіи отвлекался другими частями естественной исторіи, напримѣръ, ботаникою, какъ положено въ уставѣ Харьковскаго университета, изъ коихъ каждая часть, дабы имѣть надлежащій ходъ, требуетъ особенныхъ попеченій. 6) Постройка зоологической лабораторіи съ запаснымъ магазиномъ, которой раньше никогда не было, необходима какъ для болѣе удобнаго производства зоологическихъ операцій, такъ и для истребленія въ чучелахъ моли посредствомъ печи, для этого нарочито устроенной. 7) Особенное устройство шкафовъ по образцу Вѣнскаго зоологическаго кабинета будетъ сильно

[1]) Если зоологическаго препаратора сдѣлать адъюнктомъ зоологіи и поручить ему преподавать одну часть зоологіи, напримѣръ, энтомологію, то это еще больше послужитъ поощреніемъ къ такимъ занятіямъ. Въ иностранныхъ университетахъ по большей части находятся два и болѣе профессора зоологіи,

[2]) Нужда въ помощникахъ наиболѣе ощутительна при теперешнемъ положеніи зоологическаго кабинета, ибо наибольшая часть чучелъ, зараженныхъ молью и испорченныхъ сыростью, должна быть выброшена и замѣщена новыми, для чего и нужно будетъ каждую весну дѣлать зоологическія экскурсіи около Харькова и въ уѣздахъ, на что также потребна сумма денегъ, особенно на принадлежности, нужныя для охоты.

способствовать предохраненію животныхъ отъ порчи молью и пылью. NB. Нельзя также оставлять безъ вниманія и того, что въ Вѣнскомъ кабинетѣ, какъ наилучшемъ изъ Европейскихъ, имѣются печи для поддержанія всегда сухой температуры воздуха, и въ нихъ, особенно для нашего вновь отстроеннаго кабинета имѣется крайняя нужда.

Итакъ, если все вышепредложенное можетъ быть приведено въ дѣйствіе, то теперь остается намъ приступить къ началу и, во-первыхъ, стараться всячески посредствомъ преподаваній поселить въ воспитанникахъ Харьковскаго университета вкусъ къ естественной исторіи, избрать достойнѣйшихъ изъ нихъ и съ особенною склонностью къ этой наукѣ, образовать ихъ сколько возможно болѣе въ зоологической практикѣ и такимъ образомъ приготовить ихъ къ путешествію по Россіи и потомъ уже, какъ выше сказано, съ запасомъ отечественныхъ произведеній отправить въ чужіе края, отъ чего, какъ кажется, и будетъ зависѣть весь успѣхъ предположеннаго улучшенія зоологическаго кабинета, а еще болѣе и самой науки, столь важной для отечественной славы. Съ своей стороны, несмотря на то, что посвящаю всю жизнь свою одной ботаникѣ, имѣя на то причины, касающіяся общественной пользы, я, сколько силъ достанетъ во мнѣ, споспѣшествовать буду такимъ занятіямъ, постараюсь не только показать легчайшіе способы, какъ запасать для зоологическаго кабинета животныхъ, но въ случаѣ нужды и самъ буду сопутствовать молодыхъ путешественниковъ по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время въ не столь отдаленныя губерніи университетскаго округа, подамъ имъ собственный примѣръ, и когда они пріобрѣтутъ нѣкоторую опытность и привыкнутъ къ дѣятельности и трудамъ, столь нужнымъ для подобныхъ путешествій, тогда съ надеждою можно предоставить имъ болѣе отдаленныя и трудныя путешествія. Самъ же я, находясь постоянно при своей должности, буду всячески стараться сберегать все то, что ими будетъ впослѣдствіи доставлено университету и мало-помалу распредѣлять дуплеты для иностранныхъ кабинетовъ. Для образованія таковыхъ путешественниковъ полагаю два или три года, но вообще можно заключить, что чѣмъ продолжительнѣе будетъ приготовленіе къ этому предпріятію, тѣмъ прочнѣе окажутся его успѣхи.

Что нужно къ началу улучшенія зоологическаго кабинета: 1) лабораторія съ печью и съ запаснымъ магазиномъ; 2) уничтоженіе сырости посредствомъ печей въ кабинетѣ; 3) когда совершенно высохнетъ кабинетъ, построить шкафы по образцу Вѣнскаго кабинета, въ которомъ помѣстить только тѣ чучелы, которые менѣе испорчены и въ коихъ моль будетъ заморена посредствомъ усиленной теплоты въ печи, а прочіе

выбросить; 4) для большей прочности просить совѣта у вѣнскихъ и другихъ зоологовъ“ [1]).

Нельзя не признать способовъ, предложенныхъ В. М. Черняевымъ, для улучшенія зоологическаго кабинета, вполнѣ раціональными. Естественная исторія въ это время дѣйствительно распалась на три самостоятельныя дисциплины, изъ коихъ каждая требовала и особаго преподавателя, и особаго кабинета. Состояніе зоологическаго кабинета Харьковскаго университета было столь печально, что дѣйствительно требовало коренныхъ измѣненій. В. М. Черняевъ въ этомъ проектѣ выступаетъ передъ нами, какъ ученый, всецѣло преданный наукѣ и идеѣ ея служенія интересамъ русскаго общества. Мысль о созданіи русской науки въ области естествознанія и о появленіи русскихъ натуралистовъ—для него не только предметъ отвлеченнаго теоретическаго размышленія, а и самаго сильнаго внутренняго желанія, для осуществленія котораго онъ рѣшилъ посвятить всю свою жизнь. И характерно, что глубокое убѣжденіе въ этомъ онъ вынесъ изъ заграницы, сочетавъ такимъ образомъ въ своей личности заботу о своемъ родномъ близкомъ съ уваженіемъ къ хорошо извѣстной ему западно-европейской культурѣ и наукѣ. Проектъ В. М. Черняева отличается въ одно и тоже время и практичностью, и широтою замысла, потому, что это не ученая фантазія, а дѣйствительность, наблюдавшаяся имъ въ западной Европѣ, примѣненная къ Россіи и ея потребностямъ; конечно, эта чужеземная дѣйствительность могла показаться неосуществимой у насъ, при нашей матеріальной бѣдности и культурной отсталости, но этого въ своемъ ученомъ энтузіазмѣ не замѣчалъ. В. М. Черняевъ и твердо вѣрилъ въ осуществимость своего проекта. Дѣйствительность въ значительной степени оправдала его надежды [2]), потому что ему удалось увлечь на указанный имъ путь адъюнкта *Криницкаго*.

Въ 1827 году В. М. Черняевъ просилъ совѣтъ уволить его отъ завѣдыванія зоологическимъ кабинетомъ и поручить его адъюнкт Кри-

---

[1]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло сов. 1819 г., № 43, стр. 133—135.

[2]) Въ концѣ 1825 года зоологическій кабинетъ состоялъ изъ значительнаго числа раковинъ, насѣкомыхъ, земноводныхъ, костей и прочихъ довольно рѣдкихъ произведеній міра животныхъ, къ сожалѣнію, не разобранныхъ и не опредѣленныхъ; заключавшееся въ немъ собраніе 200 чучелъ млекопитающихъ и птицъ почти все оказалось испорчено молью и сыростью. Приведеніе въ порядокъ кабинета попечитель А. А. Перовскій поручилъ В. М. Черняеву, который старался замѣнить попорченныя чучела новыми (таковыхъ было пріобрѣтено 112), поощрялъ таксидермическія занятія студентовъ, перемѣнилъ спиртъ въ банкахъ, гдѣ были животныя, привелъ въ порядокъ предметы. Все собраніе кабинета состояло изъ 4688 предметовъ (Харьк. унив. архивъ. Дѣло попеч. № 1205/67).

ницкому, давно уже преподававшему зоологію. Мотивировалъ онъ свой отказъ занятіями по ботаническому кабинету и той помощью, которую оказывали ему въ изготовленіи препаратовъ студенты; одному изъ нихъ—Старосельскому—онъ просилъ выдать денежную награду. При этомъ онъ прибавлялъ, что попорченныя и зараженныя молью чучелы исправлены. Изъ описи зоологическаго кабинета видно, что тамъ было 45 чучелъ млекопитающихъ, кости млекопитающихъ, рога ихъ, зубы (въ томъ числѣ мамонтовые, открытые въ землѣ), 28 птицъ, 38 земноводныхъ и рыбъ, до 2000 раковинъ, сохранявшихся въ 30 ящикахъ за стекломъ и въ шкафахъ, 40 жемчужинъ, до 2000 видовъ насѣкомыхъ, изъ коихъ большая часть попорчена, 130 звѣздчатыхъ животныхъ, изъ коихъ часть попорчена, 90 коралловъ, 50 зоофитовъ [1]).

Принявъ кабинетъ отъ В. М. Черняева, адъюнктъ Криницкій вошелъ въ правленіе съ представленіемъ о мѣрахъ, необходимыхъ для его улучшенія и при этомъ представилъ общую характеристику его тогдашняго состоянія. „Классъ млекопитающихъ, писалъ онъ, состоитъ только изъ нѣсколькихъ чучелъ нѣкоторыхъ животныхъ и нѣкоторыхъ малозначущихъ частей ихъ. Собраніе птицъ гораздо лучше и по крайней мѣрѣ заслуживаетъ вниманія въ томъ отношеніи, что большая часть ихъ мѣстнаго происхожденія, хотя полнаго собранія и этихъ послѣднихъ далеко еще не имѣется. Классы пресмыкающихся и рыбъ вообще бѣдны; однако по строгомъ разсмотрѣніи и опредѣленіи открылись среди нихъ весьма рѣдкіе и любопытные экземпляры, но къ сожалѣнію, они не мѣстнаго происхожденія, а таковые, конечно, предпочтительнѣе другихъ. Скорлупняки (crustacea) ограничиваются только нѣсколькими экземплярами; звѣздчатыхъ не обширное, но довольно хорошее собраніе. Коралловъ мало, а животно-растеній еще меньше. Насѣкомыхъ по списку показано до 2000, но многія изъ нихъ повреждены молью, изъ чего слѣдуетъ, что и неиспорченныя по виду не могутъ быть прямо переносимы во вновь приготовленное собраніе, ибо одна взятая по неосторожности зараженная штука уничтожаетъ обыкновенно всѣ труды и издержки; и потому я, не разсмотрѣвъ подробно каждаго экземпляра, не могу еще ничего сказать о нихъ положительнаго. Самое полное и богатое собраніе въ нашемъ кабинетѣ—это *слизняковъ* (mollusca), но оно состоитъ только изъ однихъ раковинъ, а самыхъ животныхъ имѣется не болѣе 10 экземпляровъ. Кромѣ ихъ есть еще нѣсколько окаменѣлыхъ частей животныхъ, между которыми особенно достойны вниманія два черепа—одинъ обыкновеннаго первоздан-

[1]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло объ улучшеніи зоологическаго и другихъ кабинетовъ, 1827 г., № 10.

наго вола, а другой изъ *жубра* (Bos urus) и кромѣ того нѣкоторыя окаменѣлыя мамонтовыя кости. Но такъ какъ они болѣе относятся къ наукѣ объ окаменѣлостяхъ, то и должны быть помѣщены вмѣстѣ съ окаменѣлостями, находящимися при минералогическомъ кабинетѣ. Наоборотъ, и въ минералогическомъ кабинетѣ есть нѣкоторыя окаменѣлыя раковины, которыя, по новѣйшимъ системамъ, дополняютъ слизняковъ и помѣщаются новѣйшими естествоиспытателями среди этихъ послѣднихъ, а потому и я долженъ буду перенести ихъ въ зоологическій кабинетъ. Къ этому нужно еще прибавить, что зоологическій кабинетъ не имѣетъ никакихъ скелетовъ и зоологическихъ препаратовъ, столь необходимыхъ при изложеніи зоологіи. Кромѣ новыхъ чучелъ всѣ прочія требуютъ подробнаго пересмотра, исправленія и опредѣленія. При томъ зоологическій кабинетъ не имѣетъ никакихъ инструментовъ, посуды и приборовъ, каковые должны находиться въ его лабораторіи и нужны для препарированія различныхъ частей, и наконецъ, постояннаго приспѣшника, который постоянно занимался бы ихъ приготовленіемъ. Зоологическая зала, нельзя сказать, чтобы при нынѣшнемъ состояніи кабинета не была достаточна, но она имѣетъ то чрезвычайное неудобство, которому и помочь нельзя, что сырость ежегодно, весной и осенью покрываетъ значительную часть стѣнъ и она гораздо опаснѣе моли. Показавъ нынѣшнее состояніе зоологическаго кабинета и его недостатки, для приведенія его въ надлежащій порядокъ имѣю честь просить правленіе о нижеслѣдующемъ. 1) Пусть правленіе благоволитъ сдѣлать распоряженіе о выдачѣ мнѣ списка кабинета, составленнаго адъюнктомъ Черняевымъ, за подписью ректора или декана, чтобы онъ послужилъ мнѣ руководствомъ при составленіи новаго описанія. 2) Самъ я никоимъ образомъ не могу заниматься препарированіемъ предметовъ, составляющихъ кабинетъ, какъ по недостатку времени, такъ и потому, что подобнымъ занятіямъ необходимо посвятить себя всецѣло, а потому необходимо долженъ быть при кабинетѣ постоянный приспѣшникъ, который получалъ бы въ годъ по крайней мѣрѣ 500 руб. жалованья. Въ настоящее время я не знаю ни одного человѣка, который бы могъ совершенно посвятить себя таковой должности, и чтобы удовлетворить этому требованію, я осмѣлюсь предложить взять молодого человѣка лѣтъ 15 — 16, который бы согласился прослужить при кабинетѣ не менѣе 10 лѣтъ. Это условіе нужно для того, чтобы кабинетъ, лишаясь выученныхъ людей, не терпѣлъ неудобствъ вслѣдствіе частыхъ перемѣнъ ихъ, такъ какъ ловкость въ этомъ дѣлѣ обыкновенно получается чрезъ долговременныя занятія. Я полагаю, что для этого лучше всего было бы избрать одного изъ казеннокоштныхъ гимназистовъ, не

обѣщающаго особенныхъ успѣховъ въ наукахъ и показывающаго охоту къ подобнаго рода занятіямъ. А пока это будетъ рѣшено, чтобы не упустить рѣдкихъ предметовъ, я долженъ буду платить изъ кабинетныхъ денегъ за каждый приготовленный экземпляръ отдѣльно. Каждый изъ этихъ предметовъ средней величины не будетъ стоить болѣе рубля и эту цѣну нужно признать весьма умѣренной. 3) Зоологическій кабинетъ необходимо перенести въ другое помѣщеніе, потому что въ нынѣшнемъ вслѣдствіе сырости и естественныхъ предметовъ, и особенно чучелъ никоимъ образомъ въ цѣлости сохранить на долгое время невозможно. Наиболѣе удобной для этой цѣли является совершенно сухая галлерея, окружающая торжественную залу, но она имѣетъ много недостатковъ и требуетъ большихъ поправокъ. При ней должна быть также довольно пространная лабораторія, мѣсто для которой мною еще не выбрано". Далѣе Криницкій подробно описываетъ видъ и форму шкафовъ, гдѣ должны были помѣщаться коллекціи [1]). Факультетъ одобрилъ мѣры къ улучшенію зоологическаго кабинета, предложенныя Черняевымъ и Криницкимъ, архитекторъ же Калашниковъ представилъ смѣту необходимыхъ для этого расходовъ, которая превысила крупную цифру въ 15000 руб.

Въ южную Африку отправлялась экспедиція натуралистовъ во главѣ съ ученымъ Кребсомъ, и зоологическій кабинетъ взялъ 3 акціи ея, дававшія право получить впослѣдствіи нѣкоторые предметы изъ числа тѣхъ, кои были бы вывезены ею въ Европу [2]),

Криницкій постоянно заботился о пополненіи зоологическаго кабинета. Такъ въ 1828 году въ кабинетъ поступило 13 рыбъ изъ Донца, 150 насѣкомыхъ, собранныхъ на пути въ Одессу, 148 насѣкомыхъ, присланныхъ проф. Бессеромъ изъ Кременца и 101 экземпляръ разныхъ животныхъ. Въ 1829 году получена козуля (Cervus capreolus) изъ Персіи и 145 видовъ насѣкомыхъ, въ числѣ которыхъ оренбургскія отъ Карелина, бразильскія отъ Щелкова и екатеринославскія отъ самого Криницкаго. Въ 1830 году поступило разными случаями 1126 экземпл. животныхъ, въ томъ числѣ 945 насѣкомыхъ и отъ графа Вальворта богатое собраніе европейскихъ бабочекъ, именно 652 вида въ 2125 экз. Въ 1831 году куплено 37 шкуръ птицъ изъ Бразиліи и 24 породы раковинъ. Въ 1832 году пріобрѣтена дикая коза (Cervus pygargus) изъ Изюмскаго уѣзда, шакалъ (Canis aureus) изъ Грузіи, 91 окаменѣлая раковина изъ Кременца, 295 породъ насѣкомыхъ изъ разныхъ частей свѣта, 6 обезьянъ и пр. Въ 1833 году кабинетъ обогатился 133 поро-

[1]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло 1827 г. объ улучшеніи кабинета.
[2]) Ibidem.

ддия европейскихъ раковинъ, купленныхъ у Гоше. Въ 1834 и 1835 гг. выписано изъ Вѣны отъ Шорейса 48 экз. разныхъ животныхъ и мѣною пріобрѣтено 61 насѣкомое и 10 моллюсковъ. Приготовлялись чучела въ самомъ кабинетѣ; такъ, напримѣръ, въ 1880 году приготовленъ былъ скелетъ и 10 чучелъ млекопитающихъ (въ томъ числѣ собачки, лисицы и волка) и 12 чучелъ птицъ. Къ 1 ноября 1833 года въ кабинетѣ было 5874 предмета на 13605 руб.; по 1-е января 1835 года пріобрѣтено 438 предметовъ на 669 руб.; всѣхъ предметовъ къ этому времени было на 14275 руб. Видное мѣсто здѣсь занималъ мѣстный отдѣлъ (украинскихъ насѣкомыхъ). Помощника экстраординарный профессоръ Криницкій у себя не имѣлъ. Такимъ образомъ, можно сказать, что зоологическій кабинетъ своимъ развитіемъ былъ всецѣло обязанъ до 1836 года проф. Криницкому.

Тому же Криницкому былъ обязанъ благоустройствомъ и *минералогическій кабинетъ*, которымъ онъ завѣдывалъ одновременно съ зоологическомъ. До назначенія на постъ попечителя Е. В. Карнѣева и онъ находился въ безпорядкѣ, хотя заключалъ въ себѣ, какъ мы знаемъ, нѣсколько цѣнныхъ коллекцій.

Минералогическій кабинетъ найденъ былъ попечителемъ Е. В. Карнѣевымъ въ крайне неудовлетворительномъ состояніи. Проф. Книгинъ, которому совѣтъ, по распоряженію попечителя, поручилъ осмотрѣть его, нашелъ его въ такомъ видѣ. Почти весь онъ помѣщался въ шкафахъ по полкамъ, исключая нѣсколькихъ штукъ, расположенныхъ на столахъ. Завѣдывавшій имъ Таусберъ объяснилъ ревизору, что кабинетъ въ систематическій порядокъ не приведенъ и что онъ располагаетъ его предметы по системѣ Карштена, слѣдуя анализису въ составныхъ частяхъ Клапроту и распредѣляетъ роды и виды по Вернеру. Такимъ образомъ классы здѣсь таковы: 1) земли и камни; 2) соли; 3) горючія тѣла; 4) металлы, а въ особомъ отдѣленіи помѣщены породы первородныя и новѣйшихъ образованія горъ и окаменѣлости. Согласно этому плану онъ привелъ уже въ порядокъ нижеслѣдующія породы: цирконную, смарагдовую, аметистовую, горный хрусталь, простой кварцъ, кальцедонъ и ахатъ; приведено въ порядокъ до 500 штукъ, а всѣхъ ихъ, по его предположенію, до 8000, и они не прежде будутъ описаны, какъ въ сентябрѣ 1824 года, потому что зимою, по случаю холода, долго въ кабинетѣ заниматься невозможно. Общій каталогъ всѣхъ минераловъ находится въ правленіи, а у него имѣются только нѣкоторыя его собственныя описи; шкафовъ въ кабинетѣ 16, а нужно прибавить еще 2. Съ своей стороны проф. Книгинъ предложилъ, чтобы въ виду образовательнаго характера кабинета были сдѣланы всюду на полкахъ соотвѣт-

ственныя обозначенія и каждый шкафъ имѣлъ свой каталогъ. Попечитель предписалъ поручить, по слабости здоровья, взять минералогическій кабинетъ у проф. Таубера и поручить его проф. Сухомлинову, который, по усердію своему къ службѣ, приведетъ его въ непродолжительномъ времени въ должный порядокъ; при составленіи же описей, онъ можетъ руководствоваться совѣтами проф. Громова, раньше завѣдывавшаго этимъ кабинетомъ.

Минералогическій кабинетъ однако былъ описанъ только тогда, когда новый попечитель А. А. Перовскій поручилъ его кандидату, а впослѣдствіи адъюнкту Криницкому. Усердно работая тамъ, Криницкій открылъ большое количество ориктогностическихъ минераловъ, геогностическихъ или сложныхъ горно-каменныхъ породъ и богатое, чрезвычайно рѣдкое собраніе окаменѣлостей. Ориктогностическихъ минераловъ онъ опредѣлилъ систематическимъ образомъ въ 1825 году 5602 и представилъ каталогъ ихъ на 125 листахъ. Каждый экземпляръ былъ надлежащимъ образомъ очищенъ и означенъ приклеенньмъ номеромъ, по которому его легко было отыскать въ каталогѣ. Предметы расположены по системѣ Вернера и теперь уже для многихъ изъ нихъ не было мѣста. Въ теченіе 1826 года кабинетъ получилъ слѣдующія приращенія: подарено было разными лицами 85 минераловъ, 100 довольно рѣдкихъ изъ Кавказскихъ горъ и искусственная горка изъ аметистовъ, аквамариновъ, топазовъ и другихъ сибирскихъ камней. По представленію попечителя министръ разрѣшилъ покупку для него необходимыхъ книгъ. Въ 1826 году кабинетъ состоялъ изъ 12000 минераловъ. Какъ видно изъ рапорта адъюнкта Ивана Криницкаго въ совѣтъ, существенную помощь ему оказывалъ кандидатъ Правицкій, опредѣленный его помощникомъ въ концѣ 1825 года. Оба они постоянно, не исключая и каникулъ, должны были работать по 8 часовъ въ день, а лѣтомъ и болѣе того. Результатомъ же ихъ трудовъ было 2 части каталога, заключавшаго болѣе 150 листовъ мелкаго письма, въ коихъ изложена была исторія минералогическаго кабинета, по бумагамъ правленія университета, и описано 6125 отдѣльныхъ экземпляровъ. Среди нихъ находилось болѣе 40 видовъ вновь опредѣленныхъ, кои были въ смѣси вмѣстѣ съ другими, менѣе важными. Они явились какъ бы новымъ пріобрѣтеніемъ для кабинета. Въ числѣ 6125 образцовъ оказалось свыше 2000, которые нужно было опредѣлить заново; а если принять во вниманіе, что въ прежнихъ спискахъ значительная часть ихъ была помѣщена подъ невѣрными названіями, то сдѣлается яснымъ, что приходилось почти надъ всѣми дѣлать химическія пробы, которыми и занимался Правицкій. Кромѣ того, на его попеченіи были и другія занятія,

какъ-то: очищеніе минераловъ, расположеніе ихъ, наклейка номеровъ и т. п. За этотъ 16-ти мѣсячный трудъ Криницкій просилъ совѣтъ выдать Правицкому 1000 рублей награды. По смѣтѣ архитектора Калашникова, на шкафы и другую мебель для кабинета нужно было затратить 9250 рублей. Профессора Сухомлиновъ и Байковъ, осматривавшіе по порученію физико-математическаго факультета минералогическій кабинетъ, приведенный въ порядокъ Криницкимъ съ помощью Правицкаго, сдѣлали слѣдующій отзывъ. Они нашли 4 тетради стараго каталога на нѣмецкомъ языкѣ, 2 части въ переплетѣ новаго. заключающаго опись ориктогностическихъ минераловъ, а именно — земель и камней, солей, горючихъ тѣлъ и металловъ. Сличивъ этотъ каталогъ съ самими предметами, они убѣдились, что они другъ другу соотвѣтствуютъ. Минералы помѣщались довольно тѣсно въ 16 шкафахъ и 19 особыхъ ящикахъ [1]). Важнѣйшими пріобрѣтеніями минералогическаго кабинета, по словамъ Фойгта, были слѣдующія: въ 1823 г. проф. Цитеръ пожертвовалъ 300 венгерскихъ минераловъ, преимущественно геогностическихъ породъ. Въ 1826 г. баронесса Биберштейнъ, вдова знаменитаго ботаника, принесла въ даръ кабинету 100 штуфовъ минераловъ, собранныхъ ея мужемъ въ Кавказскихъ горахъ [2]). Въ 1828 г. пріобрѣтено отъ проф. Щеглова 93 штуфа сибирскихъ минераловъ и отъ Гельма изумрудъ въ $9^1/_4$ каратовъ. Въ 1830 г., по Высочайшему соизволенію, присланы изъ Горнаго корпуса 53 минерала. Въ 1831 г., по Именному повелѣнію Государя, переданъ министромъ народнаго просвѣщенія одинъ изъ шести экземпляровъ изумруда, открытаго близь г. Екатеринбурга, и въ томъ же году куплено у иностранца Фидлера 25 штуфовъ заграничныхъ минераловъ. Въ 1834 г. пріобрѣтено 52 сибирскихъ минерала. Въ 1835 г. пожертвованъ ген. гр. Никитинымъ штуфъ золота въ породѣ [3]). Сначала завѣдывалъ минералогическимъ кабинетомъ проф. Шнаубертъ, потомъ Тауберъ и наконецъ Криницкій, „стяжавшій себѣ почетное имя въ ряду не только русскихъ, но и европейскихъ натуралистовъ. Онъ систематически расположилъ находившіяся до него въ безпорядкѣ коллекціи Андре, Четти и Цитера, опредѣлилъ важнѣйшіе въ нихъ предметы, составилъ описи и положилъ начало правильному систематическому каталогу“ [4]). Иногда Криницкому приходилось и отказываться отъ пріобрѣтеній. Такъ, онъ отклонилъ покупку коллекціи Розенберга, оцѣненной

[1]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло объ улучшеніи кабинетовъ 1827 г.

[2]) Цѣна ихъ не превышала 20 р., но они были цѣнны тѣмъ, что происходили изъ мѣстности, никѣмъ не изслѣдованной (Харьк. унив. архивъ. Дѣло сов. 1826 г. № 5).

[3]) Ист. Стат. Зап. X., 1859, стр. 59.

[4]) Ibidem, стр. 62.

въ 8850 р. и предложенной министерствомъ народнаго просвѣщенія [1]). Тогда же отклонена была покупка горки изъ минераловъ, предложенной обывателемъ г. Боброва (Ворон. губ.) Севастьяновымъ. Онъ раньше хотѣлъ подарить университету эту горку, стоившую ему будто бы 5000 р., съ тѣмъ, чтобы ему назначена была награда, а послѣ банкротства предлагалъ пріобрѣсти ее хотя бы за ту сумму, въ какую оцѣнилъ ее университетъ (въ 500 р.) [2]). Къ 1-му января 1835 года въ кабинетѣ было 7310 предметовъ на 45463 руб. [3]).

Ботаническій кабинетъ получилъ начало только въ изучаемый нами періодъ. И первая мысль, и осуществленіе устройства ботаническаго кабинета принадлежитъ лектору ботаники В. М. Черняеву. Это обстоятельство не выяснено въ трудѣ Фойгта, который о судьбѣ этого кабинета до 1835 г. сообщаетъ только слѣдующія данныя. „Изъ разныхъ плодовъ, сѣмянъ и образцовъ деревъ, при самомъ открытіи Харьковскаго университета купленныхъ въ Германіи вмѣстѣ съ другими предметами естественной исторіи, въ числѣ 500 экземпляровъ образовался въ 1825 году особый ботаническій кабинетъ. Къ этому небольшому собранію присоединился въ томъ же 1825 году гербарій, пожертвованный проф. Черняевымъ и заключавшій въ себѣ до 7000 видовъ растеній, собранныхъ преимущественно во Франціи, Австріи и Россіи, а въ 1826 году купленъ послѣ умершаго проф. Делявиня гербарій, состоявшій изъ 6000 видовъ преимущественно германскихъ растеній. Въ обѣихъ этихъ коллекціяхъ, не считая разныхъ формъ низшаго значенія и дуплетовъ, было особыхъ видовъ растеній до 10000. Въ нихъ значительное число криитогамическихъ прозябаемыхъ, какъ-то: мховъ, поростовъ, папоротниковъ и надревниковъ (лишаевъ). Такимъ образомъ, положено было прочное основаніе кабинету, которому суждено было въ послѣдующіе годы принять самые широкіе размѣры. Пріобрѣтенія съ 1826 до 1837 года еще не были значительны; въ 1833 году получено изъ Сибири отъ извѣстнаго ботаника Турчанинова 460 видовъ растеній, а въ 1834 году собрано 70 новыхъ видовъ изъ окрестностей г. Харькова“. Дополнимъ эти скудныя свѣдѣнія имѣющимися въ нашемъ распоряженіи несравненно болѣе богатыми данными. Въ 1826 г. В. М. Черняевъ, получивъ послѣ смерти проф. Делявиня въ свое вѣдѣніе зоологическій кабинетъ и ботаническій садъ, писалъ совѣту. „Чрезвычайная польза ботаники въ Россіи, важность ботаническихъ занятій и положеніе Харьковскаго университета въ полуденной (южной)

[1]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло поп. № 1140/64.

[2]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло поп. № 1142/64.

[3]) Харьк. унив. архивъ. Отчетъ за 1834 годъ.

Россіи обязываютъ меня посвятить всю жизнь свою одной этой наукѣ. Чтобы распространить столь необходимую въ нашемъ отечествѣ часть натуральной исторіи и поселить вкусъ къ этой наукѣ въ учащихся, я считаю своимъ долгомъ обратить особенное вниманіе 1) на сочиненіе руководства по мѣстной харьковской, а потомъ и украинской флорѣ; 2) на приведеніе въ правильное состояніе растеній ботаническаго сада, на провѣрку многихъ неправильныхъ ихъ названій и 3) на заведеніе ботаническаго кабинета, т. е. гербарія (травника), доселѣ не существующаго при нашемъ университетѣ; проектъ его, составленный мною, изъ заграницы я прилагаю. А дабы положить первое основаніе этому столь важному учрежденію и въ знакъ благодарности правительству за доставленное мнѣ воспитаніе и за данныя мнѣ университетомъ пособія къ образованію себя по этой спеціальности, считаю своимъ священнымъ долгомъ пожертвовать свои труды, заключающіеся въ богатомъ травникѣ, пріобрѣтавшемся въ теченіе 13 лѣтъ, принести его отечеству на общую пользу; оставляю въ своемъ распоряженіи только часть дуплетовъ растеній, могущихъ служить руководствомъ для разныхъ сочиненій, мною предположенныхъ въ пользу науки и страждущаго человѣчества".

Въ своемъ проектѣ объ учрежденіи ботаническаго кабинета В. М. Черняевъ писалъ. „Доселѣ еще никто въ нашемъ университетѣ не обращалъ вниманія на заведеніе ботаническаго кабинета, который для учащихся является единственнымъ пособіемъ къ правильному познанію прозябаемыхъ (растеній), ибо всѣ ботаническія сочиненія съ этой цѣлью ежегодно издаваемыя, по признанію самихъ ботаниковъ, считаются недостаточными и даже ботаническій садъ не можетъ существовать въ правильномъ состояніи, если разводимыя въ немъ растенія не будутъ провѣряемы по травнику (herbarium), который составляетъ главную часть ботаническаго кабинета. Ботаническій кабинетъ будетъ заключать въ себѣ. А) Собраніе сухихъ растеній—травникъ (herbarium), который раздѣляется на 5 частей: 1) травникъ всеобщій (herbarium generale), содержащій растенія изъ всѣхъ 5 частей свѣта; 2) травникъ Россійской имперіи (herbarium Rossicum); 3) травникъ окрестностей Харькова (herbarium Charkoviense), расположенный въ самомъ удобномъ форматѣ и назначенный для постояннаго употребленія учащихся; 4) собраніе однихъ въ общежитіи человѣческомъ употребляемыхъ растеній (медицинѣ, технологіи и сельскомъ хозяйствѣ); 5) дуплеты составятъ послѣднее отдѣленіе травника, заключающее въ себѣ растенія, назначенныя какъ для сношеній съ иностранными ботаническими кабинетами, такъ преимущественно для поощренія воспитанниковъ, отлично занимаю-

щихся по этой части. Названія этихъ растеній съ показаніемъ ихъ свойства для большей вѣрности и пользы должны быть напечатаны. B) Собраніе разныхъ плодовъ, сѣмянъ, корней образчиковъ разныхъ деревьевъ и много другихъ частей растеній для науки и для общежитія человѣческаго интересныхъ. C) Особое собраніе тайнобрачныхъ, растеній, какъ-то: мховъ, паростовъ (лишаевъ), разныхъ грибовъ, кои удобны для сохраненія и многихъ другихъ растеній этого класса, которыми я нарочно запасся въ чужихъ краяхъ. Столь рѣдкое въ Россіи собраніе послужитъ весьма важнымъ поощреніемъ питомцамъ ботаники изслѣдовать эту труднѣйшую часть растеній, представляющую обширное поле для новыхъ открытій въ отечественной флорѣ. D) Собраніе важнѣйшихъ лѣчебныхъ травъ въ Россіи произрастающихъ, наилучшимъ образомъ высушенныхъ, на бумагѣ за стекломъ въ рамахъ на подобіе картинъ украшенныхъ и расположенныхъ такимъ образомъ, что подлѣ каждаго врачебнаго будетъ находиться другое, въ медицинѣ неупотребительное или вредное, но по причинѣ чрезвычайнаго съ нимъ сходства нерѣдко въ заблужденіе вводящее аптекарей и неопытныхъ врачей. При каждомъ экземплярѣ приложится изображенный разборъ (analysis) отличительныхъ признаковъ каждаго растенія. Таковыя картины, находясь всегда предъ глазами воспитанниковъ, произведутъ самое прочное впечатлѣніе на счетъ познанія физіологіи или наружнаго вида растеній (habitus) и отличительныхъ признаковъ, чѣмъ незамѣтно пріучатъ ихъ къ распознаванію полезнаго отъ вреднаго. E) Собраніе разныхъ частей врачебныхъ растеній не только всѣхъ тѣхъ, кои въ русскихъ аптекахъ по показанію фармакопей употребляются, но вообще и тѣхъ, которыми жители разныхъ областей Россіи съ успѣхомъ пользуются въ болѣзненныхъ случаяхъ. Познаніе этихъ послѣднихъ не должно быть пренебрегаемо [1]), тѣмъ болѣе, что большая часть такихъ травъ, только въ Украйнѣ произрастающихъ, никѣмъ еще изъ врачей не была изслѣдуема. F) Для облегченія ботаническихъ занятій въ нашемъ кабинетѣ должно имѣть небольшую библіотеку, состоящую изъ лучшихъ флоръ, системъ ботаническихъ и другихъ важнѣйшихъ ботаническихъ книгъ.

Способы основанія и обогащенія ботаническаго кабинета: 1) дабы положить первое основаніе ботаническаго кабинета, я жертвую свое собраніе растеній, пріобрѣтенныхъ мною въ теченіе 13 лѣтъ, какъ въ Россіи, такъ и въ иностранныхъ державахъ, весьма богатое дуплетами.

---

[1]) Недавній случай въ Полтавѣ, извѣстный нашему медицинскому факультету чрезъ отношеніе Полтавской врачебной управы ясно доказываетъ, сколь важно для врачей познаніе простолюдинами употребляемыхъ травъ.

изъ коихъ только часть употреблено для себя, для составленія небольшаго травника, необходимаго для постоянныхъ моихъ занятій и для нѣкоторыхъ моихъ сочиненій [1]), прочіе же для сообщенія русскимъ и иностраннымъ ботаникамъ, дабы въ обмѣнъ за нихъ получить другіе недостающіе въ нашемъ кабинетѣ, для чего я предполагаю ежегодно въ пользу кабинета издавать до 15 экземпляровъ центурій разныхъ высушенныхъ рѣдкихъ украинскихъ растеній (Centuria plantarum Ucrainae), которыя въ свое время и будутъ отправляемы заграницу. Въ зоологическомъ кабинетѣ имѣется уже нѣсколько сѣмянъ, плодовъ, образчиковъ деревьевъ и другихъ частей растеній, которыя будучи перемѣщены въ ботаническій кабинетъ послужатъ также къ первоначальному обзаведенію его; 2) покупка травниковъ знаменитыхъ ботаниковъ, съ тѣмъ, чтобы заключающіяся въ нихъ растенія служили намъ образцами (types) для опредѣленія новыхъ травъ, въ разныхъ областяхъ Россіи произрастающихъ. Къ таковымъ, напримѣръ, травникамъ принадлежитъ травникъ флоры Таврико-Кавказской знаменитѣйшаго въ Европѣ ботаника, почетнаго члена нашего университета д. ст. сов. Ф. К. барона маршала Биберштейна, заключающій въ себѣ явнобрачныя растенія. По части же тайнобрачныхъ растеній за умѣренную цѣну можно пріобрѣсти собраніе преимущественно поростовъ и мховъ нашего профессора Ф. А. Делявиня, которое однако прежде покупки должно быть внимательно пересмотрѣно; 3) экскурсіи или ботаническіе разъѣзды, совершаемые въ разныхъ частяхъ Россіи для пріобрѣтенія въ значительномъ количествѣ интересныхъ травъ, дабы потомъ чрезъ дуплеты ихъ безпрерывно умножать сношенія съ ботаниками; 4) сообщеніе гимназіямъ травниковъ, заключающихъ въ себѣ обыкновенныя растенія для того, чтобы учителя естественной исторіи, имѣя понятіе о нихъ, собирали болѣе рѣдкія и недостающія въ нашемъ кабинетѣ, для чего и дадутся имъ сверхъ того особенныя письменныя наставленія; 5) важнѣйшимъ пособіемъ для всѣхъ вышеупомянутыхъ занятій будетъ служить назначеніе правительствомъ надлежащей суммы денегъ какъ для заведенія всѣхъ принадлежностей, для помѣщенія и сохраненія [2]) вышеописанныхъ предметовъ, такъ преимущественно для путешествій по Россіи и

---

[1]) Пожертвованіе это, какъ знакъ благодарности моей къ университету, надѣюсь, послужитъ примѣромъ питомцамъ ботаники споспѣшествовать весьма занимательной и полезнѣйшей для нашего отечества науки.

[2]) Самымъ лучшимъ и выгоднымъ для занятій способомъ сохранить травники для потомства я признаю жестяные ящики и обертываніе пакетовъ клеенкою или кожею стягивая туго посредствомъ шнурковъ. Бумага, напитанная настойкою кваса, также по мнѣнію нѣкоторыхъ предохраняетъ коллекція отъ порчи насѣкомыми.

сношенія съ иностранными натуралистами (сношенія же въ Россіи обойдутся безъ особенныхъ издержекъ, если университетъ приметъ на себя обязанность отправлять и получать разныя посылки и письма).

Польза. Общественная польза отъ заведенія ботаническаго кабинета и сопряженныхъ съ нимъ занятій чрезвычайно важная: 1) для воспитанниковъ медицинскаго факультета, которые при такихъ пособіяхъ и нѣкоторыхъ другихъ (разумѣю здѣсь еще практическое познаніе живыхъ растеній въ садахъ и дикорастущихъ) не только не будутъ встрѣчать затрудней, когда сдѣлаются уже должностными врачами при отысканіи лѣчебныхъ травъ, но еще будутъ въ состояніи дѣлать опыты надъ свойствами растеній, доселѣ никому изъ врачей неизвѣстными. Нигдѣ въ Россіи подобныхъ учрежденій не имѣется, отчего и весьма мало университеты наши и академіи образуютъ такихъ медиковъ, которые бы въ своей практикѣ могли безошибочно употреблять разныя травы и дѣлать надъ ними наблюденія, въ Россіи столь необходимыя [1]; 2) для распространенія полезныхъ ботаническихъ познаній во всей Россіи чрезъ разныя сношенія съ любителями и ботаниками; 3) для всегдашняго содержанія въ порядкѣ растеній, въ ботаническомъ саду разводимыхъ; 4) для образованія лучшихъ наставниковъ не только въ гимназіи, но и въ самые университеты, особенно же, когда лучшіе изъ воспитанниковъ Харьковскаго университета съ запасомъ отечественныхъ произведеній и открытій (по всѣмъ отдѣламъ естественной исторіи) отправлены будутъ для дальнѣйшаго усовершенствованія въ чужіе края, гдѣ описывая свои открытія, сдѣланныя ими въ предварительныхъ путешествіяхъ и видя постоянные примѣры, невольно восчувствуютъ соревнованіе къ національной славѣ. Тогда можно ли не надѣяться намъ, что и между русскими окажутся столь же знаменитые натуралисты, какъ и въ иностранныхъ державахъ, тогда можно ли сомнѣваться, что и нашъ университетъ произведетъ новыхъ Лепехиныхъ и Крашенинниковыхъ и въ свое время представитъ отечеству своихъ Палласовъ, Маршаловъ Б., Гмелиновъ, Фишеровъ и т. п., которыхъ неутомимые труды и услуги нашему отечеству служатъ примѣромъ никогда незабвеннымъ въ благодарномъ сердцѣ русскаго натуралиста. Питомцы наши съ такою же ревностію провѣрятъ открытія этихъ знаменитыхъ мужей и изслѣдуютъ то, что укрылось отъ ихъ дѣятельности, съ такою же неутомимостью соберутъ сокровища своего отечества, съ тою только разницею, что они навсегда останутся для потомства въ храмѣ наукъ, доставившемъ имъ первое образованіе; 5) такихъ

[1]) Для этого впослѣдствіи времени доставлены будутъ любителямъ самыя вѣрныя средства.

то воспитанниковъ русское правительство съ полною надеждою можетъ отправлять путешествовать для открытій въ сосѣднія державы и кругомъ свѣта, для чего по недостатку своихъ, къ сожалѣнію, вызываются иностранцы, кои обыкновенно всѣ иріобрѣтаемыя ими драгоцѣнности природы, такъ сказать, похищая у насъ, выносятъ съ собою въ свои отечества" (10 февраля 1826 г.) [1]).

Величайшую честь приноситъ В. М. Черняеву одно предложеніе этого высокополезнаго и грандіознаго проекта, разработаннаго и съ теорической, и съ практической стороны; въ немъ указана не только цѣль ботаническаго кабинета, но и польза его, а главное средства осуществленія. Но этого мало: В. М. Черняевъ не только указалъ на эти средства, но и самъ положилъ начало дѣлу пожертвованіемъ своей обширной коллекціи, собранной только, очевидно, благодаря необыкновенной любви его къ предмету, потому что денежныхъ средствъ у В. М. Черняева не было: воспитывался онъ въ университетѣ на казенный счетъ, на счетъ правительства былъ командированъ заграницу, гдѣ прожилъ нѣсколько лѣтъ и вернувшись оттуда долженъ былъ довольствоваться только скуднымъ адъюнктскимъ окладомъ. И при такихъ условіяхъ онъ составилъ огромный гербарій, который стоилъ нѣсколько тысячъ рублей. Въ своемъ проектѣ онъ заботился и о русской, и объ европейской, и даже о всемірной флорѣ, но при этомъ не упустилъ изъ виду и мѣстной украинской и спеціально харьковской, потому что на обязанности Харьковскаго университета, какъ научнаго центра Украйны, лежало ближайшимъ образомъ ея изученіе. Кромѣ того составленіе украинскаго травника было возможно на мѣстѣ, безъ дорого стоющихъ экскурсій, а между тѣмъ давало возможность путемъ обмѣна на него пріобрѣтать и рѣдкія заграничныя формы.

Дальнѣйшія пріобрѣтенія ботаническаго кабинета до 1835 г. были довольно скромныя: въ 1833 г. получено изъ Сибири отъ извѣстнаго тогдашняго ботаника Турчанинова 460 видовъ растеній. Къ 1 января 1833 года было однако въ ботаническомъ кабинетѣ 102000 экземп. растеній, заключавшихъ 11390 породъ. Кромѣ того были сѣмена, плоды, образчики деревьевъ и т. п. въ количествѣ 2000 штукъ. Въ 1 годъ и 2 мѣсяца (по 1-е января 1835 г.) поступило 70 породъ, по преимуществу мелкихъ прозябаемыхъ изъ окрестностей Харькова. Всего къ 1 января 1835 года было 11460 породъ и свыше 100 тысячъ экземпляровъ. До 1829 года на него затрачено было всего 1000 р., а по оцѣнкѣ знатоковъ онъ тогда уже стоилъ не менѣе 10000 р. До 1835 года на него затрачено было 5600 р., но цѣнность его была несравненно выше.

[1]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло сов. 1819 г., № 43, стр. 135—137.

И существованіемъ, и успѣхомъ своимъ ботаническій кабинетъ всецѣло обязанъ проф. В. М. Черняеву.

Тотъ же В. М. Черняевъ завѣдывалъ и *ботаническимъ садомъ*. Фойгтъ сообщаетъ о немъ слѣдующія данныя. На открытомъ воздухѣ устроено было 7 отдѣленій для систематическихъ плантацій, изъ коихъ одно для древесныхъ породъ, — всѣ были обнесены живою изгородью изъ сибирской акаціи, — построено два каменныхъ парника, разбитъ небольшой цвѣтникъ близъ оранжерей, вырытъ колодезь съ прудомъ; учреждены два отдѣленія для хозяйственныхъ и врачебныхъ растеній; къ собственно ботаническому саду присоединена часть лѣснаго косогора и на немъ, къ юго-западу, разработаны три террасы — двѣ для виноградника и одна для иностранныхъ деревьевъ и кустарниковъ; наконецъ, къ каменной оранжереѣ была добавлена полукруглая пристройка (фасадъ ея помѣщаемъ). Изъ имѣвшихся въ моемъ распоряженіи спеціальныхъ документовъ объ университетскомъ садѣ [1]) трудно было извлечь что-либо интересное, потому что они касались исключительно расходовъ, произведенныхъ проф. Делявинемъ и садовникомъ Бартельсомъ. Можно отмѣтить только просьбы Бартельса о производствѣ его въ чинъ и объ огорожѣ предоставленнаго въ его распоряженіе огорода; оказывается, что не только огородъ, но и садъ былъ окруженъ оградою изъ хвороста и только Бартельсъ ходатайствовалъ о замѣнѣ этой ограды болѣе прочной и красивой деревянной. Слѣдуетъ также отмѣтить то обстоятельство, что по требованію министерства народнаго просвѣщенія проф. Делявинъ собиралъ въ университетскомъ саду сѣмена и отсылалъ ихъ въ Петербургъ въ особую коммиссію, которая снабжала сѣменами, присланными изъ ботаническихъ садовъ, учебныя заведенія. Къ 1-му ноября 1833 года въ ботаническомъ саду была одна оранжерея о трехъ и одна деревянная теплица о двухъ отдѣленіяхъ цѣною въ 35810 р. Общее число всѣхъ растеній въ саду, какъ въ оранжереяхъ, такъ и на открытомъ воздухѣ простиралось до 5535 породъ и измѣненій цѣною на 20000 р. Съ этого времени по 1-е января 1835 года пріобрѣтено сѣмянъ 30 породъ на 100 р. (даръ помощника попечителя гр. Панина), сѣмянъ изъ Сибири—80 породъ, сѣмянъ различныхъ травъ, собранныхъ въ здѣшнемъ саду и присланныхъ изъ другихъ мѣстъ 500 породъ; всего 610 породъ и 23 дерева съ корнемъ. Наблюденіе за такъ называемымъ университетскимъ бульваромъ было поручено профессору сельскаго хозяйства Нельдехену.

Такимъ образомъ съ 1815 по 1835 годъ предметомъ вниманія университета служилъ, можно сказать, исключительно *ботаническій садъ*,

[1]) Харьк. унив. архивъ. Д. прав. №№ 1824/68, 1528/75, 1187/56, 968/46, 930/44.

служившій прямымъ дополненіемъ къ ботаническому кабинету. Англійскій же (нынѣшній собственно *университетскій*) садъ, предназначенный для публики, былъ повидимому въ нѣкоторомъ пренебреженіи, вызванномъ извѣстнымъ намъ выговоромъ бывшаго министра народнаго просвѣщенія гр. А. К. Разумовскаго.

Впрочемъ, въ это же время (въ 1834 году) былъ заведенъ здѣсь особый *экономическій садъ*, предназначенный для продажи растеній въ пользу ботаническаго сада. Онъ состоялъ изъ древеснаго сада, огорода и шпалерника. Древесный садъ находился близъ англійскаго и на трехъ десятинахъ его чернозема, воздѣланныхъ плугомъ и ручными орудіями были посѣяны весною въ значительномъ количествѣ кормовыя и огородныя травы и разныя овощи, а въ отдѣльной школѣ деревья и кустарники, посажено болѣе 1000 персиковъ, разныхъ иностранныхъ тополей и другихъ деревьевъ. Но этотъ первый опытъ, по причинѣ чрезмѣрнаго лѣтняго жара и тощей земли принесъ весьма мало пользы, ибо почти всѣ растенія или вовсе не вышли изъ земли, или засохли въ іюнѣ и іюлѣ мѣсяцахъ. На огородѣ, состоявшемъ изъ полудесятины луговой сырой унавоженной и обработанной земли, разныя овощныя растенія хорошо повсходили. Шпалерникъ устроенъ былъ при террасѣ въ 30 саж. длиною, вырытой на косогорѣ ботаническаго сада; тамъ на первый разъ посажено было 10 персиковъ и абрикосовъ и предполагалось разводить скороспѣлые сорта винограда. Матеріалы для шпалерника были пожертвованы помощникомъ попечителя гр. Панинымъ и стоили 300 руб. Наконецъ, въ оранжереѣ изъ множества дупплетовъ продавались экземпляры разныхъ растеній, служащихъ для украшенія садовъ [1]. Ближайшій надзоръ за садомъ былъ порученъ садовнику и его помощнику.

Къ учебновспомогательнымъ учрежденіямъ медицинскаго факультета принадлежали анатомическій театръ съ кабинетомъ, фармацевтическая лабораторія и клиники.

До 1829 года *анатомическій театръ* помѣщался въ ботаническомъ саду, а съ этого года пріютился за рѣкою Лопанью въ купленномъ тамъ университетомъ домѣ, гдѣ теперь осталось зданіе стараго манежа (рядомъ со 2-й гимназіей). Въ самомъ началѣ 30 годовъ онъ былъ переведенъ въ зданіе аудиторіи. Число препаратовъ въ кабинетѣ при завѣдывавшемъ имъ проф. Книгинѣ возрасло до 349. „Съ 1827 по 1833 г. завѣдывалъ анатомическимъ театромъ и кабинетовъ проф. Венедиктовъ; при немъ поступило 186 препаратовъ, а инструментовъ на 305 руб.;

[1]) Харьк. унив. архивъ. Отчетъ за 1834 годъ.

самый же кабинетъ переведенъ въ нижній этажъ корпуса аудиторій". Послѣ Венедиктова эти учрежденія перешли въ вѣдѣніе адъюнкта Леонова.

Въ статьяхъ проф. М. А. Попова, основанныхъ на матеріалахъ Харьковскаго университетскаго архива, мы находимъ объ анатомическомъ театрѣ и кабинетѣ еще слѣдующія данныя. Въ 1828 году профессоръ А. С. Венедиктовъ представилъ въ факультетъ такую записку о состояніи анатомическаго театра. „Можно сказать, что съ самаго основанія университета и до сихъ поръ онаго не находится. Всегда изъ необходимости анатомическій театръ сего университета составляли двѣ, либо три комнаты, въ различныхъ мѣстахъ университетскихъ строеній выбираемыя. Наконецъ, при начавшейся постройкѣ новыхъ университетскихъ зданій онъ, какъ извѣстно помѣщенъ во дворѣ, купленномъ университетомъ на берегу р. Лопани. Поддержанныя развалины деревянныхъ конюшенъ (театръ былъ передѣланъ изъ конюшенъ) вмѣщаютъ въ себѣ съ 1820 г. такъ называемый анатомическій театръ. Стѣсненный со всѣхъ сторонъ, не будучи отдѣленъ отъ прочихъ клиническихъ строеній и не имѣя особеннаго двора, онъ ни мало не соотвѣтствуетъ ни мѣстомъ, ни пространствомъ, ни наружнымъ, ни внутреннимъ устройствомъ цѣли, каковую должно было бы имѣть въ виду: да и не могло быть иначе, такъ какъ онъ назначенъ въ этомъ мѣстѣ по необходимости. Одинъ и тотъ же залъ служитъ и аудиторіей, и комнатою для многоразличныхъ занятій провектора; въ немъ же студенты должны повторять лекціи профессора, заниматься практическою анатоміею и оперативною хирургіей. Кромѣ того, въ этомъ же залѣ производятся вскрытія труповъ, подлежащихъ судебному изслѣдованію, и по необходимости размѣщены шкафы съ инструментами, препаратами и различными вещами. Къ залу этому прибавлена еще малая холодная комната, имѣющая только печь со вмазаннымъ котломъ, для анатомическихъ наливаній (инъекцій) и два досчатые чулана для поклажи доставляемыхъ труповъ. Стѣны, полы, окна и двери этого, годъ отъ году приходящаго въ большую ветхость, строенія сдѣланы весьма худо. Въ зимнее время въ него со всѣхъ сторонъ проницаетъ стужа и при томъ въ такой степени, что почти нѣтъ возможности заниматься работою. Въ осеннее же и весеннее время, а особливо въ мокрое и теплое, когда въ главныхъ даже улицахъ города отъ гніющаго навоза, смѣшаннаго съ растворившеюся грязью, происходятъ вредныя испаренія, въ этомъ анатомическомъ театрѣ невозможно заниматься, не рискуя здоровьемъ и даже жизнью, по причинѣ необычайно скораго развитія гнилости и стѣсненнаго пространства, не дозволяющаго свобод-

наго прохожденія воздуха. Исправляя въ теченіе 5 лѣтъ съ ревностью и усердіемъ должность прозектора, все это я имѣлъ несчастіе испытать на себѣ: разстроилъ совершенно свое здоровье и при окончаніи пятаго года подвергся болѣзни, угрожавшей мнѣ даже потерею жизни. Сверхъ того до 1827 года не было даже при анатомическомъ театрѣ необходимыхъ инструментовъ. Изъ всего вышесказаннаго очевидна необходимость выстроить вновь приличный и соотвѣтствующій во всѣхъ отношеніяхъ цѣли анатомическій театръ".

О необходимости постройки новаго анатомическаго театра, впрочемъ, еще и раньше говорилъ самъ устроитель его проф. Книгинъ.

Анатомическій кабинетъ былъ описанъ Венедиктовымъ въ 1824 г.; въ немъ было тогда 112 номеровъ и онъ состоялъ изъ 37 восковыхъ анатомическихъ картинъ, 34 сухихъ препаратовъ (скелетовъ, череповъ человѣка и животныхъ, костей и внутреннихъ органовъ), 35 препаратовъ, сохраняющихся въ жидкостяхъ (уродовъ, эмбріоновъ, человѣческихъ плодовъ и органовъ — нормальныхъ и перерожденныхъ), желчныхъ и мочевыхъ камней. „За время завѣдыванія Венедиктовымъ анатомическимъ кабинетомъ, въ послѣдній поступило 186 препаратовъ, изъ которыхъ 123 пріобрѣтены покупкою и 63 подарены" [1]), въ томъ числѣ были модели, выточенныя изъ дерева; въ 1832 году куплено у прозектора Гумбурга 43 сухихъ и 59 препаратовъ въ жидкостяхъ (за 40 руб.); прозекторомъ Ковалевымъ приготовлено 53 препарата и подарено Венедиктовымъ 10 [2]). „Состоя хозяиномъ анатомическаго отдѣленія, Венедиктовъ заботился о пополненіи кабинета необходимыми анатомическими инструментами и за какія-нибудь 9 лѣтъ (1826—1835 г.) таковыхъ пріобрѣтено достаточное количество" (у Гейгера въ Петербургѣ, у вдовы Книгина, у Сакка въ Москвѣ) [3]). Къ 1 января 1835 г. въ кабинетѣ было препаратовъ—641, инструментовъ—103, вещей и посуды—70 штукъ.

Фармацевтическая лабораторія медицинскаго факультета была тѣсно связана съ химической, хотя имѣла своего особаго профессора (фармакологіи) и повидимому даже отдѣльное помѣщеніе. По словамъ Фойгта, основаніе ея относится къ 1812 году, когда упорядочено было чтеніе лекцій на медицинскомъ факультетѣ. Завѣдывалъ ею съ 1812 по 1815 годъ адъюнктъ *Бомаревскій*, а съ 1815 временно *Ваннотти* и по-

---

[1]) М. А. Поповъ. „Проф. А. О. Венедиктовъ" (Зап. Имп. Харьк. университета, 1899, № 3, стр. 10—11).

[2]) Ibidem, стр. 54.

[3]) Ibidem, стр. 55.

томъ по 1835 годъ проф. *Громовъ*. Мы уже знаемъ [1]), что Болгаревскій отличался крайне безпокойнымъ характеромъ и постоянно находился во враждебныхъ отношеніяхъ съ университетскимъ начальствомъ, которое поэтому было сильно не расположено къ нему. На этой почвѣ произошелъ, очевидно, и одинъ мелкій, но характерный эпизодъ, относящійся къ завѣдыванію Болгаревскимъ фармацевтической лабораторіи. Ему захотѣлось имѣть въ своей лабораторіи часы—и онъ свою просьбу въ правленіе выразилъ въ слѣдующей оригинальной формѣ. „Время всего дороже—а мы иногда теряемъ его за неимѣніемъ часовъ, показывающихъ, когда должно употреблять (его) въ общественную пользу. Прежде въ ректорскихъ покояхъ были стѣнные часы, по коимъ можно было повѣрить карманные, у кого есть, и приходить заблаговременно какъ для преподаванія, такъ и для слушанія лекцій, но теперь уже ихъ нѣтъ. Я, по бѣдности своей, не имѣя сего искусственнаго показателя времени, прихожу въ университетъ раньше или позже обыкновеннаго, черезъ то теряю время или для себя, или для студентовъ. Въ университетѣ, какъ мнѣ извѣстно, находится трое стѣнныхъ часовъ, посему прошу правленіе употребить ихъ въ пользу,—поставить въ такой комнатѣ, куда бы всякому члену не воспрещено было входить для справки, а одни изъ нихъ благоволить отдать въ фармацевтическую лабораторію, гдѣ часы весьма нужны для наблюденія времени при опытахъ“. Правленіе увидѣло здѣсь какіе-то намеки, потому что постановило отказать въ просьбѣ Болгаревскаго, возвратить ему эту бумагу, какъ не заключающую законной надобности, оставивъ копію ея и сообщивъ автору, чтобы впредь онъ не безпокоилъ такими пустыми просьбами правленіе, занимающееся серьезными дѣлами [2]). Какъ видно изъ денежныхъ отчетовъ Болгаревскаго, въ его лабораторіи производились работы [3]); то-же нужно сказать и о времени завѣдыванія фарма-

[1]) Къ тому, что намъ извѣстно, прибавимъ еще одинъ фактъ: въ 1815 году Болгаревскій вошелъ съ жалобою въ правленіе университета на администрацію анатомическаго театра, что служители его не погребаютъ труповъ, а зарываютъ ихъ на университетскомъ дворѣ, возлѣ фармацевтической лабораторіи между дровами; съ такою же жалобою онъ выступилъ вслѣдъ затѣмъ и къ губернатору Муратову. Правленіе произвело формальное слѣдствіе, не подтвердившее доноса: выяснилось только, что служителя по ошибкѣ выбросили вмѣстѣ съ водою и часть внутренностей. За ложный доносъ Болгаревскому рѣшено было сдѣлать строгій выговоръ и взыскать съ него штрафъ за употребленіе простой бумаги вмѣсто гербовой. Однако нѣкоторые свидѣтели всетаки подтвердили, что собаки таскали по двору какое-то мясо и кости и это объясняется, конечно, тѣснотою и скученностью учебновспомогательныхъ учрежденій университета (Харьк. унив. архивъ. Дѣло правл. № 940/45).

[2]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло прав. № 938/45.

[3]) Ibidem.

цевтической лабораторіей Ванноти: при немъ на лабораторію было положено 250 руб. въ годъ [1]). При Громовѣ пріобрѣтенія продолжались, „покупались и разные предметы, касающіеся фармакологіи, такъ какъ проф. Громовъ на эту часть обращалъ особенное вниманіе". Но студенты повидимому не занимались въ фармацевтической (а также, вѣроятно, и въ химической) лабораторіи. Это видно изъ слѣдующаго категорическаго свидѣтельства проф. Книгина. „Нельзя умолчать, говоритъ онъ, и о томъ, что при семъ университетѣ, по неимѣнію химической лабораторіи, профессоръ химіи принужденъ преподавать только одну теорію ея безъ опытовъ, что составляетъ большой недостатокъ для образованія медицинскихъ чиновниковъ, ибо химія принадлежитъ къ важнѣйшимъ вспомогательнымъ наукамъ медицины. Медицинскій факультетъ всегда чувствовалъ этотъ недостатокъ и неоднократно утруждалъ объ этомъ высшее начальство" [2]). Помѣщалась фармацевтическая лабораторія съ 1819 года за Лопанью въ зданіи, передѣланномъ изъ конюшни.

Основаніе клиники, какъ мы знаемъ уже, относится къ началу изучаемой нами эпохи: въ 1814 году положено было начало клиникѣ съ 2 отдѣленіями — терапевтическимъ и хирургическимъ. Помѣщалась она въ одномъ изъ университетскихъ флигелей и въ ней было всего 6 кроватей. „Вскорѣ (однако), говоритъ Фойгтъ, тѣснота помѣщенія заставила начальство университета перевести клинику за рѣку Лопань, въ деревянный домъ, купленный у вдовы ген.-лейт. Хорватъ, на мѣстѣ, гдѣ нынѣ (въ 1859 году) манежъ: это было въ 1819 году. Въ теченіе слѣдующихъ 10 лѣтъ клиническіе институты расширены: на терапевтическій положено сначала 6, а потомъ 8 кроватей, на хирургическій—6, а потомъ 7, а въ 1829 году учрежденъ акушерскій на 4 кровати. Тогда же по представившейся вновь необходимости дать имъ большій просторъ, всѣ они были переведены въ университетскій кварталъ, именно въ каменное угловое зданіе по сѣверную сторону отъ церковнаго корпуса, гдѣ была квартира ректора и гдѣ эти институты остаются и понынѣ. Нижній этажъ его, въ которомъ помѣщалась типографія, былъ въ послѣдствіи времени отданъ исключительно подъ терапевтическій институтъ, верхній—подъ хирургическій, съ отдѣленіемъ одной комнаты для акушерскаго".

„*Терапевтическій институтъ* основанъ въ началѣ 1815 года при проф. Дрейситѣ. Въ продолженіе 3-хъ лѣтъ его управленія, т. е. до

[1]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло правл. № 1355/65.

[2]) Проф. М. А. Поповъ. „Проф. Книгинъ" (Зап. Имп. Харьк. университета, 1900, кн. 2-я, стр. 38).

1819 г., клиника помѣщалась въ одномъ изъ флигелей университета: въ терапевтическомъ институтѣ было всего 6 кроватей; число больныхъ за все это время простиралось только до 122 человѣкъ и пріобрѣтенія учебныхъ пособій были еще весьма малочисленны. Послѣ смерти профессора Дрейсига въ іюлѣ 1819 года мѣсто его заступилъ проф. Книгинъ, управлявшій терапевтическою клиникою до 1828 г. Въ теченіе этого десятилѣтія клиника находилась за р. Лопанью; число кроватей оставалось то-же; число пользуемыхъ доходило до 300 человѣкъ; пріобрѣтенія были по прежнему незначительны. Въ 1828 г. терапевтическая клиника перешла въ вѣдѣніе проф. *Брандейса*. Трехлѣтнее управленіе его ознаменовалось переведеніемъ клиники въ то зданіе университета, гдѣ она и нынѣ помѣщается; число кроватей увеличено двумя и больныхъ при немъ пользовалось до 100 человѣкъ. Пріобрѣтенія состояли въ небольшомъ числѣ терапевтическихъ аппаратовъ, между коими была переносная паровая ванна Кардова. Въ 1831 году проф. Блюменталь занялъ должность директора терапевтическаго института. При немъ, именно въ 1835 году, помѣщеніе расширено занятіемъ всего нижняго этажа зданія съ выводомъ оттуда типографіи и произведены въ немъ значительныя перестройки и улучшенія; число кроватей возрасло до 15, а число больныхъ простиралось (съ 1831 по 1835 годъ) до 178 человѣкъ. Пріобрѣтенія состояли въ анатомическихъ рисункахъ Эстерейхера и разныхъ медицинскихъ журналахъ, впослѣдствіи переданныхъ въ хирургическій кабинетъ".

Хирургическій институтъ. „Начало хирургическаго клиническаго института совпадаетъ съ началомъ терапевтическаго. При ординарномъ профессорѣ теоретической и практической хирургіи Шумлянскомъ въ 1814 году отведено въ одномъ изъ университетскихъ флигелей особое необширное помѣщеніе на 6 кроватей для пріема хирургическихъ больныхъ... и пользованіе ихъ возложено на адъюнкта Колумну-Вигуру. Въ теченіе 5 лѣтъ, сколько усматривается изъ дѣлъ университета, замѣчательныхъ перемѣнъ въ институтѣ не послѣдовало. Число больныхъ за 5 лѣтъ равнялось 130. Съ переводомъ клиники за рѣку Лопань, хирургическій институтъ поступилъ въ 1819 году въ вѣдѣніе адъюнкта, впослѣдствіи орд. проф. Еллинскаго. Проф. *Еллинскій* завѣдывалъ имъ около 14 лѣтъ; при немъ, въ 1829 году, клиника переведена въ настоящее ея помѣщеніе — въ каменное угловое зданіе на сѣверъ отъ церковнаго корпуса, и увеличена одною кроватью; пріобрѣтеніе инструментовъ постоянно продолжалось и число больныхъ возрасло до 56 въ годъ; вообще же въ его управленіе до 1833 года пользовалось въ хирургическомъ институтѣ приблизительно до 500 больныхъ. Послѣ кратко-

временнаго завѣдыванія хирургической клиникой экстраорд. проф. Экеблада въ 1833 году она ввѣрена была въ 1834 году надзору орд. проф. Бутковскаго, при пособіи адъюнкта Кригера. Тотчасъ по принятіи ими сихъ обязанностей была прибавлена въ институтѣ еще одна кровать и число пользуемыхъ въ клиникѣ, въ теченіе этого періода времени, возрасло отъ 50 до 100 въ годъ, а всего до 300; амбулаторныхъ больныхъ было отъ 25 до 200, а оперированныхъ—отъ 25 до 35 ежегодно".

Акушерскій институтъ. „Хотя преподаваніе акушерства, какъ отдѣльной науки, говоритъ Фойгтъ, было введено въ Харьковскомъ университетѣ въ 1815 году, но оно долгое время ограничивалось однимъ теоретическимъ изложеніемъ и рѣдкими упражненіями на фантомѣ. Только въ 1829 году, по ходатайству проф. Блюменталя, въ угловомъ зданіи университета, гдѣ и нынѣ помѣщается клиника, отведена была одна комната верхняго этажа для акушерскаго института съ 4 кроватями и прочими принадлежностями и вмѣстѣ съ тѣмъ для поданія нужной помощи приглашена была городовая повивальная бабка. Пріобрѣтеніе необходимѣйшихъ учебныхъ пособій также не было забыто: куплена Зибольдова кровать для родильницъ, восковые анатомическіе акушерскіе препараты, фантомъ и акушерскіе инструменты. Безъ сомнѣнія это заведеніе еще далеко отъ совершенства и не могло доставлять желаемой пользы учащимся: въ теченіе шестилѣтняго управленія Блюменталя число роженецъ простиралось только до 20".

Итакъ, по даннымъ, сообщаемымъ Фойгтомъ, среднее годовое число больныхъ въ терапевтической и хирургической клиникахъ колеблется между 30—40 и только въ послѣдніе два года возрасло въ послѣдней до 100 человѣкъ. Число кроватей возрастало довольно медленно, въ зависимости отъ недостатка средствъ и тѣсноты помѣщенія. Акушерская клиника открылась значительно позже и дѣйствовала очень вяло—въ годъ среднимъ числомъ было по 7 роженицъ. Первоначально всѣ клиники ютились во флигелѣ на университетскомъ дворѣ и только въ 1819 году заняли болѣе обширное и удобное помѣщеніе за Лопанью. Но каково было это лучшее помѣщеніе? По этому поводу современникъ—деканъ медицинскаго факультета проф. Книгинъ высказался такъ. „Съ самаго открытія университета въ Харьковѣ медицинскій факультетъ, не имѣя существенныхъ для своей цѣли пособій, никогда не былъ въ своемъ должномъ положеніи. Худо устроенныя терапевтическая и хирургическая клиники, недостатокъ хирургическаго кабинета и акушерской клиники были и суть главнѣйшія тому причины. Съ самаго открытія университета всѣ медицинскія заведенія находились въ университетскомъ одноэтажномъ флигелѣ... Клиники терапевтическая и

хирургическая, мужскія и женскія, помѣщались въ трехъ комнатахъ почти такой же величины (какъ и тѣ, гдѣ былъ анатомическій театръ, т. е. пятиаршинныя), но акушерская, *по недостатку комнатъ*, не существовала. При постройкѣ университетскихъ, по новому плану, зданій, въ которыхъ медицинскія заведенія всѣ были выпущены, тотъ флигель, гдѣ они помѣщались, сломанъ; но дабы не остановилось преподаваніе медицинскихъ лекцій, то для сей цѣли купленъ былъ старый деревянный домъ на берегу рѣки Лопани для временнаго преподаванія въ немъ медицинскихъ лекцій, въ который переведены терапевтическая и хирургическая клиники; но и тамъ, за неимѣніемъ комнатъ, акушерская клиника не могла быть устроена. Домъ, въ которомъ помѣщаются клиники, ветхъ и близокъ къ разрушенію; по этой причинѣ онъ и назначенъ былъ въ 1825 году въ сломку. Домъ этотъ тѣсенъ и для клиникъ совсѣмъ не пригоденъ, ибо въ немъ нельзя больныхъ женскаго пола отдѣлить отъ мужескаго, страждущихъ заразительными и глазными болѣзнями отъ прочихъ; нѣтъ мѣста для ваннъ, меркуріальныхъ треній; нѣтъ операціонной залы, кладовой и даже отдѣльныхъ нужныхъ мѣстъ. Положенное число 12 больныхъ для двухъ клиникъ обоего пола совершенно недостаточно и тѣмъ важнѣе сей недостатокъ, что во всемъ городѣ нѣтъ ни одной и никакой больницы; слѣдовательно, воспитанникамъ практическимъ свѣдѣніямъ, кромѣ клиники, научиться негдѣ; а посему число больныхъ должно быть увеличено по крайней мѣрѣ вдвое, т. е. вмѣсто 6 по 12 на каждую клинику... Хирургическій кабинетъ находится также въ бѣдномъ состояніи, ибо онъ не имѣетъ ни всѣхъ нужныхъ инструментовъ, ни моделей, ни бандажей, да и не имѣетъ способовъ для своего усовершенствованія, ибо по штату на него ничего не назначено; посему я полагаю нужнымъ испросить на улучшеніе и усовершенствованіе его ежегодно по 500 руб.“ [1]).

А вотъ отзывъ и другого современника — проф. Брандейса о терапевтической клиникѣ въ ея прежнемъ помѣщеніи за Лопанью и новомъ въ извѣстномъ намъ университетскомъ корпусѣ. Нельзя впрочемъ игнорировать того обстоятельства, что онъ составленъ былъ для попечителя А. А. Перовскаго, желавшаго убѣдиться въ томъ, какой прогрессъ былъ достигнутъ Харьковскимъ университетомъ за время его управленія (съ 1825 по 1830 годъ). „По вступленіи въ должность его превосходительства попечителя, университетская клиника помѣщалась въ особенномъ домѣ, отдѣленномъ отъ университетскихъ зданій, — на берегу рѣки Лопани. По ветхости дома, худому расположенію комнатъ и

[1]) М. А. Поповъ. „Проф. И. Д. Книгинъ“ (Зап. Имп. Харьк. университета, 1900, кн. 2-я, стр. 36—37).

близости рѣки, которая при разлитіи своемъ заливала клиническіе погреба и потопляла главный домъ, а въ прочее время зацвѣтала по свойству стоячей воды, прежнее помѣщеніе клиники было самое невыгодное. Бѣлье, кровати, тюфяки, больничные столики, посуда и проч. по давности и небреженію вовсе не соотвѣтствовали цѣли благоустроеннаго заведенія. Экономическое и полицейское управленіе клиникою было также вовсе недостаточно. Почему его превосходительство попечитель, нашедши профессора, способнаго къ исполненію его намѣреній по сей части, 12 марта 1828 года приказалъ преобразовать клинику, вслѣдствіе чего она временно помѣщена въ очень хорошемъ двухъ-этажномъ каменномъ домѣ, принадлежащемъ къ главнымъ университетскимъ зданіямъ; она занимаетъ 14 комнатъ, въ коихъ помѣщаются больные мужескаго и женскаго пола, по свойству терапевтическихъ и хирургическихъ болѣзней и въ томъ числѣ 3 кровати для акушерства. Стѣны внутри клиники окрашены зеленою краскою (особенно благодѣтельною для зрѣнія), а полъ темножелтою масляною краскою. Во всемъ домѣ окна снабжены большими вентиляторами, отчего воздухъ, несмотря на судна, стоящія въ переднихъ и большое количество людей, чрезвычайно чистъ. Кухня нижняго этажа превращена въ баню, а въ отдаленномъ углу двора клиника занимаетъ комнату, гдѣ производится вскрытіе тѣлъ умершихъ, для показанія учащимся внутреннихъ измѣненій, произведенныхъ болѣзнію и для лучшаго изъясненія хода болѣзни. Въ комнатахъ больныхъ къ окнамъ сдѣланы зеленыя камготныя занавѣси и полотняныя шторы; на 18 больныхъ сдѣлано новое, очень хорошее и въ достаточномъ количествѣ бѣлье; также желѣзныя кровати, тюфяки, одѣяла, посуда, ковры, мебель берестоваго дерева лучшей работы. Принятіе, лѣченіе, содержаніе больныхъ и смотрѣніе за ними производится съ отличнымъ вниманіемъ и заботливостью, для исполненія этого помѣщены въ клиникѣ ординаторъ и 3 надзирательницы. По этимъ причинамъ смертность въ клиникѣ почти ничтожна, ибо, не взирая на то, что въ клинику принимаются самые опасные больные, изъ 60 выздоровѣли всѣ, исключая 3-хъ, вскрытіе коихъ ясно доказало невозможность продолженія жизни. При всемъ удобствѣ и совершенствѣ теперешней клиники, содержаніе ея въ годъ обходится до 2000 р., т. е. вчетверо меньше противъ прежняго, между тѣмъ, какъ всякій, желавшій поступить въ прежнюю клинику, приводимъ былъ въ ужасъ. Теперь же напротивъ больной считаетъ за счастье, если найдутъ болѣзнь его заслуживающею вниманія для помѣщенія его въ клинику. Въ хирургическомъ и акушерскомъ отдѣленіяхъ клиники имѣется все нужное въ достаточномъ количествѣ; но для усовершенствованія хирургическаго

и акушерскаго кабинетовъ относительно инструментовъ, испрашивается разрѣшеніе высшаго начальства на отпускъ потребныхъ для этого суммъ. Хотя таковое по всей справедливости отличное устройство клиники стоитъ университету до 5000 р., но все пріобрѣтенное на эту сумму, при предполагаемомъ перемѣщеніи ея (ибо настоящее помѣщеніе ея не совсѣмъ выгодно), останется совершенно годнымъ“ [1]).

Нельзя упускать изъ виду, при оцѣнкѣ этого свидѣтельства, что оно принадлежитъ заинтересованному лицу, желавщему выставить въ возможно лучшемъ свѣтѣ свою собственную дѣятельность—въ нѣкоторыхъ мѣстахъ это ярко бросается въ глаза,—но съ другой стороны мы видимъ здѣсь радужное впечатлѣніе дѣятеля, которому пришлось работать въ несравненно лучшей обстановкѣ, чѣмъ его предшественникамъ: новое помѣщеніе клиники было внѣ всякаго сомнѣнія гораздо обширнѣе и лучше прежняго. Чрезвычайно благопріятный отзывъ о дѣятельности проф. Брандейса, въ качествѣ директора клиники, высказалъ, какъ мы знаемъ, и попечитель округа А. А. Перовскій.

По оффиціальнымъ даннымъ къ 1-му января 1835 года кроватей въ терапевтической клиникѣ было 10 и со всѣхъ больныхъ, кромѣ бѣдняковъ, взымалась плата; съ 1-го ноября 1833 г. по 1-е января 1835 г. (т. е. за 14 мѣсяцевъ) всѣхъ больныхъ въ клиникѣ было 84, амбуляторныхъ 220. Въ большинствѣ случаевъ это были слѣдующія болѣзни—нервныя горячки, острые ревматизмы, простудные поносы, чахотка и водянка. Студентамъ 4-го курса ввѣрялось въ клиникѣ лѣченіе подъ наблюденіемъ и бдительнымъ надзоромъ директора профессора, который не иначе осматривалъ больныхъ, какъ въ сопровожденіи учащихся, посѣщалъ клинику каждый день, одинъ разъ для больныхъ хроническими болѣзнями, два раза и болѣе для страдавшихъ острыми заболѣваніями. Завѣдывалъ ею проф. Блюменталь, а помощникомъ его былъ адъюнктъ Кригеръ.

Въ хирургической клиникѣ было въ 1834 г. 8 кроватей (также платныхъ вообще и безплатныхъ для бѣдныхъ). Съ 1-го ноября 1833 г. по 1-е января 1835 года (за 14 мѣсяцевъ) больныхъ было 59, амбуляторныхъ 210. Въ это время сдѣлано 35 значительныхъ операцій, въ томъ числѣ: operatio entropii—3, paracenthesis abdominis—4, operatio plerigii—1, laberaphia—1, extirpatio haleucis—1, разсѣченіе покрововъ usque ad fascim latam in Telomolacia—2, литотомій—5, кои всѣ кончились благополучно, ампутація голени—1, предплечія—1, вылущиваніе мѣшечныхъ опухолей—2, жирныхъ наростовъ—3, мясныхъ—1,

[1]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло поп. № 1284/72.

extirpatio osteosteirtomatis—1, operacio cataracta—7, excisio Scirri—1, extirpatio phalangis digiti manus—1. Въ продолженіе этого времени умерло—5, совершенно выздоровѣло—42, несовершенно—12. Студенты 4-го и 3-го курсовъ занимались легкими операціями, какъ-то: кровопусканіемъ, вырѣзываніемъ мѣшечныхъ опухолей, рваніемъ зубовъ, наложеніемъ швовъ, лигатуръ на сосуды, останавливаніемъ кровотеченій посредствомъ торзіи сосудовъ, вскрытіемъ нарывовъ, вправливаніемъ вывиховъ, переломовъ, выпавшихъ грыжъ; и вообще всѣ перевязки дѣлались исключительно учащимися; въ большихъ же операціяхъ, произведенныхъ адъюнктомъ Кригеромъ, они дѣятельно участвовали, какъ ассистенты; они же составляли кустодіи послѣ каждой важной операціи. По 1-е ноября 1834 года клиникою завѣдывалъ адъюнктъ Кригеръ, а съ того времени орд. проф. хирургіи Бутковскій съ Кригеромъ. При хирургической клиникѣ находились въ это время инструменты для кровавыхъ и не кровавыхъ операцій, аппараты для искривленій и переломовъ и модели для ограниченія болѣзненно-направленной воли, также ружейныя носилки для удобнаго перенесенія раненыхъ съ поля сраженія ихъ товарищами.

Въ акушерской клиникѣ было 4 кровати. Съ 1-го ноября 1833 по 1-е января 1835 года было 2 роженицы, которыя благополучно разрѣшились отъ бремени при нормальныхъ родахъ. По 1-е ноября 1834 г. клиникою завѣдывалъ проф. Блюменталь съ адъюнктомъ Кригеромъ, а послѣ этого орд. проф. акушерства Ганъ съ тѣмъ же адъюнктомъ. При клиникѣ находилось собраніе акушерскихъ щипцовъ, тѣло-вѣсомѣровъ, клизеометровъ и пр., фантомъ для практическихъ занятій учащимся, гистеропластмы и восковые препараты женскихъ дѣтородныхъ органовъ [1]).

Кромѣ перечисленныхъ учебновспомогательныхъ учрежденій, существовали еще классы рисованія и живописи, музыки и фехтованія и въ нихъ также были соотвѣтственные инструменты, необходимые для преподаванія этихъ предметовъ.

О кабинетѣ рисованія и живописи у Фойгта мы находимъ слѣдующія данныя. „Съ 1814 года пріобрѣтенія (для кабинета) шли постепенно — частію пожертвованіями частныхъ лицъ, частію покупками на суммы университета, примѣняясь къ потребностямъ учащихся. Такимъ образомъ въ кабинетъ поступили: образцы для первоначальныхъ упражненій въ рисованіи, литографированныя головы съ оригинальныхъ картинъ и бюстовъ, изданныя Обществомъ поощренія художниковъ, литографіи съ картинъ русскихъ живописцевъ, гравированныя головы съ

---

[1]) Харьк. унив. архивъ. Отчетъ за 1834 годъ.

картинъ древнихъ, среднихъ и новыхъ художниковъ, иллюминованныя головы, эстампы съ историческихъ картинъ, фигуры и полуфигуры, снятыя со статуй, этюды лошадиныхъ головъ, ландшафты и перспективные виды, частію иллюминованныя, частію подъ англійскую тушовку и нѣсколько гипсовыхъ миѳологическихъ статуй въ небольшомъ видѣ". Такимъ образомъ, кабинетъ этотъ имѣлъ исключительно педагогическую цѣль—долженъ былъ служить подспорьемъ для существовавшаго тогда при университетѣ рисовальнаго класса. Знаменитая коллекція эстамповъ Аделунга въ составъ его тогда не входила.

Въ 1821 году учитель музыки при университетѣ Лозинскій ходатайствовалъ о пріобрѣтеніи взамѣнъ старыхъ негодныхъ слѣдующихъ новыхъ инструментовъ—одной пары кларнетовъ *Ц* цѣною до 175 руб., одной пары флейтаверсовъ цѣною до 75 р., 3-хъ скрипокъ цѣною до 120 р., нотъ на 100 р.; всего на сумму 470 руб. Въ 1832 году онъ же просилъ о покупкѣ пары кларнетовъ въ рогу *А* и *В* о 5 клапанахъ цѣною въ 190 р., пары кларнетовъ *Ц* цѣною въ 140 р., пары большихъ флейтъ *Д* въ кости цѣною въ 60 р. и пары флейтъ въ рогу цѣною въ 40 р.; всего на 430 р. Обѣ просьбы были уважены и деньги были выданы изъ хозяйственныхъ средствъ университета [1]).

Отмѣтимъ еще проекты 3 неосуществившихся учрежденій—студенческой больницы, манежа и статистическаго комитета; послѣдній предполагалось учредить при одномъ изъ русскихъ университетовъ въ 1829 г. но извѣстный профессоръ Парротъ представилъ записку (она сохранилась при дѣлахъ), гдѣ доказывалъ его *вредъ* для профессоровъ и университета [2]).

Изъ всего изложеннаго видно, что состояніе многихъ учебновспомогательныхъ учрежденій Харьковскаго университета было далеко не удовлетворительное. Особенно ощутительно давалъ себя чувствовать недостатокъ помѣщеній и средствъ, а подчасъ и энергичныхъ, преданныхъ дѣлу завѣдующихъ. Можно сказать, что достигли цвѣтущаго состоянія тѣ учебновспомогательныя учрежденія, которыя имѣли такихъ лицъ. Нѣкоторыми же изъ учрежденій могъ смѣло гордиться въ свое время нашъ университетъ. Многія изъ нихъ служили только для нуждъ самого университета — его преподавателей и студентовъ — но и для мѣстнаго общества, для всего края и даже округа; сюда нужно причислить типографію, книжный магазинъ, библіотеку, ботаническій садъ и, наконецъ, клиники. Трудно, конечно, учесть ту пользу, которую они

[1]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло поп. № 843/46.

[2]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло поп. №№ 1399/80, 1991/127; правл. № 1888/121

принесли населенію,—способствуя его физическому и духовному росту и развитію, потому что она не всегда укладывается въ цифры, да и нѣтъ въ нашемъ распоряженіи всѣхъ необходимыхъ числовыхъ данныхъ. Правда, представленныя нами цифры больныхъ, лѣчившихся въ университетскихъ клиникахъ, поражаютъ насъ своими скромными размѣрами сравнительно съ нынѣшнимъ временемъ; но при оцѣнкѣ ихъ не слѣдуетъ упускать изъ виду той перемѣны, которая произошла въ развитіи самого Харькова и ростѣ его населенія — тогда и онѣ не покажутся уже столь ничтожными. Дѣятельность же университетской типографіи и магазина должна быть признана значительною даже и безотносительно къ этому. Но и помимо этого *непосредственнаго* вліянія университетъ и его учебновспомогательныя учрежденія оказывали еще значительное и благотворное косвенное вліяніе на окружающую среду, являясь живымъ культурнымъ центромъ въ городѣ и краѣ, вызывая примѣръ и подражаніе, наглядно, такъ сказать, собственнымъ примѣромъ, поднимая уровень культурныхъ потребностей окружающаго общества и показывая способы ихъ удовлетворенія.

3-я ГЛАВА.

Научно-преподавательская дѣятельность и бытъ профессоровъ.

Въ 1-мъ томѣ своего труда, обнимающемъ первое десятилѣтіе въ исторіи Харьковскаго университета, мы представили данныя о научно-преподавательской дѣятельности и бытѣ профессоровъ, дѣйствовавшихъ въ этотъ періодъ; здѣсь мы сдѣлаемъ такой же обзоръ за время съ 1815 по 1835 годъ и прежде всего сообщимъ біографическія свѣдѣнія о профессорахъ и преподавателяхъ этого новаго двадцатилѣтія до опредѣленія ихъ на должность въ Харьковскій университетъ, чтобы составить себѣ представленіе о научной подготовкѣ лицъ, вступавшихъ въ профессорскую коллегію [1]).

Изъ профессоровъ и преподавателей перваго десятилѣтія къ началу изучаемаго нами періода осталось 26 душъ, въ томъ числѣ на этико-политическомъ факультетѣ 6—Шадъ, Лангъ, Швейкардъ, Рейтъ Пауловичъ, Дудровичъ; на физико-математическомъ 8—Осиповскій, Делявинь, Нельдехенъ, Тауберъ, Васильевъ, Комлишинскій, Громовъ, Архангельскій; на медицинскомъ 8—Шумлянскій, Пильгеръ, Дрейсигъ, Каменскій, Книгинъ, Ванноти, Болгаревскій, Колумна-Вигура и на словесномъ 4—Дегуровъ, Ив. Срезневскій, Успенскій, Паки-де-Совиньи. Изъ 26 человѣкъ 14 было иностраннаго и 12 русскаго происхожденія. Всѣхъ профессоровъ и преподавателей было въ 1-й періодъ 44, въ томъ числѣ иностранцевъ 26 и русскихъ 18. Новыхъ дѣятелей явилось 48 человѣкъ. По факультетамъ они распредѣлялись такъ: на словесномъ—17, этико-политическомъ—8, физико-математическомъ—4, медицинскомъ—12.

Начнемъ свое обозрѣніе съ словеснаго факультета:

Василій Яковлевичъ Джунковскій—изъ дворянъ, родился въ 1767 г. По окончаніи курса въ Харьковскомъ коллегіумѣ, поступилъ въ 1788 г. на службу волонтеромъ въ Петербургскій военный госпиталь, а затѣмъ въ 1790 году былъ назначенъ учителемъ русскаго, латинскаго и греческаго

---

[1]) Главнымъ матеріаломъ для настоящаго обзора послужатъ рукописные формулярные списки этихъ дѣятелей, хранящіеся въ университетскомъ архивѣ. Затѣмъ мы дополняли этотъ матеріалъ и другими данными, извлеченными изъ нѣкоторыхъ печатныхъ библіографическихъ трудовъ (напримѣръ, Геннади).

языковъ въ медико-хирургическій институтъ. Сверхъ того, ему было поручено наблюденіе за учащимися; въ 1795 году опредѣленъ также переводчикомъ въ бывшую государственную медицинскую коллегію. По присоединеніи института къ медико-хирургической академіи въ 1802 году сдѣланъ въ ней библіотекаремъ и начальникомъ архива медицинской управы и корректоромъ медицинской типографіи. Затѣмъ избранъ былъ членомъ Вольнаго Экономическаго Общества, комитета для изданія медицинскаго журнала и корреспондентомъ медицинскаго совѣта при министерствѣ народнаго просвѣщенія. По порученію начальства, сочинилъ: 1) исторію врачебной науки въ Россіи съ древнихъ до нынѣшнихъ временъ; 2) частныя жизнеописанія нѣкоторыхъ русскихъ врачей; 3) наставленіе о дѣланіи фаянсовой посуды; 4) наставленіе о приготовленіи Берлинской лазури; 5) описаніе разныхъ способовъ приготовленія ультрамарина; 6) объ изящныхъ художествахъ у грековъ и вліяніи ихъ на нравственность; перевелъ, по порученію начальства, съ разныхъ языковъ слѣдующіе труды: 1) Муреины. Новыя медико-хирургическія наблюденія; 2) Гуна. Топографическое описаніе города Риги; 3) Способъ замѣнить иностранный сахаръ домашними произведеніями; 4) Луца. Другъ здоровья; 5) Врачебныя извѣстія о преждевременномъ погребеніи мертвыхъ; 6) Способъ избавлять утопшихъ и другимъ подобнымъ случаямъ подверженныхъ людей отъ смерти; 7) Удина. Наставленіе о скотскихъ болѣзняхъ; 8) Глазена. О прививаніи человѣческой оспы; 9) Наблюденіе о коровьей оспѣ; 10) Ловица. Способъ дѣлать самую крѣпкую уксусную кислоту; 11) Буттаца. О прививаніи коровьей оспы; 12) Шпрензеля. Критическое обозрѣніе врачебной науки въ послѣднемъ десятилѣтіи; 13) Рольвеса. Скотскій лѣчебникъ; 14) Описаніе желтой американской горячки; 15) Сика. Наставленіе объ овечьей оспѣ; 16) Гитона Морво. О благораствореніи воздуха и отвращеніи заразы; 17) Шерера. Руководство къ преподаванію химіи; 18) Ремана. Описаніе туркестанскихъ минеральныхъ водъ; 19) Удена. Наставленіе о скотскихъ заразахъ съ прибавленіями; 20) Рихтера. Начальныя основанія хирургіи (3 послѣднія части); 21) Гуна. Дополненіе къ медико-топографическому описанію Лифляндіи; 22) Эргарда. О разведеніи и приготовленіи разнаго рода табаку; 23) Вояпуса. О падежѣ рогатаго скота; 24) По особому порученію бывшаго министра финансовъ гр. Васильева подготовлялъ разныя статьи для составленія россійскихъ государственныхъ законовъ; 25) велъ въ журналѣ Экономическаго Общества отдѣлъ подъ заглавіемъ: Хозяйственныя записки. *Въ 1818 году избранъ на 51-мъ году жизни совѣтомъ Харьковскаго университета въ ординарные профессора греческаго языка.*

Изъ представленнаго нами формуляра видно, что В. Я. Джунковскій не только не имѣлъ ученой степени (магистра или доктора), необходимой для полученія профессуры, но даже не получилъ и высшаго образованія. Правда у него, какъ мы видѣли, было очень много печатныхъ трудовъ, но въ огромномъ большинствѣ это были переводы, и при томъ не имѣвшіе никакого отношенія къ греческому языку, или же компиляціи по технологіи и медицинѣ. Единственнымъ трудомъ его по классической филологіи является работа объ изящныхъ искусствахъ у грековъ, но и она самостоятельнаго значенія не имѣетъ. Было бы еще понятно, если бы Джунковскій былъ избранъ въ профессора сельскаго хозяйства, но выборъ его въ преподаватели греческаго языка является совершенно страннымъ и непонятнымъ; по всей вѣроятности, здѣсь дѣйствовало вліяніе министра кн. А. М. Голицына и новаго попечителя З. Я. Карнѣева, расчитывавшихъ найти въ немъ усерднаго проводника ихъ мистическихъ воззрѣній; извѣстно, что Джунковскій скоро сдѣлался преданнѣйшимъ слугою З. Я. Карнѣева.

Полную противоположность въ смыслѣ ученой подготовки къ своему поприщу представляетъ *Иванъ Яковлевичъ Кронебергъ*. Онъ происходилъ изъ духовнаго званія, былъ московскимъ уроженцемъ, родился въ 1785 г. Обучался въ Германіи въ университетахъ Галле и Іены по 1807 годъ, получилъ степень доктора философіи въ Іенскомъ университетѣ въ 1807, избранъ былъ членомъ Іенскаго латинскаго Общества, а въ 1814 г.— Германскаго минералогическаго Общества въ Іенѣ. Поступилъ на службу въ экспедицію о государственныхъ доходахъ, а затѣмъ въ концѣ 1814 г. былъ назначенъ директоромъ московскаго коммерческаго училища. Въ 1819 году опредѣленъ адъюнктомъ въ Харьковскій университетъ по латинской словесности и древностямъ. Кронебергъ избралъ своею спеціальностью латинскій языкъ и усердно работалъ въ этой области: подавъ попечителю прошеніе о занятіи вакантной каѳедры латинской словесности, онъ приложилъ кромѣ своего формуляра еще краткое обозрѣніе римской литературы на латинскомъ языкѣ, латинскую грамматику, приготовленную къ печати, и нѣсколько листовъ латино-русскаго словаря, первая часть котораго должна была въ непродолжительномъ времени выйти въ свѣтъ. Въ заключеніе своего письма онъ заявлялъ, что не имѣетъ другого желанія, кромѣ того чтобы посвятить себя исключительно наукѣ. Совѣтъ университета не счелъ возможнымъ избрать Кронеберга прямо въ экстраординарные профессора, какъ то предлагалъ попечитель, такъ какъ „изъ доставленныхъ имъ трудовъ не могутъ быть усмотрѣны его свѣдѣнія въ латинской словесности“, а избралъ его только въ адъюнкты. Вопросъ этотъ, какъ мы знаемъ, осложнялся тѣмъ,

что на эту каѳедру претендовали и Пани де-Савиньи, и Феснеръ, и Пробстъ. Кронебергъ получилъ 7 избирательныхъ и 4 неизбирательныхъ голоса (20 ноября 1818 года). Невольно бросается въ глаза строгость Совѣта при выборахъ Кронеберга и излишняя уступчивость при выборахъ Джунковскаго, а оба избранія происходили въ одномъ и томъ же году.

Третьимъ представителемъ классицизма на словесномъ факультетѣ былъ *Павелъ Алексѣевичъ Куницкій*. Родился въ 1788 году; происходилъ изъ духовнаго званія. Съ 1799 года обучался въ Кіевской Духовной академіи, потомъ уволился изъ духовнаго званія и поступилъ въ 1810 г. въ Московскій университетъ, гдѣ въ слѣдующемъ году получилъ степень кандидата словесныхъ наукъ; затѣмъ подвергался при Московскомъ университетѣ экзамену по *греческому языку* и назначенъ въ 1816 г. преподавателемъ этого языка въ Харьковскомъ университетѣ, а въ 1818 г. избранъ и утвержденъ адъюнктомъ; съ 1817 по 1821 гг. преподавалъ также этотъ предметъ и въ Харьковскомъ коллегіумѣ.

Четвертымъ представителемъ классической филологіи былъ *Эрнстъ Карловичъ Мауреръ*, утвержденный прямо ординарнымъ профессоромъ греческаго языка въ 1828 году по предложенію попечителя А. А. Перовскаго. Изъ иностранцевъ; родился въ 1780 г. заграницей и тамъ же получилъ степень доктора философіи и магистра изящныхъ искусствъ.

Мауреръ былъ родомъ изъ Саксоніи, учился въ Лейпцигскомъ и Виттенбергскомъ университетахъ, гдѣ и получилъ вышеуказанныя ученыя степени, потомъ слушалъ лекціи въ учительской семинаріи въ Берлинѣ и назначенъ былъ въ директоры тамошней гимназіи, но не принялъ этой должности по домашнимъ обстоятельствамъ. Какъ мы знаемъ уже, о немъ ходатайствовали передъ попечителемъ академики Шторхъ и Грефе и однокашникъ его министръ иностранныхъ дѣлъ гр. Нессельроде. Ученыхъ трудовъ у него не было; но онъ просилъ А. А. Перовскаго дать ему въ университетѣ дополнительную должность—или другую каѳедру, или завѣдываніе учительской семинаріей, или управленіе библіотекой, или изслѣдованіе школъ въ округѣ; если теперь этого сдѣлать нельзя, то имѣть въ виду въ будущемъ, а онъ съ своей стороны увѣряетъ, что заслужитъ эту прибавку своими трудами.

Иванъ Альбертъ Бернардъ Дорнъ, изъ иностранцевъ; родился въ 1800 году; получилъ степень доктора философіи при Лейпцигскомъ университетѣ и былъ оставленъ тамъ преподавателемъ восточныхъ языковъ; въ 1827 году назначенъ ординарнымъ профессоромъ восточныхъ языковъ Харьковскаго университета. Это назначеніе было заслужено Дор-

номъ, такъ какъ и Лейпцигскій университетъ сдѣлалъ его преподавателемъ восточныхъ языковъ.

Өедоръ Өедоровичъ Чановъ родился въ 1783 году; сынъ поручика. Воспитывался въ дворянской гимназіи при Московскомъ университетѣ на казенномъ содержаніи съ отличнымъ прилежаніемъ и успѣхами, затѣмъ отправленъ былъ въ Ярославское Демидовское училище высшихъ наукъ, гдѣ обучался закону Божію, юриспруденціи, философіи, естественному, народному и римскому праву, статистикѣ, политической экономіи, финансовому праву, словесности и эстетикѣ, физикѣ, чистой и прикладной математикѣ, всеобщей и русской исторіи и географіи съ такими же успѣхами. Окончивъ курсъ, *поступилъ въ 1806 году въ штатъ городской Ярославской полиціи квартальнымъ надзирателемъ* въ чинѣ коллежскаго регистратора, но пробылъ тамъ нѣсколько мѣсяцевъ, а оттуда перешелъ въ пансіонъ при Ярославскомъ Демидовскомъ училищѣ, гдѣ обучалъ въ званіи учителя чистой математикѣ, всеобщей исторіи, географіи и русской словесности и былъ старшимъ надзирателемъ надъ пансіонерами; по закрытіи пансіона, былъ назначенъ въ 1809 г. учителемъ латинскаго языка въ Ярославскую губернскую гимназію; по порученію высшаго начальства преподавалъ также безъ жалованья физику и математику; вмѣсто латинскаго языка ему было поручено въ 1812 г. преподаваніе философіи, политическихъ наукъ и русской словесности; въ 1814 году былъ избранъ дѣйствительнымъ членомъ и секретаремъ Общества любителей россійской словесности при Ярославскомъ Демидовскомъ высшемъ училищѣ. Разновременно исправлялъ должность директора училищъ Ярославской губерніи; въ 1824 году назначенъ былъ инспекторомъ казеннокоштныхъ студентовъ и членомъ совѣта того же училища; по порученію почетнаго попечителя училища временно исправлялъ обязанности профессора общаго, народнаго и римскаго права. Въ 1826 году уволился отъ должности инспектора и поступилъ столоначальникомъ департамента главнаго управленія духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій. Въ 1827 году опредѣленъ былъ совѣтникомъ Петербургскаго губернскаго правленія, устроилъ типографію и занимался разборкою дѣлъ. Временно управлялъ разными экспедиціями губернскаго правленія. Въ 1830 г. былъ опредѣленъ директоромъ училища Слободско-Украинской губерніи. Въ 1831 году назначенъ, по представленію попечителя В. И. Филатьева, еще и *ординарнымъ профессоромъ философіи* Харьковскаго университета. Хотя Чановъ, по объясненію попечителя Филатьева, только числился квартальнымъ надзирателемъ, дабы не терять времени службы, а получилъ высшее образованіе и даже читалъ лекціи въ Ярославскомъ училищѣ, но все-таки назначеніе его на долж-

ность ординарнаго профессора философіи совершенно не соотвѣтствовало его научно-образовательному цензу: философіей спеціально онъ не занимался и ничего по ней не писалъ, а преподаваніе этого предмета (въ числѣ прочихъ) въ гимназіи также не давало ему никакого права на университетскую каѳедру, тѣмъ болѣе, что въ Харьковскомъ учебномъ округѣ были учители, слушавшіе Шада и имѣвшіе ученыя степени по этому предмету. Притомъ Чановъ въ послѣднее время служилъ не по педагогической части. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что Чанову покровительствовалъ Филатьевъ, бывшій предводителемъ дворянства въ Ярославской губ. (онъ и самъ этого не отрицаетъ) и что благодаря его покровительству онъ получилъ и профессуру—ссылка же Филатьева на совѣтъ и профессоровъ не состоятельна, потому что и представленіе о дарованіи ему должности ординарнаго профессора исходило отъ попечителя, а не совѣта. Никакихъ печатныхъ трудовъ до поступленія преподавателемъ въ Харьковскій университетъ у Чанова не было, если не считать рукописнаго конспекта, который оцѣнивалъ попечитель, выставлявшій себя спеціалистомъ во всѣхъ наукахъ словеснаго и этико-политическаго факультетовъ. Назначеніе Чанова возмутило даже обтерпѣвшуюся и ко всему уже привыкшую ученую коллегію Харьковскаго университета.

Не болѣе научной подготовки имѣлъ также назначенный Филатьевымъ въ адъюнкты Чанову *Осипъ Ивановичъ Гренбергъ*. Онъ родился въ 1802 году въ Лифляндіи; воспитывался въ Филинскомъ уѣздномъ училищѣ, Кенигсберской гимназіи и Дерптскомъ университетѣ, гдѣ изучалъ *богословскія* науки и въ 1822 году былъ удостоенъ степени кандидата философіи. Въ 1828 г. получилъ въ Харьковскомъ университетѣ должность лектора нѣмецкаго языка, а въ 1831 году былъ назначенъ, по ходатайству попечителя В. И. Филатьева, *адъюнктомъ къ Чанову*, съ порученіемъ читать антропологію и логику.

Разумникъ Тимофеевичъ Гонорскій родился въ 1790 году. Воспитывался въ Тульской семинаріи и педагогическомъ институтѣ. Былъ затѣмъ учителемъ Оскольскаго (Курской губерніи) уѣзднаго училища, а потомъ сдѣланъ былъ за научно-литературные труды *адъюнктомъ* Харьковскаго университета по русской словесности.

Ему принадлежали слѣдующіе труды: 1) Духъ русскихъ. Осенняя пѣснь 1812 г. Н., 1813; 2) Духъ Тибулла и Горація. X., 1814; 3) Практика французскаго языка. 2 ч. X., 1814; 4) О подражательной гармоніи слова. Опытъ. X., 1815; 5) Опыты въ прозѣ. X., 1818; 6) Теорія музыки Гессъ-де-Кальве. Пер. съ нѣм. 2 части. X., 1818; 7) Издавалъ съ Филомафитскимъ Украинскій Вѣстникъ въ 1816—1818 годахъ.

Таковы были преподаватели словеснаго факультета, вступившіе въ него извнѣ—частію изъ заграницы, частію изъ Россіи. А нижеслѣдующія лица были питомцами самого же Харьковскаго университета.

Дмитрій Семеновичъ Борзенковъ—изъ духовнаго званія; родился въ 1779 году. Съ 1789 по 1804 годъ учился въ Харьковскомъ коллегіумѣ, откуда поступилъ въ казеннокоштные студенты Харьковскаго университета. Въ 1808 году получилъ степень кандидата и опредѣленъ учителемъ философіи, русской словесности и политической экономіи въ Воронежскую гимназію. Въ 1811 году былъ переведенъ лекторомъ русской словесности въ Харьковскій университетъ, а также преподавалъ россійскій слогъ и политическую экономію чиновникамъ, обязаннымъ гражданскою службою. Въ 1812 году послѣ строгаго испытанія и защиты тезисовъ (согласно IX-й гл. устава) получилъ степень магистра словесныхъ наукъ; избранъ былъ въ помощники библіотекаря. Перевелъ съ латинскаго языка: 1) диссертацію о существенномъ достоинствѣ философіи; 2) сочиненія проф. Роммеля объ улучшеніи способа ученія въ гимназіяхъ; 3) два письма Саллюстія къ Цезарю объ управленіи республикою; всѣ эти 3 перевода были напечатаны. Въ 1815 году былъ утвержденъ *адъюнктомъ словесности*.

Александръ Васильевичъ Склобовскій родился въ 1793 году; происходилъ изъ духовнаго званія. Первоначально воспитывался въ Воронежской семинаріи, а по окончаніи ея въ Харьковскомъ университетѣ (былъ своекоштнымъ студентомъ); въ 1819 году получилъ степень кандидата, а въ 1822 году, по выдержаніи испытанія, магистра русской словесности; въ 1823 утвержденъ *адъюнктомъ русской словесности*.

Иванъ Яковлевичъ Золотаревъ сынъ войсковаго донскаго старшины; родился въ 1802 году. Въ 1816 г. былъ принятъ въ казеннокоштные студенты Харьковскаго университета, съ обязательствомъ прослужить 6 лѣтъ по указанію университетскаго начальства. Въ 1821 году получилъ степень кандидата на словесномъ факультетѣ. Въ 1822 году, по ходатайству инспектора студентовъ, за примѣрное благонравіе и склонность къ наукамъ, былъ оставленъ при университетѣ на основаніи 117 § устава и ему предоставлено было въ качествѣ кандидата преподаваніе риторики; въ 1826 г. ему было поручено временно чтеніе лекцій по поэзіи съ вознагражденіемъ адъюнкта; въ 1829 г. онъ былъ утвержденъ въ должности *адъюнкта по русскому языку и словесности*.

Василій Алексѣевичъ Якимовъ. Родился въ 1800 году; происходилъ изъ духовнаго званія. По окончаніи курса семинаріи поступилъ въ 1823 году въ своекоштные студенты Харьковскаго университета на словесный факультетъ, который окончилъ въ 1826 году со званіемъ

кандидата, получивъ предварительно золотую медаль за сочиненіе. Въ 1827 году былъ опредѣленъ учителемъ словесности въ Харьковскій институтъ благородныхъ дѣвицъ; въ 1831 г. ему было поручено преподаваніе словесности въ университетѣ; въ 1832 г. въ Петербургскомъ университетѣ получилъ степень магистра *словесныхъ наукъ* и утвержденъ *адъюнктомъ по этому предмету.*

Евграфъ Матвѣевичъ Филомафитскій родился въ 1791 году; изъ духовнаго званія. Съ 1809 по 1810-й годъ учился въ Ярославской духовной семинаріи, потомъ въ Ярославскомъ высшемъ Демидовскомъ училищѣ; въ 1812 г. состоялъ студентомъ Харьковскаго университета, а въ 1813 г. окончилъ курсъ со степенью кандидата, получивъ раньше золотую медаль за латинское сочиненіе, въ 1815 году напечаталъ оду для университетскаго акта. Въ 1816 году получилъ степень магистра изящныхъ наукъ и искусствъ. Съ 1816 г. по 1819-й годъ участвовалъ въ изданіи Украинскаго Вѣстника, а въ 1819 году издавалъ его одинъ; ему же поручено было наблюденіе за изданіемъ для училищъ книгъ „Opera Vergilii Maranis“. Съ 1818 года ему было предоставлено преподаваніе всеобщей исторіи и древней географіи. Въ 1819 году избранъ совѣтомъ университета въ *адъюнкты всеобщей исторіи и древней географіи.*

Петръ Петровичъ Артемовскій-Гулакъ родился въ 1790 году въ Черкасскомъ уѣздѣ Кіевской губ., изъ дворянъ; воспитывался въ Кіевской духовной академіи съ 1807 по 1817-й годъ, гдѣ испытывалъ страшную нужду; затѣмъ въ 1817 году поступилъ вольнослушателемъ въ Харьковскій университетъ. Въ 1818 г., по представленію Совѣта, утвержденъ лекторомъ польскаго языка. Въ 1820 году съ согласія попечителя поручено было ему временное преподаваніе руcской исторіи, географіи и статистики. Въ этомъ же году онъ удостоенъ былъ степени кандидата. Въ 1821 г. выдержалъ магистерскій экзаменъ, защитилъ диссертацію и получилъ степень магистра словесныхъ наукъ. Въ 1823 г. утвержденъ *адъюнктомъ руcской исторіи и статистики.*

Владиміръ Францовичъ Цыхъ родился въ 1805 году; сынъ майора. По окончаніи Екатеринославской гимназіи, поступилъ въ 1822 году въ своекоштные студенты Харьковскаго университета и получилъ въ немъ въ 1825 году степень кандидата словесныхъ наукъ. Въ этомъ же году былъ назначенъ старшимъ учителемъ исторіи въ Харьковскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ. Въ 1831 году былъ опредѣленъ инспекторомъ классовъ въ институтѣ и поручено ему было преподаваніе всеобщей исторіи въ университетѣ; въ 1833 году онъ получилъ *степень магистра и должность адъюнкта исторіи при Харьковскомъ*

университетъ (магистерская диссертація его „О способѣ преподаванія исторіи“ вышла въ Харьковѣ въ 1835 г.).

Петръ Ивановичъ Сокальскій родился въ 1794 году, происходитъ изъ духовнаго званія. По увольненіи оттуда поступилъ въ 1815 году въ своекоштные студенты Харьковскаго университета; въ 1821 году былъ произведенъ въ кандидаты; въ 1822 г. было поручено ему преподаваніе латинскаго языка въ Слободско-Украинской гимназіи безъ жалованья; въ 1823 г. назначенъ былъ, по распоряженію высшаго начальства, преподавателемъ латинскаго языка на 1-мъ курсѣ словеснаго факультета; въ 1825 году опредѣленъ былъ лекторомъ латинскаго языка въ университетѣ; состоялъ членомъ комитета для испытанія лицъ, принимаемыхъ въ студенты. Въ 1827 году утвержденъ *адъюнктомъ по латинской словесности.*

Матвѣй Николаевичъ Протопоповъ; происходитъ изъ духовнаго званія. Въ 1820 году поступилъ вольнослушателемъ на два факультета Харьковскаго университета — словесный и юридическій; затѣмъ были переименованы въ своекоштные студенты тѣхъ же факультетовъ. Въ 1822 г. получилъ кандидатскій дипломъ, на основаніи правилъ 1819 г., по обоимъ факультетамъ. Въ теченіе двухъ лѣтъ преподавалъ логику въ университетѣ. Состоялъ учителемъ исторіи и географіи при Харьковскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ съ 1823 по 1827-й годъ. Въ 1834 году былъ утвержденъ *адъюнктомъ философіи.*

Теперь обращаемся къ профессорамъ и преподавателямъ этико-политическаго факультета.

Протоіерей Аѳанасій Григорьевичъ Могилевскій родился въ 1774 г., происходилъ изъ духовнаго званія. Съ 1789 по 1798 г. воспитывался въ бывшей Новгородъ-Сѣверской, а потомъ Черниговской семинаріи. По увольненіи изъ Черниговской семинаріи въ 1798 году поступилъ на службу въ духовную консисторію г. Ѳеодосіи; въ 1800 г. произведенъ въ іереи и опредѣленъ въ Харьковскій каѳедральный соборъ ключаремъ: въ 1801 г. назначенъ членомъ Харьковской духовной консисторіи; въ 1802 году былъ посвященъ въ протоіереи за ревностную службу и преподаваніе Слова Божія и затѣмъ назначенъ штатнымъ протоіереемъ каѳедральнаго собора, гдѣ произносилъ проповѣди. Въ 1811 году былъ назначенъ учителемъ высшаго краснорѣчія, домашней и сельской экономіи; въ 1813 году сдѣлался членомъ общества наукъ при Харьковскомъ университетѣ; въ 1817 г. былъ назначенъ инспекторомъ коллегіума и профессоромъ философскихъ наукъ; тогда же, по резолюціи преосвященнаго Павла въ увѣр. на ходатайство университета былъ опредѣленъ проповѣдникомъ студентамъ Слова Божія, а

также цензоромъ сочиняемыхъ учителями священно-служителями и студентами проповѣдей; *въ 1819 г. былъ назначенъ ординарнымъ профессоромъ богопознанія и христіанскаго ученія въ Харьковскій университетъ.*

Игнатій Николаевичъ Даниловичъ сынъ русскаго уніатскаго священника, родился въ 1787 году; изъ дворянъ: учился въ Ломжинской Піарской школѣ, потомъ въ Бѣлостокской гимназіи; въ 1810 г. поступилъ въ студенты Виленскаго университета; въ 1811 г. получилъ тамъ степень кандидата правъ, а въ 1812 г. магистра правъ. Въ 1814 году сталъ преподавать въ Виленскомъ университетѣ мѣстное гражданское право. Виленскіе студенты привозили ему цѣлыя груды пергаментскихъ и другихъ рукописей изъ уніатскихъ церквей и монастырей. Въ 1817 г. съ утвержденія попечителя былъ командированъ въ Варшаву для изученія судопроизводства. Въ 1818 году былъ командированъ въ Петербургъ для усовершенствованія въ россійскомъ законодательствѣ, а затѣмъ по собственной охотѣ отправился въ Москву. Въ 1819 г. былъ утвержденъ адъюнктомъ. По приглашенію Литовскаго военнаго губернатора Римскаго-Корсакова поступилъ въ члены комитета для собиранія провинціальныхъ законовъ. Въ 1822 г. по предложенію предсѣдателя государственнаго совѣта Лопухина былъ назначенъ членомъ комитета для изданія Литовскаго статута. Тогда же назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ русскаго и мѣстнаго гражданскаго и уголовнаго права; въ 1823 г. утвержденъ ординарнымъ профессоромъ; былъ членомъ многихъ коммиссій. Въ 1824 г., по Высочайшему повелѣнію, удаленъ отъ должности, а *въ 1825 году съ Высочайшаго же соизволенія назначенъ профессоромъ дипломатики въ Харьковскій университетъ.* Издалъ слѣдующія сочиненія (на польскомъ языкѣ): 1) Историческій взглядъ на богоугодныя заведенія въ древней Польшѣ и на ея по сему предмету законоположенія (въ Журналѣ Благотворительности за 1820 г.); 2) Жизнь и ученые труды Игнатія Ольдаковича (Виленскій Журналъ за 1822 г.); 3) Библіографическое описаніе извѣстныхъ доселѣ рукописныхъ и печатныхъ экземпляровъ Литовскаго статута (Виленскій Журналъ за 1823 г.): 4) Разборъ библіографическихъ книгъ Лелевеля (Ibidem).

Гавріилъ Степановичъ Гордѣенко родился въ 1805 году; изъ дворянъ; воспитывался въ Слободско-Украинской гимназіи и Харьковскомъ университетѣ по юридическому факультету, въ которомъ получилъ степень кандидата въ 1823 г. Въ 1831 г. по представленію факультета началъ преподавать на немъ *русское гражданское и уголовное право.* Въ 1833 г. получилъ степень магистра и ему было временно поручено и

преподаваніе русскаго публичнаго права и судопроизводства; *въ 1834 г. утвержденъ адъюнктомъ.*

Тихонъ Өедоровичъ Степановъ. По окончаніи курса въ Воронежской духовной семинаріи поступилъ въ 1814 году въ своекоштные студенты Харьковскаго университета и въ 1821 году удостоенъ былъ званія кандидата юридическихъ наукъ. Въ 1823 г. получилъ должность учителя всеобщей исторіи въ Харьковскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ. Въ 1825 году получилъ въ Харьковскомъ университетѣ *степень магистра* Въ 1830 г. поступилъ на службу въ Петербургъ въ коммиссію погашенія долговъ (помощникомъ письмоводителя). Напечаталъ нѣсколько статей по политической экономіи. *Въ 1832 году назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ политической экономіи и дипломатики.*

Алексѣй Григорьевичъ Криворотовъ изъ купеческаго званія; родился въ 1803 году. Первоначальное образованіе получилъ въ домѣ родителей, а въ 1826 году поступилъ въ вольнослушатели Харьковскаго университета по юридическому факультету; въ 1830 г. былъ утвержденъ въ званіи кандидата: въ 1831 году совѣтъ поручилъ ему чтеніе лекцій по естественному праву безъ жалованья.

Андрей Кондратьевичъ Бабичевъ родился въ 1792 г.; изъ дворянъ. Окончивъ курсъ наукъ въ Харьковскомъ университетѣ, поступилъ на службу въ 1818 году; въ 1820. состоя на службѣ, подвергся экзамену въ университетѣ и получилъ степень кандидата; въ 1821 г. избранъ и утвержденъ адъюнктомъ философіи въ Ришельевскомъ лицеѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ по неимѣнію профессора русской словесности преподавалъ эту послѣднюю съ 1822 по 1826 годъ. Въ 1828 году былъ опредѣленъ учителемъ словесныхъ и историческихъ наукъ въ землемѣрное училище при департаментѣ удѣловъ. *Въ 1830 году* былъ назначенъ *адъюнктомъ въ Харьковскій университетъ*, гдѣ поручено было ему *преподаваніе русскаго уголовнаго права.*

Николай Тимофеевичъ Спасскій изъ купеческаго званія, родился въ 1802 году. По окончаніи курса въ Харьковскомъ университетѣ, получилъ въ 1823 году званіе кандидата юридическихъ наукъ; по опредѣленію совѣта, сталъ читать съ 1823 года лекціи по русскому праву, публичному и уголовному. Въ 1824 г. былъ отправленъ въ Московскій университетъ для усовершенствованія въ наукахъ и особенно русскомъ правѣ на 2 года. По возвращеніи въ Харьковъ состоялъ при сенаторѣ Брозинѣ, ревизовавшемъ Слободскоукраинскую губернію. Въ 1828 г. поступилъ на службу въ институтъ благородныхъ дѣвицъ, а потомъ сдѣланъ преподавателемъ въ университетѣ.

Капитонъ Филипповичъ Михаловскій—сынъ канцеляриста, родился въ 1789 году. Воспитывался въ академической гимназіи при Московскомъ университетѣ, затѣмъ, съ 1808 года, въ Московскомъ университетѣ. Въ 1814 году получилъ степень доктора юридическихъ наукъ; въ 1819 году удостоенъ былъ степени *магистра того же факультета; въ 1821 году получилъ должность адъюнкта въ Харьковскомъ университетѣ по русскому гражданскому и уголовному праву.*

На физико-математическомъ факультетѣ были слѣдующіе новые (сравнительно съ прежнимъ періодомъ) профессора и преподаватели.

Иванъ Андреевичъ Криницкій родился въ 1797 году; изъ дворянъ. Воспитывался съ 1819 по 1824 годъ въ Виленскомъ университетѣ на физико-математическомъ факультетѣ, который и окончилъ. Въ 1823 г. получилъ званіе кандидата философіи. *Въ 1825 году былъ назначенъ преподавателемъ минералогіи въ Харьковскій университетъ, а въ 1826 г. произведенъ въ адъюнкты минералогіи.*

Иванъ Ивановичъ Дьячковъ—изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей; родился въ 1789 году. Воспитывался съ 1800 года въ Ярославскомъ домѣ призрѣнія и обучался въ Главномъ Народномъ училищѣ. Затѣмъ въ 1806 г. поступилъ въ студенты высшаго Ярославскаго Демидовскаго училища и въ тоже время служилъ въ канцеляріи и исполнялъ обязанности учителя благороднаго пансіона при лицеѣ; въ 1809 году получилъ званіе кандидата физико-математическихъ наукъ; въ 1815 году опредѣленъ былъ старшимъ учителемъ въ Смоленскую гимназію; въ 1819 году преподнесъ Государю Императору 1-ю часть своего сочиненія о перспективѣ и получилъ за это 1000 р.; въ 1820 г. былъ назначенъ преподавателемъ технологіи въ университетъ.

Антоній Францовичъ Шагинъ—изъ дворянъ; католическаго вѣроисповѣданія. Воспитывался въ Виленской гимназіи и учительской при Виленскомъ университетѣ семинаріи; въ 1815 году получилъ званіе кандидата философіи по физико-математическому факультету; въ 1816 г. былъ произведенъ въ *магистры философіи;* по выходѣ изъ учительской семинаріи назначенъ въ 1817 году помощникомъ при астрономической обсерваторіи, исполнялъ эти обязанности до 1824 года, преподавалъ при этомъ курсъ астрономіи при Виленскомъ университетѣ въ 1821 и 1822 гг.; несъ безвозмездно, 1 годъ, обязанности учителя естественной исторіи и физики въ Виленской гимназіи; въ 1824 г. былъ опредѣленъ въ Виленскій университетъ для преподаванія курса геодезіи, топогра-

фіи и нивеллированія. Въ 1832 году ему была поручена доставка изъ Виленскаго университета въ Витебскъ всѣхъ инструментовъ по геодезіи, нивелляціи и топографіи. По упраздненіи Виленскаго университета, онъ былъ переведенъ въ Витебскую гимназію на должность учителя математики и геодезіи въ высшихъ классахъ. Въ 1834 г. на него была возложена доставка въ Кіевъ ко дню открытія университета Св. Владиміра собранія геодезическихъ инструментовъ, перевезенныхъ было изъ Вильны въ Витебскъ. Въ томъ же году онъ былъ опредѣленъ *адъюнктомъ въ Харьковскій университетъ по астрономіи.*

Андрей Өедоровичъ Павловскій родился въ 1787 году; изъ дворянъ. Поступилъ въ Харьковскій университетъ казеннокоштнымъ студентомъ въ 1806 году; окончилъ его со степенью кандидата физико-математическаго факультета въ 1809 году. Въ 1809 и 1810 гг. преподавалъ студентамъ алгебру, а по опредѣленію совѣта университета — ариеметику и геометрію чиновникамъ, состоявшимъ на гражданской службѣ; въ 1813 году получилъ степень *магистра математики*, а въ 1815 году былъ *назначенъ адъюнктомъ чистой математики.*

Иванъ Ивановичъ Сухомлиновъ родился въ 1792 году; изъ дворянъ. Воспитывался въ Харьковской гимназіи, а потомъ съ 1811 года въ Харьковскомъ университетѣ, въ качествѣ казеннокоштнаго студента; въ 1814 году окончилъ его со степенью кандидата. Въ началѣ 1815 г. былъ отправленъ въ Дерптъ для усовершенствованія въ химіи, гдѣ пробылъ 1½ года и получилъ тамъ въ 1816 году степень *магистра* изящныхъ наукъ и доктора философіи. Возвратившись въ этомъ году въ Харьковскій университетъ, сталъ въ немъ преподавать химію, а *въ 1817 году получилъ должность адъюнкта химіи.*

Михайло Козьмичъ Робушъ родился въ 1780 году; изъ дворянъ. Въ 1806 году поступилъ въ своекоштные студенты Харьковскаго университета; въ 1808 году былъ принятъ въ казеннокоштные студенты; въ 1811 г. окончилъ университетъ со степенью кандидата; въ 1812 г. былъ отправленъ въ Петербургъ для усовершенствованія въ военныхъ наукахъ; съ 1815 года сталъ преподавать военныя науки въ Харьковскомъ университетѣ; *въ 1816 году получилъ должность адъюнкта военныхъ наукъ.*

Матвѣй Андреевичъ Байковъ родился въ 1801 году; изъ дворянъ; въ 1816 году поступилъ въ казеннокоштные студенты Харьковскаго университета; въ 1819 году выпущенъ кандидатомъ физико-математическихъ наукъ и сталъ преподавать низшую чистую математику безъ жалованья, исполняя въ тоже время должность инспектора воспитан-

нинов гимназіи; въ 1821 году былъ назначенъ учителемъ ариѳметики въ институтѣ благородныхъ дѣвицъ; въ 1822 году получилъ степень *магистра* чистой и прикладной математики и *опредѣленъ въ адъюнкты по математикѣ.*

Василій Матвѣевичъ Черняевъ родился въ 1793 году; изъ духовнаго званія. Въ 1813 году поступилъ сначала въ своекоштные, а потомъ вслѣдъ за тѣмъ въ казеннокоштные студенты Харьковскаго университета; въ 1816 году получилъ, состоя студентомъ, должность смотрителя зоологическаго кабинета; въ 1817 году окончилъ медицинскій факультетъ со степенью кандидата, а въ 1819 году сталъ преподавать въ университетѣ обозрѣніе трехъ царствъ природы; въ 1820 году исправлялъ должность прозектора анатоміи; въ томъ-же 1820 году произведенъ въ лекари; въ 1821 году отправленъ на иждивеніи университета заграницу для усовершенствованія въ зоологіи и ботаникѣ, *гдѣ пробылъ болѣе 4 лѣтъ;* съ 1826 года, по возвращеніи изъ-заграницы, сталъ преподавать ботанику въ университетѣ и былъ *произведенъ тогда же въ адъюнкты.*

Павелъ Александровичъ Затеплинскій родился въ 1794 году; изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей. Поступилъ своекоштнымъ студентомъ въ Харьковскій университетъ въ 1812 году, произведенъ въ кандидаты въ 1816 г. и опредѣленъ учителемъ математики въ Новгородъ-Сѣверскую гимназію; въ 1821 году на иждивеніи университета былъ отправленъ заграницу для усовершенствованія въ астрономіи; вернувшись изъ заграницы въ 1824 году, сталъ преподавать въ университетѣ астрономію, а *въ 1826 году получилъ должность адъюнкта.*

Ѳедоръ Михайловичъ Правицкій — сынъ поручика — родился въ 1804 году; съ 1817 по 1821 годъ учился въ Слободскоукраинской гимназіи и затѣмъ въ 1821 году поступилъ въ Харьковскій университетъ первоначально въ своекоштные, а въ 1822 году въ казеннокоштные студенты физико-математическаго факультета; въ 1825 году получилъ степень кандидата и былъ назначенъ помощникомъ къ кандидату Криницкому для приведенія въ порядокъ минералогическаго кабинета; вмѣстѣ съ тѣмъ тогда же онъ былъ оставленъ при университетѣ для усовершенствованія въ химіи и минералогіи; по случаю отъѣзда профессора Павловскаго на визитацію училищъ временно исправлялъ его обязанности; въ 1827 году сталъ преподавать физику студентамъ медицинскаго факультета; по случаю отъѣзда проф. Байкова въ Петербургъ, началъ читать, по опредѣленію совѣта, 1-й курсъ чистой математики; *въ 1831 году былъ утвержденъ адъюнктомъ.*

Никита Андреевичъ Дьяченко—кандидатъ физико-математическаго факультета, въ 1833—1834 гг. преподавалъ, подъ руководствомъ профессора Архангельскаго, оптику, начала математики и практическую геометрію.

На медицинскомъ факультетѣ были слѣдующіе профессора и преподаватели.

Адріанъ Ивановичъ Блументаль; курляндскій уроженецъ; родился въ 1803 году; окончилъ Дерптскій университетъ со степенью доктора медицины и получилъ свидѣтельство на званіе акушера; въ 1827 году былъ назначенъ сразу ординарнымъ профессоромъ акушерства въ Харьковскій университетъ.

Германъ Өедоровичъ Брандейсъ родился въ 1794 году; изъ иностранцевъ; получилъ степень доктора медицины заграницей; напечаталъ слѣдующіе ученые труды (на нѣмецкомъ языкѣ): 1) Медицинскій словарь или этимологическое объясненіе греческихъ словъ, встрѣчающихся въ области врачебной науки. Геттингенъ. 1820; 2) Исторія эпидемій. Тюбингенъ. 1821; 3) Настоящія Гиппократовы сочиненія съ объясненіями, переведенныя на нѣмецкій языкъ. Въ 1828 году, по представленію А. А. Перовскаго, былъ назначенъ *ординарнымъ профессоромъ патологіи, терапіи и директоромъ клиническаго института.*

Иванъ Николаевичъ Рейпольскій изъ духовнаго званія, родился въ 1789 году. Въ 1810 году поступилъ въ медико-хирургическую академію, которую окончилъ въ 1814 году со званіемъ лекаря. Служилъ лекаремъ въ различныхъ госпиталяхъ и полкахъ; *въ 1823 году былъ опредѣленъ въ Харьковскій университетъ адъюнктомъ патологіи и терапіи.*

Христіанъ Адольфовичъ Экебладъ родился въ 1800 году; изъ шведовъ; въ 1815 году поступилъ въ Петербургскую медико-хирургическую академію; въ 1823 году получилъ тамъ званіе ветеринарнаго врача, а также лекаря съ отличіемъ; *въ 1824 году былъ назначенъ адъюнктомъ въ Харьковскій университетъ по ветеринаріи.*

Онисимъ Пантелеймоновичъ Богородицкій изъ духовнаго званія. Въ 1794 г. поступилъ въ Рязанскую духовную семинарію, а въ 1801 г. въ Московскую духовную академію, гдѣ пробылъ 5 лѣтъ. Съ 1806 года получилъ должность учителя въ Рязанской семинаріи, гдѣ преподавалъ латинскій языкъ, географію, катехизисъ и евангеліе, поэзію, миѳологію и французскій языкъ. Въ 1810 году былъ назначенъ учителемъ математики и исторіи въ Рязанское уѣздное училище, а въ 1814 году былъ перемѣщенъ въ Рязанскую гимназію учителемъ исторіи, географіи и статистики. Въ 1815 году поступилъ въ Московскій университетъ на медицинскій факультетъ, въ 1818 году окончилъ его со степенью ле-

каря, а въ 1821 году по защитѣ диссертаціи „De Hypochondriasi“ получилъ степень доктора медицины и должность акушера Московскаго воспитательнаго дома. *Въ 1824 году онъ былъ утвержденъ ординарнымъ профессоромъ акушерства въ Харьковскомъ университетѣ.*

Фридрихъ Ивановичъ Ганъ лютеранскаго вѣроисповѣданія, изъ податного состоянія. Въ 1822 году въ Дерптскомъ университетѣ получилъ степень доктора медицины, а по особому экзамену и званіе акушера. Въ 1831 году былъ назначенъ акушеромъ въ Харьковскую врачебную управу; *въ 1834 году былъ утвержденъ ординарнымъ профессоромъ акушерства въ Харьковскомъ университетѣ.*

Петръ Александровичъ Бутковскій изъ духовнаго званія; окончилъ въ 1823 году Петербургскую медико-хирургическую академію со званіемъ лекаря и ветеринарнаго врача; въ 1831 году получилъ степень доктора медицины; служилъ военнымъ врачемъ въ госпиталяхъ; *въ 1834 г. былъ утвержденъ ординарнымъ профессоромъ Харьковскаго университета по хирургіи и психіатріи.*

Николай Ивановичъ Еллинскій родился въ 1796 году; изъ дворянъ; въ 1813 году поступилъ въ казеннокоштные студенты Харьковскаго университета медицинскаго факультета; въ 1817 году былъ произведенъ въ кандидаты медицины; въ 1818 году былъ отправленъ для усовершенствованія въ наукахъ въ Петербургскую медико-хирургическую академію; въ 1820 году окончилъ ее со званіемъ лекаря, а по экзамену получилъ званіе медико-хирурга; въ томъ же году вызванъ въ Харьковскій университетъ для преподаванія *хирургіи, а въ 1821 году утвержденъ въ должности адъюнкта.*

Александръ Саввичъ Венедиктовъ родился въ 1799 году; сынъ чиновника. Въ 1814 году поступилъ въ казеннокоштные студенты Харьковскаго университета, а въ 1818 г. окончилъ его кандидатомъ медицины; въ 1819 году произведенъ въ лекари и тогда же былъ командированъ въ Петербургскую медико-хирургическую академію; въ 1821 году вернулся въ Харьковъ и сталъ исправлять должность прозектора и преподавателя анатоміи; *въ 1823 г. былъ утвержденъ адъюнктомъ анатоміи.*

Веніаминъ Христіановичъ Кригеръ — изъ Саксоніи, гдѣ родился въ 1801 году. Окончивъ благородный пансіонъ, поступилъ въ 1821 г. въ число своекоштныхъ студентовъ медицинскаго факультета, который окончилъ въ 1827 году; въ 1828 году удостоенъ былъ званія лекаря съ отличіемъ; въ 1829 году утвержденъ ординаторомъ клиники; въ 1831 году ему было поручено преподаваніе десмургіи и повтореніе операцій на трупахъ.

Иванъ Өедоровичъ Леоновъ—лекарь; въ 1833—1834 гг. преподавалъ студентамъ анатомію.

Подведемъ теперь итоги. Въ первое десятилѣтіе существованія университета было 44 преподавателя; въ изучаемое нами двадцатилѣтіе 26 старыхъ и 48 новыхъ, всего 74 человѣка. Въ 1-е десятилѣтіе иностранцевъ было 59%, русскихъ—41%, въ изучаемый нами періодъ это отношеніе радикально измѣнилось: изъ 74 душъ иностранцевъ было только 17 человѣкъ, т. е. 23%, а русскихъ 77%; притомъ изъ этихъ 17 иностранцевъ 14 осталось отъ перваго періода, а новыхъ прибавилось только три. Такимъ образомъ, можно сказать, что кадры преподавателей въ 1815—1835 г. формировались почти исключительно изъ русскихъ, а не иностранныхъ ученыхъ. Харьковскій университетъ эмансипировался отъ западно-европейской образовательной стихіи. Но могъ ли онъ уже достаточно обезпечить себя въ это время русскими учеными силами? Всѣ три профессора иностраннаго происхожденія — филологи Мауеръ и Дорнъ и медикъ Брандейсъ—имѣли ученыя степени, ученую подготовку. А какова была ученая подготовка остальныхъ 45 русскихъ преподавателей? Изъ 17 преподавателей словеснаго факультета 9 имѣли ученыя степени [1]), 8, т. е. почти половина, не имѣло ихъ [2]); изъ нихъ одинъ (Гонорскій) имѣлъ все-таки учено-литературные труды; другой (Джунковскій) былъ избранъ прямо въ ординарные профессора, хотя издалъ только одни переводы и компиляціи, не относившіеся притомъ къ его спеціальности; третій (Куницкій) выдержалъ особый экзаменъ на преподавателя греческаго языка; остальные 5 не имѣли даже и трудовъ, а одинъ изъ нихъ — Чановъ — безъ всякихъ основаній былъ прямо назначенъ ординарнымъ профессоромъ по одной изъ основныхъ каѳедръ.

На этико-политическомъ факультетѣ изъ 8 его преподавателей половина (Даниловичъ, Степановъ, Гордѣенко, Михаловскій) имѣла ученыя степени, другая (Криворотовъ, Бабичевъ, Могилевскій, Спасскій) нѣтъ, но Спасскій спеціально изучалъ свой предметъ въ Московскомъ университетѣ.

Изъ 11 преподавателей физико-математическаго факультета четыре (Павловскій, Сухомлиновъ, Байковъ и Шагинъ) имѣли ученую степень, два (Черняевъ и Затеплинскій) не имѣли ее, но получили солидную ученую подготовку въ заграничной командировкѣ, Робушъ подготовлялся

[1]) Кронебергъ, Мауреръ, Дорнъ, Борзенковъ, Склабовскій, Якимовъ, Филомафитскій, Артемовскій-Гулакъ и Цяхъ.

[2]) Джунковскій, Куницкій, Сокальскій, Чановъ, Протопоповъ, Гонорскій, Гренбергъ и Золотаревъ.

по своей каѳедрѣ въ Петербургѣ, а Криницкій работалъ въ Виленскомъ университетѣ; остальные три (Дьячковъ, Дьяченко, Правицкій) не имѣли ни той, ни другой.

Изъ 12 преподавателей медицинскаго факультета 5 были докторами медицины (Блументаль, Врандейсъ, Богородицкій, Ганъ, Бутковковскій), двое (Еллинскій и Венедиктовъ) получили ученую подготовку въ Петербургской медико-хирургической академіи, одинъ (Гнѣдичъ)—заграницей (въ Англіи), остальные четыре (Рейпольскій, Ѳекбладъ, Леоновъ, Кригеръ) не имѣли ни ученой степени, ни спеціальной ученой подготовки.

Изъ всѣхъ 48 преподавателей, имѣвшихъ ученую степень было 22 человѣка, т. е. менѣе половины; но это процентное отношеніе измѣнится значительно къ лучшему, если мы присоединимъ сюда лицъ, получившихъ, по окончаніи университета, спеціальную ученую подготовку заграницей или въ Россіи. Такая подготовка давала тоже, что и ученая степень, а иногда и болѣе ея. Въ самомъ дѣлѣ, несомнѣнно, что В. М. Черняевъ, пробывшій болѣе 4-хъ лѣтъ заграницей, вернулся оттуда настоящимъ „докторомъ ботаники", хотя не имѣлъ даже и степени доктора медицины; отчасти тоже нужно сказать и относительно Н. И. Еллинскаго.

Представивъ краткія свѣдѣнія обо всѣхъ профессорахъ и преподавателяхъ изучаемаго нами періода, до занятія ими каѳедръ, на основаніи ихъ формулярныхъ списковъ, мы теперь подробнѣе остановимся на ученой подготовкѣ къ профессурѣ тѣхъ изъ нихъ, о которыхъ сохранились необходимыя для этого данныя.

Къ числу такихъ лицъ нужно отнести Затеплинскаго, Черняева и Степанова. Первые два были командированы заграницу, а третій представляетъ изъ себя, такъ сказать, типъ автодидахта. Съ отъѣздомъ профессора Гута, каѳедра астрономіи лишилась постояннаго преподавателя и имѣла только до 1824 г. временныхъ замѣстителей. Въ 1819—1820 г. факультетъ сталъ готовить для замѣщенія этой важной каѳедры кандидата Григорія Можневскаго, но его постигла роковая случайность—купаясь въ р. Харьковѣ, онъ утонулъ. Тогда ректоръ и заслуженный профессоръ математики Осиповскій, самъ читавшій этотъ предметъ, рекомендовалъ къ подготовкѣ на эту каѳедру учителя Новгородъ-Сѣверской гимназіи Павла Александровича Затеплинскаго [1]). Дальнѣйшій разсказъ заимствуемъ изъ статьи проф. Г. В. Левицкаго, воспользовавшагося для составленія ея всѣми данными университетскаго архива.

---

[1]) См. о его командировкѣ въ Харьк. унив. архивѣ. Дѣло поп. № 762/41.

„Представленіе факультета о Затеплинскомъ, говоритъ Г. В. Левицкій, было заслушано въ совѣтѣ 14 іюля 1820 года, причемъ постановлено (конечно, сообразно съ желаніемъ факультета) ходатайствовать объ отправленіи Затеплинскаго „въ чужіе края“ на два года „для усовершенствованія въ астрономіи“. Маршрутъ путешествія Затеплинскаго, можетъ быть, составленный также по указаніямъ Осиповскаго, былъ слѣдующій: „прежде въ Берлинъ, потомъ по окончаніи тамъ астрономическаго ученія, въ Геттингенъ, и наконецъ въ Парижъ и Лондонъ“. Въ перечисленныхъ городахъ Затеплинскій могъ воспользоваться лекціями и наставленіями слѣдующихъ ученыхъ: въ Берлинѣ — Боде, въ Геттингенѣ — Гаусса, въ Парижѣ — Лапласа, Деламбра, Араго, Біо и др., въ Лондонѣ (въ Гринвичѣ)—Понда. Какъ видимъ, планъ путешествія Затеплинскаго написанъ былъ рукою знающаго человѣка“.

Но министръ народнаго просвѣщенія кн. А. Н. Голицынъ не согласился на поѣздку Затеплинскаго въ Германію, гдѣ тогда, по его мнѣнію, господствовалъ либеральный духъ.

„Такимъ образомъ, боязнь „духа“ германскихъ университетовъ и наивная увѣренность Голицына въ меньшей вредоносности полнаго республиканскихъ воспоминаній Парижа, по сравненію съ захолустнымъ Геттингеномъ, для непорочности души Затеплинскаго лишала послѣдняго возможности быть ученикомъ геніальнаго Гаусса. Но за то сдѣланное Голицынымъ новое распредѣленіе заграничной поѣздки Затеплинскаго устраняло, дѣйствительно, весьма неудобную кратковременность пребыванія послѣдняго въ каждомъ изъ указанныхъ въ прежнемъ маршрутѣ городовъ. Нельзя не отмѣтить, притомъ, ту чрезвычайную заботливость о командируемомъ заграницу молодомъ ученомъ, которая проявлена Голицынымъ. Какъ „особенное покровительство“ русскихъ посланниковъ, такъ и „руководствованіе“ де-Саси были очень полезны Затеплинскому.

По полученіи разрѣшенія министра, попечитель распорядился о снабженіи Затеплинскаго соотвѣтствующей инструкціей отъ университета. Отъѣздъ Затеплинскаго, частью вслѣдствіе различныхъ канцелярскихъ проволочекъ, между прочимъ, по выдачѣ паспорта, частью, можетъ быть, вслѣдствіе необходимости закончить преподаваніе въ гимназіи состоялся лишь послѣ 11 іюня 1821 года (а не 9 іюня, какъ означено въ формулярномъ спискѣ Затеплинскаго).

Затеплинскому приходилось испытывать заграницей значительныя денежныя затрудненія, о которыхъ подробно повѣтствуетъ Г. В. Левицкій. Затѣмъ далѣе онъ продолжаетъ. „И такъ, несмотря на благоразумную заботливость Голицына, заграничная командировка Затеплин-

скаго, съ внѣшней стороны, сложилась не совсѣмъ благопріятно, что привело къ весьма нежелательному сокращенію, почти на половину, предположеннаго времени пребыванія въ Англіи. Посмотримъ теперь, насколько достигнута была Затеплинскимъ цѣль его поѣздки.

Къ сожалѣнію, въ дѣлахъ университетскаго архива намъ не удалось найти инструкціи, выданной Затеплинскому отъ университета. Лишь изъ бумаги министра А. Н. Голицына къ попечителю Харьковскаго университета, отъ 21 ноября 1823 г., узнаемъ мы, что въ этой инструкціи Затеплинскому предписано было „посѣщеніе курсовъ астрономіи въ Лондонѣ, также Оксфордскаго и Кембриджскаго университетовъ и другихъ астрономическихъ заведеній, каковы Г. Гершеля, и прочихъ, находящихся внѣ Лондона". Туже часть инструкціи, которая относилась къ пребыванію Затеплинскаго въ Парижѣ, мы можемъ лишь до нѣкоторой степени возстановить изъ того, что было выполнено тамъ Затеплинскимъ на самомъ дѣлѣ.

Изъ дѣлъ попечительской канцеляріи видно, что Затеплинскій слушалъ и окончилъ слушаніе курсовъ (вѣроятно) въ Королевскомъ университетѣ въ Парижѣ, куда поступилъ, надо полагать, благодаря содѣйствію Сильвестра де-Сасси, къ которому у него было письмо отъ Голицына. По окончаніи курсовъ, Затеплинскій былъ рекомендованъ совѣту этого университета знаменитымъ Біо, рекомендація котораго, судя по нѣкоторымъ чертамъ характера Біо (въ біографіяхъ Араго), не могла быть, ни пристрастной, ни лицепріятной. Конечно, вслѣдствіе этой рекомендаціи, Затеплинскій былъ допущенъ къ экзаменамъ „передъ факультетомъ онаго университета", а вслѣдъ затѣмъ и къ защищенію своихъ диссертацій. На основаніи всѣхъ этихъ испытаній, совѣтъ Парижскаго университета удостоилъ Затеплинскаго званіями: „Башелье, Лисансіе и доктора философіи". Изъ примѣчанія, сдѣланнаго редакторомъ Украинскаго журнала [1]) въ напечатанной въ этомъ журналѣ [2]) первой лекціи Затеплинскаго, мы узнаемъ, сверхъ того, что въ бытность свою въ Парижѣ, Затеплинскій, своимъ „отличнымъ прилежаніемъ и успѣхами пріобрѣлъ расположеніе" не только Біо, но и Лапласа, Пауссона, Гумбольдта и др. Свѣдѣнія объ этихъ успѣхахъ Затеплинскаго были получены въ Харьковѣ до окончанія 1823 года.

Такимъ образомъ, Затеплинскій былъ однимъ изъ первыхъ, если не первымъ изъ нашихъ соотечественниковъ, по заслугамъ удостоен-

---

[1]) Александромъ Васильевичемъ Склабовскимъ, адъюнктомъ Харьковскаго университета.

[2]) Въ №№ 19—21 за 1824 годъ.

ныхъ степени доктора философіи въ Парижѣ [1]). Успѣхи Зателинскаго не остались неизвѣстными послу нашему въ Парижѣ, который нашелъ нужнымъ увѣдомить о нихъ министра народнаго просвѣщенія особымъ отношеніемъ, которое, впрочемъ, получено было послѣднимъ (А. Шишковымъ) только въ срединѣ 1824 года.

Зателинскій, однако, считалъ свое астрономическое образованіе далеко еще не законченнымъ. И этимъ онъ показалъ свое чрезвычайно серьезное и сознательное отношеніе къ своему дѣлу. Парижъ въ то время былъ одной изъ лучшихъ, хотя и не единственной школой для изученія теоретической астрономіи и геодезіи; но обсерваторія тамъ и наблюденія на ней, по сознанію самихъ французовъ [2]), были значительно ниже англійскихъ. Поэтому посѣщеніе англійскихъ обсерваторій должно было служить необходимымъ дополненіемъ къ тѣмъ теоретическимъ познаніямъ, которыя уже были пріобрѣтены Зателинскимъ въ Парижѣ. Но и помимо обсерваторій, въ Англіи было много ученыхъ, учебныхъ и техническихъ учрежденій, знакомство съ которыми было весьма важно для нашего молодого астронома. Съ цѣлью въ полной мѣрѣ воспользоваться своимъ пребываніемъ въ Англіи, Зателинскій еще въ Парижѣ принялся за изученіе англійскаго языка. Въ пользу чрезвычайно добросовѣстнаго отношенія Зателинскаго къ своимъ занятіямъ особенно свидѣтельствуетъ, далѣе, то обстоятельство, что онъ, несмотря на запрещеніе Голицына, снова проситъ разрѣшенія отправиться въ Германію *„для полученія наставленій у знаменитаго Геттингенскаго астронома* (Гаусса) и посѣщенія Берлинской обсерваторіи". Освоиться съ искусствомъ наблюденій, даже и человѣку, знакомому уже съ основаніями практической астрономіи, въ теченіе оставшихся у Зателинскаго до конца командировки 2—3 мѣсяцевъ, было конечно, невозможно. Поэтому Зателинскій, одновременно съ ходатайствомъ о разрѣшеніи посѣтить Германію, хлопочетъ также и о продленіи командировки еще на одинъ годъ. Совѣтъ университета, „находя причины, представляемыя кандидатомъ Зателинскимъ въ разсужденіи прибавки времени для большаго усовершенствованія его по астрономіи, но той причинѣ, что наука сія есть весьма важная и дѣйствительно требуетъ не малаго времени къ усовершенствованію себя въ оной", сдѣлалъ представленіе попечителю о продленіи Зателинскому командировки еще на одинъ годъ. Замѣчательно, при этомъ, что совѣтъ не рѣшился поддержать

[1]) В. Я. Буняковскій получилъ степень доктора въ Парижѣ въ 1825 году. См. В. Я. Буняковскій, Некрологическій очеркъ К. А. Андреева, Сообщенія Харьковскаго Математическаго Общества, вторая серія, Т. II, стр. 150.

[2]) Le Verrier, Annales de l'observatorie de Paris, T. I., стр. 12.

просьбу Затеплинскаго о путешествіи въ Германію, которая была только упомянута въ представленіи совѣта, но въ его постановленіе не включена. Попечитель, съ своей стороны, не нашелъ, вѣроятно, нужнымъ доводить до свѣдѣнія министра о ходатайствѣ Затеплинскаго, не поддержанномъ совѣтомъ. Поэтому, въ послѣдовавшемъ вскорѣ отвѣтѣ министра говорится лишь о продленіи командировки, такъ что надежда Затеплинскаго сдѣлаться ученикомъ Гаусса окончательно исчезла. Затеплинскому изъ Франціи пришлось отправиться прямо въ Англію. Страннымъ, при этомъ, является то обстоятельство, что Затеплинскій (какъ то можно предположить изъ одного выраженія въ перепискѣ посла нашего въ Парижѣ съ министромъ народнаго просвѣщенія по поводу жалованья, не полученнаго Затеплинскимъ) не увѣдомилъ посольства о своемъ отъѣздѣ въ Англію. Это не помѣшало, впрочемъ, послу дать впослѣдствіи извѣстный уже намъ благопріятный отзывъ о Затеплинскомъ.

О занятіяхъ Затеплинскаго въ Англіи, въ находящихся у насъ источникахъ, нѣтъ, къ сожалѣнію, почти никакихъ указаній. Что именно предписывалось сдѣлать въ Англіи Затеплинскому въ выданной ему инструкціи, мы видѣли выше; но кратковременность пребыванія его тамъ, конечно, не позволила выполнить предположенныхъ занятій. Судя по письму находящагося въ Лондонѣ корреспондента Харьковскаго университета, протоіерея Якова Смирнова, Затеплинскій познакомился, быть можетъ, съ нѣкоторыми мастерскими извѣстнѣйшихъ англійскихъ художниковъ астрономическихъ инструментовъ. По крайней мѣрѣ, трудно предположить, чтобы о. Я. Смирновъ, motu proprio и помимо опредѣленно выраженнаго желанія Затеплинскаго, сталъ бы предлагать правленію университета воспользоваться пребываніемъ въ Лондонѣ „доктора Затеплинскаго“ для того, „чтобы онъ заказалъ какіе либо потребные астрономическіе либо другіе инструменты, кои могли бы быть сдѣланы подъ его присмотромъ, да въ тоже время онъ могъ бы получить надлежащее свѣдѣніе и объ употребленіи оныхъ“. Деньги же для покупки такихъ инструментовъ, принадлежащія Харьковскому университету и о которыхъ послѣдній не вспоминалъ цѣлыя 6 лѣтъ, находились у лондонскихъ банкировъ Гарманъ и Комп., куда они своевременно были помѣщены практическимъ и заботящимся о нуждахъ университета о. Яковомъ, такъ какъ банкиры эти, „вмѣсто 3½ росту, платятъ по 4 процента“. Изъ этого письма Смирнова возникло длинное, тянувшееся болѣе 8 лѣтъ, „дѣло о покупкѣ инструментовъ астрономическихъ“ для Харьковскаго университета.

Итакъ, о результатахъ пребыванія Затеплинскаго въ Англіи приходится ограничиться лишь одними гаданіями. Къ сожалѣнію, къ этимъ

гаданіямъ, на основаніи нѣсколько страннаго отъѣзда его изъ Парижа и не вполнѣ оправдываемаго обстоятельствами ускореннаго возвращенія изъ Англіи въ Россію, приходится прибавить предположеніе о томъ, что первыя проявленія тяжелаго душевнаго недуга, сдѣлавшаго совершенно безрезультатными такъ успѣшно начатыя, научныя занятія Затеплинскаго, относятся, быть можетъ, еще къ концу его пребыванія во Франціи.

Вскорѣ по возвращеніи въ Россію, 15 сентября 1824 г., Затеплинскій началъ преподавать астрономію, сперва просто въ званіи кандидата, а съ февраля 1826,—въ должности адъюнкта.

Въ Харьковѣ молодой ученый, слухи о блестящихъ успѣхахъ котораго заграницей распространились уже, конечно, въ университетскихъ кружкахъ, былъ встрѣченъ товарищами весьма сочувственно. На первой лекціи Затеплинскаго присутствовали профессора и преподаватели не только физико-математическаго, но и другихъ факультетовъ и одинъ изъ нихъ, адъюнктъ россійскаго языка и словесности, А. В. Склабовскій, помѣщая текстъ этой лекціи на страницахъ редактируемаго имъ Украинскаго Журнала, въ примѣчаніяхъ къ ней, даетъ весьма важныя для біографіи Затеплинскаго свѣдѣнія. Такъ, онъ сообщаетъ, между прочимъ, что Затеплинскій „при отличныхъ способностяхъ, занимается... съ горячимъ усердіемъ и неусыпностью своимъ предметомъ“. Далѣе Склабовскій говоритъ: „глубокія, обширныя свѣдѣнія въ какой либо наукѣ предполагаютъ и глубокія постоянныя занятія. Но глубокій колодязь, изъ котораго нѣтъ свободнаго истоку воды—хотя бы она была самая лучшая — и откуда трудно доставать оную жаждущимъ, современемъ засаривается и дѣлается безполезнымъ... Не тоже ли бываетъ и съ людьми, всю жизнь свою посвятившими изученію какой-либо науки? Человѣкъ самый ученый, но не желающій или неумѣющій передать своихъ познаній другимъ, безполезенъ для общества и, такъ сказать, для самого себя... Помѣщаю здѣсь мысли сіи для того особенно, что самъ почтенный П. А. Затеплинскій, бывъ нѣкогда со мною у общаго друга нашего М. А. В. (очевидно, Матвѣя Андреевича Байкова, адъюнкта математики въ Харьк. университетѣ), изъяснялся подобнымъ образомъ относительно назначенія человѣка въ гражданской его жизни. *Будь дѣятельнымъ, будь полезнымъ для другихъ, если хочешь жить въ мирѣ съ самимъ собою, исполнить свое назначеніе и оставить потомству слѣды своего существованія: вотъ девизъ человѣка-гражданина!*“ [1]).

Такимъ образомъ, заграничная командировка создала изъ Затеплинскаго прекраснаго профессора — и только развившаяся у него ду-

[1]) Украинскій Журналъ, 1824 г., № 21, стр. 117—120.

шевная болѣзнь не дала возможности ему принести той пользы университету и наукѣ, какой отъ него можно было ожидать.

Огромную пользу Харьковскому университету принесла также заграничная командировка В. М. Черняева.

Съ переходомъ адъюнкта естественной исторіи Громова на каѳедру фармакологіи, его мѣсто занялъ лѣкарь В. М. Черняевъ, которому поручено было преподаваніе естественной исторіи на первомъ курсѣ. Предложеніе объ этомъ въ факультетъ было внесено ректоромъ Т. Ѳ. Осиповскимъ. Два года В. М. Черняевъ исполнялъ обязанности лектора по естественной исторіи, а 9 марта 1821 года вошелъ въ совѣтъ Харьковскаго университета съ прошеніемъ такого содержанія.

„Въ 1813 году, поступивши на медицинскій факультетъ здѣшняго университета, занимался я кромѣ медицины естественными науками, преимущественно ботаникою. На каковыя занятія мои совѣтъ университета обращая вниманіе въ 1819 году, въ то время, когда я готовился къ должности по лѣкарской части, опредѣлилъ — оставить меня при университетѣ для естественной исторіи на мѣсто выбывшаго изъ физико-математическаго отдѣленія въ медицинское тогда бывшаго адъюнктомъ, нынѣ-же орд. профессора фармакологіи г. Громова, съ тѣмъ, дабы для большаго усовершенствованія въ натуральной исторіи послать меня въ чужіе края; и въ томъ же году этимъ совѣтомъ опредѣлено мнѣ преподавать обозрѣніе трехъ царствъ природы, которое (обозрѣніе) другой уже годичный курсъ преподавая удостовѣрился я совершенно, что безъ путешествія по такимъ мѣстамъ, гдѣ находятся наилучшія зоологическія кабинеты и ботаническія заведенія къ продолженію моей должности не могу быть способнымъ. Почему и осмѣливаюсь нижайше просить совѣтъ Императорскаго Харьковскаго университета объ отправленіи меня въ чужіе края для дальнѣйшаго усовершенствованія въ зоологіи и ботаникѣ“ [1]).

Совѣтъ, заслушавъ эту просьбу, постановилъ ходатайствовать передъ министромъ о посылкѣ В. М. Черняева за границу для усовершенствованія его въ зоологіи и ботаникѣ по окончаніи срока командировки лѣкаря Гнѣдича — 21 сентября настоящаго года. В. М. Черняевъ долженъ былъ отправиться въ Парижъ и Вѣну срокомъ на 2 года съ содержаніемъ по 1000 руб. сер. въ годъ. Во исполненіе данной ему университетомъ инструкціи, В. М. Черняевъ представилъ въ совѣтъ первый отчетъ за первую четверть года своей командировки.

---

[1]) Харьк. унив. арх. Дѣло сов. за 1819 г. № 43.

„Въ исполненіи предписанной мнѣ совѣтомъ инструкціи, требующей отчета въ занятіяхъ по прошествіи каждыхъ трехъ мѣсяцевъ, писалъ онъ изъ Мюнхена въ Баваріи, симъ имѣю честь донести, что въ путешествіи моемъ до Вѣны, чрезъ Кременецъ и Лембергъ, посѣщалъ я превосходные въ первомъ оранжереи и посредственные въ обоихъ зоологическіе кабинеты. По прибытіи же въ Вѣну, освѣдомившись, что въ Парижѣ ботаническія лекціи начинаются въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, я за нужное почелъ провести нѣсколько недѣль въ этой столицѣ, дабы воспользоваться знакомствомъ Вѣнскихъ натуралистовъ, и въ это время благодаря моей коллекціи рѣдчайшихъ Украинскихъ растеній и нѣкоторыхъ животныхъ, я имѣлъ благопріятный случай пріобрѣсти благосклонность знаменитыхъ мужей гг. Госта, Жакеня, Траттиника и славнѣйшаго ботаника Портеншлага, и зоологовъ: Шрейбенса, Премзера, Наттерера и энтомолога Колляра, за сообщеніе коимъ Украинскихъ произведеній взаимно отъ нихъ пріобрѣлъ я весьма интересныхъ Бразильскихъ животныхъ изъ числа дуплетовъ Императорскаго кабинета, какъ то: двухъ обезьянъ, тихохода (Bradypus), восемь сортовъ колибри танлеры и другихъ бразильскихъ птицъ, означенныхъ въ прилагаемыхъ при этомъ каталогахъ, 90 насѣкомыхъ, 54 земляныхъ раковинъ, изъ коихъ 13 окаменѣлыхъ. Разныхъ оригинальныхъ по большей части Европейскихъ растеній для меня новыхъ пріобрѣлъ я ото всѣхъ Вѣнскихъ ботаниковъ болѣе 700 штукъ. Во время девятинедѣльнаго моего пребыванія въ этой столицѣ съ особеннымъ вниманіемъ разсматривалъ травники (Herbarium) помянутыхъ знаменитыхъ ботаниковъ и повѣрялъ взятыя мною сомнительныя Украинскія растенія, изъ коихъ совершенно новыхъ пять растеній мною открыто, коихъ описаніе, какъ первый мой опытъ, изъ Парижа буду имѣть честь совѣту представить. Въ богатѣйшемъ же зоологическомъ кабинетѣ, извѣстномъ особенно по своей коллекціи земноводныхъ, насѣкомыхъ и червей, въ теченіе этого времени я практически занимался таксидерміею (то есть, искусствомъ приготовлять чучелы). Также нерѣдко посѣщалъ всѣ оранжереи и изобильныя криптогамическими растеніями, Вѣнскія окрестности, въ которыхъ при благопріятствующей теплой настоящей зимѣ я собралъ не малозначущее количество поростовъ и мховъ.

Въ Мюнхенѣ имѣлъ я честь познакомиться съ извѣстными ботаниками гг. Шранкомъ, Марціусомъ и Цункарини и зоологомъ Спиксомъ, и въ замѣну за сообщеніе Украинскихъ растеній отъ здѣшнихъ ботаниковъ я получилъ болѣе 300 растеній и по благосклонности ихъ ко мнѣ въ продолженіе двухъ недѣль я безпрерывно занимался разсматриваніемъ богатѣйшаго травника, по смерти знаменитаго Шребера

въ здѣшней академіи наукъ сохраняемаго, въ коемъ находится множество россійскихъ травъ, сообщенныхъ Палласомъ и другими путешественниками по Россіи.

Итакъ въ путешествіи моемъ чрезъ Австрію и Баварію въ пользу кабинета и гербаріума Императорскаго Харьковскаго университета имѣлъ я счастіе пріобрѣсти различныхъ 176 животныхъ, растеній же вмѣстѣ съ криптогамическими, самимъ мною собираемыми, 1204 разныхъ видовъ (species). О чемъ прилагая каталоги покорнѣйше прошу совѣтъ Императорскаго Харьковскаго университета предписать мнѣ способы, посредствомъ которыхъ могъ бы я изъ Парижа доставлять въ Харьковъ пріобрѣтаемыя мною многоразличныя сокровища, такъ какъ въ этомъ медленномъ моемъ путешествіи при всей возможной расчетливости въ путевыхъ издержкахъ, я начинаю ощущать нужду въ деньгахъ, то и прошу нижайше совѣтъ о высылкѣ мнѣ въ Парижъ въ непродолжительномъ времени остальныхъ 500 р. сер., слѣдуемыхъ за вторую половину года"[1]).

Изъ Парижа В. М. Черняевъ отправилъ въ Харьковскій университетъ 200 сортовъ различныхъ сѣмянъ королевскаго ботаническаго сада и просилъ о высылкѣ этому послѣднему недостающихъ въ немъ сѣмянъ изъ Харьковскаго ботаническаго сада. Пересылка коллекцій въ то время была вообще очень дорога и затруднительна и послѣ цѣлаго ряда сношеній университета съ министерствомъ рѣшено было, что ихъ будетъ отправлять русское посольство въ Парижѣ черезъ Кронштадтъ и Петербургъ. Изъ Парижа 9-го января 1823 года В. М. Черняевъ отправилъ отчетъ о своихъ занятіяхъ и пріобрѣтеніяхъ коллекцій и ходатайствовалъ о прибавкѣ содержанія для экскурсій, которыми онъ пользовался во Франціи также широко, какъ прежде въ Украйнѣ.

„Имѣю честь донести совѣту, писалъ онъ, что со времени прибытія моего въ Парижъ занимался я зоологіею и ботаникою подъ руководствомъ гг. Кювье, Дефонтеня и Жофруа (къ которымъ отъ россійскаго здѣшняго посла имѣлъ рекомендательныя письма), и особенно собираніемъ и изученіемъ прозябаемыхъ, какъ въ ботаническомъ саду (jardin du roi), такъ и въ окрестностяхъ Парижа съ профессорами Жусье, Римардомъ и Кларіономъ, и потомъ, получивъ жалованье,—во всю осень въ департаментахъ сѣверной Франціи до самыхъ береговъ океана дѣлалъ я нарочитыя экскурсіи для тайнобрачныхъ растеній (Cryptogamia), на познаніе коихъ я особенно обращаю вниманіе, тѣмъ болѣе, что въ Украйнѣ и вообще въ Россіи наитруднѣйшая эта часть остается доселѣ

[1]) Харьк. унив. арх. Дѣло сов. за 1819 годъ № 43.

весьма мало изслѣдованною, и которыхъ большая часть, къ сожалѣнію, не будучи способна высушиваться и сохраняться въ травникахъ, требуютъ много времени для точнаго ихъ испытанія въ живомъ состояніи и безпрерывныхъ прогулокъ для отысканія ихъ. Эти причины, а еще болѣе необходимость видѣть травникъ безсмертнаго Линнея, сохраняемый англійскими ботаниками, дабы сомнительныя украинскія растенія, мною для этого изъ Харькова вывезенныя, сличить съ самими образцами (types) прозябаемыхъ, этимъ великимъ ботанникомъ описанныхъ, и не достаточныя здѣсь въ Парижѣ пособія для дальнѣйшаго себя въ криптогаміи усовершенствованія вынуждаютъ меня убѣдительнѣйше просить совѣтъ о позволеніи по истеченіи двухгодичнаго срока путешествовать еще два года по Англіи и Германіи, гдѣ находятся наилучшіе ботаники - криптогамисты и самыя тайнобрачныя точнѣе изслѣдованы.

Но какъ и сумма тысяча рублей серебра (1000), изъ которой съ разными вычетами и переводами я получаю ежегодно три тысячи восемьсотъ франковъ, оказывается совершенно не соотвѣтствующею моимъ ботаническимъ и отчасти зоологическимъ занятіямъ, подвергая меня во все время путешествія жестокимъ нуждамъ и нерѣдко заставляя дѣлать по моей должности опущенія; посему и принимаю смѣлость всенижайше просить совѣтъ Императорскаго Харьковскаго университета о прибавленіи мнѣ жалованья какъ на безпрерывныя мои ботаническія прогулки, требующія особенныхъ издержекъ, такъ и на необходимое путешествіе въ Англію и предпринимаемое мною съ наступающей весны въ полуденную Францію и въ Швейцарію на Альпы.

Изъ рапортовъ, которые я имѣлъ честь представить совѣту, извѣстно уже, что въ путешествіи моемъ, кромѣ собираемыхъ мною самимъ разныхъ прозябаемыхъ и животныхъ (коихъ половина вмѣстѣ съ пріобрѣтенными въ Вѣнѣ и Мюнхенѣ еще въ августѣ мѣсяцѣ отправлена отсюда чрезъ посольство въ С.-Петербургъ, остальныя же имѣютъ отправиться слѣдующею весною), пріобрѣтаю я значительное ихъ количество чрезъ обмѣнъ на украинскія, взятыя съ собою изъ Харькова и потомъ присланныя чрезъ Остроградскаго около трехъ сотъ экземпляровъ важнѣйшихъ украинскихъ травъ, собранныхъ гг. студентами медицины —Павловскимъ, Чеботаревымъ и Лейгони, которые въ письмахъ своихъ извѣщаютъ, что за прошедшее лѣто сообразно съ каталогомъ, мною имъ изъ Мюнхена сообщеннымъ, собрано еще не малое таковыхъ количество, кои ими изготовлены будутъ къ пересылкѣ вмѣстѣ съ нѣкоторыми животными, если только университетъ приметъ эту посылку для доставленія ко мнѣ. Но такъ какъ я самымъ опытомъ дозналъ, что

украинскія произведенія для пріобрѣтенія на нихъ иностранныхъ университету чрезвычайно выгодны, то и прошу совѣтъ изготовленныя гг. студентами растенія и нѣкоторыя животныя переслать ко мнѣ въ Парижъ и изъявить имъ благодарность за таковое къ общей пользѣ усердіе.

При этомъ же имѣю честь представить совѣту предложеніе о покупкѣ расположеннаго по естественнымъ семействамъ травника (Herbarium) г. Персона, который по причинѣ старости и слабаго здоровья рѣшается его продать за восемь тысячъ франковъ. Травникъ этотъ, по письменному его показанію, состоитъ изъ десяти тысячъ видовъ (Species) разныхъ растеній, въ теченіе болѣе двадцати лѣтъ собираемыхъ, но списка ихъ у самого владѣльца не имѣется, въ которомъ по моимъ строгимъ замѣчаніямъ многія растенія оказываются невѣрно или совсѣмъ не опредѣленными, что обыкновенно болѣе или менѣе и въ другихъ травникахъ встрѣчается и къ сожалѣнію, всѣ растенія находятся въ посредственномъ порядкѣ, вослѣдствіи требующемъ много времени и трудовъ для приведенія въ наилучшій видъ. Несмотря однако на эти недостатки, травникъ этотъ заслуживаетъ особеннаго вниманія потому единственно, что заключаетъ въ себѣ богатое собраніе мелкихъ тайнобрачныхъ прозябаемыхъ, въ другихъ травникахъ весьма рѣдкихъ, и много образцовъ (types) растеній, описанныхъ знаменитымъ криптогамистомъ, коего Synopsis plantarum Россіи довольно извѣстенъ, посему и можетъ быть купленъ, буде не окажется дорогимъ; ибо, будучи приведенъ въ свое время въ наилучшій порядокъ, послужитъ всегдашнимъ украшеніемъ кабинету натуральной исторіи и основаніемъ для распредѣленія по естественнымъ классамъ тѣхъ растеній, кои я въ теченіе уже девяти лѣтъ собираю, особенно же много будетъ способствовать для открытія въ Россіи новыхъ криптогамическихъ прозябаемыхъ" [1]).

Нѣсколько времени спустя (10 февраля того же 1823 года) В. М. Черняевъ отправилъ письмо проф. Я. Н. Громову, и въ немъ подробно разсказывалъ о своемъ затруднительномъ матеріальномъ положеніи, о своихъ работахъ, экскурсіяхъ, поискахъ тайнобрачныхъ растеній—и въ заключеніе просилъ его содѣйствія о прибавкѣ жалованья и продленіи командировки еще на годъ. Вотъ подлинный текстъ его письма.

„Обстоятельства настоящаго положенія заставляютъ меня безпокоить васъ.—Предъ выѣздомъ изъ Харькова получивши отъ университета за полгода 1800 руб. бумажками опредѣленнаго мнѣ жалованья, изъ коей суммы, уплативъ долги, понесенные мною на ботаническое путешествіе въ полуденной Россіи, принужденъ я былъ съ остальными 1500 руб. бумажекъ, на границѣ у жидовъ размѣненными на червонцы,

[1]) Ibidem.

пуститься въ чужія земли, имѣя при томъ съ собою немаловѣсное собраніе украинскихъ произведеній. Прибывъ въ Вѣну и найдя много интересныхъ занятій, я за нужное почелъ прожить въ этой столицѣ около трехъ мѣсяцевъ, и вслѣдствіе безпрерывныхъ восторговъ, получаемыхъ мною отъ пріобрѣтенія новыхъ предметовъ, отъ знакомства съ ботаниками и отъ разсматриванія превосходнѣйшаго зоологическаго кабинета, я не имѣлъ времени почувствовать во всей силѣ своего положенія, занимаясь особенно первымъ для меня опытомъ—составить описаніе новыхъ растеній вмѣстѣ съ тайнобрачными, самимъ въ Украинѣ открытыхъ, дабы представить университету съ изображеніемъ ихъ небольшое сочиненіе.

Но не находя въ Вѣнѣ криптогамистовъ, на коихъ бы совѣты можно было положиться, при опредѣленіи новыхъ тайнобрачныхъ прозябаемыхъ, пріѣхалъ я въ Мюнхенъ съ тѣми же мыслями и, пересмотрѣвши криптогамическіе травники, принужденъ былъ намѣреніе свое отложить до Парижа, ощутивъ въ то же время крайній въ деньгахъ недостатокъ; а между тѣмъ коллекція предметовъ, для университета пріобрѣтенныхъ, значительно умножилась.—Здѣсь то, предвидя, что нужды путешествія, равнодушно доселѣ переносимыя, могутъ довести меня до крайности, рѣшился я изъ Мюнхена отправить рапортъ объ успѣшныхъ пріобрѣтеніяхъ и съ объясненіемъ нуждъ своихъ просилъ совѣтъ о присылкѣ въ Парижъ въ непродолжительномъ времени слѣдуемаго мнѣ жалованья за вторую половину перваго года.

Наконецъ, прибылъ я въ Парижъ съ двадцатью семью червонцами, и, съ нетерпѣніемъ дожидаясь срока своему жалованью, развлекалъ себя единственно ботаническими прогулками и, безъ полученія жалованья проживая болѣе двухъ мѣсяцевъ въ крайнихъ нуждахъ, принужденъ былъ, когда уже прошелъ срокъ и послѣдніе франки начали истощаться, прибѣгнуть къ россійскому здѣшнему посольству для испрошенія себѣ законнаго пособія, представляя въ доказательство своихъ правъ взятую мною для предосторожности отъ университетскаго кассира выписку выданныхъ 1800 руб. Но однакожъ посольство, имѣя свои причины, не вдругъ поспѣшило оказать свое покровительство, заставивъ прежде испытать всѣ *ужасы* путешествующихъ на казенный счетъ безъ собственныхъ денегъ и слишкомъ преданныхъ своей должности. Съ этого времени, проживая на счетъ посольства до самаго ноября мѣсяца, что составитъ болѣе года, не оставляя при томъ безпрерывныхъ своихъ ботаническихъ прогулокъ даже въ отдаленныхъ окрестностяхъ Парижа, стоющихъ мнѣ особенныхъ издержекъ, увидѣлъ я, что лестный для меня планъ относительно сочиненія съ

изображеніемъ самихъ растеній, требующій издержекъ, долженъ уничтожиться. Ибо получивъ поздно свое жалованье, т. е. въ октябрѣ, за разными переводами и вычетами 1765 руб., и потомъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1900 франковъ, я долженъ былъ изъ этой суммы уплатить посольству зажитые долги, а съ остаткомъ уже не могъ отважиться ни на какія излишнія издержки тѣмъ болѣе, что въ это время вынужденъ я былъ въ самую глубокую осень и даже зимою дѣлать въ разныхъ департаментахъ сѣверной и западной Франціи до береговъ самаго океана необходимыя для криптогаміи прогулки, оставивъ другія не столь важныя занятія.

Не одни однакожъ причины недостаточнаго жалованья разстроили мой планъ касательно сочиненія, начатаго въ Вѣнѣ: пособія въ Парижѣ по части тайнобрачія оказались недостаточными и криптогамическіе въ въ королевскомъ саду (jardin du roi des plantes) сохраняемые травники такъ бѣдны, что по нимъ не только Украинскихъ и половины не въ состояніи былъ опредѣлить, но и самой Франціи тайнобрачныя по этимъ травникамъ не могутъ быть опредѣляемы: наприм., въ разныхъ департаментахъ съ особымъ вниманіемъ собравъ множество этихъ растеній, началъ сличать по нимъ 34 вида Patellariae, и къ удивленію своему нахожу въ нихъ только 18, и такъ далѣе.

Самъ же знаменитый Персонъ, послѣдняя моя надежда и единственный въ Парижѣ криптогамистъ, по причинѣ старости и слабаго зрѣнія, не можетъ помочь этому горю, болѣе несносному для меня, чѣмъ вышесказанныя нужды. Мнѣ же самому и вообще никому не позволяетъ сличать растеній со своимъ травникомъ, кажется, для того, дабы скорѣе склонить любопытныхъ къ покупкѣ его, находясь самъ въ крайнемъ при старости положеніи и содержа себя одними сочиненіями, которые принужденъ будетъ скоро оставить.

Таковыя обстоятельства заставляютъ меня принять всѣ мѣры для пріобрѣтенія по послѣдней возможности полнаго и вѣрнаго тайнобрачныхъ прозябаемыхъ собранія, коихъ сверхъ сего не малая къ сожалѣнію часть, будучи неспособна высушиваться и сохраняться въ травникахъ, требуетъ особаго времени, какъ для изученія ихъ въ живомъ состояніи, не рѣдко на самомъ мѣстѣ существованія, такъ преимущественно для труднаго ихъ отысканія, обязывая меня (чрезъ то) дѣлать внимательнѣйшія экскурсіи безпрерывныя во всѣ четыре времени года и въ разныхъ странахъ Европы, съ употребленіемъ на таковыя занятія всего моего неудовлетворительнаго жалованья.

По этимъ причинамъ я и прошу убѣдительно совѣтъ университета объ отсрочкѣ моего путешествія еще на два года, въ Германію и при

благопріятныхъ обстоятельствахъ въ Англію, гдѣ находятся славнѣйшіе ботаники-криптогамисты. Для прочнаго усовершенствованія себя въ ботаникѣ, особенно же въ криптогаміи, два положенные мнѣ года совершенно недостаточны, по причинѣ слѣдующихъ занятій кромѣ другихъ вышеупомянутыхъ.

Для пріобрѣтенія въ достаточномъ количествѣ европейскихъ растеній, для меня болѣе другихъ необходимыхъ, съ наступающей весны предпринимаю путешествіе на Альпы въ Швейцарію и полуденную Францію, по совершеніи коего собранныя явнобрачныя долженъ буду съ травниками лучшихъ французскихъ ботаниковъ вѣрно опредѣлить, теряя на это не мало времени, ибо къ сожалѣнію еще доселѣ ни одного не нахожу ботаника, который бы безъ травника съ одною мѣстною флорою рѣшился точно опредѣлять разныя растенія, тайнобрачныя прозябаемыя расположивъ по классамъ и родамъ, наклеивъ на бумагѣ; микроскопическія, кои многочисленностію своею болѣе всѣхъ затрудняютъ, необходимо будетъ сравнить съ травникомъ г. Персона, который полагаю, непремѣнно будетъ купленъ нашимъ университетомъ по его предложенію, при моемъ рапортѣ приложенному, дабы не находящіяся въ немъ сообщать впослѣдствіи многимъ другимъ криптогамистамъ нѣмецкимъ и, буде возможно, англійскимъ для точнаго ихъ опредѣленія; на дуплеты же, коими я всегда нарочито запасаюсь, вымѣнивать другія.

Изъ Персонова травника, когда уже будетъ купленъ, я со всевозможнымъ вниманіемъ обязываюсь выбрать сомнительныя и безъименныя растенія, особенно тайнобрачныя, дабы ихъ имѣть всегда съ собою въ путешествіи для сношенія съ ботаниками, на счетъ вѣрнѣйшаго ихъ опредѣленія. На дуплеты же, буде окажутся, стараться пріобрѣтать новыя, которыхъ ни въ Персоновой, ни въ моей коллекціи не будетъ доставать. Для этого нужно составить подробные каталоги, коихъ къ сожалѣнію у самаго Персона не имѣется. На таковыя необходимыя занятія, требующія особаго терпѣнія, безъ сомнѣнія не менѣе цѣлаго года употребить надо.

Пребываніе же въ разныхъ городахъ, какъ то—Страсбургѣ, Нюренбургѣ, Лейпцигѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ, особенно же въ Берлинѣ и, буде возможно, въ Лондонѣ, гдѣ наилучшіе находятся криптогамисты для разныхъ съ ними сношеній, требуетъ еще одного года.

Столько времени отнимаютъ ботаническія занятія, какъ единственный мой предметъ; о занятіяхъ же зоологическихъ и медицинскихъ я не говорю ни слова, ибо собственною опытностью дозналь, что нѣтъ ничего вреднѣе и неосновательнѣе, какъ гоняться за многими предметами.

не будучи къ тому склоненъ. Съ тѣхъ поръ какъ я по непреодолимому своему пристрастію къ ботаникѣ отказался отъ медицины, къ коей я не способенъ и которая по сему угнетая мой духъ, не позволяла мнѣ заниматься какъ должно однимъ любимымъ своимъ предметомъ, почувствовалъ въ себѣ новыя силы и постоянство для преодоленія всѣхъ трудностей, встрѣчающихся въ познаніи криптогамическихъ прозябаемыхъ. По этой причинѣ я весьма поверхностно занимаюсь и самою зоологіею, не смотря на совершеннѣйшія по этой части въ Парижѣ пособія, имѣя въ виду только то, что обстоятельства университета и инструкція требуютъ, чтобъ я продолжалъ заводить въ Харьковѣ зоологическій кабинетъ, для котораго я уже не мало трудился, дабы тѣмъ доказать мое усердіе къ своей должности и оправдать на самомъ дѣлѣ университетскій выборъ.

Изъ предыдущаго явствуетъ, что и самое жалованье 1000 р. сер., изъ котораго за вычетами я получаю ежегодно около 3800 франковъ, оказывается не соотвѣтствующимъ разнымъ моимъ занятіямъ, подвергая меня во все время путешествія жестокимъ нуждамъ и нерѣдко заставляя нарушать данную мнѣ инструкцію (разумѣю здѣсь опущеніе случаевъ покупать за сходную цѣну разные предметы для кабинета, натуральной исторіи интересные). Значительное его прибавленіе по причинѣ многихъ моихъ занятій дѣлается совершенно необходимымъ. И хотя я не смѣю равнять себя съ другими путешественниками,— какъ-то: Стевеномъ и адъюнктомъ Московскаго университета Фишеромъ, получавшими на ботаническое путешествіе двойную противъ моего жалованья или еще и большую сумму денегъ, но въ томъ однако же совершенно увѣренъ остаюсь, что въ пользу кабинета Императорскаго Харьковскаго университета употребляю всѣ возможныя старанія, дабы чрезъ пріобрѣтеніе разныхъ прозябаемыхъ составить полный и особенно вѣрно опредѣленный криптогамическій травникъ, весьма рѣдкій въ Россіи, и наполнить, сколько можно, зоологическій кабинетъ по крайней мѣрѣ нужнѣйшими животными. Къ тому же нѣтъ сомнѣнія, что чрезъ внимательное изслѣдованіе и точное описаніе въ Украйнѣ произрастающихъ ядовитыхъ и въ пищу употребляемыхъ грибовъ, на познаніе коихъ, я теперь особенное обращаю вниманіе, можно не мало способствовать и къ общественной пользѣ.

Для сего то, почтеннѣйшій Яковъ Никитичъ, я осмѣливаюсь просить васъ о поданіи въ совѣтѣ голоса, что не менѣе трехъ сотъ (300) р. серебра или по крайней мѣрѣ ста червонцевъ, какъ прибавка къ недостаточной опредѣленной суммѣ 1000 руб. серебра, ежегодно совершенно необходимы. Самъ почтеннѣйшій мой благодѣтель Иванъ Дмитріевичъ

(Книгинъ), помнится, говорилъ, что сто червонцевъ будетъ прибавлено на ботаническія экскурсіи.

Отправленныя мною еще въ августѣ мѣсяцѣ прошлаго года и потомъ послѣ пріобрѣтенныя, кои скоро университету будутъ доставлены, растенія и нѣкоторыя животныя, кажется, могутъ служить нѣкоимъ доказательствомъ моего къ университету усердія. Признаюсь вамъ, почтеннѣйшій Яковъ Никитичъ, что, отправивъ изъ Мюнхена рапортъ о своихъ занятіяхъ и потомъ изъ Парижа самые предметы, я ласкалъ себя надеждою, что университетъ, видя мое усердіе и претерпѣнныя нужды, упоминаемыя въ рапортахъ моихъ, соблаговолитъ самъ безъ особой убѣдительной просьбы умножить недостаточное мое жалованье. Но къ крайнему моему прискорбію, по неопытности своей, я жестоко въ этой надеждѣ обманулся, тѣмъ болѣе, что и нынѣшнею просьбою нѣсколько замедлилъ.

Будучи слишкомъ пристрастенъ къ ботаникѣ къ собственнымъ своимъ невыгодамъ, я всегда невольно жертвовалъ всѣми издержками для пріобрѣтенія по этой части необходимыхъ предметовъ, находя въ томъ единственное удовольствіе, и предаваясь, такъ сказать, дѣтскимъ восторгамъ, я уже никакъ не могу отстать отъ этихъ десятилѣтнихъ занятій, не приносящихъ мнѣ никакой вещественной пользы. Ваше благосклонное участіе, почтеннѣйшій Яковъ Никитичъ, въ моей просьбѣ въ совѣтѣ не будетъ безполезно для университета—смѣло можете быть увѣреннымъ, а между тѣмъ заставитъ меня включить васъ въ число своихъ благодѣтелей на всю жизнь, и послужитъ мнѣ побудительнымъ поводомъ до послѣднихъ силъ трудиться для пользы отечественной.

Дабы не обременить обширнымъ рапортомъ совѣта и письмами г. ректора и всегдашняго моего благодѣтеля Ивана Дмитріевича, я принялъ смѣлость подробнѣе писать къ вамъ одному, ибо, зная вашъ правдивый характеръ и глубокія свѣдѣнія въ естественныхъ наукахъ, я увѣренъ, что вы не почтете за тягость привлекать на мою сторону совѣтъ, объясняя подробно всѣ справедливыя причины моей просьбы въ особыхъ пунктахъ, при семъ прилагаемыя, представивъ въ то же время жалкое положеніе нашего зоологическаго кабинета и не существованіе доселѣ травника, необходимаго какъ для ботаническаго сада для сличенія съ нимъ сомнительныхъ растеній, такъ и для учащихся въ университетѣ, преимущественно же для составленія украинской флоры.

Относительно необходимой покупки Персонова травника я за нужное почитаю объявить вамъ о недостаткахъ его, состоящихъ въ томъ, что многія растенія кромѣ сомнительныхъ неопредѣлены, многіе виды не при своихъ родахъ, микроскопическія растенія не всѣ наклеены,

однимъ слоемъ, весь травникъ впослѣдствіи потребуетъ много времени и трудовъ для приведенія его въ наилучшій порядокъ. Но такъ какъ эти недостатки, неизбѣжные и въ другихъ травникахъ, посредствомъ моихъ занятій могутъ быть уничтожены, то этотъ Herbarium, какъ тридцатилѣтніе труды знаменитаго ботаника, чрезъ то не теряетъ своей цѣны, и я для того только упоминаю о нихъ, чтобы показать всю истину и чтобы совѣтъ университета не почелъ покупки этого травника за единственный способъ для усовершенствованія меня въ ботаникѣ. На счетъ цѣны, требуемой за него владѣтелемъ, я просилъ совѣта у славнаго берлинскаго ботаника Кунта, описывающаго здѣсь тысячи новыхъ растеній, Гумбольдтомъ и Бонпландомъ открытыхъ, который имѣя совершенное понятіе объ этомъ травникѣ, объявилъ мнѣ, что восемь тысячъ за него заплатить недорого, и что достоинства, самимъ Персономъ въ рукописномъ его предложеніи изложенныя, совершенно вѣрны. Желая же всегда быть болѣе полезнымъ для университета, зная притомъ нужды при старости г. Персона, не получающаго никакихъ поощреній отъ правительства (г. Персонъ есть одинъ изъ трудолюбивыхъ нѣмцевъ, не имѣющій особеннаго расположенія къ французамъ) и увѣренъ будучи, что онъ травникъ свой уступитъ нашему университету, какъ публичному заведенію, что для него самого лестно, за сходную цѣну, употребилъ я особыя предосторожности: получивъ его предложеніе въ нашъ университетъ о продажѣ своего травника еще въ октябрѣ и будучи увѣренъ, что университетъ не заплатитъ за его Herbarium восемь тысячъ, я до сихъ поръ не отправлялъ его предложенія для того, чтобы точнѣе самому узнать состояніе травника, чего наконецъ съ великими хлопотами и достигъ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, докучая Персону частыми своими посѣщеніями и показываніемъ нѣкоторыхъ изъ Украйны взятыхъ мною грибовъ и другихъ тайнобрачныхъ. Дабы опредѣлить эти растенія, г. Персонъ при этомъ только случаѣ показалъ мнѣ нѣсколько пакетовъ изъ своей богатѣйшей по этой части коллекціи. Тутъ то къ изумленію своему увидѣлъ я, что и у знаменитыхъ ботаниковъ въ травникахъ находятся свои недостатки. Настаивая же безпрестанно, что травникъ его очень дорого оцѣненъ, и объявляя ему, что университетъ вѣрно не купитъ за восемъ тысячъ, мнѣ удалось склонить его на особенныя условія (при этомъ вамъ препровождаемыя), данныя мнѣ на этихъ дняхъ и состоящія въ томъ, что онъ уступитъ свой Herbarium за пять тысячъ франковъ съ тѣмъ только, чтобы дуплеты изъ него удержать у себя, и единственные экземпляры, вслѣдствіе чего много достоинства теряется. Я же съ своей стороны рискую быть увѣреннымъ, что г. Персонъ за шесть тысячъ франковъ уступитъ весь съ

дуплетами, ибо на этихъ дняхъ признался, что онъ имѣетъ намѣреніе оставить Парижъ и переселиться жить для спокойствія въ деревнѣ, въ каковомъ случаѣ тяготится своею обширною коллекціею; и кажется мнѣ, по слабости своей не будетъ перебирать всего травника, дабы извлечь дуплеты.

Если сверхъ чаянія университету невозможно будетъ заплатить требуемой и по послѣднему Персонову предложенію суммы, то за три тысячи вся богатѣйшая криптогамическая коллекція и многія явнобрачныя по выбору моему растенія, коихъ я самъ не могу собрать и кои необходимы для опредѣленія по нимъ украинскихъ прозябаемыхъ, должны быть непремѣнно куплены.

И такъ, съ моей стороны, кажется, употреблены всѣ усилія, чтобы университетъ владѣлъ тридцатилѣтними трудами извѣстнѣйшаго въ свѣтѣ ботаника, которые послужатъ вѣчнымъ украшеніемъ кабинету натуральной исторіи. Нѣтъ сомнѣнія, что въ нашей Украйнѣ травникъ Персона будетъ имѣть такую цѣну, какъ Линеевъ въ Англіи, заключая въ себѣ множество образцовъ (types) тайнобрачныхъ прозябаемыхъ, описанныхъ этимъ безсмертнымъ криптогамистомъ, авторомъ многихъ превосходныхъ сочиненій.

Когда университетъ рѣшится уже купить травникъ г. Персона и, слѣдовательно, положено будетъ въ совѣтѣ написать особенное отношеніе къ самому Персону, то потрудитесь, почтенный Яковъ Никитичъ, если вамъ это будетъ поручено, какъ можно угодить почтенному старцу на счетъ славы его безсмертныхъ сочиненій и проч., что можетъ быть будетъ способствовать къ тому, что онъ охотнѣе уступитъ весь свой Herbarium.

Въ рапортѣ моемъ въ совѣтъ я прошу, чтобы благоволили прислать ко мнѣ растенія, собранныя гг. студентами медицины—Павловскимъ, Чеботаревымъ и Ленгони. При отъѣздѣ я сообщилъ вамъ, кажется, два пакета съ рѣдчайшими украинскими травами—усерднѣйше прошу васъ отдать эти пакеты гг. студентамъ для изготовленія къ пересылкѣ въ Парижъ — я уже исправно отъ нихъ чрезъ г. Остроградскаго получилъ большой пакетъ съ важнѣйшими Украинскими растеніями, на которыя вымѣнялъ много интересныхъ иностранныхъ, на ваши также надѣюсь сдѣлать немаловажныя пріобрѣтенія. По возвратѣ же моемъ постараюсь возблагодарить васъ сообщеніемъ не однихъ Украинскихъ, но и многихъ альпійскихъ, особенно же врачебныхъ прозябаемыхъ.

Побудительныя причины прибавки жалованья и отсрочки путешествія кромѣ положеннаго двухгодичнаго срока еще на два года.

1. Особенное время, потребное для изученія тайнобрачныхъ растеній въ живомъ состояніи неспособныхъ сохранятся въ травникахъ, и для отысканія ихъ безпрерывныя во всѣ четыре времени года бывшія прогулки, во время коихъ вообще я обязанъ платить проводнику, знающему окрестности мѣстъ, мною посѣщаемыхъ, и носящему за мною вещи, также помощнику за высушиваніе собираемыхъ растеній.

2. Весьма полезное съ весны предпринимаемое путешествіе на Альпы, въ Швейцарію и полуденную Францію для пріобрѣтенія рѣдчайшихъ растеній, дабы потомъ во время путешествія по Германіи и буде возможно въ Англіи вымѣнивать на другія дуплеты, коихъ не будетъ доставать въ нашемъ травникѣ, требуетъ особенныхъ издержекъ, на что я занимаю нужную сумму денегъ у посольства, обѣщавшаго мнѣ выдать ее въ случаѣ, когда не получу отъ университета въ опредѣленное время своего жалованья.

3. Издержки: a) на перевозъ всегда имѣющейся при мнѣ большой коллекціи какъ растеній, такъ и другихъ предметовъ; b) на изготовленіе посылокъ въ Харьковъ съ разными естественными предметами; c) на покупку у купцовъ гербаристовъ, въ частности по выбору рѣдкихъ видовъ растеній неимѣющихся въ нашемъ травникѣ; d) на покупку рѣдкихъ по случаю продаваемыхъ ботаническихъ съ изображеніями и безъ нихъ книгъ, которыхъ чрезъ книгопродавцевъ доставать невозможно.

4. Недостаточныя по части криптогаміи пособія въ Парижѣ и поэтому необходимое путешествіе въ Германію и при благопріятныхъ обстоятельствахъ въ Англію; особенно пребываніе въ разныхъ городахъ, какъ то: Страсбургѣ, Лейпцигѣ, Нюренбергѣ и нѣкоторыхъ другихъ, преимущественно же въ Берлинѣ и при удобномъ случаѣ въ Лондонѣ, гдѣ лучшіе находятся криптогамисты для сношенія съ ними на счетъ тайнобрачныхъ и другихъ растеній. Для этого не менѣе года потребно.

5. Такъ какъ прочное познаніе прозябаемыхъ состоитъ въ безпрерывномъ и продолжительномъ изученіи ихъ въ живомъ состояніи и вообще тѣ только прозябаемыя можно считать точно опредѣленными, которыя были собираемы на мѣстѣ ихъ произрастанія самими ботаниками и такъ какъ на одни высушенныя въ травникахъ растенія нельзя во многихъ случаяхъ съ вѣрностію полагаться, въ чемъ я чрезъ знакомство со многими ботаниками и собственныя по этой части занятія совершенно удостовѣрился, то и самый травникъ знаменитаго Персона, который, полагаю, будетъ купленъ университетомъ, не можетъ служить

единственнымъ руководствомъ для усовершенствованія меня въ ботаникѣ, заключая при томъ довольно сомнительныхъ и неопредѣленныхъ растеній, что къ сожалѣнію бываетъ и во всѣхъ другихъ травникахъ. По сему и долженъ я несмотря на пріобрѣтеніе его дѣлать сколь возможно чаще въ разныхъ странахъ ботаническія путешествія, для точнѣйшаго познанія европейскихъ произрастеній, на которыя особенное обращаю вниманіе.

6. Необходимъ внимательный пересмотръ всего Персонова травника, когда уже будетъ купленъ, дабы всѣ сомнительныя и безъименныя растенія изъ него извлечь и имѣть ихъ всегда въ путешествіи съ собою для сношенія съ ботаниками на счетъ вѣрнаго ихъ опредѣленія; на дуплеты же, буде окажутся, вымѣнивать другія. Для этого необходимо составленіе подробнаго каталога, какъ для всего Персонова травника, коего къ сожалѣнію у самого владѣтеля не имѣется, такъ и вообще для растеній, мною собираемыхъ. Таковыя занятія отнимутъ много времени.

7. Необходимо разсматриваніе посредствомъ сложнаго микроскопа мелкихъ прозябаемыхъ, наклеиваніе ихъ на бумагѣ, приведеніе въ порядки и роды безъ чего опредѣлятъ ихъ по разнымъ травникамъ не возможно.

Опредѣленіе всѣхъ тайнобрачныхъ, за путешествіе мною собранныхъ, по травнику г. Персона (разумѣю когда уже будетъ купленъ, ибо иначе не позволяется никому сличать растенія по его травнику), дабы тѣ прозябаемыя, кои по Персонову—не могутъ быть опредѣлены, сравнивать потомъ съ разными травниками многихъ ботаниковъ для точнѣйшаго опредѣленія. На исполненіе послѣднихъ пунктовъ (6, 7) по крайней мѣрѣ еще одинъ годъ съ особеннымъ прилежаніемъ нужно будетъ употребить. Покупка на 300 руб. разныхъ животныхъ для зоологическаго кабинета, какъ требуетъ инструкція, тогда только возможна будетъ, когда умножится мое жалованье. Дабы увѣрить г. Персона въ покупкѣ его растеній, я недавно объявилъ ему, что если сверхъ всякаго чаянія университетъ по непредвидѣнному какому-либо случаю, откажется и за три тысячи отъ покупки у него разныхъ прозябаемыхъ, то я за свое жалованье беру у него всѣ дуплеты тайнобрачныхъ растеній, за кои г. Персонъ требуетъ тысячу франковъ. Для чего я нѣсколько задатку обѣщалъ ему предъ отъѣздомъ въ Швейцарію, кромѣ того, что за лекціи о грибахъ я уже заплатилъ ему. На что г. Персонъ изъявилъ свое согласіе. По возвращеніи изъ Швейцаріи и полуденной Франціи я осмѣливаюсь ожидать отъ васъ почтеннѣйшій Яковъ Никитичъ отвѣта. У Николая Ивановича Елинскаго прошу извиненія, что

на этихъ дняхъ не успѣлъ исполнить его порученій по части хирургіи. Ваше же относительно сочиненій Тенара и Орфилы будетъ исполнено въ свое время".

Совѣтъ университета отнесся въ высшей степени сочувственно къ его ходатайству, какъ видно изъ слѣдующаго его заключенія.

„Находящійся въ чужихъ краяхъ для усовершенствованія въ наукахъ лѣкарь Черняевъ, въ присланномъ въ совѣтъ рапортѣ прописываетъ, что со времени прибытія его въ Парижъ занимался онъ зоологіей и ботаникою подъ руководствомъ разныхъ профессоровъ, и что обращая особенное вниманіе на познаніе криптогаміи, тѣмъ болѣе, что въ Украинѣ и вообще въ Россіи эта наиболѣе трудная отрасль остается доселѣ весьма мало изслѣдованною, не находитъ въ Парижѣ достаточныхъ средствъ въ усовершенствованію себя въ ней; почему и проситъ къ приближающемуся двухлѣтнему сроку его путешествія позволить употребить еще два года для путешествія въ Англію и Германію для лучшаго усовершенствованія въ криптогаміи и сдѣлать прибавку къ получаемому имъ жалованью, какъ на безпрерывные его ботаническіе разъѣзды, такъ и на необходимое путешествіе въ Англію, въ полуденную Францію и Швейцарію по Альпійскимъ горамъ.

Совѣтъ, находя причины, излагаемыя лѣкаремъ Черняевымъ въ рапортѣ объ отсрочкѣ времени къ усовершенствованію въ криптогаміи, необходимыми, и принявъ во вниманіе ревностные труды его, доказанные пріобрѣтеніемъ уже для кабинета этого университета разныхъ иностранныхъ растеній въ достаточномъ количествѣ и чучелъ рѣдкихъ животныхъ, мнѣніемъ полагаетъ: отсрочить время путешествія его еще на одинъ годъ, а на ботаническіе разъѣзды въ Англіи, полуденной Франціи и Швейцаріи по Альпійскимъ горамъ, требующіе не малыхъ издержекъ, какъ-то—на вознагражденіе проводнику, знающему окрестности мѣстъ, имъ посѣщаемыхъ, помощнику за высушиваніе растеній, на перевозъ коллекцій, собираемыхъ имъ растеній, на изготовленіе посылокъ въ Харьковъ съ разными естественными предметами, на покупку у купцовъ гербаріевъ, въ частности по выбору рѣдкихъ видовъ растеній, не имѣющихся въ нашемъ травникѣ, на покупку рѣдкихъ, на аукціонахъ продаваемыхъ, ботаническихъ съ изображеніями и безъ нихъ книгъ, которыя чрезъ книгопродавцевъ весьма дорого обходятся, и на другія непредвидѣнныя издержки, во уваженіе старанія и дѣятельности его, оказанныхъ пріобрѣтеніемъ растеній и чучелъ животныхъ и употребленіемъ на собраніе ихъ по усердію его къ университету не малыхъ собственныхъ издержекъ, прибавить къ положенному ему содержанію по тысячѣ рублей въ годъ сереб. еще по пятисотъ рублей.

сребромъ же, такъ какъ университетъ надѣется имѣть въ немъ весьма полезнаго по этой части чиновника".

Министръ уважилъ представленіе совѣта и относительно прибавки жалованья, и относительно продленія срока командировки до 3 лѣтъ.

20 февраля 1824 г. В. М. Черняевъ отправилъ въ совѣтъ Харьковскаго университета письмо, въ которомъ благодарилъ за прибавку жалованья и срока командировки, писалъ о своихъ дальнѣйшихъ планахъ и предлагалъ университету пріобрѣсти нѣкоторыя растенія. Вотъ текстъ этого письма.

„Возвратившись въ Парижъ изъ пятимѣсячнаго въ полуденной Франціи, на островахъ Средиземнаго моря, части Сардинскаго королевства и на Альпійскихъ горахъ счастливо мною совершеннаго путешествія, получилъ я въ октябрѣ мѣсяцѣ изъ канцеляріи совѣта радостное для меня извѣщеніе о прибавленіи жалованья и объ отсрочкѣ еще на одинъ годъ путешествія моего въ чужихъ краяхъ. Оживленный этимъ лестнымъ для меня со стороны благосклоннаго правительства поощреніемъ, я не могъ не возчувствовать новаго въ себѣ рвенія къ перенесенію послѣднихъ трудовъ, дабы не возвратиться къ должности своей безъ вѣрныхъ способовъ, необходимыхъ для изслѣдованія въ Россіи прозябаемыхъ. Не смотря на то, что знаменитаго Персона травникъ не можетъ быть купленъ по причинѣ несогласія его на каталогъ, о истребованіи коего мнѣ было предписано канцеляріею совѣта, я непремѣннымъ долгомъ поставляю, дабы сколько-нибудь на самомъ дѣлѣ доказать мою благодарность за оказанныя мнѣ благодѣянія, тотъ-часъ по полученіи положеннаго на третій годъ жалованья предпринять второе ботаническое путешествіе въ самыя изобильныя растеніями части Европы, какъ то: Пиренейскія горы, Италію и Швейцарію, дабы я самъ наконецъ могъ собственными трудами собрать болѣе или менѣе полный Европейскій травникъ по крайней мѣрѣ явнобрачныхъ растеній. Имѣя всегда постоянное усердіе къ общей пользѣ, я надѣюсь достигнуть этой цѣли съ вѣрнымъ успѣхомъ. По части же тайнобрачныхъ и наипаче микроскопическихъ съ чрезвычайною трудностію отыскиваемыхъ прозябаемыхъ изъ двухлѣтнихъ моихъ въ чужихъ краяхъ занятій я удостовѣрился, что мнѣ самому при всей дѣятельности ни чрезъ какія обмѣниванія невозможно пріобрѣсти столь полнаго по этой части травника, чтобъ со временемъ по немъ можно было съ вѣрностію опредѣлять Украинскія данныя наитруднѣйшаго класса растенія.

Но такъ какъ на покупку этихъ прозябаемыхъ и нѣкоторыхъ изъ явнобрачныхъ травъ, коихъ я самъ не могу собирать, выгодные имѣются случаи въ Швейцаріи и Германіи, такъ что по сдѣланнымъ мною

справкамъ каждая центурія (100) разныхъ видовъ продается по 50, 36, 24 и 15 руб. смотря по выбору и рѣдкости растеній, а сверхъ того нерѣдко встрѣчаются небольшія коллекціи экзотическихъ садовыхъ травъ цѣною въ 100, 200 руб. бумажками и болѣе, поэтому, дабы ничего не опустить по моей должности, я обязанностію поставляю просить совѣтъ Императорскаго Харьковскаго университета обратить свое благосклонное вниманіе на пріобрѣтеніе столь важныхъ для кабинета натуральной исторіи предметовъ, и опредѣлить нѣкоторую сумму денегъ для этого.

Имѣю честь донести совѣту, что со времени прибытія моего въ Парижъ, пользуясь благопріятною прошедшею дождливою осенью и настоящею зимою съ счастливыми успѣхами я продолжаю свои занятія микологіею (наукою о грибахъ), рисованіемъ коихъ красками я уже около пяти мѣсяцевъ занимаюсь, но для дальнѣйшаго усовершенствованія въ этомъ искусствѣ подъ руководствомъ лучшихъ живописцевъ я крайнюю имѣю нужду въ немедленной ко мнѣ присылкѣ опредѣленнаго на третій годъ содержанія за первую половину года въ Парижъ, а за послѣднюю въ Берлинъ.

При этомъ препровождаются для ботаническаго сада 240 сортовъ сѣмянъ разныхъ растеній, коихъ одна часть мною самимъ собрана, другая же большая половина сообщена изъ здѣшняго королевскаго сада, въ замѣну коихъ онъ имѣетъ нужду въ растеніяхъ, означенныхъ въ прилагаемомъ при этомъ спискѣ".

Совѣтъ университета ассигновалъ на покупку растеній 500 руб. въ годъ.

19 марта 1824 г. В. М. Черняевъ отправилъ въ совѣтъ университета новое письмо, въ которомъ писалъ.

„Имѣю честь донести, что вскорѣ послѣ отправленія въ совѣтъ моего рапорта, въ коемъ я просилъ о своемъ жалованьѣ, 19 марта я получилъ 750 р. с. слѣдуемаго мнѣ за первую половину третьяго года благосклонно опредѣленнаго жалованья, что составляетъ 2759 франковъ.

Имѣя теперь совершенную возможность доказать на самомъ дѣлѣ мою благодарность предъ благосклоннымъ ко мнѣ правительствомъ, оказавшимъ мнѣ столько поощреній, я нынѣшнею же весною предпринимаю второе ботаническое путешествіе въ самыя изобильныя растеніями части полуденной Европы, откуда осенью имѣю отправиться въ сѣверную Германію. Почему прошу совѣтъ Императорскаго Харьковскаго совѣта университета объ отправленіи слѣдуемаго мнѣ за вторую половину года жалованья въ *Берлинъ*, куда я надѣюсь прибыть съ собраніемъ разныхъ предметовъ естественной исторіи, о доставленіи ко-

покупки разныхъ для кабинета интересныхъ предметовъ натуральной торыхъ изъ Берлина въ Россію покорно прошу совѣтъ предписать мнѣ чрезъ Императорское россійское въ Берлинѣ посольство нужныя наставленія, дабы я вѣрные имѣлъ способы чрезъ россійское правительство, какъ и изъ Парижа, доставлять изъ Берлина въ Харьковскій университетъ пріобрѣтаемыя для университетскаго кабинета разные предметы натуральной исторіи".

15-го іюня того же года В. М. Черняевъ написалъ совѣту письмо, въ которомъ сообщалъ о посылкѣ имъ растеній для составленія гербаріевъ.

„Имѣю честь донести совѣту, писалъ онъ, что растенія, пріобрѣтенныя мною въ полуденной Европѣ, составляющія до трехъ тысячъ разныхъ видовъ, образцовъ же болѣе двадцати тысячъ, расположенныя по естественнымъ семействамъ и правильно опредѣленныя, заключающіяся въ семи большихъ тюкахъ въ разное время чрезъ здѣшнее россійское посольство отправлены въ С.-Петербургъ для доставленія въ Харьковъ. Имѣя всегда главною обязанностію со времени путешествія моего въ чужихъ краяхъ заниматься не одними ботаническими познаніями, нужными для учащаго, но болѣе всего пріобрѣтеніемъ предметовъ, необходимыхъ по этой части для учащихся, съ радостію теперь имѣю право доложить совѣту Императорскаго Харьковскаго университета, что уже три части Европейскихъ прозябаемыхъ пріобрѣтены мною въ такомъ количествѣ, что, соединивъ ихъ съ растеніями за прошедшія два года мною собранными и съ Украинскими, оставленными въ Харьковской гимназіи, я имѣю совершенную возможность не только университету доставить болѣе или менѣе полный травникъ (Herbarium), какъ вѣрное руководство для обучающихся ботаникѣ, но и всѣмъ гимназіямъ, подлежащимъ учебному округу университета, сообщить по одному травнику по крайней мѣрѣ важнѣйшихъ Европейскихъ прозябаемыхъ, дабы такимъ образомъ по мѣрѣ силъ и усердія къ отечеству способствовать распространенію этой полезной науки во всей полуденной Россіи, и особенно по части тайнобрачныхъ прозябаемыхъ, изслѣдованіемъ коихъ никто еще изъ ботаниковъ въ Россіи не занимался и которыя доселѣ представляютъ русскимъ ботаникамъ обширное поле къ новымъ открытіямъ. Открытія же по этой части Буксбаума (Buxbaum), Аммана (Ammann), Палласа и друг. ботаниковъ весьма недостаточны.

Кромѣ семи кипъ или тюковъ съ растеніями, обшитыхъ клеенкою подъ № 10, 11, 12 и 13, имѣю честь препроводить въ университетъ ящикъ подъ № 14, заключающій въ себѣ тайнобрачныя и другія прозябаемыя, изъ коихъ большая часть куплены мною за триста двадцать рублей (320 р.) вслѣдствіе инструкціи, требующей отъ меня ежегодно

исторіи, списокъ коихъ при этомъ прилагаю, сумму же 320 руб. употребленную изъ моего жалованья на эту покупку, покорнѣйше прошу совѣтъ возвратить мнѣ въ Берлинъ, гдѣ я ожидаю и слѣдуемаго мнѣ за вторую половину третьяго года содержанія и куда полагаю прибыть въ сентябрѣ мѣсяцѣ.

По полученіи всѣхъ посылокъ съ растеніями, въ разное время отъ меня въ университетъ отправленныхъ, покорно прошу совѣтъ повелѣть ихъ и особенно ящикъ подъ № 14, содержащій въ себѣ много грибовъ и другихъ мясистыхъ прозябаемыхъ, отъ влажности удобно подвергающихся порчѣ, сохранять до самаго моего прибытія въ сухомъ мѣстѣ, осенью и зимою протапливаемомъ, оставляя всѣ кипы обшитыми клеенкою и, буде шнуры стягивающіе ихъ окажутся по причинѣ дальняго перевоза ослабленными, то повелѣть ихъ какъ можно туже стянуть, ибо травы, находящіяся въ сжатомъ состояніи, остаются въ большей безопасности отъ порчи насѣкомыми".

Пріѣхавъ, наконецъ, въ Берлинъ, В. М. Черняевъ посвятилъ свое время главнымъ образомъ слушанію спеціальныхъ университетскихъ курсовъ, но всетаки не оставлялъ и своихъ практическихъ занятій по составленію гербарія. Изъ Берлина 18 октября 1824 года онъ пишетъ въ совѣтъ университета письмо, въ которомъ проситъ о продленіи командировки еще на четвертый годъ.

„Несмотря на всѣ старанія окончить занятія мои въ теченіи трехъ лѣтъ, опредѣленныхъ университетскимъ совѣтомъ для усовершенствованія въ чужихъ краяхъ въ зоологіи и ботаникѣ, я нахожу совершенно невозможнымъ и несообразнымъ съ силами моими въ столь короткое время достигнуть данной цѣли, тѣмъ болѣе, что практическія занятія, необходимыя для пріобрѣтенія ботаническаго травника (Herbarium), столь важнаго для университета, во время трехлѣтняго моего пребыванія въ чужихъ странахъ не позволяли мнѣ доселѣ заняться англійскимъ языкомъ и приготовить себя къ путешествію въ Англію. Эти причины, а еще болѣе неоконченныя мои по части тайнобрачія (Cryptogamia) занятія вынуждаютъ меня покорнѣйше просить совѣтъ Императорскаго Харьковскаго университета объ отсрочкѣ путешествія моего въ чужихъ краяхъ на четвертый годъ.

Имѣю честь донести совѣту, что въ августѣ мѣсяцѣ, оставивъ Парижъ и сдѣлавъ нѣсколько ботаническихъ экскурсій по берегамъ Западнаго океана, я прибылъ въ послѣднихъ дняхъ сентября мѣсяца въ Берлинъ, гдѣ и получилъ слѣдуемое мнѣ жалованье и пятьсотъ рублей, назначенныхъ для покупку травъ, также и посылку украинскихъ растеній.

Занятія мои въ Берлинѣ будутъ состоять въ слѣдующемъ.

1. Въ выслушаніи курсовъ: а) *тайнобрачныхъ прозябаемыхъ* съ ноября мѣсяца въ здѣшнемъ университетѣ, преподаваемыхъ профессоромъ ботаники знаменитымъ криптогамистомъ Линкомъ (Link); b) физіологіи деревьевъ и кустарниковъ у проф. Гайне (Hayne); c) сродства растеній у проф. Горкеля (Horkel); d) земноводныхъ у проф. Лихтенштейна (Lichtenstein); e) насѣкомыхъ у проф. Клюга (Klug).

2. Въ изученіи тайнобрачныхъ прозябаемыхъ въ самой натурѣ и въ рисованіи ихъ.

3. Въ разсматриваніи травника Вильденова и въ посѣщеніяхъ здѣшняго ботаническаго сада и зоологическаго кабинета.

4. Въ дальнѣйшемъ усовершенствованіи въ ботанической нѣмецкой литературѣ и въ изученіи англійскаго языка, дабы въ состояніи быть со слѣдующей весны предпринять полезное путешествіе въ Лондонъ".

Совѣтъ университета рѣшилъ ходатайствовать о предоставленіи В. М. Черняеву возможности прослушать въ Берлинѣ только зимніе курсы, съ тѣмъ, чтобы по окончаніи ихъ онъ немедленно возвратился въ Харьковъ, такъ какъ и вакантная каѳедра, и положеніе зоологическаго и ботаническаго кабинетовъ настоятельно требовали его присутствія. В. В. Черняевъ, получивъ извѣщеніе объ этомъ, писалъ 2 мая 1825 г. совѣту изъ Берлина.

„Имѣю честь донести, что предписаніе изъ канцеляріи совѣта, требующее моего возвращенія въ Харьковъ, мною получено въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, а самое жалованье 1 мая. Вслѣдствіе чего въ этомъ же мѣсяцѣ я и отправляюсь чрезъ С.-Петербургъ и Москву въ Харьковъ.

Занятія мои въ Берлинѣ состояли въ выслушаніи полугодичнаго курса лекцій зоологическихъ и ботаническихъ, въ посѣщеніи зоологическаго кабинета и ботаническаго сада, преимущественно же въ разсматриваніи и сличеніи растеній, въ превосходномъ здѣшнемъ королевскомъ ботаническомъ кабинетѣ сохраняемыхъ.

При этомъ же имѣю честь донести, что во время пребыванія моего здѣсь, куплено мною на 180 руб. разныхъ растеній изъ класса криптогаміи, кои по пріѣздѣ моемъ въ Харьковъ и будутъ представлены въ кабинетъ Императорскаго Харьковскаго университета".

Дополненіемъ къ этому письму являются два сообщенія В. М. Черняева изъ Петербурга отъ 2 августа и 10 сентября того же года.

„Имѣю честь донести совѣту, что изъ чужихъ краевъ прибылъ я въ С.-Петербургъ чрезъ Любекъ моремъ еще въ іюнѣ мѣсяцѣ, взявъ съ собою одну только часть моей коллекціи растеній, другую же вмѣстѣ съ ящикомъ книгъ, состоящую изъ пиринейскихъ травъ не задолго

предъ выѣздомъ моимъ изъ Берлина отъ парижскаго ботаника Феликса Петита (Felix Petit) полученную, но причинѣ затрудненія, встрѣтившагося при транспортѣ, я принужденъ былъ поручить россійскому въ Любекѣ консулу г. Шлецеру; она только на этихъ дняхъ прибыла на кораблѣ въ Кронштадтъ и ее я на этихъ же дняхъ имѣю получить и потомъ дуплеты изъ этихъ растеній употребить на обмѣнъ другихъ и преимущественно сибирскихъ, коими здѣшніе славные ботаники, какъ-то: гг. Триніусъ, Фишеръ, Прескотъ (англичанинъ) и Турчаниновъ обладаютъ въ изобиліи, и отъ которыхъ, особенно же отъ послѣдняго; я множество уже получилъ разныхъ интересныхъ для ботаническаго кабинета растеній. Все это собраніе травъ, вмѣстѣ съ собранными мною самимъ и частію купленными въ чужихъ краяхъ, имѣю честь представить университету чрезъ здѣшній ботаническій Императорскій садъ въ шести небольшихъ кипахъ (каждая вѣсомъ около 20 фун.), изъ коихъ одна въ вывороченной клеенкѣ, прочія же въ холстѣ.

Вышесказанныя причины, а еще болѣе ботаническія прогулки, необходимыя для опредѣленія здѣшней флоры, посѣщеніе кабинетовъ, садовъ и особенно разсматриваніе травниковъ этихъ ботаниковъ до сихъ поръ задерживаетъ меня въ С.-Петербургѣ".

„Имѣю честь донести совѣту, писалъ В. М. Черняевъ въ другомъ письмѣ, что мои ботаническія занятія въ С.-Петербургѣ кончились. Всѣ пріобрѣтенные предметы отправлены частію чрезъ департаментъ министерства народнаго просвѣщенія, частію же чрезъ здѣшній Императорскій ботаническій садъ, такъ что въ разное время за іюль и августъ мѣсяцы отослано въ Харьковскій университетъ 22 кипы съ растеніями, книгами и въ ботаническій садъ одинъ ящикъ со свѣжими корнями Conioselini Jngrici (Fischer), весьма интереснаго по причинѣ врачебныхъ свойствъ, досѣлѣ къ удивленію моему никому изъ врачей неизвѣстныхъ. Это растеніе подало мнѣ поводъ заняться изслѣдованіемъ въ особенности семействомъ зонтичныхъ травъ, къ коимъ и conioselinum принадлежитъ. Родовые признаки его описаны г. Гофманомъ (Московскимъ) въ сочиненіи Genera umbelliferarum, и кажется, это же самое растеніе изображено (весьма неудовлетворительно) въ флорѣ сибирской Гмелинымъ (Flora Sibirica Gmel I, tab. 44),—но, къ сожалѣнію, корень, какъ отличнѣйшій признакъ этого растенія, описанъ безъ всякой точности. Conioselinum ingricum (Fischer, ined.), какъ растеніе весьма важное по пріятному своему ароматическому свойству, не только не уступаетъ Айрову корню (Calamus aromaticus), Дягилю (Angelica Imperatoria), но еще предпочтено можетъ быть имъ по пріятности своего вкуса и запаха. Это растеніе вмѣстѣ съ другими

зонтичными (Plantae umbelliferae) россійскими меня наиболѣе занимаю во все время моего здѣсь пребыванія,—такъ что всѣ наблюденія надъ ними, будучи собраны вмѣстѣ, составятъ въ свое время родъ особаго разсужденія (dissertatio inauguralis)".

Вернувшись, наконецъ, въ Харьковъ, В. М. Черняевъ очутился въ крайне стѣсненныхъ денежныхъ обстоятельствахъ, потому что пробылъ въ командировкѣ 4 года, а содержаніе получилъ только за 3½ года. Это побудило его просить совѣтъ о выдачѣ ему содержанія за эти 6 мѣсяцевъ.

„Кромѣ опредѣленныхъ мнѣ на путешествіе трехъ съ половиною лѣтъ прожилъ я еще шесть мѣсяцевъ какъ въ чужихъ краяхъ, такъ и въ Россіи на собственномъ иждивеніи, вынужденный къ тому обстоятельствами, а именно: будучи въ Берлинѣ и получивъ въ мартѣ мѣсяцѣ настоящаго 1825 года одно только предписаніе о возвращеніи въ Харьковъ, я долженъ былъ дожидаться слѣдуемаго мнѣ жалованья до послѣднихъ чиселъ мая и потомъ въ іюнѣ мѣсяцѣ изъ Берлина отправившись въ С.-Петербургъ, оставилъ въ Германіи, по причинѣ встрѣтившихся затрудненій при транспортѣ, большую часть пріобрѣтенныхъ мною растеній и книгъ, кои и задержали меня въ С.-Петербургѣ до самаго сентября мѣсяца, о чемъ въ рапортахъ моихъ я доносилъ уже совѣту и, слѣдовательно, мнѣ никоимъ образомъ невозможно было возвратиться въ Харьковъ къ сроку, положенному предписаніемъ совѣта.

Но какъ во все помянутое полугодичное время я прилагалъ всѣ возможныя старанія къ пріобрѣтенію полезныхъ для университета предметовъ и для дальнѣйшаго усовершенствованія себя въ познаніи какъ отечественныхъ, такъ и иностранныхъ произведеній натуры, о чемъ подробно изъяснять почитаю не нужнымъ, ибо истинное усердіе мое и преданность къ общей пользѣ всегда на самомъ дѣлѣ доказывались университету и довольно уже извѣстны; посему и прошу покорнѣйше понесенныя въ полгода издержки путешествія моего какъ заграницей, такъ и въ Россіи, простирающіяся до пятисотъ рублей серебра, милостиво вознаградить, тѣмъ болѣе, что по пріѣздѣ моемъ въ Харьковъ, не имѣя еще никакихъ для жизни необходимыхъ заведеній, ни казенной квартиры и не получая еще никакого жалованья, я крайне затрудняюсь въ содержаніи себя".

Министръ, согласно ходатайству совѣта, разрѣшилъ выдать Черняеву 500 р. изъ хозяйственныхъ суммъ университета. Вслѣдъ затѣмъ онъ былъ избранъ адъюнктомъ.

Изъ представленныхъ здѣсь фактическихъ данныхъ видно, что продолжительная заграничная командировка В. М. Черняева не только

была ему самому очень полезна, но принесла еще бóльшую пользу университету. Во время своихъ заграничныхъ путешествій В. М. Черняевъ, до того, очевидно, обладавшій уже прекрасною научною подготовкой, окончательно окрѣпъ и возмужалъ въ качествѣ ботаника-спеціалиста. Личное, непосредственное знакомство съ самыми выдающимися учеными Западной Европы не прошло безслѣдно, также точно какъ и слушаніе ихъ курсовъ въ Берлинѣ. Не менѣе важно было для В. М. Черняева изученіе ботаническихъ коллекцій государственныхъ и частныхъ. Наконецъ, самостоятельнымъ и оригинальнымъ средствомъ для его самоусовершенствованія были экскурсіи. Въ немъ была, очевидно, страсть къ подобнаго рода ученымъ путешествіямъ и онъ во Франціи предавался имъ съ такимъ же жаромъ, какъ и въ Россіи. Неудивительно, что, при такихъ условіяхъ, В. М. Черняеву удалось составить обширный и прекрасный гербарій, который онъ потомъ, какъ мы знаемъ, преподнесъ въ даръ Харьковскому университету. Пріобрѣлъ онъ его частію своими собственными экскурсіями, частію покупкою, и наконецъ обмѣномъ на коллекціи украинской флоры, собранныя имъ или его учениками на мѣстѣ и вывезенныя заграницу. Благодаря своей солидной подготовкѣ, обширнымъ спеціальнымъ познаніямъ въ области украинской флоры, своему особенному интересу къ нѣкоторымъ частнымъ вопросамъ ботанической науки (напримѣръ, криптогамикѣ) и, наконецъ, привезеннымъ изъ Россіи коллекціямъ, В. М. Черняевъ и заграницей, въ средѣ европейскихъ ботаниковъ, не игралъ роли ученика ботаники, а скорѣе являлся какъ бы товарищемъ ихъ по научнымъ занятіямъ. Да и дѣйствительно, изъ его писемъ видно, что онъ относился вполнѣ самостоятельно и критически къ оцѣнкѣ ботаническихъ коллекцій. В. М. Черняевъ принадлежалъ къ школѣ ботаниковъ систематиковъ—въ этомъ была его сила, здѣсь сосредоточивались всѣ его научные интересы и на эту сторону дѣла онъ, естественно, обратилъ главное вниманіе за границей. Для систематики же первенствующее значеніе имѣетъ гербарій — вотъ почему В. М. Черняевъ занялся собираніемъ его еще въ бытность свою студентомъ, съ увлеченіемъ продолжалъ работать на этомъ поприщѣ въ бытность лекторомъ естественной исторіи, и съ такимъ же увлеченіемъ занимался заграницей, гдѣ, по всей вѣроятности, сложились о немъ у мѣстнаго населенія такіе же анекдоты, какъ и у крестьянъ Харьковской губерніи.

Третьимъ лицомъ, отправленнымъ въ заграничную командировку, былъ Иванъ *Гнѣдичъ*, кандидатъ Харьковскаго университета, получившій степень лѣкаря въ Петербургской медико-хирургической академіи. Командировало его впрочемъ заграницу само министерство—универси-

тетъ къ этой посылкѣ относился по меньшей мѣрѣ холодно, безучастно и равнодушно. Ходатайствовалъ о командировкѣ передъ попечителемъ самъ Гнѣдичъ; вотъ текстъ его ходатайства.

„Въ 1811 году поступилъ я въ Харьковскій университетъ и, избравъ для себя отдѣленіе врачебныхъ наукъ, въ 1814 году былъ произведенъ кандидатомъ по этой части; въ этомъ званіи въ прошломъ 1815 году отправленъ былъ въ здѣшнюю медико-хирургическую академію для усовершенствованія по части медицины и въ 1816 г. академіею произведенъ безъ экзамена въ лѣкари 1-го отдѣленія—со старшинствомъ. Нынѣ побуждаемый живыми чувствами общаго блага и движимый благодарными мыслями къ мѣсту, коему я обязанъ первыми началами познаній моихъ, основываясь на статьѣ устава Императорскаго Харьковскаго университета, осмѣливаюсь изъявить вашему сіятельству душевное желаніе отправиться въ чужіе края для дальнѣйшихъ успѣховъ и усовершенствованія во врачебныхъ наукахъ. Высокое покровительство вашего сіятельства и лестное ожиданіе наставниковъ—въ пріобрѣтеніи чрезъ то новыхъ истинъ и познаній оправдается усиліями ума, которыхъ истинная польза и строгая справедливость требовать могутъ".

Тогдашній попечитель гр. С. О. Потоцкій 2 февраля 1817 г. сдѣлалъ о немъ слѣдующее представленіе министру народнаго просвѣщенія князю А. Н. Голицыну.

„Произведенный въ лѣкаря перваго отдѣленія университетскій кандидатъ Гнѣдичъ, писалъ гр. Потоцкій, изъявилъ мнѣ письменно желаніе отправиться на счетъ университета въ чужіе края для усовершенствованія своего въ медицинскихъ наукахъ. Принявъ за правило приступать съ крайнею осмотрительностію къ назначенію молодыхъ людей за границу, я и въ данномъ случаѣ не довольствовался предъявленными мнѣ просителемъ университетскими аттестатами, но призналъ нужнымъ, предварительно представленія о немъ, собрать о нравственности и способностяхъ Гнѣдича мѣстныя свѣдѣнія. Въ виду этого списывался я съ бывшимъ наставникомъ его профессоромъ здѣшней медико-хирургической академіи статскимъ совѣтникомъ Бушемъ и генералъ-штабъ докторомъ Лейтономъ, начальникомъ морскаго госпиталя, въ которомъ Гнѣдичъ занималъ нѣкоторое время должность палатнаго ординатора и получилъ теперь отзывы—отъ профессора Буша, „что помянутый Гнѣдичъ былъ изъ числа благонравнѣйшихъ и прилежнѣйшихъ его слушателей; что онъ производствомъ неоднократныхъ и весьма удачныхъ операцій надъ больными оказалъ несомнѣнное искусство въ практической хирургіи, а изложеніемъ на латинскомъ языкѣ двухъ бо-

лѣзненныхъ случаевъ—немаловажныя свѣдѣнія по части терапіи". Генералъ штабъ-докторъ Лейтонъ, свидѣтельствуя равнымъ образомъ о способностяхъ ума и похвальномъ поведеніи Гнѣдича, объяснилъ, что „онъ въ пользованіи больныхъ оказывалъ желаемые успѣхи и всегдашнее усердіе; каковыя качества, по мнѣнію его, могутъ соотвѣтствовать довѣренности начальства на счетъ посылки его въ чужіе края".

Основываясь на этихъ отзывахъ и имѣя притомъ въ виду пользу, какая для отечества и въ особенности для нашихъ университетовъ произойти должна, если, посредствомъ посылки отличныхъ молодыхъ людей за границу, откроется со временемъ желаемый способъ замѣнять въ нихъ иностранныхъ наставниковъ природными россіянами, я тѣмъ болѣе побуждаюсь обратить начальническое вниманіе вашего сіятельства на этого университетскаго питомца, что, послѣ толь похвальныхъ засвидѣтельствованій, я не нахожу причинъ сомнѣваться въ искренности его расположенія къ добру и къ пользѣ университета, коему обязанъ онъ своимъ образованіемъ. Одно усматриваемое въ данномъ случаѣ затрудненіе состоитъ въ назначеніи ему на путевыя издержки и содержаніе достаточной суммы. Въ Высочайше утвержденномъ штатѣ университета опредѣлено на этотъ предметъ 2000 руб., но эта сумма, равно какъ и другія въ этомъ штатѣ положенныя, не соотвѣтствуя нисколько настоящимъ обстоятельствамъ времени, не представляетъ средствъ къ посылкѣ молодыхъ людей въ чужіе края. По умѣренномъ соображеніи потребностей молодого человѣка, путешествующаго нынѣ за границей, я съ своей стороны полагаю, что если вашему сіятельству благоугодно будетъ склониться на просьбу Гнѣдича, то необходимо нужно, сверхъ опредѣленныхъ по штату 2000, прибавить ему по крайней мѣрѣ еще 1000 р. въ годъ на всѣ вообще расходы, назначивъ производство ихъ изъ университетскихъ суммъ, остающихся отъ хозяйственнаго ихъ сбереженія. Пользуясь благосклоннымъ дозволеніемъ вашего сіятельства, я имѣю честь представить при семъ просителя лично съ тѣмъ, чтобы сужденіе о его достоинствахъ предоставить собственной прозорливости вашего сіятельства".

Десятаго же февраля гр. С. О. Потоцкій уже извѣщалъ совѣтъ Харьковскаго университета, что министръ народнаго просвѣщенія, согласно его, попечителя, представленію, разрѣшилъ Гнѣдичу ученую командировку, съ тѣмъ чтобы къ назначеннымъ по штату на командировки 2000 руб. асс. было прибавлено еще 1000 р. изъ хозяйственныхъ средствъ университета; но при этомъ предлагалъ университету: 1) дать Гнѣдичу инструкцію, 2) опредѣлить ему сумму, соотвѣтственную мѣстнымъ обстоятельствамъ и времени пребыванія его въ разныхъ

иностранныхъ городахъ, 3) рѣшить вопросъ, нельзя ли будетъ на эти же 3000 р. отправить за границу и другого кандидата. Самъ Гнѣдичъ просилъ, чтобы его отправили сначала въ Англію, потомъ во Францію, Германію и Италію съ жалованьемъ во 4000 р. асс. въ годъ. Совѣтъ, основываясь на заключеніи медицинскаго факультета, отвѣтилъ, что Гнѣдичу слѣдуетъ отправиться на 2 года въ Германію (въ Берлинъ, Геттингенъ и Вѣну) съ содержаніемъ по 2000 р. въ годъ; другого же кандидата на остающіяся 1000 руб. отправить невозможно. Странно, что С. О. Потоцкій поставилъ совѣтъ университета въ неловкое положеніе, предоставивъ ему рѣшеніе вопроса, уже рѣшеннаго министромъ—о размѣрахъ содержанія Гнѣдича. Сдѣлалъ же онъ это, какъ самъ объяснялъ въ другомъ донесеніи министру, потому, что не хотѣлъ стѣснить университета въ его распоряженіяхъ по этому дѣлу. Все это происходило наканунѣ отставки С. О. Потоцкаго и о приведенномъ выше постановленіи сообщилъ министру уже новый попечитель округа З. Я. Карнѣевъ. Самъ Гнѣдичъ обратился 6 августа 1817 г. къ князю А. Н. Голицыну съ ходатайствомъ такого содержанія.

„Томимый неизвѣстностію моего положенія, а болѣе увлекаемый непреоборимымъ желаніемъ достигнуть возможной степени образованія во врачебныхъ наукахъ—осмѣливаюсь прибѣгнуть къ начальническому покровительству вашего сіятельства и просить обратить вниманіе на обстоятельства, которыя изложить осмѣливаюсь.

Бывшій попечитель Харьковскаго университета графъ Потоцкій, испросивъ соизволеніе вашего сіятельства, изъявилъ университету желаніе отправить меня въ Германію и Францію для усовершенствованія во врачебныхъ познаніяхъ;—но какъ Англія всегда была вожделѣннѣйшимъ для меня мѣстомъ—сколько по богатымъ источникамъ для врачебныхъ познаній, пріобрѣтеніе коихъ составляетъ единственную цѣль мою, столько и потому, что, имѣя тамъ родного дядю священника Смирнова, я могъ бы пользоваться руководствомъ и пособіемъ его во всѣхъ случаяхъ, о чемъ я имѣлъ счастіе лично изъясниться вашему сіятельству и какъ назначенный 1500 рублей окладъ для годового содержанія находилъ я совершенно недостаточнымъ не только въ Англіи, но даже въ Германіи и Франціи, то, получивъ, наконецъ, позволеніе графа Потоцкаго, просилъ я медицинскій факультетъ Харьковскаго университета, дабы онъ, предназначивъ меня для путешествія въ Англію, опредѣлилъ мнѣ и сумму сообразно дороговизнѣ тамошней жизни. Но въ продолженіе шести мѣсяцевъ дѣло мое остается безъ всякаго движенія. Причиною этого, какъ должно думать, является болѣе всего новость попечителя, или быть можетъ университетъ находитъ затрудненіе

въ назначеніи суммы, которой я просилъ для содержанія себя — въ Англіи состоящей изъ 4000 р., а во Франціи и Германіи изъ 3000 р. Впрочемъ не могу и рѣшительно думать, чтобы университетское правленіе, затрудняясь въ прибавкѣ суммы, захотѣло положить мнѣ преграду въ ревностномъ моемъ желаніи быть полезнымъ отечеству. Благоволите, сіятельный князь, обратить вниманіе на положеніе того, кто со всею горячностію ищетъ путей къ вящшему образованію и всего себя посвящаетъ на то, дабы быть полезнымъ для другихъ и воздать должную жертву благодарности мѣсту первоначальнаго его образованія".

Министръ предписалъ совѣту Харьковскаго университета назначить Гнѣдичу 4000 р. по примѣру другихъ молодыхъ ученыхъ, отправляемыхъ заграницу академіей, и дать ему маршрутъ. Совѣтъ подтвердилъ прежнее свое постановленіе, чтобы Гнѣдичъ отправился на 2 года въ Берлинъ, Геттингенъ и Вѣну и занимался тамъ всѣми существенными частями медицины, представляя каждые 3 мѣсяца отчетъ университету о своихъ работахъ. Между тѣмъ Гнѣдичъ представилъ кн. А. Н. Голицыну просительное письмо своего дядюшки — священника посольской церкви въ Лондонѣ свящ. Смирнова, который писалъ.

„Хотя я не имѣю никакого права умножать число вашихъ заботъ, однако же, зная усердіе вашего сіятельства, стремящагося къ общей отечественной пользѣ, и увѣренъ будучи о милостивомъ вашемъ ко мнѣ благорасположеніи, беру смѣлость безпокоить васъ въ пользу моего племянника Ивана Гнѣдича, вручителя сего письма, въ которомъ съ чувствительнымъ удовольствіемъ вижу и природную склонность къ медицинской наукѣ и великое желаніе усовершенствовать себя въ ней обозрѣніемъ практики въ иностранныхъ земляхъ. Ваше сіятельство, по словамъ его, изволили уже удостоить его согласіемъ на таковое странствованіе, въ которое, какъ слышу, и медико-хирургическая наша академія, сверхъ того, назначаетъ нѣкоторое число молодыхъ людей для усовершенствованія себя по части медицинскихъ наукъ. Поблагодаря всенижайше за столь милостивое къ нему благорасположеніе, позвольте мнѣ, ваше сіятельство, просить васъ всепокорнѣйше принять моего племянника въ милостивое ваше покровительство и сопричесть его избранному странствующихъ лику. Я же въ признательность моей благодарности вашему сіятельству, когда онъ сюда пріѣдетъ, всячески постараюсь сообразоваться благимъ вашимъ намѣреніямъ доставленіемъ ему способовъ заниматься и видѣть все, что ни есть полезнѣйшаго здѣсь по сей части, дабы онъ могъ возвратиться въ отечество съ успѣхомъ и полезными пріобрѣтеніями. Признаюсь вашему сіятельству, что мнѣ

весьма бы лестно и желательно было услужить Харькову доставленіемъ хорошаго доктора; ибо въ этомъ городѣ, въ коллегіумѣ, толико уже облагодѣтельствованномъ фамиліею вашего сіятельства, я получилъ свое воспитаніе, да и нынѣшній Харьковскій университетъ почтилъ меня весьма недостойнаго честію своего корреспондента; и сіе сердцу моему тѣмъ будетъ радостнѣе, если и хорошій докторъ будетъ изъ моихъ ближнихъ и успѣю оказать сію услугу помощію особы, мною искреннѣйше почитаемой и уважаемой, мнѣ благодѣющей и неусыпно пекущейся о просвѣщеніи и благоденствіи отечества".

Затѣмъ, недовольствуясь симъ, онъ и самъ обратился 6-го марта 1818 г. къ министру съ письмомъ, въ которомъ просилъ объ отмѣнѣ рѣшенія совѣта Харьковскаго университета.

„Въ долговременномъ ожиданіи исполненія ревностнаго желанія моего, я почти уже видѣлъ — посредствомъ благосклоннаго споспѣшествованія отъ вашего сіятельства — окончаніе его; но нынѣ почувствовалъ себя наиболѣе уклоненнымъ отъ вожделѣнной цѣли этой; почему еще осмѣливаюсь прибѣгнуть подъ начальническое покровительство вашего сіятельства и просить обратить вниманіе на обстоятельства, которыя изложить осмѣливаюсь. Вслѣдствіе благосклоннѣйшаго предложенія отъ вашего сіятельства Харьковскому университету объ отправленіи меня въ чужіе края для усовершенствованія по части врачебныхъ наукъ—совѣтъ университета предположилъ отправить меня единственно въ Берлинъ и Геттингенъ на два года съ окладомъ 4000 р., включая въ эту сумму и путевыя издержки, съ тѣмъ чтобы я, во время пребыванія моего въ этихъ мѣстахъ, занимался существенными частями медицины; сколь ни полезнымъ считаю быть въ отечествѣ мужей отличнѣйшихъ по части наукъ врачебныхъ, столько съ другой стороны осмѣливаюсь думать, что пріобрѣтеніе умозрительныхъ врачебныхъ познаній во всей Германіи не есть совершенно для насъ ново — они сообщаются намъ посредствомъ печатанія во всей ихъ подробности, а тѣмъ, слѣдовательно, меньше предвижу необходимости быть единственно въ Германіи, столь близкой, столь извѣстной намъ по ученымъ сношеніямъ. Напротивъ того, гораздо меньше извѣстно намъ состояніе медицины въ Англіи. Великобританія и преимущественно Шотландія въ отношеніи къ врачебной наукѣ всегда были отличны, и, къ сожалѣнію, новѣйшихъ свѣдѣній врачебныхъ, которыя, сообразно ходу другихъ наукъ, приближаются къ идеальному совершенству—имѣемъ мы весьма мало. Это то пріобрѣтеніе новѣйшихъ умозрительныхъ свѣдѣній было единственною моею цѣлью: ихъ стремился я собрать, дабы впослѣдствіи перенести въ нѣдро любезнаго мнѣ мѣста первоначальнаго образованія,—

къ чему призванъ я,—на что посвящаю бытіе мое. Движимый таковымъ стремленіемъ я наиболѣе обращалъ здѣсь вниманіе на различіе методовъ англійскихъ, собралъ и приспособлялъ ихъ къ практическимъ моимъ занятіямъ, — и въ таковомъ предположеніи старался я усовершенствовать себя въ литтературныхъ познаніяхъ англійскаго языка. Осмѣливаюсь прибавить къ этому, что въ надеждахъ моихъ поддерживала меня и та мысль, что я могу имѣть пособіе со стороны моего дяди, протоіерея Смирнова въ Лондонѣ, каковое пособіе при таможней дороговизнѣ и національныхъ обычаяхъ необходимо. При таковыхъ предположеніяхъ, увидѣвъ преграду, положенную мнѣ рѣшеніемъ совѣта въ Харьковскомъ университетѣ, ничего не остается болѣе, какъ прибѣгнуть къ начальническому покровительству вашего сіятельства и просить объ отправленіи меня первоначально въ Англію на полтора года и послѣ того на таковое же время въ Германію, дабы, сообразно цѣли и назначенію моему, могъ я окончить курсъ существенныхъ частей медицины въ томъ и другомъ мѣстѣ. А при столь медленномъ теченіи моего дѣла, болѣе года уже продолжающагося, позвольте, сіятельный князь, присовокупить нижайшую просьбу объ ускореніи отправленія моего въ Англію—къ чему наступающая весна и лѣто могли бы быть самымъ благопріятнымъ временемъ. Благоволите, сіятельный князь, обратить вниманіе на того, кто со всею готовностію ищетъ путей къ дальнѣйшему усовершенствованію во врачебныхъ познаніяхъ и всего себя посвящаетъ на то, дабы воздать должную жертву благодарности мѣсту первоначальнаго его образованія".

Министръ уважилъ его ходатайство и разрѣшилъ отправиться сначала въ Англію, а потомъ въ Германію и при томъ на 3 года съ содержаніемъ по 4000 руб. въ годъ. Однако дѣло отправленія замедлилось и Гнѣдичъ обратился съ ходатайствомъ объ ускореніи его къ попечителю.

„Его сіятельство господинъ министръ просвѣщенія князь Голицынъ, писалъ онъ попечителю, основываясь на довѣренности Харьковскаго университета и на лестныхъ отзывахъ здѣшняго моего начальства, предложилъ университету отправить меня въ чужіе края для дальнѣйшаго усовершенствованія во врачебныхъ познаніяхъ. Осмѣливаюсь сказать, что пріобрѣтеніе этихъ новѣйшихъ свѣдѣній въ чужихъ краяхъ, съ тѣмъ чтобы послѣ перенести ихъ въ нѣдро любезнаго мнѣ мѣста первоначальнаго моего образованія—было всегда единственнымъ моимъ желаніемъ, и я ласкалъ себя тою пріятнѣйшею надеждою, что, при благотворномъ содѣйствіи высшаго начальническаго покровительства, скоро достигну вожделѣнной цѣли своей; но въ продолженіи осьмнад-

цати почти мѣсяцевъ—послѣ трехкратнаго со стороны его сіятельства господина министра предложенія университету объ отправленіи меня,—къ прискорбію не вижу конца моему дѣлу. Отношеніе вашего превосходительства отъ 27 апрѣля этого года къ его сіятельству господину министру о данномъ университету предписаніи вступить въ надлежащее распоряженіе касательно моего вояжа подало мнѣ великую надежду къ скорѣйшему исполненію моихъ желаній. Но какъ со времени полученія этого отношенія истекъ уже почти мѣсяцъ и я не имѣю никакого свѣдѣнія о теченіи моего дѣла, между тѣмъ, какъ наступившее лѣто представляетъ самое благопріятное время для отправленія въ Англію, дабы, сообразно цѣли моей, начать курсъ наукъ съ 1 ноября въ Эдинбургѣ, и когда я не вижу необходимости оставаться далѣе въ С.-Петербургѣ, послѣ 3-хъ лѣтнихъ занятій теоріею и практикою, до врачебной части относящеюся, боюсь, дабы чрезъ таковую медленность въ теченіи моего дѣла—медленность, которую я столь много терпѣлъ, смѣю сказать, не видя на то достаточныхъ причинъ—боюсь, дабы не потерять драгоцѣннаго и самаго благопріятнаго для отправленія времени.

Ваше превосходительство, жертвуя и спокойствіемъ своимъ, и своими личными выгодами для пользы университета, безъ сомнѣнія примете во вниманіе столь справедливыя причины посвящающаго себя на пользу того же мѣста и преклонитесь на всенижайшую просьбу единаго изъ питомцевъ ввѣреннаго вамъ святилища наукъ, умоляющаго ваше превосходительство объ ускореніи и приведеніи къ надлежащему концу дѣла его. Та же истинная польза отечества и университета, которая движетъ духъ мой въ моихъ преднамѣреніяхъ, поселила во мнѣ смѣлость отнестись непосредственно къ вашему превосходительству съ полною увѣренностію и надеждою на благосклонность и начальническое покровительство вашего превосходительства".

Нѣсколько времени спустя онъ обратился съ этимъ же ходатайствомъ и къ министру, которому 4 августа 1818 года писалъ.

„Движимый непреоборимымъ желаніемъ къ пріобрѣтенію врачебныхъ свѣдѣній въ чужеземныхъ странахъ, и имѣлъ особенное счастіе получить отъ вашего сіятельства и милостивое соизволеніе на путешествіе мое, и назначеніе времени и мѣстъ, съ опредѣленіемъ приличнаго содержанія въ продолженіи трехлѣтняго моего путешествія въ чужихъ краяхъ. Чувствуя въ полной мѣрѣ столь богатое изліяніе на меня милостей—оставался я въ спокойномъ ожиданіи исполненія начальнической воли вашего сіятельства въ Харьковскомъ университетѣ. Но съ прискорбіемъ видя, что каждый проходящій день уноситъ пріятныя мои надежды и удаляетъ меня отъ вожделѣнной цѣли, видя, что всѣ ста-

ранія, со стороны моей предпріятія, всѣ письменныя просьбы объ ускореніи дѣла моего въ университетѣ, касательно путешествія, остаются безъ успѣха, еще осмѣливаюсь представить вашему сіятельству затрудненное мое положеніе. Невознаградимая потеря времени будетъ плодомъ дальнѣйшаго моего здѣсь пребыванія, ибо чрезъ мѣсяцъ, какъ извѣстно, не представится уже удобства къ отъѣзду въ Англію. Въ такомъ положеніи мнѣ ничего не остается, какъ подвергнуть себя благотворительной волѣ и начальническому покровительству вашего сіятельства".

По требованію министра отъ Харьковскаго университета ему послана была слѣдующая инструкція, составленная медицинскимъ факультетомъ.

1. Заниматься практическою анатоміею и посѣщать публичныя лекціи.

2. Стараться узнать наилучшіе составы массъ для коллекцій проведенныхъ сосудовъ, массъ, въ Англіи употребительныхъ.

3. Научиться дѣлать препараты частныхъ органовъ, какъ напримѣръ, органа зрѣнія, слуха, testiculorum и другихъ важнѣйшихъ.

4. Замѣчать лучшіе анатомическіе кабинеты, искуснѣйшихъ анатомиковъ и классическія сочиненія, по этой части въ Англіи употребительнѣйшія.

5. Какою формою теперь преподается физіологія въ Англіи и какія почитаются послѣ Куллена и Грегори изъ новѣйшихъ классическими по этой части сочиненіями.

6. Заниматься хирургіею и теоретическою, и практическою, а посему и всѣ операціи хирургическія да будутъ предметомъ вашимъ.

7. Замѣтить методы всѣхъ операцій, въ Англіи наиупотребительнѣйшіе, инструменты и перевязки, если только они будутъ отличны отъ принятыхъ доселѣ въ другихъ частяхъ Европы.

8. Замѣтить лучшіе хирургическіе кабинеты искуснѣйшихъ по этой части операторовъ; лучшія въ Англіи изъ новѣйшихъ сочиненія и по этой части лучшихъ инструментальныхъ мастеровъ.

9. Не оставлять безъ вниманія и другихъ частей медицины и особенно тѣхъ, къ коимъ вы имѣете особенную охоту и природную наклонность.

10. Обратить все вниманіе на методы лѣченія золотухи и аглицкой болѣзни, также и скорбута.

11. Буде же встрѣтятся какія-либо важныя въ Англіи открытія, касающіяся вообще до медицины, о таковыхъ въ донесеніяхъ иxъ совѣту упоминать.

12. Каждую треть года доносить совѣту о вашемъ мѣстопребываніи и занятіяхъ.

13. По возвращеніи вашемъ изъ чужихъ странъ въ Харьковскій университетъ обязаны вы представить протоколъ записокъ по обоимъ предметамъ относительно артикуловъ 2, 3, 4, 5, 7, 8, 10 и 11-го.

Изъ Лондона Гнѣдичъ 19 октября 1818 года прислалъ на имя министра новое просительное письмо, въ которомъ ходатайствовалъ о прибавкѣ къ его содержанію еще одной тысячи рублей ассигнаціями.

„Увидѣвъ себя при непосредственномъ покровительствѣ вашего сіятельства, достигнувшимъ вожделѣнной цѣли, къ которой стремился жаждущій образованія въ странахъ чуждыхъ духъ мой, не могу я воздать достойную жертву благодарности, но мѣрѣ признательныхъ чувствованій къ благотворному начальническому покровительству вашего сіятельства. Сообразно волѣ вашего сіятельства и собственному желанію я оставилъ С.-Петербургъ 31-го августа и, отправившись изъ Кронштадта 12 сентября на кораблѣ, благополучно прибылъ въ Лондонъ 28 сентября. По прибытіи въ Лондонъ, первое мое дѣло состояло въ томъ, чтобы отыскать мѣсто, способное для практическаго изученія англійскаго языка, но благодаря пособію моего дяди протоіерея Смирнова, я недолго затруднялся въ отыскиваніи таковаго мѣста и 15 октября поступилъ въ академію извѣстнаго здѣсь Багшо (Bagschaw), въ разстояніи на 7 миль отъ Лондона, гдѣ предполагаю остаться до 1 генваря слѣдующаго года, дабы, сообразно здѣшнимъ положеніямъ, съ этого времени начать курсъ медицинскихъ лекцій у извѣстнѣйшихъ профессоровъ, присоединивъ къ тому посѣщеніе госпиталей,—до того времени не могу я съ особенною пользою заниматься собственною моею частію, сколько потому, что посѣщеніе лекцій требуетъ основательнѣйшаго и практическаго знанія англійскаго языка, столько и потому, что Харьковскій университетъ не опредѣлилъ еще въ точности тѣхъ частей медицины, которыя должны составлять главный предметъ моихъ занятій. Предположивъ во мнѣ знаніе англійскаго языка и незнаніе частей медицины, коими я долженъ заниматься—посѣщеніе лекцій въ продолженіе этого времени составило бы для меня хотя не излишнее занятіе, но совершенно излишнія издержки по причинѣ того, что курсъ лекцій начался въ сентябрѣ, значительная часть ихъ пройдена и для полноты науки я необходимо долженъ былъ бы или выжидать вторичнаго начала курса, или платить дорогую цѣну за приватные уроки, ежели бы еще то возможно было.

Я не осмѣливаюсь при этомъ излагать вашему сіятельству подробнымъ образомъ обстоятельствъ касательно здѣшней дороговизны. Осмѣ-

ливаюсь скромнымъ образомъ упомянуть о томъ, что путевыя издержки отъ С.-Петербурга до Гревзенда, находящагося въ разстояніи на 22 мили или 30 верстъ отъ Лондона, стоятъ мнѣ 20 фунтовъ стерлинговъ съ лишнимъ (болѣе 400 руб.); отъ Гревзенда до Лондона путевыя издержки простираются до 5 ф. стерлинговъ (около 100 руб.); причиною столь значительной суммы является между прочимъ и то, что пріѣзжающаго останавливаютъ на каждыхъ почти трехъ миляхъ и требуютъ отъ него платы при каждой заставѣ—на что пріѣзжающій въ первый разъ иностранецъ, осмѣливаюсь думать, будетъ смотрѣть не безъ удивленія. При этомъ не могу я безъ чувствительнаго раскаянія въ неосторожномъ поступкѣ моемъ признаться вашему сіятельству, что, сдѣлавши переводъ оклада, полученнаго мною бумажками на золото въ С.-Петербургѣ, и принявъ каждый червонецъ въ 10 руб. 85 коп., не могу за каждый изъ нихъ получить здѣсь болѣе 9 шиллинговъ (9 руб.) и чрезъ то теряю вдругъ болѣе 650 рублей. Соображая поэтому дороговизну здѣшней жизни и необходимыя издержки при посѣщеніи лекцій, госпиталей и проч., взявъ равно во вниманіе понесенный при переводѣ уронъ—предвижу совершенную невозможность удовлетворить въ полной мѣрѣ собственному желанію на пріобрѣтеніе свѣдѣній и предназначенію университета, а хотя бы мой окладъ на этотъ конецъ и былъ еще достаточенъ, но недостаточенъ будетъ для того, чтобы предпринять отправленіе въ Шотландію въ продолженіе нынѣшняго же года и, слѣдовательно, на счетъ этой же суммы. Благоволите, сіятельный князь, обратить начальническое вниманіе на изложенныя обстоятельства — и назначенный годовой окладъ увеличить прибавкою 50 ф. стерлинговъ (1000 руб.), дабы я могъ послѣ того оправдать себя въ полной мѣрѣ предъ лицемъ вашего сіятельства и удовлетворить предназначенію своему, можетъ быть болѣе, нежели сколько налагаетъ на меня моя обязанность и моя совѣсть".

Ходатайство это съ своей стороны подкрѣпилъ дядюшка его священникъ Смирновъ, который писалъ министру.

„Недѣли за три предъ симъ лордъ Гильфордъ самъ вручилъ мнѣ письмо, которымъ ваше сіятельство изволили меня удостоить отъ 14 числа прошедшаго іюля. Этотъ почтенный лордъ не находитъ словъ, достаточныхъ къ выраженію своей признательности и благодарности за отличный пріемъ, сдѣланный ему въ Россіи, а наипаче въ С.-Петербургѣ, что онъ по всей справедливости относитъ къ милостивому вашего сіятельства снисхожденію и усердному желанію содѣйствовать предположенной имъ цѣли, т. е. заведенію училищъ въ Іонническихъ островахъ и преподаванію богословія на основаніи истиннаго греческаго

закона. О духовной нашей академіи, о порядкѣ въ семинаріи, о матеріалахъ и трудахъ посвятившаго себя сочиненію церковной исторіи говоритъ онъ съ великимъ уваженіемъ и восхищеніемъ. Словомъ, Россія ему столь понравилась, что онъ, съѣздивъ на Іоническіе острова и положивъ начало училищамъ, надѣется еще однажды побывать въ С.-Петербургѣ, чтобы воспользоваться просвѣщеніемъ нашихъ ученыхъ мужей для надлежащаго утвержденія заведеній. Дней за десять передъ этимъ онъ отправился черезъ Францію въ Корфу для приведенія въ дѣйствіе своего намѣренія, столь вожделѣннаго для жителей Іоническихъ острововъ. Не знаю, могу ли я осмѣлиться при этомъ же случаѣ принести вашему сіятельству чувства благодарнѣйшаго моего сердца за столь отличную пріязнь и благосклонность, оказанную этому почтенному и благонамѣренному лорду и старому моему пріятелю. Кромѣ этого я еще долгъ имѣю принести вашему сіятельству искреннѣйшую мою благодарность за милостивое доставленіе случая моему племяннику штабъ-лѣкарю Гнѣдичу побывать въ Англіи. Онъ прибылъ сюда сентября 28 числа; вступилъ уже въ хорошую школу или пансіонъ мѣсяца на два для пріобрѣтенія надлежащаго знанія въ практикѣ англійскаго языка, безъ чего было бы для него совершенно вотще слушать лекціи, кои преподаются на англійскомъ языкѣ, и слушатель безъ пользы теряетъ и время и деньги, если не можетъ удобно понимать профессорскихъ объясненій. Я не упущу доставить ему способы видѣть лучшіе здѣшніе анатомическіе, натуральной исторіи и другіе кабинеты, госпитали и прочія заведенія. Что же касается до слушанія разныхъ лекцій и практики въ госпиталяхъ, то поелику всѣ лучшія заведенія этого рода принадлежатъ частнымъ людямъ, либо заведены подпискою ихъ, то и разумѣется, что при входѣ въ каждое изъ этихъ мѣстъ требуется плата, въ иныхъ довольно значительная: примѣрно, за позволеніе ходить въ госпиталь съ намѣреніемъ участвовать въ практикѣ требуется 20 гиней, т. е. 21 фун. стерлинговъ или около 420 рублей, почему и возможность пользоваться ему этими выгодами больше или меньше будетъ зависѣть отъ его оклада".

Самъ Гнѣдичъ присоединилъ къ вышеизложенному ходатайству еще слѣдующій отчетъ о своихъ занятіяхъ, направленный опять таки непосредственно къ министру народнаго просвѣщенія.

„Простите смѣлому предпріятію, писалъ онъ тамъ, подвергнуть себя непосредственно начальнической волѣ и вниманію вашего сіятельства. Чувство благодарности къ единственному виновнику счастія—существенная причина, побуждающая представить нынѣ вашему сіятельству и ходъ моихъ занятій, и мое положеніе. Сообразно плану, какимъ

руководствоваться обязанъ я во время моего пребыванія въ чужихъ краяхъ, дабы по истеченіи четырехмѣсячнаго срока давать отчетъ Харьковскому университету въ моихъ занятіяхъ, я осмѣлился при этомъ случаѣ представить его вашему сіятельству въ маломъ видѣ. Почти съ половины октября до послѣднихъ чиселъ декабря истекшаго года, единственное мое занятіе состояло въ англійскомъ языкѣ. Я занимался имъ въ академіи, отстоящей отъ Лондона на 7 миль; объ успѣхахъ моихъ и о томъ, какъ я употреблялъ свое время, свидѣтельствуетъ видъ, полученный мною отъ моего учителя, который препровождаю нынѣ въ Харьковскій университетъ вмѣстѣ съ прочими аттестатами академіи и медицинской экспедиціи морского министерства. 2-го генваря имѣлъ я случай обозрѣть огромный королевскій хирургическій кабинетъ (Royal College) и описаніе предметовъ, заслуживающихъ особеннаго вниманія въ немъ, постараюсь сообщить въ скорости Харьковскому университету. 6 генваря я началъ слушать курсъ медицинскихъ лекцій въ Лондонѣ по изложенному здѣсь плану.

1. Курсъ лекцій практической медицины съ приложеніемъ законовъ животной экономіи, терапіи, врачебнаго веществословія и судебной медицины у именитаго доктора Пирсона, главнаго врача при госпиталѣ Сенъ-Жоржъ.

2. Курсъ анатоміи, физіологіи, патологіи и хирургіи у профессора Вильсона и извѣстнаго Чарльсъ-Белля въ анатомическомъ театрѣ.

3. Курсъ теоретической и практической хирургіи у г-на Бреди, помощника хирурга при госпиталѣ Сенъ-Жоржъ.

4. Анатомическія показанія на субъектахъ у прозектора Шоа въ анатомическомъ театрѣ.

5. Курсъ химіи у знаменитѣйшаго химика Бренда, въ королевскомъ институтѣ (Royal Institution).

6. Посѣщеніе больныхъ въ госпиталѣ С.-Жоржъ буду продолжать до 1 февраля съ тѣмъ предположеніемъ, дабы, познакомившись со способомъ лѣченія и учрежденіями, до госпиталя касающимися, съ того времени принять извѣстное число больныхъ подъ собственный мой призоръ и лѣченіе. Курсъ лекцій будетъ продолжаться до послѣднихъ чиселъ мая. Курсъ лекцій безъ госпиталя стоитъ 20 ф. стерлинговъ (400 р.). Лѣченіе больныхъ въ госпиталѣ въ продолженіе 6-ти мѣсяцевъ будетъ стоить 16 гиней (336 руб.). Въ августѣ мѣсяцѣ, сообразно плану для путешествія, долженъ буду отправиться въ Эдинбургъ. Но я съ прискорбіемъ осмѣливаюсь объяснить вашему сіятельству слѣдующее. Время пребыванія моего въ Лондонѣ слишкомъ кратко для того, чтобы обозрѣть всѣ заведенія, до медицины касающіяся съ такимъ внима-

ніемъ, какого важность предметовъ требовать можетъ, и еще короче, для того, дабы подробнѣйшее объ нихъ свѣдѣніе сообщить можно было во всей точности мѣсту, которому я обязанъ давать отчетъ. Усматривая въ томъ ощутительнѣйшую пользу, я осмѣливаюсь просить ваше сіятельство, да будетъ благоволено, по окончаніи курса моихъ наукъ въ Эдинбургѣ, возвратиться въ Лондонъ по крайней мѣрѣ на 4 мѣсяца, заимствуя время это отъ назначеннаго для Германіи полуторогодичнаго пребыванія. Второе обстоятельство—одно изъ тѣхъ, которое наиболѣе можетъ удалить меня отъ моей цѣли и положить преграду моему желанію быть полезнымъ отечеству. Это—недостаточность содержанія! Это обстоятельство не можетъ быть ощутительно тому, кто не вошелъ въ образъ жизни и обычаи англичанъ. Сколько мнѣ извѣстно, то исключая британскій музеумъ (the British Museum) и королевскій хирургическій кабинетъ (Royal College of Surgeons), всѣ прочія заведенія, дабы обозрѣвать ихъ, требуютъ взаимной дани—платы. Это причина—побуждающая меня еще сдѣлать легкое напоминаніе о прошеніи, которымъ я осмѣливался утруждать ваше сіятельство за 3 мѣсяца предъ этимъ. Простите, сіятельнѣйшій князь, откровенному языку, ибо кто наиболѣе можетъ содѣйствовать теперь въ моихъ намѣреніяхъ и дать ходъ моимъ, осмѣливаюсь сказать, алчнымъ желаніямъ быть полезнымъ отечеству, ежели не благодѣтельное вашего сіятельства начальническое покровительство. А при этомъ позвольте, сіятельнѣйшій князь, въ продолженіи моего путешествія, хотя изрѣдка сообщать свѣдѣнія, по мѣрѣ возможности моихъ силъ и моихъ знаній, непосредственному вниманію вашего сіятельства. Милостивое соизволеніе на это будетъ наиболѣе воодушевлять меня въ моихъ занятіяхъ и подастъ способъ быть достойнымъ той довѣренности, которою ваше сіятельство удостоить меня благоволили, отправивъ меня въ чужіе края".

Министръ препроводилъ ходатайство Гнѣдича на заключеніе попечителя, а попечитель запросилъ по этому поводу отзыва совѣта. Совѣтъ университета, основываясь на томъ, что расходы по содержанію казеннокоштныхъ студентовъ медиковъ, кандидатовъ и двухъ лицъ, командированныхъ для изученія медицины, далеко превысили смѣту, рѣшительно высказался противъ прибавки содержанія Гнѣдичу; но попечитель, исходя изъ того, что раньше когда то были остатки по статьѣ о командировкахъ, высказался въ пользу единовременной выдачи Гнѣдичу пятой тысячи рублей. Министръ согласился съ мнѣніемъ попечителя. 26 февраля 1819 года Гнѣдичъ обратился къ министру народнаго просвѣщенія съ новымъ ходатайствомъ о продленіи срока пребыванія въ Англіи.

„Чувствую въ полной мѣрѣ, сколь много съ перваго даже начала моего отправленія въ чужіе края, осмѣливался я утруждать ваше сіятельство частыми моими отношеніями, но настоящее мое положеніе наиболѣе требуетъ того, дабы вновь прибѣгнуть къ начальническому покровительству вашего сіятельства и просить обратить вниманіе на обстоятельства, которыя изложить осмѣливаюсь. Основываясь на одномъ изъ отношеній Харьковскаго университета къ вашему сіятельству касательно моего отправленія въ чужіе края, гдѣ объяснено было, дабы я, въ продолженіи моего путешествія, занимался всѣми существенными частями медицины, и руководствуясь частными ко мнѣ письмами нѣкоторыхъ профессоровъ этого университета, назначившихъ предметами моихъ занятій въ особенности паталогію, терапію, клиническія посѣщенія, семіотику и діэтетику, я, вслѣдствіе этого, не предполагая могущей случиться перемѣны плана въ моихъ занятіяхъ, съ первыхъ чиселъ генваря этого года, обратилъ все свое вниманіе въ Лондонѣ преимущественно на упомянутыя части медицины, и вслѣдствіе этого издержалъ 38 ф. стерлинговъ (760 руб.), дабы пользоваться правомъ посѣщать больныхъ въ госпиталѣ Сенъ-Жоржъ, пользовать ихъ и слушать лекціи, исчисленныя въ моемъ донесеніи, которое я имѣлъ честь отправить къ вашему сіятельству отъ 12 генваря сего года. Но къ неожиданному затрудненію моихъ обстоятельствъ, я получилъ 14 февраля этого года отправленное ко мнѣ медицинскимъ факультетомъ Харьковскаго университета наставленіе отъ 18 ноября прошлаго года, котораго первый и главнѣйшій пунктъ состоитъ въ томъ, дабы я во все продолженіе моего путешествія занимался единственно анатоміею и хирургіею во всей обширности этихъ наукъ. Считая непремѣннѣйшею моею обязанностію сообразоваться во всемъ съ назначеніемъ медицинскаго факультета и употребить всевозможнѣйшія усилія, клонящіяся къ удовлетворенію въ полной мѣрѣ таковому назначенію—сверхъ того глубоко чувствуя самъ въ себѣ всю важность таковаго назначенія, тѣмъ болѣе, что оно предполагаетъ очевиднымъ образомъ существенную необходимость усовершенствованія этихъ двухъ частей въ Харьковскомъ университетѣ, осмѣливаюсь присовокупить и самъ, что нѣтъ болѣе источниковъ, нѣтъ обильнѣе средствъ для достиженія возможнаго совершенства по этимъ частямъ, какъ въ Лондонѣ, гдѣ обѣ эти науки доведены до высочайшей степени совершенства. Не взирая однако же ни на эти драгоцѣнныя выгоды, ни даже на важность данняго мнѣ наставленія, которымъ долженъ я руководствоваться—осмѣливаюсь донести вашему сіятельству, что я не въ состояніи теперь ему послѣдовать. Сіятельнѣйшій князь! Если мнѣ будетъ позволено объяснить, что я теперь

на половинѣ курса моихъ лекцій, когда анатомическія и хирургическія лекціи также на половинѣ и во всѣхъ другихъ мѣстахъ въ Лондонѣ, что весьма немного остается времени пользоваться субъектами, нужными для анатомическихъ препаратовъ и диссекцій, ибо чрезъ два съ половиною мѣсяца прекратятся лекціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и возможность заниматься практическою анатоміею, если мнѣ будетъ позволено повторить, что я употребилъ уже значительныя издержки для настоящихъ моихъ лекцій, дабы слушать ихъ до послѣднихъ чиселъ мая, что поступилъ въ госпиталь Сенъ-Жоржъ и выплатилъ сумму, потребную для того, дабы заниматься въ немъ въ продолженіи 6-ти мѣсяцевъ, тогда когда новыхъ издержекъ, какихъ требуютъ анатомія и хирургія, я дѣлать уже не въ состояніи и даже не имѣю столько, чтобы содержать себя до послѣднихъ чиселъ августа, то изъ этого нельзя ли усмотрѣть, что перемѣна плана моихъ занятій въ это время ни къ чему болѣе послужить не можетъ, какъ только къ недостаточности успѣховъ во всѣхъ частяхъ медицины и что большая половина употребленныхъ мною издержекъ будетъ совершенно потеряна, ибо, занявшись съ этого времени анатоміею и хирургіею, я долженъ оставить прочія части, стоющія значительныхъ издержекъ, недоконченными. Поэтому я вынужденнымъ себя нахожу продолжать начатые мною предметы до ихъ окончанія. А какъ въ сентябрѣ этого года начинается вновь курсъ медицинскихъ наукъ, и какъ я уже имѣлъ честь объяснить, что въ Лондонѣ несравненно больше пособій для практической анатоміи и хирургіи, нежели въ другихъ мѣстахъ, то совершенное выполненіе моей обязанности и каждаго изъ данныхъ мнѣ правилъ требуетъ непремѣнно того, 1) чтобы остаться еще на одинъ годъ въ Лондонѣ, а поэтому продолжить мое пребываніе въ чужихъ краяхъ еще одинъ годъ, вмѣсто того, чтобы отправиться къ сентябрю въ Эдинбургъ; 2) а такъ какъ анатомія въ частности требуетъ особенныхъ издержекъ по причинѣ потребности анатомическихъ субъектовъ, которые здѣсь покупаются очень дорого, а цѣна для хирургической практики превышаетъ даже вѣроятіе, ибо занимающійся перевязкою больныхъ въ госпиталѣ Сенъ-Томасъ обязанъ заплатить въ годъ 50 ф. стерлинговъ (1000 р.), то очевидно, что надлежащее выполненіе моихъ обязанностей, въ которыхъ послѣ я долженъ дать отчетъ, требуетъ увеличенія оклада, о чемъ и теперь извѣщаю медицинскій факультетъ Харьковскаго университета. Сіятельный князь! Благоволите обратить начальническое вниманіе на изложенныя здѣсь обстоятельства и продлить мое пребываніе въ Лондонѣ еще на одинъ годъ съ означеннымъ окладомъ, увеличивъ его по крайней мѣрѣ 50 фун. стерлинговъ (1000 рублей). Это можетъ раз-

рѣшить единственно воля и начальническое покровительство вашего сіятельства".

Письмо это было прислано министромъ народнаго просвѣщенія черезъ попечителя въ Харьковскій университетъ, который, разсмотрѣвъ всѣ обстоятельства дѣла, нашелъ, что Гнѣдичъ долженъ былъ придерживаться данной ему инструкціи и, назначивъ ему еще 1000 р. (кромѣ ассигнованной министромъ) на переѣздъ изъ Лондона въ Эдинбургъ, требовалъ, чтобы онъ въ указанный ранѣе срокъ отправился въ Германію. Медицинскій факультетъ указывалъ между прочимъ на слѣдующія обстоятельства.

„Въ 1818 году, на основаніи предложеній вашего превосходительства и его сіятельства господина министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія о составленіи въ самоскорѣйшемъ времени инструкціи для его, Гнѣдича, отправившагося уже въ Англію, факультетъ, принимая въ разсужденіе, что Англія славится различными заведеніями и всѣми пособіями для анатоміи и хирургіи, въ составленной подробной инструкціи назначилъ ему, Гнѣдичу, заниматься преимущественно означенными частями медицины. Изъ рапорта его, Гнѣдича, присланнаго въ факультетъ изъ Лондона отъ 16-го генваря сего 1819 года явствуетъ, что онъ началъ слушать у знаменитыхъ тамошнихъ профессоровъ курсъ анатоміи, физіологіи, патологіи, хирургіи теоретической и практической, и сверхъ того заниматься демонстраціями, анатоміею въ анатомическомъ театрѣ, каковыя занятія его, Гнѣдича, какъ не противныя ни первой, ни другой изъ данныхъ ему инструкцій, факультетомъ и были одобрены. Но изъ другого рапорта его, Гнѣдича, отъ 26-го февраля 1819 года видно, что онъ перемѣнилъ помянутое выше первое свое распоряженіе, и исключивъ изъ занятій своихъ анатомію и хирургію, какъ главнѣйшія изъ медицинскихъ наукъ и истинныя подпоры ихъ, прилежнѣе всего занимается семіотикой, патологіей, діэтетикой, терапіей и клиникой, каковой перемѣнѣ, учиненной Гнѣдичемъ въ занятіяхъ своихъ, помянутый факультетъ не можетъ не удивляться и ему непонятно, отъ чего произошло это противорѣчіе въ занятіяхъ его, и какимъ образомъ вторая инструкція, гдѣ анатомія и хирургія ему назначены были, могла ему, начавшему уже прежде въ Лондонѣ заниматься хирургіею и анатоміею, причинить какое-либо затрудненіе и умножить издержки. Поэтому факультетъ, по соображеніи всего вышеописаннаго, полагаетъ, чтобы онъ, Гнѣдичъ, по окончаніи начатаго имъ уже курса въ Лондонѣ, отправился въ Эдинбургъ, какъ онъ и самъ въ первомъ своемъ рапортѣ давалъ знать, и тамъ занимался бы анатоміею и хирургіею, тѣмъ болѣе, что и воспитанники С.-Петербургской

медико-хирургической академіи, находящіеся въ чужихъ краяхъ, туда отправлены; по окончаніи же курса въ Эдинбургѣ, чтобы онъ, Гнѣдичъ, отправился въ назначенныя ему въ Германіи мѣста: а относительно просимой имъ, Гнѣдичемъ, прибавки жалованья, факультетъ предоставляетъ распорядиться объ этомъ высшему начальству".

Совѣтъ, утвердивъ это донесеніе медицинскаго факультета и принимая во вниманіе, что въ Эдинбургѣ не такая большая дороговизна, какъ въ Лондонѣ, положилъ выдать ему, Гнѣдичу, еще 1000 руб. для путешествія его изъ Лондона въ Эдинбургъ и изъ Эдинбурга въ Германію.

Попечитель съ своей стороны одобрилъ это рѣшеніе совѣта, ибо этому послѣднему лучше всего извѣстно, какими науками необходимо спеціально заниматься Гнѣдичу.

Министръ черезъ посла въ Лондонѣ князя Ливена сдѣлалъ замѣчаніе Гнѣдичу по поводу его отступленія отъ инструкціи, данной Харьковскимъ университетомъ. Гнѣдичъ далъ послу письменныя разъясненія, въ которыхъ повторялъ то, что писалъ министру, но прибавлялъ впрочемъ, что онъ будетъ считать своею непремѣнною обязанностью сообразоваться впредь съ инструкціей.

Изъ Эдинбурга Гнѣдичъ снова прислалъ министру письмо, въ которомъ кратко сообщалъ о своихъ занятіяхъ и просилъ о переводѣ ему денегъ.

„Глубокая признательность къ благодѣяніямъ вашего сіятельства, писалъ онъ князю А. Н. Голицыну, и начальническое покровительство ваше — это причины, внушающія смѣлость объяснить вашему сіятельству мое положеніе и просить обратить вниманіе на обстоятельства, здѣсь изложенныя. Окончивъ курсъ моихъ наукъ въ Лондонѣ и употребивъ нѣкоторое время на обозрѣніе тамошнихъ богатыхъ музеевъ съ ощутительною пользою, я прибылъ къ началу курса моихъ лекцій въ Эдинбургъ и въ среднихъ числахъ октября приступилъ къ слушанію ихъ сообразно моему назначенію. Что было здѣсь для меня ново и заслуживало, по вліянію на медицину, особеннаго вниманія—я о томъ сообщилъ подробно совѣту Харьковскаго университета. Немедленно по окончаніи курса лекцій въ Эдинбургѣ, я предполагаю, сообразно инструкціи, отправиться въ Германію и первоначально въ Геттингенъ съ тѣмъ, дабы выслушать курсъ лекцій въ тамошнемъ университетѣ и потомъ къ 1 сентября этого же года отправиться изъ Геттингена въ Вѣну къ началу курса лекцій въ этой столицѣ. Объ этомъ моемъ предположеніи перемѣнить мѣстопребываніе я доносилъ совѣту университета отъ 11-го ноября прошлаго года, сообразно 12 пункту данной мнѣ инструкціи. Я доносилъ въ то же время и о томъ, что имѣлъ честь по-

лучить 2000 руб., изъ коихъ 1000 р. предназначена мнѣ въ единовременную выдачу, а другая — для путешествія моего изъ Лондона въ Эдинбургъ и изъ Эдинбурга въ Германію. Въ томъ же донесеніи отъ 11-го ноября я просилъ совѣтъ университета о переводѣ въ Лондонъ моего оклада, который слѣдовало мнѣ получить еще въ сентябрѣ прошлаго года; но не получая его долгое время, я былъ въ необходимости просить Лондонское посольство о выдачѣ мнѣ взаймы 60 ф. стерлинговъ (1500 рублей по нынѣшнему курсу) до полученія оклада. Предполагая, что окладъ мой не будетъ переведенъ до времени моего отправленія изъ Эдинбурга въ Германію, и что я буду въ необходимости вторично просить Лондонское посольство о выдачѣ взаймы суммы, не превосходящей оклада мнѣ слѣдуемаго—осмѣливаюсь просить ваше сіятельство о назначеніи правленію Харьковскаго университета перевести окладъ слѣдуемый мнѣ съ 1-го сентября 1819 г. по 1-е сентября 1820 г. на имя Лондонскаго посольства въ Лондонѣ, а окладъ, слѣдуемый мнѣ съ 1-го сентября этого года по 1-е сентября 1821 г., перевести къ сентябрю этого года въ Вѣну, гдѣ я предполагаю быть къ тому времени непремѣнно".

Окончивъ свое ученое путешествіе, Гнѣдичъ сообщилъ о результатахъ его министру народнаго просвѣщенія и просилъ о назначеніи его преподавателемъ въ Харьковскій университетъ по анатоміи, хирургіи или патологіи.

„Окончивъ трехлѣтнее мое путешествіе въ чужихъ краяхъ и возвратясь въ отечество, первымъ долгомъ поставляю изъявить вамъ, сіятельнѣйшій князь, признательныя чувствованія благодарнаго сердца, какъ виновнику событія, для меня благотворнаго. Примите, сіятельнѣйшій князь, жертву благодарности, съ каждымъ днемъ и съ каждымъ новымъ пріобрѣтеніемъ возраставшую въ глубинѣ души моей. Приготовляя себя всегда къ важнѣйшей цѣли быть полезнымъ отечеству чрезъ пріобрѣтенныя въ чужихъ краяхъ познанія — я никогда не упускалъ случаевъ, дабы пользоваться всѣмъ, что есть новаго, важнѣйшаго и полезнѣйшаго. Успѣлъ ли я въ этомъ—рѣшитъ время. Я осмѣливаюсь по крайней мѣрѣ сказать, что все видѣнное и слышанное мною по моей части, если только оно заслуживало вниманія, было мною замѣчаемо, излагаемо на бумагу или вносимо въ ежедневный мой журналъ, который велъ я въ продолженіе трехъ лѣтъ. Исключивъ значительное число наилучшихъ новѣйшихъ сочиненій, кои не находятся еще на русскомъ языкѣ и кои старался я имѣть въ Лондонѣ, Эдинбургѣ, Парижѣ, Вѣнѣ и Берлинѣ—я имѣю манускрипты всѣхъ профессоровъ, у коихъ слушалъ лекціи, не упустилъ запастись и нѣкоторыми инструментами,

сколько позволяли обстоятельства. Кромѣ анатоміи и хирургіи вообще я занимался въ особенности нѣкоторыми вѣтвями этихъ наукъ, гдѣ имѣлъ возможность. Въ Эдинбургѣ занимался я особенно хирургическою анатоміею, въ Вѣнѣ—окулистикою, въ англійскихъ музеяхъ—патологическою анатоміею, въ Берлинѣ слушалъ физіологію у наилучшаго профессора физіологіи Корефа. Въ продолженіе путешествія видѣлъ около 250 операцій, производство коихъ вносилъ въ журналъ, если оно было ново или разнилось отъ другихъ извѣстныхъ методовъ. При всѣхъ занятіяхъ я соображался съ данною мнѣ инструкціею, давалъ отчеты совѣту Императорскаго Харьковскаго университета каждую треть года; не упускалъ сообщать о томъ, что было для меня совершенно ново и имѣлъ честь отправить медицинскому факультету собственную диссертацію изъ Берлина подъ названіемъ: *О различныхъ видахъ всасыванія* и проч., переводъ трактата славнаго профессора Руста *О ложной рожѣ*. По истеченіи каждаго курса, выслушаннаго мною, получалъ я отъ профессоровъ аттестаты, кои у меня хранятся. Кромѣ перевода, который ваше сіятельство позволили мнѣ украсить именемъ вашимъ, пользуясь тогда досугомъ, переводилъ я сочиненіе профессора Лоренца *о грыжахъ*; но обширность самого трактата и недостатокъ времени воспрепятствовали мнѣ окончить его. Считая непремѣнною обязанностію изложить эти обстоятельства вашему сіятельству въ видѣ краткаго отчета, осмѣливаюсь объяснить, что усилія, дотолѣ стремившіяся на пользу и образованіе другихъ, были одобряемы мыслью, что по возвращеніи въ отечество мое, я, сообразно частямъ медицины, для коихъ приготовлялъ себя въ чужихъ краяхъ, получу и сообразное тому мѣсто. Но какъ медицинскій факультетъ Харьковскаго университета, доселѣ не объявилъ никакихъ предположеній и мыслей на мой счетъ, то таковое молчаніе даетъ мнѣ смѣлость думать, что медицинскій факультетъ, соображаясь съ начальническою волею вашего сіятельства и милостивымъ соизволеніемъ на отправленіе меня въ чужіе края, и видѣвъ прежде непосредственное вашего сіятельства на мнѣ покровительство, ожидаетъ только рѣшенія отъ вашего сіятельства. Поставляя важнѣйшимъ предметомъ моихъ занятій во все продолженіе моего путешествія анатомію и хирургію, пріобрѣвъ запасъ теоретическихъ и практическихъ познаній по этимъ частямъ и будучи снабженъ достаточнымъ образомъ книгами и другими пособіями по этимъ же отдѣламъ, я тѣмъ съ большею пользою для другихъ и честію для моего званія готовъ былъ вступить на поприще, мнѣ предстоящее. Но, освѣдомившись, что въ Харьковскомъ университетѣ мѣсто по части анатоміи занято, а для каѳедры по части хирургіи предназначается

другой, принимаю смѣлость представить вниманію вашего сіятельства, что вслѣдствіе инструкціи, данной мнѣ отъ медицинскаго факультета Харьковскаго университета, я въ особенности занимался анатоміею и хирургіею во время моего путешествія, почему сообразно моимъ занятіямъ и надѣялся получить приличное мнѣ мѣсто въ этомъ университетѣ по части анатоміи или хирургіи. Если же университетъ найдетъ это по какимъ либо причинамъ невозможнымъ, то осмѣливаюсь просить ваше сіятельство предназначить мнѣ мѣсто въ этомъ университетѣ по части патологіи, тераціи и клиники, къ чему я также приготовлялъ себя издавна и чѣмъ занимался въ Лондонѣ въ продолженіе 6-ти мѣсяцевъ, какъ то медицинскій факультетъ усмотрѣть можетъ изъ моихъ донесеній. Поручая себя продолженію высокаго покровительства вашего сіятельства, съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ и истинною душевною признательностью имѣю честь быть вашего сіятельства, милостиваго государя, всепокорнѣйшій и всенижайшій слуга Иванъ Гнѣдичъ".

Бумага эта была отправлена на заключеніе медицинскаго факультета, который подтвердилъ свое прежнее постановленіе—предоставить Гнѣдичу каѳедру патологіи, тераціи и клиники, а въ наступающемъ году поручить чтеніе лекцій по патологіи и акушерству. Вотъ отзывъ факультета.

„Въ засѣданіи медицинскаго факультета, бывшемъ 1821 года октября 3-го дня, читано было предложеніе его превосходительства попечителя Харьковскаго университета о назначеніи къ должности штабъ-лѣкаря Гнѣдича по тѣмъ частямъ, по коимъ онъ посланъ былъ въ иностранные края, и копія просьбы, поданной имъ же, Гнѣдичемъ, его сіятельству министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, въ коей штабъ-лѣкарь Гнѣдичъ изложилъ, что онъ, занимаясь по инструкціи университета единственно анатоміею и хирургіею, желалъ бы занять мѣсто въ университетѣ по какой нибудь изъ этихъ частей медицины; если же это найдено будетъ невозможнымъ, то чтобы ему предоставлена была каѳедра патологіи, терапіи и клиники. На все это медицинскій факультетъ имѣетъ честь донести. 1) По инструкціи, данной факультетомъ, штабъ-лѣкарю Гнѣдичу, ему поручено было заниматься всѣми частями медицины. Если же въ ней анатомія и хирургія поставлены главнѣйшими занятіями для Гнѣдича, то это сдѣлано факультетомъ отчасти по той причинѣ, что штабъ-лѣкарь Гнѣдичъ, пріѣхавши въ Лондонъ, въ отчетѣ своемъ показалъ, что онъ занимается въ Лондонѣ единственно патологіею, терапіею и другими къ этимъ наукамъ относящимися предметами, отчасти же потому, что Харьковскому университету желательно было знать по анатоміи, нѣтъ ли какихъ новыхъ спо-

собовъ и пріемовъ при инъекціяхъ употребляемыхъ, и другихъ открытій, а по хирургической части университетъ желалъ узнать тѣ особенности, кои имѣетъ англійская оперативная хирургія. 2) Изъ отчетовъ и разсужденій Гнѣдича медицинскій факультетъ не могъ усмотрѣть, чтобы занятія штабъ-лѣкаря Гнѣдича были преимущественно устремлены на анатомію и хирургію. Разсужденіе его о всасываніи и переводъ о ложрой рожѣ столько же относятся къ тераціи, сколько и къ хирургіи. Собственно хирургическихъ занятій, операцій надъ живыми тѣлами, какъ видно изъ отчетовъ Гнѣдича, онъ не имѣлъ. 3) Преподаваніе же хирургіи факультетомъ отдано медико-хирургу и адъюнкту Еллинскому, который по окончаніи курса при этомъ университетѣ, усовершенствовалъ себя исключительно по этому отдѣлу въ Петербургской медико-хирургической академіи, который исполняетъ возложенную на него должность уже второй годъ и какъ по теоретической, такъ и практической частямъ этой науки пріобрѣлъ здѣсь общее одобреніе и многія значительныя операціи сдѣлалъ надъ живыми съ желаемымъ успѣхомъ. Въ медицинскомъ отдѣленіи находятся только двѣ праздныя каѳедры— одна по части патологіи, тераціи и клиники, занимаемая на время профессоромъ анатоміи и физіологіи Книгинымъ, другая по части акушерства, уже третій годъ никѣмъ не занимаемая. Медицинскій факультетъ, желая пополнить обѣ эти каѳедры къ пользѣ и чести заведенія и стараясь облегчить занятія, предстоявшія по назначенію факультета, штабъ-лѣкарю Гнѣдичу, въ засѣданіи своемъ, бывшемъ 1821 года іюля 17 дня предъ началомъ текущаго курса наукъ положилъ: а) чтобы каѳедру патологіи, тераціи и клиники считать принадлежащею штабъ-лѣкарю Гнѣдичу; б) чтобы на предстоящій курсъ поручить г. Гнѣдичу преподаваніе патологіи, какъ собственно ему принадлежащей части, и акушерства только на текущій годъ; в) что же касается до тераціи и клиники, то эти предметы предоставлены профессору Книгину съ тѣмъ, чтобы они перешли къ Гнѣдичу по окончаніи его курса. При этомъ распоряженіи медицинскій факультетъ имѣлъ въ виду ту важную цѣль, чтобы занять всѣ праздныя мѣста по медицинскому отдѣленію безъ обремененія преподающихъ. Той же цѣли придерживается факультетъ и теперь и находитъ полезнымъ и необходимымъ оставить дѣйствительнымъ распредѣленіе, сдѣланное на этотъ годъ при началѣ текущаго курса. Измѣнить это распредѣленіе факультетъ почитаетъ тѣмъ болѣе неудобнымъ, что уже каждый профессоръ началъ свои лекціи".

Преподаваніе Ив. Гнѣдича носило впрочемъ какой то эфемерный характеръ: его курсы были внесены въ росписаніе, но читалъ ли онъ ихъ въ дѣйствительности, неизвѣстно; во всякомъ случаѣ въ слѣду-

щемъ году его лекцій не было уже и въ росписаніи. Такой печальный финалъ постигъ попытку Гнѣдича образовать себя на пользу Харьковскаго университета, вопреки желанію этого послѣдняго. Разсказанная нами, на основаніи собственныхъ писемъ Гнѣдича, исторія его командировки представляетъ характерный образчикъ излишней предпріимчивости аспиранта въ его искательствахъ передъ министерствомъ. Она служитъ яркимъ доказательствомъ того, что въ такихъ вопросахъ, какъ ученыя командировки, выборъ лицъ и вообще руководящая роль должны принадлежать единственно компетентнымъ здѣсь коллегіямъ—факультетамъ и совѣтамъ. Разберемъ данный случай. Первая ошибка Гнѣдича состояла въ томъ, что онъ обратился съ ходатайствомъ о заграничной командировкѣ не къ университету, а къ попечителю. Затѣмъ, разъ вступивши на этотъ путь—непосредственнаго обращенія къ *покровительству начальства*, онъ не сходилъ съ него въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Выхлопоталъ онъ себѣ командировку у министра народнаго просвѣщенія—и затѣмъ обращался къ нему же за разрѣшеніемъ всѣхъ своихъ просьбъ и ходатайствъ, въ томъ числѣ и такихъ, которыя шли въ разрѣзъ съ рѣшеніемъ медицинскаго факультета и совѣта Харьковскаго университета. У министра онъ выпросилъ себѣ прибавку содержанія. Харьковскій университетъ посылалъ его въ Германію и Францію, а онъ добился командировки въ Англію, быть можетъ потому, что тамъ проживалъ его дядюшка, который съ своей стороны выступалъ съ просьбами за своего племянника. Университетъ *вынужденъ* былъ дать ему инструкцію для занятій въ Англіи,—правда, сдѣлавъ это нѣсколько поздно,—а онъ *распорядился* своимъ временемъ такъ, что инструкція не могла быть выполнена во всей ея силѣ и при этомъ ходатайствовалъ въ сущности объ освобожденіи отъ нея. Это переполнило мѣру терпѣнія университета и попечителя—и даже постоянно благосклонный къ нему министръ, которому онъ въ письмахъ своихъ курилъ фиміамъ, сдѣлалъ ему черезъ посла замѣчаніе и напомнилъ, что онъ долженъ исполнять данное ему университетомъ наставленіе. Ясно, что, при такихъ условіяхъ, и университетъ относился подозрительно и съ недовѣріемъ къ его отчетамъ, мало вѣрилъ въ пользу его дорогой командировки и не былъ расположенъ ввести его въ свою преподавательскую среду. Гнѣдичъ же постоянно оставался вѣренъ себѣ и усвоеннымъ имъ еще до командировки правиламъ: *зная*, что каѳедры анатоміи и хирургіи заняты, онъ все-таки хлопоталъ передъ министромъ о предоставленіи ему одной изъ нихъ и жаловался на факультетъ, который предложилъ ему читать лекціи по патологіи, а затѣмъ долженъ былъ разсматривать ходатайство Гнѣдича, направленное непосредственно къ министру.

Быть можетъ, Гнѣдичъ и отличался способностями и усердіемъ,—у насъ нѣтъ данныхъ судить объ этомъ. Быть можетъ, онъ добросовѣстно и съ успѣхомъ трудился и во время заграничной командировки, но благодаря натянутымъ отношеніямъ, установившимся между нимъ и университетомъ, который смотрѣлъ на него, какъ на навязаннаго ему противъ воли кандидата, его подготовка, потребовавшая кромѣ ассигновки всей штатной суммы еще значительной приплаты изъ хозяйственныхъ средствъ университета, не принесла этому послѣднему практической пользы и не оправдала тѣхъ надеждъ и ожиданій, которыя возлагалъ на нее самъ Гнѣдичъ. И это было тѣмъ болѣе чувствительно, что командировка другого питомца университета—Николая Еллинскаго, по выбору самого университета, потребовавшая гораздо менѣе средствъ (онъ былъ отправленъ только въ Петербургскую медико-хирургическую академію) была несравненно удачнѣе и плодотворнѣе—изъ Еллинскаго вышелъ прекрасный профессоръ хирургіи и ученый. Плодотворной оказалась также командировка въ Петербургъ въ туже академію для подготовленія къ профессурѣ А. Венедиктова, которому университетъ и предоставилъ каѳедру анатоміи, къ которой готовился преимущественно Гнѣдичъ. Да и могъ ли медицинскій факультетъ серьезно разсчитывать на Гнѣдича по части анатоміи и хирургіи, если онъ позволилъ себѣ извѣстное намъ отступленіе отъ инструкціи?

Мы разсмотрѣли, какъ готовились къ профессурѣ тѣ лица, которыя командированы были университетомъ заграницу, и къ сожалѣнію, не можемъ представить такихъ же данныхъ о занятіяхъ въ Петербургской медико-хирургической академіи Еллинскаго и Венедиктова. Но огромное большинство дѣятелей, выступившее на преподавательское поприще въ университетѣ, подготовилось къ ней у себя дома, частію подъ руководствомъ своихъ же профессоровъ спеціалистовъ, частію путемъ самообразованія. Такимъ образомъ, въ изучаемый нами періодъ времени профессора русскаго происхожденія не только заняли преобладающее по численности своей положеніе въ университетѣ, но и создали уже школу учениковъ, приходившихъ имъ на помощь и на смѣну въ дѣлѣ преподаванія. Мы представили краткія свѣдѣнія обо всѣхъ такихъ лицахъ до поступленія ихъ на службу въ Харьковскій университетъ. Но эти свѣдѣнія, извлеченныя изъ формулярныхъ списковъ, отличаются сухостью, рисуютъ чисто внѣшнія черты и не вводятъ насъ во внутреннюю жизнь и духовные интересы этихъ лицъ; они не даютъ намъ такого поистинѣ драгоцѣннаго матеріала, какимъ несомнѣнно являются помѣщенныя въ І-мъ томѣ нашего труда воспоминанія проф. И. Ѳ. Тимковскаго о домашнемъ и учебномъ его образованіи.

Къ счастію, благодаря просвѣщенному сочувствію заслуженнаго профессора Харьковскаго университета Павла Тихоновича Степанова, мы можемъ пополнить этотъ пробѣлъ и ввести въ текстъ своей книги въ высшей степени важный и любопытный матеріалъ—именно автобіографическую записку отца Павла Тихоновича профессора политической экономіи и дипломатики Тихона Θеодоровича *Степанова*. Записка эта, составленная имъ въ 1845 году для своихъ дѣтей, имѣетъ несомнѣнно и общій интересъ, потому что заключаетъ въ себѣ обильный матеріалъ для біографіи этого профессора, пользовавшагося въ свое время славою выдающагося и талантливаго лектора и значительнымъ вліяніемъ на своихъ слушателей. Она заключаетъ въ себѣ также данныя и о другихъ университетскихъ дѣятеляхъ того времени и о тогдашнихъ порядкахъ вообще. Но этого мало: автобіографическій матеріалъ о Т. Θ. Степановѣ, несмотря на довольно рѣзко выраженную индивидуальность его автора, имѣетъ въ то же самое время и общій характеръ, несомнѣнно рисуя намъ типическаго дѣятеля *той эпохи*, вводя насъ въ интересы того времени, въ міросозерцаніе того склада людей. Такимъ образомъ, ярко рисуя личность Т. Θ. Степанова, его записка даетъ намъ вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторое понятіе и о другихъ дѣятеляхъ подобнаго склада—объ ихъ научныхъ стремленіяхъ и подготовкѣ. Важное значеніе она имѣетъ и потому, что сообщаемыя въ ней свѣдѣнія отличаются, на нашъ взглядъ, въ общемъ полною достовѣрностью: авторъ писалъ ее не для публики, не предназначалъ ее для обнародованія, а исключительно для своихъ дѣтей—эти послѣднія должны были ознакомиться съ нею по достиженіи совершеннолѣтія, „узнать по ней своего отца“ и если по закону физической природы, писалъ Т. Θ. Степановъ въ заключеніе своей записки, переданы мною вамъ какіе либо недостатки, всмотритесь въ нихъ и старайтесь заранѣе истреблять или смягчать ихъ, напротивъ раскрывайте, совершенствуйте все, что есть у васъ хорошаго, добраго—имѣйте предъ собою своего отца, раскаивающагося въ своихъ ошибкахъ и утѣшающагося хотя малыми своими добродѣтелями". Но этотъ наставительный тонъ мы находимъ только въ самомъ концѣ—въ прямомъ обращеніи къ дѣтямъ; вообще же въ запискахъ нѣтъ дидактическаго элемента, а тѣмъ болѣе какой либо тенденціи, на которую нанизывались бы факты; эти послѣдніе вытекаютъ сами собою изъ повѣствованія о важнѣйшихъ событіяхъ въ жизни автора. Не можемъ не отмѣтить въ заключеніе превосходнаго изложенія Т. Θ. Степанова—не даромъ онъ слылъ въ свое время мастеромъ слова; хотя со времени составленія записокъ прошло 56 лѣтъ, но и теперь языкъ ихъ не представляется намъ очень устарѣлымъ:

онъ простъ, ясенъ и выразителенъ. Надѣюсь, что вмѣстѣ со мною скажутъ сердечное спасибо Павлу Тихоновичу Степанову за сообщеніе этого нигдѣ еще не напечатаннаго памятника всѣ интересующіеся исторіей Харьковскаго университета.

О своей семьѣ и о своемъ дѣтствѣ и отрочествѣ Т. Ѳ. Степановъ сообщаетъ слѣдующія данныя.

„Дѣдъ мой былъ секретаремъ въ Воронежской духовной консисторіи и дослужился до чина коллежскаго ассесора; по смерти своей онъ оставилъ небольшой капиталъ, кажется, до 20 тыс. асс., что впрочемъ по тогдашнему времени составляло порядочное состояніе. Отецъ мой учился въ Воронежской семинаріи, служилъ секретаремъ у разныхъ намѣстниковъ, равняющихся генералъ-губернаторамъ, и, сколько я припомню со словъ моего отца, пользовался величайшею довѣренностью намѣстника Воронежскаго и, кажется, Харьковскаго—Черткова. Потомъ онъ служилъ ассесоромъ въ уголовной палатѣ и дослужился до чина надворнаго совѣтника. Мать моя была дочь какого-то священника. Отецъ мой женился на ней въ раннихъ лѣтахъ, едва ли не на 21 году, кажется, что въ это же время онъ былъ и секретаремъ у намѣстника. Отецъ мой былъ высокаго роста, черноволосый, болѣе худощавый, нежели полный, довольно крѣпкой натуры, но къ несчастью, едва ли не наслѣдственно носившій въ себѣ самую мрачную ипохондрію. Отецъ мой получилъ въ семинаріи образованіе, сколько припомню, поверхностное, но былъ ума особеннаго, глубокаго и честности самой безукоризненной. Занимая весьма выгодныя мѣста, онъ не пріобрѣлъ ничего и вышелъ въ отставку съ капиталомъ, полученнымъ отъ дѣда, оставилъ же онъ службу прежде 40 лѣтъ своей жизни. Онъ любилъ въ веселый часъ разсказывать милые анекдоты своего ума и своей честности; онъ до такой степени былъ чуждъ взятокъ, что ему иногда оставляли деньги подъ столомъ, подъ подушкой и бумагами; одинъ изъ просителей, предлагая ему 50 тысячъ по дѣлу своему, впрочемъ неправильному, хотѣлъ уже застрѣлить его, досадуя на его непреклонность, такъ что самъ намѣстникъ не приказалъ ему въ продолженіе нѣкотораго времени являться къ нему поздно вечеромъ. Однажды вынужденный переписать важную бумагу, которая написана была рукою намѣстника, но по его мнѣнію, худо, залилъ ее черниломъ и потомъ извинялся передъ намѣстникомъ; Чертковъ проглядѣлъ настоящую причину и былъ имъ очень доволенъ. Онъ былъ очень набоженъ; когда онъ подвергался припадкамъ своей болѣзни,—то это жалкое состояніе продолжалось по недѣлѣ и затѣмъ онъ вдругъ погружался въ жесто-

чайшую ипохондрію, ознаменовавшуюся необыкновеннымъ страхомъ смерти. Мать моя была равно очень набожна, честнѣйшихъ правилъ, съ здравымъ разсудкомъ. Отецъ мой умеръ въ 1830 году, когда я былъ въ Петербургѣ, а мать въ генварѣ 1833 года; лѣтъ имѣли они оба, кажется, за 65. Сыновей у нихъ было при моей памяти 7, а дочерей 4, всѣ они достигли зрѣлаго возраста; были еще дѣти, но тѣ умерли въ младенчествѣ. Четвертый братъ Стратоникъ учился въ Харьковскомъ университетѣ; былъ кандидатомъ, и какъ онъ состоялъ на казенномъ иждивеніи, то и былъ отправленъ учителемъ въ Новочеркасскую гимназію. Онъ имѣлъ великія дарованія, бывъ изъ первыхъ отличныхъ студентовъ, и чѣмъ бы онъ не могъ быть, если бы не заставила его необходимость быть учителемъ? На этомъ мѣстѣ онъ подвергся той же слабости и умеръ самымъ печальнымъ образомъ; я всегда скорбѣлъ о его участи. Вообще воспитаніе мое и моихъ братьевъ, сестеръ оставалось почти въ пренебреженіи.

Здоровье мое съ младенчества было слабое, я страдалъ безпрерывно припадками желудка; характера былъ чрезвычайно кроткаго, за что и былъ любимъ, въ особенности матерью и старшимъ братомъ. Я любилъ уединеніе и былъ до такой степени нелюдимъ, что при появленіи неизвѣстнаго человѣка робѣлъ, блѣднѣлъ,—меня называли монахомъ, — я былъ чрезвычайно набоженъ, всегда посѣщалъ церковь и съ необыкновеннымъ удовольствіемъ слушалъ и читалъ Евангеліе,—жизнь Іисуса Христа дѣйствовала вполнѣ на мою душу; относительно способностей—память у меня была весьма слабая, я учился прилежно, но неуспѣшно, съ трудомъ заучивалъ уроки; зато способность размышленія у меня развилась слишкомъ рано—въ 10 лѣтъ я уже началъ философствовать, каждое ползущее насѣкомое занимало мой умъ, въ 16 лѣтъ я сочинялъ философскія разсужденія на латинскомъ языкѣ, которымъ занимался съ охотою и любовью, любилъ также предметы политическіе. Къ сожалѣнію, я не могъ доставать хорошихъ книгъ. Помню, что мнѣ попалась однажды книга, изданная, кажется, въ 1770 г. или около этого года, о естественномъ правѣ, и я такъ обрадовался ей, что прочитывалъ въ продолженіе дня не болѣе страницы, останавливался на каждой мысли и составлялъ въ головѣ на нее цѣлое разсужденіе. Нерѣдко, взявъ какую-нибудь тему, я тоже обдумывалъ ее и сидя на одномъ мѣстѣ, сочинялъ, что могъ, а иногда излагалъ свои мысли на бумагѣ. Я большей частью, читая книгу, ходилъ; лѣтомъ проводилъ все время въ саду—это, я думаю, много поддерживало мое здоровье. Я читалъ книги на латинскомъ и французскомъ языкахъ, послѣднія книги я уже читалъ, учась въ университетѣ. Сколько я ни

старался изучить нѣмецкій языкъ, но не могъ,—вообще къ языкамъ я имѣлъ жалкія способности. Наклонность къ ипохондріи начала у меня обнаруживаться въ раннихъ лѣтахъ,—еще въ 16 и 17 лѣтъ нерѣдко я скучалъ жизнью.

Сострадательность, желаніе добра человѣчеству были стихіи моей души; я не могъ безъ содраганія и слезъ смотрѣть на бѣдствія и бѣдность другихъ, это всегда трогало меня. Такъ какъ я былъ набоженъ, то часто въ саду становился на колѣни и молилъ Провидѣніе не наказывать человѣчество за его слабости и грѣхи. Мысль, что по смерти оно должно подвергнуться вѣчному мученью, для меня была ужасна. Я, преслѣдуемый этой мыслью, молилъ Бога, если то нужно, подвергнуть меня всѣмъ страданіямъ; для того, чтобы вѣчное мученіе было устранено, я отказывался отъ своего счастія—и такъ былъ далекъ отъ желанія какой-либо славы, что желалъ быть навсегда въ неизвѣстности для счастья другихъ. Никто не былъ повѣреннымъ моихъ чувствъ, одинъ Богъ былъ ихъ свидѣтелемъ. Я старался достигнуть самыхъ высшихъ понятій, помочь образованію одной цѣли — быть полезнымъ человѣчеству! Ахъ! я любилъ его до чрезвычайности!

По своей натурѣ я легко увлекался женскимъ поломъ, но въ тоже время удалялся его, былъ скроменъ, застѣнчивъ до странности. Въ 18 лѣтъ я передъ отъѣздомъ своимъ въ Харьковъ ходилъ къ своему зятю, мужу старшей моей сестры, учить ихъ сына грамматикѣ, латинскому языку, и въ ихъ домѣ познакомился съ однимъ близкимъ къ нимъ семействомъ и мало-по-малу привязался къ дѣвицѣ 15 лѣтъ; она мнѣ особенно нравилась и я съ величайшимъ удовольствіемъ ходилъ въ домъ того семейства. Когда надо было мнѣ отправляться въ Харьковъ, я дѣлалъ чрезвычайныя усилія надъ собой, чтобы оставить Воронежъ. Пріѣхавши въ Харьковъ, я нѣсколько мѣсяцевъ скучалъ, грустилъ, даже тяготился жизнью, но наконецъ восторжествовалъ надъ собою, и сильныя движенія сердца остались въ одной памяти.

Странное дѣло, что, когда наступило время моего отъѣзда, я, разговаривая съ моею сестрою Маріей, мною предпочтительно любимою, бывшею моимъ другомъ, сказалъ ей однажды, что какое то чувство мнѣ говоритъ, что я надолго не увижусь съ родными—и, дѣйствительно, то по неимѣнію денегъ, то по другимъ обстоятельствамъ и частью по странности своего характера, я и до сего времени ни разу не былъ въ Воронежѣ въ кругу родныхъ. Даже отецъ, прощаясь со мною и обливая меня слезами, сказалъ мнѣ, чтобы я не пріѣзжалъ къ нему, не кончивъ ученія въ университетѣ. Къ чему это было? Дня за два до отъѣзда, я забрался въ уединенное мѣсто сарая, сталъ на колѣни и

молилъ Бога благословить мой путь, мою судьбу. Заходящее солнце освѣщало мое лицо, благоговѣйный страхъ овладѣлъ мною, и я почувствовалъ въ себѣ какъ бы говорящій голосъ, что мнѣ предстоятъ труды, бѣдствія, но что наконецъ судьба моя успокоится. Удивительно то, что я въ продолженіи всей жизни былъ напутствуемъ разными предчувствіями, такъ что при встрѣчѣ тяжелой болѣзни или какого-либо несчастья я всегда подкрѣпляемъ былъ надеждою, что все пройдетъ благополучно. Такъ какъ отецъ мой не въ состояніи былъ содержать меня въ Харьковскомъ университетѣ на своемъ иждивеніи, то предложилъ брату Павлу давать мнѣ деньги на содержаніе; онъ обѣщалъ, но къ моему несчастью не исполнилъ своего обѣщанія. Триста рублей дано было мнѣ отцомъ при отъѣздѣ".

Любопытныя свѣдѣнія передаетъ Т. Ѳ. о своемъ поступленіи въ университетъ и пребываніи въ немъ.

„Пріѣхавъ въ Харьковъ въ 1815 году, я скоро поступилъ въ университетъ. Въ это время экзамены для поступленія были слабые,—большею частью они состояли въ испытаніи знанія латинскаго языка и умѣнья сочинять. Латинскій языкъ былъ необходимъ, потому что многіе профессора, пріѣхавшіе изъ Германіи, читали лекціи на этомъ языкѣ. Отецъ послалъ со мною два письма—одно къ ректору Осиповскому, другое къ знаменитому профессору русскаго права Успенскому. Ректора онъ просилъ оказать мнѣ снисхожденіе въ наукахъ, въ коихъ я былъ чрезвычайно слабъ, ибо въ семинаріи ученіе ограничивалось болѣе знаніемъ латинскаго языка, русской словесности, философіи и богословія (Т. Ѳ. учился въ семинаріи). Прочія науки преподавались поверхностно. Ректоръ и Успенскій приняли меня очень милостиво. Второй дѣлалъ мнѣ многія полезныя наставленія. Онъ былъ могущественнымъ профессоромъ по причинѣ знанія русскихъ законовъ. Братъ мой Стратоникъ, бывшій въ то время учителемъ въ Новочеркасской гимназіи, тоже сначала пользовался его благосклонностью, но, гордясь своими познаніями, умомъ (это была его несчастная слабость), отклонился отъ Успенскаго и дѣлалъ надъ нимъ разныя насмѣшки. Узнавъ объ этомъ, Успенскій сдѣлался его врагомъ и когда мой братъ кончилъ курсъ ученія съ отличнымъ успѣхомъ и былъ по желанію нѣкоторыхъ профессоровъ иностранцевъ оставляемъ при университетѣ, онъ воспротивился этому и настоялъ на томъ, чтобы отправить его въ страну дикую, мало населенную. Это погубило его. Онъ предостерегалъ меня своимъ письмомъ на счетъ Успенскаго, и я частью по этой причинѣ, частью по своему характеру старался угождать ему. Когда позвалъ меня совѣтъ профессоровъ для экзамена, страхъ овладѣлъ мною; замѣ-

тивъ это, секретарь правленія университета началъ ободрять меня,—и вдругъ мнѣ пало на мысль сказать профессорамъ небольшую рѣчь на латинскомъ языкѣ, въ которой я выразилъ необходимость моего ученія въ университетѣ. Профессора, сколько припомню, были удивлены этою выходкою; одинъ изъ нихъ спрашивалъ меня, гдѣ я учился. За симъ ректоръ, развернувъ предо мною Цицеронову рѣчь de Catilina, приказалъ мнѣ перевести ее. Я перевелъ не болѣе пяти строкъ, и онъ, обратившись къ профессорамъ, тотчасъ поздравилъ меня студентомъ. тоже сдѣлали и прочіе профессора. Я былъ въ чрезвычайномъ восхищеніи. Я поступилъ въ число пансіонеровъ между казеннокоштными студентами. Плата за годъ состояла изъ 300 рублей; сначала я долженъ былъ заплатить 180 руб., остальныя деньги я издержалъ на студенческое платье; такъ я остался совершенно безъ денегъ.

Отсюда начинаются мои лишенія. Содержаніе студента состояло тогда изъ одного обѣда и ужина, завтрака не было. Къ сожалѣнію, по разстроеннымъ финансамъ студентовъ, въ то время обѣдъ и ужинъ состоялъ большею частью изъ двухъ блюдъ—борщу и жареной говядины. Многіе товарищи мои брали поутру въ долгъ французскій хлѣбъ. Я, не надѣясь уплатить его впослѣдствіи, не могъ на это рѣшиться. Это, кажется, положило основаніе совершенному разстройству моего желудка и преждевременному появленію наслѣдственной ипохондріи. Присланные въ первомъ году сто рублей денегъ отъ брата Павла поступили въ студенческую кассу. Къ счастью, одинъ студентъ, которому я помогалъ въ латинскомъ языкѣ, узнавъ мое бѣдственное положеніе, далъ мнѣ сто рублей и я отдалъ кассиру 180 руб. Сто рублей еще были присланы мнѣ братомъ Стратоникомъ. Отчего же мнѣ не помогалъ братъ Павелъ? Вотъ чего я не могу понять, тѣмъ болѣе, что онъ имѣлъ достаточныя средства. Если бы онъ не обѣщалъ содержать меня. можетъ быть, сами родители болѣе помогали мнѣ.

Между тѣмъ я занимался весьма прилежно. Въ два года я успѣлъ пройти всѣ науки по двумъ отдѣленіямъ—политическому и словесному. На третій годъ я слушалъ римское право и физику. Читалъ я книги болѣе философскія и политическія. На третій годъ я поступилъ въ домъ одного помѣщика смотрѣть за его сыномъ, учившимся въ уѣздномъ училищѣ, получалъ все содержаніе и 300 руб. Такъ кончилъ я курсъ университетскаго ученія. Въ это время запрещено было производить студентовъ въ ученыя степени; но слухъ пронесся, что новое положеніе должно скоро выйти. Посему я рѣшился остаться при университетѣ еще на одинъ годъ и, дѣйствительно, къ концу года вышло это положеніе (положеніе 1819 года). Въ ономъ между прочимъ было сказано, чтобы

студенты, кончившіе съ отличнымъ успѣхомъ курсъ наукъ, прямо производились въ кандидаты за отличіе. Въ совѣтѣ между профессорами произошло недоразумѣніе, должно ли студентовъ, кончившихъ курсъ еще въ прошломъ году съ отличнымъ успѣхомъ, сдѣлать кандидатами безъ экзамена?

Большая часть держалась мнѣнія утвердительнаго, и я со многими товарищами произведены были въ кандидаты за отличіе. Но противъ этого мнѣнія былъ ректоръ Осиповскій, а онъ былъ въ несогласіи съ бывшимъ тогда попечителемъ университета, тайнымъ совѣтникомъ Карнѣевымъ; по разнымъ интригамъ попечитель довесъ министру просвѣщенія, что нѣкоторые студенты произведены были въ кандидаты безъ экзамена несправедливо. Страшнымъ казался намъ этотъ доносъ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ произведенныхъ въ кандидаты были такіе, которые кончили курсъ ученія уже четыре года тому назадъ; не болѣе ли мы имѣли на то право?

Какъ бы то ни было, только это дѣло тянулось два года, по прошествіи которыхъ велѣно было лишить насъ кандидатской степени и подвергнуть экзамену, и притомъ безъ зачета этого времени для полученія степени магистра, для чего по положенію требовалось два года отъ полученія степени кандидата. Мы ли были причиной этой ошибки, если она дѣйствительно и была? За что, слѣдовательно, мы должны были терпѣть вдвойнѣ, т. е. лишиться степени кандидата за отличіе и потерять два года? Частію это замедленіе дѣла, частію продолжавшаяся слабость моего здоровья были причиною того, что я не поступилъ еще на службу“.

Затѣмъ Т. Ѳ. разсказываетъ о своей жизни послѣ окончанія университета.

„Одинъ изъ знакомыхъ помѣщиковъ, товарищъ моего брата по университетскому ученію, Рейнике, взялъ меня къ себѣ въ деревню, находящуюся въ 7-ми верстахъ отъ Харькова. Я у него прожилъ осень, зиму и большую часть лѣта, кажется, до августа мѣсяца. Въ продолженіе этого времени ипохондрическія мученія немного уменьшились — думаю, это произошло отъ безпрерывныхъ моихъ прогулокъ въ полѣ. Возвратившись въ Харьковъ въ концѣ лѣта, я нанялъ себѣ квартиру и содержался оставшимися отъ прежнихъ годовъ, проведенныхъ при дѣтяхъ помѣщика, небольшими деньгами. Наконецъ, я опредѣлился учителемъ въ частный мужской пансіонъ де-Роберти, по части

историческихъ наукъ. Небольшою получаемою суммою я поддерживалъ свое существованіе. Между тѣмъ, вышедшее рѣшеніе относительно кандидатства заставило меня держать экзаменъ и, выдержавъ его, я уже рѣшился продолжать науки для полученія степени магистра. Я страшился вступить въ гражданскую службу съ разстроеннымъ своимъ здоровьемъ. Вскорѣ я сталъ учить въ другихъ частныхъ пансіонахъ,— успѣхи моего учительскаго званія были отличны, вездѣ были мною чрезвычайно довольны,—и я посредствомъ моего пріятеля, содержателя мужскаго пансіона Павла Рейпольскаго, поступилъ учителемъ въ институтъ благородныхъ дѣвицъ. Начальница Литинская, женщина необыкновеннаго ума, особенно меня ласкала, какъ отличнаго учителя".

Будучи педагогомъ Т. Ѳ. въ тоже время готовился къ профессурѣ.

„Еще до поступленія къ институтъ, за годъ, я сдалъ экзаменъ въ магистры, и тутъ преслѣдовала меня судьба. По положенію, въ ученой степени позволялось быть магистромъ по разнымъ отдѣленіямъ одного и того же факультета—я избралъ отдѣленіе политической исторіи и статистики. При подачѣ моей просьбы въ совѣтъ университета произошла распря между профессорами. Одни изъ нихъ и особенно профессоръ естественнаго права Рейтъ утверждали, что политическая исторія есть особенная наука отъ всеобщей исторіи, а другіе напротивъ почитали ту и другую за одну науку; большинство голосовъ рѣшили въ пользу втораго мнѣнія и совѣтъ поручилъ экзаменовать меня адъюнкту Филомафитскому, преподававшему всеобщую исторію, съ которымъ профессоръ Рейтъ имѣлъ вражду. По выдержаніи мною словеснаго экзамена, я написалъ разсужденіе „О политическомъ равновѣсіи"; оно написано было мною въ 2 мѣсяца. Это разсужденіе было прочитано профессорами и одобрено. Странное дѣло, что я изложилъ разсужденіе довольно хорошо, но сдѣлалъ много ошибокъ противъ правописанія и слога. Дѣйствительно я никогда не обращалъ на это вниманія, читалъ всегда почти однѣ латинскія и французскія книги. Недостатокъ этотъ замѣченъ былъ Филомафитскимъ и я чрезвычайно благодаренъ былъ ему за снисходительность и совѣты. Съ того времени въ продолженіе полугода я читалъ болѣе русскія книги и замѣчалъ какъ правописаніе, такъ и слогъ и мало-по-малу успѣлъ себя усовершенствовать. Когда поданы были мною въ факультетъ тезисы, взятые изъ моего сочиненія на латинскомъ языкѣ, то Рейтъ, не могшій читать самого сочиненія по незнанію русскаго языка, услышавъ отъ кого-то, будто въ немъ находится много мыслей противъ цензуры, не соглашался на одобреніе сочиненія и даже увлекъ за собою другихъ про-

фессоровъ. Я былъ въ ужасномъ страхѣ, прибѣгъ къ бывшему тогда ректору Джунковскому и онъ, прочитавъ мое сочиненіе, уже увѣрилъ профессоровъ въ томъ, что въ немъ ничего не находится ни противъ религіи, ни противъ правительства. Когда я объятъ былъ страхомъ и не зналъ, что мнѣ дѣлать, одинъ изъ знакомыхъ мнѣ посовѣтовалъ при письмѣ послать ректору 100 руб. Я былъ далекъ отъ такихъ средствъ искательства, но рѣшился на это, — и едва было не подвергся бѣдѣ. Ректоръ призвалъ меня къ себѣ и угрожалъ уничтожить весь мой экзаменъ, — я оправдывался сколько могъ, даже до слезъ, и онъ былъ тронутъ этимъ и послѣ того поддерживалъ меня постоянно. Все это производство длилось около года. Когда протоколъ моего словеснаго экзамена и разсужденія былъ отправленъ въ министерство, — вышло оттуда къ удивленію всѣхъ совершенно противное. Разсужденіе мое было одобрено, но словесный экзаменъ былъ уничтоженъ, частью потому, что меня экзаменовалъ не профессоръ, а адъюнктъ, частью потому, что меня экзаменовали только изъ политическое исторіи и статистики, не экзаменовавъ изъ прочихъ наукъ политическаго отдѣленія. Я узналъ, что причиной этому былъ секретный доносъ Рейта. Онъ досадовалъ на Филомафитскаго и на рѣшеніе совѣта. Впрочемъ онъ былъ ко мнѣ лично благосклоненъ, но въ этомъ случаѣ былъ увлеченъ мщеніемъ. Рѣшеніе министерства удивило всѣхъ, потому что прежде меня было много другихъ, экзаменованныхъ на степень магистра адъюнктами и притомъ изъ однѣхъ наукъ отдѣленія, а между тѣмъ они были утверждены отъ министерства магистрами. Но такова моя судьба. Такъ я долженъ былъ снова подвергнуться словесному экзамену изъ всѣхъ наукъ политическаго факультета, а изъ политической исторіи экзаменовалъ меня уже Рейтъ. Этотъ экзаменъ былъ тяжелъ для меня, но профессора имѣли ко мнѣ снисхожденіе, и онъ былъ мною выдержанъ. Ровно черезъ годъ министерство утвердило меня въ степени магистра. Слѣдовательно, два года прошло отъ начала экзамена до утвержденія меня въ степени магистра; я былъ весь измученъ.

Въ это время исполнился годъ моей службы въ институтѣ благородныхъ дѣвицъ, я хотѣлъ было оставить эту службу и отправиться въ Москву къ брату Павлу для поступленія на гражданскую должность. Но странная моя участь! Начальница, не желая потерять меня для института, убѣдила Рейпольскаго, бывшаго инспекторомъ классовъ, удержать меня обѣщаніемъ черезъ два года представить меня къ чину коллежскаго ассесора Она тогда пользовалась милостями Императрицы Маріи Ѳеодоровны и была сильна. Предполагая на службѣ выиграть два года для полученія означеннаго чина, я, по неопытности своей,

согласился на означенное обѣщаніе. Рейпольскій для убѣжденія меня сказалъ такъ: что если не представятъ меня черезъ два года къ чину, онъ самъ оставитъ службу въ институтѣ. Но прошло два года и что же вышло? Начальница снова желала меня удержать учителемъ и, узнавъ мое рѣшительное желаніе ѣхать въ Москву, склонила совѣтъ института представить меня вмѣсто чина къ ордену Св. Анны 3-й степени. Такъ я былъ обманутъ! Оскорбленный этимъ обманомъ, я объявилъ Рейпольскому, что болѣе не хочу оставаться при институтѣ. Онъ убѣждалъ меня по крайней мѣрѣ дождаться полученія ордена, — я видѣлъ и въ этомъ хитрости, впрочемъ не Рейпольскаго, бывшаго ко мнѣ расположеннымъ, но начальницы, а можетъ быть и его самого. Представленіе меня къ ордену было задержано въ Петербургѣ предсѣдателемъ совѣта института Квиткою, и тогда, когда мои товарищи получили ордена, я не получилъ ничего. Начальница изъявила мнѣ лично свое сожалѣніе и говорила мнѣ, что это сдѣлано было какъ-нибудь по упущенію, но что она немедленно будетъ писать въ Петербургъ и такимъ образомъ безпрерывными обѣщаніями успѣла удержать меня еще два года, по прошествіи которыхъ я уже получилъ орденъ. Въ тоже время меня представили и къ чину, по причинѣ выслуги назначенныхъ закономъ лѣтъ.

Между тѣмъ въ продолженіи этихъ четырехъ лѣтъ, мало-по-малу произошла перемѣна и во мнѣ самомъ. Наступаютъ разсказы о времени самаго важнаго, сколько пріятнаго, столько печальнаго по воспоминаніямъ. Я писалъ прежде, что я по природѣ склоненъ былъ къ занятіямъ философскимъ и политическимъ. Когда я былъ студентомъ, я изучалъ сочиненія Шада, бывшаго профессоромъ философіи въ Харьковскомъ университетѣ, и Канта; изъ историческихъ твореній я любилъ читать: „Tableaux de Revolutions de l'Europe“ Ansillon, изъ политическихъ книгъ „L'ésprit de lois“ Montesquieu. Передъ экзаменомъ же на степень магистра, я началъ заниматься изученіемъ политической экономіи. Первая попавшаяся мнѣ въ руки книга была „Traité d'Economie politique“ Сея. Я прочелъ ее нѣсколько разъ со вниманіемъ и терпѣніемъ. Затѣмъ я успѣлъ выписать изъ Москвы творенія другихъ писателей, какъ-то: Мальтуса, Рикардо, Сисмонди, Шторха. Я изучалъ ихъ съ величайшимъ любопытствомъ. Сначала эта наука показалась мнѣ тяжелою и даже нѣсколько скучною. Это происходило частью отъ ея неопредѣленности, неточности, частью отъ сухого изложенія ея предметовъ. Книги, относящіяся къ политикѣ и дипломатіи, мнѣ болѣе нравились, можетъ быть, по предметамъ болѣе возвышеннымъ, но я рѣшилъ преодолѣть это первое, не слишкомъ выгодное на меня впечатлѣніе. Мальтусъ, особенно Рикардо показались мнѣ болѣе трудными пи-

сателями; нѣкоторыя мѣста у Рикардо такъ были темны, что я иногда терялъ терпѣнье, бросалъ книгу объ стѣну и послѣ нѣкотораго времени опять принимался за нее. Развитіе мнѣній писателей объ одномъ и томъ же предметѣ тяготили меня,—я нерѣдко раскрывалъ передъ собою всѣхъ авторовъ и, дѣлая выписки изъ ихъ мнѣній, соображалъ потомъ, какому изъ нихъ отдать преимущество. Критика сдѣлалась душою моего изученія въ политической экономіи. Я составилъ небольшое свое сочиненіе, которое однако впослѣдствіи было мною передѣлано. Надо замѣтить, что я читалъ въ пансіонахъ и институтѣ столько лекцій, сколько необходимо было для моего содержанія и дорожилъ временемъ для своихъ домашнихъ занятій, такъ что лекціи служили мнѣ частью отдохновеніемъ. На сей конецъ я раздѣлилъ ихъ такъ, чтобы читать два часа поутру и два часа послѣ обѣда, а нѣкоторые дни я имѣлъ вовсе свободными. Жизнь моя проходила уединенно, я почти нигдѣ не бывалъ, и никто не зналъ моихъ занятій кромѣ Рейпольскаго, у котораго я нерѣдко проводилъ время,—онъ былъ очень расположенъ ко мнѣ и уважителенъ. Квартира моя состояла изъ двухъ небольшихъ комнатъ, самыхъ бѣдныхъ и холодныхъ, я не понималъ удобствъ да и не имѣлъ довольно средствъ удовлетворить ихъ—у меня никогда не было въ запасѣ денегъ. Нерасчетливость была отчасти причиною того, что около двухъ тысячъ рублей ассигнаціями, мною получаемыхъ ежегодно, выходили изъ моихъ рукъ скоро и незамѣтно.

Во время моихъ постоянныхъ занятій въ изученіи политической экономіи, я нерѣдко уклонялся къ занятію философіей, къ этому влекла меня природная наклонность. Я оставался всегда съ той мыслью, что, не составивъ своего понятія о Божествѣ и первыхъ началахъ бытія, не можно достигнуть точнаго понятія и о предметахъ политическихъ. По прошествіи четырехъ или пяти лѣтъ этого моего ученаго состоянія, я, прочитавъ сочиненіе Окена, рѣшительно предался философіи. Тогда наступило для меня самое тяжелое время. Я вполнѣ углубился въ самого себя, уединялся отъ свѣта, сдѣлавшись мученикомъ своего восторженнаго мышленія. Глубокая созерцательность сдѣлала меня энтузіастомъ, на меня находили часы, въ которые я весь предавался мыслительности, ничто не могло выводить меня изъ этого положенія, я забывался до такой степени, что духъ мой, казалось, отдѣлялся отъ тѣла. Въ это время я обыкновенно прохаживался или по комнатѣ, или въ маленькомъ садикѣ, находившемся близъ моихъ комнатъ,—я приказывалъ настрого отказывать всѣмъ ко мнѣ приходившимъ, нерѣдко и самому Рейпольскому; иногда удалялся я изъ дома въ ботаническій университетскій садъ. Странное дѣло! я въ этомъ состояніи почти всегда бралъ

въ руки гитару и бренчалъ на ней почти безъ всякаго сознанія игры, я даже и не умѣлъ играть на ней. Это было тогда, когда я размышлялъ въ комнатѣ. Въ такомъ созерцательномъ самозабвеніи я проводилъ часы, иногда болѣе. Я чувствовалъ тогда неизъяснимое удовольствіе, но когда оканчивалось время моего самомышленія, я впадалъ въ самое жалкое и, могу сказать, страшное состояніе. Я чувствовалъ необыкновенную слабость, тѣло какъ будто роптало на мой духъ, я едва приходилъ въ силы черезъ часъ и два часа. Если я предавался такому размышленію передъ самимъ обѣдомъ, то я терялъ весь аппетитъ. Состояніе это нимало не зависѣло отъ моей воли,—я былъ невольникомъ его. Когда въ продолженіи года образовались у меня философскія понятія, я началъ излагать ихъ на бумагѣ подъ названіемъ: „О началахъ философскихъ и политико-дипломатическихъ". Сочинялъ я тоже въ неопредѣленное время, къ удивленію, иногда тотчасъ послѣ обѣда; писалъ я чрезвычайно скоро и до тѣхъ поръ, пока не чувствовалъ боли въ правомъ боку, тогда, хотя бы мысль еще и продолжалась, я былъ вынужденъ бросать перо. Эта тупая, тягучая боль у меня обыкновенно обнаруживалась всегда послѣ долгаго писанія, послѣ долгой ходьбы, или отъ мучной пищи, иногда послѣ чая. Въ такомъ мучительномъ страдальческомъ состояніи провелъ я два года, когда кончилъ свой небольшой философскій трудъ—это было, помнится, въ 1826 г. на 30 году моей жизни. Трудъ этотъ у меня и теперь хранится. Какъ бы то ни было, только изъ этихъ философскихъ моихъ мыслей вытекли всѣ основанія для дальнѣйшихъ моихъ занятій по части политической экономіи, политики и дипломатіи. Если мой философскій взглядъ на міръ жалокъ, бѣденъ, невѣренъ—что дѣлать? я былъ жертвою моей природной наклонности. Я сказалъ, что я постоянно страдалъ болью въ правомъ боку; однажды послѣ лихорадочнаго состоянія, я немного ослабѣлъ и, не оправившись какъ надо, поспѣшилъ на должность въ институтъ; холодный вѣтеръ обхватилъ меня и я почувствовалъ ревматизмъ въ правой рукѣ. Я не могъ даже читать лекціи два часа; къ счастью моему, въ это время въ институтѣ произошла перемѣна, вмѣсто двухъ часовъ лекціи продолжались по $1^1/_2$ часа. Я распространилъ это удобство для себя и на пансіоны, но все-таки мнѣ было тяжело,..я прибѣгъ къ новому незабвенному для меня медику Юнкерту—онъ мнѣ давалъ разныя укрѣпляющія желудокъ травы и назначилъ строгую діэту—мнѣ это очень помогло. Задержанный институтомъ, далеко зашедшій въ ученыя занятія, я уже свыкался съ мыслью вступить въ ученую университетскую службу, какъ ни пріятна мнѣ была мысль о службѣ гражданской. Еще передъ экзаменомъ на степень магистра ректоръ Джунковскій предлагалъ мнѣ ка-

ѳедру русскаго права, но я отказался отъ нея частью по нежеланію заниматься этимъ предметомъ, частью по намѣренію моему вступить въ гражданскую службу. Познакомившись довольно съ политической экономіей, я желалъ занять каѳедру этой науки, тогда праздную. Она была временно занимаема сначала профессоромъ Рейтомъ, а по смерти его — профессоромъ Пауловичемъ, преподававшимъ римское право. Начальница института, желая вознаградить свою несправедливость со мною, старалась также пристроить меня при университетѣ и просила тогда бывшаго ректора Кронеберга объ этомъ; я хотѣлъ было преподавать до удобнаго времени политическую исторію для студентовъ политическаго отдѣленія; но мнѣ было отказано. Когда же впослѣдствіи узналъ Пауловичъ о желаніи моемъ преподавать политическую экономію, то сильно вооружился противъ этого. Онъ самъ желалъ продлить преподаваніе этой науки, хотя она была имъ читана очень слабо, и желалъ этого какъ для большаго вліянія на факультетъ, такъ и для полученія прибавочныхъ 1000 руб. Этотъ профессоръ былъ постоянно ко мнѣ нерасположенъ; я никакъ не въ состояніи забыть одного у меня происшедшаго съ нимъ случая. По выдержаніи мною экзамена въ магистры, я пришелъ къ нему по одному дѣлу. Солдатъ, стоявшій у него въ передней, сказалъ мнѣ, что онъ не занятъ и что я могу войти къ нему безъ доклада. Едва онъ увидѣлъ меня, то, не вставая съ мѣста и не кланяясь мнѣ, вдругъ позвонилъ въ колокольчикъ, — солдатъ вошелъ къ нему, а онъ закричалъ на него: „если ты осмѣлишься пускать ко мнѣ безъ доклада, то я забью тебя палками". Послѣ нѣсколькихъ холодныхъ словъ его, я принужденъ былъ удалиться. Онъ пользовался всегда особеннымъ къ себѣ расположеніемъ попечителей Егора Карнѣева, а потомъ Перовскаго. Послѣдній, по пріѣздѣ своемъ въ Харьковъ, кажется, въ 1828 году [1]), оказалъ большую довѣренность двумъ профессорамъ: Склабовскому и Байкову, бывшимъ нѣкогда моими товарищами. Первый сдѣлался правителемъ канцеляріи, а второй, кромѣ должности профессора—инспекторомъ студентовъ. Я просилъ ихъ принять участіе въ моемъ домогательствѣ. Они повидимому были ко мнѣ ласковы, обѣщали пособить мнѣ, но для лучшаго успѣха посовѣтовали мнѣ написать разсужденіе о политической экономіи и подать попечителю при прошеніи. Я это сдѣлалъ—Перовскій принялъ отъ меня то и другое въ присутствіи многихъ профессоровъ и другихъ посѣтителей, но, вышедъ изъ залы въ переднюю, бросилъ мое сочиненіе на полъ. Я былъ пораженъ

---

[1]) А. А. Перовскій пріѣхалъ въ Харьковъ, какъ мы знаемъ, въ 1825 году.

этимъ какъ громомъ. Хотя потомъ Байковъ и сказалъ мнѣ, будто попечитель приказалъ отослать мое сочиненіе въ Петербургъ къ одному чиновнику для разсмотрѣнія, но никогда болѣе мнѣ не было говорено о немъ. Напротивъ, по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ мнѣ предложено было ѣхать съ нѣкоторыми студентами, кончившими курсъ, заграницу для усовершенствованія. Первый предложилъ мнѣ объ этомъ Байковъ, потомъ ректоръ Кронебергъ; послѣднему я отвѣчалъ такъ: что я уже въ лѣтахъ, давно кончилъ ученіе, нахожусь въ степени магистра и что предметъ мой, политическая экономія, требуетъ одного кабинетнаго размышленія. Онъ мнѣ отвѣчалъ на это, что вы далеко не уйдете со своими размышленіями, засимъ отворотился отъ меня и ушелъ. Такъ я потерялъ всю надежду остаться при университетѣ.

Что мнѣ оставалось тогда дѣлать? Правда, я пользовался, какъ учитель, отличной репутаціей, особенно съ того времени, какъ я первый ввелъ въ Харьковскихъ учебныхъ заведеніяхъ методу учить сравнительно исторіи и географіи и чертить карты на доскѣ и бумагѣ, но это не удовлетворяло моимъ способностямъ и познаніямъ. Притомъ и въ институтѣ произошла неблагопріятная для меня перемѣна. Вмѣсто Рейпольскаго по разнымъ обстоятельствамъ сдѣланъ инспекторомъ классовъ профессоръ Артемовскій - Гулакъ. Онъ имѣлъ личную вражду съ Рейпольскимъ, не любилъ вмѣстѣ и меня. Онъ пользовался всякимъ случаемъ ронять меня, даже публично. Замѣчая это, начальница, несмотря на то, что была въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ къ нему, постоянно поддерживала и ласкала меня. Но все-таки положеніе мое было тягостно. Я полагаю, что Артемовскій ослабилъ въ начальницѣ хорошее мнѣніе о моихъ познаніяхъ въ политической экономіи, отчего она нѣсколько боялась сильно хлопотать въ пользу мою по университету. Пауловичъ же въ этомъ отношеніи дѣйствовалъ на попечителя. Впрочемъ я оставался и навсегда останусь признательнымъ къ начальницѣ, забывая даже оказанныя ею мнѣ несправедливости. Ея отзывы, однако, могу сказать, нѣсколько ободряли меня. Въ пансіонахъ равно я былъ чрезвычайно любимъ и уважаемъ, какъ содержателями, такъ учениками и ученицами. На публичныхъ экзаменахъ меня превозносили всевозможными похвалами. Ахъ, какъ это было для меня утѣшительно! Лишенный удобствъ жизни, гонимый неудачами, почти всегда больной, загроможденный кабинетными трудами, я находилъ отраду въ чужомъ мнѣніи о своемъ учительскомъ преподаваніи. Однако, мало-по-малу я начиналъ терять бодрость духа, предчувствія мои, что все это пройдетъ сдѣлались нѣсколько шатки — я почиталъ ихъ уже за обманъ вообра-

женія, я становился унылъ; что бы произошло со мною, если бы въ это время Провидѣніе не послало мнѣ благодѣтеля? Кто же это былъ благодѣтель? Это былъ учитель французскаго языка Гибаль. Видясь въ пансіонахъ, я съ нимъ нечувствительно познакомился, а болѣе сблизился черезъ своего искренняго пріятеля, равно учителя, Соколова, того самаго, который снабдилъ меня 100 руб. когда я былъ еще студентомъ. Черезъ этого француза я выписывалъ многія книги по части политической экономіи изъ Франціи; онъ зналъ мои труды и познанія. Оставляя Харьковъ въ 1829 году, онъ далъ мнѣ святое слово употребить всѣ свои силы въ Петербургѣ, чтобы сдѣлать мнѣ какое-либо добро. Въ самомъ дѣлѣ, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ я получилъ отъ него самое дружеское письмо, въ которомъ онъ извѣщалъ меня, что видѣлся съ барономъ Егоромъ Казимировичемъ Мейендорфомъ, управлявшимъ коммиссіею погашенія долговъ, бывшимъ его товарищемъ по ученію въ городѣ Мецѣ. Онъ возобновилъ съ нимъ дружеское знакомство, и его то онъ упросилъ обратить на меня свое вниманіе. Баронъ пожелалъ прочитать какой-либо отрывокъ изъ моего сочиненія. Онъ зналъ очень хорошо политическую экономію. Я немедленно отправилъ ему исторію этой науки. Вскорѣ я получилъ письмо отъ Гибаля—онъ увѣдомлялъ меня, что отрывокъ мой очень понравился барону и что онъ на первый разъ предлагаетъ мнѣ мѣсто въ коммиссіи помощника столоначальника съ жалованіемъ 1200 руб. ассигн. Получивъ это письмо, я не зналъ, на что рѣшиться; я боялся вступить въ гражданскую службу по слабости здоровья; боялся оставить свои ученыя занятія; съ другой стороны положеніе мое наводило на меня страхъ. Рейпольскій склонялъ меня къ отъѣзду. Я писалъ къ Гибалю о своемъ согласіи на предложеніе барона и отправилъ къ барону просительное письмо объ опредѣленіи на должность въ коммиссію. Вскорѣ получена была въ институтѣ бумага объ увольненіи меня отъ должности учителя. Получивъ эту бумагу, начальница раздосадовала на меня до высочайшей степени, но не могла удержать меня навсегда, писала въ Петербургъ объ удержаніи меня по крайней мѣрѣ до окончанія публичнаго экзамена, иначе долженъ будто бы произойти безпорядокъ по предметамъ, мною преподаваемымъ. Это было въ генварѣ 1830 года—обыкновенно выпускъ дѣвицъ, окончившихъ ученіе, былъ черезъ два года и въ это время оканчивался этотъ срокъ. Статсъ-секретарь Вилламовъ отнесся бумагою въ совѣтъ института объ удержаніи меня. Я не смѣлъ роптать на несправедливость и долженъ былъ покориться высшей волѣ. Баронъ отозвался на бумагу совѣта согласіемъ своимъ выждать опредѣленный срокъ. Въ іюлѣ мѣсяцѣ я получилъ увольненіе отъ института. Началь-

ница, несмотря на свое неудовольствіе, оказала мнѣ при отпускѣ свои ласки и признательность. Отправляясь въ Петербургъ, я имѣлъ съ собою только 300 руб. ассигн. Я ѣхалъ на долгихъ въ продолженіе цѣлаго мѣсяца. Имѣя небольшое количество денегъ, я старался сберечь изъ нихъ, сколько можно. Посему я отказывалъ себѣ во всемъ. Пріѣхавъ въ Москву, я явился къ брату Павлу, бывшему тогда правителемъ канцеляріи у генералъ-губернатора Голицына и имѣвшему очень достаточное состояніе. Къ удивленію я былъ имъ встрѣченъ съ большимъ неудовольствіемъ; онъ обвинялъ меня за рѣшимость служить въ Петербургѣ и не сдѣлалъ никакого мнѣ пособія—далъ мнѣ только два письма къ своимъ знакомымъ—я и за это былъ ему благодаренъ. Одинъ изъ этихъ знакомыхъ былъ мнѣ нѣсколько полезенъ своими связями".

Въ Петербургѣ Т. Ѳ., при всѣхъ своихъ служебныхъ занятіяхъ, не оставлялъ и ученыхъ работъ.

„Баронъ, говоритъ онъ, принялъ меня ласково, но серьезно; съ Гибалемъ же я встрѣтился, какъ съ добрѣйшимъ пріятелемъ. Я нанялъ квартиру на самомъ концѣ города въ 3 или 4-хъ верстахъ отъ мѣста своей службы. По прошествіи двухъ мѣсяцевъ я перешелъ на квартиру къ Гибалю и жилъ съ нимъ въ одной комнатѣ — это было почти въ центрѣ города.

Величайшимъ несчастіемъ моимъ было то, что я въ коммиссіи при самомъ вступленіи на должность встрѣтилъ новаго врага въ правителѣ канцеляріи Фоминѣ. Онъ за годъ передъ моимъ пріѣздомъ получилъ медаль за рѣшеніе одной задачи по части политической экономіи. Зависть ко мнѣ, а болѣе, какъ мнѣ говорили сотоварищи, боязнь, чтобы я не заступилъ его мѣста, противопоставили его мнѣ. Онъ вскорѣ началъ нападать на меня, дѣлалъ мнѣ безпрерывныя замѣчанія на счетъ незнанія формъ бумажныхъ и законовъ, чернилъ меня передъ барономъ, выставляя меня вовсе неспособнымъ къ гражданской службѣ и довелъ меня до того, что я охладѣлъ къ моей должности и искалъ уже какой-либо перемѣны. Къ счастью моему въ это время назначенъ былъ вмѣсто Перовскаго новымъ Харьковскимъ попечителемъ Филатьевъ — онъ тогда жилъ еще въ Петербургѣ. Откупщикъ Козьма Никитичъ Кузинъ, проживавшій тогда тоже въ столицѣ, познакомилъ меня съ Филатьевымъ. Послѣдній, узнавъ всѣ мои обстоятельства, тотчасъ предложилъ мнѣ мѣсто экстраординарнаго профессора въ Харьковскомъ университетѣ съ тѣмъ только, чтобы я, оставшись на нѣкоторое время въ Петербургѣ, постарался напечатать сколько-нибудь статей по предметамъ политической экономіи. Я нѣсколько ободрился. Когда разсказалъ я объ этомъ

барону, обходившемуся впрочемъ со мною очень милостиво, то онъ посовѣтовалъ мнѣ принять предложеніе попечителя. Я рѣшился. Съ того времени Фоминъ сдѣлался ко мнѣ нѣсколько сговорчивѣе, но за то старался удалять меня отъ всѣхъ занятій. Скоро произошло со мною новое несчастье. Я жилъ вмѣстѣ съ Гибалемъ около мѣсяца. Онъ познакомилъ меня съ литераторомъ Гречемъ, черезъ другого товарища я познакомился съ незабвеннымъ для меня Сомовымъ, издателемъ „Литературной Газеты“. Я отдалъ Сомову для напечатанія въ газетѣ написанную мною критическую статью на статью Полевого, издававшаго журналъ подъ названіемъ „Телеграфъ“. Въ критикѣ своей я опровергалъ мнѣніе его, будто всѣ событія и самыя революціи суть назначенія Провидѣнія. Критика моя была написана сильно и рѣзко. Сомовъ нашелъ ее превосходною и читалъ ее предварительно многимъ ученымъ людямъ; потомъ отдалъ ее цензору Щеглову; но неизвѣстно почему Щегловъ не возвратилъ ее Сомову. На мой вопросъ Сомовъ сначала убѣждалъ меня подождать, потомъ отвѣчалъ мнѣ двусмысленно, увѣряя однако меня, что мнѣ нечего бояться. Какъ бы то ни было, только впослѣдствіи были напечатаны многія мои статьи, а означенная критика навсегда была затеряна. Черезъ годъ Щегловъ умеръ. Я узнавалъ въ цензурномъ комитетѣ, не была ли статья моя передана въ оный, но и тамъ ея не нашлось. Двусмысленные отвѣты Сомова усугубляли мои опасенія, такъ что я сдѣлался боленъ и пролежалъ цѣлую недѣлю. Здоровье мое было нѣсколько потревожено неблагопріятными обстоятельствами. Служба моя въ коммиссіи шла одинаково; я тяготился ею. Послѣ неудачной моей первой статьи, о которой я сказалъ выше, я написалъ другую, именно статью о богатствѣ и напечаталъ ее въ „Литературной Газетѣ“. Спустя недѣлю по напечатаніи ея, я пришелъ къ Гречу и встрѣченъ былъ имъ не слишкомъ пріятно. Онъ объявилъ мнѣ, что на мою статью поступила къ нему критика самая жестокая, ругательная. Это нѣсколько обезкуражило меня; боясь вліянія критики на публику, я сначала просилъ его не печатать ея, но онъ мнѣ отвѣчалъ, что этого сдѣлать нельзя по близкимъ его отношеніямъ къ рецензенту. Онъ сдѣлалъ мнѣ одно только удовольствіе — далъ мнѣ предварительно прочитать критику. Дѣйствительно, она была написана съ чрезвычайнымъ ожесточеніемъ и выходками самыми оскорбительными. Каждая мысль моя была разобрана, разругана. Но къ моему ободренію критика была глупая, выказывала совершенное незнаніе авторомъ политической экономіи. Я тотчасъ написалъ антикритику, но слогомъ умѣреннымъ, скромнымъ, какъ мнѣ посовѣтовалъ Сомовъ. Пришедъ къ Гречу, я просилъ его напечатать въ его журналѣ „Сынъ Отечества“,

если можно въ одной книжкѣ критику и антикритику, или по крайней мѣрѣ послѣднюю въ слѣдующей книжкѣ. Къ полному удовольствію моему, Гречъ не печаталъ ни той, ни другой. Думаю, что кромѣ просьбы одного изъ моихъ пріятелей, дѣйствовавшаго на Греча, онъ убѣжденъ былъ въ нелѣпости критики. Затѣмъ уже Гречъ началъ печатать всѣ мои статьи въ своемъ журналѣ и сдѣлался ко мнѣ чрезвычайно благосклоненъ. Однажды, спустя годъ пребыванія моего въ Петербургѣ, принесъ я къ нему статью о непроизводительномъ классѣ; онъ спросилъ меня, увѣренъ ли я, что въ ней нѣтъ ничего противнаго цензурѣ, въ такомъ случаѣ онъ не отдастъ ее цензору, а отдастъ немедленно въ печать. Сколько я могъ сообразить, отвѣчалъ ему утвердительно; но когда я пришелъ къ нему по прошествіи недѣли, онъ встрѣтилъ меня съ пріятельской бранью, сказавъ, какъ я могъ дать ему такую статью, что онъ нашелъ въ ней много противъ цензуры, и такъ много выпустилъ, переправилъ, что хотѣлъ даже совсѣмъ не печатать ее, но что не сдѣлалъ этого единственно изъ уваженія ко многимъ моимъ прекраснымъ мыслямъ. Кажется, онъ былъ слишкомъ строгъ, а я точно не опытенъ. Данные имъ мнѣ нѣкоторые совѣты были для меня впослѣдствіи очень полезны, но, какъ я замѣтилъ, онъ сталъ еще болѣе уважать меня и нерѣдко называлъ меня русскимъ Сеемъ. Изъ нѣкоторыхъ наблюденій я увидѣлъ, что Булгаринъ былъ ко мнѣ нерасположенъ, что мнѣ далъ замѣтить даже самъ Гречъ; я никогда не забуду добраго его ко мнѣ вниманія. Баронъ продолжалъ по прежнему ко мнѣ свое расположеніе. Я скоро по пріѣздѣ въ Петербургъ былъ у Шторха, извѣстнаго писателя политической экономіи, вице-президента академіи наукъ, пользовавшагося большимъ значеніемъ и славою. Я просилъ его прочитать мое сочиненіе и дать о немъ свое мнѣніе. Онъ обѣщалъ это сдѣлать. Послѣ сего, баронъ при свиданіи съ нимъ, просилъ съ своей стороны обратить на меня благосклонное вниманіе и, если можно, напечатать мое сочиненіе на счетъ суммъ академіи. Какъ скоро я явился къ Шторху, онъ принялъ меня чрезвычайно ласково и сказалъ, что баронъ отозвался ему обо мнѣ съ отличной стороны, что я описалъ политическую экономію на началахъ философскихъ; затѣмъ спросилъ меня, какія это были начала, прибавивъ къ тому, что по слабости глазъ, онъ никакъ не въ состояніи прочитать моей рукописи. Я объяснился съ нимъ нѣсколько. Онъ предложилъ мнѣ прочитать ему какую-либо статью изъ моего труда и избралъ статью о богатствѣ. Когда я прочиталъ ему эту статью, заключавшую въ себѣ разборъ мнѣній писателей и мое собственное, онъ всталъ съ примѣтнымъ неудовольствіемъ и спросилъ меня, почему я приписалъ другому писателю то мнѣніе, которое

высказано было имъ еще прежде его; я отвѣчалъ ему на это довольно вѣжливо, но когда я увидѣлъ продолжающееся въ немъ неудовольствіе, то отвѣчалъ ему, что я всегда уважалъ его творенія и вполнѣ согласенъ съ отзывомъ о немъ англійскаго писателя Макулоха, который считаетъ его сочиненіе лучшимъ на континентѣ. Но онъ не удовлетворился и этимъ, съ гнѣвомъ побѣжалъ въ кабинетъ, и вынесъ оттуда письма Мальтуса и Макулоха, говоря: „прочтите эти письма и вы увидите, какимъ я пользуюсь уваженіемъ въ Европѣ“. Признаюсь въ моей слабости — когда онъ удалился въ кабинетъ — я въ первый разъ почувствовалъ сладостное удовольствіе автора; я тогда торжествовалъ, ибо думалъ, что если бы мое сочиненіе не имѣло значенія въ глазахъ Шторха, то безъ сомнѣнія онъ не принялъ бы такъ строго моего образа мыслей. Мало-по-малу онъ успокоился, сдѣлался ко мнѣ ласковѣе, но обвинялъ меня въ томъ, почему я не написалъ сочиненія самаго простого, въ которомъ бы заключались истины уже доказанныя, не подлежащія спору, что моего сочиненія въ Россіи никто не можетъ понимать; знающіе же иностранныхъ авторовъ могутъ знакомиться съ политической экономіей изъ сочиненій иностранныхъ писателей. Я отвѣчалъ ему на это, что я слишкомъ много занимался наукой, что простое сочиненіе я могу написать впослѣдствіи, если найду это нужнымъ, что и самимъ просвѣщеннымъ русскимъ пріятно будетъ на своемъ языкѣ прочесть сколько-нибудь высокое сочиненіе. Онъ опять мнѣ повторилъ одно и тоже. Кажется, ему хотѣлось, чтобы я перемѣнилъ свой трудъ, но этого то я и не хотѣлъ. Наконецъ, онъ объявилъ мнѣ, что никакъ не можетъ напечатать моего сочиненія на счетъ академіи, потому что и своихъ собственныхъ сочиненій академія не въ состояніи напечатать. Такъ я съ нимъ и простился. Онъ просилъ меня чаще приходить къ нему. Черезъ недѣлю я опять зашелъ къ нему. Онъ принялъ меня съ необыкновенной лаской, повелъ меня въ свой кабинетъ, посадилъ на диванъ и долго разговаривалъ со мной на счетъ Россіи и управленія министерствомъ финансовъ Канкринымъ—управленіе ему не нравилось. Эта довѣренность такой особы была для меня чрезвычайно лестна и утѣшительна. Прощаясь со мной, онъ предложилъ мнѣ свое посредничество для службы; онъ готовъ былъ дать мнѣ рекомендацію къ Канкрину и другимъ особамъ. Когда же я сказалъ ему, что я по разнымъ причинамъ возненавидѣлъ гражданскую службу, онъ предложилъ мнѣ писать къ Филатьеву о назначеніи меня профессоромъ. Я отказался и отъ этого, говоря, что Филатьевъ уже мнѣ самъ предложилъ это мѣсто; если же мнѣ будетъ когда-либо надобность въ его ходатайствѣ—я обращусь тогда къ нему съ просьбой. Странное дѣло, мнѣ никакъ не хо-

тѣлось воспользоваться предложеніемъ его покровительства — можетъ быть это происходило отъ авторскаго самолюбія, но хорошо ли я это сдѣлалъ—сомнѣваюсь. Ласкаясь къ нему, какъ обыкновенно поступаютъ въ свѣтѣ, я вѣроятно могъ бы выиграть черезъ него много. Послѣ сего я бывалъ у него нерѣдко, приносилъ ему мои напечатанныя статьи и онъ всегда оставался ими доволенъ, отзывался о нихъ съ похвалою. Это болѣе и болѣе ободряло и утѣшало меня; я отъ души благодарилъ Шторха, смотрѣвшаго на меня не какъ на ничтожнаго чиновника, но какъ на писателя, какъ бы то ни было. Вообще мои статьи были въ хорошемъ ходу въ Петербургѣ, мало-по-малу я пріобрѣлъ хорошую репутацію. Къ удивленію моему, Филатьевъ, попечитель, хотя на мои письма отвѣчалъ мнѣ очень ласково и отзывался обо мнѣ въ Харьковѣ съ большой похвалой, но не дѣлалъ министерству никакого представленія о моемъ назначеніи. Я прослышалъ, что Пауловичъ, всегда ко мнѣ нерасположенный, успѣлъ заискать его благосклонность. Эта ли причина или, быть можетъ, другая какая останавливали его. Такъ прошло два года, когда уже онъ самъ пріѣхалъ въ Петербургъ. Между тѣмъ счастье мое въ Петербургѣ было не слишкомъ завидное....

Кругъ знакомства моего болѣе и болѣе распространялся, но лучшими моими пріятелями были—Сомовъ, профессоръ С.-Петербургскаго университета—Никитенко и Гречъ. Первый и второй особенно старались помогать мнѣ своими совѣтами; Никитенко — отличнаго ума — дѣлилъ со мною время самымъ пріятнымъ образомъ. Къ концу двухъ лѣтъ мнѣ отыскивались учительскія мѣста, мнѣ совѣтовали оставаться въ столицѣ, но я не хотѣлъ разставаться со своими обычными занятіями. Въ Петербургскомъ же университетѣ не было вакатнаго мѣста по моему предмету. Я пріобрѣлъ еще случай познакомиться съ министромъ финансовъ, но я имѣлъ къ нему какую то непонятную антипатію: мнѣ никогда не нравился образъ его управленія. Притомъ во мнѣ поселилась ненависть къ гражданской службѣ, да и слабость здоровья пугала меня. Когда пріѣхалъ въ столицу попечитель Филатьевъ, я надѣялся рѣшить свою судьбу; онъ чрезвычайно обласкалъ меня. Я просилъ его сдѣлать меня прямо ординарнымъ профессоромъ, онъ обѣщалъ это, но дѣло день ото дня тянулось безъ успѣха. Наконецъ онъ признался мнѣ, что надо просить Шторха, потому что министръ просвѣщенія имѣетъ къ нему одному полное довѣріе. Какъ мнѣ ни хотѣлось обойтись безъ этой просьбы, но нечего было дѣлать, я долженъ былъ покориться необходимости, тѣмъ болѣе, что не только Филатьевъ, но и князь Шахматовъ-Ширинскій, пользовавшійся расположеніемъ министра и принимавшій во мнѣ большое участіе, не могъ ничего сдѣлать въ мою пользу

(онъ былъ тогда президентомъ иностраннаго цензурнаго комитета). Когда я пришелъ къ Шторху и высказалъ ему мою просьбу, онъ принялъ это съ величайшимъ удовольствіемъ и сказалъ мнѣ, что уже совсѣмъ собрался ѣхать на дачу въ Павловскъ, но для меня остается въ городѣ и поѣдетъ обѣдать къ министру. Въ тотъ же день представленіе попечителя обо мнѣ было утверждено; къ досадѣ моей Филатьевъ представилъ меня только въ экстраординарные профессора, боясь, что министръ рѣшительно не согласится опредѣлить меня въ званіи ординарнаго профессора. Шторхъ же, не зная этого, какъ онъ самъ мнѣ говорилъ, просилъ министра только объ утвержденіи предложенія попечителя. Впрочемъ попечитель обнадежилъ меня, сколько возможно, скорой перемѣной. Шторхъ же такъ былъ ко мнѣ ласковъ, что я крайне сожалѣлъ о своемъ неизвинительномъ упрямствѣ и вполнѣ считаю его своимъ благодѣтелемъ. Онъ сдѣлалъ для меня болѣе, нежели сколько я заслужилъ того. Я пробылъ въ Петербургѣ еще два мѣсяца. Въ это время назначенъ былъ товарищемъ министра Уваровъ, человѣкъ съ большой ученостью. Я представилъ ему мое разсужденіе о политической экономіи. Онъ обошелся со мною милостиво, но, какъ я замѣтилъ тогда, не совсѣмъ довѣрялъ точности этой науки. Такъ навсегда рѣшилась моя участь. Я оставлялъ столицу съ большимъ сожалѣніемъ, меня тяготило какое то непріятное чувство встрѣтить въ Харьковѣ новыя непріятности, такъ что это чувство тогда производило во мнѣ нерѣшимость ѣхать туда, — я иногда колебался, подумывалъ даже отказаться отъ предложеннаго мнѣ профессорскаго мѣста и, могу сказать, увлеченъ былъ къ тому какою то судьбою".

Обратимся теперь къ преподавательской дѣятельности профессоровъ и остановимся прежде всего на вопросѣ *о полнотѣ* преподаванія. Мы знаемъ уже [1]), какія каѳедры назначались по уставу 1804 года: на словесномъ отдѣленіи полагалось 6 каѳедръ, на этико-политическомъ—7, физико-математическомъ—9 и медицинскомъ—6; всего 28 каѳедръ, для коихъ предназначалось 28 профессоровъ и въ помощь имъ 12 адъюнктовъ, 3 лектора новыхъ языковъ и 3 учителя пріятныхъ искусствъ.

Посмотримъ теперь въ какой мѣрѣ этимъ требованіямъ устава удовлетворяла дѣйствительность.

На словесномъ отдѣленіи преподавателемъ словесности оставался до своей смерти И. Е. Срезневскій; его помощникомъ былъ адъюнктъ (съ 1815 г.) Борзенковъ, получившій въ концѣ 1819 года званіе экстра-

[1]) Опытъ исторіи Харьковскаго университета, т. 1-й, стр. 543.

ординарнаго профессора и въ 1826 г. ординарнаго; въ 1823—24 учебн. году мы видимъ еще преподавателемъ по этому предмету адъюнкта Александра Васильевича Склабовскаго и кандидата Матвѣя Николаевича Протопопова. Склабовскій читалъ и въ слѣдующіе два года, а мѣсто Протопопова занялъ въ слѣдующемъ году кандидатъ Золотаревъ, получившій въ 1830—31 г. должность адъюнкта; въ 1831 году каѳедра эта переходитъ, за уходомъ Золотарева, къ кандидату Василію Алексѣевичу Якимову, который въ 1833 году былъ произведенъ въ адъюнкты. Всѣ эти лица, конечно, далеко и во всемъ уступали И. С. Рижскому и не выходили изъ средняго уровня, а нѣкоторые были и ниже его. Но нить преподаванія все-таки не прерывалась, хотя его вели подчасъ кандидаты, ничѣмъ не заявившіе себя въ наукѣ; такъ было, напримѣръ, при Золотаревѣ.

Латинскій языкъ и словесность преподавали—послѣ отъѣзда Роммеля, Паки де Совиньи и временно Шадъ; въ 1817—1820 учебныхъ годахъ помогалъ Паки де Совиньи въ чтеніи латинскихъ авторовъ лекторъ Куницкій, состоявшій собственно при каѳедрѣ греческаго языка; въ 1819—1820 учебномъ году появился, наконецъ, настоящій и выдающійся представитель этой каѳедры Кронебергъ, сначала въ роли адъюнкта, но въ томъ же году произведенный въ экстраординарные профессора, а въ 1821 г. и въ ординарные; въ 1823—1824 учебномъ году у него появился помощникъ въ лицѣ кандидата Петра Ивановича Сокальскаго, получившаго въ 1827 году званіе адъюнкта. Каѳедра латинскаго языка была представлена блестяще Кронебергомъ, остававшимся на ней до своей смерти, послѣдовавшей уже во второй періодъ исторіи университета.

Греческій языкъ и словесность повидимому не имѣли преподавателя до пріѣзда изъ Москвы въ 1817 году лектора Куницкаго, получившаго въ 1818 г. званіе адъюнкта, а въ 1826 г. экстраординарнаго профессора; въ 1819 г. представителемъ этой каѳедры сдѣлался Джунковскій; послѣ его смерти оставался сначала одинъ Куницкій, умершій экстраординарнымъ профессоромъ въ 1832 г., а съ 1828 г. былъ приглашенъ ординарнымъ профессоромъ этого предмета Э. К. Мауреръ, остававшійся до конца изучаемаго нами періода.

Каѳедру всеобщей исторіи и географіи до своего отъѣзда въ Петербургъ занималъ Дегуровъ, а помощникомъ у него былъ лекторъ Адамовичъ, который, съ отъѣздомъ Дегурова, въ 1817—1818 учебномъ году одинъ читалъ этотъ предметъ, а въ слѣдующемъ году вмѣстѣ съ Филомафитскимъ и Гонорскимъ; въ 1819—1820 учебномъ году велъ курсъ всеобщей исторіи одинъ Филомафитскій; въ 1820—1821 году къ

нему присоединился еще Кунацкий, объявивший курсъ статистики; представителемъ каѳедры до самой своей смерти оставался впрочемъ Филомафитскій, который ничѣмъ не заявилъ себя въ своей спеціальности. Несравненно большее значеніе имѣлъ его преемникъ *В. Ф. Цихъ*, вступившій на каѳедру всеобщей исторіи въ 1831—1832 учебн. году и уже въ 1834 году перешедшій въ Кіевскій университетъ, гдѣ былъ ординарнымъ профессоромъ и ректоромъ и гдѣ оставилъ по себѣ самую свѣтлую память.

Каѳедру русской исторіи, географіи и статистики занималъ до своей смерти (въ 1820 г.) Г. П. *Успенскій* — гордость словеснаго факультета, а преемникомъ его былъ П. П. *Гулакъ-Артемовскій*, пріобрѣвшій популярность на другихъ поприщахъ дѣятельности, но не обладавшій глубокими познаніями въ своемъ предметѣ. Во всякомъ случаѣ чтеніе лекцій по этому предмету происходило безъ перерывовъ.

Каѳедра восточныхъ языковъ нашла себѣ достойнѣйшаго и, можно сказать, выдающагося представителя въ лицѣ *Дорна*, который занималъ ее до конца изучаемаго нами періода; до его же назначенія преподаванія по этому предмету съ 1815 по 1827 годъ не было.

На этико-политическомъ (нынѣшнемъ юридическомъ) факультетѣ каѳедра догматическаго и нравоучительнаго богословія, пустовавшая въ теченіе первыхъ 14 лѣтъ со дня основанія университета была замѣщена въ 1819 г. протоіереемъ *Мошневскимъ*, остававшимся на ней и послѣ введенія новаго университетскаго устава 1835 года. Вторая каѳедра толкованія священнаго писанія и церковной исторіи вовсе не имѣла представителя. Каѳедру умозрительной и практической философіи занималъ первоначально знаменитый *Шадъ*, а послѣ его изгнанія ученикъ этого философа *Дудровичъ*, далеко уступавшій въ учености своему учителю; по смерти же его, послѣ нѣкотораго перерыва, его преемниками были извѣстные уже намъ отчасти Чановъ и его адъюнктъ Гренбергъ, представлявшіе изъ себя жалкія пародіи на преподавателей этого важнаго предмета. Въ 1834—1835 гг., съ выходомъ Чанова, предметъ этотъ вовсе не преподавался въ университетѣ. Каѳедра естественнаго, политическаго и народнаго права занята была первоначально профессоромъ *Рейтомъ* до его смерти, а съ 1825 г. временно велъ преподаваніе по ней Дудровичъ; послѣ него въ 1831 году открытъ было курсъ по этому предмету кандидатъ А. Г. *Криворотовъ*, но скоро обратился къ исторіи римскаго права. Такимъ образомъ, съ 1825 по 1835 годъ каѳедра эта не имѣла самостоятельнаго представителя и по ней не всегда было даже обезпечено временное преподаваніе. Каѳедра русскаго гражданскаго и уголовнаго права первоначально замѣщена была временно

Г. П. Успенскимъ, который будучи спеціалистомъ по русской исторіи, считался однако знатокомъ и русскаго гражданскаго и уголовнаго права. Послѣ него въ 1820—1821 учебномъ году преподавалъ этотъ предметъ *Пауловичъ*, въ 1821—1822 г.—Михаловскій, а потомъ снова Пауловичъ; съ 1825 году каѳедра эта была замѣщена выдающимся профессоромъ и ученымъ И. *Даниловичемъ*, который, однако, къ сожалѣнію, получалъ продолжительныя служебныя командировки и подолгу не читалъ своего предмета; въ отсутствіе его въ 1830—1831 учебномъ году читалъ его курсъ кандидатъ Н. Т. *Спасскій*, въ 1831—1832 г. пріѣхалъ и открылъ курсъ по этому предмету адъюнктъ А. К. *Бабичевъ*; съ этого же года совмѣстно съ нимъ началъ чтеніе лекцій по этой наукѣ Г. С. *Гордѣенко*, оставшійся съ 1833 года единственнымъ преподавателемъ этого предмета и сдѣлавшійся вскорѣ достойнѣйшимъ и выдающимся представителемъ своей каѳедры. Каѳедра права древнихъ и новыхъ народовъ (въ томъ числѣ римскаго) была занята Пауловичемъ до 1834 года, когда онъ вышелъ въ отставку и его курсъ сталъ читать адъюнктъ Криворотовъ, помогавшій впрочемъ Пауловичу въ чтеніи части его предмета уже съ 1831 года. Каѳедру дипломатики и политической экономіи до смерти своей занималъ *Лангъ*; послѣ него съ 1820 по 1825 годъ его курсы временно преподавалъ Рейтъ; въ 1825 году эти науки также временно сталъ читать Пауловичъ и только съ 1832 года предметы эти стали преподаваться настоящимъ спеціалистомъ—профессоромъ Т. Ѳ. Степановымъ, бывшимъ украшеніемъ своего факультета. Такимъ образомъ, каѳедра эта оставалась вакантной въ теченіе 13 лѣтъ.

По физико-математическому факультету каѳедра чистой математики имѣла до 1821 года достойнѣйшаго представителя въ лицѣ проф. Т. Ѳ. *Осиповскаго*; помощникомъ у него былъ его ученикъ А. Ѳ. *Павловскій*; мѣсто Осиповскаго занялъ съ 1821 года *Байковъ*; оба эти профессора вели дѣло преподаванія чистой математики до 1832 года, когда мѣсто Байкова, оставившаго Харьковскій университетъ, занялъ кандидатъ Дьяченко, а главнымъ представителемъ каѳедры остался Павловскій. Представителемъ каѳедры прикладной математики былъ все время *Архангельскій*, читавшій механику, а *Васильевъ* преподавалъ иногда практическую геометрію съ геодезіей. Гораздо хуже обстояло дѣло съ астрономіей. Временно преподаваніе по этому предмету велъ въ началѣ Осиповскій. Вскорѣ правда появился самостоятельный преподаватель астрономіи ординарный профессоръ *Литровъ*, но въ 1820 г. мы его уже не находимъ и только въ 1824 году былъ подготовленъ спеціалистъ по этому предмету въ лицѣ Б. А. *Затеплинскаго*, который, къ сожалѣнію, скоро заболѣлъ душевнымъ разстройствомъ и каѳедра снова нѣкоторое

время была вакантна и только въ 1834 году занята была новымъ спеціалистомъ *Шагинымъ*. Каѳедра физики все время занята была *Комлишинскимъ*; съ 1827 года къ нему присоединился *Правицкій*. Представителемъ каѳедры химіи былъ все время *Сухомлиновъ*. Зоологію и ботанику читалъ сначала извѣстный намъ *Делявинъ* — спеціалистъ по ботаникѣ; помощниками у него были *Тауберъ*, читавшій минералогію, и Я. Н. *Громовъ*, преподававшій до перехода своего на медицинскій факультетъ зоологію. Затѣмъ выдающимся представителемъ этой каѳедры сдѣлался по смерти проф. Делявиня профессоръ ботаники В. М. *Черняевъ*, остававшійся на этой каѳедрѣ и въ слѣдующій періодъ исторіи университета; минералогію и зоологію сталъ читать съ 1825 года *Крицкій*. По каѳедрѣ „сельскаго домоводства" былъ сначала *Нельдехенъ*, а послѣ удаленія его изъ университета преподаваніе этого предмета было поручено Джунковскому; въ 1828 году читалъ этотъ предметъ Сухомлиновъ, съ слѣдующаго года Байковъ. Каѳедра же оставалась все время незамѣщенной. Почти тоже нужно сказать и относительно каѳедры технологіи — по ней временно велось преподаваніе сначала Нельдехеномъ, затѣмъ съ 1821 года оно было поручено приглашенному для этого учителю *Дьячкову*, а съ 1833 года—Сухомлинову. По каѳедрѣ военныхъ наукъ Харьковскій университетъ приготовилъ себѣ преподавателя въ лицѣ *Робуша*, читавшаго этотъ предметъ до 1833 года. Наконецъ, кромѣ этихъ каѳедръ, положенныхъ по уставу, была еще одна — архитектуры, занятая извѣстнымъ намъ Васильевымъ, читавшимъ сверхъ того иногда и курсы по математикѣ; онъ занималъ ее до своего невольнаго выхода въ отставку въ 1832 году.

На *медицинскомъ* факультетѣ каѳедра анатоміи, физіологіи и судебной медицины занята была первоначально проф. И. *Книгинымъ* (помощникомъ у него былъ нѣсколько времени прозекторъ *Лукинъ*), затѣмъ *Венедиктовымъ* и отчасти его помощникомъ *Леоновымъ*. Каѳедру патологіи, терапіи и клиники занималъ сначала *Дрейсигъ*, а послѣ его смерти въ 1819 и 1820 гг. временно читалъ курсъ по этому предмету Книгинъ, въ 1821 году—часть курса (общую и частную патологію) *Гнѣдичъ* (одинъ годъ), потомъ *Рейпольскій* (съ 1824 года), а съ 1828 года и *Брандейсъ*, ведшій и клинику, потомъ остался одинъ Рейпольскій и отчасти ему помогалъ Блументаль. Такимъ образомъ въ сущности настоящимъ представителемъ этой каѳедры послѣ смерти Дрейсига былъ только Брандейсъ. Каѳедру хирургіи первоначально занималъ *Шумлянскій*, помощникомъ же у него былъ *Колумна Вигура*, потомъ она нѣсколько лѣтъ была вакантна, а съ 1821 года ее занялъ Н. И. *Еллинскій*, помощникомъ у него въ послѣднее время былъ *Кригеръ*, но ка-

ѳедра была вакантна; въ 1834 году на нее назначенъ былъ *Бутковскій*. Каѳедра акушерства была занята раньше *Каменскимъ*, потомъ съ 1824 г. *Богородицкимъ*, съ 1827 года *Блументалемъ*, съ 1834 года *Ганомъ*. Каѳедра ветеринаріи занята была первоначально знаменитымъ *Пильгеромъ*, а послѣ него скромнымъ *Экебладомъ*. Наконецъ, шестая каѳедра фармакологіи и фармаціи занята была первоначально *Ваннoти* и *Болгаревскимъ*, затѣмъ Громовымъ до 1334 г., наконецъ въ 1834—1835 учебномъ году Е. С. *Гордѣенкомъ*.

Изъ представленныхъ данныхъ видно, что на словесномъ отдѣленіи долго оставалась вакантною только каѳедра восточныхъ языковъ; по остальнымъ предметамъ, хотя по временамъ, каѳедры и не были замѣщены, но преподаваніе шло безъ перерыва. На этико-политическомъ факультетѣ все время не была занята каѳедра церковной исторіи, нѣсколько первыхъ лѣтъ—богословія, были перерывы въ чтеніи философіи и русскаго права; оставалась безъ спеціалиста долгое время каѳедра политической экономіи и естественнаго права. На физико-математическомъ факультетѣ долго оставались вакантными каѳедры астрономіи, сельскаго хозяйства и технологіи. На медицинскомъ факультетѣ оставались не замѣщенными каѳедры патологіи и терапіи съ клиникой и хирургіи.

Преподаваніе въ такихъ случаяхъ старались обезпечить наличными силами преподавательскаго персонала, который, вообще говоря, былъ не великъ — значительно меньше требованій устава. По уставу, какъ мы уже знаемъ, полный штатъ профессоровъ и адъюнктовъ долженъ былъ бы состоять изъ 40 душъ—28 профессоровъ (т. е. въ среднемъ по 7 на факультетъ) и 12 адъюнктовъ (по 3 на факультетъ), иначе говоря, должно было бы быть по 10 преподавателей на факультетѣ. Что же мы видимъ въ дѣйствительности? Представимъ по этому вопросу статистическія данныя [1]).

Въ 1815—1816 учебномъ году на этико-политическомъ факультетѣ было 4 профессора и 2 адъюнкта, на физико-математическомъ— 4 профессора и 3 адъюнкта, на словесномъ—4 профессора и 2 адъюнкта, на медицинскомъ—6 профессоровъ и 2 адъюнкта; всего 18 профессоровъ и 9 адъюнктовъ — 27 душъ (мы для краткости помѣщаемъ въ число адъюнктовъ и преподавателей, не имѣвшихъ еще званія адъюнкта). Въ 1816—1817 учебномъ году на словесномъ факультетѣ было 4 профессора, 3 преподавателя, всего 7 душъ; на этико-политическомъ— 3 профессора и 2 адъюнкта, всего 5 душъ; на физико-математическомъ

---

1) Данныя эти извлечены нами частію изъ ежегодныхъ обозрѣній преподаваній, частію изъ ежегодныхъ формулярныхъ списковъ преподавателей.

—4 профессора и 7 адъюнктовъ, всего 11 душъ; на медицинскомъ—6 профессоровъ и 2 адъюнкта, всего 8 душъ; а всѣхъ 31 человѣкъ, въ томъ числѣ 17 профессоровъ и 14 адъюнктовъ. Недоставало, слѣдовательно, 11 профессоровъ и было лишнихъ два адъюнкта: на словесномъ факультетѣ недоставало двухъ профессоровъ, на этико-политическомъ — 4, на медицинскомъ было требуемое уставомъ число. Если присоединить къ числу профессоровъ еще адъюнктовъ и кандидатовъ, читавшихъ по вакантнымъ каѳедрамъ, то тѣхъ и другихъ окажется почти столько же, сколько требовалось по устану однихъ профессоровъ. Иными словами, многія каѳедры были заняты адъюнктами и даже отчасти кандидатами. Въ 1817—1818 учебномъ году было на словесномъ факультетѣ 6 преподавателей, на этико-политическомъ — 4, физико-математическомъ—9, на медицинскомъ—7; всѣхъ 26 душъ. Недоставало, слѣдовательно, 14 преподавателей; всѣхъ преподавателей было меньше, чѣмъ требовалось по уставу однихъ профессоровъ. Въ 1818—1819 учебномъ году на этико-политическомъ факультетѣ было 3 профессора и 1 адъюнктъ, на физико-математическомъ — 4 профессора и 6 адъюнктовъ, на медицинскомъ — 5 профессоровъ и 1 адъюнктъ, на словесномъ 3 профессора и 5 преподавателей; всего 15 профессоровъ и 13 преподавателей—28 душъ. Въ 1819—1820 году на этико-политическомъ факультетѣ—4 профессора, на физико-математическомъ—10 профессоровъ и 2 преподавателя, на медицинскомъ — 6 профессоровъ и 1 адъюнктъ, на словесномъ—7 профессоровъ и 2 адъюнкта; всего 27 профессоровъ и 5 преподавателей—32 человѣка. Въ 1820—1821 учебн. году на этико-политическомъ факультетѣ было 4 профессора, на физико-математическомъ—7 профессоровъ и 2 адъюнкта, на медицинскомъ—4 профессора, на словесномъ—4 профессора и 3 преподавателя; всего 19 профессоровъ и 5 преподавателей — 24 души. Въ 1821 — 1822 году на словесномъ факультетѣ—4 профессора и 3 преподавателя, на этико-политическомъ—4 профессора и 1 адъюнктъ, на физико-математическомъ —7 профессоровъ и 3 адъюнкта, на медицинскомъ—3 профессора и 1 адъюнктъ; всего 18 профессоровъ и 8 преподавателей — 26 душъ. Въ 1822—1823 учебн. году—на словесномъ факультетѣ 4 профессора и 3 адъюнкта, на медицинскомъ—3 профессора и 2 адъюнкта, на физико-математическомъ—7 профессоровъ и 3 адъюнкта, на этико-политическомъ —4 профессора и 1 адъюнктъ; всего 18 профессоровъ и 9 адъюнктовъ—27 душъ. Въ 1823—1824 учебн. году—на словесномъ факультетѣ 4 профессора и 3 преподавателя, на медицинскомъ—2 профессора и 3 адъюнкта, на физико-математическомъ—7 профессоровъ и 3 преподавателя, на этико-политическомъ—4 профессора и 1 преподаватель; всего 17 про-

фессоровъ и 10 преподавателей—27 душъ. Въ 1824—1825 учебн. году—на словесномъ факультетѣ 4 профессора и 4 преподавателя, на этико-политическомъ — 4 профессора, на медицинскомъ — 4 профессора и 2 адъюнкта, на физико-математическомъ — 6 профессоровъ и 3 адъюнкта; всего 17 профессоровъ и 9 преподавателей—27 душъ. Въ 1825—1826 учебн. году—на словесномъ факультетѣ 4 профессора и 4 преподателя, на медицинскомъ—4 профессора и 3 преподавателя, на физико-математическомъ—6 профессоровъ и 5 преподавателей, на этико-политическомъ 4 професора; всего 18 профессоровъ и 12 преподавателей—30 душъ. Въ 1826—1827 учебн. году—было на словесномъ факультетѣ 7 профессоровъ и 2 преподавателя, на этико-политическомъ—4 профессора, на физико-математическомъ — 7 профессоровъ и 4 преподавателя, на медицинскомъ—5 профессоровъ и 2 адъюнкта; всего 23 профессора и 8 преподавателей—31 человѣкъ. Въ 1827—1828 учебн. году—на словесномъ факультетѣ было 6 профессоровъ и 2 преподавателя, на этико-политическомъ—4 профессора, на физико-математическомъ—7 профессоровъ и 4 адъюнкта, на медицинскомъ—6 профессоровъ и 1 адъюнктъ; всего 23 профессора и 7 преподавателей—30 душъ. Въ 1828—1829 уч. году на словесномъ факультетѣ—4 профессора и 4 преподавателя, на этико-политическомъ—4 профессора, на физико-математическомъ—6 профессоровъ и 3 преподавателя, на медицинскомъ—4 профессора и 2 преподавателя; всего 18 профессоровъ и 9 преподавателей — 27 душъ. Въ 1829—1830 учебн. году на словесномъ факультетѣ 7 профессоровъ и 2 преподавателя, на этико-политическомъ—4 профессора, на физико-математическомъ—10 профессоровъ и 2 преподавателя, на медицинскомъ—6 профессоровъ и 1 адъюнктъ; всего 27 профессоровъ и 5 преподавателей — 32 души. Въ 1830—1831 учебн. году—на словесномъ факультетѣ 7 профессоровъ и 2 адъюнкта, на этико-политическомъ—3 профессора и 2 преподавателя, на физико-математическомъ—10 профессоровъ и 2 преподавателя, на медицинскомъ — 6 профессоровъ и 1 адъюнктъ; всего 26 профессоровъ и 7 преподавателей—33 человѣка. Въ 1831—1832 учебн. году—на словесномъ факультетѣ 6 профессоровъ и 1 преподаватель, на этико-политическомъ—3 профессора, на физико-математическомъ 10 профессоровъ и 2 преподавателя, на медицинскомъ —7 профессоровъ; всего 26 профессоровъ и 3 преподавателя—29 человѣкъ. Въ 1832—1833 году—на словесномъ факультетѣ было 5 профессоровъ и 3 преподавателя, на физико-математическомъ—10 профессоровъ и 1 преподаватель, на этико-политическомъ—4 профессора и 4 преподавателя, на медицинскомъ—7 профессоровъ; всего 26 профессоровъ и 8 преподавателей—34 души. Въ 1833—1834 учебн. году—на словесномъ

факультетѣ — 5 профессоровъ и 4 преподавателя, на этико-политическомъ—5 профессоровъ и 2 преподавателя, на физико-математическомъ —7 профессоровъ и 2 преподавателя, на медицинскомъ—5 профессоровъ и 2 преподавателя; всего 22 профессора и 10 преподавателей—32 человѣка. Въ 1834—1835 учебн. году на словесномъ факультетѣ было 6 профессоровъ и 2 преподавателя, на физико-математическомъ—6 профессоровъ и 4 преподавателя, на этико-политическомъ — 3 профессора и 2 преподавателя, на медицинскомъ—6 профессоровъ и 3 преподавателя; всего 21 профессоръ и 11 преподавателей—32 человѣка.

И такъ, среднее число преподавателей въ Харьковскомъ университетѣ по всѣмъ факультетамъ за изучаемый нами періодъ времени (т. е. за 20 лѣтъ) равнялось 29¼, въ то время какъ по уставу требовалось ихъ 40, т. е. иными словами недоставало болѣе 25%. Самыми печальными годами по числу преподавателей являются—1815 (27), 1817 (26), 1820 (24), 1821 (26), 1822 (27), 1823 (27), 1824 (27), 1828 (27); самыми лучшими—1819 (32), 1826 (31), 1829 (32), 1830 (33), 1832 (34). Среднее число однихъ профессоровъ (за 19 лѣтъ) равнялось почти 21; среднее число преподавателей—8½, т. е. профессоровъ недоставало до нормы ежегодно 7, а адъюнктовъ 3½. Между факультетами преподаватели распредѣлялись такъ: на долю словеснаго факультета приходилось въ среднемъ (за 20 лѣтъ) въ годъ 7¾, физико-математическаго — 10¼, этико-политическаго—4¾ и медицинскаго—6½. Недоставало до нормы устава (если пріурочить къ каждому факультету по 3 адъюнкта), по словесному факультету 1¼, по физико-математическому факультету—1¾, медицинскому — 2½ и этико-политическому — 5¼, иными словами, по обезпеченію факультетовъ преподавателями они идутъ въ такомъ нисходящемъ порядкѣ: словесный (наилучше обезпеченный), физико-математическій, медицинскій и этико-политическій. Колебанія по годамъ на одномъ и томъ же факультетѣ были значительны: на этико-политическомъ максимальное число преподавателей равнялось 8, минимальное—3, на медицинскомъ максимальное—9, минимальное—4, на физико-математическомъ максимальное—12, минимальное—7, на словесномъ максимальное—9, минимальное—6. Въ наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ находился словесный факультетъ, за нимъ слѣдовали физико-математическій, медицинскій и этико-политическій.

Если сравнить эти цифры съ цифрами 1-го десятилѣтія, то окажется слѣдующее: среднее число преподавателей тогда равнялось 24 въ годъ, а средній ежегодный дефицитъ ихъ былъ равенъ 16 [1]). Слѣ-

---

[1]) Мой „Опытъ исторіи Харьк. университета", т. 1-й, стр. 222.

довательно, общая норма все-таки возвысилась съ 24 до $29^1/_4$, а дефицитъ уменьшился съ 16 до $10^3/_4$.

Посмотримъ теперь, какіе курсы читали профессора и преподаватели и какими пособіями они пользовались.

И. Е. Срезневскій читалъ курсъ теоретической и практической эстетики и критики и хотѣлъ присоединить къ нему, если позволитъ время, изложеніе аналитической исторіи изящныхъ наукъ и искусствъ и разбиралъ сочиненія своихъ слушателей.

Борзенковъ читалъ введеніе въ кругъ словесности, риторику и піитику по Рижскому съ упражненіями въ слогѣ, потомъ эстетику и критику по Мейнерсу, исторію русской словесности по руководству Греча.

Склабовскій преподавалъ поэзію и философскую грамматику (1-ю по Блеру, Гречу и Остолопову).

Золотаревъ читалъ риторику по Рижскому, поэзію, исторію русской словесности, временно логику и психологію по рукописи Дудровича.

Якимовъ читалъ риторику, піитику, исторію русской словесности, теорію словесности и велъ практическія занятія.

Дегуровъ на латинскомъ языкѣ излагалъ новую исторію; преподавалъ также и французскій языкъ (литературу).

Филомафитскій читалъ всеобщую исторію по руководствамъ Шлецера и Кайданова, географію (по Клюверію), а потомъ по собственному руководству, одобренному начальствомъ, объяснялъ особенности древнихъ и новыхъ историковъ.

Гонорскій велъ преподаваніе по всеобщей исторіи, всеобщей географіи (по Зябловскому) и статистикѣ (по собственнымъ запискамъ и Мейзелю).

Адамовичъ также читалъ всеобщую исторію (среднюю и новую) по Зябловскому, дѣлая прибавленія изъ лучшихъ историческихъ писателей.

Цыхъ читалъ всеобщую исторію по Геерену и своему конспекту.

Успенскій читалъ систематическій курсъ русской исторіи, географію и статистику Россійской имперіи (по своимъ запискамъ). Потомъ эти же курсы—русской исторіи, географіи и статистики читалъ Гулакъ-Артемовскій: 1-й курсъ по Константинову, а потомъ по своимъ запискамъ, одобреннымъ ученымъ комитетомъ, 2-й курсъ—по Зябловскому и Арсеньеву, а потомъ и по своимъ запискамъ.

Дудровичъ читалъ по-русски и по-латыни эмпирическую психологію, логику и велъ по этой послѣдней практическія занятія, состоявшія въ диспутахъ для развитія силлогистическаго искусства; читалъ и курсъ нравственной философіи, руководствуясь преимущественно Карпіемъ, и

исторію философіи по руководству Аста, введеніе во всеобщую философію и частное естественное право по соч. Эггера: „Das natürliche Privat-recht nach dem Lehrbuche des Zeiller über das selbe von Egger: Wien und Triest, 1815", общее естественное право по началамъ Мартини и придерживаясь сочиненія Мемеля, и естественное право народовъ по соч. Эггера: „Das natürliche öffentliche Recht."

Шадъ преподавалъ философію, а въ качествѣ временнаго лектора латинскаго языка переводилъ со студентами сочиненія Цицерона о дружбѣ и старости и сатиры Горація.

Чановъ читалъ нравственную философію, исторію философіи, теорію эстетики и указывалъ лучшихъ авторовъ для чтенія.

Протопоповъ читалъ логику по запискамъ Дудровича, а временно риторику.

Гренбергъ читалъ логику и психологію по конспекту Чанова.

Павелъ де Совиньи читалъ младшій курсъ латинскаго языка, объяснялъ грамматику, переводилъ легкихъ прозаиковъ и упражнялъ своихъ слушателей въ сочиненіяхъ на латинскомъ языкѣ, объяснялъ оды Горація, сочиненіе Цицерона о должностяхъ и Архія поэтѣ, излагалъ исторію греческихъ и римскихъ писателей, читалъ исторію французскаго языка и словесность по своей книгѣ „Cours de langue et de litterature française".

Кронебергъ объяснялъ римскихъ классиковъ (Тацита, Горація и Цицерона), преподавалъ филологическую энциклопедію, римскія древности, по изданной имъ книгѣ „Antiquitates romanae" и исторію римской словесности, велъ преподаваніе по нѣмецкой словесности.

Сокальскій объяснялъ легчайшихъ римскихъ авторовъ, Федровы басни, Цицерона, Энеиду, переводилъ съ латинскаго на русскій и обратно, читалъ исторію римской словесности по руководству Филеборна и римскія древности по книгѣ Кронеберга.

Куницкій читалъ исторію греческой литературы по руководству Эшенбурга, греческую грамматику и занимался переводомъ по хрестоматіи Гедике и стихотворцевъ хрестоматіи Белень де Валлю и писателей по изданію Матея; съ любителями занимался объясненіями сочиненій Цицерона — Ораторъ и О дружбѣ, Виргиліевыхъ Георгикъ, Гораціевой книги о стихотворномъ искусствѣ и метрикой; кромѣ того переводилъ Платонова Критона, велъ курсъ миѳологіи, теорію статистики по сочиненію Германа и географію важнѣйшихъ европейскихъ государствъ по Гейму, читалъ спеціальный курсъ о сходствѣ латинскаго и славянскаго языковъ.

Джунковскій преподавалъ греческую словесность по руководству Эшенбурга и по собственнымъ запискамъ, переводилъ Иліаду Гомера, излагалъ греческія древности по Возію.

Мауреръ читалъ греческую грамматику, педагогію и комментировалъ Anabasis Ксенофонта, Плутарха, Гомера Одиссею, Өеокрита.

Дорнъ объяснялъ персидскую хресторатію Болдырева и Вильненія, арабскую грамматику, алкоранъ, изданный въ Казани, преподавалъ желающимъ санскритскій языкъ, читалъ персидскій, арабскій и турецкій языки, а также турецкую хрестоматію Летельера, исторію персидской литературы, для желающихъ еврейскій и эфіонскій языки, обучалъ англійскому языку и читалъ книгу Гольдсмита „The vicar of Wekefield".

По французскому языку Паки де Совиньи разбиралъ лучшихъ прозаиковъ, въ особенности Разговоры мертвыхъ и похожденія Телемака, Фенелона, болѣе же успѣвшимъ объяснялъ Вольтерову Генріаду, стихотворную науку и сатиры Буало, читалъ курсъ французской литературы по Лагарпу и Боало.

Гонорскій преподавалъ нѣмецкій языкъ, сравнивалъ идіотизмы обоихъ языковъ, упражнялъ въ разговорахъ и читалъ краткій курсъ нѣмецкой литературы.

На этико-политическомъ факультетѣ Могилевскій преподавалъ богопознаніе и христіанское ученіе (первое по Фальковскому и Өеофилакту, второе—по своимъ запискамъ), объяснялъ евангеліе и апостольскія посланія.

Лангъ читалъ народную экономію, политическую ариөметику (т. е. политическую экономію и статистику) и науку объ общественныхъ доходахъ (т. е. финансовое право) по собственнымъ запискамъ.

Степановъ читалъ политическую экономію.

Рейтъ преподавалъ на латинскомъ языкѣ естественное право по руководствамъ Мейстера, Мартини и Гроса „Lehrbuch der philosophischen Rechts—wissenschaft oder des Natur—Rechts, 1812 и Карпе „Philosophische Rechtslehre", естественное, политическое, народное право по руководству Клейна „Grundsätze der natürlichen Rechts—Wissenschaft", Halle, 1891; читалъ онъ также временно политическую экономію по руководству Шторха и по сочиненію Якоба „Grundsätze der National Oekonomie", 1809, и дипломатику по собственнымъ запискамъ.

Криворотовъ читалъ естественное право по руководству Мартини „Positiones de lege naturali", исторію римскаго права по конспекту проф. Пауловича, объяснялъ пандекты и институціи.

Пауловичъ читалъ курсъ исторіи римскаго права по руководству Баха, догмы его (по выпискамъ изъ Гейнекція и Вальдека), уголовнаго

права по собственнымъ запискамъ, энциклопедіи и методологіи права древнихъ и новѣйшихъ народовъ (на латинскомъ языкѣ), россійскаго права (временно) по руководству Веньяминова-Зернова, временно политической экономіи отчасти по теоріи Ад. Смита, а отчасти по руководству Шлецера, наконецъ дипломатики по сочиненію Мартенса.

Успенскій на этико-политическомъ факультетѣ преподавалъ исторію русскаго права вообще и русское уголовное и гражданское право и практику въ обоихъ правахъ (т. е. уголовномъ и гражданскомъ), по собственнымъ запискамъ, а также спеціальный курсъ литовскаго, курляндскаго, лифляндскаго и эстляндскаго права.

Даниловичъ читалъ русское гражданское право и судопроизводство по руководству Веніаминова-Зернова со своими дополненіями, а потомъ по своимъ запискамъ, частныя постановленія присоединенныхъ областей, русское уголовное право, слѣдуя Генке и по собственнымъ запискамъ, показывалъ порядокъ уголовнаго судопроизводства въ Россіи.

Михаловскій преподавалъ русское уголовное и гражданское право по собственнымъ запискамъ.

Спасскій излагалъ гражданское и уголовное право и судопроизводство.

Бабичевъ читалъ русское публичное право, русское уголовное и гражданское судопроизводство.

Гордѣенко преподавалъ русское гражданское право, руководствуясь сводомъ законовъ и своимъ конспектомъ.

На физико-математическомъ факультетѣ Осиповскій излагалъ курсъ интегральнаго и варіаціоннаго исчисленія и приложенія аналитическихъ функцій къ высшей геометріи по собственнымъ запискамъ, оптику по Лакалю, астрономію по Біоту.

Павловскій читалъ алгебру, обыкновенную и высшую геометрію, плоскую и сферическую тригонометрію, коническія сѣченія, дифференціальныя и интегральныя исчисленія, теорію аналитическихъ функцій по руководству Осиповскаго, а потомъ по собственнымъ запискамъ.

Байковъ преподавалъ низшую чистую математику по руководству Осиповскаго и Эйлера, высшую чистую алгебру, плоскую и сферическую тригонометрію, коническія сѣченія, практическую геометрію по руководству Осиповскаго и Франкера, временно сельское хозяйство по руководству Таёра и обучалъ практической съемкѣ и исчисленіямъ на косточкахъ по способу Свободскаго.

Архангельскій излагалъ переведенную имъ на русскій языкъ Франкерову механику, одно время оптику по руководству Бюржа и Делакаль,

а также приложеніе механическихъ началъ къ употребленію машинъ по сочиненію Чижова со своими прибавленіями.

Дьячевко читалъ чистую математику, практическую геометрію, счетъ по системѣ Свободскаго и оптику по Архангельскому.

Васильевъ велъ преподаваніе по архитектурѣ, основываясь на руководствѣ Дюранда и собственныхъ запискахъ, а сверхъ того преподавалъ практическую геометрію съ началами геодезіи и упражнялъ въ черченіи..

Робушъ излагалъ полевую фортификацію по руководству Вернона и Бусмаера, долговременную фортификацію по руководству Сенюоля, теорію осады и защиты крѣпостей, артиллерію по руководству Гогеля, занималъ своихъ слушателей черченіемъ плановъ.

Комлишинскій преподавалъ теоретическую физику по сочиненію, изданному главнымъ правленіемъ училищъ, а потомъ по собственнымъ запискамъ, прикладную физику по Мейеру, физическую географію и метеорологію по собственнымъ запискамъ, физическую астрономію и технологію по Денисову.

Правицкій, подъ руководствомъ Комлишинскаго, читалъ общую физику для медиковъ студентовъ.

Сухомлиновъ читалъ химію по руководству Гизе, теорію химіи и стехіометрію по собственнымъ запискамъ, временно—минералогію, сельское хозяйство по Павлову и Бекману и технологію.

Тауберъ преподавалъ минералогію по-латыни, придерживаясь химической системы Карстена, представленной въ минералогическихъ таблицахъ, ориктогнозію по русскому сокращенію Фишера и геогнозію.

Делявинь читалъ на латинскомъ языкѣ зоологію по Блуменбаху, ботанику по руководству Вильденова и по собственнымъ запискамъ, а по утрамъ въ субботы при благопріятной погодѣ демонстрировалъ растенія въ университетскомъ саду или на загородныхъ прогулкахъ.

Черняевъ читалъ первоначально общее обозрѣніе естественной исторіи, потомъ ботанику по Вильденову, Ришару и Горяинову (Начальныя основанія ботаники. Спб., 1827 г.), роды растеній вообще по Декандолю и харьковской флоры на живыхъ сухихъ растеніяхъ по своимъ запискамъ, весною и лѣтомъ разъ въ недѣлю дѣлалъ со своими слушателями ботаническія экскурсіи.

Кржиницкій преподавалъ минералогію по Фишеру, Щеглову и своимъ запискамъ, зоологію по Кювье, Яроцкому и своимъ запискамъ.

Дьячковъ читалъ технологію съ коммерціей по руководству Бекмана и Двигубскаго съ собственными примѣчаніями.

Нельдехенъ читалъ на нѣмецкомъ или на французскомъ языкѣ агрономію по руководству Бекмана и естественную исторію въ приложеніи къ агрономіи по руководству Бекштейна, а также временно технологію по Бекману и Гербштедту.

Джунковскій читалъ сельское хозяйство по руководству Бекмана и по собственнымъ запискамъ.

Литровъ читалъ астрономію.

Затеплинскій послѣ него читалъ теоретическую астрономію по руководству Лапласа, Шуберта и Деламбра.

Шагинъ читалъ астрономію по собственнымъ запискамъ и книгѣ Деламбра „Astronomie theorique et practique“.

На медицинскомъ факультетѣ Шумлянскій читалъ теоретическую и практическую хирургію.

Еллинскій читалъ оперативную и патолого-терапевтическую хирургію по руководству Буша и клиническія хирургическія наставленія, десмургію, науку о хирургическихъ инструментахъ и временно повивальное искусство, женскія болѣзни по сочиненію „Ueber das philosophische und pathologische Leben des Weibes“.

Кригеръ преподавалъ десмургію по запискамъ Еллинскаго, оперативную хирургію и читалъ со студентами медицинскія сочиненія на нѣмецкомъ языкѣ.

Колумна Вигура читалъ теоретическую и практическую хирургію и дѣлалъ хирургическіе опыты.

Настоящимъ же представителемъ каѳедры послѣ Еллинскаго сдѣлался Бутковскій.

Дрейсигъ читалъ общую и частную патологію, терапію хроническихъ болѣзней и велъ клинику (ежедневно по 1 часу).

Брандейсъ преподавалъ общую и частную патологію и терапію, велъ ежедневно клиническія упражненія, объяснялъ сочиненіе Цельса „De re medica“ и афоризмы Гиппократа.

Гнѣдичъ не долго читалъ общую и частную патологію, а также повивальное искусство.

Рейпольскій излагалъ ученіе о хроническихъ болѣзняхъ, а потомъ общую и частную патологію и терапію.

Пильгеръ преподавалъ ветеринарную медицину.

Экебладъ читалъ общее обозрѣніе ветеринарной науки относительно ея различныхъ вѣтвей, пользы и исторіи, зоотомію главнѣйшихъ животныхъ, сравнительную физіологію и патологію и повальныя болѣзни домашнихъ животныхъ.

Книгинъ читалъ курсы анатоміи по сокращенію Загорскаго, физіологіи по сокращенію Кронсбруха, медицинской полиціи и судебной медицины по собственнымъ запискамъ и временно вмѣсто Дрейсига патологію, терапію и клиническіе опыты.

Прозекторъ Лукинъ излагалъ 1-ю часть анатоміи по сочиненію Загорскаго.

Венедиктовъ преподавалъ анатомію по руководству Загорскаго упражнялъ слушателей въ „трупоразъятіи“ и приготовлялъ трупы для анатомическихъ лекцій; читалъ физіологію, судебную медицину и медицинскую полицію.

Леоновъ преподавалъ анатомію (1-ю часть).

Каменскій читалъ курсъ повивальнаго искусства, женскихъ и дѣтскихъ болѣзней по сочиненію Мартенса и Амбодика, съ прибавленіемъ собственныхъ примѣчаній.

Богородицкій преподавалъ теоретическое и практическое акушерство по сочиненію Капюрона „Cours theoretique et practique d'accouchemens, 1816“, женскія и дѣтскія болѣзни.

Блументаль читалъ теоретическое и практическое акушерство по руководству Іерга и Озіандера, а когда представлялся случай, посѣщалъ со слушателями клинику для практическихъ занятій, т. е. лѣченія родильницъ и младенцевъ, излагалъ дѣтскія болѣзни по руководству Генке и Гартаннера, велъ практическія упражненія на фантасмѣ, читалъ объ острыхъ болѣзняхъ, ложныхъ воспаленіяхъ и чахоткѣ. Его преемникомъ былъ Ганъ, также читавшій акушерство.

Ванноти преподавалъ фармакологію и рецептуру, руководствуясь для приготовленія лекарствъ русской гражданской и военной фармакопеей, а также практическую фармацію и исторію медицины.

Громовъ читалъ фармакологію по сочиненію Геккера, руководствуясь въ фармакологической практикѣ сокращеніемъ Бухгольца „Theorie und Praxis der pharmaceutisch-chemischen Arbeiten. Leipzig, 1818“, а для приготовленія лекарствъ—сочиненіемъ Нелюбина и русской полевой фармакопеей; кромѣ того онъ дѣлалъ обозрѣніе медицинскихъ системъ по руководству Удена и Геккера.

Болгаревскій читалъ практическую фармацію по руководству химика и фармацевта Буильона Лагранжа.

Гордѣенко преподавалъ фармацію по Тримсдорфу и рецептуру по Фохту.

Каленниченко преподавалъ врачебную естественную исторію по руководству Ришара.

Чтобы дать болѣе полное понятіе о характерѣ преподаванія того времени, мы приведемъ нѣкоторыя болѣе подробныя (сравнительно съ приведенными выше) свѣдѣнія о курсахъ, читанныхъ профессорами и адъюнктами въ 1834 году. Не преподавались вовсе—толкованіе священнаго писанія и церковная исторія, сельское домоводство и коммерція, по неимѣнію профессоровъ; прекратилось также, за выходомъ изъ университета Чанова и Гренберга, преподаваніе философіи и нѣмецкаго языка (Чанова долженъ былъ замѣнить Протопоповъ), за выходомъ Экеблада — преподаваніе ветеринаріи, за увольненіемъ Криворотова — римскаго права и за перемѣщеніемъ въ Кіевъ адъюнкта Цыха—преподаваніе всеобщей исторіи. Введено же было на медицинскомъ факультетѣ преподаваніе психіатріи, системъ медицины и медицинской естественной исторіи. По преподаваемымъ курсамъ дѣлались репетиціи—по третямъ года и по прочтеніи каждаго отдѣла. Курсъ проф. Степанова состоялъ въ критическомъ изложеніи мнѣній важнѣйшихъ представителей политической экономіи—Ад. Смита, Сея, Рикардо, Мальтуса, Маккюлока, Ганиля, Сисмонди и нѣкоторыхъ другихъ. Криворотовъ по римскому праву кромѣ конспекта Пауловича опирался на сочиненія Нибура, Гуго и Савиньи. Русское публичное право проф. Г. Гордѣенко читалъ по своду законовъ россійской имперіи, заимствуя объясненія изъ полнаго собранія законовъ. Способъ изложенія у него былъ историческій: онъ обозрѣвалъ статьи законовъ въ постепенномъ ихъ развитіи и объяснялъ при этомъ ихъ приложеніе въ частныхъ случаяхъ. Студенты обязаны были составлять для упражненія подробный журналъ всякой прочитанной лекціи. Русское гражданское судопроизводство онъ излагалъ такимъ же образомъ, руководствуясь сводомъ законовъ и объясняя, какъ исторически вырабатывались современныя нормы. Студенты упражнялись въ составленіи конспектовъ лекцій, дѣловыхъ бумагъ и производствѣ дѣлъ, заимствуя матеріалъ для нихъ изъ печатныхъ сенатскихъ записокъ. Русское уголовное право читалъ тотъ же Г. Гордѣенко. При изложеніи общей части, онъ руководствовался преимущественно Фейербахомъ и Генке, вторую спеціальную часть излагалъ по своду законовъ. При изложеніи подвергались разсмотрѣнію усовершенствованныя европейскія законодательства Баваріи, Пруссіи, Австріи и Франціи и мнѣнія извѣстнѣйшихъ криминалистовъ—Грольмана, Клейнрода, Клейна, Беккарія' Митермайера и другихъ. Прикладную физику читалъ Комлишинскій по руководству проф. Мунке, а Правицкій общую физику—по запискамъ Комлишинскаго. Дьяченко читалъ высшую алгебру, тригонометрію и коническія сѣченія по сочиненіямъ Коши, Бурдона, Лежандра и Осиповскаго. Для упражненія студентовъ имъ предлагались матема-

тическія задачи. Проф. Осиновскій преподавалъ высшую математику— общую теорію функцій и ихъ преобразованіе (введеніе въ анализъ безконечно малыхъ), дифференціальное исчисленіе, алгебраическую часть приложенія анализа къ геометріи, по сочиненіямъ Эйлера, Лагранжа и Монжа. Студентамъ предлагались математическія задачи. Физику преподавалъ Дьяченко по Гершелю, Пулье и Біоту. Архангельскій излагалъ механику по сочиненію Франкера и собственнымъ запискамъ и предлагалъ студентамъ разбирать нѣкоторые примѣры, помѣщенные въ книгѣ. Затеплинскій преподавалъ астрономію по своимъ запискамъ, Шуберту и Делямбра. Его преемникъ Шагинъ читалъ свой курсъ по книгѣ Делямбра и предлагалъ студентамъ астрономическія задачи для рѣшенія ихъ посредствомъ логариѳмовъ. Сухомлиновъ излагалъ химію по своимъ запискамъ, придерживаясь также сочиненій Гмелина и Гесса съ дополненіями изъ періодическихъ изданій; особыхъ упражненій не было. Зоологію преподавалъ Криницкій по Кювье и Яроцкому, при чемъ спеціально излагалъ систему Кювье. Онъ же читалъ и минералогію по Щеглову. Ботанику читалъ Черняевъ, обращая особенное вниманіе на практическія упражненія, которыя лѣтомъ производились въ ботаническомъ саду и полѣ надъ живыми, а зимою надъ высушенными образцами. Технологію читалъ Сухомлиновъ по своимъ запискамъ и Денисову. Венедиктовъ читалъ анатомію, по сочиненіямъ Меккеля „Handbuch der menschlicher Anatomie. Halle, 1812—1815“ и „Bayle et Hollard. Manuel d'anatomie descriptive“ и „Manuel d'anatomie génerale“; студенты же пользовались руководствомъ Загорскаго. Тотъ же Венедиктовъ излагалъ и физіологію по руководству Ленгоссека „Institutiones physiologiae organismi humani“ и сочиненіямъ Тидеманна, Бертольда, Бленвиля и другихъ. Онъ же читалъ судебную медицину по руководству академика Громова „Краткое изложеніе судебной медицины“, и медицинскую полицію по руководству Вельцина „Начертаніе врачебнаго благоустройства“ и сочиненіямъ Béné „Elementa politiae medicae“, Франка, Шмидтмиллера и другихъ. При изложеніи судебной медицины происходили вскрытія умершихъ. Студенты 3 и 4-го курса дѣлали по очереди анатомо-физіологическія демонстраціи, а студенты 4-го курса упражнялись въ судебно-медицинскомъ изслѣдованіи мертвыхъ и составленіи судебно-медицинскихъ актовъ; казеннокоштные студенты 2-го курса упражнялись въ практической анатоміи. Помощникомъ у Венедиктова по части анатоміи былъ Леоновъ. Но все-таки Венедиктову было очень трудно вести такіе обширные и самостоятельные курсы— и самъ университетъ ходатайствовалъ о порученіи ихъ нѣсколькимъ преподавателямъ. Курсы общей патологіи и терапіи читалъ Рейпольскій

по собственнымъ запискамъ и сочиненіямъ Шпрентеля, Гартмана, Геккера и Гуфеланда. Онъ же преподавалъ отдѣлъ частной терапіи о хроническихъ болѣзняхъ по своимъ запискамъ и сочиненіямъ Газе, Рихтера и П. Франка. Отдѣлъ объ острыхъ заболѣваніяхъ излагалъ Блументаль, по своему конспекту и придерживаясь Рихтера. Фармакологію читалъ Громовъ по собственному конспекту, фармацію—Е. С. Гордѣенко по своимъ запискамъ, извлеченнымъ изъ сочиненій Громсдорфа и Геккера, рецептуру—онъ же по руководству Фохта. Проф. Ганъ читалъ акушерство по конспекту Блументаля, а дѣтскія болѣзни по системѣ Гекке. Бутковскій читалъ теоретическую хирургію, пользуясь сочиненіемъ М. Хеліуса, а Кригеръ — оперативную хирургію и десмургію по запискамъ Еллинскаго. Тотъ же Бутковскій преподавалъ психіатрію по собственному своему сочиненію — о душевныхъ болѣзняхъ, сообразно съ теоретическими соображеніями Грасса и Гейнрота и практическими наставленіями Ескироля.

Якимовъ читалъ курсы піитики и исторіи русской словесности и предложилъ студентамъ для практическихъ занятій слѣдующія темы. 1) Взглядъ на „Слово о полку Игоревѣ“; 2) О вліяніи христіанства на родъ человѣческій въ умственномъ, нравственномъ и политическомъ отношеніи; 3) Человѣкъ ли существуетъ для науки или наука для человѣка? 4) Какую пользу принесла схоластическая философія при возрожденіи наукъ въ Европѣ? 5) Историческое похвальное слово Димитрію Ивановичу Донскому; 6) О гибельныхъ слѣдствіяхъ превратнаго воспитанія; 7) О возможности всеобщаго вкуса; 8) О необходимости зла физическаго и нравственнаго; 9) Объ отношеніяхъ міра физическаго къ идеальному; 10) Какую пользу можетъ принести преподаваніе истинной философіи? 11) Нужно ли въ XIX ст. изучать языки и литературу древнихъ народовъ? 12) Опытъ о жизни и твореніяхъ Карамзина; 13) Взглядъ на исторію Россіи отъ Іоанна III до Петра Великаго; 14) Греція и Римъ въ эстетическомъ отношеніи; 15) Нужно ли въ литературѣ отличать языкъ книжный отъ языка собственно народнаго? 16) Идеалъ истиннаго критика; 17) Взглядъ на духовное краснорѣчіе въ Россіи; 18) О классицизмѣ и романтизмѣ; 19) Какія услуги русской словесности оказалъ „Вѣстникъ Европы“; 20) Можетъ ли драма Шекспирова быть образцомъ для подражанія въ XIX ст. и въ особенности въ Россіи? 21) О космополитизмѣ и патріотизмѣ въ отношеніи къ общему и частному благу народовъ; 22) О границахъ познавательной способности человѣка; 23) Могутъ ли общества человѣческія существовать безъ религіи? 24) О духѣ поэзіи Хераскова; 25) Можетъ ли безнравственный человѣкъ приносить истинную пользу литературными талантами?

Кромѣ этого Якимовъ предложилъ еще цѣлый рядъ темъ для стихотворныхъ упражненій студентовъ: 1) Послѣдній день Помпеи, 2) Петръ Великій, 3) Множество міровъ, 4) Мореплаватель, 5) Послѣдній день міра, 6) Эдипъ, 7) Колумбъ, 8) Ораторъ, 9) Развалины Пальмиры, 10) Паденіе Рима, 11) Спаситель міра, 12) Слава и величіе Россіи, 13) Потопъ, 14) Москва, 15) Музыка, 16) Разлука съ родиной, 17) Пустыня, 18) Весна жизни, 19) Адъ, 20) Восторгъ пророка, 21) Подражаніе 17 псалму, 22) Гомеръ, 23) Пирамиды, 24) Герой, 25) Флоръ.

Мауреръ преподавалъ на латинскомъ языкѣ греческую грамматику и объяснялъ Ксенофонта, Одиссею и Ѳеокрита. Сокальскій читалъ римскія древности на латинскомъ языкѣ по конспекту ректора Кронеберга. Онъ же объяснялъ римскихъ авторовъ. Для студентовъ онъ назначилъ слѣдующія темы: 1) Saepe fallit imago; 2) Fortuna paratur moribus: 3) Honos alit artes; 4) Obedientia felicitatis mater; 5) De praecipuis causis interitus imperii Romani; 6) Alexander Macaedonum an Julius Caesar dignior est nomine magni? На эти темы поданы были сочиненія на латинскомъ языкѣ, но среди нихъ отличнаго не оказалось. Паки де Совиньи и Кронебергъ вели преподаваніе по латинскому языку, по собственнымъ запискамъ. Всеобщую исторію читалъ временно, подъ руководствомъ проф. Степанова, Клобуцкій по Кайданову. Статистику читалъ Гулакъ-Артемовскій, предложившій студентамъ слѣдующія темы: 1) Опредѣлить, до какой степени географическое положеніе Европейскихъ государствъ и степень развитія ихъ производительныхъ силъ способствуютъ выгоднымъ отношеніямъ ихъ къ прочимъ частямъ Свѣта, собственно въ отношеніи торговомъ? 2) Опредѣлить мѣстныя удобства и неудобства Европейскихъ государствъ касательно взаимнаго ихъ между собою сообщенія въ смыслѣ политическомъ и торговомъ; 3) Такъ какъ статистика разсматриваетъ четвероякія силы государства—физическія, нравственныя, экономическія и политическія, то показать, какое изъ Европейскихъ государствъ достигло высшей степени развитія сихъ силъ и какимъ способомъ. На эти темы не представлено было ни одного сочиненія. Съ декабря 1834 года науку эту сталъ преподавать кандидатъ Клобуцкій. Русскую исторію преподавалъ Гулакъ-Артемовскій, предложившій слѣдующія темы: 1) Опредѣлить происхожденіе словенъ и вѣроятнѣйшую эпоху появленія ихъ въ Европѣ, обозначить причины, путь и слѣдствія движенія ихъ туда, ихъ смѣшеніе съ народами другого происхожденія. указать на остатки словенъ въ Европѣ независимо отъ словенъ россійскихъ; 2) Изъ какихъ народныхъ элементовъ составилось Россійское государство, какой существенный характеръ этихъ элементовъ въ физическомъ и нравственно-политическомъ отношеніи и какіе полезные ре-

зультаты можно вывести изъ рѣшенія этихъ двухъ вопросовъ? 3) Оцѣнить историко-критическимъ образомъ картину правленія великаго князя Владиміра Мономаха, представленную исторіографомъ Карамзинымъ въ его безсмертномъ твореніи „Исторія Государства Россійскаго" и въ „Исторіи Русскаго Народа", сочиненной Полевымъ. Для удобнѣйшаго рѣшенія этихъ вопросовъ указаны важнѣйшіе источники и пособія. На эти темы было представлено четыре сочиненія, но ни одного изъ нихъ нельзя было назвать отличнымъ. Дорнъ преподавалъ персидскій и турецкій языки и объяснялъ отрывки, помѣщенные въ соотвѣтственныхъ хрестоматіяхъ. Новые иностранные языки читались—Паки де Совиньи (французскій), Гренбергомъ (нѣмецкій) и Дорномъ (англійскій). Рисованіе преподавалъ Рѣпнинъ, музыку—Лозинскій и танцы—Строцкій [1]).

Приведенныя нами данныя имѣютъ важное значеніе: они отличаются документальнымъ характеромъ и даютъ наглядное понятіе обо *всѣхъ курсахъ*, читанныхъ профессорами и преподавателями за изучаемый нами двадцатилѣтній періодъ исторіи Харьковскаго университета. Но у нихъ есть одинъ коренной недостатокъ—они ничего не говорятъ о *качественной* сторонѣ преподаванія, о его содержаніи и формѣ. Недостатокъ этотъ пополняется отзывами о преподавательской дѣятельности профессоровъ Харьковскаго университета тогдашнихъ студентовъ. Конечно, отзывы эти не отличаются исчерпывающею полнотою содержанія, касаются далеко не всѣхъ преподавателей и не въ одинаковой степени каждаго изъ нихъ, наконецъ, отличаются подъ часъ субъективнымъ характеромъ и даютъ скорѣе впечатлѣніе отъ лекцій, чѣмъ строгую и всесторонюю ихъ оцѣнку. Но въ общемъ они все-таки имѣютъ значеніе какъ живое слово современниковъ, ярко рисующее содержаніе и изложеніе профессорскихъ курсовъ.

Къ счастью мы имѣемъ отзывы трехъ студентовъ Харьковскаго университета—г. *Н.* [2]), Д. П. Хрущова [3]) и Н. И. Костомарова; 1-й поступилъ въ студенты въ 1828 г., 2-й повидимому въ 1832 г. и третій въ августѣ 1833 года и оставался въ немъ до августа 1836 года — такимъ образомъ они дополняютъ и какъ бы провѣряютъ другъ друга. При томъ

---

[1]) Харьк. унив. архивъ. Рук. отчетъ университета съ 18-го ноября 1833 г. по 1-е января 1835 года.

[2]) Помѣщены въ газетѣ „Южный Край" за 1883 годъ, №№ 711, 712, 718, 722.

[3]) Еще не напечатаны; рукопись ихъ сообщена мнѣ сыномъ автора—извѣстнымъ химикомъ П. Д. Хрущовымъ, за что мы и приносимъ ему глубокую благодарность; содержатъ „жизнеописаніе" его отца отъ рожденія до назначенія директоромъ департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій (т. е. съ 1816 по 1855 годъ). Я сдѣлалъ извлеченіе только изъ той части ихъ, которая посвящена студенческимъ годамъ.

къ отзывамъ этимъ можно относиться съ довѣріемъ: они ничѣмъ не возбуждаютъ нашего сомнѣнія. Воспоминанія Костомарова дышатъ правдивостью; личность студента *Н.* правда намъ неизвѣстна — знаемъ однако, что онъ былъ учителемъ исторіи,—но его разсказъ отличается фактическимъ характеромъ и производитъ впечатлѣніе безпристрастнаго повѣствованія; рѣзкія характеристики хотя и имѣются, но относятся къ дѣятелямъ, ихъ заслужившимъ. Дмитрій Петровичъ Хрущовъ впослѣдствіи занималъ высокое служебное положеніе, былъ передовымъ дѣятелемъ и отличался свѣтлымъ выдающимся умомъ. Хотя всѣ эти воспоминанія написаны были долгое время спустя послѣ студенческой жизни ихъ авторовъ, но въ нихъ ярко отразились впечатлѣнія юности и самая оцѣнка пріобрѣла болѣе законченный, такъ сказать, характеръ — это былъ ретроспективный болѣе уравновѣшенный взглядъ на прошлое. Впрочемъ записки Д. П. Хрущова написаны въ болѣе рѣзкомъ тонѣ, чѣмъ воспоминанія бывшаго студента г. *Н.* и это объясняется, по всей вѣроятности, болѣе экспансивнымъ характеромъ автора и болѣе прогрессивнымъ складомъ его общественныхъ воззрѣній. Г-нъ *Н.* былъ студентомъ этико-политическаго факультета и потому, естественно, лучше зналъ профессоровъ этого именно факультета. О профессорахъ другихъ факультетовъ онъ пишетъ только отчасти по своимъ собственнымъ впечатлѣніямъ (именно о тѣхъ, коихъ лекціи посѣщалъ) [1]), большею же частью, какъ самъ говоритъ, по разсказамъ товарищей. Д. П. Хрущовъ описываетъ преподаваніе только профессоровъ своего словеснаго факультета, слѣдовательно говоритъ какъ прямой непосредственный свидѣтель. Н. И. Костомаровъ, бывшій на филологическомъ факультетѣ, описываетъ профессоровъ этого послѣдняго.

Начнемъ свой обзоръ съ лекцій профессоровъ словеснаго факультета, такъ какъ о нихъ сохранились свидѣтельства всѣхъ авторовъ. Для студентовъ этико-политическаго факультета было обязательно слушаніе курсовъ по исторіи—эти курсы посѣщалъ поэтому и *Н.*

„Ординарный профессоръ Петръ Петровичъ Артемовскій-Гулакъ, по словамъ *Н.*, обыкновенно распредѣлялъ свои четыре лекціи такъ, что одинъ годъ преподавалъ русскую исторію, а на другой статистику. Студентамъ приходилось слушать каждый изъ этихъ предметовъ то въ первомъ, то во второмъ курсѣ, смотря по времени ихъ вступленія въ

---

[1]) „Немноготрудныя мои занятія по юридическому факультету и немногочисленность его предметовъ, говоритъ онъ, позволяли мнѣ посѣщать нерѣдко лекціи и по другимъ факультетамъ, особенно же по филологическому, называвшемуся тогда словеснымъ. Болѣе или менѣе я знаю подробности о каждомъ изъ его профессоровъ и вкратцѣ поразскажу о нихъ“.

университетъ. Артемовскій-Гулакъ былъ не глубокій ученый, но весьма даровитый профессоръ. Въ то время русскую исторію разрабатывали уже Каченовскій, Погодинъ, Полевой и другіе ученые, послѣдователи новой исторической школы. Если нашъ профессоръ и былъ знакомъ съ ихъ трудами, за то собственныя лекціи его не шли далѣе Карамзина и оканчивались обыкновенно на той же эпохѣ, на которой остановился нашъ исторіографъ. Домъ Романовыхъ составлялъ въ нихъ весьма важный пробѣлъ. Всю новѣйшую исторію этого дома профессоръ пробѣгалъ только вкратцѣ по руководству Константинова, а иногда, не читая ее вовсе, выдавалъ только студентамъ вопросы или программу для приготовленія къ экзамену. Статистику Россіи профессоръ читалъ по руководству Арсеньева, лучшему изъ тогдашнихъ изданій, пополняя его изъ года въ годъ новыми данными. Много интереса статистикѣ придавало то, что въ изложеніи ея профессоръ, вмѣстѣ съ историческими свѣдѣніями по каждому отдѣлу, касался рѣшенія многихъ политико-экономическихъ вопросовъ, примѣняя ихъ къ современному быту и положенію Россіи. Вообще онъ читалъ тотъ и другой предметъ не съ книги или тетради, но живою, звучною рѣчью. Не только студенты любили его лекціи, но ихъ посѣщали часто и посторонніе посѣтители. Онъ увлекалъ своихъ слушателей даромъ слова, цвѣтистыми оборотами рѣчи и вообще умѣніемъ и находчивостью вызвать и оживить вниманіе своей аудиторіи. Кромѣ историческихъ лекцій, Артемовскій-Гулакъ преподавалъ для желающихъ польскій языкъ 2 раза въ недѣлю. Одна изъ этихъ лекцій назначалась имъ для начинающихъ, а другая для болѣе успѣвшихъ. Съ первыми занимался онъ переводами польскихъ басенъ и другихъ легкихъ стихотвореній, а съ другими переводилъ Мицкевича и другихъ польскихъ поэтовъ".

Д. П. Хрущовъ иначе отзывался объ Артемовскомъ-Гулакѣ. „Былъ у насъ профессоръ отечественной исторіи и всеобщей статистики Петръ Петровичъ Артемовскій-Гулакъ, родомъ еврей (?), съ курчавыми какъ у барана черными волосами, длиннымъ, горбатымъ носомъ, съ большимъ всегда полуоткрытымъ ртомъ, желтыми зубами и т. п. Говорилъ всегда съ нѣкоторою торжественностью голоса и слога, какъ трагическій актеръ на сценѣ, но краснорѣчіе его было ни что иное, какъ пустозвонъ и пустоцвѣтъ. У него была слѣдующая любимая фраза: отъ гроба Іоанна и до колыбели Петра Россія и пр."

Спрашивается: какому же изъ этихъ двухъ отзывовъ мы должны отдать предпочтеніе? Мы думаемъ, что истина лежитъ посерединѣ: большинству слушателей лекціи Артемовскаго-Гулака нравились, но были и такіе, которымъ не по сердцу былъ ихъ риторическій характеръ. Къ числу

такихъ лицъ принадлежали Д. П. Хрущовъ и Н. И. Костомаровъ. Но отзывъ *Н.* отличается такою обстоятельностью и мотивированностью, что долженъ быть признанъ заслуживающимъ полнаго вниманія и требующимъ только нѣкотораго ограниченія—вмѣсто „студенты любили лекціи Артемовскаго-Гулака“ нужно сказать: многіе или большинство студентовъ любили лекціи Артемовскаго-Гулака за живость изложенія и краснорѣчіе лектора. Д. П. Хрущовъ не отрицаетъ краснорѣчія у Артемовскаго-Гулака, и *Н.* не считаетъ его глубокимъ ученымъ; слѣдовательно, въ этомъ основномъ пунктѣ они сходятся другъ съ другомъ. Еще рѣзче могъ подчеркнуть ученую скудость Артемовскаго-Гулака Н. И. Костомаровъ, писавшій свои воспоминанія уже тогда, когда сдѣлался знаменитымъ историкомъ.

„Профессоръ Евграфъ Матвѣевичъ Филомафитскій, говоритъ *Н.*, преподавалъ послѣдовательно студентамъ всѣхъ трехъ курсовъ юридическаго и филологическаго факультетовъ всеобщую исторію и статистику. Лекціи его, состоявшія изъ простыхъ безъискуственныхъ разсказовъ, въ которыхъ профессоръ не слѣдовалъ ни одному изъ изданныхъ руководствъ, записывались обыкновенно студентами, которые по нимъ же и готовились къ своимъ экзаменамъ. Историческія свѣдѣнія Филомафитскаго или же по крайней мѣрѣ его лекціи не шли далѣе Миллота, Роллена и другихъ застарѣлыхъ французскихъ писателей, труды которыхъ переведены были въ свое время на русскій языкъ; не знаю даже, читалъ ли профессоръ въ подлинникѣ сочиненія названныхъ авторовъ. Въ изложеніи всеобщей статистики онъ слѣдовалъ изданному руководству Зябловскаго. Преподаваніе Филомафитскаго, ограничиваясь только фактическою частью исторіи и тѣсными рамками учебнаго руководства по статистикѣ, бывъ иногда занимательно, вообще представлялось крайне неудовлетворительнымъ для его слушателей. Изъ его аудиторіи мы не вынесли основательнаго знанія ни того, ни другого предмета. Пополняя подробности о профессорѣ Филомафитскомъ, не могу умолчать о томъ, что онъ, еще до поступленія моего въ университетъ вмѣстѣ съ покойнымъ адъюнктомъ Разумникомъ Гонорскимъ (котораго я уже не засталъ) былъ редакторомъ и издателемъ „Украинскаго Вѣстника“, въ которомъ печаталъ и свои собственныя статьи. Филомафитскій умеръ въ бытность мою въ университетѣ.

Преемникъ покойнаго профессора адъюнктъ Владиміръ Францовичъ *Цыхъ*, по выдержаніи имъ экзамена на степень магистра, продолжалъ чтеніе исторіи юристамъ и филологамъ, обязательное для тѣхъ и другихъ. Только со вступленіемъ на каѳедру Цыха, поняли мы истинное, научное значеніе исторіи. Даровитый профессоръ, увлекая слуша-

телей своими лекціями, знакомилъ насъ съ трудами и изслѣдованіями современныхъ писателей—Геерена, Гердера, Нибура, Галлама, Тьерри, Гизо и другихъ. Съ ясностью и отчетливостью, хотя кратко и сжато, излагалъ онъ фактическую часть исторіи; но въ тоже время со всею полнотою и подробностью слѣдилъ за развитіемъ внутренней жизни народовъ, ихъ общественнаго быта и цивилизаціи. Преподаваніе Цыха вызывало восторженные отзывы о немъ студентовъ, а обширность свѣдѣній, при его громадной памяти и неутомимомъ трудѣ, предвѣщала въ немъ замѣчательнаго представителя науки, которымъ вправѣ будетъ гордиться Харьковскій университетъ. Къ сожалѣнію, не болѣе года слушалъ я профессора Цыха; но за то и послѣ, бывши самъ уже преподавателемъ исторіи, я пользовался его лекціями, доставая ихъ у студентовъ, которые весьма тщательно ихъ записывали и потомъ исправляли, подъ руководствомъ самого профессора. Не долго, однако же Владиміръ Францовичъ Цыхъ оставался въ Харьковскомъ университетѣ. Скоро потомъ онъ переведенъ былъ въ Кіевъ, гдѣ въ молодыхъ еще лѣтахъ окончилъ жизнь свою въ званіи ординарнаго профессора и ректора университета. И тамъ у всѣхъ сохранились о немъ сердечныя воспоминанія и глубокая признательность".

Съ отзывомъ *Н.* вполнѣ совпадаетъ и характеристика Цыха у Д. Хрущова.

„Изъ профессоровъ любимецъ нашъ былъ преподаватель всемірной исторіи Владиміръ Ивановичъ Цыхъ, родомъ сербъ, который впослѣдствіи былъ ректоромъ въ Кіевѣ Владимірскаго университета и тамъ умеръ отъ чахотки въ цвѣтѣ лѣтъ и всѣми уважаемый и любимый. Онъ былъ человѣкъ вполнѣ современный и ученый. Онъ тепло любилъ молодежь, которая ему платила тѣмъ же. Приходя въ аудиторію, онъ никогда не сходилъ на каѳедру, а говорилъ лекціи наизусть, ходя взадъ и впередъ и безпрестанно нюхая табакъ, коимъ къ концу лекціи была запылена вся передняя часть его панталонъ. Слушая его краснорѣчивые разсказы о всемірныхъ событіяхъ, я воспалялся воображеніемъ и искалъ ключъ къ вопросамъ о человѣчествѣ, тѣснившимся въ моемъ молодомъ пытливомъ умѣ. Этотъ умственный трудъ, это бореніе съ неизвѣстными, не находившими себѣ исхода вопросами, до того меня волновали, что я иногда приходилъ въ родъ лихорадочнаго состоянія. Чтобы выйти изъ этого мрака, я обратился къ Владиміру Ивановичу съ просьбой указать мнѣ свѣтъ, котораго жаждалъ мой умъ, но не могъ найти однѣми своими силами. Почтенный Цыхъ далъ мнѣ недавно въ то время вышедшую изъ печати книгу знаменитаго въ то время Парижской Сорбоны профессора, а потомъ великаго государственнаго че-

ловѣка Франціи и министра Людовика Филиппа Фр. Гизо подъ заглавіемъ „De la civilisation en Europe". Въ этой книгѣ разсказывается, какъ на развалинахъ римскаго міра создался и выросъ новый германо-латинскій міръ, при содѣйствіи Христовой церкви. Книгу эту я прочелъ съ величайшею жадностью въ одинъ день и предо мною какъ бы поднялась завѣса, за которою открылось величественное зданіе новой Европы. Съ тѣхъ поръ въ исторіи человѣчества для меня все сдѣлалось ясно и въ моемъ дальнѣйшемъ ученіи и образованіи я пошелъ по ровному, твердому, вѣрному пути".

У Костомарова о Цыхѣ мы находимъ болѣе сдержанный, но едва ли болѣе вѣрный отзывъ: „онъ читалъ, говоритъ авторъ, древнюю исторію по Геерену и почти не прибавлялъ къ ней ничего своего" [1]).

Русскую словесность преподавали тогда въ университетѣ, говоритъ *Н.*, ординарный профессоръ Дмитрій Семеновичъ *Борзенко* и адъюнктъ Ив. Як. *Золотаревъ*, изъ которыхъ первый читалъ въ разные годы и въ разныхъ курсахъ эстетику, исторію русской литературы и славянскую филологію, а второй—риторику и піитику. Профессоръ Борзенко, ученикъ перваго ректора университета Рижскаго, не умѣлъ поддержать извѣстности и достоинства своего наставника и предмѣстника. Онъ имѣлъ самыя поверхностныя свѣдѣнія о своемъ предметѣ и никогда не относился къ нему добросовѣстно. Его лекція никогда не выходила изъ рамокъ чужого печатнаго руководства, которому онъ слѣдовалъ. Такія лекціи разбавлялись обыкновенно шутками и остротами профессора и забавными анектодами, которые передавалъ онъ весьма юмористически. Все это смѣшило студентовъ, иногда до неприличія, но не приносило имъ никакой пользы. Вообще Борзенко, не чувствуя никакого призванія къ наукѣ, не утомлялъ себя учеными трудами и велъ жизнь безпечнаго сибарита: любилъ поспать, покушать, а часто и выпить безъ мѣры. Никогда не отказывался онъ отъ веселой компаніи, отъ игры въ карты и другихъ удовольствій. Вездѣ онъ былъ пріятнымъ гостемъ и всегда умѣлъ занять общество своими каламбурами и разсказами. Таковъ онъ былъ и въ университетскомъ кругу, и едва ли не этимъ только можно объяснить, что въ послѣдніе годы своей службы онъ избранъ былъ въ деканы словеснаго факультета. При мнѣ еще Борзенко вышелъ въ отставку. Его адъюнктъ, Золотаревъ, читалъ лекціи довольно порядочно, хотя и не пользовался большимъ расположеніемъ студентовъ. Происходя изъ казаковъ, онъ воспитывался въ университетѣ на счетъ Войска Донскаго, куда скоро и вызванъ былъ войсковымъ начальствомъ.

---

[1]) Литературное наслѣдіе. СПБ. 1890, стр. 20.

Ему предстояла обязательная служба въ казачьихъ полкахъ и только по ходатайству попечителя Харьковскаго учебнаго округа онъ опредѣленъ былъ директоромъ въ Новочеркасскую областную гимназію; но, несмотря на такое назначеніе, онъ носилъ съ тѣхъ поръ военный мундиръ и производился во всѣ военные чины до полковника.

Мѣсто Борзенка и Золотарева по каѳедрѣ русской словесности занялъ въ университетѣ молодой адъюнктъ Василій Алексѣевичъ Якимовъ. Это было за нѣсколько мѣсяцевъ до окончанія моего курса и я не могъ слѣдить за лекціями Якимова, готовясь тогда къ послѣднему, окончательному экзамену по всѣмъ предметамъ своего факультета. Но я живо помню дидактическое стихотвореніе, которое вмѣсто рѣчи профессоръ прочелъ на торжественномъ актѣ университета. Якимовъ, который еще до своего профессорства былъ преподавателемъ во многихъ учебныхъ заведеніяхъ славился искусствомъ своей декламаціи. Стихотвореніе его, прочтенное съ каѳедры, носило названіе „Даръ слова". Не столько, быть можетъ, самое содержаніе его, сколько живая, отчетливая и выразительная рѣчь оратора произвела самое пріятное впечатлѣніе на слушателей и вызвала одобрительныя отзывы всей публики. Стихотвореніе Якимова было напечатано впослѣдствіи — и вотъ его вступленіе, которое сохранилось въ моей памяти:

Да будетъ! Сый изрекъ—и словомъ міръ
Предъ нимъ изъ хаоса нестройнаго явился;
Звѣздами заблисталъ алмазными эфиръ,
Свѣтъ солнца золотой разлился
Въ пространствахъ суши, по волнамъ морскимъ,
Вездѣ его премудрость возсіяла;
Все славу Вѣчнаго вѣщало,
Красуясь бытія прекрасною зарей.
И въ центрахъ всѣхъ существъ и сферъ Творецъ,
Разумное поставивши творенье—
Прекрасныхъ дѣлъ своихъ вѣнецъ,
Свершилъ предвѣчнаго совѣта выраженье.
Явился Красота—и въ немъ царя
Природа своего торжественно призвала;
Въ немъ образъ видимый Невидимаго зря,
Она чело предъ нимъ съ почтеньемъ преклоняла.
Величественъ прекрасенъ видъ!
Онъ святостью, какъ серафимъ, сіяетъ;
Взоръ къ небу устремивъ, какъ пальма онъ стоитъ

И цвѣтъ всѣхъ совершенствъ въ себѣ соединяетъ;
Объемлетъ мыслію пространства всѣхъ міровъ;
Безсмертный духъ его—свѣтъ славы безконечной;
Онъ измѣряетъ вдругъ и твердь, и поясъ млечный,
И стройный ходъ протекшихъ зрить вѣковъ.
Но гдѣ же сей парящій, свѣтлый геній,
Въ какой стихіи тайну онъ открылъ
Передавать намъ образы видѣній,
И безконечное въ конечномъ заключилъ?
Гдѣ печатлѣется ума безсмертный слѣдъ?
Гдѣ отражается лучъ пламеннаго чувства,
Хранятся красоты искусства,
Въ которыхъ естество себя не узнаетъ?
Внемлите! Онъ отверзъ уста.....
Ихъ легкое, свободное движенье
Плѣняетъ слухъ, воображенье.
Какъ стройная игра мелодіи неизъяснимой,
Таинственный, непостижимый,
Изъ нихъ стремится звуковъ токъ,
Какъ органъ Божества, восторженный пророкъ,
Вѣщаетъ онъ—и вслѣдъ потоку слова
Символы ясные небеснаго, земнаго,
Являются преемственной чредой,
И какъ бы кистью геніальной,
Рисуется предъ нимъ міръ новый, идеальный,
И оставляетъ въ немъ эѳирный образъ свой и т. д.

Но и Якимовъ не оправдалъ надеждъ, которыми встрѣтили его при вступленіи на университетскую каѳедру. Первоначальное воспитаніе его въ одной изъ нашихъ духовныхъ семинарій (Бѣлгородской) наложило на него неизгладимый типъ своеобразныхъ воззрѣній на жизнь и науку. Впослѣдствіи нерѣдко доходили до меня отъ бывшихъ сверстниковъ и сотоварищей моихъ весьма нелестные отзывы о профессорѣ. Онъ разлюбилъ нашу новѣйшую беллетристику и даже такихъ поэтовъ, какъ Жуковскій и Пушкинъ, которыхъ прежде самъ былъ поклонникомъ. Лекціи Якимова по исторіи русской литературы не шли далѣе Карамзина и всего долѣе съ наибольшими подробностями останавливался онъ на произведеніяхъ допетровскаго періода. Даже для своей ученой диссертаціи на степень доктора избралъ онъ творенія пастырей и другихъ сподвижниковъ нашей церкви, имѣвшихъ безспор-

ное вліяніе на свой вѣкъ и общество, но утратившихъ для настоящихъ современниковъ всякое другое значеніе, кромѣ историческаго. Отъ Якимова, изучившаго не только древніе, но и нѣкоторые изъ новѣйшихъ языковъ, и знакомаго съ ихъ литературами, можно было ожидать гораздо большаго. Я долженъ сказать однако же, что онъ издалъ нѣсколько переводовъ Шекспира, вѣрно передающихъ мысль автора и текстъ подлинника, хотя и уступающихъ въ легкости и ясности стихосложенія Полевому, молодому Кронебергу (сыну бывшаго ректора) и другимъ переводчикамъ поэта, скоро затѣмъ явившимся, не говоря уже о дальнѣйшихъ ихъ продолжателяхъ. Въ послѣднее время своей жизни и службы Якимовъ пріобрѣлъ собственный домъ въ г. Харьковѣ, въ которомъ и открылъ коммерческое училище для дѣтей купеческаго сословія. Въ его частномъ учебномъ заведеніи, кромѣ коммерческихъ наукъ, преподавались и всѣ другіе предметы гимназическаго курса, кромѣ древнихъ языковъ. Педагогическая дѣятельность Якимова, при его не совсѣмъ трезвой жизни, еще болѣе отвлекла его отъ ученыхъ профессорскихъ занятій. Онъ умеръ въ концѣ сороковыхъ годовъ въ пожилыхъ лѣтахъ, но еще далеко не въ старости".

Д. П. Хрущовъ о Якимовѣ сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія.

„Профессоръ русской словесности былъ у насъ Василій Алексѣевичъ Якимовъ, сынъ священника, довольно образованный, но читалъ словесность вяло, безъ цвѣта, голосомъ медоточивымъ, часто вытирая ротъ то двумя пальцами правой руки, то носовымъ платкомъ, который во время лекціи обыкновенно лежалъ у него на каѳедрѣ съ правой стороны. Онъ былъ, что называется, ума твердаго, но простого, любилъ острить некстати и тупоумно и самъ хохотать о пущенномъ словцѣ съ большимъ самодовольствомъ. Впрочемъ онъ былъ добрый человѣкъ и мы его любили".

Въ общемъ отзывы обоихъ авторовъ сходны другъ съ другомъ. Костомаровъ рѣзко отзывается о переводахъ Якимова изъ Шекспира. „Якимовъ, говоритъ онъ, прославился въ свое время бездарнѣйшимъ переводомъ Шекспира, изъ котораго студенты приводили мѣста въ примѣръ безсмыслицы".

„Ординарный профессоръ Иванъ Яковлевичъ Кронебергъ, по словамъ *Н.*, занималъ каѳедру латинской словесности и преподавалъ студентамъ 3-го курса исторію римской литературы и римскія древности. На лекціяхъ онъ знакомилъ ихъ также съ произведеніями образцовыхъ римскихъ писателей преимущественно поэтовъ: Горація, Виргилія и другихъ. Передавая каждый стихъ и каждый текстъ авторовъ въ собственномъ изящномъ переводѣ, преподаватель сопровождалъ его всѣми

необходимыми комментаріями—историческими и филологическими. Вообще, Кронебергъ былъ образцовый профессоръ своего времени и глубокій знатокъ древней классической словесности, латинской и греческой. Слушатели цѣнили его по достоинству и съ полнымъ сочувствіемъ относились къ его лекціямъ. Иванъ Яковлевичъ Кронебергъ извѣстенъ былъ и своими учеными трудами, которыхъ было не мало, по тогдашнему скудному запасу нашей сціентифической литературы. Его латинская грамматика и латинскій лексиконъ, полнѣйшій по своему времени и снабженный объясненіями многознаменательныхъ оборотовъ рѣчи римскихъ писателей, распространены были во всѣхъ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ высшихъ и среднихъ. Въ повременномъ изданіи своемъ, подъ заглавіемъ „Амалтея“, выходившемъ періодическими выпусками, Кронебергъ печаталъ свои ученые трактаты о разныхъ предметахъ, болѣе или менѣе относившихся къ изученію классической словесности, ея представителей, и вообще, географіи, исторіи и общественнаго быта древнихъ грековъ и римлянъ. Знакомый со многими новѣйшими языками и ихъ литературою, профессоръ имѣлъ громадный запасъ свѣдѣній не только для лекцій, которыми легко было удовлетворить тогдашнюю студенческую аудиторію, но также для ученыхъ и для всей вообще публики, увлекая читателей сколько основательностью своихъ изслѣдованій, столько же и занимательностію ихъ содержанія, легкимъ и общедоступнымъ способомъ ихъ изложенія. Въ одинъ изъ учебныхъ курсовъ профессору—къ общему удовольствію его слушателей—захотѣлось познакомить ихъ съ произведеніями современной европейской литературы —съ твореніями Шиллера, Гете, Жанъ-Поль Рихтера, Гофмана и другихъ нѣмецкихъ писателей, а также и Шекспира. Эти лекціи до того были увлекательны для студентовъ, что аудиторія профессора едва могла вмѣщать въ себѣ всѣхъ слушателей разныхъ факультетовъ, при множествѣ постороннихъ лицъ. Впослѣдствіи Кронебергъ напечаталъ эти лекціи свои въ особомъ изданіи, которое выходило періодическими брошюрами. Почтенный профессоръ былъ долгое время деканомъ филологическаго факультета и не одинъ разъ избираемъ былъ ректоромъ университета (въ этой должности онъ былъ предшественникомъ Дудровича). Пріятная и выразительная физіономія Кронеберга, его сановитая осанка и какъто величавая грація во всѣхъ пріемахъ какъ нельзя болѣе шли къ представителю университетскаго сословія. Не только студенты, но также профессора университета и другіе сослуживцы относились къ нему съ особеннымъ уваженіемъ. Во время изготовленія новаго устава университетовъ и среднихъ учебныхъ заведеній, Кронебергъ вызванъ былъ въ Петербургъ, какъ одинъ изъ экспертовъ, приглашенныхъ министромъ

Уваровымъ для обсужденія разныхъ вопросовъ, относящихся къ предположенному преобразованію университетовъ и гимназій".

Д. П. Хрущовъ также высоко ставитъ Кронеберга, называя его любимцемъ студентовъ, весьма ученымъ и умнымъ германцемъ. Костомаровъ считаетъ его талантливымъ, но лѣнивымъ профессоромъ.

„Два второстепенныхъ преподавателя, говоритъ *Н.*, подготовляли студентовъ къ слушанію высшаго курса латинской словесности. Оба они избрали для своихъ лекцій одного и того же писателя — Цицерона. Адъюнктъ Сокальскій упражнялъ студентовъ 1-го курса въ переводахъ рѣчей знаменитаго римскаго оратора, по изданной университетомъ книгѣ „Cicironis. Orationes selectae", весьма распространенной въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ. Желая пополнить мои ограниченныя свѣдѣнія въ латинскомъ языкѣ, я, почти не пропуская, посѣщалъ лекціи Сокальскаго. Они остались не безъ пользы для меня, какъ и для многихъ студентовъ, моихъ сотоварищей. Другой преподаватель экстраординарный профессоръ Н. Н. Паки де Совиньи переводилъ со студентами 2 курса книгу Цицерона „De officiis". Ничего не могу я сказать объ этихъ лекціяхъ, потому что никогда не бывалъ на нихъ. Кромѣ латинской словесности профессоръ Паки де Совиньи преподавалъ также французскій языкъ, для котораго соб твенно онъ и былъ приглашенъ въ университетъ. Онъ напечаталъ два руководства для студентовъ: „Теоретическую и практическую грамматику французскаго языка" и „Исторію французской литературы". Оба эти руководства изданы были на французскомъ языкѣ, но первое изъ нихъ въ русскомъ переводѣ, который слѣдовалъ за каждою страницею подлинника. Въ грамматикѣ де Совиньи къ правиламъ языка присоединены были статьи разнаго содержанія: историческіе разсказы, повѣсти, анекдоты, описанія, письма и т. п. произведенія беллетристики; но все это были труды или, лучше сказать, издѣлія самого автора. Для перваго курса лекціи его ограничивались тѣмъ, что онъ заставлялъ студентовъ переводить всѣ эти статьи, хотя готовый переводъ ихъ былъ тутъ же въ книгѣ, на слѣдующей страницѣ; такъ же точно и студенты 2-го курса переводили другое коротенькое руководство профессора — изданную имъ исторію французской литературы. Я часто посѣщалъ эти послѣднія лекціи. Владѣя довольно порядочно французскимъ языкомъ, я не столько интересовался студенческими упражненіями, сколько собственными разсказами профессора, о которыхъ и передамъ теперь нѣсколько словъ. По преданіямъ студентовъ—за справедливость которыхъ я не ручаюсь—профессоръ Паки де Совиньи былъ эмигрантъ, покинувшій Францію во время революціи. Говорили даже, что вмѣстѣ онъ отрекся отъ какого-то духовнаго сана.

Вѣрно только то, что Совиньи не вынесъ съ собою изъ отечества никакихъ религіозныхъ убѣжденій. Онъ былъ пропитанъ идеями и ученіями Гольбаха, Гельвеція, Дидро, Руссо, Вольтера, д'Аламбера и другихъ французскихъ матеріалистовъ XVIII вѣка. О нихъ и вообще о писателяхъ своего времени, слѣдовавшихъ тому же направленію, всего болѣе распространялся де Совиньи въ своихъ лекціяхъ. Вотъ эти-то разсказы его и нравились такъ студентамъ. Профессоръ кощунствовалъ надъ всѣми религіозными вѣрованіями и обрядами, надъ святыми, ихъ мощами, иконами и т. п. Не скажу, чтобы студенты раздѣляли всѣ убѣжденія профессора или же сочувствовали его нелѣпымъ выходкамъ и пошлостямъ; но они рады были случаю посмѣяться, подтрунить и позабавиться надъ преподавателемъ. Если все это допускалось въ то время, то благодаря только молчанію студентовъ и ихъ обычаю не выносить сора изъ избы. Никто изъ постороннихъ не заглядывалъ въ аудиторію Совиньи, а если и зашелъ бы когда-нибудь, то, конечно, при чужомъ профессоръ не позволилъ бы себѣ такъ либеральничать. Много забавныхъ преданій и анекдотовъ сохранилось о профессорѣ между харьковскими студентами. Разсказывали, напр., о томъ, какъ однажды студенты наложили хлопушекъ въ подушку, прикрывавшую стулъ на каѳедрѣ—и какъ профессоръ, только что присѣвшій на него, вскочилъ и выбѣжалъ изъ аудиторіи, запуганный раздавшимися выстрѣлами. Въ другой разъ профессоръ, войдя въ аудиторію, нашелъ на каѳедрѣ своей вырѣзанное изъ картона и раскрашенное изображеніе свиньи почти во всю величину ея. Вотъ и еще забавный анекдотъ въ томъ же родѣ: послѣ одной изъ вечернихъ лекцій Совиньи, студенты провожали его черезъ весь городъ до квартиры съ зажженными смоляными факелами, увѣряя, что этимъ желаютъ они почтить своего любимаго профессора. Но всѣ эти разсказы относятся къ тому періоду, когда я не былъ еще въ университетѣ. Въ мое время, при существовавшей тогда строгой дисциплинѣ въ университетѣ, студентамъ нельзя уже было позволять себѣ такихъ скандаловъ".

Д. П. Хрущовъ о Паки де Совиньи говоритъ, что это былъ родъ идіота и гороховаго шута, помѣшаннаго на сочиненной имъ глупой грамматикѣ, и предметъ всѣхъ возможныхъ штукъ нѣсколькихъ поколѣній студентовъ Харьковскаго университета. Тоже самое подтверждаетъ и Н. И. Костомаровъ. „Французскій языкъ, говоритъ онъ, читалъ Паки де Совиньи, бывшій недавно передъ тѣмъ профессоромъ латинскаго языка. Это былъ шутъ въ полномъ смыслѣ слова; на лекціяхъ онъ либеральничалъ въ вольтеріанскомъ духѣ, но у него нельзя было научиться ни его языку, ни литературѣ; студенты ходили на его лекціи только для

потѣхи. Онъ представлялъ, какъ въ праздникъ Богоявленія архіерей святитъ воду и „суевѣры“ бросаются къ рѣкѣ съ кувшинами, а „philosophe“ думаетъ себѣ иное; вооружался противъ крѣпостнаго права и копировалъ разговоры съ помѣщикомъ такимъ образомъ: „Пожалюйте, за што ви вьетъ вашъ мальшикъ?“ „О! онъ мой холёпъ!“ „Quecequе c'est холёпъ?“ Помѣщикъ отвѣчаетъ: „Ми при Государиня Катерина Алексѣевна жили и били свой шелювѣкъ“. „Ah, monsieur! При Катерина Алексѣевна биль одно время, теперь — другое!“ Начинались сто разъ повторяемые анекдоты о Вольтерѣ, о достоинствахъ его произведеній, цитировались стихи изъ какой-нибудь Альзиры, потомъ снова слѣдовало обращеніе къ Россіи съ указаніемъ разныхъ недостатковъ ея; впрочемъ доставалось на долю и нѣмцамъ. Паки де Совиньи, какъ истый французъ, считалъ французскій народъ самымъ образованнымъ въ свѣтѣ и говорилъ, что хотя у нѣмцевъ есть стихотворцы, какъ Шиллеръ и Гете, но куда имъ до Расина, Кребильона и Вольтера. Ему извѣстна была только старая французская литература; о новой, современной онъ не имѣлъ никакого понятія да и знать о ней не хотѣлъ“ [1]).

Всѣ три автора, какъ видимъ, совершенно сходятся другъ съ другомъ въ своихъ взглядахъ на Паки де Совиньи, какъ преподавателя.

„Профессоръ Мауреръ, говоритъ *Н.*, преподавалъ студентамъ филологамъ греческую словесность. Менѣе всего могу я сказать объ этомъ профессорѣ, лекціями котораго не могъ я пользоваться потому, что никогда не учился греческому языку. Но я живо помню то впечатлѣніе, которое произвела на меня первая рѣчь профессора на латинскомъ языкѣ, произнесенная имъ при торжественномъ университетскомъ актѣ. Это было такое чтеніе косноязычнаго оратора, въ которомъ едва можно было различить членораздѣльные человѣческіе звуки; во всѣхъ оттѣнкахъ его голоса слышались чуть ли не звукоподражанія тому или другому изъ безсловесныхъ животныхъ. Публика едва сдерживала себя отъ смѣха. Еще труднѣе это было для студентовъ, стоявшихъ стройными рядами по обѣимъ сторонамъ университетской каѳедры“.

Д. П. Хрущовъ о Мауерѣ выражается такъ.

„Греческій языкъ преподавалъ намъ нѣмецъ профессоръ Мауреръ, въ рыжемъ парикѣ и съ носомъ, разбитымъ параличемъ, вслѣдствіе чего онъ говорилъ въ носъ. На каѳедру онъ тоже не садился, а занимался съ нами переводами стоя надъ нами у нашихъ пульпитрокъ, толкая пальцами въ пульпитры и дрыгая ногами, какъ индѣйскій пѣтухъ на раскаленной плитѣ, при чемъ отъ спряженія глаголовъ при-

---

[1]) Литературное наслѣдіе. СПБ., 1890, стр. 20.

ходилъ въ настоящій азартъ. При этомъ онъ былъ такъ смѣшенъ, что покойный мой братъ разъ не выдержалъ и разсмѣялся. Мауреръ взбѣсился и страшно завопилъ въ носъ: „Quid rides; non amo ridentes, exeas, si ridere vis“.

Н. И. Костомаровъ о Мауерѣ говоритъ: „греческій языкъ читалъ какой-то нѣмецъ Мауреръ, знавшій свой предметъ въ совершенствѣ, но плохо владѣвшій русскимъ языкомъ и даромъ изложенія на какомъ бы то не было языкѣ“ [1]).

„Адъюнктъ П. А. Куницкій, читаемъ мы въ воспоминаніяхъ *Н.*, подготовляя слушателей къ лекціямъ Маурера, преподавалъ греческій языкъ студентамъ 1-го курса. Во всемъ учебномъ округѣ едва ли не въ одной только Харьковской гимназіи введено было тогда преподаваніе греческаго языка и знаніе его не требовалось при вступительномъ экзаменѣ даже отъ предназначавшихъ себя къ филологическому факультету. Поневолѣ адъюнкту приходилось начинать занятія со студентами съ азбуки и чтенія, за которыми слѣдовали въ 1-мъ курсѣ греческая грамматика и упражненія въ самыхъ легкихъ переводахъ. Куницкій зналъ хорошо не только древніе, но и нѣкоторые изъ новѣйшихъ языковъ и былъ знакомъ съ ихъ литературами; но онъ всегда отличался крайнею лѣностью и весьма небрежно относился къ предмету своего преподаванія. Куницкій позже другихъ профессоровъ начиналъ лекціи свои въ университетѣ и ранѣе всѣхъ оканчивалъ ихъ. Также точно сокращалась почти каждая изъ лекцій, то запаздываніемъ профессора, то преждевременнымъ выходомъ его изъ аудиторіи. Нерѣдко случалось и въ теченіе учебнаго года, что Куницкій прекращалъ свои лекціи подъ разными предлогами: то по случаю ненастной погоды, то ради грязи, которою изобиловали тогда немощенныя харьковскія улицы, особенно въ весеннюю и осеннюю распутицу. Всегда заранѣе профессоръ объявлялъ студентамъ о такихъ интервалахъ своего преподаванія. Куницкій велъ самую нетрезвую жизнь и большую часть времени проводилъ въ трактирахъ и гостинницахъ съ такими же друзьями—собутыльниками. Въ послѣдніе годы службы Куницкій дошелъ до такого нищенства, что ходилъ въ оборванномъ и истасканномъ костюмѣ и чуть не каждый день занималъ по мелочамъ то у одного, то у другого изъ своихъ знакомыхъ.

Въ 1830 году, когда я былъ уже въ послѣднемъ курсѣ, открылась въ Харьковскомъ университетѣ и каѳедра восточныхъ языковъ, на которую прибылъ къ намъ откуда-то молодой профессоръ Дорнъ. Кромѣ

---

[1]) Литературное наслѣдіе. СПБ., 1890, стр. 20.

своей спеціальности онъ зналъ древніе классическіе языки и многіе изъ новѣйшихъ, но не могъ тогда еще объясняться по-русски. Поневолѣ профессоръ долженъ былъ избрать для своего преподаванія латинскій языкъ, знаніе котораго болѣе или менѣе обязательно было для студентовъ всѣхъ факультетовъ. Понятно отсюда, какъ легко было для слушателей усвоить себѣ изученіе восточныхъ языковъ. Съ одной стороны недостаточное знаніе латинскаго языка и неумѣнье владѣть имъ представляли неодолимыя затрудненія для студентовъ; съ другой—роскошные вымыслы фантазіи и своеобразныя произведенія Востока, носившія на себѣ особый, имъ только свойственный характеръ, не легко поддавались тяжелымъ формамъ римской рѣчи, выработавшейся при иныхъ условіяхъ народной жизни. Сколько ни увлекался профессоръ своимъ предметомъ, но на первый годъ число слушателей его было весьма невелико. Кромѣ другихъ причинъ, это немало зависѣло и отъ того, что для лекцій Дорна, посѣщаемыхъ студентами разныхъ курсовъ и факультетовъ, назначено было самое раннее время дня—отъ 6 до 7 ч. утра. Добавлю здѣсь еще одну странность, которую, быть можетъ, нужно отнести къ скупости профессора: на первое время онъ поселился въ университетскомъ саду, занявъ квартиру въ помѣщеніи главнаго садовника. Оттуда нашъ оріенталистъ. еще до разсвѣта и иногда въ ненастныя осеннія ночи отправлялся пѣшкомъ въ университетъ, не обращая вниманія ни на грязь, ни на погоду. Спустя нѣсколько лѣтъ Дорнъ переведенъ былъ въ Петербургъ, гдѣ и занялъ мѣсто въ академіи наукъ. Обладая необыкновенною способностью къ изученію языковъ, Дорнъ, разставаясь съ Харьковомъ, уже свободно говорилъ по-русски".

Д. П. Хрущовъ говоритъ о Дорнѣ: „въ заключеніе назову еще профессора восточныхъ языковъ Дорна, который нынѣ состоитъ здѣсь въ Петербургѣ при публичной библіотекѣ. У него мы слушали языки—арабскій и персидскій, которые онъ намъ преподавалъ на языкѣ латинскомъ. Слушателей у него было всего четверо: насъ двое, да Красовскій да Каменскій".

Переходимъ теперь къ отзывамъ о преподавательской дѣятельности профессоровъ другихъ факультетовъ.

„О. Аѳанасій Могилевскій, протоіерей каѳедральнаго собора, преподавалъ намъ, разсказываетъ *Н.*, четыре часа въ недѣлю догматическое богословіе. Все содержаніе этого предмета заключалось въ тощей тетрадкѣ, которой ставало едва на четыре мѣсяца перваго полугодія. Преподаваніе профессора ограничивалось тѣмъ, что каждый прочитанный имъ параграфъ онъ повторялъ обыкновенно изустно, но почти тѣми же словами, не прибавляя къ нимъ ничего новаго, не развивая ни

одной мысли. Такое безжизненное преподаваніе предмета, съ его сухою и неизбѣжною діалектикою, не могло ни привлечь студентовъ къ изученію богословія, ни пробудить въ нихъ религіозное чувство и освѣтить христіанскія истины разумнымъ ихъ сознаніемъ. Что же дѣлалъ профессоръ во второй семестръ, оканчивая свой предметъ еще въ первое полугодіе учебнаго курса? Все это время—съ января мѣсяца до новаго года—затрачивалось на совершенно безполезныя репетиціи, для которыхъ придуманы были преподавателемъ два самые курьезные способа. Первый изъ нихъ состоялъ въ томъ, что профессоръ вызывалъ студентовъ по алфавитному списку и каждому изъ нихъ предлагалъ въ послѣдовательномъ порядкѣ одинъ изъ вопросовъ, на которые предварительно подраздѣленъ былъ весь курсъ богословія. Слѣдовавшая затѣмъ вторая репетиція предмета отличалась отъ первой только тѣмъ, что студенты вызывались уже не по списку, а по произвольному выбору экзаменатора, но вопросы предлагались каждому изъ нихъ въ томъ же послѣдовательномъ порядкѣ учебнаго руководства. Такое школярство, не приводя ни къ какимъ серьезнымъ результатамъ, давало только поводъ студентамъ относиться съ полнымъ неуваженіемъ къ самому предмету преподаванія. При первой репетиціи студентъ заранѣе зналъ вопросъ, на который придется отвѣчать ему; при второй же товарищи заранѣе уславливались между собою, кому приходить на лекціи, подготовляя на каждую изъ нихъ нѣсколько вопросовъ, остававшихся на очереди. Несмотря на то, что богословіе считалось обязательнымъ предметомъ для всѣхъ факультетовъ, въ первый годъ учебнаго курса, но аудиторія профессора, не отличавшаяся и въ первое полугодіе многочисленностію своихъ слушателей, на второй семестръ едва вмѣщала въ себѣ два или три десятка студентовъ. Раннее время дня, назначенное для богословскихъ лекцій—отъ 7 до 8-ми час. утра—еще болѣе усиливало лѣнь студентовъ, любившихъ поспать или же, вмѣсто скучной лекціи, пролежать въ постели, слѣдя за страницами какого-нибудь журнала или же занимательнаго романа. Несмотря на обязательность богословія для всѣхъ факультетовъ, преподаватель этого предмета причисленъ былъ, по тогдашнему уставу, къ числу ординарныхъ профессоровъ юридическаго или этико-политическаго факультета, въ которомъ онъ избранъ былъ даже деканомъ на одно изъ трехлѣтій, а потомъ, за продолжительнымъ отсутствіемъ ректора, вызваннаго въ Петербургъ по дѣламъ службы, исправлялъ и эту послѣднюю должность. Немного отрадныхъ воспоминаній осталось у насъ о профессорѣ Могилевскомъ; но къ чести его нужно сказать, что онъ не безъизвѣстенъ былъ въ свое время и нѣкоторыми литературными трудами, весьма впрочемъ немно-

гими; его риторика принята была за руководство во многихъ духовныхъ и свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ; въ разныхъ университетскихъ изданіяхъ отпечатаны были его рѣчи, произнесенныя при торжественныхъ актахъ или годичныхъ собраніяхъ университета. Говорили также, что онъ отличался въ былое время своими краснорѣчивыми проповѣдями въ каѳедральномъ соборѣ, которыя, однако же много теряли отъ вялаго и монотоннаго произношенія ихъ по тетрадкѣ.

Профессоръ Андрей Ивановичъ Дудровичъ преподавалъ философію 4 часа въ недѣлю для перваго курса студентовъ всѣхъ факультетовъ, кромѣ медицинскаго, и естественное право два раза въ недѣлю исключительно для юристовъ. Жалкій былъ объемъ философіи, который допускался тогда въ нашемъ университетѣ, а быть можетъ и во всѣхъ другихъ: онъ ограничивался только логикою и методологіею на первый семестръ и нравственною философіею или этикою—на второе полугодіе. Естественное право подраздѣлялось на частное, государственное и международное. Всѣ эти отдѣлы вошли въ настоящее время въ содержаніе особыхъ юридическихъ наукъ—энциклопедіи, законовѣдѣнія и международнаго права. Мы любили профессора Дудровича за его безукоризненное преподаваніе, за его добрыя отношенія къ студентамъ и вообще честную добросовѣстную дѣятельность. Его лекціи были образцовыя по своему времени. Несмотря на сербскій выговоръ и неправильные иногда обороты языка, профессоръ увлекалъ своихъ слушателей богатствомъ мыслей, простотою и ясностію ихъ изложенія. И онъ давалъ записки студентамъ, которыя служили имъ руководствомъ къ изученію философіи и естественнаго права; но записки эти далеко не обнимали всего того, что слышали мы съ каѳедры и часто одинъ параграфъ руководства, заключавшій въ себѣ немного строкъ, составлялъ содержаніе цѣлой лекціи профессора. Въ своемъ введеніи въ философію, а иногда и въ отдѣльныхъ эпизодахъ въ продолженіе всего курса, онъ знакомилъ насъ съ системами и началами современныхъ корифеевъ философіи — Лейбница, Вольфа, Шеллинга и Гегеля. Аудиторія его всегда полна была слушателями всѣхъ курсовъ и факультетовъ, не исключая и медиковъ.

Профессоръ Константинъ Павловичъ Пауловичъ въ шести еженедѣльныхъ лекціяхъ своихъ преподавалъ юристамъ: первому курсу исторію римскаго права 1 разъ въ недѣлю; второму курсу — римское право 3 раза и 3-му курсу—политическую экономію и дипломатію два раза въ недѣлю. Римское право и его исторія составляли, по запискамъ профессора, довольно толстую и объемистую тетрадь, заключавшую въ себѣ сокращенный переводъ Гейнекція. Но это и все, чѣмъ могли мы воспользоваться при изученіи предмета. Лекціи профессора не прибав-

ляли ничего новаго и не заключали въ себѣ ничего другого, какъ только повтореніе текста записокъ; а если иногда онъ вдавался въ разъясненіе какого-либо параграфа, то еще болѣе затемнялъ смыслъ его нескладными не точными и неясными оборатами своей полу-русской, полусербской рѣчи. Еще менѣе онъ приносилъ пользы для студентовъ 3-го курса, которымъ преподавалъ политическую экономію и дипломатію, оканчивая одну изъ нихъ въ первое, а другую во второе полугодіе. Тощая тетрадка политической экономіи давала слушателямъ небольшое понятіе о наукѣ, какъ издаваемыя въ настоящее время брошюры для народнаго чтенія, напр. о томъ „Какъ жить, чтобы добро нажить" и т. п. Это была какая-то иронія надъ университетскимъ преподаваніемъ, чуждая всѣмъ современнымъ требованіямъ науки и вызывавшая только полнѣйшую апатію студентовъ. Но что же такое была дипломатія, преподаваемая профессоромъ? Хотя содержаніе ея нисколько не сохранилось въ моей памяти, но помнится, что онъ читалъ ее по печатному руководству какого-то автора. Здѣсь излагалось все, что относится къ обрядовой или формальной части дипломатическихъ сношеній между государствами, какъ-то: о послахъ, ихъ вѣрительныхъ грамотахъ, нотахъ, о правахъ и обязанностяхъ дипломатическихъ агентовъ и т. п., словомъ, это была наука, потерявшая въ настоящее время всякое самостоятельное значеніе. Не только студенты, но и профессора университета отзывались о Цауловичѣ, какъ о бездарнѣйшей личности. Профессорствомъ своимъ онъ обязанъ былъ покровительству одного изъ попечителей округа, Карнѣева, на родственницѣ котораго онъ былъ женатъ или лучше сказать, его женили".

„Профессоръ Игнатій Николаевичъ *Даниловичъ*, говоритъ *Н.*, преподавалъ студентамъ 3-го курса юридическаго (этико-политическаго) факультета русское право—гражданское и уголовное, каждое изъ нихъ 2 раза въ недѣлю. Общее мнѣніе университета отзывалось объ этомъ профессорѣ, какъ о человѣкѣ весьма ученомъ, вполнѣ усвоившемъ себѣ глубокія и обширныя свѣдѣнія въ теоріи права, въ положительномъ законодательствѣ и вообще въ юридической литературѣ. Студенты съ восторженными похвалами отзывались о его лекціяхъ и весьма охотно посѣщали ихъ. Но, къ сожалѣнію, мнѣ не удалось воспользоваться преподаваніемъ почтеннаго И. Н. Даниловича. Еще до перехода моего на 3-й курсъ юридическаго факультета, онъ былъ вызванъ въ Петербургъ, гдѣ получилъ какое-то назначеніе въ коммиссіи составленія законовъ, изъ которыхъ образовалось впослѣдствіи IV отдѣленіе собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи.

Около того же времени явились въ числѣ преподавателей университета два молодые адъюнкта, выдержавшіе экзаменъ и защитившіе диссертаціи на степень магистра правъ—Гавр. Ст. *Гордѣенко* и Алекс. Гр. *Криворотовъ*. Первый изъ нихъ, Гавр. Ст. Гордѣенко, преподавалъ намъ, юристамъ, уже по переходѣ моемъ въ 3-й курсъ, русское право, гражданское и уголовное — то и другое по двѣ лекціи въ недѣлю, по примѣру своего предшественника. Усвоивъ себѣ основательныя свѣдѣнія въ наукѣ, подъ руководствомъ ученаго и опытнаго наставника своего Даниловича, нашъ молодой профессоръ съ любовью и неутомимымъ трудомъ продолжалъ изученіе своего предмета. На первыхъ порахъ его лекціи были, конечно, отголоскомъ мнѣній и взглядовъ его предшественника, отчасти знакомыхъ намъ по запискамъ, сохранившимся у студентовъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ преподаваніе Гордѣенка носило на себѣ слѣды тщательной подготовки и обработки и уже заранѣе предвѣщало въ молодомъ преподавателѣ даровитаго и замѣчательнаго представителя науки. Неутомимо преслѣдуя свое призваніе, честно и добросовѣстно выполняя свои обязанности, Гавр. Ст. Гордѣенко не отличался и особенною снисходительностью къ студентамъ: онъ требовалъ отъ нихъ отчетливаго знанія предмета и недаромъ ставилъ имъ ту или другую одобрительную отмѣтку при экзаменахъ. Изученіе русскаго права всего болѣе затруднялось тѣмъ, что въ то время не былъ изданъ сводъ законовъ. Въ нашихъ руководствахъ и запискахъ приводимы были обыкновенно не только статьи разныхъ уставовъ и учрежденій, но также и всѣ сепаратные указы, изъ которыхъ извлечено было содержаніе каждаго параграфа. За изложеніемъ каждой статьи законовѣдѣнія слѣдовали указанія всѣхъ относящихся къ ней узаконеній, съ обозначеніемъ ихъ года, мѣсяца и числа. Свѣдѣнія эти требовались отъ студентовъ и составляли для нихъ такую работу, которую не всякая память въ состояніи была вынести. Если не безъ труда пріобрѣтается знаніе исторической хронологіи, то изученіе ея облегчается, по крайней мѣрѣ, самою послѣдовательностью историческихъ событій; тамъ одно помогаетъ другому и исторія идетъ рука объ руку съ хронологіей. Но исторія русскаго права намъ не преподавалась, а систематическое изложеніе теоріи права и положительнаго законодательства не заключаетъ въ себѣ ничего такого, что помогало бы припоминать разрозненные указы разныхъ эпохъ и временъ, относящіеся къ каждой статьѣ или къ каждому тезису науки. Обращаясь затѣмъ къ преподаванію Гавр. Ст. Гордѣенка, скажу, что уже первый годъ его ученой дѣятельности предвѣщалъ въ немъ трудолюбиваго, добросовѣстнаго и даровитаго профессора. Впослѣдствіи, когда съ преобразованіемъ университета увеличилось число предметовъ и пре-

подавателей въ юридическомъ факультетѣ, Гавр. Ст. Гордѣенко занялъ каѳедру русскаго уголовнаго права. Съ честью и достоинствомъ онъ продолжалъ свою дальнѣйшую службу въ университетѣ уже со степенью доктора и въ званіи ординарнаго профессора; но умеръ въ молодыхъ лѣтахъ, не успѣвши довершить многаго, что было имъ начато. Смерть его оплакивали всѣ его сотоварищи и студенты университета, какъ потерю ученаго, подававшаго большія надежды и обѣщавшаго большія пріобрѣтенія для науки. Далеко не такъ себя выказалъ другой сотрудникъ Гордѣенка, Криворотовъ, вмѣстѣ съ нимъ выступившій на университетское поприще. Онъ предназначался къ каѳедрѣ римскаго права; но по смерти профессора Дудровича и до увольненія еще Пауловича, Криворотову поручено было, на первое время, преподаваніе естественнаго права. Уже первая, вступительная лекція молодого адъюнкта показала, какъ мало можно было ожидать отъ его преподаванія. На этой лекціи, которую почтили своимъ присутствіемъ и многіе изъ профессоровъ университета, мы услышали слово въ слово записки покойнаго профессора Дудровича и, въ продолженіе одного часа, Криворотовъ прочелъ намъ почти всю первую часть этихъ записокъ, заключавшую въ себѣ частное естественное право, т. е. то, что предшественникъ его читалъ обыкновенно не менѣе двухъ или трехъ мѣсяцевъ. Вѣроятно, однако же, адъюнктъ самъ созналъ свою недобросовѣстность и не прежде рѣшился возобновить свое преподаваніе, какъ послѣ довольно продолжительнаго перерыва. Съ тѣхъ поръ онъ началъ уже готовиться къ каждой лекціи и читалъ ихъ довольно сносно; но въ продолженіе цѣлаго курса намъ слышалось что-то, не вполнѣ сознанное и усвоенное преподавателемъ, откуда-то имъ заимствованное и вообще повторяемое съ чужого голоса. Къ чести Криворотова нужно сказать, что онъ свободно владѣлъ новыми языками — французскимъ и нѣмецкимъ, зналъ, кажется, и англійскій, и могъ пользоваться ихъ богатою литературою; но едва ли онъ чувствовалъ призваніе къ ученой дѣятельности и еще менѣе замѣчалось въ немъ наклонности къ усидчивому труду. Впослѣдствіи знаніе языковъ доставило Криворотову и другую службу. Онъ занялъ должность инспектора классовъ въ Харьковскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ послѣ выбывшаго оттуда предмѣстника своего Влад. Фр. Цыха. Эта новая обязанность еще болѣе отвлекла молодого преподавателя отъ его ученыхъ занятій. Скоро и въ одно и то же время Криворотовъ разстался съ университетомъ и институтомъ и уѣхалъ въ Петербургъ, кажется, по вызову брата, служившаго при какомъ-то министерствѣ. Получилъ ли Криворотовъ какое назначеніе въ Петербургѣ и въ чемъ состояла его дальнѣйшая дѣятельность —

объ этомъ я не имѣю никакихъ свѣдѣній, но, кажется, онъ жилъ недолго.

Съ пріѣздомъ Филатьева въ Харьковъ многое измѣнилось къ худшему въ нашемъ университетѣ. Къ числу такихъ перемѣнъ нельзя не отнести и назначеніе Филатьевымъ трехъ новыхъ преподавателей, — профессора Чанова и адъюнктовъ Гринберга и Бабичева, не имѣвшихъ никакого права на занятіе университетскихъ каѳедръ. Чановъ, сколько мнѣ извѣстно, окончилъ курсъ въ Московскомъ университетѣ съ званіемъ дѣйствительнаго студента; потомъ онъ служилъ тамъ же, въ Москвѣ, по полицейской части и въ послѣднее время занималъ должность частнаго пристава [1]). Немало всѣ были поражены, когда Филатьевъ, по какимъ-то прежнимъ связямъ своимъ съ Чановымъ, опредѣлилъ его директоромъ Харьковской гимназіи (тогда, соименно съ губерніею, называвшейся Слободско-украинскою); но еще большее негодованіе вызвало у всѣхъ назначеніе Чанова, по смерти Дудровича, ординарнымъ профессоромъ философіи съ оставленіемъ и при прежней должности директора".

Н. И. Костомаровъ о Чановѣ говоритъ: „философію преподавалъ нѣкто Чановъ, бывшій прежде того частнымъ приставомъ".

„Подобною же милостью попечителя воспользовался, говоритъ *Н.*, и бывшій до того времени лекторъ нѣмецкаго языка Гринбергъ. Филатьевъ возвелъ его въ адъюнкты по каѳедрѣ философіи, для чего не потребовалось отъ него ничего болѣе, какъ только защищенія представленной имъ диссертаціи на степень магистра. Я былъ на этомъ ученомъ диспутѣ, который почтилъ своимъ присутствіемъ и Филатьевъ. Хотя, въ угожденіе ему, оппоненты не слишкомъ нападали на Гринберга, но вся защита послѣдняго состояла въ томъ, что онъ повторялъ только наизусть заученныя мѣста своей диссертаціи, часто неимѣвшія никакого отношенія къ сдѣланнымъ ему возраженіямъ. Нужно замѣтить, что тогдашній уставъ университета предъявлялъ большія требованія къ лицамъ, ищущимъ ученыхъ степеней магистра и доктора. Кромѣ диссертаціи, отъ нихъ требовалось еще предварительное изустное и письменное испытаніе по всѣмъ предметамъ факультета. Гринбергу не удалось бы выдержать такого экзамена. Хотя онъ и хвалился тѣмъ, что получилъ образованіе въ Дерптскомъ университетѣ, по богословскому факультету, но едва ли имѣлъ онъ степень кандидата, а быть можетъ, и не окончилъ даже курса. Профессоръ и его адъюнктъ подѣлили между собою преподаваніе философіи въ университетѣ на первый годъ: изъ нихъ Гринбергъ избралъ для себя логику, а Чановъ этику. Я не могу

[1]) Эти свѣдѣнія, какъ мы знаемъ, не точны.

ничего сказать о ихъ преподаваніи, потому что не посѣщалъ ихъ лекцій, да едва ли и могъ бы чѣмъ-нибудь воспользоваться отъ нихъ, судя по отзывамъ ихъ слушателей, постоянно твердившихъ только о ихъ невѣжествѣ и бездарности. Недолго однакожъ обѣ креатуры попечителя, который и самъ чуждъ былъ всякаго образованія, позорили Харьковскій университетъ. Скоро потомъ Филатьевъ, произведенный въ сенаторы, потащилъ ихъ за собою въ Петербургъ. Дальнѣйшая судьба обоихъ мудрецовъ мнѣ неизвѣстна. На мѣсто Филатьева попечителемъ Харьковскаго учебнаго округа назначенъ былъ членъ государственнаго совѣта и оберъ-камергеръ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, графъ Юрій Александровичъ Головкинъ; но это послѣдовало уже по выходѣ моемъ изъ университета.

Остается сказать о третьемъ преподавателѣ, которымъ надѣлилъ нашъ университетъ Филатьевъ. Адъюнктъ Андрей Кондратьевичъ Бабичевъ окончилъ курсъ въ Харьковскомъ университетѣ и, кажется, со степенью кандидата. Гдѣ онъ былъ и служилъ, чѣмъ занимался, прежде чѣмъ задумалъ искать университетской каѳедры — это мнѣ совершенно неизвѣстно; но въ то время онъ былъ уже не въ первой молодости. Поговаривали, что онъ ухаживалъ за какою-то перезрѣлою родственницею или племянницею Филатьева, сопровождавшею его въ Харьковъ. Занимательны и оригинальны были первые дебюты Бабичева на университетскомъ поприщѣ. Въ одно прекрасное утро прочли мы, студенты, въ объявленіи, выставленномъ въ университетскихъ аудиторіяхъ, что въ такой-то день и часъ вновь назначенный адъюнктъ Бабичевъ будетъ читать вступительную лекцію по предмету русской словесности. Въ то время русская литература болѣе чѣмъ когда-нибудь вызывала общее къ себѣ сочувствіе, и занимательность предмета привлекла въ аудиторію многочисленное собраніе слушателей, въ числѣ которыхъ было немало и профессоровъ университета. Но что же услышали мы отъ преподавателя? Какой-то наборъ словъ, — какіе-то лоскутки, выхваченные изъ современныхъ журналовъ и лишенные не только общихъ началъ, но и всякой связующей, руководящей мысли. Всѣ съ неудовольствіемъ и неодобрительными отзывами вышли изъ аудиторіи, не ожидая ничего лучшаго и въ дальнѣйшемъ преподаваніи профессора. Но вотъ проходитъ недѣли двѣ или три, и является новое объявленіе, выставленное на прежнемъ мѣстѣ, о томъ, что адъюнктъ Бабичевъ будетъ преподавать студентамъ 3-го курса юридическаго факультета русское государственное право. Не ясно ли доказываетъ это, что Бабичевъ готовъ былъ взяться за какой угодно предметъ, не только неусвоенный, но и вовсе незнакомый ему, лишь бы только добиться

университетской каѳедры? Не подлежитъ, конечно, никакому сомнѣнію, что къ профессурѣ онъ никогда не готовился и въ государственномъ правѣ, какъ и вообще въ законовѣдѣніи, свѣдѣнія его настолько же были ограничены, какъ и въ русской словесности. Но какъ бы то не было, лекціи Бабичева были обязательны и для меня—юриста 3 курса. Преподаватель любилъ какое-то печатное руководство (кажется, Васильева) и назначилъ для своихъ еженедѣльныхъ чтеній 3 или 4 часъ пополудни. Трудно повѣрить тому, что буду я продолжать далѣе объ этихъ лекціяхъ. Бабичевъ жилъ тогда у одного изъ профессоровъ университета, занимавшаго помѣщеніе въ одномъ изъ университетскихъ зданій. Мы собирались обыкновенно въ назначенное время. Прождавши профессора минутъ двадцать, а иногда и болѣе, и зная, что онъ любилъ поспать послѣ ранняго обѣда, студенты отправляли обыкновенно депутацію будить Бабичева. Таковы были его собственное желаніе и просьба, высказанныя студентамъ. Затѣмъ онъ являлся и, впродолженіе 20 минутъ или же не болѣе получаса, мы выслушивали отъ него нѣсколько занимательныхъ, а иногда и неинтересныхъ анекдотовъ, чѣмъ и кончалась вся лекція. Дошло дѣло до экзамена. Мы пристали къ Бабичеву съ вопросомъ: что же будемъ отвѣчать мы? Тогда только онъ выдалъ намъ записки и, подраздѣливъ ихъ по числу слушателей, написалъ и кратчайшіе отвѣты на каждый изъ вопросовъ. Такъ дѣло все и сошло съ рукъ. Неправда ли, что весь разсказъ объ этомъ похожъ на одну изъ забавныхъ сказокъ? А между тѣмъ все это быль, въ которой ни слова нѣтъ неправды. Не имѣя никакого призванія къ ученой дѣятельности, Бабичевъ увлекался напротивъ всѣми свѣтскими удовольствіями и развлеченіями и былъ усерднымъ поклонникомъ прекраснаго пола. Изящный костюмъ его возобновлялся весьма часто и ни въ чемъ не отступалъ отъ условій свѣта и требованій послѣдней моды. Впослѣдствіи, зная, что ученыя степени, магистерская и докторская, безъ которыхъ нельзя было достигнуть профессорскаго званія, недоступны для диллетанта науки, Бабичевъ выхлопоталъ для себя у Филатьева должность директора гимназіи въ Таганрогѣ; но и тамъ продержался онъ недолго, навлекши даже на себя какое-то слѣдствіе. Послѣдняя встрѣча моя съ Бабичевымъ была въ Петербургѣ, въ 1845 г. Одинъ изъ моихъ харьковскихъ знакомыхъ и сослуживцевъ пригласилъ меня зайти съ нимъ въ мѣстное губернское правленіе, гдѣ и приготовилъ мнѣ сюрпризъ, представивъ Бабичева, въ качествѣ секретаря присутствія. По словамъ того же знакомаго, Бабичевъ, доведенный до крайности, и этой послѣдней должности могъ добиться только при его содѣйствіи. Такъ судьба играетъ иногда своими баловнями!....

Перейду теперь къ профессорамъ двухъ остальныхъ факультетовъ, физико-математическаго и медицинскаго. О нихъ, какъ о менѣе извѣстныхъ мнѣ, сообщу я самыя краткія свѣдѣнія. Ординарный профессоръ А. И. Павловскій преподавалъ высшія части математики, или, какъ называли тогда студенты, аналитику. Это былъ ученикъ и преемникъ по каѳедрѣ знаменитаго въ свое время ученаго и профессора Т. Ф. Осиповскаго, издавшаго полный курсъ алгебры и геометріи, которымъ пользовались тогда едва ли не всѣ учебныя заведенія. Проф. Павловскій умѣлъ поддержать честь своего наставника, и хотя неизвѣстенъ учеными трудами, но былъ большой знатокъ своего дѣла, всецѣло преданный своей наукѣ. Студенты отзывались о немъ, какъ о лучшемъ изъ числа преподавателей физико-математическаго факультета. Съ ловкостію артиста владѣлъ Павловскій математическими формулами и вычисленіями и съ неуловимою быстротою исписывалъ ими то ту, то другую доску въ своей аудиторіи. Студенты едва успѣвали слѣдить за нимъ. Экстраординарный профессоръ М. А. Байковъ читалъ алгебру и геометрію, въ предѣлахъ гимназическаго курса, но въ болѣе полномъ объемѣ, подготовляя слушателей къ высшимъ частямъ математики. Н. М. Архангельскій, профессоръ прикладной математики, ограничивался только преподаваніемъ механики; но и въ этомъ предметѣ свѣдѣнія профессора были такъ недалеки, что ими не похвалился бы теперь никто изъ преподавателей нашихъ реальныхъ училищъ. Къ лекціямъ Архангельскаго студенты относились съ полнѣйшимъ пренебреженіемъ, какъ безполезнымъ для нихъ, сколько въ научномъ отношеніи, столько же и въ практическомъ ихъ примѣненіи. Проф. Затеплинскій читалъ астрономію. О немъ разсказывали, что въ молодости, по свѣдѣніямъ и талантамъ своимъ, онъ былъ однимъ изъ выдающихся студентовъ физико-математическаго факультета, вслѣдствіе чего и отправленъ былъ за-границу для приготовленія себя къ университетской каѳедрѣ. Но Затеплинскій возвратился въ Харьковъ какимъ-то душевно-больнымъ, до того страдающимъ меланхоліею или гипохондріею, что онъ постоянно чуждался людей и нигдѣ не показывался въ обществѣ. Такой же отпечатокъ душевнаго разстройства носили на себѣ и лекціи профессора. Нерѣдко онъ забывался до того, что прекращалъ чтеніе и впродолженіе долгихъ минутъ ходилъ молча и задумавшись въ аудиторіи; иногда, остановясь на какомъ-нибудь предметѣ, онъ вдругъ объявлялъ студентамъ, что читалъ не то и не такъ, и что ту же самую лекцію прочтетъ онъ въ другой разъ. Ординарный профессоръ В. С. Комлишинскій читалъ физику для студентовъ математическаго факультета. Быть можетъ, мнѣ не повѣрятъ теперь, если я скажу, что все препо-

подаваніе этого предмета ограничивалось десятью или двадцатью лекціями въ годъ. Профессоръ былъ занятъ нестолько ученою, сколько административною дѣятельностью. Онъ былъ членомъ правленія, училищнаго комитета и секретаремъ совѣта. Совмѣщая въ себѣ столько должностей, онъ заправлялъ университетскими дѣлами и едва ли не безъ собственной наживы; легко понять это, если вспомнить, что тогда назначеніе на всѣ мѣста по учебному округу, въ томъ числѣ и на должности директоровъ гимназій—зависѣло отъ училищнаго комитета. Адъюнктъ Ф. М. Правицкій преподавалъ физику собственно для медиковъ 1-го курса; но его лекціи посѣщали также и математики, чтобы пополнить тѣ отрывочныя свѣдѣнія, которыя выносили они изъ лекцій Комлишинскаго. Физика преподавалась тогда въ университетѣ въ объемѣ гимназическаго курса и студентамъ легко было готовиться къ экзамену по запискамъ того или другого профессора, повторяя предметъ, уже знакомый имъ прежде. Адъюнктъ Ф. М. Правицкій привлекалъ къ себѣ слушателей особенно тѣмъ, что каждую почти лекцію свою онъ сопровождалъ физическими опытами. Ординарный профессоръ И. И. Сухомлиновъ читалъ химію (неорганическую и органическую) и пользовался общимъ уваженіемъ, какъ ученый, основательно изучившій предметъ своей спеціальности и другія науки, относящіяся къ естествовѣдѣнію. Но преподаваніе Сухомлинова мало приносило пользы студентамъ. Никогда не упражнялъ онъ ихъ на практикѣ въ химическомъ анализѣ и впродолженіе всего курса слушатели не видѣли ни одного химическаго опыта. Не знали даже—была ли лабораторія въ университетѣ; но если она и существовала, то въ ней работалъ одинъ только профессоръ и никто изъ студентовъ туда не заглядывалъ. Профессоръ И. А. Криницкій преподавалъ зоологію и минералогію. Онъ пользовался громкою и заслуженною извѣстностью, какъ ученый, обладавшій глубокими и обширными свѣдѣніями по всѣмъ отраслямъ естествовѣдѣнія. Нерѣдко профессоръ печаталъ свои изслѣдованія и монографіи въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ, русскихъ и иностранныхъ. Криницкій извѣстенъ и многими научными открытіями въ области естествовѣдѣнія. Но къ сожалѣнію, преподаваніе профессора не представляло ничего увлекательнаго для слушателей; лекціи его до того были сухи и вялы по своему содержанію, а чтеніе ихъ такъ монотонно и тихо, что все это едва ли не усыпляло студентовъ. Профессоръ Василій Матвѣевичъ Черняевъ преподавалъ ботанику. Онъ никогда не излагалъ своей науки въ систематическомъ порядкѣ, а обращалъ особенное и почти исключительное вниманіе на практическое изученіе мѣстной флоры, харьковской и всего южнаго края Россіи. Представляя студентамъ экземпляры

разныхъ произведеній растительнаго царства, то живые, то засушенные, профессоръ, послѣ надлежащей классификаціи каждаго изъ растеній, объяснялъ его признаки, свойства, мѣсто нахожденія и, наконецъ, его примѣненіе въ сельскомъ хозяйствѣ, въ заводской и фабричной промышленности и особенно въ медицинѣ. Въ зимнее время богатымъ пособіемъ для профессора служили собранные имъ гербаріи мѣстной флоры, въ остальное время года онъ занималъ своихъ слушателей ботаническими экскурсіями или гербаризаціями; садъ, поле и лѣсъ заступали тогда для профессора и студентовъ мѣсто ихъ университетской аудиторіи. Въ молодости своей В. М. Черняевъ путешествовалъ, вмѣстѣ съ профессоромъ Затеплинскимъ, заграницей и преимущественно въ Парижѣ изучалъ ботанику. Весьма немногіе изъ ученыхъ трудовъ Черняева были напечатаны, а большая часть ихъ сохранилась въ рукописяхъ. Вообще онъ оставилъ по себѣ добрую память въ университетѣ.

Студентамъ физико-математическаго факультета преподавались въ Харьковскомъ университетѣ и нѣкоторые прикладные предметы. Экстраординарный профессоръ М. К. Робушъ читалъ военныя науки, артиллерію и фортификацію. Но нестолько профессоръ извѣстенъ былъ преподаваніемъ, сколько своею педагогическою дѣятельностью. Михайло Козьмичъ Робушъ былъ содержателемъ одного изъ лучшихъ тогда учебныхъ заведеній въ Харьковѣ—частнаго мужскаго пансіона, пользовавшагося правами гимназій. Другой экстраординарный профессоръ Вас. Ал. Васильевъ читалъ архитектуру, хотя все преподаваніе его ограничивалось упражненіемъ студентовъ въ черченіи плановъ и ихъ деталей, причемъ профессоръ вмѣсто всякихъ объясненій, относящихся къ предмету преподаванія, занималъ своихъ слушателей забавными анекдотами, разсказывая ихъ съ большимъ юморомъ и мѣткими остротами. Но Васильевъ, хотя и плохой преподаватель, пользовался, какъ практикъ, извѣстностью замѣчательнаго архитектора. Многія изъ лучшихъ построекъ г. Харькова, въ томъ числѣ громадная соборная колокольня и домъ дворянскаго собранія, остались памятниками его искусства. Въ университетскомъ кругу Васильевъ пользовался общимъ расположеніемъ, какъ остроумный разсказчикъ и веселый собесѣдникъ, умѣвшій занять и оживить компанію и въ тоже время радушно относившійся къ каждому. Лекторъ И. И. Дьячковъ преподавалъ студентамъ также одну изъ прикладныхъ наукъ—технологію.

Менѣе всего извѣстно мнѣ о профессорахъ медицинскаго факультета, но и о нихъ скажу я нѣсколько словъ. Ординарный профессоръ и деканъ факультета Ив. Дм. Книгинъ читалъ физіологію и судебную медицину. Онъ пользовался общимъ уваженіемъ и ученою извѣстностью.

Нѣкоторые изъ трудовъ его были напечатаны. Профессоръ А. С. Венедиктовъ занималъ каѳедру анатоміи и въ зимнее время сопровождалъ свои лекціи трупоразсѣченіемъ въ анатомическомъ театрѣ. Добросовѣстно относясь къ своему дѣлу, профессоръ требовалъ отчетливыхъ свѣдѣній и отъ студентовъ, которые особенно побаивались его экзаменовъ. Ординарный профессоръ Николай Ивановичъ Еллинскій (медико-хирургъ) и его адъюнктъ Кригеръ преподавали разныя части хирургіи. Профессоръ завѣдывалъ также и хирургическимъ отдѣленіемъ университетской клиники, гдѣ и отличался онъ своими искусными и удачными операціями. Студенты отзывались о Еллинскомъ, какъ объ отличномъ знатокѣ своего дѣла, и увлекались его лекціями. Молодой профессоръ, отличавшійся рѣдкимъ даромъ слова, читалъ ясно, отчетливо и умѣлъ придать особенный интересъ своему предмету. Подъ конецъ своей службы Еллинскій былъ ректоромъ университета (послѣ Дудровича), но скоро затѣмъ разстался съ университетомъ по какимъ-то непріятностямъ съ Филатьевымъ. Профессоръ Еллинскій и его адъюнктъ Кригеръ умерли въ молодыхъ еще лѣтахъ, но первый изъ нихъ пережилъ второго. Профессоръ Блюменталь преподавалъ акушерство и завѣдывалъ спеціальнымъ по этому предмету отдѣленіемъ клиники. Впослѣдствіи онъ приглашенъ былъ въ Москву, гдѣ и получилъ мѣсто директора въ одномъ изъ казенныхъ акушерскихъ заведеній. Профессоръ Я. Н. Громовъ занималъ каѳедру фармакологіи. Преемникомъ его впослѣдствіи былъ извѣстный теперь земскій дѣятель Ег. Ст. Гордѣенко, мой современникъ въ числѣ студентовъ университета. Всѣ названные мною профессора, особеннно Еллинскій, имѣли громадную практику въ городѣ и пользовались громаднымъ довѣріемъ своихъ паціентовъ.

Остается сказать еще о двухъ преподавателяхъ медицинскаго факультета, выходящихъ изъ ряда другихъ, по нѣкоторымъ своимъ особенностямъ. Проф. Экебладъ читалъ медикамъ ветеринарную науку,—тогда еще въ Харьковѣ не было спеціальнаго заведенія по этому предмету, какимъ явился впослѣдствіи нашъ ветеринарный институтъ. Зная, что ни одинъ изъ студентовъ не готовилъ себя къ званію и обязанностямъ ветеринара, тѣмъ болѣе, что такая спеціальность потребовала бы изученія разныхъ особыхъ отраслей науки, несовмѣстимыхъ въ лицѣ одного и того же преподавателя, профессоръ Экебладъ ограничивался только краткимъ изложеніемъ своего предмета—болѣе ex officio, чѣмъ по сознанію, что преподаваемыя имъ свѣдѣнія будутъ примѣнены къ самому дѣлу. Но лекціи Экеблада были такъ интересны для слушателей, что привлекали къ себѣ не только медиковъ, но и студентовъ физико-математическаго факультета. Чѣмъ же объяснить это? Вся раз-

гадка въ томъ, что ученый профессоръ, повидимому, самъ не любившій ветеринарной науки, замѣнилъ ее другою, болѣе важною, имѣвшею тѣсное отношеніе ко всѣмъ отраслямъ медицины и естествовѣдѣнія. Онъ читалъ біологію, т. е. сравнительную анатомію и физіологію животныхъ и растеній — науку, надъ изслѣдованіями которой только начали трудиться тогда европейскіе ученые и съ которою впервые познакомилъ русскую публику профессоръ Велланскій, послѣдователь знаменитаго естествоиспытателя и философа Окена. Впослѣдствіи профессоръ Экебладъ получилъ иное назначеніе; онъ былъ опредѣленъ директоромъ Нѣжинскаго лицея, гдѣ спустя долгое время и окончилъ свою ученую службу.

Въ исчисленіи предметовъ медицинскаго факультета читатели не могли не замѣтить весьма важнаго пробѣла. Я ничего не упоминалъ о двухъ важнѣйшихъ отрасляхъ медицины—патологіи и терапіи. Преподаваніе обоихъ этихъ предметовъ, весьма многосложныхъ и разносторонниъ, возложено было на экстраординарнаго профессора Ив. Ник. Рейпольскаго. Я съ намѣреніемъ умолчалъ объ этомъ преподавателѣ, чтобы поговорить о немъ особо, какъ о личности, отличавшейся своею необыкновенною оригинальностію. Образованіе свое Рейпольскій получилъ сперва въ одной изъ нашихъ духовныхъ семинарій, а потомъ въ медико-хирургической академіи. Въ званіи лѣкаря служилъ онъ долгое время въ армейскихъ полкахъ и оттуда перемѣщенъ былъ въ Харьковъ на университетскую каѳедру. Какъ и вслѣдствіе чего случилось это— я не знаю. Нельзя отказать Рейпольскому въ обширности и многосторонности свѣдѣній, которыя обнимали не только разныя отрасли медицины, но также многіе изъ предметовъ естествовѣдѣнія. По общимъ отзывамъ профессоровъ и студентовъ, въ головѣ Рейпольскаго помѣщался цѣлый архивъ свѣдѣній; но запасъ этотъ оставался неразработаннымъ, не приведеннымъ въ порядокъ и систему, и самъ профессоръ не умѣлъ имъ пользоваться надлежащимъ образомъ. На лекціяхъ своихъ онъ безпрестанно переходилъ отъ одного предмета къ другому, изъ патологіи бросался терапію, отсюда въ фармацію и т. д.; словомъ, начиналъ говорить о многомъ и не оканчивалъ ничего. Къ этому нужно добавить еще, что профессоръ былъ большой поклонникъ старины и не любилъ новѣйшихъ методовъ и изслѣдованій въ медицинѣ, да едва ли и изучалъ ихъ, какъ бы слѣдовало.

Спросятъ, быть можетъ, читатели: кто же завѣдывалъ тогда терапевтическимъ отдѣленіемъ университетской клиники? Признаюсь, я самъ не хотѣлъ обойти этотъ вопросъ, но не могъ отвѣчать на него, потому что память измѣнила мнѣ на этотъ разъ. Судя, однакожъ, по

предметамъ преподаванія Рейпольскаго, надо полагать, что терапевтическая клиника находилась въ его распоряженіи. Это тѣмъ болѣе, вѣроятно, что новый профессоръ патологіи и терапіи Брандейсъ, еще въ мое время смѣнившій своего предшественника, былъ дѣйствительно директоромъ терапевтической клиники. Этому послѣднему профессору клиника обязана лучшимъ своимъ порядкомъ и устройствомъ. Онъ не щадилъ для нея значительныхъ суммъ и не останавливался ни передъ какими сверхсмѣтными расходами. Со любовью преданный своей наукѣ, профессоръ основательно изучилъ медицину и настолько же былъ полезенъ для слушателей своими теоретическими лекціями, сколько и практическими объясненіями въ клиникѣ. Но Брандейсъ не отличался ни человѣколюбіемъ, ни сердечнымъ сочувствіемъ къ больнымъ. Для какихъ-нибудь научныхъ опытовъ онъ готовъ былъ жертвовать нетолько терпѣніемъ, но часто и самымъ здоровьемъ своихъ паціентовъ. При необыкновенной раздражительности, Брандейсъ вообще отличался сварливымъ и неуживчивымъ характеромъ. Не умѣя сдерживать себя ни въ чемъ и мало уважая другихъ, онъ перессорился со многими профессорами и скоро потомъ разстался съ университетомъ. Дальнѣйшая судьба его мнѣ неизвѣстна".

Къ приведеннымъ даннымъ, позаимствованнымъ изъ воспоминаній, присоединимъ еще автобіографическую записку Н. И. Еллинскаго, содержаніе которой совпадаетъ съ краткимъ отзывомъ о немъ *Н.*

„Болѣе 13 лѣтъ нахожусь я, писалъ онъ въ своей запискѣ, профессоромъ въ Харьковскомъ университетѣ. Съ самаго вступленія моего въ должность, была поручена мнѣ полная каѳедра хирургіи и я исполнялъ возложенную на меня обязанность одинъ. Въ медицинскихъ академіяхъ и въ большей части университетовъ преподаютъ хирургію два и даже три чиновника; но я одинъ несъ на себѣ это тяжелое бремя и, если не ошибаюсь, не безъ пользы для заведенія, ибо только со времени моего вступленія стали выходить изъ Харьковскаго университета врачи съ полнымъ медицинскимъ образованіемъ. До меня хирургія преподавалась въ университетѣ невполнѣ, единственно теоретически и въ клиникѣ никто не дѣлалъ операцій надъ живыми. Какъ воспитанникъ Харьковскаго университета, я могу завѣрить, что кровокиданіе считалось тогда между студентами высшимъ дѣломъ, далѣе коего никто не осмѣливался идти. Но теперь, если не обманываетъ меня общій голосъ, хирургія находится въ Харьковскомъ университетѣ на той степени, на коей стоитъ въ лучшихъ отечественныхъ заведеніяхъ. Не хочу обременять изложеніемъ всѣхъ трудностей, кои должно было мнѣ побѣдить, прежде нежели успѣхъ увѣнчалъ мои усилія. Мнѣ нужно было

творить все, даже до морали между моими слушателями, въ коихъ надлежало поселять любовь къ наукѣ, прежде находившейся у нихъ въ пренебреженіи. Въ Петербургской медико-хирургической академіи еще не такъ давно правительство для поощренія студентовъ назначало награды тѣмъ изъ нихъ, кои особенно занимались хирургіею. Но я, лишенный другихъ способовъ, долженъ былъ электризовать своихъ слушателей тѣмъ энтузіазмомъ, коимъ исполненъ былъ къ преподаваемому мною предмету. При началѣ моего профессорскаго поприща хирургическій музей состоялъ изъ одного почти такъ называемаго корпуснаго инструментнаго ящика; но теперь я передалъ наслѣднику моей каѳедры нарядъ инструментовъ, конечно, не роскошный, но отборный и весьма наставительный. Все приращеніе сдѣлано моими трудами, кои не ограничивались однимъ представленіемъ о необходимости того или другого инструмента, но состояли въ постоянномъ ходатайствѣ у высшаго начальства. Желая съ честью занимать профессорское мѣсто, я прилагалъ всѣ усилія, чтобы не отставать отъ своей науки при быстромъ ходѣ ея къ усовершенствованію. Университетъ и тутъ не доставилъ мнѣ той помощи, которую имѣлъ я право требовать. Библіотека его, особенно по части медицинской была и находится въ самомъ жалкомъ состояніи. По этой причинѣ, страшась быть анахронизмомъ по своему предмету и думая единственно о пользѣ слушателей моихъ, я не щадилъ издержекъ на составленіе собственной библіотеки. Многія тысячи употребилъ я на это, имѣя постоянно въ виду единственно то, чтобы слушатели мои, оставивъ ученическую скамью, могли вступить на поприще практической жизни съ честью и пользою. Безъ всякаго преувеличиванія могу сказать, что я оставилъ все, что не касалось моей службы и всего себя посвятилъ заведенію. Непосредственно по окончаніи курса наукъ сдѣлавшись преподавателемъ хирургіи и не бывши ни въ одномъ изъ иностранныхъ университетовъ, гдѣ такъ легко и скоро научаются всему по обилію средствъ, тамъ находящихся, я могъ только чрезъ неусыпную дѣятельность оставаться нечуждымъ учености Европы, но всего долженъ былъ достигать двойными трудами и собственными опытами. Клиника университетская по малому количеству штатныхъ больныхъ не могла быть достаточною для практическаго образованія студентовъ, посему я завелъ такъ называемую амбулаторную клинику, до меня не существовавшую, и слушателей моихъ дѣлалъ участниками въ моей частной практикѣ. Открылась холера, по причинѣ коей два медицинскихъ профессора посланы были правительствомъ въ мѣста, ею зараженныя. Изъ оставшихся членовъ факультета никто не хотѣлъ взять на себя преподаванія наукъ отсутствовавшихъ профессоровъ; но я не-

смотря на другія обременительныя должности мои, не отказался принести новую жертву заведенію, меня воспитавшему, и принялъ каѳедру анатоміи и акушерства, равно какъ и прежде того, видя, что въ университетѣ за недостаткомъ профессора не преподавалось акушерство нѣсколько лѣтъ, безвозмездно давалъ я лекціи изъ этой науки 1½ года".

Наконецъ, приведемъ еще данныя о преподавательской дѣятельности проф. Венедиктова. „Какъ *лекторъ*, говоритъ о немъ проф. М. А. Поповъ, Венедиктовъ считался, по отзывамъ его слушателей, однимъ изъ хорошихъ профессоровъ. Программа лекцій анатоміи была полная и обширная. Лекціи сопровождались демонстраціями на препаратахъ. Практическія занятія по анатоміи на препаратахъ велись со студентами какъ самимъ Венедиктовымъ, такъ равно и его прозекторомъ. Самостоятельныя работы студентовъ на трупахъ, хотя и бывали, но не часто и не обязательно, такъ какъ препятствіемъ являлось помѣщеніе анатомическаго театра, а также и недостатокъ въ трупномъ матеріалѣ (22 ноября 1823 года Венедиктовъ рапортомъ донесилъ правленію университета, что „въ осеннемъ семестрѣ до сего времени не было ни одного трупа, а потому лекціи по анатоміи прекратились"). Лекціи по анатоміи Венедиктовъ читалъ на русскомъ языкѣ по 3 часа въ недѣлю въ теченіе двухъ курсовъ, перваго и второго. При чтеніи лекцій по анатоміи придерживался руководства академика Загорскаго, но также пользовался сочиненіями Bayle, Меккеля и Галларда. Физіологію также преподавалъ по 3 часа въ недѣлю студентамъ второго курса по руководству Ленгозена. Судебную медицину 4-му курсу преподавалъ по 3 часа въ недѣлю по руководству Громова и, наконецъ, медицинскую полицію 4-му курсу по 3 часа въ недѣлю по руководствамъ Вельвуста и Бене. Съ 3-го января 1823 года, со времени утвержденія адъюнктомъ, Венедиктовъ производилъ экзамены по анатоміи, а также и другимъ наукамъ (физіологіи, судебной медицинѣ и медицинской полиціи) причисленнымъ къ каѳедрѣ анатоміи, не только студентамъ, но и постороннимъ лицамъ, державшимъ экзаменъ на званіе лекаря, доктора медицины и инспектора врачебной управы при медицинскомъ факультетѣ въ Харьковскомъ университетѣ... За все время службы Венедиктова при университетѣ, т. е. съ 1821 по 1835 г. включительно было произведено имъ 186 судебно-медицинскихъ вскрытій" [1]).

Изъ приведенныхъ данныхъ видно, что среди преподавателей изучаемаго нами періода въ исторіи Харьковскаго университета были и выдающіеся, и средніе, и никуда не годные. Изъ первой группы нѣ-

[1]) „Проф. А. С. Венедиктовъ". Проф. М. А. Попова. Харьковъ, 1899, стр. 85—87.

которые выдѣлялись даромъ ораторскаго изложенія, а не внутреннимъ содержаніемъ ихъ лекцій; таковъ былъ, напримѣръ, Гулакъ-Артемовскій; другіе наоборотъ заинтересовывали слушателей скорѣе содержаніемъ, чѣмъ формой; у третьихъ форма и содержаніе находились въ соотвѣтствіи другъ съ другомъ (Кронебергъ). Выдающееся положеніе въ качествѣ лекторовъ заняли нѣкоторые изъ молодыхъ профессоровъ, вступившихъ въ университетъ въ началѣ 30 годовъ (Степановъ, Гордѣенки). Талантливые преподаватели, конечно, поддерживали славу Харьковскаго университета, хотя они уступали повидимому такимъ же выдающимся лекторамъ предшествующаго и послѣдующаго періода исторіи университета. Что касается плохихъ преподавателей, то они создали себѣ анекдотическую славу уже у своихъ современниковъ, а изслѣдователь настоящаго времени долженъ сказать по совѣсти, что они ее дѣйствительно заслужили. Таковы были Чановъ, Гренбергъ, Паки де Совиньи. Иные до того опустились, что не читали даже лекцій, напр., Нельдехенъ. Изъ столповъ прежняго времени оставался—звѣзда математическаго факультета—Осиповскій, съ которымъ, конечно, не могъ равняться его достойнѣйшій однако ученикъ Павловскій. Недолго пробылъ также яркое свѣтило этико-политическаго факультета Шадъ, котораго замѣнилъ его ученикъ Дудровичъ, повидимому, превратившійся постепенно въ очень хорошаго лектора—такимъ рисуетъ его по крайней мѣрѣ *Н.* Третьимъ столпомъ, оставшимся еще отъ перваго періода, былъ Успенскій, котораго также не могъ замѣнить Гулакъ-Артемовскій, по крайней мѣрѣ въ области познанія своего предмета. Даже и Дегурова не могли замѣнить его преемники въ дѣлѣ преподаванія всеобщей исторіи. Чувствителенъ былъ также уходъ Швейкарта. Лангъ, Рейтъ, Делявинь, Нельдехенъ, Дрейсигъ не принадлежали къ числу выдающихся преподавателей и притомъ читали лекціи на иностранныхъ языкахъ, сравнительно мало извѣстныхъ ихъ слушателямъ; это обстоятельство, конечно, было по отношенію къ нимъ значительнымъ минусомъ. Изъ новыхъ профессоровъ вели преподаваніе на иностранныхъ языкахъ только Мауреръ и Дорнъ. Братья-славяне—Дудровичъ и Пауловичъ—приспособились къ новому отечеству и стали читать лекціи по-русски, хотя съ неправильными оборотами рѣчи и акцентомъ. Интересною чертою въ преподавательской дѣятельности тогдашнихъ профессоровъ является то, что нѣкоторые изъ начинавшихъ свою карьеру молодыхъ преподавателей читали прямо по запискамъ своихъ предшественниковъ учителей, а иногда подъ ихъ непосредственнымъ руководствомъ. Иные сначала читали по извѣстнымъ учебникамъ, а съ теченіемъ времени замѣняли ихъ собственными записками.

Изъ воспоминаній *Н.*, Костомарова и Хрущова мы видимъ, что студенты дѣлали оцѣнку преподавательскихъ способностей своихъ профессоровъ, дѣлились другъ съ другомъ своими впечатлѣніями. Но дальше этого дѣло не шло. Былъ однако одинъ случай, когда студенты подали оффиціальную жалобу на своего преподавателя за крайне неудовлетворительное, по ихъ мнѣнію, веденіе практическаго преподаванія — это была жалоба 15 студентовъ 4-го курса медицинскаго факультета на завѣдывавшаго хирургической клиникой лектора Кригера. Это очень характерный, хотя нѣсколько темный эпизодъ—и мы разскажемъ о немъ подлинными словами оффиціальныхъ документовъ.

По выходѣ изъ университета выдающагося хирурга проф. Н. И. Еллинскаго, преемникомъ его долженъ былъ сдѣлаться, по его рекомендаціи, ординаторъ его В. Х. Кригеръ, которому дѣйствительно поручено было чтеніе лекцій и веденіе клиники, бывшей передъ тѣмъ временно въ завѣдываніи профессора ветеринаріи Экеблада. Кригеръ хотѣлъ повидимому отдѣлаться отъ Экеблада и достигъ этого—Экебладъ ушелъ и Кригеръ остался одинъ. Но студенты не могли не почувствовать разницы между Еллинскимъ и его ученикомъ Кригеромъ — переходъ отъ одного къ другому былъ слишкомъ рѣзокъ. Съ другой стороны и Экебладъ, вѣроятно, выражалъ на медицинскомъ факультетѣ свое неудовольствіе по адресу Кригера. Вотъ на этой-то почвѣ, думается намъ, и возникли натянутыя отношенія студентовъ медиковъ съ Кригеромъ, побудившія ихъ подать декану факультета слѣдующую письменную жалобу, подписанную всѣмъ курсомъ.

„Чувствуя, сколько правительство всѣми мѣрами старается устроить благо общественной жизни и преимущественно нашего отечества, съ другой же стороны постигая въ полной мѣрѣ нашу обязанность, содѣйствуя благимъ намѣреніямъ, пользоваться этими мѣрами и, наконецъ, представить собою исполненную цѣль ихъ, честь имѣемъ вышеупомянутый факультетъ просить о слѣдующемъ. Посвящая себя уже три года занятіямъ по медицинской части въ здѣшнемъ университетѣ и пользуясь неусыпными трудами и наставленіями нашихъ достойнѣйшихъ наставниковъ—профессоровъ нашего университета, мы по мѣрѣ возможности успѣли во всемъ томъ, что только теорія, не требуя въ ту же самую минуту приложенія практики, доставить можетъ. Четвертый курсъ составляетъ для насъ тотъ узелъ, который связываетъ воедино труды прежнихъ трехъ лѣтъ и дѣлаетъ одно цѣлое; здѣсь, имѣя больныхъ передъ глазами, мы удостовѣряемся въ точности намъ прежде сказаннаго и кромѣ того замѣчаемъ тѣ уклоненія отъ природы, которыя по разнообразію не могутъ помѣщаться на страницахъ систематической

книги; съ такимъ намѣреніемъ мы въ началѣ нынѣшняго года стали посѣщать клинику. Начальство университета, желая намъ замѣнить достойнѣшаго Н. И. Еллинскаго, ввѣрило каѳедру хирургіи г. Экебладу—профессору, который нѣсколько лѣтъ уже занимаетъ другую каѳедру и въ прежнихъ еще курсахъ содѣйствовалъ трудамъ гг. профессоровъ нашего университета. Адольфъ Христіановичъ Экебладъ, посѣщая клинику по обязанности, снабжалъ насъ нужными свѣдѣніями и показывалъ при всякомъ случаѣ приложеніе теоріи къ практикѣ. Веніаминъ Христіановичъ Кригеръ, который, будучи ординаторомъ клиники, два или три года занимался производствомъ операцій подъ присмотромъ Николая Ивановича Еллинскаго, нимало не заботясь о теоретической и терапевтической хирургіи, ибо все это излагалъ Николай Ивановичъ, а Веніаминъ Христіановичъ участвовалъ только какъ пассивное орудіе въ операціяхъ. Считая для себя непріятнымъ присутствіе Экеблада, онъ вздумалъ заставить его удалиться изъ клиники. Съ этою цѣлью при всякомъ публичномъ посѣщеніи клиники этимъ профессоромъ, онъ всегда, становясь съ боку его или за плечами, дѣлалъ различныя качанья головою, кривлянiе лица и прочіе знаки, удивляясь какъ будто бы незнанію наставника, и это дѣлалъ въ виду подчиненныхъ, научая и ихъ быть неблагодарными, научая вмѣстѣ съ тѣмъ забывать святѣйшій долгъ повиновенія и уваженія начальству. Когда профессоръ Экебладъ, вѣроятно, замѣтивши это и удалившись, увѣнчалъ намѣренія Кригера, то онъ, обѣщая студентамъ возвышенную для нихъ пользу, старался заглушить надеждою будущаго настоящую потерю; но какъ человѣкъ, который, кончивши курсъ, сейчасъ же предался механическимъ занятіямъ, кои всегда его отвлекали отъ чтенія книгъ, и который по этой же причинѣ не пріобрѣлъ или изуродовалъ пріобрѣтенныя теоретическія свѣдѣнія, занявшись клиникою, гдѣ непремѣнно теорія объясняетъ практику, вскорѣ самъ почувствовалъ свои недостатки для занимаемаго имъ мѣста, ибо, во-первыхъ, не могъ во многихъ случаяхъ сдѣлать надлежащее распознаніе болѣзней, въ чемъ кромѣ многихъ примѣровъ самымъ лучшимъ доказательствомъ служитъ умершая больная, имѣвшая кураторомъ Крылова; у нея съ самаго начала была болѣзнь, такъ называемая *Coxarthrocace*, съ которою она пришла въ клинику въ цвѣтущемъ состояніи общаго здоровья; всѣ признаки, кураторомъ замѣченные, такъ были ясны, что кураторъ, человѣкъ еще учащійся, назвалъ болѣзнь, какъ слѣдуетъ. Названіе это Кригеръ опровергъ безъ всякой причины и употребилъ, слѣдовательно, неприличныя средства, а болѣзнь между тѣмъ перешла въ тотъ періодъ, когда оказать помощь было невозможно, ибо больная, претерпѣвши уже поздно прижиганіе

раскаленнымъ желѣзомъ и жестокій разрѣзъ кожи, въ ужасныхъ мученіяхъ скончалась. Незнавши такимъ образомъ связи причинъ съ дѣйствіемъ и не сдѣлавши поэтому надлежащаго распознаванія болѣзни, Кригеръ не можетъ сдѣлать должнаго назначенія средствъ противъ нея, вслѣдствіе чего часто представлялъ такія причины назначенія, которыя вовсе для насъ были непонятны; это заставило студентовъ спрашивать его, но такъ какъ онъ не былъ въ состояніи сказать настоящей причины, или даже выдумать правдоподобной, то въ нѣкоторыхъ случаяхъ говорилъ все противное физіологіи, какъ напримѣръ, ревень (Rheum) у него въ одно и то же время, въ одномъ и томъ же пріемѣ дѣйствуетъ на кожу и кишечный каналъ одинаковымъ образомъ; въ иныхъ случаяхъ онъ ссылался на авторитетъ писателей, говоря: „какъ это дѣйствуетъ, не знаю, но вѣрно Langenbeck, такой умный человѣкъ, не употреблялъ бы напрасно"; наконецъ теперь запретилъ совершенно студентамъ спрашивать, говоря, что они должны довольствоваться только тѣмъ, что видятъ, а не спрашивать, угрожая въ противномъ случаѣ не пустить въ клинику. Такимъ образомъ, не могши назначить средствъ, онъ не можетъ опредѣлить пріемовъ и соблюдать ту осторожность, которая требуется при ихъ употребленіи. Это лучше всего видно изъ лѣченія больной, куратором у которой былъ студентъ Паковскій; ей сдѣланы были, можетъ быть, и по надобности, многіе обширные разрѣзы кожи; такія гноящіяся раненія предполагали надобность въ долговременномъ употребленіи хины; и пріемы ея надобно было раздѣлять такимъ образомъ, чтобы до выздоровленія не лишиться пользы такого спасительнаго средства; однако эта предосторожность не была сдѣлана и явились боли въ животѣ больной, и когда кураторъ сказалъ, что это отъ хины, то вмѣсто того, чтобы остановить пріемы ея, Кригеръ съ непріятнымъ видомъ отвергъ мнѣніе куратора и продолжалъ употребленіе хины, пока не явилась, наконецъ, водяная болѣзнь; тогда назначены были слабительныя разрѣшающія средства, а больной дѣлалось время отъ времени хуже; кураторъ говорилъ, что хуже, но Кригеръ съ угрозами на лицѣ заставлялъ молчать куратора, говоря, что больной не хуже, а лучше, и наконецъ, сталъ назначать такія уже сложныя лѣкарства, что ихъ дѣйствія и цѣли предполагать было невозможно, а спрашивать запрещено. Въ послѣдній разъ—именно позавчера—когда Кригеръ увидалъ, что больной очень дурно, а не лучше, то, не зная, что дѣлать, сказалъ, что для нея надо такихъ средствъ, которыхъ, видно въ аптекѣ нѣтъ (Syrup. Colchici Autumn) и оставилъ больную безъ лѣкарства, стараясь заглушить ея гнилой вкусъ acido acetico, давая время отъ времени по три капли на сахарѣ. Больная эта лежитъ

теперь въ самомъ жалкомъ положеніи. Изо всего здѣсь сказаннаго и многихъ примѣровъ, которые по недостатку мѣста приведены быть не могутъ, видно только, что Кригеръ не можетъ преподавать намъ хирургіи при кроватяхъ больныхъ, такъ какъ она находится въ связи съ теоріею. Нѣсколько дней тому назадъ мы убѣдились, что онъ даже тамъ, гдѣ всякій почти можетъ найти возможность обойтись безъ операціи. производитъ таковую. Когда еще профессоръ Экебладъ завѣдывалъ клиникою, то одинъ больной принятъ былъ въ клинику для излѣченія отмороженнаго большого на ногѣ пальца. По мнѣнію профессора не нужно было дѣлать операціи, что и подтвердилось лѣченіемъ, ибо больному было лучше. Когда Кригеръ занялъ мѣсто профессора Экеблада, то и отправилъ больного домой безъ полнаго излѣченія, послѣ чего больной, какъ простой человѣкъ, занятый работами, безпрестанно палецъ раздражая, при благопріятствующей тому трудно-лѣчимости подобныхъ поврежденій, ожесточилъ язву и пришелъ въ клинику просить пособія. Кригеръ, предполагая порчу кости, сдѣлалъ операцію и, разрѣзавъ составъ отнятаго пальца, здоровую кость выдавалъ за испорченную, говоря студентамъ: „смотрите, господа, какое ужасное поврежденіе и убѣдитесь, что несправедливы тѣ, кои говорятъ, что мы безъ надобности предпринимаемъ операціи". Но студенты въ этомъ пальцѣ зашли здоровую кость, сберегли ее и могутъ представить; это послѣднее доказываетъ, какъ то, что для занятій хирургическихъ непремѣнно нужно знать анатомію физіологическую и паталогическую, такъ и то, что Кригеръ не можетъ быть въ этомъ нашимъ руководителемъ. Притомъ же начальство поручило ему каѳедру оперативной хирургіи, а онъ до сихъ поръ не читалъ ни одной лекціи и объявилъ, что и не будетъ читать; механическою же частью оперативной хирургіи занимался только 3 раза въ продолженіи цѣлой трети года. Честь имѣя все это представить медицинскому факультету Императорскаго Харьковскаго университета, всепокорнѣйше просимъ удостоить насъ своимъ милостивымъ благоразсмотрѣніемъ. Къ этому прошенію руку приложили студенты медицинскаго факультета IV-го курса:

Дмитрій Голубкинъ, Василій Сохраничевъ, Александръ Иванишевъ, Иванъ Сиротинъ, Зиновій Паковскій, Стефанъ Курдюмовъ, Ѳедоръ Какарекинъ, Иванъ Щербина, Афанасій Ильинскій. Димитрій Полулиховъ, Левъ Крыжановскій, Иванъ Косоротовъ, Александръ Покотиловъ, Францъ Гуревичъ, Алексѣй Волошиновъ" [1]).

---

[1]) Архивъ мин. народн. просв., № 52938/1895.

Исправлявшій тогда должность ректора проф. Иванъ Ивановичъ Сухомлиновъ представилъ эту жалобу не медицинскому факультету, въ который она была адресована, а помощнику попечителя графу Панину, сдѣлавъ предварительно запросъ по поводу ея содержанія спеціалисту—бывшему профессору хирургіи Н. И. Еллинскому. Этотъ послѣдній далъ И. И. Сухомлинову о ней очень рѣзкій, негодующій отзывъ.

„Въ письмѣ вашемъ отъ 16 генваря вы изволите требовать, чтобы я изложилъ свое мнѣніе на счетъ предметовъ, заключающихся въ просьбѣ студентовъ, поданной въ медицинскій факультетъ, особенно относительно обвиненія Кригера въ незнаніи своего дѣла. Не могу описать вамъ, милостивый государь, того прискорбнаго чувства, которое возбудило во мнѣ чтеніе этой просьбы! Студенты, еще не кончившіе курса, еще не видавшіе больныхъ, студенты, не знающіе правилъ грамматики русскаго языка, не умѣвшіе складно изложить своихъ мыслей—эти студенты подали просьбу, въ которой дерзаютъ судить о достоинствахъ преподавателя, избраннаго факультетомъ, разбираютъ самыя запутанныя болѣзни и судятъ о врачебныхъ средствахъ, кои противъ этихъ болѣзней были предложены! Такая дерзость, такое отсутствіе всякой морали—превышаетъ все, что могъ я вообразить. Но позвольте мнѣ прервать изслѣдованіе нравственнаго значенія поступка студентовъ. Вамъ угодно знать преимущественно мнѣніе мое, какъ профессора хирургіи, о предметахъ, изложенныхъ въ просьбѣ. Съ охотою исполняю ваше желаніе, тѣмъ болѣе, что многіе изъ случаевъ, выставляемыхъ студентами, мнѣ вполнѣ извѣстны, ибо Кригеръ имѣлъ обыкновеніе представлять мнѣ интересныхъ въ научномъ отношеніи больныхъ, когда я по дѣламъ своимъ пріѣзжалъ въ Харьковъ. Такимъ образомъ, я видѣлъ больную, у которой, по словамъ студентовъ, не узнана была Coxarthrocace, равно какъ и ту, которой нужно было дѣлать глубокія сѣченія по причинѣ такъ называемой pseudo-erysipelas. У первой больной не было совсѣмъ сначала того поврежденія, которое называется coxarthracace, а открылась эта болѣзнь впослѣдствіи, метастатически. Какъ первоначальная болѣзнь, такъ и послѣдственная были Кригеромъ лѣчимы по всѣмъ правиламъ хирургіи: ни одинъ хирургъ, знающій дѣло, не можетъ не согласиться съ тѣмъ лѣченіемъ, которое было испытано. Что же касается до другой больной, то студенты обвиняютъ Кригера, что у нея якобы произошла водяная болѣзнь отъ неправильнаго употребленія хины. На это обвиненіе стыжусь и отвѣчать, ибо это совершенная безсмыслица. У больной сначала было омертвеніе клѣтчатки нижней конечности, потомъ, какъ продолженіе дѣйствія одной и той же причины, открылась весьма рѣдкая болѣзнь Hydrops purulentus

subcutaneus. Хина не только не произвела этой последней болѣзни, но еще составляетъ одно изъ тѣхъ средствъ, кои употребляются противъ нея, хотя еще незнаю я примѣра, чтобы эта болѣзнь была когда-либо вылѣчена, если достигнетъ такихъ размѣровъ, какія наблюдались въ разбираемомъ нами случаѣ. Третье обвиненіе студентовъ состоитъ въ томъ, что Кригеръ яко бы вырѣзалъ на ногѣ большой палецъ, въ коемъ кость была здорова. Этого больного я не видалъ; вырѣзанной кости также мнѣ не представили. Слѣдовательно, я не могу сказать, въ какомъ состояніи находилась кость; но могу сказать рѣшительно, что молодые люди, дерзнувшіе выставить сказанное обстоятельство, поступили совершенно безразсудно. Члены отнимаются не только по причинѣ разстройства костей, но иногда и по болѣзни мягкихъ частей. Скажу вамъ коротко. Больной, коему сдѣлана была помянутая операція, находится теперь въ клиникѣ. Разобравши исторію его болѣзни, доложу вамъ, что если бы у него кость пальца и была здорова, то я бы отрѣзалъ ему палецъ, ибо этотъ членъ мучилъ больного съ давняго времени, поправился на короткое время, но не вылѣчивался отъ фармацевтическихъ средствъ, лишалъ человѣка возможности зарабатывать насущный хлѣбъ, и самъ больной желалъ отъ пальца своего освободиться. Наука наша при такихъ обстоятельствахъ допускаетъ отнятіе пальца, хотя бы и существовала надежда на сбереженіе члена. Но я увѣренъ, что и кость была повреждена, ибо для чего же скрыли палецъ и мнѣ не показываютъ? Если Кригера обвиняютъ въ невѣдѣніи анатомической паталогіи, то, кажется, мнѣ нельзя отказать въ познаніи, относящемся къ хирургіи. Студенты обвиняютъ сверхъ того Кригера въ незнаніи дѣйствія лѣкарства и въ томъ, что онъ ссылается иногда при назначеніи средствъ на разныхъ писателей, напр., Лангенбека. Не бывши свидѣтелемъ того, что Кригеромъ было говорено о ревенѣ и въ какихъ случаяхъ ссылался онъ на Лангенбека, я поэтому не могу и дать своего заключенія объ этомъ обстоятельствѣ; но вообще сказать долженъ, что дѣйствія многихъ лѣкарствъ не только студенты Харьковскаго университета, но и никто изъ врачей не знаетъ и что ссылка на Лангенбека, одного изъ первыхъ профессоровъ хирургіи въ Европѣ, не можетъ быть никогда предосудительной для Кригера. Какъ было бы хорошо, если бы и студенты-обвинители питали уваженіе къ такимъ наставникамъ, какъ Лангенбекъ и изучали бы ихъ какъ слѣдуетъ! Тогда не выставили бы они такихъ безсмысленныхъ обвиненій, какими наполнена ихъ просьба. Милостивый государь! Кригеръ сдѣланъ медико-хирургомъ въ здѣшнемъ университетѣ. Это достаточно показываетъ степень его познаній; природныя дарованія его также всѣмъ извѣстны. Но къ этому позвольте

присовокупить, что я, чувствуя съ давняго времени упадокъ моего здоровья и имѣя за нѣсколько предъ этимъ лѣтъ намѣреніе выйти въ отставку, готовилъ Кригера по всѣмъ частямъ хирургіи для занятія того мѣста, которое занималъ самъ. Съ этою цѣлью онъ ѣздилъ на свой счетъ въ Берлинъ для слушанія лучшихъ, тамъ находящихся, профессоровъ; для того же въ послѣдніе два года онъ всегда присутствовалъ во время моихъ лекцій, преимущественно во время чтенія оперативной хирургіи; для того же каждую мою лекцію онъ повторялъ студентамъ при мнѣ; для того же, въ послѣднее время, всѣ операціи, случавшіяся въ клиникѣ, производились имъ; для того же я снабжалъ его лучшими книгами изъ моей довольно богатой хирургической библіотеки; для того же я дѣлалъ его, такъ сказать, участникомъ въ своихъ ученыхъ занятіяхъ. Всѣ эти труды мои оправданы совершенно Кригеромъ: онъ весьма хорошій хирургъ и дѣлаетъ честь заведенію, его воспитавшему. Студенты въ своей просьбѣ говорятъ, что онъ, занявшись клиникою, гдѣ я былъ профессоромъ и гдѣ, по ихъ словамъ, теорія объясняетъ практику, не пріобрѣлъ или изуродовалъ пріобрѣтенныя теоретическія свѣдѣнія. Это верхъ безсмыслицы. Сами эти студенты благоволили назвать меня въ своей просьбѣ достойнѣйшимъ, а тутъ утверждаютъ, что Кригеръ, которымъ я такъ занимался и который часто въ клиникѣ замѣнялъ меня, не пріобрѣлъ отъ моихъ наставленій теоретическихъ свѣдѣній и что онъ, дѣйствовавшій въ клиникѣ совершенно по моимъ правиламъ, исказилъ пріобрѣтенныя познанія! Но, Бога ради, избавьте меня, милостивый государь, отъ дальнѣйшаго изслѣдованія безразсудныхъ обвиненій студентовъ: я стыжусь употреблять мое перо, доселѣ наукѣ посвященное, на разборъ вздоровъ, порожденныхъ головою безнравственныхъ мальчиковъ. Съ истиннымъ уваженіемъ и проч."

Помощникъ попечителя графъ Панинъ по разслѣдованіи дѣла нашелъ, что прошеніе студентовъ оказалось „неосновательнымъ и ложнымъ" и потому „предписалъ Харьковскому университету студентовъ Паковскаго, Голубкина и Сохраничева, какъ болѣе виновныхъ въ этомъ дерзкомъ поступкѣ, вовсе выгнать изъ университета и распубликовать объ этомъ по всѣмъ прочимъ русскимъ университетамъ, а остальныхъ сочинителей этого неосновательнаго извѣта посадить на недѣлю по очереди въ карцеръ на хлѣбъ и воду". Объ этомъ рѣшеніи своемъ графъ Панинъ увѣдомилъ и министра, который однако приказалъ все дѣло это, съ отобранными отъ студентовъ показаніями, представить ему.

Въ свою очередь и три студента, „выгнанные" изъ университета, подали министру народнаго просвѣщенія объясненіе—жалобу, въ которой писали.

„Вступивъ для окончательнаго образованія нашего въ Императорскій Харьковскій университетъ, мы посвятили себя изученію медицины: наконецъ, будучи удостоеваемы по экзаменамъ перевода, изъ курса въ курсъ, вступили въ прошломъ 1833 году на 4 курсъ. Въ числѣ наукъ, входящихъ въ общую массу познаній медика, важнѣйшее мѣсто между прочими науками должна занимать оперативная хирургія и въ особенности для медика, посвящающаго себя на службу отечеству по военной части, къ которой каждый изъ насъ приготовлялъ себя, ибо въ частной практикѣ медикъ, въ случаѣ необходимости операціи, можетъ замѣнить себя операторомъ или другимъ лучше его знающимъ это медикомъ, въ то время какъ военный медикъ, и по долгу своему, и по долгу человѣчества, долженъ производить ихъ безъ всякихъ отговорокъ. Преподаваніе этой важной вѣтви медицинскихъ наукъ поручено было начальствомъ ординатору клиники Императорскаго Харьковскаго университета, медико-хирургу и лектору Кригеру, а вмѣстѣ съ тѣмъ и приложеніе всей вообще хирургіи къ практикѣ въ клиническихъ занятіяхъ, теоретическія правила которой преподаются экстраординарнымъ профессоромъ Экебладомъ вмѣсто занимавшагося всѣми частями хирургіи ординарнаго профессора и медико-хирурга Еллинскаго. Какъ ни важны теоретическія свѣдѣнія для медика, но приложеніе ихъ къ практикѣ тѣмъ важнѣе, что въ систематическомъ изложеніи науки невозможно исчислить всѣхъ видоизмѣненій болѣзней съ ихъ оттѣнками, могущими происходить отъ самого субъекта и отъ обстоятельствъ, въ коихъ онъ находится. Мы же, не пріобрѣвъ никакихъ практическихъ познаній въ оперативной хирургіи, ибо въ продолженіе полугода не было читано преподавателемъ ея ни одной лекціи по этой наукѣ,—находили практическія примѣненія всей вообще хирургіи въ клиникѣ несообразными съ теоріею потому, во-1-хъ, что преподаватель часто дѣлалъ ложныя опредѣленія тѣхъ болѣзней, кои съ перваго взгляда истинно опредѣлялись учащимися, что впослѣдствіи оправдывалось ходомъ болѣзни и его собственнымъ, часто поздновременнымъ, согласіемъ и наконецъ трупоразсѣченіемъ по смерти субъектовъ; во-2-хъ потому, что преподаватель назначалъ средства, приписывая имъ дѣйствія совершенно несообразныя съ правилами фармакологіи, которая нами была уже выслушана, отвѣчая бездоказательно на вопросы наши, предлагаемые ему нами по долгу учащихся, что это должно быть *такъ*, или ссылался бездоказательно же на авторитетъ; въ 3-хъ потому, что, ошибаясь самъ во мнѣніяхъ относительно преподаваемаго имъ предмета и не желая показать своего незнанія, старался убѣдить насъ въ истинѣ того, что можетъ быть и самъ признавалъ за ложное, лучшимъ доказательствомъ чего можетъ

служить палецъ, отнятый имъ у одного больного, находившагося въ клиникѣ; послѣ операціи, желая оправдать поступокъ свой въ глазахъ слушателей, онъ утверждалъ, что кость повреждена, тогда какъ этого поврежденія вовсе не существовало, въ чемъ удостовѣрилъ насъ и ординарный профессоръ анатоміи Венедиктовъ, которому поднесли мы отнятый палецъ, для выведенія насъ изъ сомнѣнія, по совѣту самого же Кригера. Потерявъ, такимъ образомъ, довѣріе къ преподавателю, дорожа краткимъ оставшимся до окончанія курса нашего временемъ и желая отвратить отъ себя отвѣтственность, при будущемъ служеніи отечеству, а равнымъ образомъ понимая великое назначеніе медика, пользу, которую свѣдущій врачъ можетъ принести отечеству, и вредъ, могущій проистекать отъ врача несвѣдущаго, рѣшились объ этомъ довести до свѣдѣнія начальства, что и исполнили поданнымъ объ этомъ прошеніемъ 19 декабря 1833 года въ медицинскій факультетъ Императорскаго Харьковскаго университета, какъ ближайшее для насъ мѣсто, могущее одно судить о справедливости нашихъ показаній, и въ этомъ прошеніи изложили нѣкоторые случаи, подтверждающіе вышесказанное и подробнымъ образомъ описанные въ исторіяхъ больныхъ, обыкновенно ведущихся въ клиникѣ. Прошеніе это подписали 15 человѣкъ оканчивающихъ курсъ медицины студентовъ и подали его г-ну декану медицинскаго факультета и директору клиники ординарному профессору Блументалю. Причины, заставившія насъ подать прошеніе письменно и не жаловаться словесно, были слѣдующія: деканъ и директоръ клиники ординарный профессоръ Блументаль, бывая по должности своей всякій день въ клиникѣ, не могъ не замѣтить всего нами вышеизложеннаго, но оставляя все это безъ вниманія, подалъ тѣмъ мысль о пристрастіи къ Кригеру, а слѣдовательно, мы и считали всякую свою словесную жалобу не только не могущею принести намъ пользы, но даже и вредною для насъ, каковое подозрѣніе въ пристрастіи и оправдалось впослѣдствіи, что можно будетъ видѣть изъ дальнѣйшаго изложенія хода нашего дѣла; другая же причина, заставившая при томъ насъ подписаться всѣхъ, была та, что бы факультетъ при принятіи этого прошенія не приписалъ его личности одного или двухъ человѣкъ, въ какомъ случаѣ онъ могъ бы оставить это прошеніе безъ вниманія, а Кригеръ впослѣдствіи представилъ бы подавшихъ это прошеніе въ худомъ видѣ начальству. Послѣ подачи прошенія были взяты съ насъ показанія—какъ? кѣмъ? и по чьему побужденію написано было прошеніе? Мы, считая эти показанія, какъ мѣры правительства для удостовѣренія себя, точно ли это написано всѣми подписавшимися по чувству собственнаго убѣжденія, оставались совершенно спокойными, ожидая,

что за этимъ послѣдуетъ изслѣдованіе справедливости всего нами показаннаго въ прошеніи; но вмѣсто такого изслѣдованія 3-го февраля сего года объявлено намъ словесно отъ исправляющаго должность ректора ординарнаго профессора Сухомлинова рѣшеніе помощника попечителя учебнаго округа Императорскаго Харьковскаго университета, его сіятельства графа Панина, по коему трое изъ насъ, нижеподписавшіеся, исключены *за дерзкій поступокъ* изъ числа студентовъ съ опубликованіемъ по всѣмъ высшимъ учебнымъ заведеніямъ, а остальные наказаны семидневнымъ заключеніемъ подъ стражу. Наказаніе это, лишающее насъ въ будущемъ плодовъ долговременнаго ученія, пятнающее честь нашу, пресѣкающее ближайшій путь къ служенію отечеству и дозволяющее вкореняться злоупотребленію, заставило насъ, по возможности, проникнуть въ ходъ дѣла и искать причины таковаго рѣшенія, которая, сколько возможно было открыть ее, была слѣдующая: г. деканъ Блументаль, принявъ отъ насъ прошеніе, не представилъ его въ медицинскій факультетъ, куда оно долженствовало поступить на разсмотрѣніе, и даже, скрывъ его отъ прочихъ членовъ этого факультета, передалъ помощнику попечителя учебнаго округа Императорскаго Харьковскаго университета, который, утверждаясь на мнѣніи профессора Блументаля, пристрастнаго потому уже, что онъ директоръ клиники, а слѣдовательно и отвѣчающій за всѣ непорядки въ ней, и на мнѣніи профессора Еллинскаго, приготовлявшаго Кригера въ качествѣ своего преемника, счелъ написанное нами въ прошеніи за ложь и клевету, какъ самъ онъ объявилъ намъ это словесно и назначилъ намъ вышеупомянутое наказаніе. Изъ всего вышеизложеннаго ясно видѣть можно, что подача нашего прошенія не имѣла цѣлью нарушенія распоряженій начальства, а напротивъ довести до свѣдѣнія его о томъ, что могло, производя настоящій ущербъ нашимъ познаніямъ, впослѣдствіи быть вреднымъ и для отечества. Видѣть можно также и то, что наказаніе наше, далеко превосходящее наказаніе прочихъ подписавшихся на вышесказанномъ прошеніи, присуждено безъ всякаго законнаго слѣдствія пристрастно и односторонне, ибо все, что заключается въ кругѣ долга вѣрноподданаго, никакъ не можетъ назваться дерзостью и этотъ самый долгъ обязываетъ его доводить до свѣдѣнія начальства обо всемъ, что можетъ нанести вредъ отечеству, тѣмъ болѣе, что вредъ, отвращеніе котораго мы имѣли въ виду въ этомъ случаѣ, могъ съ каждымъ годомъ умножаться, ибо что можетъ быть гибельнѣе, какъ дипломъ на достоинство лѣкаря въ рукахъ человѣка несвѣдущаго? Изложивь все это, мы осмѣливаемся обратиться со всепокорнѣйшею просьбою къ вашему высокопревосходительству въ полной увѣренности, что вы не оставите

трехъ невинно-угнетенныхъ, готовившихся и готовыхъ теперь принести на алтарь отечества труды свои, и, обративъ вниманіе ваше на это дѣло, озарите лучемъ истины все, что закрыто въ немъ чернымъ покровомъ пристрастія и несправедливости".

Министръ народнаго просвѣщенія передалъ это дѣло на разсмотрѣніе попечителя Харьковскаго учебнаго округа гр. Ю. А. Головкина. Этотъ послѣдній нашелъ, что его помощникъ поступилъ правильно въ этомъ дѣлѣ—студенты вполнѣ заслужили наложенное на нихъ наказаніе—но, снисходя къ ихъ молодости и просьбамъ несчастныхъ отцовъ, простилъ ихъ, предоставивъ имъ право окончить курсъ, но только не въ Харьковскомъ университетѣ [1]).

Таковы были перепетіи этого эпизода, надѣлавшаго въ свое время много шума. Трудно въ настоящее время, на основаніи представленныхъ данныхъ, дѣлать заключеніе по существу, т. е. рѣшить вопросъ— дѣйствительно ли Кригеръ былъ такъ несвѣдущъ, какъ это изображали студенты. Всѣ матеріалы—и прошеніе студентовъ, и отзывъ профессора Еллинскаго, и приговоръ помощника попечителя графа Панина—отличаются слишкомъ страстнымъ характеромъ. Тонъ, которымъ написано было коллективное заявленіе студентовъ, крайне несдержанный, а главное слишкомъ категорическій и самоувѣренный; оно могло вызвать негодованіе Еллинскаго. Негодованіе Еллинскаго было искреннее и вполнѣ справедливое, ибо не могли же студенты быть компетентными судьями въ научно-преподавательской дѣятельности профессоровъ, дѣятельности, оцѣнка которой должна принадлежать исключительно факультетамъ. Но и въ письмѣ Еллинскаго есть рѣзкія мѣста, также какъ и въ сообщеніи помощника попечителя объ этомъ событіи министру („выгнать"). Получается впечатлѣніе, что здѣсь была закулисная сторона; въ этомъ убѣждаетъ насъ и самый характеръ жалобы студентовъ: тамъ есть такія указанія (польза государства), которыя едва ли могли быть написаны студенческою рукою. На столкновеніе съ Кригеромъ профессора Экеблада указываютъ сами студенты; они же обращались къ профессору Венедиктову, какъ эксперту анатому въ эпизодѣ съ отрѣзаннымъ пальцемъ; они же, наконецъ, указывали на пристрастіе и несправедливость своего декана проф. Блументаля. Такимъ образомъ, очевидно, что за студентами здѣсь стояли профессора. И дѣйствительно, мы знаемъ, что къ этому именно времени относится ожесточенныя распри и столкновенія между профессорами медицинскаго факультета: у Еллинскаго было крупное столкновеніе съ Брандейсомъ; у Венедиктова и Экеблада,

---

[1]) Ibidem.

принадлежавшихъ повидимому къ одной партіи, — съ Блументалемъ, Кронебергомъ, Панинымъ и Головкинымъ; студенты также, какъ мы знаемъ изъ доноса Венедиктова, въ то время сильно волновались. Вообще состояніе умовъ было напряженное и это отразилось на самомъ ходѣ разсматриваемаго нами инцидента; жалоба студентовъ по существу въ факультетѣ не была разсмотрѣна; въ ней увидѣли только коллективный, недозволенный протестъ; разслѣдованіе дѣла и приговоръ постановленъ помимо университета исключительно помощникомъ попечителя гр. Панинымъ. Въ основу приговора правда былъ положенъ отзывъ профессора Еллинскаго, но этотъ послѣдній въ этомъ дѣлѣ былъ заинтересованной стороной: онъ всячески проводилъ Кригера. Кригеръ же повидимому дѣйствительно не вполнѣ подходилъ для той отвѣтственной роли, къ которой его готовилъ Еллинскій—по крайней мѣрѣ онъ профессоромъ хирургіи не сдѣлался. Что графъ Панинъ здѣсь нѣсколько погорячился, видно и изъ того, что министръ народнаго просвѣщенія счелъ необходимымъ передать дѣло на пересмотръ гр. Головкина, а этотъ послѣдній, хотя и призналъ рѣшеніе своего помощника правильнымъ, но все-таки отмѣнилъ его, и простилъ студентовъ.

Любопытно и другое столкновеніе студентовъ съ профессоромъ на почвѣ его преподавательской дѣятельности—я имѣю въ виду пропуски лекцій проф. Архангельскимъ, причемъ этотъ послѣдній объяснялъ эти пропуски отсутствіемъ студентовъ, а сами студенты—отсутствіемъ профессора. Проф. Архангельскій въ отвѣтъ на обращенный къ нему по этому поводу запросъ далъ слѣдующій отвѣтъ. „Университетскому начальству извѣстно, что я съ самаго поступленія моего въ вѣдомство университета, никогда не былъ замѣченъ въ небреженіи своимъ долгомъ; напротивъ того всегда находился въ числѣ отличавшихся прилежаніемъ къ своей должности, строгимъ поведеніемъ и сопряженными съ нимъ успѣхами въ наукахъ. Единственно этими средствами я обратилъ на себя вниманіе университетскаго начальства и расположилъ его къ выбору меня изъ числа моихъ сверстниковъ для университетской службы. Этими же средствами достигъ я ученыхъ степеней и званій. Какія ни возлагались на меня обязанности, я исполнялъ ихъ съ точностью. Опредѣленно ли было мнѣ въ званіи кандидата преподавать студентамъ начальныя математическія науки — преподаваніемъ моимъ были довольны и студенты и начальство, со стороны коего я получалъ за то денежное награжденіе. Поручена ли мнѣ была должность учителя философскихъ и словесныхъ наукъ въ здѣшней гимназіи—я исправлялъ ее со всѣмъ раченіемъ, за что получилъ также денежное награжденіе.

Откомандированъ ли былъ я къ должности учителя физико-математическихъ наукъ въ Черноморскую гимназію—я заслужилъ отъ директора ея похвальное свидѣтельство. Былъ ли, послѣ оставленія этой должности, отправленъ въ Императорскую академію наукъ для усовершенствованія въ прикладной математикѣ—университетъ получилъ отъ бывшаго тогда министра народнаго просвѣщенія одобряющую меня рекомендацію академика Гурьева, подъ руководствомъ коего проходилъ я математическія науки. Только благодаря такимъ же средствамъ удостоился я вниманія академіи наукъ, которая желала принять меня въ свое сословіе и обращалась по этому поводу къ министру, сдѣлавшему запросъ Харьковскому университету: согласенъ ли онъ уволить меня изъ своего вѣдомства, чтобы поступить мнѣ въ академію? На это университетъ отвѣчалъ, что я нуженъ для него. Да не поставлено мнѣ будетъ въ вину самохвальства то, что я только въ доказательство всегдашней ревности моей въ исполненіи своихъ обязанностей представляю. И такъ, когда ни пылкость молодости, ни соблазны столицы совратить меня съ предписаннаго мнѣ пути, ни отдаленность отъ непосредственнаго начальства и совершенная свобода располагать собою ослабить моего прилежанія къ должности не могли, то теперь ли, когда я достигъ возмужалыхъ лѣтъ и сдѣлался отцомъ семейства, когда ничто соблазняющее не отвлекаетъ меня отъ любимыхъ моихъ занятій, когда сверхъ того нахожусь въ глазахъ бдительнаго начальства, теперъ ли вздумалъ бы я отстать отъ вкоренившейся во мнѣ съ малолѣтства привычки къ трудамъ и къ точности въ исполненіи долга? Въ то ли время сдѣлался бы я небрежнымъ въ должности, когда мнѣ наиболѣе нужно показать всю ревность къ ней, чтобы не отстать отъ своихъ сверстниковъ, которые занесли уже ногу на высшую ступенъ? Поведеніе ли мое и образъ жизни перемѣнились сравнительно съ прежнимъ? Но я на всѣхъ знающихъ меня ссылаюсь, что хмельныхъ напитковъ почти не употребляю, ни къ какимъ забавамъ не охотникъ, разсѣянности не другъ, люблю заниматься своимъ дѣломъ. Поэтому не небреженіе мое было причиною, что я не читалъ лекцій въ прошедшемъ октябрѣ мѣсяцѣ, но головная болѣзнь, не позволявшая мнѣ заниматься никакими умственными работами, и неявка въ классъ самихъ слушателей, хотя я приходилъ всегда въ надлежащее время, что могу доказать несомнѣнными данными. Причиною же такого небреженія со стороны моихъ слушателей нельзя признавать то, что бы они не были довольны моими объясненіями, ибо при самомъ преподаваніи я всегда спрашивалъ ихъ: ясно ли для нихъ то, что я показываю, на что они всегда отвѣчали утвердительно. Да и передъ ректоромъ, при мнѣ и безъ меня, они признались, что моими

объясненіями всегда были довольны. Сверхъ того въ доказательство, что мои объясненія очень понятны для моихъ слушателей представляю и то, что къ прежнимъ моимъ слушателямъ недавно присоединился новый, который на вопросъ мой: понимаетъ ли онъ объясняемое мною, при всѣхъ отвѣчалъ, что все хорошо понимаетъ, несмотря на то, что почти вся общая статика пройдена безъ него и что онъ въ первый разъ слушаетъ механику. При всемъ томъ мои слушатели остаются при одинаковомъ небреженіи и всегда почти уходятъ изъ класса вслѣдъ за г. ректоромъ [1]) (послѣ котораго слѣдуетъ мнѣ преподавать въ томъ же классѣ тѣмъ же студентамъ), когда только не успѣю встрѣтиться съ нимъ въ дверяхъ аудиторіи. Свидѣтелемъ этого случилось быть третьяго дня экзекутору: я стоялъ съ нимъ подлѣ дверей аудиторіи, когда ректоръ преподавалъ; не прошло двухъ минутъ по выходѣ изъ класса ректора, какъ студенты двинулись было изъ дверей, но я успѣлъ ихъ остановить, прервавъ рѣчь съ экзекуторомъ и поспѣшивши къ нимъ на встрѣчу; они покраснѣвъ воротились за мною. По средамъ же и субботамъ, когда имъ должно нарочно приходить на мои лекціи къ 8 часамъ по утру, совсѣмъ не приходятъ. Когда я спросилъ у нихъ о причинѣ этого, то они отвѣчали, что если имъ и по этимъ днямъ читано будетъ изъ механики, то много будетъ пройдено и потому трудно будетъ имъ приготовляться къ экзамену. Не въ первый разъ объявляю я о такомъ нерадѣніи студентовъ: жаловался я на него ректору словесно, доносилъ о немъ правленію и совѣту письменно. И не одинъ я жалуюсь на нерадѣніе своихъ слушателей. Весь физико-математическій факультетъ въ засѣданіи своемъ іюля 4 дня прошлаго 1818 года сдѣлалъ общее замѣчаніе, что *студенты весьма лѣниво ходятъ на лекціи, вслѣдствіе чего весьма многіе изъ нихъ не являются на экзамены, такъ, напримѣръ, на экзаменъ изъ физики вмѣсто 40 записанныхъ явилось только 20; изъ механики вмѣсто 6 только 2; изъ астрономіи вмѣсто 20 только 2; изъ алгебры, геометріи и тригонометріи вмѣсто 76 вышло на экзаменъ только 5.* О таковомъ нерадѣніи студентовъ факультетъ опредѣлилъ донести совѣту. Такого рода донесеніе въ совѣтъ было и отъ словеснаго факультета въ 1817 году по окончаніи экзаменовъ, сколько то мнѣ извѣстно по выпискѣ изъ журнала совѣта, сообщенной по этому поводу физико-математическому факультету. Послѣдніе экзамены показали такое же нерадѣніе студентовъ, какъ и въ предыдущіе годы: напримѣръ, изъ многихъ слушавшихъ теорію функцій—держалъ экзаменъ только одинъ; изъ многихъ записавшихся слушать прикладную физику

[1]) Ректоромъ былъ тогда блестящій математикъ Т. Ѳ. Осиповскій.

остался для экзамена только одинъ; изъ пяти, которымъ бы должно было экзаменоваться по механикѣ, экзаменовался также одинъ. Да и теперь многіе профессора жалуются на небрежное хожденіе въ классъ ихъ слушателей, что, думаю, не безъизвѣстно правленію или совѣту" [1]).

Правленіе вызвало слушателей проф. Архангельскаго и допросило ихъ о причинѣ небрежнаго отношенія къ его лекціямъ. Они дали слѣдующія объясненія. Ник. Баженовъ заявилъ, что приходилъ 3 раза, но лекціи не было; Ив. Жекулинъ—что приходилъ на лекціи, но ихъ не было; Н. Кирдановскій — то же самое; Ермолай Лобачевскій—что не былъ на лекціяхъ по болѣзни; Ник. Зиновьевъ—что онъ одинъ былъ въ классѣ съ профессоромъ Архангельскимъ, котораго иногда студенты не могли дождаться. Впрочемъ, всѣ они прибавили, что теперь преподаваніемъ его довольны. Правленіе, основываясь на этомъ, пришло къ заключенію, что виновными въ этомъ дѣлѣ нужно признать студентовъ. Попечитель приказалъ университету принять надлежащія мѣры къ отвращенію подобнаго неустройства, а правленіе поручило экзекутору объявить слушателямъ проф. Архангельскаго, чтобы они неукоснительно посѣщали его курсы. Въ февралѣ слѣдующаго 1820 года проф. Архангельскій подалъ въ правленіе новое заявленіе, въ которомъ снова жаловался на нерадѣніе своихъ слушателей. „Студенты—Баженовъ, Жекулинъ и Лобачевскій,—писалъ онъ тамъ, въ теченіе прошедшаго января мѣсяца и по сіе время вовсе не являлись въ мой классъ; студенты же *Остроградскій*, Лукашевичъ и Кирдановскій хотя и показывались на моихъ лекціяхъ, но очень рѣдко, а по средамъ и субботамъ, кромѣ С. Зиновьева ни одинъ изъ нихъ не приходилъ, какъ и прежде. Это да послужитъ новымъ доказательствомъ нерадѣнія этихъ студентовъ, равно какъ справедливости моего *объясненія*, представленнаго правленію въ декабрѣ мѣсяцѣ, и совершенной несправедливости отвѣтовъ, поданныхъ моими слушателями въ правленіе вслѣдствіе этого объясненія. Если правленію нужны доказательства этому донесенію, да благоволитъ потребовать ихъ отъ меня, а не отъ моихъ слушателей; буде же правленіе повѣритъ мнѣ въ томъ безъ доказательствъ, то покорно прошу взыскать съ виновныхъ за опущеніе ихъ долга и, буде возможно, довести ихъ до того, чтобы они впредь не смѣли своевольно опускать лекціи и тѣмъ принуждать меня безпокоить правленіе моими донесеніями объ ихъ нерадѣніи". Будучи призваны въ правленіе, студенты объяснили: Баженовъ, что онъ пропустилъ нѣкоторыя лекціи по бо-

[1]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло попеч № 1596/76.

лѣзни; Остроградскій и Лукашевичъ—что не считаютъ нужнымъ слушать лекціи проф. Архангельскаго, потому что слушали ихъ въ прошломъ году и хотя тогда не держали экзамена, но будутъ держать его въ этомъ году; Кирдановскій—что не бывалъ иногда на лекціяхъ профессора Архангельскаго по случаю угара въ аудиторіи. Дѣло, повидимому, не кончилось ничѣмъ,—по крайней мѣрѣ; изъ документа не видно, чтобы проф. Архангельскій давалъ свой отзывъ на эти объясненія. Изъ представленныхъ данныхъ видно, какъ трудно было внѣшними принудительными мѣрами заставить студентовъ посѣщать неукоснительно лекціи тѣхъ профессоровъ, которые не могли привлечь къ нимъ слушателей внутренними достоинствами своихъ чтеній. Оказывается, что лекціи Осиповскаго студенты посѣщали охотно, а отъ непосредственно слѣдовавшихъ за ними лекцій Архангельскаго бѣгали— и онъ долженъ былъ буквально сторожить ихъ при выходѣ изъ аудиторіи. Конечно, такая роль не соотвѣтствовала достоинству профессора и при томъ не достигала цѣли, ибо они подъ всякими формальными предлогами уклонялись отъ ихъ посѣщенія. Мы не сомнѣваемся, что многое въ объясненіяхъ проф. Архангельскаго справедливо. Нѣкоторые студенты не были достаточно усердны въ посѣщеніи лекцій и въ усвоеніи прочитаннаго. Но среди этихъ „неусердныхъ“ посѣтителей курсовъ Архангельскаго былъ студентъ Остроградскій, увлекавшійся математическими курсами Осиповскаго, имѣвшій призваніе къ математикѣ и сдѣлавшійся впослѣдствіи знаменитымъ русскимъ математикомъ. Спрашивается—можно ли его заподозрить въ „небреженіи“ къ одному изъ основныхъ предметовъ его факультета? Быть можетъ, дѣло объясняется тѣмъ, что Архангельскій читалъ свой курсъ, не отступая ни въ чемъ отъ имъ же изданнаго переводнаго руководства Франкера. Что же касается манкированія лекціями со стороны самого профессора, то на него сдѣлано было указаніе въ объясненіяхъ студентовъ; изъ отзывовъ же помощника попечителя графа Панина мы узнаемъ, что Архангельскій (правда уже въ тридцатыхъ годахъ) отличался лѣностью. Быть можетъ, эта черта Архангельскаго была хорошо извѣстна и его товарищамъ, засѣдавшимъ въ правленіи, и потому это послѣднее отнеслось къ виновнымъ студентамъ въ сущности очень мягко и гуманно. Быть можетъ, здѣсь оказали вліяніе взаимныя отношенія ректора Осиповскаго и проф. Архангельскаго: первый, всегда отличаясь строгостью къ самому себѣ, не могъ по долгу службы и обязанности своей; скрыть отъ попечителя, что второй цѣлый мѣсяцъ не читалъ лекцій по неизвѣстнымъ причинамъ (такія вѣдомости о пропущенныхъ профессорами лекціяхъ, съ обозначеніемъ причины пропуска подавались попечителю черезъ

извѣстные промежутки времени); Архангельскій же могъ увидѣть въ этомъ личности и во всякомъ случаѣ долженъ былъ выгородить и обѣлить себя; выгораживая же себя, онъ затронулъ студентовъ. Нужно замѣтить, что нѣкоторые профессора университета тогда дѣйствительно неаккуратно читали лекціи; сюда, напримѣръ, нужно причислить—Колумну-Вигуру [1]), Нельдехена, Пильгера. Такимъ же свойствомъ отличались и нѣкоторые преподаватели искусствъ, напримѣръ, учитель танцевъ Штейнъ, который долженъ былъ даже вслѣдствіе этого выйти въ отставку [2]). Ледюкъ—учитель фехтованія—мотивировалъ пропускъ лекцій тѣснотою университетскихъ помѣщеній [3]).

Вотъ біографическія данныя о нѣкоторыхъ учителяхъ „пріятныхъ искусствъ, принадлежавшихъ къ преподавательскому персоналу университета.

Учитель рисованія Флоръ Филиппович *Рыжинъ*—изъ донскихъ казаковъ; обучался въ Петербургской академіи художествъ, затѣмъ получилъ мѣсто учителя рисованія въ бывшемъ Екатеринославскомъ главномъ народномъ училищѣ, переименованномъ въ 1805 г. въ гимназію, въ которой состоялъ преподавателемъ до 1814 года. Въ 1815 году опредѣленъ учителемъ рисованія въ Харьковскій университетъ.

Учитель музыки Иванъ Александровичъ *Лозинскій*, изъ дворянъ. Первоначально преподавалъ безъ жалованья музыку въ Звенигородскомъ уѣздномъ училищѣ (съ 1799 по 1801 годъ); въ 1812 году поступилъ учителемъ музыки въ Курскую гимназію (также безъ жалованья); въ 1815 году былъ назначенъ преподавателемъ музыки въ Харьковскій университетъ.

Учитель музыки Яковъ Даниловичъ *Зенькевичъ*. Служилъ въ католической духовной коллегіи канцеляристомъ; въ 1830 году назначенъ былъ учителемъ музыки въ Харьковскій университетъ.

Учитель танцевъ Григорій Григорьевичъ *Беккеръ*. Былъ первоначально танцоромъ въ Петербургскомъ Императорскомъ театрѣ. Въ 1812 году поступилъ въ ополченіе, въ коемъ занялъ должность урядника. За храбрость, оказанную въ сраженіяхъ, получилъ чинъ прапорщика и Георгія 5-й степени. Въ 1817 году ему поручено было временно преподаваніе танцовальнаго искусства, а въ 1820 г. онъ былъ утвержденъ въ своей должности совѣтомъ.

Учитель танцевъ Павелъ Владиславовичъ *Строцкій*. Служилъ въ военной службѣ, которую оставилъ въ чинѣ поручика. Былъ затѣмъ

[1]) См. объ этомъ особое дѣло (Харьк. унив. архивъ. Дѣло правл. № 1595/76).
[2]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло правл. № 1223/57.
[3]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло сов. 1816 г. № 79.

учителемъ танцевъ въ Межирецкой и Немировской гимназіяхъ и Харьковскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ; въ 1829 году назначенъ преподавателемъ этого предмета въ Харьковскій университетъ [1]).

Сдѣлавъ характеристику тогдашняго преподаванія, мы сообщимъ теперь данныя объ одномъ проектѣ, касавшемся математическаго факультета—именно о раздѣленіи этого послѣдняго на 2 отдѣленія: математическое и естественное. Мы познакомили уже читателей съ проектами касательно этого попечителя гр. Головкина и его помощника гр. Панина (266, 283, 289—298); теперь же только прибавимъ, что ходатайство о раздѣленіи математическаго факультета на два отдѣленія было возбуждено еще при попечителѣ Е. В. Карнѣевѣ, какъ видно изъ слѣдующаго его представленія министерству. „Совѣтъ Харьковскаго университета въ представленіи своемъ ко мнѣ изъясняетъ, что физико-математическій факультетъ подалъ представленіе, въ которомъ прописываетъ, что по замѣчанію факультета студенты его на публичныхъ экзаменахъ въ нѣкоторыхъ наукахъ оказываютъ весьма слабые успѣхи. Причину этого факультетъ приписываетъ множеству и разнообразію наукъ, его составляющихъ, и замѣчаетъ, что если оставить нынѣ существующее число наукъ этого факультета, кои студенты должны выслушать въ теченіе трехъ лѣтъ, то они никакъ не могутъ во всѣхъ равно успѣвать, такъ что успѣвающіе въ естественныхъ наукахъ, отстаютъ въ математическихъ и наоборотъ, а по сему и не могутъ образоваться изъ числа студентовъ свѣдущіе учителя по части естественныхъ наукъ для гимназій Харьковскаго учебнаго округа, тѣмъ болѣе, что нынѣ въ гимназіяхъ причислена къ нимъ и физика. Для отмѣны этого великаго неудобства совѣтъ предлагаетъ раздѣлить этотъ факультетъ на два отдѣленія, съ тѣмъ, чтобы по каждому отдѣленію особо можно было производить въ дѣйствительные студенты и выдавать полные аттестаты, а именно: по отдѣленію физико-математическихъ и по отдѣленію естественныхъ наукъ. Къ первому будутъ принадлежать—Богопознаніе, логика, первая часть математики, высшая геометрія, дифференціальное и интегральное исчисленіе, механика, оптика, астрономія, физика общая и прикладная, химія, полевая фортификація и долговременная, артиллерія, гражданская архитектура, геодезія. Второе отдѣленіе составлять будутъ—Богопознаніе, логика, ботаника, зоологія, минералогія, общая физика и прикладная, химія, агрономія, технологія и торговля. Совѣтъ, соглашаясь съ этимъ мнѣніемъ факультета и находя необходимо нужнымъ для большей пользы студентовъ, раздѣлить этотъ факультетъ на

---

[1]) Формулярные списки за 1825 и 1832 годы (Харьк. унив. архивъ).

вышеупомянутыя два отдѣленія, съ тѣмъ только, чтобы къ обоимъ отдѣленіямъ сверхъ логики принадлежала и нравственная философія, представляетъ мнѣ объ исходатайствованіи у высшаго начальства на это утвержденія, тѣмъ болѣе, что въ новомъ уставѣ Дерптскаго университета сдѣлано подобное раздѣленіе. Уваживъ такое представленіе совѣта Харьковскаго университета, честь имѣю предать его на благоусмотрѣніе вашего сіятельства".

Ходатайство это было передано министерствомъ на заключеніе ученаго комитета главнаго управленія училищъ, который въ общемъ его одобрилъ, какъ это видно изъ слѣдующаго протокола. „Слушали мнѣніе графа Н. С. Лаваля, въ коемъ пишетъ, что предположеніе попечителя Харьковскаго учебнаго округа о раздѣленіи физико-математическаго факультета тамошняго университета на 2 отдѣленія: 1) физико-математическихъ наукъ и 2) естественныхъ, заслуживаетъ одобренія. Ибо дѣйствительно невозможно, чтобы трехъ-годичное время, изъ коего еще надлежитъ исключить 9 мѣсяцевъ вакантныхъ, достаточно было на изученіе 12 разныхъ наукъ, изъ которыхъ для каждой отдѣльно потребны многіе годы. Парижскій университетъ призналъ помянутое раздѣленіе также необходимымъ, но онъ, соразмѣряя число предметовъ со временемъ, для нихъ назначеннымъ, старался каждое отдѣленіе составить изъ такихъ только наукъ, кои между собою однородны, такъ что въ математическое входятъ 3 курса слѣдующихъ предметовъ: а) дифференціальнаго и интегральнаго исчисленія; б) механики (высшей); в) астрономіи. А отдѣленіе физическое состоитъ изъ 4 курсовъ: а) химіи, б) минералогіи и геологіи; в) ботаники и физики растительныхъ веществъ (physique végétale) и г) зоологіи и физіологіи. Сверхъ того, какъ въ то, такъ и въ другое отдѣленіе входитъ курсъ общей и опытной физики. Попечитель же Харьковскаго учебнаго округа напротивъ того включилъ въ оба эти отдѣленія такъ много предметовъ, что самъ себѣ противорѣчитъ, забывъ, какъ кажется, во 2-й части своего представленія то великое неудобство, на которое жалуется въ 1-й. Такъ, во-1-хъ, онъ помѣстилъ въ 1-е отдѣленіе логику, которая принадлежитъ къ философіи; во-2-хъ, Богопознаніе, изученіе коего не можетъ быть новымъ предметомъ для учениковъ такихъ лѣтъ, съ какими поступаютъ въ университетъ; въ-3-хъ, первую часть математики, которую бы должно выучить еще въ гимназіи; въ-4-хъ, военныя науки необходимыя только для готовящихся къ этого рода службѣ, и наконецъ, въ-5-хъ, гражданскую архитектуру и геодезію, кои вовсе не нужны для этого факультета. Итакъ, одобряя предлагаемую г. попечителемъ мѣру раздѣленія означеннаго факультета, не безполезно было бы сдѣ-

лать это по примѣру Парижскаго университета, какъ выше объяснено. Ученый комитетъ постановилъ: представить министру, что комитетъ, по уваженію выше объясненныхъ въ мнѣніи члена его графа Лаваля причинъ, полагаетъ полезнымъ физико-математическій факультетъ Харьковскаго университета раздѣлить на 2 отдѣленія—физико-математическое и отдѣленіе естественныхъ наукъ; но для истинной пользы слушающихъ въ числѣ наукъ каждаго изъ этихъ отдѣленій ограничиться только тѣми, кои предлагаетъ гр. Лаваль, придерживаясь притомъ и предложеннаго имъ распредѣленія ихъ".

И просьбу Карнѣева, и мнѣніе ученаго комитета министръ отправилъ на заключеніе новому попечителю Перовскому (9 октября 1825 г.), который 15 іюня 1826 г. отвѣтилъ. „Такъ какъ нынѣ дѣла, до подобныхъ предметовъ касающіяся, подлежатъ сужденію и разбирательству Высочайше утвержденнаго комитета устройства учебныхъ заведеній, то я, по этому комитету, въ свое время не премину представить вамъ, милостивый государь, и вышеозначенное заключеніе мое" [1]). Такъ

[1]) Архивъ мин. нар. просв. Дѣло № 22541/497.

этотъ вопросъ и не получилъ разрѣшенія ни въ 1826 году, ни позже при Головкинѣ и только уставъ 1835 года внесъ измѣненія въ программы факультетскаго преподаванія.

Занималъ въ это время всѣхъ также вопросъ о преподаваніи общихъ пропедевтическихъ курсовъ въ университетѣ. Въ 1818 г. совѣтъ замѣтилъ, что многіе студенты не занимались съ должнымъ усердіемъ науками, а въ особенности общими подготовительными курсами, объявляемыми согласно 109 § университетскаго устава. Всѣ способы, употреблявшіеся до тѣхъ поръ къ отвращенію этого зла, не приводили ни къ чему. Въ виду этого сдѣлано было постановленіе, чтобы съ 1818 года всѣ студенты обязательно экзаменовались изъ общихъ наукъ. Курсъ этихъ подготовительныхъ наукъ былъ двухлѣтній и притомъ для студентовъ всѣхъ факультетовъ. Въ первомъ году читались—психологія и логика, алгебра, геометрія и тригонометрія, естественная исторія, всемірная древняя географія и исторія, географія и статистика Россіи, 1-я часть русской, латинской, нѣмецкой или французской словесности; кромѣ того, студенты, желавшіе поступить на словесный или медицинскій факультетъ, должны были прослушать еще 1-ю часть греческой словесности. Во второмъ году слушали—нравственную философію, физику, всемірную исторію, русскую исторію и вторую часть русской, латинской, французской или нѣмецкой словесности; кромѣ того, избиравшіе словесный или медицинскій факультетъ, обязаны были еще прослушать 2-ю часть греческой словесности, избиравшіе физико-мате-

матическій факультетъ—теорію анатомическихъ функцій. Факультетскія же науки должны были быть изучены только въ теченіе третьяго года. Министерство народнаго просвѣщенія однако рѣшительно отвергло этотъ проектъ—и было, конечно, совершенно право. Оно указало, что приготовительныя науки слѣдуетъ изучать въ гимназіяхъ, и принимать въ студенты университета только такихъ лицъ, кои прошли ихъ съ надлежащимъ успѣхомъ въ гимназіяхъ. Въ университетѣ же, какъ въ высшемъ учебномъ заведеніи, должны проходиться только факультетскіе предметы. Совѣтъ университета представилъ по этому поводу объясненіе, въ которомъ прямо сослался на 109 § университетскаго устава, требовавшій такихъ приготовительныхъ курсовъ. „Между науками, въ университетѣ преподаваемыми, говорилось въ уставѣ, находятся такія, которымъ необходимо должны учиться всѣ желающіе быть полезными себѣ и отечеству, каковой бы родъ жизни и какую бы службу они ни избрали и для того тотъ только можетъ перейти въ главное отдѣленіе наукъ, соотвѣтствующихъ будущему состоянію, кто прослушалъ науки пріуготовительныя“. Исполненіе этого параграфа устава вызывалось притомъ, по мнѣнію совѣта, самою пользою дѣла, потому что 1) въ гимназіяхъ приготовительныя науки или совсѣмъ не преподавались, или излагались въ сокращенномъ видѣ; 2) въ университетъ попадали лица, не бывшія въ гимназіи. Попечитель однако не далъ хода этому объясненію совѣта (кстати замѣтимъ, что оно было подписано Т. Ѳ. Осиповскимъ), такъ какъ министръ не требовалъ его отъ университета. Такимъ образомъ, ссылка на нарушеніе устава не могла быть, благодаря попечителю З. Я. Карнѣеву, доведена до свѣдѣнія министерства, которое, очевидно, упустило изъ виду этотъ параграфъ.

Въ изучаемый нами періодъ времени института гражданскихъ чиновниковъ, службою обязанныхъ, какъ кажется, уже не существовало, а лица, желавшія получить чины 8 и 5 классовъ и не имѣвшія должнаго образовательнаго ценза, держали экзаменъ при университетѣ,— при особомъ комитетѣ, выдававшемъ имъ аттестаты. Экзаменовались на основаніи Высочайшаго повелѣнія отъ 6 августа 1809 года, изъ слѣдующихъ предметовъ: богопознанія и христіанскаго ученія, русской грамматики и словесности, естественнаго, публичнаго и народнаго права, римскаго и гражданскаго права, съ приложеніемъ этого послѣдняго къ русскому законодательству, уголовнаго права, политической экономіи, русской исторіи, географіи и статистики, всеобщей исторіи и хронологіи, всеобщей географіи и статистики, ариѳметики, геометріи и

[1]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло попеч. № 551/28.

физики; сверхъ того требовались: русское сочиненіе и переводъ съ французскаго языка. По разъясненіямъ министерства народнаго просвѣщенія къ испытанію въ комитетѣ можно было допускать только лицъ, состоявшихъ уже на службѣ, но притомъ не только гражданской, а и военной. Наконецъ, особымъ распоряженіемъ чиновникамъ, состоявшимъ на службѣ, разрѣшено было посѣщать университетъ въ качествѣ вольнослушателей и затѣмъ прямо держать экзаменъ на кандитатскую степень. По поводу этого распоряженія тогдашній ректоръ Дудровичъ вошелъ къ попечителю съ особымъ представленіемъ, въ которомъ доказывалъ, что отъ подобныхъ лицъ необходимо требовать доказательствъ ихъ школьной подготовки къ слушанію университетскихъ лекцій—иначе учащаяся молодежь не будетъ оканчивать гимназій, а, поступивъ на службу, запишется въ вольнослушатели и будетъ прямо держать кандидатскій экзаменъ безъ годичныхъ испытаній, коимъ подвергаются студенты университета. Такимъ образомъ, они будутъ находиться въ привеллигированномъ положеніи сравнительно съ этими послѣдними. И дѣйствительно, основываясь на этомъ разрѣшеніи недавно передъ тѣмъ подалъ прошеніе о допущеніи его къ слушанію лекцій въ университетѣ канцеляристъ Слободскоукраинскаго губернскаго правленія Ив. Якименковъ, прошедшій только низшіе классы Полтавской гимназіи и находившійся на службѣ 3 мѣсяца. Попечитель Перовскій однако не далъ хода этому заявленію [1]).

Раньше существовавшаго при университетѣ *педагогическаго института* также въ это время уже не было и окладъ, предназначавшійся для директора его, одно время рѣшено было выдать проф. Мауреру за преподаваніе лекціи педагогіи [2]).

Другой—экзаменаціонный комитетъ для испытанія лицъ, ищущихъ званія учителя гимназіи, былъ учрежденъ въ 1827 году (до тѣхъ поръ экзамены производилъ училищный комитетъ). Въ составъ его первоначально вошли профессора—Борвенковъ, Павловскій, Филомафитскій и адъюнктъ Черняевъ. Онъ дѣйствовалъ на основаніи правилъ, имъ самимъ составленныхъ и одобренныхъ попечителемъ [1]).

Представимъ теперь фактическія данныя объ ученыхъ промоціяхъ въ Харьковскомъ университетѣ съ 1815 по 1819-й годъ, чтобы составить себѣ понятіе о требованіяхъ ученой коллегіи и отчасти о личности самихъ аспирантовъ.

Авксентій Гевличъ—студентъ Харьковскаго университета въ 1811 году получилъ степень кандидата, въ 1813 г.—магистра, а въ 1815 году

[1]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло попеч. № 895/49.

[2]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло попеч. № 1839/76.

доктора словесныхъ наукъ. Испытаніе его на это послѣднее званіе произведено было такъ. 3-го января 1815 года, онъ былъ подвергнутъ предварительному испытанію проф. Осиповскимъ, Дегуровымъ и Шадомъ—и факультетъ на основаніи его допустилъ къ докторскому экзамену. 20-го февраля Гевличъ держалъ устный экзаменъ, взявши по жребію четыре вопроса изъ числа тѣхъ, кои были приготовлены по всѣмъ предметамъ; а именно—1) О состояніи Русской церкви со времени введенія христіанства до учрежденія Святѣйшаго Сѵнода—отвѣчалъ довольно хорошо; 2) Исторія Россійской поэзіи, 3) Идеалъ изящныхъ наукъ и свободныхъ искусствъ; 4) О причинахъ, способствовавшихъ распространенію рабства въ Европѣ и его уничтоженіи; на эти три вопроса отвѣчалъ хорошо. Потомъ слѣдовали устные отвѣты изъ другихъ предметовъ по вопросамъ, предлагаемымъ экзаменаторами: проф. Шадъ спросилъ изъ латинской словесности о разныхъ родахъ поэзіи и предложилъ объяснить 12-ю оду Горація изъ 2-й книги. Отвѣтъ былъ признанъ удовлетворительнымъ. Экзаменъ продолжался 3-го марта. Вопросы были предложены проф. Срезневскимъ изъ русской словесности (отвѣчалъ удовлетворительно); изъ русской исторіи, географіи и статистики (отвѣчалъ хорошо), изъ всеобщей исторіи (отвѣчалъ удовлетворительно), изъ французскаго языка и словесности (хорошо). По окончаніи устнаго испытанія Гевличъ вытянулъ по жребію четыре билета изъ числа заранѣе приготовленныхъ и относящихся ко всѣмъ предметамъ факультета—и на квартирѣ секретаря подъ его наблюденіемъ далъ на нихъ письменные отвѣты. Вопросы были таковы: 1) О вліяніи вѣры на нравы римлянъ въ разныя времена (на латинскомъ языкѣ); 2) Показать главнѣйшее раздѣленіе стихотворныхъ сочиненій (на русскомъ языкѣ); 3) Указать на важнѣйшихъ писателей по русской исторіи и присовокупить свое сужденіе о достоинствѣ каждаго изъ нихъ (на русскомъ языкѣ); 4) О причинахъ происхожденія политической системы Европейскихъ государствъ (на латинскомъ языкѣ). Въ засѣданіи 31-го марта, по большинству голосовъ, отвѣты его были признаны удовлетворительными и ему были предложены слѣдующія темы для лекцій: 1) О состояніи россійской торговли со времени основанія государства до нашихъ дней (на русскомъ языкѣ); 2) Опредѣлить качества изящнаго (pulchri) и описать всѣ роды его, въ томъ числѣ и идеалъ (на русскомъ языкѣ); 3) Объяснить, что гораздо труднѣе писать исторію новыхъ временъ, нежели древнихъ (на латинскомъ языкѣ). Въ засѣданіи 21 мая факультетъ призналъ лекціи весьма удовлетворительными и постановилъ допустить его къ публичной защитѣ докторской диссертаціи. Въ засѣданіи 15 іюня факультетъ одобрилъ представленную Гевличемъ

докторскую диссертацію, постановилъ просить Совѣтъ о назначеніи оппонентовъ и передалъ диссертацію для напечатанія въ Правленіе. 26 іюня факультетъ назначилъ день диспута. 30 іюня Гевличъ читалъ свою диссертацію, а возраженія ему дѣлали проф. Дегуровъ, Срезневскій, Успенскій, Рейтъ, Борзенковъ, Громовъ и пр. Факультетъ призналъ диспутъ удовлетворительнымъ и предложилъ Совѣту утвердить его въ степени доктора [1]).

Учитель Екатеринославской гимназіи Карлъ Фридрихъ Гернъ ходатайствовалъ въ 1815 году о допущеніи его къ экзамену на степень доктора по словесному факультету. Факультетъ, въ виду того что онъ окончилъ Лейпцигскій университетъ и потомъ занимался науками, удовлетворилъ его просьбу. Сначала ему было произведено предварительное испытаніе (Шадомъ изъ философіи и Осиповскимъ изъ математики). Затѣмъ онъ вытянулъ четыре вопроса для устнаго испытанія; 1) Существовала ли у древнихъ эстетика; 2) Каково было происхожденіе римскаго сената, сколько было сенаторовъ и какъ они избирались; 3) Что извѣстно о нравахъ египтянъ, ихъ богослуженіи, наукахъ, искусствахъ, образованіи; 4) Что должно думать о царствованіи и дѣлахъ Ивана Васильевича Грознаго—отвѣчалъ на 1-й, 3-й и 4 вопросы хорошо,—на 2-й—превосходно. Изъ остальныхъ предметовъ (уже безъ билетовъ) онъ отвѣчалъ по нѣмецки хорошо, по всеобщей и русской исторіи—хорошо, по русскому языку и словесности превосходно, по французскому языку и словесности довольно хорошо. Четыре письменныхъ отвѣта, написанныхъ имъ въ библіотекѣ подъ наблюденіемъ Борзенкова, на четырехъ языкахъ, факультетъ также одобрилъ. Для трехъ пробныхъ лекцій ему назначены были слѣдующія темы: 1) О римскихъ играхъ въ циркахъ и театрахъ; 2) О свойствѣ и цѣли Ликурговыхъ законовъ; 3) Имѣетъ-ли преимущества поэзія передъ прочими искусствами? Лекціи были одобрены и за мысли, и за слогъ. Послѣ защиты одобренной факультетомъ диссертаціи (О раздѣленіи поэзіи) и тезисовъ, Гернъ былъ признанъ достойнымъ искомой степени.

Василій Масловичъ получилъ кандидатскую степень по словесному факультету въ 1813 году, а въ 1815 году былъ допущенъ къ экзамену на степень доктора. На предварительномъ испытаніи его спрашивали—Шадъ изъ философіи (отвѣчалъ хорошо), Осиповскій изъ математики (отвѣчалъ довольно хорошо), Срезневскій изъ русской словесности (очень хорошо). Вопросы, выбранные имъ по жребію, были таковы—изъ эстетики и русской словесности: 1) Что должно разумѣть

---

[1]) Харьк. Унив. архивъ. Дѣло поп. № 1256/71.

подъ именемъ граціи (отвѣчалъ по-русски очень хорошо); 2) Что такое вкусъ вообще (отвѣчалъ по-русски очень хорошо); изъ латинской словесности: 3) Что должно замѣтить о сатирической поэзіи и римской эпиграммѣ (отвѣчалъ по-латыни хорошо); 4) Что должно замѣтить о дидактической поэзіи римлянъ (отвѣчалъ хорошо). По латинскому языку онъ объяснялъ 2-ю оду Горація къ Августу (удовлетворительно), по французскому языку и словесности отвѣчалъ удовлетворительно, по нѣмецкому языку и словесности—хорошо, по всеобщей и русской исторіи, географіи и статистикѣ—хорошо. Изъ четырехъ письменныхъ отвѣтовъ три онъ написалъ на русскомъ языкѣ и одинъ на латинскомъ. Пробныя лекціи онъ читалъ на слѣдующія предложенныя ему темы: 1) О важнѣйшихъ баснописцахъ на русскомъ языкѣ; 2) Главнѣйшія причины упадка словесности на латинскомъ языкѣ; 3) Сравнить причины паденія Римской имперіи съ причинами паденія Константинопольской имперіи на русскомъ языкѣ. Признавъ эти лекціи удовлетворительными, факультетъ разрѣшилъ Масловичу защищать свою диссертацію на русскомъ языкѣ. Оппонентами у него были Успенскій, Срезневскій, Совиньи и др. Въ силу всего изложеннаго, а также принявъ во вниманіе изданныя Масловичемъ сочиненія, факультетъ призналъ его достойнымъ степени доктора изящныхъ наукъ.

Домогался докторской степени, какъ мы говорили уже объ этомъ въ 1-мъ томѣ своего труда, и директоръ Екатеринославской гимназіи Мизко. Дѣло объ этомъ началось въ 1818 году. Онъ хотѣлъ получить эту степень такъ, какъ получили ее профессора Харьковскаго университета Успенскій, Срезневскій и Паки де Совиньи, т. е. безъ экзамена, а только по сочиненію. Представилъ онъ сочиненіе на латинскомъ языкѣ „О превосходствѣ древнихъ языковъ, въ особенности латинскаго". Факультетъ потребовалъ, чтобы Мизко предварительно выдержалъ устное испытаніе; но совѣтъ университета поручилъ факультету дать отзывъ о разсужденіи Мизка — и факультетъ, большинствомъ голосовъ, основываясь на отзывѣ декана Роммеля и принявъ во вниманіе 3 печатныя рѣчи Мизка и его плодотворную дѣятельность на пользу училищъ, постановилъ удостоить его докторской степени. Сильныя и основательныя возраженія выставили—Шадъ, Успенскій и Совиньи, ссылавшіеся на прямое нарушеніе въ данномъ случаѣ устава. Совѣтъ постановилъ выдать Мизку дипломъ на степень доктора изящныхъ наукъ за его заслуги на полѣ просвѣщенія—и факультетъ уже въ 1815 году, основываясь на этомъ опредѣленіи, постановилъ выдать ему дипломъ за его заслуги въ дѣлѣ распространенія образованія и за рукописныя и печатныя сочиненія, свидѣтельствующія о познаніяхъ его въ наукахъ.

Успенскій однако остался и тогда при особомъ мнѣніи, которое состояло въ слѣдующемъ. Ищущіе ученыхъ степеней непремѣнно должны удовлетворить 93, 97, 98 и 99 §§ устава — и никто не имѣетъ права производить въ ученыя степени безъ устнаго экзамена, а тѣмъ болѣе отсутствующаго. Давая возможность своимъ производствомъ Мизку достигнуть высшей ступени чинопроизводства, университетъ долженъ будетъ это допустить и для другихъ училищныхъ чиновниковъ. За услуги, оказанныя училищамъ, можно вознаградить Мизка иначе, а не дипломомъ на ученое званіе. Чѣмъ окончилось это дѣло, неизвѣстно [1]).

Въ 1816 году выдержалъ экзаменъ на степень магистра изящныхъ наукъ студентъ Алексѣй Левшинъ, пробывшій въ университетѣ три года и не получившій еще повидимому и степени кандидата. Допущенъ же онъ былъ къ экзамену потому, что прекрасно учился и написалъ сочиненіе, отданное въ печать „Письма изъ Малороссіи". Онъ выдержалъ предварительное испытаніе, причемъ экзаменаторами его были проф. Успенскій, испытывавшій его изъ факультетскихъ и вспомогательныхъ предметовъ, проф. Шадъ — изъ прикладной логики и проф. Архангельскій—изъ алгебры. Выдержалъ онъ это испытаніе превосходно. Устно онъ отвѣчалъ на слѣдующіе вопросы: 1) по латинской словесности — Какіе успѣхи сдѣлали римляне въ лирической поэзіи? (отвѣчалъ весьма хорошо), а также весьма хорошо объяснилъ оду Горація; 2) изъ эстетики — О предѣлахъ этой науки (весьма хорошо); 3) изъ всеобщей исторіи — О причинахъ величія и упадка Карѳагена (хорошо). Послѣ того ему предлагались еще вопросы — изъ латинской словесности (отвѣчалъ весьма хорошо), изъ русской исторіи, географіи и статистики (хорошо), изъ русской риторики и французскаго языка (весьма хорошо). Письменные отвѣты онъ написалъ (подъ наблюденіемъ Борзенкова) на слѣдующую тему: 1) Quid praestiterunt Romani in philosophia; Для пробной лекціи ему была задана слѣдующая тема: In quo Graeci Romanis et Romani Graecis respectu scientiarum et artium praestiterunt? Затѣмъ Левшинъ защитилъ диссертацію и былъ признанъ магистромъ изящныхъ наукъ [2]).

На физико-математическомъ факультетѣ кромѣ Громова и Ковлишинскаго степень доктора (химіи) получилъ еще магистръ Шуманъ. Въ 1815 году онъ подвергся въ факультетѣ предварительному испытанію—экзаменовали его деканъ Нельдехенъ и проф. Шадъ. Устные отвѣты Шуманъ давалъ—по химіи (De acido sulphurico ejusque diver-

---

[1]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло сов. 1817 г., № 41.

[2]) Харьк. унив. архивъ 1818 г., № 1.

sitate и De ferro ejusque diversitate) — очень хорошо, и по технологіи. Затѣмъ Шуману предлагались вопросы изъ естественной исторіи, минералогіи, физики и математики—и онъ отвѣчалъ на нихъ хорошо. Для письменнаго отвѣта ему достались слѣдующіе вопросы: 1) по химіи — Expositio theoriae affinitatis veteris et novae; 2) Изложеніе общихъ свойствъ металловъ; 3) изъ технической химіи — Salis culinaris partes constitutivae, modus diversus illud obtinendi, producta quae chemiae ope ex residuis salinariis possunt obtineri. Письменные отвѣты были признаны удовлетворительными и Шуману были предложены слѣдующія темы для его лекцій: 1) De mallisatione kaliorum, corporum calinorum terrarumque; 2) Объ измѣненіяхъ, каковыя претерпѣваютъ послѣ смерти различные тѣла прозябаемаго и животнаго царства; 3) Von den Seiffen. Кромѣ того, факультетъ поручилъ Шуману произвести химическое разложеніе базальта и представить данныя, какъ о его составныхъ частяхъ, такъ и о процессахъ, для полученія ихъ употребленныхъ. Диссертацію Шумана „De acidi muriatici natura“ рѣшено было напечатать [1].

Магистерскую степень получилъ еще и *Колядинъ* [2].

Наконецъ, были еще двѣ докторскія промоціи на этико-политическомъ факультетѣ, которыя не были утверждены министерствомъ и послужили однимъ изъ поводовъ для высылки изъ Харькова проф. Шада и измѣненія самихъ правилъ объ испытаніяхъ на ученыя степени. Я имѣю въ виду промоціи кандидата Гриневича и магистра Ковалевскаго. Оба они выдержали устныя и письменныя испытанія и даже защитили диссертаціи: но проф. Дегуровъ подалъ въ совѣтъ заявленіе, въ которомъ доказывалъ, что диссертація Гриневича списана съ лекцій профессора Шада, читанныхъ студентамъ, а диссертація Ковалевскаго (De libertate mentis humanae)—списана съ печатнаго сочиненія Шада на ту же тему.Дѣло дошло до министерства. Совѣтъ назначилъ спеціальную коммиссію (въ составѣ 4-хъ профессоровъ), которая установила фактъ буквальнаго заимствованія многихъ параграфовъ, отмѣченныхъ Дегуровымъ, изъ сочиненій Шада. Шадъ и Ковалевскій дали съ своей стороны объясненія, которыя по отношенію къ диссертаціи Ковалевскаго заслуживаютъ полнаго вниманія. Оказывается, что Шадъ, принявъ диссертацію Ковалевскаго, вошелъ въ факультетъ съ предложеніемъ переработать и дополнить ее, такъ какъ тема, затронутая докторантомъ, заслуживала этого по ея важности — и *факультетъ согласился на это.*

---

[1]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло сов. 1817 г., № 58.

[2]) Ibidem, 1818 г., № 21.

Напечатаны были оба сочиненія—краткое Ковалевскаго и обширное—Шада, причемъ, съ разрѣшенія факультета, Ковалевскій защищалъ сочиненіе Шада. Конечно, съ современной намъ точки зрѣнія такого рода пріемъ представляется страннымъ и необычнымъ; но онъ находилъ себѣ, по словамъ Шада, оправданіе въ практикѣ западно-европейскихъ университетовъ, не связывавшей непремѣнно тезисовъ съ содержаніемъ диссертаціи. А если это такъ, то Ковалевскій дѣйствительно могъ принять на себя защиту тезисовъ, сходныхъ въ основѣ съ его собственными, но только болѣе подробно развитыхъ въ книгѣ Шада. Конечно, въ такомъ случаѣ Ковалевскій долженъ былъ опираться in verba magistri, т. е. своего учителя Шада, но и этотъ послѣдній не скрываетъ того, что его ученики въ качествѣ первоисточниковъ для своихъ работъ пользовались главнымъ образомъ его лекціями и сочиненіями. „Студенты философіи, писалъ онъ министру, не имѣютъ другихъ источниковъ и пособій, кромѣ моихъ манускриптовъ и моихъ книгъ. Нельзя отъ нихъ требовать, чтобы они составляли собственныя системы; довольно, если они искуснымъ образомъ успѣютъ пользоваться моими манускриптами и книгами и публично защищать съ похвалою основанія моей философіи. Въ нѣмецкихъ университетахъ диссертаціи пишутся большею частью самими профессорами, а отъ студентовъ требуется только, чтобы они умѣли ихъ на публичныхъ диспутахъ надлежащимъ образомъ защищать. Что же касается до диссертаціи Гриневича, то хотя онъ и многое заимствовалъ изъ моихъ манускриптовъ, продиктованныхъ мною въ теченіе шести лѣтъ студентамъ, однако много также присовокупилъ и изъ собственныхъ своихъ идей и познаній, особенно что касается до разрѣшенія главнаго предложенія; слѣдовательно, доносъ проф. Дегурова и противъ Гриневича неоснователенъ, ложенъ и вовсе несправедливъ. Гриневичъ одинъ изъ ученѣйшихъ студентовъ, какого мы когда-либо въ университетѣ имѣли, и онъ можетъ съ честью выдержать экзаменъ на докторское званіе во всякомъ университетѣ“ [1]).

Дѣлая общее заключеніе объ этомъ эпизодѣ въ статьѣ о высылкѣ Шада, я говорю: „что касается обвиненій Шада по дѣлу о докторскихъ диссертаціяхъ Ковалевскаго и Гриневича, то здѣсь константированъ только фактъ плагіата, но не доказано самаго важнаго—чтобы Шадъ руководился тутъ корыстными побужденіями, по крайней мѣрѣ самъ онъ даетъ этому факту, имъ не отвергаемому, иное объясненіе. Можетъ быть, что Шадъ не былъ совершенно чистъ въ этомъ дѣлѣ—взятки въ

---

[1]) См. объ этомъ подробнѣе въ моей книгѣ „Удаленіе проф. Шада“ X. 1899, стр. 3—18.

то время, какъ это указано мною въ другомъ мѣстѣ, составляли къ сожалѣнію довольно распространенное явленіе въ Харьковскомъ университетѣ и къ нему относились довольно снисходительно; но Шадъ не былъ изобличенъ во взяточничествѣ ни въ данномъ дѣлѣ, ни въ другихъ случаяхъ и maximum, на что давали право факты, это оставить его „подъ подозрѣніемъ въ этомъ обвиненіи". [1])

Но Министерство, конечно, могло прямо заподозрить здѣсь корыстныя побужденія и во всякомъ случаѣ попустительство со стороны професора по отношенію къ молодымъ людямъ, желавшимъ пріобрѣсти докторскій дипломъ исключительно для того, что бы облегчить себѣ служебную карьеру. Извѣстно, что докторскій дипломъ давалъ права на чинъ 8-го класса; извѣстно также, что значительная часть лицъ, получившихъ въ это время ученыя степени въ Харьковскомъ университетѣ, и не думала объ ученой дѣятельности, а мечтала только о службѣ. Наконецъ, въ Дерптскомъ университетѣ произошелъ изъ ряда вонъ выходящій случай злоупотребленія при полученіи степени доктора правовѣдѣнія со стороны Вальтера и Вебера. Они подверглись испытанію на степень доктора, не имѣя степени магистра; самый экзаменъ производился съ отступленіемъ отъ формъ, указанныхъ въ уставѣ. Вальтеръ былъ раньше театральнымъ портнымъ въ Ревелѣ, пріобрѣлъ потомъ въ Петербургѣ себѣ большое состояніе, получилъ отъ нѣмецкаго Ерлангенскаго университета докторскую степень, а, истративъ до 30000 руб., получилъ въ 1816 г. степень доктора правовѣдѣнія отъ юридическаго факультета Дерптскаго университета, затѣмъ по диплому добился чина коллежскаго асессора и былъ даже назначенъ членомъ коммиссіи по составленію законовъ. Императоръ Александръ I-й велѣлъ произвести строгое слѣдствіе надъ юридическимъ факультетомъ, которое окончилось удаленіемъ изъ университета ректора (профессора юридическаго факультета) и декана, безъ права поступленія на государственную службу, отнятіемъ диплома у Вальтера и Вебера и требованіемъ новаго испытанія отовсѣхъ получившихъ прежде дипломы. [2]) Въ Министерствѣ связали Харьковскія событія съ Дерптскими, какъ это видно изъ сообщенія тогдашняго попечителя округа гр. С. О. Потоцкаго совѣту Харьковскаго университета. Въ немъ онъ между прочимъ писалъ: „по извѣстному дѣлу магистра Ковалевскаго получено Министромъ изъ Харькова донесеніе, содержаніе коего побудило его отнестись ко мнѣ съ предложеніемъ о пріостановкѣ выдачи Ковалевскому диплома; вслѣдъ

---

[1]) Ibidem, стр. 147.

[2]) Харьк. Унив. архивъ. Дѣло Поп. № 413/20.

за симъ Дерптскій университетъ несосмотрительнымъ производствомъ двухъ студентовъ въ докторскую степень подвергъ себя неудовольствію начальства и публики, такъ что теперь обращено общее вниманіе на предполагаемыя въ нашихъ университетахъ *злоупотребленія* по части производствъ въ ученыя степени. Это послѣднее обстоятельство налагаетъ на меня обязанность приступить для скорѣйшаго окончанія производящагося о Ковалевскомъ дѣлѣ къ такимъ мѣрамъ, которыя, соотвѣтствуя законамъ и чести университета, не лишали бы и просителя средствъ къ достиженію желаемой имъ цѣли". Гр. Потоцкій пріостанавливалъ выдачу Ковалевскому диплома въ виду сомнительности его диссертаціи, но представлялъ ему право подвергнутся черезъ извѣстный срокъ новому испытанію. [1]) Въ доносахъ проф. Дегурова на Шада указывается не только на плагіатъ въ диссертаціяхъ Гриневича и Ковалевскаго, но и на неблагонадежный образъ мыслей перваго изъ нихъ, проявившійся въ его тезисахъ [2]), это, конечно, должно было безвозвротно рѣшить судьбу обѣихъ диссертацій. Съ другой стороны административная высылка Шада, поставленная въ связь съ дѣломъ о промоціяхъ Ковалевскаго и Гриневича, должна была подѣйствовать удручающимъ образомъ на харьковскихъ профессоровъ и вызвать среди нихъ реакцію противъ легкости производствъ въ ученыя степени, тѣмъ болѣе, что и въ Харьковѣ, какъ это можно видѣть на примѣрѣ промоціи Мизка, дѣлались при этомъ значительныя отступленія отъ существующихъ правилъ. Впрочемъ, и самыя правила, регулировавшія эти производства и помѣщенныя въ уставѣ, не отличались опредѣленностью и, какъ мы знаемъ уже, не разъ вызывали и въ практикѣ Харьковскаго университета значительныя затрудненія и недоумѣнія. Между прочимъ, въ нихъ не было указанія на необходимость постепенности въ полученіи степеней и потому нѣкоторыя лица держали прямо докторскій экзаменъ, минуя магистерскій; не было опредѣлено сроковъ для испытанія на высшія ученыя степени лицами, окончившими университетъ; не было даже сказано, что для допущенія къ магистерскому или докторскому экзамену необходимо предварительно получить степень кандидата [3]). При такихъ условіяхъ оставлять дѣло въ прежнемъ положеніи было невозможно.

Вопросъ о производствѣ въ ученыя степени магистра и доктора сдѣлался послѣ изложенныхъ нами инцидентовъ предметомъ особеннаго

---

[1]) Харьк. унив. архив. Дѣло сов. 1816 г. № 12.

[2]) Удаленіе Шада, стр. 22.

[3]) См. Сборн. постан. I, стр. 283—285.

вниманія министерства народнаго просвѣщенія. Степени эти, какъ мы знаемъ, давали важныя права на чины и, слѣдовательно, ихъ могли добиваться не изъ научныхъ, а практическихъ, служебныхъ соображеній и это то приводило къ злоупотребленіямъ. Министерство народнаго просвѣщенія поэтому обратило серьезное вниманіе на это дѣло. Въ 1816 г. запрещено было производить прямо въ доктора лицъ, не имѣвшихъ магистерской степени [1]). Въ томъ же году департаментъ потребовалъ отъ Харьковскаго университета подробныхъ свѣдѣній о порядкѣ производства въ ученыя степени—студентовъ, кандидатовъ, магистровъ и докторовъ съ указаніемъ, кѣмъ выдаются свидѣтельства на эти званія, утверждаетъ-ли въ нихъ совѣтъ [2]) и т. п. Тогда-же попечитель округа потребовалъ отъ университета для представленія министерству его соображеній о томъ, какъ слѣдуетъ обставить это производство, ибо Государь Императоръ повелѣлъ изготовить по этому поводу докладъ и внести его на обсужденіе комитета министровъ [3]). Комитетъ министровъ въ 1816 году поручилъ главному правленію училищъ выработать особое положеніе о производствѣ въ ученыя степени. Таковое было выработано и Высочайше утверждено 20 января 1819 года. Вотъ его главныя основанія.

Всѣ науки, по которымъ нужно было держать испытанія для полученія ученыхъ степеней, были распредѣлены на 4 факультета—богословскій, философскій, юридическій и медицинскій; факультеты эти однако не упраздняли университетскихъ факультетовъ. Богословскій факультетъ не касался православныхъ духовныхъ академій, а имѣлъ въ виду католическія богословскія отдѣленія при Виленскомъ университетѣ и Полоцкой академіи и евангелическое при Дерптскомъ университетѣ. Философскій факультетъ, по разнородности входившихъ въ него предметовъ, раздѣлялся на физико-математическое и этико-филологическое отдѣленія. Теоретическая и практическая философія входила въ составъ обоихъ отдѣленій. Затѣмъ къ физико-математическому отдѣленію относились слѣдующіе предметы—чистая и прикладная математика, физика и химія, естественная исторія; къ этико-филологическому—историческія науки, древняя классическая словесность (греческая или римская по выбору аспиранта), восточная словесность (т. е. одинъ изъ восточныхъ языковъ, если аспирантъ имъ занимался), одинъ изъ новыхъ языковъ и русская словесность. Въ составъ юридическаго

[1]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло сов. 1816 г. № 72.
[2]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло сов. 1816 г. № 26.
[3]) Ibidem, 1816 г., №№ 18 и 73.

факультета входили право естественное, частное, публичное и народное, дипломатика, римское право, русское публичное право, гражданское и уголовное право съ частными правами присоединенныхъ областей, судопроизводство, политическая экономія, политическая исторія и статистика главнѣйшихъ государствъ, особенно русскаго. По этимъ факультетскимъ предметамъ однако нельзя было требовать одинаковыхъ познаній; самъ испытуемый могъ указать на главный предметъ своихъ занятій. Всѣхъ ученыхъ степеней было 4: 1) дѣйствительнаго студента; 2) кандидата, 3) магистра и 4) доктора. Степени эти можно было получать только въ порядкѣ ихъ старшинства, т. е. нельзя было напримѣръ сдѣлаться докторомъ, не имѣя степеней магистра, кандидата и дѣйствительнаго студента. Для полученія званія дѣйствительнаго студента нужно было пройти полный курсъ наукъ по одному изъ университетскихъ факультетовъ и выдержать соотвѣтственное испытаніе; лучшіе изъ окончившихъ курсъ наукъ или выдержавшіе впослѣдствіи экзаменъ и обнаружившіе способности къ одному изъ предметовъ, а также представившіе письменное сочиненіе получали званіе кандидата; для полученія званія магистра нужно было доказать полныя свѣдѣнія въ системѣ наукъ въ ея цѣломъ и частяхъ и связи; отъ доктора требовались основательныя и глубокія свѣдѣнія въ наукахъ въ существенныхъ ихъ основаніяхъ, въ ихъ развитіи и направленіи, такъ чтобы онъ могъ не только слѣдовать той или иной системѣ, но и судить о ней и дѣятельностью собственнаго ума дѣлать въ ней открытія и исправлять слабыя ея стороны, совершенствовать связь и порядокъ, очищать и укрѣплять основанія. Правила испытаній на степень магистра и доктора остались прежнія. Требовалась также публичная защита диссертаціи—отъ магистра на латинскомъ, другомъ какомъ либо иностранномъ или русскомъ языкѣ, а отъ доктора на латинскомъ. Иностранцевъ, пріобрѣвшихъ почетную извѣстность своею ученостью, можно было по особымъ ходатайствамъ съ разрѣшенія министра допускать къ испытанію прямо на одну изъ высшихъ ученыхъ степеней, минуя низшія. На общихъ-же основаніяхъ можно было допускать къ испытаніямъ всѣхъ желающихъ, гдѣ-бы они ни воспитывались. Между полученіемъ ученыхъ степеней полагались извѣстные сроки: между первою и второю степенью годичный, между второю и третьею—двухъ-годичный, между третьею и четвертою—трехъ-годичный. Не выдержавшіе испытанія могли повторять его еще два раза, но только для полученія кандидатской или магистерской степени черезъ годъ послѣ него, а для полученія докторской—черезъ два. Лица податнаго состоянія не могли допускаться къ испытаніямъ на ученыя степени. Лица, удостоенныя

одной изъ четырехъ ученыхъ степеней, не должны были держать особаго экзамена на чинъ коллежскаго асессора и статскаго совѣтника. Дѣйствительный студентъ получалъ право на чинъ 14-го класса, кандидатъ 12, магистръ 9 и докторъ 8, но только въ томъ случаѣ, если воспитывался въ казенномъ учебномъ заведеніи. Званія почетнаго доктора не допускалось. Изъ лицъ, не воспитывавшихся въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ, только доктора освобождались отъ экзамена на чинъ асессора и статскаго совѣтника. Докторская степень не касалась медицинскаго факультета [1]). Новыя правила вызвали однако на практикѣ недоразумѣнія, которыя пришлось разрѣшать главному правленію училищъ. Харьковскій университетъ спрашивалъ: 1) можетъ-ли философія быть главнымъ предметомъ испытанія на философскомъ факультетѣ и изъ какихъ наукъ нужно въ такомъ случаѣ производить экзаменъ—относящихся къ одному или обоимъ отдѣленіямъ? 2) нужно-ли требовать при испытаніи на степень дѣйствительнаго студента и кандидата знанія приготовительныхъ или факультетскихъ предметовъ? 3) при выдачѣ аттестатовъ на степень дѣйствительнаго студента и кандидата, какіе факультеты имѣлись въ виду—созданные новыми правилами или университетскіе?

Ученый комитетъ высказалъ такія мнѣнія. По первому вопросу, что экзаменующійся долженъ предварительно объявить, по какому изъ двухъ отдѣленій онъ желаетъ подвергнуться испытанію и въ такомъ случаѣ можетъ выбрать главнымъ предметомъ любую науку; по второму вопросу, что рѣчь идетъ не о приготовительныхъ наукахъ, кои должны преподаваться въ гимназіяхъ, а о факультетскихъ; по третьему вопросу—что въ дѣлѣ преподаванія должно остаться безъ измѣненія дѣленіе на факультеты согласно университетскимъ уставамъ, а новое дѣленіе на факультеты будетъ примѣняться только при полученіи ученыхъ степеней. Главное правленіе училищъ согласилось съ отвѣтами на 2-й и 3-й вопросы, а относительно 1-го сдѣлало прибавку, что и философія можетъ быть главнымъ предметомъ испытанія [2]). Въ 1827 г. совѣтъ университета, по предложенію министерства народнаго просвѣщенія, подвергъ пересмотру правила о дарованіи докторской степени и выработалъ слѣдующій проектъ.

По юридическому факультету основными предметами для полученія степени доктора признаны слѣдующіе: 1) римское право, 2) рус-

---

[1]) Сборникъ постановл. по мин. нар. просв. I, стр. 1134—1145. Харьк. унив. архивъ. Дѣло сов. 1819 г. № 12.

[2]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло попеч. № 812/44.

ское право, 3) естественное, частное, публичное и народное право. Вспомогательныя науки, а) политическая экономія б) дипломатія, в) политическая исторія и статистика. По этико-филологическому факультету основными предметами для полученія степени доктора философіи, были признаны: 1) древняя классическая словесность (греческая или римская, по выбору экзаменующагося) и русская словесность; при немъ вспомогательныя науки: а) исторія и одинъ изъ новыхъ языковъ. 2) Историческія науки; при нихъ вспомогательные предметы—древніе и одинъ изъ новыхъ языковъ. 3) Восточная словесность; при ней вспомогательные предметы—древніе языки, исторія и одинъ изъ новыхъ языковъ. Философія должна быть существеннымъ предметомъ испытанія по всѣмъ этимъ группамъ. По физико-математическому факультету основными предметами для докторской степени были признаны: 1) чистая и прикладная математика; при ней вспомогательными предметами—физика, химія, естественная исторія; 2) физика и химія; при нихъ вспомогательными предметами—начала математики и естественная исторія; 3) естественная исторія; при ней вспомогательные предметы—химія, физика, начала математики. Отъ желавшаго получить докторскую степень нужно было требовать основательныхъ и глубокихъ свѣдѣній по главному предмету. Порядокъ испытаній предполагали оставить прежній. Но диспутъ, какъ ничего не доказывавшій, проэктировали отмѣнить; а вмѣсто него требовать прочтенія одной пробной лекціи на латинскомъ языкѣ на заданную факультетомъ тему. Экзаменаторами могли быть всѣ представители каѳедръ, хотя бы они сами и не имѣли докторской степени—преподаватели университета, имѣвшіе степень магистра, для полученія докторской степени, должны были представить только диссертацію на латинскомъ языкѣ, а отъ устнаго испытанія освобождались [1]).

Настоящій проэктъ былъ вызванъ, очевидно, затрудненіями, къ которымъ приводили на практикѣ правила, изданные въ 1819 году. А что затрудненія эти существовали, видно и изъ самаго признанія министерства и изъ того, что съ 1819 по 1827 годъ Харьковскимъ университетомъ не было даровано ни одной докторской степени [2]). Въ магистры же былъ произведенъ между прочимъ Гриневичъ въ 1819 году повидимому уже послѣ изданія новыхъ правилъ. Гриневичъ держалъ экзаменъ на магистра римской словесности. Изъ философіи проф. Дудровичъ спрашивалъ его—о метафизикѣ, о понятіи и раз-

[1]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло попеч. № 1256/71.
[2]) Ibidem.

дѣленіи ея, о мнѣніяхъ, какое имѣли о стихіяхъ послѣдователи Вольфа, о томъ, какъ думали Платонъ и другіе философы о матеріи; изъ нравственной философіи ему предложенъ былъ вопросъ о началахъ нравственности. Отвѣчалъ онъ очень хорошо. Изъ всеобщей исторіи, географіи и статистики на разные вопросы, предложенные адъюнктомъ Филомафитскимъ, отвѣчалъ очень хорошо. По французскому языку отвѣчалъ превосходно. По русской словесности адъюнктъ Ворзенковъ предложилъ ему вопросы: а) кто первый сочинилъ русскую грамматику? и б) какіе ему извѣстны баснописцы и каковъ ихъ отличительный характеръ? Отвѣчалъ очень хорошо. По русской исторіи географіи и статистикѣ проф. Успенскій предложилъ ему вопросы о путешествіи апостола Андрея первозваннаго, о началѣ Россійской монархіи, ея раздѣленіи, порабощеніи татарами и освобожденіи. Отвѣчалъ посредственно, Паки де Совиньи спрашивалъ его о формѣ римскаго управленія, о началѣ римскаго сената, о консулахъ, о различіи между консулами и проконсулами, о преторахъ и дуумвирахъ и о раздѣленіи римскаго народа. Отвѣчалъ превосходно. Изъ латинскаго языка о свойствѣ лирической поэзіи. Отвѣчалъ превосходно; также объяснялъ 2-ю оду 1-й книги Горація. Адъюнктомъ Кронебергомъ были ему предложены слѣдующіе вопросы—понятіе о филологіи и ея частяхъ и объ исторіи филологическаго ученія; отвѣчалъ посредственно. Письменные отвѣты Гриневича Успенскій, Кронебергъ и Филомафитскій считали также посредственными; Джунковскій, Ворзенковъ и Куницкій—хорошими, а Паки де Совиньи—очень хорошими. Допустить къ дальнѣйшему экзамену согласились всѣ, а Успенскій сдѣлалъ оговорку, что Гриневичъ долженъ пополнить недостатки экзамена хорошей диссертаціей. Для диссертаціи была дана тема „De optimo methodo docendi discendique philologiam“.

Диссертацію Успенскій, Филомафитскій признали посредственною, Джунковскій заявилъ, что хотя диссертацію онъ также считаетъ посредственною, но въ виду выдержаннаго имъ экзамена и его ученыхъ трудовъ считаетъ справедливымъ дать ему магистерскую степень. Паки де Совиньи далъ о диссертаціи Гриневича такой отзывъ: „я съ величайшимъ вниманіемъ прочиталъ латинскую диссертацію Гриневича и она тѣмъ болѣе показалась мнѣ достойною всякаго одобренія, что Гриневичъ изложилъ въ ней все, чего долженъ былъ коснуться и, занимаясь подъ моимъ руководствомъ, какъ въ испытаніяхъ, такъ и въ сочиненіяхъ своихъ, относящихся къ главному его предмету—латинской филологіи—всегда выдавался своимъ усердіемъ; и потому я, будучи чуждъ всякаго пристрастія, считаю его достойнымъ допущенія къ за-

щитѣ его диссертаціи. Кронебергъ также высказалъ мнѣніе, что диссертація относительно мыслей и слога можетъ быть одобрена и Гриневичъ заслуживаетъ степени магистра. Къ этому мнѣнію присоединился и Куницкій. Затѣмъ факультетъ постановилъ передать это дѣло на рѣшеніе совѣта. Ректоръ поставилъ вопросъ: можно ли допустить Гриневича къ защитѣ его диссертаціи. Проф. Дудровичъ, Павловичъ, Джунковскій, Рейтъ, Книгинъ и Делякинъ высказались въ положительномъ смыслѣ, такъ какъ за это стояло и большинство членовъ факультета. Но ректоръ (одинъ) былъ противоположнаго мнѣнія, исходя изъ того положенія, что письменные отвѣты, признанные посредственными, важнѣе устныхъ и диссертаціи, ибо на первые дается скорый отвѣтъ безъ подготовки, диссертація же пишется дома. Совѣтъ однако не согласился съ этими доводами, такъ какъ Гриневичъ нѣсколько лѣтъ занимался науками этико-филологическаго отдѣленія и доказалъ успѣхи въ нихъ и другими трудами. Рѣшено было допустить Гриневича къ диспуту и назначить оффиціальными оппонентами Осиповы и Куницкаго; неоффиціальными оппонентами выступили Дудровичъ и Громовъ. Факультетъ послѣ диспута по большинству голосовъ призналъ его достойнымъ магистерской степени, и по ходатайству совѣта министерство утвердило его въ ней [1]). Впослѣдствіи магистерскій экзаменъ держали— Байковъ (въ 1821 г.) Николай Корсунъ (въ 1824 г.) Павелъ Андріевскій (тогда же), Шкляревичъ (тогда же), Степановъ [2]), Майстеренко [3]), докторскій—Громовъ, Комлишинскій, Грибовскій, Яхимовичъ (на степень доктора медицины) и нѣк. другіе. Кто изъ профессоровъ Харьковскаго университета имѣлъ ученую степень, объ этомъ мы уже говорили раньше. О диссертаціяхъ нѣкоторыхъ изъ нихъ скажемъ ниже.

Теперь-же сообщимъ краткія свѣдѣнія объ ученыхъ командировкахъ. Этого вопроса мнѣ уже приходилось касаться раньше, когда рѣчь шла о подготовкѣ молодыхъ ученыхъ къ профессурѣ—въ настоящее время представимъ объ этомъ дополнительныя свѣдѣнія, имѣя въ виду и ученыя путешествія профессоровъ.

Окончившій медицинскій факультетъ Харьковскаго университета А. Венедиктовъ былъ командированъ для усовершенствованія въ медицинѣ вообще и анатоміи въ частности въ Петербургскую медико-

---

[1]) Арх. мин. нар. просв. № 22099/493.

[2]) Устный экзаменъ Т. Θ. Степановъ выдержалъ блистательно; диссертація его была посвящена вопросу „О политическомъ равновѣсіи Европейскихъ государствъ“.

[3]) Онъ представилъ диссертацію „Объ основаніи наслѣдованія по завѣщанію вообще и въ особенности по россійскимъ узаконеніямъ“.

хирургическую академію. При отправленіи туда онъ получилъ слѣдующую инструкцію. „По пріѣздѣ въ Петербургъ явиться вамъ въ медико-хирургическую академію и нанять близь оной квартиру. Заниматься всѣми частями анатоміи, въ особенности замѣтить, какъ наилучше вываривать кости и разбирать черепъ, приготовлять связки, мышцы, нервы и кровеносные сосуды, дѣлать инъекціи артерій, венъ и лимфатическихъ сосудовъ, узнать лучшіе составы массъ для наливанія кровеносныхъ сосудовъ, стараться замѣтить, какъ дѣлать препараты каждаго органа въ особенности, какъ напримѣръ, органа слуха, зрѣнія, дыханія, testiculorum et cet. и способъ ихъ сохраненія. Такъ какъ тамъ находятся препараты лучшихъ анатомовъ, какъ-то: Либеркина и друг., то обязаны вы каждый изъ нихъ порознь внимательно разсматривать и замѣтить для подражанія. Обращать вниманіе на болѣзненно измѣненные части или органическія поврежденія, зависящія отъ измѣненнаго ростопроизводства, приготовляя ихъ анатомически, какъ-то: опухоли разнаго рода, спирры, отвердѣнія, засоренія. Такъ какъ тамъ скотолѣчебная наука преподается во всей своей полнотѣ, въ томъ числѣ и анатомія домашнихъ животныхъ, то рекомендуется вамъ посѣщать эти анатомическія лекціи. Въ лѣтнее время посѣщать естественно-историческій кабинетъ академіи наукъ или кунсткамеру, дабы обогатить познаніе различными классами животныхъ, ибо для физіологіи познаніе всѣхъ натуральныхъ тѣлъ необходимо. Посѣщать лекціи другихъ профессоровъ и въ особенности клиническіе институты. Каждую треть года доносить совѣту о своихъ занятіяхъ и если будутъ нужны какія либо пособія, то обращаться за этимъ въ факультетъ“ [1]) (1819 г.).

Инструкція эта была выполнена Венедиктовымъ весьма добросовѣстно и изъ него вышелъ очень дѣльный преподаватель анатоміи. Не совсѣмъ удачной оказалась командировка въ Московскій университетъ кандидата Харьковскаго университета Николая Спасскаго для подготовки по русскому праву. Годичная командировка Спасскаго была предложена въ 1823 году проф. Пауловичемъ въ виду его способностей и усердія. При отправленіи ему была дана инструкція, возлагавшая на него слѣдующія обязанности. „Обратить особенное вниманіе на предметъ, преподаваніе коего въ Харьковскомъ университетѣ предназначается ему, т. е. на россійское правовѣдѣніе. Кромѣ теоретическаго познанія россійскихъ узаконеній по всѣмъ частямъ, онъ обязанъ употребить всѣ средства къ познанію и практическаго производства разнаго рода дѣлъ. Онъ не долженъ ограничиваться упражненіемъ въ

---

[1]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло сов. 1819 г., № 42.

одномъ вышеозначенномъ предметѣ; но чтобы пріобрѣсти знанія, отличающія просвѣщеннаго законовѣда отъ обыкновеннаго, по навыку пріобрѣвшаго свѣдѣнія въ этомъ предметѣ, онъ обязанъ вникнуть въ полный курсъ наукъ юридико-политическихъ. Онъ обязанъ пріобрѣсти основательныя и точныя свѣдѣнія о всѣхъ сочиненіяхъ, относящихся къ россійскому законовѣдѣнію, писанныхъ какъ на нашемъ отечественномъ языкѣ, такъ и на иностранныхъ, и имѣть ясное понятіе объ ихъ достоинствѣ. Онъ обязанъ отдавать мѣсту, удостоившему его этого назначенія подробный отчетъ. Наконецъ, факультету желательно, чтобы кандидатъ Спасскій подвергся на законномъ основаніи испытанію для полученія степени магистра въ Московскомъ университетѣ. По прошенію Спасскаго, время пребыванія его въ Московскомъ университетѣ было продолжено на одинъ годъ. Когда Спасскій вернулся въ Харьковъ, то совѣтъ не призналъ удовлетворительной его командировку, во 1-хъ, потому что за все время пребыванія своего въ Москвѣ онъ прислалъ оттуда только одинъ и при томъ общій отчетъ, по которому нельзя было составить понятіе объ его занятіяхъ, во 2-хъ, потому что не только не выдержалъ полнаго магистерскаго экзамена, но даже не представилъ и диссертаціи, которая-бы послужила доказательствомъ его познаній, въ 3-хъ, въ письмѣ проф. Сандунова говорилось, что для преподаванія судопроизводства онъ еще молодъ. Въ виду этого постановлено было обратиться за разъясненіями о занятіяхъ Спасскаго къ его руководителю проф. Сандунову. Отъ Московскаго университета въ отвѣтъ на это была получена справка, что Спасскій приступилъ къ магистерскому экзамену, но на словесномъ испытаніи признанъ былъ слабымъ. Тогда совѣтъ Харьковскаго университета постановилъ предписать Спасскому подвергнуться этому испытанію въ Харьковѣ. Любопытно обширное объясненіе, доставленное самимъ Спасскимъ. Вначалѣ онъ онъ указываетъ на то, что совѣтъ поручилъ ему, по смерти адъюнкта Михайловскаго, чтеніе лекцій по русскому правовѣдѣнію, которыя онъ и преподавалъ въ теченіе цѣлаго академическаго года. Что онъ удовлетворилъ требованіямъ инструкціи, доказываютъ отзывы о его занятіяхъ въ Москвѣ проф. Сандунова (послѣдній дѣйствительно хорошо отзывался о его занятіяхъ и поведеніи). Затѣмъ онъ переходитъ къ подробному изложенію своихъ занятій въ Москвѣ. Они не могли ограничиваться однимъ посѣщеніемъ лекцій—въ этомъ, по его словамъ, онъ чувствовалъ себя достаточно сильнымъ. „Я заботился, пишетъ онъ, болѣе о томъ, чтобы заслужить личное къ себѣ вниманіе тѣхъ профессоровъ, которыхъ наставленія открывали мнѣ тайну истины или разрѣшали сомнѣнія, на которыхъ останавливалась моя неопытность, не

говоря уже о проф. Сандуновѣ, свѣдѣнія коего во всякомъ случаѣ были для меня свѣтильникомъ, я съ равною признательностью могу сослаться на профессоровъ—Шлецера, Цвѣтаева и Каченовскаго, расположенію которыхъ ко мнѣ обязанъ я также весьма многимъ въ успѣшномъ теченіи моихъ занятій. Дѣйствуя такимъ образомъ, я не упускалъ изъ виду ничего, что могло способствовать распространенію свѣдѣній моихъ, какъ-то: ежедневнаго посѣщенія лекцій, на которые употреблялъ отъ 4 до 6 час. въ сутки, классное чтеніе извѣстныхъ авторовъ и преимущественно по части правовѣдѣнія и наконецъ постоянное и сколько возможно систематическое изученіе отечественнаго законовѣдѣнія, состоявшее а) въ хронологическомъ разсмотрѣніи первоначальныхъ и послѣдующихъ источниковъ его и всѣхъ измѣненій, произведенныхъ временемъ, случайными обстоятельствами и политическими переворотами, и въ соображеніи взаимнаго вліянія этихъ измѣненій на политическое, гражданское и нравственное бытіе государства, b) въ критическомъ разсмотрѣніи литературы права, с) отдѣльномъ разсмотрѣніи всѣхъ частей его по теоріи права въ примѣненіи къ узаконеніямъ, имѣющимъ теперь силу и дѣйствіе и въ соединеніи ихъ въ цѣломъ для приведенія въ возможный методическій порядокъ, d) въ безпрерывномъ упражненіи въ практической части права во всей его обширности. Все это составляло обыкновенный предметъ моихъ занятій, сообразно чему располагалъ я и временемъ, мнѣ опредѣленнымъ. Не естественно было-бы, если-бы я сказалъ, что въ теченіе одного года, мнѣ опредѣленнаго, вышеизложенныя занятія могли быть приведены къ концу и потому въ донесеніи моемъ совѣту отъ 15 іюня 1825 г., представивъ подробный отчетъ за 1-й годъ пребыванія моего въ Москвѣ, я просилъ продолжить мнѣ время по крайней мѣрѣ на 2 года. Почтеннѣйшему начальству угодно было уважить причины, указанныя въ этомъ отчетѣ, и дать мнѣ для занятій еще одинъ годъ". Далѣе Спасскій говоритъ о томъ, что совѣтъ одобрилъ его первый отчетъ, а второго онъ не представилъ потому, что отзывъ объ его занятіяхъ сообщилъ совѣту университета его руководитель-наставникъ проф. Сандуновъ. Отзывъ этотъ былъ для него Спасскаго вполнѣ благопріятный. Справка-же, полученная отъ совѣта Московскаго университета о ходѣ его занятій, не отличается полнотою: тамъ нѣтъ данныхъ о посѣщеніи имъ профессорскихъ лекцій въ первый годъ пребыванія его въ Москвѣ. Спасскій подробно останавливается на вопросѣ о посѣщеніи имъ разныхъ курсовъ, но при этомъ прибавляетъ, что къ систематическому слушанію лекцій, предназначавшихся для студентовъ, онъ и не стремился. О магистерскомъ экзаменѣ онъ говоритъ, что онъ приступилъ

къ нему, но не выдержалъ его по недостатку времени для достаточной подготовки; слѣдовательно, и здѣсь не было ни его вины, ни отступленія отъ данной ему инструкціи, тѣмъ болѣе, что пріобрѣтеніе магистерской степени совѣтъ не поставилъ для него обязательнымъ требованіемъ. Въ заключеніи Спасскій останавливается на томъ, что, по возвращеніи его изъ Москвы, этико-политическій факультетъ Харьковскаго университета постановилъ допустить его къ чтенію лекцій въ качествѣ адъюнкта по русскому уголовному праву и практическому судопроизводству уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ. Это постановленіе факультета, состоящаго изъ профессоровъ, бывшихъ его наставниками на студенческой скамьѣ, является лучшимъ доказательствомъ пригодности его къ той должности, о которой онъ ходатайствуетъ, т. е. адъюнкта россійскаго правовѣдѣнія, тѣмъ болѣе, что совѣтъ еще до поѣздки въ Москву, когда познанія его были гораздо болѣе ограничены, довѣрилъ ему преподаваніе этого-же предмета [1]). Совѣтъ, очевидно, принялъ во вниманіе объяснительную записку Спасскаго и ходатайствовалъ передъ министромъ о допущеніи его къ преподаванію русскаго права. Министръ снесся по этому поводу съ попечителемъ, который, основываясь на благопріятномъ отзывѣ специалиста—проф. Даниловича, высказался въ благопріятномъ для Спасскаго смыслѣ.

Долженъ былъ получить заграничную командировку и кандидатъ Якимовъ, но попечитель Перовскій не призналъ ее нужной и считалъ возможнымъ отправить его только въ Петербургъ и Москву. Вотъ его отвѣтъ на ходатайство совѣта. „На представленіе совѣта нужнымъ считаю отвѣтствовать, что отправленіе молодыхъ людей съ отличными дарованіями въ чужіе края, для усовершенствованія по нѣкоторымъ наукамъ, особенно требующимъ опытовъ и самыхъ близкихъ наблюденій, какіе у насъ, за недостаткомъ всѣхъ надлежащихъ пособій, не всегда имѣть возможно, я нахожу весьма полезнымъ и даже необходимымъ для университета; но по части словесности не предполагаю въ томъ особенной надобности. Охота и любовь къ внимательному и разсудительному чтенію лучшихъ иностранныхъ писателей и современныхъ періодическихъ изданій достаточны для того, чтобы пріобрѣсти понятіе о состояніи и ходѣ заграничной словесности; а таковое же чтеніе извѣстнѣйшихъ писателей отечественныхъ, при безпрерывномъ упражненіи въ искусствѣ сочиненія, съ повѣркою при томъ своего слога, силы и значенія словъ и выраженій въ извѣстныхъ случаяхъ со способомъ выраженій въ подобныхъ же случаяхъ этими же писателями употреб-

---

[1]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло попеч. № 946/51.

лаемымъ, безъ сомнѣнія доставить занимающемуся такимъ образомъ то, что нужно имѣть для хорошаго наставника и писателя, особенно если онъ заблаговременно столько уже приготовленъ, сколько, по свидѣтельству университетскаго совѣта, кандидатъ Якимовъ, и имѣетъ при томъ отличныя природныя дарованія. Но какъ при всемъ томъ личное знакомство и изустные бесѣды съ таковыми писателями могутъ быть въ нѣкоторомъ отношеніи для молодаго человѣка наставительны, то посему отправленіе кандидата Якимова въ Москву и Петербургъ можно дозволить. Что же касается до отправленія его заграницу, то рѣшеніе этого вопроса я предоставляю себѣ на будущее время и вслѣдствіе того, возвращая при этомъ подписку, данную Якимовымъ совѣту, какъ содержащую условія, не во всемъ удобоисполнимыя, предлагаю университету объявить ему объ этомъ и сообразно съ вышепрописаннымъ сдѣлавъ надлежащее распоряженіе мнѣ донести" [1]).

Преемникъ Перовскаго Филатьевъ былъ принципіальнымъ противникомъ отправленія молодыхъ русскихъ ученыхъ заграницу. Въ это время при Дерптскомъ университетѣ существовалъ педагогическій институтъ для приготовленія молодыхъ людей, воспитанниковъ русскихъ университетовъ, къ профессорскому званію. Съ этою цѣлью, по Высочайшему повелѣнію, въ 1827 году велѣно было выбрать изъ природныхъ русскихъ 20 питомцевъ разныхъ университетовъ для отправленія ихъ на 3 года въ Дерптъ и на 2 года заграницу. Узнавъ отъ проѣзжавшаго черезъ Харьковъ Одесскаго попечителя Покровскаго, что находящихся въ Дерптѣ для приготовленія къ профессорскому званію бывшихъ Харьковскихъ студентовъ хотѣли отправлять для усовершенствованія заграницу, но что для этого встрѣчались нѣкоторые затрудненія, Филатьевъ написалъ министру о нихъ въ 1831 году слѣдующее письмо. „1) При нынѣшнемъ положеніи дѣлъ вообще въ Европѣ я признаю не только безполезнымъ, но даже вреднымъ отправлять этихъ студентовъ въ чужіе края какъ для нихъ самихъ, такъ и для университета, гдѣ они впослѣдствіи должны быть профессорами. Чѣмъ нынѣ заняты мысли всѣхъ и каждаго? Что служитъ нынѣ повсюду исключительно предметомъ разговора? Политическія происшествія цѣлой Европы и можетъ быть преимущественно настоящія горестные событія въ Россіи. Мнѣніе иностранцевъ о насъ, русскихъ, весьма извѣстно. Какое вліяніе окажетъ это обстоятельство на умы этихъ молодыхъ студентовъ еще не зрѣлые и неопытные? Повѣрьте, ваша свѣтлость, что такія впечатлѣнія, въ молодости полученныя, болѣе или менѣе остаются на всю жизнь.

[1]) Харьк. унив. архивъ. Предложеніе попечителя 1826 г., № 61.

Одно любопытство, сродное всѣмъ и особенно молодымъ людямъ, которые, слушая лекціи профессоровъ, вѣроятно, не заботились узнать внутренняго устройства своего отечества, одно это любопытство, повторяю, завлечетъ ихъ слушать политическіе толки, читать всѣ политическіе газеты и журналы и безъ сомнѣнія отвлечетъ вниманіе ихъ отъ предметовъ ученія и уклонитъ ихъ отъ той цѣли, для которой они отправлены заграницу. . . . .

2) Студенты эти были въ Дерптѣ два года учениками, теперь отправляются въ иностранные институты для приготовленія къ тому, чтобы сдѣлаться преподавателями, и вмѣстѣ съ тѣмъ, поступивши въ слушатели этихъ (заграничныхъ) университетовъ, опять останутся учениками (студентъ по русски ученикъ, учащійся). Чему они учились въ Харьковѣ и въ Дерптѣ, то самое не безполезно было бы усугубить имъ собственнымъ разсужденіемъ и опытностію, ознакомясь со способомъ передавать познанія свои другимъ и этимъ болѣе и болѣе развернуть понятія свои о предметѣ. Для чего необходимо возвратить этихъ студентовъ на одинъ годъ въ университетъ (Харьковскій), гдѣ имъ поручено будетъ преподаваніе главнаго предмета, а о другихъ предметахъ ученія ихъ потребуется письменное изложеніе, обращеніе съ профессорами ознакомитъ ихъ съ кругомъ ученыхъ людей, а въ домѣ попечителя привыкнутъ они къ обществу и къ правиламъ свѣтскаго обращенія, приличнымъ образованному человѣку; безъ этого же останутся чуждыми общежитію, а для ученаго хотя и кажется это маловажнымъ, но весьма необходимо окажется впослѣдствіи.

3) Поступивъ въ число преподавателей, студенты эти будутъ пользоваться приличною этому званію свободою въ поступкахъ и образѣ жизни. Тогда обнаружатся ихъ истинныя чувства, характеръ и нравственность; ибо хотя за ними и будетъ внимательный надзоръ, дабы они не совратились съ пути истины, но надзоръ этотъ будетъ болѣе отеческій, нежели начальническій; на нихъ будутъ дѣйствовать убѣжденіемъ, а не властію, будетъ обращено вниманіе на то, съ кѣмъ, т.-е. какого свойства людьми, они будутъ болѣе сближаться; и это нужно видѣть и знать заблаговременно, заграницею же поздно. Кому ввѣрите ихъ, ваша свѣтлость, тамъ, если они сами не будутъ готовы умѣть узнавать и понимать людей и дорожить хорошимъ мнѣніемъ о себѣ и преимущественно дорожить нравственностью ума (?) и сердца?

4) Имъ необходимо нужно знать составъ нашихъ университетовъ, также знать и понимать нашихъ студентовъ, надобно, что бы и въ иностранныхъ университетахъ узнали они какъ составъ, такъ и устройство ихъ, дабы и въ этомъ случаѣ быть полезными университету, ко-

торый заблаговременно укажетъ имъ, на что именно обращать имъ тамъ вниманіе, какъ въ наукахъ такъ и въ преподаваніи и устройствѣ, и кромѣ того укажетъ имъ это собственное наблюденіе и опытъ, когда они сами будутъ здѣсь преподавателями. Имъ нужно пріобрѣсти навыкъ сравнивать и примѣнять разные методы преподаванія, вникнуть въ ходъ каждой науки, въ связь ихъ вообще и соотношеніе между собою. Все это можно пріобрѣсти, будучи не ученикомъ, а преподавателемъ—тогда отправленіе въ чужіе края безъ сомнѣнія принесетъ ожидаемую пользу.

Заключу, ваша свѣтлость, тѣмъ, что я страшусь, весьма страшусь при мысли, что преждевременнымъ ихъ отправленіемъ заграницу мы не пріобрѣтемъ, но потеряемъ людей. Любовь и уваженіе къ отечеству и законамъ его есть необходимое условіе въ наставникѣ юношества. Понятія ихъ еще не созрѣли, если выучили предметъ, но не обдумали его, учась не имѣли времени усилить познанія свои чтеніемъ авторовъ, и не слышали разныхъ сужденій объ одномъ и томъ же предметѣ, не научились отличать истину ото лжи. Слушая одного профессора, не могли соображать и судить по сравненію, ибо ученіе ихъ по необходимости было одностороннее, познавательныя силы ихъ ума не могли развернуться и собственный умъ ихъ не имѣетъ еще прочнаго основанія. Они убѣждены въ истинахъ, но не собственнымъ убѣжденіемъ, которое однимъ сравненіемъ и примѣненіемъ образуется, а опытностью вкореняется и укрѣпляется*.

Едва ли есть надобность останавливаться на разборѣ основной мысли записки Филатьева (или, точнѣе говоря, правителя канцеляріи его А. В. Склабовскаго, которому она принадлежала)—вредѣ заграничныхъ командировокъ для подготовки къ профессурѣ молодыхъ русскихъ ученыхъ. Въ основѣ ея лежатъ политическія соображенія, ничего общаго съ наукой не имѣющія. Опасаясь вліянія на харьковскихъ молодыхъ ученыхъ западныхъ идей, Филатьевъ предпочитаетъ для огражденія ихъ отъ этого яда, не допустить ихъ непосредственно пріобщиться къ чистому источнику европейской науки. Но тѣсная, непосредственная связь крайнихъ политическихъ идей и чистой науки, конечно, не можетъ быть доказана—это явленія разнаго порядка и источники ихъ происхожденія неодинаковы. Опытъ русскихъ университетовъ и Харьковскаго въ частности также не оправдывалъ такихъ опасеній: Черняевъ и Затеплинскій занимались во время своей заграничной командировки исключительно своею спеціальностью, а не политикой. Если въ обществѣ, огромная масса котораго не ѣздила заграницу, всюду говорили о западныхъ событіяхъ и такихъ русскихъ эпизодахъ, какъ польская революція, то изъ этого нужно было бы вывести заключеніе, что загра-

ничные командировки русскихъ молодыхъ ученыхъ здѣсь ни при чемъ: Европейскія политическія идеи проникали, конечно, въ Россію, но ихъ вынесли изъ Европы не горсть командированныхъ туда съ ученою цѣлью русскихъ ученыхъ, а масса офицеровъ русской арміи, ходившихся съ Императоромъ Александромъ I-мъ для уничтоженія господства Наполеона Бонапарта. Отгородить Россію отъ Европы китайскою стѣною въ XIX в. было невозможно, если этой задачи не могло рѣшить даже старое Московское государство XVI—XVII вв.

Министръ народнаго просвѣщенія (князь Ливенъ) далъ на это письмо слѣдующій отвѣтъ. „Мнѣніе вашего превосходительства о студентахъ профессорскаго института я нахожу весьма основательнымъ. Но министерство народнаго просвѣщенія все это имѣло уже въ виду прежде полученія вашего представленія и почло обязанностью доложить объ этомъ Государю Императору, на что получило Высочайшее повелѣніе—указанныхъ студентовъ, не посылая въ чужіе края, оставить въ Дерптѣ. Но считаю долгомъ благодарить ваше превосходительство за сообщеніе мнѣ вашего мнѣнія по этому предмету“ [1]).

Новый министръ народнаго просвѣщенія А. С. Уваровъ вошелъ съ представленіемъ къ Государю о наборѣ новыхъ питомцевъ для Дерптскаго педагогическаго института на прежнихъ условіяхъ. Въ виду этого попечитель предписалъ совѣту Харьковскаго университета немедленно избрать достойныхъ молодыхъ людей на слѣдующихъ основаніяхъ: избраніе произвести факультетомъ; инспекція должна дать отзывы объ ихъ нравственности; отобрать отзывы о нихъ отъ профессоровъ; взять согласіе отъ самихъ избранныхъ; подвергнуть ихъ строгому испытанію въ присутствіи совѣта; совѣтъ и въ особенности ректоръ должны обратить вниманіе на природныя дарованія избираемыхъ, ибо одно твердое знаніе предмета безъ соображенія разсудка не указываетъ еще на то, что изъ этого лица можетъ выйти хорошій профессоръ. Основываясь на этомъ распоряженіи, юридическій факультетъ призналъ пригодными для посылки въ Дерптъ слѣдующихъ лицъ: изъ окончившихъ курсъ кандидатовъ Измаила Срезневскаго, Михаила Клобуцкаго, Ивана Сливицкаго, дѣйствительныхъ студентовъ—Николая Войтенкова, Александра Покорскаго-Журавку и студента 3-го курса Адріана Оплачку; но всѣ они кромѣ кандидата Срезневскаго не изъявили на то своего согласія; Срезневскаго-же не оказалось въ Харьковѣ. Физико-математическій факультетъ призналъ прежде всего достойнымъ такого выбора кандидата Никиту Дьяченка, который занимался съ похвальнымъ усер-

---

[1]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло поп. № 1595/98.

діемъ и желательною пользою преподаваніемъ въ университетѣ оптики и перваго курса чистой математики; потомъ, окончившихъ курсъ ученія дѣйствительныхъ студентовъ Василія Стоянова, Андрея Снѣгирева и Меѳодія Шароградскаго; но Дьяченко письменно заявилъ, что страдаетъ золотухою, грудною болѣзнью и геморроемъ и потому не можетъ согласиться на поступленіе въ профессорскій институтъ; Снѣгиревъ и Шароградскій, несмотря на всѣ убѣжденія и внушенія декана Сухомлинова, не пожелалъ поступить въ институтъ, выставляя причиною свои недостаточныя познанія въ иностранныхъ языкахъ, а Снѣгиревъ сверхъ того и свои домашнія обстоятельства, заставляющія его поскорѣе поступить на службу; студента Стоянова въ Харьковѣ не оказалось. Медицинскій факультетъ донесъ, что находитъ способными для указанной цѣли студентовъ 4-го курса Іосифа Варвинскаго, Ивана Мелешку, Наума Синицкаго, 3-го курса Ефима Филипченка и Петра Любовскаго, кои всѣ изъявили свое согласіе; кромѣ того были признаны достойными, но не пожелали поступить студенты 4-го курса Дмитрій Гавриловъ, Ѳедоръ Тимченко, 3-го курса Прокофій Богдановъ, Евгеній Бурковъ, Дмитрій Голубкинъ. Словесный факультетъ призналъ достойными для поступленія въ профессорскій институтъ окончившихъ курсъ Константина Жигачева, Михаила Ильенка, Василія Унтилова, кандидата Николая Славутинскаго, оканчивающихъ — Владиміра Гринева, Василія Авдіева, Степана Ростовцева и Якова Скадовскаго; изъ нихъ Славутинскій былъ оставляемъ при университетѣ въ помощь проф. Дорну для преподаванія восточныхъ языковъ; Жигачевъ первоначально изъявилъ было согласіе, но потомъ по семейнымъ обстоятельствамъ отказался; Ильенко, Тимошевскій и Скадовскій также отказались, отъ Унтилова не было свѣдѣній, ибо онъ жилъ въ Херсонѣ. Такимъ образомъ, могли быть отправлены Авдіевъ, Гриневъ и Ростовцевъ. Послѣ этого избраннымъ кандидатамъ произведены были испытанія, результатъ которыхъ оказался слѣдующій. Хотя никто изъ экзаменованныхъ не удовлетворилъ въ полной мѣрѣ требованіямъ министерства, но по дарованіямъ, познаніямъ, прилежанію и нравственнымъ качествамъ признаны достойными отправленія въ Дерптъ студенты медицинскаго факультета—Наумъ Синицкій (по патологіи и терапіи), Іосифъ Варвинскій (по фармакологіи), Петръ Любовскій (по акушерству), по словесному факультету—Влад. Гриневъ (по философіи), Ст. Ростовцевъ (по исторіи), Вас. Адіевъ (по греческому яз.). Благонадежное состояніе ихъ здоровья засвидѣтельствовано членами медицинскаго факультета, а поведеніе одобрено инспекторами. При этомъ приложено было отобранное отъ нихъ обязательство прослужить впослѣдствіи на профессорской

должности не менѣе 12 лѣтъ. Попечитель, отсылая этотъ отвѣтъ совѣта министру, съ своей стороны особенно рекомендовалъ Гринева и Синицкаго; отправить всѣхъ избранныхъ попечитель просилъ съ магистромъ историческихъ наукъ Цыхомъ, для него эта поѣздка была-бы очень полезна. Унтиловъ, Стояновъ, Авдіевъ и Синицкій отказались отъ поѣздки въ Дерптъ и такимъ образомъ отправились только четверо— Варвинскій, Любовскій, Гриневъ и Ростовцевъ.

Цыху даны были прогоны на 3 лошади, а для 4-хъ студентовъ на 2 пары. На подъемъ и содержаніе Цыхъ получилъ сверхъ того 400 р., а на содержаніе студентовъ отпущено 600 р. Всѣ 4 питомца Харьковскаго университета выдержали экзаменъ при Императорской академіи наукъ и были приняты въ профессорскій институтъ [1]).

Въ 1835 г. должны были истечь сроки ученой подготовки нѣкоторыхъ изъ воспитанниковъ профессорскаго института, командированныхъ въ Берлинъ, Вѣну и Константинополь—и министерство прислало въ Харьковскій университетъ списокъ этихъ лицъ съ указаніемъ ихъ спеціальности. Въ числѣ ихъ были—Куторга и Лунинъ (спеціалисты по исторіи), Крюковъ и Валицкій (спеціалисты по латинской и греческой словесности), Иноземцевъ (спеціалистъ по анатоміи и хирургіи), Лапшинъ (по математикѣ). Совѣтъ университета, указавъ на вакантныя каѳедры по разнымъ факультетамъ, просилъ о предоставленіи одной изъ нихъ—всеобщей исторіи—*Лунину* [2]). Впослѣдствіи профессорскую каѳедру въ Харьковскомъ университетѣ занялъ еще и *Валицкій* (и Лапшинъ).

Изъ ученыхъ профессорскихъ командировокъ, имѣвшихъ въ виду спеціально научные интересы, намъ извѣстна только одна—проф. Кривицкаго. Цѣль его путешествія была ученая: онъ отправлялся въ южную Россію „для пользы наукъ" вообще, и для обогащенія естественно исторических коллекцій Харьковскаго университета въ частности. Онъ предполагалъ наблюдать и разсматривать на пути своемъ все, что относится къ зоологіи, ботаникѣ и минералогіи, и собирать въ значительномъ числѣ экземпляровъ для обогащенія университетскихъ кабинетовъ и для обмѣна мѣстныхъ произведеній на иноземныя. По зоологіи предполагалось собирать всѣхъ животныхъ, начиная отъ млекопитающихъ и кончая полипами, съ одинаковою рачительностью и приготовлять ихъ только въ такой мѣрѣ, въ какой это окажется необходимымъ для доставленія безъ порчи въ Харьковъ. Изъ млекопитающихъ, птицъ, мелкочешуйчатыхъ рыбъ и пресмыкающихся особенно боль-

---

[1]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло попеч. № 1595/93.

[2]) Ibidem. № 2069/130.

шихъ — снимать кожу; для лучшаго же изготовленія чучелъ птицъ на мѣстѣ обдѣлывать голову, глаза, крылья и всю внутреннюю связь; изъ этихъ же животныхъ, по скольку это окажется возможнымъ, дѣлать скелеты; рыбъ, пресмыкающихся и другихъ животныхъ, коихъ нельзя сохранить инымъ способомъ, сохранять въ водкѣ; насѣкомыхъ насаживать на булавки и въ нарочито приготовленныхъ ящикахъ отправлять на мѣсто. По минералогіи кромѣ ориктогностическихъ породъ предполагалось обратить особенное вниманіе на горнокаменные, коихъ мало было въ кабинетѣ, а также на всѣ окаменѣлости. Относительно ботаники профессоръ долженъ былъ изложить свои желанія и указать на средства ихъ осуществленія. Дабы не была забыта исторія предметовъ, составляющая ихъ сущность, каждый изъ нихъ долженъ былъ имѣть свой номеръ, подъ которымъ въ дневныхъ запискахъ излагалось бы подробно все, его касающееся. Точное же опредѣленіе предметовъ не должно было дѣлаться во время путешествія, ибо цѣлью этого послѣдняго являлось собраніе и приготовленіе предметовъ, подробное же ихъ описаніе предполагалось напечатать въ трудахъ Московскаго общества испытателей природы.

Во время путешествія предполагалось посѣтить Георгіевскъ, Тифлисъ, Баку, Кизляръ, Астрахань и Царицынъ, а если позволитъ время, то и степи между Царицынымъ и р. Ураломъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Астраханская степь съ прилегающими сѣверозападными берегами Каспійскаго моря въ весеннее время обѣщала наиболѣе обильную жатву, особенно по части насѣкомыхъ и нѣкоторыхъ другихъ животныхъ; но такъ какъ я могу, писалъ Криницкій, положиться на своего корреспондента Карелина и учителей Астраханской гимназіи, которые до моего пріѣзда могутъ собрать нѣкоторыя весеннія произведенія и такъ какъ мнѣ нельзя упускать изъ виду этого же времени для собранія предметовъ въ другихъ мѣстностяхъ, въ коихъ нѣтъ никого, кто бы меня замѣнилъ, то я и избралъ путь изъ Харькова черезъ Новочеркасскъ, Ставрополь, Георгіевскъ въ Тифлисъ, оттуда черезъ Кахетію но надъ рѣкою Курою, черезъ новую Шамаху въ Баку; осмотрѣвши же здѣсь мысъ Шаховъ и ближайшіе острова, отправиться по берегу Каспійскаго моря въ Кизляръ. Но какъ между Кизляромъ и Моздокомъ на разстояніи 174 верстъ по теченію Терека могутъ быть весьма надежные мѣста, то и слѣдуетъ это разстояніе пройти двукратно въ другой разъ — возвращаясь въ Кизляръ. Отсюда, смотря по обстоятельствамъ, либо моремъ, либо по берегу его придется отправиться въ Астрахань, а послѣ по теченію Волги въ Царицынъ. Если шестимѣсячный періодъ времени не позволитъ разсмотрѣть хотя отчасти Заволжскихъ степей, то съ воз-

вращеніемъ въ Харьковъ весь путь будетъ равняться 4000 верстъ, т. е. въ среднемъ по 22 в. въ день, чего нельзя не признать при такихъ условіяхъ скорой поѣздкой. Въ надежнѣйшихъ мѣстахъ нужно будетъ останавливаться на неопредѣленное время и, смотря по условіямъ мѣстности, дѣлать въ разныя стороны экспедиціи, либо пѣшкомъ, либо верхомъ.

Считаю необходимымъ взять съ собою двухъ студентовъ для занятій по зоологіи и минералогіи, а профессоръ ботаники присоединитъ къ нимъ опытнаго ботаника, который бы мнѣ могъ оказывать содѣйствіе по этой части, такъ какъ я по ботаникѣ вслѣдствіе краткости времени долженъ ограничиться однимъ надзоромъ. Студенты должны быть надежнаго здоровья и привычные къ перенесенію всѣхъ дорожныхъ неудобствъ: имъ не слѣдуетъ давать никакого жалованья, а отпустить только средства на путевые расходы и позволить держать экзаменъ по возвращеніи моемъ изъ путешествія, дабы они не потеряли года. Кромѣ того считаю необходимымъ имѣть въ своемъ распоряженіи салдата трезваго поведенія и надежнаго здоровья. Въ путь расчитываю отправиться 1-го апрѣля, а вернуться въ послѣднихъ числахъ октября. Въ виду того что число предметовъ въ моей коллекціи будетъ постоянно увеличиваться, пусть Училищный Комитетъ сдѣлаетъ распоряженіе, чтобы всѣ гимназіи и училища, какія встрѣтятся на пути принимали отъ меня вещи для отсылки ихъ подъ казенною печатью въ Харьковскій университетъ. Желательно было бы также, чтобы совѣтъ университета не только снабдилъ насъ необходимыми бумагами, но и снесся непосредственно съ Грузинскимъ и Астраханскимъ начальствомъ объ оказаніи намъ необходимаго содѣйствія. Совѣтъ можетъ также потребовать представленія ему ежемѣсячныхъ рапортовъ о путешествіи. Существуетъ запрещеніе охотиться на животныхъ, исключая хищныхъ, въ апрѣлѣ, маѣ и іюнѣ мѣсяцахъ—но исполненіе этого требованія принесло бы большой вредъ экспедиціи, потому что пришлось бы упустить время для охоты въ тѣхъ мѣстахъ, черезъ которыя пришлось бы въ эти мѣсяцы проѣзжать. Необходимо также будетъ выписать нѣкоторыя книги и карты тамошнихъ областей. Средства, потребныя для экспедиціи, таковы: прогоны на 6 лошадей на 4000 верстъ и на покупку двухъ кибитокъ—1500 р., на путевые расходы—1300 р., на собираніе коллекцій и непредвидѣнные случаи—1700 р., всего 4500 р. [1]). Проф. Черняевъ предложилъ отправить съ Криницкимъ для ботаническихъ экскурсій не студента, а помощника университетскаго садовника тит. сов.

---

[1]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло попеч. № 1415/80.

Климова, что было одобрено и совѣтомъ. Путешествіе Криницкаго должно было быть совершено въ 1830 году, но было ли оно исполнено въ это время, мы не знаемъ.

Такимъ образомъ, ученыхъ командировокъ профессоровъ въ изучаемый нами періодъ времени, можно сказать, не существовало и это свидѣтельствуетъ, конечно, о сравнительно слабомъ внутреннемъ интересѣ университетскихъ преподавателей къ наукѣ.

Обращаемся къ характеристикѣ *научной* дѣятельности профессоровъ Харьковскаго университета и разсмотримъ ее въ порядкѣ факультетовъ.

На словесномъ (нынѣшнемъ историко-филологическомъ) факультетѣ изъ профессоровъ перваго десятилѣтія остались—Успенскій, И. Е. Срезневскій, Дегуровъ и Паки де Совиньи.

Профессоръ русской исторіи *Г. П. Успенскій* продолжалъ работать надъ русскими древностями; первое изданіе его „Опыта повѣствованія о русскихъ древностяхъ", вышедшее въ 1811—1812 г., не было закончено: въ немъ не оказалось обѣщаннаго авторомъ 2-го отдѣленія 2-й части. Въ 1818 году появилось новое, второе изданіе этой замѣчательной книги „исправленное и умноженное" [1]). Въ предисловіи по 2-му изданію авторъ говоритъ: „по изданіи въ 1811 году первой части сей книги, вслѣдъ затѣмъ въ 1812 году напечатано было и 1-е отд. 2-й части. А какъ сія часть, по ея обширности тогда-же раздѣлена была на 2 отдѣленія, то послѣднее по разнымъ непредвидѣнно встрѣтившимся обстоятельствамъ, не было напечатано и доселѣ. Между тѣмъ когда обѣ первыя книги были раскуплены и требованія на это сочиненіе умножились, то я, первое изданіе во многихъ мѣстахъ оправивъ, въ другихъ значительно пополнивъ, а въ нѣкоторыхъ совсѣмъ передѣлавши, рѣшился напечатать ихъ вновь, съ присовокупленіемъ какъ последняго отдѣленія 2-й части, такъ и извѣстія о бывшихъ прежде въ Малороссіи присутственныхъ мѣстахъ и чинахъ, съ подробною азбучнымъ порядкомъ расположенною всѣмъ содержащимся достопамятнымъ вещамъ росписью. По времени, если позволятъ мнѣ обстоятельства, не премину стараться и его усовершенствованіи, а теперь скажу только: „si quid novisti rectius istis, candidus imperti; si non, his utere mecum".

Прибавленій во 2-мъ изданіи сравнительно съ 1-мъ—достаточно. 2-е отдѣленіе 2-й части состоитъ изъ 7 главъ—о языческомъ и хри-

---

[1]) Вотъ ея подлинное заглавіе—„Опытъ повѣствованія о древностяхъ русскихъ Гавр. Успенскаго. Изд. 2-е, исправленное и умноженное. Х, въ унив. тип., 1818 г., XII, 815 стр.

стіанскомъ богослуженіи и духовенствѣ, о древности законовъ россійскихъ и ихъ достоинствѣ, о судопроизводствѣ, пеняхъ и наказаніяхъ, о воспитаніи, ученіи, наукахъ, книгахъ и врачебной части, земской и городской полиціи и межеваніи, о торговлѣ, дорогахъ, мостахъ и водяныхъ сообщеніяхъ, о счисленіи и раздѣленіи времени, монетахъ, вѣсахъ и мѣрахъ. Въ основу изложенія положены частію первоисточники, частію пособія. Изъ послѣднихъ отмѣтимъ труды Татищева (исторія и лексиконъ) Болтина (примѣчанія на исторію Леклерка), Ломоносова, Щербатова, Стриттера, Амвросія, Кайсарова, Байера, Миллера, Шлецера, Круга, Чулкова.

Изъ первоисточниковъ авторъ пользуется—Герберштейномъ, Флетчеромъ, Бухау, Олеаріемъ, Корбомъ, Бруиномъ, лѣтописями, русской правдой и судебникомъ, уложеніемъ, уставными грамотами и новоуказными статьями, собраніемъ государственныхъ грамотъ и договоровъ, древнею россійскою вивліоѳикой, Голиковымъ и др.

Въ основу его статьи „о бывшихъ прежде въ Малороссіи присутственныхъ мѣстахъ и чинахъ“ положены—неизданное тогда еще топографическое описаніе Черниговскаго намѣстничества Шафонскаго, хранившееся въ рукописи въ библіотекѣ Харьковскаго университета, и рукописныя замѣтки директора училищъ Черниговской губ. М. Е. Маркова, доставленныя въ ту же библіотеку. Здѣсь мы находимъ первый по времени печатный словарь малороссійскихъ учрежденій и чиновъ. Г. П. Успенскій интересовался русскою стариною въ широкомъ смыслѣ этого слова: у него была своя нумизматическая коллекція; онъ изучалъ и мѣстную этнографію и воспользовался результатами своихъ наблюденій на 415-й страницѣ своего труда. Въ 1-мъ томѣ настоящаго труда (стр. 644—646) мы дали уже оцѣнку труда Успенскаго: теперь же только прибавимъ, что авторъ въ высшей степени усердно работалъ надъ дополненіемъ и исправленіемъ своего сочиненія; эта ученая работа была главнымъ его занятіемъ, почти всецѣло наполняла его домашнюю жизнь, какъ это мы видѣли уже изъ записокъ его сына, хотя состояніе духа и условія внутренней, семейной жизни и не благопріятствовали его ученымъ кабинетнымъ занятіямъ. Одинъ отрывокъ изъ своей работы Успенскій обработалъ еще до выхода въ свѣтъ книги въ видѣ актовой рѣчи (въ 1814 году), другой—помѣстилъ въ „Трудахъ Общества наукъ“ [1]). Такимъ образомъ, Г. П. Успенскій яв-

[1]) „О языческомъ предковъ нашихъ богослуженіи и сходствѣ его съ богослуженіемъ египтянъ, грековъ и другихъ древнихъ народовъ“ (Труды Общества наукъ. I, X, 1817, ч. 2-я, стр. 40—64); его-же, „О судопроизводствѣ, пеняхъ и наказаніяхъ у древнихъ россіянъ“ (Ibidem, стр. 65—101).

ляется однимъ изъ наиболѣе выдающихся ученыхъ на словесномъ факультетѣ, въ періодъ времени съ 1815 до своей смерти, послѣдовавшей въ 1820 году.

Профессоръ всеобщей исторіи *А. А. Дегуровъ* напечаталъ книгу: „De la civilisation des tatars nogäis dans le midi de la Russie européenne", Ch., 1816, 122 p. (въ унив. типогр.), явившуюся косвеннымъ результатомъ его путешествія на югъ для обозрѣнія училищъ. Книжка эта посвящена, собственно говоря, наблюденіямъ надъ внутреннимъ бытомъ ногайцевъ; заинтересовавшись бытомъ ногайцевъ, авторъ составилъ краткій очеркъ ихъ цивилизаціи, т. е. гражданскаго состоянія въ связи съ мѣропріятіями по отношенію къ нимъ русскаго правительства. Въ концѣ книги онъ посвящаетъ нѣсколько страницъ сосѣдямъ ногайцевъ-молоканамъ, духоборцамъ, помѣщичьимъ крестьянамъ, малороссіянамъ. О послѣднихъ онъ говоритъ, что деревни, основанныя ими возлѣ рѣки Молочной, находились въ жалкомъ положеніи; главная-же причина ихъ бѣдственнаго состоянія состояла въ томъ, что они прибыли на новыя мѣста почти безъ всякихъ средствъ, получили мало земли, а между тѣмъ имъ нужно было всѣмъ обзаводиться и въ то же время уплачивать значительные налоги. „Это наблюденіе привело Дегурова къ одному чрезвычайно важному и характерному выводу: онъ высказываетъ желаніе, чтобы русскія колоніи въ Новороссійскомъ краѣ пользовались такимъ-же покровительствомъ, какъ и иностранныя. Русскіе колонисты, говоритъ онъ, правда не приходятъ, подобно иностранцамъ, искать новаго отечества и подвергаться иноземнымъ узаконеніямъ, но пересаженные съ сѣвера на югъ или изъ одной провинціи въ другую (потому что имъ нельзя было уже оставаться на прежнихъ мѣстахъ) они, конечно, имѣли надобность въ экстраординарной помощи. Я знаю, что они пользовались въ теченіе двухъ или трехъ лѣтъ извѣстными льготами. Но почему-бы ихъ не снабдить въ видѣ аванса земледѣльческими орудіями, скотомъ и деньгами на постройку избъ? Они-бы все это навѣрное выплатили съ неменьшею аккуратностью, чѣмъ итальянцы, нѣмцы и евреи. Почему-бы ихъ не поставить подъ власть бюро иностранныхъ колонистовъ? Освобожденіе ихъ на 5 лѣтъ отъ власти капитанъ исправниковъ и отъ извѣстныхъ налоговъ (ихъ было-бы долго перечислять) было-бы для нихъ большимъ благодѣяніемъ. Въ это время поселенцы могли-бы поправить свои дѣла, затѣмъ уплачивать правительству умѣренные налоги и погашать понемногу ту маленькую ссуду, которую имъ выдали-бы. Я не хочу сказать, чтобы управленіе колоній (иностранныхъ) было совершенное.... но я убѣжденъ, что наши русскія колоніи чувствовали-бы себя очень хорошо, если-бы онѣ были

поставлены въ зависимость отъ бюро иностранныхъ колоній. Въ другихъ мѣстахъ исключительные законы создаютъ злоупотребленіе, а въ Россіи они по большей части являются гарантіей противъ нихъ [1]). На сколько этотъ взглядъ былъ искрененъ, судить не беремся—А. А. Дегуровъ не принадлежалъ къ числу прямодушныхъ людей [2])—но онъ во всякомъ случаѣ дѣлаетъ честь его уму. По своей спеціальности А. А. Дегуровъ не написалъ въ это время ничего, да и вообще онъ не былъ глубокимъ ученымъ; при томъ онъ скоро перевелся въ Петербургскій университетъ.

Преподаватель французскаго языка *Н. Н. Паки де Совиньи* издалъ цѣлый рядъ пособій по своему предмету, изъ коихъ мы имѣли въ рукахъ слѣдующія 1) Всеобщую и философическую грамматику языковъ. ч. 1—3 (на франц. и рус. яз.). Х. 1823—1824; 2) Курсъ словесности (на франц. яз.), т. 1-й. Х. 1824 г. 63 стр.; 3) 3-ю таблицу грамматики или методы французской. Х. 1823, т. 2-й, 364 стр.; 4) Грамматическое словосочиненіе. Х. 1824, 195 стр. Вѣроятно, третьяго сочиненія былъ и 1-й томъ, но мы его не могли разыскать. По нашей просьбѣ уважаемый товарищъ и спеціалистъ С. В. Соловьевъ ознакомился съ тремя руководствами Паки де Совиньи и далъ о нихъ слѣдующій отзывъ. „*N. Paqui de Sauvigny*, Grammaire générale philosophique et littéraire des langues ou la clef des langues et des lettres: ouvrage classique et didactique. Charkow, 1823. Посвящена Императрицѣ Маріи. На русскій яз. переведена студентами Бѣлецкимъ, Ерофѣевымъ, Долгимъ, Звѣгинцевымъ. Научнаго значенія не имѣетъ. Составлена по образцу „философскихъ и общихъ" грамматикъ конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія. Грамматика опредѣляется „какъ искусство мыслить, умствовать"; основывается „на здравой логикѣ, имѣетъ своимъ предметомъ *рѣчь* или искусство изъявлять посредствомъ общепринятыхъ знаковъ (живымъ голосомъ или письменно) мысли, родящіяся въ нашемъ умѣ". Авторъ ссылается на грамматики: Lancelot, Reymer, Girard, Vailly Bauzer, Dumarsais, Levisac, Condillac. Грамматика преслѣдуетъ цѣль: „служить руководствомъ ученикамъ при изслѣдованіи языковъ вообще". Цѣли авторъ не достигаетъ: о „языкахъ вообще" онъ даетъ слишкомъ поверхностное понятіе. Любопытны мысли автора о происхожденіи языка. „Вотъ что почитаю я вѣроятнѣйшимъ касательно образованія языковъ, предметъ, о которомъ впрочемъ трудно произнести рѣшительное мнѣ-

---

[1]) См. мою „Колонизацію Новорос. края". К. 1889, стр. 69—70.

[2]) Презирая русскихъ, ненавидя нѣмцевъ, онъ умѣлъ мастерски притворяться передъ тѣми и другими, говоритъ о немъ Роммель.

ніе, то, что *всѣ языки*, кажется мнѣ, *съ самаго начала міра заимствовали одни отъ другихъ множество словъ* или выраженій, которымъ народы дали новыя формы, новыя окончанія, различныя отъ прежнихъ, бывшихъ ихъ началомъ, новыя слова, примѣненныя къ новымъ ихъ открытіямъ и т. обр. произошло сочиненіе совершенно новое, которое составило смѣсь частей столь разнородныхъ и столь различныхъ между собою, что древніе народы, вставши теперь изъ гробовъ своихъ, съ трудомъ могли бъ узнать въ сихъ новыхъ нарѣчіяхъ, распространенныхъ по всему земному шару то, что имъ собственно принадлежитъ". Указавъ на „существенныя качества критика, грамматика или практика—философа, который употребляетъ анализъ риторическій, критическій, дидактическій или грамматическій", авторъ переходитъ къ *синтаксису*. Излагаетъ его конспективно и своеобразно. Едва-ли слушатели и ученики Паки де Совиньи познакомились по этому руководству съ французскимъ синтаксисомъ. Авторъ могъ научить ихъ только громкимъ фразамъ, тропамъ и фигурамъ; изъ сравнительной философской грамматики всѣхъ языковъ ученики узнали только что „фраза русская имѣетъ энергію и силу; французская—ясность; греческая—гармонію; латинская—важность"...

2) *Cours littéraire*, formant le pendant ou la suite de la Grammaire générale et philosophique. Харьковъ, 1824 г. Посвященъ Императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ. Въ предисловіи авторъ говоритъ о „вкусѣ вообще, въ рѣчи и въ произведеніяхъ Генія", ссылаясь на академическую рѣчь, произнесенную имъ въ литературн. собраніи университета въ январѣ 1823 г. по случаю полученія бывшимъ попечителемъ диплома на званіе почетнаго члена Х. унив. Эта рѣчь, по словамъ автора „ne déplut point aux amateurs de la littérature française"; затѣмъ на рѣчь, произнесенную 30 августа 1817 г., изданную въ количествѣ 300 экземпл. (De forma—pulchri et boni in variis ingenii productionibus). Въ курсѣ литературы авторъ долго останавливается на опредѣленіи „хорошаго вкуса и хорошаго тона" „истинными образцами хорошаго тона и вкуса" авторъ считаетъ писателей блестящаго в. Людовика XIV (упомянутъ конечно, и Буало) и многихъ французскихъ дамъ; но онъ не желаетъ обидѣть и русскихъ дамъ: „въ Харьковской губ. онъ могъ отмѣтить и оцѣнить многихъ дамъ, неуступающихъ француженкамъ, хорошо воспитанныхъ и образованныхъ".

Затѣмъ П. де С. вводитъ своихъ учениковъ въ „храмъ вкуса", куда помѣщаетъ Перикла, Ликурга, Филиппа, Александра, Цицерона и др.; Гарунъ аль Рашида; Медичи; Льва X; Людовика XIV, Петра В.; Франциска I, Людовика XVIII, Карла X, Фридриха В., Марію Терезію,

Іосифа II; Елизавету Англійскую, Екатерину II, Александра I, наконецъ, всѣхъ „нашихъ славнѣйшихъ попечителей, между ними славнѣйшаго и достойнаго, который впродолженіи многихъ лѣтъ руководилъ нами въ нашихъ академическихъ трудахъ, подавая намъ примѣры *хорошаго вкуса*. Всякій понимаетъ, что здѣсь хочу я отъ своего имени и отъ имени моихъ уважаемыхъ коллегъ воздать должное его пр—у, нашему бывшему попечителю (Захару Яковлевичу Карнѣеву). Наконецъ принимая во вниманіе академ. труды нашихъ уважаемыхъ коллегъ. гг. профессоровъ университета и др. академій, сердцу которыхъ ничего не было пріятнѣе, какъ внушить юношеству *хорошій вкусъ*, вкусъ къ наукамъ и искусствамъ, какъ своими *свѣтлыми* (lumineux) произведеніями, такъ и своими учеными и полезными лекціями, полагаю, что я только предупреждаю ваши желанія, удѣляя имъ всѣмъ почетное мѣсто въ *храмѣ вкуса*".

Далѣе авторъ конспективно излагаетъ исторію французскаго языка и литературы отъ среднихъ вв. до Карла X. (на 20 страницахъ). Въ большинствѣ случаевъ онъ ограничивается однимъ перечнемъ именъ безъ указанія даже на выдающіяся произведенія „знаменитѣйшихъ писателей".

Въ заключительной главѣ говоритъ о стиляхъ, ораторахъ (ораторъ долженъ нравиться *своими нравами*—par les moeurs), *о нравахъ* въ поэзіи, декламаціи; драмѣ, лирикѣ и эпосѣ и т. д.

3) Cours grammatique, théorètique et pratique la Syntaxe française ou construction grammaticale omée d'exemples et de thèmes pour réunir la théorie à pratique à l'usage de la jeunesse Russe. Харьковъ 1824 г. 3-й томъ.

1-я часть книги: умозрительная таблица, синтаксическая таблица или таблица грамматическаго словосочиненія. 2-я: объ анализахъ—грамматическомъ логическомъ, поэтическомъ, эстетическомъ. О *синтаксисѣ* книга не даетъ никакого представленія. „Примѣчено, говоритъ авторъ, что воспитанники и студенты дворянства обыкновенно болѣе показываютъ вкуса къ языку и словесности французской, почитая языкъ сей послѣ своего природнаго, какъ за полезнѣйшій, лучше обработанный и вообще болѣе распространенный въ Европѣ. Этотъ языкъ, (говорятъ сіи любители словесныхъ произведеній сего языка) есть языкъ дипломатическій, на немъ говорятъ при дворѣ, на немъ изъясняются принцы, государи, дворянство всѣхъ образованныхъ странъ; всѣ славныя библіотеки наполнены отличными книгами, писанными на семъ языкѣ"... Указавъ на студентовъ переводчиковъ, авторъ упоминаетъ и „о всѣхъ прочихъ, отличавшихся на его лекціяхъ литературы фран-

цузской и латинской; „они очень заслуживают также, чтобы я оказал должную имъ справедливость, сдѣлавъ извѣстнымъ ихъ вкусъ и дарованія. Это суть гг.: Протопоповъ, Иноземцевъ, Шевичъ, Кореунъ, Дружкевичъ, Нечаевъ, Петровъ, Цихъ, Сокальскій, Степановъ, Сокинскій, Лещинскій, Денисьевъ, Акимовъ, И. Звѣгинцевъ, Селетскій, Васильковскій, и многіе другіе студенты, приносящіе себѣ честь и по другимъ частямъ, какъ по математикѣ, медицинѣ, юриспруденціи, исторіи, ботаникѣ, философіи, химіи и пр.".

Паки де Совиньи, конечно, не былъ ученымъ и его руководства представляютъ изъ себя компиляціи, не стоившія ему большаго труда; хотя по справедливости ему нельзя отказать въ усердіи. На актѣ 30 авг. 1817 года Паки де Совиньи произнесъ рѣчь „De principio Pulchri in genere aut de forma Pulchri et Boni in omnibus ingenii productionibus". (Рѣчи, произнесенныя 30 авг. 1817 г. Х., 1818, стр. 1—15). Это—разсужденіе на одну изъ любимѣйшихъ темъ автора; мысли позаимствованы главнымъ образомъ изъ Буало.

Гордостью и украшеніемъ словеснаго факультета изъ новыхъ профессоровъ былъ прославившійся своими научными работами *И. Я. Кронебергъ*. Ему принадлежатъ слѣдующіе печатные труды въ отдѣльныхъ изданіяхъ. 1) Латинская грамматика. Х., 1820. 326 стр., 2-е изд. Харьк. унив. 1825 г. 2) Латино россійскій лексиконъ съ полнымъ объясненіемъ всѣхъ свойствъ и значеній каждаго латинскаго слова и съ показаніемъ собственныхъ именъ до древней географіи и миѳологіи относящихся. 2 части. М. 1819—1820 и 1824 г. 3) Compendium antiquitatum romanarum; 4) Horatii Epistola ad Augustum, edidit pr. Kroneberg 1823 г.; 5) Taciti Annalium liber I, ed. prof. Kroneberg, 1823 г.—этихъ трехъ книгъ мы не видѣли: на нихъ дѣлаетъ указаніе только К. Фойгтъ; 6) Амалтея или собраніе сочиненій и переводовъ, относящихся къ изящнымъ искусствамъ и древней классической словесности. Часть 1-я. Х. 1825, 246 стр.; часть 2-я. 1826, 142, 125 стр.; 7) Брошюрки, издаваемыя Ив. Кронебергомъ, №№ I—X, Х., 1830—1833 г., 36, 48, 56, 85, 67, 82, 98, 188, 145, 42 стр.; 8) Cr. Sallustius, edidit prof. Kroneberg (указаніе только у Фойгта); 9) Ciceronis oratio pro lege Manilia edidit Kroneberg; 10) Минерва. Часть 1—4, 1835 г.; 288, 291, 364, 108.

Латинская грамматика Кронеберга заключала этимологію и синтаксисъ и представляла изъ себя учебную книгу.

Амалтея или собраніе сочиненій и переводовъ, относящихся къ изящнымъ искусствамъ и древней классической словесности, трудами Ивана Кронеберга. Часть первая. Х, въ ун. тип., 1825 г., 246 стр.; Часть 2-я. Х., 1826 г., 142, 125.

Въ предисловіи издатель говоритъ: „въ сей первой части Амалтеи не все мое, но и не все чужое; иное принадлежитъ мнѣ, иное—и мнѣ, и другимъ. Тоже самое долженъ я сказать и о послѣдующихъ частяхъ. Хотя на заглавномъ листѣ и упоминается объ одной только древней классической словесности, но я буду иногда дѣлать отступленія, входя въ литературную область новѣйшихъ народовъ".

Въ составъ сборника вошли слѣдующія статьи: 1) Завоеванія римлянъ, 2) Обозрѣніе земель, принадлежавшихъ Римской державѣ, 3) Афоризмы, 4) О изобиліи произведеній пластическаго искусства у грековъ и о причинахъ онаго, 5) Иліада, 6) Clavicula latina.

Первыя двѣ статьи—строго фактическаго содержанія. Третья заключаетъ въ себѣ мысли и изреченія о литературѣ и искусствѣ. Приведемъ нѣсколько образцовъ: „кто иностранныхъ языковъ не знаетъ, тотъ не знаетъ и своего природнаго", „поэзія есть живая сила, созидающая высшій міръ, нежели въ которомъ мы живемъ, проницающая матерію духомъ и облекающая духъ въ матерію", „лирическая поэзія есть исповѣдь сердца, такъ называемая дидактическая поэзія принадлежитъ къ поэзіи только по формѣ, критическій разборъ піитическаго произведенія самъ долженъ быть піитическій, потому что поэзію въ прозѣ созерцать нельзя, что къ удовлетворенію какой либо нужды служитъ, то не принадлежитъ къ области изящнаго искусства; „въ новѣйшемъ Cours de litterature ancienne et moderne авторъ, порицая Аріоста, Мильтона, Тасса, Виргилія, даже божественнаго Гомера, говоритъ: Voltaire est de tous les poètes epiques celui qui a le mieux imité la nature. Жаль, что не прибавилъ, гдѣ—въ Генріадѣ или Пюселлѣ"? Рѣчь идетъ здѣсь о курсѣ профессора Харьковскаго университета Паки де Совиньи.

Четвертая статья представляетъ переводъ нѣмецкаго труда Якобса (Ueber den Reichthum der griechen an plastischen Kunstwerken und die ursachen desselben), пятая—переводъ сочиненія Гете (Ueber Kunst und Alterthum) а шестая—собраніе въ алфавитномъ порядкѣ извлеченій изъ комментаріевъ на латинскія слова и выраженія; здѣсь слова и выраженія объясняются на латинскомъ же языкѣ; это своего рода пояснительный словарь реченій. Вотъ примѣръ: vivere simpliciter est animo esse non maligno, subdolo, ficto, suspicaci, tecto, sed candide aperte et bona fide cum aliis agere".

Во 2-й части содержатся слѣдующія статьи: 1) Взглядъ на древнюю Грецію, 2) Древняя Греція, 3) Иліада (продолженіе), 4) Clavicula latina. Первыя двѣ статьи заключаютъ географическій обзоръ древней Греціи (вторая гораздо подробнѣе первой). Третья представляетъ продолженіе

начатой въ 1-й части. Четвертая—новый объяснительный словарь латинскихъ словъ на латинскомъ языкѣ.

Брошюрки, издаваемыя Иваномъ Кронебергомъ. № I. X., въ унив. тип., 1830 г., 36 стр. Содержитъ въ себѣ одну статью—историческій взглядъ на эстетику; здѣсь характеристика эстетическихъ теорій Франціи и Германіи.

Брошюрки. . . № II, X., въ унив. тип., 1830 г., 48 стр. Здѣсь помѣщены „Отрывки", заключающіе въ себѣ изложеніе и разборъ Фауста Гете, Торквато Тассо, Леноры Бюргера, историческихъ піесъ Шекспира, его піесы „Сонъ въ лѣтнюю ночъ".

Брошюрки. . . № III, X., въ унив. тип., 1830 г., 56 стр. Содержитъ въ себѣ двѣ статьи—Заливъ Неаполитанскій и Сирія; первая—путевыя впечатлѣнія и историческія воспоминанія, вторая—историко-географическій очеркъ.

Брошюрки. . . № IV, X., въ унив. тип., 1831 г., 83 стр. Здѣсь обширное изслѣдованіе о Макбетѣ Шекспира (не оконченное).

Брошюрки. . . № V, X., въ унив. тип., 1831 г., 67 стр. Этотъ номеръ содержитъ статью „О переселеніи твореній искусства изъ завоеванныхъ земель въ Римъ", основанную на первоисточникахъ.

Брошюрки. . . № VI, X., въ унив. тип. 1831 г., 82 стр. Помѣщена статья—„Матеріалы для исторіи эстетики", содержащая изложеніе теорій Баумгартена, Баттё, Винкельмана, Мендельсона, Сульцера, Канта, Гейденрейха, Шиллера, Шеллинга и Жанъ-Поля.

Брошюрки. . . № VII, X., въ унив. тип., 1831 г., 98 стр. Здѣсь напечатаны „Отрывки", содержащіе афоризмы историко-литературнаго, критическаго и эстетическаго характера и за ними статью „Рыцарская поэзія германцевъ".

Брошюрки. . . № VIII, X., въ унив. тип., 1832 г., 188 стр. Содержитъ въ себѣ статью—„Маргиналіи и выписки"—выдержки съ критическими замѣчаніями изъ печатныхъ трудовъ Houghton'a, Hoffmann'a, Langles, Cousin'a, Ficker'a, Boettiger'a, Heeren'a.

Брошюрки. . . № IX, X., въ унив. тип., 1832 г., 145 стр. Заключаетъ въ себѣ статьи—1) Шесть одъ Горація—обстоятельный разборъ ихъ въ оригиналѣ, 2) Die Leiden des jungen Werthers, 3) Пѣвецъ (разборъ переводовъ его на русскій языкъ, сдѣланныхъ Араповымъ и Шкляревскимъ), 4) Альбрехта Дюрера. Apocalypsis cum figuris. На 14 листахъ (описаніе этого изданія).

Брошюрки. . . № X, X., въ унив. тип., 1833 г., 42 стр. Здѣсь одна статья—„Ноланская философія"—извлеченіе изъ сочиненія Іордана Бруно „Della causa, principio et uno".

Минерва. Ивана Кронеберга. Часть первая. X., въ унив. тип., 1835 г., 283 стр.

Въ составъ этого сборника вошли слѣдующія статьи издателя: 1) О изобиліи произведеній пластическаго искусства у грековъ и о причинахъ онаго; 2) О переселеніи твореній искусства изъ завоеванныхъ земель въ Римъ; 3) Историческій взглядъ на эстетику; 4) Матеріалы для исторіи эстетики; 5) Отрывки. Первая статья представляетъ переводъ или компиляцію указаннаго выше нѣмецкаго сочиненія Фридриха Якобса, изданнаго въ 1810 г. въ Мюнхенѣ, основаннаго на богатой литературѣ первоисточниковъ. Вторая статья повидимому оригинальная, также основана главнымъ образомъ на первоисточникахъ. Обѣ работы отличаются серьезнымъ научнымъ характеромъ—и въ тоже время несомнѣнно представляли большой интересъ и для широкой публики, какъ по самой темѣ, такъ и по ея обработкѣ. Еще болѣе общій интересъ должны были имѣть 3-я и 4-я статьи, посвященныя историческому развитію эстетики; это теоріи эстетики въ ея развитіи и выдающихся представителяхъ. Въ 3-й статьѣ говорится сначала о древнихъ и Шекспирѣ, потомъ о французской и нѣмецкой школахъ, въ 4-й—дается изложеніе и оцѣнка эстетическихъ теорій Баумгартена, Батте, Винкельмана, Мендельсона, Сульцера, Канта, Гейденрейха, Шиллера, Шеллинга и Жанъ-Поля. Изложеніе изобличаетъ знатока и мастера своего дѣла. Наконецъ пятая статья—Отрывки—заключаетъ въ себѣ афоризмы Кронеберга по вопросамъ эстетики литературной критики, философіи и жизни. Приведемъ нѣсколько образцовъ. „Всякая книга должна быть всемірнымъ гражданиномъ; иная же кромѣ того переулка, въ которомъ родилась, ничего не знаетъ“. „Иной человѣкъ походитъ на книгу, иная книга—на человѣка. Истинное чтеніе книги есть борьба. Иного человѣка не прежде полюбишь, какъ крѣпко съ нимъ поссорившись; тоже дѣлается и съ книгою“. „Лѣта юности! Вотъ наша Италія и наша Греція, наполненная богами, храмами, радостью и весельемъ—но увы! Часто, часто опустошаемые Готфами и Вандалами“. „Страсти суть піитическія вольности, которыя позволяетъ себѣ нравственная свобода“. „Нельзя быть довольно осторожнымъ въ рѣчахъ. Случается, что иногда упиваешься собственными словами и тогда говоришь, чего не бывало. И какъ отъ лишней рюмки болитъ голова, такъ отъ лишняго слова болитъ совѣсть“. „Три періода умственной жизни человѣка. Въ первомъ человѣкъ живетъ внѣ міра; во второмъ—въ мірѣ; въ третьемъ міръ живетъ въ немъ“. „Воспитатель уподобляется сѣятелю. Все зависитъ отъ того, что и когда и какъ онъ сѣетъ. Посѣвая въ мнимомъ познаніи добра и зла, онъ нерѣдко со слѣпою самоувѣренностью меч-

таетъ, что изъ нѣдръ ствола разовьется въ свое время благороднѣйшій плодъ; время уходитъ, время приходитъ, и непримѣтно созрѣлъ... ничтожный волчецъ". „Критика занимаетъ средину между исторіей и теоріей искусствъ. Но критика не есть искусство находить недостатки какого нибудь сочиненія. Критика не останавливается на буквѣ, но въ буквѣ созерцаетъ изящное. Критикъ долженъ имѣть духъ универсальный". „Критическій разборъ поэтическаго творенія самъ долженъ быть поэтическій, потому, что поэзію въ прозѣ содержать нельзя". „Гомеръ и Шекспиръ два радіуса, которые, сколько ни расходятся, описываютъ одну периферію и соединяются въ одномъ центрѣ. Это—близнецы матери природы, которые, въ разномъ направленіи, исполинскими шагами измѣрили свѣтъ и опять на той же точкѣ соединились, на которой разстались". „Шекспировы творенія только тогда совершенно понять можемъ, когда проникнемъ взаимную между ними связь. Нѣсколько небесныхъ свѣтилъ составляютъ солнечную систему". „Эстетика, основанная на вкусѣ, тоже что покрой платья, основанный на модѣ; вкусъ перемѣнился—и эстетика не годится". „Эстетика не имѣетъ цѣлью руководствовать генія; но понимать его въ его дѣйствіяхъ и твореніяхъ, развивать и направлять чувство искусства". „Эстетика есть философія искусства. Но есть много философій искусства, въ коихъ нѣтъ ни философіи, ни искусства".

Минерва Ивана Кронеберга. Часть вторая. Х., въ унив. тип., 1835 г., 291 стр.

Сюда вошли слѣдующія отдѣльныя статьи: 1) Рыцарская поэзія германцевъ, 2) Гёте, 3) Бюргеръ, 4) А. Дюреръ, 5) Шекспиръ и 6) Горацій.

1-я статья представляетъ прекрасный для своего времени очеркъ рыцарской поэзіи германцевъ; въ статьѣ о Гете Кронебергъ останавливается на содержаніи его трагедіи Фаустъ, драмы—Торквато Тассо, Эгмонта, Страданій Вертера и баллады „Пѣвецъ"; говоря о послѣдней, онъ дѣлаетъ сравнительный разборъ двухъ ея переводовъ, сдѣланныхъ Араповымъ и Шкляревскимъ. Вездѣ видѣнъ здѣсь тонкій знатокъ и цѣнитель художественныхъ произведеній, говорящій о нихъ не съ чужихъ словъ, а по своимъ собственнымъ впечатлѣніямъ. Вотъ вступленіе въ его очеркъ о страданіяхъ Вертера, рисующій его манеру работать. „Неужели читать только новѣйшее или древнѣйшее! Сказалъ я себѣ и подошелъ къ книжному шкафу съ тѣмъ, чтобы выбрать для чтенія какое нибудь сочиненіе прошедшаго столѣтія. Глаза мои, пробѣгая ряды книгъ, остановились на Вертеровыхъ страданіяхъ. Гмъ! Думалъ я, я былъ еще молодымъ, когда читалъ эту книгу въ первый разъ. Помнилъ только, что она содержитъ любовную исторію въ трагическомъ видѣ. Съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ. Какое впечатлѣніе она тогда на

меня сдѣлала, я ясно припомнить не могу, хотѣлъ было ее не трогать съ мѣста; но имя автора, котораго въ отечествѣ его одни обожаютъ, другіе бранятъ, и то обстоятельство, что такую брань у насъ переводятъ и помѣщаютъ въ журналахъ, не менѣе и любопытство испытать, какое впечатлѣніе эта книга сдѣлаетъ на меня *теперь*, заставила меня снять ее съ полки. Стряхнувши пыль, которою она была покрыта, и замкнувъ дверь своего кабинета, дабы мнѣ никто не помѣшалъ, я сѣлъ и принялся читать, солнце уже было на закатѣ, когда я кончилъ, и встревоженный, удивленный, оставивъ книгу на диванѣ, предался размышленіямъ"... Говоря о Бюргерѣ, авторъ останавливается на его Ленорѣ. Въ статьѣ объ А. Дюрерѣ, Кронебергъ описываетъ его Апокалипсисъ съ фигурами,—даетъ подробное описаніе каждаго изъ 14 листовъ этого изданія. Въ статьѣ о Шекспирѣ, Кронебергъ говоритъ объ его историческихъ пьесахъ, затѣмъ переходитъ къ пьесамъ „Сонъ въ лѣтнюю ночь" и „Зимняя сказка" и особенно подробно останавливается на „Макбетѣ". Въ статьѣ о Гораціѣ, Кронебергъ подвергаетъ тщательному всестороннему разбору шесть его одъ (конечно, въ ихъ оригиналѣ).

Минерва Ивана Кронеберга. Часть третья. Х., въ унив. тип., 1835 г., 364 стр.

Здѣсь мы находимъ слѣдующія статьи: 1) Иліада; 2) Маргиналіи и выписки; 3) Земли древней Азіи; 4) Взглядъ на древнюю Грецію; 5) Заливъ Неаполитанскій.

Въ первой статьѣ авторъ даетъ переводъ Гетевскаго изложенія содержанія Гомеровой Иліады; во второй—изложеніе нѣмецкаго сочиненія Фикера о классической древности; въ третьей—историко-географическій очеркъ Азіи; въ четвертой—такой же (переводной съ нѣмецкаго) очеркъ древней Греціи; въ пятой—путевыя впечатлѣнія и историческія воспоминанія о мѣстности, лежащей возлѣ Неаполитанскаго залива.

Минерва Ивана Кронеберга. Часть четвертая. Х., въ унив. тип., 1835 г., 108 стр.

Этотъ сборникъ содержитъ въ себѣ три статьи: 1) О латинскомъ языкѣ относительно латинской литературы: 2) Краткое обозрѣніе исторіи древнихъ рукописей съ 4-го по 15-е столѣтіе по Геерену и 3) Историческій взглядъ на литературу въ среднихъ вѣкахъ съ 400-го по 1500-й годъ по Вахлеру.

Кронебергъ, наконецъ, произнесъ еще актовую рѣчь на латинскомъ языкѣ въ 1819 г. о сатирикѣ Персіи „Oratio censuram ingenii et morum A. Persii Flacci continens". Она состоитъ изъ двухъ половинъ—въ первой говорится о состояніи римскаго общества въ эпоху Персія и о причинахъ вызвавшихъ паденіе нравовъ; во второй—о самомъ сатирикѣ,

его біографіи (по Светонію и отчасти по сочиненіямъ) и самихъ сатирахъ. Изъ рѣчи видно непосредственное знакомство не только съ сочиненіями Персія, но и другихъ римскихъ писателей.

Какъ видимъ изъ этого обзора содержанія трудовъ Кронеберга, ему приходилось не разъ возвращаться къ прежнимъ темамъ и перепечатывать свои работы въ новыхъ изданіяхъ. Это одно свидѣтельствуетъ уже о томъ, что они имѣли крупный и, прибавимъ, вполнѣ заслуженный успѣхъ въ публикѣ. Стоя на высотѣ современнаго ему научнаго движенія въ Европѣ вообще и Германіи въ частности, Кронебергъ былъ блестящимъ представителемъ науки классической филологіи въ Харьковскомъ университетѣ и при томъ не сухаго, мертваго, грамматическаго классицизма, а здороваго, образовательнаго, гуманитарнаго, интересовавшагося главнымъ образомъ исторіей литературы, искусства и древностей. Кронебергъ своими изданіями съигралъ въ Харьковскомъ университетѣ такую же роль, какую позже въ Московскомъ университетѣ—Леонтьевъ своими „Пропилеями". (Сборникъ статей по классической филологіи. М. 1855—1857).

Полную противоположность представлялъ профессоръ греческаго языка *Джунковскій*: у него, за исключеніемъ одной актовой рѣчи, не было ученыхъ трудовъ по его спеціальности. Но ему принадлежитъ крупная заслуга въ составленіи и изданіи каталога книгъ университетской библіотеки—Catalogus librorum Bibliothecae Caesareae universitatis literarum Charcoviensis, cura Bas. Džunkowsky. Ch. 1824, typis acad', IV, 511 p.

Въ началѣ каталога помѣщено предисловіе на латинскомъ языкѣ. Здѣсь составитель говоритъ, что уже давно чувствовалась потребность въ печатномъ каталогѣ университетской библіотеки, но были обстоятельства, препятствовавшія его составленію (возраставшее число книгъ, перемѣна библіотекарей и порядковъ). Затѣмъ онъ упоминаетъ о тѣхъ лицахъ, которыя сдѣлали пожертвованія книгами въ библіотеку. Благодаря пожертвованіямъ и покупкѣ, число книгъ возрасло до 16781 тома. Назвавъ знаменитѣйшихъ библіографовъ новыхъ вѣковъ (начиная съ XVI столѣтія), Джунковскій говоритъ, что онъ распредѣлилъ книги въ каталогѣ на 8 отдѣловъ—теологію, юриспруденцію, философію, медицину, математику, исторію, филологію и, наконецъ, рукописи, памятники типографскаго искусства и „curiosilates literarias". Послѣдній отдѣлъ, по его малочисленности, въ каталогъ еще не вошелъ. Прибавимъ къ этому, что каждый изъ предъидущихъ отдѣловъ дѣлится у Джунковскаго на рядъ подъотдѣловъ: напримѣръ, первый на: biblia, s. patres, concilia, liturgiae, theologia dogmatica, scholastica historia sakra et ecclesiastica. Русскія книги не выдѣлены изъ иностранныхъ—и тѣ, и другія

идутъ въ общемъ алфавитномъ порядкѣ. Въ концѣ каталога приложенъ азбучный указатель именъ. На актѣ 30 августа 1819 года Джунковскій произнесъ рѣчь *„объ изящныхъ художествахъ у грековъ и вліяніи ихъ въ (на ?) нравственность“*. (40 стр.). Въ началѣ авторъ останавливается на признакахъ художественныхъ памятниковъ съ эстетической точки зрѣнія (на красотѣ, истинѣ, ясности, выразительности, вкусѣ, цѣли художествъ), затѣмъ переходитъ къ художествамъ у древнихъ грековъ, останавливается на причинахъ, вызвавшихъ сильное развитіе искусствъ у этого народа, характеризуетъ разные стили (высокій, красивый, подражательный); останавливается на упадкѣ искусствъ и наконецъ обращается къ студентамъ съ такими наставленіями: „вы, по воспитанію вашему, предназначаетесь служить примѣромъ твердости въ вѣрѣ, любви къ отечеству, повиновенія власти; какимъ же образомъ вы можете достигнуть сей высокой цѣли, какъ не извлеченіемъ изъ преподаваемыхъ вамъ наукъ всего того, что можетъ направить умъ вашъ къ истинѣ и въ сердцахъ вашихъ посѣять благородныя чувства... Грекамъ недоставало небесной истины, которая бы ихъ кроткихъ Аристидовъ, добродѣтельныхъ Сократовъ, правдолюбивыхъ Фокіоновъ вознесла выше бреннаго человѣчества и начало ихъ добродѣтелей выводила изъ чистѣйшаго источника. Но вы озарены и сею небесною истиной Божественнаго ученія; вы увѣрены въ другой высочайшей цѣли бытія человѣческаго, нежели каковую предполагали языческіе философы; вы имѣете надежду еще большій свѣтъ увидѣть въ томъ божественномъ ученіи, которое благодѣтельное правительство положило открыть въ семъ священномъ храмѣ наукъ, котораго одного и, должно сказать самаго важнаго и необходимаго (намекъ на каѳедру богословія) недоставало въ полной связи наукъ и во всей ихъ общирности“. О вліяніи искусствъ у грековъ на нравственность говорится мало, а приведенное заключеніе имѣетъ чисто внѣшнюю связь съ главнымъ содержаніемъ рѣчи. Въ текстѣ имѣемъ не мало ссылокъ, въ томъ числѣ и на первоисточники.

Куницкій напечаталъ актовую рѣчь „De peculiaribus veterum et recentiorum scriptorum characteribus“. Указавъ на то, что одни отдаютъ безусловное предпочтеніе древнимъ, другіе—новымъ писателямъ, онъ выясняетъ основныя характерныя черты древнихъ писателей сравнительно съ новыми. Кромѣ того въ „Украинскомъ Вѣстникѣ“ онъ напечаталъ рядъ переводовъ съ греческаго и латинскаго языковъ—изъ Горація „къ Валгію“, Оду Эринны, Лесбійской стихотворицы, Мосхову Идиллію „Орфей и Эвридика“ (изъ Виргиліевыхъ Георгикъ).

Ив. Евс. Срезневскій съ 1815 до своей смерти (12 сентября 1819 года) напечаталъ цѣлый рядъ произведеній преимущественно лит-

тературнаго содержанія. Списокъ и оцѣнка ихъ сдѣлана внукомъ его Всев. Изм. Срезневскимъ въ особой статьѣ, помѣщенной въ Журн. Мин. Нар Просвѣщенія [1]. Здѣсь между прочимъ приведены и неизданныя его сочиненія. Вотъ печатныя его произведенія, относящіяся къ изучаемой нами эпохѣ: 1) Слово о благодѣяніяхъ промысла Божія (актовая рѣчь), 2) ораторія на случай того же торжества, 3) Переводъ трехъ одъ Горація (труды Казанскаго общества любителей отечественной словесности, кн. 1-я. Казань, 1815 г.); 4) Къ Меценату (изъ Горація); 5) Псаломъ 20-й; 6) Испорченный Соловей; 7) На худыхъ стихотворцевъ; 8) Каррикатура. Рыцарь; 9) Псаломъ 43-й; 10) Неудовольствіе Минервы на Вакуса и Венеру; 11) На стрижку дамъ; 12) На гробѣ К.; 12) Пѣсня. Первыя чувства любви; 13) Рѣчь о любви къ отечеству; 14) Въ честь побѣдоноснаго россійскаго воинства; 15) Ода на пріѣздъ Вел. Кн. Николая Павловича въ Харьковъ; 16) Псаломъ 3-й; 17) Къ Лицинію (изъ Горація); 18) Эротъ и пчелы (изъ Θеокрита); 19) Псаломъ 45-й; 20) Псаломъ 58-й; 21) Славянская миѳологія или о Богослуженіи русскомъ въ язычествѣ; 22) Бабочка; 23) Къ Римлянамъ; 24) Псаломъ 145-й; 45) Гораціева Ода XXXII. Всѣ эти статьи и стихотворенія были напечатаны въ Украинскомъ Вѣстникѣ за 1816—1819-й годы, и въ Харьковскомъ Демокритѣ за 1817-й годъ. Кромѣ того въ 1816 г. вышла отдѣльно „Стихотворческая забава" (таблица). „Слово о благодѣяніяхъ Промысла Божія племени Романова на Россію ниспосланныхъ", было сказано въ торжественномъ собраніи 25 дек. 1814 г. Это—ораторское произведеніе, посвященное восхваленію Имп. Александра I; въ доказательство основной мысли авторъ разсказываетъ о проявленіи промысла Божія при избраніи на царство Михаила Θеодоровича, о побѣдѣ надъ шведами подъ Полтавою и о пораженіи галловъ при Наполеонѣ. Выдержки изъ ораторіи И. Е. Срезневскаго, слѣдующей за его рѣчью, были приведены нами въ 1-мъ томѣ настоящаго труда (стр. 755—756). Въ „Украинскомъ Вѣстникѣ" за 1816-й годъ (мартъ, стр. 273—303) помѣщена была рѣчь И. Е. Срезневскаго „О любви къ отечеству", сказанная имъ еще въ 1805 г. въ г. Ярославлѣ при открытіи Демидовскаго лицея. Издатели говорятъ что она не была напечатана раньше авторомъ потому, что онъ хотѣлъ ее исправить, но по ихъ мнѣнію она не нуждается ни въ какихъ поправкахъ и должна быть признана образцовой. Интересъ И. Е. Срезневскаго къ древнимъ писателямъ объясняется его взглядомъ на русскую словесность—на нее онъ смотрѣлъ, какъ на про-

[1]) 1898 года, № 6, стр. 351—411.

долженіе древней, заключавшей въ себѣ образцы для нашего подражанія, хотя и разъяснялъ значеніе такихъ поэтовъ, какъ Державинъ, Карамзинъ, Крыловъ и молодой тогда Жуковскій. „Что касается до языка произведеній И. Е. Срезневскаго, то въ этомъ отношеніи за нимъ нельзя не признать нѣкоторыхъ достоинствъ. Срезневскій повидимости хорошо зналъ русскій языкъ, искусно имъ владѣлъ. Въ торжественныхъ рѣчахъ онъ выражался красиво, ясно и правильно, въ стихотвореніяхъ, касающихся ежедневной жизни, рѣшался вводить простые слова, оригинальныя выраженія и обороты. Но лишь только предметомъ его произведенія являлось нѣчто высокое, поэтъ спѣшилъ настроить свою лиру въ величавомъ тонѣ и не допускалъ обычнымъ языкомъ говорить важныя вещи“ [1]). Научнаго достоинства его труды, конечно, и тогда не имѣли, но въ литературномъ значеніи имъ отказать для своего времени невозможно.

Раз. Тим. Гонорскій напечаталъ отдѣльно три работы: 1) О подражательной гармоніи слова. Х. 1815 г., 59 стр.; 2) Практика французскаго языка въ 2-хъ частяхъ [2]); 3) Опыты въ прозѣ съ присовокупленіемъ двухъ сонетовъ, двухъ романсовъ и одной фантазіи. Х., 1818 г., 124 стр. Первое сочиненіе посвящено членамъ общества наукъ при Харьковскомъ университетѣ. Авторъ самъ объясняетъ цѣль своей книги такъ. „Я попытался изъяснить причину удовольствія, ощущаемаго нами при чтеніи прекрасныхъ стиховъ, когда мы обращаемъ вниманіе единственно на ихъ стопосложеніе. Я не выдаю своихъ догадокъ за истины и желаю сердечно, чтобы ихъ оспаривали: это показало бы, сколько у насъ думаютъ о семъ предметѣ. Мои положенія основаны на свойствѣ составныхъ частей человѣческаго слова—и это дѣлаетъ ихъ общими. А чтобы они въ самомъ дѣлѣ были таковыми, я всегда имѣлъ въ виду лучшія мѣста латинскихъ, нѣмецкихъ, французскихъ, итальянскихъ и русскихъ стихотворцевъ. Греческая поэзія обильнѣе всѣхъ въ этомъ отношеніи; но сіе самое обиліе было причиною что я не бралъ изъ нея примѣровъ, потому что сіе сочиненіе есть только *опытъ;* и даже часто при сличеніи одинаковыхъ красотъ въ разныхъ стихотворцахъ, одинъ только Виргилій замѣнялъ мнѣ всѣ образцы“.

Тотъ же авторъ напечаталъ эту статью подъ заглавіемъ „Краткое начертаніе теоріи подражательной гармоніи слова“ въ 1-й и 2-й кн. „Украинскаго Вѣстника“ за 1817-й годъ, а въ апрѣльской книжкѣ того же журнала „Дополненіе къ этой статьѣ“, гдѣ въ иной редакціи излагаетъ свою систему гласныхъ и согласныхъ.

---

[1]) Жур. Мин. Нар. Просв. 1898 г., 6, стр. 393.

[2]) 1-я часть содержитъ въ себѣ практическую грамматику, 2-я отрывки изъ лучшихъ французскихъ писателей въ переводѣ на русскій языкъ.

Въ „Харьковскомъ Демокритѣ“ онъ напечаталъ „Утѣшеніе для несчастныхъ родившихся 29 февраля (переводъ съ нѣм.) и Мысли (въ духѣ Горація и Тибулла).

Ему же принадлежитъ рядъ переводныхъ статей въ „Укр. Вѣстникѣ“—о Франклинѣ, о новой системѣ воспитанія для первоначальныхъ училищъ, о Тасѣ, приключеніе, случившееся съ Тюренемъ, эскизъ изъ Мармонтеля, и проза можетъ быть языкомъ поэзіи, переводныя стихотворенія изъ итальянскаго, испанскаго языка. Наконецъ, имъ же сдѣланъ переводъ съ нѣмецкой рукописи 2-хъ томнаго сочиненія Гесъ де Кальве „Теорія музыки“.

Въ предисловіи къ „Опытамъ въ прозѣ“ авторъ говоритъ, что онъ предлагаетъ нѣсколько бѣглыхъ отрывковъ, имѣющихъ цѣлью познакомить лицъ, не знающихъ латинскаго языка съ латинскими писателями. Кромѣ того онъ представляетъ общія замѣтки о теоріи подражательной гармоніи слова и „труды маленькаго общества, которое не имѣло ни публичныхъ, ни частныхъ засѣданій и потому никогда не печатало своихъ протоколовъ, но которое имѣло и теперь еще имѣетъ въ виду составить полное собраніе живописныхъ отрывковъ для всякаго рода словесныхъ картинъ. Сіе маленькое общество черезъ меня представляетъ здѣсь нѣсколько сдѣланныхъ имъ опытовъ и ожидаетъ себѣ рѣшительнаго приговора“.

Сборникъ открывается статьей о Катуллѣ, Гораціѣ и Тибуллѣ, содержащей изложеніе нѣкоторыхъ ихъ произведеній; послѣдняго авторъ называетъ поэтомъ-мечтателемъ; затѣмъ идетъ переводная статья (изъ Жокура) „Нѣчто объ элегіи“, гдѣ дается характеристика элегическихъ произведеній Тибулла, Проперція и Овидія; вслѣдъ за этимъ помѣщены краткія статейки—„Возможность теоріи подражательной гармоніи слова“, и „Развитіе гармоническаго чувства, представленное въ характерахъ четырехъ россійскихъ стихотворцевъ“; рѣчь идетъ здѣсь о Ломоносовѣ, Петровѣ, Державинѣ и Жуковскомъ; „Отдѣлка стиховъ у Виргилія“, „О русскомъ экзаметрѣ“, „Капризъ“ (авторъ говоритъ здѣсь о необходимости гармоническаго слiянія русскаго и славянскаго элемента въ языкѣ); „Не въ шутку или взглядъ на нынѣшнее состояніе нашей словесности“; авторъ отвѣчаетъ здѣсь тѣмъ лицамъ, которые удивлялись, почему въ каждой книжкѣ Украинскаго Вѣстника давались картинныя мѣста изъ лучшихъ иностранныхъ авторовъ, а не оригинальныя произведенія; отвѣтъ сводится къ тому, что „лучшій иностранный отрывокъ удачно переведенный полезнѣе дюжины толстыхъ и безвкусныхъ подлинниковъ“. Послѣ этого слѣдуютъ самые живописные отрывки изъ Шатобріана, Гердера, Сенъ Пьера, Бюфона, Ласепеда, (Пѣніе птицъ,

Воздушные гробницы, Лилія и роза, Соловьи, Природа южной Америки). Заканчиваются они отрывкомъ подъ заглавіемъ „Козаки и Богданъ Хмѣльницкій"—здѣсь приводится отзывъ иностранца о казакахъ, какъ о герояхъ. Въ заключеніе стихотворенія: Моя мечта, Петраркинъ сонетъ, Другой сонетъ, Заидъ и Заида, Другой романсъ (послѣднія—переводы изъ испанскаго). Гонорскій подавалъ большія надежды и былъ склоненъ даже къ спеціальнымъ ученымъ трудамъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ его работа о подражательной гармоніи слова, но умеръ въ раннихъ лѣтахъ; имя его должно быть помянуто съ благодарнымъ чувствомъ, какъ литературнаго дѣятеля, не мало способствовавшаго подъему мѣстнаго самосознанія. „Сколько велико было его прилежаніе, писалъ въ некрологѣ о немъ Филомаѳитскій, обработать теорію подражательной гармоніи слова—тому я былъ очевиднымъ свидѣтелемъ, живши съ нимъ вмѣстѣ: тысяча книгъ перечитано, тысяча листовъ исписано и наконецъ онъ напечаталъ въ 1815 году *сущность* своихъ мыслей объ этомъ предметѣ. Предметъ—самый неблагодарный для писателя! Но Разуминкъ Тимофеевичъ къ достиженію своей цѣли избралъ правильный путь—и сухость разсужденія о буквахъ украшается въ его сочиненіи выборомъ превосходнѣйшихъ примѣровъ... Послѣднее время жизни своей снова посвятилъ онъ обработанію любимѣйшаго предмета своего—гармоніи слова. Рукопись осталась конченною, но, кажется, стоила ему жизни. Онъ перевелъ также съ нѣмецкаго статистику Мейзеля. У него были превосходные таланты, обширныя познанія, прилежаніе и любовь къ наукамъ, но онъ кончилъ жизнь на 28 году отъ роду. Чистота слога въ его опытахъ въ прозѣ „смѣло можетъ быть названа примѣрною", а самыя произведенія являются живописною дѣйствительною прозой". [1]) Послѣ него остался посмертный рукописный трудъ—„Статистика Европейскихъ государствъ и Американскихъ штатовъ", который братъ его хотѣлъ издать по подпискѣ.

А. В. Склабовскій выступаетъ передъ нами въ своей дѣятельности почти исключительно, какъ литераторъ. Онъ напечаталъ въ Украинскомъ Вѣстникѣ рядъ стихотвореній, а также письмо къ редактору по поводу назначенія ему денежной субсидіи и „Взглядъ на народныя пѣсни древнихъ грековъ (переводъ съ польскаго) со стихотворнымъ переводомъ и самихъ пѣсенъ. На актахъ Склабовскій прочиталъ четыре очень обширные стихотворенія: 1) Царскій пиръ въ столицѣ славянъ побѣдителей, 2) Безсмертіе души, 3) Помпею и 4) О злорѣчіи; 1-е заключаетъ въ себѣ диѳирамбъ Имп. Александру I, 2-е—диѳирамбъ идеѣ безсмертія,

---

[1]) Укр. Вѣст. 1819, августъ, стр. 249—251

3-е—поэму о разрушеніи Помпеи, 4-е—сатиру на злорѣчіе. Послѣднее начиналось такъ:

> Вотъ день торжественный, въ который ужъ не разъ
> На робкій мирный звонъ, пѣвца на слабый гласъ
> Свой слухъ почтенное собраніе склоняло!
> Я слышалъ лестный слухъ однихъ,
> Холодность замѣчалъ другихъ;
> Но пламя тихое въ груди не угасало
> Я завсегда равно поэзію любилъ,
> Хотя и не всегда равно ей вѣренъ былъ"...

О сборникѣ его стихотвореній мы скажемъ въ той главѣ, гдѣ будемъ говорить о студентахъ, потому что они написаны въ бытность его студентомъ. Онъ былъ вѣрнымъ выразителемъ религіознонистическихъ взглядовъ попечителей Карнѣевыхъ и старался насаждать этотъ духъ времени и въ университетѣ, и въ пансіонѣ Коваленкова, гдѣ былъ преподавателемъ. Это былъ, такъ сказать, оффиціальный пѣвецъ своего времени, проводившій въ стихахъ тенденціи, господствовавшія тогда въ Харьковскомъ университетѣ. Такую же цѣль онъ поставилъ, какъ увидимъ далѣе, и для „Украинскаго Журнала", замѣнившаго собою „Украинскій Вѣстникъ". Въ своемъ журналѣ онъ помѣстилъ рядъ стихотвореній и статей; изъ послѣднихъ отмѣтимъ его работу о Харьковскомъ Институтѣ благородныхъ дѣвицъ, вышедшую отдѣльнымъ изданіемъ подъ заглавіемъ. „*О Харьковскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ. А. Склабовскій, Х., въ унив. тип., 1826 г., 71 стр.* Она представляетъ отдѣльный оттискъ статей, напечатанныхъ въ Украинскомъ Журналѣ за 1824 годъ (№№ 18—21); приложено только въ концѣ прибавленіе заключающее формы объявленій и свидѣтельствъ, представляемыхъ въ совѣтъ института для опредѣленія воспитанницъ, и краткія замѣчанія о перемѣнахъ, происшедшихъ въ институтѣ въ 1825 году (на одной страницѣ). Книжка представляетъ гл. обр. изложеніе *Устава* института, который трудно было достать.

Еще болѣе выдающимся дѣятелемъ на литературномъ поприщѣ былъ *Е. Филомаөитскій*, который не чуждъ былъ и научныхъ интересовъ. Кандидатъ Евграфъ Филомаөитскій напечаталъ диссертацію на степень магистра искусствъ и свободныхъ наукъ „De genuina scriptorum Romanorum elegantia deque usu et utilitate linguam addiscendi latinam". Kharcoviae, typis academicis 1816, 40 стр. 1/32. Указавъ вкратцѣ на необходимость изученія латинскаго языка, авторъ переходитъ затѣмъ къ разсмотрѣнію слѣдующихъ вопросовъ: каково изящество римскихъ произведеній, каково употребленіе латинскаго языка, какова его польза.

Въ своихъ тезисахъ авторъ говоритъ, что никто не можетъ сдѣлаться ученымъ безъ знанія латинскаго языка, что латинскій языкъ является и долженъ остаться общимъ органомъ для всѣхъ ученыхъ, что древніе писатели во многихъ отношеніяхъ превосходятъ новыхъ, что Цицеронъ занимаетъ первое мѣсто между ораторами всѣхъ временъ и народовъ, что Виргилій въ отношеніи внѣшней стихотворной формы, гармоніи и выразительности—первый между поэтами, что Россія въ лирическомъ родѣ стихотвореній, въ басняхъ и сказкахъ превосходитъ всѣ древніе и новые народы, но уступаетъ въ ораторскихъ произведеніяхъ Германіи, Франціи, Англіи и др.; философскихъ же трудовъ совсѣмъ не имѣетъ, для чего необходимо перевести на русскій языкъ философскіе трактаты Цицерона. Научнаго значенія эта диссертація, подобно большинству тогдашнихъ подобныхъ работъ не имѣла никакого. Это было литературное упражненіе на заданную тему. Въ общемъ однако она производитъ хорошее впечатлѣніе. Онъ же издалъ въ 1818 году на счетъ университета для училищъ сочиненія Виргилія.

На актѣ Филомаѳитскій говорилъ рѣчь „*Объ истинной цѣли образованія человѣка посредствомъ наукъ и изящныхъ искусствъ*". Въ ней нашло себѣ яркое выраженіе то религіозно мистическое настроеніе, проводникомъ котораго были Карнѣевы. Чтобы опредѣлить, въ чемъ состоитъ истинная цѣль образованія посредствомъ наукъ и искусствъ, говоритъ авторъ, нужно вспомнить о назначеніи человѣка. „Откровеніе и разумъ, разсуждающій не по внушенію страстей, увѣряютъ насъ, что назначеніе созданія человѣка было прославленіе благости всемогущаго Творца и собственное благополучіе человѣка. Но паденіе и поврежденіе природы человѣческой было столь глубоко, что протекли тысячелѣтія, покуда умъ человѣческій хотя и не совсѣмъ еще ясно вспомнилъ о своемъ безсмертіи. Всѣ науки и искусства должны открывать нашему уму лѣстницу, по коей онъ можетъ восходить отъ познанія твари до познанія Творца. Намъ вѣрующимъ не нужно доказывать бытія Божія: мы отъ колыбели слышали это отъ своихъ родителей и наставниковъ— и этого достаточно было для насъ. Но богопознаніе должно вызывать и богопочтеніе. Между тѣмъ разумъ возгордился, ослѣпился гордостью, углубившись въ изученіе природы: онъ постигалъ только малѣйшую частицу природы—а ему казалось, что онъ можетъ быть ея творцомъ: естествоиспытатели явились такимъ образомъ матеріалистами, философы пустыми мечтателями, литераторы даръ слова превратили въ забаву праздности. Вслѣдствіе этого XVIII-й вѣкъ оказался эпохою торжества разума надъ религіей; вездѣ царилъ разумъ и не вспоминали о Богѣ. Въ царствованіе Имп. Александра I-го единственною цѣлью обществен-

наго образованія въ Россіи поставлена была вѣра. Теперь остается только одно—начинать истинное воспитаніе съ рожденія, при чемъ первыми наставниками должны быть родители.

Е. Филомаѳитскому принадлежитъ также рядъ стихотвореній и переводовъ въ Украинскомъ Вѣстникѣ—съ французскаго—„Юстинъ или добрый баринъ“ (повѣсть для дѣтей), 7-я ода Горація, къ Цестіи (вольное подражаніе Горацію), Катакомбы (съ французскаго), Нѣчто объ арабахъ (изъ Шатобріана), Путешественникъ во Іерусалимъ (изъ него же), переводъ 4-хъ писемъ Плинія младшаго, канарейка Ж. Ж. Руссо (съ французскаго). Ему же принадлежитъ обширная критическая статья „Опытъ по двумъ способамъ (синтетическому и аналитическому) судить и оцѣнивать вѣрно эстетическія произведенія, какъ древнихъ, такъ и новыхъ стихотворцевъ“, (рѣчь идетъ здѣсь главнымъ образомъ о Державинѣ), затѣмъ обширная статья „Обозрѣніе пуническихъ войнъ“, статья „О Самаріи или показаніе причинъ, отчего возродилась и возрасла ненависть между Іудеями и Самарянами“, рѣчь на похоронахъ канд. Гринева, письма о Харьковской общественной жизни, замѣтка о домѣ безъ печей проф. Васильева, переводъ изъ книги г-жи Сталь о Наполеонѣ, взглядъ на состояніе художествъ въ Россіи.

Крупныя услуги дѣлу просвѣщенія оказалъ Филомаѳитскій изданіемъ „Украинскаго Вѣстника“, но объ этомъ скажемъ ниже.

Адъюнктъ *Золотаревъ* говорилъ въ 1829 г. на актѣ рѣчь „О важности и необходимости занятій въ отечественномъ языкѣ“. Это—разсужденіе литературнаго характера; авторъ доказываетъ важность русскаго и славянскаго языка и отмѣчаетъ тотъ фактъ, что его высоко ставили даже иностранцы (французъ Левекъ). По своему мистическому направленію онъ примыкалъ къ Склабовскому. Сюда-же нужно отнести и *П. П. Артемовскаго-Гулака.*

П. П. Артемовскій-Гулакъ напечаталъ въ Украинскомъ Вѣстникѣ малороссійскую стихотворную сказку „Солопій та Хивря“ (съ предисловіемъ), побрехеньку „Тюхтій та Чванько“ (съ послѣсловіемъ про Гараська), стих. „Ослѣпленіе смертныхъ“ (вольный переводъ изъ Руссо), „Мученіе сатаны при воззрѣніи на Эдемъ“ (вольный переводъ изъ Мильтонова потеряннаго рая), Бенъ Гріананъ (пер. съ польскаго) со стихотворнымъ посвященіемъ, Пророчество Іодая (вольный переводъ изъ Расиновой Гоѳоліи), переводъ (прозаическій) рѣчи Дмоховскаго объ Игн. Красицкомъ, архіепископѣ Гнѣзненскомъ съ примѣчаніями, Къ цензорину, рѣчь въ день открытія каѳедры польскаго языка при Харьковскомъ университетѣ (30 страницъ), періоды или вѣки міра (переводъ съ польскаго), о философіи, рѣчь проф. Снядецкаго (съ польскаго), кри-

тина (пер. съ польскаго), нѣчто для сочинителей (пер. съ польскаго), синонимы, задумчивость и размышленіе (подражаніе польской прозѣ), мудрость (отрывокъ изъ первой пѣсни поэмы „Счастіе на землѣ"). Изъ нихъ нѣкоторый научный интересъ представляла только его рѣчь въ день открытія каѳедры польскаго языка. Здѣсь Гулакъ-Артемовскій сначала остановился на блестящемъ состояніи просвѣщенія въ царствованіе Имп. Александра I-го, затѣмъ перешелъ къ доказательству необходимости изученія польскаго языка и литературы. „Все насъ побуждаетъ, говорилъ онъ, къ посвященію себя этой полезной части знаній: и близкое сосѣдство, и взаимныя связи, и политическія отношенія, и отправленіе государственныхъ, военныхъ и гражданскихъ должностей въ краѣ, пользующемся своими законами, преимуществами, обычаями и своимъ языкомъ; наконецъ, сиимъ обязываетъ насъ священный законъ покорности высокой волѣ Августѣйшаго Монарха, утвердившаго славу свою и благополучіе наше на взаимномъ согласіи покорствующихъ скипетру его народовъ, на взаимномъ сообщеніи себѣ свѣта просвѣщенія и обоюдной пользы.... Затѣмъ языкъ польскій процвѣтаетъ издревле въ ученомъ свѣтѣ; онъ усвоилъ себѣ красоты другихъ древнихъ и новыхъ языковъ; онъ можетъ дать, благодаря близости своей къ русскому, обильный источникъ и для русской словесности; у поляковъ мы замѣчаемъ страсть къ наукамъ, одушевлявшую ихъ во всѣхъ вѣкахъ при всякихъ переворотахъ судьбы. Представивъ краткій очеркъ состоянія наукъ въ Польшѣ отъ эпохи возрожденія ихъ въ Польшѣ, лекторъ въ заключеніе заявилъ, что будетъ обращаться за аналогіями и къ другимъ славянскимъ нарѣчіямъ (церковнославянскому, чешскому, боснійскому, краинскому, далматскому, рагузскому, славонскому, словацкому, виндійскому, моравскому, силезскому и особенно славянскому языку, этому главному и освященному вѣками источнику, наконецъ, даже по необходимости и къ самому малороссійскому [1]).

Кромѣ того малороссійскія и русскія стихотворенія Гулака-Артемовскаго напечатаны были въ Харьковскомъ альманахѣ „Утренняя звѣзда" (1833 г.) и „Украинскомъ журналѣ".

Передъ началомъ занятій 1-го сентября 1828 года Гулакъ-Артемовскій обратился къ студентамъ съ рѣчью. Въ ней говорилъ онъ о любви къ царю, отечеству и къ наставникамъ, о коренномъ недостаткѣ нашего отечественнаго образованія, состоящемъ въ его подражательности о цѣляхъ и задачахъ университетовъ, о толпѣ бездомныхъ и голодныхъ гувернеровъ. Университетъ, по его опредѣленію, это—верковное святи-

[1]) Украинскій Вѣстникъ, 1819 г. февраль, стр. 129—161.

лище наукъ, въ которомъ подъ благотворнымъ вліяніемъ теплоты высшихъ умозрѣній дозрѣваютъ только, а не ростутъ плоды понятій, посѣянные, возлелѣянные и возращенные въ низшихъ заведеніяхъ".

Въ заключеніе ораторъ совѣтуетъ юнымъ слушателямъ своимъ не схватывать только вершковъ со многихъ наукъ и не ограничиваться свѣдѣніями, почерпнутыми въ аудиторіяхъ; заботясь о просвѣщеніи, не забывать и о добродѣтели.

Для того, чтобы получить право на занятіе каѳедры руской исторіи, остававшейся вакантной послѣ смерти Г. И. Успенскаго, Гулакъ-Артемовскій выдержалъ магистерскій экзаменъ и защитилъ въ 1821 г. диссертацію на тему о пользѣ исторіи вообще и преимущественно отечественной и о способѣ преподаванія послѣдней; была-ли однако напечатана эта диссертація не знаемъ. Въ 1827 г. была напечатана его актовая рѣчь „De expediendis quibusdam antiquitatis Slavonicae modis", принятая неправильно Геннади за диссертацію [1]). Гулакъ-Артемовскій пріобрѣлъ громадную извѣстность не научными своими трудами, коихъ въ сущности не было, а малороссійскими стихотвореніями, доставившими ему очень видное и почетное мѣсто среди малорусскихъ писателей его времени. Онъ писалъ чуднымъ, превосходнымъ, лишеннымъ всякой искусственности, но яркимъ и образнымъ языкомъ; самое содержаніе его басенъ имѣло важное общественное значеніе. Сборникъ его стихотвореній (Кобзарь) былъ напечатанъ послѣ его смерти, но туда вошло далеко не все, имъ написанное; часть неизданныхъ его произведеній была напечатана мною въ журналѣ „Кіевская Старина"; другая имѣется въ моемъ портфелѣ. Наиболѣе полная оцѣнка его стихотвореній принадлежитъ Кулишу и была сдѣлана имъ въ „Основѣ".

Борзенко напечаталъ въ „Трудахъ Общества Наукъ" статью „о происхожденіи языковъ Сарматскаго и Славянскаго и о сходствѣ ихъ съ Санскритскимъ" и два письма о приведеніи въ порядокъ республики писанныя къ Цезарю Саллюстіемъ (переводъ).

На актѣ 30 авг. 1818 г. Борзенко произнесъ рѣчь „О успѣхахъ просвѣщенія въ Россіи подъ покровительствомъ Великаго Государя Императора Александра I". Въ началѣ помѣщено похвальное слово Имп. Александру, какъ „герою во брани и герою въ мирѣ" и при томъ до того скромному, что приписываетъ во всемъ этомъ заслуги не себѣ, а промыслу Всевышняго. „Неумолкная труба славы, огласившая Вселенную, запечатлѣваетъ безмолвіемъ уста всякаго витійства" и побуждаетъ

[1]) Геннади. Справочный словарь, т. I, 47. ср. Чириковъ, стр. 27.

оратора коснуться только одного его безсмертнаго подвига—успѣховъ просвѣщенія. „Во всѣ времена просвѣщеніе было однимъ изъ средствъ, коими народы достигаютъ благоденствія въ обществѣ". Имп. Александръ открылъ 4 университета (Дерптскій, Харьковскій, Казанскій, Виленскій), Педагогическій институтъ въ Петербургѣ, Лицеи—въ Царскомъ Селѣ и Одессѣ, многія гимназіи и коммерческія училища, преобразовалъ медикохирургическія и духовныя академіи, равно семинаріи, утвердилъ уставъ и штаты Академіи наукъ. Онъ вдохновилъ и частныхъ лицъ учредить на свои средства училища—Демидовское въ Ярославлѣ и Александровское въ Тулѣ. Расширились и частные способы образованія: нѣтъ почти ни одного губернскаго города, гдѣ бы не было пансіоновъ для воспитанія благородныхъ мальчиковъ и дѣвочекъ; къ нимъ примѣнены были правила казенныхъ учебныхъ заведеній и благодаря этому исчезли прежніе шарлатаны наставники. На образованіе казна отпускаетъ столь значительныя суммы, что имъ удивляется просвѣщенная Европа. Призываются ученые и изъ другихъ странъ и отправляются русскіе молодые ученые заграницу. Въ школы открытъ доступъ для лицъ всѣхъ состояній. И всѣ эти заботы принесли уже богатые плоды: возрасло число образованныхъ чиновниковъ, увеличилось число сочиненій (съ 1801 по 1806 годъ напечатано 1304 сочиненія). Академія и многочисленныя ученыя и литературныя общества выпускаютъ въ свѣтъ много изданій; наконецъ, есть немало разнообразныхъ журналовъ. Въ „Украинскомъ Вѣстникѣ" Борзенко напечаталъ некрологъ Гонорскаго.

Проф. *Мауреръ* въ 1828 г. произнесъ на актѣ на латинскомъ языкѣ рѣчь „De studiis humaniorum sensum veri et pulchri excitantibus atque excolentibus", въ которой доказывалъ пользу изученія древнихъ языковъ и литературы; въ 1830 году напечаталъ другую рѣчь „De pronuntiatione linguae graecae diversa", въ которой обстоятельно изложилъ вопросъ о произношеніи греческихъ словъ; въ 1832 г. издалъ „Luciani libellus de somnio sive vita Luciani ad scholarum usum". Char. 1832, 45 p.

Дорнъ, впослѣдствіи пріобрѣвшій большую извѣстность въ качествѣ оріенталиста, напечаталъ во время пребыванія своего въ Харьковскомъ университетѣ только монографію на латинскомъ языкѣ по сравнительному языкознанію „De affinitate linguae slavicae et sanscritae". 1833, 154 p., проникнутую серьезнымъ научнымъ духомъ.

Якимовъ выступилъ на актѣ въ 1831 году съ обширнымъ витіеватымъ стихотвореніемъ „Даръ слова" (28 страницъ), начало котораго было приведено нами выше. Въ немъ говорится также въ сильно патріо-

тическомъ тонѣ объ Императорѣ Николаѣ Павловичѣ и о восшествіи его на престолъ. Заканчивается оно такъ:

Молю, да Вышній ниспошлетъ
И долгій вѣкъ, и славу Николаю!
Благоговѣю!.... умолкаю.....

Онъ же въ 1834 г. на актѣ говорилъ „слово о краснорѣчіи", любопытное и по содержанію, и по формѣ. Въ немъ онъ доказывалъ, что ходячее понятіе о краснорѣчіи у насъ въ Россіи не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, оно у насъ имѣетъ слишкомъ широкій смыслъ—а причина этого кроется въ томъ, что мы заимствовали у древнихъ одну форму ораторской рѣчи и ни сколько не заботимся о соотвѣтствіи ея съ содержаніемъ. По изложенію оно весьма краснорѣчиво.

Цыхъ въ 1835 г. напечаталъ въ Харьковѣ свою магистерскую диссертацію „О способѣ преподаванія исторіи", но уже въ 1834 году былъ переведенъ изъ Харьковскаго университета въ Кіевскій. Въ своей диссертаціи Цыхъ „высказалъ многія совершенно вѣрныя мысли о методѣ историческаго изслѣдованія и изложенія" [1]). Въ „Укр. Жур." за 1824 г. была напечатана его работа „Титъ Ливій".

Обращаемся теперь къ обзору научной дѣятельности профессоровъ этико-политическаго отдѣленія. Въ „Трудахъ Общества Наукъ" профессоръ *Могилевскій* помѣстилъ „Разсужденіе о поэзіи древнихъ евреевъ". До назначенія своего на должность профессора богословія Харьковскаго университета въ томъ же 1817 году, протоіерей Аѳ. Могилевскій напечаталъ „Россійскую риторику, основанную на правилахъ древнихъ и новѣйшихъ авторовъ". Х., 1817, 265 стр. Вышла она въ свѣтъ по предварительной подпискѣ. На актѣ въ 1820 году онъ произнесъ рѣчь „О необходимости христіанскаго ученія". Въ началѣ говорится о томъ, что „мудрымъ попеченіемъ Императора Александра насаждается благочестіе во всей обширной его державѣ, знанія человѣческія соединяются съ познаніемъ единаго истиннаго Бога, просвѣщеніе заимствуетъ истинный свѣтъ отъ источника всякія истины—Слова Божія. Какое преславное торжество для христіанской религіи, когда она Державною рукою защитника своего среди наукъ и знаній водружаетъ знамя того побѣдоноснаго ученія, которое во всѣ времена торжествовало надъ предразсудками и заблужденіями ума человѣческаго. Да подъ симъ знаменіемъ молодые умы, жаждущіе всякаго рода познаній, пойдутъ безопасно путемъ истиннаго просвѣщенія, путемъ благо-

---

[1]) Біогр. словарь профессоровъ преподавателей университета св. Владиміра, стр. 724—728.

честія и добродѣтели, съ котораго часто совращаетъ человѣка слабый разумъ его, оставленный собственнымъ силамъ своимъ и мудрованію". Далѣе ораторъ подробно остановился на особенной, исключительной важности науки богопознанія, а въ заключеніе проводилъ мысль, что одного познанія въ дѣлѣ религіи недостаточно: только любовь къ Богу дѣлаетъ спасительною нашу вѣру, а эту послѣднюю можетъ дать одинъ Духъ Божій.

Въ торжественномъ собраніи Слободско-украинскаго отдѣленія Библейскаго Общества Могилевскій произнесъ рѣчь „О пользѣ, проистекающей изъ чтенія священнаго писанія" и напечаталъ ее въ „Украинскомъ Журналѣ" за 1824 г. Въ 1825 г. онъ издалъ „Бесѣды о важнѣйшихъ истинахъ христіанскаго ученія, въ систематическомъ порядкѣ изложенныхъ, сказыванныя въ Харьковскомъ Соборѣ". X. 1825.

Въ 1-мъ томѣ своего труда мы подробно останавливались на философскихъ сочиненіяхъ *проф. Шада*, напечатанныхъ имъ до 1815 года. Теперь намъ слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о его трудѣ, вышедшемъ въ свѣтъ въ 1815 году; это была его латинская хрестоматія, изданная университетомъ для употребленія въ школахъ Харьковскаго учебнаго округа и представлявшая переработку и дополненіе хрестоматіи француза Ломонда. Подлинное заглавіе книги Шада таково„—De viris illustribus urbis Romae a Romulo usque ad Augustum. Ch. 1815. 10 (ненумерованныхъ) страницъ, посвященія министру народнаго просвѣщенія гр. А. К. Разумовскому, XV стр. предисловія и 260 стр текста. Посвященіе написано въ приподнятомъ риторическомъ тонѣ и заключаетъ въ себѣ неумѣренныя похвалы министру за его дѣятельность на пользу просвѣщенія. Гораздо интереснѣе предисловіе. Здѣсь онъ разсказываетъ, что ему попалась въ руки книжка подъ заглавіемъ „De viris illustribus Romae a Romulo usque ad Augustum ad usum sextae scholae. Auctore Lhomond, in universitate Parisienis professore emerito, nova editio. MДCCCCV". Авторъ ея, говоритъ Шадъ, изъ своихъ источниковъ называетъ Тита Ливія, Валерія Максима, Флора. Однако удивительно то, что не указываетъ на главнаго писателя, которымъ пользовался, именно на Аврелія Виктора, писателя 4-го вѣка по Р. Х., которому принадлежитъ между прочимъ трудъ „De viris illustribus urbis Romae a Romulo usque ad Augustum; онъ то и былъ положенъ Ломономъ въ основу его изданія. Ознакомившись съ книгой Ломона, Шадъ пришелъ къ убѣжденію, что изданіе ея будетъ въ высшей степени полезно для русскаго юношества. Статьи, извлеченныя авторомъ изъ разныхъ писателей, написаны чрезвычайно простымъ, чистымъ, яснымъ, доступнымъ языкомъ: этимъ книга Ломона выгодно отличается отъ другихъ хресто-

матій. По своему содержанію она должна была явиться прекраснымъ введеніемъ въ изученіе римской словесности, ибо заключала въ себѣ свѣдѣнія о знаменитыхъ мужахъ древности, о ихъ дѣяніяхъ, о нравахъ и обычаяхъ эпохи, а все это необходимо было для пониманія писателей. Наконецъ, книга эта заключала въ себѣ основы римской исторіи, начиная отъ основанія города до эпохи Августа. При этомъ все это разсказано въ такой доступной формѣ, что его легко можетъ запомнить всякій. Мало того: біографіи многихъ писателей, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, полны примѣровъ самой чистой и какъ бы божественной добродѣтели— и могутъ имѣть самое благодѣтельное вліяніе на юныя сердца. Правда есть не мало людей, которые и самые добродѣтели язычниковъ признаютъ блестящими пороками. Но, говоритъ Шадъ, если бы міръ христіанскій изобиловалъ этими блестящими пороками! Ихъ безъ сомнѣнія привѣтствовала бы сама христіанская религія, а мы не испытали бы столько общественныхъ и частныхъ бѣдствій, раждающихся отъ извращенія всего нравственнаго міра. Откровенно должно признать, что мы, нагло гордящіеся однимъ именемъ христіанъ и его недостойные, во прахѣ всѣхъ преступленій пресмыкающіеся, презирающіе величайшія и вѣчной славы достойныя дѣянія тѣхъ, кому не удалось просвѣтиться христіанствомъ, что мы далеки отъ того искренняго и чистаго стремленія къ истинѣ, какимъ воодушевлена была древность, что въ наше время господствуетъ такое развращеніе нравовъ, не смотря на данныя намъ въ руководство христіанскія правила, что сочли бы глупцомъ и осмѣяли бы того, кто вздумалъ бы брать себѣ въ образцы древнихъ; чѣмъ дольше живетъ человѣческій родъ, тѣмъ повидимому больше удаляется отъ своего божественнаго источника. Не такъ судитъ объ этомъ христіанская религія, которая уважаетъ добродѣтель, въ какомъ бы человѣкѣ она ни проявилась. Въ доказательство этого Шадъ приводитъ тексты изъ священнаго писанія. Давши опредѣленіе истинной добродѣтели, Шадъ спрашиваетъ: развѣ у древнихъ римлянъ мы не находимъ наиболѣе многочисленныхъ примѣровъ такой добродѣтели? Нужно обратиться къ древнимъ и въ многочисленныхъ, выдающихся примѣрахъ ихъ доблестей изыскать для насъ лекарство противъ порчи нашихъ нравовъ, противъ нравственной чумы, господствующей въ христіанствѣ.

Чтобы сдѣлать настоящую книгу еще болѣе полезной, говоритъ Шадъ, я постарался дать какъ можно болѣе примѣровъ моральныхъ добродѣтелей, такъ какъ самъ Ломонъ—французъ, приспособляясь къ идеѣ о тираннѣ, уже въ то время господствовавшемъ во Франціи, останавливался преимущественно на воинскихъ доблестяхъ. Наконецъ, самое

горячее мое желаніе заключается въ томъ, чтобы въ Россіи изученіе латинскаго языка все болѣе и болѣе расширялось.

Самый текстъ книги состоитъ изъ краткихъ біографій римскихъ дѣятелей въ хронологическомъ порядкѣ.

Ученикъ и преемникъ Шада *Дудровичъ* кромѣ диссертаціи, напечатаной въ 1814 году (De philosophiae genuino conceptu nec non necessitatis ejus absoluta) издалъ еще на латинскомъ же языкѣ актовую рѣчь—„De studii academici natura“, сущность которой сводится къ слѣдующему тезису. Все образованіе людей должно стремиться къ тому, что бы они сознали, что весь міръ есть отраженіе Божества, а человѣкъ—вѣнецъ созданія, въ которомъ оно наиболѣе ярко проявляется. Онъ же напечаталъ еще въ „Украинскомъ Вѣстникѣ“ статью спиритическаго содержанія „О животномъ магнетизмѣ“.

Преемникъ Дудровича *Чановъ* выступилъ на актѣ въ 1832 году съ обширною рѣчью „объ основныхъ формахъ, изображающихъ явленія нравственной жизни или объ основныхъ нравственныхъ должностяхъ человѣка, опредѣляющихъ степень нравственнаго совершенствованія его, и способъ къ достиженію его назначенія“ (128 стр.). Эпиграфъ своей рѣчи авторъ взялъ изъ священнаго писанія: „Господи! Сниди съ небесе, виждь и посѣти виноградъ сей, его же насади десница Твоя!“.. Въ ней онъ разсматриваетъ нравственныя обязанности человѣка къ Богу, къ самому себѣ и другимъ. Основная обязанность человѣка есть познаніе и любовь къ Богу, выражающіяся въ благоговѣйной молитвѣ, смиреніи, внѣшнихъ религіозныхъ обрядахъ. Обязанности человѣка по отношенію къ себѣ самому вытекаютъ изъ его обязанностей къ Богу и должны состоять въ самоусовершенствованіи со стороны тѣла и души; послѣднее выражается въ нравственномъ и умственномъ развитіи человѣка. По отношенію къ другимъ обязанности человѣка состоятъ въ поддержаніи семьи, брака, дружбы, церкви, государства.

Адъюнктъ Чанова *Гренбергъ* напечаталъ „Разсужденіе объ отношеніи, въ которомъ находится общее право къ положительному праву, къ философіи положительнаго права, къ политикѣ и этикѣ“. X. 1833 г.

Это—разсужденіе на *заданную тему*, какъ говоритъ самъ авторъ; нѣтъ ни одной ссылки. Въ основу положена мысль, что „общество, государство имѣетъ высшее начало; оно учреждается по предвѣчнымъ законамъ Создателя нашего и есть вѣчное... Творецъ безпредѣльный въ благости, сотворивъ человѣка по образу и подобію своему, внушилъ ему необходимость влеченія къ подобнымъ ему существамъ и предначерталъ ему, что только въ обществѣ съ подобными себѣ существами онъ можетъ достигнуть всѣхъ благъ, ему предназначенныхъ.... Многіе

писатели по собственному произволу своему считали цѣлью государства безопасность, могущество, богатство, величіе, благоденствіе и многіе другіе предметы; но все это свидѣтельствуетъ о ничтожности человѣческихъ умозрѣній, не принявшихъ началомъ Высочайшее опредѣленіе и назначеніе человѣческое, начертанное во святомъ откровеніи и подтвержденное постояннымъ участіемъ, которое Творецъ принимаетъ во всѣхъ обстоятельствахъ человѣческой жизни.

Общее заключеніе автору таково. „Общее право всегда идетъ наравнѣ съ матерью его—философіею и тотъ только можетъ съ успѣхомъ заниматься правами вообще, кто, будучи озаренъ свѣтомъ истинной философіи, выводитъ отдѣльныя части правъ изъ основныхъ началъ общаго права, ибо истинный мыслитель всегда выводитъ свои умозрѣнія изъ общихъ началъ, которыя, какъ форосъ или свѣтильникъ, должны руководить его и въ частныхъ его изслѣдованіяхъ“. Приведенныхъ выдержекъ достаточно, чтобы составить себѣ понятіе о характерѣ этого сочиненія.

К. Пауловичъ напечаталъ два конспекта своихъ чтеній и актовую рѣчь. „*Конспектъ римскаго правовѣдѣнія, составленный при Харьковскомъ университетѣ профессоромъ Константиномъ Пауловичемъ. X., въ унив. тип., 1828 г., 77 стр.*

Состоитъ изъ 2-хъ книгъ. 1-я книга содержитъ въ себѣ краткое обозрѣніе исторіи римскаго права по сочиненію І. А. Баха. Здѣсь дается опредѣленіе римскаго права, затѣмъ говорится объ источникахъ и пособіяхъ для него, о пользѣ его, о писателяхъ, о раздѣленій на періоды и наконецъ излагается римское законодательство во время царей, республики, имперіи до Юстиніана, при немъ и послѣ него до завоеванія Константинополя турками, за тѣмъ говорится о распространеніи Юстиніанова права на западѣ послѣ завоеванія Турками Константинополя и о разныхъ методахъ преподаванія римскаго права. Вторая книга посвящена краткому начертанію догмы римскаго права по таблицамъ К. Ф. Гоммеля.

„*Конспектъ или краткое обозрѣніе дипломатики вообще, составленный при Харьковскомъ унив. профессоромъ Конст. Пауловичемъ 1829 г., X., въ унив. тип. 1829 г., 93 стр.* Дипломатику авторъ опредѣляетъ такъ: это наука, излагающая правила, по коимъ можно читать, понимать дипломы и различать истинные отъ ложныхъ. Дипломы же суть писанные формулы правъ и обязанностей, а также и происшествій, торжественными словами выраженныя и утвержденныя извѣстными знаками, закономъ или обычаемъ введенными. Въ составъ дипломатики входятъ 3 слѣдующія отдѣленія: 1) *графика*, показывающая письмо

буквъ и орудія, 2) *семіотика*, разсматривающая торжественныя знаки, при этомъ употребляемые, 3) *формулярія*—объясняющая въ разныя времена формулы дипломовъ, ихъ содержаніе, составленіе и расположеніе. Книга посвящена краткому изложенію всѣхъ трехъ отдѣловъ, т. е., иными словами, заключаетъ въ себѣ не дипломатію, а дипломатику, т. е. ученіе о грамотахъ.

На актѣ Пауловичъ говорилъ рѣчь „De jure controverso legum criminalium“. Указавъ на происхожденіе и характеръ верховной власти, Пауловичъ обращается къ вопросу объ основаніи, цѣли и сущности уголовныхъ законовъ, затѣмъ говоритъ о преступленіи и наказаніи и средствахъ уравненія ихъ, наконецъ, разсуждаетъ о нѣкоторыхъ судныхъ дѣйствіяхъ, встрѣчающихся при уголовномъ судопроизводствѣ. Теоретическія основы рѣчи взяты изъ Беккарія. Въ 1831 г., состоя уже профессоромъ, онъ произнесъ рѣчь „De origine artis diplomaticae et de parte ejus graphica“—это извлеченіе изъ его курса дипломатики.

Г. С. Гордѣенко произнесъ на актѣ въ 1835 г. рѣчь „О законодательномъ достоинствѣ свода законовъ Россійской Имперіи“, которая и теперь читается съ большимъ удовольствіемъ и даетъ ясное понятіе о предметѣ. Она представляетъ интересъ, и какъ отраженіе взглядовъ современниковъ на этотъ грандіозный памятникъ кодификаціонной дѣятельности русскаго правительства.

Чрезвычайно интересна *вступительная лекція въ курсъ политической экономіи, читанная 5 сентября 1832 г. проф. Т. Θ. Степановымъ* (напечатана была первоначально въ 1833 г. въ университетской типографіи, перепечатана въ его „Запискахъ о политической экономіи“, ч. 1-я С.-П.-Б., 1844 г.).

„Начальству угодно было, говоритъ авторъ, поручить мнѣ преподаваніе вамъ политической экономіи. Долгъ мой стараться, сколько будетъ въ моихъ силахъ, оправдать довѣренность“. Я буду стремиться, чтобы и Вы, изучивъ ее, могли впослѣдствіи принести пользу отечеству и утвердились въ благороднѣйшихъ чувствахъ преданности верховной власти, управляющей политическимъ организмомъ народа. Свою науку авторъ опредѣляетъ такъ: политическая экономія имѣетъ предметомъ своимъ изложеніе правилъ, показывающихъ народамъ, какимъ образомъ они могутъ обогащаться. Народы мало довѣряютъ политико-экономическимъ теоріямъ, ибо они противорѣчатъ одна другой. Но богатство (конечно, не деньги) важно для народовъ, какъ свидѣтельствуетъ исторія. Вслѣдъ за Европой и въ русскихъ университетахъ было введено преподаваніе политической экономіи—хотя Россія и отстала въ дѣлѣ просвѣщенія отъ Европы, но теперь у насъ просвѣщеніе дѣлаетъ больш-

успѣхи. Предметомъ курса будетъ изложеніе основъ политической экономіи—будутъ разсмотрѣны три источника богатства: природа, трудъ и капиталъ; второй отдѣлъ будетъ посвященъ разсмотрѣнію вопроса о раздѣленіи богатства (доходъ отъ земли, заработная плата, прибыль отъ капитала, національный доходъ вообще, монета, ассигнаціи, банки, цѣна и цѣнность, свобода торговли); третій отдѣлъ будетъ заключать потребленіе богатства, народонаселеніе. За теоріей политической экономіи будетъ слѣдовать практика промышленности, налоги, государственные долги. Я буду приводить мнѣнія разныхъ ученыхъ и выводить собственное заключеніе; чѣмъ важнѣе будетъ предметъ, тѣмъ осторожнѣе мы будемъ въ сужденіи о немъ, чтобы приготовить васъ къ будущей практической дѣятельности. Теоріи политической экономіи будутъ подтверждаться фактами статистики, въ особенности русской. Есть истины общія, но есть и частныя. Россія заслуживаетъ величайшаго вниманія по своимъ особенностямъ, пространству, народонаселенію, національному характеру жителей.

Во вступительной лекціи, читанной 2 сентября 1835 года, авторъ рѣзче подчеркиваетъ отрицательныя явленія въ жизни современныхъ обществъ. „Напрасно нѣкоторые думаютъ, говорилъ онъ, будто просвѣщеніе достигло въ настоящій вѣкъ самаго высшаго раскрытія. По моему мнѣнію, оно еще слишкомъ слабо. Что за просвѣщеніе, когда еще надо убѣждать людей въ пользѣ знанія какой либо науки—надо не то чтобы для точности показать имъ всѣ благодѣтельныя слѣдствія, происходящія отъ ея изученія, а то чтобы разувѣрить ихъ въ нелѣпости предубѣжденія противъ ея пользы. Что за просвѣщеніе, когда самая мысль, что просвѣщеніе необходимо для общаго блага, не сдѣлалась свѣтлою безспорною мыслію народовъ... Сообразивъ это, мы невольно сознаемся, что человѣчество XIX столѣтія жалко... Достигли ли европейцы высшей степени обогащенія? Нимало. Бѣдность, усматриваемая нами въ политическихъ европейскихъ обществахъ, служитъ яснымъ тому доказательствомъ. Я не хочу вамъ сказать того, что всѣ люди должны пользоваться одинаковыми удобствами и выгодами жизни, но никакъ не могу согласиться съ тѣмъ, чтобы общества находились въ цвѣтущемъ состояніи тогда, когда большая часть народа борется съ обыкновенными нуждами, а меньшая часть его наслаждается тѣмъ блескомъ, которымъ поражаетъ насъ богатство нѣкоторыхъ государствъ. Требованія политической экономіи другія. Она имѣетъ своею цѣлію общее благоденствіе народовъ, а не частное; для нея жребій всѣхъ людей драгоцѣненъ; по ея законамъ всякій долженъ болѣе или менѣе участвовать въ наслажденіяхъ произведеній природы и труда... О, когда люди содѣлаются людьми

одни къ другимъ, почувствуютъ свои взаимныя обязанности, свое родство, единокровіе!.. Что это за общество, терзающее само себя, высасывающее само изъ себя кровь, съ одной стороны пожирающее чужую собственность, безъ заслугъ, безъ достоинствъ, нѣжащееся среди изобилія, взлелеянное дарами благопріятнаго случая, гордое, презрительное, самоуправное, безотчетное, съ другой стороны угнетаемое безмѣрными трудами, истомленное голодомъ, изможденное тяжкими нуждами, иногда съ отличными достоинствами, съ правами на всякое преимущество, но подавленное презрѣніемъ, униженіемъ, безъ всякой надежды на лучшій жребій. И послѣ этого нашъ вѣкъ можетъ хвалиться просвѣщеніемъ, можетъ хвалиться богатствомъ!.. Но вы не говорите этого, покрайней мѣрѣ съ того времени, какъ вы начинаете обучаться наукѣ общественной жизни, постигать, какъ все должно идти въ обществѣ, чтобы потомъ это сравнить съ тѣмъ, какъ все идетъ на самомъ дѣлѣ. Я вамъ скажу, что вѣкъ нашъ дѣйствительно находится на высшей степени просвѣщенія сравнительно съ прежними временами, которыя какъ чудовища приподнимаясь изъ океана прошедшаго, страшатъ нынѣшняго благороднаго человѣколюбиваго наблюдателя. Скажу вамъ еще, что и богатство раскрыто несравненно въ большей степени, нежели какимъ оно было прежде. Но въ тоже время замѣчу, что просвѣщеніе и богатство еще не наслаждаются тѣмъ и другимъ вполнѣ, что раздѣленіе того и другого еще не снимаетъ клейма съ человѣчества. Далѣе слѣдуютъ у автора яркія картины бѣдности и невѣжества въ разныхъ странахъ и потомъ говорится, что кромѣ политической экономіи нужна еще политика, разгадывающая законы нравственной жизни общества.

Вслѣдъ за тѣмъ авторъ какъ бы оправдываетъ то, почему онъ останавливается на темныхъ сторонахъ жизни. „Много ли книгъ, показывающихъ, что должно дать, а не только то, что уже есть?... Радуйтесь менѣе общественнымъ наслажденіямъ и болѣе скорбите объ общественныхъ недостаткахъ...

Но говоря такимъ образомъ противъ богатыхъ, хотя въ пользу самого богатства, продолжаетъ ораторъ, я опасаюсь, чтобы не сдѣлать этимъ на васъ непріятнаго впечатлѣнія, не подвергнуть васъ опасности впасть въ крайность. Фанатизмъ ужасенъ, а дѣло наставника священно! Дѣйствительно вы можете такъ подумать, если не вникните въ существенный образъ моихъ мыслей. Спрашиваю: въ правѣ ли мы оскорбляться, видя знатнаго лорда, окруженнаго великолѣпіемъ, блескомъ, или встрѣчая банкира, производящаго ежедневно милліонные обороты, не знающаго повидимому, что такое нужда?... Нимало. Вѣрьте, что, эти люди часто бываютъ достойными большей жалости, нежели какую заслуживаютъ люди бѣд-

нѣйшаго класса... Образъ нашихъ мыслей, желаній зависитъ отъ навыка, отъ того образа жизни, къ которому мы привыкли, отъ того круга общества, въ которомъ мы безпрестанно обращаемся, отъ нашихъ обстоятельствъ... Но правильно ли раздѣлены эти нужды во всѣхъ классахъ общества? Надо направить общество такъ, чтобы каждый гражданинъ его дѣйствовалъ, жилъ сообразно своей и общей пользѣ, хотя бы и не понималъ причины, движущей его по такому направленію; надо, чтобы никто не выходилъ изъ круга постепеннаго общественнаго совершенствованія, чтобы трудъ и нужды въ обществѣ распространялись въ надлежащемъ порядкѣ. Для достиженія этой цѣли умы до сего времени обыкновенно прибѣгали къ нравственности; но она не всегда оказывалась къ тому достаточною, потому что нравоучители, увлекаемые порывами безотчетной добродѣтели, съ одной стороны необдуманно вооружались противу богатства, стараясь поселить къ нему презрѣніе, отвращеніе, не разобравъ, что это нельзя сдѣлать потому, что въ самой нашей натуры заключается стремленіе къ улучшенію своего физическаго быта; съ другой стороны они неосторожно старались покровительствовать бѣдности, возбуждая богатыхъ оказывать ей возможное вспомоществованіе, не замѣчая, что тѣмъ самымъ часто поощряли праздность, лѣность, которыя влекли за собою тысячи пороковъ и преступленій. Можетъ быть, эти недостаточные успѣхи нравственности были причиною, что многіе изъ новѣйшихъ писателей политикоисториковъ почти вычеркнули ее изъ своихъ сочиненій, но это опять составляетъ важную ошибку нравственность всегда должна оставаться основаніемъ общественныхъ наукъ Въ заключеніе дается такой совѣтъ слушателямъ. Углубляйтесь съ надлежащимъ усиліемъ въ излагаемую мною теорію науки, слѣдите за ходомъ моихъ мыслей, вызывайте сочувственный вашъ умъ на разборъ ихъ и вмѣстѣ принаравливайте ихъ къ практикѣ, особенно къ нашему государству, судите, заключайте. Вы должны быть проникнуты чистою безкорыстною, свѣтлою любовью къ отечеству и человѣчеству. Если же къ несчастію вамъ сообщены вредные навыки, перелиты въ вашу душу общіе предразсудки, то истребите, подавите ихъ заблаговременно. Вы еще въ силахъ это сдѣлать. Слѣдовательно, теперь надо вамъ употребить чрезвычайныя усилія для вашего нравственнаго перерожденія: поставьте себѣ единственною цѣлью общее благо, заключите въ немъ и собственное, старайтесь облагородить всякую вашу мысль, движеніе, поступокъ, а для этого уклонить себя нѣкоторымъ образомъ отъ свѣта дѣйствующаго, потому что вы еще не дѣйствователи, а приготовляетесь быть ими, иначе вы рѣшительно потеряетесь въ разгадкѣ вашего назначенія.

На актѣ въ 1833 г. *Т. Ѳ. Степановъ* произнесъ рѣчь „О сущности, важности и назначеніи политическихъ наукъ". Въ ней послѣ историческаго обзора жизни народовъ, онъ далъ общее понятіе о политической экономіи, изучающей раскрытіе физическихъ силъ въ человѣческихъ обществахъ (т. е. матеріальное благосостояніе), о политикѣ, занимающейся раскрытіемъ нравственныхъ силъ (т. е. образованія), и дипломатіи, разсматривающей тѣ и другія силы во взаимныхъ отношеніяхъ народовъ. Въ заключеніе авторъ старается представить будущее человѣчества и рисуетъ его съ точки зрѣнія совершенствованія и прогресса. Онъ высказывается противъ войны, стоитъ за просвѣщеніе, расширеніе благосостоянія, съ вѣрою и надеждою смотрить на будущее Россіи.

Адъюнктъ *Михайловскій* говорилъ рѣчь „О началѣ и происхожденіи россійскаго законодательства", въ которой обнаружилъ основательное знакомство съ литературою предмета (это видно изъ его многочисленныхъ ссылокъ на источники и пособія). Основной выводъ автора сходившійся съ мнѣніями Струбе и Шлецера, заключается въ томъ, что уголовные законы Русской правды заимствованы изъ древнегерманскаго или готскаго права.

Проф. *Лангъ* говорилъ рѣчь на нѣмецкомъ языкѣ „Ueber politische Arithmetik".

На математическомъ факультетѣ научнаядѣятельность его членовъ выразилась въ слѣдующихъ трудахъ.

Самую выдающуюся научную силу представлялъ *Т. Ѳ. Осиповскій*, который, къ сожалѣнію, долженъ былъ оставить Харьковскій университетъ, но и послѣ невольнаго выхода своего въ отставку продолжалъ неустанно работать на пользу математическихъ наукъ. Чтобы подтвердить это и вмѣстѣ съ тѣмъ уяснить себѣ, какую огромную потерю понесъ въ его лицѣ университетъ, мы сообщимъ здѣсь данныя о его научныхъ предпріятіяхъ послѣ удаленія на покой, тѣмъ болѣе что они до сихъ поръ не были никому извѣстны и отысканы мною въ Архивѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Въ 1825 г. онъ напечаталъ „Разсужденіе о томъ, что астрономическія наблюденія надъ тѣлами солнечной системы, когда ихъ употребить хотимъ въ выкладки, требующія большой точности, надлежитъ поправлять еще по времени прихожденія отъ нихъ къ намъ свѣта. Съ присоединеніемъ объясненія нѣкоторыхъ оптическихъ явленій, бывающихъ при закрытіи одного небеснаго тѣла другимъ". Здѣсь мы находимъ интересное предисловіе гдѣ Осиповскій говоритъ, что по увольненіи его отовсѣхъ должностей по Харьковскому университету, у него оказалось свободное время, которое онъ заполнилъ переводомъ четырехъ

томовъ Небесной механики Лапласа и чтеніемъ записокъ Парижской Академіи Наукъ, начиная съ тома на 1735 г. и до конца, а также нѣкоторыхъ томовъ записокъ національнаго института.

Въ 1827 г. въ Москвѣ же онъ издалъ „Изслѣдованіе свѣтлыхъ явленій видимыхъ иногда на небѣ въ опредѣленномъ положеніи въ разсужденіи солнца или луны (VI, 59 стр.). Въ предувѣдомленіи авторъ говоритъ. „По отсутствію въ Харьковскомъ университетѣ профессора прикладной математики, я преподавалъ нѣкоторыя части ея, въ томъ числѣ оптику. Для руководства въ этомъ, по примѣру Парижскаго Филотехническаго училища я взялъ оптику знаменитаго Лакаля. Но такъ какъ въ ней о нѣкоторыхъ оптическихъ явленіяхъ (напримѣръ о свѣтлыхъ полосахъ и пятнахъ, видимыхъ иногда въ извѣстномъ положеніи относительно солнца и луны) не упомянуто и я не находилъ нигдѣ ихъ объясненія, то началъ самъ разсуждать о происхожденіи этихъ явленій и въ 1817 г. отдалъ мое разсужденіе въ Общество Наукъ при Харьковскомъ университетѣ". Сочиненіе это поднесено было авторомъ на Высочайшее благоусмотрѣніе при письмѣ, въ которомъ сообщались о его происхожденіи слѣдующія данныя. Европейскія ученыя общества давно уже желали, чтобы кто либо принялъ на себя трудъ изслѣдовать эти явленія. Парижская академія наукъ 4 года тому назадъ предлагала задачу на эту тему. И потому онъ, Осиповскій, разработавъ эту тему, испрашиваетъ Высочайшаго повелѣнія о переводѣ его сочиненія на французскій языкъ и о разсылкѣ этого перевода во всѣ Европейскія академіи. Русская Академія Наукъ, которой Министръ Народнаго Просвѣщенія, на основаніи этого ходатайства, поручилъ разсмотрѣть это сочиненіе Осиповскаго, нашла, что это трудъ весьма искуснаго аналитика, изслѣдующаго предметъ свой съ остроуміемъ и неусыпнымъ стараніемъ и что онъ безъ сомнѣнія принятъ будетъ съ достодолжнымъ уваженіемъ и въ иностранныхъ земляхъ, если въ хорошемъ переводѣ будетъ доведенъ до свѣденія иностранныхъ ученыхъ. Съ своей стороны Академія сдѣлала только указанія на три мѣста, которыя показались ей невѣрными или недостаточными. Министръ Народнаго Просвѣщенія во всеподданнѣйшемъ докладѣ своемъ высказалъ мнѣніе, что если Государю угодно будетъ приказать перевести книгу Осиповскаго на французскій языкъ, то необходимо будетъ ранѣе сообщить ему сдѣланныя указанія, что бы онъ могъ воспользоваться ими для 2-го изданія своего сочиненія и при пересмотрѣ перевода. Нужно думать, что Осиповскій, находившійся въ крайне стѣсненныхъ матеріальныхъ обстоятельствахъ, не могъ приступить ко 2-му изданію своего сочиненія—и самый переводъ его книги также повидимому не осуществился.

Еще до вступленія своего въ Харьковскій университетъ, Осиповскій составилъ полный курсъ математическихъ наукъ, въ четырехъ объемистыхъ томахъ. Впослѣдствіи онъ его постоянно перерабатывалъ. Въ 1-й томъ вошла ариѳметика и алгебра (какъ опредѣленная, такъ и неопредѣленная), во 2-й—геометрія, прямолинейная и сферическая тригонометрія и коническія сѣченія; въ 3-й—теорія аналитическихъ функцій или дифференціальныя, интегральныя и варіаціонныя исчисленія; въ 4-й—приложеніе теорій функцій къ кривымъ линіямъ и поверхностямъ. „Мнѣ нейдетъ хвалить свой курсъ, писалъ Осиповскій Министру уже послѣ удаленія своего изъ Харьковскаго университета, скажу только, что я никакому автору при сочиненіи его не слѣдовалъ, но писалъ его по собственному своему плану. Сказываютъ, что курсъ мой переведенъ уже въ Англіи на англійскій языкъ и введенъ въ училища“. Окончивъ этотъ трудъ, для котораго въ теченіе 10 лѣтъ онъ прочелъ всѣ французскіе и многіе нѣмецкіе курсы, Осиповскій хотѣлъ было уже приняться за курсъ прикладной математики (въ 1799 г.), но получилъ должность преподавателя въ Петербургскомъ Педагогическому Институтѣ и передалъ для изданія 2 первые тома своего сочиненія Главному Правленію Училищъ, остальные же два тома оставилъ у себя для просмотра. Въ 1810 г. Осиповскій позволилъ перепечатать 2 первые тома и отправилъ въ Главное Управленіе остальные. 3-й томъ сданъ былъ скоро въ печать, но отпечатанъ былъ только въ 1823 г. и то съ большими неисправностями; 4-й же томъ не былъ напечатанъ и остался въ рукописи у автора. Въ 1825 г. Осиповскій предлагалъ Министру Народнаго Просвѣщенія напечатать полностію весь курсъ въ Москвѣ подъ его личнымъ наблюденіемъ, но получилъ отвѣтъ, что Главное Правленіе училищъ имѣетъ свое руководство. Правда такое руководство, прибавляетъ Осиповскій, было, но не полное. Въ 1826 г. Осиповскій представилъ черезъ статсъ секретаря Кикина на Высочайшее имя ходатайство объ отпускѣ ему заимообразно изъ казны 12000 рублей на изданіе полнаго курса чистой математики съ обязательствомъ уплатить этотъ долгъ съ процентами въ теченіе 4-хъ лѣтъ. Но ученый комитетъ, на разсмотрѣніе котораго передано было это дѣло, отвѣтилъ, что такъ какъ выборъ учебныхъ книгъ зависитъ отъ комитетовъ, образованныхъ для составленія новыхъ уставовъ, слѣдовательно, неизвѣстно, будетъ ли принятъ ими курсъ Осиповскаго, то ссуда ничѣмъ не обезпечивается и въ ней нужно отказать. Министръ согласился съ этимъ заключеніемъ. Въ 1831 году Осиповскій снова предлагалъ Министерству пріобрѣсти у него навсегда право изданія полнаго его курса, который можетъ выйти подъ его редакціей въ Москвѣ, хотя при этомъ прибавлялъ, что самъ онъ

разбитъ параличомъ и не въ состоянiи безъ посторонней помощи двигаться съ мѣста. Если бы у меня не было, прибавлялъ онъ, большого семейства, состоящаго изъ пятерыхъ дѣтей—двухъ сыновей и трехъ дочерей—то мнѣ не нужно было бы никакой награды за мои многолѣтнiе труды, но большое семейство заставляетъ меня просить вознагражденiя—я желалъ бы, чтобы мой пансiонъ былъ удвоенъ и чтобы по смерти моей половина его предоставлена была моимъ дѣтямъ, которые не получатъ послѣ меня почти никакого наслѣдства. Послѣ удаленiя моего изъ университета я принялся продолжать свой переводъ „Небесной механики“ знаменитаго Лапласа (начатый еще въ Петербургѣ, гдѣ я перевелъ 1-й томъ) и перевелъ 2-й, 3-й и 4-й томы. Если Вашей Свѣтлости будетъ угодно, то я охотно отдамъ и переводъ всѣхъ этихъ четырехъ томовъ Главному Правленiю училищъ, представляя Вамъ выдать мнѣ награду и за этотъ трудъ (аналогичное предложенiе онъ дѣлалъ и раньше—въ 1825 г.). И на этотъ разъ послѣдовалъ отказъ. Министръ писалъ Осиповскому. „На письмо Ваше ко мнѣ отъ 14 августа, въ коемъ Вы изъявили желанiе, чтобы Главное Правленiе училищъ прiобрѣло составленный Вами курсъ математики, имѣю честь отвѣтствовать, что нынѣ для училищъ Министерства Народнаго Просвѣщенiя избраны для преподаванiя другiя математическiя пособiя. Поелику всѣ вообще науки современемъ совершенствуются, то естественно, что учебныя пособiя, заслужившiя прежде полное одобренiе, черезъ нѣкоторое время дѣлаются уже недостаточными; касательно же удовлетворенiя Васъ двойнымъ пансiономъ, съ тѣмъ что бы по смерти Вашей половина его выдавалась Вашимъ дѣтямъ, то исполнить это невозможно по отсутствiю для этого законнаго основанiя“. Нужно замѣтить, что въ школьномъ употребленiи были въ это время дѣйствительно другiе учебники (Ариѳметика Буссе, Ариѳметическiя задачи Буссе, Геометрiя Буссе, Ариѳметика на счетахъ Тихомирова, курсъ чистой математики Беловеня, въ переводѣ Кушакевича и Киндерова). Осиповскiй, получивъ письмо министра отвѣтилъ ему, то если его курсъ не былъ бы принятъ Главнымъ Правленiемъ училищъ въ качествѣ учебной книги, то могъ бы быть допущенъ, какъ учебное пособiе для упражняющихся въ математикѣ.

Такимъ образомъ, въ теченiе 32-хъ лѣтъ Осиповскiй не могъ добиться того, чтобы составленное имъ прекрасное, образцовое руководство по математикѣ было издано въ полномъ видѣ—4-й томъ его такъ и не увидѣлъ свѣта и остался въ рукописи. Тщетно онъ надѣялся на перемѣну министровъ: одинъ министръ смѣнялъ другого,—а его предложенiя оставались втуне. Переводъ 4-хъ томовъ „Небесной механики“

Лапласа, стоившій ему много лѣтъ упорнаго труда, также повидимому остался въ его портфелѣ.

Не легко было выпускать въ свѣтъ и спеціальныя математическія изслѣдованія.

Проф. *Архангельскому* принадлежали слѣдующіе переводныя и самостоятельныя сочиненія.

Основанія механики Франкера. Перев. Ник. Архангельскій, часть первая, часть вторая, X. 1816, XIII, 549 стр., рисунки. 1-я часть содержитъ въ себѣ статику, 2-я динамику, гидростатику и гидродинамику. Во введеніи переводчикъ даетъ общее понятіе о механикѣ, какъ наукѣ. Книга представляетъ не только простой переводъ съ французскаго, но заключаетъ въ себѣ еще и дополненія переводчика.

Кромѣ того Архангельскій перевелъ съ французскаго статику Пуассона, физикоматематическія изслѣдованія теченія воды, соч. Проніи, съ латинскаго (въ сокращеніи) теорію движенія твердыхъ тѣлъ Эйлера; ему же принадлежитъ актовая рѣчь. „О точныхъ наукахъ". Это умно, съ знаніемъ дѣла и талантомъ написанное слово въ защиту важности точныхъ т. е. математическихъ наукъ. Авторъ прежде всего останавливается на опроверженіи мысли, будто науки наносятъ вредъ нравственности. Горячо и убѣдительно онъ опровергаетъ это положеніе. „Науки ли внушаютъ жить на счетъ человѣчества, справедливости, честности, совѣсти? Какая изъ наукъ заставляетъ отнимать явно или скрытно собственность другого? Какъ называется та наука, которая учитъ обижать беззащитнаго, угнетать слабаго? Пусть укажутъ мнѣ ту науку, которая отрицаетъ Бога, попираетъ вѣру? Богословскія ли науки дѣлаютъ безбожникомъ, изувѣромъ, суевѣромъ? Нравственныя ли учатъ пренебрегать нравами или уважать ихъ только для виду, только казаться добрымъ, а не быть таковымъ? Юридическія ли науки предписываютъ изъ корысти обвинять невиннаго и оправдывать виновнаго? Философія ли доказываетъ, что человѣкъ по сущности не разнится отъ звѣря— что нѣтъ въ немъ свободы, нравственности? Естественныя ли науки поселяютъ безумную мысль, что все въ естествѣ существуетъ по слѣпому случаю, что нѣтъ устройства въ мірѣ? Коммерческія ли научаютъ торговать совѣстію? Нѣтъ, не науки, не искусства являются причиною зла между людьми. Источникъ ихъ чистый, цѣль благородная, дѣйствіе святое: виною зла необузданное самолюбіе человѣка. За тѣмъ авторъ переходитъ къ характеристикѣ математическихъ наукъ и въ очень понятной, доступной формѣ излагаетъ ихъ существенныя особенности, ихъ методъ, способы отысканія истины, указываетъ на достовѣрность, величественную простоту математическихъ истинъ, изъ этихъ особенно-

стей онъ выводитъ потомъ и полезное дѣйствіе ихъ на душевныя способности учащихся, ссылаясь между прочимъ на разныхъ философовъ и великихъ математиковъ. Говоря о дѣйствіи ихъ на воображеніе, онъ высказываетъ мысль, что умозрительная часть астрономіи есть высочайшая поэзія. Да и вообще поэзія нисколько не убивается точными науками. Примѣромъ можетъ служить нашъ великій Ломоносовъ. И Европа, и Россія въ одно-тоже время выставляли и великихъ математиковъ, и великихъ поэтовъ. Въ заключеніи говорится о томъ, что математикѣ слѣдуетъ начинать учиться съ раннихъ лѣтъ. Въ рѣчи Архангельскаго много ссылокъ на философовъ, ученыхъ математиковъ и писателей. Въ обзорѣ своихъ литературныхъ трудовъ Архангельскій указываетъ еще на „Разсужденіе о движеніи воды въ рѣкахъ и въ открытыхъ каналахъ“ и на „Изложеніе устроенія міра“. Переводъ изслѣдованія Боссю и Віолетта „о найвыгоднѣйшемъ построеніи плотинъ“, „Цвѣтникъ любомудрія“ и „разсмотрѣніе примѣчаній на основанія геометріи академика Гурьева“ были повидимому напечатаны раньше (если только всѣ они были изданы). Въ „Украинскомъ Вѣстникѣ“ Архангельскій помѣстилъ (1819, январь—февраль) статью „О подражаніи природѣ въ изящныхъ искусствахъ“ (переводъ съ нѣмецкаго). Тамъ же имъ напечатанъ некрологъ проф. Ванноти. Вообще можно сказать, что Архангельскій писалъ по своему предмету болѣе другихъ, хотя это были преимущественно переводныя работы. Нужно впрочемъ прибавить, что всѣ эти труды относятся къ первымъ годамъ изучаемаго нами періода до полученія имъ должности ординарнаго профессора, послѣ же этого онъ совершенно прекратилъ научную дѣятельность.

Проф. *А. Ѳ. Павловскій* напечаталъ въ 1820 году „Таблицы логариѳмовъ по изданію Каллета, содержащія логариѳмы чиселъ отъ 1 до 108000, такожъ логариѳмы синусовъ и тангенсовъ для каждой секунды первыхъ пяти градусовъ и для каждыхъ десяти секундъ всѣхъ градусовъ четверти круга, съ предисловіемъ, въ которомъ показано изъясненіе, употребленіе и суммованіе логариѳмовъ и приложеніе ихъ къ астрономіи, мореплаванію, практической геометріи и вычисленію интересовъ“. Это-очень объемистый томъ съ 132 страницами сокращеннаго изложенія—изъясненія логариѳмовъ. А. Ѳ. Павловскому принадлежитъ переводъ его, изданіе таблицъ и шесть строкъ предъувѣдомленія, гдѣ онъ говоритъ, что весь трудъ издателя состоялъ въ наблюденіи за исправнымъ печатаніемъ.

Павловскій кромѣ того говорилъ на актѣ рѣчь „О вѣроятности“. Въ ней въ общедоступной формѣ дается понятіе о началахъ вычисленія вѣроятностей и указывается на нѣкоторые примѣры его приложенія.

Не приводя почти никакихъ формулъ, а пользуясь только самыми элементарными примѣрами (о шарахъ въ урнѣ) лекторъ выяснилъ передъ слушателями сущность и общее значеніе этого явленія, не касаясь однако разнообразной сферы практическаго его примѣненія. Этимъ исчерпывается, повидимому, вся научная дѣятельность Павловскаго до 1835 г.

Ад. Дьячковъ напечаталъ только актовую рѣчь „О выгодахъ торговаго баланса". Въ ней онъ вооружается противъ мнѣній по этому вопросу Адама Смита, Сея и ихъ школы. Его собственное заключеніе таково: „надзоръ правительства за торговлей необходимъ также, какъ и надзоръ отца за издержками своего семейства. „Можно ли съ Кондильякомъ, говоритъ онъ въ заключеніе, разливать ядовитыя лжемудрованія о вредѣ таможенъ, заставъ, налоговъ на промышленность и потребленіе? Неужели и у насъ будутъ такимъ же образомъ изъявлять непріязненныя мнѣнія противъ мѣръ правительства, пекущагося о нашемъ благѣ? Да не будетъ. Въ „Укр. Вѣст." Дьячковъ помѣстилъ статью о перспективѣ, служившую введеніемъ въ его (ненапечатанное) изслѣдованіе по этому вопросу. Издатели называютъ дарованія автора геніальными—для этого нѣтъ однако никакихъ данныхъ; его статья—краткая замѣтка въ 12 стр.

Проф. *Сухомлиновъ* напечаталъ актовую рѣчь на латинскомъ языкѣ „De iis, quae in processu chemico agunt"; здѣсь говорится о свойствахъ химическихъ процессовъ.

Проф. *Черняевъ* напечаталъ рѣчь „О пользѣ отечественныхъ злаковъ". Здѣсь говорится о пользѣ такихъ дикорастущихъ растеній, какъ дикая рожь, манна, кровавая перстнянка, овесъ приторный и о вредѣ плевеловъ и перистаго ковыля.

Робушъ произнесъ актовую рѣчь „Взглядъ на военныя науки у древнихъ и новѣйшихъ народовъ". Началъ онъ ее съ оправданія военныхъ наукъ—вредны не самыя науки, а злоупотребленіе ими. Примиреніе разума съ религіей сдѣлаетъ благодѣтельнымъ и военное искусство, ибо есть войны праведныя, благословляемыя небомъ, защищающія правду. Обозрѣвъ военное искусство у разныхъ народовъ, ораторъ останавливается на Наполеонѣ, тактика коего была поражена по промыслу Божію Имп. Александромъ. Онъ же выпустилъ въ свѣтъ три учебника 1) Теорію ариѳметики. Х., 1822, 27 стр. и 2) Краткое руководство къ познанію ариѳметики. Х., 1831, 3) Краткое руководство къ познанію алгебры для благородныхъ воспитанниковъ его пансіона Х., 1833.

Ник. Дьяченко для полученія степени магистра чистой математики напечаталъ „Разсужденіе объ успѣхахъ послѣ Ейлера, сдѣланныхъ въ нахожденіи интеграловъ опредѣленныхъ и объ употребленіи ихъ". Х., 1835 г., 46 стр.

Вотъ что говоритъ авторъ о цѣли своего сочиненія. „Разсматривая творенія математическія новѣйшихъ славныхъ геометровъ, замѣтимъ, что всѣ отрасли сей науки сдѣлали въ послѣднія времена успѣхи быстрые и весьма полезные. Исчисленіе интеграловъ опредѣленныхъ, кажется, наиболѣе обратило на себя вниманіе ихъ по причинѣ вліянія, которое могутъ имѣть его законы на всѣ другія математическія части. Валлисъ (Arithmetica infinitorum) есть изобрѣтатель интеграловъ опредѣленныхъ, одного изъ тѣхъ рѣдкихъ произведеній нашего ума, которыя отъ времени до времени, являясь на горизонтѣ познаній человѣческихъ, разливаютъ наономъ новый свѣтъ, составляя блистательнѣйшую эпоху въ исторіи наукъ. Сія отрасль интегральнаго исчисленія значительно увеличена трудами Ейлера, который, руководствуясь во всѣхъ своихъ изслѣдованіяхъ рѣдкою проницательностью своего ума и будучи одаренъ неисчерпаемымъ геніемъ, превосходилъ своихъ современниковъ не только отличными достоинствами своихъ твореній, но и началами блестящихъ теорій. Способы, употребляемые Ейлеромъ при нахожденіи интеграловъ опредѣленныхъ, могутъ быть раздѣлены на 3 класса. Послѣ Ейлера усовершенствованіемъ сей важной части анализа занимались, Лежандръ, Лапласъ, Пуассонъ, Коши и нѣк. др. Разсмотрѣніе успѣховъ, сдѣланныхъ сими геометрами въ нахожденіи интеграловъ опредѣленныхъ и показаніе употребленія сего исчисленія будутъ предметомъ моего разсужденія“.

Выводы, къ коимъ пришелъ авторъ, таковы:

1) Изобрѣтеніемъ исчисленія интеграловъ опредѣленныхъ мы обязаны Валлису. 2) Сія отрасль интегральнаго исчисленія значительно увеличена трудами Ейлера. 3) Послѣ Ейлера усовершенствованіемъ сей важной части анализа занимались Лежандръ, Лапласъ, Бидонъ, Пуассонъ и Коши. 4) Лежандръ въ особенности занимался изслѣдованіемъ двухъ интеграловъ опредѣленныхъ, кои онъ назвалъ интегралами Ейлеровскими. 5) Лапласъ при нахожденіи величинъ интеграловъ опредѣленныхъ употреблялъ интегралы двойные и переходъ отъ вещественныхъ количествъ къ мнимымъ. Онъ первый началъ употреблять интегралы двойные для нахожденія величинъ интеграловъ опредѣленныхъ. 6) Когда интегрируемая функція дѣлается безконечною между предѣлами интегрированія, то въ такомъ случаѣ, по мнѣнію Пуассона, интегралъ опредѣленный не можетъ быть раздѣленъ на 2 части. 7) Я съ онымъ мнѣніемъ Пуассона не согласенъ. По моему понятію интегралъ опредѣленный не можетъ быть раздѣленъ на 2 части въ томъ только случаѣ, когда за предѣлъ средній будетъ взято количество, обращающее въ безконечность функцію интегрируемую и функцію происходя-

щую отъ интегрированія. 8) Всякій интегралъ опредѣленный, въ которомъ функція интегрируемая дѣлается только одинъ разъ безконечною между предѣлами интегрированія, имѣетъ величину мнимую, что первый замѣтилъ Пауссонъ. 9) Коши, при розысканіи величины, интеграловъ опредѣленныхъ, большею частью употреблялъ интегралы двойные и исчисленіе резидю (résidu). 10) Когда функція интегрируемая дѣлается безконечною или обращается въ 0/0 при величинахъ, содержащихся между предѣлами интегрированія или при величинахъ равныхъ этимъ предѣламъ, то въ такомъ случаѣ, по мнѣнію Коши, невозможно отмѣнять порядокъ двухъ интегрированій въ двойныхъ опредѣленныхъ интегралахъ. Я съ этимъ мнѣніемъ Коши не согласенъ. 11) Нахожденіе площадей кривыхъ линій, вычисленіе поверхностей и толстотъ тѣлъ, опредѣленіе центровъ тяжести, рѣшеніе, уравненіе, суммованіе рядовъ, интерполированіе, интегрированіе обыкновенныхъ дифференціальныхъ уравненій и уравненій въ частныхъ дифференціальныхъ суть проблемы, въ которыхъ употребляются интегралы опредѣленные.

Проф. *К. Нельдехенъ*, говорилъ только актовую рѣчь на нѣмецкомъ языкѣ подъ заглавіемъ: „Landwirthschaft und die mit ihr zusammen hängenden Gewerbe, sind die Grundlagen des Staatsreichthums“.

Ад. *Байковъ* произнесъ рѣчь „О счетныхъ системахъ“. Давъ основательное понятіе о системахъ счисленія у разныхъ народовъ, авторъ въ заключеніе выражаетъ удовольствіе, что въ математикѣ умъ человѣческій труднѣе всего впадаетъ въ заблужденіе и что въ нынѣшнее время, благодаря развитію образованія и заботамъ о немъ Имп. Александра I, разумъ подъ эгидою вѣры можетъ заниматься глубокими розысканіями и не теряться въ цѣпи схоластическихъ умствованій.

Проф. *Делявинъ* выступилъ на актѣ въ 1817 году съ рѣчью на французскомъ языкѣ „Du dépérissement annuel des forêts et de la nécessité pressante de les réparer et de les entretenir“. Начавъ съ указанія на постоянно возраставшую цѣну дровъ и другихъ лѣсныхъ матеріаловъ, авторъ ставитъ ее въ связь съ истребленіемъ лѣсовъ, наносящимъ ущербъ не только нынѣшнему, но и будущимъ поколѣніямъ. Затѣмъ онъ останавливается на причинахъ отмѣченнаго имъ явленія—стремленіи къ роскоши, отсутствіи агрономическихъ познаній у помѣщиковъ, несоотвѣтственномъ распредѣленіи земель между владѣльцами, на рубкѣ лѣсовъ для хвороста, на порчѣ молодыхъ деревьевъ скотомъ. Съ удовольствіемъ онъ отмѣчаетъ отрадный случай, когда одинъ помѣщикъ, имени котораго изъ скромности онъ не называетъ, засадилъ лѣсомъ безплодную песчаную равнину въ 50 десятинъ. Но это единичный фактъ, обыкновенно же лѣса не насаждаются, а истребляются. Въ заключеніе ораторъ остана-

вливается на средствахъ борьбы со зломъ—совѣтуетъ заборы изъ хвороста замѣнить живою изгородью и дѣлаетъ подробныя указанія относительно того, какія растенія сажать на какихъ земляхъ.

Актовая рѣчь *Затеплинскаго* „Объ успѣхахъ ума въ астрономіи" написана очень хорошо, ясно и картинно. Въ ней дано общее понятіе о тѣхъ успѣхахъ, какіе сдѣлала наука астрономія. Имѣя дѣло съ публикой, не получившей спеціальной математической подготовки, авторъ обходится безъ формулъ и ихъ доказательствъ, а довольствуется указаніемъ на важнѣйшія открытія, сдѣланныя столпами астрономической науки—Коперникомъ, Кеплеромъ, Ньютономъ, Клеро, Д'Аламберомъ, Эйлеромъ, Лапласомъ, Лагранжемъ. Главнымъ образомъ авторъ ведетъ рѣчь о лунѣ и землѣ.

Вас. Комлишинскій, будучи еще адъюнктомъ, напечаталъ обширную актовую рѣчь „*О неводяныхъ атмосферныхъ осадкахъ*". Въ началѣ по обыкновенію говорится о безсмертныхъ заслугахъ Имп. Александра I. Затѣмъ авторъ переходитъ къ своей темѣ, говоритъ объ атмосферѣ, ея составѣ, присутствіи въ ней постороннихъ тѣлъ; и подробно останавливается на аэролитахъ—разсматриваетъ сначала условія, при которыхъ происходитъ ихъ паденіе, и обстоятельства, его сопровождающія, описываетъ физическій и химическій составъ воздушныхъ камней, упавшихъ на землю, подробно останавливается на теоріяхъ ихъ происхожденія и, наконецъ, касается другихъ явленій, имѣющихъ нѣкоторую аналогію съ даннымъ (не металлическіе огненные шары, падающія звѣзды, огненный, сѣрный, кровяной и песчаный дождь, туманы, не состоящіе только изъ водяныхъ паровъ). Изложеніе—подробное, обстоятельное и систематическое. Ссылокъ на литературу предмета нѣтъ; но видно обстоятельное знакомство съ предметомъ. Есть указанія на факты, относящіеся къ мѣстному краю. Любопытно свѣдѣніе о слизистомъ веществѣ, упавшемъ вмѣстѣ съ дождемъ въ Харьковѣ въ началѣ іюля 1816 года. „Во время сильнаго проливнаго дождя около 2—3 час. пополудни, работники здѣшней университетской типографіи подняли упавшую въ глазахъ ихъ вмѣстѣ съ дождемъ слизистую на студень похожую массу довольно значительной величины. Они принесли ее въ типографію и когда доведено было объ этомъ до моего свѣдѣнія, то къ сожалѣнію я не нашелъ уже ничего болѣе, какъ расплывшуюся жидкость, которую собрать было нельзя, тѣмъ менѣе подвергнуть ее надлежащему испытанію".

Онъ же закончилъ переводъ 3-го и 4-го тома капитальной „Всеобщей Химіи" Гизе на русскій языкъ.

Переходимъ теперь къ обозрѣнію трудовъ профессоровъ медицинскаго факультета. Профессору *Н. И. Еллинскому* принадлежитъ обшир-

ный трудъ—пособіе по хирургіи—„Обозрѣніе десмургіи“. Х. 1832 г., 2 тома, XXXII, 435, XVIII, 521. Въ предисловіи авторъ говоритъ. „Всѣмъ извѣстенъ недостатокъ учебныхъ книгъ по медицинской части на нашемъ языкѣ. Превосходное руководство въ преподаваніи хирургіи, сочиненное его превосходительствомъ и академикомъ И. Ѳ. Бушемъ. составляетъ въ нѣкоторыхъ университетахъ драгоцѣнную рѣдкость, коею пользуются немногіе. Почему слушатели большей части медицинскихъ заведеній должны переписывать профессорскія лекціи и по крайней мѣрѣ половину своего драгоцѣннаго времени терять на эти занятія, разстраивающія при томъ и здоровье ихъ. Желая облегчить моихъ слушателей въ этомъ отношеніи, я рѣшился издать полный курсъ хирургіи. Чувствую, сколь важенъ трудъ, предпріемлемый мною и сколь онъ мало сообразенъ моимъ средствамъ. Но доброе желаніе увлекаетъ меня. Представляемая десмургія есть первая часть хирургіи. За нею по возможности послѣдуетъ наука о хирургическихъ инструментахъ, потомъ оперативная хирургія, наконецъ носологія и терапія хирургическихъ болѣзней. Я счелъ за нужное предувѣдомить объ этомъ моихъ читателей, ибо моя десмургія, какъ часть цѣлаго, можетъ быть обсуждена въ полнотѣ, по изданіи прочихъ хирургическихъ наукъ. Тогда объяснится многое, что быть можетъ покажется страннымъ въ системѣ. избранной мною, и пополнится то, что привыкли видѣть въ десмургіи. хотя оно и не принадлежитъ ей, по крайней мѣрѣ при той точкѣ зрѣнія, съ которой я смотрю на эту науку. И я убѣжденъ вмѣстѣ съ другими, что невозможно провести рѣзкую черту между десмургіей (наукой о перевязочныхъ средствахъ) и наукою объ инструментахъ; но столь-же сильно увѣренъ и въ томъ, что эти науки, по множеству и разнообразію предметовъ, ими разбираемыхъ, должны быть раздѣлены и что онѣ, безъ нарушенія ученой точности, могутъ существовать отдѣльно. Мое опредѣленіе перевязочныхъ тѣлъ, хотя и не развязываетъ Гордіева узла, но, кажется, достаточно обозначаетъ границы десмургіи, такъ что, слѣдуя ему, можно почти въ каждомъ случаѣ положить рѣшительно, какое врачебное средство должно быть отнесено къ десмургіи и какое не принадлежитъ къ ея предметамъ. Имѣются правда нѣкоторыя механическія врачебныя средства, кои подходятъ подъ упомянутое опредѣленіе, которые однако и мною самимъ отнесены къ наукѣ объ инструментахъ; но такихъ тѣлъ весьма немного и они никакъ не могутъ разрушить основнаго положенія о предѣлахъ десмургіи. Различіе между перевязочными тѣлами и инструментами состоитъ не въ одной ихъ натурѣ, но и въ способѣ употребленія и въ самомъ назначеніи, которое можетъ быть не одинаково. Отъ этого происходитъ,

что одно и то же тѣло иногда должно быть считаемо инструментомъ, а въ другомъ случаѣ повязкою. Если оно чаще употребляется въ видѣ неревязочнаго средства, то его должно разсматривать въ дисмургіи, а въ противномъ случаѣ въ той наукѣ, которую многіе, хотя и не совсѣмъ точно, называютъ акологіею.... Повязки, изобрѣтенныя для одного женскаго организма, исключены изъ моей десмургіи, ибо настоящее мѣсто ихъ есть гинекологія, которая изъ всѣхъ медицинскихъ наукъ извлекаетъ принадлежащее женскому полу. Десмургическія средства противъ болѣзненно направленной воли (у психически больныхъ) обыкновенно не разсматриваются въ десмургіяхъ.

На актѣ въ 1826 году Еллинскій произнесъ рѣчь „De inflammationis causa proxima"; о содержаніи рѣчи даетъ понятіе ея заглавіе.

Проф. *Ив. Каменскимъ* составленъ и изданъ былъ латино русскій и русско латинскій словарь для учащагося юношества—1) *Латинскій словарь*, X, 1816 г., XXXI, 360 стр.; 2) *Россійскій словарь*, X, 1817, IV, 160 стр. Въ обширномъ введеніи къ первому словарю авторъ объясняетъ, что его словарь предназначается для начинающихъ и потому отличается краткостью редакціи; здѣсь же онъ приводитъ цѣлый рядъ сложныхъ словъ, оставленныхъ безъ перевода, потому что они либо удержали значеніе простыхъ, либо выражаются приложеніемъ стоящаго передъ ними предлога къ основному значенію. Въ русско латинскомъ словарѣ Каменскаго было помѣщено до 18000 словъ, т. е. столько, сколько требовалось для выраженія всякой русской рѣчи латинскою.

Ему же принадлежитъ рѣчь, сказанная на актѣ 25 декабря 1815 г. „*О успѣхахъ просвѣщенія въ округѣ Харьковскаго университета*". Въ началѣ говорится о пользѣ наукъ. Какой отдѣлъ государственнаго управленія, спрашиваетъ ораторъ, можетъ обойтись безъ наукъ? Затѣмъ авторъ приводитъ статистическія данныя объ училищахъ и учащихся въ нихъ въ Харьковскомъ учебномъ округѣ въ 1805 и въ 1814 годахъ (о нихъ мы говорили въ 1-мъ томѣ своего труда, стр. 1201). Потомъ перечисляются науки, преподаваемыя въ уѣздныхъ училищахъ, гимназіяхъ и университетѣ, учебновспомогательныя учрежденія Харьковскаго университета (кабинеты—физическій, зоологическій, минералогическій, технологическій, нумизматическій, библіотека, химическая и фармацевтическая лабораторія, анатомическій тэатръ, два клиническихъ института, ботаническій садъ и типографія) и кратко говорится о ихъ назначеніи и составѣ и наконецъ сообщаются данныя объ учащихъ и учащихся (за 9 первыхъ лѣтъ университетъ выпустилъ 102 кандидата, 12 магистровъ, 6 докторовъ, 9 лекарей). Въ заключеніе

авторъ выражаетъ желаніе, чтобы у насъ явились свои Ньютоны, Бэконы и Канты, Лавуазье. Всѣ состоянія съ распространеніемъ наукъ и просвѣщенія примутъ другой видъ: помѣщикъ займется приложеніемъ познаній, полученныхъ въ университетѣ, къ сельскому хозяйству; купецъ отринетъ съ негодованіемъ корысть, превышающую его трудъ; судья будетъ изрекать честный судъ въ защиту невиннаго; всякій гражданинъ будетъ содѣйствовать общему благу, а не личной выгодѣ.

Проф. *Ваннoти* принадлежитъ актовая рѣчь—„Uuber die muthmassliche Heilbarkeit fast aller krankheiten“—о вѣроятной излѣчимости почти всѣхъ болѣзней. Послѣ введенія, гдѣ говорится вообще о здоровьи и необходимыхъ для него условіяхъ, авторъ останавливается на болѣзняхъ, какъ уклоненіяхъ отъ естественнаго правильнаго отправленія организма. Среди болѣзней не много неизлѣчимыхъ и есть не мало условій, благопріятствующихъ возможности излѣченія. Главнымъ же изъ нихъ нужно признать жизненный процессъ самого организма, ведущій къ его возрожденію; особенно разительно обнаруживается производительная сила его при возобновленіи потерянныхъ или изуродованныхъ частей. Мускулы и нервы также обладаютъ производительною способностью; раны, считавшіяся неизлѣчимыми, теперь излѣчиваются вполнѣ; бываютъ организмы безъ такихъ важныхъ органовъ какъ печень, селезенка, легкое, почка. Въ заключеніе авторъ приводитъ слова Парацельса: „если ты любишь своего ближняго, то не говори ему—тебѣ не возможно помочь, но скажи—я не умѣю тебѣ помочь“. Этими словами опредѣляется и основная цѣль рѣчи: авторъ хотѣлъ съ одной стороны представить объективныя данныя въ пользу возможной излѣчимости большинства болѣзней, а съ другой воздѣйствовать на чувство своихъ слушателей и вызвать у нихъ бодрость духа и вѣру въ могущество врачебной науки.

Проф. *Венедиктовъ* на актѣ 1830 года произнесъ рѣчь „О динамическомъ способѣ изъясненія образовательныхъ явленій органической природы“. Содержаніе ея, а равно другихъ ученыхъ работъ Венедиктова приведено въ очеркѣ проф. М. А. Попова. Здѣсь говорится о двухъ полярныхъ силахъ—vis attractiva et repulsiva—стремящихся къ производству покоя, о силахъ механическихъ, химическихъ и динамическихъ, о динамической системѣ Канта, о невѣсомыхъ и жизненной силѣ, объ исторіи развитія животнаго организма.

Ему же принадлежитъ статья—„*предрасполагающія причины къ заболѣванію холерой*“ (въ „Трактатѣ о повально заразительной болѣзни холерѣ, бывшей въ Россіи въ 1830 и 1831 году, сочиненномъ членами совѣта при центральной коммиссіи и разсмотрѣнномъ медицинскимъ совѣтомъ министерства внутренныхъ дѣлъ. СПБ. 1831, статья IV.

стр. 135—155). Подробно указываются, какъ общія, такъ и частныя причины заболѣванія холерой.

Въ связи съ предъидущей находится другая его статья—„изслѣдованія анатомико-патологическія холеры“ (Ibidem, стр. 156—192): это рядъ наблюденій автора при вскрытіи труповъ холерныхъ больныхъ.

Сюда же, наконецъ относится и третья статья—„Производящая причина (causa efficiens) и сущность заразительнаго начала (natura contagii) холеры (Ib., стр. 193—207). Холера, по мнѣнію автора, есть произведеніе совершенно неизвѣстнаго болѣзнетворнаго начала, находящагося въ началѣ внѣ организма. Воспринимаетъ эту заразу кожа или слизистая оболочка легкихъ или обѣ одновременно [1].

Проф. *Брандейсъ* въ 1828 году выступилъ съ краткою рѣчью на латинскомъ языкѣ (Oratio aditialis), въ которой указалъ на этическія требованія отъ будущихъ врачей—они должны быть религіозны, сострадательны, скромны, внимательны и не имѣютъ права дѣлать разглашеній о болѣзни.

Въ слѣдующемъ году проф. *Брандейсъ* произнесъ на латинскомъ языкѣ рѣчь „*Ἡ μετασυγκριτικὴ θεράπεια* seu medicatio, qua prisci methodici recorporationem efficere moliti fuerunt, in usum revocanda est“. Обстоятельная монографія, основанная на сочиненіяхъ Цельза, Плинія и Авреліана; авторъ жалуется, что не могъ достать въ Харьковѣ сочиненій Галена.

Проф. *Рейнольскій* читалъ на актѣ въ 1831 году разсужденіе „О холерѣ“, любопытное въ томъ отношеніи, что авторъ приводитъ здѣсь наблюденія изъ своей собственной практики въ Харьковѣ и Курскѣ, надъ свойствами болѣзни, и надъ ея лѣченіемъ. Между прочимъ онъ высказывается довольно рѣшительно противъ заразительности холеры.

Громову принадлежатъ три актовыя рѣчи—двѣ спеціальнаго характера „Hydrargyrum pharmacologice consideratum“ и „Divisio medicamentorum usui practico magis accomodata“ и третья „Объ общихъ органическихъ силахъ и постепенномъ отношеніи ихъ между собою“. Эта послѣдняя—натуръ философскаго характера; заключаетъ въ себѣ рядъ законовъ или выводовъ о природѣ и особенностяхъ силъ, входящихъ въ составъ животнаго и растительнаго міра и взаимномъ ихъ соотношеніи (чувствительности, рождаемости).

Проф. *Блюменталь* напечаталъ „Conspectus rei obtetricae quem in usum praelectionum conscripsit“ 1832, 215 p., а также актовую рѣчь „De cranii perforatione in praxi obstetricia evitanda“.

---

[1] Проф. А. С. Венедиктовъ. Проф. М. А. Попова; Х. 1899, стр. 75—79.

Бутковскій произнесъ рѣчь „Diatribe isagogica de statu medicinae hodierno deque cruendo aptiori systemate nosologico morborum ad chirurgiam spectantium“.

Богородицкій напечаталъ рѣчь „De educatione neonatorum physica“.

Самимъ университетомъ для употребленія въ гимназіяхъ была издана „Хрестоматія или избранныя мѣста изъ латинскихъ классическихъ писателей по руководству Гедике“ (2-е изданіе, Х., въ унив. тип., 1819 г., 459 стр.). Здѣсь мы находимъ отрывки изъ Аврелія Виктора, Евтропія, Корнелія Непота, Юстина, Помпонія Мелы, Юлія Цезаря, Цицерона, Веллея Патеркула, Валерія Максима, Курція, Саллюстія, Ливія, Тацита, Светонія, Плинія старшаго, Плинія младшаго и Сенеки. Текстъ отрывковъ сопровождается пояснительными примѣчаніями на русскомъ языкѣ.

Въ 1831 г. университетъ издалъ для наставленія юношества въ начальномъ познаніи латинскаго языка „Собраніе примѣровъ“. Здѣсь есть и басни, и повѣсти, и разсказы изъ естественной исторіи.

Затѣмъ, слѣдуетъ отмѣтить еще третье университетское изданіе— „Jndex plantarum horti botanici universitatis Caesareae“. Ch., typis acad, 1823, 80 p., заключающее въ себѣ полный перечень въ алфавитномъ порядкѣ всѣхъ растеній университетскаго сада.

Наконецъ, чтобы добиться возможной библіографической полноты въ очеркѣ научной дѣятельности Харьковскаго университета въ изучаемый нами періодъ времени, мы дадимъ понятіе о диссертаціяхъ, представленныхъ въ Харьковскій университетъ на ученыя степени молодыми людьми, не достигшими профессуры въ Харьковскомъ университетѣ, а также объ изданіяхъ и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, такъ или иначе, прикосновенныхъ къ университету.

Кандидатъ *Ив. Майстренковъ* напечаталъ для полученія степени магистра россійскаго правовѣдѣнія „Разсужденіе объ основаніи наслѣдованія по завѣщанію вообще и въ особенности по россійскимъ узаконеніямъ“, Х., въ унив. тип., 1824 г., 30 стр. Въ общей части мы находимъ ссылки на Пуффендорфа (De jure naturae et gentium), Вольфа (Jus naturae), Монтескье; въ специальной—на различныя русскіе законодательные сборники. Въ концѣ книжки—положенія. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ. „Основаніе права наслѣдованія по завѣщанію есть воля, изъявленная прежнимъ владѣльцемъ собственности. Изъ всѣхъ образовъ правленія Монархическій наиболѣе допущаетъ свободу завѣщательности. Въ Россіи одни только письменныя завѣщанія допускаются“.

Разсужденіе о томъ, въ чемъ состоитъ сущность исторіи и какой надлежащій способъ ея изученія. Написано кандидатомъ Николаемъ

Корсуномъ для полученія степени магистра по части исторических наукъ. Х., въ унив. тип. 32 стр. Небольшая брошюрка безъ ссылокъ на источники (кромѣ одной на Мюллера). О содержаніи ея даютъ понятіе слѣдующіе выводы автора: 1) исторія въ сущности своей есть ничто иное, какъ наука, показующая духовный путь, по коему Превѣчный ведетъ чадъ времени къ пріобщенію ихъ къ своей любви; 2) историческая прагматика не должна ограничиваться исключительно правилами для земной жизни—познаніемъ людей или результатами политическихъ наблюденій; но ей надлежитъ преимущественно показать намъ яснѣе цѣль нашего назначенія и удостовѣрить насъ въ той истинѣ, что всѣ удары, постигающіе народы и государства, суть ничто иное, какъ одни испытанія, ниспосылаемыя Высочайшею Любовію на семъ пути, по коему она ведетъ родъ человѣческій къ доставленію ему вновь потеряннаго имъ благополучія; 3) знаніе въ исторіи однихъ происшествій, безъ изслѣдованія сокрытой связи ихъ всѣхъ между собою и отношенія ихъ къ первоначальной причинѣ, не составляетъ истиннаго знанія исторіи; 4) въ историческомъ образованіи необходимо нужно соединить со знаніями, относящимися непосредственно къ исторіи, и свѣдѣнія въ поэзіи; 5) изученіе исторіи наилучшее есть то, въ которомъ изъ каждаго происшествія и обстоятельства извлекаются уроки добродѣтели для сердца и пища для ума; 6) преподающій исторію долженъ обращать особенное вниманіе своихъ слушателей на систематическое соединеніе всѣхъ частей ея, дабы образовать изъ того одно цѣлое, соотвѣтствующее истинному назначенію и цѣли исторіи.

Dissertatio inauguralis de legum poenalium sententia ac vi deque applicatione poenarum forensium, quam ad gradum juris utriusque doctoris consequendum in Caesarea universitate, quae Charkoviae constituta est, publice defendendam, conscripsit magister juris Basilius Titarew, Charcoviae, typis universitatis, 1815, 64 (посвящена Димитрію Прокофьевичу Трощинскому, министру юстиціи). Имѣются ссылки на нѣмецкія пособія, русскія переводы ихъ (Разсужденіе о гражд. и уголовн. законополож.), Шада (Institutiones juris naturae), наказъ Екатерины II-й, соч. Беккарія, Монтескье, Бентама, русскіе указы [1]).

[1]) Тезисы автора таковы: 1) Jus, qua complexus conditium, sub quibus libertas externa universalis possibilis sit, cogitari potest. 2) Leges justae agnoscuntur, si per illas nihil aliud, nisi idea juris progressu infinito se evolvens, et ad rerum adjuncta accommodata, exprimatur. 3) Omnis cultura clymati, ingenio populi. spiritui constitutionis ac facilitati, ea, quibus necessitatibus corporis satisfit, acquirendi, accomodanda est. 4) Indigna nomine scientiae politicae ars illa, quae evertit id legibus, quod convellendum erat consuetudine. 5) Quanti quibusvis in terris aestimatur vita, bona et libertas civium in tantum crescunt agendi quoque formulae in judiciis. 6) Sicubi leges, relatae ad statum

Кандидатъ Семенъ *Ерофѣевъ* напечаталъ на степень магистра россійскаго правовѣдѣнія „*Разсужденіе о доказательствахъ уголовныхъ преступленій и о свойствахъ сихъ доказательствъ вообще и въ особенности по россійскимъ узаконеніямъ.* X., *въ унив. тип. 1825 г., 78 стр.* Здѣсь мы находимъ ссылки на Беккарія, Наказъ, Цицерона, Ульпіана, Гобса, Болтина, Судебникъ, Уложеніе, Воинскій процессъ, морской уставъ указы разныхъ лѣтъ и др.

Болѣе интересныя положенія диссертаціи таковы. Ненарушимость гражданской свободы требуетъ долгаго и строгаго разысканія доказательствъ уголовныхъ преступленій и опрометчивость въ уголовныхъ слѣдствіяхъ гораздо опаснѣе медлительности. Пытка, въ противность мнѣнію нѣкоторыхъ, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть допущена, какъ средство для доказательства уголовныхъ преступленій. Собственное сознаніе преступника, опредѣляемое россійскими узаконеніями, по истинѣ есть лучшее свидѣтельство во всемъ свѣтѣ. Единообразіе свидѣтельскихъ показаніи не всегда бываетъ вѣрнымъ признакомъ ихъ

---

populi praesentem, severae erant, impunitas scelerum nata est ex ipsa legum severitate. 7) Poenam, debita cum celeritate factam, justam utilemque esse, experientia docet. 8) Certitudo atque crimini poenae aequiparatio fraenum fidissimum est, quo delicta praecaveri possunt. 9) Datur jure romano emancipatio tacita. 10) Usus fructus per cessionem ejus, extraneo factam, non finitur. 11) Haeres, fideicommisso oneratus Trebellianicam amittit, ubi inventarii confectionem negligit. 12) Beneficium excussionis haud denegandum est fidejussori, qui tanquam debitorem principalem sese obligat, excepto, quum concursus creditorum contra debitorem ortus est. 13) Haud opus est jurata renunciatione senatus consulti Vellejani, si mulier pro extraneo intercedit. 14) Jus accrescendi emtori haereditaris ita non competit, ut cohaeredis deficientis portionem capiat. 15) Codex juris Rossici antiquus sub nomine Sudebnik veniens, quoad aequitatem naturalem distinctam legum expositionem, nec non prudentiam civilem codici posterius edito, nomineque Uloshenie insignito, certo respectu praeferendus. 16) Jus primogeniturae in haereditate acquirenda a Petro Magno introductum, et anno 1731 abrogatum, ex reliquiis systematis juris feudalis, ad secul. XVII fere per Europam grassantis, repetendum est. 17) Servi Rossorum antiquissimis temporibus acquirebantur captivitate, aut si liber homo se ipsum vendidit, aut venundari passus est, per subjectionem creditoribus debitorum, aes alienum solvendo imparium, ac denique per voluntariam sui in servitutem ob inopiam speratamve tutelam, dictionem. 18) Libertas non est danda praemature et pariter magno numero servorum. 19) Productio frequentiae civium, haec fortitudinis ac independentiae politicae praecipua est conditio. 20) Justissimum atque utilissimum est, ut civitas plura, quantum potest, dominia possideat. 21) Divitiae populi non in summa pecuniae circulantis sed in complexu capitis realis, tam fixi, quam transitorii, consistunt. 22) Ingeniosum sophisma: quo majora scilicet tributa subditis imperantur, eo citius pervenire illos ad statum, quo possint ea pendere, prorsus falsum est. 23) Leviora tributa putantur ea, quae sponte quasi pendant homines, quae omnes cives generatim tangunt, augenturque ea ratione, qua augetur reditus purus uniuscujusque.

справедливости. Письменные документы, какъ доказательства уголовныхъ преступленій, не могутъ равняться въ силѣ своей съ доказательствами, заимствуемыми отъ собственнаго признанія и отъ свидѣтелей. Доказательство присягою въ нѣкоторыхъ случаяхъ не только нужно, но и необходимо. Кромѣ знанія законовъ проницательность и безпристрастіе должны быть двумя главными спутниками производителя слѣдствія.

Изложеніе главнѣйшихъ системъ нравственныхъ древнихъ и новѣйшихъ философовъ. Разсужденіе, написанное кандидатомъ Захаріемъ Савичемъ для полученія степени магистра по части теоретической и практической философіи. Х., въ унив. тип., 1825 г., 59 стр.

О содержаніи этого разсужденія даютъ понятіе слѣдующія его положенія. 1) Естественное состояніе человѣка есть по всей справедливости общежительное его состояніе. 2) Кромѣ книгъ священнаго писанія никакой памятникъ историческій не указываетъ намъ съ надлежащею достовѣрностію того времени, въ которое произошли первыя между людьми общества. 3) Нравственная наука имѣетъ предметомъ постановить одно главное начало и доставить посредствомъ онаго человѣку надежное средство различать добро отъ зла и вмѣстѣ съ симъ возможность примѣнять его во всѣхъ частныхъ предпріятіяхъ и поступкахъ. 4) Всѣ извѣстныя досего времени системы нравственныя могутъ приведены быть къ слѣдующимъ тремъ существенно различнымъ между собою системамъ: 1) къ системѣ эвдемонизма, 2) формальнаго раціонализма, 3) къ системѣ непорочной, ко временному и вѣчному бытію относящейся, разумной жизни. 5) Главный порокъ эвдемонистовъ есть тотъ, что они оцѣниваютъ все достоинство человѣка, его дарованія и самую добродѣтель по мѣрѣ услугъ, доставляемыхъ ими наслажденіямъ и нерѣдко однимъ только чувственнымъ. 6) Напротивъ того главный порокъ системъ нравственныхъ, основанныхъ на формальныхъ началахъ есть тотъ, что онѣ внушаютъ человѣку гордость и безусловную самостоятельность, которая столь удобно увлекаетъ къ тончайшему эгоизму. 7) Всѣхъ же вообще и самыхъ превосходныхъ системъ нравственныхъ, основанныхъ на одномъ разумѣ независимо отъ божественнаго откровенія, существенный недостатокъ есть тотъ, что онѣ имѣютъ цѣлью испорченную волю человѣка исправить чрезъ ту же волю. 8) Превосходное правило Аристотеля (ne quid nimis) не можетъ быть принято за верховное начало нравоученія, ибо оно не объемлетъ всѣхъ частей, къ ученію о добродѣтели относящихся. 9) Нравственная система Платона не можетъ быть отнесена, какъ нѣкоторые полагаютъ, къ системѣ одной только умозрительной все земное презирающей жизни.

10) Изъ ученія стоиковъ видно, сколь высокое понятіе имѣли они о добродѣтели, но вмѣстѣ, при первомъ взглядѣ на ихъ систему, замѣтить можно, сколько усилія употреблено ими, чтобы возвысить достоинство ея и поставить существо добродѣтельнаго человѣка превыше всѣхъ скорбей—сдѣлать его счастливымъ даже среди жесточайшихъ мученій. 11) Кантъ неправильно полагаетъ столь большое различіе между теоретическимъ и практическимъ разумомъ. 12) Побужденія къ добродѣтели, принятыя въ системѣ Канта, недостаточны къ произведенію истинной добродѣтели, ибо онѣ совершенно произвольно основаны на однихъ только формальныхъ положеніяхъ его практическаго разума.

Разсужденіе объ основаніи опеки и попечительства вообще и въ особенности по россійскимъ узаконеніямъ, написанное кандидатомъ Александромъ Корсуномъ для полученія степени магистра по части россійскаго правовѣдѣнія. Х., въ унив. тип., 1825 г., 40 стр.

Имѣются ссылки на Монтескье (Духъ законовъ) и Бентама, на историческое и на дѣйствующее русское законодательство. Сочиненіе представляетъ безхитростное описаніе института опеки по дѣйствующему русскому праву.

Вотъ положенія къ этой диссертаціи. 1) Изъ понятія о законахъ слѣдуетъ, что люди, какъ существа разумныя, живущія въ обществѣ, должны имѣть свои законы или обычаи, освященные временемъ, коими они управляются. 2) Естественное состояніе людей не есть состояніе дикости, грубости ихъ, разумѣя подъ нимъ существенное состояніе для котораго назначенъ человѣкъ. 3) Разсматривая права, которыми люди пользуются въ общежитіи, нѣкоторыя изъ нихъ можно признать за дѣйствительно существующія, другія же заключаются еще только въ возможности, которую доставляютъ намъ время, возрастъ и зрѣлый разсудокъ. 4) Опека, составляя существенный предметъ попеченій правительства, основывается на самой природѣ человѣка. 5) Отечественные наши законы не различаютъ обязанностей опекуна и попечителя, хотя предметы, входящіе въ кругъ ихъ дѣйствія, нѣсколько и отличны между собою. 6) Случаи, въ которыхъ необходимо прибѣгнуть къ управленію опекуновъ, заключаются въ самыхъ свойствахъ человѣка—гражданина. 7) Для производства дѣлъ, касающихся до опеки надъ малолѣтними и вдовами, учреждены разныя мѣста, по различію ихъ гражданскаго состоянія. 8) Власть опекуна почти равняется родительской, но, не смотря на обширный кругъ дѣйствованія его, она однакожъ ограничивается положительными законами. 9) Опека надъ безумными и сумасшедшими въ субъективномъ смыслѣ не отличается отъ той, которая существуетъ

для малолѣтнихъ, въ объективномъ же видимъ мы нѣкоторое отличіе. 10) Правила опеки надъ безумными имѣютъ сходство съ опекою древнихъ римлянъ. 11) Неосторожные должники и подъ прощеніемъ состоящіе расточители подвергаются по нашимъ законамъ опекѣ. 12) Въ отечественныхъ законахъ находимъ нѣкоторые особенные случаи, въ которыхъ правительство, для сохраненія казенной и частной пользы, отдаетъ имѣніе въ управленіе опекунамъ".

О баснѣ и о баснописцахъ разныхъ народовъ, извѣстіе объ ихъ жизни, съ нѣкоторыми замѣчаніями на ихъ басни и самыя басни оныхъ. Опытъ распространенный Василіемъ Масловичемъ изъ первой его лекціи, читанной въ Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ по случаю докторскаго экзамена, по словесному отдѣленію, Х., въ университ. тип. 1816 г., 140 стр. (посвящено дѣйствительнымъ членамъ Императорскаго Харьковскаго университета).

Здѣсь говорится о происхожденіи басни, различіи ея отъ повѣсти и сказки, раздѣленіи, о первыхъ индійскихъ басняхъ Вишну, Пильпая, Езопа, Афтонія, Бобрія, Федра, Христа, итальянцевъ—Баиди, Тарга, Фердицотти, Роберти, Пиньотти, французовъ—Лафонтена, Ламота, Рищера, Лемобля, Дората, Оберта, англичанъ—Гая, Эдварда, Моора, нѣмцевъ—Бонера, Геллерта, Лессинга, Мейснера, русскихъ—неизвѣстнаго, Кантемира, Ломоносова, Тредьяковскаго, Сумарокова, Хемницера, Фонъ Визина, Баркова, Майкова, Княжнина, Богдановича, Сковороды, Нахимова, Левшина, Измайлова, Хвостова, Крылова, Дмитріева, Урусова, Бунина; нѣкоторыя басни приводятся въ оригиналѣ, другія—въ переводахъ. Дается и оцѣнка, въ которой Масловичъ слѣдуетъ главнымъ образомъ за Ешенбургомъ. Изъ Сковороды не приведено ни одной басни, потому что трудно было отыскать ихъ. Любопытны двѣ басни неизвѣстнаго переводчика Езоповскихъ басенъ, извлеченные Масловичемъ изъ рукописнаго сборника и относимые имъ (едва ли впрочемъ основательно) ко времени Алексѣя Михайловича.

Докторъ философіи Харьковскаго университета Руставъ *Гессъ де Кальве,* составилъ на нѣмецкомъ языкѣ *Теорію музыки,* которую въ переводѣ на русскій языкъ, исполненномъ Разумникомъ Гонорскимъ, издалъ въ свѣтъ подъ заглавіемъ *„Теорія музыки, или разсужденіе о семъ искусствѣ, заключающее въ себѣ исторію, цѣль, дѣйствіе музыки, генералъ басъ, правила сочиненія (композиціи), описаніе инструментовъ; разные роды музыки и все, что относится къ ней въ подробности. Сочинено въ Россіи и для русскихъ". Х. унив. тип. 1818 г., часть 1-я, 304 стр., ч. 2-я 369.* Книга посвящена Государынѣ Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ, которой ранѣе того былъ поднесенъ авторомъману-

скритъ ея. Въ краткомъ обращеніи къ читателямъ авторъ говоритъ что предисловія подобны рекомендательнымъ письмамъ, даваемымъ родителями избалованнымъ дѣтямъ; его-же книга—плодъ многолѣтняго труда и размышленія, пусть предстанетъ какъ бѣдная сиротка, безъ такого рекомендательнаго письма и пусть сдѣлается извѣстной по собственному достоинству. Во вступленіи авторъ заявляетъ, что свою книгу онъ издаетъ не для барышей—барыши даютъ одни только романы—а онъ долженъ издавать ее на свой счетъ, при маломъ числѣ подписчиковъ. Первоначально онъ расчитывалъ печатать ее въ Петербургѣ, но по отдаленности его отказался отъ этой мысли и напечаталъ въ Харьковѣ и такъ какъ здѣсь нельзя было издать нотъ, то по необходимости долженъ былъ замѣнить ихъ буквами и особыми знаками. Цѣль моихъ трудовъ, говоритъ далѣе авторъ, состоитъ въ томъ, чтобы дать любителямъ музыки въ Россіи средства къ лучшему пониманію этого искусства. Мнѣ кажется, что мы, россіяне, еще не имѣемъ ни одного систематическаго сочиненія, приноровленнаго къ нынѣшней музыкѣ и что нѣтъ ни одной націи во вселенной, которая бы столько же имѣла природнаго расположенія къ этому искусству, какъ наша. Далѣе авторъ приводитъ образцы русской и малороссийской народной пѣсни, дѣлаетъ характеристику музыкальности русскаго народа и приводитъ историческія данныя въ пользу давняго существованія у него военной музыки. Въ заключеніе онъ перечисляетъ свои пособія, указывая на сочиненія Кирнбергера, Марбурга, Фоглера, Альбрехтбергера, доктора Хладни, Форкеля, Руссо, Криница, Сулцера и др. Содержаніе сочиненія Гесса де Кальве таково: здѣсь говорится о музыкѣ вообще, о цѣли музыки, о дѣйствіи музыки, о дѣйствіи музыки на разныя болѣзни, о средствахъ музыки, о тонахъ и лѣствицахъ, о Dur и Mol или твердомъ и мягкомъ голосѣ, объ интервалѣ, о гармоніи и мелодіи, о мелодическомъ напѣвѣ, о ключахъ и нотахъ, о ритмѣ, о гармоническомъ ходѣ, о диссонансіяхъ, о темпо и акцентѣ, объ инструментахъ вообще, о струнныхъ инструментахъ, о духовыхъ инструментахъ, о родахъ музыки, о церковной музыкѣ, объ ораторіи, объ оперѣ, о кантатѣ, о балладѣ, о романсѣ, о ноктурно, о дивертименто, о попури, о пасторали, о маршѣ, о пѣснѣ, о родахъ инструментальной музыки, о симфоніи, о концертѣ, о квартетѣ, о квинтетѣ, секстетѣ, о сонатѣ, о рондо, о варіаціи, о фугѣ, о жигѣ, о фантазіѣ, о плясовой музыкѣ, о балетѣ, о пантоминѣ, объ исторіи музыки съ древнѣйшихъ временъ, о музыкѣ у грековъ, въ ихъ героическомъ вѣкѣ, о музыкѣ у грековъ отъ начала Олимпіадъ до завоеванія Греціи римлянами, о музыкѣ грековъ и римлянъ вообще, о качествѣ музыки древнихъ, о музыкѣ израильтянъ, о турецкой музыкѣ.

Заслуживаютъ вниманія указанія автора на помѣщичьи оркестры въ его время и на современныхъ ему музыкантовъ въ Россіи. Въ общемъ трудъ этотъ хотя, быть можетъ, и не особенно самостоятельный, но содержательный и для своего времени очень полезный.

И. Гриневичъ въ 1817 г. напечаталъ переводъ первой рѣчи М. Т. Цицерона противъ Катилины. Изданіе сопровождалось предисловіемъ, въ которомъ авторъ объяснялъ цѣль своего труда (распространеніе произведеній древней литературы) и заявлялъ, что это только начало, а продолженіе будетъ совершеннѣе. За этимъ предисловіемъ слѣдовало историческое введеніе, въ которомъ излагались обстоятельства, вызвавшія это сочиненіе Цицерона (6—40 стр.). Затѣмъ шелъ русскій переводъ, латинскій подлинникъ и примѣчанія.

Въ томъ же году онъ напечаталъ въ Харьковѣ книгу, *„Бесѣды Цицероновы о естествѣ боговъ“*, томъ первый. Въ началѣ ея помѣщено краткое обозрѣніе древней философіи, заканчивающееся хронологической таблицей греческихъ философовъ, о которыхъ говорится въ сочиненіи Цицерона; затѣмъ идетъ переводъ, подлинникъ и краткое послѣсловіе отъ переводчика, гдѣ онъ говоритъ о темнотѣ оригинала и о своемъ намѣреніи издать свои замѣчанія отдѣльнымъ томомъ подъ заглавіемъ „Разсужденіе о богословіи древнихъ“. Переводъ сопровождается пояснительными примѣчаніями.

Отмѣтимъ также еще слѣдующіе труды, имѣвшіе отношеніе къ Харьковскому университету: 1) посмертное изданіе сочиненій Нахимова (въ 1815 году) со спискомъ подписчиковъ на это сочиненіе, 2) Опытъ риторики Рижскаго, 4-е (посмертное) изданіе (1822 г.).

Изъ почетныхъ членовъ Харьковскаго университета, проживавшихъ въ Харьковской губерніи, энергичную научную дѣятельность попрежнему проявлялъ виновникъ основанія Харьковскаго университета Василій Назарьевичъ Каразинъ, основавшій также въ Харьковѣ знаменитое филотехническое общество и бывшій душею и чуть ли не единственнымъ работникомъ въ немъ. Въ 1819 году В. Н. Каразинъ напечаталъ отчетъ филотехническому обществу за послѣдніе четыре мѣсяца 1818 г.; другіе отчеты его помѣщены въ „Украинскомъ Вѣстникѣ“ и иныхъ повременныхъ изданіяхъ. Весьма любопытна также его „Рѣчь о истинной и ложной любви къ отечеству“, а также статья объ ученыхъ обществахъ и періодическихъ сочиненіяхъ въ Россіи и др. Другой почетный членъ Маршалъ Биберштейнъ издалъ дополненія къ своей „Flora Taurico-Caucasica“ (въ 1819 году).

Нужно впрочемъ имѣть въ виду, что многіе труды профессоровъ не были напечатаны. Такъ, напримѣръ, остались въ рукописяхъ—дис-

сертація адъюнкта Сухомлинова, представленная имъ въ факультетъ для полученія должности экстраординарнаго профессора и озаглавленная такъ: „Expositio doctrinae de fixis et determinatis proportionibus in uniobus corporum chemicis“ и другое сочиненіе его, подъ заглавіемъ „Tentamen teoriae chemicae generalis hodierno chemicae statui accommodatae“, которое было представлено имъ въ факультетъ передъ баллотировкой въ ординарные профессора (изъ экстраординарныхъ)[1]; тоже нужно сказать и объ изслѣдованіи магистра Байкова, представившаго для полученія должности адъюнкта сочиненіе „De functionibus trigonometricis arcuum circularium“ и переводъ трактата Лагранжа „Mechanique analityque“[2]. Магистерская дисертація Байкова „О различныхъ способахъ излагать диффередціальное исчисленіе и о достоинствѣ каждаго способа“ не была также повидимому напечатана.

Обобщая приведенные выше факты, мы приходимъ къ слѣдующимъ заключеніямъ. Наиболѣе выдающимися дѣятелями Харьковскаго университета на ученолитературномъ поприщѣ въ изучаемый нами періодъ времени были на словесномъ факультетѣ—Успенскій, Кронебергъ, Дорнъ; на математическомъ—Осиповскій: на медицинскомъ—Еллинскій, Блументаль. Въ слѣдующую категорію можно отнести: на словесномъ факультетѣ—Дегурова, Паки де Совиньи, Филомаеитскаго, Гонорскаго; на этикополитическомъ—Могилевскаго, Шада, Пауловича; на математическомъ Архангельскаго, Комлишинскаго и Дьяченка; на медицинскомъ—Венедиктова, Каменскаго. Нѣкоторыя изъ этихъ лицъ впрочемъ печатали труды не по своей спеціальности (Могилевскій, Каменскій, Дегуровъ, Комлишинскій). Иныя печатали почти исключительно переводы (Архангельскій, Комлишинскій). Нѣкоторыя (въ родѣ Паки де Совиньи) издали много трудовъ, но самостоятельнаго значенія они не имѣли никакого. Большинство создало себѣ извѣстность изданіемъ курсовъ и пособій (Осиповскій, Шадъ, Еллинскій, Блументаль, Паки де Совиньи, Могилевскій, Пауловичъ, Каменскій). Спеціальными учеными изслѣдованіями занимались въ сущности только Успенскій, Кронебергъ, Дорнъ, Осиповскій, Венедиктовъ и Дьяченко. Но сочиненіе Успенскаго также отчасти примыкаетъ къ руководствамъ, а изъ статей Кронеберга многія имѣютъ не научный, а переводной и популярный характеръ. Что касается диссертацій на ученыя степени, то большинство—это разсужденія на заданныя факультетами темы, какъ того требовалъ и уставъ; многія изъ нихъ остались въ рукописяхъ; тоже, что было напечатано обыкновенно

---

[1]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло поп. № 866/18.

[2]) Ibidem. № 841/45.

не удовлетворяетъ съ точки зрѣнія современныхъ требованій самымъ скромнымъ условіямъ научной самостоятельной работы. Это по большей части тощія брошюрки, содержащія въ себѣ или разсужденія на общія темы, или компиляціи; а если и затрогивается въ нихъ какой нибудь спеціальный вопросъ, то опять таки безъ особаго самостоятельнаго углубленія въ тему. Тезисы не всегда соотвѣтствовали результатамъ работы. О невысокомъ уровнѣ требованій, предъявляемыхъ къ диссертаціямъ, свидѣтельствуетъ извѣстный намъ эпизодъ съ диссертаціями Ковалевскаго и Гриневича и взглядъ на нихъ Шада. Съ теченіемъ времени однако уровень требованій сталъ повышаться—и диссертаціи многихъ лицъ, не достигшихъ профессуры, стоятъ нисколько не ниже тѣхъ, которыя представлены и изданы были молодыми учеными, получившими каѳедры. Впрочемъ значительная часть профессоровъ Харьковскаго университета, и при томъ иногда выдающихся, не имѣла ни печатныхъ, ни даже рукописныхъ диссертацій, хотя ихъ и требовалъ уставъ.

Вообще почва для спеціальной научной работы въ то время была мало подготовлена и не только въ одномъ Харьковскомъ, но и въ другихъ русскихъ университетахъ. Отъ университетовъ требовалась не только разработка наукъ, сколько распространеніе научныхъ знаній въ обществѣ, ихъ популяризація. Вотъ почему научная сторона дѣятельности университетовъ отступала на задній планъ передъ преподавательской, образовательной и просвѣтительной. Поэтому то излюбленными формами научно литературной дѣятельности профессоровъ были курсы, руководства *и актовыя рѣчи*. Число этихъ послѣднихъ очень велико многіе профессора только этими послѣдними ограничивались. И дѣйствительно—онѣ удовлетворяли и потребности профессоровъ побесѣдовать о своемъ предметѣ съ публикой—доказать ей его важность, пользу и необходимость, и интересу общества, которое воспитывало въ университетѣ своихъ сыновей и хотѣло составить себѣ общее понятіе о преподаваемыхъ въ немъ наукахъ. Иногда впрочемъ лекторы выбирали темами своихъ актовыхъ рѣчей болѣе общіе и интересные вопросы, относившіеся къ образованію вообще, и конечно, такія темы еще болѣе интересовали слушателей, приносили имъ еще большую пользу. Здѣсь профессора университета выступали уже какъ бы въ роли публицистовъ, журналистовъ, а потребность публики въ статьяхъ журнальнаго и чисто литературнаго характера была такъ велика, что нѣкоторые профессора свели почти всю свою ученую дѣятельность къ чисто литературной и журнальной; таковы были—Ив. Евс. Срезневскій, Гонорскій, Филомаѳитскій, Склабовскій, Гулакъ Артемовскій, отчасти Якимовъ и Золотаревъ. Всѣ они были

литераторами, а Гулакъ Артемовскій, Склабовскій, Срезневскій стяжали себѣ извѣстность почти исключительно стихотвореніями. Занятіе русской словесностью, въ составъ которой входила и піитика, побуждала Срезневскаго, Склабовскаго, Якимова и Золотарева давать и собственные опыты въ „стихотворческомъ родѣ", а Филомаѳитскій и Гулакъ Артемовскій хотя и преподавали исторію, но также съ увлеченіемъ (особенно послѣдній) предавались поэзіи. Эти лица доставляли также въ тогдашніе харьковскіе журналы переводныя произведенія изящной словесности, оригинальную художественную прозу, критико литературные очерки и вообще все то, что такъ или иначе было связано съ литературой. Они же явились инициаторами и главными дѣятелями въ тогдашнихъ повременныхъ изданіяхъ. О распространеніи всѣхъ этихъ научно литературныхъ трудовъ въ обществѣ свѣдѣній у насъ не имѣется. Замѣтимъ только, что значительная часть ихъ была издана на счетъ университета. Университетъ издавалъ руководства для школъ своего округа: онъ же печаталъ актовыя рѣчи; ему же принадлежитъ и изданіе нѣкоторыхъ отдѣльныхъ трудовъ своихъ преподавателей. При частныхъ изданіяхъ практиковалась предварительная подписка. Сочиненіе проф. Успенскаго могло выйти въ свѣтъ 2-мъ дополненнымъ изданіемъ, только благодаря такой предварительной подпискѣ. Имена „пренумерантовъ" печатались и это появленіе въ печати, очевидно, оказывало вліяніе на увеличеніе ихъ количества. Выставлялся при этомъ чинъ и званіе лица. На „Опытъ повѣствованія о древностяхъ русскихъ" подписались разныя лица и учрежденія на 570 экземпляровъ. Изъ нихъ на долю одного Харькова приходится 113 экземпляровъ, которые распредѣляются такъ: на 49 экземпляровъ подписалось 45 студентовъ Харьковскаго университета (среди нихъ мы встрѣчаемъ Артемовскаго Гулака, Сокальскаго, Склабовскаго, Золотарева), на 17—16 профессоровъ, адъюнктовъ, магистровъ, кандидатовъ и вообще служащихъ при университетѣ, на 13 экз.—5 учителей Слободско украинской гимназіи, на 8 экз.—8 учениковъ Слободско украинской гимназіи, на 9 экз.—9 пансіонеровъ учителя Коваленкова, на остальные—чиновники и купцы. Изъ профессоровъ подписались—Могилевскій, Книгинъ и Васильевъ, изъ адъюнктовъ—Комлишинскій, Борзенковъ, Дудровичъ, Колумна Вигура и Робушъ. Въ войскѣ черноморскомъ оказался 41 подписчикъ на 54 экз. (Здѣсь подписывались казацкая старшина, священники, учителя Екатеринодарскаго училища, приходскія училища и ихъ надзиратели; іеромонахъ Черноморской пустыни Серапіонъ подписался на 2 экземпляра). Въ г. Воронежѣ оказалось 28 подписчиковъ на 30 экз., въ томъ числѣ епископъ Воронежскій Епифаній, Ираклій Левшинъ, Веневитиновъ, учитель гимназіи

Андрей Ив. Билинскій. Въ г. Екатеринославѣ было 16 подписчиковъ на 16 экз., въ томъ числѣ губернаторъ и учителя гимназіи (среди нихъ докторъ философіи Любачинскій, докторъ изящныхъ наукъ Гернъ, магистръ естественныхъ наукъ Лукашовъ). Въ г. Курскѣ—37 подписчиковъ (въ томъ числѣ 24 ученика гимназіи) на 40 экземпляровъ. Въ Новгородъ Сѣверскѣ—18 подписчиковъ (чиновники и учителя) на 19 экземпляровъ. Въ Новочеркасскѣ 16 подписчиковъ (въ томъ числѣ нѣкоторыя уѣздныя и приходскія училища) на 17 экз. Въ г. Одессѣ—8 подписчиковъ на 13 экземпляровъ. Въ г. Острогожскѣ 19 подписчиковъ на 19 экземпляровъ. Въ г. Павлоградѣ Екатеринославской губ.—13 подписчиковъ на 16 экземпляровъ. Въ г. Полтавѣ 5 подписчиковъ (въ томъ числѣ княгиня В. А. Репнина и Дм. Ник. Бантышъ Каменскій) на 5 экз. Въ Петербургѣ—15 подписчиковъ (въ томъ числѣ госуд. канцлеръ Румянцевъ, подписавшійся на 5 экз.) на 22 экз. Въ г. Симферополѣ—18 подписчиковъ на 18 экз. (въ томъ числѣ были учителя и ученики гимназіи и уѣзднаго училища). Въ г. Старобѣльскѣ Харьк. губ.—9 подписчиковъ на 11 экз. Въ г. Таганрогѣ—4 подписчика на 13 экз. (въ томъ числѣ для книжнаго магазина Коммерческой гимназіи 10). Въ г. Бѣлгородѣ—8 подписчиковъ на 8 экз. Въ г. Москвѣ—2 подписчика (гр. К. И. Гудовичъ и газетная экспедиція почтамта) на 2 экз. Въ г. Гадячѣ (Полт. губ.)—5 подписчиковъ на 10 экз. Въ г. Орлѣ—4 подписчика на 4 экз. Другіе города, участвовавшіе въ подпискѣ, были таковы: Александрія, Алешки, Архангельскъ, Астрахань, Ахтырка, Балта, Бахмутъ, Богодуховъ, Борзна, Бѣлевъ, Ваза, Валки, Валуйки, Владиміръ на Клязьмѣ, Вознесенскъ, Волчанскъ, Глуховъ, Динабургъ, Дмитріевъ, Дубоссары, Екатеринбургъ, Елисаветградъ, Елецъ, Задонскъ, Зеньковъ, Зміевъ, Изюмъ, Иркутскъ, (епископъ Михаилъ 2 экз.), Каменецъ Подольскъ, Кишиневъ, Кіевъ, (штабъ лекарь Магазинеръ—одинъ экз.), Конотопъ, Кострома, Кременчугъ, Кролевецъ, Крыловъ, Купянскъ, Липецкъ, Лохвица, Лубны, Луганскій заводъ, Льговъ, Медынь, Минскъ, Миргородъ, Митава, Могилевъ на Днѣстрѣ, Можайскъ, Новгородъ, Ново Московскъ, Новоржевъ, Новохоперскъ, Острогъ, Остеръ, Переяславъ, Пермь, Почепъ, Прилуки, Романовъ, Ростовъ, Симбирскъ, Старая Русса, Сумы, Суражъ, Тамбовъ, Тверь, Тимъ, Тула, Фатежъ, Хотмыжскъ, Черкасы, Черниговъ, Шкловъ, Щигры, Якобштатъ и Ямбургъ.

Большая часть экземпляровъ падаетъ на города тогдашняго Харьковскаго учебнаго округа. Петербургъ и Москва дали ничтожное число подписчиковъ, еще меньше Кіевъ, малое число доставилъ и Черниговъ. Малороссія, конечно, дала несравненно болѣе Великороссіи—это объясняется впрочемъ въ значительной степени тѣмъ, что въ этой послѣд-

ней авторъ не пользовался такою личною извѣстностью, какъ въ первой. Главное распространеніе сочиненіе получило въ педагогической средѣ— у учащихъ и учащихся; интересно участіе въ подпискѣ учениковъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній; часто здѣсь были, нужно думать, какія нибудь воздѣйствія и вліянія, но, вѣроятно, не всегда. Во всякомъ случаѣ, если принять во вниманіе дорогую цѣну, назначенную за эту книгу авторомъ, то придется придти къ заключенію, что сочиненіе это вызвало къ себѣ значительный интересъ среди педагоговъ и отчасти широкой публики. Едва-ли можно допустить, чтобы подобнымъ успѣхомъ пользовались и другія ученыя изданія профессоровъ Харьковскаго университета.

На 2-е изданіе сочиненій Нахимова подписалось 70 душъ на 102 экземпляра; въ числѣ подписавшихся находимъ нѣсколькихъ профессоровъ, учителей и учениковъ Бѣлгородской семинаріи и 11 учениковъ Харьковскаго коллегіума (изъ дворянъ) и двухъ купцовъ.

Сравнивая ученую дѣятельность профессоровъ Харьковскаго университета въ изучаемый нами періодъ времени съ таковою же дѣятельностью ихъ въ первое десятилѣтіе существованія университета, мы приходимъ къ слѣдующимъ заключеніямъ. Ни въ количественномъ, ни особенно въ качественномъ отношеніи этотъ періодъ не превосходитъ перваго десятилѣтія—роста и прогресса не замѣтно: наоборотъ, чувствуется какъ будто упадокъ. Наиболѣе выдающимися учеными дѣятелями новаго двадцатилѣтія являются послѣдніе могикане перваго десятилѣтія—Осиповскій, Успенскій, Шадъ; но они, во 1-хъ, не долго служили украшеніемъ Харьковскаго университета, а, во 2-хъ, первые два главнымъ образомъ перепечатывали свои прежніе труды, а третій успѣлъ издать только латинскую хрестоматію; расцвѣтъ же ихъ ученой дѣятельности относится къ первому десятилѣтію. Рижскому же, Якобу, Гизе, Стойковичу, можно только противопоставить одного Кронеберга, который является дѣйствительно въ это время звѣздою и украшеніемъ словеснаго факультета и всего Харьковскаго университета. За Кронебергомъ идутъ Дорнъ и Еллинскій. Рейтъ теперь замолкъ; Дегуровъ скоро перешелъ въ Петербургскій университетъ [1]).

---

[1]) Для составленія библіографическаго очерка научныхъ трудовъ преподавателей Харьковскаго университета я пользовался гл. обр. Чириковымъ, Геннади и каталогами мѣстныхъ книгохранилищъ. Къ сожалѣнію, въ Харьковѣ не оказалось очень многихъ харьковскихъ изданій; поэтому я выписывалъ ихъ изъ Императорской публичной библіотеки; за присылку ихъ приношу глубокую благодарность администраціи библіотеки. Не могу претендовать на исчерпывающую полноту своего обзора—нѣкоторыхъ изданій, не смотря на самые тщательные поиски, всетаки не удалось добыть—но думаю, что онъ достаточно полонъ, чтобы сдѣлать заключеніе о научно литературной дѣятельно-

Актовыя рѣчи перваго десятилѣтія носили болѣе живой общественный характеръ: теперь уже въ нихъ нѣтъ борьбы двухъ направленій—философскаго и реальнаго и можно только подмѣтить религіозномистическую окраску, вызывавшуюся вліяніемъ сверху. Мѣстныхъ изслѣдованій (минеральныхъ водъ, каменнаго угля и т. п.) мы теперь вовсе не находимъ: быть можетъ, въ лабораторіяхъ и производились кое какіе анализы въ этомъ родѣ; но имъ не придавалось уже прежней гласности и публичности. Извѣстно только, что въ Лебединскомъ уѣздѣ, Харьковской губ., въ слободахъ Межиричѣ и Олешкѣ, открылась въ 1816 году на обывательскихъ лошадяхъ прилипчивая болѣзнь—парши, которая угрожала и кавалерійскимъ лошадямъ дивизіи барона Корфа. Послѣдній, извѣщая объ этомъ губернатора, просилъ о присылкѣ для ея прекращенія ветеринарнаго доктора. Таковаго въ распоряженіи губернатора однако не оказалось—и онъ обратился въ университетъ съ просьбою о командировкѣ для борьбы съ эпидеміей профессора ветеринаріи Пильгера, который и согласился отправиться съ этою цѣлью въ Лебе-

сти университетскихъ преподавателей въ данную эпоху. Высказывать сужденіе о научномъ значеніи трудовъ, далекихъ отъ моей спеціальности, я, конечно, не могъ—это будетъ сдѣлано въ біографическомъ словарѣ и исторіи каѳедръ спеціалистами—но *общій* характеръ ихъ, полагаю, уясняется и изъ моего очерка. Уже по отпечатаніи соотвѣтственныхъ листовъ моего сочиненія, я разыскалъ среди рукописей университетской библіотеки одинъ весьма важный для меня документъ—именно собственноручныя вѣдомости профессоровъ Харьковскаго университета, доставленныя П. И. Кеппену (при его командировкѣ въ Харьковъ въ 1826 г.) объ ихъ ученыхъ трудахъ. Если сопоставить данныя этого документа, съ тѣми, которыя приведены у меня, то окажется, что они въ общемъ совпадаютъ другъ съ другомъ. Можно отмѣтить только слѣдующіе пропуски. *Сухомлиновъ* свою докторскую диссертацію (Dissertatio inauguralis chemica de natura Hologenii Ch., 1817, pp. 40) въ собственномъ вольномъ нѣмецкомъ переводѣ напечаталъ еще въ 57 томѣ „Annalen der Physik, herausgegeben von L. W. Gilbert", (стр. 244—295). *Даниловичъ* напечаталъ: 1) историческій взглядъ на богоугодныя заведенія въ древней Польшѣ (въ журналѣ „Дѣянія благотворительности 1820 г., 5 печ. листовъ); 2) біографическая вѣдомость о жизни и ученыхъ трудахъ И. Олдаковскаго, адъюнкта Виленскаго университета (Виленскій журналъ 1822, 4 листа); 3) библіографическое описаніе извѣстныхъ доселѣ рукописныхъ и печатныхъ экземпляровъ Литовскаго статута (Вил. жур. 1823 г., около 5 печ. листовъ); 4) разборъ библіографическихъ книгъ Лелевеля (Ibidem, около печ. листа); 5) русскій лѣтописецъ съ 15-го столѣтія, въ которомъ заключена вѣдомость о Литвѣ, съ объясненіями трудныхъ мѣстъ (Вил. журналъ 1824 г., 28 печ. листовъ, не оконченъ); 6) историческое изслѣдованіе о началѣ, раздѣленіи и разной судьбѣ цыганскаго народа (Ibidem, 116 страницъ; переведено на русскій языкъ въ Сѣв. Архивѣ за 1826-й годъ; всѣ сочиненія по польски). Всѣ эти труды относятся впрочемъ не ко времени харьковской профессуры, а къ Виленской эпохѣ дѣятельности Даниловича. *Филомаѳитскій* въ „Трудахъ общества любителей русскаго слова при Московскомъ университетѣ" помѣстилъ статью „О знакахъ препинанія вообще и въ особенности для россійской словесности". Байковъ напечаталъ

денскій уѣздъ [1]). Проф. Венедиктову въ 1832 году была объявлена Высочайшая благодарность за усердіе по прекращеніи въ Петербургѣ холеры [2]).

Екатеринославскій губернаторъ прислалъ въ 1818 году въ университетъ извѣстіе, полученное имъ отъ Бахмутскаго помѣщика Смолянинова о свѣтломъ явленіи въ атмосферѣ, сопровождавшемся сильнымъ звукомъ, напоминающимъ пушечный выстрѣлъ, и просилъ объясненія его. Физико-математическій факультетъ далъ такое объясненіе, указавъ, что это явленіе было вызвано, очевидно, паденіемъ аэролита, и рекомендовалъ отправить изъ Екатеринославской гимназіи Смолянинову кусокъ имѣющагося тамъ аэролита, для того чтобы онъ могъ ознакомиться съ его внѣшнимъ видомъ и нашелъ по этимъ признакамъ упавшій [3]).

Извѣстный археологъ Зоріанъ Доленга-Ходаковскій обратился къ попечителю округа З. Я. Карнѣеву съ обширнымъ письмомъ, въ которомъ изложилъ свою теорію славянорусскихъ городищъ и въ заключеніе

стр. „О движеніи волнъ и звука“ въ студенческихъ сочиненіяхъ за 1819-й годъ, письма о нѣкоторыхъ явленіяхъ и о пасхальныхъ таблицахъ въ Украинск. журналѣ. Кромѣ того онъ представилъ въ совѣтъ пять оригинальныхъ и переводныхъ *рукописныхъ* сочиненій. (разсужденіе о вычисленіи дѣйствія Вольтова столба, разсужденіе о крѣпости столбовъ, разсужденіе о метафизикѣ дифференціальныхъ исчисленій, переводъ аналитической механики знаменитаго Лагранжа, разсужденіе о тригонометрическихъ функціяхъ). *Рейнольскій* издалъ: 1) Опытъ естественной исторіи въ 6 частяхъ, М. 1818, 226, 316, 92, 123, 503, 204 стр.; 2) Ботанику Вальденова (переводъ), М. 1819, 716 стр.; 3) Новѣйшее начертаніе естественной исторіи, Х., 1828, 204 стр. *Криницкій* перевелъ съ нѣмецкаго языка на польскій. „Описаніе агрономическаго института въ Гогенгеймѣ“ Набста (Вильна, 1824, 48 стр.). *Золотаревъ* напечаталъ нѣкоторыя свои статьи въ журналахъ „Московскій Телеграфъ“, 1826 г. и „Благонамѣренный“ 1826 г. *Архангельскій* помѣстилъ въ „Пер. изданіи объ успѣхахъ нар. просв.“ за 1814-й годъ „Собраніе изящныхъ мыслей“; переводъ его соч. Боссюта Віолета (о наивыгоднѣйшемъ построеніи плотинъ) вышелъ въ Петербургѣ въ 1815 году также какъ и „Разсмотрѣніе примѣчаній на основаніи геометріи Герьева“ (въ 1813 г.). *Борзенко* напечаталъ біографію Нахимова при изданіи его сочиненій (М., 1822 г. 7—20 стр.), перевелъ рѣчи Шада и Роммеля. *Громовъ* издалъ въ Харьковѣ въ 1815 году переводъ терапіи Геккера. *Кронебергъ* напечаталъ въ Харьковѣ въ 1821 г. (51 стр.), „Antiquitates romanae“. Въ словесный факультетъ были представлены кромѣ указанныхъ выше слѣдующія диссертаціи „Гевлича „Dissertatio inauguralis. de praeferenda antiquorum imitatione ad litteraturam rossicam excolendam (докторская), Ch., 1815, 23 стр. *Герна*. De divisione poëseos. Ch. 1815; *Масловича*. De natura pulhri et sublimi. Ch. 1816; Въ этикополитическое отдѣленіе кромѣ перечисленныхъ доставлены были диссертаціи *Грибовскаго* De Servorum herilium in Rossia statu vetere. Ch. 1815, 2 p.; *Любачинскаго* „De antinomiis rationis purae“, Ch. 1816 29 p.; *Андреевскаго*. Разсужденіе о давности Х., 1824, 30 стр. (магистерская).

[1]) Харьк. унив. архивъ. Прел. сов. за 1832-й годъ, стр. 101.

[2]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло правл. № 1080/51.

[3]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло правл. № 1422/60.

просилъ о сообщеніи ему нѣкоторыхъ его свѣдѣній. Письмо это было напечатано мною въ русскомъ переводѣ въ „Кіевской Старинѣ“ и потому содержанія его здѣсь я касаться не буду, а только приведу его заключеніе. „Округъ Императорскаго Харьковскаго университета, находящійся подъ мудрымъ начальствомъ вашего превосходительства, занимаетъ все пространство странъ, составляющихъ любимѣйшій предметъ моихъ изслѣдованій и моего любопытства. Польза отечественной исторіи, ревность вашего превосходительства къ народному просвѣщенію и мои усиленнѣйшія просьбы да будутъ поручителями того, что ваше превосходительство соблаговолите великодушно обратить вниманіе ваше на то, какія и какого рода суть городища въ тамошнихъ странахъ? Какъ далеко простираются на югъ и къ востоку? Имѣетъ ли земля Донскихъ козаковъ, подпадавшая владычеству хановъ (кагановъ), подобныя насыпи или городища? Также въ предѣлахъ, назначенныхъ Карамзинымъ для Хвалиссовъ по обѣимъ сторонамъ Урала, не встрѣтятся ли подобные памятники? И что можно будетъ узнать о Лукоморьи? Наконецъ, какого рода суть славныя развалины на западномъ берегу Урала и близъ устья этой рѣки? Я ничего еще объ этомъ удовлетворительно не знаю и покорнѣйше прошу ваше превосходительство о милостивомъ снисхожденіи къ моей смѣлости и въ столь пространному письму. Отважившись писать его, я руководимъ былъ надеждою на благодушіе ваше и оканчиваю изліяніемъ глубокаго высокопочитанія“.

Попечитель передалъ письмо Ходаковскаго ректору Осиповскому, а тотъ въ словесный факультетъ, который отвѣтилъ, что онъ не можетъ дать отвѣта на предложенные Ходаковскимъ вопросы, потому что топографическія и историческія записки, которыя, согласно 52 § устава учебныхъ заведеній, составляютъ учителя гимназій, немедленно отправляются въ главное управленіе училищъ. Въ виду этого факультетъ предлагалъ: 1) обратиться съ запросомъ по этому поводу къ директору училищъ Войска Донскаго и смотрителю Екатеринодарскаго училища и 2) напечатать письмо Ходаковскаго въ періодическомъ органѣ университета, чтобы и другія лица, занимающіяся отечественною исторіею и имѣющія объ этомъ, быть можетъ, подробныя свѣдѣнія, могли сообщить ихъ публикѣ. Попечитель первое предложеніе одобрилъ, но не нашелъ приличнымъ печатать письмо въ издаваемомъ при университетѣ періодическомъ сочиненіи по нѣкоторымъ довольно важнымъ причинамъ“ [1]. Изъ Черноморья директоръ училищъ Россинскій отвѣтилъ, что городищъ въ Войскѣ Черноморскомъ, представляющемъ равнину, не имѣется,

[1]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло поп. № 572/29.

а есть только курганы и то средней величины; есть также остатки укрѣпленій, устроенныхъ изъ дикаго камня и чернозема; таковыя находятся, напримѣръ, во 1-хъ около Темрюка, въ 2-хъ верстахъ на западъ отъ него, во 2-хъ, подлѣ урочища, называемаго Курками, и въ 3-хъ, на юговосточномъ берегу Азовскаго моря при Эйской косѣ, а также по теченію р. Кубани, но все это турецкія, татарскія или русскія сооруженія. Черкесы же при распросахъ сообщили, что Каспійское море называется у нихъ только Каспійскимъ, а слова лукоморья вовсе нѣтъ въ ихъ языкѣ [1]).

Министерство народнаго просвѣщенія поручило чиновнику своему П. Кеппену осмотрѣть учебныя заведенія Харьковскаго учебнаго округа для составляемаго имъ историческаго и статистическаго обозрѣнія учебныхъ заведеній [2])—и ему было оказано всяческое содѣйствіе.

Учебновспомогательныя учрежденія университета правда развивались и совершенствовались, благодаря главнымъ образомъ такимъ энергичнымъ и безкорыстнымъ дѣятелямъ труженникамъ, какъ, напримѣръ, Черняевъ и Криницкій, но и здѣсь царило равнодушіе, требовавшее подъ часъ слишкомъ экстренныхъ и рѣшительныхъ мѣръ со стороны попечителей учебнаго округа. Эти послѣдніе, также какъ и министры, вообще теперь старались вліять и воздѣйствовать на всѣ стороны университетской жизни, въ томъ числѣ и на научную. Но то, что они создавали одною рукою, разрушали другою. Систематически и постепенно разрушая университетскую автономію, основанную на уставѣ 1804 года, они подрывали ту основу, на которой выросла и могла далѣе развиваться университетская жизнь и наука: они сами рубили корни дерева, которыми питалась университетская наука, являющаяся актомъ свободнаго личнаго индивидуальнаго творчества и внѣшнихъ благопріятныхъ условій для ея развитія, а не распоряженій и побужденій извнѣ. Между тѣмъ такими именно распоряженіями пытался поднять научную производительность въ Харьковскомъ университетѣ помощникъ попечителя графъ Панинъ, дѣйствовавшій впрочемъ bona fide, водушевленный найлучшими намѣреніями. Чрезвычайно интересно помѣщаемое ниже письмо его въ Министерство Народнаго Просвѣщенія, ярко рисующее „ученую летаргію“ Харьковскаго университета въ самомъ концѣ третьяго десятилѣтія его историческаго существованія, непосредственно передъ введеніемъ новаго университетскаго устава 1835 года. Вотъ

---

[1]) Харьк унив. архивъ. Дѣло учил. комит. № 1983/69.

[2]) Ibidem. Дѣло поп. 1266/78. 1819—1822 года. Часть бумагъ Кеппена хранится среди рукописей Библіотеки Харьковскаго университета.

этотъ замѣчательный документъ. „Копію съ предложенія вашего Сіятельства на имя Совѣта, получилъ я съ чувствомъ глубочайшей признательности и благоговѣнія. Замѣчанія Вашего Сіятельства весьма справедливы и показываютъ мнѣ, что недостатки наши не скрылись за отдаленіемъ отъ прозорливаго взгляда вашего. Профессоръ Громовъ занимается дѣйствительно очень мало своимъ предметомъ по врожденной ему лѣности. Профессоръ Комлишинскій отсталъ уже нѣсколько лѣтъ отъ современнаго хода науки и предался почти единственно письменнымъ занятіямъ по части управленія университета, къ чему онъ весьма способенъ. Профессоръ Архангельскій былъ всегда наукѣ чуждъ, и она ему платила тою же взаимностію. Вообще къ стыду всѣхъ коренныхъ Россійскихъ университетовъ, священное пламя любви къ просвѣщенію, породившее Ломоносова, живетъ въ маломъ числѣ избранныхъ сердецъ. Профессоры Перевощиковъ и Давыдовъ въ Москвѣ, въ Харьковѣ Кронебергъ принадлежатъ особенно къ такому числу сихъ рѣдкихъ избранныхъ, презирающихъ препятствіями, могущими остановить людей обыкновенныхъ.

Я назначилъ ко вчерашнему дню чрезвычайное засѣданіе совѣта для совѣщанія о средствахъ, удобнѣйшихъ къ возстановленію *увядшаго* достоинства сего университета, и прочиталъ на лицахъ большей части членовъ явные признаки недоумѣнія почти отчаяннаго, но, сильный животворящимъ словомъ Августѣйшаго Монарха, я *бился* съ помощію ректора цѣлыхъ два часа съ уныніемъ малодушныхъ и, одолѣвъ отчасти ихъ предразсудки и нерѣшимость, отложилъ заключеніе сего важнаго дѣла до нынѣшняго вторника. Между тѣмъ я *приказалъ* всѣми зависящими отъ меня мѣрами ускорить изданіе Минервы проф. Кронеберга, лѣчебной флоры проф. Черняева, переводъ космографіи для гимназій учителя Харьковскаго Кованьки, древней географіи Лареподира, порученной учителю Зинчевскому, по собственному его вызову, новой—Бальбія, предоставленной мною воронежскому инспектору Кронебергу, *назначивъ* Черняеву и Калиниченкѣ составить руководство для садоводства украинскаго, *велѣлъ* проф. Криницкому отправиться въ Крымъ въ теченіи наступающаго мѣсяца для минералогическихъ и зоологическихъ изслѣдованій, и, наконецъ, *поручилъ* отличному по знанію и ревности проф. Шагину приготовить весь нашъ астрономическій снарядъ для начатія наблюденій съ началомъ наступающаго августа мѣсяца.

Я твердо увѣренъ, однакожъ, что Ваше Сіятельство слишкомъ справедливы, чтобы приписать *летаргію* нашего ученаго свѣта чему либо иному, кромѣ постояннаго примѣра *бездѣйствія и страха къ наукѣ, поданнаго прежде бывшими министрами и попечителями*, примѣра, заслу-

жившаго имъ вѣчную лидійскую улыбку современниковъ и карающаго потомства.—Подъ благотворнымъ и твердымъ скипетромъ Императора Николая и подъ прозорливымъ управленіемъ Вашего Сіятельства не можетъ наука показаться высшему начальству въ видѣ пожирающей баснословной химеры, и если Россійскій Гумбольдъ не въ силахъ вымолить у министра финансовъ новый штатъ на текущій годъ, онъ не долженъ смѣть ради собственной славы долѣе отказывать намъ въ тѣхъ пособіяхъ, которыя могутъ отчасти облегчить наше горестное положеніе. На первый случай ограничусь я исполненіемъ даннаго мнѣ въ Москвѣ Сергѣемъ Семеновичемъ обѣщанія установить десяти рублевую плату съ гимназистовъ, двадцати рублевую со студентовъ, для снабженія тѣхъ и другихъ необходимыми учебными пособіями, и разрѣшить мнѣ израсходованіе нужныхъ денегъ изъ гимназическихъ суммъ, для подраздѣленія классовъ, превышающихъ 50 человѣкъ, и для прибавленія нужныхъ по сему предмету учителей.—Меньше сего кажется просить нельзя: впрочемъ никто не вправѣ сказать, чтобъ единое изъ моихъ предложеній могло бы быть отринуто въ отношеніи учебномъ, развѣ неизвѣстное мнѣ состояніе финансовъ дѣлало ихъ неудобоисполнимыми по недостатку средствъ. [1])

Указывая, что примѣръ „постояннаго бездѣйствія и страха къ наукѣ“ подавали профессорамъ Харьковскаго университета прежніе министры народнаго просвѣщенія и попечители округа, Гр. Панинъ думалъ, очевидно, что наука можетъ быть привита къ профессорамъ его приказаніями и распоряженіями, игнорируя при этомъ свое собственное прекрасное выраженіе, что для этого должно „горѣть въ сердцахъ священное пламя любви къ просвѣщенію“ т. е. существовать живая внутренняя потребность и интересъ къ дѣлу, а безъ этого всѣ распоряженія останутся мертвою буквою. Нагляднымъ доказательствомъ этого могла бы ему послужить исторія „Общества Наукъ“, учрежденнаго при университетѣ въ 1812 году, выпустившаго въ 1817 году томъ своихъ трудовъ, за тѣмъ замершаго, пробужденнаго было не на долго къ жизни попечителемъ Е. В. Карнѣевымъ и слова повидимому впавшаго въ летаргію. Вотъ его исторія съ 1815 года.

Въ 1815 году Общество имѣло 7 засѣданій. Для того чтобы обезпечить себя матеріальными средствами, оно постановило взимать по 15 р. съ каждаго лица, вступающаго въ члены Общества, и по 5 р. ежегоднаго членскаго взноса. Постановленіе это было утверждено министромъ народнаго просвѣщенія, который также предписалъ Правленію

---

[1]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло попеч. 1835 г., № 2399/141.

университета выдать Обществу заимообразное пособіе на изданіе его трудовъ, съ тѣмъ чтобы долгъ этотъ погашался изъ выручки за продаваемые экземпляры этихъ послѣднихъ. Ходатайства Общества о выдачѣ нѣкоторой субсидіи изъ хозяйственныхъ университетскихъ суммъ на пріобрѣтеніе шкафовъ, о разрѣшеніи постороннимъ членамъ его носить университетскій мундиръ были отклонены министромъ народнаго просвѣщенія Гр. А. К. Разумовскимъ. [1]) Въ теченіе года прочитаны были въ засѣданіяхъ слѣдующіе рефераты: проф. Шадомъ „De serio philosophiae studio nostra aetate maxime necessario ac de genuina ejus natura", проф. Срезневскимъ—поэма „Иванъ Сусанинъ или освобожденный царь", проф. Книгинымъ „О жизненной силѣ и объ общихъ свойствахъ органическихъ силъ", проф. Каменскимъ „De retentione placentae", профессоромъ Громовымъ „Каталогъ растеній, произрастающихъ въ окружности г. Харькова, съ приложеніемъ высушенныхъ ихъ экземпляровъ; при этомъ В. Н. Каразинъ обѣщалъ доставить Обществу собраніе растеній, растущихъ въ его деревнѣ Кручикѣ и предложеніе это было принято съ благодарностью; учитель гимназіи Еснкорскій представилъ работу—„Взглядъ на естество супружескаго союза". Въ библіотеку Общества поступило 5 книгъ, пожертвованныхъ разными учрежденіями. Изъ иногороднихъ въ члены Общества были избраны профессоръ Берлинской академіи Вольфъ и профессоръ Дерптскаго университета Моргенштернъ. Общество постановило устраивать ежегодно 25 дек. торжественное засѣданіе совмѣстно съ университетомъ и поручило предсѣдателю своему проф. Осиповскому изготовить къ этому засѣданію приличную рѣчь, а секретарю Срезневскому историческую записку о занятіяхъ общества. Въ 1816 году Общество имѣло только три засѣданія, не считая засѣданій отдѣленій, потому что занималось главнымъ образомъ подготовкою къ изданію своихъ трудовъ, каждый томъ которыхъ долженъ былъ состоять изъ двухъ частей, съ тѣмъ чтобы въ первой помѣщались статьи по естественнымъ наукамъ, а во второй по словеснымъ. Редакторами были назначены проф. Книгинъ и адъюнкты Комлишинскій и Борзенковъ. При новыхъ выборахъ предсѣдателемъ снова былъ избранъ Осиповскій, а директоромъ отдѣленія словесныхъ наукъ проф. Успенскій. Въ иногородніе члены были избраны директоръ училищъ Черн. губ. Марковъ, Харьк. губ. предв. дворянства А. Ѳ. Квитка, почетный смотритель Прилуцкаго повѣтоваго училища капитанъ Бѣлецкій Носенко и учитель Курской гимназіи Т. И. Селивановъ. Въ члены ассессоры были избраны: Дудровичъ, Павловскій, Колумна—Вигура, Сухомлиновъ, Филома-

[1]) Архивъ Министерства Народнаго Просвѣщенія № 10496/225.

ѳитскій, учитель магистръ Любовскій, учитель Гонорскій, префектъ Харьк. Коллегіума П. Н. Рейпольскій. Такимъ образомъ, въ 1816 году Общество состояло изъ 38 членовъ; выбыло двое (изъ нихъ Палицынъ скончался). Секретаремъ естественно историческаго отдѣленія избранъ былъ Комлишинскій, словеснаго—Любовскій; рецензентами сочиненій, поступающихъ на словесное отдѣленіе, избраны на 1817 г. годъ—Могилевскій, Гонорскій и Филомаѳитскій. Рѣшено быть впредь устраивать ежемѣсячныя засѣданія по каждому отдѣленію особо. Въ теченіе 1816 г. представлены были въ Общество слѣдующіе рефераты: пр. Осиповскимъ—„Объ астрономическихъ преломленіяхъ“ и „о вычисленіи аберрацій“, Комлишинскимъ—„Систематическая номенклатура облаковъ по системѣ Луки Говарда и естественная ихъ исторія“, пр. Успенскимъ—„О судопроизводствѣ, искѣ и наказаніяхъ у древнихъ Россіянъ“, проф. Борзенковымъ—„Переводъ двухъ Саллюстіевыхъ писемъ“, Любовскимъ „Краткая логика“. Въ 1817 году (до мая) Общество устроило три засѣданія, не считая бывшихъ въ каждомъ отдѣленіи. Общество въ этомъ году лишилось двухъ своихъ членовъ—епископа Харьковскаго Аполлоса и проф. Шада и пріобрѣло слѣдующихъ новыхъ членовъ—иногороднихъ и ассесоровъ—прот. Россинскаго (въ Черноморіи), Харьковскаго уѣзднаго предводителя дворянства Г. Ѳ. Квитку, смотрителя училищъ Исакова, лектора греческаго языка Куницкаго и кандидата Вербицкаго. Обществу были представлены слѣдующіе рефераты: проф. Осиповскимъ „О раздѣленіи электричества въ разобщенныхъ отводахъ при держаніи передъ нимъ въ нѣкоторомъ удаленіи наэлектризованнаго тѣла“, проф. Сухомлиновымъ—„Utriusque theoriae de natura halogenii vel sic dictae acidi muriatici oxydati comparatio“, его превосходительствомъ В. Г. Муратовымъ—О происхожденіи славянъ (переводъ сочиненія гр. И. О. Потоцкаго), Борзенковымъ—„О происхожденіи языковъ Сарматскаго и Славянскаго отъ Мидскаго и о сходствѣ ихъ съ языкомъ Санскритскимъ (переводъ сочиненія Сестренцевича Богуша), прот. Могилевскимъ—„Разсужденіе о поэзіи древнихъ евреевъ“. Библіотека общества преумножилась двумя книгами. Членами общества къ 1 мая 1817 г.—состояли Осиповскій, Клингинъ, Каменскій, Успенскій, „внѣшними“ членами—И. И. Бахтинъ. В. Г. Муратовъ (губернаторы), Маршалъ Баронъ фонъ-Биберштейнъ. В. Н. Каразинъ, В. В. Капнистъ, А. С. Прокоповичъ, А. Г. Могилевскій, Гизе, проф. Казанскаго у-а Френъ, проф. Ярославскаго лицея Ф. А. Шмидтъ, Я. М. Матесъ, Вольфъ, Моргенштернъ, Роммель, Марковъ, А. Квитка, Бѣлецкій—Носенко, Селивановъ, Россинскій І. Квитка, Исаковъ; членами ассесорами—Громовъ, Комлишинскій, Тауберъ, Архангельскій, Борзенковъ, Дудровичъ, Павловскій, Колумна.

Вигура, Сухомлиновъ, Филомаѳитскій, Любовскій, Гонорскій, Рейпольскій, Куницкій, Вербицкій.

Въ 1817 году общество отпечатало 1-й (и единственный) томъ своихъ трудовъ подъ заглавіемъ „Труды Общества наукъ", состоящаго при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ, Х., въ унив. тип. Изъ него мы и извлекли только что приведенныя свѣдѣнія о дѣятельности общества. Въ 1-й, естественно исторической части помѣщены слѣдующія статьи: *Осиповскаго.* Теорія движенія тѣлъ, бросаемыхъ на поверхности земной; *Его-же.* Объ астрономическихъ преломленіяхъ; *Архангельскаго.* Теорія движенія жидкихъ тѣлъ; *Комлишинскаго.* Систематическая номенклатура облаковъ г. Говарда и естественная исторія оныхъ; *Гротова.* Enumeratio stirpium phaenogamarum agri Charcowiensis; *Сухомлинова.* Utriusque theoriae de natura Halogenii vel sic dictae acidi muriatici oxydati comparatio; *Книгина.* Разсужденіе о жизненной силѣ и общихъ способностяхъ органическихъ тѣлъ; *Каменскаго.* An vulgaris opinio vera sit. placentae post partum retentionem, per se periculosam esse. Во 2-мъ словесномъ отдѣленіи—„О происхожденіи славянъ" В. Муратова (переводъ), „О происхожденіи языковъ сарматскаго и славянскаго и о сходствѣ ихъ съ санскритскимъ" Борзенкова, „О языческомъ предковъ нашихъ богослуженіи и сходствѣ его съ богослуженіемъ египтянъ, грековъ и другихъ древнихъ народовъ" Успенскаго, „О судопроизводствѣ, пеняхъ и наказаніяхъ у древнихъ россіянъ" Успенскаго, „Разсужденіе о поэзіи древнихъ евреевъ" Могилевскаго, Два письма о приведеніи въ порядокъ республики, писанныя къ Цесарю Саллюстіемъ въ переводѣ Борзенкова, „Разсужденіе на псаломъ 13-й" Захарія Карнѣева, „О пути, истинѣ и жизни" Захарія Карнѣева.

Отпечатанный томъ „Трудовъ" былъ розданъ всѣмъ членамъ и разосланъ во всѣ главныя русскія учебныя заведенія. Для разсмотрѣнія и пополненія устава общества назначена особая коммиссія изъ предсѣдателя, двухъ директоровъ и секретаря. Положено просить попечителя округа принять на себя званіе покровителя общества. Избраны по словесному отдѣленію въ члены арх. Евгеній, епископъ Слободско украинскій Павелъ и Анастасевичъ [1]).

Въ 1817 году П. Бѣлецкій Носенко прислалъ въ общество нѣсколько сочиненій по лингвистикѣ и три басни, Селивановъ—описаніе камня, находимаго близь Курска и употребляемаго на мостовую, обо-

---

[1]) Укр. Вѣст. 1817 г., часть V, стр. 229—230; см. также Ibidem, часть 6-я, стр. 101—102.

зрѣніе курскихъ кирпичныхъ заводовъ, обозрѣніе пчеловодства въ Курской губ., краткое обозрѣніе столярнаго искусства.

Въ 1818 году разсматривался проэктъ новаго устава общества; Марковъ доставилъ свои замѣчанія о первоначальной исторіи Малороссіи. Въ этомъ году состоялось всего одно засѣданіе — 18 февраля; затѣмъ послѣдовалъ перерывъ до 17-го мая 1823 года (болѣе чѣмъ въ пять лѣтъ).

Въ 1823 году, попечитель округа предложилъ университету возобновить прерванную дѣятельность общества, избрать новаго предсѣдателя, новыхъ директоровъ отдѣленій и затѣмъ принять мѣры къ его благоустройству. Прежніе члены его, оставшіеся на лицо, должны были назначить день для торжественнаго возобновленія общества, пригласить на это засѣданіе почетнѣйшихъ въ городѣ лицъ, установить на немъ новыя правила, приготовить къ этому засѣданію при личныя случаю рѣчи и сочиненія. Общество, обсудивъ это предложеніе, отвѣтило попечителю, что одною изъ главныхъ причинъ, почему оно не имѣло никакихъ занятій и не собиралось болѣе 4-хъ лѣтъ, являлось то, что многіе члены его частію поумирали, частію выбыли изъ Харькова по различнымъ обстоятельствамъ, наличные же члены его, будучи обременены многоразличными занятіями по университету, имѣли мало свободнаго времени для споспѣшествованія цѣлямъ его, изложеннымъ въ уставѣ; въ числѣ выбывшихъ былъ и предсѣдатель общества проф. Т. Ѳ. Осиповскій, никѣмъ не замѣненный. Въ виду этого въ засѣданіи 17-го мая въ предсѣдатели по баллотировкѣ былъ избранъ единогласно ректоръ университета проф. Джунковскій, и общество просило допустить его немедленно къ исправленію этой должности, что казалось необходимымъ для успѣха дѣла. Джунковскій, конечно, былъ утвержденъ въ своей должности.

Изъ статьи, помѣщенной въ Украинскомъ журналѣ[1]) мы узнаемъ, что кромѣ Джунковскаго избраны были: въ члены по отдѣленію естественныхъ наукъ—Байковъ, Еллинскій, Венедиктовъ и Дьячковъ, по отдѣленію словесныхъ наукъ — Кронебергъ, Пауловичъ, Артемовскій Гулакъ и Склабовскій; директоромъ словеснаго отдѣленія — прот. проф. Могилевскій, а секретаремъ—Филомаѳитскій. Желая съ своей стороны содѣйствовать успѣху „Украинскаго журнала“, Общество постановило помѣщать въ немъ тѣ свои статьи, которыя могли бы оказаться интересными для публики. Тогда же общество рѣшило возбудить ходатайство о безплатномъ отправленіи и полученіи корреспонденціи. Затѣмъ избраны были въ члены—бывшій попечитель З. Я. Карнѣевъ безъ баллотировки единогласно „во уваженіе отличной любви къ наукамъ и къ распространенію

[1]) 1823, № 1.

истиннаго просвѣщенія, равно какъ и въ уваженіе оказанныхъ услугъ сему университету", по баллотировкѣ ректоръ коллегіума архим. Тимофей, проф. Васильевъ, гр. Болвари, Слободско украинскій вице губернаторъ Дм. Андр. Донецъ-Захаржевскій, Булычевъ, полк. А. А. Щербининъ, П. Г. Бутковъ, Мизко, проф. Петерб. медико хир. ак. А. И. Кронебергъ, проф. Моск. у—а М. Т. Каченовскій, прот. Башинскій, пр. Антоновскій, іерей Рогальскій; въ обществѣ было 52 члена.

Попечитель предложилъ присоединить къ обществу студенческое общество наукъ, къ этико-филологическому отдѣленію относящихся, и разсмотрѣть его правила; Джунковскій читалъ рефераты о библіографическихъ системахъ и „замѣчанія о крымскихъ татарахъ" (переводъ), а проф. Архангельскій—о связи вселенной и о многочисленности солнечной системы, кои рѣшено было напечатать въ „Трудахъ" общества, а переводную статью Джунковскаго въ Украинскомъ журналѣ; Артемовскій прочелъ свои сочиненія о красноречіи, поэзіи римлянъ и Царскій столъ, которыя постановлено было передать для напечатанія въ Украинскомъ журналѣ, Борзенко доложилъ стихи неизвѣстнаго—„мысли при чтеніи Слова Божія", посланіе Давидова къ Мельгунову и басню Дунинъ Борковскаго „Воробей и кукушка"; рѣшено было передать ихъ редактору „Украинскаго журнала"; Кустовъ читалъ переводъ съ еврейскаго 38-й главы Іова, который рѣшено было напечатать въ „Трудахъ" общества; Джунковскій предложилъ сдѣлать переводы нѣкоторыхъ статей изъ „Bibliothèque universelle"—вице губернаторъ взялся перевести статью о законахъ валлисцевъ, Сухомлиновъ—о геологіи, Артемовскій Гулакъ—о гимнастикѣ; послѣдній прочиталъ также нѣкоторыя замѣчанія на „Исторію Государства Россійскаго" Карамзина, кои положено было напечатать въ „Трудахъ общества"; рѣшено было хранящіеся въ архивѣ и одобренные труды членовъ напечатать во 2-мъ томѣ „Трудовъ" общества; Сухомлиновъ читалъ разсужденіе о громовыхъ отводахъ, которое рѣшено было напечатать въ „Трудахъ". Всего въ 1823 году общество собиралось три раза, въ 1824 г.—пять разъ, въ 1825 году—два раза. „Слабая искра дѣятельности общества, писалъ новый попечитель Перовскій министру, возгорѣвшаяся отъ напоминаній моего предмѣстника, въ текущемъ (1828) году опять готова была потухнуть, ибо послѣ засѣданія 2 марта этого года общество пребывало въ бездѣйствіи до самаго того времени, когда, по поводу полученнаго мною отъ вашего высокопревосходительства предписанія, члены опять принуждены были собраться для выслушанія моего по этому предмету предложенія. Это краткое извлеченіе изъ исторіи общества наукъ Харьковскаго университета достаточно доказываетъ, что оно не имѣетъ того рвенія къ распространенію наукъ

и полезныхъ свѣдѣній, безъ котораго никакое общество существовать не можетъ. По мнѣнію моему, гораздо было бы соотвѣтственнѣе достоинству университета вовсе не имѣть ученаго общества, нежели считать при себѣ, такое которое не только ничѣмъ не занимается, но безъ побужденій высшаго начальства даже не помышляетъ о своихъ засѣданіяхъ. Посему ни мало не колеблясь я рѣшился бы представить вашему высокопревосходительству объ уничтоженіи этого общества, существующаго нынѣ, такъ сказать, въ одномъ только адресъ календарѣ, если бы не ласкалъ себя надеждою, что умноженіе по университету числа дѣйствующихъ лицъ, о которомъ я имѣлъ честь ходатайствовать у вашего высокопревосходительства отъ 8 декабря, будетъ имѣть благодѣтельное вліяніе и на это общество. Впрочемъ во всякомъ случаѣ я считаю необходимымъ въ уставѣ этого общества сдѣлать нѣкоторые перемѣны и постановить болѣе опредѣленныя правила для его членовъ, которые бы непремѣнно обязывали ихъ быть дѣятельными и полезными, о чемъ въ свое время приму смѣлость войти къ вашему высокопревосходительству, съ особеннымъ представленіемъ".

Въ 1826 году было 6 засѣданій. На нихъ проф. Архангельскій читалъ сообщеніе „о пользѣ, доставляемой умственною механикою практической", Бѣлецкій Носенко прислалъ ст. „о вкусѣ эстетическомъ", басни на малороссійскомъ нарѣчіи и „Бой съ дракономъ"; проф. Павловскій представилъ сочиненіе „объ опредѣленіи произвольныхъ функцій, входящихъ въ составъ интеграловъ уравненій въ частныхъ дифференціалахъ; капитанъ Ратищевъ изложилъ словесно свои мысли 1) о точнѣйшемъ, по его мнѣнію, отношенія окружности круга къ діаметру и о квадратурѣ круга 2) о томъ что измѣреніе градуса земной поверхности не есть точное, но соотвѣтствуетъ ходу солнца, 3) объ устроеніи винокуренныхъ и селитроварныхъ печей и вѣтряныхъ мельницъ; для объясненія своихъ мыслей капитанъ представилъ чертежи и исчисленіе; первые два доклада поручено было разсмотрѣть Павловскому, Робушу и Байкову, а послѣдній Дьячкову и Лосеву; Павловскій сдѣлалъ сообщеніе объ алгебраическихъ кривыхъ линіяхъ; Сухомлиновъ демонстрировалъ кусокъ окаменѣлаго дерева; читались— переводъ и малороссійскія басни Бѣлецкаго Носенка, а также отзывъ Павловскаго и Байкова о докладѣ капитана Ратищева (на счетъ квадратуры круга); Корнеліусъ представилъ обществу римскую монету, переводъ сочиненія Шатобріана „Мученики" въ 3-хъ частяхъ и свое сочиненіе „Развалины дворца князя Потемкина близъ Екатеринослава"; сочиненія были переданы Байкову для помѣщенія въ журналѣ. Любопытно, что въ октябрѣ и ноябрѣ 1826 года засѣданія

общества не могли состояться по причинѣ безпрерывныхъ дождей и непроходимой грязи.

Съ декабря 1826 г. по май 1827 г. Общество не представляло свѣдѣній о своей дѣятельности. Перовскій потребовалъ объясненія по этому поводу отъ предсѣдателя общества проф. Кронеберга—и получилъ отвѣтъ, что это вызвано было съ одной стороны продолжительною чрезвычайно ненастною погодою во время прошлой зимы и весны и болѣзнію многихъ членовъ, а съ другой преимущественно тѣмъ, что ни иногородные, ни мѣстные члены общества не доставили никакихъ докладовъ, разсмотрѣніемъ коихъ оно могло бы заняться; впредь же предписаніе высшаго начальства о представленіи ежемѣсячныхъ вѣдомостей будетъ исполняться неукоснительно.

Въ 1827 году общество имѣло 5 засѣданій. Въ общество передано было изъ правленія сочиненіе Бѣлецкаго Носенка „Лингвистическія замѣчанія"; Черняевъ предложилъ, чтобы члены общества докладывали по очереди о новостяхъ по части своей спеціальности; тотъ же Черняевъ словесно изложилъ основанія, на коихъ онъ намѣренъ издавать собраніе высушенныхъ отечественныхъ растеній, преимущественно медицинскихъ—общество попросило его представить объ этомъ письменный докладъ; Гулакъ Артемовскій представилъ переводъ съ польскаго сочиненія Христіана Горве „Опытъ распознанія умственныхъ способностей въ дѣтяхъ".

Въ 1827 году предсѣдатель общества Кронебергъ представилъ проэктъ видоизмѣненнаго устава [1]), но былъ ли онъ утвержденъ начальствомъ, неизвѣстно.

---

[1]) Вотъ его подлинный текстъ.

I. Составленіе общества.

§ 1. Учрежденіе ученаго общества при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ имѣетъ предметомъ своимъ распространеніе наукъ и знаній через ученыя изысканія и чрезъ изданіе въ свѣтъ общеполезныхъ сочиненій.

§ 2. Покровитель сего общества есть попечитель университета.

§ 3. Общество имѣетъ два отдѣленія: 1-е отдѣленіе наукъ естественныхъ, 2-е отдѣленіе словесное.

§ 4. Къ отдѣленію естественныхъ наукъ принадлежатъ всѣ науки, коихъ предметъ состоитъ въ созерцаніи и испытаніи природы.

§ 5. Въ словесномъ отдѣленіи заключаются науки и знанія, относящіяся къ исторіи народовъ, языкамъ древнимъ и новѣйшимъ и ихъ литературѣ, наконецъ, юриспруденція въ историческомъ отношеніи.

§ 6. Каждое отдѣленіе имѣетъ директора и секретаря. Они избираются чрезъ каждое трехлѣтіе изъ дѣйствительныхъ членовъ.

§ 7. Каждое отдѣленіе имѣетъ частныя засѣданія для сужденія о предметахъ, къ нему принадлежащихъ.

Въ 1828 году было шесть засѣданій; въ иные мѣсяцы засѣданія назначались, но не могли состояться вслѣдствіе недостаточнаго числа собравшихся членовъ или ненастья. Предсѣдатель Кронебергъ отказался отъ должности по многосложности своихъ ректорскихъ обязанностей и на его мѣсто избранъ Могилевскій. Комлишинскій читалъ свой переводъ трактата Гумбольдта о главнѣйшихъ причинахъ различной температуры на земномъ шарѣ; членъ общества Бѣлецкій Носенко прислалъ два стихотворенія 1) Ивга—баллада на малороссійскомъ нарѣчіи и 2) сказочка Лицвинъ да Украинецъ на литвинскомъ и малороссійскомъ нарѣчіи; профессоръ Еллинскій представилъ описаніе перевязки косо-

---

§ 8. Оба отдѣленія, соединенныя вмѣстѣ, составляютъ ученое общество, коего предсѣдатель есть ректоръ университета, буде участвуетъ въ трудахъ общества; въ противномъ случаѣ избирается отъ дѣйствительныхъ присутствующихъ членовъ на три года и представляется чрезъ г. попечителя университета на утвержденіе Г. Министру Народнаго Просвѣщенія.

§ 9. Общество имѣетъ свою печать большую и малую съ государственнымъ гербомъ и надписью: печать Харьковскаго ученаго общества. Пакеты подъ сею печатью принимаются на почтѣ безъ платежа вѣсовыхъ денегъ.

II. Члены общества.

§ 10. Общество состоитъ изъ дѣйствительныхъ и почетныхъ членовъ и корреспондентовъ.

§ 11. Въ дѣйствительные члены баллотируются по предварительномъ представленіи въ оное и разсмотрѣніи сочиненій или переводовъ, сообразныхъ съ цѣлію общества, исключая тѣхъ лицъ, которые уже извѣстны учеными своими трудами. Они получаютъ дипломы, подписанные предсѣдателемъ, директоромъ отдѣленія, къ которому принадлежитъ и секретарь общества.

§ 12. Почетные члены избираются баллотированіемъ изъ людей, изъявившихъ готовность свою быть полезными обществу.

§ 13. Кореспонденты присоединяются для ученыхъ сношеній изъ мужей извѣстныхъ своими познаніями и ревностію къ наукамъ.

§ 14. Каждый изъ дѣйствительныхъ членовъ при вступленіи своемъ взноситъ въ въ пользу общества 15, а потомъ ежегодно по 5 руб., почетные же члены опредѣляютъ ежегодное пожертвованіе по собственному усмотрѣнію.

§ 15. Почетные члены общества вносятъ за дипломъ по 50 рублей.

§ 16. Избираемый можетъ быть предложенъ каждымъ членомъ по представленіи доказательствъ, что предлагаемый можетъ содѣйствовать успѣхамъ общества.

§ 17. Буде кто изъ дѣйствительныхъ членовъ общества въ теченіи одного года не представитъ ему никакихъ своихъ сочиненій, или важныхъ въ отношеніи къ наукамъ переводовъ, то обществу представляется право не считать его въ числѣ своихъ членовъ, что и записывается въ журналъ общества.

III. О предсѣдательствующемъ и секретарѣ общества.

§ 18. Обязанность предсѣдательствующаго есть пещись о точномъ исполненіи устава общества.

выхъ полиновъ; Могилевскій читалъ разсужденіе о патетическомъ въ краснорѣчіи; Павловскій представилъ докладъ о нѣкоторыхъ кривыхъ линіяхъ; избраны были редакторы для давно уже задуманнаго 2-го тома „Трудовъ" общества (Комлишинскій, Сухомлиновъ, Филомафитскій и Гулакъ Артемовскій); въ члены общества, по предложенію Данилевича, избранъ былъ Делевель.

Въ 1829 году было пять засѣданій; нѣкоторыя засѣданія не могли состояться вслѣдствіе сильной грязи (въ мартѣ мѣсяцѣ). Бѣлецкій Носенко представилъ свое сочиненіе „Теорія эпидемій" и три баллады на малороссійскомъ нарѣчіи; это сочиненіе дано было для про-

---

§ 19. Онъ получаетъ и распечатываетъ пакеты, присылаемые на имя общества, и назначаетъ время общихъ собраній.

§ 20. Онъ чрезъ директоровъ сообщаетъ отдѣленіямъ то, что до нихъ относится.

§ 21. Въ отсутствіе предсѣдательствующаго одинъ изъ директоровъ отправляетъ его должность.

§ 22. Секретарь общества и секретари отдѣленій избираются изъ дѣйствительныхъ членовъ.

§ 23. Онъ составляетъ журналъ засѣданій общества, ведетъ списокъ членовъ по отдѣленіямъ и списокъ сочиненій, обществу представляемыхъ, съ означеніемъ времени полученія, и отмѣчая одобренныя къ напечатанію и не одобренныя.

§ 24. Въ торжественномъ собраніи секретарь общества представляетъ изложеніе годичныхъ занятій общества.

§ 25. Онъ хранитъ малую печать общества и порядокъ архива. Большая печать хранится у предсѣдателя.

§ 26. Сумма общества составляется изъ ежегодныхъ взносовъ отъ членовъ пожертвованій и денегъ отъ продажи сочиненій общества. Употребляется она на расходы по канцеляріи, печатаніе трудовъ и другія надобности расходъ, не превышающій ста рублей, производится отъ одного засѣданія общества до другого съ разрѣшенія предсѣдателя, а превышающій оную сумму по распоряженію общества.

§ 27. Для храненія суммы и библіотеки избирается казначей изъ членовъ дѣйствительныхъ, которому даются шнуровыя книги для прихода и расхода и который въ концѣ года даетъ обществу полный и общій отчетъ. Книги же прихода и расхода повѣряются каждые полгода предсѣдателемъ и директоромъ отдѣленій.

IV. О директорахъ и секретаряхъ отдѣленій.

§ 28. Директоры въ отдѣленіяхъ имѣютъ ту же обязанность, какую предсѣдательствующій въ обществѣ.

§ 29. Секретари отдѣленій сочиняютъ журналы засѣданій и наблюдаютъ порядокъ дѣлъ.

§ 30. Они пекутся объ исправности изданій и печатаніи сочиненій своего отдѣленія.

V. О занятіяхъ и правилахъ общества.

§ 31. Общество имѣетъ разъ въ годъ торжественное собраніе 25 іюня. Въ немъ излагаются кратко занятія общества въ теченіи года и произносятся членами приличныя рѣчи.

смотра Еллинскому и Венедиктову, и медицинским факультетом признано неудовлетворителвным; Дьячков прочитал доклад „О весах и мерах вообще и в особенности о российских в отношении к главнейшим иностранным“; Золотарев читал перевод сочинения Шатобриана о народной набожности и собственное стихотворение „Осень“. Приготовленный к изданию 2-й том „Трудов“ общества, в который вошло 13 статей, был сдан правлению для напечатания. О дальнейшей судьбе общества сведений нет—повидимому деятельность его в конце 1829 г. прекратилась: по крайней мере на этом годе прерывается дело „О действиях общества наук при Харьковском университете“ [1]).

---

§ 32. Обыкновенныя собранія бывают единожды в два месяца и именно в конце второго месяца, а в случае надобности приглашает членов председательствующій к особым собраніям.

§ 33. Отделенія сообщают обществу достойное вниманія чрез своего директора.

§ 34. Каждое отделеніе имеет частныя заседанія по приглашенію директора однажды в теченіи месяца, в случае же надобности и чаще.

§ 35. В заседаніях отделеній читаются представленныя в оныя сочиненія и переводы, разсуждается о всем, что до каждаго отделенія относится. Сочиненія, разсмотренныя в отделеніях, представляются обществу с мненіем оных.

§ 36. В общих собраніях слушаются предложенія высшаго начальства и председательствующаго, читаются отношенія отсутствующих членов общества, представленія, поступающія из отделеній, и частныя от членов.

§ 37. Представленныя от отделеній сочиненія читаются в обществе, вместе с мненіем отделенія, а потом чрез баллотированіе либо одобряются к напечатанію, либо не одобряются; общество не обязывается само возвращать не одобренныя сочиненія, но предоставляет сочинителям сделать свои распоряженія для полученія их.

§ 38. Сочиненія, одобренныя к напечатанію, составляют собственность общества до изданія оных, и до тех пор сочинители не имеют права издавать оныя от себя за исключеніем, если общество не напечатает оных в теченіи года.

§ 39. Из представленных сочиненій принимаются в общество только писанныя на российском, латинском, немецком и французском языках.

§ 40. Общество издает по подписке сочиненія свои в виде журнала по 4 книжки в год под названіем: труды Харьковскаго ученаго общества.

§ 41. В изданіи трудов общество вспомоществуется университетом по § 9 устава университета.

§ 42. Мненіе решается большинством голосов. Баллотировка и прочія заседанія общества не могут иметь места, если число присутствующих не превышает трети действительных членов, в городе живущих.

§ 43. При равенстве голосов председательствующій решает дело вторичным голосом..

§ 44. Харьковское ученое общество предоставляет себе право по обстоятельствам и времени что либо переменить и вновь прибавить в сем уставе с утвержденія министра народнаго просвещенія (Харьк. унив. архив. Дело канц. поп. № 967/53).

[1]) Харьк. унив. архив. Дело попеч. № 1137/04.

Тщетны были, какъ видимъ отсюда, и попытки Перовскаго внѣшними мѣрами надзора вдохнуть въ общество жизнь. 2-й томъ его „Трудовъ“ не былъ изданъ и гдѣ находятся собранныя для него рукописи, неизвѣстно. Желательно было бы произвести тщательные поиски ихъ въ университетскомъ архивѣ и въ архивѣ университетской типографіи. За 7 лѣтъ своего существованія (съ 1823 года) общество приготовило къ печати сборникъ въ 13 статей, въ среднемъ по 2 статьи въ годъ. Общее число прочитанныхъ въ его засѣданіяхъ рефератовъ было также незначительно. Отношеніе членовъ къ обществу было въ общемъ равнодушное и безразличное: читали рефераты очень немногіе; наиболѣе энергичнымъ членомъ оказался Бѣлецкій Носенко. Идея Черняева на практикѣ не была осуществлена. Послѣ 1835 года возбуждено было ходатайство объ открытіи при университетѣ новаго ученаго общества [1]): очевидно, прежнее уже не существовало.

Но была одна область научнолитературной дѣятельности Харьковскаго университета, которая теперь несомнѣнно получила значительное развитіе сравнительно съ предшествовавшей эпохой, это—журналистика. Чѣмъ объяснить это явленіе?

Движеніе въ этой области было подготовлено, на нашъ взглядъ, первымъ десятилѣтіемъ въ исторіи университета и является его культурнымъ наслѣдіемъ. Университетъ за это время создалъ будущихъ дѣятелей журналистики и подготовилъ для нея почву въ мѣстномъ обществѣ. Филомаѳитскій, Гонорскій, Масловичъ, Гулакъ-Артемовскій, Склабовскій—инициаторы журнальнаго дѣла въ Харьковѣ—получили вкусъ къ литературной дѣятельности въ ученой атмосферѣ Харьковскаго университета и были духовными чадами Рижскаго, Срезневскаго и другихъ тогдашнихъ профессоровъ. Еще въ первое десятилѣтіе издавалась университетскимъ книгопродавцемъ Лангнеромъ газета, пріучавшая публику къ мысли имѣть свой мѣстный органъ печати. Просвѣтительное вліяніе университета на мѣстное общество не прошло и не могло пройти безслѣдно и принесло свои плоды. Уровень культурныхъ потребностей общества подъ вліяніемъ университета постепенно расширялся и естественнымъ результатомъ его было развитіе мѣстной журналистики. Среди университетскихъ дѣятелей и бывшихъ питомцевъ университета нашлись сотрудники для харьковскихъ повременныхъ изданій. Университетъ печаталъ эти изданія въ своей собственной типографіи. Ему же принадлежала и непосредственная цензура надъ ними, конечно, благожелательная, справедливая и непридирчивая, а это обстоятельство имѣло

[1]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло попеч. 1834 г. № 2020/127.

огромное значеніе. Иногда университетъ отпускалъ даже собственныя средства на эти изданія. Наконецъ, въ вѣдѣніи университета были тогда еще всѣ среднія и низшія учебныя заведенія въ округѣ, составлявшія съ нимъ какъ бы единую педагогическую семью. Эти учебныя заведенія, ихъ педагогическій персоналъ и отчасти даже учащіеся составляли и первоначальный основной контингентъ подписчиковъ, а къ нимъ присоединялись и представители мѣстной среды, въ видѣ почетныхъ смотрителей уѣздныхъ училищъ, родителей учащихся и т. п. Районъ, который тяготѣлъ къ Харьковскому университету, былъ огроменъ, ибо онъ равнялся Харьковскому учебному округу—и это, конечно, обезпечивало нѣкоторый, относительно правда небольшой, контингентъ читателей.

Въ изучаемый нами періодъ времени возникли и просуществовали нѣкоторое время журналы—Украинскій Вѣстникъ, Харьковскій Демокритъ, Украинскій Журналъ, Харьковскій Домоводъ и газета „Харьковскія извѣстія“. Кромѣ того было ходатайство объ изданіи журнала „Харьковская муза“, но оно не увѣнчалось успѣхомъ по препятствіямъ цензурнаго свойства.

Сообщимъ нѣкоторыя фактическія данныя о программахъ, направленіи, содержаніи и судьбѣ этихъ повременныхъ изданій.

Въ концѣ 1815 года кандидатъ Харьковскаго университета Евграфъ Филомаѳитскій, капитанъ Григорій Квитка и учитель гимназіи Разумникъ Гонорскій обратились въ правленіе университета съ прошеніемъ о разрѣшеніи имъ издавать въ Харьковѣ періодическое сочиненіе подъ названіемъ „Украинскій Вѣстникъ“ по прилагаемому ими плану. Планъ же новаго журнала былъ таковъ. Журналъ долженъ былъ состоять изъ 5 отдѣловъ—науки, прекрасная проза, стихотворенія, харьковскія записки, и смѣсь. Въ первомъ предполагалось помѣщать статьи, относящіяся собственно къ наукамъ и служащія къ распространенію познаній, необходимыхъ для жизни, статьи по русской исторіи вообще и по мѣстной въ частности. Во второмъ—отрывки изящной прозы, полезное и пріятное чтеніе для дѣтей. Въ третьемъ—стихотворенія разныхъ родовъ за исключеніемъ слишкомъ обширныхъ по размѣру. Въ четвертомъ—статьи, касающіяся университета, дѣлъ фило-техническаго и благотворительнаго общества, замѣчанія о театрѣ и т. п. Въ пятомъ—хозяйственныя и другія замѣчанія относительно здѣшняго края и Малороссіи, библіографію выходящихъ въ Харьковѣ книгъ и краткія рецензіи. „И такъ какъ издатели берутъ на себя обязанность быть посредниками между благотворителями и несчастными, то они съ особеннымъ удовольствіемъ и благодарностью будутъ помѣщать также из-

вѣстія о нуждающихся и доставлять имъ пособія по назначеніи благотворителей“ [1]).

Какъ видимъ отсюда, программа журнала была широкая и видное мѣсто въ ней было отведено мѣстнымъ интересамъ, что, конечно, служило одною изъ главныхъ причинъ его успѣха въ публикѣ. Если бы журналъ игнорировалъ мѣстную исторію, литературу и жизнь, то онъ терялъ бы свой raison d'être, потому что общія научно литературныя статьи всякій могъ бы прочитать въ столичныхъ изданіяхъ, гдѣ, конечно, этотъ отдѣлъ былъ обставленъ несравненно лучше и въ количественномъ, и въ качественномъ отношеніи. Одинъ изъ соиздателей—столь извѣстный впослѣдствіи малороссійскій писатель Григорій Ѳедоровичъ Квитка — съ выборомъ въ должность Харьковскаго уѣзднаго предводителя дворянства, вышелъ изъ состава редакціи и вели журналъ оставшіеся два издателя, а за смертью въ 1819 г. Разумника Тимофеевича Гонорскаго заканчивалъ дѣло одинъ Филомаѳитскій, который вообще повидимому былъ душею всего дѣла и велъ его очень успѣшно и энергично. Измаилъ Ивановичъ Срезневскій приводитъ любопытное сообщеніе (въ своей запискѣ объ отцѣ), что инициатива Украинскаго Вѣстника принадлежала Ивану Евсеевичу Срезневскому, близко стоявшему къ Филомаѳитскому и Гонорскому—они были его учениками по Харьковскому университету; И. Е. Срезневскій, по словамъ Вс. Изм. Срезневскаго, „дѣлилъ съ редакторами заботы редакціи и сообразно съ нуждами изданія располагалъ литературные труды студентовъ“ [2]). Извѣстіе объ инициативѣ Ивана Евсеевича, вѣроятно, требуетъ нѣкотораго ограниченія; во всякомъ случаѣ жаль, что Вс. Изм. Срезневскій не привелъ полностію изъ рукописи самаго свидѣтельства Измаила Ивановича Срезневскаго объ его инициативѣ.

„Украинскій Вѣстникъ“ выходилъ 4 года—въ 1816, 1817, 1818 и 1819 годахъ. Сдѣлаемъ краткій обзоръ его содержанія. Въ 1-мъ отдѣлѣ наукъ и искусствъ было напечатано нѣсколько статей по исторіи Малороссіи—„О гетманѣ Хмельницкомъ“ (неизвѣстнаго автора)—повѣствовательнаго компилятивнаго характера; историческія замѣчанія о Малороссіи отъ смерти гетмана Богдана Хмельницкаго до Полтавскаго сраженія—такого же характера; эпоху гетманства авторъ считаетъ самою несчастною и только оставя гибельную мечту самостоятельной вольности, Малороссія, по его словамъ, пріобрѣла постоянное счастіе. О Богданѣ

---

[1]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло правл. 1815 г. № 978/46.

[2]) Жур. Мин. Нар. Просв. 1898 г., № 6, стр. 372.

Хмельницкомъ есть и спеціальная статья. Ильѣ Квиткѣ (автору „Записокъ о Слободскихъ полкахъ") принадлежитъ статья историческаго содержанія „О малой Россіи"—это краткое изложеніе событій въ Малороссіи до паденія гетманства. Сюда же относится письмо къ издателямъ о малороссійскихъ древностяхъ и „Введеніе въ малороссійскую исторію" Маркова.

Въ отдѣлѣ наукъ находимъ рѣчь проф. Срезневскаго „О любви къ отечеству" и статьи о перспективѣ, о музыкѣ, мозаикѣ, Самаріи, объ исторіи, о древнемъ турьемъ рогѣ (Маркова), переводъ мыслей Цицерона о дружествѣ, о причинахъ различія умственныхъ и нравственныхъ способностей, отрывки изъ книги Гесъ-де-Кальве о теоріи музыки, Левшина „Греки и римляне на поприщѣ наукъ и искусствъ", Нестеровскаго „Сравненіе Русской правды съ судебникомъ", „О животномъ магнетизмѣ проф. А. Дудровича, новѣйшіе успѣхи въ искусствѣ дистиллированія Ор. Шумана, Воронова „О необходимости законовъ въ каждомъ политическомъ обществѣ".

Изъ статей по теоріи и исторіи словесности отмѣтимъ работу Гонорскаго „Начертаніе теоріи подражательной гармоніи слова", нѣчто о переводѣ Виргиліевыхъ георгикъ русскими гексаметрами и замѣтку о подражательной гармоніи слова, большую критико-литературную статью Филомаѳитскаго „Опытъ по 2-мъ способамъ (систематическому и аналитическому) судить и оцѣнивать вѣрно эстетическія произведенія какъ древнихъ, такъ и новыхъ стихотворцевъ", нѣчто объ эллегіи, переводъ письма Руссо къ Вольтеру о его сочиненіяхъ, письма Гердера о Лессингой статьѣ—какъ изображали древніе смерть?, о вкусѣ и его вліяніи на словесность Ник. Гнѣдича, о шуточномъ и смѣшномъ—Гесъ-де-Кальве.

Въ отдѣлѣ географіи и путешествій были помѣщены „Воспоминанія о Новгородѣ Сѣверскѣ" швейцарскаго уроженца и Харьковскаго литератора Ив. Вернета; въ нихъ по обычаю того времени много исповѣди сердца и ума и мало фактическихъ подробностей, но есть все таки нѣкоторыя свѣдѣнія о Глуховѣ и Новгородъ Сѣверскѣ. Строго фактическимъ характеромъ наоборотъ отличается статья неизвѣстнаго (К-р-н) о Литвѣ; отмѣтимъ также путешественныя записки Исакова и выписки изъ писемъ путешественника отъ Кронштадта до Мобежа (заграницей), нѣчто о каменноугольной ломкѣ въ Бахмутскомъ уѣздѣ Екатерин. губ. Ор. Шумана, возраженіе на эту статью съ нѣкоторыми любопытными свѣдѣніями о мѣстныхъ древностяхъ неизвѣстнаго, отвѣтъ на это возраженіе Шумана.

2-й отдѣлъ журнала заключалъ „Живописную прозу". Здѣсь мы встрѣчаемъ статьи литературнаго характера изъ Бюффона (Лебедь),

Бартелеми (элегія), Гердера. „Различные роды безсмертія" и „Умирающій лебедь, Сенъ-Піера (гробницы), Шатобріана (Долина Іоасафатова, Миссисипи, Путешественникъ во Іерусалимъ), Масильона (Совѣсть), Ласепеда (Дружба), Размышленія о смерти знаменитыхъ мужей (съ англ.), Видъ страны Лаціума, когда прибылъ туда Эней.

Изъ оригинальныхъ произведеній отмѣтимъ отрывки изъ приготовлявшейся къ печати книги Левшина—„Письма изъ Малороссіи", цѣлый рядъ статей Вернета: небольшіе поѣздки по Зміевскому уѣзду, сельское кладбище, мысли одного изъ моихъ дней въ Харьковѣ, полдюжина листовъ изъ моего журнала, молодость и старость съ личными воспоминаніями о Суворовѣ, возвращеніе изъ Валокъ въ Харьковъ, мысли о Харьковѣ, послѣдки изъ моей страннической сумки, Валковское кладбище, осенняя прогулка въ день моего ангела, жилище и посѣщеніе, Харьковское кладбище, печникъ философъ, еще нѣсколько моихъ воспоминаній, не болѣе одной почтовой станціи, полезный досугъ въ уединеніи, странствователь, моя вакація; неизвѣстнаго „Тоска по мѣстечкѣ В*Б*ъ и раскаяніе", „Обайдагъ" (переводъ съ англійскаго Л. Коростовцевой), удовольствіе отъ благотворенія (переводъ съ итальянскаго Каменской), Катакомбы, картина Везувія во время изверженія (переводъ нѣмецкой рукописи), видъ развалинъ дворца кн. Потемкина близъ Екатеринослава, рѣчь Ланжерона при открытіи Одесскаго лицея, рѣчь В. Н. Каразина „О истинной и ложной любви къ отечеству", окрестности Рейна (переводъ Н. Левицкаго съ польскаго).

Третій отдѣлъ заключаетъ разсказы для дѣтей, преимущественно переводные. Здѣсь мы находимъ любопытную переводную статейку (съ французскаго) о Франклинѣ, составленную по его автобіографіи, переводной разсказъ съ французскаго „Юстинъ или добрый баринъ", „Валентинъ Дюваль", Тасъ (изъ Ансильона), „Случай жизни", приключеніе, случившееся съ Тюренемъ и др.

Отдѣлъ—стихотвореній—заключаетъ въ себѣ стихи Склабовскаго Срезневскаго, Куницкаго, Ф-аго (Филомаѳитскаго)—а) къ Манлію Торквату (переводъ Гораціевой оды), Кодинца, (Спартанка), Артемовскаго Гулака, Агаѳи, Фортунатова (Минвана изъ Оссіана), Л. Кричевской, (Пѣсня, Днѣпръ, Раскаяніе и др.), неизвѣстнаго (ода гр. Каменскому, который самъ прислалъ ее для напечатанія въ журналъ), Гонорскаго (съ испанскаго и итальянскаго), псаломъ 3-й, 20-й и 43-й, къ Меценату (изъ Горація), отрывокъ Райдаровскаго (На смерть Державина, Петраркинъ сонетъ, къ другу при разлукѣ, на гробъ друга, канты вел. кн. Николаю Павловичу). Ор. Сомова (по поводу стихотворенія Жуковскаго „Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ"). Ег. Акимова (эпиграммы—очень слабыя,—

къ Голубку, къ портрету кн. Репнина), Соколова (Разлука съ родиной), Ремезова (Уединеніе), Бакаева (Слѣпецъ), Дм. Дунина Борковскаго (басня Мартышка и Котъ) Субботина (басня „Стрекоза и желѣзный листъ“), Фраполи (Памяти С. А. Гринева), Шкларевича (Юноша—подражаніе Клопштоку), Ст. Юшкова (Рондо), Каменской (Сельское кладбище—переводъ изъ Легуве), П. Лосева, Лузанова, Макарова (Ошибка), Пономарева (Къ младенцу), Тюльпина (Къ сосѣду—посланіе къ другу моему профессору П. И. С.), Пѣсенка или Полубыль Г-а (Григорій Квитка?) и др.

Отдѣлъ харьковскихъ записокъ представляетъ въ настоящее время наибольшій интересъ. Здѣсь мы находимъ данныя о дѣятельности Харьковскаго университета (по его отчетамъ) Харьковскаго Библейскаго общества, Харьковскаго общества благотворенія, Харьковскаго Филотехническаго общества, общества наукъ, свѣдѣнія о харьковской общественной жизни того времени въ формѣ писемъ Филомаѳитскаго въ Херсонъ, о Крещенской ярмаркѣ, о пребываніи вел. кн. Николая Павловича въ Харьковѣ, рѣчь на похоронахъ безвременно скончавшагося кандидата Харьковскаго университета Гринева, описаніе бала, даннаго военными въ Водолагахъ, слово Прокоповича на избраніе судей, рѣчь прот. Антоновскаго при погребеніи Харьковскаго епископа Аполлоса, имена лицъ, сдѣлавшихъ пожертвованіе Харьковскому Коллегіуму, свѣдѣнія о дворянскихъ выборахъ въ Харьковѣ, о пребываніи Императора Александра I-го въ Харьковѣ, о пребываніи въ Харьковѣ Михаила Павловича, о Харьковскомъ театрѣ, обо всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ Харькова, рѣчь пр. Архангельскаго на похоронахъ проф. Дрейсига, некрологъ проф. Каменскаго, рѣчи на погребеніи Гонорскаго.

Къ этому отдѣлу по справедливости нужно отнести и статьи о Г. С. Сковородѣ Гессъ-де-Кальве и Вернета и два его письма, а также статью Филомаѳитскаго о домѣ безъ печей, устроенномъ проф. Васильевымъ, отчетъ В. Н. Каразина о дѣятельности Филотехническаго общества за послѣдніе четыре мѣсяца 1818 года, со всѣми приложеніями.

Въ послѣднемъ отдѣлѣ смѣси—находимъ между прочимъ „письма къ издателямъ Фал. Повинухина“, заключающія въ себѣ сатирическое изображеніе француза гувернера, письмо изъ Херсона, извѣстіе отъ совѣта благотворительнаго общества, библіографію вновь выходящихъ книгъ (есть отвѣтъ проф. Успенскаго рецензенту его „Опыта повѣствованія о русскихъ древностяхъ и, свѣдѣнія о пребываніи въ Полтавѣ вел. кн. Николая Павловича, удостоившаго своимъ особымъ покровительствомъ капитана Котляревскаго—извѣстнаго автора Виргиліевой Энеиды на малороссійскомъ языкѣ, и изъявившаго желаніе имѣть у себя ... экземпляра этого сочиненія), извѣстія о бѣдныхъ семействахъ,

письмо Гр. Өед. Квитки объ отказѣ отъ соиздательства Укр. Вѣстника, письмо о пребыванiи малороссiйскаго генералъ губернатора князя Рѣпнина въ Черниговѣ, описанiе Одессы, отрывки изъ путевыхъ записокъ одного украинца по дорогѣ изъ Петербурга къ Харькову, описанiе минеральнаго источника подлѣ Елисаветграда Херсонской губернiи, замѣтку о театральной пьесѣ, игранной въ Харьковѣ,—Козакъ-стихотворецъ—письмо Украинца о Петербургѣ, документы о пожертвованiяхъ Демидова, для основанiя лицея, письма неизвѣстнаго о переводахъ съ польскаго на русскiй языкъ съ любопытной мотивировкой, касающейся малорусскаго языка.

Положенiе „Украинскаго Вѣстника" въ 1819 году сдѣлалось очень тяжелымъ, благодаря реакцiи, царившей тогда въ министерствѣ народнаго просвѣщенiя. 8 ноября 1819 года министръ народнаго просвѣщенiя князь А. Н. Голицынъ прислалъ попечителю З. Я. Карнѣеву письмо, въ которомъ писалъ: „Украинскаго Вѣстника на 1819 годъ въ книжкѣ девятой на страницахъ 279, 356 и 372 замѣчены мѣста, кои, по неприличiю своему, не долженствовали бы быть напечатаны въ семъ изданiи, а именно: *первое* на счетъ отличной похвалы бывшему при Харьковскомъ университетѣ профессору Шаду, потому что онъ удаленъ правительствомъ изъ сословiя университетскихъ наставниковъ, какъ признанный, по образу мыслей своихъ вреднымъ для юношества; *второе,* гдѣ издатель, предполагая въ квакерахъ какой то тонъ равенства, показываетъ совершенное незнанiе свое о существующемъ у нихъ обычаѣ; *третье* заключаетъ въ себѣ сообщенный отъ одного изъ университетскихъ начальниковъ о шапкахъ, носимыхъ въ Харьковѣ молодыми людьми, отзывъ, который написанъ въ тонѣ, неприличномъ не только никакому начальству, но и каждому благовоспитанному человѣку. Вслѣдствiе того покорнѣйше прошу ваше превосходительство, обративъ вниманiе редакторовъ на неприличность и несообразность этихъ мѣстъ, подтвердить имъ впредь подобныхъ статей въ журналѣ своемъ не помѣщать. Это на первый разъ можно исполнить неоффицiальнымъ образомъ, для чего я и отношусь къ вамъ посредствомъ партикулярнаго письма". Попечитель сообщилъ ректору Т. Ө. Осиповскому копiю этого письма и отъ себя прибавилъ: „послѣ многократныхъ оффицiальныхъ подтвержденiй цензурному комитету о бдительномъ разсмотрѣнiи печатаемыхъ съ позволенiя его разнаго рода сочиненiй до сего времени пропускаетъ онъ несообразныя съ чистою нравственностiю сужденiя, навлекающiя на самое университетское управленiе невыгодное отъ верховнаго начальства мнѣнiе. Въ заключенiе онъ просилъ ректора подтвердить редакторамъ, чтобы они не помѣщали впредь подобныхъ

статей. Ректоръ отвѣтилъ, что по поводу первыхъ двухъ статей онъ сдѣлалъ подтвержденіе и издателю Вѣстника, и цензору его, а они отозвались, что статьи эти содержали частныя сужденія о частныхъ предметахъ и потому они не признали ихъ противными политикѣ: иначе не выпустили бы въ свѣтъ. Что же касается до статейки о шапкахъ, объяснялъ Т. Ѳ. Осиповскій, то она вышла отъ меня. „Нынѣшнимъ лѣтомъ начали появляться на университетскихъ студентахъ особаго покроя шапки съ большими расходящимися въ бока углами, похожими на уши или на рога. Къ сентябрю мѣсяцу число такихъ шапокъ очень умножилось, а нѣкоторые начали отличаться нашитыми на нихъ звѣздами. На то время въ газетахъ помѣщаемо было, что въ Германіи заводятся общества, имѣющія затѣи противъ правительства, коихъ члены отличаются особыми шапками и что наибольшее число членовъ этихъ обществъ составляютъ студенты. Я сперва подумалъ было, не заводится ли чего подобнаго и въ нашемъ университетѣ, но ближайшее наблюденіе показало, что подъ этими шапками не скрывается никакихъ замысловъ, потому болѣе что носящіе ихъ были большею частью изъ числа самыхъ глупыхъ. Между тѣмъ публика и городское правительство, смотря на это издали, все таки могли взвести подозрѣніе на университетъ и потому мнѣ хотѣлось эти шапки изгнать изъ употребленія. Сперва говорилъ я: на что эти рога у шапки? Все дѣлается для чего нибудь, напримѣръ, поле у шляпы, чтобы защищать глаза отъ солнца и отъ падающей сверху пыли, а рога у шапки совсѣмъ безполезны, но шапки не уменьшались. Потомъ говорилъ, что за охота студентамъ носить такія дурацкія шапки? Но и это также не имѣло успѣха. Тогда я, разсуждая о томъ, какимъ бы образомъ дать знать публикѣ, что въ этихъ шапкахъ нѣтъ ничего подозрительнаго и вмѣстѣ отбить охоту у студентовъ къ этимъ шапкамъ и принявъ во вниманіе, что умный, буде при какихъ либо его дѣлахъ, производимыхъ съ цѣлію и намѣреніемъ, говорится что на счетъ униженія ума, бываетъ къ этому нещекотливъ и, внутренно смѣясь надъ этимъ, продолжаетъ свое дѣло; глупцы же къ словамъ, унижающимъ ихъ умъ, весьма щекотливы и, бросая свое дѣло, какъ производимое ими безъ цѣли и намѣренія, обыкновенно обращаются ко мщенію, котораго отъ глупцовъ обыкновенно бояться нечего, рѣшился для отзыва къ публикѣ (словами для тѣхъ только ясными, кои могли имѣть подозрѣніе къ этимъ шапкамъ) о безвинности носимыхъ студентами шапокъ, написать о нихъ вопросъ и отвѣтъ, въ которомъ бы посильнѣе выражена была глупость носящихъ ихъ, который написавъ такъ:

Вопросъ. Что значитъ шапка о шести рогахъ, которую теперь многіе молодые люди носятъ? Нѣтъ-ли подъ ней какого секрета?

Отвѣтъ. Ничего нѣтъ. Она есть просто вывѣска дурака, гоняющагося за модою, которую и выпустили дураки.

И отдалъ издателю Украинскаго Вѣстника для печатанія. Редакторъ не понявши, что этотъ вопросъ и отвѣтъ былъ болѣе отзывъ къ публикѣ, нежели осмѣяніе носящихъ шапки, нѣсколько измѣнилъ его. Однако же онъ все таки произвелъ свое дѣйствіе: тотчасъ шапки стали становиться рѣже, а вскорѣ и совсѣмъ исчезли или стали покрываться круглымъ чехломъ.

На отмѣченныхъ министромъ 279 и 356 страницахъ было помѣщено слѣдующее: на стр. 279-й примѣчаніе редактора Филомаѳитскаго къ статьѣ Гулака-Артемовскаго, переведенной съ польскаго „Нѣчто для сочинителей", въ которомъ говорится: „не знаю, почему здѣсь авторъ не упомянулъ о письмахъ М. Мануція—писателя, жившаго около половины XVI ст. въ Венеціи. Латинскій языкъ въ нихъ почти тотъ же, каковъ въ Цицеронѣ и Плиніи младшемъ—*это мысль славнѣйшаго въ нынѣшнемъ свѣтѣ латиниста, бывшаго здѣсь профессора Шада*". И такъ, здѣсь инкриминировано было редактору его мнѣніе о Шадѣ, какъ о прекрасномъ латинистѣ, хотя этотъ послѣдній былъ дѣйствительно таковымъ. На стр. 355—356-й говорится: „знаменитый и богатѣйшій квакеръ Давидъ Гольдъ писалъ длинное письмо къ лорду Ланкастерскому по случаю возмущенія въ Манчестерѣ. „*Ты*, между прочимъ пишетъ квакеръ, долженъ былъ собрать работниковъ и возвысить цѣну за труды ихъ. Тогда всѣ буйныя прокламаціи реформаторовъ ничего бы не успѣли, когда бы толикое множество людей имѣли что ѣсть и чѣмъ одѣться. Желаю, чтобы тебѣ, знаменитый лордъ, понравилось мое предложеніе. *Твой* искренній другъ". Къ этому письму редакція дѣлаетъ отъ себя слѣдующее подстрочное примѣчаніе: „прошедшею осенью и мы также, жители Харькова, имѣли случай слышать сей тонъ равенства въ выраженіяхъ квакеровъ, когда двое изъ нихъ, бывшіе здѣсь, величали, напримѣръ, губернатора *ты*". Здѣсь редакція просто хотѣла отмѣтить и пояснить одну изъ характерныхъ чертъ квакеровъ, которые дѣйствительно были проѣздомъ въ Харьковѣ и заинтересовали собою мѣстныхъ обывателей.

Не успѣло улечься волненіе, произведенное этимъ инцидентомъ, какъ получено было отъ министра народнаго просвѣщенія новое замѣчаніе. „По замѣченнымъ въ октябрьской (10-й) книжкѣ Украинскаго Вѣстника на 51, 52, 71 и пр. разныхъ мѣстахъ, содержащихъ въ себѣ мнѣнія неосновательныя и противорѣчащія христіанскому ученію, равно какъ и по прежнимъ замѣчаніямъ, о коихъ сообщено было отъ меня Вашему Превосходительству партикулярнымъ письмомъ, покорнѣйше

прошу васъ обратить вниманіе на это изданіе и поручить разсматривать его съ большею тщательностью касательно духа, въ каковомъ содержащіяся статьи писаны. Таковыя изданія не могутъ быть оставляемы безъ должнаго руководства, дабы не распространяли между читателями духа суетныхъ языческихъ умствованій и мечтательнаго философизма, но напротивъ того могли содержаніемъ своимъ вести къ истиннымъ на христіанскомъ ученіи основаннымъ правиламъ“ [1]).

---

[1]) 51 и 52 страницы имѣютъ въ виду статью г-жи Сталь, переведенную съ французскаго Н. Левицкимъ. На этихъ страницахъ говорится о политическомъ и религіозномъ фанатизмѣ. „Какая то ярость (при этомъ политическомъ фанатизмѣ), говоритъ авторъ, овладѣла бѣдными противъ богатыхъ; соединяя предпочтеніе дворянъ съ завистью, возбужденною владѣніями, народъ гордился своею многочисленностью; и все, что составляло могущество и блескъ меньшей партіи, казалось ему похищеніемъ. Зародышъ сего чувства существовалъ во всякое время, но потрясеніе человѣческаго общества въ его основаніяхъ было только чувствуемо въ эпоху ужаса во Франціи: не должно удивляться, ежели сей ужасный бичъ оставилъ въ умахъ глубокіе слѣды; и единственная мысль, которую можно себѣ позволить, что средство къ успокоенію страстей народныхъ состоитъ не въ деспотизмѣ, а въ царствованіи закона. Фанатизмъ набожный представляетъ безконечную будущность, которая усиливаетъ надежды воображенія; но наслажденія жизнью суть также безпредѣльны въ глазахъ тѣхъ, кои не вкушали ихъ. Левье де-ла-Монтань осуждалъ своихъ подданныхъ на смерть для того, чтобы доставить имъ удовольствіе на сей землѣ; и люди часто отваживаются на смерть, чтобы лучше жить.... Страсть владычествовать въ тѣхъ, кои находятся на верху колеса фортуны, и усилія оборачивать его въ тѣхъ, кои находятся внизу—таково начало всѣхъ насилій, предлогъ измѣняется, причина остается и взаимное остервенѣніе продолжается съ тою же силою. Жалобы патриціевъ и плебеянъ, война невольниковъ, война крестьянъ, война, которая продолжается еще между дворянами и гражданами—всѣ равнымъ образомъ произошли отъ затрудненія предохранить человѣческое общество отъ безпорядковъ и несправедливостей. Люди не могли бы существовать теперь ни въ отдѣльности, ни въ соединеніи, если бы уваженіе къ закону не поселялось въ ихъ умахъ—всѣ преступленія рождались бы въ томъ обществѣ, которое должно ихъ отвращать. Отвлеченная власть представительнаго правленія ни въ какомъ отношеніи не раздражаетъ гордости человѣческой и сіе то постановленіе можетъ погасить пламенники фурій. Оні возжены въ той сторонѣ, гдѣ все было самолюбіемъ—и раздраженное самолюбіе у народа не походитъ на наши скоропроходящіе оттѣнки его—это есть уже необходимость умерщвлять. Убійства, не менѣе ужасныя самихъ убійствъ терроризма, были произведены во имя религіи; родъ человѣческій въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ былъ истощаемъ безполезными усиліями, чтобы принудить всѣхъ людей къ одному вѣроисповѣданію. Такая цѣль не могла быть достигнута, и самое простое понятіе терпимость такъ, какъ ее проповѣдывалъ Вильгельмъ Пелль, изгнала навсегда изъ Сѣверной Америки фанатизмъ, для коего южная служила ужаснымъ театромъ. То же случается и съ фанатизмомъ политическимъ: одна свобода можетъ его успокоить“.

На 77-й страницѣ разсказывается о княжнѣ Людмилѣ, которая предпочла смерть замужеству съ нелюбимымъ человѣкомъ. Здѣсь нѣтъ рѣшительно ничего неудобнаго.

Бумага эта была отправлена изъ Петербурга 18 декабря 1819 г., а 24 декабря за нею послѣдовала уже новая такого содержанія. „Въ 11-й книжкѣ Украинскаго Вѣстника замѣчены опять цѣлыя статьи, предосудительныя по духу ихъ, исполненныя мыслей и выраженій, противныхъ благонравію и даже благопристойности, не содержащія въ себѣ ни ума, ни пріятности, ни остроты, ни какой бы то ни было пользы. Посему если не находится при Харьковскомъ университетѣ кого болѣе способнаго къ изданію этого журнала въ лучшемъ духѣ, то не слѣдуетъ его вовсе допускать къ печатанію и лучше прекратить немедленно. Цензурному же комитету замѣтивъ таковое небреженіе въ исполненіи возложеннаго на него дѣла, покорнѣйше прошу объявить, что всякій членъ его, который поступитъ впредь вопреки правилъ Устава о цензурѣ и не побудится этими замѣчаніями къ большей внимательности, подвергнется большей отвѣтственности" [1]). Правленіе университета отъ имени ректора Осиповскаго и декана отвѣтило, что оно сдѣлало соотвѣтственныя замѣчанія издателю, но не могло прекратить печатаніе журнала, потому что онъ издается не университетомъ, и не по его порученію, а частнымъ лицомъ—Филомаѳитскимъ. Попечитель сдѣлалъ по этому поводу строгое внушеніе правленію, что оно не имѣло права, по точному смыслу распоряженія министра, ни выводить своихъ умозаключеній, ни устанавливать своихъ положеній. Цензурный комитетъ съ своей стороны вошелъ съ представленіемъ къ попечителю о томъ, чтобы цензура Украинскаго Вѣстника была поручена на 1820-й годъ протоіерею проф. Могилевскому. Но попечитель нашелъ это ненужнымъ и не подходящимъ, во 1-хъ, потому что цензурный комитетъ, имѣя достаточное число членовъ, можетъ самъ исполнять свои обязанности, а во 2-хъ, и потому что проф. Могилевскій обремененъ своими прямыми обязанностями и комитетъ попросту желаетъ такимъ путемъ снять съ себя законную отвѣтственность. Въ такомъ смыслѣ попечитель сдѣлалъ представленіе и министру. 1-я книжка журнала на 1820-й годъ была задержана и не выпущена въ свѣтъ. Министерство въ отвѣтъ на представленіе попечителя хотя и допускало выходъ журнала въ 1820-мъ году подъ строжайшимъ наблюденіемъ цензурнаго комитета, но прибавляло, что если издатель отказался отъ изданія его, какъ объ этомъ уже

---

[1]) Здѣсь не сдѣлано точнаго указанія на страницы, но, кажется, имѣется въ виду переводная статья съ французскаго „Словарь людей большаго свѣта", въ которой въ сатирической формѣ даются опредѣленія такихъ словъ, какъ доброта, дѣвушка, душа, женщина, жизнь, завоеваніе, истина, любовь, мужество, предразсудокъ; въ современномъ высшемъ французскомъ обществѣ слова эти получили извращенный смыслъ.

объявлено въ Сынѣ Отечества, то это совершенно зависитъ отъ его воли. Филомаѳитскій же, убѣдившись, что вести далѣе дѣло при такихъ условіяхъ невозможно, вынужденъ былъ отказаться отъ него.

Интересна справка, сообщенная самимъ редакторомъ Филомаѳитскимъ о матеріальной сторонѣ дѣла его изданія. Издавалъ онъ свой журналъ 4 года. Въ теченіе перваго года (1816) печаталось 350 экземпляровъ, но большая часть ихъ раздавалась даромъ, дабы пріохотить къ подпискѣ большее число лицъ. Въ 1817 году напечатано было 500 экземпляровъ журнала и на это истрачено 4578 руб., подписчиковъ было 297 душъ и подписной платы выручено 5346 руб., такъ что изданіе не только окупило себя, но дало даже 768 руб. барыша. Въ 1818 г. печаталось 400 экземпляровъ и они обошлись въ 3789 руб., число подписчиковъ равнялось 244 и отъ нихъ получено 4392 р. подписной платы, барыша 604 р. Въ 1819 г. печаталось 350 экземпляровъ и стоимость печатанія равнялась 3764 р., число подписчиковъ повысилось до 253 душъ, давшихъ 4554 р. подписной платы и 790 руб. барыша. Такимъ образомъ, не смотря на частный характеръ изданія—Украинскій Вѣстникъ издавался не университетомъ и не отъ имени университета, а адъюнктомъ Филомаѳитскимъ—оно со второго же года не только стало окупать себя, но даже давать маленькій доходъ. Конечно, съ нашей точки зрѣнія такая цифра подписчиковъ представляется весьма скудной, но не слѣдуетъ упускать изъ виду того обстоятельства, что тогда вообще растространеніе журналовъ не было особенно значительно и кромѣ того если не формально, то по существу Украинскій Вѣстникъ все-таки былъ въ значительной степени спеціальнымъ университетскимъ органомъ.

Извѣстный намъ кандидатъ Василій Масловичъ рѣшилъ издавать съ 1816 года сатирическій журналъ „Харьковскій Демокритъ“ и обратился за разрѣшеніемъ этого изданія въ правленіе университета. Издавалъ его онъ на свой счетъ, а печаталъ въ университетской типографіи. Журналъ состоялъ изъ трехъ отдѣловъ—поэзіи, прозы и смѣси. Въ первый отдѣлъ должны были войти комическія поэмы, забавныя посланія, веселыя оды, замысловатыя басни, надписи, эпиграммы, эпитафіи и пр. Во 2-й—повѣсти и сказки, анекдоты, разсужденія, мысли славнѣйшихъ европейскихъ и восточныхъ писателей, разныя путешествія, преимущественно путешествіе Демокрита, Харьковскія записки. Въ 3-й отдѣлъ—пѣсни русскія и малороссійскія, приношенія, мадригалы, балеты, шарады, загадки, акростихи, тріолеты, стихи на заданныя риѳмы, словомъ всѣ извѣстныя, такъ сказать, игрушки стихотворческія для увеселенія дамъ служащія. Въ обращеніи къ публикѣ

издатель писалъ. „Давно мы замѣтили желаніе почтеннѣйшей публики— многіе жалуются, зачѣмъ Харьковъ до сихъ поръ не имѣетъ ни одного періодическаго сочиненія? Уже нѣсколько лѣтъ какъ воздвигнутъ храмъ наукъ въ мѣстахъ нашихъ (такъ продолжаютъ сіи любители изящнаго), а мы до сихъ поръ почти ничего своего не имѣемъ. Каждый признаетъ, что такіе отзывы почтеннѣйшей публики очень справедливы и вмѣстѣ очень лестны. Долго ждали мы (но тщетно!), не возьмется ли кто прежде насъ исполнить желаніе публики, тогда хотѣли мы быть сотрудниками въ семъ важномъ, а потому и не безтрудномъ предпріятіи. Мы ждали, а теперь рѣшились сами быть издателями, запаслись достаточно матеріалами и осмѣливаемся увѣдомить почтеннѣйшую публику, что начнемъ со слѣдующаго 1816 года, съ генваря мѣсяца, издавать литературный журналъ подъ названіемъ „Харьковскій Демокритъ“, заключающій въ себѣ статьи веселыя, комическія, сатирическія. На первый разъ предпринимаемъ только полугодовое изданіе— ежели издатели замѣтятъ, что труды ихъ для просвѣщенныхъ согражданъ не непріятны, тогда только продолжатъ они свое изданіе. Каждый мѣсяцъ въ концѣ (всенепремѣнно) будетъ выходить довольно большая книжка (въ 8 долю листа). Цѣна за полугодовое изданіе назначается умѣренная—10 рублей (иногородные прибавляютъ 1 рубль на пересылку). Издатели не для корысти, а извѣстно для чего предприняли это дѣло. За особенное почтимъ одолженіе, если гг. любители словесности станутъ присылать соотвѣтственныя журналу пьесы. Это будетъ знакомъ, что на него обращаютъ вниманіе и это поощритъ къ дальнѣйшимъ занятіямъ“.

Ходатайство В. Масловича было удовлетворено, о чемъ университетъ увѣдомилъ министра и губернатора [1]).

Въ 1-й книжкѣ журнала издатель писалъ. „За долгъ особенный полагаю упомянуть здѣсь о томъ, что этотъ журналъ будетъ наполняться произведеніями нашего края. Издатель позволяетъ себѣ помѣщать и напечатанныя (раньше?) пьесы, но только тѣ, коихъ сочинители принадлежатъ *нашему* же краю. Во первыхъ для того дабы познакомить *отдаленныхъ* читателей этого журнала (издатель льститъ себя надеждою, что таковые найдутся) съ произведеніями нашими, а во-вторыхъ, дабы совершенно соблюсти названіе *Харьковскаго* Демокрита“.

Въ февральской книжкѣ издатель долженъ былъ разъяснять нѣкоторымъ читателямъ ихъ недоумѣніе, вызванное помѣщеніемъ въ журналѣ статей, не имѣвшихъ сатирическаго характера. Демокритъ, пи-

[1]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло правл. 1815 г. № 978/46.

салъ онъ, не всегда долженъ быть *Зубоскаломъ:* въ немъ могутъ быть и просто пріятныя, а не забавныя статьи. Почти всѣ статьи „Харьковскаго Демокрита" писаны порусски; статей на малороссійскомъ языкѣ въ первыхъ шести книжкахъ было только двѣ (самого Масловича)— „*Отъѣздъ студента на учительство въ Олешки*" и „*Пѣснь семейству*", кромѣ того малорусскіе разговоры внесены въ балладу Масловича „Основаніе Харькова". Въ примѣчаніи авторъ говоритъ, что *всѣ* рѣчи его героевъ должны были бы быть изложены помалороссійски, но „многіе замѣтили ему, что это будетъ шереховато". Изъ произведеній самого Масловича мы убѣждаемся, что онъ зналъ и прекрасно исполнялъ малорусскія пѣсни. Однако обѣщанныхъ въ проспектѣ малороссійскихъ пѣсенъ въ „Харьковскомъ Демокритѣ" не оказалось. Мѣстному элементу было отведено въ журналѣ видное мѣсто, но не столь значительное. какъ можно было бы предполагать по приведенному выше заявленію издателя. Но авторами были дѣйствительно повидимому харьковскіе обыватели. Больше всего произведеній выпадаетъ на долю самого Масловича, затѣмъ идутъ басни, сатиры, эпиграммы Нахимова, извлеченные между прочимъ и изъ его посмертныхъ бумагъ, стихотворенія Григорія Θеодоровича Квитки, Ив. Евс. Срезневскаго, Райдаровскаго и др.; переводы Гонорскаго. Упомянемъ о балладѣ Масловича „Основаніе Харькова", Пѣснь (съ нѣм.), Утаида (комическая поэма), Пѣвецъ во станѣ эпикурейцевъ; ему же принадлежитъ много эпиграммъ [1]), басни— Дубъ и свинья, Книгопродавецъ и слонъ, Ворона и овца, Ястребъ и птицеловъ, Волкъ въ пастушьемъ нарядѣ, Рифмачъ и смерть; Нахимову принадлежатъ—Пѣснь лужѣ, Орелъ и стрѣлокъ, Откупщикъ и Харонъ. Море и рѣка, Проповѣдь и басня, Ода С..., Мерзилкинъ.

Гр. Квитка напечаталъ шуточныя стихотворенія: 1) Воззваніе къ женщинамъ, 2) Не хочу, 3) Двойные акростихи (имѣетъ автобіографическое значеніе).

Поповскаго пустынника (Палицына) помѣщено „Посланіе" Вернету.

Въ 1817 г. стала выходить въ Харьковѣ еженедѣльная газета подъ редакціей Вербицкаго „Харьковскія извѣстія". Каждую недѣлю выходилъ листъ въ 4 страницы формата нашего нынѣшняго писчаго листа. Въ ней было 4 отдѣла: 1) внутреннихъ и мѣстныхъ извѣстій; издатели, очевидно.

---

[1]) Вотъ образецъ одной изъ нихъ „Рѣдкость". „Не знаю, правду ли учоны говорятъ: что если дерево (вотъ, напримѣръ, осину) не корень, а вершину, какъ должно, въ землю закопать, прилежно поливать, то корень станетъ быть вѣтвями, вершина же корнями? Не знаю точно, еслибъ внизъ поставить головой *Быкова*.... (хоть онъ сердись, хоть не сердись), а не было бъ различья никакова".

сознавали важность мѣстнаго элемента въ своей газетѣ, ибо, принося благодарность подписчикамъ, писали, что „вниманіе людей благомыслящихъ и *любящихъ родную свою сторону дастъ прочное бытіе сему изданію*", 2) заграничныхъ извѣстій, 3) анекдотовъ и 4) объявленій. Въ первомъ отдѣлѣ мы находимъ статьи, касавшіяся университетскихъ актовъ [1]), библейскаго общества, общества благотворенія и пожертвованій для него, университетскаго преподаванія, общества наукъ, производства мѣстныхъ чиновниковъ въ чины, некрологи мѣстныхъ дѣятелей (напримѣръ Слободскоукраинскаго епископа Аполлоса и текстъ оды ему преподнесенной питомцемъ Харьковскаго коллегіума Ст. Писаревскимъ и его слова), о прибытіи въ Харьковъ епископа Павла, о добровольной подпискѣ на постройку Нетечинскаго моста, объ испытаніяхъ въ гимназіи и институтѣ общества благотворенія, свѣдѣнія о погодѣ, объ урожаѣ хлѣбовъ въ губерніи, о расположеніи полковъ, о посѣщеніи Харькова Вел. Кн. Михаиломъ Павловичемъ, о Харьковскихъ духовныхъ училищахъ, о пансіонѣ, открытомъ въ Харьковѣ П. Рейпольскимъ, статистическія и экономическія данныя о Слободскоукраинской губерніи, о производствѣ фортепьянъ въ Харьковѣ, извѣстіе о Харьковскихъ ярмаркахъ, о числѣ жителей въ Слободскоукраинской губерніи.

Въ отдѣлѣ внутреннихъ извѣстій интересно сообщеніе изъ г. Бирюча Воронежской губ., что въ 20 вер. отъ него въ лѣсу поручикомъ Вл. Станкевичемъ была поймана рысь, между тѣмъ какъ нѣсколько десятковъ лѣтъ звѣрей этихъ никто уже не видалъ; но старики утверждали, что лѣтъ 70—100 тому назадъ въ здѣшнихъ непроходимыхъ лѣсахъ водились рыси, медвѣди, барсуки, а въ степяхъ—дикія козы и лошади, попадались олени и сайгаки, а въ рѣкахъ выдры или порѣчни. Есть цѣлый рядъ сообщеній изъ разныхъ городовъ Харьковскаго учебнаго округа о школьныхъ дѣлахъ: издатели „Х. И." сами писали, что имѣли во многихъ городахъ усердныхъ и дѣятельныхъ корреспондентовъ (любопытно также письмо изъ Парижа, описывающее Карлсбадъ).

Въ отдѣлѣ смѣси находимъ самыя разнообразныя извѣстія: здѣсь мы читаемъ и метеорологическія бюллетени, составлявшіяся В. Н. Каразинымъ въ сел. Кручикѣ, и сообщеніе его объ одномъ химическомъ открытіи, сдѣланномъ англійскимъ химикомъ Мурраемъ, и записку о назначеніи попечителемъ З. Я. Карнѣева (благопріятная для этого послѣдняго, В. Н. Каразина) и мн. др.

---

[1]) На одномъ изъ нихъ читались между прочимъ стихи Тихона Степанова „О разности мнѣній объ устройствѣ міра" и разысканіе о причинахъ слезъ въ страстяхъ.

Интересенъ и отдѣлъ объявленій. Онъ касается самыхъ разнообразныхъ предметовъ и подъ часъ даетъ мелкія, но характерныя черты эпохи; таковы объявленія о продажѣ имѣній съ людьми, о трудѣ крѣпостныхъ [1]), объ увеселеніяхъ, о книжныхъ новостяхъ (замѣтимъ кстати, что сто томовъ сочиненій Вольтера стоили 600 р., а 38 т. натуральной исторіи Бюффона 400 р.), о денежномъ курсѣ (новый рубль, напримѣръ, стоилъ 4 р. 5 к.), о театральныхъ представленіяхъ и другихъ зрѣлищахъ въ тогдашнемъ Харьковѣ.

Изъ одного объявленія видно, что во дворѣ Харьковскаго общества благотворенія былъ обширный огородъ, а въ саду было два большихъ *рыбныхъ пруда*.

За строчку объявленій взымалась плата въ 20 коп.

Подписная плата за газету равнялась 10 руб. безъ пересылки и 12 руб. съ пересылкою.

„Харьковскія извѣстія", издававшіяся кандидатомъ Вербицкимъ въ 1817 и 1818 гг., вслѣдствіе недостаточнаго числа подписчиковъ прекратились и возникла мысль издавать ихъ отъ имени университета.

По мнѣнію правленія университета „Харьковскія извѣстія" нужно было издавать на счетъ университета и на первый разъ въ количествѣ 600 экземпляровъ по одному листу въ недѣлю, что обойдется около 1500 рублей [2]). Мысль о возобновленіи ихъ подалъ Осиповскій, предлагавшій въ редакторы кандидата Гонорскаго и вольнослушателя Артемовскаго-Гулака. Въ нихъ предполагалось помѣщать: 1) мѣстныя и внутреннія извѣстія, 2) политическія извѣстія, заимствованныя изъ Варшавскихъ газетъ, 3) ученыя извѣстія, признанныя полезными факультетами, 4) разнаго рода объявленія. Редакторамъ хотѣли назначить какое-либо вознагражденіе въ томъ случаѣ, если газета будетъ приносить доходъ. Попечитель представилъ ходатайство совѣта на благоусмотрѣніе министра и съ своей стороны заявилъ, что не находитъ этого предпріятія вреднымъ, особенно если при этомъ будутъ соблюдаться предписанныя на сей предметъ правила. Министръ народнаго просвѣщенія затребовалъ отъ университета нѣкоторыхъ дополнительныхъ свѣ-

---

[1]) Вотъ текстъ одного изъ такихъ объявленій. „Отдается въ услуги женщина способная ходить въ ключахъ и знающая мыть бѣлье и въ нянькахъ, вышивать, поведенія хорошаго, на годъ или помѣсячно. Спросить квартальнаго надзирателя Новоселова. Одинъ помѣщикъ искалъ врача съ жалованьемъ по 100 р. въ мѣсяцъ, домоправительницу съ жалованьемъ по 80 руб., садовника и совершенно ученаго компаньона, который бы занималъ его пріятными разговорами и чтеніемъ историческихъ книгъ съ жалованьемъ въ 500, а если окажется достойнымъ, то и 1000 рублей.

[2]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло сов. 1818 г. № 25.

дѣній и разъяснилъ, что политическія извѣстія слѣдуетъ черпать не изъ Варшавскихъ, а изъ Петербургскихъ газетъ, ибо первыя сами заимствуютъ ихъ отъ вторыхъ. Отъ университета требовалась справка о возможномъ числѣ подписчиковъ на газету; университетъ посылалъ запросы губернаторамъ, предводителямъ дворянства, архіереямъ, директорамъ и почетнымъ смотрителямъ училищъ, но только 27 лицъ изъявили желаніе быть подписчиками и внесли 180 р. Университетъ однако надѣялся, что число это, съ выходомъ первыхъ книжекъ, значительно увеличится, и признавалъ во всякомъ случаѣ необходимымъ это изданіе между прочимъ для помѣщенія въ немъ объявленій, касающихся университетскихъ построекъ. Редакторами назначены были теперь адъюнкты Куницкій и Филомаѳитскій, лекторъ польскаго языка Гулакъ-Артемовскій и кандидатъ Склабовскій безъ жалованья, а въ помощь имъ придана была коммиссія, состоявшая изъ орд. проф. Джунковскаго, Куницкаго и Филомаѳитскаго; на обязанности ея лежалъ непосредственный надзоръ за изданіемъ. Ходатайство начато было въ 1818 году, а окончательное разрѣшеніе отъ министра послѣдовало только 24 декабря 1819 года; при этомъ издателямъ было поставлено на видъ, чтобы они имѣли особенное попеченіе о непомѣщеніи въ газетѣ ничего противнаго общимъ правиламъ; имъ рекомендовалось также быть гораздо разборчивѣе и осторожнѣе редактора „Украинскаго Вѣстника“ [1]. Стали выходить отъ имени университета „Харьковскія извѣстія“ въ 1820 г. и затѣмъ продолжались, кажется, въ 1821, 1822 и 1823 годахъ; говоримъ „кажется“, потому что за эти годы мы видѣли только отдѣльные номера газеты; характеръ ея, повидимому, остался прежній, хотя доминирующее значеніе получили иностранныя извѣстія.

За 1820 годъ печатаніе „Харьковскихъ извѣстій“ съ почтовыми расходами обошлось въ 1512 р. 38¾ к., а получено было за нихъ отъ подписчиковъ и за объявленія 1840 р. 63½ к., слѣдовательно они дали чистаго дохода 328 р. 23¾ к., изъ коихъ рѣшено было выдать 100 р. Куницкому, принимавшему наиболѣе дѣятельное участіе въ изданіи ихъ и 50 р. его помощнику повытчику Анопкину [2].

Въ 1817 г. проф. Ѳ. Пильгеръ сталъ издавать въ Харьковѣ „Украинскій Домоводъ“. Въ Императорской публичной библіотекѣ имѣется двѣ книжки этого журнала, за январь и февраль 1817 г. [3]. Книжки ма-

---

[1] Харьк. унив. архивъ. Дѣло канц. оп. № 513/26.

[2] Харьк. унив. архивъ. Дѣло правл. 1818 г. № 1414/67.

[3] Содержаніе ихъ сообщено мин. Д. П. Миллеромъ, которому приношу за это сердечную благодарность.

ленькія, не больше 16⁰, по тогдашнему счету 8⁰. Въ первой книжкѣ 72 стр., во второй 76. Цензурное разрѣшеніе дано состоящимъ при университетѣ цензурнымъ комитетомъ на основаніи донесеній читавшаго сіе сочиненіе Ивана Книгина. Подпись декана Гавр. Успенскаго.

Первая книжка открывается статьею „Обязанности хорошаго хозяина въ отношеніи къ своему скоту". Хозяинъ, дурно относящійся къ скоту—„варваръ, тиранъ и убійца". Авторъ увѣщеваетъ хозяевъ хорошо обращаться со скотомъ ради самихъ себя: не мучить, хорошо кормить, давать работу по силамъ. давать отдыхъ, лечить. „Селянинъ долженъ обратиться къ порядочному лѣкарю, а не къ коновалу; этотъ возьметъ только деньги, погубитъ скотъ и слѣдственно лишь повредитъ ему. Лѣкарь долженъ много денегъ и времени издержать на свое изученіе такъ же, какъ и ремесленникъ. Зачѣмъ мужикъ идетъ къ сапожнику, когда ему нужны сапоги?—Затѣмъ, что онъ знаетъ свое ремесло. Зачѣмъ онъ идетъ къ плотнику, когда онъ хочетъ строиться? И между тѣмъ ввѣряетъ онъ жизнь своего скота такимъ людямъ, которые не знаютъ естественнаго устроенія лѣчимаго ими животнаго и не вѣдаютъ свойствъ приписываемыхъ ими лѣкарствъ". Дальше идутъ доказательства необходимости хорошаго отношенія къ скоту со стороны всѣхъ вообще людей, если скотъ плохъ, худо государству; дѣти плохо накормлены, плохо идетъ платежъ податей. Заключается статья увѣщеваніемъ исполнять свои обязанности и ради самого скота „сколько заслуживаютъ отъ насъ вниманія и участія тѣ животныя, которыя добровольно покоряются намъ, которыя отказываются отъ всякихъ своихъ склонностей, отъ всего того, что они любятъ по природѣ, стараются единственно намъ угодить, хотятъ того, что повелѣваетъ имъ наша воля, которыя помогаютъ намъ во всякой нуждѣ и даже по смерти не перестаютъ быть намъ полезными". Вторая статья „Нѣчто о древнѣйшей исторіи лошадей и конскихъ заводовъ въ Палестинѣ и сосѣдственныхъ ей земляхъ, особенно же въ Египтѣ и Аравіи. Соч. Іоганна Давида Михаелиса". По мнѣнію автора, въ древней Палестинѣ лошадей не было; завелись они не ранѣе Давида. Въ Египтѣ лошади съ древнихъ поръ, а въ Аравіи—болѣе поздняго происхожденія.

Вторая книжка начинается доказательствомъ всеобщей пользы скотоводства и вреда отъ пренебреженія имъ. „Все благосостояніе подданнаго—говоритъ авторъ—зависитъ отъ скотоводства и земледѣлія, и отъ перваго болѣе, нежели отъ послѣдняго, ибо земледѣліе безъ скотоводства не можетъ существовать". А между тѣмъ „хозяйственная полиція во многихъ земляхъ преимущественно передъ всѣми другими отраслями правленія имѣла жалкую участь. Большіе господа не обращали

на нее вниманія, мало уважали ее и даже отчасти пренебрегали. По смѣшенію понятій въ прежнія времена и особенно во время революціи попеченіе о благосостояніи селянина почитали даже вреднымъ, думая, что черезъ это онъ сдѣлается болѣе внимателенъ къ своимъ правамъ и такимъ образомъ вмѣстѣ съ худымъ отбросили и хорошее, такъ какъ будто цвѣтущее состояніе государства можно представить себѣ отдѣльно отъ благосостоянія частныхъ лицъ; и такимъ образомъ лишили ихъ нужной помощи, предоставили собственной судьбѣ, попеченіе о нихъ сочли за напрасный трудъ и приготовили имъ неминуемую бѣдность, которая наконецъ должна была постигнуть и цѣлыя государства. Для чего такъ поступаютъ? Почему такъ мало, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и совсѣмъ не обращены взоры правительства на существенное? Потому что сія польза не легковѣсна, потому что многія заведенія уже въ сѣдой древности благословляютъ прахъ своего основателя, потому что самолюбіе желаетъ слышать при жизни похвалы ему восписуемыя, потому что мы не заботимся о будущихъ поколѣніяхъ, для того, чтобы что нибудь оставить имъ добраго, потребно время, трудъ, познанія и усилія, потому что не легко распоряжать сею вѣрною частью правленія, и должны пройти годы прежде, нежели время увѣнчаетъ успѣхомъ такія заведенія; потому что нѣтъ довольнаго побужденія, и безъ того слабый взоръ не видитъ далѣе настоящаго; наконецъ, потому что всякій прежде хочетъ пожать, нежели успѣетъ надлежащимъ образомъ посѣять". Дальше идетъ статья „Всеобщая польза скотоводства и частныя выгоды для россіянъ отъ улучшенія онаго". Это—рѣчь проф. Ив. Книгина, сказанная при открытіи въ Петербургѣ скотоврачебнаго училища 18 іюня 1808 г. Затѣмъ слѣдуетъ „Естественная исторія четвероногихъ домашнихъ животныхъ". Эпиграфомъ приведены слѣдующія строки изъ „Верклиновыхъ Параграфовъ": „чтите божество въ дѣлахъ его, взываетъ къ вамъ гласъ природы; вы избраны быть ея жрецами, а не мучителями". Первое отдѣленіе трактуетъ о домашнихъ животныхъ вообще, гдѣ выражается удивленіе передъ разнообразіемъ животнаго міра. Во второмъ отдѣленіи трактуется естественная исторія лошади, наружность лошади, названія частей, ея хорошія качества и недостатки. Заканчивается книжка статьей „О важнѣйшихъ болѣзняхъ у овецъ": червяхъ, желтяницѣ, воспаленіи печени, о предузнаваніи, предостереженіи и лѣченіи этихъ болѣзней.

Украинскій Вѣстникъ въ 1820 году пересталъ выходить въ свѣтъ; но потребность въ періодическомъ органѣ, очевидно, уже назрѣла и въ концѣ 1820 года лекторъ Артемовскій-Гулакъ и кандидатъ Склабовскій обратились въ совѣтъ университета съ ходатайствомъ о разрѣ-

шеніи издавать имъ въ 1821 году журналъ „*Харьковская Муза*". Вотъ текстъ ихъ ходатайства.

„Предпринимая составлять это періодическое изданіе, мы имѣемъ двоякую цѣль: 1) способствовать распространенію всеобщаго вкуса къ отечественной словесности; 2) возбуждать большую къ ней охоту въ молодыхъ питомцахъ открытіемъ свободнаго поприща для ихъ дѣятельности. Чтобы достигнуть перваго, мы постараемся помѣщать въ своемъ журналѣ только такія пьесы, которыя вообще приличны были бы для читателей всякаго званія и состоянія и доставили имъ пользу, соединенную съ удовольствіемъ. Относительно послѣдняго мы намѣрены обратить особенное вниманіе на сочиненія и переводы студентовъ здѣшняго университета и употребить все возможное стараніе, дабы эти произведенія соовѣтствовали первой цѣли.

Произведенія другихъ, какъ подвѣдомственныхъ университету, такъ и не принадлежащихъ къ нему лицъ, будемъ также принимать съ удовольствіемъ и печатать въ этомъ журналѣ, если только онѣ по своему содержанію и слогу будутъ соотвѣтствовать предположенной цѣли.

Переводы могутъ быть принимаемы со всѣхъ иностранныхъ языковъ; но преимущество должно быть на сторонѣ любопытнѣйшихъ отрывковъ изъ древнихъ классиковъ греческихъ и римскихъ. Польза этого очевидна.

Планъ этого журнала долженъ быть самый простой, онъ будетъ заключаться въ одномъ почти отдѣленіи, которое назовемъ *изящною словесностью.* Въ составъ этого отдѣленія входить могутъ: 1) все, что относится до словесности древней и новой—разныя разсужденія, рѣчи, повѣсти, разговоры, историческіе отрывки, біографіи знаменитыхъ ученостью мужей, живописныя путешествія, изображенія характеровъ, изслѣдованіе о свойствѣ языковъ и проч.

Но какъ кромѣ вышеупомянутыхъ статей могутъ случиться и другого рода отрывки или и цѣлыя пьесы весьма полезныя, то мы намѣрены назначить другое для этого отдѣленіе подъ заглавіемъ *смѣсь;* въ ней будутъ заключаться біографіи или извѣстія и сужденія о книгахъ и извлеченія изъ нихъ, такъ же критическое разсмотрѣніе новѣйшихъ произведеній словесности, извлеченіе изъ журналовъ, любопытныя анекдоты и другія мелкія сочиненія, къ литературѣ относящіяся, которыя не могутъ быть помѣщены въ первомъ отдѣленіи. Принимая таковое раздѣленіе, мы не обязуемся строго наблюдать самую форму его, ибо легко можетъ случиться, что одна особенно интересная статья прозаическая, которая *въ цѣломъ* лучшее можетъ сдѣлать впечатлѣніе на читателей, нежели *по частямъ*, займетъ всю почти книгу. Одно только и

то для разнообразія придется соблюсти, т. е.—въ каждой книжкѣ помѣщать, какъ прозу, такъ и стихотворенія.

А такъ какъ мы имѣемъ уже довольное количество готовыхъ литературныхъ статей, какъ своихъ собственныхъ, такъ и написанныхъ студентами, любителями отечественной словесности въ теченіи прошлаго академическаго года, то и рѣшаемся издавать въ каждый мѣсяцъ по двѣ *книжки*, содержащія въ себѣ каждая особо—отъ двухъ съ половиною до трехъ листовъ въ 12-ю долю; шесть таковыхъ составятъ часть, а 4 части—годовое изданіе, цѣна за него 22 р., а съ пересылкой въ другіе города 25 р., одна книжка должна выходить въ половинѣ каждаго мѣсяца, а другая въ концѣ его.

Изданіе двухъ книжекъ въ мѣсяцъ, конечно, большихъ трудовъ будетъ стоить издателямъ, но за то выгоднѣе и пріятнѣе для читателей или пренумерентовъ. Любопытство ихъ чаще будетъ удовлетворяемо, отъ чего и польза и удовольствіе сдѣлаются для нихъ ощутительнѣйшими, а это одна изъ главнѣйшихъ цѣлей, которой достигнуть желаютъ".

Совѣтъ университета и попечитель удовлетворили просьбу издателей; попечитель—подъ тѣмъ условіемъ, чтобы цензурный комитетъ, руководствуясь существующими для этого правилами, обращалъ должное вниманіе на печатаемыя въ журналѣ статьи, въ которыхъ не должно быть помѣщаемо ничего, противнаго духу доброй нравственности, на истинныхъ правилахъ евангелія основанной. Министръ народнаго просвѣщенія, которому попечитель сообщилъ объ этомъ, отвѣтилъ однако послѣднему, что его предшественникъ еще въ 1816 году, по случаю разрѣшенія, даннаго на изданіе Украинскаго Вѣстника правленіемъ университета, предписалъ ему не давать впредь никому разрѣшенія на изданіе періодическихъ изданій, безъ его, министра, согласія, а въ 1818 году онъ самъ подтвердилъ объ этомъ общимъ циркуляромъ на имя всѣхъ попечителей. „Посему, прибавлялъ министръ, позволеніе данное нынѣ вами на изданіе упомянутаго журнала можетъ ввести издателей въ излишніе убытки, когда, быть можетъ, по новымъ правиламъ въ Харьковѣ не окажется цензуры, а потому при затрудненіи въ цензурованіи этого журнала окажется надобность его прекратить. Артемовскій и Склабовскій отвѣтили на это, что они при такихъ условіяхъ отказываются отъ мысли издавать журналъ.

Итакъ, не смотря на полную благонамѣренность обоихъ издателей, хорошо извѣстную попечителю, не смотря на исключительно литературный характеръ предполагаемаго журнала, этотъ послѣдній не могъ осуществиться, потому что его не желало министерство; говоримъ „не

желало“, потому что цензурный комитетъ не былъ тогда уничтоженъ въ Харьковѣ [1]).

Въ 1823 году возникла мысль объ изданіи журнала, отъ имени университета, а не частнаго лица, какъ это было прежде. Иниціатива въ этомъ дѣлѣ принадлежала новому ректору, смѣнившему Осиповскаго— Джунковскому. Новый „Украинскій Журналъ“ долженъ былъ заключать въ себѣ четыре отдѣла: въ 1-й должно было войти все то, что касалось до историческихъ извѣстій объ успѣхахъ въ наукахъ и искусствахъ, земледѣліи, торговлѣ, промышленности и другихъ достопамятностяхъ Украйны; во 2-й—всѣ роды прозаическихъ сочиненій, какъ-то—разсужденія, рѣчи, повѣсти, разговоры, историческіе отрывки, жизнеописанія знаменитыхъ людей, путешествія, всякаго рода изслѣдованія о свойствахъ языковъ; въ 3-й— всѣ роды стихотвореній, соотвѣтствующихъ по объему журналу; въ 4-й—смѣсь, какъ-то—библіографія или извѣстія и сужденія о новыхъ книгахъ, извлеченія изъ нихъ, критическое разсмотрѣніе новѣйшихъ сочиненій, любопытные анекдоты и другія мелкія сочиненія, которыя почему-либо не могли быть помѣщены въ первыхъ двухъ отдѣлахъ, особенно же краткія статьи нравственнаго содержанія и все достойное вниманія по учебной части (относительно Харьковскаго университета, института благородныхъ дѣвицъ и частныхъ пансіоновъ). Главная цѣль журнала — способствовать по возможности распространенію всеобщаго вкуса ко всему полезному, изящному и пріятному, а потому въ немъ должны были помѣщаться только такія сочиненія, которыя бы доставляли читателю и пользу, и вмѣстѣ удовольствіе. Въ изданіи журнала могли участвовать всѣ наличные члены университета, а также съ благодарностью принимались и произведенія постороннихъ лицъ, соотвѣтствовавшія его программѣ. Въ теченіе года должно было выйти 24 книжки (2 книжки въ мѣсяцъ), объемомъ не менѣе 3 печатныхъ листовъ каждая. Попечитель сдѣлалъ представленіе министру въ пользу разрѣшенія журнала и *откровенно* объяснялъ ему, что представленіе это сдѣлано по его собственному убѣжденію и настоянію, ибо въ немъ будутъ помѣщаться полезныя сочиненія, особенно въ нравственномъ отношеніи; что касается расходовъ, то они безъ сомнѣнія окупятся подписной платой и даже будетъ барышъ. Министерство, разрѣшивъ изданіе журнала, потребовало однако свѣдѣній о возможномъ числѣ его подписчиковъ. Тогда попечитель обратился къ директорамъ и почетнымъ смотрителямъ училищъ съ циркулярнымъ предложеніемъ сообщать въ новый журналъ разныя любопытныя свѣдѣнія и способство-

---

[1]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло канц. поп. № 760/41.

вать его распространенію [1]). Всего отправлено было 77 писемъ съ печатнымъ объявленіемъ о журналѣ, въ томъ числѣ 15 къ директорамъ и 62 къ почетнымъ смотрителямъ. И отъ тѣхъ, и отъ другихъ были получены, конечно, вполнѣ благопріятные отвѣты; большинство поняло рекомендацію въ смыслѣ приказанія: это видно изъ того, что предложеніе попечителя называли въ своихъ отвѣтахъ „предписаніемъ". Присылали подписныя деньги лично отъ себя, приглашали къ подпискѣ знакомыхъ. Одинъ изъ смотрителей прислалъ 150 руб. подписныхъ денегъ (на 6 экземпляровъ, по 25 руб. на каждый), но относительно сообщенія свѣдѣній далъ отрицательный отвѣтъ, ибо „страна не имѣетъ никакихъ достопримѣчательностей, а городъ по своей единообразной и, можно сказать, бѣдной промышленности, никакого вниманія не заслуживаетъ". Но за то нашелся другой почетный смотритель (Прилуцкаго училища—Бѣлецкій-Носенко), который радостно привѣтствовалъ новый журналъ. „Всякій истинный сынъ отечества, писалъ онъ, пламенѣющій любовью къ славѣ его, встрѣчаетъ съ радостью извѣстіе объ изданіи новаго полезнаго отечественнаго журнала и почтетъ за счастье, когда сочиненіе его признано будетъ достойнымъ и полезнымъ для помѣщенія въ немъ. Чтобы оправдать лестное мнѣніе вашего превосходительства обо мнѣ, я употреблю всевозможное стараніе отыскать все, чего глубокая старина еще не поглотила, хотя теперь округъ Прилуки весьма скуденъ интересными данными, воспоминаніями о протекшихъ событіяхъ. Цѣль журналовъ вообще доставлять пользу и удовольствіе. Мнѣ кажется, Украинскій Журналъ достигнетъ ихъ сугубо, если нѣсколько страницъ его посвятится для удовольствія милліоновъ обывателей плодоносной Украйны (на малороссійскомъ языкѣ) отъ горъ Карпатскихъ до тихаго Дона. Я смѣло могу увѣрить, что сказочки г. Артемовскаго-Гулака читались съ такимъ же неописаннымъ удовольствіемъ, какъ Энеида г. Котляревскаго, что многіе вытвердили на память цѣлые тирады изъ нихъ, что Петербургъ и Москва слушаютъ съ восторгомъ наши пѣсни на театрахъ и что языкъ малороссійскій всегда будетъ

---

[1]) Вотъ текстъ этого циркуляра. „Каждый городъ, каждая страна имѣетъ свои достопамятности, а потому весьма бы мнѣ пріятно было, чтобы періодическое изданіе, отъ лица университета издаваемое, наполняемо было въ особенности интересными статьями, заключающими описаніе древнихъ и новѣйшихъ мѣстныхъ обстоятельствъ въ учебномъ его округѣ. Излишнимъ считаю присовокуплять, что вашимъ стараніемъ безъ сомнѣнія умножится число подписчиковъ на этотъ журналъ, ибо чѣмъ болѣе онъ читаемъ будетъ, тѣмъ вящшую принесетъ вообще пользу, а это вмѣстѣ съ тѣмъ послужитъ къ большей чести каждаго чиновника, служащаго по Харьковскому учебному округу. Въ полной увѣренности въ извѣстномъ вашемъ усердіи, остаюсь"...

нравиться людямъ образованнымъ и ученымъ филологамъ, какъ служащій корнемъ многимъ словамъ россійскаго и ближе подходящій къ словенскому и Несторову. „И дымъ отечества сладокъ!" Чехи имѣютъ свою обширную литературу; нашъ языкъ не менѣе къ тому способенъ. Ежели бы въ программѣ объ этомъ было упомянуто, то число пренумерантовъ было бы весьма значительно въ Малороссіи и даже въ самой Россіи и возрастало бы часъ отъ часу. По отзыву университета я препроводилъ 4 программы въ Нижній Судъ, чтобы онъ оповѣстилъ помѣщиковъ и чиновниковъ, а самъ употребилъ всѣ возможные средства сдѣлать это полезное и пріятное изданіе въ кругу моихъ знакомыхъ и вообще всего дворянства сколь возможно болѣе извѣстнымъ".

Бѣлецкій Носенко, извѣстный намъ уже по 1-му тому „Опыта исторіи Харьковскаго университета", отнесся къ программѣ новаго журнала съ полной симпатіей, порадовался, что въ немъ отводилось видное мѣсто Украинѣ, но высказался за необходимость сдѣлать еще дальнѣйшій шагъ въ этомъ отношеніи—дать мѣсто въ немъ произведеніямъ на малороссійскомъ языкѣ. Для насъ чрезвычайно важно категорическое заявленіе автора, что малороссійскій языкъ и написанныя на немъ произведенія пользовались тогда всеобщею любовью въ Малороссіи, что ими зачитывалось все образованное тогдашнее общество и что, наконецъ, они находили себѣ не мало почитателей въ Петербургѣ, Москвѣ и во всей Россіи. Очень любопытно также признаніе, что сказочки Гулака-Артемовскаго на малороссійскомъ языкѣ нравились также, какъ Энеида. При такихъ условіяхъ, въ особенности же если принять во вниманіе, что Гулакъ-Артемовскій предполагалъ быть однимъ изъ двухъ редакторовъ „Украинскаго Журнала" и что въ „Харьковскомъ Демокритѣ" Масловича уже раньше печаталось кое-что по-малороссійски, желаніе Бѣлецкаго-Носенка представляется вполнѣ разумнымъ и справедливымъ и можно только пожалѣть о томъ, что ни въ Украинскомъ Вѣстникѣ, ни въ Украинскомъ Журналѣ не было введено хотя-бы въ самой скромной формѣ (напримѣръ народно-поэтическаго творчества) малорусской словесности.

Павелъ Галаганъ изъ Нѣжина писалъ, что онъ „будетъ всячески содѣйствовать распространенію столь полезнаго для южнаго края Россіи изданія и тѣмъ самымъ споспѣшествовать размноженію въ народѣ истиннаго просвѣщенія".

Редакторомъ „Украинскаго Журнала" оказался одинъ адъюнктъ Склабовскій, въ пользу котораго попечитель, по ходатайству передъ министромъ предоставилъ на 1-й годъ весь чистый доходъ отъ изданія, за его трудъ вообще и за привлеченіе подписчиковъ въ частности. Над-

зоръ за редакціей и журналомъ былъ порученъ также и ректору университета.

Въ 1825 г. совѣтъ постановилъ передать изданіе Украинскаго журнала Склабовскому и при этомъ измѣнилъ самую програму его.

Попечитель округа однако потребовалъ, чтобы журналъ попрежнему издавался отъ имени университета, подъ ближайшимъ наблюденіемъ ректора и чтобы изъ новой программы его были исключены моды, а политическія извѣстія черпались исключительно изъ Петербургскихъ Вѣдомостей и Сына Отечества. Профессоровъ, адъюнктовъ и другихъ чиновниковъ университета попечитель просилъ поддерживать журналъ своими статьями. А директорамъ училищъ предписано было доставлять свѣдѣнія, касающіяся городовъ и важнѣйшихъ селеній ихъ губерній [1]). Любопытно, что тогда уже существовало ясное сознаніе о необходимости для успѣха провинціальнаго органа возможно лучшей и широкой постановки мѣстнаго отдѣла. Вслѣдъ затѣмъ попечитель обратился съ новымъ циркуляромъ, въ которомъ просилъ доставлять статьи о малороссійскомъ краѣ и поддержать журналъ подпискою. Замѣтимъ еще кстати, что попечитель снабдилъ Склабовскаго, уѣзжавшаго въ Петербургъ, рекомендательными письмами къ тогдашнимъ журналистамъ и литераторамъ—Жуковскому, Карамзину, Гречу, Воейкову, Булгарину, Измайлову, Свиньину, Спасскому. Одинъ изъ нихъ—Воейковъ—въ отвѣтъ писалъ, что доставитъ Склабовскому не совѣты, а нѣчто лучшее—непосредственное знакомство у себя въ домѣ съ извѣстными писателями.

Въ 1824 году журналъ далъ чистый доходъ, изъ котораго редактору было отчислено 1250 р., остальную же сумму совѣтъ университета

---

[1]) Вотъ что писалъ по этому поводу попечитель университету. „Разсматривая издаваемый университетомъ Украинскій журналъ, я нахожу, что въ немъ нѣтъ почти статей, относящихся собственно до положенія и состоянія губерній, входящихъ въ составъ Харьковскаго учебнаго округа; а таковыя статьи были бы по моему мнѣнію весьма любопытны и наставительны. Вслѣдствіе чего предлагаю университету предписать директорамъ всѣхъ подвѣдомыхъ ему гимназій, дабы они поручили отъ себя лучшимъ и способнымъ учителямъ въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ заняться составленіемъ топографическихъ и статистическихъ описаній городовъ и важнѣйшихъ селеній, а буде можно, то и цѣлыхъ уѣздовъ или совѣтовъ, и таковое описаніе препроводили бы къ редактору журнала для помѣщенія ихъ въ немъ цѣлыми статьями или выписками. Въ этихъ описаніяхъ стараться, начавъ съ происхожденія и положенія мѣста, не упускать изъ виду разнаго рода заведеній, промысловъ и произведеній во всѣхъ трехъ царствахъ природы, также народонаселенія, образа жизни обывателей и тому подобнаго; всего же лучше сочинить и препроводить къ директорамъ для руководства программу или оглавленіе матерій, какія въ этихъ описаніяхъ одни за другими слѣдовать должны. Лучшія въ этомъ родѣ описанія заслужатъ вниманіе и благодарность начальства“.

предлагалъ попечителю выдать Склабовскому тогда, когда будетъ приведена въ извѣстность подписка на 1825 годъ. Но попечитель потребовалъ выдачи въ пользу редактора и остальной суммы чистаго дохода (размѣра ея мы не знаемъ). Въ 1825 году журналъ себя не окупилъ (недостало 513 р.), при чемъ получено за него отъ подписчиковъ всего 2625 р.; иными словами, не оказалось и 100 платныхъ подписчиковъ (принимая во вниманіе, что иногородніе платили по 30 руб. за экземпляръ); но изъ этого прихода нужно было уплатить еще 725 р. почтамту. Новый попечитель Перовскій просилъ министра выдать Склабовскому 2000 р. изъ хозяйственныхъ суммъ университета за усердное редактированіе журнала въ 1825 году. Но министръ призналъ уплату Склабовскому этихъ 2000 р. излишней [1]).

Любопытно вступительное слово редактора, помѣщенное въ 1-мъ январьскомъ номерѣ журнала. Въ началѣ говорится о недостаточномъ количествѣ журналовъ и газетъ въ Россіи вообще, затѣмъ о необходимости спеціальнаго журнала для Украйны. „Для жителя Украйны какъ ни занимательны всѣ русскіе журналы; но онъ, безъ сомнѣнія, съ большею охотою и любопытствомъ читалъ бы такіе, которые бы принадлежали собственно Украинѣ. Тоже можно сказать не только о какой-либо странѣ вообще, но и о каждомъ городѣ въ особенности". Есть и причины, обусловливающія такой недостатокъ—право цензуры принадлежитъ университетамъ, а они существуютъ въ немногихъ городахъ; типографіи губернскихъ правленій находятся въ неудовлетворительномъ состояніи; публика недостаточно поддерживаетъ журналы подпиской, а предпочитаетъ часто уродливыя, но занимательныя произведенія. Въ Харьковѣ, съ его университетомъ, многими учебными заведеніями и ярмарками, только одни „Харьковскія Извѣстія" заполняли пустоту, „непростительную для ученыхъ украинцевъ". Цѣль журнала редакторъ опредѣляетъ такъ. „Съ распространеніемъ правильныхъ и ясныхъ понятій о благочестіи и христіанскихъ добродѣтеляхъ, вмѣстѣ способствовать и распространенію всеобщаго вкуса къ отечественной словесности, особенно въ мѣстахъ, Харьковскому учебному округу подвѣдомыхъ, имѣя при томъ въ виду и другія части наукъ и искуствъ, образующія умъ и непосредственно дѣйствующія на нравственность. Почему сверхъ статей, какія обыкновенно входятъ въ составъ періодическихъ изданій, въ Украинскомъ Журналѣ особенное вниманіе обращено бу-

---

[1]) Всѣ эти данныя объ Украинскомъ Вѣстникѣ и Украинскомъ Журналѣ заимствованы мною изъ дѣла канц. поп. № 675/35, хранящагося въ Харьк. унив. архивѣ.

детъ на критическій разборъ лучшихъ произведеній отечественной поэзіи, при руководствѣ самаго строгаго безпристрастія. Краткія статьи нравственныя,—все по учебной части примѣчанія достойное, относительно Императорскаго Харьковскаго университета, его учебнаго округа, института Благородныхъ дѣвицъ и частныхъ пансіоновъ, въ Харьковѣ находящихся,—также все, что касается до историческихъ извѣстій, земледѣлія, торговли, промышленности и другихъ достопамятностей южной Россіи и собственно такъ называемой Украины—преимущественно будетъ въ немъ помѣщаемо. Сверхъ сего въ концѣ каждой книжки будутъ припечатаны (если не встрѣтится какихъ либо затрудненій) метеорологическія наблюденія, дѣлаемыя въ Харьковѣ каждый день постоянно въ 6 часовъ утра, въ 2 часа и въ 9 часовъ по полудни, а по открытіи обсерваторіи въ университетѣ, будутъ помѣщаемы также и астрономическія.

Хотя редакторъ надѣется и увѣренъ, что гг. члены И. Х. университета снабдятъ его лучшими произведеніями учености и познаній своихъ, хотя имѣетъ онъ на первый разъ достаточное количество и собственныхъ матеріаловъ, при всемъ томъ произведенія постороннихъ особъ, соотвѣтствующія цѣли сего журнала и могущія украсить оный, будутъ приняты съ истинною признательностію. Гг. сочинители и переводчики могутъ присылать таковыя піесы въ Харьковъ, на имя *редактора Украинскаго Журнала, адъюнкта 8 класса Александра Васильевича Склабовскаго;*—желающіе же подписаться на полученіе сего журнала благоволятъ относиться съ требованіями своими *въ правленіе Императорскаго Харьковскаго университета*, прилагая при томъ за каждый экземпляръ, *изъ двадцати четырехъ книжекъ состоящій*, по 25 руб. ассигн. и прописывая обстоятельно чинъ, имя, отечество, фамилію и мѣсто пребыванія своего; впрочемъ могутъ также оныя деньги присылать и на имя редактора, для передачи въ упомянутое правленіе. Но редакторъ объявляетъ однажды навсегда, что онъ не принимаетъ на себя затруднительной обязанности отсылать обратно полученныя имъ піесы, если бы оныя по какимъ либо причинамъ не были напечатаны въ составляемомъ имъ журналѣ, и отказывается отъ всякой по сему предмету переписки. Касательно же исправности въ изданіи университетъ принялъ съ своей стороны всѣ надлежащія мѣры—и всякій изъ подписавшихся непремѣнно будетъ получать *въ каждый мѣсяцъ по двѣ книжки;* въ противномъ случаѣ имѣетъ отнестись въ правленіе упомянутаго университета, которое не преминетъ въ само-скорѣйшемъ времени удовлетворить всякое законное требованіе. Имена особъ, подписавшихся на полученіе Украинскаго Журнала, будутъ припечатаны въ книжкахъ онаго".

Въ программѣ новаго журнала не было такихъ рѣзко опредѣленныхъ отдѣловъ, какіе мы видѣли въ „Украинскомъ Вѣстникѣ", но и здѣсь все-таки были ученыя статьи, художественная проза, стихотворенія и мѣстный отдѣлъ.

Укажемъ на важнѣйшія статьи изъ этихъ отдѣловъ и начнемъ съ 1-го ученаго. Разборъ оды выбранной Ломоносовымъ изъ Іова—самого редактора. „О гордости и смиреніи"—статья душеспасительнаго характера; „Объ отношеніи просвѣщенія, нравственности и политики къ истинамъ откровенія" — рѣчь, произнесенная студентомъ Вас. Якимовымъ въ торжественномъ собраніи студенческаго библейскаго сотоварищества при Харьковскомъ университетѣ, религіознонравственнаго содержанія. „О цѣли бытія человѣческаго" (пер. съ французскаго)—человѣкъ существуетъ въ мірѣ, чтобы исполнять волю Божію—вотъ основная идея статьи; „О вѣрѣ"—религіознаго содержанія; „О подражаніи" —литературноэстетическаго характера; „Замѣчанія о крымскихъ татарахъ"—извлеченіе изъ описанія путешествія въ Крымъ одного англичанина, переводъ съ французскаго перевода, заключаетъ въ себѣ любопытныя данныя о крымскихъ татарахъ; „Объ отреченіи"—религіознонравственное назиданіе; „Первый урокъ о бытіи Божіемъ" (пер. съ французскаго), Описаніе города Ѳеодосіи Бурдунова; Иванъ Купало—А. С(клабовскаго); описаніе найденныхъ недавно въ Кіевѣ разныхъ старинныхъ золотыхъ и серебряныхъ вещей—Берлинскаго; о поэзіи и краснорѣчіи, „Истинная премудрость", О познаніи Бога отъ природы, Нѣчто о правѣ собственности, О сожженіи римскаго флота Архимедомъ, О связяхъ общественныхъ (пер. изъ Цицерона воспитанниками пансіона Роберти подъ ред. П. Сокальскаго), Разсмотрѣніе книги подъ названіемъ: Философія основанная на религіи, О ложныхъ мнѣніяхъ относительно поэзіи и краснорѣчія А. Токарева, Мысли передъ отъѣздомъ Ив. Вернета, Рѣчь Марія къ римскому народу (пер. изъ Саллюстія Вл. Цыха), Краткое описаніе Имп. Никитскаго сада, О пользѣ и цѣли поэзіи А. С(клабовскаго), О счетныхъ системахъ Байкова (актовая рѣчь), О признательности А. Пафнутьева, Переправа черезъ Дрѣпръ (изъ писемъ къ украинскимъ друзьямъ), Нѣчто о пристрастіи Вернета, О брани, которую человѣкъ долженъ вести съ собою и почему, О поэзіи и краснорѣчіи на востокѣ, О покаяніи, До какой степени можетъ простираться вліяніе училищъ на образованіе народнаго духа? (дѣло идетъ о Германіи; статья переведена съ польскаго—Филомаѳитскимъ), О поэзіи и краснорѣчіи—Гулака-Артемовскаго, Наставленіе Зосима ученику своему, Истинная премудрость, Объ астрономіи—1-я лекція Затеплинскаго, О познаніи Бога изъ природы (пер. съ

нём. Ник. Левицкаго), Троицынъ день или русальная недѣля—Склабовскаго, Описаніе Кременчуга—Корнеліуса, Вселенная—статья отрывокъ изъ рукописнаго сочиненія проф. Н. Архангельскаго, О причинахъ изобилія произведеній пластическаго искусства у грековъ, Воспоминаніе о Черноморіи Сбитнева (любопытное), Разсмотрѣніе XII книги Небесной механики Лапласа, О баснѣ и баснописцахъ древнихъ и новыхъ (пер. съ франц.), Дидактическія поэмы (пер. съ франц. Вас. Якимова), Взглядъ на поэму „Войнаровскій", О древнихъ сатирикахъ греческихъ и римскихъ—Токарева, Описаніе г. Прилукъ и его повѣта—Мещерскаго, Тосканское помѣстье Плинія младшаго (пер. съ латинскаго), Объ Энеидѣ Вергилія (изъ Бретона Н. Градовскаго), Объ умственныхъ дарованіяхъ грековъ и римлянъ (его-же).

Въ отдѣлѣ словесности находимъ повѣсть „Бетти", повѣсть Бресна „Молодой философъ и молодая философка", „Марія" (повѣсть XV вѣка), Елена и Адольфъ, Лалла-Рукъ и др.

Изъ стихотвореній отмѣтимъ „О воспитаніи" Склабовскаго, гдѣ доказывается необходимость изученія роднаго русскаго языка и религіознаго направленія („Одна религія дать силу можетъ намъ. Она есть тотъ краеугольный камень, на коемъ зиждется великолѣпный храмъ спасительнаго просвѣщенія"... „Блаженъ, кто свѣтъ науки съ религіей святою умѣлъ въ себѣ соединить"...); „Мысли при чтеніи Слова Божія"; „Къ муравѣ", „Тоска по миломъ" и „Грусть", Е. В. Карнѣеву (попечителю)—Склабовскаго; „Сѣтованіе Галлера о смерти своей супруги", „Посланіе къ Бажанову"—Дм. Дунина-Барковскаго (О старомъ и новомъ образѣ жизни); „Одиночество"—А. С(клабовскаго); „Молодому воину при подаркѣ ему псалтыри", „Волкъ и Пастухи"—басня Дм. Дунина-Барковскаго; „На бракосочетаніе Великаго Князя Михаила Павловича съ Великою Княгинею Еленой Павловной"—А. С(клабовскаго); „Отрывокъ изъ утренней пѣсни Виланда"—Н. Савастьянова; „Молодому воину", „Прощальный гимнъ" (при выпускѣ благородныхъ дѣвицъ изъ Харьковскаго института), „Къ душѣ моей"—Ол. Шимковой; „Чаяніе души христіанской"—П. П. Гулака-Артемовскаго; „Смерть Далли" (изъ „Генріады" Звѣгинцева); „Разлука"—А. С(клабовскаго); любопытно примѣчаніе къ этому стихотворенію редакціи, которая говоритъ, что для этой пьески Барцицкій написалъ голосъ и музыку и что онъ же намѣренъ съ 1825 года издавать въ Харьковѣ „Украинскій Музыкальный Журналъ"); „Рыцарь"—древняя нѣмецкая баллада (пер. Склабовскаго); „Чувства христіанина въ день воскресенія Христова"—Н. Савастьянова"; „Переложеніе 1-го псалма"—Шестакова; „Царскій столъ"—древнее чешское преданіе—П. А(ртемовскаго)-Г(улака).

Въ мѣстномъ отдѣлѣ мы находимъ статьи—о Харьковскомъ университетѣ, о Харьковскомъ Обществѣ наукъ, о студенческомъ Библейскомъ сотовариществѣ, о Харьковскомъ отдѣленіи Библейскаго Общества, о Харьковскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ (очень интересную), о пожертвованіяхъ харьковскаго дворянства, „полемическую замѣтку о тучѣ и молніи въ Изюмскомъ уѣздѣ“, „Описаніе Харьковскаго института благородныхъ дѣвицъ“, объ учрежденіи въ Харьковѣ военнаго училища (проектъ) и списокъ пожертвованій на него, „Посѣщеніе гробницы гр. Долона въ Левендаловкѣ“—Ив. Вернета, „О состояніи просвѣщенія въ Харьковѣ и о публичныхъ испытаніяхъ, происходившихъ въ его учебныхъ заведеніяхъ сего 1824 года въ іюнѣ и іюлѣ мѣсяцахъ“—любопытная статья съ цифровыми данными, метеорологическія наблюденія, веденныя въ Харьковѣ, извѣстіе объ открытіи попечительства для бѣдныхъ дѣвицъ духовнаго званія въ Харьковѣ, извѣстіе о напечатаніи въ Москвѣ учителемъ танцевъ Вареномъ пяти музыкально-танцовальныхъ пьесъ, о благотворительномъ концертѣ Барцицкаго, „Выписки изъ моего путешествія по Изюмскому уѣзду“—Ив. Вернета, „Веселая прогулка по Валковскимъ окрестностямъ“—его же, „Послѣднее мое пребываніе въ Харьковѣ“—его же, списокъ лицъ, сдѣлавшихъ пожертвованіе на устроеніе и благолѣпіе университетскаго храма.

Въ концѣ 1824 г. появился новый отдѣлъ „Малороссійская старина“, въ которомъ были напечатаны—любопытные универсалы Юрія Хмельницкаго, Мазепы и Скоропадскаго (4), съ пояснительными примѣчаніями редактора, письма Скоропадскаго къ лубенскому полковнику (о торговлѣ), сотнику глуховскому Андрею Марковичу, любопытное письмо изъ Петербурга писаря Стефана Якову Марковичу о пріемѣ Царемъ гетмана, письмо лубенскаго полковника Якову Марковичу.

Въ 1825 г. появились новые отдѣлы—библіографіи, внутреннихъ и заграничныхъ извѣстій и смѣси. Во второмъ печатались политическія извѣстія, касавшіяся европейскихъ государствъ; въ третьемъ—анекдоты, мелкіе разсказы.

Изъ приведенныхъ здѣсь фактическихъ справокъ о содержаніи журнала видно, что онъ имѣлъ ярко опредѣленное направленіе—религіозно-нравственное и мистическое, вполнѣ соотвѣтствовавшее направленію министра народнаго просвѣщенія, попечителя округа, ректора университета и самого редактора. Мѣстный отдѣлъ редакція хотѣла выдвинуть въ своей программѣ на первый планъ, но въ дѣйствительности относящихся къ нему статей было не много и на это жаловался Склабовскій въ слѣдующихъ словахъ. „Приношу мою благодарность особамъ, приславшимъ нѣсколько піесъ, прозаическихъ и стихотворныхъ,

для помѣщенія въ Укр. Журналѣ; а достоинство оныхъ опредѣлитъ имъ надлежащее мѣсто. Но не могу при семъ не изъявить сожалѣнія, что разсматривая помянутыя піесы, я не нашелъ ни одной, которая содержала бы въ себѣ какія нибудъ извѣстія объ Украинѣ или вообще о южной Россіи. Между толикимъ числомъ мѣстъ, Харьковскому учебному округу подвѣдомыхъ, безъ сомнѣнія во многихъ находятся люди, столько любящіе страну родную, что все къ ней относящееся, какъ-то: извѣстія историческія, топографическія и другаго рода описанія, изображеніе характеровъ, нравовъ, обыкновеній, привычекъ, занятій, увеселеній, даже собраніе пѣсенъ малороссійскихъ и объясненій на оныя и т. п. все это, говорю, почитаютъ близкимъ къ сердцу и достойнымъ того, что бы занятіе сими предметами предпочесть стишкамъ или прозѣ о предметахъ, въ тысячи уже книгахъ изложенныхъ и ясно и пріятно. Обыкновенное, всѣмъ уже извѣстное, трудно сдѣлать новымъ и занимательнымъ; а что ново и при томъ касается нашей родины, то уже для насъ занимательно, хотя бы даже и не было въ немъ другаго достоинства, кромѣ новости. Почему и прошу всѣхъ, сколько нибудь любящихъ заниматься русскою литературою и расположенныхъ помѣщать свои произведенія въ Укр. Журналѣ, обратить особенно вниманіе на помянутый предметъ. Всякое по сей части изысканіе и сочиненіе, каково бы оно нибыло, будетъ принято съ истинною признательностію. А что бы избавить сочинителей и собирателей отъ излишнихъ затрудненій и недоразумѣній относительно отправленія, прошу присылать таковыя піесы прямо ко мнѣ, надписывая на пакетахъ: *Редактору Украинскаго Журнала въ Харьковѣ*".

Въ 1831 году вышелъ въ Харьковѣ „Украинскій альманахъ". Въ прозаической его части помѣщены были статьи Аф. Шпигоцкаго, Буркова, Украинскаго пустынника, о Гаркушѣ Неизвѣстнаго; стихотворенія Е. Гребенки, Погорѣльцева, Аф. Шпигоцкаго (по русски и по малороссійски), Фил. Морачевскаго, Льва Боровиковскаго (по малороссійски), Яковлева, Иноземцева; кромѣ того, здѣсь было напечатано нѣсколько малороссійскихъ пѣсенъ и двѣ малороссійскія думы (о бурѣ на Черномъ морѣ и бѣгствѣ трехъ братьевъ изъ подъ Азова); послѣднія сообщены были И. И. Срезневскимъ.

Въ 1833 году вышелъ альманахъ въ 2-хъ книжкахъ подъ заглавіемъ „*Утренняя Звѣзда*", изданный студентомъ Харьковскаго университета И. Петровымъ. 1-я его книга была напечатана въ Москвѣ, 2-я— въ Харьковѣ. На обложкѣ его находимъ виньетку (гравюра Алгенштета, изображающая Лопанскій мостъ, мелочныя лавки, университетскую горку, зданія университета, присутственныхъ мѣстъ и недостроен-

ную соборную колокольню). Въ прозаическомъ отдѣлѣ находимъ малороссійское преданіе „Недобрый глазъ“ П. Б. Байскаго, отрывокъ изъ романа „Рапсодіи“ неизвѣстнаго, „Недосозданіе“ Сомова, двѣ картины, и отрывки изъ записокъ о старцѣ Григоріѣ Сковородѣ, украинскомъ философѣ И. И. Срезневскаго; интереснѣе всѣхъ послѣдняя статья съ примѣчаніями Гр. Ѳед. Квитки. Во 2-мъ отдѣлѣ помѣщены стихотворенія Иноземцева, Петрова и Ю..., среди нихъ выдается двѣ главы изъ восточной повѣсти „Зальмара“ Иноземцова. Во 2-й части находимъ исключительно произведенія на малорусскомъ языкѣ: супліка до пана издателя, Салдацькій патретъ и Украинское утро—Грыцька Основьяненка, три запорожскія пѣсни, съ переводомъ на русскій языкъ и историческими объясненіями И. И. Срезневскаго, Рыбалка, Батько та сынъ, Рыбка и до Пархома Гулака-Артемовскаго, отрывки изъ „Полтавы“ Пушкина, въ переводѣ на малорусскій языкъ, Будякъ да конопелечка, пшеныця—Е. Гребенки, отрывокъ изъ малороссійской Энеиды Котляревскаго, съ приложеніемъ портрета Наталки Полтавки и нотъ къ этой оперы музыки А. И. Барцицкаго. Вторая часть въ художественномъ отношеніи стоитъ несравненно выше первой. Да это и неудивительно: въ ней мы находимъ такіе шедевры, какъ Салдацькій патретъ Квитки, Рыбалку Гете въ переложеніи Артемовскаго-Гулака, въ переложеніи, не уступающемъ подлиннику. Да и вообще здѣсь собрано все наиболѣе выдающееся въ тогдашней молодой украинской литературѣ, а въ 1-й книгѣ были только произведенія начинающихъ мѣстныхъ писателей.

Въ 1834 году возникла мысль объ изданіи Харьковскимъ университетомъ журнала подъ названіемъ „Ученые Записки“ [1]) но ходатайство объ этомъ затянулось на нѣсколько лѣтъ и мы разсмотримъ это дѣло уже въ 3-мъ томѣ своего труда.

Какой же выводъ можно сдѣлать изъ представленныхъ здѣсь фактическихъ данныхъ о научно-литературной дѣятельности преподавателей Харьковскаго университета? Въ какомъ отношеніи изучаемое нами двадцатилѣтіе стоитъ къ первому десятилѣтію въ жизни университета?

Въ области собственно научной мы замѣчаемъ скорѣе регрессъ, чѣмъ прогрессъ, въ особенности въ качественномъ отношеніи. Рижскому, Успенскому, Осиповскому, Стойковичу, Шаду, Гизе можно противопоставить только одного Кронеберга, который открываетъ собою новую эпоху чисто европейскаго научнаго движенія въ Харьковскомъ

---

[1]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло поп. 1834 г. № 2000/127.

университетѣ; высоко въ научномъ отношеніи стояли также и нѣкоторые другіе профессора, напримѣръ, Дорнъ, Еллинскій и Черняевъ, но послѣдній почти ничего не печаталъ.

Число печатныхъ диссертацій на ученыя степени магистра и доктора теперь увеличивается, хотя все таки, какъ мы видѣли, значительная часть университетскихъ преподавателей не имѣла этихъ степеней. Достоинство диссертацій, какъ и прежде, не высокое: по большей части это тоненькія, тощія брошюрки, представляющія изъ себя разсужденія на заданныя факультетами темы. Болѣе научный характеръ начинаютъ пріобрѣтать диссертаціи только къ концу изучаемаго нами періода. И теперь, какъ и прежде, значительная часть диссертацій оставалась въ рукописяхъ, слѣдовательно, совершенно погибала для науки. Многія диссертаціи (и при томъ не худшія) принадлежали лицамъ, не занявшимъ впослѣдствіи каѳедръ въ Харьковскомъ университетѣ; это объясняется тѣмъ, что ученыя степени магистра и доктора имѣли большое значеніе при опредѣленіи лицъ на службу—давали права на чинъ высокаго класса, чему придавалось тогда большое значеніе. На этой почвѣ выросли тѣ инциденты съ диссертаціями, о которыхъ мы говорили выше. Въ общемъ всѣ эти диссертаціи очень мало давали и для современной имъ науки, а въ настоящее время совершенно утратили всякій научный интересъ. Актовыя рѣчи не имѣли теперь уже того жизненнаго характера, какимъ онѣ отличались въ первое десятилѣтіе: въ нихъ не затрогивались уже прежнія живыя темы общаго характера; въ нихъ не было уже того воодушевленія и страстности, которыми были проникнуты прежніе ораторы, глубокой вѣры въ науку, просвѣщеніе, прогрессъ, наконецъ, въ нихъ не замѣчается уже той свободной борьбы взглядовъ и направленій—реалистическаго и философско-метафизическаго—какую мы видѣли въ рѣчахъ Осиповскаго и Шада; вмѣсто этой свободы мнѣній вездѣ находимъ искусственное насажденіе мистическаго начала съ его нетерпимостью, фанатизмомъ и духомъ преслѣдованія. Впрочемъ актовыя рѣчи теперь все таки и въ количественномъ, и въ качественномъ отношеніи занимаютъ видное мѣсто въ научной дѣятельности профессоровъ Харьковскаго университета; значительная часть ихъ въ популярной формѣ знакомила публику съ содержаніемъ и общимъ характеромъ преподаваемыхъ въ университетѣ наукъ или заключала въ себѣ разсужденія по отдѣльнымъ вопросамъ, или, наконецъ, давала совѣты и наставленія практическаго характера и, слѣдовательно, имѣла значеніе въ житейскомъ быту. Во всякомъ случаѣ это былъ тотъ родъ произведеній, который имѣлъ большое образовательное вліяніе на мѣстную среду; здѣсь авторы дѣйствовали и живымъ словомъ, и его пе-

чатнымъ воспроизведеніемъ. Вліяніе это усиливалось по мѣрѣ замѣны въ литературномъ изложеніи иностранныхъ языковъ русскимъ. Число профессоровъ иностранцевъ, какъ мы видѣли, сильно сократилось и хотя еще и нѣкоторые изъ русскихъ преподавателей выступали иногда, по старой традиціи, съ рѣчами и другими сочиненіями на латинскомъ языкѣ, но все таки русская рѣчь завоевала теперь себѣ твердую позицію въ научномъ обиходѣ. Другіе роды научныхъ произведеній, напримѣръ, критическіе отзывы и рецензіи не получили въ это время особеннаго развитія. Дѣятельность единственнаго ученаго общества, состоявшаго при университетѣ, какъ мы видѣли, была не особенно успѣшна, а въ нѣкоторые моменты и совершенно замирала, но и въ первое десятилѣтіе оно дѣйствовало кратковременно и слабо.

Несомнѣнный прогрессъ мы видимъ въ области журналистики, обязанной своимъ развитіемъ и процвѣтаніемъ въ Харьковѣ Харьковскому университету. Мы сообщили выше подробныя фактическія свѣдѣнія о періодическихъ изданіяхъ, выходившихъ въ свѣтъ непосредственно отъ имени университета или предпринятыхъ по иниціативѣ университетскихъ преподавателей и питомцевъ. Но и изданія второго рода по существу были изданіями какъ бы университетскими: они обязаны были самимъ возникновеніемъ своимъ университету, выходили подъ университетской цензурой, печатались въ университетской типографіи, держались главнымъ образомъ сотрудничествомъ профессоровъ или ихъ учениковъ и слушателей. Журналы съ одной стороны удовлетворяли научнымъ потребностямъ университетской жизни, а съ другой создавали и восполняли запросъ на литературное чтеніе въ мѣстной интеллигентной, преимущественно педагогической средѣ. Мы знаемъ, что и сами профессора не чуждались чисто литературныхъ занятій, т. е. опытовъ въ изящной словесности: И. Е. Срезневскій, Филомаѳитскій, Гонорскій, Масловичъ, Склабовскій, Гулакъ Артемовскій, Квитка ставшіе руководителями журнальной дѣятельности въ Харьковѣ, въ то же самое время были и плодовитыми писателями въ прозѣ и стихахъ и переводчиками иностранныхъ художественныхъ произведеній; нѣкоторымъ изъ нихъ принадлежали цѣлые сборники изящной прозы и стиховъ, а изъ Гулака Артемовскаго выработался первостепенный писатель на малорусскомъ языкѣ. Такимъ образомъ, литературное движеніе, начатое въ первое десятилѣтіе, продолжалось, окрѣпло, расширилось и развилось во второмъ и третьемъ десятилѣтіи существованія университета. Рядомъ съ основной русской литературной стихіей, проникавшей главнымъ образомъ при посредствѣ университетской науки и университетскихъ дѣятелей, въ самомъ мѣстномъ обществѣ выдвигалась, росла

и крѣпла стихія малорусская, удовлетворявшая живой, внутренней, духовной потребности интеллигентныхъ малороссіянъ, усвоившихъ уже себѣ русское образованіе, но не порвавшихъ еще связи со своимъ народомъ въ области духовной культуры, находившихся въ общеніи съ простымъ людомъ, говорившихъ съ нимъ его языкомъ, пѣвшихъ его пѣсни, знавшихъ его преданія и разсказы. Это естественное, непосредственное стремленіе къ народному языку нашло себѣ поддержку и сильный толчекъ къ дальнѣйшему развитію въ появленіи въ сосѣдней полтавщинѣ малорусскихъ произведеній И. П. Котляревскаго, особенно его перелицованной Энеиды, завоевавшей себѣ въ 20-мъ годамъ XIX в. прочныя симпатіи всего южнорусскаго общества, въ томъ числѣ и слободско-украинскаго. И вотъ вслѣдъ за полтавскимъ малорусскимъ литературнымъ движеніемъ и, конечно, не безъ его непосредственнаго вліянія возникаетъ харьковское и талантливѣйшими выразителями его оказываются Артемовскій-Гулакъ и Квитка—первый въ стихотворной области, второй—въ прозаической. Въ альманахѣ „Утренняя звѣзда“ 1833 года дѣйствительно расцвѣла новая заря малорусской словесности: тамъ мы видимъ произведенія харьковцевъ—Квитки и Гулака-Артемовскаго и полтавцевъ—Котляревскаго и Гребенки. Харьковъ не только пріютилъ въ своемъ альманахѣ произведенія Полтавы, но и далъ музыку для безсмертной „Наталки Полтавки“ вмѣстѣ съ портретомъ ея поэтической героини. И харьковское малорусское литературное движеніе, подобно полтавскому, выросло *естественно*—изъ внутренней духовной потребности интеллигентныхъ представителей малорусскаго народа воспользоваться богатымъ литературнымъ наслѣдіемъ этого послѣдняго въ видѣ историческихъ и современныхъ пѣсенъ, сказокъ, преданій и т. п. Что здѣсь не было ничего искусственнаго, навѣяннаго извнѣ, тенденціознаго, это неопровержимо доказывается личными свойствами Квитки и Гулака-Артемовскаго. И тотъ, и другой творили только въ силу глубокой внутренней потребности, и потому что въ совершенствѣ владѣли формою, т. е. языкомъ, и обладали большимъ запасомъ художественнаго матеріала. Оба пробовали первоначально писать по русски, но должны были убѣдиться въ томъ, что все это было слабо и блѣдно, а сильно и художественно выходило только то, что было написано ими на родномъ языкѣ. Гулакъ-Артемовскій при этомъ даже не придавалъ никогда серьезнаго значенія своей литературной дѣятельности и сосредоточивалъ все свое вниманіе и всѣ свои заботы на служебной карьерѣ и связанныхъ съ нею чинахъ и наградахъ. По своимъ возрѣніямъ онъ стоялъ на консервативной патріотическо-охранительной почвѣ и былъ далекъ отъ какого то ни было либерализма.

Мѣстное малорусское литературное движеніе опиралось главнымъ образомъ на народную малорусскую словесность; въ той же „Утренней Звѣздѣ“ мы видимъ запорожскія пѣсни, сообщенныя и комментированныя Изм. Ив. Срезневскимъ, который еще раньше напечаталъ думы въ „Украинскомъ альманахѣ“ 1831 года, въ 1833 году выпустилъ въ свѣтъ 1-ю часть своей знаменитой „Запорожской старины“ и въ 1835 г.—украинскую лѣтопись. Въ томъ же альманахѣ 1831 г. помѣщены были, какъ мы видѣли, и нѣкоторыя стихотворенія на малороссійскомъ языкѣ. Прекраснымъ исполнителемъ малороссійскихъ пѣсенъ былъ, какъ мы знаемъ изъ 1-го тома „Опыта“, и издатель „Украинскаго демокрита“ Масловичъ, владѣвшій также и малорусскою литературною рѣчью.

Расцвѣтъ литературнаго движенія въ изучаемый нами періодъ объясняется съ одной стороны толчкомъ, даннымъ ему въ предшествующее десятилѣтіе, которое сформировало дѣятелей, выступившихъ на литературную арену въ концѣ 10-хъ и началѣ 20-хъ годовъ, а съ другой прогрессомъ въ области русской литературы и журналистики, который не могъ не отразиться и въ новомъ провинціальномъ центрѣ—университетскомъ городѣ Харьковѣ. Что же касается внѣшнихъ условій для развитія литературы и журналистики (имѣю въ виду главнымъ образомъ цензуру), то эти послѣднія были крайне неблагопріятны. Благодаря имъ, вовсе не могли появиться въ свѣтъ одни повременныя изданія и должны были прекратиться другія; что же касается существовавшихъ, то эти послѣдніе лишены были драгоцѣннѣйшаго блага—свободы и независимости сужденій и должны были приспособляться къ направленію, искусственно прививавшемуся къ русскому обществу кн. А. Н. Голицынымъ. Неудача „Украинскаго журнала“ и объясняется, быть можетъ, въ значительной мѣрѣ несоотвѣтствіемъ усвоеннаго имъ оффиціальнаго направленія съ запросомъ и стремленіемъ его читателей, не раздѣлявшихъ піэтическаго увлеченія редактора журнала. Піэтизмъ и мистицизмъ не проникъ глубоко въ русское провинціальное общество, а захватилъ только его педагогическій кругъ, и то далеко не весь, а одни его оффиціальныя вершины и тѣхъ, кто стремился достичь ихъ публичнымъ исповѣданіемъ своего соотвѣтствующаго духу времени profession de foi.

Какъ бы то ни было, но литературная сторона въ дѣятельности Харьковскаго университета въ концѣ 10-хъ, въ 20-хъ и началѣ 30-хъ годовъ XIX вѣка должна быть особенно подчеркнута нами по ея сильному, широкому, непосредственному и благотворному вліянію на общество. Ею до нѣкоторой степени компенсировался недостатокъ научнаго воздѣйствія университета на мѣстную среду, Въ журналахъ науч-

ный элементъ объединялся съ художественно-литературнымъ. Журналы выдвигали кромѣ того и вопросы высшаго нравственнаго порядка, пробуждали и укрѣпляли духъ общественности. Съ величайшею признательностью слѣдуетъ вспомнить, напримѣръ, о томъ, что они пробуждали и укрѣпляли въ мѣстной средѣ духъ широкой общественной благотворительности, реально проявившейся въ обильныхъ пожертвованіяхъ въ пользу мѣстныхъ благотворительныхъ и просвѣтительныхъ учрежденій. Наконецъ, участіе въ журнальной дѣятельности благотворно отражалось какъ на профессорахъ сотрудникахъ, такъ и на ихъ слушателяхъ—студентахъ—оно увлекало тѣхъ и другихъ или въ сферу научно популярныхъ работъ, или въ область литературной критики, или, наконецъ, въ область художественнаго творчества, отвлекавшую отъ будничныхъ интересовъ и дававшую во всякомъ случаѣ авторамъ внутреннее нравственное удовлетвореніе. Мы увидимъ въ слѣдующей главѣ, что харьковское студенчество было также захвачено этимъ литературнымъ движеніемъ и въ результатѣ его явился цѣлый рядъ сборниковъ студенческихъ сочиненій.

Что касается матеріальной обезпеченности профессоровъ Харьковскаго университета, то она въ изучаемый нами періодъ времени была недостаточна, значительно уступая въ этомъ отношеніи первымъ годамъ въ жизни университета: штаты, т. е. нормы обезпеченія, остались безъ измѣненія, а между тѣмъ курсъ рубля страшно понизился и всѣ продукты и товары сильно вздорожали. Это вздорожаніе, вызываемое пресловутой континентальной системой Наполеона, побудило, какъ мы знаемъ, харьковскихъ профессоровъ обратиться въ 1810 году, съ просьбою о прибавкѣ жалованья. Въ 1816 году ходатайство было повторено, ибо дороговизна не только не уменьшалась, а даже скорѣе увеличивалась. Вотъ текстъ этого любопытнаго прошенія.

„Около пяти лѣтъ тому назадъ профессоры и адъюнкты Харьковскаго Университета осмѣливались представлять Вашему Императорскому Величеству бѣдственное состояніе, до котораго они доведены отъ чрезмѣрнаго умноженія цѣнъ на необходимые для жизни предметы.

Крайность ихъ въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ еще болѣе увеличилась и они вторично объясняли ее въ прошеніи на Высочайшее Имя.

Министръ народнаго просвѣщенія подалъ намъ надежду на предстоящее улучшеніе монетнаго достоинства. Мы дѣйствій его ожидали въ молчаніи и повиновеніи.

Вскорѣ послѣ того Отечеству было угрожаемо: мы въ сердцахъ нашихъ воздыхали—и вотъ одно пожертвованіе, которое мы могли сдѣ-

лать. Блистательныя побѣды, послѣдствія величайшей храбрости и совершеннаго согласія между союзниками Вашего Величества возвратили миръ Европѣ и поставили Россійскую Имперію на первую степень Европейскихъ державъ. Но нынѣ, всемилостивѣйшій Государь, когда великіе труды Ваши для укрѣпленія общаго спокойствія приведены къ окончанію, позвольте представить Вашему Величеству потери и страданія наши и прибѣгнуть къ Монаршему Вашему правосудію и великодушію.

Всемилостивѣйшій Государь! Протекшіе девять лѣтъ послужили къ нашему разоренію. Многіе изъ насъ поддерживали себя пособіями семействъ своихъ въ чужихъ краяхъ, другіе истощили все то, что доставили имъ плоды двадцати и тридцати лѣтнихъ трудовъ, большая же часть вошла въ долги, которыхъ не можетъ заплатить.

Ваше Величество благоволили однакожъ назначить жалованье наше такъ, чтобы, удаляя отъ насъ всякую заботу относительно потребностей жизни, мы могли посвятить себя совершенно трудамъ нашимъ по части народнаго просвѣщенія. Но упадокъ ассигнацій привелъ для насъ въ ничтожество всѣ благотворныя намѣренія Вашего Величества.

Потери, потерпѣнныя симъ существеннымъ уменьшеніемъ нашего жалованья въ теченіи девяти минувшихъ лѣтъ, простираются до 44.628 рублей ассигнаціями для тѣхъ, кои въ тогдашнее время служили ординарными профессорами, а для другихъ профессоровъ и адъюнктовъ въ соразмѣрность съ годами службы ихъ и жалованьемъ.

Сумма эта составляетъ для насъ всю разность между благосостояніемъ и крайностью; но потеря ея тѣмъ чувствительнѣе, что тѣ, кои нѣкоторымъ образомъ участвовали въ учрежденіи университета, достигли такого періода жизни, въ которой нельзя уже болѣе заниматься хозяйственностью, ни помышлять о пополненіи недостатковъ имущества.

Позвольте, Ваше Величество, замѣтить здѣсь, что тѣ только въ государствѣ потерпѣли, которые имѣютъ опредѣленное жалованье или доходы безъ побочныхъ пособій. Произведенія земли и промышленности иностранные товары, цѣны за работу мастеровыхъ—все болѣе или менѣе поравнялось со сравненнымъ достоинствомъ серебра и ассигнацій. И потому дворяне, купцы, ремесленники и земледѣльцы ничего не потеряли. Въ разсужденіи же гражданскихъ чиновниковъ, они могли бы быть причислены къ нашему сословію, еслибъ старые обычаи не возвышали жалованья ихъ такъ, что они могли жить въ изобиліи. Мы смѣемъ просить Ваше Величество назначить намъ сравнительно съ временемъ службы и жалованьемъ каждаго вознагражденіе, которое Ваше Величество признаете нужнымъ за протекшіе девять лѣтъ, на предъ будущее же время для отвращенія всякой заботы опредѣлить намъ жалованье серебромъ.

нодобно тѣмъ, которые получають въ Виленскомъ университетѣ, что соотвѣтствуетъ достоинству ассигнацій въ 1804, когда Вашему Величеству угодно было назначить доходы Харьковскаго университета. Экономическая казенная сумма, собранная нашими попеченіями, достаточна бы была для испрашиваемаго нами вознагражденія.

Счетъ убытковъ, понесенныхъ членами университета съ 1807 года.

Когда Его Величество назначилъ жалованье членамъ Харьковскаго университета, тогда курсъ былъ 80 серебромъ на ассигнаціонной рубль. Жалованье ординарныхъ профессоровъ было по 2000 руб. ассигнаціями, на квартиру и отопленіе по 500 руб., слѣдовательно, они получали по сравненію тогдашняго курса всего жалованья 2000 руб. Жалованье адъюнктовъ также соотвѣтствовало 800 руб. серебромъ. Нижеслѣдующее разчисленіе объясняетъ ежегодныя потери ординарныхъ профессоровъ. Курсъ на деньги извлеченъ изъ сочиненія Шторха о политической экономіи (томъ VI таблица № VIII).

	Курсъ на ассигнаціи	Потеря на 80 к. серебромъ	Жалованье обращенное въ серебро	Потеря въ серебрѣ на ежегодное жалованье
1807	$67\frac{1}{2}$	$12\frac{1}{2}$	1.687 р. 50 к.	312 р. 50 к.
1808	$53\frac{3}{4}$	$26\frac{1}{4}$	1.343 „ 75 „	656 „ 25 „
1809	$44\frac{2}{3}$	$35\frac{1}{3}$	1.116 „ $62\frac{2}{3}$ „	883 „ $33\frac{1}{4}$ „
1810	$33\frac{1}{3}$	$46\frac{2}{3}$	933 „ $33\frac{1}{3}$ „	1.066 „ $66\frac{2}{3}$ „
1811	$25\frac{2}{5}$	$54\frac{1}{5}$	645 „ — „	1.355 „ — „
1812	$26\frac{2}{5}$	$53\frac{1}{5}$	670 „ — „	1.330 „ — „
1813	$25\frac{1}{5}$	$54\frac{2}{5}$	640 „ — „	1.360 „ — „
1814	$25\frac{1}{5}$	$54\frac{2}{5}$	640 „ — „	1·360 „ — „
1815	$25\frac{1}{5}$	$54\frac{2}{5}$	640 „ — „	1.360 „ — „
1816 за 4 первые мѣсяца	$25\frac{1}{5}$	$54\frac{2}{5}$	213 „ $43\frac{1}{2}$ „	453 „ $33\frac{1}{3}$ „
			8.509 р. $58\frac{1}{3}$ к.	10.157 р. $8\frac{1}{3}$ к.

Очевидно, что служившіе въ 1817 году ординарные профессора отеряли 10.157 руб. $8\frac{1}{3}$ к. серебромъ или 44.628 руб. ассигнаціями. Іотеря эта чувствительнѣе для тѣхъ, которые исполняли разныя долшости и болѣе находились въ службѣ.

Потеря адъюнктовъ съ 1807 по настоящее время считается 4062 р. $3\frac{1}{3}$ к. серебромъ или 16.248 ассигнаціями.

Слѣдуетъ замѣтить, что при подробномъ изслѣдованіи откроется, то отъ промѣна по показаннымъ курсамъ денегъ сверхъ означенныхъ

убытковъ были еще другіе. Мѣдная монета, мелкое серебро, пяти и десяти рублевыя ассигнаціи составляли особой лажъ и платили до 33 руб. % за мѣдную монету; при размѣнѣ же 50 и 100 рублевыхъ ассигнацій на мелкія бумажки лажъ возвышался и понижался, смотря по ветхости ассигнацій.

Независимо отъ этихъ потерь члены университета по чрезвычайной въ осеннее время грязи въ Харьковѣ должны дорогою цѣною нанимать кареты, безъ коихъ признаютъ невозможнымъ пріѣзжать къ своей должности. Ректоръ Тимофей *Осиповскій*.

Попечитель гр. С. О. Потоцкій съ своей стороны писалъ.

„Общее сословіе университета, препровождая ко мнѣ на Высочайшее Государя Императора имя прошеніе, касательно уравненія сочленовъ его въ выгодахъ съ профессорами и адъюнктами Виленскаго университета, проситъ, дабы посредствомъ начальства, это прошеніе доведено было до свѣдѣнія Его Величества. Хотя при теперешнихъ обстоятельствахъ я усматриваю большія затрудненія въ удовлетвореніи гг. членовъ университета по предмету ихъ просьбы, но съ другой стороны, убѣждаясь дѣйствительно неблагопріятнымъ положеніемъ этого сословія, не имѣющаго никакихъ посторонныхъ способовъ къ вознагражденію претерпѣваемаго имъ непрестаннаго убытка на денежномъ курсѣ, я почелъ долгомъ представить при этомъ его вмѣстѣ съ нотою о понесенныхъ членами университета убыткахъ съ 1807 года на благоусмотрѣніе и начальническое разрѣшеніе Вашего Сіятельства".

Комитетъ министровъ постановилъ отложить удовлетвореніе этой просьбы до разсмотрѣнія новаго штата университета. Но совѣтъ Харьковскаго университета въ 1818 году указалъ попечителю на то обстоятельство, что Дерптскій университетъ давно уже пользуется новыми штатами, по коимъ профессора получаютъ жалованья по 1.500 р. сер. выдаваемыхъ, правда, ассигнаціями, но *по курсу* и въ виду этого просилъ о скорѣйшемъ введеніи новаго штата и о выдачѣ профессорамъ единовременнаго пособія въ зависимости отъ срока ихъ службы. Вотъ текстъ ихъ новаго прошенія.

„Въ 1810 году, когда цѣны всѣхъ вещей, слѣдуя за курсомъ ассигнаціонныхъ денегъ, возвысились почти до нынѣшняго ихъ состоянія члены Харьковскаго университета не могли болѣе содержать себя приличнымъ образомъ, получаемымъ ими по штату жалованьемъ и подавали на Высочайшее Имя просьбу объ улучшеніи ихъ состоянія. Просьба эта доведена была бывшимъ тогда Министромъ Просвѣщенія до воззрѣнія Государя Императора, и Его Величество изволилъ на нее сказать, что это обстоятельство есть общее всѣмъ, которое однакожъ недолго продол-

жится. Но такъ какъ это обстоятельство въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ потомъ продолжалось въ равной ежели невозвышающейся степени, то въ началѣ 1816 года подобная просьба членами университета возобновлена была съ присовокупленіемъ, чтобы разстроенное ихъ состояніе поправлено было сверхъ того единовременнымъ вознагражденіемъ. Совѣтъ министровъ, уваживъ эту просьбу, доносилъ опять на благоразсмотрѣніе Государя Императора, и повелѣно было потерпѣть до разсмотрѣнія вновь штатовъ. Нынѣ извѣстно стало Харьковскому университету, что Дерптскій университетъ давно уже пользуется суммами, отпускаемыми по новому штату, по коему профессора получаютъ жалованья до полуторы тысячи серебромъ, производимаго въ ассигнаціяхъ по курсу. Совѣтъ Харьковскаго университета, заключая изъ этого, что штатъ Дерптскаго университета устроенъ, и зная по состоянію настоящихъ цѣнъ вещамъ, нужнымъ къ содержанію, что теперь и съ устроеннымъ жалованьемъ неможно содержать себя такъ, какъ при составленіи прежнихъ университетскихъ штатовъ можно было содержать себя положеннымъ въ нихъ жалованьемъ, рѣшился просить ваше превосходительство о ходатайствованіи, дабы и нашего университета штатъ по крайней мѣрѣ устроенъ былъ; и ежели будетъ милость Государя, то пожаловано было бы каждому члену его, по мѣрѣ времени службы его въ трудныхъ обстоятельствахъ, единовременное награжденіе для поправленія разстроеннаго состоянія".

Попечитель передалъ эту просьбу профессоровъ на благоусмотрѣніе министра, придавъ ей нѣсколько иную редакцію: университетъ ходатайствовалъ о введеніи новаго штата *и* единовременномъ пособіи, попечитель же о введеніи новаго штата *или* по крайней мѣрѣ о единовременномъ пособіи. Министръ Народнаго просвѣщенія кн. А. Н. Голицынъ отвѣтилъ попечителю, что смѣта на 1819-й годъ уже составлена и утверждена и потому ходатайство о новомъ штатѣ передъ Его Величествомъ можетъ быть возбуждено только по отношенію къ смѣтѣ на 1820 годъ и то по новому представленію попечителя, который долженъ будетъ привести въ пользу его основательные мотивы и указать на особые заслуги профессоровъ и пользу, приносимую университетомъ. Попечитель интерпретировалъ этотъ отвѣтъ министра по своему, въ своемъ духѣ: прямо заявилъ, что министръ будетъ ходатайствовать передъ Государемъ объ улучшеніи матеріальнаго положенія профессоровъ, „но не прежде, чѣмъ они покажутъ въ полной мѣрѣ свое усердіе къ службѣ, соотвѣтствуя всѣмъ ожиданіямъ высшаго начальства, постараются направлять умы молодыхъ воспитанниковъ къ единой цѣли, указанной имъ, попечителемъ, по волѣ его сіятельства въ прошломъ году, дока-

заны же таковыя старанія чиновниковъ университета будутъ тогда, когда утвердится между ними общее и постоянное согласіе, когда учащіеся покажутъ отличные успѣхи въ наукахъ и чистой нравственности, основанной на христіанскомъ ученіи, и наконецъ когда и самое производство дѣлъ по университету пойдетъ успѣшнѣе. Я увѣренъ, писалъ въ заключеніе попечитель, что университетскіе чиновники дадутъ мнѣ возможность свидѣтельствовать передъ его сіятельствомъ о всемъ вышеизъясненномъ и тѣмъ самымъ скорѣе и прочнѣе улучшится собственное ихъ благосостояніе".

Ректоръ университета Т. Ѳ. Осиповскій представилъ въ отвѣтъ на это слѣдующія соображенія о штатѣ.

„Такъ какъ по просьбѣ, поданной Совѣтомъ объ улучшеніи состоянія университетскихъ чиновниковъ, поручено Вашему Превосходительству составить новый штатъ, то я и счелъ за нужное о немъ подумать. По разсмотрѣніи всѣхъ статей, относящихся къ университету, хотя я нашелъ въ нихъ нѣкоторые пробѣлы (напримѣръ, канцелярія при совѣтѣ, контролерскій столъ при училищномъ комитетѣ, должность надзирателя при классахъ), но такъ какъ въ штатѣ назначено лишнее жалованье для второго профессора богословія, то по обращеніи его на означенныя статьи, штатной суммы будетъ достаточно на все, если только она будетъ имѣть такое денежное значеніе, какое имѣла при составленіи штата. Когда же составлялся штатъ, то исчисленіе суммъ сдѣлано было по расчету рубля двадцати пяти копѣекъ (ассигнаціями) за серебряный рубль, т. е. считая по 100 рублей ассигнаціонныхъ за 80 серебряныхъ рублей. Если и теперь по всѣмъ статьямъ за каждые штатные сто рублей будетъ выдаваться по 80 рублей серебромъ, то всѣ нужды по каждой статьѣ будутъ удовлетворены. Не нужно при этомъ, чтобы отпускъ денегъ былъ производимъ непремѣнно серебромъ; довольно и того, когда выдача будетъ производиться ассигнаціями, но по курсу, опредѣленному въ концѣ предыдущаго года на будущій, какъ производится пріемъ серебра въ казну по таможнямъ. Трудно было бы, вѣроятно, Министерству Финансовъ произвести этотъ переломъ вдругъ, но постепенно въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ вполнѣ возможно будетъ доставить штатамъ ихъ настоящее значеніе. По моему мнѣнію, не трудно будетъ на первый годъ назначить 50 серебряныхъ рублей за 100 ассигнаціонныхъ, на второй—60, на третій—70 и на четвертый—80, удержавъ эту послѣднюю цифру навсегда. При этомъ можно надѣяться и на возвышеніе курса ассигнацій, а это еще болѣе облегчитъ приведеніе штатовъ въ должный видъ. Не мое дѣло государственные финансы, но для равновѣсія государственныхъ приходовъ и расходовъ, нужно

было бы при наложеніи податей, при винныхъ откупахъ и т. п. раскладки и расчеты вести въ серебряной монетѣ. Государству нужны бываютъ большею частію не деньги, а вещи въ натурѣ, цѣна коихъ чувствительнымъ образомъ соотвѣтствуетъ курсу серебряной монеты. Съ измѣненіемъ курса, измѣняется ихъ цѣна въ ассигнаціяхъ, а отъ этого происходитъ неравновѣсіе между государственными приходами и расходами. Къ счастію теперь курсъ серебра падаетъ, а потому балансъ склоняется въ пользу финансовъ" (13 сент. 1819 г.).

Записка Т. Ѳ. Осиповскаго освѣщала вопросъ и устанавливала вѣрный исходный пунктъ для опредѣленія новыхъ штатовъ. Если нельзя было прочно улучшить матеріальнаго положенія профессоровъ и университета, то нужно было по крайней мѣрѣ вернуть его къ тѣмъ нормамъ, которыя учреждены были при основаніи университета и которыя въ то время, какъ мы знаемъ, обезпечивали благосостояніе преподавательскаго персонала. Изъ осторожности Т. Ѳ. Осиповскій предлагалъ не сразу вернуться къ этимъ нормамъ, а постепенно—въ теченіе 4-хъ лѣтъ.

Проектъ новаго штата былъ представленъ попечителю, который препроводилъ его къ Министру Народнаго Просвѣщенія при слѣдующемъ письмѣ. „Крайне бѣдное состояніе университетскихъ чиновниковъ вслѣдствіе возвысившейся на всѣ предметы дороговизны, заслуживаетъ таковаго къ нимъ снисхожденія. Большая часть чиновниковъ проходитъ службу съ отличною похвалою и успѣхи какъ въ наукахъ, такъ и въ нравственности противъ прежняго оказались большими. Есть однако нѣкоторые и то немного изъ чиновниковъ—замѣченные не совсѣмъ старательными о своемъ долгѣ, но къ исправленію ихъ пріемлются надлежащія мѣры, при неусыпномъ наблюденіи которыхъ можно надѣяться, что скоро все вообще придетъ въ порядокъ и за симъ нельзя оставить прочихъ безъ пособія претерпѣваемой скудости. Почему на улучшеніе благосостоянія университетскихъ чиновниковъ покорнѣйше прошу Ваше Сіятельство обратить милостивое вниманіе".

По вновь проектированному штату жалованье 28 профессорамъ опредѣлено было въ 3.900 р. и 500 руб. квартирныхъ. Профессора получали теперь квартирныхъ по 500 р., адъюнкты—по 200 р. Одинъ изъ нихъ—адъюнктъ Криницкій—имѣлъ квартиру въ натурѣ въ университетскомъ помѣщеніи (изъ 3-хъ комнатъ); другой адъюнктъ Черняевъ—раньше занимавшій казенную квартиру, послѣ женитьбы оставилъ ее [1]). 12 адъюнктамъ назначалось по 1.500 руб. (съ квартирными), четыремъ лекторамъ новыхъ языковъ по 1.000 р,, 12 магистрамъ педагогическаго

---

[1]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло поп. № 1254/71.

института—по 600 р., 12 студентамъ-кандидатамъ по 500 р., 60 казеннокоштнымъ студентамъ по 400 р., ректору—1.000 р., 4-мъ деканамъ и непремѣнному засѣдателю по 500 р., синдику 400 р., архиваріусу совѣта и переводчику совѣта 1.000 р., 4-мъ секретарямъ факультетовъ по 250 руб., директору педагогическаго института 500 руб. инспектору казеннокоштныхъ студентовъ 500 р., библіотекарю 1.000 р., помощнику его—400 р., секретарю правленія 1.000 р., а вмѣстѣ съ канцеляріей—5.000 руб., на осмотръ училищъ 5.000 руб., на путешествія въ чужіе края адъюнктовъ 4.000 руб., священнику и на содержаніе церкви 2.000 р., учителямъ искусствъ—3.000 р., на пенсіи 10.000 руб. Экстраординарные профессора должны были пользоваться адъюнктскимъ окладомъ, а если занимали каѳедру, то получали квартирныя деньги по окладу ординарныхъ профессоровъ. Всего по новому штату проектировалось отпускать на Харьковскій университетъ 220.750 рублей вмѣсто прежнихъ 130.000 руб., т. е. на 90.750 руб. или почти на 70% болѣе прежняго [1]).

Однако и это представленіе не имѣло практическихъ послѣдствій. И мы знаемъ уже, что въ 1822 году Харьковскій университетъ черезъ попечителя возбудилъ ходатайство объ увеличеніи штатовъ на счетъ хозяйственныхъ суммъ. Всего проэктировалось прибавки или, точнѣе говоря, перечисленія 64500 р. Но хотя эта прибавка была очень скромна, ибо цѣны на товары въ дѣйствительности удвоились и даже утроились, Министръ нашелъ ее чрезмѣрной и приказалъ не отступать отъ штатовъ [2]). Въ 1825 году Министръ Народнаго Просвѣщенія Шишковъ затребовалъ отъ Харьковскаго университета замѣчаній на университетскій уставъ и штаты и эти замѣчанія ему были представлены Совѣтомъ черезъ попечителя [3]). Между прочимъ Харьковскій университетъ ходатайствовалъ здѣсь о расширеніи своихъ прежнихъ правъ и преимуществъ экономическаго характера, а именно—дарованное 12-мъ пунктомъ утвердительной грамоты и указомъ 31 мая 1825 года освобожденіе отъ постоя и платежа квартирныхъ денегъ жилищъ профессоровъ Совѣтъ просилъ распространить и на жилища ихъ вдовъ и сиротъ, а также классныхъ чиновниковъ, состоящихъ при канцеляріяхъ и учрежденіяхъ университета: это послужило бы поощреніемъ для поступленія на службу болѣе способныхъ. Такъ какъ квартирныя деньги вы-

---

[1]) Харьк. унив. Архивъ. Дѣло поп.—529/27. Арх. М. Н. Пр. Д. 6335/162.

[2]) Настоящее сочиненіе, стр. 374—375.

[3]) Тоже сдѣлали и другіе университеты; объ университетскихъ реформахъ Шишкова см. С. В. Рождественскаго. Историческій обзоръ дѣятельности Мин. Нар. Просвѣщенія. С.-П.-Б. 1902, 176—192.

скивались съ хозяевъ домовъ, занимаемыхъ профессорами [illegible] слѣдніе платили столько же, сколько и другіе квартиранты [illegible] ставленія имъ льготы необходимо было, по мнѣнію Совѣта, [illegible] отъ уплаты этихъ денегъ и ихъ квартирныхъ хозяевъ. Далѣе [illegible] просилъ, чтобы опредѣлены были классы должностей [illegible] лекторовъ (10), учителей искусствъ (12) и др. лицъ. [illegible] также допустить къ участію въ дѣлахъ университета и [illegible] комитета по выборамъ заслуженныхъ профессоровъ, не [illegible] каѳедръ, ибо своею 25-лѣтнею службою и опытностью они могли бы приносить пользу университету; а если бы заслуженный профессоръ занималъ каѳедру, то Совѣтъ считалъ справедливымъ, чтобы онъ за этой каѳедрѣ получалъ жалованье кромѣ пенсіи: жены и дѣти умершихъ заслуженныхъ профессоровъ, по его мнѣнію, должны бы получать половину ихъ пенсіи. Было бы справедливо также, писалъ онъ, чтобы преподаватели университета могли выписывать для себя изъ заграницы безпошлинно книги и учебныя пособія, на такихъ же основаніяхъ, какъ дѣлаетъ это университетъ. О штатахъ Совѣтъ университета далъ такое поясненіе попечителю. „Теперешнее жалованье университетскихъ чиновниковъ совершенно недостаточно для безбѣднаго существованія. Цѣны на всѣ предметы потребленія возвысились такимъ образомъ, что по точному соображенію ихъ, при основаніи университета и въ первые годы его существованія 2000 р. составляли относительно почти вдвое большую сумму, нежели теперь 4000 р., предполагаемые въ жалованье профессорамъ, при чемъ Харьковскій университетъ имѣлъ въ виду и штаты Дерптскаго и Виленскаго университетовъ. Мѣстныя условія г. Харькова во многихъ отношеніяхъ также являются причиною стѣсненнаго состоянія членовъ университета. Квартиры весьма дороги, а особенно въ недальнемъ разстояніи отъ университета. Для имѣющаго семейство наемъ и отопленіе квартиры, удовлетворяющей только самымъ необходимымъ хозяйственнымъ потребностямъ, стоитъ болѣе 1000 р. Весною и осенью, а нерѣдко и зимою улицы въ городѣ столь грязны, что университетскіе чиновники, имѣющіе квартиры не вблизи самаго университета, принуждены для сбереженія здоровья держать экипажъ; но кромѣ содержанія и самое неприхотливое обзаведеніе имъ требуетъ издержекъ, даже при всемъ возможномъ ограниченіи расходовъ по другимъ потребностямъ, чрезвычайно обременительныхъ. Предполагаемая по новому штату столь значительная сумма на содержаніе строеній необходима, такъ какъ и цѣны на дрова и пр. возвысились и зданія университетскія сдѣлались несравненно обширнѣе прежняго. Излагаемыя здѣсь обстоятельства извѣстны Вашему Превосходительству и потому

университетъ покорнѣйше проситъ особеннаго ходатайства со стороны Вашего Превосходительства, дабы высшее начальство удостоило благосклоннаго вниманія замѣчаніе университета“. Однако Попечитель, представляя эти замѣчанія Совѣта, не поддержалъ ихъ, а наоборотъ заявилъ, что онъ во многомъ не согласенъ съ мнѣніями Совѣта, но не излагаетъ своихъ замѣчаній, чтобы не задерживать Совѣтскаго представленія [1]).

Впрочемъ повидимому никакихъ замѣчаній онъ и не представилъ: по крайней мѣрѣ въ дѣлѣ нѣтъ на нихъ никакихъ указаній. Да и вообще нужно сказать, что дѣло о введеніи новыхъ штатовъ тянулось до 1835 года, когда они были утверждены вмѣстѣ съ уставомъ. Такимъ образомъ, матеріальное положеніе профессоровъ все это время оставалось въ высшей степени печальнымъ и необезпеченнымъ. Неудивительно, что эта необезпеченность принуждала профессоровъ изыскивать себѣ еще и другіе источники доходовъ:—заниматься преподаваніемъ въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, давать частные уроки, предаваться усиленно медицинской практикѣ, держать пансіонеровъ и т. п.

Особенно сильное развитіе получило пансіонерство, впослѣдствіи сдѣлавшееся язвой университетской жизни, противъ которой должны были вооружиться лучшіе представители профессорской коллегіи. Сами по себѣ частные уроки профессоровъ и пансіонерство еще не были предосудительны; въ нѣкоторыхъ случаяхъ они были сущимъ благодѣяніемъ для студентовъ, но они могли сопровождаться (и дѣйствительно сопровождались) незаконными льготами и поблажками на экзаменахъ, что, конечно, деморализировало и учащихъ, и учащихся и набрасывало неблагопріятную тѣнь на весь университетъ. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда профессоръ былъ вполнѣ добросовѣстенъ въ дѣлѣ пансіонерства. другіе завидовали его выгодамъ и могли распускать о немъ неблагопріятные слухи. Доказательство этого представляетъ автобіографія Т. Ѳ. Степанова. Разсказавъ о томъ, что товарищи старались выставить его въ дурномъ свѣтѣ передъ помощникомъ попечителя кн. Цертелевымъ, онъ прибавляетъ. „Къ этому присоединилась зависть профессоровъ къ нѣкоторымъ моимъ выгодамъ. При вступленіи въ университетъ (профессоромъ) два года я не имѣлъ у себя студентовъ и не хотѣлъ ихъ имѣть. Но потомъ былъ убѣжденъ совѣтами расположенныхъ ко мнѣ людей. Кузинъ первый далъ мнѣ своего сына подъ надзоръ съ платою по 2500 р. въ годъ. Затѣмъ поступили ко мнѣ другіе студенты; я получалъ отъ нихъ большею частью по 1500 р. Впрочемъ я былъ весьма остороженъ

---

[1]) Харьк. унив. Архив. Д. поп. № 529/27.

въ пріемѣ ихъ. Какъ скоро я навѣрное зналъ, что кто-либо велъ себя дурно и худо занимался, я всегда отказывалъ такому, и черезъ это я лишенъ былъ многихъ выгодъ. Все таки случалось, что у меня бывали студенты и довольно лѣнивые и не слишкомъ одобрительной нравственности. Скромный образъ моей жизни заставлялъ многихъ думать, что я получалъ большія деньги, но мой капиталъ былъ далеко не тотъ, который былъ предполагаемъ посторонними. Я наблюдалъ очень плохо экономію и ничего не щадилъ какъ для себя, такъ и для студентовъ, это вело меня къ большимъ издержкамъ. Притомъ я дѣлалъ благодѣянія, никому не извѣстныя. Князь Цертелевъ много повредилъ моимъ выгодамъ, притѣсняя меня нѣкоторыми способами. Надзоръ мой за студентами былъ вполнѣ отчетливый, я не щадилъ для нихъ даже своего здоровья, я дорожилъ каждымъ изъ нихъ, и употреблялъ къ пользѣ ихъ все, что могъ. Нѣкоторые доходы давала Т. Ѳ. Степанову опека надъ малолѣтними дѣтьми одного изъ его пріятелей. Вотъ что говоритъ онъ объ этомъ. „1838 годъ составилъ новую эпоху моей жизни. Передъ этимъ принялъ я на себя новое тягостное бремя—это опеку надъ малолѣтними Кожевниковыми. Я былъ близкимъ пріятелемъ ихъ отца, я его любилъ, уважалъ искренно. Ласковые пріемы его и его жены въ началѣ пріѣзда моего въ Петербургъ (они въ то время были тамъ) были для меня незабвенны. Никто не хотѣлъ быть опекуномъ, вѣроятно, боясь столкнуться съ непріятными отношеніями къ родственникамъ Кожевниковыхъ. Я пренебрегъ все, желая быть полезнымъ дѣтямъ-сиротамъ. Я далъ себѣ клятву вести опеку самымъ честнымъ, благороднымъ образомъ. И дѣйствительно я былъ такомъ. Я рѣшительно ничѣмъ не пользовался, платилъ даже за наемъ дома дѣтей по 2000 р., а потомъ по 1500 р. въ годъ. Первымъ моимъ предметомъ было сохранить капиталы ихъ и доставить имъ возможно лучшее воспитаніе. Ни въ томъ, ни въ другомъ не можно обвинить меня, совѣсть моя чиста. По духовному завѣщанію, начальница, бывшая близко знакома съ покойнымъ Кожевниковымъ, могла имѣть вліяніе на воспитаніе дѣтей. Я, замѣтивъ ея нѣкоторыя самовластныя и почти вредныя дѣйствія для опеки, разсорился съ нею и устранилъ ея вліяніе. Это мнѣ стоило многихъ непріятностей. Генералъ-губернаторъ Строгановъ хотѣлъ закрыть весь домъ Кожевниковыхъ, предложивъ удалить дѣтей на какую либо квартиру. Страшась разстройства и потерь въ опекѣ, которыя были бы неизбѣжны, и дорожа спокойствіемъ и здоровьемъ дѣтей, я возсталъ противъ этого намѣренія, успѣлъ отклонить его, но за то навлекъ на себя нерасположеніе генералъ губернатора. Тоже произошло и съ другимъ генераломъ губернаторомъ Кн. Долгоруковымъ. По взысканію долговъ опеки потомъ я нажилъ себѣ страхи и огорченія.

Съ гувернантками, большею частію не соотвѣтствовавшими моимъ намѣреніямъ и распоряженіямъ, я имѣлъ нерѣдко досады и непріятности. Къ этому надо присоединить разныя притязанія Сиротскаго суда. Все это много возмутило мой покой, сокрушая мое слабое здоровье".

Изъ воспоминаній Н. И. Костомарова, бывшаго студентомъ Харьковскаго университета въ 33—35 г.г., мы узнаемъ, что имѣлъ пансіонеровъ и проф. П. Сокальскій, и проф. Гулакъ-Артемовскій. У Сокальскаго положеніе пансіонеровъ было превосходное.

„Меня помѣстили, пишетъ Н. И. Костомаровъ въ своей автобіографіи, у профессора латинскаго языка Петра Ивановича Сокальскаго. Я попалъ къ нему совершенно случайно. Не предполагая прежде помѣститься у этого профессора, я отправился къ нему вмѣстѣ со своимъ учителемъ поговорить на счетъ вступительнаго экзамена изъ латыни, въ которой я себя чувствовалъ недостаточно крѣпкимъ послѣ уроковъ Андрея Ивановича Бѣлинскаго. И мнѣ, и моему учителю Петръ Ивановичъ такъ понравился, что, выходя отъ него, мы рязсудили, что всего лучше мнѣ помѣститься у этого профессора. Передавши нашу мысль моей матери, мы снова отправились къ Сокальскому и договорились съ нимъ о квартирѣ. Окончивъ вступительный экзаменъ по всѣмъ предметамъ, я простился съ матерью и моимъ деревенскимъ учителемъ, уѣхавшими домой, а самъ остался въ домѣ Сокальскаго. Мнѣ дали отдѣльную комнату въ особомъ флигелѣ, въ которомъ кромѣ меня было четверо студентовъ, проживавшихъ у Сокальскаго также въ отдѣльныхъ комнатахъ. Содержаніе и обращеніе съ нами было очень хорошее; одно только нѣсколько безпокоило меня: Сокальскій не дозволялъ курить табакъ и это побуждало насъ курить въ печную трубу. Однажды я, всунувши для куренія трубку въ верхній душникъ печки, нечаянно зажегъ сажу и самъ испугался; едва потушили и не допустили до пожара; но послѣ того Сокальскій махнулъ рукою и сказалъ: „лучше курите, а то вы мнѣ и домъ сожжете!...". Семейство Сокальскаго состояло тогда изъ жены, трехъ малолѣтнихъ сыновей и старой тещи, женщины, чрезвычайно доброй и любимой всѣми студентами. Эта послѣдняя по имени Надежда Емельяновна, осталась у меня въ памяти, какъ типъ старой добродушной малороссіянки. Она говорила со всѣми не иначе какъ по малорусски, очень заботилась о выгодахъ квартирантовъ и по воскресеньямъ сама пекла и приносила намъ на завтракъ превосходные пирожки. Уже много лѣтъ, еще до женитьбы Сокальскаго на ея дочери, она содержала у себя квартирантовъ студентовъ и хвалилась тѣмъ, что ее называли „студентська маты". Въ числѣ ея бывшихъ нахлѣбниковъ былъ знаменитый Остроградскій, о которомъ она

сохраняла благоговѣйное воспоминаніе, какъ о лучшемъ изъ юношей у нея проживавшихъ“ [1]). Н. И. Костомаровъ и не нуждался въ протекціи проф. П. И. Сокальскаго, и не пользовался ею. Съ августа 1835 г. Н. И. Костомаровъ перешелъ на квартиру къ проф. П. П. Гулаку-Артемовскому. „Дворъ Артемовскаго-Гулака, говоритъ онъ, помѣщался почти при оконечности города на одной изъ улицъ, выходившихъ къ полю. Проминувши нѣсколько дворовъ, можно было достигнуть стараго кладбища съ небольшою церковью... Самъ П. П. Гулакъ-Артемовскій помѣщался въ одноэтажномъ деревянномъ домѣ, выходившемъ фасадомъ на улицу, а внутри довольно нарядно убранномъ. Студенты были размѣщены въ двухъ флигеляхъ, стоявшихъ на дворѣ; въ одномъ изъ нихъ, состоявшемъ изъ 2-хъ комнатъ, жило двое студентовъ: Деревицкій и я“ [2]).

Благодаря сравнительно льготнымъ условіямъ пенсіи, семьи профессоровъ Харьковскаго университета получали нѣкоторое матеріальное обезпеченіе. Такъ, напримѣръ, можно было получить пенсію за службу отъ 5 до 15 лѣтъ: на основаніи утвердительной грамоты и дополнительнаго Высочайшаго указа 31 марта 1811 года и вдова такого профессора, и ея дѣти получали единовременно по полному окладу его жалованья и въ пенсію по 1/5 доли его. На этомъ основаніи вдова и дѣти профессора Ванноти получили по 2.000 руб. единовременно и по 400 р. ежегоднаго пенсіона [3]).

Проф. Шумлянскій въ 1817 году увольнился отъ службы по слабости здоровья и въ особенности зрѣнія и получилъ при увольненіи за долговременную и безпорочную службу (48 лѣтъ) въ пенсію полный окладъ жалованья, т. е. 2.000 р. [4]).

16 декабря 1832 года былъ изданъ Высочайшій указъ Правительствующему Сенату, предоставившій новые льготы на пенсію *заслуженнымъ* профессорамъ, каковыми признаны лица, прослужившіе 25 лѣтъ по учебной службѣ въ университетѣ. Они могли поступать на новую службу и получать на ней жалованье, сохраняя свою пенсію. Они не могли только претендовать на вторую пенсію, если бы таковую выслужили, но если бы она была больше первой, то могли просить о замѣнѣ второю первой. Если бы заслуженный профессоръ пожелалъ занять вакантную каѳедру въ университетѣ, то онъ долженъ былъ подвергнуться

---

[1]) Литературное наслѣдіе, стр. 18—19.

[2]) Ibidem, стр. 23.

[3]) Харьк. унив. архивъ. Д. сов. 1819 г. № 36.

[4]) Ibid, 1817 г. № 16.

всѣмъ установленнымъ на сей случай правиламъ (выбору въ совѣтѣ) и тогда получалъ по ней окладъ, сохраняя и пенсію [1]).

Въ 1833 году получали пенсіи слѣдующіе преподаватели и чиновники Харьковскаго университета, ихъ вдовы и дѣти: Курдюмовъ 539 р., вдова учителя музыки Кона—100 р., Ольденборгеръ 346 р. 50 к., дѣти Туранскаго 181 руб. 49$^1/_4$ коп., Фесенко 297 руб., бывшій профессоръ *Стойковичъ*—990 р., *Борзенко*—1960 р., *Тимковскій*—990 р., учитель Беккеръ—247 р. 50 к., *Книгина*—500 р., *Срезневская*—990 руб., *Филомафитская*—1000 руб., *Ванноти*—396 руб., г-жа *Пильгеръ*—500 руб., г-жа *Дрейсигъ*—396 р., *Куницкая*—480 р., *Дьячкова*—400 р., *Калькау*—158 р. 40 к., дочь *Делявиня*—495 р., дѣти *Осиповскаго* 500 р., вдова Беккеръ—100 руб. Всѣ эти пенсіи выдавались изъ спеціально предназначенной для этого по штату суммы [2]). Всего выходило 11566 р. 90 к. (не считая единовременныхъ пособій).

Тяжело было однако вслѣдствіе общаго кризиса матеріальное положеніе даже такихъ отставныхъ профессоровъ, которые получали полную пенсію и имѣли, состоя на службѣ, нѣкоторые дополнительные доходы. Въ этомъ можно убѣдиться, напримѣръ, изъ прошенія проф. Шумлянскаго, которое онъ подалъ Министру Народнаго Просвѣщенія. „Позвольте, Ваше Сіятельство, покорнѣйше васъ просить взглянуть на послужной мой списокъ при департаментѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія имѣющійся и принять во уваженіе состояніе человѣка, въ службѣ состарѣвшагося и не имѣющаго до сихъ поръ въ виду ничего, кромѣ одной невзрачной, къ счастію непродолжительной будущности.

Въ 1811 году представленъ былъ я отъ университета г. Министру на утвержденіе меня въ званіи заслуженнаго профессора, но мнѣ было отказано, потому что уставомъ предписано прослужить до такого наименованія 25 лѣтъ; университетъ же и самъ считалъ себя тогда только 7 лѣтъ отъ роду. Ясно, кажется, что таковое постановленіе сдѣлано не для насъ русскихъ, служившихъ до вступленія въ университетъ по другимъ учебнымъ мѣстамъ одинъ другого болѣе. Таково однако было рѣшеніе г. Министра, повергнувшаго стараго слугу въ крайнее уныніе и притомъ въ возрастѣ, ободренія требующемъ. Но этого еще не довольно было для усиленія моего прискорбія: шесть лѣтъ продолжаю служеніе наряду съ бывшими моими по медикохирургической академіи учениками, кои и были здѣсь профессорами. Это обстоятельство и пріятно для меня, и больно; больно потому паче, что они недавно

---

[1]) Харьк. унив. архивъ. Д. правл. № 3372/208.

[2]) Ibid, Д. правл. № 3372/208.

произведены, оставивъ черезъ то стараго своего профессора позади себя безъ всякаго награжденія, слѣдовательно, явно въ пренебреженіи. Совѣсть моя толкуетъ однако, что я такой обиды не заслужилъ и тѣмъ менѣе, что я всегда стоялъ за честь университета, чѣмъ и пріобрѣлъ для себя притѣснителя. Справедливо впрочемъ, что чины не льстятъ уже сѣдой головѣ, и то однако правда, что безвинно оплеванный ветеранъ всякаго сожалѣнія достойнѣе, который притомъ давно и крѣпко терпитъ съ семействомъ по недостаточному нынѣ окладу и при долгахъ. Кому подъ 70 лѣтъ, тотъ вѣрно имѣетъ нужду въ покоѣ, слѣдовательно, въ отставкѣ съ полной пенсіей и, по трудности временъ, съ квартирными деньгами, но который безъ предварительнаго единовременнаго за 48 лѣтъ службы приличнаго денежнаго награжденія никакъ не можетъ ея просить.

Ваше Сіятельство! На семъ единственно остановились всѣ мои желанія; помогите безпомощному колико возможно, исполненному къ особѣ вашей глубочайшаго высокопочитанія (Харьковъ, 31 марта, 1817 г.)[1]).

Министръ не счелъ возможнымъ удовлетворить просьбы Шумлянскаго о выдачѣ единовременной награды и обращеніи въ пенсію квартирныхъ денегъ, а только исхлопоталъ ему полную пенсію.

Еще болѣе печально было положеніе нѣкоторыхъ преподавателей, уволенныхъ безъ пенсіи.

Грустное впечатлѣніе производитъ эпилогъ дѣла, производившагося въ Правленіи университета, о выдачѣ послѣдняго жалованья адъюнкту Болгаревскому, удаленному, какъ мы знаемъ, изъ университета за его строптивый характеръ. Это былъ очевидно, бѣднякъ, ничего не имѣвшій. Декану своего факультета Книгину онъ написалъ слѣдующее письмо: „получивъ при увольненіи моемъ изъ университета паспортъ для проживанія, обращаюсь къ Вамъ, какъ къ декану съ покорнѣйшей просьбой объ исходатайствованіи мнѣ свидѣтельства по службѣ моей въ университетѣ равно и о выдачѣ по день моего увольненія, т. е. по 2-е число октября прошедшаго года причитающагося мнѣ жалованья и квартирныхъ денегъ. Извѣстная мнѣ *сострадательность* ваша къ бѣдствующимъ невинно обнадеживаетъ меня совершенною увѣренностью, что Вы не откажете мнѣ Вашимъ въ семъ дѣлѣ пособіемъ“ (20 января 1817 г.). Другое письмо Болгаревскій написалъ ректору Т. Ѳ. Осиповскому. „Я надѣюсь, что Вы уже получили рапорты о сдачѣ фармацевтической лабораторіи и о возвращеніи книгъ въ Библіотеку. Кажется мнѣ, что теперь уже нѣтъ причинъ содержать меня подъ смотрѣніемъ

[1]) Харьк. унив. архивъ. Д. поп. № 402/20.

полиціи. Покорнѣйше прошу Васъ сообщить полицмейстеру, дабы мнѣ не было препятствія отлучиться на короткое время для свиданія со своими родными. Признаюсь Вамъ откровенно, что *я нуждаюсь во вседневномъ пропитаніи,* почему нетерпѣливо ожидаю совершеннаго своего отпуска и прошу Васъ не задержать меня до глубокой осени". Правленіе выдало причитавшіеся ему 86 р. 91¼ к. [1])—очевидно, его единственный и послѣдній рессурсъ.

Гдѣ и какъ устроился Болгаревскій, мы не знаемъ; а печальной памяти ректоръ Стойковичъ съумѣлъ добиться и пенсіи, и чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника, и занять должность по министерству внутреннихъ дѣлъ (члена непремѣннаго присутствія департамента государственнаго хозяйства и публичныхъ зданій). Умеръ онъ въ 1832 г. оставивъ вдову и 2-хъ дѣтей. Сынъ его Януарій пожертвовалъ библіотеку своего отца въ 1835 г. Одесскому лицею [2]).

Съумѣлъ заблаговременно составить себѣ состояніе и Шадъ, уволенный безъ пенсіи и тщетно добивавшійся ея въ теченіе многихъ лѣтъ. При удаленіи изъ Харькова, онъ вошелъ въ правленіе въ 1816 г. съ ходатайствомъ объ утвержденіи его духовнаго завѣщанія. „Далъ я, писалъ онъ тамъ, женѣ моей полную довѣренность распоряжаться моими вещами по законамъ Россійской Имперіи, такъ какъ мнѣ велѣно немедленно выѣхать изъ государства. Но это распоряженіе должно быть таково, чтобы ни у меня, поколь живу, ни у моихъ дѣтей не было ничего отнято. Чтобы отвратить всякій могущій произойти объ этомъ споръ, я объявляю волю мою слѣдующимъ образомъ: такъ какъ здоровье мое такъ разслаблено, что я нахожусь ежедневно въ опасности умереть, и сей долгій и безпокойный путь, предпріемлемый по повелѣнію справедливѣйшаго и человѣколюбиваго Императора, еще болѣе представляетъ мнѣ опасности, то я объявляю, что если что со мною по человѣчеству случится, то все мое имѣніе послѣ моей смерти должно быть раздѣлено на три части, такъ чтобы одну треть получила жена моя, другую—сынъ, третью—дочь. Такъ какъ я совершенно увѣренъ, что я или насильственною, или естественною смертью въ дорогѣ умру, то поручаю университету, членомъ котораго я былъ и *для пользы и чести котораго трудился денно и нощно,* это важное дѣло, приближаясь къ смерти, надѣясь, что если нѣкоторые при жизни моей все къ погибели моей сдѣлали, то по смерти моей по крайней мѣрѣ примирятся съ наилучшею женою моею и моими дѣтьми. Относительно меня ничего не нужно, но я желаю по крайней мѣрѣ, чтобы послѣ моей смерти

[1]) Харьк. univер. архивъ. Д. Правл. № 1171/53.

[2]) Арх. М. Н. Пр. № 6005/159.

оказана была справедливость тѣмъ, коихъ я оставляю и кои мои суть навсегда“.

Правленіе постановило передать это духовное завѣщаніе для законнаго разсмотрѣнія въ Слободско - Украинское губернское правленіе [1]).

Положеніе самого Шада въ матеріальномъ отношеніи за границей было весьма печальное, особенно въ послѣдніе годы его жизни. Попечитель Харьковскаго учебнаго округа А. А. Перовскій оффиціально удостовѣрялъ въ 1828 году, что онъ видѣлъ заграницей 70-ти-лѣтняго старика Шада въ очень плачевныхъ обстоятельствахъ, и считалъ справедливымъ назначить ему единовременно 10000 р. и затѣмъ выдавать по 1000 руб. ежегодной пенсіи: онъ былъ экстраординарнымъ профессоромъ въ Іенѣ, но жалованья не получалъ [2]).

Обращаетъ на себя вниманіе наше большое число профессоровъ, уволенныхъ безъ прошенія въ отставку: Шадъ, Болгаревскій, Нельдехенъ (въ 1818 г.), Осиповскій, Васильевъ и Венедиктовъ; по старости или по совершенно разстроенному состоянію здоровья съ пенсіей сами вышли — Борзенковъ, Затеплинскій, Шумлянскій, Еллинскій; по столкновенію съ университетскимъ начальствомъ безъ пенсіи Брандейсъ; вышли добровольно—Чановъ, Склабовскій, Золотаревъ; умерли — Книгинъ, Пильгеръ, Делявинь, Ванноти (1 февр. 1819 г.), Дрейсигъ (30 іюня 1819 г.), Каменскій (9 августа того же года), Срезневскій (12 сент. того же года), Гонорскій (14 авг. того же года), Успенскій (10 мая 1820 г.) Богородицкій (20 февр. 1826 г.), Дудровичъ (25 мая 1830 года) Куницкій (29 іюля 1831 г.), Филомафитскій (6 апр. того же года), Дьячковъ (6 сент. того же года); Даниловичъ и Цыхъ перевелись въ Кіевскій университетъ, Дегуровъ въ Петербургскій.

Представимъ теперь краткія данныя о бытѣ, нравахъ и нравственномъ вліяніи профессоровъ и объ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ другъ къ другу. Частной жизни нѣкоторыхъ изъ нихъ мы коснемся только въ такой мѣрѣ, въ какой она отражалась, прямо или косвенно, на ихъ преподавательской и научной дѣятельности. Едва ли нужно доказывать, что и подобные факты не могутъ быть опущены въ трудѣ, программа котораго захватываетъ всѣ стороны стараго университетскаго быта. Во всѣ моменты университетской жизни профессора имѣли нравственное вліяніе на своихъ слушателей и мѣстное общество, и историкъ долженъ попытаться опредѣлить хотя приблизительно силу этого вліянія;

---

[1]) Харьк. унив. архивъ. Д. правл. № 1170/53.

[2]) Д. И. Багалѣя—Удаленіе проф. И. Е. Шада, X. 1899 г., стр. 139—140.

а оно находилось въ связи съ общимъ нравственнымъ уровнемъ профессорской среды, съ большимъ или меньшимъ числомъ положительныхъ или отрицательныхъ въ этомъ отношеніи личностей. Для Харьковскаго университета не прошли безслѣдно частныя коммерческія предпріятія его ректора Стойковича, занимавшагося продажею контрабанднаго вина; равнымъ образомъ не оставалась безъ результатовъ положительная дѣятельность такихъ чистыхъ людей, какъ Рижскій или Осиповскій.

Долго останавливаться впрочемъ на этомъ мы не будемъ, а представимъ нѣсколько наиболѣе характерныхъ примѣровъ, основанныхъ на достовѣрныхъ источникахъ.

Въ 1-мъ томѣ своего труда мы пользовались для біографіи Г. П. Успенскаго воспоминаніями его сына, относившимися къ первымъ годамъ его профессуры. Приведемъ теперь выдержки изъ нихъ, относящіяся къ самому послѣднему періоду его жизни. Рисуя домашнюю, частную и семейную жизнь своего отца, В. Успенскій вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ намъ ключъ къ уясненію перемѣны въ его характерѣ, отразившейся весьма замѣтнымъ образомъ и на его ученой дѣятельности, и на отношеніи его къ учащейся молодежи. „До сихъ поръ учебная звѣзда отца моего, говоритъ В. Успенскій, свѣтила ярко но съ появленіемъ въ нашемъ домѣ племянницы моей матери, звѣзда эта начала блѣднѣть. Періодъ памятный въ моей студенческой жизни!—Въ этой пожилой, некрасивой дѣвушкѣ не было ничего особеннаго, кромѣ бойкости, услужливости и проворства. Объявивши, что пріѣхала на короткій срокъ, чтобы только поцѣловать дорогую тетиньку, какъ наивно выражалась она, эта гостья безцеремонно водворилась у насъ навсегда, прибрала къ рукамъ все хозяйство, а потомъ и все семейство. Отецъ мой, не имѣвшій никогда сближенія съ женскимъ обществомъ, поставилъ себя, съ самаго начала въ почтительное предъ ней отношеніе, поэтому она скоро завладѣла его довѣріемъ такъ, что безъ ея рѣшенія ничего не дѣлалось. Не только относительно экономіи, которою она управляла безотчетно, и относительно насъ, отодвинутыхъ въ глубину картины, но ея совѣтъ спрашивался и на все, что относилось къ матери и самому отцу. И повело же это обаяніе къ дурному, потащило оно все семейство къ гибели и втолкнуло самого отца въ преждевременную могилу! Смерть его отняла у тѣснаго круга тогдашнихъ ученыхъ неутомимаго дѣятеля науки, опытнаго педагога, зоркаго наставника и вѣрного товарища.

Добрый отецъ, слѣпо довѣрившись дурному человѣку, навелъ тѣнь на свои послѣдніе годы, на тѣ годы, которые въ апогеѣ его заслуженной извѣстности должны бы быть свѣтлѣй и ярче. Все шло обычнымъ

порядкомъ и постороннему казалось, что ничего не измѣнилось въ нашемъ домашнемъ быту: также рано вставалъ мой отецъ и поздно ложился, также точенъ былъ онъ въ отправленіи должности. Но въ самомъ дѣлѣ было не такъ. Правда, вставалъ отецъ, какъ и всегда, очень рано и ложился поздно, но занятія его прерывались безпрерывными приходами къ нему племянницы. На должность отправлялся отецъ мой всегда аккуратно, но возвращался домой ранѣе прежняго и часто раздосадованный, чего не бывало прежде. Въ домѣ повидимому, тоже было, но мы, дѣти, были разрознены, запуганы и не смѣли пикнуть. Еще скучнѣй, еще пустыннѣй стало у насъ въ домѣ; но отцу примѣтно повеселѣло; онъ рѣже вздыхалъ, легче вдумывался, церковное пѣніе и молитвенныя восклицанія прекратились. Скоро онъ такъ привыкъ къ племянницѣ, что если ея долго не было съ нимъ, онъ звалъ ее. Это быстро вело къ преобладанію ея въ домѣ надо всѣми и къ вліянію надъ нимъ самимъ. Переходъ отца къ новому порядку иногда пробуждалъ въ немъ сожалѣніе о прежнемъ, повергалъ его въ тоску, бездѣйственность и уныніе. Но это бывало вначалѣ. Тетка была лишена свободы и не могла безъ ея вѣдома выходить изъ своихъ комнатъ; съ матерью заточалась и сестра моя. Я былъ отлученъ отъ отца, при которомъ долго слылъ кабинетною принадлежностью; за неповиновеніе новой главѣ, я лишенъ былъ его ласкового слова и бездокладнаго къ нему входа. Скоро и гости появлялись рѣже, и просители обратились къ другимъ вліятельнымъ людямъ. Жертва, за жертвой падали мы отъ ея жала. Первой жертвой сдѣлалась бѣдная сестра моя, отданная за Куницкаго, только что прибывшаго изъ Москвы на каѳедру греческаго языка. Человѣкъ этотъ, явившись въ Харьковъ, никого не имѣлъ знакомыхъ, кромѣ тѣхъ попутчиковъ, съ кѣмъ пріѣхалъ изъ Москвы; Куницкій вошелъ въ нашъ домъ ученый, но бѣдный до пролетаризма и стиснутый его тисками до жалости. Бѣднякъ искалъ опоры и пріюта. Моему отцу пріятнымъ казалось, что къ нему прямо обратился, въ немъ одномъ искалъ ученый москвитянинъ; но я и братъ непривѣтливо обходились съ нимъ. Мать и сестра едва-ли болѣе разу видѣли его. И вдругъ, къ общему всѣхъ удивленію, сестрѣ было объявлено, что этотъ господинъ—нареченный ея женихъ и что ему уже дано слово за нее. Озадаченная дѣвушка не пришла еще въ себя отъ испуга, какъ начались приготовленія къ свадьбѣ и вскорѣ потомъ совершился бракъ. Много ли было данныхъ къ составленію супружескаго благополучія молодыхъ? Нисколько! Они не только имѣли разныя о всемъ понятія, объяснялись неодинаковымъ языкомъ, неодинаково чувствовали, не одно видѣли впереди, но они скоро поняли, что ошиблись, обманулись, сведены поневолѣ, почти насильно

и потому отвернулись одинъ отъ другого. Мужъ пренебрегъ неразвитою женой, жена оскорбилась насмѣшливостью мужа. Отецъ не замѣчалъ перемѣны и ласкалъ зятя и дочь. Это показалось Фіонѣ опаснымъ для ея самовластія: она задумала удалить ихъ. Ей удалось это чрезвычайно легко: стоило внушить довѣрчивой женщинѣ, что причиной холодности мужа—незавидное помѣщеніе ихъ во флигелѣ подъ глазами отца, что пора имъ имѣть свою собственность, что непремѣнно отецъ отдѣлитъ ихъ, какъ только о томъ они оба попросятъ его. Легковѣрная дочь приняла этотъ совѣтъ, считая его за искренній и своевременный, а потому упросила мужа написать письмо къ отцу объ отдѣлѣ. Между тѣмъ Фіона работала противъ нихъ, напѣвая отцу о непочтительности зятя, о нерасположеніи его къ женѣ, о ея увлеченіи имъ и отдаленіи отъ родителей, и наконецъ объ ихъ дерзкомъ замыслѣ требовать обѣщаннаго отдѣла. Естественно, что отецъ встревожился и приготовился къ отпору: и какъ только несчастная дочь начала говорить объ этомъ и подала письмо мужа, то онъ прогналъ ее, запретя показываться къ себѣ на глаза. Слѣдствіемъ этого была опасная продолжительная болѣзнь сестры, полное охлажденіе къ ней мужа и начало его гибельнаго пристрастія къ вину. Черезъ годъ съ небольшимъ послѣ замужества сестры, умерла моя мать, умерла скоропостижно въ запертой Фіоною комнатѣ... Смерть ея развязала Фіону: она дѣйствовала уже настойчиво, грубо. Но это самое пробудило въ отцѣ осмотрительность: онъ увидѣлъ свою оплошность. Опять принялся за вздохи, молитвы и кабинетную замкнутость. Цѣлые дни проходили, Фіонѣ не отворялась дверь кабинета, и только при встрѣчѣ съ отцомъ она успѣвала задерживать его на нѣсколько словъ. Но это не могло исправить испорченнаго. Главной порчей дѣлъ отца было то, что наши домашніе учителя—студенты знали всю замкнутость нашу, разносили о ней молву съ прибавленіями и, наводя густую тѣнь на имя отца, вызывали недовольныхъ. Ихъ расказнямъ помогли отказы посѣтителямъ и нетерпѣливость съ просителями; то и другое устраивала злая женщина, а оно вызывало ропотъ и пасквили. Отецъ досадовалъ, недугъ его усиливался отъ раздраженія и доводилъ до такой усидчивости въ замкнутомъ па ключъ кабинетѣ, что часа по два и по три онъ невыходилъ оттуда. А это—то и нужно было Фіонѣ: къ ней являлись друзья монахини, уносили и увозили большіе узлы съ бѣльемъ, платьемъ и разными вещами. Отецъ не наблюдалъ за этимъ, давно хозяйство вышло изъ его рукъ, а если когда и видѣлъ такую выгрузку изъ кладовыхъ, то вздыхалъ, молчалъ, но не давалъ замѣтить, что видѣлъ. Промышленность эта длилась болѣе году, по самую его кончину. Куда и кому передавали услужливыя инокини земное стяженіе, которое такъ

усердно стягивали у насъ, я никогда узнать не могъ. Вернулись къ отцу прежнія скорбные дни его, вернулись со страшнымъ наростомъ. Заныло страдальческое сердце, затомилась благородная душа ученого мужа. Крушило его своеволіе хищницы, крушило отчужденіе любимыхъ студентовъ и холодность товарищей, крушили подбрасываемые пасквили; каррикатурность ихъ обижала, мучила его. Бѣднякъ силился поправить это обращеніемъ къ прежней своей дѣятельности, неутомимо работалъ въ кабинетѣ, неупустительно выполнялъ обязанности по службѣ; но ничто не помогало: онъ оставался одинокимъ и терзался. Между тѣмъ, внутренняя борьба въ моемъ отцѣ, ослабляя въ немъ книжную духовность, вызывала наружу прежде незамѣтныя черты его характера. Въ постоянной мрачности духа, въ досадѣ на самого себя, неподкрѣпляемый дружбой и преданностью, тревожимый домашнимъ разгромомъ, онъ уже не нравственно дѣйствовалъ на окружающихъ, но былъ ихъ грозой. Доказательствомъ этому служитъ поведеніе тогдашнихъ казеннокоштныхъ студентовъ подъ его инспекціей, ненавлекшее на себя во все время прежде ни самомалѣйшей укоризны, и боязнь своекоштныхъ быть призванными къ объясненію предъ строгаго инспектора. Бѣда, бывало попасться къ нему, какъ говорили, на исповѣдь! Самый процессъ такой исповѣди называли мытьемъ головы. И въ самомъ дѣлѣ, въ поту, а нерѣдко и въ слезахъ выходилъ отъ него кающійся. Появленіе отца, особенно внезапное, наводило что-то похожее на панику: каждый встрѣчный старался охорошиться или укрыться.

Не могу навѣрное сказать, когда именно отецъ мой получилъ почетный титулъ заслуженнаго профессора; знаю только, что онъ ему былъ очень пріятенъ. Тогда титулъ этотъ былъ диковинный: только двое носили это отличіе—мой отецъ и другой профессоръ въ Казанскомъ университетѣ. Намъ же дѣтямъ казалось, что и на насъ онъ распространяетъ славу учености и мы гордились имъ, какъ личнымъ преимуществомъ. Я вѣренъ до самоотверженія исторической истинѣ, и не боюсь насмѣшекъ за свою прошлую несмѣтливость.

Далеко было еще до запада моему отцу, но обстоятельства ускорили закатъ его. Въ лѣта силы и здоровья его закаркалъ могильный воронъ на кровлѣ нашего дома; и сбылось скоро черное предвѣщаніе. За нимъ вслѣдъ шли и другія. Ежедневными гостями отца моего сдѣлались Федоръ Никитичъ Еллинскій и Василій Сергѣичъ Комлишинскій; одинъ вольнопрактикующій докторъ, другой профессоръ университета. Утромъ и вечеромъ они бывали у насъ и засиживались по нѣскольку часовъ. Ни я, ни братъ въ это время не входили въ кабинетъ безъ зову, и то только для полученія приказаній. Посѣщенія ихъ были зловѣщи;

отецъ день отъ дня становился задумчивѣй и грустнѣй, падалъ духомъ, ходилъ повѣся голову. Насъ мучило предчувствіе, мы ждали чего-то страшнаго, не могли ничѣмъ развлечься и безъ видимой причины плакали навзрыдъ. Мѣсяца два продолжалось такое непонятное состояніе нашего духа; но вотъ заболѣлъ отецъ и заболѣлъ тяжело. Врачемъ его постоянно былъ тотъ же Еллинскій. Видя безполезность его рецептовъ, мы отважились умолять отца пригласить другого доктора, изумился мученикъ просьбѣ плачущихъ дѣтей, но согласился и черезъ жившаго у насъ студента И. И. Савина былъ приглашенъ достойнѣйшій профессоръ и докторъ Иванъ Дмитріевичъ Книгинъ. Но было уже поздно: при второмъ визитѣ, въ одинъ и тотъ же день, онъ предложилъ созвать консиліумъ и послать за духовникомъ. То и другое немедленно исполнено тѣмъ же Савинымъ. Теперь уже не темное предчувствіе, а ясное сознаніе грозящей бѣды и видимо неотвратимой заставляло насъ плакать. Сидя поочередно съ братомъ надъ страдальцемъ, мы заливались слезами, подавая лѣкарство; дыханіе его слабѣло, прерывалось. Силы оставляли больного; онъ гасъ, какъ гаснетъ догорающая свѣча. Давно онъ ничего не ѣлъ и уже съ трудомъ глоталъ лекарство, и безъ посторонней помощи не могъ шевельнуться.

Превосходный изъ соборныхъ священниковъ, протоіерей Андрей Прокоповичъ, всегдашній духовникъ нашей семьи, восторженно любимый нами, навѣщалъ безнадежно больного въ предсмертные дни и вливалъ въ него утѣшеніе вѣры. При всемъ изнеможеніи, больной ловилъ слова своего мудраго утѣшителя, онъ насыщалъ себя его бесѣдой, запасался въ дальній путь его наставленіями. Я весь тогда превращался въ слухъ, и теперь еще помню его слова, сказанныя въ предпослѣднее посѣщеніе. „Смерти нечего бояться, ея нѣтъ и быть не можетъ,—говорилъ Прокоповичъ: живъ Творецъ нашъ, должны быть живыми и мы. Рожденіе наше есть путь ко гробу; гробъ—колыбель, въ которой тѣло проспитъ долго и безсмертной душѣ привидятся сладкіе сны и, по милосердію вѣчнаго Бога, она призовется къ дѣйствительной жизни, и жизнь ея освѣтитъ Спаситель міра. Здѣшняя смерть наша есть наше счастье, потому что съ нею прекращается ноша креста и начнется жизнь небесная. Никакіе грѣхи не отлучатъ отъ Искупителя, не лишатъ блаженства безсмертія. Вѣра во Христа углаживаетъ тернистую тропу нашей земной жизни, а убѣжденіе въ милосердіи, Его ведетъ насъ въ царствіе небесное. Убѣждайтесь, Гавріилъ Петровичъ, убѣждайте свой разумъ въ милосердіи Сына Божія, и смѣло, съ полной надеждой, зовите Іисуса Христа. Онъ уже близь васъ.... зовите же Его всей силой души зовите!...“ Слеза за слезой выкатывались изъ потухающихъ глазъ уми-

рающаго, и онъ съ улыбкой усиливался призывать имя Спасителя. Добродѣтельный пастырь горячо молился и благословлялъ умирающаго, самъ заливаясь слезами. Наступило 2-е мая 1820 года. Ярко блестѣло солнце; ароматенъ былъ майскій Харьковскій день. Но не для насъ красовалось солнце, не для насъ разливался ароматъ въ воздухѣ: мы стояли у постели умирающаго отца.... Безмолвно, едва движимой рукой благословлялъ онъ каждаго изъ насъ подносимымъ образомъ, и въ ту же минуту закрывалъ глаза. Сестра и мужъ ея были съ нами. Черезъ пять минутъ онъ тихо, безъ содроганія уснулъ на вѣки....

Полиція и многіе изъ университетскихъ, часа за два, до катастрофы, группировались на площади и у подъѣзда дома. Въ данную минуту все хлынуло въ домъ и густо наполнило комнаты.

Похороны совершались съ обычной церемоніей. Университетъ выдалъ деньги на погребеніе; дома же оказалось всего-на-всего не болѣе двадцати рублей ассигнаціями и мѣдью. По возвращеніи съ кладбища, намъ сказали о назначеніи опекунами предсмертныхъ друзей (?) покойника: Еллинскаго и Комлишинскаго. Въ этотъ же день они осмотрѣли, а на утро описали все имущество. Въ кладовыхъ оказалось немного бѣлья, старое платье и пустые сундуки, въ кабинетѣ—книги и бумаги. Опекуны убрали въ большую связку много писемъ и разныхъ бумагъ и увезли съ собой. Зачѣмъ и по какому праву это сдѣлано ими, необъяснено; необъяснилось и то, какія были забраны ими бумаги. Домъ отворили, а ключи отъ пустыхъ сундуковъ, пустыхъ шкатулокъ и шкаповъ опекуны взяли къ себѣ. Прошелъ день. Меня перевезли на житье въ домъ опекуна Комлишинскаго, гдѣ я полгода бѣдствовалъ такъ ужасно, что принужденъ былъ оставить университетъ и очертя голову бросился въ невѣдуемую мнѣ ни мало военную службу. Домъ сначала отдали въ наймы, а потомъ продали; садъ тоже перешелъ къ новому владѣльцу. Я забылъ сказать, что Куницкіе уже жили въ своемъ собственномъ домѣ, купленномъ для нихъ отцомъ, незадолго до его болѣзни.

Куда дѣвались бумаги, захваченыя опекунами, и что въ нихъ было, я не знаю; но у насъ, (у меня и у сестры) не осталось ни однаго листка, написаннаго рукой отца, не осталось никакого документа и ни одного письма, писаннаго къ нему. Слѣдъ существованія этого ученаго человѣка уничтоженъ, и только его сочиненія и переводы, его имя въ спискѣ педагоговъ и слабыя воспоминанія новыхъ служителей науки о немъ, какъ объ ученомъ минувшаго полустолѣтія, свидѣтельствуютъ о Г. П. Успенскомъ. Библіотеку и минцъ-кабинетъ отца продали враздробь. Движимость и недвижимость его пошли въ чужія, неизвѣстныя руки. У меня отъ всего его имущества остался только портретъ его, очень вѣр-

но снятый. Назади портрета крупно написано печатнымъ шрифтомъ: „Императорскаго Харьковскаго университета заслуженный профессоръ и кавалеръ Гавріилъ Петровичъ Успенскій родился 8-го іюня 1765 году. (Внизу) Картина писана съ натуры въ августѣ мѣсяцѣ 1819 года, рисовальнымъ учителемъ при Орловской Губернской Гимназіи Григорьемъ Ивановымъ Корнѣевымъ".

Въ тридцатыхъ годахъ, бывши въ Харьковѣ, я поставилъ на могилѣ родителей деревянную колонну съ высѣченною надписью; сверху ея свѣтился посеребренный шаръ съ крестомъ; могилу оправилъ дерномъ. На другой день уже небыло на памятникѣ посеребрянного шара и креста. Съ тѣхъ поръ я не видалъ Харькова. Быть можетъ, дожди и вѣтры размыли и разнесли насыпь съ могилы ученаго мужа; быть можетъ, она давно занята другимъ жильцомъ и никому уже не придется увидать ее и поклониться ей! Оправдываются слова псалмопѣвца: „Человѣкъ—таже трава: жизнь его подобна полевому цвѣтку—отцвѣтетъ, развѣется вѣтромъ и никто не отыщетъ его мѣста!" [1]).

Таковъ былъ въ своей частной жизни Г. П. Успенскій, одинъ изъ наиболѣе выдающихся профессоровъ Харьковскаго Университета. Мы видимъ, что неблагопріятныя условія его семейнаго быта отразились самымъ рѣшительнымъ образомъ на его научной, преподавательской и административной дѣятельности и въ концѣ концовъ привели его къ преждевременной кончинѣ. Вообще можно сказать, что приведенныя воспоминанія рисуютъ намъ образъ одного изъ типичныхъ дѣятелей того времени, вводятъ насъ въ тогдашнюю университетскую жизнь и въ значительной степени восполняютъ наши свѣдѣнія о той эпохѣ. Безъ подобныхъ матеріаловъ мы не имѣли бы яснаго и отчетливаго представленія о дѣятеляхъ тогдашней университетской жизни.

Благопріятный отзывъ о Г. П. Успенскомъ дается и въ одномъ современномъ документѣ, опубликованномъ В. И. Срезневскимъ. „Характеръ сего человѣка, говорится тамъ, былъ неутомимая дѣятельность. По множеству должностей, имъ занимаемыхъ въ одно время, нельзя, казалось, не ожидать опущенія;—и однакоже Успенскій всегда былъ точенъ въ исполненіи должностей своихъ. Въ обращеніи онъ былъ благоразумно строгъ съ подчиненными и прямо по русски привѣтливъ съ равными себѣ. Онъ не былъ геніемъ ни въ какой части наукъ, но во всѣхъ показывалъ здравый умъ [2]).

Въ аналогичномъ документѣ находится слѣдующая характеристика И. Е. Срезневскаго. „И. Е. Срезневскій въ обхожденіи былъ съ važ-

[1]) Ворон. губ. вѣд. 1863 г. №№ 30—32.

[2]) Отчетъ о 45-мъ присужденіи наградъ графа Уварова СПБ. 1901, стр. 212.

ностью привѣтливъ, въ разговорахъ убѣждающъ и пріятенъ, въ чувствахъ и вѣрѣ истинный христіанинъ; образованію юношества посвящалъ себя болѣе по доброй склонности души своей, нежели по долгу; и потому многихъ сдѣлалъ признательными навсегда къ истиннымъ своимъ благодѣяніямъ. Онъ однакожъ доказалъ собою истину, превосходно изложенную въ его грамматикѣ критики и рѣчи о различіи дарованія въ людяхъ, что здоровое состояніе тѣла нашего есть необходимое условіе для совершенства душевныхъ талантовъ. Неумѣренныя занятія при самомъ началѣ его образованія посѣяли въ немъ сѣмя болѣзни; неудачная потомъ служба и разныя огорченія въ жизни произрастили это сѣмя до того, что онъ при концѣ жизни своей еще почти въ предѣлахъ мужества не только не могъ управлять ума своего, но и въ самыхъ приверженныхъ къ нему рождалъ горестное желаніе, чтобы разстроенное и изможденное тѣло его освободило отъ тяжкихъ узъ своихъ безсмертный духъ. Онъ скончался въ 1819 г. 12 сентября на 50-мъ году своей жизни; оставилъ послѣ себя жену и троихъ дѣтей, коимъ благодѣтельное правительство, опредѣлило въ награду 20 лѣтней службы его безбѣдное состояніе [1]).

Аттестаціи же учебнаго начальства не всегда совпадали съ дѣйствительными заслугами университетскихъ дѣятелей. Едва ли не самую блестящую аттестацію заслужилъ отъ попечителя проф. Пауловичъ—а между тѣмъ въ дѣйствительности это былъ и слабый профессоръ, и слабый ученый, и съ большими слабостями человѣкъ. Попечитель просилъ Министра о назначеніи ему кромѣ полной пенсіи еще денежной награды въ 5000 р. и чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника и въ своемъ представленіи о немъ писалъ: „объ отличномъ служеніи Пауловича неоднократно свидѣтельствовалъ я какъ бывшему Министру Народнаго Просвѣщенія, такъ и Вашему Высокопревосходительству, и предмѣстники мои равномѣрно свидѣтельствовали о томъ же. Рѣдкая и безпримѣрная (?) честность Пауловича извѣстна всѣмъ членамъ университета: онъ пользуется такой же репутаціей и у всѣхъ жителей г. Харькова и всѣми сословіями достойно уважаемъ. Неутомимость, усердіе и дѣятельность въ исправленіи обязанностей въ его преклонныя лѣта всегда были предметомъ удивленія; должность непремѣннаго засѣдателя Правленія столь многотрудная съ 1827 года по настоящее время неослабно, честно и благородно имъ была исполняема. Во время службы своей исполнялъ многія постороннія должности безъ всякаго вознагражденія“ [2])

---

[1]) Ibidem, стр. 215.

[2]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло поп. № 1943/126.

Сообщая о своемъ представленіи Пауловичу, Попечитель ему писалъ: „мнѣ остается съ прискорбіемъ о потерѣ для службы столь достойнаго и отличнаго профессора, каковымъ привыкъ признавать Васъ, изъявить вамъ за достохвальное, отличное и на истинномъ благородствѣ чувствъ основанное служеніе ваше, мою искреннюю благодарность, прося покорнѣйше не забывать того, который навсегда сохранитъ къ вамъ любовь и уваженіе и который дорого цѣнитъ вашу къ нему пріязнь и доброе расположеніе“ [1])

Пауловичъ при отставкѣ получилъ полную пенсію и чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

А въ извѣстныхъ намъ воспоминаніяхъ студента—современника г. Н. мы находимъ совсѣмъ иной отзывъ о Пауловичѣ.

„Много забавныхъ анекдотовъ говорится тамъ, сохранилось о Пауловичѣ, о его странностяхъ, тупоуміи и крайней разсѣянности; въ этихъ разсказахъ найдется, конечно, не малая доля вымысловъ, но всѣ они свидѣтельствуютъ о томъ, что какъ въ обществѣ, такъ и въ университетскомъ кругу Пауловичъ не пользовался особеннымъ уваженіемъ. По увольненіи своемъ изъ университета онъ продолжалъ службу при Харьковскомъ Институтѣ благородныхъ дѣвицъ, гдѣ въ должности члена Совѣта завѣдывалъ экономическою частью заведенія. Добившись чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника, Пауловичъ скоро потомъ оставилъ и эту службу. Уже въ преклонныхъ лѣтахъ отправился онъ заграницу, побывалъ въ Парижѣ и Лондонѣ и возвратился оттуда неузнаваемымъ щеголемъ и франтомъ. Его сѣдую голову украсилъ черноволосый завитой парикъ; такіе же черные бакенбарды, искусно прилаженные, стягивали морщины его старческаго лица. Все это, вмѣстѣ съ костюмомъ, сшитымъ по послѣдней модѣ, вызывало невольную улыбку, а иногда и колкія остроты надъ неумѣстными желаніями старца преобразиться въ юношу. Съ тѣхъ поръ Пауловичъ сталъ нерѣдко являться во всѣхъ частныхъ и общественныхъ собраніяхъ, и всѣ усилія его направлены были къ тому, чтобы втереться въ высшіе слои общества или въ кругъ такъ называемой мѣстной аристократіи, гдѣ, конечно, встрѣчали и провожали его только язвительными шутками и насмѣшками. Спустя два или три года, Пауловичъ снова собрался путешествовать, но отправился уже не на западъ, а на востокъ, не въ Европу, а въ Азію,—побывалъ въ Египтѣ и Палестинѣ. По возвращеніи оттуда, онъ напечаталъ записки о своемъ путешествіи; но изданіе это представляетъ не болѣе, какъ компиляцію изъ сочиненій другихъ туристовъ,

[1]) Ibidem.

изложенную при томъ тяжелымъ слогомъ, съ фразами и оборотами, несвойственными русскому языку, и весьма не занимательную по своему содержанію. На каждой страницѣ читатель приходитъ къ сознанію, что Пауловичъ говоритъ съ чужихъ словъ, о томъ, чего самъ не изслѣдовалъ и не наблюдалъ съ надлежащею точностью и внимательностью—чего, быть можетъ, даже и не видѣлъ. Изданіе Пауловича о его путешествіи осталось мертвымъ капиталомъ, не только залежавшимся у нашихъ книгопродавцевъ, но быть можетъ, уже и выброшеннымъ ими, по своей мертвечинѣ и затхлости; да едва ли и въ самую пору его появленія, нашелся хоть одинъ читатель, который имѣлъ-бы терпѣніе прочитать его отъ начала до конца".

„Замѣчанія о Лондонѣ" (1846 г.), „Замѣчанія объ Италіи" (1857 г.), „Замѣчанія объ Италіи и объ островахъ Сициліи и Мальтѣ, преимущественно же о Неаполѣ и окрестностяхъ его (1861 г.) составляютъ три объемистыхъ тома, изъ коихъ первый посвященъ Харьк. ген. губ. кн. Долгорукову, второй—Харьк. ген. губ. Кокошкину, третій—Харьковскому дворянству.

У профессора Гулака Артемовскаго *Н.* отмѣчаетъ стремленіе къ ораторскимъ пріемамъ и непомѣрное честолюбіе. „Никакихъ ученыхъ трудовъ, говоритъ онъ, профессоръ по себѣ не оставилъ, кромѣ нѣсколькихъ рѣчей, произнесенныхъ имъ при торжественныхъ актахъ и напечатанныхъ въ университетскихъ изданіяхъ. Впрочемъ профессоръ охотно говорилъ рѣчи и при разныхъ другихъ случаяхъ. Я помню одну изъ такихъ рѣчей, которую произнесъ онъ послѣ молебствія, которымъ сопровождалось у насъ ежегодно открытіе новаго учебнаго курса. Рѣчь эта произвела весьма хорошее впечатлѣніе на слушателей. Приведу здѣсь начало или вступленіе, сохранившееся въ моей памяти, чтобы познакомить читателей съ округленною періодическою рѣчью профессора, которую онъ такъ любилъ и которая иногда доходила у него до излишней высокопарности. Вотъ этотъ отрывокъ. „Благородные юноши! Подкрѣпивъ силы наши отдохновеніемъ, мы снова начинаемъ годичное поприще полезныхъ и мирныхъ занятій нашихъ и полагаемъ краеугольнымъ камнемъ ихъ теплыя молитвы къ Тому, безъ благодатной помощи Котораго никакія начинанія человѣческія не увѣнчиваются успѣхомъ. Симъ торжественнымъ дѣйствіемъ зависимости свидѣтельствуемъ мы, съ одной стороны, явное безсиліе нашей природы, съ другой—высокія надежды на благость Небеснаго промысла—надежды, неугасимыя въ душѣ смертнаго и часто претворяющія скудельныя изваянія бренныхъ рукъ человѣческихъ въ адамантовые памятники славы и безсмертія". Не помню дальнѣйшаго продолженія этой рѣчи, но вся она была написана въ такомъ же складѣ.

Артемовскому много вредила его административная дѣятельность. Какъ человѣкъ до крайности честолюбивый, онъ всю жизнь свою гонялся за почестями, чинами и знаками отличій. Кромѣ университета, онъ состоялъ на службѣ при Харьковскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ, въ должности члена, завѣдывающаго учебною частію. Каждый день, и иногда по нѣскольку разъ, посѣщалъ онъ это заведеніе".

„Профессоръ Дудровичъ, говоритъ Н., заслужилъ общее уваженіе не только своимъ преподаваніемъ, но и своею личностью, отличавшеюся высокимъ нравственнымъ характеромъ. Давно уже овдовѣвъ (едва ли не въ первой молодости) онъ велъ уединенную, почти отшельническую жизнь. Писатели всѣхъ вѣковъ и народовъ были лучшими его друзьями. Рѣдко являлся онъ въ обществѣ, и мы не знаемъ даже, кто изъ профессоровъ принадлежалъ къ числу его ближайшихъ друзей и пріятелей, хотя всѣ они относились къ нему съ особеннымъ уваженіемъ. Андрей Ивановичъ Дудровичъ былъ католикъ; но каждый воскресный день и праздникъ его можно было встрѣтить въ нашей православной церкви, гдѣ съ начала и до конца церковной службы не прекращалась и ни чѣмъ не развлекалась его благоговѣйная молитва. Католики еще не имѣли тогда въ Харьковѣ своей собственной церкви и, сколько мнѣ помнится, польскій ксензъ появился въ нашемъ городѣ весьма не задолго до смерти профес. Дудровича. Сперва онъ отправлялъ богослуженіе въ одномъ изъ частныхъ домовъ, и потомъ для католическаго костела отведено было помѣщеніе въ одномъ изъ университетскихъ зданій, которое занимаютъ теперь музей и кабинеты. Между профессорами и студентами университета было тогда немало католиковъ. Лѣтомъ, въ то время, когда мы готовились уже къ экзамену изъ естественнаго права, разнеслась вѣсть о тяжкой болѣзни профессора Дудровича. Онъ былъ тогда уже ректоромъ университета. Съ каждымъ днемъ положеніе больного дѣлалось все хуже и хуже. При одинокой жизни и недостаткѣ прислуги, нельзя было ожидать, конечно, надлежащаго ухода и присмотра за страдальцемъ, уже непокидавшимъ постели. Ближайшіе знакомые изъ профессоровъ и другихъ лицъ, навѣщавшихъ больного, а можетъ быть и медики, принимавшіе искреннее въ немъ участіе, убѣдили Андрея Ивановича переѣхать въ университетскую клинику. Но и здѣсь онъ не получилъ никакого облегченія; ничто не подавало надежды на его выздоровленіе. Говорили, что у больного съузилось горло до того, что онъ не могъ принимать никакой пищи и его кормили однимъ только молокомъ. Болѣзнь эту приписывали нѣкоторые пристрастію къ трубкѣ, которую въ прежнее время не выпускалъ онъ въ продолженіи цѣлаго дня. Въ доказательство того, какъ любили сту-

денты своего профессора и ректора и съ какимъ сочувствіемъ относились къ его болѣзни, приведу я замѣчательный фактъ. Когда вѣсть объ опасномъ и почти безнадежномъ положеніи больного разнеслась въ университетскихъ аудиторіяхъ, то вслѣдъ за тѣмъ въ одинъ изъ воскресныхъ дней, студенты всѣхъ факультетовъ явились въ городской соборъ и просили духовенство отслужить молебствіе о выздоровленіи заболѣвшаго. Трогательно было видѣть всю эту многочисленную сходку, молившуюся съ непритворнымъ благоговѣніемъ и усердными колѣно-преклоненіями. Сцена эта вызвала слезы у многихъ изъ присутствовавшихъ при богослуженіи. Но Богу не угодно было продлить жизнь страдальца и, спустя нѣсколько дней послѣ того, онъ скончался. Тѣло его было перенесено въ торжественный залъ университета, гдѣ устроенъ былъ католическій алтарь, богато и роскошно украшенный, а затѣмъ, въ день отпѣванія, совершены были заупокойная обѣдня и погребальный обрядъ. Не мало надгробныхъ рѣчей произнесено было надъ прахомъ усопшаго. Тѣло его сопровождали до могилы не только профессоры университета и студенты всѣхъ факультетовъ, но и воспитанники всѣхъ другихъ учебныхъ заведеній г. Харькова. Въ стройной процессіи участвовали также высшіе чины мѣстной администраціи и всѣ сограждане, которымъ усопшій болѣе или менѣе извѣстенъ былъ своею примѣрною жизнію. Впослѣдствіи, иждивеніемъ профессоровъ и студентовъ университета, на его могилѣ воздвигнутъ былъ скромный, но красивый памятникъ.

Придумали и эпитафію, которая подала однакожъ поводъ къ разногласіямъ. Одни предлагали написать: „такъ жилъ, какъ училъ"; а по мнѣнію другихъ, та же самая мысль была бы выражена еще сильнѣе въ надписи: „такъ училъ, какъ жилъ". Всѣ эти мелочи доказываютъ однакожъ, насколько дорога была для всѣхъ память объ усопшемъ. Не разъ впослѣдствіи посѣщалъ я его могилу на такъ называемомъ нѣмецкомъ кладбищѣ, общемъ для лютеранъ и католиковъ, но признаюсь не помню теперь—та ли, или другая надпись явилась на надгробномъ памятникѣ. Не даромъ распространился я такъ о незабвенномъ профессорѣ своемъ А. И. Дудровичѣ. Онъ принадлежалъ къ числу такихъ преподавателей, въ которыхъ большой недочетъ оказывался тогда въ Харьковскомъ университетѣ.

Въ этой характеристикѣ личность Дудровича несомнѣнно идеализирована. Въ первой главѣ настоящаго труда мы приводили факты, рисующіе Дудровича, какъ профессора—человѣка, съ отрицательной стороны. Будучи ученикомъ Шада, онъ примкнулъ къ новому мистическому направленію, проводившемуся сверху, и сдѣлался покорнымъ

орудіемъ въ рукахъ Карнѣевыхъ. Авторъ приведенныхъ выше воспоминаній не зналъ его съ этой стороны, ибо въ 1828 году, когда онъ вступилъ въ университетъ представителей мистицизма тамъ уже не было. Можно впрочемъ также предполагать, что свою личную жизнь А. И. Дудровичъ устроилъ такъ, что проповѣдь духовнаго начала, религіозно-нравственныхъ идей находилась тогда у него въ соотвѣтствіи съ нею. Этимъ объясняется и глубокое уваженіе, которое питала къ нему учащаяся молодежь.

Памятникъ, поставленный ему этою молодежью и профессорами на Нѣмецкомъ кладбищѣ, сохранился доселѣ. Онъ представляетъ изъ себя чугунное сооруженіе съ такими же колоннами; въ серединѣ его пустота и тамъ помѣщается чугунная ваза съ короной и иниціалами А. Д.

Ясно читаются слѣдующія надписи на памятникѣ на русскомъ языкѣ.

„Воздвигнутъ въ 1836 году на мѣстѣ, гдѣ покоятся смертные останки ректора Императорскаго Харьковскаго университета, философіи доктора, умозрительной и опытной философіи профессора, Колежскаго Совѣтника и кавалера Андрея Ивановича Дудровича, родившагося въ 1783 году, предавшаго, по совершеніи въ мірѣ земнаго поприща, духъ въ руцѣ Создателя своего 25 мая 1830 г. Иждивеніемъ его почитателей“.

Затѣмъ ниже: „*Жилъ такъ, какъ училъ*“.

По бокамъ: „Возжелѣніе премудрости возводитъ къ царству Вѣчному“;

Блаженни умирающіе о Господѣ; да почіютъ отъ трудовъ своихъ; дѣла ихъ ходятъ вслѣдъ съ ними“.

Во всякомъ случаѣ А. И. Дудровичъ выдѣлялся изъ среды другихъ тогдашнихъ профессоровъ нравственнымъ вліяніемъ своей личности на учащуюся молодежь.

Проф. А. Ѳ. Павловскій былъ также выдающеюся въ нравственномъ отношеніи личностью. По словамъ Чирикова „онъ отличался оригинальной прямотой и былъ уважаемъ за независимое и рѣзкое, всегда правдивое высказываніе своего мнѣнія. Этотъ чудакъ—философъ, погруженный въ свою математику, будучи назначенъ инспекторомъ студентовъ, не затруднился защитить ихъ отъ преслѣдованія за вольнодумство, въ чемъ и успѣлъ у попечителя Филатьева; а другой разъ, когда его защита не удалась, отказался отъ инспекторства“ [1]).

[1]) Харьковскій историческій архивъ. Рукописныя замѣтки Г. С. Чирикова о профессорахъ Харьк. университета.

О проф. Блументалѣ далъ прекрасный отзывъ его ученикъ по Харьковскому университету знаменитый лейбъ-медикъ Ф. С. Цыцуринъ пріѣхавшій въ 1876 г. въ Москву на 50-ти лѣтній юбилей своего бывшаго учителя. Онъ такъ обрисовалъ его характеръ. „А. И. Блументаль былъ превосходнымъ наставникомъ и любимѣйшимъ нашимъ профессоромъ. Отношенія наши къ нему были самые дружескія. Мы, студенты, почитали его какъ даровитаго профессора, и обожали, какъ гуманнаго и добрѣйшаго человѣка, всегда готоваго помогать намъ во всѣхъ нашихъ нуждахъ и нравственною, и матеріальною поддержкою" [1])

Добрую память о себѣ оставилъ и проф. Книгинъ. „Императорскій Харьковскій университетъ, говоритъ біографъ его проф. М. А. Поповъ, признавая громадную пользу, которую принесъ ему проф. Книгинъ своимъ трудомъ и преподаваніемъ въ теченіе его службы въ Харьковѣ, благодаря чему многіе изъ его учениковъ впослѣдствіи вышли отличными докторами и профессорами, избралъ его *единогласно* почетнымъ членомъ и по утвержденіи избранія высшимъ начальствомъ въ полномъ присутствіи Совѣта 31 августа 1829 года поднесъ ему на это званіе дипломъ". То же уваженіе къ нему ярко обнаружилось и на похоронахъ (въ 1830 г.). Надобно было видѣть, говоритъ корреспондентъ „Сѣверной Пчелы", искренее участіе въ отданіи послѣдняго *долга* при погребеніи Книгина, участіе, съ коимъ сопровождали его тѣло до кладбища жители всѣхъ сословій горсда Харькова, чтобы судить, до *какой* степени любимъ и уважаемъ былъ здѣсь И. Д. Книгинъ. При жизни часто скрываются, по различнымъ обстоятельствамъ, наши чувства даже и къ великимъ людамъ; смерть обнаруживаетъ ихъ—и достойному воздается достойная честь" [2]).

Проф. Ванноти пользовался повидимому общимъ уваженіемъ при жизни, какъ университетскій дѣятель, и это уваженіе нашло себѣ выраженіе въ некрологахъ, вызванныхъ его кончиною. Мы остановимся поэтому подробно на содержаніи этихъ некрологовъ, тѣмъ болѣе что они дадутъ намъ вмѣстѣ съ тѣмъ *общее понятіе* о надгробныхъ рѣчахъ того времени. Конечно, при этомъ необходимо имѣть въ виду, что laudationes funebres нерѣдко заключаютъ въ себѣ субъективный элементъ. Проф. Архангельскій напечаталъ „Жизнеописаніе Я. О. Ванноти, гдѣ между прочимъ говоритъ. „Послѣдуя за симъ почтеннымъ мужемъ въ его общественной ученой и домашней жизни, видимъ въ немъ примѣрнаго человѣка. Какъ гражданинъ, онъ свято соблюдалъ

[2]) Тоже и тамъ же съ ссылкою на ст. газ. „Новое Время" 1879 г. № 1075, 25-го февраля.

[3]) Зап. Имп. Харьк. универ., 1900, 2-я стр. 38—39.

всѣ обязанности къ начальству, къ своимъ сочленамъ и къ низшимъ, руководствуясь во всѣхъ своихъ поступкахъ строгими правилами нравственности, съ отмѣнною ревностью проходилъ онъ званіе свое, не побуждаясь къ тому ожиданіемъ особеннаго возмездія. Ни болѣзненное его состояніе само по себѣ, ни присоединившіяся къ тому убѣжденія страшившейся за жизнь его нѣжной супруги и совѣты его доброжелателей не могли удерживать его стремленія къ исполненію должности, какъ скоро онъ чувствовалъ себя хотя нѣсколько къ тому способнымъ. Такъ онъ съ послѣднимъ напряженіемъ силъ явился въ средѣ ораторовъ въ торжественномъ Собраніи университета [1]). Въ совѣщаніяхъ общественныхъ, сохраняя надлежащее уваженіе и доброе расположеніе къ своимъ сочленамъ, подавалъ мнѣнія, одною справедливостью внушенныя, сопровождая ихъ кротостью и человѣколюбіемъ. Языкъ его никогда не изрекалъ жестокаго приговора; изъ устъ его не вылетѣло ни одного слова, обиднаго для чести ближняго; руки его не осквернены принятіемъ неправедной корысти. Дѣланіе добра другимъ было его утѣхою. Какъ врачъ, помогая другимъ въ болѣзняхъ, являлъ рѣдкое безкорыстіе. Къ сожалѣнію многихъ, собственная его долговременная болѣзнь лишила ихъ столь безопаснаго врачевателя. Въ обращеніи любезная простота и пріятность растворяла бесѣды его; добросердечіе его, сіявшее въ его взорахъ, изливалось со словами изъ устъ его.

Взирая на него какъ на ученаго человѣка, находимъ въ немъ счастливое, столь многожелаемое соединеніе доброты сердца съ превосходствомъ дарованій. Такое соединеніе тѣмъ болѣе драгоцѣнно въ глазахъ нашихъ, чѣмъ чаще случается намъ видѣть блестящія способности, какъ острый мечъ въ рукахъ умоизступленнаго. Обширность его свѣдѣній равнялась съ превосходствомъ его дарованій, не не могла положить предѣла его прилежанію къ наукамъ. Что я говорю? Самыя мученія болѣзни не удерживали его отъ ученыхъ занятій: часто глубокая полночь застигала его въ безмолвной съ музами бесѣдѣ; читая какое либо хорошее сочиненіе, удовлетворявшее его просвѣщенному

[1]) Въ самомъ дѣлѣ: достойно даже удивленія то, что онъ, имѣвъ и въ здоровомъ состояніи весьма тихій голосъ, взялъ на себя произнести рѣчь въ торжественномъ Собраніи университета, едва имѣя слова къ обыкновенному разговору. Когда онъ по причинѣ болѣзни своей не могъ самъ писать свою рѣчь, то, лежа въ постели, диктовалъ; а за писаря служила ему добродѣтельная его любившая и имъ любимая подруга. Преодолѣвъ съ неимовѣрными усиліями всѣ затрудненія со стороны болѣзни при сочиненіи рѣчи, предлежало ему еще затрудненіе со стороны слабости голоса—и онъ нѣсколько дней передъ сказываніемъ рѣчи носилъ на горлѣ пластырь. И въ семъ успѣлъ такъ, что сверхъ чаянія всѣхъ знавшихъ его произнесъ рѣчь довольно длинную очень явственно и довольно громко, но чего стоило ему такое напряженіе?

вкусу, онъ радовался во страданіяхъ своихъ. Такъ сладостны науки для тѣхъ, которые получили къ нимъ вкусъ. Рано приключившаяся болѣзнь не дала ему времени отличиться искусствомъ врачеванія въ здѣшнемъ краѣ. Но онъ не менѣе того отличался въ леченіи самого себя. Болѣе 9 лѣтъ тому назадъ, какъ одинъ изъ первыхъ здѣшнихъ докторовъ, знавшій его болѣзнь, предсказывалъ ему смерть черезъ два часа; но нашъ страдалецъ, къ удивленію всѣхъ, разными средствами поддерживалъ свою жизнь до сего времени. Къ чести его дарованій и, думаю, благоразумія отнести должно и то, что онъ въ короткое время успѣлъ въ русскомъ языкѣ столько, что могъ имъ правильно говорить и писать, въ чемъ превзошелъ почти всѣхъ здѣшнихъ подобныхъ ему иноземцевъ. Но что всего болѣе возвышаетъ цѣну любознанія и привлекаетъ уваженіе къ великимъ свѣдѣніямъ, то это чистая, не сжигаемая тщеславіемъ любовь къ наукамъ, то это прелестная скромность не терпящая ни малѣйшаго самохвальства, тѣмъ болѣе всемѣрнаго, хотя и со вредомъ чести сверстниковъ сопряженнаго, выставленія своихъ свѣдѣній. Съ такимъ благороднымъ чувствомъ умножилъ и такимъ отличіемъ украсилъ свои знанія Ванноти. Принявъ во вниманіе его неискательность славы, долговременную болѣзнь и недостатокъ способовъ, легко простимъ умершему то, что онъ при такихъ дарованіяхъ и свѣдѣніяхъ, немного издалъ въ свѣтъ своихъ сочиненій. Впрочемъ малочисленность ихъ замѣняется великою пользою, какую изъ нихъ извлечь можно... Что касается до изустныхъ его наставленій, то они были совершено удовлетворительны; методъ его былъ основателенъ и легокъ; изложеніе естественно и ясно; языкъ чистъ и плавенъ.

Такими безцѣнными качествами сердца и ума онъ привлекъ себѣ ото всѣхъ любовь и уваженіе, которыя сопровождали его до самой могилы.

Весьма справедливо замѣчаніе, что дабы узнать человѣка, каковъ онъ есть по своей природѣ, надобно смотрѣть въ домашней его жизни... Достойно уважаемый нами мужъ велъ себя въ обществѣ какъ дома и дома какъ въ обществѣ—вездѣ подобенъ самому себѣ. Добрымъ не казался только, но былъ, супругъ—самый нѣжный, отецъ—до крайности чадолюбивый, хозяинъ—благоразумный, господинъ—милостивый.

Смерть его была смерть праведника. Онъ умеръ такъ тихо, что стоявшая подлѣ него супруга, съ нимъ спокойно разговаривавшая, того не примѣтила; умеръ, какъ уснулъ. (2 февраля 1819 г. на 46-мъ году жизни). Нелестное уваженіе къ нему засвидѣтельствовано было при его погребеніи. Члены университета собрались на другой день въ его домъ—тамъ совершенъ былъ надъ нимъ священный обрядъ отходя-

щимъ отъ міра сего. Студенты, движимые одною благодарностью къ наставнику ихъ и благонравіемъ своимъ, испросили позволеніе нести тѣло покойнаго на плечахъ до самой могилы—болѣе 2-хъ верстъ. Ни холодъ—необыкновенный въ здѣшнихъ мѣстахъ, ни увѣщанія начальника университета и профессоровъ медицины не могли отклонить ихъ отъ этого усердія; въ однихъ мундирахъ несли они гробъ въ сопровожденіи погребальной колесницы своими руками, и, проливая искреннія слезы сожалѣнія, опустили бренные останки покойнаго въ землю. При такомъ усердіи всякая погребальная церемонія, сколь бы ни пышна была, теряетъ цѣну и не стоитъ описанія".

Приведенное „жизнеописаніе" отличается, какъ мы видимъ, богатствомъ фактическаго содержанія и рисуетъ намъ типъ профессора, не выдѣлявшагося изъ общаго уровня своей среды въ научномъ отношеніи, но преданнаго своей наукѣ, добросовѣстно относившагося къ своимъ преподавательскимъ обязанностямъ, а главное безупречно честнаго человѣка съ добрымъ сердцемъ и деликатнымъ характеромъ. Онъ принадлежалъ къ тѣмъ немногимъ профессорамъ иностранцамъ, которые усвоили себѣ русскую рѣчь и вошли въ интересы русской общественной жизни. Всѣ повидимому и любили этого кроткаго, мягкаго, больного человѣка—его товарищи и чуткая къ добру молодежь.

Рѣчь при погребеніи говорилъ Филомафитскій и она въ противоположность „жизнеописанію" мало содержательна, ибо имѣетъ предметомъ своимъ назиданіе. Здѣсь проводится мысль, что въ больномъ, слабомъ тѣлѣ почившаго былъ великій, бодрый духъ. „Болѣзнь истощала физическое бытіе его, кажется, самымъ лютымъ образомъ; но кто видалъ уныніе или скорбь на блѣдномъ лицѣ его? Не сопровождала ли улыбка внутренняго спокойствія голосъ его, едва, едва отъ истощенія силъ слышимый? Былъ ли онъ виновенъ въ опущеніи должности, хотя даже нерѣдко напоминали ему о необходимомъ отдыхѣ? Примѣтенъ ли былъ когда нибудь въ немъ образъ мрачныхъ, всѣмъ недовольныхъ мыслей, необходимый почти у всѣхъ спутникъ болѣзней? Употреблялъ ли онъ дарованія ума своего на что нибудь другое, кромѣ образованія юношества, его части ввѣреннаго? Въ совѣтахъ вашихъ, подавая голосъ, уклонился ли онъ отъ пути чести и правды?"

Въ заключеніе Филомафитскій высказывалъ желаніе, чтобы правительство обезпечило семью того, „который изъ отдаленныхъ предѣловъ отчизны своей принесъ съ собою дарованія свои въ Россію и во всю жизнь употреблялъ ихъ на образованіе юношества и, можетъ быть, пожертвовалъ первымъ на землѣ благомъ—своимъ здоровьемъ—образованію другихъ".

Нельзя не порадоваться, что справедливая, беспристрастная оцѣнка заслугъ иностранца нашла себѣ такое яркое и полное выраженіе въ русской профессорской средѣ. Ванноти былъ уже одинъ изъ немногихъ профессоровъ, вызванныхъ изъ заграницы при основаніи Харьковскаго университета и оставшихся въ составѣ тогдашней профессорской коллегіи.

Третій некрологъ имѣетъ стихотворную форму и принадлежитъ Райдаровскому. Вотъ его текстъ.

„И съ тобой мы разлучилися,
Мужъ, достойный вѣчной памяти!
И съ тобою не увидимся,
Не разставшись прежде съ міромъ симъ!
Пусть жестока смерть взяла отъ насъ
Прахъ твой бренный; но сильна ль она
Вмѣстѣ съ тѣломъ умертвить твой духъ?
Солнце правды невечернія!
Неужели смерть, смерть лютая,
Перервавши жизни нить его,
Прекратила и достоинства,
Украшавшія стезю его
Въ мірѣ семъ печальномъ, горестномъ?
Нѣтъ! любитель правды—доблести
На всегда въ душѣ признательной
Сохранитъ воспоминаніе
О тебѣ, отшедшій въ лучшій свѣтъ!
Нѣтъ! Друзья тобой любимые
Не престанутъ изъ юдоли сей
Воззывать къ тебѣ и въ горняя,
Прославляя твою вѣрность къ нимъ!
Нѣтъ! товарищи, съ которыми
Ты служилъ жрецомъ во храмѣ музъ,
Не забудутъ никогда тебя.
Чтожъ скажу я о тѣхъ юношахъ,
Кои, пробудясь на утріе,
Притекутъ, чтобъ вопросить тебя
О своихъ недоумѣніяхъ?
Притекутъ, но съ сокрушеніемъ
Узрятъ, что уста, вѣщавшія,
Гдѣ сокровище познаній ихъ,
Не промолвятъ ни полъ слова къ нимъ!

Зри ихъ горесть ты сердечную
Кромѣ сей душевной дани ихъ
Ничего не принесутъ тебѣ.
Но и симъ ли облегчатъ они
Скорбь души осиротѣвшія?
Стонъ супруги, плачъ дѣтей твоихъ
Безпрестанно будетъ имъ твердить:
Кто образовалъ вашъ юный умъ,
Тотъ содѣлалъ васъ несчастными
Преждевременной кончиною" [1]).

Какъ видимъ отсюда, это чистая проза въ стихахъ, лишенная художественнаго значенія и искренняго чувства.

Въ томъ же 1819-мъ году умеръ другой профессоръ медицинскаго факультета и также иностранецъ по происхожденію Дрейсигъ. И его нравственныя черты, по некрологамъ, выступаютъ въ благопріятномъ свѣтѣ. Онъ скончался отъ нервной горячки (обычная болѣзнь въ тогдашнемъ Харьковѣ), а до того времени пользовался хорошимъ здоровьемъ, велъ умѣренную и нравственную жизнь. „Онъ былъ медикъ и если не снискалъ громкой славы своимъ лѣченіемъ, то пріобрѣлъ любовь и незабвенную память своимъ добродушіемъ, безкорыстіемъ. Богатый и бѣдный равно находили въ немъ помощь и утѣшеніе. Ни глухая полночь, ни самое ненастное время не удерживали его отъ человѣколюбивой должности—посѣщать больныхъ. Если кому не могъ дать врачебной помощи, то усердіемъ и утѣшеніемъ заставлялъ позабывать о болѣзни. Къ сожалѣнію, онъ худо зналъ русскій языкъ—и это можетъ быть было причиною, что въ лѣченіяхъ своихъ не имѣлъ онъ обширной практики. Что-жъ касается до познаній его, какъ профессора медицины, то по признанію его товарищей, университетъ не скоро будетъ имѣть ему равнаго. Погребеніе его сопутствуемо было всѣмъ городомъ, всѣми состояніями, всѣми званіями. Одинъ 80-лѣтній старикъ, не выходившій изъ дому нѣсколько лѣтъ вышелъ проводить тѣло медика, его пользовавшаго, и въ горести истинной желалъ себѣ смерти— лишь бы остался живъ благодѣтель страждущаго отъ тѣлесныхъ недуговъ человѣчества. Всѣ чиновники университета присутствовали при его погребеніи, а медицинскіе студенты не отходили изъ дому его въ продолженіе трехъ послѣднихъ дней его жизни".

Проф. Архангельскій произнесъ надгробную рѣчь, въ заключеніе которой, обращаясь ко вдовѣ почившаго, сказалъ: „мы всѣ—весь градъ

---

[1]) Украинскій Вѣстникъ 1819 г. февраль, стр. 226—238, 221—228, 217—219.

сей, вся сія страна, раздѣляемъ съ тобой печаль твою; мы въ полной мѣрѣ чувствуемъ, коль ты несчастна! Но да облегчится печаль твоя общею печалью; да утѣшишься ты искреннимъ о тебѣ сожалѣніемъ. Ты лишилась друга, но усердныя молитвы облагодѣтельствованныхъ имъ низведутъ на тебя благословеніе и покровъ Небеснаго Отца за нѣжную твою супружескую любовь. Онъ умеръ, но память о немъ вѣчно жить будетъ въ благодарныхъ душахъ нашихъ. Отъ рода въ родъ передавать будемъ достопамятное имя его. Посѣщая гробъ его, будемъ напоминать о немъ дѣтямъ нашимъ, скажемъ имъ: здѣсь хранится драгоцѣнный прахъ добродѣтельнаго человѣка, прахъ друга нашего, благодѣтеля нашего, спасителя жизни нашей; оросимъ слезами могилу его—и дѣти наши украсятъ ее цвѣтами. Таковъ пребудетъ памятникъ твой, о мужъ безсмертный!" [1])

Въ томъ же 1819 году умерло еще и двое профессоровъ русскаго происхожденія—Каменскій и Гонорскій.

Первый умеръ въ Кіевѣ также отъ нервной горячки. Некрологъ отмѣчаетъ его разнообразную кромѣ профессуры служебную дѣятельность въ университетѣ (былъ секретаремъ Совѣта, инспекторомъ казеннокоштныхъ студентовъ, членомъ училищнаго комитета, визитаторомъ и непремѣннымъ засѣдателемъ въ Правленіи). Повидимому это былъ типъ искуснаго практическаго дѣятеля. Таковымъ онъ былъ уже и въ Казани, гдѣ началась и преждевременно прервалась его профессорская служба, соединявшаяся также съ хозяйственною дѣятельностью [2]). Былъ также членомъ трехъ ученыхъ обществъ. Но въ особенную заслугу некрологъ ставитъ ему воспитаніе его собственныхъ дѣтей: старшая дочь его помѣщала свои произведенія на страницахъ „Украинскаго Вѣстника", старшій сынъ окончилъ университетъ [3]). О Раз. Тим. Гонорскомъ въ рѣчи, составленной Борзенковымъ, говорится слѣдующее. Страсть къ наукамъ, въ особенности языкамъ и изящной словесности надрывала его здоровье, но горесть о потерѣ его усугубляется также тѣмъ, что у него были превосходныя нравственныя качества; любезность характера, скромность въ обращеніи, *уваженіе къ начальству*, нѣжность въ дружбѣ и привязанность къ родственникамъ, однимъ словомъ, чистота души и невинность нравовъ [4]).

Полную противоположность представлялъ Паки де-Совиньи, о которомъ ходило много анекдотовъ у современниковъ и который былъ общимъ посмѣшищемъ у молодежи.

---

[1]) Укр. Вѣстникъ 1819 г., іюль, стр. 97—102.
[2]) Н. Булича. Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго универ. I. К. 1887 г., стр. 146—161.
[3]) Укр. Вѣст. 1819-й, августъ, 239—240.
[4]) Укр. Вѣстникъ 1819-й годъ, августъ, 240—244.

Ф. О. Рейгардтъ въ своихъ воспоминаніяхъ разсказываетъ о немъ слѣдующее. „Было ему лѣтъ подъ 60, худощавый, ростомъ 2 арш. 12 вер.; выступалъ прямо, какъ аршинъ проглотилъ, величаво и медленно. Вздумалъ онъ жениться и по публикаціи его въ Парижскихъ газетахъ о желаніи въ соотечественницѣ найти подругу жизни, на вызовъ его пріѣзжаетъ алчущая любви много лѣтъ m-lle Laure, росту не полныхъ $1^1/_2$ арш., съ предлиннымъ сгорбленнымъ носомъ. Обрядъ вѣнчанія русское духовенство—католическаго еще не было въ Харьковѣ—не соглашалось совершить, но одинъ догадливый батюшка, чтобы не упустить предложенный хорошій кушъ, согласился, поставивъ ихъ въ парѣ, прочитать молебенъ о здравіи его Совиньи и дѣвицы Лавры. Изъ всего молебна они только и поняли нѣсколько разъ повторенныя ихъ имена и были вполнѣ довольны и съ благодарностію приняли поздравленія батюшки и пожеланія имъ добраго здоровья. Любо было видѣть эту вполнѣ другъ другомъ довольную счастливую чету. Трогательно было даже видѣть ихъ торжественно шествующихъ по улицамъ всегда подъ ручку; она въ широчайшей соломенной шляпѣ, осѣняющей ея улыбающуюся сладостно физіономію, вмѣсто мантіи окутанную турецкою пестрою шалью, связанною на шеѣ маленькимъ платочкомъ. Она быстро семенила маленькими ножками и подпрыгивала, чтобы поспѣть за журавлинымъ шагомъ своего супруга, съ гордостью выступающаго въ жилетѣ, сшитомъ собственными руками его chère Laure изъ разноцвѣтныхъ лоскутковъ, въ родѣ старинныхъ одѣялъ, и даже лѣтомъ окутаннаго шерстянымъ шарфомъ, вывязаннымъ несравненной подругой жизни“.

Конечно, во всемъ этомъ не было еще ничего дурного — были только забавныя странности, по всей вѣроятности, преувеличенныя современниками. Можно сомнѣваться, напримѣръ, чтобы Паки де-Совиньи дѣйствительно принялъ молебенъ за вѣнчальный ритуалъ.

Гораздо болѣе серьезное значеніе имѣетъ вполнѣ пренебрежительное отношеніе къ нему студентовъ, съумѣвшихъ правильно оцѣнить его вольнодумство.

„Однажды на каѳедрѣ онъ, говоритъ Ф. О. Рейгардтъ, разсказывая о своемъ chère patrie, вздумалъ доказывать разницу въ оцѣнкѣ заслугъ человѣка En France et en Russie. Въ послѣдней она, по его мнѣнію, выказывается чинами, а не личнымъ достоинствомъ. En Russie, говоритъ онъ, уже по наружному виду, осанкѣ и тону можно догадаться о высокомъ или маломъ чинѣ каждаго человѣка. Это свое мнѣніе онъ начинаетъ доказывать такъ: сначала начинаетъ говорить самымъ тихимъ, униженнымъ голосомъ, въ то же время едва поднимая изъ за каѳедры голову—это губернскій Secretaire. Затѣмъ голосъ нѣсколько

повышается, голова приподнимается—коллежскій Secretaire; титулярный совѣтникъ, колежскій ассесоръ изображается такъ, что онъ привстаетъ и поднимаетъ на нѣсколько нотъ голосъ, затѣмъ онъ встаетъ, подымаетъ голову, выпрямляется, все повышая голосъ постепенно при статскомъ и дѣйствительномъ статскомъ совѣтникѣ; наконецъ, тайный совѣтникъ задираетъ голову совсѣмъ назадъ и произносится названіе этого чина самымъ грубымъ, повелительнымъ голосомъ. Каждый чинъ акомпанируется подобающею ему миною подобострастія или горделиваго сознанія своего достоинства". Въ то время въ Россіи дѣйствительно доходило до смѣшного увлеченіе чинами; Паки де-Совиньи могъ осмѣивать это увлеченіе; но онъ это дѣлалъ въ такой шутовской формѣ, которая вызывала смѣхъ не только надъ осмѣиваемымъ имъ явленіемъ, но и надъ нимъ самимъ.

„Одного только не могъ себѣ, до самаго выхода въ отставку, онъ объяснить, говоритъ Ф. О. Рейгардтъ, почему всякій разъ, когда онъ входилъ въ аудиторію, заставалъ онъ на доскѣ мѣломъ нарисованную свинью съ задравшимъ въ крендель хвостомъ — и благо ему!" Однажды студентъ объяснилъ ему это, какъ наглядное поясненіе лекціи зоологіи—и онъ удовлетворился этимъ" [1]).

У Паки де-Совиньи, по свидѣтельству Н. И. Костомарова, частные уроки имѣли видъ правильно организованнаго беззастѣнчиваго взяточничества, хорошо извѣстнаго и остальнымъ товарищамъ его по факультету, на которыхъ, такимъ образомъ, ложится тѣнь въ попустительствѣ. „Такъ какъ этотъ наставникъ, говоритъ Н. И. Костомаровъ, по старому обыкновенію своему не преподавалъ никакой науки, а только либеральничалъ въ аудиторіи, то трудно было кому бы то ни было сдавать экзаменъ изъ преподаваемаго имъ предмета. *Заведено было*, что предъ экзаменомъ студенты ходили къ нему на домъ брать „лесоны" и платили за каждый по красненькой (10 р. асс.); и я отправился къ нему брать лесонъ. Профессоръ даетъ мнѣ свою собственную исторію литературы и заставляетъ меня прочитать одну страничку, гдѣ помѣщалась рубрика „De la litterature francaise Sous Henri IV". Я прочелъ и далъ ему красненькую. „Bien, monsieur; vous aurez *optime*". Но я замѣтилъ ему, что „optime" для меня мало, что для меня нужно „eminenter", потому что если я получу изъ нѣсколькихъ предметовъ optime (optime—очень хорошо, eminenter—превосходно), то мнѣ не дадутъ степени кандидата; я же не надѣялся получить eminenter изъ греческаго языка. Профессоръ на это сказалъ: pour l'eminenter il faut prendre encore une

---

[1]) Харьковскій Сборникъ, вып. 1-й, стр. 27—28.

leçon". Я далъ ему еще одну красненькую. Паки де-Совиньи заставилъ меня прочесть тоже самое, что я только что читалъ, и обѣщалъ поставить eminenter; но когда я пришелъ на экзаменъ и былъ вызванъ, Паки де-Совиньи перепуталъ мою фамилію съ фамиліею другого студента и спросилъ меня „De la litterature francaise en général". Я пріостановился, а профессора, члены факультета, *знавшіе продѣлки француза*, поняли въ чемъ дѣло и начали закрывать себѣ рты отъ смѣха. Студенты, сидѣвшіе на скамьѣ сзади меня, также смѣялись. Наконецъ, постоявши немного молча, я началъ говорить ему заданный мнѣ условно урокъ о литературѣ при Генрихѣ IV. Паки де-Совиньи, какъ видно не догадываясь, остановилъ меня и замѣтилъ, что я говорю не то; я не обращая вниманія, продолжаю заученное и въ заключеніе профессоръ хотѣлъ писать мнѣ optime, но деканъ факультета, *знавшій все это*, шепнулъ ему на ухо, и французъ только тогда понялъ свою ошибку и записалъ мнѣ eminenter, насмѣшивши и профессоровъ и студентовъ"[1]).

Въ виду предстоявшаго въ Кіевѣ открытія университета Св. Владиміра туда устремились нѣкоторые изъ профессоровъ Харьковскаго университета. Мы знаемъ уже, что въ Кіевъ долженъ былъ перейти Н. И. Еллинскій. Теперь, благодаря письмамъ, адресованнымъ къ состоявшему при попечителѣ Кіевскаго учебнаго округа чиновникомъ Зимовскому, мы узнаемъ подробности о переходѣ туда Даниловича и Цыха. Такъ какъ въ письмахъ этихъ содержатся кое какія данныя о личности названныхъ профессоровъ, то мы въ примѣчаніяхъ воспроизводимъ текстъ ихъ. Здѣсь же только замѣтимъ, что особенно характерны письма экспансивнаго Цыха, который вылился въ нихъ, со страннымъ смѣшеніемъ положительныхъ и отрицательныхъ чертъ. Ему и жаль разставаться съ Харьковомъ, но здѣсь же онъ прибавляетъ, что жалѣть ему приходится только о нѣсколькихъ друзьяхъ, а не о Харьковскомъ обществѣ. Онъ очень заинтересованъ богатствомъ библіотеки Кіевскаго университета, но въ тоже время говоритъ, что готовъ читать свой предметъ, съ какой угодно точки зрѣнія и т. п. [2]). Любопытно и сознаніе

---

[1]) Литературное наслѣдіе. Спб., 1890, стр. 25–26.

[2]) Зимовскому Цыхъ писалъ такъ.

„Я получилъ письмо Ваше, въ которомъ сообщаете мнѣ о желаніи Егора Өедоровича имѣть меня въ числѣ профессоровъ университета Св. Владиміра.—Знаю, что я обязанъ этимъ Вамъ, ибо самому Е. Ө. лично я неизвѣстенъ и никто, кромѣ Васъ, не могъ рекомендовать меня ему. Вы меня чувствительно обязали, и я приношу Вамъ за то искреннюю мою благодарность.—Я отвѣчалъ Егору Өедоровичу, что согласенъ перейти въ университетъ Св. Влад., если Министръ утвердитъ меня при переходѣ моемъ въ званіи экст.-ординарнаго профессора съ жалованьемъ по новому уставу, со времени вступленія въ должность. Я бы, конечно, желалъ быть утвержденнымъ прямо

въ ординарные профессоры, но коль этого нельзя получить безъ докторской степени, то я готовъ довольствоваться на первый разъ мѣстомъ экстр. профессора.—Впрочемъ если Егору Өедоровичу угодно будетъ походатайствовать за меня, какъ должно, то Министръ согласится, я думаю, на все. Держать экзаменъ на степень доктора я никакъ не рѣшаюсь; по нынѣшнимъ постановленіямъ это чрезвычайно трудно. Вамъ не предоставляютъ даже выбора отдѣла науки, какъ при экзаменѣ на степень магистра, а надобно имѣть равныя познанія во всѣхъ наукахъ факультета. Конечно, со временемъ можно приготовиться и къ такому экзамену, но это приготовленіе отвлечетъ меня отъ занятій по моей каѳедрѣ. Кажется, что нынѣшній Министръ не слишкомъ строго придерживается этого постановленія; нѣсколько адъюнктовъ и экст. профессоровъ утверждены въ званіи орд. пр., не имѣя не только докторской степени, но даже никакой ученой;—напримѣръ: Максимовичъ, Погодинъ утверждены въ семъ званіи за нѣсколько мѣсяцевъ предъ симъ, только всего магистры; Плетневъ и Шульгинъ не имѣютъ никакой ученой степени, а они опредѣлены въ С.-Петерб. университетъ прямо орд. профессорами; Крыловъ получилъ это званіе будучи только кандидатомъ; могу увѣрить васъ, что мнѣ хотѣлось бы этого званія совсѣмъ не потому, что съ нимъ соединенъ 7 классъ, а единственно *для жалованья*. Вы меня знаете: я человѣкъ совсѣмъ не честолюбивый, по крайней мѣрѣ рѣшительно не *чинолюбивый*, а желалъ бы получить большое жалованье, чтобы не имѣть постороннихъ занятій и посвятить себя совершенно своей каѳедрѣ и быть въ состояніи помогать несчастнымъ своимъ родственникамъ. Если бы я имѣлъ все это въ Харьковѣ, то никакъ бы не рѣшилъ оставить его. Впрочемъ послѣдняго условія я не полагаю, какъ выше сего сказалъ, въ числѣ непремѣнныхъ: мнѣ только нужно мѣсто экстр. ордин. профессора и жалованье по новому уставу; но то *необходимо нужно*, и безъ сего я никакъ не оставлю Харьк. университетъ. О характерѣ и личныхъ достоинствахъ почтеннаго Егора Өедоровича всѣ отзываются съ самой выгодной стороны! дай Богъ чтобъ это было справедливо; въ противномъ случаѣ, напередъ Вамъ скажу, что я не уживусь въ Кіевѣ. Будь начальникъ строгъ и точенъ, сколько ему угодно; требуй отъ меня *благоразумно* все, что только не принадлежитъ къ моей должности—охотно готовъ повиноваться и исполнять его требованія; но если онъ навязываетъ на меня тягостныя какія нибудь постороннія занятія; если онъ обращается со мною унизительно; если онъ разсматриваетъ меня не какъ человѣка,—но какъ вьючную скотину, долженствующую исполнять его капризъ и прихоти—то этого я перенести не могу; въ такомъ случаѣ я готовъ пожертвовать всѣми своими выгодами, лишь бы только не сносить униженія и не быть пассивнымъ орудіемъ въ рукахъ другого.—Что дѣлать? Не могу переродиться, передѣлать себя, хотя уже и потерялъ кое что черезъ это. Я предполагаю, что Вы вызываете меня въ Кіевъ для каѳедры всеобщей исторіи; другой каѳедры занимать постоянно я не желаю; временно могу взяться за лекціи латинской словесности, даже греческой для низшихъ курсовъ; но главное мое занятіе должна быть всеобщ. исторія. Я думаю, что Кіевъ богаче книгами, нежели Харьковъ, это необходимо для хорошаго преподаванія всякой науки, а тѣмъ болѣе всеобщей исторіи. Коль скоро Егоръ Өедоровичъ доставитъ мнѣ всѣ учебныя пособія для моихъ лекцій, то я буду читать ихъ, какъ ему угодно—по какой угодно системѣ, въ какомъ бы то ни было объемѣ, съ какой хочетъ точки зрѣнія; безъ книгъ же не найдетъ онъ во мнѣ хорошаго преподавателя, ибо это невозможно.—Прощайте, почтеннѣйшій, любезнѣйшій Егоръ Яковлевичъ! Извините меня, Бога ради, за глупость, несвязность, неакуратность и обширность моего письма. Теперь я въ Екатеринославѣ у своего батюшки; дорогою простудился и теперь лежу почти въ постели и голова болитъ ужаснымъ образомъ. Прощайте, желаю Вамъ искренно всего добраго“.

P. S. Вы не обратили вниманія на В. М. Черняева, профессора ботаники; онъ мастеръ своего дѣла. Нельзя ли и его переманить въ Кіевъ, почтеннѣйшій Егоръ Яковлевичъ! постарайтесь, Бога ради! (1833, 28 дек., Екатеринославъ).

Въ другомъ письмѣ онъ писалъ ему.

„Назадъ тому недѣлю графъ Панинъ получилъ отъ управляющаго Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія оффиціальную бумагу, въ которой Е. Ѳ. сообщаетъ помощнику попечителя, что онъ по представленію Е. Ѳ. утвердилъ меня въ званіи экстра-ординарнаго профессора при университетѣ Св. Владиміра. И такъ я не принадлежу болѣе Харькову! Позвольте поблагодарить Васъ снова, почтеннѣйшій Егоръ Яковлевичъ, за это мѣсто, ибо я совершенно увѣренъ, что обязанъ симъ первоначально Вамъ: не скажи Вы первый словца за меня Егору Ѳедоровичу, онъ безъ сомнѣнія и не зналъ бы, что я существую на свѣтѣ. Мѣсто въ Кіевѣ, конечно, втрое выгоднѣе харьковскаго,—я это вижу; однакоже, не смотря на то, больно разставаться съ родиною. Повѣрите ли, что когда мнѣ сказали о переводѣ моемъ въ первый разъ, я никакъ не могъ удержаться отъ слезъ, хотя это было въ присутствіи по крайней мѣрѣ 10 чел., а плакать въ наши лѣта не стыдно только наединѣ.—Впрочемъ скажу Вамъ откровенно, что мнѣ жаль разстаться не съ обществомъ харьковскимъ, котораго я не люблю и не почитаю (чтобъ не сказать слишкомъ оскорбительнаго на счетъ его), а съ нѣсколькими пріятелями, кои истинно для меня дороги! Не смотря на всѣ мои усилія перетянуть хоть одного или двухъ изъ нихъ въ Кіевъ, они никакъ не рѣшаются оставить Харьковъ—это разумѣется въ особенности о нашемъ добромъ, любезномъ Михаилѣ Ивановичѣ. Кромѣ его, у меня найдется здѣсь еще 2 или 3 добрыхъ пріятелей и я не могу привыкнуть къ мысли, что долженъ оставить ихъ.—Горе человѣку не семейному, когда онъ сколько нибудь чувствителенъ; семейному—другое дѣло: для него весь его психологическій, такъ сказать, міръ заключается въ его семействѣ,—и онъ равнодушно переѣдетъ изъ Харькова въ Иркутскъ, и изъ Иркутска въ Парижъ, лишь бы не разлучали его съ семьею. Что дѣлать? Я перехожу въ Кіевъ по разсчетамъ разсудка, ибо не нахожу никакихъ выгодъ продолжать службу въ Харьковѣ и даже не вижу возможности жить приличнымъ образомъ, не измѣнивъ своимъ правиламъ. У кого снисходительная совѣсть или даже вовсе нѣтъ ея, тому и здѣсь хорошо и тепло.—Вы, конечно, не почтете, любезнѣйшій Егоръ Яковлевичъ, съ моей стороны хвастовствомъ, если скажу Вамъ, что за исключеніемъ десятка привиллегированныхъ подлецовъ, по ремеслу, рыцарей подлости и шельмовства, всѣ служащіе, учащіеся въ университетѣ или имѣющіе какое нибудь къ нему отношеніе жалѣютъ и очень жалѣютъ о томъ, что я оставилъ Харьковъ. Никого не поразило это столько, какъ графа Панина. Объявляя мнѣ о семъ, онъ сказалъ: Боже мой, какъ я несчастливъ, что въ мое время Ник. Ив. и вы оставляете университетъ. Что дѣлать—отвѣчалъ я ему, рыба ищетъ гдѣ глубже, а человѣкъ, гдѣ лучше. Теперь жалѣютъ, а прежде никто не подумалъ о томъ, чтобы доставить мнѣ какія нибудь выгоды.—Увѣдомьте меня, почтеннѣйшій Егоръ Яковлевичъ, къ какому времени именно долженъ я пріѣхать въ Кіевъ и когда начнутся лекціи въ университетѣ, равно какъ и о томъ: тотчасъ ли по пріѣздѣ моемъ буду получать я жалованье, хотя еще курсы и не начнутся, или съ начала лекцій. Пожелавъ Вамъ всего добраго имѣю честь быть Вашимъ преданнымъ и покорнѣйшимъ слугою“.

P. S. Увѣдомьте еще: какой мундиръ Кіевскаго университета; вмѣстѣ съ симъ пишу Е. Ѳ.

Даниловича, что ему пріятнѣе было бы жить съ русскими, чѣмъ съ поляками [1]).

[1]) Попечитель велъ переговоры съ Даниловичемъ при посредствѣ Зимовскаго, который повидимому былъ слушателемъ его по Харьковскому университету. Въ отвѣтъ на сдѣланное ему отъ имени попечителя Зимовскимъ предложеніе Даниловичъ писалъ. „Чувствительно вамъ благодаренъ за хорошее ко мнѣ расположеніе. Испытывая давно, сколь пріятно наставнику умѣть снискать дружбу своихъ благорасположенныхъ слушателей, нынѣ радуюсь сугубо, что и въ Харьковѣ подтверждается сіе столь лестное для меня убѣжденіе. Вамъ я безъ сомнѣнія долженъ благосклоннымъ ко мнѣ расположеніемъ Е. П. попечителя Кіевскаго учебнаго округа.

По здоровому Кіевскому климату, удобности сего мѣста для ученыхъ сообщеній, а преимущественнѣе по внутреннему моему убѣжденію и вашему увѣренію, что служба съ попечителемъ есть бремя легкое и пріятное, я охотно соглашаюсь принять на себя прежнее званіе профессора правовѣдѣнія, ни малѣйше не сомнѣваюсь, что всѣ дальнѣйшія предположенія увѣнчаны будутъ желаемымъ успѣхомъ.

Обласканный столь славнымъ моимъ нынѣшнимъ начальствомъ, какъ-то Е. П. Сперанскимъ, М. А. Балугіанскимъ, пользуясь ласковымъ расположеніемъ Министра Народнаго Просвѣщенія и Товарища Министра Юстиціи гр. Панина, могъ бы я получить хорошее мѣсто въ столицѣ, еслибъ не устрашалъ меня климатъ и не прельщала къ каѳедрѣ старая привычка, а вмѣстѣ съ нею желаніе окончить начатыя ученыя работы, съ которыми разстаться трудно. Возложенное на меня правительствомъ дѣло окончится рѣшительно въ истеченіи года, но могутъ уволить меня и скорѣе, по мѣрѣ надобности.

Испуганный деканскою должностью, которая навлекла на меня въ Харьковѣ столько непріятныхъ отношеній, гораздо охотнѣе принялъ бы я библіотекарскую должность, исправляемую въ Харьковѣ, и хранителя минцъ-кабинета, буде сіе возможно и сопряжено съ какимъ либо вознагражденіемъ.

Не худо было бы намекнуть съ вашей стороны попечителю объ употребленіи зависящихъ мѣръ къ полученію изъ Императорской публичной библіотеки дуплетовъ, коими она, по новымъ пріобрѣтеніямъ изъ Царства Польскаго, весьма обременена. По моему убѣжденію, сіе не было бы трудно, а я въ качествѣ библіотекаря Харьковскаго, охотно посвятилъ бы мои услуги къ облегченію сего отдѣленія дуплетныхъ книгъ, что не очень легко, какъ я уже испыталъ, отдѣляя дуплеты для Финляндскаго университета.

Значительное число моихъ соотчичей въ Кіевѣ болѣе меня обзадачиваетъ, чѣмъ прельщаетъ; поляку гораздо удобнѣе жить между русскими, ибо между своими, при всей осторожности, можно попасть въ странныя подозрѣнія, навлекающія пропасть непріятностей.

Надѣясь, что вы не оставите и дальнѣйшаго ходатайства за меня у Е. П. при первомъ случаѣ, покорнѣйше прошу доставить мои подробнѣйшія свѣдѣнія, касающіяся Кіева и Лицея.

Ежели лицей поставленъ будетъ на степени высшаго училища, то не худо было бы предложить мѣсто профессора естественной исторіи Ивану Андреевичу Криницкому, экстраординарному профессору въ Харьковѣ, знаетъ его Николай Ивановичъ Еллинскій и Фишеръ изъ Москвы, ибо какъ кажется, г. Беккеръ не захочетъ переселяться въ Кіевъ“.

А вотъ что писалъ Даниловичъ попечителю: „какъ изъ письма Вашего Превосходительства къ Мих. Мих. Сперанскому, такъ съ отношенія къ нему же Министра

Проф. Т. Ѳ. Степановъ также хотѣлъ перейти въ Кіевскій университетъ и велъ по этому поводу переписку съ Зимовскимъ и попечителемъ. Побуждало его къ этому повидимому главнымъ образомъ желаніе получить ординатуру въ Харьковѣ; въ это время онъ былъ экстраординарнымъ профессоромъ. Но въ тоже самое время онъ просилъ Харьковскаго попечителя Филатьева ходатайствовать въ Петербургѣ о предоставленіи ему должности ординарнаго професоора въ Харьковскомъ университетѣ. Ни то, ни другое желаніе Т. Ѳ. Степанова не осуществились: препятствіемъ къ переводу его въ Кіевъ послужило отсутствіе въ Кіевскомъ университетѣ каѳедры политичеекой экономіи, а на представленіи Филатьева Министръ начерталъ: еще рано; повременить до слѣдующаго года [1]).

Народнаго Просвѣщенія, равномѣрно съ благосклонныхъ отзывовъ другихъ лицъ узналъ я всѣ мѣры, предпринятыя касательно перемѣщенія моего въ Кіевъ.

Толикое благодѣяніе преисполняетъ меня чувствомъ живѣйшей благодарности, которую изъявлять на всякомъ шагу моихъ дѣйствій, стремящихся къ пользѣ предстоящаго мнѣ поприща, будетъ святѣйшею моей жизни обязанностію. Не тщеславіе ниже корыстолюбіе, а 20 лѣтній навыкъ къ учительскимъ занятіямъ, съ которыми разстаться трудно и, можно сказать, какое то предназначеніе побуждало меня предложить мои услуги Владимірскому университету. Коль скоро желаніе сіе съ помощью Всевышняго сбудется, не стану щадить всѣхъ съ моей стороны усилій, какъ для оправданія столь лестнаго обо мнѣ мнѣнія Вашего Превосходительства, такъ для пользы вновь учреждающагося заведенія. Не трудно отгадать счастливую будущность, славу и процвѣтаніе Высокомонаршими щедротами воздвигнутаго Владимірскаго университета, коль скоро всѣ онаго попечители, будучи одушевлены Вашего Превосходительства рвеніемъ и дѣятельностью, станутъ пещись о его благѣ, о замѣщеніи каѳедръ опытными наставниками, преимущественно же отъ умноженія его учебныхъ пособій. (6 августа 1833 г., Петербургъ).

Въ письмѣ Даниловича къ попечителю Кіевскаго учебнаго округа фонъ Брадке отъ 6-го ноября 1833 года Даниловичъ писалъ. „Данное В. П. порученіе г. Зимовскому узнать мое согласіе на предложеніе службы по званію профессора правовѣдѣнія въ Кіевскомъ лицеѣ, преисполняетъ меня чувствительнѣйшей благодарностью за столь лестное и неожиданное ко мнѣ расположеніе. Зная по общему голосу, сколь служба подъ начальствомъ В. П. есть бремя легкое и пріятное и сверхъ того *привлекаемый хорошимъ климатомъ и удобностью Кіева для ученыхъ сообщеній*, не могу не согласиться на предложеніе“. (Рук. отдѣл. Харьк. ист. фил. общ.).

[1]) Узнавъ, что Цыхъ переводится въ Кіевъ экстраординарнымъ, Т. Ѳ. Степановъ замѣчаетъ: „Боже мой! Какое счастіе одному и другому. Цыхъ только что сдѣланъ магистромъ, адъюнктомъ—и вдругъ экстраординарный профессоръ. Я уже лѣтъ десять какъ магистръ, два года какъ экстраординарный профессоръ, когда я такъ много трудился, когда даже сдѣлался извѣстнымъ по своимъ трудамъ и публикѣ. Но обуха плетью не перешибешь. Извѣстите, что если я поѣду къ вамъ въ званіи экстраординарнаго профессора, то буду ли имѣть особенную каѳедру или на своей шеѣ буду имѣть ординарнаго?“ Въ другомъ письмѣ Т. Ѳ. Степановъ говоритъ такъ: „Очень радъ, что Владиміръ Францовичъ (Цыхъ) получилъ должную цѣну своихъ трудовъ и познаній.

Въ общемъ повидимому нравственный уровень профессорской коллегіи понизился сравнительно съ предшествующимъ десятилѣтіемъ. Сильное же вліяніе на это оказали тѣ стѣсненія академической свободы, о которыхъ мы подробно говорили въ 1-й главѣ настоящаго сочиненія. Тамъ же представлены были и факты, рисующіе печальное положеніе лицъ, стремившихся отстаивать эту свободу, и указывавшіе на личные интересы, лежавшіе въ основѣ дѣйствій людей, приспособлявшихся къ новымъ теченіямъ.

Столкновенія, ссоры и пререканія, къ сожалѣнію, имѣли мѣсто и въ изучаемый нами періодъ времени. Представимъ фактическія данныя о нѣкоторыхъ болѣе характерныхъ случаяхъ. Въ 1819 г. произошло столкновеніе у проф. Ланга съ правленіемъ университета. Самъ онъ видѣлъ причину его въ непріязненныхъ отношеніяхъ къ нему тогдашнихъ членовъ правленія съ ректоромъ Осиповскимъ во главѣ. Но едва ли не вѣрнѣе будетъ искать ее въ борьбѣ, которая велась тогда между профессорами русскаго происхожденія и иностранцами. Дѣло заключалось въ слѣдующемъ.

Проф. Лангу нужно было поѣхать въ Петербургъ—и онъ испросилъ себѣ у совѣта 28-дневный отпускъ, который былъ ему предоставленъ всѣми членами, за исключеніемъ двухъ—Каменскаго и Дрейсига, изъ коихъ послѣдній соглашался на него условно—если не воспрепятствуютъ дѣловыя обязательства Ланга. Журналъ совѣтскаго постановленія былъ подписанъ въ слѣдующемъ засѣданіи, при чемъ Лангъ указалъ на день предположеннаго имъ отъѣзда, къ каковому правленіе должно было изготовить ему отпускъ. Однако это послѣднее затормозило выдачу отпуска на двухъ основаніяхъ: во 1-хъ, потому что, къ Лангу предъявлены были новые иски объ его долговыхъ обязательствахъ и во 2-хъ потому, что присутствіе его оказывалось необходимымъ по дѣлу директора училищъ Харьковской губерніи барона Эйбена (о безпорядкахъ и растратѣ суммъ). Не приводя въ исполненіе постановленія совѣта о выдачѣ отпуска, правленіе обратилось за разъясненіемъ двухъ указанныхъ выше обстоятельствъ къ прибывшему тогда въ Харьковъ попечителю, который отказалъ въ отпускѣ Лангу въ виду того, что его присутствіе было необходимо въ Харьковѣ для дачи показаній о баронѣ Эйбенѣ. Конечно, попечитель зналъ, что таково было желаніе правленія.

Я увѣренъ, что ему у васъ будетъ лучше. Впрочемъ и нашъ университетъ порадованъ графомъ Головкинымъ, умнымъ, образованнымъ, добрѣйшимъ попечителемъ. Но какія дальнѣйшія будутъ послѣдствія—Богъ знаетъ. Вашъ университетъ только что начинаетъ возраждаться, а нашъ уже измокъ подъ дождемъ тысячъ непріятностей". (Рукописное отдѣленіе Харьковскаго историко-филологическаго общества).

Однако Лангъ, не получая въ назначенный ему срокъ отпуска отъ правленія, не зная, что это послѣднее передало его дѣло на разсмотрѣніе попечителю и полагая, что оно просто тормозитъ его изъ нерасположенія къ нему его членовъ—Осиповскаго, Книгина и Успенскаго, уѣхалъ въ Петерургъ безъ отпускнаго билета и передъ выѣздомъ написалъ жалобу на дѣйствія правленія въ совѣтъ. Въ этой жалобѣ онъ особенно подчеркивалъ то обстоятельство, что правленіе поступило незаконно, замедливъ съ приведеніемъ въ исполненіе совѣтскаго постановленія, ибо оно является только исполнительнымъ органомъ совѣта, и ему не принадлежитъ право произвольно измѣнять рѣшенія совѣта или противодѣйствовать ихъ исполненію; такъ какъ отпускъ былъ разрѣшенъ мнѣ, писалъ Лангъ, на законномъ основаніи и присутственнымъ мѣстомъ, закономъ установленнымъ, а отказъ правленія я считалъ незаконнымъ, то и рѣшилъ отправиться въ путь подъ защитою Божіею безъ всякаго увольнительнаго свидѣтельства; но такъ какъ меня въ качествѣ безпаспортнаго могутъ остановить въ пути и препроводить подъ карауломъ, какъ подозрительнаго человѣка въ Петербургъ или Харьковъ, то отвѣтственность за весь вредъ, который я могу претерпѣть, я возлагаю всецѣло на членовъ правленія.

Правленіе въ своемъ отвѣтѣ на эту жалобу ссылалось, во 1-хъ, на то, что рѣшеніе совѣта не было единогласно, во 2-хъ, на новыя долговыя обязательства Ланга разнымъ лицамъ и въ 3-хъ на необходимость его присутствія въ Харьковѣ для разъясненій по дѣлу Эйбена. Первый мотивъ нельзя признать состоятельнымъ, потому что дѣла въ совѣтѣ рѣшались по большинству голосовъ; второй мотивъ также не особенно убѣдителенъ, потому что членамъ правленія, присутствовавшимъ въ засѣданіи совѣта, было извѣстно о старыхъ долговыхъ обязательствахъ Ланга; наконецъ, едва ли справедливо было удерживать Ланга отъ необходимой для него, очевидно, поѣздки и по третьей причинѣ, ибо онъ скоро долженъ былъ вернуться, а слѣдствіе по дѣлу Эйбена не могло окончиться такъ быстро. Между тѣмъ правленіе и сообщило о самовольной отлучкѣ и долговыхъ обязательствахъ Ланга губернатору, и сдѣлало распоряженіе о невыдачѣ ему жалованья; однимъ словомъ, дѣйствовало повидимому не вполнѣ безпристрастно и старалось раздуть проступокъ Ланга. Но Лангъ все таки, кажется, не поплатился за свой неосмотрительный образъ дѣйствій: черезъ 2 мѣсяца онъ вернулся благополучно въ Харьковъ и изъ дѣла не видно, чтобы онъ понесъ наказаніе за свою самовольную отлучку [1]).

[1]) Харьк. Унив. архивъ. Дѣло правл. 1819 № 1461/71.

О взаимныхъ столкновеніяхъ профессоровъ другъ съ другомъ и о проискахъ ихъ у мѣстнаго учебнаго начальства говоритъ въ своей автобіографіи проф. Т. Ѳ. Степановъ.

„Пріѣхавъ въ Харьковъ, я встрѣченъ былъ съ чрезвычайной лаской попечителемъ, бывшимъ уже тамъ, и разными проффессорами, даже Кронебергомъ, Пауловичемъ и Артемовскимъ-Гулакомъ. Ректоръ Еллинскій былъ со мной очень хорошъ, но онъ вскорѣ по неудовольствію съ попечителемъ, отказался отъ университета, и мѣсто его заступилъ опять Кронебергъ. Кронебергъ заискивалъ моего близкаго знакомства, потомъ вдругъ не знаю почему перемѣнился ко мнѣ и сдѣлался моимъ врагомъ. Филатьевъ представилъ меня черезъ годъ въ орд. профессора, но не было успѣха. Вскорѣ онъ поступилъ въ сенаторы, попечителемъ былъ назначенъ вельможа—графъ Головкинъ. Съ нимъ пріѣхалъ чиновникъ по особымъ порученіямъ де-Роберти, бывшій нѣкогда ученикомъ моимъ въ пансіонѣ своего отца, знакомый со мною по Петербургу, онъ меня весьма любилъ и уважалъ, отрекомендовалъ меня наилучшимъ образомъ графу, такъ что я это замѣтилъ при самомъ его пріѣздѣ. Кронебергъ хотѣлъ было уронить меня въ глазахъ графа, выставивъ будто я преподаю вмѣсто дипломатики, такъ названную въ прежнемъ Университетскомъ Уставѣ, дипломатію,—но онъ не имѣлъ объ этомъ достаточнаго понятія и тѣмъ показалъ только себя передъ графомъ съ дурной стороны.—Спустя годъ по представленію графа, вслѣдствіе представленія совѣта Университета, я получилъ званіе ординар. профессора. Графъ учредилъ временную коммиссію для обревизованія и рѣшенія старыхъ дѣлъ, сдѣлалъ меня членомъ ея вмѣстѣ съ двумя профессорами.—Въ это то время я только увидѣлъ въ себѣ способность и притомъ отличную къ гражданскимъ дѣламъ, способность, убитую во мнѣ въ Петербургѣ завистью и злостью Фомина. Я былъ ревностнымъ дѣятелемъ коммиссіи и два важныхъ дѣла, запущенныхъ въ университетѣ, за которыя никто изъ профессоровъ не смѣлъ уже приняться, были наиболѣе рѣшены мною. Это стоило, можетъ быть, мнѣ части здоровья. Рѣшеніе сдѣлано было превосходно, министерство и Сенатъ вполнѣ согласились съ нимъ. Три года продолжалась комиссія. Графъ видѣлъ ея трудъ, успѣхи. Онъ представилъ меня къ ордену Станислава на шею, но было отказано мнѣ по неимѣнію пряжки за безпорочную службу. Я получилъ только 1500 р. Но строго говоря, эта награда была ничтожна. Между тѣмъ я замѣшался въ большую распрю съ Кронебергомъ и частью съ другими профессорами, его поддерживавшими. Я былъ совершенно невиненъ въ дѣлѣ противу нихъ. Я могъ бы много повредить ему, но я старался отклонить только отъ себя бѣду, но никогда не имѣлъ намѣ-

ренія вредить ему, даже отклонилъ по одному дѣлу отъ него очень дурныя слѣдствія. Но кажется, онъ этому не довѣрялъ,—потерялъ мѣсто ректора, и навлекъ на себя сильное нерасположеніе графа—черезъ тайныя дѣйствія Артемовскаго-Гулака, съ коимъ также онъ былъ вѣчно въ несогласіи. Еслибы Кронебергъ продолжалъ со мною согласіе, съ перваго разу начатое, онъ могъ бы выиграть много. Полагаю, что главная причина ненависти его ко мнѣ была зависть его къ чрезвычайной репутаціи, которой я пользовался между студентами и въ публикѣ. Эта же причина возбудила противу меня и Артемовскаго-Гулака".

Рѣшеніе дѣлъ о столкновеніяхъ, происходившихъ въ университетской средѣ, выпадало на долю правленія.

Характеренъ одинъ случай, когда помощникъ попечителя гр. Панинъ въ 1834 г. рѣзко разошелся въ мнѣніи съ правленіемъ и поставилъ вопросъ о чести университета, которая постановленіемъ правленія, по его мнѣнію, могла быть нарушена. Извѣстный ставленникъ попечителя Филатьева лекторъ Гренбергъ имѣлъ большіе долги, на уплату которыхъ положено было производить вычеты изъ его жалованья. И эти вычеты оказались столь значительны, что Гренбергу оставалась сумма, совершенно недостаточная на прожитіе. Тогда онъ возбудилъ ходатайство передъ правленіемъ о томъ, чтобы на жизнь ему оставляли половину жалованья (500 р.) и всѣ квартирныя (200 р.)—и правленіе предлагало уважить его просьбу и вмѣстѣ съ тѣмъ передать всѣ дѣла о взысканіяхъ съ него въ гражданское вѣдомство. Гр. Панинъ положилъ на это слѣдующую резолюцію.

„Мнѣніе правленія не можетъ быть принято мною, потому что честь университета подверглась бы нареканію отъ моего согласія, и на просьбу Гренберга я такъ же не могу согласиться, потому что она противна закону" [1]). Если принять во вниманіе, что Гренбергу оставалось на жизнь всего 23 р. съ коп. въ мѣсяцъ—сумма совершенно недостаточная—то едва ли можно было посылать по адресу правленія столь рѣзкій упрекъ.

Къ этому нужно присоединить, что вообще обязанность разсматривать по существу частныя дѣла лицъ, состоявшихъ въ вѣдомствѣ университета, была очень непріятна и затруднительна для правленія. Въ 1815 году, напримѣръ, ему пришлось разрѣшать чисто семейныя и имущественныя неурядицы и дрязги между учителемъ танцовальнаго искусства Штейномъ и его супругой, гдѣ они обвиняли другъ друга въ нанесеніи побоевъ, оскорбленіяхъ и т. п. Дѣло это окончилось примире-

---

[1]) Харьк. унив. архивъ. Д. поп. № 1944/126.

ніемъ супруговъ, рѣшившихся жить отдѣльно по несходству характеровъ [1]).

Другой разъ не только правленію, но и совѣту пришлось разсматривать дѣло о столкновеніи того же Штейна со ст. сов. помѣщицей Зайковской, обвинявшей его въ обидѣ словами. Изъ дѣла выяснилось однако, что обиды словами были взаимные—и совѣтъ постановилъ дѣло прекратить [2]).

Приходилось правленію разсматривать 2 непріятные денежныя дѣла, возбужденныя противъ профессора Нельдехена помѣщикомъ Екатеринославской губ. Новомосковскаго уѣзда Никономъ Андреевымъ и Ахтырскаго уѣзда Харьковской губ. Бразолемъ за то, что онъ взялъ авансомъ у перваго 1000 р., а у второго 2000 р. на устройство винокуренныхъ заводовъ, ввелъ ихъ въ убытокъ и ничего не сдѣлалъ. Дѣло, по объясненію потерпѣвшихъ, имѣло видъ какъ бы обмана со стороны Нельдехена, ибо онъ выдавалъ себя за знатока дѣла и принималъ обязательство устроить такой заводъ, въ которомъ каждая 8-пудовая четверть пшеничной или ржаной муки могла бы дать 6 ведеръ лучшаго крѣпкаго вина; въ дѣйствительности же заводъ сталъ давать 2½ ведра слабаго вина [3]).

Но только что приведенные факты, рисующіе столкновенія университетскихъ дѣятелей съ мѣстною средой, являются исключительными. Вообще же говоря, университетъ продолжалъ благотворнымъ образомъ воздѣйствовать на мѣстную среду, на мѣстное общество, на городъ Харьковъ и на весь край. Это вліяніе прежде всего, выражалось, конечно, въ томъ, что изъ университета выходили лица, получившія должную спеціальную подготовку по одной изъ четырехъ факультетскихъ группъ-наукъ — историко-филологи, физико-математики, юристы и врачи и занимали потомъ соотвѣтственныя должности въ краѣ и городѣ. Кромѣ того университетъ давалъ и общеобразовательную подготовку и, слѣдовательно, способствовалъ подъему умственнаго развитія общества, а это имѣло огромное вліяніе на подъемъ культуры въ краѣ. Существованіе университета въ Харьковѣ ставило въ особенно благопріятное положеніе по отношенію къ полученію высшаго образованія населеніе этого города и всего тяготѣвшаго къ нему района. А это было очень важно, если, какъ мы знаемъ, приходилось доказывать пользу высшаго образованія. Сознаніе важности и необходимости этого дѣла было слабо развито въ обществѣ, и если бы въ Харьковѣ не было

---

[1]) Ib. Д. правл. № 1050/47.

[2]) Ib. Д. сов. 1818 г. № 18.

[3]) Харьк. унив. архивъ. Д. пр. № 1211/57.

университета, то весьма незначительный процентъ молодыхъ людей, въ немъ обучавшихся, поѣхали бы учиться въ Москву или другой какой либо еще болѣе отдаленный пунктъ, въ особенности если принять во вниманіе тогдашніе трудные пути сообщенія. При господствовавшемъ тогда натуральномъ хозяйствѣ помѣщиковъ, доставлявшихъ весьма значительный процентъ учащейся молодежи въ университеты, и при дороговизнѣ денегъ, вопросъ о содержаніи студентовъ въ отдаленныхъ мѣстахъ имѣлъ немаловажное значеніе. Харьковъ же и безъ того являлся притягательнымъ центромъ благодаря своимъ ярмаркамъ. Теперь онъ превращается въ центръ высшаго образованія, науки, литературы, искусствъ и вообще культуры. Нахожденіе въ немъ университета увеличивало вмѣстѣ съ тѣмъ и матеріальное благосостояніе города и горожанъ. На содержаніе университета по штату отпускалась весьма значительная по тому времени сумма въ 130000 рублей, которая почти цѣликомъ оставалась въ Харьковѣ. Къ ней нужно присоединить хозяйственныя, экономическія суммы, частные, дополнительные доходы профессоровъ, стоимость содержанія своекоштныхъ студентовъ. Къ учащимся пріѣзжали ихъ родители, родственники, знакомые, дѣлали закупки, посѣщали театръ, концерты и т. п. Другіе пріѣзжали лѣчиться къ тогдашнимъ профессорамъ-медикамъ. Наконецъ, къ университету, а слѣдовательно, и къ Харькову тяготѣла масса преподавательскаго персонала всѣхъ учебныхъ заведеній огромнаго Харьковскаго учебнаго округа, непосредственно подчиненная университету и потому навѣдывавшаяся подчасъ и въ Харьковъ. Въ Харьковѣ, благодаря университету, развилась теперь журнальная дѣятельность, дававшая также нѣкоторый заработокъ — редакторамъ и типографамъ. Однимъ словомъ, значеніе университета для города Харькова и края было весьма велико и въ отношеніи научнообразовательномъ, и въ отношеніи экономическомъ.

Наконецъ, университетъ не остался равнодушнымъ и къ вопросу объ улучшеніи ужасныхъ санитарно-гигіеническихъ условій харьковской жизни.

Можно даже сказать, что вопросъ о санитарно гигіеническихъ неудобствахъ г. Харькова по прежнему служилъ предметомъ особеннаго вниманія университета, который настойчиво указывалъ на нихъ и энергично хлопоталъ объ ихъ устраненіи передъ высшимъ начальствомъ. Такимъ образомъ, Харьковъ несомнѣнно былъ обязанъ нѣкоторымъ улучшеніемъ естественныхъ неблагопріятныхъ условій своего гигіеническаго состоянія Харьковскому университету. Послѣдній въ лицѣ своего медицинскаго факультета и его преподавателей выдвинулъ

на борьбу съ этими условіями цѣлое учрежденіе, обладавшее специальными знаніями въ этой области и высокимъ авторитетомъ въ глазахъ мѣстнаго общества, мѣстной администраціи и центральной власти. Хотя университету не удалось добиться всѣхъ предлагаемыхъ имъ улучшеній, но и его попытки все таки приносили свою долю пользы, потому что нарушали мирный сонъ обывателей, сжившихся съ санитарнымъ неблагоустройствомъ своего города и несчитавшихъ его вреднымъ для здоровья и жизни. Въ 1827 году попечитель учебнаго округа Перовскій вошелъ съ представленіемъ отъ имени университета къ Министру Народнаго Просвѣщенія „о мѣстныхъ неудобствахъ города Харькова, приносящихъ много вреда университету"—и Министръ Народнаго Просвѣщенія съ своей стороны просилъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, чтобы ходатайство университета, если возможно, было уважено. Ходатайство же это заключало въ себѣ рядъ пунктовъ. Университетъ просилъ, 1) уничтожить мельничную плотину, находившуюся въ самомъ городѣ на рѣчкѣ Харьковѣ, ибо тогда рѣчка эта, получивъ теченіе, сможетъ доставлять городу порядочную воду; 2) для уничтоженія чрезвычайной грязи на городскихъ улицахъ предписать мѣстному начальству позаботиться объ устройствѣ по возможности каменной мостовой; 3) перевести въ другія мѣста находящіяся близь университета трактиры и шинки, такъ какъ ихъ запрещено по закону устраивать ближе 150 саж. отъ кадетскихъ корпусовъ; 4) загородить и сдѣлать непроѣзжей для публики часть университетской улицы, раздѣляющей университетскія зданія, такъ какъ въ силу оживленнаго движенія по ней нельзя установить надлежащаго порядка между учащимися: вмѣсто же нея проѣздъ можно устроить за университетскимъ зданіемъ черезъ большую площадь.

Министръ внутреннихъ дѣлъ запросилъ по этому дѣлу заключенія харьковскаго губернатора, а тотъ предложилъ этотъ вопросъ на разсмотрѣніе мѣстнаго комитета, образованнаго для уравненія городскихъ повинностей. Въ 1832 году Министерство Народнаго Просвѣщенія еще не имѣло свѣдѣній о рѣшеніи этого дѣла и просило попечителя навести о немъ справки на мѣстѣ. Въ 1833 году тогдашній Харьковскій губернаторъ Мих. Ив. Каховскій сообщилъ, наконецъ, въ какомъ положеніи находилось это дѣло въ комитетѣ. По вопросу объ устройствѣ мостовыхъ было поручено собрать свѣдѣнія о камнѣ въ окрестностяхъ Харькова; объ исправленіи береговъ харьковскихъ рѣкъ и устройствѣ шлюзовъ поручено было составить соображенія и смѣту губернскому архитектору, но все это еще не было доведено до конца; по вопросу о переводѣ трактировъ и шинковъ получены были отзывы трак-

тирщиковъ и откупщика—почетнаго гражданина, коммерціи совѣтника Козьмы Кузина, которые указывали на могущіе произойти для нихъ убытки и спрашивали, на основаніи какихъ законовъ къ нимъ предъявляется подобное требованіе. Прошло еще два года—и въ 1835 году помощникъ попечителя гр. Панинъ обратился къ Харьковскому военному губернатору кн. Трубецкому съ просьбою сообщить ему, въ какомъ положеніи находилось это злополучное дѣло. Губернаторъ сообщалъ, что вопросъ о трактирныхъ заведеніяхъ восходилъ на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта, который однако не распространилъ требованіе закона о кадетскихъ корпусахъ на гражданскія учебныя заведенія, а оставилъ все по старому; что касается мостовыхъ, береговъ рѣкъ и шлюзовъ, то для изысканія средствъ для устройства ихъ былъ образованъ въ Харьковѣ по указу Сената, комитетъ, который составилъ различныя предположенія, имѣвшія быть представленными впослѣдствіи, когда увеличатся городскіе доходы, на утвержденіе высшаго начальства, по вопросу же о закрытіи Университетской улицы состоялись приговоры Дворянскаго и Купеческаго общества въ томъ смыслѣ, что это для города будетъ очень вредно. Въ 1837—1838 гг. Министерство Народнаго просвѣщенія снова *три раза* запрашивало Харьковскій учебный округъ о положеніи этого дѣла, но округъ однако не могъ добиться никакого отвѣта отъ мѣстнаго губернатора. Только еще черезъ два, три года нѣкоторыя изъ отмѣченныхъ неудобствъ были устранены [1]. Но объ этомъ мы будемъ говорить въ 3-мъ томѣ своего труда.

Отсюда ясно видно, съ какими огромными затрудненіями приходилось бороться Харьковскому университету въ его стремленіи устранить вопіющіе недостатки городского неблагоустройства, вредно отзывавшіеся на самомъ ходѣ учебнаго дѣла, какъ медленно шло дѣло этого благоустройства, какую оппозицію оно встрѣчало въ мѣстной средѣ и какъ безсильна была здѣсь администрація, хотя бы она даже сочувствовала улучшеніямъ. Впрочемъ и здѣсь все таки оправдалась справедливость текста—толцыте—и отверзется вамъ! Въ концѣ концовъ университетъ добился замощенія камнемъ двухъ главныхъ улицъ Харькова.

Однимъ изъ средствъ сближенія университета съ мѣстнымъ обществомъ попрежнему служили университетскіе акты. Они отличались такимъ же характеромъ, какъ и въ первое десятилѣтіе существованія университета, какъ это видно изъ отчетовъ, которые были въ нашихъ рукахъ за 20 лѣтъ—съ 1815 по 1835-й годъ. По прежнему главною частію ихъ программы являются рѣчи, которыя впрочемъ не отлича-

---

[1]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло № 1914/122.

ются уже такимъ интересомъ содержанія, какъ прежде. Говорятся эти рѣчи попрежнему на разныхъ языкахъ, но русскій языкъ дѣлаетъ и въ нихъ все большія и большія завоеванія. Кромѣ рѣчей читались отчеты, знакомившіе съ важнѣйшими перемѣнами въ жизни университета; раздавались вновь вступившимъ студентамъ шпаги, исполнялись музыкальныя произведенія; присутствовавшимъ давалось угощеніе, вечеромъ была иллюминація и т. п. Бывали иногда и публичныя собранія, на которыхъ студенты читали рѣчи и разныя сочиненія. Акты же собственно происходили 30 августа въ день тезоименитства Императора Александра I, послѣ молебствія, совершаемаго въ соборѣ. Стоимость угощенія по сравненію съ прежнимъ временемъ публики увеличилась: въ 1815 г. угощеніе 30 авг. обошлось въ 346 р. съ коп., 25 декабря 294 р. съ коп., въ 1818 г. въ 254 р. съ коп. и т. д. Характерно распоряженіе Министра Народнаго Просвѣщенія Шишкова о томъ, чтобы университэты, безъ особаго спеціальнаго всякій разъ разрѣшенія его, не печатали въ газетахъ извѣстій о своихъ торжественныхъ собраніяхъ [1]). Этимъ, конечно, должна была ослабиться связь между университетами и мѣстнымъ обществомъ.

У профессоровъ существовало сознаніе великой пользы, принесенной Харьковскимъ университетомъ за 25 лѣтній періодъ его существованія обществу и краю и это сознаніе нашло себѣ ясное выраженіе въ актовой рѣчи, произнесенной 30 августа 1830 года. „Двадцать пять лѣтъ, говорилось тамъ, прошло отъ учрежденія сего храма наукъ, основаннаго въ Бозѣ почившимъ Государемъ Императоромъ Александромъ 1-мъ на патріотическомъ приношеніи благороднаго дворянства здѣшней губ. Незначительно это время; не смотря однако на это, вліяніе нашего заведенія на образованность Украины и мѣстъ, ей сопредѣльныхъ, равно какъ и на народную промышленность нашего края, весьма ощутительно и очевидно. Сравнимъ только состояніе страны сей и самого города при началѣ текущаго столѣтія съ настоящимъ, бросимъ хотя бѣглый взглядъ на теперешнее юношество наше и сравнимъ, каково было оно въ то время, когда для образованія своего не имѣло настоящихъ богатыхъ способовъ, прислушаемся, наконецъ, къ безпристрастнымъ отзывамъ посѣтителей, послѣ продолжительнаго отсутствія возобновившихъ знакомство свое съ сею страною; все говоритъ въ пользу заведенія нашего. О великій монархъ, зиждитель сего храма наукъ, воззри на дѣла рукъ Твоихъ, благословляемыя цѣлыми поколѣніями, виждъ исполненіе благодѣтельныхъ Твоихъ предначерта-

---

[1]) Харьк. унив. архивъ. Д. правл. № 2334/126.

ній и внемли благодаренію страны, обязанной Тебѣ усовершенствованіемъ моральнаго своего бытія! И ты, доблестное дворянство Украинское, вѣрный исполнитель Царской воли, благотворители наши! Возрадутейся плодами пожертвованій вашихъ! Заведеніе, воздвигнутое вашими щедротами, процвѣтаетъ; благотворное вліяніе его распространилось на Таврію, Кавказъ и Бессарабію; вездѣ водворяются науки; вездѣ музы сплетаютъ вамъ вѣнецъ безсмертія. Весьма назидательно было бы изобразить хотя вкратцѣ ходъ и постепенное образованіе сего университета со времени его открытія, изложить обстоятельства, иногда замедлявшія, иногда ускорявшія какъ собственное его возвышеніе, такъ и благодѣтельное его вліяніе на народное благо; но университетъ предоставляетъ разсмотрѣніе этого важнаго предмета другому случаю. Теперь же по возложенной на меня обязанности, имѣю честь предложить почтеннѣйшему собранію, доказавшему присутствіемъ своимъ живое участіе, принимаемое имъ въ судьбѣ этого заведенія, краткое обозрѣніе важнѣйшихъ происшествій и перемѣнъ, происшедшихъ въ продолженіи окончившагося учебнаго года какъ въ самомъ университетѣ, такъ и въ подвѣдомомъ ему округѣ" [1])

Къ сожалѣнію, болѣе подробнаго изложенія пользы, принесенной обществу и краю университетомъ за 25 лѣтъ его существованія, не послѣдовало.

Характерно обращеніе университета къ обществу на актѣ 1831 г., ибо здѣсь онъ формулировалъ свои патріотическія, образовательныя и воспитательныя цѣли. „Въ истекшемъ академическомъ году, равно какъ и въ предшествовавшихъ, Императорскій Харьковскій университетъ, исполняя обязанности, уставомъ его и предписаніями начальства ему предначертанныя, постоянно старался соотвѣтствовать существенному своему назначенію, т. е.—доставлять юношеству, попеченіямъ и руководству его ввѣренному, всевозможныя средства къ образованію себя и къ достиженію истиннаго просвѣщенія, въ знаніяхъ и добрыхъ нравахъ состоящаго. И потому главнѣйшимъ предметомъ дѣйствій университета было какъ улучшеніе учебной части и заведеній, служащихъ пособіями при преподаваніи наукъ, такъ и строжайшее вниманіе къ нравственности воспитанниковъ. Въ поощреніе учащихся юношей къ надлежащему прохожденію настоящаго поприща дабы по окончаніи его достойно могли явиться на поприще служенія отечеству и Царю русскому — имъ внушаемо было, подъ державой какого царя живутъ они и благоденствуютъ, какому царю служить готовятся. И дѣйствительно

[1]) Харьк. унив. Архивъ. Д. поп. № 1521/87.

въ комъ не возгорится пламенное рвеніе къ добру и чести при созерцаніи высокаго примѣра добродѣтелей Великаго Монарха нашего? Какой примѣръ можетъ представить въ одномъ лицѣ такое едва постижимое сочетаніе доблестей: съ одной стороны величіе Самодержца обширнѣйшей въ свѣтѣ Имперіи, съ другой—кротость и милосердіе чадолюбиваго отца; твердость, мужество и силу, движущую мановеніемъ своимъ милліонъ воиновъ—и миролюбіе и благость, успокаивающіе народы земли, приводимые въ трепетъ грознымъ величіемъ Россіи! Блаженъ народъ, покоящійся подъ сѣнію власти подобныхъ вѣнценосцевъ! Потщимся съ своей стороны и мы быть достойными его отеческихъ попеченій, чтя свято и вѣрно исполняя Его отеческія велѣнія, ибо въ сихъ велѣніяхъ запечатлѣнъ залогъ собственнаго нашего благополучія.

Успѣшному ходу академическихъ занятій весьма много способствовало присутствіе Его Превосходительства г. попечителя, вникавшаго лично во всѣ подробности управленія и распоряженій университета, попечителя, предложившаго и приведшаго въ исполненіе многія по всѣмъ частямъ улучшенія и своимъ ободреніемъ и наставленіями вливавшаго живѣйшую дѣятельность въ учащихъ и учащихся.

Въ заключеніе университетъ своею обязанностью считаетъ упомянуть и о томъ горестномъ, но неотвратимомъ обстоятельствѣ, которое въ истекшемъ году, хотя и не на долго, тѣмъ не менѣе имѣло однакожъ ощутительное вліяніе на обыкновенный ходъ академическаго ученія. Бѣдствіе эпидеміи, посѣтившее Украйну и Харьковъ за годъ передъ симъ, понудило университетъ съ сожалѣніемъ прибѣгнуть къ прекращенію на нѣкоторое время преподаванія въ немъ публичныхъ лекцій. Сколь ни печальна была эта мѣра, при всемъ томъ самое *это* бездѣйствіе университета со стороны собственно теоретической учебной замѣнено было спасительной дѣятельностью его по медицинскому факультету со стороны истинно практической на пользу страждущаго человѣчества, и бѣдствіе это, постигшее край нашъ, и патріотическіе порывы, соединенные съ благороднѣйшею отважностью къ восторжествованію надъ гибельной эпидеміей со стороны почтенныхъ профессоровъ помянутаго факультета и ихъ достойныхъ учениковъ останутся навсегда незабвенными въ признательныхъ сердцахъ нашихъ согражданъ. Многіе изъ васъ, достопочтеннѣйшіе посѣтители, были признательными очевидцами того умилительнаго самоотверженія, съ которымъ эти молодые питомцы Эспулапа, едва сошедшіе съ ученическихъ скамей, не дорожа собственною своею жизнью среди всеобщей пагубы, стремились къ спасенію жизни своихъ соотчичей, руководимые духомъ любви къ отечеству, вѣрою въ Бога и совѣтами своихъ попечительныхъ

наставниковъ и воскрешали въ нѣдрахъ семействъ жизнь и сладостныя надежды жизни. Многіе изъ этихъ юныхъ спасителей страждущаго человѣчества, одержавъ торжество надъ лютостію болѣзни, опустошавшей этотъ городъ, безъ необходимаго отдыха, безъ надеждъ честолюбія или корысти, съ однимъ пламеннымъ упованіемъ на Промыслъ и радушіемъ къ ближнему, съ однимъ запасомъ знаній, пріобрѣтенныхъ ими въ этомъ святилищѣ наукъ, составлявшихъ все ихъ стяжаніе, понеслись, по призыву благотворнаго Правительства, въ страны далекія—бороться съ чудовищемъ, алкавшемъ поглотить города и цѣлыя провинціи — и возвратились послѣ великодушныхъ своихъ подвиговъ въ нѣдра воспитавшаго юность ихъ университета, встрѣчаемые привѣтною улыбкой добрыхъ наставниковъ, осыпаемые благодарностью начальства, возносимые въ мольбахъ къ Богу тысячами согражданъ, исторгнутыхъ ими изъ челюстей смерти“ [1]).

Съ сильно патріотическимъ воззваніемъ - въ духѣ православія, самодержавія и народности—обратился Харьковскій университетъ къ обществу и на актѣ 1834 года.

„Въ сей торжественный день, когда мольбы всѣхъ сыновъ Россіи совокупляются въ одно душевное желаніе, да предметъ настоящаго празднества, надежда и чаяніе отечества, Высокій наслѣдникъ всероссійскаго престола, юная отрасль благословеннаго дома Романовыхъ, назидаемый великимъ примѣромъ Царя-Отца, преуспѣваетъ въ царственныхъ добродѣтеляхъ, когда въ престольномъ градѣ св. Петра воздвигается исполинскій памятникъ доблестямъ въ Бозѣ почивающаго миротворца Европы Александра Благословеннаго, Императорскій Харьковскій университетъ, рукою его насажденный, шествуя неослабно къ высокой цѣли, указуемой ему премудростію Царствующаго Государя Императора, въ *тридцатый разъ* начинаетъ поприще полезной своей дѣятельности—начинаетъ сѣять сѣмена общеполезныхъ знаній въ приготовленные къ тому умы своихъ воспитанниковъ, съ тѣмъ благимъ, искреннимъ желаніемъ, да, при содѣйствіи всемогущей благодати Божіей, сѣмена эти возрастутъ нѣкогда въ древо великое, которое дастъ во время свои плоды добрые во славу Божію, на пользу Престолу и Отечеству, во сладость и утѣшеніе родителей учащагося въ университетѣ юношества; да изыдутъ изъ него просвѣщенные воины, справедливые и благоразумные судьи, искусные и человѣколюбивые врачи и вообще граждане, напитанные правилами христіанской нравственности и исполненные свойственныхъ издревле Русскому народу доблестей—не-

---

[1]) Харьк. унив. архивъ. Д. правл. № 3114/183.

ограниченной любви и преданности къ вѣрѣ, Царю и отечеству. Въ семъ состоитъ та высокая цѣль, къ которой должно стремиться народное просвѣщеніе; такого просвѣщенія требуетъ отъ насъ Вѣнценосная премудрость, возсѣдающая на Преславномъ Всероссійскомъ престолѣ, ибо такое только просвѣщеніе есть необходимое условіе народнаго благоденствія [1]).

Эта же рѣчь содержитъ въ себѣ и оцѣнку дѣятельности только что вступившаго въ должность новаго попечителя Харьковскаго учебнаго округа гр. Ю. А. Головкина. „Одно изъ самыхъ важнѣйшихъ событій, коими ознаменовался въ лѣтописяхъ университета истекшій учебный годъ— есть перемѣна начальствующаго лица. По увольненіи д. ст. сов. В. И. Филатьева, Высочайшею волею назначенъ на эту должность одинъ изъ первѣйшихъ вельможъ Россіи—его сіятельство д. т. сов., Двора Его Величества оберъ камергеръ, членъ Государственнаго Совѣта и разныхъ орденовъ кавалеръ гр. Ю. А. Головкинъ. Сей маститый старецъ вельможа при концѣ временнаго своего поприща испросилъ у Государя Императора званіе попечителя этого университета съ тѣмъ великодушнымъ намѣреніемъ, дабы быть еще полезнымъ Государю и Отечеству на поприщѣ народнаго просвѣщенія и оставить по себѣ память грядущему потомству. Кратковременное пребываніе его сіятельства въ Харьковѣ навсегда останется запечатлѣно въ сердцахъ всего сословія университета благодарнѣйшимъ воспоминаніемъ.

Прибывъ къ самому времени производимыхъ ежегодно испытаній, его сіятельство пожелалъ узнать настоящую степень познаній студентовъ и для того, не давъ достаточно времени для приготовленія, назначилъ имъ въ присутствіи своемъ публичное испытаніе, которое окончилось къ совершенному его сіятельства удовольствію; оно изъявлено въ самыхъ лестныхъ для всѣхъ преподавателей выраженіяхъ на имя ректора. Потомъ его сіятельство за найденные имъ успѣхи студентовъ изъявилъ признательность свою ректору и тѣмъ изъ профессоровъ и адъюнктовъ, по предметамъ коихъ его сіятельство имѣлъ случай удостовѣриться въ успѣхахъ ихъ слушателей, а въ заключеніе обѣщалъ отличнымъ студентамъ, оставляющимъ университетъ, и на новомъ поприщѣ ихъ служенія продолженіе отеческаго о нихъ попеченія.

Принявъ со всею кротостію и снисхожденіемъ предположенія о большемъ распространеніи университетскихъ преподавателей по всѣмъ отраслямъ наукъ, для чего подъ личнымъ предсѣдательствомъ его сіятельства составлены были частныя засѣданія факультетовъ, и вникнувъ

---

[1]) Харьк. унив. архивъ. Д. правл. № 3489/214.

со всею просвѣщенною внимательностію въ недостатки, отчасти замедлявшіе надлежащій ходъ преуспѣянія университета, его сіятельство обѣщалъ употребить свое ходатайство къ устраненію ихъ на будущее время. Да исполнятся вскорѣ благія его предположенія! Кромѣ нуждъ самого университета, его сіятельство обратилъ свое вниманіе и на самыя первоначальныя училища для малолѣтнихъ дѣтей, предложивъ университету принять дѣятельныя мѣры къ учрежденію въ Харьковскомъ учебномъ округѣ школъ взаимнаго обученія по способу Ланкастера, для чего назначилъ особеннаго инспектора—чиновника, извѣстнаго опытностію въ этомъ дѣлѣ—инспектора Орловской гимназіи кол. ас. Ѳедорова и возложивъ изысканіе средствъ къ скорѣйшему ихъ открытію на усердіе и дѣятельность почетныхъ смотрителей уѣздныхъ училищъ. Полученные отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ отзывы не позволяютъ сомнѣваться въ счастливомъ успѣхѣ этого предначинанія" [1]).

Мы не будемъ здѣсь касаться вопроса—на сколько удобно было университету входить въ оцѣнку дѣйствій новаго попечителя, только что вступившаго на свой постъ, и ни слова не сказать при этомъ о дѣятельности его предшественника, вышедшаго въ отставку. Во всякомъ случаѣ университетъ отдавалъ какъ бы на судъ общества свою дѣятельность и это, конечно, поддерживало его связь съ этимъ послѣднимъ.

Харьковскій университетъ въ лицѣ своихъ профессоровъ по прежнему откликался также на практическіе запросы мѣстной жизни и этимъ, конечно, подымалось его значеніе, какъ полезнаго учрежденія въ краѣ.

Такъ, напримѣръ, въ 1816 году харьковскій губернаторъ Муратовъ обратился въ правленіе университета съ просьбою командировать въ слободы Межиричъ и Олешню Лебединскаго уѣзда для прекращенія появившейся тамъ на обывательскихъ лошадяхъ прилипчивой болѣзни—ветеринарнаго профессора, такъ какъ во всей губерніи вовсе не было тогда ветеринарнаго врача. Профессоръ Пильгеръ принялъ это предложеніе и отправился на борьбу съ заразой [2]). Есть однако основаніе думать, что подобные случаи обращенія къ университету были теперь не столь часты, какъ въ первое десятилѣтіе.

Университетъ отмѣтилъ, наконецъ, доброжелательное отношеніе къ нему мѣстной администраціи въ лицѣ харьковскаго губернатора И. П. Бахтина, избравъ послѣдняго своимъ почетнымъ членомъ и выразивъ ему признательность черезъ особую депутацію въ составѣ профессоровъ

[1]) Ibidem.

[2]) Харьк. univер. архивъ. Д. Правл. № 1080/51.

Делявиня, Шада и Рейта, по случаю увольненія его отъ должности [1]) въ 1815 году.

Въ іюнѣ 1816 г. посѣтилъ Харьковъ Великій Князь Николай Павловичъ [2]).

Въ началѣ 1826 года Харьковскій университетъ принималъ участіе въ печальной церемоніи перевезенія черезъ Харьковъ тѣла скончавшагося государя Императора Александра I. Здѣсь произошелъ маленькій, но характерный инцидентъ, уже отчасти отмѣченный нами въ 1-й главѣ со словъ А, П. Кирпичникова: по церемоніалу, профессорамъ университета отведено было очень низкое мѣсто въ похоронной процессіи. По этому поводу попечитель Перовскій обратился къ губернатору Муратову съ такимъ письмомъ. „Получивъ почтеннѣйшее отношеніе Вашего Превосходительства отъ 20 декабря и при немъ церемоніалъ для встрѣчи тѣла блаженной памяти Имп. Александра Павловича, я долгомъ считаю довести до свѣдѣнія Вашего, что мѣсто, назначенное въ этомъ церемоніалѣ университету, не соотвѣтствуетъ достоинству этого высшаго учебнаго заведенія и степени, занимаемой имъ между государственными коллегіями. Какъ присутственное мѣсто, университетъ относится рапортомъ прямо въ Правительствующій Сенатъ, отъ котораго непосредственно получаетъ указы и посему не можетъ ни въ какомъ случаѣ быть поставленъ ниже уѣзднаго суда и врачебной управы. Какъ высшее ученое сословіе, управляющее учебными заведеніями въ 16 губерніяхъ Имперіи, онъ долженъ быть выше харьковскихъ института и кадетскаго корпуса. Это обстоятельство, основанное на Высочайше пожалованной грамотѣ и уставѣ университета, побуждаетъ меня просить Ваше Превосходительство распорядиться такимъ образомъ, чтобы университетъ въ печальной церемоніи заняль мѣсто, соотвѣтственное Высочайше дарованнымъ ему привиллегіямъ. По мнѣнію моему, университетъ долженъ быть поставленъ или въ номерѣ 44-мъ (какъ отдѣльное управленіе) или между другими коллегіями, участвующими въ церемоніи.

Губернаторъ согласился съ этимъ замѣчаніемъ и представителямъ университета отведено было высшее мѣсто—вмѣстѣ съ чиновниками Губернскаго Правленія и Палатъ [3]).

Отмѣтимъ еще посѣщеніе нашего университета турецкими уполномоченными послами въ 1830 году. „Турецкіе уполномоченные, по словамъ ректора Дудровича, 8-го января осматривали Харьковскій университетъ, при чемъ прежде всего посѣтителямъ показано было по-

---

[1]) Харьк. унив. архивъ. Д. Сов. 1815 г. № 52.

[2]) Харьк. унив. архивъ. Д. Пр. № 1125/52.

[3]) Харьк. унив. архивъ. Д. поп. № 1141/64.

мѣщеніе казеннокоштныхъ воспитанниковъ, коего устройствомъ, чистотою и опрятностью они восхищались; потомъ представлены всѣ своекоштные воспитанники въ студенческой библіотекѣ, находящейся въ томъ же флигелѣ; оттуда непосредственно проведены были посѣтители въ кабинеты — математическій и астрономическій, технологическій и физическій; здѣсь представлены были профессора и прочіе университетскіе чиновники, сдѣланы нѣкоторые электрическіе опыты и поднесена записная книга, въ которой Галилъ Паша записалъ имя свое турецкими и французскими буквами, съ прибавленіемъ мысли на турецкомъ языкѣ: „*основатель сего заведенія да пребудетъ столь же вѣчнымъ, какъ и самыя науки, въ немъ преподаваемыя*". Изъ физическаго кабинета проведены были посѣтители въ зоологическій и минералогическій кабинеты, потомъ въ университетскую библіотеку, гдѣ на сей случай помѣщенъ былъ и минцъ—кабинетъ. Всѣ же заведенія при университетѣ осматривали посѣтители съ большимъ любопытствомъ и съ особеннымъ удовольствіемъ въ продолженіе двухъ часовъ—съ 10 до 1 часу утра, не смотря на сильный морозъ, простиравшійся за 16 градусовъ по Реомюру. Университетской клиники за усталостью Галилъ Паша не пожелалъ уже видѣть" [1]).

Кромѣ извѣстнаго уже намъ доноса на Харьковскій университетъ профессора Венедиктова былъ еще другой ложный доносъ Полтавскаго канцеляриста Черняева. Вотъ сообщеніе по этому дѣлу, сдѣланное попечителемъ въ 1831 году Министру.

„Доношу Вамъ о происшествіи, которое по признанію самого доносителя и по изысканіи оказалось ложнымъ. Третьяго дня ночью присланъ былъ изъ Полтавы сюда въ Харьковъ отъ малороссійскаго военнаго губернатора князя Репнина служащій тамъ приказнымъ въ казенной палатѣ молодой человѣкъ Черняевъ, извѣстный здѣсь по нетрезвому своему поведенію и дурнымъ поступкамъ, ибо нѣкоторое время служилъ въ Харьковѣ и мать его также живетъ здѣсь. Предавшись нѣсколько дней пьянству, какъ сказывалъ мнѣ Полтавскій частный приставъ, привезшій его къ здѣшнему гражданскому губернатору, онъ вздумалъ сдѣлать доносъ, будто бы въ Харьковѣ, Одессѣ, Херсонѣ и Таганрогѣ съ 1829 года до декабря 1830 существовало общество заговорщиковъ, стремящихся разрушить правленіе и даже посягнуть на жизнь помазанника Божія и что экстраординарный профессоръ Харьковскаго университета Куницкій ему открылъ это и пригласилъ его быть переписчикомъ бумагъ и будто всѣ эти бумаги имъ и студентомъ

---

[1]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло поп. № 1440/82.

Крейцомъ писанныя въ ящикѣ зарыты на университетскомъ бульварѣ и что въ нихъ найдется и планъ, и имена участвующихъ. Въ ту же ночь какъ привезенъ онъ къ губернатору, дѣланъ былъ обыскъ и нигдѣ ничего не найдено—и онъ сознался, что все это ложь, выдуманная имъ для погубленія собственно себя и что къ этому приведенъ онъ отчаяніемъ по многимъ несчастіямъ въ своей жизни. Онъ опровергъ всѣ показанія свои въ Полтавѣ и письменно отрекся при губернаторѣ, при мнѣ, при ректорѣ, жандармскомъ начальникѣ подполковникѣ Бахметьевѣ, предсѣдателѣ гражданской палаты, совѣтникѣ губернскаго правленія, при частномъ приставѣ, привезшемъ его изъ Полтавы и при всѣхъ, кто ночью былъ посланъ съ нимъ для обыска.

Черняевъ—человѣкъ совсѣмъ потерянный, желающій себя погубить подобною клеветою. Куницкій былъ обысканъ и спрошенъ. Оказалось, что Черняевъ и въ домѣ у него не бывалъ, Черняевъ показывалъ въ Полтавѣ, что Куницкій въ 1829 году купилъ домъ для его матери, а Куницкій самъ бѣденъ и домъ купленъ самою матерью Черняева въ 1825 году въ Полтавѣ. Кромѣ этого показывалъ, что Куницкій говорилъ ему, будто бы здѣшній профессоръ Кронебергъ, извѣстный всѣмъ съ самой лучшей стороны, родившійся въ Россіи, человѣкъ семейный, образованный, лучшей нравственности и примѣрнаго поведенія, не участвовалъ, но зналъ объ этомъ, и также назвалъ уже здѣсь достойнѣйшаго во всѣхъ отношеніяхъ профессора Артемовскаго; и хотя ночью же онъ признался губернатору при всѣхъ тамъ бывшихъ, что все это ложь, имъ выдуманная, но не смотря на это губернаторъ, я и ректоръ были лично у вышеупомянутыхъ профессоровъ и лично осмотрѣвши всѣ ихъ бумаги, не нашли и малѣйшаго подозрѣнія; у Куницкаго же былъ ректоръ съ совѣтникомъ губернскаго правленія; Черняевъ вмѣшалъ было еще многихъ незначительныхъ лицъ, находящихся въ Харьковской губ., даже родного брата своего, но и отъ этого отрекся и признался, что онъ иныхъ въ лицо не знаетъ, но называлъ того, кто ему пришелъ на мысль, онъ теперь въ тюрьмѣ и преданъ законному суду.

Я счелъ нужнымъ увѣдомить объ этомъ происшествіи Вашу Свѣтлость и вмѣстѣ съ тѣмъ покорнѣйше просить избавить нашихъ профессоровъ отъ дурнаго впечатлѣнія, что именно ихъ вмѣшалъ онъ въ этомъ случаѣ, и смѣю увѣрить Вашу Свѣтлость, что они совсѣмъ не таковы, чтобы когда либо могли участвовать или знать и молчать о такихъ гнусныхъ поступкахъ; напротивъ, это люди вполнѣ благонамѣренные и вѣрные Престолу и своему Государю, крайне огорченные и обиженные этимъ доносомъ.

Студентъ Крейцъ ночью былъ взятъ и обысканъ и также оказался невиненъ. Въ дополненіе о Черняевѣ не излишнимъ считаю донести, что онъ дорогой, гдѣ-то на станціи, захватилъ ножъ и имъ хотѣлъ немедленно по пріѣздѣ въ Харьковъ зарѣзать губернатора и въ этомъ самъ признался еще дорогою полтавскому частному приставу, который его сюда везъ. Таковые поступки хотя и показываютъ, что онъ сумасшедшій, но говоритъ хорошо, вѣжливо и пишетъ складно, а посему юридически признать его сумасшедшимъ невозможно, хотя видъ его дикій. При теперешнихъ обстоятельствахъ, весьма непріятны таковыя происшествія и, кажется, малоросійскій военный губернаторъ поспѣшилъ отправленіемъ его сюда и не вникнулъ въ несообразность самого его доноса: 1) какъ зарывать ящикъ на такомъ мѣстѣ, которое въ глазахъ всей Залопанской части города и гдѣ безпрестанно народъ въ движеніи, 2) Черняевъ говоритъ, что онъ переписывалъ бумаги, а содержанія не знаетъ—это показано имъ въ Полтавѣ“ [1]).

Въ этой прискорбной исторіи поражаетъ насъ необезпеченность въ тогдашнее время личности профессора. Самъ попечитель негодовалъ, что на основаніи явно несообразнаго и ложнаго доноса сочли возможнымъ подвергнуть обыску почтенныхъ уважаемыхъ, безупречныхъ въ политическомъ и нравственномъ отношеніи университетскихъ дѣятелей и вообще дать ходъ этому затѣйному дѣлу, которое произвело самое тягостное впечатлѣніе на профессоровъ, не получившихъ повидимому никакого удовлетворенія за испытанныя ими волненія и оскорбленія.

Изъ дѣлъ, имѣвшихъ политическую подкладку, слѣдуетъ отмѣтить еще эпизодъ о бранной по адресу русскихъ надписи на польскомъ языкѣ, сдѣланной мѣломъ на стѣнѣ кладовой въ 1835 году. Надпись была буквально такова:

Ah wy, moskali,
Co wy mislycie? Wzieniscie
Polakow y glodem morzycie!
Buh was pobyie y łzy bydnich ludzi,
Gdy wasze sumienie żalu wasz niewzbudzi.
Kto pyurem orze, piaskiem poszypuie,
Ten złota, sribła,
Skatuł taduye.

То есть: Ахъ вы, москали,
Что вы думаете? Забрали
Поляковъ и голодомъ морите!

---

[1]) Харьк. унив. Архивъ. Д. поп. № 1581/92.

Богъ и слезы бѣдныхъ людей васъ побьютъ,
Когда ваша совѣсть не возбудитъ въ васъ жалости.
Кто перомъ оретъ, пескомъ засыпаетъ,
Тотъ золотомъ, серебромъ сундуки набиваетъ.

Университетское начальство предполагало, что эту надпись могъ сдѣлать кто либо изъ поляковъ часовыхъ, находившихся при кладовой Произведено было строжайшее слѣдствіе, но виновнаго не открыли [1]).

ГЛАВА 4-я.

Студенты.

Въ первое десятилѣтіе существованія университета число студентовъ въ немъ было крайне недостаточно и это объяснялось главнымъ образомъ почти полнымъ отсутствіемъ въ предѣлахъ Харьковскаго учебнаго округа среднихъ подготовительныхъ школъ—гимназій. Правда эти послѣднія стали открываться со времени учрежденія университета, но должно было пройти извѣстное число лѣтъ, прежде чѣмъ могли появиться первые выпуски питомцевъ, окончившихъ въ нихъ курсъ наукъ. Въ изучаемый нами теперь періодъ времени гимназіи Харьковскаго учебнаго округа въ совокупности своей давали наибольшій контингентъ студентовъ въ нашъ университетъ. При этомъ нужно имѣть въ виду, что и питомцы гимназій должны были тогда держать вступительные экзамены наравнѣ съ лицами домашняго образованія. Очевидно, университетъ *могъ* въ это время уже дѣлать извѣстный выборъ между окончившими гимназію; слѣдовательно, не нуждался такъ, какъ прежде, въ слушателяхъ и не долженъ былъ прибѣгать къ такимъ экстраординарнымъ мѣрамъ, какъ въ первое десятилѣтіе.

Что бы дать понятіе о томъ, какія учебныя заведенія давали своихъ воспитанниковъ Харьковскому университету, мы приведемъ статистическія данныя по этому вопросу за 1829 и 1832 годы.

Въ 1829 году экзаменовалось для поступленія въ университетъ 120 чел., принято было 112, не принято всего 8. Изъ Харьковской гимназіи принято 40 (всѣ), Екатеринославской 8 (всѣ), Новгородъ-Сѣверской 3 (изъ 4-хъ), Херсонской 1 (всѣ), Таврической 1 (изъ 3-хъ), Кіевской 1 (всѣ), Полтавской 4 (всѣ), Курской 3 (всѣ), Черниговской 2 (всѣ), Донской 1 (всѣ), Уманскаго училища 1 (всѣ), Махновскаго 1 (всѣ), Харьковскаго коллегіума 6 (всѣ), Курской семинаріи 1 (всѣ), Воронежской гимназіи 3 (изъ 4-хъ), домашней подготовки 5 (изъ 6), пансіона проф. Робуша 8 (всѣ), Ольденборгера 4 (всѣ), Роберти 5 (всѣ), пансі-

[1]) Харьк. унив. архивъ. Д. поп. № 2343/139.

она при б. Царско-Сельскомъ лицеѣ 1 (всѣ). Наилучшіе успѣхи обнаружили воспитанники пансіона проф. Робуша [1]).

По мѣсту и характеру своей подготовки студенты Харьковскаго университета въ 1832 году распредѣлялись такъ: наибольшій контингентъ дала Слободско украинская (Харьковская) гимназія—(82 чел.), затѣмъ слѣдуютъ въ нисходящемъ порядкѣ: Екатеринославская гимназія (29), Полтавская гимназія (19), пансіонъ Роберти въ Харьковѣ (16), Черниговская гимназія (13), пансіонъ Ольденборгера въ Харьковѣ (10), пансіонъ Робуша въ Харьковѣ (9), домашняго образованія (9), Харьковскій Коллегіумъ (7), Новгородъ-Сѣверская гимназія (7), Воронежская гимназія (6), Курская гимназія (5), Кіевская и Донская гимназія (по 4), Курская семинарія (3), Херсонская гимназія (3), Таврическая гимназія (2), пансіонъ Коваленка въ Харьковѣ (2), Полтавская семинарія, Виленскій университетъ, Межирицкая гимназія, Московскій университетъ, Дерптскій университетъ, Царскосельскій благородный пансіонъ, Немировское уѣздное училище, Махновское повѣтовое училище, Бердичевское уѣздное училище, пансіонъ Московскаго университета, Кишиневскій пансіонъ, пансіонъ Пика—по одному; затѣмъ поступило 2 аптекарскихъ гизеля, губернскій регистраторъ, учитель Валуйскаго училища, безъ документовъ 1. [1])

Здѣсь останавливаетъ на себѣ наше вниманіе небольшой контингентъ студентовъ изъ лицъ, получившихъ домашнее образованіе. Очевидно, образованіе въ публичныхъ общественныхъ школахъ, которое такъ усердно пропагандировалось профессорами Харьковскаго университета, пріобрѣло теперь широкую популярность и распространеніе въ обществѣ. Свѣтская школа получила теперь въ отношеніи доставляемаго ею контингента учащихся рѣшительное преобладаніе надъ духовной.

Любопытныя признанія о подготовкѣ и мотивахъ, руководившихъ молодыми людьми при поступленіи въ университетъ, дѣлаетъ авторъ извѣстныхъ намъ воспоминаній о Харьковскомъ университетѣ въ концѣ 20-хъ и началѣ 30-хъ годовъ *Н.*

„Вступилъ я, говоритъ онъ, въ число студентовъ Харьковскаго университета, въ 1828 году. Мнѣ было всего только 14 лѣтъ, и въ этомъ раннемъ возрастѣ я успѣлъ уже пройти весь учебный курсъ, какой требовался въ то время для вступительнаго экзамена въ университетъ.

Такому предварительному испытанію подвергались обязательно всѣ воспитанники среднихъ учебныхъ заведеній, казенныхъ и частныхъ, равно какъ и получившіе домашнее образованіе. Но снисходительность

[1]) Харьк. унив. архивъ Д. сов. 1829. № 5.

[2]) Харьк. унив. арх. Д. поп. № 1488/86.

тогдашнихъ требованій открывала широкій доступъ въ университетъ для многихъ изъ недоучившейся молодежи, къ числу которыхъ я не могу не причислить и себя, припоминая теперь всю ограниченность своихъ познаній и всей предварительной подготовки къ университету. Я избралъ для себя юридическій факультетъ, который по уставу назывался тогда этико-политическимъ, но которому студенты давали безразлично то или другое имя. Мною руководили не столько собственное влеченіе и призваніе къ той или другой отрасли наукъ, сколько желаніе отца, предназначившаго меня къ гражданской службѣ, выпавшей на его долю".

Изъ гимназій въ университетъ для *приватнаго* посѣщенія лекцій принимали подъ часъ съ весьма слабыми успѣхами. Примѣромъ этого можетъ служить Воробьевъ, поступившій въ 1829 году съ согласія попечителя Перовскаго [1]).

---

[1]) Вотъ его экзаменаціонное свидѣтельство.

„*Имя*: Иванъ Воробьевъ, Малороссійской Черниговской губерніи повѣтоваго города Мглина купца 3-й гильдіи Герасима Воробьева сынъ, родился въономъ городѣ Мглинѣ апрѣля 15 дня 1808 года.

Время посѣщенія гимназіи: экзаменованный по начальномъ изученіи съ 5-го сентября 1820 года въ Мглинскомъ повѣтовомъ училищѣ, поступивъ Новгородсѣверской гимназіи въ 1-й классъ Августа 1-го дня 1824 года, находился въ оной пять лѣтъ и изъ того 2 года въ третьемъ и 1 годъ въ четвертомъ классѣ.

Поведеніе: въ отношеніи къ соучащимся, скромностью и угожденіемъ содержалъ себя въ мирѣ и согласіи; въ отношеніи къ начальству, не было нравственныхъ поступковъ, за которые въ классическомъ домашнемъ и городскомъ его поведеніи подвергался бы отъ учителей и начальства обвиненію, и обыкновенныя классическія исправленія принималъ съ кротостію, успѣхи въ ученіи Закона Божія были *малые*.

Прилежаніе: при постоянномъ своихъ классовъ посѣщеніи, упуская въ теченіи нѣтъ способы образованія, не приложилъ трудолюбія и исправности въ исполненіи классическихъ уроковъ, задачъ, переводовъ и иныхъ требованій.

Познанія: экзаменованный въ латинскомъ языкѣ не только способности понятія писателей его и сочиненія на немъ не достигъ, по приложенія грамматическихъ правилъ въ изъясненіи мѣстъ его и твердаго знанія сихъ правилъ достаточныхъ реченій и правописанія не пріобрѣлъ; въ началахъ греческаго языка *старанія никакого не было;* успѣхи въ географіи и древней исторіи *слабые*, въ хронологіи, древностяхъ, новѣйшей всемірной и россійской исторіи *слабые*, по части математики въ алгебрѣ, геометріи и тригонометріи *малые*, въ приложеніяхъ алгебры и геометріи началахъ высшихъ исчисленій, высшей геометріи и механики *очень слабые;* въ естественной исторіи и физикѣ *слабые;* въ началахъ нѣмецкаго и французскаго языковъ *совершенно слабые*; въ знаніи правилъ россійскаго и славянскаго языковъ, логики и риторики *слабые*; въ приложеніи оныхъ—въ сужденіи и слогѣ, въ экзаменаціонныхъ переводахъ, разборахъ и сочиненіяхъ, правильности въ почеркѣ чистописанія хорошіе.

Нынѣ же онъ Воробьевъ по прошеніи отца его для усовершенствованія въ наукахъ отъ сей гимназіи уволенъ, въ чемъ и сіе третьяго номера экзаменаціонное сви-

Пріемные экзамены въ университетѣ вообще не всегда отличались должною строгостью или, точнѣе говоря, мы замѣчаемъ въ нихъ рѣзкіе переходы отъ снисходительной слабости къ слишкомъ уже суровой строгости.

Извѣстный намъ проф. Кронебергъ, вступивъ въ исправленіе обязанностей ректора, подалъ попечителю записку, въ которой предложилъ рядъ мѣръ для упорядоченія пріема въ университетъ молодыхъ людей.

„Въ величайшемъ безпорядкѣ нашелъ я въ Правленіи, писалъ онъ, списки студентовъ. Немедленно приказалъ я сдѣлать особую большаго формата книгу, въ которой въ особыхъ графахъ вносятся имена студентовъ и вольнослушающихъ, званіе и жительство ихъ родителей, гдѣ обучались, съ какими познаніями поступали въ Университетъ, въ какой факультетъ, когда принятъ и когда выбылъ, такъ что для потребныхъ свѣдѣній о какомъ-либо студентѣ не нужно болѣе рыться въ журналахъ, а стоитъ только открыть эту книгу.

Пріемъ въ студенты дѣлался безъ всякаго порядка. Я привелъ въ исполненіе § 107 устава Университетскаго, назначивъ Комитетъ изъ членовъ—орд. профессора Даниловича, экстро-орд. профессоровъ Байкова и Венедиктова и кандидата Сокальскаго, поручивъ имъ, сообразно предписанію бывшаго Г-на Министра Народ. Просвѣщенія отъ 10-го генв. 1820 года, экзаменовать изо всѣхъ предметовъ, преподаваемыхъ въ гимназіяхъ. Прилагаю у сего и самыя правила, и копію съ предписанія Министра. Этимъ экзаменамъ ведется журналъ, изъ него дѣлается представленіе Правленія; лучшіе удостаиваются, слабымъ отказъ безъ всякаго лицепріятія. Дѣйствія этого комитета я считаю особенно важными: 1) университетъ не наполнится пустыми головами, считающими его только средствомъ къ полученію чина 12-го класса. 2) прилежаніе, котораго по настоящее время не видно было, воскреснетъ и сдѣлается современемъ общею добродѣтелью студентовъ; 3) весьма важно и то, что обнаруживаются дѣйствія гимназій и пансіоновъ; большею частію степени познаній, въ аттестатахъ показанныя, ни мало не соотвѣтствуютъ настоящимъ познаніямъ экзаменуемыхъ. Если и теперь уже эти экзамены имѣютъ то благодѣтельное послѣдствіе, что многіе воз-

---

дѣтельство ему на основаніи постановленій начальства за подписаніемъ директора и учителей гимназіи съ приложеніемъ гимназической печати дано 1829 года іюля 7 дня. На подлинномъ подписалъ директоръ Илья Тимковскій. Законоучитель протоіерей Стефанъ Денисовичъ, учитель латинскаго и греческаго языковъ Кириллъ Капля. Учитель философіи и россійской словесности Григорій Македонскій, учитель математическихъ наукъ Иванъ Сбитневъ. Учитель естественныхъ наукъ и инспекторъ учениковъ Герасимъ Ивановскій. Учитель рисованія и черченія Степанъ Кирилловъ. (Харьковскій унив. архивъ).

вращаются опять въ тѣ мѣста, гдѣ учились, то чтобъ доставить этому комитету сильнѣйшее вліяніе на учебныя заведенія, подвѣдомыя Университету, считаю я необходимо нужнымъ, по окончаніи пріема, опубликовать дѣйствія этого комитета и обратить на нихъ вниманіе директоровъ, учителей и содержателей пансіоновъ, дабы такимъ образомъ возбудить ихъ дѣятельность и возстановить тѣснѣйшую связь между гимназіями и Университетомъ, которая совершенно прервана. На это испрашиваю позволенія Вашего Превосходительства. О ежегодныхъ публичныхъ экзаменахъ, какъ средствахъ къ возбужденію и поддержанію прилежанія, буду имѣть честь войти къ Вашему Превосходительству съ особымъ представленіемъ".

Испытательный комитетъ, составленный ректоромъ Кронебергомъ, имѣлъ 22 засѣданія, продолжавшіяся не менѣе 4 час. каждое, и представилъ затѣмъ слѣдующій отчетъ о результатахъ своей дѣятельности.

Всѣхъ, подвергшихся экзамену, было 58 душъ. Изъ Слободско-Украинской гимназіи принято было 2, не принято 13 (хуже всего отвѣты были по латинскому языку); изъ Полтавской гимназіи принято 4, не принято 3 (наиболѣе слабые отвѣты были по естественной исторіи); изъ Екатеринославской гимназіи принятъ 1, не принято 6 (хуже всего отвѣчали по латыни); изъ Курской гимназіи принято было 2, не принято 2 (наименьшіе успѣхи были по математикѣ); изъ Новгородъ-Сѣверской гимназіи принятъ былъ 1, не принято 4; изъ Черниговской гимназіи принятъ 1, не принятъ 1; изъ Нѣжинской гимназіи принятъ 1; изъ пансіона Робуша одинъ явился и не принятъ; изъ Немировскаго высшаго уѣзднаго училища явился и принятъ 1; изъ Межирицкаго явился и не принятъ 1; изъ Воронежской гимназіи 1 принятъ и 1 не принятъ; изъ Саратовской гимназіи явился и не принятъ 1; изъ семинарій принятъ 1, не принято 4; домашняго образованія принято 4, не принято 2; всего изъ 58 явившихся принято 19 чел., т. е. ок. 33% [1]).

Очевидно, комитетъ изъ желанія проявить спасительную строгость, нѣсколько переусердствовалъ, ибо нельзя же въ самомъ дѣлѣ признать нормальнымъ такой тиражъ. Въ 1828 году процентъ принятыхъ оказывается уже несравненно болѣе значительнымъ.

Изъ отчета испытательнаго комитета о пріемѣ въ студенты Харьковскаго университета въ 1828 году оказывается: изъ Харьковской гимназіи было принято 18 душъ (въ томъ числѣ Егоръ Гордѣенко), не принято 7; изъ Полтавской принято 4; изъ Черниговской принято 5, не принятъ 1; изъ Екатеринославской удостоено 11 (въ томъ числѣ Гри-

---

[1]) Харьк. унив. арх. Д. поп. № 1207/67.

горій Рындовскій), не удостоено 2; изъ Херсонской гимназіи принятъ 1; изъ Новочеркасской экзаменовался и не принятъ 1; изъ Воронежской гимназіи принятъ 1; изъ пансіона Робуша принято 4; изъ пансіона Ольденборгера принято 6 (въ томъ числѣ Петръ Любовскій); не удостоенъ 1; изъ пансіона Роберти принято 3; не выдержалъ 1; изъ Бердичевскаго училища удостоенъ 1; изъ Уманскаго училища удостоенъ 1; изъ семинарій принято 7, не удостоено 3; изъ приватнослушавшихъ лекціи при университетѣ принято 4, не удостоенъ 1; изъ вторично державшихъ экзаменъ принято 4 (два Харьковской, 1 Курской, 1 Таганрогской гимназій); не принято 2; всего принятыхъ 41, не принятыхъ 18, т. е. ок. 25% [1]).

Попечитель Филатьевъ по собственной иниціативѣ и собственною властью установилъ правила пріемныхъ экзаменовъ въ университетѣ для лицъ, желавшихъ поступить въ студенты; ихъ нужно было экзаменовать, примѣняясь къ гимназическимъ программамъ преподаванія [2]).

Въ 1833 году опять примѣнены были особыя строгости въ силу замѣчаній, сдѣланныхъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія.

Въ 1833 г. Министръ Уваровъ писалъ попечителю Филатьеву.

По Высочайшему указу 9-го ноября 1831 г. велѣно было принимать въ студенты только лицъ, окончившихъ съ успѣхомъ полный гимназическій курсъ съ одобрительными аттестатами или выдержавшихъ въ университетѣ строгій вступительный экзаменъ. Къ сожалѣнію до меня дошли слухи, что это Высочайшее повелѣніе не во всей строгости наблюдается по Харьковскому университету,—изъ 124 человѣкъ, принятыхъ въ студенты, 52 человѣка допущены съ обязательствомъ слушать въ университетѣ нѣкоторые существенные учебные предметы, изъ коихъ они или вовсе не выдержали испытанія, или худо атестованы испытательнымъ комитетомъ, а 9 человѣкъ поступили изъ Московскаго университета и можетъ быть нѣкоторые изъ нихъ оставили университетъ не добровольно. Въ заключеніе Министръ требовалъ неусыпнаго наблюденія, и разборчивости какъ при вступленіи молодыхъ людей въ студенты, такъ при выпускѣ ихъ изъ университета.

Многіе изъ окончившихъ курсъ въ гимназіяхъ и пансіонахъ и получившихъ домашнее образованіе выдержали въ 1833 г. удовлетворительно вступительный экзаменъ въ университетѣ, но бывшій попечитель Филатьевъ увезъ съ собою, не возвратилъ и не утвердилъ списка этихъ лицъ,—и потому они формально и не могли быть зачислены въ

[1]) Харьк. унив. архивъ. Д. поп. № 1281/72.

[2]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло поп. № 1242/71.

студенты. Въ виду этого они были допущены для приватнаго слушанія лекцій въ университетѣ; въ числѣ ихъ былъ Н. И. Костомаровъ.

Въ 1834 году пріемные экзамены для лицъ, желавшихъ вступить въ число студентовъ, были очень строги. Всего держало экзаменъ 115 человѣкъ, а принято было 55, т. е. менѣе 50%. Изъ этихъ 115 человѣкъ 4 было изъ Нѣжинскаго лицея, 1 изъ Одесскаго Ришельевскаго лицея, изъ гимназій 61, въ томъ числѣ Слободско-Украинской, т. е.— Харьковской 25, Екатеринославской—8, Полтавской 6, Новочеркасской 4, Черниговской 4, Воронежской 3, Курской, Херсонской, Кіевской по 2, Таврической, Бѣлостокской, Новгородъ-Сѣверской, Подольской и Смоленской по 1; изъ разныхъ семинарій 14, изъ пансіоновъ 21, изъ Одесскаго еврейскаго училища 1, получившихъ домашнее образованіе 13. Изъ нихъ выдержало экзаменъ: 2 изъ Нѣжинскаго лицея (половина), 14 изъ Слободско-Украинской гимназіи (изъ 25), 5 изъ Екатеринославской (изъ 8), по 2 изъ Полтавской и Черниговской (изъ 6 и 4), по 1 изъ Воронежской, Таврической, Курской, Херсонской, Новочеркасской и Бѣлостокской (изъ 3, 1, 2, 2, 4, 1); изъ семинарій 6 (изъ 14), изъ пансіоновъ 14 (изъ 21), изъ Одесскаго еврейскаго училища 1 (1), изъ домашняго образованія 3 (изъ 13). Такимъ образомъ, наименьшій процентъ дала категорія лицъ, получившихъ домашнюю подготовку, за тѣмъ идутъ Новочеркасская, Полтавская гимназіи, Воронежская семинарія, Черниговская, Курская и Херсонская гимназіи, Нѣжинскій лицей; остальныя дали болѣе 50% общаго числа, между тѣмъ какъ перечисленные нами 50% и менѣе того.

Узнавъ о результатахъ экзаменовъ, попечитель (гр. Головкинъ) обратился къ ректору университета съ такимъ любопытнымъ похвальнымъ словомъ. „Образованіе университетское для молодаго человѣка есть основа всѣхъ гражданскихъ добродѣтелей и будущихъ успѣховъ его на поприщѣ службы. Права, Высочайше дарованныя оканчивающимъ курсъ воспитанникамъ университетовъ, упрочиваютъ ему путь къ достиженію всѣхъ мѣстъ и почестей гражданской службы; по этимъ причинамъ начальство университета священнымъ долгомъ обязано блюсти какъ за успѣхами въ наукахъ, такъ и за сохраненіемъ чистой и непорочной нравственности юношества, ему порученнаго, и должно быть весьма разборчиво при выпускѣ воспитанниковъ, а посему и въ пріемѣ ихъ въ университетъ взыскательно, ибо университетское образованіе покоится только на прочномъ основаніи гимназическаго, и я съ удовольствіемъ усмотрѣлъ изъ доставленныхъ мнѣ свѣдѣній о принятыхъ воспитанникахъ въ университетъ на сей академическій годъ разборчивость и законную строгость дѣлаемыхъ имъ при вступленіи испытаній,

ибо изъ числа явившихся къ экзамену 115 человѣкъ принято только 55, за что предлагаю вамъ сообщить мою совершенную признательность письменно каждому изъ членовъ бывшаго испытательнаго комитета [1].

Ознакомившись съ условіями пріема молодыхъ людей въ Харьковскій университетъ, сообщимъ теперь нѣкоторыя статистическія данныя о числѣ студентовъ въ немъ за періодъ времени съ 1815 г. по 1835 г.

Но здѣсь же мы должны предварить читателя, что не можемъ привести собственныхъ точныхъ свѣдѣній по этому интересному вопросу, а должны ограничиться главнымъ образомъ сообщеніемъ данныхъ, которыя собраны и разработаны, по порученію университетскаго начальства, архиваріусомъ университетскаго архива Е. М. Ивановымъ и которымъ самъ онъ придаетъ только относительную степень достовѣрностя. Дѣло въ томъ, что факультетскихъ документовъ за этотъ періодъ почти не сохранилось: не имѣется поэтому точныхъ и систематическихъ за всѣ годы свѣдѣній о числѣ студентовъ. Благодаря этому, Е. М. Иванову пришлось собирать эти данныя въ разныхъ дѣлахъ и документахъ, гдѣ только попадались свѣдѣнія о студентахъ: естественно, что, при такихъ условіяхъ, съ одной стороны явились пробѣлы, а съ другой оказалось невозможнымъ пріурочить всѣ свѣдѣнія къ одному моменту, ибо одни изъ нихъ относились къ концу академическаго, а другіе гражданскаго года. Мы приведемъ данныя Е. М. Иванова исправимъ и пополнимъ ихъ нѣкоторыми новыми матеріалами. Разъ приходилось прибѣгать къ сложнымъ подсчетамъ, могли получиться и ошибки. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ мои цифры расходятся съ данными Е. М. Иванова.

За 1815-й годъ свѣдѣній о числѣ студентовъ нѣтъ. Въ 1816 году ихъ было, по свѣдѣніямъ К. Фойгта, 122 чел. За 1817-й и 1818-й годы свѣдѣній нѣтъ. Въ 1819—20 *академическомъ году* ихъ было 201 чел., въ 1820—21—195, въ 1821—22—213, въ 1822—23—165, въ 1823—24—245; *къ концу 1825 гражданскаго года*—346, 1826—305, 1827—260, 1828—237, 1829—334, 1830—265, 1831—247, 1832—282, 1833—244; къ 1-му сентября 1834 года—261; къ концу 1835—263 [2].

Въ приведенныхъ данныхъ насъ поражаютъ сильныя колебанія въ ростѣ студентовъ; наиболѣе благопріятными являются — 1825-й, 1829-й и 1826-й годы; съ 1819-го года цифры колеблятся между 165 и 346 чел.; первая половина двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ во всякомъ случаѣ не являются временемъ прогресса.

Любопытно распредѣленіе студентовъ по сословіямъ и факультетамъ. Вотъ два относящіеся сюда примѣра.

[1]) Харьк. унив. архивъ. Д. Правл. № 2017/128.

[2]) Харьк. унив. арх. Дѣло Сов. 1902 г. № 253.

Въ 1825 году, по моему подсчету, который расходится съ данными Е. М. Иванова, въ Харьковскомъ университетѣ было 358 студентовъ, которые *по сословіямъ* распредѣлялись такъ: дворянъ было 181, чиновниковъ (военныхъ и гражданскихъ)—103, духовнаго званія—32, разночинцевъ—28, иностранцевъ 8. Дворяне, какъ мы видимъ, составляли преобладающую массу—большинство, за ними идутъ чиновники; разночинцы составляли такое же ничтожное меньшинство, какъ и лица духовнаго званія. По *факультетамъ* они распредѣлялись такъ: 129 (въ томъ числѣ 127 студентовъ и 2 вольнослушателя) на юридическомъ факультетѣ, 97 (въ томъ числѣ 95 студентовъ и 2 вольнослушателя) на медицинскомъ факультетѣ, 79 (въ томъ числѣ 74 студента и 5 вольнослушателей) на словесномъ факультетѣ и 53 (въ томъ числѣ 37 студентовъ и 16 вольнослушателей) на физико-математическомъ факультетѣ [1]).

Въ 1828 году было 254 студента, въ томъ числѣ казенно-коштныхъ 41, своекоштныхъ 174, вольнослушателей 24, приватно-слушающихъ 15 [2]).

Въ 1830 году было 247 студентовъ (по даннымъ Е. М. Иванова 265), которые по *сословіямъ* распредѣлялись такъ: дворянъ 131 (въ томъ числѣ 17 казенно-коштныхъ и 114 своекоштныхъ), чиновниковъ 61 (въ томъ числѣ 23 казенно-коштныхъ и 38 своекоштныхъ), разночинцевъ 38 (въ томъ числѣ казенно-коштныхъ 8, своекоштныхъ 5 и вольнослушателей 25), духовныхъ 13 (въ томъ числѣ 1 казенно-коштный и 12 своекоштныхъ), иностранцевъ 4 (въ томъ числѣ 1 казенно-коштный и 3 своекоштныхъ). Всѣхъ казенно-коштныхъ студентовъ было 50; остальные своекоштные и вольно-слушатели. По факультетамъ они распредѣлялись такъ: на юридическомъ—96, на медицинскомъ 73, словесномъ 49, физико-математическомъ—29.

Въ 1832 году въ Харьковскомъ университетѣ было 276 студентовъ (по даннымъ Е. М. Иванова, 282), которые по сословіямъ распредѣлялись такъ: дворянъ 127 чел., чиновниковъ 68, разночинцевъ 61, иностранцевъ 11, духовнаго званія 9 [3]).

Въ 1828 году принятые въ студенты молодые люди по факультетамъ распредѣлялись такъ: на этико-политическій поступило 25 своекоштныхъ и 1 вольнослушатель; на физико-математическій—2 казенно-коштныхъ, 5 своекоштныхъ и 2 вольнослушателя; на словесный—3 казенно-коштныхъ, 11 своекоштныхъ и 1 вольнослушатель; на медицинскій—2 казенно-коштныхъ, 13 своекоштныхъ и 4 вольнослушателя.

---

[1]) Харьк. унив. архивъ. Д. поп. № 1120/63.

[2]) Харьк. унив. арх. Д. 1829 г. № 37.

[3]) Харьк. унив. архивъ. Д. поп. № 1677/99.

Итого, на этико-политическій 26 чел., на медицинскій—19, на словесный—15, на физико-математическій 9 [1]).

Такимъ образомъ, по числу студентовъ факультеты тогда шли въ слѣдующемъ порядкѣ: на первомъ мѣстѣ стоялъ юридическій, на второмъ медицинскій, на третьемъ словесный и на четвертомъ физико-математическій.

По сословіямъ студенты распредѣлялись такъ, что дворяне представляли наиболѣе многочисленную группу, за ними слѣдовали сыновья военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ; группа разночинцевъ, лицъ духовнаго званія и иностранцевъ была не велика. Лица податныхъ сословій должны были представлять при поступленіи въ университетъ увольнительные свидѣтельства отъ своихъ обществъ. Въ 1828 году былъ, напримѣръ, принятъ въ вольнослушатели университета мѣщанинъ изъ евреевъ Александръ Моисеевичъ Юзефовичъ на основаніи увольнительнаго свидѣтельства, выданнаго ему Тульчинскимъ мѣщанскимъ обществомъ [2]).

Въ 1818 году само Министерство Народнаго Просвѣщенія подняло вопросъ объ увеличеніи числа казеннокоштныхъ студентовъ по медицинскому факультету, что было вызвано недостаткомъ врачей. Изъ

[1]) Харьк. унив. арх. Д. поп. № 1297/73.

[2]) Чтобы дать понятіе о содержаніи такихъ увольнительныхъ свидѣтельствъ, приведемъ текстъ настоящаго. „По указу Его Императорскаго Величества Подольской губ. изъ Брацлавскаго городового магистрата Брацлавскому мѣщанину изъ евреевъ Александру Клейль Моисееву сыну Юзефовичу, по поданному имъ въ магистратъ прошенію, представленному при ономъ отъ Тульчинскаго общества увольнительному свидѣтельству и учиненной съ дѣлами магистрата выправкѣ въ томъ, что сіе общество, по предпріятію его Александра Юзефовича вступить въ университетъ Россійской Имперіи для изученія медицины или въ ученое какое общество либо другой какой классъ людей, къ переходу закономъ дозволенный, не находя за нимъ никакихъ препятствій добровольно изъ своего сословія и отъ всѣхъ сопряженныхъ съ теперешнимъ званіемъ его обязанностей освободило, съ таковымъ, сходно указу 30 апр. 1822 г. ограниченіемъ, что упомянутое Тульчинское общество обязалось за него Юзефовича уплачивать до будущей ревизіи всѣ подати и отбывать повинности, ежели бы онъ прежде той ревизіи не былъ исключенъ изъ податного званія, по поступленіи же въ службу бездоимочно и прекословно. Увольненіе сіе, если бы Александръ Юзефовичъ до будущей ревизіи не поступилъ въ какое либо ученое званіе или въ службу казенную, не будетъ имѣть далѣе затѣмъ силы и обязанъ въ такомъ разѣ подать о себѣ въ новыя ревизскія сказки. До поступленія въ ученое званіе или въ службу долженъ получать паспорты плакатные. Состоитъ по послѣдней 1816 года ревизіи по мѣстечку Тульчину подъ № 303 и за умертвіемъ отца своего Моисея Юзефовича почитается въ семействѣ его одною его душею, есть безпорочнаго поведенія и со стороны городового магистрата такъ же никакого законнаго препятствія не имѣется. Дано за подписомъ присутствующихъ съ приложеніемъ казенной печати въ городѣ Брацлавѣ августа 22 1828 г. (Харьк. унив. архивъ. Дѣло поп. № 1281/72., стр. 62—63).

справокъ выяснилось, что до 1810 года число студентовъ медиковъ въ Харьковскомъ университетѣ было ничтожно, но съ указаннаго года стало возрастать, такъ что изъ 40 человѣкъ казеннокоштныхъ студентовъ и кандидатовъ медиковъ было до 20 чел. Но такъ какъ институтъ казеннокоштныхъ студентовъ предназначался главнымъ образомъ для подготовки учителей, то возбуждено было ходатайство объ ассигнованіи сверхъ того 6000 р. для содержанія 15 студентовъ и 5 кандидатовъ медицинскаго факультета; это ходатайство въ 1815 году было удовлетворено и эти 20 медиковъ помѣщались съ тѣхъ поръ въ особомъ наемномъ домѣ.

Медицинскій факультетъ по этому поводу сдѣлалъ представленіе объ увеличеніи числа казеннокоштныхъ студентовъ на медицинскомъ факультетѣ съ такимъ расчетомъ, чтобы ежегодно принималось ихъ по 40 чел., а въ теченіе всего 4-хъ лѣтняго курса было бы принято 160 чел. Но правленіе университета заявило, что такого числа не вмѣстятъ аудиторіи и учебновспомогательныя учрежденія, равно не найдется ни мѣста, ни средствъ на ихъ содержаніе (для этого понадобилось бы 68000 руб.) [1])

Попечитель со своей стороны находилъ, что ежегодный пріемъ 40 казеннокоштныхъ студентовъ на медицинскій факультетъ окажется невозможнымъ вслѣдствіе недостаточныхъ размѣровъ университетскихъ помѣщеній; Комитетъ Министровъ утвердилъ прибавку 20 новыхъ вакансій.

Въ 1819 г. было Высочайше разрѣшено принимать въ казеннокоштные студенты медицинскаго факультета лицъ податного состоянія [2]).

Обратимся теперь къ весьма важному вопросу о занятіяхъ студентовъ и постараемся освѣтить его на основаніи мемуаровъ и документальныхъ данныхъ.

Извѣстный намъ проф. Венедиктовъ сообщаетъ о занятіяхъ студентовъ того времени, когда онъ самъ состоялъ въ ихъ числѣ, слѣдующія свѣдѣнія.

„Занятія студентовъ были большія и были отличные профессора. Казеннокоштные занимались прилежно отъ Рождественскихъ праздниковъ, крѣпко занимались, да и должны были заниматься, иначе неуспѣвшаго студента могли послать приходскимъ учителемъ. Медики, впрочемъ, этого не боялись, потому что ихъ опредѣленіе зависѣло отъ медицинскаго департамента. Но при мнѣ не было случая исклю-

[1]) Харьк. унив. архивъ Д. сов. 1819, № 30.

[2]) Харьк. унив. архивъ Д. пол. № 538/27. Сборн. постановл. по Мин. Народ. Просв., т. 1-й, стр. 762/192.

ченія студентовъ-медиковъ, — были превосходные студенты; нѣкоторыхъ только выпускали лекарями 3-го курса. Медики раздѣлялись на 3 степени, имѣвшія значеніе при производствѣ въ чины. Изъ товарищей моихъ, медиковъ, получившихъ послѣ извѣстность, упомяну: Вас. Матв. Черняева, Ник. Ив. Еллинскаго, послѣ ректора университета, Ив. Ив. Сухомлинова, послѣ профессора химіи въ университетѣ, и другихъ. Студентъ Гнѣдичъ (братъ бывшаго тогда въ Харьковѣ протодіакона, послѣ протоіерея) былъ посланъ заграницу для усовершенствованія въ хирургіи".

Весьма важныя и любопытныя свѣдѣнія о занятіяхъ Харьковскихъ студентовъ сообщаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ бывшій студентъ Харьковскаго университета *Н.* Воспоминанія его относятся къ концу 20-хъ и началу 30-хъ годовъ. „Въ изученіи разныхъ предметовъ своего факультета студенты, говоритъ онъ, по большей части ограничивались профессорскими записками и лекціями. Едва ли впрочемъ и представлялась тогда возможность пополнять эти свѣдѣнія чѣмъ либо другимъ. Наша русская литература была въ то время весьма небогата учеными трудами. Недостатокъ ученыхъ трудовъ и изслѣдованій по всѣмъ отраслямъ наукъ могли бы пополнять только произведенія иностранныхъ литературъ французской и нѣмецкой; но немногіе изъ студентовъ знали тогда оба эти языка и даже одинъ изъ нихъ на столько, чтобы свободно могли читать авторовъ. Однако были студенты, которые во все продолженіе университетскаго курса усердно и прилежно изучали иностранные языки и многіе изъ нихъ усвоили себѣ знаніе одного или нѣсколькихъ изъ нихъ. Явилось не мало охотниковъ и къ изученію восточныхъ языковъ. Я могу указать на двухъ слушателей Дорна (Унтиловъ и Тимошевскій), которые до того успѣли въ языкахъ—арабскомъ и персидскомъ, что къ концу своего курса уже довольно свободно, хотя и не безъ помощи лексикона, читали произведенія той и другой литературы. Въ трехъ факультетахъ: этико-политическомъ, словесномъ и физико-математическомъ установленъ былъ для студентовъ трехлѣтній курсъ ученія; но для медиковъ онъ продолжался 4 года, хотя послѣдній посвящался большею частію практическимъ занятіямъ въ клиникахъ университета. Лекціи въ университетѣ продолжались ежедневно отъ 8 до 12 часовъ утра (кромѣ богословія отъ 7 до 8 час.) и отъ 2-хъ до 6 час. пополудни. Перерывъ отъ 12 до 2-хъ часовъ предназначался для обѣда. Иногда лекціи сопровождались и репетиціями пройденнаго, при чемъ полученныя студентами отмѣтки принимались во вниманіе и на экзаменахъ. Эти послѣдніе подраздѣлялись тогда на курсовые или ежегодные и окончательные—первые для перехода въ слѣ-

дующій высшій курсъ, а вторые—по всѣмъ предметамъ факультета для полученія университетскаго атестата со степенью дѣйствительнаго студента или же кандидата. Эту послѣднюю степень получали (за отличіе) весьма немногіе изъ окончившихъ курсъ, нерѣдко одинъ или два; а если ихъ оказывалось три или болѣе, то такой курсъ считался уже примѣрнымъ. Выпущенные изъ университета дѣйствительными студентами могли получить степень кандидата не ранѣе года, но не иначе, какъ представивъ предварительно диссертацію и выдержавъ вновь экзаменъ по всѣмъ предметамъ своего факультета. Въ университетѣ желающіе могли обучаться также и изящнымъ искусствамъ подъ руководствомъ особыхъ учителей, пользовавшихся тогда правомъ службы, изъ нихъ Ф. Ф. Репнинъ обучалъ рисованію, И. А. Лозинскій и А. М. Витковскій музыкѣ и И. В. Строцкій—танцамъ. Два раза лекціи въ университетѣ пріостанавливались по такой причинѣ, надъ которою, пожалуй, и посмѣются въ настоящее время. Такіе перерывы случались обыкновенно во время весенней и осенней распутицы, когда немощенные улицы Харькова покрывались глубокою и непроходимою грязью. Въ ней пѣшеходы теряли свои калоши и съ ногъ до головы были обрызгиваемы колесами ѣдущихъ экипажей. Въ такую пору студентамъ объявляли, что лекціи прекращаются впредь до перваго мороза; но часто эти *грязные* каникулы продолжались отъ одной до двухъ недѣль".

Весьма любопытныя свѣдѣнія о харьковскихъ студентахъ половины 30-хъ годовъ сообщаетъ по своимъ личнымъ воспоминаніямъ и впечатлѣніямъ бывшій студентомъ въ Харьковскомъ университетѣ Н. И. Костомаровъ. „О характерѣ студентской корпораціи того времени можно замѣтить, говоритъ онъ, что она не имѣла крѣпкой солидарности; кромѣ слушанія лекцій не было между студентами взаимныхъ интересовъ и потому не на чемъ было образоваться связи, которая бы привязывала каждаго ко всему кругу товарищей, по принадлежности его къ студенческому званію. Студенты знакомились и дружились между собою по случаю или по особымъ личнымъ сочувствіямъ и потому можно было пробыть въ университетѣ нѣсколько лѣтъ сряду и не быть знакомымъ съ товарищами одного курса; не говорю уже о студентахъ разныхъ факультетовъ, между которыми не было даже единенія по поводу лекцій. Во все время своего студенчества и я мало сближался съ товарищами, хотя съ тѣми, съ которыми случай доставилъ возможность быть знакомымъ, находился въ хорошихъ отношеніяхъ. Тогдашнихъ студентовъ, по ихъ склонностямъ и развитію, можно раздѣлить на слѣдующіе разряды: 1) сынки богатыхъ родителей, обыкновенно помѣщенные ими у профессоровъ и отличавшіеся франтовствомъ и ша-

лопайствомъ; вся цѣль ихъ состояла въ томъ, чтобы какими бы то ни было средствами, хотя бы и недостойными, получить въ свое время дипломъ на степень кандидата или дѣйствительнаго студента; при господствовавшей издавна продажности въ Харьковскомъ университетѣ, это было не трудно; профессоры были снисходительны къ пансіонерамъ своихъ товарищей, такъ какъ у нихъ самихъ были пансіонеры, нуждавшіеся въ протекціи. Manus manum lavat (рука руку моетъ), говаривали они по этому поводу. Проболтавшись три года въ Харьковѣ, батюшкинъ или матушкинъ сынокъ получалъ ученую степень, дававшую право на классный чинъ и потомъ уѣзжалъ въ родительскую берлогу и выхлопатывалъ себѣ какую нибудь номинальную должность, напримѣръ, почетнаго смотрителя училищъ, либо депутата въ дворянскомъ собраніи, или что нибудь подобное, чѣмъ, какъ извѣстно, была обильна наша старая Русь матушка, иногда же вступалъ въ военную службу, дѣлался адъютантомъ у какого нибудь генерала, а, послуживши нѣсколько, удалялся въ свое имѣніе. 2) Молодые люди, видѣвшіе впереди для себя цѣлью службу; они до извѣстной степени учились порядочно, но прямой любви къ наукѣ у нихъ было мало. Кромѣ медиковъ, которые естественно шли своею дорогою, сюда слѣдуетъ причислить всѣхъ тѣхъ, которые по окончаніи курса шли въ гражданскую службу и стремились въ Петербургъ, который для нихъ былъ, такъ сказать, обѣтованною землею; Харьковскій университетъ доставлялъ большой контингентъ всякимъ канцеляріямъ и департаментамъ. 3) Молодые люди, дѣйствительно занимавшіеся наукою съ любовью: изъ нихъ, особенно изъ казеннокоштныхъ, набирались учителя гимназій. Этого рода студенты были, такъ сказать, интеллигенціей университета. Въ тѣ времена между ними господствовала наклонность къ идеализму и въ большой модѣ было заниматься философіей. Успѣвшіе познакомиться съ нѣмецкимъ языкомъ, съ жадностью читали нѣмецкихъ философовъ, хотя по темнотѣ послѣднихъ не всегда ясно постигали читаемое и увлекались во всевозможные произвольные толкованія и системы. Наконецъ 4) люди не настолько богатые, чтобы помѣщаться у профессоровъ и не настолько трудолюбивые и даровитые, чтобы успѣшно заниматься наукою, они жили и вели себя какъ попало; многіе предавались кутежамъ всякаго рода; иные сидѣли скромно за книгами въ уютныхъ квартирахъ, стараясь пробраться на экзаменахъ вслѣдъ за богатыми пансіонерами; ихъ судьба часто зависѣла отъ случая: иному вывозило и онъ кончалъ курсъ счастливо, другой обрѣзывался на экзаменѣ и долженъ былъ сидѣть лишній годъ на одномъ курсѣ, жалуясь на несправедливость профессоровъ, выпускавшихъ въ дѣйствительные студенты или канди-

даты профессорскихъ пансіонеровъ и строго относившихся къ тѣмъ, у кого не было протекціи. Замѣтимъ, что въ тѣ времена не было между студентами такой поражающей бѣдности, какую мы встрѣчаемъ теперь, быть можетъ, по причинѣ сравнительной дешевизны того времени [1])".

Нѣкоторые изъ студентовъ Харьковскаго университета оставили воспоминанія о своемъ пребываніи въ университетѣ и эти воспоминанія даютъ намъ яркое, наглядное представленіе о типическихъ представителяхъ тогдашней студенческой среды—объ ихъ занятіяхъ, научнолитературныхъ интересахъ и т. п.

Вотъ какъ проводилъ свои студенческіе годы знаменитый впослѣдствіи русскій историкъ Николай Ивановичъ Костомаровъ, который прежде всего описываетъ свой вступительный экзаменъ, къ которому онъ подготовился весьма добросовѣстно.

„По окончаніи курса гимназіи, говоритъ Н. И. Костомаровъ, мнѣ, 16-ти лѣтъ отъ роду, приходилось вступать въ университетъ; но тутъ то я почувствовалъ, что слабъ въ математикѣ да и при всемъ желаніи не могъ быть въ ней силенъ, когда учитель ничего не преподавалъ. Я пригласилъ для своей подготовки сосѣда, бывшаго инженера, женившагося въ то время на дочери помѣщика въ той же слободѣ. Мой новый учитель оказался вполнѣ хорошимъ и въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, занимаясь каждый день съ утра до вечера, я успѣлъ выучить почти весь курсъ того, что нужно было для вступительнаго экзамена въ университетъ. Учитель прошелъ со мною и коническія сѣченія, которыя тогда требовались.

Въ половинѣ августа 1833 года, со страхомъ и трепетомъ, я отправился въ Харьковъ съ матерью и моимъ учителемъ. Вступительный экзаменъ сошелъ какъ нельзя болѣе благополучно. Профессоръ математики Павловскій, отличавшійся, какъ о немъ говорили, большою строгостью и неснисходительностью, пропустилъ меня, записавши мнѣ хорошій баллъ. Радость моя была непомѣрная". И такъ, на порогѣ университета молодымъ людямъ, не имѣвшимъ особой протекціи, нужно было выдержать серьезный искусъ въ видѣ вступительнаго экзамена.

Въ гимназіи Н. И. Костомаровъ не особенно успѣлъ въ древнихъ языкахъ, но въ университетѣ обратилъ на нихъ особенное вниманіе. „Въ первый годъ моего пребыванія въ университетѣ, говоритъ Н. И., я усиленно занялся изученіемъ языковъ, особенно латинскаго, *который я очень полюбилъ*, и вообще меня сталъ сильно привлекать античный

---

[1]) Литер. наслѣдіе, стр. 25—24.

міръ. Воображеніе мое постоянно обращалось къ Греціи и Риму, къ ихъ богамъ, героямъ, къ ихъ литературѣ и памятникамъ искусствъ. Однажды, читая Иліаду въ *подлинникѣ* съ переводомъ Гнѣдича, мнѣ вздумалось разыграть въ лицахъ сцену, какъ Ахиллъ волочилъ тѣло Гектора вокругъ Эліона. Я подговорилъ своихъ товарищей, мы нашли маленькую повозочку, на которой няньки возили дѣтей Сокальскаго, я упросилъ привязать меня за ноги къ этой повозочкѣ, одинъ изъ моихъ товарищей сталъ играть роль Ахилла и потащилъ меня внизъ по деревянной лѣстницѣ флигеля, гдѣ мы жили, а двое другихъ, покрывши головы по женски, стали на террасѣ того же флигеля и представляли Гекубу и Андромаху. Меня поволокли съ лѣстницы по двору. Стукъ, гамъ и крикъ дошли до ушей Сокальскаго, который въ то время сидѣлъ съ гостями; онъ выбѣжалъ на дворъ, за нимъ—его гости, профессоры, бывшіе у него. Увидавши неожиданную сцену, Сокальскій сначала принялъ суровый менторскій тонъ, но потомъ, узнавши, въ чемъ дѣло, не вытерпѣлъ и захохоталъ во все горло. За нимъ начали смѣяться и его гости. Меня развязали и замѣтили, что голова моя была въ крови, какъ впрочемъ и слѣдовало по Иліадѣ, гдѣ говорится:

> ... Глава Пріамида,
> Прежде прекрасная, бьется во прахѣ...

Когда послѣ того мы пошли къ нему обѣдать, онъ во все продолженіе стола, глядя на меня, не могъ удержаться отъ смѣха и говорилъ своимъ домашнимъ: „вотъ угостили меня! Дали возможность повидать древность въ лицахъ!“.

Попечитель Филатьевъ оставилъ Харьковъ, не утвердивъ своею подписью списка лицъ, выдержавшихъ вступительный экзаменъ и зачисленныхъ въ студенты. Въ числѣ этихъ неутвержденныхъ былъ и Н. И. Костомаровъ. Имъ, такимъ образомъ, нельзя было ни слушать лекцій, ни держать переходнаго экзамена. Въ виду этого незадолго до Пасхи Н. И. Костомаровъ уѣхалъ въ деревню къ матери и съумѣлъ прекрасно и разумно воспользоваться своимъ деревенскимъ досугомъ. „Никогда въ жизни, пишетъ онъ, я до такой степени не сближался съ сельскою природою, какъ въ это время, тѣмъ болѣе что со времени смерти моего отца никогда не жилъ въ деревнѣ въ весенніе мѣсяцы и въ началѣ лѣта. Меня занимала каждая травка, каждый цвѣтокъ, каждая птичка и букашка. Между тѣмъ въ деревнѣ я продолжалъ учиться по латыни и по французски, такъ что къ концу лѣта могъ уже свободно читать á livre ouvert всякія французскія книги и прочелъ въ это время Notre Dame Гюго, книгу, извѣстную по трудности языка, наполненнаго разными архаизмами. Эта книга сдѣлала на меня боль-

шое впечатлѣніе; я полюбилъ ея автора и принялся жадно за чтеніе другихъ его сочиненій. Въ августѣ я отправился въ Харьковъ. Тамъ былъ уже новый попечитель графъ Головкинъ, восьмидесятилѣтній старецъ, проведшій жизнь заграницей и объяснявшійся по русски очень плохо. Первымъ его дѣломъ по вступленіи было утвердить всѣхъ неутвержденныхъ его предшественникомъ студентовъ. Намъ позволили держать экзаменъ и черезъ нѣсколько дней я былъ переведенъ на 2-й курсъ. Въ этотъ академическій годъ я проживалъ по прежнему у Сокальскаго, хотя уже въ другомъ домѣ, только что имъ отстроенномъ. Любовь къ латинскому языку и античному міру стала у меня охладѣвать. Я съ жаромъ увлекся французскимъ языкомъ, а съ зимы началъ заниматься и италіанскимъ. Между тѣмъ мнѣ пришло желаніе взяться и за музыку; я купилъ себѣ фортепіано за 300 р. ас. и договорилъ учителя; но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ желаніе къ музыкѣ стало проходить, тѣмъ болѣе что музыка требовала занятій по крайней мѣрѣ на нѣсколько часовъ въ день, а я на то совсѣмъ не имѣлъ времени. Съ большимъ постоянствомъ я испытывалъ свои силы въ стихотворствѣ, которымъ началъ заниматься еще во время своего пребыванія въ деревнѣ, куда удалился было, оставшись неутвержденнымъ въ званіи студента. Передъ тѣмъ любимѣйшимъ занятіемъ моимъ было изученіе древнихъ авторовъ и особенно Виргилія. Я получилъ вкусъ къ античному изображенію сельской природы и писалъ на русскомъ языкѣ идиллическія стихотворенія, употребляя гекзаметръ, который изъ всѣхъ размѣровъ мнѣ особенно нравился. Эти первые опыты остались ненапечатанными, а впослѣдствіи, увлекшись исторіей, я совершенно оставилъ стихописательство на русскомъ языкѣ". Нѣкоторое обновленіе Харьковскаго университета, начавшееся съ новаго періода его исторіи—1835 года—и выразившееся въ приглашеніи новыхъ талантливыхъ преподавателей, имѣло рѣшительное вліяніе на Н. И. Костомарова—увлекло его на путь спеціально-историческихъ занятій, которымъ онъ предался со всѣмъ пыломъ своей увлекающейся натуры [1]).

Н. И. Костомаровъ, какъ мы видимъ, представлялъ изъ себя типъ студента, горячо преданнаго университетской наукѣ, любившаго поэзію и природу. На первыхъ курсахъ онъ увлекался нѣсколькими предметами, а въ концѣ сосредоточился на исторической наукѣ, которая сдѣлалась его призваніемъ и въ которой онъ самъ впослѣдствіи занялъ такое выдающееся мѣсто.

---

[1]) Литер. наслѣдіе, стр. 17—22.

Другимъ типомъ тогдашняго студента является Д. Хрущовъ, который сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія о своихъ занятіяхъ въ университетѣ и о своихъ товарищахъ.

„Поступленіе въ университетъ было, конечно, важнымъ событіемъ въ моей жизни. По случаю знанія нами многихъ иностранныхъ языковъ, родители избрали намъ факультетъ философо-филологическій. Экзаменъ вступительный я выдержалъ очень хорошо, кромѣ математики, въ которой всегда былъ очень слабъ.

Въ означенномъ факультетѣ насъ было всего двѣнадцать студентовъ, изъ коихъ помню слѣдующихъ: Анисимовъ, теперешній губернаторъ Симбирскій; пара къ нему Мариновъ съ розовыми, какъ у Херувима, щеками, они всегда ходили и сидѣли на лекціяхъ вмѣстѣ; полякъ Красовскій, старше насъ всѣхъ, весьма трудолюбивый и отличный эллинистъ и латинистъ, съ длиннымъ краснымъ носомъ; Каменскій, черниговецъ, пылкой души и умный малый высокаго роста, нынѣ учитель въ Нѣжинской гимназіи, всегда пишетъ ко мнѣ, когда только узнаетъ о какомъ нибудь моемъ успѣхѣ; Иноземцевъ, братъ извѣстнаго московскаго врача, человѣкъ уже не молодой, худо учившійся въ Московскомъ университетѣ и немного лучше въ Харьковскомъ, ужасно завистливый, особенно ко мнѣ и брату за знаніе греческаго и латинскаго языковъ, съ коими онъ никакъ не могъ сладить, краснобай неумолимый,—съ присвистами въ языкѣ, серебрянными очками на вѣчно вздернутомъ съ краснымъ кончикомъ носѣ, точно уголекъ, и шинелью въ видѣ армяка изъ зеленаго сукна на сѣромъ барашкѣ, всегда надѣтой лишь на одну руку, а въ другой груда книгъ и тетрадокъ; два брата Иваненковы, Воронежскіе помѣщики, изъ коихъ Николай, маленькаго роста, съ желтымъ лицемъ, прилежный на лекціяхъ, а другой Петръ, высокій, краснощекій, черноволосый, какъ его братъ, страшный враль и кутила, никогда объ ученіи недумавшій и прозванный нами гусаръ; наконецъ Бодянскій, поповскій сынъ, рябой, картавый, вѣчный предметъ шутокъ и проказъ Петра Иваненка, но студентъ прилежный и всегда получавшій хорошіе баллы.

Наконецъ, кончились три года нашего учебнаго курса и наступило время выходнаго экзамена. Это было весною 1835 года.

Мнѣ въ это время было 18 лѣтъ отъ роду. Приготовиться къ этому экзамену былъ трудъ не легкій, потому что мы должны были отвѣчать на вопросы по предметамъ всѣхъ трехъ курсовъ. Трудно это было въ особенности бѣдному моему брату Павлу, здоровье коего было слабо, при отличныхъ способностяхъ ума. Онъ иногда плакалъ отъ досады, что не могъ успѣвать за собою. Я его утѣшалъ и помогалъ учить уроки.

Первый предметъ на очереди была психологія, которую, какъ я выше сказалъ, читалъ намъ въ первомъ курсѣ идіотъ Гренбергъ. Мы объясняли декану нашего факультета Артемовскому, что по запискамъ Гренберга намъ готовиться и отвѣчать невозможно. Деканъ отвѣчалъ: „дѣлайте, какъ знаете, а отвѣчать должно"—вслѣдствіе чего я обратился къ В. И. Цыху и, по его совѣту, взялъ въ руководство одну книгу о психологіи. — Оказалось, что по ней можно было хорошо приготовиться на всѣ заданные намъ по этой наукѣ вопросы. Особенно трудный вопросъ былъ о томъ: въ какомъ состояніи находится душа человѣка во время сна. Вопросъ этотъ достался нѣсколькимъ студентамъ, но ни одинъ не умѣлъ на него отвѣчать и деканъ рѣшилъ отложить его въ сторону.

Студентовъ вызывали по алфавитному порядку, слѣдовательно, я и братъ мой были послѣдніе по списку. Когда пришла моя очередь, я вынулъ три билета и отвѣчалъ на три доставшіеся мнѣ вопроса совершенно удовлетворительно; но затѣмъ попросилъ позволенія отвѣчать еще сверхъ того на помянутый вопросъ о снѣ. Отвѣтъ мой былъ такъ удовлетворителенъ и на этотъ трудный вопросъ, что Артемовскій подошелъ ко мнѣ и, положивъ руку на плечо, съ любезною улыбкой сказалъ: „если вы будете отвѣчать по остальнымъ предметамъ, какъ отвѣчали по психологіи, то поздравляю васъ кандидатомъ".

Экзамены наши кончились благополучно и блистательно. Я и братъ объявлены первыми кандидатами. Мы въ это время жили въ домѣ Ломакина, на площади, не далеко отъ университета. Всякій разъ, когда мы возвращались съ экзамена, матушка и сестра Екатерина стояли на балконѣ и ждали съ нетерпѣніемъ извѣстія, какъ кончились экзамены. Условленные между нами знаки издалека говорили имъ, что дѣло кончилось хорошо и онѣ махали къ намъ платками въ знакъ одобренія и радости.

Почтенный нашъ В. И. Цыхъ возымѣлъ на сей часъ хорошую мысль: возстановить забытый обычай, чтобы выпускные кандидаты читали публично въ университетской актовой залѣ свои диспутаціи на это званіе. Распоряженіе это, разумѣется, очень понравилось намъ, молодымъ людямъ. Кромѣ русской я написалъ еще другую диссертацію на языкѣ французскомъ подъ заглавіемъ: „de la necessité des revolutions dans la vie du genre humaine". Книга Гизо дала мнѣ эти мысли, которыя я изъяснялъ, такъ, что революціи необходимы для уничтоженія стараго, отжившаго порядка въ обществѣ и для того, чтобы новый порядокъ могъ выроcти и созрѣть. Разумѣется, я не оправдывалъ революцій кровавыхъ, но указывалъ, на основаніи примѣровъ исторіи

всемірной, неизбѣжность бурь и часто кровопролитія при подобныхъ событіяхъ, вслѣдствіе существовавшаго въ обществѣ насилія и необузданности человѣческихъ страстей. Стеченіе публики въ этотъ день было большое вслѣдствіе новизны этого дѣла. Были въ залѣ мои родители, родственники, знакомые обоего пола и городскія власти. Я читалъ диссертацію съ каѳедры съ большимъ одушевленіемъ. Диссертація видимо понравилась слушателямъ и произвела выгодное для меня впечатлѣніе. Но деканъ Артемовскій ужасно испугался слова революція и еще болѣе содержанія диссертаціи. Когда я сошелъ съ каѳедры, онъ, въ попыхахъ, подбѣжалъ ко мнѣ, и спросилъ: читалъ ли мое сочиненіе В. И. Якимовъ, которому была поручена цензура кандидатскихъ трудовъ. Я отвѣчалъ, что, вѣроятно, читалъ. Да помилуйте, прошипѣлъ мнѣ на ухо блѣдный Артемовскій, едва переводя духъ, что скажутъ жандармы, что донесутъ они въ Петербургъ о воспитаніи, о мысляхъ, которыя мы здѣсь внушаемъ юношеству и т. п. Я внутренно улыбался и былъ ужасно доволенъ своимъ успѣхомъ, ибо, по выходѣ изъ зала, товарищи мои усердно меня поздравляли и дружески жали мнѣ руку. Впрочемъ дѣло не имѣло накакихъ послѣдствій ни для меня, ни для Харьковскаго университета.

Слѣдующую за симъ зиму 1836 года мы съ отцомъ и братомъ провели въ Берлинѣ, гдѣ усовершенствовались особливо въ наукахъ юридическихъ, слушая знаменитыхъ тамошнихъ профессоровъ Соважа, Ганса и другихъ. А въ январѣ 1840 года пробывъ немного въ Харьковѣ и Москвѣ, прибыли въ Петербургъ для поступленія на службу".

Объ успѣхахъ студентовъ во время прохожденія ими курса даютъ понятіе вѣдомости ихъ переходныхъ испытаній.

Вотъ въ видѣ примѣра одна изъ такихъ вѣдомостей о студентахъ 1-го и 2-го курсовъ юридическаго факультета за 1831 годъ. Всего подвергалось испытанію 73 человѣка; изъ нихъ перешло на слѣдующій курсъ 39, осталось на прежнихъ 28, остальные не экзаменовались по болѣзни или потому что находились въ отпуску [1]).

Изъ 21 студ. и вольносл. 1-го курса словеснаго факультета было переведено на слѣдующій курсъ 10, осталось 11; на 2-мъ курсѣ изъ 15 студ. и вольнослуш. выдержало экзаменъ 13, осталось на томъ же курсѣ 2 [2]).

Въ общемъ, какъ мы видимъ, переходныя испытанія были строгія.

Медицинскій факультетъ въ 1819 году проектировалъ для усиленія спеціализаціи новое распредѣленіе предметовъ; на первомъ

[1]) Харьк. унив. арх. Д. 1831, № 38.

[2]) Ibidem.

курсѣ должны были изучаться—физика, химія, естественная исторія (зоологія, ботаника и минералогія), первый отдѣлъ анатоміи и теоретическая математика; на 2-мъ—высшая анатомія и физіологія, патологія, фармакологія и фармація, судебная медицина и медицинская полиція; на 3-мъ терапія, хирургія и повивальное искусство; на 4-мъ занятія въ клиническихъ институтахъ по терапіи, хирургіи и акушерству и ветеринарная медицина. Клиники, по мнѣнію факультета, должны были помѣщаться въ городскихъ больницахъ, ибо на факультетскія клиники отпускались слишкомъ ничтожныя суммы [1]).

Правленіе указывало, что проектированное факультетомъ распредѣленіе курсовъ нарушитъ существующій съ 1813 года порядокъ, по которому каждый студентъ, прежде чѣмъ выберетъ тотъ или иной факультетъ, долженъ въ теченіе 2-хъ лѣтъ слушать *общеобразовательные предметы*, а именно, въ первомъ году—психологію и логику, первую часть русской, латинской, нѣмецкой и французской словесности, древнюю всемірную исторію и географію, естественную исторію трехъ царствъ природы, алгебру, геометрію и тригонометрію, исторію, географію и статистику Россійской имперіи; во второмъ году—этику, физику, новую всемірную исторію, вторую часть русской, латинской, нѣмецкой и французской словесности и аналитическія функціи. Замѣтивъ, что большая часть студентовъ относится нерадиво къ этимъ общимъ курсамъ, совѣтъ вновь подтвердилъ это правило въ 1818 году и сдѣлалъ представленіе объ этомъ попечителю [2]).

Въ 1827 году ректоръ Кронебергъ представилъ проектъ экзаменовъ для студентовъ съ любопытной объяснительной запиской. Нововведенія Кронеберга заключались въ томъ, что на окончательныхъ экзаменахъ нужно было экзаменоваться за три года, при чемъ всѣ предметы факультетскаго преподаванія были соединены въ группы и по каждой группѣ назначалось четыре вопроса, при чемъ за удовлетворительный отвѣтъ на одинъ изъ нихъ назначалась отмѣтка—*достаточно*, за два—*хорошо*, за три—*очень хорошо*, за четыре—*превосходно* [3]).

Студенты вольнослушатели не только неисправно посѣщали университетскія лекціи, но даже уѣзжали изъ Харькова и проживали неизвѣстно гдѣ. Въ виду этого ректоръ Кронебергъ въ 1827 г. предложилъ издать для нихъ правила, запрещающія отлучки изъ города безъ

---

[1]) Харьк. унив. архивъ. Д. сов. 1819, № 30.

[2]) Харьк. унив. арх. Д. поп. № 538/27.

[3]) Харьк. унив. архивъ. Д. поп. № 1242/71.

разрѣшенія начальства подъ угрозою удаленія изъ университета. Предложеніе это было утверждено попечителемъ Перовскимъ [1]).

Для развитія научныхъ занятій факультеты предлагали темы для соисканія медалей. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ темъ. Въ 1827 году физикоматематическій факультетъ предложилъ тему—„изложить явленія и теорію горѣнія"; юридическій факультетъ: 1) изложить систематически вопросъ о давности, уничтожающей преступленія по силѣ россійскаго законодательства, показать ея основаніе, законное время, всѣ ли преступленія ей подвержены и ея послѣдствія; 2) изложить причины налагаемаго прещенія на расточителей чрезъ отечественное законодательство, опровергнуть мнимыя сему препятствія, кто имѣетъ власть налагать оное, его дѣйствіе и прекращеніе; 3) показать въ чемъ состоитъ единство (unitas) и различіе (differentia) нравоученія (этики) и такъ называемаго права естественнаго (политики). Къ дѣлу приложено сочиненіе о давности; оно занимаетъ $2^1/_2$ писанныхъ листа; лишено ссылокъ и представляетъ изъ себя типъ разсужденія [2]).

Темы кандидатскихъ сочиненій были таковы, напримѣръ: 1) объ основаніи пріобрѣтенія собственности давностію времени вообще и въ особенности по россійскому законодательству (студента Конисскаго): 2) о первыхъ двухъ главахъ уложенія Алексѣя Михайловича (ст. Костенецкаго); 3) о доказательствахъ въ уголовныхъ дѣлахъ (ст. Жданова).

Здѣсь кстати разсказать эпизодъ, который свидѣтельствуетъ о недостаточномъ стремленіи студентовъ Харьковскаго университета къ полученію спеціальной ученой подготовки для занятія профессорскихъ каѳедръ, хотя въ оправданіе ихъ слѣдуетъ прибавить, что все это дѣло было обставлено чрезвычайно стѣснительными, тяжкими формальностями, которыя несомнѣнно отбили охоту у многихъ откликнуться на обращенный къ нимъ призывъ.

Въ Дерптѣ былъ открытъ, какъ мы знаемъ, профессорскій институтъ для подготовки въ немъ молодыхъ людей русскаго происхожденія къ профессурѣ. Изъ Московскаго, Казанскаго и Петербургскаго университета оказалось въ 1828 г. желающихъ вступить въ институтъ и удовлетворившихъ всѣмъ требованіямъ 21 чел. (по 7 отъ каждаго), а изъ Харьковскаго университета *ни одного*. Когда объ этомъ было доведено до свѣдѣнія государя, то онъ написалъ собственноручно на докладѣ Министра Народнаго Просвѣщенія: *„довольно стыдно Харьковскому уни-*

---

[1]) Харьк. унив. архивъ Д. поп. № 1242/71.

[2]) Харьк. унив. архивъ. Д. 1827 г.

верситету, что ни одного не нашлось кандидата на полезную службу" [1]). Слѣдуетъ замѣтить, что охотники были, но не могли удовлетворить тѣмъ строгимъ требованіямъ, которыя къ нимъ предъявлялись въ отношеніи подготовки по предметамъ и языкамъ, въ отношеніи нравственности и здоровья. Иные могли удовлетворить и этимъ требованіямъ, но ихъ не отпускали родители. Объ одномъ изъ аспирантовъ—студентѣ 4-го курса медицинскаго факультета Ал. Филомафитскомъ инспекторъ далъ отзывъ, что онъ склоненъ къ вольнодумству; правда онъ присовокупилъ при этомъ, что склонность эта у него, благодаря бдительному надзору, почти уничтожилась и не имѣетъ никакихъ вредныхъ послѣдствій и даже можетъ совсѣмъ истребиться [2]). Любопытно, что отказались ѣхать въ Дерптъ всѣ кандидаты и магистры—Цыхъ, Чижевскій, Якимовъ, Золотаревъ, Скляревичъ, Ив. Соколовъ, Т. Степановъ, Спасскій, Правицкій; нѣкоторые изъ нихъ впослѣдствіи были преподавателями Харьковскаго университета.

На вторичное послѣ Высочайшаго замѣчанія обращеніе откликнулось 29 человѣкъ. Но ихъ нужно было строго проэкзаменовать и получить аттестаціи объ ихъ поведеніи. А эти аттестаціи не всегда были удовлетворительны: одинъ, напримѣръ, по отзыву инспекціи, былъ крайне самолюбивъ, нечистосердеченъ, но при надзорѣ велъ себя хорошо: другой былъ упрямъ, но при строгомъ надзорѣ велъ себя хорошо: третій былъ вспыльчивъ, но велъ себя хорошо, четвертый былъ склоненъ къ невоздержанію, но при надзорѣ опять таки велъ себя хорошо. Испытаніе выдержало шестеро (трое казеннокоштныхъ и трое своекоштныхъ)—Котельниковъ, Иноземцевъ, Садовскій, Боровиковскій, Изм. Срезневскій и Булычевъ. Эти лица дали подписку слѣдующаго содержанія: „я нижеподписавшійся даю Императорскому Харьковскому университету сію подписку въ томъ, что ежели я буду удостоенъ быть посланнымъ для усовершенствованія въ моихъ познаніяхъ на 3 года въ Дерптскій университетъ и на 2 года заграницу на казенномъ иждивеніи, то послѣ сего времени обязываюсь прослужить 12 лѣтъ въ университетѣ—Московскомъ, Петербургскомъ, Казанскомъ или Харьковскомъ, считая съ того времени, когда дѣйствительно займу каѳедру въ одномъ изъ этихъ университетовъ, въ удостовѣреніе чего подписываюсь". Попечитель предназначалъ Министерству Котельникова по астрономіи, Иноземцева по хирургіи, Срезневскаго по римскому праву (Срезневскому было въ то время только 16 лѣтъ). Объ этихъ шести

---

[1]) Харьк. унив. архивъ. Д. поп. № 1278/72.

[2]) Ib.

студентахъ сообщались постоянные рапорты (объ ихъ успѣхахъ, здоровьи, поведеніи); ни и они не всѣ повидимому ждали съ удовольствіемъ своего отправленія въ Петербургъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ письмо ректора Кронеберга Склабовскому „Желательно было бы знать, когда ихъ потребуютъ въ Петербургъ, не мѣшало бы имъ окончить прежде полный курсъ здѣсь; нѣкоторые бы изъ нихъ подросли не только умомъ, но и тѣломъ; напримѣръ, Булычевъ, который не больше ростомъ моего 12 лѣтняго сына. Боровиковскій перемѣнилъ „право“ на „философію“; но и отъ философіи уже и отъ профессорства отказывается. Удивляюсь таковому народу! Предпочитаютъ томиться всю жизнь въ тѣсномъ безвкусномъ званіи уѣзднаго учителя! Не хотятъ, не желаютъ пробудить душу свою и освободиться отъ пагубной дремоты. Удивляюсь и не понимаю“. Въ концѣ концовъ изъ этихъ 6 человѣкъ Совѣтъ рѣшилъ отправить только Иноземцова и Котельникова и трехъ новыхъ — канд. юр. фак. Скляревича, изучившаго политическую экономію, Ал. Филомафитскаго, избравшаго физіологію и Шрамкова (фармакологію). Ихъ рѣшено было отправить въ Петербургъ къ Министру подъ наблюденіемъ проф. Робуша. Но Скляревичъ уѣхалъ къ роднымъ въ Бѣлополье; туда былъ командированъ экзекуторъ, привезшій извѣстіе, что родители не отпускаютъ его въ Петербургъ; съ родителей рѣшено было истребовать 69 р. 60 к., истраченныхъ на поѣздку экзекутора.

Θедоръ Ивановичъ Иноземцевъ (1802+1869 г.)—сынъ перса, котораго вывезъ изъ Персіи или Грузіи графъ Бутурлинъ и сдѣлалъ чиновникомъ. „Въ 1819 г. Θ. И. окончилъ курсъ въ Харьковской гимназіи казенно-коштнымъ воспитанникомъ и былъ опредѣленъ на словесный факультетъ Харьковскаго университета, но съ 3-го курса посланъ былъ за шалости учителемъ математики во Льговское уѣздное училище (Курской губ.). Въ 1825 году онъ отбывши службу за казенное содержаніе вышелъ въ отставку, а въ 1826 году снова поступилъ въ Харьковскій университетъ, но уже на медицинскій факультетъ. Въ 1828 году, по полученіи степени лекаря и послѣ особаго экзамена въ Академіи Наукъ былъ принятъ въ новооткрытый при Дерптскомъ университетѣ профессорскій институтъ, гдѣ подъ руководствомъ Мейера занимался преимущественно хирургіей“. Получивъ докторскую степень вмѣстѣ съ Пироговымъ, Рѣдкинымъ, Неволинымъ, Крыловымъ былъ отправленъ заграницу, а въ 1835 году назначенъ профессоромъ Московскаго университета по хирургіи и директоромъ Хирургической Клиники [1]). Въ 1833

[1]) Энц. Слов. Брокгауза.

году отправлены были въ профессорскій институтъ студенты—Гриневъ, Варвинскій, Любовскій и Ростовцовъ [1]).

Казенно-коштные студенты, по окончаніи курса, должны были немедленно отслужить казнѣ 6 лѣтъ, но намъ извѣстенъ случай, когда студентъ, окончившій словесный факультетъ (Як. Башинскій), просилъ о зачисленіи его въ своекоштные студенты на медицинскій факультетъ, мотивируя это тѣмъ, что „онъ пріобрѣлъ величайшую любовь, склонность и охоту къ занятіямъ медициной и что онъ принесетъ больше пользы въ качествѣ врача, чѣмъ учителя уѣзднаго училища [2]).

На юридическомъ факультетѣ окончилъ курсъ наукъ Александръ *Хиждеу*, сынъ помѣщика Бессарабской области Хотинскаго уѣзда и не былъ допущенъ къ кандидатскому экзамену. Тогда отецъ его вошелъ съ прошеніемъ къ попечителю о разрѣшеніи ему держать экзаменъ и представилъ любопытныя данныя объ усердіи своего сына. Оказывается, что онъ слушалъ лекціи и на другихъ факультетахъ; два раза получилъ медали—1-й разъ по словесному факультету, а другой по физико-математическому факультету (о питаніи растеній) и отправилъ ихъ въ качествѣ благодарственной жертвы къ святой иконѣ въ церковь родительскаго селенія; написалъ два разсужденія на задачу, предложенную словеснымъ факультетомъ—о тридцатилѣтней войнѣ, но они не были приняты на конкурсъ, потому, что прошелъ срокъ; писалъ разныя статьи по части наукъ и словесности и печаталъ въ журналахъ Каченовскаго и Надеждина; нынѣ заготовилъ въ видѣ кандидатской диссертаціи не одно, какъ полагается, а 5 сочиненій по 5 важнѣйшимъ отдѣламъ факультетскихъ наукъ—богословскимъ, юридическимъ, политическимъ, философскимъ, на латинскомъ языкѣ и историческимъ, кои при семъ прилагаются [3]). Хиждеу, будучи студентомъ, написалъ на молдавскомъ языкѣ стихи по случаю заключенія мира съ турками и, не смотря на запрещеніе инспектора, прямо отправилъ ихъ на имя Мин. Нар. Просв. кн. Ливена.

Этотъ самый Хиждеу впослѣдствіи выступалъ въ качествѣ Харьковскаго писателя. Такъ, напримѣръ, ему принадлежитъ обширная статья объ украинскомъ философѣ Гр. Сав. Сковородѣ (въ „Телескопѣ“ 1835 года № 5 и 6; разборъ этой статьи напечатанъ мною въ предисловіи къ изданію сочиненій Г. С. Сковороды).

Любопытно благодарственное письмо отца его къ попечителю Перовскому, преисполненное неумѣренно льстивыхъ выраженій по адресу

---

[1]) Харьк. универ. архивъ. Отчетъ за 1834-й годъ.

[2]) Харьк. унив. арх. Д. Правл. № 2017/128.

[3]) Харьк. унив. архивъ. Д. Поп. № 1632/95.

этого послѣдняго по случаю принятія Ал. Хиждеу въ число казеннокоштныхъ студентовъ [1]).

Переходимъ теперь къ вопросу о числѣ окончившихъ курсъ въ Харьковскомъ университетѣ. Въ виду отсутствія въ университетскомъ архивѣ факультетскихъ дѣлъ, намъ трудно было бы дать отвѣтъ и на этотъ существенно важный вопросъ; но къ счастью среди рукописей покойнаго профессора статистики И. П. Сокальскаго сохранилась таблица, заключающая данныя свѣдѣнія съ 1805 по 1865 годъ. Въ первомъ томѣ своего труда я имѣлъ возможность провѣрить ее другими документальными данными (своднымъ отчетомъ за первыя 8 лѣтъ существованія университета) и пришелъ къ убѣжденію о точности ея цифръ за это время. Можно предполагать поэтому, что и за изучаемый нами теперь періодъ времени ея свѣдѣнія въ общемъ соотвѣтствуютъ дѣйствительности, будучи основаны на оффиціальныхъ первоисточникахъ. Мы съ своей стороны представимъ однако дополнительныя свѣдѣнія и цифровыя данныя по этому вопросу, изъ коихъ будетъ видно, что цифры здѣсь значительно менѣе дѣйствительныхъ. *Въ 1815 году* окончило по этико-политическому факультету 9 душъ кандидатами, по физико-математическому 3 дѣйствительными студентами и 2 кандидатами, по словесному 3 кандидатами, по медицинскому 9 лекарями; *въ 1816 году* по этико-политическому факультету 4 кандидатами, по физико-математическому 6 дѣйств. студ. и 7 кандидатами; по словесному 5 кандидатами, по медицинскому —4 кандидатами и 2 лекарями; *въ 1817 году*

---

[1]) Такъ какъ текстъ его характеренъ для своего времени, то приведемъ его цѣликомъ.

„Въ слѣдствіе милостиваго рѣшенія Вашего Превосходительства, сынъ мой Александръ принятъ въ Импер. университетъ на казенное содержаніе для окончательнаго образованія въ наукахъ этико-политическихъ.

Дерзнувъ прежде всего утрудить Ваше Превосходительство нижайшимъ моимъ прошеніемъ, я чувствую теперь сугубую обязанность благодарности за милостивое принятіе онаго и благодѣтельное разрѣшеніе.

И такъ повергаюсь къ стопамъ Вашего Превосходительства съ полнымъ увѣреніемъ въ неизсякаемой признательности и съ порученіемъ всѣхъ отеческихъ правъ моихъ къ сыну. Благосоизвольте со свойственнымъ Вашему Превосходительству великодушіемъ, принявъ его подъ высокое свое Покровительство, располагать и дальнѣйшимъ его жребіемъ къ полезному служенію Богу, Государю и Отечеству. А сынъ мой, коему я поселилъ въ сердцѣ съ самаго юнаго возраста чувство истинной благодарности къ благодѣтелямъ, исполняя со всею точностью обязанности своего назначенія, всегда будетъ живо ощущать, что будущимъ жребіемъ своимъ виновенъ единственно великодушнымъ милостямъ Вашего Превосходительства. ибо я его отецъ, стоя уже при разверстіяхъ гроба, могу только благословить имя Благодѣтеля съ тѣмъ глубочайшимъ благоговѣніемъ и совершенною преданностью, съ коимъ имѣю честь“.

по медицинскому факультету=6 кандидатами и 6 лекарями (по другимъ факультетамъ свѣдѣній нѣтъ); *въ 1818 г.*—по медицинскому факультету 7 лекарями (по другимъ факультетамъ свѣдѣній нѣтъ), *въ 1819 году* по этико-политическому отдѣленію 4 кандидатами, по физико-математическому 3 канд., по словесному 5 канд., по медицинскому—8 канд. и 10 лек.; *въ 1820 г.* по этико-политическому 1 канд., по словесному 4 канд., по медицинскому 6 канд. и 12 лекарями; *въ 1821 году* по этико-политическому 4 канд., по физико-математическому 18 дѣйств. студ., по словесному 3 канд., по медицинскому 16 лекарями; *въ 1822 году*— по этико-политическому 4 дѣйств. студ. и 4 канд., по физико-математическому 7 дѣйств. студ., по словесному 19 дѣйств. студ. и 8 кандидатами, по медицинскому 21 лекарями; *въ 1823 году* по этико-политическому 5 дѣйств. студ. и 3 канд., физико-математическому 6 дѣйств. студ., по словесному 2 дѣйств. студ. и 2 канд., по медицинскому—21 лекарями; *въ 1824 году* по юридическому 14 дѣйств. студ. и 4 канд., по словесному 10 дѣйств. студ. и 4 канд., физико-математическому 5 дѣйств. студ., медицинскому—3 лекарями; *въ 1825 году* по юридическому 26 дѣйств. студ. и 3 канд., по словесному 5 дѣйств. студ., физико-математическому 7 дѣйств. студ. и 3 канд., медицинскому—10 лекарями; *въ 1826 году* по юридическому 27 дѣйств. студ., словесному 13 дѣйств. студ. и 6 канд., медицинскому 22 лекарями; *въ 1827 году*—по юридическому 20 дѣйств. студ. и 3 канд., по словесному 14 дѣйствит. студ. и 6 канд., физико-математическому 10 дѣйств. студ., медицинскому—8 лекарями; *въ 1828 году*—юридическому 18 дѣйств. студ. и 4 кандидатами, словесному 2 дѣйств. студ. и 5 канд., физико-математическому 8 дѣйств. студ., медицинскому 33 лекарями; *въ 1829 году*— словесному—9 дѣйств. студ. и 4 канд., юридическому 16 дѣйств. студ. и 7 канд., физико-математическому 1 дѣйств. студ. и 2 канд., медицинскому 10 лекарями; *въ 1830 году*—по словесному 5 дѣйств. студ. и 4 канд., физико-математическому 5 дѣйств. студ., юридическому 21 дѣйств. студ. и 6 канд., медицинскому 16 лекарями; *въ 1831 году*—по словесному 10 дѣйств. студ., 3 канд., физико-математическому 1 дѣйств. студ., юридическому 23 дѣйств. студ., 5 канд., медицинскому 25 лекарями; *въ 1832 году*—по словесному 6 дѣйств. студ. и 1 канд., физико-математическому 6 дѣйств. студ., юридическому 19 дѣйств. студ. и 1 канд., медицинскому 11 лекарями; *въ 1833 году* по словесному 12 дѣйств. студ. и 2 канд., физико-математическому 9 дѣйств. студ., юридическому 25 дѣйств. студ., медицинскому 16 лекарями; *въ 1834 году*—по словесному 5 дѣйств. студ. и 5 канд.; физико-математическому 7 дѣйств. студ., юридическому 13 дѣйств. студ., медицинскому 20 лекарями [1]).

[1]) Унив. Библіотека. Отдѣленіе рукописей.

Представимъ теперь за нѣкоторые годы дополнительныя свѣдѣнія объ окончившихъ курсъ и кандидатахъ и назовемъ фамиліи ихъ.

Въ 1819 году было произведено въ кандидаты 12 лицъ [1]: Ал. Петровъ (опредѣленъ былъ учителемъ въ Кіевскую гимназію), Ал. Склабовскій (оставленъ при университетѣ), Н. Бѣлоусовъ (опредѣленъ учителемъ въ Кіевскую гимназію), П. Сокальскій (оставленъ при университетѣ), М. Байковъ (оставленъ при университетѣ), П. Аврамовъ (опредѣленъ учителемъ въ Кіевскую гимназію), Р. Рабаконовъ (поступилъ на государственную службу), И. Майстренковъ (оставленъ при университетѣ), Т. Степановъ (оставленъ при университетѣ); *по экзамену*: Н. Мавроди (оставленъ при университетѣ), А. Дыздаревъ (поступилъ на государственную службу), Павелъ Андріевскій (оставленъ при университетѣ). Изъ нихъ Склабовскій, Бѣлоусовъ, Петровъ, Сокальскій получили дипломы по этико-филологическому отдѣленію философскаго факультета; Байковъ, Аврамовъ, Рабоконовъ—по физико-математическому отдѣленію того же факультета; Майстренковъ, Степановъ—по юридическому. Но Министерство Народнаго Просвѣщенія признало производства Бѣлоусова, Сокальскаго, Аврамова, Рабоконова, Майстренкова и Степанова неправильными [2].

Въ 1820 году произведены были въ кандидаты изъ своекоштныхъ студентовъ, по экзамену: Г. Шкляревичъ, А. Бабичевъ, лекторъ П. Артемовскій-Гулакъ, безъ экзамена Н. Левицкій; изъ кандидатовъ медицины въ лекаря: В. Черняевъ, І. Царпура, Н. Сараиди, И. Шевелевъ, Н. Гудимъ-Левковичъ, П. Божковскій, Д. Тарановскій, Т. Чернякъ (своекоштный); изъ студентовъ медицины въ кандидаты—И. Савинъ, Я. Скуба. И. Тимоновичъ, И. Воскобойниковъ, Е. Иноземцовъ, Ѳ. Поярковъ (своекоштный); по словесному факультету въ кандидаты были произведены изъ дѣйствительныхъ студентовъ—Н. Корсунъ, А. Карасевъ, Ст. Полницкій, по физикоматемат. факультету—Гл. Нечаевъ, Петръ Иноземцевъ; званіе дѣйствительныхъ студентовъ получило по словесному факультету тогда же 15 человѣкъ [3].

Наши цифры вносятъ значительную поправку въ данныя, сообщаемыя рукописью И. П. Сокальскаго: въ 1820 году дѣйств. студентовъ по одному словесному факультету было 15, кандидатовъ по всѣмъ факультетамъ 15, лекарей 8, всѣхъ 38 (а не 23). Но и эта цифра еще ниже дѣйствительной, ибо не заключаетъ въ себѣ свѣдѣній объ окон-

---

[1]) По рукописи И. П. Сокальскаго также 12.

[2]) Харьк. унив. арх. Д. Поп. № 480/24.

[3]) Харьк. унив. арх. Д. поп. № 706/37.

чившихъ этикополитическій и математическій факультеты со степенью дѣйствительнаго студента, а ихъ было, вѣроятно, достаточно.

Въ 1826 году произведено въ лекари 27 чел., въ медико-хирурги 2, въ доктора медицины 1, въ акушеры 2, въ аптекари 1, въ провизоры 12, въ гезели 9, въ зубные лекаря 1, званіе повивальной бабки получила 1, магистра 1, кандидата 9, дѣйствительнаго студента 44. Трое получили за сочиненіе медали [1]).

Въ 1827 году кандидатскую степень получили слѣдующіе своекоштные студенты по юридическому факультету: И. Звѣгинцевъ, Ольденборгеръ, А. Гарнакъ, Я. Скларевичъ, С. Стишинскій, В. Чижевскій; по словесному: К. Буницкій, А. Лоскій, К. Маркъ, Ст. Бернгардъ-Гельфрейхъ, С. Викулинъ, кн. В. Кейкуатовъ, степень дѣйствительнаго студента—по словесному факультету казеннокоштные—И. Боровиковскій, А. Гнилокишковъ, П. Гнилокишковъ, П. Корецкій, В. Кульчинскій, А. Виражевичъ-Водопьяновъ, В. Юрьевъ; по математическому—А. Петровскій, С, Дацевичъ, Ѳ. Розовъ; своекоштные по юридическому: А. Борзенковъ, В. Бутковъ. И. Бѣлецкій, М. Добровольскій, Г. Жуковскій, Г. Зеленскій, Н. Кильхенъ, П. Кошляковъ, К. Лейковскій, П. Литевскій, П. Любарскій, Ѳ. Рерсъ, Н. Сердюковъ, В. Соколовскій, В. Перекрестовъ, Ю. Рябининъ, А. Шимковъ, Ст. Шеншинъ, Л. Максимовичъ, Н. Бушанскій, Н. Зимовскій, по математическому—Ст. Гамалѣя, А. Манжосъ, С. Панкратьевъ, А. Трипольскій, Ив. Оболонскій, А. Роберти; по словесному—Г. Добрянскій. М. Карровъ, Н. Самаржа, Я. Савицкій, А. Туранскій, В. Вознесенскій, Н. Зубчевскій, И. Данилевскій, Д. Шараповъ; по медицинскому окончившіе курсъ наукъ казеннокоштные Н. Марковъ, своекоштные—Г. Бутовичъ, В. Правицкій, В. Кригеръ. П. Шрамковъ, П. Тушневскій; вольнослушатели по математическому—Г. Горбаневъ, Ст. Бодянскій; по медицинскому Ѳ. Котляровъ [2]). Всего окончило по словесному факультету со степенью дѣйств. студента 16, кандидата—6; по этикополитическому—со степенью дѣйств. студента 21, кандидата 6; по математическому со степенью дѣйств. студента 11, медицинскому 7 со степенью лекаря. Здѣсь опять наши цифры больше цифръ рукописи И. П. Сокальскаго.

Въ 1828 г. по юридическому факультету получили степень кандидата слѣдующіе своекоштные студенты—Г. Гордѣенко, И. Сливицкій, Г. Герценвицъ (3); по словесному факультету—И. Витовичъ, И. Михайловъ, Т. Стефановскій (3); дѣйств. студ. на юридическомъ факультетѣ—46 своекоштныхъ студентовъ; физикоматематическаго факультета—3

---

[1]) Харьк. унив. арх. Д. поп. № 1205/67.

[2]) Харьк. унив. архивъ. Д. пои. № 1210/68.

казеннокоштныхъ и 8 своекоштныхъ (11); по словесному—4 казеннокоштныхъ и 11 своекоштныхъ и 1 вольнослушатель (16), на медицинскомъ окончило курсъ 6 казеннокоштныхъ, 12 своекоштныхъ и 7 вольнослушателей (25) [1]), а всего 104 вмѣсто 70 рукописи И. П. Сокальскаго.

Въ 1829 году были произведены въ кандидаты по нравственно политическому факультету—Гр. Даниленко, Ор. Евецкій, Ѳед. Евецкій. Ал. Криворотовъ, Ник. Криворотовъ (оба представлены къ исключенію изъ податнаго состоянія), Изм. Срезневскій, Аѳ. Шпигоцкій (7); по словесному казеннокоштные—Ѳед. Китченковъ, Ник. Садовскій, своекоштные—Ив. Бакѣевъ, Ал. Гвоздевъ, Ив. Боровиковскій—удостоенъ этой степени по экзамену (5); по физикоматематическому—казеннокоштные—Як. Березницкій, Ник. Дьяченковъ (2). Званіе дѣйствительнаго студента получили по нравственно политическому факультету своекоштные—Ив. Астафьевъ, Ѳ. Батаровскій, И. Булычевъ, А. Велигоцкій, П. Витовицкій—Гутовичъ. Сем. Оленичъ-Пeѣвенко, Гр. Гнѣдичъ, Дм. Головинъ, І. Джунковскій, графъ А. Долонъ, Т. Езучевскій. Гр. Жуковъ, Д. Измайловъ, А. Лосевъ, А. Лукашевскій, К. Лыгинъ, Д. Міоковичъ, А. Можневскій, А. Обозненковъ, А. Осиповъ, Ив. Росковшенковъ, Гр. Рудичъ, П. Свирскій, М. Ситенскій. И. Сушковъ, Д. Фессель, Н. Харченко, П. Чигиринцовъ, Ил. Яковлевъ, вольнослушатели—А. Василевскій, Д. Румянцевъ (31); по физикоматематическому—своекоштный Ив. Карповскій (1); по словесному казеннокоштный Ив. Мерцаловъ, своекоштные—Д. Гвоздевъ, В. Ивановъ, Филадельфъ Каразинъ, А. Михайловъ, И. Хрущовъ, А. Черезовъ, князь Анд. Шихматовъ-Ширинскій, вольнослушатель Ив. Пузинъ (9), по медицинскому получили званіе лекаря казеннокоштные—В. Киктевичъ, Н. Снѣсаревъ, П. Старосвѣтскій; своекоштные—Ив. Видинскій, С. Гринь, Ѳ. Рындовскій, Я. Мѣдновъ. В. Непорожній, М. Митридатовъ, А. Поляковъ, М. Бѣлецкій, Я. Горбаневъ, А. Дьяковъ, Н. Лобачевскій, Д. Науменко, М. Наумовъ. Д. Томашевскій; вольнослушатели—Ив. Веребрюсовъ, В. Добѣшевскій, Ст. Мигринъ, В. Скуба, К. Логиновъ (22) [2]); всего 77 (а не 49, какъ сказано въ рукописи И. П. Сокальскаго).

Въ 1830 году степень кандидата получили на нравственно политическомъ отдѣленіи—А. Костенецкій, М. Клобуцкій. П. Конисскій, вольнослушатель П. Хлудовъ (4); по словесному—Е. Бурковъ, А. Декарьевъ, П. Яхневичъ (3). Степень дѣйствительнаго студента получили по нравственно политическому факультету своекоштные—В. Барвинскій, І. Безрадецкій, А. Бернацкій, Ѳ. Богдановичъ, И. Богонькевичъ, И. Вознесенскій,

[1]) Ibid. № 1297 73.

[2]) Харьк. унив. архивъ. Д. поп. № 1390/79.

И. Нельговскій, В. Гежелинскій, Н. Гежелинскій, Е. Дороговъ, П. Енько, В. Загайный, И. Канивальскій, Ст. Канивальскій, М. Ждановъ, баронъ Павелъ Фонъ-Корфъ, В. Лисевичъ, П. Муратовъ, П. Плещеевъ, П. Сафоновъ, А. Чижевскій (21); по словесному казеннокоштные—Ив. Добровольскій, М. Севастьяновичъ, Ѳ. Симоновъ; своекоштные—Н. Дениcенко, А. Макаровъ (5); по физикоматематическому казеннокоштные З. Демьяновъ, Е. Шопинъ, вольнослушатель Ѳед. Кулишъ-Чипига; своекоштные—Н. Божеиновъ, Г. Мигринъ (5); по медицинскому казеннокоштные—И. Леоновъ, П. Артемовскій-Гулакъ, Д. Марковъ, Ф. Джунковскій, П. Грабовскій, казеннокоштный вольнослушатель И. Коляда; своекоштные—П. Антоновичъ-Войшинъ, Я. Боженковъ, Л. Коцкевичъ, П. Протопоповъ, вольнослушатель И. Крамаренковъ (11)[1]; всего 49 (менѣе, чѣмъ по рукописи И. П. Сокальскаго).

Изъ 29 державшихъ окончательный экзаменъ на юридическомъ факультетѣ въ 1830—1831 акад. году выдержало его 24 человѣка, 4 не выдержали и 1 по болѣзни не явился на экзаменъ [2]). Вотъ фамиліи лицъ, получившихъ степень дѣйствительнаго студента: Богачевъ, Быpдинъ, Гребницкій, Дзюбинъ, Гросманъ, Дроновъ, Я. Дьяченковъ, Емельяновъ, Кефала, Калиновскій, Костенецкій, А. Марковъ, Нефедьевъ, Никитинъ, Ординскій, Петровъ, Петровскій, Рыковъ, Рукавишниковъ, Свиринъ, Слесаревъ, Шихматовъ-Ширинскій, Швецовъ, Экъ.

Изъ 16 студентовъ и вольнослушателей послѣдняго (3-го) курса словеснаго факультета въ 1830/1831 акад. году получило степень дѣйствительнаго студента 8 (Высочинъ, Ерофеевъ, Алфераки, Быковъ, Демчинскій, Науменко, Рындовскій, Лебедевъ), по отношенію къ 4-мъ рѣшено было ходатайствовать о дарованіи степени кандидата (Болотову, Тимошевскому, Унтилову и Нѣмкину), четверо не выдержало испытанія.

Степень кандидата въ 1832 году получили по этико-политическому отдѣленію—Линевичъ, Лачиновъ, Стребковъ, по словесному—Славотинскій, Нѣмкинъ; дѣйствительнаго студента по этико-политическому факультету—Барсовъ, Карташевскій, Росцишевскій, Цохвисневъ, Авиловъ, Тарасенковъ, Федоренко; по словесному—Касановъ, Устиновскій, Боиновскій, Корженевскій, Карпинскій, Савичъ, Тишинскій, Ступачевскій; физико-математическому—Бѣликовъ, Стояновъ [3]).

Въ 1833 году выдержало экзаменъ на званіе дѣйствительнаго студента 25 душъ—Бутусовъ, 2 Булатовыхъ, 2 Васильевыхъ, Война, Гаевскій, Гнѣдичъ Ник., Давыдовъ, Добросельскій, Дзюбинъ, Кузьмичъ,

---

[1]) Харьк. унив. арх. Д. поп. № 1550/89.

[2]) Ibidem.

[3]) Харьк. унив. архивъ. Д. поп. № 1778/103.

Николинъ, Опличко, Петровъ, Политковскій, Пустовойтовъ, Рябасевъ. Романовъ, Тругортъ, Феликовъ, три Шеншиныхъ, Шпоръ, Шнейдеръ [1]

Въ числѣ студентовъ Харьковскаго университета былъ въ это время будущій извѣстный профессоръ и славистъ В. Григоровичъ.

Въ 1833 году совѣтъ ходатайствовалъ передъ попечителемъ о разрѣшеніи выдать аттестатъ на званіе *дѣйствительнаго студента*, студенту словеснаго отдѣленія *Виктору Григоровичу* [2]). Отчетъ за 1834-й годъ представляетъ намъ общую картину въ цифрахъ положенія учащихся.

Въ то время въ университетѣ былъ одинъ кандидатъ (Ефремовичъ) 7 лекарей (Крыловъ, Ольховскій, Крыжановскій, Филипченко, Иванишевъ, Бурковъ и Франкъ), 4 дѣйствительныхъ студента (Высочинъ, Башинскій, Кульчинскій, Рындовскій Гр.), 6 дѣйствительныхъ студентовъ, которымъ была пріостановлена выдача атестатовъ (Шрейдерсъ, Каразинъ, 2 Шеншиныхъ, Карповъ, Николинъ), 247 студентовъ и 71 вольнослушателей, въ числѣ коихъ нѣсколько евреевъ. Православныхъ было 306, католиковъ 16, лютеранъ 11, евреевъ 3. Дворянъ 160, духовнаго званія 20, оберъ офицерскихъ дѣтей 70, изъ купцовъ 29, изъ податнаго званія 47, иностранцевъ 9, выкрещенныхъ евреевъ 1.

Казеннокоштныхъ студентовъ было 49, своекоштныхъ 287.

По факультетамъ студенты распредѣлялись такъ: на юридическомъ 88; медицинскомъ 171, словесномъ 58, физико математическомъ 19.

По поведенію студенты распредѣлялись такъ: отличнаго 53, хорошаго 244, посредственнаго 28, неодобрительнаго 4.

По успѣхамъ: отличныхъ 17, очень хорошихъ 22, хорошихъ 175, посредственныхъ 95, неодобрительныхъ и худыхъ 20.

Изъ нихъ получили образованіе; въ другихъ университетахъ 18, въ гимназіяхъ 225, въ коллегіумѣ и другихъ училищахъ 35, въ пансіонахъ 36, въ домахъ 22.

Такимъ образомъ, въ концѣ изучаемаго нами періода мы замѣчаемъ двѣ особенности: на первое мѣсто по числу студентовъ выдвинулся медицинскій факультетъ и среди студентовъ увеличилось группа лицъ, принадлежавшихъ къ податному состоянію и купечеству.

Одинъ изъ самыхъ выдающихся питомцевъ Харьковскаго университета, впослѣдствіи академикъ и знаменитый математикъ *Остроградскій* не получилъ кандидатской степени главнымъ образомъ благодаря тому, что противъ него вооружился профессоръ Дудровичъ, дѣйствовавшій впрочемъ здѣсь не столько противъ самаго Остроградскаго,

[1]) Ib., Д. сов. 1833 № 4.

[2]) Харьк. унив. архивъ. Д. Правл № 1948/128.

сколько противъ его учителя проф. Осиповскаго. Можно даже сказать, что экзаменъ Остроградскаго явился однимъ изъ поводовъ для удаленія Осиповскаго. Въ 1820 г. Дудровичъ подалъ, какъ мы знаемъ уже, на проф. Осиповскаго попечителю З. Я. Карнѣеву жалобу, главнымъ содержаніемъ которой является будто бы неправильно веденный Осиповскимъ экзаменъ Остроградскаго. Дудровичъ отказался экзаменовать Остроградскаго изъ философіи, потому что онъ не ходилъ на его лекціи. За тѣмъ Дудровичъ не находилъ возможнымъ даровать степень кандидата Остроградскому ни за отличіе, ни на основаніи полученнаго имъ въ 1818 г. аттестата на степень дѣйствительнаго студента и особаго дополнительнаго кандидатскаго экзамена, потому что онъ подобно всѣмъ ученикамъ Осиповскаго не посѣщалъ лекціи богословія и философіи. Попечитель, успѣвшій уже удалить изъ университета Осиповскаго за его оппозицію противъ мистицизма, естественно, въ своемъ представленіи къ Министру освѣтилъ дѣло Остроградскаго такъ, какъ его изобразилъ Дудровичъ. „Совѣтъ университета, писалъ онъ Министру, донесъ мнѣ, что *нашелъ достойнымъ степени кандидата* студента Остроградскаго, получившаго студенческій аттестатъ въ 1818 году и выдержавшаго нынѣ кандидатское испытаніе по физико-математическому факультету. Но такъ какъ по мнѣнію члена совѣта проф. Дудровича производство студента Остроградскаго въ кандидаты не совсѣмъ сообразно съ университетскими постановленіями и предписаніями высшаго начальства, то совѣтъ и представилъ на разсмотрѣніе мое порядокъ испытанія, коему подвергался Остроградскій.

Изъ этого порядка испытанія открывается, что студентъ Остроградскій получилъ увольненіе отъ университета въ 1818 году и хотя онъ всѣхъ относящихся къ физико-математическому факультету наукъ не проходилъ, но въ выданномъ ему аттестатѣ этого не обозначено по бывшимъ безпорядкамъ прежняго университетскаго начальства (намекъ на Осиповскаго).

Затѣмъ Остроградскій явился снова въ университетъ для слушанія физики, химіи, высшей геометріи и механики и, пробывъ цѣлый годъ, въ іюнѣ 1820 года на публичномъ испытаніи вмѣстѣ съ прочими студентами экзаменовался, чтенія жъ по философіи и богопознанію не посѣщалъ какъ прежде, такъ и теперь. И такъ какъ Остроградскій при вторичномъ пребываніи въ университетѣ обнаружилъ хорошіе успѣхи, то бывшему ректору Осиповскому желательно было произвести его за отличіе въ кандидаты. Когда же проф. Дудровичъ мнѣніемъ своимъ такому неправильному производству воспрепятствовалъ, то Остроградскій допущенъ былъ къ испытанію на степень кандидата на основаніи § 25

положенія о производствѣ въ ученыя степени. Проф. Дудровичъ въ мнѣніи своемъ объяснилъ, что и таковое допущеніе Остроградскаго къ испытанію на степень кандидата неправильно, потому что онъ хотя и получилъ студенческій аттестатъ въ 1818 году, но окончилъ факультетскія, и то не всѣ науки въ 1820 году.

Усматривая въ таковомъ производствѣ студента Остроградскаго въ кандидаты неумѣстныя запутанности и неправильности, допущенныя прежнимъ университетскимъ начальствомъ (снова намекъ на Осиповскаго!) и признавая мнѣніе Дудровича справедливымъ, долгомъ считаю представить при этомъ выше указанный порядокъ испытанія и въ копіи студенческій аттестатъ, выданный въ 1818 году Остроградскому на благоусмотрѣніе Вашего Сіятельства, испрашивая начальническаго разрѣшенія, до полученія котораго предложилъ я университету не выдавать Остроградскому свидѣтельства на званіе кандидата".

Министръ кн. А. Н. Голицынъ отвѣтилъ, что такъ какъ Остроградскій не выслушалъ полнаго университетскаго курса ни по времени, ни по учебнымъ предметамъ, то признать выданный ему въ 1818 году студенческій аттестатъ не дѣйствительнымъ и такъ какъ онъ представленъ былъ имъ въ университетъ для экзамена, то не выдавать ему его на руки и предложить ему держать новый экзаменъ и на званіе дѣйствительнаго студента, а потомъ кандидата на точномъ основаніи существующихъ постановленій [1]). Во всей этой прискорбной и глубоко несправедливой исторіи насъ можетъ утѣшать только то обстоятельство, что Харьковскій университетъ оффиціально призналъ Остроградскаго достойнымъ кандидатской степени.

Въ 1820 году Министерствомъ, по представленію попечителя З. Я. Карнѣева, было кассировано производство въ кандидатскую степень еще 5 студентовъ—Аврамова, Сокальскаго, Майстренкова, Степанова и Бѣлоусова, потому что имъ дана была эта степень безъ экзамена, а между тѣмъ они раньше уже окончили университетъ; при томъ университетъ не донесъ своевременно Министерству о выдачѣ имъ аттестатовъ. Совѣтъ ссылался на 11 и 24 §§ университетскаго устава и положеніе о производствѣ въ ученыя степени, которое не запрещало такого производства, на одно изъ разрѣшеній самого Министра, но попечитель признавалъ эти ссылки неубѣдительными и Министръ согласился съ этимъ и отъ вышепоименованныхъ студентовъ были отобраны аттестаты. При семъ удобномъ случаѣ попечитель всю вину свалилъ на только что уволеннаго ректора Осиповскаго. „Главною причи-

---

[1]) Харьк. унив. архивъ. Д. поп. № 810/44.

ною подобныхъ запутанностей, писалъ онъ, былъ бывшій ректоръ Осиповскій, который во все время своего управленія, какъ нынѣ ясно открылось, всячески старался поддерживать въ университетѣ древній безпорядокъ, при всемъ усиліи моемъ искоренить его и завести постоянное и прочное устройство. Имѣя теперь добраго (?) и надежнаго помощника въ проректорѣ Джунковскомъ, который и по истинной христіанской нравственности, и по особенной дѣятельности способенъ къ ректорской должности, я надѣюсь съ благословеніемъ Божіимъ достигнуть давно желаемаго во всемъ успѣха. Министерство однако признало виновнымъ не одного бывшаго ректора, но и членовъ правленія [1]).

Большія непріятности не по своей винѣ пришлось испытать тѣмъ студентамъ, которые перешли изъ Московскаго университета и окончили курсъ въ Харьковскомъ—имъ не выдавали аттестатовъ.

Въ 1833 году Министръ писалъ попечителю, что, согласно съ Высочайшимъ указомъ 4-го авг. 1818 года и Высочайше утвержденнымъ Положеніемъ Комитета Министровъ 14-го авг. и 4 сент. 1828 года были приняты на 2-й и 3-й курсы студенты Московскаго университета, ибо на основаніи этихъ правилъ для полученія званія дѣйствительнаго студента необходимо *пробыть въ одномъ и томъ же университетѣ не менѣе 3-хъ лѣтъ сряду.* Такимъ образомъ, ни время проведенное въ другомъ университетѣ, ни прерванное ученіе въ томъ же заведеніи не могутъ быть зачтены въ полный трехлѣтній курсъ. Поэтому всѣхъ этихъ лицъ необходимо будетъ продержать въ университетѣ три года. Совѣту университета было строжайше предписано о точномъ соблюденіи всего изложеннаго. „Вмѣстѣ съ тѣмъ и Ваше Превосходительство обязаны обращать вниманіе, чтобы существующія по учебной части правила были во ввѣренномъ Вамъ университетѣ неослабно соблюдены". Но по какой то неизвѣстной причинѣ попечитель считалъ неудобнымъ для себя представить эту бумагу университету и она не была сообщена этому послѣднему. Оказалось также, что университету не были извѣстны тѣ узаконенія, на которыя ссылался Министръ. Между тѣмъ, нѣкоторые изъ этихъ студентовъ успѣли благополучно выдержать экзаменъ на званіе дѣйствительнаго студента, даже поступить на службу. Въ виду этого новый попечитель гр. Головкинъ ходатайствовалъ о выдачѣ этимъ лицамъ аттестатовъ. Для разбора этого запутаннаго дѣла [1]) была даже организована коммиссія подъ предсѣдательствомъ проф. Т. Ѳ. Степанова, которая представила попечителю свой докладъ на 104 листахъ. Министръ отказалъ въ ходатайствѣ

---

[1]) Архивъ Мин. Нар. Просвѣщенія. 1820 г. № 22016/492.

попечителю, ссылаясь на то, что онъ не можетъ дѣлать отступленія отъ законоположеній, невѣдѣніемъ коихъ нельзя отказываться. Положеніе же молодыхъ людей, тщетно ожидавшихъ столь продолжительное время своихъ аттестатовъ и вынужденныхъ снова поступать въ университетъ на три года, было по истинѣ плачевное. Доказательствомъ этого могутъ служить сохранившіяся въ дѣлѣ письма къ попечителю жены Василія Назарьевича Каразина, его сына и студента Шрейдера. Вотъ подлинные тексты этихъ любопытныхъ писемъ [2]).

---

[1]) Къ довершенію путаницы помощникъ попечителя, основываясь на неясной редакціи отвѣта Министра, разрѣшилъ выдать аттестатъ одному изъ этихъ лицъ Труарту; аттестатъ этотъ отъ него былъ истребованъ обратно и замѣненъ свидѣтельствомъ.

[2]) „Мужъ мой, писала Каразина, не рѣшается *вторично* безпокоить Васъ объ аттестатѣ сына нашего Александра, уже полтора года какъ окончившаго курсъ въ Харьковскомъ университетѣ и сколько мы могли слышать—не безуспѣшно. Но простите Милостивый Государь, эту смѣлость матери, несчастной уже въ столькихъ отношеніяхъ и осужденной еще видѣть милаго и достойнаго сына, лишаемымъ совершенно безвинно заслуженнаго и принадлежащаго ему по учрежденіямъ самаго Правительства аттестата, обезкураженнымъ, лишеннымъ средствъ съ выгодою вступить на службу и теряющимъ лучшія годы своей жизни. И за что все это? Никакъ не могу придумать. Развѣ это вина, что онъ слушалъ годъ лекціи въ Московскомъ университетѣ? Мы въ то время тамъ находились и мужъ мой хотѣлъ, чтобы онъ попользовался лекціями ученыхъ и искусныхъ тамошнихъ профессоровъ. Запрещенія не было переходить изъ одного университета въ другой. Потомъ, бывъ принуждены переселиться опять въ Харьковъ, взяли мы и сына туда. Ежелибъ онъ велъ себя въ Московскомъ университетѣ хотя мало не такъ какъ должно, то не приняли бы его опять въ здѣшній, гдѣ онъ слушалъ полный курсъ наукъ три года, ибо въ Московскій университетъ послѣ двухъ лѣтъ ученія здѣсь, былъ онъ однако принятъ на второй курсъ все потому, что мужъ мой, имѣя въ виду болѣе науки, нежели полученіе только аттестата, заставилъ его слушать лекціи втораго курса математическаго отдѣленія, которыя здѣсь уже преподаются на третьемъ курсѣ. Окончивъ этотъ третій курсъ здѣсь уже и съ похвалою, какъ я имѣла честь сказать, отказываютъ ему въ выдачѣ аттестата. Къ Вамъ, Сіятельнѣйшій Графъ, какъ къ попечителю сего заведенія, слѣдовательно, покровителю въ немъ учащихся, при томъ какъ къ справедливому и великодушному мужу, прибѣгаю съ покорнѣйшей просьбой объ оказаніи справедливости обиженному молодому человѣку. Извольте освѣдомиться о его поведеніи въ Московскомъ и здѣшнемъ университетѣ. Я слышала, что достойный нашъ профессоръ Робушъ признанъ и Вами таковымъ и много былъ обласканъ Вашимъ Сіятельствомъ. Извольте между прочимъ и у него спросить о нашемъ сынѣ; онъ былъ три года у него въ пансіонѣ и потомъ два года жилъ у него студентомъ. Онъ всегда отзывался о немъ, какъ о самомъ кроткомъ и прилежномъ молодомъ человѣкѣ. Надѣюсь, что и передъ Вами не откажется онъ дать такое свидѣтельство нашему сыну. Если изволите въ этомъ убѣдиться, то умоляю Васъ прикажите выдать немедлено аттестатъ ему, на что онъ имѣетъ тѣмъ больше права, что одному изъ его товарищей, бывшему также въ Московскомъ университетѣ и которому по этой причинѣ равнымъ образомъ отказывали въ выдачѣ аттестата, теперь уже разрѣшили выдать и выдали. Не лишайте, Сіятельнѣйшій графъ, бѣднаго молодаго человѣка далѣе средствъ вступить

Справедливость требуетъ замѣтить, что среди самихъ профессоровъ Харьковскаго университета существовало недовольство тою практикою, которая установилась относительно дарованія студентамъ разныхъ ученыхъ степеней. Это доказывается чрезвычайно дѣльною и умною запискою, внесенною по этому вопросу въ совѣтъ въ 1816 году профессоромъ Г. П. Успенскимъ.

Вотъ краткое ея резюме. По мнѣнію Успенскаго все зло происходило отъ того, что циркуляръ бывшаго Министра Народнаго Про-

съ честью въ службу. Ему уже 20 лѣтъ. По свойственному Вамъ великодушію избавьте несчастную мать отъ горести видѣть страдающимъ безвинно сына" (1834).

Сынъ В. Н. Каразина Александръ писалъ.

„Пробывъ всѣ положенные три года въ Харьковскомъ университетѣ по физико-математическому отдѣленію и четвертый промежуточный въ Московскомъ, дабы воспользоваться тамошнею обсерваторіею необходимою для того, чтобы съ пользой слушать астрономическія лекціи, я въ іюнѣ мѣсяцѣ прошедшаго 1833 года выдержалъ экзаменъ изо всѣхъ предметовъ математическагó отдѣленія въ здѣшнемъ Харьковскомъ университетѣ.

На прошеніе мое о выдачѣ слѣдующаго мнѣ аттестата, поданное въ августѣ мѣсяцѣ 1833 года, правленіе университета не удостоило меня никакимъ отвѣтомъ. Прождавъ болѣе года, я снова утруждалъ сіе правленіе покорною моей просьбой объявить мнѣ по крайней мѣрѣ причины, по которымъ я не достоенъ получить его, и въ такомъ случаѣ возвратить мнѣ документы, представленные мною при вступленіи въ университетъ, дабы я могъ другимъ путемъ вступить въ службу. Но и на это правленіе не благоволило дать никакого разрѣшенія.

Наконецъ пріѣздъ Вашего Сіятельства подалъ мысль моему отцу, статскому совѣтнику Василію Назаровичу Каразину, утруждать Васъ, Сіятельнѣйшій графъ, просьбою разрѣшить сомнительное мое положеніе и Вы милостиво обѣщали сдѣлать распоряженіе о выдачѣ мнѣ аттестата. Успокоенный этимъ снисходительнымъ отзывомъ Вашего Сіятельства, я явился въ правленіе университета въ полной надеждѣ, что воля Ваша будетъ исполнена, но правленіе не сдѣлало еще до сихъ поръ никакого распоряженія и я нахожусь совершенно безъ всякаго вида уже два съ половиною года.

Потерявъ въ тщетномъ ожиданіи, безъ всякой пользы много времени, не зная за собой никакой вины, которая могла бы лишить меня права на полученіе аттестата, ибо правленіе университета не сдѣлало никакого разрѣшенія на двѣ моихъ почтительныхъ просьбы, я осмѣливаюсь еще разъ обратиться къ Вашему Сіятельству. Обратите милостивое вниманіе Ваше, Сіятельнѣйшій графъ, на мое затруднительное положеніе и рѣшите наконецъ мою участь".

„Дерзость, писалъ Шрейдеръ, съ которою осмѣливаюсь повергнуть къ стопамъ Вашимъ сію просьбу, недостойна была бы прощенья, если бы не увѣренность въ великихъ качествахъ души Вашей не вложила бы въ меня надежду снискать ей пріютъ въ великодушіи, украшающемъ высокую особу Вашего Сіятельства.

Находившись съ 1828 года въ Московскомъ университетѣ, былъ я въ 1831 году, по случаю смерти моей матери, уволенъ въ отпускъ въ городъ Тамбовъ, гдѣ по причинѣ задержавшей меня болѣзни я по разстроеннымъ обстоятельствамъ принужденъ пробыть при малолѣтнихъ братьяхъ, лишенныхъ родителей, довольно долгое время и хотя представлялъ университетскому начальству неоднократныя свидѣтельства отъ врачебной управы о болѣзни, однако по возвращеніи въ Москву долженъ былъ взять уволь-

свѣщенія нарушилъ параграфы университетскаго устава; ибо по этому циркуляру своекоштнымъ студентамъ предоставлено было право держать магистерскій экзаменъ ранѣе назначеннаго уставомъ трехъ-годичнаго срока. Еще въ 1812 году студентъ-кандидатъ словеснаго отдѣленія Гевличъ, спустя годъ послѣ полученія этой степени, подалъ просьбу о разрѣшеніи ему держать магистерскій экзаменъ, а Министръ Народнаго Просвѣщенія въ началѣ 1813 года не только разрѣшилъ ему это, но и прибавилъ, что своекоштные кандидаты могутъ до истеченія 3-хъ лѣтъ держать даже докторскій экзаменъ. Съ этого времени, говоритъ Успенскій, и начались несогласія и раздоры между нами, начались преждевременныя, всегда почти со спорами соединенныя, не говорю, пристрастныя производства. Въ это время получилъ степень доктора правъ и Дегай, не окончившій еще и приготовленія къ магистерскому экзамену. Спорили, кричали, подавали другъ противъ друга голоса, роптала здѣшняя публика, Дегай нашелъ себѣ защитниковъ и получилъ степень. Съ этого достопамятнаго дня казеннокоштные питомцы были явно принижены передъ своекоштными. Какая охота могла быть у казеннокоштныхъ къ занятіямъ, когда они напередъ знали, что какъ бы ни старались, какіе бы не обнаруживали успѣхи, но ранѣе трехъ лѣтъ имъ экзамена держать не позволятъ, между тѣмъ какъ своекоштный можетъ сдѣлаться послѣ двухлѣтняго своего пребыванія въ университетѣ кандидатомъ, а еще черезъ годъ докторомъ да еще по другому

нительное свидѣтельство, съ коимъ и былъ принятъ въ Харьковскій университетъ и зачисленъ на третій курсъ этико-политическаго отдѣла въ началѣ 1833 года, а по экзамену въ іюнѣ мѣсяцѣ сего же года удостоенъ совѣтомъ университета степени дѣйствительнаго студента. Потерпя невиннымъ образомъ въ Москвѣ, я уже благодарилъ Провидѣніе за Его ко мнѣ милости въ Харьковѣ, какъ вдругъ предписаніе высшаго начальства не выдавать намъ аттестатовъ до его разрѣшенія, какъ мы имѣли честь слышать отъ Его Превосходительства господина бывшаго попечителя, поразило меня. Ожидая тщетно этого разрѣшенія, трое изъ моихъ товарищей поступили въ военную службу, гдѣ въ аттестатахъ слишкомъ очевидной нужды имъ встрѣтиться не можетъ. тѣмъ болѣе, что двое изъ нихъ произведены въ офицерскій чинъ, четвертый—Труартъ получилъ уже его, одинъ я остаюсь единственно въ надеждѣ. Но не видя ничего и по сіе время въ продолженіе слишкомъ 20 мѣсяцевъ, я вынужденнымъ нашелся обезпокоить Васъ, Сіятельнѣйшій графъ, удостойте войти въ мое бѣдственное положеніе. Не имѣя родителей, никакого состоянія и малѣйшей поддержки, я кое-какъ влачилъ мои дни до сихъ поръ, но теперь наконецъ затрудняюсь даже въ способахъ моего существованія—только полученіе аттестата можетъ вывести меня изъ этого затрудненія. Ваше Сіятельство, взгляните со свойственною душѣ Вашей великою добротою на мое несчастье. Великодушіе такое найдетъ отголосокъ въ мольбахъ ко Всевышнему того, который съ глубочайшимъ высокопочтеніемъ и таковою же преданностью имѣлъ счастье назваться“ (1835 г.).

факультету. Когда же онъ могъ такъ быстро просвѣтиться? Это различіе принесло большой вредъ и самому университету, ибо казеннокоштные студенты стали возвращать деньги и переходить въ разрядъ своекоштныхъ, благодаря чему уменьшилось число учителей. Въ виду этого необходимо уничтожить указанное различіе; но вмѣстѣ съ тѣмъ предоставить и казеннокоштнымъ, и своекоштнымъ, въ особыхъ случаяхъ—за отличіе, сокращать трехлѣтній срокъ. Особенно серьезно нужно обставить полученіе докторской степени, ибо въ Россіи она даетъ очень большія преимущества—право на штабъ-офицерскій чинъ т. е. потомственное дворянство. Степень эту нужно давать не за переводы, а за самостоятельныя, оригинальныя работы [1]).

Чтобы дать понятіе о тогдашнихъ испытаніяхъ на степень кандидата, сообщимъ данныя объ одномъ изъ нихъ—именно объ экзаменѣ на словесномъ факультетѣ студента Ковалевскаго. Въ факультетъ онъ представилъ для полученія кандидатской степени сочиненіе подъ заглавіемъ,—„о цѣли нравственной философіи". По разсмотрѣніи и одобреніи его, онъ былъ допущенъ къ устному экзамену. У проф. богословія онъ отвѣчалъ очень хорошо о законѣ вѣчномъ, естественномъ, о совѣсти, ея дѣйствіи на человѣка, о законѣ божественномъ; у проф. философіи Дудровича отвѣчалъ очень хорошо—о недостаткахъ ума касательно познавательной способности, о сужденіи, познаніи нравственного закона; у профессора русской словесности Борзенкова очень хорошо—о состояніи словесности отъ Ѳеофана до Ломоносова; у профессора латинскаго языка Кронеберга отвѣчалъ очень хорошо—(перевелъ и объяснилъ 1-ю главу Цицероновой рѣчи за стихотворца Архія), у адъюнкта всеобщей исторіи Филомафитскаго отвѣчалъ превосходно—о событіяхъ въ Европѣ во время царствованія Людовика XIV-го; у адъюнкта географіи и статистики Куницкаго отвѣчалъ очень хорошо—о владѣніяхъ англичанъ въ Европѣ и другихъ частяхъ свѣта; у него же изъ русской исторіи и географіи отвѣчалъ очень хорошо о состояніи Россіи съ 1462 по 1504 годъ и о водяныхъ ея сообщеніяхъ, о ея богатствахъ и торговлѣ; у проф. Паки-де-Совиньи изъ французской словесности отвѣчалъ очень хорошо о Буало и его сочиненіяхъ. По окончаніи этого испытанія ему предложено было нѣсколько вопросовъ изъ философскихъ наукъ, которыми, по его обясненію, онъ особенно занимался и онъ выбралъ тему для письменной работы, въ присутствіи членовъ факультета—ученіе Платона о Божествѣ. И это сочиненіе по

[1]) Харьк. унив. архивъ. Д. Сов. 1816 г. № 10.

разсмотрѣніи было признано удовлетворительнымъ и Ковалевскому присуждена степень кандидата [1]) (1821-й годъ).

Спросъ на лицъ, окончившихъ университетъ, былъ тогда очень великъ. О размѣрахъ его свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что въ 1819 г. никто изъ своекоштныхъ магистровъ, кандидатовъ и дѣйствительныхъ студентовъ Харьковскаго университета не пожелалъ занять мѣста секретаря и столоначальника при губернаторѣ Кавказской губ. [2]).

Для обезпеченія нѣкоторыхъ должностей государственной службы (учителей, врачей) былъ учрежденъ и корпусъ казеннокоштныхъ студентовъ, къ которымъ относились съ особымъ вниманіемъ и заботливостью.

Въ 1828 г. казеннокоштнымъ студентамъ, опредѣлявшимся въ учителя, велѣно было выдавать по 150 или по 200 р. изъ хозяйственныхъ суммъ департамента и оставлять имъ тѣ вещи, которыми они пользовались въ качествѣ казеннокоштныхъ студентовъ, хотя бы имъ и не вышелъ еще срокъ [3]).

Въ 1828 г. приказано было казеннокоштныхъ студентовъ, не успѣвающихъ въ наукахъ, въ случаѣ явной ихъ неспособности, исключать по истеченіи года изъ университета, съ разрѣшенія Министра, между тѣмъ какъ своекоштныхъ могъ удалять самъ попечитель... [4]) Старались расширить права и всѣхъ вообще студентовъ.

9-го іюля 1822 года Императоръ Александръ I Высочайше соизволилъ присвоить получившимъ званіе дѣйствительнаго студента 12-го класса должность, а кандидата—10-го [5]).

Въ 1834 году попечитель возбудилъ ходатайство передъ Министромъ о предоставленіи студентамъ петлицъ на мундиры. „Студенты Харьковскаго университета, писалъ онъ, благонравіемъ, кротостью и послушаніемъ начальственнымъ предписаніямъ, хорошимъ своимъ и благороднымъ поведеніемъ, заслуживали и заслуживаютъ особенное вниманіе благодѣтельнаго начальства. Желая еще болѣе утвердить ихъ въ въ этомъ, осмѣливаюсь просить Ваше Высокопревосходительство исходатайствовать имъ петлицы на мундиры по примѣру прочихъ университетовъ, но съ такимъ при томъ правиломъ, чтобы студентъ получалъ право нашить петлицы не иначе, какъ пробывъ годъ въ университетѣ и будучи одобренъ въ своемъ поведеніи и нравственности инспекторомъ,

[1]) Харьк. унив. архивъ. Д. поп. № 851/46.
[2]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло поп. № 595/30.
[3]) Харьк. унив. Архивъ. Д. поп. № 1242/71.
[4]) Ibidem.
[5]) Харьк. унив. Архивъ. Д. поп. № 927/50.

ректоромъ, правленіемъ, оказавши на экзаменахъ успѣхъ въ наукахъ и заслуживши одобреніе отъ профессоровъ своего факультета и въ особенности декана; наоборотъ студентъ за дурной поступокъ, непослушаніе, безуспѣшность въ наукахъ можетъ быть лишенъ петлицы и послѣ этого никакъ уже не могъ бы получить ее вторично. Основаніемъ для этого предложенія являются слѣдующія соображенія. Молодой человѣкъ, вступившій въ университетъ и желая въ видѣ отличія носить петлицы, будетъ и вести себя гораздо осторожнѣе и болѣе прилежать къ ученію, а, получивъ ихъ, будетъ страшиться потерять на нихъ право. Часто маловажныя съ перваго взгляда вещи имѣютъ значительныя послѣдствія. Вниманіе начальства и нѣкоторыя отличія замѣтно способствуютъ поддержанію добрыхъ намѣреній и усугубляютъ дѣятельность молодого человѣка къ самоусовершенствованію. Министръ однако не призналъ своевременнымъ возбужденіе подобнаго ходатайства [1]).

Особенно нужны были лица съ университетскимъ образованіемъ для занятія учительскихъ мѣстъ.

Съ 1822-го по 1829-й годъ (въ теченіе 7 лѣтъ) изъ Харьковскаго университета вышло 56 кандидатовъ и дѣйствительныхъ студентовъ, поступившихъ учителями въ гимназіи и уѣздныя училища Харьковскаго учебнаго округа; изъ нихъ учителями въ гимназіи поступило казеннокоштныхъ кандидатовъ—1, своекоштныхъ кандидатовъ 3, казеннокоштныхъ студентовъ 7, всего 11 душъ; въ училища—казеннокоштныхъ кандидатовъ 2, своекоштныхъ кандидатовъ 1, казеннокоштныхъ студентовъ 40, своекоштныхъ студентовъ 2, всего 45 человѣкъ. Такимъ образомъ, въ среднемъ поступало въ учителя по 8 человѣкъ и притомъ огромное большинство въ уѣздныя училища. Любопытно, что туда поступали не только казеннокоштные, но и своекоштные кандидаты; всѣхъ учителей изъ казеннокоштныхъ студентовъ и кандидатовъ было 50, своекоштныхъ только 6. Слѣдовательно, институтъ казеннокоштныхъ студентовъ удовлетворялъ своей цѣли—доставлялъ учительскій персоналъ для среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, хотя, быть можетъ, и въ недостаточномъ количествѣ. Но почему такъ мало питомцевъ Харьковскаго университета поступало въ учителя гимназіи Харьковскаго учебнаго округа? Быть можетъ, это было временное явленіе, вызванное заполненіемъ учительскихъ вакансій въ гимназіяхъ въ предшествующее время и поддерживавшееся слабымъ увеличеніемъ числа гимназій. Между тѣмъ уѣздныхъ училищъ было очень много въ округѣ и они постоянно нуждались въ учителяхъ, куда и уходило значитель-

[1]) Харьк. унив. архивъ. Д. поп. № 1955/126.

ное количество дѣйствительныхъ студентовъ, не добившихся кандидатской степени, которую въ то время получить было очень трудно.

Переходимъ теперь къ вопросу о студенческихъ организацiяхъ, въ которыхъ нашли себѣ выраженiе ихъ стремленiе къ общественно научной, благотворительной и художественной дѣятельности.

С. И. Кованько сообщаетъ, что „въ 1819 г. студенты Харьковскаго университета составили „Общество любителей отечественной словесности", которое съ 5 генваря до первыхъ чиселъ мая 1819 года, съ вѣдѣнiя и одобренiя начальства, имѣло каждую недѣлю одинъ разъ свои засѣданiя въ домѣ казеннокоштныхъ студентовъ, подъ предсѣдательствомъ одного изъ сочленовъ Ал. Склабовскаго и состояло подъ руководствомъ инспектора казеннокоштныхъ студентовъ и декана словеснаго отдѣленiя Г. П. Успенскаго и профессора философiи А. И. Дудровича. Членами общества были студенты: Склабовскiй (положившiй основанiе этому прекрасному заведенiю), И. Т. Гонорскiй (братъ Разумника Тимофеевича Гонорскаго), И. Я. Золотаревъ, Н. П. Левицкiй, Н. С. Петровскiй, А. М. Пафнутьевъ, А. И. Карасевъ и учитель Льговскаго уѣзднаго училища Н. М. Савостьяновъ. Существованiе этого общества извѣстно по книжкѣ „Труды студентовъ-любителей отечественной словесности въ Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ". Но если подъ именемъ „общества" можно разумѣть не одно только соединенiе людей, которое оффицiально наименовало себя обществомъ, а всякое сочлененiе особъ для дѣйствiя общими силами и къ общей цѣли, то Харьковское общество студентовъ-любителей отечественной словесности началось въ 1817 году и продолжалось до 1822 года включительно и въ теченiе 6 лѣтъ непрерывнаго существованiя ознаменовало каждый годъ выпускомъ въ свѣтъ своихъ трудовъ [1])".

Въ 1-й главѣ настоящаго сочиненiя мы уже коснулись вопроса о возникновенiи, характерѣ и судьбѣ студенческаго библейскаго сотоварищества; теперь намъ остается прибавить къ этому немногое.

Идея этого общества возникла не среди самихъ студентовъ, а была навѣяна извнѣ—изъ высшихъ учебныхъ сферъ. Стоявшiй во главѣ Министерства Народнаго Просвѣщенiя кн. А. Н. Голицынъ дѣйствовалъ на попечителя округа З. Я. Карнѣева, попечитель на проректора Джунковскаго, а этотъ послѣднiй—на студентовъ. Ходатайство студентовъ объ учрежденiи сотоварищества было вызвано его призывомъ къ студентамъ, какъ въ этомъ можно убѣдиться изъ приведеннаго въ первой главѣ текста этого ходатайства.

---

[1]) Харьк. Губ. Вѣд. 1859 г. № 82.

Попечитель въ свою очередь поощрилъ и Джунковскаго, и Дудровича, и студентовъ въ ихъ намѣреніи, разрѣшивъ немедленно открытіе этого новаго общества. За тѣмъ начинается взаимный обмѣнъ благодарностями между попечителемъ и сотовариществомъ. Сотоварищество пишетъ попечителю.

„Высокое покровительство Вашего Превосходительства, оказанное столь торжественно студентскому Библейскому сотовариществу, преисполнило сердца всѣхъ, составляющихъ его, глубочайшею признательностью. Соизволивъ принять участіе въ спасительномъ предпріятіи студентовъ, клонящемся къ распространенію слова Божія, Ваше Превосходительство открыли тѣмъ намъ рѣдкую доброту вашего сердца, показали важность предпринятаго нами и вмѣстѣ съ тѣмъ усугубили силы наши къ достиженію предположенной мечты. Исполненные священныхъ чувствъ благодарности, мы въ первомъ засѣданіи нашемъ, происходившемъ 9 іюня сего года, въ присутствіи ректора университета, статскаго совѣтника и кавалера В. Я. Джунковскаго и инспектора казеннокоштныхъ студентовъ Андрея Ивановича Дудровича, первымъ священнѣйшимъ долгомъ поставили изъявить глубочайшую признательность студентскаго Библейскаго сотоварищества Вашему Превосходительству, и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ члену и высокому Покровителю его, ибо понимаемъ ваше рѣшеніе представить намъ изъ числа книгъ, пожертвованныхъ извѣстными ревнителями слова Божія пасторами Патерсономъ и Гендерсономъ одинъ экземпляръ Новаго Завѣта съ дѣяніями и 10 первыми посланіями апостольскими на славянскомъ и россійскомъ языкахъ. Чувствуемъ въ полной мѣрѣ, сколь слабо наше приношеніе въ сравненіи съ чувствами нашихъ сердецъ, но мы рѣшились лучше обнаружить ихъ по возможности, нежели, оставаясь безмолвными, дать другимъ справедливое право упрекать насъ въ нечувствительности. Пріимите, Ваше Превосходительство, со свойственнымъ Вамъ снисхожденіемъ, сей первый даръ, приносимый студентскимъ Библейскимъ сотовариществомъ, чувствующимъ въ полной мѣрѣ важность мѣста, на которое вы своимъ соучастіемъ оное поставили; ибо, благоволивъ участвовать въ нашемъ предпріятіи, Вы содѣлали цѣлое отечество свидѣтелемъ съ одной стороны высокаго Вашего къ намъ довѣрія и вниманія, а съ другой непремѣнной священной обязанности нашей оправдать ихъ предъ лицемъ онаго. Молимъ Бога, да ниспошлетъ на насъ святую свою помощь дѣйствовать на спасеніе собственное и нашихъ собратій на семъ священномъ поприщѣ, дабы, одушевляясь примѣромъ Вашего Превосходительства, подъ руководствомъ благородномыслящихъ нашихъ наставниковъ, ревностнымъ участіемъ своимъ въ полной мѣрѣ заслуживающихъ

и Ваше довѣріе и нашу благодарность, содѣлались предъ взорами отечества достойными совершенно высокаго участія, коимъ почтили Ваше Превосходительство студентское Библейское сотоварищество".

Попечитель отвѣчаетъ на это такъ.

„Съ сердечнымъ удовольствіемъ увидѣлъ я изъ отзыва ко мнѣ студентскаго Библейскаго сотоварищества, что члены его, вступивъ на поприще столь спасительнаго дѣла, пріемлютъ твердое намѣреніе съ помощью Божіею идти на ономъ далѣе къ славѣ всесвятого имени Іисуса Христова и къ собственной въ немъ и чрезъ него пользѣ своей и собратій своихъ. Таковой отличный подвигъ студентскаго Библейскаго сотоварищества подаетъ мнѣ пріятную надежду, что гг. студенты, стремясь къ истинному просвѣщенію, на духѣ Евангелія основанному, оправдаютъ ожиданія верховнаго начальства, а потому и поручаю Вашему Высокородію объявить имъ, что я всегда готовъ буду способствовать успѣхамъ ихъ въ дѣлѣ Божіемъ и трудящихся въ ономъ пріиму въ особенное вниманіе".

Тронутое этимъ сотоварищество сдѣлало попечителю слѣдующее донесеніе о своихъ успѣхахъ [1]).

„Лестное одобреніе Вашего Превосходительства, изъявленное чрезъ ректора университета студентскому Библейскому сотовариществу, преисполнило сердца всѣхъ членовъ, составляющихъ его, глубочайшею признательностью. Видя новое разительное доказательство Вашего вниманія, студентское Библейское сотоварищество чувствуетъ себя тѣмъ болѣе обязаннымъ оправдать его и еще ревностнѣе дѣйствовать на семъ поприщѣ во славу имени Іисуса Христа въ собственную свою и другихъ пользу.

Исполненное сихъ чувствій, оно желаетъ, чтобы каждый шагъ его на этомъ пути спасенія былъ, такъ сказать, предъ взоромъ Вашимъ. Въ этомъ намѣреніи осмѣливается представить Вашему Превосходительству о происходившемъ въ послѣднемъ его собраніи, бывшемъ октября 23 сего года въ присутствіи ректора университета и инспекторовъ казеннокоштныхъ и своекоштныхъ студентовъ. Начало собранія открыто чтеніемъ отношенія Вашего Превосходительства на имя ректора университета, возбудившимъ живѣйшую признательность и рвеніе еще большее въ сердцахъ всѣхъ присутствовавшихъ и вновь поступившихъ членовъ сотоварищества; за этимъ читаны отношенія Слободско-Украинскаго губернатора и совѣта Харьковскаго Института Благородныхъ Дѣвицъ, содержащія первое: признательность сотовариществу за пожертвованныя

---

[1]) Харьк. унив. архивъ. Д. поп. № 561/28.

имъ деньги въ пользу потерпѣвшихъ отъ пожара, а второе благодарность совѣта за присланную въ даръ книгу Новый Завѣтъ и первыя 10 посланій апостольскихъ на славянскомъ и россійскомъ языкѣ. Потомъ прочтенъ списокъ всѣхъ членовъ сотоварищества. По исключеніи умершихъ и выбывшихъ, вновь присоединилось болѣе 20 членовъ, пожелавшихъ принять участіе въ спасительномъ дѣлѣ сотоварищества, коимъ въ то же время роздано нѣсколько экземпляровъ воззваній. Вмѣстѣ съ новопоступившими членами и инспекторъ своекоштныхъ студентовъ профессоръ К. П. Пауловичъ пожелалъ принять на себя званіе члена. За симъ по предложенію ректора университета, согласно съ желаніемъ всѣхъ членовъ студентскаго Библейскаго сотоварищества избраны: для удобнѣйшаго отправленія и распоряженія по сотовариществу въ добавленіе къ прежнимъ, въ директоры, студентъ М. Протопоповъ, въ казначеи на мѣсто выбывшаго Сорочинскаго, студентъ Н. Дружкевичъ. Собраніе заключено рѣчью, произнесенною студентомъ Протопоповымъ: о происхожденіи Библейскихъ обществъ въ государствахъ, какъ торжественномъ знаменіи возрожденія общественной жизни въ человѣкѣ. Въ этомъ состояли дѣйствія студентскаго Библейскаго сотоварищества въ послѣднемъ его собраніи, о коихъ оно постановило непремѣннымъ долгомъ донести и симъ доноситъ Вашему Превосходительству, какъ члену и вмѣстѣ высокому своему Покровителю,—дѣйствія ясно свидѣтельствующія, что слово Божіе время отъ времени собственною благодатію своею дѣйствуетъ болѣе и болѣе на сердца юныя, ибо съ каждымъ новымъ собраніемъ число членовъ непрестанно увеличивается, такъ что отъ начала открытія сотоварищества по сіе время, какъ число членовъ, такъ и денегъ увеличилось вдвое“.

Но не смотря на внѣшніе успѣхи новаго общества (возрастаніе числа членовъ, членскихъ взносовъ), оно не имѣло твердой почвы для органическаго роста и развитія: юные его члены повторяли съ чужого голоса мысли о духовномъ возрожденіи въ своихъ рѣчахъ, литературныхъ опытахъ и стихотвореніяхъ, лишенныхъ искренности и художественнаго элемента,—а дѣйствительнаго внутренняго нравственнаго обновленія достичь было гораздо труднѣе и все дѣло ограничивалось словами да изрѣдка, въ видѣ исключенія кое какими благотворительными дѣлами. Такимъ образомъ, это было зданіе, воздвигнутое на пескѣ. Неудивительно, поэтому, что оно немедленно разрушилось, лишь только его перестали поддерживать сверху, — а это произошло, какъ мы знаемъ, при новомъ министрѣ народнаго просвѣщенія Шишковѣ, который признавалъ дѣятельность Библейскихъ обществъ чрезвычайно вредною для православія и просвѣщенія и предлагалъ истреблять из-

данныя ими книги. И въ обществѣ Харьковскомъ Библейскія сотоварищества успѣха не имѣли: Харьковскій епископъ Павелъ, какъ мы видѣли, свидѣтельствовалъ, что свѣтскія лица „терпѣть ихъ не могутъ", а сборъ денегъ производился духовенствомъ и то по принужденію; въ въ заключеніе онъ просилъ указанія, дѣйствовать ли по прежнему или иначе.

Въ ноябрѣ 1825 года студенты харьковскаго университета, черезъ адъюнкта русской словесности Склабовскаго, подали ректору прошеніе. въ которомъ изъявили желаніе составить „*Общество любителей наукъ, философскій факультетъ составляющихъ*". Попечитель Е. В. Карнѣевъ, разсмотрѣвъ проектъ устава этого общества, составленный адъюнктомъ Склабовскимъ, нашелъ, что его нужно назвать „*Студенческимъ сотовариществомъ Общества наукъ при харьковскомъ университетѣ*, и поставить подъ непосредственное руководительство и наблюденіе этого общества, которое должно будетъ разсмотрѣть его уставъ и сдѣлать на него свои замѣчанія. Съ своей же стороны, попечитель нашелъ нужнымъ, во-первыхъ, чтобы въ каждомъ засѣданіи „Сотоварищества" попеременно присутствовалъ одинъ или два члена общества наукъ изъ его университетскихъ членовъ; во-вторыхъ, прежде открытія его поручить, кому слѣдуетъ, узнать о способностяхъ и свойствахъ студентовъ. желающихъ вступить въ члены. и допускать туда только достойнѣйшихъ, подъ отвѣтственностью директоровъ сотоварищества: въ-третьихъ, установить правило. чтобы студенты, отличавшіеся своими трудами въ сотовариществѣ, поступали въ сотрудники общества наукъ; и въ-четвертыхъ, наконецъ, чтобы болѣе состоятельные члены сотоварищества оказывали ему нѣкоторую денежную помощь для составленія библіотеки и погашенія необходимыхъ мелкихъ расходовъ.

Общество наукъ (въ составъ котораго входили, главнымъ образомъ, профессора университета), разсмотрѣвъ уставъ сотоварищества. съ своей стороны постановило—студенческаго сотоварищества къ обществу наукъ не присоединить, а поставить ему въ обязанность ежемѣсячно сообщать послѣднему о ходѣ своихъ занятій.

Правила студенческаго сотоварищества были въ общихъ чертахъ таковы. Оно составлялось на основаніи § 9 университетскаго устава 1804 г.. предусматривавшаго образованіе при университетѣ ученыхъ обществъ для занятія словесностью и опытными науками. Мотивы для его возникновенія были формулированы такъ. „Кандидаты и студенты университета будутъ совершенствоваться въ словесности посредствомъ дружескаго безпристрастнаго разбора какъ собственныхъ, такъ и чужихъ сочиненій; общество это, познакомивъ членовъ другъ съ другомъ и показавъ

имъ одну общую цѣль, можетъ скорѣе раскрыть ихъ способности, возбудить соревнованіе въ дѣлѣ пріобрѣтенія болѣе основательныхъ познаній въ отечественномъ языкѣ, пріохотить къ ученымъ занятіямъ и удовольствіямъ, ими доставляемымъ, пріучить предпочитать ихъ обыкновеннымъ свѣтскимъ забавамъ, утомляющимъ чувства и оставляющимъ въ душѣ пустоту, оно можетъ доставить студентамъ особую честь и лестное одобреніе просвѣщенныхъ и благомыслящихъ людей, привыкшихъ съ сердечнымъ удовольствіемъ смотрѣть на общую пользу отечества и предпочитать ее частнымъ выгодамъ. Общество намѣрено лучшія и наиболѣе обработанныя по древнимъ и новѣйшимъ образцамъ сочиненія своихъ членовъ печатать въ журналѣ, издаваемомъ университетомъ, а съ умноженіемъ числа ихъ—и отдѣльными книгами. Выручка отъ продажи этихъ изданій, а равно и всѣ суммы, которыя останутся за покрытіемъ необходимыхъ расходовъ по обществу, назначаются на вспомоществованіе такихъ учениковъ уѣздныхъ училищъ и гимназій и студентовъ, которые, при недостаточности состоянія, будутъ отличаться дарованіями, успѣхами, поведеніемъ и склонностью къ наукамъ, въ особенности къ русской словесности и древнимъ языкамъ“.

Общество должно было состоять подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ и покровительствомъ попечителя округа и могло избирать еще особыхъ своихъ попечителей изъ лицъ, способствовавшихъ его благосостоянію и пользамъ. Попечители получали выписки изъ журналовъ общества, а ежегодные отчеты, сверхъ того, представлялись черезъ ректора попечителю округа, который сообщалъ о нихъ министру народнаго просвѣщенія. Члены раздѣлялись на дѣйствительныхъ, почетныхъ, сотрудниковъ, корреспондентовъ и благотворителей. Дѣйствительные члены избирались изъ студентовъ, кандидатовъ и магистровъ, какъ находившихся въ вѣдомствѣ университета, такъ и выбывшихъ изъ него, съ условіемъ, чтобы они любили русскую словесность и желали содѣйствовать задачамъ общества. Адъюнкты университета, по желанію своему, подтвержденному согласіемъ общества, могли получить званіе его дѣйствительныхъ членовъ. Избраніе производилось по предложенію одного изъ членовъ, который долженъ былъ представить оригинальное либо переводное сочиненіе кандидата или вообще доказательства его познаній въ отечественной словесности; извѣстные начальству своими дарованіями, успѣхами въ наукахъ и благонравіемъ могли приниматься и безъ этого удостовѣренія. Каждый дѣйствительный членъ обязанъ былъ ежемѣсячно представить по крайней мѣрѣ одно прозаическое или стихотворное произведеніе: лицо, не представившее въ теченіе мѣсяца никакого сочиненія и не сообщившее о своихъ занятіяхъ или не явив-

шееся безъ уважительной причины въ теченіе мѣсяца въ засѣданіе общества, исключалось изъ числа членовъ его. Почетные члены не несли никакихъ особыхъ обязанностей по обществу, а могли оказывать ему пользу своими совѣтами, пожертвованіями и сочиненіями. Въ члены-сотрудники могли поступать студенты, не желавшіе принимать на себя обязанностей дѣйствительныхъ членовъ или не могшіе удовлетворять предъявляемымъ къ нимъ требованіямъ, а равно воспитанники гимназій и благородныхъ пансіоновъ; предполагалось, что вниманіе общества къ развивающимся талантамъ молодежи возбудитъ въ нихъ особенное усердіе къ отечественной словесности и откроетъ путь къ дальнѣйшему усовершенствованію для пользы отечества. Члены-сотрудники могли переходить въ категорію дѣйствительныхъ членовъ. Въ члены-корреспонденты могли избираться учителя гимназій и уѣздныхъ училищъ Харьковскаго учебнаго округа. Главная ихъ обязанность должна была состоять въ присылкѣ своихъ и чужихъ трудовъ историческаго, статистическаго и экономическаго характера, касающихся Украйны и вообще губерній, входящихъ въ составъ Харьковскаго учебнаго округа; кромѣ того, они принимали на себя заботу о распространеніи изданій общества и привлеченіи къ нему благотворителей. Члены-благотворители брали на себя обязанность дѣлать пожертвованія книгами и деньгами, такъ какъ безъ такой матеріальной помощи, какъ извѣстно, ни одно ученое общество не можетъ имѣть продолжительнаго и прочнаго существованія. Размѣръ пожертвованій не опредѣлялся. Любовь къ просвѣщенію, говорилось въ проектѣ, и благороднѣйшее желаніе оказывать необходимую помощь ищущимъ его, должны опредѣлять мѣру благотворенія, и потому всякое пожертвованіе будетъ приниматься съ благодарностью; имена благотворителей будутъ вноситься въ особую книгу для сохраненія о нихъ памяти и при изданіи трудовъ общества будутъ напечатаны съ обозначеніемъ ихъ пожертвованія; затѣмъ черезъ попечителя округа объ этомъ будетъ доводиться до свѣдѣнія министра. Предсѣдатель избирался по большинству голосовъ изъ дѣйствительныхъ членовъ общества и утверждался по представленію ректора попечителемъ округа. Кромѣ того, для бо́льшаго успѣха въ своей дѣятельности, общество избирало еще нѣсколькихъ директоровъ изъ членовъ, наиболѣе преуспѣвшихъ въ какой-либо отрасли наукъ или языкахъ. Директоры должны были руководить малоопытными членами и сотрудниками въ выборѣ темъ для сочиненій и лучшемъ изложеніи матеріала. Кромѣ того, общество избирало временнаго предсѣдателя и секретаря. Казначей принималъ денежныя суммы, велъ кассовую книгу и давалъ обществу о нихъ ежемѣсячные отчеты; каждое полугодіе общество ревизовало

казначея черезъ особыхъ ревизоровъ. Библіотекарю поручалась библіотека, которая должна была составиться частью путемъ пожертвованій, частью покупкою книгъ и періодическихъ изданій, которымъ предполагали вести подробный реестръ. Библіотекою могли пользоваться всѣ члены общества. Переписку общество имѣло право вести при посредствѣ университета.

Главная задача общества должна была состоять въ критическомъ разборѣ и изданіи оригинальныхъ и переводныхъ сочиненій, относящихся къ изящной словесности и словеснымъ наукамъ, а частью и къ другимъ отраслямъ знаній при условіи, чтобы они были написаны чистымъ, вразумительнымъ и пріятнымъ языкомъ, такъ какъ особенное вниманіе общество желало обращать на слогъ; на первомъ планѣ стояли произведенія русскихъ писателей и особенно поэтовъ. Засѣданій должно было быть не менѣе четырехъ въ мѣсяцъ, исключая вакаціоннаго времени,—преимущественно въ праздничные и воскресные дни. Порядокъ для разбора сочиненій предполагался такой: сперва сочинитель или переводчикъ медленно и внятно читаетъ свою работу, чтобы каждый могъ замѣтить или записать неправильности или неясности содержанія или изложенія; затѣмъ, всѣ поочередно представляютъ въ скромной и благопристойной формѣ доказательства ихъ; наконецъ, предсѣдатель собираетъ голоса, причемъ для полученія большинства требуется ²/₃ ихъ. Исправивъ сочиненіе, согласно сдѣланнымъ въ обществѣ замѣчаніямъ, авторъ возвращаетъ его секретарю. Въ случаѣ накопленія большого количества работъ, ихъ разсматриваетъ особый комитетъ изъ предсѣдателя, директоровъ и секретаря, сообщающій о своихъ заключеніяхъ обществу. Во время засѣданій должна быть соблюдаема строжайшая благопристойность и скромность, и потому запрещаются разговоры о дѣлахъ, не относящихся къ обществу, жаркіе споры, а въ особенности колкія слова, оскорбительныя выраженія и насмѣшки, относящіяся къ личности сочинителя. За исполненіемъ этого правила долженъ наблюдать предсѣдатель, имѣющій право, въ случаѣ надобности, закрыть засѣданіе; нарушившіе это правило, послѣ троекратнаго напоминанія, исключались изъ состава членовъ. Одинъ или два раза въ полугодіе должно быть торжественное засѣданіе, на которое приглашаются и посторонніе любители просвѣщенія.

Уставъ этотъ, какъ не трудно видѣть, имѣетъ одинъ существенный недостатокъ—излишнюю регламентацію. Едва-ли, напримѣръ, слѣдовало вносить требованіе, чтобы дѣйствительные члены общества доставляли ежемѣсячно по одному сочиненію—это требованіе было прямо-таки неисполнимо; кромѣ того, онъ отличался широтою своихъ

плановъ и программы. Но въ немъ пріятно поражаетъ насъ связь, которая устанавливалась имъ между студенческимъ и профессорскимъ обществомъ наукъ, между студентами, кандидатами, магистрами, учителями, разсѣянными въ округѣ, и профессорами. Очевидно, здѣсь нужно видѣть благодѣтельное дѣйствіе университетскаго устава 1804 года, установившаго тѣсное общеніе между высшей, средней и низшей школой.

Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ свѣдѣній о томъ, получило ли это общество практическое осуществленіе.

Литературные вкусы студентовъ нашли себѣ выраженіе въ организаціи кружка любителей сценическаго искусства среди студентовъ, дававшихъ представленія въ 1814 и 1815 годахъ, какъ это видно изъ слѣдующаго оффиціальнаго сообщенія ректора Осиповскаго Министру.

„При университетѣ нѣтъ ни театра, ни директора его: въ нѣкоторые только вакаціонные дни студенты и кандидаты казеннокоштные и нѣкоторые своекоштные просили у меня позволенія представить нѣсколько театральныхъ піесъ въ студенческой столовой залѣ для упражненія въ декламаціи. Я, два раза давши имъ на это позволеніе, представлялъ о могущей быть впредь подобной просьбѣ отъ студентовъ Его Сіятельству Министру Народнаго Просвѣщенія и получилъ въ отвѣтъ, что это позволить можно съ выборомъ приличныхъ піесъ.

Для выбора піесъ истребованъ былъ отъ меня изъ полиціи каталогъ піесъ, позволенныхъ для представленія въ публичныхъ театрахъ, и отданъ студентамъ. По этому каталогу избрали они піесы сами по лицамъ, какія кто представлять брался и представляли для апробаціи инспектору казеннокоштныхъ студентовъ. Въ тотъ день, когда нужно было представлять какую піесу, давали они мнѣ знать какъ объ имѣющемъ быть представленіи, такъ и о піесѣ и я давалъ знать объ этомъ полиціи; для присутствованія при представленіи студенты приглашали сами, кромѣ университетскихъ чиновниковъ, и знакомыхъ имъ изъ дворянства и купечества. Соблюденіе внутренняго благочинія и распоряженія мѣстъ было поручено мною экзекутору университета.

Піесы, представленныя по настоящее время студентами были слѣдующія:

Въ 1814 году,

во время масляницы:

Ненависть къ людямъ и раскаяніе, Р. Коцебу.
Драма: Сидонія или жертва смерти.
Трагедія: Беверлей и послѣ балетъ.

Во время Святой недѣли:

Комедія: Награжденная справедливость;
Трагедія: Безбожный, Дмитріевскаго;
Комедія: Не все то золото, что блеститъ, а потомъ балетъ.

Въ святки:

Комедія: Эпиграмма;
Драма: Клеветники, } Коцебу;
Комедія: Суматоха, }
Комедія: Ябеда, Капниста.

Въ 1815 году,
во время масляницы:

Комедія; Скопиковы обманы, Моліера;
Комедія: Несчастіе, Коцебу и комедія: Донъ Рамудо де Калибродосъ [1]).

Сильно увлекались первые Харьковскіе студенты и литературною дѣятельностью. Первыми Харьковскими студентами были по преимуществу питомцы главнаго народнаго училища и коллегіума гдѣ на словесность было обращено особенное вниманіе. Въ университетѣ ихъ литературные вкусы получили дальнѣйшее развитіе. Русскую словесность слушали не одни словесники. Первый преподаватель этого предмета проф. И. С. Рижскій пользовался огромнымъ авторитетомъ въ глазахъ учащагося юношества. По словамъ современника-студента Розальонъ-Сошальскаго, онъ выслушивалъ сочиненія студентовъ, указывалъ на недостатки ихъ и давалъ дѣльные совѣты. Его преемникъ Ив. Евс. Срезневскій (отецъ знаменитаго слависта) и самъ пробовалъ свои силы на стихотворномъ полѣ. Его преемники Р. Т. Гонорскій, А. В. Склабовскій, И. Я. Золотаревъ, В. А. Якимовъ—всѣ печатали стихи, а нѣкоторые даже цѣлые сборники ихъ и за эти „литературные опыты“ получили право преподаванія словесности. И они, подобно Рижскому, оказывали вліяніе на развитіе литературныхъ стремленій студентовъ и на самый характеръ ихъ поэтическихъ опытовъ. Но еще сильнѣе, конечно, дѣйствовало на учащуюся молодежь непосредственное вліяніе русской литературы въ лицѣ ея тогдашнихъ представителей. Царилъ еще дѣятель екатерининскаго вѣка Державинъ; послѣднимъ отголоскомъ XVIII-го вѣка являлся Шишковъ. Но они должны были уступить свое мѣсто писателямъ новаго вѣка: Карамзину, Жуковскому, Крылову, Гнѣдичу, Батюшкову, наконецъ, Пушкину. Нужно впрочемъ сознаться, что русская литература отражалась на произведеніяхъ Харь-

---

[1]) Харьк. унив. архивъ. Д. сов. 1815 г. № 57.

ковскихъ студентовъ какъ бы съ нѣкоторымъ запаздываніемъ, что можно объяснить, вѣроятно, сравнительно позднимъ проникновеніемъ ея въ школу и къ ея преподавателямъ. Въ Харьковскомъ университетѣ мы не видимъ такихъ профессоровъ русской словесности, какъ наставникъ Гоголя въ Нѣжинскомъ лицеѣ, принимавшій стихотворенія Пушкина за сочиненія лицеистовъ и безпощадно ихъ критиковавшій, но и Рижскій, и его преемники отличались консерватизмомъ и старались держаться старыхъ образцовъ. Извѣстное значеніе здѣсь имѣла также отдаленность Харькова отъ тогдашнихъ литературныхъ центровъ—Петербурга и Москвы. Но въ концѣ 20 и началѣ 30 годовъ студенты Харьковскаго университета уже зачитывались корифеями русской литературы. Студентъ этого времени Н., въ своихъ воспоминаніяхъ, говоритъ: „любимымъ занятіемъ студентовъ, какъ прилежныхъ, такъ и самыхъ лѣнивыхъ было чтеніе періодическихъ изданій и современныхъ произведеній поэзіи и беллетристики. Изъ журналовъ всего болѣе интересовались студенты „Московскимъ телеграфомъ“, „Московскимъ телескопомъ“, и „Вѣстникомъ Европы“, въ которыхъ помѣщали свои статьи Погодинъ, Надеждинъ и Каченовскій. Наша литература и тогда уже была не бѣдна произведеніями поэтовъ и беллетристовъ, изъ которыхъ многіе не только высоко цѣнились современниками, но не утратятъ своего достоинства и для отдаленныхъ поколѣній. Наши поэты—Жуковскій, Пушкинъ и Лермонтовъ (?), романисты—Загоскинъ, Лажечниковъ, Полевой, Марлинскій, наконецъ, Гоголь и многіе другіе изъ беллетристовъ того времени находили себѣ самыхъ усердныхъ поклонниковъ между студентами. Произведенія ихъ передавались изъ рукъ въ руки и увлекали своихъ читателей“. Знакомились и съ иностранной литературой. Н. И. Костомаровъ съ увлеченіемъ занимался чтеніемъ въ подлинникѣ Виктора Гюго и Гомера.

Наконецъ, нѣкоторое вліяніе должна была оказать и народившаяся уже въ это время малорусская литература, нашедшая въ г. Харьковѣ и Харьковскомъ университетѣ такихъ талантливыхъ выразителей, какъ проф. Гулакъ-Артемовскій и Г. Ѳ. Квитка. Современникъ-пѣвчій архіерейскаго хора Пѣхотинскій—свидѣтельствуетъ, что въ его время (до начала 1813 г.) малороссійскія пѣсни царили до такой степени, что захватывали даже чистыхъ великоруссовъ. Какъ извѣстно, впослѣдствіи, въ началѣ 30-хъ годовъ, этому увлеченію поддались Н. И. Костомаровъ и Изм. Ив. Срезневскій и на почвѣ его создался рядъ серьезныхъ работъ въ области малорусскаго слова и этнографіи: изъ студентовъ Харьковскаго университета выдѣлялись по литературнымъ талантамъ—Левшинъ и особенно Склабовскій.

Алексѣй Иракліевичъ Левшинъ въ бытность студентомъ Харьковскаго университета составилъ и напечаталъ въ Харьковѣ въ 1816 году „Письма изъ Малороссіи“, представляющія и литературныя достоинства.

Этотъ первый опытъ внушилъ ему значительный интересъ къ путешествіямъ и географическимъ описаніямъ и онъ впослѣдствіи пріобрѣлъ извѣстность цѣлымъ рядомъ подобныхъ изданій (Истор. и стат. обозрѣніе уральскихъ казаковъ, Описаніе киргизъ кайсацкихъ ордъ, Прогулка русскаго въ Помпеѣ). Былъ товарищемъ министра; въ бытность градоначальникомъ въ Одессѣ основалъ тамъ публичную библіотеку и нѣсколько училищъ.

Въ 1819 году вышли въ свѣтъ „*Опыты въ стихахъ Александра Склабовскаго*, Харьковъ, 1819, въ Унив. тип., 179 стр.

Этотъ сборникъ состоитъ изъ трехъ отдѣловъ: 1) лирическихъ стихотвореній, 2) посланій и 3) смѣси.

Всѣхъ лирическихъ стихотвореній четыре, изъ коихъ два представляютъ переводы изъ Оссіана, третье—подражаніе Рейрау, а четвертое—Пѣвецъ Творца—носитъ самостоятельный характеръ. Всѣ они проникнуты религіознымъ духомъ. Посланія посвящены друзьямъ Д. Л. Шилову (2), Н. М. Савостьянову (3), И. Я. Золотареву (1) и Щ — ну (1), и носятъ характеръ воспоминаній, изліяній, содержатъ картины природы. Въ смѣси находимъ преимущественно переводы и подражанія изъ Беркеня, Карпинскаго, Нарушевича, Монкрифа, Руссо, Гердера, Берни. Одни изъ нихъ представляютъ идилліи, другіе пѣсни и романсы. Темы—ночь, утро, цвѣтокъ, рожденіе розы, зарница, ручей, умирающій лебедь.

Пѣвецъ Творца.

(Посвящается почтенному наставнику и благодѣтелю Г. П. Успенскому).

Мракъ ночи на скалахъ рѣдѣетъ;
Зарница на небѣ горитъ;
Передразсвѣтный вѣтеръ вѣетъ,
Колеблетъ листъ, потокъ струитъ;
Чуть брежжетъ свѣтъ отъ звѣздъ далекихъ;
Луна померкла—и въ глубокихъ
Долинахъ тѣни улеглись;
И край небесъ, и долъ съ холмами,
Покрывшись золота струями,
Пурпуровымъ огнемъ зажглись...

Вдали—на холмѣ возвышенномъ,
Облитомъ пламенной зарей—
Сидѣлъ въ безмолвіи священномъ
Природы сынъ—Пѣвецъ младой,
И ясны, чувства полны, взоры
На токъ, на лугъ, на лѣсъ, на горы,
Предъ нимъ горящи, устремлялъ.
Вздохнувъ, онъ въ думу погрузился...
Вдругъ взоръ его воспламенился!..
Пѣвецъ поспѣшно лиру взялъ.

—

Притронулся къ струнамъ перстами—
И рокотъ вдругъ и звонъ отъ нихъ
Съ холма понесся вѣтерками...
Пѣвецъ поетъ,—но голосъ тихъ
И выраженья чувствъ не смѣлы...
Такъ пѣсни юной Филомелы,
При встрѣчѣ первыя весны,
Пріятны, нѣжны, слуху милы.
Но робки—трелей звучныхъ силы,
Порывовъ смѣлыхъ лишены.

—

Есть Богъ—въ томъ сердце увѣряетъ
Меня біеніемъ своимъ;
Есть Богъ—природы гласъ вѣщаетъ:
Въ ней все живетъ, все дышетъ Имъ!
Повѣетъ ли Зефиръ прохладный;
Блеснетъ ли солнца лучъ отрадный
Небесъ съ лазурной высоты
И долъ покроетъ тонкимъ златомъ;
И воздухъ чистымъ ароматомъ
Наполнятъ травки и цвѣты;

—

Раздастся ли Перунъ, гремящій
Изъ облакъ надъ моей главой;
Польется ль дождь изъ тучъ шумящій
И наводнитъ поля собой;
Застонутъ ли лѣса дремучи,
Листъ клубомъ, прахъ, песокъ зыбучій
Съ холмовъ и съ поля полетитъ;

Вихрь облака взволнуетъ, воды—
Весь ужасъ, всѣ красы природы—
Все, все о Богѣ мнѣ гласитъ!

—

Кто жъ Богъ сей? Ты, непостижимый
Ты, воли дѣйствіемъ своей
Все сотворившій Духъ,—незримый
Для бренныхъ смертнаго очей,
Умомъ кичливыхъ необъятный,
Но сердцу чистому понятный!
Оно во всей природѣ гласъ
Твой съ тайнымъ трепетомъ внимаетъ,
И отъ любви истаиваетъ
Къ Тебѣ восторга въ сладкій часъ...

—

Воззрю ль на небо—тамъ сіянье
Отъ блеска солнца, звѣздъ, планетъ;
На землю—тихихъ водъ сверканье;
Лугъ, поле, холмы—все цвѣтетъ,—
И все, мой Богъ, Тебѣ покорно!..
Ты солнцу рекъ: огнь животворной
Питая, землю согрѣвай,
Долъ украшай травой, цвѣтами,
Древа—корой, листомъ, плодами,
Изъ мрака ясный день рождай!..

Къ Н. М. Савостьянову.

(Посвящено Обществу Пріятелей).

Разлуки неизбѣженъ часъ;
Прости другъ незабвенный!
Тебя зоветъ на службу гласъ
Отечества священный:
Мы всѣ равно сыны его;
Нашъ долгъ—повиноваться.
О другъ! какъ сладко для него
И съ жизнію разстаться!..
Кто матерь надъ своею зрѣлъ

Покойной колыбелью;
Кто дѣтство тихое провелъ
Подъ отческою сѣнью;
Кто нѣжныхъ, юношескихъ лѣтъ
Пріятныя мечтанья,
И просвѣщенья тихій свѣтъ,
Надежды и желанья,
И все—чѣмъ нашихъ дней весна,
Какъ юными цвѣтами,
Для насъ бываетъ убрана—
Все раздѣлялъ съ друзьями
Въ предѣлахъ родины святой:
Тотъ можетъ ли прельститься
Надеждой ложныхъ благъ пустой;
Въ край чуждый удалиться;
Забыть родителей, друзей,
Родныхъ небесъ сіянье,
Прелестный видъ луговъ, полей,
Цвѣтовъ благоуханье;
И блескъ журчащихъ ручейковъ,
Зефирами струимыхъ,
И зелень яркую холмовъ,
Денницею златимыхъ?..
О нѣтъ! дары страны родной
Ему всего милѣе;
Онъ къ нимъ привязанъ всей душой!
Какая страсть сильнѣе
Чистѣйшей къ родинѣ любви?
Въ чьихъ взорахъ нѣтъ блистанья,
Огня палящаго въ крови
И въ сердцѣ трепетанья
При сладкомъ имени ея?..
О какъ въ сіе мгновенье
Волнуется душа моя!..
Всесильное стремленье—
Всю жизнь отчизнѣ посвятить—
Меня, другъ, увлекаетъ;
Желаніе—полезнымъ быть—
Мой духъ воспламеняетъ!
Счастливецъ, ты достигнуть могъ

Сей благородной меты!
Лети жъ, куда зоветъ твой долгъ...
Но, милой другъ! обѣты,
Произнесенные тобой:—
Неизмѣнять свободѣ,
Питать огнь дружества святой,
Послушнымъ быть природѣ,—
Какъ счастія залогъ, храни;
Разставшися съ друзьями,
Себѣ и имъ не измѣни;
Съ мірскими суетами—
Стихіей праздныхъ—не дружись;
Наружнымъ не прельщайся:
Подъ нимъ скрытъ часто ядъ; Лаисъ
Коварныхъ удаляйся;
Страшись ихъ позлащенныхъ узъ!..
Все это ослабляетъ
Въ насъ силу чувства, портитъ вкусъ
И душу убиваетъ...
Такъ! море бурное—сей свѣтъ:
Тамъ страсти всѣ въ волненьи;
Тамъ счастья не было и нѣтъ;
Оно въ уединеньи...
Какъ сладко, другъ, заботъ всѣхъ грузъ
Съ плечъ сбросивъ,—въ часъ свободы
Летѣть съ дарами чистыхъ Музъ
Въ объятія природы!
Здѣсь наше счастіе живетъ;
Здѣсь все нашъ духъ плѣняетъ;
Все къ наслажденію зоветъ;
Все нѣжитъ, восхищаетъ!
И свѣтлый сумракъ по полямъ
Разстелется небеснымъ:
Ты посвятивши день трудамъ,
Отечеству полезнымъ,
Спѣши хоть часикъ помечтать
Подъ зыбки рощей сѣни;—
Тамъ будутъ надъ тобой летать
Друзей незримы тѣни.
Среди священной тишины,

При мѣсячномъ мерцаньи,
Въ глухомъ стенаніи волны,
И въ робкомъ струй журчаньи,
И въ трепетаніи листковъ
Висящихъ надъ тобою,
И въ вѣяніи вѣтерковъ,—
Растроганный душою,
Ты сладкій ихъ услышишь гласъ...
Грудь трепетомъ священнымъ
Наполнится... и ты, въ тотъ часъ
Мечтою окрыленный,
Какъ бы могучій чародѣй.
Воображенья силой
Перелетишь въ страну друзей—
Въ ихъ кругъ священной мирной...
О другъ! чѣмъ можно замѣнить
Минутъ сихъ наслажденье?
Съ чѣмъ можно оное сравнить?
Пусть это заблужденье,
Мечта!.. почтожъ и не мечтать,
Когда, борясь съ бѣдами,
Себя намъ можно утѣшать
Прелестными мечтами?..
Но часъ насталъ... мой другъ прости!..
Твой спутникъ—Провидѣнье!..
Будь счастливъ; можешь—посѣти
Друзей въ уединеньѣ.
Подъ сѣнью сладкой тишины
Они живутъ безъ нужды;
Имъ блага скудныя даны—
И тѣ ихъ сердца чужды.
Избытокъ благъ—для сердца ядъ...
Посредственность святая,
Свой взоръ на юныхъ Феба чадъ
Съ улыбкой обращая,
Какъ другъ, въ ихъ хижинѣ живетъ;
И трудъ ихъ благодатный
Отъ вредной праздности блюдетъ;
И чистый, ароматный—
Заботъ забвенье—Вакха даръ,

Хоть изрѣдка, блистаетъ
На ихъ столѣ... и къ Музамъ жаръ
Въ другихъ воспламеняетъ...
Какъ возвратишься, другъ, нальемъ
Мы кубокъ въ знакъ свиданья;
Послушну музу призовемъ—
И въ міръ очарованья,
Презрѣвши свѣта суеты,
Влетимъ воображеньемъ...
Намъ вмѣсто благъ даны мечты—
Въ нихъ наше наслажденье!—
Забуду ли часы безцѣнны
Весеннихъ тихихъ вечеровъ,
Когда съ небесъ воспламененныхъ
Къ вершинамъ западныхъ холмовъ
Катилось знойное свѣтило,
И вѣтви свѣтлыхъ тополей,
И лоно зеркальныхъ зыбей,
И лугъ и поле золотило?—
Мы, очарованы зарей,
На холмѣ бархатномъ зеленомъ
Сѣнистой ивы подъ наклономъ,
Мечтаемъ сладостно съ тобой:
То въ міръ фантазіи крылатой
Летимъ, покинувъ бренный свѣтъ—
Впереди—нашъ опытный вожатой,
Богини вѣрный другъ, поэтъ
Жуковскій нѣжный, несравненный;
Его мы Музой вдохновенны,
Терялись въ дивныхъ чудесахъ,
О коихъ онъ друзьямъ вѣщаетъ
Въ неподражаемыхъ стихахъ,
И всѣхъ невольно увлекаетъ
Съ собой, какъ мощный чародѣй
Плѣнительной игрой своей.
Сердца въ насъ тихо трепетали;
И міръ существенный въ тотъ часъ
Блисталъ прекраснѣе для насъ:
Мы наслаждались—мы мечтали!..
Мы бродимъ тихо по кладбищу—

Тамъ обрѣтаемъ сердцу пищу—
Межъ рядомъ камней и крестовъ,
Между обломками гробовъ,
Заросшихъ мхомъ, густой крапивой.
Тамъ спитъ нашъ незабвенный другъ;
Тамъ прахъ его краснорѣчивой,
Какъ въ травкѣ вѣтерокъ, въ нашъ слухъ
Пріятно шепчетъ изъ могилы:
„Не унывайте, други милы!
Смерть не всего лишила васъ:
Я прахомъ здѣсь, но духомъ съ вами;
Не зрите вы меня очами,—
Но въ тихій полуночный часъ—
Какъ все въ природѣ умолкаетъ;
Сквозь дымный завѣсъ облаковъ,
Луна съ полнеба чуть сіяетъ;
Зефиръ на лонѣ спитъ цвѣтовъ;
И вы, обнявшись дружно съ лѣнью,
Покоитесь пріятнымъ сномъ,
Иль съ Музой на струнахъ, тишкомъ
Брящаете—незримой тѣнью
Надъ вами, нѣжные друзья,
Хранитель нашъ—летаю я...
О други! всѣмъ бѣдамъ презрѣнье!
Здѣсь скорбь минутна; радость—лучъ;
Блеснетъ—и гаснетъ въ мракѣ тучъ...
А вѣчность—ваше назначенье!
Тамъ, сбросивши покровъ земной,
Увидитесь опять со мной..."
И мы, простясь съ его могилой,
Задумчивы идемъ домой:
Ужъ полночь намъ гласитъ унылый
На башнѣ колокола бой;
Вкругъ насъ священное молчанье;
И всюду таинственный мракъ,
Лишь дикое совы стенанье,
Крикъ пѣтела и лай собакъ
Тревожатъ тишину полночи...
Лишь изъ-за тучи лунный свѣтъ,
Иль, вспыхнувъ, огнь порой сверкнетъ,

Блудящій въ воздухѣ, намъ въ очи...
Или въ саду—въ тѣни алей,
Изъ липъ, акацій, тополей,
Вверху сплетшихся вѣтвями,
Гдѣ изрѣдка сверкалъ златой
Вечерній лучъ,—рука съ рукой—
З... нашъ милый съ нами—
Мы бродимъ, погрузясь въ мечты...
И слышимъ, какъ древесъ листы,
Лобзаясь съ вѣтеркомъ, трепещутъ,
Какъ страстно въ густотѣ вѣтвей
Журчитъ и стонетъ соловей;—
И тихо съ неба звѣзды блещутъ;
И златорогая луна,
Въ печальный крепъ облечена,
Спѣшитъ за лѣсъ по небосклону,
Къ уснувшему глубокимъ сномъ,
Прелестному Эндиміону...
То вдругъ сребристымъ облачкомъ,
Въ тоскѣ, закроетъ ликъ печальный—
Безъ милаго не милъ ей свѣтъ—
То взоромъ, полнымъ слезъ, блеснетъ—
И устремитъ въ потокъ кристальный...
И мы, плѣненные мечтой,
Какъ очарованы, стояли;
Прощались съ блѣдною луной,
И, какъ младенцы, лепетали
Нескладные стихи ей въ честь—
Безъ риѳмъ, безъ связи—какъ ни есть—
Не въ силахъ скрыть сердечна жара...
Иль въ зимній скучный вечерокъ,
Собравшись въ дружеской кружокъ,
При тихомъ шумѣ самовара,
При яркомъ свѣчки огонькѣ,
Съ дрожащей чашкою въ рукѣ,
Читаемъ страшныя баллады:
Вотъ надъ стремниной Громобой!..
Вотъ пиръ... Вотъ колокола бой...
Вотъ Асмодея грозны взгляды,
И звукъ цѣпей, и тьма бѣсовъ

Вокругъ съ разверстыми когтями...
Вотъ старецъ съ свѣтлыми очами,
Гремитъ перунъ изъ облаковъ—
Гласъ милости и отверженья!..
Вотъ дымъ кадилъ и ликовъ пѣнья—
И грянулъ въ гробъ ужасный млатъ...
Вотъ спящи дѣвы—огнь ланитный
Какъ у живыхъ;—вотъ верхъ гранитный
Зубчатыхъ стѣнъ,—утесъ у вратъ;
И дѣвы по стѣнамъ блуждаютъ:
Приди, Спаситель!—восклицаютъ.
И вотъ... чрезъ рѣки, горы къ нимъ,
Страны полночной юный житель,
Серебрянымъ звонкомъ водимъ,
Летитъ желанный искупитель!..
Тамъ бури свистъ и грома ревъ,
Вой вихрей, шумъ и трескъ деревъ,—
Гигантъ,—дѣвица подъ скалою...
Здѣсь Кіевъ—тронъ съ княжной младою:
Герой ничѣмъ неколебимъ!

ПѢСНЯ.

Могу ли я забыть—о другъ мой ты мечтала,
Что разлюбить легко впервые полюбя;
Ты прелестей своихъ могущества не знала,
Ни сердца моего—могуль забыть тебя?
　　Могу ли я забыть, когда томимъ тоскою,
　　Какъ блага отъ небесъ, я ждалъ небытія;
　　Ты свѣтлымъ геніемъ явилась предомною—
　　И жизнь я полюбилъ—могуль забыть тебя?
Могу ли я забыть, когда ты взоръ прелестный
Съ стыдливой робостью склонила на меня
И трепетъ сладостный, и пламень, мнѣ безвѣстный,
Въ грудь томную влила—могуль забыть тебя?
　　Могу ли я забыть, когда души въ смятеньи
　　Узрѣлъ въ твоихъ очахъ жизнь нову для себя
　　И голосъ ангельской услышалъ въ восхищеньи,
　　Что я любимъ тобой—могуль забыть тебя?

Но будетъ время, другъ, и сердце въ прахъ истлѣетъ
Но чувство сладкое, которое твоя
Возжгла во мнѣ любовь, и *тамъ* не охладѣетъ
И *тамъ* я не могу забыть, мой другъ, тебя...

Благодѣтелямъ, наставникамъ и друзьямъ.

Трехлѣтнихъ плодъ любимыхъ упражненій,
Отливъ души, нестройный лиры звонъ—
Съ которой все: и прелесть наслажденій,
И тайну грусть, и тихій сердца стонъ,
И призраки погибшихъ обольщеній,
Надеждъ исчезнувшихъ какъ легкій сонъ—
Я раздѣлялъ въ моемъ уединеньи—
Вамъ посвятить пріемлю дерзновенье!
Благотворительность! Ты дней хранила
Моихъ покой отъ колыбельныхъ лѣтъ;
Любить добро во всемъ меня учила
И презирать неблагодарный свѣтъ;
Ты въ вертоградъ наукъ пересадила
Подъ благотворну сѣнь мой юный цвѣтъ,
И въ зной и хладъ была ему защита,
И мыслю ль будешь ты когда забыта?
Наставники! При вашемъ попеченьи
Цвѣтокъ мой росъ; предъ вашимъ взоромъ онъ
Раскрылъ листки; и вашихъ наставленій
Блистательной зарею озаренъ,
Отъ вреднаго дыханія растеній
Прекрасною Эгидой огражденъ,
Пилъ Генія онъ вашего дыханье;
Вамъ первое его благоуханье!

Въ заключеніе идетъ списокъ студентовъ, подписавшихся на это изданіе—ихъ было 25 душъ и они подписались на 50 экземпляровъ; среди нихъ находимъ Золотарева, Карасева, Левицкаго Н., Корсуна, Шклярревича, Н. Бѣлозерскаго, Ѳ. Сумцова.

Другіе студенты печатали свои произведенія—прозаическія и стихотворныя—въ особыхъ сборникахъ.

Въ настоящее время они составляютъ большую библіографическую рѣдкость — полной коллекціи ихъ нѣтъ и въ нашей фундамен-

тальной университетской библіотекѣ, такъ что нѣкоторые изъ нихъ мнѣ пришлось выписывать изъ Петербурга, изъ Императорской публичной библіотеки. Обращая вниманіе на основной тонъ и характеръ помѣщенныхъ въ нихъ студенческихъ работъ, мы замѣчаемъ, что на этихъ послѣднихъ какъ и на стихотвореніяхъ Склабовскаго въ сильнѣйшей степени отразились типическія черты времени и настроеній. Извѣстно, что царствованіе Имп. Александра 1-го рѣзко дѣлится на двѣ эпохи — либеральную и реакціонную — поворотнымъ пунктомъ, гранью, отдѣляющею одну отъ другой, являются Наполеоновскія войны. Эпоха реакціи съ особенною силою обрушилась въ то время на университеты—Казанскій, Петербургскій и Харьковскій. Каждый изъ нихъ имѣлъ своего разрушителя, Казанскій—Магницкаго, Петербургскій—Рунича, Харьковскій—З. Я. и Е. В. Карнѣевыхъ. Послѣдніе чисто внѣшними, канцелярскими средствами насаждали мистицизмъ и піэтизмъ, противъ которыхъ скоро (при Шишковѣ) возстало само же министерство народнаго просвѣщенія и вообще правительство. Вотъ это то мистическое движеніе захватило и студенческіе круги, привело къ созданію среди нихъ отдѣленія библейскаго Общества и окрасило въ свой цвѣтъ литературныя произведенія Харьковскихъ студентовъ, помѣщенныя въ сборникахъ.

I. *Сочиненія студентовъ и вольнослушающихъ Императорскаго Харьковскаго университета, читанныя съ одобренія словеснаго отдѣленія 30 іюня 1817 года, какъ продолженіе экзамена въ семъ отдѣленіи. Х., въ унив. тип., 1817; 110 стр.* Сюда вошли слѣдующія статьи: 1) разсужденіе объ испорченности природы человѣческой и о помощи, какую доставляетъ намъ истинная философія, къ поправленію оной—Александра Склабовскаго, 2) О любви къ отечеству—Николая Бѣлозерскаго, 3) Мысли объ истинѣ и предразсудкахъ—Георгія Литвинова, 4) Воспоминаніе о родинѣ—Евгенія Бразоля, 5) Воображеніе Ив. Пономарева, 6) О истинномъ счастіи —Дмитрія Сафонова, 7) Сравненіе русской правды съ судебникомъ—Николая Нестеровскаго и, наконецъ, въ видѣ приложенія рѣчь, говоренная 26 іюня 1817 г. въ день торжественнаго испытанія учениковъ Слободско-украинской гимназіи учителемъ Закона Божія іереемъ Петромъ Рогальскимъ. Статья Склабовскаго; философско-религіознаго характера—начинается она картиннымъ изображеніемъ рая. „Вообразите себѣ прекрасныя дерева съ пріятнѣйшими и здоровыми плодами, прелестныя рощицы и луга, вѣчно свѣжею зеленью покрытые и восхитительныхъ для зрѣнія разнообразіемъ цвѣтовъ и спещренные, гдѣ свѣтлыя воды, съ тихимъ журчаніемъ пробираясь по разноцвѣтнымъ камешкамъ, то дѣлятся на безчисленныя

жемчужныя нити, то, сливаясь постепенно, образують довольно обширные потоки, подъ сѣнію высокихъ вѣтвистыхъ древесъ струящіеся. Прибавьте къ этому усладительное пѣніе птицъ, тихое вѣяніе вѣтерковъ, томное трепетаніе листьевъ, чистый никакимъ вреднымъ перемѣнамъ не подверженный воздухъ, напитанный одними лишь благовоніями растеній, наконецъ, величественный сводъ неба, всегда спокойнаго, тихаго, усѣяннаго безчисленными миріадами свѣтилъ, днемъ и нощію горящихъ—и все то, что только можно себѣ представить въ неиспорченной еще природѣ прелестнѣйшаго—все это будетъ, можетъ быть, одна только тѣнь красоты того мѣста, гдѣ праотцы наши провождали счастливѣйшія, блаженнѣйшія минуты первыхъ дней своихъ. И все это было утеряно, благодаря грѣхопаденію первыхъ людей — природа человѣка повредилась. Единственное средство у насъ теперь просвѣтить нашъ умъ, образовать и улучшить сердце—науки, въ особенности здравая философія, совершенно согласная съ христіанской философіей. Она говоритъ объ обязанностяхъ нашихъ къ Богу, научая познавать Творца, любить Его, какъ виновника нашего счастья, научаетъ насъ ученіемъ о наградѣ и наказаніи въ томъ мірѣ добродѣтели и отвращенію отъ порока. Она даетъ намъ непорочные нравы. Были философскія системы въ XVIII вѣкѣ—суетныя системы слабоумныхъ мудрецовъ—и иного рода — они обладали умами западнаго человѣчества, принесли массу вреда ему и нравственности, возставая противъ власти, проповѣдуя мечтательное равенство, возбуждая страсти, погружая человѣка въ бездну пороковъ и несчастій. Но эти лже-системы, представлявшія кучу обмановъ и нелѣпостей, проповѣдовавшія безбожіе и невѣріе, можно ли назвать истинной философіей? Люди, проводившіе ихъ, враги человѣчества, изверги рода человѣческаго, достойные того, чтобы Небесный отецъ излилъ на нихъ фіалъ справедливаго мщенія. Совсѣмъ иная философія, не расходящаяся съ христіанской религіей. Сократъ, Платонъ живя до христіанства, живо чувствовали необходимость въ новомъ свѣтѣ—въ откровеніи. Лейбницъ, Августинъ были добродѣтельными людьми въ жизни. И теперь потому мы должны стремиться къ истинной философіи, которая исправитъ нашу нравственность“.

И эта статья, не смотря на всю ея благонамѣренность, была признана министромъ кн. А. Н. Голицынымъ вредной, антирелигіозной.

Статья „*О любви къ отечеству*“—общаго литературнаго характера; заканчивается извѣстнымъ стихомъ: О родина святая, какое сердце не дрожитъ, тебя благословляя?

Мысли объ истинѣ и предразсудкахъ—разсужденія на эту тему автора, который говоритъ о своемъ умѣ, что онъ еще не достаточно образо-

ванъ философіей. Здѣсь разсматриваются истины трояваго рода—физическія, нравственныя и логическія; соображенія авторомъ почерпнуты изъ логики.

Чисто литературнымъ характеромъ отличается и статья *„Воспоминаніе о родинѣ“*; рѣчь идетъ объ Екатеринославѣ.

Статья *„Воображеніе“* начинается такъ. „Сколь удивительно Провидѣніе! Сколь непостижимы судьбы его!“ Наполнена выдержками изъ поэтовъ. Авторъ статьи *„О истинномъ счастіи“* приходитъ къ заключенію, что счастіе даютъ только умственныя удовольствія, тѣмъ болѣе что они связаны съ удовольствіями вытекающими изъ добродѣтели...

Въ концѣ похвальное слово философіи, которая доставляетъ высокія радости, притупляетъ скорбь и указываетъ на блаженную вѣчность. она одна можетъ быть путеводительницей къ благополучію и даровать роду человѣческому истинное счастіе.

„Сравненіе Русской Правды съ Судебникомъ“—болѣе фактическаго содержанія; указывается на сходство и различіе между ними.

II. *Сочиненія и переводы студентовъ Императорскаго Харьковскаго университета, читанные 1818 года іюня 30 числа по окончаніи экзаменовъ ихъ* Х., въ ун. тип. 1818, 121 стр.

Открывается сборникъ статьею студ. Антона Пафнутьева „О цѣли ученія“, въ которой мы читаемъ между прочимъ слѣдующія строки. „Верховное и премудрое существо, произведши насъ на свѣтъ, вложило въ насъ, такъ сказать, одно только зерно всѣхъ высокихъ познаній, до которыхъ разумъ нашъ по естеству своему вознестись можетъ, и сіе то зерно познаній нашихъ есть врожденное въ насъ любопытство. Благостроительная десница Промысла, окруживъ цѣлое поприще жизненнаго нашего бытія безчисленными предметами и существами, болѣе или менѣе сопряженными съ нами, болѣе или менѣе подобными намъ, влила въ каждый сей предметъ, въ каждое сіе существо, какую-то магическую силу притяженія, привлекающую къ себѣ наше любопытство,—и человѣкъ, отъ утробы матерней до дверей гроба не перестаетъ быть ученикомъ окружающихъ его предметовъ. Чѣмъ чаще и чѣмъ продолжительнѣе испытаніе сіе повторяется, тѣмъ примѣтнѣе природная грубость его смягчается, и тѣмъ онъ самъ блистательнѣе становится до тѣхъ поръ, пока наконецъ отъ собственнаго его сіянія цѣлая вселенная представится ему въ видѣ безпредѣльнаго зерцала, въ которомъ онъ ничего не видитъ, кромѣ Бога, ничего не чувствуетъ, кромѣ Бога, ни къ чему не стремится, кромѣ къ Богу: и вотъ та верховная черта, на которой пареніе его останавливается.

До сихъ поръ блуждалъ онъ по неизмѣримымъ областямъ мечтаній, сомнѣній и догадокъ; до сихъ поръ онъ наиболѣе разсуждая, кажется, не мыслилъ ничего; но когда остановится на сей неподвижной точкѣ, тогда всѣ мечты его исчезаютъ, сомнѣнія оправдотворяются, и догадки дѣлаются законами. Однимъ словомъ, онъ познаетъ себя, познавъ Бога".

Студенту Николаю Левицкому принадлежитъ статья О развитіи нравственнаго чувства, въ которой мы читаемъ слѣдующія строки.

„Но неужели первобытный человѣкъ, незнавшій ни наукъ, ни искусствъ, ни художествъ, не знавшій сего просвѣщенія потому, что не имѣлъ нужды ихъ знать, терялъ достоинство своего существованія? Неужели и теперь должно презирать человѣка изъ низшихъ классовъ общества, напримѣръ, земледѣльца, за то только, что онъ съ такою простотою судитъ о предметахъ, непринадлежащихъ къ его занятіямъ? Нѣтъ! такъ говоритъ намъ нѣкоторое внутреннее чувство. Гдѣ же тотъ способъ, которымъ облагораживается онъ наравнѣ съ сильными владыками? Въ добродѣтели и религіи; въ семъ неоцѣненномъ сокровищѣ, которое благодѣтельная десница Всемогущаго вручаетъ всѣмъ съ такою щедростью, не взирая ни на разность племенъ, ни на разность состояній, одѣляя онымъ всѣхъ равно, и раба и повелителя. Нѣтъ сомнѣнія, что чувствованія сіи въ каждомъ человѣкѣ пробуждаются постепенно. Но не такъ сіе происходило, когда посмотримъ въ цѣломъ на великолѣпный храмъ добродѣтели и религіи, обращая особенное вниманіе на ихъ начало, которое по справедливости должно быть отнесено къ счастливѣйшему времени прежде паденія рода человѣческаго, ибо есть ли начать сіе обозрѣніе со временъ варварскихъ, то увидимъ, что развитіе ихъ усовершалось съ каждымъ изъ прошедшихъ вѣковъ. Но сіи высочайшія добродѣтели начально чрезъ постепенное ли развитіе достигли своего совершенства? Вотъ вопросъ, могущій показать все различіе, при рѣшеніи котораго основываются или на мечтательности, всегда невѣрной и обманчивой, или на божественныхъ истинахъ высочайшаго ума— правилахъ религіи, столь ясныхъ, столь точныхъ, признаваемыхъ и человѣкомъ едва начинающимъ углубляться въ свое собственное бытіе, и мудрецомъ перелетающимъ за предѣлы бренности вещей.

Не всякъ изъ насъ можетъ достигнуть познаній Аѳинскаго мудреца; но попечительное Провидѣніе указываетъ на святую религію. Она всегда вручаетъ всякому изъ насъ, если только прибѣгаемъ къ ней, вручаетъ намъ неугасающій свѣтильникъ, вознесенный свѣтомъ немерцающимъ; съ нимъ только можемъ освѣтить и разогнать темноту, скрывающую отъ насъ истины непостижимыя для пустаго, тщеславнаго суемудрія. Добродѣтель въ изученіи трудна; но религія показываетъ намъ ее

явственно. О святая религія! ты всегда кротка, всегда утѣшительна; ты прощаешь самыя мои слабости, требуя одного только обращенія. Взглянемъ на человѣка, оставляющаго міръ сей. Если онъ исполнялъ святѣйшіе Твои законы, Ты открываешь предъ нимъ восхитительнѣйшую будущность, и онъ въ смерти видитъ только путь, ведущій его изъ ничтожества къ безсмертному началу. Воззримъ на величайшаго изъ смертныхъ, коего имя сіяетъ въ храмѣ безсмертія, воззримъ на единственный примѣръ и царей, и человѣковъ—на Августѣйшаго Императора нашего Александра I. Сильный въ брани онъ опирался на святѣйшую религію, на нее надѣялся болѣе, нежели на увитый лаврами мечъ свой; съ нею онъ былъ побѣдителемъ-миротворцемъ. Неутомимый для блага нашего—отъ религіи наставленъ управлять народомъ славнымъ, народомъ доблестнымъ, народомъ для сердца его любезнымъ, и его достойнымъ. Пусть онъ будетъ нашимъ примѣромъ,—мы будемъ добродѣтельны и счастливы. Религія у насъ владычествуетъ, міръ процвѣтаетъ. О вожделѣнное отечество! пламенѣя къ тебѣ любовію, дерзаю восклицать: торжествуй Россія! Величайся! Богъ возлюбилъ тебя и царя твоего, вознесшаго тебя на верхъ славы".

Изъ другихъ статей сборника отмѣтимъ работу студента Склабовскаго „Историческій взглядъ на Россію отъ основанія монархіи до порабощенія ея татарами—съ 862 по 1240-й годъ", „О соревнованіи" студента Назарьева, „Послѣднія минуты Демосѳена"—сокращенный переводъ изъ Лукіанова похвальнаго слова этому оратору студента Бѣлоусова и „De felicitate hominis" (на лат. яз.) студ. Склабовскаго. Стихотворенія также проникнуты религіознымъ духомъ. Таково, напримѣръ, стихотвореніе Шкляревича „Подражаніе 18 псалму".

„Намъ твердь небесная вѣщаетъ
Могущество и власть Того,
Кто все собою сохраняетъ,
Кто создалъ міръ изъ ничего,
Кто непремѣнными брегами
Морскія бездны оградилъ,
И имъ свирѣпыми волнами
Стремиться далѣ запретилъ.

Весь свѣтъ есть рукъ его творенье—
Онъ все покоитъ и живитъ,—
День дню его благотворенье
И нощи нощь о немъ гласитъ.—
Сей гласъ, природы, гласъ священный,
Творецъ! знакъ мудрости Твоей,

Сей чинъ натуры неизмѣнной,
Быть долженъ внятенъ для людей.
Всемощною своею силой,
Средь множества другихъ свѣтилъ,
Дня благотворное свѣтило
Всевышній солнце утвердилъ.
Онъ рекъ: отъ края въ край вселенны
По сводамъ небо протекай,
И тварямъ, мною сотвореннымъ,
Свѣтъ животворный проливай.
Онъ рекъ—и, внявъ Его велѣнье,
Свѣтило лучезарно дня
Взойдетъ,—вдругъ при его явленьѣ
Природа воспрянувъ отъ сна,
Изъ мрака ночи воскресаетъ—
Оно, какъ Исполинъ, идетъ,
Всю поднебесну обтекаетъ
И жизнь всему творенью льетъ.
Творецъ всесильный смертныхъ рода!
О ты, что выше свѣтлыхъ звѣздъ,
Лазурнаго превыше свода,
Въ святомъ чертогѣ райскихъ мѣстъ
Отъ вѣкъ незримо обитаешъ,—
Мы всѣ Тобой сотворены,
Ты всѣмъ намъ благость проливаешь,
О Боже! мы Твои сыны!
Услышь, услышь мое моленье,
И ухо долу преклони—
Мракъ сердца моего, сомнѣнье,
Небеснымъ свѣтомъ разгони;
Влей въ душу вѣры огнь священный,
Внуши мнѣ Твой законъ святой,
И духъ страстями помраченный
Очисти Боже—успокой.
И кто возмогъ, неозаренный
Небесной благостью твоей,
Познать пороки сокровенны
Во глубинѣ души своей;
Кто могъ изъ смертныхъ самъ собою
На добродѣтели пути,

Всегда безтрепетной стопою,
Не совращаяся идти.
О! если внявъ мое моленье,
Мой духъ Ты въ вѣрѣ укрѣпишь,
Мракъ сердца и души сомнѣнье
Небеснымъ свѣтомъ озаришь;
Тогда враги мои смутятся,
И я прославлюся Тобой—
Тогда строптивы вразумятся,
Что мой Творецъ-Спаситель мой.

За этимъ слѣдуютъ—элегія „Старецъ надъ могилою“ студента Дыздарева. „Заговоръ противъ Кесаря“—переводъ изъ Лессинга студента Петрова, „Къ клавикорду“—переводъ его же изъ Вейса, съ нѣмецкаго языка, „Италія и Римъ“—подражаніе Сенъ Виктору студента Бѣлозерскаго, „Подражаніе Горацію“ его же. Въ приложеніи помѣщена рѣчь прот. Кир. Росинскаго въ Екатеринодарскомъ уѣздномъ училищѣ.

III. *Труды студентовъ любителей отечественной словесности въ Имп. Харьковскомъ университетѣ.* Харьковъ, унив. тип. 1819 г. Одна книга въ 2-хъ отдѣленіяхъ: проза (192 стр.) и стихотворенія (127).

„Въ предувѣдомленіи къ этой книгѣ, говоритъ С. И. Кованько, находится извѣстіе о „дружномъ обществѣ“ любителей отечественной словесности, члены котораго, издавая свои опыты, „не надѣялись удовлетворить просвѣщенному читателю своимъ искусствомъ въ выборѣ и обработаніи матеріи, но были увѣрены. что и самая любовь ихъ къ отечественной словесности и пламенное усердіе по возможности споспѣшествовать общей пользѣ раскрытіемъ и усовершенствованіемъ своихъ способностей, посредствомъ взаимнаго сообщенія своихъ свѣдѣній, мыслей и чувствованій въ дружескомъ обществѣ—заслужить его (т. е. читателя) вниманіе“. Почтенное общество молодыхъ ученыхъ литераторовъ раздѣлило труды свои „на прозу и стихотворенія“, а прозу подраздѣлило на „статьи нравственно назидательныя, изящную словесность и живописную прозу“, подражая въ этомъ случаѣ, прибавимъ мы отъ себя, программѣ „Украинскаго Вѣстника“. По словамъ С. И. Кованька, авторы желали угодить публикѣ, проникнутой въ то время сентиментальностью, подражательностью и нѣмецкимъ мистицизмомъ. „Вотъ причина, по которой статьи въ этомъ изданіи почти всѣ переводныя и подражательныя, за исключеніемъ нѣсколькихъ стихотвореній. Впрочемъ должно сказать, что въ этомъ годаздо болѣе и вѣрнѣе, нежели въ предшествовавшихъ и послѣдовавшихъ студенческихъ изданіяхъ, отражается тогдашнее состояніе мѣстной публики съ ея

вкусами и требованіями. „Дружное общество“ трудилось не только дружно, но и добросовѣстно—и молодые любители отечественной словесности украсили отечественнтю литературу, вѣроятно, по ея же навѣваніямъ и желаніямъ публики, цвѣтами, собранными съ латинскихъ, нѣмецкихъ, французскихъ, итальянскихъ и польскихъ разсадниковъ. Стихи, гораздо белѣе нежели проза, показываютъ самостоянельности у харьковскихъ любителей отечественной словесности въ самыхъ заимствованіяхъ, переводахъ и подражаніяхъ и навѣваютъ на читателя то расположеніе души писателей, въ которомъ замѣтно вліяніе съ одной стороны еще Державина, хотя очень мало, а съ другой уже несравненно болѣе Жуковскаго“ [1]).

---

[1]) Вотъ полный перечень статей этого сборника.

I. Проза.

Статьи нравственно-назидательныя: 1) „О познаніи Бога изъ природы“ (съ нѣмецкаго), Н. Левицкаго. 2) „Письмо Сенъ-Мерона къ графу де Полиньи“ (съ польскаго), А. Пафнутьева. 3) „О благотворительности“ (подражаніе французскому), А. Пафнутьева.

Изящная словесность: 1) „Правила искусства писать“ (изъ Бюфона), А. Склабовскаго. 2) „О причинахъ упадка краснорѣчія“ (изъ d' Агессо), его же. 3) „Писатель-литераторъ, въ сравненіи съ другими писателями“ (съ польскаго), Н. Левицкаго. 4) „Взглядъ на первую эклогу Виргилія (изъ Сенъ-Пьера), И. Гонорскаго. 5) „Рѣчь Ганнибала къ своему войску“ (изъ Тита Ливія), Н. Левицкаго. 6) „Окрестности Рейна“ (съ польскаго), его же. 7) „Униженная гордость“ съ италіянскаго), его же. 8) „Густавъ или день рожденія“ (съ французскаго), А. Пафнутьева. 9) „Четыре возраста человѣка“ (изъ Ласепеда), А. Склабовскаго.

Живописная проза: 1) „Аллегорическое изображеніе четырехъ временъ года“ (съ французскаго); его же. 2) „Картинное описаніе кладбища“ (изъ Сенъ-Пьера), Н. Левицкаго. 3) „Шумъ вѣтра между деревьями“ (изъ Сенъ-Пьера), его же. 4) „Эхо“ (изъ Гердера), его же. 5) „Роза“ (изъ Гердера), его же. 6) „Патріархъ полей при окончаніи прекраснаго дня“ (изъ Рейрака), А. Склабовскато. Всѣ прозаическія статьи занимаютъ 192 страницы.

II. Стихотворенія.

1) „Гимнъ весеннему солнцу“ (подражаніе Рейраку), А. Склабовскаго. 2) „Гимнъ Богини юности“ (съ французскаго), Н. Петровскаго. 3) „Пѣвецъ“ (А. В. Склабовскому). И. Золотарева. 4) „Къ Д. Л. Ш—ву“, А. Склабовскаго. 5) „Посланіе къ Н. М. Систову“, его же. 6) „Къ И. Я. Золотареву“ (отрывокъ), его же. 7) „Посланіе къ Н. М. Систову“, его же. 8) „Къ друзьямъ въ часъ разлуки“, Н. Савостьянова. 9) „Отрывокъ изъ посланія къ К....“, И. Гонорскаго. 10) „Къ А. В. Склабовскому“, П. Савостьянова. 11) „Элегія. Къ Лирѣ“, его же. 12) „Идилія. Пріятность берега“ (подражаніе Леонарду), И. Золотарева. 13) „Идилія“ (изъ Беркена), А. Склабовскаго. 14) „Идилія. Дафна и Коридонъ“ (изъ Карпинскаго), его же. 15) „Къ зарницѣ“ (подражаніе Нарушевичу), его же. 16) „Вечерняя звѣзда“ (изъ Оссіана), Н. Петровскаго. 17) „Романсъ“ (подражаніе Карпинскому), А. Склабовскаго. 18) „Воспоминаніе“, А. Карасева. 19) „Сонетъ“ (подражаніе Бюргеру), А. Склабовскаго. 20) „Умѣренность“ (вольное подражаніе

IV. *Сочиненія и переводы студентовъ Имп. Харьковскаго университета, читанные 1819 года іюня 30 числа по окончаніи экзаменовъ ихъ.* Харьковъ, унив. типографія, 1820, 100 стр. [1]).

V. *Сочиненія и переводы студентовъ, читанные 1820 года іюня 30 числа по окончаніи экзаменовъ* X. 117 стр. [2]).

Горацію), Н. Петровскаго. 21) „Цвѣтокъ", А. Склабовскаго. 22) „Къ ручью" (изъ Нарушевича), его же. 23) „Къ розѣ", И. Золотарева. 24) „Рожденіе розы" (изъ Монкрифа), А. Склабовскаго. 25) „Къ Делію" (подражаніе Горацію), И. Золотарева. 26) „Ночь" (подражаніе Берни), А. Склабовскаго. 27) „Утро" (подражаніе Берни), его же. 28) „Старость", Н. Савостьянова.—Четырестишіе. 29) „Счастливое знакомство" (подражаніе). И. Гонорскаго. 30) „Путешественникъ". А. Карасева. 31) „Прохожій и потокъ" (подражаніе Карпинскому), А. Склабовскаго. 32) „Происхожденіе рифмъ" (подражаніе польскому), его же. Всѣ стихотворенія занимаютъ 127 страницъ.

[1]) Вотъ составъ этого сборника:

I. „Нравственность безъ истинной вѣры не существуетъ", И. Трощинскаго, 1—16 стр. II. „Разборъ Цицеронова разсужденія о должностяхъ съ примѣненіемъ онаго къ высокой нравственности христіанскаго ученія", Левицкаго. Это переведенное съ французскаго языка сочиненіе—профессора Паки де Совиньи, 7—18. III. „Чистота сердца награждается приближеніемъ къ Богу и зрѣніемъ его", Феодула Соколовскаго, 19—21. IV. „Историческій взглядъ на Россію отъ покоренія оной Батыемъ до славной побѣды Дмитрія Донскаго надъ Мамаемъ, съ 1240 года до 1380 года", Склабовскаго. Это продолженіе статьи, напечатанной въ „сочиненіяхъ и переводахъ" 1818 г. V. „Разсужденіе о движеніи волнъ и звука", Байкова. 49—58. Составлено на основаніи лучшихъ математиковъ. Далѣе слѣдуютъ стихотворенія (59—90 стр.). VI. „Гимнъ Богу", А. Карасева. VII. „Кончина мудраго", его же. VIII. „Путешественникъ" его же. IX. „Гимнъ весеннему солнцу", сочиненіе Склабовскаго, перепечатанное изъ „Трудовъ студентовъ любителей отечественной словесности". X. „Къ ручью" (изъ Нарушевича), его же, перепечатано оттуда же. XI. „Цвѣтокъ", его же, перепечатано оттуда же. XII. „Посланіе къ другу.... К....", Петровскаго. XIII. „Вечерняя звѣзда", его же. XIV. „Весна" (подражаніе Карамзину), Трощинскаго. XV. „Къ Делію" (подражаніе Горацію) Золотарева,—перепечатано изъ „Труд. и проч.". XVI. „Пѣвецъ", его же.—перепечатано оттуда же, съ опущеніемъ перваго куплета. Въ прибавленіи къ сочиненіямъ студентовъ помѣщена „Рѣчь о томъ, что для благополучія человѣка нужно съ отрочества воспитывать его въ страхѣ Божіи", произнесенная „при публичномъ собраніи, въ заключеніе испытанія въ Екатеринодарскомъ училищѣ, смотрителемъ онаго, Закона Божія учителемъ, ученаго общества при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ членомъ, войсковымъ протоіереемъ и кавалеромъ Кирилломъ Россинскимъ, 1819 года іюня 30 дня".

[2]) Вотъ составъ этого сборника.

Сочиненія въ прозѣ.

I. „Рѣчь объ отношеніи религіи къ государствамъ", вольнослушающаго М. Протопопова, бывшаго потомъ профессоромъ въ здѣшнемъ университетѣ. 1—20 стр. II. „Краткое обозрѣніе начала, постепеннаго возвышенія и успѣховъ Россійской словесности", А. Попова, 21—38. III. „О томъ, сколь необходимо познаніе исторіи для нашего образованія", вольнослушающаго Самойловича, 39—44. IV. „О пользѣ

VI. *Сочиненія и переводы студентовъ Императорскаго Харьковскаго университета, читанные 1821 г. іюня 30 числа по окончаніи экзаменовъ ихъ.* Х., въ унив. тип. 1821, 157 стр. На первомъ мѣстѣ мы находимъ здѣсь „Разсужденіе о возрожденіи" студента Дружкевича.

Вотъ нѣсколько выдержекъ изъ этой статьи.

„Человѣкъ естественный въ настоящемъ его состояніи есть не то, чѣмъ онъ былъ и чѣмъ быть долженъ. Онъ былъ образъ несозданнаго. Онъ созданъ мудрымъ, непорочнымъ, чувствительнымъ; но разумъ его возгордился, воля уклонилась отъ закона, а сердце прилѣпилось къ тлѣнію. Онъ возмечталъ, воспротивился, преступилъ законъ Творца и унизился съ того времени; внѣшнее восторжествовало надъ внутреннимъ, вещественное надъ духовнымъ, духовная природа человѣка повредилась, нарушилась въ немъ гармонія, перемѣнилось назначеніе. Онъ палъ, и падшій уже долженъ достигать цѣли своей посредственно, чрезъ возрожденіе въ жизнь духовную и преспѣяніе въ оной Благодатью совершаемое. Странна и непонятна для человѣка плотскаго мысль о возрожденіи. Доколѣ свѣтъ небеснаго ученія не просвѣтитъ чувственностью помраченнаго взора, дотолѣ онъ съ Никодимомъ будетъ вопрошать: какъ можетъ родиться человѣкъ, будучи старъ, и какъ можетъ преуспѣвать въ жизни тотъ, кто почти окончилъ жизнь естественную и уже стоитъ надъ отверстіемъ гроба. Разсмотрѣніе сего вопроса будетъ предметомъ моего разсужденія.

Сѣмя Божественной натуры въ человѣкѣ дотолѣ не возродится и не можетъ возрасти, доколѣ не истлѣетъ покрывающій его прахъ чувственности и тлѣнія. Апостолъ Павелъ говоритъ: „еже сѣеши не оживетъ, аще не умретъ". И такъ, возрожденію въ жизнь духовную должна предшествовать смерть человѣка естественнаго, то есть плотскаго, чув-

---

народной исторіи относительно познаній и относительно нравовъ", Дружкевича, 32—49. V. „Понятіе о высокомъ", Трощинскаго, 50—68. VI. „Утреннее размышленіе о Богѣ", вольнослушающаго Н. Спасскаго, 69—74. VII. „Разсматриваніе природы ведетъ человѣка къ мудрости и добродѣтели", Любимова-Короставцева, 75—77. VIII. „О верховномъ благѣ человѣка", Полницкаго, 73—83. IX. „Безмертіе души, доказываемое желаніемъ счастія въ человѣкѣ" (изъ Шатобріана), Н. Корсуна, 81—89.

Стихи.

X. „Утренняя пѣснь Богу" (подражаніе Оссіану), Петровскаго. XI. „Развалины Пальмиры" (изъ Вольнея), его же. XII. „Кладбище. Элегія", Попова. XIII. „Счастіе мудраго", А. Карасева, XIV. „Уныніе", его же. XV. „Уединеніе" (съ польскаго), его же. XVI. „Гимнъ солнцу" (подражаніе Нарушевичу), Золотарева. XVII. „Къ Валгію" (вольный переводъ изъ Горація), П. Сендецкаго. XVIII. „Къ Ласточкѣ" (подражаніе польскому), его же. XIX. „Луга" (идиллія изъ Жофре), его же.

ственнаго.—Во первыхъ человѣкъ долженъ умереть умомъ самому себѣ и міру. Чтобы усмотрѣть необходимость умерщвленія ума, слѣдуетъ только обратить вниманіе на помраченіе его и слабость въ сужденіи о вещахъ духовныхъ, на гордость и самолюбіе мудрыхъ вѣка сего, на на тѣ неправые и отъ истины удаляющіе пути, по которымъ руководствуетъ человѣка мірское мудрованіе. Дѣятельный умъ человѣческій, потерявши чистоту свою въ первомъ паденіи, лишившись возможности сообщаться съ существами высшаго духовнаго міра, обратился къ тлѣнному, чувственному міру. Человѣкъ чрезъ развратность чувствъ заглушивъ свой разумъ, удалясь до чрезвычайности отъ перваго образа духовнаго своего состава, время отъ времени болѣе и болѣе переходилъ отъ внутренняго къ наружному, отъ духовнаго къ чувственному и, исказивъ понятіе о Божествѣ, котораго какъ врожденнаго ему не могъ совершенно истребить въ душѣ своей, повергнулся въ идолопоклонство. По мѣрѣ того, какъ долженствовало возрастать просвѣщеніе, распространялось невѣжество и заблужденіе рода человѣческаго. И существа мыслящія такъ глубоко погрязли въ своемъ заблужденіи, что міръ духовный казался имъ вымышленною сказкою. Надобно было превратить все духовное въ тѣлесное и удаленное отъ чувствъ обратить въ самую чувственность. Чтобы понимать существо Божіе, надобно было его представлять въ чувственномъ видѣ, подвергнуть его слабостямъ, человѣческой падшей натурѣ свойственнымъ. И самые тѣ, кои хотѣли отличиться отъ толпы обыкновенной, самые мудрые изъ людей, гоняясь за истиною, уклоняясь отъ нея, заблуждали. Имъ невозможно было пріобрѣсть истиннаго понятія о Богѣ, которое всегда остается за предѣлами чувствъ; поелику и самыя отвлеченныя ихъ понятія были все еще тѣлесны. Вотъ помраченіе ума съ самаго его начала! Но оно осталось одинаковымъ во всѣ послѣдующія вѣки до нашихъ временъ, и самый христіанинъ, ходящій по плоти, а не по духу, мудрствующій по стихіямъ міра, а не по Христу, столько же не имѣетъ чистаго понятія о Богѣ, какъ и люди, невѣдующіе христіанства.

При всей слабости своей, умъ человѣка естественнаго никогда не думалъ обращаться отъ себя къ неисчерпаемому источнику премудрости, дабы тамъ найти пособіе къ уврачеванію своей слабости. Онъ даже не познаетъ своего заблужденія. Проникаетъ во внутренность природы, открываетъ ея сокрытые законы, измѣряетъ небо, разсматриваетъ планеты, исчисляетъ ихъ бѣгъ, представляетъ себѣ прошедшее и будущее, всему ищетъ причинъ, всему полагаетъ законы; но все относя къ самому себѣ, все обращая въ собственность, мечтаетъ, гордо течетъ по пути заблужденій и бѣдственно погрязаетъ въ топкихъ бо-

лотахъ эгоизма. И спасительная истина, будучи содержима нечестіемъ и неправдою человѣческою въ неправдѣ, находясь подъ властію прихотей едва едва подобно отдаленному свѣту въ хаосѣ изъ мрака сіяла и мудрые вѣка сего, слѣпые вожди слѣпыхъ, никогда бы не узрѣли сего во мракѣ мерцающаго свѣта, еслибы лучъ новой благодати не просвѣтилъ ихъ разсудка.

Единъ Богъ есть источникъ премудрости и разума чистѣйшаго. Есть ли чья мудрость не свыше, есть ли кто не наученъ помазаніемъ отъ Святого, которое всѣхъ насъ учитъ, ничего не пріялъ отъ Отца свѣтовъ; таковаго мудрость есть земная, мудрость человѣческая, мудрость сатанинская: нѣсть сія мудрость свыше нисходяща, но земна, душевна, бѣсовска. Доколѣ таковая мудрость мірская духъ человѣческій плѣннымъ содержитъ, дотолѣ не можетъ онъ быть причастнымъ мудрости небесной, поелику просвѣщеніе свѣта Благодати есть выше чувствъ и разума человѣческаго. Гдѣ сіяетъ свѣтъ благодатный, тамъ свѣтъ естественный—тьма по словамъ Св. Писанія исчезаетъ; коебо общеніе свѣту со тьмою? И такъ, человѣкъ естественный долженъ отвергнуть собственную мудрость, отложить гордость ума, забыть суетное познаніе всего того, чѣмъ онъ въ такъ называемомъ большомъ свѣтѣ старается казаться пріятнымъ и любезнымъ, словомъ, онъ долженъ умереть умомъ самому себѣ и міру. Простота ума, очищенная отъ предразсудковъ, дѣтская довѣренность, твердо повинующаяся волѣ Отца Небеснаго, радостное упованіе, каковое только одинъ очищенный умъ имѣть можетъ, вотъ таинственная печать, знаменующая новаго человѣка на первомъ шагу вступленія его въ жизнь духовную, христіанскую, ежели онъ, живя для міра, мудрствуя о себѣ только и о мірѣ, былъ уже посѣдѣвшимъ старцемъ, закоснѣлымъ и въ заблужденіяхъ, и предразсудкахъ, то здѣсь ему должно сдѣлаться младенцемъ; поелику онъ не можетъ еще тотъчасъ вмѣстить въ себѣ всего высокаго Христова ученія. И сами Апостолы по словамъ Христовымъ должны были питаться самою слабѣйшею пищею, питаться млекомъ, а не брашны, пока Духъ Святый не снишелъ на нихъ; ему должно себя всего и во всемъ ввѣрить единственному наставнику, благодатному Евангелію Христову... Такъ, одна любовь къ Существу Высочайшему есть всѣхъ благихъ нашихъ начало. Любя его, мы любимъ благодѣтельствующихъ и покровительствующихъ насъ, коимъ оно благодѣтельствуетъ щедротами своея руки, любимъ и всѣхъ человѣковъ, какъ самихъ себя, ибо и всеобщій нашъ Отецъ любитъ насъ яко чадъ своихъ. Любя Его, мы и въ жизни сей бываемъ блаженны и никогда не лишимся мзды своея, но насладимся исполненіемъ непреложныхъ его обѣтованій“.

Аналогичнымъ характеромъ отличается и „Разборъ псалма LXV“, съ краткимъ изложеніемъ жизни Давида Царя, читанный при открытіи студентскаго Библейскаго сотоварищества мая 8 дня 1821 года, студентомъ Севастьяновымъ. Вотъ начало этой статьи.

„Почтенные члены Библейскаго сотоварищества! Принявши меня въ ваше общество, вы открыли мнѣ случай соединить усердіе мое съ вашимъ въ служеніи слову Божію и доставили полное, совершенное счастіе раздѣлять съ вами труды и попеченія о распространеніи между неимущими сей небесной манны, сего Божественнаго хлѣба, отъ котораго кто вкуситъ, живъ будетъ во вѣки. Первѣйшее желаніе сердца моего да будетъ то, чтобы неуклонно слѣдовать вашей ревности къ славѣ Божіей, какъ высокой, священной цѣли нашихъ бесѣдъ, цѣли, къ которой всѣ мысли наши, разсужденія и поступки должны относиться. И Всевышній исполнилъ обѣты свои. Солнце истины возстало отъ Виѳлеема. Лучи Его болѣе и болѣе распространяясь, согрѣваютъ, просвѣщаютъ и оживляютъ человѣчество. Въ наше время особенно совершаются восхитительныя надежды и пламенныя желанія Давида о распространеніи правды и исповѣданіи Бога между всѣми народами земли. Великіе и быстрые успѣхи Библейскихъ обществъ, повсюду процвѣтающихъ, суть явное и несомнѣнное знаменіе благодати того, кто рекъ: аще вознесенъ буду отъ земли, вся привлеку къ себѣ“.

Богомъ благословенный Монархъ нашъ, поразившій враговъ Россіи, прилагаетъ попеченіе и о распространеніи истиннаго свѣта Евангелія. Множество Библейскихъ обществъ и сотовариществъ украшаютъ теперь наше любезное отечество. Могу ли не изъявить чувства совершенной радости, объемлющей духъ мой при мысли, что и наше сотоварищество, недавно возникшее *подъ вліяніемъ начальства*, и словомъ, и краснорѣчивымъ примѣромъ къ живой вѣрѣ насъ прилѣпляющаго, и наше сотоварищество малую, но отъ всего сердца приносимую каплю вливаетъ въ океанъ пожертвованія благочестивыхъ соотечественниковъ нашихъ, и такимъ образомъ чрезъ тлѣнный и ничего не значущій даръ способствуетъ къ распространенію нетлѣнныхъ и вѣчныхъ даровъ слова Божественнаго. Обратимъ къ небесамъ взоры наши, умиленія исполненные, и скажемъ вмѣстѣ съ Царственнымъ Пѣснопѣвцемъ: „Благослови ны Боже, Боже нашъ, благослови ны Боже, и да убоятся его вси концы земли“.

Къ этой же категоріи относится и рѣчь, произнесенная при открытіи студентскаго Библейскаго сотоварищества въ Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ студентомъ Иваномъ Золотаревымъ 1821 г. мая 8 дня. Вотъ нѣсколько выдержекъ изъ нея.

„Недавно предъ симъ въ семъ самомъ святилищѣ наукъ, о сладостное воспоминаніе!—пламенѣя живѣйшею любовью къ слову Божію, подъ руководствомъ почтеннѣйшаго и любимаго наставника нашего, мы собирались для составленія студентскаго Библейскаго сотоварищества. Нынѣ желаніе наше, одобренное высокимъ Начальникомъ нашимъ, исполняется. Возблагодаримъ Провидѣніе, что живемъ въ столь счастливое время, обильное великими событіями міра политическаго и нравственнаго, когда и мы можемъ по мѣрѣ силъ нашихъ, участвовать въ семъ великомъ дѣлѣ, коего цѣль на краеугольномъ камнѣ вѣры, воздвигнуть прочный храмъ счастія человѣка, возвѣстить всѣмъ языкамъ единаго, пришедшаго спасти всѣхъ истиннаго Бога, коего всѣ людіе суть чада, соединить святою цѣпію вѣры и любви всѣхъ людей какъ братій въ одно семейство, одушевленное однимъ духомъ, имѣющее одного пастыреначальника Іисуса Христа. Такова цѣль; къ ней стремятся всѣ библейскія общества и сотоварищества, разсѣянныя по всѣмъ странамъ свѣта, подобно звенамъ цѣпи, долженствующей нѣкогда обнять весь шаръ земной. Такова цѣль, къ достиженію которой рѣшились и мы содѣйствовать, составивъ среди себя библейское сотоварищество. Но что значитъ капля, пущенная въ неизмѣримыя воды пространнаго Океана? что значатъ наши пожертвованія, замѣтныя развѣ по усердію, съ коимъ были приносимы, въ сравненіи съ пожертвованіями, приносимыми важнѣйшими сословіями государства, что они значатъ въ сравненіи съ приношеніями обширныхъ странъ и сильныхъ народовъ?

Ничто. Чувствуя въ полной мѣрѣ ничтожность приношеній нашихъ, мы въ семъ только случаѣ жалѣемъ, что скудные сокровищами земными лишены средствъ въ полномъ сіяніи явить сіи чувства столь драгоцѣнныя для насъ любви къ вѣрѣ и слову Божію. Но утѣшимся: незамѣтныя по ограниченности силъ и средствъ на величественномъ поприщѣ дѣйствія библейскихъ обществъ ко благу всего рода человѣческаго, мы имѣемъ другое поприще, ближайшее къ намъ, гдѣ можемъ съ полною свободой обнаружить всѣ драгоцѣнныя чувствованія нашего сердца, поприще, на которомъ, увѣренъ я, никто изъ васъ, о любезные сотоварищи, не откажется дѣйствовать, ибо кто захочетъ отказаться отъ собственнаго счастія, которое будетъ ему наградою его занятій. Я говорю о занятіяхъ священнѣйшихъ, благороднѣйшихъ, какія только можемъ предпринять: способствуя всѣми силами къ достиженію цѣли библейскимъ обществамъ и собираясь для того, по особенно установленнымъ для сего правиламъ, посвятить кромѣ того особенное время чтенію священнаго писанія, дабы, собираясь совокупно подъ руководствомъ одного изъ нашихъ наставниковъ, просвѣтить умъ свой истиннымъ свѣтомъ слова

Божія, напитать душу священными истинами и высокими образцами, очистить сердце отъ всего земного и содѣлать его вмѣстилищемъ небеснаго, божественнаго, приступая къ чтенію Священнаго Писанія, должно избрать въ вожатаи не гордый умъ, но покорную вѣру; съ первымъ, терзаяся безпокойствомъ, вездѣ найдемъ непостижимыя тайны и наконецъ заблудимся среди глубокаго мрака, съ послѣднею, вкушая сладостное спокойствіе—плодъ довѣрія, мало по малу постигнемъ сердцемъ то, чего разумомъ постигнуть не могли. Поставляя однако чтеніе Священнаго Писанія главнымъ предметомъ нашихъ особенныхъ занятій, питая себя сею манною небесной, сею водою жизни, не будемъ безплодною землею, на которую сѣмена небесныя падаютъ втунѣ. Да произраститъ разумъ нашъ плодъ, достойный сего сѣмени, питая себя высокими истинами христіанства или предметами нравственности, столь тѣсно соединенными съ благополучіемъ человѣка. Пусть сочиненія, а наиболѣе переводы о предметахъ христіанства и нравственности совокупно съ чтеніемъ Священнаго Писанія содѣлаются любимымъ нашимъ занятіемъ. Да принесутся первые плоды нашего ума и успѣховъ на священный жертвенникъ вѣры. Приступая къ сему дѣлу, чувствуемъ съ одной стороны великую пользу насъ ожидающую, а съ другой трудность его и ограниченность нашихъ силъ, чувствуемъ, что предоставленные собственнымъ силамъ, дѣйствуя одни на семъ скользкомъ и трудномъ пути, безъ путеводителя вѣрнаго, уважаемаго и любимаго нами, легко можемъ заблудиться. Мы надѣемся, что высокій начальникъ нашъ, котораго лучшее удовольствіе есть дѣлать добро, любимое занятіе—распространеніе слова Божія, котораго не смѣю хвалить, ибо слова мои были бы слабы выразить наши чувства, не оставитъ насъ и въ семъ святомъ дѣлѣ и еще болѣе усугубитъ любовь и благодарность, наполнявшія всегда наши сердца; ибо мы живо чувствуемъ, что все, чѣмъ можемъ похвалиться во все счастливое и благословляемое нами время управленія его университетомъ, есть благодѣтельный плодъ нѣжныхъ его о насъ попеченій и спасительныхъ совѣтовъ, кои или непосредственно, или посредственно чрезъ наставниковъ нашихъ, желавшихъ вполнѣ оправдать его довѣріе, дѣйствовали на наши сердца. Мы надѣемся, что почтеннѣйшій ректоръ, коему обязаны нынѣ сими счастливѣйшими минутами, отгадавшій наши чувства и открывшій предъ нами сіе святое поприще, не оставитъ насъ и теперь своимъ руководствомъ и совѣтами, коихъ цѣну мы уже испытали. Зная его благородное сердце, готовое участвовать во всемъ, что только относится къ нашей пользѣ, мы не можемъ сомнѣваться въ семъ.

Въ заключеніи молимъ Тебя—источникъ всякаго свѣта и добра, безъ коего не можемъ творити ничесоже, благослови наше предпріятіе

и ниспосли свыше на насъ святую Твою помощь, на семъ пути жизни, вѣры и спасенія, Ты, которой одинъ еси истина, путь и животъ. Вотъ начало стихотворенія студента Карасева „Миръ“.

Краса земли—вѣнецъ державы
Царей, народовъ крѣпкій щитъ!
Источникъ чести, блеска, славы
Всего, что смертныхъ родъ ни чтитъ.
О миръ! о Божество святое!
О прочно счастіе земное
Тобой украшеннымъ душамъ.
Твоимъ величьемъ удивленный
Твоимъ блаженствомъ восхищенный
Даю порывъ моимъ мечтамъ...

Къ прозаическимъ статьямъ относятся еще двѣ переводныя работы: 1) объ отношеніи между словесностью и науками студ. Алаторцева (пер. съ фр.) и 2) о краснорѣчіи между древними и новѣйшими народами изъ (Блера, пер. студ. Протопопова). Затѣмъ идутъ стихи. А вотъ вольный переводъ изъ Иліады Гомера студ. Петровскаго.

Тою порою божественный, грозный Патроклъ, величаво
На колесницѣ сѣдящій, бразды попустивши отважнымъ,
Быстрымъ конямъ, стремится, летитъ по пространному полю—
И отъ него убѣгающихъ гонитъ Троянъ и Ликіянъ.
Но непредвидящій рока, совѣтовъ онъ друга не помнитъ.
Оный могущій Юпитеръ, предъ коимъ и мудрость и сила
Смертныхъ ничтожны, кто всѣмъ управляетъ, кому все покорно,
Оный Юпитеръ вливаетъ въ сердце Патрокла горячность
Храбрости, гнѣва—да ею влекомый, стремится на гибель.
Вождь именитый! Кто первый упалъ подъ мечемъ твоимъ острымъ?
Кто послѣдній низверженъ, твоею десницею мстящей,
Самой—судьбою къ убійству, къ пролитію крови воззванной?..

Кромѣ того здѣсь помѣщенъ стихотворный отрывокъ изъ Мессіады Клопштока Савостьянова, посвященный проф. Кронебергу и Храмъ Смерти (подражаніе Нарушевичу). Въ концѣ книги въ прибавленіи рѣчь Росинскаго объ успѣхахъ просвѣщенія въ округѣ Войска Черноморскаго.

VII. *Сочиненія и переводы студентовъ, читанные 1822 г. іюня 30 числа по окончаніи экзаменовъ ихъ.* Харьковъ, унив. тип. 1822, 163 стр.[1]).

---

[1]) Въ этотъ сборникъ вошли слѣдующія статьи.

Проза:

I. „Опытъ исторической очевидности промысла Божія у всѣхъ народовъ и во всѣхъ вѣкахъ“, -рѣчь, произнесенная при публичномъ испытаніи учениковъ Слободско-

Послѣ 1822 года литературная дѣятельность студентовъ Харьковскаго университета какъ бы замираетъ или по крайней мѣрѣ не находитъ себѣ выраженія въ отдѣльныхъ сборникахъ. Это объясняется, на нашъ взглядъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что въ 1823—1825 г.г. шелъ вопросъ объ учрежденіи оффиціальнаго студенческаго научнаго литературнаго общества и появился новый „Украинскій журналъ“, дававшій мѣсто и работамъ студентовъ, а съ 1825 года наступила рѣзкая реакція противъ религіознаго мистицизма, проводившагося кн. А. Н. Голицынымъ со стороны его преемника по министерству Шишкова. Исчезло покровительство—изсякла и литературная продуктивность въ духѣ мистицизма и піэтизма; допѣвалъ только свои прежнія пѣсни Склабовскій въ редактируемомъ имъ „Украинскомъ журналѣ“, но и онъ уже прислушивался къ новымъ вѣяніямъ и теченіямъ.

Въ десятилѣтіе — съ 1825 по 1835 годъ — начинаетъ формироваться и развиваться въ мѣстной студенческой средѣ новое литературное теченіе, въ составъ котораго входятъ новые элементы и стихіи: съ одной стороны возрождается сатирическій элементъ, прочное основаніе которому было положено студентомъ 1-го десятилѣтія Нахимовымъ, а съ другой развивается мѣстная малорусская стихія, которая имѣла своихъ талантливыхъ литературныхъ выразителей въ лицѣ прежняго поборника піэтизма проф. П. П. Артемовскаго-Гулака и знаменитаго Харьковскаго писателя Г. Ѳ. Квитки и вскорѣ выдвинула на коле этнографіи такихъ выдающихся питомцевъ Харьковскаго университета, какъ Изм. Ив. Срезневскій, Н. И. Костомаровъ, А. Л. Метлинскій. Сатира была такого свойства, что не могла появиться въ свое время въ мѣстной печати, тѣмъ болѣе, что этой послѣдней не существовало. Она была грубовата и, будучи направлена противъ извѣстныхъ

Украинсяой гимназіи учителемъ историческихъ наукъ Степаномъ Еникорскимъ и посвященная ректору Императорскаго Харьковскаго университета В. Я. Джунковскому, 1—23. II. „О промыслѣ“, вольнослушающаго А. Алаторцова. 24—29. III. „Разсужденіе о необходимости основанія философіи на религіи“, Д. Сапфирова, 29—39. IV. „Разсужденіе объ истинной твердости“, переводъ съ французскаго I. Александровича, 40—53. V. „Мысли о любви къ отечеству“, Черкасова, 54—69. VI. „О высокомъ (sublime) и простосердечномъ (naif)“, переводъ съ французскаго Л. Коростовцова. Сочиненіе Меза, объясненное многими примѣчаніями и дополненное собственными мыслями переводчика, въ концѣ статьи, подъ названіемъ „Примѣчаніе“, 70—125. VII. „Рѣчь о любви къ отечеству“, А. Попова, 126—142.

Стихотворенія:

VIII. „Подражаніе псалму 8-му“, П. Сендецкаго. IX. „Природа“ (изъ Делиля), его же. X. „Путешественникъ“ (съ нѣмецкаго), его же. XI. „Велизарій“ (Элегія), А. Попова. XII. „Овидій-изгнанникъ“ (Элегія), его же. XIII. „Посланіе Василію Андреевичу Жуковскому“, А. Склабовскаго.

въ то время лицъ, трактовалась современниками, какъ пасквиль. Образчикомъ такой сатиры можетъ служить найденное нами въ бумагахъ проф. Венедиктова и отобранное имъ у студента Н. Маркова въ 1823 году стихотвореніе подъ заглавіемъ „*Харьковскій бульваръ*". Въ настоящее время это стихотвореніе представляетъ уже одинъ историческій интересъ и является только памятникомъ, заключающимъ въ себѣ матеріалъ для характеристики и самого автора и нравовъ того времени.

О стихотвореніяхъ студента Экка мы скажемъ ниже. Стихотвореніе, отобранное у студента Коростовцева „Ночлегъ," также отличается фривольнымъ характеромъ. На пасквилѣ, написанномъ противъ проф. Успенскаго, мы останавливаться не будемъ тѣмъ болѣе, что онъ относится къ болѣе раннему времени. Замѣтимъ только, что при разслѣдованіи этого дѣла обнаружилась большая любовь харьковскихъ студентовъ къ стихотвореніямъ.

О распространеніи сочиненій политическаго содержанія свидѣтельствуетъ только одинъ случай. Характерно, что увлеченіе сюжетами нецензурнаго характера совпадаетъ со временемъ наиболѣе суровой дисциплины, введенной у студентовъ Харьковскаго университета.

Малорусская стихія нашла себѣ адептовъ среди кружка студентовъ, во главѣ которыхъ стоялъ Изм. Ив. Срезневскій. Литературныя наклонности сказались у Срезневскаго очень рано: еще ребенкомъ лѣтъ 8—9 онъ началъ писать стихи"; 14 лѣтъ отъ роду (въ 1826 году) онъ поступилъ въ Харьковскій университетъ [1]), на этико-политическій факультетъ. „Въ одно время съ нимъ на тоже этико-политическое отдѣленіе философскаго факультета Харьковскаго университета вступили четыре давнихъ его пансіонскихъ пріятеля—Евецкіе (2 брата), Росковшенко и Шпигоцкій, всѣ рано или поздно выступившіе на литературное поприще. Сплотившись въ тѣсный кружокъ, эти юристы по университету, не юристы по призванію, стали поддерживать другъ друга и въ любви къ литературѣ, и въ стремленіи изучать Украину" [2]). Они явились сотрудниками И. И. Срезневскаго въ его этнографическихъ изслѣдованіяхъ Украйны и участниками въ тѣхъ альманахахъ, которые появились въ Харьковѣ въ 30-хъ годахъ. Такъ подъ университетскими юридическими занятіями загорѣлся и тлѣлъ и разгорался огонекъ другихъ работъ, сильный тѣмъ, что онъ былъ менѣе обязательнымъ, болѣе независимымъ" [3]).

---

[1]) Энц. словарь Брокгауза, 61-й полутомъ, стр. 356.

[2]) В. И. Срезневскаго. Изъ первыхъ лѣтъ научно-лит. дѣят. И. И. Срезневскаго, стран. 3.

[3]) Ibidem, стр. 7.

Обозрѣніе научно-литературной дѣятельности студентовъ Харьковскаго университета считаемъ умѣстнымъ закончить слѣдующими словами, сказанными нами въ другомъ мѣстѣ.

„Конечно, съ нашей точки зрѣнія, литературныя работы, помѣщенныя въ студенческихъ сборникахъ, представляются въ художественномъ отношеніи неудовлетворительными; но ихъ и нельзя оцѣнивать мѣркою нашего времени. Справедливость требуетъ, чтобы мы судили о нихъ по масштабу той эпохи, къ которой они относятся — а тогда они естественно повысятся и въ своемъ объективномъ достоинствѣ. Но этого мало: необходимо, при разсмотрѣніи ихъ, принимать во вниманіе и другія обстоятельства. Эти опыты свидѣтельствуютъ о глубокомъ интересѣ учащагося юношества къ тогдашней литературѣ, объ увлеченіи ею, которое и привело къ подражанію и первымъ самостоятельнымъ попыткамъ. А это были интересы высшаго, идеальнаго порядка, увлекавшіе отъ будничной прозаической жизни въ міръ поэзіи и дававшіе субъективныя радости, соединенныя съ художественнымъ творчествомъ. Кромѣ того, при такомъ общемъ подъемѣ духа, не могло уже заглохнуть никакое даже самое маленькое, поэтическое дарованіе—наоборотъ, оно должно было крѣпнуть и развиваться. Наконецъ, для насъ, ушедшихъ такъ далеко впередъ въ области литературныхъ требованій, разсмотрѣнныя нами произведенія представляютъ значительный историческій интересъ, какъ „первыя пробы пера“ нашей учащейся молодежи на литературномъ поприщѣ, какъ первыя попытки ея внести свою лепту въ общую сокровищницу русской словесности. И эти попытки продолжались и впослѣдствіи. Петръ Исаевичъ Вейнбергъ, въ бытность студентомъ Харьковскаго университета, писалъ, вѣроятно, не важные стихи. Но важно было то, что онъ еще на университетской скамьѣ увлекался литературой, почувствовалъ къ ней страсть, которая вызвала къ дѣятельности его талантъ и создала ему въ литературѣ то почетное положеніе, которое онъ занимаетъ нынѣ. Пусть же въ сердцахъ нашего учащагося юношества всегда горитъ пламень чистой, горячей любви къ поэзіи и искусству“.

Покончивъ съ вопросомъ о литературной дѣятельности харьковскихъ студентовъ, обратимся теперь къ ихъ *быту* и тѣмъ правиламъ, которыя регулировали этотъ бытъ и дисциплину, при чемъ разсмотримъ и всѣ важнѣйшія проступки студентовъ той эпохи, и тѣ наказанія, которыя они несли за нихъ.

Остановимся прежде всего на правилахъ, регулировавшихъ поведеніе студентовъ, разсмотримъ эти правила въ ихъ постепенныхъ видоизмѣненіяхъ, а затѣмъ обратимся къ проступкамъ и наказаніямъ.

Основы студенческаго быта были уже регулированы университетскимъ уставомъ 1804 года, который установилъ для ближайшаго надзора за студентами должность инспектора, избираемаго изъ ординарныхъ профессоровъ. Инспекторъ являлся блюстителемъ порядка и благочинія: онъ долженъ былъ посѣщать студентовъ, увѣщевать нерадивыхъ и т. п.; совѣтъ университета могъ выбрать двухъ помощниковъ инспектора изъ кандидатовъ или магистровъ, которые должны были жить совмѣстно со студентами. Они обязаны были наблюдать за этими послѣдними, за чистотою, порядкомъ въ ихъ помѣщеніи. Совѣту было предоставлено право выработать болѣе подробныя правила для студентовъ.

Такія болѣе подробныя правила и были вырабатываемы въ первое десятилѣтіе университетской жизни, какъ это можно видѣть изъ 1-го тома настоящаго труда (стр. 981—985). Правила эти въ общемъ были довольно строги, но не были проникнуты характеромъ воинской солдатской дисциплины; при томъ ихъ смягчала еще и дѣйствительность.

Такъ было повидимому и въ первые годы изучаемой нами эпохи. По крайней мѣрѣ къ такому заключенію приводитъ насъ отзывъ современника—проф. Венедиктова, который самъ былъ казеннокоштнымъ студентомъ въ это время (до 1819 года). Впрочемъ слѣдуетъ прибавить, что на его воспоминаніяхъ о времени студенчества лежитъ повидимому печать оптимизма—крайне враждебно настроенный къ студенчеству той эпохи, когда самъ онъ былъ профессоромъ и инспекторомъ, онъ, какъ кажется, сохранилъ свое настроеніе до конца дней и идеализировалъ старину.

„По пріѣздѣ въ Харьковъ, говоритъ онъ, я поступилъ въ университетъ казеннокоштнымъ студентомъ по медицинскому факультету. Всѣхъ казеннокоштныхъ было около 50. Общежитіе было дружное. Сами студенты выбирали изъ среды себя эконома, который получалъ изъ правленія деньги, слѣдуемыя на содержаніе студентовъ. Эти экономы бывали разные: и хорошіе, и дурные. Содержаніе, конечно, было весьма скудное; на каждаго студента, кромѣ стола, помѣщенія и освѣщенія, выдавалось пособіе—въ мѣсяцъ нѣсколько рублей на платье, сапоги и т. п. Студенты были бѣдняки и если кому хотѣлось отправиться на балъ, то онъ занималъ у одного шляпу, у другого—мундиръ (получше) или хорошіе перчатки и одѣвался такимъ образомъ молодцомъ. Всѣ студенты ходили въ статскомъ платьѣ и только по торжественнымъ днямъ и поздравляя начальство, напримѣръ, декана Успенскаго и другихъ уважаемыхъ профессоровъ, надѣвали мундиры. Студенты снимали шапки передъ всѣми профессорами, всѣхъ знали и уважали не то, что теперь (въ 1875 году).

Студенты жили тихо, скромно, всегда дома, знакомыхъ въ городѣ посѣщали рѣдко да и приличнаго платья у нихъ не было. Инспекторъ студентовъ имѣлъ квартиру тутъ же въ зданіи университета, если не имѣлъ своего дома. Инспекторами были—Ив. Петр. Каменскій, профессоръ акушерства, Ив. Евс. Срезневскій, профессоръ русской словесности, отецъ извѣстнаго Измаила Ивановича Срезневскаго, Гавр. Петр. Успенскій, профессоръ русской исторіи и русскаго права; они выбирались на годъ или на 2 года и получали прибавочное жалованье. Субъинспекторами назначались обыкновенно кандидаты—студенты тоже не надолго; они не получали никакого жалованья, а только помогали инспектору; назначались изъ хорошихъ студентовъ, жившихъ тутъ же въ зданіи университета и продолжавшихъ заниматься: они выбирались изъ такихъ обыкновенно студентовъ, которыхъ предполагалось оставить при университетѣ, напримѣръ, Филомафитскій, Сухомлиновъ. Для своекоштныхъ студентовъ инспекціи не было. Строже всѣхъ инспекторовъ былъ Успенскій. Но управленіе вообще было отеческое. Дѣлали часто обходы по ночамъ; обходили всѣхъ, слѣдя за занятіями каждаго, что совершенно не похоже на бывшее впослѣдствіи. Развлеченіемъ студентовъ были: музыка и танцъ-классы, для чего были особые учителя; были также фехтовальный и рисовальный классы. Составлялись квартеты. Студенты не кутили и не картежничали да имъ и не на что было это дѣлать. Бѣдняки-студенты легко должали даже хлѣбнику Филаткѣ и сбитеньщику Борисычу. Филатка являлся къ студентамъ утромъ въ видѣ хлѣбника, а ввечеру въ видѣ кондитора; студенты очень любили конфекты и незамѣтно проѣдались на нихъ" [1]).

Въ 1820 году совѣтъ университета представилъ на утвержденіе попечителю проекты правилъ для студентовъ вообще и для казеннокоштныхъ студентовъ и находившихся при нихъ пансіонерахъ въ частности; первый проектъ былъ составленъ совѣтомъ, а второй инспекторомъ студентовъ проф. Дудровичемъ, разсмотрѣнъ и одобренъ совѣтомъ. Попечитель отправилъ ихъ на утвержденіе Министру, а вмѣстѣ съ тѣмъ предписалъ немедленно ввести ихъ въ дѣйствіе.

Вотъ текстъ правилъ для студентовъ вообще.

1. „Студентъ долженъ поутру и въ вечеру молиться Богу съ благоговѣніемъ, поелику Богъ есть начало и конецъ всего. Студентъ долженъ слушать Божественную службу въ воскресные дни съ величайшимъ благочестіемъ.

---

[1]) Харьк. истор. архивъ. Бумаги мѣстныхъ дѣятелей. Записано въ 1875 Чириковымъ со словъ проф. А. С. Венедиктова.

2. Всякій изъ студентовъ, при совершеніи священныхъ въ храмѣ обрядовъ, долженъ вести себя благочинно во время совершенія брака, погребенія или другаго обряда и недолженъ никому быть въ соблазнъ.

3. Всякій, принятый въ университетъ и обязанный исполненіемъ сихъ правилъ, ежеминутно долженъ помнить, что онъ носитъ званіе студента и потому снабдить себя нужными для ученія пособіями, то-есть, учебными книгами и другими принадлежностями ученія, долженъ постоянно ими заниматься.

4. Чтобы слушать съ пользою публичныя чтенія и понимать оныя, для сего необходимо тщательное къ онымъ приготовленіе. Сіе приготовленіе всегда и вездѣ должно быть соединяемо съ повтореніемъ, которое по справедливости называютъ матерью наукъ.

5. Поелику всякій студентъ долженъ стараться о томъ, чтобы все при преподаваніи ими замѣченное знать, въ книгахъ, же употребляемыхъ профессорами для руководства, имъ многое предоставляется извѣстному поясненію и истолкованію или не все то находится въ книгѣ, что улучшено новѣйшими открытіями, то для сего всякій студентъ не иначе долженъ приходить на лекцію, какъ съ бумагою или тетрадью и въ ней замѣчать и записывать все то, что профессоръ признаетъ и скажетъ достойное замѣчанія.

6. Неупустительное посѣщеніе студентомъ лекцій поставлено будетъ въ числѣ главнѣйшихъ его одобреній и потому никто изъ нихъ не долженъ упускать лекцій, развѣ воспрепятствуетъ тому болѣзнь или какое нибудь другое необходимое занятіе, но и то въ послѣднемъ случаѣ должно испросить позволеніе. Если же кто замѣченъ будетъ нерадивымъ въ посѣщеніи лекцій, тотъ на первый разъ получитъ отъ ректора выговоръ, а при дальнѣйшемъ подозрѣніи нерадѣнія занесено будетъ имя его яко нерадиваго въ актахъ правленія.

7. Никто изъ студентовъ не долженъ перемѣнять взятыя имъ на цѣлый годъ лекціи безъ позволенія правленія.

8. Образуя разсудокъ, надлежитъ вмѣстѣ образовать и сердце. посему отъ обучающагося на ряду съ успѣхами требоваться будетъ и благонравіе и при одобреніяхъ состояніе нравовъ поставляемо будетъ наравнѣ съ успѣхами въ наукахъ или еще выше оныхъ.

9. Если кто изъ студентовъ обращаться будетъ дома или внѣ онаго въ пьянствѣ, повреждающемъ и душу и тѣло, и если по предварительномъ увѣщаніи не исправится таковой, не только худо отмѣченъ будетъ въ актѣ правленія, но и строжайшему подвергнется наказанію.

10. Не меньше на худомъ замѣчаніи будутъ и тѣ изъ, студентовъ кои станутъ заниматься картежными и другими азартными играми, ибо

сіи игры не только отнимаютъ золотое время, но еще расточаютъ имѣніе и вводятъ въ долги.

11. Съ таковыми же намѣреніями запрещается студентамъ входъ во всѣ предосудительныя мѣста, такъ какъ это обезславливаетъ имя и вредитъ тѣлу и душѣ.

12. За обиду, нанесенную себѣ, никто не долженъ мстить ни самъ собою, ни черезъ другихъ, а искать удовлетворенія у начальства.

13. Никто не долженъ входить въ долги безъ вѣдома и позволенія родителей, опекуновъ или другихъ особъ, заступающихъ мѣсто родителей.

14. Никто не долженъ оставлять города по окончаніи наукъ, прежде нежели совершенно и законно освободитъ себя ото всѣхъ обязанностей и взысканій.

15. Студентъ долженъ оказывать должное почтеніе и уваженіе ректору, профессорамъ и всѣмъ членамъ университета, всякому по его достоинству и чину и по тому требуется отъ студента, чтобы онъ въ публичныхъ собраніяхъ университета и городскихъ или на гуляньяхъ являлся въ такомъ всегда видѣ и съ такимъ поведеніемъ, какое прилично питомцу науки для его украшенія и одобренія.

16. Если кто изъ студентовъ, преслушавъ всякое увѣщаніе, будетъ нарушать эти правила, то для избѣжанія, дабы онъ примѣромъ своимъ не развращалъ другихъ, таковый лишенъ будетъ званія студента, исключится изъ университета безъ всякаго свидѣтельства [1]).

Текстъ правилъ для казеннокоштныхъ студентовъ помѣщаемъ въ примѣчаніи. [2]).

---

[1]) Харьк. унив. арх. Д. поп. № 738/40.

[2]) Казеннокоштные студенты Имп. Харьк. университета имѣютъ по окончаніи курса ученія слѣдующія три предначертинія: или быть *наставниками* воспитываемаго въ публичныхъ казенныхъ заведеніяхъ юношества, или для облегченія страждущаго человѣчества исполнять званіе врачей, или быть употребляемыми къ отправленію другихъ различныхъ родовъ государственной службы. Во всѣхъ сихъ случаяхъ они обязаны всѣ свои мысли устремлять къ тому чтобы въ точности исполнять надежды правительства, доставившаго имъ воспитаніе, и быть полезными и при томъ благодарными членами своему отечеству. Поелику же ни истинная нравственность, ни основательность познаній безъ религіи никоимъ образомъ не возможны, *ибо начало премудрости есть страхъ Господень*, то казеннокоштные воспитанники, относительно поведенія и ученыхъ занятій своихъ непремѣнно должны за единственное основаніе принимать благочестіе, и ревностно упражняться во всѣхъ родахъ христіанскихъ добродѣтелей.

По сей причинѣ сверхъ общихъ законовъ, коими въ семъ отношеніи обязываются всѣ студенты Харьк. университета, вообще чрезъ выдаваемые имъ матрикулы, имѣютъ наблюдать они еще особенныя слѣд. правила.

I. Всѣ воспитанники встаютъ какъ въ учебные такъ и праздничные дни въ шесть часовъ или ранѣе особливо въ лѣтнее время. Потомъ, прилично одѣвшись и прочи-

Министръ народнаго просвѣщенія далъ на представленіе попечителя слѣдующій отвѣтъ.

„По представленіи мнѣ вашимъ превосходительствомъ, *правила для студентовъ Харьковскаго университета* разсматриваемы были мною и Ученымъ Комитетомъ, которымъ замѣчено весьма основательно, что упоминаніе въ нихъ о гнусныхъ порокахъ вовсе излишне, ибо безъ всякихъ правилъ предполагать и знать всякому должно непремѣнно, что пороковъ этихъ ни въ какомъ благоучрежденномъ заведеніи быть не должно и то самое, что они упоминаются въ тѣхъ правилахъ, по-

---

тавъ съ благоговѣніемъ утреннія молитвы, занимаются пріуготовленіемъ себя къ слушанію и должному исполненію лекціи. Въ сихъ упражненіяхъ должно быть наблюдаемо глубокое молчаніе, чтобъ не мѣшать занятіямъ своихъ товарищей.

II. По позыву въ колокольчикъ какъ предъ обѣдомъ, такъ и послѣ обѣда идутъ скромно и тихо въ классы и преподаваемые предметы слушаютъ съ должнымъ вниманіемъ. Въ случаѣ неявки наставниковъ они не выходятъ изъ классовъ и дожидаются цѣлый часъ; когда же бы по распоряженію университетскаго ученія, или по другой какой либо причинѣ случилось, что иные изъ воспитанниковъ въ нѣкоторые часы оставались бы свободными отъ слушанія лекцій, то таковые занимаются своими учебными предметами въ своихъ комнатахъ и въ сіе время въ оные входить кромѣ имѣющихъ за ними надзоръ, не только стороннимъ, но даже товарищамъ запрещается.

III. По окончаніи лекцій, вышедши изъ классовъ и немного отдохнувъ, идутъ къ столу по утру въ половинѣ 1-го часа и вечеромъ въ 8 часовъ, столъ начинается и оканчивается молитвою. Не быть при этомъ никто иначе не можетъ, какъ съ позволенія и являющійся поздно безъ достаточной причины лишается стола.

IV. По окончаніи послѣобѣденныхъ лекцій воспитанникамъ надежнаго поведенія и успѣвающимъ въ наукахъ инспекторъ или его помощники позволяютъ прохаживаться.

V. Въ прочее время какъ до ужина такъ и послѣ онаго занимаются всѣ своими дѣлами до 10 часовъ, не причиняя никакого помѣшательства товарищамъ, въ 10 часовъ по прочтеніи молитвъ ложатся спать, потушивъ осторожно свѣчи.

VI. Въ воскресенье и праздничные дни они обязаны подъ непосредственнымъ надзоромъ субъ-инспекторовъ ходить въ церковь вмѣстѣ и стоять тамъ благоговѣйно. Такъ же всякій годъ по крайней мѣрѣ однажды, именно на послѣдней недѣлѣ великаго поста! должны исповѣдываться и пріобщаться святыхъ таинъ.

VII. Они обязаны наблюдать чистоту и опрятность какъ около себя, такъ и въ своихъ покояхъ со всѣмъ возможнымъ стараніемъ.

VIII. Когда кто либо изъ нихъ заболѣетъ, то товарищи его обязаны немедленно дать знать о томъ субъ-инспектору, который тогда же имѣетъ довести сіе до свѣдѣнія университетскаго врача и инспектора.

IX. Никому изъ нихъ не позволяется безъ вѣдома инспектора или его помощника отлучаться отъ дому и тѣмъ болѣе гдѣ либо внѣ онаго ночевать. Совершенно же и безусловно всѣмъ запрещается имѣть у себя какого бы то роду ни было хмѣльные напитки и ихъ употребленіе, посѣщать трактиры и всякаго рода подозрительные домы, играть въ карты и курить табакъ.

X. Запрещается также всѣмъ воспитанникамъ безъ вѣдома инспектора заниматься обученіемъ дѣтей въ частныхъ домахъ.

казываетъ точно, что все это бывало доселѣ въ помянутомъ университетѣ, чѣмъ и означается недостаточный за студентами надзоръ опредѣленныхъ къ тому чиновниковъ. Другія правила, касающіяся до порядка и времени занятій студентовъ, зависятъ совершенно отъ усмотрѣнія вашего и могутъ быть даны и утверждены вами самими Но я считаю за нужное просить васъ, милостивый государь мой, чтобъ вы при этомъ случаѣ обратили особое вниманіе на исполненіе инспекторами и надзирателями студентовъ своихъ обязанностей, ибо, какъ видно изъ всего, студенты совершенно оставляются сами себѣ, до того

XI. Они обязаны къ ректору университета съ профессорами и прочими университетскими чиновниками и всѣми начальниками своими имѣть почтеніе и каждому изъ нихъ должны оказывать уваженіе, какъ между собою такъ и со всѣми жить дружелюбно, вести себя скромно, быть всякому учтиву и ласкову.

XII. Въ случаѣ какой либо обиды или неудовольствія отъ кого бы то и въ какомъ бы мѣстѣ ни было воспитанники не должны сами собою управляться, но доносить о томъ инспектору.

XIII. За точнымъ исполненіемъ всѣхъ сихъ правилъ по распоряженію инспектора имѣютъ наблюдать его помощники. Они записываютъ въ особенной шнуровой книгѣ проступки ввѣренныхъ имъ воспитанниковъ и о таковыхъ подаютъ еженедѣльно вѣдомость инспектору.

XIV. Что относится къ должности инспектора и его помощниковъ, изображено вообще въ §§ 112, 118 и 114 универ. устава. Прочее въ разсужденіи учебной и экономической части сихъ воспитанниковъ предоставляется благонамѣренному попеченію и *распоряженію университетскаго начальства и инспектора*. Въ Высочайше утвержденномъ въ 5-й день ноября 1804 года устава Харьк. университета въ главѣ XI. *Объ инспекторѣ и казеннокоштныхъ студентахъ* изображено: въ § 112 инспекторъ казенныхъ студентовъ избирается изъ орд. профессоровъ общимъ собраніемъ, въ § 118 онъ есть блюститель порядка и благочинія сего общества, онъ, посѣщая покои воспитанниковъ, нерадивыхъ увѣщаніями привлекаетъ къ должности и старается возбудить прилежаніе къ ученію; въ § 118 изъ числа кандидатовъ или магистровъ совѣтъ избираетъ инспектору двухъ помощниковъ, живущихъ вмѣстѣ со студентами и столъ съ ними общій имѣющихъ. Они, имѣя смотрѣніе за поведеніемъ студентовъ, за употребленіемъ времени внѣ классовъ и за всѣмъ, что относится къ порядку и устройству въ комнатахъ, подаетъ инспектору ежемѣсячныя вѣдомости о поведеніи ввѣренныхъ каждому воспитанниковъ; о дерзостяхъ и соблазнительныхъ поступкахъ немедленно доносятъ инспектору, который, удостовѣряясь на мѣстѣ, принимаетъ надлежащія мѣры или относится къ ректору, а самое дѣяніе или поступокъ вноситъ въ особую книгу и при годовомъ испытаніи представляетъ оную и совѣту; свидѣтельствуетъ о поведеніи каждаго.

XV. Къ хорошему сообразно симъ правиламъ поведенію и отличнымъ успѣхамъ воспитанниковъ отъ начальства оказываемо будетъ всевозможное вниманіе и поощреніе. Въ противномъ же случаѣ навлекутъ они на себя справедливый гнѣвъ и наказаніе; а если не исправятся, то, по внесеніи въ казну употребленныхъ на содержаніе денегъ, исключены будутъ безъ всякаго свидѣтельства изъ вѣдомства университета.

Примѣчаніе: всѣ сіи правила относятся такъ же и къ находящимся при казенныхъ воспитанникахъ пансіонерамъ.

что въ правилахъ ставится между прочимъ имъ въ обязанность *увѣдомлять инспектора о томъ, когда кто изъ ихъ сотоварищей занеможетъ*, что знать является непремѣнною обязанностью самого инспектора и не можетъ не быть ему извѣстно, если онъ всегда съ ними будетъ. Этимъ инспекторамъ слѣдуетъ непремѣнно внушить и требовать отъ нихъ строжайше, чтобъ ни подъ какимъ видомъ не допускали между студентами тѣхъ пороковъ, кои въ правилахъ упоминаются, и отъ которыхъ не увѣщаніями особенно удерживаются студенты, но надобно принять такія мѣры, чтобы того вовсе и быть не могло.

Сообщаю объ этомъ Вашему Превосходительству для предписанія, какое вамъ угодно будетъ дать университету" [1]).

Попечитель сообщилъ это предложеніе министра ректору съ тѣмъ, чтобы тотъ „какъ мѣстный бдительный начальникъ совокупно съ инспекторомъ, обратилъ все вниманіе на нравственность и поведеніе студентовъ. А чтобы удовлетворить въ полной мѣрѣ справедливымъ замѣчаніямъ Верховнаго начальства, поручаю вамъ, писалъ попечитель, пригласивъ къ себѣ проф. Дудровича и Кронеберга, пересмотрѣть вновь изложенныя для казеннокоштныхъ студентовъ правила и, исправивъ ихъ по надлежащему, представить мнѣ на утвержденіе". Въ февралѣ 1821 года новая редакція была готова, утверждена попечителемъ и введена въ дѣйствіе. Вотъ ея текстъ.

„Казеннокоштные студенты Императорскаго Харьковскаго университета, по окончаніи курса ученія, имѣютъ слѣдующія предназначенія или быть наставниками воспитываемаго въ публичныхъ учебныхъ заведеніяхъ юношества, или для облегченія страждущаго въ болѣзняхъ человѣчества, исполнять званіе врачей, или быть употребленными къ отправленію другихъ различныхъ родовъ государственной службы. Во всѣхъ сихъ случаяхъ они обязаны всѣ свои мысли устремлять къ тому, чтобы въ точности исполнять надежды Правительства, пекущагося объ ихъ воспитаніи, быть полезными и благодарными сынами своему Отечеству. Поелику же ни истинное просвѣщеніе ума, ни образованіе сердца безъ *религіи* не имѣютъ и не могутъ имѣть никакого прочнаго основанія, *ибо начало премудрости есть страхъ Божій*, то воспитанники, относительно поведенія и ученыхъ занятій своихъ, непремѣнно должны за единственное основаніе принимать *благочестіе* и ревностно упражняться во всѣхъ родахъ христіанскихъ добродѣтелей.

По этой причинѣ сверхъ общихъ постановленій, коими въ этомъ отношеніи обязываются всѣ студенты Харьковскаго университета во-

---

[1]) Харьк. унив. арх. Дѣло поп. № 733/40.

обще чрезъ выдаваемые имъ матрикулы, имѣютъ наблюдать они еще въ особенности слѣдующія правила.

I. Всѣ воспитанники встаютъ какъ въ учебные, такъ и въ праздничные дни, въ шесть часовъ или раньше, особливо въ лѣтнее время. Потомъ прилично, одѣвшись и прочитавъ съ благоговѣніемъ утреннія молитвы, занимаются пріуготовленіемъ себя къ слушанію лекцій. Въ этихъ упражненіяхъ должна быть наблюдаема глубокая тишина.

II. По позыву въ колокольчикъ въ положенное время идутъ немедленно въ классы, и преподаваемыя профессорами науки слушаютъ съ должнымъ вниманіемъ.

III. Кто изъ воспитанниковъ безъ важной причины будетъ упускать учебные часы, тотъ будетъ подверженъ строгому взысканію за таковое упущеніе должности своей.

IV. Буде же по расположенію университетскаго ученія, или по другой какой либо причинѣ случится, что иные изъ воспитанниковъ въ нѣкоторые часы могутъ оставаться свободными отъ слушанія лекцій, въ то время занимаются они своими учебными предметами въ своихъ комнатахъ, и въ это время въ нихъ входить, кромѣ имѣющихъ за ними надзоръ, не только стороннимъ, но даже товарищамъ запрещается.

V. По окончаніи лекцій вышедши изъ классовъ идутъ къ обѣденному столу въ 1-мъ часу, а къ вечернему въ 8-мъ часовъ. Столъ начинается и оканчивается молитвою. Не быть при столѣ никто иначе не можетъ, какъ съ позволенія инспектора, и являющіеся поздно безъ достаточной причины лишаются стола.

VI. По окончаніи всѣхъ лекцій воспитанникамъ примѣрнаго поведенія и отлично успѣвающимъ въ наукахъ въ лѣтнее время инспекторъ позволяетъ прогуливаться.

VII. Въ свободное отъ ученія время можно позволять такъ же и общія прогулки, особливо въ пользу учебныхъ предметовъ, какъ то: для пріобрѣтенія топографическихъ, физическихъ, ботаническихъ и врачебныхъ познаній, внутри и въ окрестности города, но не иначе, какъ подъ руководствомъ одного изъ инспекторскихъ помощниковъ.

VIII. Для укрѣпленія здоровья воспитанниковъ можно такъ же въ свободное отъ ученія время позволить имъ заниматься приличными гимнастическими играми.

IX. Въ воскресные и праздничные дни обязаны они подъ непосредственнымъ надзоромъ инспектора или помощниковъ инспекторскихъ ходить въ церковь и тамъ стоять благоговѣйно.

X. Такъ какъ наружная чистота вообще служитъ признакомъ внутренней, то всѣ воспитанники должны наблюдать чистоту и опрятность

какъ около себя, такъ и въ своихъ комнатахъ и чрезъ то самое показывать, что они еще болѣе стараются хранить душевную чистоту, бывъ увѣрены, что *въ злохудожную душу не внидетъ премудрость, ниже обитаетъ въ тѣлеси повинномъ грѣху.*

XI. Всѣмъ воспитанникамъ вмѣняется также въ непремѣнную обязанность, всякой годъ исповѣдываться и пріобщаться Святыхъ Таинъ.

XII. Никому изъ воспитанниковъ безъ вѣдома инспектора не позволяется отлучаться изъ дому.

XIII. Когда кто либо изъ нихъ заболѣетъ, то инспекторъ немедленно даетъ знать о томъ университетскому врачу, который такъ же безъ упущенія времени обязанъ принять надлежащія мѣры.

XIV. Всѣ воспитанники вообще обязаны не только наставникамъ своимъ, но и всѣмъ старшимъ себя и отличіе въ обществѣ заслужившимъ особамъ оказывать должное почтеніе, съ равными обращаться дружелюбно, а къ низшимъ имѣть благосклонное снисхожденіе.

XV. Въ случаѣ какой либо обиды или неудовольствія, отъ кого бы то и въ какомъ бы мѣстѣ ни было, воспитанники не должны сами собою управляться, но доносить о томъ инспектору.

XVI. Къ похвальному поведенію и отличнымъ въ наукахъ успѣхамъ воспитанниковъ отъ начальства оказываемо будетъ вниманіе и поощреніе; въ противномъ же случаѣ навлекутъ они на себя справедливый гнѣвъ и наказаніе.

Ректоръ Джунковскій вмѣстѣ съ инспекторомъ Дудровичемъ и проф. Кронебергомъ редактировали вслѣдъ за тѣмъ и правила для своекоштныхъ студентовъ. Но попечитель нашелъ ихъ недостаточными къ совершенному руководству молодыхъ людей, для которыхъ прохожденіе наукъ должно явиться существеннымъ образованіемъ ума и сердца для времени и *вѣчности*; изъ всемилостивѣйше пожалованной мнѣ, прибавлялъ попечитель, 11 января 1820 года грамоты вамъ извѣстна Высочайшая Государя Императора воля, чтобы найпаче укореняемы были правила Христова ученія и Духа его въ учебномъ образованіи юношества, которое, какъ Его Императорское Величество Высочайше изволилъ замѣтить, въ сихъ правилахъ только и познаніямъ, на нихъ утвержденнымъ, найдетъ истинное для себя просвѣщеніе и благополучіе существенное и постоянное.

На этомъ основаніи, разсмотрѣвъ вышеуказанныя правила для своекоштныхъ студентовъ, призналъ я нужнымъ въ нѣкоторыхъ изъ пунктовъ сдѣлать прибавленія, а нѣкоторые пункты перемѣнить. Поэтому, препровождая составленную мною записку, поручаю вамъ доставить мнѣ вновь редактированныя соотвѣтственно ей правила на утвержденіе.

Сравнивая первоначальный текстъ правилъ для своекоштныхъ студентовъ съ окончательною редакціей ихъ, введенною въ дѣйствіе, мы замѣчаемъ, что разница между ними сводится главнымъ образомъ къ формулировкѣ пунктовъ, касающихся религіи. И это, конечно, объясняется хорошо извѣстнымъ намъ направленіемъ дѣятельности мистика Е. В. Карнѣева. Мы знаемъ, что Карнѣевымъ не удалось чисто внѣшними мѣрами насадить религіозно-нравственное благочестіе среди профессоровъ. Также трудно было расчитывать, чтобы такимъ путемъ перевоспитано было и учащееся юношество.

Отличительною чертою правилъ для казеннокоштныхъ студентовъ является строгость примѣняемаго къ нимъ режима, приравнивавшая ихъ образъ жизни къ военному или гимназическому. По 6-му § правилъ могли получать отъ инспектора разрѣшеніе на лѣтніе прогулки только отличнѣйшіе изъ казеннокоштныхъ студентовъ — какъ будто другимъ не нуженъ свѣжій воздухъ—и вотъ студенты сами стали тайно ночью уходить изъ института и предаваться „неприличному своевольству".

И попечитель вынужденъ былъ обратить на это вниманіе инспекціи и экзекутора (въ 1821 году).

Въ 1820 году и этотъ надзоръ былъ признанъ недостаточнымъ и совѣтъ университета просилъ попечителя о разрѣшеніи избрать изъ ординарныхъ префессоровъ особаго инспектора для *своекоштныхъ* студентовъ „не только для отвращенія могущихъ быть безпорядковъ, но и для вящшаго наблюденія, какъ за ученіемъ ихъ, такъ и въ особенности за нравственностью". Попечитель (З. Я. Карнѣевъ) вошелъ съ ходатайствомъ объ этомъ къ Министру, но предложилъ, чтобы такой инспекторъ *не* избирался совѣтомъ, а назначался начальствомъ. Министръ согласился съ этимъ и первымъ инспекторомъ своекоштныхъ студентовъ былъ *назначенъ* проф. Пауловичъ. Инструкція ему была выработана, по предложенію попечителя, коммиссіей въ составѣ ректора Джунковскаго, проф. Дудровича, Громова, Кронеберга и самого Пауловича [1]).

Прошло 5 лѣтъ — и тотъ же ректоръ Джунковскій, который принималъ живое участіе въ редактированіи приведенныхъ выше студенческихъ правилъ вошелъ съ представленіемъ къ попечителю Перовскому (въ 1825 г.) съ новой редакціей правилъ, въ основу которыхъ были положены прежнія, переведенныя теперь на русскій языкъ и частію измѣненныя, частію дополненныя. Дополне-

[1]) Харьк. унив. архивъ. Д. поп. № 753/41.

нія и измѣненія были впрочемъ незначительныя, какъ въ этомъ можно убѣдиться изъ текста правилъ, печатаемаго въ примѣчаніи [1]).

[1]) Вотъ ихъ текстъ.

Какъ университетъ есть высшее учебное мѣсто, верховнымъ Правительствомъ учрежденное для образованія юношества въ наукахъ и нравственности, которое бы способно было вступать въ различныя званія государственной службы, то для достиженія сей важной цѣли всякому изъ учащихся въ университетѣ вмѣняется въ непремѣнную обязанность исполнять слѣдующія правила.

1. Богу, въ Троицѣ славимому, яко источнику всѣхъ благъ, учащіеся въ университетѣ должны молиться всякое утро и всякой вечеръ, и во всѣ воскресные и праздничные дни ходить въ церковь и съ благоговѣніемъ слушать божественное служеніе.

2. Всѣ студенты должны ежегодно исповѣдываться и пріобщаться Святыхъ Таинъ.

3. Никто изъ студентовъ книгъ противныхъ Христіанской вѣрѣ и существующимъ системамъ правительства, въ особенности же Россійскаго Государства, и другихъ соблазнительныхъ, и такъ же къ лекціямъ не принадлежащихъ—не долженъ читать и имѣть у себя.

4. Всякій изъ принятыхъ въ число учащихся въ университетѣ и снабженный сими правилами не долженъ ни на минуту забывать, что онъ вступилъ въ университетъ для изученія наукъ, и такимъ образомъ пріобрѣтенными отъ себя для своего усовершенствованія, а равно и отъ университета въ пользу учащихся доставляемыми книгами и другими учебными пособіями, смотря по роду наукъ, прилежно и рачительно долженъ пользоваться.

5. Дабы съ пользою слушать и понимать академическія лекціи, необходимо нужно надлежащимъ образомъ приготовлять себя. Сіе приготовленіе всегда и вездѣ должно соединять съ повтореніемъ, которое по справедливости называется матерью ученія.

6. Какъ въ краткихъ руководствахъ, по которымъ профессоры преподаютъ науки, многое оставляется для изустнаго объясненія, а притомъ и въ учебныхъ книгахъ, прежде изданныхъ, не всѣ новыя открытія находятся, то по сему каждый изъ студентовъ долженъ приходить въ классъ съ бумагою и карандашемъ и записывать все то, что профессоръ признаетъ достойнымъ замѣчанія.

7. Буде кто либо въ теченіи года окажется нерадивымъ въ посѣщеніи профессорскихъ лекцій, тотъ не будетъ допущенъ къ публичнымъ экзаменамъ, и останется въ томъ же курсѣ.

8. Никто изъ студентовъ, не испросивъ позволенія отъ Правленія, не долженъ переходить въ другой факультетъ.

9. Поелику отъ юношей, посвятившихъ себя наукамъ, паче всего требуется непорочность жизни и нравовъ, то аттестаты и свидѣтельства не иначе будутъ имъ выдаваемы, какъ по удостовѣреніи, чрезъ все пребываніе ихъ въ университетѣ, въ истинномъ ихъ благочестіи, скромности, повиновеніи, воздержаніи, чистотѣ и непорочности нравовъ, ибо истиннаго просвѣщенія безъ добрыхъ нравовъ, внушаемыхъ христіанскимъ ученіемъ, быть не можетъ.

10. Всякому изъ студентовъ строжайше запрещается вступать въ какія либо тайныя связи и общества.

11. Никто изъ учащихся, развѣ за болѣзнію или по необходимой какой либо надобности, но и въ семъ послѣднемъ случаѣ, испросивши позволеніе, не долженъ упущать лекцій. Замѣченные въ семъ случаѣ нерадивыми, сначала получаютъ выговоръ отъ ректора и потомъ, буде неисправляются, вносятся имена ихъ въ черную книгу.

12. Все то, что наноситъ неминуемый вредъ доброму имени, тѣлу и душѣ, какъ то: употребленіе хмельныхъ напитковъ, хожденіе въ зазорные домы, непозволительныя игры и проч. строжайше запрещается.

Сравнивая перв
студентовъ съ оконча
мы замѣчаемъ, что
къ формулировкѣ п
ясняется хорошо
стика Е. В. Карн
внѣшними мѣрам
профессоровъ. Та
перевоспитано б

Отличител
является строг
ихъ образъ ж
вилъ могли г
только отли
другимъ не
тайно ноч
своевольст

И п
и экзеку

Въ
совѣтъ
ордин
денто
для
ност
дат
ин
н
с

разрѣшенія Министра штатъ не-

...женъ причинять обиды ни своимъ сотовари-
...чаѣ же причиненной ему самому обиды не дая-
...вореніе, но искать оныго законнымъ порядкомъ.
...ей, опекуновъ, или тѣхъ, кои занимаютъ ихъ мѣ-
...буде же оные, при нарушеніи сего правила, въ
...учаѣ кредиторъ теряетъ право иска, а должникъ

...жно немедленно извѣщать о томъ инспектора.
...долженъ объявить инспектору, гдѣ онъ имѣетъ квар-
...ы на другую безъ вѣдома его переходить не долженъ.
...ожайше запрещается всѣмъ студентамъ отлучаться изъ
...десяти часовъ, а зимою девяти.
...іи наукъ изъ города уѣзжать не позволяется, пока не
...олговъ и не получитъ билета изъ Правленія.
...ть домовой отпускъ долженъ, съ вѣдома инспектора, испро-
...а и получить изъ Правленія билетъ.
...изъ отпуска, каждый долженъ немедленно явиться къ рек-

...ихся, послѣ вакаціоннаго времени и другихъ домовыхъ отпу-
...университетъ къ назначенному сроку, безъ всякой законной
...ить объ оной Правленіе до истеченія онаго срока, тотъ будетъ
...студентовъ.
...обязаны ректору, профессорамъ, всѣмъ членамъ университета,
...мъ почетнымъ лицамъ, каждому по его чину и званію, оказывать
...уваженіе; не меньше такъ же требуется отъ нихъ, чтобы они въ
...ъ наблюдали ту опрятность въ одеждѣ и благопристойность въ по-
...приличны всякому благовоспитанному юношѣ.
...мя пребыванія въ университетѣ; никакой иной одежды, кромѣ поло-
...а, не носить и безъ онаго никуда не выходить.
...убличныя собранія, какъ то: въ клубы, концерты, рауты, свадебныя
...другія подобныя тому собранія и увеселенія безъ письменнаго позволе-
...ра не входить.
...городъ для прогулки и даже для ботаническихъ гербаризацій—безъ та-
...озволенія не ходить.
...Кто изъ учащихся, не смотря на всѣ увѣщанія, будетъ замѣченъ въ нару-
...правилъ, тотъ исключится изъ числа студентовъ, и въ случаѣ важнаго пре-
...имя его, равно какъ и самое преступленіе, будетъ публиковано во всѣхъ
...хъ университетахъ.
...прочемъ университетское начальство надѣется, что молодые люди, вступающіе
...ерситетъ, для образованія своего употребятъ все стараніе благородныхъ пове-
...ь показать себя достойными воспитанниками его и чрезъ то содѣлаются поле-
...отечеству, принесутъ честь университету, будутъ утѣшеніемъ родителей и поло-
...твердое основаніе будущему благополучію своему.

[1]) Харьк. унив. арх. Д. поп. № 1205 67.

нно съ этимъ Перовскій обратилъ вниманіе на несо-
ой карательной мѣры, которая практиковалась по отно-
зеннокоштнымъ студентамъ—о назначеніи ихъ за дурное
ителями уѣздныхъ училищъ.

ло до свѣдѣнія моего, писалъ онъ, что казенные студенты
поведенія и отъ коихъ не предвидится успѣха въ наукахъ,
авленія замѣченныхъ въ нихъ пороковъ, опредѣляются симъ
ситетомъ въ учители уѣздныхъ и приходскихъ училищъ, какъ
въ наказаніе и для вознагражденія тѣхъ издержекъ, какія пра-
ельство употребило для ихъ воспитанія.

Такое превратное понятіе о пользѣ казны служитъ поводомъ
къ нарушенію важныхъ обязанностей университета относительно опре-
дѣленія въ подвѣдомыя ему мѣста учителей. Главныя качества на-
ставника должны быть благонравіе и достаточное знаніе въ препода-
ваемой имъ наукѣ, дабы служа примѣромъ для юношей тѣмъ удобнѣе
могъ онъ руководить ихъ къ пріобрѣтенію полезныхъ свѣденій и
къ преуспѣянію въ правилахъ истинной нравственности. Высочайше
утвержденнаго устава Харьк. университета глава XV объ управленіи
и надзираніи училищъ, между прочимъ въ §§ 161, 163, 167 поставляетъ
университету въ непремѣнную обязанность прилагать особенное и
неутомимое попеченіе, дабы гимназіи, уѣздныя и приходскія училища
снабжены были знающими и благонравными учителями,—имѣть вѣрныя
свѣдѣнія о достоинствѣ и трудѣ ихъ; и при опредѣленіи смотрѣть
наиболѣе на способность ихъ, прилежаніе и благонравіе; если же кто
изъ нихъ окажется недостойнымъ своего званія, таковой по силѣ § 164
того же устава долженъ быть удаленъ отъ должности на время или
навсегда. Между тѣмъ, какъ учители, опредѣленные въ эту должность
потому только, что не могли быть терпимы въ обществѣ благородныхъ
студентовъ не только неспособны къ исполненію своихъ обязан-
ностей, но напротивъ того вмѣсто наставленія въ знаніяхъ и добро-
дѣтели собственнымъ примѣромъ сѣютъ развратъ въ своихъ подчинен-
ныхъ. Зная все зло, какое можетъ произойти отъ нарушенія закона
въ предметѣ столь существенномъ, долгомъ званія моего считаю пред-
ложить университету—1-ое, чтобъ отъ нынѣ впредь казеннокоштные
студенты сего университета, извѣстные по дурнымъ наклонностямъ и
не подающіе надежды къ исправленію, ни подъ какимъ видомъ не были
опредѣляемы учителями, но о всѣхъ таковыхъ доставляемъ бы былъ
мнѣ именной списокъ, для дальнѣйшаго съ моей стороны распоряже-
нія; 2-ое, равномѣрно о тѣхъ изъ нихъ, кои неправильнымъ попуще-
ніемъ со стороны университета опредѣлены уже въ разныя учительскія

должности, представить мнѣ именной списокъ, съ показаніемъ: кто, куда, за что опредѣленъ учителемъ въ низшія учебныя заведенія и и когда именно; наконецъ, 3-е, возлагая соблюденіе во всей точности вышесказанныхъ законовъ, въ уставѣ начертанныхъ, на строгую отвѣтственность ректора и прочихъ членовъ совѣта, для большаго утвержденія казеннокоштныхъ студентовъ въ правилахъ благонравія и для предостереженія ихъ отъ худыхъ послѣдствій, необходимо сопряженныхъ съ распутнымъ поведеніемъ, объявить имъ, что тѣ изъ нихъ, кои удаляются отъ главныхъ своихъ обязанностей ученія и благонравія, не останутся съ сего времени безъ должнаго и строгаго на основаніи законовъ возмездія и что прежняя мѣра наказанія, состоящая въ опредѣленіи ихъ учителями въ низшія учебныя заведенія, отъ сего времени будетъ прекращена [1]).

Училищный комитетъ далъ на это такое объясненіе. Онъ и самъ находилъ подобную мѣру не вполнѣ подходящею, но дѣйствовалъ на основаніи стариннаго обычая, существовавшаго со времени основанія университета, а также руководствовался снисхожденіемъ къ неопытности юношества и примѣрами того, что лишеніе правъ, дававшихся студентамъ, окончившимъ курсъ, обращало нѣкоторыхъ на путь благонравія и порядка. Изъ справки, имъ представленной попечителю, такихъ молодыхъ людей оказалось не много—5 человѣкъ за 6 лѣтъ (съ 1820 по 1825 годъ включительно): Кусковъ былъ опредѣленъ въ Александровское, Кириловъ въ Константиноградское, Барановскій въ Лубенское, Анадольскій въ Новозыбковское, Стефановскій въ Ѳеодосійское училища [2]).

25 февраля 1826 года Перовскій, въ дополненіе къ утвержденнымъ имъ правиламъ, предписалъ еще слѣдующее: 1) доставить въ его канцелярію черную книгу, въ которую записывались имена наказанныхъ студентовъ; 2) университетъ долженъ былъ завести новую черную книгу и заносить въ нее имена студентовъ, совершившихъ проступокъ; 3) при выдачѣ аттестатовъ студентовъ университетъ долженъ былъ обозначать, были ли заносимы ихъ фамиліи въ черную книгу; 4) студента, два раза занесеннаго въ черную книгу, за третьимъ проступкомъ нужно было исключать изъ университета; 5) университетъ обязанъ доносить попечителю ежемѣсячно о студентахъ, занесенныхъ въ черную книгу, съ указаніемъ ихъ вины; 6) эти постановленія должны были быть доведены до свѣдѣнія студентовъ.

---

[1]) Харьк. унив. архивъ. Д. поп. № 1126/63.

[2]) Ibidem.

Казалось, что строгія правила гарантировали и хорошіе результаты. И однако въ томъ же 1826 году новый ректоръ университета извѣстный И. Я. Кронебергъ представилъ попечителю Перовскому положеніе института казеннокоштныхъ студентовъ въ самомъ печальномъ видѣ и предложилъ цѣлый рядъ необходимыхъ по его мнѣнію реформъ.

„Корпусъ казеннокоштныхъ студентовъ, писалъ онъ, нашелъ я въ совершенномъ безпорядкѣ и омерзительной неопрятности. Немедленно приказалъ стѣны и потолки выбѣлить, полъ и окна вымыть, въ комнатахъ студентскихъ наблюдать за порядкомъ и чистотою. Теперь ихъ жилища походятъ по крайней мѣрѣ на человѣческія, хотя еще и не въ желанномъ устройствѣ. Студенты поведенія не совсѣмъ похвальнаго, въ обращеніи грубы, въ одеждѣ и бѣльѣ неопрятны, у иныхъ нѣтъ мундира, нѣтъ перемѣнъ постельнаго бѣлья, для домашнихъ занятій нѣтъ у многихъ ни книгъ, ни бумаги ни перьевъ и пр. Все это есть послѣдствіе дурнаго распоряженія. Честь имѣю представить на благоусмотрѣніе Вашего Превосходительства слѣдующее. Въ казеннокоштные студенты принимались безъ разбора всѣ желающіе поступить. Это не хорошо. Казеннокоштный учится не только для себя, но по назначенію правительства и для другихъ. По сему слѣдовало бы принимать только такихъ, кои тѣлесно здравы, имѣютъ дарованія и съ успѣхомъ учились въ гимназіяхъ. А дабы университетъ зналъ, кому доставляетъ благодѣяніе казеннаго содержанія, весьма полезно было бы, если бы университетъ не иначе принималъ, какъ на основаніи свидѣтельства отъ извѣстной какой нибудь особы о дѣйствительной бѣдности и благонравіи просителя.

Студенты получаютъ по 300 руб. жалованья въ годъ, изъ коихъ 120 р. употребляется ими на столъ, 180 р. на обмундировку и прочія надобности. Эти деньги даютъ имъ въ руки, но не всякій изъ нихъ умѣетъ дѣлать благоразумное употребленіе, отъ чего иные терпятъ недостатокъ въ нужнѣйшемъ. Изъ среды своей они избираютъ эконома, который ходитъ на базаръ и закупаетъ ежедневно съѣстное, кассира, который, получивъ деньги изъ Правленія, выдаетъ эконому, и дежурнаго, который смотритъ за порядкомъ въ кухнѣ. Таковыя должности сопряжены со значительною потерею времени, неприличны званію студента и не соотвѣтствуютъ цѣли, для которой они находятся въ университетѣ. Несравненно лучше будетъ не давать студентамъ денегъ, а поручить всю экономію особому чиновнику, но не постороннему лицу, а чиновнику университетскому съ назначеніемъ ему приличнаго за таковые труды жалованья и квартиры въ самомъ университетѣ.

Этотъ экономъ могъ бы получать по третямъ деньги изъ Правленія, закупать для студентовъ обмундировку, обувь, бѣлье, съѣстное и пр., для чего нужно отвести ему цейхгаузъ, погребъ, ледникъ и пр. Вести счетъ приходу и расходу по шнуровымъ книгамъ и отчетъ подавать въ Правленіе ежемѣсячно. На заведеніе таковаго порядка испрашиваю разрѣшенія Вашего Превосходительства, по полученіи котораго буду имѣть честь представить Вашему Превосходительству подробное донесеніе. Если студенты оказывали по настоящее время на экзаменахъ весьма слабые успѣхи, если набивали головы свои всякимъ вздоромъ и нелѣпостями, если предавались шалостямъ всякаго рода, то это происходило безъ сомнѣнія отъ совершеннаго недостатка учебныхъ пособій, породившаго въ нихъ праздналюбіе, которое до того усилилось, что при благоразумнѣйшихъ мѣрахъ, при неослабномъ надзорѣ, при всей строгости взысканій только со временемъ можетъ быть истреблено. Снабженіе казеннокоштныхъ студентовъ учебными пособіями считаю я необходимѣйшею потребностью. Не снабдивъ ихъ этимъ, нельзя по справедливости и взыскивать за неуспѣшное прохожденіе наукъ. Сколько безъ нихъ можно упражнять студентовъ, я сдѣлалъ: а именно распорядился, чтобы къ каждому кабинету опредѣлены были по 2 студента, дабы они и практически подъ руководствомъ тѣхъ, въ вѣдѣніи коихъ находятся кабинеты, научились обращаться съ инструментами и другими предметами, коихъ одно лишь описаніе они слышатъ въ теоріи. Чтобы комнаты ихъ имѣли видъ опрятный, нужно подѣлать новыя кровати и шкафы для храненія вещей, которыя теперь находятъ себѣ мѣсто на сундукахъ, загромождающихъ комнаты. Ожидая прибытія Вашего Превосходительства, я велѣлъ на свой счетъ сдѣлать для образца и для показанія Вашему Превосходительству такой шкафъ, который не великъ, однако вмѣстителенъ для помѣщенія всѣхъ вещей, принадлежащихъ студенту, и можетъ вмѣстѣ служить красивою мебелью. Касательно поведенія, обращенія и прилежанія студентовъ, при доставленіи нужныхъ пособій, все зависитъ отъ инспектора. Позвольте доложить Вашему Превосходительству со всею откровенностью, съ которою я долженъ во всякомъ случаѣ съ Вашимъ Превосходительствомъ говорить, какъ съ моимъ начальникомъ, какъ съ начальникомъ, имѣющимъ единственно общую пользу въ виду и не покровительствующимъ ни Петра, ни Павла, но благодѣтельствующимъ чрезъ устройство университета цѣлому поколѣнію, позвольте Вамъ доложить, что г. Пауловичъ, при всѣхъ добрыхъ качествахъ своего сердца, при глубокихъ своихъ свѣдѣніяхъ, и при всемъ усердіи споспѣшествовать общему благу университетскому, какъ

инспекторъ студентовъ не на своемъ мѣстѣ. Доколѣ онъ будетъ инспекторомъ, я ничего не могу надѣяться. Старшій педель также неспособенъ. Онъ человѣкъ военный безъ всякаго внутренняго образованія, со студентами обращаться не умѣетъ. Сверхъ того, одного педеля при казеннокоштныхъ мало. Въ выборѣ педелей должно бы поступать весьма осторожно, они какъ ближайшіе надзиратели, смотря по нравственности ихъ и образованію, могутъ имѣть полезное и вредное вліяніе на студентовъ. Качества педеля должны быть: чистое, непорочное поведеніе, дѣятельность, расторопность, рачительное исполненіе приказаній начальства, благоразумная строгость, скромность и приличіе въ рѣчахъ, вѣжливость и нѣкоторая важность въ обращеніи со студентами, дабы они не почитали его себѣ товарищемъ или ниже себя, наконецъ, образованность, дабы онъ могъ имѣть надзоръ и за занятіями студентовъ. Какихъ же мы имѣемъ теперь педелей? Рыбасовъ, педель казеннокоштныхъ студентовъ, какъ я выше сказалъ, человѣкъ военный, безъ всякаго внутренняго образованія, неумѣющій со студентами обращаться. Григоровъ—человѣкъ безъ всякой энергіи характера. Шевченко—бывшій унтерофицеръ, при университетѣ, не имѣющій никакого понятія о благородномъ поведеніи и неумѣющій говорить, и наконецъ, Динтель, о которомъ я ничего не могу сказать, кромѣ того, что онъ думаетъ, что объ исполненіи данныхъ ему приказаній, онъ можетъ, если ему угодно, доносить и черезъ недѣлю. Къ симъ присовокупился недавно принятый, но еще не вступившій въ должность, Балашевъ, человѣкъ мнѣ вовсе неизвѣстный. Чего я могу ожидать отъ таковыхъ надзирателей? Далеко удалена цѣль, къ которой я всѣми силами стремиться долженъ и стремиться буду, почти невозможно достиженіе ея при таковыхъ помощникахъ. Я почитаю, что гораздо соотвѣтственнѣе было бы избирать въ педели изъ лучшихъ учителей уѣздныхъ училищъ или гимназій, которые безъ сомнѣнія съ радостью оставятъ скудное свое мѣсто, чтобы поступить на выгоднѣйшее. Они сами учившись, конечно, лучше будутъ умѣть обращаться съ учащимися и знать, на что имъ преимущественно обращать свое вниманіе.

Средства, т. е. деньги для вышеупомянутаго устройства имѣть можно безъ затрудненій. Для предмета по второму пункту достаточна будетъ сумма, казною нынѣ отпускаемая на содержаніе студентовъ, т. е. по 300 р. на каждаго. Къ этой суммѣ нужно будетъ только прибавить жалованье эконому. Для предметовъ по третьему и четвертому пунктамъ также есть сумма, а именно: при студентахъ живутъ пансіонеры, платящіе по 400 р. въ годъ, а какъ они во всемъ содержатся наравнѣ съ казеннокоштными и издерживается на нихъ не болѣе

300 р., то ежегодно очищается отъ каждаго пансіонера 100 р. Таковой суммы накопилось теперь до 5000 р. Не благоугодно ли будетъ Вашему Превосходительству предписать, чтобы эта сумма, не причисляя ее къ хозяйственной, употреблялась единственно въ пользу казеннокоштныхъ студентовъ, безъ предварительнаго представленія высшему начальству? Изъ этой суммы пансіонерской можно бы было построить имъ вышеупомянутыя кровати и шкафы, по приторгованной мною цѣнѣ—по 40 р. за обѣ штуки, что на 40 человѣкъ составитъ 1600 р. Испрашиваю на это разрѣшенія Вашего Превосходительства и чтобы мнѣ или правленію и впредь позволено было употреблять эту сумму въ пользу казеннокоштныхъ студентовъ безъ предварительнаго представленія высшему начальству, подавая только законнымъ порядкомъ отчетъ. А какъ эта пансіонерская сумма недостаточна для снабженія студентовъ учебными пособіями, какъ то: книгами, писчею и рисовальною бумагою, перьями, карандашами, красками и пр., то не благоугодно ли будетъ Вашему Превосходительству предписать, чтобы каждый своекоштный студентъ вносилъ ежегодно по 15 или хотя бы по 10 р. ассигнаціями въ пользу казеннокоштныхъ, и чтобы сумма, такимъ образомъ собираемая, употреблялась по назначенію моему единственно въ пользу казеннокоштныхъ. Порядокъ завести можно бы слѣдующій: отвести одну или двѣ комнаты для конторы или магазина, въ которомъ бы хранились вышеупомянутыя учебныя пособія; опредѣлить расходчика или вышеупомянутаго эконома, который по образцамъ, представляемымъ ректору или правленію, закупалъ бы годовое или полугодовое количество ихъ, ведя счетъ по шнуровымъ книгамъ приходамъ и расходамъ, а вещи отпускалъ бы студентамъ по запискамъ, подписаннымъ инспекторомъ и велъ бы книгу отпускаемымъ вещамъ по этимъ запискамъ. Отчетъ подавать въ правленіе ежемѣсячно.

Университетъ долженъ для всего своего округа, какъ въ наружномъ, такъ и внутреннемъ устройствѣ служить образцомъ. Для достиженія этой цѣли потребно много времени и трудовъ. Я одинъ, Ваше Превосходительство! не имѣю помощника, все долженъ дѣлать самъ; на порядокъ, мною водворяемый, смотрятъ съ неудовольствіемъ; приказанія исполняютъ медленно и не въ точности. Только г-нъ Байковъ помогаетъ мнѣ сколько и гдѣ можетъ; усердіе и дѣятельность его заслуживаютъ полную похвалу и благодарность. Прошу покорнѣйше Ваше Превосходительство освободить меня на сей академическій годъ отъ лекцій, какъ отъ латинскихъ, кои можно поручить кандидату Сональскому, такъ и отъ нѣмецкихъ, для коихъ надобно будетъ пріискать знающаго лектора, но прошу при томъ чтобы, жалованье, которое я теперь получаю по

симъ двумъ предметамъ, оставлено было за мною; въ противномъ случаѣ мнѣ жить нечѣмъ. Нуженъ мнѣ также писецъ, на опредѣленіе котораго испрашиваю позволенія Вашего Превосходительства.

Представляя все это на благоусмотрѣніе Вашего Превосходительства, прошу убѣдительнѣйше о доставленіи мнѣ средствъ, а силы даруетъ мнѣ Господь Богъ [1]".

Попечитель Перовскій выразилъ благодарность Кронебергу и Байкову за ихъ усердіе, а инспекторомъ вмѣсто Пауловича былъ назначенъ Байковъ.

Въ институтѣ казеннокоштныхъ студентовъ проживали и пансіонеры, уплачивавшіе по 400 р. въ годъ; и такъ какъ содержаніе студентовъ обходилось въ 300 р., то образовался остатокъ, который въ 1827 году постановлено было употреблять исключительно на нужды же института.

На этой почвѣ возникъ непріятный инцидентъ у правленія университета съ попечителемъ Перовскимъ. Правленіе отказало инспектору студентовъ Байкову въ пріобрѣтеніи изъ этой суммы посуды для дѣланія кваса. Перовскій потребовалъ отвѣта отъ правленія, которое представило очень натянутое и сбивчивое объясненіе. Тогда Перовскій (или точнѣе говоря правитель его канцеляріи извѣстный намъ Склабовскій, рукою котораго написаны всѣ черновики) разобралъ эти объясненія, призналъ ихъ совершенно несостоятельными отговорками и поставилъ университету на видъ всю ихъ несообразность, неприличіе, неосновательность и изворотливость, затмѣвающія истину и прямой смыслъ [2]).

Въ сентябрѣ 1827 года министръ народнаго просвѣщенія Шишковъ сообщилъ Перовскому, что Государь Императоръ одобрилъ его представленіе о порученіи надзора за своекоштными студентами Московскаго университета наравнѣ съ другими обывателями полиціи. Императоръ Николай Павловичъ положилъ такую резолюцію: „*На подчиненіе присмотру градской полиціи тѣмъ болѣе я согласенъ, что сему иначе и быть не должно*".

Харьковскій университетъ не могъ рѣшить, распространяется ли и на него требованіе о подчиненіи полиціи своекоштныхъ студентовъ, и попросилъ разъясненія у попечителя. Послѣдній разъяснилъ, что слова Государя Императора должны быть поняты въ прямомъ ихъ смыслѣ и что университету поэтому не слѣдуетъ приступать ни къ какимъ перемѣнамъ въ этомъ отношеніи. „Надзоръ инспектора за студентами, писалъ попечитель, долженъ оставаться по прежнему во всей своей силѣ,

---

[1]) Харьк. унив. архивъ. Д. поп. № 1174/66.

[2]) Харьк. унив. архивъ. Д. поп. № 1262/71.

ибо воспитаніе нравственности и образованіе ума и сердца учащихся. лежащее на обязанности университета, какъ такого ученаго заведенія въ Россіи, которое приготовляетъ окончательно государству добрыхъ чиновниковъ по всѣмъ частямъ службы и Государю вѣрноподданныхъ. внѣ сферы дѣйствій и возможности градской полиціи, долженствующей имѣть присмотръ за студентами *наравнѣ съ другими обывателями*, какъ объяснено въ предписаніи министра народнаго просвѣщенія и потому присмотръ сей не освобождаетъ инспектора отъ обязанностей его по означенному предмету, коего самая важность требуетъ, чтобы инспекторъ имѣлъ возможно бдительный надзоръ за домашними занятіями студентовъ, за ихъ поступками въ отношеніи къ университету вообще и къ каждому члену его въ особенности, равно какъ и за самими ихъ знакомствами и связями, имѣющими, какъ извѣстно, въ совокупности съ вышепрописаннымъ столь сильное вліяніе на образъ мыслей и направленіе склонностей молодыхъ людей и впослѣдствіи на образованіе самаго ихъ характера"..

Въ ноябрѣ 1828 года былъ полученъ новый циркуляръ отъ министра народнаго просвѣщенія кн. Ливена. Въ немъ напоминалось о распоряженіи Комитета Министровъ 1825 года, коимъ зависимость студентовъ университета въ отношеніи полицейскомъ и судебномъ ограничивалась только предѣлами городской черты; при чемъ требовалось все таки присутствіе при слѣдствіи депутата отъ полиціи; за тѣмъ дается разъясненіе вышеприведеннаго циркуляра о подчиненіи своекоштныхъ студентовъ полиціи въ томъ смыслѣ, что она наблюдаетъ за ними, какъ и за остальными обывателями, и въ случаѣ нарушенія благочинія препровождаетъ къ ихъ университетскому начальству.

Въ мартѣ 1828 года совѣтъ Харьковскаго университета представилъ на утвержденіе попечителю цѣлую градацію карательныхъ мѣръ. но она была признана имъ преждевременной [1]). Новый инспекторъ Байковъ осуществилъ тѣ реформы въ организаціи казеннокоштныхъ сту-

---

[1]) Харьк. унив. архивъ. Д. поп. 733/40, стр. 72—75. Совѣтъ исходилъ въ своемъ проектѣ изъ того положенія, что студенты не принадлежатъ къ категоріи полноправныхъ гражданъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ къ нимъ нельзя примѣнять такихъ правилъ, какъ къ ученикамъ гимназій. Цѣль наказаній—исправленіе и предупрежденіе проступковъ. Самыми тяжелыми наказаніями были—удаленіе изъ университета съ правомъ обратнаго поступленія въ него по исправленіи, удаленіе безъ права поступленія въ тотъ же университетъ, исключеніе безъ права поступленія въ какой либо университетъ. Уволенные иногородніе должны были высылаться изъ Харькова, а мѣстные оставаться подъ надзоръ полиціи, дабы не имѣли сношеній со студентами. Мотивируя необходимость удаленія, совѣтъ указывалъ, что для университета имѣетъ значеніе не количество студентовъ, а ихъ качество.

дентовъ, на необходимость которыхъ указывалъ ректоръ Кронебергъ, и ввелъ новый болѣе строгій надзоръ и надъ своекоштными студентами, инспекторомъ которыхъ онъ былъ назначенъ въ 1827 году. Инспекторство Байкова является цѣлою эпохою въ исторіи Харьковскаго студенчества: онъ довелъ до совершенства, до виртуозности систему надзора и примѣнялъ ее безъ послабленія con amore. Вотъ его *собственное* весьма краснорѣчивое свидѣтельство объ этомъ—оффиціальный отвѣтъ, данный имъ въ 1828 г. попечителю Перовскому.

„Для надзора за студентами и вольнослушающими Харьковскаго университета въ настоящее время имѣется: инспекторъ и четыре педеля, изъ коихъ одинъ для студентовъ казеннокоштныхъ и вмѣстѣ съ ними живущій, а прочіе три для своекоштныхъ студентовъ и вольнослушающихъ; сверхъ того для наблюденія за учебною частью въ институтѣ казеннокоштныхъ студентовъ находится три репетитора.

Казеннокоштные студенты встаютъ съ 6 часовъ утра и одѣвшись идутъ по зову колокольчика въ столовой залъ, гдѣ, по прочтеніи *очереднымъ* студентомъ утреннихъ молитвъ, завтракаютъ. Въ 7 часовъ утра отправляются, кому слѣдуетъ, на лекцію. Въ 1/4 перваго часа по звону колокольчика идутъ въ столовую, гдѣ, прочитавъ молитву, садятся за столъ обѣдать; для раздачи кушанья назначены изъ студентовъ старшіе, отъ коихъ служители получая подаютъ прочимъ студентамъ, причемъ соблюдается величайшее приличіе и учтивость. Въ продолженіи стола наблюдается пристойность въ высшей степени—какъ то на счетъ сидѣнія, обхожденія и пр., напр. говорить громко не позволяется; разговоры бываютъ только въ полголоса и то со всею вѣжливостью и скромностью; разговоры состоятъ или въ пересказываніи другъ другу услышаннаго на лекціяхъ, или прочитаннаго чего либо въ свободное время изъ литературныхъ журналовъ. Когда всѣ покушаютъ, то по звону въ маленькій колокольчикъ встаютъ всѣ вмѣстѣ, и по прочтеніи очереднымъ студентомъ благодарственной молитвы, раскланявшись выходятъ изъ столовой. Послѣ обѣда до половины второго часа позволяется въ хорошую погоду прохаживаться на университетскомъ бульварѣ, въ дурную же собираться въ залѣ пріятныхъ искусствъ, гдѣ нѣкоторые играютъ, другіе танцуютъ при непосредственномъ однакожъ надзорѣ. Въ 2 часа по полудни начинаются лекціи, кои и продолжаются до 6 часовъ, послѣ чего въ нѣкоторые дни студенты бываютъ на музыкальномъ, или танцовальномъ классѣ, въ другіе же—на репетиціяхъ въ комнатахъ репетиторовъ. Ровно въ 8 час. ужинаютъ, причемъ соблюдается такой-же порядокъ какъ и за обѣдомъ; вставши изъ за ужина, очередный читаетъ вечернія молитвы, послѣ

чего студенты расходятся по своимъ комнатамъ для занятій, кои въ глубочайшей тишинѣ продолжаются до 10-ти час. вечера, когда всѣ непремѣнно ложатся спать. Въ продолженіе ночи разъ или два съ фонаремъ осматриваются, всѣ ли находятся на лицо.

Если въ продолженіи дня имѣются часы отъ лекцій свободные, то и тогда студентъ непремѣнно долженъ быть въ своей комнатѣ и заниматься науками, за чѣмъ имѣется неукоснительное наблюденіе. А дабы знать, кому и когда изъ студентовъ слѣдуетъ быть или не быть на лекціи—для того у кровати каждаго студента прибито распредѣленіе часовъ лекцій, кои онъ слушать долженъ.

Въ институтъ казеннокоштныхъ студентовъ никто не можетъ входить, ни выходить изъ него безъ позволенія. Для этого дверь, ведущая въ институтъ, всегда заперта и у нея всегда находится часовой. Если кто либо изъ родныхъ, или другой кто либо, надобность имѣющій, хочетъ видѣться съ кѣмъ нибудь изъ студентовъ, то часовой, прежде нежели отопретъ дверь, докладываетъ дежурному репетитору или педелю, кои, встрѣтивъ пришедшаго, если знаютъ, что онъ человѣкъ благонадежный, то провожаютъ въ особый залъ, гдѣ онъ и можетъ видѣться со студентомъ. Если же они въ пришедшемъ имѣютъ какое либо сомнѣнье, то не принимаютъ. Своекоштнымъ студентамъ входъ въ комнаты, занимаемыя казеннокоштными, вовсе воспрещенъ.

Если казеннокоштные студенты должны идти на лекціи, то выходятъ изъ института подъ наблюденіемъ репетитора. Но если студентъ въ праздничное время хочетъ отлучиться изъ института, то, испросивъ позволенье, получаетъ свой отпускной билетъ по приложенной при этомъ формѣ, на оборотной сторонѣ котораго напечатаны числа отъ 1-го до 100 для по такой причинѣ: такъ какъ въ году не болѣе 100 праздничныхъ дней, то студенту не болѣе 100 разъ позволяется выйти изъ института и такъ какъ за каждымъ разомъ одинъ номеръ на оборотѣ билета затирается, то, взглянувъ на билетъ, можно тотчасъ видѣть по числу затертыхъ номеровъ, сколько разъ студентъ выходилъ изъ института. Съ таковымъ билетомъ студентъ записывается въ книгѣ у педеля или дежурнаго репетитора, гдѣ отмѣчается мѣсяцъ, число, мѣсто и время отпуска студента. Когда же студентъ возвратится, не просрочивъ означеннаго времени, то въ отпускной книгѣ отмѣчается: *возвратился въ свое время*, а на оборотѣ билета затирается одно число; если же онъ просрочилъ, то по мѣрѣ просрочки затирается въ одинъ разъ на оборотѣ билета два, три и болѣе номеровъ, такъ что неакуратный студентъ можетъ все число своихъ номеровъ потерять гораздо ранѣе, нежели въ годъ и тогда все остальное время

лишается позволенія выходить изъ института. Дабы быть увѣрену, что студентъ именно находится въ томъ мѣстѣ, куда отпущенъ, для этого употребляются какъ педеля, такъ и другія вѣрныя средства. Студенты изъ института отпускаются только къ роднымъ, кои всѣ извѣстны; если же студентъ хочетъ отлучиться къ постороннему—благонадежному человѣку, то это позволяется не иначе, какъ если самъ посторонній явится лично или чрезъ письмо будетъ просить отпустить къ нему студента.

Въ воскресные и праздничныя дни казенные студенты въ 8 час. утра собираются для утренней молитвы и для чтенія святаго писанія по славянскому тексту съ толкованіями св. отцовъ и учителей церкви. Потомъ послѣ благовѣста отправляются въ храмъ Божій всѣ вмѣстѣ подъ надзоромъ. Для слушанія обѣдни ходятъ въ соборную церковь на хоры, гдѣ въ это время кромѣ студентовъ и чиновниковъ для надзора за ними никого болѣе не находится. Если же хоры собора заняты пѣвчими (о чемъ узнается предварительно), то студенты идутъ въ церковь, при гимназіи находящуюся. Послѣ обѣда въ воскресные и праздничные дни въ хорошую погоду выдаются исправнѣйшимъ студентамъ билеты для прогулки въ садъ, также позволяется игра въ кегли, воланъ, танцы и другія гимнастическія, но пристойныя общія упражненія, что все дѣлается при непосредственномъ надзорѣ.

Касательно учебныхъ занятій, введеніе репетицій приноситъ желаемую пользу: посредствомъ ихъ ежедневно извѣстно, не отсталъ-ли студентъ въ какой либо изъ лекцій и если замѣчено будетъ упущеніе, то тотчасъ принимаются мѣры къ исправленію его, потому всѣ учебныя пособія (кои по скудости содержанія имѣть можно) студентовъ, какъ-то: книги, тетради и пр. находятся теперь въ исправности и студентъ всегда готовъ дать отвѣтъ въ томъ, что уже пройдено на лекціяхъ. Для репетиціи назначены постоянные часы, по приложенному при этомъ росписанію. Не быть на репетиціи никто изъ студентовъ не смѣетъ.

Для замѣчанія поведенія и прилежанія студентовъ ведется журналъ и по немъ составляются еженедѣльныя вѣдомости по приложенной формѣ. Таковыя вѣдомости прочитываются при всѣхъ студентахъ во время обѣда въ воскресенье.

Студенты, бывшіе въ продолженіе недѣли исправными и превосходно занимавшіеся, получаютъ одобреніе, напротивъ въ чемъ либо провинившимся и неуспѣвшимъ дѣлается замѣчаніе. Опытъ показалъ, что въ настоящее время этотъ родъ моральнаго исправленія имѣетъ чрезвычайное дѣйствіе: ни одинъ еще студентъ не выслушалъ равнодушно замѣчанія, которое ему сдѣлано было въ присутствіи всѣхъ то-

варищей; и напротивъ съ какимъ восторгомъ всякій слушаетъ себѣ похвалу и одобреніе: чрезъ это примѣтно начало возраждаться въ прочихъ соревнованіе. Прогулокъ и разныхъ гимнастическихъ упражненій лишаются тѣ, кои были по какой либо части неисправными въ продолженіи недѣли.

Къ усовершенствованію познаній казеннокоштныхъ студентовъ весьма много служитъ распоряженіе ректора назначить для каждаго кабинета, при университетѣ находящагося, по нѣсколько человѣкъ казенныхъ студентовъ для практическихъ занятій, что уже и исполнено въ минералогическомъ, зоологическомъ, ботаническомъ и математическомъ кабинетахъ.

До марта мѣсяца настоящаго года казенные студенты на содержаніе свое получали деньги изъ университетскаго правленія въ собственное свое и произвольное распоряженіе. Изъ 25 руб. въ мѣсяцъ, на студента отпускаемыхъ, 10 руб. употребляемы были на столъ, а 15 руб. на одѣяніе, обувь и др. Такая выдача денегъ прямо въ руки студентовъ служила главнѣйшимъ источникомъ къ тѣмъ безпорядкамъ, въ коихъ прежде находились казеннокоштные студенты. Для управленія экономическою частію они изъ среды себя избирали такъ называемыхъ кассировъ и экономовъ: шумъ, ссоры, а нерѣдко и драка сопровождали таковыя избранія; кассиры же и экономы, будучи сами молодыми и неопытными людьми, часть столовой суммы тратили понапрасно и студенты едва имѣли самый убогій обѣдъ и ужинъ безъ завтрака и квасу. Что же касается до 15 руб., ежемѣсячно прежде всякимъ студентомъ получаемыхъ, то они употребляемы были на табакъ и прочія безполезныя вещи, чрезъ то казенные студенты оставались безъ платья, бѣлья и въ самой крайней бѣдности и неопрятности. Учебныхъ пособій почти никакихъ не имѣли. Съ марта же мѣсяца нынѣшняго года, по предложенію ректора, правленіе университета выдаетъ деньги на содержаніе казеннокоштныхъ студентовъ инспектору. Теперь за ту же столовую сумму, (10 руб. въ мѣсяцъ), казенные студенты имѣютъ завтракъ, состоящій изъ 1/2 фун. бѣлаго мягкаго хлѣба, или 2-хъ пироговъ. Чрезъ введеніе завтраковъ прекратилось въ институтѣ студентовъ посѣщеніе хлѣбниковъ, сбитенщиковъ и др. и разбирательства за долги, имъ студентами дѣлаемые. Въ обыкновенные дни теперь обѣдъ казенныхъ студентовъ состоитъ изъ двухъ, а не рѣдко и трехъ, а ужинъ изъ двухъ блюдъ, сытныхъ и чисто поваромъ изготовленныхъ. Въ праздничные и воскресные дни въ обѣдъ, сверхъ трехъ блюдъ, бываютъ или сладкіе пирожки, или фрукты и проч. За столомъ всегда употребляется хлѣбный квасъ. Что касается до обмундированія и пр.

студентовъ, то изъ 15 р., ежемѣсячно для каждаго отпускаемыхъ, казенные студенты получаютъ всѣ необходимыя вещи натурою за несравненно болѣе сходную цѣну, ибо всё покупается оптомъ; въ полученіи чего либо каждый расписывается въ книгѣ и всякому дается подробная выписочка изъ счета. Съ портными, сапожниками и проч. мастеровыми сдѣланы постоянныя и выгодныя условія; чрезъ это окончены безпрерывныя жалобы, бывшія на казенныхъ студентовъ за неудовлетвореніе мастеровыхъ платежомъ денегъ. Теперь всѣ студенты имѣютъ приличное бѣлье, довольно хорошаго сукна мундиры и шинели, шпаги, треугольныя шляпы, шлафоры и проч. одѣяла; во всемъ этомъ по возможности соблюдается единообразіе. При ограниченности суммы на содержаніе казеннокоштныхъ студентовъ, имѣются необходимѣйшія учебныя пособія, какъ-то: книги, бумага и др. Впрочемъ у нѣкоторыхъ студентовъ въ продолженіи только 7-ми мѣсяцевъ въ общей кассѣ имѣется до 50 рублей денегъ. Хотя, конечно, скопившаяся такимъ образомъ сумма въ продолженіи курса весьма пригодится ему для экипировки при поступленіи на должность, но весьма бы полезно было, если бы таковую сумму въ общей массѣ дозволено было употреблять на учебныя пособія. Впрочемъ вышеизложенное управленіе экономическою частію весьма обременительно и для облегченія нужно бы имѣть какого нибудь добросовѣстнаго человѣка въ качествѣ закупщика, который завѣдывалъ бы по крайней мѣрѣ мелочными покупками.

Изъ столовой суммы имѣются въ институтѣ необходимѣйшіе медикаменты, какъ то: ромашка, бузина, медъ и др. для подаванія скорой помощи заболѣвшимъ легкою болѣзнію, въ случаѣ же тяжкой болѣзни отправляются въ клинику.

Чрезъ каждыя двѣ недѣли студенты моются въ банѣ, и теперь—по неисправности университетской—въ гимназической, куда отправляются вмѣстѣ съ педелемъ.

Для посылокъ на почту и за прочими необходимыми надобностями педель употребляетъ служителей.

Уборка комнатъ въ институтѣ казеннокоштныхъ студентовъ начинается тотчасъ, какъ встанутъ студенты. Въ комнатахъ курятъ хлориномъ и ароматическими веществами и вообще за соблюденіемъ опрятности, чистоты и здороваго воздуха имѣется всегдашнее наблюденіе. Впрочемъ въ настоящихъ комнатахъ института казеннокоштныхъ студентовъ имѣть совершенную чистоту и опрятность не возможно—по причинѣ чрезвычайной испорченности дверей, замковъ, оконъ, половъ и др., съ каковой онѣ и приняты.

Для удобнѣйшаго надзора за своекоштными студентами, они раздѣлены на 3 части; каждая состоитъ въ вѣдомствѣ особаго педеля и имѣетъ до 75 человѣкъ студентовъ. Безъ сомнѣнія возможно болѣе частое посѣщеніе студентовъ въ ихъ квартирахъ и притомъ въ неопредѣленное время есть лучшее средство для удержанія ихъ отъ различнаго рода шалостей и для побужденія ихъ къ занятіямъ; но разсѣянность студенческихъ квартиръ по отдаленнымъ частямъ города представляла—особенно во время грязи—непреодолимое затрудненіе для посѣщенія ихъ, потому теперь приведена въ исполненіе слѣдующая мѣра: предварительно составлены списки достаточнаго числа квартиръ въ ближайшихъ къ университету и къ квартирамъ педелей частяхъ города. съ обозначеніемъ цѣнъ за квартиру отъ самыхъ высокихъ до самыхъ дешевыхъ. Въ таковыхъ квартирахъ, весьма удобныхъ для посѣщенія, помѣщены теперь своекоштные студенты, исключая весьма немногихъ, живущихъ или въ домахъ родителей или какихъ либо извѣстныхъ особъ. Но такъ какъ хозяинъ или сосѣдъ его могутъ служить вреднымъ примѣромъ и поводомъ къ дурнымъ поступкамъ, то для квартированія студентовъ избирались хозяева не прежде, какъ по удостовѣреніи о добромъ поведеніи какъ ихъ, такъ и ихъ сосѣдей. При заключеніи условій о квартирѣ непремѣнно бываетъ педель и беретъ отъ хозяина записку, въ которой означается цѣна и все, что хозяинъ студенту доставить обязывается. За исправность взноса хозяевамъ денегъ за квартированіе студентами наблюдаетъ начальство и съ этой стороны прекратились уже претензіи отъ хозяевъ. Частая перемѣна квартиръ ставится на замѣчаніе студентамъ и она дозволяется только вслучаѣ неустойки хозяина, или другихъ уваженія заслуживающихъ причинъ; въ такомъ случаѣ для студента назначается по его состоянію другая квартира вышеуказаннымъ порядкомъ. Хозяева, узнавъ, что выборъ квартиръ и, слѣдовательно, ихъ прибыль не зависитъ отъ капризовъ студентовъ, а отъ усмотрѣнія начальства, сдѣлались гораздо болѣе преданы послѣднему и охотно исполняютъ то. чего оно отъ нихъ желаетъ, т. е. не дѣлаютъ поблажекъ студентамъ. довольно неупустительно извѣщаютъ объ ихъ проступкахъ и дѣлахъ въ квартирѣ, осужденія заслуживающихъ. Такими средствами, соединенными со многими другими, для развѣдыванія употребляемыми, студенты поставлены въ такія обстоятельства, что всѣ проступки ихъ и даже намѣренія—гдѣ и когда бы ни были сдѣланы—тотчасъ становятся извѣстными, а чрезъ то представляется возможность къ прекращенію и уничтоженію ихъ.

По квартирамъ своекоштныхъ студентовъ дѣлаются разъѣзды почти ежедневно, причемъ не только требуется отъ студентовъ отчетъ въ ихъ занятіяхъ, но обращается вниманіе на ихъ образъ мыслей и проч., также на внѣшнюю опрятность какъ ихъ самихъ, такъ и комнатъ, ими занимаемыхъ. Студенты сколько нибудь сомнительные посѣщаются чаще. По нынѣшнему расположенію квартиръ своекоштныхъ студентовъ педель въ продолженіи дня можетъ раза два обойти всѣхъ своихъ студентовъ и ежедневно подаетъ о нихъ особыя записки, въ коихъ означаетъ, въ какомъ видѣ найденъ студентъ, какое его здоровье, чѣмъ онъ занимался, имѣетъ-ли въ исправности нужныя книги и тетради и проч. Если своекоштный студентъ кромѣ лекцій отлучается изъ квартиры, то онъ или товарищу, или своему мальчику оставляетъ записочку, въ которой означаетъ, куда именно онъ отлучился, въ чемъ нерѣдко и удостовѣряются и вслучаѣ неправильнаго показанія студентъ наказывается.

На балахъ, свадьбахъ и другихъ увеселеніяхъ студенты безъ дозволенія и безъ билета не бываютъ. И вслучаѣ бала, свадьбы и проч., туда для наблюденія отряжается педель.

Каждому педелю назначено извѣстное число трактировъ для наблюденія, дабы не бывали въ нихъ студенты; для той же цѣли педели поочередно отряжаются въ театръ, на публичныя гулянья, въ садъ, бульваръ ярмарочныя площади и проч.

Дабы знать поведеніе студентовъ на лекціяхъ, нынѣшній ректоръ—во исполненіе Высочайшаго повелѣнія 1824 года 14-го августа—установилъ ежедневные рапорты, гдѣ каждый профессоръ своеручно отмѣчаетъ поведеніе студентовъ и происшествія на лекціяхъ. Таковой рапортъ инспекторъ, сдѣлавъ подробныя замѣчанія о студентахъ, ежедневно представляетъ ректору.

Въ учебные дни дежурныхъ педелей въ университетѣ два: одинъ справляется, всѣ-ли студенты были на лекціяхъ, вслучаѣ отсутствующихъ тотчасъ дѣлаетъ справки; другой наблюдаетъ, дабы студенты какъ во время лекціи, такъ и ожидая на лекцію профессоровъ, сидѣли скромно, не собирались-бы толпами по улицамъ возлѣ университета и проч.; третій же педель наблюдаетъ погороду, дабы студенты, идя по улицамъ, соблюдали пристойность, отдавали почтеніе старшимъ и, оставаясь въ квартирахъ въ случаѣ свободныхъ отъ лекцій часовъ, занимались бы науками.

Въ праздничные дни педеля бываютъ въ приходскихъ церквахъ, въ ихъ части находящихся, и смотрятъ, дабы студенты были въ церкви и стояли благоговѣйно.

Студентъ, желающій уѣхать на вакаціонное время изъ города, долженъ напередъ представить отъ родителя, родственника или опекуна позволеніе отправиться ему домой, а дабы не было въ этомъ случаѣ подлоговъ, то письма, таковыя позволенія заключающія, должны быть адресованы на имя инспектора чрезъ почту. Безъ того студентъ не увольняется въ отпускъ. Таковая мѣра признана необходимою въ виду того, что прежде студенты въ вакаціонное время по нѣсколько вмѣстѣ уѣзжали за городъ и нерѣдко тамъ дѣлали шалости.

Въ случаѣ болѣзни своекоштнаго студента приглашается медикъ и если болѣзнь продолжительная, то студентъ отправляется въ клинику, въ противномъ-же случаѣ помощь подается въ квартирѣ.

Въ случаѣ притѣсненій, неустоекъ и обидъ студентамъ со стороны хозяевъ, портныхъ и прочихъ ремесленниковъ, въ коихъ они могутъ имѣть нужду; полиція со всею готовностію принимаетъ участіе и дѣлаетъ удовлетвореніе. Этимъ средствомъ между студентами самоуправство совершенно почти истребилось [1])".

Въ 1829 г. для лучшаго порядка въ содержаніи студентовъ была составлена инспекторомъ Байковымъ табель, утвержденная попечителемъ и дѣйствовавшая до 1835 года. На основаніи ея вещи, необходимыя для обмундированія студентовъ, покупало Правленіе, основываясь на донесеніяхъ инспектора, а сумма на столовое содержаніе и другія надобности отпускалась инспектору, который до 1832 года самъ дѣлалъ всѣ распоряженія по этому предмету съ помощью старшаго педеля, употребляя для мелочныхъ покупокъ особо нанимаемаго расходчика. Но въ 1832 году новый инспекторъ сдѣлалъ представленіе Правленію о невозможности ему заниматься хозяйственными дѣлами, касающимися содержанія студентовъ, и просилъ поручить вести это дѣло подъ его наблюденіемъ кассиру университета Дзюбѣ съ возграгражденіемъ въ 400 р., что и было разрѣшено. Казеннокоштные студенты жили въ одномъ университетскомъ зданіи, которое отапливалось на счетъ штатной университетской суммы; въ качествѣ прислуги въ немъ употреблялись университетскіе салдаты. Но въ табель расходовъ не были включены всетаки жалованье эконому и расходчику, сумма, необходимая на пріобрѣтеніе учебныхъ книгъ и пособій и для ремонта хозяйственнаго инвентаря. Все это пополнялось остатками отъ пансіонерской суммы, но въ послѣднее время число пансіонеровъ сильно уменьшилось (дошло до 1K уменьшились и остатки отъ ихъ содержанія. До 1833 года пансіонеры платили по 400 руб., а съ этого года плата съ нихъ была повышена

---

[1]) Харьк. унив. архивъ. Д. поп. № 733/40.

до 450 руб. Были еще и полупансіонеры, платившіе раньше по 220 р., а съ 1833 года по 270 р. Изъ этихъ суммъ также производились отчисленія на институтъ [1]). Въ 1834 году инспекторъ казеннокоштныхъ студентовъ проф. Сухомлиновъ вошелъ съ ходатайствомъ объ отпускѣ на столовое содержаніе ихъ вмѣсто 10 руб. 18 руб. въ виду сильнаго вздорожанія съѣстныхъ припасовъ. И дѣйствительно: четверть ржаной муки стоила тогда 24 р. 56 коп., четверть гречневыхъ крупъ 25 руб., пшена 37 р., пудъ масла 18 р., фунтъ говядины 12 к. [2]).

Въ 1834 году помощникъ попечителя гр. Панинъ утвердилъ инструкцію для помощника инспектора казеннокоштныхъ студентовъ [3]).

Таково было постепенное развитіе правилъ, регулировавшихъ студенческую жизнь.

Правила эти, какъ видимъ, дѣлались все болѣе и болѣе строгими. Прежній патріархальный строй смѣнился сурово формальной регламентаціей. Въ соотвѣтствіи съ этимъ находились и личности тогдашнихъ инспекторовъ.

Въ пятнадцатыхъ годахъ наиболѣе выдающимся инспекторомъ студентомъ былъ профессоръ Г. П. Успенскій.

Сынъ проф. Успенскаго сообщаетъ намъ любопытныя подробности о томъ, какъ быстро его отецъ усмирилъ студенческіе безпорядки въ театрѣ въ 1817 году. „Былъ часъ одиннадцатый ночи; мы ужинали, а въ театрѣ тянулся спектакль. Вдругъ является полицейскій офицеръ, объявляетъ о тревогѣ, случившейся въ театрѣ отъ студентовъ, и отъ имени полицмейстера проситъ моего отца поспѣшить въ театръ. Въ туже минуту отецъ отправился—я за нимъ. Когда мы вошли въ партеръ (чтобы не терять времени на дальній обходъ въ отдѣленіе креселъ), то увидѣли, что на сценѣ нѣсколько студентовъ, сваливши съ ногъ актеровъ, сидѣли кой на комъ изъ нихъ. Крикъ, шумъ, пѣсни, стукъ, бѣготня, хохотъ, свистъ превращали весь театръ въ хаосъ. Публика вырывалась вонъ; толкотня и давка не щадили никого. И вдругъ среди этого хаоса показалась колоссальная фигура инспектора, раздался его громовой голосъ... Въ двѣ минуты исчезли испуганные шалуны, опустѣла сцена и корпораціи студентовъ какъ не бывало въ театрѣ! Безстрашный, грозный инспекторъ строго, внимательно, но покойно осмотрѣлъ за кулисами гардеробныя и даже суфлерское подполье и, не найдя ни одного театральнаго фата, не спѣша вышелъ изъ театра, провожаемый благодарною труппою актеровъ, и пѣшкомъ по-

[1]) Харьк. унив. архивъ. Д. поп. № 2093/131.
[2]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло поп. № 2084/131.
[3]) Харьк. унив. архивъ. Д. поп. № 1986/127.

брелъ домой. Случай этотъ живъ въ моей стариковской памяти и доставляетъ мнѣ истинное удовольствіе тѣмъ, что не имѣлъ никакихъ грустныхъ послѣдствій, походившихъ на случившіяся со студентами же и въ томъ же самомъ театрѣ лѣтъ 12 послѣ моего отца" [1]).

Изъ преемниковъ Успенскаго наиболѣе выдающимся былъ Байковъ, представитель новаго чисто формальнаго направленія уже безъ всякой примѣси патріархальности.

Въ 1827 году бывшій инспекторъ проф. Пауловичъ вышелъ въ отставку и попечитель Перовскій представилъ на его мѣсто помощника его проф. Байкова, давши о немъ весьма лестную атестацію. „Чиновникъ этотъ, писалъ онъ, уже четвертый годъ исправляетъ должность субъинспектора студентовъ съ особеннымъ успѣхомъ и похвалою; притомъ дѣятельность и усердіе его къ службѣ, мнѣ совершенно извѣстныя, подаютъ несомнѣнную надежду, что въ званіи этомъ онъ не упустить исполнить съ возможною точностью все то, чего попечительное о благѣ общемъ правительство требуетъ отъ чиновниковъ, подобныя должности занимающихъ". Такъ какъ Байковъ долженъ былъ сверхъ должности инспектора казеннокоштныхъ студентовъ еще нести обязанности инспектора своекоштныхъ студентовъ, то попечитель просилъ о прибавкѣ къ его жалованью (въ 400 р. по штату) еще 800 р. изъ хозяйственныхъ суммъ университета; ходатайство его было уважено комитетомъ министровъ. Извѣстный ректоръ Кронебергъ составилъ инструкцію [2]) для инспектора и представилъ ее на утвержденіе попечителя, который однако призналъ ее излишней, впредь до введенія преобразованій, намѣченныхъ для устройства учебныхъ заведеній. Спрашивается теперь, ка-

---

[1]) Ворон. Губерн. Вѣд. 1863 года, №№ 80—82.

[2]) Любопытны два первые пункта этой инструкціи. „Инспекторъ есть главный блюститель нравственнаго, умственнаго и физическаго образованія студентовъ; посему онъ долженъ быть такой членъ университета, который своею преданностью вѣрѣ, Государю и отечеству, дѣятельностію и усердіемъ по службѣ, повиновеніемъ начальству, отличнымъ поведеніемъ, основательными познаніями, вѣжливостью и свѣтскимъ обращеніемъ можетъ служить примѣромъ молодымъ людямъ, находящимся подъ его надзоромъ. Инспекторъ долженъ твердо помнить, что имѣетъ въ вѣдѣніи своемъ людей, приготовляющихся на службу своему отечеству, которое для воспитанія ихъ, не щадя никакихъ издержекъ и пособій, имѣетъ полное право ожидать отъ нихъ для себя вѣрныхъ, полезныхъ и *прямо русскихъ* гражданъ; что возрастъ ихъ есть тотъ, въ которомъ полагается основаніе того образа мыслей, тѣхъ склонностей и направленій, кои останутся господствующими во всю жизнь, что лѣта ихъ есть время начала тѣхъ страстей, отъ обузданія которыхъ зависятъ физическія силы, здоровье и будущее счастье человѣка". Далѣе слѣдуетъ правила объ ежедневной молитвѣ студентовъ, о неизмѣнномъ посѣщеніи церкви, о постоянномъ посѣщеніи студентовъ съ цѣлью узнать нравъ каждаго, о внушеніи имъ подчиненности не только къ своему начальству, но и посторониимъ

кую оцѣнку давали дѣятельности Бойкова сами тогдашніе студенты? На этотъ счетъ мы имѣемъ чрезвычайно важный и цѣнный матеріалъ въ воспоминаніяхъ студента *Н.*, которыя относятся къ концу 20-хъ и самому началу 30-хъ годовъ и пролили такъ много свѣта на другія стороны тогдашней университетской жизни.

„Всѣ студенты состояли, пишетъ Н., въ непосредственномъ завѣдываніи университета и подлежали университетскому суду, не допускавшему вмѣшательства иной юстиціи или же администраціи и полиціи. Студенты подраздѣлялись на казеннокоштныхъ и своекоштныхъ; первые изъ нихъ пользовались содержаніемъ изъ казенныхъ суммъ, которое производилось натурою и состояло въ безплатномъ помѣщеніи въ университетѣ, въ столѣ, одеждѣ, бѣльѣ, обуви и прислугѣ. Корпусъ казеннокоштныхъ студентовъ находился въ одномъ изъ университетскихъ зданій, гдѣ помѣщаются теперь музей и кабинеты. Оба этажа его заняты были столовою и рекреаціонною залами, спальнями или дортуарами студентовъ, которые служили имъ и для занятій, и наконецъ, студентскою библіотекою, которою пользовались и своекоштные студенты. Въ число 40 казенныхъ воспитанниковъ университета принимались только студенты двухъ факультетовъ, словеснаго и медицинскаго; первые изъ нихъ предназначались къ занятію учительскихъ мѣстъ въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ, а вторые къ военной службѣ въ должности полковыхъ врачей. Обязательная служба тѣхъ и другихъ воспитанниковъ университета опредѣлена была срокомъ шести лѣтъ, а назначеніе ихъ на ту или на другую должность, въ то или иное мѣсто зависѣло не отъ собственнаго желанія, а отъ усмотрѣнія начальства. Ни въ университетѣ, ни гдѣ бы то ни было внѣ своей квартиры, студенты не могли носить другой одежды, кромѣ форменной, т. е. однобортныхъ мундировъ или же двубортныхъ вицъ-мундировъ (сюртуковъ) синяго сукна съ бѣлыми металлическими пуговицами и чернымъ бархатнымъ воротникомъ безъ всякаго шитья или же галуна. Ближайшій надзоръ за студентами ввѣренъ былъ инспектору и тремъ его помощникамъ, называвшимся тогда педелями. Инспекторомъ студентовъ былъ въ мое время ординарный профессоръ Байковъ. Онъ ввелъ самую строгую, чуть не солдатскую дисциплину между студентами. Никто изъ нихъ не смѣлъ появляться

важнымъ особамъ, о надзорѣ за посѣщеніемъ лекцій и т. п. Всѣ правила проникнуты духомъ самой строгой полицейской регламентаціи и субординаціи. Для входа ночью въ частныя квартиры студентовъ инспекторъ долженъ былъ брать съ собою полицейскаго чиновника. Своихъ квартиръ студенты не могли перемѣнять безъ разрѣшенія инспектора. И такія правила созданы были несомнѣнно широко образованнымъ и умнымъ Кронебергомъ! Очевидно, таковъ былъ духъ времени. (Харьк. унив. архивъ. Д. поп. № 350/18.

нигдѣ, не застегнувъ всѣхъ до одной пуговицъ своего мундира или вицъ-мундира. Студенты обязаны были знать въ лицо всѣхъ профессоровъ университета и не смѣли не снять шапки ни передъ однимъ изъ нихъ. Въ торжественныхъ случаяхъ, напр., при университетскихъ актахъ, погребальныхъ процессіяхъ и т. п., студенты выстраивались прямыми рядами, не смѣя выступить въ ту или другую сторону, или же шли попарно стройными шеренгами. Байковъ строго слѣдилъ и за исправнымъ посѣщеніемъ лекцій студентами. Многіе изъ профессоровъ, при началѣ каждой лекціи, перекликали своихъ слушателей по алфавитному списку; эти-то отмѣтки и передавались потомъ Байкову, для расправы со студентами. Исключеніе въ этомъ составляли тѣ изъ профессоровъ, которые сознавали научный интересъ и достоинство своего преподаванія и не находили надобности прибѣгать къ полицейскимъ мѣрамъ, чтобы привлечь слушателей въ аудиторію. Студентамъ запрещалось не только употребленіе вина или пива (не говоря уже о водкѣ), но даже и куреніе трубки, замѣнявшей тогда папиросы. Вообще строгость надзора доходила до самыхъ крайнихъ и смѣшныхъ выходокъ. Если Байковъ замѣчалъ гдѣ-нибудь студента, вышедшаго изъ бакалейной лавки, то непремѣнно останавливалъ его, осматривая покупки, или же, вслѣдъ за нимъ, самъ заходилъ въ лавку, спрашивая, что покупалъ студентъ и не отпускали ли ему курительнаго табаку, чубуковъ или трубокъ. Корпусъ казеннокоштныхъ студентовъ состоялъ подъ ближайшимъ наблюденіемъ инспектора. Ежедневно и во всякое время дня и ночи являлся туда Байковъ и осматривалъ все до мельчайшихъ подробностей. Но этимъ не ограничивалась его дѣятельность. Весьма не рѣдко посѣщалъ онъ и квартиры своекоштныхъ студентовъ въ разныхъ частяхъ города. Онъ обшаривалъ у нихъ всѣ уголки, рылся въ ихъ бумагахъ и тетрадяхъ, заглядывалъ даже въ ихъ частную переписку. Казалось, что для него было особеннымъ удовольствіемъ найти что-нибудь запрещенное цензурою или же недопускаемое школьною университетскою выдержкою; вмѣстѣ съ табакомъ и трубками, конфисковалъ онъ и книги, въ которыхъ находилъ что-нибудь, казавшееся для него безнравственнымъ или соблазнительнымъ. Помощники инспектора, или педеля, также время отъ времени посѣщали студентовъ. Имъ, конечно, не дозволялось такихъ вольностей, какими не стѣснялся Байковъ. Педеля являлись большею частію для того, чтобы узнать— дѣйствительно ли боленъ студентъ, и вообще, по какимъ причинамъ не являлся онъ на лекціи. Педеля командировались во всѣ общественныя собранія, въ которыя приглашены были студенты, и на всѣ публичныя гулянья, гдѣ только появлялись они. Студенты съ полнымъ пре-

зрѣніемъ относились къ своимъ аргусамъ—тѣмъ болѣе, что и самый выборъ педелей нисколько не соотвѣтствовалъ ихъ назначенію: двое изъ нихъ были отставные офицеры, выслужившіеся изъ солдатъ, а третій—бывшій канцелярскій писецъ. Полуграмотные, незнакомые съ самыми элементарными понятіями о наукѣ, никогда не бывавшіе въ хорошемъ обществѣ, педеля были предметомъ посмѣянія для всей университетской молодежи; но всѣ знали, притомъ, что это были самые усердные шпіоны и лазутчики Байкова. Необходимость заставляла иногда студентовъ задобрить педеля и склонить его на свою сторону. Немногое требовалось для этого. Угощеніе водкой и закуской, чаемъ и пуншемъ, нѣсколько бутылокъ вина прикрывали нерѣдко не только упущенія лекцій, но и другіе болѣе важные грѣхи и продѣлки молодежи. Студенты боялись, но не любили Байкова. Никогда рѣчь его не обращалась къ нимъ съ какимъ-нибудь дружескимъ или отеческимъ наставленіемъ. За самые маловажные проступки не заслуживавшіе ничего болѣе, кромѣ выговора или замѣчаній, онъ каралъ ихъ то карцеромъ, то исключеніемъ изъ университета. Самое обращеніе Байкова со студентами не отличалось ни благородствомъ, ни вѣжливостью. Онъ не стѣснялся передъ тѣмъ, чего не дозволилъ бы себѣ теперь ни одинъ изъ воспитателей, не только со взрослыми учениками, но даже и съ маленькими школьниками нашихъ гимназій. Слова: „ты, мальчишка, негодяй, болванъ" и т. п. не сходили съ языка его. Но не со всѣми обращался Байковъ такъ унизительно. Онъ зналъ, съ кѣмъ нужно быть осторожнымъ, чтобъ не поплатиться отъ него тѣмъ же, если еще не худшимъ. Такое самовластіе Байкова въ университетѣ объясняется особеннымъ покровительствомъ, которымъ пользовался онъ у бывшаго тогда попечителя Перовскаго, а это послѣднее началось съ тѣхъ поръ, какъ другъ и пріятель Байкова, прежній адъюнктъ университета по каѳедрѣ русской словесности, Склабовскій, занялъ должность правителя канцеляріи попечителя. Пользуясь такими связями и отношеніями, Байковъ сдѣлался извѣстнымъ потомъ и бывшему министру внутреннихъ дѣлъ Перовскому, и, по ходатайству брата его (попечителя), назначенъ былъ впослѣдствіи директоромъ агрономическаго училища съ принадлежащею къ нему фермою въ окрестностяхъ С.-Петербурга. Это послѣдовало, однакожъ, уже по выходѣ моемъ изъ университета. Преемникомъ Байкова былъ профессоръ А. С. Венедиктовъ. При немъ начали уже измѣняться университетскіе порядки, хотя и не сразу, но медленно и постепенно.

Въ своей домашней жизни студенты довольствовались весьма немногимъ. Каждый жилъ по своимъ средствамъ, хотя въ этомъ не было

замѣтно особенной разницы между богатыми и бѣдными. Домашняя обстановка у всѣхъ студентовъ была самая скромная. Каждый изъ нихъ имѣлъ небольшой кружокъ пріятелей изъ своего и другихъ факультетовъ, съ которыми и дѣлилъ часы досуга. Книги и тетради, записки и лекціи профессоровъ—все было общее между сотоварищами и ни въ чемъ не отказывали они другъ другу. Не водилось тогда ни пировъ, ни какихъ-либо изысканныхъ угощеній между студентами; но весьма нерѣдко и почти у каждаго изъ нихъ (кромѣ отъявленныхъ скрягъ, какихъ было немного) предлагались пріятелямъ то чай и закуски, то вино и водка. Ко всему этому присоединялись, конечно, и трубки. Довольствуясь немногимъ, студенты отъ души веселились въ дружескомъ кругу своемъ. Ихъ пѣсни и хоры сопровождались иногда скромною игрою на гитарѣ; фортепьяно было тогда въ употребленіи у немногихъ, большею частью у тѣхъ только, которые имѣли собственный инструментъ, потому что на прокатъ его не отдавали. Карты почти не были въ употребленіи между студентами. Студенты пользовались нерѣдко и общественными удовольствіями. Ни одинъ балъ или вечеръ съ танцами не обходился безъ нихъ. Охотно приглашали университетскую молодежь и въ частные дома, и въ публичныя собранія въ клубахъ. Лучшихъ танцоровъ нельзя было найти въ городѣ, гдѣ, кромѣ пѣхотнаго гарнизона, не было другихъ военныхъ. Но и въ этихъ удовольствіяхъ студенты должны были подчиняться нѣкоторымъ ограниченіямъ. Чтобы побывать на балѣ, нужно было предварительно испросить разрѣшеніе инспектора, хотя справедливость заставляетъ сказать, что Байковъ почти никогда въ этомъ не отказывалъ. Не рѣдко частныя лица и сами обращались къ нему съ просьбою пригласить студентовъ по его собственному выбору. Но если гдѣ ожидали ихъ въ довольно значительномъ числѣ, то туда же, вслѣдъ за ними, отправлялся и педель. Изъ всѣхъ общественныхъ удовольствій однимъ только не могли пользоваться студенты: Высочайшимъ повелѣніемъ Государя Императора Николая Павловича студентамъ Харьковскаго университета (исключительно) запрещено было посѣщать театръ.

Въ мое время не было уже такихъ скандаловъ. Вообще студенты вели себя такъ скромно и благородно, что не навлекали на себя никакихъ преслѣдованій и едва ли заслуживали даже и строгостей Байкова, и его солдатской дисциплины".

Непомѣрныя строгости вызывали жалобы не только со стороны отдѣльныхъ лицъ, но и цѣлой почти корпораціи студентовъ, какъ это мы увидимъ изъ дѣла Мерцалова.

При попечителѣ Филатьевѣ инспекторомъ своекоштныхъ студентовъ былъ профессоръ Венедиктовъ, уже таившій тогда въ себѣ душевный недугъ, при чемъ пунктомъ его помѣшательства былъ страхъ передъ несуществовавшими политическими заговорами и заговорщиками. Мы знаемъ, что онъ обвинялъ въ политической неблагонадежности самого попечителя Филатьева, помощника попечителя гр. Панина, ректора Кронеберга, вицегубернатора Пестеля. Къ студентамъ онъ относился съ тою же болѣзненною подозрительностью. Въ своемъ доносѣ Венедиктовъ, какъ мы знаемъ, указывалъ на то, что нравственность и поведеніе большинства студентовъ, въ бытность его инспекторомъ, были таковы и остаются таковыми, что онъ рѣшилъ сдѣлаться доносчикомъ на свое начальство, дабы предупредить могущее случиться важное несчастіе. Главными причинами этой деморализаціи онъ признавалъ принятіе большаго числа неподходящихъ студентовъ, въ томъ числѣ скомпрометированныхъ въ Московскомъ университетѣ, и поляковъ, негодность педелей, скрывавшихъ развратные поступки студентовъ, театральныя представленія студентовъ, а главное безнаказанность ихъ проступковъ; виновные въ буйствѣ, пьянствѣ и картежной игрѣ остались безнаказанными; возбудителями буйнаго поступка нѣкоторыхъ студентовъ, по его словамъ, были профессора, употреблявшіе всевозможные старанія „открыть" секретно *имъ произведенное тѣлесное наказаніе* надъ двумя студентами съ согласія ректора, не властію начальства, а правомъ родительскимъ". Фактъ секретнаго тѣлеснаго наказанія студентовъ окончательно убѣждаетъ насъ въ томъ, что Венедиктовъ тогда уже страдалъ психозомъ [1]). Любопытно, что въ своемъ доносѣ онъ указывалъ на Байкова,

[1]) Аналогію съ этимъ наказаніемъ „властію родительскою" имѣетъ другой случай, относящійся къ болѣе раннему времени—1817 году. На квартиру къ лютеранскому пастору Зедергольму былъ помѣщенъ студентъ Ельчаниновъ, приходившійся племянникомъ извѣстному писателю Григорію Ѳедоровичу Квиткѣ, бывшему тогда уѣзднымъ предводителемъ дворянства. Студентъ этотъ отлучился къ своему дядѣ, у котораго провелъ цѣлый день и который привелъ его обратно къ пастору въ 10 час. вечера. Но пасторъ сталъ его ругать и ударилъ по физіономіи, подбивъ ему глазъ, что засвидѣтельствовалъ университетскій врачъ проф. Дрейсигъ. Студентъ подалъ жалобу въ Правленіе, которое сообщило объ этомъ фактѣ полиціи для производства дознанія. Пасторъ подалъ отъ себя слѣдующее любопытное объясненіе. „Я не отрицаю, что далъ бывшему моему питомцу Ельчанинову пощечину, но не менѣе того нужно упомянуть здѣсь, что этотъ поступокъ вовсе не дѣло такого рода, въ которомъ два независящія другъ отъ друга лица обоюдно нанесутъ одинъ другому обиду и поступаютъ насильственно. Ибо пощечина эта была не что иное, какъ наказаніе, заслуженное вышеназваннымъ питомцемъ за неоднократно оказанную дерзкую непослушность моимъ наставленіямъ и несносную грубость. Право на таковое наказаніе дали мнѣ условія, на коихъ Ельчаниновъ мнѣ былъ переданъ. Онъ не былъ моимъ пансіонеромъ,

перешедшаго тогда уже въ Петербургъ на должность директора Земледѣльческаго училища, какъ на чиновника, который „можетъ своими талантами способствовать чиновнику тайной полиціи" въ раскрытіи преступныхъ замысловъ указанныхъ имъ лицъ.

Студенты чувствовали, очевидно, что ихъ инспекторъ не вполнѣ нормаленъ, собирались дѣлать какія то заявленія, собирали подписки, но на это попечитель велѣлъ объявить имъ черезъ ректора Еллинскаго, что за это они будутъ отданы въ салдаты. Да и вообще попечитель Филатьевъ не отличался мягкостью по отношенію къ студентамъ, какъ это можно видѣть изъ слѣдующаго распоряженія его по университету.

Поступки нѣкоторыхъ студентовъ особенно медицинскаго факультета требуютъ бдительнаго и строгаго за ними надзора, а потому предписываю къ точному и непремѣнному исполненію слѣдующее: 1) худой нравственности, худого поведенія, нерадивыхъ и ослушныхъ не терпѣть, а по суду правленія исключать изъ университета съ прописаніемъ въ свидѣтельствахъ, за что исключенъ, о чемъ и давать знать всѣмъ казеннымъ учебнымъ заведеніямъ, дабы не могъ по невѣденію гдѣ-либо быть принятъ. 2) За малѣйшую грубость, кольми паче буйство, по суду правленія отдавать въ военную службу. 3) Казеннокоштныхъ и по 1-му пункту этого предписанія по суду правленія отдавать въ военную службу согласно съ узаконеніями о нихъ. 4) За повторные и маловажные проступки пансіонеровъ института казеннокоштныхъ студентовъ исключать изъ числа пансіонеровъ, не возвращая денегъ, за нихъ уже внесенныхъ, о чемъ предварить нынѣ же ихъ родителей и родственниковъ, дабы если они не согласны на это, то нынѣ же взяли бы своихъ дѣтей вонъ изъ института; въ случаяхъ же важныхъ поступать по 1-му

такъ какъ я здѣсь пансіона никогда не содержалъ, но онъ былъ мнѣ отданъ, какъ молодой человѣкъ, имѣющій у меня квартиру и столъ, о прилежаніи и нравственности котораго я долженъ былъ заботиться. Даже родственники, мнѣ его поручившіе, просили меня именно укротить извѣстное имъ упрямство Ельчанинова и на сей конецъ дана мнѣ по условію полная надъ нимъ *отцовская власть*. Если же отецъ имѣетъ право наказать непокорнаго сына своего, то и я имѣлъ таковое право по упомянутому требованію заступить по этому предмету мѣсто родителя. А что мнѣ дѣйствительно дана была полная родительская власть надъ этимъ питомцемъ, то это можетъ засвидѣтельствовать здѣшній уѣздный предводитель дворянства Григорій Ѳедоровичъ Квитка, который былъ при отдачѣ мнѣ Ельчанинова.

Впрочемъ осмѣливаюсь прибавить при семъ, что я, находясь подъ властію духовнаго начальства, не могу да и не буду болѣе объясняться по сему предмету ни съ какимъ присутственнымъ мѣстомъ кромѣ юстицъ коллегіи, отъ которой непосредственно завишу (Харьк. универ. архивъ).

Такъ какъ Ельчаниновъ вышелъ изъ университета, то дѣло окончилось ничѣмъ.

и 2-му пунктамъ. 5) Казеннокоштныхъ студентовъ за повторные и маловажные поступки наказывать карцеромъ въ праздничные дни, но кто не будетъ чувствовать стыда наказанія, не будетъ исправляться, таковыхъ отдавать въ военную службу, какъ неблагонадежныхъ для степеней наставниковъ юношества, къ чему они приготовляются; медицинскаго же факультета казеннокоштныхъ и за маловажныя поступки исключать изъ казеннокоштныхъ на свое содержаніе. Я требую, чтобы студенты казеннокоштные благонравіемъ, кротостію, вѣжливостью и совершеннымъ послушаніемъ, требуемымъ начальствомъ, оказывали себя достойными заботы о нихъ правительства, а неусыпнымъ прилежаніемъ къ ученію были достойны своего предназначенія. 6) О своекоштныхъ студентахъ въ случаѣ, если подвергнутся взысканію за проступки хотя маловажные, ректоръ долженъ доводить до моего свѣденія, дабы я могъ увѣдомить объ этомъ ихъ родителей и родственниковъ, чтобы принимали мѣры къ ихъ исправленію, что возлагаю на личную отвѣтственность инспектора, который ничего не долженъ скрывать отъ ректора, который въ случаяхъ важныхъ предлагаетъ Правленію университета къ сужденію и постановленію по законамъ. 7) Никакое наказаніе, ни малѣйшій выговоръ студенту не должно оставлять безъ вписыванія въ книгу, означающую степень нравственности и прилежанія, съ означеніемъ, за что именно было взысканіе со студента, независимо отъ черной книги, которая продолжается на прежнемъ основаніи. При переводѣ изъ курса въ курсъ имѣть въ виду обѣ эти книги, ибо неблагонадежнаго по нравственности надобно обуздывать. Отъ записыванія въ черную книгу рѣшительно зависитъ, при окончаніи курса, одобреніе въ поведеніи означаемаго въ аттестатѣ. 8) Подтвердить студентамъ, чтобы они были вообще почтительнѣе и вѣжливѣе по отношенію къ начальникамъ своимъ, и не лѣнились бы снимать фуражки съ головы предъ профессорами и вообще предъ преподающими въ университетѣ. Замѣченный въ неоказаніи должнаго уваженія предъ профессоромъ или преподающимъ долженъ быть наказанъ, а если кто изъ профессоровъ будетъ снисходить къ невѣжливости студентовъ, тотъ подвергаетъ себя замѣчанію со стороны своего начальства, ибо обязанность каждаго профессора или преподающаго есть поддерживать духъ уваженія и повиновенія, а не потворствовать буйству и неповиновенію, какъ будто бы этимъ потворствомъ или снисхожденіемъ одобрять невѣжество необразованныхъ молодыхъ людей, ибо кромѣ таковаго никто не можетъ быть невѣжливъ.

За нужное признаю подтвердить гг. профессорамъ и преподающимъ, у коихъ живутъ студенты, что они обязаны внушать студентамъ

своимъ уваженіе властей, покорность и точное исполненіе ихъ обязанностей, а не духъ своевольства; по поступкамъ студентовъ можно имѣть право заключать объ образѣ мыслей г. профессора или преподающаго, коему ввѣрена отъ отцовъ нравственность дѣтей, и г. профессоръ, содержащій студентовъ, обязанъ отвѣчать за нравственность ихъ не только передъ родителями или родственниками, но и передъ самымъ начальствомъ университета, которое отнынѣ особенно обратитъ на то свое вниманіе. Гг. профессора и преподающіе своими разговорами, поступками, точнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей и безусловнымъ уваженіемъ ко всему, отъ начальства предписанному, не вдаваясь въ толки о томъ, гдѣ только надобно исполнить, будутъ лучшимъ примѣромъ для студентовъ.

Худой нравственности и поведенія вообще студентъ не долженъ быть терпимъ въ университетѣ, что и остается на отвѣтственности гг. инспекторовъ, какъ ближайшихъ ихъ начальниковъ и смотрителей.

Опытъ къ сожалѣнію доказываетъ, что снисхожденіе дурныхъ не исправляетъ, а болѣе портитъ и студентамъ благонравнымъ, хорошаго поведенія и прилежно учащимся, а особенно почетныхъ фамилій пріятнѣе будетъ быть въ университетѣ, нежели краснѣть за поступки и дѣйствія нѣсколькихъ дурныхъ молодыхъ людей большею частію низкаго происхожденія, низкихъ чувствъ, не приготовленныхъ даже къ порядочному образованію, но одинаковый мундиръ съ хорошими и достойными студентами носящихъ.

Хотя неоднократно было приказываемо студентамъ не носить ничего неформеннаго, но многіе и доселѣ продолжаютъ носить разнаго рода шапки вмѣсто фуражекъ и неформенныя шинели, а потому таковыя вещи отбирать и хранить въ университетѣ, а при выходѣ студента изъ университета возвращать ему ихъ.

Въ послѣдній разъ предписываю студентамъ не ходить съ длинными волосами, а носить волосы, какъ у *всѣхъ порядочныхъ людей*, и если кто осмѣлится не повиноваться этому, того публично при всѣхъ студентахъ приказать солдату остричь по солдатской формѣ.

Представить мнѣ списки студентовъ по факультетамъ слѣдующей формы. Отдѣльно сперва дворянъ, потомъ оберъ-офицерскихъ дѣтей и чиновниковъ, послѣ духовнаго званія, мѣщанъ и наконецъ иностранцевъ.

Имя и фамилія	Кто отецъ? чинъ, имя и отечество, гдѣ живетъ, если нѣтъ родителей, то родствен. или опекунъ.	Какого поведенія и нравственности?	Каково учится?	У кого на квартирѣ, если у профессора или чиновника учебнаго вѣдомства, о квартирахъ у обывателей мнѣ не нужно, развѣ кто живетъ въ благородномъ домѣ, то показывать.

При перемѣнѣ квартиръ инспекторъ обязанъ доносить. Всякій изъ гг. профессоровъ, преподающихъ и служащихъ при университетѣ обязанъ, если что либо узнаетъ предосудительнаго о студентѣ, сказать г. Ректору объ этомъ ибо тишина, порядокъ и добрая молва объ университетѣ должны равно интересовать каждаго благомыслящаго и благонамѣреннаго чиновника его [1]).

Къ счастью, весь этотъ режимъ смягчился при новомъ попечителѣ гр. Ю. А. Головкинѣ, при которомъ долженъ былъ оставить университетъ и Венедиктовъ вслѣдствіе извѣстнаго намъ столкновенія со студентомъ Коробкой. Въ это время строгости правилъ смягчались отечески доброжелательнымъ и любовнымъ отношеніемъ къ учащейся молодежи образованнаго и гуманнаго старца вельможи— новаго попечителя, пользовавшагося личною дружбою Имп. Николая Павловича.

Представимъ теперь собранный нами фактическій матеріалъ о болѣе выдающихся проступкахъ отдѣльныхъ студентовъ, расположивъ его въ хронологическомъ порядкѣ.

До 1825 года, т. е. въ царствованіе Имп. Александра I-го, въ попечительство Карнѣевыхъ, проступки отдѣльныхъ студентовъ были немногочисленны. Назовемъ всѣ извѣстные намъ случаи.

Въ Харьковѣ въ то время, какъ мы знаемъ, давно уже существовалъ общественный театръ. Но кромѣ того былъ домашній театръ и у казеннокоштныхъ студентовъ. И вотъ во время одного спектакля, даннаго казеннокоштными студентами—а на эти спектакли приглашалась и посторонняя публика—произошло столкновеніе бывшаго студента офицера Ник. Шидловскаго съ профессоромъ Лангомъ. Вотъ какъ самъ профессоръ Лангъ описываетъ это происшествіе. „29-го декабря я присутствовалъ на театральномъ представленіи, даваемомъ казеннокоштными студентами въ залѣ малаго университетскаго дома. Университетскій бухгалтеръ назначилъ мнѣ мѣсто для сидѣнья по лѣвую сторону

[1]) Харьк. унив. арх. Д. поп. № 733/40.

залы въ 3-мъ ряду скамеекъ; по лѣвую руку отъ меня сидѣлъ магистръ Гевличъ, а по правую—учитель музыки Конъ, позади же меня учитель здѣшней гимназіи Лобойковъ. Когда начался первый актъ пьесы, на правой сторонѣ залы посерединѣ ея начали столь громко разговаривать и смѣяться, что совсѣмъ нельзя было понимать представляемой пьесы. Я приподнялся съ своего мѣста, чтобы узнать, откуда и отъ кого происходилъ этотъ шумъ, и казалось мнѣ замѣтилъ въ означенномъ мѣстѣ гг. адъюнктовъ—Громова, Архангельскаго, Комлишинскаго и Васильева; между ними также находился офицеръ въ армейскомъ мундирѣ, который, казалось, наиболѣе шумѣлъ. Я сдѣлалъ знакъ, чтобы шумѣть перестали и когда это не помогло, то громкимъ голосомъ сказалъ: „messieurs! vous êtes priés de vous taire; les autres veulent entendre“ (Господа! Васъ просятъ не шумѣть, другіе хотятъ слушать); послѣ этого наступила нѣкоторая тишина; но при этомъ я замѣтилъ, что офицеръ освѣдомился, кѣмъ были сказаны эти слова.

По окончаніи перваго дѣйствія означенный офицеръ занялъ мѣсто позади меня и тогда я его узналъ: то былъ Николай Шидловскій, прежде бывшій студентомъ въ университетѣ; онъ, казалось, былъ нѣсколько выпивши, заикался и съ силою говорилъ на французскомъ языкѣ, насколько помню, слѣдующія слова—будто я его такъ сильно обидѣлъ, какъ никто еще не обижалъ, что у него остался одинъ только глазъ, а потому и намѣренъ мнѣ также одинъ глазъ выбить. На это я ему сказалъ: souvenez—vous dans quel endroit vous êtes; si vous continuez, vous serez éconduit d'ici. Когда же онъ сталъ продолжать сильно кричать противъ меня, то я, не говоря болѣе ни слова, оставилъ свое мѣсто и сѣлъ ближе къ сценѣ.

Въ продолженіе 2-го дѣйствія казалось мнѣ, что бухгалтеръ и экзекуторъ университета съ великимъ трудомъ могли удержать дальнѣйшія проявленія вспыльчивости г. Шидловскаго, который безпрестанно перемѣнялъ свое мѣсто. По окончаніи дѣйствія хотѣлъ было я выйти изъ залы, но замѣтилъ, что г. Шидловскій за мною слѣдовалъ, а за нимъ слѣдовали уже и многіе изъ зрителей; когда же я хотѣлъ отворить двери, то онъ стоялъ подлѣ меня за спиною; тогда я обернулся къ нему и сказалъ: "monsieur! Vous restez-ici". На это онъ отвѣчалъ: „вы не можете мнѣ приказывать остаться“; на что я ему также отвѣчалъ: „eh bien! Si vous voulez sortir, c'est moi qui restera“. Послѣ этого я повернулъ назадъ и пошелъ прямо въ залу, что и онъ также сдѣлалъ; послѣ этого я вышелъ на дворъ. Немедленно вслѣдъ за этимъ и онъ вышелъ на дворъ; за нимъ опять слѣдовало множество публики. Когда же я возвращался, то встрѣтился съ нимъ близь самаго входа.

и онъ опять началъ говорить съ великимъ жаромъ; но такъ какъ онъ заикался, то я не могъ хорошо понимать его словъ и сказалъ только ему: vous me repondrez demain; по причинѣ окружавшей его большой толпы, онъ не могъ скоро пробраться черезъ нее ко мнѣ, громко кричалъ и я услышалъ слово—cochon.

По окончаніи 3-го дѣйствія одинъ господинъ мнѣ сообщилъ, что Шидловскій хочетъ меня на дорогѣ домой перенять и поколотить, почему я и счелъ за лучшее во избѣжаніе дальнѣйшихъ сценъ, поскорѣе удалиться и прошелъ въ двери, находившіяся позади театра. Салдатъ позвалъ моего кучера, чтобы отвезти меня домой; я сѣлъ въ сани и когда оглянулся назадъ, то увидѣлъ Шидловскаго, который слѣдовалъ за мною. За нимъ шло опять множество народа и между прочимъ студентъ Яковлевъ и, какъ мнѣ казалось, и экзекуторъ. Поэтому я велѣлъ своему кучеру остановиться, всталъ съ саней, пошелъ прямо на встрѣчу Шидловскому и спросилъ его, что ему нужно отъ меня. На это онъ отвѣчалъ съ жаромъ и прерывисто, такъ что я почти ничего не могъ понять. Послѣ этого я сказалъ окружавшимъ насъ, чтобы этого господина далѣе не пускали, пока я нѣсколько не удалюсь, затѣмъ я снова сѣлъ въ сани и въ сопровожденіи университетскаго салдата доѣхалъ до своего дома. Считаю долгомъ довести до свѣдѣнія правленія объ этомъ происшествіи, тѣмъ болѣе что на другой день Шидловскій жаловался на меня ректору [1]) (4 января 1815 г.). Правленіе приняло это заявленіе къ свѣдѣнію и дѣло объ этомъ столкновеніи повидимому не получило дальнѣйшаго движенія. Но вышедшій изъ Харьковскаго университета и поселившійся въ Петербургѣ проф. Стойковичъ сообщилъ о немъ министру, который потребовалъ свѣдѣній какъ объ этомъ происшествіи, такъ равно и вообще о студенческихъ театральныхъ представленіяхъ. Между тѣмъ въ сущности случай этотъ былъ очень пустой и ему не слѣдовало придавать особеннаго значенія. Религіозно же мистическое министерство кн. А. И. Голицына, очевидно, не сочувствовало театральнымъ представленіямъ студентовъ или во всякомъ случаѣ относилось къ нимъ подозрительно.

Ректоръ университета Т. Ѳ. Осиповскій далъ отъ себя слѣдующее извѣстіе. „При представленіи нѣкоторыхъ пьесъ я самъ былъ, но тогда меня не было, когда поссорились между собой проф. Лангъ и поручикъ Шидловскій, бывшій прежде студентомъ нашего университета. Мнѣ объ этомъ далъ знать экзекуторъ во время самаго представленія тотчасъ по происшествіи ссоры. Ссора вышла отъ того, что проф. Лангъ этому поручику, разговаривавшему въ слухъ во время представленія

---

[1]) Харьк. унив. архивъ. Д. Правл. № 1046/47.

пьесы, сказалъ *тише*, а потомъ, когда онъ продолжалъ разговаривать сказалъ, что *его выведутъ*; отъ чего этотъ поручикъ, разгорячившись, послѣ изъясненія своей обиды сказалъ, что онъ профессора Ланга бить будетъ. Я приказалъ экзекутору, въ предупрежденіе, чтобы Шидловскій дѣйствительно не сталъ драться, не отходить отъ него, покуда домой не поѣдетъ. Вскорѣ послѣ того, какъ экзекуторъ воротился въ залу представленій, Шидловскій съ азартомъ приходилъ ко мнѣ и, жалуясь на обиду, говорилъ и мнѣ, что онъ профессора Ланга прибьетъ; на что я ему сказалъ, что драться въ публичномъ мѣстѣ не годится, да его до этого и не допустятъ. Въ самомъ дѣлѣ экзекуторъ не отходилъ отъ него, пока профессоръ Лангъ не уѣхалъ домой. На другой день Шидловскій опять приходилъ ко мнѣ, но уже безъ азарта, и говорилъ, что буде проф. Лангъ передъ нимъ не извинится, то онъ не будетъ развѣдываться съ нимъ по бумагамъ, но по воински его прибьетъ; однако-же я уговорилъ его оставить это дѣло, чѣмъ все и кончилось, исключая того что спустя нѣсколько дней проф. Лангъ, для отвращенія, чтобы не толковали его дѣла въ предосужденіе ему, подалъ въ правленіе описаніе, какъ произошла ссора и какъ Шидловскій намѣревался бить его [1]).

Въ 1817 г. произошло столкновеніе своекоштнаго студента Евгенія Бразоля съ учителемъ танцовальнаго искусства Беккеромъ изъ-за того, что въ танцовальномъ классѣ оказались гимназисты и своекоштные студенты. Обѣ стороны жаловались другъ на друга, а правленіе, зная вспыльчивый характеръ Беккера, постановило жалобу его оставить безъ послѣдствій, но внушить также студентамъ, чтобы они не заводили ссоръ съ Беккеромъ. Этотъ Беккеръ былъ назначенъ на мѣсто Штейна, уволеннаго по жалобѣ на него студентовъ за постоянные пропуски его „лекцій". Беккеръ же писалъ о себѣ, что послѣ преподаванія танцевъ вступилъ въ ополченіе 12 года и, находясь въ сраженіяхъ „имѣлъ случай отличить себя неустрашимостью, ревностью и усердіемъ". Конечно, при такомъ высокомъ мнѣніи о своихъ достоинствахъ, ему трудно было простить обиду, нанесенную Бразолемъ [2]).

Въ 1818 г. казеннокоштный студентъ, сынъ коллежскаго ассесора Семеновъ обманнымъ образомъ взялъ у профессора-инспектора Пауловича 70 р., заявивъ, будто пріѣхавшій изъ Москвы въ свою деревню Василій Назарьевичъ Каразинъ поручилъ ему сдѣлать въ Харьковѣ покупку, на которую не хватило де денегъ, между тѣмъ оказалось, что В. Н. Каразинъ не только не давалъ ему подобнаго порученія, но и

[1]) Харьк. унив. архивъ. Д. Сов. 1815 г. № 57.

[2]) Харьк. унив. архивъ. Д. правл. № 1223/57.

вовсе еще не пріѣзжалъ изъ Москвы. Такимъ же способомъ будто бы для В. Н. Каразина онъ получилъ 125 р. у аптекаря Пискуновскаго, учителя гимназіи Коваленкова и жены проф. Пауловича 75 р. Сверхъ того посредствомъ подложной довѣренности отъ В. Н. Каразина онъ распорядился каретою этого послѣдняго, да на свое имя занялъ еще у барона Гана 500 руб., у студента Булгакова 50 руб. и у харьковскаго извозчика П. Касьянова 75 руб. Для того, чтобы заполучить эту сумму отъ извозчика, онъ договорилъ везти его въ г. Дубно (Волынской губ.) за 500 р. (совершивъ оффиціальную сдѣлку у маклера) и какъ бы въ залогъ по этой сдѣлкѣ взялъ у него 75 р. и паспортъ, назвавшись при этомъ чиновникомъ XIV класса, служащимъ въ Радзивиловской таможнѣ Мазелевымъ. Въ концѣ концовъ онъ еще умудрился задолжать трактирному приказчику за напитки 13 р. На предложенный ему вопросъ о долгахъ отвѣтилъ, что средствъ для уплаты онъ не имѣетъ. Онъ въ 1818 году былъ исключенъ изъ университета и отданъ въ солдаты. Проступокъ Семенова оказывается исключительнымъ.

Былъ отданъ въ солдаты еще и другой казеннокоштный студентъ Телѣгинъ (изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей), за развратное поведеніи и по подозрѣнію въ кражѣ вещей у казеннокоштнаго студента Булгакова. Другіе два студента—Тарановскій и Георгезонъ — изобличенные также въ развратномъ поведеніи, были посажены на 14 дней въ карцеръ, такъ какъ, по мнѣнію правленія, подавали надежду на исправленіе (1818 г.). Попечитель по поводу проступковъ этихъ двухъ студентовъ писалъ университету: „не могу не обратить вниманія на то, что въ самомъ святилищѣ наукъ, тамъ, гдѣ чистая нравственность должна быть *единственною* цѣлью наставниковъ и ближайшаго начальства, открываются позорные поступки воспитанниковъ. Вслѣдствіе чего по неизмѣнному долгу моему предлагаю университетскому правленію принять дѣятельнѣйшія мѣры къ отвращенію подобнаго зла и постановить правиломъ, чтобы о каждомъ казеннокоштномъ студентѣ было извѣстно о всѣхъ дѣйствіяхъ его и чтобы субъинспекторъ давалъ каждый день инспектору отчетъ о всѣхъ состоящихъ въ вѣдѣніи его студентахъ. Правленіе университета должно было сдѣлать по этому предмету надлежащее и подробное распоряженіе и мнѣ донести. Правленіе, принявъ требованіе это къ исполненію, постановило: выдать субъинспекторамъ шнуровыя книги съ фамиліями порученныхъ ихъ наблюденію студентовъ, съ тѣмъ, чтобы они прилежно наблюдали за ихъ поведеніемъ—записывали въ нихъ время отлучки студента изъ института и неприличные ихъ поступки и каждый день доносили инспектору подъ угрозою отвѣтственности за нерадивое исполненіе этого порученія.

Изъ осужденныхъ Телѣгинъ, состоявшій рядовымъ Кременчугскаго полка, подалъ попечителю докладную записку, гдѣ доказывалъ, что онъ оказался невиннымъ во взведенномъ на него обвиненіи въ похищеніи вещей у студента Булгакова, ибо истинный виновникъ—вольнослушатель Будковъ—сознался въ этомъ и затѣмъ бѣжалъ изъ университета: товарищи его выдали ему, Телѣгину, удостовѣреніе въ невинности. Дѣйствительно при дѣлѣ сохранился этотъ любопытный документъ, который гласитъ слѣдующее. „Мы нижеподписавшіеся студенты Императорскаго Харьковскаго университета даемъ сію подписку студенту же В. Телѣгину въ томъ, что по случаю пропажи у студента В. Булгакова денегъ и часовъ онъ былъ обвиненъ въ похищеніи, но по изслѣдованіямъ не нашлось никакихъ доказательствъ. Начальство, основываясь на одномъ подозрѣніи, представило его Министру Народнаго Просвѣщенія какъ развратника; но впослѣдствіи времени открылось, что пропавшія деньги и часы украдены вольнослушателемъ И. Будковымъ, который во всемъ передъ нами сознался, но, опасаясь худыхъ послѣдствій, тотчасъ убѣжалъ изъ университета и гдѣ теперь проживаетъ, неизвѣстно". Далѣе слѣдуетъ подпись 10 студентовъ, въ томъ числѣ и потерпѣвшаго отъ кражи Булгакова. Просьба эта была оставлена попечителемъ безъ послѣдствій. Любопытно, что Телѣгинъ въ своемъ прошеніи къ попечителю З. Я. Карнѣеву, зная его религіознонравственныя воззрѣнія, вездѣ говоритъ о Богѣ и даже подписался „усерднымъ богомольцемъ за попечителя".

Въ 1822 году инспекторъ казеннокоштныхъ студентовъ Дудровичъ заявилъ правленію, что казеннокоштный студентъ Сорокинъ отрывалъ французскій и полуфранцузскій переплетъ съ большаго числа книгъ съ тою цѣлью, какъ онъ увѣрялъ, чтобы переплести въ бумажный переплетъ. Это показалось инспектору подозрительнымъ и по изслѣдованію обнаружилось (въ этомъ сознался самъ Сорокинъ), что когда онъ сидѣлъ въ карцерѣ въ комнатѣ, смежной съ библіотекой, то похитилъ оттуда эти книги въ количествѣ 81 экземп. Сидѣвшій съ нимъ студентъ Тимченко будто бы показалъ ему, какъ отвинтить изъ библіотечной двери коробку замка—для этого Тимченко отвинтилъ одинъ винтъ, а по выходѣ его онъ, Сорокинъ, отвинтилъ другой посредствомъ тамъ же найденнаго гвоздя. Отобравъ извѣстное количество книгъ (какое не помнитъ), онъ оставилъ ихъ въ карцерѣ завернутыми въ шинель, а коробку снова привинтилъ. Попавши въ карцеръ вторично, снова отобралъ для себя книги, а вынесъ и тѣ, и другія книги изъ карцера въ его комнату, завернувъ въ шинель 1-й разъ салдатъ Деденко, а 2-й

швейцаръ Соловьевъ, при чемъ оба они не знали, что книги похищены изъ библіотеки; да и вообще объ этомъ никто не зналъ.

Рѣшено было Сорокина исключить съ публикаціей изъ университета, а убытки пополнить изъ суммы въ 500 р., предоставленной дядей его учителемъ Курской гимназіи Сорокинымъ [1]).

Съ 1825 года увеличивается число проступковъ студентовъ противъ господствовавшей тогда дисциплины.

Въ 1825 году Правленіе университета сдѣлало представленіе Совѣту объ исключеніи изъ университета трехъ своекоштныхъ студентовъ—Климова, Иноземцева и Лавра Лаврова за то, что они самовольно отлучились за городъ (провожали своего товарища), при чемъ первые два были не въ форменномъ платьѣ; всѣ трое заѣзжали въ Залютинскій трактиръ и пили тамъ виноградное вино. Въ Совѣтѣ проф. Дудровичъ и Даниловичъ находили мѣру наказанія слишкомъ суровой, такъ какъ всѣ эти студенты раньше ни въ чемъ предосудительномъ замѣчены не были и попечитель уменьшилъ имъ наказанія—Лавровъ, просидѣвшій 3 дня въ карцерѣ, былъ освобожденъ отъ дальнѣйшаго наказанія, а остальные два посажены на 8 дней въ карцеръ [2]).

Казеннокоштный студентъ Коваленковъ былъ исключенъ изъ университета за безуспѣшность въ занятіяхъ: находясь въ университетѣ съ 1821 года, онъ выдержалъ только одинъ экзаменъ. Министръ Народнаго Просвѣщенія (Шишковъ), утверждая его исключеніе, поставилъ на видъ университету, почему онъ такъ долго терпѣлъ его въ своихъ стѣнахъ. Поведенія этотъ студентъ былъ хорошаго [3]).

Въ 1825 же году произошелъ печальный случай убійства студента Брайкевича. Обстоятельства этого дѣла были таковы. 30-го Іюня въ 1-мъ или во 2-мъ часу послѣ обѣда изъ Харькова отправилось къ своимъ роднымъ въ отпускъ на каникулы трое студентовъ—Шимковъ, Кизъ и Боровиковскій и гимназистъ Кизъ провожалъ ихъ до Залютинскаго каменнаго постоялаго двора, на 5-й верстѣ отъ Харькова по дорогѣ въ Полтаву, безъ разрѣшенія университетскаго начальства. Здѣсь они остановились и по заявленіямъ содержателя постоялаго двора и сидѣльца пили вино, водку, пиво и пуншъ, а по сознанію самихъ студентовъ выпили только 2 бутылки пива, въ виду жаркаго времени и стаканъ холодной воды, въ которую влито было немного рому по причинѣ ея мутности; студентъ Шимковъ прибавилъ, что онъ сыгралъ съ неизвѣстнымъ ему человѣкомъ партію на

[1]) Харьк. унив. архивъ. Д. поп. № 466/23.

[2]) Харьк. унив. арх. Д. поп. № 1126/63.

[3]) Ib.

билліардѣ и проигралъ ему бутылку вина, котораго однако съ нимъ не пилъ. Изъ произведеннаго слѣдствія открылось, что въ этотъ постоялый дворъ или, точнѣе говоря, шинокъ, стоявшій среди густого лѣса, заходили разные бродяги и салдаты Харьковскаго батальона, здѣсь бражничавшіе и производившіе шумъ. Двое изъ этихъ послѣднихъ—Юхненко и Хотминскій—взялись проводить Брайкевича въ городъ вечеромъ, но сами же и убили его по дорогѣ, въ чемъ и сознались. Университету, по Высочайшему повелѣнію, было сдѣлано замѣчаніе за слабый надзоръ за студентами. Правленіе, изслѣдовавъ дѣло, признало возможнымъ подвергнуть наказанію одного Шимкова заключеніемъ въ карцеръ на 7 дней за игру на билліардѣ [1]).

Въ 1826 году были исключены изъ университета—своекоштный студентъ Крушковскій, неоднократно замѣченный въ дурныхъ поступкахъ и не подававшій надеждъ на исправленіе, своекоштный студентъ Жмелевъ, (16 лѣтъ отъ роду), похитившій золотые часы у часоваго мастера Калтенбаха и чистосердечно сознавшійся въ своемъ проступкѣ передъ правленіемъ, казеннокоштные—И. Ковалевскій, В. Свищовъ, Е. Ломаковскій, А. Васильевъ, своекоштные—Т. Чернобаевъ, М. Орловскій, Н. Пласковскій, И. Роменскій, И. Чесновичъ, В. Армашевскій, Н. Лихошерстовъ, А. Могилевскій, С. Цыцуринъ и вольнослушатель Ю. Ассуръ—за нерадѣніе, худые успѣхи, не держаніе экзамена, праздноліобіе, шалости и пороки, могущіе имѣть вредное вліяніе и на товарищей; (казеннокоштные по увольненіи были опредѣлены на 6 лѣтъ канцелярскими служителями); своекоштные студенты—М. Гамалѣя, И. Селивановъ, М. Коноваловъ и вольнослушатель Заянчковскій—за систематическое непосѣщеніе лекцій и недержаніе экзаменовъ, а Кизе за дерзость, грубость и пьянство; студентъ Акерманъ былъ записанъ за пьянство въ черную книгу, а вскорѣ за тотъ же проступокъ исключенъ изъ университета; въ черную книгу были внесены тогда же два студента казеннокоштные—Гербургъ за грубость старшему педелю и своекоштный Мѣдновъ за самовольную отлучку изъ Харькова; казеннокоштный Киткевичъ—также за самовольную отлучку изъ Харькова. Было постановлено, что если кто будетъ записанъ въ черную книгу два раза и послѣ того совершитъ еще проступокъ, то исключается изъ университета. Основываясь на этомъ правилѣ, уволенный изъ университета студентъ Кизе жаловался на несправедливый приговоръ правленія, которое представило его къ исключенію послѣ первой записи на черную доску. Произведено было по этому поводу особое разслѣдованіе синдикомъ Филомафитскимъ, послѣ котораго правленіе все таки высказалось

[1]) Архивъ Мин. Нар. Пр. Д. 1825 г. № 22995/502; Хар. ун. арх. Д. п. № 729/39.

противъ принятія Киве обратно въ студенты, такъ какъ онъ проявилъ дерзость и грубость. Попечитель согласился съ этимъ, но поставилъ на видъ правленію нарушеніе правила объ исключеніи только послѣ двукратнаго внесенія въ черную книгу. Другой исключенный студентъ Акерманъ также обратился съ прошеніемъ къ попечителю о принятіи снова въ студенты Харьковскаго университета, такъ какъ онъ теперь освободился отъ своего порока—пьянства. „Болѣзненный припадокъ, писалъ онъ,—причина исключенія моего изъ университета—хотя не имѣлъ никакого вліянія ни на занятія, ни на успѣхи мои, возбуждалъ, можетъ быть, одно только состраданіе въ постороннихъ, не причиняя никому ни вреда, ни безпокойства, но, какъ предосудительный самъ по себѣ, былъ для начальства достаточнымъ поводомъ къ исключенію моему. Послѣдствія его, поселивъ въ душѣ моей томительное раскаяніе, представляя мнѣ будущность ничѣмъ не обезпеченную и изображая все то зло, каковое можетъ произойти отъ подобнаго самозабвенія, заставили меня изыскивать всѣ средства къ излѣченію. Совѣтъ врачей и собственный разсудокъ отклонили наконецъ отъ меня навсегда ту несчастную слабость, которая воспрепятствовала мнѣ съ такимъ же успѣхомъ окончить усовершенствованіе свое въ святилищѣ наукъ, Высочайше ввѣренномъ назиданію Вашего Превосходительства, съ каковымъ оно было начато“. Нужно замѣтить, что личность Акермана была дѣйствительно незаурядная: онъ около 20 лѣтъ уже занимался науками; въ заграничныхъ университетахъ онъ получилъ степень кандидата философіи и политическихъ наукъ, а также степень магистра богословіи и послѣ этого прошелъ 3 курса на медицинскомъ факультетѣ Харьковскаго университета. Попечитель сдѣлалъ запросъ совѣту и тотъ далъ объ Акерманѣ благопріятный отзывъ, соглашаясь снова принять его въ число студентовъ. „Бывшій студентъ М. Акерманъ, писалъ совѣтъ, въ продолженіе трехлѣтняго ученія своего въ Харьковскомъ университетѣ, отличался своими познаніями, трудолюбіемъ и успѣхами въ наукахъ. Поведеніе его могло бы также быть во всѣхъ отношеніяхъ примѣрнымъ, если бы несчастная слабость или болѣзнь—запой не затмевала по временамъ добрыхъ его качествъ. Мѣры для ея искорененія—увѣщанія, заключенія въ карцеръ, внесеніе фамиліи въ черную книгу—оставались тщетными: онѣ извлекали у него слезы раскаянія, но послѣдствіемъ ихъ были только болѣе длинные промежутки между припадками болѣзни. Наконецъ, явный соблазнъ и неприличіе отъ этой слабости принудили удалить Акермана изъ среды учащихся. Съ величайшимъ сожалѣніемъ рѣшилось университетское начальство подвергнуть такому наказанію студента, во всѣхъ прочихъ

отношеніяхъ заслуживавшаго уваженія, но эта мѣра произвела повидимому спасительное дѣйствіе, ибо съ того времени Акерманъ не былъ ни разу замѣченъ въ пьянствѣ и продолжалъ заниматься науками съ неутомимымъ прилежаніемъ, такъ что нынѣ, по мнѣнію совѣта, онъ можетъ опять быть принятъ въ число студентовъ; но ему однако необходимо внушить, что при первомъ несоотвѣтственномъ его поступкѣ онъ неминуемо подвергнется строжайшему взысканію. Это снисхожденіе Совѣтъ считаетъ нужнымъ, чтобы не лишить его средствъ къ дальнѣйшему усовершенствованію на поприщѣ, на которомъ онъ, по своимъ познаніямъ и способностямъ, безъ сомнѣнія принесетъ великую пользу обществу".

Прошелъ годъ; Акерманъ приготовился къ лѣкарскому экзамену и просилъ попечителя о допущеніи къ нему. „Занимаясь около 20 лѣтъ съ постояннымъ усердіемъ науками писалъ онъ въ своемъ ходатайствѣ, преодолѣвая всѣ трудности, съ занятіями этими сопряженныя, жертвуя всѣми прочими выгодами и удовольствіями жизни, я замѣнялъ эти послѣднія сладостнымъ ощущеніемъ, что, достигнувъ возможной степени нравственнаго усовершенствованія въ избранной мною сферѣ наукъ, могу съ большою пользою вступить въ кругъ государственнаго служенія. Это намѣреніе привело меня въ Россію и имъ же одушевлялся я, давая клятву на вѣрноподданство Россійскому престолу—а пятилѣтнія непрерывныя занятія мои въ Харьковскомъ университетѣ и успѣхи, пріобрѣвшіе мнѣ вниманіе профессоровъ, совершенно удостовѣряютъ, что я не имѣлъ другого побужденія, какъ только сдѣлаться достойнымъ сыномъ моего новаго отечества и по мѣрѣ способностей моихъ оправдать на самомъ дѣлѣ попечительность правительства". Далѣе Акерманъ заявляетъ, что онъ совершенно излѣчился отъ запоя. Попечитель (Перовскій), несмотря на ходатайство Совѣта, несмотря на то, что Акерманъ дѣйствительно, казалось, излѣчился отъ своего запоя, не разрѣшилъ ему держать окончательнаго лѣкарскаго экзамена и Акерманъ долженъ былъ поступить учителемъ нѣмецкаго языка въ семейство Курскаго губернатора Лесовскаго, отъ котораго полученъ былъ лестный отзывъ о его поведеніи. Представляя это свидѣтельство, а также аналогичное удостовѣреніе помѣщика Токарева, Акерманъ снова ходатайствовалъ въ 1829 г. о допущеніи его къ экзамену. Наконецъ, Акермана рѣшено было допустить къ испытанію; но на ходатайство попечителя передъ министромъ, чтобы изъ его аттестата было исключено свѣдѣніе о постигшемъ его наказаніи, былъ полученъ отказъ и было только разрѣшено внести туда же и хорошіе отзывы Лесовскаго и Токарева. Попечитель извѣ-

стилъ обо всемъ этомъ Лесовскаго, а отъ этого послѣдняго получилъ неожиданный отвѣтъ, что Акерманъ вновь впалъ въ свой порокъ и въ теченіе 6 недѣль пребываетъ въ постоянномъ пьянствѣ. Послѣдствіемъ же этого было то, что уже сдѣланное распоряженіе о допущеніи Акермана къ экзамену было пріостановлено и на этотъ разъ, вѣроятно, уже навсегда.

Такъ погибъ несомнѣнно даровитый молодой человѣкъ жертвою своей болѣзненной страсти къ спиртнымъ напиткамъ. Къ сожалѣнію, порокъ этотъ тогда повидимому былъ распространенъ въ студенческой средѣ. Въ 1827 году казеннокоштный студентъ Юрьевъ (изъ духовныхъ) былъ записанъ въ черную книгу за то, что, отлучившись послѣ обѣда для прогулки въ ботаническій садъ, зашелъ въ трактиръ, напился тамъ до такой степени, что старшій педель въ 8 часовъ пополудни нашелъ его лежащимъ на бульварѣ близь университета въ безчувственномъ состояніи, а когда его брали въ университетъ, то онъ началъ драться и бранить старшаго педеля самыми непристойными словами. На другой день, когда Юрьевъ уже проспался, то на вопросъ педеля о его здоровьѣ, грубо отвѣтилъ ему: „тебѣ какое дѣло?“ Изъ справокъ о прежнемъ поведеніи Юрьева обнаружилось, что онъ былъ посаженъ на 7 дней въ карцеръ и фамилія его занесена въ черную книгу въ 1825 г. за драку въ пьяномъ видѣ съ работниками портного Петровскаго; въ 1826 г. онъ посаженъ былъ на 8 дней въ карцеръ за то, что ночью на улицѣ напалъ на помѣщика Валковскаго уѣзда Чеканова и капитана Тимоховича; 25 декабря 1826 года напился пьянъ въ кабакѣ; тоже повторилъ и 7 января 1827 г., за что былъ посаженъ въ карцеръ и записанъ въ черную книгу. Онъ былъ исключенъ изъ университета и отданъ въ солдаты.

Пьянство же довело своекоштныхъ студентовъ—юриста Коростовцева и словесника Моисеева до весьма странныхъ, непристойныхъ поступковъ, послужившихъ причиною исключенія ихъ изъ университета. Квартальный надзиратель поймалъ Коростовцева въ 1826 году на бульварѣ переодѣтымъ въ уланское платье вмѣстѣ съ бывшимъ студентомъ Шидловскимъ, также наказаннымъ за свое дерзкое поведеніе; 1 апрѣля въ великую страстную пятницу Коростовцевъ напился пьянъ; 3 апрѣля на 1-й день Пасхи приходилъ въ квартиру жены и дочери учителя здѣшней гимназіи Занчевскаго въ пьяномъ видѣ и безъ жилета; вмѣстѣ съ Моисеевымъ собирался прибить поручика кирасирскаго полка Апличеева; 1 мая въ 2 часа пополудни безъ мундира въ одномъ шлафрокѣ шелъ по улицѣ; тогда же побился въ закладъ о 25 р., что въ тотъ же день, въ 6 час. пополудни пойдетъ въ одномъ шлафрокѣ въ университетскій садъ и если встрѣтится съ инспекторомъ, то скажетъ ему, что

боленъ бѣлою горячкою, и можетъ быть исполнилъ бы свое намѣреніе, если бы не былъ тотчасъ взятъ инспекторомъ (Байковымъ); по показанію педеля Динстеля и сожвартиранта студента Мих. Гамалѣи, занимался декламированіемъ соблазнительныхъ стихотвореній, волокитствомъ и пьянствомъ; инспекторъ всегда находилъ въ его квартирѣ безпорядокъ и неопрятность, при чемъ онъ никогда не занимался лекціями: обыкновенными вещами въ его квартирѣ были карты для игры, женскіе гребешки и соблазнительные стихи; самъ онъ былъ нрава вѣтреннаго, неспокойнаго, водилъ неприличныя знакомства; содержался онъ 3 дня въ карцерѣ и фамилія его была записана 1 разъ въ черную книгу.

Моисеевъ былъ въ тѣсной дружбѣ съ Коростовцевымъ и сдѣлался причастнымъ къ его проказамъ; за ослушаніе инспекціи онъ былъ оставленъ на 3 дня въ своей квартирѣ во время Пасхи, но не послушался и ушелъ изъ дому; нѣсколько разъ за безчинство сидѣлъ въ карцерѣ; самовольно отлучился за городъ; затронулъ жену учителя танцевъ Беккера и назвалъ ее сумасшедшей; въ квартирѣ у Коростовцева происходили, по свѣдѣніямъ инспектора Байкова, какія то подозрительныя собранія, на которыхъ присутствовали канцелярскіе служители, юнкеръ М. Иваницкій, нѣкоторые офицеры и студентъ Моисеевъ, при чемъ они затѣвали какое то общество, для чего собрано было уже 800 р. Ректоръ (Кронебергъ) велѣлъ инспектору Байкову произвести обыскъ у Коростовцева, арестовать его и Моисеева и произвести строжайшее слѣдствіе о затѣваемомъ сообществѣ. Моисеевъ показалъ, что Коростовцевъ приглашалъ его въ свое сообщество, которое онъ составилъ вмѣстѣ съ Задорожнимъ, окончившимъ курсъ студентомъ, для чего собрано было около 800 р. денегъ (кассиромъ предполагался Задорожній), и на эту сумму онъ хотѣлъ подкупить сапожниковъ и подъячихъ и сначала прибить поручика Апличеева, а потомъ полиціймейстера и инспектора студентовъ Байкова; затѣмъ они будто бы хотѣли изнасиловать дѣвушекъ; узнавъ объ этомъ, Моисеевъ сдѣлалъ сообщеніе женѣ Занчевскаго. Коростовцевъ заявилъ на это, на очной ставкѣ, что все это Моисеевъ безсовѣстно выдумалъ и не можетъ ничѣмъ доказать; Коростовцевъ никогда не говорилъ ему ни о какой шайкѣ, ни о 800 р., а, узнавъ отъ Моисеева, что его хочетъ высѣчь поручикъ Аплечеевъ, заявилъ, что ему можно будетъ тогда отомстить, пригласивъ на помощь Задорожняго, кромѣ студентовъ Щербины и Павлова, которыхъ имѣлъ въ виду для этой цѣли самъ Моисеевъ. При обыскѣ у Коростовцева было найдено два предосудительныхъ предмета: карандашный рисунокъ, изображающій какого то воина съ надписью: *„Гибель и разрушеніе будетъ моимъ девизомъ“* и стихотвореніе „Ночлегъ“.

Ректоръ, сообщая объ этомъ обстоятельствѣ попечителю, прибавлялъ, что обвиненіе Моисеева не подтвердилось и дѣлу не дано дальнѣйшаго хода, чтобы „не сноситься съ гражданскимъ начальствомъ и не сдѣлать гласнымъ то, что въ случаѣ неосновательности, относилось бы только къ безславію университета". Въ виду этого ректоръ предлагалъ ограничиться разсмотрѣніемъ вышеизложенныхъ проступковъ этихъ студентовъ и исключить ихъ изъ университета.

Въ 1827 году ст. Панащатенко былъ занесенъ на черную доску за то, что вообще, по отзыву бывшаго инспектора Пауловича, велъ себя неблагонадежно; затѣмъ по заявленію инспектора Байкова былъ въ трактирѣ и въ одномъ шлафрокѣ на пожарѣ дома, находившагося въ 1½ в. отъ его квартиры; затѣмъ былъ посаженъ на 3 дня въ карцеръ за дерзость, учиненную проходящей дамѣ; непочтительно обходился съ педелемъ и встрѣтилъ въ неприличномъ костюмѣ у себя на квартирѣ инспектора; не снималъ шапки даже передъ нѣкоторыми профессорами другихъ факультетовъ и, наконецъ, не смотря на публичное объявленіе, не переставалъ носить усовъ. Но впослѣдствіи этотъ студентъ велъ себя прекрасно и совѣтъ университета ходатайствовалъ о прощеніи этихъ проступковъ, сдѣланныхъ по легкомыслію и необдуманности. Въ томъ же 1827 году совѣтъ сдѣлалъ представленіе попечителю объ удаленіи изъ университета казеннокоштныхъ студентовъ—В. Ковалевскаго, В. Киткевича и Н. Снѣсарева и своекоштныхъ—В. Петрова, Гр. Бейера, Е. и Н. Ольховскихъ, Н. Сукмана и І. Франчини по нерадѣнію, безуспѣшности и неблагонадежному поведенію ихъ. Ковалевскій, не взирая на то, что въ прошломъ году ему былъ сдѣланъ въ присутствіи совѣта строгій выговоръ за худые успѣхи, отвѣчалъ и теперь неудовлетворительно по 3 предметамъ и, по свидѣтельству инспектора, не обладая познаніями и способностями, имѣлъ только склонность къ пьянству, за что былъ посаженъ въ карцеръ на одни сутки; нрава грубаго, любилъ проводить время въ пустыхъ разговорахъ съ товарищами и вообще былъ человѣкомъ неблагонадежнымъ. Киткевичъ отвѣчалъ худо по 2 предметамъ и, по свидѣтельству инспектора, „очень грубъ и лѣнивъ, а въ 1826 г. записанъ на черную доску за самовольную отлучку изъ города и лживый поступокъ передъ начальствомъ". Снѣсаревъ получилъ раньше строгій выговоръ отъ совѣта за плохіе успѣхи, а нынѣ плохо отвѣчалъ изъ 4-хъ предметовъ; по свидѣтельству инспектора „хотя съ нѣкотораго времени въ поведеніи порядоченъ, но оченъ наклоненъ къ лѣности"; Петровъ отвѣчалъ плохо изъ 5 предметовъ, а на экзаменъ по другимъ предметамъ вовсе не явился, по свидѣтельству инспектора, „былъ крайне нерадивъ, дальнѣйшихъ успѣховъ въ нау-

кахъ у него не предвидилось; поведенія былъ неблагонадежнаго". Бейеръ къ экзаменамъ вовсе не явился, а по свидѣтельству инспектора „во время экзамена сказывался больнымъ, а никакого болѣзненнаго состоянія въ немъ замѣчено не было; былъ довольно лѣнивъ и мало подавалъ надежды на дальнѣйшіе успѣхи". Е. Ольховскій почти вовсе не являлся на экзамены, за что и сдѣланъ ему въ присутствіи совѣта строгій выговоръ; затѣмъ перешелъ съ медицинскаго на юридическій факультетъ и снова безъ законной причины не явился на экзаменъ по 2-мъ предметамъ, а по 3-мъ отвѣчалъ плохо. Н. Ольховскій изъ 2-хъ предметовъ отвѣчалъ плохо, а къ экзаменамъ по 3-мъ предметамъ вовсе не явился; оба же Ольховскіе, по свидѣтельству инспекціи, „не имѣли достаточныхъ свѣдѣній для слушанія лекцій, занимались ребяческими шалостями, были очень лѣнивы и не подавали никакой надежды на лучшіе успѣхи въ наукахъ; на экзамены не явились по лѣности. Сукманъ по 2-мъ предметамъ не явился на экзаменъ, изъ 4-хъ предметовъ отвѣчалъ плохо, а по свидѣтельству инспектора, былъ лѣнивъ и нерадивъ, до излишества склоненъ къ спиртнымъ напиткамъ и къ праздности, поведенія былъ, совсѣмъ неблагонадежнаго и на исправленіе нѣтъ никакой надежды". Франчини не явился на экзамены по 4-мъ предметамъ, а изъ одного отвѣчалъ плохо; по свидѣтельству инспекціи это объяснялось его лѣностью, ибо онъ почти никогда не занимался науками, рѣдко находился въ квартирѣ, имѣлъ знакомства, для званія его совершенно безполезныя, рѣдко бывалъ на лекціяхъ; нрава былъ дерзкаго; обѣщалъ исправиться въ поведеніи, но мало заслуживалъ довѣрія". Совѣтъ предписалъ правленію своекоштныхъ студентовъ уволить со свидѣтельствомъ о поведеніи, объ исключеніи же казеннокоштныхъ представить на благоусмотрѣніе попечителя. Попечитель по поводу этого рѣшенія сдѣлалъ внушеніе университету за то, что онъ такъ долго терпѣлъ этихъ лицъ въ своихъ стѣнахъ и предписалъ чтобы своею властью совѣтъ не увольнялъ студентовъ, а представлялъ дѣла объ этомъ ему, попечителю.

Попечитель не утвердилъ исключенія Ковалевскаго.

Объ этомъ В. Ковалевскомъ Байковъ сдѣлалъ 7 декабря 1827 г. слѣдующее рѣшительное представленіе. „Сверхъ многихъ прежнихъ своихъ проступковъ, въ половинѣ прошедшаго академическаго года отлучившись безъ дозволенія изъ института, пошелъ въ кабакъ, гдѣ напился до того пьянымъ, что едва живымъ привезенъ былъ въ институтъ. Ни мерзость порока, ни выговоры и содержаніе въ карцерѣ не могли воздержать его; онъ всегда готовъ предаться гнусной своей склонности, что понудило обратить на него строжайшій надзоръ и со-

вершенно воспретить ему выходъ изъ института кромѣ лекцій. Это счелъ я необходимымъ не для того, чтобы исправить Ковалевскаго, къ чему уже исчезла и малѣйшая надежда, но дабы избавить институтъ отъ самаго дурнаго соблазнительнаго примѣра. Сверхъ сего Ковалевскій, поступившій съ самыми грубыми привычками въ университетъ, не только не старался подражать другимъ въ благопристойности, но еще хвалится своимъ невѣжествомъ и во всякомъ случаѣ готовъ передать его другимъ. Что касается до учебныхъ занятій В. Ковалевскаго, то онъ совершенно не имѣетъ къ нимъ никакой охоты и каждую минуту готовъ уклониться въ комнату къ кому нибудь изъ товарищей и завести съ ними безполезный разговоръ, при томъ Ковалевскій, не имѣя ни предварительныхъ свѣдѣній, ни записокъ изъ лекцій, безъ сомнѣнія не можетъ сдѣлать никакихъ успѣховъ [1]).

Въ 1829 году своекоштный студентъ Ив. Эккъ былъ исключенъ изъ университета за составленіе безнравственныхъ стихотвореній. По доносу студента Петровскаго, проживавшаго въ одной комнатѣ съ Эккомъ, у этого послѣдняго былъ сдѣланъ обыскъ, обнаружившій разныя вольныя стихотворенія (часть ихъ онъ спряталъ у себя, одно изорвалъ при обыскѣ). У него были взяты слѣдующіе стихи: а) *изображеніе Харьковскихъ красавицъ*, б) *ода на полу и посланіе къ Гинцу*. Сейчасъ же послѣ опредѣленія его въ университетъ изъ пансіона Ольденборгера, замѣченъ онъ былъ испекціей въ пьянствѣ, дерзости и поступкахъ, показывающихъ развращенную нравственность и злое сердце". Содержаніе стиховъ, отысканныхъ у Экка, указывало на испорченный „образъ его мыслей и совершенное отсутствіе въ немъ нравственности: стихи были написаны площаднымъ слогомъ и наполнены развратными выраженіями, коими оскорбляется нравственное чувство благовоспитаннаго человѣка; при томъ одно изъ стихотвореній заключало обидный пасквиль и касалось такихъ лицъ, кои принадлежатъ къ семействамъ, пользующимся уваженіемъ". Будучи призванъ въ правленіе, Эккъ долго упорствовалъ и не сознавался ни въ чемъ, обнаруживъ такимъ образомъ закоренѣлость характера. Въ виду этого совѣтъ постановилъ исключить Экка изъ университета и передать его отцу (Богодуховскому помѣщику Василію Васильевичу Экку) [2]). Въ 1826 г. казеннокоштный студентъ Петръ Коваленковъ былъ исключенъ за нерадѣніе и безуспѣшность въ наукахъ. Тогда же былъ исключенъ и казеннокоштный студентъ Егоръ

---

[1]) Харьк. унив. арх. Д. 1827 г. объ исключенныхъ студентахъ.

[2]) Всѣ эти данныя заимствованы изъ дѣла поп. № 503/25, хранящагося въ Харьк. унив. архивѣ; ср. также архивъ Мин. нар. просвѣщ. Дѣло 1818 г. № 21707, присоединенное къ Дѣлу 1833 г. № 51461/1638; Дѣло № 23394/506.

Шидловскій за дурные поступки, непочтительность, неповиновеніе начальству, нерадѣніе къ наукамъ и затѣмъ отправленъ писцомъ въ Тифлисское училище; такая же судьба постигла казеннокоштныхъ студентовъ—Ал. Васильева, Ив. Ковалевскаго, Вас. Свищова и Е. Ломаковскаго [1]).

Большую смуту въ университетскихъ кругахъ вызвало дѣло студента Д. Чугаева. Этотъ студентъ былъ вытребованъ въ Купянскій земскій судъ по оговору его крестьянкою Шипиловой въ прижитіи съ нею младенца, котораго она бросила потомъ въ рѣку. Попечитель въ 1828 году затребовалъ о немъ справки, изъ коихъ выяснилось, что принятъ онъ былъ въ студенты незаконнымъ образомъ, ибо скрыто было чрезвычайно важное обстоятельство объ исключеніи его изъ Харьковскаго коллегіума по поводу обвиненія Харьковской дворянкой Барзиной въ боѣ и грабежѣ вещей совмѣстно съ другими товарищами. Состоявшій тогда непремѣннымъ засѣдателемъ и члены правленія обвиняли въ этомъ сокрытіи секретаря правленія Цыганенкова, а этотъ послѣдній—членовъ правленія и особенно бывшаго тогда ректоромъ Джунковскаго. Попечитель велѣлъ произвести слѣдствіе, по которому виновнымъ признанъ секретарь правленія, удаленный за это отъ должности; но и непремѣнному засѣдателю и членамъ правленія попечитель сдѣлалъ строгій выговоръ за невниманіе. Чугаевъ былъ исключенъ изъ университета, а его оговоръ правленія оставленъ безъ вниманія въ виду произведеннаго раньше слѣдствія [2]).

Политикой Харьковскіе студенты повидимому не занимались. Слабую прикосновенность къ ней обнаружили только два студента—Рожковъ и Зеленскій; они были заподозрѣны въ знакомствѣ съ учителемъ нѣмецкаго языка въ Кіевской гимназіи Лембахомъ, въ бытность его въ Харьковѣ. Первый изъ нихъ выбылъ изъ университета въ 1823 году, а у второго въ 1827 году, по требованію ген. адъютанта Стрекалова, былъ произведенъ обыскъ, во время котораго найдены 1) ода на восшествіе на престолъ Имп. Павла I, которую онъ получилъ, по его объясненію, отъ Ивана Иванова изъ духовнаго званія, 2) французскіе стихи (выписка изъ Ламартина), 3) рукопись на синей бумагѣ, полученная отъ покойнаго его родственника Миргородскаго; зловредныхъ сочиненій Сошальскаго, съ которымъ онъ былъ знакомъ, у него не оказалось. Стрекаловъ ничего не имѣлъ противъ выдачи ему аттестата по окончаніи курса и онъ получилъ таковой [3]).

---

[1]) Харьк. унив. архивъ Дѣло 1827 года.

[2]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло поп. № 1321/75.

[3]) Харьк. унив. архивъ. Д. поп. № 1272 а/72.

Студентъ Гибнеръ, обвинявшійся въ распространеніи неблагонамѣреннаго прозаическаго сочиненія—„*Рылѣевъ въ темницѣ*", сознался, что получилъ его отъ вольнослушателя Харьковскаго университета П. Балабухи (изъ Кіева). И Балабуха получилъ аттестатъ [1]).

Въ 1831 году былъ исключенъ изъ университета своекоштный студентъ Котовъ за то, что тайно обвѣнчался со своею квартирною хозяйкою и затѣмъ желалъ устроить брачное пиршество. Слѣдуетъ замѣтить при этомъ, что запрещенія вступать въ бракъ студентамъ не существовало и было издано только распоряженіе, чтобы казеннокоштные студенты дѣлали это съ разрѣшенія университетскаго начальства. Студентъ этотъ безъ разрѣшенія инспектора Байкова перешелъ на квартиру ко вдовѣ Серебряковой; инспекторъ велѣлъ ему уйти оттуда и прервать всякія сношенія со вдовою; Котовъ просилъ отсрочки до окончанія ярмарки, что ему разрѣшено не было. Тогда онъ ночью тайно обвѣнчался съ Серебряковой и хотѣлъ было задать по этому поводу пирушку, но для предупрежденія этого Байковъ посадилъ его въ карцеръ [2]).

Въ томъ же году, по заявленію о неблагонадежномъ поведеніи казеннокоштныхъ студентовъ Крылова и Зайцева, попечитель приказалъ опредѣлить ихъ въ писцы при дирекціяхъ Харьковскаго учебнаго округа—Крылова въ Кавказскую, а Зайцева въ Черниговскую съ наказомъ этимъ директорамъ, чтобы они имѣли неослабное наблюденіе за ихъ нравственностію. Восемь другихъ казеннокоштныхъ студентовъ были также обвинены въ неблагонамѣренныхъ поступкахъ и въ посѣщеніи вмѣсто лекцій другихъ мѣстъ и за это всѣмъ имъ приказано было сдѣлать строжайшій выговоръ, а кромѣ того одному изъ нихъ Дункеру назначенъ былъ двухънедѣльный карцеръ съ занесеніемъ его имени въ черную книгу; но при этомъ указано было, что если онъ исправится, то объ этомъ не будетъ сообщено въ аттестатѣ; Войнова, сидѣвшаго уже въ карцерѣ, опредѣлено было занести въ черную книгу на такомъ же основаніи, какъ и Дункера и онъ не былъ отданъ въ военную службу только вслѣдствіе ходатайства ректора; Константиновича, Прокопова, Цилле, Варвинскаго, Ерофеева и Шестакова попечитель постановилъ не отпускать изъ института до Пасхи, а если бы кто изъ нихъ отлучился, то это разсматривалось бы какъ побѣгъ.

Въ заключеніе попечитель указываетъ, что о проступкѣ этихъ восьмерыхъ знали почти всѣ студенты, „не имѣвшіе однако благородства и благоразумія предварить объ этомъ начальство"; „вѣроятно,

---

[1]) Ibidem.

[2]) Харьк. унив. Архивъ. Д. поп. № 1553/90.

студенты не знаютъ, прибавлялъ попечитель, что дурные поступки нѣкоторыхъ влекутъ нареканіе на всѣхъ [1])“.

По рапорту инспектора Байкова, донесшаго, что казеннокоштный студентъ медицинскаго факультета Мерцаловъ былъ найденъ въ хмельномъ видѣ, попечитель распорядился о немедленномъ исключеніи его изъ университета. Но Мерцаловъ вошелъ съ прошеніемъ, или точнѣе говоря, съ двумя прошеніями о неправильномъ увольненіи его къ министру Ливену, который придалъ такое значеніе жалобѣ Мерцалова, что переслалъ ее попечителю, просилъ его произвести слѣдствіе и если жалоба окажется основательной, то удалить отъ должности инспектора Байкова, замѣнивъ его болѣе благонадежнымъ лицомъ, а студента взять подъ свое покровительство.

Въ прошеніи Мерцаловъ яркими красками изобразилъ свою невинность, страданія и несправедливости Байкова.

Въ другой дополнительной просьбѣ Мерцаловъ сообщалъ о дальнѣйшей своей печальной судьбѣ.

Не получая нѣкоторое время отвѣта на свой запросъ о дѣлѣ Мерцалова, министръ потребовалъ вторично объясненія отъ попечителя и получилъ подробное разъясненіе.

На основаніи этихъ противорѣчивыхъ данныхъ трудно съ полною опредѣленностью рѣшить вопросъ о виновности или невинности Мерцалова; но во всякомъ случаѣ заслуживаетъ вниманія тотъ фактъ, что студенты рѣшили жаловаться на Байкова высшему начальству. Нѣтъ сомнѣнія, что строжайшій режимъ, установленный Байковымъ, былъ очень тяжелъ для студентовъ и они нарушали его, несмотря на тяжкія кары, имъ за это угрожавшія. Нарушенія эти происходили довольно часто и только очень незначительная часть ихъ доходила до свѣдѣнія университетскаго начальства, потому что студенты, какъ мы видѣли, не выдавали своихъ провинившихся товарищей. На фонѣ этой строгости зарождались подъ часъ и такіе проступки, которые безъ этого, быть можетъ, и не возникли бы. Оговоръ Мерцалова (если это былъ оговоръ, какъ доказываетъ попечитель) едва ли бы возникъ, если бы отношенія студентовъ къ Байкову были болѣе дружественныя и довѣрчивыя. Но студенты и инспекція представляли изъ себя, очевидно, два враждебные лагеря, какъ это видно между прочимъ и изъ слѣдующаго факта. Своекоштный студентъ словеснаго факультета Гнѣдинъ безъ разрѣшенія и безъ билета отлучился изъ Харькова, при чемъ взялъ у студента Адамопуло шубу стоимостью въ 50 р., у своего квартирнаго хозяина проф. Савиньи шпагу стоимостью въ 25 р. и остался должнымъ послѣд-

[1]) Харьк. унив. архивъ. Д. п. № 1553/90.

нему 27 р. Для „*преслѣдованія* его“ (подлинное выраженіе документа) былъ отправленъ педель Орловскій, который доѣхалъ до Константинограда и узналъ, что Гнѣдинъ отправился къ отцу въ Александровскій уѣздъ (можемъ предполагать на Рождественскія каникулы, ибо дѣло происходило 19 декабря). И что же? Его за это правленіе представило къ исключенію—и попечитель утвердилъ это рѣшеніе. Числились ли за этимъ студентомъ какіе либо проступки раньше, неизвѣстно; по всей вѣроятности, ихъ не было, ибо на нихъ не указывается въ приговорѣ правленія [1]).

Большія огорченія ректору Кронебергу доставило слѣдствіе о скоропостижной смерти портного Тертишникова въ квартирѣ университетскаго канцеляриста Юрьева въ 1827 году. Его ударилъ Юрьевъ и онъ умеръ не столько отъ этого нанесеннаго ему удара, сколько отъ болѣзни, которою раньше страдалъ. Студ. Юрьевъ и вольнослушатель Логиновъ, жившіе въ сосѣдней комнатѣ, оказывали помощь портному, но были заподозрѣны въ соучастіи съ канцеляристомъ. Въ университетъ, куда всѣ трое были доставлены въ карцеръ, явился ген. адъют. Стрекаловъ съ губернаторомъ и жандармскимъ полковникомъ Вуичемъ и дѣлали допросъ студентамъ, вопреки требованію 154 § университетскаго устава, въ отсутствіе ректора, уединившись въ особое помѣщеніе, при чемъ обнаружилась полная невинность студентовъ [2]).

Чтобы исчерпать окончательно вопросъ, приведемъ еще извѣстные намъ факты о самоубійствахъ тогдашнихъ студентовъ. Въ 1827 году покушался на самоубійство своекоштный студентъ медицинскаго факультета Савченковъ, принявшій $1\frac{1}{2}$ унца сѣрной кислоты. Причиною послужило то обстоятельство, что онъ не выдержалъ экзамена. Лѣчившій его проф. Венедиктовъ объяснялъ причину покушенія слабымъ его здоровьемъ, ослабленнымъ еще болѣзнью, склонностью къ ипохондріи, неумѣренными занятіями, при которыхъ у него для сна оставалось по 3 часа въ сутки и безуміемъ, въ которое онъ впалъ отъ отчаянія послѣ неудачнаго экзамена.

Въ 1834 году произошло на романической почвѣ самоубійство студента медицинскаго факультета Старосвѣтскаго. Обстоятельства этого грустнаго случая были таковы.

Мих. Старосвѣтскій поступилъ въ студенты Харьковскаго университета въ 1830 году, велъ себя все время безукоризненно, никогда не пропускалъ лекцій; даже не замѣченъ былъ въ склонности къ мечтательности. Мачиха отозвалась о покойникѣ съ величайшею похвалою:

---

1) Ibidem.

2) Харьк. унив. архивъ Д. поп. № 1267/72.

„онъ былъ у меня, говорила она, со слезами на глазахъ, самый нѣжный, самый почтительный сынъ и добрый гражданинъ“. Жилъ онъ первоначально на урокѣ у Хлоповыхъ, гдѣ имѣлъ столъ и квартиру за надзоръ за дѣтьми, но часто приходилъ къ своей мачихѣ, жившей въ особомъ флигелѣ, но въ одномъ дворѣ со своею родною сестрою Софьею, бывшею замужемъ за учителемъ музыки Роде. Этотъ послѣдній былъ уже 12 лѣтъ женатъ на ней и имѣлъ отъ нея нѣсколькихъ дѣтей. Софья, по словамъ учителя Роде, 7 лѣтъ мучила его ревностью, а послѣ эта страсть (ревность) овладѣла имъ самимъ, въ особенности въ послѣдніе 10 мѣсяцевъ, когда жена отказывала ему въ его брачныхъ правахъ. Мачиха не имѣла ни малѣйшаго подозрѣнія въ существованіи какой-либо особенной связи между Михаиломъ и Софіею—поступки ихъ были всегда самые безукоризненные. Но мужъ Софьи думалъ иначе: онъ ревновалъ ее къ Старосвѣтскому, упрекалъ, требовалъ, чтобы она разувѣрила его въ мучившихъ его сомнѣніяхъ такъ, какъ прежде онъ ее разувѣрялъ.

13 октября Старосвѣтскій переселился въ домъ своей мачихи, по ея приглашенію и потому что надзоръ за дѣтьми Хлопова отвлекали его отъ собственныхъ занятій, безъ достаточнаго вознагражденія за потерю времени.

15 октября Роде въ 2 часа дня вышелъ изъ дому на уроки. Жена, по уходѣ его, приказала позвать извозчика, одѣлась въ новое платье, взяла пару полусапожекъ и въ 3 часа выѣхала изъ дому, поблагословила дѣтей, заплакала и сказала, что скоро вернется, а вечеромъ поѣдетъ со знакомыми въ театръ. Роде, вернувшись домой и не заставъ жены, отправился за нею въ театръ, но не нашелъ ее тамъ. На другой день извозчикъ, возившій жену его, разсказалъ ему, что онъ отвезъ ее на Холодногорское кладбище, куда въ скорости пріѣхалъ и студентъ. Тогда Роде сталъ пересматривать бумаги Старосвѣтскаго и въ сундукѣ его нашелъ два собственноручныя его письма—одно къ мачихѣ, а другое—къ брату, служившему лѣкаремъ въ арміи; а потомъ нашелъ въ ларчикѣ и письмо къ себѣ отъ жены. Старосвѣтскій въ письмѣ къ мачихѣ просилъ, чтобы тѣла его и Софьи были нохоронены въ одномъ гробу и заявлялъ, что Роде своими поступками самъ отдалъ ее ему; Софья же писала мужу, чтобы онъ искалъ ее въ Валковскомъ лѣсу. Онъ однакожъ отправился на Холодную гору и отъ старухи на кладбищѣ узналъ, что жена его вмѣстѣ съ молодымъ человѣкомъ ходила по кладбищу, спрашивала, гдѣ похоронена жена профессора Сухомлинова и жена купца Базилевскаго; потомъ оба перешли оврагъ, поднялись на противоположную возвышенность, сидѣли на холмѣ, по показанію пастуховъ, до ночи, а куда дѣвались потомъ, неизвѣстно.

Когда инспекторъ своекоштныхъ студентовъ А. Ѳ. Павловскій вмѣстѣ съ экзекуторомъ Анадольскимъ прибыли согласно данному имъ указанію на Лысую гору, то увидѣли въ мелкомъ лѣсу, недалеко отъ его опушки, на проложенной для ѣзды небольшой дорожкѣ два трупа— Мих. Старосвѣтскаго и Софіи Роде. Оба лежали очень близко другъ подлѣ друга—она на спинѣ, а онъ на правомъ боку. Разряженные пистолеты лежали подъ кустомъ. Софья имѣла рану на груди и синія пятна на груди и шеѣ, у Михаила была рана прямо противъ сердца. Въ карманѣ у него нашли заряда два пороху и двѣ пули. Въ карманѣ у Старосвѣтскаго были найдены двѣ собственноручныя его записки и два листика изъ журнала „Телеграфъ“, содержавшія переводъ одного изъ стихотвореній Байрона [1]).

Покончивъ съ вопросомъ о проступкахъ отдѣльныхъ студентовъ, остановимся теперь на коллективныхъ нарушеніяхъ съ ихъ стороны существовавшихъ въ то время правилъ—на такъ называемыхъ „студенческихъ исторіяхъ“.

Въ 1816 году по городу былъ распространенъ пасквиль на директора харьковскаго театра (онъ же былъ и вицегубернаторомъ) Гежелинскаго отъ имени студентовъ университета. Вотъ его подлинный текстъ.

„Безъ дозволенія начальства.

Общество студентовъ Харьковскаго университета, отличавшееся всегда хорошимъ поведеніемъ и знаніемъ благонравія, находитъ себя принужденнымъ объявить предъ лицомъ цѣлаго города свое неудовольствіе *директору* Харьковскаго театра Григорію Гежелинскому за разсѣеваемые имъ Гежелинскимъ объ нихъ разные поносительные ложные слухи и законопреступныя клеветы.

Вышесказанное общество до сихъ поръ довольствовалось отвѣчать ему однимъ презрѣніемъ, но наконецъ будучи выведено изъ терпѣнія, публично совѣтуетъ ему удержать себя отъ подобныхъ поступковъ, ежели не хочетъ чрезъ полученную отъ нихъ пощечину лишиться послѣдней своей чести и оставить Харьковъ. 1816 года февраля, въ университетской залѣ, въ часы меланхоліи“.

Министръ Народнаго Просвѣщенія, получивъ свѣдѣніе объ этомъ отъ Министра Полиціи, поручилъ попечителю гр. С. О. Потоцкому, въ томъ случаѣ если есть основаніе полагать, что пасквиль этотъ былъ сочиненъ студентами, указать имъ, сколько подобное дѣяніе противно попеченію, прилагаемому правительствомъ объ ихъ воспитаніи и образованіи и приноситъ справедливое нареканіе не только сочинителю пасквиля, но и мѣсту, въ которомъ получилъ онъ свое воспитаніе; под-

[1]) Харьк. унив. архивъ. Д. поп. № 2091/131.

твердить при этомъ студентамъ, что если они будутъ изобличены въ поступкахъ, званію ихъ не соотвѣтствующихъ, то получатъ примѣрное наказаніе.

Попечитель велѣлъ собрать студентовъ въ залѣ и объявить имъ слѣдующее. „Какъ начальникъ университета, обязанный по званію моему стараться во всякомъ случаѣ о сохраненіи чести университета и всѣхъ вообще подвѣдомственныхъ ему лицъ, не могу скрыть непріятнаго впечатлѣнія произведеннаго во мнѣ извѣстіемъ объ этомъ происшествіи, которое не только въ Россіи и другомъ благоустроенномъ государствѣ, но даже и въ самыхъ республикахъ никоимъ образомъ терпимо быть не можетъ. Не хочу и не требую знать, какія причины побудили въ неизвѣстности скрывающихся сочинителей къ написанію столь глупой и дерзкой бумаги; знаю, что они не могли быть основательными, ибо *всякое правильное неудовольствіе не ищетъ скрываться подъ личиною подлаго пасквиля, но отыскиваетъ свое удовлетвореніе явнымъ законами дозволеннымъ образомъ.* Намѣреніе мое при объявленіи объ этомъ университету состоитъ въ томъ только, чтобы обратить въ особенности вниманіе нашихъ студентовъ на чувствительное оскорбленіе, причиненное *имъ* тѣмъ обстоятельствомъ, что этотъ, писанный отъ имени ихъ общества пасквиль, не заключающій въ себѣ ни истины, ни остроты ума, нисколько не можетъ вредить чести вицегубернатора, но обращается единственно къ стыду и безчестію самихъ сочинителей. Посему съ вѣроятностію заключить можно, что если сверхъ чаянія студенты университета принимали какое либо участіе въ этомъ постыдномъ дѣлѣ, то развѣ весьма малое число такихъ только, кои, обнаруживъ этимъ поступкомъ совершенное безнравіе, не заслуживаютъ ни малѣйшаго снисхожденія отъ своихъ товарищей. Въ этомъ предположеніи я предлагаю университету довести произведенное этимъ во мнѣ непріятное чувствованіе до общаго свѣдѣнія всѣхъ студентовъ, съ тѣмъ чтобы лучшая и наибольшая часть ихъ, *руководствуясь правилами чести и благоразумія,* старалась всѣми способами содѣйствовать открытію виновниковъ этого дерзкаго и ко стыду всего общества студентовъ относящагося поступка, дабы чрезъ изобличеніе недостойныхъ и презрѣніе заслуживающихъ участниковъ прочіе благомыслящіе студенты могли оправдать себя совершенно отъ всякаго безславія имъ наносящаго подозрѣнія“. Правленіе произвело слѣдствіе: допрашивало разныхъ студентовъ, на которыхъ высказывали подозрѣніе вицегубернаторъ и ректоръ, сравнивали почерки ихъ съ тѣми, коими написаны были разные экземпляры пасквиля—сходства не оказалось. Въ заключеніе правленіе высказывало мысль, что едва ли этотъ пасквиль исходилъ отъ общества

студентовъ, ибо всякому виновнику непохвальнаго дѣянія свойственно скрывать, а не выставлять себя [1]).

Въ 1818 году появился пасквиль на инспектора и профессора Г. П. Успенскаго. Въ швейцарской были приклеены два полулиста бумаги съ текстомъ, преисполненнымъ грубо непристойныхъ ругательствъ и угрозъ; на одномъ полулистѣ были прописаны эти ругательства и угрозы Успенскому, на другомъ отъ его имени приносилось какъ бы покаяніе въ содѣянномъ. Угроза состояла въ томъ, что „ежели въ теченіе 2-хъ недѣль онъ не исправится и не будетъ стараться брать образца съ другихъ профессоровъ, то не только всѣ житницы его въ пепелъ будутъ превращены, но даже нечувствительно послѣдуетъ по заслугамъ его эпитафія съ приличными къ тому обстоятельствами... обдумайся, Успенскій, и поберегись—покамѣстъ есть еще случай—минута мщенія скоро придетъ и тогда никакая стража, никакія предосторожности не исхитятъ изъ рукъ справедливаго мщенія". Профессора Каменскаго и адъюнкта Вигуру пасквилянтъ предостерегалъ отъ козней Успенскаго и его помощника—фискала Райдаровскаго. Во 2-й бумагѣ въ уста Успенскаго вкладывается признаніе, что онъ понравился своими низкими поклонами попечителю и поэтому возьметъ верхъ надъ проф. Каменскимъ, а Книгинъ и Осиповскій уже попались въ его сѣти, такъ что онъ одинъ ворочаетъ теперь всѣмъ университетомъ. Въ концѣ говорится о всегдашнемъ пребываніи Успенскаго въ трактирѣ Мотузка и объ отношеніи къ племянницѣ.

Пасквили были прочитаны нѣсколькими студентами и о нихъ узналъ также губернаторъ. Произведено было строгое слѣдствіе среди студентовъ—хотѣли узнать автора по почеркамъ—всѣ студенты дали образцы своего почерка въ прозѣ и стихахъ, но виновнаго не удалось открыть. Судя по стилю и складу, первобытно низменному, совершенно не литературному, можно предполагать, что эти грубыя, циничныя произведенія возникли не въ студенческой средѣ и во всякомъ случаѣ не явились результатомъ коллективнаго замысла учащейся молодежи. Скорѣе всего это могло быть сочиненіе какого нибудь малограмотнаго приказнаго одной изъ университетскихъ канцелярій, выросшее на почвѣ личнаго неудовольствія, озлобленія и мести.

Въ 1817 году произошла „студенческая исторія" въ Харьковскомъ театрѣ, содержавшемся тогда Штейномъ. Мы знаемъ уже, какъ объ этой исторіи разсказывается въ воспоминаніяхъ сына проф. Успенскаго. На основаніи же документальныхъ данныхъ—оффиціальнаго устнаго сообщенія, сдѣланнаго полиціймейстеромъ Лавровымъ въ Правленіи,

[1]) Харьк. унив. архивъ. Д. поп. № 302/16; Д. правл. № 1111/52.

дѣло было такъ. 25-го ноября 1817 года студенты университета, собравшіеся въ числѣ болѣе 30 человѣкъ, при входѣ полиціймейстера въ театръ, начали аплодировать и кричать во все горло—*форо, форо*, такъ что и представленіе вслѣдствіе этого прекратилось. Видя, что всѣ убѣжденія его сократить приличіе не дѣйствуютъ, полиціймейстеръ послалъ за жившимъ подлѣ театра профессоромъ Успенскимъ. Студенты же, замѣтивъ, что представленіе остановилось, удвоили крики и ругательства по адресу полиціймейстера. Многіе изъ нихъ перешли на сцену и, окруживъ содержателя театра, требовали или продолженія спектакля, или возвращенія денегъ; нѣкоторые, схвативъ директора за грудь, трясли его, другіе били палками театральныхъ служителей, третьи разбили деревянную люстру и разорвали занавѣсъ; главнаго же зачинщика онъ, полиціймейстеръ, хорошо замѣтилъ въ лицо. Въ театрѣ найдены были при этомъ два ругательныя письма по адресу полиціймейстера, при чемъ второе заключало въ себѣ слѣдующія слова: „*Лавровъ! Вѣдь ты о....! Зачѣмъ со студентами ты ссору нынѣ завелъ*"? Виновникомъ происшедшаго полиціймейстеръ считалъ студента Бразоли, который наканунѣ, сидя въ креслахъ, велъ себя неприлично въ присутствіи директора Курской гимназіи Кологривова, въ чемъ впрочемъ и извинился передъ полиціймейстеромъ. Въ донесеніи губернатору полиціймейстеръ сообщалъ еще слѣдующія подробности. Проф. Успенскій, явившись на сцену, замѣтилъ нѣкоторыхъ участниковъ этой расправы, въ томъ числѣ студента Шимкова, остальные же разбѣжались. Въ заключеніе своего сообщенія, полиціймейстеръ просилъ правленіе обуздать непозволительную дерзость виновныхъ, возмущающую спокойствіе публики и нарушающую должное уваженіе къ установленной власти при отправленіи служебныхъ обязанностей.

Правленіе въ тотъ же день собралось на экстроардинарное засѣданіе, на которое вызваны были своекоштные студенты—Евгеній Бразоль (въ качествѣ главнаго зачинщика), Иванъ Шимковъ и Дмитрій Брайкевичъ, которыхъ видѣлъ проф. Успенскій за кулисами театра, и вольнослушатель Корнилій Воронкевичъ, котораго полиціймейстеръ призналъ лицомъ, ведшимъ себя наиболѣе дерзко; кромѣ этихъ студентовъ допрошены были и многіе другіе, всего 57 человѣкъ. Большинство ихъ запиралось, а своекоштный студентъ Левицкій и Воронкевичъ показали, что шумъ начался отъ самого полиціймейстера.

Правленіе, выслушавъ всѣ показанія ихъ, хотя прямо виновнымъ и никого изъ нихъ не нашло, но признало, что нѣкоторые изъ нихъ поступили вопреки 152 § университетскаго устава, а потому, прекративъ дальнѣйшее производство этого дѣла, дабы не навлечь посред-

ствомъ его большихъ непріятностей со стороны гражданскаго начальства и публики, мнѣніемъ положило: для отвращенія на будущее время подобныхъ непріятностей со стороны студентовъ въ отношеніе къ публикѣ, подвергнуть наказанію главныхъ виновниковъ, а именно—на основаніи 2-го пункта 151 § устава подвергнуть заключенію на 14 дней подъ стражу 3-хъ лицъ—вольнослушателя изъ дворянъ Воронкевича, который первый началъ шумъ по указанію полиціймейстера, грубо отвѣчалъ этому послѣднему и далъ запутанное показаніе, студента Ивана Шимкова, который нагло требовалъ или продолженія пьесы, или возвращенія заплоченныхъ имъ за билетъ денегъ и найденъ былъ проф. Успенскимъ за кулисами, гдѣ грубо объяснялся съ полиціймейстеромъ и также притомъ далъ спутанное показаніе и студента Евгенія Бразоля; хотя показанія студентовъ и не подтвердили обвиненія полиціймейстера въ томъ, что Бразоль былъ зачинщикомъ, но его поведеніе въ театрѣ наканунѣ 25-го свидѣтельствовало объ его строптивомъ и вздорномъ характерѣ; студентамъ—Левицкому, Никону Бразолю, Петру и Павлу Шимковымъ, Покровскому, Могилатову, Лещенку, Виноградскому, Александру Башинскому, Лукашевичу, Якову Макарову, Егору Морозову, Шкляревичу, Сафонову, Глушкову, Семенову, Штеричу и Демченку (18 чел.), бывшимъ за кулисами и требовавшимъ возвращенія денегъ за ихъ дерзость сдѣлать въ правленіи строгій выговоръ; всѣмъ остальнымъ, бывшимъ въ тотъ день въ театрѣ объявить что ихъ проступокъ будетъ взятъ на замѣчаніе. Кромѣ того правленіе, принявъ во вниманіе, что отъ частаго посѣщенія студентами театра и раньше нѣсколько разъ бывали уже непріятности, постановило, чтобы казеннокоштные студенты испрашивали для посѣщенія театра особое разрѣшеніе у инспектора, а своекоштные—у ректора.

Попечитель однако нашелъ приговоръ правленія слишкомъ мягкимъ и съ своей стороны предложилъ слѣдующія наказанія: наказаніе Воронкевичу удвоить, т. е. выдержать подъ арестомъ 28 дней; Шимкова и Бразоля послѣ ареста имѣть всегда на замѣчаніи; всѣхъ студентовъ, буйствовавшихъ за кулисами, заключить на 3 дня подъ арестъ; казеннокоштнымъ студентамъ вовсе запретить ходить въ театръ, ибо они только напрасно тратятъ на него казенные деньги; всѣмъ студентамъ поставить на видъ, что если кто изъ нихъ впредь въ публичномъ мѣстѣ позволитъ себѣ неприличный поступокъ, то будетъ немедленно исключенъ безъ аттестата изъ университета; сдѣлать замѣчаніе правленію за слабое наказаніе и за то, что оно не находило среди студентовъ виновныхъ, въ то время какъ проф. Успенскій видѣлъ нѣкоторыхъ изъ нихъ безчинствующими на сценѣ.

Самому университету попечитель писалъ. „Съ крайнимъ прискорбіемъ долженъ я объяснить университету, что ожиданія мои видѣть юношей его благовоспитанными, съ чистою нравственностью, *остаются тщетными*. Подобные дерзкіе поступки студентовъ, осмѣлившихся въ публичномъ мѣстѣ нарушить общій порядокъ, легко могутъ породить невыгодное мнѣніе и о самомъ университетскомъ начальствѣ; а потому до полученія разрѣшенія о виновныхъ подтверждаю университету употребить всѣ средства къ удержанію студентовъ въ границахъ благопристойности и имѣть бдительнѣйшій надзоръ за всѣми ихъ дѣйствіями: съ этого же времени казеннокоштнымъ студентамъ вовсе запретить хожденіе въ театръ, на который они издерживаютъ казенныя деньги, а своекоштнымъ и вольнослушателямъ объявить, что если кто-либо изъ нихъ сдѣлаетъ неприличный его званію поступокъ, то онъ будетъ исключенъ безъ аттестата изъ университета и отданъ гражданскому начальству для поступленія съ нимъ по законамъ.

Министру Народнаго Просвѣщенія необходимость болѣе строгаго приговора попечитель мотивировалъ такъ: „со времени вступленія моего въ должность употреблены мною всѣ средства къ возстановленію въ университетѣ должнаго порядка, но молодые люди издавна привыкли къ самовольству и весьма трудно обыкновенными мѣрами обратить ихъ на прямой путь“.

Исправлявшій обязанности Министра Народнаго Просвѣщенія Козодавлевъ призналъ наказаніе, проектированное попечителемъ, недостаточнымъ и съ своей стороны предлагалъ Комитету Министровъ, куда онъ внесъ это дѣло, Воронкевича совсѣмъ уволить изъ университета, Шимкова и Бразоля — выдержать подъ арестомъ 28 дней, а прочихъ бывшихъ за кулисами — 6 дней. Остальныя распоряженія попечителя онъ одобрилъ. Комитетъ Министровъ въ засѣданіи своемъ 12 января. выслушавъ по этому дѣлу записки министровъ Внутреннихъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія, утвердилъ принятыя послѣднимъ мѣры. Но въ засѣданіи 22 января Комитету Министровъ было объявлено, что Государь, считая назначенное студентамъ наказаніе недостаточнымъ, повелѣлъ всѣмъ признаннымъ виновными воспретить входъ въ театръ до тѣхъ поръ, пока университетское начальство не замѣтитъ въ нихъ раскаянія и исправленія; и только тогда—и то впрочемъ не раньше, какъ черезъ полгода—оно можетъ обратиться съ ходатайствомъ къ гражданскому начальству о каждомъ порознь, чтобы ему былъ разрѣшенъ входъ въ театръ.

Университетъ возбудилъ вопросъ, вносить ли въ аттестаты наказанныхъ свѣдѣнія объ ихъ проступкахъ—и Министръ сдѣлалъ распо-

ряженіе, чтобы тѣмъ, кои исправятся, не дѣлать такого обозначенія, а тѣмъ, кто захочетъ нынѣ же оставить университетъ, внести указаніе на ихъ вину, дабы этимъ удержать другихъ отъ подобныхъ дерзостей [1]).

Итакъ, попечитель, исправлявшій должность Министра Народнаго Просвѣщенія и Государь постепенно увеличивали мѣру наказанія, предложенную правленіемъ университета. Послѣднее, очевидно, не придало легкомысленному проступку студентовъ такого серьезнаго значенія, какое придала ему высшая инстанція. Быть можетъ, правленію были извѣстны такія обстоятельства этого дѣла, которыя остались неизвѣстны намъ. Демонстрація была направлена противъ полиціймейстера, который, по указаніямъ студентовъ, затѣялъ ссору съ ними и былъ виновникомъ шума. И дѣйствительно—въ началѣ студенты кричали только фора, а шумъ и безобразія начались, когда по его приказанію прекратили спектакль. Это же прекращеніе спектакля давало основаніе непринимавшей въ скандалѣ публики требовать возврата денегъ. Наконецъ, по свидѣтельству сына профессора Успенскаго, свидѣтельству, подтвержденному и полиціймейстеромъ, съ появленіемъ Успенскаго почти всѣ студенты моментально разбѣжались — это опять таки говоритъ въ пользу того, что скандалъ этотъ носилъ случайный характеръ и едва ли былъ предварительно организованъ. Правда, студентовъ въ театрѣ было болѣе 50 человѣкъ, но изъ заявленія правленія видно, что они вообще бывали въ театрѣ „многолюдствомъ". Студенты давали сбивчивыя показанія, но и полиціймейстеръ выставлялъ главнымъ зачинщикомъ сначала Бразоля, а потомъ уже Воронкевича; противъ Бразоля же улика была недостаточная: Бразоль могъ вести себя наканунѣ не совсѣмъ прилично, а въ данный вечеръ, послѣ извиненія, исправиться.

И раньше, по заявленію правленія, бывали какія то студенческія исторіи въ театрѣ, но имъ, очевидно, не придавали серьезнаго значенія; не хотѣло правленіе, какъ само сознается, раздувать и этой „исторіи" и потому прекратило дѣло, не входя въ дальнѣйшія сношенія съ другими вѣдомствами и учрежденіями, что было бы нужно для полноты слѣдствія и что могло бы навлечь на университетъ еще большія непріятности со стороны гражданскаго начальства и публики.

Прошло шесть лѣтъ и въ 1823 году снова разразилась театральная студенческая исторія, окончившаяся избіеніемъ студентовъ на улицѣ жандармами и полиціей. Она взволновала университетъ, администрацію и общество и служила предметомъ разбирательства въ комитетѣ

---

[1]) Архивъ Мин. Нар. Просв. 1817 г. № 6483/164; Харьк. унив. архивъ. Дѣло правл. № 1295/60.

министровъ. Такъ какъ о ней сохранились подробныя оффиціальныя данныя [1]), и она весьма характерна не только для своей эпохи, но пожалуй и для послѣдующихъ временъ, то мы на ней остановимся подробнѣе.

Объ этой исторіи разсказывается, по преданіямъ, въ воспоминаніяхъ студента *Н* [2]), но разсказъ его не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, какъ въ этомъ можно убѣдиться изъ сопоставленія его съ документальными данными. На основаніи же этихъ послѣднихъ дѣло представляется въ такомъ видѣ. 7-го октября 1823 года нѣкоторые изъ студентовъ университета, по заявленію полиціймейстера Лаврова (того самаго, который игралъ столь видную роль въ студенческой театральной исторіи 1817 года), произвели крикъ и шумъ, въ театрѣ свистали и бранили актера Новицкаго, причемъ руководителями ихъ были студенты—Остроградскій и Самаржа. На слѣдующій день 8-го октября, при появленіи актера Новицкаго, бывшіе въ партерѣ студенты начали кричать и бранить его, а также бросать на сцену яблоки, возобновляя это нѣсколько разъ, не смотря на увѣщанія бывшаго здѣсь же правителя канцеляріи попечителя. Сдѣлано было все это, по заявленію полиціймейстера, предумышленно съ заранѣе обдуманнымъ намѣ-

---

[1]) Харьков. унив. архивъ. Д. канц. поп. 1817—1825 г. № 469/23; архивъ Мин. Нар. Просв. 1823 г. № 22637/498.

[2]) Студентамъ Харьковскаго университета было запрещено посѣщать театръ. „Поводомъ къ этому, говоритъ *Н*., послужила одна скандальная исторія, случившаяся задолго до поступленія моего въ университетъ и о которой я знаю весьма немногія подробности. Одинъ изъ плохихъ актеровъ, весьма дурно выполнявшій свои роли и нелюбимый публикою, вынужденъ былъ дать подписку студентамъ, что онъ не будетъ играть больше и оставить сцену. Но актеръ не исполнилъ своего обязательства. Спустя нѣсколько времени имя его снова появилось на афишѣ. Въ тотъ же вечеръ множество студентовъ заняли почти весь партеръ и кресла. При первомъ появленіи актера на сценѣ полетѣли въ него яблоки, картофель, арбузныя корки и т. п.; продолженіе спектакля было пріостановлено—произошла общая суматоха въ театрѣ. Досталось при этомъ и полиціи, которая не могла не вмѣшаться въ дѣло. Но затѣмъ полиція поступила весьма неосторожно. Она незаконно распорядилась студентами и вмѣсто того чтобы захваченныхъ ею передать университетскому начальству, она отвела ихъ въ общую арестантскую при полицейской части. Это вызвало продолженіе той же исторіи и на другой день. Многочисленная толпа студентовъ, съ ранняго утра, явилась на Николаевской площади выручать своихъ товарищей. Безпорядокъ, шумъ, крики и взаимныя оскорбленія продолжались до тѣхъ поръ, пока арестованныхъ не отвели въ университетъ. Изъ послѣдствій этой исторіи мнѣ извѣстно только то запрещеніе, о которомъ упоминается выше“.

Здѣсь интересно только сообщеніе о томъ, что актеръ далъ подписку больше не выступать на сценѣ. Быть можетъ, такое обѣщаніе въ видѣ устнаго заявленія было дѣйствительно дано актеромъ.

ренiемъ, ибо одинъ изъ студентовъ Оже[illegible] еще до начала спектакля, вышедши изъ театра съ нѣсколькими своими товарищами, какъ бы придираясь къ полицмейстеру, сказалъ ему: „говорили мнѣ, что полицiя около театра на стражѣ—и я вышелъ сдѣлать инспекцiю (смотръ); а когда полицiймейстеръ ему замѣтилъ, что полицiя исполняетъ свой долгъ, то онъ отвѣтилъ: „уже посмотримъ“. Когда же одинъ изъ студентовъ—Стефановскiй—пришелъ за кулисы и по порученiю директоровъ театра былъ отправленъ въ полицiю въ сопровожденiи жандармовъ, то студенты, догнавши его, начали отбивать отъ жандармовъ, которыхъ при этомъ били палками, нарочно для сего, какъ должно полагать, заготовленными. Изъ числа ихъ взято подъ арестъ въ полицiю пять человѣкъ—Холодовскiй, Бѣлоусовичъ, Костенко, Андрей Шимковъ и Богаевскiй. Губернаторъ (В. Г. Муратовъ), сообщая объ этомъ происшествiи попечителю Егору Васильевичу Карнѣеву, просилъ, чтобы въ виду извѣстнаго Высочайшаго повелѣнiя 1817 года о запрещенiи студентамъ, признаннымъ виновными въ тогдашней театральной исторiи, посѣщать театры, оно было распространено и на тѣхъ студентовъ, кои окажутся виновными и въ нынѣшнихъ безпорядкахъ, и чтобы ему былъ данъ списокъ остальныхъ студентовъ, которымъ по ихъ скромности университетское начальство разрѣшитъ посѣщенiе театральныхъ представленiй.

Попечитель, основываясь на извѣщенiи губернатора, немедленно далъ университету рядъ предписанiй: 1) такъ какъ прежде запрещено было студентамъ ходить въ театръ, то подтвердить строжайше это запрещенiе и нынѣ, а позволить только тѣмъ, которые благонадежны въ своемъ поведенiи; имъ только ректоръ или инспекторъ можетъ выдать разрѣшительные билеты, съ препровожденiемъ списка этихъ лицъ директорамъ театра и полицiи; 2) взятыхъ въ театрѣ студентовъ выдержать 7 дней въ карцерѣ, а если кто изъ нихъ окажется еще болѣе виновнымъ, таковыхъ вовсе исключить изъ университета; 3) такъ какъ инспекторъ своекоштныхъ студентовъ, благодаря значительному числу ихъ и своей болѣзни, не въ состоянiи имѣть за ними должнаго наблюденiя, то избрать ему двухъ помощниковъ, на каковую должность слѣдовало бы назначить адъюнктовъ Филомафитскаго и Байкова, которые по усердiю къ службѣ, конечно, не откажутся отъ такого дополнительнаго труда тѣмъ болѣе, что за него на нихъ будетъ обращено вниманiе начальства; 4) замѣчено, что студенты въ ожиданiи лекцiй собираются въ большомъ количествѣ на парадномъ крыльцѣ стараго корпуса; для отвращенiя подобнаго неприличiя назначить имъ для повторенiя лекцiй залу собранiя въ новомъ флигелѣ; 5) замѣчено, что многiе студенты *носятъ усы*,—а право ношенiя усовъ на нихъ не ра-

спространяется, поэтому строжайше запретить имъ дѣлать подобное неприличіе; 6) обратить вообще строгое вниманіе на поведеніе студентовъ и внушить имъ, что безъ благонравія и при отличныхъ успѣхахъ никто не получить аттестата на званіе студента.

Правленіе университета исполнило всѣ эти совѣты—предписанія попечителя который, очевидно, стоялъ на почвѣ патріархальныхъ отношеній къ университету, ибо отечески семидневнымъ карцеромъ наказалъ студентовъ еще безъ доказательства ихъ вины; но оно же представило ему результаты своего изслѣдованія театральныхъ безпорядковъ, которые происходили не такъ, какъ изображалъ ихъ губернаторъ со словъ полиціймейстера. Присутствовавшій въ театрѣ экзекуторъ университета Анадольскій доносилъ правленію, что студентъ Стефановскій попалъ за кулисы случайно, не зная о запрещеніи проникать туда постороннимъ лицамъ, и хотѣлъ тотчасъ удалиться оттуда, но его вывели жандармы и повели въ полицію, при чемъ студенты не дѣлали имъ никакихъ дерзостей, а только настаивали, чтобы Стефановскаго отвели къ его начальству. Послѣ этого неизвѣстно изъ за чего произошла драка между полицейскими служителями, гарнизонными солдатами и толпою людей, ему Анадольскому неизвѣстныхъ, но среди нихъ онъ студентовъ не замѣтилъ, и во время этой драки полицейскіе приказывали брать студентовъ въ полицію. Присутствовавшій вмѣстѣ съ Анадольскимъ по порученію попечителя (въ виду свиста, бывшаго наканунѣ) старшій письмоводитель попечителя Подвысоцкій вполнѣ подтвердилъ это показаніе и прибавилъ, что шумъ въ театрѣ производили не одни студенты, но и посторонніе лица. Арестованные полиціей студенты—Холодовскій, Бѣлоусовичъ и Костенко—показали, что были взяты по выходѣ изъ театра полицейскими и жандармскими служителями (нѣкоторые изъ нихъ были съ обнаженными саблями) и отведены въ полицію, при чемъ хотя они не оказывали никакого сопротивленія, но имъ причинены были этими служителями, по приказанію полицейскихъ, побои, а на Бѣлоусовичѣ разорвали сюртукъ; по приводѣ же въ полицію у него сорвали съ цѣпочки золотые часы. Шимковъ и Богаевскій показали, что, будучи въ театрѣ, они свистали вмѣстѣ съ прочими, а по выходѣ изъ театра съ побоями отведены въ полицію, гдѣ, какъ и первые, пробыли съ колодниками цѣлыя сутки; при этомъ у Шимкова сорвали бисерный шнурокъ отъ часовъ и золотую печатку. Стефановскій объяснилъ, что онъ былъ въ театрѣ первый разъ и случайно попалъ за кулисы, откуда его увели съ побоями въ полицію. Вольнослушатель Заксъ заявилъ, что онъ въ театрѣ не свисталъ, а между тѣмъ былъ взятъ въ полицію изъ *своей квартиры*. Студентъ

Оже сознался въ свистѣ. Студенты Самаржа и Андрей Остроградскій показали, что 7-го октября были въ театрѣ, но не свистали, а 8-го октября Остроградскаго вовсе не было въ театрѣ, Самаржа хотя и былъ, но шума не производилъ и вышелъ оттуда никѣмъ не замѣченный. Въ подтвержденіе своихъ словъ эти два студента ссылались на бывшаго въ театрѣ совѣтника губернскаго правленія Кераитова. Студентъ Богаевскій самъ подалъ заявленіе, въ которомъ писалъ, что онъ вовсе не былъ въ театрѣ, ничего не зналъ о случившемся тамъ происшествіи,—а только вечеромъ проходилъ мимо театра въ свою квартиру—между тѣмъ его задержали на площади полицейскіе, а когда онъ удалился въ домъ адъюнкта Куницкаго, то и оттуда его вытащили полицейскіе чиновники и служителя съ бранью и угрозами побоевъ и посадили въ полицію между колодниками безъ всякой его вины.

Такимъ образомъ, происшествіе распадается на два момента: то, что происходило въ самомъ театрѣ, и внѣ его. Что касается перваго момента, то студенты оказываются виновными въ томъ, что вмѣстѣ съ прочими зрителями кричали и свистали, но яблокъ не бросали, а этотъ проступокъ ихъ является скорѣе шалостью, неприличною впрочемъ благовоспитаннымъ юношамъ, но отнюдь не буйствомъ или умышленнымъ заговоромъ, ибо все дѣло началось съ актера, худо игравшаго свою роль. Что же касается происшествій на улицѣ, то хотя нельзя извинять студентовъ, требовавшихъ отъ полицейскихъ отправленія студента къ его университетскому начальству, но съ другой стороны и полиція никоимъ образомъ не можетъ быть оправдана въ своихъ несправедливыхъ и жестокихъ поступкахъ со студентами, ибо эти послѣдніе, будучи взяты безъ всякаго сопротивленія, подверглись побоямъ не только со стороны жандармовъ и полицейскихъ, имѣвшихъ обнаженныя сабли, но и со стороны посторонниxъ лицъ, очевидцемъ чего былъ Кереитовъ; мало того, они были ограблены, отведены въ полицію и просидѣли среди арестантовъ почти цѣлыя сутки. Къ этому нужно присоединить еще и то обстоятельство, что полиція, опасаясь сопротивленія студентовъ и желая испугать ихъ, приказывала хватать и бить ихъ безъ всякаго разбора—правыхъ и виноватыхъ, какъ это доказывается случаемъ со студентомъ Лукашевскимъ, проходившимъ черезъ площадь съ двумя благородными лицами, схваченнымъ и выпущеннымъ въ 12 часу ночи, немедленно послѣ того какъ полиція сознала свою ошибку. Такимъ образомъ, полиція сама подала поводъ къ этому безчинству и могла предотвратить его, взявши болѣе виновныхъ изъ студентовъ и препроводивъ ихъ туда, куда слѣдовало по законамъ.

Въ виду всего изложеннаго правленіе полагало: 1) за неблагопристойные поступки студентовъ вмѣнить имъ въ наказаніе содержаніе въ полиціи и въ университетѣ подъ арестомъ на хлѣбѣ и водѣ въ теченіе 7 сутокъ, подтвердивъ имъ строжайше впредь воздерживаться отъ подобныхъ проступковъ; 2) наиболѣе виновныхъ изъ студентовъ— Шимкова, Ботаевскаго, Оже и Костенка оштрафовать еще внесеніемъ ихъ въ черную книгу и поручить инспектору имѣть за ними строжайшій надзоръ; 3) такъ какъ поступокъ полиціи со студентами противорѣчитъ 261 § устава благочинія и 8 § университетской граматы, то, представляя объ этомъ на благоусмотрѣніе попечителя, просить его о защитѣ правъ и преимуществъ, Высочайше дарованныхъ университету и объ разслѣдованіи дѣла о побояхъ и грабежахъ, учиненныхъ въ самой полиціи.

Получивъ эти свѣдѣнія и это заключеніе правленія, дававшія иное освѣщеніе студенческой исторіи, на основаніи данныхъ произведеннаго слѣдствія, попечитель написалъ губернатору откровенно благородное письмо слѣдующаго содержанія.

„Вашему превосходительству извѣстно уже, какое я сдѣлалъ предложеніе университету относительно студентовъ, оказавшихся виновниками происшедшаго въ театрѣ 8 числа сего октября шума и крика. Правленіе университета вошло въ подробное изслѣдованіе сего дѣла и виновныхъ предало строгому наказанію; но при этомъ изслѣдованіи оказались поступки здѣшней полиціи совершенно ни съ чѣмъ несообразные и придавшіе дѣлу этому видъ какого-то уголовнаго преступленія, о которомъ никто изъ студентовъ не помышлялъ и помышлять не могъ; все это ваше превосходительство яснѣе увидѣть изволите изъ прилагаемаго при семъ въ спискѣ донесенія ко мнѣ университета.

Чтобы имѣть точнѣйшее понятіе о существѣ дѣла, при которомъ ни вы, ни я не присутствовали, я призналъ за лучшее распросить о немъ лично совѣтника Керентова, о которомъ упоминается въ донесеніи университета и который здѣсь въ Харьковѣ какъ по званію своему, такъ и по извѣстнымъ своимъ достоинствамъ всею публикою отлично уважается. Керентовъ былъ у меня и разсказалъ мнѣ происшествіе въ слѣдующихъ словахъ, которыя готовъ былъ подтвердить какъ и предъ кѣмъ угодно по чести и совѣсти. По его словамъ, причиною всѣхъ важнѣйшихъ безпорядковъ было данное приказаніе взять подъ арестъ и отвести въ полицію студента Стефановскаго, который, какъ по изслѣдованію открылось, бывши первый разъ въ театрѣ, пошелъ за кулисы изъ любопытства и въ общемъ шумѣ и крикѣ не участвовалъ. Далѣе объясняетъ Г. Кереитовъ, что онъ, вышедши на

крыльцо, самъ видѣлъ, что Стефановскій шелъ въ полицію съ двумя жандармами весьма спокойно; но тутъ выбѣжали изъ театра нѣсколько студентовъ и стали говорить, чтобъ вели его не въ полицію, а къ своему начальству; тогда приказано было умножить число жандармовъ коихъ явилось довольно много и обступивъ Стефановскаго, вели его все также спокойно и между студентами и жандармами никакой драки не происходило, исключая только то, что студенты, толпясь впереди и преграждая путь жандармамъ, не переставали повторять своего требованія, при чемъ были не только студенты, но и многіе посторонніе люди, повидимому къ нимъ приставшіе; но чтобъ кто изъ студентовъ ударилъ кого либо изъ жандармовъ или другое какое буйство сдѣлалъ, того Керентовъ вовсе не видалъ; даже и палокъ ни у кого изъ студентовъ въ рукахъ не замѣтилъ; вдругъ появились гарнизонные съ ружьями солдаты съ разными полицейскими и другого званія людьми, бросились на безоружныхъ студентовъ, начали ихъ бить безъ всякаго разбора нещадно и нѣкоторыхъ схватили и отвели въ полицію, чѣмъ все дѣло и кончено. Послѣ сего на театрѣ играна была другая пьеса безъ всякаго уже шума и безпокойства.

Ваше превосходительство безъ сомнѣнія не можете меня укорять въ пристрастіи къ студентамъ. Я не оправдываю ихъ и они строго за свой проступокъ наказаны, а нѣкоторые изъ нихъ и до сихъ поръ еще подъ наказаніемъ. Но я убѣдительно прошу васъ, М. Г. мой, войти въ разсмотрѣніе существа дѣла. Съ самаго моего вступленія въ должность попечителя, я не замѣтилъ въ здѣшнемъ университетѣ, ни въ учащихъ, ни въ учащихся, никакого вольнодумства, никакого своевольства, а еще менѣе какого либо духа противленія или неповиновенія начальству; напротивъ того всѣмъ умамъ дано направленіе на путь истины, и едва ли такое другое учебное заведеніе въ правилахъ благочестія и нравственности можетъ теперь предъ здѣшнимъ соперничать, въ чемъ могу сослаться и на ваше превосходительство и на всѣхъ жителей Харькова. Но возможно ли требовать, чтобъ между множествомъ студентовъ не было нѣкоторыхъ шалуновъ? Такъ и теперь случилось. Дѣло само за себя говоритъ. Явился новый актеръ, который дирекціей не одобренъ. Молодые повѣсы, подстрекнутые, можетъ быть, и со стороны, за него вступились и подговорили къ себѣ другихъ, чтобы противника его освистать; но тутъ не одни студенты участвовали, а и другіе, изъ коихъ однакожъ едва ли кто взятъ подъ стражу. Это только обыкновенная шалость молодыхъ людей, а не буйственный поступокъ, за каковую шалость студенты подверглись наказанію и которой, по принятымъ мѣрамъ, впередъ безъ сомнѣнія не случится. Представленіе на

театрѣ состояло изъ двухъ пьесъ. Первая и главная пьеса хотя съ шумомъ и свистомъ, но кончена. Стоило бы только прекратить представленіе и второй пьесы не играть. Тѣмъ всякое неустройство было бы и уничтожено; виноватые замѣчены и на другой день были бы наказаны. Но что же сдѣлала полиція? По окончаніи первой пьесы схватила безвиннаго или по крайней мѣрѣ не участвовавшаго въ шумѣ студента, повела его въ полицію, окруженнаго множествомъ жандармовъ и, не довольствуясь тѣмъ, подъ видомъ небывалаго заговора или мятежа напала со всѣми своими служителями и посторонними людьми на малое число студентовъ, коихъ большая часть оставалась въ театрѣ, и дозволила себѣ всякаго рода дерзости, побои и грабежи надъ беззащитными молодыми людьми, которые однакоже по большей части происхожденія благороднаго и никакому иному вѣдомству не подлежатъ, кромѣ университета. Я не говорю уже о томъ, что полиція нападала тутъ безъ всякаго разбора на всѣхъ и захватила подъ стражу нѣкоторыхъ невинныхъ; но она осмѣлилась послѣ уже сего происшествія взять изъ квартиры одного Университетскаго вольнослушающаго и наконецъ всѣхъ такимъ образомъ захваченныхъ студентовъ продержать у себя цѣлыя сутки между колодниками.

Я предоставляю вашему превосходительству судить какъ угодно о таковыхъ непростительныхъ поступкахъ здѣшней полиціи. Вы сами отецъ, сами можете чувствовать всю важность оскорбленія, причиненнаго въ лицѣ хотя и провинившихся, но чрезъ мѣру обиженныхъ студентовъ не только всему сословію университета, но и всѣмъ родителямъ дѣтей, ввѣренныхъ его попеченію. Сверхъ того вы здѣсь начальникъ губерніи, хранитель общаго спокойствія и блюститель законовъ. Обращаясь къ вамъ, М. Г. мой, со всепокорнѣйшей просьбой укротить таковыя продерзости полиціи и по начальству вашему приказать учинить строгое взысканіе съ тѣхъ, кто въ нихъ участвовалъ, а также велѣть отыскать ограбленныя у нѣкоторыхъ студентовъ вещи и имъ ихъ возвратить; на будущее же время дать приказаніе, чтобъ отнюдь полиція не осмѣливалась не только подобныхъ поступковъ вчинать, но безъ важныхъ причинъ и не касаться до чиновниковъ, особому вѣдомству принадлежащихъ, гдѣ есть и своя полиція и свой судъ [1]).

Сообщая объ этомъ дѣлѣ Министру Народнаго Просвѣщенія, попечитель, не оправдывая студентовъ въ шумѣ, поднятомъ ими въ театрѣ, въ то же время виновницей безпорядковъ, происшедшихъ на улицѣ, выставлялъ полицію. „Это происшествіе осталось бы безвреднымъ, писалъ онъ, если бы полиція, вмѣшавшись не въ свое дѣло, сама не на-

[1]) Харьк. унив. арх. Д. поп. № 469/23.

дѣлала хлопотъ и безпокойствъ". О студентахъ Харьковскаго университета попечитель повторилъ свой прежній благопріятный отзывъ.

Губернаторъ отвѣтилъ попечителю, что онъ затребовалъ отъ полицмейстера и другихъ чиновниковъ дополнительныхъ свѣдѣній для уясненія этого дѣла.

Министръ Народнаго Просвѣщенія писалъ попечителю, что дѣло это онъ признаетъ немаловажнымъ, ибо здѣсь было нарушеніе общественнаго спокойствія и тишины и оно можетъ вызвать справедливое неудовольствіе Государя Императора. Находя произведенное слѣдствіе недостаточнымъ, такъ какъ оно основано исключительно на показаніяхъ студентовъ, каковыя показанія расходятся съ данными полицейскими, Министръ Народнаго Просвѣщенія обратился къ Министру Внутреннихъ Дѣлъ съ просьбою, чтобы тотъ поручилъ Харьковскому губернатору, по сношенію съ попечителемъ округа, дополнить слѣдствіе по этому дѣлу. Отъ попечителя округа Министръ Народнаго Просвѣщенія потребовалъ свѣдѣній о личности виновныхъ студентовъ.

Казеннокоштнымъ студентамъ Министръ запретилъ посѣщеніе театра. Императоръ Александръ I, послѣ доклада ему этого дѣла министромъ, воспретилъ до особаго своего разрѣшенія посѣщеніе театра и своекоштнымъ студентамъ Харьковскаго университета, и наблюденіе за этимъ возложилъ на мѣстную администрацію.

Губернаторъ, получивъ предписаніе отъ своего министра о дополненіи слѣдствія, назначилъ въ слѣдственную коммиссію членами—совѣтника губернскаго правленія Бѣляевскаго и губернскаго стряпчаго уголовныхъ дѣлъ. Депутатами отъ университета попечитель опредѣлилъ профессоровъ Книгина и Громова (за отказомъ послѣдняго былъ назначенъ Пауловичъ). Былъ еще и депутатъ отъ Харьковскаго батальона.

О ходѣ дѣлъ въ коммиссіи сообщалъ попечителю свѣдѣнія проф. Книгинъ и эти сообщенія его замѣняютъ отчасти отсутствіе полнаго производства по этому дѣлу (это было огромное „дѣло" почти на 467 листахъ). Послѣ допроса студентовъ, которыхъ полицмейстеръ Лавровъ считалъ зачинщиками и руководителями, оказалось, что студенты не имѣли ни противъ кого ни стачки, ни заговора и у нихъ вовсе не было, вопреки заявленію полицмейстера, никакихъ палокъ, не говоря уже о большихъ нарочно приготовленныхъ. Слѣдственная коммиссія открыла также, что ни одинъ изъ арестованныхъ студентовъ не былъ взятъ вмѣстѣ со Стефановскимъ, котораго увели въ боковыя двери, причемъ занавѣсъ былъ опущенъ, такъ что видѣть этого никто изъ зрительной залы не могъ. Всѣ они были взяты въ разныхъ мѣстахъ и въ разное время. Студентъ Богаевскій былъ схваченъ, когда спокойно шелъ въ

свою квартиру, между бульваромъ и полиціей. „Ты студентъ"? Спросили его. Студентъ. Бей его, бери его! Еще до начала представленія около театра и при входѣ въ него было необычайное количество солдатъ внутренней стражи, жандармовъ и полицейскихъ служителей. Происшествіе въ театрѣ легко объяснимо; но происшествіе на улицѣ необъяснимо: нельзя понять, за что ловили, били и сажали подъ арестъ студентовъ; это скорѣе всего была стачка между полицмейстеромъ и директорами театра. Но не примѣшивая къ этому дѣлу людей, пользующихся общественнымъ довѣріемъ—вицегубернатора Донецъ-Захаржевскаго и Герсованова (состоявшихъ директорами театра), можно сказать, что виною всего былъ самъ полицмейстеръ Лавровъ, который имѣетъ весьма мало тѣхъ качествъ, которыя нужны для полицейской должности по уставу благочинія, а въ особенности здраваго смысла. Это видно изъ его рапорта, въ которомъ мало точности, ясности и смысла.

Университетскіе депутаты протестовали и противъ того способа, которымъ велось слѣдствіе: коммиссія предстояло *дополнить* слѣдствіе правленія университета, между тѣмъ какъ она затѣяла новое разслѣдованіе и принимала такія бумаги, противъ которыхъ должны были предъявлять отводъ депутаты университета—новыя рапорты полицмейстера и рапортъ командира Харьковскаго гарнизона съ приложеніемъ медицинскаго свидѣтельства штабъ лекаря о побояхъ, якобы нанесенныхъ воинскимъ чинамъ студентами. Второе письмо проф. Книгинъ заканчиваетъ категорическимъ заключеніемъ, что студенты ни въ заговорѣ, ни въ бунтѣ совершенно неповинны.

Въ третьемъ письмѣ содержатся любопытныя разоблаченія о палкѣ, приготовленной полиціей для обвиненія студентовъ въ буйствѣ и дракѣ. Сначала объ этой загадочной палкѣ ходили только неопредѣленные слухи—что де одна палка изъ тѣхъ, которыя студенты заранѣе приготовили, чтобы избивать полицейскихъ, имѣется въ рукахъ этихъ послѣднихъ. Но 27 марта по требованію коммиссіи полиціею была прислана дѣйствительно нарочно приготовленная, толстая, ясеновая болѣе $1^1/_2$ аршина длины палка. Палка эта была разсматриваема въ коммиссіи и проф. Пауловичъ обратилъ вниманіе на то, что она свѣжая и должна была быть недавно срублена. Тогда на нее обратилъ особенное вниманіе и проф. Книгинъ, занимавшійся раньше ботаникой, и убѣдился, что она дѣйствительно была срублена съ корня весною въ мартѣ текущаго года. Сдѣлавъ письменное заявленіе объ этомъ, профессоръ Книгинъ попросилъ дать ее на экспертизу профессору Делявиню и садовнику Бартельсу. Лица эти были приглашены

въ специально назначенное для этого засѣданіе правленія университета. Оба эксперта тутъ же признали, что эта палка срублена была съ корня въ мартѣ мѣсяцѣ, не болѣе 5 дней тому назадъ и была еще на столько свѣжа, что если ее положить въ воду или воткнуть въ сырую землю, то она не только дастъ почки, но даже будетъ рости· Предсѣдатель коммиссіи изыскивалъ правда разные способы къ оправданію полицейскихъ чиновниковъ, объясняя этотъ казусъ ошибкой, хотѣлъ даже, чтобы полиція эту палку перемѣнила, но проф. Книгинъ воспротивился этому послѣднему предложенію, заявивъ, что данная палка дошла до коммиссіи оффиціальнымъ путемъ изъ присутственнаго мѣста, исправлять же ошибки его коммиссія не обязана. Предсѣдатель коммиссіи силился доказать, что слѣдствіе правленія было произведено безъ всякихъ правилъ и формъ, безъ толку и потому значенія имѣть не можетъ; но на это послѣдовало основательное возраженіе самого правленія. Впрочемъ, прибавилъ Книгинъ, правленіе дѣйствительно слишкомъ довѣрилось рапорту полицмейстера, опровергнутому мнѣ показаніями студентовъ. Гарнизонные солдаты также должны были значительно смягчить указанія на нанесенные имъ побои и показали при томъ, что не знаютъ, кто ихъ билъ; проф. Книгинъ полагалъ, что ссадины на рукахъ у нихъ скорѣе указываютъ на то, что они били другихъ кулаками, а не сами были биты палками.

Въ послѣднемъ заключительномъ письмѣ проф. Книгинъ, заявляя объ окончаніи дѣла, писалъ попечителю: благородное рвеніе ваше и проворливость ваша въ невинности дѣтей самою слѣдственною коммиссіей въ полной мѣрѣ оправданы и для точнѣйшаго выраженія этого дѣла я бы желалъ вамъ написать рапортъ военною формою, нижеслѣдующимъ образомъ.

„По возложенной вашимъ превосходительствомъ на насъ обязанности, мы сражались съ соединенными непріятельскими гражданскими полицейскими и военными силами пять мѣсяцевъ и, не взирая на многочисленность непріятелей вашихъ, на ихъ крѣпкую позицію, опытность ихъ предводителей, мы съ Божіею милостію разбили ихъ во всѣхъ пунктахъ, съ мѣста сраженія ихъ сбили и оное за собою удержали; съ нашей стороны не только ни одного убитаго, ниже раненаго не имѣемъ, о чемъ симъ вашему превосходительству имѣемъ честь донести". (28 апрѣля 1824 года).

По окончаніи слѣдствія, всѣ три заинтересованныя вѣдомства— учебное, гражданское и военное—получили по экземпляру полнаго производства всего дѣла. Правленіе университета разсмотрѣло ту часть его, которая касалась студентовъ, и представило свое заключеніе попечителю.

Закончивъ свою дѣятельность въ слѣдственной коммиссіи и отсылая „дѣло“ попечителю, проф. Книгинъ писалъ ему. „Изъ сдѣланнаго экстракта ваше превосходительство можете усмотрѣть, сколь несправедливы и неосновательны извѣты, положившіе начало этому дѣлу, ничтожному въ своей сущности и раздутому ябедою. Употребляя всѣ силы къ точному исполненію возложеннаго на меня порученія, я старался не упустить изъ виду ничего такого, чѣмъ могла быть раскрыта истина, однимъ словомъ старался вывести наружу и дѣйствія, и причины. Можно было бы эти послѣднія посредствомъ строгаго изслѣдованія прослѣдить еще гораздо дальше; но мы въ качествѣ депутатовъ дѣйствовали только defensive и опасались при томъ, чтобы не вывели заключенія, что мы дѣйствуемъ противъ правъ, предоставленныхъ правительствомъ нѣкоторымъ лицамъ. Вотъ одинъ тому примѣръ: можно было бы предложить вопросъ—почему въ бумагѣ губернатора къ вашему превосходительству говорится о бунтѣ и заговорѣ студентовъ, между тѣмъ какъ объ этомъ ни слова не сказано ни въ одномъ изъ рапортовъ полицмейстера?

Въ заключеніе письма проф. Книгинъ свидѣтельствовалъ объ усердіи трехъ лицъ, много потрудившихся въ этомъ дѣлѣ—проф. Пауловича, который „ревностью, усердіемъ и твердостью духа доказалъ свой умъ, сердце и характеръ“, синдика Филомафитскаго, который, „по порученію правленія все это огромное дѣло въ 4 дня просмотрѣлъ (не спавши трое сутокъ), съ нашей помощью сдѣлалъ изъ него экстрактъ, подвелъ законы, самъ запечаталъ и наконецъ полусонный привезъ и отдалъ на почту“, и кандидата Ник. Спасскаго „который былъ письмоводителемъ, секретаремъ и помощникомъ депутатовъ при слѣдствіи“.

Правленіе университета съ своей стороны, разсмотрѣвъ дополнительное слѣдствіе, нашло, что „студенты, прикосновенные къ этому дѣлу, оказались болѣе оправданными, нежели виновными и возведенныя на нихъ полиціею обвиненія не доказанными; обнаружилась же только съ ихъ стороны нѣкоторая маловажная шалость, за которую они, по опредѣленію правленія 12 октября 1823 г. понесли уже наказаніе, напротивъ того при слѣдствіи обнаруженъ проступокъ противъ студентовъ со стороны полиціи, выразившійся въ нанесеніи имъ побоевъ, въ содержаніи подъ арестомъ между арестантами и въ грабежѣ. Основываясь на этомъ, правленіе полагало, что студентовъ, уже наказанныхъ и болѣе оправданныхъ нынѣшнимъ слѣдствіемъ, новому наказанію не подвергать, а о дѣйствіяхъ полиціи представить кому слѣдуетъ. Въ заключеніе правленіе просило попечителя о защитѣ правъ и преимуществъ, Высочайше дарованныхъ университету.

Дѣло это было внесено въ комитетъ министровъ уже новымъ министромъ народнаго просвѣщенія Шишковымъ, который получилъ донесенія и отъ Харьковскаго губернатора (черезъ министра внутреннихъ дѣлъ), и отъ правленія университета. Докладъ министра народнаго просвѣщенія комитету министровъ былъ таковъ.

По донесенію бывшаго Харьковскаго полицмейстера безпорядки въ театрѣ начались еще 7 Октября шумомъ, свистомъ и крикомъ противъ одного актера (Новицкаго); въ чемъ замѣчены были будто бы руководителями два студента—Остроградскій и Самаржа. Полиція ограничилась на сей разъ только освѣдомленіемъ объ ихъ квартирѣ и именахъ. При слѣдствіи однако жъ студенты эти не сознались въ произведенномъ ими будто бы тогда шумѣ и крикѣ, и вообще въ какихъ либо неблагопристойныхъ поступкахъ съ ихъ стороны.

8 Октября, при началѣ первой піесы во время появленія того же актера, начался крикъ, свистъ и брошены были на сцену яблоки. Все это, по показанію полиціи, приписывалось однимъ студентамъ; но они при допросѣ не сознались въ сихъ проступкахъ, а напротивъ утверждали, что шумъ и свистъ былъ всеобщій со всѣхъ сторонъ, и трое только:—Шимковъ, Богаевскій и Оже—сказали, что при общемъ неудовольствіи публики на дурную игру актера, съ прочими зрителями и они свистали, притомъ и посторонніе лица при спросѣ показали, что они слышали шумъ и свистъ, видѣли также брошенные на сцену яблоки, но кѣмъ это было сдѣлано, точно не знаютъ, ибо въ театрѣ было множество и постороннихъ зрителей по случаю бывшей тогда въ Харьковѣ ярмарки.

По окончаніи первой піесы одинъ изъ студентовъ, Стефановскій, вошелъ за кулисы, и бывшій полицмейстеръ позванъ былъ тогда директорами театра, чтобы взять его подъ арестъ. Полицмейстеръ хотѣлъ отдать его на руки въ то же время находившемуся въ театрѣ экзекутору Анадольскому; но Стефановскій объявилъ тутъ же, что онъ ничего неблагопристойнаго недѣлалъ (такъ и по слѣдствію послѣ оказалось), притомъ не зналъ вовсе о запрещеніи ходить за кулисы и въ первый разъ въ жизни пришелъ въ театръ, будучи принятъ въ университетъ только за два мѣсяца до этого. Поэтому экзекуторъ университета не нашелъ достаточной причины ко взятію его подъ арестъ, а бывшій полицмейстеръ, видя таковой отказъ экзекутора, велѣлъ вести этого студента въ полицію. Нѣкоторые студенты, вышедшіе въ то время изъ театра, узнавъ объ этомъ требовали отъ полицейскихъ чиновниковъ, чтобы взятаго подъ арестъ товарища ихъ вели въ университетъ, какъ къ ближайшему его начальству. Но этого не было исполнено, и потому

уже внѣ театра, на площади, произошло новое замѣшательство, сопровождавшееся сперва крикомъ, бранью, а потомъ и дракою, такъ какъ сбѣжалась толпа разныхъ людей, которые другъ друга толкали. При этомъ схвачено полиціею въ разныхъ мѣстахъ пять студентовъ:—Холодовскій, Бѣлоусовичъ, Костенко, Шимковъ и Богаевскій. Впрочемъ взятъ былъ даже одинъ студентъ Лукашевскій, который, какъ потомъ по слѣдствію открылось, и въ театрѣ въ тотъ день не былъ, а только вмѣстѣ съ другими знакомыми ему посторонними людьми проходилъ тогда близь театра.

При общей дракѣ на площади, по донесенію бывшаго полицмейстера, студенты били служителей будто бы нарочно приготовленными палками. Напротивъ того студенты при допросѣ утверждали, что они не имѣли съ собою палокъ и сами претерпѣли жестокіе побои, при чемъ у одного сорваны золотые часы, у другого золотая печатка и бисерный снурокъ. Совѣтникъ губернскаго правленія Керентовъ засвидѣтельствовалъ, что онъ видѣлъ двухъ молодыхъ людей битыхъ, коихъ онъ изъ сожалѣнія и освободилъ, не зная впрочемъ, студенты ли они, или нѣтъ; а отставной маіоръ Штеричъ при слѣдствіи подъ присягою показалъ, что онъ видѣлъ, какъ воинская команда, смѣшавшись съ чернью, хватала студентовъ при выходѣ изъ театра, и жандармы били ихъ безъ пощады.

Самъ губернаторъ объяснилъ, что по всѣмъ показаніямъ не открывается, чтобы студенты били конвойную команду палками, нарочно приготовленными, какъ бывшій полицмейстеръ прежде слѣдствія утверждалъ. Съ другой стороны полицейскіе чиновники, на которыхъ студенты приносили жалобы въ причиненіи побоевъ, въ отвѣтахъ своихъ опровергаютъ эти жалобы, и со стороны студентовъ нѣтъ по дѣлу ясныхъ доказательствъ къ обличенію въ томъ этихъ лицъ; нѣтъ также по дѣлу точныхъ и сомнѣнію не подверженныхъ доводовъ и о томъ, дѣйствительно ли у нѣкоторыхъ студентовъ при описываемомъ происшествіи похищены нѣкоторыя вещи, а тѣмъ болѣе нѣтъ доказательствъ, кто именно это похищеніе сдѣлалъ.

Губернаторъ далѣе объяснялъ, что онъ пристрастно посудилъ бы, если бы сдѣлалъ заключеніе, что полиція совершенно справедливо арестовала и подвергла заключенію въ полицію студента Стефановскаго за то только, что онъ въ противность запрещенія вошелъ за кулисы театра, между тѣмъ какъ по слѣдствію ни въ какихъ особенныхъ неблагопристойныхъ поступкахъ онъ не обличенъ, но въ то же время университетскій экзекуторъ могъ бы выслать его изъ закулисъ, чего онъ однакожъ не сдѣлалъ. Студенты, по мнѣнію губернатора, виновны:

1) въ томъ, что имѣя неудовольствіе на актера, произвели въ публичномъ мѣстѣ крикъ и свистъ; 2) въ устремленіи на отнятіе арестованнаго товарища ихъ у военной команды, чѣмъ оказали своевольство, противное законамъ, и были причиною происшедшаго на площади въ ночное время смятенія, въ которомъ могли получить оскорбленія и удары, какъ виновные такъ и невинные, а потому арестъ ихъ полиціею въ данномъ случаѣ не можетъ считаться противозаконнымъ.

Но такъ какъ состороны арестованныхъ студентовъ при слѣдствіи объявлены жалобы на полицейскихъ чиновниковъ въ нанесеніи имъ собственно самими этими чиновниками обидъ и даже побоевъ, (хотя эти жалобы не доказаны по слѣдствію и чиновники въ томъ не сознались), то поэтому слѣдствіе, до полицейскихъ чиновниковъ относящееся, губернаторъ не могъ оставить, безъ разсмотрѣнія надлежащимъ судебнымъ мѣстомъ и потому препроводилъ его въ губернское правленіе для обращенія потомъ къ разсмотрѣнію дѣйствій полиціи въ палату уголовнаго суда; дѣло же, относящееся до студентовъ, предоставлено университету.

Губернаторъ донесеніе свое къ управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ заключилъ слѣдующимъ образомъ: „какъ начальникъ губерніи, долгомъ поставляю доложить что хотя изъясненныя дѣйствія студентовъ и можно еще приписать одной пылкой и неопытной юности, но такъ какъ они не въ первый уже разъ оказали буйственные поступки (ибо въ 1817 году было подобное происшествіе), то необходимо, чтобы со стороны университета было обращено строгое вниманіе на надзоръ за ихъ поведеніемъ“.

Университетъ и попечитель, сообразивъ всѣ обстоятельства дѣла, находили, что прикосновенные къ дѣлу студенты оказались по слѣдствію болѣе оправданными нежели виновными, равно не причастными къ тѣмъ поступкамъ или преступленіямъ, кои на нихъ взводимы прежде были полиціею; за шалость же свою, происшедшую отъ неопытности, студенты въ свое время были наказаны университетомъ содержаніемъ ихъ въ теченіе 7-ми дней въ карцерѣ на хлѣбѣ и водѣ, сверхъ нахожденія ихъ въ полиціи цѣлыя сутки между арестантами; почему попечитель полагаетъ не подвергать уже ихъ наказанію за это вторично, какъ оправданныхъ нынѣ болѣе прежняго.

Въ заключеніе университетъ и попечитель просятъ о защитѣ правъ и преимуществъ, дарованныхъ университету—вывести его изъ того непріятнаго положенія, въ которомъ онъ по этому дѣлу поставленъ (т. е. снять запрещеніе ходить студентамъ въ театръ и быть подъ надзоромъ полиціи). „Это возродитъ, по объясненію попечителя,

прежнее довѣріе къ этому высшему учебному заведенію, въ коемъ всегда наблюдаемъ былъ строгій надзоръ какъ за успѣхами воспитанниковъ, такъ и за благонравнымъ ихъ поведеніемъ.

Принимая во вниманіе съ своей стороны, что въ означенномъ происшествіи замѣшано только весьма малое число студентовъ, что никакого между ними на счетъ этого происшествія заговора не было, что приготовленныхъ на сей случай, какъ бывшій Харьковскій полицмейстеръ прежде утверждалъ, палокъ никакихъ при нихъ не имѣлось, что крикъ и свистъ въ театрѣ производили не одни студенты, но что нѣкоторые изъ нихъ, увлекаясь примѣромъ постороннихъ лицъ, по неопытности и пылкости юношескаго возраста. въ томъ приняли участіе и виновные тогда же наказаны, я полагаю мнѣніемъ все дѣло это совершенно прекратить какъ со стороны учебной, такъ и гражданской части, и подтвердивъ начальству университета, чтобы надзоръ за нравственностію студентовъ былъ усугубленъ, поставить ихъ по прежнему въ то положеніе, въ которомъ они до этого происшествія находились, не исключая и входа въ театръ, если онъ еще въ Харьковѣ существуетъ; но съ другой стороны и мѣстной въ Харьковѣ полиціи подтвердить, дабы въ донесеніяхъ и дѣйствіяхъ своихъ была впредь осмотрительнѣе.

Таковое мнѣніе мое, представляя на благоусмотрѣніе комитета министровъ, долгомъ считаю просить комитетъ представить его Государю Императору".

Комитетъ министровъ, по разсмотрѣніи настоящаго представленія, нашелъ, что происшедшій въ Харьковскомъ театрѣ безпорядокъ нельзя отнести собственно къ однимъ студентамъ, такъ какъ произведенныя слѣдствія удостовѣряютъ, что въ немъ участвовали кромѣ студентовъ и многія другія лица, бывшія въ театрѣ, но безпорядокъ этотъ, конечно, прекращенъ бы былъ въ самомъ началѣ и не дошелъ бы до такой степени, какъ это случилось, если бы экзекуторъ университета Анадольскій, по первому объявленію полицмейстера, вывелъ студента Стефановскаго изъ театра, ибо тогда не было бы надобности брать его въ полицію, другіе товарищи его не имѣли бы причины заводить споръ съ полицейскими чиновниками, и вообще не было бы повода внѣ театра ни для какого замѣшательства вслѣдствіе же неисполненія экзекуторомъ требованія полицмейстера, этотъ послѣдній принужденъ былъ приказать взять этого студента подъ арестъ. Но полицмейстеръ такъ же поступилъ весьма неосновательно, что отправилъ арестованнаго студента въ полицію, а не прямо въ университетъ, ибо изъ этого главнѣйшимъ образомъ и вышла между студентами и полицейскими

служителями распря. Впрочемъ хотя при этомъ схвачено полиціею въ разныхъ мѣстахъ шесть студентовъ, но нѣтъ доказательства, чтобы эти именно студенты были главнѣйшими зачинщиками; взятъ даже такой студентъ, который вовсе и въ театрѣ не былъ, а только проходилъ мимо; при томъ они потерпѣли уже довольно строгое наказаніе— за вину свою цѣлые сутки содержались въ полиціи между арестантами, а потомъ университетскимъ начальствомъ оштрафованы содержаніемъ въ карцерѣ въ теченіе 7 дней на хлѣбѣ и водѣ; болѣе же виновные изъ нихъ (четыре студента) внесены сверхъ того въ черную книгу. Это наказаніе комитетъ признаетъ весьма достаточнымъ; и потому, согласно съ мнѣніемъ министра народнаго просвѣщенія, полагаетъ все это дѣло какъ со стороны учебной, такъ и гражданской части прекратить, подтвердивъ начальству университета, чтобы надзоръ за нравственностью студентовъ былъ усугубленъ, и впредь разрѣшить имъ право имѣть входъ въ театръ; затѣмъ мѣстной въ Харьковѣ полиціи предписать, дабы въ донесеніяхъ и дѣйствіяхъ была осмотрительнѣе, а экзекутору университета Анадольскому, допустившему безпорядки въ театрѣ со стороны студентовъ, сдѣлать строгій выговоръ и выдержать подъ арестомъ одну недѣлю.

Председатель департамента экономіи государственнаго совѣта, признавая въ происшествіи этомъ главнѣйшимъ виновникомъ экзекутора Анадольскаго, полагалъ отрѣшить его отъ должности, а студентовъ, виновныхъ въ участіи въ дракѣ, выписать изъ университета и отдать родителямъ, или родственникамъ, съ замѣчаніемъ о таковомъ буйственномъ ихъ поступкѣ; при томъ вообще если разрѣшить студентамъ этого университета, входъ въ театръ, то не иначе какъ съ тѣмъ, чтобы на это всякій разъ давалось отъ ректора университета особое дозволеніе и при томъ только тѣмъ студентамъ, кои будутъ отличаться успѣхами въ наукахъ и нравственностью, и за поведеніе коихъ ректоръ можетъ отвѣтствовать.

Главноначальствующій же надъ почтовымъ департаментомъ, соглашаясь съ заключеніемъ комитета, считалъ опредѣленную студентамъ университетскимъ начальствомъ мѣру наказанія совершенно достаточною, потому что нѣтъ свѣдѣнія, какіе именно изъ нихъ были главными зачинщиками происшедшаго въ театрѣ замѣшательства; но при томъ полагалъ необходимымъ не только Харьковскимъ студентамъ, но и студентамъ всѣхъ другихъ университетовъ запретить ходить въ театръ, ибо молодые люди, оставаясь въ университетахъ не болѣе трехъ лѣтъ для обученія наукамъ, не имѣютъ времени заниматься театрами.

При подписаніи журнала С.-Петербургскій военный генералъ-губернаторъ согласился съ мнѣніемъ предсѣдателя департамента экономіи государственнаго совѣта.

Въ засѣданіи 4-го ноября было объявлено комитету, что Государь Императоръ изволилъ утвердить мнѣніе предсѣдателя департамента экономіи государственнаго совѣта съ тѣмъ, чтобы студентамъ Харьковскаго университета продолжалось запрещеніе ходить въ театръ впредь до особаго повелѣнія.

Комитетъ опредѣлилъ: сообщить о томъ министру народнаго просвѣщенія къ исполненію выпискою изъ журнала.

И такъ, на этотъ разъ комитетъ министровъ согласился съ представленіемъ министра народнаго просвѣщенія, но Государь утвердилъ особое мнѣніе предсѣдателя департамента экономіи и военнаго губернатора Петербурга, которое и стало теперь приводиться въ исполненіе. Анадольскій былъ устраненъ не только отъ экзекутора, но и отъ иныхъ должностей по университету—педеля и смотрителя за университетскимъ англійскимъ садомъ. Это поразило его какъ громомъ и онъ, потрясенный этимъ неожиданнымъ приговоромъ, пишетъ попечителю слѣдующее письмо. „Мнѣ объявлено Высочайшее повелѣніе объ отрѣшеніи меня отъ должности экзекутора Харьковскаго университета по извѣстному студенческому дѣлу. Пріемля съ благоговѣніемъ гнѣвъ монаршій, я хотя и стараюсь утѣшить себя мыслью, что понесъ его не за какой либо умышленный проступокъ свой, но не могу снискать ни на минуту душевнаго спокойствія; не могу изъяснить вашему превосходительству всего горестнаго теперешняго моего состоянія; уже нѣсколько дней, какъ не имѣю сна, хожу, какъ безумный. Прослуживши при университетѣ 19 лѣтъ безъ малѣйшаго порока, я убитъ совершенно случившимся со мною несчастьемъ. Давно располагалъ я оставить службу свою при университетѣ и если продолжалъ ее до отрѣшенія моего, такъ это единственно потому, что имѣлъ въ его превосходительствѣ Захаріи Яковлевичѣ (Карнѣевѣ) и въ вашемъ превосходительствѣ таковыхъ начальниковъ, съ которыми за особенное счастье поставлялъ служить по вѣкъ мой. Я потерялъ теперь совершенно разсудокъ и не знаю, что начать съ собою; многіе мнѣ совѣтуютъ, что такъ какъ я кромѣ экзекуторской должности, отъ которой только и велѣно Высочайше меня отрѣшить, занимаю при университетѣ и должность педеля, то чтобы я прослужилъ въ ней хотя малое время на тотъ случай, дабы получить по крайней мѣрѣ по педельской отъ университета хорошій аттестатъ, коего по экзекуторской получить не могу и прожить нѣкоторое время въ казенной квартирѣ. Повергаю себя съ горестью

моею передъ вашимъ превосходительствомъ: удостойте меня великодушнымъ состраданіемъ вашимъ, наставьте меня, благодѣтельнѣйшій начальникъ мой, что я предпринять долженъ и если совѣтъ мнѣ дѣлаемый, чтобы я прослужилъ нѣсколько времени педелемъ, для меня можетъ быть на будущее время полезенъ, то осчастливьте благодѣтельнымъ вашимъ предписаніемъ университету, чтобы я при этой должности на нѣсколько времени былъ оставленъ и дозволено было мнѣ пользоваться теперешнею квартирою. Поручая себя и судьбу свою въ знаменитое покровительство ваше, съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ и всегдашнею истинною душевною преданностью за счастье поставляю по вѣкъ мой быть". (25 января 1825 г.).

Попечитель обратился за разрѣшеніемъ оставить Анадольскаго при должности педеля и смотрителя за университетскимъ садомъ къ министру народнаго просвѣщенія, который испросилъ на это разрѣшеніе у комитета министровъ, а этотъ послѣдній—у Государя.

Въ концѣ 1825 г. новый попечитель округа Перовскій возбудилъ ходатайство передъ министромъ о предоставленіи Анадольскому экзекуторской должности. Министръ внесъ это дѣло въ комитетъ министровъ, который однако отказалъ въ ходатайствѣ, но Государь Высочайше повелѣть соизволилъ предоставить Анадольскому должность экзекутора и отставить отъ должности педеля, по которой онъ въ 1823 году совершилъ проступокъ.

Произошло смягченіе участи и студентовъ. Правленіе университета не знало, кого изъ студентовъ подвергнуть опредѣленному Государемъ наказанію (увольненію изъ университета). Попечитель, представляя объ этомъ затрудненіи министру, съ своей стороны указывалъ, что въ дракѣ на площади никто изъ студентовъ не былъ изобличенъ, шумѣли же въ театрѣ больше другихъ Шимковъ и Богаевскій и по этому ихъ только и можно бы удалить изъ университета и отдать родителямъ. Комитетъ министровъ, принявъ во вниманіе, что ни одинъ изъ 10 студентовъ въ дракѣ не участвовалъ, а только четверо изъ нихъ были обвинены въ шумѣ и свистѣ въ театрѣ, полагалъ никого не исключать изъ университета, а только этихъ четырехъ лицъ, для примѣра другихъ, выдержать еще подъ арестомъ одинъ мѣсяцъ; Холодовскому же выдать аттестатъ для поступленія на службу.

Въ теченіе 10 лѣтъ студенты Харьковскаго университета несли чувствительное наказаніе—были лишены права посѣщать театръ. Въ 1834 г. тогдашній попечитель гр. Ю. А. Головкинъ, извѣстный своимъ отеческимъ расположеніемъ къ молодежи, обратился къ министру народнаго просвѣщенія съ просьбой представить на Высочайшее усмо-

трѣніе его ходатайство объ уничтоженіи этого запрещенія: „нынѣ, по истеченіи 10 лѣтъ послѣ безпорядковъ, я во время пребыванія своего въ Харьковѣ нашелъ воспитанниковъ этого университета столь скромными и послушными начальству, отличающимися такимъ добронравіемъ и благородствомъ, что рѣшаюсь ходатайствовать за нихъ передъ Его Императорскимъ Величествомъ и просить ваше превосходительство доложить Государю Императору о дозволеніи студентамъ ввѣреннаго управленію моему университета посѣщать театръ на основаніи общихъ университетскихъ правилъ, т. е. съ дозволенія ректора и инспектора. Таковое дозволеніе послужитъ для университета знакомъ совершеннаго забвенія нескромнаго поведенія его воспитанниковъ, провинившихся 10 лѣтъ тому назадъ. Императоръ Николай Павловичъ начерталъ слѣдующую резолюцію: „согласенъ, но при семъ строжайше наблюдать за приличіемъ“. Во исполненіе такой Высочайшей воли, попечитель предложилъ совѣту соблюдать слѣдующія правила: поручить инспектору имѣть бдительный надзоръ за студентами, получающими позволеніе быть въ театрѣ, для чего имѣть ему безплатное кресло и въ помощь назначить экзекутора и педелей; разрѣшеніе выдаетъ инспекторъ на особомъ бланкѣ, подписанномъ ректоромъ; отчетъ о поведеніи студентовъ въ театрѣ ежедневно сообщается педелями инспектору, если его самого не было въ театрѣ. Однако первое посѣщеніе театра студентами ознаменовалось небольшимъ инцидентомъ: Харьковскій гражданскій и военный губернаторъ князь Трубецкой секретно извѣстилъ ректора, что студенты сидѣли въ шапкахъ, когда уже собралось довольно много публики и сняли ихъ только по настоянію полиціи; при этомъ инспектора въ театрѣ не было. Ректоръ однако объяснилъ, что для надзора за студентами былъ экзекуторъ (Анадольскій) и педель и студенты дѣйствительно сначала, какъ и всѣ, сидѣли въ шапкахъ, а потомъ сняли ихъ безъ всякаго настоянія полиціи. Этимъ инцидентъ и былъ исчерпанъ.

Этими „исторіями“ въ сущности исчерпываются всѣ безпорядки коллективнаго характера, если не считать еще одного эпизода, гдѣ студентамъ были приписаны такіе поступки, какихъ они въ дѣйствительности не дѣлали [1]).

Въ апрѣлѣ 1826 года проѣзжала черезъ Харьковъ Императрица Елизавета Алексѣевна и останавливалась въ домѣ купца Безходарнаго. При этомъ разнеслись слухи, что студенты университета, собравшись толпами близь квартиры Ея Величества, въ Высочайшемъ присутствіи ея стояли и ходили съ покрытыми головами, не соблюдая должнаго

[1]) Харьк. унив. архивъ. Д. поп. № 2094/131.

приличія. На это сдѣлалъ указаніе ректору Джунковскому кн. П. М. Волконскій. Попечитель велѣлъ ректору произвести разслѣдованіе по этому дѣлу; и это разслѣдованіе не подтвердило обвиненія. Ни педеля, ни инспекторъ, ни ректоръ не замѣтили такого неприличія со стороны студентовъ; эти послѣдніе также не признали себя виновными; выяснилось, что они вовсе и не собирались толпами, а только находились разсѣянно среди публики; полиція не могла указать виновныхъ; студенты, по заявленію педелей, стояли передъ балкономъ дома, занимаемаго Императрицей, съ обнаженными головами. Ректоръ Джунковскій далъ еще и лично отъ себя, объясненіе, которое содержитъ въ себѣ и общую характеристику студентовъ и потому мы его помѣщаемъ здѣсь въ заключеніе настоящей главы.

„Слухи, разсѣянные здѣсь въ Харьковѣ при самомъ прибытіи Ея Величества Государыни Императрицы Елизаветы Алексѣевны о неблагопристойномъ поступкѣ студентовъ, къ крайнему прискорбію моему достигли и до свѣдѣнія Вашего Превосходительства. Я въ самомъ началѣ хотѣлъ было писать объ этомъ къ Вашему Превосходительству, но такъ какъ еще не имѣлъ ничего достовѣрнаго о подтвержденіи этихъ слуховъ и при томъ нужно было войти въ подробнѣйшее изслѣдованіе ихъ, которое и теперь еще продолжается, то и не смѣлъ преждевременнымъ и не доказаннымъ извѣстіемъ оскорблять Васъ. Теперь позвольте, Ваше Превосходительство, изложить всю исторію этого происшествія, и какъ начальнику, отеческое сердце имѣющему, съ откровенностью и вѣрностью отъ подчиненнаго требуемаго представить все то, что мнѣ доселѣ извѣстно, и упомянуть даже о такихъ обстоятельствахъ, о которыхъ въ офиціальныхъ бумагахъ, отъ присутственныхъ мѣстъ отправляемыхъ, не все и не всегда писать можно. Первую вѣсть о неблагопристойномъ поступкѣ студентовъ я услышалъ отъ Николая Михайловича Лонгинова, который апрѣля 26-го дня, т. е. въ самый день прибытія Ея Величества въ Харьковъ въ 12 часовъ пополудни, при обѣденномъ столѣ у Его Сіятельства князя Петра Михайловича Волконскаго слышалъ объ этомъ отъ самого князя. Такъ какъ въ этотъ день еще до обѣда князь присылалъ ко мнѣ офицера узнать, издана ли 2-я часть Иліодометра, то по этому поводу а равно и для засвидѣтельствованія отъ лица университета почтенія Его Сіятельству, какъ почетному члену, я долгомъ почелъ лично явиться къ нему. Онъ принялъ меня благосклонно, и какъ послѣ многихъ разговоровъ князь ничего не упоминалъ о студентахъ, то я рѣшился самъ сказать ему о разнесшемся слухѣ, при чемъ онъ отвѣчалъ, что и онъ замѣтилъ таковую неблагопристойность во время проѣзда своего черезъ городъ и

именно на Московской улицѣ и передъ квартирою Ея Величества, и *что ему сказано*, что замѣченные имъ въ этомъ невѣжествѣ люди въ *синихъ мундирныхъ* сюртукахъ и фуражкахъ были студенты университета. *Я увѣрялъ князя*, что я самъ былъ при этомъ случаѣ на площади *не подалеку* отъ Московской улицы, и что студенты, возлѣ меня стоявшіе, всѣ сняли шляпы, и что они не въ сюртукахъ, а въ мундирахъ были, хотя между народомъ разнаго званія дѣйствительно, по моему замѣчанію, нѣкоторые во время проѣзда Императорскихъ экипажей стояли съ покрытыми головами, ожидая какого то позолоченнаго Императорскаго экипажа, какъ они послѣ сами объяснялись, но князь все по прежнему настаивалъ, что это были студенты, какъ его увѣряли, которые не снимали фуражекъ, и что таковые поступки могутъ доходить до Высочайшаго свѣдѣнія. Онъ при этомъ вошелъ со мною въ сужденія о воспитаніи юношества и для лучшихъ успѣховъ совѣтовалъ ввести въ университетѣ военную дисциплину. Напослѣдокъ при выходѣ моемъ сказалъ, чтобы я виновнымъ студентамъ сдѣлалъ выговоръ. Я отвѣчалъ Его Сіятельству, что виновнымъ, которые по изслѣдованіи окажутся таковыми, на основаніи законовъ сдѣлано будетъ примѣрное наказаніе. Но, что предъ княземъ, ѣхавшимъ впереди Императорскаго экипажа многіе изъ публики не снимали шляпъ, въ томъ я былъ очевиднымъ свидѣтелемъ, хотя впереди его ѣхалъ верхомъ полицмейстеръ, который однако-жъ не давалъ никакихъ знаковъ къ снимавію шляпъ. Много хлопоталъ я и теперь еще всякія средства употребляю къ точнѣйшему изслѣдованію этого дѣла, но доселѣ ни одинъ изъ студентовъ не открывается виновнымъ. Я никакъ не могу себѣ представить, чтобы могъ найтись такой извергъ, который бы въ присутствіи Высочайшей особы дерзнулъ не оказать должнаго почтенія, хотя по увѣренію хозяина квартиры, Высочайшимъ присутствіемъ занимаемой, Государыня Императрица вовсе не изволила выходить на балконъ и слѣдовательно не являлась публикѣ.

Съ другой же стороны и въ томъ ручаться не могу, что можетъ быть и такіе были, которые не отъ неуваженія, но по нерасторопности, не имѣя никакого худого умысла, впали въ подобные грубые поступки, особливо, когда дорожный экипажъ, въ которомъ Ея Величество изволила находиться, не имѣлъ ничего отличнаго отъ предшествовавшихъ и послѣдующихъ за нимъ экипажей. Сверхъ того Ея Величество, по крайней слабости здоровья, рѣдко изволила выглядывать изъ закрытой кареты. Впрочемъ смѣло могу увѣрить Ваше Превосходительство, основываясь на многолѣтнихъ моихъ опытахъ, что ни въ одномъ изъ иностраныхъ университетовъ нѣтъ такого уваженія и благоговѣнія къ

Высочайшимъ особамъ царствующаго дома, нѣтъ приверженности и неограниченнаго повиновенія властямъ предержащимъ, какъ между молодыми людьми въ Россійскихъ университетахъ. Недостаетъ въ нихъ одного свѣтскаго просвѣщенія, одной людскости и того нѣжнаго чувствія, которое, такъ сказать, даетъ благородную душу нашимъ поступкамъ. Но впечатлѣніе таковаго чувствія должно по настоящему начинаться съ домашняго воспитанія, которое по несчастію у насъ въ Россіи, особливо между бѣдными дворянами, находится въ великомъ небреженіи. Низшія учебныя заведнія наши недостаточны для надлежащаго образованія юношества, ибо не имѣютъ ни достаточнаго числа способныхъ надзирателей, ни особыхъ педагогическихъ учрежденій, а отъ сего происходитъ, что изъ нихъ и въ университетъ поступающіе молодые люди носятъ на себѣ печать тѣхъ худыхъ нравственныхъ качествъ, которыя ими, такъ сказать, всосаны съ матернимъ молокомъ и которые въ университетахъ при величайшихъ усиліяхъ рѣдко могутъ быть совершенно истребляемы.

Посему то я просилъ и теперь всякій разъ прошу каждаго профессора во время лекцій не упускать никакого случая, въ которомъ молодымъ людямъ можно внушать благородныя чувства, прилагая и съ своей стороны всевозможное стараніе къ исправленію нравственности, не оставляя никакого обнаружившагося преступленія безъ должнаго наказанія. При семъ не излишнимъ почитаю донести Вашему Превосходительству и о томъ, что какъ преосвященный съ духовенствомъ ожидалъ прибытія Ея Величества въ соборную градскую церковь, и тогда бы уже она изъ церкви проѣхала мимо университета, то я имѣлъ намѣреніе разставить студентовъ у самаго университета для изъявленія должнаго благоговѣнія сему порфироносному земному ангелу.

Но поелику Ея Величество, по разстроенному здоровью, изволила прибыть прямо въ квартиру, то отъ этого произошло, что большая часть студентовъ и даже профессоровъ, ожидавшихъ Высочайшаго прибытія у соборной церкви, не имѣли счастья видѣть Всеавгустѣйшую Монархиню. Изъ этого, равно какъ и университетскаго донесенія ваше превосходительство изволите усмотрѣть и всѣ обстоятельства, къ данному дѣлу прикосновенныя, и дѣйствіе народной молвы, къ несчастью человѣческаго рода сверхъ мѣры всегда увеличивающейся и нерѣдко безъ всякихъ основаній облекающейся въ одежду истины [1]).

Соображенія Джунковскаго объ отсутствіи здѣсь предумышленности подтверждаются и тѣмъ обстоятельствомъ, что въ студенческихъ движеніяхъ того времени, какъ мы видѣли, совершенно отсутствовала политическая подкладка.

---

[1]) Харьк. унив. арх. Д. поп. № 1184/66.

ГЛАВА 5-я.

Роль университета въ дѣлѣ развитія средняго и низшаго народнаго образованія въ Харьковскомъ учебномъ округѣ.

Образовательное значеніе Харьковскаго университета въ изучаемый нами періодъ распространялось на весь огромный Харьковскій учебный округъ—на всѣ среднія и низшія училища и пансіоны, находившіеся въ непосредственной зависимости отъ его училищнаго комитета и совѣта. Такъ было до 1815 года, такъ было и теперь.

Мы разсмотримъ какова была роль Харьковскаго университета въ управленіи этими училищами, а слѣдовательно, и въ дѣлѣ развитія средняго и низшаго народнаго образованія въ краѣ.

Но для того чтобы лучше оріэнтироваться въ фактахъ, рисующихъ дѣятельность училищнаго комитета и университета на пользу среднихъ и низшихъ школъ, сообщимъ нѣкоторыя свѣдѣнія о мѣропріятіяхъ по отношенію къ нимъ министерства народнаго просвѣщенія.

И въ изучаемый нами періодъ времени продолжали дѣйствовать въ школьномъ дѣлѣ основы прежняго „устава учебныхъ заведеній" 8 ноября 1804 года, установившаго, какъ мы знаемъ, три типа школы—гимназіи, уѣздныя и приходскія училища. Даже министерство князя А. Н. Голицына, преобразовавшее систему народнаго просвѣщенія въ духѣ священнаго союза, сосредоточило свою реформу гл. обр. на учебныхъ планахъ, на содержаніи предметовъ преподаванія, на гражданскихъ и нравственныхъ обязанностяхъ учащихъ и учащихся. Всѣ мѣры по этимъ вопросамъ клонились къ одной цѣли—изгнанію опаснаго духа философскаго вольномыслія и установленію спасительнаго согласія между вѣрою, вѣдѣніемъ и властью [1]). Этотъ духъ піэтизма отразился и въ училищахъ Харьковскаго учебнаго округа и проводникомъ его сдѣлались попечители Карнѣевы и директора училищъ. Но въ министерствѣ по прежнему господствовало убѣжденіе, что низшія училища стоятъ въ самой тѣсной связи съ высшими, имѣютъ огромное значеніе въ общей системѣ народнаго просвѣщенія и безъ нихъ эта послѣдняя—зданіе построенное на пескѣ [2]). Основная цѣль гимназій, по мнѣнію попечителя Петербургскаго учебнаго округа Уварова, заключалась въ томъ, чтобы „со-

---

[1]) Рождественскій. Ист. обзор. дѣят. м. н. пр. С.-Петер., 1902, стр. 116. Во всѣхъ училищахъ взамѣнъ книги „о должностяхъ человѣка и гражданина" предписано было ввести чтенія изъ священнаго писанія или евангелистовъ, а потомъ введено было ежедневное чтеніе новаго завѣта; въ награду ученикамъ должны были выдаваться книги св. писанія или вообще духовнаго содержанія.

[2]) Ibid., стр. 131.

ставлять средоточіе между низшими училищами и университетами" [1]). Важнѣйшимъ недостаткомъ тогдашнихъ школъ являлась скудость содержанія ихъ учительскаго персонала. Попечитель Харьковскаго учебнаго округа гр. С. О. Потоцкій въ 1817 г. писалъ: „учителя, при многотрудной и изнурительной должности, не получая ни отъ правительства, ни отъ частныхъ людей достаточныхъ средствъ къ содержанію себя и семейства, должны, наконецъ, возненавидѣть носимое ими званіе и искать случая перейти въ другой родъ службы. Скудное состояніе этихъ чиновниковъ произвело нынѣ столь неблагопріятное послѣдствіе, что не только иностранцы, но и одноземцы наши, изъ коихъ многіе могли бы съ пользою занять учительскія мѣста, не иначе какъ изъ одной крайности рѣшаются поступать на нихъ. При такихъ обстоятельствахъ и опредѣленіе казенныхъ студентовъ нисколько не можетъ ослабить вреда, происходящаго отъ общаго нерасположенія къ учительскому званію, ибо и они, поступая на службу по принужденію, болѣе помышляютъ о своемъ избавленіи, нежели о пользѣ учащихся. По этимъ соображеніямъ, основаннымъ на опытѣ, онъ, попечитель, за достовѣрное полагаетъ, что никакія мѣры, принимаемыя училищнымъ начальствомъ для усовершенствованія учебной части, не могутъ быть успѣшными, если прежде всего не будетъ усилено попеченіе о доставленіи учительскому званію большихъ выгодъ и уваженій [2]). Корень зла былъ указанъ вѣрно, но правительство до 1828 года не принимало противъ него рѣшительныхъ мѣръ. Введеніе платы съ учащихся явилось мѣрой скорѣе отрицательной, чѣмъ положительной.

Въ 1826 году при Императорѣ Николаѣ Павловичѣ, въ министерство Шишкова, былъ учрежденъ „комитетъ устройства учебныхъ заведеній". Самъ Шишковъ выступилъ въ немъ съ предложеніями объ усиленіи власти попечителей, которые должны были участвовать въ назначеніи директоровъ гимназій, и объ уничтоженіи училищныхъ комитетовъ. Выработанный комитетомъ уставъ среднихъ и низшихъ училищъ, сохранившій 3 типа прежней школы и даже ихъ управленіе, ввѣдшій и новыя увеличенные штаты, былъ утвержденъ 8 декабря 1828 года при новомъ министрѣ кн. Ливенѣ. Этотъ послѣдній полагалъ, что „училищные комитеты должны находиться подъ предсѣдательствомъ директора, назначаемаго изъ постороннихъ чиновниковъ и состоять не только изъ профессоровъ, но также и изъ постороннихъ чиновниковъ [3])". Въ 1832 году комитетъ постановилъ „управленіе училищами округа,

[1]) Ibid., стр. 133.
[2]) Ib., стр. 136—137.
[3]) Ib., стр. 190.

за исключеніемъ выбора и опредѣленія учителей, возложить на правленіе университета или особый училищный комитетъ подъ предсѣдательствомъ попечителя"... Не всѣ члены комитета однако были согласны съ рѣшеніемъ отнять отъ университетовъ право управленія округами. Шторхъ желалъ пересмотрѣть этотъ вопросъ заново, а Крузенштернъ подалъ отдѣльное мнѣніе, въ которомъ доказывалъ, что для благосостоянія училищъ должна существовать тѣсная связь между университетомъ и всѣми учебными заведеніями, принадлежащими къ его округу. 20 Мая 1832 года „комитету было объявлено о Высочайшемъ соизволеніи на уничтоженіе училищныхъ комитетовъ" [1]). Но радикально измѣненъ былъ порядокъ управленія школами только съ изданія „положенія объ учебныхъ округахъ" въ 1835 году, при Уваровѣ. „Въ докладѣ Уварова объ учебныхъ округахъ было сказано: „профессора не имѣютъ ни времени, ни надлежащихъ способностей къ практическому управленію и успѣшному обозрѣнію гимназій и училищъ; университетамъ трудно завѣдывать учебными заведеніями, разсѣянными на разстояніи трехъ или четырехъ тысячъ верстъ; послѣ долголѣтняго университетскаго управленія гимназіи найдены въ печальномъ состояніи; въ другихъ государствахъ учебныя заведенія изъяты отъ управленія университетовъ. Докладъ называетъ Сперанскаго авторомъ проэкта реформы, цѣль которой заключается въ единствѣ власти и отвѣтственности, въ простотѣ и, слѣдовательно, достовѣрности управленія и въ возможности чаще и съ большею пользою обозрѣвать училища... Но порядокъ іерархической зависимости низшихъ училищъ отъ среднихъ остался нетронутымъ": непосредственно обращались къ попечителю губернскіе директора, но уѣздныя и приходскія училища попрежнему остались въ вѣдѣніи этихъ послѣднихъ [2]); „во всѣхъ училищныхъ дѣлахъ, требующихъ ученыхъ соображеній", попечитель обращался за мнѣніемъ къ совѣту. Черезъ мѣсяцъ послѣ введенія реформы округовъ былъ утвержденъ общій уставъ Россійскихъ университетовъ, которымъ власть университета надъ училищами была совершенно уничтожена. Во всеподданнѣйшемъ отчетѣ своемъ за 1835 годъ Уваровъ писалъ: „тридцатилѣтній опытъ доказалъ невыгоду существовавшей прежде системы и невозможность употреблять профессоровъ съ пользою наипаче по хозяйственной и административной части гимназій и училищъ. Неудобства такого порядка вещей съ давняго времени были ощутительны, но въ особенности сдѣлались замѣтны съ умноженіемъ числа учебныхъ заведеній. Медленность, вялость въ распоряженіяхъ, а нерѣдко и не-

[1]) Ib., стр. 192.
[2]) Ib., стр. 238—239.

удовлетворительность принятыхъ мѣръ, прикрываемыя формами совѣщательныхъ собраній, представляли важныя затрудненія въ самыхъ необходимыхъ усовершенствованіяхъ и не соотвѣтствовали вообще нынѣшнему быстрому ходу дѣлъ [1]).

Мотивы, представленные Уваровымъ въ пользу уничтоженія училищныхъ, комитетовъ, являются недостаточно убѣдительными: онъ не представилъ въ пользу своего мнѣнія никакихъ доказательствъ. Во всякомъ случаѣ можно сказать, что въ прежнее время никто не высказывался противъ зависимости учебныхъ заведеній отъ университетовъ и въ самомъ министерствѣ народнаго просвѣщенія рѣшительная реакція противъ этого обнаружилась, какъ мы видѣли, только въ 1832 году; князь же Ливенъ хотя и проэктировалъ нѣкоторую реформу въ этомъ дѣлѣ, но былъ противъ расширенія попечительской власти. Мы полагаемъ, что основнымъ мотивомъ для изъятія училищнаго дѣла изъ подъ вѣдѣнія университетовъ послужило для Уварова желаніе обрѣзать университетскую автономію вообще и провести взамѣнъ прежняго выборнаго, коллегіальнаго начала принципъ сильной правительственной власти; наиболѣе яркое выраженіе университетская автономія нашла себѣ въ тѣхъ пунктахъ устава 1804 года, которые распространяли власть профессорской коллегіи на всѣ училища округа—и вотъ эти то пункты прежде всего и подверглись изъятію—еще до изданія новаго университетскаго устава 1835 года, а за ними послѣдовали и другіе; слѣдовательно, мотивы здѣсь были не столько педагогическіе, сколько политическіе. Существеннымъ представляется намъ только указаніе Уварова на усложненіе дѣятельности училищныхъ комитетовъ, вызванное умноженіемъ числа училищъ; что же касается огромныхъ территорій округовъ, то они остались безъ измѣненія и съ прекращеніемъ дѣятельности училищныхъ комитетовъ, при чемъ попечителю и его помощнику было еще труднѣе ихъ посѣщать и осматривать, тѣмъ университету, который всегда располагалъ болѣе значительнымъ числомъ визитаторовъ. Что же касается „неспособности", будто бы проявленной профессорами въ училищномъ дѣлѣ, то противъ нея краснорѣчиво говоритъ и плодотворная дѣятельность училищныхъ комитетовъ, и тѣ по истинѣ замѣчательные отчеты профессоровъ визитаторовъ, которыми наполнены наши университетскіе архивы и которые могутъ блистательно опровергнуть вышеуказанное положеніе.

Для документальнаго разрѣшенія настоящаго вопроса необходимо было бы обратиться къ обзору дѣятельности на пользу народнаго образованія училищныхъ комитетовъ русскихъ университетовъ. Мы сдѣ-

[1]) Шмида, ист. средн. учебныхъ зав. въ Россіи, стр. 295.

лали такой обзоръ дѣятельности училищнаго комитета Харьковскаго университета за первое десятилѣтіе его существованія—теперь намъ нужно обратиться къ слѣдующему двадцатилѣтію.

Посмотримъ, въ какой мѣрѣ училищный комитетъ выполнялъ возложенную на него задачу по управленію средними и низшими учебными заведеніями и для этого обратимся къ его отчетамъ за нѣкоторые годы.

Вотъ что дѣлалъ, напримѣръ, училищный комитетъ въ 1816 году. Видя невозможность заполнить праздныя учительскія мѣста своего округа воспитанниками этого послѣдняго, онъ обратился за содѣйствіемъ къ Курскому и Бѣлгородскому архіепископу Θеоктисту, который уволилъ для этой цѣли двухъ чиновниковъ своей консисторіи, окончившихъ Курскую семинарію. Независимо отъ того удалось привлечь къ этой службѣ еще очень много посторонних лицъ (23 чел.) и все таки въ виду существованія многихъ вакансій снова пришлось обращаться въ педагогическій институтъ (хотя съ 1813 года оттуда никто не изъявлялъ желанія ѣхать въ Харьковскій учебный округъ) въ Московскій университетъ и къ попечителю округа, отъ которыхъ не получено было никакого отвѣта. Къ экзамену явился въ комитетъ только одинъ иностранецъ Ришпенъ, которому дано было право преподавать въ частныхъ домахъ французскую грамматику и языкъ (разговорный). Попечитель учебнаго округа гр. С. О. Потоцкій поручилъ комитету пересмотрѣть въ виду неуспѣшности преподаванія программы среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній. Комитетъ призналъ необходимымъ усилить въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ преподаваніе словесныхъ наукъ и языковъ и отмѣнить преподаваніе нѣкоторыхъ трудныхъ предметовъ. Относительно приходскихъ училищъ рѣшено было оставить въ прежней силѣ ихъ программу, но примѣнять, гдѣ достаточное помѣщеніе, ланкастерскій методъ. Изъ программъ уѣздныхъ училищъ признано было нужнымъ исключить „наставленіе о должностяхъ человѣка и гражданина“ и перенести этотъ предметъ въ гимназію; „правила слога“—также перенести въ гимназіи; замѣнить преподаваніе всеобщей и математической географіи нагляднымъ объясненіемъ глобуса и картъ; начальныя основанія физики, естественной исторіи и технологіи исключить изъ программы, и усилить занятія по чистописанію, русской грамматикѣ и иностраннымъ языкамъ. Въ гимназіяхъ предполагалось исключить изъ программы право, политическую экономію, технологію и коммерческія науки, психологію очистить отъ подробныхъ анатомическихъ и физическихъ объясненій; запретить диктовку уроковъ и заучиваніе наизусть, за исключеніемъ вокабулъ, тек-

стовъ авторовъ и катехизиса. Не входя въ разсмотрѣніе даннаго проэкта по существу, мы все таки можемъ высказать положеніе, что училищный комитетъ отнесся къ нему серьезно и добросовѣстно. Затѣмъ комитетъ обратилъ вниманіе на снабженіе гимназій и училищъ библіотеками на эти библіотеки онъ смотрѣлъ какъ на средство для распространенія знаній не только между учителями, но и среди населенія того края, гдѣ находилось то или другое учебное заведеніе. Въ гимназическія библіотеки были отправлены слѣдующія книги: а) по 2 экземпляра латинскаго словаря проф. Каменскаго, б) Украинскій Вѣстникъ за 1816 годъ, Опытное душесловіе Любовскаго; для библіотекъ уѣздныхъ училищъ: латинскій словарь Каменскаго и Опытное душесловіе Любовскаго.

Важное значеніе комитетъ придавалъ посылкѣ профессоровъ для ознакомленія съ дѣятельностью училищъ на мѣстѣ. Отправленный въ 1815 году на визитацію въ Курскую, Орловскую и Черниговскую губерніи профессоръ Дегуровъ, исполнивъ порученіе, донесъ теперь училищному комитету что вообще о состояніи училищъ Черниговской губ. по учебной части онъ сказать ничего опредѣленнаго не можетъ, такъ какъ во время его посѣщенія ихъ ученіе только что началось; о Глуховскомъ училищѣ онъ сообщилъ наоборотъ подробныя свѣдѣнія, которыя касались какъ хозяйственной, такъ и учебной части. Точно такія же подробныя данныя визитаторъ сообщилъ и о Кролевецкомъ училищѣ (о числѣ учащихся, о ветхости помѣщенія, о почетномъ и штатномъ смотрителѣ и учителяхъ); въ заключеніе визитаторъ сообщалъ свѣдѣнія о состояніи, въ какомъ находилась въ Нѣжинѣ постройка зданія для учебнаго заведенія, основаннаго Безбородкомъ. Комитетъ принялъ во вниманіе всѣ замѣчанія Дегурова и предпринялъ рядъ мѣръ къ осуществленію его предложеній, но повидимому остался недоволенъ результатами визитаціи Дегурова; намекомъ на это можетъ служить слѣдующее его постановленіе.

Получая иногда отъ визитаторовъ неудовлетворительныя и весьма поверхностныя сообщенія, изъ коихъ о состояніи училищъ и способностяхъ учебнаго персонала никакого опредѣленнаго заключенія вывести невозможно, комитетъ задался цѣлью ввести въ это дѣло улучшеніе и поручилъ профессору Успенскому составить объяснительную записку по этому поводу. Профессоръ Успенскій указалъ на три задачи, которыя нужно имѣть въ виду комитету при отправленіи визитаторовъ: 1) какихъ чиновниковъ посылать для обозрѣнія училищъ? 2) въ какое время учебнаго курса дѣлать эти обозрѣнія? 3) какія преимущественно порученія дѣлать имъ? Хотя 30 и 166 §§ университетскаго устава и

даютъ отвѣтъ на первый вопросъ, но такъ какъ можетъ случиться, что визитаторомъ окажется иностранецъ, не знающій русскаго языка, то при исполненіи своей обязанности онъ будетъ всецѣло полагаться на состоящаго при немъ приказнаго или студента, слѣдовательно, будетъ слышать и видѣть чужими ушами и глазами. Въ виду же того, что ординарныхъ профессоровъ изъ природныхъ россіянъ въ Харьковскомъ университетѣ вообще мало и при томъ они и безъ того обременены помимо лекцій еще дѣлами по правленію и комитетамъ, необходимо разрѣшить выбирать визитаторовъ, по примѣру другихъ университетовъ въ случаѣ недостатка ординарныхъ и изъ экстраординарныхъ профессоровъ и адъюнктовъ русскаго происхожденія. Наиболѣе удобнымъ моментомъ для отправленія визитаторовъ Успенскій признавалъ время передъ окончаніемъ ученія, т. е. май и іюнь. Удобства будутъ заключаться въ томъ, что визитаторы кромѣ своихъ отчетовъ могутъ собирать и доставлять университету попутно объ этихъ краяхъ историческія, топографическія и статистическія данныя, коихъ до сихъ поръ онъ не имѣетъ. Съ визитаторами для этой цѣли можно было бы отправлять магистровъ или кандидатовъ, которые будутъ заниматься описаніемъ мѣстныхъ достопамятностей. Что касается 3-го пункта, то еще въ 1803 году была издана подробная инструкція для визитаторовъ, краткое извлеченіе изъ коей на русскомъ языкѣ напечатано было въ № 1 „Періодическаго сочиненія объ успѣхахъ народнаго просвѣщенія". Но такъ какъ съ того времени произошли значительныя измѣненія въ положеніи училищъ, то инструкцію эту теперь слѣдуетъ признать устарѣвшей, за исключеніемъ впрочемъ 12 и 15 статей, которыя и теперь могутъ служить руководствомъ для визитаторовъ. Но къ нимъ нужно прибавить, что 1) визитаторы должны свидѣтельствовать наличныя денежныя суммы, банковые билеты и другія денежныя обязательства; 2) разсматривать внимательно и сличать приходныя и расходныя книги денежныхъ суммъ и подписывать ихъ; 3) узнать, исполняются ли въ точности всѣ статьи устава учебныхъ заведеній, особенно же §§ 49, 78, 100 и 114. Училищный комитетъ, одобривъ проэктъ профессора Успенскаго, представилъ его на утвержденіе попечителю. Затѣмъ комитетъ отправилъ рядъ предписаній высшаго учебнаго начальства къ директорамъ училищъ. По предложенію Министра Народнаго Просвѣщенія, былъ сдѣланъ директорамъ запросъ, составляютъ ли они и отправляютъ комитету разнаго рода записки, указанныя § 52 устава учебныхъ заведеній, согласно особымъ на сей счетъ программамъ, и если нѣтъ, то объяснили бы, почему не исполняютъ предписаній министра и училищнаго комитета. Директоръ училищъ Курской губерніи

доносилъ комитету о чрезвычайной неисправности приходо-расходныхъ книгъ, доставленныхъ ему штатнымъ смотрителемъ Хотмыжскаго уѣзднаго училища, что затрудняетъ составленіе общей вѣдомости о приходахъ и расходахъ училищной суммы по Курской губерніи. По этому поводу было предписано всѣмъ директорамъ давать наставленія о веденіи отчетности училищной администраціи. По поводу опредѣленія почетнымъ смотрителемъ Городнянскаго повѣтоваго училища Бакуринскаго, комитетъ министровъ разъяснилъ, что эта должность совмѣстима со службою по дворянскимъ выборамъ. Согласно предложенію попечителя гр. С. О. Потоцкаго, были препровождены къ директорамъ Высочайше утвержденныя постановленія о наградахъ для благотворителей училищъ. Въ виду частыхъ сношеній университета съ губернаторами, губернскими предводителями и епархіальными архіереями по дѣламъ учебнаго округа, предписано было директорамъ доставлять точныя свѣдѣнія о лицахъ, занимающихъ эти должности. Доведено было до свѣдѣнія директоровъ, что комитетъ министровъ разрѣшилъ употреблять на похороны бѣднѣйшихъ чиновниковъ и служителей по учебному вѣдомству изъ хозяйственныхъ суммъ отъ 25 до 100 рублей, донося о каждой такой выдачѣ комитету. Было сообщено Высочайшее повелѣніе о назначеніи на мѣста директоровъ училищъ, смотрителей и учителей новыхъ языковъ исключительно офицеровъ и при томъ только по опредѣленію особаго комитета, учрежденнаго въ 1814 году, о запрещеніи до извѣстнаго времени входить съ представленіемъ о пенсіяхъ вдовъ чиновниковъ, о позволеніи директорамъ давать на 28 дней въ вакаціонное время отпуски учителямъ и самимъ отлучаться на этотъ срокъ. Опубликовано было распоряженіе попечителя о вызовѣ лицъ, окончившихъ гимназіи, для поступленія въ педагогическій институтъ и еще пять другихъ правительственныхъ распоряженій.

Таковы были общія мѣры, касавшіяся всѣхъ училищъ въ одинаковой степени. Частныя мѣры и распоряженія по отдѣльнымъ дирекціямъ были таковы.

По Слободско-украинской. Уволенному отъ должности въ 1815 году учителю историческихъ предметовъ Крохмалеву назначена была пенсія; должность штатнаго смотрителя при Купянскомъ уѣздномъ училищѣ, по представленію тамошняго штатнаго смотрителя, предоставлена была учителю этого училища Ситницкому; учитель математики Волчанскаго уѣзднаго училища Бѣлоусовъ былъ переведенъ на такую же должность въ Бѣлгородское училище, а на его мѣсто опредѣленъ казеннокоштный студентъ Харьковскаго университета Коронскій; учитель математики Ахтырскаго уѣзднаго училища Дмитрюковъ переведенъ на такую же

должность въ Суджанское, а на мѣсто его переведенъ изъ Суджанскаго Звѣревъ; учителю Сумскаго уѣзднаго училища Ярославскому поручено преподаваніе рисованія съ жалованьемъ по 75 руб. въ годъ; учитель Чугуевскаго уѣзднаго училища Аладьинъ за непорядочное поведеніе и предосудительные поступки вовсе былъ исключенъ изъ службы по учебной части; по представленію инспектора казеннокоштныхъ студентовъ, въ Чугуевское уѣздное училище учителемъ назначенъ казеннокоштный студентъ Щербинскій, но онъ вскорѣ уволился для окончанія курса наукъ въ университетѣ, а на его мѣсто опредѣленъ надв. сов. Шелинъ; учитель низшаго отдѣленія того же училища Величко переведенъ въ Константиноградское училище, а на его мѣсто опредѣленъ казеннокоштный воспитанникъ Слободско-украинской гимназіи Логвиновскій. Былъ назначенъ также цѣлый рядъ надзирателей, учителей и помощниковъ ихъ въ приходскія училища (учителями были обыкновенно священники).

По Черниговской диренціи. По увольненіи учителя нѣмецкаго языка при Черниговской гимназіи Веплера, его предметъ распредѣленъ между двумя наличными преподавателями; 14 ноября 1816 г. открыто Остерское повѣтовое училище, для коего пожертвовано было Кушелевымъ Безбородко 300 руб., описаніе открытія сообщено для напечатанія въ вѣдомостяхъ; былъ опредѣленъ цѣлый рядъ лицъ на должности смотрителей и учителей, другіе получили увольненіе отъ нихъ; Нѣжинское общество изъявило желаніе открыть въ Нѣжинѣ греческое училище съ наименованіемъ его Александровскимъ и на содержаніе его внесло въ Московскій опекунскій совѣтъ 70000 рублей на вѣчные времена для полученія съ нихъ процентовъ; кромѣ того оно же отвело подъ училище приличный каменный домъ со службами; въ директоры училища греческое Нѣжинское общество избрало изъ своей среды грека Ивана Дмитріевича Спиридонова, а для преподаванія русскаго языка, ариѳметики, географіи и исторіи просило опредѣлить учителя 2-го класса Нѣжинскаго повѣтоваго училища Рудановскаго; университетъ уважилъ это ходатайство, для преподаванія нѣмецкаго языка и на немъ бухгалтеріи опредѣлилъ Дерптскаго уроженца Гинтце, а для преподаванія греческаго языка Сомова; торжественное открытіе училища, согласно желанію малороссійскаго генералъ губернатора кн. Репнина, было назначено на 20—25 января 1817 г.; учитель физикоматематическихъ наукъ въ Новгородъ-Сѣверской гимназіи Капля, во вниманіе къ его превосходнымъ свѣдѣніямъ въ латинскомъ языкѣ, былъ назначенъ учителемъ этого предмета въ той же гимназіи, а на его мѣсто опредѣленъ казеннокоштный кандидатъ Харьковскаго университета Зате-

плинскій; учитель естественной исторіи, технологіи и коммерціи Сухомлиновъ переведенъ на ту же должность въ Воронежскую гимназію, а должность его поручена учителю нѣмецкаго языка Билевичу; проѣздомъ черезъ Новгородъ-Сѣверскъ тамошнюю гимназію посѣтилъ государственный канцлеръ гр. Румянцевъ и пожертвовалъ въ ея библіотеку книгъ по отечественной исторіи на 116 руб. и впредь обѣщалъ дѣлать такія же пожертвованія—университетъ довелъ объ этомъ до свѣдѣнія министра; по случаю смерти почетнаго смотрителя Новгородъ-Сѣверскаго повѣтоваго училища Лобисевича, комитетъ обратился къ Черниговскому губернскому маршалу дворянства объ избраніи на мѣсто его другого лица, благорасположеннаго къ учебной части, изъ Новгородъ-Сѣверскихъ помѣщиковъ; на мѣсто одного учителя Новгородъ-Сѣверскаго повѣтоваго училища опредѣленъ другой.

Въ Донской дирекціи. Гимназія войска Донского была осчастливлена Высочайшимъ посѣщеніемъ Его Высочества Великаго Князя Николая Павловича, который осмотрѣлъ всѣ ея учебно-вспомогательныя учрежденія; директоръ училищъ сообщилъ комитету о результатахъ осмотра имъ нѣсколькихъ уѣздныхъ и приходскихъ училищъ; по его же представленію, лютеранскому священнику Бердовичу разрѣшено было безъ жалованья обучать учениковъ 2-го класса Новочеркасскаго уѣзднаго училища латинскому, нѣмецкому и французскому языкамъ по 6 часовъ въ недѣлю; опредѣлены надзирателями въ приходскія училища (Качалинское и Каменское) 2 священника и 2 урядника.

Въ Екатеринославской дирекціи. Опредѣленъ и уволенъ цѣлый рядъ училищныхъ чиновниковъ въ уѣздныхъ и приходскихъ училищахъ (учителями приходскихъ училищъ по большей части были священники, помощниками ихъ—дьячки, надзирателями—поселяне и унтеръ-офицеры; священниковъ и дьячковъ назначала повидимому духовная власть); по просьбѣ проживавшаго въ Бахмутскомъ уѣздѣ поручика Костенкова, на основаніи 141 § устава учебныхъ заведеній, училищный комитетъ позволилъ ему завести тамъ мужской пансіонъ, въ которомъ предполагалось обучать начаткамъ русскаго и французскаго языка, книгѣ „о должностяхъ человѣка и гражданина“, 1-й части ариѳметики, катехизису и объясненію евангелія, но такъ какъ преподаваніе всѣхъ этихъ предметовъ хотѣлъ взять на себя Костенковъ, а онъ экзаменованъ былъ только по русскому, французскому языку и ариѳметикѣ, то постановлено было допустить его къ преподаванію остальныхъ предметовъ не прежде, чѣмъ онъ выдержитъ по нимъ дополнительный экзаменъ въ Бахмутскомъ уѣздномъ училищѣ; директоръ Таганрогской коммерческой гимназіи осматривалъ Ростовское и Нахичеванское приходскія училища,

но не представилъ еще въ комитетъ отчета объ этомъ; опредѣленъ и уволенъ цѣлый рядъ преподавателей.

По Курской дирекціи. Французъ Меранвиль опредѣленъ учителемъ танцевъ въ гимназію безъ жалованья; директоръ обозрѣвалъ Хотмыжское, Суджанское и Льговское училища и донесъ комитету, что Суджанское находится въ полномъ порядкѣ какъ въ учебномъ, такъ и въ хозяйственномъ отношеніи, ученики же Хотмыжскаго училища обнаружили слабыя познанія, что онъ объясняетъ безпечностью, неопытностью и невнимательностью исправляющаго должность штатнаго смотрителя Бурдунова; о веденіи счетоводства онъ, директоръ, сдѣлалъ поясненія этому послѣднему; Льговское малое народное училище найдено въ полномъ порядкѣ по всѣмъ частямъ; домъ, выстроенный почетнымъ смотрителемъ Изъѣдиновымъ, соотвѣтствуетъ своему назначенію; кромѣ того тотъ же Изъѣдиновъ представилъ ему, директору, 2 плана на усадьбы, гдѣ выстроенъ училищный домъ, доставшійся ему по наслѣдству отъ отца и брата, и планъ флигеля, который онъ также предполагалъ построить на собственный счетъ; домъ, предоставленный имъ училищному вѣдомству, стоилъ 13000 руб., а флигель,—по смѣтѣ долженъ былъ обойтись въ 7000 руб. Изъѣдиновъ при этомъ просилъ о преобразованіи Льговскаго малаго народнаго училища въ уѣздное, при чемъ до постройки флигелей подъ квартиры учителей онъ обязывался отвести имъ приличное помѣщеніе на свой счетъ; университетъ, принявъ во вниманіе, что главное препятстіе къ преобразованію малаго Льговскаго народнаго училища въ уѣздное постройкою приличнаго дома Изъѣдиновымъ устранено, сдѣлалъ представленіе попечителю объ исходатайствованіи на это училище штатной суммы съ 1 мая 1816 г., а черезъ ректора выразилъ ему признательность за сдѣланное пожертвованіе, присовокупивъ, что за постройку флигелей возбудитъ ходатайство о его награжденіи; во время публичнаго экзамена учениковъ Курской гимназіи Курскій мѣщанинъ Вязьмитиновъ, усердствуя къ пользамъ этого учебнаго заведенія, подарилъ ему разныхъ рѣдкихъ вещей на 310 руб. и 134 тома французской энциклопедіи, оцѣненной въ 7000 руб.; комитетъ рѣшилъ представить Вязьмитинова къ наградѣ; опредѣленъ и уволенъ былъ рядъ преподавателей.

По Орловской дирекціи. Исключенъ былъ изъ вѣдомства по учебной части учитель французскаго языка при Орловской гимназіи Дортіо, взявшій для поѣздки въ Кіевъ отпускъ на 28 дней и не явившійся къ мѣсту службы въ теченіе 6 мѣсяцевъ; по случаю смерти почетнаго смотрителя Иванова, университетъ обратился къ Орловскому губернскому предводителю дворянства объ избраніи на мѣсто его другого

лица изъ помѣщиковъ Мценскаго уѣзда, расположенныхъ къ учебному дѣлу; опредѣлены, уволены и перемѣщены разные преподаватели.

По Полтавской дирекціи. По ассигнованіи на Константиноградское повѣтовое училище штатной суммы, торжественное открытіе его произошло 29 іюня въ присутствіи губернатора, уѣзднаго предводителя дворянства съ дворянами, городского головы, директора училища; туда были опредѣлены учителя; директоръ училищъ отправился въ Зѣньковъ и Ромны для обозрѣнія училищныхъ домовъ; въ Зѣньковѣ домъ построило на свой счетъ мѣстное дворянство; при освященіи его, пожертвовало вещей на 141 руб. 50 коп. и приняло на себя содержаніе нѣсколькихъ бѣдныхъ учениковъ; опредѣлено, уволено и перемѣщено было нѣсколько учителей и смотрителей.

По Воронежской дирекціи. На мѣсто учителя естественной исторіи Воронежской гимназіи Якубовскаго, выслужившаго въ преподавательской должности положенной казеннокоштнымъ воспитанникамъ университета срокъ, опредѣленъ учитель Новгородъ-Сѣверской гимназіи Сухомлиновъ; директоръ училищъ донесъ комитету объ осмотрѣ имъ въ прошломъ 1815 году Бирюченскаго, Валуйскаго и Острогожскаго уѣздныхъ училищъ, Павловскаго и Бобровскаго малыхъ народныхъ, которыя нашелъ въ хорошемъ состояніи и только просилъ о назначеніи на должность смотрителя Бирюченскаго училища вмѣсто тамошняго городничаго, его не посѣщающаго, учителя Алпатова; почетный же смотритель Острогожскаго училища Сафоновъ прилагалъ особое усердіе, за что училищный комитетъ постановилъ выразить ему признательность; такая же благодарность была выражена имъ и нѣкоторымъ другимъ преподавателямъ; были опредѣлены и уволены нѣкоторые учителя и смотрителя училищъ; въ Старобѣльскѣ тамошнимъ почетнымъ смотрителемъ Черенковымъ и штатнымъ смотрителемъ Острогожскаго училища Ферронскимъ открыто приходское училище, въ которое поступило 13 учениковъ и въ пользу котораго пожертвовано 460 руб. 65 коп.; въ предназначаемое же къ открытію здѣсь уѣздное училище учителемъ исторіи назначенъ преподаватель Бахмутскаго училища Борисоглѣбскій; директоръ училищъ открылъ приходское училище въ с. Верхотишанкѣ Бобровскаго уѣзда, въ которое надзирателемъ опредѣленъ поручикъ Якименковъ, учителемъ священникъ Зеленевъ, помощникомъ дьячекъ Зеленевъ (съ согласія духовнаго начальства); директоръ довелъ до свѣдѣнія комитета, что открытыя въ текущемъ году бывшей удѣльной экспедиціей приходскія училища въ с. Козинкѣ и Бѣломъ Колодязѣ (Валуйскаго уѣзда, Бобровской волости) мало по малу упразднились благодаря тому, что сельское начальство не понуждало поступать туда

дѣтей поселянъ и хотя онъ директоръ многократно сносился съ управляющимъ Воронежскаго удѣльною конторою объ ихъ возстановленіи, но получилъ отвѣтъ, что, по силѣ существующихъ учрежденій, онъ не можетъ принуждать крестьянъ къ ученію, но далъ однако предписаніе мѣстному волостному начальству, чтобы оно употребило всѣ средства кроткаго убѣжденія—склонить крестьянъ къ отдачѣ своихъ дѣтей въ училища.

По Херсонской дирекціи. На мѣсто умершаго учителя латинскаго языка Херсонской гимназіи Праведникова, по рекомендаціи профессора Шада, былъ опредѣленъ казеннокоштный кандидатъ Харьковскаго университета Костовскій, преподавателемъ же рисованія назначенъ туда воспитанникъ академіи художествъ Турчаниновъ; Херсонскую гимназію и уѣздное училище при ней посѣтилъ Херсонскій военный губернаторъ графъ Ланжеронъ, выразившій благодарность учебному персоналу за найденный имъ порядокъ, и гражданскій губернаторъ Сентпри; въ г. Александріи директоромъ открыто съ приличнымъ торжествомъ, въ присутствіи уѣзднаго предводителя дворянства и многихъ дворянъ, уѣздное училище, въ которое поступило 30 учениковъ. Мѣстное дворянство, ревнуя о пользѣ этого учебнаго заведенія, при избраніи въ почетные смотрители Бржескаго, пожертвовало 1745 руб., кромѣ того опредѣлило вносить ежегодно по 3 коп. съ каждой ревизской души, что составитъ болѣе 600 руб. въ годъ, и предоставило для помѣщенія училища свой дворянскій домъ, купленный за 3000 руб. и на поддержаніе его часть недоимки въ размѣрѣ 500 руб.; при открытіи училища, оно пожертвовало снова 400 руб., а Брежскій, употребившій на исправленіе дома до 1000 руб. изъ своихъ средствъ, обязался отпускать по 100 р. ежегодно на его содержаніе и пожертвовалъ на 200 р. книгъ и учебныхъ пособій для бѣдныхъ учениковъ; въ это училище былъ теперь назначенъ учительскій персоналъ; по просьбѣ жителей г. Николаева, комитетъ разрѣшилъ завести тамъ пансіонъ для благородныхъ дѣвицъ, въ которомъ предполагалось преподавать законъ Божій, русскій, итальянскій и французскій языки съ грамматикой, всеобщую исторію, географію, ариѳметику, рисованіе, музыку (фортепьяно) и рукодѣліе съ платою по 420 руб. въ годъ; смотрителю Дубоссарскаго уѣзднаго училища испрошена была пенсія; опредѣлены и уволены многіе преподаватели въ разныхъ училищахъ и Одесской коммерческой гимназіи; Одесскую гимназію и институтъ удостоилъ своимъ посѣщеніемъ Великій Князь Николай Павловичъ, который изъявилъ свое удовольствіе директору и учителямъ; директоръ гимназіи сообщилъ училищному комитету, что Одесская городская дума сдѣлала на гимназію ежегодную ассигновку въ 6500 р. и просила при этомъ о введеніи въ про-

грамму ея навигаціоннаго, коммерческаго класса и теоріи оснащенія судовъ—предметовъ, которые, по мѣстному положенію Одессы и по занятіямъ ея жителей, будутъ весьма полезны. Университетъ во вниманіе къ просьбѣ Одесскихъ гражданъ, столь расположенныхъ къ учебному дѣлу, сдѣлалъ представленіе объ этомъ попечителю и просилъ выписать, откуда нужно, для Одесской гимназіи двухъ учителей—для преподаванія одному коммерціи, фабричнаго дѣла, товаровѣдѣнія, естественной коммерческой исторіи, коммерческаго и морскаго права, а другому—навигаціи и теоріи оснащенія разнаго рода купеческихъ мореходныхъ судовъ; граждане Одессы, чувствуя всю необходимость въ такого рода учебномъ заведеніи, въ которомъ бы дѣвицы могли слушать начала наукъ, служащихъ къ раскрытію ихъ способностей, препроводили къ директору коммерческой гимназіи составленный ими, по предложенію Херсонскаго военнаго губернатора графа Ланжерона, планъ народнаго женскаго училища, на которое городская дума постановила жертвовать ежегодно по 5000 руб. Предметы преподаванія въ немъ предполагались: законоученіе по катехизису и объясненіе евангелія съ краткою священною исторіею, первоначальныя основанія русскаго языка и чистописаніе, первая часть ариѳметики, краткая всеобщая и русская исторія, географія и рисованіе; число уроковъ—30 (по 5 ежедневно); курсъ ученія отъ 2½ до 3 лѣтъ; весною и лѣтомъ предполагалось обученіе рукодѣліямъ; надзоръ хотѣли поручить директрисѣ и надзирательницѣ; ученіе вести по учебникамъ, изданнымъ главнымъ правленіемъ училищъ; такъ какъ директоръ представилъ и учителей на утвержденіе комитету, то послѣдній рѣшилъ открыть училище въ самомъ непродолжительномъ времени.

По Таврической дирекціи. Таврическая гимназія получила въ даръ отъ бывшаго Таврическаго гражданскаго губернатора Бороздина электрическую машину, стоившую прежде 300 руб.; директоръ училищъ открылъ въ концѣ 1815 года въ Евпаторіи низшее отдѣленіе 1 класса уѣзднаго училища, въ которое поступило 14 душъ; опредѣлены и уволены были разные преподаватели.

По Черноморской дирекціи. По представленію смотрителя Екатеринодарскаго уѣзднаго училища—войскового протоіерея Росинскаго, преподаваніе закона Божія въ немъ возложено на учителя Курбатова; штатный смотритель училищъ войска Черноморскаго представилъ комитету о необходимости избранія для поддержанія Екатеринодарскаго уѣзднаго училища и 4-хъ приходскихъ почетнаго смотрителя со стороны войска [1]).

[1]) Харьк. унив. архивъ Д. сов. 1819. № 22.

Какъ видимъ отсюда, дѣятельность училищнаго комитета въ началѣ изучаемаго нами періода была довольно обширна и разнообразна. Такимъ же характеромъ отличалась она и въ послѣдующіе годы. Чтобы доказать это, приведемъ для примѣра отчеты о ней еще за два года— 1827 и 1828; предупреждаемъ при этомъ, что беремъ эти годы не по выбору, а, такъ сказать, наудачу.

Вотъ нѣкоторыя данныя о дѣятельности училищнаго комитета въ 1827 году. Предписано было всѣмъ директорамъ училищъ о порученіи учителямъ естественныхъ наукъ вести постоянно метеорологическія наблюденія. Былъ отправленъ на визитацію въ Донскую область профессоръ Павловскій. Въ виду усмотрѣнныхъ безпорядковъ въ гимназіи войска Черноморскаго, туда былъ отправленъ визитаторомъ профессоръ Филомафитскій; ему же было поручено осмотрѣть Херсонскую гимназію, а также училища, лежавшія на его пути; въ гор. Лебединъ былъ командированъ для осмотра отстроеннаго тамъ для училища каменнаго дома профессоръ Комлишинскій. Послѣдовало разрѣшеніе на открытіе уѣзднаго училища въ Севастополѣ; Ростовское приходское училище позволено было преобразовать въ уѣздное. Съ разрѣшенія Совѣта университета разрѣшено открыть мужскіе пансіоны—2 въ Одессѣ и одинъ въ Харьковѣ, женскіе—въ Кіевѣ, Сумахъ, Прилукахъ, Бѣлгородѣ; въ Николаевѣ пансіонъ закрытъ вслѣдствіе недостаточнаго числа учащихся; въ с. Нижнемъ, Славяносербскаго уѣзда, Екатеринославской губерніи пансіонъ закрытъ по той же причинѣ и по болѣзни содержателя подпоручика Костенка; закрыто приходское училище въ с. Петряковскомъ, содержимое помѣщикомъ Панчинскимъ; прекращено ученіе въ Харьковскомъ училищѣ для дѣвицъ вслѣдствіе малаго числа учащихся [1]).

Отчетъ о дѣятельности комитета за 1828 г. также не представляетъ изъ себя чего либо особеннаго: онъ довольно типиченъ. Въ 1828 году было открыто 2 новыхъ уѣздныхъ училища; приготовлено къ открытію 6 уѣздныхъ училищъ въ Бессарабской области, 1 приходское, 5 пансіоновъ; дано позволеніе на открытіе 8 частныхъ пансіоновъ. При Таврической гимназіи открыто училищное отдѣленіе для образованія татарскихъ учителей. Двумъ уѣзднымъ училищамъ (Зеньковскому и Севастопольскому) были подарены дома, третьему (Старобѣльскому)— 5 десятинъ лѣса; Слободско-украинской гимназіи—2 иконы и портретъ Государя; Льговскому и Алешкинскому сдѣлана прибавка усадебнаго мѣста, Зеньковскому и Елисаветградскому подарено нѣсколько книгъ.

[1]) Харьк. унив. архивъ. Д. поп. № 1252/71.

а Кременчугскому—астролябія. При Таврической гимназіи введено вновь обученіе татарскому языку и музыкѣ. Для Кіевской гимназіи куплены физическіе инструменты. Для обозрѣнія учебныхъ заведеній отправляемы были профессора Филомафитскій и Комлишинскій. Первый осмотрѣлъ гимназію въ войскѣ Черноморскомъ, Екатеринодарское училище и лежащія по пути изъ Харькова въ Екатеринодаръ училища, а второй осматривалъ Старобѣльское, Купянское и Изюмское уѣздныя училища Слободско-украинской губерніи. Профессоръ Филомафитскій нашелъ въ гимназіи войска Черноморскаго безпорядки по учебной и экономической части, происшедшіе отъ слабаго управленія гимназіею директора Носова, который оказался неспособнымъ управлять учебными заведеніями въ такомъ краѣ, гдѣ онъ не могъ снискать ни любви, ни уваженія отъ публики. Поэтому, съ разрѣшенія Министра Народнаго Просвѣщенія, Носовъ былъ уволенъ отъ должности. Визитаторъ замѣтилъ, что безпорядки по экономической части произошли какъ отъ неисправнаго веденія счетовъ бывшими директорами—Россинскимъ и Носовымъ, такъ преимущественно отъ того, что всѣ экономическія суммы, принадлежащіе учебнымъ заведеніямъ Черноморскаго войска, войсковая канцелярія имѣла въ своемъ вѣдѣніи, сама распоряжалась ими, отдавала ихъ частнымъ лицамъ на проценты безъ вѣрнаго обезпеченія въ уплатѣ и не представляла въ дирекцію точныхъ свѣдѣній о состояніи этихъ суммъ. Поэтому училищный комитетъ отнесся въ войсковую канцелярію, чтобы она всѣ училищныя суммы, въ вѣдѣніи ея находившіяся, до 40000 руб., собравъ отъ заимодавцевъ, доставила въ дирекцію училищъ, которая отправитъ ихъ въ Государственный заемный банкъ; но требованіе это войсковою канцеляріею не было еще выполнено. Таганрогская и Таврическая гимназіи и ихъ уѣздныя училища найдены Филомафитскимъ въ довольно хорошемъ порядкѣ во всѣхъ отношеніяхъ. Въ Херсонской же гимназіи этотъ визитаторъ замѣтилъ, что ея директоръ Заставскій обращеніемъ съ подчиненными ему учителями и своимъ поведеніемъ не соотвѣтствуетъ званію начальника учебныхъ заведеній въ губерніи, почему и сдѣлано представленіе объ увольненіи его отъ этой должности; учителямъ же Херсонской гимназіи, замѣченнымъ въ неисправностяхъ, сдѣлано училищнымъ комитетомъ замѣчаніе. Изъ уѣздныхъ училищъ Херсонской губерніи Александрійское нашелъ визитаторъ въ плохомъ состояніи, вслѣдствіе того, что дворянство Александрійскаго уѣзда не отпустило опредѣленной для него суммы. Судя по мѣстнымъ обстоятельствамъ и малонаселенности города, визитаторъ полагалъ, что поправить состояніе училища можно только переводомъ его изъ Александріи въ Николаевъ.

Училищный комитетъ представлялъ объ этомъ предположеніи визитатора попечителю, но, по предписанію Министра Народнаго Просвѣщенія рѣшеніе этого вопроса отложено до утвержденія новаго устава учебныхъ заведеній.

Профессоръ Комлишинскій нашелъ, что поводомъ къ безпорядкамъ въ Старобѣльскомъ уѣздномъ училищѣ (для изслѣдованія коихъ онъ и былъ отправленъ) было то, что почетный смотритель его Черенковъ по званію своему прилагалъ весьма мало усердія къ приведенію училища въ надлежащее состояніе, а штатный смотритель Четвериковъ по слабой нравственности допустилъ нѣкоторыхъ изъ учителей выйти изъ подчиненности. Училищный комитетъ, основываясь на этомъ донесеніи визитатора, сдѣлалъ представленіе попечителю объ увольненіи упомянутыхъ чиновниковъ. При томъ такъ какъ, по представленію профессора Комлишинскаго, не было возможности получать сверхъ штатной суммы на содержаніе училища ни отъ дворянства, ни отъ гражданъ г. Старобѣльска, то постановлено было просить попечителя объ исходатайствованіи ея у казенной палаты изъ виннаго откупа, въ размѣрѣ 500 руб. въ годъ. Купянское и Изюмское уѣздныя училища найдены визитаторомъ въ хорошемъ состояніи, за исключеніемъ нѣкоторыхъ недостатковъ, объ исправленіи коихъ сдѣлано предписаніе директору училищъ Слободско-украинской губерніи.

Затѣмъ были приведены въ исполненіе слѣдующія Высочайшія повелѣнія: а) о разрѣшеніи гимназіямъ выписывать, съ извѣстными ограниченіями, черезъ университетъ изъ заграницы инструменты и книги; б) о запрещеніи принимать въ гимназіи и уѣздныя училища кантонистовъ. Приведено было въ исполненіе шесть предписаній Министра Народнаго Просвѣщенія, касавшихся учебной и хозяйственной стороны училищъ. Былъ разосланъ директорамъ училищъ списокъ книгъ, присланный комитетомъ устройства учебныхъ заведеній для употребленія въ уѣздныхъ училищахъ. Въ виду значительнаго числа вакансій въ гимназіяхъ по языкамъ, а въ уѣздныхъ училищахъ по рисованію, училищный комитетъ обратился съ вызовомъ учителей по этимъ предметамъ изъ казеннокоштныхъ студентовъ другихъ университетовъ. Изъ донесеній директоровъ училищъ Екатеринославской губ. и войска Черноморскаго оказалось, что въ нѣкоторыхъ приходскихъ училищахъ, прекратилось ученіе, въ другихъ не было учителей, въ третьихъ не было средствъ на содержаніе потому что сельскія общества перестали отпускать эти средства, а гражданское начальство не оказывало никакого содѣйствія учебному въ этомъ дѣлѣ. Приходскія училища въ Слободско-украинской губерніи по этой причинѣ также

стали разстраиваться, потому что казенная палата, основываясь на предписаніи министра финансовъ, запретила волостнымъ правленіямъ производить какіе бы то ни было сборы кромѣ казенной недоимки. Училищный комитетъ просилъ попечителя о содѣйствіи, гдѣ слѣдуетъ, чтобы сборы съ сельскихъ обществъ, составлявшіе единственный источникъ существованія этихъ училищъ, собирались попрежнему.

Получивъ донесенія отъ нѣкоторыхъ директоровъ училищъ, что многія частныя лица занимаются обученіемъ въ домахъ своихъ безъ вѣдома начальства, не имѣя на то никакихъ свидѣтельствъ, училищный комитетъ обратился къ гражданскимъ губернаторамъ съ просьбою о запрещеніи подобнымъ лицамъ преподаванія безъ его дозволенія.

Изъ представленныхъ директорами „историческихъ записокъ" объ училищахъ комитетъ усмотрѣлъ, что они составляются съ ошибками и съ излишними свѣдѣніями и потому составилъ правила и единообразную форму для веденія ихъ и разослалъ по дирекціямъ Харьковскаго учебнаго округа.

Въ 1826 году пожаръ истребилъ домъ Донской гимназіи; въ 1827 году было Высочайше повелѣно построить для гимназіи новое зданіе. Тогда же университетъ обратился въ войсковую канцелярію о составленіи плана и смѣты постройки. Канцелярія сообщила, что она готова уступить подъ гимназію занимаемое ею зданіе, послѣ того какъ для нея будетъ построено новое. Дирекція донесла, что этотъ домъ будетъ удобенъ для гимназіи, если въ немъ измѣнится расположеніе комнатъ. Училищный комитетъ запросилъ, въ чемъ должно заключаться измѣненіе, но отвѣта не получилъ.

По увольненіи директора училищъ Кавказской области и Тифлисскаго благороднаго училища Монасеина, временное исправленіе его должности было поручено учителю Тифлисскаго училища Ярославскому, который исправлялъ ее надлежащимъ образомъ; но Тифлисское гражданское начальство поручило исполненіе директорской должности по учебной части подполковнику барону Унгернъ Штернбергу, съ опредѣленіемъ котораго, тамошнія учебныя заведенія начали приходить въ разстройство и упадокъ, особенно по экономической части. Училищный комитетъ въ виду этого сдѣлалъ представленіе попечителю или о скорѣйшемъ опредѣленіи туда дѣйствительнаго директора, или о воспрещеніи тамошнему гражданскому начальству вмѣшиваться въ учебную часть. Зданіе Тифлисскаго благороднаго училища было повреждено землетрясеніемъ, въ Херсонѣ, Александріи, Александровскѣ и Георгіевскѣ дома уѣздныхъ училищъ—бурею; въ Лохвицѣ и Новозыб-

ковѣ—пожаромъ. Къ исправленію ихъ были приняты необходимые мѣры [1]).

Въ 1828—1829 г. дѣятельность училищнаго комитета въ отношеніе однихъ перемѣнъ личнаго персонала была весьма значительна: было опредѣлено имъ въ гимназіи 13 учителей, въ уѣздныя училища 5 штатныхъ смотрителей, 73 учителя, 2 въ приходскія училища; выбыло по разнымъ поводамъ 9 почетныхъ смотрителей, 2 штатныхъ, 8 учителей гимназій, 24 учителя уѣздныхъ училищъ, 9 приходскихъ, 5 надзирателей приходскихъ училищъ [2]).

Изъ двухъ представленныхъ выше отчетовъ мы могли видѣть, какое важное значеніе для училищнаго комитета имѣли донесенія его визитаторовъ. Сообщимъ поэтому о послѣднихъ нѣкоторыя данныя.

Въ 1815 году были назначены визитаторами для обозрѣнія Харьковской гимназіи, уѣзднаго училища и пансіона Нагеля профессоръ Каменскій и Рейтъ, которымъ дана была особая инструкція, на основаніи которой они и производили ревизію. Въ цѣломъ рядѣ засѣданій съ директоромъ и учителями они выяснили положеніе дѣла, получили много рапортовъ отъ преподавателей и на основаніи этого письменнаго матеріала, устныхъ распросовъ и личныхъ наблюденій составили свой отчетъ, заслушанный потомъ въ училищномъ комитетѣ.

Отчетъ отличался обстоятельностью и касался учебной части вообще, директора—барона Эйбена, котораго ревизоры предлагали по старости и за выслугой 25 лѣтъ уволить отъ должности, экономическаго комитета, гимназическихъ суммъ, педагогическихъ засѣданій, учителей, надзора за воспитанниками и помѣщенія ихъ, затѣмъ слѣдовалъ цѣлый рядъ замѣчаній и практическихъ предложеній. Объ уѣздномъ училищѣ и пансіонѣ Нагеля было сказано только нѣсколько словъ [3]).

Въ 1818 г. былъ отправленъ на визитацію адъюнктъ Васильевъ, который осмотрѣлъ нѣкоторыя уѣздныя и приходскія училища Харьковской и Курской губ. и представилъ о нихъ весьма обстоятельный отчетъ—о хорошихъ сторонахъ и ихъ недостаткахъ. Обстоятельность его отчета видна изъ того, что училищный Комитетъ, заслушавъ его, сдѣлалъ по немъ 34 постановленія [4]). Тотъ же Васильевъ отправленъ былъ училищнымъ комитетомъ въ Херсонскую губ. для производства

---

[1]) Харьк. унив. арх. Д. поп. № 1317/75.
[2]) Харьк. унив. арх. Д. 1829 г. № 37.
[3]) Харьк. унив. архивъ. Д. учил. ком. № 1401/48.
[4]) Харьк. унив. арх. Дѣло Сов. 1818 г. № 2.

слѣдствія о растратѣ денежныхъ суммъ (дир. Якубовскимъ) и представилъ также объ этомъ обстоятельный отчетъ [1]).

Въ 1819 году былъ отправленъ на визитацію въ Кіевъ профессоръ Г. П. Успенскій. На расходы ему было выдано 1000 руб., изъ коихъ онъ истратилъ 855 руб. 10 коп. Въ своемъ отчетѣ онъ просилъ дать нѣкоторое вознагражденіе бывшему при немъ письмоводителю и служителю. Визитаторомъ Одесскаго Ришельевскаго лицея былъ назначенъ профессоръ Джунковскій. Для поѣздокъ визитаторовъ университетъ пріобрѣталъ особые экипажи [2]).

Въ 1826 г. былъ отправленъ въ Донскую область въ г. Новочеркасскъ на визитацію тамошнихъ учебныхъ заведеній проф. Павловскій. Ближайшимъ поводомъ къ этой командировкѣ послужилъ пожаръ, во время котораго сгорѣло зданіе гимназіи. А. Ѳ. Павловскій пробылъ тамъ 3 мѣсяца, въ высшей степени внимательно отнесся къ данному порученію и представилъ чрезвычайно обстоятельный и всесторонній докладъ о состояніи гимназіи, уѣзднаго училища и пансіона. Въ этомъ докладѣ дана яркая картина состоянія училищъ, учебнаго дѣла и успѣховъ учащихъ и учащихся, характеристика административныхъ способностей учебнаго начальства, нравственнаго состоянія учениковъ и финансоваго положенія школъ.

Записка А. Ѳ. Павловскаго была доложена училищному комитету и послужила исходнымъ пунктомъ для цѣлаго ряда мѣропріятій съ его стороны [3]).

Въ 1828 году былъ командированъ на визитацію Черноморской гимназіи и уѣзднаго при ней училища профессоръ Филомафитскій и представилъ обстоятельный отчетъ объ осмотрѣ Изюмскаго уѣзднаго училища, Таганрогской коммерческой гимназіи, Маріупольскаго, Ростовскаго, Нахичеванскаго, Ѳеодосійскаго училищъ, Симферопольской гимназіи, Бахчисарайскаго, Алешкинскаго училищъ, школъ г. Херсона, г. Одессы, г. Николаева, Елисаветградскаго, Александрійскаго и Кременчугскаго училищъ. Отчетъ Филомафитскаго вызвалъ цѣлый рядъ мѣропріятій со стороны училищнаго комитета.

Профессоръ Комлишинскій осматривалъ тогда же въ качествѣ визитатора Купянское и Изюмское уѣздныя училища [4]). Но въ общемъ, кажется, нужно сказать, что визитаціи въ изучаемый нами періодъ были менѣе часты, чѣмъ въ предъидущій.

---

[1]) Ibidem.

[2]) Харьк. унив. архивъ. Д. Правл. № 1505/74.

[3]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло объ отком. проф. Павловскаго. 1827 г. № 53.

[4]) Харьк. унив. архивъ Дѣло 1828 г. № 35.

Важное значенie въ дѣятельности училищнаго комитета имѣлъ выборъ представителей учебной администрацiи, дѣйствовавшей на мѣстахъ. Училищный комитетъ иногда по крайней мѣрѣ удачно выбиралъ лицъ, стоявшихъ во главѣ учебнаго дѣла въ губернiяхъ и областяхъ: во главѣ Черниговской дирекцiи стоялъ выдающiйся дѣятель Марковъ. Екатеринославской—Мизко, Донской—Поповъ, въ Черноморскомъ войскѣ—прот. Росинскiй. Поповъ дѣйствовалъ энергично въ Донской области для увеличенiя тамъ числа школъ. Еще въ 1812 г. онъ вошелъ въ войсковую канцелярiю съ представленiемъ о необходимости открытiя 19 новыхъ приходскихъ училищъ въ важнѣйшихъ станицахъ, а когда это ходатайство было признано несвоевременнымъ (оно совпало съ нашествiемъ Наполеона), повторилъ его въ 1818 году и мотивировалъ цѣлымъ рядомъ серьезныхъ соображенiй и между прочимъ статистическими данными о числѣ школъ по отношенiю къ числу жителей. Министерство кн. Голицына однако обратило большее вниманiе на одинъ изъ выставленныхъ имъ мотивовъ въ пользу увеличенiя числа школъ (расширенiе библейскихъ обществъ), чѣмъ на самое расширенiе школьнаго дѣла. Попечитель Харьковскаго учебнаго округа извѣстный З. Я. Карнѣевъ въ свою очередь заинтересовался главнымъ образомъ этою же стороною дѣла и, воспользовавшись этимъ, предписалъ циркулярно всѣмъ директорамъ усилить религiозно-нравственный элементъ въ дѣлѣ средняго и низшаго народнаго образованiя. Сообщая министру о мѣрахъ, принятыхъ въ этомъ отношенiи Поповымъ, попечитель прибавлялъ, что подобныя мѣры приняты и въ университетѣ и въ прочихъ гимназiяхъ; „однако не могу еще похвастаться, говорилъ онъ въ заключенiе, передъ вашимъ сiятельствомъ значительными въ томъ успѣхами, но по мѣрѣ озаренiя привыкшихъ къ мiромудрiю умовъ истиннымъ свѣтомъ евангелiя, можно современемъ ожидать благословенiя Божiя“. Князь Голицынъ поощрилъ попечителя письмомъ, въ которомъ писалъ: „мнѣ весьма прiятно было видѣть сдѣланныя вами распоряженiя къ распространенiю въ училищахъ Слова Божiя. При самомъ поступленiи вашемъ въ званiе попечителя, я уже могъ быть увѣренъ, что Слово Божiе болѣе и болѣе укоренится въ учебныхъ заведенiяхъ вамъ подвѣдомыхъ, поелику законъ Божiй долженъ служить основанiемъ истинному просвѣщенiю. Надежда моя была не тщетна и я прiятнѣйшимъ долгомъ ставлю принести вамъ, милостивый государь мой, признательность мою за ревностное споспѣшествованiе ваше въ томъ, чтобы юношество при учебномъ образованiи своемъ прилежало и къ чтенiю книгъ священнаго писанiя, изъ которыхъ уразумѣло бы волю Господню“.

Въ чемъ же однако фактически выразилась дѣятельность попечителя „въ распространеніи въ училищахъ Слова Божія“? А только въ томъ, что онъ рекомендовалъ циркулярно всѣмъ директорамъ слѣдовать примѣру Попова, который сообщалъ, что у него „въ праздничные и воскресные дни до отхода въ церковь читаются ученикамъ изъ библіи ветхаго и новаго завѣта приличныя мѣста и дѣйствія литургіи“; я надѣюсь, прибавлялъ попечитель что „и вы обратили подобное вниманіе къ возстановленію прочной нравственности, почерпаемой изъ чистаго источника священнаго писанія“. Въ отвѣтъ на это послѣдовалъ рядъ извѣстій отъ директоровъ, конечно, въ духѣ требованій попечителя. Директоръ Слободско-украинской губ. П. Любовскій отвѣчалъ: „въ силу предписанія вашего превосходительства, симъ имѣю честь донести, что поставляю всегда за священнѣйшій долгъ внушать ученикамъ подвѣдомыхъ мнѣ училищъ прочную нравственность, почерпаемую изъ священнаго писанія“; затѣмъ говорится о томъ, какое предписаніе онъ сдѣлалъ гимназіи и другимъ училищамъ. Но каковы были истинные результаты всѣхъ этихъ предписаній, въ какой мѣрѣ они были исполнены и какъ долго исполнялись, какихъ нашли исполнителей, оказали ли они какое либо вліяніе на учащихся объ этомъ не распорядился узнать самъ попечитель [1]). А тѣ 19 школъ, о которыхъ ходатайствовалъ Поповъ, повидимому открыты не были, ибо у войсковой канцеляріи не оказалось необходимыхъ для этого средствъ.

Выдающимся директоромъ былъ и питомецъ Харьковскаго университета Т. И. Селивановъ, избранный Совѣтомъ университета въ 1830 году на должность директора Донской области. Онъ былъ на службѣ по учебной части съ 1810 года и проходилъ ее съ отличнымъ успѣхомъ и усердіемъ, почему и ввѣрялось ему не разъ временное управленіе находившейся въ разстроенномъ состояніи Слободско-украинской гимназіей въ отсутствіе ея директора и онъ приводилъ ее въ порядокъ къ совершенному удовольствію начальства, за что ему изъявлялась признательность [2]).

Но встрѣчались и совсѣмъ иные директора. Пріобрѣвшій печальную извѣстность профессоръ философіи Чановъ, по желанію попечителя Филатьева, былъ назначенъ директоромъ училищъ Слободско-украинской губерніи, но изъ этого не вышло ничего хорошаго. Въ 1833 г. онъ самъ попросилъ уволить его отъ должности директора по трудности этой должности и разстроенному его здоровью, но при выдачѣ

[1]) Харьк. унив. арх. Д. поп. № 475/24.
[2]) Харьк. унив. архивъ. Д. поп. № 1463/83.

ему аттестата произошла заминка, потому что онъ не могъ сдать удовлетворительнаго денежнаго отчета [1]).

Въ 1819—1820 г. училищный комитетъ занятъ былъ осуществленіемъ мѣры, одобренной Государемъ,—объ учрежденіи при гимназіяхъ, стипендій для содержанія на счетъ процентовъ изъ экономическихъ суммъ бѣднѣйшихъ учениковъ [2]).

Приходилось училищному комитету входить во всѣ подробности хозяйственнаго управленія училищъ, напримѣръ, о покупкѣ и постройкѣ домовъ для школъ и т. п.

Приходилось училищному комитету налагать и дисциплинарныя наказанія на педагогическій персоналъ. Такъ въ 1817 году директоръ училищъ Таврической губ. предлагалъ уволить отъ должности учителя Орѣховскаго уѣзднаго училища Мартыненкова за пьянство и грубое обращеніе съ жителями; комитетъ, хотя и нашелъ это наказаніе заслуженнымъ, но въ виду молодости Мартыненкова (ему было 19 лѣтъ) и въ надеждѣ на его исправленіе, постановилъ, взамѣнъ увольненія отъ должности, выдержать его при училищѣ 7 дней на хлѣбѣ и водѣ, съ тѣмъ чтобы въ это время въ учебные часы онъ занимался съ учениками [3]).

Педагогическій персоналъ училищъ войска Донскаго получалъ въ видѣ деньщиковъ для личныхъ услугъ казаковъ, которые однако большею частью откупались, даже дорогою цѣною, отъ этой тяжелой службы, отвлекавшей ихъ отъ хозяйства. Атаманъ войсковой Денисовъ уничтожилъ эту повинность, а въ училищномъ комитетѣ возникло по этому поводу дѣло, которое окончилось прибавкою жалованья учителямъ на Дону [4]).

По представленію училищнаго комитета учитель Нововодолажскаго приходскаго училища Кирюхинъ, изъ крѣпостныхъ отпущенныхъ на волю, получилъ права Государственной службы и освобожденіе изъ податнаго состоянія [5]).

Вотъ нѣкоторые болѣе важные стороны дѣятельности училищнаго комитета, для обозрѣнія которыхъ мы воспользовались матеріалами *описательнаго* характера. Но есть еще свѣдѣнія иного рода для характеристики результатовъ дѣятельности комитета—статистическія данныя о числѣ школъ и учащихся въ Харьковскомъ учебномъ округѣ за

---

[1]) Ibid., Д. поп. № 1565/91.
[2]) Харьк. унив. архивъ. Д. поп № 679/35.
[3]) Харьк. унив. архивъ. Д. Сов. 1817 г. № 59.
[4]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло поп. № 565/28.
[5]) Харьк. унив. архивъ. Д. п. № 656/34.

разные годы. Они даютъ документальное доказательство того, что дѣятельность комитета была довольно успѣшна, что число училищъ и учащихся въ нихъ постепенно возрастало.

Дабы не загромождать своего изложенія большимъ количествомъ цифроваго матеріала, я выберу и отмѣчу только немногое, существенное.

Вотъ статистическія данныя о числѣ училищъ и учащихся въ Харьковскомъ учебномъ округѣ за 1815 г.

Въ Харьковской губерніи.

Гимназій	1	Учащихся . . .	242	
Пансіонъ	1	„ . . .	=	
Уѣздныхъ училищъ	11	„ . . .	808	= 1303
Приходскихъ училищъ . . .	25	„ . . .	495	
	38		1545	
Съ неизвѣст. кол. учащихся .	7			
	45			

Въ Черниговской губерніи.

Гимназій	2	Учащихся . . .	195	
Уѣздныхъ училищъ (повѣтов.)	7	„ . . .	892	
Малыхъ народныхъ училищъ	2	„ . . .	217	= 1181
Приходскихъ училищъ . .	2	„ . . .	72	
	13		1376	

Въ Екатеринославской губерніи.

Гимназій	2	Учащихся . . .	159	
Уѣздныхъ училищъ	5	„ . . .	408	= 903
Приходскихъ училищъ . . .	36	„ . . .	495	
	43		1062	
Съ неизв. колич. учащ. . . .	3			
	46			

Въ Курской губерніи.

Гимназій	1	Учащихся . . .	78	
Уѣздныхъ училищъ	8	„ . . .	631	= 938
Малыхъ народн. училищъ . .	5	„ . . .	307	
	14		1016	
Съ неизв. кол. учащихся . .	1			
	15			

Въ Орловской губерніи.

Гимназій	1	Учащихся . . .	62	
Уѣздныхъ училищъ	4	„ . . .	304	= 504
Малыхъ народн. училищъ . .	4	„ . . .	200	
	9		566	
Съ неизв. колич. учащихся .	1			
	10			

Въ Воронежской губерніи.

Гимназій	1	Учащихся . . .	72	
Уѣздныхъ училищъ	2	„ . . .	274	
Малыхъ народн. училищъ . .	4	„ . . .	151	= 500
Приходскихъ училищъ . . .	4	„ . . .	75	
	11		572	

Въ Полтавской губерніи.

Гимназій	1	Учащихся . . .	64
Уѣздныхъ училищъ	12	„ . . .	909
	13		973

Въ Херсонской губерніи.

Гимназій	2	Учащихся . . .	92
Уѣздныхъ училищъ	6	„ . . .	352
	8		444
Съ неизв. колич. учащихся .	1		
	9		

Въ Таврической губерніи.

Гимназій	1	Учащихся . . .	18
Уѣздныхъ училищъ	4	„ . . .	231
	5		249

Въ Войскѣ Донскомъ.

Гимназій	1	Учащихся . . .	24	
Уѣздныхъ училищъ	4	„ . . .	178	= 343
Приходскихъ училищъ . . .	5	„ . . .	165	
	10		367	

Въ Войскѣ Черноморскомъ.

Уѣздныхъ училищъ	1	Учащихся	67
Приходскихъ училищъ	4	„	118
	5		185 [1]

Всего гимназій въ 11 губерніяхъ и областяхъ округа было 13 съ 1006 учениками, что составитъ въ среднемъ по $77^{5}/_{13}$ на каждую, 64 уѣздныя училища съ 5054 учениками, т. е. въ среднемъ почти по 79 душъ на каждое, 71 приходское училище съ 1255 учениками, т. е. въ среднемъ по $17^{48}/_{71}$ душъ на каждое, 15 малыхъ народныхъ училищъ съ 875 учениками или по $58^{1}/_{3}$ душъ на каждое.

---

[1]) А вотъ болѣе подробныя данныя объ училищахъ и распредѣленій въ нихъ учащихся.

Въ Харьковской губ. Въ Харьковѣ гимназія (242 уч.), уѣздное училище (144), пансіонъ Нагелевой; уѣздныя училища—въ Богодуховѣ (67), Сумахъ (126), Ахтыркѣ (69), Волчанскѣ (66), Лебединѣ (60), Зміевѣ (60), Валкахъ (77), Изюмѣ (61), Купянскѣ (52), Чугуевѣ (25); приходскія училища Харьковскаго уѣзда—въ Ольшанѣ (35), Дергачахъ (13), Золочевѣ (14), Липцахъ (15), Мерефѣ (24), Богодуховскаго уѣзда—Кручикѣ (22), [осн. въ 1804, содержалось на счетъ помѣщика, имѣло библіотеку изъ разныхъ книгъ, подаренную В. К. Каразинымъ, въ то время какъ въ другихъ училищахъ упоминалось только объ одной книгѣ—Библіи], Калантаевѣ (15), Краснокутскѣ (33), Никитовкѣ (21), Свиномъ (14), Рублевкѣ (10), Вольномъ (14); Сумскаго уѣзда—Стецьковской (12); Низшей Сыроваткѣ (16), Высшей Сыроваткѣ (7), Прорубѣ (17), Рѣчкахъ (3), Ворожбѣ, Тимофеевскомъ, Бѣлопольѣ, Климовкѣ, Чернетскомъ; Ахтырскаго уѣзда—Котелькѣ (34), Боромлѣ (33); Лебединскаго уѣзда—Бишкинѣ, Недригайловѣ (27); Валковскаго уѣзда—Новой Водолагѣ (54), Коломакѣ (27); Изюмскаго уѣзда—въ Славянскѣ (26); Купянскаго уѣзда—Сватовой Лучкѣ (9); Волчанскаго уѣзда—Печенѣгахъ, Хотомлѣ.

Въ Черниговской губ. Въ Черниговѣ гимназія (86), въ Новгородъ Сѣверскѣ гимназія (109); повѣтовыя училища—въ Черниговѣ (242), въ Новгородѣ Сѣверскѣ (175), въ Глуховѣ (129), Нѣжинѣ (138), Конотопѣ (70), Кролевцѣ (92), Городнѣ (50); малыя народныя училища—въ Стародубѣ (151), Погарѣ (66); приходскія училища—Сосницкаго уѣзда въ с. Александровкѣ (46); Кролевецкаго уѣзда въ м. Покорницѣ (26).

Въ Екатеринославской губ. Въ Екатеринославѣ гимназія (84), въ Таганрогѣ (75), уѣздныя училища—въ Екатеринославѣ (110), Павлоградѣ (72), Новомосковскѣ (63), Александровскѣ (48), Бахмутѣ (115); приходскія училища—въ Каменкѣ (19), Романковкѣ (15), Никополѣ (21); Верхнеднѣпровскаго уѣзда—Комисаровкѣ (17), Бородаевкѣ (11); Новомосковскаго уѣзда—Петровковкѣ (19), Могилевѣ (17), Бахмутскаго уѣзда—въ Гродовѣ (10), Покровскомъ (10), Луганскѣ (14), Привольномъ Желѣзнякѣ (12), Ясиноватомъ (15), Грищинѣ (10), Андреевкѣ (12), Серебрянкѣ (20), Вишнѣ (12), Калиновкѣ (15), Троицкѣ (14), Байракѣ (15), Зайцевѣ (12), Скотоводскѣ (10), Авдѣевѣ (10), Селидовѣ (13), Алексѣевкѣ (10), Сергѣевкѣ (13), Новомосковскѣ (10); Славяносербскаго уѣзда—Донецкѣ (20), Черкасскѣ (12), Вергункѣ (12), Желтянахъ (10), Нижнянахъ (20), Крымкѣ (15), Краснянкѣ (10), Хорошнѣ (10), Хвощанахъ, Петропавловкѣ (12); Павлоградскаго уѣзда— Дмитріевѣ (18); приходскія училища—Ростовское, Нахичеванское.

Такимъ образомъ, на первомъ мѣстѣ по числу учениковъ стояли уѣздныя училища, съ ними почти уже равнялись гимназіи, далѣе стояли малыя народныя училища, представлявшія изъ себя еще наслѣдіе Екатерининскихъ временъ, и на послѣднемъ мѣстѣ приходскія училища, очень скудные учащимися. По числу школъ губерніи и области шли въ такомъ нисходящемъ порядкѣ: Екатеринославская губ. Харьковская (впрочемъ если принять во вниманіе и тѣ школы ея, въ которыхъ неизвѣстно число учениковъ, то она окажется на первомъ мѣстѣ), Курская, Черниговская и Полтавская, Воронежская, Область Войска Донскаго, Орловская и Херсонская губ., Таврическая губер. и Область Черноморская. Уѣздныхъ училищъ болѣе всего было въ Полтавской г., затѣмъ въ Харьковской, Курской, Черниговской, Херсонской, Екатеринославской, Орловской и Таврической губ. и Области Войска Донскаго, Воронежской г. и Области Войска Черноморскаго. Приходскихъ болѣе всего въ Екатеринославской и Харьковской, затѣмъ немного въ Воронежской, въ Войскѣ Черноморскомъ и Черниговской г. (въ остальныхъ

Въ Курской губ. Гимназія въ Курскѣ (78); уѣздныя училища въ Курскѣ (115), Корочѣ (66), Судже (77), Фатежѣ (76), Новомъ Осколѣ (41). Бѣлгородѣ (110), Рыльскѣ (51), Обояни (95), Хотмыжскѣ, малыя народныя училища—Дмитріевѣ на Свапѣ (43), Льговѣ (43), Старомъ Осколѣ (72), Щиграхъ (117), Путивлѣ (52).

Въ Орловской губ. Гимназія въ Орлѣ (62); уѣздныя училища—въ Орлѣ (114), Сѣвскѣ (65), Кромахъ (34), Болховѣ, Брянскѣ (91); малыя народныя училища—in Мценскѣ (53), Ельцѣ, Дмитріевѣ (56), Трубчевскѣ (72), Карачевѣ (19).

Въ Воронежской губ. Гимназія въ Воронежѣ (72); уѣздныя училища—въ Воронежѣ (163), Острогожскѣ (111); малыя народныя училища—Бирючѣ (73), Валуйкѣ (28), Бобровѣ (13), Павловскѣ (37); приходскія училища—Козинское (4), Бѣлоколодезское (6), Бобровское (26), Лосевское (39).

Въ Полтавской губ. Гимназія въ Полтавѣ (64); уѣздныя училища въ Полтавѣ (150), Кременчугѣ (82), Ромнахъ (131), Прилукахъ (140), Кобелякахъ (85), Хоролѣ (33), Миргородѣ (62), Лохвицѣ (57), Лубнахъ (24), Пирятинѣ (47), Гадячѣ (60), Зеньковѣ (38).

Въ Херсонской губ. Гимназія въ Херсонѣ съ 1815 г. (24) и Одессѣ (68); уѣздныя училища—въ Херсонѣ (123), Елисаветградѣ (69), Новомиргородѣ (49), Вознесенскѣ (64), Тирасполѣ (30), Дубоссарахъ, Овидіополѣ (17).

Въ Таврической губ. Гимназія въ Симферополѣ (18); уѣздныя училища—въ Симферополѣ (70), Ѳеодосіи (87), Орѣховѣ (48), Алешкахъ (26).

Въ войскѣ Донскомъ. Гимназія въ Новочеркасскѣ (24). уѣздныя училища—въ Новочеркасскѣ (103), 2-е Донское (28), Устьмедвѣдицкое (24), Хоперское (28); приходскія училища—Михайловское (35), Оксайское (29), Кочетовское (34), Каменское (27), Качалинское (40).

Въ войскѣ Черноморскомъ. Уѣздное училище въ Екатеринодарѣ (67); приходскія училища—Таманское (34), Щербиновское (17), Брюховецкое (15), Гривенное (5). (Харьк. унив. арх. Д. 1815 № 62).

они отсутствовали). Малыя народныя училища сохранились только въ Курской, Орловской, Воронежской и Черниговской губ.

По числу учащихся губерніи и области шли въ такомъ нисходящемъ порядкѣ—Харьковская г. (далеко впереди всѣхъ), Черниговская, Екатеринославская, Курская, Полтавская, Воронежская, Орловская, Херсонская, Область Войска Донскаго, Таврическая губерн., Область Войска Черноморскаго. Самая многолюдная была Харьковская гимназія, самыя малолюдныя Симферопольская и Донская. Черниговская, Екатеринославская и Херсонская губ. имѣли по 2 гимназіи; первыя двѣ губерніи были сравнительно обильны учениками; третья имѣла ихъ менѣе средней нормы.

Въ 1818 году было:

Въ Харьковской губерніи.

Гимназій	1	Учащихся	255	
Уѣздныхъ училищъ	10	„	864	= 1262 (864 + 398)
Приходскихъ училищъ	21	„	398	
Пансіоновъ	4	„	93	
	36		1610	

Въ томъ числѣ 50 душъ женскаго пола.

Въ Черниговской губерніи.

Гимназій	2	Учащихся	277
Уѣздныхъ училищъ (повѣт.)	12	„	1145
	14		1422

Въ томъ числѣ 26 душъ женскаго пола.

Въ Екатеринославской губерніи.

Гимназій	2	Учащихся	159	
Уѣздныхъ училищъ	5	„	336	= 429 (336 + 93)
Приходскихъ училищъ	13	„	93	
	20		588	

Въ томъ числѣ 43 души женскаго пола.

Въ Орловской губерніи.

Гимназій	1	Учащихся	66	
Уѣздныхъ училищъ	4	„	226	= 419 (226 + 193)
Малыхъ народн. училищъ	5	„	193	
	10		485	

Въ томъ числѣ 23 души женскаго пола.

Въ Полтавской губерніи.

Гимназій	1	Учащихся . . .	111
Уѣздныхъ училищъ	13	„ . . .	995
	14		1106

Въ томъ числѣ 57 душъ женскаго пола.

Въ Кіевской губерніи.

Гимназій	1	Учащихся . . .	94
Повѣтовыхъ училищъ	1	„ . . .	173
Приходскихъ училищъ . . .	1	„ . . .	49
	3		316

Въ томъ числѣ 2 души жен. пола. (О прочихъ свѣдѣній не было).

Въ Курской губерніи.

Гимназій	1	Учащихся . . .	102	
Уѣздныхъ училищъ	10	„ . . .	1101	= 1408
Малыхъ народн. училищъ . .	5	„ . . .	307	
	16		1510	

Въ томъ числѣ 12 душъ женскаго пола.

Въ Воронежской губерніи.

Гимназій	1	Учащихся . . .	64	
Уѣздныхъ училищъ	4	„ . . .	353	
Малыхъ народн. училищъ . .	3	„ . . .	152	= 571
Приходскихъ училищъ . . .	3	„ . . .	66	
	11		635	

Въ томъ числѣ 26 душъ женскаго пола.

Въ Херсонской губерніи.

Гимназій	1	Учащихся . . .	29
Уѣздныхъ училищъ	5	„ . . .	280
	6		309

Въ томъ числѣ 7 душъ женскаго пола.

Въ Таврической губерніи.

Гимназій	1	Учащихся . . .	13	
Уѣздныхъ училищъ	5	„ . . .	219	= 242
Приходскихъ училищъ . . .	1	„ . . .	23	
	7		255	

Въ томъ числѣ 23 души женскаго пола.

Въ Войскѣ Донскомъ.

Гимназій	1	Учащихся . . .	35	
Уѣздныхъ училищъ	4	„ . . .	217	} = 514
Приходскихъ училищъ . . .	6	„ . . .	297	
	11		549	

Въ Черноморскомъ Войскѣ.

Уѣздныхъ училищъ	1	Учащихся . . .	76
Приходскихъ училищъ . . .	6	„ . . .	129
	7		205 [1])

Въ томъ числѣ 2 души женскаго пола.

По сравненію съ 1815 годомъ въ Харьковской губерніи число училищъ уменьшилось, число учащихся возрасло на 65 душъ, въ Черниговской губерніи—число училищъ возрасло, число учащихся возрасло на 46 душъ, въ Екатеринославской губ.—число училищъ и число учащихся сильно уменьшилось (на 474 души), въ Курской губ. возрасло и число училищъ, и число учащихся (на 494 души), въ Воронежской губ. число училищъ осталось прежнее, число учащихся возрасло на 63,

---

[1]) Въ 1818 году въ Харьковской гимназіи было 255 учениковъ; въ уѣздныхъ училищахъ въ Харьковѣ 116, въ Богодуховѣ 60, въ Сумахъ 233, въ Ахтыркѣ 84, въ Волчанскѣ 49, въ Зміевѣ 69, въ Валкахъ 86, въ Купянскѣ 49, въ Изюмѣ 55, въ Лебединѣ 63; въ приходскихъ училищахъ Харьков. уѣзда: въ Ольшанѣ 18, въ Липцахъ 8, въ Дергачахъ 11, въ Мерефѣ 30, въ Золочевѣ 12, Богодух.—въ Кручикѣ 28, въ Никитовкѣ 16, въ Краснокутскѣ 22, въ Рублевкѣ 13, въ Сѣнномъ 12, въ Вольномъ 16, Калантаевѣ 13; Валк. уѣзда—Коломакѣ 25, Новой Водолагѣ 20; Изюм. уѣзда—Славянскѣ 42; Сумскаго уѣзда—Бѣлопольѣ 26, Ворожбѣ 18, Климовкѣ 9, Рѣчкахъ 13, Нижней Сыроваткѣ 28, Тимофеевкѣ 17; въ пансіонахъ: Нагель 27, Роберти 14, Коваленкова 30, Рейпольскаго 22; итого въ Слободско-Украинской губ. было 1610, въ томъ числѣ женскаго пола 50. Въ Черниговской губ. было 1428 учащихся, въ томъ числѣ женскаго пола 26 душъ, а именно—въ Черниг. гимназіи 113, въ Новгородъ Сѣверской гимназіи 164, въ Черниг. повѣт. училищѣ 224, Новгородъ Сѣверскомъ 118, Глуховскомъ 112, Нѣжинскомъ 111, Конотопскомъ 48, Кролевецкомъ 116, Городницкомъ 47, Остерскомъ 70, Сосницкомъ 33, Стародубскомъ 143, Погарскомъ маломъ народномъ 70, Нѣжинскомъ, Греческомъ, Александровскомъ 53. Въ Екатерин. губ. было 619 уч., въ томъ числѣ 43 женскаго пола, а именно—въ Екатерин. гимназіи 62, Екатерин. уѣздномъ училищѣ 98, Павлоградскомъ 52, Новомосковскомъ 77, Александровскомъ 74, Бахмутскомъ 35; приходскихъ училищахъ Екатерин. уѣзда—Романовскомъ 14, Никопольскомъ 17; Верхнеднѣпровскаго уѣзда—Комисаровскомъ 12, Бородаевскомъ 17, Лиховскомъ 7, Мишуринъ Рогскомъ 12, Плахтѣевскомъ 13, Желтянскомъ 18, Саксаганскомъ 14; Новомосковскаго уѣзда—Петриковскомъ 19, Могилевскомъ 15; Павлоградскаго уѣзда—Дмитровское 16, Таганрогская коммерческая гимназія 97, уѣздное училище 24.

въ Орловской губ. число училищъ увеличилось, число учащихся уменьшилось на 81, въ Полтавской губ. возрасло и число училищъ, и число учащихся (на 33 души), въ Херсонской губ. уменьшилось и число училищъ, и число учащихся (на 135 душъ), въ Таврической губ. возрасло и число училищъ, и число учащихся (на 6 душъ), въ Войскѣ Донскомъ возрасло и число училищъ, и число учащихся (на 82 души), въ Войскѣ Черноморскомъ возрасло и число училищъ, и число учащихся (на 20).

Въ Орловской губ. 588 д., въ томъ числѣ 23 жен., а именно—въ Орловской гимн. 66, въ уѣздныхъ училищахъ—Орловскомъ 114, Сѣвскомъ 63, Кромскомъ 20, Болховскомъ 29, малыхъ народныхъ училищахъ—Мценскомъ 35, Елецкомъ 32, Дмитровскомъ 64, Трубчевскомъ 29, Карачевскомъ 33. Въ Полтавской губ.—1142, въ томъ числѣ 57 жен., а именно въ Полт. гимн. 111, въ Полт. уѣздномъ училищѣ 176, Кременчугскомъ 91, Роменскомъ 28, Прилуцкомъ 151, Кобелякцкомъ 89, Хорольскомъ 85, Миргородскомъ 40, Лохвицкомъ 54, Лубенскомъ 65, Гадяцкомъ 46, Зѣньковскомъ 60, Константиноградскомъ 41, Переяславскомъ 69. Въ Кіевской губ.—316, въ томъ числѣ 2 ж., а именно въ Кіевской гимн. 94, въ Кіевскомъ повѣтовомъ училищѣ 173, Кіево-Печерскомъ приходскомъ училищѣ 49 (о прочихъ училищахъ свѣдѣній въ комитетѣ не было). Въ Курской губ.—1510, въ томъ числѣ 12 жен., а именно въ Курской гимн. 102, въ Курскомъ уѣздномъ училищѣ 430, Корочанскомъ 79, Суджанскомъ 110, Новооскольскомъ 46, Льговскомъ 67, Хотмыжскомъ 42, Фатежскомъ 59, Обоянскомъ 115, Бѣлгородскомъ 123, Рыльскомъ 30, въ малыхъ народныхъ училищахъ—Старооскольскомъ 59, Дмитровскомъ 52, Щигровскомъ 145, Путивльскомъ 19. Бѣлгородскомъ приходскомъ 32. Въ Воронежской губ.—635, въ томъ числѣ 26 жен., а именно въ Вор. гимн. 64, въ уѣздныхъ училищахъ—Воронежскомъ 150, Острогожскомъ 84, Валуйскомъ 52, Старобѣльскомъ 67, малыхъ народныхъ училищахъ—Бирючанскомъ 79, Бобровскомъ 37, Павлоградскомъ 36, въ приходскихъ училищахъ—Лосевскомъ 36, Верхотимановскомъ 19, Ровеньковскомъ 11. Въ Херсонской губ. 309, въ томъ числѣ 7 ж., а именно въ Херсон. гимн. 29, въ Херсон. уѣздномъ училищѣ 80, Елисаветградскомъ 66, Ольвіопольскомъ 41, Тираспольскомъ 34, Александрійскомъ 59. Въ Таврической губ.—255, въ томъ числѣ 23 жен., а именно въ Симфероп. гимн. 13, въ Симфероп. уѣздномъ училищѣ 80, Ѳеодосійскомъ 52, Алешковскомъ 24, Орѣховскомъ 43, Евпаторійскомъ 20, Бахчисарайскомъ приходскомъ 23. Въ войскѣ Донскомъ—549, а именно въ Новочеркасской гимназіи 35, Новочеркас. уѣздномъ училищѣ 109, второмъ Донскомъ 54, Устьмедвѣдицкомъ 33, Хоперскомъ 21, приходскихъ училищахъ—Кочетовскомъ 43, Каменскомъ 65, Оксайскомъ 115, Михайловскомъ 32, Качалинскомъ 29, Могушанскомъ 13. Въ войскѣ Черноморскомъ—189, въ томъ числѣ 2 жен., а именно въ Екатеринод. уѣздномъ училищѣ 76, въ приходскихъ училищахъ—Таманскомъ 18, Щербиновскомъ 42, Брюховетскомъ 15, Гровинскомъ 16, Темрюкскомъ 16, Рогивскомъ 22. (Харьк. унив. архивъ. Д.ноп. № 611/32).

Въ 1823 году въ Харьковской гимназіи было 249 учениковъ (въ томъ числѣ казеннокоштныхъ 47 и пансіонеровъ 55), въ 6 пансіонахъ 148, въ десяти уѣздныхъ училищахъ учениковъ 840 и ученицъ 15; всего въ Харьковской губ. 1105 учащихся. Пансіоны содержали адъюнкт. Робушъ (52 души), Роберти (24), П. Рейпольскій (31), уч. Коваленко (41), вдова проф. Делявинь (43 ученицы), Шубертъ (18); въ училищѣ для дѣвицъ была 41 ученица (Харьк. унив. архивъ Д. поп. № 153/52).

Въ общемъ число учащихся увеличилось на 119 душъ. Къ этому еще нужно прибавить 316 учащихся въ школахъ Кіевской губ., присоединенной къ Харьковскому учебному округу. Что касается школъ, то здѣсь наибольшія колебанія относились къ приходскимъ училищамъ, очевидно, весьма непрочнымъ и неустойчивымъ. Любопытно, что отчетъ 1818 года отмѣчаетъ среди учащихся и нѣкоторое число лицъ женскаго пола.

Въ 1824 г. въ Харьковскомъ учебномъ округѣ было 12 гимназій съ 1153 учениками и 86 уѣздныхъ училищъ съ 8020 учениками—больше, чѣмъ въ каждомъ изъ остальныхъ округовъ, исключая Виленскаго; въ послѣднемъ было меньше училищъ, но больше учащихся [1]).

Въ 1828 году къ Харьковскому учебному округу принадлежало 9 губерній (Слободско-Украинская, Полтавская, Черниговская, Курская, Екатеринославская, Таврическая, Херсонская, Кіевская, Астраханская) и 7 областей (Кавказская, Бессарабская, Грузія, Имеретія, Мингрелія, Земля Войска Донскаго, Земля Войска Черноморскаго). Въ округѣ было 13 гимназій, 91 уѣздное училище, 6 народныхъ училищъ, 110 приходскихъ училищъ и 29 частныхъ пансіоновъ; всего 249 среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній. Въ нихъ было 14 директоровъ, 56 почетныхъ и 92 штатныхъ смотрителей, 684 учителя (въ это число входили и надзиратели приходскихъ училищъ), 13284 душъ учениковъ и 380 ученицъ; въ среднемъ приходилось почти 55 душъ на школу [2]).

---

[1]) Шмида. Ист. средн. учебныхъ заведеній въ Россіи, с. 216.

[2]) Въ *Слободско-украинской* губ. была одна гимназія (въ Харьковѣ), 11 уѣздныхъ училищъ, 31 приходское, 3 мужскихъ пансіона и 5 женскихъ; въ нихъ было 82 учителя, 6 почетныхъ и 11 штатныхъ смотрителей и директоръ, въ гимназіи 295 учениковъ, въ уѣздныхъ и другихъ училищахъ 1375, въ пансіонахъ 136 мальчиковъ и 123 дѣвочки; всего 51 школа и учащихся 1929 душъ. Въ *Екатеринославской* губ. было 2 гимназіи (въ Екатеринославѣ и Таганрогѣ), 7 уѣздныхъ училищъ, 38 приходскихъ, 2 мужскихъ и 3 женскихъ пансіона; въ нихъ 73 учителя, 6 почетныхъ и 5 штатныхъ смотрителей, 2 директора, 148 учениковъ въ гимназіяхъ, 892 въ другихъ училищахъ, 168 мальчиковъ въ пансіонахъ и 72 дѣвочки; всего 52 училища съ 1380 учащимися. Въ *Таврической* губ. была 1 гимназія (въ Симферополѣ), 6 уѣздныхъ училищъ и 4 приходскихъ; въ нихъ 32 учителя, 1 почетный и 5 штатныхъ смотрителей, 1 директоръ, 27 учениковъ въ гимназіи и 535 въ училищахъ; всего 11 училищъ съ 562 учениками. Въ *Херсонской* губ. 1 гимназія (въ Херсонѣ), 5 уѣздныхъ училищъ и 4 приходскихъ, 3 мужскихъ и 1 женскій пансіонъ; въ нихъ 31 учитель, 3 почетныхъ и 5 штатныхъ смотрителей, 1 директоръ, 42 ученика въ гимназіи и 620 въ другихъ училищахъ, 75 мальчиковъ и 28 дѣвочекъ въ пансіонахъ; всего 14 училищъ съ 765 учащимися. Въ *Кіевской* губ. одна гимназія (въ Кіевѣ), 4 повѣтовыхъ (т. е. уѣздныхъ), 1 народное и 14 приходскихъ училищъ, 1 мужской и 5 женскихъ пансіоновъ; въ нихъ 78 учителей, 4 штатныхъ смотрителя, 1 директоръ, 120 учениковъ въ гимназіи, 1511

Въ 1830 г. въ Харьковскомъ учебномъ округѣ было 12 гимназій, 99 уѣздныхъ, 5 народныхъ, 82 приходскихъ училища и 26 пансіоновъ; въ нихъ 15244 души учащихся (14787 муж., 457 жен.[1]). Въ 1831 г. къ Харьковскому учебному округу прибавлена была Воронежская губ., въ коей была гимназія съ 79 учениками, 7 уѣздныхъ, 1 народное и 7 приходскихъ училищъ съ 926 учениками, но общее число учащихся всетаки оказалось меньше (14648, изъ коихъ 14150 муж. и 498 жен.).

въ другихъ училищахъ, 41 мальчикъ и 94 дѣвочки въ пансіонахъ; всего 26 училищъ съ 1766 учащимися. Въ *Астраханской* губ. одна гимназія (въ Астрахани), 3 уѣздныхъ училища; въ нихъ 23 учителя, 2 почетныхъ и 2 штатныхъ смотрителя, 1 директоръ, 28 учениковъ въ гимназіи, 325 въ другихъ училищахъ; всего 4 училища съ 353 учащимися. Въ *Полтавской* губ. одна гимназія (въ Полтавѣ), 15 повѣтовыхъ училищъ, 2 приходскихъ, 3 женскихъ пансіона; въ нихъ 74 учителя, 13 почетныхъ и 15 штатныхъ смотрителей, 1 директоръ, 91 ученикъ въ гимназіи, 1485 въ другихъ училищахъ, 27 дѣвицъ въ пансіонахъ; всего 21 училище съ 1608 учащимися. Въ *Черниговской* губ. 2 гимназіи (въ Черниговѣ и Новгородъ-Сѣверскѣ), 14 повѣтовыхъ училищъ, 2 народныхъ, 2 приходскихъ и 1 женскій пансіонъ; въ нихъ 76 учителей, 10 почетныхъ и 16 штатныхъ смотрителей (въ томъ числѣ директоръ Александровскаго Нѣжинскаго училища), 2 директора, 231 ученикъ гимназій, 1476 въ другихъ училищахъ, 6 дѣвицъ въ пансіонѣ; всего 21 училище съ 1713 учащимися. Въ *Курской* губ. 1 гимназія, 12 уѣздныхъ училищъ, 3 народныхъ, 3 приходскихъ, 2 женскихъ пансіона; въ нихъ 67 учителей, 12 почетныхъ и 12 штатныхъ смотрителей, 1 директоръ, 62 ученика въ гимназіи и 1641 въ училищахъ, 30 ученицъ въ пансіонѣ; всего 21 училище съ 1733 учащимися. Въ области *Войска Донскаго* 1 гимназія (въ Новочеркасскѣ), 8 уѣздныхъ училищъ и 3 приходскихъ; въ нихъ 30 учителей, 7 штатныхъ смотрителей, 1 директоръ, 106 учениковъ въ гимназіи, 895 въ другихъ училищахъ; всего 12 училищъ съ 1001 учащимися. Въ области *Войска Черноморскаго* 1 гимназія (въ Екатеринодарѣ), 1 уѣздное училище, 5 приходскихъ; въ нихъ 15 учителей, 8 учениковъ въ гимназіи, 194 въ другихъ училищахъ; всего 7 училищъ съ 202 учащимися. Въ *Бессарабской области* — 19 учителей, 6 штатныхъ смотрителей, а число училищъ и учащихся, по неоткрытіи училищъ, было неизвѣстно. Въ *Кавказской* области и *Грузіи* 5 уѣздныхъ училищъ, 1 приходское; въ нихъ 20 учителей, 3 почетныхъ и 4 штатныхъ смотрителя, 1 директоръ, 457 учащихся. (Харьк. унив. архивъ. Д. поп. № 1317/75).

[1]) Вотъ болѣе подробныя данныя о числѣ училищъ въ Харьковскомъ учебномъ округѣ за 1830 г. Въ Слободско-украинской г. была 1 гимназія, 11 уѣздныхъ и 30 приходскихъ училищъ, содержавшихся на счетъ сельскихъ обществъ за исключеніемъ двухъ — Кручикскаго и Каплуновскаго, содержавшихся на счетъ помѣщиковъ (первое на счетъ В. Н. Каразина), и 11 пансіоновъ. Въ нихъ обучалось: въ гимназіи 320 душъ, въ уѣздныхъ и другихъ училищахъ 1342, въ пансіонахъ 323. Въ Полтавской губ. 1 гимназія, 15 повѣтовыхъ училищъ, 2 приходскихъ, 2 пансіона, учениковъ въ гимназіи 120, въ училищахъ 1830, въ пансіонахъ 25. Въ Черниговской губ. 2 гимназіи, 14 повѣтовыхъ училищъ, 2 народныхъ, 1 приходское; въ нихъ учащихся — въ гимназіи 262, въ училищахъ 1893. Въ Курской губ. одна гимназія (110 учениковъ), 13 уѣздныхъ, 2 народныхъ, 3 приходскихъ училища (1751 душа учащихся), 1 пансіонъ (19 душъ). Въ Екатеринославской губ. 2 гимназіи — Екатеринославѣ и Таганрогѣ (197 уч.), 7 уѣздныхъ,

Это уменьшеніе числа учащихся объясняется повидимому случайными перемѣнами, совершившимися въ предѣлахъ округа: закрыты были уѣздныя училища въ Елисаветградѣ и Ольвіополѣ по случаю присоединенія этихъ городовъ въ округъ военныхъ поселеній; въ Вол., Под. и отчасти Кіевской губ. были закрыты въ это время многія училища, содержимыя римско-католическими монахами разныхъ орденовъ (въ томъ числѣ и Волынскій лицей); свѣдѣнія о нихъ не вошли въ представленные выше таблицы.

Въ 1834 году было:

Въ Харьковской губерніи.

Гимназій	1	учащихся . . .	286	
Ланкастерская школа	1	„ . . .	75	
Уѣздныхъ училищъ	11	„ . . .	696	= 1041
Приходскихъ училищъ . . .	12	„ . . .	345	
	25		1402	

Въ Полтавской губерніи.

Гимназіи	1	учащихся . . .	289	
Пансіоновъ	3	„ . . .	54	(дѣвицъ).
Уѣздныхъ училищъ	15	„ . . .	862	= 1464
Приходскихъ училищъ . . .	22	„ . . .	602	
	41		1807	

Въ Курской губерніи.

Гимназіи	1	учащихся . . .	151	
Уѣздныхъ училищъ	14	„ . . .	1220	= 1580
Приходскихъ училищъ . . .	6	„ . . .	360	
	21		1731	

10 приходскихъ (956 душъ), 3 пансіона (276 душъ). Въ Херсонской губ. одна гимназія (35 душъ), 3 уѣздныхъ, 4 приходскихъ (655 душъ) и 4 пансіона (123 души). Въ Таврической губ. одна гимназія съ татарскимъ отдѣленіемъ (26 душъ), 7 уѣздныхъ и 3 приходскихъ училища (781 душа). Въ Кіевской губ. одна гимназія (197 душъ), 4 повѣтовыхъ, 1 народное и 18 приходскихъ (1572 души), пансіоновъ 6 (136 душъ). Въ Астраханской губ. одна гимназія (81 душа), 3 уѣздныхъ училища (306 душъ), 3 пансіона (78 душъ). Въ Кавказской области 4 уѣздныхъ и 1 приходское училище (218 д.). Въ землѣ Войска Донскаго гимназія (96 душъ), 8 уѣздныхъ и 3 приходскихъ училища (929 д.). Въ землѣ Войска Черноморскаго 1 уѣздное училище и 5 приходскихъ (223 д.).

Въ области Войска Донского.

Гимназій	1	учащихся	68	
Уѣздныхъ училищъ	8	"	825	= 951
Приходскихъ училищъ	4	"	126	
	13		1019	

Въ Кавказской области.

Высшее уѣздное училище	1	учащихся	—
Уѣздныхъ училищъ	4	"	106
Приходскихъ училищъ	5	"	267
	10		373

Въ Тамбовской губерніи.

Гимназій	1	учащихся	147	
Пансіоновъ	1	"	9	
Уѣздныхъ училищъ	10	"	493	= 721
Приходскихъ училищъ	5	"	228	
	17		877	

Въ Орловской губерніи.

Гимназій	1	учащихся	150	
Уѣздныхъ училищъ	11	"	614	= 824
Приходскихъ училищъ	23	"	210	
	35		974	

Въ Воронежской губерніи.

Гимназій	1	учащихся	119	
Уѣздныхъ училищъ	7	"	424	= 843
Приходскихъ училищъ	10	"	419	
Пансіоновъ	2	"	45	
	20		1007 *)	

*) **Примѣчаніе:** Вотъ болѣе подробная вѣдомость объ училищахъ Харьковскаго учебнаго округа за 1834 годъ.

Въ Харьковской губерніи.

Въ Харьковской гимназіи.

Нынѣ состоитъ на лицо 286 душъ.

Дворянъ	108
Оберъ-офицерскихъ дѣтей	139
Купцовъ	20
Иностранцевъ	8
Разночинцевъ	11

Въ Харьковскомъ уѣздномъ училищѣ.

Учениковъ 47 душъ:

Дворянъ	5
Оберъ-офицерскихъ дѣтей	17

Купеческихъ	5
Мѣщанскихъ	10
Разночинцевъ	4
Цеховыхъ	4
Войсковыхъ обывателей	1
Евреевъ	1

Въ школѣ взаимнаго обученія по методу Ланкастера.

Учениковъ 75 душъ:

Дворянъ	4
Оберъ-офицерскихъ	21
Купцовъ и мѣщанъ	46
Разночинцевъ	2
Помѣщичьихъ	2

Итого въ г. Харьковѣ 408.

Въ д. Бабаяхъ.

Учениковъ 17 душъ.

Въ Старобѣльскѣ.

Въ уѣздномъ училищѣ.

Учениковъ 31 душа:

Дворянъ	11
Оберъ-офицерскихъ	8
Канцелярскихъ служителей	3
Купцовъ	3
Мѣщанъ	2
Вольныхъ хлѣбопашцевъ	1
Войсковыхъ	1
Крестьянъ	2

Въ приходскомъ училищѣ.

Учениковъ 20 душъ:

Оберъ-офицерскихъ	2
Купцовъ	4
Мѣщанъ	7
Войсковыхъ	5
Женскаго пола	2

Въ г. Лебединѣ.

Въ уѣздномъ училищѣ.

Учениковъ 68 душъ:

Дворянъ	33
Оберъ-офицерскихъ	12
Обывателей	17
Крестьянъ	6

Недригайловское приходское училище.

Учениковъ 25 душъ:

Дворянъ	4
Мѣщанъ	6
Разночинцевъ	3
Обывателей	12

Въ Ахтыркѣ.

Въ уѣздномъ училищѣ.

Учениковъ 91 душа:

Дворянъ	17
Оберъ-офицерскихъ	29
Купцовъ	3
Разночинцевъ	10
Мѣщанъ	7
Цеховыхъ	3
Обывателей	20
Помѣщичьихъ	2

Изъ нихъ женскаго пола:

Дворянъ	2
Оберъ-офицерскихъ	4
Купцовъ	1
Разночинцевъ	2

Въ Валкахъ.

Въ уѣздномъ училищѣ.

Учениковъ 84 души:

Дворянъ	16
Оберъ-офицерскихъ	28
Духовныхъ	12
Купцовъ	1
Разночинцевъ	6
Обывателей	8
Вольно-отпущенныхъ	2
Помѣщиковъ	3
Мѣщанъ	8

Въ г. Сумахъ.

Въ уѣздномъ училищѣ.

Учениковъ 100 душъ:

Дворянъ	31
Оберъ-офицерскихъ	21
Купцовъ	13
Разночинцевъ	2
Мѣщанъ	22
Цеховыхъ	5

Иностранцевъ 1
Обывателей 4
Вольно-отпущенныхъ 1

Въ уѣздахъ его:

Нижней Сыроваткѣ.

Въ приходскомъ училищѣ.

Учениковъ 20 душъ:

Дворянъ 2
Духовныхъ 1
Обывателей 13
Крестьянъ 4

Тимофеевкѣ.

Въ приходскомъ училищѣ.

Учениковъ 11 душъ:

Духовныхъ 4
Обывателей 6
Крестьянъ 1

Въ г. Волчанскѣ.

Въ уѣздномъ училищѣ.

Учениковъ 48 душъ:

Дворянъ 9
Оберъ-офицерскихъ 13
Разночинцевъ 3
Мѣщанъ 9
Купцовъ 2
Казенныхъ крестьянъ 5
Помѣщьихъ 7

Въ приходскомъ училищѣ.

Учениковъ 37 душъ:

Дворянъ 5
Оберъ-офицерскихъ 7
Разночинцевъ 1
Мѣщанъ 8
Казенныхъ крестьянъ 8
Помѣщичьихъ 8

Въ г. Купянскѣ.

Въ уѣздномъ училищѣ.

Учениковъ 32 души:

Дворянъ 15
Оберъ-офицерскихъ 13
Разночинцевъ 1
Обывателей 3

Въ приходскомъ училищѣ.

Учениковъ 21 душа:

Дворянъ 8
Оберъ офицерскихъ 4
Купцовъ 1
Мѣщанъ 4
Обывателей 3
Разночинцевъ 1

Въ г. Изюмѣ.

Въ уѣздномъ училищѣ.

Учениковъ 51 душа:

Дворянъ 16
Оберъ-офицерскихъ 10
Разночинцевъ 1
Купцовъ 3
Мѣщанъ 18
Духовныхъ 1
Обывателей 2

Въ приходскомъ училищѣ.

Учениковъ 45 душъ:

Дворянъ 9
Оберъ-офицерскихъ 4
Духовныхъ 1
Мѣщанъ 19
Обывателей 2
Разночинцевъ 6
Купцовъ 4

Въ г. Славянскѣ (Изюмск. уѣзда).

Въ приходскомъ училищѣ.

Учениковъ 58 душъ:

Оберъ-офицерскихъ 10
Купцовъ 6
Мѣщанъ 22
Разночинцевъ 14
Обывателей 6

Въ г. Богодуховѣ.

Въ уѣздномъ училищѣ.

Учениковъ 40 душъ:

Дворянъ 14
Оберъ-офицерскихъ 9
Духовныхъ 1
Купцовъ 2
Мѣщанъ 4
Вольно-отпущенныхъ 2
Государственныхъ крестьянъ . . . 8

Въ приходскомъ училищѣ.

Учениковъ 51 душа:

Дворянъ	7
Оберъ-офицерскихъ	9
Духовныхъ	1
Купцовъ	1
Мѣщанъ	7
Цеховыхъ	3
Вольно-отпущенныхъ	1
Государственныхъ крестьянъ	21
Помѣщичьихъ	1

Въ *Кручанскомъ* приходскомъ училищѣ.

Учениковъ 20 душъ:

Дворянъ и духовныхъ	4
Оберъ-офицерскихъ	1
Мѣщанъ	1
Государственныхъ крестьянъ	1
Помѣщичьихъ	12
Вольно-отпущенныхъ	1

Въ *Капуновскомъ* приходскомъ училищѣ.

Учениковъ 20 душъ:

Духовныхъ	3
Поселянъ	17

Въ г. Змiевѣ.

Въ уѣздномъ училищѣ.

Учениковъ 104 души:

Дворянъ	26
Оберъ-офицерскихъ	45
Купцовъ	5
Мѣщанъ	10
Разночинцевъ	18

Итого въ Слободско-украинской дирекцiи 1402 ученика.

Вѣдомость *Полтавской* Дирекцiи за 1834 годъ.

Въ г. Полтавѣ.

Въ Полтавской гимназiи.

Учениковъ 289 душъ:

Дворянъ	253
Духовныхъ	4
Купеческихъ	10
Податныхъ сослов.	22

Въ уѣздномъ училищѣ.

Учениковъ 68 душъ:

Дворянъ и оберъ-офиц.	46
Духовныхъ и купеческихъ	3
Податныхъ сословiй	19

Въ приходскомъ училищѣ.

Учениковъ 24 душъ:

Въ приходскомъ училищѣ нѣмецкихъ колонистовъ.

Учениковъ 63 душъ:

Дѣтей колонистовъ	61
Оберъ-офиц.	2

Пансiонъ для благородныхъ дѣвицъ.

Учениковъ 20 душъ:

Дворянъ и оберъ-офиц.	18
Купеческихъ	2

Въ г. Кременчугѣ.

Въ уѣздномъ училищѣ.

Учениковъ 43 душъ:

Дворянъ и оберъ-офиц.	28
Духовныхъ и купеческихъ	12
Податныхъ	3

Въ приходскомъ училищѣ.

Учащихся 23 душъ:

Въ приходскомъ училищѣ нѣмецкихъ колонистовъ.

Учащихся 17 душъ:

Дѣтей колонистовъ	17

Пансiонъ для благородныхъ дѣвицъ.

Учащихся 16 душъ:

Дворянъ и оберъ-офиц.	16

Приходское училище для дѣвицъ.

Учениковъ 8 душъ:

Дворянъ	5
Купеческихъ	3

Въ д. Васильевкѣ.

Въ (частномъ) приход. училищѣ.

Учениковъ 24 душъ:

Оберъ-офиц.	6
Податныхъ	18

Въ д. Пузиковой.

Податныхъ сословій 18

Въ г. Ромны.

Въ уѣздномъ училищѣ.

Учениковъ 87 душъ:

Дворянъ и оберъ-офиц. 73
Духовныхъ 3
Купеческихъ 3
Податныхъ сосл. 8

Въ приходскомъ училищѣ.

Учениковъ 26 душъ:

Пансіонъ для благородныхъ дѣвицъ.

Учениковъ 18 душъ:

Дворянъ и оберъ-офиц. 17
Купеческихъ 1

Въ г. Константиноградѣ.

Въ Уѣздномъ училищѣ.

Учениковъ 28 душъ:

Дворянъ и оберъ-офиц. 20
Духовныхъ 1
Купеческихъ 4
Податныхъ сосл. 3

Въ приходскомъ училищѣ.

Учениковъ 16 душъ:

Въ приходскомъ училищѣ нѣмецкихъ колонистовъ.

Дѣтей колонистовъ 32

Въ г. Хоролѣ.

Въ уѣздномъ училищѣ.

Учениковъ 50 душъ:

Дворянъ и оберъ-офиц. 45
Купеческихъ 1
Податныхъ сосл. 4

Въ приходскомъ училищѣ.

Учениковъ 20 душъ:

Въ д. Трубайцахъ.

Въ (частномъ) приход. училищѣ

Податныхъ сосл. 44

Въ г. Лубнахъ.

Въ Уѣздномъ училищѣ.

Учениковъ 44 души:

Дворянъ и оберъ-офиц. 34
Податныхъ сосл. 10

Въ приходскомъ училищѣ.

Учениковъ 30 душъ.

Въ г. Миргородѣ.

Въ уѣздномъ училищѣ.

Учениковъ 26 душъ:

Дворянъ и оберъ-офиц. 22
Податныхъ сосл. 4

Въ приходскомъ училищѣ.

Учениковъ 17 душъ:

Въ г. Лохвицѣ.

Въ уѣздномъ училищѣ.

Учениковъ 60 душъ:

Дворянъ и оберъ-офиц. 59
Духовныхъ 1

Въ приходскомъ училищѣ.

Учениковъ 35 душъ:

Въ г. Зеньковѣ.

Учениковъ 47 душъ:

Дворянъ и оберъ-офиц. 40
Купеческихъ 2
Податныхъ сосл. 5

Въ приходскомъ училищѣ.

Учениковъ 16 душъ:

Въ г. Гадячѣ.

Въ уѣздномъ училище.

Учениковъ 42 души:

Дворянъ и оберъ-офицерскихъ . . . 31
Купеческихъ 2
Податныхъ сословій 9

Въ приходскомъ училище.

Учениковъ 25 душъ:

Въ г. Переяславлѣ.

Въ уѣздномъ училище.

Учениковъ 90 душъ:

Дворянъ и оберъ-офицерскихъ . . . 69
Духовныхъ 1
Податныхъ сословій 20

Въ приходскомъ училище.

Учениковъ 38 душъ.

Въ г. Прилукахъ.

Въ уѣздномъ училищѣ.

Учениковъ 78 душъ:

Дворянъ и оберъ-офицерскихъ . . . 64
Купеческихъ 2
Податныхъ сословій 12

Въ приходскомъ училищѣ.

Учениковъ 33 души:

Въ г. Пирятинѣ.

Въ уѣздномъ училищѣ.

Учениковъ 70 душъ:

Дворянъ и оберъ-офицерскихъ . . . 61
Податныхъ сословій 9

Въ приходскомъ училищѣ.

Учениковъ 25 душъ:

Въ г. Кобелякахъ.

Въ уѣздномъ училищѣ.

Учениковъ 57 душъ:

Дворянъ и оберъ-офицерскихъ . . . 31
Духовныхъ 1
Купеческихъ 3
Податныхъ сословій 22

Въ приходскомъ училищѣ.

Учениковъ 31 душа:

Въ г. Золотоношѣ.

Въ уѣздномъ училищѣ.

Учениковъ 72 души:

Дворянъ и оберъ-офицерскихъ . . . 68
Купеческихъ 4

Въ приходскомъ училищѣ.

Учениковъ 37 душъ:

Всего по дирекціи 1807 учениковъ.

Вѣдомость *Курской губерніи* за 1834 годъ.

Въ г. Курскѣ.

Въ Курской гимназіи.

Учениковъ 151 душа:

Дворянъ 64
Разночинцевъ 71
Купеческихъ 1
Податныхъ сословій 15

Въ уѣздномъ училищѣ.

Учениковъ 318 душъ:

Дворянъ 88
Оберъ-офицерскихъ 46
Купцовъ 26
Мѣщанъ 97
Казенныхъ поселянъ 9
Разночинцевъ 19
Помѣщичьихъ 13

Въ первомъ приходскомъ училищѣ.

Учениковъ 62 души:

Дворянъ 20
Оберъ-офицерскихъ 9
Приказно-служительскихъ 1
Купцовъ 5
Мѣщанъ 19
Вольноотпущенныхъ 1
Однодворцевъ 2
Помѣщичьихъ 5

Во второмъ приходскомъ училищѣ.

Учениковъ 64 души:

Дворянъ 24
Оберъ-офицерскихъ 3
Купцовъ 6
Мѣщанъ 24
Разночинцевъ 3
Помѣщичьихъ 1
Казенныхъ поселянъ 3

Въ Суджѣ.

Въ уѣздномъ училищѣ.

Учениковъ 90 душъ:

Дворянъ 25
Оберъ-офицерскихъ 23
Купцовъ 6
Мѣщанъ 21
Казенныхъ поселянъ 5
Помѣщичьихъ 6
Разночинцевъ 4

Въ Бѣлгородѣ.

Въ уѣздномъ училищѣ.

Учениковъ 61 душа.

Дворянъ 19
Оберъ-офицерскихъ 11
Разночинцевъ 4

Купцовъ 10
Мѣщанъ 13
Казенныхъ поселянъ 1
Помѣщичьихъ 3

Въ приходскомъ училищѣ.

Учениковъ 70 душъ:
Дворянъ 5
Оберъ-офицерскихъ 7
Купцовъ 5
Разночинцевъ 2
Мѣщанъ 37
Казенныхъ поселянъ 11
Помѣщичьихъ 3

Въ г. Корочѣ.

Въ уѣздномъ училищѣ.

Учениковъ 119 душъ:
Дворянъ 23
Оберъ-офицерскихъ 13
Разночинцевъ 8
Купцовъ 17
Мѣщанъ 49
Казенныхъ поселянъ 3
Помѣщичьихъ 6

Въ г. Старомъ-Осколѣ.

Въ уѣздномъ училищѣ.

Учениковъ 91 душа:
Дворянъ 35
Оберъ-офицерскихъ 7
Купцовъ 21
Мѣщанъ 8
Однодворцевъ 7
Разночинцевъ 8
Помѣщичьихъ 5

Въ Обояни.

Въ уѣздномъ училищѣ.

Учениковъ 80 душъ:
Дворянъ 26
Оберъ-офицерскихъ 17
Купцовъ 9
Мѣщанъ 14
Разночинцевъ 4
Однодворцевъ 9
Вольно-отпущенныхъ 1

Въ Рыльскѣ.

Въ уѣздномъ училищѣ.

Учениковъ 59 душъ:
Дворянъ 37
Оберъ-офицерскихъ 6
Приказно-служителей 1
Купцовъ 6
Мѣщанъ 2
Почталіонскихъ 1
Крестьянъ 6

Въ г. Щиграхъ.

Въ уѣздномъ училищѣ.

Учениковъ 85 душъ:
Дворянъ 46
Оберъ-офицерскихъ 5
Купцовъ 7
Мѣщанъ 12
Разночинцевъ 11
Поселянъ 3
Помѣщичьихъ 1

Въ г. Дмитріевѣ на Сванѣ.

Въ уѣздномъ училищѣ.

Учениковъ 80 душъ:
Дворянъ 25
Оберъ-офицерскихъ 8
Приказнаго званія 3
Купцовъ 1
Мѣщанъ 25
Войсковыхъ 3
Однодворцевъ 3
Казенныхъ крестьянъ 1
Экономическихъ 1
Вольныхъ хлѣбопашцевъ 1
Помѣщичьихъ 9

Въ г. Хотмышскѣ.

Въ уѣздномъ училищѣ.

Учениковъ 48 душъ:
Дворянъ 18
Оберъ-офицерскихъ 13
Купцовъ 3
Духовнаго званія 3
Приказнаго званія 2
Однодворцевъ 2
Вольно-отпущенныхъ 2
Мѣщанъ 5

Въ с. Борисовкѣ (Хотм. у.).

Въ приходскомъ училищѣ.

Помѣщичьихъ крестьянъ 19

Въ г. Льговѣ.

Въ уѣздномъ училищѣ.

Учениковъ 29 душъ:

Дворянъ 16
Оберъ-офицерскихъ 6
Купцовъ 6
Вольныхъ хлѣбопашцевъ 1

Въ г. Фатежѣ.

Въ уѣздномъ училищѣ.

Учениковъ 40 душъ:

Дворянъ 15
Оберъ-офицерскихъ 12
Приказно-служительскихъ 2
Купцовъ 5
Мѣщанъ 3
Казенныхъ поселянъ 2
Помѣщичьихъ 1

Въ приходскомъ училищѣ.

Учениковъ 93 души:

Дворянъ 10
Оберъ-офицерскихъ 7
Приказнаго званія 3
Купцовъ 11
Мѣщанъ 39
Казенныхъ поселянъ 14
Вольно-отпущенныхъ 3
Помѣщичьихъ 6

Изъ нихъ 7 женскаго пола.

Въ Новомъ Осколѣ.

Въ уѣздномъ училищѣ.

Учениковъ 62 души:

Дворянъ 19
Оберъ-офицерскихъ 11
Приказнаго званія 2
Купцовъ 2
Мѣщанъ 7
Однодворцевъ 14
Вольно-отпущенныхъ 2
Помѣщичьихъ 5

Въ г. Путивлѣ.

Въ уѣздномъ училищѣ.

Учениковъ 58 душъ:

Дворянъ 11
Оберъ-офицерскихъ 12
Разночинцевъ 2
Купцовъ 4
Мѣщанъ 16
Казенныхъ поселянъ 7
Помѣщичьихъ 6

Въ г. Тимѣ.

Въ маломъ народномъ училищѣ.

Учениковъ 52 души:

Дворянъ 24
Оберъ-офицерскихъ 2
Разночинцевъ 3
Купцовъ 5
Мѣщанъ 8
Однодворцевъ 6
Вольно-отпущенныхъ 1
Помѣщичьихъ 3

Всего по Курской губерніи 1731 душа учениковъ.

Списокъ учебныхъ заведеній и учащихся въ землѣ *Войска Донскаго.*

Въ Новочеркасскѣ.

Въ Новочеркасской гимназіи.

Учениковъ 68 душъ:

Штабъ-офицерскихъ 14
Оберъ-офицерскихъ 21
Духовнаго званія 1
Казачьихъ и урядничьихъ 30
Иностранцевъ 1
Вольно-отпущенныхъ 1

Въ уѣздномъ училищѣ.

Учениковъ 216 душъ:

Штабъ-офицерскихъ 13
Оберъ-офицерскихъ 69
Урядничьихъ 30
Казачьихъ 103
Духовныхъ 1

Въ станицѣ Кочетовской.

Въ уѣздномъ училищѣ.

Учениковъ 94 души:

Оберъ-офицерскихъ 10
Духовныхъ 3
Урядничьихъ 27
Казачьихъ 54

Въ станицѣ Нижне-Чирской.

Въ уѣздномъ училищѣ.

Учениковъ 56 душъ:

Штабъ-офицерскихъ 1
Духовныхъ 4
Оберъ-офицерскихъ 10
Урядничьихъ 6
Причетницкихъ 3
Казачьихъ 30
Купеческихъ 1
Мѣщанъ 1

Въ станицѣ Усть-Медвѣдицкой.

Въ уѣздномъ училищѣ.

Учениковъ 77 душъ:

Штабъ-офицерскихъ 8
Оберъ-офицерскихъ 20
Духовныхъ 3
Урядничьихъ 18
Казачьихъ 28

Въ ст. Хоперской.

Въ уѣздномъ училищѣ.

Учениковъ 96 душъ:

Штабъ-офицерскихъ 4
Оберъ-офицерскихъ 30
Нижнихъ чиновъ 56
Дѣвицъ 6

Въ станицѣ Каменской.

Въ уѣздномъ училищѣ.

Учениковъ 91 душа:

Оберъ-офицерскихъ 14
Штабъ-офицерскихъ 1
Урядничьихъ 26
Казачьихъ 48
Духовныхъ 1
Мѣщанъ 1

Въ ст. Аксайской.

Въ уѣздномъ училищѣ.

Учениковъ 126 душъ:

Штабъ-офицерскихъ 4
Оберъ-офицерскихъ 8
Урядничьихъ 6
Духовныхъ 2
Казачьихъ 106

Въ ст. Старочеркасская.

Въ уѣздномъ училищѣ.

Учениковъ 69 душъ:

Оберъ-офицерскихъ 10
Духовныхъ 6
Урядничьихъ 10
Казачьихъ 42
Малороссійскихъ 1

Въ ст. Качалинская.

Въ приходскомъ училищѣ.

Учениковъ 32 души:

Оберъ-офицерскихъ 4
Урядничьихъ 4
Казачьихъ 22
Разночинцевъ 2

Въ ст. Михайловское.

Въ приходскомъ училищѣ.

Учениковъ 44
Дѣвицъ 2

Въ ст. Казанское.

Въ приходскомъ училищѣ.

Учениковъ 18 душъ:

Оберъ-офицерскихъ 3
Духовныхъ 1
Урядничьихъ 14

Въ ст. Кременской.

Въ приходскомъ училищѣ.

Учениковъ 30 душъ:

Штабъ-офицерскихъ 18
Духовныхъ 2
Урядничьихъ и казачьихъ 9
Мѣщанъ 1

Въ слободѣ Мачихъ.

Въ приходскомъ училищѣ.

Крестьянъ 7

Списокъ учебныхъ заведенiй и учащихся въ *Кавказской области.*

Въ Ставрополь.

Въ высшемъ уѣздномъ училищѣ.

Учениковъ 106 душъ:

Дворянъ 59
Купцовъ 38
Разночинцевъ 9

Въ г. Георгiевскъ.

Въ уѣздномъ училищѣ и при немъ приходское училище.

Учениковъ 35 душъ:

Оберъ-офицерскихъ 1
Купцовъ 32
Разночинцевъ 1
Крестьянъ 1

Въ г. Моздокъ.

Въ уѣздномъ училищѣ.

Учениковъ 56 душъ:

Дворянъ 15
Купцовъ 31
Разночинцевъ 10

Въ г. Кизляръ.

Въ уѣздномъ училищѣ.

Учениковъ 81 душа:

Дворянъ 27
Купцовъ и мѣщанъ 54

Въ Екатеринодаръ.

Въ уѣздномъ училищѣ.

Учениковъ 95 душъ:

Дворянъ 61
Разночинцевъ 34

Въ мѣст. Тамани, Щербиновкѣ, Гриверной и селахъ Брюховецкомъ и Темрюкъ.

Въ уѣздномъ и приход. училищахъ.

Всего по дирекцiи учениковъ 373 д.

Дворянъ 163
Купцовъ 155
Разночинцевъ 54
Крестьянъ 1

Вѣдомость *Тамбовской* Дирекцiи за 1834 годъ.

Въ г. Тамбовъ.

Въ Тамбовской гимназiи.

Учениковъ 147 душъ:

Дворянъ 65
Оберъ-офицерскихъ 28
Купцовъ 12
Мѣщанъ 23
Воспитанниковъ приказнаго званiя . 9
Отпущенниковъ 6
Иностранцевъ 4

Уѣздное училище и при немъ приходское училище.

Учениковъ 132 души:

Дворянъ 21
Оберъ-офицерскихъ 40
Почталiонскихъ 12
Мѣщанъ 36
Кантонистовъ 5
Однодворцевъ 3
Иностранцевъ 1
Господскихъ людей 14

Въ частномъ пансiонѣ.

Дѣвицъ 9

Въ г. Телишковъ.

Въ уѣздномъ училищѣ.

Учениковъ 26 душъ.

Въ г. Лебединъ.

Въ уѣздномъ училищѣ.

Учениковъ 36 душъ:

Дворянъ 17
Купцовъ 3
Мѣщанъ 5
Крестьянъ 8
Однодворцевъ 2
Почталiонскихъ 1

Въ приходскомъ училищѣ.

Учениковъ 27 душъ:

Дворянъ 8
Купцовъ 6
Мѣщанъ 8
Крестьянъ 3
Однодворцевъ 2

Въ г. Липецкѣ.

Въ уѣздномъ училищѣ.

Учениковъ 20 душъ:

Дворянъ	8
Оберъ-офицерскихъ	5
Податного сословія	7

Въ г. Кирсановѣ.

Въ уѣздномъ училищѣ.

Учениковъ 31 душа:

Дворянъ	9
Оберъ-офицерскихъ	11
Дворовыхъ	6
Купцовъ	5

Въ приходскомъ училищѣ.

Учениковъ 51 душа:

Дворянъ и оберъ-офицерскихъ	4
Дворовыхъ	16
Купцовъ и мѣщанъ	31

Въ г. Шацкѣ.

Въ уѣздномъ училищѣ.

Учениковъ 50 душъ:

Дворянъ	5
Оберъ-офицерскихъ	9
Купцовъ	12
Мѣщанъ	13
Почталіонскихъ	1
Вольно-отпущенныхъ	2
Крѣпостныхъ	8

Въ приходскомъ училищѣ.

Учениковъ 30 душъ:

Оберъ-офицерскихъ	6
Мѣщанъ	14
Крѣпостныхъ	7
Вольно-отпущенныхъ	3

Въ г. Моршанскѣ.

Въ уѣздномъ училищѣ.

Учениковъ 25 душъ:

Дворянъ	1
Оберъ-офицерскихъ	4
Купцовъ	3
Мѣщанъ	15
Господскихъ людей	2

Въ приходскомъ училищѣ.

Учениковъ 79 душъ:

Оберъ-офицерскихъ	1
Купцовъ	9
Мѣщанъ	57
Удѣльныхъ крестьянъ	2
Господскихъ людей	10

Въ г. Козловѣ.

Въ уѣздномъ училищѣ.

Учениковъ 26 душъ:

Дворянъ	8
Оберъ-офицерскихъ	6
Купцовъ	5
Мѣщанъ	6
Господскихъ людей	1

Въ приходскомъ училищѣ.

Учениковъ 41 душа:

Дворянъ	3
Оберъ-офицерскихъ	4
Приказныхъ	5
Купцовъ	8
Мѣщанъ	9
Однодворцевъ	1
Эконом. крестьянъ	1
Господскихъ крестьянъ	4
Вольно-отпущенныхъ	2
Почталіонскихъ	4

Въ г. Елатомѣ.

Въ уѣздномъ училищѣ.

Учениковъ 90 душъ:

Дворянъ	7
Оберъ-офицерскихъ	2
Купцовъ	8
Мѣщанъ	73

Въ приходскомъ училищѣ.

Въ г. Усмани.

Въ уѣздномъ училищѣ.

Учениковъ 57 душъ:

Дворянъ	21
Оберъ-офицерскихъ	9
Купцовъ	14
Мѣщанъ	4
Однодворцевъ	2
Господскихъ людей	7

Вѣдомость *Орловской* Дирекціи:

Въ г. Орлѣ.

Въ Орловской гимназіи.

Учениковъ 150 душъ:

Дворянъ 74
Оберъ-офицерскихъ 51
Купцовъ 9
Мѣщанъ 10
Иностранцевъ 6

Въ уѣздномъ училищѣ.

Учениковъ 71 душа:

Дворянъ 3
Оберъ-офицерскихъ 5
Купцовъ 11
Мѣщанъ 35
Разночинцевъ 17

Въ 1-мъ приходскомъ училищѣ.

Учениковъ 80 душъ:

Во 2-мъ приходскомъ училищѣ.

Учениковъ 46 душъ:

Въ г. Болховѣ.

Въ уѣздномъ училищѣ.

Учениковъ 67 душъ:

Оберъ-офицерскихъ 9
Купцовъ 7
Мѣщанъ 42
Господскихъ людей 6
Однодворцевъ 1
Разночинцевъ 2

Въ приходскомъ училищѣ.

Учениковъ 67 душъ:

Оберъ-офицерскихъ 3
Купцовъ 11
Мѣщанъ 46
Однодворцевъ 3
Разночинцевъ 3
Господскихъ людей 1

Въ г. Брянскѣ.

Въ уѣздномъ училищѣ.

Учениковъ 48 душъ:

Дворянъ 5
Оберъ-офицерскихъ 7
Купцовъ 6
Мѣщанъ 24
Однодворцевъ 1
Господскихъ людей 4
Разночинцевъ 1

Въ приходскомъ училищѣ.

Учениковъ 73 души:

Дворянъ 1
Оберъ-офицерскихъ 1
Купцовъ 8
Мѣщанъ 55
Дѣвицъ 8

Въ г. Дмитровскѣ.

Учениковъ 106 душъ:

Дворянъ 6
Оберъ-офицерскихъ 22
Канцелярскихъ 2
Купцовъ 18
Мѣщанъ 32
Господскихъ людей 13
Разночинцевъ 8

Въ приходскомъ училищѣ.

Учениковъ 65 душъ:

Дворянъ 8
Оберъ-офицерскихъ 11
Купцовъ 10
Мѣщанъ 22
Разночинцевъ 14

Въ Управскѣ.

Въ приходскомъ училищѣ.

Господскихъ людей 30

Въ г. Ельцѣ.

Въ уѣздномъ училищѣ.

Учениковъ 45 душъ:

Дворянъ 9
Оберъ-офицерскихъ 6
Купцовъ 9
Мѣщанъ 11
Разночинцевъ 5
Вольно-отпущенныхъ 2
Господскихъ людей 3

Въ городскомъ приход. училищѣ.

Учениковъ 65 д., изъ нихъ дѣв. 8 д.

Дворянъ 1
Оберъ-офицерскихъ 3
Купцовъ 22
Мѣщанъ 26

Поселянъ 6
Разночинцевъ 2
Господскихъ людей 5

Въ Чернослободскѣ.

Въ приходскомъ училищѣ.

Учениковъ 51 душа:

Духовныхъ 1
Купцовъ 20
Мѣщанъ 26
Разночинцевъ 4

Въ г. Карачевѣ.

Въ уѣздномъ училищѣ.

Учениковъ 39 душъ:

Дворянъ 5
Оберъ-офицерскихъ 9
Купцовъ 9
Мѣщанъ 6
Приказныхъ 2
Однодворцевъ 2
Экономическихъ 2
Господскихъ людей 4

Въ городскомъ приход. училищѣ.

Учениковъ 65 душъ:

Дворянъ 8
Оберъ-офицерскихъ 6
Приказно-служителей 9
Купцовъ 8
Мѣщанъ 12
Господскихъ людей 22

Въ Архангельскѣ.

Въ приходскомъ училищѣ.

Учениковъ 57 душъ:

Въ г. Кромахъ.

Въ уѣздномъ училищѣ.

Учениковъ 14 душъ:

Дворянъ 2
Оберъ-офицерскихъ 10
Купцовъ 1
Господскихъ людей 1

Въ приходскомъ училищѣ.

Учениковъ 23 души:

Оберъ-офицерскихъ 1
Купцовъ 5
Мѣщанъ 12
Однодворцевъ 1
Господскихъ людей 4

Въ Никитскѣ.

Въ приходскомъ училищѣ.

Учениковъ 18 душъ:

Мѣщанъ 3
Однодворцевъ 15

Въ Троицкѣ.

Въ приходскомъ училищѣ.

Учениковъ 9 душъ:

Мѣщанъ 4
Крестьянъ 5

Въ г. Ливнахъ.

Въ уѣздномъ училищѣ.

Учениковъ 67 душъ:

Дворянъ 13
Оберъ-офицерскихъ 7
Купцовъ 7
Мѣщанъ 31
Однодворцевъ 5
Господскихъ людей 4

Въ школѣ взаимнаго обученія.

Учениковъ 79 душъ:

Дворянъ 7
Купцовъ 25
Мѣщанъ 21
Однодворцевъ 13
Господскихъ людей 13

Должанское приходское училище.

Учениковъ 10 душъ.

Харское приходское училище.

Учениковъ 9 душъ:

Въ г. Мценскѣ.

Въ уѣздномъ училищѣ.

Учениковъ 57 душъ:

Дворянъ 10
Оберъ-офицерскихъ 9
Купцовъ 8
Мѣщанъ 13
Однодворцевъ 4
Вольно-отпущенныхъ 1
Господскихъ людей 10
Ямщицкихъ 2

Въ приходскомъ училищѣ.

Учениковъ 92 души:

Дворянъ	7
Оберъ-офицерскихъ	3
Купцовъ	33
Мѣщанъ	34
Однодворцевъ	3
Господскихъ людей	11
Вольно-отпущенныхъ	1

Въ г. Малоархангельскѣ.

Въ уѣздномъ училищѣ.

Учениковъ 38 душъ:

Дворянъ	3
Оберъ-офицерскихъ	6
Мѣщанъ	20
Разночинцевъ	9

Въ уѣздномъ приходскомъ училищѣ.

Учениковъ 75 душъ:

Дворянъ	2
Оберъ-офицерскихъ	4
Купцовъ	3
Мѣщанъ	40
Разночинцевъ	26

Александровское приходское училище.

Учениковъ 45 душъ.

Городищенское приходское училище.

Учениковъ 50 душъ.

Въ г. Сѣвскѣ.

Въ приходскомъ училищѣ.

Учениковъ 40 душъ:

Дворянъ	4
Оберъ-офицерскихъ	12
Купцовъ	8
Мѣщанъ	15
Однодворцевъ	1

Въ Градскомъ приходскомъ училищѣ.

Учениковъ 82 души:

Дворянъ	2
Оберъ-офицерскихъ	7
Купцовъ	14
Мѣщанъ	49
Разночинцевъ	10

Въ г. Трубчевскѣ.

Въ уѣздномъ училищѣ.

Учениковъ 62 души:

Дворянъ	5
Оберъ-офицерскихъ	9
Купцовъ	6
Мѣщанъ	32
Разночинцевъ	10

Въ приходскомъ училищѣ.

Учениковъ 79 душъ:

Дворянъ	2
Оберъ-офицерскихъ	4
Купцовъ	3
Мѣщанъ	40
Разночинцевъ	30

Списокъ учебныхъ заведеній и учащихся въ *Воронежской дирекціи.*

Въ г. Воронежѣ.

Въ Воронежской гимназіи.

Учениковъ 119 душъ:

Дворянъ	70
Оберъ-офицерскихъ	28
Купцовъ	6
Мѣщанъ	5
Однодворцевъ	3
Иностранцевъ	3
Войсковыхъ	4

Въ уѣздномъ училищѣ.

Учениковъ 45 душъ.

Въ приходскомъ училищѣ.

Учениковъ 22 души.

Въ 1 частномъ женскомъ пансіонѣ.

Учениковъ 18 душъ:

Дворянъ	15
Иностранцевъ	1
Купцовъ	2

Въ 2 частномъ женскомъ пансіонѣ.

Учениковъ 27 душъ:

Дворянъ	20
Купцовъ	4
Иностранцевъ	3

Въ г. Острогожскѣ.

Въ уѣздномъ училищѣ.

Учениковъ 91 душа:

Дворянъ 21
Оберъ-офицерскихъ 13
Купцовъ 17
Мѣщанъ 18
Крестьянъ 6
Поселянъ 16

Изъ нихъ 4 души женскаго пола.

Ровенское приходское училище.

Войсковыхъ обывателей 21

Въ г. Валуйкахъ.

Въ уѣздномъ училищѣ.

Учениковъ 58 душъ:

Дворянъ 31
Оберъ-офицерскихъ 4
Купцовъ 8
Разночинцевъ 1
Мѣщанъ 7
Однодворцевъ 3
Крестьянъ 4

Въ слободѣ Никитовкѣ.

Въ приходскомъ училищѣ.

Свободныхъ хлѣбопашцевъ 42

Въ слободѣ Николаевской.

Въ приходскомъ училищѣ.

Учениковъ 25 душъ.

Въ г. Задонскѣ.

Въ уѣздномъ училищѣ.

Учениковъ 48 душъ:

Дворянъ 10
Оберъ-офицерскихъ 9
Мѣщанъ 12
Однодворцевъ 6
Крѣпостныхъ 8
Разночинцевъ 3

Въ г. Стебаевѣ.

Въ приходскомъ училищѣ.

Учениковъ 90 душъ.

Въ г. Бирючѣ.

Въ уѣздномъ училищѣ.

Учениковъ 66 душъ:

Дворянъ 18
Оберъ-офицерскихъ 12
Однодворцевъ 7
Войсковыхъ 15
Мѣщанъ 7
Крестьянъ 5
Разночинцевъ 2

Алексѣевское приходское училище.

Подданныхъ малороссіянъ 82

Ливенское приходское училище.

Въ г. Бобровѣ.

Въ уѣздномъ училищѣ.

Учениковъ 66 душъ, изъ нихъ 9 дѣв.

Дворянъ 12
Оберъ-офицерскихъ 5
Купцовъ 16
Мѣщанъ 29
Отпущенныхъ 1
Крестьянъ 3

Въ с. Верхотишанкѣ.

Въ приходскомъ училищѣ.

Крестьянъ пом. 20

Въ г. Павловскѣ.

Въ уѣздномъ училищѣ.

Учениковъ 50 душъ:

Въ сл. Лосевой.

Въ приходскомъ училищѣ.

Крестьянъ 78

Въ г. Новохоперскѣ.

Въ маломъ народ. училищѣ.

Учениковъ 39 душъ:

Дворянъ 7
Оберъ-офицерскихъ 3
Купцовъ 3
Мѣщанъ 12
Разночинцевъ 14

Если сравнить число школъ и учащихся въ 1815 и 1834 гг., т. е. въ началѣ и концѣ изучаемаго нами періода, то окажется слѣдующее.

Въ Харьковской губ. число школъ уменьшилось на 13 (число это падаетъ исключительно на приходскія училища), число учащихся сообразно съ этимъ также уменьшилось на 143 чел. Въ Полтавской губ. число школъ увеличилось на 28 (на 3 пансіона, на 3 уѣздныхъ и на 22 приходскихъ училища), число учащихся также увеличилось на 824 чел. Въ Курской губ. число школъ увеличилось на 6 (прибавилось 6 уѣздныхъ и 6 приходскихъ училищъ, закрылось 5 малыхъ народныхъ) и число учащихся увеличилось на 715 чел. Въ Воронежской губ. число школъ увеличилось на 9 (прибавилось 5 уѣздныхъ училищъ, 6 приходскихъ, 2 пансіона и закрылись 4 малыя народныя училища), число учащихся также увеличилось на 435 чел. Въ Орловской губ. число школъ увеличилось на 26 (прибавилось 7 уѣздныхъ и 23 приходскихъ училища, закрылось 4 малыхъ народныхъ), число учащихся на 408 чел. Въ области Войска Донскаго число школъ возрасло на 3 (прибавилось 4 уѣздныхъ училища и убавилось одно приходское), число учащихся увеличилось на 652 чел., т. е. на 175%. Черноморская область была расширена присоединеніемъ Закавказья; число школъ въ ней увеличилось на 5 (прибавилось одно высшее уѣздное училище, 3 уѣздныхъ и одно приходское), число учащихся увеличилось на 188 ч. Остальныхъ губерній—Черниговской, Екатеринославской, Херсонской и Таврической—въ составѣ Харьковскаго учебнаго округа не находимъ; а вмѣсто ихъ видимъ Тамбовскую губ. Такимъ образомъ, въ перечисленныхъ нами выше 5 губерніяхъ и 2-хъ областяхъ число школъ увеличилось на 65, что составитъ на 100 школъ 65% и число учащихся на 3079 душъ, что составитъ на 5224 д. почти 59%; годичный приростъ числа школъ выразится цифрою $3^1/_3$%, а учащихся 3%. Во всѣхъ губерніяхъ и областяхъ замѣчаемъ приростъ школъ и учащихся за исключеніемъ Харьковской, гдѣ наблюдается уменьшеніе и той, и другой цифры. Впрочемъ и въ Харьковской губ. уменьшилось только число наименѣе устойчивыхъ всюду приходскихъ училищъ, а число другихъ школъ осталось безъ измѣненія, число учащихся въ гимназіи увеличилось на 44, въ уѣздныхъ училищахъ, число коихъ осталось безъ измѣненія, уменьшилось. Въ нисходящемъ порядкѣ по числу школъ губерніи и области въ 1834 году идутъ такъ: Полтавская, Орловская, Харьковская, Курская, Воронежская, область Донская и Закавказская; по числу учащихся: Полтавская, Курская, Харьковская, Донская область, Воронежская, Орловская, Закавказская область. Сопоставивъ эти

данныя съ приведенными раньше, относящимися къ 1815 году, узнаемъ, какія губерніи и области отстали отъ другихъ и какія опередили другъ друга. Во всякомъ случаѣ рѣзко выдвинулась впередъ Полтавская губ. и область Войска Донскаго; понизились Харьковская. Число гимназій осталось прежнее, число учащихся въ нихъ увеличилось на 521 чел., т. е. почти на 100%. Число уѣздныхъ училищъ возросло на 29, что составитъ на 42 69% и число учащихся въ нихъ на 1841 ч., что составитъ на 3178 чел. почти 58%. Число приходскихъ училищъ увеличилось на 39, т. е. болѣе чѣмъ на 100%, а число учащихся въ нихъ на 1209, т. е. около 142%, малыя же народныя училища всѣ исчезли, или точнѣе говоря, были преобразованы въ уѣздныя или приходскія. Число пансіоновъ возрасло очень сильно: въ 1815 г. упоминалось только объ одномъ (въ Харьковѣ), но безъ указанія числа учащихся въ немъ, а въ 1834 году ихъ было уже 6 съ 69 пансіонерами. Кромѣ того была въ Харьковѣ ланкастерская школа для взаимнаго обученія съ 75 учениками. Въ отчетѣ за 1834 годъ приводятся данныя и о сословномъ составѣ учащихся. Въ гимназіяхъ находимъ дѣтей дворянъ, оберъ офицеровъ, купцовъ, разночинцевъ и иностранцевъ; въ уѣздныхъ училищахъ—дѣтей дворянъ, оберъ офицеровъ, канцелярскихъ служителей, купцовъ, казаковъ и урядниковъ, духовнаго званія, мѣщанъ вольныхъ хлѣбопшцевъ, вольноотпущенныхъ, однодворцевъ, войсковыхъ обывателей, крестьянъ, цеховыхъ, иностранцевъ, крестьянъ (казенныхъ и помѣщичьихъ), въ приходскихъ училищахъ—дѣтей оберъ офицеровъ, купцовъ, мѣщанъ, войсковыхъ обывателей, разночинцевъ, крестьянъ казенныхъ и помѣщичьихъ, духовнаго званія, казаковъ и урядниковъ. Дворянскія и оберъ офицерскія дѣти вмѣстѣ составляли преобладающую группу чуть ли не во всѣхъ училищахъ, въ особенности же въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ; въ послѣднихъ видное мѣсто занимали также мѣщане. Впрочемъ въ Курской гимназіи преобладающее положеніе имѣли разночинцы и купцы, въ Новочеркасской видное мѣсто занимали дѣти казаковъ и казачьихъ урядниковъ. Подробныя статистическія данныя приведены въ отчетѣ, помѣщаемомъ нами въ примѣчаніи [1]).

На внутреннемъ состояніи училищъ Харьковскаго учебнаго округа мы останавливаться не будемъ, потому что вопросъ этотъ въ полномъ его объемѣ выходитъ за предѣлы нашей задачи. Нѣкоторыя данныя мы можемъ найти объ этомъ въ трудахъ М. И. Сухомлинова (Училища и народное образованіе въ Черниговской губ. въ Журн. мин. нар. пр. CXXI, 3, 1—94), А. Андріяшева—Матеріалы для исторіи учебныхъ заведеній Черн. дир. училищъ (Циркуляры по управл. Кіев. учебн. окр.

1864—1865 гг.), А. Воронцова, учебныя заведенія въ г. Сумахъ (прил. къ Журн. мин. нар. просв. CXXVIII), А. Твердохлѣбова объ Ахтырскомъ уѣздномъ училищѣ и нѣкоторыхъ работахъ по исторіи гимназій. Статья Г. П. Данилевскаго „Харьковскія народныя школы" (съ 1732 по 1856 г. почти ничего не даетъ намъ по этому вопросу. Хотя авторъ и заявилъ, что пользовался матеріаломъ университетскаго архива, но можно полагать, что знакомство его съ этимъ послѣднимъ было поверхностное и состояло въ выпискахъ заголовокъ дѣлъ, а не ихъ содержанія; притомъ изложеніе автора въ высшей степени безсистемное и въ концѣ концовъ почти совершенно ничего не даетъ читателю, если не считать кое какихъ случайныхъ извлеченій изъ статистическихъ таблицъ, внутреннее же состояніе школъ характеризуется главнымъ образомъ заглавіями пикантныхъ архивныхъ документовъ. Шмидъ въ своемъ историческомъ очеркѣ среднихъ учебныхъ заведеній, дѣлаетъ попытку охарактеризовать внутреннія особенности тогдашнихъ школъ, но его характеристика слишкомъ обща и относится ко всей Россіи. Такимъ образомъ, можно сказать, что вопросъ этотъ не разрѣшенъ ни по отношенію ко всей Россіи, ни даже по отношенію къ ея отдѣльнымъ учебнымъ округамъ. Мы приведемъ здѣсь только отчетъ о состояніи училищъ въ 1818—1819 гг. представленный министерству попечителемъ округа З. Я. Карнѣевымъ, лично посѣтившимъ ихъ въ нѣсколько пріемовъ, а затѣмъ остановимся на воспоминаніяхъ о школьной жизни Геевскаго и отмѣтимъ еще нѣкоторыя черты косвеннаго вліянія университета на подвѣдомственныя ему школы.

Отчетъ попечителя, какъ посторонняго ревизора, конечно, является цѣннымъ объективнымъ источникомъ для общей характеристики среднихъ и низшихъ училищъ, бывшихъ въ вѣдѣніи университета, тѣмъ болѣе что этотъ ревизоръ, какъ мы знаемъ, относился къ университету не особенно сочувственно.

„Приступивъ къ осмотру въ южныхъ губерніяхъ учебныхъ заведеній, писалъ попечитель, согласно съ предначертанными для нихъ правилами входилъ я въ разсмотрѣніе всѣхъ училищныхъ частей и для того чтобы увидѣть весь ходъ преподаванія наукъ, дѣланы были въ присутствіи моемъ учащимся пробныя испытанія, съ предварительнымъ объясненіемъ учащими пройденныхъ въ теченіи года предметовъ; затѣмъ осматривалъ библіотеки, кабинеты, суммы, приходныя и расходныя книги и наконецъ самыя зданія.—Въ какомъ-же положеніи все это найдено, честь имѣю представить.

Слободско-Украинская гимназія. Гимназія доведена была директоромъ Эйбеномъ до чрезвычайнаго во всѣхъ частяхъ разстройства. Я

вынужденъ былъ по представленію училищнаго комитета, какъ и донесено мною министерству, удалить его на время отъ должности, пока не дастъ требуемыхъ за три года отчетовъ, которыхъ однако и до сего времени не далъ.—Учители, видя безпорядочную жизнь директора и крайнее его небреженіе о должности, невнимательны были къ своимъ должностямъ. Теперь они, будучи подъ особеннымъ по порученію моему надзоромъ профессора Успенскаго и исправляющаго должность директора учителя Любовскаго, поставлены въ возможный порядокъ, что и при осмотрѣ моемъ оказалось. Ученики (числомъ 225) начали изрядно успѣвать. Суммы наличной 4000 р., въ билетахъ для приращенія процентами 21.000 р., книгъ приходныхъ и расходныхъ за управленіе директора не имѣлось, а теперь заведены вновь. О зданіи же гимназическомъ и казенныхъ воспитанникахъ, равнымъ образомъ и о директорѣ Эйбенѣ непремину войти къ вашему Сіятельству съ особымъ представленіемъ.

Полтавская гимназія. Всѣ учителя этой гимназіи съ весьма похвальнымъ усердіемъ и прилежаніемъ исполняютъ свои обязанности. Ученики оказали отличные во всѣхъ предметахъ успѣхи, числомъ ихъ 79-ть. Гимназія эта наполняется большею частью воспитанниками существующаго въ Полтавѣ дома воспитанія бѣдныхъ. Физическій кабинетъ посредствененъ, но минералогическій чрезвычайно хорошъ и въ отличномъ порядкѣ. Суммы наличной 4500 руб., въ билетахъ 8500 руб. книги приходныя и расходныя ведутся исправно. Что же касается до гимназическаго зданія, то оно весьма ветхо и слѣдовало бы замѣнить его домомъ почтамта, по утвержденію комитета г.г. министровъ для гимназіи назначеннымъ; но такъ какъ Малороссійскій военный губернаторъ вошелъ съ новымъ проэктомъ относительно учрежденія въ Полтавѣ лицея, то и ожидается на то разрѣшенія. Важнѣйшій въ Полтавской гимназіи недостатокъ—неимѣніе въ ней изъ духовныхъ особъ законоучителя. Хотя по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ и читается Евангеліе ученикамъ однимъ изъ учителей, которымъ такъ же въ назначенные классные часы преподается пространный катихизисъ, но это не можетъ совершенно замѣнить искуснаго въ Законѣ Божіемъ священника. Объ этомъ непремину въ скоромъ времени сдѣлать надлежащее распоряженіе.

Екатеринославская гимназія. Учители этой гимназіи довольно хорошихъ способностей и познаній; исполняютъ рачительно свои обязанности, преимущественно же законоучитель протоіерей Максимъ Моторный, который при неусыпныхъ трудахъ ясно изложенною методою наставляетъ дѣтей въ Законѣ Божіемъ, подкрѣпляя объясненія свои вы-

бранными изъ св. писанія текстами. Учениковъ въ гимназіи 66, они оказали довольно хорошіе успѣхи; физическій и минералогическій кабинеты изрядны, въ библіотекѣ имѣется довольное число книгъ и нѣкоторыя изъ нихъ по древности весьма рѣдки. Суммы наличной 10000 руб., въ билетахъ 39000 руб. О наличной суммѣ замѣчено директору, чтобы въ такомъ количествѣ не держалъ по напрасну въ казначействѣ, но отдалъ бы въ приказъ для приращенія процентами. Книги приходныя и расходныя въ исправности. Зданіе самой гимназіи еще прочно и классы весьма хорошо расположены, но крыша требуетъ значительной починки, равнымъ образомъ и квартиры учителей. Объ этомъ директоръ особо ко мнѣ представитъ. Гимназія эта запимаетъ довольно пространное мѣсто и имѣетъ обширный садъ, для одного гулянья пригодный, такъ какъ за неимѣніемъ фруктовыхъ деревьевъ, требующихъ великаго присмотра и издержекъ, не приноситъ никакого дохода.

Таврическая гимназія. Учителя посредственны, хотя и довольно рачительны; находятся въ весьма бѣдномъ состояніи по чрезвычайной въ Симферополѣ дороговизнѣ. Учениковъ всѣхъ въ гимназіи 16, изъ которыхъ во второмъ и третьемъ классахъ только по одному ученику, а въ четвертомъ три. Успѣхи хорошіе. Должность законоучителя исправляетъ самъ директоръ, по трудности найти его изъ тамошняго духовенства. Въ гимназію эту поступаютъ дѣти однихъ только городскихъ жителей, которые большею частью родомъ греки и мѣщанскаго состоянія и довольствуются тѣмъ, чтобы дѣти ихъ умѣли читать и писать и потому и теперь въ уѣздномъ училищѣ 60 учениковъ и 15 ученицъ. Татары, коихъ весьма много живетъ въ городѣ, имѣютъ свои особыя домашнія школы и вовсе не отдаютъ дѣтей въ публичное училище. Татарскій учитель природный татаринъ, почти вовсе не знающій россійскаго языка, приноситъ весьма малую пользу. Онъ учитъ читать и писать по татарски и арабски тѣхъ дѣтей изъ грековъ, кои по долговременному пребыванію родителей ихъ въ томъ краю сами умѣютъ говорить по татарски. По объясненію моему съ г. гражданскимъ губернаторомъ и съ генералъ-маіоромъ княземъ Каябеемъ Балатуковымъ, татарскимъ начальникомъ, нужно бы при Таврической гимназіи учителя, который бы зналъ хорошо россійскій, греческій, татарскій и арабскій языки и методически преподавалъ бы ихъ; тогда бы охотно и самые татаре отдавали дѣтей своихъ въ училище. Физическій кабинетъ въ гимназіи посредственъ, минералогическаго вовсе нѣтъ; библіотека весьма малозначуща. Суммы наличной 1500 руб., въ билетахъ 8170 рублей. Книги приходныя и расходныя исправны. Зданіе гимназическое для

классовъ достаточно, но требуетъ расширенія, дабы дать весьма нужныя для учителей квартиры, которыя въ Симферополѣ съ великимъ трудомъ имѣть можно, ибо татары, по обряду своего исповѣданія, вовсе не отдаютъ домовъ своихъ въ наемъ христіанамъ. Вообще Таврическая гимназія требуетъ особеннаго вниманія и лучшаго для нея положенія и я въ свое время войду въ ближайшее объ этомъ разсмотрѣніе.

Херсонская гимназія находится въ разстроенномъ состояніи, въ которое приведена она умершимъ 18-го декабря прошлаго 1817 г. директоромъ Якубовскимъ. Учителя хотя и всѣ почти молоды, но подъ бдительнымъ надзоромъ были бы весьма хороши, такъ какъ и теперь ученики, коихъ числомъ 30, довольно успѣли. Экономическая часть совершенно запутана. По смерти помянутаго директора оказалось утерянной гимназической суммы болѣе 12000 р.—Университетъ по этому случаю посылалъ на мѣсто для разысканія экстраординарнаго проф. Васильева, который, продавъ часть оставшагося послѣ директора имѣнія, возвратилъ три тысячи рублей.—Но въ бытность мою въ Херсонѣ увидѣлъ я, что Васильевъ весьма поверхностно входилъ въ дѣло, не открывъ по надлежащему утерянныхъ денегъ, и потому въ то же время предписалъ я директору училищъ Екатеринославской губерніи немедленно прибыть въ Херсонъ и произвести формальное обслѣдованіе. О послѣдствіи, коль скоро получу отъ директора и отъ университета представленія, донесу подробно Вашему Сіятельству, но чтобы гимназію эту привести въ надлежащій порядокъ, нужно опредѣлить въ нее хорошаго и опытнаго директора, о которомъ въ непродолжительномъ времени будетъ сдѣлано представленіе. Суммы теперь оказалось наличной 10,000 руб., которую подтверждено мною исправляющему должность директора отдать въ приказъ для приращенія процентами, что давно упущено было изъ виду и самимъ университетомъ. Домъ, назначенный для гимназіи, занимаетъ г. гражданскій губернаторъ, а гимназія помѣщается теперь въ ближайшемъ зданіи, которое хотя и довольно вмѣстительно, но требуетъ значительныхъ починокъ.—Я сносился съ губернаторомъ и получилъ отъ него отзывъ, что онъ, къ наступающему открытію гимназическаго курса ученія, прикажетъ кому слѣдуетъ все нужное исправить и починить и увѣрилъ меня въ точномъ исполненіи этого обѣщанія. Между тѣмъ, истребовавъ отъ университета имѣющійся въ немъ планъ прежняго принадлежащаго Херсонской гимназіи дома, въ свое время представлю его на усмотрѣніе Вашего Сіятельства.

Уѣздныя училища, какъ при гимназіяхъ состоящія (кромѣ Полтавскаго, которое отмѣнно хорошо) такъ и всѣ тѣ, которыя по дорогѣ

осматриваемы были мною, можно сказать, хороши, особенно относительно преподаваемыхъ въ нихъ наукъ и дѣти учатся порядочно, но учителя вездѣ крайне бѣдны и весьма нуждаются въ содержаніи себя. Директора гимназій—Полтавской, Екатеринославской и Таврической—рачительны и удерживаютъ хорошій порядокъ. Какъ нынѣ при обозрѣніи моемъ дѣлалъ я, такъ и со временемъ буду склонять ихъ ко всевозможному наблюденію и вкорененію христіанской нравственности, которая хотя теперь съ Божьей помощью и возстановляется между дѣтьми, но самые наставники еще весьма въ ней слабы. По осмотрѣ всѣхъ гимназій ввѣреннаго мнѣ округа я буду имѣть полное понятіе о ходѣ истиннаго просвѣщенія, къ чему много мнѣ поможетъ то, что я лично узнаю мѣстныхъ начальниковъ, служащихъ примѣромъ во всемъ, исправленіе же всякаго рода неустройствъ послѣдуетъ со временемъ и постепенно и на все то буду испрашивать и пособій, и разрѣшеній Вашего Сіятельства.

Предпринятое мною обозрѣніе учебныхъ заведеній въ сѣверныхъ губерніяхъ произведено на такомъ же основаніи, на какомъ производимо было и въ южныхъ губерніяхъ. Но такъ какъ нынѣ начался вездѣ курсъ ученія, то и поставилъ я непремѣннымъ правиломъ вникнуть сколь можно ближе въ принятый учителями способъ преподаванія наукъ и въ самые успѣхи учащихся. Этого было достаточно, чтобы не упустить ничего изъ виду во всемъ томъ, что только могло относиться до даннаго предмета. Затѣмъ осматриваемы были по надлежащему и прочія училищныя части, и въ какомъ состояніи найдены, считаю долгомъ донести Вашему Сіятельству.

Курская гимназія. Учителя этой гимназіи, при отличныхъ способностяхъ и похвальномъ поведеніи, всегдашнимъ стараніемъ о своихъ обязанностяхъ поселяютъ и въ дѣтяхъ особенную охоту къ ученію. Учениковъ въ гимназіи 96, въ уѣздномъ училищѣ, при ней состоящемъ, 322. Они по всѣмъ предметамъ и классамъ подаютъ большую надежду на успѣхи, потому что и при начальномъ курсѣ давали во многомъ весьма удовлетворительные отвѣты. Физическій и минералогическій кабинеты довольно хороши. Библіотека имѣетъ довольно значительное число книгъ. Суммы наличной 3397 рублей, въ билетахъ для приращенія процентами 5500. Книги приходныя и расходныя ведутся исправно. Зданіе гимназическое каменное, весьма прочное и достаточное не только для помѣщенія классовъ, которые очень хорошо расположены, но имѣютъ въ немъ и нѣкоторые изъ учителей квартиры. Однако при всей прочности гимназическаго дома, непремѣнно нужно сдѣлать на немъ новую крышу, для которой и заготов-

лены уже нужные матеріалы, но нельзя приступить къ этому за неполученіемъ пожертвованныхъ дворянствомъ 8000 руб., взятыхъ заимообразно коммиссіонеромъ Барановичемъ и слѣдуемыхъ въ возвратъ изъ военнаго министерства, о чемъ Вашему Сіятельству извѣстно изъ прежняго представленія моего. Будучи въ Курскѣ и зная, что тамошней гимназіи принадлежитъ выстроенный купцомъ Голиковымъ по собственному обязательству въ прежнее время для училища домъ, за данное ему отъ города пространное во владѣніе его мѣсто, призывалъ я къ себѣ оставшагося по смерти того купца сына его купца же Николая Голикова, который, желая кончить начатое уже дѣло, обѣщалъ въ замѣнъ того дома пожертвовать для гимназіи отъ своего уже имени до 12000 руб., но онъ не могъ этого исполнить въ присутствіи моемъ, по приключившейся ему тогда болѣзни. Я поручилъ директору о послѣдствіи этого донести мнѣ.

Воронежская гимназія. Учителя этой гимназіи исправляютъ должность довольно рачительно и съ похвалою. Дѣти въ наукахъ оказываютъ изрядные успѣхи, а къ концу года еще болѣе успѣютъ. Учениковъ въ гимназіи 67, въ уѣздномъ училищѣ, при ней состоящемъ 154. Физическій кабинетъ посредственный, минералогическій малозначущій. Библіотека немного имѣетъ книгъ. Суммы наличной 2329 р., въ билетахъ 12.000 р. Книги приходныя и расходныя исправны. Гимназія эта находится въ отведенномъ отъ города домѣ, за неимѣніемъ собственнаго. Хотя дворянское, купеческое и мѣщанское общество г. Воронежа и пожертвовало для гимназіи домъ, но онъ, находясь среди торговой площади и не имѣя ни службъ, ни самаго двора, совершенные удобенъ для помѣщенія гимназіи; сверхъ того, какъ по осмотрѣ моемъ оказалось, на немъ столь ветхая крыша, что жить въ немъ невозможно, вслѣдствіе чего онъ не можетъ приносить и никакого дохода. Тамошній гражданскій губернаторъ, по объясненію моему съ нимъ, обѣщалъ взять на себя трудъ, при наступающихъ въ началѣ будущаго года дворянскихъ выборахъ, походатайствовать у дворянства, чтобы оно пожертвовало такую по крайней мѣрѣ сумму денегъ, за которую бы по продажѣ упомянутаго пожертвованнаго Обществомъ для гимназіи дома, вмѣстѣ съ вырученными за него деньгами, можно было купить имѣющійся въ виду весьма выгодный и мною осматриваемый домъ, въ которомъ и гимназія помѣстится, и квартиры для учителей будутъ. Въ подкрѣпленіе всего того отнесся я къ губернатору и, по полученіи отъ него въ свое время удовлетворительнаго отзыва, непремину Вашему Сіятельству донести. Посему самому Воронежская гимназія, съ давняго времени не имѣя постояннаго пребыванія и съ мѣста на мѣсто

переносимая, не могла прійти въ приличное состояніе, но по устройствѣ его она получитъ твердое во всемъ основаніе.

Орловская гимназія. Нѣкоторые учителя этой гимназіи изрядны, а нѣкоторые посредственны. Послѣдніе по недавнему опредѣленію къ должностямъ не могли еще усовершенствоваться. Учениковъ въ гимназіи 76, въ уѣздномъ училищѣ 128. Успѣхи весьма малы, особенно въ языкахъ, латинскій же языкъ до такой степени упалъ, что въ четвертомъ классѣ проходятъ только начальныя основанія грамматики. Причиною этого выставилъ мнѣ директоръ то обстоятельство, что прежній учитель этого предмета былъ крайне небрежителенъ и кромѣ того многіе изъ родителей не желали, чтобы дѣти ихъ учились этому языку. Поэтому подтвердилъ я, чтобы при переводѣ изъ класса въ классъ строго наблюдаемо было надлежащее познаніе языковъ, въ томъ числѣ и латинскаго, какъ кореннаго и весьма полезнаго для самой словесности. Кабинеты физическій и минералогическій посредственны, библіотека изрядна. Суммы наличной 800 р., въ билетахъ 18.000 р. Книги приходныя и расходныя въ исправности. Зданіе гимназическое въ два этажа, каменное, чрезвычайно прочное и хорошее, особенно верхній этажъ, гдѣ расположены классы и залъ собранія отдѣланъ на счетъ дворянства весьма хорошо. Напротивъ того нижній этажъ, бывшій въ 1812 году подъ лазаретомъ, оставался до настоящаго времени безъ надлежащей починки, хотя изъ коммиссаріатскаго вѣдомства и присланы были губернскому начальству на то деньги. По настоянію моему, тамошній гражданскій губернаторъ, еще въ бытность мою въ Орлѣ, доставилъ къ директору упомянутыя деньги, всего 7500 р., на которыя и нижній этажъ гимназіи будетъ по надлежащему исправленъ.

Новгородъ-Сѣверская гимназія. Учителя этой гимназіи старательны и прилежны. Успѣхи дѣтей весьма хороши. Учениковъ въ гимназіи 161, въ уѣздномъ училищѣ, при ней состоящемъ, 122. Физическій и минералогическій кабинеты посредственны, библіотека изрядна. Суммы наличной 5000 р., въ билетахъ 13000 р. Книги приходныя и расходныя исправны. Зданіе гимназическое деревянное, но довольно еще прочное и достаточное для помѣщенія гимназіи и квартиръ для нѣкоторыхъ учителей. Гимназія эта, по уединенному своему положенію, заслуживаетъ особеннаго вниманія. Она находится въ уѣздномъ городѣ, который, будучи самъ по себѣ весьма незначителенъ, имѣетъ теперь едва ли не единственное преимущество въ томъ, что въ немъ существуетъ гимназія. Но за то прекрасное его мѣстоположеніе весьма пригодно для упражняющихся въ наукахъ. Многіе изъ родителей въ отвращеніе развлеченій, обыкновенно встрѣчаемыхъ въ губернскихъ го-

родахъ, а особенно торговыхъ, гдѣ часто собираются шумныя общества, присылаютъ въ Новгородъ-Сѣверскую гимназію дѣтей своихъ изъ другихъ даже губерній и не рѣдко изъ отдаленныхъ. Необыкновенное въ этой гимназіи противъ другихъ число учениковъ весьма ясно то доказываетъ. Директоръ, долголѣтними опытами въ этой должности наученный, поддерживаетъ такое общее къ гимназіи хорошее мнѣніе. Онъ по заведенному издавна порядку имѣетъ строгій надзоръ за поведеніемъ не только учащихся, но и учащихъ. Жаль только, что этотъ достойный чиновникъ отъ глубокой старости едва ли въ состояніи будетъ долго продолжать превышающіе силы его труды.

Черниговская гимназія. Учителя этой гимназіи, кромѣ французскаго, рачительны въ исполненіи должностей своихъ. Успѣхи дѣтей довольно хороши. Учениковъ въ гимназіи 49, въ уѣздномъ училищѣ, при ней состоящемъ, 178. Физическій и минералогическій кабинеты изрядны, а библіотека весьма хороша. Суммы наличной 1191 руб., въ билетахъ 1500 рублей. Книги приходныя и расходныя исправны. Гимназія эта занимаетъ деревянный, пространный бывшій генералъ-губернаторскій домъ. Онъ столь великъ и обширенъ, что даже чрезвычайной своею обширностью неудобенъ для гимназіи. Классы расположены хорошо, но залъ для собранія очень великъ. Половина этого зала назначена для училищнаго собранія, а другая для театра, который хотя бываетъ только во время дворянскихъ выборовъ и другихъ подобныхъ тому дворянскихъ же съѣздовъ, но и это затрудняетъ гимназію, и на то время останавливается въ классахъ ученіе, что продолжается по одному мѣсяцу и болѣе. По нахожденію тогда въ Черниговѣ малороссійскаго военнаго губернатора князя Репнина, объяснялся я съ нимъ лично по этому предмету и получилъ отъ него отзывъ, что онъ, видя и съ своей стороны всѣ упомянутыя неудобства, желаетъ въ скоромъ времени въ замѣнъ нынѣшняго обратить для гимназіи весьма приличный каменный двухъ-этажный домъ, недавно отстроенный для губернатора. Я видѣлъ этотъ домъ и по мнѣнію моему, онъ столь хорошъ, что для гимназіи лучшаго и желать неможно. При осмотрѣ Черниговской гимназіи увидѣлъ я, что ученики нисколько не успѣли во французскомъ языкѣ и даже во всѣхъ четырехъ классахъ и читать не умѣютъ. Учитель этого языка титулярный совѣтникъ де Буше находится въ этомъ званіи съ 1802 года. Прежде былъ онъ въ Курской гимназіи, а въ 1811 году переведенъ въ Черниговскую. Онъ или по отвращенію къ русскому языку, или по нерадѣнію, вовсе его незнаетъ, и потому оказывается неспособнымъ преподавать публичныя лекціи. Всѣ учителя и даже многіе изъ учениковъ приносили мнѣ жалобу на

странное обращеніе этого учителя и крайнее его небреженіе о должности. Замѣтивъ директору, что онъ не доносилъ о томъ начальству, которому, по объясненію его, должно было быть это извѣстно чрезъ визитаторовъ, предложилъ я университету немедленно удалить отъ должности этого учителя, понапрасну получающаго жалованье и наносящаго вредъ училищному заведенію, а на его мѣсто избрать способнаго.

Уѣздныя училища такъ же осматриваемы были мною и найдены не всѣ въ соотвѣтственномъ состояніи. Во многихъ уѣздныхъ городахъ существуютъ еще одни только малыя народныя училища, а въ нѣкоторыхъ и никакихъ училищъ нѣтъ. Это зависитъ въ большей степени отъ недостаточнаго содѣйствія дворянства и гражданъ, нежели отъ старанія училищнаго начальства. Такъ Бѣлгородское уѣздное училище во всѣхъ частяхъ является отличнымъ, но и оно обязано своимъ благосостояніемъ тамошнему почетному смотрителю Барщову, пекущемуся неусыпно о всемъ томъ, что входитъ въ его обязанность, однако же при всей его дѣятельности много ему препятствуетъ Бѣлгородское купеческое общество, которое, не взирая на рѣшеніе комитета министровъ, не даетъ купчей крѣпости на домъ, купленный имъ исключительно для этого училища. Объ этомъ отнесся я къ Курскому губернатору, но не имѣю еще отзыва. Другое училище не менѣе значительное будетъ въ городѣ Задонскѣ, гдѣ почетный смотритель надворный совѣтникъ Викулинъ выстроилъ собственнымъ иждивеніемъ для училища каменный, двухъ-этажный домъ со службами и прочими угодьями, но открытію его препятствуетъ то, что этотъ самый новоотдѣланный домъ занятъ самоправно безъ вѣдома даже полиціи подъ лазаретъ находящеюся въ городѣ Задонскѣ военною командою. По собраніи объ этомъ нужныхъ справокъ я буду просить защиты вашего сіятельства. Въ Черниговской же губерніи Нѣжинское, а въ Полтавской Прилуцкое, Пирятинское и Лубенское уѣздныя училища найдены мною въ довольно хорошемъ состояніи.

Изъ директоровъ особенной похвалы заслуживаетъ директоръ училищъ Курской губерніи коллежскій совѣтникъ Кологривовъ, такъ какъ состоящая въ вѣденіи его Курская гимназія во всѣхъ частяхъ, по исправности своей и отличному ходу ученія, можетъ назваться въ Харьковскомъ учебномъ округѣ первою. Директоры Новгородъ-Сѣверскій и Воронежскій старательны и попечительны, не взирая на то, что первый по старости своей уже ослабѣваетъ. Орловскій усерденъ, но ему нужно употребить болѣе дѣятельности, о чемъ и дано ему отъ меня нужное наставленіе. Черниговскій хотя и рачителенъ, однако по старости, а особенно по болѣзненному состоянію съ трудомъ можетъ исправлять должность свою.

Особенно осмѣливаюсь доложить вашему сіятельству, что во всѣхъ помянутыхъ гимназіяхъ, и именно: Курской, Воронежской, Орловской, Новгородъ-Сѣверской и Черниговской, Законъ Божій преподается отличными духовными особами, и дѣти вездѣ *къ душевному моему удовольствію* показали прекрасные успѣхи.

Что относится до прочихъ гимназій ввѣреннаго мнѣ учебнаго округа, то послѣ Курской, Полтавская по части учебной можетъ имѣть второе мѣсто. За нею—Новгородсѣверская и Екатеринославская, наконецъ Воронежская и Черниговская, остальныя же преимущественно по экономической части требуютъ во многомъ поправленія.

Окончательный осмотръ остальныхъ учебныхъ заведеній произведенъ мною на томъ же основаніи, на какомъ производимъ былъ въ прошедшемъ году гимназіямъ и училищамъ, въ девяти губерніяхъ состоящимъ. Особенное вниманіе обращалъ я на способъ преподаванія наукъ, на труды учащихъ, на успѣхи учащихся, на способъ управленія начальствующихъ въ училищахъ и наконецъ на самое положеніе и состояніе училищныхъ зданій, равно какъ и на прочія принадлежности, къ нимъ относящіяся. Эти учебныя заведенія непремѣнно нужно было видѣть на мѣстѣ, дабы можно было о всемъ округѣ имѣть полное понятіе и давать нужное во всякомъ случаѣ направленіе. Хотя же въ этомъ пространномъ пути переѣзды были крайне затруднительны по бывшей тогда непогодѣ, однако съ Божіею помощію совершивъ и нынѣшній осмотръ, долгомъ считаю вашему сіятельству донести слѣдующее.

Гимназія Войска Донского. Учителя этой гимназіи всѣхъ наукъ довольно изрядны и ученики на частныхъ испытаніяхъ при мнѣ показали похвальные успѣхи, кромѣ языковъ, въ которыхъ мало успѣли. Законоучитель протоіерей Мерхелевъ съ отличными познаніями и должность свою исправляетъ весьма усердно, а потому и отвѣты учениковъ въ Законѣ Божіемъ имъ наставляемыхъ были весьма удовлетворительны. Учениковъ въ гимназіи 32, въ уѣздномъ училищѣ 96 которые по всѣмъ предметамъ, оказали отличные ўспѣхи. Физикоматематическій кабинетъ очень хорошъ; минералогическій посредственъ, библіотека малозначуща. Суммы экономической всего 800 рублей, которая и состоитъ въ наличности. Гимназическое зданіе, которое прежде занимаемо было войсковою канцеляріею, хотя довольно прочно, однако слишкомъ отдѣлено отъ центра города находится почти внѣ его, благодаря чему дѣти, живущія въ разныхъ мѣстахъ пространнаго Новочеркасска въ осеннее и зимнее время, съ великою трудностъю могутъ посѣщать классы, а нѣкоторые недостаточные и вовсе ихъ оставляютъ на это

время. Объ этомъ неудобствѣ объяснялся я съ войсковымъ атаманомъ, который и съ своей стороны признавъ его далъ обѣщаніе, что со временемъ назначено будетъ гимназіи болѣе приличное мѣсто. По разсмотрѣніи на мѣстѣ всѣхъ обстоятельствъ, замѣтилъ я, что гимназія Войска Донского должна имѣть совершенно отличное отъ прочихъ губернскихъ гимназій и духу донского войска болѣе соотвѣтственное положеніе. Въ гимназіи этой и вообще въ подвѣдомыхъ ей училищахъ обучаются дѣти однихъ только донскихъ казаковъ и ихъ старшинъ. Изъ нихъ весьма малое число по окончаніи наукъ идетъ по медицинской части, а прочіе всѣ поступаютъ въ донскую службу, слѣдовательно, они непремѣнно должны имѣть вмѣстѣ съ науками и военное образованіе. Съ таковымъ замѣчаніемъ моимъ согласны и войсковой атаманъ, и генералъ-адъютантъ Чернышевъ, находящійся нынѣ членомъ учрежденнаго по Высочайшему повелѣнію въ войскѣ донскомъ комитета. Они объявили мнѣ, что по разсмотрѣніи въ этомъ комитетѣ всѣхъ дѣлъ, къ Донскому Войску относящихся, и по соображеніи доходовъ, сдѣлаютъ надлежащій тамошней гимназіи планъ съ назначеніемъ для чиновниковъ ея достаточнаго жалованья. По полученіи объ этомъ отъ атамана свѣдѣнія, непремину вашему сіятельству подробно представить. Директоръ этой гимназіи Поповъ съ достаточными познаніями, хорошій христіанинъ, ревностный почитатель истины Евангельской и весьма честный человѣкъ, но при всѣхъ этихъ отличныхъ качествахъ я не нашелъ въ немъ свойственной начальнику дѣятельности. Онъ болѣе склоненъ къ уединенію, въ общественной же жизни простотою своею, которая и мною замѣчена, обратилъ онъ на себя невыгодное вниманіе. Самые благопріятствующіе ему въ отзывахъ своихъ ко мнѣ, отдавая справедливость честности его, признаютъ въ немъ нѣкотораго рода странность, для начальника учебнаго заведенія вовсе неприличную; я счелъ за нужное дать ему наставленіе быть дѣятельнѣе въ своей должности и болѣе съ нею сообразоваться. Впрочемъ нахожусь въ сомнѣніи, чтобы онъ, утвердившись въ привычкахъ, могъ по старости своей, доходящей до 60-ти лѣтъ, перемѣниться и потому и атаманъ, по убѣжденію моему, согласился на оставленіе его директоромъ на нѣкоторое время; когда же послѣдуетъ новое образованіе гимназіи, тогда онъ мѣста этого уже имѣть не можетъ, а вмѣсто того за долговременную и безпорочную свою службу удостоенъ будетъ полной пенсіи.

Таганрогская коммерческая гимназія. Учителя этой гимназіи математическихъ наукъ, историческихъ и словенности съ хорошими познаніями и успѣхи по этимъ предметамъ изрядны. Греческаго языка

преподаются одни только начала во всѣхъ трехъ классахъ, по недавнему опредѣленію учителя. Французскій языкъ преподаетъ учитель уѣзднаго училища и при томъ такъ же одни начала. Коммерческія науки теперь не преподаются за неимѣніемъ учителя, который выписывается. Учениковъ въ гимназіи 22, въ уѣздномъ училищѣ, при ней состоящемъ, 110. Физикоматематическій и минералогическій кабинеты посредственны. Библіотека довольно значительна и въ должномъ порядкѣ. Суммы наличной 3780 рублей, въ билетахъ на процентахъ въ Банкѣ 7000 руб. Зданіе, обращенное въ гимназію изъ дома бывшаго градоначальника, довольно большое, но весьма неудобное для помѣщенія гимназіи. Въ большомъ корпусѣ въ нижнемъ этажѣ одну половину занимаетъ одна только зала для публичныхъ учебныхъ собраній, а въ другой половинѣ въ нѣсколькихъ комнатахъ, вовсе неприспособленныхъ для училищныхъ классовъ, имѣетъ квартиру директоръ со своимъ семействомъ. Въ верхнемъ этажѣ помѣщены библіотека и кабинеты. Классы гимназіи и уѣзднаго училища расположены въ двухъ весьма бѣдныхъ флигеляхъ.

Гимназія эта имѣетъ мѣсто выгодное и довольно пространное. Подлѣ самаго большаго гимназическаго корпуса устроенъ изрядный садъ. Если бы мѣстное гражданское начальство и тамошнее купеческое общество обращали болѣе вниманія на учебную часть, то Таганрогская гимназія имѣла бы хорошее положеніе и приносила бы желаемую правительствомъ пользу собственно для жителей этого торговаго города. Но вмѣсто того купцы мало содѣйствуютъ къ поддержанію гимназіи. Они довольствуются тѣмъ, что дѣти ихъ обучаются порядочно читать и писать и началамъ ариѳметики и большею частью берутъ ихъ изъ уѣзднаго училища въ лавки и употребляютъ по торговымъ дѣламъ. Поэтому гимназія эта требуетъ особеннаго разсмотрѣнія. По учиненіи надлежащихъ съ университетомъ справокъ и по сношенію съ градоначальникомъ, который въ бытность мою въ Таганрогѣ былъ въ отсутствіи, не премину вашему сіятельству въ свое время представить о доставленіи этому учебному заведенію прочнаго и приличнаго состоянія. Директоръ Таганрогской коммерческой гимназіи г. Манне довольно усерденъ къ должности своей и старателенъ, но по неимѣнію никакихъ способовъ труды его малоуспѣшны.

Ростовское приходское училище, подвѣдомое Таганрогской коммерческой гимназіи, находится въ отличномъ порядкѣ и устройствѣ; въ немъ учениковъ 67 и 17 учениць. Успѣхи ихъ въ наукахъ весьма хороши. Многіе изъ учениковъ проходятъ предметы, относящіеся къ уѣздному училищу. Это училище обязано всѣмъ своимъ устройствомъ смотрителю его протоіерею Щербинскому, который, исправляя самъ долж-

ность законоучителя, употребляетъ въ качествѣ учителей двухъ церковно-служителей своихъ, окончившихъ въ семинаріи науки высшихъ классовъ. По объясненію мнѣ смотрителя протоіерея Щербинскаго, жители Ростовскіе весьма желаютъ, чтобы въ Ростовѣ, какъ уѣздномъ городѣ, учреждено было уѣздное училище, къ поддержанію котораго имѣются многіе способы. Училищный домъ хотя и деревянный, но довольно прочный. Въ немъ свободно можетъ помѣститься уѣздное училище съ низшимъ отдѣленіемъ. Многіе родители видятъ этотъ недостатокъ, но отдавать дѣтей своихъ изъ приходскаго Ростовскаго въ Таганрогское уѣздное училище крайне затрудняются. Одни изъ нихъ неувѣрены въ успѣхѣ, не будучи въ состояніи имѣть по отдаленности за малолѣтними дѣтьми надзора, а другіе не въ состояніи дать дѣтямъ своимъ продолжительнаго содержанія, каковое потребуется въ Таганрогѣ. Чрезъ это самое и Таганрогская гимназія лишается многихъ учениковъ, которые, по учрежденіи въ Ростовѣ уѣзднаго училища, вѣроятно поступили бы. Нынѣ же и самое Ростовское приходское училище противъ прежняго оскудѣваетъ учениками, немогущими получать дальнѣйшаго образованія и поддерживается одними только усиленными стараніями смотрителя протоіерея Щербинскаго. По этимъ уважительнымъ причинамъ объ учрежденіи въ Ростовѣ уѣзднаго училища я войду съ особымъ представленіемъ.

Бахмутское уѣздное училище помѣщается въ наемномъ домѣ и хотя имѣетъ два собственные дома, но изъ нихъ одинъ по ветхости непригоденъ, а другой, купленный почетнымъ смотрителемъ, предположенъ къ перестройкѣ. Учителя исправляютъ должности свои рачительно и успѣхи дѣтей довольно хороши; учениковъ въ училищѣ 38. Суммы наличной 997 рублей, въ билетахъ на процентахъ 5500 рублей. Должность штатнаго смотрителя исправляетъ учитель.

Изюмское уѣздное училище довольно хорошо устроено. Учителя старательны и дѣти съ порядочными успѣхами. Учениковъ 68, учениць 4. Суммы наличной 305 р., въ билетахъ на процентахъ 6500 р. Штатный смотритель усерденъ и рачителенъ.

Зміевское уѣздное училище отлично устроено. Учителя довольно прилежны и дѣти оказали порядочные успѣхи. Учениковъ 62. Суммы наличной 783 руб., въ билетахъ на процентахъ 4000 рублей. Штатный смотритель съ похвалою исправляетъ свою должность.

Весь таковой осмотръ мой учебныхъ заведеній предавая въ начальничье вашего сіятельства благоразсмотрѣніе, смѣю заключить, что если Богъ благословитъ подъемлемые мною труды и подкрѣпитъ послѣдніе силы мои, то, имѣя нынѣ нужное свѣдѣніе о всемъ ввѣренномъ

мнѣ учебномъ округѣ и о начальствующихъ лицахъ, отъ которыхъ преимущественно зависятъ порядокъ и доброе устройство, буду стараться, сколько о вкорененіи христіанской нравственности, основанной на евангельской истинѣ, безъ коей никакое просвѣщеніе не можетъ быть ни полезнымъ, ни прочнымъ, столько и о надлежащемъ благосостояніи училищъ; во всякомъ же потребномъ случаѣ непремину испрашивать и пособій и подкрѣпленій вашего сіятельства“ [1]).

Какъ видимъ отсюда, общее впечатлѣніе попечителя изъ осмотра имъ учебныхъ заведеній, находившихся въ вѣдѣніи училищнаго комитета Харьковскаго университета, было благопріятно. Харьковская гимназія была найдена въ неудовлетворительномъ состояніи, но представленіе объ этомъ было сдѣлано самимъ же училищнымъ комитетомъ, предложившимъ устранить отъ должности директора гимназіи Эйбена. Херсонская гимназія найдена была также въ разстроенномъ состояніи, и виною этого оказался опять таки только покойный директоръ ея Якубовскій. Попечитель призналъ ревизію Васильева поверхностной, но этотъ отзывъ находится въ противорѣчіи съ тѣмъ впечатлѣніемъ, какое получается отъ нея въ настоящее время. Отрицательно отнесся попечитель и къ директору Донскихъ училищъ Попову, но повидимому впослѣдствіи нѣсколько измѣнилъ свой взглядъ. Вотъ и всѣ почти серьезные недочеты, отмѣченные попечителемъ.

Перейдемъ теперь отъ этого внѣшняго сухого описанія къ личному живому впечатлѣнію воспитанника одной изъ школъ, бывшихъ въ вѣдѣніи училищнаго комитета—Степана Лукича Геевскаго, учившагося сначала въ Зеньковскомъ уѣздномъ училищѣ, а потомъ въ Полтавской гимназіи. Онъ родился въ 1813 году въ небогатой помѣщичьей южно-русской семьѣ, въ Зеньковскомъ уѣздѣ Полтавской губ. Отецъ рѣшилъ дать своему сыну хорошее образованіе и потому отдалъ его въ науку къ смотрителю Зеньковскаго повѣтоваго училища И. И. Кричевскому „человѣку, извѣстному своею образованностью.“ У него мальчикъ долженъ былъ жить и учиться. Плата за меня, говоритъ С. Л. Геевскій, была очень значительна: 300 р. ассиг., голова сахару, 1 ф. чаю, 2 четверти пшеницы, 10 ведеръ водки, а кромѣ того обѣщано было безъ договору присылать домашней птицы и прочаго иного малую толику“. У Кричевскаго было нѣсколько другихъ пансіонеровъ, доставлявшихъ въ общемъ не малый ему доходъ. Первые уроки въ домѣ смотрителя Геевскій долженъ былъ брать у 12-ти лѣтняго мальчика лакея Карпа, который „дошелъ уже до молитвъ и потому могъ препо-

[1]) Архивъ Мин. Нар. Пр. Д. 1818 г. № 21715/616;

давать азбуку и склады";—такъ рѣшилъ смотритель. Вскорѣ отъ Карпа Геевскій перешелъ къ сестрѣ Кричевскаго—это былъ высшій классъ домашняго пансіона Кричевскаго. Выучившись читать-и писать, Геевскій былъ опредѣленъ Кричевскимъ въ училище. Вотъ какъ описываетъ Геевскій свое впечатлѣніе отъ перваго урока въ низшемъ отдѣленіи, т. е. первомъ классѣ повѣтоваго училища. „Шумъ и крикъ нынѣшнихъ ланкастерскихъ школъ—ни что въ сравненіи съ тѣмъ гамомъ, который оглушилъ меня на первомъ шагу публичнаго воспитанія. Представьте себѣ около 40 или 45 учениковъ разнообразнаго происхожденія, въ разнообразныхъ костюмахъ, начиная отъ аристократическаго воротничка до пестрядеваго халата, подпоясаннаго покромкой изъ сукна, въ которомъ просвѣщалась почти половина класса; представьте, что вся эта масса жужжитъ на разные голоса: одинъ учитъ азбуку, другой твердитъ склады, третій дѣлаетъ задачи, четвертый учитъ символъ вѣры, пятый громогласно повѣтствуетъ исторію прекраснаго Іосифа, шестой и седьмой потихоньку толкаются между собою, а потомъ немножко погромче дерутся за чубы и т. д. представьте учителя расхаживающимъ среди всей этой кутерьмы по классу и безпрерывно покрикивающимъ въ разныя стороны „что ты тамъ шалишь, дуракъ! 5×6=30, а не 32, оселъ! Гамалѣя! Читай Пентефрія, а не Пентерфія! Стань на колѣни, Глоба! и пр. Представьте, себѣ говорю все это—и вы будете имѣть понятіе и о нижнемъ отдѣленіи блаженной памяти 1822 года и о моемъ страхѣ, когда я впервые вошелъ въ это святилище"! Впрочемъ Геевскій скоро освоился съ училищемъ и пребываніе въ немъ сдѣлалось для него пріятнымъ. Во 2-й и 3-й класъ онъ перешелъ съ наградой—получилъ сначала зоологическую книгу, а потомъ сочиненіе г-жи Пойонъ „Способъ молиться". Наступилъ окончательный публичный экзаменъ, ярко и живо описанный Геевскимъ. „За 4 или 5 дней до него училище было вымыто и вымазано бѣлой глиной внутри и снаружи; дворъ чисто выметенъ; парадный входъ обсыпанъ травою; торжественная зала (она же и обыкновенная зала, гдѣ обѣдали учителя и ихъ пансіонеры), убрана была блестящею мебелью, свезенною со всѣхъ концовъ уѣзда; разставлены глобусы; развѣшены ландкарты; столъ накрытъ сукномъ; на столѣ похвальныя книги... и аттестаты! Часу въ 6-мъ послѣ обѣда, то есть послѣ разныхъ окончательныхъ продажъ и покупокъ, начали съѣзжаться почтеннѣйшіе посѣтители; сначала разумѣется не совсѣмъ почтенные, потомъ немножко почтеннѣе, далѣе болѣе почтенные и наконецъ уже около половины 7-го часа почтеннѣйшіе, то есть аристократы края: маршалъ (предводитель) дворянства, городничій, судья и подсудки, стряпчій и нѣкоторые помѣщики большой руки. Такъ

какъ музыки тогда не было, то засѣданіе началось пѣніемъ какой-то молитвы, аранжированной изъ лучшихъ голосовъ (безъ нотъ) законоучителемъ. Потомъ всѣ сѣли кромѣ учениковъ, которые стояли въ нѣсколько рядовъ, въ глубинѣ залы. Началось испытаніе въ законѣ Божіемъ, русскомъ языкѣ, исторіи, географіи, ариѳметикѣ и во всѣхъ прочихъ предметахъ: говорили басни, разсказывали по картѣ, рѣшали задачи, вертѣли глобусы и многіе другіе фокусъ-покусы. Но болѣе всего понравилось публикѣ 2 фокуса: 1) два ученика пересказали разговорно басню Крылова, Любопытный, 2) я проговорилъ съ приличными тѣлодвиженіями отрывокъ „Эдипъ и Антигона" (изъ трагедіи Озерова). Толстый городничій Гуровъ поцѣловалъ меня. Что же касается до учениковъ, произносившихъ „Любопытнаго", то и описать не умѣю, какъ всѣ были довольны; по желанію маршала дворянства, велѣно было повторить. Когда проэкзаменовали всѣхъ, то учитель историческихъ наукъ Романовскій началъ говорить благодарственную рѣчь, а чтобы публикѣ не было скучно, лакеи разносили почтеннѣйшей публикѣ чай и пунши, а намъ конфекты, пряники и орѣхи (въ тѣ времена какъ и теперъ, ораторство нуждалось во вспомогательныхъ средствахъ—иначе всѣ бы уснули). По окончаніи рѣчи намъ раздали награды и аттестаты; самъ маршалъ совершилъ этотъ подвигъ. Публика поднялась; смотрѣли еще нѣсколько минутъ прописи и рисунки, наконецъ, начали разъѣзжаться". Окончивъ повѣтовое училище, Геевскій по экзамену былъ принятъ въ Полтавскую гимназію. Одни учителя ея оказались очень плохими, другіе наоборотъ прекрасными. Къ числу первыхъ принадлежалъ учитель нѣмецкаго языка. „Одинъ видъ этого человѣка, говоритъ Геевскій, высокаго, сѣдаго, съ огромною камышевою тростью, въ синемъ съ форменными пуговицами сюртукѣ, почти вовсе не понимавшаго по русски, привелъ меня въ ужасъ. Мнѣ послѣ говорили, что я былъ блѣденъ какъ полотно. Онъ началъ заставлять читать по нѣмецки, кричалъ, бранился, стучалъ по столу тростью и т. п. Дошла очередь и до меня. Разумѣется, что я былъ небольшой нѣмецъ да при томъ еще и струсилъ, а потому читалъ такъ, что онъ ударилъ тростью учительскою о столъ; гулъ и трескъ раздались по всему классу, а на крикъ вышелъ какой-то другой учитель изъ класса, подозвалъ нѣмца къ дверямъ, что то сказалъ ему... Это, вѣроятно, былъ мой ангелъ хранитель, потому что крикъ, брань, удары тростью прекратились и только развѣ по временамъ слышались слова: болванъ, свинья, говядинъ, мюзикъ, мой тебя будетъ пить и т. п. Когда всѣ были переспрошены и ни одинъ изъ 40 не удовлетворилъ ужаснаго нѣмца, онъ началъ намъ диктовать урокъ... Представьте себѣ урокъ на нѣмецкомъ

языкѣ для дѣтей, которыя, какъ онъ самъ видѣлъ, даже читать не умѣютъ по нѣмецки. На слѣдующій классъ нужно было это вызубрить, не понимая ни одного слова!.. Способъ преподаванія, за исключеніемъ русскаго языка, вовсе не былъ таковъ, чтобы можно было самому дѣловому ученику пріобрѣсти что нибудь для себя." Но больше всего страдало ученіе отъ неакуратнаго посѣщенія учителями классовъ. „Учителя являлись только изрѣдка, какъ любопытные путешественники не болѣе. Директоръ Огневъ былъ прекраснѣйшій человѣкъ и ученый какъ профессоръ, зналъ прекрасно языки, но этимъ все и ограничивалось. Квартира его была на другомъ концѣ города, версты 2½ отъ гимназіи, дѣтей у него было много, знакомыхъ еще больше; онъ жилъ открыто и потому посѣщеніе имъ гимназіи составляло эпоху и случалось не болѣе 10 разъ въ годъ, разумѣется кромѣ экзаменовъ на которыхъ онъ всегда присутствовалъ. Не мудрено, что многіе изъ учителей привыкли служить поэтому спустя рукава. Въ особенности замѣчательны въ этомъ отношеніи Ефремовъ и Сорочинскій. Ефремовъ учитель математики, старикъ лѣтъ 70, нажилъ себѣ прекрасное состояніе, содержа множество пансіонеровъ и при томъ будучи холостъ. Онъ всѣмъ домашнимъ хозяйствомъ занимался самъ, ежедневно ѣздилъ на базаръ, отвозилъ купленное домой и потомъ уже возвращался въ гимназію; часто случалось, что онъ пріѣзжалъ часовъ въ 11, когда не только оканчивался первый урокъ, но и 2-й проходилъ до половины (тогда ученіе начиналась въ 8 час. утра; каждый урокъ продолжался два часа). Кромѣ того онъ имѣлъ въ 5 в. отъ города хуторъ, куда ѣздилъ почти каждый день и пропускалъ по этому случаю послѣобѣденныя лекціи. Да и самыя лекціи его не могли приносить намъ никакой пользы онъ обыкновенно приходилъ въ классъ на ¾ и много на часъ; въ это время отправлялся къ доскѣ и выдѣлывалъ разныя задачи, вовсе не заботясь не только о томъ, понимаютъ ли его, но даже слушаютъ ли его. Директоръ не могъ не видѣть этого, но вѣроятно, изъ уваженія къ старости нашего наставника молчалъ, а мы продолжали ничего не знать. Сорочинскій, учитель латинскаго языка, былъ хотя и не старъ и, какъ можно было видѣть, зналъ свой предметъ отлично, но имѣлъ слабость *пить*... пить не чай, не кофе, даже не вино, а просто сивуху и пунши. Онъ пилъ запоемъ мѣсяцъ, недѣли 2 или 3... Такъ какъ директоръ хотя рѣдко, но все таки посѣщалъ гимназію, то учителя должны были по крайней мѣрѣ собираться въ гимназіи. Въ классахъ они бывали по получасу не болѣе, остальное время проводили въ канцеляріи; мы же между тѣмъ или диктовали, или что нибудь читали въ слухъ или, что всего чаще случалось, дура-

чились, выходили драться классъ на классъ, играли въ шварлая, въ жмурки и т. п. А между тѣмъ года проходили, насъ экзаменовали и переводили въ высшіе классы". Иногда не бывало уроковъ впрочемъ... по случаю осенней грязи: тогда распускали учениковъ пока не подмерзнетъ, чтобы можно было имъ ходить, не теряя сапогъ. „Часто случалось, что подобные экстраординарные каникулы продолжались по 5 и 6 недѣль". Ученики высшихъ классовъ, подражая учителямъ, также позволяли себѣ иногда не ходить въ гимназію.

Но были и учителя совсѣмъ иного рода, привлекавшіе учениковъ къ занятіямъ, возбуждавшіе у нихъ охоту къ чтенію. Благодаря имъ, „ученики питали теплую любовь къ наукамъ и литературѣ, занимались свободно, безъ ферулы, съ успѣхомъ и пользой". Таковъ былъ, напр., учитель естественной исторіи Иваницкій. „Лекціи ботаники назначены были утромъ отъ 8 до 10 час. 2 раза въ недѣлю. По этому случаю, лѣтомъ, мы имѣли право приходить въ гимназію въ 9 час., до того же отправлялись въ поля и сады для собиранія травъ и цвѣтовъ: это было лучшее для насъ время. Мы собирались и ходили въ городской садъ, за городъ, но чаще всего въ садъ графини Разумовской. Хотя случалось, что мы дѣлали маленькія злоупотребленія—а именно—поигрывали въ мяча на чистомъ воздухѣ—но также не забывали своего главнаго дѣла и въ урочный часъ являлись въ гимназію съ огромными связками всего, что попадалось подъ руку. Все это раскладывалось въ классѣ симметрически въ ожиданіи учителя..., который былъ большой мастеръ своего дѣла и мы таки научились у него кое чему. У насъ былъ прекрасный физическій, зоологическій и минералогическій кабинетъ и гербарій. Мы очень часто дѣлали опыты, знакомились съ силами и богатствами природы. Естественная исторія вовсе не была у насъ наукою педантическою для одного только зазубриванія. Мы знакомились съ нею практически".

Въ гимназіи была также обширная библіотека, которою широко пользовались гимназисты, пополнявшіе ее постоянно пожертвованными имъ книгами. Еще во 2-мъ классѣ Геевскій перечиталъ множество книгъ, рекомендованныхъ ему учителемъ—образцовыя ночи (родъ хрестоматіи въ 12 частяхъ съ портретами нѣкоторыхъ авторовъ), исторію Карамзина, разныя путешествія, Россіяду и Владимира—Хераскова и трагедіи Озерова, романы Радклифъ. Въ высшихъ классахъ любимыми занятіями гимназистовъ были литературныя бесѣды. „Учитель словесности, говоритъ Геевскій, въ 3-мъ классѣ приказывалъ намъ сочинять на заданныя темы разнаго рода сочиненія и позволялъ для этого брать изъ библіотеки книги и журналы. Мы обыкновенно собирались въ

классъ и въ продолженіе какихъ нибудь 1½ часа или читали что нибудь новое и занимательное, или сочиняли всѣ вмѣстѣ. Конечно, каждый изъ насъ писалъ отдѣльно; но прежде мы составляли совѣтъ, что и какъ писать. Мы, такъ сказать, помогали другъ другу и въ мысляхъ, и въ слогѣ. Свобода быть безъ учителя въ классѣ позволяла намъ подобнаго рода взаимное сообщеніе мыслей и я даже теперь не могу не признать этого чрезвычайно полезнымъ. Если мы не писали сочиненій до прихода учителя, то уже навѣрное читали что нибудь въ слухъ... Читали мы въ этомъ случаѣ съ большою пользою, особенно если попадалось что нибудь занимательное. Въ это время явился уже и Булгаринъ со своими юмористическими статьями... сочиненія Пушкина, Жуковскаго, Батюшкова, рукописная комедія Грибоѣдова—Горе отъ ума и нѣкот. др. Сочиненія много насъ занимали и случалось, что и учитель давалъ намъ нѣкоторыя объясненія, но чаще всего мы объясняли себѣ сами и не столько въ какомъ нибудь ученомъ отношеніи (филологическомъ, историческомъ) сколько касательно вкуса. Мы читали много, читали съ удовольствіемъ, даже съ наслажденіемъ, а потому не мудрено, что умственныя способности наши развивались весьма порядочно и у насъ проявлялись ученики, которые писали весьма порядочно и прозой и стихами". [1])

Приведенныя отрывки изъ автобіографіи С. Л. Геевскаго живо и ярко рисуютъ намъ одно изъ уѣздныхъ училищъ и одну изъ гимназій Харьковскаго учебнаго округа въ изучаемый нами періодъ времени, но они же по типичности своей могутъ служить матеріаломъ и для характеристики тогдашнихъ низшихъ и среднихъ школъ въ округѣ вообще. Несомнѣнно, что подобные порядки и подобные учителя существовали и въ другихъ уѣздныхъ училищахъ и гимназіяхъ. Можетъ быть, только Полтавская гимназія стояла выше другихъ по обстановкѣ своихъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій и особенно библіотеки, которая и удовлетворяла, и развивала у питомцевъ гимназіи любовь къ литературѣ. Несомнѣнно также имѣло значеніе и то обстоятельство, что во главѣ этой гимназіи стоялъ образованный директоръ, который хотя и рѣдко ее посѣщалъ, но всетаки оказывалъ повидимому благотворное вліяніе на общее направленіе ея и духъ.

Присутствіе на ряду съ прекрасными учителями весьма неудовлетворительныхъ объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что тогдашняя школа постоянно нуждалась въ преподавателяхъ и естественно, что должна была вслѣдствіе этого терпѣть и совсѣмъ неудовлетворительныхъ.

---

[1]) Степанъ Лукичъ Геевскій, автобіографія (рукоп. Харьк. историко-филологич. Общества).

Отмѣтимъ теперь еще нѣкоторые факты вліянія университета на училища. Училищный комитетъ разсматривалъ и затѣмъ рекомендовалъ для пріобрѣтенія въ библіотеки училищъ разныя книги. Нѣкоторыя изъ рекомендованныхъ къ выпискѣ книгъ носятъ на себѣ яркій отпечатокъ духа времени. Такъ были выписаны для гимназій—путеводитель по Россійской имперіи и Царству Польскому подполковн. Пядышева [1], „Блаженство вѣрующаго, въ сердцѣ котораго обитаетъ Іисусъ Христосъ“ [2], „Новѣйшія извѣстія о Кавказѣ“ Броневскаго (рекомендована была Магницкимъ попеч. З. Я. Карнѣеву, который предписалъ ее пріобрѣсти) [3], „Богопознаніе и Богопочтеніе“ [4], „Опытъ учебнаго предначертанія для преподаванія россійскому юношеству греческаго языка“ [5]. „О подражаніи Христу“ Ѳомы Кемпійскаго (не только для гимназій, но и для уѣздныхъ училищъ) [6], „Чтеніе евангелистовъ и дѣяній апостольскихъ“ [7], Ксенофонтъ и Ѳукидидъ [8], журналъ „Христіанское чтеніе“ (по предписанію попечителя для всѣхъ гимназій и училищъ) [9]. „Эвклидовы начала“ [10], „Species plantarum“ [11], „Божественная философія“ [12], Дюту, „Курсъ всеобщей географіи“ Зябловскаго [13], „Исторія минералогіи“ [14], „Полное собраніе ученыхъ путешествій по Россіи“ [15], „Избранныя слова Масильона“ [16], „Мысли при чтеніи посланій свят. апостола Павла“, А. Прокоповича [17], „Исторія государства Россійскаго“ Карамзина [18] (по распоряженію попечителя), „Атласъ“ Пядышева (по настойчивой рекомендаціи департамента [19]), Пастырскія наставленія, какимъ образомъ молиться.

---

1) Харьк. унив. архивъ. Д. поп. № 535/27.
2) Ib., № 944/51.
3) Ib., № 1003/55.
4) Ib., № 971/53.
5) Ib., № 501/25.
6) Ib., № 690/35.
7) Ib., № 734/40.
8) Ib., № 768/41.
9) Ib., № 766/41.
10) Ib., № 677/35.
11) Ib., № 755/41.
12) Ib., № 722/39.
13) Ib., № 638/33.
14) Ib., № 657/34.
15) Ib., № 571/29.
16) Ib., № 534/27.
17) Ib., № 289/15.
18) Ib., № 502/25.
19) Ib., № 727/39.

Былъ случай, когда совѣтъ не находилъ нужнымъ выписать нѣкоторыхъ книгъ для гимназіи, согласно заключенію училищнаго комитета, напр., „надгробныхъ словъ Боссюэта, для гимназіи, несмотря на рекомендацію этой книги, исходившую отъ Магницкаго [1]), „Сибирской лѣтописи" Спасскаго [2]).

Любопытный инцидентъ произошелъ съ изданіемъ Копецкаго „Христіанская ручная книжка". Она была рекомендована къ пріобрѣтенію въ библіотеки министромъ кн. А. Н. Голицынымъ и не выписана въ гимназіи Харьковскаго учебнаго округа только по недостатку средствъ, а преемникъ по министерству Голицына Шишковъ сдѣлалъ секретное распоряженіе объ изъятіи ея изъ всѣхъ библіотекъ, исключая университетской, ибо по разсмотрѣніи духовнымъ вѣдомствомъ въ ней оказались неприличныя и грубыя выраженія, мысли не согласныя съ чистымъ евангельскимъ ученіемъ, и произвольныя тексты; вообще она могла только поселить соблазнъ у православнаго христіанина [3]).

Въ 1821 г. по распоряженію Министра Народнаго Просвѣщенія, была изъята изо всѣхъ училищъ бывшая дотолѣ вездѣ въ школьномъ употребленіи книга „О должностяхъ человѣка и гражданина" и замѣнена „Чтеніями изъ евангелистовъ и дѣяній апостольскихъ", къ которой рѣшено было также прибавить „Историческія чтенія изъ книгъ священнаго писанія ветхаго завѣта [4])".

Въ 1824 г. Имп. вольное экономическое общество просило министра народнаго просвѣщенія предложить пріобрѣтать полную коллекцію его изданій (71 томъ) за 150 р. въ библіотеки университетовъ, гимназій и уѣздныхъ училищъ, при чемъ почетные смотрители этихъ послѣднихъ за выписку этой коллекціи получали званіе членовъ корреспондентовъ Общества. Въ Харьковскомъ учебномъ округѣ было выписано нѣкоторое количество этого изданія [5]).

Въ 1821 г. получила большое распространеніе благодаря рекомендаціи мин. нар. просв. (для раздачи въ видѣ награды ученикамъ) книга подъ заглавіемъ „легчайшій способъ молиться" [6]).

Давалъ подъчасъ училищный комитетъ директорамъ и порученія ученаго характера.

---

[1]) Харьк. унив. архивъ. Д. доп. № 935/50.
[2]) Ib., № 873/48.
[3]) Ib., № 886/49.
[4]) Ib., Д. доп. № 384/45.
[5]) Ib., Д. доп. № 1063/58.
[6]) Ib., Д. доп. № 856/46.

Въ 1819 году училищный комитетъ послалъ полученное имъ письмо извѣстнаго археолога Зоріана Доленги Ходаковскаго директорамъ училищъ Войска Донского (Попову) и Черноморскаго (протоіерею Росинскому) и просилъ ихъ дать отвѣтъ о городищахъ въ этихъ краяхъ. Оба директора собирали справки, но результаты получились неудовлетворительные; по увѣренію Росинскаго, городищъ въ области Войска Черноморскаго не имѣлось, хотя самъ же онъ указалъ на нѣсколько остатковъ древнихъ укрѣпленій частью изъ дикаго камня, частью земляныхъ—около Темрюка, подлѣ урочища, называемаго Курками, при Ейской косѣ, по теченію р. Кубани. Трудно было дать удовлетворительный отвѣтъ на запросъ Ходаковскаго потому, что свѣдѣнія о городищахъ нигдѣ еще не были собраны и первый починъ въ этомъ новомъ дѣлѣ принадлежалъ самому Ходаковскому, который при томъ освѣщалъ его своею гипотезою о происхожденіи „городства“ [1]).

Нѣкоторые изъ преподавателей среднихъ учебныхъ заведеній, соревнуя профессорамъ, издавали въ свѣтъ свои труды ученаго, литературнаго или педагогическаго характера. Учитель въ институтѣ благородныхъ дѣвицъ П. Андреевскій напечаталъ „Географическіе уроки“ (Х. 1815 г.), П. Любовскій—Краткое руководство къ опытному душесловію (Х. 1815 г.), Опытъ логики (Х., 1818 г.), директоръ училищъ Войска Донского Ал. Поповъ—Исторію о Донскомъ войскѣ (т. 1 и 2-й Х., 1814, 1816), директоръ Екатеринославской гимназіи Мизко—рѣчь о вліяніи закона Божія на нравственное образованіе человѣка, (Х. 1816 г.). пасторъ Зедергольмъ—собраніе священныхъ пѣсенъ на нѣмецкомъ языкѣ (Х., 1816 г.), Ив. Любачинскій—Логику (Х., 1817 г.), законоучитель Екатеринодарскаго уѣзднаго училища прот. Росинскій—нѣсколько рѣчей, уч. Ст. Есикорскій—„Опытъ исторической очевидности промысла Божія у всѣхъ народовъ и во всѣхъ вѣкахъ, (Х., 1822 г.), и „Всемірную исторію“, (Х., 1826 г.), Ольденборгеръ—„Нѣмецкую христоматію“ (Х., 1830 г.), И. Кулжинскій—Таблицу латинскаго синтаксиса, (Х. 1831) и краткую грамматику русскаго языка, (х. 1832 г.). Ст. Геевскій—сочиненія и переводы въ стихахъ (Х. 1835 г.), С. Кованько перевелъ космографію Семенкура. Научное значеніе имѣло впрочемъ только одно сочиненіе Попова; остальныя представляли изъ себя учебники или рѣчи, на коихъ отразился духъ времени. Книга С. Л. Геевскаго заключала въ себѣ литературные опыты такъ-же точно какъ „Опыты въ слове-

---

[1]) Харьк. унив. архивъ Д. учил. ком. № 1983/69; письмо Ходаковскаго было напечатано мною въ „Кіев. старинѣ“.

сности воспитанниковъ благороднаго пансіона Коваленкова въ Харьковѣ", изданные извѣстнымъ намъ А. Склабовскимъ (Х., 1823 г.). На этихъ послѣднихъ ярко отразилось вліяніе издателя, бывшаго преподавателемъ въ этомъ пансіонѣ и создавшаго тамъ среди его воспитанниковъ библейское сотоварищество.

Учителямъ стали подражать ученики. Вотъ рѣчь, которая произнесена была ученикомъ Новочеркасскаго уѣзднаго училища по случаю посѣщенія его попечителемъ округа З. Я. Карнѣевымъ.

„Сердечное чувствуемъ удовольствіе видѣть днесь любезнѣйшаго нашего попечителя въ семъ мѣстѣ нашего образованія. Благотворное вашего превосходительства на насъ воззрѣніе вливаетъ въ насъ ревностное усердіе къ успѣшному прохожденію ученія. Се искренняя наша жертва! Прими ее превосходительный господинъ, яко фиміамъ высокопочитанія курящійся".

А вотъ стихотворное привѣтствіе ученика 1-го класса гимназіи.

Сердца пріятность услаждаетъ
Воззрѣнья отчаго на насъ,
Надежду сладкую питаетъ
Въ сей вожделѣнный для насъ часъ.
Чтобы идти безъ преткновенья,
Гдѣ есть путь, истинна, животъ
И тѣмъ Всевышняго велѣнья
Исполнить намъ отъ рода въ родъ.
Любезны братья, веселитесь
Въ терпѣньи, бдѣніи, трудѣ!
Ученьемъ, миромъ насладитесь
Въ одномъ спасительномъ крестѣ!
Къ симъ подвигамъ насъ поощряетъ
Нашъ попечитель, какъ отецъ,
И благодарность извлекаетъ
Отъ нашихъ искреннихъ сердецъ.
Прими ее великодушно,
Да будетъ правдѣ все послушно! [1])

Мы знаемъ, какъ Склабовскій поддерживалъ литературные интересы и занятія въ пансіонѣ Коваленкова.

Такъ же поступалъ и магистръ Артемовскій Гулакъ, бывшій преподавателемъ французскаго языка въ пансіонѣ Делявинь. Въ 1822 г. онъ представилъ въ цензурный комитетъ при Харьковскомъ универси-

---

[1]) Харьк. унив. архивъ. Д. поп. № 572/29.

тетѣ рукопись подъ заглавіемъ „Труды воспитанницъ пансіона Делявинь" и объяснилъ при этомъ, что они являются результатомъ его преподаванія въ немъ: воспитанницы занимались подъ его руководствомъ переводами съ французскаго языка на русскій и для этихъ переводовъ онъ самъ выбиралъ подходящій матеріалъ—такія мѣста изъ французскихъ писателей, которыя, утверждая ихъ въ основательномъ познаніи обоихъ языковъ укрѣпляли бы ихъ вмѣстѣ съ тѣмъ и въ чистой нравственности, сообразной высокому достоинству человѣка христіанина": для 1-й части онъ избралъ по этому церковныхъ учителей, а для 2-й такого свѣтскаго писателя, который указываетъ на истинную цѣль изящныхъ искусствъ и „не унизилъ пера своего ни одною чертою безнравственности даже и въ такихъ предметахъ, которые заимствовалъ изъ языческихъ баснословныхъ преданій". Такимъ образомъ, въ 1-й части содержатся труды духовнаго содержанія, а во 2-й нравственнаго. Выручка отъ изданія должна была пойти на благотворительную цѣль (на помощь бѣднымъ и въ пользу библейскаго общества), а на изданіе книги воспитанницы пожертвовали отъ себя 300 р. и просили о разрѣшеніи предварительной подписки, ибо изданіе обойдется въ 800 р. Но при цѣнѣ книги въ 6 р. за экземпляръ въ пользу бѣдныхъ и библейскаго общества должно отчислиться 2475 руб. Цензурный комитетъ въ виду того, что въ этомъ изданіи были статьи духовнаго содержанія, подлежавшія дѣйствію духовной цензуры, представилъ рукопись попечителю, для дальнѣйшаго направленія ея по закону. Министерство отправило рукопись въ общую цензуру, которая потребовала нѣкоторыхъ измѣненій въ ней, между прочимъ увеличенія числа текстовъ; но рукопись издана не была, вѣроятно, вслѣдствіе цензурныхъ мытарствъ [1]).

Говоря о роли университета въ дѣлѣ развитія средняго и низшаго народнаго образованія, нельзя не отмѣтить той крупной роли, какую игралъ онъ въ дѣлѣ подготовки для этихъ училищъ наставниковъ.

Въ связь съ этимъ можетъ быть приведенъ нижеслѣдующій фактъ.

Въ 1825 году на разсмотрѣніе попечителя Харьковскаго учебнаго округа Е. В. Карнѣева былъ представленъ проэктъ объ учрежденіи при университетѣ института русскихъ наставниковъ и воспитателей, по сущности котораго онъ далъ весьма любопытныя разъясненія и заключенія. Задача эта, по его словамъ, выполнялась въ значительной степени существующими учебными заведеніями. Онъ самъ можетъ удостовѣрить, что въ Харьковскомъ учебномъ округѣ нѣкоторые благонамѣренные помѣщики начали уже брать въ наставники къ своимъ дѣтямъ быв-

[1]) Харьк. унив. архивъ. Д. пол. № 882/49.

шихъ университетскихъ питомцевъ, снискавшихъ къ себѣ довѣріе по своимъ познаніямъ, педагогической опытности и благонравію. Родители отдавали подобнымъ наставникамъ своихъ дѣтей преимущественно въ Харьковѣ, гдѣ они подъ ихъ руководствомъ продолжали свое образованіе; но бывали случаи, что подобныхъ наставниковъ они склоняли и на пріѣздъ въ свои помѣстья. Великое же несчастіе состояло въ томъ, что многіе все таки брали къ себѣ французовъ гувернеровъ, которые обучали только одному французскому языку. Теперь однако это обыкновеніе мало по малу сокращается. Съ тѣхъ поръ какъ правительство стало требовать для своей службы людей, получившихъ академическое образованіе, большая часть родителей начала отдавать своихъ дѣтей въ университеты или другія учебныя заведенія, надѣляющія при выпускѣ своихъ воспитанниковъ разными преимуществами. Въ Харьковѣ дѣло происходитъ такъ. Тамъ заведено четыре частныхъ мужскихъ пансіона и столько же женскихъ [1]), кромѣ того существуетъ „училище дѣвицъ" подъ покровительствомъ Государыни Маріи Θеодоровны и при гимназіи мужской пансіонъ для недостаточныхъ воспитанниковъ, учреждается наконецъ кадетскій корпусъ подъ начальствомъ гр. Аракчеева; всѣ дѣти и попадаютъ въ одно изъ этихъ учебныхъ заведеній; мальчики, по окончаніи пансіона, поступаютъ обыкновенно въ университетъ, гдѣ и продолжаютъ занятія подъ руководствомъ выбираемыхъ ихъ родителями русскихъ наставниковъ, являясь украшеніемъ университета. То же самое дѣлается и въ отдаленнѣйшихъ отъ Харькова мѣстахъ, гдѣ существуютъ гимназіи, а въ нѣкоторыхъ губерніяхъ и частные пансіоны, откуда молодые люди поступаютъ въ университетъ.

И такъ, рѣшительно можно утверждать, что въ настоящее время беретъ верхъ общественное воспитаніе, а современемъ оно еще болѣе усилится. Я самъ могу засвидѣтельствовать, что по деревнямъ теперь у помѣщиковъ рѣдко гдѣ остаются дѣти старше 8—10 лѣтъ, отсюда видно, что незачѣмъ и заводить теперь особыхъ школъ наставниковъ и воспитателей. Нужно только обратить вниманіе на слѣдующія обстоятельства. Въ каждомъ университетѣ воспитывается извѣстное число казеннокоштныхъ студентовъ, которые потомъ занимаютъ учительскія мѣста въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ. Необходимо улучшить матеріальное положеніе этихъ учителей, которые теперь живутъ въ

---

[1]) Пансіонъ Робуша въ Харьковѣ пользовался особенно доброю славою. Онъ былъ основанъ въ 1821 году и до 1832 года число питомцевъ его колебалось отъ 50 до 60 въ годъ. 94 воспитанника его поступили частію въ университетъ, частію въ гражданскую или военную службу, преимущественно послѣднюю. (Харьк. унив. архивъ. Д. поп. № 308/16).

полной нищетѣ; они же являются главными наставниками по деревнямъ и малымъ городамъ. Если дать имъ матеріальное обезпеченіе, то этимъ самымъ можно будетъ пополнять ихъ ряды болѣе достойными лицами—одно зависитъ отъ другого. Теперь каждый избѣгаетъ учительскаго званія—а тогда, отслуживъ законные шесть лѣтъ и завязавъ связи съ окружающими, онъ останется въ этой средѣ навсегда и небудетъ стремиться уйти изъ нея. Полезно было бы также увеличить число казеннокоштныхъ студентовъ для подготовки изъ нихъ наставниковъ и воспитателей; ихъ можно было бы набирать изъ казеннокоштныхъ воспитанниковъ гимназій и отдавать для практическаго усвоенія новыхъ языковъ на четыре года въ пансіоны; при Харьковскомъ университетѣ ихъ могло бы быть до 20 человѣкъ; для этой цѣли понадобилось бы не болѣе 25000 р. Чрезвычайно важно было бы вкоренять въ такихъ воспитанникахъ истинные правила нравственности и христіанской религіи. Изстари россіяне начинали учиться съ часослова и псалтыри, проходили ученіе въ страхѣ Божіемъ; отъ того и впослѣдствіи, не взирая ни на какія преткновенія, оставались твердыми въ вѣрѣ, приверженными къ Государю и отечеству. Но съ тѣхъ поръ какъ водворилось у насъ иностранное воспитаніе, все пошло на оборотъ. Надлежитъ поэтому во всѣхъ гимназіяхъ, училищахъ, пансіонахъ неукоснительно преподавать священную исторію и катехизисъ, строго наблюдать за тѣмъ, что бы учащіеся посѣщали церковь и т. п., нужно заставлять ихъ чаще читать евангеліе и нравственныя книги и неослабно наблюдать за ихъ поведеніемъ и держать ихъ вообще въ подчиненности; тоже примѣнять и къ студентамъ, не обращая вниманія на умствованія нѣкоторыхъ, якобы это нужно только для дѣтей: тогда и изъ университета будутъ выходить не только образованные, но и нравственные наставники [1]).

Университетъ не доставлялъ такого числа учителей, какое было необходимо для удовлетворенія потребности въ нихъ и потому въ тогдашнихъ школахъ мы видимъ педагоговъ съ самымъ разнообразнымъ образовательнымъ цензомъ. Вотъ данныя объ этомъ, извлеченныя нами изъ отчета за 1818-й годъ.

Директоры гимназій окончили слѣдующія учебныя заведенія:

Гимназію при академіи наукъ	1
Духовную академію	1
Университетъ	1
Нѣтъ свѣдѣній о	4

[1]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло поп. № 1101/62.

А вотъ учебныя заведенія, въ которыхъ получили образованія учителя гимназій:

Академію художествъ 4
Духовная семинарія 4
Еллино-греческая академія 2
Коллегіумъ 3
Корпусъ 2
Лицей 1
Пансіонъ 1
Педагогическій институтъ 4
Университетъ 25
Учительская семинарія 1
Нѣтъ свѣдѣнія о 15

(вѣроятно, потому что не окончили никакого учебнаго заведенія).

Еще большею пестротою отличается образовательный цензъ почетныхъ и штатныхъ смотрителей народныхъ, уѣздныхъ и повѣтовыхъ училищъ. Изъ нихъ окончили:

Академію духовную 2
Академію и учительскую семинарію 1
Благородный пансіонъ 1
Благородное училище 1
Гимназію 2
Дворянскій пансіонъ 1
Домашняго образованія было 3
Духовную семинарію 3
Духовную и учительскую семинарію 1
Іезуитскую школу 1
Коллегіумъ 10
Казенное училище 1
Кадетскій корпусъ 3
Морской кадетскій корпусъ 1
Медико-хирургическую академію 1
Народное училище 4
Новоприбавочные классы 1
Пажескій корпусъ 1
Университетъ 2
Нѣтъ свѣдѣній о 39

(также, вѣроятно, нигдѣ не учились) изъ нихъ:

Гвардіи поручикъ 1
Корнетъ 1

Капитана 3
Маіора 2
Подпоручика 4
Поручиковъ 7
Подполковникъ 1
Прапорщика 3
Ротмистра 2
Секундъ-маіоръ 1
Сержантъ 1
Штабъ-лекарь 1
Юнкеръ 1
Совсѣмъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній объ 11

Учителя народныхъ, уѣздныхъ и повѣтовыхъ училищъ окончили слѣдующія учебныя заведенія:

Академію 1
Гимназію 31
Городское училище 6
Домашняго образованія 4
Духовную семинарію 23
Казенное училище 3
Коллегіумъ 8
Народное училище 12
Педагогическій институтъ 10
Университетъ 39
Кадетскій корпусъ 1
Уѣздное училище 6
Учительскую семинарію 1

Нѣтъ свѣдѣній о 23 [1]) (вѣроятно, нигдѣ не учились).

Число лицъ, окончившихъ курсъ въ Харьковскомъ университетѣ и желавшихъ посвятить себя педагогической дѣятельности, было недостаточно по сравненію съ тѣмъ спросомъ, какой на нихъ предъявлялся. При томъ и соціальное, и экономическое положеніе учителей было весьма неблагопріятное. Скудость содержанія и вызывала по большей части тѣ отрицательныя явленія, которыя обрисованы были Геевскимъ (неисправное посѣщеніе уроковъ въ силу широко практиковавшагося пансіонерства и др.).

---

[1]) Харьк. унив. архивъ. Формул. списки о чиновникахъ въ Харьковскомъ учебномъ округѣ за 1818 годъ.

Въ 1834 году педагогическаго института при Харьковскомъ университетѣ уже не было, чтенія курсовъ для гражданскихъ чиновниковъ также не существовало; комитетъ для испытанія гражданскихъ чиновниковъ (учрежденный указомъ 6 авг. 1809 г.) былъ закрытъ. [1]) До закрытія его подвергалось испытанію 4 гражданскихъ чиновника, изъ коихъ одинъ на чинъ титул. сов., а другой—кол. секр., два другихъ своего экзамена по случаю закрытія комитета не окончили, но существовалъ комитетъ для испытанія ищущихъ учительскихъ мѣстъ и на право обученія въ частныхъ домахъ; въ немъ держало экзаменъ 49, изъ коихъ 10 иностранцевъ; удостоено званія учителей гимназіи 16, уѣзднаго училища 21, въ частныхъ домахъ и пансіонахъ 5, въ томъ числѣ 2 русскихъ и 3 иностранца, не удостоено 7.

Въ заключеніе позволю себѣ привести выдержку изъ дневника одного педагога, которая ярко свидѣтельствуетъ о любви и расположеніи учителей гимназій Харьковскаго учебнаго округа, бывшихъ питомцевъ Харьковскаго университета, къ ихъ alma mater.

Въ запискахъ бывшаго студента Харьковскаго университета (съ 1816 года), впослѣдствіи учителя Новгородъ-Сѣверской гимназіи Ив. Матв. Сбитнева мы находимъ любопытныя подробности о томъ, какъ онъ назначенъ былъ Харьковскимъ университетомъ въ учителя западнаго края въ 1832 году.

---

1) Въ запискахъ Ярославскаго сохранился любопытный разсказъ о томъ, какъ онъ экзаменовался въ этомъ комитетѣ въ 1820 году на чинъ и какъ снисходительно къ нему отнеслись на экзаменѣ.

„По пріѣздѣ въ Харьковъ, пишетъ онъ, я остановился въ домѣ у секретаря думы, у котораго и прежде нѣсколько разъ квартировалъ. Евгеній Александровичъ Васильевъ (профессоръ архитектуры при университетѣ) принялъ меня съ объятіями; я часто бывалъ у него въ домѣ и съ удовольствіемъ проводилъ у него время. Въ университетъ подалъ прошеніе, съ представленіемъ аттестата изъ училища и формулярнаго о службѣ списка, изъявивъ въ немъ желаніе экзаменоваться на чинъ коллежскаго асессора. Мнѣ выдали по разнымъ наукамъ вопросы, которые не составляютъ секрета, потому что въ отвѣтахъ на нихъ заключается главное содержаніе каждой науки. Тогда еще былъ ректоромъ университета профессоръ математики Осиповскій, который сказалъ мнѣ, изъ какого сочиненія исторіи можно извлечь отвѣты по всемірной исторіи. Вскорѣ онъ былъ уволенъ за неосторожно высказанное имъ мнѣніе противъ массонской секты въ рѣчи, произнесенной имъ при публичномъ испытаніи. Мѣсто его заступилъ профессоръ греческаго языка. Сыновья его учились въ пансіонѣ у Сергѣя Николаевича Коваленка, моего соученика, съ которымъ я долго жилъ въ одной комнатѣ и пѣлъ съ нимъ. Пансіонъ его въ это время былъ въ домѣ, доставшемся ему отъ наслѣдниковъ бывшаго нашего директора Гус. Бор. Буксгведена и лучшемъ тогда въ Харьковѣ. Онъ рекомендовалъ меня ректору, и это мнѣ много помогло. Также Елисавета Михайловна, жена прокурора Павла Хрисанфовича Лабутина, служившаго въ мое время въ Херсонѣ, жила въ дружбѣ съ женою ректора; она замолвила о мнѣ доброе слово.

„Въ 1830 году, въ началѣ осени, говоритъ онъ, зашумѣли буйные головы сперва въ Царствѣ польскомъ, а потомъ въ нашихъ западныхъ провинціяхъ. Но Варшава пала; анархія подавлена; буйныя головы удалились во Францію и Англію, а легкомысліе присмирѣло. Тогда то наше правительство вознамѣрилось дать юношеству западныхъ губерній воспитаніе прочное, въ духѣ господствующаго народа и самодержавія. Для этой цѣли оно отправило осенью 1831 года въ Кіевскую, Подольскую и Волынскую губ. попечителя Харьковскаго учебнаго округа Филатьева и двухъ профессоровъ Харьковскаго университета— Кронеберга и Архангельскаго. Первымъ занятіемъ ихъ было закрыть всѣ существующія въ нихъ училища, ознакомиться съ тамошними чиновниками учебнаго вѣдомства и избрать мѣста, гдѣ удобнѣе можно основать гимназіи на новыхъ началахъ такъ, чтобы онѣ вполнѣ удовлетворяли требованіямъ правительства. Проэктъ ихъ по сему предмету представленъ былъ министру просвѣщенія Шишкову, а вслѣдъ за проэктомъ отправился въ Петербургъ и самъ попечитель, для личнаго совѣщанія о новомъ устройствѣ училищъ.

Ректоръ университета Еллинскій принялъ насъ милостиво, обязательно. Вытребовано было всѣхъ чиновниковъ 82 человѣка. Я нашелъ въ Харьковѣ многихъ моихъ товарищей по университету, а

Не надѣясь на свою слабую память, я составлялъ отвѣты противъ данныхъ мнѣ вопросовъ по каждой наукѣ и исписалъ около трехъ дестей бумаги; по нѣсколько разъ ихъ прочитывалъ и, можно сказать, почти выучивалъ; особенно всемірная и россійская исторія, всеобщая и россійская географія, также физика много труда мнѣ стоили. Экзаменовался я уже въ началѣ 1820 года. Всѣ экзаменаторы были ко мнѣ весьма снисходительны. Профессоръ россійской словесности Борзенко даже ко мнѣ былъ благосклоненъ; онъ назначилъ написать мнѣ сочиненіе, какъ первоначально и постепенно открывались художества, что должно быть мнѣ извѣстнѣе другихъ предметовъ. Преподавателю въ университетѣ богословія отцу Афанасію Могилевскому прежде еще экзамена я давалъ читать мои три бесѣды, сочиненныя въ Херсонѣ; онъ хвалилъ изъ нихъ „О безсмертіи души". Но профессоръ физики Комлишинскій, изъ дѣтства мнѣ знакомый, зная, что тогда не учили въ классахъ физики, меня конфузилъ и, видимо, хотѣлъ меня смѣшать. Въ этомъ испытаніи я также видѣлъ на себѣ промыселъ Божій, какъ въ томъ, что я вынималъ на удачу изъ всѣхъ наукъ весьма легкіе къ рѣшенію вопросы, такъ особенно въ томъ, что приглашенъ былъ французъ, чтобы испытать мое знаніе въ разговорномъ языкѣ французскомъ (въ чемъ я былъ мало свѣдущъ, какъ въ позднія лѣта началъ учиться этому языку и разговорами вовсе не занимался); но онъ находился въ другой комнатѣ, и позабыли его позвать. Чтеніе же мое изъ Телемака, словесный и письменный переводы изъ него одобрили. Итакъ, съ помощію Божіею, я счастливо окончилъ свой экзаменъ и въ февралѣ мѣсяцѣ получилъ изъ университета хорошій аттестатъ. (Харьк. сборн., вып. I, стр. 50).

именно—Еллинскаго, ректора университета и профессора хирургіи, Тюрина, директора Херсонской гимназіи, Черняева, профессора ботаники, Затеплинскаго, профессора астрономіи, Ѳедорова и Яковлева, старшихъ учителей Воронежской гимназіи, Калиновскаго, старшаго учителя Астраханской гимназіи, и Пригару, штатнаго смотрителя Борзенскаго училища. Свиданіе наше было умилительно! Мы оставили университетскія скамьи около 15 лѣтъ тому назадъ, въ полной молодости, съ теоретическимъ воззрѣніемъ на свѣтъ, съ выгоднымъ мнѣніемъ о своихъ достоинствахъ. Мы надѣялись играть значительную роль въ обществѣ, получивъ высшее образованіе; мы были увѣрены, что будемъ пользоваться полнымъ уваженіемъ лицъ, не видѣвшихъ стѣнъ университета. Однако скоро мы разочаровались въ нашихъ мечтахъ и ожиданіяхъ! Скудный окладъ жалованья, встрѣча съ богатымъ невѣжествомъ, гордившимся своимъ высокимъ происхожденіемъ, нежеланіе примѣняться къ пустымъ обычаямъ жителей, требовательныхъ и упорныхъ, особенно въ малыхъ городахъ, доставляли намъ много непріятностей и горя. Обзаведшись семействомъ, мы еще болѣе усилили нашу незавидную долю. Недостатки и предосудительное поведеніе нашихъ предшественниковъ помогали невниманію къ намъ даже во мнѣніи порядочныхъ и благомыслящихъ людей, при томъ мы состарѣлись; нѣкоторые изъ насъ стали терять къ себѣ довѣріе, другіе совершенно пали духомъ. Однако мы все-таки много обязаны были наступившимъ событіямъ хоть тѣмъ, что они помогли намъ свидѣться; безъ нихъ этого никогда не могло бы случиться. Забывъ настоящую дѣйствительность, для многихъ изъ насъ незавидную, мы, при нашихъ сходкахъ, бросались въ воспоминанія о быломъ, о нашей университетской жизни, полной наслажденій, мечтаній, надеждъ, очарованій. Въ общество наше часто приходили любимые наши проф.—Комлишинскій и Павловскій и мы смѣялись много, какъ бывало смѣялись въ то время, когда были студентами! Черняевъ и Затеплинскій описывали намъ свое свиданіе съ знаменитыми учеными въ Германіи, Франціи и Англіи, развитіе сельскаго домоводства, промышленности, цивилизаціи и просвѣщенія въ этихъ государствахъ. Университетское начальство для того чтобы мы не соскучились, озаботилось открыть намъ свою библіотеку и всѣ свои кабинеты; намъ позволяли пользоваться книгами, показывали намъ рѣдкіе и любопытные предметы и объясняли свойства ихъ. Эти учебныя пособія содержались въ отличномъ порядкѣ, но число предметовъ въ нихъ пока было невелико. Ежели университетъ имѣлъ тогда слишкомъ ограниченныя матеріальныя пособія, то чего же должно было ожидать отъ гимназій, уѣздныхъ училищъ? Скоро потомъ профессора—Кронебергъ, Комлишин-

скій, Архангельскій, Байковъ и Чановъ начали приглашать къ себѣ по утрамъ, по очереди, по 2 или по 3 человѣка изъ вызванныхъ чиновниковъ. Имъ предлагались вопросы или изъ наукъ, которыми они преимущественно занимались, или изъ современныхъ событій, общественнаго быта, общей литературы, рѣшеніе которыхъ всѣмъ доступно. Профессора внимательно слѣдили за точностью отвѣтовъ, образомъ объясненія и пріемами въ обращеніи. Мой товарищъ Красновскій справедливо замѣтилъ, что эта бесѣда имѣла видъ испытанія, потому что профессора тотчасъ дѣлали свои отмѣтки. Впрочемъ Македонскій и я были изъяты изъ этого испытанія. Надобно замѣтить, что Кроненбергъ и Архангельскій отлично отзывались всегда объ учителяхъ школъ въ западныхъ провинціяхъ; поэтому видно, что экзаменаторы этимъ испытаніемъ желали замѣнить тѣхъ преподавателей такими, которые бы не уступали имъ ни въ ловкости обращенія и находчивости, ни въ развитіи наукою". Выбрано было попечителемъ всего 12 душъ, въ томъ числѣ и авторъ воспоминаній, назначенный инспекторомъ въ Каменецъ-Подольскую гимназію. Въ приподнятомъ настроеніи Сбитневъ уѣзжалъ изъ Харькова и это настроеніе выразилъ въ слѣдующихъ прочувствованныхъ строкахъ. „Время покроетъ туманомъ забвенія наше необыкновенное посѣщеніе этого города, посѣщеніе, которое сильно занимало жителей его! Это событіе замѣнится приливомъ свѣжихъ важнѣйшихъ происшествій; время также поглотитъ въ волнахъ забвенія и наше существованіе, замѣнивъ насъ другими дѣятелями по учебному вѣдомству, съ иною цѣлью, иною предпріимчивостью. Неравнодушно мы взглянули съ Дергачевскихъ горъ, можетъ быть, въ послѣдній разъ на высокую Харьковскую колокольню, которая начала уже скрываться въ туманной выси. Слеза закрыла глаза мои. Я всегда любилъ и теперь люблю Харьковъ, гдѣ въ юности воспріимчивой, цвѣтущей,—беззаботно взиралъ на будущее, гдѣ я имѣлъ много свѣтлыхъ отрадъ: и родственную привѣтливость моихъ наставниковъ, и наслажденія въ наукѣ, дружбѣ, и сильныя біенія сердца къ существу, которому не суждено было сопутствовать мнѣ въ жизни. Эти воспоминанія всегда слѣдовали за мною и нынѣ слѣдуютъ въ минуты моего одиночества и будутъ слѣдовать за мною до послѣдняго моего дыханія. Красновскій долго стоялъ неподвижно, глядя на Харьковъ. Потомъ глубоко вздохнувъ отеръ глаза и сказалъ: „пора ѣхать! Пора! Ѣдемъ [1]).

---

[1]) Зап. И. М. Сбитнева (Кіев. стар. 1887, февраль, 295--301). См. архивную справку по поводу зап. И. М. Сбитнева, проф. Н. Ѳ. Сумцова (Ib., мартъ, 571—574).

Заключеніе.

1835-мъ годомъ заканчивается первый періодъ въ жизни Харьковскаго университета и съ появленіемъ новаго устава начинается вторая эпоха его историческаго существованія. Новый уставъ долженъ былъ устранить недостатки прежняго, который, какъ мы видѣли однако, былъ расшатанъ дополнительными узаконеніями и распоряженіями правительства. Какіе же недостатки замѣчены были начальствомъ и самимъ университетомъ въ послѣдній годъ его существованія при уставѣ 1804 года? Отвѣты на этотъ вопросъ даютъ два любопытные документа—заключеніе попечителя Ю. А. Головкина по поводу отчета университета за 1834 годъ и отвѣтъ на него университетскаго совѣта.

„Разсмотрѣвъ представленный университетомъ отчетъ за 1834 г., писалъ попечитель, и обративъ на этотъ разъ должное вниманіе на существенныя стороны его—учебную и ученую часть—я, къ сожалѣнію своему, нашелъ ихъ столь слабыми и скудными, что вынужденъ поставить это обстоятельство на видъ совѣту. Относя такое слабое состояніе учебной стороны дѣла отчасти къ недостатку преподавателей, не могу однако не указать и на краткое и недостаточное преподаванія нѣкоторыхъ изъ предметовъ, по которымъ имѣются преподаватели, а въ особенности на недостаточное упражненіе учащими учащихся въ преподаваемыхъ ими предметахъ. По полнотѣ преподаванія, сколько можно заключить изъ отчета, преимущество должно быть отдано медицинскому и математическому факультетамъ; что же касается словеснаго и въ особенности политическаго, то скудость преподаванія въ нихъ достойна чрезвычайнаго сожалѣнія. Войдя въ подробное разсмотрѣніе отчета, я замѣтилъ по медицинскому факультету, что проф. Венедиктовъ слишкомъ обремененъ преподаваніемъ разныхъ предметовъ, между тѣмъ какъ проф. Громовъ занимается изложеніемъ одной фармакологіи по 4 часа и системы медицины по 1 часу въ недѣлю, что, по моему мнѣнію, недостаточно; по математическому факультету—изъ отчета не видно, чтобы по физикѣ дѣлались опыты и учащіеся посѣщали физическій кабинетъ; по математикѣ не употребляли математическихъ инструментовъ и не вели вообще практическихъ занятій; механика читается сухо

безъ всякихъ упражненій; надѣюсь, что проф. Шагинъ дастъ надлежащую постановку преподаванія астрономіи; по словесному факультету мало упражняютъ учащихся въ сочиненіяхъ и переводахъ на русскій языкъ. Недостаточно преподаются философія, всемірная исторія, статистика, нѣмецкій языкъ по отсутствію настоящихъ преподавателей этихъ предметовъ; по политическому факультету, кромѣ политической экономіи и дипломатіи, которыя преподаются въ надлежащемъ видѣ, всѣ другія каѳедры вакантны. Утѣшительно было видѣть отличное преподаваніе естественныхъ наукъ, русской исторіи, политической экономіи, латинскаго языка, высшей математики, фармакологіи, патологіи, терапіи и хирургіи. Что же касается ученой дѣятельности преподавателей, то, какъ видно изъ отчета, университетъ ею собственно не занимался. А потому и въ силу вышеизложеннаго предлагаю совѣту обратить особенное вниманіе на §§ 25, 38, 52 и 53 устава, въ коихъ кратко и ясно изложено, чего требуетъ польза университета, чѣмъ совѣтъ долженъ преимущественно заниматься и въ чемъ заключается главная обязанность профессоровъ, приложивъ впредь болѣе старанія къ занятіямъ учебнымъ и ученымъ, поручить профессорамъ дѣйствовать согласно означенному уставу университета, дабы поддержать достоинство этого учебнаго заведенія и упрочить къ сожалѣнію нѣсколько колеблющееся уваженіе, пріобрѣтенное Харьковскимъ удиверситетомъ за 30-лѣтнее его существованіе въ ученомъ мірѣ. Наконецъ, изъявивъ свою признательность отличнымъ преподавателямъ, выражаю особенную благодарность тѣмъ изъ профессоровъ, которые занимаются учеными изслѣдованіями и, издавая ихъ въ свѣтъ, усиливаются еще поддерживать достоинство этого учебнаго и ученаго учрежденія".

Соглашаясь съ сущностью сдѣланныхъ попечителемъ замѣчаній Совѣтъ далъ отъ себя слѣдующія разъясненія.

По учебной части. Важнѣйшимъ препятствіемъ къ приведенію учебной части въ такое состояніе, въ какомъ она должна была находиться въ высшемъ учебномъ заведеніи, является недостатокъ въ преподавателяхъ; для устраненія этого препятствія университетъ принимаетъ всѣ зависящія отъ него мѣры, вызывая лицъ желающихъ занять вакантныя каѳедры особыми программами, но мѣра эта не привела къ желаемымъ послѣдствіямъ, ибо относительно пяти вакантныхъ каѳедръ на которыя открытъ конкурсъ (по философіи, исторіи правъ, технологіи и прикладной химіи, сельскому хозяйству, всеобщей исторіи, географіи и статистикѣ) получено только два заявленія отъ лицъ, желающихъ читать послѣдній предметъ. Для надлежащей полноты преподаванія учебныхъ предметовъ были составлены по каждому факультету

предположенія и представлены въ іюнѣ мѣсяцѣ прошлаго 1834 года Вашему Сіятельству; кромѣ того 17-го марта того же года составлено и отправлено вашему помощнику представленіе о раздѣленіи физико-математическаго факультета на два отдѣленія. Для большаго успѣха учащихся признано полезнымъ установить вмѣсто годичныхъ полугодичные курсы, согласно съ проэктомъ устава Кіевскаго университета, и объ этомъ сообщено Вашему Сіятельству. Такъ какъ для надлежащей подготовки молодыхъ людей на службу по учебной части необходимо учрежденіе педагогическаго института, согласно 122 § университетскаго устава, то проэктъ его совѣтъ посылаетъ на разсмотрѣніе Вашему Сіятельству, прося вмѣстѣ съ тѣмъ возбудить ходатайство о прибавленіи числа казеннокоштныхъ студентовъ и отпускаемой на это суммы въ виду того, что число ихъ на физико математическомъ и словесномъ факультетѣ оказывается недостаточнымъ для замѣщенія вакантныхъ учительскихъ мѣстъ въ учебныхъ заведеніяхъ округа.

По ученой части. Важнымъ обстоятельствомъ, препятствующимъ процвѣтанію учебной и ученой части въ университетѣ, является недостатокъ средствъ для пополненія университетской библіотеки какъ новѣйшими сочиненіями, такъ и повременными изданіями (всего по штату 1500 р. въ годъ). Поэтому для приведенія университетской библіотеки, какъ главнаго учебновспомогательнаго учрежденія, въ положеніе, соотвѣтствующее нынѣшнему состоянію наукъ въ западной Европѣ, совѣтъ ходатайствуетъ объ увеличеніи штатной суммы на нее до 7000 руб. (5000 р. на книги и 2000 р. на журналы). Къ числу важнѣйшихъ причинъ, препятствующихъ профессорамъ (особенно ординарнымъ), заниматься учеными работами, нужно отнести обремененіе ихъ посторонними обязанностями по части управленія университетомъ и его учебнымъ округомъ; эти обязанности хотя и не препятствуютъ успѣшному преподаванію наукъ, но рѣшительно мѣшаютъ ученой дѣятельности. Отсутствіе цензурнаго комитета въ Харьковѣ составляетъ также немаловажное препятствіе для ученой дѣятельности профессорской коллегіи. Для развитія ученой дѣятельности совѣтъ 8 мая 1834 года входилъ съ представленіемъ о разрѣшеніи издавать научный журналъ, но на это не послѣдовало согласія. Поэтому совѣтъ снова проситъ Ваше Сіятельство ходатайствовать передъ министерствомъ объ учрежденіи въ Харьковѣ цензурнаго комитета, о разрѣшеніи издавать журналъ и о принятіи надлежащихъ мѣръ къ улучшенію университетской типографіи.

Вышеуказанныя причины не давали возможности университету исполнять требованіе § 52 устава объ устройствѣ совѣтскихъ засѣданій для разсужденія о сочиненіяхъ, новыхъ открытіяхъ и изслѣдова-

ніяхъ. Не смотря однако на это, совѣтъ назначилъ нынѣ такія засѣданія въ концѣ каждаго мѣсяца и рѣшилъ приглашать на нихъ и почетныхъ членовъ университета, проживающихъ въ Харьковѣ. Тѣ же причины не давали возможности университету предлагать, согласно § 53 устава, научныхъ задачъ, тѣмъ болѣе что и назначенная для этого сумма была очень мизерна; теперь впрочемъ совѣтъ предписалъ математическому факультету предложить такую задачу. 38 § устава требуетъ избранія университетомъ заграничныхъ корреспондентовъ. Таковыми числятся проф. Кларусъ въ Лейпцигѣ, прот. Смирновъ въ Лондонѣ, бывшій секретарь посольства Бутягинъ въ Парижѣ и пребывающій въ Женевѣ Ревве де Ренансъ; два послѣдніе съ давняго времени не имѣютъ никакихъ сношеній съ университетомъ, который не знаетъ даже ничего объ ихъ мѣстопребываніи. Въ виду этого совѣтъ избралъ на мѣсто одного изъ нихъ барона Ферюсана въ Парижѣ почетнымъ членомъ и корреспондентомъ для физико-математическаго факультета и предписалъ этико политическому факультету избрать другого. [1]).

Итакъ, профессора не отрицали своей слабой научной продуктивности, а въ объясненіе ея ссылались между прочимъ на свои административныя занятія по университету и округу. При такихъ условіяхъ, естественно было создать для нихъ новый уставъ, который сильно уменьшалъ ихъ дѣятельность по управленію университетомъ и освобождалъ ихъ отъ обязанностей по управленію училищами округа. Это и сдѣлалъ новый уставъ 1835 года. Поворотное теченіе, шедшее сверху—изъ министерскихъ сферъ, очевидно, нашло себѣ почву и въ самомъ университетѣ.

---

[1]) Харьк. унив. арх. Д. поп. № 2351/139.

Прибавленія.

Къ главѣ о профессорахъ. Въ 1827 г. былъ проѣздомъ въ Харьковѣ Н. А. Мельгуновъ, служившій въ Московскомъ архивѣ иностранныхъ дѣлъ и оставившій въ письмѣ къ Погодину нѣсколько строчекъ о Харьковскихъ профессорахъ того времени. „Мы пріѣхали въ Харьковъ. Вамъ, можетъ быть, уже извѣстно, что здѣсь я провелъ три года юности и потому не удивитесь, если скажу, сколь живы были впечатлѣнія. Разумѣется, что изъ старыхъ товарищей не нашелъ почти никого, Петербургъ приманилъ къ себѣ. Теперь упомяну о маломъ числѣ лицъ, достойныхъ примѣчанія. Вотъ они: Кронебергъ, котораго физіономія и тяжелое обхожденіе мнѣ, признаюсь, не совсѣмъ легли по сердцу. Въ замѣнъ этого случай свелъ меня съ двумя здѣшними молодыми натуралистами: съ сангвиническимъ Черняевымъ, профессоромъ ботаники, недавно возвратившимся изъ чужихъ краевъ, очень милымъ человѣкомъ и страстнымъ къ своей наукѣ. Онъ желалъ очень имѣть литературныя связи съ Максимовичемъ и дѣлалъ уже des avances, но тотъ не отвѣчаетъ ему; замѣтьте ему это. Другой—зоологъ и минералогъ и какъ минералъ неповоротливъ. Впрочемъ его хвалятъ. Это—Криницкій, полякъ, воспитанникъ Виленскаго университета. Не менѣе лестно для меня знакомство съ здѣшнимъ профессоромъ россійской исторіи Гулакомъ Артемовскимъ, совершеннымъ знатокомъ Малороссіи и языка ея" [1]).

Въ 1828 г. проѣзжалъ черезъ Харьковъ Дельвигъ и написалъ слѣдующее письмо Пушкину о Харьковскихъ профессорахъ. „Ваше поэтическое превосходительство! Честь имѣю донести вамъ, что я уже 10 дней нахожусь въ г. Харьковѣ, гдѣ не престаю говорить объ васъ съ гг. профессорами, судящими о Васъ по рекомендаціи Ѳадея Венедиктовича. Напр. слышалъ я отъ нихъ, что вышеупомянутая персона ставитъ Цыгановъ выше всѣхъ произведеній Европейскихъ музъ. Горько было мнѣ молчать; но, подумавъ, что великія тѣни Гомера, Данте и Шекспира сами могутъ за себя говорить, оставилъ я намѣреніе возражать противу сего афоризма. При томъ же помыслилъ: да будетъ Булгаринъ пророкомъ хотя во градѣ Харьковѣ и да скажетъ онъ услыша, какъ здѣсь вѣрятъ въ слова его, „вѣры такой и въ Израилѣ не обрѣтохъ". [2])

---

[1]) Барсукова. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 2-я, стр. 106.

[2]) Рус. Арх. 1880, II, стр. 506 (Письмо Дельвига къ Пушкину 1828 года).

Къ главамъ о профессорахъ и студентахъ. Приведемъ здѣсь воспоминанія о профессорахъ и студентахъ Харьковскаго Университета И. Б., относящіяся къ 20-мъ годамъ. [1]) Они подтверждаютъ и дополняютъ тѣ отзывы, которые были приведены нами въ текстѣ настоящаго труда.

Amicus Socrates, amicus Pláto,
sed magis amica—veritas.

„Попечительство надъ округомъ, когда поступилъ я въ университетъ, продолжалъ Егоръ Васильевичъ Карнѣевъ. Онъ жилъ въ Петербургѣ, и мы его не видѣли. Ректоромъ университета, къ которому явился я съ прошеніемъ, былъ старикъ, низенькаго роста и слабаго здоровья, С. С. Джунковскій, поступившій сюда изъ Петербурга, кажется, изъ академіи наукъ. [2]) Меня приняли на казенное содержаніе. При университетѣ былъ тогда такъ называемый педагогическій институтъ, или корпусъ казенно-коштныхъ студентовъ, обыкновенный разсадникъ преподавателей въ уѣздныя училища и гимназіи, но въ корпусѣ были и медики. Я хотѣлъ поступить въ медики, но, за неимѣніемъ вакансіи, поступилъ на этикофилологическій факультетъ, какъ называли тогда факультетъ словесный. Весь пріемный мой экзаменъ состоялъ въ переводѣ двухъ строчекъ съ латинскаго. И такъ, я помѣстился въ этомъ корпусѣ казенно-коштныхъ студентовъ. Нечистота была невообразимая, распущенность необузданная! Я нѣсколько ночей сряду не могъ заснуть... Къ счастію, мнѣ какъ-то попался первый томъ Исторіи Карамзина: я впился въ него съ жадностію, въ продолженіе оставшагося каникулярнаго времени читалъ, выписывалъ и удивлялся этому новому для меня открытію, съ которымъ Алексѣй Семеновичъ [3]) не позаботился познакомить насъ въ гимназіи. Къ 30 августа насъ, новопоступившихъ, обмундировали и, въ торжественномъ собраніи, роздали намъ шпаги, а съ ними и матрикулы или правила поведенія студентовъ; какъ будто нарочито, чтобъ правила не были исполняемы, они были на латинскомъ языкѣ; о переводѣ на русскій не позаботились. Сумма на столовое содержаніе казенно-коштныхъ студентовъ отпускалась въ собственное ихъ распоряженіе; они по очереди были мѣсячными экономами и сами ходили на базаръ за мелочными для стола закупками. Столовою служилъ темный корридоръ, обѣдъ оканчивался нерѣдко ропотомъ, крикомъ и

---

[1]) Авторъ „Воспоминаній" окончилъ Полтавскую гимназію въ 1824 г. и въ томъ же году поступилъ въ Х. у-тъ.

[2]) Въ дѣйствительности, какъ мы знаемъ, онъ перешелъ изъ медико-хирургической академіи.

[3]) Рождественскій, преподаватель географіи, исторіи и статистики въ Полтавской гимназіи.

угрозами. Инспекторомъ нашимъ былъ тогда профессоръ римскаго права, старикъ Константинъ Павловичъ Пауловичъ. Онъ посѣщалъ насъ не чаще, какъ въ мѣсяцъ разъ: молча обойдетъ наши номера, молча отберетъ трубки, у кого застанетъ, и бросить ихъ въ печь, и молча уходитъ; трубки въ слѣдъ за нимъ разбирались, по принадлежности. Лекціи посѣщали мы ad libitum; о запискахъ не заботились. Выходили изъ корпуса, кто хотѣлъ и куда хотѣлъ, возвращались не рѣдко не въ добромъ видѣ.... Такое положеніе педагогическаго института студентовъ продолжалось при мнѣ два года до назначенія въ попечители Перовскаго, извѣстнаго въ литературѣ подъ именемъ Погорѣльскаго. По вступленіи въ должность, онъ обозрѣвалъ университетъ, и вскорѣ мы почувствовали послѣдствія его обозрѣнія. Вмѣсто старика Пауловича, инспекторомъ студентовъ былъ избранъ имъ молодой дѣятельный профессоръ математики, Матвѣй Андреевичъ Байковъ, и ему ввѣрилъ онъ преобразованіе педагогическаго института. Онъ принялся за это преобразованіе со всею энергіею, посѣщая насъ не разъ въ мѣсяцъ, но нѣсколько разъ въ день, и притомъ и днемъ и ночью, присутствуя при молитвѣ и при столѣ; мало-по-малу у насъ водворилась примѣрная чистота, трубки исчезли навсегда, пріобрѣтены желѣзныя кровати, построены новые тюфяки, показалась прекрасная учебная мебель, обращено вниманіе на достаточную окапировку бѣльемъ и одеждой, на учебныя пособія и на посѣщенія лекцій; введены репетиторы лекцій (каковымъ, по окончаніи курса, былъ и я); улучшено столовое содержаніе. Отнято у насъ самоуправленіе, которымъ мы не умѣли пользоваться, и ограничена свобода—безъ билета не можно было отлучиться изъ корпуса. Такая рѣзкая реформа не обошлась безъ нѣкоторыхъ жертвъ: нѣкоторые изъ даровитыхъ моихъ товарищей поплатились дорого и отправились, на казенные прогоны,—кто въ Алешки, кто въ Тирасполь, пользоваться волею на просторѣ, на ограниченномъ окладѣ уѣзднаго учителя. [1]).

Передаю впечатлѣнія, какія остались во мнѣ о профессорахъ моего курса, напередъ оговариваясь, что передаю впечатлѣнія мои, не ручаясь за впечатлѣнія другихъ моихъ сокурсниковъ. Это не біографія, а тѣмъ болѣе не оцѣнка достоинствъ того или другого профессора, но бѣглыя и безотчетныя впечатлѣнія студента, ко- торыя могли быть и ошибочны, и невѣрны.

---

[1]) Дѣятельность Байкова по благоустройству института казеннокоштныхъ студентовъ здѣсь изображается въ положительномъ свѣтѣ и подтверждается приведенными нами раньше документальными данными.

Профессоромъ Богословія былъ протоіерей кафедральнаго Собора, Афанасій Могилевскій, старикъ, бѣлый какъ лунь, но еще бодрый, сочинитель извѣстной тогда Риторики, считавшейся лучшею. Но краснорѣчивый авторъ Риторики былъ далеко не краснорѣчивый профессоръ Богословія. Онъ обыкновенно приносилъ въ классъ записки двоякаго рода: сокращенныя и болѣе пространныя, первыя давалъ намъ переписывать для лекцій, а вторыя прочитывалъ на лекціи, въ чемъ и состояло его объясненіе; такимъ образомъ, лекціи его были въ прямомъ значеніи чтеніе, а не живое слово, всегда болѣе впечатлительное. Вообще вліяніе на насъ законоучителя Могилевскаго было ни теплое, ни холодное.

Самое главное и неодолимое затрудненіе встрѣтило насъ, словесниковъ, въ университетѣ, это—греческій языкъ. Въ гимназіяхъ онъ тогда еще не преподавался, между тѣмъ, профессоръ Куницкій съ первой же лекціи сталъ занимать насъ, не знавшихъ еще ни альфы, ни омеги, прямо переводами съ греческаго! Лекція его состояла въ томъ, что онъ, будто бы поправляя наше чтеніе и переводъ, самъ и читалъ, и переводилъ, приправляя свою работу шутками и остротами: „слава Богу, не только перевели, но и перевезли“ и проч. Оказалось, что Куницкій былъ въ родѣ нашего Гаврила Максимовича, [1]) въ гимназіи и по той же самой причинѣ и онъ скоро былъ удаленъ отъ профессуры. Онъ былъ вмѣстѣ и профессоромъ Всеобщей Статистики; прочелъ только статистику Великобританіи, довольно любопытную, какъ показалось намъ, и затѣмъ, съ удаленіемъ его, преподаваніе Всеобщей Статистики больше для насъ не возобновлялось. Куницкій, какъ говорили, былъ ученый человѣкъ, но несчастный: его уже рано по утру можно было встрѣтить возлѣ виннаго погреба, низенькій ростомъ, съ краснымъ лицемъ, съ мокрыми глазами въ ботфортахъ и крайне неопрятный.

Мѣсто его занялъ потомъ, не скоро впрочемъ, профессоръ Мауреръ, вызванный изъ Германіи, вмѣстѣ, какъ говорили, и отличный музыкантъ. Онъ преподавалъ съ нами, или намъ, Гомера, но ни слова не зная по русски, а мы по нѣмецки, съ однимъ латинскимъ, при всемъ замѣчательномъ и даже трогательномъ своемъ усердіи, мало былъ полезенъ намъ. Не потому ли самому вскорѣ и нестало его: кажется, что самъ, чувствуя безплодность своего добросовѣстнаго усилія, счелъ за лучшее удалиться, оставивъ почву неблагодарную.

---

[1]) Сорочинскій, преподаватель лат. яз. въ Полтавской гимназіи; былъ удаленъ со службы за пьянство. По отзыву автора „Воспоминаній“, сначала былъ очень хорошимъ учителемъ. У него нѣкоторое время былъ пансіонеромъ Н. В. Гоголь.

Исторію Греческой Словесности проходилъ намъ ректоръ, профессоръ Джунковскій. Онъ излагалъ краткую біографію каждаго писателя, заглавія его сочиненій и лучшія ихъ изданія. При такомъ бѣдномъ и безнадежномъ нашемъ знаніи греческаго языка, такія подробности о греческихъ писателяхъ казались намъ безполезными и неумѣстными. Несравненно успѣшнѣе шло у насъ преподаваніе латинскаго языка и его словесности, во первыхъ, потому, что гимназическимъ ученіемъ мы были болѣе или менѣе подготовлены, а во вторыхъ, потому, что и профессора по этому предмету были такіе отличные, какъ профессоръ Кронебергъ и адъюнктъ его Сокальскій.

Иванъ Яковлевичъ Кронебергъ, извѣстный ученый профессоръ, а потомъ и ректоръ, украшеніе университета своего времени, издавшій латинскій лексиконъ и латинскую грамматику, преподавалъ намъ филологію по запискамъ и Римскія древности по конспекту, который онъ нарочито ad usum lectionum suarum adumbravit. Изъ писателей занималъ онъ насъ переводомъ и объясненіемъ рѣчи Цицероновой pro Milone и нѣкоторыхъ одъ, сатиръ и посланій Горація. Переводы и объясненія его не отличались излишнимъ многословіемъ, мѣтко и удачно выражали по русски мысль автора, и мы старательно записывали переводъ его. Какъ на образецъ его объясненій, укажу на прекрасный его разборъ шести одъ Горація въ его „Минервѣ", Харьковъ, 1835 г., или на его объясненіе Гораціева посланія ad gustum (кн. 11), изданное имъ особою брошюрою, а также и на ученое объясненіе Саллюстіева заговора Катилины. Въ послѣднее время, я только у Благовѣщенскаго, извѣстнаго профессора Петербургскаго университета, встрѣтилъ подобное пониманіе Горація и такой мѣткій переводъ нѣкоторыхъ его сатиръ и посланій, въ обширной статьѣ его, изданной особою книгою „Горацій и его время". Ив. Як. Кронебергу обязанъ, между прочимъ, и я тою привязанностію къ Горацію, которая и въ старости не оставляетъ меня, и въ которой нахожу, въ житейскихъ моихъ невзгодахъ, лучшее развлеченіе. Вспоминаю о немъ всегда съ уваженіемъ и благодарностію, и величавый образъ любимаго профессора живо врѣзался въ мою память. Въ свое время, онъ одинъ давалъ знать ученому міру о существованіи Харьковскаго университета—учеными своими статьями, заслужившими уваженіе и такого, строгаго рецензора какъ Бѣлинскій....

Петръ Ивановичъ Сокальскій, адъюнктъ по Римской Словесности, впослѣдствіи профессоръ, кажется, политической экономіи, очень хорошо объяснялъ и переводилъ намъ заговоръ Катилины Саллюстія и вторую книгу Энеиды. Онъ умѣлъ такъ заинтересовать насъ, что я то съ его

помощію, то съ помощію Гейне, на котораго онъ мнѣ указалъ, тогда же прочелъ, въ первый разъ всю Энеиду.

Занималъ еще насъ—не объясненіемъ или переводомъ на русскій, потому что по русски не зналъ ни слова, но перефразировкою на латинскій или французскій Цицероновыхъ De Officiis Паки-де-Совиньи, профессоръ французской словесности, старикъ—эмигрантъ и, какъ говорили, аббатъ, бѣжавшій отъ французской революціи. Онъ былъ намъ полезенъ, по крайней мѣрѣ, безконечною своею латинскою или французскою болтовнею, которая у него часто оканчивалась насмѣшкою, какъ isti мужики русскіе кланяются иконѣ Св. Николая, и проч., съ прибавленіемъ, что онъ сказалъ бы и больше, да боится... Siberie. Онъ же читалъ и французскую словесность, т. е. заставлялъ переводить, а самъ сопровождалъ перефразировкою Генріаду Вольтера, или какую то повѣсть въ прозѣ, которую привелъ цѣликомъ въ свой объемистой французской грамматикѣ, которую выдавалъ онъ за образецъ такой же изящной прозы, какъ у Фенелонова Телемака, объявляя намъ за тайну, что онъ знаетъ и автора этой повѣсти. Когда же при выходѣ изъ аудиторіи, насмѣшники приступили къ нему съ просьбою открыть имъ этого втораго Фенелона, то онъ объявлялъ имъ, подъ секретомъ, что это—его жена. Чтобъ получить у него лучшую отмѣтку на экзаменѣ по французскому языку, надобно было купить у него его грамматику; я не купилъ, почему sufficienter его и помѣшало мнѣ получить степень кандидата, за отличіе; чрезъ годъ я держалъ особый на то экзаменъ.

Русскую исторію и русскую Статистику читалъ профессоръ, въ послѣдствіи и ректоръ университета, Петръ Петровичъ Артемовскій-Гулакъ, извѣстный даровитый малороссійскій поэтъ. Лекціи его отличались даромъ слова и аудиторія его наполнялась нерѣдко слушателями и изъ другихъ факультетовъ. Жаль только, что при началѣ курса, онъ слишкомъ много потратилъ времени на источники русской исторіи, по магистерской своей диссертаціи, затѣмъ вдавался въ подробности древней исторіи, по Карамзину, а отъ смерти Грознаго новую исторію, самую любопытную, за недостаткомъ времени, прочитывалъ уже бѣгло, по собственному конспекту. Русскую статистику читалъ онъ по извѣстному тогда руководству Арсеньева; но какъ лучшее краснорѣчіе статистики составляютъ цифры или свѣжія данныя, которыя и тогда, и теперь имѣть трудно, то краснорѣчивое свое изложеніе о томъ или другомъ предметѣ оканчивалъ онъ большею частію гадательными только предположеніями. Онъ читалъ еще и польскій языкъ, но охотниковъ учиться ему было очень мало, а вскорѣ каѳедра этого языка и совсѣмъ была закрыта. Сказки Петра Петровича: „Панъ та собака“, „Солопій

та Хивря, або горохъ при дорози", переложеніе на малорос. языкъ „Пана Твердовскаго" и нѣсколько одъ Горація читались въ свое время любителями малороссійской музы съ удовольствіемъ. Г. Данилевскій писалъ, что, въ послѣднее время, П. П. занимался переводомъ на малороссійскій языкъ псалмовъ Давида: любопытно бы знать, на сколько была удачна такая попытка даровитаго писателя, когда и извѣстный переводъ псалмовъ на русскій языкъ протоіерея Павскаго вышелъ мѣстами не совсѣмъ удачнымъ.... [1]).

Всеобщую исторію читалъ профессоръ Евграфъ Матвѣевичъ Филомаѳитскій. Онъ читалъ ее по Миллоту, котораго, обыкновенно и несъ съ собою подъ мышкой; но читаемое по книгѣ умѣлъ обращать въ собственный медленный разсказъ. Онъ, нѣсколько лѣтъ былъ редакторомъ Харьковскаго Вѣстника. [2]).

Адъюнктъ русской словесности, Александръ Склабовскій, онъ же вмѣстѣ и редакторъ Харьковскаго Журнала, прочелъ намъ только одну лекцію, на которой очень хорошо разобралъ оду Державина на смерть князя Мещерскаго. Вскорѣ онъ поступилъ Правителемъ Канцеляріи Попечителя, переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ вскорѣ и умеръ. Лекторъ Иванъ Яковлевичъ Золотаревъ, читалъ намъ риторику: удивительную имѣлъ способность читать наизустъ риторику Могилевскаго; за то чтеніе было монотонное, наводившее сонъ. Какъ донецъ по происхожденія, онъ вскорѣ вызванъ былъ на службу донецкому войску. Теорію изящнаго читалъ намъ профес. Дм. Сем. Борзенковъ, по какимъ-то стариннымъ запискамъ, далеко неизящнымъ. Примѣрами изящнаго не пояснялъ своей теоріи, не обременялъ нашего виманія; едва принялъ въ примѣръ высокую извѣстную оду Горація justum ac tenacem, да одинъ изъ псалмовъ Давида: во исходѣ израилевѣ изъ Египта. Но многословное его объясненіе только затемняло, а не объясняло образецъ; его переводъ Гораціевой оды былъ контрастъ съ мѣткимъ отчеканеннымъ переводомъ Кронеберга. Дмитрій Семеновичъ былъ чрезвычайно тучнаго сложенія, часто болѣлъ и пропускалъ лекціи. Мнѣ случалось видѣть прогулку его въ Университетскомъ саду со статсъ-секретаремъ Лонгиновымъ, который пріѣзжалъ въ Харьковъ по учрежденію Институтовъ въ Харьковѣ и Полтавѣ и посѣщалъ сокурсника своего по Харьковскому коллегіуму: высокій, стройный Николай Михайловичъ шелъ скоро и легко, а тучный спутникъ его едва успѣвалъ передвигать ноги. За болѣзнію Дмитрія Семеновича, намъ оканчивалъ

[1]) Нѣкоторые изъ этихъ переводныхъ псалмовъ напечатаны г. Романчукомъ въ собраніи сочиненій Гулака Артемовскаго.

[2]) Украинскаго Вѣстника.

эстетику Артемовскій-Гулакъ. Его занятіе съ нами состояло только въ томъ, что въ нѣсколько лекцій онъ прочелъ съ нами изданную тогда маленькую, но прекрасную книжечку „Опытъ науки изящнаго“, Галича, сопровождая чтеніе своими поясненіями. Мы изъ этого чтенія, въ немногія лекціи, больше позаимствовались, нежели въ годичный курсъ Дмитрія Семеменовича.

Логику и этику или нравственную философію читалъ намъ Анд. Ив. Дудровичъ, кажется, изъ Сербовъ, деканъ, а потомъ и ректоръ университета. Я засталъ еще, что онъ читалъ и естественное право (jus naturae) по руководству Шаде, но вскорѣ каѳедра эта была закрыта. Чтеніе А. И., по содержанію предмета, было серьезное, но понятное, занимательное, теплое и нерѣдко увлекательное. Если, бывало, скажетъ что-либо въ шутку или въ примѣръ смѣшнаго, то и самъ покраснѣетъ. Я дорожилъ его лекціями и записывалъ старательно. Мы любили кроткаго и благодушнаго профессора и съ грустію встрѣтили еще раннюю неожиданную его кончину.

Изъ профессоровъ другихъ факультетовъ остались въ моей памяти.

Упомянутый уже инспекторъ студентовъ, Кон. Пав. Пауловичъ, кажется, также изъ Сербовъ, профес. римскаго права и политической экономіи, всегда задумчивый и молчаливый. Ходили анекдоты объ его забывчивости. Разъ подалъ въ совѣтъ ко взысканію списокъ тѣхъ студентовъ, которые не подали ему увѣдомленія, гдѣ кто на квартирѣ: въ спискѣ оказались и собственные его пансіонеры. Оставивъ университетъ, заслуженный профессоръ Пауловичъ былъ членомъ Совѣта института благородныхъ дѣвицъ, ѣздилъ потомъ въ Англію и издалъ описаніе своей поѣздки.

Слѣдовавшій за нимъ инспекторъ студентовъ, адъюнктъ математики, а потомъ профессоръ агрономіи Мат. Анд. Байковъ, вскорѣ вызванъ былъ министромъ удѣловъ на другой высшій постъ; онъ былъ директоромъ удѣльнаго образцоваго училища подъ Петербургомъ и, какъ писалъ потомъ Булгаринъ въ своей „Пчелѣ“, довелъ это училище дѣйствительно до образцоваго состоянія; тамъ и умеръ онъ, слишкомъ рано для полезной своей дѣятельности.

Анд. Фед. Павловскій, профессоръ высшей математики, аристидъ правды, какъ называли его, переводчикъ Коллетовыхъ логариѳмовъ, наставникъ Остроградскаго, знаменитаго въ послѣдствіи Европейскаго математика-академика.

Профессоръ русскаго Права, Иг. Н. Даниловичъ, перемѣщенный въ Харьковъ изъ Виленскаго университета, ученый юристъ. Я два года слушалъ его лекціи, необязательныя для меня. Онъ не владѣлъ

еще свободно русскимъ языкомъ, и вмѣсто: „прошлый разъ мы остановились“, выражался иногда: „мы зачепились“. Онъ былъ вмѣстѣ и библіотекаремъ университетской библіотеки, куда и я, по окончаніи курса, былъ прикомандированъ совѣтомъ, въ помощь ему для составленія новой системы типическаго каталога. Онъ же составилъ и описаніе университетскаго минцъ-кабинета на латинскомъ языкѣ, переведенное мною на русскій, по порученію того же Совѣта. Профессоръ Даниловичъ былъ потомъ вызванъ Сперанскимъ въ Петербургъ, къ участію въ коммиссіи для составленія свода законовъ, откуда въ Харьковъ уже не возвращался.

Съ проф. Даниловичемъ перемѣщенъ изъ Вильно въ Харьковъ и адъюнктъ по естественной исторіи, Андр. Ив. Криницкій страстный энтомологъ. Я часто рисовалъ ему козявки и ракушки, которыя высылалъ онъ Фишеру въ Москву. Какой-то новооткрытый имъ видъ насѣкомыхъ занесенъ въ систему наукъ съ званіемъ Krinickij. Умеръ рано для любимой своей науки.

Ник. Иван. Еллинскій, молодой профессоръ хирургіи, впослѣдствіи ректоръ университета, медицинская знаменитость своего времени, издавшій уважаемую у медиковъ десмургію въ нѣсколькихъ томахъ.

Профессоръ Брандейсъ, вызванный изъ заграницы вмѣстѣ съ Маурерномъ, говорили изъ евреевъ. Въ медицинской практикѣ прибѣгалъ къ какимъ-то отчаяннымъ, но удачнымъ средствамъ: больную въ горячкѣ дочь Л—ва велѣлъ положить на битый, толченый ледъ, и произвелъ спасительный переломъ въ болѣзни, о чемъ заговорили тогда всѣ въ городѣ. Преподавалъ на латинскомъ языкѣ и, сверхъ урочныхъ часовъ, предложилъ студентамъ готовность объяснять Афоризмы Гиппократа, и объяснялъ прекрасно. Охотниковъ было много и изъ другихъ факультетовъ, въ томъ числѣ и я, послушать отличнаго латиниста. Брандейсъ, однако, скоро оставилъ Харьковъ; къ удивленію моему ни у кого изъ медиковъ, съ которыми я встрѣчался въ жизни, не могъ достать афоризмовъ отца медицины на латинскомъ языкѣ.

Черняевъ, профессоръ Ботаники, возвратившійся въ то время изъ за границы, куда отправленъ былъ для дальнѣйшаго образованія, страстный ботанистъ, совершавшій неутомимыя экскурсіи въ окрестностяхъ Харькова и наполнившій одну изъ огромныхъ университетскихъ комнатъ центуріями растеній, куда и видѣлъ я его часто поспѣшающимъ. Студенты его говорили, что онъ отличался рѣдкимъ къ нимъ добродушіемъ.

Не могу пройти безъ благодарнаго воспоминанія и добраго нашего учителя рисованія при университетѣ, Фл. Филип. Рѣпнина. Охотниковъ къ рисованію изъ студентовъ было очень мало, я же про-

должалъ рисовать и въ университетѣ: Флоръ Филипповичъ, знавшій моего дядю въ Петербургѣ, часто приглашалъ меня къ себѣ и пріучалъ къ живописи масляными красками.

Упомяну и о тѣхъ изъ сокурсниковъ моихъ, которые впослѣдствіи сдѣлались людьми болѣе или менѣе извѣстными—Иноземцевъ и Филомаѳитскій, казенные медики, Калениченко и Котельниковъ; послѣдній былъ отправленъ сначала въ Дерптъ, потомъ за границу, для дальнѣйшаго образованія и приготовленія къ занятію профессорской каѳедры. Изъ нихъ первые два были извѣстные профессоры московскіе; оба уже скончались; Калениченко—заслуженный теперь профессоръ и медицинская знаменитость въ Харьковѣ, а Котельниковъ—профессоръ математики въ Казани. Таже счастливая будущность готовилась и мнѣ и я былъ избранъ въ ихъ число, но обстоятельства заставили отказаться... Окончившіе со мною курсъ, кандидаты Цыхъ и Срезневскій, оставаясь въ Харьковѣ, часто посѣщали университетскую библіотеку, готовясь также къ профессурѣ; изъ нихъ Вл. Фр. Цыхъ былъ вскорѣ профессоромъ исторіи и первымъ ректоромъ Кіевскаго университета, но, къ общему сожаленію, скончался рано, а Изм. Ив. Срезневскій составляетъ и теперь знаменитость академіи наукъ, по славянской филологіи. Сокурсникомъ моимъ былъ также и предсѣдатель Харьковской Уѣздной Земской Управы, Гордѣенко, такъ дѣльно ратующій нынѣ то за народныя школы, то противъ тройнаго гимназическаго классицизма и пр.

До поступленія моего въ университетъ, Харьковскіе студенты произвели какую то „исторію" въ театрѣ, почему посѣщеніе театра было намъ надолго возбранено. Въ мое время, вообще въ жизни студентовъ было какое-то затишье, и въ научномъ отношеніи, за исключеніемъ весьма не многихъ, они не выдавались изъ общаго уровня ни особенными дарованіями, ни блестящими успѣхами. Каченовскій напечаталъ въ „Вѣстникѣ Европы" Фариса, съ одобрительнымъ отзывомъ, переводъ съ польскаго одного молодого студента: досталось бѣдному студенту—зачѣмъ послалъ напечатать безъ вѣдома инспектора! Холодное равнодушіе и мертвящій формализмъ убиваютъ, а не вызываютъ силы молодыхъ людей; и, можетъ быть, въ этомъ смыслѣ, ректоръ Кронебергъ на вопросъ фельдмаршала Сакена, обозрѣвавшаго университетъ: „а каковъ духъ студентовъ?" отвѣчалъ—откровенно—„по правдѣ сказать, студенты не имѣютъ никакого духа...".[1])

А вотъ интересныя выдержки изъ автобіографіи педагога стараго времени С. Л. Геевскаго, относящіяся ко времени пребыванія его

[1]) Харьк. Губ. Вѣд. 1870, №№ 36 и 38.

въ качествѣ студента въ Харьковскомъ университетѣ (1830—1833 гг.). „Отецъ мой, говоритъ онъ, принялся устраивать дѣла для отъѣзда въ Харьковъ, ибо іюль былъ на исходѣ, а извѣстно, что съ 1-го августа начинались уже въ университетѣ вступительные экзамены... мы собрались и поѣхали въ Харьковъ 28 іюля 1830 года... Къ вечеру въѣхали на Холодную гору, откуда представилось намъ очаровательное зрѣлище Харькова. Въ самомъ дѣлѣ—видѣть Харьковъ въ 1-й разъ для человѣка, который кромѣ Полтавы другихъ городовъ не видѣлъ, задача не послѣдняя. Для меня уже съ понятіемъ о Харьковѣ и съ воззрѣніемъ на него соединялось еще и чувство образованія—университетъ представлялся мнѣ въ обольстительныхъ лучахъ свѣта: въ каждомъ каменномъ зданіи я думалъ отгадать это святилище науки и поминутно спрашивалъ отца, гдѣ же университетъ?... Папенька предложилъ мнѣ зайти въ правленіе (университета), что бы справиться, какъ, что и гдѣ должно представить и предложить... Меня въ особенности поразила здѣсь низменность служащаго люда; я увидалъ здѣсь почти то же, что въ уѣздномъ или земскомъ судѣ, между тѣмъ какъ надѣялся увидѣть людей совсѣмъ другого рода, людей благовоспитанныхъ и благообразныхъ. Папенька спросилъ какого то приказнаго о своемъ дѣлѣ; онъ указалъ на другой столъ; мы подошли къ другому столу. Столоначальникъ принялъ просьбу весьма сухо, сказалъ, что ему некогда—„черезъ часъ приходите“ и т. п. Но когда папенька потихоньку засунулъ подъ бумагу цѣлковаго, то тотчасъ же нашлось время и мы были удовлетворены совершенно—узнали, кому, когда и гдѣ подавать прошеніе, какіе нужны документы и въ добавокъ получили копію прошенія. Я переписалъ прошеніе какъ можно лучше и на другой день въ 9 час. утра мы отправились къ ректору Н. И. Еллинскому. Прошеніе имъ тотчасъ же было принято помѣченное: „допустить къ экзамену“—и мы ушли. На другой день я долженъ былъ явиться въ университетскую залу, въ которой обыкновенно производятся экзамены и которая для многихъ очень часто бываетъ la chambre des pas perdus..: По какому то внутреннему безотчетному сознанію я не боялся предстать въ этотъ ареопагъ—одна только математика нѣсколько пугала меня... Но когда я предсталъ предъ это судилище и увидѣлъ весь многочисленный соборъ профессоровъ, которыхъ безъ сомнѣнія я считалъ тогда чуть не пророками и вѣщими, меня одолѣла страшная робость; ни живъ, ни мертвъ я остановился у дверей залы, не смѣя идти далѣе въ своемъ старенькомъ, вовсе не по модѣ сшитомъ сюртучкѣ—тогда я потерялъ рѣшительно всякое сознаніе собственнаго достоинства. Мнѣ стало страшно, тѣмъ болѣе что отецъ мой остался на крыльцѣ до окончанія

экзамена, не имѣя права (по положенію) войти въ залу. Въ этомъ положеніи я оставался до тѣхъ поръ, пока не подошелъ ко мнѣ какой то профессоръ и не спросилъ: изъ какой вы гимназіи? Я сказалъ. А, это гимназія хорошая, прибавилъ онъ и сказалъ мнѣ, чтобы я шелъ за нимъ. Первый предметъ, изъ котораго меня спрашивали, былъ французскій языкъ; меня заставили написать строчекъ пять на доскѣ—я сдѣлалъ три ошибки въ ореографіи, потомъ перевелъ строчекъ десять изъ Телемака. Экзаменъ изъ латинскаго языка, исторіи, географіи, закона Божія и прочихъ предметовъ не сконфузилъ меня: я получилъ хорошія отмѣтки; но профессоръ математики Правицкій сказалъ, что я ровно ничего не знаю и записалъ нуль, а изъ физики 4; изъ русскаго языка и словесности я получилъ 5 и сверхъ того профессоръ отозвался, что въ моемъ сочиненіи не нашелъ ни одной ошибки и что мысли и слогъ есть. Сочиненіе мнѣ задано было о любви къ отечеству—сколько помню, я дѣйствительно написалъ его хорошо. Вслѣдствіе всего этого математическій нуль мнѣ ничего не помѣшалъ и какой то изъ благороднѣйшихъ профессоровъ поздравилъ отца моего, что его сынъ *студентъ!* Послѣ обѣда мы отправились покупать шляпу и шпагу—необходимые оттрибуты студенческаго званія и ходили смотрѣть волтижеровъ; мнѣ заказано было хорошее платье, нанята квартира, хотя безъ чаю, но даны деньги на чай. Настало 30 августа—торжественный актъ совершенъ и 1-го сентября позвали насъ въ аудиторіи внимать университетской мудрости. Я вошелъ въ аудиторію съ какимъ то необъяснимымъ трепетомъ; мнѣ казалось, что профессоръ, который явится, есть что то сверхъ естественное; ничуть не бывало: черезъ 1/4 часа вошелъ въ аудиторію толстый человѣкъ, довольно большаго роста, взошелъ на каѳедру, сказалъ нѣсколько привѣтственныхъ словъ и потомъ началъ говорить о значеніи и важности исторіи, историческихъ источникахъ, способахъ изложенія и т. п., что мнѣ было извѣстно изъ разныхъ книгъ еще въ Полтавѣ. Впрочемъ я слушалъ очень внимательно и первая лекція сдѣлала на меня пріятное впечатлѣніе—она польстила моему самолюбію, ибо я не только могъ все понять, но и зналъ даже кое что изъ того, что говорилъ профессоръ.

Послѣ этой первой лекціи вошелъ другой профессоръ логики Гринбергъ. Это лицо—весьма замѣчательное: онъ собственно былъ лекторомъ нѣмецкаго языка, по русски ровно ничего почти не зналъ, но за смертію профессора философіи Дудровича ему поручили преподаваніе логики и этики. Этотъ то Гринбергъ явился къ намъ послѣ профессора исторіи Филомафитскаго. Что онъ толковалъ, никто рѣшительно не понялъ, да и онъ самъ, кажется, плохо сознавалъ значеніе словъ

своихъ, потому что очень часто останавливался, не кончивши фразы, и извинялся, что *„онъ изъяснить не могутъ“*. Разумѣется, мы всѣ смѣялись и лекція наша была веселымъ препровожденіемъ времени. На другой день также приходили къ намъ разные профессора—Артемовскій, Могилевскій и др.; но я всегда съ нетерпѣніемъ ожидалъ Филомафитскаго, что бы повѣрить свои историческія знанія, и Гринберга, что бы посмѣяться. Однажды, помню во вторникъ, мы ожидали Филомафитскаго: прошло уже около получаса, но онъ все не являлся и мы не знали, чему приписать это. Вдругъ является къ намъ въ аудиторію педель (теперь субъинспекторъ) и объявляетъ, что профессора не будетъ. Отчего? спросили мы. „Онъ умеръ“! Это извѣстіе поразило меня такъ ужасно, что я не могъ сказать слова и со слезами отправился домой. На другой день насъ собрали въ домъ умершаго профессора; на третій день было торжественное погребеніе, предшествуемое панихидой, за которой я плакалъ навзрыдъ. Когда хоръ пѣвчихъ запѣлъ: упокой, Господи, душу усопшаго раба Божія болярина Евграфа—я такъ сильно началъ рыдать, что обратилъ общее вниманіе и инспекторъ, подошедши ко мнѣ, также со слезами на глазахъ, самымъ делекатнымъ образомъ предложилъ мнѣ выйти на чистый воздухъ и успокоиться,.. Въ лекціяхъ многіе изъ насъ находили жизнь или, правильнѣе сказать, самыя лекціи считали жизнію. О юность, прекрасная юность! Какъ обольстительны были для меня мечты твои! На скамейкѣ аудиторіи, окруженный товарищами, я съ жадностью ловилъ каждое слово профессора... Я готовъ былъ разрѣзать руку и кровію своею написать клятву, что если буду полководцемъ, судьею, правителемъ, господиномъ, то на благо общее слава родины, честь имени и совѣсть будутъ руководителями моими“.

Уѣхавши изъ Харькова по случаю ожидаемой холеры и возвратившись туда обратно, Геевскій снова сталъ посѣщать лекціи. „Юридическій факультетъ, разсказываетъ онъ далѣе, состоялъ тогда изъ профессоровъ, которыхъ учености и искусству передавать познанія слушателямъ никто тогда не удивлялся, а надъ многими даже явно смѣялись, за исключеніемъ впрочемъ двухъ, а именно—Цыха, занимавшаго каѳедру всеобщей исторіи послѣ смерти Филомафитскаго, и Артемовскаго Гулака, читавшаго намъ россійскую исторію и статистику. Цыхъ былъ идоломъ студентовъ: это былъ въ полномъ смыслѣ европейскій профессоръ по глубинѣ своихъ познаній, мастерскому изложенію лекцій и удивительной памяти—онъ читалъ всегда безъ тетради,

что у насъ въ Харьковѣ рѣдкость—теперь [1]) такъ уже не по тетрадямъ читаютъ, а по книгамъ. Артемовскій Гулакъ хотя большой учености и не высказывалъ на своихъ лекціяхъ, но былъ большой мастеръ читать—настоящій ораторъ. У него всегда была полна аудиторія слушателями не только ex officio, но и аматерами. Этихъ двухъ профессоровъ только и можно было слушать съ пользой и удовольствіемъ. Что же сказать о другихъ? Пауловичъ, Криворотовъ, Бабичевъ и нѣкоторые другіе все это не стоило мѣднаго гроша! И время, употребленное на выслушиваніе глупостей, ими разсказываемыхъ, гораздо лучше было отдать чтенію книгъ. Но дѣлать нечего—надобно было ходить на лекціи". Мечтая о будущей службѣ въ Петербургѣ и литературной славѣ, Геевскій усердно занимался языками, въ особенности французскимъ и польскимъ; „въ это время, говоритъ онъ, была даже каѳедра этого языка и лекторомъ былъ Артемовскій Гулакъ, профессоръ исторіи и статистики". Сошелся Геевскій и съ нѣсколькими товарищами по университету: Бутовскимъ, Авдіевымъ, Шидловскимъ, Коваңькомъ; послѣдній сочинялъ стихи и любилъ читать ихъ своимъ друзьямъ; Шидловскій былъ богатый аристократъ, но любилъ общество своихъ демократическихъ товарищей, съ которыми проводилъ подъ часъ время въ кондитерскихъ и у monsieur Montesquieur (такъ называли гостинницу Мотузкова). Чего я не читалъ, чему не учился тогда? Знанія мои во французскомъ языкѣ вынесенныя изъ гимназіи были весьма недостаточны и я трудомъ и прилежаніемъ достигъ того, что могъ читать свободно французскихъ писателей; Мицкевичъ заставилъ меня выучиться польскому языку и я съ жаромъ принялся за эту работу: чрезъ полгода я не только читалъ его Dziady и Wallenrod'a, но переводилъ сонеты стихами и даже дерзнулъ передать на русскомъ языкѣ огромный отрывокъ изъ Dziad'овъ. Романы, журналы, философскія книги, исторія, богословіе—все занимало, все увлекало меня, а между тѣмъ каждый день я бывалъ въ обществѣ товарищей. Отношенія мои къ университету были такого рода, что я посѣщалъ лекціи весьма исправно, слушалъ внимательно (хоть признаться кромѣ Цыха и Степанова и нечего было слушать), но какъ я въ глаза профессоровъ за слабостью зрѣнія смотрѣть не могъ, того что они читали не записывалъ, надѣясь на свою память, и на поклоны къ нимъ не только не ходилъ, но даже не зналъ, гдѣ и живутъ они, считая это низостью, то само собой разумѣется, что я не могъ пользоваться особеннымъ ихъ расположеніемъ; объ этомъ я не очень то и

---

[1]) Писано въ 1849 году, слово „читаютъ" надобно понимать не въ переносномъ, а въ буквальномъ смыслѣ.

заботился, забравши себѣ въ голову, что кандидатомъ мнѣ не бывать, а въ степени дѣйствительнаго студента отказать мнѣ не смѣютъ. И такъ, жизнь моя въ университетѣ была прекрасна и о ней можно вспомнить съ удовольствіемъ".

Далѣе Геевскій разсказываетъ о посѣщеніи Харькова Императоромъ Николаемъ I (1832 г.) „Намъ велѣно было, пишетъ онъ, собраться въ 10 час. въ университетской залѣ. Заботы и хлопоты мои по этому дѣлу были велики: я осматривалъ свою аммуницію какъ на смотръ. Въ назначенное время болѣе 300 студентовъ ожидали въ залѣ съ нетерпѣніемъ привѣтствовать громогласнымъ ура великаго царя русскаго. Что за минуты, что за ожиданіе!

Мы, наконецъ, увидѣли царя, мы услышали Его голосъ въ сердцахъ нашихъ загорѣлось (можетъ быть, у нѣкоторыхъ въ первый разъ) чувство народной любви и славы"...

Похоронивъ отца, Геевскій вернулся въ Харьковъ. „Съ какимъ неописаннымъ восторгомъ, говоритъ онъ, принялся я за Мицкевича, Мильвуа, Парни, Ламартина, естественное право, политическую экономію; съ какимъ нетерпѣніемъ ожидалъ я лекцій Цыха и Степанова! Даже лекціи Артемовскаго Гулака въ 5 час. веч., т. е. при свѣчахъ, въ огромной аудиторіи, при блескѣ бриллiантовыхъ перстней, которыми унизаны были всѣ пальцы лѣвой и правой руки его, съ торжественной его дикціей, нравились мнѣ если не по внутреннему содержанію, то по крайней мѣрѣ по наружной обстановкѣ—по тому эффекту, который производили онѣ на большее число слушателей.

Въ ноябрѣ, кажется, прибито было на университетской доскѣ объявленіе о темахъ на полученіе медалей. По юридическому факультету красовалась слѣдующая: *„показать въ главныхъ и существенныхъ очеркахъ, какимъ образомъ политическая экономія, какъ наука, раскрывалась до нынѣшняго времени"*. Я съ величайшимъ удовольствіемъ читалъ это объявленіе и въ умѣ моемъ тотчасъ образовалась идея, нельзя ли однако захватить въ свои руки золотую или серебрянную медаль! Зачатки этой идеи тотчасъ же начали свое воплощеніе, которое на другой день достигло такого развитія, что я, чего никогда прежде не бывало, рѣшился идти къ проф. Степанову попросить книгъ, какъ источниковъ, для исполненія моего намѣренія. Принятъ я былъ радушно. Книги получены разныя—французскія и русскія. Я съ жаромъ принялся за чтеніе и обдумываніе. Черезъ 2 недѣли уже было написано листа три сѣрой бумаги—это было вступленіе; оно такъ мнѣ нравилось, что я чаялъ непремѣнно получить золотую медаль. И съ тѣхъ поръ совершенно забылъ все, погрузившись въ свою диссертацію. Мечтамъ мо-

имъ не было конца, пока я, перебравши всѣхъ мертантилистовъ, физіократовъ, Адама Смита, Се, Тюрго, Дроза, Рикардо, Мальтуса, не увѣрилъ себя, что можно уже подписать благословенный конецъ... Недѣли за 3 до назначеннаго срока все было переписано самымъ изящнымъ образомъ и я на радостяхъ рѣшился подѣлиться своимъ твореніемъ съ профессоромъ политической экономіи Степановымъ. Этотъ профессоръ былъ въ то время самый ретивый физіократъ и смитистъ (это было тотчасъ по полученіи имъ каѳедры); онъ трудился до поту, исписывалъ горы бумаги, но презиралъ деньги и былъ бѣденъ, какъ Аристидъ. Я явился къ нему съ моей диссертаціей въ то время, когда онъ былъ еще не женатъ, не имѣлъ ни гроша денегъ и занималъ квартиру всего въ 2 комнаты. Сочиненіе мое произвело совершенный фуроръ—я былъ тутъ же поздравленъ съ золотою медалью и въ восторгѣ побѣжалъ домой пріискивать приличный девизъ, утѣшаясь сладостной мечтой о золотой медали, которая, по всѣмъ моимъ соображеніямъ, стоила не менѣе 200 р. [1]) ас. Девизъ найденъ у Цицерона самый замысловатый: justitiae primum munus est, ut ne cui quis noceat, nisi lacessitas injuria... Этотъ девизъ былъ написанъ и на диссертаціи, и на конвертѣ, въ которомъ закупорено было мое имя, и на другой день братъ Андрей отнесъ его къ декану юридическаго факультета отъ неизвѣстнаго.

Черезъ недѣлю послѣ того какъ я подалъ свою диссертацію, начались въ университетѣ экзамены; для меня это былъ окончательный экзаменъ, но я о немъ вовсе не думалъ и приготовляться не имѣлъ никакой охоты, хотя впрочемъ совершенно былъ готовъ по всѣмъ предметамъ. Но такъ какъ приготовленіе мое произведено было не по профессорскимъ тетрадкамъ сверхъ того я ничего не зазубривалъ, то и опасно было нѣсколько пускаться на скользкое поприще—экзаменовали меня и въ философіи, и въ богословіи, и въ римскомъ, и въ русскомъ правѣ, и въ политической экономіи и во всемъ этомъ я получилъ по 3 и 4, но ни одной пятерки и ни одной единицы. Послѣдній экзаменъ былъ изъ всеобщей исторіи и не смотря на то, что на меня смотрѣли, какъ на человѣка, котораго только что слѣдуетъ пропустить, нѣкоторые похвалили мои отвѣты и, навѣрно, совѣщались о томъ, не поставить ли мнѣ 5, но посмотрѣли на *шары* мои и рѣшили, что будетъ 4 и поставили 4. Такимъ образомъ, степень дѣйствительнаго студента была за мною!“ Аттестатъ на эту степень Геевскій получилъ, но съ медалью вышли осложненія. Секретарь. факультета Г. такъ долго задержалъ у себя сочиненіе Геевскаго, что совѣтъ не могъ разсмотрѣть

---

[1]) Финансы у Г. находились въ очень печальномъ состояніи.

этого дѣла и оно было отложено на будущее время. Ректоръ Кронебергъ выслушалъ жалобу Геевскаго—и медаль, но только не золотая, а серебряная—была ему присуждена и имъ получена въ 1834 году. Получивъ медаль, Геевскій „въ полнотѣ чувствъ забылъ, что университетъ страшнымъ образомъ обидѣлъ его, не только не отличивши, но даже не замѣтивши ревности моей къ наукамъ", и отправился благодарить профессоровъ. Особенно несправедливымъ онъ считалъ то, что въ аттестатѣ ему выставили и за поведеніе только 4. „Въ продолженіе 3-хъ лѣтъ пребыванія моего въ университетѣ, пишетъ онъ, я не только не былъ замѣченъ въ какихъ либо дурныхъ поступкахъ или ослушаніи противъ начальства, но не пропускалъ даже лекцій Чанова, Криворотова и Бабичева, кланялся всѣмъ профессорамъ и педелямъ и всего только одинъ разъ за 3 года сидѣлъ въ карцерѣ 6 часовъ за просрочку 6 дней послѣ праздниковъ Р. Х., когда помѣшала мнѣ явиться въ срокъ страшная мятель. Я всегда былъ строжайшимъ исполнителемъ обязанностей, даже сознавая иногда всю нелѣпость требованій, и только къ одному „лазарничеству" не могъ принудить себя. Такое *хорошее* поведеніе отмѣтилъ мнѣ новый инспекторъ (послѣ Байкова) Венедиктовъ, который едва ли зналъ меня и въ глаза. Это обстоятельство сильно озадачило меня, ибо объ отмѣткахъ въ моихъ успѣхахъ я зналъ впередъ, а о поведеніи своемъ былъ всегда высокаго мнѣнія и всегда ожидалъ, что въ аттестатѣ дадутъ мнѣ *примѣрное*".[1])

Къ главѣ о студентахъ. Проф. Н. Ѳ. Сумцовъ напечаталъ въ „Сборникѣ Харьковскаго историко-филологическаго общества" (т. III-й) 5 писемъ студента Харьковскаго университета 1824—1827 гг. И. Я. Тросницкаго, писанныхъ родителямъ его, проживавшимъ въ Орловской губ. „Письма Тросницкаго, говоритъ Н. Ѳ. Сумцовъ, представляютъ интересъ не столько по фактическому своему содержанію, которое вообще бѣдно, сколько по изложенію и тону, въ которыхъ слышится еще вѣяніе недалеко ушедшаго въ старину сентиментализма Карамзина и вліянія добродушной музы Жуковскаго". Въ этомъ отношеніи они подтверждаютъ высказанное нами мнѣніе объ увлеченіи студентовъ Харьковскаго университета тогдашней литературой, въ особенности же стихами. Театральная исторія, о которой такъ неясно говоритъ Тросницкій, подробно разсказана нами на основаніи документальныхъ данныхъ. Характерно, что Тросницкій возмущается въ ней дѣйствіями какого то лица, по всей вѣроятности, попечителя, который „экзекутора лишилъ куска хлѣба, несчастныхъ студентовъ за малую малость сдѣлалъ недостойными быть, можетъ быть, вѣрными сынами отечества, и наконецъ бѣдныхъ родителей этихъ студентовъ сдѣлалъ несчастными; вы сами признаетесь, что

[1]) Рукописи Харьк. ист. фил. общ. Автобіографія Ст. Лук. Геевскаго.

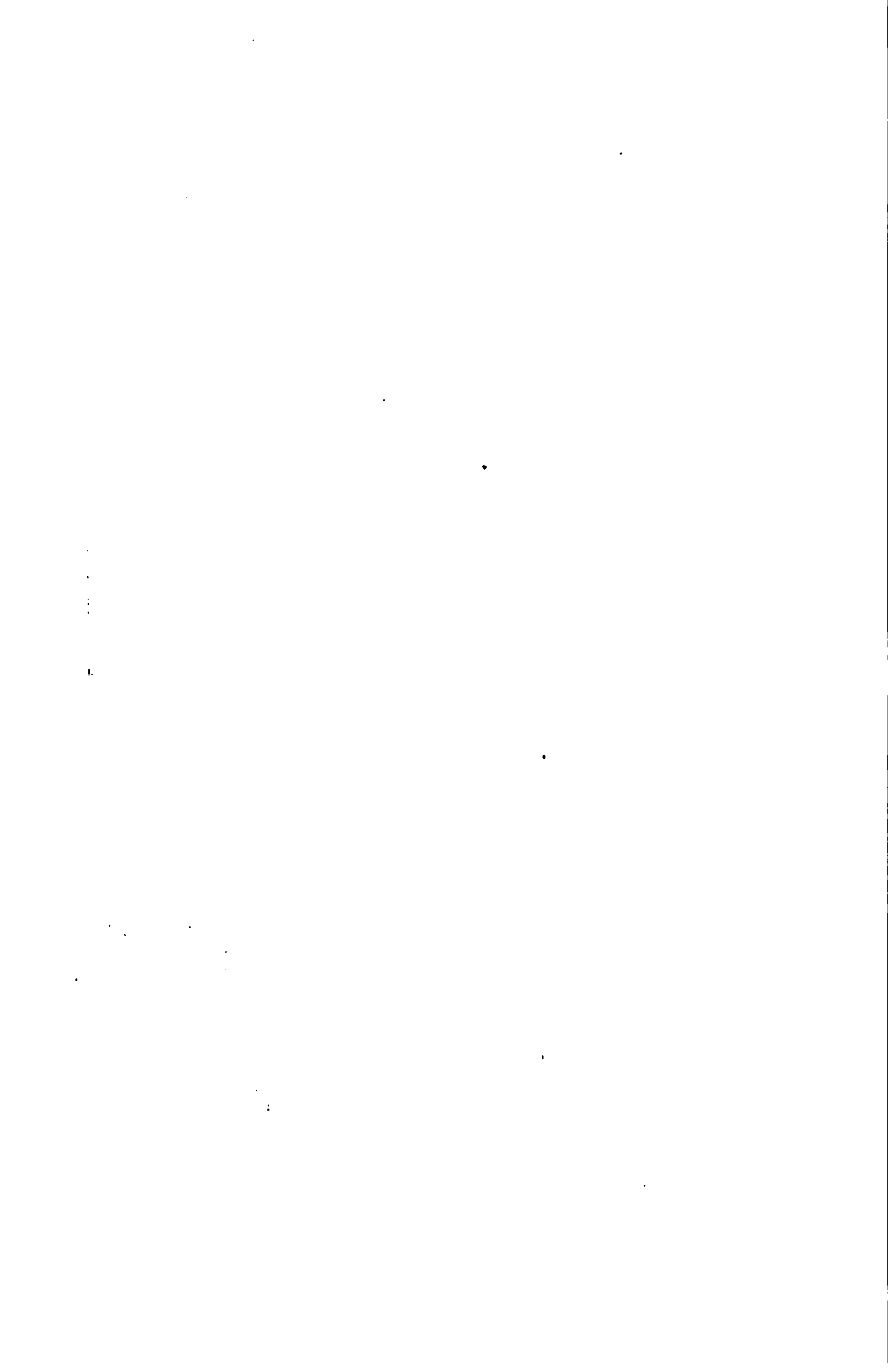
у нѣкоторыхъ изъ нихъ могли быть нѣжные родители, которые отъ одного этого, можетъ быть, въ печали окончатъ дни и даже преждевременно".

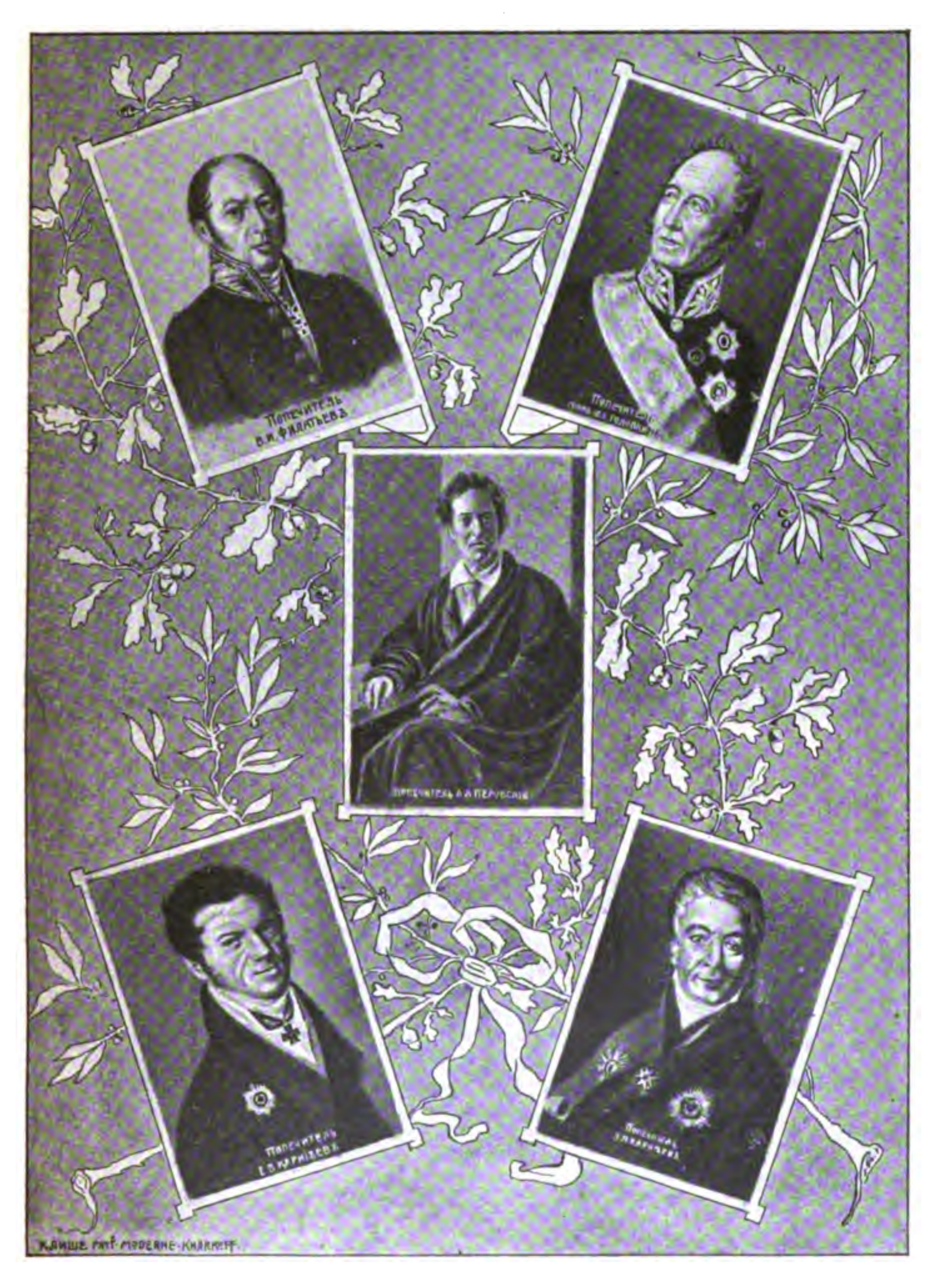
Другимъ любопытнымъ фактомъ, сообщаемымъ Тросницкимъ, является указаніе его (также не совсѣмъ ясное) на взяточничество, практиковавшееся прежде при полученіи дипломовъ. „По желанію вашему, писалъ Тросницкій родителямъ, я говорилъ съ Александра Артемичемъ о томъ, полагаетъ ли онъ необходимымъ ваше присутствіе при экзаменѣ или при полученіи аттестатовъ—онъ доказалъ, что это совершенно лишнее, ибо дѣйствительно *теперь университета нашего узнать невозможно*... почитаю излишнимъ пояснить это, да хотя бы и было возможно, то мнѣ самому хочется, при помощи Божіей, безъ всякой другой *помощи*, получить хорошій аттестатъ, въ чемъ я не сомнѣваюсь. У Александра Артемича недавно былъ въ гостяхъ одинъ чиновникъ университета—я стороною говорилъ объ этомъ предметѣ и еще болѣе убѣдился, что ваше безпокойство и *издержки* были бы совершенно немогущія мнѣ принести никакой пользы". Интересно и четвертое письмо Тросницкаго, гдѣ онъ пишетъ: „Всевышній удостоилъ меня сегодня исполнить священный христіанскій долгъ, удостоивъ меня пріобщиться св. тайнамъ, и я никогда еще не былъ такъ доволенъ, какъ сегодняшній день. Вотъ неоспоримое доказательство противъ всѣхъ мнимыхъ философскихъ бредней XVIII вѣка, ослѣпившихъ многихъ, дерзнувшихъ послѣдовать онымъ". Тросницкій, подобно многимъ товарищамъ своимъ, увлекался музыкой и съ восторгомъ сообщалъ родителямъ о предстоявшемъ наслажденіи услышать въ Харьковѣ ораторію съ участіемъ Витковскаго, другихъ виртуозовъ и 250 чел. музыкантовъ; свое рѣшеніе научиться танцевальному искусству онъ мотивировалъ желаніемъ имѣть и наружное свѣтское образованіе; въ 20 уроковъ онъ расчитывалъ научиться всѣмъ танцамъ, (экосесамъ, кадрили, вальсамъ, котильонамъ), не исключая и мазурки. Съ точки зрѣнія свѣтскихъ требованій Тросницкій придавалъ повидимому большое значеніе и французскому языку, но слушать его у Паки де Совиньи не хотѣлъ, во первыхъ, потому что выдержалъ у него уже экзаменъ, а во вторыхъ и потому, что будто бы и самъ Совиньи этого языка почти не зналъ; конечно, это была простая отговорка: Совиньи свой родной языкъ, зналъ, но былъ плохимъ преподавателемъ.

Современникъ, бывшій студентомъ въ началѣ 30-хъ годовъ Д. Хрущовъ подтверждаетъ фактъ, сообщенный инспекторомъ студентовъ проф. Венедиктовымъ, о томъ, что этотъ послѣдній распорядился тайно высѣчь двухъ студентовъ и передаетъ подробности студенческой исторіи, вызванной этимъ инцидентомъ. Попечитель (Филатьевъ) сдѣлалъ внушеніе Венедиктову и благодарилъ братьевъ Хрущовыхъ, способствовавшихъ успокоенію умовъ.

УКАЗАТЕЛЬ

именъ личныхъ и предметовъ къ 1-му и 2-му тому „Опыта исторіи Харьковскаго Университета".

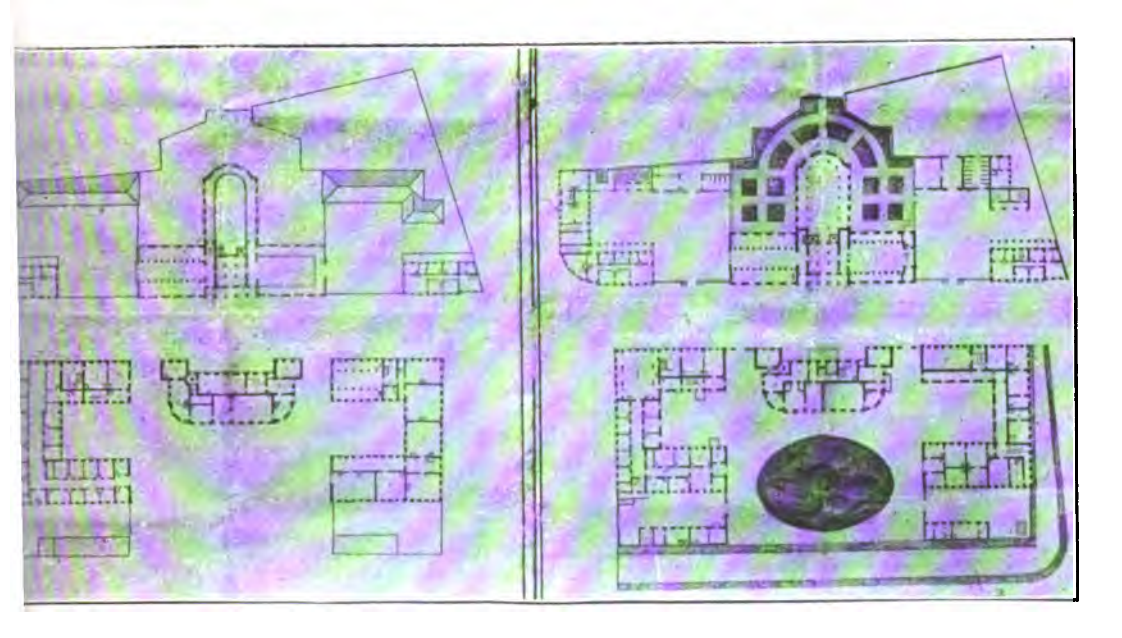

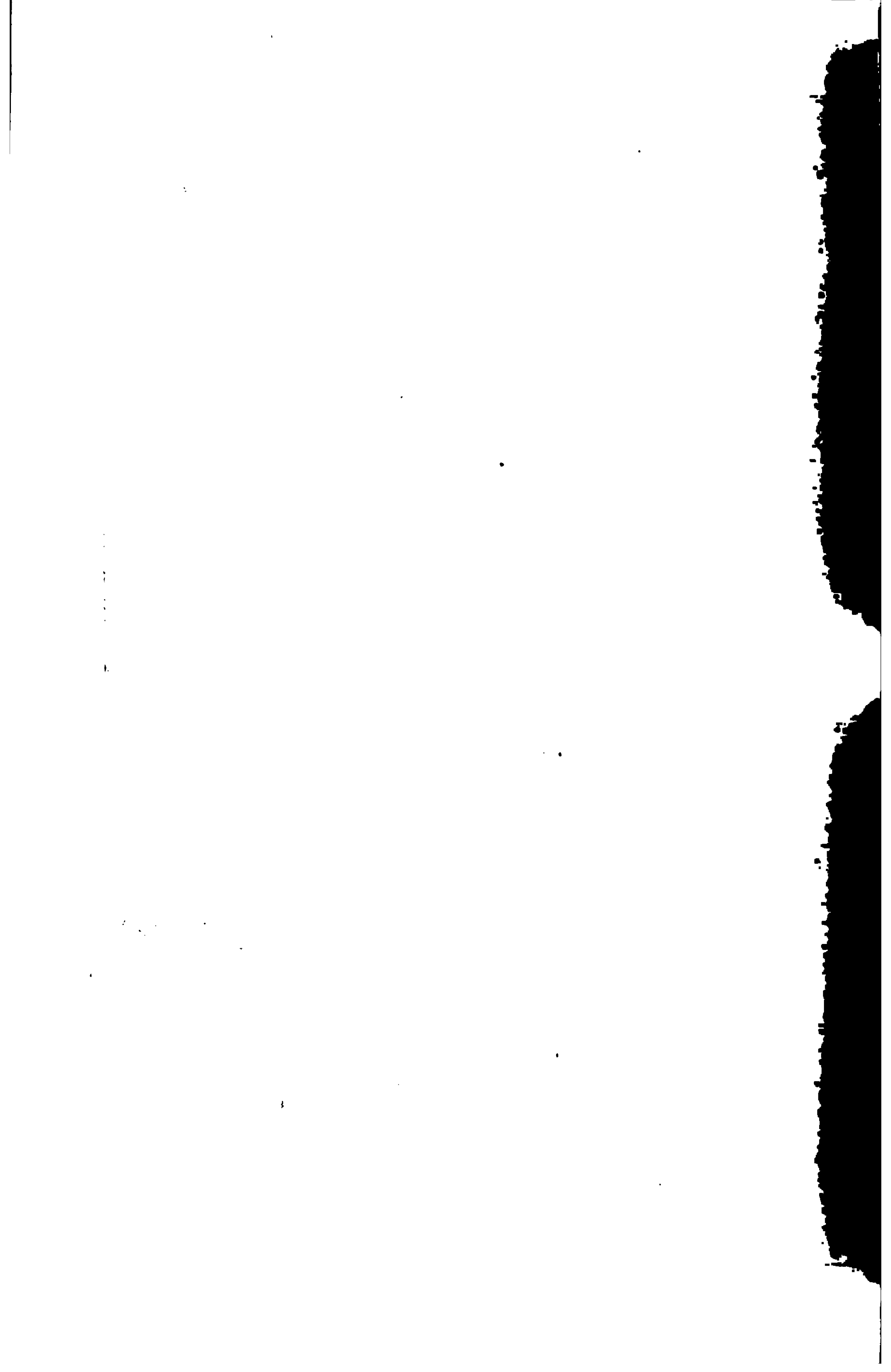
Попечители Харьковскаго Учебнаго Округа—З Я. Карнѣевъ, Е. В. Карнѣевъ, А. А. Перовскій, В. И. Филатьевъ и гр. Ю. А. Головкинъ.

Фасады зданій Харьковскаго университета до 1835 года.

Планы зданій Харьковскаго университета до 1835 года.

Ректоръ Т. Ѳ. Осиповскій.

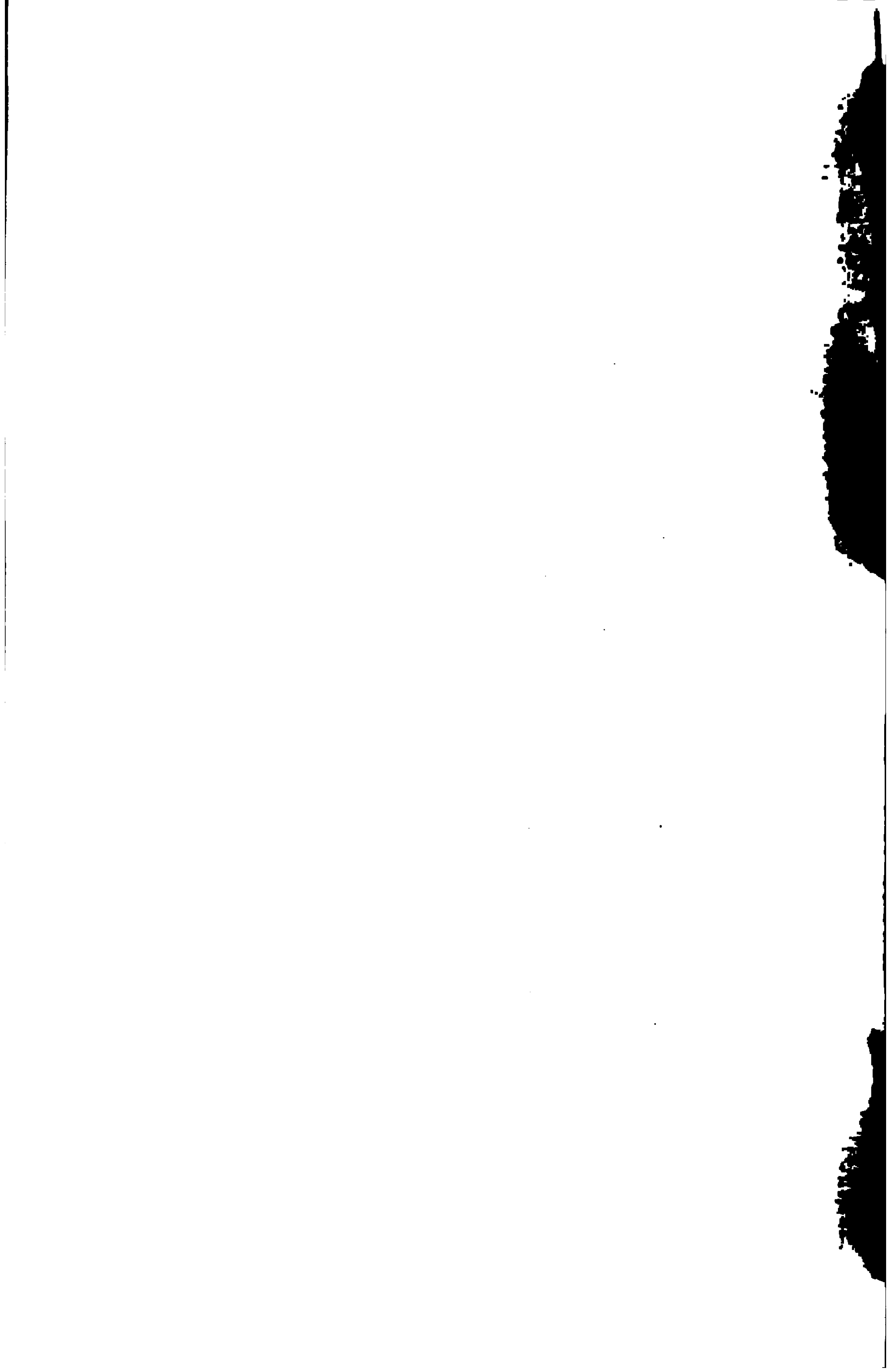
Ректоръ Н. И. Еллинскій.

р. (а впосл. и ректоръ) А. Ѳ. Павловскій.

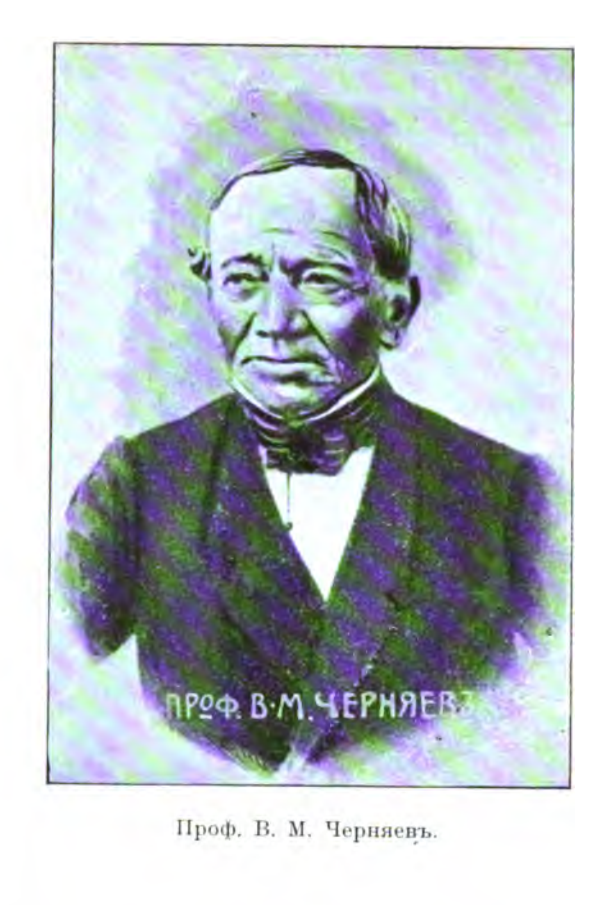

Проф. (а впосл. и ректоръ) П. П. Гулакъ-Артемовскій

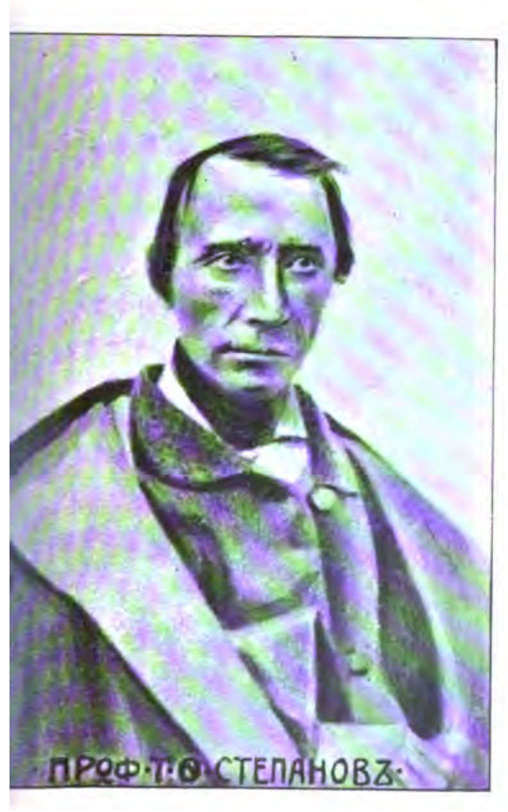

Проф. И. Θ. Тимковскій.

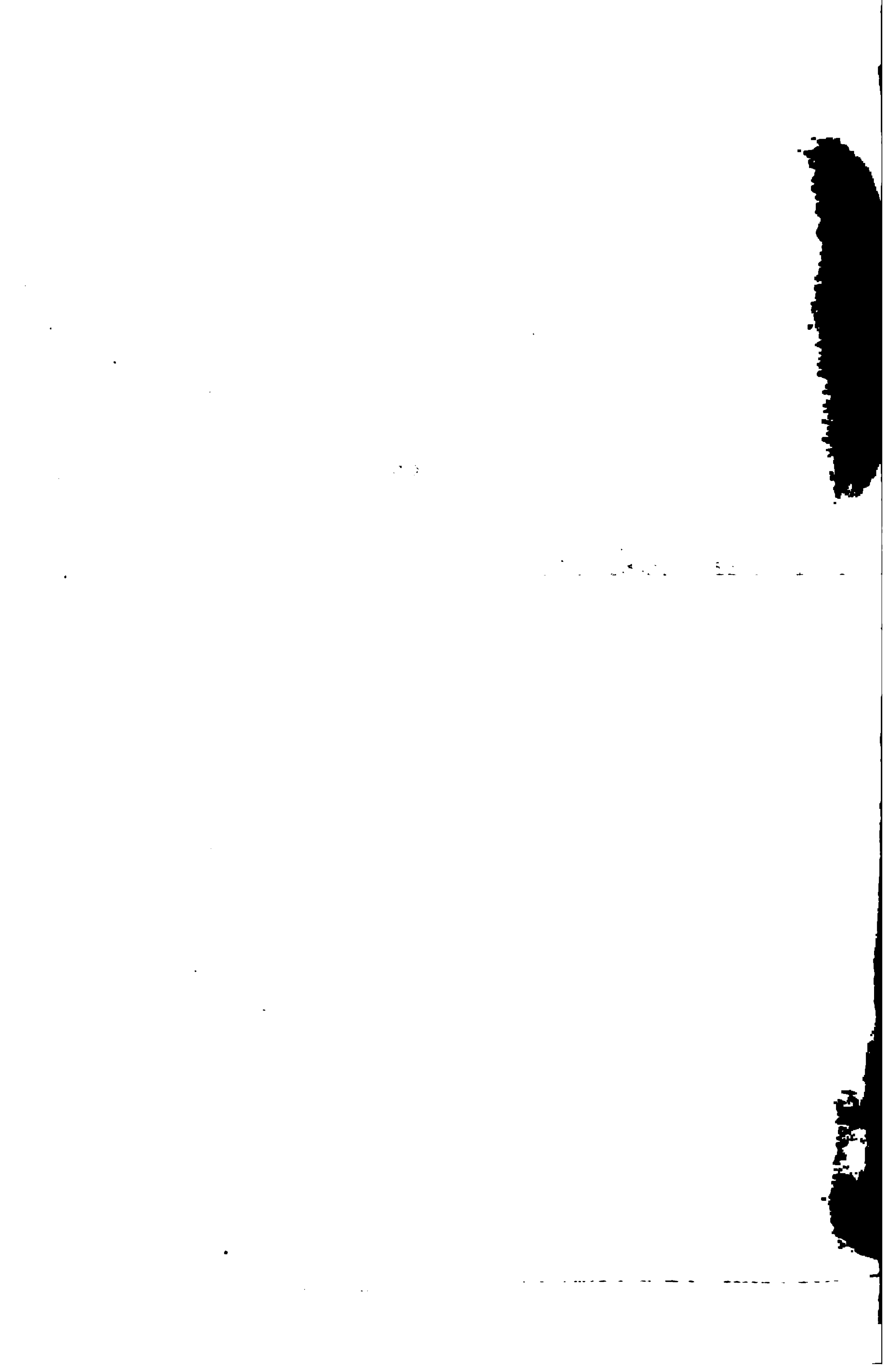
Проф. В. М. Черняевъ.

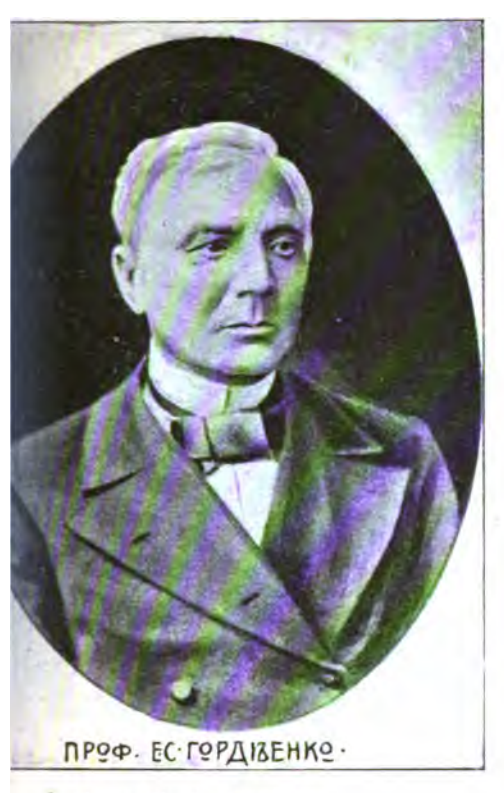

Проф. Т. Θ. Степановъ.

Проф. А. С. Венедиктовъ.

Проф. Е. С. Гордѣенко.

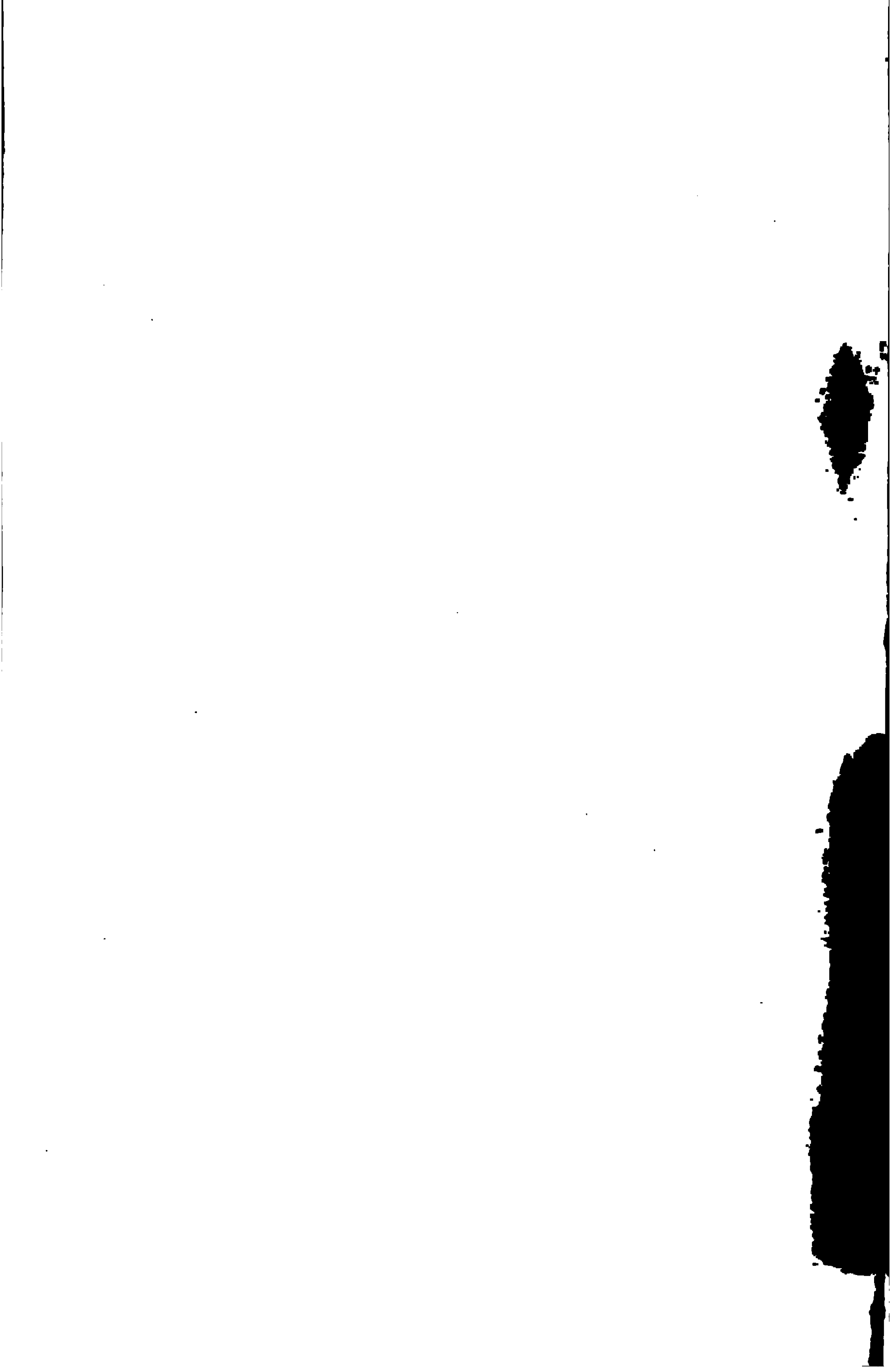
Проф. И. А. Криницкій.

Проф. К. П. Пауловичъ.

Планъ университетской земли на Сумской ул. и типографіи.

ій студентъ Харьк. Универ. Д. Хрущевъ.

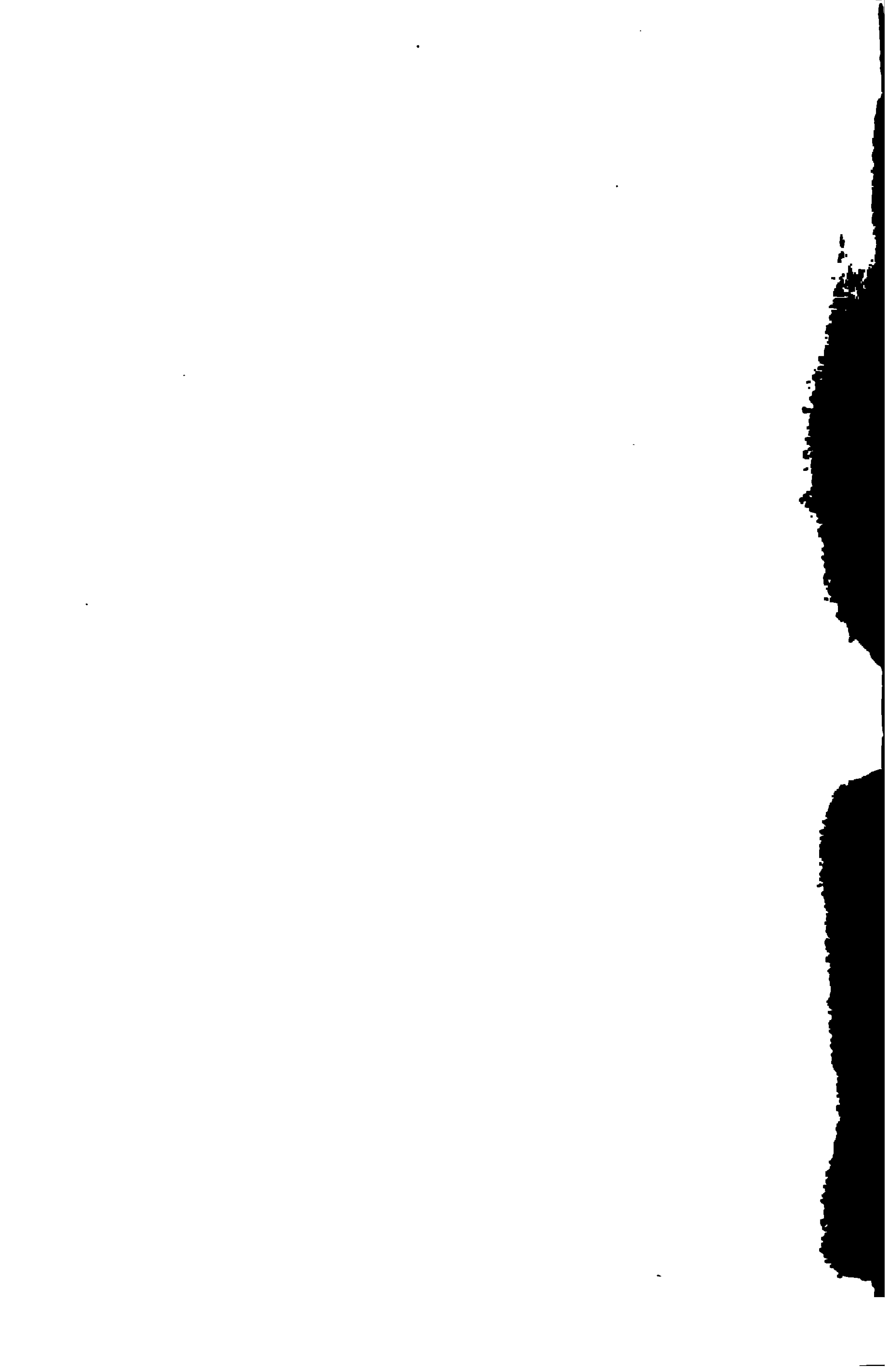
Бывшій студентъ Харьк. Универ. А. Гевличъ.

удентъ Харьк. Универ. Н. И. Костомаровъ.

Бывшій студентъ Харьк. Универ. В. И Григоро

Бывшій студентъ Харьк. Унивep. Ѳ. И. Иноземцевъ.

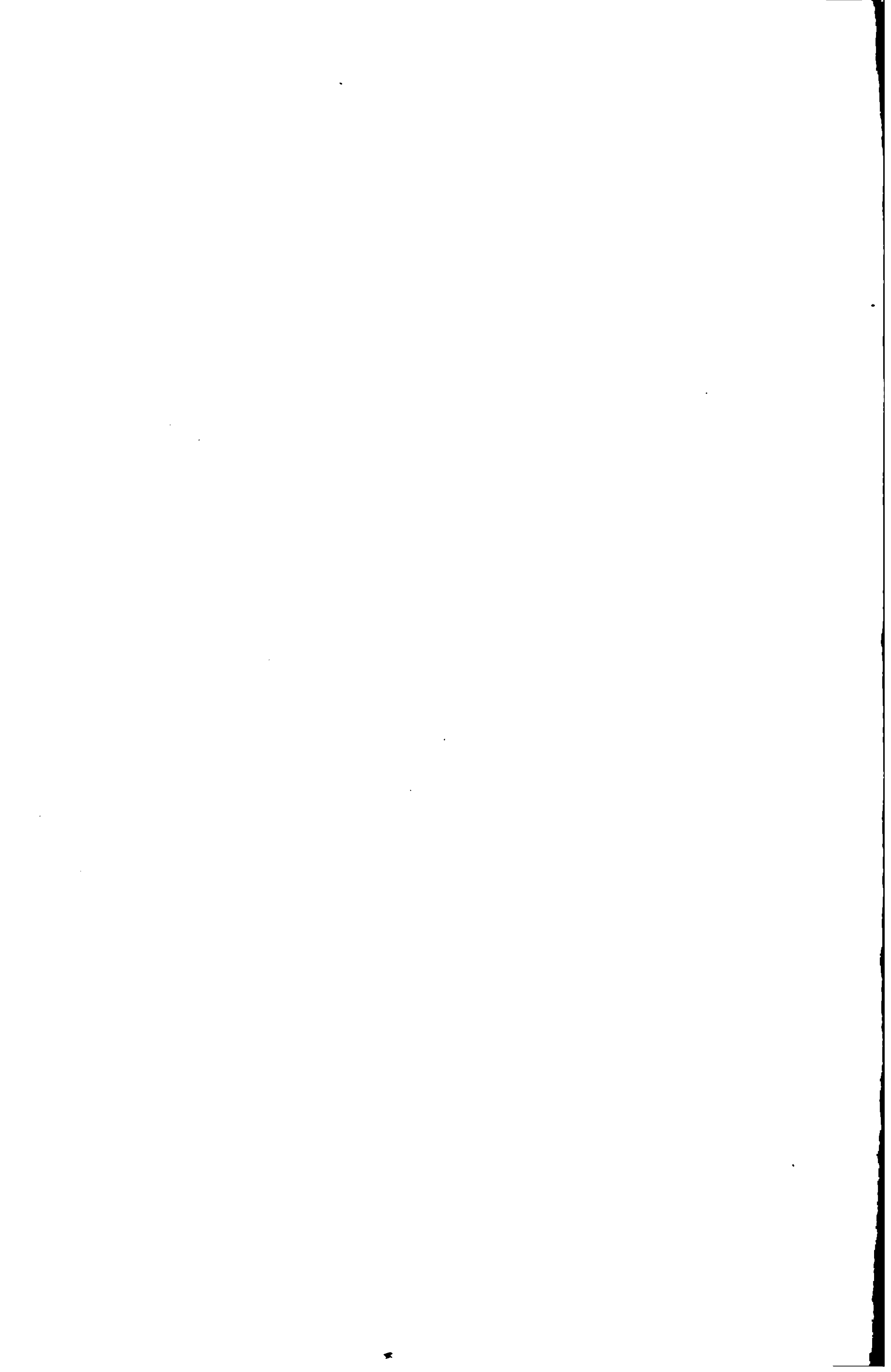
Бывшій студентъ Харьк. Унивep. знаменитый математикъ М. В. Остроградскій.

адгробный памятникъ 1-го ректора И. С. Рижскаго.

Надгробный памятникъ ректора А. П. Дудровича.

15

17) Гр. Сав. Сковорода. Рѣчь). Цѣна 20 коп.

18) Просвѣтительная дѣятельность В. Н. Каразина (рѣчь). Цѣна 30 коп.

19) Н. А. Каразинъ и его колоколъ. Цѣна 30 коп.

20) Украинская старина (очерки, замѣтки, матеріалы изъ стародавняго Харьковскаго быта и культуры), т. 1-й. Цѣна 1 руб.

21) Опытъ исторіи Харьковскаго университета, т. 1-й (съ 1802 по 1815 г.), съ иллюстраціями. Цѣна 6 руб. (Удостоенъ Уваровской преміи отъ Академіи Наукъ и рекомендованъ Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв. для пріобрѣтенія въ фундаментальныя библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

22) Опытъ исторіи Харьковскаго университета, т. 2-й (съ 1815 по 1835 г.), съ портретами и планами. Цѣна 6 руб.

23) Матеріалы для біографій южно-русскихъ научно-литературныхъ дѣятелей XIX вѣка. Цѣна 50 коп.

Лица, выписывающія всѣ эти труды отъ автора (Харьковъ, Технологическая улица, домъ № 7-й), за пересылку не платятъ; бывшіе и настоящіе студенты Харьковскаго университета могутъ пріобрѣтать 1-й и 2-й томы „Опыта исторіи Харьковскаго университета“ отъ автора со скидкою 30%.

Печатаются и скоро выйдутъ въ свѣтъ слѣдующіе труды того-же автора: 1) Археологическая карта Харьковской губ. съ объяснительнымъ текстомъ; 3) Его-же и Миллера. Исторія г. Харькова за 250 лѣтъ его существованія, т. 1-й (XVII—XVIII в.в.); 2) Полное собраніе сочиненій и писемъ В. Н. Каразина.

* * *

Авторъ покорнѣйше проситъ читателей присылать ему всякіе рукописные матеріалы для исторіи Харьковскаго университета: мемуары, письма, рукописныя сочиненія профессоровъ и студентовъ стараго времени, университетскіе курсы, портреты, формулярные списки и т. п. Всѣ такіе документы могутъ быть возвращены обратно владѣльцамъ по снятіи съ нихъ копій или переданы на вѣчныя времена въ Харьковскій историческій архивъ, гдѣ имѣется уже особый отдѣлъ бумагъ университетскихъ дѣятелей.

Адресъ: въ Харьковъ, въ университетъ, профессору Дмитрію Ивановичу Багалѣю.

